

Джон Вердон

CoRpus

Дэйв Гурни

СБОРНИК

“ Отличный вариант для тех,
кто любит разгадывать загадки.

CNN

Annotation

Полицейский в отставке Дэйв Гурни, для которого всякое преступление — ребус, обретает идеального противника: убийцу, который любит загадывать загадки. Каждая неразгаданная загадка приводит к новой жертве. Свято убежденный, что убийца не может не оставить хоть какой-нибудь след, Гурни берется за дело...

- [Джон Вердон](#)
 - [Загадай число](#)
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)

- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Часть третья](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Глава 48](#)
 - [Глава 49](#)
 - [Глава 50](#)
 - [Глава 51](#)
 - [Глава 52](#)
 - [Глава 53](#)
- [Слова признательности](#)
- [Зажмурься покрепче](#)
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Часть вторая](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
- [Часть третья](#)

- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)
- [Глава 58](#)
- [Глава 59](#)
- [Глава 60](#)
- [Глава 61](#)
- [Глава 62](#)
- [Глава 63](#)
- [Глава 64](#)
- [Глава 65](#)
- [Глава 66](#)
- [Глава 67](#)
- [Глава 68](#)
- [Глава 69](#)
- [Глава 70](#)
- [Глава 71](#)
- [Глава 72](#)
- [Глава 73](#)
- [Глава 74](#)
- [Глава 75](#)
- [Глава 76](#)
- [Глава 77](#)
- [Глава 78](#)
- [Глава 79](#)
- [Глава 80](#)
- [Благодарности](#)

- [Не буди дьявола](#)
 -
 - [Часть первая](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)

- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Благодарности](#)
- [Питер Пэн должен умереть](#)
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Часть вторая](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
- [Часть третья](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Глава 48](#)
 - [Глава 49](#)
 - [Глава 50](#)
 - [Глава 51](#)

- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Часть четвертая](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 54](#)
 - [Глава 55](#)
 - [Глава 56](#)
 - [Глава 57](#)
 - [Глава 58](#)
 - [Глава 59](#)
 - [Глава 60](#)
 - [Глава 61](#)
 - [Глава 62](#)
- [Волчье озеро](#)
 - [Часть первая. Смертоносные сны](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Часть вторая. Утопленник](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
- [Часть третья. Волк и ястреб](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Глава 48](#)
 - [Глава 49](#)
 - [Глава 50](#)
 - [Глава 51](#)
 - [Глава 52](#)
 - [Глава 53](#)
 - [Глава 54](#)
 - [Глава 55](#)
 - [Глава 56](#)
 - [Глава 57](#)
 - [Глава 58](#)
 - [Глава 59](#)

■ [Глава 60](#)

● [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
-

Джон Вердон
Дэйв Гурни
Сборник

Загадай число

Посвящается Наоми

Пролог

— Куда ты уходил? — спросила старуха, ерзая в постели. — Мне надо было в туалет. Я была совсем одна.

Молодой человек, стоявший рядом с кроватью, сиял от радости. Ее недовольный тон словно его не касался.

— Мне надо было в туалет, — повторила она, на этот раз задумчиво, как будто смысл произнесенных слов только сейчас до нее дошел.

— Мама, у меня отличные новости, — сказал молодой человек. — Скоро все будет хорошо. Я все сделаю как надо.

— Куда ты все время уходишь? — капризно спросила она.

— Недалеко. Ты же знаешь, я никогда не уйду далеко.

— Я не люблю оставаться одна.

Он блаженно улыбнулся.

— Очень скоро все будет хорошо. Все будет так, как должно было быть. Поверь мне, мама. Я придумал, как все исправить. Он отдаст мне то, что забрал.

— Ты пишешь такие прекрасные стихи.

В комнате не было окон. Единственным источником света служила лампа на прикроватной тумбочке. Этот свет подчеркивал крупный шрам на шее старухи и странный блеск в глазах ее сына.

— А танцевать пойдём? — спросила она, глядя сквозь него и сквозь темную стену за его спиной, словно там было радостное видение.

— Конечно, мама. Все будет просто идеально.

— Где моя деточка?

— Я здесь, мама.

— Баю-баюшки-баю, баю деточку мою.

— Баю-бай, мама, баю-бай, баю-бай.

— Мне надо в туалет, — произнесла она, на этот раз почти кокетливо.

Часть первая

ОПАСНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Глава 1

Коп-арт

Джейсон Странк был человеком во всех смыслах незаметным: невзрачный мужчина тридцати с чем-то лет, чье существование едва замечали даже соседи. Его было не видно и не слышно; во всяком случае, никто не мог вспомнить, чтобы он когда-либо с кем-нибудь говорил. Хотя, возможно, кому-то кивал или даже здоровался, а то и обменивался парой слов. Никто не помнил наверняка.

Все были поражены и даже сперва не поверили, когда оказалось, что мистер Странк одержим одной страстью: он убивает усатых мужчин средних лет, а впоследствии крайне неприятным способом избавляется от тел — расчленяет их на небольшие удобные фрагменты, упаковывает в цветную обертку и отправляет по почте офицерам местной полиции в качестве подарков на Рождество.

Дэйв Гурни пристально рассматривал на экране скучное, невыразительное лицо Джейсона Странка — если быть совсем точным, то это была фотография оперативного учета, увеличенная до реального размера и окруженная панелями программы для обработки фотографий, в которой Гурни уже неплохо разобрался.

Он поднял яркость у радужки глаза преступника, нажал кнопку мышки и отодвинулся, чтобы оценить эффект.

Лучше, чем было. Но все равно не то.

Глаза — самое сложное. Глаза и рот. Но они — самое главное. Иногда ему приходилось возиться с насыщенностью и яркостью какого-нибудь крохотного блика по нескольку часов, и все равно результат не заслуживал того, чтобы показать его Соне, не говоря уже о Мадлен.

Глаза были важной деталью, потому что именно они, как ничто другое, передавали напряжение, противоречивость — взгляд был замкнутым, как будто невидящим, но в нем сквозила жестокость. Это особое выражение отпечаталось на лицах многих убийц, с которыми Гурни довелось как следует пообщаться.

При помощи терпеливых манипуляций с фотографией он добился правдоподобного взгляда у Хорхе Кунцмана (товароведа из универмага «Уолмарт», который хранил голову своей последней подружки в холодильнике, пока у него не появлялась новая). Ему и самому тогда понравился результат, передававший черную пустоту, скрытую за скучающим взглядом Кунцмана, а Соня и вовсе была в восторге — она его так хвалила, что он поверил в свой талант. Ее реакция и неожиданная покупка портрета одним из Сониных знакомых коллекционеров вдохновили его сделать серию обработанных фотографий, которая теперь под названием «Портреты убийц глазами преследователя» выставлялась в маленькой, но недешевой галерее Сони в Итаке.

Как вышло, что недавно ушедший в отставку детектив Нью-Йоркского полицейского управления, при его неприкрытом равнодушии к искусству в целом и авангардному искусству в частности, а также при его нелюбви к славе, оказался главным автором на модной художественной выставке с «фотографиями, поражающими воображение брутальным реализмом, психологичностью и мастерской обработкой»? На этот счет существовало два совершенно разных ответа: его собственный и его жены.

Он считал, что все началось в тот день, когда Мадлен уговорила его ходить с ней в музей Куперстауна на курс искусствоведения. Она вечно куда-то его тащила из норы — из дома, из самого себя — куда угодно. Он понял, что единственный способ остаться хозяином своему времени — это периодически поддаваться ей. Посещение курса искусствоведения было в этом смысле стратегическим ходом: хотя перспектива таскаться на лекции ему претила, он надеялся, что это обеспечит ему месяц-другой покоя. Дело не в том, что он был диванным лентяем. В свои сорок семь лет он все еще отжимался, подтягивался и приседал по пятьдесят раз кряду. Просто он не слишком любил куда-то выбираться из дому.

Однако курс преподнес ему целых три сюрприза. Вопреки его уверенности, что придется прикладывать нечеловеческие усилия, чтобы не засыпать на лекциях, он сидел и не мог оторвать взгляда от Сони Рейнольдс, местной галеристки и художницы. Она не была красавицей в североевропейском понимании красоты а-ля Катрин Денев. Ее губы были слишком пухлыми, скулы слишком выдающимися, нос слишком длинным. Однако все эти черты, несовершенные по отдельности, складывались в гармоничное целое и поражали воображение благодаря огромным зеленым глазам с поволокой и удивительной манере держаться легко и расслабленно, с ненаигранной чувственностью в каждом жесте. Среди

двадцати шести слушателей было шесть мужчин, и все они были заморожены ею.

Вторым сюрпризом оказался его неожиданный интерес к предмету. Соня питала особую страсть к фотографии и много говорила о том, как она становится искусством, как благодаря обработке можно получить яркие образы, по силе воздействия значительно превосходящие оригинал.

Третий сюрприз появился спустя три недели из двенадцатинедельного курса. Соня с энтузиазмом рассказывала про шелкографические отпечатки передержанных фотографий, сделанные неким современным художником. Гурни смотрел на эти отпечатки, и его посетила мысль, что он мог бы прибегнуть к необычному ресурсу, к которому имел особый доступ, и использовать его неожиданным образом. Отчего-то эта идея вдохновила его. Последнее, чего он ожидал от курса по искусствоведению, — это вдохновение.

Как только ему пришло на ум, что фотографии преступников, особенно убийц, можно делать больше, ярче, резче, чтобы проявить живущее в них чудовище, которое он изучал и преследовал долгие годы своей карьеры, — эта мысль захватила его полностью. Он думал об этом чаще, чем готов был бы признаться. В конце концов, он был человеком осторожным, привыкшим рассматривать любую тему со всех сторон, находить изъян в каждом утверждении, наивность в любом порыве энтузиазма.

Тем ясным октябрьским утром Гурни сидел в своей берлоге и обрабатывал фотографию Джейсона Странка, когда приятный процесс прервал звук падающего предмета за его спиной.

— Я их здесь положу, — сказала Мадлен тоном, который кому угодно показался бы вполне обыденным, но Гурни распознал в нем напряженность.

Он посмотрел через плечо и сощурился при виде маленького мешочка, прислоненного к двери.

— Кого «их»? — переспросил он, отлично зная ответ.

— Тюльпаны, — ответила Мадлен все тем же ровным тоном.

— То есть луковицы?

Это было ненужное уточнение, и оба это понимали. Так Гурни выражал свою досаду, когда Мадлен пыталась заставить его сделать что-то, к чему он не был расположен.

— И что я должен с ними сделать?

— Вынести в сад и помочь мне их посадить.

Он хотел указать ей на отсутствие логики в идее принести ему

саженцы, чтобы он отнес их обратно в сад, но сдержался.

— Мне надо сперва закончить работу, — слегка раздраженно ответил он. Было понятно, что сажать тюльпаны посреди роскошного бабьего лета с видом на пылающий красками осенний лес и изумрудные луга под густосиним небом — ничуть не обременительное занятие. Просто он ненавидел, когда его отрывали от дела. Себе он объяснял, что такая реакция — побочный эффект его главного достоинства: линейного логического ума, благодаря которому он стал таким успешным детективом. Он всегда замечал малейшую непоследовательность в рассказах подозреваемых, микроскопические несостыковки, незаметные для большинства.

Мадлен взглянула на экран через его плечо.

— Как можно в такой день возиться с таким уродством? — спросила она.

Глава 2

Идеальная жертва

Дэвид и Мадлен Гурни жили в добротном загородном доме постройки XIX века. Он примостился в уголке укромно расположенного луга, в конце проселочной дороги посреди холмов округа Делавер, в восьми километрах от деревни Уолнат-Кроссинг. Четыре гектара луга были окружены лесом, где росли клены, дубы и вишни.

Дом сохранил свою первозданную архитектурную простоту. Гурни владели им всего год, но успели вернуть ему первоначальный вид, убрав неудачные нововведения предыдущего владельца, — заменили невзрачные алюминиевые окна деревянными с переплетом, в духе ушедшего столетия. Не то чтобы Гурни болели душой за историческую аутентичность. Просто обоим казалось, что первоначальный вид дома был каким-то *правильным*. Насчет того, как должно выглядеть и ощущаться жилище, Дэвид и Мадлен всегда сходились во мнениях, чего нельзя было сказать о других вопросах, особенно в последнее время.

Эта мысль весь день мало-помалу портила Дэвиду настроение с того момента, как жена обозвала его работу уродством. Сидя в любимом садовом кресле после посадки тюльпанов, он все еще думал об этом сквозь дрему, когда раздался шелест невысокой травы — шаги Мадлен. Она остановилась у кресла, и Дэвид приоткрыл один глаз.

— Как думаешь, — произнесла она спокойным и легким тоном, — может, лодку вытащить? Или уже поздно?

Это прозвучало как нечто среднее между вопросом и вызовом.

В свои сорок пять Мадлен была стройной и спортивной, ее легко можно было принять за тридцатипятилетнюю. У нее был открытый, откровенный, внимательный взгляд. Ее длинные темные волосы, кроме нескольких непослушных прядей, были собраны под широкополой соломенной шляпой.

Он думал о своем и ответил вопросом на вопрос:

— А что, у меня там действительно уродство?

— Естественно, уродство. Разве ты не этого добиваешься?

Он поморщился:

— Ты имеешь в виду персонажей?

— А что же еще?

— Не знаю. — Он пожал плечами. — Мне показалось, ты с каким-то презрением говорила обо всем — и о содержании, и о форме.

— Прости.

Однако раскаяния в ее голосе не прозвучало. Он хотел ей об этом сказать, но Мадлен сменила тему:

— Так что, предвкушаешь встречу с этим своим однокурсником?

— Вообще-то нет, — признался он, откидывая спинку кресла чуть дальше. — Я не любитель вспоминать былое.

— Может, он собирается попросить тебя раскрыть какое-нибудь убийство.

Гурни внимательно посмотрел на жену, но ее взгляд был непроницаем.

— Думаешь, он за этим сюда едет? — спросил он.

— Разве ты не этим знаменит? — В ее голосе появились стальные нотки.

Последние месяцы он часто за ней такое замечал — и предполагал, что знает причину. У них были разные взгляды на то, что означает его уход из полиции и какие перемены в их жизни он должен за собой повлечь, а еще точнее — как это должно изменить его самого. Кроме того, тучи сгущались над его новым увлечением — проектом с портретами убийц, который поглощал все его время. Он подозревал, что причина неприязни Мадлен к этому занятию кроется в восторженных отзывах Сони.

— А ты в курсе, что он тоже знаменитость? — спросила она.

— Кто?

— Твой однокурсник.

— Нет. Он по телефону упомянул, что написал книгу, и я вкратце почитал про это в интернете. Но я бы не подумал, что он прямо знаменит.

— У него две книги, — сказала Мадлен. — Он директор в каком-то

институте в Пионе, читал курс лекций, который показывали по каналу «Пи-Би-Эс». Я распечатала обложки его книг из интернета. Может, тебе интересно будет.

— Думаю, он сам мне расскажет все и про себя, и про свои книги. Он вообще не из застенчивых.

— Как хочешь. Я все равно на всякий случай оставила распечатки у тебя на столе. Да, кстати, звонил Кайл.

Он молча посмотрел на нее.

— Я сказала, что ты перезвонишь.

— Почему ты сразу меня не позвала? — Вопрос прозвучал грубее, чем он хотел. Сын звонил ему довольно редко.

— Я спросила, надо ли тебя позвать. Он сказал, что не хочет отвлекать тебя и что дело не срочное.

— Он больше ничего не сказал?

— Нет.

Она повернулась и пошла по густой влажной траве к дому. Дойдя до порога и положив пальцы на ручку двери, она будто вспомнила что-то еще, оглянулась и с подчеркнута озадаченным видом произнесла:

— Если верить обложке, этот твой однокурсник прямо святой, само совершенство. Гуру достойного поведения. Непонятно, зачем ему могла понадобиться консультация детектива — специалиста по убийствам.

— Детектива в отставке, — поправил Гурни.

Но она уже зашла в дом и не потрудилась смягчить грохот захлопнувшейся двери.

Глава 3

Беда в раю

Следующий день выдался еще более великолепным. Образцовый октябрь из календаря с видами Новой Англии. Гурни проснулся в семь утра, принял душ, побрился, надел джинсы и легкий свитер и пил кофе в садовом кресле на террасе, выложенной голубым песчаником. Эти французские двери и террасу, куда выходила дверь нижней спальни, он пристроил к дому по настоянию Мадлен.

В этом ей не было равных — она отлично видела, какую деталь можно добавить, как она будет сочетаться с целым. Это выдавало другие качества Мадлен — интуицию, живое воображение, отличный вкус. Но когда они увязали в дебрях разногласий — в топком болоте неоправданных ожиданий

и взаимных претензий, — Дэвид почти забывал о ее безусловных достоинствах.

Нужно будет перезвонить Кайлу. Только придется подождать три часа из-за разницы во времени между Уолнат-Кроссинг и Сиэтлом. Он устроился поудобнее в кресле, согревая руки о теплую чашку с кофе.

Он посмотрел на тоненькую папку, которую взял с собой на террасу, и попытался представить себе однокурсника, которого не видел двадцать пять лет. Фотография на обложках, которые Мадлен распечатала с сайта книжного магазина, оживила в памяти Дэвида не только лицо — он вспомнил и тембр его голоса, как у ирландского тенора, и обезоруживающую улыбку.

Когда они учились в колледже Фордхам и жили на кампусе в Бронксе, Марк Меллери был заметным персонажем. Его искрометный юмор, нескончаемую энергию и грандиозные амбиции омрачала некоторая сумасшедшинка: он любил ходить по краю и умудрялся удерживать баланс между безрассудством и расчетливостью, но всегда был в шаге от того, чтобы сорваться в пропасть.

Судя по информации на его сайте, после недолгого витания над бездной в молодости, он пережил какой-то духовный опыт, и жизнь его кардинально изменилась.

Поставив чашку на узкую ручку кресла, Гурни открыл лежавшую на коленях папку, достал распечатку письма, полученного от Меллери неделю назад, и снова перечитал его.

Привет, Дэйв!

Надеюсь, тебя не смутит, что старый однокурсник пишет тебе столько времени спустя. Никогда не знаешь, с чем может пожаловать голос из прошлого. Я следил за успехами наших ребят через клуб выпускников и был поражен, как высоко некоторые взлетели. Рад был узнать о твоих достижениях и прочесть отзывы о твоей работе. В одной статье газета клуба назвала тебя самым выдающимся детективом в Нью-Йоркском полицейском управлении. Я ничуть не удивился, потому что хорошо помню, что из себя представляет Дэйв Гурни. А год назад я прочитал, что ты ушел в отставку и переехал в Делавер. Я обратил на это внимание, потому что я сам нахожусь в городке Пион — мы, получается, почти соседи.

Ты вряд ли об этом слышал, но я здесь открыл нечто вроде реабилитационного центра, называется «Институт духовного

обновления». Звучит возвышенно, понимаю. Но на деле все довольно приземленно. Знаешь, за прошедшие годы я много раз думал, что хорошо бы с тобой снова повидаться, но в конце концов написать тебе меня заставила одна непростая ситуация. Думаю, никто не даст мне совета лучше, чем ты. Я бы хотел тебя навестить, если ты не против. Если сможешь уделить мне полчаса, я заеду в Уолнат-Кроссинг или в любое другое место, где тебе будет удобно.

Помню, как мы с тобой болтали обо всем на кампусе или в баре, и эти воспоминания — не говоря уже о твоей профессиональной репутации — подсказывают мне, что именно с тобой следует поговорить о моем запутанном деле. Это своего рода ребус, который, как мне кажется, тебя заинтересует. Ты всегда отличался умением устанавливать между событиями связи, которые больше никому не были видны. Когда я думаю о тебе, я вспоминаю твою безупречную логику и удивительную ясность ума — те качества, которых мне сейчас больше всего не хватает. Я позвоню тебе в ближайшие несколько дней по номеру, который указан в каталоге выпускников. Надеюсь, он актуален.

С наилучшими пожеланиями,

Марк Меллери.

P. S. Даже если ты в результате запутаешься так же сильно, как я сам, и не сможешь мне помочь, я все равно буду очень рад тебя видеть.

Звонок раздался два дня спустя. Гурни тут же узнал голос, к его удивлению не изменившийся за годы, если не считать нотки нервозности.

После нескольких дежурных фраз о том, как жаль, что они не общались все это время, Меллери перешел к делу. Могут ли они увидеться в ближайшие дни? Чем раньше — тем лучше, потому что «ситуация» требует безотлагательного решения, у нее появилось «развитие». Нет, по телефону он ничего обсуждать не станет, и при встрече Гурни поймет почему. Меллери должен ему кое-что показать. Нет, местная полиция не сможет решить эту задачу, почему — он также объяснит, когда приедет. Нет, никакого правонарушения не произошло, во всяком случае пока. Речь не идет о преступлении или угрозе преступления — по крайней мере, он не

смог бы доказать наличие такой угрозы. Господи, решительно невозможно что-либо объяснить по телефону, лично было бы настолько проще. Да, он понимает, что Гурни не занимается частными расследованиями. Но он просит всего полчаса его времени — найдется ли у него полчаса?

Со смешанными чувствами Гурни согласился. Любопытство в нем часто одерживало верх над замкнутостью; на этот раз его заинтересовали истерические нотки в вежливой речи Меллери. Кроме того, он сам не до конца отдавал себе отчет, как сильна была его тяга к разгадыванию ребусов.

Перечитав письмо в третий раз, Гурни убрал его обратно в папку и позволил себе отдаться воспоминаниям: утренние лекции, на которых Меллери, явившись с похмелья, отчаянно скучал; как он постепенно оживал к вечеру; приступы шутовства и проницательности, случавшиеся с ним под воздействием спиртного. Он был прирожденный актер, звезда университетского театра — как бы он ни зажигал каждый вечер в баре, на сцене он был еще зажигательней. Он зависел от публики, она была нужна ему как воздух.

Гурни открыл папку и снова пробежался по письму. Его смущало описание их отношений. Они с Меллери общались значительно менее содержательно и близко, чем следовало из письма. Однако у него было ощущение, что Меллери тщательно подбирает слова, которыми обращался к нему, — письмо переписывалось несколько раз, было видно, что над ним много думали, и лесть, как и все остальное в этом послании, была неслучайной. Но чего он добивался? Очевидным образом, согласия на личную встречу и разговор об упомянутом «ребусе». Остальное было загадкой. При этом вопрос был очень важен для Меллери, как следовало из аккуратно взвешенной и сформулированной смеси теплых слов и отчаянья.

Отдельного внимания заслуживал постскрипту. Помимо завуалированного вызова, который содержался в предположении, что Гурни может не справиться с задачей, он также пресекал возможность легкого отказа — на такое письмо невозможно было ответить, что ты отошел от дел и не сможешь помочь, потому что это было бы слишком грубым ответом старому другу.

Да, письмо определенно было тщательно продумано.

Тщательность. Это было что-то новое, никак не свойственное прежнему Марку Меллери.

Эта перемена показалась Гурни любопытной.

В этот момент на террасу вышла Мадлен и остановилась на полпути к креслу, в котором сидел Гурни.

— Твой гость приехал, — без выражения сообщила она.

— Где он?

— В доме.

Он посмотрел вниз. По ручке кресла зигзагом полз муравей. Он щелчком отправил его в полет.

— Попроси его, чтобы вышел сюда, — сказал Гурни. — Погода слишком хорошая, чтобы сидеть внутри.

— Да, это точно, — произнесла она, и это прозвучало одновременно едко и иронично. — Кстати, он до жути похож на свою фотографию на обложке. Действительно — до жути.

— Почему до жути? Ты о чем?

Но она уже вернулась в дом и не ответила ему.

Глава 4

Знаю, как ты дышишь

Марк Меллери рассекал мягкую траву широкими шагами. Он подошел к Гурни с таким видом, будто собирался его обнять, но что-то заставило его передумать.

— Дэйви! — воскликнул он, протягивая руку.

«Дэйви?» — удивился Гурни.

— Господи! — продолжил Меллери. — Ты вообще не изменился! Боже мой, как я рад тебя видеть! Отлично выглядишь! В Фордхаме поговаривали, что ты похож на Роберта Редфорда в фильме «Вся королевская рать». И вот — до сих пор похож! Если бы я не знал наверняка, что тебе сорок семь, как и мне, я бы подумал, что тебе тридцать!

Он схватил Гурни за кисть обеими руками, как будто это был драгоценный объект.

— Пока я ехал сюда из Пиона, я вспоминал, какой ты всегда был спокойный и уравновешенный. Человек-отдушина, ты был настоящей отдушиной! И взгляд у тебя до сих пор такой же — спокойствие, собранность и уверенность в себе, и плюс к тому самая светлая голова в городе. Ну, как ты поживаешь?

— Мне повезло, — ответил Гурни, высвобождая руку. Он был настолько же спокоен, насколько Меллери — возбужден. — Жаловаться мне не на что.

— По-вез-ло... — по слогам протянул Меллери, как будто пытаюсь вспомнить значение иностранного слова. — У тебя здесь славно. Очень славно.

— У Мадлен отличный вкус. Присядем? — Гурни кивнул на пару потрепанных садовых кресел, стоявших друг напротив друга между яблоней и кормушкой для птиц.

Меллери сделал было шаг в том направлении, но внезапно остановился.

— У меня с собой был...

Мадлен вышла к ним из дома, держа перед собой элегантный портфель. Он был неброский, но дорогой, под стать всему наряду Меллери — от ручной работы английских ботинок (разношенных и не слишком начищенных) до идеально сидящего (но слегка помятого) кашемирового пиджака. Это был костюм человека, желающего показать, что он умеет управляться с деньгами и не дает им управлять собой, умеет достигать успеха, не поклоняясь успеху, и что в целом благополучие дается ему с легкостью. Несколько одичалый взгляд, впрочем, диссонировал с внешним видом.

— Ах да, благодарю, — сказал Меллери, принимая портфель с явным облегчением. — А где же я его...

— Вы оставили его на журнальном столике.

— Да-да, действительно. Я сегодня ужасно рассеянный. Спасибо!

— Хотите что-нибудь выпить?

— Выпить?..

— У нас есть домашний холодный чай. Но если вы хотите что-нибудь другое...

— Нет-нет, холодный чай — то, что нужно. Спасибо.

Рассматривая однокурсника, Гурни внезапно понял, что имела в виду Мадлен, сказав, что он до жути похож на свою фотографию на обложке.

На той фотографии сильнее всего в глаза бросалась некоторая небрежная продуманность снимка — это была не студийная съемка, но портрет получился без лишних теней или неудачной композиции, присущих непрофессиональным фотографиям. Меллери был воплощением этой тщательно скроенной небрежности, движимого самолюбием стремления не казаться самолюбивым. Мадлен, как всегда, попала точно в цель.

— В своем письме ты упоминал о какой-то проблеме, — напомнил Гурни с резкостью, граничащей с грубостью.

— Да, — отозвался Меллери, но вместо того, чтобы перейти к делу, вспомнил случай, как один их однокурсник ввязался в довольно глупый спор с профессором философии. Пересказывая эту историю, он назвал себя, Гурни и героя истории «тремя мушкетерами кампуса», пытаясь

придать их студенческим шалостям героический оттенок. Гурни эта попытка показалась жалкой, и он никак на нее не отреагировал, только уставился на собеседника в ожидании продолжения.

— Что ж, — произнес Меллери, наконец-то переходя к цели своего визита. — Не знаю, с чего начать.

«Если ты сам не знаешь, с чего начать собственную историю, то кто знает?» — подумал Гурни.

Меллери открыл портфель, достал две тонкие книжки в мягкой обложке и бережно, как будто они могли рассыпаться, передал их Гурни. Он узнал их по распечаткам, принесенным Мадлен. Одна называлась «Единственное значимое» с подзаголовком «Измените свою жизнь силой сознания». Другая книжка называлась «Честно говоря», а подзаголовком было «Единственный способ быть счастливым».

— Ты, наверное, и не слышал об этих книгах. Они были довольно популярны, хотя не сказать чтобы бестселлеры в полном смысле слова. — Меллери улыбнулся с как будто хорошо отрепетированной скромностью. — Я не к тому, что ты должен их сейчас же прочитать. — Он снова улыбнулся, будто сказал что-то смешное. — Но они, мне кажется, немного разъяснят, что происходит или почему это так происходит, как только я расскажу о своей проблеме... Или о своей *возможной* проблеме. Честно говоря, я несколько сбит с толку всей этой историей.

«И довольно сильно напуган», — подумал Гурни.

Меллери набрал в легкие воздуха и начал свой рассказ с видом человека, решившегося отправиться в трудный путь.

— Для начала расскажу тебе про записки. — Он достал два конверта из портфеля, открыл один, вынул лист, исписанный с одной стороны, и конверт поменьше, какой обычно используют для срочного ответа. Он протянул записку Гурни. — Это первое, что я получил. Примерно три недели тому назад.

Гурни взял записку и откинулся в кресле, чтобы прочитать ее. Он тут же обратил внимание на опрятный почерк. Ладные, аккуратные буквы внезапно напомнили ему почерк его первой учительницы, слова, выведенные мелом на школьной доске. Еще удивительнее, впрочем, было то, что послание было написано перьевой ручкой, красными чернилами. У дедушки Гурни были красные чернила. Маленькие флакончики синих, зеленых и красных чернил. Он плохо помнил дедушку, но отлично помнил эти флакончики. Продаются ли до сих пор красные чернила для перьевых ручек?

Гурни прочитал записку, нахмурившись, затем прочитал еще раз. Не

было ни приветствия, ни подписи.

Ты веришь в Судьбу? Я верю. Вероятность того, что я встречу тебя снова, была ничтожна — но встреча случилась. Воспоминания накрыли меня: как ты говоришь, как двигаешься и, главным образом, как ты мыслишь. Если бы кто-то попросил тебя загадать число, я даже знаю, какое число ты загадал бы. Не веришь мне? Я докажу. Загадай число от одного до тысячи.

Любое, первое, какое придет на ум.

Представь его себе.

А теперь взгляни, как хорошо мне известны все твои секреты. Открой маленький конверт.

Гурни неопределенно хмыкнул и взглянул на Меллери, который не сводил с него взгляда, пока тот читал.

— Ты не знаешь, кто мог тебе это прислать?

— Понятия не имею.

— А подозреваешь кого-нибудь?

— Нет.

— Хмм. Ты повелся на это?

— Повелся ли я? — Было ясно, что Меллери не думал об этом в таком ключе. — То есть если ты спрашиваешь, загадал ли я число, то да. В такой ситуации трудно было поступить иначе.

— И ты загадал число?

— Да.

— И?..

Меллери прочистил горло.

— Я загадал число 658. — Он повторил, разбивая число на цифры: — Шесть-пять-восемь, — как будто это могло навести Гурни на какую-то идею. Когда этого не произошло, он нервно вздохнул и продолжил: — Цифра 658 ничего особенного для меня не значит. Это просто первое, что мне пришло на ум. Я перекопал свою память, пытаюсь вспомнить что-нибудь, с чем она могла бы ассоциироваться, почему она могла бы оказаться неслучайной, но тщетно. Это просто цифра, которая пришла мне в голову, — очень серьезно повторил он.

Гурни взглянул на него с растущим интересом:

— И что же оказалось в маленьком конверте?..

Меллери протянул ему маленький конверт, приложенный к записке, и внимательно наблюдал за тем, как Гурни открывает его, извлекает листок

размером с половину первого и читает строчки, написанные все тем же опрятным почерком и красными чернилами:

*Ты удивлен: откуда я знаю, что ты загадал цифру 658?
Кто может знать тебя настолько хорошо? Хочешь
получить ответ?*

*Тогда сперва ты должен мне вернуть \$289.87, которые
были истрачены на то, чтобы найти тебя. Пришли эту сумму
по адресу: а/я 49449, Вичерли, штат Коннектикут, 61010.*

*Пусть это будут наличные или личный чек на имя Х. Арибда
(раньше меня звали иначе).*

Перечитав записку, Гурни спросил, отправил ли Меллери ответ.

— Да. Я отправил чек ровно на указанную сумму.

— Зачем?

— В каком смысле?

— Это не маленькая сумма. Почему ты решил заплатить?

— Потому что меня это мучило. Число! Откуда он мог его знать?

— Чек обналичили?

— Кстати, нет, — сказал Меллери. — Я каждый день проверяю.

Именно поэтому я отправил чек, а не наличные. Думал, может, удастся что-нибудь узнать про этого Арибду — хотя бы где он обналичивает чеки. Вся эта история меня ужасно вывела из себя.

— Что именно вывело тебя из себя?

— Чертово число, конечно! — воскликнул Меллери. — Откуда он мог что-то такое знать?

— Хороший вопрос, — кивнул Гурни. — А почему ты считаешь, что это «он»?

— В смысле? А, понял. Ну, я подумал... Даже не знаю, просто пришло на ум. Почему-то «Х. Арибда» показалось мне мужским именем.

— Х. Арибда — странное имя, — заметил Гурни. — Оно что-нибудь тебе говорит?

— Ничего.

Гурни это имя тоже ничего не говорило, однако показалось каким-то... не то чтобы знакомым, но и не вполне случайным. Видимо, ответ следовало искать в закромах подсознания.

— После того, как ты отправил чек, с тобой связывались?

— О да, — ответил Меллери, снова заглядывая в портфель и доставая еще два листа. — Я получил вот это дней десять назад, а это — на

следующий день после того, как написал тебе письмо с просьбой о встрече. — Он протянул Гурни записки с видом ребенка, показывающего отцу синяки.

Обе были написаны тем же почерком и теми же чернилами, что и предыдущие два послания, но на этот раз они были в стихах.

В первом было восемь строк:

*На острие булавки
Ты ангелов сочти;
Потом на дне бутылки
Ты истину найди.
Ведь знаешь, как бывает:
Стакан — и вдруг стреляет.
Подумай, покопайся,
А вспомнишь — так покайся.[\[1\]](#)*

Восемь строк следующей записки были настолько же загадочны и зловещи:

*Что забрал — отдавай,
Что творил — получай.
Знаю, что ты слышишь,
Знаю, как ты дышишь,
Где бывал,
Что видал.
Шесть-пять-восемь,
В гости просим.*

В течение следующих десяти минут, по мере того, как Гурни вновь и вновь перечитывал каждую записку, его лицо становилось все мрачнее, а беспокойство Меллери — заметнее.

— Так что ты думаешь? — наконец спросил Меллери.

— Что у тебя умный враг.

— Я имею в виду, насчет цифры.

— А что насчет цифры?

— Откуда он знал, какое число придет мне на ум?

— Я бы сказал, что он не мог этого знать.

— Не мог, но знал! То есть в этом все дело, понимаешь? Он не мог знать, но знал! Невозможно было угадать, что я загадаю цифру 658, но он не только угадал, он знал это как минимум за два дня до того, как я сам узнал, когда он отправлял мне чертово письмо!

Меллери внезапно вскочил из кресла и начал ходить взад-вперед по траве перед домом, нервно приглаживая волосы.

— Научного способа угадать такое не существует. Такого способа вообще не существует. Понимаешь, какой дурдом?

Гурни в задумчивости почесал подбородок.

— Есть простой философский принцип, который я считаю стопроцентно достоверным. Если что-то произошло, значит, для этого существует способ. У этой истории с цифрой наверняка есть простая отгадка.

— Но...

Гурни поднял руку жестом дорожного полицейского, которым был в первые полгода своей работы в управлении.

— Марк, сядь. Расслабься. Я думаю, мы разберемся.

Глава 5

Неприятные предположения

Мадлен принесла на террасу два холодных чая и вернулась в дом. Воздух был наполнен запахом прогретой травы. Птичья стайка приземлилась на кормушку. Солнце, краски и запахи осени окутывали и кружили голову, но Меллери ничего не замечал, погружившись в свои раздумья.

Потягивая чай, Гурни пытался оценить мотивы и искренность своего гостя. Он знал, что скоропалительные выводы о человеке приводят к ошибкам, но воспринимал это как игру и редко мог удержаться. Он знал: главное — помнить о ненадежности таких выводов и быть готовым их переосмыслить, как только появится новая информация.

Нутром он чувствовал, что Меллери — фальшивка, опытный притворщик, отчасти сам поверивший в свое притворство. К примеру, у него еще в колледже был акцент, но это был акцент из ниоткуда, из воображаемой утонченной культурной среды. Очевидно, он уже давно не изображал этот акцент специально, он действительно с ним сжился, но под его корнями не было почвы. Дорогая стрижка, ухоженная кожа, безупречные зубы, подтянутое тело и маникюр делали его похожим на

какого-нибудь популярного телепроповедника.

Всем своим видом он старался показать: все в этой жизни, все, о чем мечтают простые смертные, дается ему без особых усилий. Гурни вдруг понял, что все это было уже тогда, двадцать с лишним лет назад. Просто теперь Марк Меллери стал утрированным вариантом себя самого.

— Ты не думал обратиться в полицию? — спросил Гурни.

— Я решил, что это бессмысленно. Они бы ничего не сделали. Сам подумай, ну что они могут? Прямой угрозы нет, все можно как-то объяснить, преступлением не пахнет. Мне не с чем было к ним прийти. Ну прислали мне пару неприятных стишков. Может, их написал какой-нибудь подросток с дурацким чувством юмора. Следовательно, полиция бы мне не помогла, они, скорее всего, восприняли бы это как шутку — и зачем в таком случае тратить на них время?

Гурни кивнул, но доводы показались ему неубедительными.

— Кроме того, — продолжил Меллери, — я как представлю себе — начинается расследование, полиция заявляется в институт, пристаёт к нашим нынешним и бывшим гостям с вопросами — а гости у нас зачастую люди нервные... Стали бы совать нос куда не следует, развели бы жуткий бардак... Так и вижу заголовки в газетах в духе «НЕИЗВЕСТНЫЕ УГРОЖАЮТ АВТОРУ ДУХОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» — и все, пошло-поехало... — Меллери покачал головой, как будто слов не хватало описать тот вред, который способно принести вмешательство полиции.

Гурни посмотрел на него с недоумением.

— Что-то не так? — спросил Меллери.

— Твои причины не обращаться в полицию одна другой противоречат.

— Каким образом?

— Ты не пошел в полицию, потому что боялся, что они не сделают ничего. Ты также не пошел в полицию, потому что боялся, что они сделают что-то не то.

— Ах да. Но верно и то и другое. В обоих случаях я боюсь некомпетентного подхода. Можно ничего не делать, а можно действовать как слон в посудной лавке. Некомпетентное бездействие или некомпетентная агрессия — теперь понимаешь, о чем я?

У Гурни было ощущение, что перед ним только что споткнулись и попытались выдать это за пируэт. Что-то тут не сходилось. Его опыт говорил, что если высказывают две разные причины какого-либо решения, значит, существует третья — истинная — причина, о которой умалчивают.

Как будто уловив сомнения Гурни, Меллери внезапно сказал:

— Мне надо быть с тобой честным до конца, говорить более

откровенно. Ты, конечно, не сможешь мне помочь, если у тебя не будет полной картины происходящего. Понимаешь, сорок семь лет я живу двумя разными жизнями. Первые две трети своего жизненного пути я шел неверной дорогой, стремительно ведущей куда не надо. Все началось в колледже, а после колледжа усугубилось. Я стал больше пить и превратил свою жизнь в бардак. Я продавал наркотики богатым клиентам и заводил с ними дружбу. Один такой клиент настолько впечатлился моей способностью красноречиво всучивать людям дерьмо, что устроил меня работать на Уолл-стрит — и я впаривал бессмысленные биржевые сделки по телефону всяким жадным идиотам, которые верили, что за три месяца можно удвоить их вклад. У меня отлично получалось, и я стал очень неплохо зарабатывать, а уж эти деньги вымостили мне дорогу к полному безумию. Я делал все, что мне вздумается, и практически ничего из того времени не помню, потому что почти всегда был мертвецки пьян. Я угробил десять лет ради обогащения выводка ловких, бессовестных воругов. Потом умерла моя жена. Ты вряд ли об этом знаешь, но я женился на следующий год после окончания колледжа.

Меллери потянулся за стаканом, сделал глоток и задумался, как будто этот глоток пробудил в нем какую-то новую мысль. Когда стакан был наполовину пуст, он поставил его на ручку кресла, секунду посмотрел на него, затем продолжил:

— Ее смерть меня потрясла. Она повлияла на меня сильнее, чем все, что произошло за пятнадцать лет нашего брака. Честно говоря, жизнь моей жены стала для меня что-то значить, только когда она умерла.

Гурни показалось, что эта аккуратная ирония и следовавшая пауза были хорошо отрепетированы.

— От чего она умерла?

— Это описано в моей первой книге, но я вкратце тебе перескажу. Мы поехали в отпуск на полуостров Олимпик. И вот как-то вечером сидим мы на пустынном пляже, смотрим на закат. Эрин решила искупаться. Обычно она отплывала метров на тридцать и плавала взад-вперед вдоль берега. Она вообще любила всякого рода зарядку.

Он помолчал, прикрыв глаза.

— Тем вечером было то же самое?

— В каком смысле?

— Ты сказал, что обычно она так плавала.

— А, ну да. Да, в тот вечер все было как обычно. По правде говоря, я точно не помню, потому что был пьян. Эрин зашла в воду, а я остался на берегу с бутылкой мартини. — Уголок его глаза нервно дернулся. — Она

утонула. Те, кто нашли ее тело недалеко от берега, также нашли меня, валявшегося в пьяном беспамятстве.

Снова выдержав паузу, он слегка натужно продолжил:

— Видимо, у нее свело ногу... или что-то в этом роде... но в любом случае она наверняка звала меня на помощь... — Он замолчал, зажмурился и потер дергающийся глаз. Когда он снова открыл глаза, он оглянулся, как будто впервые увидел, где находится.

— У тебя здесь очень красиво, — сказал он с грустной улыбкой.

— Ты сказал, что ее смерть сильно на тебя повлияла?

— Очень сильно.

— Сразу или потом?

— Сразу. Это звучит банально, но у меня действительно случилось прозрение. Оно было болезненнее и живее всего, что я когда-либо испытывал. Я впервые в жизни осознал, как я живу и насколько разрушительным было все, что я делал. Не хочу сравнивать себя со святым Павлом, которого настигло озарение по дороге в Дамаск, но это был момент, когда я твердо решил жить по-другому. — Последние слова он произнес с убийственной убедительностью и явно не в первый раз.

Гурни подумал, что Меллери мог бы вести семинары по Убийственной Убедительности.

— Для начала я сдался в реабилитационный центр для алкоголиков. После курса детоксикации я пошел к психотерапевту, чтобы убедиться, что я действительно нашел истину, а не сошел с ума. Терапевт меня поддержал. Я снова отправился учиться и получил два дополнительных образования — по психологии и по психологическому консультированию. Моим сокурсником оказался один пастор из унитарийской церкви, и он предложил мне поговорить о моем «обращении», как он это назвал. Мы хорошо пообщались. В результате я стал читать лекции в разных унитарийских церквях, и из этих лекций сложилась моя первая книга. По ней сняли трехсерийный фильм для канала «Пи-Би-Эс», а потом выпустили его на кассетах. Такого рода событий произошло множество — череда случайностей как будто вела меня от одной удачи к другой. Меня пригласили провести несколько частных семинаров для знаменитых и сказочно богатых людей. В итоге я основал Институт духовного обновления. Те, кто ко мне приходит, в восторге от того, чему я учу. Понимаю, что это звучит как бахвальство, но это правда. Некоторые из года в год возвращаются послушать одни и те же лекции и пройти через те же духовные практики. Мне трудно это произнести — слишком претенциозно выходит, — но из-за смерти Эрин я заново родился и зажил удивительной

жизнью.

Его глаза бегали без остановки, как будто рассматривая какой-то ему одному видимый ландшафт.

Мадлен пришла забрать их пустые стаканы и спросила, хотят ли они добавки. Они отказались. Меллери снова сказал, что у них дома очень красиво.

— Ты сказал, что хочешь быть со мной откровенным до конца, — напомнил Гурни.

— Да. Речь о времени, когда я пил. Я был запойным алкоголиком, с провалами в памяти. Некоторые провалы были длиной в пару часов, а некоторые дольше. Под конец провалы стали случаться всякий раз, как я напивался. А это уйма времени и уйма поступков, о которых я ничего не помню. Будучи пьян, я водил компанию с кем попало и не задумывался о том, что творю. Честно говоря, упоминание алкоголизма в этих гнусных записочках меня сильнее всего расстраивает. Последние несколько дней я только и делаю, что расстраиваюсь или ужасаюсь.

Гурни, невзирая на скептический настрой, уловил в голосе Меллери нотки искренности.

— Расскажи поподробнее, — попросил он.

За следующие полчаса стало ясно, что Меллери больше ничего не может или не хочет рассказать. Он вернулся к тому, что его мучило.

— Боже мой, но все-таки как он мог знать, какое число я загадаю? Я перебрал в памяти всех, с кем был знаком, все места, где я бывал, все адреса, почтовые индексы, телефоны, даты, дни рожденья, номерные знаки машин, даже стоимость некоторых покупок — и ничто даже отдаленно не связано с цифрой 658. Это сводит меня с ума!

— Может быть, имеет смысл сейчас сосредоточиться на вопросах попроще. К примеру...

Но Меллери не слушал.

— Мне кажется, что 658 вообще ни с чем не связано. Но что-то оно, видно, означает. И кому-то это значение известно. Кто-то в курсе, что 658 — настолько значимое число, что оно первым придет мне на ум. Это в голове не укладывается. Это какой-то кошмар!

Гурни сидел молча и ждал, когда Меллери сам успокоится.

— Упоминание алкоголя означает, что автор записки — кто-то, знавший меня в недобрые старые времена. И похоже, что у него на меня зуб, причем давно. Наверное, он потерял мой след, а потом увидел мою книгу, что-нибудь почитал обо мне и решил... что он решил? Я даже толком не понимаю, о чем эти записки.

Гурни продолжал молчать.

— Знаешь, каково это — сто, а то и двести дней твоей жизни, о которых ты напрочь ничего не помнишь? — Меллери покачал головой, будто не веря себе, что такое могло приключиться. — Единственное, что я знаю про такие дни, — это что я был в том состоянии, в котором человек способен на что угодно. Когда пьешь столько, сколько я пил тогда, о последствиях не заботишься. Твой рассудок отключается, как и твоя память, и тебя несет — ты ведом сиюминутными импульсами, инстинктом, не ведающим преград... — Он замолк и снова покачал головой.

— А что, по-твоему, ты мог совершить в момент такого затмения?

Меллери уставился на него:

— Да что угодно! Господи, в том-то и дело, я мог натворить что угодно!

У Меллери был вид человека, только что обнаружившего, что тропический рай его грез, в который он вложил все свое состояние, населен скорпионами.

— Так чего же ты хочешь от меня?

— Не знаю. Может быть, я надеялся на твою дедукцию. Что ты разгадаешь ребус, разоблачишь автора записок и придешь к выводу, что дело яйца выеденного не стоит.

— Тебе должно быть виднее, в чем тут дело.

Меллери покачал головой. Затем снова взглянул на Гурни, с внезапной надеждой:

— Может, это все просто шутка?

— Если так, то уж больно она жестокая, — ответил Гурни. — Какие у тебя еще предположения?

— Шантаж? Например, автор знает про меня что-то ужасное, чего я сам не помню? И просьба выслать \$289.87 — это только начало?

Гурни кивнул:

— А еще?

— Мечь? За что-нибудь, что я натворил, но автор хочет не денег, а... — Его голос многозначительно оборвался.

— Но ты ничего конкретного не помнишь, за что кто-то мог бы на тебя так озлобиться?

— Нет. Я же говорю. Я ничего не помню.

— Хорошо, я тебе верю. Но нынешние обстоятельства таковы, что нелишне было бы ответить на несколько простых вопросов. Записывай, дома подумаешь день, посмотрим, что вылезет на поверхность.

Меллери открыл свой элегантный портфель и достал небольшой

кожаный блокнот и ручку «Монблан».

— Составь несколько списков, как можно более подробных. Первый список: возможные враги, связанные с работой, — люди, с которыми ты когда-либо конфликтовал из-за денег, контрактов, обязательств, субординации, деловой репутации. Второй список: нерешенные личные конфликты — бывшие друзья, бывшие любовницы — словом, те, с кем у тебя не сложились отношения. Третий список: непосредственные враги — те, кто тебя в чем-то напрямую обвинял или угрожал тебе. Четвертый список: психи — неуравновешенные или спятившие люди, с которыми тебе приходилось общаться. Пятый список: персонажи из прошлого, с которыми ты недавно вновь столкнулся, — даже если эта встреча показалась тебе совершенно незначительной и невинной. Шестой список: любые связи, какие у тебя могут быть с Вичерли, поскольку там находится ящик Х. Арибды и там проштампованы все его марки.

Меллери записывал, но качал головой, как будто отрицая возможность вспомнить хоть какие-то имена по таким спискам.

— Я понимаю, что это кажется очень сложным, — терпеливо объяснил Гурни, — но это нужно сделать. А записки оставь пока у меня, я их еще поизучаю. Но учти, частными расследованиями я не занимаюсь, и есть шанс, что я не смогу тебе помочь.

Меллери уставился на свои руки.

— А кроме этих списков я могу что-нибудь сделать?

— Хороший вопрос. У тебя есть какие-то идеи?

— Ну... например, может быть, с твоей помощью я мог бы что-то узнать про этого мистера Арибду из Вичерли, раздобыть какую-нибудь информацию про него.

— Если ты имеешь в виду что-то большее, чем номер ящика, почтовое отделение тебе этого ни за что не сообщит. А вмешательства полиции ты не хочешь. Можешь, конечно, поискать в интернете, но раз имя, скорее всего, вымышленное, ничего особо не найдешь. — Гурни задумался. — Странная история с чеком, не правда ли?

— Ты про сумму?

— Я про то, что его не обналичили. Зачем указывать такие подробности — сумма с точностью до цента, имя получателя, — если не собираешься обналичивать чек?

— Ну, если Арибда — это не настоящая фамилия и у него нет документов с этим именем...

— Тогда зачем вообще предлагать возможность прислать чек? Почему не потребовать наличные?

Меллери шарил взглядом по земле перед собой, как человек, боящийся наступить на мину.

— Может быть, ему просто нужно было увидеть мою подпись.

— Да, я об этом думал, — ответил Гурни, — но тут возникают еще две загадки. Во-первых, он оставлял за тобой возможность расплатиться наличными. Во-вторых, если целью было получить чек с подписью, то отчего бы не попросить сумму поменьше? Двадцать или хотя бы пятьдесят долларов. Разве это не сделало бы твой ответ более вероятным?

— Может быть, Арибда не слишком умен.

— Отчего-то мне кажется, что дело не в этом.

У Меллери был такой вид, словно в каждой его клетке усталость яростно борется с беспокойством и их силы равны.

— Как ты думаешь, мне что-то угрожает?

Гурни пожал плечами:

— Большинство таких писем — дурацкие шутки, их действие ограничивается самим посланием. Но все-таки...

— Это не совсем обычные записки, да?

— Мне так кажется.

Меллери судорожно сглотнул.

— Понятно. Значит, ты их еще изучаешь?

— Да. А ты займись списками.

— Это ничего не даст, но я, конечно, попытаюсь.

Глава 6

Кровь как роза красная

Поскольку приглашения остаться на обед не последовало, Меллери нехотя уехал на своем педантично отреставрированном дымчато-голубом «Остин-Хили» — классическом кабриолете. Это была идеальная машина для поездки в идеальный погожий день, но Меллери, погруженный в свои переживания, едва ли мог это оценить.

Гурни вернулся в свое садовое кресло и сидел там почти час в надежде, что путаница фактов сама собой начнет складываться в какую-то схему, какую-то понятную последовательность. Но единственное, что он понял за этот час, — это что он голоден. Он встал, пошел в дом, сделал бутерброд с сыром и консервированным перцем и перекусил в одиночестве. Мадлен нигде не было видно, и он попытался вспомнить, не говорила ли она ему, что куда-то собирается. Позже, споласкивая тарелку, он выглянул в

окно и увидел ее: она шла с сумкой яблок из сада. Как обычно, когда она была на природе, ее лицо сияло спокойствием.

Она зашла на кухню и высыпала яблоки в раковину с громким счастливым вздохом.

— Господи, какая погода! — воскликнула она. — В такой день находиться в помещении лишнюю минуту — настоящее святотатство.

Не то чтобы он с ней был не согласен. Он был не против прогулок в хорошую погоду. Но его всегда тянуло внутрь — так уж он был устроен. Он проводил больше времени в размышлениях о том или ином действии, нежели в самом действии; он жил скорее в собственной голове, нежели в мире. Когда речь шла о его профессии, то проблемы в этом не было. Даже напротив — вероятно, именно это делало его профессионалом.

Как бы там ни было, ему совсем не хотелось выходить из дома или обсуждать эту возможность, а уж тем более спорить и чувствовать себя виноватым. Поэтому он предпочел сменить тему:

— Как тебе Марк Меллери?

Она ответила сразу, не поднимая взгляда от яблок, которые выкладывала из сумки на столешницу.

— Крайне самовлюбленный тип. Напуган до смерти. Эгоцентрик с комплексом неполноценности. Боится, что вот-вот придет серенький волчок. Одна надежда — на доброго дядю Дэвида. Я, кстати, не специально подслушивала. У него ужасно громкий и четкий голос. Наверняка он одаренный оратор. — В ее устах это прозвучало как сомнительное достоинство.

— А что ты думаешь про историю с цифрами?

— О да, — произнесла она с наигранным пафосом. — Преследователь, Читающий Мысли.

Он подавил в себе раздражение.

— У тебя есть какая-нибудь идея, откуда автор записок мог знать, какое число Меллери загадает?

— Нет.

— Но тебе как будто даже неинтересно.

— Зато тебе интересно.

Она не сводила глаз со своих яблок. В уголке рта у нее мелькнула легкая усмешка, уже не в первый раз за эти несколько дней.

— Но ты должна признать, что это непростая загадка, — настаивал он.

— Да, пожалуй.

Он повторил основные факты с упрямством человека, который не может поверить, что его не понимают.

— Человек присылает тебе запечатанный конверт и говорит загадать число. Ты загадываешь 658. Тебе предлагается заглянуть в конверт. В записке внутри написано «658».

Было очевидно, что Мадлен это не впечатляет. Тогда он продолжил:

— Это само по себе поразительно. Казалось бы, это невозможно. Однако факт налицо. Я хочу понять, что за этим стоит.

— А я не сомневаюсь, что ты поймешь, — ответила она, вздохнув.

Он посмотрел на сад сквозь стеклянные двери, скользнул взглядом по побитым первым морозом помидорам и перцам — когда только успел ударить мороз? Он не помнил. Редко замечал, какое время года на дворе. Вдали, за садом, за лугом, стоял красный амбар. На углу росла яблоня. Ее плоды яркими импрессионистскими мазками проступали из гущи листвы. Идиллию разрушало саднящее ощущение, что он что-то забыл сделать. Но что? Ну конечно! Неделю назад он обещал достать стремянку из амбара и снять яблоки с верхних веток, куда Мадлен не могла дотянуться. Такая мелочь. Он с такой легкостью мог с этим справиться. Дело на полчаса, не больше.

Он поднялся, движимый благими намерениями, но тут зазвонил телефон. Мадлен подошла, как будто потому что находилась ближе к нему, — но на самом деле она всегда подходила к телефону первой, даже если Гурни стоял ближе. Дело было не в расстоянии до телефона, а скорее в их отношении к людям. Для Мадлен люди в целом были чем-то положительным (за исключением редких недоразумений вроде Сони Рейнольдс). Для Гурни общение, как правило, означало напрасную трату энергии (кроме редких счастливых исключений вроде Сони Рейнольдс).

— Да? — произнесла Мадлен дружелюбным голосом, которым обращалась ко всем звонившим, обещая искренний интерес, что бы на том конце ни собирались сказать. Еще секунда — и голос ее заметно утратил дружелюбие.

— Да, он дома. Минутку. — Она помахала трубкой Гурни, положила ее на стол и вышла из комнаты.

Звонил Марк Меллери, и он был взволнован пуще прежнего.

— Дэйв, как хорошо, что ты дома! Я только что приехал. Мне прислали еще одно чертово письмо.

— С сегодняшней почтой?

Он ответил «да», как Гурни и предполагал. За годы разговоров с людьми, бьющимися в истерике — на месте преступления, в приемной скорой помощи, в любой сумятице и неразберихе, — он открыл верный способ успокоить собеседника. Нужно задать ему несколько простых

вопросов, на которые он может ответить «да».

— Почерк тот же?

— Да.

— И те же красные чернила?

— Все то же самое, кроме текста. Я прочитаю тебе?

— Давай, — сказал он. — Читай медленно и говори, где кончается строка.

Четкие слова, четкие инструкции и голос Гурни возымели предсказуемое действие. Меллери заговорил так, будто вновь ощутил землю под ногами, и зачитал странный стишок:

*Я делаю, что сделал
За совесть и за страх,
Чтоб месть не охладела,
Не обратилась в прах,
Чтоб кровь, как роза красная,
Цвела в саду моем.
Явился не напрасно я —
Предстанешь пред судом.*

Набросав текст в блокноте, лежавшем у телефона, Гурни аккуратно все перечитал, чтобы попытаться представить себе автора — загадочного персонажа, одержимого местью и страстью к стихотворной форме.

Меллери не выдержал:

— Что ты думаешь?

— Я думаю, что, возможно, тебе пора позвонить в полицию.

— Я не хочу. — Он снова заволновался. — Я тебе уже объяснял...

— Знаю. Но это лучший совет, какой я могу тебе дать.

— Я все понимаю. Но неужели нет каких-то еще вариантов?..

— Лучший вариант, если у тебя хватит на него денег, это нанять круглосуточных телохранителей.

— То есть ходить повсюду в компании двух амбалов? И как я это объясню своим гостям?

— Не обязательно, чтобы это были амбалы.

— Послушай, дело в том, что я не обманываю своих гостей. Если кто-нибудь спросит, кто это ходит за мной, мне придется признаться, что это телохранители, а это неминуемо приведет к новым вопросам. Это будет отравлять атмосферу, которую я пытаюсь здесь создать. Неужели ты

больше ничего не можешь предложить?

— Смотря какого эффекта ты хочешь добиться.

Меллери горько усмехнулся:

— Может быть, ты сумеешь узнать, кто ко мне прицепился и чего он от меня хочет, а затем не дать ему этого добиться? Как думаешь?

Гурни собирался ответить, что не может дать однозначного ответа, но Меллери продолжил:

— Дэйв, ради бога, я перепуган до полусмерти. Я понятия не имею, что происходит. Умнее тебя я никого не знаю и тем более не знаю никого, кто не ухудил бы ситуацию, узнав о ней.

В этот момент по кухне прошла Мадлен с вязанием в руках. Она подняла со столешницы соломенную шляпу и журнал «Твой сад» и вышла сквозь французские двери, улыбнувшись синему небу.

— Насколько я смогу тебе помочь, зависит от того, насколько ты сможешь помочь мне, — сказал Гурни.

— Что я должен сделать?

— Мы об этом уже говорили.

— О чем? Ах да, списки...

— Когда что-нибудь напишешь, перезвони мне, и мы продолжим.

— Дэйв...

— Да?

— Спасибо тебе.

— Я пока ничего не сделал.

— Ты дал мне надежду. Да, кстати, я очень осторожно открыл сегодняшний конверт. Как по телевизору показывают — чтобы сохранить отпечатки пальцев, если они там есть. Я надел резиновые перчатки, взял пинцет и переложил письмо в полиэтиленовый пакет.

Глава 7

Черная дыра

Гурни сам был не рад, что согласился помочь Марку Меллери. Загадка этой истории, без сомнения, притягивала его; ему хотелось ее разгадать. Тогда отчего же он чувствовал себя так паршиво?

Он подумал, что надо бы сходить в амбар и достать стремянку, чтобы собрать яблоки, но тут же вспомнил, что надо готовить следующий проект для Сони Рейнольдс — хотя бы открыть в программе портрет печально известного Питера Пиггерта. Он предвкушал, как ему удастся запечатлеть

внутренний мир этого бойскаута, убившего своего отца, а пятнадцать лет спустя и мать, причем совершившего эти убийства на сексуальной почве, еще более отталкивающей, чем сами убийства.

Гурни поднялся в комнату, в которой работал над фотографиями преступников. Раньше здесь была кладовая, теперь переоборудованная под кабинет с окном. Он посмотрел на открывшийся ему пасторальный вид. Кленовая роща обрамляла уходящие вдаль голубоватые холмы. Он снова вспомнил о яблоках и вернулся на кухню.

Он стоял и пытался собраться с мыслями, когда Мадлен вернулась с вязанием.

— Ну что, какой следующий шаг по делу Меллери? — спросила она.

— Я еще не решил.

— Как же так?

— Ну... ты же не хочешь, чтобы я впутывался в это дело, верно?

— Проблема не в этом, — сказала она с уверенностью, которая всегда его поражала.

— Ты права, — кивнул он. — Проблема в том, что в уравнении слишком много неизвестных.

Она понимающе кивнула. Он продолжил:

— Я больше не расследую убийства, а он не является в полном смысле жертвой. Непонятно, каковы наши роли относительно друг друга.

— Приятели по колледжу?

— Черта с два. Он вспоминает какую-то дружбу, которой между нами никогда не было. Кроме того, ему сейчас нужен не приятель, а спаситель.

— Он думает, это ты и есть.

— Тогда он ошибается.

— Ты уверен?

Он вздохнул:

— Ты хочешь, чтобы я занимался этим делом или нет?

— Ты им уже занимаешься. Возможно, ты еще не разобрался толком, что к чему, и ты больше не полицейский, а он не жертва преступления. Но имеет место загадка, которую рано или поздно ты начнешь разгадывать. Потому что так оно всегда и происходит, разве нет?

— Это что, обвинение? Ты сама вышла за детектива. Я не выдавал себя за кого-то другого.

— Я надеялась, что есть разница между детективом и бывшим детективом.

— Я уже год как в отставке. Разве хоть что-то из того, что я делаю, связано с моей бывшей работой?

Она покачала головой, как бы имея в виду, что ответ слишком очевиден.

— Что из того, что ты делаешь, не связано с твоей бывшей работой?

— Не понимаю, о чем ты.

— Что, все подряд создают портреты убийц?

— Это просто тема, в которой я разбираюсь. Ты бы предпочла, чтобы я ромашки рисовал?

— Ромашки уж точно лучше, чем маньяки и извращенцы.

— Ты сама меня в это дело втянула.

— Ага, то есть это я виновата, что ты проводишь каждое божественное осеннее утро, уставившись в глаза серийных убийц?

Заколка у нее в волосах немного сбилась, и несколько темных прядей спадало ей на глаза, но она как будто этого не замечала. У нее редко бывал такой незащищенный, растрепанный вид; в этом было что-то трогательное.

Он вздохнул:

— О чем мы сейчас спорим?

— Вот ты мне и скажи. Ты же у нас детектив.

Он посмотрел на нее снова, и желание продолжать спор отступило.

— Хочу тебе кое-что показать, — сказал он. — Сейчас вернусь.

Он вышел из комнаты и вернулся минуту спустя с записанным на слух стишком, который Меллери зачитал ему по телефону.

— Что скажешь?

Она так быстро скользнула взглядом по бумаге, что если ее не знать, можно было подумать: она вовсе ничего не прочла.

— Дело серьезное, — кивнула она, возвращая ему листок.

— Мне тоже так кажется.

— Как ты думаешь, что он натворил?

— Хороший вопрос. Ты обратила внимание на формулировку?

Она наизусть прочитала строчки:

— *Я делаю, что сделал
За совесть и за страх.*

«Если у Мадлен и не фотографическая память, — думал Гурни, — то явно что-то похожее».

Она продолжила рассуждать:

— Итак: что именно он уже *сделал* и что *собирается делать* дальше? Это ты наверняка выяснишь. Может, тебе даже придется расследовать

очередное убийство, если я правильно понимаю тон этого послания. В таком случае останется опросить свидетелей, пойти по следу, поймать убийцу, сделать его портрет и повесить в галерее у Сони. Как там в поговорке: раз уж есть лимоны, делай лимонад?

Ее улыбка не предвещала ничего хорошего.

В такие моменты он задумывался, хотя меньше всего хотел об этом задумываться: не было ли огромной ошибкой переезжать в Делавер?

Он подозревал, что пошел на поводу у ее желания перебраться поближе к природе в качестве компенсации за все неудобства, которые ей приходилось терпеть как жене полицейского, вечно живущей в тени его работы. Она любила леса, горы, большие пространства, и он считал, что должен устроить ей новую жизнь, которой она заслуживает, а сам может приспособиться к любым условиям. Это была самонадеянность. Или самообман. А может, просто желание разом, таким вот широким жестом избавиться от чувства вины... Глупость, конечно. Правда заключалась в том, что он так и не свыкся с переездом. Он наивно считал себя гораздо более гибким. Пытаясь найти себе применение в новой реальности, он постоянно возвращался к тому, что хорошо умел прежде, до нее, — потому что умел это слишком хорошо. Он подходил ко всему новому со старой закалкой. Даже к природе. К наблюдению за птицами. Процесс беззаботного созерцания он превратил в слежку. Он записывал время, когда они прилетали и улетали, записывал их повадки, особенности полетов. Со стороны это могло показаться полноценным новым увлечением, но — увы. Это его не увлекало. Он всего лишь привычно анализировал то, что видел.

Чтобы затем привычно расшифровать.

Господи, неужели он был настолько ограниченным человеком?

Быть может, слишком ограниченным, чтобы возместить Мадлен то, чего она была лишена из-за его увлеченности работой? Он понимал, что предстояло возместить не только это — еще многое.

Или только одно.

То, о чем они так редко говорили.

Это было их пропавшее счастье.

Черная дыра, навсегда изменившая их отношения.

Глава 8

Молот и наковальня

Тем вечером погода испортилась. Облака, которые с утра были похожи

на невинных кудрявых овечек, потемнели. Издалека доносились раскаты грома — было невозможно понять, с какой стороны идет звук. Казалось, что гром — просто незримое присутствие в воздухе, а не знак надвигающейся бури. Это ощущение крепло по мере того, как проходили часы, а раскаты не приближались и не прекращались.

Мадлен тем вечером отправилась на концерт с какими-то новыми друзьями из Уолнат-Кроссинг. Она не предполагала, что Гурни захочет с ней пойти, поэтому он не чувствовал себя виноватым, оставшись дома работать над очередными фотографиями.

Стоило ей уехать, как он обнаружил, что уже сидит перед монитором, уставясь на портрет Питера Поссума Пиггерта. Пока он успел только открыть фотографию и сохранить ее как новый проект с остроумным названием «Конец Эдипа».

По версии Софокла, Эдип убил человека, оказавшегося его отцом, и женился на женщине, оказавшейся его матерью. Вместе они произвели на свет двух дочерей, отчего на всех обрушились страшные несчастья. Фрейд полагал, что эта история символически отражает период развития психики мальчика, когда он мечтает об исчезновении или смерти своего отца, чтобы безраздельно завладеть вниманием матери. В случае с Питером Поссумом Пиггертом, впрочем, речь не шла о каком-то роковом незнании или о символизме происходящего. Отлично понимая, что он делает, Питер в пятнадцать лет убил своего отца и начал жить со своей матерью, которая родила ему двух дочерей. Но история на этом не закончилась. Пятнадцать лет спустя он убил мать в споре из-за дочерей, с которыми он тоже начал жить, когда одной было тринадцать, а другой четырнадцать лет.

Когда Гурни взялся за дело, половину миссис Айрис Пиггерт как раз обнаружили в Гудзоне — она была намотана на винт дневного парома. Дело завершилось арестом Питера Пиггерта в пустыне штата Юта, в общине мормонов-традиционалистов, куда преступник сбежал, чтобы продолжить сожительство со своими дочерьми.

Невзирая на вопиющую безнравственность своих преступлений, Пиггерт оказался сдержанным, неразговорчивым персонажем, спокойно отвечавшим на допросах и похожим скорее на мрачного сантехника, чем на убийцу родителей и совратителя дочерей.

Гурни смотрел на Пиггерта, а Пиггерт смотрел на него с экрана. Еще на первом допросе Гурни подумал, что главная черта этого человека — жажда власти. Окружавшие его люди, особенно семья, были объектами его власти, и ему было необходимо, чтобы они поступали так, как он считал нужным. Если приходилось кого-то убить, чтобы не потерять власть, — что

ж, он убивал. Секс как мощная движущая сила в его случае, скорее всего, имел больше отношения к власти, чем к похоти.

Пока Гурни искал в невозмутимом лице намек на дьявольскую сущность, порыв ветра подхватил ворох сухой листвы, закружил по террасе; несколько листьев легонько ударились о стеклянные двери. Их беспокойный шорох и далекие раскаты мешали Гурни сосредоточиться. Он сначала радовался, что на несколько часов остался один и не нужно реагировать на поднятые брови и неприятные вопросы, а можно спокойно поработать над портретом. Но теперь что-то ему не давало покоя. Он смотрел в темные глаза Пиггерта. В них не было глухой ярости, как во взгляде Чарли Мэнсона, названного желтыми газетами королем секса и смерти. Снова зашуршали листья. Снова гром. В лиловом небе над холмами полыхнуло. Гурни вспомнил строчку из стихотворных угроз Меллери, которая то и дело всплывала в памяти, а теперь и вовсе привязалась.

*Что забрал — отдавай,
Что творил — получай.*

Такой ребус было невозможно разгадать. Слова были слишком общими и значили одновременно слишком много и слишком мало, но стишок крутился в голове, и Гурни никак не мог от него избавиться.

Он открыл ящик стола и достал записки, которые Меллери ему оставил. Затем выключил компьютер и отодвинул клавиатуру, чтобы можно было разложить листки на столе в нужном порядке, начиная с первого.

Ты веришь в Судьбу? Вероятность того, что я встречу тебя снова, была ничтожна — но встреча случилась. Воспоминания накрыли меня: как ты говоришь, как двигаешься и, главным образом, как ты мыслишь. Если бы кто-то попросил тебя загадать число, я даже знаю, какое число ты загадал бы. Не веришь мне? Я докажу. Загадай число от одного до тысячи.

Любое, первое, какое придет на ум.

Представь его себе.

А теперь взгляни, как хорошо мне известны все твои секреты. Открой маленький конверт.

Он в очередной раз изучил большой конверт снаружи и внутри, а

также лист бумаги, на котором была записка, чтобы убедиться, что нигде нет намека на цифру 658, чтобы Меллери мог неосознанно ее повторить, решив, что сам ее выдумал. Но ничего такого не было. Стоило исследовать вопрос поглубже, однако пока Гурни было достаточно того, что автор записки знал, какое число выберет Меллери, не потому, что сам незаметно предложил его.

Записка содержала несколько утверждений, которые Гурни выписал в отдельный блокнот:

1. Мы были знакомы в прошлом, но я потерял твой след.
2. Недавно я вновь тебя встретил.
3. Я многое о тебе помню.
4. Я могу доказать, что знаю, что ты скрываешь, запечатав в конверт бумажку с числом, которое ты случайным образом загадаешь.

Интонация записки была обескураживающе игривой, но заявление, что автор знает какие-то секреты Меллери, подкрепленное требованием денег, было похоже на угрозу.

Ты удивлен: откуда я знаю, что ты загадал цифру 658? Кто может знать тебя настолько хорошо? Хочешь получить ответ? Тогда сперва ты должен мне вернуть \$289.87, которые были истрачены на то, чтобы найти тебя. Пришли эту сумму по адресу: а/я 49449, Вичерли, штат Коннектикут, 61010. Пусть это будут наличные или личный чек на имя Х. Арибда (раньше меня звали иначе).

Помимо необъяснимого предсказания цифры, вторая записка вновь делала упор на личное знакомство и упоминала сумму, якобы уплаченную, чтобы найти Меллери (хотя из первой записки складывалось впечатление, что речь идет про случайную встречу), — сумму, которую следовало вернуть, чтобы автор обнаружил себя. Записка также предоставляла выбор: заплатить наличными или чеком, и для чека упоминалось имя Х. Арибда с пояснением, почему Меллери это имя не покажется знакомым. К этому прилагался адрес абонентского ящика для отправки денег. Все эти факты Гурни записал в блокнот, потому что это помогало ему приводить мысли в порядок.

Из всего записанного следовало четыре вопроса: как можно объяснить

фокус с цифрой, если исключить возможность гипноза или ясновидения? Имеет ли какой-то смысл цифра 289.87, помимо того, что она заявлена как сумма, потраченная, чтобы найти Меллери? С каким замыслом предоставлялся выбор между наличными и чеком, звучащий как дешевый рекламный ход? И почему имя «Х. Арибда» кажется Гурни смутно знакомым? Он записал эти вопросы в столбик.

Затем он разложил записки в порядке, в котором они пришли.

*На острие булавки
Ты ангелов сочти;
Потом на дне бутылки
Ты истину найди.
Ведь знаешь, как бывает:
Стакан — и вдруг стреляет.
Подумай, покопайся,
А вспомнишь — так покайся.*

*Что забрал — отдавай,
Что творил — получай.
Знаю, что ты слышишь,
Знаю, как ты дышишь,
Где бывал,
Что видал.
Шесть-пять-восемь,
В гости просим.*

*Я делаю, что сделал
За совесть и за страх,
Чтоб месть не охладела,
Не обратилась в прах,
Чтоб кровь, как роза красная,
Цвела в саду моем.
Явился не напрасно я —
Предстанешь пред судом.*

Первое, что поразило его, это резкая смена настроения. Игривый тон первых записок в прозе стал угрожающим уже к первому стиху, откровенно зловещим ко второму и заговорил об отмщении в третьем. Если оставить в

стороне вопрос, насколько велика реальная угроза, послание было таково: автор, некто Х. Арибда, говорил, что намерен поквитаться с Меллери (или даже убить его) за некий поступок, совершенный спяну когда-то в прошлом. Записывая слово «убить» в блокноте, Гурни снова взглянул на первые строчки второго стиха:

*Что забрал — отдавай,
Что творил — получай.*

Теперь ему стало совершенно ясно, что эти слова означали, и значение их было до ужаса простым. За жизнь, которую ты отнял, ты заплатишь собственной жизнью. С тобой сделают то, что сделал ты.

Его пробила нервная дрожь. Он не знал, явилась ли дрожь для него подтверждением правоты, или уверенность в собственной правоте вызвала дрожь, однако сомнений у него не осталось. Впрочем, это не давало ответов на остальные вопросы, а скорее порождало новые и делало поиск ответов более срочным.

Была ли угроза убийства просто угрозой или декларацией о намерениях? Что именно автор хотел сказать строчкой «Я делаю, что сделал»? Сделал ли он уже с кем-то другим то, что теперь собирался повторить с Меллери? Мог ли у Меллери быть поделец, с которым автор уже поквитался? Гурни записал для себя напоминание спросить у Меллери о его друзьях — был ли кто-нибудь убит, подвергался ли угрозам или нападениям.

Возможно, далекие вспышки у чернеющих холмов и упрямые раскаты грома вызвали соответствующий настрой, а может быть, Гурни просто устал, но образ автора записок начал потихоньку проступать из тени. Отстраненный тон, угрозы, аккуратный почерк — он сталкивался с таким сочетанием прежде, и оно приводило к ужасным последствиям. Он смотрел в окно бывшей кладовой, чувствуя надвигающуюся бурю. Записки, со всей очевидностью, писал психопат. Психопат, называющий себя Х. Арибда.

Разумеется, оставалась возможность, что он ошибался. Не в первый раз мимолетное настроение, особенно когда он сидел дома один вечером, создавало в нем уверенность, не подкрепленную фактами.

И все же... что такого в этом имени? Почему что-то шевелилось в закоулках памяти?

Он лег спать пораньше, задолго до возвращения Мадлен с концерта, намереваясь первым делом с утра вернуть записки Меллери и уговорить

его пойти в полицию. Угроза была слишком явной. Он улегся в постели, но не смог успокоиться. В голове у него безудержно метались мысли, которым не было выхода. Это случалось не впервые — он объяснял себе, что такова цена вовлеченности, предельной концентрации на задаче. Когда размышления одолевали его в постели, у него был выбор: либо пролежать часа четыре, пока ум не выдохнется, либо встать и одеться.

Несколько минут спустя он уже стоял на патио в джинсах и старом удобном хлопковом свитере. Полная луна просвечивала сквозь тучи — амбар было видно почти как днем. Он решил пройтись в том направлении, по дороге, ведущей через луг.

За амбаром был пруд. На полпути он остановился и прислушался к звуку машины, едущей со стороны деревни где-то в километре. В этой части Катскильских гор, где ночами раздавался только вой койотов, машину можно было услышать задолго до ее появления.

Вскоре передние фары машины осветили увядающие заросли золотарника на краю луга. Мадлен повернула к амбару, остановилась на щебневой дороге и выключила фары. Выбравшись из машины, она медленно направилась к мужу, привыкая к темноте.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она. Ее голос звучал мягко и дружелюбно.

— Не мог заснуть. Мысли всякие крутятся. Решил пройтись вокруг пруда.

— Дождь будет. — Раскат в небе словно подтвердил ее замечание.

Он кивнул.

Мадлен встала рядом с ним на тропинку и сделала глубокий вдох.

— Какой запах. Давай прогуляемся. — Она взяла его под руку.

Они дошли до пруда, где тропинка расширилась. Где-то в лесу кричала сова, точнее, это был скрип, который они принимали за крик совы с момента, когда впервые услышали его тем летом, и с тех пор с каждым разом их убежденность в том, что это именно сова, крепла. Гурни, со своим аналитическим подходом, понимал, что в этой крепнущей уверенности нет никакой логики, однако понимал также, что сказать об этом значило огорчить Мадлен. Поэтому он молчал, радуясь, что знает, когда рядом с ней надо промолчать, и они дошли до дальней стороны пруда в согласной тишине. Она была права — в воздухе стоял невероятно сладкий запах.

У них случались такие вечера, когда они остро чувствовали нежность друг к другу и были близки, как в первые годы брака, до несчастного случая. «Несчастный случай» — безликое обобщение, которым он маскировал в памяти то, что произошло на самом деле, чтобы острота

конкретики не впивалась в сердце. Несчастный случай — смерть — затмил солнце, превратил их брак в помесь привычки, сотрудничества и долга, и лишь иногда, очень редко, между ними проскальзывала искра, напоминая о том, что было когда-то и что, возможно, еще не было потеряно.

— Ты как будто все время с чем-то борешься, — сказала она, сомкнув пальцы на его руке, чуть повыше локтя.

И снова она была права.

— Как концерт? — спросил он наконец.

— В первом отделении играли барокко, было замечательно. Во втором — двадцатый век, не так интересно.

Он хотел что-то сказать о собственной нелюбви к современной музыке, но передумал.

— Отчего ты не можешь заснуть? — спросила она.

— Сам не знаю.

Он почувствовал ее недоверие. Она отпустила его руку. Что-то плеснулось в пруду недалеко от них.

— История Меллери из головы не идет, — признался он.

Она промолчала.

— Какие-то обрывки мыслей все кружат, кружат, покоя не дают, и толку тоже никакого. Я слишком устал, чтобы выстроить логику.

Она снова задумчиво промолчала.

— Все время думаю про подпись в записке.

— Х. Арибда?

— Откуда ты... ты слышала, как мы об этом говорили?

— У меня отличный слух.

— Знаю, но всякий раз удивляюсь.

— Может быть, на самом деле это не Х. Арибда, — сказала она как бы между прочим, но он отлично знал, что она ничего не говорит просто так.

— Что-что?

— Может быть, это не Х. Арибда.

— Что ты имеешь в виду?

— Я сидела на концерте, играли какой-то атональный ужас, как будто кто-то из современных композиторов, пишущий для струнных оркестров, при этом всей душой ненавидит скрипки и виолончели. Это была не музыка, а какой-то жуткий скрип и скрежет.

— Да-да, — кивнул он, стараясь не подать виду, что его распирает любопытство.

— И я безо всякой видимой причины вспомнила «Одиссею».

— Древнегреческую... Гомера?

— Да, — ответила она с какой-то хитринкой. — Гомера. Возможно, мне просто надо было отвлечься от этой какофонии, а может быть, кто-то из музыкантов был похож на грека, но я сидела и думала про «Одиссею». И вспомнила: Сцилла и Харибда.

— Черт, ну конечно же! — воскликнул Гурни. — Мне это что-то напоминало, но я не мог понять что!

— Так что, возможно, имя Х. Арибда — просто чья-то шутка.

— «Между Сциллой и Харибдой». Корабли, которые проплывали между ними, неминуемо шли ко дну.

— Пойдем в дом, — предложила Мадден. — Сейчас будет дождь.

Но он уже погрузился в новые размышления.

— Идем скорее, — повторила она. — Не то промокнем.

Он прошел с ней к машине, и они проехали через луг к дому.

— Я вспомнила это выражение, — продолжила она, — и что оно означает «между молотом и наковальней». Сцилла — это скала, об которую разбивались корабли. Но я не помню, кто такая Харибда. А ты?

— О, я помню, — сказал он. — Харибда была водоворотом. Олицетворением морской пучины. Если корабль или человек попадал в нее, его засасывало и разрывало на части.

Она внимательно посмотрела на него, но он не понял, что означал этот взгляд. Затем, как она и обещала, пошел дождь.

Глава 9

Неправильный адрес

Задержавшись на несколько часов на окраине гор, холодный фронт накрыл окрестности и принес с собой ветер и дождь. Утром вся земля была засыпана листьями, а в воздухе стояли влажные запахи осени. Капли воды на травинках искрились на солнце.

Гурни шел к своей машине, и окутавшие его ароматы пробудили какое-то детское воспоминание о времени, когда от сладкого запаха травы возникало чувство спокойствия и безопасности. Но воспоминание тут же утонуло в море планов на день.

Он собирался съездить в Институт духовного обновления. Если Марк Меллери намеревается и дальше противиться общению с полицией, нужно еще раз с ним встретиться и переубедить его. Дело было не в том, что Гурни решил умыть руки и не участвовать в деле. Напротив, чем больше он думал о странной судьбе бывшего однокурсника и о том, что ему теперь

угрожало, тем интереснее ему становилось. Он хорошо представлял себе, какую работу будет делать полиция, и считал, что в расследовании найдется место и для него.

Гурни позвонил Меллери, чтобы предупредить о приезде. Это было идеальное утро для поездки по горной дороге. Путь до Пиона сперва пролегал через Уолнат-Кроссинг, которая, как и многие деревушки в этих горах, появилась в девятнадцатом веке на перекрестке значимых в местных масштабах дорог. Значимость пропала, а перекресток остался. Грецкий орех, в честь которого был назван поселок, давно исчез из этих мест, равно как и бывшее благополучие, но наступившее запустение было крайне живописным — выцветшие амбары, ржавые плуги, разбитые телеги с сеном, запущенные пастбища, поросшие желтыми цветами. Дорога, ведущая дальше, к Пиону, проходила мимо идиллической речной долины, где боролись за выживание несколько старых ферм. Среди них была ферма Абеяров, втиснутая между деревней Диллвид и рекой. Ее владельцы выращивали овощи без пестицидов и торговали ими, а также свежим хлебом, местным сыром и очень хорошим кофе в собственном магазинчике. Гурни страшно хотелось выпить этого кофе, и поэтому он припарковался на грязной стоянке у просевшего крыльца.

За дверью находилось помещение с высоким потолком, а у правой стены стоял ряд кофейников, к которым Гурни сразу направился, чтобы наполнить свой полулитровый термос. Он вдохнул горячий запах и улыбнулся: лучше, чем в «Старбаксе», и вдвое дешевле.

К сожалению, мысль про «Старбакс» вызвала в уме образ типичного посетителя этой кофейни — успешного молодого человека, — Гурни тут же вспомнил про Кайла и внутренне поморщился. Мысль о Кайле всегда вызывала у него такую реакцию. Видимо, дело было в том, что он мечтал о сыне, который считал бы умного отца-полицейского достойным примером для подражания, авторитетом. Но Кайл не признавал авторитетов и не искал примеров для подражания, зато разъезжал на невероятно дорогом «порше», купленном на невероятно высокие доходы с Уолл-стрит в невероятно юном возрасте — в двадцать четыре года. И все же Гурни должен был перезвонить ему — даже если сын готов был обсуждать исключительно свои новые часы «Ролекс» или уикенд на горнолыжном курорте.

Он расплатился за кофе и поспешил назад к машине. Гурни думал об этом неизбежном разговоре как раз в момент, когда зазвонил телефон. Он не любил совпадения и поэтому обрадовался, обнаружив, что звонит не

Кайл, а Марк Меллери.

— Я только что забрал почту. Звонил тебе домой, но ты уже уехал. Мадлен дала мне твой мобильный. Надеюсь, ты не против.

— Что случилось?

— Вернулся мой чек. Человек, которому принадлежит абонентский ящик в Вичерли, куда я отправил чек Арибде на \$289.87, вернул мне его с запиской, что никого с таким именем там нет и у меня, вероятно, неправильный адрес. Но я перепроверил его — это именно тот адрес. Дэйв? Ты слушаешь?

— Да. Просто пытаюсь сообразить, что к чему.

— Давай я зачитаю тебе записку. «Я нашел этот конверт в своем абонентском ящике. Должно быть, в адресе допущена ошибка. Никакого Х. Арибды здесь нет». Подпись — Грегори Дермотт. На шапке бланка написано «Системы безопасности Джи-Ди», и там же адрес и телефон в Вичерли.

Гурни собирался было объяснить, что Арибда — это совершенно точно не настоящее имя, а искаженное название мифологического водоворота, который разрывал своих жертв на куски, но решил, что лучше сообщить об этом лично. Он пообещал быть в институте через час.

Что, черт побери, происходит? В этом не было никакого смысла. Зачем требовать конкретную сумму денег, просить выписать чек на несуществующее имя и выслать его на неправильный адрес, откуда, вероятнее всего, он будет возвращен отправителю? Зачем такая сложная и с виду бессвязная преамбула к последовавшим стишкам?

Недоумение Гурни росло, а вместе с ним и его интерес к делу.

Глава 10

Идеальное место

Городок Пион претендовал на громкую историю, хотя претензии эти были вдвойне вторичны. Соседствуя с Вудстоком, он притворился, что разделяет его психоделическое рок-н-рольное прошлое, тогда как сам Вудсток выезжал на названии знаменитого фестиваля, который на самом деле происходил почти в ста километрах от него, на территории фермы в Бетеле. Таким образом, имидж Пиона зиждился на отголосках чужой славы, но этих отголосков оказалось достаточно, чтобы выросла целая инфраструктура из магазинчиков с литературой жанра нью-эйдж, кабинетов гадалок и татуировщиков, лавок с эзотерическими товарами,

веганских ресторанчиков и площадок для перформансов. Все это как магнит притягивало седеющих детей цветов, неформалов в винтажных микроавтобусах «фольксваген» и других колоритных персонажей.

Разумеется, городок предоставлял туристам массу возможностей потратить деньги: лавки и кафешки были скроены с достаточным вкусом, чтобы понравиться взыскательным посетителям, приехавшим сюда из антропологического любопытства.

Районы, раскинувшиеся вокруг делового центра Пиона, тоже притягивали деньги. Цены на недвижимость взлетели здесь вдвое и втрое после 11 сентября, когда состоятельные жители Нью-Йорка задумались о побеге в безопасную глушь. На холмах вокруг городка появлялись все новые и новые дома, один роскошнее другого; джипы стали дороже — «блейзеры» и «бронко» сменились «хаммерами» и «лендроверами», а воскресные туристы одевались так, как одеваются сельские жители, по мнению Ральфа Лорена.

Охотников, пожарных и учителей вытеснили адвокаты, банкиры и женщины неопределенного возраста, чьи доходы от разводов обеспечивали их культурный досуг, спа-процедуры и занятия по расширению сознания с разнообразными гуру. Гурни подозревал, что именно увлеченность местных жителей всякого рода учителями, предлагающими решения жизненных проблем, убедила Марка Меллери открыть здесь свою лавочку.

Следуя карте «Гугл», он свернул с главной дороги на Филчерз-Брукроуд, змейкой ползущей вверх по лесистому холму. Дорога привела его к длинному забору в полметра высотой.

Забор растянулся вдоль дороги на полкилометра и был усажен бледно-синими астрами. В нем было две пары ворот: въезд и выезд с круговой дороги. У въезда висела неброская бронзовая табличка: ИНСТИТУТ ДУХОВНОГО ОБНОВЛЕНИЯ.

Повернув на подъездную дорожку, Гурни смог как следует рассмотреть облик этого места. Все, что открывалось взору, производило впечатление некоего спонтанного совершенства. Вдоль дороги, засыпанной гравием, беспорядочно росли осенние цветы. Но Гурни было ясно, что эта небрежность тщательно продумана, как и все, созданное Меллери. Как во многих прибежищах скромных богатеев, здесь старательно поддерживалась атмосфера неформальности, естественности, но при этом каждый увядший цветок был аккуратно обрезан. Дорога привела Гурни к большому особняку в георгианском стиле, столь же ненавязчиво ухоженному, как и сад.

Перед зданием стоял начальственного вида мужчина с ярко-рыжей

бородой и с интересом рассматривал новоприбывшего. Гурни опустил стекло и спросил, где можно припарковаться. Мужчина с аристократическим британским акцентом сказал, что ему следует проехать до конца дороги.

Вскоре Гурни оказался у выезда с территории института. Он вернулся и снова подъехал к особняку, где рослый англичанин вновь с любопытством посмотрел на него.

— Конец дороги упирается в выезд, — сказал Гурни. — Может быть, я неправильно вас понял?

— Какой же я дурак! — воскликнул рыжий с досадой, которая не клеилась с его представительным видом. — Мне все кажется, будто я все знаю, но чаще всего выходит, что я неправ!

Гурни на мгновение заподозрил, что перед ним сумасшедший. В тот же момент в его поле зрения возникла еще одна фигура. В тени огромного рододендрона стоял темноволосый приземистый человечек, словно пришедший на пробы к сериалу «Клан Сопрано».

— Ну вот, — воскликнул англичанин, указывая куда-то рукой, — вот и ваш ответ. Сара сейчас возьмет вас к себе под крылышко. Обратитесь к Саре! — И, театрально развернувшись, он зашагал прочь, а маленький гангстер засеменил за ним следом.

Гурни подъехал к женщине, стоявшей у дороги, с материнской улыбкой на полном лице. Она обратилась к нему пугающе елейным голосом:

— Какой ужас, вы из-за нас кругами ездите! Это никуда не годится, — причитала она с таким неподдельным беспокойством, что это обескураживало. — Позвольте, я позабочусь о вашей машине, а вы сами ступайте в дом.

— Это не обязательно. Просто скажите мне, где у вас паркуются.

— Разумеется. Следуйте за мной. Я прослежу, чтобы вы на этот раз не заблудились. — Судя по ее тону, это могло неожиданно оказаться сложной задачей.

Она жестом пригласила Гурни следовать за ней — широко взмахнула рукой, как будто обращалась к целому каравану. В другой руке она держала сложенный зонтик. По дороге она без конца оборачивалась, как будто боясь, что Гурни может потерять ее из виду. Дойдя до просвета в кустарнике, она отошла в сторону, указывая Гурни на узкий проезд. Когда он поравнялся с ней, она просунула зонтик в его открытое окно.

— Возьмите! — воскликнула она.

Он остановился в недоумении.

— Вы же знаете, какая в горах коварная погода, — объяснила она.

— Спасибо, я обойдусь. — Он поехал дальше, на парковку, где стояло вдвое меньше машин, чем могло бы уместиться. Гурни насчитал шестнадцать. Аккуратная прямоугольная площадка уютно угнездилась среди неизменных кустарников и цветов. С них тоже были обрезаны все увядшие листья и бутоны, но в остальном они выглядели абсолютно естественно. Высокий бук отделял парковку от трехэтажного ярко-красного сарая, резавшего глаз в закатном освещении.

Гурни припарковался между двумя исполинскими джипами и заметил, что за ним из-за клумбы с георгинами следит женщина. Он вежливо улыбнулся ей, выходя из машины. Она была маленькая, хрупкая, с тонкими чертами лица, и во всем ее облике было что-то старомодное. Гурни даже подумал, что если бы она была актрисой, то идеально подошла бы на роль Эмили Дикинсон в «Красавице из Амхерста».

— Простите, вы не подскажете, где мне найти Марка... — Но красавица перебила его:

— Какого хрена вы решили, что тут можно парковаться?

Глава 11

Уникальный пастырь

С парковки Гурни прошел по мощенной булыжником дорожке вокруг георгианского особняка, в котором, как он предполагал, находились основной офис и лекторий института, и она привела к особняку поменьше, стоявшему в полутора метрах. Небольшая табличка с золочеными буквами у дороги гласила: «Частное владение».

Марк Меллери открыл дверь раньше, чем Гурни успел постучать. Он был одет в такую же дорогую, но неброскую одежду, что и во время своего визита в Уолнат-Кроссинг. На фоне архитектуры и ландшафта это делало его похожим на сквайра.

— Дэйв! Как я рад тебя видеть!

Гурни вошел в просторный холл с полом из благородного каштана и антикварной мебелью. Меллери провел его в удобный кабинет в глубине дома. Из камина, в котором негромко потрескивал огонь, сочился легкий вишневый запах.

Два глубоких кресла стояли справа и слева от камина и вместе с диваном, повернутым лицом к очагу, образовывали полукруг. Гость и хозяин уселись в кресла, и Меллери спросил, легко ли Гурни

сориентировался на территории. Гурни рассказал о трех странных встречах, которые с ним приключились, и Меллери объяснил, что эти трое — гости института, а их поведение — часть терапии по самопознанию.

— Во время своего пребывания у нас, — пояснил Меллери, — каждый гость играет десять разных ролей. В один день он может быть Человеком Ошибающимся — видимо, англичанин, Уорт Партридж, выбрал именно эту роль. В другой день он может быть Помощником — сегодня это Сара, которая предлагала припарковать за тебя твою машину. Есть еще роль Грубияна — похоже, третья дама, которую ты встретил, не без удовольствия ее исполняет.

— А какой в этом смысл?

Меллери улыбнулся.

— Люди всю жизнь играют какие-то роли. Содержание этих ролей — сценарии, если угодно, совершенно предсказуемо, хотя нам кажется, что мы импровизируем, — терпеливо объяснял он, хотя было очевидно, что он произносит ровно эти фразы в тысячный раз. — То, чем мы здесь занимаемся, в сущности, очень просто, хотя многие гости наделяют это глубоким смыслом. Мы обращаем их внимание на то, какие роли мы подсознательно играем, в чем выгоды и недостатки этих ролей и как это влияет на окружающих. Как только человек понимает, что действует по определенному сценарию, мы помогаем ему осознать, что сценарий — это его собственный выбор. Можно ему следовать, а можно от него отказаться. И тогда — это самая важная часть нашей работы — мы предлагаем программу действий по замещению деструктивного сценария более здоровым.

По мере того как он повествовал, его беспокойство таяло. Гурни заметил, что глаза его светятся восторгом проповедника.

— Наверняка все это покажется тебе знакомым. Сценарий, выбор, перемены — эти понятия уже набили оскомину в убогом мире, живущем под девизом: «Помоги себе сам». Но наши гости утверждают, что наш метод действует принципиально иначе. Буквально вчера один человек мне сказал, будто сам Господь держит это место в своих ладонях.

— Видимо, вы достигаете мощного терапевтического эффекта, — предположил Гурни, стараясь не выдать скептицизма.

— Многие так считают.

— Я слышал, что некоторые такого рода терапевтические методы довольно жесткие.

— Не в нашем случае, — ответил Меллери. — Наш метод очень щадящий. Наше любимое местоимение — «мы». Мы говорим про «наши»

неудачи, страхи и ограничения. Мы ни на кого не показываем пальцем и никого не критикуем. Мы считаем, что критика лишь укрепляет сопротивление переменам. Если ты считаешь какую-нибудь из моих книг, наша философия станет тебе понятнее.

— Я просто подумал, что наверняка порой у вас случается что-то, не предусмотренное этой философией.

— У нас слово не расходится с делом.

— То есть вообще никаких конфликтов?

— Почему тебя это так волнует?

— Я задался вопросом, не мог ли ты ненароком устроить кому-нибудь такое потрясение основ, что человек захотел дать тебе сдачи.

— Наш подход редко вызывает агрессию. Кроме того, кем бы ни был мой загадочный корреспондент, он явно относится к жизни, которую я вел задолго до основания института.

— Может, да, а может, и нет.

Меллери неуверенно нахмурился.

— Он упоминает времена, когда я пил, и ссылается на что-то, что я сделал спьяну. Следовательно, к институту это отношения не имеет.

— С другой стороны, это мог быть человек, который знает тебя нынешнего и прочел про пьянки в твоих книжках, а теперь использует эту информацию, чтобы тебя запугать.

Меллери задумался. В комнату зашла девушка с умными зелеными глазами и рыжими волосами, собранными в хвост.

— Простите за беспокойство. Но вам тут звонили.

Она протянула Меллери несколько розовых листов с записками. По его удивленному лицу Гурни понял, что его не часто отвлекают таким образом.

— Я подумала, — сказала девушка, многозначительно подняв бровь, — что вам может быть интересна верхняя записка.

Меллери прочел ее дважды, затем наклонился и через стол протянул записку Гурни, который также прочел ее дважды.

В поле «Кому» значилось: мистеру Меллери.

В поле «От кого» значилось: Х. Арибда.

В поле сообщения были следующие строчки:

*Не ходит истина одна,
Другую в путь возьмет она.
Забыл? Так вот тебе урок:
Любому делу есть цена,
Любой цене приходит срок.*

*Сегодня к ночи жди звонок.
Будет встреча в декабре
Или даже в ноябре.*

Гурни спросил у девушки, она ли приняла сообщение. Она вопросительно посмотрела на Меллери.

Он сказал:

— Простите, я должен был вас друг другу представить. Сью, это мой старый добрый друг Дэйв Гурни. Дэйв, это Сьюзан Макнил, моя замечательная помощница.

— Приятно познакомиться, Сьюзан.

Она вежливо улыбнулась и сказала:

— Да, сообщение приняла я.

— Звонил мужчина или женщина?

Она задумалась.

— Странно, что вы спросили. Я сперва подумала, что это мужчина с высоким голосом. А потом уже была не так уверена. Голос все время менялся.

— Каким образом?

— Сначала казалось, что это мужчина, который пытается говорить женским голосом, а потом я подумала, что, может быть, наоборот — женщина пытается выдать себя за мужчину. Что-то в нем было неестественное, что-то не то.

— Любопытно, — сказал Гурни. — Еще один вопрос — вы записали все, что этот человек сказал?

Она снова задумалась.

— Не совсем понимаю вас.

— Мне показалось, — сказал он, указывая на записку, — что это сообщение вам тщательно продиктовали, вплоть до переносов строк.

— Так и было.

— Значит, он должен был сказать, что расстановка строк важна и что записывать надо ровно так, как он диктует.

— А, теперь поняла. Да, он говорил мне, когда писать с новой строки.

— Он говорил еще что-нибудь, что здесь не записано?

— Да, вообще-то говорил. Перед тем как повесить трубку, он уточнил, работаю ли я в институте на мистера Меллери. Я сказала, что да. Тогда он сказал: «Возможно, вам следует поискать новую работу. Я слышал, что духовное обновление — нынче бизнес убыточный». И засмеялся, как будто

удачно пошутил. Потом он попросил немедленно доставить сообщение мистеру Меллери. Так что я сразу принесла его сюда. — Она с беспокойством взглянула на Меллери. — Надеюсь, я правильно сделала.

— Вы все сделали правильно, — сказал Меллери тоном человека, который держит ситуацию под контролем.

— Сьюзан, я обратил внимание, что про звонившего вы все-таки говорите «он», — заметил Гурни. — Следовательно, вы все же считаете, что это был мужчина.

— Мне так кажется.

— Он не говорил, во сколько он собирается перезванивать сегодня?

— Нет.

— Может быть, вы помните еще что-нибудь? Какую-нибудь мелочь, что-то, что могло даже показаться незначительным?

Она повела бровью.

— Мне от его голоса сделалось как-то не по себе, как будто, знаете, мне нагрубили.

— Он был рассержен? Угрожал?

— Нет, не в этом дело. Он был вполне вежлив, но...

Гурни терпеливо ждал, пока она подберет слова.

— Может быть, он был слишком вежлив. Может быть, дело в странном голосе. Не знаю, в чем было дело, но он меня напугал.

Когда она ушла в свой кабинет в основном здании, Меллери задумчиво уставился в пол.

— Пора обратиться в полицию, — сказал Гурни, решив, что это подходящий момент.

— В полицию Пиона? Да ты только вслушайся: полиция Пиона! Это даже звучит как название гей-кабаре.

Гурни проигнорировал натужную шутку.

— Мы имеем дело с кем-то, кто тебя ненавидит и хочет тебе отомстить. Он знает, где ты, и, возможно, готовится спустить курок.

— Этот Х. Арибда?

— Скорее, тот, кто придумал этот псевдоним.

Гурни рассказал Меллери, что они с Мадлен вспомнили про Харибду из греческой мифологии, а также что в справочниках по Коннектикуту и соседним штатам нет ни одного человека с такой фамилией.

— Водоворот, значит, — мрачно произнес Меллери.

Гурни кивнул.

— Господи, — выдохнул Меллери.

— В чем дело?

— Больше всего на свете я боюсь утонуть.

Глава 12

Почему важно быть откровенным

Меллери стоял у камина с кочергой и поправлял горящие поленья.

— Почему же чек вернулся? — размышлял он, морщась, как от зубной боли. — Человек с таким педантичным почерком должен быть предельно аккуратным, вряд ли он указал неправильный адрес. Значит, он это сделал специально. Но зачем? — Он повернулся к Гурни. — Дэйв, что это за чертовщина?

— Можешь показать мне записку, с которой чек вернулся? Ту, что ты зачитывал мне по телефону?

Меллери подошел к небольшой конторке в другом конце комнаты, забыв оставить кочергу у камина. Заметив ее у себя в руке, он выругался и прислонил ее к стене, затем достал из ящичка конверт и принес его Гурни.

Внутри большого конверта с адресом Меллери был конверт, который Меллери отправил Х. Арибде на абонентский ящик 49449 в Вичерли, а в том — чек на \$289.87. В большом конверте был бланк с шапкой «Системы безопасности Джи-Ди», с телефонным номером, и краткое сообщение, которое Меллери по телефону зачитывал Гурни. Письмо было подписано Грегори Дермоттом, без указания его должности.

— Ты не разговаривал с этим Дермоттом? — спросил Гурни.

— А зачем? Неправильный адрес — значит неправильный адрес. Он-то тут при чем?

— Бог его знает. — Гурни пожал плечами. — Но поговорить с ним стоит. У тебя тут есть телефон?

Меллери отстегнул блэкберри последней модели от пояса и протянул ему. Гурни набрал номер из шапки бланка. После двух гудков включилась запись: «Вы дозвонились до компании „Системы безопасности Джи-Ди“, это автоответчик Грега Дермотта. Представьтесь и оставьте свое сообщение, а также сообщите телефон и время, когда вам лучше перезвонить. Говорите после гудка». Гурни выключил телефон и протянул его назад Меллери.

— По автоответчику непросто будет объяснить, зачем я звоню, — произнес Гурни. — Я же не твой сотрудник или официальный представитель, и я не полицейский. И кстати о полиции, тебе надо с ними связаться. Сейчас же.

— А если это его цель — довести меня, чтобы я обратился в полицию, чтобы они устроили здесь погром и распугали гостей? Может, этот псих того только и добивается, чтобы копы пришли, как стадо слонов в посудную лавку, и все здесь крушили.

— Хорошо, если это единственная его цель, — заметил Гурни.

Меллери отреагировал так, точно его ударили.

— Думаешь, он действительно собирается сделать что-то... серьезное?

— Существует такая вероятность.

Меллери медленно кивнул, как будто пытаясь определенностью этого жеста победить страх.

— Я поговорю с полицией. Но не раньше, чем этот Арибда или как его там зовут нам позвонит.

Гурни скептически сощурился. Меллери продолжил:

— Может быть, этот звонок что-то прояснит. Мы можем понять, с кем имеем дело и чего он хочет. Возможно, после этого вовсе не понадобится обращаться в полицию, а если все-таки понадобится, то у нас будет для них дополнительная информация. В любом случае, мне кажется, разумно подождать.

Гурни знал, что было бы полезнее, чтобы полицейские прослушали звонок, но он также знал, что упрямство Меллери не победить логикой. Поэтому он предпочел обсудить тактические детали.

— Если он действительно позвонит сегодня, хорошо бы записать разговор. У тебя есть какое-нибудь записывающее устройство, пусть даже кассетник, что-нибудь, что можно подключить к телефону?

— У нас есть кое-что получше, — сказал Меллери. — Все наши телефоны могут записывать разговор. Можно записать любую беседу, просто нажав на кнопку.

Гурни взглянул на него с любопытством.

— Тебе интересно, зачем нам здесь нужна такая система? Несколько лет назад у нас был один сложный гость. Его попросили покинуть институт, и в результате нас стали донимать звонками угрожающего характера. Короче, нам посоветовали записывать эти звонки. — Что-то в выражении лица Гурни остановило его. — Нет-нет, я знаю, о чем ты сейчас подумал! Поверь мне, та история ничего общего не имеет с тем, что происходит сейчас. С ней давным-давно покончено.

— Ты полностью в этом уверен?

— Звонивший человек умер. Покончил с собой.

— Помнишь, я просил тебя составить списки? Перечислить все серьезные конфликты и обвинения в твой адрес?

— Нет ни единого имени, которое я мог бы внести в такой список в здоровом уме и твердой памяти.

— Ты только что рассказал мне про конфликт, в результате которого человек покончил с собой. Тебе кажется, это не в счет?

— Это была женщина. Психически неуравновешенная. Между ее конфликтом с нами, который, кстати, был плодом ее фантазии, и ее смертью не было связи.

— Откуда ты знаешь?

— Послушай, это запутанная история. Далеко не все наши гости являют собой образец психического здоровья. Не буду же я записывать имена всех, кто когда-либо высказывал в мой адрес что-то негативное. Это безумие.

Гурни откинулся в кресле и потер глаза, которые начали пересыхать от жара, идущего из камина.

Когда Меллери снова заговорил, его голос как будто шел откуда-то издалека.

— Когда ты мне говорил про списки, ты сказал, что надо записать всех людей, с которыми у меня остались неразрешенные конфликты. Понимаешь, я себя убеждал, что все конфликты из моего прошлого разрешены. Возможно, это не так. Возможно, я просто предпочитаю о них больше не думать, и оттого мне кажется, что их нет. — Он покачал головой. — Господи, Дэйв, что вообще могут дать эти списки? Ты не обижайся, но если какой-нибудь коп с бицепсом вместо мозга пойдет донимать людей расспросами, ворошить старые истории... Бог ты мой! У меня просто земля уходит из-под ног, как представляю.

— Я всего лишь предлагаю записать имена на лист бумаги. Это, напротив, поможет ощутить землю под ногами. Тебе не придется показывать эти списки полиции, если ты не захочешь. Но, поверь мне, это полезное упражнение.

Меллери сокрушенно вздохнул и кивнул.

— Ты сказал, что не все твои гости отличаются психическим здоровьем.

— Я не имел в виду, что у нас тут психиатрическая лечебница.

— Конечно, я понимаю.

— Я также не имел в виду, что среди наших гостей преобладают люди с такого рода проблемами.

— А какие люди вообще к вам сюда приезжают?

— Люди с деньгами, ищущие умиротворения.

— И они его здесь получают?

— Я считаю, что да.

— Помимо того, что они богаты и ищут покоя, как еще можно их описать?

Меллери пожал плечами.

— Они уязвимы, невзирая на агрессивное поведение, присущее успешным людям. Они сами себе не нравятся — это основное, с чем мы здесь работаем.

— Как ты полагаешь, кто из твоих нынешних гостей способен нанести тебе физический ущерб?

— Что?!

— Насколько хорошо ты в действительности знаешь людей, которые здесь живут? А тех, кто зарезервировал визит на следующий месяц?

— Мы не наводим справок о клиентах, если ты об этом. Мы знаем ровно то, что они сами о себе рассказывают, и что-то от людей, которые их нам рекомендуют. Иногда информация выглядит сомнительной, но мы не заостряем на этом внимание. Мы довольствуемся тем, что они хотят нам рассказать сами.

— Кто здесь сейчас находится?

— Бизнесмен с Лонг-Айленда, который инвестирует в недвижимость; домохозяйка из Санта-Барбары; человек, который, возможно, является сыном главы криминального клана; очаровательный мануальный терапевт из Голливуда; рок-звезда; бывший банкир... и еще дюжина человек.

— И они приехали сюда за *духовным обновлением*?

— Так или иначе, они все пришли к тому, что успех накладывает на человека ограничения. Кроме того, они, как и прочие, страдают от страхов, страстей, от чувства вины и стыда. Они обнаружили, что ни «порше», ни прозак не дают им внутреннего спокойствия, которое они ищут.

Гурни слегка покоробило при упоминании «порше», потому что он сразу подумал о Кайле. Он стряхнул с себя эти мысли и спросил:

— Значит, твоя миссия — приносить умиротворение богатым и знаменитым?

— В такой формулировке звучит, конечно, анекдотично. Но я не гнался за деньгами. Я пришел сюда благодаря открывшимся мне дверям и сердцам. Мои клиенты сами меня нашли. У меня не было цели стать гуру из Пиона.

— Однако на тебе огромная ответственность.

— В том числе за собственную жизнь, — кивнул Меллери и уставился на огонь. — У тебя есть какие-нибудь советы насчет сегодняшнего звонка?

— Продержи его на линии как можно дольше.

— Чтобы можно было отследить звонок?

— Такой технологией уже никто не пользуется. Ты пересмотрел старых фильмов. Надо, чтобы он как можно дольше говорил, потому что чем больше он скажет, тем больше себя выдаст и тем больше шансов, что ты узнаешь его по голосу.

— А если я его узнаю, ему об этом надо говорить?

— Нет. Если ты знаешь что-то, чего не знает он, это может оказаться преимуществом. Постарайся сохранять спокойствие и поддерживать разговор.

— Ты сегодня вечером будешь дома?

— Собирался быть дома, я же все-таки женатый человек. А что?

— Я вспомнил, что наши телефоны умеют еще одну модную вещь. Называется «рикошетный звонок». Позволяет подключить дополнительную линию к звонку во время разговора.

— И что?

— Обычно для конференции по телефону необходимо, чтобы с исходного аппарата позвонили всем участникам. Но «рикошет» позволяет обойтись без этого. Если кто-то тебе звонит, можно подключать к звонку других людей, набрав их номера от себя. При этом не придется отсоединять звонившего, и абонент ничего не будет об этом знать. Мне объяснили так, что исходящий звонок происходит по параллельной линии, а когда связь устанавливается, то сигналы объединяются. Возможно, я что-то путаю в механизме того, как система работает, но идея в том, что, когда Арибда позвонит, я могу позвонить тебе, и ты услышишь разговор.

— Отлично. Разумеется, я буду дома.

— Я буду очень признателен. — Он улыбнулся, как человек, испытавший долгожданное освобождение от хронической боли.

Где-то на территории несколько раз прозвонил колокол. Он звучал уверенно и мощно, как медный колокол старого корабля. Меллери посмотрел на свои золотые наручные часы.

— Мне пора готовиться к вечерней лекции, — сказал он, вздохнув.

— А какая тема?

Меллери поднялся из кресла, поправил свой кашемировый свитер и неопределенно улыбнулся:

— «Почему важно быть откровенным».

Было по-прежнему пасмурно. Дул порывистый ветер, теплее не становилось. Трава была покрыта завитками коричневых листьев. Меллери ушел в главное здание, еще раз поблагодарив Гурни и напомнив ему, чтобы

тот не занимал вечером телефон. Он извинился за свое перегруженное расписание и предложил напоследок прогуляться по территории института. «Раз уж ты здесь, взгляни, как тут у нас все устроено, проникнись атмосферой».

Гурни вышел на изящное крыльцо здания и застегнул куртку. Он решил воспользоваться приглашением и пройти до парковки окольным маршрутом, сделать круг по парку, окружавшему здание. Травянистая тропинка привела его к задней части особняка, где стриженная изумрудная лужайка упиралась в кленовую рощицу. Невысокий бордюр каменной кладки разделял газон и деревья. Возле него стояли женщина и двое мужчин с лопатками в руках, занятые посадкой каких-то растений.

По мере того как Гурни приближался к ним по зеленой лужайке, он разглядел, что это были молодые латиноамериканцы, которыми командовала женщина постарше, в зеленых сапогах до колена и коричневой куртке. В садовой тележке лежало несколько разноцветных мешочков с луковицами тюльпанов. Женщина недовольно наблюдала за работниками.

— Карлос, — закричала она, — roja, blanca, amarilla... roja, blanca, amarilla! — а затем повторила по-английски: — Красный, белый, желтый. Красный, белый, желтый — неужели так сложно запомнить?

Она тяжело вздохнула, по-видимому сокрушаясь о нерадивости своих подопечных, а затем приветливо улыбнулась подошедшему Гурни.

— Мне кажется, что цветущий бутон — самое исцеляющее зрелище на свете, — заявила она с характерным лонг-айлендским выговором. — А вы как думаете?

Он не успел ответить. Она протянула ему руку и представилась:

— Я Кадди.

— Дэйв Гурни.

— Добро пожаловать в рай на земле! Мне кажется, я вас тут раньше не видела.

— Я здесь только на один день.

— Да что вы? — В ее тоне звучало ожидание объяснения.

— Я приятель Марка Меллери.

Она слегка нахмурилась:

— Дэйв Гурни, говорите?

— Да.

— Наверняка он упоминал вас, просто я что-то не припомню. А давно вы знаете Марка?

— С колледжа. Могу я спросить, чем вы здесь занимаетесь?

— Я-то? — Она удивленно вскинула брови. — Я здесь живу. Это мой дом. Я Кадди Меллери. Марк — мой муж.

Глава 13

Не о чем жалеть

Стоял полдень, но сгущавшиеся тучи накрыли долину атмосферой зимних сумерек. Гурни включил в машине обогреватель, чтобы согреть руки. С каждым годом суставы его пальцев становились все чувствительнее, напоминая ему об отцовском артрите. Он разжал пальцы и снова сомкнул их на руле.

Отец тоже так делал.

Он вспомнил, как однажды спросил у него, неразговорчивого, замкнутого человека, не болят ли у него пальцы.

— Это возраст, — ответил ему отец, — ничего с этим не поделаешь. — Его интонация не подразумевала продолжения беседы.

Он снова подумал о Кадди. Почему Меллери не сказал ему, что снова женился? Неужели он не хотел, чтобы Гурни с ней поговорил? И если он не упомянул даже собственную жену, о чем еще он умалчивал?

И тут странная цепочка размышлений заставила его вспомнить строчки из третьего стиха. Он попытался вспомнить его целиком:

*Я делаю, что сделал
За совесть и за страх,
Чтоб месть не охладела,
Не обратилась в прах,
Чтоб кровь, как роза красная,
Цвела в саду моем.
Явился не напрасно я —
Предстанешь пред судом.*

Почему кровь была красной, именно как роза? Потому ли, что роза — первое, что ассоциируется с красным цветом?

Желание вернуться домой усилилось голодом. После утреннего кофе у Абеляров прошло полдня, а он до сих пор ничего не ел.

Когда Мадлен была голодна, ее начинало подташнивать, а Гурни в такой ситуации становился чересчур критичным в суждениях, хотя нелегко было себе в этом признаться. Он научился оценивать свое настроение по

реакции на внешний мир. Например, у поворота на Уолнат-Кроссинг находилась художественная галерея «Верблюжий горб», где выставлялись местные художники, скульпторы и прочие творческие личности. Когда Гурни был в хорошем настроении, при взгляде на витрину он радовался эксцентричности своих соседей; когда в плохом — их творения казались ему пустышкой. Сегодня галерея его раздражала — верный знак, что дома следует воздержаться от категоричных заявлений.

После утренних порывов ветра трава вдоль пыльной дороги разметалась, как будто ее расчесали. Дорога спускалась в низину между холмами и заканчивалась владением Гурни. Из-за низких облаков на лугу было как-то по-зимнему зябко. Он не без раздражения заметил, что трактор выведен из амбара и стоит рядом с сараем, в котором хранились косилка, бур и прочие инструменты. Дверь в сарай была открыта — словно намек, что придется заняться хозяйственными делами.

Он вошел в дом через кухонную дверь. Мадлен сидела у камина в дальнем углу комнаты с книгой. Взгляд Гурни упал на тарелку с огрызком яблока, виноградными косточками и хлебными крошками, оставленную на журнальном столике. Это напомнило ему о собственном голоде и усилило раздражение. Мадлен оторвалась от чтения и улыбнулась ему.

Гурни подошел к раковине и включил воду, дожидаясь, когда она станет ледяной, как он любил. При этом внутренне он приготовился привычно спорить с Мадлен, которая считала, что пить ледяную воду вредно, — и тут же ему стало стыдно, что он настолько мелочен, настолько раздражителен, настолько инфантилен, чтобы реагировать на такие глупости. Он решил сменить тему, но тут же спохватился, что они еще не успели заговорить.

— Я заметил, что ты трактор вывела из амбара.

— Хотела подключить к нему снегоочиститель.

— Какие-то проблемы?

— Я подумала, что лучше подготовиться, пока снег не выпал.

— Я имею в виду, у тебя не получилось подключить его?

— Он тяжелый. Я решила, что дождусь тебя и ты мне поможешь.

Он поколебался и кивнул, подумав: ну вот опять, берешься за дело, которое тебе не по силам, зная, что заканчивать придется мне. Однако Гурни понимал, что он сейчас не в лучшем настроении, и предпочел ничего не отвечать. Он наполнил стакан ледяной водой и неспешно ее выпил.

Мадлен опустила взгляд на книгу и сказала:

— Звонила эта женщина из Итаки.

— Какая женщина из Итаки?

Она не ответила.

— Ты про Соню Рейнольдс? — догадался он.

— Про нее. — Она ответила равнодушным голосом, под стать ему.

— Что она хотела?

— Хороший вопрос.

— В каком смысле?

— В том смысле, что она не сказала, зачем звонит. Просила передать, чтобы ты перезвонил ей в любое время до полуночи.

Он почувствовал язвительность в ее голосе.

— Она оставила свой номер?

— Похоже, она считает, что он у тебя есть.

Он снова наполнил стакан водой и стал пить, делая задумчивые паузы между глотками. Присутствие в его жизни Сони создавало определенные сложности, но он не понимал, как с этим быть, если не отказываться от проекта с фотографиями преступников для Сониной галереи. А пойти на это он не был готов.

Слегка обескураженный разговором с Мадлен, он вдруг подумал, что эта неловкость, которую он ощущал, эта неуверенность — сама по себе непостижима. Как настолько рациональный и логически мыслящий человек, как он, мог быть настолько эмоционально уязвимым? Из множества допросов подозреваемых он знал, что причина такой уязвимости обычно заключается в подспудном чувстве вины. Но ведь он ничего не сделал, чтобы чувствовать себя виноватым.

Он ни в чем не виноват. Вот где проблема! Непоколебимость этой уверенности. Возможно, он ничего такого не делал в *самое* последнее время — во всяком случае, он ничего не мог припомнить, — но если вернуться на пятнадцать лет назад, его заявление о собственной невинности звучало бы фальшиво.

Он поставил пустой стакан в раковину, вытер руки, подошел к стеклянным дверям и выглянул наружу. Мир вокруг был серым. Мир между осенью и зимой. Мелкую снежную пыль, как песок, размело по террасе. В контексте пятнадцатилетней давности он едва ли был невиновен, потому что этот контекст охватывает несчастный случай. Осторожно, как будто нащупывая языком больную десну, чтобы оценить масштаб воспаления, он заставил себя заменить словосочетание «несчастный случай» конкретикой, которая так тяжело ему давалась:

Смерть нашего четырехлетнего сына.

Он проговорил эти слова одними губами, едва шепча. Собственный голос показался ему чужим.

Мысли и чувства, которые следовали за этими словами, были непереносимы, и он попытался отринуть их первым попавшимся способом.

Прокашлявшись, он повернулся к Мадлен и с преувеличенным энтузиазмом произнес:

— Давай разберемся с трактором, пока не стемнело?

Мадлен снова оторвалась от книги. Если она и почувствовала искусственность в его тоне, то не подала виду.

Возня с прикреплением снегоочистителя заняла битый час, после которого Гурни еще час рубил дрова для камина, пока Мадлен готовила ужин: суп из кабачков и свиные отбивные в яблочном соусе. Потом они развели огонь, сели рядом на диване в уютной гостиной рядом с кухней и предались блаженному безделью, какое обычно следует за тяжелой работой и вкусной едой.

Ему хотелось верить, что эти маленькие оазисы спокойствия обещают возвращение отношений, которые были у них когда-то, что стычки и отчужденность последних лет — все же явление временное, но верилось в это с трудом. И даже сейчас эту хрупкую надежду мало-помалу вытеснял более привычный для детектива ход мыслей. Он думал о предстоящем звонке Арибды и о новой телефонной технологии, позволяющей подключиться к звонку.

— Идеальный вечер для камина, — сказала Мадлен, нежно прижавшись к нему.

Он улыбнулся и постарался вновь сосредоточиться на рыжем пламени и простом, близком тепле ее руки. От ее волос исходил чудесный запах. На мгновение ему показалось, что он мог бы сидеть вот так вечно.

— Да, — отозвался он. — Идеальный.

Он закрыл глаза, надеясь, что счастливый момент отвлечет его ум от вечного стремления разгадывать головоломки. Как это ни парадоксально, даже мимолетный покой давался Гурни нелегкой внутренней борьбой. Он завидовал способности Мадлен наслаждаться настоящим, ловить мгновение. Его ум всегда предпочитал настоящему предполагаемое, возможное.

Он задумался, является ли такое устройство ума врожденным, или же это приобретенный способ побега от действительности. Возможно, и то и другое — и тем прочнее это в нем сидит. А возможно...

О господи.

Он поймал себя за абсурдным анализом собственной способности к анализу. Он отчаянно попытался вновь ощутить себя в комнате, на диване.

«Господи, помоги мне», — подумал он, хотя никогда не верил в силу молитвы. И тут же спохватился, что едва не произнес это вслух.

Зазвонил телефон. Для него это прозвучало как сигнал к передышке от битвы.

Он поднялся с дивана и взял трубку.

— Дэйв, это Марк.

— Да.

— Я только что поговорил с Кадди, она сказала, что встретила тебя в саду для медитации.

— Было такое.

— В общем... короче, мне как-то неловко, что не познакомил вас, когда была возможность. — Он помедлил, как будто ожидая ответа, но Гурни молчал.

— Дэйв?

— Я слушаю.

— Словом... я хотел извиниться за то, что не представил вас. Это было с моей стороны невежливо.

— Ничего страшного.

— Ты уверен?

— Конечно.

— Кажется, ты расстроен.

— Я не расстроен, хотя меня несколько удивило, что ты ничего про нее не сказал.

— Ну... да... у меня столько всего на уме, что как-то даже в голову не пришло. Ты слушаешь?

— Да.

— Ты прав, должно быть, это выглядит странно, что я не рассказал тебе про нее. Но я действительно не сообразил. — Он помолчал, затем добавил, с неловким смешком: — Думаю, психолог нашел бы это примечательным: забыл упомянуть, что женат.

— Марк, дай я у тебя кое-что спрошу. Ты мне всю правду говоришь?

— Что?... Почему ты спрашиваешь?

— Слушай, не тяни резину.

Последовала долгая пауза.

— Знаешь, — наконец сказал Меллери, вздохнув, — это долгая история. Я не хотел впутывать Кадди в этот бардак.

— Про какой бардак ты сейчас говоришь?

— Про угрозы.

— Она не знает про эти письма?

— В этом нет необходимости. Они просто напугали бы ее.
— Наверняка она знает про твое прошлое. Она же читала твои книги.
— Она знает. Но эти угрозы — совсем другое дело. Я просто не хочу, чтобы она волновалась.

Это показалось Гурни почти убедительным. Почти.

— А есть какая-то часть твоего прошлого, которую ты особенно тщательно хочешь скрыть от Кадди, от полиции или от меня?

Неуверенная пауза, за которой последовало «нет», настолько явственно противоречила отрицанию, что Гурни засмеялся.

— Что смешного?

— Я не знаю, можно ли тебя назвать худшим лгуном из всех, кого я знал, Марк, но ты явно в десятке лидеров.

После еще одной долгой паузы Меллери тоже начал смеяться. Это был приглушенный, вымученный смех, напоминающий сдавленные рыдания. Затем он произнес упавшим голосом:

— Что ж, когда все прочее не работает, остается только сказать правду. А правда в том, что вскоре после нашей с Кадди женитьбы у меня был краткий роман с женщиной, которая была гостьей института. Это было чистое безумие с моей стороны. И все закончилось плохо, что любому здравомыслящему человеку было бы ясно с самого начала.

— И?..

— И все. Я вздрагиваю при одной мысли об этом. Эта история связывает меня с моим прошлым, со всей его грязью — эгоизмом, похотью, порочными мыслями.

— Может быть, я чего-то не понял, — сказал Гурни. — Но как это связано с тем, почему ты мне не сказал, что женат?

— Ты будешь думать, что у меня паранойя. Но я подумал, что тот роман может каким-то образом быть связан с этой историей с письмами. И я испугался, что если ты узнаешь о Кадди, ты захочешь с ней поговорить, и... последнее, чего я хочу, — это чтобы она узнала о том безрассудном, идиотском романе.

— Понимаю. Кстати, а кто владелец института?

— В каком смысле владелец?

— Разве существует несколько смыслов?

— Духовно я владелец, потому что программа основана на моих книгах и записях.

— Духовно?

— Юридически всем владеет Кадди — недвижимостью и остальным вещественным имуществом.

— Любопытно. То есть ты главный акробат, но цирк принадлежит Кадди.

— Можно и так сказать, — с прохладцей ответил Меллери. — Думаю, пора вешать трубку. Арибда может позвонить в любой момент.

Он позвонил ровно три часа спустя.

Глава 14

Долг

Мадлен устроилась на диване с вязаньем и была полностью поглощена одной из трех работ, которые у нее находились в разной степени готовности. Гурни сидел в кресле поблизости и листал 600-страничный учебник по компьютерной обработке фотографий, но не мог сосредоточиться на чтении. Дрова в камине догорели до углей, над которыми теперь вспыхивали и, чуть потанцевав, исчезали языки пламени.

Когда зазвонил телефон, Гурни поспешил подойти.

Меллери говорил низким встревоженным голосом:

— Дэйв, это ты?

— Да, я слушаю.

— Он на другой линии. Я включил запись и собираюсь тебя подсоединить. Ты готов?

— Давай.

Мгновение спустя Гурни услышал странный голос, заканчивающий предложение:

— ...не будет какое-то время. Но я хочу, чтобы ты знал, кто я.

Голос был высокий и натужный, ритм — неловкий и искусственный. Чувствовался какой-то акцент, но не характерный, как будто слова нарочно слегка коверкали, чтобы сделать голос неузнаваемым.

— Сегодня вечером кое-что для тебя было оставлено. Ты получил?

— Получил что? — Меллери явно нервничал.

— Не получил, значит? Ладно, скоро получишь. Ты знаешь, кто я?

— Кто вы?

— Тебе действительно интересно?

— Разумеется. Откуда я могу вас знать?

— Значит, цифра 658 не подсказала тебе ответ?

— Эта цифра для меня ничего не значит.

— Неужели? Однако из всех возможных цифр ты выбрал именно ее.

— Да кто вы, черт побери?

— Есть еще одна цифра.
— Ч-что? — Голос Меллери задрожал от волнения и испуга.
— Я сказал, что есть еще одна цифра. — В голосе звучало садистское удовольствие.
— Не понимаю.
— Подумай сейчас о какой-нибудь цифре, любой, кроме 658.
— Зачем?
— Загадай любую цифру, кроме 658.
— Хорошо. Я загадал.
— Отлично. Теперь прошепчи ее.
— Не понимаю, что?..
— Прошепчи цифру.
— Прошептать?
— Да.
— Девятнадцать, — громко и резко прошептал Меллери.
На другом конце раздался мрачный смех.
— Хорошо, очень хорошо.
— Так кто вы?
— А ты все еще не понял? Столько мучений, а ты не узнаешь меня. Такую возможность нельзя было исключать. Поэтому тебе была оставлена записка. Ты уверен, что не получал ее?
— Не знаю, о какой записке речь.
— Да, но ты же знал, что цифра 19.
— Вы же сказали загадать цифру.
— Но это была та самая цифра, разве нет?
— Я ничего не понимаю.
— Ты давно заглядывал в свой почтовый ящик?
— Почтовый ящик? Не знаю, когда-то днем.
— Загляни туда еще раз. Увидимся в декабре или даже в ноябре. — За этими словами последовал обрыв связи.
— Алло! — закричал Меллери. — Вы там? Вы слышите? — Когда он снова заговорил, его голос звучал изможденно. — Дэйв?
— Я здесь, — ответил Гурни. — Повесь трубку, проверь ящик и перезвони мне.
Едва Гурни повесил трубку, как телефон вновь зазвонил. Он ответил:
— Угадал. Как ты?
— Хорошо. Но я тут немного занят...
— У тебя все в порядке?
— Да. Прости, что повторяюсь, но я жду звонка с минуты на минуту.

Можно я тебе перезвоню?

— Легко. Я просто хотел рассказать тебе кое-какие новости, тут кое-что произошло, я кое-чем занялся. Мы так давно не разговаривали...

— Я перезвоню, как только смогу.

— Хорошо, буду ждать.

— Прости. Спасибо. До связи.

Гурни закрыл глаза и несколько раз глубоко вздохнул. Господи, почему все всегда наваливается сразу? Разумеется, он сам в этом виноват. Отношения с Кайлом лежали в самой неблагоприятной плоскости его жизни и были полны вытеснения и самооправдания.

Кайл был ребенком от его первого, недолгого брака с Карен. Воспоминания об этом браке до сих пор, двадцать два года спустя после развода, портили Гурни настроение. Их несовместимость была очевидна с самого начала всем, кто был с ними знаком, однако в силу упрямства (или эмоциональной ущербности, как ему думалось бессонными ночами) они оба ввязались в этот злосчастный союз.

Кайл был похож на мать, он вырос таким же манипулятором и любителем материальных благ. Это она настояла, чтобы его так назвали. *Кайл*. Гурни так и не привык к этому имени. Невзирая на то что сын был умным человеком и не по годам успешным в финансовом мире, Кайл казался ему именем самовлюбленного смазливового подростка из мыльной оперы. Кроме того, существование Кайла было постоянным напоминанием о первом браке, который, в свою очередь, напоминал Гурни о каком-то другом человеке в нем самом, теперь недоступном его пониманию, — хотя бы потому, что этот человек хотел жениться на Карен.

Он закрыл глаза, удрученный тем, что так и не разобрался в собственных мотивах, и тем, какую реакцию вызывал у него собственный сын.

Телефон зазвонил. Он снова снял трубку, опасаясь опять услышать Кайла, но звонил Меллери.

— Дэйв?

— Да.

— В почтовом ящике оказался конверт, на нем напечатаны мои имя и адрес, но нет ни марки, ни почтового штампа. Видимо, его туда бросили просто так. Открыть его?

— На ощупь там есть что-то, кроме бумаги?

— Как, например, что?

— Что угодно, там прощупывается что-нибудь?

— Нет, абсолютно плоский конверт, как будто вовсе пустой. Никаких

посторонних предметов не чувствую, если ты об этом. Так мне его вскрыть?

— Давай, но остановись, если увидишь что-то, кроме бумаги.

— Хорошо. Вот, вскрыл. Там только один листок. Текст напечатан на машинке. Простая бумага, без шапки. — Последовало несколько секунд тишины. — Что? Что за чертовщина!

— Что там?

— Это невозможно. Не может такого быть...

— Прочитай вслух.

Меллери удивленно прочитал:

— *Оставляю эту записку на случай, если ты пропустишь мой звонок. Если ты еще не понял, кто я, подумай про цифру 19. Она ни о ком тебе не напоминает? И не забывай: мы увидимся в декабре или даже в ноябре.*

— Это все?

— Да. Так и написано: подумай про цифру 19. Как он мог угадать? Это же невозможно!

— Но там именно так напечатано?

— Да! Я просто хочу сказать... не знаю, что я хочу сказать... то есть... ну это же невероятно... Господи, Дэйв, что происходит?

— Не знаю пока. Но мы разберемся.

Что-то вдруг встало на место — ответ еще не был очевиден, он еще был далек от разгадки, но что-то в его уме сдвинулось с мертвой точки. Теперь он на сто процентов был готов ответить на вызов. Мадлен, стоявшая в дверях, увидела эту решимость. Увидела резкий блеск в его глазах — огонь его неутомимого ума, — и, как обычно, это наполнило ее восхищением и одиночеством.

Новая загадка с цифрой и всплеск адреналина, который она вызвала, не давали Гурни заснуть глубоко за полночь, хотя он лежал в кровати с десяти часов. Он беспокойно ворочался с боку на бок, пока его ум искал подходы к задаче, как человек, который во сне потерял ключи от дома и ломится во все запертые окна и двери поочередно.

Потом он вспомнил вкус мускатного ореха, который был в кабачковом супе, и ощущение дурного сна усилилось.

Если ты еще не понял, кто я такой, подумай про цифру 19. И Меллери загадал именно цифру 19, и это было до того, как он открыл конверт. Невероятно. Но все случилось именно так.

Привкус муската продолжал его донимать. Трижды он вставал выпить воды, это не помогало. А потом он вспомнил про масло. Мадлен добавляла

в свой кабачковый суп много мускатного ореха и масла. Как-то раз он даже обсуждал это с их психотерапевтом. С их бывшим семейным психотерапевтом. У которого, впрочем, они были всего дважды, когда спорили, стоит ли Гурни уходить в отставку, и полагали (ошибочно, как потом выяснилось), что разговор с посторонним человеком поможет им преодолеть разногласия. Он попытался вспомнить, к чему он тогда упомянул злосчастный суп, в каком контексте, как ему вообще могло прийти в голову заговорить о чем-то настолько пустячном.

Это была сессия, когда Мадлен говорила о нем так, словно он не присутствовал в той же комнате. Сначала она рассказывала о том, как он спит — если уж заснул, то, как правило, до самого утра не проснется. Тогда-то он и заметил, что исключением были ночи после того, как она готовила суп из кабачков, когда он не мог отделаться от привкуса мускатного ореха и масла. Но она продолжила говорить, игнорируя его дурацкое замечание, обращаясь к психотерапевту, как будто они были двумя взрослыми, обсуждающими ребенка.

Она сказала, что нет ничего удивительного в том, что он не просыпается до самого утра, поскольку работа его так изматывает. В его жизни так мало спокойствия и возможностей расслабиться. Он такой хороший человек, такой порядочный, но постоянно испытывает чувство вины за то, каков он есть, мучимый своими ошибками и недостатками. Столько блестящих профессиональных достижений — но в его сознании все затмевает горстка неудач. Он безостановочно думает, решает какие-то задачи, одну за другой, словно Сизиф, который вечно катит камень в гору, — снова, и снова, и снова. Цепляется за жизнь, как за головоломку, которую необходимо решить. Но ведь не вся жизнь — головоломка, говорила Мадлен, обращаясь наконец-то к нему, а не к терапевту. К жизни можно подходить по-другому. Тайны, а не загадки. То, что можно любить, а не разгадывать.

Воспоминание о ее словах странно подействовало на него. Оно захватило его целиком, растревожило и измотало, а потом постепенно отпустило, заодно с привкусом масла и мускатного ореха, и он погрузился в тяжелый сон.

Под утро он ненадолго проснулся от того, что Мадлен выбиралась из постели. Она негромко высморкалась. Долю секунды он размышлял, отчего она плакала, но тут же подумал, что, скорее всего, причина насморка — какая-нибудь сезонная аллергия. Сквозь сонный прищур он наблюдал, как она открывает шкаф и надевает махровый халат. Чуть позже он услышал — или домыслил во сне, наверняка он не знал, — как она спускается в подвал,

а после еле слышно проходит мимо спальни. Когда первый утренний свет залил спальню и просочился в коридор, она вернулась, похожая на призрак, с чем-то в руках — с какой-то коробкой.

Его веки сомкнулись от усталости, и он заснул еще на час.

Глава 15

Дихотомии

Он встал не потому, что выспался или хорошо отдохнул, а потому, что встать оказалось предпочтительнее, чем погрузиться обратно в сон, от которого в памяти не осталось ничего, кроме отчетливого ощущения клаустрофобии. Было похоже на похмелье времен колледжа.

Он заставил себя принять душ, и это слегка улучшило его настроение. Затем он оделся и вышел на кухню, где с удовольствием обнаружил, что Мадлен сварила достаточно кофе для двоих. Она сидела за столом, задумчиво смотрела на террасу и держала обеими руками горячую чашку, как будто пытаюсь согреться. Он налил себе кофе и сел напротив нее.

— Доброе утро, — сказал он.

Она загадочно улыбнулась в ответ.

Он проследил за ее взглядом. Сердитый ветер срывал последние листья с деревьев у подножия холмов. От сильного ветра Мадлен обычно нервничала — с тех пор, как перед ее машиной на дороге упал огромный дуб как раз в тот день, когда они переезжали в Уолнат-Кроссинг. Но сегодня утром она была слишком погружена в свои мысли, чтобы нервничать.

Спустя пару минут она повернулась к нему, и на ее лице появилось резкое недовольство, как будто что-то в его манере или внешнем виде ее неприятно поразило.

— Куда ты собрался? — спросила она.

Он помолчал.

— В Пион. В институт.

— Зачем?

— Зачем?.. — переспросил он, едва скрывая раздражение. — Потому что Меллери до сих пор отказывается обратиться в полицию, и я хочу подтолкнуть его посильнее в этом направлении.

— Этого нельзя сделать по телефону?

— Живьем получится убедительнее. К тому же я хочу сделать копии всех записок и записи вчерашнего звонка.

— Для этого давно изобрели курьерскую почту.

Он посмотрел на нее:

— Почему ты против того, чтобы я ехал в институт?

— Проблема не в том, куда ты едешь, а в том зачем.

— Чтобы убедить его обратиться в полицию! И сделать копии записок!

— Ты искренне считаешь, что ты ради этого собираешься в Пион?

— Если нет, то почему?

Она посмотрела на него странно, как будто даже с жалостью, а потом ответила:

— Ты едешь, потому что ты вцепился в это дело и не можешь его отпустить. Ты едешь, потому что не можешь остаться в стороне. — Она закрыла глаза, и это было как затемнение в конце фильма.

Он не нашелся что ответить. Мадлен часто заканчивала споры вот так — говорила или делала что-то такое, отчего поток его мыслей прерывался и он был вынужден замолчать. На этот раз ему показалось, что он понимает, почему это произвело на него такой эффект, хотя бы отчасти. В ее голосе ему померещился отголосок той речи у психотерапевта, которую он так ясно вспоминал несколько часов назад. Совпадение показалось ему обескураживающим, как будто Мадлен из прошлого и нынешняя Мадлен вместе ополчились против него.

Он долго молчал.

Она отнесла чашки из-под кофе в раковину и помыла их. Затем, вместо того чтобы поставить их в сушку, как обычно, она вытерла чашки и убрала в шкаф.

Продолжая смотреть в этот шкаф, словно она забыла, зачем открыла его, она спросила:

— Во сколько ты едешь?

Он пожал плечами и огляделся, как будто правильный ответ мог оказаться написанным на одной из стен. Его взгляд привлек какой-то предмет на журнальном столике перед камином. Картонная коробка из-под винных бутылок, перевязанная белой лентой, собранной сверху в бант. Он впился взглядом в этот бант.

Господи. Вот зачем она спускалась в подвал.

Коробка оказалась меньше, чем ему помнилось, и картон оказался темнее, но это был тот самый, безошибочно узнаваемый белый бант. Индуисты были тысячу раз правы: именно белый, а не черный, естественный цвет скорби.

Он почувствовал пустоту в легких, как будто сила земного притяжения отнимала у него дыхание и тащила самую его душу вниз, в землю. *Дэнни. Рисунки Дэнни. Мой маленький мальчик.* Он сглотнул и отвернулся, не в

силах встречаться взглядом с такой необъятной потерей. Его охватила такая слабость, что он не мог пошевелиться. Он выглянул на террасу, прокашлялся, прочистил горло и попытался заменить нахлынувшие воспоминания ощущениями из настоящего, переключиться, сказать что-то, услышать собственный голос, прервать ужасное молчание.

— Я вряд ли надолго, — сказал он и поднялся из кресла. Это отняло последние его силы. — К ужину вернусь.

Он едва сознавал, что говорит. Мадлен наблюдала за ним с болезненным подобием улыбки на лице и молчала.

— Мне пора, — сказал он. — Нехорошо будет, если я опоздаю.

Ничего не видя перед собой, спотыкаясь, он поцеловал ее в щеку и вышел к машине, забыв дома куртку.

Виды за окном тем утром были совсем иными, зимними, краски осени как будто стекли с деревьев. Он едва замечал это. Он ехал на автопилоте, ничего не видя, поглощенный образом коробки с белым бантом, памятью о ее содержимом, попыткой понять, что означало ее появление на столе.

Почему? Почему именно сейчас, после стольких лет? Зачем? О чем она думала? Он проехал через Диллвид и мимо Абеяров, даже не заметив. У него засосало под ложечкой. Надо было отвлечься, как-то собраться.

Думай о том, куда едешь и зачем ты туда едешь. Он постарался заставить себя думать о записках, о стихах, о цифре 19. О том, почему Меллери выбрал цифру 19. О том, как он нашел эту цифру в конверте. Как это можно было подстроить? Это второй случай, когда Арибда, Харибда или как его на самом деле звали, провернул этот невероятный трюк. Между первым и вторым случаем была определенная разница, но второй случай был таким же удивительным, как и первый.

Мысль о коробке на журнальном столике не давала ни на что отвлечься. Коробка и ее содержимое — он так явственно помнил, как ее упаковывали много лет назад. Карандашные рисунки Дэнни. Господи. Листок с оранжевыми каракулями, которые Мадлен считала бархатцами. И эта смешная картинка, изображавшая то ли зеленый шарик, то ли дерево, то ли леденец. Боже ты мой.

Гурни не помнил, как доехал до аккуратной парковки института — он почти не смотрел на дорогу. Оглядевшись, он сделал очередную попытку вернуться в реальность, вызвать свой рассудок туда, где находилось тело.

Наконец его постепенно отпустило и даже стало клонить в сон — это было легкое онемение, которое так часто наступает после сильных переживаний. Он посмотрел на часы — умудрился приехать как раз

вовремя. Видимо, эта его способность не зависела от сознательной вовлеченности в действительность и функционировала как автономная нервная система. Меллери, как и в предыдущий раз, открыл дверь раньше, чем он успел постучать.

Гурни вошел с ветреного двора в дом.

— Есть новости?

Меллери покачал головой и закрыл тяжелую антикварную дверь, но несколько сухих листьев успело проскользнуть за порог.

— Пройдем в кабинет, — предложил он. — Кофе, сок?

— Кофе, пожалуйста, — сказал Гурни.

Они снова сели в кресла перед камином. На столике между ними лежал большой желтый конверт. Меллери указал на него со словами:

— Копии всех записок и запись звонка, приготовил для тебя.

Гурни взял конверт и положил его к себе на колени.

Меллери нетерпеливо смотрел на него.

— Тебе надо обратиться в полицию, — сказал Гурни.

— Мы это уже проходили.

— Значит, надо пройти еще раз.

Меллери закрыл глаза и потер виски, как будто у него болела голова. Когда он вновь открыл глаза, было видно, что он на что-то решился.

— Приходи сегодня утром на мою лекцию. Тогда тебе все станет понятно. — Он говорил быстро, словно чтобы опередить возражения. — То, что здесь происходит, очень хрупко. Мы объясняем нашим гостям про сознание, про умиротворение, про ясность ума. Их доверие — это самое главное. Мы же сталкиваем их с чем-то, что способно изменить их жизни. Но это как след от самолета в небе. Когда ясно и безветренно — читается. Но хоть один порыв ветра — и все смазывается. Понимаешь, о чем я?

— Не уверен.

— Просто приходи на лекцию, — умоляюще повторил Меллери.

Ровно в десять утра Гурни вошел следом за ним в большое помещение на первом этаже главного особняка. Оно напоминало гостиную дорогого загородного отеля. Дюжина кресел и несколько диванов полукругом расположились перед огромным камином. Гостей было человек двадцать, и большинство уже сидело, но кое-кто стоял у столика с серебряным кофейником и вазой с круассанами.

Меллери спокойно вышел к камину и встал лицом к зрителям. Те, кто стоял у столика, поспешили занять свои места, и все замолчали. Меллери жестом пригласил Гурни занять кресло у камина.

— Это Дэвид, — сказал Меллери, улыбнувшись Гурни. — Он хочет

побольше узнать про то, чем мы с вами занимаемся, поэтому я пригласил его присутствовать на нашем утреннем собрании.

Несколько человек высказали что-то ободряющее, и все заулыбались, как показалось Гурни, довольно искренне. Он столкнулся взглядом с женщиной, которая обругала его накануне. Она выглядела застенчивой и даже слегка покраснела.

— Роли, оказывающие важнейшее влияние на нашу жизнь, — Меллери заговорил без вступления, — это те роли, которых мы обычно не осознаем. Точно так же мы менее всего отдаем себе отчет в тех потребностях, которые в первую очередь движут нами. Чтобы стать счастливыми и свободными, нам надо понять, какие роли мы играем, и выявить наши истинные потребности.

Он говорил спокойно и прямолинейно, и публика охотно его слушала.

— Первым препятствием на этом пути будет наша уверенность, что мы уже все про себя понимаем, что нам известны мотивы собственных действий, что мы знаем, почему мы испытываем те или иные чувства по отношению к себе и окружающим людям. Для того чтобы продвинуться на нашем пути, необходимо подойти к этому по-новому. Чтобы узнать правду о себе, я должен перестать настаивать на том, что я ее уже знаю. Я никогда не сдвину с дороги камень, если не пойму, чем он на самом деле является.

Гурни подумал, что эта последняя метафора звучит особенно сомнительно и нагоняет мистического тумана, но тут Меллери резко повысил голос.

— Знаете, что это за камень? Это наше устоявшееся представление о себе. Тот, кем вы себя считаете, удерживает того, кем вы на самом деле являетесь, в темнице, вдали от света, пищи и близких. Тот, кем вы себя считаете, пытается убить того, кто вы есть на самом деле, покуда вы оба живы.

Меллери сделал паузу, как бы приходя в себя после нахлынувших чувств. Он посмотрел на своих зрителей. Те слушали его, едва дыша. Когда он снова заговорил, его голос стал тише, но оставался взволнованным.

— Тот, кем я себя считаю, боится того, кем я являюсь. Боится того, что другие могут про него подумать. Что бы они сделали со мной, если бы узнали, кто я такой в действительности? Лучше перестраховаться!

Лучше спрятать настоящего человека, заморить его голодом, похоронить его!

Он снова сделал паузу, умеряя пыл.

— С чего же все начинается? В какой момент мы раздваиваемся на себя мнимого, занимающего наш ум, и себя настоящего, запертого в

темнице, умирающего? Я считаю, что это случается достаточно рано. В моем случае близнецы обосновались во мне прочно к девяти годам. Сейчас я расскажу вам историю. Заранее извиняюсь перед теми, кто ее уже слышал.

Гурни оглядел гостей, несколько человек понимающе улыбались. Казалось, перспектива услышать какую-то из историй Меллери во второй или в третий раз их только воодушевляла, как ребенка воодушевляет обещание пересказать любимую сказку.

— Однажды я собирался в школу, и моя мама дала мне двадцать долларов, чтобы я по дороге домой купил молока и хлеба. Когда я вышел из школы в три часа, я остановился в кафетерии возле школы, чтобы купить себе колу перед походом в магазин. После уроков там болталось много учеников. Я положил на прилавок двадцатидолларовую купюру, чтобы расплатиться за колу, но не успел продавец ее взять, как кто-то из учеников подошел и увидел ее. «Слышь, Меллери, — сказал он. — Откуда у тебя двадцать баксов?» Это был самый отъявленный забияка в нашем классе. Мне было девять, ему одиннадцать — он дважды оставался на второй год, и он был настоящим хулиганом. Мне не то что дружить, даже разговаривать с ним не полагалось. Он часто ввязывался в драки, иногда залезал в чужие дома и что-нибудь крал. Когда он спросил, откуда у меня деньги, я собирался ответить, что мне их дала мама, чтобы купить молоко и хлеб, но я боялся, что он начнет меня обзывать маменькиным сынком, а хотелось сказать что-нибудь такое, чтобы он впечатлился. И я сказал, что украл их. Он посмотрел на меня с любопытством, и мне это понравилось. Тогда он спросил, у кого я их украл, и я сказал первое, что мне пришло на ум, — у мамы. Он кивнул и отстал от меня. Я испытал некоторое облегчение, хотя в то же время мне было как-то не по себе. Наутро я уже забыл об этом случае. Но неделю спустя он подошел ко мне в школьном дворе и спросил: «Слышь, Меллери, ну что, сколько еще денег у матери украл?» Я ответил, что нисколько. А он спросил: «А чего не стыришь еще двадцатку?» Я не знал, что ответить, просто молча уставился на него. А он нехорошо так улыбнулся и сказал: «Стыришь у нее еще двадцатку и отдашь мне, иначе я расскажу про двадцатку, которую ты украл на той неделе». Я почувствовал, как земля уходит у меня из-под ног.

— Господи, — воскликнула женщина с лошадиным лицом, сидевшая в бордовом кресле у дальнего края камина. По комнате пронесся сочувственный гул.

— Каков засранец, — проворчал полный мужчина с мрачным взглядом.

— У меня началась паника. Я представил себе, как он идет к моей матери и рассказывает, что я украл у нее двадцать долларов. То, что эта ситуация крайне маловероятна — чтобы этот бандюган вообще заговорил с моей мамой, — мне тогда не пришло на ум. Я был охвачен страхом, что он ей расскажет, а она ему поверит. Я даже не рассматривал вариант, что ей надо рассказать правду. И в этом состоянии паники я принял худшее из возможных решений. Я тем же вечером вытащил из кошелька матери двадцатку и отдал ему на следующий день. Разумеется, через неделю он потребовал повторения. И еще через неделю. И так далее, шесть недель, пока отец не поймал меня с поличным, когда я задвигал ящик маминой конторки, сжимая в руке двадцать долларов. Я рассказал родителям всю постыдную историю как есть, от начала до конца. Все стало еще хуже. Они позвонили нашему пастору, монсеньору Реардону, и повели меня к нему, чтобы я пересказал историю ему. На следующий вечер монсеньор снова позвал нас, и снова, уже в компании мальчишки-вымогателя и его родителей, мне пришлось пересказать всю историю. Но даже этим дело не закончилось. Родители на год лишили меня карманных денег, чтобы возместить украденное. Они стали по-другому ко мне относиться. Вымогатель придумал такую версию истории, в которой он получался эдаким героическим робингудом, а я — крысятником-стукачом. И время от времени он бросал на меня такой хитрый, злобный взгляд, намекавший, что при любом удобном случае он сбросит меня с крыши.

Меллери сделал паузу и помассировал лицо, как будто мышцы свело от воспоминаний.

Полный мужчина угрюмо покачал головой и повторил:

— Вот засранец!

— Я тоже так думал, — ответил Меллери. — Каков изворотливый засранец. Когда бы я ни вспоминал об этой истории, я сразу думал: засранец! Это было моей первой мыслью.

— Да потому что так и есть, — сказал толстяк тоном, не терпящим возражений. — Он и был засранцем.

— Конечно был, — с энтузиазмом согласился Меллери. — Конечно. Но я был так увлечен тем, кем являлся он, что совершенно забыл спросить себя, кто же я. Кем же был этот девятилетний мальчишка и почему он поступил как поступил? Мало сказать, что он был напуган. Чего он боялся? И за кого он в тот момент себя принимал?

Гурни с удивлением заметил, что рассказ его захватил. Меллери завладел его вниманием, как и всех присутствовавших в комнате. Из наблюдателя он превратился в участника в этом поиске значения, мотива,

собственного «я». Меллери принялся прохаживаться взад-вперед перед камином, продолжая говорить, как будто память о прошлом не давала ему стоять на месте.

— Сколько бы я ни вспоминал того мальчишку — себя девятилетнего, — я воспринимал его как жертву. Жертву шантажа, жертву собственного невинного желания нравиться, быть любимым, быть принятым. Ведь ему всего лишь хотелось нравиться этому парню постарше. Он был жертвой жестокости этого мира. Бедный малыш, бедный агнец в зубах у волка.

Тут Меллери остановился лицом к зрителям. Теперь голос его стал мягче.

— Но этот мальчик был кое-кем еще. Он был лгуном и вором.

Публика разделилась на тех, кто хотел с этим поспорить, и тех, кто согласно кивал.

— Он солгал, когда его спросили, откуда у него деньги. Он притворился вором, чтобы понравиться тому, кого сам считал вором. А затем, боясь, что мать узнает о его воровстве, решил: лучше и в самом деле стать вором, чем предстать таковым в ее глазах. Больше всего его заботило, как его воспринимают другие люди. В свете этого восприятия ему было безразлично, являлся ли он на самом деле лгуном или вором, и он не думал, какие последствия будут у его лжи и кражи для тех, кому он лгал и кого обкрадывал. Это беспокоило его не настолько, чтобы перестать врать и красть. Но беспокоило достаточно, чтобы после каждой новой кражи мучиться угрызениями совести. Достаточно, чтобы ненавидеть себя и мечтать о смерти.

Меллери замолчал на несколько секунд, чтобы его пояснения улеглись в головах слушателей, и затем продолжил:

— Вот что я хочу попросить вас сделать. Составьте список людей, которых вы терпеть не можете, людей, на которых вы злитесь, людей, которые чем-то вас обидели, — и спросите себя: как я попал в эту ситуацию? Как я оказался с ним в таких отношениях? Каковы были мои мотивы? Как бы мои действия в той ситуации выглядели со стороны в глазах объективного наблюдателя? Не концентрируйтесь на обидах, которые вам причинили, — мы не ищем виноватых. Мы всю жизнь искали виноватых, и это ни к чему не привело. У нас образовался длинный список людей, ответственных за все, что в жизни пошло не так. Длинный, бессмысленный список. Главный вопрос в этой истории — это где во всем этом был я? Как я открыл дверь и оказался в этой комнате? Когда мне было девять лет, я открыл эту дверь, солгав, чтобы завоевать симпатию. А вы —

как вы ее открыли?

Маленькая женщина, которая обругала Гурни накануне, беспокойно заерзала на месте. Она подняла руку и спросила:

— Разве не случается, что злой человек совершает что-то ужасное по отношению к невинному, например, вламывается в его дом и грабит его? Ведь тот, кого ограбили, не виноват?

Меллери улыбнулся.

— Ужасные вещи происходят с хорошими людьми, такое бывает. Но эти хорошие люди не тратят затем всю свою жизнь на то, чтобы вновь и вновь прокручивать в своей голове несправедливость. Истории, что расстраивают нас сильнее всего и никак не идут из головы, — те, где мы играли роль, в которой не в силах себе признаться. Вот почему длится эта боль: мы отказываемся посмотреть в ее корень. Мы не можем освободиться от нее, потому что не видим той точки, где она сцеплена с нами.

Меллери закрыл глаза, как будто собираясь с силами, чтобы продолжить.

— Худшие страдания в жизни причиняют ошибки, в которых мы отказываемся признаться, — наши поступки, настолько не соответствующие нашей истинной сущности, что мы не в силах подумать о них. И мы раздваиваемся, превращаемся в двух человек в одной шкуре, и эти двое друг друга ненавидят. Один — лгун, другой — тот, кто ненавидит лгунов. Один — вор, другой — тот, кто ненавидит воров. И ничто не сравнится с болью, какую причиняет эта бесконечная битва в нашем подсознании. Мы можем от нее убежать, но она бежит вместе с нами. Куда бы мы ни шли, эта битва будет всегда внутри нас.

Меллери вновь заходил взад-вперед перед камином.

— Сделайте, как я говорю. Составьте список людей, которых вы вините в различных невзгодах вашей жизни. Чем сильнее вас кто-нибудь злит, тем лучше. Запишите их имена. Чем глубже вы убеждены в собственной невинности, тем лучше. Запишите, что они сделали и как вам было больно. А затем спросите у себя: как вы открыли дверь? Если ваша первая мысль — что это упражнение бессмысленно, спросите себя, почему вы так торопитесь отказаться от него. Запомните: задача не в том, чтобы снять вину с тех, кто перед вами действительно виноват. Снять с кого-либо вину не в наших силах, это Господня работа. Ваша задача — ответить на один-единственный вопрос: *как я открыл эту дверь?*

Он огляделся, стараясь встретиться взглядом с как можно большим количеством гостей.

— *Как я открыл эту дверь?* Счастье всей вашей жизни зависит от

того, насколько честно вы ответите на этот вопрос.

Он остановился, как будто в изнеможении, и объявил перерыв на «чай, кофе, глоток свежего воздуха и так далее». Люди принялись вставать со своих мест и разбредаться, а Меллери вопросительно посмотрел на Гурни, который остался сидеть.

— Это что-нибудь прояснило? — спросил он.

— Это было впечатляюще.

— В каком смысле?

— Ты чертовски хороший оратор.

Меллери кивнул — в этом кивке не было ни скромности, ни тщеславия.

— Ты заметил, насколько все это хрупко?

— Ты имеешь в виду контакт, который ты устанавливаешь с клиентами?

— Наверное, «контакт» — подходящее слово, если оно подразумевает одновременно доверие, единение, открытость, надежду и любовь — и если ты понимаешь, насколько это нежные цветы, особенно когда они только начинают распускаться.

Гурни не мог понять, как относиться к Марку Меллери. Если он и был шарлатаном, то определенно лучшим из всех, что ему встречались.

Меллери поднял руку и обратился к девушке, стоявшей у столика с кофе:

— Кайра, сделай мне одолжение, позови сюда Джастина!

— Легко! — ответила она и тут же вышла.

— Кто такой Джастин?

— Молодой человек, без помощи которого мне все труднее справляться. Впервые он приехал сюда как гость, когда ему был всего двадцать один год, посетителей младше у нас не бывает. Он возвращался трижды, и на третий раз так и не уехал.

— И чем он здесь занимается?

— Можно сказать, тем же, чем и я.

Гурни непонимающе посмотрел на Меллери.

— Джастин с самого первого визита был на одной волне со мной — всегда понимал, что я говорю, улавливал все нюансы и все такое. Очень сообразительный молодой человек, незаменимый участник всех наших действий. Институт был создан для таких, как он, а такие, как он, созданы для нашего дела. У него здесь есть будущее, если он пожелает.

— Марк младший, — пробормотал Гурни, скорее сам для себя.

— Что, прости?

— По рассказу выходит идеальный сын. Воспринимает и одобряет все, что ты можешь ему предложить.

Ухоженный, интеллигентного вида молодой человек зашел в комнату и подошел к ним.

— Джастин, познакомься, это мой старый друг Дэйв Гурни.

Молодой человек протянул руку, и жест был одновременно дружелюбный и смущенный.

Они обменялись рукопожатием, затем Меллери отвел его в сторону и заговорил с ним негромким голосом:

— Я хочу, чтобы ты провел следующие полчаса лекции, приведи несколько примеров внутренней дихотомии.

— С удовольствием, — сказал молодой человек.

Гурни дождался, когда Джастин отойдет за кофе, затем сказал Меллери:

— Если у тебя есть время, я бы хотел, чтобы ты сделал один звонок, пока я здесь.

— Мы сейчас вернемся в дом. — Было очевидно, что Меллери хотел соблюсти максимально возможную дистанцию между своими гостями и текущими трудностями.

По дороге к дому Гурни объяснил ему, что надо позвонить Грегори Дермотту и расспросить поподробнее о его абонентском ящике и обо всем, что он может помнить в связи с получением чека на имя Арибды, который он затем вернул Меллери. Есть ли в компании кто-то с доступом к ящику? Хранится ли ключ от ящика у самого Дермотта? Существует ли запасной ключ? Как давно он арендует этот ящик? Получал ли он на этот адрес другие письма по ошибке? Получал ли когда-нибудь непонятные чеки? Говорят ли ему что-нибудь имена Х. Арибда, Харибда или Марк Меллери? Слышал ли он что-нибудь про Институт духовного обновления?

Когда по виду Меллери стало понятно, что информации слишком много, Гурни вытащил из кармана записку и протянул ему:

— Я записал все вопросы здесь. Возможно, мистер Дермотт не на все захочет ответить, но попытка не пытка.

Они продолжили путь мимо клумб умирающих цветов. Меллери, казалось, все глубже погружался в переживания. Когда они дошли до террасы, он остановился и заговорил голосом человека, который боится, что кто-то его может услышать.

— Всю прошлую ночь я не спал. Эта история с цифрой 19 сводит меня с ума.

— И ты не нашел никакой связи? Она что-нибудь для тебя значит?

— Ничего. Какие-то глупости в голову лезут. Один психотерапевт как-то выдал мне опросник на двадцать пунктов, чтобы выявить, есть ли у меня проблемы с алкоголем, и я набрал девятнадцать из двадцати. Моей первой жене было девятнадцать, когда мы поженились. Всякое такое — случайные вещи, ничего, что можно было бы предсказать, как бы хорошо человек меня ни знал.

— Однако у него это получилось.

— Именно это и сводит меня с ума! И главное — последовательность фактов. В моем почтовом ящике оставляют запечатанный конверт. Затем мне звонят и сообщают, что он там лежит, и просят загадать число. Я загадываю 19. Иду к почтовому ящику, достаю конверт, и в конверте нахожу листок с цифрой 19. Ровно той, о которой я подумал. Я мог подумать о цифре 72,951. Но я подумал о девятнадцати, и это была та самая цифра. Ты говоришь, что экстрасенсорные способности — ерунда, но как еще это можно объяснить?

Гурни был спокоен настолько же, насколько Меллери был встревожен.

— В нашей картине произошедшего не хватает звеньев, вот как это объясняется. Мы так смотрим на последовательность событий, что задаем неверные вопросы.

— А какой вопрос верный?

— Когда я узнаю, я первым делом сообщу тебе. Но я гарантирую, что это не будет связано с экстрасенсорными способностями.

Меллери покачал головой, и это больше напоминало тремор, чем добровольный жест. Затем он посмотрел на стену своего дома и на террасу, на которой стоял. У него был такой взгляд, словно он не помнит, как попал сюда.

— Пойдем внутрь? — предложил Гурни.

Меллери спохватился:

— Я совсем забыл — прости, Кадди сегодня вечером дома. Я не смогу... то есть, наверное, лучше будет, если... я хочу сказать, что не получится так быстро позвонить Дермотту. Придется отложить.

— Но ты позвонишь сегодня?

— Да, да, конечно. Мне просто надо будет улучить удачный момент. Я позвоню тебе, как только поговорю с ним.

Гурни кивнул, внимательно глядя на него и видя в его глазах страх рушащейся жизни.

— Прежде чем я уеду, хочу задать один вопрос. Ты попросил Джастина поговорить про внутренние дихотомии. Что ты имел в виду?

— Ты не много пропустишь, — ответил Меллери, слегка

поморщившись. — Дихотомия — это разделение, дуализм. Я использую это слово для описания внутренних конфликтов.

— В духе Джекила и Хайда?

— Да, но все гораздо глубже. Люди битком набиты внутренними конфликтами. Из них складываются наши отношения, растут наши переживания, и они же портят нашу жизнь.

— Приведи пример.

— Я могу привести сотню примеров. Простейший конфликт — между тем, как мы видим себя, и тем, как мы видим других. Допустим, мы с тобой спорим и ты на меня кричишь. Я буду считать, что ты не умеешь держать себя в руках. Но если я на тебя закричу, я буду считать, что проблема не в моем самообладании, а в том, что ты меня спровоцировал, сделал то, на что крик — адекватная реакция.

— Любопытно.

— Мы все привыкли думать так: мои проблемы от того, что я попал в такую ситуацию, а твои проблемы — от того, что ты такой человек. Отсюда все беды. Мое желание, чтобы все было по-моему, кажется мне очень логичным, а твое желание, чтобы все было по-твоему, — инфантильным. Все хорошо — это когда я хорошо себя чувствую, а ты хорошо себя ведешь. То, как я все вижу, — это то, как оно есть, а то, как ты все видишь, — это предвзятость.

— Идею я понял.

— И это только начало. Наш разум состоит из противоречий и конфликтов. Мы лжем, чтобы нам верили. Мы прячем свою истинную сущность, чтобы достичь с кем-то близости. Мы гонимся за счастьем так, что оно убегает от нас. Когда мы неправы, мы готовы горы свернуть, чтобы доказать, что мы правы.

Захваченный собственным программным текстом, Меллери говорил убедительно и красиво — эта теория мобилизовала его, невзирая на стресс.

Гурни сказал:

— У меня такое впечатление, что ты говоришь о каком-то личном источнике боли, а не об общечеловеческой проблеме.

Меллери медленно кивнул:

— Нет боли хуже, чем когда в одном теле живет два человека.

Глава 16

Конец начала

У Гурни было странное чувство. Оно то и дело появлялось после того, как Меллери впервые приехал в Уолнат-Кроссинг, но только теперь Гурни с грустью понял, что он чувствовал. Это была тоска по относительной ясности уже совершенного преступления, когда есть то, что можно измерить, описать и проанализировать — отпечатки пальцев и следы, образцы волос и тканей, показания свидетелей и подозреваемых, алиби, которые нужно проверить, оружие, которое нужно найти, пули для баллистической экспертизы. Никогда раньше он не сталкивался с делом настолько неопределенным, настолько не поддающимся стандартной процедуре.

Спускаясь по горе к деревне, он раздумывал про страхи Меллери — с одной стороны, злонамеренный преследователь, с другой — вмешательство полиции, чреватое отчуждением клиентов. Уверенность Меллери, что лекарство опаснее болезни, держало ситуацию в подвешенном состоянии.

Ему было интересно, о чем Меллери может умалчивать. Знал ли он, какой именно поступок из давнего прошлого мог быть причиной угроз и намеков? Знал ли доктор Джекил, что сделал мистер Хайд?

Лекция Меллери о двух разумах, воюющих в одном теле, заинтересовала Гурни по своим причинам. Она напоминала его собственную догадку, подкрепленную увлечением портретами преступников, о том, что раздвоение сознания заметно по лицу, и особенно по глазам. Раз за разом он сталкивался с лицами, которые в действительности были двумя лицами в одном. На фотографиях это было особенно заметно. Достаточно было заслонить половину лица листом бумаги и описать человека, которого видишь на правой половине, а затем на левой. Удивительно, насколько разными могли быть эти описания. Человек мог казаться спокойным, терпимым, мудрым с одной стороны — и холодным, недружелюбным, склонным к интригам с другой. В лицах, где невыразительность пронзала вспышка зла, выдававшая способность убивать, эта вспышка часто присутствовала только в одном глазу. Возможно, при живом общении мозг объединял и усреднял свойства этих сторон, но на фотографиях это различие было трудно не заметить.

Гурни вспомнил фотографию Меллери на обложке его книги. Он пообещал себе рассмотреть снимок получше, когда доберется домой. Он также вспомнил, что надо перезвонить Соне Рейнольдс, которую Мадлен упоминала с такой колкостью в голосе. В нескольких милях от Пиона он остановился на засыпанной гравием обочине, отделявшей дорогу от местной речушки под названием Эзопов ручей, достал мобильный и набрал номер галереи. Через четыре гудка мягкий голос Сони предложил ему

оставить сообщение любой длины и содержания.

— Соня, это Дэйв Гурни. Я помню, что обещал тебе на этой неделе прислать портрет, и я надеюсь завезти его в субботу или хотя бы прислать тебе файл по электронной почте, чтобы ты могла его распечатать. Он почти готов, но я еще не до конца им доволен. — Он сделал паузу, обратив внимание, что говорит чуть более низким и мягким голосом, чем обычно. Это всегда случалось с ним при общении с привлекательными женщинами, как верно подметила Мадлен. Он прочистил горло и продолжил: — Важнее всего поймать характер. На лице должна читаться кровожадность, особенно в глазах. Я над этим сейчас работаю и это занимает уйму времени.

Раздался щелчок, и вслед за ним — запыхавшийся голос Сони.

— Дэвид, я тут. Не успела добраться до телефона, но я все слышала. Я тебя понимаю, хочется, чтобы все получилось идеально. Но было бы здорово, если бы ты действительно успел к субботе. В воскресенье будет фестиваль, в галерее будет куча народу.

— Я постараюсь. Может быть, ближе к вечеру.

— Отлично! Я закрываюсь в шесть, но сама задержусь еще на час. Тогда и приезжай. Как раз будет время поговорить.

Он в очередной раз поразился, что любые слова, сказанные голосом Сони, звучат как сексуальная прелюдия. Конечно, он понимал, что слишком многое домысливает. Он также понимал, что ведет себя довольно глупо.

— В шесть часов, хорошо, — услышал он собственный голос и вспомнил, что кабинет Сони, с его огромными диванами и мягкими коврами, больше похож на будуар, чем на место, где решаются деловые вопросы.

Он бросил телефон обратно в бардачок и окинул взглядом долину. Голос Сони, как обычно, внес сумбур в стройный ход его мыслей, и теперь они лихорадочно носились в его голове: слишком уютный кабинет Сони, настороженность Мадлен, невозможность заранее знать, какую цифру загадает человек, кровь, как роза, красная, шесть-пять-восемь — в гости просим, Харибда, неправильный абонентский ящик, нежелание Меллери связываться с полицией, серийный убийца Питер Пиггерт, обаятельный юный Джастин, богатая стареющая Кадди, доктор Джекил и мистер Хайд и так далее и тому подобное, безо всякой связи и ясности. Он открыл окно у пассажирского сиденья, со стороны речушки, откинулся назад, закрыл глаза и попытался сконцентрироваться на звуке воды, бегущей по камням.

Его разбудил стук в окно над ухом. Он поднял взгляд и увидел невыразительное квадратное лицо, глаза были скрыты солнечными очками, а над ними чернел козырек полицейской кепки. Он опустил стекло.

— Сэр, с вами все в порядке? — Вопрос прозвучал скорее угрожающе, чем сочувственно, а слово «сэр» было скорее формальным, нежели вежливым.

— Да, спасибо, мне просто надо было закрыть глаза на пару минут. — Он взглянул на часы на панели приборов. Пара минут, как он заметил, растянулась на четверть часа.

— Куда вы направляетесь, сэр?

— В Уолнат-Кроссинг.

— Понятно. Вы сегодня употребляли алкоголь, сэр?

— Нет, офицер, я не пил.

Мужчина кивнул и сделал шаг назад, чтобы взглянуть на машину. Его рот — единственная различимая черта его лица, по которой можно было как-то судить о его настроении, — был презрительно искривлен, как будто он считал, что Гурни заведомо врет, что не пил, и намеревался найти тому доказательство. Он нарочито неторопливо обошел машину и вернулся к открытому окну рядом с водительским сиденьем. После долгой паузы он спросил с плохо скрытой угрозой, более уместной в пьесе Гарольда Пинтера, чем в рутинной проверке на дороге:

— Вы знали, что здесь нельзя парковаться?

— Я не сообразил, — спокойно ответил Гурни. — Я собирался остановиться всего на пару минут.

— Позвольте взглянуть на ваши права?

Гурни достал документы из бумажника и протянул их из окна. Он не любил в таких случаях щеголять тем, что он отставной детектив полицейского управления Нью-Йорка, со связями, которые при необходимости можно задействовать, но в этом копе он чувствовал неуместную надменность и враждебность, чреватые как минимум неоправданной задержкой. Он неохотно достал из бумажника еще одну карточку.

— Минуточку, офицер. Возможно, это тоже пригодится.

Коп осторожно взял карточку. Гурни увидел перемену в его лице, но не в сторону дружелюбия. Было больше похоже на помесь разочарования и злобы. Нехотя он вернул ему карточку и права.

— Хорошего вам дня, сэр, — сказал он голосом, подразумевавшим обратное, вернулся в машину и быстро уехал в том направлении, откуда появился.

Гурни подумал, что насколько бы сложным ни становилось психологическое тестирование, насколько бы высокими ни были требования к образованию, насколько бы серьезным ни было обучение в

академии, всегда найдутся полицейские, которым не следует быть полицейскими. В данном случае коп ничего не нарушил, но Гурни безошибочно чувствовал в нем такую ненависть, которая не может не просочиться наружу, это всего лишь вопрос времени. И тогда непременно произойдет что-то ужасное. А до тех пор множество людей будут задерживать и допрашивать без надобности. Именно из-за таких как он копов не любят.

Может быть, Меллери в чем-то был прав.

За следующую неделю на северные склоны Катскильских гор спустилась зима. Гурни проводил почти все время в кабинете, работая то над фотографией, то над записками от Харибды. Он метался между этими двумя мирами, старательно избегая мыслей о рисунках Дэнни и хаосе, который они в нем пробуждали. Об этом стоило бы поговорить с Мадлен, узнать, зачем она решила достать коробку сейчас и почему она ждала, что он что-нибудь скажет первым. Но он не мог собраться с духом, поэтому изо всех сил гнал от себя эту мысль и возвращался к делу Харибды. Об этом он хотя бы мог думать спокойно, не чувствуя себя потерянным, без учащенного сердцебиения.

Он часто вспоминал вечер после последнего визита в институт. Меллери, как и обещал, перезвонил ему тогда и передал содержание беседы с Грегори Дермоттом. Тот был достаточно учтив, чтобы ответить на все вопросы, которые Гурни написал на бумажке, но информация оказалась не особенно полезной. Он арендовал абонентский ящик последний год, никогда раньше не возникало проблем, никаких заблудших писем или чеков, доступ к ящику был у него одного, имена Арибда, Харибда и Меллери ни о чем ему не говорили, и он ничего не знал про институт. На вопрос, мог ли кто-то другой в компании иметь доступ к ящику, Дермотт объяснил, что это невозможно, так как в его конторе никого, кроме него, нет. Он работал консультантом по безопасности в компаниях с большими базами данных, которые нуждались в защите от взлома. Ничто из его рассказа не пролило свет на историю с чеком.

Поиски в интернете, предпринятые Гурни, тоже ни к чему не привели. Все источники сообщали в основном одно и то же: Грегори Дермотт окончил Массачусетский технологический институт, приобрел солидную репутацию как компьютерщик и обзавелся отменной клиентурой. Ни он, ни его контора не были замешаны в уголовных делах, не получали судебных исков, не подвергались нападкам со стороны прессы. Незапятнанность на грани со стерильностью. И тем не менее, по какой-то по-прежнему

необъяснимой причине, кто-то присвоил номер его абонентского ящика. Гурни мучил вопрос, остававшийся без ответа: зачем просить прислать чек человеку, который почти наверняка вернет его отправителю?

Гурни приводила в бешенство необходимость снова и снова думать об этом, снова и снова попадать в тот же тупик, как будто на десятый раз он мог обнаружить что-то, чего не обнаружил на девятый и восьмой. Но все же это было лучше, чем думать про Дэнни.

Первый серьезный снег выпал вечером первой пятницы ноября. Из нескольких сумеречных снежинок за пару часов он превратился в снегопад, а к полуночи вновь затих.

Гурни пил свой субботний утренний кофе и смотрел, как бледный диск солнца крадется через лесистые холмы на восток. Ночью было безветренно, поэтому все от террасы до крыши амбара было покрыто несколькими сантиметрами снега.

Он плохо спал. Его затягивали замкнутые круги беспокойства. Некоторые из них, растворившиеся к утру, были про Соню. Он в последний момент перенес их вечернюю встречу. Он не знал, чем эта встреча чревата, и не понимал, чего он сам от нее ждет, так что решил, что разумнее всего будет ее отменить.

Все эти дни он нарочно садился спиной к той части комнаты, где на журнальном столике стояла коробка с рисунками Дэнни, завязанная белым бантом, — и сегодня сделал то же самое. Он потягивал кофе и смотрел на побелевший луг за окном.

Вид снега всегда вызывает в памяти запах снега. Гурни вдруг встал, подошел к стеклянным дверям и открыл их. Резкий поток холодного воздуха воскресил целую вереницу воспоминаний — сугробы на обочинах дорог, доходящие до подмышек, покрасневшиеся и ноющие от снежков руки, крошки льда, застрявшие в шерстяном свитере, ветви деревьев, согнувшиеся под тяжестью снега, рождественские венки на дверях домов, пустые улицы, яркий свет повсюду.

Удивительное дело — прошлое живет в тебе, незримо и спокойно ожидая момента, чтобы всплыть на поверхность из мнимого небытия. Кажется, что его нет, что оно тебя покинуло. Но затем оно, как феникс, восставший из пепла, вспыхивает внутри со всей яркостью красок, звуков, движений, присущей настоящему.

Ему захотелось окружить себя запахом снега. Он снял куртку с крючка у двери, накинул ее и вышел. Снег был слишком глубоким для ботинок, которые он надел, но ему не хотелось переобуваться. Он пошел по

направлению к пруду, закрывая на ходу глаза и глубоко вдыхая воздух. Он не успел пройти и сотни шагов, как кухонная дверь открылась и Мадлен окликнула его:

— Дэвид, вернись!

Гурни повернулся и увидел ее, страшно встревоженную, в дверном проеме. Он направился к дому.

— Что случилось?

— Скорее! — сказала она. — По радио передают — Марк Меллери мертв!

— Что?!

— Марк Меллери мертв, только что передали по радио. Его убили! — Она вернулась в дом.

— О господи, — выдохнул Гурни, чувствуя спазм в груди. Он пробежал оставшиеся метры до дома и вошел на кухню, не снимая заснеженных ботинок.

— Когда это случилось?

— Не знаю. Может, сегодня утром или вчера вечером, неизвестно. Они не сказали.

Он стал слушать. Радио все еще работало, но обозреватель переключился на другую тему, что-то про банкротство большой корпорации.

— Как это произошло?

— Ничего не сказали. Только что по всем признакам это убийство.

— И никакой другой информации?

— Нет. Хотя... что-то сказали про институт, где это произошло. Институт духовного обновления в Пионе, штат Нью-Йорк. Сказали, что полиция начала расследование.

— И это все?

— Кажется, да. Какой ужас!

Он медленно кивнул, соображая.

— Что ты собираешься делать? — спросила она.

Быстрый перебор вариантов в уме оставил единственный возможный.

— Сообщить следователю по этому делу о своих отношениях с Меллери. Пусть он сам решает, что делать дальше.

Мадлен вздохнула и попыталась улыбнуться, но улыбка получилась грустной.

Часть вторая

СТРАШНЫЕ ИГРЫ

Глава 17

Много крови

Ровно в десять утра Гурни позвонил в полицейское управление Пиона, чтобы сообщить свое имя, адрес, телефон и рассказать о своих отношениях с покойным. Его собеседник, некто сержант Буркхольц, ответил, что информацию передадут Государственному полицейскому бюро криминальных расследований, которое занимается этим делом.

Гурни предполагал, что с ним свяжутся спустя сутки или двое, и был крайне удивлен, когда ему перезвонили уже через десять минут. Голос казался смутно знакомым, но его обладатель не представился.

— Мистер Гурни, это старший следователь по делу убийства в Пионе. Как я понял, у вас есть для нас информация.

Гурни помедлил. Он собирался было попросить полицейского представиться, как того требовала стандартная процедура, но тут голос внезапно вызвал в памяти лицо и имя. Джек Хардвик, которого он помнил по одному сенсационному делу, был любителем крепкого словца, шумным, резким, с красным лицом, ранней сединой и бледными, как у лайки, глазами. Он постоянно над всеми подшучивал, отчего полчаса рядом с ним могли показаться сутками, которые никак не заканчивались. Но помимо этого он был умен, решителен, неутомим и подчеркнуто неполиткорректен.

— Привет, Джек, — сказал Гурни, скрывая удивление.

— Откуда ты узнал? Черт! Кто-то проболтался, да? Какой урод?

— У тебя запоминающийся голос, Джек.

— Запоминающийся, мать твою! Десять гребаных лет прошло!

— Девять.

Арест Питера Поссума Пиггерта был крупнейшим делом в карьере Гурни, благодаря которому его повысили до детектива первого класса. Разумеется, он это помнил.

— Так кто проболтался-то?

— Никто.

— Да ладно, колись!

Гурни промолчал, вспоминая, как Хардвик всегда поворачивал

разговор таким образом, чтобы последнее слово оставалось за ним, и как подобного рода диалоги продолжались до тех пор, пока он не ставил точку.

Спустя долгие три секунды Хардвик продолжил менее напористым тоном:

— Девять чертовых лет — и тут ты возникаешь из ниоткуда, посреди дела, которое, возможно, будет крупнейшим в Нью-Йорке с того дня, как ты выудил нижнюю часть миссис Пиггерт из реки. Ничего себе совпаденъице.

— Вообще-то, Джек, это была верхняя часть.

В ответ раздалось характерное ослиное ржание, которым Хардвик славился.

— Ох! — выдохнул он, перестав ржать. — Дэйв, ну ты в своем репертуаре — щепетилен до мелочей.

Гурни прочистил горло.

— Можешь рассказать мне, как погиб Марк Меллери?

Хардвик помолчал, видимо застряв в неудобном тесном пространстве между личными отношениями и правилами выдачи информации, где полицейские наживают себе язву желудка. Он решил рассказать правду — не потому, что ситуация того требовала (Гурни официально не был задействован в расследовании, и ему не полагалось быть в курсе дела), а потому, что было о чем рассказать.

— Кто-то перерезал ему горло разбитой бутылкой.

Гурни вскрикнул так, будто его ударили в сердце.

Первую реакцию, впрочем, быстро вытеснила профессиональная сноровка. Ответ Хардвика поставил на место одно из звеньев головоломки.

— Это, случаем, была не бутылка от виски?

— Откуда ты знаешь? — За три слова интонация Хардвика из удивленной превратилась в подозрительную.

— Долго объяснять. Может, мне лучше заехать?

— Сделай одолжение.

Солнце, прохладный диск которого еще с утра проглядывал сквозь серую завесу зимних облаков, теперь окончательно скрылось за тяжелыми бугристыми тучами. Освещение казалось зловещим, как лицо ледяной вселенной, равнодушной ко всему живому.

Устыдившись такого фантазерства, Гурни припарковался за чередой полицейских автомобилей на заснеженной обочине перед Институтом духовного обновления. Большинство машин были сине-желтые, с символикой полиции штата Нью-Йорк; еще были фургон местной судмедэкспертизы, две белые машины из управления шерифа и два зеленых

джипа полиции Пиона. Гурни вспомнил остроту Меллери: «полиция Пиона» звучит как название для гей-кабаре.

Заросли астр, видневшиеся между машинами и каменной стеной, превратились в спутанные коричневые стебли, на которых причудливыми бутонами висели комья снега. Гурни вышел из машины и направился ко входу. У ворот стоял молодой полицейский, одетый с иголки и с неприятной ухмылкой вояки. Гурни отметил про себя, что он, вероятно, всего на год или два младше его сына.

— Чем могу помочь, сэр?

Слова были вежливыми, но взгляд им противоречил.

— Моя фамилия Гурни. Я пришел к Джеку Хардвику.

Молодой человек дважды моргнул — по одному разу на каждом имени. Выражение его лица выдавало, что как минимум одно из этих имен вызывает у него несварение.

— Минуточку, — сказал он, доставая рацию из-за пояса. — Вас проводят.

Три минуты спустя явился провожатый — детектив из отдела криминалистики, который, казалось, отчаянно пытается быть похожим на Тома Круза. Невзирая на зимний холод, он был одет в черную ветровку поверх черной же футболки. Памятуя о строгом дресс-коде, Гурни решил, что его, должно быть, вызвали на место внезапно. Край девятимиллиметрового «Глока», торчавший из наплечной кобуры, видневшейся под ветровкой, казался не столько профессиональным орудием, сколько модным аксессуаром.

— Детектив Гурни?

— Я в отставке, — ответил Гурни.

— Неужели? — переспросил Том Круз, не выражая никакого интереса. — Должно быть, это приятно. Идемте за мной.

Гурни шел следом за ним по тропинке, которая огибала главное здание и вела к малому особняку, и думал, до чего же несколько сантиметров снега видоизменили эти места. Все превратилось в простой холст, без лишних деталей. Казалось, что ступаешь по только что созданной планете, и этот образ — нового нетронутого мира — резко контрастировал с кровавой реальностью. Они обошли старый георгианский особняк, где Меллери жил, и остановились у засыпанной снегом террасы, где он умер.

Место его гибели было хорошо заметно. В снегу еще сохранялся отпечаток тела. Там, где лежали голова и плечи, расплылось огромное кровавое пятно. Гурни не в первый раз видел это кричащее сочетание ярко-красного с ослепительно-белым. Он был новичком в полиции и дежурил на

Рождество, когда один пьющий коп, которого жена не пустила домой на праздники, выстрелил себе в сердце, сидя на заснеженном берегу реки.

Гурни прогнал от себя это воспоминание и сосредоточился на том, что открылось его взору.

Криминалист сидел на корточках возле следов на снегу, идущих к кровавому пятну, и чем-то их сбрызгивал. Гурни не смог разглядеть на канистре надпись с указанием химиката, но предположил, что это специальный воск, закрепляющий форму следов, чтобы с них можно было сделать слепки. Это была чрезвычайно трудоемкая задача, зато такие следы могли на многое пролить свет. Гурни не в первый раз наблюдал за работой специалиста по отпечаткам, но снова поймал себя на восхищении.

Большая часть террасы была перетянута желтой полицейской лентой, тянувшейся до заднего входа в дом. Лента также тянулась по обе стороны от следов в снегу, идущих от большого сарая рядом с домом к кровавому пятну и дальше, в сторону леса.

Задняя дверь в дом была открыта. На пороге стоял полицейский из группы расследования и рассматривал вид на террасу от входа. Гурни отлично понимал, чем он занят. На месте преступления много времени уходит на то, чтобы вжиться в него, попытаться представить, что видела жертва в свои последние минуты. Существуют четкие, хорошо проработанные правила для обнаружения и сбора улик — крови, оружия, отпечатков пальцев, следов, волос, фрагментов ткани, засохшей краски, образцов земли или растений и так далее, — но проблемы восстановления общей картины они не решают. Иными словами, нужно допускать разные варианты того, что именно, где и как произошло, потому что слишком поспешно сделанные выводы заставляют пропустить улики, которые не вписываются в первоначальную версию. В то же время важно иметь хотя бы приблизительную гипотезу, чтобы поиски происходили системно. Можно совершить массу досадных ошибок, поторопившись с выводами о сценарии преступления, а можно потратить кучу драгоценного времени и сил, исследуя квадратный метр по миллиметру в поисках неизвестно чего.

Хорошие детективы, к которым, как показалось Гурни, относился и тот, что стоял сейчас в дверях дома Меллери, поступали так: переключались с дедуктивного метода на индуктивный, и обратно. Что я здесь вижу и о какой последовательности событий говорит мне эта картина? И если результат правдоподобен, какие дополнительные улики мне нужно найти и где их искать?

Ключом к успеху, по опыту Гурни, был правильный баланс между наблюдательностью и интуицией. Главной опасностью тут было

тщеславие. Старший детектив, который не торопится с рабочей версией, может потерять драгоценное время и вовремя не направить группу расследования в нужном направлении, однако детектив, который с первого взгляда заявляет, будто знает, что произошло в забрызганной кровью комнате, и выстраивает расследование в пользу собственной правоты, причиняет куда больше проблем, которые далеко не ограничиваются потерянным временем.

Гурни было интересно, какой подход преобладает в текущей ситуации.

По ту сторону желтой ленты, недалеко от кровавого пятна, Джек Хардвик инструктировал двух серьезного вида молодых людей, один из которых был подражатель Тома Круза, а другой казался его братом-близнецом. За девять лет, прошедшие с их последней встречи по делу Пиггерта, Хардвик постарел на все восемнадцать. Лицо стало краснее и шире, волосы поредели, в голосе появилась характерная хрипотца от избытка курева и текилы.

— Здесь двадцать гостей, — говорил он близнецам. — Каждый из вас займется девятью. Запишите их имена, адреса, телефоны, проверьте документы. Патти Плюшкина и дезинсектора оставите мне. Со вдовой я тоже сам поговорю. Жду отчета в четыре часа.

Они обменялись еще какими-то негромкими репликами, перемежавшимися ослиным ржанием Хардвика, — слов Гурни не расслышал. Провожатый Гурни что-то сказал и кивнул головой в его сторону, затем парочка отправилась к главному зданию.

Как только они скрылись из виду, Хардвик повернулся и приветствовал Гурни чем-то средним между улыбкой и гримасой. Его странные голубые глаза, в которых когда-то светился скептический ум, теперь приобрели усталое и циничное выражение.

— Какая честь, — пробасил он, обходя вокруг лент в сторону Гурни, — профессор Дэйв собственной персоной.

— Всего лишь преподаватель, — поправил его Гурни, размышляя, что еще Хардвик успел узнать о его работе в университете.

— Не надо тут прибедняться. Ты звезда, дружище, и прекрасно об этом знаешь.

Они без особого дружелюбия обменялись рукопожатием. Гурни поразило, как изменилась свойственная Хардвику манера подтрунивать: теперь его шутки сочлились ядом.

— Насчет места смерти особо сомневаться не приходится, — предположил Гурни, кивая на кровавое пятно. Ему хотелось поскорее рассказать Хардвику все, что он знал, и обратиться отсюда.

— Сомневаться приходится всегда, — заявил Хардвик. — Смерть и сомнение — вот единственное, что мы знаем наверняка про жизнь.

Гурни промолчал. Тогда тот продолжил:

— Впрочем, насчет места смерти сомнений поменьше, чем насчет кое-каких других вещей. Тут натуральный дурдом. Все говорят про жертву так, будто он Копро-чувак из телевизора.

— Ты имеешь в виду Дипака Чопру?

— Ну да, этот Черпак, какая разница!

Слова Хардвика вызывали у Гурни все большую неприязнь, но он промолчал.

— Зачем люди вообще приезжают в такие места? Послушать, как какой-то шарлатан будет впаривать им что-то про смысл жизни, запустив ручонки в их кошельки? — Хардвик покачал головой, сокрушаясь о легковёрности своих сограждан и кивая в сторону особняка, как будто архитектура восемнадцатого века была отчасти всему виной.

Гурни не выдержал.

— Насколько мне известно, — сказал он как можно спокойнее, — погибший не был шарлатаном.

— А я и не говорю, что был.

— А мне показалось, что говоришь.

— Да я в общем рассуждал, абстрактно. Наверняка твой приятель был исключением из правила.

Хардвик начал не на шутку его раздражать.

— Он не был моим приятелем.

— Из сообщения, которое ты оставил по телефону, я понял, что вы давно знакомы.

— Мы были знакомы в колледже, потом двадцать пять лет не виделись, а две недели назад он прислал мне имейл.

— О чем?

— О кое-каких письмах, которые он получал по почте. Они его испугали.

— Что за письма?

— В стихах. Эти стихи были похожи на угрозы.

Хардвик задумался:

— А что он хотел от тебя?

— Совета.

— И что ты ему посоветовал?

— Обратиться в полицию.

— Как я понимаю, он ему не последовал.

Сарказм этой фразы задел Гурни, но он не подал виду.

— Тут был еще один стишок, — сказал Хардвик.

— То есть?

— Стишок на листке бумаги. Лежал прямо на теле, придавленный камешком. Опрятненько так.

— Он вообще довольно аккуратен. Перфекционист, я бы сказал.

— Кто?

— Убийца. Возможно, крайне неуравновешенный тип, но однозначно перфекционист.

Хардвик с любопытством посмотрел на Гурни. Он даже перестал язвить, по крайней мере на время.

— Пока мы не продолжили, я хочу знать, откуда тебе известно про бутылку.

— Я просто угадал.

— Угадал, что это бутылка из-под виски?

— Если быть точным, виски «Четыре розы», — ответил Гурни и улыбнулся, увидев, как расширяются глаза Хардвика.

— Объяснись, — потребовал Хардвик.

— Это была догадка, основанная на стихах, — сказал Гурни. — Ты сам поймешь, когда прочитаешь их. — И, предвосхищая вопрос, добавил: — Стихи и пара других сообщений лежат в ящике стола в кабинете. По крайней мере, последний раз я видел, как Меллери их туда убирал. Кабинет — это большая комната с камином.

Хардвик продолжал таращиться на него, как будто надеясь разглядеть что-то полезное.

— Идем со мной, — сказал он. — Хочу, чтобы ты кое на что взглянул.

Молча, что было для него нехарактерно, он провел Гурни к парковке между большим сараем и дорогой и остановился там, где начинался коридор, огороженный желтой лентой.

— Это самое близкое к дороге место, где мы ясно различаем следы преступника. Дорогу и въезд расчищали после снегопада часа в два ночи. Мы не знаем, когда появился преступник — до или после этого момента. Если до, то следы на дороге и здесь, на въезде, были уничтожены во время чистки. Если после, то следов не было бы видно. Но вот от этого места, за сараем, на террасе, через поляну и до сосняка возле Торнбуш-лейн следы отчетливо прослеживаются.

— Их даже не попытались скрыть?

— Нет, — ответил Хардвик, и было понятно, что его это озадачивает. — Следы никто не заметал. Если я все правильно понимаю.

Гурни посмотрел на него с любопытством:

— А в чем проблема?

— Сейчас сам увидишь.

Они прошли вдоль очерченного желтой лентой коридора, следуя отпечаткам в снегу до сарая. Это были следы довольно больших (Гурни определил 10-й или 11-й размер, ширину D) походных ботинок, ясно различимые в мягком снегу. Тот, кто пришел сюда ранним утром, не беспокоился о том, что его маршрут кто-то проследит.

Они обогнули сарай, и Гурни увидел очередную зону, огороженную желтой лентой. Полицейский фотограф что-то снимал профессиональной камерой, а рядом ждал специалист по сбору улики в белом защитном костюме, с инструментами. Фотограф делал каждый снимок дважды — с линейкой в кадре для обозначения масштаба и без нее, и снимал предметы с разным фокусным расстоянием — издалека для общей картины и вблизи, чтобы были видны детали.

В центре внимания был простенький складной садовый стул, какие часто продают в дешевых магазинах. Следы вели к этому стулу. Перед ним лежало полдюжины окурков. Гурни присел на корточки, чтобы разглядеть их получше, и увидел, что это «Мальборо». Затем следы огибали куст рододендронов и вели к террасе, где, по-видимому, произошло убийство.

— Господи, — произнес Гурни. — Он просто сидел тут и курил?

— Ну да. Расслаблялся перед тем, как перерезать жертве горло. По крайней мере, так оно выглядит. Полагаю, тебе интересно, откуда взялся садовый стул? Вот и мне интересно.

— И что удалось узнать?

— Супруга жертвы утверждает, что никогда его раньше тут не видела. Кажется, ее даже оскорбил его внешний вид.

— Что ты сказал? — резко переспросил Гурни. Высокомерные замечания Хардвика начали бесить его, как звук железа по стеклу.

— Да ладно тебе. — Он пожал плечами. — Что ж теперь, убиваться из-за перерезанной глотки? Кроме шуток, похоже, Кадди Смит-Вестерфилд Меллери впервые в своей упакованной жизни видела такой дешевый стул.

Гурни все понимал про чувство юмора у полицейских, про то, как оно помогает справляться с тяжелыми ситуациями, но иногда оно его выводило из себя.

— То есть убийца принес с собой садовый стул?

— Похоже на то, — ответил Хардвик, поморщившись от очевидной абсурдности такого предположения.

— И, выкурив — сколько там, полдюжины сигарет? — пошел к задней

двери, выманил Меллери на террасу и перерезал ему горло разбитой бутылкой? Вот так сейчас выглядит рабочая версия?

Хардвик неохотно кивнул, как будто только теперь осознав, что в рабочей версии что-то не сходится. Но дальше стало еще хуже.

— Вообще-то, — сказал он, — «перерезал горло» — это еще мягко сказано. Горло жертвы пронзили более десяти раз. Когда судмедэксперты переносили тело в фургон для вскрытия, голова чуть не отвалилась от тела.

Гурни посмотрел в направлении террасы, и хотя ее не было видно за рододендронами, кровавое пятно отчетливо всплыло в его памяти, как будто он смотрел на него под прожекторами.

Хардвик помолчал, задумчиво закусив губу. Затем заговорил снова:

— На самом деле это еще не самое странное. Самое странное начинается, когда дойдешь до конца следов.

Глава 18

Следы в никуда

Хардвик повел Гурни от сарая через кусты, мимо террасы, туда, куда уходили предполагаемые следы преступника — от задней части дома через заснеженную лужайку к кленовой роще в нескольких десятках метров.

Неподалеку от террасы, следуя за отпечатками сапог в снегу в направлении рощи, они встретили еще одного эксперта, одетого в герметичный защитный костюм, хирургическую шапочку и маску — снаряжение, необходимое, чтобы получить образец ДНК, не заразив его своим собственным.

Он стоял на корточках в нескольких метрах от следов, поднимая стальными щипцами из снега осколок коричневого стекла. Три похожих осколка он уже положил в пакетики, как и большой фрагмент бутылки от виски.

— По всей видимости, орудие убийства, — прокомментировал Хардвик. — Хотя ты уже в курсе — ты же ас. Ты даже в курсе, что это «Четыре розы».

— Почему бутылка валяется на лужайке? — спросил Гурни, игнорируя язвительность в тоне Хардвика.

— Ну надо же, а я думал, ты и это знаешь. Уж если даже марку виски угадал...

Гурни устало ждал, как ждут, пока откроется программа на медленном компьютере, и в конце концов Хардвик сказал:

— Похоже, что он унес бутылку от тела и бросил ее здесь по дороге в лес. Зачем он так сделал? Это хороший вопрос. Может, не заметил, что все еще несет ее в руке. То есть, представь, он ею многократно ударил жертву в горло. И все его внимание было сосредоточено на этом. А потом, когда он стал уходить по лужайке к лесу, увидел, что бутылка у него в руке, и отбросил ее. Ну хоть как-то правдоподобно.

Гурни не слишком нравилась эта версия, но, поскольку ему нечего было предложить самому, он кивнул.

— Это и есть «самое странное»?

— Это? — переспросил Хардвик и заржал. — Да ты еще ничего не видел.

Пройдя около восьмисот метров по кленовой роще, через десять минут они добрались до места, где начинался сосняк. Где-то недалеко проехала машина, что означало, что они рядом с дорогой, но заснеженные сосны заслоняли вид.

Сперва он не понял, зачем Хардвик его привел сюда. А затем увидел — и в полном недоумении принялся рассматривать землю. То, что предстало его взору, не укладывалось в голове. След просто взял и прекратился. Четкая последовательность отпечатков ног в снегу, тянувшаяся на протяжении почти километра, внезапно обрывалась. Не было никакого намека на то, что случилось с человеком, оставившим эти следы.

Снег вокруг был нетронут. Шаги прекращались за несколько метров от ближайшего дерева и, судя по звукам машин, в сотне метров от ближайшей дороги.

— Я чего-то не понимаю, — пробормотал Гурни.

— Мы все чего-то не понимаем, — отозвался Хардвик с явным облегчением оттого, что Гурни не предложил какое-то простое объяснение, до которого он не додумался сам.

Гурни внимательно посмотрел на последнюю пару следов еще раз. Под хорошо вдавленными отпечатками виднелись еще несколько, перекрывающих друг друга, очевидно оставленных теми же самыми сапогами. Как будто убийца нарочно дошел до этого места и стоял тут, переминаясь с ноги на ногу несколько минут, возможно ожидая кого-то или чего-то, а затем... взял и испарился.

Гурни посетило безумное предположение, что Хардвик решил его разыграть, но он быстро от него отказался. Устраивать розыгрыш на месте убийства такого масштаба было бы перебором даже для такого одиозного персонажа, как Хардвик.

Перед ними было ровно то, что было.

— Если об этом прознает желтая пресса, они напишут про похищение инопланетянами, — сказал Хардвик, морщась, как будто у слов был неприятный привкус. — Репортеры слетятся как мухи на дерьмо.

— У тебя есть более презентабельная версия?

— Я надеялся на острый ум самого почитаемого детектива в истории полицейского управления Нью-Йорка.

— Прекрати, — сказал Гурни. — Твоя команда что-нибудь накопала?

— Ничего, что могло бы это объяснить. Ну взяли образцы снега с затоптанного места, где он вроде бы стоял. Никаких инородных материалов не обнаружили, но, может быть, в лаборатории что-то скажут. Проверили также деревья и дорогу за теми соснами. Завтра прочешут все в радиусе тридцати метров от этого места, посмотрим.

— То есть на настоящий момент у вас ничего нет?

— Именно.

— Значит, тебе остается допрашивать гостей института и соседей, не видели ли они вертолет, спускающий лестницу в лес?

— Никто не видел.

— Ты уже спрашивал?

— Чувствовал себя полным идиотом, но да. Факты таковы, что сегодня утром кто-то вышел сюда, — почти наверняка это был убийца. Он остановился вот здесь. А дальше — если его не забрал вертолет или огромный кран, то куда он девался?

— Что ж, — произнес Гурни. — Вертолета не было, лестницы в небо не было, тайных туннелей нет...

— Верно, — перебил его Хардвик. — И нет доказательств, что он ускакал на ходулях.

— Что же получается?

— Ничего. Ноль, зеро. Никаких версий. И не надо мне говорить, что он пришел сюда, а потом вернулся по своим следам задом наперед, ступая точно след в след. — Хардвик грозно посмотрел на Гурни, как будто тот собирался ровно это предположить. — Даже если бы такое было возможно, он бы столкнулся с Кадди и Патти, которые были на месте убийства к тому времени.

— Значит, все это невозможно.

— Что невозможно?

— Вообще все, — заключил Гурни.

— Что ты за ересь порешь?

— Джек, успокойся. Нам надо найти какую-то логическую точку

отсчета. То, что произошло по видимости, логически не могло произойти. Следовательно, то, что произошло по видимости, на самом деле не произошло.

— По-твоему, это не следы на снегу?

— Я тебе пытаюсь объяснить, что мы не с того ракурса смотрим на них.

— Нет, ты скажи мне, след это или не след? — кипятился Хардвик.

— Мне кажется, что это очень похоже на след, — согласился Гурни.

— И к чему же ты клонишь?

Гурни вздохнул:

— Не знаю, Джек. Просто у меня ощущение, что мы задаемся не теми вопросами.

Видимо, его спокойный тон немного утихомирил Хардвика. Несколько долгих секунд они стояли молча, не глядя друг на друга. Затем Хардвик поднял взгляд и что-то вспомнил.

— Я чуть не забыл показать тебе главное, — сказал он и вытянул из внутреннего кармана своей куртки пакет для сбора улики.

Сквозь прозрачный пластик был виден белый листок с текстом, написанным аккуратным почерком красными чернилами.

— Не доставай его, — сказал Хардвик, — просто прочти.

Гурни так и сделал. Прочел три раза, чтобы запомнить.

*Через снег наперерез
От глубин и до небес —
Ты ищи, а я исчез.
Ты, гнусный отброс,
Гляди, как я рос,
Растил месть из слез —
За тихих, забитых,
За всех позабытых.*

— Узнаю нашего друга, — вздохнул Гурни, возвращая пакет. — Тема возмездия, восемь строк, изящные образы, безупречная пунктуация, аккуратный почерк. Все как в других записках, за маленьким исключением.

— Что за исключение?

— В этом стихе возникает новая тема — убийца ненавидит кого-то помимо жертвы.

Хардвик посмотрел на записку в пакете, морщась от мысли, что он

упустил что-то значимое.

— Кого?

— Тебя, — сказал Гурни и впервые за весь день улыбнулся.

Глава 19

Гнусные отбросы

Было, конечно, большим допущением утверждать, что убийца одинаково ненавидел Марка Меллери и Джека Хардвика. По дороге назад, к месту убийства, Гурни объяснил, что в действительности имел в виду: гнев преступника, по всей видимости, частично был обращен против полицейских, расследующих убийство. Хардвика это не насторожило, а, напротив, воодушевило. Бойцовский блеск в его глазах говорил: «Дайте мне этого засранца!».

Тогда Гурни спросил, помнит ли он дело Джейсона Странка.

— А что, должен?

— Прозвище «Сатанинский Санта» тебе ни о чем не говорит? Или, как его обозвали в другой газете, «Дед-людоед»?

— Ах, ну да, конечно помню. Так себе был людоедишка. Только пальцы ног съедал.

— Это не единственное, что он делал.

Хардвик поморщился:

— Что-то припоминаю — он съедал пальцы ног, а потом распиливал тела на части, аккуратно запаковывал в пластик, заворачивал как рождественские подарки и отправлял по почте. Так и избавлялся. Никаких хлопот с похоронами.

— А ты помнишь, кому он отправлял эти посылки?

— Да это было двадцать лет тому назад, я еще даже не работал. Я про это дело в газетах читал.

— Он отправлял их на домашние адреса детективов тех округов, где жили его жертвы.

— На домашние адреса?! — Хардвик, казалось, был возмущен. Как будто убийство, умеренный каннибализм и расчленение тел еще можно было простить, но это было последней каплей.

— Он ненавидел копов, — продолжил Гурни. — Обожал портить им кровь.

— Да уж. Получить по почте чью-то ногу — такое кому угодно способно испортить кровь.

— Особенно если посылку вскрыет твоя жена.

Этот комментарий не прошел мимо внимания Хардвика.

— Черт побери! С тобой так и вышло, да? Он отправил тебе какую-то часть тела, а посылку вскрыла жена?

— Да.

— Вот дерьмо. Она поэтому с тобой развелась?

Гурни с интересом взглянул на него:

— Ты даже помнишь, что мы развелись с первой женой?

— Какие-то вещи западают в память. Обычно не то, что я читаю, а что люди сами рассказывают. Такое я долго помню. Например, я помню, что ты единственный ребенок в семье, что твой отец родился в Ирландии, терпеть не мог родину, ничего тебе о ней не рассказывал и много пил.

Гурни недоуменно уставился на него.

— Ты мне все это рассказал, когда мы работали по делу Пиггерта.

Гурни сам не понимал, что его сильнее огорчает — что он зачем-то поделился с Хардвиком этими семейными деталями, что он сам об этом забыл или что Хардвик теперь о них вспомнил. Они шли назад к дому под мелкой порошей; снег то и дело подхватывали и кружили порывы ветра. Темнело. Гурни постарался стряхнуть озноб и сосредоточиться на настоящем.

— Так я это к чему, — сказал он. — Последняя записка убийцы — вызов полиции, это может быть важной деталью.

Хардвик относился к людям, которые не давали сменить тему.

— Так она поэтому ушла от тебя? Потому что получила по почте чей-то член?

Его это не касалось, но Гурни решил ответить все равно.

— У нас была куча проблем. Я мог бы огласить целый список своих к ней претензий и еще более длинный список ее жалоб на меня. Но последней каплей было то, что она наконец осознала, что значит быть замужем за копом. Некоторые жены узнают это постепенно. Мою настигло откровение.

Они дошли до террасы. Два эксперта копошились в снегу вокруг пятна крови, ставшего теперь коричневатым.

— В общем, — сказал Хардвик, как будто отмахиваясь от лишних сложностей, — Странк был серийным убийцей, у нас не тот случай.

Гурни кивнул. Да, Джейсон Странк был типичным серийным убийцей, а тот, кто убил Марка Меллери, действовал принципиально иначе. Странк не знал своих жертв, можно было с уверенностью сказать, что у него не было с ними никаких отношений до убийства. Он выбирал их по

определенным внешним параметрам и по доступности, когда желание убивать охватывало его. Этот выбор был во многом случаен. Убийца Меллери, в отличие от него, знал свою жертву достаточно хорошо, чтобы доносить его аллюзиями на прошлое и даже предсказывать цифры, которые тот мог загадывать в определенных условиях. Он намекал на какую-то былую связь с жертвой, что не было свойственно серийным убийцам. Кроме того, не было информации о подобных убийствах за последнее время, хотя этот момент оставалось еще прояснить.

— Не похоже на серийного убийцу, — согласился Гурни. — Вряд ли тебе начнут присылать чьи-то пальцы по почте. Но все-таки есть что-то неприятное в том, как он обзывает тебя, старшего детектива по делу, гнусным отбросом.

Они обошли дом и зашли через главный вход, чтобы не мешать экспертам на террасе. У дверей снаружи стоял офицер из управления шерифа. Здесь дул нешуточный ветер, и офицер притоптывал ногами и хлопал в ладоши, чтобы как-то согреться. Холод искажил улыбку, с которой он приветствовал Хардвика.

— Как думаешь, кто-нибудь догадается принести мне кофе?

— Без понятия. Надеюсь, что да, — ответил Хардвик, громко хлюпая носом, затем повернулся к Гурни. — Я тебя не задержу долго. Ты только покажи мне записки, которые, ты говорил, в кабинете, и давай убедимся, что все они на месте.

В особняке с каштановым паркетом было тихо. Сильнее, чем когда-либо прежде, здесь пахло деньгами.

Глава 20

Друг семьи

В камине изящной кладки живописно горел огонь. В воздухе витали сладкие нотки вишневого дыма. Бледная, но собранная Кадди Меллери сидела на диване рядом с элегантно одетым пожилым мужчиной.

Когда Гурни и Хардвик зашли, мужчина встал со своего места с неожиданной для своего возраста легкостью.

— Добрый вечер, джентльмены, — поздоровался он. Это прозвучало учтиво, с легким южным акцентом. — Я Карл Смейл, старый друг Кадди.

— Я старший следователь Хардвик, а это Дэйв Гурни, приятель покойного супруга миссис Меллери.

— Ах да, друг Марка. Кадди мне рассказывала...

— Простите за вторжение, — сказал Хардвик, оглядываясь и останавливая взгляд на конторке у стены напротив камина. — Нам нужен доступ к кое-каким бумагам, которые, возможно, связаны с преступлением, и у нас есть причины думать, что эти бумаги находятся в той конторке. Миссис Меллери, извините, что беспокою вас вопросами, но вы не возражаете, если я посмотрю?

Она закрыла глаза. Было непонятно, расслышала ли она вопрос. Смейл снова сел рядом с ней и положил руку ей на запястье.

— Я уверен, что Кадди не против.

Хардвик помедлил.

— Вы официально представляете интересы миссис Меллери?

Смейл на это почти не отреагировал, лишь слегка подернул носом, как высококонрастная дама, услышавшая грубое слово за обеденным столом.

Вдова приоткрыла глаза и заговорила с печальной улыбкой:

— Поймите правильно, для меня это трудное время. Я целиком и полностью полагаюсь на Карла. Что бы он ни сказал, это будет мудрее, чем все, что могу сказать я.

Хардвика это не удовлетворило.

— Мистер Смейл ваш адвокат?

Она повернулась к Смейлу с благостным выражением, которое, как отметил про себя Гурни, было подкреплено успокоительным, и сказала:

— Он мой адвокат, мой защитник в болезни и здравии, в горе и в радости уже тридцать с лишним лет. Господи, Карл, разве это не страшная цифра?

Смейл ответил ей сентиментальной улыбкой, затем заговорил с Хардвиком, и в голосе его появилась резкость.

— Вы можете изучить эту комнату на предмет необходимых для расследования материалов. Разумеется, мы бы хотели получить список вещей, которые вы намереваетесь взять.

Подчеркнутое упоминание «этой комнаты» не прошло мимо внимания Гурни. Смейл не собирался разрешать полиции обыск в обход ордера. Хардвик тоже это заметил, судя по взгляду, которым он награждал щеголеватого мужчину на диване.

— Все улики, которые мы собираем, инвентаризуются. — Тон Хардвика также подразумевал: «Вы не получите список того, что мы намереваемся взять. Вы получите список того, что мы уже взяли».

Смейл, который определенно умел слышать невысказанное, улыбнулся. Он повернулся к Гурни и спросил:

— Скажите, а вы тот самый Дэйв Гурни?

— У моих родителей не было другого.

— Подумать только. Легендарный детектив! Рад знакомству.

Гурни, которого подобного рода приветствия всегда смущали, промолчал.

Тишину нарушила Кадди Меллери:

— Должна извиниться, но у меня чудовищно болит голова, и мне надо прилечь.

— Сочувствую, — сказал Хардвик. — Но мне нужна ваша помощь касательно пары деталей.

Смейл озабоченно взглянул на свою подопечную.

— Разве нельзя подождать час-другой? Очевидно, что миссис Меллери нехорошо.

— Мои вопросы займут всего пару минут. Поверьте, я бы и рад вас не тревожить, но задержка может оказаться критичной.

— Кадди?

— Ничего, Карл. Какая разница — сейчас или потом. — Она закрыла глаза. — Я слушаю.

— Простите еще раз, — сказал Хардвик. — Можно я здесь присяду? — Он кивнул на кресло напротив Кадди.

— Пожалуйста, — ответила она, не открывая глаз.

Он присел на край кресла. Допрос потерпевших всегда вызывает у копов неловкость. Хардвик, впрочем, не выглядел смущенным.

— Я хочу вернуться к тому, о чем вы говорили мне сегодня утром, чтобы убедиться, что я все правильно понял. Вы сказали, что телефон зазвонил вскоре после часа ночи, а вы с мужем в это время спали. Так?

— Да.

— Откуда вы знаете, который был час?

— Я посмотрела на часы, удивившись, что кто-то звонит среди ночи.

— И к телефону подошел ваш супруг?

— Да.

— Что он сказал?

— Он несколько раз подряд повторил «алло», а потом повесил трубку.

— Он не рассказывал вам, сказал ему что-нибудь звонивший или нет?

— Нет.

— А спустя несколько минут вы услышали, как в лесу кричит какое-то животное?

— Верещит.

— Верещит?

— Да.

— Какая разница между криком и верещанием?
— Крик... — Она замолчала и впилась зубами в нижнюю губу.
— Миссис Меллери?
— Долго это будет продолжаться? — поинтересовался Смейл.
— Мне просто нужно узнать, что она услышала.
— Крик — это что-то человеческое. Крик — это то, что вырвалось у меня, когда я... — Она сильно моргнула, как будто выдавливая из глаза соринку, затем продолжила: — Это было какое-то животное. Но не в лесу, звук был рядом с домом.
— И как долго продолжался этот звук?
— Минуту-другую, точно не знаю. Он прекратился, когда Марк спустился вниз.
— Он объяснил, что собирается сделать?
— Он сказал, что хочет проверить, что там такое. Он просто... — Она замолчала и сделала несколько глубоких вдохов.
— Простите, миссис Меллери. Осталось совсем немного.
— Он просто хотел проверить, что за звук, вот и все.
— Вы слышали что-нибудь еще?
Она закрыла рот ладонью и сжала пальцами щеки, стараясь держать себя в руках. Красно-белые пятна появились на лице под ее пальцами.
Потом она заговорила, не убирая руки от губ:
— Я сквозь дрему слышала какой-то хлопок, как будто кто-то хлопнул в ладоши. Больше ничего. — Она так и держалась за лицо, как будто это ее успокаивало.
— Благодарю вас, — сказал Хардвик, поднимаясь из кресла. — Мы не будем вас больше беспокоить. Теперь нам нужно просто пройти по содержимому конторки.
Кадди Меллери подняла голову и открыла глаза. Она опустила руку, но на щеках ее остались следы от ногтей.
— Детектив, — сказала она слабым, но решительным голосом. — Возьмите все, что вам понадобится, но, прошу вас, соблюдайте конфиденциальность. Пресса относится к этому безответственно. Наследие моего мужа — это очень важно.

Глава 21

Приоритеты

— В этой поэзии черт ногу сломит, мы так целый год можем гадать,

что к чему, — произнес Хардвик. Слово «поэзия» в его исполнении прозвучало так, будто это было худшее, с чем ему приходилось иметь дело.

Записки убийцы были разложены на большом столе в зале института, который полиция заняла на время расследования.

Сначала шло послание из двух частей за подписью Х. Арибды, в котором предсказывалось, что Меллери загадает число 658, и содержалось требование выслать 289.87 доллара, чтобы покрыть расходы на поиски. Затем лежали три последовательно полученных по почте стихотворения, которые раз от раза становились все более угрожающими (третье Меллери положил в пластиковый пакет для бутербродов, как он объяснил Гурни, чтобы сохранить отпечатки пальцев). В ряд лежали вернувшийся чек с запиской от Грегори Дермотта, что никакого Х. Арибды по этому адресу не значится, стихи, продиктованные убийцей по телефону секретарше, кассета с записью разговора с убийцей тем вечером, когда Меллери загадал число 19, письмо из почтового ящика института, в котором предсказывалось, что он именно его загадает, и, наконец, стихотворение, найденное на трупе. Это был удивительный набор улик.

— Почему одна записка в пакете? — спросил Хардвик. Судя по его голосу, пакет раздражал его не меньше, чем поэзия.

— К тому моменту Меллери был уже всерьез напуган, — объяснил Гурни. — Он сказал, что хочет сохранить отпечатки пальцев.

Хардвик покачал головой:

— Расхожее заблуждение. Пластик кажется надежнее бумаги, а тем временем улики, положенные в пластик, портятся от попавшей туда влаги. Идиотизм.

На пороге появился встревоженный офицер со значком полиции Пиона на фуражке.

— В чем дело? — спросил Хардвик несколько вызывающе, дескать, только посмей сообщить о еще какой-нибудь проблеме.

— Сюда ваши технари просят, пустить их?

Хардвик кивнул и вернулся к разложенным на столе стихам.

— Опрятненький почерк, — сказал он, поморщившись. — Что ты на это скажешь, Дэйв? Может, мы имеем дело с монашкой?

Спустя полминуты техническая бригада появилась в зале с пакетами улик, ноутбуком и переносным принтером для штрихкодов, чтобы провести инвентаризацию на месте. Хардвик попросил сделать копии всех материалов, перед тем как отправлять их в лабораторию в Олбани, чтобы обследовать их на предмет отпечатков пальцев и изучить почерк, бумагу и

чернила, особенно тщательно — в записке на теле жертвы.

Гурни молчал, наблюдая за Хардвиком в роли старшего следователя. То, на сколько затянется расследование дела, зачастую зависело от того, насколько главный по делу качественно сделает свою работу в первые часы расследования. Гурни пришел к выводу, что Хардвик хорошо работает. Он наблюдал, как тот просматривает снимки фотографа, чтобы убедиться, что зафиксированы все значимые места, включая входы и выходы, и все важные улики, включая следы на снегу, садовый стул, окурки и разбитую бутылку, а также тело и кровавое пятно вокруг него. Хардвик попросил фотографа организовать аэрофотосъемку всей территории института — обычно это не требовалось, но сейчас, учитывая ведущий в никуда след, это могло оказаться полезным.

Кроме того, Хардвик поговорил с двумя младшими детективами, чтобы убедиться, что проведенные ими допросы действительно имели место. Он встретился со старшим экспертом-криминалистом, чтобы выслушать его заключение, затем попросил одного из детективов на следующий день привести полицейскую собаку — из этого следовало, что Хардвик крайне озабочен вопросом следов. Наконец, он проверил журнал прибытий, который вел коп на входе, чтобы убедиться, что на территории в момент расследования не было посторонних. Видя, как Хардвик впитывает и анализирует информацию, расставляет приоритеты и отдает приказы, Гурни пришел к выводу, что тот по-прежнему весьма компетентен и умеет работать в сложной ситуации. Хардвик, разумеется, был бестактный сукин сын, но это не отменяло его исключительной профессиональной эффективности.

В четверть пятого Хардвик сказал ему:

— Слушай, мы тут сидим черт-те сколько, а тебе ведь за это не платят. Ехал бы ты домой. — Затем он сощурился, как будто его только что посетила новая мысль, и добавил: — То есть я хотел сказать, что мы тебе не платим. Может, конечно, тебе Меллери платили? Черт, ну конечно. Кто станет транжирить свой талант задаром.

— У меня нет лицензии, я бы не смог попросить плату, даже если бы захотел. Кроме того, я не хочу больше работать детективом.

Хардвик с сомнением посмотрел на него.

— Более того, я, пожалуй, воспользуюсь твоим советом и поеду домой.

— Сможешь завтра заехать в управление в районе полудня?

— Что будем делать?

— Два момента. Во-первых, нам нужны показания — расскажешь о своих отношениях с покойным много лет назад и сейчас. Ну, сам знаешь

процедуру. Во-вторых, я бы хотел, чтобы ты присутствовал на общей встрече, где мы будем беседовать по итогам собранной информации. Предварительное заключение о причине смерти, показания свидетелей, кровь, отпечатки, орудие убийства, все такое. Рабочие версии, расстановка приоритетов, план дальнейшего расследования. Ты можешь сильно нам помочь, не дать даром потратить деньги налогоплательщиков. С моей стороны было бы преступно не воспользоваться твоим авторитетным мнением, мы-то в сравнении с тобой мелкие сошки. Так что давай завтра в полдень. Принеси с собой свои показания.

Это было хитро придумано. И точно характеризовало Хардвика, определяло его место под солнцем: офицер Хитрая Бестия, отдел по особо важным делам, бюро криминальных расследований, полиция штата Нью-Йорк. Но Гурни чувствовал, что при этом Хардвик действительно хочет от него помощи в этом деле, которое час от часу становилось все более странным.

Большую часть дороги домой Гурни не обращал внимания на окрестности. Только проехав магазин Абеяров в Диллвиде, он заметил, что облака, закрывавшие небо с утра, исчезли и теперь краски заходящего солнца легли на западные склоны холмов. Заснеженные кукурузные поля по обе стороны реки были такого насыщенного цвета, что Гурни широко раскрыл глаза от этого зрелища. Затем, с удивительной скоростью, кораллово-красное солнце опустилось за кромку гор, и волшебное сияние исчезло. Голые деревья снова стали черными, а снег — пресно-белым.

Он медленно приближался к нужному повороту, и его внимание привлекла ворона на обочине дороги. Она сидела на чем-то выступающем над тротуаром. Когда он поравнялся с ней, оказалось, что это мертвый опоссум. К его удивлению, ворона не улетела при его приближении и не подала никаких признаков беспокойства, хотя вороны обычно очень осторожны. Она сидела неподвижно, словно выжидала чего-то, — это было похоже на сон.

Гурни повернул на свою дорогу и стал спускаться по изгибам, думая о черной птице, замершей в сумерках над мертвым животным.

От перекрестка до дома оставалось пять минут. Когда он въехал на узкую дорогу, ведущую от амбара к дому, воздух стал еще более серым и холодным. Призрачный снежный вихрь кружился по лугу, растворяясь в небытие на пороге леса.

Он подъехал к дому ближе, чем обычно, поднял воротник и поспешил к заднему входу. Войдя в кухню, он тут же по звенящей тишине понял, что

Мадлен нет дома. Как будто ее присутствие обычно сопровождалось легким электрическим шумом и особая энергия наполняла воздух, который в ее отсутствие был просто пустотой.

В воздухе было что-то еще. Осадок утреннего разговора, мрачного присутствия коробки из подвала, которая так и стояла на журнальном столике в затененной части комнаты, завязанная лентой с белым бантом.

После краткого визита в туалет он пошел в кабинет и проверил автоответчик. Там было всего одно сообщение. Звонила Соня, на записи был ее атласный голос, похожий на пение виолончели.

— Привет, Дэвид. У меня тут один клиент без ума от твоей работы. Я сказала ему, что ты заканчиваешь еще один портрет, и он хочет знать, когда он будет доступен для продажи. «Без ума» это еще мягко сказано, и деньги для него, похоже, не проблема. Перезвони мне, как только сможешь. Нам надо это обсудить. Спасибо, Дэвид.

Он собирался прослушать сообщение еще раз, когда услышал, как задняя дверь открывается и закрывается. Он остановил запись и крикнул:

— Это ты?

Ответа не последовало, и он начал раздражаться.

— Мадлен! — позвал он громче, чем требовалось.

Он услышал, как она отвечает, но ответ был слишком тихим, чтобы он разобрал слова. Таким голосом она говорила, когда они были в ссоре, он это называл про себя голосом пассивного сопротивления. Сперва он решил, что не будет выходить из кабинета, но тут же сказал себе, что это инфантильно, и все-таки вышел на кухню.

Мадлен повернулась к нему от вешалки, на которой оставила свою оранжевую куртку. На ее плечах поблескивали снежинки — значит, она шла по сосняку.

— Там та-ак красиво, — сказала она, поправляя свои густые волосы, примятые капюшоном. Она зашла в кладовую, через минуту вышла и посмотрела на столешницы.

— Куда ты убрал орехи пекан?

— Что?

— Я разве не попросила тебя их купить?

— Кажется, нет.

— Может, забыла. А может, ты меня не услышал.

— Понятия не имею, — ответил он, с трудом уместя новую информацию в своем занятом уме. — Завтра куплю.

— Где?

— У Абеяров.

— В воскресенье?
— Черт, да, они же закрыты будут. А зачем тебе орехи пекан?
— Я отвечаю за десерт.
— Какой десерт?
— Элизабет делает салат и печет хлеб, Ян готовит чили, а я — десерт. — Ее глаза потемнели. — Ты что, забыл?
— Они все завтра придут?
— Да.
— Во сколько?
— А это важно?
— Мне нужно отнести письменные показания в отдел расследований завтра в полдень.
— В воскресенье?
— Это же расследование убийства, — напомнил он.
Она кивнула:
— Значит, тебя весь день не будет.
— Какую-то часть дня.
— Насколько долгую?
— Господи, ты же знаешь, как делаются такие дела.
Обида и злость, заблестевшие в ее глазах, задели Гурни сильнее, чем могла бы задеть пощечина.
— Значит, ты завтра придешь домой непонятно когда и, может быть, успеешь к ужину, а может быть, нет.
— Мне нужно отнести в полицию письменные показания свидетеля по делу об убийстве. Я бы с удовольствием этого не делал. — Он неожиданно повысил голос, бросаясь в нее словами. — Некоторые вещи в этой жизни мы просто *обязаны* делать. Нас к тому обязывает закон, это не вопрос личных предпочтений. А закон придумывал не я!
Она посмотрела на него с усталостью, настолько же неожиданной, как и его гнев.
— Ты так и не понял, да?
— Не понял чего?
— Что твой ум так зациклен на убийствах, хаосе и крови, на чудовищах и психопатах, что ни для чего другого просто не остается места.

Глава 22

Уточнение

Тем вечером он потратил два часа на написание и редактуру показаний. Документ констатировал факты — в нем без прилагательных, эмоций и оценок излагались обстоятельства знакомства Гурни с Марком Меллери, включая как общение в колледже, так и недавние контакты, начиная с электронного письма Меллери с просьбой о встрече и заканчивая его твердым отказом обращаться в полицию.

Гурни выпил две чашки крепкого кофе, пока писал, и в результате плохо спал. Ему было холодно, он вспотел, все чесалось, непонятная боль блуждала из одной ноги в другую — этот постоянный дискомфорт не способствовал избавлению от дневных тревог. Гурни с беспокойством думал о Мадлен, о боли, промелькнувшей в ее глазах.

Он понимал, что дело в расстановке приоритетов. Она не раз жаловалась, что, когда две его роли сталкивались, Дэйв-детектив всегда побеждал Дэйва-мужа. И отставка в этом смысле ничего не изменила. Очевидно, она ожидала, что это изменится, может быть, искренне в это верила. Но как он мог перестать быть тем, кем был? Как бы он ни любил ее, как бы ни хотел быть с ней, как бы ни желал ей счастья, разве он мог просто взять и стать другим человеком? Его ум работал особым образом, и главное удовлетворение от жизни он получал, используя этот дар. Он безошибочно выстраивал логическую цепочку и был крайне чувствителен к малейшим несостыковкам. Это делало его выдающимся детективом. Эти же качества позволяли ему дистанцироваться от ужасов его профессии. Другие полицейские дистанцировались иначе — пили, становились циниками. Гурни же умел воспринимать любую ситуацию как интеллектуальный вызов и всякое преступление рассматривал как задачу, которую необходимо решить. Таким человеком он был. Он не мог в одночасье измениться, просто уйдя в отставку. По крайней мере, таков был ход его мыслей, когда за час до рассвета его наконец одолел сон.

В ста километрах к востоку от Уолнат-Кроссинг, чуть не доезжая Пиона, на утесе с видом на Гудзон, возвышалось здание регионального полицейского управления, похожее на свежевозведенную крепость. Грузные серые стены и узкие окна, казалось, были рассчитаны на выживание в условиях апокалипсиса. Гурни задумался, могла ли такая архитектура быть вдохновлена одиннадцатым сентября, которое породило массу проектов еще более дурацких, чем неприступные полицейские участки.

Внутри здания лампы дневного света подчеркивали брутальность металлоискателей, камер наблюдения, пуленепробиваемой кабины охраны

и полированного цементного пола. Общаться с охранником в кабине, оборудованной рядами мониторов камер наблюдения, нужно было по микрофону. Голубоватый свет делал лицо охранника болезненно-бледным. Даже его светлые волосы в таком освещении казались какими-то нездоровыми. Он выглядел так, как будто его вот-вот стошнит.

Гурни заговорил в микрофон, поборов желание поинтересоваться у охранника, не болен ли он:

— Дэйв Гурни. Я пришел на встречу с Джеком Хардвиком.

Сквозь узкую щель между пуленепробиваемым стеклом и столешницей охранник протянул ему временный пропуск и лист учета посетителей для подписи. Затем он взял телефон, взглянул на приклеенный скотчем к стене список номеров, набрал четыре цифры и что-то сказал в трубку.

Минуту спустя в стене рядом с кабиной открылась стальная серая дверь, и за ней обнаружился тот же полицейский в штатском, который вчера провожал Гурни на территории института. Он жестом пригласил Гурни присоединиться к нему, никак не подав вида, что узнал его, повел его по близкому серому коридору и открыл перед ним еще одну стальную дверь.

Они зашли в огромную переговорную комнату. Она была лишена окон — не иначе чтобы уберечь посетителей от битых стекол в момент нападения террористов. Гурни страдал легкой формой клаустрофобии, не любил помещений без окон и терпеть не мог архитекторов, которым такое приходило в голову.

Его немногословный провожатый направился к кофейнику в дальнем углу. Большинство стульев, стоявших вокруг овального стола, уже были кем-то заняты: на спинках четырех из них висели куртки, еще три были прислонены к столу. Гурни снял свою куртку и надел ее на спинку одного из свободных стульев.

Дверь открылась, и появился Хардвик. С ним были педантичного вида рыжая женщина в брючном костюме, с ноутбуком и толстой папкой, и второй Том Круз, который тут же направился к своему приятелю-близнецу у кофейника. Женщина проследовала к ничейному стулу и положила на стол перед ним свои вещи. Хардвик подошел к Гурни — на лице его было нечто среднее между улыбкой и гримасой.

— У нас для тебя сюрприз, приятель, — прошептал он. — Наш юный окружной прокурор, самый молодой в истории округа, почтит нас своим присутствием.

Гурни снова почувствовал рефлекторную неприязнь к бывшему

коллеге, хотя и понимал, что бессмысленная язвительность Хардвика — недостаточное для этого основание. Невзирая на намерение не реагировать, Гурни поджал губы.

— Разве не логично, что он присутствует на таком собрании?

— Я не сказал, что это нелогично. Я просто сказал, что это сюрприз. — Хардвик посмотрел на три прислоненных стула в центре стола и с кривой усмешкой, которая уже становилась частью его обычного выражения лица, произнес: — Троны для Трех Мудрецов.

Как только он сказал это, открылась дверь и вошли трое мужчин.

Хардвик чуть наклонился к Гурни и полупшепотом представил их. Гурни подумал, что призвание Хардвика — чревоушательство, поскольку он умудрялся говорить, не шевеля губами.

— Это капитан Род Родригес, жутко доставучий хрен, — произнес он бесцветным шепотом, когда в комнату вошел коренастый человек с искусственным загаром, натянутой улыбкой и злыми глазами. Он придержал дверь для мужчины повыше, шедшего следом, — худощавого взвинченного типа, быстро окинувшего взглядом комнату и каждого из присутствующих.

— Окружной прокурор Шеридан Клайн, — прошептал Хардвик. — Метит в губернаторы.

Третий мужчина, проскользнувший следом за Клайном, был лысоват, несмотря на относительную молодость, и обладал привлекательностью миски с картофельными очистками.

— Штиммель, ассистент Клайна.

Родригес жестом пригласил их занять три свободных стула; центральный был предложен Клайну. Тот воспринял это как должное. Штиммель сел от него слева, Родригес — справа. Родригес смотрел на присутствовавших сквозь очки с тонкой оправой. У него был низкий лоб, безукоризненная прическа и откровенно крашенные черные волосы. Он несколько раз постучал костяшками пальцев по столу и огляделся, чтобы убедиться, что привлек всеобщее внимание.

— Нам было сообщено, что собрание начнется в полдень, и на часах сейчас именно полдень. Займите, пожалуйста, ваши места.

Хардвик сел рядом с Гурни. Полицейские, стоявшие возле кофейника, вернулись к столу, и спустя полминуты все уже сидели. Родригес окинул собравшихся недовольным взглядом, как бы имея в виду, что у настоящих профессионалов это не заняло бы столько времени. При виде Гурни он не то усмехнулся, не то поморщился. Выражение его лица стало окончательно кислым при взгляде на пустующий стул. Затем он продолжил:

— Вы и без меня понимаете, что на нас с вами свалилось по-настоящему громкое дело. Мы собрались, чтобы убедиться, что мы вместе. — Он сделал паузу, как бы оценивая эффект от своего философского замечания, и затем для тугодумов перевел его на человеческий язык: — Мы собрались, чтобы убедиться, что у нас одинаковая картина происходящего, начиная с самого первого дня.

— Со второго дня, — пробормотал Хардвик.

— Что вы говорите? — переспросил Родригес.

Томы Крузы непонимающе переглянулись.

— Сегодня *второй* день, сэр. Вчера был первый, и он был ох каким непростым.

— Это понятно. Я выразился образно. Идея в том, что у всех нас должно быть единое представление о деле, начиная с самого его начала. Мы должны идти в ногу. Я сейчас понятно излагаю?

Хардвик невинно кивнул. Родригес подчеркнуто отвернулся от него и обратился к более серьезным участникам разговора.

— На настоящий момент у нас мало данных, дело непростое, возможно, даже сенсационное. Мне рассказали, что убитый был успешным автором и оратором. У семьи его супруги огромное состояние. Среди клиентов Меллери были богатые, самоуверенные, проблемные персонажи. Любой из этих факторов может обеспечить медийную заваруху. Все три фактора вместе — настоящий вызов. Четыре ключа к нашему успеху — это организованность, дисциплина, коммуникация и еще раз коммуникация. То, что вы слышите, что вы видите и какие выводы вы делаете, не имеет значения, пока это не задокументировано надлежащим образом. Засим — коммуникация и еще раз коммуникация.

Он огляделся, подчеркнуто задержав взгляд на Хардвике как на главном нарушителе режима отчетности. Хардвик в этот момент изучал крупную веснушку на тыльной стороне своей правой ладони.

— Мне не нравятся люди, которые ищут в правилах лазейки, — продолжил Родригес. — От таких лазейщиков в результате проблем больше, чем от прямых нарушителей. Лазейщики всегда заявляют, что поступили так, а не иначе на благо дела. А правда в том, что они поступают так ради собственного удобства, потому что у них нет дисциплины, а отсутствие дисциплины нарушает общую организацию. Так что внимательно слушайте меня сейчас. По этому делу мы будем соблюдать правила. Все правила до единого. Мы будем использовать чек-листы. Мы будем писать подробные отчеты. И мы будем сдавать их вовремя. Все будет идти по соответствующим каналам. Каждый юридический вопрос будет

обсуждаться в офисе окружного прокурора Клайна, прежде — повторюсь, — прежде чем вы начнете действовать. Коммуникация, коммуникация и еще раз коммуникация.

Он выстрелил последними словами словно артиллерийскими снарядами в стан врага. Решив, что потенциальное сопротивление подавлено, он повернулся с приторно почтительным выражением к окружному прокурору, который явно начал терять терпение, и сказал:

— Шеридан, я знаю, что вы собираетесь принять активное личное участие в этом деле. У вас есть что сказать нашей команде?

Клайн широко улыбнулся, и эта улыбка могла бы на расстоянии показаться добродушной. Вблизи, впрочем, было ясно, что она излучает ослепительный нарциссизм политика.

— Единственное, что я хочу сказать, — это что я здесь, чтобы помочь. Помочь любым доступным мне способом. Вы профессионалы. У вас есть специализация, опыт и талант. Вы свое дело знаете. Это ваша епархия.

Гурни расслышал негромкий смешок. Родригес недовольно моргнул. Неужели он настолько тонко настроен на частоту Хардвика?

— Однако я согласен с Родом. Дело большое и организационно сложное. Оно однозначно попадет на телевидение, и за ним будет следить множество людей. Будьте готовы к кричащим заголовкам — «Кровавое убийство современного гуру». Нравится вам это или нет, джентльмены, но мы попадем и в желтую прессу. И я не хочу, чтобы мы при этом выглядели как придурки из Колорадо, которые провалили дело Джона Бенета, или придурки из Калифорнии, которые провалили дело Симпсона. В этом деле придется выполнять много задач одновременно, а это не проще, чем жонглировать яйцами: если мы начнем их ронять...

Интерес Гурни к заключительной речи остался неудовлетворенным, потому что Клайна перебил телефонный звонок. Все раздраженно повернули головы. Родригес с негодованием наблюдал, как Хардвик достает из кармана телефон и цитирует мантру капитана:

— Коммуникация, коммуникация и еще раз коммуникация! — затем нажимает на кнопку приема звонка и отвечает. — Хардвик слушает... Говори. Где? Совпадают со следами? Есть понимание, как они туда попали? А почему он это сделал? Ладно, пусть их доставят в лабораторию как можно скорее. Без проблем. — Он отключил звонок и задумчиво уставился на телефон.

— Ну что? — Злобный взгляд Родригеса смягчился от любопытства.

Хардвик адресовал свой ответ рыжеволосой женщине в брючном костюме, застывшей в ожидании перед раскрытым ноутбуком.

— Новости с места убийства. Нашли ботинки убийцы — или, во всяком случае, ботинки, отпечатки которых совпадают со следами, ведущими от тела. Ботинки уже везут вашим людям в лабораторию.

Рыжая кивнула и начала печатать.

— Вы же сказали, что следы уводят далеко от тела и исчезают в никуда, — напомнил Родригес таким тоном, словно уличал Хардвика во лжи.

— Верно, — ответил Хардвик, не глядя на него.

— Так где же нашли ботинки?

— Там же, в нигде. На дереве, рядом с которым обрывается след. Они висели на ветке.

— Вы хотите сказать, что убийца забрался на дерево, снял там ботинки и оставил их?

— Так все и выглядит.

— И куда же он после этого делся?

— Мы даже приблизительно не представляем. Может быть, ботинки нам что-то подскажут.

Родригес разразился коротким резким смешком.

— Надеюсь, что подсказка найдется. Шеридан, вас прервали.

— С яйцами в полете, — прошептал Хардвик.

— Ничего страшного, — отозвался Клайн с улыбкой, говорящей: «Я что угодно оберну в свою пользу». — По правде говоря, я предпочитаю не говорить, а слушать — особенно когда речь о новостях с места событий. Чем лучше я понимаю проблему, тем больше я могу помочь.

— Как скажете, Шеридан. Хардвик, раз уж вы привлекли всеобщее внимание, поделитесь с нами остальными подробностями — вкратце, если можно. Окружной прокурор щедро уделяет нам свое время, но у него есть другие дела, это следует учитывать.

— Ладно, ребята, вы слышали, что он сказал. Вот краткая версия, повторять не буду. Не отвлекайтесь и не задавайте дурацких вопросов. Значит, слушайте...

— Прошу прощения! — Родригес поднял обе руки. — Я не хочу, чтобы у кого-то сложилось впечатление, что нельзя задавать вопросы.

— Это так, фигура речи, сэр. Просто не хочу занимать слишком много времени у окружного прокурора. — Почтительность, с которой это было сказано, была избыточна ровно настолько, чтобы сарказм не ускользнул от адресата, но придраться было не к чему.

— Ладно, ладно. — Родригес нетерпеливо отмахнулся. — Продолжайте.

Хардвик начал перечислять имеющиеся данные:

— За три-четыре недели, предшествовавшие убийству, жертва получила несколько писем угрожающего характера и два телефонных звонка, один из которых был принят и записан секретарем, а другой принят и записан жертвой. Каждый из вас получит копии. Супруга жертвы, Кассандра, она же Кадди, сообщает, что в ночь убийства их с супругом в районе часа разбудил телефонный звонок от абонента, повесившего трубку.

Родригес открыл было рот, но Хардвик тут же ответил на предполагавшийся вопрос:

— Мы уже связались с телефонной компанией, чтобы отследить источники звонка в ночь убийства и двух предыдущих звонков. Однако, учитывая тщательность, с которой было спланировано преступление, я удивлюсь, если эти звонки удастся проследить.

— Это мы посмотрим, — сказал Родригес.

Гурни про себя решил, что для капитана важнее всего показать: он способен контролировать любую ситуацию или разговор, в котором принимает участие.

— Да, сэр, — произнес Хардвик с той же двусмысленной почтительностью. — В общем, пару минут спустя их потревожили звуки, раздававшиеся неподалеку от дома. Супруга жертвы описывает эти звуки как верещание животных. Когда я допрашивал ее второй раз, она предположила, что это могли быть еноты. Ее муж спустился, чтобы проверить, что происходит.

Через минуту она услышала то, что описывает как приглушенный хлопок, и вскоре после этого сама отправилась на разведку. Она обнаружила супруга лежащим на террасе сразу за задней дверью. Из ран на его шее вытекла большая лужа крови. Она закричала — по крайней мере, ей помнится, что она закричала, — и попыталась остановить кровь, но не смогла, после чего побежала назад в дом и позвонила 911.

— Вы не в курсе, она не изменила положение тела, когда пыталась остановить кровь? — В исполнении Родригеса вопрос прозвучал как ловушка.

— Она говорит, что не помнит.

Родригес смерил его скептическим взглядом.

— Я ей верю, — сказал Хардвик.

Родригес пожал плечами, обозначая недоверие к любому чужому мнению. Хардвик посмотрел на свои записи и продолжил повествование:

— Полиция Пиона прибыла на место первой, затем приехала машина из управления шерифа, затем прибыл полицейский Кальвин Максон из

местного управления. В бюро расследований позвонили в 1:56 ночи. Я прибыл на место в 2:20, а медицинский эксперт прибыл в 3:25.

— Кстати, раз вы упомянули Трэшера, — сердито сказал Родригес, — он кому-нибудь звонил сказать, что опоздает?

Гурни рассматривал лица сидящих за столом. По-видимому, все они настолько привыкли к фамилии медицинского эксперта, что она никому уже не казалась странной. На вопрос также никто не отреагировал — что, судя по всему, означало, что эксперт всегда опаздывал. Родригес с негодованием уставился на входную дверь, через которую Трэшер должен был войти десять минут назад.

И тут, словно нарочно дождавшись момента, когда терпение капитана подойдет к концу, в комнату зашел долговязый мужчина с портфелем под мышкой и стаканом кофе навынос. Он закончил начатое за дверью и никем не услышанное предложение:

— ...стройка, работают люди. Видите ли! Знаки повсюду расставили. — Он поочередно улыбнулся сидящим за столом. — То, что они «работают», выражается в том, что они стоят без дела и ковыряют в носу. Куда уж без этого. А чтобы действительно копали или дорогу мостили — какое там. Я ничего такого не видел. Толпа некомпетентных придурков просто взяла и перегородила дорогу! — Он взглянул на Родригеса сквозь очки, криво сидящие на носу. — Полиция небось тут бессильна, да, капитан?

Родригес отреагировал усталой улыбкой серьезного человека, которому приходится общаться с идиотом.

— Добрый день, доктор Трэшер.

Трэшер поместил свой портфель и кофе на стол перед единственным незанятым стулом. Он огляделся и остановил взгляд на окружном прокуроре.

— Приветствую, Шеридан! — сказал он удивленно. — Решили войти в курс дела с самого начала?

— У вас есть для нас какая-нибудь полезная информация, Уолтер?

— Вообще-то да. Как минимум один небольшой сюрприз.

Родригес не упустил шанс снова показать, что именно он командует парадом, и направить разговор в русло, в котором он и без него начал двигаться.

— Ну что же, я вижу возможность извлечь пользу из опоздания доктора. Мы сейчас выслушали краткое изложение событий, связанных с обнаружением тела. Рассказ закончился прибытием медицинского эксперта на место преступления. И вот медицинский эксперт прибыл сюда — так

что давайте прямо сейчас дадим ему слово.

— Отличная идея, — сказал Клайн, глядя на Трэшера.

Доктор был к этому готов и немедленно начал свое выступление:

— Полный письменный отчет будет через неделю, джентльмены. Пока мы имеем дело только со скелетом.

Если это была шутка, подумал Гурни, то ее явно никто не оценил. Возможно, он так часто ее повторял, что публика перестала реагировать.

— Интересное убийство, — продолжил Трэшер, взяв со стола кофе. Он сделал задумчивый глоток и вновь поставил стакан на стол. Гурни улыбнулся. Этот взъерошенный верзила умел красиво выдерживать паузы. — Все оказалось не совсем так, как виделось нам на первый взгляд.

Он снова сделал паузу, дождавшись предельной концентрации нетерпения в воздухе.

— Первичное обследование тела на месте убийства привело к гипотезе, что смерть наступила в результате разрыва сонной артерии от множественных колото-резаных ран. Они были нанесены битой бутылкой, позже обнаруженной неподалеку. Однако вскрытие показало иное: причиной смерти стал разрыв сонной артерии в результате одного выстрела с близкого расстояния в шею жертвы. Раны же были нанесены позднее, когда тело уже лежало на земле. Мы насчитали по меньшей мере четырнадцать колотых ран. В некоторых остались осколки стекла, а четыре из них насквозь проходят через мышцы и трахею до задней стенки шеи.

За столом воцарилось молчание, все недоуменно переглядывались. Родригес соединил кончики пальцев обеих рук и заговорил первым:

— Значит, его застрелили?

— Застрелили, — ответил Трэшер с удовольствием человека, любящего обнаруживать непредвиденное.

Родригес недовольно посмотрел на Хардвика:

— Как так вышло, что никто из ваших свидетелей не слышал выстрела? Вы сказали, что на территории было как минимум двадцать гостей, и опять же, почему ничего не услышала жена?

— Она слышала.

— Что?! И как давно вам об этом известно? Почему мне не сообщили?

— Она слышала выстрел, но не знала, что это выстрел, — объяснил Хардвик. — Она сказала, что ей послышался приглушенный хлопок. Ей тогда это не показалось важным, а я не знал, с чем это связать до настоящего момента.

— Приглушенный хлопок? — недоверчиво повторил Родригес. — Вы хотите сказать, что в жертву стреляли с глушителем?

Шеридан Клайн следил за разговором, затаив дыхание.

— Тогда все понятно! — воскликнул Трэшер.

— Что понятно? — хором спросили Родригес и Хардвик.

Глаза Трэшера победоносно блестели.

— Следы гусяного пуха в ране.

— И в образцах крови, взятых из лужи вокруг тела. — Голос рыжей оказался таким же бесполом, как ее костюм.

— Разумеется, там он тоже был, — кивнул Трэшер.

— Все это очень любопытно, — произнес Клайн. — Но не мог бы кто-нибудь из вас, кто понимает, о чем речь, разъяснить мне ситуацию?..

— Гусиный пух! — повторил Трэшер так громко, будто Клайн жаловался на плохой слух.

Выражение вежливого непонимания на лице Клайна сменилось гримасой.

Хардвика осенило. Он сказал:

— Приглушенный звук выстрела и наличие гусяного пуха в ране говорит о том, что пистолет, из которого стреляли, был завернут во что-то вроде пуховика.

— Вы хотите сказать, что выстрел можно заглушить, просто завернув пистолет в пуховик?

— Не совсем. Я говорю, что если бы я завернул пистолет в несколько слоев достаточно толстого материала, особенно дуло, то, возможно, звук выстрела действительно больше напоминал бы хлопок, тем более если слушать из звукоизолированного дома с закрытыми окнами.

Казалось, объяснение удовлетворило всех, кроме Родригеса.

— Я хотел бы посмотреть результаты экспертизы, прежде чем считать это рабочей версией.

— Вы думаете, что выстрел не пытались заглушить? — с досадой переспросил Клайн.

— Возможно и такое, — сказал Трэшер. — Но тогда надо как-то по-другому объяснить частицы гусяного пуха в крови.

— Итак, — произнес Клайн, — убийца стреляет в жертву в упор...

— Не в упор, — поправил его Трэшер. — «В упор» означает, что был контакт между дулом и жертвой, а таких доказательств у нас нет.

— Тогда с какого расстояния?

— Трудно сказать. На шее есть различимая зона опаления, говорящая в пользу расстояния до полутора метров, но ожог слишком мал, чтобы дать точную картину. Возможно, пистолет был еще ближе к телу, просто материал, которым было обмотано дуло, предотвратил ожог.

— Пулю, как я понимаю, вы не нашли. — Родригес адресовал свое недовольство куда-то между Трэшером и Хардвиком.

Гурни сжал зубы. Ему приходилось работать с людьми вроде Родригеса, которые путали свою манию контроля с хваткой лидера, а склонность видеть все в отрицательном свете — с трезвостью ума.

Трэшер ответил первым:

— Пуля миновала позвонки. В тканях шеи больше нечему было ее задержать. Мы зафиксировали входное и выходное отверстия — оба, надо сказать, найти было непросто из-за множественных колотых ран, нанесенных после выстрела.

Если он рассчитывал на комплимент, то неверно выбрал публику, подумал Гурни. Родригес перевел вопросительный взгляд на Хардвика, чей тон снова балансировал на грани неповиновения.

— Мы не искали пулю. У нас не было повода считать, что была пуля.

— Теперь-то он есть!

— Тонко подмечено, сэр! — воскликнул Хардвик, не скрывая сарказма. Он достал мобильный, отошел от стола, набрал номер и заговорил вполголоса, но все равно было слышно, что он разговаривает с кем-то на месте преступления и запрашивает срочный поиск пули. Когда он вернулся к столу, Клайн интересовался, есть ли надежда обнаружить пулю, раз выстрел был совершен вне помещения.

— Обычно надежды мало, — ответил Хардвик. — Но в нашем случае есть такой шанс. С учетом положения тела можно сказать, что в него стреляли, когда он находился к дому спиной. Если траекторию что-нибудь не отклонило слишком сильно, пуля может быть в деревянной обшивке дома.

Клайн медленно кивнул.

— Хорошо, значит, верно ли я понял, что убийца выстрелил в жертву с близкого расстояния, жертва упала на землю с разрывом сонной артерии, из его шеи била кровь? Затем убийца взял разбитую бутылку, сел на корточки рядом с телом и четырнадцать раз ударил его в горло — такая сейчас картина? — неуверенно уточнил он.

— Как минимум четырнадцать раз. Возможно, больше, — отметил Трэшер. — Когда раны наслаиваются одна на другую, их становится сложно сосчитать.

— Это мне ясно, но я сейчас вот что пытаюсь понять: зачем все это было нужно?

Трэшер поморщился.

— Мотивы убийства не входят в сферу моей экспертизы, — сказал

он. — Это надо спрашивать у наших друзей из бюро криминальных расследований.

Клайн повернулся к Хардвику:

— Разбитая бутылка — инструмент спонтанный, замена ножу или пистолету. Зачем человек, у которого уже есть заряженный пистолет, берет с собой разбитую бутылку и зачем использует ее уже после того, как убил жертву из пистолета?

— Чтобы убедиться, что он мертв? — предположил Родригес.

— Почему тогда было не выстрелить еще раз? В голову? Почему он вообще изначально не стал стрелять в голову? Почему именно в шею?

— Возможно, он никудышный стрелок.

— При расстоянии в полтора метра? — Клайн снова повернулся к Трэшеру. — А мы уверены, что именно такова последовательность — сперва выстрел, затем колотые раны?

— Уверены в рамках нашей профессиональной компетенции, как выражаются в суде. Ожог почти не виден, но он есть. Если бы шея уже была в крови к моменту выстрела, мы вряд ли нашли бы следы опаления.

— И мы нашли бы пулю, — сказала рыжая тихим будничным голосом, так что ее почти никто не услышал. Но Клайн был среди услышавших, как и Гурни, который как раз думал, когда же эта мысль придет кому-то на ум. Лицо Хардвика оставалось непроницаемым, но казалось, он ничуть не удивлен.

— Вы о чем? — уточнил Клайн.

Она ответила, не отрывая взгляда от экрана ноутбука:

— Если его при первоначальном нападении четырнадцать раз ударили в шею и при этом четыре из этих ран были сквозными, он вряд ли устоял бы на ногах. И если бы в него стреляли сверху в момент, когда он лежал на земле, мы нашли бы пулю под ним.

Клайн посмотрел на нее с уважением. В отличие от Родригеса, отметил про себя Гурни, у него хватало ума, чтобы уважать чужой ум.

Родригес попытался снова взять разговор в свои руки.

— Доктор, пулю какого калибра мы ищем?

Трэшер уставился на него сквозь очки, спустившиеся на кончик его длинного носа.

— Что мне сделать, чтобы люди наконец поняли простейшие вещи про патологоанатомию?

— Знаю, знаю, — раздраженно отмахнулся Родригес. — Плоть может расширяться и сжиматься, нельзя сказать наверняка и все такое. Но все-таки — речь идет скорее о двадцать втором или о сорок четвертом?

Сделайте авторитетное предположение.

— Мне не платят за предположения. Кроме того, никто не будет помнить, что речь шла о предположении. Все запомнят, что медэксперт назвал конкретный калибр и ошибся. — Было видно, что он вспомнил какой-то случай, но промолчал, сказав лишь: — Когда вытащите пулю из обшивки дома, тогда узнаете.

— Доктор, — вмешался Клайн с видом маленького мальчика, ищущего совета у премудрого старца, — а возможно узнать, каков был интервал между выстрелом и нанесением колотых ран?

Его тон смягчил возмущение Трэшера.

— Если бы интервал был значительным, мы обнаружили бы кровь в двух разных стадиях свертывания. В нашем случае я бы сказал, что раны последовали вскорости после выстрела, поскольку сравнивать нам было нечего. Все, что мы можем сказать, — это что интервал был небольшим, но было это десять секунд или десять минут — сказать сложно. Хотя вопрос хороший, — подытожил он, подчеркнуто противопоставляя его вопросу капитана.

Капитан покривился:

— Если у вас все, доктор, мы вас больше не задерживаем. Полагаю, письменный отчет будет готов не позднее чем через неделю?

— Да, я же обещал. — Трэшер взял свой объемный портфель со стола, с поджатыми губами кивнул окружному прокурору и вышел из комнаты.

Глава 23

Бесследно

— Патологический зануда, — подытожил Родригес, пробегая взглядом по лицам присутствующих в поисках поддержки своей шутки, но только непрекращающиеся смешки близнецов Круз могли показаться чем-то вроде отклика. Клайн нарушил тишину, попросив Хардвика продолжить описание сцены убийства, прерванную появлением Трэшера.

— Я собирался сказать то же самое, — подхватил Родригес. — Хардвик, продолжайте ваш отчет и придерживайтесь ключевых моментов. — Просьба подразумевала, что Хардвик обычно поступает иначе.

Гурни заметил для себя, что капитан был предсказуем — всегда враждебен к Хардвику, льстив по отношению к Клайну и высокого мнения о себе.

Хардвик быстро заговорил:

— Самый заметный след убийцы — отпечатки его ботинок, судя по которым он вошел на территорию через главные ворота, проследовал через парковку к задней части сарая и остановился там, где был найден садовый стул...

— Садовый стул на снегу?.. — переспросил Клайн.

— Именно. Перед стулом были обнаружены сигаретные бычки.

— Семь штук, — сказала рыжая, не отрываясь от ноутбука.

— Семь, — повторил Хардвик. — От стула следы ведут...

— Детектив, я прошу прощения, но Меллери всегда держал садовые стулья во дворе зимой?

— Нет, сэр. Все выглядит так, будто убийца принес стул с собой.

— Стул? С собой?

Хардвик пожал плечами.

Клайн покачал головой:

— Простите, что перебил. Продолжайте.

— Не нужно извиняться, Шеридан. Спрашивайте все, что хотите. Мне тоже многое тут кажется нелогичным, — сказал Родригес и посмотрел на Хардвика так, будто отсутствие логики было его виной.

— Далее следы ведут к месту встречи с жертвой.

— Тому месту, где Меллери убили? — уточнил Клайн.

— Да, сэр. Оттуда они направляются к просвету в живой изгороди и через лужайку в лес. След прерывается в километре от дома.

— В каком смысле *прерывается*?

— Прекращается. Не продолжается. Снег там слегка притоптан, будто убийца некоторое время стоял на месте, но с этого места следы никуда больше не ведут. Как сообщалось несколько раньше, ботинки, оставившие эти следы, были найдены висящими на дереве неподалеку. У нас нет предположений, что потом случилось с тем, кто был в них обут.

Гурни наблюдал за выражением лица Клайна и увидел, что тот одновременно глубоко озадачен этой головоломкой и поражен тем, что не может придумать вообще никакого решения. Хардвик открыл было рот, чтобы продолжить отчет, но в этот момент заговорила рыжая. Ее голос был тихим и безликим, одинаково женским и мужским.

— Сейчас следует отметить, что рисунок подошв найденных ботинок совпадает с отпечатками в снегу. Однако действительно ли именно эта пара обуви оставила эти отпечатки, должны определить специалисты из лаборатории.

— Это можно определить с такой точностью? — спросил Клайн.

— Конечно, — ответила она, и ее голос впервые окрасился гордостью. — Отпечатки на снегу для такой задачи удобнее всего: снег сохраняет мельчайшие детали, которые не разглядеть невооруженным глазом. Никогда никого не убивайте в снегу.

— Спасибо за совет, — сказал Клайн. — Прошу прощения, что снова перебили вас, детектив. Пожалуйста, продолжайте.

— Возможно, это подходящий момент, чтобы перечислить собранные улики. Вы не против, капитан? — Интонация Хардвика снова была аккуратной пародией на уважение.

— С удовольствием послушаю про факты, — ответил Родригес.

— Сейчас, только открою файл, — сказала рыжая, что-то набирая на компьютере. — В каком порядке вам перечислить улики?

— Давайте в порядке важности.

Никак не реагируя на командный тон капитана, она принялась зачитывать список с экрана компьютера:

— Улика первая: один садовый стул из легких алюминиевых трубок и белого пластикового переплета. Первоначальное исследование на предмет чужеродных частиц выявило присутствие нескольких квадратных миллиметров строительной мембраны, застрявшей между сиденьем и креплением ручки.

— Это утеплитель, что ли? — уточнил Клайн.

— Гидроизоляция для деревянных домов, но этот материал по-разному используют, например, делают из него комбинезоны для малярных работ. Это единственный посторонний материал, найденный на стуле, больше ничто не свидетельствует о том, что его раньше как-то использовали.

— Никаких отпечатков пальцев, волос, пота, слюны, царапин, совсем ничего? — спросил Родригес, как будто не веря в компетентность ее специалистов.

— Ни отпечатков, ни волос, ни пота, ни слюны, ни царапин, однако я бы не сказала, что «совсем ничего», — ответила она, снова проигнорировав тон его вопроса. — Часть переплета на спинке стула была заменена, а именно — все горизонтальные перетяжки.

— Вы же сказали, что стул никогда не использовался.

— Нет следов использования, но переплет однозначно был изменен.

— Предположительно по какой причине?

Гурни хотел было выдвинуть предположение, но Хардвик заговорил первым:

— Такие стулья обычно перетягивают полосками двух цветов — белый и синий, белый и зеленый, что-нибудь такое. Может быть, он не

хотел, чтобы стул был цветным.

Родригес поморщился, как будто проглотил что-то горькое.

— Продолжайте, сержант Вигг. Нам еще многое надо успеть до обеда.

— Улика вторая: семь бычков от сигарет «Мальборо», также без каких-либо следов.

Клайн наклонился вперед:

— То есть нет следов слюны? Отпечатков пальцев? Следов жира от пальцев?

— Ничего.

— Разве это не странно?

— Очень странно. Улика третья: фрагмент разбитой бутылки из-под виски марки «Четыре розы».

— Фрагмент?

— Приблизительно полбутылки было найдено целиком. Если считать также все найденные осколки, то всего получается чуть меньше, чем две трети целой бутылки.

— Без отпечатков? — предположил Родригес.

— Отпечатков нет, что нас в общем-то уже не удивляет после их отсутствия на стуле и бычках. Была также найдена одна субстанция помимо крови жертвы — незначительное количество моющего средства в трещине вдоль отбитой части стекла.

— И о чем это говорит? — спросил Родригес.

— Присутствие моющего средства и нехватка осколков позволяет предположить, что бутылку разбили где-то еще и помыли перед тем, как принести на место убийства.

— Значит, нанесение колотых ран было таким же заранее обдуманном действием, как и выстрел?

— Похоже на то. Я продолжу?

— Прощу, — сказал Родригес таким тоном, что это прозвучало как грубость.

— Улика четвертая: одежда жертвы, включая нижнее белье, халат и мокасины, вся запачкана его кровью. На халате найдено три посторонних волоса, возможно принадлежащих супруге жертвы, но это еще выясняется. Улика пятая: образцы крови, взятые с земли вокруг тела. Окончательных результатов из лаборатории еще нет, но пока вся найденная кровь принадлежит жертве. Улика шестая: осколки стекла с плиты под шеей жертвы. Это подтверждает вывод, сделанный на основании вскрытия, что четыре колотых раны от бутылочного стекла прошли насквозь через шею и что жертва лежала на земле в момент их нанесения.

Клайн сидел сощурившись, как будто солнце било ему в глаза.

— У меня складывается впечатление, что кто-то совершил крайне жестокое убийство со стрельбой и колотыми ранами — четырнадцать колотых ран, местами нанесенных с жуткой силой! — однако убийца умудрился сделать это, не оставив после себя никаких ненамеренных следов.

Один из близнецов впервые подал голос, и голос этот оказался удивительно высоким для человека с таким мужественным телосложением.

— А как же садовый стул, бутылка, следы и ботинки?

Клайн нетерпеливо повел бровью:

— Я говорю о *ненамеренных* уликах. А все перечисленное как будто оставлено нарочно.

Полицейский пожал на это плечами, как человек, не разбирающийся в таких тонкостях.

— Улика номер семь разделяется на подпункты, — сказал бесполоый голос сержанта Вигг (однако бесполость не равна асексуальности, подумал Гурни, рассматривая необычный разрез глаз и красивую форму губ). — Улика номер семь состоит из сообщений, полученных жертвой и, вероятно, имеющих отношение к убийству. Сюда входит записка, найденная на теле жертвы.

— У меня есть копии этих сообщений, — заявил Родригес. — Я их предоставлю, когда будет подходящий момент.

Клайн спросил у Вигг:

— А что вы ищете на этих записках?

— Отпечатки пальцев, оттиски на бумаге...

— Вы имеете в виду оттиск ручки от предыдущих страниц в блокноте?

— Да. Мы также делаем анализ чернил с рукописных записок и идентификацию принтера по письму, напечатанному на компьютере, — последнее было получено перед убийством.

— Наши эксперты также проанализируют почерк, словарный запас и синтаксис, — вмешался Хардвик. — Кроме того, мы проведем исследование фонограммы телефонного разговора, записанного жертвой. У Вигг уже есть предварительное заключение, мы сегодня его рассмотрим.

— Мы также займемся ботинками, найденными сегодня, как только они попадут в лабораторию. И это на данный момент все, — сообщила Вигг, нажимая кнопку на компьютере. — Есть вопросы?

— У меня есть один, — сказал Родригес. — Поскольку мы договорились о перечислении улик в порядке важности, почему вы назвали садовый стул первым?

— Это просто мое ощущение, сэр. Мы не знаем наверняка, какое значение имеют отдельные улики, пока они не сложатся в цельную картину. Невозможно сказать...

— Однако вы назвали стул первым, — перебил ее Родригес. — Вот я и спрашиваю: почему?

— Он как будто иллюстрирует самую поразительную черту этого дела.

— Это вы о чем?

— О продуманности, — спокойно ответила Вигг.

Гурни подумал, что у нее удивительная способность отвечать на вопрос капитана так, будто это бесстрастные вопросы на бумаге, лишённые высокомерного выражения лица и оскорбительного тона. Было что-то удивительное в отсутствии эмоциональной вовлеченности, в способности не реагировать на провокации. И это притягивало к ней внимание. Гурни заметил, что все, кто сидел за столом, за исключением Родригеса, непроизвольно подались вперед, слушая ее.

Она продолжила:

— Дело не только в продуманности, но и в том, как странно все это было придумано. Принести на место преступления садовый стул. Выкурить семь сигарет, не касаясь их губами и пальцами. Разбить бутылку, помыть ее и принести с собой, чтобы нанести ранения мертвому телу. Уж не говоря про загадочные следы и исчезновение преступника в лесу. Просто какой-то гений убийства. Он не просто принес садовый стул, но поменял часть переплета на нем. Зачем?

Потому что хотел, чтобы стул целиком был белым? Чтобы его было не так видно на снегу? Или потому, что его было бы не так видно на фоне белого костюма, в который, возможно, он был одет? Но если ему было так важно не выделяться, зачем он сидел на этом стуле и курил сигареты? Я пока не могу это никак подтвердить, но я бы не удивилась, если бы стул оказался ключом к разгадке всего преступления.

Родригес покачал головой:

— Ключом к разгадке этого преступления может быть только полицейская дисциплина, соблюдение процедуры и своевременная коммуникация.

— Ставлю на садовый стул, — прошептал Хардвик, подмигнув рыжей Вигг.

Это не ускользнуло от капитана, но он не успел ничего сказать, потому что дверь в переговорную открылась и вошел человек с блестящим компакт-диском в руке.

— В чем дело? — рывкнул Родригес.

— Вы сказали принести вам результаты по отпечаткам пальцев, как только они будут готовы.

— И что?

— Они готовы, — сказал человек, поднимая диск. — Наверное, вам стоит взглянуть. Может быть, сержант Вигг его откроет?..

Он протянул диск к ее компьютеру. Она вставила его в дисковод и нажала пару клавиш.

— Любопытно, — сказала она.

— Прековски, прокомментируйте, что там такое?

— Креповски, сэр.

— Что?

— Моя фамилия Креповски.

— Ладно, ладно. А теперь расскажите: нашли отпечатки пальцев?

Креповски прокашлялся.

— И да и нет, — ответил он.

Родригес вздохнул.

— То есть они слишком размазаны, чтобы можно было что-то сказать?

— Они не просто размазаны, — ответил Креповски. — Вообще-то их толком и отпечатками не назовешь.

— Тогда о чем речь?

— Я бы назвал их мазками. Ощущение, что преступник использовал естественный жир на кончиках пальцев как невидимые чернила, чтобы оставить сообщение.

— Какое сообщение?

— Там три сообщения. По одному на обратной стороне каждого сообщения, полученного жертвой. Когда мы путем химической обработки сделали слова видимыми, мы сфотографировали их и записали изображения на диск. Их можно четко разглядеть на экране.

С легкой усмешкой сержант Вигг медленно развернула свой ноутбук экраном к Родригесу. На фотографии было три листка бумаги, лежащие рядом, — оборотные стороны записок, присланных Меллери, разложенные в порядке получения. На каждом оказалось по слову, написанному размазанными штрихами: ТУПЫЕ ЗЛЫЕ КОПЫ.

Глава 24

Преступление года

— Что за херня? — хором произнесли близнецы.

Родригес поморщился.

— Черт! — воскликнул Клайн. — Это становится все интереснее. Убийца объявляет нам войну!

— Да он просто долбанутый, — произнес первый Круз.

— Долбанутый, но бесстрашный, он хочет схватки с полицией! — Клайн определенно находил новый поворот событий увлекательным.

— Ну и что? — не понял второй Круз.

— Я уже говорил, что это дело обязательно привлечет внимание СМИ. Так вот, оно не просто привлечет внимание. Это тянет на преступление года, а то и десятилетия. Каждый элемент этого дела — новостной повод.

Глаза Клайна загорелись. Он так наклонился вперед, что его ребра упирались в край стола. Затем его энтузиазм угас так же внезапно, как возник, и он откинулся на спинку стула с мрачным выражением лица, как будто что-то напомнило ему, что убийство — это трагедия и относиться к нему надо соответственно.

— Антиполицейское выступление может стать отдельным поводом для спекуляций, — подытожил он.

— Несомненно, — подхватил Родригес. — Я хочу знать, был ли кто-то из гостей института настроен против полицейских. Что скажете, Хардвик?

Старший детектив надсадно хохотнул.

— Что в этом смешного?

— Для большинства гостей, с которыми мы говорили, полицейский — это что-то среднее между налоговым инспектором и садовым слизнем.

Гурни отметил, что Хардвик таким образом сформулировал, что он сам испытывал к капитану.

— Я бы хотел почитать их заявления.

— Они у вас в электронной почте. Но я могу сэкономить ваше время: эти записи бессмысленны. Все спали. Никто ничего не видел. И никто ничего не слышал, за исключением Паскаля Виллади, он же Пирожок, он же Патти Плюшкин. Он сказал, что не мог заснуть. Открыл окно, чтобы проветрить комнату, услышал «приглушенный хлопок» и правильно предположил, что это выстрел.

Хардвик покопался в папке с бумагами и достал один лист. Клайн снова подался вперед.

— «Было похоже на то, что кого-то шлепнули» — вот его слова. Он произнес их так, будто это в порядке вещей, будто он неоднократно слышал такой звук.

Глаза Клайна снова загорелись.

— То есть вы говорите, что во время убийства там присутствовал

бандит?

— Он присутствовал на территории института, а не на месте преступления.

— Откуда вы это знаете?

— Виллади разбудил Джастина Бейла, помощника Меллери, чья комната находится в том же здании. Он сказал, что услышал какой-то звук со стороны дома Меллери, что кто-то, возможно, туда забрался, — и предложил пойти посмотреть. Но пока они одевались и парком шли к дому Меллери, Кадди уже обнаружила тело мужа и стала звонить 911.

— Виллади не сказал этому Бейлу, что слышал выстрел? — Клайн начал говорить тоном человека, ведущего допрос в зале суда.

— Нет. Он сказал нам, на следующий день. Но к тому моменту мы нашли окровавленную бутылку и колотые раны на шее, а пулевых ранений или соответствующего орудия убийства найдено не было, поэтому мы не стали исследовать вероятность выстрела. Мы подумали, что Патти похож на человека, который бредит пушками, поэтому мог предположить такое от балды.

— Но почему он не сказал Бейлу, что принял звук за выстрел?

— Сказал, что не хотел его пугать.

— Какой предусмотрительный, — усмехнулся Клайн и перевел взгляд на бесстрастно молчащего Штиммеля, который зеркально усмехнулся в ответ.

— Но вам-то он это сказал! — воскликнул Родригес. — Плохо, что вы не обратили на это внимания.

Хардвик подавил позыв к зевоте.

— Что вообще бандит делал в институте, продающем «духовное обновление»?

Хардвик пожал плечами:

— Сказал, что просто обожает это место. Приезжает туда раз в год — нервы успокоить. Говорит, что это филиал рая, а Меллери — святой.

— Так и сказал?

— Так и сказал.

— Потрясающее дело. Еще есть какие-нибудь интересные гости?

На лице Хардвика возникла характерная ироничная усмешка, которая всегда внушала Гурни необъяснимое отвращение.

— Если вы о высокомерных, инфантильных, промаринованных в наркоте шизиках, то в этом смысле «интересных гостей» там полно, плюс эта неправдоподобно богатая вдова.

Вероятно, снова задумавшись о последствиях внимания прессы к

этому делу, Клайн медленно обвел глазами комнату и остановился на Гурни, который сидел по диагонали от него. Сначала взгляд Клайна был отсутствующим, как будто он смотрел на пустой стул. А затем он с любопытством наклонил голову.

— Пойдите-ка, — сказал он. — Дэйв Гурни, Нью-Йоркское управление. Род говорил мне, кто будет присутствовать на собрании, но я только что осознал. Это не о вас была большая статья в журнале «Нью-Йорк мэгэзин», пару лет назад?

Хардвик ответил первым:

— Он самый. Заголовок гласил «Супердетектив».

— Теперь припоминаю, — оживился Клайн. — Вы распутывали громкие дела — рождественский маньяк с частями тела и Поросянок Поггот или как его там.

— Питер Поссум Пиггерт, — отозвался Гурни.

Клайн уставился на него с нескрываемым восхищением.

— Значит, убитый был лучшим другом звездного детектива Нью-Йорка?

Опасения насчет трактовок прессы множились на глазах.

— Я был до какой-то степени вовлечен в оба дела, — ответил Гурни настолько же равнодушно, насколько Клайн был взбудоражен. — Ими занималось много людей. Что касается Меллери, он определенно не был моим лучшим другом, мы не общались больше двадцати лет, и даже в то время...

— Однако, — перебил его Клайн, — когда он оказался в беде, он первым делом обратился к вам.

Гурни посмотрел на лица за столом, выражавшие разные степени зависти и восхищения, и подивился силе упрощенных формулировок. «Кровавое убийство лучшего друга звездного копа» — такой заголовок мгновенно находит отклик в той части мозга, которая любит мультики и ненавидит всякую сложность.

— Я думаю, он обратился ко мне, потому что не был знаком с другими полицейскими.

Клайн явно не был готов отступить от своей теории, но решил отложить ее в сторону и продолжить разговор.

— Не важно, какого рода отношения у вас были с жертвой, но они однозначно дают вам взгляд на ситуацию, которого ни у кого из нас нет.

— Поэтому я и хотел, чтобы он присутствовал сегодня, — заявил Родригес-я-здесь-главный.

Хардвик издал краткий кашель-смешок, и затем Гурни услышал его

шепот:

— Он был против этой идеи, пока она не понравилась Клайну.

Родригес продолжил:

— Как раз его выступление следующее у меня на повестке, и он сможет ответить на любые вопросы, которых, я думаю, возникнет множество. Чтобы потом не отвлекаться, давайте объявим пятиминутный перерыв на туалет.

— Смотри не обоссись, Гурни, — раздался смешливый шепот за его спиной и затерялся среди грохота отодвигаемых стульев.

Глава 25

Допрос Гурни

У Гурни была теория, что люди делятся на тех, кто ведет себя в туалете как в раздевалке, и тех, кто ведет себя там как в лифте. То есть одни держатся вульгарно и панибратски, а другие отчужденно и неловко. Эти ребята относились ко второму типу. Никто не проронил ни слова, пока все не вернулись в переговорную.

— Итак, каким же образом такой скромняга умудрился так прославиться? — спросил Клайн, излучая хорошо отрепетированное обаяние, одновременно вуалирующее и выдающее холодный подтекст.

— Не такой уж я и скромняга. И не так уж прославился, — ответил Гурни.

— Когда все наконец усядутся, — резко заговорил Родригес, — каждый увидит перед собой копии записок, полученных жертвой. Пока наш свидетель будет рассказывать про свое общение с жертвой, вы можете посмотреть, что они обсуждали. — Затем он небрежно кивнул в сторону Гурни: — Начинайте, как будете готовы.

Высокомерие этого человека больше не удивляло Гурни, но все равно коробило. Он огляделся и встретился взглядом поочередно со всеми присутствующими, кроме полицейского, провожавшего его на место преступления, который шумно копался в своих бумагах, и Штиммеля, помощника окружного прокурора, который сидел, уставившись в пространство перед собой, как задумчивая жаба.

— Капитан верно подметил, что нам многое предстоит обсудить. Давайте я для начала перечислю события в той последовательности, в которой они происходили, а в конце вы зададите свои вопросы. — Он увидел, что Родригес собирался возразить, но сдержался, потому что Клайн

одобрительно кивнул на его предложение.

Четко и ясно, как всегда (ему неоднократно говорили, что он мог бы преподавать риторику), Гурни за двадцать минут рассказал всю историю, начав с письма Меллери с просьбой о встрече, продолжив изложением их бесед и болезненной реакции Меллери и закончив звонком от убийцы и запиской в почтовом ящике (той, в которой упоминалась цифра 19).

Клайн был самым внимательным слушателем и в конце заговорил первым:

— Это же какой-то эпос о возмездии! Убийца был одержим желанием отомстить Меллери за какой-то ужасный поступок, совершенный спьяну много лет назад.

— Но почему он так долго тянул с этим? — спросила сержант Вигг, которую Гурни находил все более интересной с каждым разом, как она заговаривала.

Глаза Клайна загорелись от обилия возможных версий.

— Возможно, Меллери о чем-то проговорился в одной из своих книг. Может быть, таким образом убийца узнал, что именно по его вине произошла какая-то трагедия, которую он до того с ним не связывал. А может быть, успех Меллери оказался последней каплей в чаше его терпения. Или, может, как говорится в первой записке, убийца просто увидел его однажды на улице и в нем пробудилась старая обида. Он достает пистолет и — бабах!

— Ничего себе бабах, — сказал Хардвик.

— У вас другое предположение, старший следователь Хардвик? — спросил Клайн с холодной улыбкой.

— Тщательно составленные письма, загадки с цифрами, указания к отправке чека на неправильный адрес, несколько стихов с угрозами, замаскированное послание полиции, которое можно обнаружить только с помощью специального химического анализа; стерильные как пальцы хирурга окурки, скрытое пулевое ранение, невероятный след в снегу и гребаный садовый стул, наконец! Жирновато для внезапного «бабаха».

— Моя версия не исключала, что убийство было заранее продумано, — ответил Клайн. — Сейчас меня больше интересует исходный мотив, а не детали. Я хочу понять, какого рода была связь между убийцей и жертвой. Эта связь обычно является разгадкой к преступлению.

Эта краткая нотация создала в комнате неловкую тишину, которую нарушил Родригес.

— Блатт, — гаркнул он, обращаясь к проводнику Гурни, который рассматривал копии двух первых записок, будто они свалились на стол из

космоса. — У вас потерянный вид.

— Что-то тут не сходится. Убийца присылает жертве письмо, предлагая загадать число и затем посмотреть в запечатанный конверт. Жертва загадывает число 658, заглядывает в конверт — и там написано 658. Вы что, верите, что такое в принципе возможно?

Никто не успел отреагировать, потому что заговорил его напарник:

— Да, и две недели спустя преступник повторяет этот трюк, на этот раз по телефону. Он предлагает Меллери задумать число и посмотреть в почтовом ящике. Тот загадывает число 19 и находит в ящике письмо от убийцы, в котором написано число 19. Блин, это крышу сносит.

— У нас есть этот телефонный разговор, записанный жертвой, — сказал Родригес таким тоном, точно это его личная заслуга. — Вигг, включите ту часть, где говорится про цифру.

Сержант молча что-то набрала на клавиатуре, и спустя пару секунд раздался разговор Меллери и его преследователя, к которому Гурни подключался. Все за столом стали вслушиваться в странный акцент убийцы и плохо скрытый страх в голосе Меллери.

— *Прошепчи цифру.*

— *Прошептать?*

— *Да.*

— *Девятнадцать.*

— *Хорошо, очень хорошо.*

— *Так кто вы?*

— *А ты все еще не понял? Столько мучений, а ты не узнаешь меня. Такую возможность нельзя было исключать. Поэтому тебе была оставлена записка. Ты уверен, что не получал ее?*

— *Не знаю, о какой записке речь.*

— *Да, но ты же знал, что цифра 19.*

— *Вы же сказали загадать цифру.*

— *Но это была та самая цифра, разве нет?*

— *Я ничего не понимаю.*

Еще секунда — и сержант Вигг нажала на клавишу и сказала:

— Это все.

Короткая запись вызвала у Гурни приступ бессильной ярости и отвращения.

Блатт развел руками:

— И кто это был — мужик или женщина?

— Почти наверняка мужчина, — ответила Вигг.

— Как это можно определить?

— Мы сегодня утром анализировали запись, и распечатка показывает напряжение на высоких тонах.

— Ну и что?

— Высота голоса отличается от фразы к фразе, и даже от слова к слову, и в каждом случае голос менее напряжен на низких частотах.

— То есть он старался говорить высоким голосом, но низкие тона для него более естественны? — уточнил Клайн.

— Именно, — ответила Вигг своим бесполом, но привлекательным голосом. — Это не заключение экспертизы, но это более чем вероятно.

— А что с фоновыми шумами? — спросил Клайн. Гурни тоже об этом думал. Он знал, что на записи есть звуки проезжающих автомобилей, а значит, звонок был сделан откуда-то с улицы или из торгового центра.

— Мы будем знать точно, когда прогоним запись через усилитель, но сейчас она раскладывается на три типа звуков: сам разговор, шум машин и гудение какого-то двигателя.

— Как долго будут прогонять через усилитель? — спросил Родригес.

— Это зависит от сложности записанной информации, — ответила Вигг. — Может занять от двенадцати до двадцати четырех часов.

— Пусть займет двенадцать.

Неловкое молчание, которое Родригес умел нагнетать как никто, нарушил Клайн, обративший свой вопрос ко всем присутствующим:

— А что насчет шепота? Кто не должен был услышать цифру девятнадцать? — Он повернулся к Гурни. — У вас есть предположения?

— Нет. Но я не думаю, что это как-то связано с нежеланием быть услышанным.

— Почему вы так думаете? — с вызовом спросил Родригес.

— Потому что шепот — ненадежный способ не быть услышанным, — прошептал Гурни, чтобы подчеркнуть свою мысль. — Это вполне в духе других странностей в этом деле.

— Вроде чего? — не унимался Родригес.

— Вроде неопределенности насчет ноября или декабря. Вроде пистолета и разбитой бутылки. Вроде загадки со следами в снегу. И еще одного момента, на который никто не обратил внимания, — почему не было звериных следов?

— Чего? — обескураженно переспросил Родригес.

— Кадди Меллери сказала, что они с мужем слышали, как под домом дерутся какие-то животные. Поэтому он и вышел на улицу — посмотреть, что происходит. Но никаких следов поблизости не было — а уж в снегу-то они точно были бы видны.

— Мне кажется, мы зашли в тупик. Не понимаю, какое значение имеет присутствие или отсутствие следов енотов или кого там.

— Черт! — воскликнул Хардвик, игнорируя Родригеса и улыбаясь Гурни. — А ты же прав. Там в снегу не было никаких следов, оставленных не убийцей и не жертвой. Как же я раньше не обратил внимания?

Клайн повернулся к своему помощнику.

— Никогда я не сталкивался с делом, в котором было бы так много улик, из которых было бы так мало говорящих. — Он покачал головой. — Как убийце удалось повернуть этот трюк с цифрами? И зачем он это сделал аж дважды? — Он посмотрел на Гурни. — Вы уверены, что эти цифры ничего не значили для Меллери?

— На девяносто процентов уверен. Настолько же, насколько я вообще бываю уверен в чем-либо.

— Давайте вернемся к общей картине, — вмешался Родригес. — Я тут подумал о мотиве, о чем вы говорили раньше, Шеридан...

У Хардвика зазвонил телефон. Он достал его и приложил к уху раньше, чем Родригес успел возмутиться.

— Черт! — воскликнул он, помолчав. — Вы там уверены? — Он оглядел присутствующих. — Пулю не нашли. Обыскали каждый сантиметр обшивки задней стены дома. Ничего.

— Пусть проверят в доме, — сказал Гурни.

— Но стреляли-то снаружи.

— Я знаю, но Меллери, скорее всего, не закрыл за собой дверь, когда вышел. Встревоженный человек в такой ситуации оставил бы дверь открытой. Скажи, чтобы эксперты рассчитали возможные траектории и проверили все внутренние стены, куда могла попасть пуля.

Хардвик быстро передал инструкции и сбросил звонок.

— Хорошая идея, — сказал Клайн.

— Отличная, — сказала Вигг.

— А еще насчет этих цифр, — сказал Блатт, внезапно сменив тему. — Он что, гипнотизер или экстрасенс какой-то?

— Я так не думаю, — сказал Гурни.

— А как по-другому?

Хардвик разделял сомнения Гурни на этот счет и ответил первым:

— Господи, Блатт, когда последний раз полиция штата расследовала дело, замешенное на мистике и телепатии?

— Но он же откуда-то знал, что загадает жертва!

На этот раз первым ответил Гурни, стараясь звучать примирительно:

— Все действительно выглядит так, будто кто-то знал заранее, что

загадает Меллери. Но я думаю, что мы здесь что-то не учитываем и ответ гораздо проще, чем чтение мыслей на расстоянии.

— Хочу у вас вот что спросить, детектив Гурни. — Родригес откинулся на своем стуле и сложил руки на груди. — Довольно быстро стало понятно, что кто-то преследует Марка Меллери с целью убийства: он получил несколько откровенно угрожающих писем и телефонных звонков. Почему вы не пришли с этим в полицию, прежде чем он был убит?

Гурни ждал этого вопроса и был к нему готов, но это не смягчило укол.

— Благодарю за обращение «детектив», капитан, но я ушел в отставку и снял с себя и значок и титул два года назад. Что касается обращения в полицию — ничего нельзя было бы предпринять без сотрудничества Марка Меллери, а он однозначно заявил, что сотрудничать не хочет.

— Вы говорите, что не могли обратиться в полицию без его согласия? — спросил Родригес, повышая тон и угрожающе хмурясь.

— Он мне сказал, что не желает, чтобы полиция вмешивалась в это дело, что он находит это потенциальное вмешательство скорее деструктивным, чем полезным, и что он намерен сделать все возможное, чтобы такое вмешательство предотвратить. Если бы я пришел в полицию, это связало бы руки вам и уничтожило доверие ко мне.

— Однако дальнейшее общение с вами не сильно помогло ему, не так ли?

— К сожалению, капитан, тут вы правы.

Мягкость, отсутствие сопротивления в голосе Гурни сбили Родригеса с толку. Шеридан Клайн вмешался:

— Почему он был так настроен против полиции?

— Он считал, что полиция действует слишком грубо, что она недостаточно компетентна, чтобы разобраться в ситуации. Он не верил, что вы сможете обеспечить ему безопасность, боялся, что информация попадет в прессу и это навредит его институту.

— Какие глупости! — возмутился Родригес.

— Он не доверял полицейским. Говорил, что они — как слон в посудной лавке. И упорно настаивал на том, что никакого сотрудничества не будет — никакой полиции на территории, никаких контактов с гостями, никакой информации от него лично. Он, кажется, даже был готов обратиться в суд при малейшем полицейском вмешательстве.

— Хорошо, но вот что интересно... — начал Родригес, но его снова перебил звонок телефона Хардвика.

— Хардвик. Да. Где? Потрясающе. Хорошо, спасибо. — Он убрал

телефон в карман и обратился к Гурни, но так, чтобы всем было слышно: — Они нашли пулю. В стене внутри дома. В гостиной, прямо напротив выхода на террасу, — по-видимому, дверь была открыта на момент выстрела.

— Поздравляю, — сказала сержант Вигг, обращаясь к Гурни, а затем повернулась к Хардвику. — Что насчет калибра?

— Они считают, что это триста пятьдесят седьмой, но подождем отчета экспертов.

Клайн сидел в задумчивости и как будто не слышал этого разговора. Он снова озвучил вопрос, ни к кому конкретно не обращаясь:

— А могли у Меллери быть другие причины не хотеть вмешательства полиции?

Блатт в полном замешательстве, с перекошенным лицом, добавил свой вопрос:

— Я не понял — почему полицейские как слон поссут на лавки?

Глава 26

Пустой чек

Когда Гурни добрался до Уолнат-Кроссинг, усталость окутала его как туман, смешав голод, жажду, тревогу и сомнения. По мере того как ноябрь сдавал позиции зиме, дни становились все короче — в долинах, окруженных горами, все раньше наступали сумерки. Машины Мадлен на обычном месте, возле садового сарая, не было. Под ногами хрустел снег, подтаявший под полуденным солнцем и к вечеру снова замерзший.

В доме стояла мертвая тишина. Он включил лампу над кухонной столешницей. Ему смутно помнилось, будто Мадлен говорила, что сегодняшняя вечеринка отменяется из-за какого-то собрания, которое нельзя было пропустить, но деталей он вспомнить не мог. Значит, эти несчастные орехи все равно не нужны. Он положил чайный пакетик в чашку, набрал воды из крана и поставил ее в микроволновку. По привычке он направился к своему креслу на другом конце кухни. Упав в кресло, Гурни закинул ноги на табуретку, и две минуты спустя сигнал микроволновки утонул в его зыбком сне.

Он проснулся от звука ее шагов.

Возможно, он домысливал, но шаги показались ему сердитыми. Их направление и близость подсказывали ему, что она заметила его в кресле, но решила с ним не говорить.

Он открыл глаза в тот момент, когда она выходила из кухни и направлялась в сторону спальни. Гурни потянулся, вытолкнул себя рывком из недр кресла, подошел к столешнице за салфеткой и высморкался. Он услышал, как закрывается дверца шкафа, как-то слишком подчеркнуто, и через минуту она вернулась на кухню. Она переделалась из шелковой блузки в бесформенную кофту.

— Ты проснулся, — произнесла она, словно осуждая его за то, что он заснул.

Она включила свет над столешницей и открыла холодильник.

— Ты что-нибудь ел? — Это тоже прозвучало как обвинение.

— Нет, у меня был жуткий день, и когда я добрался до дому, я сделал себе чашку... черт, я забыл о ней! — Он подошел к микроволновке, достал оттуда чашку и вылил темный, остывший чай в раковину. Чайный пакетик вывалился следом.

Мадлен подошла к раковине, взяла пакетик и многозначительно бросила его в мусорное ведро.

— Я тоже порядком устала. — Она покачала головой и помолчала. — Не понимаю, почему эти идиоты из местной администрации считают, что нужно построить жуткую тюрюгу, окруженную колючей проволокой, в самой красивой провинции штата.

И тут он вспомнил. Она ему еще утром сказала, что пойдет на собрание, где будет обсуждаться это сомнительное предложение. Оппоненты идеи называли планируемую постройку тюрьмой, а сторонники — реабилитационным центром. Спор о названии возник из-за бюрократической формулировки — в проекте значился «новый тип организации», сокращенно ГИТЦ — Государственный исправительно-терапевтический центр. Его целью должны были стать изоляция и реабилитация преступников-наркоманов. Бюрократический язык, которым был сформулирован проект, был неоднозначным и допускал массу разночтений, провоцируя споры.

Это была большая тема — не потому, что Гурни не поддерживал Мадлен в стремлении запретить стройку ГИТЦ в Уолнат-Кроссинг, а потому, что он не участвовал в сопротивлении так активно, как ей того хотелось.

— То есть какие-то шесть человек нагреют на этом руки, а всем остальным, кто живет в долине, и всем, кто будет проезжать мимо, придется до конца жизни созерцать это уродство. И все ради чего? Ради так называемой «реабилитации» кучки наркоманов? Какая чушь!

— Другие города бьются за этот проект. Даст бог — кто-то из них

победит.

Она мрачно усмехнулась:

— Конечно, если их администрация еще более коррумпирована, чем наша, то такое возможно.

Принимая ее негодование на свой счет, он решил сменить тему.

— Хочешь, я сделаю омлет? — спросил он, наблюдая, как голод борется в ней со злостью. Голод победил.

— Только, чур, без зеленого перца, — напомнила она. — Я его не люблю.

— Тогда зачем ты его покупаешь?

— Не знаю. Но точно не для омлета.

— А лук положить?

— Лука тоже не надо.

Она накрыла на стол, пока он разбивал яйца и разогревал сковородку.

— Пить что-нибудь будешь? — спросил он.

Она покачала головой. Он знал, что она никогда не запивает еду, но все равно каждый раз спрашивал. Странная причуда, подумал он, всякий раз задавать этот вопрос.

Они едва обменялись парой слов, пока ели, а потом одновременно чуть подвинули свои тарелки к середине стола.

— Ну, что у тебя было сегодня? — спросила она.

— Ты хочешь послушать про встречу с чудо-следователями?

— Похоже, тебя не впечатлило.

— Меня еще как впечатлило. Если бы я хотел написать книгу о неэффективной командной работе под руководством Капитана из Ада, было бы достаточно включить диктофон и просто издать расшифровку.

— Это было хуже, чем до того, как ты уволился?

Он помедлил с ответом. Дело было не в том, что он не знал, как ей ответить, а в упоре, сделанном на слове «уволился». Но он решил ответить на слова, а не на интонацию.

— До увольнения приходилось работать с тяжелыми людьми, но Капитан из Ада кому угодно даст фору в высокомерии и ненадежности. Он страшно лебезит перед окружным прокурором, совершенно не уважает собственных сотрудников и не может сосредоточиться на деле. Каждый его вопрос, каждый комментарий звучал либо по-хамски, либо не относился к предмету разговора, а иногда то и другое сразу.

Она внимательно посмотрела на него:

— Неудивительно.

— Что ты имеешь в виду?

Она слегка пожала плечами. Было видно, что она старается держать себя в руках, не сказать лишнего.

— Просто меня это не удивляет. Если бы ты пришел домой и сказал, что провел день с лучшей в мире командой по расследованию убийств, тогда я бы удивилась. Вот и все.

Он отлично понимал, что это не все. Но ему также хватало ума не вытягивать из нее клещами то, о чем она собиралась молчать.

— Что ж, — сказал он. — Факт остается фактом — все это было утомительно и бестолково. Сейчас я хочу выбросить это из головы и заняться чем-нибудь другим.

Он сделал это заявление, не подумав, и тут же зашел в тупик. Заняться чем-нибудь другим было не так просто. Перипетии прошедшего дня продолжали крутиться в его голове. Мадлен наблюдала за ним с загадочным выражением лица. И тогда мысль, которую он постоянно от себя отгонял, мысль, которую он так старательно не думал, наконец захватила его. Он решился заговорить о том, чего избегал.

— Коробка... — произнес он. В горле тут же пересохло, и голос стал сиплым; он вытолкнул из себя это слово до того, как страх снова одержал верх, и не успел даже придумать, как закончить фразу.

Она подняла взгляд от пустой тарелки. Этот взгляд был спокойным, любопытным и внимательным. Она ждала, что он скажет дальше.

— Его рисунки... что... то есть зачем?.. — Он тщетно пытался связно сформулировать вопрос.

Ему не пришлось долго мучиться. Мадлен всегда понимала его раньше, чем он успевал выразить свою мысль.

— Пора попрощаться, — сказала она спокойно, почти нежно.

Он вперился взглядом в стол. Голова опустела, слова не шли на ум.

— Прошло достаточно времени. Дэнни больше нет, а мы так с ним и не попрощались.

Он едва заметно кивнул, теряя чувство времени, ощущая только пустоту в голове.

Когда зазвонил телефон, ему показалось, что его разбудили, рывком втащили назад в мир — мир, состоящий из понятных, измеримых вещей. Мадлен все еще сидела с ним за столом — бог знает сколько времени они так провели.

— Хочешь, я подойду? — спросила она.

— Ничего. Я сам. — Он помедлил, как компьютер, который перегрузили, затем встал, чуть неуверенно, и пошел в кабинет.

— Гурни. — Он по-прежнему отвечал на звонки так же, как когда

работал в отделе убийств. Эту привычку было нелегко побороть.

Голос на том конце трубки был оживленным, напористым, нарочито вежливым, так что он вспомнил старое правило продавцов: когда говоришь по телефону, улыбайся — от этого ты звучишь дружелюбнее.

— Дэйв! Как хорошо, что вы подошли! Это Шеридан Клайн. Надеюсь, я не помешал?

— Чем обязан?

— Перейду сразу к делу. Мне кажется, вы человек, с которым можно быть откровенным. Такая у вас репутация. Сегодня вечером у меня была возможность в этом убедиться лично. Я впечатлен. Надеюсь, что не смущаю вас.

Гурни не терпелось узнать, в чем дело.

— Вы очень добры.

— Я не добрый. Я реалист. Я звоню, потому что это дело требует участия специалиста вашего масштаба, и мне бы очень хотелось воспользоваться вашим талантом.

— Вы же знаете, что я в отставке?

— Да, мне говорили. И я понимаю, что возвращаться к надоевшей рутине вам совершенно не хочется. Я ничего такого не предлагаю. Но у меня есть ощущение, что дело будет разрастаться, и хотелось бы иметь ваш гений в распоряжении.

— Я не очень понимаю, о чем вы меня просите.

— В идеале, — сказал Клайн, — я бы хотел, чтобы вы вычислили убийцу Марка Меллери.

— Разве не этим занимается бюро криминальных расследований?

— Разумеется. Может быть, у них в итоге даже что-нибудь получится.

— Но?

— Но я хочу повысить шансы на успех. Это слишком крупное дело, чтобы его расследовали по стандартной процедуре. Я хочу, чтобы у меня был козырь в рукаве.

— Не понимаю, как я могу помочь.

— Вы не хотите сотрудничать с бюро? Не волнуйтесь. Я понимаю, что Родригес не тот, с кем вы стали бы работать. Я предлагаю вам работать со мной лично. Мы могли бы назначить вас помощником или консультантом, на ваш вкус.

— Сколько времени мне пришлось бы этому посвящать?

— На ваше усмотрение.

Гурни промолчал, так что Клайн продолжил:

— По всей видимости, Марк Меллери восхищался вами и доверял вам.

Он просил вас помочь ему разобраться с преступником. Я прошу вас помочь мне разобраться с тем же самым преступником. И я буду благодарен за любую вашу помощь.

Гурни подумал, что Клайн однозначно умеет уговаривать. Была в нем какая-то подкупающая искренность. Он сказал:

— Мне надо поговорить с женой. Перезвоню вам утром. Скажите, по какому номеру с вами связаться.

Радость в голосе была безмерной.

— Я оставлю вам свой домашний номер. Подозреваю, вы встаете рано, как и я. Звоните в любое время после шести утра.

Когда он вернулся в кухню, Мадлен еще сидела за столом, но ее настроение изменилось. Она читала «Таймс». Он сел напротив нее, уставился невидящим взглядом в камин за ее спиной и принялся растирать виски, как будто решение, которое предстояло принять, сводило лицевые мышцы.

— Ну это же не сложно, правда? — произнесла Мадлен, не отрывая взгляда от газеты.

— Что?

— Сказать, о чем ты думаешь.

— Окружной прокурор хочет, чтобы я участвовал в расследовании.

— Еще бы.

— Обычно посторонних людей в такие дела не вовлекают.

— Ты, однако, не совсем посторонний.

— Видимо, мое знакомство с Меллери оказалось решающим.

Она наклонила голову и посмотрела на него пронизывающим взглядом.

— Он очень меня хвалил, — сказал Гурни, стараясь не выдавать, что польщен.

— Наверняка просто перечислил твои таланты.

— В сравнении с капитаном Родригесом кто угодно покажется талантливым.

Она улыбнулась его неуклюжей скромности:

— Что он предложил?

— Карт-бланш. Работать с ним лично. Придется осторожничать, чтобы никому не наступать на пятки. В общем, я сказал ему, что приму решение до завтрашнего утра.

— Какое решение?

— Собираюсь я сотрудничать или нет.

— Ты что, шутишь?

- Думаешь, это дурная затея?
- Я имею в виду — ты шутишь насчет того, что еще не принял решение?
- Тут многое на кону.
- Больше, чем ты думаешь, но ведь ясно, что ты уже решил.
- Она снова погрузилась в чтение газеты.
- Что значит «больше, чем ты думаешь»? — спросил он, помолчав.
- Иногда мы делаем выбор, последствий которого не ожидаем.
- Например?
- Ее грустный взгляд ответил ему, что это глупый вопрос.
- После паузы он сказал:
- У меня такое чувство, будто я остался Марку что-то должен.
- В ее взгляде появилась ирония.
- Что ты так смотришь?
- Ты первый раз назвал его по имени.

Глава 27

Знакомство с окружным прокурором

Здание, где с 1935 года располагалась окружная прокуратура, раньше принадлежало сумасшедшему дому Бамблби. Он был основан в 1899-м на средства, перечисленные одноименным британским переселенцем, сэром Джорджем Бамблби в момент помешательства, как пытались потом доказать его непризнанные потомки. Мрачное здание из красного кирпича, покрытое вековой копотью, зловеще нависало над городской площадью. Оно находилось примерно в полутора километрах от полицейского управления, и дорога туда от Уолнат-Кроссинг занимала тот же час с четвертью.

Изнутри здание прокуратуры было еще менее привлекательным, чем снаружи. В шестидесятые его подвергли реконструкции и модернизации. Грязные люстры и дубовые панели заменили флюоресцентными лампами и белой штукатуркой. Гурни даже подумал, что этот резкий свет в помещениях должен отпугивать безумные призраки прошлых обитателей. Странная мысль для человека, идущего обсуждать условия контракта о найме на работу. Гурни решил сосредоточиться на том, что сказала ему на прощанье Мадлен: «Ты нужен ему больше, чем он тебе». Он размышлял над этим, пока ждал приглашения пройти через сложную систему охраны в приемном зале. После металлоискателя он проследовал по стрелкам на

стенах и вскоре оказался у двери с матовым стеклом и аккуратной табличкой «Окружной прокурор».

В приемной он столкнулся взглядом с секретаршей. Гурни всегда считал, что мужчина выбирает себе помощницу по критерию компетентности, сексуальности или престижности. Было похоже, что женщина за конторкой соответствовала всем трем. Невзирая на пятый десяток, ее волосы, кожа, макияж, одежда и фигура были настолько ухоженными, что она почти светилась. Ее взгляд был одновременно оценивающим и чувственным. Небольшая табличка на ее столе сообщала, что зовут ее Эллен Ракофф.

Они не успели даже поздороваться, как дверь справа от ее стойки открылась, и в приемную вышел Шеридан Клайн. Он гостеприимно улыбнулся:

— Девять утра — и он тут как тут! Хотя чему я удивляюсь. Вы всегда держите слово и делаете ровно то, что обещали!

— Это проще, чем поступать наоборот.

— Что? Ах да, да, конечно. — Он улыбнулся еще шире, но уже не так радушно. — Чай или кофе?

— Кофе.

— И мне. Никогда не понимал, в чем смысл чая. А вы собак или кошек больше любите?

— Наверное, собак.

— Когда-нибудь обращали внимание, что собачники предпочитают кофе, а кошачники — чай?

Гурни не считал это темой, достойной размышлений. Клайн жестом пригласил его в свой кабинет, жестом же указал на современный кожаный диван, а сам уселся в кожаное кресло в том же стиле, стоявшее напротив. Их разделял низкий стеклянный столик. Улыбка сошла с его лица, и теперь он смотрел, пожалуй, даже слишком серьезно.

— Дэйв, я хочу сказать, что мы очень счастливы, что вы согласились нам помочь.

— При условии, что для меня найдется подходящая роль.

Клайн непонимающе моргнул.

— Распределение полномочий — непростая задача, — пояснил Гурни.

— Согласен как никогда. Давайте я буду до конца откровенен. Как говорится, раскрою вам карты.

Гурни подавил гримасу и вежливо улыбнулся.

— Я знаком с людьми из Нью-Йоркского управления, и они о вас крайне лестно отзывались. Вы были ведущим следователем в нескольких

крупных делах, расследования держались на вас одном, но когда наступало время пожинать лавры — вы их всегда уступали кому-то другому. Поговаривают, что у вас был самый большой талант и самое маленькое эго во всем управлении.

Гурни улыбнулся не столько комплименту, который, как он понимал, был хорошо продуман, а выражению лица Клайна, который не смог скрыть удивления: как можно не желать славы?

— Мне нравится работа, но не нравится быть в центре внимания.

Клайн сощурился, словно пытаясь распробовать какое-то незнакомое блюдо.

После длительной паузы он подался вперед:

— Скажите мне сами, как вы видите свое участие в расследовании?

Это был главный вопрос. Гурни взвешивал возможные ответы всю дорогу от Уолнат-Кроссинг.

— В качестве консультанта-аналитика.

— Что это подразумевает?

— Команда бюро расследований занимается сбором, обработкой и хранением улик, допросом свидетелей, составлением рабочих версий и построением предположений касательно личности, мотивов и дальнейших возможных действий убийцы. Мне кажется, я могу помочь с последним.

— Каким образом?

— Мне всегда лучше всего удавалось собрать разрозненные факты в сложном деле и сложить их в разумной последовательности.

— Сомневаюсь, что это единственное, в чем вы отличались.

— Другим лучше удается допрос свидетелей, сбор улик...

— Например, обнаружение пули, которую никто другой не знал, где искать?

— Это была просто догадка. Обычно в каждой отдельной сфере расследования есть кто-нибудь талантливее меня. Но когда речь заходит о том, чтобы увидеть общую картину, отличить важное от неважного, — это моя работа. На деле я не всегда оказывался прав, но я был прав достаточно часто, чтобы это имело значение.

— Значит, у вас все-таки есть эго.

— Можно и так сказать. Я знаю, где мои возможности ограничены, но достоинства свои тоже знаю.

Он также знал после долгих лет допросов, как определенные типы людей реагировали на определенный подход к разговору, и сейчас не ошибся насчет Клайна. Судя по его взгляду, ему стало спокойнее, как только Гурни наклеил ярлык на свое качество, которое тот столь

мучительно пытался уловить и сформулировать.

— Давайте обсудим вознаграждение, — сказал Клайн. — Я думаю о почасовой ставке, которую мы обычно предлагаем консультантам. Могу предложить вам семьдесят пять долларов в час плюс компенсация расходов в пределах разумного, начиная с этого момента.

— Меня это устраивает.

Клайн с важным видом протянул ему руку:

— Рад возможности посотрудничать. Эллен уже собрала пакет документов — анкеты, affidavits, подписка о неразглашении. Если захотите почитать их, прежде чем подписывать, это может занять какое-то время. Она проводит вас в свободный кабинет. Какие-то детали нам надо будет обсудить уже по ходу работы. Я буду лично сообщать вам о любых сведениях, поступающих из бюро расследований или от моих людей, и я буду приглашать вас на встречи, подобные вчерашней. Если вам понадобится поговорить с кем-то из команды расследования, организуйте это через мой офис. Общение со свидетелями, подозреваемыми, любыми другими людьми — точно так же, через мой офис. Согласны?

— Да.

— Вы словами не разбрасываетесь. Я тоже. Теперь, раз уж мы работаем вместе, позвольте у вас кое-что спросить. — Клайн откинулся в кресле и сложил пальцы башенкой, выдерживая многозначительную паузу. — Зачем человеку сперва стрелять в жертву, а потом наносить четырнадцать колотых ран?

— Такое количество ударов обычно говорит либо о припадке гнева, либо о попытке имитировать припадок гнева. Само число ударов, вероятно, ничего не значит.

— Но его сперва застрелили...

— Это говорит о том, что целью нанесения последующих ран было не убийство.

— Не понимаю. — Клайн наклонил голову набок.

— В Меллери выстрелили с близкого расстояния. Пуля попала в сонную артерию. На снегу не было следов, говорящих о том, что пистолет затем отбросили в сторону. Следовательно, убийца, по всей видимости, сперва снял с дула то, чем оно было обмотано, чтобы приглушить выстрел, и убрал пистолет в карман или кобуру, прежде чем взяться за разбитую бутылку и нанести удары жертве, которая лежала в снегу. Из раны в шее к тому моменту уже хлестала кровь. В чем был смысл этих ударов? Явно не в том, чтобы убить жертву, которая к тому моменту и так была мертва. Нет. Мотивом убийцы было либо сокрытие следа пулевого ранения...

— Зачем? — спросил Клайн, наклоняясь вперед.

— Я не знаю зачем. Это просто вероятность. Но более вероятно, исходя из содержания записок, которые получал Меллери, что действие с битой бутылкой имело какое-то ритуальное значение.

— Думаете, он сатанист? — Выражение ужаса на лице Клайна плохо маскировало предвкушение потенциального медийного ажиотажа.

— Сомневаюсь. Записки кажутся сочинениями безумца, но мне не кажется, что автор был не в себе. Я употребил слово «ритуальный», потому что думаю, что для убийцы было важно совершить убийство особенным образом.

— Воплощение фантазии о мести?

— Например, — кивнул Гурни. — Он был бы не первым убийцей, потратившим много месяцев или даже лет на планирование мести.

Клайн засомневался:

— Но если ключевой момент убийства состоял в нападении с битой бутылкой, то зачем он стрелял?

— Мгновенное обездвижение. Он хотел, чтобы у него получилось наверняка, а выстрел надежнее битой бутылки, если ты хочешь обездвижить жертву. Он потратил столько времени на планирование преступления, что не хотел, чтобы что-то пошло не так.

Клайн кивнул и сменил тему:

— Родригес уверен, что убийца — кто-то из гостей.

Гурни улыбнулся:

— И кто же?

— Он еще не готов это огласить, но именно на это делает ставку. А вы не согласны?

— Не сказать, чтобы это было совсем невероятно. Гости живут на территории института, и, следовательно, все они находились если не на месте убийства, то в достаточной близости. Это, безусловно, странные люди — не чуждые наркотиков, эмоционально нестабильные, как минимум один из них имеет связи в криминальном мире.

— Но?

— Эта теория входит в противоречие с практикой.

— Например?

— Для начала возьмем следы в снегу и алиби. Все в один голос сказали, что снег начался на закате и продолжался до полуночи. Убийца зашел на территорию института с дороги уже после того, как снег прекратился.

— Почему вы так уверены?

— Следы отпечатались в снегу, но в них не падало свежего снега. Если бы эти следы оставил кто-то из гостей, ему понадобилось бы выйти с территории до того, как снег выпал, но следов, ведущих от дома, не обнаружили.

— То есть иными словами...

— Иными словами, кто-то должен был отсутствовать с заката до полуночи. Но все были на месте.

— Откуда вы знаете?

— Официально я этого не знаю. Скажем так, об этом поговаривают люди Джека Хардвика. По результатам допросов, за этот промежуток времени каждого из гостей видело минимум шестеро других гостей. Значит, если только все разом не врут, все были на месте.

Было похоже, что Клайн не готов сразу отместить теорию, что все разом врут.

— Может быть, кому-то из гостей помогли.

— Думаете, кто-то из гостей нанял убийцу?

— Что-то в этом роде, да.

— Зачем тогда самому там присутствовать?

— В каком смысле?

— Все гости находятся под подозрением только потому, что находились вблизи от места убийства. Если бы вы наняли убийцу, зачем самого себя ставить под подозрение?

— Из куража?

— Наверное, и такое возможно, — ответил Гурни безо всякого энтузиазма.

— Ладно, давайте на минуту забудем о гостях, — сказал Клайн. — Может быть, убийцу нанял кто-то не из гостей, но из преступной группировки?

— Это что, запасная версия Родригеса?

— Он думает, что есть такая вероятность. Судя по выражению вашего лица, вы не согласны.

— Не вижу логики. Думаю, такая версия вообще не возникла бы, не будь среди гостей Патти Плюшкина. Прежде всего, мы не знаем про Марка Меллери ничего, что могло бы привлечь к нему внимание криминалитета.

— Постойте. А вот допустим, наш гуру убедил кого-то из гостей — кого-то вроде Патти Плюшкина — признаться в чем-нибудь эдаком, типа ради внутренней гармонии, духовного возрождения или что там Меллери им всем впаривал.

— Допустим.

— Вот вернулся он домой и задумался, что, наверное, погорячился с признаниями и откровениями. Гармония во вселенной — хорошая штука, конечно, но не стоит риска, а если кто-то лишней знает информацию, которая может тебе причинить вред, то это риск. Может быть, там, куда чары Меллери не распространились, бандит стал мыслить приземленно. И нанял кого-нибудь убрать потенциальную проблему.

— Любопытная гипотеза.

— Но?

— Но во всем мире не сыскать наемника, который будет устраивать такое шоу, каким выглядит это конкретное убийство. Люди, убивающие за деньги, не вешают ботинки на деревья и не пишут стихов.

Клайн, казалось, был готов с этим поспорить, но дверь в кабинет приоткрылась после предупредительного стука. Лощеное создание из приемной появилось с расписным подносом, на котором стояло две фарфоровые чашечки на блюдцах, кофейник с изящно изогнутым носиком, хрупкая сахарница и молочник, а рядом — тарелочка с печеньем. Она поставила поднос на столик между ними.

— Родригес звонил, — сказала она, глядя на Клайна, а затем, словно отвечая на незадаанный вопрос, добавила: — Он уже едет, сказал, что будет через несколько минут.

Клайн посмотрел на Гурни, как будто ожидая его реакции.

— Род мне звонил с утра, — объяснил он. — Он хотел поделиться какими-то версиями касательно этого дела. Я предложил ему заехать, пока вы здесь. Я люблю, чтобы все было одинаково в курсе расследования. Чем больше мы все знаем, тем лучше. Секреты ни к чему.

— Отличная идея, — сказал Гурни, подозревая, что синхронизация информации была здесь ни при чем. Дело было в принципе управления, к которому тяготел Клайн: ему нравилось сталкивать людей лбами.

Секретарь Клайна вышла из комнаты, но Гурни успел разглядеть на ее лице улыбку Моны Лизы, подтвердившую его опасения.

Клайн разлил кофе по чашкам. Фарфор выглядел дорогим и старинным, но он обходился с ним без особого пиетета, и Гурни утвердился во мнении, что окружной прокурор привык к роскоши с пеленок и эта должность была лишь шагом на пути к чему-то более подходящему для прирожденного аристократа. Что там Хардвик вчера нашептывал? Что Клайн метит в губернаторы? Может быть, старый циник опять был прав. А может быть, Гурни слишком большое значение придавал тому, как человек держит чашку.

— Кстати, — произнес Клайн, откидываясь в кресле, — та пуля,

которую нашли в стене, оказалась не триста пятьдесят седьмого калибра. Это была просто догадка, основанная на диаметре отверстия в стене. Эксперты говорят, что это особый тридцать восьмой.

— Как странно.

— Вообще-то обычное дело. Копы до восьмидесятых сплошь и рядом ходили с такими.

— Обычный калибр, но странный выбор оружия.

— Почему?

— Убийца сделал все возможное, чтобы заглушить звук выстрела. Но если это было его главной заботой, то тридцать восьмой особый — не самый подходящий для этого револьвер. Было бы гораздо логичнее взять двадцать второй.

— Может быть, у него не было другого оружия.

— Возможно.

— У вас другая версия?

— Он же перфекционист. Он бы сделал все, чтобы у него было идеальное оружие.

Клайн посмотрел на Гурни, прищурившись.

— Вы сами себе противоречите. Сперва вы говорите, что он пытался приглушить выстрел. Затем вы говорите, что он для этого выбрал неправильное оружие. А затем — что он не мог выбрать неправильное оружие.

— Ему было важно, чтобы не было слышно выстрела. Но возможно, что-то другое было еще важнее.

— Например?

— Если это было в своем роде ритуальное убийство, то выбор оружия мог быть продиктован сценарием ритуала. Одержимость желанием совершить убийство определенным образом могла быть важнее, чем проблема со звуком выстрела. Думаю, он сделал все в соответствии со сценарием, настолько тихо, насколько это было возможно.

— Когда мне говорят про ритуальные убийства, я сразу думаю про сумасшедших. Насколько наш убийца сумасшедший, как вы думаете?

— Мне слово «сумасшедший» кажется бессмысленным, — сказал Гурни. — Джеффри Дамер был официально признан вменяемым, а он съедал своих жертв. Дэвид Беркович был также официально признан вменяемым, а он убивал людей по велению демонического пса.

— Думаете, мы имеем дело с чем-то такого масштаба?

— Не вполне. Наш убийца одержим мстью и вообще одержим — то есть эмоционально нестабилен, но вряд ли до такой степени, чтобы есть

части тела или слушать приказы собаки. Очевидно, что он не здоров, но в его записках ничто не указывает именно на психоз.

В дверь постучали.

Клайн нахмурился, поджал губы и как будто погрузился в мысли о том, что ему говорил Гурни — а может быть, он просто хотел показать, что его не так-то просто отвлечь стуком в дверь.

— Войдите, — сказал он наконец громким голосом.

Дверь открылась, и вошел Родригес. Ему не до конца удалось скрыть недовольство присутствием Гурни.

— Род! — воскликнул Клайн. — Хорошо, что заехал. Присаживайся.

Подчеркнуто избегая дивана, на котором сидел Гурни, Родригес сел в кресло лицом к Клайну.

Окружной прокурор улыбнулся. Гурни увидел в этом предвкушение стычки.

— Род заехал поделиться своими соображениями по нашему делу. — Клайн это сказал как судья, представляющий противников друг другу.

— С удовольствием послушаю, — спокойно сказал Гурни. Но недостаточно спокойно, чтобы Родригес не трактовал это как скрытую провокацию. Он не стал ждать отмашки и принялся излагать свои соображения.

— Все рассматривают деревья. — Начал он таким тоном, что его было бы слышно в помещении куда просторнее кабинета Клайна. — А леса за ними не видят!

— А что же такое лес? — поинтересовался Клайн.

— Лес — это благоприятная возможность для убийства. Все закопались в домыслах о мотивах и безумных подробностях способа убийства. Мы отвлекаемся от главного: у нас полный дом наркоманов и прочих преступных типов, у которых был легкий доступ к жертве.

Гурни задумался, что было причиной такой реакции капитана: он просто боялся утратить контроль над делом или тут было что-то еще?

— И как вы предлагаете поступить? — спросил Клайн.

— Я собираюсь по новой опросить всех гостей и составить на каждого досье. Уж мы покопаемся в грязном белье этих наркологов. Помяните мое слово — убийца один из них, и мы узнаем, кто именно, это всего лишь вопрос времени.

— А вы что думаете, Дэйв? — нарочито обыденно поинтересовался Клайн, как будто пряча удовольствие от провокации.

— Дополнительные допросы и наведение справок могут быть полезны, — равнодушно ответил Гурни.

— Могут быть полезны, но не являются необходимыми?

— Этого мы не узнаем, пока не попробуем. Возможно, также полезно было бы исследовать вопрос, у кого еще был доступ к жертве, — проверить, например, окрестные гостиницы и пансионаты.

— Я ставлю на то, что убийца — гость института, — сказал Родригес. — Если пловец исчезает в море с акулами, то дело не в серфере, который оказался рядом! — Он с яростью уставился на Гурни и явно принял его улыбку за вызов. — Пора спуститься на землю!

— Так что, будем проверять пансионаты, Род? — спросил Клайн.

— Мы будем проверять всех!

— Отлично. Дэйв, а вы что включили бы в список приоритетов?

— Все уже и так в работе. Исследуются образцы крови, посторонние материалы, найденные вокруг тела, обнаруженная пуля. Устанавливается производитель ботинок и их доступность в магазинах. Изучается фонограмма разговора убийцы с Меллери с усилением посторонних шумов. Затребованы списки звонков с телефонов института и мобильных гостей. Анализируются почерк, чернила и бумага, на которой оставлены послания. Составляется психологический портрет убийцы на основании звонка, записок и характера убийства. Ведется сверка с базой письменных угроз ФБР. Пожалуй, это все. Капитан, я ничего не упустил?

Родригес не успел ответить — да он и не особо спешил, — как открылась дверь и в кабинет вошла секретарша.

— Прошу прощения, сэр, — произнесла она с демонстративной почтительностью. — К капитану пришла сержант Вигг.

Родригес поморщился.

— Пригласите ее, — сказал Клайн, чья тяга к конфронтациям казалась неутолимой.

Зашла сержант из бюро криминальных расследований. На ней был все тот же бесполой синий костюм, в руках — все тот же ноутбук.

— В чем дело, Вигг? — Родригес звучал скорее раздраженно, чем заинтересованно.

— Мы узнали кое-что, сэр, и я решила, что это достаточно важно, чтобы вас отвлечь.

— Ну и?..

— Это насчет ботинок.

— Каких ботинок?

— Которые нашли на дереве, сэр.

— И что с ними?

— Позвольте поставить компьютер на столик? — спросила Вигг.

Родригес посмотрел на Клайна. Тот кивнул.

Спустя тридцать секунд и несколько щелчков по клавишам все увидели две фотографии одинаковых следов в снегу.

— На снимке слева — следы с места убийства. На снимке справа — следы, сделанные ботинками, снятыми с дерева.

— Значит, следы в снегу оставили ботинки, найденные на дереве. И ради этого вы пришли сюда?

Гурни не выдержал и вмешался:

— Подозреваю, что сержант пришла сообщить нам как раз обратное.

— Вы хотите сказать, что пара на дереве — не та, которая оставила следы?

— Это странно, — сказал Родригес.

— В этом деле все странно, — отозвался Клайн. — Итак, сержант?

— Ботинки той же марки, той же модели и того же размера. Обе пары совершенно новые. Однако это абсолютно точно две разные пары. Снег, особенно при такой температуре, как в ту ночь, отлично сохраняет малейшие детали отпечатков. Деталь, которая нас интересует, — вот этот крохотный дефект в этой части следа. — Она указала отточенным карандашом на практически невидимый выступ на подошве одного из ботинок на правом снимке. — Этот дефект, скорее всего возникший при производстве, виден на каждом отпечатке, сделанном этой парой, но его нет на следах вокруг сцены убийства. Единственное объяснение — что отпечатки сделаны двумя разными парами ботинок.

— Наверняка возможны и другие объяснения, — заметил Родригес.

— Например, какие, сэр?

— Я просто отмечаю, что существует вероятность, что мы что-то упускаем из виду.

Клайн прокашлялся, чтобы прочистить горло.

— Давайте предположим, что сержант Вигг права и мы имеем дело с двумя разными парами ботинок. Одна была на ногах преступника, а вторая висела на дереве в конце следа. Но что это может значить? О чем это нам говорит?

Родригес возмущенно уставился на экран ноутбука:

— Ничего такого, что было бы полезно для поимки преступника.

— А у вас есть идеи, Дэйв?

— По-моему, это говорит о том же, что и записка, оставленная на теле. Это тоже своего рода послание. «Поймайте меня, если сможете, только вы не сможете, потому что я умнее вас».

— И каким же это образом пара ботинок вам об этом говорит? — В

голосе Родригеса слышалась злость.

Гурни ответил спокойно, почти сонно — сонливость была его естественной реакцией на агрессию всю жизнь, сколько он себя помнил.

— Сами по себе ботинки не говорят мне ни о чем. Но если добавить эту ситуацию к прочим деталям преступления, то вся картина в целом выглядит как тщательно продуманный ребус.

— Если это ребус, значит, его цель — отвлечь нас от главного, и этой цели он добился, — прошипел Родригес.

Гурни не собирался на это реагировать, но Клайн не дал ему промолчать:

— Похоже, вы не вполне согласны с этим.

— Я думаю, что преступник играет с нами в игру и что это и есть его цель.

Родригес поднялся из своего кресла с выражением отвращения на лице.

— Если я вам больше не нужен, Шеридан, то мне надо вернуться к работе.

Они обменялись рукопожатием, и Родригес ушел. Клайн никак не выдал своей реакции на его резкий уход.

— Итак, расскажите мне, — сказал он, помолчав, — должны ли мы предпринять что-то, чего до сих пор не предприняли? У вас определенно иной взгляд на вещи, чем у Рода.

Гурни пожал плечами:

— В том, чтобы навести справки о гостях, не будет вреда. В любом случае пришлось бы это сделать. Но капитан возлагает на это большие надежды и думает, что за этим последует арест.

— А вы считаете это пустой тратой времени?

— Это нужно, чтобы действовать методом исключения. Но я не считаю, что убийца — один из гостей. Капитан упирает на то, что у каждого из гостей была удобная возможность для убийства из-за непосредственной близости к жертве. Но мне эта возможность не кажется удобной — слишком велик был шанс оказаться замеченным в момент ухода или возвращения в свой номер, слишком много вещей нужно было где-то прятать. Где бы убийца хранил садовый стул, ботинки, бутылку, пистолет? Этот персонаж не допустил бы столько дополнительных рисков и сложностей.

Клайн с интересом поднял бровь. Гурни продолжил:

— Если представить себе шкалу человеческой организованности, наш преступник будет находиться на максимуме. Его внимание к деталям

невероятно.

— Вы имеете в виду такие вещи, как замена переплета на садовом стуле, чтобы он был весь белым и меньше выделялся на снегу?

— Да. Он также очень хладнокровен. Он не убежал с места убийства, а ушел. Шаги, ведущие от террасы к лесу, оставлены человеком, который не просто не спешил, а, можно сказать, прогуливался.

— Исступленное нанесение колотых ран разбитой бутылкой не кажется мне хладнокровным действием.

— Вы были бы правы, если бы дело происходило в баре. Но не будем забывать, что бутылку предварительно подготовили, даже помыли и вытерли отпечатки пальцев. Я бы предположил, что испуганность здесь так же тщательно спланирована, как все остальное.

— Ну ладно, — нехотя согласился Клайн. — Он хладнокровен, расчетлив и организован. Что еще можно о нем сказать?

— Он перфекционист. Он начитан, хорошо владеет языком и стихотворным размером. Между нами в качестве допущения отмечу, что стихи настолько выдержаны по форме, что это говорит о претенциозности, свойственной аристократам в первом поколении.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Он, похоже, образованный сын необразованных родителей и старается всячески подчеркнуть свое от них отличие. Но, как я и говорил, это допущение, которое мы пока ничем не можем подтвердить.

— А что еще?

— Учтивый и сдержанный по манере, внутри он полон ненависти.

— И вы полагаете, что он не один из гостей?

— Нет. Он рассчитал, что преимущество близости к жертве обесценивается сопутствующими рисками.

— Вы рассуждаете очень логично, детектив Гурни. Вы уверены, что убийца столь же логичен?

— О да. Настолько же логичен, насколько патологичен. И зашкаливает по обоим параметрам.

Глава 28

И снова на месте убийства

Дорога домой от Клайна пролегла через Пион, так что Гурни решил еще раз заехать в институт.

Временный пропуск, выданный секретарем Клайна, обеспечил ему

проход без всяких вопросов. Гурни вдохнул морозный воздух и подумал, что погода удивительно напоминает утро после убийства. Слой снега, подтаявший за предыдущие дни, снова стал внушительным. Ночной ветер, характерный для Катскильских гор, освежил и подбелил ландшафт.

Гурни решил вновь пройти по маршруту убийцы, надеясь заметить в окрестностях что-нибудь, что раньше пропустил. Он прошел по подъездной дорожке, через парковку и обогнул сарай сзади, где был найден садовый стул. Он огляделся, стараясь понять, почему убийца выбрал именно это место, чтобы посидеть. Его размышления прервал звук открывающейся и захлопывающейся двери и знакомый грубый голос:

— Черт побери! Надо вызвать воздушное подкрепление и на фиг сровнять это место с землей!

Решив, что лучше обнаружить свое присутствие, Гурни пробрался сквозь кусты, отделявшие сарай от террасы дома. Сержант Хардвик и следователь Том Круз Блатт недружелюбно уставились на него.

— Какого хрена ты тут делаешь? — спросил Хардвик.

— Временно договорился с окружным прокурором. Хотел еще раз взглянуть на место убийства. Прошу прощения, если помешал.

— И зачем ты рыскаешь в кустах?

— Я был за сараем. Стоял на месте, где сидел убийца.

— Чтобы что?

— Вопрос надо ставить по-другому. Почему он там сидел?

Хардвик пожал плечами:

— Торчал в засаде. Или просто решил устроить перекур на своем долбаном стуле. Не знаю, может, ждал удачного момента.

— Какой момент он мог считать удачным?

— Да какая разница!

— Мне кажется, есть разница. Зачем он ждал именно здесь? Зачем он явился настолько раньше нужного момента, что пришлось тащить с собою стул?

— Может, он дожидался, пока супруги Меллери заснут. Может, сидел тут и смотрел, когда в доме погасят свет.

— Кадди Меллери нам говорила, что они легли спать и выключили свет задолго до этого. А телефонный звонок, который их разбудил, определенно был от преступника, так что ему не надо было, чтобы они спали. Если бы он хотел проследить, чтобы в доме погасили свет, зачем бы он выбрал такое место, откуда не видно окон верхнего этажа? Если по уму, с этой точки дом вообще как следует не разглядишь.

— Короче, к чему ты клонишь? — рявкнул Хардвик, но во взгляде его

был настороженный интерес.

— К тому, что либо мы имеем дело с очень умным и осторожным преступником, который приложил большие усилия, чтобы сделать нечто бессмысленное, либо мы неправильно трактуем то, что здесь произошло.

Блатт, который наблюдал за разговором, как за теннисной игрой, уставился на Хардвика.

Хардвик поморщился, словно проглотил что-то горькое:

— Слушай, сообрази нам кофе, а?

Блатт недовольно поджал губы, но пошел в дом, по всей видимости, выполнять просьбу сержанта.

Хардвик неспешно прикурил сигарету.

— Тут еще вот какое странное дело. Я читал отчет по отпечаткам в снегу. Расстояние между следами, ведущими от дороги до стула, — на семь сантиметров больше, чем между следами, ведущими от тела к лесу.

— Значит, к месту убийства он шел быстрее, чем когда уходил?

— Это самое и значит.

— То есть он как будто сильнее торопился прийти к сараю и сесть, чем скрыться с места преступления?

— Это версия Вигг, и мне нечего ей противопоставить.

Гурни покачал головой:

— Джек, я точно тебе говорю, мы что-то упускаем. И вот еще какой момент меня беспокоит: где нашли бутылку?

— В тридцати метрах от тела, рядом с уходящим следом.

— Но почему именно там?

— Потому что там он ее бросил! Чего здесь неясного?

— Зачем он понес ее туда? Почему не бросил рядом с телом?

— Случайно. Не сразу сообразил, что она все еще у него в руке. А как заметил — так и выбросил. Не вижу здесь ничего странного.

— Возможно, ничего странного здесь и нет. Просто шаги очень уж размеренные, неспешные, как будто все шло по плану.

— И к чему ты опять клонишь? — Хардвик был раздражен, как человек, пытающийся удержать покупки в рваном пакете.

— Все в этом деле кажется очень взвешенным, спланированным, просчитанным. Я нутром чую, что местоположение каждого предмета что-то означает.

— Хочешь сказать, он отнес орудие убийства на тридцать метров и бросил его именно там специально?

— Мне так кажется.

— Но за каким хреном?

— Смотри, как мы на это реагируем.

— В смысле?

— Преступник уделил полиции столько же внимания, сколько Марку Меллери. Ты не задумывался, что неувязки в картине убийства — это часть игры, в которую он с нами играет?

— Не задумывался. По-моему, это притянута за уши.

Гурни подавил желание поспорить с ним и вместо того сказал:

— Как я понимаю, капитан Род все еще считает, что убийца — кто-то из гостей?

— Да. Кто-то из психов в этой психушке, как он выражается.

— Ты с ним солидарен?

— В плане того, что тут все психи? Абсолютно. А насчет того, что кто-то из них убийца... ну, может быть.

— А может быть, и нет?

— Не знаю. Только не говори Родригесу, что я сомневаюсь.

— Кого он подозревает первым делом?

— Он подозревает всех наркоманов. Вчера он кричал, что этот институт духовного обновления — просто дурка для обдолбанных богачей, где никто за ними не присматривает.

— Не вижу связи.

— Между чем и чем?

— Какое отношение имеют наркотики к убийству Марка Меллери?

Хардвик сделал последнюю задумчивую затяжку, затем бросил бычок в кусты. Гурни подумал, что так поступать на месте убийства не следовало бы, даже после того как его прочесали вдоль и поперек, но за годы совместной работы он привык к такому поведению Хардвика. Поэтому его также не удивило, когда Хардвик подошел к кустам и растоптал тлеющий бычок ботинком. Это был ритуал, помогавший ему сообразить, что нужно сказать или чего не говорить. Когда бычок погас и погрузился на несколько сантиметров в землю, Хардвик наконец заговорил:

— С убийством это вряд ли как-то связано, зато имеет прямое отношение к Родригесу.

— Можешь рассказать больше?

— У него дочка в Грейстоуне.

— Это психбольница в Нью-Джерси?

— Ну да. Девка натурально сторчалась. Клубные наркотики, метамфетамин, крэк. Мозги замкнуло, и она попыталась убить свою мать. Родригес теперь считает, что каждый нарк виноват в том, что с ней такое приключилось. Он не способен мыслить рационально, когда слышит о

наркотиках.

— То есть он считает, что Меллери тоже убил нарк.

— Он хочет, чтобы так оказалось, а значит, считает, что так и есть.

Одинокий порыв влажного ветра пронесся по террасе со стороны заснеженного газона. Гурни поежился и засунул руки в карманы куртки.

— Я-то думал, он просто выделялся перед Клайном.

— Не без этого. Он, конечно, придурок, но для придурка он очень непрост. У него диктаторские замашки, мания контроля и куча амбиций. Он страшно неуверен в себе. Одержим идеей, что всех нарков надо наказать. Ты ему, кстати, тоже не нравишься.

— По какой-то определенной причине?

— Он не любит отступлений от стандартной процедуры расследования. И умных людей вообще не любит. А заодно всех, кто общается с Клайном чаще, чем он. И черт знает, что еще у него на уме.

— Не лучший выбор главы расследования.

— Обычное дело в нашей работе. Но тут надо сказать, что человек может быть долбанутым на всю голову, но это не значит, что он всегда не прав как профессионал.

Гурни задумался над этим замечанием, помолчал, а затем сменил тему:

— Если в центре внимания гости института, значит ли это, что в других направлениях работа не идет?

— Вроде чего?

— Я предлагал поговорить с людьми в окрестностях. Проверить мотели, гостиницы, пансионаты...

— Мы все проверяем! — обиженно воскликнул Хардвик. — Людей здесь живет немного, домов двенадцать по пути от деревни до института. Их опросили еще в первые сутки, это ничего не дало. Никто ничего не слышал, ничего не видел и ничего не мог вспомнить. Никаких посторонних людей, звуков, машин в неурочное время, все было как обычно. Паре человек показалось, что где-то воет койот. Еще паре почудилось, что кричит сова.

— Во сколько это было?

— Что?

— Крик совы.

— Я без понятия, потому что люди сами без понятия. «Посреди ночи» — ничего конкретнее.

— А что насчет приезжих?

— Каких приезжих?

— В гостиницах и домах вокруг были какие-нибудь приезжие?

— За деревней есть всего один мотель, жуткая дырища, там охотники останавливаются. Он в тот вечер был пуст. В радиусе пяти километров еще два пансиона. В одном из них зимой не принимают постояльцев, а в другом, если я правильно помню, в ночь убийства была зарезервирована одна комната, там остановились какой-то орнитолог с матерью.

— Что здесь делать орнитологу в ноябре?

— Мне тоже это показалось странным, так что я исследовал вопрос в интернете. Оказывается, завзятые орнитологи как раз любят зиму — листва не мешает наблюдению, видимость лучше, куча фазанов, сов, куропаток, все такое.

— Вы говорили с этими людьми?

— Блатт поговорил с хозяевами дома по телефону. Парочка пидоров с дурацкими фамилиями, ничего полезного не рассказали.

— Дурацкие фамилии, говоришь?

— Ну да, один был Плюх или что-то в этом роде.

— Плюх?

— Нет, подожди, все-таки Плюк. Поль Плюк. Повезло ему, а?

— А с орнитологами кто-нибудь поговорил?

— По-моему, они уехали еще до того, как Блатт позвонил.

— И никто не пытался их найти?

— О господи! Ну толку-то от них? Хочешь съездить поговорить с этими Плюхами — ради бога. Их хозяйство называется «Рододендрон», это в двух с половиной километрах под гору от института. У меня, знаешь ли, человеческий ресурс ограничен, и я не могу гоняться за каждым теплокровным существом в Пионе.

— Ну да, конечно.

Ответ Гурни был довольно зыбким по смыслу, но Хардвик почему-то успокоился и ответил почти официальным тоном:

— К слову о человеческих ресурсах, мне надо вернуться к работе. Напомни мне, зачем ты здесь?

— Хотел еще раз пройтись по территории, посмотреть, не наведет ли меня что-нибудь на полезные мысли.

— Это что, в Нью-Йоркском управлении вас такому учат? Детский сад!

— Я все понимаю, Джек. Но сейчас ничего другого мне не приходит на ум.

Хардвик вернулся в дом, возмущенно качая головой.

Гурни вдохнул влажный запах снега, и этот запах, как обычно, на мгновение освободил его ум от логических выкладок и размышлений и

наполнил голову детскими воспоминаниями — как отец читал ему книжки, когда ему было пять или шесть лет, и эти книжки казались ему более настоящими, чем реальная жизнь, — истории про первопроходцев, хижины в диких местах, тропинки в лесу, добрые индейцы, треск веток, отпечатки мокасин на траве, поломанный стебель папоротника как главное свидетельство, что враг был рядом, крики лесных птиц — и настоящие, и те, что индейцы используют как тайные знаки. Такие живые, подробные образы. Гурни улыбнулся мысли, что прочитанные отцом истории вытеснили из памяти образ самого отца. Впрочем, чтением книжек его участие в жизни сына и ограничивалось. Остальное время он работал. Много работал и был нелюдим.

Много работал и был нелюдим... Это определение, вдруг возникшее в голове, потрясло Гурни, потому что идеально описывало его собственное поведение. Он старался не выстраивать таких параллелей, но защита последнее время то и дело давала брешь. Он подозревал, что не просто стал превращаться в собственного отца, но давно и бесповоротно превратился в него. *Много работал и был нелюдим.* Этими словами можно было описать его жизнь, и от такой картины веяло холодом. Как это унижительно — увидеть, как годы твоей жизни на земле легко укладываются в такое короткое предложение. Как он может быть хорошим мужем, если все его силы уходят только на работу? Каким он может быть отцом? Отцом, который так поглощен своей профессией, что... нет, хватит.

Гурни прошелся дорогой, которой, как ему помнилось, вели следы, теперь скрытые под новым снегом. На подходе к лесу, где следы загадочно обрывались, он вдохнул запах сосен, прислушался к тишине и замер в надежде, что его осенит. Ничего не произошло. Он с досадой огляделся вокруг и начал в сотый раз перебирать все, что ему было известно о ночи убийства. Что он знал? Что убийца пришел на территорию института с дороги пешком? Что у него были с собой специальный полицейский кольт 38-го калибра, разбитая бутылка от «Четырех роз», садовый стул, запасная пара ботинок и маленький проигрыватель с записью криков животных, при помощи которого он выманил Меллери из дома? Что на нем были комбинезон из нетканого материала, перчатки и пуховик, который он использовал, чтобы заглушить выстрел? Что он сидел за сараем и курил? Что он дождался, пока тот выйдет на террасу, застрелил его и потом четырнадцать раз ударил разбитой бутылкой? Что затем он спокойно ушел по газону в сторону леса, повесил запасную пару ботинок на дерево и бесследно исчез?

Гурни почувствовал, что его лицо сложилось в напряженную гримасу

— отчасти от влажного, ледящего воздуха, отчасти от внезапного осознания: все, что ему якобы известно об убийстве, — сплошная беспросветная бессмыслица.

Глава 29

Задом наперед

Ноябрь был его нелюбимым месяцем — время тусклого света, неясный промежуток между осенью и зимой.

Погода обостряла ощущение, что он заплутал в тумане дела Меллери и в упор не видел чего-то, что находилось прямо перед ним.

Когда он вернулся домой из Пиона, он решил, что было ему несвойственно, поделиться сомнениями с Мадлен, которая сидела за сосновым столиком над остатками чая и клюквенного пирога.

— Хочу, чтобы ты сформулировала свою точку зрения по одному вопросу, — сказал он, тут же пожалев о выборе лексики. Мадлен не любила официальный тон.

Она склонила голову набок, и он воспринял это как приглашение продолжить.

— Институт Меллери расположен на сорока гектарах между Филчерз-Брук-роуд и Торнбуш-лейн, в горах над поселком. Там примерно тридцать гектаров леса, а еще на четырех гектарах — газоны, парк, стоянка и три здания: главное, в котором находится лекторий, кабинеты и комнаты гостей, дом, в котором жили Меллери, и сарай для всякого садового оборудования.

Мадлен посмотрела на кухонные часы, и он поспешил продолжить:

— Полицейские обнаружили следы, ведущие от входа со стороны Филчерз-Брук-роуд к стулу, стоявшему за сараем. От стула следы вели к месту, где Меллери был убит, а оттуда — к точке в лесу, на расстоянии примерно километра, где следы прекратились. То есть дальше их просто нет. Нет ни малейшего намека на то, каким образом человеку, дошедшему до этого места, удалось скрыться, не оставив следов.

— Ты серьезно?

— Я описываю результаты расследования.

— А что с другой дорогой, которая туда ведет?

— Торнбуш-лейн находится в тридцати метрах от последнего следа.

— Медведь вернулся, — сказала Мадлен, помолчав.

— Что? — не понял Гурни.

— Медведь. — Она кивнула в сторону бокового окна.

Между окном и спящей, покрытой инеем клумбой стояла согнутая до земли стойка для птичьей кормушки, а сама кормушка валялась рядом, расколотая пополам.

— Я попозже с этим разберусь, — сказал Гурни, раздражаясь на не относящееся к делу замечание. — Есть у тебя какие-то идеи по поводу истории со следами?

Мадлен зевнула.

— По-моему, все это глупость, а тот, кто это сделал, сумасшедший.

— Но как он это сделал?

— Это как фокус с цифрами.

— Не понимаю тебя.

— Я хочу сказать — какая разница, как он это сделал?

— Продолжай, — попросил Гурни, в котором любопытство побеждало раздражение.

— «Как» не имеет значения. Вопрос в том, «зачем», а ответ очевиден.

— И что это за очевидный ответ?

— Он хочет показать вам, что вы идиоты.

От ее ответа у него возникло двойственное ощущение: с одной стороны, он был доволен, что она подтвердила его версию, что путаница была намеренно адресована полиции, но с другой — ему не понравился акцент, который она сделала на слове «идиоты».

— Может быть, он шел задом наперед, — предположила она, пожав плечами. — Может быть, на самом деле следы не ведут оттуда, откуда вы думаете, а наоборот — уводят туда.

Гурни уже думал об этом, но отринул эту версию.

— Тут два момента, почему это невозможно. Во-первых, каким образом следы могут начинаться из ниоткуда? Во-вторых, между ними очень ровные промежутки. Трудно представить, как кто-то может так аккуратно идти задом наперед целых полмили, ни разу не споткнувшись.

Тут он спохватился, что любой интерес со стороны Мадлен для него ценен, поэтому он добавил, смягчившись:

— Но вообще-то интересный ход мысли. Прошу тебя, продолжай.

В два часа ночи, глядя на прямоугольник окна в спальне, едва освещенный четвертушкой луны, скрытой за облаком, Гурни все еще лежал и размышлял о предположении Мадлен, что направление следов и то, куда они вели на самом деле, — разные вещи. Но даже если это правда, разве это что-то проясняет в общей картине? Если кто-то и мог так далеко пройти по пересеченной местности задом наперед, ни разу не споткнувшись, что

само по себе было невероятным, то загадка с неожиданным концом следа просто превращалась в загадку с неожиданным началом.

Или нет?

Допустим...

Нет, все же маловероятно. И все же просто допустим...

Шерлок Холмс говорил: «Отбросьте все невозможное, то, что останется, и будет ответом, каким бы невероятным он ни казался».

— Мадлен?

— М-мм?

— Прости, что разбудил. Но это важно.

Она глубоко вздохнула.

— Не спишь?

— Уже не сплю.

— Послушай. Предположим, убийца заходит на территорию института не с главной дороги, а с задней. Допустим, он прибыл за несколько часов до совершения убийства — а именно до выпадения снега. Допустим, он зашел в сосновую рощу с задней дороги со своим садовым стулом и прочим реквизитом, надел свой костюм и перчатки и стал ждать.

— В лесу?

— В сосновой рощице, где мы решили, что след прекратился. Представим, что он сидит там и ждет, когда прекратится снег, — это было вскоре после полуночи. Затем он встает, берет стул, бутылку, пистолет и проигрыватель с криками животных и проходит километр до дома. По дороге звонит Меллери на его мобильный, чтобы убедиться, что тот не будет спать и услышит записанные крики.

— Подожди. Ты же сказал, что по лесу было бы невозможно идти задом наперед.

— А он не шел. Ты была права, что направление следов не говорит о направлении хода. Предположим, подошвы ботинок отделили от верхней части.

— Каким образом?

— Убийце понадобилось бы отрезать подошвы с одной пары ботинок и приклеить к другой — задом наперед. Затем он мог спокойно идти и оставлять след, якобы ведущий в обратном направлении.

— А как же садовый стул?

— Он отнес его на террасу. Может быть, положил на него все, что нес с собой, пока заворачивал пистолет в пуховик. Затем он включил проигрыватель, чтобы заставить Меллери спуститься к террасе. Может быть, все было не в точности так, но главное — что он выманил Меллери

на террасу и застрелил его. Как только Меллери упал, убийца взял бутылку и нанес несколько ударов. Затем отбросил бутылку в сторону шагов, оставленных по дороге к террасе — но указывающих в обратном от террасы направлении.

— Почему он не оставил бутылку рядом с телом или не забрал с собой?

— Не забрал, потому что хотел, чтобы мы ее нашли. Бутылка — часть игры, часть его задумки. И я бы предположил, что он бросил бутылку в сторону якобы уходящих следов, чтобы этой деталью укрепить нас в мысли, что следы именно уходят.

— Какая-то неочевидная деталь.

— Как и повешенные на дереве ботинки в предполагаемом конце следа — но он конечно же оставил их там, когда только пришел.

— Значит, это были не те ботинки, которые оставили отпечатки?

— Нет, но как раз это нам уже было известно. Один из экспертов бюро криминалистики нашел крохотное различие между следом в снегу и отпечатком этой пары ботинок. Поначалу это казалось бессмыслицей. Но в свете новой версии все очень... логично.

Мадлен несколько мгновений молчала, но он почти чувствовал, как она обдумывает, взвешивает, проверяет возникшую версию на слабые места.

— Ладно, вот он выбросил бутылку, что дальше?

— Дальше он идет прочь от террасы к сараю, ставит там садовый стул и бросает на землю пригоршню бычков, чтобы это выглядело так, будто он сидел там перед убийством. Затем снимает свой костюм и перчатки, надевает пуховик, обходит сарай, оставляя эти чертовы обратные следы, и выходит на Филчерз-Брук-роуд, которую городские власти чистят, поэтому там не остается следов, а оттуда направляется к своей машине на Торнбуш-лейн или в поселок, или куда угодно еще.

— А полицейские из Пиона видели кого-нибудь, когда ехали по дороге?

— Вроде бы нет, но он ведь легко мог уйти в лес или...

Он замолчал, задумавшись.

— Или?

— Это не самый правдоподобный вариант, но мне говорили, что там есть пансион, и люди из бюро должны были его проверить. Звучит невероятно, однако наш убийца мог практически отрезать голову своей жертве, а потом преспокойно вернуться в уютную съемную комнатку.

Несколько долгих минут они молча лежали рядом, и Гурни снова и

снова проигрывал в голове новую версию событий, словно выискивая течь в самодельной лодке, прежде чем пустить ее в плавание. Решив, что целостность картины нигде не нарушена, он спросил у Мадлен, что она об этом думает.

— Он идеальный противник, — сказала она.

— Что-что?

— Идеальный противник.

— В каком смысле?

— Ты обожаешь загадки. Он тоже. Это союз, заключенный на небесах.

— Или в аду.

— Какая разница. Кстати, с записками что-то не так.

— Что не так?

Мадлен иногда вдруг выдавала результат цепочки непроговоренных мыслей и ассоциаций, повергая его в растерянность.

— Ты же мне показывал записки от убийцы — первые две и стишки. Я пыталась вспомнить, о чем они были.

— И что?

— Мне это не удалось, хотя на память я не жалею. И я поняла, в чем дело. Эти записки ни о чем.

— Что ты имеешь в виду?

— В них нет ничего конкретного. Никаких упоминаний реальных поступков Меллери или того, кто от них пострадал. Зачем бы такая таинственность? Никаких имен, дат, мест, никаких ссылок на что-нибудь осязаемое. Странно, разве нет?

— Цифры 658 и 19 оказались вполне осязаемыми.

— Но Меллери они ни о чем не говорили, он просто взял их с потолка. Это, наверное, какой-то фокус.

— Если фокус, то я не смог его вычислить.

— Еще вычислишь. Ты отлично умеешь связывать факты между собой. — Она зевнула. — Лучше всех.

В ее голосе не было иронии.

Лежа рядом с ней в темноте, он на секунду дал себе передышку и порадовался этой похвале. А затем снова — в который раз — принялся перебирать в уме записки убийцы, теперь с учетом ее замечания.

— Записки были достаточно конкретны, чтобы до чертиков напугать Меллери.

Она сонно вздохнула:

— Или недостаточно конкретны.

— В каком смысле?

— Не знаю. Может быть, за ними не было никакого конкретного прецедента.

— Но если Меллери ничего не сделал, за что его убили?

Она повела плечом:

— Этого я не знаю. Но я знаю точно, что с этими записками что-то не так. Давай спать.

Глава 30

Изумрудный домик

Проснувшись на рассвете, он впервые за много недель, а то и месяцев, почувствовал себя хорошо. Он решил немедленно отправиться в пансион на Филчерз-Брук-роуд. Может быть, разгадка истории со следами и не была ключом к разгадке всего преступления, но Гурни испытывал огромное облегчение.

Он догадывался, что разговаривать с «пидорами», не обсудив это предварительно с офисом Клайна или с бюро расследований, было несколько опрометчиво. Но какая разница, в конце концов, — если его шлепнут по рукам, он переживет. И потом, он чувствовал, что мяч наконец был на его стороне. «В делах людских прилив есть и отлив...»^[2]

Когда до пересечения с Филчерз-Брук оставалось не больше полутора километров, его мобильник зазвонил. Это была Эллен Ракофф.

— Окружной прокурор Клайн получил новости, которыми хотел бы с вами поделиться. Он просил передать вам, что сержант Вигг из лаборатории бюро расследований разобрала фоновые шумы на записи телефонного разговора с убийцей. Вы в курсе содержания звонка?

— Да, — ответил Гурни, вспоминая искаженный голос и как Меллери загадал число 19, а затем нашел этот номер записанным в письме, которое убийца оставил в его ящике.

— Сержант Вигг утверждает, что отдаленный шум автомобилей также был записью.

— Не понял, еще раз?

— Вигг говорит, что на фонограмме есть два источника звуков. Голос абонента и фоновый звук двигателя, который она однозначно определяет как двигатель автомобиля, были оригинальными. То есть это были звуки, возникающие в реальном времени на момент записи фонограммы. Однако другие фоновые звуки, в основном проезжающих мимо автомобилей, были вторичными в том смысле, что их проигрывали на магнитофоне в момент

записи фонограммы. Детектив, вы слушаете?

— Да, да, я просто пытался... все это уложить в голове.

— Я могу повторить, если нужно.

— Нет, я все понял. Это очень... любопытно.

— Окружной прокурор Клайн так и предполагал, что вы это скажете.

Он просил вас перезвонить ему, как только у вас будет версия на этот счет.

— Я так и сделаю.

Он повернул на Филчерз-Брук-роуд и вскоре остановился у знака, гласившего, что ухоженный участок справа называется «Рододендрон». Знак представлял из себя аккуратный овал с каллиграфической надписью. Чуть дальше была арка в зарослях рододендронов. Они уже много месяцев были не в цвету, но Гурни, проезжая под аркой, ясно представил себе цветочный запах и вспомнил слова короля Дункана о замке Макбета накануне своей гибели: «В хорошем месте замок...»

За оградой оказалась небольшая парковка, посыпанная гравием безупречно ровно, как сад камней. Такая же опрятная гравийная дорожка вела от парковки к чистенькому крыльцу. Вместо звонка на двери был старинный дверной молоток. Гурни потянулся к нему, и тут дверь открылась. На пороге стоял невысокий человек с внимательным, оценивающим взглядом. Все в его облике отдавало стерильностью — от рубашки поло цвета лайма и нежно-розового цвета кожи до слишком светлого оттенка волос, обрамляющих не очень молодое лицо.

— Наконец-то! — сказал он с недовольством человека, которому задержали доставку пиццы.

— Вы мистер Плюк?

— Нет, я не мистер Плюк, — ответил он. — Меня зовут Брюс Плюм. То, что наши имена гармонируют, — это чудесное совпадение.

— Понимаю, — отозвался Гурни, слегка растерявшись.

— А вы, значит, полицейский?

— Следователь по особо важным делам из офиса окружного прокурора. Моя фамилия Гурни. Кто вам сказал, что я приду?

— Ну этот, коп, по телефону. Никогда не запоминаю имен. Однако что же мы тут стоим? Проходите!

Гурни проследовал за ним через маленькую прихожую в гостиную, обставленную в сумбурном викторианском стиле. Он задумался, кто мог звонить по телефону, и от этого лицо его приняло озадаченное выражение.

— О, вы извините, — произнес Плюм, явно по-своему истолковав это выражение. — Я не знаю, какая у вас там стандартная процедура. Хотите

сразу пройти в Изумрудный домик?

— Простите, куда?

— В Изумрудный домик.

— Что за изумрудный домик?

— Место преступления.

— Какого преступления?

— Вас что, не предупредили?

— Насчет чего?

— Насчет того, зачем вы здесь.

— Мистер Плюм, не хочу показаться невежливым, но, быть может, вы начнете сначала и объясните, о чем идет речь?

— Это невыносимо! Я все рассказал сержанту по телефону. Причем дважды, потому что с одного раза он не понял.

— Сочувствую, сэр, но не повторите ли теперь и мне, что вы сказали ему?

— Мои серебряные башмачки украли. Вы не представляете, сколько они стоят!

— Серебряные башмачки?..

— Боже, да они там что, вообще ничего вам не передали? — Плюм начал тяжело дышать, словно в преддверии какого-нибудь припадка. Затем закрыл глаза. Открыв их вновь, он будто бы внутренне смирился с некомпетентностью полиции и заговорил с Гурни тоном школьного учителя:

— Мои серебряные башмачки, которые стоят кучу денег, похитили из Изумрудного домика. У меня нет доказательств, однако я уверен, что украли их последний постоялец, который там останавливался.

— А этот изумрудный домик находится на вашей территории?

— Разумеется. Все владение целиком называется «Рододендрон», ну это понятно почему. Здесь три здания — главный дом, в котором мы сейчас находимся, и два гостевых: Изумрудный домик и Медовый домик. Интерьер Изумрудного домика вдохновлен «Волшебником Изумрудного города» — лучшим фильмом всех времен и народов. — Он сверкнул глазами, как будто говоря: «Только попробуйте возразить!» — Ключевым элементом декора была копия знаменитых волшебных башмачков Элли. Сегодня утром я обнаружил, что они пропали.

— И кому вы об этом сообщили?

— Ну ясно же, что вашим людям, раз вы здесь.

— Вы позвонили в полицию Пиона?

— Разумеется, не в полицию же Чикаго.

— У нас с вами две проблемы, мистер Плюм. Полиция Пиона, несомненно, свяжется с вами по поводу кражи. Но я здесь не поэтому. Я расследую другое дело, и мне нужно задать вам несколько вопросов. Полицейскому детективу, который приходил вчера, было сказано — мистером Плюком, насколько я понимаю, — что три ночи тому назад у вас останавливалась пара орнитологов. Мужчина и его мать.

— Это он!

— Кто?

— Тот, который украл мои башмачки!

— Орнитолог украл ваши башмачки?

— Орнитолог, ворюга, чертов похититель, да, это он!

— А почему об этом не сообщили детективу, который приходил?

— Не сообщили, потому что мы тогда еще не знали. Я же сказал, я обнаружил пропажу только сегодня утром.

— Значит, вы не заходили в дом с тех пор, как этот человек и его мать попрощались с вами?

— Прощались — это громко сказано. Они просто взяли и уехали среди бела дня. Они расплатились заранее, так что формально прощание было необязательно. Мы вообще здесь не поклонники всяких формальностей, и от этого вдвойне ужасно, что они вот так обманули наше доверие! — Казалось, он вот-вот подавится возмущением.

— Вы всегда так долго ждете, чтобы...

— Убраться после гостей? В это время года такое нормально. В ноябре меньше всего постояльцев. Следующая бронь на Изумрудный домик аж на рождественскую неделю.

— Человек из бюро не осматривал Изумрудный домик?

— Из какого бюро?

— Детектив, который приходил к вам два дня назад из бюро криминальных расследований.

— Ах этот. Так он же не со мной разговаривал, а с мистером Плюком.

— Простите, а кто такой мистер Плюк?

— Отличный вопрос. Я сам себе регулярно его задаю, — с горечью ответил он и покачал головой. — Простите, полицейских, конечно, не касаются сторонние эмоциональные проблемы. В общем, Поль Плюк — мой партнер по бизнесу. Мы совместно владеем «Рододендрон». По крайней мере, на данный момент это так.

— Понятно, — ответил Гурни. — Давайте вернемся к моему вопросу. Человек из бюро заходил в дом?

— А зачем? Он же приходил насчет этих ужасных событий там, в

институте, и спрашивал, не видели ли мы каких-нибудь подозрительных персонажей. Поль — то есть мистер Плюк — ответил, что не видели, и он ушел.

— И он не расспрашивал вас про ваших постояльцев?

— Про орнитологов? Разумеется, нет.

— Разумеется?

— Ну, мать была, считайте, инвалидом, а сын, хоть и оказался вором, все-таки не выглядел как маньяк-убийца.

— А как он выглядел?

— Я бы сказал, что в нем не было телесной мощи. Нет, никакой телесной мощи, одна немощь. Стеснительный.

— Как полагаете, он гей?

Плюк глубоко задумался:

— Это интересный вопрос. Я почти всегда угадываю наверняка, но в этом случае не уверен. У меня возникло ощущение, что он старался показаться мне геем. Странно, правда? Зачем бы это ему?

Вероятно, затем, подумал Гурни, что вся его личность — это игра.

— А помимо того, что он стеснительный и тщедушный, что еще вы можете про него сказать?

— Что он ворюга.

— Я имею в виду внешность.

Плюк наморщил лоб.

— Усы. Тонированные очки.

— Тонированные?

— Вроде солнечных, достаточно темные, чтоб глаз не было видно (я прямо ненавижу это, когда говоришь с человеком и в глаза нельзя посмотреть; а вы?), но можно их носить и в помещении.

— Еще что-нибудь?

— Шапка у него была, знаете, такая перуанская, вязаная, всю голову закрывала. Шарф, куртка мешковатая.

— С чего же вы взяли, что он тщедушный?

Плюк наморщил лоб еще сильнее.

— Может быть, по голосу? По манере? Представьте, я даже не могу сказать. В сущности, все, что я видел, это огромная куртка, шапка, очки и усы. — Его глаза расширились от внезапного озарения. — Вы полагаете, он маскировался?!

Солнечные очки и усы? С точки зрения Гурни это была какая-то пародия на маскировку. Но такой ход вполне вписывался в общий извращенный замысел. Или все было гораздо проще... В любом случае

маскировка сработала — составить описание внешности было невозможно.

— Что-нибудь еще можете о нем вспомнить? Хотя бы что-нибудь?

— Он был просто одержим нашими маленькими пернатыми друзьями. У него был огромный бинокль — вроде инфракрасных штук, которыми пользуются крутые парни в кино. Оставил мать в домике, а сам пошел в лес, искать дубоноса. Розовогрудого дубоноса.

— Это он вам сказал?

— Да.

— Удивительно.

— Чем же?

— Зимой в Катскильских горах не бывает розовогрудых дубоносов.

— Но он же рассказывал... ах, он еще и лжец!

— Что он рассказывал?

— Утром, перед тем как уехать, он пришел в главный дом на завтрак и только и говорил что про чертовых дубоносов. Он снова и снова повторял, что видел четырех розовогрудых дубоносов. Да, четырех розовогрудых дубоносов, повторял и повторял, как будто я ему не верил.

— Возможно, он таким образом пытался убедить, что вы запомнили, — задумчиво произнес Гурни.

— Но вы же говорите, что он не мог их видеть, потому что зимой их не бывает. Зачем ему могло понадобиться, чтобы я запомнил то, чего не бывает?

— Хороший вопрос, сэр. Не возражаете, если я сейчас взгляну на Изумрудный домик?

Плюм проводил его через викторианскую столовую с узорными дубовыми стульями и зеркалами и вывел в боковую дверь на дорожку, мощенную кремовой плиткой, — не вполне желтый кирпич, но ассоциацию с «Волшебником Изумрудного города» она вызывала однозначную. Тропинка заканчивалась у порога сказочного вида домика, укутанного ярко-зеленым, вопреки погоде, плющом.

Плюм открыл дверь ключом, распахнул ее и отошел в сторону. Гурни заглянул внутрь. Комната, видневшаяся за порогом, была наполовину гостиной, а наполовину храмом, посвященным фильму, — там была коллекция плакатов, остроконечная шляпа волшебницы, волшебная палочка, статуэтки Трусливого Льва и Железного Дровосека, а также плюшевый Тотошка.

— Хотите зайти и посмотреть на витрину, откуда похитили башмачки?

— Нет, — ответил Гурни, делая шаг назад на тропинку. — Если вы единственный, кто был в этом доме с тех пор, как гости его покинули, я бы

предпочел оставить все как есть, пока сюда не приедет бригада для сбора улик.

— Но вы же здесь, чтобы... постоитe, вы сказали, что вы здесь по какому-то другому делу?

— Да, сэр, так и есть.

— О каком сборе улик идет речь? То есть какие... о нет, вы же не думаете, что мой вороватый орнитолог — это ваш Джек-потрошитель?

— По правде говоря, сэр, у меня нет причин так думать. Но необходимо учесть каждую вероятность, и мы обязаны внимательно осмотреть этот дом.

— Господи. Не знаю, что и сказать. Не одно преступление, так другое. Что ж, я не буду мешать полиции, хотя все это так странно. Нет худа без добра — даже если окажется, что все это не имеет отношения к ужасам в институте, может, вы что-нибудь узнаете про мои башмачки.

— Всякое вероятно, — вежливо ответил Гурни. — Думаю, бригада появится завтра в течение дня. Тем временем прошу вас держать дверь сюда запертой. Только давайте я уточню, потому что это очень важно: вы уверены, что никто, кроме вас, не заходил в этот дом за прошедшие два дня? Включая вашего партнера?

— Изумрудный домик — мое творение и полностью моя ответственность. Мистер Плюк занимается Медовым домиком с его неудачным интерьером.

— О чем вы, простите?

— Тема интерьера Медового домика — скучнейшая панорама, повествующая о пчеловодстве. Этим все сказано.

— У меня к вам последний вопрос, сэр. У вас есть имя и адрес орнитолога в журнале учета постояльцев?

— У меня есть имя и адрес, которые он записал. Учитывая, что он вор, сомневаюсь, что они настоящие.

— Мне нужно посмотреть в журнал и переписать их в любом случае.

— Необязательно смотреть в журнал. У меня прямо перед глазами стоят эти буквы. Мистер и миссис — надо сказать, странный способ записать себя с матерью, не правда ли? — мистер и миссис Сцилла. В поле адреса вписан абонентский ящик в Вичерли, штат Коннектикут. Я даже номер ящика запомнил.

Глава 31

Звонок из Бронкса

Гурни сидел в машине посреди идиллической парковки. Он только что закончил разговаривать с бюро расследований, чтобы вызвать срочную бригаду в «Рододендрон», и как раз убирал мобильный в карман, когда он зазвонил. В трубке снова зазвучал голос Эллен Ракофф. Первым делом он рассказал ей новости про чету Сцилла и странную кражу, чтобы она передала все Клайну. Затем спросил, почему она звонит. Она продиктовала ему телефонный номер.

— Это детектив отдела убийств из Бронкса, который хочет поговорить с вами о деле, над которым он работает.

— И он хочет поговорить именно со мной?

— Он хочет поговорить с кем-нибудь из следственной группы по делу Меллери, про которое он прочитал в газете. Он позвонил в полицию Пиона, те отправили его в бюро расследований, те — к капитану Родригесу, а он в офис окружного прокурора, который решил направить его к вам. Его зовут детектив Клэм. Рэнди Клэм.

— Это что, шутка такая?

— Насчет этого ничего не могу сказать.

— Что он рассказал о своем деле?

— Ничего. Вы же знаете полицейских. В основном расспрашивал про нашу работу.

Гурни набрал номер. Ответ последовал после первого же гудка:

— Клэм.

— Это Дэйв Гурни, перезваниваю по вашей просьбе. Я из офиса окружного про...

— Да, сэр, я понял. Спасибо, что так быстро откликнулись.

Хотя материала для домыслов у него не было, Гурни ясно представил копа на том конце трубки — быстро соображающего и быстро говорящего работягу-многостаночника, который, будь у него связи, мог бы попасть в военную академию, а не в полицейскую.

— Как я понимаю, вы работаете над делом Меллери, — протараторил молодой голос.

— Верно.

— Множественные колотые раны в шею, да?

— Верно.

— Я звоню по поводу схожего случая у нас, мы хотели проработать возможную связь.

— Что вы подразумеваете под схожим случаем?

— Множественные раны в шею.

— Насколько я помню статистику по Бронксу насчет колотых ранений,

их случается больше тысячи в год. Почему вы не ищете связь поближе к себе?

— Мы-то ищем. Но ваш случай — единственный, где ран больше десяти, и все на одной части тела.

— Чем же я могу помочь?

— Смотря чем вы хотите помочь. Я думал, что нам обоим будет полезно, если вы приедете сюда на денек, посмотрите на место убийства, посидите на допросе вдовы, позадаете вопросы и посмотрите, нет ли каких-то параллелей.

Шансов было мало. Меньше, чем в случаях, когда он напрасно тратил время на зыбкие гипотезы во время работы в Нью-Йорке. Но Дэйв Гурни был органически не способен проигнорировать вероятность, даже очень туманную.

Он согласился встретиться с детективом Клэмом в Бронксе следующим утром.

Часть третья

НАЗАД, К НАЧАЛУ

Глава 32

Всесожженье

Молодой человек сидел, откинувшись в кровати на удобные подушки, улыбаясь чему-то на экране своего ноутбука.

— Баю-баюшки-баю, — произнесла старуха, лежавшая в постели рядом с ним. — Баю деточку мою.

— Пусть сегодня мне приснится, как чудовищ я убью.

— Ты сочиняешь стишок?

— Да, мама.

— Прочитай мне вслух.

— Я еще не дописал его.

— Прочитай мне вслух, — повторила она, как будто забыла, что говорила только что.

— Он пока неудачный. Ему чего-то не хватает. — Он поправил экран ноутбука.

— Какой красивый у тебя голос, — произнесла она с отсутствующим взглядом, касаясь пальцами светлых кудрей своего парика.

Он на секунду закрыл глаза. Затем, словно готовясь сыграть на флейте, он слегка облизнул губы и начал читать стих размеренным полупшепотом:

*Вот что любимое есть у меня:
Пуля летит, перемены маня,
Хлещут горячей крови фонтаны,
Покуда не вытечет вся из раны,
За око — два глаза, все зубы — за зуб,
Ясности миг, остывающий труп.
Пьяницы ствол обратил я к добру
И всесожженьем закончу игру.*

Он вздохнул и посмотрел на экран, морща нос:

— С размером что-то не так.

Старуха машинально кивнула и голосом кроткого ребенка спросила:

— Деточка, что ты будешь делать?

Ему захотелось описать ей «всесоуженье» во всех подробностях. Смерть всех чудовищ. Он видел ее так ясно, и она была такой яркой, такой упоительной! Но он считал себя реалистом и понимал, что возможности матери ограничены. Он знал, что ее вопросы не требовали настоящих ответов, что она все равно их забудет, как только произнесет; что его слова были для нее просто звуками, которые она любила, которые ее успокаивали. Он мог говорить что угодно — считать до десяти, читать считалочки. Главное — ритмично и с выражением. Поэтому он всегда старался богато интонировать. Ему нравилось ее радовать.

Глава 33

Та еще ночка

Время от времени Гурни снились невозможно печальные сны, как будто он спускался в самое сердце печали. В этих снах он видел с ясностью, неподвластной словам, что источник печали — это утраты, величайшая из которых — потеря любви.

В последнем сне, который едва ли длился минуту, он видел отца, одетого так, как он всегда ходил на работу сорок лет назад, да и во всем остальном точно такого же, как тогда: безликий бежевый пиджак и серые штаны, бледные веснушки на кистях тяжелых рук, круглые залысины, насмешливый взгляд, как будто направленный в другую жизнь, выдающий желание постоянно быть в пути, быть где угодно — только не там, где он на самом деле, способность почти все время молчать, но вместе с тем выражать своим молчанием бесконечное недовольство... Дэвид, маленький мальчик, умоляюще смотрел на его фигуру вдалеке, упрашивал не уходить, и по его щекам во сне текли горячие слезы. Наяву это никогда не случилось в присутствии отца — у них не было заведено выражать сильные чувства открыто... Когда Гурни внезапно проснулся, его лицо все еще было влажным от слез, а сердце болело.

Ему хотелось разбудить Мадлен, рассказать ей про сон; хотелось, чтобы она увидела эти слезы. Но это было совсем не про нее. Она едва знала его отца. А сны, в конце концов, всего лишь сны. По большому счету они ничего не значат. Он попытался отвлечься и вспомнить, какой наступил

день. Понял, что четверг. И в этот момент произошло привычное, мгновенное преобразование мысленного пейзажа, на которое он привык полагаться, чтобы стряхнуть осадок беспокойной ночи и переключиться на дела предстоящего дня. Значит, четверг. Четверг уйдет на посещение Бронкса — района неподалеку от места, где он вырос.

Глава 34

Темный день

Это был трехчасовой путь во мрак и уродство. Неприятные ощущения усугублялись холодной моросью, которую «дворники» остервенело смахивали с лобового стекла. Гурни был подавлен и раздражен — отчасти из-за погоды, а отчасти, как ему казалось, из-за сна, который оголил его нервы.

Он ненавидел Бронкс. Он ненавидел в Бронксе все — от щербатых тротуаров до выжженных скелетов краденых машин. Он ненавидел пестрые растяжки, зовущие провести четыре дня и три ночи в Лас-Вегасе. Он ненавидел запах — помесь выхлопных газов, дегтя, плесени и тухлой рыбы, с навязчивой ноткой ржавчины. Но даже больше, чем все это, он ненавидел то, что помнил из детства и что преследовало его здесь каждый раз, как он приезжал, — жуткие, доисторические твари в устрашающей броне: мечехвосты, рыщущие в прибрежной слизи залива Истчестер.

Проведя полчаса в пробках на «скоростном» шоссе, он наконец добрался до нужного съезда и одолел несколько кварталов до оговоренного места встречи — парковки у церкви Всех Святых. Стоянка была окружена оградой с табличкой, разрешающей въезд только автомобилям служащих. Там было пусто, за исключением невзрачного «шевроле», возле которого стоял молодой парень с короткой стрижкой, уложенной гелем, и разговаривал по телефону. Гурни припарковался рядом с «шевроле». Парень тут же закончил разговор и прицепил телефон на пояс.

Морось, докучавшая ему всю дорогу, превратилась в прозрачную взвесь, незаметную глазу, но Гурни тут же ощутил ее уколы на лице, едва выйдя из машины. Возможно, молодой человек тоже ее чувствовал, и от этого лицо его было таким недовольным.

— Детектив Гурни?

— Дэйв, — сказал Гурни, протягивая руку.

— Рэнди Клэм. Спасибо, что приехали. Надеюсь, это будет не напрасно. Я просто хочу проверить все версии по этому делу, которое

смахивает на то, что вы там у себя расследуете. Может, связи и нет, потому что странно предполагать, что один и тот же человек убил какого-то крутого гуру в одной части штата и ночного сторожа здесь, в Бронксе, но эти множественные ранения в горло не дают мне покоя. В таких случаях чувство такое, знаете — блин, забьешь на это сейчас, и тогда это точно окажется тот же парень. Понимаете, о чем я?

Любопытно, подумал Гурни, отчего у Клэма такая быстрая речь — от кофеина, кокаина, тяжелой работы или привычного внутреннего напряжения?

— То есть я хочу сказать, что дюжина колотых ран — не такое частое явление. Может быть, мы найдем и другие сходства между этими делами. Наверное, можно было просто обменяться документацией, но я подумал — вдруг, побывав здесь, вы сможете заметить или понять что-то новое на месте убийства или в разговоре с вдовой. Я на это очень надеюсь. Что будет какая-то польза. Хочется верить, что это не будет пустой тратой вашего времени.

— Тише, тише, молодой человек. Послушайте меня внимательно. Я приехал сюда сегодня, потому что мне это показалось разумным. Вы хотите проверить все возможные версии — и я хочу того же. В худшем случае мы просто исключим всякое сходство между делами, но исключение версий — это часть работы, а не трата времени. Так что насчет моего времени не беспокойтесь.

— Спасибо, сэр. Я просто... ну, вам так далеко пришлось ехать и все такое. И я очень благодарен.

Речь Клэма стала чуть размереннее. Он был по-прежнему на взводе, но его уже не лихорадило.

— Кстати, о трате времени, — сказал Гурни, — может, посмотрим на место убийства?

— Давайте. Оставьте машину прямо здесь, поедem на моей. Дом жертвы в тесном райончике, там на машине едва проедешь, ничего не задев.

— Флаундер-Бич, что ли?

— Вы знаете Флаундер-Бич?

Гурни кивнул. Он был там однажды, в юности, на дне рождения подруги своей тогдашней девушки.

— Откуда же вы знаете? — удивился Клэм, поворачивая с парковки в противоположную от главной улицы сторону.

— Я вырос там недалеко, рядом с Сити-Айлендом.

— Охренеть. А я думал, вы с севера.

— Сейчас я живу на севере, — кивнул Гурни и сам удивился тому, как это прозвучало. Как будто это временное явление. При Мадлен он выразился бы иначе.

— В общем, там ничего не изменилось, это все те же трупы с халупами. Когда прилив и небо чистое, можно даже подумать, что это настоящий пляж. А потом начинается отлив, появляется грязища, и сразу вспоминаешь, что ты в Бронксе.

— Так и есть, — согласился Гурни.

Спустя пять минут они остановились в пыльном переулке на участке, огороженном цепью, как и парковка у церкви. Раскрашенная вывеска гласила, что это пляжный клуб Флаундер-Бич и заезжать сюда можно только по пропускам. В нескольких местах вывеска была изуродована дробью.

Гурни подумал о вечеринке тридцатилетней давности. Он попытался вспомнить, не этой ли дорогой он тогда добирался. Перед глазами стояло лицо девочки, у которой был день рождения. Это была толстушка с хвостиками и брекетами на зубах.

— Припаркуемся здесь, — сказал Клэм, снова ссылаясь на забитые машинами улицы. — Ничего, если мы пройдемся?

— Господи, я что, по-вашему, совсем старик?

Клэм неловко рассмеялся. Они вышли из машины, и он поинтересовался:

— Сколько лет вы в полиции?

Не желая вдаваться в подробности об увольнении и неожиданном сотрудничестве по договоренности, он просто сказал:

— Двадцать пять.

— Это непростое дело, — сказал Клэм, как будто это замечание логически следовало из ответа Гурни. — Там еще много всего помимо ножевых ранений.

— А вы уверены, что это именно ножевые ранения?

— Почему вы спросили?

— В нашем случае раны были нанесены разбитой бутылкой из-под виски. Вы нашли оружие?

— Нет. Эксперт сказал, что это «вероятнее всего» ножевые ранения — правда, нож должен был быть обоюдоострым. Наверное, такие раны можно было оставить и осколком. У нас еще нет результатов вскрытия. Но я говорю — дело не только в этих ранах. Там еще жена... странная.

— В каком смысле странная?

— В разных смыслах. Во-первых, она религиозная фанатичка. У нее и

алиби соответствующее — она была на каком-то богоугодном сборище.

Гурни пожал плечами.

— А еще что не так?

— Она сидит на каких-то недетских колесах. Тратит на них жуткие деньги, чтобы не забыть напрочь, на какой планете она живет.

— Будем надеяться, что она с них не слезет. Вас еще что-то беспокоит?

— Беспокоит, — сказал Клэм, остановившись посреди узкой улицы, больше похожей на переулок. — Я чувствую, что она врет. — Он сощурился, как будто у него заболели глаза. — Или умалчивает что-то. Может, то и другое. Нам вот в этот дом. — Клэм указал на обшарпанную постройку, вдавленную в глубь обочины.

Чешуйки шелушащейся краски были ядовито-зеленого цвета. Красновато-коричневый оттенок двери напоминал запекшуюся кровь. Участок вокруг дома был оцеплен переносными столбиками, соединенными желтой лентой. Гурни подумал, что не хватало только банта, чтобы все это вместе выглядело как подарок из ада.

Клэм постучал в дверь.

— Да, забыл предупредить, — сказал он. — Это большая женщина.

— Большая?

— Сейчас увидите.

Это предупреждение не вполне подготовило Гурни к виду существа, открывшего дверь. Это была женщина весом за сто килограммов, с руками, похожими на ляжки. Казалось, она едва помещается в маленьком домике. Столь же неуместно смотрелось на этом обширном теле удивленное детское личико. Ее короткие темные волосы были расчесаны на прямой пробор, по-мальчишески.

— В чем дело? — спросила она, впрочем не выражая этим вопросом никакого интереса.

— Добрый день, миссис Шмитт, я — детектив Клэм. Помните меня?

— Здрав-ству-йте, — произнесла она по слогам, как будто зачитывая слово из иностранного разговорника.

— Я был у вас вчера.

— Да, я помню.

— У нас к вам еще несколько вопросов.

— Хотите что-то еще узнать про Альберта?

— И это тоже. Разрешите нам войти?

Она молча отошла от входа, направилась в тесную гостиную, находившуюся сразу за дверью, и приземлилась на диван, который как будто осел под ее тяжестью.

— Садитесь, — сказала она.

Они огляделись. Стульев в гостиной не было. Помимо дивана в ней помещались еще журнальный столик с дешевой вазой, из которой торчали розовые пластмассовые цветы, книжный шкаф и огромный телевизор. На голом полу не было ни пылинки, если не считать несколько ворсинок, — Гурни предположил, что здесь был ковер, на котором нашли тело, и его забрали на экспертизу.

— Мы постоим, — сказал Клэм. — Мы вас не задержим.

— Альберт очень любил спорт, — сказала миссис Шмитт, с улыбкой глядя на исполинский телеэкран.

В левой стене гостиной была арка, за которой находилось три двери. Из-за одной доносились звуки компьютерной игры.

— Это Иона. Мой сын. Там его спальня.

Гурни спросил, сколько Ионе лет.

— Двенадцать. В чем-то он старше своих лет, а в чем-то младше, — сказала она с таким видом, будто эта мысль посетила ее впервые.

— Он был с вами? — спросил Гурни.

— В каком это смысле «со мной»? — переспросила она многозначительным тоном, от которого Гурни сделалось не по себе.

— Я имею в виду, — начал Гурни, стараясь не выдавать никаких эмоций, — был ли он с вами на службе тем вечером, когда убили вашего мужа?

— Он принял Иисуса Христа как своего Господа и Спасителя.

— То есть он был с вами?

— Да. Я уже говорила этому полицейскому.

Гурни сочувственно улыбнулся.

— Иногда для пользы дела надо задавать вопросы по нескольку раз, — пояснил он.

Она кивнула с непонятным энтузиазмом и повторила:

— Он принял Иисуса Христа.

— А ваш муж принимал Иисуса Христа?

— Я думаю, да.

— Но вы сомневаетесь?

Она зажмурилась, как будто ища ответ на изнанке своих век. Затем сказала:

— Дьявол коварен.

— Еще как коварен, миссис Шмитт, — согласился Гурни. Он слегка отодвинул журнальный столик с вазой от дивана, обошел его и сел на краешек, лицом к ней. Он знал, что лучший способ вести беседу с таким

человеком — держаться в той же манере, даже если кажется, что разговор ведет в тупик.

— Он коварный злоумышленник и искуситель, — сказал он, внимательно наблюдая за ней.

— Господь мой пастырь, — сказала она. — И я не буду знать нужды.

— Аминь.

Клэм кашлянул и переступил с ноги на ногу.

— Скажите, — продолжил Гурни, — как дьявол искушал вашего Альберта?

— Дьявол преследует праведных! — вдруг прокричала она. — Ибо грешники и без того во власти его.

— Альберт был праведником?

— Иона! — закричала она еще громче, поднимаясь с дивана и с неожиданной прыткостью направляясь к одной из дверей за аркой. Она принялась стучать в эту дверь раскрытой ладонью и продолжила кричать: — Открой дверь! Сейчас же! Открой мне дверь!

— Что за... — пробормотал Клэм.

— Иона, сейчас же!

Щелкнул замок, и дверь наполовину открылась. На пороге стоял мальчик, размерами приближавшийся к матери и похожий на нее отсутствующим взглядом. Гурни задумался, что может быть причиной этой отстраненности — генетика или лекарства, или и то и другое? Короткий «ежик» волос на голове Ионы был ослепительно-белого цвета.

— Я говорила тебе не запирайтесь в комнате, если я дома! Сделай потише. Такой грохот, будто кого-то убивают! — Если это заявление и было для кого-то из них болезненным, они этого никак не проявили. Мальчик посмотрел на Гурни и Клэма безо всякого интереса. Гурни подумал, что эта семья, по-видимому, настолько привыкла к посещениям социальных служб, что деловые чужаки в гостиной не вызывали вопросов. Мальчик перевел взгляд на мать:

— Можно мне мороженое?

— Сам знаешь, что для мороженого еще рано. Сделай звук потише, иначе вообще его не получишь.

— Получу, — упрямо сказал он и захлопнул перед ней дверь.

Она вернулась в гостиную и снова села на диван.

— Он сам не свой после смерти Альберта.

— Миссис Шмитт, — начал Клэм в своей торопливой манере, — детектив Гурни хочет задать вам несколько вопросов.

— Смешное совпадение, у меня есть тетушка Берни. Как раз

вспоминала ее сегодня утром.

— Гурни, а не Берни, — поправил Клэм.

— Но похоже звучит, правда? — Ее глаза аж засветились от этой находки.

— Миссис Шмитт, — заговорил Гурни, — за последний месяц ваш муж делился с вами какими-нибудь тревогами?

— Альберту были незнакомы тревоги.

— Может быть, он вел себя не как обычно?

— Альберт всегда вел себя одинаково.

Гурни подумал, что это скорее могло быть результатом искаженного восприятия действительности, чем особенностью поведения Альберта.

— Он когда-нибудь получал письма, где адрес или само письмо были написаны красными чернилами?

— В почте бывают только счета и рекламные листовки. Я никогда ее не просматриваю.

— Почту разбирал Альберт?

— Сплошные счета и листовки.

— Вы не знаете, Альберт платил по каким-нибудь необычным счетам или, может быть, выписывал странные чеки?

Она грустно покачала головой, и он снова отметил, что лицо у нее поразительно детское.

— Последний вопрос. После того как вы обнаружили тело своего супруга, вы что-нибудь меняли или сдвигали с места в комнате до прихода полиции?

Она снова покачала головой. Возможно, ему показалось, но она как будто перед этим помедлила и в ее равнодушном взгляде промелькнула какая-то тревога. Он решил рискнуть.

— Господь разговаривает с вами? — спросил он.

В ее лице вместо тревоги появилось что-то новое.

— Разговаривает, — ответила она гордо.

Она как будто оправдывается, заметил Гурни.

— Господь что-нибудь говорил вам, когда вы обнаружили тело мужа?

— Господь мой пастырь, — сказала она и начала цитировать Двадцать третий псалом. Гурни даже боковым зрением видел нетерпеливые подергивания лица Клэма.

— Господь сказал вам, что нужно делать?

— Мне не мерещатся голоса, — сказала она. В ее взгляде вновь мелькнула тревога.

— Я так и не думал. Но быть может, Господь заговорил с вами в

тяжелую минуту, чтобы помочь?

— Мы живем на Земле, чтобы исполнять волю Его.

Гурни наклонился к ней:

— И вы сделали, как Господь повелел вам?

— Я сделала, как Он повелел.

— Когда вы нашли Альберта, что-то было не так, что-то надо было изменить и Господь повелел вам это сделать, да?

Глаза великанши наполнились слезами, и капли потекли по ее детским щекам.

— Надо было его спрятать.

— Что надо было спрятать?

— Полицейские его забрали бы.

— Что бы они забрали?

— Они все забрали — его одежду, его часы, его бумажник, газету, которую он читал, стул, на котором он сидел, ковер, его очки, стакан, из которого он пил... все, все забрали.

— Но все же что-то осталось, да, миссис Шмитт? Осталось то, что вы сумели спрятать.

— Я не могла им позволить забрать его. Это был подарок. Последний подарок Альберта.

— Можно мне взглянуть на него?

— Вы его видели. Вон — сзади вас.

Гурни повернулся, проследив за ее взглядом, и увидел вазу с розовыми цветами на столике. При ближайшем рассмотрении оказалось, что в вазе всего один пластмассовый цветок с таким крупным бутоном, что издали он казался букетом.

— Альберт подарил вам этот цветок?

— Он собирался, — сказала она, помедлив.

— Значит, он вам его не подарил?

— Он не успел.

— Потому что его убили раньше?

— Я знаю, он хотел его отдать мне.

— Это очень важно для нас, миссис Шмитт, — мягко сказал Гурни. — Пожалуйста, расскажите мне подробно, что вы увидели и что сделали.

— Когда мы с Ионой вернулись домой из Центра Откровения, я услышала, что работает телевизор, и решила не мешать Альберту. Альберт обожал смотреть телевизор и не любил, когда кто-то ходил перед экраном. Так что мы с Ионой зашли через заднюю дверь, которая ведет на кухню, чтобы не мешать ему. Мы сели на кухне, и Иона съел на ночь мороженое.

— Долго вы сидели на кухне?

— Не знаю. Мы разговаривали. Иона очень интересный собеседник.

— О чем вы говорили?

— На любимую тему Ионы — страдания последних времен. В Писании сказано, что в последние времена будет много страданий. Иона всегда спрашивает, верю ли я в это и сколько будет страданий и каких именно. Мы много об этом говорим.

— Значит, вы говорили о страданиях и Иона ел мороженое?

— Все как обычно.

— А что было потом?

— Потом настала пора ложиться спать.

— И что же?

— И он вышел из кухни в гостиную, чтобы уйти к себе, но почти сразу вернулся. Он прямо пятился и показывал туда пальцем. Я пыталась спросить его, в чем дело, но он только пальцем показывал. Так что я туда пошла. То есть сюда, — сказала она, оглядевшись.

— Что вы увидели?

— Альберта.

Гурни подождал, пока она продолжит. Но она молчала, так что он уточнил:

— Альберт был уже мертв?

— Было так много крови.

— А цветок?

— Цветок лежал на полу рядом с ним. Он, должно быть, держал его в руке. Хотел мне дать, когда я вернусь домой.

— И как вы поступили?

— Я пошла к соседям. У нас нет телефона. Кажется, они и вызвали полицию. До того, как они приехали, я взяла цветок. Он же был для меня, — сказала она с внезапным детским упрямством. — Это подарок. Я его поставила в лучшую вазу.

Глава 35

Цветок

Когда они ушли из дома Шмиттов, настала пора обеда, но Гурни был не в настроении. Он был голоден, а Клэм предлагал заехать в какое-то место перекусить. Но Гурни был слишком раздражен, в основном на себя, чтобы с чем-либо соглашаться. Клэм повез его назад к церкви, где стояла

его машина, и они предприняли последнюю попытку сверить обстоятельства двух дел, чтобы не упустить никакую возможную связь. Попытка ни к чему не привела.

— Ну что ж, — произнес Клэм, стараясь мыслить позитивно. — По крайней мере, на данный момент нет доказательств, что эти дела не связаны. Муж мог получить письма, которых жена не видела, и вообще непохоже, чтобы это был брак, в котором люди друг друга хорошо знают. Может, он ей ничего не говорил. А она так глушит себя таблетками, что вряд ли могла заметить какие-то перемены его настроения. Может быть, стоит еще раз поговорить с мальчишкой. Он, конечно, тоже отморозок, но вдруг он что-то сумеет вспомнить.

— Конечно, — отозвался Гурни без всякого энтузиазма. — А вы можете проверить, не было ли у Альберта счета в банке, с которого был перевод на имя Арибда или Сцилла. Вероятность невелика, но почему бы не уточнить.

Пока он ехал домой, погода становилась все хуже, под стать его настроению. Утренняя морось превратилась в плотный дождь, усугубив тягостное ощущение от поездки. Если и была какая-то связь между убийствами Марка Меллери и Альберта Шмитта, помимо количества и места расположения колотых ран, то эта связь оставалась неочевидной. Никакие характерные черты убийства в Пионе не повторялись в Флаундер-Бич — ни запутанных следов, ни садового стула, ни битых бутылок, ни стихов — никаких шарад. Да и у убитых не было абсолютно ничего общего. Какой мог быть смысл убийце преследовать одновременно Марка Меллери и Альберта Шмитта? Это не поддавалось логике.

Измученный ездой под ливнем и своими раздумьями, Гурни вошел в кухню, стряхивая с одежды воду.

— Что с тобой случилось? — спросила Мадлен, поднимая на него глаза. Она шинковала луковицу.

— С чего ты взяла, что со мной что-то случилось?

Она пожала плечами и продолжила резать лук.

Резкость его ответа повисла в воздухе. Помолчав, он извиняющимся тоном пробормотал:

— Тяжелый день и шесть часов за рулем.

— Ну и что?

— «Ну и что»? И вся эта поездка была ни к чему.

— И?..

— По-твоему, этого мало?

Она загадочно улыбнулась ему.

— Ко всему прочему, дело было в Бронксе, — мрачно добавил он. — Бронкс способен вызвать отвращение к любому делу.

Она принялась крошить нарезанный лук на мелкие кусочки и заговорила, будто обращаясь к доске, на которой резала:

— У тебя на телефоне два сообщения — от твоей знакомой из Итаки и от твоего сына.

— Содержательные или просто с просьбой перезвонить?

— Я не вслушивалась.

— «Знакомая из Итаки» — это Соня Рейнольдс?

— А что, есть другие?

— Кто?

— Друзья в Итаке, о которых ты меня не оповестил.

— У меня нет друзей в Итаке. Соня Рейнольдс — деловой партнер, и даже меньше того. Что ей было нужно?

— Сам послушай, запись на автоответчике. — Нож Мадлен, мелькавший над горкой нарезанного лука, выразительно застучал по доске.

— Осторожно, побереги пальцы! — В слова просочилось больше раздражения, чем заботы.

Прижав острие ножа к доске, она подняла на него взгляд.

— Так что там на самом деле приключилось? — спросила она, возвращая разговор к точке, откуда он ушел в тупик.

— Я просто расстроен, мне кажется. Не знаю.

— Он подошел к холодильнику, достал бутылку пива, открыл ее и поставил на стол в уголке возле французских дверей. Затем снял куртку, накинул ее на спинку стула и сел.

— Хочешь знать, что приключилось? Ладно, я расскажу. По просьбе детектива из Нью-Йоркского управления по имени Рэнди Клэм я три часа ехал в унылое местечко в Бронксе, где безработного мужчину убили, перерезав ему глотку.

— При чем же здесь ты?

— Отличный вопрос. Детектив Клэм услышал об убийстве в Пионе. То, что его дело также включало в себя колотые раны, вдохновило его позвонить в Пион, откуда его отправили в окружную полицию, а оттуда — к мерзкому придурку по имени Родригес, у которого мозг недозрел, чтобы сразу отсекал пустые версии.

— И он перевел стрелки на тебя?

— На окружного прокурора, который автоматом перевел их на меня.

Мадлен промолчала, но вопрос и так висел в воздухе.

— Да, я знаю, это была гнилая затея. В той части Нью-Йорка перерезанные глотки — обычное дело, но почему-то я решил, что могу найти связь между этими делами.

— Не нашел?

— Нет. Но в какой-то момент была надежда, надо сказать. Вдова что-то скрывала. В конце концов она призналась, что на месте убийства, рядом с телом, лежал цветок, который ее муж, видимо, принес ей. Она боялась, что эксперты уволочут его как улику, что понятно, и решила его спасти, что тоже понятно. Так что она взяла этот цветок и поставила в вазу. На этом история заканчивается.

— А ты думал, она скрывает отпечатки в снегу или белый садовый стул?

— Ну хоть что-то в этом роде. Но все уперлось в пластмассовый цветок.

— Пластмассовый?

— Да. — Он сделал медленный глоток из бутылки. — Довольно безвкусный подарок, надо сказать.

— Да это вообще не подарок, — сказала она уверенно.

— Что ты имеешь в виду?

— Обычно дарят живые цветы, разве нет? Искусственные цветы — это совсем другое.

— Какое другое?

— Деталь домашнего декора, например. Чтобы мужчина подарил женщине пластмассовый цветок — да это так же маловероятно, как подарить рулон обоев.

— К чему ты клонишь?

— Пока не знаю. Но если эта женщина нашла пластмассовый цветок на месте убийства и решила, что это подарок для нее, я думаю, что она ошибается.

— Откуда же тогда мог взяться цветок?

— Понятия не имею.

— Она была уверена, что муж принес его для нее.

— Ей же приятно было так считать.

— Наверное. Но если не он принес его в дом, а сын весь вечер провел с ней, как она утверждает, значит, это мог быть убийца.

— Вероятно, — сказала Мадлен, теряя интерес. Гурни знал, что для нее есть большая разница между рассуждениями о действиях реального человека и построением гипотез о том, откуда в комнате взялся тот или иной объект. Второго она не любила, но он все равно продолжил:

— Зачем убийце было оставлять рядом с жертвой цветок?

— А какой это был цветок?

Она всегда умела задавать наводящие вопросы.

— Не знаю точно. Могу сказать, что это не роза, не гвоздика, не георгин. Хотя похоже на то, другое и третье.

— Как это?

— Ну, первым делом я подумал про розу, но цветок был крупнее, лепестков было больше, и они были кучнее. Бутон был размером с крупную гвоздику или георгин, но лепестки были шире, чем у того и другого, как будто слегка смятые лепестки розы. Очень пышный, нарядный такой цветок.

Впервые с момента его возвращения домой ее взгляд засветился любопытством.

— У тебя есть какие-то соображения? — спросил он.

— Возможно. Забавно...

— Что забавно? Ты знаешь, какой это был цветок?

— Кажется, да. Интересное совпадение.

— Господи, да скажи мне, наконец.

— Если я не ошибаюсь, цветок, который ты описал, очень похож на пион.

Пивная бутылка выскользнула из его руки.

— Господи!

Задав Мадлен пару уточняющих вопросов про пионы, он отправился в кабинет, чтобы сделать несколько звонков.

Глава 36

Одно за другим

Когда Гурни повесил трубку, детектив Клэм был окончательно убежден, что совпадение названий цветка и места первого убийства — неслучайно.

Он также предложил безотлагательно принять несколько мер — обыскать дом Шмиттов на предмет каких-нибудь странных писем или записок, любых посланий в стихах, любых бумаг, написанных от руки, особенно красными чернилами; сообщить местному судмедэксперту о комбинации пулевого ранения и колотых ран, чтобы он решил, не стоит ли еще раз обследовать тело Шмитта; обыскать территорию вокруг дома и прилегающие участки на предмет разбитых бутылок, особенно из-под

виски; составить биографическое описание Альберта Шмитта, чтобы проверить на наличие параллелей с Марком Меллери — выявить конфликты, врагов, проблемы с законом и с алкоголем.

Поймав себя на безапелляционном тоне, он остановился и попросил прощения.

— Извините меня, Рэнди. Я увлекся. Дело Шмитта конечно же полностью в вашем ведении. Вы за него в ответе, так что вам решать, каким должен быть следующий шаг. Я вам не указ, простите мое поведение.

— Нет проблем. Кстати, у меня тут некто лейтенант Эверли, который говорит, что учился в академии с Дэйвом Гурни. Это же вы?

Гурни засмеялся. Он и забыл, что Бобби Эверли угодил в этот участок.

— Да, это я.

— В таком случае, сэр, я буду благодарен за любую помощь с вашей стороны, в любое время. Если вы захотите еще раз допросить миссис Шмитт, я это устрою. Мне показалось, у вас с ней неплохо получилось.

Если в этой фразе и был сарказм, то он был умело скрыт. Гурни решил считать ее комплиментом.

— Спасибо. Мне не нужно разговаривать с ней лично, но у меня есть небольшое предложение. Если бы я с ней снова увиделся, я бы как бы невзначай спросил, что Господь сказал ей сделать с бутылкой из-под виски.

— Какой бутылкой?

— С той, которую она, возможно, убрала с места убийства. Я бы спросил про нее с таким видом, будто я наверняка знаю, что бутылка была и она ее убрала по Божьему велению, и что мне просто интересно, куда она ее дела. Разумеется, остается шанс, что никакой бутылки не было, и если вам покажется, что она действительно впервые о ней слышит, просто смените тему.

— Вы уверены, что это дело повторяет последовательность событий в Пионе и у нас тоже должна быть бутылка?

— Мне так кажется. Если вам не нравится идея обратиться к ней с таким вопросом, ничего страшного. Вам решать.

— Может, и стоит попробовать. Терять-то нечего. Я отзвонюсь.

— Удачи.

Следующим делом Гурни было поговорить с Шериданом Клайном. Трюизм, что начальник не должен узнавать от других то, что может узнать от вас, вдвойне правдив в контексте правоохранительных органов. Он дозвонился до Клайна, когда тот был в пути на региональную конференцию окружных прокуроров в Лейк-Плесид, и связь на горной дороге постоянно рвалась, так что объяснять ребус с пионами пришлось дольше, чем

хотелось бы. Когда с объяснениями было покончено, Клайн в ответ задумался так надолго, что Гурни начал было опасаться, что связь вновь прервалась.

Наконец он сказал:

— И эта версия с цветком... она вам кажется состоятельной?

— Если это всего лишь совпадение, то очень уж удивительное, — ответил Гурни.

— Что-то мне сомнительно. Сыграю в адвоката дьявола: ваша жена не видела цветок, который вы ей описали. Может, это и не пион был вовсе. И в какой тогда ситуации мы окажемся? А если там все-таки пион, то это само по себе ничего не доказывает. Это нельзя назвать прорывом в расследовании, с этим на конференции не выступишь. И почему чертов цветок был пластмассовый, почему не настоящий?

— Меня это тоже смутило, — сказал Гурни, стараясь скрыть недовольство реакцией Клайна. — Я только что говорил об этом с женой, и она сказала, что в цветочных салонах пионы не продают. У них слишком тяжелая головка, она плохо держится на стебле. Поэтому их можно купить только в оранжереях, но не в это время года. Значит, пластмассовый цветок был единственным способом подать нам сигнал. Я даже подозреваю, что это было спонтанным решением: убийца увидел пион в магазине, его осенило — и он пришел в восторг от игривости такой задумки.

— Игривости?

— Он же дразнит нас, испытывает, играет с нами в игру. Помните записку, оставленную на теле Меллери? Она говорит «поймайте меня, если сможете». О том же говорят и следы, оставленные задом наперед. Этот сумасшедший постоянно машет красной тряпкой перед нашим носом и кричит: ну что, слабо меня поймать, слабо?

— Ладно, я понял вашу мысль. Возможно, вы правы. Но я не могу прилюдно связать эти два дела через одну частную догадку, основанную на пластмассовом цветке. Мне нужно что-нибудь вещественное, и поскорее.

Повесив трубку, Гурни сел у окна кабинета и устался в вечерний мрак. Возможно, Клайн был прав и цветок был вовсе не пионом. Его поражало, насколько зыбкой оказалась его новая версия и насколько он тем не менее был в ней уверен. Когда игнорируешь откровенную дыру в построении — это значит, что ты слишком вовлечен эмоционально. Сколько раз он твердил это на лекциях по криминалистике в университете — и вот сам попался в ту же ловушку. Это его расстраивало.

Следующие полчаса он перебирал неудачи дня в голове, пока они не переплелись и не превратились в замкнутый круг.

— Почему ты сидишь в темноте?

Он вздрогнул и увидел силуэт Мадлен в дверном проеме.

— Клайн хочет улику повесомее, чем сомнительный пион, — ответил он. — Я дал парню в Бронксе несколько наводок. Может, он что-нибудь найдет.

— Кажется, ты сомневаешься.

— Ну, с одной стороны, у нас на руках пион. Или то, что мы считаем пионом. С другой стороны, трудно вообразить хоть какую-то связь между Шмиттами и Меллери. Это люди из абсолютно разных миров.

— Может быть, мы имеем дело с серийным убийцей и связи не должно быть?

— Серийные убийцы тоже не убивают случайно. У их жертв обязательно есть что-то общее — все блондинки, все азиаты, все педерасты, — что-то, с чем у убийцы связаны какие-то переживания. Так что даже если Меллери и Шмитт никогда в жизни не пересекались, все равно должно быть между ними какое-то сходство.

— А что, если... — начала Мадлен, но ее перебил звонок телефона. Звонил Рэнди Клэм.

— Простите, что беспокою, сэр. Но я звоню сказать, что вы оказались правы. Я съездил к вдове и задал ей вопрос, прямо как вы сказали — как бы между делом. А именно я сказал: «Можете дать мне бутылку из-под виски, которую вы нашли?» Даже Бога не понадобилось приплетать. А она, так же буднично, отвечает мне: «Она в мусорке». Так что мы пошли на кухню — и действительно, она лежала в мусорке, разбитая бутылка из-под «Четырех роз». Я прямо онемел. Не то чтобы я сомневался в вашей правоте, поймите меня правильно, но — черт возьми, я не ожидал, что все окажется настолько просто. Насколько очевидно. В общем, как только я пришел в себя, я попросил ее показать мне, где именно она нашла бутылку. Но тут до нее, видать, стало доходить, что происходит, — наверное, потому что я перестал говорить с ней тем спокойным голосом, — в общем, она очень расстроилась. Я сказал ей расслабиться, ни о чем не беспокоиться, а просто рассказать, где была бутылка, потому что это бы нам очень помогло, а заодно не могла бы она объяснить, какого хрена она эту бутылку трогала. То есть я не такими словами говорил, конечно, но я так подумал. Она посмотрела на меня, и знаете, что сказала? Что Альберт был в завязке и не пил почти что год. Ходил к «Анонимным алкоголикам», справлялся на «отлично», и вот, когда она увидела бутылку на полу рядом с ним и пластиковым цветком, она первым делом подумала, что он вновь начал пить и упал на бутылку, распорол себе горло и от этого умер. Она не сразу

поняла, что его убили. Она об этом даже не догадывалась, пока не пришли полицейские и не начали об этом говорить. Но перед их приходом она выбросила бутылку, потому что не хотела, чтобы кто-нибудь узнал, что он снова сорвался.

— И даже когда она поняла, что его убили, она все равно не хотела, чтобы кто-то узнал про бутылку?

— Нет. Она до сих пор думает, что это была его бутылка, и не хочет, чтобы кто-нибудь узнал, что он пил, особенно его новые друзья, анонимные алкоголики.

— О господи.

— Так что у нас на руках чудовищный бардак. С другой стороны, у вас теперь есть доказательство, что убийства связаны.

Клэма переполняли противоречивые чувства, так хорошо знакомые Гурни, — чувства, из-за которых было так тяжело, так изнурительно оставаться хорошим полицейским.

— Отличная работа, Рэнди.

— Я просто сделал то, что вы мне сказали, — ответил Клэм в своей нервной, поспешной манере. — После того как я нашел бутылку, я вызвал бригаду, чтобы дом перерыли на предмет писем, записок, чего угодно. Попросил миссис Шмитт показать мне их чековую книжку. Вы сегодня утром мне об этом говорили. Она мне ее дала, но ничего не могла о ней сказать — держала ее так, как будто она отравленная. Сказала, что счетами занимался Альберт, а ей самой чеки не нравятся, потому что на них цифры, а с цифрами надо быть осторожным, в цифрах, бывает, содержится зло, — и дальше понесла какую-то религиозную ахинею про сатану и все такое. В общем, я полистал чековую книжку — понадобится какое-то время, чтобы разобраться получше. Альберт, может, и платил по счетам, но учета вести не умел. Никаких корешков с именами Арибда или Сцилла не нашлось — я первым делом это проверил, — но это ни о чем не говорит, потому что на большинстве корешков не было вообще никаких имен, только суммы, а на некоторых и суммы не были записаны. Что касается ежемесячных выписок — она даже не знала, хранятся ли они где-то в доме, но мы поищем и попросим ее разрешения получить копии в банке. Тем временем, раз уж мы имеем дело с углами одного треугольника, может, вы что-нибудь еще мне расскажете про убийство Меллери?

Гурни уже подумал об этом.

— Угрозы, которые получал Меллери перед убийством, отсылали к каким-то поступкам, совершенным жертвой в состоянии алкогольного опьянения. А теперь выясняется, что Шмитт тоже пил.

— То есть мы ищем маньяка, который вырезает алкашей?

— Не совсем. Если бы это была его цель, ее можно было бы достичь гораздо проще.

— Типа подбросить взрывчатку на собрание «Анонимных алкоголиков»?

— Да, что-нибудь простое. Что-нибудь легкодоступное, с минимумом риска. Но у нашего маньяка подход сложный и неудобный. Он не ищет легких путей. Любой его шаг вызывает вопросы.

— Например?

— Для начала, зачем выбирать жертв, которые так далеки друг от друга, географически и во всех других смыслах тоже?

— Чтобы мы не провели параллель?

— Но ведь он хочет, чтобы мы провели эту параллель. Поэтому он и оставил пион. Он хочет быть замеченным. Хочет, чтобы с ним считались. Это не обычный убийца в бегах. Он бросает вызов — не только своим жертвам, но и полиции.

— Кстати о полиции, мне надо отчитаться перед лейтенантом. Он не обрадуется, если узнает, что я сначала позвонил вам.

— А где вы сейчас?

— Возвращаюсь в участок.

— Вы на Тремонт-авеню?

— Откуда вы знаете?

— Этот рев машин, бронкская пробка. Ни с чем ее не спутаешь.

— Хорошо, наверное, быть не здесь. Хотите через меня что-нибудь передать лейтенанту Эверли?

— Как-нибудь потом. Ему сейчас важнее узнать то, что вы ему расскажете.

Глава 37

Не только бог любит троицу

Гурни хотел позвонить Шеридану Клайну и сообщить о новой улике, подтверждающей связь между убийствами, но решил сперва сделать еще один звонок. Если эти два дела действительно были настолько параллельными, то, вероятно, Шмитта также просили выслать деньги на адрес в Вичерли, штат Коннектикут.

Он достал папку из ящика стола и нашел записку, отправленную Грегори Дермоттом вместе с чеком обратно Меллери. Название «Системы

безопасности Джидди» в шапке бланка выглядело консервативно, даже несколько старомодно. Под ним был напечатан номер телефона.

Трубку сняли после второго гудка. Голос на том конце звучал деловито и удивительным образом сочетался со стилистикой бланка.

— Добрый вечер, «Системы безопасности», чем могу помочь?

— Можно поговорить с мистером Дермоттом? Это детектив Гурни из офиса окружного прокурора.

— Наконец-то! — Внезапная горячность в голосе застала его врасплох.

— Простите, что?

— Вы звоните насчет чека с неправильным адресом?

— Вообще-то да, но как...

— Я оставил заявку целых шесть дней назад!

— Какую заявку?

— Вы же сказали, что звоните насчет чека!

— Мистер Дермотт, давайте по порядку. Насколько я понимаю, Марк Меллери разговаривал с вами приблизительно десять дней тому назад о чеке, который вы нашли в своем ящике и вернули ему, он был выписан на имя «Арибда». Верно?

— Еще бы не верно, что вы, в самом деле! — Дермотт, похоже, был не на шутку зол.

— Когда вы говорите, что оставили заявку шесть дней назад, я не вполне понимаю...

— Насчет второго!

— Вы получили второй чек?

— Вы разве не поэтому звоните?

— На самом деле, сэр, я звоню задать вам ровно этот вопрос.

— Какой еще вопрос?

— Не приходил ли вам чек от некоего Альберта Шмитта.

— Да, на втором чеке была фамилия Шмитт. Об этом я и оставил заявку. Шесть дней назад.

— Кому вы сообщили?

Гурни услышал пару глубоких вдохов, как будто человек на том конце старался не взорваться.

— Детектив, послушайте, тут какое-то недоразумение, которое меня совсем не радует. Я позвонил в полицию шесть дней назад, чтобы доложить о неприятной ситуации. На мой адрес пришло три чека, все три предназначались людям, которых я знать не знаю. А теперь вы перезваниваете по поводу этих самых чеков, но как будто впервые о них слышите! Скажите, я что-то упускаю? Что вообще происходит?

— В какую полицию вы звонили?

— В свою, разумеется, — в участок в Вичерли. Как вы можете этого не знать, если перезваниваете?

— Дело в том, сэр, что я не перезваниваю. Я звоню из Нью-Йорка по поводу первого чека, который вы вернули Марку Меллери. Мы ничего не знали о других чеках. Вы говорите, что после первого было еще два?

— Говорю.

— Один от Альберта Шмитта и один от кого-то еще?

— Да, детектив. Теперь все понятно?

— Все понятно. Но не могу не поинтересоваться: почему три ошибочных чека вас настолько расстроили, что вы позвонили в полицию?

— Потому что почтовая инспекция, куда я сначала обратился, меня преступно проигнорировала. А если вы собираетесь спросить, зачем я обратился в почтовую инспекцию, то я скажу вам, что у вас весьма смутные представления о безопасности.

— Почему вы так говорите, сэр?

— Я занимаюсь безопасностью, детектив, или кто вы там такой. Безопасностью электронных данных. Вы представляете, насколько сейчас распространена кража персональных данных и как часто это связано с неправильно указанными адресами?

— А что сделала полиция Вичерли?

— Еще меньше, чем почтовая инспекция, если такое можно вообразить.

Гурни понимал, почему в инстанциях без энтузиазма отнеслись к звонкам Дермотта. Три чека от трех незнакомых людей, попавших в твой почтовый ящик, — это не похоже на дело, требующее принятия срочных мер.

— Вы же вернули второй и третий чек отправителям, как и первый?

— Конечно, и вложил письма с вопросом, откуда у них мой адрес, но ни один из этих людей не потрудился мне ответить.

— У вас сохранились имя и адрес с третьего чека?

— Безусловно.

— Мне нужно их знать. Прямо сейчас.

— Зачем? Я чего-то не понимаю?

— Марк Меллери и Альберт Шмитт мертвы. Вероятно, преднамеренное убийство в обоих случаях.

— Преднамеренное убийство? Как это — убийство?.. — Голос Дермотта задрожал.

— Обоих нет в живых.

- О господи. Думаете, это как-то связано с этими чеками?
- Тот, кто дал им ваш адрес, — человек, которого мы ищем.
- Господи, господи. Но почему мой адрес? При чем здесь я?
- Это хороший вопрос, мистер Дермотт.
- Но я никогда не знал ни Марка Меллери, ни Альберта Шмитта.
- От кого был третий чек?
- Третий чек? Господи. Я так растерялся.
- Вы сказали, что записали имя.
- Да-да, конечно. Минутку. Ричард Карч. Да, такое имя. Ричард Карч. К-А-Р-Ч. Сейчас скажу адрес. Да, вот он. 349 Кверри-роуд, Созертон, Массачусетс.
- Я записал.
- Детектив, послушайте, коль скоро эта история меня касается, мне бы хотелось знать все, чем вы только можете поделиться. Должно быть какое-то объяснение, почему выбрали именно мой абонентский ящик.
- Вы уверены, что к ящику есть доступ только у вас?
- Увереннее быть нельзя. Хотя за работников почты не поручусь. Может быть, у кого-то есть дубликат ключа, о котором я ничего не знаю.
- Имя Ричард Карч вам ни о чем не говорит?
- Нет. В этом я уверен. Я бы такое имя запомнил.
- Что ж, сэр. Я оставлю вам пару номеров, чтобы вы могли мне дозвониться. Если у вас появится какая-то догадка насчет связи между этими тремя именами или о том, кто еще мог заглянуть в ваш почтовый ящик, звоните. Кстати, вы не помните, на какие суммы были выписаны второй и третий чеки?
- О, это просто. Второй и третий были на такую же сумму, как и первый. Двести восемьдесят девять долларов и восемьдесят семь центов.

Глава 38

Сложный человек

Мадлен повернула выключатель у двери и зажгла одну из ламп в кабинете. Пока Гурни разговаривал с Дермоттом, сумерки сгустились и комната почти целиком погрузилась в темноту.

- Есть успехи?
- Да еще какие. Благодаря тебе.
- У тети Мими росли пионы, — отозвалась она.
- Мими — это кто?

— Моя двоюродная бабушка, сестра папиной мамы, — ответила она, не скрывая досады, что человек, так ловко жонглирующий мельчайшими деталями уголовных расследований, не мог запомнить полдюжины родственников жены. — Я приготовила тебе ужин.

— Вообще-то...

— Он на плите. Не забудь съесть.

— Ты куда-то собралась?

— Да.

— Куда?

— Я тебе на той неделе дважды говорила.

— Помню какие-то разговоры насчет четверга. Но подробности...

— ...выскользнули из памяти? Это не ново. Ладно, счастливо.

— Ты мне даже не скажешь?..

Но в ответ из кухни донесся звук удаляющихся шагов и затем — хлопок задней двери.

В телефонном каталоге не значился Ричард Карч, проживающий в 349-м доме по Кверри-роуд в Созертоне, но сайт, ищущий телефоны по адресу, нашел телефоны домов 329 и 369.

Низкий мужской голос, который ответил из дома 329, сообщил, что никакого Карча не знает, не знает, на какой стороне улицы дом 349, и не помнит, сколько времени сам там живет. Говорил он так, словно находился под воздействием алкоголя или опиатов, а может быть, просто врал — в любом случае толку от него не было.

Женщина из дома 369 по Кверри-роуд оказалась разговорчивее.

— Вы ищете этого отшельника? — Последнее слово прозвучало как неприличный диагноз.

— Мистер Карч живет один?

— Если не считать крыс в его помойке. Его жене повезло, что она успела сбежать. Вообще не удивительно, что вы про него спрашиваете, — вы же полицейский, верно?

— Следователь по особо важным делам из офиса окружного прокурора. — Он знал, что следовало назвать также штат и округ, но решил, что подробности можно будет сообщить позже.

— Ну и что он опять натворил?

— Мне об этом ничего не известно, но, возможно, он сумеет помочь нам в одном расследовании, поэтому мы хотим с ним связаться. Вы не знаете, где он работает и во сколько возвращается с работы?

— С работы? Не смешите меня!

— Мистер Карч безработный?

— Он к работе не способен, — ответила она, и в ее голосе был яд.
— Похоже, вы его недолюбливаете.
— Да он настоящая свинья! Тупой, грязный, опасный сумасшедший, от него воняет, он вооружен до зубов и, как правило, в стельку пьян!
— То еще соседство.
— Врагу не пожелаешь! Вы не представляете, каково это — показываешь свой дом потенциальному покупателю, а тут этот орангутанг — ходит без майки, трясет своим пивным брюхом и стреляет для забавы по мусорным бакам!

Уже догадываясь, каким будет ответ, он все же решил спросить:

— Вы не согласитесь передать мистеру Карчу сообщение?
— Вы издеваетесь? Лучше попросите меня передать ему пулю в лоб!
— Когда его проще всего застать дома?
— Да когда угодно. Я еще не видела, чтобы этот псих куда-то выходил со своего участка.

— На его доме есть номерная табличка?

— Ха! Вам не нужна табличка, чтобы узнать его дом. Он недостроенный — с тех пор, как жена ушла, так и стоит. Без обшивки, без газонов, без ступенек перед дверью. Идеальный дом для полного отморозка. Без ружья туда лучше не соваться.

Гурни поблагодарил ее и закончил разговор.

Что же дальше?

Стоило сообщить о новостях нескольким людям. Во-первых, Шеридану Клайну. И разумеется, Рэнди Клэму. Уж не говоря про капитана Родригеса и Джека Хардвика. Оставалось решить, кому позвонить в первую очередь. Он рассудил, что они все могут подождать еще пару минут, и отыскал телефон полицейского управления Созертон, штат Массачусетс.

Ему ответил дежурный сержант, мрачный человек с фамилией Калкан. Гурни представился и сообщил, что жителем округа по имени Ричард Карч интересуется полиция Нью-Йорка в связи с делом об убийстве и что этот человек, возможно, находится в опасности, а поскольку у него нет телефона для связи, было бы разумно обеспечить его телефоном или доставить его самого к телефону, чтобы Гурни мог задать ему несколько вопросов и предупредить о возможной угрозе.

— Мы хорошо знаем Ричи Карча, — отозвался Калкан.

— Судя по вашему голосу, вы знаете его не с лучшей стороны.

Калкан промолчал.

— У вас на него дело заведено?

— Кто вы, говорите, такой?

Гурни повторно представился, на этот раз подробно.

— И что вы там расследуете?

— Два убийства: одно в Нью-Йорке, другое в Бронксе. Одна и та же модель. Убийца отправлял жертвам определенного рода сообщения незадолго до убийства. У нас есть доказательство, что Карч получил от него по крайней мере одно аналогичное сообщение, и это делает его возможной третьей мишенью.

— Значит, хотите поговорить с безумным Ричи?

— Чем скорее — тем лучше, желательно в присутствии одного из ваших офицеров. После телефонного разговора, скорее всего, мы захотим поговорить с ним лично в Созертоне — при поддержке вашего управления, конечно.

— Мы отправим к нему машину, как только сможем. Оставьте номер, куда вам позвонить.

Гурни назвал ему свой мобильный, чтобы городской оставался свободным для звонков Клайну, криминалистам и Клэму.

Клайн уже ушел домой, равно как Эллен Ракофф, и звонок автоматически был переведен на другой номер, где подошли через шесть гудков, когда Гурни уже собирался вешать трубку.

— Штиммель.

Гурни вспомнил человека, который сопровождал Клайна на встречу, — он был похож на немого военного преступника.

— Это Дэйв Гурни. У меня сообщение для вашего начальства.

Молчание.

— Вы слушаете?

— Слушаю.

Гурни решил, что более подробного приглашения ждать не придется, и рассказал Штиммелю о доказательстве, подтверждающем связь между убийствами, и о третьей потенциальной жертве, а также о попытке связаться с последним через полицию Созертонна.

— Записали?

— Записал.

— Когда вы сообщите об этом окружному прокурору, вы затем передадите все криминалистам, или мне самому поговорить с Родригесом?

Последовало недолгое молчание, которое Гурни трактовал как попытку Штиммеля вычислить последствия одного и другого варианта. Зная о мании контроля, присущей большинству полицейских, он был практически уверен, что получит тот ответ, который в итоге и получил:

— Мы справимся, — сказал Штиммель.

Таким образом избавившись от необходимости звонить криминалистам, Гурни собрался звонить Клэму.

Тот, как обычно, подошел после первого гудка.

— Клэм.

И, как всегда, казалось, будто Клэм ужасно торопится и делает три дела одновременно, держа трубку в руке.

— Рад звонку. Как раз составляю список вопросов к чековой книжке Шмитта — там корешки с цифрами без имен, корешки с именами без цифр, чеки, которые выписаны, но не обналичены, пропущенные чеки — начиная с последних...

— Там где-нибудь фигурирует сумма 289.87?

— Что? Откуда вы знаете? Это один из чеков, которые не обналичили. Откуда...

— Он всегда просит выслать эту сумму.

— Всегда? То есть чаще чем дважды?

— На тот же адрес пришел третий чек. Мы сейчас пытаемся связаться с отправителем. Собственно, поэтому я и звоню — сообщить, что у нас повторяющаяся модель. Если все действительно совпадает, то пуля, которую вы ищете в доме Шмитта, скорее всего, тридцать восьмого калибра.

— А кто третий?

— Некто Ричард Карч из Созертон в Массачусетсе. Судя по всему, сложный тип.

— Массачусетс? Ничего себе размах у нашего маньяка! А этот третий еще жив?

— Через несколько минут узнаем. Местная полиция отправила машину к его дому.

— Понятно. Спасибо, что держите в курсе. Я постараюсь поторопить бригаду, чтобы обыскать дом Шмиттов. Будем на связи. Спасибо за звонок, сэр.

— Удачи. До связи.

Уважение Гурни к молодому детективу росло. Чем больше он его слушал, тем больше ему нравилось то, что слышал: энергичность, ум, увлеченность. И было что-то еще. Что-то честное, неиспорченное. Что-то, задевающее за живое.

Он помотал головой из стороны в сторону, как пес, стряхивающий воду, и сделал несколько глубоких вдохов. Гурни подумал, что этот день отнял у него больше сил, чем он ожидал. А может быть, дело было в том, что сон об отце все не шел из головы. Откинувшись в кресле, он закрыл

глаза.

Его разбудил телефонный звонок, который он сначала принял за будильник. Затекшая шея ныла. Посмотрев на время, он понял, что последние два часа проспал. Он схватил трубку и прокашлялся.

— Гурни.

В трубку ворвался голос окружного прокурора.

— Дэйв, мне только что сообщили. Черт, это дело все разрастается. Третья вероятная жертва в Массачусетсе? Все идет к тому, что это будет самое громкое дело со времен Каина и Авеля, я уж не говорю про твоего Джейсона Странка. Итак, хочу это услышать от тебя лично, пока я не выступил перед журналистами, — у нас есть однозначные доказательства, что первых двух жертв кокнул один и тот же маньяк?

— Вероятность этого весьма велика, сэр.

— Вероятность?

— Очень большая вероятность.

— Нельзя ли поконкретнее?

— У нас нет отпечатков пальцев. Нет анализа ДНК. Я бы сказал, что эти два убийства однозначно связаны, но мы не можем пока утверждать, что один и тот же человек перерезал глотки обеим жертвам.

— Но вероятность, опять же, велика?

— Очень велика.

— Мне достаточно вашего мнения на этот счет.

Гурни улыбнулся на это фальшивое проявление доверия. Он отлично знал, что Шеридан Клайн полагается исключительно на собственное мнение, но всегда на всякий случай оставляет пути к отступлению и виноватых для наказания.

— Мне кажется, настал момент пообщаться с людьми с канала «Фокс ньюс» — значит, я сегодня вечером должен буду поговорить с криминалистами и составить официальное заявление. Держите меня в курсе, Дэйв, особенно если будут какие-то новости из Массачусетса. Я хочу знать все. — Клайн повесил трубку, не попрощавшись.

Значит, он собирался выступить с публичным заявлением и сделать из себя героя раньше, чем до этого додумается окружной прокурор из Бронкса или другой юрисдикции, где убийца также мог оставить след. Гурни поджал губы от брезгливости, представив себе предстоящую шумиху.

— Что с тобой?

Голос прозвучал совсем близко. Он повернулся и увидел Мадлен в дверях кабинета.

— Господи, откуда ты взялась?

— Ты был так поглощен разговором, что не слышал, как я вошла.
— Наверное. — Он поморгал и еще раз посмотрел на часы. — Так что, где ты была?
— Ты помнишь, что я тебе сказала, когда уходила?
— Что ничего мне не скажешь.
— Я напомнила тебе, что говорила уже дважды.
— Ладно, ладно. Мне надо работать.
Телефон как будто пришел на выручку и зазвонил.
Звонок был из Созертон, но на том конце был не Ричард Карч. Это был детектив с фамилией Говацки.
— У нас тут сложности, — сказал он. — Как скоро вы сможете подъехать?

Глава 39

Шесть-пять-восемь, в гости просим

Когда Гурни закончил разговор с хриплоголосым Майком Говацки, на часах было четверть десятого. Мадлен уже сидела в кровати с книжкой, облокотившись о подушки. «Война и мир». Она читала ее уже три года, перемежая почему-то с «Уолденом» Торо.

— Мне нужно ехать на место преступления.

Она оторвала взгляд от книжки. Взгляд был любопытный, тревожный и одинокий.

Его хватило ответить только на любопытство.

— Еще одна жертва. Заколот в горло, следы на снегу.

— Далеко?

— Что далеко?

— Далеко тебе ехать?

— Созертон, в Массачусетсе. Три-четыре часа пути.

— Значит, ты вернешься только завтра.

— Надеюсь, что к завтраку.

Она посмотрела на него с сомнением, но улыбнулась.

Он собрался было уходить, но помедлил и сел на край кровати.

— Это странное дело, — сказал он, не скрывая от нее своей неуверенности. — С каждым днем все более странное.

Она кивнула, как будто это ее успокоило.

— Это не обычный серийный убийца, да?

— Совсем не обычный.

— Слишком много общения с жертвами?

— Да. Кроме того, слишком большая разница между жертвами — и социальная, и географическая. Типичный серийник не поедет из Катскильских гор в восточный Бронкс, а потом аж в Массачусетс, чтобы убить известного писателя, ночного сторожа в отставке и сумасшедшего отшельника.

— Наверняка у них есть что-то общее.

— У всех так или иначе были проблемы с алкоголем, и мы считаем, что убийца обращает на это внимание. Но должно быть что-то еще — иначе зачем выбирать жертв на расстоянии трехсот километров друг от друга?

Они помолчали. Гурни задумчиво разгладил складки одеяла между ними. Мадлен наблюдала за ним, сложив руки на книжке.

— Ладно, — сказал Гурни, — я поехал.

— Береги себя.

— Хорошо. — Он поднялся медленно, словно это причиняло ему боль. — Увидимся утром.

Она вновь посмотрела на него с выражением лица, которое он никак не смог бы описать словами, назвать добрым или злым, — но это был очень знакомый взгляд. Он почувствовал его где-то в груди.

Было глубоко за полночь, когда он съехал со скоростной дороги в Массачусетсе. В час тридцать он мчался по опустевшей главной улице Созертон. Десять минут спустя он свернул на покрытую выбоинами Кверри-роуд и остановился у стихийного скопления полицейских автомобилей, на одном из которых крутились мигалки. Он припарковался рядом. Когда он вышел, из машины с мигалками вылез недовольный полицейский.

— Стойте. Куда вы? — Он звучал не только раздраженно, но и очень устало.

— Моя фамилия Гурни, я к детективу Говацки.

— Зачем?

— Он меня ждет.

— Насчет чего?

Гурни задумался, откуда такой тон — из-за сложного дня или из-за дурного характера. К дурным характерам у него было мало терпимости.

— Насчет того, зачем он меня сюда вызвал. Вам документы показать?

Полицейский включил фонарик и направил его в лицо Гурни.

— А вы, значит, кто?

— Гурни, следователь по особо важным делам, офис окружного прокурора.

— А какого ж сразу не сказали?

Гурни улыбнулся без капли дружелюбия:

— Можете сообщить Говацки, что я здесь?

После небольшой враждебной паузы полицейский развернулся и пошел по длинной подъездной дорожке к недостроенному дому, освещенному прожекторами. Не дожидаясь приглашения, Гурни пошел следом.

Почти у самого дома дорожка сворачивала налево и упиралась в холм, в котором находился гараж на две машины. Сейчас там стояла только одна. Гурни сперва подумал, что двери гаража открыты, а потом понял, что дверей вовсе нет: внутрь намело снега. Полицейский остановился у входа, огороженного желтой лентой, и закричал:

— Майк!

Тишина. Полицейский пожал плечами, дескать, сделал все, что смог, не получилось, конец разговора. Затем откуда-то из-за дома донесся усталый голос:

— Я здесь.

Гурни тут же отправился вдоль ленты за дом, откуда шел голос.

— Только смотрите за ленту не заходите, — буркнул напоследок полицейский.

Повернув за угол дома, Гурни увидел площадку, ярко освещенную фонарями и мало напоминающую обычный двор. Тут все тоже было наполовину недостроено, наполовину развалено. На ступенях у заднего входа, небрежно сколоченных из досок, стоял тяжелый, лысеющий человек. Он рассматривал простершуюся перед ним площадку, отделявшую дом от зарослей сумаха.

Земля была бугристой, как будто ее никогда не разравнивали. Куски досок и щепки, валявшиеся тут и там, посерели от времени. Дом был обшит лишь частично, и гидроизоляция поверх фанерной обшивки заветрилась. От здания было ощущение не столько незавершенной, сколько брошенной стройки.

Когда толстяк заметил Гурни, он несколько секунд смотрел на него молча, а потом спросил:

— Это вы с Катскильских гор к нам спустились?

— Да.

— Пройдите еще чуть дальше вдоль ленты, там пролезете снизу и подойдете ко мне. Только держитесь подальше от следов, которые ведут от дома к дорожке.

По всей видимости, это и был Говацки, но у Гурни было

предубеждение против домыслов, поэтому он уточнил и получил в ответ утвердительный хрип.

Пробираясь через пустырь, которому не суждено было превратиться в двор, он подошел достаточно близко к следу на снегу, чтобы разглядеть его и понять, что он идентичен тому, что был в институте.

— Знакомый след? — спросил Говацки, с любопытством наблюдая за Гурни.

Гурни подумал, что толстяку не откажешь в проницательности, и кивнул. Теперь была его очередь проявить проницательность.

— Вас он чем-то смущает, да?

— Немного, — ответил Говацки. — Дело не в самом следе, а в положении тела относительно следа. Вам что-то известно?

— Если бы шаги вели в обратную сторону, положение тела было бы объяснимо?

— Если бы... постойте-ка... да! Черт побери, да, идеально! — Он уставился на Гурни. — Что это за умник орудует?

— Начнем с того, что он убил троих человек — по крайней мере, нам известно о троих — за последние восемь дней. Он все тщательно планирует. Он перфекционист. Оставляет за собой кучу улик, но только таких, которые сам хочет, чтобы мы обнаружили. Очень умен, скорее всего, неплохо образован и, вероятно, ненавидит полицейских даже сильнее, чем своих жертв. Кстати, а тело еще здесь?

Говацки выглядел так, точно пытался запомнить все, что Гурни ему говорил. Наконец он сказал:

— Да, тело здесь. Хотел, чтобы вы на него взглянули. Подумал, может, что прояснится, исходя из всего, что вы знаете о предыдущих двух жертвах. Готовы посмотреть?

Задний вход вел в маленькое помещение, в котором, вероятно, должна была быть прачечная, судя по трубам, но ни стиральной машины, ни сушилки здесь не было. Не было даже обшивки поверх изоляции. Источником света была голая лампочка в дешевом белом патроне, подвешенном к потолочным перекрытиям.

В жестком, недружелюбном освещении лежало тело — наполовину в недостроенной прачечной, наполовину на кухне, перегородив разделявший их дверной проем.

— Я взгляну поближе? — спросил Гурни, поморщившись.

— Вы за этим и приехали.

При ближайшем рассмотрении обнаружилась лужа свернувшейся крови, вытекшей из множественных ран на горле. Лужа расплзлась по

кухонному полу и заканчивалась под дешевым столиком. Черты крупного, неприятного лица жертвы были искажены гневом и отвращением, но, похоже, эта горькая гримаса отражала отношение убитого к жизни в целом, а не только к последним ее минутам.

— Невеселый персонаж, — заметил Гурни.

— Это был тот еще сукин сын.

— Похоже, вы не раз сталкивались с мистером Карчем.

— От него были сплошные неприятности. Все как одна совершенно бессмысленные. — Говацки бросил злобный взгляд на тело, как будто его кровавая кончина была недостаточным наказанием. — В каждом городишке есть свои бедокуры — алкоголики, психи, которые превращают свои жилища в свинарник и докучают соседям, маньяки, от которых жены бегут в полицию, придурки, чьи собаки лают всю ночь и не дают никому спать, извращенцы, от которых матери держат своих детей подальше... У нас в Созертоне все эти подвиды воплотились в одного человека — Ричи Карча.

— Значит, тот еще тип.

— Чисто из любопытства, а другие две жертвы — они тоже такого плана люди?

— Первый — полная ему противоположность. Про второго я пока мало знаю, но вряд ли он был похож на этого бедолагу. — Гурни еще раз взглянул на лицо на полу, настолько же безобразное после смерти, насколько, по-видимому, было и при жизни.

— Я просто подумал, вдруг у нас серийный убийца, который решил избавить мир от ублюдков. Ладно, насчет ваших соображений касательно следов в снегу — откуда вы знали, что они ведут задом наперед?

— Так было на месте первого убийства.

Говацки заинтересованно кивнул:

— Положение тела указывает на то, что убийца зашел через заднюю дверь. А следы как будто ведут через переднюю и выходят через заднюю. Мы и запутались.

— Можно я посмотрю кухню?

— Без проблем. Фотограф и эксперты уже были. Только ничего не трогайте. Мы пока не закончили обыск.

— Эксперты не упоминали зону опаления на шее?

— Зону опаления? Его же зарезали.

— Я думаю, где-то в этой кровянице вы найдете пулю.

— Я что-то пропустил?

— Мне кажется, в потолке над холодильником есть маленькое

отверстие. Ваши специалисты его как-нибудь отметили?

Говацки проследил за взглядом Гурни и уставился на точку на потолке:

— То есть что мы имеем?

— Возможно, Карча сначала застрелили, а затем зарезали.

— А следы, значит, ведут в обратную сторону.

— Да.

— Дайте-ка я уточню. Вы утверждаете, что убийца зашел через заднюю дверь, вlepил Ричи пулю в горло, Ричи упал, и тогда убийца десять раз проткнул его шею, как будто мясо отбивал?

— В Пионе все так и произошло.

— Но следы...

— Следы могли быть сделаны при помощи второй подошвы, приклеенной к ботинкам наоборот, чтобы казалось, будто он идет назад, когда идет вперед.

— Хрень какая! Да он что, прикалывается над нами?

— Подходящее слово.

— Какое?

— Прикалывается. Он именно это и делает, ему уже трижды это удалось. Вы ничего не знаете, у вас все шиворот-навыворот и задом наперед. Я оставляю вам улику за уликой, а вы все равно меня не можете поймать. Вот какие копы бессмысленные и тупые. Примерно это он хочет сказать вот уже третий раз.

Говацки оценивающе посмотрел на Гурни:

— Впечатляющий получается портрет.

Гурни улыбнулся и обошел тело, чтобы взглянуть на кипу бумаг на кухонной столешнице.

— Думаете, я сгущаю краски?

— Не мне судить. У нас в Созертоне редко кого-то убивают. Может, раз в пять лет, и всегда сами во всем признаются. Обычно кого-нибудь бейсбольной битой пришибут или монтировкой на парковке бара. Все непредумышленное. И уж точно никаких приколов не бывает.

Гурни понимающе хмыкнул. Он на своем веку повидал немало непредумышленных трагедий.

— Там в основном мусор, — сказал Говацки, кивая на кучу почты, которую Гурни осторожно перебирал.

Он собирался было согласиться, когда в самом низу неаккуратной кипы купонов, рекламных листовок, журналов об оружии и претензий из налоговой он нашел маленький пустой конверт, неосторожно порванный на сгибе, адресованный Ричарду Карчу. Почерк был безупречный. Адрес был

выведен красными чернилами.

— Что-то нашлось? — спросил Говацки.

— Это надо записать как улику, — сказал Гурни, беря конверт за уголок и откладывая его на пустую часть столешницы. — Наш убийца любит общаться со своими жертвами.

— Там наверху есть еще.

Гурни и Говацки одновременно обернулись на звук нового голоса. В дверях кухни стоял крупный молодой человек.

— Под кипой журналов с порнухой, на столике у кровати, там еще три конверта с красными чернилами.

— Видимо, надо посмотреть, — сказал Говацки с сожалением — как всякий грузный человек, он не любил лишний раз подниматься по лестнице. — Бобби, это детектив Гурни из округа Делавер в Нью-Йорке.

— Я Боб Маффит, — представился молодой человек, нервно протягивая Гурни руку и стараясь не смотреть на тело на полу.

Второй этаж был таким же недоделанным и заброшенным, как и остальной дом. Лестница вела к площадке с четырьмя дверями. Маффит открыл ту, что была справа. Здесь царил настоящая разруха. На участках ковра, свободных от грязной одежды и смятых пивных банок, Гурни разглядел засохшие следы блевоты. В воздухе пахло кислым. Шторы были опущены. Свет шел от одинокой лампочки, ввинченной в люстру посередине потолка.

Говацки стал пробираться к столику у неубранной кровати. Рядом с кучей порножурналов лежало три конверта с красными буквами, а рядом с ними — чек. Говацки, старательно ничего не касаясь, сдвинул все четыре предмета на журнал «Булки», который использовал как поднос.

— Давайте спустимся и посмотрим, что у нас здесь, — сказал он.

Трое мужчин вернулись на кухню, где Говацки положил конверты и чек на столик. При помощи ручки и щипцов, извлеченных из нагрудного кармана, он приоткрыл конверты вдоль надрывов и извлек содержимое. В каждом оказалось по стишку, которые вплоть до кропотливо выведенных буковок были совершенно идентичными тем, что получил Меллери.

Взгляд его упал на строчки:

Что забрал — отдавай,

Что творил — получай.

Шесть-пять-восемь,

В гости просим.

Дольше всего, впрочем, он задержал внимание на чеке. Он был выписан на имя Х. Арибда и был подписан «Р. Карч». Это явно был чек, возвращенный Дермоттом. Он был выписан на ту же сумму, что и чеки Меллери и Шмитта, — \$289.87. В правом верхнем углу значились имя и адрес: Р. Карч, 349 Кверри-роуд, Созертон, Массачусетс 01055.

Р. Карч. Что-то в этом имени смущало Гурни.

Может быть, дело было в странном ощущении, которое охватывало его всякий раз, когда он смотрел на имя покойного человека. Как будто имя тоже омертвело, стало меньше, оторвалось от того, что придавало ему вес. Удивительно, думал он, как человек привыкает считать, что смирился со смертью, что она больше не задевает, потому что это всего лишь часть работы. А потом она смотрит на тебя именем мертвого человека — и чувствуешь дрожь. Сколько ни пытайся игнорировать ее, смерть всегда найдет способ заявить о себе. Просачивается внутрь, как вода в подвал, минуя перекрытия.

Может быть, поэтому имя Р. Карч показалось ему странным. Или была другая причина?

Глава 40

Выстрел в темноте

Марк Меллери. Альберт Шмитт. Ричард Карч. Три человека. Их преследовали, пугали, затем застрелили, а потом едва не отрезали им головы. Что они сделали — все вместе или по отдельности, — чтобы навлечь на себя такую жуткую месть?

Хотя месть ли это? Возможно, мотив возмездия, который считывался из записок, был, как предполагал Родригес, всего лишь ширмой, за которой прятался мотив более приземленный?

Ответ мог быть каким угодно.

Уже светало, когда Гурни отправился назад в Уолнат-Кроссинг. В сыром воздухе стоял запах снега. Гурни чудовищно устал, но в этом пограничном состоянии между сном и бодрствованием тревога не отпускала его. В голове беспорядочно проносились мысли и образы.

Среди прочего он вспоминал чек с именем Р. Карч. Что-то просилось наружу из темницы, из ловушки памяти. Что-то не давало ему покоя. Оно было подобно бледной звезде, которую трудно разглядеть, но можно заметить боковым зрением, когда перестаешь ее искать.

Гурни попытался сосредоточиться на других аспектах дела, но мысли

все возвращались к одному и тому же. Перед глазами стояла полувывсохшая лужа крови на кухне Карча, слившаяся с тенью под столом. Он всматривался в дорогу перед собой, стараясь прогнать этот образ, но вместо него возникало пятно крови на террасе Марка Меллери, и тут же живой Меллери сидел в садовом кресле, подавшись вперед, и просил его о помощи, об избавлении.

Подавшись вперед, просил...

Гурни почувствовал, как подступают слезы.

Он остановился на площадке для стоянки. Там была припаркована еще одна машина, но она казалась заброшенной. Лицо его горело, а руки были ледяными. Он не мог собраться с мыслями, и это пугало его, лишало опоры, выбивало почву из-под ног.

Усталость была призмой, через которую он обычно видел всю свою жизнь как череду неудач, и тем тяжелее были эти неудачи, чем громче были похвалы за профессиональные заслуги. Он знал, что это просто состояние ума, которое пройдет, но чувство провала не отпускало его. Налицо были мрачные доказательства: как детективу ему не удалось спасти Меллери. Он не справился с ролью мужа Карен и теперь не справлялся с ролью мужа Мадлен. Как отец, он потерял Дэнни и теперь терял Кайла.

Спустя еще четверть часа терзаний мозг его наконец сдался, и он забылся недолгим, но освежающим сном.

Он точно не знал, сколько прошло времени, но определенно меньше часа. Когда он проснулся, пессимизм отступил и ему на смену пришла ясность видения. У него страшно затекла шея, но это казалось не такой уж большой ценой за возвращение к жизни.

Теперь, когда в голове освободилось место, он вспомнил про абонентский ящик в Вичерли. Обе рабочие версии на этот счет казались несостоятельными: и первая, по которой жертвам по ошибке сообщался неправильный адрес (это было маловероятным, учитывая скрупулезность убийцы), и вторая, которая предполагала, что адрес был правильным, но что-то пошло не по плану, и Дермотт возвращал чеки раньше, чем убийца мог до них добраться.

У Гурни появилась третья версия. Допустим, ящик был правильным и все шло по плану. Возможно, убийца выпрашивал чеки не ради денег. Может быть, он умудрился получить доступ к ящику, вскрыть конверты, посмотреть на чеки или даже сделать копии, а затем по новой их запечатать и оставить в ящике, пока их не найдет Дермотт.

Если эта новая версия была ближе к правде — если убийца использовал ящик Дермотта для своих целей, — это открывало новую

перспективу. Возможно, Гурни смог бы тогда связаться с убийцей напрямую. Это было всего лишь безумным допущением, но, невзирая на смятение и уныние, еще недавно владевшие им, эта мысль так захватила его, что он, не помня себя, сорвался с места и помчался в сторону дома со скоростью 120 километров в час.

Мадлен не оказалось дома. Он выложил на стол ключи и бумажник и взял записку, которая там лежала. Аккуратный почерк сообщал: «Пошла на утреннюю йогу. Вернусь до бури. У тебя 5 сообщений. А рыба — камбала?»

Какая буря?

Какая рыба?

Он собирался пойти в кабинет и прослушать пять сообщений, предполагая, что Мадлен имела в виду автоответчик, но сперва решил сделать более важное дело. Он был целиком поглощен идеей, что можно напрямую связаться с убийцей, отправив ему записку на ящик Дермотта.

Гурни понимал, что сценарий получался шаткий и состоял из допущений, но очень уж он был привлекателен. Он давал возможность сделать хоть что-то, создать противовес беспомощности следствия, ощущению, что любой прогресс по делу мог быть всего лишь частью коварного плана убийцы. Это был шанс бросить гранату через стену, за которой скрывается враг, — как можно им не воспользоваться? Оставалось только изготовить гранату.

Однако следовало все же прослушать сообщения. Может быть, там было что-то важное и срочное. Но тут на ум пришла строчка — а он ни за что не хотел ее забыть, это было идеальным началом для письма убийце. Он взял блокнот и ручку, оставленные Мадлен на столе, и принялся писать. Пятнадцать минут спустя он отложил ручку и прочитал получившиеся восемь строк, написанных размашистым курсивом.

*Передо мной твои дела лежат, как на столе.
Ботинки задом наперед, глушитель на стволе.
Таит опасность солнце, таит опасность снег,
Опасен день, опасна ночь, закончится твой бег.*

*Игру, что ты затеял, сыграем до конца,
Ножка дождешься в горло от друга мертвеца.
Как только его тело в могилу опушу,
Его убийцы душу до ада дотащу.*

Довольный собой, он вытер со страницы отпечатки пальцев. Это был непривычный жест — вороватый, виноватый, — но он отмел чувство неловкости, взял конверт и адресовал его Х. Арибде на ящик Дермотта в Вичерли, штат Коннектикут.

Глава 41

Возвращение в реальность

Гурни успел к почтовому ящику, как раз когда мимо проезжала Ронда, которая два раза в неделю заменяла Бакстера, обычного почтальона. Пока он возвращался домой через луг, экстаз растаял и ему на смену пришли сомнения, которые всегда терзали его после редких импульсивных поступков.

Пять сообщений.

Первое было из галереи в Итаке.

«Дэвид, это Соня. Есть разговор насчет твоего проекта. Там ничего страшного, все хорошо, но нам нужно поскорее поговорить. Я буду в галерее до шести часов, заезжай или позвони мне после шести домой».

Второе было от Рэнди Клэма, который был страшно возбужден.

«Звонил вам на мобильный, но он, видимо, отключен. Мы нашли у Шмитта в доме кое-какие письма и хотим, чтобы вы на них взглянули, вдруг вы их узнаете. Похоже, Альберт получал по почте странные стишки и не показывал их жене. Он спрятал их на дне ящика с инструментами. Дайте знать, куда их отправить по факсу. Спасибо, до связи!»

Третий звонок был от Джека Хардвика: он звонил из отдела криминалистики. Голос был озверевший.

«Слышь, Шерлок, тут поговаривают, что наш убийца грохнул еще двоих. А ты, значит, весь такой занятой, что не смог меня по-приятельски предупредить. Я даже было подумал, что мистер Шерлок Гурни считает ниже своего достоинства звякнуть такой мелкой сошке, как я. Но это же не про тебя история, верно? И как мне такое в голову пришло. Короче, я не в претензии, я звоню сказать, что на завтра назначена встреча — криминалистика будет отчитываться по делу Меллери, и там будет разговор о том, как дальше вести расследование ввиду событий в Бронксе и Созертоне. Шабаш возглавит капитан Род. Окружного прокурора тоже позвали, и он, наверное, тебя еще пригласит, я просто подумал — хорошо

бы тебе знать заранее. Мы же друзья, верно?»

Четвертым был ожидаемый звонок от Клайна. Сообщение с большой натяжкой можно было назвать приглашением. Напор окружного прокурора граничил с истерикой.

«Гурни, что у вас за херня с телефоном? Мы звонили вам, потом в полицию в Созертоне, они сказали, что вы уехали два с половиной часа назад. Они же сказали, что у нас теперь третье убийство того же авторства. Вообще-то важная информация! Не находите, что мне следовало сообщить? Есть срочный разговор. Нужно принять несколько решений, поможет любая информация. Завтра в полдень в бюро криминалистики встреча. Это важно. Перезвоните срочно».

Последнее сообщение было от Майка Говацки.

«Просто хотел сказать, что мы нашли пулю в кухонной стене. Действительно 38-й калибр, как вы и предсказывали. И у нас случилась еще одна находка после того, как вы уехали. Мы заглянули в почтовый ящик на предмет записок от убийцы и нашли там дохлую рыбу. Вы ничего не говорили про дохлую рыбу, но мало ли. Сообщите, если вам это о чем-то говорит. Я в психологии не силен, но, по-моему, мы имеем дело с конченным психом. Ладно, это все, поеду домой спать».

Рыба?

Он вернулся на кухню, чтобы еще раз взглянуть на записку от Мадлен.

«Пошла на утреннюю йогу. Вернусь до бури. У тебя 5 сообщений. А рыба — камбала?»

Почему она такое предположила? Он посмотрел на часы с маятником на стене. Полдесятого. По ощущениям еле-еле светало: свет, сочившийся через французские двери, был бледно-серым. Вернется до бури... Погода действительно была какой-то странной, возможно, собирался снег. Лишь бы не ледяной дождь. Значит, она будет дома к половине одиннадцатого, может, к одиннадцати, если захочет застать чистую дорогу. Мадлен редко беспокоилась о подобных вещах заранее, но она ужасно боялась скользких дорог.

Гурни собирался вернуться в кабинет, чтобы всем перезвонить, когда его вдруг осенило. Первое убийство произошло в городке Пион, и убийца оставил пион возле тела второй жертвы. Второе убийство произошло в маленьком райончике Бронкса под названием Флаундер-Бич. *Flounder* — это камбала, а значит, догадка Мадлен насчет рыбы на месте третьего убийства почти наверняка точна.

Первым делом он перезвонил в Созертон. Дежурный сержант соединил его с автоответчиком Говацки. Он оставил две просьбы:

подтвердить, что найденная рыба — камбала, и прислать фотографии пули, чтобы можно было подтвердить, что она выпущена из того же оружия, что и найденная в стене Меллери. Гурни не сомневался ни в первом, ни во втором, но точность превыше всего.

Затем он позвонил Клайну.

Клайн тем утром был в суде. Эллен Ракофф повторила претензии окружного прокурора насчет того, что с Гурни не могли связаться, а сам он не торопился сообщить новости. Она также сказала, что хорошо бы ему не пропустить встречу завтра в полдень. Как ни странно, даже в этой нотации был какой-то эротический подтекст. Гурни подумал, что слегка помешался с недосыпа.

Он позвонил Рэнди Клэму, поблагодарил его за новости и дал ему номер факса окружного прокурора, а также телефон отдела криминалистики, чтобы Клэм отправил Клайну и Родригесу копии записок, найденных у Шмитта. Затем он рассказал о ситуации с Ричардом Карчем, вплоть до камбалы и алкоголизма как объединяющего элемента всех трех убийств.

Соня могла подождать. Хардвику он также не торопился перезванивать. Его мысли занимала предстоящая встреча у криминалистов. Не то чтобы он стремился приблизить этот момент, скорее наоборот. Он вообще не любил такие встречи. Ему лучше всего работалось в одиночку. Во время коллективных мозговых штурмов ему хотелось выйти из помещения. А опрометчивый поступок с отправкой стихотворной гранаты заставлял его особенно нервничать в преддверии собрания. Он не любил секреты.

Гурни сел в кожаное кресло в углу кабинета, чтобы еще раз сверить ключевые моменты трех убийств, вычислить, какая гипотеза лучше всего описывала происходящее и как эту гипотезу проверить. Но измотанный недосыпом ум отказывался работать. Он закрыл глаза, и связности мыслей как не бывало. Неизвестно, сколько он так просидел, но когда он открыл глаза, шел тяжелый снегопад, спешно перекрашивая вид из окна в белый, и в тишине был различим звук приближавшейся машины. Гурни встал из кресла и пошел на кухню — как раз вовремя, чтобы увидеть из окна, как Мадлен сворачивает за амбар в конце дороги, по-видимому, чтобы проверить почтовый ящик. Спустя минуту зазвонил телефон. Он снял трубку с аппарата на кухонной столешнице.

— Отлично, ты дома. Ты не знаешь, почтальон уже был?

— Мадлен, это ты?

— Я у почтового ящика. Хочу кое-что отправить, но если он уже

приезжал, отправлю из города.

— Приезжала Ронда, и уже довольно давно.

— Черт. Ну ладно, не важно, потом разберусь.

Ее машина медленно повернула из-за амбара и поехала по дороге к дому.

Она зашла через боковую кухонную дверь. Вид у нее был измученный, как всякий раз, когда ей приходилось водить в снежную погоду. И тут она заметила выражение его лица.

— Есть новости?

Гурни был захвачен мыслью, осенившей его во время разговора с Мадлен по телефону, и ответил далеко не сразу — она успела снять куртку и ботинки.

— Кажется, я кое-что понял.

— Отлично! — Она улыбнулась и стала ждать продолжения, стряхивая с волос снежинки.

— Загадка с цифрами. Вторая загадка. Я знаю, как он ее провернул или как мог провернуть.

— Вторая — это которая?

— Про цифру 19, из разговора, который Меллери записал. Помнишь?

— Помню.

— Убийца попросил Меллери загадать число, а затем прошептать его.

— Зачем надо было шептать? Кстати, часы идут неправильно, — сказала она, посмотрев на часы с маятником.

Он растерянно уставился на нее.

— Прости, — спохватилась она. — Продолжай.

— Мне кажется, он попросил прошептать цифру, а не просто сообщить ее, потому что это сбивает с толку и отвлекает от догадок насчет этого фокуса.

— Не улавливаю твою мысль.

— Убийца понятия не имел, какую цифру Меллери назовет. Он мог только спросить его напрямую. Просто он решил развести вокруг этого таинственность.

— Но ведь цифра была напечатана в письме, которое убийца к тому моменту уже оставил в ящике Меллери.

— И да и нет. Цифра действительно была в письме, которое Меллери несколько минут спустя нашел в ящике, но в тот момент письмо еще там не лежало. А цифра еще не была напечатана.

— Я перестала понимать.

— Предположим, у убийцы был с собой ноутбук, мини-принтер и

готовое письмо для Меллери, в котором не хватало только цифры. И предположим, что он сидел в машине рядом с почтовым ящиком Меллери на проселочной дороге, которая идет мимо института. И вот звонит он Меллери на мобильный — как ты мне позвонила от нашего ящика, — просит его загадать число и затем прошептать его, и в момент, когда Меллери шепчет цифру, он забивает ее в письмо и тут же его печатает. А полминуты спустя убирает его в конверт, конверт засовывает в ящик — и уезжает, оставляя о себе впечатление зловещего ясновидца.

— Очень находчиво, — произнесла Мадлен.

— Ты про него или про меня?

— Про вас обоих.

— Кажется, звучит логично. И тогда понятно, зачем он фоном проигрывал шум дороги: чтобы скрыть тот факт, что он находился в тихом месте.

— Какой шум дороги?

— На записи. Криминалист сделал анализ фонограммы, которую записал Меллери, и обнаружил, что на фоне два разных источника звука — двигатель машины и шум дороги. И двигатель был настоящий, то есть шумел в тот же момент, когда убийца говорил по телефону, а шум дороги был вторичный, то есть на фоне живого голоса проигрывалась запись. Поначалу это казалось бессмыслицей.

— Теперь понятно, — отозвалась Мадлен. — Ты его раскусил. Очень хорошо.

Он внимательно посмотрел на нее, пытаясь различить сарказм, который так часто скрывался за ее комментариями по поводу его работы, но сарказма не было. Она глядела на него с искренним восхищением.

— Я серьезно, — сказала она, как будто прочитав его мысли. — Впечатляет.

Он вдруг вспомнил с неожиданной ясностью, как часто видел этот взгляд в первые годы их брака, каким счастьем было ощущать поддержку и одобрение такой исключительно умной женщины, и как остро в эти минуты он чувствовал, что их союз бесценен. И вот он видел это снова — чудесное напоминание, ожившее в ее глазах. Затем она отвернулась к окну, и серый свет затуманил ее взгляд. Она прокашлялась.

— Не помню, мы купили грабли для чистки крыши? Обещают до тридцати сантиметров снега к полуночи, и я боюсь, что потолок в кладовке наверху опять протечет.

— Тридцать сантиметров?..

Он вспомнил, что в сарае вроде бы стояли старые поломанные грабли,

которые можно было попробовать закрепить скотчем.

Она негромко вздохнула и пошла к лестнице.

— Ладно, просто уберу все из кладовки.

Он не нашелся что ответить. Зазвонивший телефон спас его от произнесения какой-нибудь глупости. Он поднял трубку после третьего звонка:

— Гурни.

— Детектив Гурни, это Грегори Дермотт. — Голос звучал вежливо, но несколько нервно.

— Слушаю, мистер Дермотт.

— Тут кое-что случилось. Хотел убедиться, что ставлю в известность всех, кого надо.

— Что случилось?

— Я получил странное сообщение. Может быть, оно как-то связано с письмами, которые получали жертвы убийцы, как вы рассказывали. Можно я зачитаю его вам?

— Сперва расскажите, как вы его получили.

— То, как я его получил, еще ужаснее, чем то, что в нем написано. У меня, честно говоря, мурашки по коже. Его приклеили к моему окну скотчем — кухонному окну напротив столика, где я завтракаю каждый день. Понимаете?

— Понимаю ли я что?

— Это значит, что он был здесь, касался моего дома, находился буквально в нескольких метрах от места, где я сплю. И он знал, к какому окну приклеить записку. Это меня пугает.

— Почему вы считаете, что он угадал с окном?

— Потому что я сижу напротив него каждое утро. Это не может быть совпадением — он, по-видимому, в курсе, что я завтракаю за этим столом. То есть он за мной наблюдал.

— Вы сообщили в полицию?

— Поэтому я вам и звоню.

— Я имею в виду вашу местную полицию.

— Да я понимаю, что вы имеете в виду. Конечно, я им звонил, но они не воспринимают это всерьез. И я решил, что попрошу вас с ними поговорить. Очень меня обяжете.

— Расскажите теперь, что было в записке.

— Секундочку. Вот она. Тут всего две строчки, написаны красными чернилами:

*Кто последний — вышел вон,
Глупым — к смерти на поклон.*

— Вы сказали об этом полиции?

— Да. Я объяснил, что может быть связь с двумя убийствами, и они сказали, что завтра утром меня навестит детектив, из чего следует, что они не находят это дело срочным.

Гурни задумался, следует ли ему сообщить, что убийств теперь три, но решил, что это только усугубит страх, а Дермотт, судя по всему, уже натерпелся.

— Для вас эта записка что-нибудь значит?

— Значит? — Голос Дермотта задрожал. — То и значит, что там написано. Что кто-то умрет. И записку почему-то прислали мне. Вот и получается, черт побери... Я не понимаю, почему все так равнодушно? Сколько еще должны убить, чтобы вы что-то начали делать?

— Постарайтесь сохранять спокойствие, сэр. У вас записано имя офицера, с которым вы разговаривали?..

Глава 42

Вверх ногами

К моменту, когда Гурни закончил непростой разговор с лейтенантом Джоном Нардо из полиции Вичерли, он получил заверение, что Грегори Дермотта немедленно обеспечат охраной, хотя бы временной, до того как шеф примет решение.

Снегопад тем временем превратился в снежный буран. Гурни не спал уже тридцать часов и знал, что нужно отдохнуть, но решил выиграть еще немного времени при помощи кофе. Он позвонил наверх Мадлен, спрашивая, не хочет ли она присоединиться, и не смог различить ее односложный ответ, хотя мог бы догадаться, каким он будет. Он переспросил. «Нет» прозвучало громче и отчетливее, чем того требовала ситуация.

Снег не произвел на него привычного умиротворяющего действия. Факты по делу наслаивались один на другой, и отправление письма убийце теперь казалось ошибкой. Ему, конечно, дали карт-бланш, но вряд ли это подразумевало подобного рода творческую импровизацию. Он дождался, пока сварится кофе, думая об убийстве в Созертоне и представляя себе

камбалу в почтовом ящике так ясно, будто видел ее собственными глазами, а затем вспомнил о записке, приклеенной к окну Дермотта. *Кто последний — вышел вон, глупым — к смерти на поклон.*

Пытаясь как-то выбраться из душевного раздрая, овладевшего им, он подумал, что можно починить грабли в сарае, а можно еще раз проанализировать историю с цифрой 19, вдруг она наведет его на какие-нибудь новые мысли. Он выбрал последнее.

Если предположить, что маневр убийцы был именно таким, как он думал, что из этого следовало? Что убийца умный, с богатым воображением, расчетливый садист? Что у него мания контроля и он любит вызывать у жертв чувство бессилия? Но это были очевидные вещи. Неочевидным оставался ответ на вопрос, почему он выбрал именно такую последовательность действий. Гурни догадался, что фокус с цифрой 19 был именно фокусом — с целью создать у жертвы впечатление, что убийца многое о нем знает, при этом не требуя никакой особенной информации.

Черт!

Как там было во втором стихе, полученном Меллери?

Гурни почти побежал из кухни в кабинет, схватил папку с бумагами по делу и нашел записку. Второй раз за день он почувствовал, что прикоснулся к разгадке.

*Что забрал — отдавай,
Что творил — получай.
Знаю, что ты слышишь,
Знаю, как ты дышишь,
Где бывал,
Что видал.
Шесть-пять-восемь,
В гости просим.*

И что там сказала Мадлен вчера ночью, когда они лежали в постели? Или это была ночь до того? Что-то о том, что в записках не было ничего конкретного — никаких фактов, имен, названий местности, ничего реального.

Гурни почти физически чувствовал, как фрагменты пазла складываются в единое целое. И главный фрагмент, судя по всему, он всю дорогу держал вверх ногами. Близкое знакомство убийцы с жертвами и их прошлым было, как теперь стало понятно, не более чем притворством.

Гурни снова перебрал записки и телефонные разговоры убийцы на предмет хоть какой-то конкретики — и не нашел ее. Ничего, кроме имен и адресов. Правда, складывалось впечатление, что он действительно знал, что все трое пили, но и тут не было ничего определенного — ни событий, ни людей, ни мест, ни дат. Все выглядело так, будто убийца старался создать у жертв ощущение, что он их хорошо знает, в то время как на самом деле не знал ничего.

И тогда возникал новый вопрос. Зачем убивать случайных незнакомцев? Если дело было в патологической ненависти ко всем, кто пил, тогда почему бы — как он и предполагал в разговоре с Клэмом в Бронксе — не подsunуть взрывчатку на собрание «Анонимных алкоголиков»?

Мысли снова пошли по кругу. Ум и тело пронизывала усталость, а вместе с ней пришли сомнения.

Подъем, который он испытал, когда разгадал фокус с цифрой и сделал вывод об отсутствии связи между убийцей и жертвами, сменился мрачными мыслями, что следовало догадаться об этом раньше, а затем страхом, что даже этот новый ход мысли упирается в тупик.

— В чем дело?

Мадлен стояла в дверях кабинета с черным мусорным мешком, набитым до отказа. Волосы ее растрепались после уборки в кладовке.

— Ни в чем.

Она с сомнением посмотрела на него и поставила мешок рядом с дверью.

— Это твое добро из кладовки.

Он уставился на мешок.

Она снова пошла наверх.

Ветер свистел сквозь щель в раме, окно давно пора было заклеить на зиму. Черт, он опять про это забыл. Каждый раз, как ветер дул под этим углом...

Зазвонил телефон.

Это оказался Говацки из Созертонна.

— Да, это действительно камбала, — сказал он, даже не поздоровавшись. — Откуда вы знали?

Это подтверждение снова вытаскило Гурни из недр сомнений и самобичевания. Ему даже хватило сил перезвонить Джеку Хардвигу по поводу того, что все это время не давало ему покоя. Это была первая строчка третьего стиха, который он достал из папки, набирая номер Хардвика.

*Я делаю, что сделал
За совесть и за страх,
Чтоб месть не охладела,
Не обратилась в прах,
Чтоб кровь, как роза красная,
Цвела в саду моем.
Явился не напрасно я —
Предстанешь пред судом.*

Как обычно, ему сперва пришлось выслушать порцию разнообразной ругани, и только потом детектив оказался способен вникнуть в его вопрос и обдумать его. Ответ был очень в духе Хардвика.

— Думаешь, прошедшее время говорит о том, что этот хрен уже укокошил кого-то к моменту, когда грохнул твоего приятеля?

— Такая версия напрашивается, — сказал Гурни. — Все три жертвы на тот момент были еще живы.

— Ну и что мне с этим делать?

— Например, отправить запрос по базе данных на аналогичные убийства.

— И по скольким критериям ты хочешь, чтобы производилась сверка?

— Тебе решать. Мне кажется, что ножевые ранения в шею — ключевой момент.

— Хм-мм. Значит, отправить запрос по базе в Пенсильванию, Нью-Йорк, Коннектикут, Род-Айленд, Массачусетс и, может быть, еще в Нью-Хемпшир и Вермонт?

— Я не знаю, Джек. Решай сам.

— Хотя бы за какое время?

— Последние пять лет, к примеру.

— Ну да, почему бы не последние пять лет. — Это прозвучало так, будто он не считал это хорошей идеей. — Так ты что, морально готов к завтрашней тусовке?

— Завтрашней? Конечно я приду.

Хардвик помолчал.

— В общем, ты думаешь, что этот псих уже давненько орудует?

— Есть такая вероятность.

Он снова помолчал.

— Как оно там у тебя движется?

Гурни изложил Хардвику факты и свою новую трактовку и закончил

советом:

— Я знаю, что Меллери пятнадцать лет назад лечился от алкоголизма. Проверь, не заводились ли на него какие-нибудь дела — гражданские или уголовные — в связи с алкоголем. Альберта Шмитта и Ричарда Карча тоже надо проверить на эту тему. Я спрошу, может быть, про Шмитта и Карча уже что-нибудь известно. И кстати, не мешало бы помимо прочего ковырнуть Грегори Дермотта. Он каким-то образом замешан во всей этой истории. Убийца выбрал его ящик в Вичерли неслучайно, а теперь еще угрожает самому Дермотту.

— Что?..

Гурни рассказал Хардвику про записку на окне и про разговор с лейтенантом Нардо.

— А что именно ты хочешь нарыть на этих бедолаг?

— Что-нибудь, что поможет связать три факта. Первый — что убийца заикнулся на алкоголиках. Второй — что нет доказательств, что он их лично знал. И третий — что он выбирает жертв, которые географически далеки друг от друга, а значит, их объединяет какой-то признак, отличный от проблем с алкоголем, — что-то этих троих связывает с убийцей и, возможно, с Дермоттом. Понятия не имею, что это может быть, но если что-то попадется, я пойму, что это оно.

— Ты так уверен?

— До завтра, Джек.

Глава 43

Мадлен

Новый день начался внезапно. Поговорив с Хардвиком, Гурни снял ботинки и растянулся на диване в кабинете. Сон его был глубоким, и он проспал остаток вечера и ночь. Когда он открыл глаза, было уже утро.

Он встал, потянулся и выглянул в окно. Солнце пробиралось через горы на востоке, и он предположил, что должно быть около семи часов. На встречу надо было выходить не раньше половины одиннадцатого. Небо было совершенно синим, а снег так блестел, точно его смешали с толченым стеклом. Благодать, излучаемая пейзажем, смешалась с запахом свежего кофе, и жизнь в этот момент казалась простой и славной. Он наконец-то выпался и почувствовал, что готов сделать звонки, которые откладывал, — Соне и Кайлу, но его остановила догадка, что те еще спят. Несколько секунд его мысли были заняты образом Сони, лежащей в постели, а затем

он вышел на кухню, обещая себе всем позвонить после девяти.

В доме ощущалась характерная пустота, потому что Мадлен не было. На столешнице он нашел записку: «Рассвет. Сейчас солнце взойдет. Потрясающая красота. Пойду пройду до уступа. Кофе в кофейнике. М.» Он пошел в ванную, принял душ, почистил зубы. Когда он причесывался, он вдруг подумал, что мог бы догнать ее. Судя по упомянутому началу рассвета, она вышла буквально минут десять назад. Если надеть лыжи, он нагонит ее минут за двадцать.

Гурни натянул лыжные штаны поверх джинсов, надел ботинки и толстый шерстяной свитер, нацепил лыжи и вышел сквозь заднюю дверь в мягкий снег. До горной гряды, перед которой расстилалась Северная долина и ряд холмов, было километра полтора, и туда можно было добраться по старой тропке лесорубов, которая начиналась у их владения и под легким уклоном вела вверх. Летом там было не пройти из-за зарослей дикой малины, но поздней осенью и зимой буйные заросли отступали.

Стая осторожных ворон, кричавших в морозной тишине, взлетела с голой верхушки столетнего дерева в нескольких метрах от него, и затем настала кромешная тишина.

Когда Гурни выехал из леса на уступ над небольшой фермой, он увидел Мадлен. Она сидела на камне в каких-то пятнадцати метрах от него и смотрела на раскинувшийся до горизонта пейзаж, где только извивающаяся дорога и пара едва заметных силуэтов на ней говорили о человеческом присутствии. Он остановился, пораженный ее неподвижностью. В ее позе было что-то настолько одинокое, но в то же время настолько гармоничное... Она была словно маяком, зовущим его в мир, до которого ему было никак не дотянуться.

Гурни не успел понять, что с ним происходит, как это зрелище вонзилось ему в сердце.

Может, у него нервный срыв? Третий раз за неделю он чувствовал, что вот-вот заплачет. Он перевел дыхание и вытер лицо. Голова немного кружилась. Он расставил лыжи пошире, чтобы устоять на ногах.

То ли это движение, пойманное боковым зрением, то ли скрип лыж по сухому снегу — что-то заставило ее обернуться. Она смотрела, как он приближается, и улыбалась, но молчала. У него было ощущение, что она видит его душу так же ясно, как и его тело, — и это было странно, потому что он не верил в существование души и никогда не употреблял это слово. Он сел рядом с ней на плоском камне и окинул рассеянным взглядом холмы и долины перед собой. Мадлен взяла в руки его ладонь и прижала к себе.

Он всмотрелся в ее лицо и не смог найти слов, чтобы описать то, что

увидел. В ее глазах как будто отражалась вся красота мира, укутанного снегом, а ее прекрасное лицо как будто было частью этого пейзажа.

Спустя некоторое время — он не знал, как долго они так сидели, — они возвращались коротким путем домой.

На полпути он спросил:

— О чем ты думаешь?

— Я вообще не думаю. Это только мешает.

— Чему?

— Видеть небо, снег.

Он молчал остаток дороги, пока они не зашли на кухню.

— Я так и не выпил кофе, который ты сварила, — признался он.

— Я сварю свежий.

Он наблюдал, как она достает пакет с кофейными зернами из холодильника и отсыпает часть в электрическую кофемолку.

— Что ты? — Она с любопытством взглянула на него, держа палец на кнопке.

— Ничего, — отозвался он. — Просто смотрю.

Мадлен нажала на кнопку. Маленькая машинка издала резкий звук, который смягчился по мере того, как зерна перемалывались. Она вновь на него посмотрела.

— Пойду гляну, что в кладовке творится, — сказал он, чувствуя необходимость чем-то себя занять.

Он пошел наверх, но, не дойдя до кладовки, остановился на пролете у окна, за которым стелилось поле, переходящее в лес. Там была тропинка к уступу. Он вспомнил, как она сидела на камне, погруженная в свой одинокий мир, и его вновь захлестнуло острое чувство, которое он теперь силился распознать.

Потеря. Разлука. Отчужденность.

Все три слова встали на свои места, все три грани одного ощущения.

В ранней юности у Гурни был приступ паники, и он ходил к психотерапевту. Тот объяснил ему, что паника растет из затаенной враждебности к отцу и что отсутствие какого-то осознанного отношения к отцу усиливает тяжесть этого чувства. А еще психотерапевт однажды рассказал ему, в чем видел смысл жизни.

— Смысл жизни заключается в том, чтобы быть как можно ближе к другим людям. — Он сказал это с такой уверенностью, как будто объяснял, что грузовики перевозят грузы.

В другой раз, но тем же уверенным тоном, он сделал вывод из предшествовавшего утверждения:

— Замкнутая жизнь — жизнь, потраченная зря.

Тогда, в свои семнадцать, Гурни не понял, что тот имел в виду. Чувствовалось, что мысль глубокая, но ее глубина была темной, он не мог в нее заглянуть. И даже сейчас, в свои сорок семь, он не до конца ее понимал. Во всяком случае, зачем грузовики перевозят грузы, было гораздо понятнее.

Забыв про кладовку, он вернулся на кухню. Он зашел из темного коридора, поэтому свет показался ему необычайно ярким. Солнце, теперь поднявшееся над деревьями в безоблачное небо, светило ровно через французские двери. Луг, засыпанный свежим снегом, превратился в огромный отражатель, посылающий свет даже в те уголки помещения, где всегда царил полумрак.

— Кофе готов, — сказала Мадлен. В руках у нее была скомканная газета и горстка щепок для камина. — Там такой свет волшебный. Даже как будто музыка слышится.

Он улыбнулся и кивнул. Иногда он завидовал ее способности быть замороженной природой. Почему, размышлял он, эта женщина, такая живая, так тонко и естественно чувствующая прекрасное, настолько вовлеченная в эту жизнь, почему она вышла за отъявленного материалиста, да еще детектива? Надеялась ли она, что однажды он выберется из серого кокона своей профессии? Поддержал ли он эту иллюзию, тоже поверив на какой-то миг, что, уволившись, сможет стать другим человеком?

Он подумал, что они странная пара, но ничуть не более странная, чем были его родители. Мать с ее художественными наклонностями, фантазиями и увлечениями — фигурки из папье-маше, акварель, оригами — вышла за его отца, человека мрачного, с редкими вспышками сарказма, чье внимание всегда было направлено куда-то вовне семьи; о его пристрастиях никто не знал, а уходить на работу по утрам, казалось, нравилось ему больше, чем возвращаться домой по вечерам. Это был человек, который постоянно искал покоя и постоянно чего-то избегал.

— Во сколько у тебя встреча? — спросила Мадлен.

Глава 44

Последние аргументы

Дежавю.

Процедура регистрации с предыдущего раза не изменилась. Приемная была определенно создана, чтобы отталкивать посетителей, а не

принимать, как следовало из названия. Помещение своей стерильностью напоминало морг, но покоя здесь было меньше. В будке охраны сидел новый дежурный, но мертвенное освещение делало его похожим на ракового больного, как и его предшественника. И, как и в прошлый раз, в переговорную Гурни провожал все тот же прилизанный, необаятельный следователь Блатт.

Он обогнал Гурни и вошел первым. Комната не изменилась с прошлой встречи, но все здесь казалось теперь каким-то более изношенным. На бесцветном ковролине виднелись какие-то пятна, которых он раньше не замечал. На часах, висевших не вполне ровно и выглядевших на огромной стене слишком маленькими, значился полдень. Гурни, как обычно, появился минута в минуту. Это было невротической привычкой: ему было одинаково неуютно, когда он приходил раньше или позже назначенного времени.

Блатт сел за стол. Вигг и Хардвик уже сидели на тех же местах, что и в прошлый раз. Возле кофейника стояла женщина с недовольным лицом — казалось, она была расстроена, что вместе с Гурни зашел не тот, кого она ждала. Она была так похожа на актрису Сигурни Уивер, что Гурни задумался, нарочно ли она поддерживает это сходство.

Три стула были прислонены к столу, как и перед предыдущей встречей. Гурни направился к кофейнику. Хардвик улыбнулся с видом голодной акулы:

— Детектив первого класса Гурни, у меня для вас есть вопрос.

— И тебе привет, Джек.

— Вообще-то у меня скорее есть ответ. А ты попробуй угадать, на какой вопрос. Ответ такой: бывший священник из Бостона. Отгадаешь вопрос — считай, ты выиграл главный приз.

Вместо ответа Гурни взял в руки чашку. Она оказалась немойтой. Он поставил ее на место, взял другую, затем третью и вернулся к первой.

Сигурни нетерпеливо топала ногой и проверяла время на своем «Ролексе». Она выражала совершенно карикатурное нетерпение.

— Добрый день, — сказал он, наливая себе кофе, надеясь, что он достаточно горячий, чтобы продезинфицировать грязную чашку. — Я Дэйв Гурни.

— Я доктор Холденфилд, — сказала она таким тоном, точно выложила флеш-рояль в ответ на его двойку. — Шеридан уже едет?

В ее интонациях было что-то сложное, что заинтересовало Гурни. Кроме того, фамилия Холденфилд казалась смутно знакомой.

— Не знаю, — ответил он, гадая, что может связывать окружающего

прокурора и доктора. — Простите мое любопытство, но вы доктор чего?

— Я психолог-криминалист, — ответила она без выражения, глядя при этом на дверь.

— Детектив, ну так что, — гаркнул Хардвик на всю комнату, — если ответ — «бывший священник в Бостоне», то каков будет вопрос?

Гурни закрыл глаза:

— Черт побери, Джек, скажи мне сам.

Хардвик разочарованно поморщился:

— Тогда мне придется объяснять все дважды — сейчас тебе и потом всей комиссии.

Доктор снова посмотрела на часы. Сержант Вигг наблюдала за тем, что возникало на экране ее ноутбука в ответ на нажатия клавиш. Блатт откровенно скучал. Дверь наконец открылась, и зашел Клайн. У него был озабоченный вид. Следом зашел Родригес с толстой папкой. Он был разъярен больше обычного. Следом за ними вошел Штиммель, напоминающий мрачную жабу. Когда все расселись, Родригес вопросительно посмотрел на Клайна.

— Начинайте, — сказал Клайн.

Родригес уставился на Гурни и поджал губы.

— События приняли трагической оборот. Офицер полиции из Коннектикута, отправленный по вашему настоянию домой к Грегори Дермотту, убит.

Все как один посмотрели на Гурни с недобрым любопытством.

— Как это произошло? — спокойно спросил он, подавив кольнувшее его беспокойство.

— Так же, как с вашим приятелем. — В его тоне было что-то многозначительное и язвительное, но Гурни решил не реагировать.

— Шеридан, в конце-то концов, что происходит? — Доктор, которая стояла у дальнего края стола, говорила с интонацией, так поразительно напоминающей Сигурни из «Чужого», что Гурни решил, что сходство все же нарочитое.

— Бекка! Прости, не сразу тебя заметил. Мы были несколько заняты. Возникли кое-какие осложнения. У нас еще один труп. — Он повернулся к Родригесу. — Род, сообщи всем о деталях убийства в Коннектикуте. — Он потряс головой, как будто пытаясь избавиться от воды в ушах. — Час от часу не легче.

— Не то слово, — подхватил Родригес, открывая папку. — Звонок поступил сегодня утром в 11:25 от лейтенанта Джона Нардо из полицейского управления Вичерли, штат Коннектикут. Сообщалось об

убийстве на территории частного владения Грегори Дермотта, известного по делу Марка Меллери как хозяин абонентского ящика. Дермотта обеспечили временной полицейской охраной по настоянию специального детектива Дэвида Гурни. В восемь утра сегодня...

Клайн поднял руку:

— Подождите минутку. Бекка, ты уже знакома с Дэйвом?

— Да.

Этот холодный, резкий слог, казалось, отменял необходимость в дополнительном представлении, но Клайн продолжил:

— Вам есть что обсудить. Психолог, известный самыми точными характеристиками преступников в профессии, и детектив, известный самым большим количеством арестов по обвинению в убийстве в истории Нью-Йоркского управления.

Похвала, казалось, всех смутила, но она же заставила Холденфилд впервые посмотреть на Гурни с интересом. Он в свою очередь понял, почему ее имя показалось ему знакомым, хотя он никогда не был поклонником психологического профилирования.

Клайн продолжил, как будто ему было важно подчеркнуть все достоинства двух приглашенных звезд:

— Бекка читает их мысли, а Гурни находит их след — Каннибал Клаус, Джейсон Странк, Питер Поссум как-бишь-его...

Доктор повернулась к Гурни с широко раскрытыми глазами:

— Пиггерт? Вы занимались его делом?

Гурни кивнул.

— Это был блестящий арест, — сказала она с едва заметным одобрением.

Он заставил себя вежливо улыбнуться. Ему не давала покоя ситуация в Вичерли и подозрение, что его импульсивный жест с отправкой стиха мог иметь какое-то отношение к смерти полицейского.

— Продолжайте, Род, — резко потребовал Клайн, как будто капитан был виноват в отступлении от темы.

— Сегодня утром, в восемь утра, Грегори Дермотт появился на почте Вичерли в сопровождении офицера Гэри Сассека. Дермотт сообщает, что они вернулись в восемь тридцать, после чего он сделал кофе с тостами и стал перебирать почту, а офицер Сассек в это время оставался снаружи и обходил окрестности дома. В девять утра Дермотт вышел из дома в поисках офицера Сассека и обнаружил его тело на террасе. Он позвонил в службу 911. Прибывшие на место полицейские оцепили участок и нашли записку, приклеенную к задней двери, там, где лежало тело.

— Пулевое ранение и колотые раны, как и у других? — спросила Холденфилд.

— Колотые раны подтверждаются, насчет пули пока информации нет.

— А что в записке?

Родригес прочитал содержимое факса в папке:

— *Куда я исчез и откуда я взялся? Сколько умрут, чтобы ты разобрался?*

— Такая же чертовщина, — сказал Клайн. — У тебя есть соображения, Бекка?

— Похоже, процесс ускоряется.

— Ускоряется?

— До настоящего момента все было тщательно рассчитано — выбор жертв, записки, каждая деталь. Но это убийство иного характера, оно скорее вынужденное, чем запланированное.

Родригес посмотрел на нее с сомнением:

— Ритуал такой же, как и всегда, — колотые раны, записка...

— Однако это неожиданная жертва. Похоже, что убийца подбирался к мистеру Дермотту, но вместо него убил полицейского.

— Но как же записка?

— Записку он мог принести с собой, чтобы оставить ее на теле Дермотта, если бы все пошло по плану. А может быть, он сочинил ее на месте. Возможно, это значимый момент, что в стихотворении всего четыре строчки. В остальных, если я не ошибаюсь, было по восемь? — Она посмотрела на Гурни.

Он еле кивнул, поглощенный своими угрызениями, но затем усилием воли заставил себя вернуться в настоящее.

— Я согласен с доктором Холденфилд. Мне не пришло в голову, что количество строк может быть значимым, но это очень разумное предположение. Я бы хотел добавить: невзирая на то что это убийство было не столь тщательно спланировано, как остальные, элемент ненависти к полиции сохраняется и в этом случае, так что новая жертва вписывается в модель, о которой говорил капитан.

— Бекка упомянула, что процесс ускоряется, — напомнил Клайн. — У нас уже четыре тела. Значит ли это, что нам следует ждать новых жертв?

— Их уже пять вообще-то.

Все посмотрели на Хардвика.

Капитан поднял кулак и стал по очереди выбрасывать пальцы, чеканя имена:

— Меллери. Шмитт. Карч. Офицер Сассек. Четверо.

— Преподобный Майкл Маграт — пятый, — сказал Хардвик.

— Кто? — в унисон спросили Клайн (сгорая от нетерпения), капитан (с досадой) и Блатт (потрясенно).

— Пять лет назад одного священника в Бостонском епископате лишили сана, обвинив в связях с мальчиками-служками. Он как-то умудрился договориться с епископом, свалил свое поведение на алкоголь, прошел курс реабилитации и скрылся из виду.

— Что за херня с этим Бостонском епископатов? — прошипел Блатт. — Они там как будто специально педофилов разводят.

Хардвик не обратил на него внимания и продолжил:

— История на этом закончилась бы, но год назад Маграта нашли убитым в его собственной квартире. Множественные колотые раны в шею, записка на теле. Восемь строк, красные чернила.

Лицо Родригеса сделалось пунцовым.

— И давно вам это известно?

Хардвик посмотрел на часы:

— Уже с полчаса.

— То есть как?

— Вчера детектив Гурни заказал запрос на случаи, аналогичные делу Меллери. Сегодня утром всплыло дело отца Маграта.

— Кого-то арестовали или разыскивали за убийство? — спросил Клайн.

— Не-а. Бостонский эксперт, с которым я общался, ничего такого не сказал напрямую, но я так понял, что они вообще не сочли это дело важным.

— Как такое может быть? — раздраженно спросил капитан.

Хардвик пожал плечами:

— Старого пидора кто-то убивает, убийца оставляет на теле стишок с намеком на прошлые грехи. Все выглядит так, будто ему отомстили. Может, в управлении решили, что фиг с ним в конце концов, и так есть кого ловить, а тут все-таки благородный мотив — возмездие педофилу. И видимо, они решили не слишком углубляться.

У Родригеса был такой вид, как будто он страдал несварением желудка.

— Но он же ничего такого не сказал?

— Ну разумеется нет.

— Итого, — произнес Клайн, — что бы там по этому поводу ни думала бостонская полиция, факт остается фактом: отец Майкл Маграт — жертва номер пять.

— Си, нуmero синко, — подтвердил Хардвик, кривляясь, на ломаном испанском. — Но на самом деле он нуmero уно, поскольку священника грохнули за год до всех остальных.

— Значит, Меллери, которого мы считали первой жертвой, на самом деле был вторым.

— Очень сомневаюсь, — сказала Холденфилд. Все повернулись в ее сторону. Она продолжила: — У нас нет доказательств, что священник был первым. Он с тем же успехом мог быть десятым. Но даже если считать его первым, у нас возникает проблема: убийство год назад, а затем четыре убийства менее чем за две недели. Это необычный паттерн. Что-то должно было быть в промежутке.

Гурни мягко перебил ее:

— Возможно, процессом движет что-то иное, нежели психопатология убийцы.

— Что вы имеете в виду?

— Мне кажется, убитых связывает что-то помимо алкоголизма. Что-то, о чем мы пока не догадываемся.

Холденфилд задумчиво покачала головой и скривилась, как бы показывая, что не вполне согласна с Гурни, но не находит аргументов, чтобы с ним поспорить.

— Значит, могли быть жертвы еще раньше, а могло и не быть, — задумчиво произнес Клайн, явно не зная, как к этому относиться.

— Не говоря уж о том, что могут быть и новые, — заметила Холденфилд.

— В каком это смысле? — не понял Родригес.

Холденфилд проигнорировала его язвительный тон.

— Как я уже упоминала, паттерн выглядит так, будто процесс движется к завершению.

— К завершению? — протянул Клайн, как будто ему очень нравилось само слово.

Холденфилд продолжила:

— В последнем случае он был вынужден действовать не по плану. Возможно, он теряет контроль над процессом. Я предполагаю, что он теперь долго не продержится.

— Что значит не продержится? — выпалил Блатт с обычной враждебностью в голосе.

Холденфилд секунду посмотрела на него, затем перевела взгляд на Клайна:

— От меня здесь что, требуется просветительская работа?

— Возможно, не мешало бы уточнить несколько ключевых моментов. Если я не ошибаюсь, — произнес он тоном, не подразумевающим, что он может ошибаться, — за исключением Дэйва, мы тут все мало имели дело с серийными убийцами.

Родригес, казалось, был готов с этим поспорить, но промолчал.

Холденфилд обреченно улыбнулась:

— Ну хотя бы все в курсе типологии серийных убийц Холмса?

Кивки и мычание за столом в целом означали положительный ответ. Вопрос возник только у Блатта.

— Шерлока Холмса?

Гурни задумался, являлось ли это глупой шуткой или глупостью в чистом виде.

— Другой Холмс. Человек более современный и невымышленный, — сообщила Холденфилд преувеличенно терпеливым тоном, который, как показалось Гурни, она тоже откуда-то позаимствовала. Может быть, у мистера Роджерса, ведущего детской телепередачи? — Холмс классифицировал серийных убийц по типу мотивации: тип, движимый воображаемыми голосами; тип, желающий избавить мир от какой-либо ненавистной группы людей — от негров, от геев и так далее; тип, жаждущий абсолютной власти; искатель острых ощущений, который получает наивысший кайф от убийства, — и, наконец, сексуальные маньяки. У всех этих типов есть нечто общее...

— Они психи на всю голову, — с энтузиазмом подхватил Блатт.

— Точно подмечено, сержант, — слащаво произнесла Холденфилд. — Однако общее у этих типов — это чудовищное внутреннее напряжение. Убийство на некоторое время избавляет их от этого напряжения.

— Типа как секс?

— Следователь Блатт, — разозлился Клайн, — попридержите свои вопросы, пока Ребекка не закончит говорить.

— На самом деле его вопрос вполне уместен. Оргазм дает сексуальную разрядку. Однако в здоровом человеке это не вызывает потребность во все более частых оргазмах ценой все больших и больших усилий.

В этом смысле серийные убийцы скорее похожи на наркозависимых.

— Зависимость от убийства, — медленно и задумчиво произнес Клайн, как будто пробовал на вкус новый газетный заголовок.

— Звучная фраза, — сказала Холденфилд, — отчасти она правдива. Серийный убийца, в отличие от обычных людей, живет в мире собственных фантазий. На первый взгляд он может никак не выделяться из

толпы. Однако его «нормальная» жизнь не удовлетворяет его, реальность его не интересует. Он живет ради своих фантазий — фантазий о власти, о возмездии. Эти фантазии складываются в сверхреальность — мир, в котором он чувствует себя важным, всевластным, живым. По этой части есть вопросы?

— У меня есть, — сказал Клайн. — Мы знаем, к какому типу относится наш убийца?

— У меня есть предположение, но я бы хотела услышать, что по этому поводу может сказать детектив Гурни.

Гурни подозревал, что ее добродушное выражение лица было таким же наигранным, как ее улыбка.

— Я думаю, это человек, выполняющий миссию.

— По избавлению мира от алкоголиков? — спросил Клайн отчасти из любопытства, отчасти скептически.

— Я думаю, что понятие «алкоголик» частично описывает его жертвы, но в его выборе могут играть роль и другие факторы.

Клайн неуверенно хмыкнул:

— Если говорить о более узкой характеристике, помимо того, что он человек с миссией, как бы вы описали нашего преступника?

Гурни решил повторить выпад доктора:

— У меня есть несколько соображений на этот счет, но я бы хотел послушать, что скажет доктор Холденфилд.

Она пожалала плечами и заговорила быстро, обыденным тоном:

— Тридцатилетний белый мужчина, высокий коэффициент интеллекта, друзей нет, нормальных сексуальных отношений тоже нет. Вежливый, но держит дистанцию. Детство наверняка было тяжелым, отмеченным какой-то травмой, которая влияет на его выбор жертв. Поскольку он выбирает мужчин среднего возраста, травма, вероятно, связана с отцом и с эдиповым комплексом.

Вмешался Блатт:

— Вы что, говорите, что этот мужик в прямом смысле... то есть буквально... того... со своей матерью?

— Необязательно. Мы же говорим про фантазии. Он живет в воображаемом мире и ради этих фантазий.

Родригес нетерпеливо перебил:

— Мне что-то не нравится это слово, доктор. Пять трупов — это вам не фантазии!

— Вы правы, капитан. Для нас с вами все это реальность. Это были настоящие люди, со своими уникальными жизнями, достойные уважения и

правосудия, но для серийного убийцы они воплощали что-то совсем другое. Для него они всего лишь актеры в его спектакле, а не люди в нашем с вами понимании этого слова. Они просто часть бутафории, вроде тех ритуальных элементов, которые мы находим на местах убийств.

Родригес покачал головой:

— Возможно, то, что вы сейчас говорите, и осмысленно в контексте серийного убийцы, но что нам с того? Мне весь этот подход целиком не нравится. Кто вообще решил, что мы имеем дело с серийным убийцей? Вы куда-то торопитесь, не имея ни малейшего... — Он осекся, внезапно осознав, что почти кричит и что с его стороны неразумно нападать на одного из любимых консультантов Клайна. Он заговорил спокойнее: — Я просто хочу сказать, что последовательные убийства не всегда совершают серийники. Можно взглянуть на это дело и с другой точки зрения.

Холденфилд выглядела искренне потрясенной.

— То есть у вас есть другие версии?

Родригес вздохнул:

— Вот Гурни все время говорит про какой-то фактор помимо алкоголизма, который определяет выбор жертв. Возможно, все эти люди были связаны в прошлом, случайно или осознанно, и каким-то образом причинили убийце зло, а сейчас мы видим акт возмездия за это зло. Может быть, вот и вся история.

— Не скажу, что такой сценарий невозможен, однако планирование, стихи, детали, ритуал — все это складывается в слишком патологическую картинку, чтобы это была просто месть.

— Кстати о патологиях, — прохрипел Джек Хардвик голосом человека, с упоением умирающего от рака горла, — может быть, пора всем рассказать о последней найденной улике.

Родригес с ненавистью уставился на него:

— Что, опять сюрприз?

Хардвик не обратил на него внимания и продолжил:

— По просьбе Гурни команда экспертов обследовала частную гостиницу, где преступник, по всей вероятности, останавливался накануне убийства Меллери.

— Кто это разрешил?

— Я, сэр, — ответил Хардвик, откровенно гордясь совершенным нарушением.

— Почему я не видел никаких документов на этот счет?

— Гурни считал, что на это нет времени, — соврал Хардвик. Затем приложил руку к груди с видом человека, которого вот-вот хватит

сердечный приступ, и оглушительно рыгнул. Блатт, который был погружен в свои размышления, от неожиданности отшатнулся на стуле и чуть не опрокинулся назад.

Пока Родригес, обескураженный этим выступлением, не успел вернуться к теме неподписанных бумаг, Гурни решил принять пас Хардвика и начал объяснять, зачем он счел необходимым обследовать «Рододендрон».

— В первом письме, отправленном Меллери, убийца использовал подпись «Х. Арибда». Харибда — название страшного водоворота в греческой мифологии, и оно связано с названием другой стихии, по имени Сцилла. Накануне утра, когда обнаружили тело Меллери, в «Рододендроне» останавливались мужчина и пожилая женщина под фамилией Сцилла. Я бы очень удивился, если бы это оказалось совпадением.

— Мужчина и пожилая женщина? — с интересом переспросила Холденфилд.

— Это могли быть убийца и его мать, хотя в журнале посетителей, как ни странно, значилось «мистер и миссис». Возможно, это объясняется вашей версией об эдиповом комплексе.

Холденфилд улыбнулась:

— Это идеальное совпадение.

Капитан, казалось, снова был готов взорваться от негодования, но Хардвик заговорил первым, перенея инициативу Гурни:

— Словом, мы отправили туда команду экспертов, и они обследовали чертов домик, похожий на храм волшебника Изумрудного города. Они обошли все — внутри, снаружи, — и что же они нашли? Ничего. Совсем ничего. Ни волоска, ни отпечатка, никакого вообще свидетельства, что в этом помещении был кто-то живой. Главный эксперт не могла в это поверить. Она звонила мне и говорила, что следов нет даже там, где они есть всегда, — на столах, ручках дверей и ящиков, подоконниках, телефонной трубке, кранах в душе и на раковине, на пульте от телевизора, выключателях ламп и в куче других мест, где всегда находят какие-то отпечатки. И — ничего. Чисто. Никаких зацепок. Я тогда сказал посыпать все порошком — полы, стены, даже потолок. Пришлось включить всю свою убедительность, потому что они долго не соглашались. В общем, она стала мне после этого звонить каждые полчаса и кричать, сколько ее бесценного времени я потратил зря. Но на третий раз, смотрю, она уже поспокойнее. И говорит, что кое-что нашли.

Родригес старался не выдать своего разочарования, но Гурни его все равно распознал. Хардвик выдержал театральную паузу и продолжил:

— На внешней стороне двери в ванную нашли слово. Всего одно слово. «REDRUM».

— Что?! — закричал Родригес, которому на этот раз не удалось скрыть недоверие.

— «REDRUM», — повторил Хардвик по слогам, с таким видом, точно это был важный ключ к отгадке всего.

— Это как в фильме, что ли? — переспросил Блатт, который молчал все время с тех пор, как чуть не упал со стула.

— Пойдите, пойдите, — произнес Родригес, усиленно моргая от раздражения. — Вы хотите сказать, что вашим экспертам понадобилось — сколько там, три, четыре часа? — чтобы найти слово, написанное на видном месте, посреди двери?

— Оно не было написано на виду, — отозвался Хардвик. — Он написал его так же, как невидимые послания полиции на записках Марка Меллери. Помните? ТУПЫЕ ЗЛЫЕ КОПЫ.

Капитан молча уставился на него и не ответил.

— Я читала про это в деле, — сказала Холденфилд. — Что он написал эти слова на оборотных сторонах записок, используя жир собственных пальцев как чернила. Это вообще возможно?

— Никаких проблем, — ответил Хардвик. — Вообще-то отпечатки пальцев именно из этого жира и состоят. Он просто использовал это знание. Может, для начала потер пальцами лоб, чтобы они стали пожирнее. В общем, в тот раз это сработало, и в «Рододендроне» он снова это провернул.

— Но «REDRUM» же было в фильме, — не унимался Блатт.

— В фильме? В каком фильме? Почему мы вообще говорим о фильмах? — Родригес снова нервно заморгал.

— «Сияние», — кивнула Холденфилд, у которой эта ситуация вызвала заметный восторг. — Это известная сцена. Мальчик пишет слово «REDRUM» на двери в спальню матери.

— «REDRUM» — это «murder»^[3] наоборот, — с гордостью сообщил Блатт.

— Господи, какая красота! — воскликнула Холденфилд.

— Я могу рассчитывать, что весь этот энтузиазм означает, что убийцу арестуют в течение двадцати четырех часов? — ядовито поинтересовался Родригес.

Гурни проигнорировал его и обратился к Холденфилд:

— Любопытная отсылка к «Сиянию».

Ее глаза блестели от возбуждения.

— Идеальное слово из идеального фильма.

Клайн, который долгое время наблюдал за разговором, как болельщик за игрой любимой команды, наконец заговорил:

— Так, друзья, пора ввести меня в курс дела. О чем вы тут секретничаете? Что у вас там идеальное?

Холденфилд посмотрела на Гурни:

— Расскажите ему про слово, а я расскажу про фильм.

— Слово написано задом наперед. Вот и весь секрет. Эту игру он ведет с самого начала дела. Сперва он оставил следы задом наперед, а затем написал слово «убийство» задом наперед. Он тем самым сообщает нам, что мы думаем в неправильном направлении. ТУПЫЕ. ЗЛЫЕ. КОПЫ.

Клайн посмотрел на Холденфилд:

— Вы с этим согласны?

— В целом да.

— А что с фильмом?

— Ах да, фильм. Я постараюсь быть лаконичной, как детектив Гурни. — Она подумала несколько секунд, затем заговорила, будто тщательно выбирая слова: — Это фильм про семью, в которой мать и сына терроризирует безумный отец. Отец — алкоголик, который в запоях агрессивен.

Родригес потряс головой:

— Вы что, хотите сказать, что наш убийца — какой-то безумный агрессивный папаша-алкоголик?

— Нет, нет. Не папаша. Сын.

— Сын?! — Лицо Родригеса буквально свело от скептицизма.

Она продолжила голосом мистера Роджерса:

— Мне кажется, убийца сообщает нам, что у него был такой же отец, как в «Сиянии». Возможно, он таким образом себя оправдывает.

— Рассказывает о себе?! — Родригес, казалось, готов был сплунуть от возмущения.

— Каждый человек стремится рассказать о себе в собственных терминах, капитан. Наверняка вы постоянно сталкиваетесь с этим в работе. Я — точно сталкиваюсь. Все находят какие-то объяснения своему поведению, даже совершенно нелогичному. Каждый человек хочет быть оправданным — возможно, безумцы даже пуще остальных.

После этого наблюдения в комнате воцарилась тишина, которую в итоге нарушил Блатт:

— У меня вопрос. Вы психиатр, да?

— Я психолог-криминалист. — Ведущий детской передачи снова

превратился в Сигурни Уивер.

— Ладно, не важно. Короче, вы знаете, как работает мозг. И вот мой вопрос. Этот мужик знал, какое число загадывает другой человек. Откуда?

— Он не знал.

— Еще как знал.

— Он сделал вид, что знал. Вы, видимо, имеете в виду два случая с цифрами 658 и 19, описанные в деле. Но он ничего не угадывал. Это попросту невозможно — заранее знать, какое число загадает другой человек в произвольной ситуации. Следовательно, он не знал.

— Но он же как-то это провернул, — настаивал Блатт.

— Есть как минимум одно объяснение, — заговорил Гурни. Он описал сценарий, который пришел ему на ум, когда Мадлен позвонила ему по мобильному от почтового ящика — как убийца мог воспользоваться портативным принтером в машине, чтобы напечатать письмо с цифрой 19, которую Марк Меллери перед этим сообщил ему по телефону.

Холденфилд была под впечатлением.

Блатт сдулся. Гурни подумал, что это верный знак, что где-то в этом неповоротливом уме и перекачанном теле живет романтик, влюбленный во все странное и необъяснимое. Впрочем, он сдулся лишь на мгновение.

— А как же цифра 658? — спросил Блатт, переводя взгляд с Гурни на Холденфилд и обратно. — Он не звонил перед этим, просто прислал письмо. Так откуда же он знал, что Меллери загадает это число?

— У меня пока что нет версий на этот счет, — отозвался Гурни. — Но я могу рассказать одну странную историю, которая, возможно, кого-то наведет на ответ.

Родригес нетерпеливо заерзал на стуле, но Клайн подался вперед, и это выражение интереса удержало капитана на месте.

— Недавно мне приснился сон про моего отца, — начал Гурни. Он помедлил, потому что собственный голос показался ему чужим. Он слышал его как эхо глубокой печали, которую в нем пробудил сон. Холденфилд смотрела на него с любопытством, но без неприязни. Он заставил себя продолжить. — Когда я проснулся, я вспомнил один карточный трюк, который отец показывал людям, когда у нас бывали гости на Новый год и он слегка выпивал для настроения. Он держал колоду веером и обходил комнату, предлагая четырем гостям вытянуть по карте. Затем он останавливался перед кем-нибудь из них, просил как следует рассмотреть выбранную карту и положить ее обратно в колоду. Потом протягивал гостю эту колоду и предлагал перемешать. После этого он что-то бормотал, якобы «читая мысли», это был целый спектакль, который иногда затягивался

минут на десять, но в итоге он называл эту карту — которую, разумеется, знал с момента, когда ее вытянули.

— Как это? — заинтриговано спросил Блатт.

— Когда он подготавливал колоду в самом начале, перед тем как разложить ее веером, он запоминал хотя бы одну карту и ее место в веере.

— А если бы ее никто не вытянул? — спросила Холденфилд.

— Если так получалось, он придумывал какую-нибудь причину прервать фокус: вспоминал, что забыл выключить чайник или что-нибудь такое, чтобы никто не понял, что что-то пошло не так. Но ему почти никогда не приходилось к этому прибегать. То, как он подставлял людям колоду, гарантировало, что первый, второй или третий человек вытягивал ту самую карту, которая была ему нужна. А если нет, он шел на кухню за чайником, а затем начинал фокус сначала. И он всегда находил какие-то правдоподобные причины исключить из игры тех, кто выбирал неправильные карты, так что никто не догадывался, в чем на самом деле фокус.

Родригес зевнул:

— И как это связано с историей про 658?

— Я точно не знаю, — сказал Гурни, — но идея, что кто-то думает, будто вытягивает случайную карту, в то время, как эта случайность подстроена...

Сержант Вигг, которая все это время слушала с возрастающим интересом, вдруг вмешалась:

— Ваш фокус с картами напомнил мне знаменитую почтовую разводку конца девяностых.

Может быть, дело было в ее странном голосе, который мог принадлежать и женщине и мужчине, или в том, что она вообще заговорила, поскольку это было редкостью, но она мгновенно приковала к себе всеобщее внимание.

— Адресат получал письмо якобы от частного детективного агентства, в котором они извинялись за вмешательство в его личную жизнь. Компания «признавалась», что в ходе выполнения некоего заказа они по ошибке подвергли адресата наблюдению и в течение нескольких недель фотографировали его в различных ситуациях. Они также заявляли, что по закону обязаны все фотографии отдать ему. И тут возникает ключевой момент: поскольку некоторые из фотографий могут показаться компрометирующими, не предпочтет ли дорогой адресат получить их не на домашний почтовый адрес, а на абонентский ящик? В таком случае потребуется лишь прислать им пятьдесят долларов в счет оплаты расходов.

— Придурки, которые на это ведутся, заслуживают того, чтобы потерять пятьдесят баксов, — мрачно пробормотал Родригес.

— Многие потеряли гораздо больше, — произнесла Вигг. — Дело было не в конкретной сумме. Это был всего лишь тест. Мошенник отправил больше миллиона таких писем, и требование прислать пятьдесят долларов было нужно, только чтобы составить список людей, которым есть что скрывать от своих домашних. Затем с них требовали уже заоблачные суммы за избавление от компромата. Некоторые заплатили до пятнадцати тысяч.

— За фотографии, которых в природе не было! — воскликнул Клайн со смесью возмущения и восхищения находчивостью обманщика.

— Глупость некоторых людей не перестает меня... — начал было Родригес, но Гурни его перебил:

— Господи! Вот же оно! Вот зачем он просил прислать двести восемьдесят девять долларов. Это то же самое! Это просто тест!

Родригес непонимающе уставился на него:

— Какой еще тест?

Гурни закрыл глаза, чтобы представить себе письмо с просьбой о деньгах, которое получил Меллери.

Клайн нахмурился и повернулся к Вигг:

— Этот мошенник, говорите, миллион писем отослал?

— Так писали в газетах.

— Тогда это совсем непохожая ситуация. Там было налицо мошенничество — в огромную сеть одинаковых писем поймалось несколько рыбешек с нечистой совестью. Но у нас совсем другое. Записки, написанные от руки небольшой группе людей, для которых цифра 658, по всей видимости, что-то значила.

Гурни медленно открыл глаза и посмотрел на Клайна:

— Не значила. Сперва я тоже решил, что цифра имеет значение, потому что иначе отчего бы именно она пришла на ум первой? Я несколько раз спрашивал Марка Меллери, о чем ему говорит число 658, с чем ассоциируется, видел ли он его где-то написанным, могло ли оно быть частью адреса, комбинацией замка сейфа... Но он отвечал одно и то же — что эта цифра никогда прежде не приходила ему на ум, она была абсолютно случайной. Следовательно, нужно было другое объяснение.

— Вот вы и вернулись к тому, с чего начали. — Родригес закатил глаза, демонстрируя усталость.

— Возможно, нет. Возможно, история про почтового мошенника ближе к правде, чем нам кажется.

— Хотите сказать, что наш убийца отправил миллион писем? Миллион рукописных писем? Это немыслимо — я уж не говорю о том, что это технически невозможно.

— Миллион — разумеется, невозможно, если только ему не помогли, что в нашем случае маловероятно. Но какое количество он мог бы организовать?

— К чему вы клоните?

— Представим, что у нашего убийцы такой сценарий: отправить письма множеству людей, написав их от руки, чтобы каждый подумал, что послание адресовано ему лично. Сколько таких писем можно написать, допустим, за год?

Капитан вскинул руки, демонстрируя, что этот вопрос не только не имеет ответа, но и не относится к делу. Клайн и Хардвик между тем задумались, как будто пытаясь подсчитать количество. Штиммель, как обычно, был невозмутим как амфибия. Ребекка Холденфилд смотрела на Гурни с нескрываемым восхищением. Блатт сидел с таким видом, словно пытался определить источник неприятного запаха.

Вигг заговорила первой.

— Пять тысяч, — сказала она. — Десять, если очень постараться. Может, даже пятнадцать, но это уже тяжело.

Клайн сощурился:

— Сержант, чем вы руководствуетесь, называя эти цифры?

— Несколькими предположениями.

Родригес покачал головой, как будто не было в мире ничего ненадежнее предположений. Если Вигг и заметила этот жест, она не собиралась на него отвлекаться.

— Во-первых, предположим, что сценарий почтового мошенничества здесь применим. Если так, то логично предположить, что первое послание, в котором запрашивались деньги, было отправлено максимальному количеству адресатов, а последующие письма — только тем, кто ответил. В нашем случае мы видим, что первое послание содержало две записки по восемь строк, то есть всего шестнадцать довольно коротких строк текста плюс три строчки адреса на конверте. За исключением адресов все записки могли быть одинаковыми, значит, писать их было легко. Рискну предположить, что на каждое послание с конвертом уходило порядка четырех минут. То есть четырнадцать посланий в час. Если он посвящал этому занятию хотя бы час в день, то за год он мог отправить больше пяти тысяч. Два часа в день дали бы ему порядка одиннадцати тысяч. В теории он мог написать их гораздо больше, но усердие даже самых одержимых

людей имеет границы.

— Вообще-то, — заметил Гурни, который чувствовал себя как ученый, который наконец-то распознал закономерность в хаотичном наборе данных, — одиннадцати тысяч было бы вполне достаточно.

— Достаточно для чего? — уточнил Клайн.

— Для начала этого достаточно, чтобы проверить фокус с цифрой 658, — пояснил Гурни. — И если он этот фокус провернул так, как я предполагаю, то он объясняет и запрос на двести восемьдесят девять долларов в первом письме к каждой из жертв.

— Стоп, стоп, — сказал Клайн, поднимая руку. — Еще раз и помедленнее.

Глава 45

Куй железо, пока горячо

Гурни еще раз все продумал. Сценарий казался слишком простым, поэтому он хотел убедиться, что не пропустил какого-нибудь важного момента, который бы нарушил стройность его новой гипотезы. Он заметил, насколько разные у всех лица за столом: одни выражали восхищение, другие — нетерпение, третьи — любопытство. Все ждали, когда он заговорит. Он глубоко вздохнул:

— Не стану утверждать, что все произошло ровно так, как мне кажется. Однако это единственный правдоподобный сценарий, который пришел мне на ум за все время, что я бился над этими цифрами, — то есть с того дня, когда Марк Меллери приехал ко мне домой и показал первое письмо. Он был так растерян и страшно боялся, что автор письма действительно хорошо его знает, раз угадал, какое число он назовет первым из тысячи. Я видел, что он паникует, что он в отчаянии. Наверняка то же самое испытывали и другие жертвы. Паника была целью этой игры. Откуда он может знать, какое я загадаю число? Откуда он может знать мои тайные помыслы? Что еще он может знать? Я видел, как его мучают эти вопросы, как они сводят его с ума.

— Честно говоря, Дэйв, — заговорил Клайн с плохо скрываемым нетерпением, — меня они тоже сводят с ума, так что чем скорее вы на них ответите, тем лучше.

— Это точно, — согласился Родригес. — Ближе к делу.

— Я не соглашусь, — внезапно сказала Холденфилд. — Я бы предпочла, чтобы детектив все рассказывал в своем темпе, как ему будет

удобно.

— Все до смешного просто, — сказал Гурни. — Мне это кажется смешным сейчас, потому что чем дольше я всматривался в эту проблему, тем непроницаемее она мне казалась. И когда мы поняли, как он провернул трюк с цифрой 19, это не пролило света на историю с первой цифрой. Очевидный ответ ускользал от меня, пока сержант Вигг не вспомнила про почтовое мошенничество.

Было непонятно, являлось ли напряжение на лице Блатта результатом размышлений над очевидным ответом или же его просто пучило.

Гурни с благодарностью кивнул Вигг, прежде чем продолжить.

— Допустим, как и предположила сержант, наш одержимый убийца посвящал два часа в день написанию писем, так что к концу года у него их было порядка одиннадцати тысяч. И допустим, он их отправил одиннадцати тысячам адресатов.

— Каким образом он выбирал адресатов? — скрипнул, как ржавые петли калитки, голос Джека Хардвика.

— Это хороший вопрос. Возможно, самый важный из всех. Я к этому еще вернусь. А пока давайте просто предположим, что одно и то же письмо было отправлено одиннадцати тысячам человек с просьбой загадать число от одного до тысячи. По теории вероятности, приблизительно одиннадцать человек выберет именно это число из тысячи возможных. Иными словами, статистическая вероятность такова, что одиннадцать из этих одиннадцати тысяч, загадывая случайное число, загадают именно 658.

Гримаса Блатта стала комичной. Родригес с недоверием качал головой:

— Мне кажется, мы перегибаем палку и ударяемся в фантазии.

— О каких фантазиях идет речь? — Гурни был скорее удивлен, чем оскорблен.

— Ну, вы тут разбрасываетесь цифрами без всякой доказательной базы, они все с потолка взяты.

Гурни терпеливо улыбнулся, хотя терпение его иссякло. На мгновение он задумался о том, как хорошо научился прятать свои истинные эмоции. Это была привычка, выработанная годами, — скрывать раздражение, обиду, зlobу, страх, сомнения. Она помогла ему провести тысячи допросов, и он стал считать ее своим профессиональным методом, особой техникой. Но правда была в другом — эта привычка стала частью его самого, его отношения к жизни вообще.

— Значит, папа не уделял тебе внимания, Дэвид. Тебе было плохо?

— Плохо? Да нет, не плохо. Я вообще ничего не чувствовал.

Однако во сне печаль накрывала его с головой, он захлебывался ею...

Господи, нашел время для рефлексии.

Гурни вовремя вернулся к реальности, чтобы услышать, как Ребекка Холденфилд говорит не терпящим возражений голосом Сигурни Уивер:

— Лично мне кажется, что теория детектива Гурни далека от фантазий. Я нахожу ее вполне состоятельной и еще раз прошу, чтобы ему дали закончить.

Она обращалась к Клайну, который в ответ развел руками в знак того, что все хотят того же самого.

Гурни продолжил:

— Я не хочу сказать, что именно одиннадцать из одиннадцати тысяч выбрали число 658. Но одиннадцать — самое вероятное количество. Я недостаточно хорошо разбираюсь в статистике, чтобы приводить формулы вероятности, может быть, кто-нибудь поможет мне?

Вигг прокашлялась.

— Чем шире диапазон, тем больше вероятность попасть в него случайно выбранному числу. Вероятность, соответствующая интервалу чисел, намного превышает вероятность, соответствующую любому числу из этого интервала. Например, я бы не поставила на то, что ровно одиннадцать человек из одиннадцати тысяч выберет одно и то же число от одного до тысячи, но если считать число плюс-минус семь в ту и другую сторону, то я бы уже предположила, что в нашем случае число 658 выберет как минимум четыре человека и не более восемнадцати.

Благг прищурился:

— То есть вы говорите, что этот мужик отправил одиннадцать тысяч писем одиннадцати тысячам людей и в каждом было спрятано одно и то же число?

— Да, общая идея такова.

Холденфилд потрясенно кивнула и произнесла, не обращаясь ни к кому конкретно:

— И каждый, кто выбрал число 658, сколько бы их ни было, затем открыл маленький конвертик и нашел там записку, в которой говорилось, что автор знает его достаточно хорошо, чтобы угадать, какое число он выберет... Боже, да это же бомба!

— А все потому, — добавила Вигг, — что никто не догадывался, что письмо прислали не только ему. Что он всего лишь один из тысячи, случайно выбравший это число. То, что письма были написаны от руки, сделало свое дело. Это создало эффект личного обращения.

— Долбануться, — крикнул Хардвик. — То есть у нас серийный убийца занимается почтовым мошенничеством, чтобы находить себе жертв.

— Можно и так сказать, — произнес Гурни.

— Мне кажется, это самое невероятное, что мне приходилось слышать, — сказал Клайн, скорее потрясенно, чем с сомнением.

— Никто не станет писать от руки одиннадцать тысяч писем, — заявил Родригес.

— Никто не станет, — повторил Гурни. — Он рассчитывал ровно на такую реакцию. Если бы не история сержанта Вигг, я бы и сам такого не предположил.

— Если бы вы не вспомнили фокус вашего отца, — отозвалась Вигг, — я бы не вспомнила про ту историю.

— Ладно, поздравить друг друга еще успеете, — вмешался Клайн. — У меня все равно остались вопросы. Например, зачем убийца потребовал ровно двести восемьдесят девять долларов восемьдесят семь центов и зачем попросил отправить эту сумму на чей-то чужой абонентский ящик?

— Деньги он просил по той же причине, по какой и мошенник из истории сержанта, — чтобы потенциальные жертвы себя обнаружили. Мошенник хотел знать, кто в списке его адресатов сделал что-то, чем его можно было бы шантажировать. Наш убийца хотел знать, кто из его списка выбрал цифру 658 и был настолько встревожен, что готов был заплатить, только бы узнать, кто так хорошо его знает. Я думаю, что сумма была такой, чтобы отделить искренне напуганных, как Меллери, от просто любопытных.

Клайн так сильно подался вперед, что оказался на самом краю стула.

— Но почему все же именно такая сумма с центами?

— Мне это не дает покоя с самого начала, и у меня нет окончательного ответа, но одна из вероятных причин — чтобы жертва прислала чек, а не наличные.

— В первом письме говорилось другое, — напомнил Родригес. — Там говорилось, что деньги можно было выслать чеком или наличными.

— Я понимаю, что это допущение, — сказал Гурни, — но я думаю, что выбор предлагался, просто чтобы отвлечь внимание от того факта, что ему нужен был именно чек. А сложная сумма должна была убедить использовать чек.

Родригес снова закатил глаза:

— Послушайте, я уже понял, что слово «фантазия» здесь никому не нравится, но по-другому это не назовешь.

— Почему было так важно, чтобы деньги были отправлены чеком? — спросил Клайн.

— Деньги убийце не были нужны. Как вы помните, ни один из чеков

не был обналичен. Просто у него был доступ к ящику Дермотта, и он мог получить все, что хотел.

— Что он хотел?

— Что значится на чеке, помимо суммы и номера счета?

Клайн задумался:

— Имя и адрес держателя счета?

— Верно, — кивнул Гурни. — Имя и адрес.

— Но зачем?..

— Ему было нужно, чтобы жертва себя обнаружила. Он же отправил тысячи одинаковых писем. И каждая потенциальная жертва была убеждена, что письмо предназначается ему одному и отправлено кем-то, кто его действительно хорошо знает. Что, если бы он отправил назад конверт с наличными? Ему бы не пришлось указывать свое имя и адрес, и убийца не мог напрямую попросить его включить их, потому что это разрушило бы впечатление личного знакомства. Получение чеков было способом узнать имена и адреса. А дальше, если предположить, что он подсматривал эту информацию в почтовом отделении, то простейший способ избавиться от чеков был дать им попасть в исходных конвертах в ящик Дермотта.

— Но для этого убийце пришлось бы открывать под паром и заново заклеивать конверты, — заметил Клайн.

Гурни пожал плечами:

— Другая вероятность — что у него был доступ к чекам после того, как Дермотт вскрыл конверты, и до того, как вернул чеки отправителям. Тогда не надо было бы мучиться с паром и перезаклеиванием, но тут возникают другие вопросы — нам надо исследовать дом Дермотта, узнать, у кого есть к нему доступ и так далее.

— А это, — громко проскрипел Хардвик, — возвращает нас к моему вопросу, который Шерлок наш Гурни недавно охарактеризовал как самый важный: кто входит в список одиннадцати тысяч потенциальных жертв?

Гурни поднял руку:

— Пока мы не начали искать на это ответ, давайте я напомним всем, что одиннадцать тысяч — всего лишь предположение. Это правдоподобное количество писем, которое поддерживает нашу гипотезу о цифре 658. Иными словами, это просто удобное нам число. Но, как сержант Вигг упоминала ранее, число может быть от пяти до пятнадцати тысяч. Любое количество в пределах этого интервала будет либо слишком малым, чтобы о нем говорить, либо достаточно большим, чтобы у нас было несколько человек, которые случайным образом выберут число 658.

— Есть, конечно, еще вероятность, что вы вообще не о том думаете, —

заметил Родригес, — и все эти ваши спекуляции — просто колоссальная трата времени.

Клайн повернулся к Холденфилд:

— Что скажешь, Бекка? Мы что-то нащупали? Или зря тратим время?

— Некоторые аспекты этой теории меня искренне восхищают, однако я бы хотела повременить с выводами, пока не услышу ответа на вопрос сержанта Хардвика.

Гурни улыбнулся — на этот раз искренне:

— Он редко задает вопросы, если у него уже нет ответа. Поделись с нами, Джек.

Хардвик несколько секунд тер лицо руками — это был еще один тик, который страшно раздражал Гурни, когда они работали над расследованием дела матере- и отцеубийцы Пиггерта.

— Если посмотреть на самую главную черту, присущую всем жертвам хотя бы в прошлом, — черту, о которой говорится в стихах с угрозой, — то можно предположить, что их имена были в списке алкоголиков. — Он помолчал. — Вопрос в том, что это мог быть за список.

— Список членов «Анонимных алкоголиков»? — предположил Блатт.

Хардвик покачал головой:

— Такого не существует. Они всерьез относятся к анонимности, по крайней мере официально.

— Может быть, список, составленный из каких-то официальных данных? — предположил Клайн. — Аресты, связанные с алкоголем, судебные разбирательства?..

— Такой список можно было бы составить, но как минимум две наших жертвы в нем не значились бы. Меллери никогда не арестовывали. Священника-педофила арестовывали, но арест касался совращения малолетнего — алкоголь там не фигурировал. Однако бостонский детектив рассказывал мне, что святой отец позже сумел снять с себя это обвинение, решив покаяться в меньшем грехе: он свалил свое поведение на пьянство и согласился пройти курс реабилитации.

— Это мог быть список пациентов реабилитационных центров?

— Возможно, — сказал Хардвик, растирая лицо с такой яростью, что было понятно, что это невозможно.

— Давайте рассмотрим этот вариант.

— Да легко, — отозвался Хардвик, и его хамский тон создал неловкое молчание, которое нарушил Гурни:

— Я пытался понять, есть ли какой-то общий территориальный признак у жертв, и рассматривал вариант с реабилитацией. К сожалению,

это завело меня в тупик. Альберт Шмитт провел двадцать восемь дней в реабилитационном центре в Бронксе пять лет назад, а Меллери провел двадцать восемь дней в центре в Квинсе пятнадцать лет назад. Ни один из этих центров не проводит долгосрочной терапии, а значит, священник был в каком-то третьем центре. Так что даже если наш убийца работал в одном из этих центров и имел доступ к спискам пациентов, в этих списках значилось бы имя только одной из жертв.

Родригес развернулся на стуле и обратился к Гурни:

— Ваша теория полагается на существование гигантского списка — пять тысяч имен, может быть, десять тысяч, Вигг, кажется, даже говорила про пятнадцать, — цифра все время меняется! Такого списка просто не могло быть. И к чему мы пришли?

— Терпение, капитан, — мягко произнес Гурни. — Я бы не сказал, что такого списка не могло быть, просто мы еще не поняли, что это за список. Похоже, я больше верю в ваши возможности, чем вы сами.

Родригес покраснел:

— Верите в мои возможности? Это вы о чем?

— Правильно ли я понимаю, что в тот или иной момент все жертвы были на реабилитации? — спросила Вигг, не обращая внимания на выпад капитана.

— Я не знаю насчет Карча, — сказал Гурни, который был только рад вернуться к теме. — Но я бы не удивился.

Хардвик подхватил:

— Детектив из Созертоне присылал нам его дело. Это был портрет настоящего придурка. Хулиганство, домогательства, шатался пьяный в публичных местах, буянил, сыпал угрозами, угрожал кому-то оружием, приставал к женщинам, водил машину в нетрезвом состоянии, несколько раз сидел в окружной тюрьме. Пьянство, особенно вождение в нетрезвом виде, почти гарантированно обеспечило ему срок в реабилитационном центре, хотя бы однажды. Могу попросить, чтобы в Созертоне уточнили.

Родригес отъехал на стуле от стола.

— Если жертвы не встречались в одном и том же центре и вообще не были в одном и том же центре даже в разное время, какая нам разница, проходили они реабилитацию или нет? Половина безработных лентяев и так называемых творческих личностей в мире в наши дни проходят реабилитацию. Это классическая обдираловка налогоплательщиков. О чем это нам говорит, если даже они все и проходили чертову реабилитацию? Что кому-то их за это хотелось убить? Вряд ли. Что они были алкоголиками? Мы это и так знали!

Гурни заметил, что ярость стала его обычной реакцией, она перебрасывалась с темы на тему, как пожар.

Вигг, которой адресовалась эта тирада, никак на нее не отреагировала.

— Детектив Гурни говорил, что все жертвы, по-видимому, связаны каким-то еще образом, помимо алкоголизма. Я полагаю, что реабилитационный центр мог бы быть связующим звеном или частью такого звена.

Родригес брезгливо рассмеялся:

— Мог быть то, мог быть се. Сегодня постоянно звучат слова «возможно», «предположим», но никаких реальных зацепок я не вижу.

Клайн выглядел расстроенным.

— Давай, Бекка, скажи нам, что ты думаешь. Мы на верном пути?

— Это сложный вопрос. Не знаю, с чего и начать.

— Я упрощу тебе задачу. Ты согласна с теорией Гурни? Да или нет?

— Да, согласна. То, как он описал терзания Меллери из-за записок, — я верю, что это может быть запланированной частью ритуала убийства.

— Но ты, мне кажется, все же в чем-то сомневаешься.

— Дело не в этом. Просто... это уникальный подход. Мучить жертву — достаточно частая составляющая поведения серийного убийцы, но я никогда не сталкивалась с тем, чтобы это происходило на расстоянии, так методично и хладнокровно. Обычно мучение жертвы подразумевает физическое воздействие, благодаря которому убийца чувствует свою власть. Однако в нашем случае мучитель воздействовал на сознание жертвы.

Родригес наклонился к ней:

— Вы хотите сказать, что это не совпадает с паттерном серийного убийцы? — Его тон напоминал адвоката, нападающего на враждебно настроенного свидетеля.

— Нет. Паттерн понятный. Я просто говорю, что у него свой уникальный способ этот паттерн реализовывать. Большинство серийных убийц отличаются высоким интеллектом. Некоторые — очень высоким. Наш убийца, возможно, и вовсе не знает себе подобных.

— Хотите сказать, что он умнее нас?

— Я этого не говорила, — невинно произнесла Холденфилд, — но вы, скорее всего, правы.

— В самом деле? Давайте-ка я это запишу для протокола, — сказал Родригес ледяным тоном. — Итак, ваша профессиональная позиция такова, что бюро криминальных расследований не способно постичь логику этого маньяка?

— Еще раз: я этого не говорила, — улыбнулась Холденфилд. — Но, скорее всего, вы снова правы.

Желтоватое лицо Родригеса снова сделалось пунцовым от ярости, но тут вмешался Клайн:

— Бекка, но ты ведь не хочешь сказать, что мы тут бессильны.

Она вздохнула как учительница, которой достался класс тугодумов.

— Факты по этому делу пока что подталкивают нас к трем выводам. Во-первых, тот, кого мы преследуем, играет с нами в игры и ему это прекрасно удается. Во-вторых, он сильно замотивирован, хорошо подготовлен, внимателен и дотошен. В-третьих, он знает, кто следующий в списке жертв, а мы нет.

Клайн выглядел как человек, которому дали пощечину.

— Однако, возвращаясь к моему вопросу...

— Если ты ищешь свет в конце тоннеля, то есть один фактор в вашу пользу. Дело в том, что преступник — крайне организованный тип, однако есть шанс, что вскоре он потеряет контроль.

— Каким образом? Почему? Что значит «потеряет контроль»?

Пока Клайн задавал свои вопросы, Гурни почувствовал тяжесть в груди. Тревога настигла его вместе с кинематографически ясной картинкой: рука убийцы берет лист бумаги с восемью строками, которые он так опрометчиво отправил по почте накануне:

*Передо мной твои дела лежат, как на столе.
Ботинки задом наперед, глушитель на стволе.
Таит опасность солнце, таит опасность снег,
Опасен день, опасна ночь, закончится твой бег.*

*Игру, что ты затеял, сыграем до конца,
Ножом дождешься в горло от друга мертвеца.
Как только его тело в могилу опущу,
Его убийцы душу до ада дотащу.*

Медленно, словно бы с презрением, рука скомкала лист в крохотный комочек, и когда комочек стал не больше сжеванного куска жвачки, рука разжалась и дала ему упасть на пол. Гурни попытался прогнать тревожный образ из головы, но сюжет еще не исчерпал себя. Теперь в руке убийцы оказался конверт, в котором пришел стих, — стороной, на которой был написан адрес, с ясно различимой маркой, со штампом Уолнат-Кроссинг.

Уолнат-Кроссинг... Господи! В груди у Гурни похолодело, руки и ноги онемели. Как же он не предусмотрел очевидной проблемы? Так, надо успокоиться. И подумать. Что мог убийца сделать с этой информацией? Могла ли она привести его к их дому, к Мадлен?.. Он почувствовал, как глаза его расширяются, а кровь отливает от лица. Как он мог так отдаться маниакальному желанию написать письмо? Отчего он не задумался о штампе? Какой опасности он подверг Мадлен? Его мысли крутились вокруг последнего вопроса как лошадки на горячей карусели. Насколько серьезной была угроза? Насколько близкой? Нужно ли позвонить ей, предупредить? Но предупредить о чем? Разве что испугать до полусмерти... Боже, что еще он забыл предусмотреть из-за своей слепоты ко всему, кроме врага, войны с ним, поиска разгадки? Чью еще безопасность — чью жизнь он мог поставить под угрозу из-за упрямого желания выиграть схватку? От вопросов у него закружилась голова.

В его страх вторгся голос. Он попытался схватиться за него, удержаться, чтобы вернуть себе равновесие.

Говорила Холденфилд:

— ...он одержим планированием, и для него отчаянно важно, чтобы реальность соответствовала его планам. Он одержим жаждой управлять окружающими.

— Всеми? — уточнил Клайн.

— На самом деле у него довольно узкое поле зрения. Он хочет целиком и полностью, путем запугивания и убийств, контролировать своих жертв, которые, по всей видимости, символизируют некое подмножество мужчин-алкоголиков среднего возраста. Другие люди его не интересуют.

— Так с какого же момента он «потеряет контроль»?

— Дело в том, что совершение убийства для создания и поддержания чувства всемогущества — изначально проигрышная задача. Пытаться удовлетворить потребность в контроле путем убийств — это все равно что искать счастья в героине.

— Потому что со временем нужна все большая доза?

— Нужно больше и больше, а получаешь все меньше и меньше. Цикл эмоций становится все более коротким и трудноуправляемым. Начинают происходить вещи, которые преступник не предусмотрел. Я подозреваю, что нечто в этом духе произошло сегодня утром, из-за чего вместо мистера Дермотта оказался убит офицер полиции. Такие непредвиденные ситуации нарушают эмоциональную стабильность убийцы, одержимого абсолютным контролем, и эта раздрганность приводит к новым ошибкам. Это как машина с расшатанным валом. Когда она достигает определенной

скорости, вибрация становится слишком сильной и разносит механизм на части.

— Как это применимо к нашему конкретному случаю?

— Убийца становится все более оголтелым и непредсказуемым.

Оголтельй. Непредсказуемый. Холодный ужас вновь зазмеился в груди у Гурни и пополз выше, к горлу.

— Значит, ситуация ухудшится? — уточнил Клайн.

— В каком-то смысле улучшится, в каком-то ухудшится. Если убийца, который раньше рыскал по темным аллеям и иногда убивал кого-то перочинным ножиком, вдруг выскочит на Таймс-сквер среди бела дня, размахивая топором, его, скорее всего, быстро поймают. Но прежде он успеет положить много народу.

— Значит, по-вашему, наш малыш входит в стадию размахивания топором? — Клайна эта история не столько насторожила, сколько заворожила.

Гурни сделалось нехорошо. Интонация непрошибаемых мачо, которой полицейские защищаются от страха, не всегда могла успокоить. Уж точно не сейчас.

— Да, — произнесла Холденфилд. Простота этого ответа отозвалась молчанием в переговорной. Немного погодя заговорил капитан, и тон его был предсказуемо возмущенным.

— Ну и что нам теперь прикажете делать? Объявить ориентировку на вежливого, образованного тридцатилетнего гения с расшатанным валом и топором наготове?

Хардвик мрачно усмехнулся, а Блатт заржал в голос.

Штиммель сказал:

— Иногда помпезный финал — это часть задуманного плана. — Это заявление привлекло внимание всех, кроме Блатта, который продолжал смеяться. Когда он наконец утих, Штиммель продолжил: — Кто-нибудь помнит дело Дуэйна Меркли?

Никто не помнил.

— Вьетнамский ветеран, — пояснил Штиммель. — У него вечно были проблемы с Советом ветеранов и вообще с законом. У него была злобная псина породы акита-ину, которая однажды сожрала соседских уток. Сосед вызвал копов. А Дуэйн, надо сказать, ненавидел копов. Через месяц акита сожрала соседского бигля. Сосед акиту пристрелил. В общем, конфликт ухудшается, происходит куча всякого дерьма. Доходит до того, что наш ветеран берет соседа в заложники и требует у него выкуп за акиту — пять тыщ долларов или смерть. Приезжает полиция, спецподразделение.

Окружают дом. Но проблема была в том, что никто не догадался посмотреть в дело Дуэйна. И никто не знал, что во Вьетнаме он был подрывником. Он закладывал мины с дистанционной детонацией. — Штиммель замолчал, оставляя присутствующим домыслить продолжение.

— То есть этот ублюдок всех взорвал к чертовой матери? — потрясенно спросил Блатт.

— Не всех. Но шестерых положил, а еще шестерых сделал инвалидами.

Родригес недовольно поморщился:

— Это все к чему?

— К тому, что компоненты для мин он закупил на пару лет раньше. И такой финал был просто частью его плана.

Родригес покачал головой:

— Не улавливаю связь.

Гурни улавливал, и эта связь ему не нравилась.

Клайн посмотрел на Холденфилд:

— Бекка, а ты что думаешь?

— Думаю ли я, что наш преступник затеял масштабную развязку? Я уверена только в одном...

Ее перебил небрежный стук в дверь. Дверь затем открылась, в переговорную вошел сержант в форме и обратился к Родригесу:

— Сэр? Прошу прощения. Вам звонит лейтенант Нардо из Коннектикута. Я сказал, что вы на встрече, но он говорит, что дело срочное и нужно переговорить с вами прямо сейчас.

Родригес тяжело вздохнул, как будто на него возложили неподъемную ношу.

— Переведите звонок сюда, — сказал он, кивнув на телефон, стоявший на тумбочке у стены за его спиной.

Сержант вышел. Пару минут спустя телефон зазвонил.

— Капитан Родригес. — Еще пару минут он держал трубку и напряженно слушал. — Странная история, — сказал он наконец. — Настолько странная, что я, пожалуй, попрошу вас повторить ее для всех, лейтенант. Сейчас включу громкую связь. Вот, пожалуйста, расскажите, что вы только что сообщили мне.

Голос, раздавшийся из телефона мгновение спустя, был напряжен.

— Говорит Джон Нардо, полицейское управление Вичерли. Меня хорошо слышно? — Родригес подтвердил, и Нардо продолжил: — Как вам известно, одного из наших офицеров сегодня утром убили при исполнении возле дома Грегори Дермотта. Мы сейчас с командой экспертов обследуем

место убийства. Двадцать минут назад мистеру Дермотту позвонили и сказали буквально следующее: «Ты следующий, а потом очередь Гурни».

Что? Гурни подумал, что ему послышалось.

Клайн попросил повторить цитату. Тот повторил.

— Телефонная компания что-нибудь сообщила про источник звонка? — спросил Хардвик.

— Звонок поступил из того же района. Никаких спутниковых координат, известна только вышка передачи. Номер звонившего не определен.

— Кто принял звонок? — спросил Гурни. Как ни странно, прямая угроза подействовала на него успокаивающе. Возможно, справиться с чем-то конкретным, формулируемым, ему было проще, чем с полем бесконечных вероятностей. А может быть, дело было в том, что убийца не упомянул Мадлен.

— В каком смысле кто его принял? — переспросил Нардо.

— Вы сказали, что мистеру Дермотту позвонили, но не сказали, что именно он подошел к телефону.

— Теперь понял. Дермотт лежал с мигренью, когда зазвонил телефон. Он вообще сам не свой с того момента, как обнаружил тело. Один из экспертов подошел к телефону на кухне. Звонивший попросил позвать Дермотта, сказал, что он его близкий друг.

— Он представился?

— Да каким-то странным именем. Кривда... Корябда... нет, минутку, эксперт записал на листке. Вот. Харибда.

— Голос не показался странным?

— Любопытно, что вы об этом спрашиваете, мы как раз это обсуждали. Когда Дермотт поговорил с ним по телефону, он сказал, что было ощущение иностранного акцента, но искусственного, как будто кто-то нарочно пытается замаскировать свой голос. Слушайте, мне нужно возвращаться к работе. Просто хотел сообщить вам новости. Мы позвоним, когда узнаем что-нибудь еще.

После того как звонок прекратился, в переговорной наступило тягостное молчание. Затем Хардвик так громко прокашлялся, что Холденфилд поморщилась.

— Ну что, Дэйв, — прогремел он. — Ты снова на сцене. Твоя, значит, очередь. Ты прямо как магнит действуешь на серийных убийц, я смотрю. Нам осталось только подвесить тебя на удочку и подождать, пока он приплывет к нам.

Была ли Мадлен подвешена к той же удочке? Возможно, еще нет.

Хотелось верить. В конце концов, первыми шли Дермотт и он. Если, конечно, убийца говорил правду. И если так, то у него оставалось время — и шанс на успех. Шанс исправить свою неосторожность. Как можно было быть таким неосмотрительным? Как можно было не задуматься о ее безопасности? Идиот!

Клайн выглядел озадаченным.

— Как вы угодили в его список?

— Понятия не имею, — произнес Гурни с напускным равнодушием. Его мучило чувство вины, и оттого любопытные взгляды Клайна и Родригеса казались ему откровенно враждебными. У него ведь было нехорошее предчувствие, когда он писал и отправлял этот чертов стишок, но он его проигнорировал, даже не задумавшись о его происхождении. Теперь он был потрясен своей способностью пренебрегать прямой угрозой, не принимать ее в расчет — даже если это была угроза не только для него, но и для других. Что он чувствовал тогда? Приходило ли ему на ум, что Мадлен может оказаться в опасности? И если приходило — неужели он просто отмел эту мысль в сторону? Неужели он был настолько черствым? *Господи, только не это.*

Охваченный страхом, он все же был уверен в одной вещи. Оставаться в этой переговорной и обсуждать ситуацию дальше было неприемлемым. Если Дермотт был следующей мишенью, значит, это было ответом, где искать убийцу и где можно остановить угрозу раньше, чем она будет исполнена. А если он следующий после Дермотта, то лучше принять этот вызов как можно дальше от Уолнат-Кроссинг. Он отодвинулся от стола и встал:

— Простите, мне нужно отъехать.

Поначалу все непонимающе уставились на него. Затем Клайна осенило.

— Господи! — воскликнул он. — Вы что, решили поехать в Коннектикут?

— Я получил приглашение, и я его принимаю.

— Это безумие. Вы понятия не имеете, во что ввязываетесь.

— Вообще-то, — заметил Родригес, бросив брезгливый взгляд на Гурни, — место, где толпа полицейских ведет расследование, во всех смыслах довольно безопасно.

— В обычной ситуации это было бы правдой, — произнесла Холденфилд. — Но остается шанс... — Она помолчала, как будто обдумывая не до конца сформулированную мысль.

— Какой еще шанс? — рявкнул Родригес.

— Что убийца полицейский.

Глава 46

Все гениальное просто

Даже слишком просто.

Уничтожение двадцати профессиональных полицейских, казалось бы, требует более хитроумного плана. Дела такого масштаба должны быть сложными. В конце концов, это будет самое громкое убийство как минимум в истории современной Америки.

Мысль о том, что никто раньше такого не совершал, невзирая на видимую простоту реализации, одновременно возбуждала и тревожила его. Он наконец нашел утешение в следующем соображении: для человека с более низким интеллектом и меньшей способностью к концентрации внимания такой проект действительно мог быть не под силу, но он, с его ясностью ума и умением фокусироваться, просто не мог не справиться. Все относительно. Гений может с легкостью передвигаться по минному полю, на котором обычный человек непременно взорвался бы.

Химикаты было до смешного легко достать, они стоили недорого и были полностью легальными. Даже закупка больших объемов не вызывала подозрений, потому что их ежедневно продавали оптом для промышленных нужд. И все равно он покупал каждую партию (а их всего нужно было две) от имени разных поставщиков, чтобы исключить возможность, что кто-то свяжет между собой эти закупки, а два 200-литровых напорных бака он приобрел у третьего поставщика.

Теперь, когда он сидел с паяльником и доделывал конструкцию из трубок, которая должна была доставить смертельную смесь ее адресатам, его посетило восхитительное видение. Он представил себе один из возможных сценариев развития событий, и на лице его заиграла невольная улыбка, так этот сценарий щекотал его воображение. Он знал, что такое вряд ли случится, потому что химикаты могли повести себя непредсказуемо, но все же оставалась маленькая вероятность. По крайней мере, о ней можно было пофантазировать.

На сайте про химическую безопасность было одно предупреждение, которое он хорошо запомнил. Оно было обведено в красную рамочку и окружено восклицательными знаками. «Данная смесь хлора и аммиака не только производит смертельно токсичный газ, но также в указанных пропорциях является крайне нестабильной смесью и в случае

возникновения искры может взорваться». Картинка, которая приводила его в неопиcуемый восторг, была такой: все полицейское управление Вичерли попадает в его ловушку, невольно вдыхает ядовитый газ, в этот самый момент он запускает искру, и всех разрывает на куски. Когда он это себе представил, с ним случилось почти невероятное. Он засмеялся вслух.

Жаль, что его мать не могла оценить все великолепие и изощренность этого плана. Пожалуй, он слишком многого хотел. Опять же, если бы полицейских разнесло на крохотные куски, он не смог бы перерезать им глотки. А ему очень хотелось перерезать им глотки.

Мир был несовершенен. Во всем были плюсы и минусы. Оставалось только довольствоваться выпавшими тебе картами. Считать, что стакан наполовину полон.

Такова жизнь.

Глава 47

Добро пожаловать в Вичерли

Разобравшись с предсказуемыми возражениями по поводу поездки, Гурни отправился к своей машине и позвонил в управление Вичерли, чтобы уточнить адрес Грегори Дермотта, поскольку у него по-прежнему был только номер его абонентского ящика. Ему пришлось долго объяснять дежурной, кто он такой, и после этого еще ждать, пока она свяжется с Нардо и получит разрешение сообщить адрес. Оказалось, что она — единственный человек в управлении, не выехавший на место преступления. Гурни забил адрес в навигатор и отправился на восток, к мосту Кингстон-Райнклифф.

Вичерли находился к северу от центрального Коннектикута. На дорогу ушло около двух часов, которые Гурни провел в горьких размышлениях о своей неспособности позаботиться о безопасности жены. Этот промах настолько беспокоил и расстраивал его, что он заставил себя сосредоточиться на чем-нибудь еще и стал обдумывать основную теорию, возникшую утром на собрании.

Идея, что убийца каким-то образом добыл или сам составил список из нескольких тысяч человек, у которых в прошлом были проблемы с алкоголем, мучимых тайными страхами и чувством вины, а потом сумел поймать нескольких из них в сети загадки с числами, чтобы изводить их угрожающими стишками и затем ритуально убивать... вся эта цепочка,

выглядевшая поначалу невероятной, теперь казалась более чем правдоподобной. Он вспомнил, как читал, что серийные убийцы в детстве часто с удовольствием мучили насекомых и мелких животных, например нанося им ожоги через увеличительное стекло. Один из его самых известных арестантов, Каннибал Клаус, в возрасте пяти лет таким образом ослепил кошку. Выжег ей глаза, направляя в них луч солнца через увеличительное стекло. Это было до ужаса похоже на то, как нынешний убийца заставлял своих жертв смотреть в свое прошлое и усиливал их страх, пока они не начинали извиваться от боли.

Обнаруживать закономерности, собирать кусочки пазла в единую картину — этот процесс обычно воодушевлял его, но в тот вечер радовал меньше обычного. Может быть, дело было в послевкусии от собственной неосторожности, от совершенной ошибки. Она комом стояла у него в горле.

Гурни небрежно следил за дорогой, за своими руками, лежащими на руле. Странно. Руки казались ему чужими. Неузнаваемо старыми — как руки его отца. Крохотные пятна разрослись в размерах, и их стало больше. Если бы ему показали фотографии десятка разных рук, он не смог бы опознать среди них свои.

Он задумался, почему так получается. Быть может, если изменения происходят постепенно, мозг их не регистрирует, пока они не достигают критического размера. А возможно, причина лежит глубже.

Означает ли это, что мы всегда видим знакомые вещи в значительной мере такими, какими они были когда-то? Что мы застряли в прошлом не из-за ностальгии и не оттого что выдаем желаемое за действительное, а из-за какого-то замыкания в нейронных сетях, обрабатывающих информацию? Если то, что человек якобы «видит», состоит отчасти из оптических сигналов, а отчасти из памяти, а то, что он «воспринимает» в любой отдельный момент, — смесь свежих и старых впечатлений, то у выражения «застрять в прошлом» появляется новый смысл. Настоящее, таким образом, постоянно подвергается тирании прошлого, которое подсовывает устаревшую информацию под видом новых сенсорных впечатлений. Разве это не относится к серийному убийце, ведомому старой детской травмой? Насколько искажено его восприятие действительности?

Эта теория моментально захватила Гурни. Возникновение новой идеи, проверка ее на состоятельность всегда давали ему ощущение, что он контролирует ситуацию, ощущение, что жизнь продолжается, — но сегодня эти ощущения тяжело было удержать. Навигатор сообщил ему, что до поворота на Вичерли осталось триста метров.

После поворота дорога петляла среди полей, типовых домов, торговых

центров, призраков ушедшей моды на летний отдых: полуразрушенный кинотеатр для машин, указатель на озеро с ирокезским названием.

Он вспомнил другое озеро, с другим индейским именем. Вокруг него вилась тропинка, по которой они с Мадлен гуляли однажды в выходные, в поисках хорошего места в Катскильских горах. Он помнил ее веселое лицо, когда они стояли на небольшом склоне, держась за руки, улыбаясь и глядя на подернутую рябью воду. С воспоминанием пришел укол вины.

Он до сих пор не позвонил ей и не сказал, что собрался делать и куда едет, а также насколько это отложит возвращение домой. Он не мог решить, о чем ей стоит рассказать. Например, нужно ли упомянуть о марке? Наконец он решил позвонить и разбираться по ситуации. Господи, помоги мне сказать то, что действительно нужно.

Учитывая, что он и без того был на взводе, Гурни решил перед звонком припарковаться. Первым пригодным для этого местом оказалась гравийная обочина для парковки перед закрытой на зиму фермой. Он сказал системе распознавания голоса в телефоне: «Домой».

Мадлен ответила после второго гудка, ее голос был приветливым, даже воодушевленным — как всегда по телефону.

— Это я, — сказал он, подхватывая лишь малую толику ее оптимизма.

Она секунду помолчала.

— Ты где?

— Как раз звоню рассказать. Я в Коннектикуте, рядом с городком Вичерли.

Напрашивался вопрос «Почему?», но Мадлен не задавала очевидных вопросов. Она ждала.

— У дела очередное продолжение, — сказал он. — Может быть, все движется к развязке.

— Ясно.

Он расслышал медленный, сдержанный вздох.

— Что-нибудь еще расскажешь? — спросила она.

Он выглянул в окно на пустующий прилавок для овощей. Хозяйство выглядело не столько закрытым на зиму, сколько заброшенным.

— Человек, которого мы ищем, стал неосторожным, — сказал он. — Может быть, у нас появилась возможность его остановить.

— «Человек, которого вы ищете»? — переспросила она, и от ее голоса повеяло холодом.

Он промолчал, не зная, как реагировать на ее тон.

Она продолжила, теперь не скрывая ярости:

— Ты хочешь сказать, кровавый маньяк, серийный убийца, который

никогда не промахивается, который стреляет людям в шею, а потом перерезает им глотки? Ты его имеешь в виду?

— Да. Это и есть человек, которого мы ищем.

— И что, во всем Коннектикуте не хватает копов, чтобы с ним разобраться?

— Похоже, он обратил внимание на меня.

— Что?..

— Видимо, он узнал, что я работаю над его делом, и может попытаться сделать какую-нибудь глупость, что предоставит нам нужный шанс. Теперь у нас появилась возможность выйти на него напрямую, а не тащиться по его следам.

— Что?! — Это был даже не вопрос, а болезненное восклицание.

— Все будет хорошо, — произнес он не слишком убедительно. — Он начал терять контроль. Начался процесс саморазрушения. Нам просто надо быть на месте, когда это произойдет.

— Когда это было твоей работой, тебе надо было быть на месте. Теперь это не твое дело.

— Мадлен, черт побери, я коп! — Слова вырвались из него, как застрявшая кость вырывается из горла. — Почему ты никак этого не поймешь?

— Нет, Дэвид, — спокойно ответила она. — Ты был копом. А теперь ты не коп. И ты не обязан там быть.

— Я уже приехал. — В наставшей тишине его вспышка ярости отступила, как уходящая волна. — Все в порядке. Я знаю, что делаю. Ничего плохого не случится.

— Дэвид, ты в своем уме? Почему тебе надо подставляться под пули? Ждешь, когда одна из них тебе угодит прямо в голову? Да? Хочешь, чтобы наша совместная жизнь вот так и закончилась? Чтобы я просто ждала, ждала, ждала, когда тебя наконец убьют? — Ее голос так отчаянно надломился на слове «убьют», что он не нашелся что ответить.

Мадлен заговорила сама — настолько тихо, что он едва различал слова:

— Зачем ты это делаешь?

— Зачем?.. — Вопрос застиг его врасплох. Он почувствовал, что теряет равновесие. — Я не понимаю вопроса.

Ее внимательное молчание окутало его через километры, давило на него.

— О чем ты говоришь? — переспросил он, чувствуя, как сердце начинает учащенно биться.

Он слышал в трубке ее дыхание. Понимал, что она сейчас на что-то решается. И когда она вновь заговорила, это снова был вопрос, такой тихий, что он его едва расслышал:

— Это из-за Дэнни?

Он чувствовал, как сердце бьется в шее, в висках, в руках.

— Почему? При чем здесь Дэнни?.. — Он не хотел слышать ответ, только не сейчас, когда столько всего предстояло сделать.

— Господи, Дэвид, — произнесла она. Он представил, как она грустно качает головой, готовясь продолжить эту труднейшую из тем. Если Мадлен открывала дверь, она не отступала, а шла вперед.

Она судорожно вздохнула и продолжила:

— До того, как Дэнни погиб, твоя работа занимала основную часть твоей жизни. А после она стала ее смыслом. Единственным смыслом. Ты только работой и занимался последние пятнадцать лет. Иногда мне кажется, что ты таким образом пытаешься что-то искупить, что-то забыть... с чем-то по квитаться. — Это прозвучало как диагноз.

Чтобы не потерять почву под ногами, Гурни уцепился за факты.

— Я еду в Вичерли, чтобы помочь поймать человека, который убил Марка Меллери. — Он слышал свой голос со стороны, будто он был чужой, принадлежал кому-то старому, испуганному, неповоротливому... человеку, который изо всех сил пытался звучать убедительно.

Она не обратила внимания на его слова и продолжила свою мысль:

— Я надеялась, что если мы откроем ту коробку, посмотрим на его рисунки... то сможем вместе попрощаться с ним. Но ты не можешь прощаться, правда? Ты ни с чем не можешь расстаться.

— Я не понимаю, о чем ты сейчас, — возразил он. Но это было неправдой. Когда они собрались переезжать из города в Уолнат-Кроссинг, Мадлен провела несколько часов, прощаясь — с соседями, с домом, с вещами, которые они оставляли, с домашними растениями. Его это раздражало. Он ворчал, что она слишком сентиментальна, что разговаривать с неодушевленными предметами ненормально, что все это только осложняет переезд. Но дело было не только в этом. Ее поведение задевало какую-то часть него, о которой он не хотел знать и которую Мадлен снова задела, — ту часть, которая ненавидела прощаться, не умела справляться с расставанием.

— Ты убираешь некоторые вещи с глаз долой, — сказала она. — Но они от этого не пропадают, ты же не отпускаешь их по-настоящему. Надо посмотреть на жизнь Дэнни, чтобы отпустить ее. Но ты не хочешь этого делать. Ты просто хочешь... чего ты хочешь, Дэвид? Чего? *Умереть?*.. —

Последовала долгая тишина.

— Ты хочешь умереть, — повторила она. — Вот этом все и дело, да?

Он ощутил пустоту, которая, как он думал, бывает только в центре урагана. Чувство, похожее на абсолютный вакуум.

— Я делаю свою работу, — сказал он. Это была ненужная банальность. Можно было и промолчать.

Тишина затянулась.

— Слушай, — произнесла она негромко. — Ты же не обязан продолжать этим заниматься... — Затем, едва различимо, отчаявшись, она добавила: — Хотя, может быть, я ошибаюсь. Может, это моя напрасная надежда.

Он не знал, что сказать. И не знал, что думать.

Он просто сидел — глядя в одну точку, почти не дыша. В какой-то момент — он не знал, в какой именно, — связь прервалась. Он ждал в охватившей его пустоте и хаосе, что возникнет какая-нибудь спасительная мысль, подсказка, руководство к действию.

Вместо этого пришло ощущение абсурда — даже в момент, когда они с Мадлен были по-настоящему открыты друг с другом, их разделяло больше сотни километров, они были в разных штатах и были вынуждены слушать тишину в своих мобильниках вместо друг друга.

Он также понял, о чем не смог заговорить, о чем не нашелся как рассказать ей. Он не сказал ни слова о своей оплошности с маркой, о том, что это могло привести убийцу к их дому, — и о том, что это напрямую следовало из его одержимости расследованием. Эта мысль пришла болезненным эхом: похожая одержимость работой предшествовала смерти Дэнни пятнадцать лет назад, а может быть, и явилась ее причиной. Удивительно, как Мадлен сумела связать ту смерть с его нынешней страстью к работе. Удивительно и, приходилось признать, до ужаса точно.

Он понял, что надо перезвонить ей, признаться в своей ошибке, предупредить ее об опасности, которой он ее подверг. Он набрал номер, стал ждать ее теплого голоса. Телефон звонил, звонил, звонил. Голос наконец раздался, но это была запись его собственного голоса — немного неловкого, несколько строгого и едва ли дружелюбного. Затем прозвучал сигнал.

— Мадлен? Мадлен, ты слышишь? Пожалуйста, возьми трубку, если слышишь. — Он почувствовал тяжесть отчаяния в солнечном сплетении. Он не мог сказать ей ничего осмысленного за выделенную для сообщения минуту, ничего, что не навредило бы сильнее, чем могло бы помочь, ничего, что не создало бы паники. В итоге он просто сказал: — Я люблю

тебя. Береги себя. Люблю. — Раздался гудок, и связь снова прервалась.

Он сидел, охваченный болью и смятением, глядя на полуразвалившийся овощной прилавок. Казалось, он мог бы сейчас заснуть и проспать целый месяц. Или целую вечность. Вечность была бы предпочтительнее. Это было очень опасное состояние — именно такие мысли вынуждали уставших путешественников в Арктике ложиться в снег и замерзать до смерти. Нужно было сосредоточиться. Двигаться дальше. Заставить себя шевелиться. Мало-помалу его мысли вновь собрались вокруг дела, которое ждало его в Вичерли. Убийца, которого следовало вычислить. Жизни, которые следовало спасти. Жизнь Грегори Дермотта, его собственная и, может быть, Мадлен. Он завел машину и поехал вперед.

По адресу, куда его в итоге привел навигатор, оказалось невзрачное здание в колониальном стиле, стоявшее на объездной дороге, где было мало машин и не было тротуаров. Слева, сзади и справа участок вокруг дома был окружен зарослями туи. Перед домом росли кусты самшита. Повсюду стояли полицейские машины — Гурни посчитал, что их было больше дюжины, они стояли под разными углами у кустов и местами перегораживали дорогу. На большинстве были наклейки полицейского управления Вичерли. На трех не было никаких особых знаков, кроме мигалок на крышах. Машин из главного управления Коннектикута не было — возможно, этого следовало ожидать. Возможно, это было не самым разумным или эффективным подходом, но он мог понять желание местного управления разобраться с преступлением самостоятельно, когда речь шла об убийстве кого-то из своих. Гурни начал парковаться на клочке земли, переходящем в асфальт, когда огромный молодой коп в форме вышел и жестами стал показывать ему, чтобы он уезжал. Гурни достал документы. Великан подошел к нему напряженной походкой, с поджатыми губами. Вздутые мускулы на его шее едва уместались в воротник и, казалось, упирались в самые щеки.

Он внимательно посмотрел на документы Гурни и наконец сказал:

— Здесь сказано, что вы из Нью-Йоркского управления.

— Я приехал к лейтенанту Нардо, — сказал Гурни.

Коп смерил его подозрительным взглядом. Из-под рубашки угрожающе выпирали накачанные грудные мышцы. Наконец он пожал плечами:

— Он внутри.

В начале длинного въезда, на столбе высотой с почтовый ящик, висела серая железная вывеска с черными буквами: «СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ДЖИ-ДИ». Гурни прошел под желтой лентой, которой

была обтянута вся территория. Как ни странно, именно ощущение холодной ленты, коснувшейся его шеи, заставило его впервые за день отвлечься от беспокойных мыслей и задуматься о погоде. День был сырой, серый, безветренный. Клочья снега, растаявшие и вновь замерзшие, лежали под кустами. На въезде виднелись черные участки льда на местах выбоин в покрытии дороги.

На входной двери висела более скромная табличка с названием компании. Рядом была наклейка, гласившая, что дом защищен бесшумной сигнализацией «Аксон». Гурни поднялся по ступенькам окруженного колоннами крыльца, когда дверь перед ним открылась. Это не было приглашением. Человек, который вышел из дома, закрыл ее за собой. Он бросил короткий взгляд на Гурни, раздраженно разговаривая по телефону. Это был крепко сбитый, спортивный мужчина на пятом десятке, с обветренным лицом и злыми глазами. На нем была черная ветровка с ярко-желтой надписью «полиция» на спине.

— Теперь слышно? — Он сошел с крыльца на побитый морозом газон. — А теперь слышно? Отлично. Мне, говорю, нужен еще один специалист, и побыстрее... Нет, не годится, он нужен прямо сейчас, пока не стемнело. Я говорю: прямо сейчас. Черт, какая часть этой фразы вам непонятна? Отлично. Спасибо. Очень обяжете.

Он сбросил звонок и потряс головой:

— Идиот хренов.

Затем он посмотрел на Гурни:

— Вы кто?

Гурни не отреагировал на агрессию в его голосе. Он понимал, откуда она взялась. Эмоции всегда бурлили на месте убийства полицейского — это была плохо контролируемая клановая ярость. Кроме того, он узнал по голосу человека, который отправил погибшего офицера к дому Дермотта, — это был Джон Нардо.

— Я Дэйв Гурни, лейтенант.

Очевидно, в голове лейтенанта пронеслось сразу несколько мыслей и все они были неприятными. Наконец он просто спросил:

— Зачем вы здесь?

Такой простой вопрос, а он даже приблизительно не знал, что на него ответить. Он решил суммировать вкратце:

— Убийца сообщил, что хочет убрать Дермотта и меня. Дермотт уже здесь, теперь я тоже. Все, что этому ублюдку надо. Идеальная приманка. Может быть, он теперь сделает следующий шаг и мы его повяжем.

— Вот так просто? — Голос Нардо был до предела полон безадресной

враждебностью.

— Если хотите, — предложил Гурни, — я могу рассказать вам о наших соображениях по делу, а вы поделитесь своими новостями.

— Своими новостями? Я обнаружил, что коп, которого я отправил к этому дому по вашей просьбе, погиб. Его звали Гэри Сассек. Через два месяца он собирался увольняться. Я обнаружил, что ему практически отрезали голову разбитой бутылкой из-под виски. Обнаружил пару окровавленных башмаков рядом с гребаным садовым стулом возле кустов. — Он махнул в сторону задней части дома. — Дермотт никогда этого стула раньше не видел. И его сосед тоже. Откуда, спрашивается, эта дрянь взялась? Или этот псих притащил его с собой?

Гурни кивнул:

— Скорее всего, так и было. Это все составляющие уникального ритуала убийства. Как и разбитая бутылка. Марка виски была, часом, не «Четыре розы»?

Нардо уставился на него невидящим взглядом, как будто воспринимал его голос с запаздыванием.

— Нда, — произнес он. — Пройдемте внутрь.

За входной дверью оказался просторный, пустой холл. Ни мебели, ни ковров, ни картин на стенах, только огнетушитель и пара сенсоров пожарной сигнализации на потолке. В конце холла была еще одна дверь, за которой, как предположил Гурни, находилась терраса, на которой Грегори Дермотт тем утром обнаружил тело полицейского. Неразличимые голоса с той стороны подсказывали, что эксперты все еще работают на месте убийства.

— А где Дермотт? — спросил Гурни.

Нардо указал большим пальцем на потолок:

— В спальне. У него от стресса мигрени, а от мигреней его тошнит. Он вообще не сказать чтоб в хорошем расположении духа. И до того был не в себе, а уж после телефонного звонка, когда ему сказали, что он следующий... мрак.

У Гурни было много вопросов, но он чувствовал, что лучше уступить Нардо ведущую роль в разговоре. Он огляделся. Справа был вход в большую комнату с белыми стенами и голым дощатым полом. В середине комнаты на длинном столе в ряд стояло около дюжины компьютеров. Телефоны, факсы, принтеры, сканеры, запасные накопители стояли на другом длинном столе вдоль дальней стены. На той же стене висел еще один огнетушитель. Вместо пожарной сигнализации там были встроенные противопожарные брызгалки.

Окон было всего два, и оба слишком маленькие для такого помещения — невзирая на белые стены, комната напоминала тоннель.

— У него здесь вроде офиса, а сам он живет наверху. Пойдемте в другую комнату, — сказал Нардо, кивая на дверь с другой стороны. За ней оказалась такая же неуютная комната размером с половину предыдущей и всего с одним маленьким окном, отчего она была похожа даже не на тоннель, а на пещеру. Нардо щелкнул выключателем, когда они вошли, и четыре встроенных потолочных светильника превратили комнату в белый ящик. Одна стена была заставлена шкафами с папками, у другой стоял стол с двумя компьютерами, у третьей был столик с кофейным аппаратом и микроволновкой, а посередине стояли пустой стол и четыре стула. В этой комнате была и сигнализация и брызгалки. Гурни это напомнило вылизанную версию комнаты отдыха в последнем участке, где он работал. Нардо сел на один из стульев и жестом предложил Гурни присоединиться к нему. Затем он принялся яростно тереть виски, как будто пытаясь выжать усталость из головы. Судя по выражению его лица, это не помогало.

— Мне не нравится эта история с приманкой, — сказал он наконец, сморщив нос на слове «приманка», как будто оно плохо пахло.

Гурни улыбнулся:

— Это только часть объяснения.

— А какая другая часть?

— Я пока не знаю.

— Приперлись сюда, чтобы строить из себя героя?

— Вряд ли. Просто у меня чувство, что я могу быть здесь полезен.

— Вот как? А если у меня нет такого чувства?

— Ваше слово здесь закон, лейтенант. Скажете мне ехать назад — я поеду.

Нардо смерил его еще одним долгим, циничным взглядом. В итоге, казалось, он передумал, хотя это нелегко ему далось.

— Значит, «Четыре розы» — часть ритуала, говорите?

Гурни кивнул.

Нардо глубоко вздохнул. Казалось, у него болело все тело. Или весь мир вокруг.

— Ладно, детектив. Пожалуй, вам пора рассказать мне, что я там еще не знаю.

Глава 48

Дом с биографией

Гурни рассказал про следы, оставленные задом наперед, про стихи, про замаскированный голос по телефону, про два странных фокуса с цифрами, про связь предыдущих жертв с алкоголем, про вызовы, адресованные полиции, про надпись «REDRUM» на стене и подпись «мистер и миссис Сцилла» в «Рододендроне», про заносчивость и ум убийцы. Он пересказывал детали трех известных ему убийств, пока ему не стало ясно, что Нардо не сможет переварить больше информации. Тогда он подытожил то, что ему казалось самым главным:

— Он хочет подчеркнуть две вещи. Во-первых — что у него есть власть наказывать алкашей. Во-вторых — что полиция беспомощна. Его преступления специально продуманы как своеобразные игры, загадки. Он умен, одержим и дотошен. До настоящего момента он не оставил нам ни одного волоска, ни отпечатка пальца, ни капли слюны, ни ворсинки от одежды, ни случайного следа от ботинка. Он не совершил ни одной ошибки. Правда в том, что мы очень мало знаем о его методах или о его мотивах помимо того, что он сам захотел нам сообщить. С одним возможным исключением.

Нардо устало, но с интересом поднял бровь.

— Некто доктор Холденфилд, которая написала великолепное исследование по серийным убийцам, считает, что он дошел до критической стадии в процессе и вот-вот совершит некий резкий поступок.

Нардо поиграл желваками, затем заговорил со сдавленной яростью:

— То есть мой мертвый друг там на террасе — это только разминка?

На такой вопрос было невозможно, да и не нужно отвечать. Они посидели в тишине, пока негромкий звук, похожий на прерывистое дыхание, не обратил их внимание на дверь. Неожиданно для такого незаметного появления там оказался огромный коп, который охранял стоянку. У него был такой вид, точно у него болели все зубы сразу.

Нардо почувал неладное.

— Что случилось, Томми?

— Нашли жену Гэри.

— О господи. И где она?

— Едет домой с городской стоянки. Она водит школьный автобус.

— А, точно. Черт. Мне надо бы самому съездить, но я не могу тут все бросить. Где носит шефа, кто-нибудь знает?

— Он в Канкуне.

— Да я знаю, что он в гребаном Канкуне. Какого хрена он не проверяет автоответчик? — Нардо глубоко вздохнул и закрыл глаза. — Хакер и Пикардо, пожалуй, были ближе всего к их семье. Пикардо,

кажется, даже какой-то родственник жены, нет? Короче, отправь Хакера и Пикардо. Н-да... Но пусть Хакер сначала ко мне зайдет.

Огромный коп исчез так же тихо, как появился.

Нардо снова вздохнул. Он заговорил так, будто его ударили по голове и он с усилием пытался прийти в себя:

— Короче, вы говорите, они все были алкоголики. Но Гэри Сассек не был алкоголиком, так что же получается?

— Он был копом. Возможно, этого было достаточно. А может быть, он встал у него на пути, когда тот собирался убить Дермотта. Может быть, есть и еще какое-то объяснение.

— Какое?

— Понятия не имею.

Задняя дверь хлопнула, раздались громкие шаги, и юркий человек в штатском появился в дверях:

— Вы меня звали?

— Прости, дружище, что взваливаю это на тебя, но мне надо, чтобы вы с Пикардо...

— Я в курсе.

— Ясно. Ну что ж. Вы там будьте кратки. Не усложняйте. «Убит, защищая предполагаемую жертву. Погиб героически». Что-нибудь в этом духе. Черт! Я имею в виду — никаких этих жутких подробностей про лужу крови. Понимаешь, к чему я клоню? Подробности ей потом сообщат, если будет нужно. Но пока...

— Я все понял, сэр.

— Хорошо. Слушай, прости, что я не могу сделать это сам. Но я не могу тут все бросить. Скажи, что я вечером к ней заеду.

— Да, сэр. — Мужчина помедлил на пороге, пока не стало ясно, что Нардо больше нечего сказать. Тогда он ушел обратно и снова хлопнул дверью, но на этот раз гораздо тише.

Нардо снова вспомнил о разговоре с Гурни.

— Я что-то пропустил или у вас сплошные теории насчет этого дела? В смысле, я ничего не услышал про список подозреваемых и вообще никакой конкретики, которую можно было бы расследовать. Я прав?

— Более-менее.

— И вся эта хренова куча улик — конверты, бумага с записками, красные чернила, ботинки, записанные разговоры, возвращенные чеки, даже послания, оставленные этим психом на оборотах записок, — все это никуда не ведет?

— Можно и так сказать.

Нардо покачал головой:

— Короче говоря, вы понятия не имеете, кого и где надо искать.

Гурни улыбнулся:

— Может быть, за этим я здесь.

— Это как же?

— Я понятия не имею, куда еще мне идти.

Это было простое признание простого факта. Интеллектуальное удовлетворение от вычисления тактических деталей ритуала убийцы, конечно, было ничем в сравнении с отсутствием какого-либо заметного прогресса по основному вопросу, так легко сформулированному Нардо. Гурни приходилось признать, что, невзирая на находки, касающиеся периферии дела, он был так же далек от того, чтобы вычислить и обнаружить убийцу, как тем утром, когда Марк Меллери принес ему загадочные записки и попросил о помощи.

У Нардо в лице что-то изменилось, как будто его черты смягчились.

— У нас в Вичерли никогда не было убийств, — сказал он. — Настоящих. Пара непредумышленных, пара погибших в ДТП и один спорный случай на охоте. Никогда не было такого убийства, чтобы хотя бы одна сторона не была при этом в дрезину пьяна и не соображала, что делает. По крайней мере, за последние двадцать четыре года.

— Вы столько лет на службе?

— Да. Единственный, кто дольше меня в этом управлении... был... Гэри. Собирался отмечать двадцатипятилетие. Жена хотела, чтобы он на двадцатый год уволился, но он решил, что если прослужит еще пять, то... черт! — Нардо вытер глаза. — У нас на службе не часто ребята погибают, — сказал он, как будто надо было как-то объяснять свои слезы.

Гурни хотел сказать ему, что знает, каково терять коллегу. Он потерял сразу двоих в неудачном захвате. Но он вместо того просто понимающе кивнул.

Помолчав минуту или около того, Нардо прокашлялся:

— Хотите пообщаться с Дермоттом?

— Вообще-то да. Просто не хочу вам мешать.

— Не помешаете, — грубовато сказал Нардо, и Гурни подумал, что он пытается теперь отыграться за проявленную слабость. Затем он добавил, уже нормальным тоном: — Вы же с ним по телефону разговаривали раньше?

— Да.

— То есть он знает, кто вы такой.

— Да.

— Значит, я вам не нужен. Просто расскажите, как прошло, когда поговорите.

— Как скажете, лейтенант.

— Дверь справа от лестницы. Удачи.

Поднимаясь по дубовой лестнице, Гурни размышлял, сможет ли второй этаж больше рассказать о личности владельца, чем первый, где напрочь отсутствовало домашнее тепло, разве что в перегретых компьютерах. Во всяком случае, пролет в конце лестницы продолжал тему безопасности: такой же огнетушитель и сигнализация с брызгалками на потолке. Гурни подумал, что Дермотт определенно ужасный перестраховщик. Он постучал в дверь, про которую говорил Нардо.

— Да? — отозвался усталый, раздраженный и хриплый голос.

— Это следователь Гурни, мистер Дермотт. Можно с вами поговорить минутку?

Пауза.

— Гурни?..

— Дэйв Гурни. Мы говорили по телефону.

— Заходите.

Гурни открыл дверь и оказался в комнате, погруженной в полумрак из-за частично задернутых штор. Здесь была кровать с тумбочкой, бюро, кресло и письменный стол у стены, перед которым стоял складной стул. Вся мебель была из темного дерева, современная и на первый взгляд довольно дорогая. Покрывало на кровати и ковер были серые, невыразительные. Хозяин комнаты сидел в кресле лицом к двери, слегка клонясь на сторону, как человек, нашедший позу, в которой испытывает наименьший дискомфорт. Гурни поразился, насколько это был характерный типаж для среды айтишников. В тусклом свете трудно было различить его возраст. Вероятно, тридцать с небольшим.

Дермотт несколько секунд рассматривал Гурни, как будто надеясь различить в его чертах ответ на какой-то вопрос, затем наконец негромко заговорил:

— Они вам сказали?

— Про что?

— Про звонок от психа-убийцы.

— Да, я в курсе. Кто подошел к телефону?

— Кто подошел? Видимо, кто-то из полицейских. Один пришел, чтобы меня позвать.

— Звонивший попросил вас по имени?

— Наверное. Я не знаю... вероятно. Полицейский сказал, что звонят

мне.

— Голос не показался вам знакомым?

— Странный был голос.

— В каком смысле?

— Ненормальный. То визгливый по-женски, то басистый. Акцент какой-то непонятный. Похоже на дурацкую шутку, только все всерьез. — Он сжал виски пальцами. — Он сказал, что я следующий, а затем вы. — Казалось, он скорее раздражен, чем напуган.

— Были какие-нибудь фоновые шумы?

— В каком смысле?

— Кроме голоса звонившего вы слышали что-нибудь еще? Музыка, шум дороги, другие голоса?

— Нет, ничего такого.

Гурни кивнул и огляделся:

— Не возражаете, если я сяду?

— Что? Конечно садитесь. — Дермотт широким жестом указал на всю комнату, как будто она была заставлена стульями.

Гурни присел на край кровати. У него было чувство, что Грегори Дермотт — ключевая фигура в этом деле. Если бы только понять, какой нужно задать вопрос. Какую затронуть тему. С другой стороны, иногда разумнее всего было молчать. Создать пустоту и посмотреть, как собеседник решит ее заполнить. Он долго сидел неподвижно, глядя на ковер. Этот подход требовал терпения. И еще — хорошего чутья, чтобы понять, в какой момент молчание становится напрасной тратой времени. Этот момент как раз приблизился, когда Дермотт вдруг заговорил:

— При чем здесь я? — Голос его был расстроенным, это была скорее жалоба, а не вопрос, и Гурни решил не отвечать.

Через несколько секунд Дермотт продолжил:

— Мне кажется, это как-то связано с этим домом. — Он помедлил. — Позвольте, я кое-что спрошу у вас, детектив. Вы знаете кого-нибудь из полицейского управления Вичерли лично?

— Нет. — Ему немедленно захотелось уточнить, зачем он спросил, но решил, что вскоре и так узнает.

— Никого, ни сейчас, ни в прошлом?

— Никого. — Он видел по глазам Дермотта, что его это не убедило, и продолжил: — До того, как в письме Марку Меллери я увидел инструкцию, куда отправить чек, я даже не знал, что Вичерли существует.

— И никто никогда не рассказывал вам, что происходило в этом доме?

— А что происходило?

— Дело было очень давно.

— Я слушаю, — с интересом сказал Гурни.

Было похоже, что Дермотта беспокоит не только головная боль.

— Так что же здесь было?

— Это все информация из третьих рук, — сказал Дермотт, — но когда я купил этот дом, соседка рассказала мне, что двадцать с чем-то лет назад тут поссорились муж и жена и муж жену пытался зарезать.

— И вы видите какую-то связь?

— Может, это и совпадение, но...

— Да-да?

— Я об этой истории давно забыл. Сегодня вспомнил. Сегодня утром, когда нашел... — Он скривил губы, как будто его тошнило.

— Не спешите, — сказал Гурни.

Дермотт сжал виски руками.

— У вас есть пистолет?

— Есть.

— С собой?

— Нет. Я не ношу с собой оружия с тех пор, как ушел из Нью-Йоркского управления. Если вас волнует безопасность, то в радиусе ста метров от вашего дома больше дюжины вооруженных копов, — сказал Гурни.

Казалось, Дермотта это не убедило.

— Вы говорили, что сегодня утром о чем-то вспомнили.

Дермотт кивнул:

— Я и думать забыл об этой истории, но вспомнил, когда увидел... лужу крови.

— Что вы вспомнили?

— Женщина, которую пытались убить в этом доме, — ей тоже перерезали горло.

Глава 49

К смерти на поклон

Ныне покойная соседка Дермотта сказала, что убийство произошло «двадцать с чем-то» лет назад — а значит, это могло быть меньше двадцати пяти лет назад, а это, в свою очередь, могло означать, что как Джон Нардо, так и Гэри Сассек могли уже служить в полиции в момент преступления. Картина была не очень ясна, но Гурни показалось, что элемент мозаики

встает на место. У него еще оставались вопросы к Дермотту, но это могло подождать, сперва следовало поговорить с лейтенантом.

Он оставил Дермотта сидеть в кресле с задернутыми шторами. Вид у него был по-прежнему подавленный. Гурни начал спускаться по лестнице и увидел, что женщина-офицер в комбинезоне эксперта и в резиновых перчатках спрашивала у Нардо, что делать с участками, которые уже обследовали на предмет следов улик.

— Оставьте ограждение и никого туда не пускайте, может, нам придется пройтись по ним повторно. Стул, бутылку и что там еще нашли нужно отвезти в участок.

— А что делать с фигней, которая на столе?

— Засуньте в кабинет Кольберта.

— Он не обрадуется.

— Да мне это по... Слушайте, просто решите проблему, ладно?

— Да, сэр.

— И пока вы не ушли, скажите большому Томми, чтобы он оставался у входа в дом, а Пат скажите, чтоб сидела у телефона. Все остальные пусть пойдут по соседям. Я хочу знать, мог ли кто-то здесь увидеть или услышать что-то необычное за пару последних дней, а особенно вчера поздно вечером или сегодня рано утром — незнакомые люди, непонятные припаркованные машины, может быть, кто-то ошивался и рассматривал окрестности, может быть, кто-то очень торопился, любая информация.

— В каком радиусе стоит производить опрос?

Нардо посмотрел на часы:

— Куда успеют дойти за шесть часов. А дальше что-то решим. Если хоть что-то всплывет, немедленно доложить мне.

Офицер отправилась по своим делам, а Нардо повернулся к Гурни, который уже стоял внизу:

— Узнали что-нибудь дельное?

— Не уверен, — негромко произнес Гурни, приглашая Нардо жестом в комнату, где они раньше сидели. — Может быть, вы поможете мне разобраться.

Гурни сел в кресло лицом к двери. Нардо встал за стулом на другом конце стола. Лицо его выражало любопытство и что-то еще, чего Гурни не смог распознать.

— Вы знали, что в этом доме произошло убийство?

— О чем вы?

— Вскоре после того, как Дермотт купил этот дом, соседка ему рассказала, что женщину, которая тут жила, ее собственный муж пытался

зарезать.

— Сколько лет назад это было?

Гурни был уверен, что Нардо что-то вспомнил.

— Двадцать, может, двадцать пять лет назад.

Было похоже, что Нардо ожидал именно такого ответа. Он вздохнул и покачал головой:

— Да, я давненько об этом не вспоминал. Действительно, здесь была попытка убийства на почве семейных разборок, примерно двадцать четыре года назад. Я тогда только начинал работать. Почему вы спросили?

— Вы помните какие-нибудь детали?

— Пока мы не поплыли по волне моей памяти, объясните все же, как это относится к текущему делу.

— Женщине, которую здесь чуть не убили, перерезали горло.

— И это должно мне о чем-то говорить? — Нардо раздраженно поморщился.

— В этом доме нападали на двух человек. Из всех возможных способов нападения оба раза был выбран этот. Мне кажется, это совпадение о чем-то говорит.

— Вы об этом говорите так, будто есть какая-то связь, а между тем ее и близко нет. Какое может иметь отношение убийство полицейского офицера на задании с попыткой убийства на бытовой почве, случившейся четверть века назад?

Гурни пожал плечами:

— Если бы у меня были подробности, я бы мог знать наверняка.

— Ладно. Пожалуйста. Расскажу, что смогу, но это не так уж много. — Нардо помолчал, как будто глядя на стол, а на самом деле вглядываясь в прошлое. — В тот вечер было не мое дежурство.

Он оправдывается, подумал Гурни. Почему ему понадобилось оправдаться?

— Так что все это из третьих рук, — продолжил Нардо. — Как оно обычно и бывает в случаях с бытовухой, муж нажрался, поспорил с женой, схватил бутылку и ударил ее. Бутылка разбилась, порезала жене горло. Вот и все.

Гурни отлично понимал, что это не все. Оставалось найти способ вытянуть из лейтенанта остаток истории. Одним из неписанных правил работы в полиции было говорить как можно меньше, и Нардо это правило соблюдал. Однако на долгие расспросы времени не было. Гурни решил не нежничать.

— Лейтенант, это чушь собачья, — сказал он, брезгливо

отворачиваясь.

— Чушь собачья? — злым полусшепотом переспросил Нардо.

— Нет, я понимаю, что вы рассказали мне правду. Вопрос в том, о чем вы умолчали.

— Может быть, я умолчал о том, что вас не касается, — ответил тот, но его уверенность заметно пошатнулась.

— Послушайте, я же не просто какой-то любопытный идиот из чужого округа. Грегори Дермотту сегодня утром сообщили, что моя жизнь в опасности. Понимаете, моя жизнь. И если то, что здесь происходит, связано с вашей так называемой «бытовухой» двадцатичетырехлетней давности, то я, черт побери, имею право знать.

Нардо прокашлялся и уставился на потолок, как будто подыскивая там правильные слова или надеясь увидеть запасной выход.

Гурни добавил, смягчившись:

— Можете начать с имен.

Нардо кивнул, отодвинул стул, за которым стоял, и сел на него.

— Джимми и Фелисити Спинкс, — произнес он, как будто признаваясь в чем-то неприличном.

— По тому, как вы это произнесли, складывается впечатление, что вы их хорошо знали.

— Ну да. В общем... короче... — Где-то в доме снова зазвонил телефон. Нардо как будто этого не услышал. — Джимми любил выпить. И это мягко сказано. Как-то раз приперся домой пьяный, поругался с Фелисити. И порезал ее разбитой бутылкой, как я уже рассказывал. Она потеряла уйму крови. Сам я этого не видел, у меня был выходной, но ребята, которые дежурили, всю неделю потом только и говорили, сколько было кровищи. — Нардо снова уставился на стол.

— Она, как я понимаю, выжила?

— Что? А, да, она выжила, но едва-едва. И повредилась головой.

— Что с ней стало?

— Кажется, ее в какую-то дурку определили.

— А что случилось с мужем?

Нардо помолчал. Гурни не мог понять, в том ли дело, что Нардо не помнит, или в том, что не хочет об этом говорить.

— Заявил, что это была самооборона, — сказал он с заметной брезгливостью. — В итоге его уломали признать себя виновным, смягчили приговор... ну, он потерял работу, уехал из города. Социальная служба забрала их ребенка. Конец истории.

Внутренняя антенна Гурни, натасканная тысячей допросов,

подсказывала, что и это еще не все. Он молчал, наблюдая за тем, как Нардо откровенно мается. Где-то вдалеке слышался голос — видимо, того, кто подошел к телефону, — но слов не было слышно.

— Вот чего я не понимаю, — сказал Гурни. — Что в этой истории такого, что вы не захотели мне ее рассказать сразу?

Нардо мрачно посмотрел на Гурни:

— Джимми Спинкс был копом.

Нервная дрожь, охватившая Гурни в тот момент, всколыхнула в нем дюжину вопросов, но он не успел их задать, потому что в дверях появилась женщина с квадратным лицом и короткой стрижкой. На ней были джинсы и рубашка поло. Под ее левой рукой была кобура с пистолетом системы «Глок».

— Сэр, сейчас поступил звонок, я думаю, вам это надо знать.

Нардо воспринял ее появление как спасение и повернулся к ней, чтобы слушать. Она неуверенно посмотрела на Гурни.

— Он свой, — неохотно сказал Нардо. — Говорите.

Она снова посмотрела на Гурни, ничуть не дружелюбнее, чем в первый раз, затем подошла к столу и положила на него маленький цифровой прибор для записи телефонных разговоров.

— Там все есть, сэр.

Он помолчал, прищурившись на устройство, затем нажал на кнопку. Началась запись. Качество было отменным.

Гурни понял, что первый голос принадлежал женщине, которая стояла перед ним.

— *«Системы безопасности Джи-Ди»*. — Видимо, ей сказали подходить к телефону так, будто она просто работает в компании.

Второй голос был странным — и Гурни тоже его мгновенно вспомнил по звонку, который слушал по просьбе Марка Меллери. Казалось, что это было ужасно давно. Между тем звонком и этим случилось четыре смерти, и это нарушило его чувство времени. Марк в Пионе, Альберт Шмитт в Бронксе, Ричард Карч в Созертоне (Ричард Карч — почему это имя каждый раз вызывало какое-то сложное чувство, ощущение несостыковки?) и офицер Гэри Сассек в Вичерли.

Скачущий тон и акцент невозможно было ни с чем спутать.

— *Если бы я мог слышать Бога, что бы Он мне сказал?* — спросил голос с характерной угрожающей интонацией злодея из кино.

— *Простите, что?* — Голос женщины-полицейского звучал так же удивленно, как звучал бы голос любой настоящей девушки на телефоне.

Голос повторил, с растущим напором:

— Если бы я мог слышать Бога, что бы Он мне сказал?
— Извините, вы не могли бы повторить? Мне кажется, у нас проблемы со связью. Вы звоните с мобильного?
Она быстро прокомментировала Нардо:
— Я просто пыталась удержать его на линии, как вы сказали, чтобы звонок длился как можно дольше.
Нардо кивнул. Запись продолжилась.
— Если бы я мог слышать Бога, что бы Он мне сказал?
— Я вас не понимаю, сэр. Вы не могли бы пояснить, что вы имеете в виду?
Голос внезапно прогремел:
— Бог сказал бы мне убить их всех!
— Сэр? Я что-то теряюсь. Вы хотите, чтобы я записала это сообщение и кому-то его передала?
Раздался резкий смешок.
— Настал Судный день. Беги, Дермотт, спасайся, Гурни. Грядет всеобщее. Время пошло.

Глава 50

Наведение справок

Нардо заговорил первым:
— Это весь звонок?
— Да, сэр.
Он откинулся на спинку стула и потер виски.
— От начальника полиции так ничего и не слышно?
— Мы оставили несколько сообщений в отеле и на его мобильном, но он не перезванивал.
— Номер звонившего, конечно, не определился?
— Нет, сэр.
— Убить их всех, значит.
— Да, сэр, так он сказал. Хотите прослушать запись еще раз?
Нардо покачал головой.
— О ком он, по-вашему, говорит?
— В каком смысле?
— «Убить их всех». Кого — всех?
Женщина, казалось, растерялась. Нардо посмотрел на Гурни.
— Я бы предположил, лейтенант, что речь либо об оставшихся именах

в его списке — если там еще кто-то остался, — либо обо всех, кто сейчас находится в этом доме.

— А почему грядет всесожжение? Что такое всесожжение?

Гурни пожал плечами:

— Понятия не имею. Может быть, ему просто слово нравится — это вполне в духе того, как он себя ведет.

Нардо поморщился от отвращения, затем повернулся к женщине и впервые обратился к ней по имени:

— Пат, выйди и встань там с большим Томми. Встаньте по углам дома друг напротив друга, чтобы у вас под присмотром были все двери и окна. Еще сообщите всем, что они должны быть готовы прибыть к этому дому в течение одной минуты, если они услышат выстрел или еще хоть какой-нибудь шум. Есть вопросы?

— Мы ждем вооруженного нападения? — Казалось, она надеялась на положительный ответ.

— Не то чтобы ждем, но такое вполне возможно.

— Думаете, этот псих где-то здесь неподалеку? — В ее глазах заиграли искорки.

— Есть шанс. Расскажи большому Томми про звонок. И будьте начеку.

Она кивнула и ушла.

Нардо мрачно повернулся к Гурни:

— Что скажете? Вызвать подкрепление, сообщить полиции штата, что у нас сложная ситуация? Или этот звонок ничего не значит?

— Если посчитать убитых, я бы не стал предполагать, что он ничего не значит.

— Черт возьми, я ничего и не предполагаю, — огрызнулся Нардо, поджав губы.

Разговор не клеился.

Тишину нарушил хриплый голос, донесшийся сверху:

— Лейтенант Нардо? Гурни?

Нардо поморщился так, будто у него свело желудок.

— Может, Дермотт вспомнил что-нибудь еще ценное, — предположил он и поудобнее устроился в кресле.

— Я узнаю, — сказал Гурни.

Он вышел в холл. Дермотт стоял у двери в спальню и смотрел вниз. Вид у него был изможденный, раздраженный, нетерпеливый.

— Можно с вами поговорить? Пожалуйста! — Слово «пожалуйста» прозвучало как претензия.

Дермотт неуверенно держался на ногах, поэтому Гурни поднялся к

нему. По дороге он подумал, что это не дом в полном смысле слова, это просто рабочее помещение с местом для сна. В районе, где он вырос, такое было сплошь и рядом — владельцы магазинов жили над своими заведениями, как, например, злобный продавец деликатесов, чья ненависть к людям, казалось, росла с каждым новым покупателем, или как тот похоронщик с толстой женой и четырьмя толстыми детьми, у которого были какие-то связи с бандитами. Его тошнило при одном воспоминании.

Он едва отделался от этого чувства у двери в спальню. Дермотт был чем-то озабочен. Он посмотрел на Гурни и окинул взглядом первый этаж:

— А лейтенант Нардо что, ушел?

— Нет, он внизу. Чем могу помочь?

— Я слышал, как машины уезжают, — сказал он обвиняющим тоном.

— Они будут неподалеку.

Дермотт недовольно кивнул. Его явно что-то тяготило, но он не спешил в этом признаться. Гурни решил использовать эту возможность, чтобы задать ему еще пару вопросов.

— Мистер Дермотт, а чем вы занимаетесь?

— Что-что? — переспросил он, одновременно раздраженно и непонимающе.

— В чем заключается ваша работа?

— Моя работа — безопасность. Кажется, мы об этом уже говорили.

— Мы говорили в общих чертах, — напомнил Гурни, улыбнувшись. — Может быть, вы теперь расскажете более детально?

Дермотт картинно вздохнул, давая понять, что считает этот разговор заведомой тратой времени.

— Слушайте, — сказал он. — Мне надо сесть. — Он вернулся к своему креслу и осторожно опустился в него. — Какие детали вас интересуют?

— Ваша компания называется «Системы безопасности Джи-Ди». Какую именно безопасность предоставляют ваши системы и для кого?

После еще одного вздоха Дермотт сказал:

— Я помогаю компаниям защищать конфиденциальную информацию.

— И в чем выражается эта помощь?

— Программы для защиты баз данных, протоколы ограничения доступа, системы идентификации пользователя — вот основное, чем мы занимаемся.

— «Мы»?

— Что, простите?

— Вы сказали «мы занимаемся». Кто «мы»?

— Я не в прямом смысле, — пренебрежительно отмахнулся Дермотт. — Так просто говорят, когда речь идет о компании.

— Это звучит, будто речь о большой организации, в этом дело?

— Нет, не в этом, уверяю вас. Моих клиентов более чем устраивает, что я делаю всю работу сам.

Гурни кивнул, как будто его это впечатлило:

— Да, понимаю, это может быть преимуществом. А кто ваши клиенты?

— Компании, для которых конфиденциальность не пустое слово.

Гурни невинно улыбнулся грубому тону Дермотта.

— Я не прошу вас раскрывать ничьих секретов. Мне просто интересно, чем эти компании занимаются.

— Работой с клиентами, для которых приватность информации очень важна.

— Например?

— Речь о персональных данных.

— Какого рода персональных данных?

Дермотт, казалось, пытался понять, каким рискам подвергает себя, вдаваясь в подробности.

— Данные, которые обычно собирают страховые компании, финансовые службы, здравоохранительные организации.

— Медицинские данные?

— Да, их изрядное количество.

— Информация о лечении?

— В закодированном виде, разумеется. Но к чему это все?

— Представьте себе, что вы — хакер, который хочет получить доступ к большой медицинской базе данных. Как бы вы поступили?

— На этот вопрос невозможно ответить.

— Почему?

Дермотт закрыл глаза, демонстрируя недовольство:

— Слишком много переменных.

— Например?

— «Например?» — повторил Дермотт таким тоном, точно этот вопрос был воплощением идиотизма. Через мгновение он продолжил, так и не открыв глаза: — Цель хакера, уровень его профессионализма, насколько он знаком с форматом данных, со структурой базы, с протоколом доступа и еще с десятков факторов, которые вы вряд ли поймете без специального технического образования.

— В этом, не сомневаюсь, вы правы, — мягко улыбнулся Гурни. — Но

допустим, просто допустим, что умелый хакер хочет получить список людей, которых лечили от конкретного заболевания.

Дермотт раздраженно всплеснул руками, но Гурни продолжил:

— Насколько это было бы сложно?

— Повторюсь, на это нельзя ответить. Некоторые базы данных настолько прозрачны, что их можно было бы с тем же успехом выложить в интернет. Другие способны противостоять сложнейшим системам взлома. Все зависит от таланта автора системы.

Гурни уловил нотку гордости в последнем заявлении и решил этим воспользоваться.

— Готов поспорить, что не многие в этом деле разбираются лучше вас.

Дермотт улыбнулся:

— Я построил карьеру на том, что научился обходить вокруг пальца самых умелых хакеров в мире. Ни один из моих протоколов защиты информации никогда не взламывали.

Это бахвальство навело его на догадку. Может быть, способность этого человека предотвратить проникновение убийцы в определенные базы данных привела последнего к желанию ввязать его в дело, используя его абонентский ящик? Эту возможность следовало учесть, хотя вопросов она вызывала больше, чем ответов.

— Жаль, что местная полиция не может похвастаться такой же компетентностью.

Этот комментарий отвлек Гурни от его размышлений.

— Что вы имеете в виду?

— Спрашиваете, что я имею в виду?.. — Дермотт, казалось, успел хорошенько подумать над ответом на этот вопрос. — Меня преследует маньяк, а у меня нет никакой уверенности в способности полиции меня защитить. Где-то в нашем районе рыскает психопат, который хочет меня убить, затем убить вас, и как вы на это реагируете? Задаете вопросы про гипотетических хакеров, взламывающих гипотетические базы данных! Я понятия не имею, чего вы добиваетесь, но если это попытка меня успокоить, отвлекая меня от главной темы, уверяю вас, она не сработала. Почему бы вам не сосредоточиться на непосредственной угрозе? Проблема не в какой-то сложной компьютерной программе. Проблема существует в виде убийцы, который гонится за нами с ножом. А трагедия, которая тут разыгралась сегодня утром, как нельзя лучше доказывает, что полиция бесполезна! — Взвинченный тон последней фразы привлек внимание Нардо, который поднялся с первого этажа и зашел в спальню. Он посмотрел сначала на Дермотта, потом на Гурни, потом снова на Дермотта.

— Что здесь происходит?

Дермотт отвернулся и уставился в стену.

— Мистеру Дермотту кажется, что его недостаточно охраняют, — сказал Гурни.

— Недостаточно?! — воскликнул Нардо, побагровев, но в следующую минуту спохватился и продолжил более спокойным тоном: — Сэр, вероятность того, что какой-то посторонний проникнет в этот дом — я уж не говорю про «маньяка, который гонится за вами с ножом», если я не ослышался, — эта вероятность меньше нуля.

Дермотт по-прежнему смотрел в стену.

— Давайте я вам объясню, — продолжил Нардо. — Если у этого сукина сына хватит наглости здесь появиться, он труп. Если он сюда сунется, я его самолично разделаю и сожру на обед.

— Я не хочу, чтобы меня оставляли одного в этом доме. Ни на минуту.

— Вы меня не расслышали. — Нардо снова повысил голос. — Вы тут не один. Тут повсюду копы. Всюду вокруг дома и в районе. Никто сюда не проникнет.

Дермотт повернулся к Нардо и с вызовом спросил:

— А если он уже проник?

— Это еще как?

— Ну, вдруг он уже в доме?

— Каким образом это возможно?

— Сегодня утром, когда я вышел искать офицера Сассека и когда я был во дворе, он мог бы зайти через незапертую дверь. Ведь мог же!

Нардо с недоверием посмотрел на него:

— И куда бы он после этого делся?

— А мне откуда знать?

— Вы что, думаете, он у вас тут под кроватью прячется?

— Неплохой вопрос, лейтенант. Суть в том, что вы не знаете на него ответ. Потому что вы не провели обыск как следует, не так ли? Значит, он действительно может быть под кроватью, разве нет?

— Черт возьми! — закричал Нардо. — Да прекратите вы!

Он прошелся по комнате, взял кровать за основание и с яростным стоном рывком поднял ее до уровня плеч.

— Успокоились? — прошипел он. — Есть там кто-нибудь?

Он затем с грохотом опустил кровать обратно на пол.

Дермотт с яростью уставился на него:

— Мне, лейтенант, нужен компетентный подход, а не этот детский сад. Я что, слишком многого прошу? Надо тщательно обыскать дом.

Нардо холодно посмотрел на Дермотта:

— Вот вы и скажите мне, где в этом доме можно спрятаться.

— Где? А я не знаю. В подвале? На чердаке? В шкафах? Как тут угадаешь?

— Хочу вам напомнить, сэр, что первые полицейские, прибывшие на место, первым делом все-таки обыскали дом. Если бы он был здесь, его бы обнаружили. Ясно?

— Они обыскали дом?

— Да, сэр, когда вас допрашивали на кухне.

— Включая подвал и чердак?

— Да.

— Включая подсобку?

— И все шкафы.

— Они не могли проверить подсобку! — закричал Дермотт. — Она на замке, и ключ только у меня, и никто у меня его не спрашивал!

— А это значит, — заметил Нардо, — что, раз она на замке, никто не мог в нее проникнуть. Это значит, проверять ее было бы тратой времени.

— Нет, это значит, что вы врете мне в лицо, утверждая, что весь дом обыскали!

Реакция Нардо удивила Гурни, который готовился к тому, что тот взорвется. Вместо того Нардо спокойно сказал:

— Дайте мне ключ, сэр. Я прямо сейчас пойду и проверю подсобку.

— Итак, — голосом адвоката заключил Дермотт, — вы признаете, что ее пропустили и что дом не обыскали надлежащим образом.

Гурни задумался, что было причиной этой безобразной сцены: мигрень, желчность характера или простое замещение страха агрессией.

Нардо держался противоестественно спокойно.

— Ключ, сэр.

Дермотт, судя по выражению лица, бормотавший что-то оскорбительное, с трудом поднялся из кресла. Он достал из тумбочки связку ключей, снял с нее самый маленький ключ и бросил его на кровать. Нардо взял его безо всякой видимой реакции и вышел из комнаты, не проронив ни слова. Было слышно, как он спускается по лестнице. Дермотт бросил оставшиеся ключи в ящик, начал закрывать его и вдруг остановился.

— Черт! — прошипел он.

Он снова схватил связку и принялся снимать с тугого кольца еще один ключ. Справившись, он направился было к двери, но, едва сделав шаг, споткнулся об прикроватный коврик и налетел на косяк, ударившись

головой. Он зарычал сквозь зубы от боли и раздражения.

— Что с вами, сэр? — спросил Гурни, направляясь к нему.

— Со мной все в порядке! — яростно отмахнулся тот.

— Как вам помочь?

Дермотт пытался успокоиться.

— Вот, — сказал он. — Возьмите этот ключ и отдайте ему. Там два замка. Из-за всей этой неразберихи я забыл...

Гурни взял ключ.

— Вам нехорошо?

Дермотт снова брезгливо отмахнулся.

— Если бы они с самого начала пришли ко мне, как положено... —

Его голос оборвался.

Гурни смерил измученного Дермотта еще одним взглядом и пошел вниз.

Как и в большинстве загородных домов, лестница в подвал начиналась за лестницей на второй этаж. Туда вела дверь, которую Нардо оставил открытой. Внизу горел свет.

— Лейтенант?

— Да?

Голос звучал откуда-то издалека, так что Гурни пошел с ключом вниз. Запах — смесь бетона, железных труб, деревянных перекрытий и пыли — вызвал в памяти образ подвала в доме его детства. Это было помещение, где жильцы хранили ненужные велосипеды, детские коляски, ящики с хламом. С потолка свисали лампы, покрытые паутиной, а по углам рыскали тени, от которых всякий раз мурашки бежали по спине.

Нардо стоял у серой стальной двери у дальней стены недоделанного помещения с открытой проводкой и сырыми пятнами на бетонных стенах. Здесь был водонагреватель, два масляных бака, печь, две пожарные сигнализации, два огнетушителя и брызгалки на потолке.

— Ключ подходит только к одному замку, — сказал Нардо. — Тут есть еще другой. Что у него за паранойя? И где я возьму второй ключ?

Гурни протянул ему ключ:

— Сказал, что забыл. Но виноваты, конечно, вы.

Нардо брезгливо хмыкнул и вставил ключ в замок.

— Вот сукин сын, — пробормотал он, толкая дверь. — Поверить не могу, что я согласился проверить... Что это?

Нардо, а следом за ним Гурни осторожно вошли в комнату, которая оказалась значительно больше простой подсобки.

Поначалу они не поверили своим глазам.

Глава 51

Покажи и расскажи

Гурни сперва решил, что они вошли не в ту дверь. Но это тоже было непохоже на правду. Помимо двери над лестницей, это был единственный вход. Однако то, что предстало их глазам, едва ли напоминало подсобку.

Они стояли в углу большой, залитой тусклым светом, полностью обставленной и увешанной коврами спальни. Перед ними была двуспальная кровать с одеялом в цветочек и узорной простыней, свисающей по бокам. Несколько избыточно пухлых подушек с одинаковыми оборочками лежали у спинки. Перед кроватью стоял деревянный сундук, на котором сидела мягкая игрушка в виде какой-то птицы, сшитой из разноцветных лоскутов. Внимание Гурни привлекло окно, которое как будто выходило на открытое поле, но при ближайшем рассмотрении оказалось большим, подсвеченным с изнанки плакатом — он, по-видимому, должен был слегка разряжать подвальную атмосферу. В следующее мгновение он обратил внимание на низкий гул — по всей видимости, вентиляционной системы.

— Ничего не понимаю, — сказал Нардо.

Гурни уже готов был согласиться, но тут он заметил небольшой столик у стены с фальшивым окном. Там стояла лампа, бросавшая круг тусклого света на три черных рамки, в какие обычно вставляют дипломы и сертификаты. Он подошел поближе, чтобы их разглядеть. В каждой рамке была копия чека. Все три были выписаны на имя Х. Арибды, все три были на сумму \$289.87. Слева направо лежали копии чеков, подписанные Марком Меллери, Альбертом Шмиттом и Р. Карчем. Это были чеки, которые Дермотт получил и необналиченные оригиналы которых вернул отправителям. Но зачем он делал с них копии перед тем, как возвращать? И что еще сильнее озадачивало, зачем он вставил их в рамки? Гурни взял все три в руки, как будто можно было что-то понять, рассмотрев их поближе.

Затем, разглядывая подпись на третьем чеке — «Р. Карч», — он снова почувствовал смутное беспокойство. Но на этот раз он понял, откуда оно взялось.

— Черт! — воскликнул он, проклиная свою слепоту к такой очевидной несостыковке.

В тот же момент Нардо тихонько вскрикнул. Гурни перевел взгляд на него, затем туда, куда тот смотрел, — в противоположный угол широкой комнаты. Там, едва различимая в тени, частично скрытая широкими

подлокотниками старинного кресла и одетая в ночнушку такой расцветки, что она сливалась с обшивкой, сидела, уронив голову на грудь, хрупкая женщина.

Нардо снял с пояса фонарик и направил луч на нее.

Гурни подумал, что ей может быть сколько угодно от пятидесяти до семидесяти. Ее кожа была мертвенно-бледной. Светлые волосы, уложенные в башенку из кудряшек, явно были париком. Моргая, она подняла голову так медленно, что движение было едва заметно, и посмотрела на источник света.

Нардо взглянул на Гурни, затем снова на женщину в кресле.

— Мне надо в туалет, — сказала она. Ее голос был высоким, дребезжащим, требовательным. Когда она приподняла подбородок, на шее показался уродливый шрам.

— Это еще кто? — прошептал Нардо, как будто Гурни мог знать.

На самом деле Гурни уже отлично понимал, кто это. Он также понимал, что принести Нардо второй ключ в подвал было ужасной ошибкой.

Он быстро повернулся к двери, но Грегори Дермотт уже стоял там, с бутылкой виски «Четыре розы» в одной руке и револьвером 38-го калибра в другой. От капризного, раздражительного человека, страдающего мигренью, не осталось и следа. Гурни подумал, что его взгляд без маски притворства теперь выдавал его истинную сущность: правый глаз смотрел остро и решительно, левый был темным и бесчувственным.

Нардо тоже повернулся к двери.

— Что за... — начал было он, но осекся и застыл на месте, уставившись на лицо и на револьвер Дермотта.

Дермотт сделал шаг в комнату, подцепил дверь ногой и захлопнул ее за собой. Раздался металлический щелчок. Его узкие губы растянулись в хищной улыбке.

— Ну вот мы и одни, — сказал он таким тоном, словно предвкушал приятную беседу. — Столько дел, столько дел, — добавил он. — И так мало времени! — Казалось, его это забавляет. Холодная улыбка еще несколько мгновений извивалась на его лице как червяк, затем исчезла. Он продолжил: — Хочу, чтобы вы знали, как высоко я ценю ваше участие в моем скромном прожекте. Ваше сотрудничество его несказанно улучшит. Давайте же утрясем детали. Лейтенант, могу я попросить вас лечь на пол лицом вниз? — Было понятно, что это отнюдь не просьба.

Гурни прочитал в глазах Нардо раздумье, но не мог понять, какие варианты он взвешивает и даже понимает ли он, что произошло.

Если и можно было что-то прочитать в глазах Дермотта, это больше всего напоминало настороженное внимание кота, когда тот терпеливо наблюдает за мышью, загнанной в угол.

— Сэр, — начал Нардо осторожным тоном, — было бы хорошей идеей опустить револьвер.

Дермотт покачал головой:

— Не такой уж хорошей.

Нардо выглядел растерянным.

— Но все же опустите его, прошу вас.

— Это вариант. Но есть один нюанс. В жизни ведь все непросто, не так ли?

— Что за нюанс? — переспросил Нардо таким тоном, как будто имел дело с нормальным человеком, забывшим выпить лекарство.

— Я собираюсь опустить револьвер только после того, как застрелю вас. Если я опущу его прямо сейчас, значит, прямо сейчас я должен вас убить. А мне этого не хочется, да и вам, как мне кажется, тоже. Понимаете, какая проблема?

Говоря это, Дермотт поднял револьвер и прицелился в горло Нардо. То ли твердость его руки, то ли сдержанная насмешка в его голосе убедили Нардо попробовать другую тактику.

— Ну выстрелите вы, — произнес он. — А что, по-вашему, будет дальше?

Дермотт пожал плечами, узкие губы снова растянулись в улыбке.

— Вы умрете.

Нардо терпеливо кивнул, как учитель, которому дали неполный ответ на поставленную задачу.

— И потом что?

— А какая разница? — Дермотт снова пожал плечами, продолжая целиться ему в шею.

Было видно, что лейтенант изо всех сил старается совладать то ли с яростью, то ли со страхом.

— Для меня никакой, а вот для вас — другое дело. Нажмете на курок — и меньше чем через минуту сюда примчится толпа копов. Они вас на куски разорвут.

Дермотта это обещание развеселило.

— Скажите, лейтенант, как много вам известно о воронах?

Нардо вопросительно прищурился.

— Вороны сказочно глупы, — продолжил Дермотт. — Если застрелишь одну, тут же прилетает вторая. Застрелишь ее — прилетит еще

одна, затем еще и еще. Сколько ни стреляй — они все продолжают лететь под пули.

Гурни и раньше об этом слышал — что вороны не оставляют своих умирать в одиночестве. К умирающей вороне всегда прилетают другие, чтобы побыть рядом. Впервые эту историю ему рассказала бабушка, когда ему было лет десять, и ему тогда пришлось выбежать в ванную, чтобы она не видела, как он плачет.

— Я как-то видел фотографию одного фермера из Небраски, — сказал Дермотт с аппетитом хорошего рассказчика. — Он стоял с ружьем рядом с кучей дохлых ворон, которая доходила ему аж до шеи. — Он помедлил, как бы давая Нардо подумать о суицидальном безрассудстве ворон и об отношении этой истории к текущим событиям.

Нардо покачал головой:

— Вы что, всерьез считаете, что можете тут засесть, по очереди застрелить всех копов, которые повалят сюда через эту дверь, и не лишиться головы в процессе? Так не бывает.

— Конечно не бывает. Человек, который воспринимает все буквально, обедняет свою жизнь, лейтенант. Мне нравится история про ворон, но есть гораздо более эффективные способы избавиться от паразитов, чем отстреливать их поодиночке. Например, их можно потравить газом. Это очень эффективно, если наладить систему подачи газа. Быть может, вы уже заметили, что здесь в каждой комнате есть брызгалки? В каждой, кроме одной. — Он снова сделал паузу, и глаза его торжественно блестели. — Так что если я вас застрелю и вороны полетят на звук, я открою два маленьких краника — и двадцать секунд спустя... — Он широко улыбнулся. — Вы представляете, что концентрированный газообразный хлор делает с человеческими легкими? И главное, с какой скоростью?

Гурни наблюдал, как Нардо пытается оценить реальность угрозы. В какой-то момент ему показалось, что он вот-вот не сдержится и бросится на Дермотта, но вместо того он сделал несколько тихих вздохов, которые, по-видимому, его немного успокоили, и затем заговорил серьезно и торопливо:

— Соединения с хлором непредсказуемо себя ведут. Мне приходилось с ними работать в отделе по борьбе с терроризмом. Один умник в ходе эксперимента случайно выделил трихлорид азота. Опомниться не успел — ему палец оторвало. Может оказаться не так просто провести вашу смесь через брызгалки. Я вообще сомневаюсь, что это возможно.

— Вы зря тратите время, пытаясь меня одурачить, лейтенант. Ощущение, что вы сейчас используете технику из пособия для начинающих копов. Что там сказано? «Выразите скепсис в отношении

плана преступника, поставьте его компетентность под сомнение, спровоцируйте его на то, чтобы он углубился в детали»? Если вам нужны детали, не надо меня дурить, можно просто спросить напрямую. У меня секретов нет. Зато у меня есть два двухсотлитровых баллона, наполненных газообразным хлором и аммиаком, управляемых промышленным компрессором, и они напрямую подключены к трубке, ведущей к брызгалкам по всему дому. В этой комнате есть еще два вентиля, которые объединят четыреста литров и высвободят огромный объем концентрированного газа. Что же касается маловероятного побочного образования трихлорида азота и последующего взрыва, то я был бы только рад, но придется довольствоваться просто тем, что все отделение полиции Вичерли задохнется. Было бы отрадно видеть, как вас всех разносит на кусочки, но необходимо знать меру. Лучшее, как говорится, враг хорошего.

— Мистер Дермотт, зачем вам все это нужно?

Дермотт поднял бровь, карикатурно изображая, что всерьез задумался над этим вопросом.

— Сегодня утром я получил по почте записку.

*Таит опасность солнце, таит опасность снег,
Опасен день, опасна ночь, закончится твой бег.*

Он процитировал стишок Гурни издевательским тоном, бросив на него вопросительный взгляд. — Все пустые угрозы, конечно, но я искренне благодарен тому, кто мне это прислал. Он напомнил мне, что жизнь коротка и не стоит откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня.

— Не понимаю, о чем идет речь, — искренне признался Нардо.

— А вы просто делайте, что скажу, — и в результате все прекрасно поймете.

— Отлично, нет проблем. Я просто не хочу, чтобы кто-то беспричинно пострадал.

— Такого, конечно, не будет. — Червивая улыбка снова мелькнула и исчезла. — Никому этого не надо. Кстати, чтобы избежать беспричинных страданий, мне нужно, чтобы вы легли на пол лицом вниз, прямо сейчас.

Круг замкнулся. Что дальше? Гурни пытался прочесть выражение лица Нардо. Сколько он успел понять? Знает ли он уже, кто эта женщина в кресле и кто этот улыбающийся псих с бутылкой виски и револьвером?

Должно быть, он как минимум понял, что Дермотт убил Сассека. Этим бы объяснялась ненависть, которую он различал в его глазах. Напряжение

снова стало нарастать. Нардо начал заводиться, его поглотило первобытное, безразличное к последствиям чувство, подавляющее рассудок. Дермотт тоже это заметил, но это его не напугало, а, напротив, окрылило, придало ему сил. Он сильнее сжал револьвер, и на этот раз его улыбка обнажила ряд блестящих зубов.

За долю секунды до того, как пуля 38-го калибра могла бы прервать жизнь Нардо, и за пару секунд до того, как вторая пуля убила бы его самого, Гурни вдруг страшно, яростно закричал:

— Делай, что он говорит! На пол, быстро! Я сказал — быстро!

Эффект оказался потрясающим. Противники замерли на местах, их противостояние разбилось о неожиданное выступление Гурни.

То, что все были живы, подсказывало ему, что он на верном пути, но он сам не понимал, что это за путь. Насколько он мог понять по мимике Нардо, тот почувствовал себя преданным. Более непроницаемый Дермотт явно был в замешательстве, но стремился, как подозревал Гурни, не дать замешательству подорвать его контроль над ситуацией.

— Отличный совет исходит от вашего друга, — сказал он Нардо. — Я бы ему на вашем месте незамедлительно последовал. У детектива Гурни такой острый ум. Он вообще интересный человек. Знаменитость. Столько можно узнать, просто набрав его имя в поисковике! А уж если набрать имя и индекс — поразительно. В мире не осталось ничего приватного. — Хитрый тон Дермотта вызвал волну тошноты в груди у Гурни. Ему пришлось напомнить себе, что коньком Дермотта было убеждать людей, что он знает о них больше, чем ему известно на самом деле. Но мысль, что его неспособность подумать наперед и глупая история с маркой могли подвергнуть Мадлен опасности, свербила в мозгу — и была невыносима.

Нардо нехотя опустился на пол и принял позу человека, который собирается отжиматься. Дермотт приказал ему накрыть голову руками, «если его не затруднит». В какое-то мучительное мгновение Гурни показалось, что это подготовка к убийству. Но Дермотт, с удовлетворением взглянув на лежащего ниц лейтенанта, осторожно поставил бутылку виски на сундук рядом с игрушечной птицей, в которой Гурни сейчас распознал гуся. Он вспомнил подробность из отчетов экспертов: на месте убийства обнаружили гусиный пух. Затем Дермотт нагнулся к правой лодыжке Нардо, вытянул небольшой автоматический пистолет, спрятанный в кобуре, и убрал его к себе в карман. Его многозначительная улыбка снова появилась и погасла.

— Знание, где искать скрытое оружие, — пояснил он с пугающей серьезностью, — это ключ к предотвращению трагедии. Столько оружия,

столько оружия в неправильных руках! На этом месте вечно кто-нибудь возьмет и скажет, что, дескать, оружие никого не убивает, это люди убивают людей. И в этих словах, как ни крути, есть доля истины. Люди действительно убивают людей. Кому это знать, как не представителям вашей профессии?

Гурни добавил в список вещей, которые знал наверняка, тот факт, что эти витиеватые речи, адресованные заложникам, вежливый тон, угрожающие нотки — все то, что ему уже было знакомо по запискам, — должны были поддерживать у убийцы ощущение всемогущества.

Будто бы в подтверждение этой мысли, Дермотт повернулся к нему и голосом услужливого дворецкого прошептал:

— Не будете столь любезны сесть вон там возле стены? — Он кивнул на кресло слева от кровати, рядом со столом, на котором лежали чеки в рамках. Гурни без возражений подошел к креслу и сел в него.

Дермотт снова посмотрел на Нардо, и его ободряющий тон не вязался с ледяным взглядом.

— Мы с вами скоро разберемся. Нам только нужно дождаться еще одного участника событий. Благодарю вас за терпение.

Было видно, как Нардо напряг мышцы челюсти и его щеки и шея покраснели.

Дермотт быстро пересек комнату и, наклонившись через высокие боковины кресла, прошептал что-то сидевшей в нем женщине.

— Мне надо в туалет, — произнесла она, поднимая голову.

— На самом деле ей не надо, — пояснил Дермотт, поворачиваясь к Гурни и Нардо. — Это катетер создает раздражение. У нее уже много лет этот катетер. Неудобно, конечно, но если посмотреть с другой стороны, то очень даже удобно. Господь дал, Господь взял. Орел и решка. Одного без другого не бывает. Была какая-то песенка на эту тему... — Он задумался, как будто вспоминая слова, весело промурлыкал знакомую мелодию, затем, все еще сжимая револьвер в правой руке, левой помог женщине подняться из кресла. — Вставай, дорогая, пора баюшки.

Он повел ее маленькими прерывистыми шагами к кровати и помог ей прилечь, откинувшись на подушки, повторяя голосом маленького мальчика:

— Баюшки-баю, баю-баюшки-баю.

Направляя револьвер куда-то посередине между Нардо и Гурни, он неспешно огляделся, ни на чем не задержавшись взглядом. Было непонятно — видел ли он то, что было на самом деле, или то, что происходило здесь много лет назад. Затем он посмотрел на женщину в кровати и уверенным голосом Питера Пэна произнес:

— Все будет хорошо. Все будет так, как должно было быть, — затем он начал тихонько напевать ей. Гурни вскоре узнал детскую песенку и различил слова: «А мы пойдем по ягоды прохладным утром ранним». Возможно, дело было в его нелюбви к нелогичным детским песенкам в целом, возможно, у него закружилась голова, а возможно, дело было в чудовищной неуместности сейчас этой нежной мелодии, но Гурни почувствовал, что его сейчас стошнит.

Тогда Дермотт изменил слова и запел, на детский лад:

— А мы ложимся баиньки холодным утром ранним...

— Мне надо в туалет, — дребезжала старушка.

Дермотт продолжил напевать, будто бы убаюкивая ее. Гурни задумался, насколько он в этот момент был сосредоточен. Достаточно ли он был занят, чтобы рискнуть и повалить его? Вряд ли. Подвернется ли другой удобный момент? Если обещание пустить ядовитый газ было правдой, а не жуткой фантазией, то сколько еще времени у них было в запасе? Он подозревал, что немного.

В доме наверху было пугающе тихо. Не было никаких признаков, что кто-то из полицейских обнаружил пропажу лейтенанта или счел ее значимой. Никаких громких голосов, торопливых шагов, никаких вообще признаков деятельности, а это значило, что спасение собственной жизни и жизни Нардо зависело от того, что он может сделать сам в ближайшие пять или десять минут, чтобы расстроить планы психа, который в этот момент взбивал подушки на кровати.

Дермотт прекратил петь. Затем он встал у кровати так, что ему стало одинаково удобно целиться в Нардо и Гурни, и принялся водить между ними револьвером, целясь то в одного, то в другого. Гурни догадался по ритмичным движениям и по шевелению его губ, что он бормочет «Вышел месяц из тумана». Вероятность того, что это через несколько секунд закончится выстрелом, была ужасающе велика, и Гурни пустился в импровизацию.

Тихим и как можно более спокойным голосом он произнес:

— А она когда-нибудь носит серебряные башмачки?

Дермотт прекратил бормотать, и его лицо стало пустым. Он перестал водить револьвером, и дуло остановилось напротив головы Гурни.

На него не первый раз направляли пистолет, но за 47 лет жизни он никогда не чувствовал, что смерть так близка. Он ощутил покалывание, как будто вся его кровь решила спрятаться в безопасное место и разом отхлынула от кожи. Затем вдруг пришло странное спокойствие. Он вспомнил истории про людей в ледяном океане, о гипнотической

умиротворенности, которую они испытывали перед тем, как потерять сознание. Он посмотрел на Дермотта, в его асимметричные глаза — один мертвый, другой живой и полный ненависти. И в этом втором глазу он увидел, что Дермотт колеблется. Может быть, упоминание серебряных башмачков сделало свое дело — озвученный вопрос требовал ответа. Возможно, Дермотт в этот момент пытался сообразить, сколько на самом деле известно Гурни и как это знание может отразиться на воплощении его планов.

Как бы там ни было, Дермотт довольно быстро пришел в себя. Он улыбнулся, во второй раз обнажив ряд мелких белых зубов.

— Вы получили мои послания? — игриво спросил он.

Умиротворенность покинула Гурни. Он понимал, что неправильный ответ на вопрос создал бы новые проблемы. Не отвечать тоже было нельзя. Он надеялся, что под «посланиями» Дермотт имел в виду то, что они обнаружили в «Рододендроне».

— Вы про цитату из «Сияния»?

— Это было первое, — заметил Дермотт.

— И про подпись «Мистер и миссис Сцилла», — со скучающим видом произнес Гурни.

— Это второе. Но третье, я считаю, было лучшим, вам так не кажется?

— Мне показалось, что третье было глупым, — сказал Гурни, отчаянно блефуя, пытаясь вспомнить пестрые домики и их колоритного владельца.

Этот комментарий заметно разозлил Дермотта, и он произнес:

— Я не уверен, что вы вообще знаете, о чем речь, детектив.

Гурни подавил желание с этим поспорить. Он знал, что лучший способ блефовать — это молчать. Кроме того, это оставляло возможность подумать.

Единственное, что ему удалось вспомнить, было упоминание птиц, что-то, не вязавшееся со временем года. Но что это были за птицы? И в чем была несостыковка — в количестве этих птиц?..

Дермотт начинал терять терпение. Пора было что-то сказать.

— Птицы, — хитро произнес Гурни. По крайней мере, он надеялся, что это прозвучало хитро, а не беспомощно. Что-то во взгляде Дермотта подтвердило его догадку. Но о чем все-таки шла речь? Что такого было в этих птицах? Что не вязалось со временем года? Розовогрудые дубоносы! Вот о чем шла речь. Но что с того? При чем тут розовогрудые дубоносы?

Он решил продолжить блеф и посмотреть, куда это приведет.

— Розовогрудые дубоносы, — произнес он и многозначительно

подмигнул.

Дермотт постарался скрыть удивление под властной улыбкой. Гурни больше всего на свете сейчас хотел понимать, о чем идет речь, о чем он якобы знает. Сколько там было этих дубоносов? У него не было идей, что дальше говорить, как парировать следующий вопрос. Ни одной.

— Я был прав на ваш счет, — довольно произнес Дермотт. — С нашего первого разговора я сразу понял, что вы умнее большинства в вашем племени диких бабуинов. — Он помолчал, с удовлетворением кивая собственным словам. — Я доволен, — продолжил он. — Вы разумный бабуин. Значит, вы сможете оценить то, что здесь произойдет. Я даже думаю, что последую вашему совету. В конце концов, сегодня особый вечер, в самый раз для волшебных башмачков. — С этими словами он подошел к комоду у дальней стены комнаты и, не отрывая взгляда от Гурни, открыл верхний ящик и бережно достал оттуда пару туфель. Модель напоминала босоножки на небольшом каблучке, с открытым носом; такие его мать носила в церковь. Но эта пара была как будто из стекла, покрытого слоем серебряной краски.

Дермотт задвинул ящик локтем и вернулся к кровати с туфлями в одной руке и револьвером, нацеленным на Гурни, в другой.

— Благодарю вас за ценный вклад, детектив. Если бы вы не упомянули башмачки, я бы о них не вспомнил. Большинство людей в вашем положении не были бы столь любезны. — Издевательский тон этой реплики, как понял Гурни, означал: Дермотт считает, будто настолько владеет ситуацией, что способен любые слова или действия обернуть себе на пользу. Он наклонился к кровати, снял со старухи поношенные вельветовые тапочки и надел серебряные башмачки. Они пришлись впору: у нее были совсем маленькие ножки.

— Баю-баюшки-баю, баю деточку мою, — механически произнесла старушка.

— Баю-баюшки-баю, только чудищ я убью, — пропел он в ответ.

— Моя деточка ляжет ли спать? — спросила старуха голосом ребенка, который наизусть читает любимое место из сказки.

— Змею раздавить и ей голову снять, тогда твоя деточка ляжет спать.

— Моя деточка, где ты бывал?

— Чтоб кур спасти, петуха убивал.

— Моя деточка, за чем ходил?

— За кровью роз, что в саду цветут, чтоб каждый помнил — ждет его суд.

Дермотт выжидающе посмотрел на старуху, как будто ритуальный

обмен репликами был еще не завершен. Он наклонился к ней и громким шепотом подсказал:

— Что моя деточка делать станет?

— Что моя деточка делать станет? — повторила старуха таким же шепотом.

— Ворон на погибель станет сзывать, потом твоя деточка ляжет спать.

Она мечтательно провела пальцами по золотистым кудряшкам парика, как будто поправляя прическу. Ее воспаленная улыбка напомнила Гурни болезненную гримасу наркомана.

Дермотт тоже смотрел на нее. Это был неприятный взгляд, не подобающий сыну, кончик его языка гулял между губ как небольшой слизняк. Затем он моргнул и огляделся.

— Кажется, пора начинать, — оживленно произнес он. Он забрался на постель и перелез через ноги старухи к противоположному краю, где снял с сундука игрушечного гуся, затем откинулся на подушки рядом с матерью и посадил гуся на колени. — Почти все готово. — Радостный тон этого предупреждения был бы уместен, если бы говоривший расставлял свечи на именинном торте. Дермотт же с этими словами погрузил пистолет, не спуская палец с курка, в глубокий карман в спине гуся.

Господи, подумал Гурни. Неужели он вот так и застрелил Марка Меллери? Значит, вот откуда остатки гусяного пуха в крови! Неужели за мгновение до смерти Меллери видел перед собой чертову игрушку? Образ был настолько гротескным, что Гурни пришлось поперхнуться нервным смешком. Или это был спазм от страха? Как бы там ни было, а охватившее его чувство было резким и сильным. Он на своем веку повидал изрядно безумцев — садистов, сексуальных маньяков всех мастей, социопатов с ледорубами, даже каннибалов, но никогда прежде ему не приходилось разруливать такой сложносочиненный бред на расстоянии одного неправильного движения от пули в голове.

— Лейтенант Нардо, попрошу вас встать. Ваш выход. — Голос Дермотта был зловещим, ироничным, театральным.

Шепотом настолько тихим, что Гурни поначалу показалось — он ему мерещится, старуха начала бормотать: «Баю-баюшки-баю, баю-баюшки-баю». Звук был больше похож на капли воды, чем на человеческий голос.

Гурни смотрел, как Нардо разжимает сомкнутые руки, потягивается и хрустит пальцами. Он поднялся из лежачего положения с прытью человека в хорошей форме. Его взгляд скользнул со странной пары на кровати к Гурни и назад. Если что-то в происходящем и удивило его, он не подал виду. Из того, как он смотрел на гуся и руку Дермотта, впрочем, было ясно,

что он понял, где находится пистолет.

Дермотт принялся гладить гуся свободной рукой.

— Последний вопрос, лейтенант, перед тем как мы начнем, касается ваших намерений. Собираетесь ли вы делать так, как я вам скажу?

— Разумеется.

— Надеюсь, что так и будет. Я дам вам несколько указаний, а вы должны в точности им следовать. Это ясно?

— Ясно.

— Если бы я был более недоверчивым человеком, я бы сейчас усомнился в серьезности ваших намерений. Надеюсь, вы способны оценить ситуацию. Давайте я выложу все свои карты, чтобы избежать непонимания. Я собираюсь вас убить. Этот вопрос не обсуждается. Единственное, что остается под вопросом, — это в какой именно момент я вас убью. Эта часть уравнения полностью зависит от вас. Я понятно излагаю?

— Вы меня убьете. Но я решаю когда, — повторил Нардо скучающим тоном, который, казалось, развеселил Дермотта.

— Все верно, лейтенант. Вы решаете когда. До определенной степени решаете, конечно, — в конечном-то итоге все кончится так, как должно. А до того момента вы можете оставаться в живых, если будете произносить и делать то, что я вам скажу. Это ясно?

— Да.

— Не забывайте, что в любой момент у вас остается выбор немедленно умереть, просто нарушив мои инструкции. Если вы будете им следовать, это продлит драгоценные минуты вашей жизни. Соппротивление их сократит. Что может быть проще?

Нардо уставился на него не мигая.

Гурни слегка отодвинул ноги назад, к ножкам стула, чтобы при удобном случае было легче броситься в сторону кровати. Он понимал, что накал страстей вот-вот приведет к взрыву.

Дермотт прекратил гладить гуся.

— Пожалуйста, поставьте ноги так, как они стояли раньше, — сказал он, не сводя глаз с Нардо. Гурни сделал, как ему велели, восхитившись про себя потрясающим боковым зрением Дермотта. — Если вы еще раз пошевелитесь, я убью вас обоих в ту же минуту. А теперь, лейтенант, — невозмутимо продолжил Дермотт, — слушайте внимательно свое задание. Вы — актер. Пьеса про Джима, его жену и ее сына. Пьеса короткая и простая, с бурной развязкой.

— Мне надо в туалет, — сказала женщина дребезжащим голосом,

снова запустив пальцы в кудри парика.

— Все хорошо, дорогая, — сказал он, не глядя на нее. — Все будет хорошо. Все будет так, как должно было быть. — Дермотт слегка поправил положение гуся, как Гурни понял, чтобы получше прицелиться в Нардо. — Все готово?

Если бы яд из взгляда Нардо мог достичь Дермотта, тот был бы уже трижды мертв. Но он сидел, слегка изогнув уголок губ, и было неясно — улыбка это, гримаса или что-то другое.

— На этот раз я приму ваше молчание за знак согласия. Но должен предупредить. Если вы и дальше будете мешкать с ответами, я положу конец этой пьесе вместе с вашей жизнью. Это понятно?

— Да.

— Хорошо. Итак, занавес поднимается. Начинаем. Время года — поздняя осень. Время суток — поздний вечер, уже стемнело. Воздух тусклый, на земле лежит снег, скользко. Надо сказать, погода примерно как сегодня. У вас выходной. Вы провели весь день в местном баре, где пьянствовали со своими приятелями-алкашами. Именно так вы проводите все свои выходные. В начале пьесы вы как раз возвращаетесь домой. Вваливаетесь в спальню жены. У вас красное, злое лицо, мутный и тупой взгляд. В руке у бутылка виски. — Дермотт указал на бутылку виски «Четыре розы» на сундуке. — Возьмите бутылку, прямо сейчас.

Нардо сделал шаг и взял бутылку. Дермотт одобрительно кивнул.

— Вы тут же прикидываете, не сгодится ли она как оружие. Очень уместно. У вас мысли сходятся с вашим персонажем. Теперь вы стоите с этой бутылкой возле кровати, шатаясь из стороны в сторону. Вы злобно таращитесь на свою жену и ее маленького сына с игрушечным гусем. Затем обнажаете зубы, как бешеный пес. — Дермотт сделал паузу, изучая лицо Нардо. — Ну-ка обнажите зубы.

Нардо напряг и растянул губы. Гурни понимал, что выражение ярости на его лице ничуть не наигранно.

— Отлично! — похвалил Дермотт. — Идеально! У вас настоящий талант. Значит, вы стоите вот так, с налившимися кровью глазами, слюной на губах, и орете на жену: «Какого хрена он здесь делает?» И указываете при этом на меня. Моя мать отвечает: «Успокойся, Джим, он показывал мне и уте книжку со сказками». А ты говоришь: «Я что-то не вижу никакой книжки». А мама говорит: «Да вон же она, на тумбочке». Но ты одержим похабными мыслями, это видно по твоему озверевшему взгляду, они сочатся из тебя вместе с вонючим потом. Мама говорит: «Ты пьян, иди спать в другую комнату», — но ты начинаешь раздеваться. Я кричу тебе:

«Убирайся!» Но ты продолжаешь раздеваться и в итоге стоишь, голый, и смотришь на нас. Меня тошнит от одного взгляда на тебя. Мама кричит, что ты ведешь себя отвратительно. А ты говоришь: «Это кто из нас отвратительный, а, грязная сука?» Затем ты разбиваешь бутылку о бортик кровати и бросаешься на нас как огромная обезьяна, сжимая разбитую бутылку. Комната наполняется тошнотворным запахом виски. Твое тело воняет. Ты снова обзываешь мою мать сукой. Ты...

— Как ее зовут? — спросил Нардо.

Дермотт моргнул.

— Это не важно.

— Нет, важно.

— Я сказал, не важно.

— Почему?

Этот вопрос, казалось, сбил Дермотта с толку.

— Ее имя не имеет значения, потому что ты никогда не называешь ее по имени. Ты обзываешь ее ужасными словами. Ты ее совсем не уважаешь. Может быть, ты так давно не звал ее по имени, что уже и не помнишь его.

— Но вам-то известно ее имя?

— Разумеется, известно. Это моя мать. Конечно, я знаю имя своей матери.

— И как же ее имя?

— Тебе не нужно его знать. Тебе плевать.

— И все-таки я хотел бы его услышать.

— Я не хочу, чтобы ее имя было в твоём грязном мозгу.

— Если я должен притвориться ее мужем, я должен знать, как ее зовут.

— Ты должен знать только то, что я хочу, чтобы ты знал.

— Я не могу играть эту роль, если я не знаю, кто эта женщина. Мне пофиг, что вы тут говорите, — но это нелогично, чтобы я не знал имени собственной жены.

Гурни не понимал, чего Нардо пытается добиться.

Успел ли он понять, что от него требуется разыграть нападение пьяного Джимми Спинкса на Фелисити Спинкс, случившееся двадцать четыре года назад в этом доме? Дошло ли до него, что Грегори Дермотт, который год назад купил этот дом, по возрасту может оказаться сыном Джимми и Фелисити — восьмилетним мальчишкой, которого после трагедии забрала социальная служба? Понимал ли он, что старуха в кровати со шрамом на шее — почти наверняка Фелисити Спинкс, которую подросток сын забрал из заведения, куда ее определили после полученной травмы?

Надеялся ли Нардо изменить концовку «пьесы», назвав вещи своими именами? Пытался ли он просто отвлечь убийцу, надеясь что-то придумать? Или он действовал наугад и тянул время, стараясь как можно дальше отодвинуть то, что планировал Дермотт?

Была, впрочем, и другая вероятность. То, что делал Нардо, и то, как реагировал Дермотт, могло вообще не иметь никакого логического объяснения. Это могло быть примитивное противостояние вроде того, когда маленькие мальчики лупят друг друга пластиковыми совочками в песочнице, а разъяренные взрослые мужчины бьются насмерть в барах. С тяжелым сердцем Гурни пришлось признать, что эта догадка была не лучше всех прочих.

— Кажется тебе это логичным или нет — совершенно неважно, — сказал Дермотт, снова поправляя гуся и не отрывая взгляда от горла Нардо. — Твои мысли вообще не имеют значения. Давай раздевайся.

— Сперва скажи, как ее зовут.

— Ты должен раздеться, разбить бутылку о бортик и броситься на кровать как дикая обезьяна. Как тупое, вонючее, гадкое чудовище.

— Как ее зовут?

— Пора.

Гурни обратил внимание на едва заметное движение мускулов на предплечье Дермотта — это значило, что он напряг палец на курке.

— Скажи мне ее имя.

Гурни наконец понял, что происходит. Нардо положил на кон все — всю свою жизнь, — чтобы заставить противника ответить на этот вопрос. Дермотт в свою очередь был готов на все, чтобы сохранить контроль над ситуацией. Гурни не знал, понимает ли Нардо, насколько человек, которого он пытался сломить, одержим манией контроля. Ребекка Холденфилд, равно как и все, кто что-то смыслил в серийных убийцах, утверждала, что они добивались контроля любой ценой, шли на любой риск. Ощущение всемогущества и всеведения — вот в чем было их высшее наслаждение. Вставать на пути у этой мании без оружия в руках было самоубийством.

Непонимание этого обстоятельства поставило Нардо лицом к лицу со смертью, и на этот раз Гурни не мог спасти его, закричав, чтобы он подчинился. Это была одноразовая тактика.

Жажда крови со скоростью грозового облака застилала Дермотту глаза. Гурни еще никогда не чувствовал себя настолько бессильным. Он не знал, как остановить палец, лежащий на курке.

И тогда он услышал голос, ясный и прохладный, как чистое серебро. Вне всяких сомнений, это был голос Мадлен, много лет назад произнесший

эту фразу, когда Гурни бился над одним безнадежным делом и почти отчаялся:

— Из тупика всегда есть один выход.

Ну конечно, понял он. Это же до смешного очевидно. Надо просто развернуться и пойти в другую сторону.

Чтобы остановить человека, одержимого желанием контролировать ситуацию и готового на убийства, чтобы сохранить контроль, необходимо было пойти против собственных инстинктов. Слыша голос Мадлен в голове, он понял, что ему нужно сделать. Это было возмутительно, откровенно безответственно и с юридической точки зрения необратимо, если что-то пойдет не так. Но он знал, что это сработает.

— Давай, давай, Грегори! — закричал он. — Застрели его!

Возникло секундное замешательство, когда оба мужчины, казалось, пытались совладать с тем, что только что услышали, как будто необходимо было примириться с громом, раздавшимся среди ясного неба. Дермотт несколько отвлекся от Нардо, и гусь немного сдвинулся в сторону кресла, в котором сидел Гурни.

Губы Дермотта растянулись в мрачном подобии улыбки.

— Что вы говорите? — переспросил он подчеркнуто непринужденно, и Гурни услышал в его голосе неуверенность.

— Ты слышал, что я сказал, — ответил он. — Я сказал тебе пристрелить его.

— Ты... сказал... мне?..

Гурни нарочито нетерпеливо вздохнул:

— Ты тратишь мое время.

— Трачу время?.. Ты что о себе вообразил? — Гусь с револьвером сдвинулись чуть дальше в его направлении. Непринужденность исчезла.

Нардо смотрел на них широко открытыми глазами. Гурни не мог расшифровать смесь чувств, скрытую за удивлением. В этот момент, как будто Нардо требовал объяснений, Гурни повернулся к нему и пояснил самым будничным тоном:

— Грегори любит убивать мужчин, которые напоминают ему отца.

Из горла Дермотта вырвался сдавленный звук, похожий на застрявший крик. Гурни продолжал смотреть на Нардо.

— Проблема в том, что иногда его нужно к этому слегка подталкивать. Он как-то заигрывается в процессе. И к тому же временами ошибается. Ух ты, а что, это идея! — воскликнул он и оценивающе посмотрел на Дермотта, напряженно наблюдавшего за ним. — «Тот, кто заиграется, часто ошибается». Как тебе, Грегори? Может получится новый стишок! — Он

даже хотел подмигнуть ошарашенному убийце, но решил, что это будет перебор.

Дермотт смотрел на него с ненавистью, растерянностью и еще каким-то неясным чувством. Гурни надеялся, что в его уме зародилась куча вопросов, на которые человек, одержимый манией контроля, захочет узнать ответы, прежде чем убивать того, кто способен эти ответы дать. Реакция Дермотта его обнадежила.

— Я ошибаюсь?

Гурни уверенно кивнул:

— Частенько притом.

— Детектив, вы лжец. Я никогда не ошибаюсь.

— Неужели? А как это называется — невинные осечки?

Уже произнося это, он успел задуматься, могло ли это оказаться смертельной ошибкой. В любом случае пути к отступлению не оставалось. Кончики губ Дермотта едва заметно подрагивали. Откинувшись на подушках в противоестественно расслабленной позе, он выглядел так, будто смотрел на Гурни из логова в самом аду.

В действительности Гурни знал только про одну ошибку Дермотта — ошибку с чеком Карча, про которую наконец все понял всего четверть часа назад, когда взглянул на копию чека на столике. Но что, если заявить, что он знал про ошибку с самого начала? Какой эффект это может оказать на человека, который так отчаянно хочет верить, что все это время именно он контролировал ситуацию?

Слова Мадлен снова пришли ему на ум, но на этот раз фраза прозвучала наоборот. Если некуда отступать, мчи вперед очертя голову. Он повернулся к Нардо, как будто маньяка можно было спокойно игнорировать.

— Смешнее всего он ошибся, когда называл мне имена людей, которые отправили ему чеки. Среди имен значился Ричард Карч. А дело в том, что Карч прислал ему чек в конверте без обратного адреса, опознавательным было только имя «Р. Карч» на чеке, и подпись была такая же. Буква «Р» могла означать — Роберт, Ральф, Рандольф, Руперт и еще дюжину имен. Однако наш Грегори знал, что это именно Ричард, хотя утверждал, что незнаком с отправителем и ничего не знает о нем, кроме имени и адреса на чеке, который я видел в Созертоне. Я тогда сразу понял, что он врет. И причина была очевидной.

Нардо не выдержал:

— Вы знали?! Так какого черта вы не сказали нам, чтобы мы могли его повязать?

— Я знал, что он делает и зачем он это делает, и у меня не было причин его останавливать.

Нардо выглядел так, будто попал в незнакомую вселенную.

Резкий стук привлек внимание Гурни к кровати. Старуха постукивала серебряными башмачками, как Элли, которая засобиралась домой в Канзас. Гусь с револьвером был нацелен на Гурни. Дермотт старательно — по крайней мере, Гурни надеялся, что это потребовало старания, — делал вид, что его не задело откровение про Карча. Чеканя слова, он сказал:

— Не знаю, в какую игру вы сейчас играете, детектив, но я положу ей конец.

Гурни, призвав на помощь все свои скрытые актерские способности, попытался говорить с уверенностью человека, у которого за пазухой припрятан небольшой пулемет.

— Прежде чем угрожать, — негромко произнес он, — убедитесь, что хорошо понимаете положение вещей.

— Положение вещей? Я стреляю — вы умираете. Я стреляю снова — он умирает. Бабуины прорвутся сквозь дверь — они тоже умирают. Таково сейчас положение вещей.

Гурни закрыл глаза и оперся головой об стенку, глубоко вздохнув.

— Вы даже не представляете... — начал он, затем устало покачал головой. — Нет, конечно же не представляете. Откуда вам знать.

— Чего же я не представляю, детектив? — поинтересовался Дермотт, сделав издевательский напор на звании.

Гурни засмеялся. Это был нехороший смешок, который должен был вызвать у Дермотта вопросы, но он также отражал смятение, происходившее у Гурни в голове.

— Угадайте, скольких я убил, — прошептал он, в упор уставившись на Дермотта и отчаянно надеясь, что тот не поймет, что он просто тянет время, импровизируя на ходу, надеясь, что копы наконец-то заметят исчезновение Нардо. Черт побери, почему они до сих пор этого не заметили? Или заметили?.. Башмачки продолжали постукивать один о другой.

— Чертовы копы все время кого-то убивают, — отозвался Дермотт. — Мне-то что.

— Я не имею в виду людей вообще. Я имею в виду людей вроде Джимми Спинкса. Знаете, сколько таких я положил?

Дермотт моргнул:

— О чем вы?

— Об алкашах. Об избавлении мира от пьяных животных, об

уничтожении гнусных отбросов.

Кончики губ Дермотта снова задрожали. Одно было понятно: Гурни его заинтриговал. Но что дальше? Оставалось только продолжать эту игру. Другого выхода не было видно. Он продолжил, сочиняя слова на ходу:

— Однажды, когда я еще был новобранцем и служил на автовокзале Порт-Оторити, мне велели убрать бомжей от одного из выходов. Один отказался уходить. От него за километр разило виски. Я сказал ему убираться из помещения, а он, вместо того чтобы направиться к двери, попер на меня и достал из кармана ножик с зазубринами, каким обычно апельсины чистят. Двое свидетелей, видевшие стычку с эскалатора, сказали, что я застрелил его в порядке самообороны. — Он сделал паузу и улыбнулся. — Но это была неправда. Если бы я захотел, я мог бы скрутить его безо всякого труда. Но я выстрелил ему в лицо и разможил его голову. Знаешь, зачем я это сделал, Грегори?

— Баю-баюшки-баю, — произнесла старуха, обгоняя ритм, в котором постукивала башмачками. Дермотт едва заметно приоткрыл рот, но молчал.

— Я это сделал, потому что он напомнил мне моего отца, — сказал Гурни, яростно повышая голос. — Напомнил отца в ту ночь, когда он разбил о голову моей матери заварной чайник в форме башки дурацкого клоуна.

— Не повезло тебе с отцом, — холодно отозвался Дермотт. — Но, знаешь, твоему сыну вообще-то тоже.

Это заявление уничтожило всякие сомнения насчет осведомленности Дермотта. В этот момент Гурни захотелось рискнуть получить пулю, лишь бы вцепиться ему в глотку.

Издевка усилилась — возможно, Дермотт почувствовал, что Гурни теряет самообладание.

— Хороший отец не даст четырехлетнему ребенку попасть под машину и не даст водителю безнаказанно уйти.

— Ах ты, дерьмо, — пробормотал Гурни.

Дермотт засмеялся от восторга:

— Фу, как вульгарно! А я-то начал было думать, что ты тоже поэт. Думал, мы можем продолжить обмениваться виршами. У меня даже готов стих. Как тебе? Послушай.

*Сбившая машина бесследно унеслась,
А великий сыщик лицом ударил в грязь.
Матери мальчонки что сказать ты смог,
Когда в одиночку поднялся на порог?*

Странный животный звук вырвался у Гурни из груди. Сдавленная ярость. Дермотт заворожено наблюдал.

Нардо тем временем ждал подходящего момента. Его мощная правая рука поднялась, описала дугу и со страшной силой опустила запечатанную бутылку «Четырех роз» на голову Дермотта. Дермотт успел заметить движение и стал перенаправлять револьвер в гусе на Нардо, но в этот момент Гурни рванулся вперед и упал на кровать, приземлившись грудью на гуся ровно в тот момент, когда тяжелое дно бутылки вонзилось в голову Дермотта. Револьвер выстрелил, наполняя воздух вокруг пухом. Пуля прошла под Гурни и попала в стену там, где он сидел, разбив настольную лампу, единственную в комнате. В темноте было слышно, как Нардо тяжело дышит сквозь сжатые зубы. Старуха негромко застонала дрожащим голосом, это было похоже на неуверенную колыбельную. Затем раздался оглушительный грохот, тяжелая железная дверь в комнату распахнулась, и на пороге выросла фигура огромного человека, а за ней — фигура поменьше.

— Стоять! — закричал великан.

Глава 52

Смерть перед рассветом

Поспела подмога. Запоздало, но это было к лучшему. Учитывая талант Дермотта все видеть наперед и его жажду «убить воронье», оставалась вероятность, что, пойдя все по-другому, не только подросшие копы, но и Нардо с Гурни получили бы пулю в горло. На выстрелы сбежалось бы все остальное отделение, и Дермотт открыл бы вентиль, распыляя хлор и аммиак через пожарные брызгалки...

В сложившихся обстоятельствах главной жертвой, если не считать разбитую лампу и выбитую дверь, был сам Дермотт. Бутылка, запущенная ему в голову со всей исполинской яростью Нардо, ввергла его в подобие комы. Изогнутый осколок отскочил и вонзился в голову Гурни в районе линии волос.

— Мы слышали выстрел. Что случилось? — спросил запыхавшийся великан, сияясь что-либо разглядеть в темноте.

— Все под контролем, Томми, — отозвался Нардо, но неровный голос выдавал его. В тусклом свете, сочившемся из подвала, Гурни узнал во

втором силуэте офицера Пат с неестественно синими глазами. Держа наготове тяжелый пистолет и не сводя глаз с кровати, она прошла в дальний угол комнаты и включила лампу, стоящую рядом с креслом, где до этого сидела старуха.

— Не возражаете, если я встану? — спросил Гурни, который все еще лежал на коленях Дермотта поверх гуся.

Большой Томми посмотрел на Нардо.

— Конечно, — сказал Нардо сквозь зубы. — Пусть встает.

Гурни осторожно слез с кровати и обнаружил, что по его лицу течет кровь. Возможно, именно вид крови помешал Нардо немедленно броситься на него за то, что несколько минут назад он подбивал безумного маньяка застрелить его.

— Господи, — пробормотал Томми, глядя на кровь.

Избыток адреналина не дал Гурни почувствовать боль. Он коснулся лица и удивился, что оно влажное, затем посмотрел на руку и удивился, что она красная.

Синеглазая Пат без выражения посмотрела на него.

— Вызвать скорую? — спросила она у Нардо.

— Да, пусть приезжают, — отозвался тот, помедлив.

— Им тоже? — спросила она, кивнув на странную парочку на кровати. Ее взгляд привлекли серебряные башмачки. Она сощурилась, будто пытаясь прогнать обман зрения.

Помолчав, он выжал из себя брезгливое «да».

— Машины отозвать? — спросила она, поморщившись, очевидно поняв, что башмачки ей не пригрезились.

— Что? — переспросил он, снова помедлив. Он смотрел на осколки лампы и на пулевое отверстие в стене.

— Наши ребята патрулируют район на машинах и опрашивают соседей. Всех собрать?

Казалось, что решение дается ему с неожиданно большим трудом. Наконец он сказал:

— Да, собирайте.

— Хорошо, — отозвалась она и вышла из комнаты.

Большой Томми с откровенной неприязнью рассматривал рану на голове Дермотта. Бутылка от «Четырех роз» приземлилась на подушке между ним и старухой, чей кудрявый парик съехал набок, отчего ее голова казалась повернутой на пол-оборота.

Гурни рассматривал броскую этикетку на бутылке и наконец-то нашел ответ, который так долго искал. Он вспомнил слова Брюса Плюма о том,

что Дермотт (он же мистер Сцилла) утверждал, будто видел четырех розовогрудых дубоносов, и зачем-то несколько раз подчеркнул цифру четыре. Гурни осенило, на что он таким образом намекал. «Четыре розы»! Как и подпись «Мистер и миссис Сцилла» в журнале посетителей, это сообщение было еще одной загадкой в его хитроумной игре по одурачиванию тупых злых копов. Поймайте меня, если сможете.

Минуту спустя Пат вернулась и деловито сообщила:

— Скорая едет. Все машины в пути. Опрос соседей отменен.

Она мрачно посмотрела на кровать. Старуха издавала странные звуки, одновременно напоминающие причитание и мычание. Дермотт лежал неподвижный и бледный.

— Он вообще жив? — спросила Пат без особого интереса.

— Понятия не имею, — отозвался Нардо. — Проверьте на всякий случай.

Она поджала губы, подошла к телу и пощупала пульс на шее.

— Да, живой. А с ней что?

— Это жена Джимми Спинкса. Ты слышала про Джимми Спинкса?

Она покачала головой:

— Кто это?

Он помедлил, потом сказал:

— Забудь.

Она пожала плечами, как будто забывать было естественной частью ее работы.

Нардо несколько раз глубоко вздохнул.

— Идите с Томми наверх, встаньте на входе. Теперь мы знаем, что это и есть сукин сын, который всех убил, так что придется по новой вызывать экспертов и просеивать весь этот чертов дом через сито.

Пат и Томми обменялись недовольными взглядами, но вышли из комнаты без разговоров. Проходя мимо Гурни, Томми произнес:

— У вас осколок из головы торчит.

Он произнес это так буднично, точно речь шла о пылинке на плече.

Нардо дождался, когда их шаги стихнут на лестнице, и только тогда заговорил.

— Отойдите от кровати, — сказал он, и голос его был нервным.

Гурни понимал, что на самом деле он хочет, чтобы он отошел подальше от оружия — револьвера Дермотта в разодранной игрушке, пистолета Нардо и тяжелой бутылки. Он спокойно отошел.

— Отлично, — произнес Нардо, явно стараясь держать себя в руках. — А теперь у вас есть один-единственный шанс все объяснить.

— Можно я сяду?

— Да можете хоть на уши встать! Объяснитесь, сейчас же.

Гурни сел на кресло рядом с разбитой лампой.

— Он собирался стрелять. Еще секунда — и у вас была бы пуля в горле. Или в голове. Или в сердце. Был только один способ его остановить.

— Вы не пытались его остановить. Вы сказали ему застрелить меня. — Нардо сжал кулаки так сильно, что костяшки побелели.

— Но он ведь этого не сделал.

— Но вы его к этому подталкивали.

— Иначе его было не остановить.

— Остановить? Вы спятили! — зарычал Нардо, уставившись на Гурни как бойцовский пес, готовый сорваться с цепи.

— Факт остается фактом: вы живы.

— То есть вы считаете, что я жив, потому что вы сказали ему меня пристрелить? Вы хоть сами понимаете, какой это бред?

— Серийные убийцы одержимы манией контроля — тотального. Для безумного Грегори было важно контролировать не только настоящее и будущее, но и прошлое. Сцена, которую он вас пытался заставить разыграть, — это повторение трагедии, которая произошла в этом доме двадцать четыре года назад, но с одним ключевым отличием. В то время маленький Грегори не мог остановить отца и защитить мать. Эта история навсегда изменила ее, и его тоже. Взрослый Грегори хотел отмотать пленку назад, чтобы все повторилось и он смог изменить финал. Он хотел, чтобы вы проделали все, как его отец, — до момента, когда тот замахнулся бутылкой. В ту секунду он собирался вас застрелить, чтобы избавиться от пьяного чудовища и спасти свою мать. Все его убийства были про это — попытки подчинить себе и уничтожить Джимми Спинкса, убивая других алкашей.

— Гэри Сассек не был алкашом.

— Возможно, не был. Но Гэри Сассек уже работал в полиции во времена Джимми Спинкса, и Грегори мог узнать в нем приятеля отца. Может быть, они даже выпивали вместе. А то, что вы тоже в то время работали, сделало вас подходящей заменой самого отца — идеальным способом вернуться назад и изменить ход истории.

— Вы сказали ему застрелить меня! — не успокаивался Нардо, но, к облегчению Гурни, уверенности в его голосе поубавилось.

— Я сказал ему вас застрелить, потому что лучший способ остановить одержимого контролем убийцу, когда слово твое единственное оружие, — это заставить его усомниться, что именно он контролирует ситуацию. Часть

фантазии о всемогуществе заключается в том, что именно он принимает все решения, что все зависит от него, а над ним ни у кого нет власти. Необходимо разрушить эту уверенность, обставив дело так, будто он делает именно то, чего вы от него хотите. Противостоять ему напрямую значит получить пулю. Молить о пощаде — тоже значит получить пулю. Но скажите ему, что это вы хотите, чтобы он поступил так, как собирался, — и происходит замыкание.

Нардо слушал так, будто старался найти в его повествовании слабые места.

— Вы говорили очень уж естественно. С такой ненавистью, будто и впрямь хотели, чтобы он меня прикончил.

— Если бы я звучал ненатурально, мы бы сейчас с вами не разговаривали.

Нардо сощурился:

— А как же насчет расстрела в Порт-Оторити?

— В каком смысле?

— Вы грохнули там какого-то бомжа, потому что он напоминал вашего пьющего папашу.

Гурни улыбнулся.

— Что здесь смешного?

— Две вещи. Во-первых, я никогда не работал в Порт-Оторити. Во-вторых, за двадцать пять лет в полиции я ни разу не стрелял из своего пистолета.

— То есть это все чушь собачья?

— Мой отец действительно пил, это... сложная тема. Он все равно что постоянно отсутствовал, даже когда был рядом. Но убийство какого-то случайного бедолаги не исправило бы ситуацию.

— Ну и какой был смысл гнать эту пургу?

— Смысл в том, что мы в результате имеем.

— Чего?..

— Господи, лейтенант, да я просто пытался отвлечь его и тянул время, чтобы вы успели что-нибудь сделать с помощью чертовой бутылки.

Нардо тупо уставился на него, будто информация перестала помещаться в его мозгу.

— А то, что мальчишку переехала машина, — тоже пурга?

— Нет. Это правда. Его звали Дэнни. — Голос Гурни стал хриплым.

— И водилу так и не поймали?

Гурни покачал головой.

— Никаких зацепок?

— Один очевидец сказал, что машина была красной «БМВ», что она весь вечер стояла напротив кабака, и когда из кабака к этой машине подошел хозяин, он был откровенно пьян.

Нардо задумался:

— И что, никто в баре не дал наводки?

— Его там никто не знал, он пришел впервые.

— Давно это было?

— Четырнадцать лет и восемь месяцев тому назад.

Они несколько минут помолчали, затем Гурни не спеша, тихим голосом продолжил:

— Я отвел его на детскую площадку в парке. По тротуару мимо шел голубь, и Дэнни пошел за ним. Я думал о своем, об убийстве, которое тогда расследовал. Голубь сошел с тротуара на дорогу, и Дэнни за ним погнался. Когда я понял, что происходит, было слишком поздно. Его сбили.

— У вас есть другие дети?

Гурни помедлил с ответом.

— С матерью Дэнни — нет.

Затем он закрыл глаза, и оба долгое время молчали. Нардо первым нарушил тишину:

— Значит, это Дермотт убил вашего приятеля, сомнений нет?

— Сомнений нет, — отозвался Гурни и поразился усталости, сквозившей в обоих голосах.

— И других он же?

— Похоже на то.

— Почему именно сейчас?

— В каком смысле?

— Зачем он так долго ждал?

— Ждал удобного момента, а может, вдохновения или прозрения. Я предполагаю, что он работал над какой-нибудь системой безопасности для большой базы данных медицинского страхования. И в какой-то момент решил написать программу, которая на основе этой базы создаст список людей, которые лечились от алкоголизма. Возможно, так все и началось. Думаю, открывшиеся возможности вскружили ему голову и он придумал схему — написать всему списку, чтобы вычислить тех, кому есть чего бояться. Эти люди выдали себя, отправив ему чек, и он принялся изводить их своими злобными виршами. В какой-то момент он забрал свою мать из центра, где за ней ухаживали после нападения.

— Но что он делал все эти годы, пока не появился здесь?

— Детство, вероятно, провел в интернате или у приемных родителей.

Мог пойти по скользкой дорожке. Потом увлекся компьютерами — скорее всего, через игры, — и открыл в себе способности к этому делу, причем немалые. Вплоть до того, что окончил Массачусетский технологический институт.

— И в какой-то момент сменил имя?

— Может быть, когда ему исполнилось восемнадцать. Уверен, что для него невыносимо было носить фамилию отца. Я не удивлюсь, если окажется, что Дермотт — девичья фамилия Фелисити Спинкс.

Нардо презрительно скривил губы.

— Жаль, что вы не догадались пробить его по базе перемены имен в самом начале всей этой заварухи.

— Строго говоря, для этого не было повода. Но даже если бы мы это сделали, тот факт, что Дермотта раньше звали Спинксом, ничего не значил бы для тех, кто занимался делом Меллери.

Было видно, что Нардо старательно откладывает эту информацию на потом, чтобы поразмыслить над ней, когда в голове прояснится.

— Но зачем этот псих вообще решил вернуться в Вичерли?

— Наверное, потому что двадцать четыре года назад здесь напали на его мать. А может, его захватила идея переписать историю. Или узнал, что дом продается, и не смог устоять. Возможно, увидел в этом шанс поквитаться не только с алкоголиками, но и с полицейским управлением Вичерли. Вариантов много, и если он сам не захочет нам рассказать правду, мы ее так и не узнаем. А Фелисити Спинкс вряд ли нам что-то расскажет.

— Вряд ли, — согласился Нардо, но его явно мучило что-то еще. Он выглядел озабоченно.

— В чем дело? — спросил Гурни.

— Что? А, нет, ничего. Правда ничего. Я так, подумал... а вам действительно было не все равно, что кто-то убивает алкашей?

Он не знал, что ответить. Уместным вариантом было бы сказать, что он не вправе судить, кто из жертв был достоин смерти. Был еще циничный вариант: что искать разгадку для него было важнее, чем восстановить справедливость, игра была важнее человеческих судеб. В любом случае ему совершенно не хотелось обсуждать это с Нардо, но он чувствовал, что промолчать нельзя.

— Если вы хотите узнать, получал ли я удовольствие оттого, что кто-то символически мстил алкашу, сбившему моего сына, то ответ отрицательный.

— Вы так уверены?

— Я уверен.

Нардо недоверчиво посмотрел на него, затем пожал плечами. Казалось, ответ Гурни прозвучал для него неубедительно, но ни одному из них не хотелось продолжать этот разговор.

Было похоже, что вспыльчивый лейтенант сдулся. Остаток вечера был занят рутинным процессом определения приоритетов и подведения итогов расследования.

Гурни отвезли в больницу Вичерли вместе с Фелисити Спинкс (урожденной Дермотт) и Грегори Дермоттом (урожденным Спинкс). Пока Гурни осматривал вежливый ассистент врача, Дермотта, так и не пришедшего в сознание, повезли на томографию.

Сестра, которая занималась раной Гурни, стояла настолько близко, говорила с таким придыханием и обрабатывала рану с такой заботой, что в этом сквозил какой-то неуместный эротизм. Пойти на поводу у непрошеного возбуждения, учитывая обстоятельства, было бы сумасбродством, но он все же решил воспользоваться ее расположением. Он оставил ей свой номер и попросил перезвонить, если будут какие-то изменения в состоянии Дермотта. Он хотел быть в курсе событий и не был уверен, что Нардо будет его оповещать. Сестра с улыбкой согласилась, и затем неразговорчивый коп отвез Гурни назад к дому Дермотта.

По дороге он успел позвонить по экстренной линии Шеридану Клайну и оставить сообщение с перечислением основных событий. Затем он набрал свой домашний номер и оставил сообщение для Мадлен, избежав упоминаний о пуле, о бутылке, о крови и о наложении швов. Он гадал, не стоит ли она в этот момент рядом с телефоном, слушая сообщение, но не желая с ним говорить. Увы, он не обладал ее природной прозорливостью, и это осталось загадкой.

Когда они вернулись к дому Дермотта, прошло больше часа, и улица была забита машинами полиции Вичерли, округа и штата. Большой Томми и Пат с квадратным лицом дежурили на крыльце. Гурни отправили в маленькую комнату, где он впервые разговаривал с Нардо, который сейчас сидел за тем же столом. Два эксперта в комбинезонах и перчатках прошли мимо него и направились в подвал.

Нардо подтолкнул к Гурни желтый блокнот и ручку. Если в нем до сих пор и бурлили какие-то эмоции, они полностью растворились в навалившейся бумажной волоките.

— Присядьте. Нам нужно от вас заявление. Опишите все, начиная с момента прибытия сюда и причины своего визита. Дальше нужно перечислить все, что вы сделали, и все, что наблюдали. Желательно указывать время, как предполагаемое, так и точно известное. Заявление

надо закончить вашей отправкой в больницу, если только в больнице не появилась какая-то дополнительная информация по делу. Вопросы есть?

В течение следующих сорока пяти минут Нардо то и дело выходил из комнаты, а Гурни исписал четыре разлинованных страницы мелким, отточенным почерком. На столе у дальней стены комнаты был настольный копировальный аппарат, и Гурни сделал две копии подписанного заявления для себя, прежде чем отдать оригинал Нардо.

Тот коротко сказал:

— Будем на связи.

Голос его был профессионально нейтрален. Он не предложил Гурни руку для рукопожатия.

Глава 53

Конец и начало

К моменту, когда Гурни пересек мост Таппан-Зи и начал долгий путь домой, снег валил уже стеной, оставляя видимой лишь небольшую часть мира. Каждые несколько минут он приоткрывал окно, чтобы холодный воздух привел его в чувство.

В нескольких милях от Гошена он чуть не съехал с дороги. Он вовремя очнулся от звука шин, верещащих от трения об обочину дороги, иначе мог бы угодить в реку.

Он пытался думать только о машине, о руле и о дороге, но это было невозможно. В его воображении крутились будущие газетные заголовки, которые появятся сразу после пресс-конференции Шеридана Клайна — он ведь не преминет похвалить себя за то, что его команда избавила Америку от опасного маньяка. Средства массовой информации раздражали Гурни. То, как они освещали преступления, само по себе было преступно. Для них это было игрой. Впрочем, для него тоже: ведь он рассматривал каждое убийство как головоломку, которую нужно собрать, а убийцу — как противника, которого следует обыграть. Он изучал обстановку, вычислял вероятность, ставил капкан и бросал добычу в утробу машины правосудия — и переключался на следующее убийство, разгадка которого требовала острого ума. Однако иногда случалось, что он видел все в ином свете — когда усталость от преследования брала свое, когда в темноте элементы мозаики были неразличимы, когда опустошенный ум руководствовался не жесткой логикой, а куда более простыми вещами. Тогда ему приоткрывался истинный ужас того, с чем он имел дело, во что добровольно ввязывался.

С одной стороны была логика закона, наука криминология, процедура вынесения приговора. С другой стороны были Джейсон Странк, Питер Поссум Пиггерт, Грегори Дермотт, боль, ярость, смерть. И между этими мирами стоял холодящий душу вопрос: как одно связано с другим?

Он вновь открыл окно и подставил лицо жалящему ветру со снегом.

Глубокие, но бесполезные вопросы, внутренний диалог, ведущий в никуда, были для него так же естественны, как для иных — вычисление шансов победы команды «Ред сокс». Подобный образ мыслей был дурной привычкой, от которой был сплошной вред. В моменты, когда он упрямо пытался поделиться всем этим с Мадлен, он сталкивался со скупающим взглядом и нежеланием вникать.

— О чем ты думаешь на самом деле? — спрашивала она иногда, откладывая вязание и внимательно глядя на него.

— В каком смысле? — спрашивал он, лукавя, потому что отлично знал, что она имеет в виду.

— Не может быть, чтобы тебе действительно было дело до этой ерунды. Попробуй понять, что тебя мучит на самом деле.

Попробуй понять, что тебя мучит на самом деле.

Легко сказать.

Что же его мучило? Несовместимость логики с бурлящими страстями? Тот факт, что система правосудия была всего лишь клеткой, пригодной для борьбы со злом не больше, чем флюгер — для борьбы с ветром? Что-то оставалось, мелькало на задворках сознания, украдкой грызло его мысли и чувства, словно крыса.

Он попытался понять, что сильнее всего задело его в этот безумный день, и оказался в плену хаотичных образов.

Когда он постарался отогнать их, расслабиться и ни о чем не думать, два образа отказались оставлять его в покое.

Первым был жестокий восторг в глазах Дермотта, когда он зачитывал свой стишок про смерть Дэнни. Вторым был привкус ярости, с которой он сам рассказывал про отца, сочиняя историю про нападение на мать. Это была не просто актерская игра. Из-под нее прорывалась ненаигранная, пугающая злость. Означало ли это, что он и вправду ненавидел своего отца? Неужели в том отчаянном взрыве эмоций выплеснулась вся обида ребенка, чей отец только работал, спал и пил и все больше отдалялся, пока не стал совсем недостижимым? Гурни потрясло, как мало и одновременно много общего у него с Дермоттом.

Или дело было в другом — и вспышка была вызвана завуалированным чувством вины за то, что он оставил этого замкнутого, холодного человека

одного в старости, за то, что не хотел иметь с ним ничего общего?

Или же это была ненависть к себе, к своему дважды проваленному отцовству — за то, что он трагически мало уделял внимание одному сыну и постоянно избегал другого?

Мадлен, вероятно, сказала бы, что правдой могут быть все три предположения либо ни одно из трех, но в конечном счете это не важно. Важно только поступать так, как правильно здесь и сейчас. И как бы он ни отгонял от себя эту мысль, начать следовало со звонка Кайлу. Не то чтобы Мадлен хорошо относилась к Кайлу — было похоже, что он ей, напротив, вовсе не нравится, его желтый «порше» кажется ей глупым, а его жена претенциозной, — но для Мадлен личное отношение всегда было второстепенным по сравнению с необходимостью поступить правильно. Для Гурни оставалось непостижимым, как настолько импульсивный человек может настолько подчинить свою жизнь принципам. Но такова была Мадлен. Именно поэтому она служила для Гурни маяком во мгле его собственного существования.

Сделать то, что правильно, здесь и сейчас.

Вдохновленный, он остановился у широкого запущенного въезда на старую ферму и достал бумажник, чтобы найти телефон Кайла (он даже не ввел его номер в систему голосового набора, и сейчас эта мысль его больно кольнула). Звонок в три часа ночи был странным поступком, но альтернатива была хуже: отложить его снова, затем снова и в итоге найти повод вовсе не звонить.

— Пап, ты?

— Я тебя разбудил?

— Вообще-то нет, я не спал. Что случилось?

— Да нет... все в порядке, я просто... хотел поговорить с тобой. Вот, перезваниваю. Что-то у меня с этим долго не складывалось, а ты так давно пытался со мной связаться.

— С тобой точно все в порядке?

— Я понимаю, что звоню в странное время, но не волнуйся, все нормально.

— Я рад.

— У меня был трудный день, но все кончилось хорошо. Я не мог перезвонить раньше, потому что я... запутался в одной сложной истории. Это, конечно, плохое оправдание. Ты зачем звонил?

— А что за история?

— Что? А, да как обычно, расследование убийства.

— Ты же уволился?

— Уволился, все верно, но тут пришлось поучаствовать, потому что я был знаком с одной из жертв. В общем, долгая история. Расскажу при встрече.

— Ух ты! Значит, у тебя снова получилось!

— Что?

— Ты поймал очередного серийного убийцу.

— Откуда ты знаешь?

— Ты сказал — «одна из жертв», значит, их было много. Кстати, сколько?

— Известно про пятерых, в планах было еще двадцать человек.

— И ты его поймал. Черт побери! Ты просто гроза серийных убийц. Прямо как Бэтмен.

Гурни засмеялся, что было для него редкостью само по себе, и он не помнил, чтобы это раньше случалось в разговорах с Кайлом. Впрочем, это был во всех смыслах странный разговор — учитывая, что они беседовали уже пару минут, а Кайл до сих пор не похвастался какой-нибудь очередной покупкой.

— В этом деле Бэтмену много кто помогал, — сказал Гурни. — Но я не поэтому звоню. Хотел спросить, зачем ты звонил, узнать, как ты поживаешь. Какие новости?

— Да никаких особо, — сухо ответил Кайл. — Я потерял работу. Мы разошлись с Кейт. Думаю сменить сферу деятельности, пойти учиться на юриста. Что ты думаешь?

Ошарашенно помолчав, Гурни снова засмеялся, на этот раз еще громче.

— Вот черт! — воскликнул он. — Да что у тебя там случилось?

— Ты, наверное, уже слышал, что в финансовой индустрии большие проблемы. Я потерял работу и жену как следствие, а заодно обе квартиры и три машины. Но знаешь, это удивительно, как быстро можно привыкнуть даже к самой жуткой катастрофе. В общем, я сейчас в раздумьях, имеет ли смысл идти учиться на юриста. Об этом я и хотел с тобой поговорить. Как думаешь, у меня подходящий для этого склад ума?

Гурни предложил Кайлу приехать на выходных, уже через два дня, чтобы поговорить как следует и обсудить подробности. Кайл согласился и, кажется, даже обрадовался. Когда они закончили разговор, Гурни минут десять сидел, потрясенный.

Следовало сделать еще несколько звонков. С утра надо было позвонить вдове Марка Меллери и сказать, что Грегори Дермотт Спинкс арестован, а доказательства его вины несомненны. Возможно, Шеридан

Клайн и даже Родригес уже сообщили ей. Но в любом случае следовало проявиться, хотя бы из-за знакомства с Марком.

Дальше он подумал о Соне Рейнольдс. Они договорились, что он пришлет ей хотя бы еще один портрет. Сейчас это казалось чем-то бессмысленным, пустой тратой времени. Тем не менее он собирался ей перезвонить и поговорить на эту тему, а затем закончить обещанную работу. И на этом все. Внимание Сони было ему приятно, оно щекотало самомнение и сулило приключения, но слишком дорого стоило и ставило под угрозу более важные вещи.

250-километровый путь от Вичерли до Уолнат-Кроссинг из-за снега занял пять часов вместо трех. Когда Гурни свернул на дорогу, ведущую в гору, к его дому, у него как будто включился автопилот. Окно машины было немного опущено, чтобы постоянный приток морозного воздуха помогал вести. Съезжая на луг, отделявший амбар от дома, он заметил, что снежинки больше не несутся на него, как раньше, а падают вертикально вниз. Он медленно проехал по лугу и, прежде чем остановиться, развернул машину в восточную сторону, чтобы солнце, когда кончится метель, светило на лобовое стекло и не дало ему заледенеть. Затем он откинулся на сиденье, не в силах пошевелиться.

Он так устал, что, когда зазвонил телефон, несколько секунд соображал, что это за звук.

— Да? — прохрипел он.

— Можно поговорить с Дэвидом? — спросил женский голос.

— Это Дэвид.

— Ах, это вы, я вас... не узнала. Это Лора, из больницы. Вы просили перезвонить вам... если что-нибудь случится, — добавила она с многозначительной паузой, выдававшей надежду на то, что у просьбы перезвонить есть более глубокие причины.

— Да-да. Спасибо, что вспомнили.

— Рада помочь.

— Так что случилось?

— Мистер Дермотт умер.

— Простите? Можете повторить?

— Грегори Дермотт, пациент, про которого вы спрашивали, умер десять минут назад.

— А причина смерти?

— Официальной версии пока нет, но когда его привезли, ему сделали томографию, и она показала перелом черепа с обширным кровоизлиянием.

— Ясно. Наверное, это неудивительно, после такой травмы.

— Совсем неудивительно.

Он испытал смутное беспокойство, похожее на тихий вскрик на громком ветру.

— Что ж. Благодарю вас, Лора. Спасибо за звонок.

— Пожалуйста. Я могу вам еще чем-то помочь?

— Вряд ли, — ответил он.

— Вам надо выспаться.

— Это правда. Спокойной ночи. И еще раз спасибо.

Сперва он отключил телефон, затем погасил фары и снова откинулся на сиденье, не в силах пошевелиться. Без света фар все погрузилась в непроницаемую тьму.

Медленно, по мере того как глаза привыкали, всепоглощающая чернота неба и леса растворилась в темно-серый, а заснеженный луг стал пепельным. Там, где проглядывал восточный хребет гор, из-за которого через час должно было взойти солнце, угадывалось слабое свечение. Снегопад кончился. В стороне от машины застыл огромный, холодный, неподвижный силуэт дома.

Он сделал попытку подытожить то, что произошло. Ребенок в спальне с одинокой матерью и спятившим пьяным отцом... крики, кровь, беспомощность... ужасная физическая и психологическая травма... кровавые фантазии о возмездии. Мальчишка Грегори Спинкс вырос в маньяка Дермотта, который убил как минимум пятерых и собирался убить еще двадцать человек. Грегори Спинкс, чей отец перерезал глотку его матери. Грегори Дермотт, которому проломили череп в доме, где все это началось.

Гурни посмотрел на едва различимый контур гор, понимая, что есть еще одна биография, о которой следует задуматься, которую нужно успеть понять. История его собственной жизни. Отец, который не обращал на него внимания, и взрослый сын, которого он, в свою очередь, игнорировал; одержимость карьерой, которая принесла ему так много похвал и так мало покоя; маленький мальчик, погибший, потому что он за ним не уследил, и Мадлен, всепонимающая Мадлен. Мадлен, которую он почти потерял. Светоч, который из-за него почти угас.

Он едва мог двигаться и слишком хотел спать, чтобы что-нибудь чувствовать. Его ум захватила милосердная пустота. На какое-то время — он не знал, как долго это длилось, — его будто не стало, словно все его существо сжалось в точку, и осталось только пульсирующее в пустоте сознание, больше ничего.

Он пришел в себя неожиданно, открыв глаза как раз в момент, когда пылающая кромка солнца засияла над голыми верхушками деревьев на горе. Он наблюдал, как светящийся контур света медленно разрастается до огромного яркого полукруга. И вдруг почувствовал, что не один.

Рядом стояла Мадлен в своей ярко-оранжевой куртке — той самой, что была на ней в то утро, когда он пошел за ней на утес. Она стояла возле машины и смотрела на него через окно. Он не знал, сколько она так простояла. На ее капюшоне блестели крохотные льдинки. Он опустил стекло.

Она молчала, но ее лицо было воплощением любви и понимания. Он это видел, осязал, ощущал, сам не понимая как. Любовь, понимание и облегчение от того, что он снова вернулся домой живым.

Она буднично поинтересовалась, не хочет ли он позавтракать.

Ее оранжевая куртка пламенела в лучах восходящего солнца. Он вышел из машины и прижал к себе Мадлен так крепко, словно обнимал саму жизнь.

Слова признательности

Спасибо моему великолепному редактору Рику Хоргану — неиссякаемому источнику прекрасных идей. Благодаря его вдохновенному и вдохновляющему руководству книга стала неизмеримо лучше, и именно он придумал ей блестящее название. Я благодарен Рику и за то, что он решился в нынешних непростых условиях рискнуть с первым романом никогда не публиковавшегося писателя.

Спасибо Люси Карсон и Полу Сироне за их заступничество, энтузиазм и деятельную помощь; Бернарду Уэйлену за советы и поддержку в самом начале моей работы; Джошу Кенделлу за продуманную критику и замечательные предложения; и, наконец, Молли Фридрих, попросту лучшему и умнейшему агенту в мире.

Зажмурься покрепче

Эта книга — художественный вымысел. Характеры и имена персонажей, а также описанные места и события являются плодом воображения автора и не имеют отношения к действительности. Любые совпадения с реальными событиями и местами, а также с людьми, живыми или покойными — случайны.

Посвящается Наоми

Пролог

Идеальное решение

Он с восхищением смотрел на свое отражение в зеркале и был абсолютно доволен собой — своей жизнью, своим умом, — хотя слово «ум» теперь не в полной мере описывало его дарование. Оно стало гораздо более всеобъемлющим, нежели просто ум. Скорее, это было совершенное понимание всего, выходящее далеко за рамки когнитивных возможностей простых смертных. Он любовался своей улыбкой, и та становилась все шире в процессе размышлений, которые он представлял записанными курсивом по мере того, как они проносились в его голове. В обретенной им проницательности покоилась великая сила, которую он сейчас ощущал буквально физически и которая позволяла постичь любое явление в мире людей. Последние события подтверждали, что эта сила — реальна.

Для начала его попросту не сумели поймать. Он перевернул весь мир — и спустя без малого двадцать четыре часа не только по-прежнему находился в безопасности, но и становился все менее и менее уязвимым. Он позаботился о том, чтобы не оставить следов, и теперь никакая на свете логика не могла привести следствие к нему. Никто его не искал, никто не подозревал. Следовательно, уничтожение самоуверенной твари можно было считать успешно свершившимся.

Все прошло строго по плану — гладко, последовательно... именно последовательно. Все, как он и ожидал. Ни препятствий, ни сюрпризов. Хотя его смутил тот звук... что это могло быть? Хрящ?.. Наверняка. Что же еще. Такая мелочь — непонятно, почему она так крепко запомнилась. Впрочем, вполне вероятно, что сила и глубина впечатления были обусловлены его сверхъестественной восприимчивостью. За все приходится платить.

Он был уверен, что еле слышный хруст однажды забудется, как и вид крови, который уже начинал постепенно стираться в памяти. Теперь важно думать о будущем. Помнить, что все преходяще. Даже после самого долгого дождя рябь на воде стихает.

Часть первая

Садовник-мексиканец

Глава 1

Прелести сельской жизни

Сентябрьское утро выдалось настороженно тихим, словно мир был подводной лодкой, заглушившей двигателя для обмана вражеских радаров. Окрестный пейзаж был неподвижен и будто подавлен; природа затаилась, словно перед бурей, все было пронизано молчанием — глубоким и непредсказуемым, как океан.

Лето выдыхалось на глазах. Засуха неумолимо вытягивала жизнь из травы и деревьев. Темнеющие листья уже тихо опадали с кленов и буков, золотой осени не предвиделось.

Дэйв Гурни стоял на кухне, оформленной в деревенском стиле, и рассеяно смотрел на открывающиеся за французскими дверями сад с опрятным газоном и огромный луг, простирающийся до самого пруда и красного сарая. Его терзало смутное недовольство. Взгляд рассеянно скользил, задерживаясь то на грядке со спаржей, то на желтом бульдозере у сарая. Утренний кофе, который он неспешно потягивал, почти остыл.

Удобрять или не удобрять — вот в чем вопрос. Если и не главный, то первый пришедший на ум. И если удобрять, то чем: использовать свой компост или покупной? Мадлен заставила его пересмотреть кучу веб-сайтов, которые в один голос заявляли, что правильное удобрение декоративного аспарагуса — ключ к успеху в его выращивании, но Гурни все еще было неясно, нужно ли добавить к прошлогодней порции компоста свежую.

В последние два года, что они жили в Катскильских горах, он искренне пытался разобраться в садово-огородных делах, которые так увлекали Мадлен, но неизменно мучился сомнениями по поводу такого образа жизни. Он не жалел, что купил этот дом с пятнадцатью акрами окрестной красоты, это определенно было удачным вложением. Но решение покинуть Департамент полиции Нью-Йорка и уйти на пенсию в сорок шесть лет все еще тяготило его. Ему не давала покоя мысль, что он слишком рано променял значок детектива первого класса на помещичий быт.

Будто нарочно подтверждая эту догадку, его постоянно преследовали неприятности. Например, после переезда в этот райский уголок у него начал дергаться левый глаз. И, к его собственной досаде и к возмущению Мадлен, после пятнадцатилетнего перерыва он снова начал курить. Но это были мелочи в сравнении с историей, о которой они теперь старались не вспоминать. Всего год спустя после выхода на пенсию он ввязался в расследование зловещего дела Меллери.

Дело вытянуло из него все силы и подвергло опасности жизнь Мадлен. Как часто бывает после слишком близкой встречи со смертью, Гурни потянуло к простым радостям загородной жизни, и он ясно видел, как эта жизнь может быть хороша. Но удивительная вещь: если не представлять себе каждый день желанную идиллию во всех подробностях, она бледнеет, словно старый оттиск, безнадежно утративший черты оригинала. В конце концов мечта, некогда кристально четкая, превращается в невнятный призрак, вносящий диссонанс во всю остальную жизнь.

Когда Гурни понял, что осмысление процесса не помогает обратить его вспять, энтузиазм, с которым он поначалу принялся за хлопоты по хозяйству, стал отдавать фальшью. Приходилось вымучивать из себя нужные действия, чтобы просто оставаться на одной волне с женой. Гурни часто задумывался, вообще способны ли люди меняться — точнее, способен ли измениться он сам. В моменты апатии собственные заскорузлость и невосприимчивость к новому казались ему непоправимыми.

Вот отличный пример: бульдозер. Полгода назад Гурни купил небольшую подержанную машину, сказав Мадлен, что она прекрасно подойдет для леса, лугов и даже грунтовок на подъезде к дому. Ему казалось, что маневренный бульдозер — вещь действительно полезная для ландшафтных и ремонтных работ на их пятидесяти акрах. Но Мадлен с самого начала восприняла это не как символ готовности мужа в полную силу вовлечься в новую жизнь, но, напротив, как шумное, воняющее дизелем воплощение его недовольства переездом из города, как желание сровнять чуждый ему мир с землей, подогнать его под собственные представления. Свой протест она, впрочем, озвучила лишь однажды, сказав вскользь: «Почему ты не хочешь просто принять эту красоту как дар, который не нужно менять?»

Пока он стоял у кухонных дверей, вспоминая ее слова и удивляясь, как сильно они запали ему в душу, ее голос раздался наяву:

— Ты успеешь сегодня починить тормоза на моем велосипеде?

— Я же обещал, — ответил Гурни, делая очередной глоток кофе. Тот

совсем остыл. Гурни поднял взгляд на старые часы с маятником над деревянным шкафчиком. Оставался час — потом надо было ехать читать лекцию в качестве приглашенного эксперта в полицейскую академию Олбани.

— Может, как-нибудь покатаемся вместе? — предложила Мадлен таким тоном, будто ей впервые пришло это в голову.

— Да, можно как-нибудь, — отозвался Гурни, как всегда отвечал на ее предложения проехаться на велосипедах по угольям западных Катскиллов. Мадлен стояла у входа в столовую в выцветших леггинсах, мешковатой кофте и бейсболке, забрызганной краской. Он посмотрел на нее и неожиданно для себя улыбнулся.

— Ты чего? — спросила она, чуть наклонив голову.

— Да так, — ответил он. — Ничего.

Иногда она излучала такое всепроницающее обаяние, что все мрачные или путанные мысли в его голове словно растворялись. Мадлен была из тех редких женщин, которые, будучи настоящими красавицами, совершенно не заботятся о своей внешности.

Она подошла к нему и окинула взглядом пейзаж за окном.

— Смотри, олени опять ели птичий корм, — произнесла она умиленно.

Все три столбика с подвесными кормушками, вкопанные за газоном, были частично выкорчеваны из земли. Рассматривая их, Гурни вдруг понял, что разделяет беззлобное умиление жены в адрес оленей, и это было странно. Например, белки отнюдь не казались ему забавными хулиганами. Его раздражали их резкие, вороватые движения и постоянная одержимость едой. Даже сейчас они с крысиной жадностью подьедали не доставшийся оленям корм из покосившихся кормушек.

Его улыбка испарилась, сменившись раздражением, которое, как он видел в минуты ясности, стало его самой частой реакцией на все подряд и росло из сложностей в их с Мадлен браке, одновременно эти сложности усугубляя. Мадлен считала, что белки — умные, хитрые и неутомимые существа, достойные восхищения за свое неунывающее упорство. Она любила их, как любила саму жизнь. А Гурни хотелось в этих белок стрелять.

Он не то чтобы хотел их убивать или калечить, нет. Но с каким удовольствием он согнал бы их с кормушек выстрелом из пневматики, чтобы просто напугать, чтобы они умчались обратно в лес, где им и место. Убийство никогда не казалось ему подходящим решением. За все годы в полиции, за все время работы детективом, за двадцать пять лет охоты на

жестоких преступников в жестоком городе он ни разу не вытащил из кобуры пистолет, почти не прикасался к оружию вне стрелкового полигона и совершенно не собирался изменять себе теперь. Гурни никогда не любил слишком легких решений — ни в полицейской работе, ни в жизни.

Он почувствовал, как Мадлен пытливо рассматривает его и, кажется, читает его мысли. Он уже собрался было возразить на ее немой укор, но зазвонил телефон. Точнее, сразу два телефона — настольный в его кабинете и мобильный на кухонной столешнице. Мадлен поспешила в кабинет. Гурни взял мобильный.

Глава 2

Невеста без головы

Джек Хардвик был хамоватым, ершистым циником с холодным взглядом водянистых глаз, который слишком много пил и смотрел на мир как на злой капустник. Друзей у него не было, поскольку он не внушал людям доверия. Гурни думал, что Хардвиком правят сомнительные желания за неимением каких-либо других. В то же время Гурни считал его одним из самых умных и проницательных детективов, с кем ему приходилось работать. Так что знакомый грубый голос в телефонной трубке вызвал смешанные чувства.

— Дэйв, старичок!

Гурни поморщился. Его всегда коробило от этого обращения — и велика вероятность, что Хардвик использовал его намеренно.

— Чем обязан?

В ответ прозвучал знакомый скрипучий смех.

— На деле Меллери ты хвалился, что встаешь с петухами. Вот я и решил проверить, врал ты или нет.

Хардвик ненавидел сразу переходить к делу. Собеседникам неизбежно приходилось сперва выдержать пытку его приколами.

— Что тебе нужно, Джек?

— Слушай, а у вас там на ферме реально петухи бегают? Кукарекают, гадят повсюду, как положено? Или про петухов ты сказал для красного словца?

— Джек, зачем ты мне звонишь?

— А что, обязательно нужна причина? Может, приспичило услышать голос старого друга. Может, я соскучился.

— Не морочь мне голову, ты никогда не звонишь просто так.

Трубка опять загоготала.

— Какой ты бездушный, Гурни!

— Ты меня отвлекаешь от второй чашки кофе. Так что либо давай к делу, либо я кладу трубку. Пять. Четыре. Три. Два. Один...

— Юную невесту кокнули прямо на свадьбе. Тебе должно понравиться.

— С чего ты взял?

— Телку не просто пришили, ее натурально покромсали на ленточки. Точнее, расчленили. Орудие убийства — мачете. Ты же спец по мокрухе!

— Спец по мокрухе ушел на покой.

Ответный гогот был громче и дольше прежнего.

— Джек, я не шучу. Я больше не при делах.

— Да я уж помню, как ты был «не при делах» на деле Меллери!

— Это было временное помутнение.

— Ах, неужели.

— Джек... — Гурни начал терять терпение.

— Ладно, я понял. Ты на пенсии, тебе неинтересно. Дай мне две минуты, и я тебе докажу, что дело стоящее.

— Джек, черт же тебя побери...

— Ну две долбаные минуты, е-мое! Ты же на пенсии, тебе нехрен делать, сидишь там и чешешь мячики для гольфа! У тебя что, реально нет двух минут для старого напарника?

На этих словах левое веко Гурни нервно дернулось.

— Мы никогда не были напарниками.

— Да как ты смеешь! Я оскорблен!

— Копали вместе пару дел, да. А напарниками — не были.

Гурни не хотел себе в этом признаваться, но их с Хардвиком отношения были особенными. Десяток лет назад, работая над разными аспектами одного убийства, находясь в разных округах, разделенные почти двумя сотнями километров, оба независимо друг от друга обнаружили части одного расчлененного тела. Такого рода совпадения странным образом сближают.

Хардвик заговорил снова, на этот раз почти жалобно.

— Так что, послушаешь меня пару минут?

— Давай, — сдался Гурни.

К Хардвику вернулось воодушевление, и он закаркал голосом ярмарочного зазывалы, страдающего раком глотки.

— Я все понимаю, ты у нас парень занятой, так что не буду тянуть кота за хвост. Между прочим, это огромное одолжение с моей стороны! —

он помолчал, затем спросил: — Ты там слушаешь?

— Время идет.

— Вот гад неблагодарный, а! Будь по-твоему, если кратко, то дельце четырехмесячной давности, форменная сенсация: избалованная девочка-мажорка выскочила за знаменитого психиатра-толстосума. А через час после свадебных клятв, в разгар пиршества, психанутый садовник жениха порубал новобрачную в капусту мачете и свалил!

Гурни тут же припомнил пару заголовков из желтых газет, которые, видимо, относились к этому делу. Что-то вроде «Кровавая свадьба» и «Изпод венца на кладбище». Он молчал, ожидая продолжения, но тут Хардвик решил прочистить горло, и Гурни брезгливо отвел телефонную трубку в сторону.

Наконец Хардвик произнес:

— Так чего, дальше рассказывать?

— Ну.

— У меня ощущение, что я разговариваю с трупом. Ты не мог бы попискивать каждые десять секунд, чтобы я знал, что ты живой?

— Джек, какого хрена тебе надо, а?

— Я раздобыл для тебя дело жизни, старичок!

— Я больше не коп. У меня теперь другая жизнь.

— Старичок, ты, кажется, стал туговат на ухо. Тебе сорок восемь, а не восемьдесят четыре, так что слушай. В чем самая соль, уточняю: дочка богатенького нейрохирурга с мировым именем выходит за гламурного психиатра, который появляется у самой Опры. И вот, их всего час как поженили, гуляет свадьба на двести персон, и тут невеста за каким-то лядом прется в домик садовника. Ну, мало ли, девка подшофе, почему не позвать садовника на праздник? Проходит время. Новоиспеченный муж замечает, что ее давно не видно, посылает за ней, но — хоба! — дверь в домик заперта, и с той стороны не отзываются. Тогда муж, знаменитый доктор Скотт Эштон, идет и стучится сам. Зовет, зовет — тишина. Добывает запасной ключ, отпирает дверь, а она там такая сидит — в свадебном платье и без головы. Заднее окошко в домике нараспашку, и садовника след простыл. Понятно, что на место мигом прибывают все копы округа. На свадьбе же, как ты понял, полно всяких ви-ай-пи. В общем, дело попадает в наш отдел, а именно — ко мне. Сперва-то задача кажется легкотней: найти убийцу. А потом всплывают сложности: Гектор Флорес, наш искомый герой, оказывается, не просто садовник, а мексиканский нелегал, которого доктор Эштон пригред под крылышком и, поскольку парень был очень смысленный, давай его всячески развивать и

образовывать. За три года из чурбана с граблями мексиканец превращается в любимца хозяина. Практически становится членом семьи. Ну и, как водится с фаворитами, у него случается интрижка с женой соседа, с которой он и пропал с радаров сразу после убийства. Только мачете нашли — валялось в ста метрах от домика, заляпанное кровью. И все, больше никаких следов. Так что любопытный тип оказался этот Флорес.

— И к чему пришло следствие?

— Да ни к чему.

— То есть?

— Ну... у нашего доблестного капитана весьма специфичный подход. Может, помнишь Рода Родригеса?

Гурни передернуло. Примерно за полгода до убийства, о котором рассказывал Хардвик, Гурни пригласили полуофициальным консультантом в отдел уголовного розыска, и там он встретился с Родригесом, который возглавлял отдел. Это был феерический напыщенный идиот.

— Он решил, что надо допросить каждого мексиканца в радиусе тридцати километров от места преступления и всем угрожать разнообразными карами, пока кто-нибудь не сдаст Флореса. А если никто не расколется, то расширить радиус еще на двадцать километров. Умник на полном серьезе собирался бросить на это все ресурсы.

— А ты, значит, был против.

— Я считал, что надо прорабатывать альтернативные версии. Может, Гектор не тот, за кого себя выдавал. Мне вообще с самого начала вся эта история показалась какой-то странной...

— Так что было дальше?

— Ну, я сказал Родригесу, что у него каловая масса вместо серого вещества.

— Seriously? — Гурни впервые за весь разговор улыбнулся.

— Seriously! Меня сняли с дела и передали его Блатту.

— Блатту?! — переспросил Гурни, скривившись так, словно откусил гнили. Детектив Арло Блатт был единственным человеком в уголовном розыске, который вызывал у него еще большую неприязнь, чем Родригес. Он воплощал подход, который любимый профессор Гурни в колледже сформулировал как «воинствующая дремучесть».

Хардвик продолжил:

— Короче, Блатт сделал все, как хотел Родригес, и это, естественно, ни к чему не привело. Прошло четыре месяца, и мы знаем еще меньше, чем в начале расследования. Но ты там, наверное, слушаешь и думаешь: а при чем тут, собственно, Дэйв Гурни?

— Не без этого.

— Мать покойной невесты очень недовольна и полагает, что делом заняты дилетанты. Родригесу она не доверяет, Блатта считает имбецилом. Зато тебя она считает гением.

— Откуда она меня знает?

— Да вот, пришла ко мне на той неделе. Как раз исполнилось ровно четыре месяца со дня смерти дочери. Спросила, не могу ли я неофициально возглавить еще одно следствие, а если нет, то, может, кого посоветую. Я объяснил ей, что сам помочь не смогу — на меня и без того косо смотрят в отделе. Но так уж вышло, что я на короткой ноге с легендарным детективом, затмевающим славу всей нью-йоркской полиции вместе взятой. Короче, я ей рассказал, что ты на пенсии, но в своем уме и будешь счастлив предложить ей альтернативу бездарному дуумвирату Родригеса-Блатта. У меня очень кстати оказался с собой номер «Нью-Йорк Мэгэзин» со статьей, славословящей тебя после дела о Сатанинском Санте, где тебя прозвали Суперкопом. В общем, ее это воодушевило.

В голове Гурни роилось несколько взаимоисключающих ответов.

Хардвик воспринял его молчание как хороший знак.

— Она хочет с тобой встретиться. Кстати, забыл сказать: она красотка! Формально ей сорок с чем-то, но на вид — тридцать два максимум. И она подчеркнула, что деньги не проблема. Можешь назвать любую цену. Думаю, легко заплатит двести долларов в час, хотя тебя никогда не волновали такие банальности.

— А тебе в этом что за выгода?

Хардвик плохо изобразил оскорбленную невинность:

— Ну как! А правосудие?! Бедная женщина потеряла единственного ребенка, прошла все круги ада, разве это не повод ей помочь?

Гурни замер. Любое упоминание об утрате ребенка по-прежнему отдавалось в сердце. Их с Мадлен сын Дэнни погиб пятнадцать лет назад, выбежав на дорогу перед машиной, пока Гурни смотрел в другую сторону. Ему едва исполнилось четыре. За прошедшие годы Гурни понял, что нельзя однажды раз и навсегда избавиться от скорби, а также что выражение «жить дальше» — расхожая глупость. Просто бывают периоды онемения и забытья между волнами, с которыми скорбь неумолимо возвращается.

— Ты еще там?

Гурни хрипло вздохнул.

Хардвик продолжил:

— Короче, я хочу помочь семье покойной. А еще...

— А еще, — подхватил Гурни, стараясь не поддаваться накотившему

чувству, — если я на это подпишусь, чего я не собираюсь делать, Родригес слетит с катушек от ярости. А уж если я нарою что-нибудь значимое и выставлю их с Блаттом в невыгодном свете... ты же именно этого хочешь? А, Джек?

Хардвик опять зычно прочистил горло.

— Ты как-то все усложняешь. У нас на руках безутешная мать, которой не нравится, как идет расследование. Арло Блатт сотоварищи гоняются по округу за мексиканцами. У них гуакамоле скоро из ушей потечет, а дело не сдвинулось с мертвой точки. Женщина хочет нанять профессионала, и я принес эту золотую жилу тебе на блюдечке.

— Все это круто, Джек, но я не частный детектив.

— Дэйв, бога ради, тебе сложно с ней просто поговорить? Я же только об этом прошу. Поговорите — и все. Она одинокая, красивая, в печали и с баблом. Но помимо этого, старичок, в ней есть какой-то такой, знаешь, тайный жар. Я его чувствую. Увидишь — поймешь, о чем я!

— Джек, мне вообще-то дела нет до...

— Да я помню, помню, ты счастливо женат, я не возражаю. Вывести Родригеса на чистую воду тебе тоже не интересно. Но кстати — дело-то сложное, — последнее слово Хардвик многозначительно протянул. — Я бы даже сказал, многослойное. Как хренова луковица.

— И что?

— А ты прирожденный специалист по луковицам.

Глава 3

Разные орбиты

Гурни наконец заметил стоящую в дверях Мадлен. Он не знал, ни как давно она там стоит, ни как давно он сам смотрит на луг и опушку, в которую тот переходит. Он мог спасти положение, заговорив об оттенках выгоревшей травы, золотарника и диких астр, но он ничего перед собой не видел, целиком погрузившись в размышления о разговоре с Хардвиком.

— Ну что? — произнесла Мадлен.

— Что?.. — отозвался он эхом, словно не понял вопроса.

Она нетерпеливо улыбнулась.

— Звонил Хардвик, — выдохнул Гурни и хотел уже было спросить, помнит ли Мадлен дело Меллери, но по ее взгляду было ясно, что она отлично поняла, о ком речь. Этот взгляд появлялся у нее всякий раз при упоминании тех жутких убийств. И сейчас она смотрела на него в упор, не

моргая. — Просил совета.

Она выжидающе молчала.

— Хочет, чтобы я поговорил с матерью одной погибшей. Девушку убили на собственной свадьбе, — он собирался уточнить, каким именно способом, но вовремя спохватился.

Мадлен едва заметно кивнула и ничего не сказала.

— Чего ты? — насторожился Гурни.

— Да я все гадала, надолго ли тебя хватит.

— Ты о чем?..

— Долго ли ты продержишься, прежде чем ввязаться в еще какую-нибудь дикую историю.

— Я просто собираюсь с ней поговорить.

— О да, а по результатам разговора ты решишь, что в общем-то в убийстве в день свадьбы ничего интересного нет, зевнешь от души и пойдешь спать. Думаешь, так все и будет?

Он почувствовал, что начинает злиться.

— У меня слишком мало информации, чтобы прогнозировать, как все будет.

Мадлен наградила его фирменной скептической улыбкой и произнесла:

— Ладно, мне пора, — и, заметив его вопросительный взгляд, добавила: — В клинику. Ты забыл, да? Увидимся вечером.

Когда она вышла, он какое-то время смотрел в опустевший дверной проем. Потом решил, что стоит ее догнать, и отправился следом, но, дойдя до кухни, понял, что не знает, что ей сказать. Поколебавшись, он все же вышел через боковую дверь в сад, но ее машина уже спешила вниз по дороге, пересекавшей низину. Он задумался, видит ли она его в зеркало заднего вида и, если да, придаст ли значение тому, что он все-таки пошел за ней. В последние месяцы ему казалось, что их с Мадлен отношения идут на поправку. Напряжение, возникшее после дела Меллери, улеглось, уступив место хрупкому, но все же спокойствию. Они плавно, почти незаметно для себя перешли в стадию если не теплоты, то терпимости, напоминавшую движение двух тел по непересекающимся орбитам. Он ездил читать лекции в полицейскую академию, она подрабатывала на полставки в психиатрической клинике, где регистрировала новых пациентов и вела больничные карты постоянных. Для Мадлен с ее образованием и опытом это была слишком простая работа, но она отвлекала их обоих от взаимных нереалистичных ожиданий и привносила подобие гармонии в семейную жизнь. Хотя порой Гурни казалось, что он принимает желаемое за действительное.

Иллюзии облегчают жизнь. Универсальное средство.

Он стоял на примятой, измученной засухой траве и смотрел, как машина жены выворачивает за сараем на узкую дорогу в город. Почувствовав холод в ногах, он опустил взгляд и обнаружил, что прошел в носках прямо по утренней росе. Он уже собирался вернуться в дом, как заметил краем глаза движение у сарая.

Одинокий койот, приبلудивший из леса, бежал к пруду. Остановившись на полпути, он повернулся в сторону Гурни и несколько долгих секунд его разглядывал. Гурни показалось, что взгляд у зверя удивительно осмысленный. Это был взгляд, полный беспримесного холодного расчета.

Глава 4

Искусство обмана

— Что общего у всех операций под прикрытием?

Тридцать девять физиономий в аудитории изобразили помесь любопытства и замешательства. В отличие от большинства приглашенных лекторов Гурни не рассказывал о себе, не перечислял своих регалий, не объявлял тему семинара, не декларировал целей занятий и вообще не говорил о той чепухе, которую все традиционно пропускают мимо ушей. Гурни предпочитал начинать с главного, особенно перед группой опытных офицеров, к которым он обращался. Кроме того, все и так его знали — в полицейских кругах у него была блестящая репутация, ему верили на слово, и эта репутация со временем блестела все ярче, хотя Гурни два года как ушел в отставку. Впрочем, слава приносила ему не только восхищение поклонников, но и зависть. Сам он предпочел бы неизвестность, в которой никто не ждет от тебя ни успеха, ни провала.

— Подумайте, — произнес он, скользя внимательным взглядом по лицам в зале. — Зачем вообще нужны операции под прикрытием? Это важный вопрос, и я бы хотел услышать ответ от каждого.

В первом ряду поднялась рука. При внушительном, как для американского футбола, телосложении у офицера было детское и удивленное лицо.

— А разве цель не зависит от ситуации?

— Все операции уникальны, — кивнул Гурни. — Люди в каждом случае разные, риски и ставки тоже. Одно дело займет уйму времени, другое пойдет как по маслу; одно вас увлечет, другое покажется

тягомотиной. Образ, в который необходимо вжиться, и «легенда» тоже не повторяются. Информацию придется каждый раз собирать разную. Разумеется, каждый случай неповторим. Тем не менее... — он сделал паузу, разглядывая лица в аудитории и стараясь поймать как можно больше взглядов, прежде чем произнести действительно важные слова, — когда вы работаете под прикрытием, у вас есть главная задача. От нее зависит все остальное, ваша жизнь в том числе. Какая это задача?

На полминуты аудитория погрузилась в абсолютную тишину. Офицеры сидели в напряженной задумчивости. Гурни знал, что рано или поздно люди начнут высказывать версии, и разглядывал помещение лектория в ожидании. Стены из бетонных блоков выкрашены в бежевый; коричневатый узор на линолеуме уже не отличить от наслоившихся поверх него царапин и разводов. Ряды выдавших виды столиков цвета «серый меланж» и уродливые пластиковые стулья, слишком узкие для атлетического телосложения слушателей, навевали скуку одним своим видом, несмотря на оранжевый цвет и блестящие хромированные ножки. Лекторий походил на мемориальную капсулу, вобравшую худшие дизайнерские решения семидесятых, и напоминал Гурни последний участок, где он работал.

— Может, задача — проверка собранной информации на достоверность? — раздался голос из второго ряда.

— Достойное предположение, — кивнул Гурни. — Будут еще идеи?

Тут же последовало еще полдюжины теорий, в основном из передних рядов и тоже про сбор и достоверность информации.

— Я бы хотел услышать и другие варианты, — сказал Гурни.

— Главная цель — убрать с улиц преступников, — неохотно буркнули из заднего ряда.

— И предотвратить их появление, — подхватил кто-то.

— Да цель — просто докопаться до сути: факты, имена, пробить, кто есть кто, откуда ноги растут, кто главный, откуда деньги, и все такое. Короче, надо досконально выяснить все, что можно, вот и все, — протараторил жилистый верзила, сидевший ровно напротив Гурни, скрестив руки. Судя по ухмылке, он был уверен, что его ответ единственно правильный. На бэйджике значилось: «Детектив Фальконе».

— Больше нет соображений? — спросил Гурни, с надеждой обращаясь к дальним рядам. Верзила с досадой поморщился.

После долгой паузы подала голос одна из трех женщин:

— Важнее всего — установить и удержать доверие.

У нее был низкий, уверенный голос и заметный испанский акцент.

— Чего? — переспросили сразу несколько человек.

— Установить и в дальнейшем удерживать доверительные отношения, — повторила она чуть громче.

— Любопытно, — отозвался Гурни. — Почему вы считаете эту цель важнейшей?

Она чуть повела плечом, словно ответ был очевиден.

— Без доверия ничего не выйдет.

Гурни улыбнулся.

— «Без доверия ничего не выйдет». Замечательно. Кто-нибудь хочет поспорить?

Никто не захотел.

— Разумеется, нам нужна правда, — продолжил Гурни. — Вся, какую можно узнать, во всех подробностях, тут я совершенно согласен с детективом Фальконе.

Верзила холодно уставился на него.

— Но, как заметила его коллега, без доверия тех, у кого мы эту правду ищем, мы ее не получим. Что еще хуже — вероятно, что нам солгут и ложь собьет нас со следа. Так что главное — это доверие. Всегда. Если помнить об этом, шансы докопаться до правды возрастают. А если гнаться за ней, забыв про главное, возрастают шансы получить пулю в затылок.

Кое-кто в зале закивал. Некоторые стали слушать с большим интересом.

— И как же мы собираемся это сделать? Как вызвать в людях такое доверие, чтобы не просто остаться в живых, но чтобы работа под прикрытием себя оправдала? — Гурни почувствовал, что сам увлекается, и слушатели тут же отреагировали на его подъем возрастающим вниманием. — Запомните: под прикрытием постоянно имеешь дело с людьми, которые недоверчивы по природе. А зачастую еще и вспыльчивы — вас могут пристрелить просто на всякий случай, не моргнув глазом, и потом будут гордиться этим. Им же нравится выглядеть опасными. Поэтому они ведут себя грубо, резко и безжалостно. Вопрос: как заставить таких людей доверять вам? Как выжить и выполнить задание?

На этот раз люди отвечали охотнее.

— Подражать им.

— Вести себя правдоподобно, чтобы легенда прокатила.

— Быть последовательным. Не палить прикрытия, что бы ни случилось.

— Вжиться в образ. Верить, что ты тот, за кого себя выдаешь.

— Держаться спокойно, не суетиться, не показывать страха.

— Показать, что ты крутой.

— Да, чтобы верили, что у тебя стальные яйца.

— Точно. Типа, вы тут верьте, во что хотите, а я — это я. И чтоб они поняли: ты реально неуязвим. К тебе не надо лезть.

— Короче, прикинуться Аль Пачино, — усмехнулся Фальконе, оглядываясь в поисках поддержки, но вместо этого обнаруживая, что отбилась от общего мозгового штурма.

Гурни проигнорировал его шутку и вопросительно посмотрел на женщину с испанским акцентом.

Немного поколебавшись, она сказала:

— Важно показать им, что в тебе есть страсть.

Некоторые отреагировали смешками, а Фальконе закатил глаза.

— Хватит ржать, придурки, — произнесла она беззлобно. — Я просто хочу сказать, что помимо фальшивки надо предъявить что-то настоящее, осязаемое, что зацепит их за живое. Тогда они поверят. Ложь в чистом виде не пройдет.

Гурни почувствовал знакомое волнение, которое всегда окутывало его, если удавалось распознать среди учащих звезду. Оно каждый раз укрепляло его в желании продолжать вести эти семинары.

— Ложь в чистом виде не пройдет, — повторил он достаточно громко, чтобы все расслышали. — Золотые слова. Чтобы ложь сошла за правду, нужно подавать ее с подлинными эмоциями. «Легенда» должна быть привязана к живой частичке вас. Иначе она будет просто карнавальным костюмом, который никого не обманет. Явного обманщика не жалко расстрелять, чем зачастую дело и заканчивается.

Он оценил реакцию зала и прикинул, что из тридцати девяти по меньшей мере тридцать пять человек действительно слушают. Тогда он продолжил:

— Подлинность — вот ключевое слово. Чем глубже ваш собеседник верит вам, тем больше он вам расскажет. А насколько глубоко он поверит, зависит от вашей способности использовать настоящие переживания, чтобы оживить вашу легенду. Так что транслируйте подлинную злость, неприкрытую ярость, искреннюю жадность, откровенную похоть, честное отвращение — по ситуации.

Затем он отвернулся, якобы чтобы вставить видеокассету в плеер под огромным экраном и убедиться, что провода в порядке. Когда он вновь повернулся, его лицо исказилось яростью — точнее, весь Гурни как будто готов был взорваться. По залу прокатилась легкая дрожь.

— Представьте, что вам нужно быстро продать легенду полному психу.

Не бойтесь, копните себя поглубже. Туда, где больное, где сидит другой псих — почище того, что перед вами. Дайте ему говорить от вашего имени. Пусть собеседник его увидит — этого отморозка без башни, который способен голыми руками вырвать ему сердце, сожрать сырым и сыто рыгнуть в его мертвую рожу. Может быть, не просто способен, а хочет этого. Но сдерживается. Сдерживается едва-едва...

Он резко дернулся вперед и с удовольствием отметил про себя, что практически все, включая Фальконе — особенно Фальконе, — опасливо отшатнулись.

— Ладно, — произнес Гурни, с улыбкой превращаясь обратно в самого себя. — Это был просто пример убедительной страсти. Большинство из вас почуяло что-то нездоровое — злобу, безумие. И вы инстинктивно отшатнулись, потому что поверили, да? Поверили, что у Гурни не все дома?..

Кто-то закивал, кто-то нервно хихикнул. В целом зал как будто выдохнул с облегчением.

— Так в чем суть-то? — хмыкнул Фальконе. — Что в каждом есть долбанутый псих?

— Я бы предпочел на сегодня оставить этот вопрос открытым.

Раздались беззлобные смешки.

— В нас гораздо больше дерьма, чем хочется думать. Пусть не пропадает зря. Откопайте его и используйте. Работая под прикрытием, вы обнаружите, что качества, которые подавляются в обычной жизни, здесь — ваш главный инструмент. А иногда — решающий козырь в рукаве.

Он мог бы привести примеры из собственной практики, как он призывал темную тень из детства, раздувая ее до масштабов адского чудища, которое выглядело убедительно даже для проницательных противников. Самый красноречивый случай был на деле Меллери — меньше года назад. Но Гурни не хотел ворошить прошлое. Не хотел вспоминать, откуда вылезла эта тварь. Кроме того, он и так уже завоевал внимание. Студенты слушали, доверились ему, перестали спорить. Гурни добился главного: они задумались.

— Ну что ж, с эмоциональной частью, пожалуй, разобрались. Теперь перейдем к следующему пункту. Допустим, ваши чувства и мысли, работая в тесной связке, сделали свое дело, и вы успешно справляетесь с ролью. Вас приняли за своего и больше не держат за болвана, напялившего мешковатые штаны и дурацкую кепку, чтобы сойти за торчка.

Несколько ответных улыбок, кто-то пожал плечами, кто-то чуть скривился, очевидно, приняв последнее описание на свой счет.

— Я хочу, чтобы вы задались довольно странным вопросом: что стоит за вашим собственным доверием? Что заставляет вас верить, что правда — именно то, что вы считаете правдой?

Не дожидаясь, пока аудитория проникнется глубиной предложенной абстракции, Гурни нажал кнопку на видеоплеере. Когда на экране возникла картинка, он произнес:

— Спросите себя, пока смотрите видео: как вы решаете, во что верить?

Глава 5

Ложная эврика

Это была довольно известная сцена из знаменитого фильма, но, наблюдая за выражением лиц в зале, Гурни понял, что никто ее не узнал. На экране пожилой мужчина допрашивал парня помоложе.

Тот, что помоложе, рвался работать на «Иргун» — радикальную организацию, что в конце Второй мировой боролась за установление израильской власти в Палестине. Парень с гордостью повествовал, что он профессиональный подрывник с опытом участия в боевых действиях, впервые взявший в руки динамит еще в варшавском гетто. Утверждал, что уничтожил много нацистов, прежде чем его схватили и бросили в Освенцим, где он вынужденно трудился уборщиком.

Пожилой мужчина хотел подробностей. Он задал несколько уточняющих вопросов про концлагерь и работу.

История развалилась на глазах, как только пожилой упомянул, что в варшавском гетто не было динамита. Поняв, что героическая легенда рушится, парень неохотно признался, что про динамит узнал в Освенциме, где использовал его, чтобы взрывать землю — в образовавшиеся ямы сваливали тела пленников, ежедневно погибавших в газовых камерах. Вот в чем заключалась его настоящая работа. Но даже это не удовлетворило пожилого. Он вытянул из парня рассказ, как тот извлекал золотые коронки из зубов покойников. И, наконец, сотрясаясь от ярости и стыда, допрашиваемый признался, что фашисты в лагере многократно его насиловали.

Теперь налицо была голая правда, а заодно с ней истинная мотивация: рассказчик жаждал мести. В конце сцены его приняли в «Иргун».

Гурни выключил плеер.

— Итак, — произнес он, — что вы поняли из этой истории?

— Что в кино допросы идут легко, — хмыкнул Фальконе.

— И быстро, — подхватил кто-то из заднего ряда.

Гурни кивнул.

— В кино события всегда развиваются более линейно, чем в реальности, и гораздо стремительнее. Но в этой сцене есть кое-что еще. Если вспомнить ее месяц спустя — как думаете, что именно всплывет в вашей памяти?

— Что пацана опустили, — ответил широкоплечий коп, сидевший рядом с Фальконе.

По залу пронесся гул одобрения, за которым потянулись и другие ответы.

— И как он сорвался в конце допроса.

— Ну да, как он заныл, когда сбили весь пафос.

— Забавно, — произнесла единственная в зале темнокожая слушательница. — Он думает, что его возьмут в «Иргун», если соврет, а его берут, когда он признается в правде. Кстати, а что это вообще за «Иргун»?

В зале засмеялись.

— Так, — произнес Гурни, — давайте все-таки рассмотрим сюжет детальнее. Наивный парень хочет стать членом организации и рассказывает про себя сказку, чтобы выглядеть крутым. Бывалый собеседник видит его насквозь и сперва тычет носом в ложь, а потом выуживает из него правду. И именно эта жуткая правда делает его идеальным кандидатом в фанатики, так что «Иргун» принимает его в свои ряды. Это достоверное описание того, что вы видели?

По залу прошелся чуть неуверенный, но в целом одобрительный гул.

— Может, кому-то показалось, что смысл сцены в другом?

Звезда с испанским акцентом явно боролась с желанием что-то сказать, и Гурни, заметив это, улыбнулся. Это придало ей смелости.

— Не то чтобы вы не правы, и наверняка по сценарию все должно быть, как вы описываете. Только на реальном допросе все было бы не так однозначно.

— Я что-то сейчас не въехал, — буркнул кто-то.

— Сейчас въедешь, — отозвалась девушка, охотно принимая вызов. — Вообще-то нет прямых доказательств, что вторая история правдивее первой. Ну, чувак зарыдал, заявил, что его, пардон, трахнули в жопу. «Ах я бедненький-несчастненький, никакой я не герой, а жертва, меня заставили сосать нацистские члены». Но с чего мы решили, что эта история не такая же ложь, как и первая? Может, «жертва» умнее, чем кажется.

Обалдеть, подумал Гурни, она снова просекла фишку первой. Он помолчал, позволяя озвученной версии произвести нужное впечатление, а

затем произнес:

— Вот мы и возвращаемся к тому, с чего начали. Почему мы верим в то, во что верим? Как пронизательно подметила офицер, ничто не указывает на то, что вторая версия допрашиваемого — правда. Однако комиссар ему поверил. Почему?

Вариантов было несколько.

— Иногда просто нутром чувствуешь, что к чему.

— Или это был по всем признакам честный срыв. Если бы он перед вами такое закатил, вы бы тоже поверили.

— В реальности комиссар на допросе всегда хотя бы отчасти в курсе правды. Может, чувак ее просто подтвердил.

Остальные ответы представляли собой вариации первых трех, а большинство слушателей напряженно молчали. Некоторые, вроде Фальконе, выглядели так, будто у них от этой темы раскалывается голова.

Как только версии иссякли, Гурни задал следующий вопрос.

— Может ли ошибаться выдавший виды спец по допросам? Хотя бы изредка — может ли он принять желаемое за действительное?

Кое-кто кивнул. Некоторые покачали головой — то ли в знак сомнения, то ли от усталости.

Во втором ряду поднял руку бритый налысо офицер. Его шея цветом напоминала огнетушитель, а на бицепсе красовалась татуировка с изображением моряка Папая. Крохотные щелочки глаз были словно искусственно сужены за счет перекачанных лицевых мышц. Пальцы вытянутой руки были сжаты в кулак. Но когда он заговорил, речь его оказалась размеренной, а интонация — вдумчивой.

— Иными словами, мы иногда принимаем за правду то, во что сильно хотим поверить, так?

— Именно так, — ответил Гурни. — Что вы думаете?

Маленькие глазки чуть расширились.

— Людям вообще свойственно верить в желаемое, — произнес он. — Я сам на этом, так сказать, факторе прокалывался. Но не потому что идеализирую людей. Я не новичок, на работе сталкиваюсь с таким, что насчет людей иллюзий особо нет, — произнес он и чуть оскалился, вспомнив что-то неприятное. — Короче, я всякого дерьма навидался, как и большинство ребят в этом зале. Но тут же дело в чем. Бывает, как вцепишься умом в какую-то идейку — и все начинаешь гнуть под нее. Обычно более-менее понимаешь, где правда, что в голове у очередного придурка и все такое. Но иногда — не всякий раз, но все-таки иногда — не понимаешь, а только думаешь, что понимаешь. Ошибки — часть работы, —

заклучил он.

Должно быть, в тысячный раз в своей жизни Гурни убедился, что первое впечатление о человеке может быть обманчивым.

— Спасибо, детектив Бельцер, — сказал он здоровяку с татуировкой, разглядев имя на бэйджике. — Это великолепный ответ.

Он скользнул взглядом по аудитории и понял, что даже Фальконе согласен со сказанным.

Гурни сделал паузу и вытянул из жестяной коробки леденец, чтобы дать слушателям минуту подумать над словами Бельцера.

— В этой сцене комиссар, возможно, очень хочет, чтобы срыв допрашиваемого был настоящим. Какие у него могут быть причины? — он наугад протянул руку к одному из офицеров, до сих пор не подававших голоса.

Парень моргнул и нервно оглянулся. Гурни ждал.

— Ну... скажем, ему просто нравилось чувствовать превосходство — типа, так ловко развел человека на правду... приятно думать, что умешь раскалывать крепкие орешки.

— Совершенно верно, — кивнул Гурни и повернулся к другому молчуну. — Какие еще могут быть причины?

Это был офицер с совершенно ирландской физиономией, увенчанной морковно-рыжей шевелюрой. Он улыбнулся и произнес:

— Может, ответ просто был в кассу для отчета. Вписывался в какую-нибудь норму, и можно было сказать начальству: смотрите, я все выполнил, я молодец. Может, ему за это повышение светило.

— Да, понимаю вашу логику, — ответил Гурни. — У кого-нибудь есть еще версии? Почему комиссару хочется верить, что парень рассказывает правду?

— Власть, — произнесла девушка с акцентом, чуть скривившись.

— Поясните?

— Ему нравится выуживать из человека правду. Вынуждать признаваться в чем-то больном, стыдном, обнажить уязвимость, довести до слез, — пока она говорила, лицо у нее было такое, словно какая-то вонь мешала ей дышать. — Это же возвеличивает. Чувствуешь, какой ты хренов гениальный супермен, если от тебя такой эффект. Да что там — ты господь бог!

— Да, это сильное переживание, — согласился Гурни. — Такое вполне может затуманить рассудок.

— Еще как, — хмыкнула она.

На заднем ряду поднялась рука. Смуглый офицер с короткими

волнистыми волосами впервые подал голос.

— Простите... я, может, чего-то не понимаю. В здании параллельно идут два семинара: работа под прикрытием и ведение допроса. Лично я записался на первый. Я что, не туда попал? Просто вы до сих пор говорили только про ведение допроса.

— Вы пришли куда надо, — ответил Гурни. — Но эти две темы основательно связаны. Работа под прикрытием подразумевает обман, и нам важно понимать, чем хочет обманываться задающий вопросы. Мы разбираем наглядный пример, как можно срежиссировать у собеседника впечатление, что он благодаря своей компетенции «вытянул» из вас правду-матку. Я рассказываю, как выдать человеку именно ту реакцию, которую он с готовностью воспримет как доказательство своей правоты. Если вы заставите его поверить, что ему удалось выудить из вас что-то, о чем вы хотели промолчать, он почти наверняка решит, что ваше сообщение — правда. Важно дать человеку ощущение, что он докопался до вашего второго дна, и испытать то, что я называю чувством ложной эврики. Это ловушка ума, которая заставляет поверить в мнимое открытие.

— Ложной чего? — переспросил кто-то.

— Эврики. Это греческое слово, переводится примерно как «я нашел то, что хотел», а в нужном нам контексте означает «вот она, правда». Давайте подытожим... — Гурни сделал паузу, чтобы привлечь внимание к следующей части реплики. — То, что вам рассказывают, всегда может оказаться ложью. Но вы почти без вариантов поверите в то, что, как вам кажется, раскопали сами. Так что позвольте оппоненту решить, что ваша откровенность — его заслуга. Он хочет верить в свою проницательность и потому поверит в ваши слова. У него появится то самое доверие к вашей легенде, о котором мы говорили в начале и которое делает возможным успех операции. Во второй части семинара мы будем говорить, как именно этого доверия добиться. Как подсунуть вашему оппоненту кусок информации так, чтобы он поверил, что вытянул его из вас самостоятельно. А сейчас — перерыв.

Произнеся это слово, Гурни подумал, что в его молодости слово «перерыв» автоматически означало «перекур». А теперь для большинства это была пауза на звонок или переписку по эсэмэс. И, словно в ответ на это соображение, почти все тут же достали смартфоны и направились с ними к дверям.

Гурни вздохнул, поднял руки и медленно потянулся, чтобы снять усталость в спине. Мышцы после первой части семинара оказались напряжены сильнее, чем он ожидал.

Девушка с акцентом дождалась, когда поток устремившихся к выходу схлынет, и подошла к Гурни, возившемуся с плеером. На ней были черные джинсы, а полную грудь обтягивал тугой серый свитер с воротником-хомутом. Густые волосы затейливыми завитками обрамляли серьезное лицо отличницы. Губы ее блестели.

— Хотела вас поблагодарить, — произнесла она, — мне очень понравилось.

— Вы про сцену из фильма?

— Нет, я про вас. Ну, в смысле... — она чуть зарделась. — Спасибо за лекцию, и за примеры, и за объяснения о природе доверия и про то, какую подачу мы автоматически принимаем за правдоподобную. «Ложная эврика», ужасно интересно. И вообще мне очень понравилась вся первая часть.

— Она была бы неполной без вашего вклада.

Девушка улыбнулась.

— По-моему, мы просто на одной волне.

Глава 6

Дома

Дорога домой занимала два часа. К концу второго часа в долину у подножия западных Катскиллов уже прокрался вечерний сумрак.

Когда Гурни свернул с основной дороги на гравийную, что вела к его ферме, он почувствовал, что обманчивый прилив сил, спровоцированный двумя большими чашками крепкого кофе во время перерыва на семинаре, начал испаряться. В вечернем свете на ум пришел образ, который Гурни списал на отходняк от кофеинового удара: лето ослабевало на глазах, словно дряхлеющий актер, прямо на сцене, а за кулисами притаилась осень, готовая похоронить старика и занять его место.

«Господи, мой мозг превращается в кашу».

Он припарковался, как обычно, на поросшем сорняками клочке зелени, лицом к облакам всех оттенков розового и сиреневого над дальней грядой.

Зайдя в дом через боковую дверь, Гурни разулся и заглянул на кухню. Мадлен стояла на коленях перед раковиной и собирала в совок осколки винного бокала. Он пару секунд смотрел молча, а потом спросил:

— Что случилось?

— А что, не видно?

Он помолчал еще немного.

— Как дела в клинике?

— Да вроде ничего... — она поднялась и, натужно улыбаясь, с шумом высыпала осколки в пластиковый контейнер для мусора. Гурни подошел к французским дверям и уставился на полный ожидания пейзаж. Дрова у сарая ждали, чтобы их покололи и сложили в поленницы; газон ждал последней стрижки в сезоне; спаржа ждала, когда ее срежут к зиме и сожгут, чтобы уничтожить личинки жуков-трещалок.

Мадлен вернулась на кухню, включила утопленные в потолок светильники над шкафчиком и убрала совок обратно под раковину. Из-за электрического света сумерки снаружи стали казаться еще гуще, а стеклянные двери превратились в зеркала.

— Я оставила тебе семгу на плите, — сообщила она. — И рис.

— Спасибо, — отозвался он, наблюдая за ней через отражение в стекле. Он смутно припоминал, что она куда-то собиралась вечером, и решил попробовать угадать: — Ты на собрание книжного клуба?

Она неопределенно улыбнулась. Гурни так и не понял, верна его догадка или нет.

— Как твой семинар? — спросила Мадлен.

— Неплохо. Очень разношерстная публика — полный набор типажей. Молчуны, которые только слушают и никак не участвуют в дискуссии. Практики с утилитарным подходом, которых интересует, как применить полученные знания в деле. Ленивцы, которым все новое в тягость и которые вовлекаются по минимуму. Циники, для которых любая чужая идея — фигня по умолчанию. Отличники, которые хотят узнать побольше, понять получше и стать самыми эффективными полицейскими... — он увлекся и собирался продолжить, но Мадлен разглядывала воду в раковине. — В общем... нормальный был семинар. Благодаря отдельным отличникам даже хороший.

— Мужчинам или женщинам?

— Не понял...

Она вытащила из раковины кулинарную лопатку и уставилась на нее так, словно впервые осознала, какая она старая и поцарапанная.

— Отличники, про которых ты говоришь, были мужского или женского пола?

Он поразился, насколько легко в нем взвивалось чувство вины, даже когда стыдиться было нечего.

— И мужчины, и женщины, — ответил он.

Мадлен поднесла лопатку к свету, поморщилась и бросила ее в мусорное ведро под раковиной.

— Слушай, — произнес Гурни, — насчет звонка Хардвика... Что-то мы с тобой закончили разговор не на той ноте.

— Ты решил поговорить с матерью убитой девушки. Что тут еще обсуждать?

— Понимаешь, есть веские причины задать ей кое-какие вопросы, — сказал Гурни. — И другие, не менее веские, не разговаривать с ней вовсе.

— Сложная дилемма, — прокомментировала Мадлен. — Только мне надо бежать. Не хочу опоздать в книжный клуб.

Он, естественно, расслышал легкий нажим, с которым прозвучали слова «книжный клуб». Она заметила, что Гурни просто угадал, а не вспомнил, куда она едет. Какая удивительная все-таки женщина.

Невзирая на усталость и смутную тревогу, он улыбнулся.

Глава 7

Вэл Перри

Как обычно Мадлен проснулась первой.

Когда Гурни открыл глаза, на кухне уже булькала кофеварка. Он тут же вспомнил, что накануне забыл починить тормоз на велосипеде.

На эту мысль сразу же наслоилося беспокойство из-за предстоящей встречи с Вэл Перри. Он, конечно, сказал Хардвику, что разговор не подразумевает готовности взяться за дело, а также что он согласился больше из желания поддержать человека, пережившего ужасную утрату. Только он и сам сомневался в искренности этого объяснения. Усилием воли он отогнал эти мысли и пошел в душ, потом оделся и решительно направился через кухню в кладовку. Мадлен сидела за столом в обычной утренней позе, с тостом и книжкой. Накинув рабочую куртку, он вышел через боковую дверь и отправился в гараж, где стоял трактор и заодно хранились каяки с велосипедами. Солнце еще не встало. Утро выдалось непривычно холодным для первых дней сентября.

Он выкатил велосипед Мадлен из-за трактора, вывез его наружу и прислонил к стенке гаража. Алюминиевая рама показалась на ощупь ледяной, как и гаечные ключи, которые он выбрал из набора на полке.

Дважды с чертыханием ободрав костяшки пальцев о переднюю вилку, он все-таки сумел поправить тросы, регулировавшие положение тормозных колодок. Нужно было заставить колесо двигаться свободно, когда тормоз нежат, а прижатом рычаге колодка должна была плотно прилегать к ободу колеса. Результат удовлетворил Гурни только с четвертой попытки.

Он вздохнул скорее с облегчением, нежели с удовлетворением, убрал гаечные ключи на место и отправился обратно в дом. Одна рука горела из-за содранной кожи, другая задубела от холода.

Проходя мимо горы бревен, он в очередной раз задумался, имеет ли смысл арендовать древокол или лучше купить собственный. У обоих вариантов были свои недостатки.

Солнце еще не взошло, а белки уже начали ритуальную атаку на птичьи кормушки, заставляя Гурни задаваться другим вопросом, на который из раза в раз не удавалось найти конструктивный ответ. И опять же оставался вопрос с удобрением спаржи.

Вернувшись на кухню, он сунул руки под теплую струю из-под крана. Как только боль немного утихла, он объявил:

— Я починил тебе тормоза.

— Спасибо, — радостно отозвалась Мадлен, не поднимая глаз от книжки.

Спустя полчаса она переоделась и вышла в сад в сиреневых флисовых штанах, розовой ветровке, красных перчатках и оранжевой вязаной шапке, натянутой на уши. Гурни подумал, что она похожа на детскую раскраску, заполненную цветами заката. Мадлен села на велосипед и медленно, подскакивая на камнях, поехала вдоль луга, а затем исчезла за сараем, где начиналась городская дорога.

Следующий час Гурни перебирал в памяти факты, которые Хардвик сообщил ему про убийство. Его беспокоила какая-то нарочитая театральность фабулы, почти опереточная гротескность преступления.

Ровно в девять утра, как и было условлено, он подошел к окну, чтобы проверить, не приехала ли Вэл Перри.

Вспомнишь о черте — он и появится. Из-за сарая выехал ядовитозеленый «Порше Турбо» и начал неспешно подниматься по холму. Эта модель стоила порядка 160 тысяч долларов. Негромко урча двигателем, спорткар подъехал к дому и остановился. Гурни про себя отметил, что прибытие госты вызывает у него почти неуместное любопытство, и отправился ее встречать.

Из машины вышла высокая стройная женщина в шелковой блузке цвета ванили и черных шелковых брюках. У нее были черные волосы до плеч и короткая челка на манер героини Умы Турман в «Криминальном чтиве». Как Хардвик и предсказывал, она была сногшибательно хороша. Но напряжение, с которым она держалась, бросалось в глаза не меньше, чем ее красота.

Она огляделась — то ли с любопытством, то ли в поиске чего-то.

Гурни решил, что это просто привычка быть настороже.

Гостья подошла к нему с легкой ухмылкой — хотя, возможно, это был ее обычный изгиб губ.

— Мистер Гурни? Я — Вэл Перри. Спасибо, что нашли для меня время, — произнесла она, протягивая руку для приветствия. — Как к вам лучше обращаться? Мистер или детектив?

— Я расстался со званием, когда ушел на пенсию. Зовите меня просто Дэйв.

Они обменялись рукопожатием. У Вэл оказались уверенная хватка и очень пристальный взгляд. Отметив это про себя, Гурни предложил:

— Зайдемте в дом?

Помедлив, она снова оглянулась вокруг и остановила взгляд на террасе.

— Может, лучше сядем вон там?

Предложение его удивило. Солнце уже очертило кромку восточной гряды, а роса на траве почти испарилась, но воздух тем не менее был прохладным.

— Сезонное аффективное расстройство, — объяснила она, улыбнувшись. — Знакомы с таким?

— Еще как, — усмехнулся Гурни. — У самого есть немного.

— У меня, увы, не «немного». Как приходит осень — мне нужно как можно больше быть на воздухе. Иначе я вполне недвусмысленно помышляю о самоубийстве. Так что, если вы не возражаете, давайте все же сядем на улице?

Его ум, никак не изменившийся за время вынужденного застоя после отставки, по привычке подвергал все сомнению. Он начал оценивать, насколько история про расстройство правдоподобна и нет ли других причин, почему Вэл не хочет заходить в дом. Возможно, дело в мании контроля, необходимости подчинять окружающих своей воле даже в мелочах? Или дело в клаустрофобии? А может, в страхе, что в доме могут оказаться записывающие устройства? И тогда — обоснованный это страх или паранойя?

Он отвел ее на террасу, отделявшую французские двери от грядок со спаржей, и указал на пару раскладных стульев по обе стороны небольшого кофейного столика, который Мадлен когда-то купила на аукционе.

— Здесь будет удобно?

— Вполне, — ответила Вэл, слегка отодвинула один из стульев и уселась, даже не отряхнув сиденье.

Значит, ей было не страшно порвать или испачкать свои явно

недешевые брюки. Ей также было не жалко своей бежевой кожаной сумочки, которую она бросила на влажную поверхность столика.

Вэл с любопытством посмотрела на Гурни.

— Итак, что вам рассказал Хардвик?

Жесткие нотки в голосе, жесткий блеск в миндалевидных глазах.

— Он рассказал об обстоятельствах, предшествовавших... и последовавших за убийством вашей дочери. И, пока мы не продолжили, позвольте выразить искренние соболезнования.

Сначала она как будто не расслышала. Затем едва заметно кивнула и быстро произнесла:

— Благодарю. Мне приятно ваше сочувствие.

Ее мимика говорила обратное.

— Но я пришла поговорить не о скорби, а о Гекторе Флоресе, — она скривилась, произнося его имя, словно задела больной зуб. — Что вы знаете о нем от Хардвика?

— Что имеются убедительные доказательства его вины. А также что Флорес — неоднозначный человек с неясным прошлым, и его мотив остается загадкой, как и его местонахождение в данный момент.

— Да уж, загадка! — повторила она с какой-то яростью, чуть наклонившись к Гурни и положив руки на мокрый столик. Платиновое обручальное кольцо на ее безымянном пальце выглядело самым обычным, но под ним громоздилось помолвочное, с бриллиантом неправдоподобного размера. — Ладно, вижу, вы в курсе дела, — подытожила она, и Гурни заметил какой-то нездоровый блеск в ее глазах. — До сих пор неизвестно, где эта скотина прячется. Это неприемлемо! Это... невыносимо. Я нанимаю вас, чтобы положить конец этой «загадке».

Он тихо вздохнул.

— Давайте не будем забегать вперед...

— В каком это смысле? — спросила она, надавив на столешницу с такой силой, что костяшки ее пальцев побелели.

Гурни ответил вялым, почти сомнамбулическим тоном — это было его обычной реакцией на чересчур эмоциональных собеседников:

— Я еще не решил, имеет ли мне смысл заниматься расследованием, если ситуация и так под пристальным вниманием полиции.

Ее губы растянулись в брезгливой улыбке.

— Сколько вам надо?

Он покачал головой:

— Вы разве не расслышали, что я сказал?

— Тогда что вам нужно, чтобы взяться за дело? Только скажите.

— Я понятия не имею, что мне нужно, миссис Перри. В настоящий момент у меня слишком мало информации.

Она убрала руки со стола и положила их на колени, сцепив пальцы, и это было похоже на выученную технику самоконтроля.

— Давайте без обиняков. Я хочу, чтобы вы нашли Гектора Флореса. Арестуйте его или убейте, мне все равно. В любом из этих двух вариантов я дам вам все, что вы пожелаете. Все, что вам угодно.

Гурни откинулся на спинку стула и уставился на грядку со спаржей. Чуть поодаль, у поилки с сахарной водой, зависла парочка ярко-красных колибри. Он слышал неровный гул их крылышек — было похоже, что птички воевали за право пировать единолично, хотя, возможно, это был какой-то запоздалый брачный танец. Иногда то, что внешне кажется проявлением агрессии, в действительности имеет совсем другую природу.

Он попытался сконцентрироваться на лице Вэл и разгадать, что скрыто за ее красотой. Что наполняло этот безупречный по форме сосуд? Отчетливее всего проступала ярость — Вэл даже не пыталась ее скрывать. Отчаяние... Горечь. Одиночество, в котором она вряд ли бы призналась, поскольку само понятие подразумевает уязвимость. Острый ум... Импульсивность, упрямство: привычка спонтанно вцепиться, а потом с упрямством не отпускать. И что-то еще. Что-то темное...

Ненависть к себе?

Гурни усилием воли перестал гадать. В какой-то момент начинаешь принимать домыслы за пронизательность, и, если увлечешься колоритной догадкой, она обязательно собьет тебя с толку.

— Расскажите мне про вашу дочь, — попросил он.

Что-то изменилось в выражении ее лица. Будто ей тоже пришлось сейчас усилием воли оторвать себя от каких-то мыслей.

— Джиллиан была непростой девочкой, — сказала Вэл с интонацией, с которой читают вслух или повторяют многократно рассказанную историю. — Честно говоря, это еще мягко сказано. Только благодаря лекарствам моя дочь оставалась мало-мальски сносной в общении. Она была неуправляемой, самовлюбленной до одури, развращенной, беспринципной, жестокой. Сидела на всем подряд — на оксикодоне, роксикодоне, экстази, крэк-кокаине... Уже в детстве была первоклассной лгуней. Пугающе точно знала, где у кого больное место и как этим пользоваться. Зверела внезапно и непредсказуемо. Питала нездоровую страсть к таким же нездоровым мужчинам. Причем это все невзирая на годы терапии у лучшего специалиста... — Гурни слушал и думал, что Вэл скорее напоминает садиста, заживо препарирующего чье-то тело, нежели

мать, перечисляющую недуги собственного ребенка. — Хардвик вам что-нибудь из этого рассказывал? — спросила она.

— Не припомню, чтобы он вдавался в такие детали.

— Тогда как он описал Джиллиан?

— Что она из богатой семьи.

Вэл издала резкий, жутковатый звук, который сложно было ожидать в исполнении таких нежных губ. Еще сложнее было осознать, что это смех.

— Точно! — воскликнула она с каким-то злорадством. — Семья у нас определенно богатая. Я бы даже прибегла к скабрёзности и сказала, что денег у нас как дерьма, — она выплюнула это слово с каким-то высокомерным удовольствием. — Вас, наверное, удивляет, что я не выгляжу убитой горем родительницей?

Болезненная память о собственной утрате затрудняла ответ. Выдержав паузу, Гурни сказал:

— Я видел много странных реакций на смерть, миссис Перри. Кроме того, я понятия не имею, какая реакция была бы «нормальной», с учетом обстоятельств.

Она задумчиво кивнула.

— Говорите, что видали странные реакции на смерть... А более странную смерть видали?

Вопрос показался Гурни то ли риторическим, то ли избыточно театральным. Чем пристальнее он всматривался в глаза этой женщины, тем сложнее было понять, как столько противоречий могло уживаться в одном человеке. Всегда ли она была настолько разнородной? Или он видел только осколки личности, в которые ее превратила смерть дочери?

— Расскажите что-нибудь еще про Джиллиан, — попросил он.

— Что, например?

— Вы описали только ее характер. Какие еще обстоятельства ее жизни могли дать повод Флоресу желать ее смерти?

— То есть вы спрашиваете, зачем Гектор ее убил? Да я понятия не имею. Полиция тоже в тупике. Ходят по кругу уже четыре месяца. Первая версия — это что Гектор был геем, тайно влюбленным в Эштона, и что он убил Джиллиан из ревности. А поскольку геи склонны к драматизму, он не устоял перед искушением убить ее не просто так, а именно в свадебном платье. Ради красоты жеста. Вторая версия противоречит первой. По соседству с Эштоном жили муж и жена. Муж — судовой механик и поэтому часто отсутствовал. А жена бесследно исчезла в тот же день, что и Гектор. Следствие предположило, что у них был роман, а Джиллиан узнала и грозила всех выдать из мести, потому что у нее якобы случился роман с

Гектором, ну и дальше все как-то завертелось...

— ...и он отрубил ей голову на свадьбе, чтобы она молчала? — кивнул Гурни и тут же пожалел о выборе слов. Он собирался извиниться, но Вэл Перри, кажется, не сочла их обидными.

— Я же говорю, они идиоты. Они всерьез считают, что Гектор был либо латентным мужеложцем, который втайне сох по своему хозяину, либо лубочным ловеласом, который лез под каждую встречную юбку и замахивался мачете на всех, кому это не нравилось. И то, и другое — одинаковая глупость, хоть монетку бросай, чтобы выбрать, на чем остановиться.

— Насколько близко вы сами знали Флореса?

— Совсем не знала. Мы не были знакомы. Даже досадно, учитывая, сколько места он теперь занимает в моей голове. Он там, можно сказать, прописался, в отсутствие информации о «местонахождении в данный момент», как вы выразились. Видимо, мне придется это терпеть, пока его не поймают или не убьют. И я очень надеюсь ускорить то или другое при вашей поддержке.

— Миссис Перри, вы не первый раз даете понять, что не против его смерти. Поэтому давайте кое-что проясним: я не наемный убийца. Если это необходимое условие контракта — будь оно гласное или негласное — боюсь, вам лучше искать помощи в другом месте.

Она внимательно посмотрела на него.

— Главное условие контракта — найти его и проследить, чтобы свершилось правосудие. Вот и все.

— Тогда я должен спросить... — начал Гурни, но запнулся, заметив какое-то движение в долине. Койот. Вчера он видел такого же, и этот точно так же бежал в сторону пруда, где и скрылся в кленовых зарослях.

— Что там? — спросила Вэл, поворачиваясь.

— Бездомный пес, кажется. Простите, отвлекся. Я должен спросить: почему вы хотите работать со мной? Если вы, как сами утверждаете, не ограничены в средствах, то могли бы нанять целую армию. И найти специальных людей, которые, скажем так, были бы не слишком озабочены, чтобы преступник предстал перед официальным судом. Почему вы пришли ко мне?

— Хардвик сказал, что вы лучший из лучших. Он считает, что если вообще возможно разгадать это убийство, то на это способны только вы.

— И вы ему поверили на слово?

— Думаете, я совершила ошибку?

— Что заставило вас поверить?

Она ненадолго задумалась, словно чувствуя, что от ее ответа многое зависит, и наконец сказала:

— Вначале он был главным следователем по этому делу. Хардвик — человек грубый, циничный и отталкивающий, любитель потыкать окружающих в больные места. Это чудовищно. Но при этом он практически не ошибался в своих суждениях. Возможно, вам моя логика покажется странной, но я хорошо понимаю таких неприятных людей. Я им, более того, доверяю. Вот поэтому я и здесь, детектив Гурни.

Он снова уставился на грядки, зачем-то пытаясь вычислить, в каком направлении по компасу в среднем клонится большая часть зеленых хвостов аспарагуса. Вероятно, наклон 180 градусов по линии горизонта обусловлен господствующими ветрами, и аспарагус развернут в подветренную сторону, туда, где собирается гроза. Колибри продолжали свою ритуальную битву — если это была битва. Бывало, что они так зависали рядом друг с другом на час или дольше. Было неясно, каким образом столь долгая, изматывающая конфронтация или соблазнение могли закончиться каким бы то ни было успехом.

— Вы упомянули, что Джиллиан питала нездоровый интерес к нездоровым мужчинам. Вы бы отнесли к ним Эштона?

— О господи, конечно же, нет. Скотт — лучшее, что случилось с Джиллиан за всю ее жизнь.

— И вы одобрили эту партию?

— «Одобрила партию»? Как старомодно!

— Давайте я перефразирую. Вы были довольны этим браком?

Ее губы улыбались, но глаза смотрели холодно.

— У Джиллиан было множество... скажем так, проблем. И эти проблемы требовали долгосрочного медицинского вмешательства и наблюдения. Так что выйти замуж за лучшего в своей профессии психиатра, вне всяких сомнений, было огромной удачей. Я понимаю, что это звучит несколько... утилитарно. Но Джиллиан была особым человеком, и применительно к ней мой подход оправдан. Она постоянно нуждалась в помощи.

Гурни вопросительно поднял бровь.

Она вздохнула.

— Вы знали, что доктор Эштон — директор специализированной школы, которую окончила Джиллиан?

— Но разве это не нарушение...

— Нет, — перебила Вэл, и было件нятно, что ей не в первый раз приходится опровергать подразумеваемый аргумент. — Он психиатр, но,

когда она училась, он не был ее лечащим врачом. Так что с этической стороной вопроса все в порядке. Люди, конечно, все равно судачили. Он доктор, она пациентка, как это так. А по факту — выпускница вышла замуж за директора школы. На выпускном ей уже было семнадцать, а следующие полтора года они с Эштоном близко не общались. Хотя сплетников эти подробности, разумеется, не волнуют, — подытожила она, сверкнув глазами.

— Ну, история действительно на грани фола, — произнес Гурни то ли Вэл, то ли в ответ собственным мыслям.

Она снова разразилась своим жутковатым смехом.

— Для Джиллиан это было лишним поводом в нее ввязаться. Она на этой грани жила.

Любопытно, подумал Гурни. И то, как ее глаза загорелись, тоже любопытно. Может быть, роман Джиллиан не единственный в этой семье на грани фола?

— А как доктор Эштон относился к слухам?

— Скотту неважно, что думают люди. Ни о нем, ни вообще, — произнесла Вэл, и Гурни понял, что она питает к этому качеству уважение.

— Значит, он сделал Джиллиан предложение, когда ей было восемнадцать или девятнадцать?

— Девятнадцать. И это она сделала ему предложение, а он согласился.

Странное возбуждение в ее взгляде стало угасать.

— Согласился, значит. И что вы почувствовали, когда узнали?

Сперва ему показалось, что она не расслышала вопроса. Затем, чуть отвернувшись, она произнесла внезапно хрипловатым голосом:

— Облегчение.

Теперь Вэл тоже смотрела на аспарагус, и взгляд ее был таким пытливым, словно она надеялась разглядеть в его зелени объяснение перемене своего настроения. Поднялся несильный ветерок, и верхушки аспарагуса начали слегка покачиваться.

Гурни молча ждал продолжения.

Когда она заговорила вновь, было видно, что ей это дается через силу, словно перед каждым словом нужно преодолевать преграду, как бывает во сне.

— У меня гора с плеч свалилась, что ответственность больше не на мне, — она собираясь сказать что-то еще, но передумала и покачала головой. Гурни понял, что она себя осуждает. Возможно, этим объяснялась ее жажда избавиться от Флореса, и месть казалась ей способом искупить вину перед дочерью?

Спокойно. Не спешить с выводами. Придерживаться фактов.

— Но я же не хотела, чтобы... — Вэл осеклась и замолчала.

— Что вы сами думаете про Эштона? — спросил Гурни, меняя тему в надежде отвлечь женщину от тяжелых мыслей.

Она ухватилась за это как за спасательный круг и охотно ответила:

— Скотт — умнейший, целеустремленный, решительный... — она снова замолчала.

— И какой еще?

— И довольно холодный.

— Как вам кажется, зачем он захотел жениться на...

— На сумасшедшей? — она пожала плечами, но получилось неубедительно. — Может, потому что она была к тому же редкой красавицей?

Он кивнул, но скорее из вежливости. Она продолжила:

— Я знаю, что это прозвучит избито, но Джиллиан отличалась от других. Она правда была особенной, — последнему слову Вэл придала какую-то почти зловещую глубину. — Вы знали, например, что у нее коэффициент интеллекта 168?

— Впечатляет.

— Да. На тестировании сказали, что никогда не видели балла выше. Дважды прогоняли ее через тест, чтобы убедиться, что нет ошибки.

— То есть в довершение к другим ее качествам Джиллиан была гениальна?

— О да, — кивнула Вэл, чуть оживившись. — А еще она была нимфоманкой. Об этом я еще не говорила?

Она внимательно смотрела на него в ожидании реакции.

Гурни сидел, уставившись вдаль, за верхушки деревьев, видневшиеся из-за сарая.

— И от меня вам нужно, чтобы я просто занялся поиском Флореса?

— Нет. Мне нужно, чтобы вы его нашли.

Гурни любил загадки, но у этой истории был привкус ночного кошмара. К тому же Мадлен...

Черт. Стоит только вспомнить ее имя — и...

Она медленно поднималась по еле различимой тропинке, пересекавшей долину, в своем кричащем ярком наряде, ведя рядом велосипед.

Вэл нервно повернулась, проследив за его взглядом.

— Вы ждете кого-то еще?

— Это моя жена.

Они молчали все время, пока Мадлен шла к террасе. Затем женщины обменялись сдержанными кивками. Гурни представил их, упомянув — для видимости конфиденциальности — что Вэл «знакомая знакомого», которая пришла за консультацией.

— У вас здесь тишь и благодать, — произнесла Вэл, и в ее устах эти слова прозвучали так неловко, словно были для нее иностранными. — Должно быть, здесь очень приятно жить.

— Это правда, — ответила Мадлен, быстро улыбнулась и покатила велосипед дальше к сараю.

— Так что? — с беспокойством спросила Вэл, когда Мадлен скрылась из виду за рододендронами в дальней части сада. — Вам нужно знать что-то еще?

— Ей девятнадцать, ему тридцать восемь... вас не смущала разница в возрасте?

— Нет, — отрезала она, подтвердив тоном его догадку, что разница ее все-таки смущала.

— Как ваш супруг относится к идее подключить частного детектива?

— Поддерживает.

— В каком смысле?

— Он поддерживает мое желание форсировать расследование.

Гурни молча ждал продолжения.

— А, вы спрашиваете, сколько он готов заплатить? — ее красивое лицо стало злым.

— Я не об этом.

Она как будто не расслышала:

— Я повторюсь, что деньги — не проблема. И повторюсь, что денег у нас как дерьма, мистер Гурни. У нас бездонная яма дерьма! И я потрачу столько, сколько потребуется! — От ярости на ее кремовой коже стали проступать красноватые пятна. — Мой муж — самый дорогой нейрохирург во всем чертовом мире! Он получает больше сорока миллионов в год. Мы живем в особняке стоимостью двенадцать миллионов. Видели вот эту хрень на моем пальце? — она кивнула на свое кольцо с таким презрением, словно это был позорный нарост. — Эта блестячка стоит два миллиона. Так что, черт вас дери, не заикайтесь при мне о деньгах.

Гурни слушал, сложив пальцы под подбородком. Мадлен успела вернуться и теперь тихо стояла на краю террасы. Как только Вэл замолчала, она подошла к столику.

— У вас все в порядке? — спросила она так буднично, словно вспышка ярости была приступом кашля.

— Простите, — пробормотала Вэл.

— Принести вам воды?

— Нет, я совершенно... я... Нет, хотя вообще-то да, вода пришлась бы кстати. Спасибо.

Мадлен улыбнулась, вежливо кивнула и вошла в дом.

— Смысл в том... — произнесла Вэл, нервно поправляя блузку, — смысл моего избыточного высказывания был в том, что деньги ни с какой стороны не проблема. Значение имеет только цель. Любые средства, какие понадобятся для достижения цели, будут предоставлены. Это все, что я хотела до вас донести, — она плотно сжала губы, будто сдерживая еще один взрыв.

Мадлен вернулась и поставила на стол стакан воды. Вэл взяла его, выпила половину и поставила на место.

— Благодарю.

— Ладно, — произнесла Мадлен, сердито блеснув глазами, — если я еще понадобится, кричите громче.

С этими словами она ушла обратно в дом.

Вэл сидела в напряженной позе, не шевелясь, и внешнее спокойствие явно давалось ей через силу. Но через минуту она наконец вздохнула.

— Не знаю, что еще вам рассказать. Возможно, говорить больше и нечего, остается только попросить вас о помощи, — она перевела взгляд на Гурни. — Вы поможете мне?

И снова — любопытный ход. Она могла бы спросить: «Возьметесь ли вы за это дело?» — но как будто сначала взвесила, как лучше сформулировать вопрос, чтобы труднее было отказать.

Но соглашаться было безумием при любой постановке вопроса.

И он ответил:

— Простите. Боюсь, я не смогу.

Она никак не отреагировала, только продолжила сидеть неподвижно, держась за краешек стола и глядя на Гурни. Ему опять показалось, что она не расслышала.

— Почему? — спросила она тихо.

Он задумался, как лучше ответить.

Во-первых, миссис Перри, вы сами изрядно смахиваете на собственное описание своей дочери. Во-вторых, неизбежная стычка с официальным следствием чревата крупным скандалом. В-третьих, реакция Мадлен на мое решение расследовать очередное убийство будет такой, что у понятия «семейные проблемы» могут открыться новые неприятные глубины.

Но вслух он сказал:

— Мое вмешательство может осложнить ход следствия, и это будет иметь нежелательные последствия для всех заинтересованных сторон.

— Понятно.

По ее взгляду было ясно, что она не готова смириться с таким поворотом. Гурни молчал в ожидании следующего хода.

— Мне понятны ваши колебания, — уточнила Вэл. — На вашем месте я бы тоже не хотела ввязываться. Но я все же прошу вас не принимать окончательного решения, пока не посмотрите запись.

— Какую запись?

— Джек не говорил вам про запись?

— Боюсь, что нет.

— У нас есть видеозапись всего... мероприятия.

— Кто-то снимал свадьбу, где произошло убийство?

— Именно. Все зафиксировано, все до последней минуты. Диск у Хардвика.

Глава 8

Запись убийства

В просторной кухне Гурни стояло два стола. Один, из вишневого дерева, накрывали только для гостей — Мадлен его в такие дни украшала свечами и цветами из сада. А второй, с круглой сосновой столешницей, они называли «обычный стол». За ним они завтракали, обедали и ужинали — когда вместе, когда поодиночке. Обычный стол меньше размером и был развернут к французским дверям на южной стороне. В ясную погоду за ним почти целый день — от рассвета до заката — было солнечно, поэтому они оба здесь любили сидеть и читать.

Они как раз сидели за ним, каждый на своем стуле, когда Мадлен вдруг оторвалась от биографии Джона Адамса. Это был ее любимый президент — видимо, потому что он пытался лечить все болезни ума и тела долгими лесными прогулками. Она подняла взгляд на Гурни и нахмурилась.

— К нам кто-то едет.

Он приложил к уху ладонь, прислушиваясь, но звук раздался только секунд через десять.

— Это Хардвик. Оказывается, у него есть запись со свадьбы, где убили дочь Перри. Он мне ее закинет — я обещал посмотреть, что там.

Мадлен закрыла книжку и уставилась в пространство за стеклянными дверями.

— Скажи, а ты не обратил внимания, что твоя потенциальная клиентка, как бы это сказать... не вполне в себе?

— Я просто собираюсь взглянуть на запись. Ни о чем другом речи не идет. Хочешь, посмотрим вместе?..

Краткое подобие улыбки, видимо, означало отказ. Помолчав, Мадлен сказала:

— Вообще-то, если не стесняться в выражениях, я бы сказала, что она опасный маньяк с полудюжиной психиатрических диагнозов. Не знаю, что она тебе наплела, но уверена, что в ее словах не было и половины правды.

Она говорила, неосознанно ковыряя кутикулу на большом пальце, — Гурни не первый раз замечал эту новую привычку, и она его беспокоила.

В такие моменты, сколь бы мимолетны и незначительны они ни были, Гурни понимал, что ее устойчивость к испытаниям небесконечна, и чувствовал, что единственная почва уходит у него из-под ног. Он боялся этих моментов ее уязвимости, как ребенок боится, что погаснет ночник и он останется во мраке наедине с чудовищами. Удивительным образом этот крохотный неосознанный жест, который выработался у жены, поднимал в нем одновременно чувство тошноты и ощущение нехватки воздуха — как в детстве, когда его мать повадилась курить. Когда она набирала полный рот дыма, жадно всасывая отраву в легкие. Так, Гурни, все, успокойся. Ты не ребенок, в конце концов.

— Но ты и без меня все понимаешь, да?

Он на секунду замешкался, пытаясь поймать утерянную нить разговора.

Она закатила глаза в преувеличенном отчаянии.

— Ладно, я пойду к себе, шить. А потом мне надо в Онеонту, пройтись по магазинам. Если тебе что-нибудь нужно, впиши в список, он лежит на шкафчике.

Хардвик примчался, поднимая пыль и рыча глушителем. Припарковав прожорливый винтажный «Понтиак» рядом с зеленым «Субару» Гурни, он вышел к дому, зашелся своим жутковатым кашлем и сплюнул мокроту в листья, кружившиеся в потоке воздуха от машины.

— Ненавижу запах гнилых листьев. Воняет словно конь обгадился, — сказал он вместо приветствия.

— Меткое сравнение, Джек, — ответил Гурни, пожимая ему руку. — Умешь подобрать слова.

Со стороны они выглядели как солонка и перечница из разных наборов. У Хардвика на голове топорщился неопрятный «ежик», лицо было мясистым и красным, с паутинкой сосудов на носу. Водянисто-голубые, как у маламута, глаза придавали ему вид человека неопределенного старческого возраста с вековым похмельем. Темные волосы Гурни, напротив, были аккуратно причесаны — Мадден иногда отмечала, что даже слишком аккуратно. В свои сорок восемь он был все еще подтянут и поддерживал пресс в тонусе ежедневными приседаниями перед утренним душем. На вид ему было не больше сорока.

Пока Гурни провожал Хардвика в дом, тот толкнул его в бок:

— Чего, зацепила, да?

— Ты о чем?

— Да ладно, колись, на что запал? На страсть к торжеству справедливости? Или на возможность вывихнуть Родригесу яйца? А может, ее роскошная задница?..

— Так сразу и не скажешь, Джек, — произнес Гурни, обнаружив, что приноровился произносить его имя с особым саркастическим нажимом, словно это не обращение, а мимолетный удар поддых. — Меня больше заинтересовало видео.

— Да ты чего? А я думал, ты на своей пенсии тут со скуки подыхаешь. Что, правда совсем не тянет вернуться, так сказать, в мир живых?

— Тянет посмотреть запись. Ты же принес диск?

— Да ты в жизни не видел такой киношки про убийство, старичок! Мокруха в высоком разрешении! Съемка с места действия!

Хардвик стоял посреди большой комнаты, служившей кухней, столовой и гостиной. С одной стороны была старомодная плита, а с другой, в десяти с лишним метрах, — камин с изящной кладкой. Хардвик окинул все это быстрым внимательным взглядом и произнес:

— Да у вас тут норка с разворота журнала про жилища долбанутых экофанатов!

— Проигрыватель в кабинете, — сказал Гурни, показывая дорогу.

Запись начиналась с захватывающей аэросъемки: камера плавно скользила над яркой весенней зеленью, двигаясь вдоль дороги и ручья, тянувшихся серебристой и графитовой лентами вдоль особняков с ухоженными газонами и живописными пристройками.

Камера замедлилась над самым крупным и красивым из особняков. Когда в кадре появился просторный изумрудный газон, окаймленный нарциссами, камера застыла и начала плавное движение вниз.

— Ничего себе, — удивился Гурни. — Они наняли вертолет?

— А чего, теперь все так делают, — ответил Хардвик. — Но это только начало. Дальше съемка пойдет с четырех статичных камер, расставленных так, что их обзор покрывает все владение целиком. Так что здесь полная хронология всего, что происходило снаружи — и картинка, и звук.

Каменный дом цвета слоновой кости был окружен каменными же террасами, нисходящими к нарочито небрежно оформленным идиллическим зарослям цветов, которые словно целиком привезли из Англии.

— Это вообще где? — спросил Гурни, усевшись на диван рядом с Хардвиком.

Хардвик посмотрел на него в притворном ужасе.

— Ты что, не узнаешь элитный поселок Тэмбери?

— А что, должен?

— Это же улей самых важных пчел! Ты как важный шмель должен это знать. Если ты хоть как-то котируешься в обществе, у тебя обязательно найдутся знакомые с домиком в Тэмбери.

— Видимо, я рылом не вышел. Так где это?

— Всего в часе езды отсюда, на полпути к Олбани. Я покажу на карте.

— Да зачем... — начал было Гурни и вдруг удивленно осекся: — Подожди. Это, выходит, в округе...

— Шеридана Клайна! — подхватил Хардвик. — Ну естественно. Шанс поработать со старыми друзьями и все такое. Окружной прокурор, как ты помнишь, очень нежно к тебе относится.

— Неожиданно, — пробормотал Гурни.

— Серьезно, он считает, что ты гений! Он, конечно, грязный политикан и присвоил твои лавры за дело Меллери, но в глубине души он понимает, что обязан тебе.

Гурни покачал головой:

— В глубине души у Клайна нет ничего, кроме черной дыры.

— Дэйв, старичок, ну что ж ты так, совсем в людей не веришь, — рассмеялся Хардвик и, не дожидаясь ответа, принялся комментировать видеоряд на экране. — Это снуют официанты, — сказал он, когда в кадре стали мелькать безупречно причесанные юноши и девушки в черных брюках и накрахмаленных белых туниках. Они накрывали фуршетный стол с напитками и полдюжины стоек с горячим. — А вон хозяин, — продолжил Хардвик, указывая на мужчину в костюме цвета индиго с ярко-красным цветком на лацкане. Он сперва кому-то улыбался, стоя в арке входной двери, а затем направился в сторону газона. — И суженый, и ряженный, и

жених, и муж, и вдовец. Все в одном флаконе, так что даже не знаю, как его лучше называть.

— Скотт Эштон?

— Собственной персоной.

Эштон прошел в кадре, но когда он должен был исчезнуть из виду, включилась другая камера. Стало видно, как он торопливо идет к небольшой постройке, напоминающей гостевой домик, на границе газона и небольшой рощицы — метрах в тридцати от главного особняка.

— Сколько там, говоришь, было камер?

— Четыре статичные и одна на вертолете.

— А кто делал монтаж?

— Наши ребята из отдела.

Гурни смотрел, как Эштон стучится в домик. Все было слышно, хотя звук был не таким четким, как видео. Дверь домика и, соответственно, спина Эштона были сняты примерно под углом в сорок пять градусов. Эштон продолжал стучать и звал:

— Гектор!

Потом раздался голос, в котором Гурни уловил испанский акцент, но слова были неразличимы. Он вопросительно взглянул на Хардвика.

— Мы пробовали усилить звук в лаборатории. Он говорит: *Está abierta*. Открыто, мол. Совпадает с рассказом Эштона о том, как все было.

На экране Эштон открыл дверь и, зайдя внутрь, закрыл ее за собой. Хардвик взял пульт и включил режим перемотки:

— Он там проторчит пять или шесть минут. А потом откроет дверь, скажет: «Ну ладно, если передумаешь...» — и выйдет. Закроет дверь и уйдет.

Когда Хардвик отпустил кнопку, Эштон действительно вышел из домика, и лицо его показалось Гурни более хмурым, чем когда он заходил внутрь.

— Они всегда так разговаривали? — спросил Гурни. — Эштон с ним по-английски, а Флорес в ответ — по-испански?

— Да я сам удивился. Эштон говорит, что это была какая-то новая причуда, которая длилась к этому моменту месяц или два. До этого они всегда говорили по-английски. Он сам считает, что это пассивно-агрессивный бунт против языка, которому Эштон его учил, то есть опосредованно — против самого Эштона. В общем, он задвинул на этот счет какую-то психологическую телегу.

Эштон снова вышел из кадра, и запись продолжилась с другой камеры. Он направился к небольшому павильону с колоннами в греческом стиле —

из тех конструкций, что ввели в моду викторианские ландшафтные архитекторы. Там четверо мужчин в костюмах листали на подставках ноты и двигали раскладные стулья. Эштон о чем-то с ними заговорил, но ничего расслышать было нельзя.

— Струнный квартет вместо традиционного диджея? — удивился Гурни.

— В Тэмбери свои традиции, — ответил Хардвик и принялся перематывать разговор Эштона с музыкантами, а затем живописные панорамы и суету официантов, которые раскладывали на скатертях тарелки и столовые приборы. Дальше мелькнули две стройные официантки, расставляющие бутылки и бокалы, потом крупные планы красных и белых петуний, свисающих из каменных ваз.

— Это ровно четыре месяца назад? — спросил Гурни.

Хардвик кивнул.

— Второе воскресенье мая. Идеальный денек для свадьбы. Весна цветет и пахнет, легкий ветерок, птички вьют гнездышки, голуби воркуют, мурмур...

Гурни почувствовал, как от этого безжалостного сарказма у него оголяются нервы.

Когда Хардвик наконец закончил перематывать пленку и запись пошла с обычной скоростью, в кадре оказался увитый плющом навес, служивший входом на газон. По траве прогуливалось несколько гостей, а фоном звучало жизнерадостное барокко.

По мере того как новоприбывшие парами проходили под навесом, Хардвик называл имена, водя пальцем по мятому списку.

— Начальник полиции Тэмбери Берт Лунтц с супругой... Президент Дартвелльского колледжа с мужем... Литагент Эштона с мужем... Президент Общества британского наследия Тэмбери с женой... Конгрессвумен Лиз Лафтон с супругом... Филантроп Ангус Бойд со своим юным... э-э-э... как бы его назвать... сам он называет его ассистентом. А это редактор журнала «Международная клиническая психология» с женой... Вице-губернатор с женой... Декан медицинского...

— Постой, — перебил его Гурни. — Они там все такие?

— С громкими званиями, связями и неприличным долларовым амбре? О, да. Президенты компаний, крупные политики, главреды важных изданий... там даже один епископ.

Поток привилегированных и успешных еще минут десять продолжал вливаться в сад Скотта Эштона. Никто не выглядел недовольным приглашением, однако и радостным видом никто не выделялся.

— Все, почти все пришли, — сказал Хардвик. — Это уже родители невесты, всемирно известный нейрохирург Уитроу Перри и Вэл Перри — трофейная, так сказать, жена.

Доктору на вид было чуть за шестьдесят. Надменно изогнутые пухлые губы, внимательный взгляд и двойной подбородок любителя хорошо поесть. Он двигался удивительно ловко, как тренер по фехтованию, к которому Гурни и Мадлен ходили первую пару лет совместной жизни, еще надеясь найти совместное увлечение.

Вэл Перри на экране была похожа на актрису, выряженную для роли Клеопатры. Она излучала удовлетворенность, которой Гурни утром за ней не заметил.

— А вот теперь, — оживился Хардвик, — жених и пока еще не безголовая невеста.

— Господи, — пробормотал Гурни. Иногда бесчувственность Хардвика казалась ему не результатом защитного цинизма, а признаком настоящей психопатии. Впрочем, сейчас было неподходящее время, чтобы... чтобы что? Сообщить Хардвику, что он больной кретин? Гурни сделал глубокий вдох и продолжил смотреть видео. Доктор Скотт Эштон и Джиллиан Эштон с улыбкой надвигались на камеру. Аплодисменты, крики «браво!» и торжественное крещендо на фоне. Гурни потрясенно уставился на невесту.

— Ты чего? — удивился Хардвик.

— Я ее как-то по-другому себе представлял.

— А как ты ее представлял?

— Ну, после рассказов ее матери сложно было ожидать, что она выглядит как модель с обложки журнала для невест.

Хардвик скептически сощурился на ослепительную красавицу в белоснежном шелковом платье до пят. В скромном вырезе поблескивало ожерелье из крохотных стразов, руки в белых перчатках сжимали букет нежнейших чайных розочек. Золотистые волосы были собраны в затейливую прическу, увенчанную сверкающей диадемой. Миндалевидные глаза были самую малость подведены, а помада на идеальной формы губах как бы невзначай сочеталась с букетом.

Хардвик пожал плечами:

— У них так принято.

Гурни был всерьез озадачен подчеркнuto классическим образом Джиллиан.

— Естественно, это у них в генах, — продолжил Хардвик.

— Может быть, — неуверенно отозвался Гурни.

Хардвик снова стал перематывать запись, пока невеста с женихом продвигались сквозь толпу, оркестранты выразительно музицировали, а официанты лавировали между гостями с шампанским и тарелками.

— Так, давай-ка сразу к делу, — прокомментировал Хардвик, — к главному, так сказать, событию.

— Ты про убийство?

— Ну, там еще кое-что интересное было до и после.

Через несколько секунд перемотки в кадре оказалась троица людей, беседующих поодаль. Отдельные слова были различимы, но основную часть разговора поглотил шум других голосов и Вивальди.

Хардвик достал из кармана еще один сложенный лист, развернул его и протянул Гурни, который сразу по формату понял, что это транскрипт аудиозаписи.

— Ты пока смотри видеоряд и внимательно слушай саундтрек, — сказал Хардвик. — Я скажу, с какого места надо подсматривать в транскрипт, потому что в записи может быть плохо слышно. Лицом к тебе — начальник полиции Лунтц с женой Кэрол, а спиной стоит Эштон.

Лунтцы держали высокие коктейльные бокалы с ломтиками лайма. Начальник полиции свободной рукой также держал тарелку с канане. Что пил Эштон — было не видно, а говорила в основном миссис Лунтц.

— Да-да-да... прекрасный день... в прогнозе обещали, и я подумала... цветы... Именно ради этого времени года стоило поселиться в Катскиллах... Музыка выбрали идеально... ни одного комара! Они на высоте не живут, слава богу, а то я помню комаров в Лонг-Айленде... И клещей тоже нет, слава богу... заболела боррелиозом, это такой кошмар... ошиблись диагнозом... все время тошнило, жуткие боли, она была в отчаянии, думала руки на себя наложить...

Гурни вопросительно поднял бровь, глядя на Хардвика, надеясь получить объяснение значимости этой сцены, но тут голос миссис Лунтц впервые заглушил голос начальника полиции.

— Кэрол, в самом деле, нашла время поговорить о клещах! Сегодня же праздник! Правильно я говорю, доктор?

Хардвик ткнул пальцем в верхнюю строчку транскрипта, который Гурни держал на коленях.

Гурни посмотрел на него и понял, что напечатанный текст действительно помогает разобрать невнятные обрывки диалога из записи.

СКОТТ ЭШТОН: ...да, я очень счастлив, очень.

КЭРОЛ ЛУНТЦ: Я как раз говорила, что все сложилось

идеально — ни насекомых, ни дождя, никаких проблем! И такое прекрасное общество, музыка что надо, столько красивых мужчин...

ЛУНТЦ: Как поживает ваш мексиканский гений?

СКОТТ ЭШТОН: Понятия не имею. Иногда он какой-то...

КЭРОЛ ЛУНТЦ: А то ходят странные слухи... даже не знаю, передавать ли вам, вообще-то я не люблю сплетничать...

СКОТТ ЭШТОН: У Гектора сложный период, он сейчас сам не свой. Конечно, это заметно окружающим. Если вас беспокоит что-то конкретное, пожалуйста, расскажите.

КЭРОЛ ЛУНТЦ: Да я сама-то ничего не видела... так, люди поговаривают всякое. Вообще-то я слухи стараюсь игнорировать...

СКОТТ ЭШТОН: О, простите, я отлучусь. Джиллиан зовет.

Хардвик нажал на паузу.

— Заметил? Вон там, в левой части кадра?

На экране виднелась Джиллиан, которая действительно смотрела на Эштона, подняв руку с золотыми часиками на запястье и многозначительно указывая на них пальцем. Хардвик снял запись с паузы, и Эштон отправился сквозь толпу гостей к Джиллиан. Лунтцы между тем продолжили разговор, и на этот раз большую часть было слышно и без транскрипта.

ЛУНТЦ: Ты что, хочешь ему про Кики Мюллер рассказать?

КЭРОЛ ЛУНТЦ: По-моему, он имеет право знать.

ЛУНТЦ: Но ты же понятия не имеешь, откуда растут ноги у этой сплетни.

КЭРОЛ ЛУНТЦ: Я думаю, что это не просто сплетня.

ЛУНТЦ: В том-то и дело, что ты ничего не знаешь, а только «думаешь».

КЭРОЛ ЛУНТЦ: Если бы под твоей крышей жил какой-то тип, который пользуется твоей добротой, ест за твоим столом и тайком трахает соседскую жену, ты бы предпочел не знать?

ЛУНТЦ: Я повторяю: ты ничего не знаешь наверняка.

КЭРОЛ ЛУНТЦ: «Наверняка» — это как? С фотодоказательствами?

ЛУНТЦ: Ну, например.

КЭРОЛ ЛУНТЦ: Берт, не морочь мне голову. Если бы ты

услышал, что грязный мексикашка, которого ты пригрел, кувыркается в постели с женой Чарли Максона, ты бы что — пошел искать фотодоказательства?

ЛУНТЦ: Кэрол, черт тебя дерит...

КЭРОЛ ЛУНТЦ: Не богохульствуй, Берт, я тебя сколько раз просила...

ЛУНТЦ: Ладно, не богохульствую. Но и ты меня послушай. Ты сейчас всерьез говоришь о чем-то, что услышала неизвестно от кого, кто, в свою очередь, тоже услышал неизвестно от кого, и он, в свою очередь...

КЭРОЛ ЛУНТЦ: Твой сарказм тоже неуместен.

Оба замолчали. Спустя минуту-другую начальник полиции наконец исхитрился и отправил в рот канапе с тарелки, поддев его ножкой бокала. Его супруга скривилась, отвернулась и опустошила свой бокал, а затем принялась притопывать ногой под ритм музыки, доносившейся из мини-Парфенона. Лицо ее приобрело выражение жадной заинтересованности, словно она выискивала взглядом в толпе какую-нибудь знаменитость. Когда рядом оказался официант с подносом, она заменила пустой бокал на полный. Начальник полиции наблюдал за ней с недовольно поджатыми губами.

ЛУНТЦ: Мне кажется, тебе стоит притормозить с этим делом.

КЭРОЛ ЛУНТЦ: О чем это ты?

ЛУНТЦ: Ты меня прекрасно поняла.

КЭРОЛ ЛУНТЦ: Ну кто-то же должен рассказать людям правду.

ЛУНТЦ: Какую правду?

КЭРОЛ ЛУНТЦ: Про мерзкого мексикашку!

ЛУНТЦ: Опять ты за свое! Это не правда, а обыкновенная сплетня, сальный слушок, пущенный одной из твоих безмозглых подружек, которые обожают всякий жареный бред!

Лунтцы принялись спорить. Все это время Эштон и Джиллиан о чем-то разговаривали в левом углу кадра, но микрофон не улавливал их голосов. В конце беседы Джиллиан развернулась и пошла к дому на другом краю поляны, возле леса, а Эштон с недовольным лицом направился обратно к Лунтцам.

Когда Кэрол заметила, что Эштон возвращается, она за пару глотков допила свою «маргариту». Ее муж что-то пробормотал на это сквозь зубы (Гурни глянул в транскрипт, но там не оказалось расшифровки).

По мере того как Эштон приближался, Лунтцы сделали вежливые лица, а потом начальник полиции спросил:

— Что там, Скотт? Все в порядке?

— Надеюсь, — отозвался Эштон. — Просто Джиллиан... она... — он осекся и покачал головой.

— Боже мой! — воскликнула Кэрол с плохо скрываемой надеждой. — Неужели что-то случилось?

Эштон снова покачал головой.

— Джиллиан хочет, чтобы Гектор присутствовал на свадебном тосте. Он чуть раньше сказал, что не хочет, ну и... Ну и все, — он улыбнулся, уставившись на траву под ногами.

— А почему это он не хочет? — спросила Кэрол, наклонившись к Эштону.

Хардвик нажал на паузу, заставив Кэрол застыть с заговорщическим выражением лица, и повернулся к Гурни с видом человека, готового поделиться откровением.

— Эта сучка тащится, когда у кого-нибудь проблемы. Ей обязательно нужно сунуть нос во все детали, изображая ангельское сочувствие. Снаружи будет распускать сопли, дескать, очень за тебя переживает, а внутри будет мечтать, чтобы ты взял и сдох на месте, а она порыдала напоказ, и весь мир увидел, какая она на всю голову заботливая.

Гурни был согласен с диагнозом, но манера подачи, присущая Хардвику, как обычно, заставила его поморщиться.

— Что там дальше? — спросил он, нетерпеливо повернувшись к экрану.

— Дальше еще интереснее, — сказал Хардвик и отпустил паузу. Кэрол и Эштон вновь ожили.

— Честное слово, это совершенно неинтересно. Не хочу докучать вам глупостями, — сказал Эштон.

— Но с этим человеком определенно что-то не в порядке, — настаивала Кэрол, надрывно растянув слово «определенно».

Эштон устало пожал плечами, сдаваясь перед напором.

— Гектор недолюбливает Джиллиан. А она во что бы то ни стало хочет разобраться почему. И уговорила меня пригласить его на праздник. Я

пытался — целых два раза. Первый был неделю назад, второй — сегодня утром. Оба раза он отказался. И вот сейчас она сообщила, что хочет сама попробовать уломать его выйти из домика — вон там, видите? Лично я считаю, что это напрасная трата времени, но она не слушает.

— Но какое ей вообще дело до этого... человека? — спросила Кэрол, красноречиво запнувшись там, где ей хотелось употребить пренебрежительный эпитет.

— Это хороший вопрос, Кэрол, но у меня на него нет ответа.

Запись продолжилась с другой камеры: теперь в кадре виднелись домик садовника, розовый сад и часть главного особняка. Слепительная невеста стучалась в дверцу домика. Хардвик снова нажал на паузу, отчего изображение превратилось в пеструю мозаику.

— Короче, — сказал он, — сейчас начнется. Главные четырнадцать минут. За это время Гектор Флорес грохнет Джиллиан, отхрюпает ей башку мачете, выскочит в заднее окошко и свалит без следа. Отсчет начнется, когда невеста переступит порог домика.

Запись продолжилась. Джиллиан открыла дверь, зашла внутрь и закрыла ее.

— Все, — произнес Хардвик. — Больше живой мы ее не увидим.

Домик садовника по-прежнему оставался в кадре. Гурни смотрел на окошко и пытался представить детали убийства, которое вот-вот случится за шторкой в цветочек.

— Значит, он выйдет через заднее окно и исчезнет без следа. В буквальном смысле «без следа»?

— Ну, как тебе сказать... — протянул Хардвик, наслаждаясь драматической паузой, — и да, и нет.

Гурни вздохнул и стал молча ждать продолжения.

— Вот в чем фишка, — продолжил Хардвик. — Исчезновение Флореса мне кое-что сильно напоминает... — он выдержал еще одну издевательскую паузу, довольно ухмыляясь. — Убийца оставил след, уходящий в лес.

— И что дальше, Джек?

— А то, что этот след внезапно обрывается в полутора сотнях метров от домика.

— И?..

— Тебе это ничего не напоминает?

Гурни с сомнением уставился на него.

— Ты про дело Меллери?

— А что, ты знаешь много дел, где след терялся посреди леса без очевидных тому объяснений?

— И что из этого следует?

— Да ничего конкретного. Но я подумал, может, ты что-нибудь прогляпнул, когда закрывал дело Меллери?

— Что это я мог прогляпнуть?

— Возможно, у убийцы был сообщник?

— Сообщник?! Да ты в своем уме? Ты же помнишь все материалы дела — там даже отдаленно ничто не намекало на сообщника.

— Смотри-ка, как ты разволновался.

— Ты тратишь мое время на версии, порожденные твоим нездоровым чувством юмора.

— А, ну то есть, по-твоему, все это так, ерунда, совпадение? — спросил Хардвик, мастерски намекая Гурни на аргумент, который теперь крутился у того в голове и заставлял сомневаться.

— «Все это»?

— Почерк.

— Давай без шарад.

Хардвик снова ухмыльнулся — то ли самодовольно, то ли, наоборот, раздраженно.

— Смотри дальше, — сказал он. — Там немного осталось.

Однако спустя несколько минут в кадре все еще не произошло ничего примечательного. К клумбам у домика подошла стайка гостей — одна из женщин, которую Хардвик ранее представил как жену вице-губернатора, возглавляла своего рода ботаническую экскурсию, оживленно что-то объясняя около разных цветов. Затем все постепенно вышли из кадра. Домик стоял, как прежде, без каких-либо намеков на события внутри. Шторка на окне ни разу не шевельнулась.

И как только Гурни собирался уточнить у Джека, что ценного в этой записи, она продолжилась с камеры, перед которой стояли Эштон и Лунтцы, а домик остался на заднем плане.

— ...и, в общем, пора поднять бокалы, — произнес Эштон. Все повернулись к домику. Эштон взглянул на часы и жестом подозвал кого-то из официанток. Девушка поспешила к нему с учтивой улыбкой.

— Слушаю, сэр.

— Напомните моей жене, что уже четыре часа.

— Она в том домике, да?

— Да. Напомните ей, что сейчас время для тостов.

Официантка отправилась к домику, а Эштон вновь повернулся к Лунтцам.

— Джиллиан легко теряет счет времени, — объяснил он. — Особенно когда пытается убедить кого-нибудь сделать так, как ей хочется.

Официантка пересекла поляну, подошла к домику и постучала в дверь. Подождав пару секунд, она постучала вновь, затем подергала за ручку. Затем она повернулась к Эштону и развела руками. Он жестом изобразил настойчивый стук. Она вздохнула, но постучала снова, на этот раз действительно погромче, потому что звук донесся до микрофона, хотя домик, по прикидкам Гурни, находился не менее чем в сорока метрах от камеры. Но ответа по-прежнему не было, и официантка, повернувшись к Эштону, опять развела руками и покачала головой.

Эштон что-то пробормотал себе под нос и направился к домику сам. Он раздраженно постучал в дверь, затем дернул ее на себя, повозился с ручкой и стал кричать:

— Джилли! Джилли, почему дверь заперта? Джиллиан!

Он стоял, уставившись на дверь, и его поза выдавала смесь возмущения и растерянности. Затем он развернулся и пошел к заднему входу в особняк.

Хардвик, сидевший на ручке кресла, пояснил:

— Потопал за ключом. Он сказал нам, что запасной ключ всегда хранился в кладовой.

Спустя несколько секунд Эштон снова появился в кадре, еще раз постучал, не дождался ответа и вставил ключ в замочную скважину. Дверь открылась внутрь. Камера стояла под таким углом, что интерьер домика было толком не разглядеть, но по спине Эштона было видно, как он резко застыл и напрягся. Поколебавшись секунду, он переступил порог. Еще пара секунд — и раздался ужасный, истошный крик, переходящий в рыдание и вой: слово «Помогите!» повторялось снова и снова, пока Скотт Эштон не вышел из домика, не потерял равновесие и не упал на клумбу, продолжая звать на помощь таким отчаянным, утробным воем, что человеческие слоги в нем были уже не различимы.

Глава 9

Ракурс с порога

Камеры, расставленные свадебным оператором, продолжали записывать еще двенадцать минут и за это время зафиксировали хаос,

последовавший за воплем Эштона. Затем начальник полиции Лунтц потребовал их выключить и изъясил записи ввиду их ценности для расследования.

Эти двенадцать минут состояли преимущественно из криков, команд, вопросов, испуганных возгласов; люди подбегали к Эштону и заглядывали в домик, а затем пятились в ужасе; какая-то женщина споткнулась и упала; гости помогли Эштону подняться и повели его к особняку. Лунтц встал на входе в домик садовника и принялся что-то нервно говорить в свой мобильный. Гости растерянно метались по участку. В какой-то момент в кадре появились музыканты — один из скрипачей все еще держал свой инструмент, а у другого был только смычок. Наконец, к Лунтцу подбежали трое полицейских в форме. Чуть поодаль президент Общества британского наследия блевал на траву.

Когда запись, мигнув, прервалась, Гурни медленно откинулся на спинку дивана и повернулся к Хардвику.

— Ничего себе.

— Какие соображения?

— Нужно больше информации.

— Например, какого рода?

— Когда прибыли из следственного управления? Что обнаружили в домике?

— Люди шерифа прискакали через три минуты после того, как Лунтц вырубил камеры. Стало быть, через пятнадцать минут после того, как Эштон обнаружил тело. Пока Лунтц созывал своих ребят, гости уже успели позвонить в 911 и новость быстро долетела до шерифа. Его полицейские примчались на место, заглянули в домик и тут же вызвали следственное управление. Звонок перевели на меня, и я там был ровно через двадцать пять минут. Так что можно сказать, что бардак развели очень оперативно.

— А дальше?

— А дальше оперативно приняли решение, что в таком дерьме лучше всех копается следственное управление. Стало быть, я. И мы в нем усердно копались, пока я не сообщил нашему дражайшему капитану, что подход, который мне пришлось применять по его настоянию, неэффективен.

Гурни улыбнулся:

— То есть ты послал его.

— В мягких, насколько сумел, выражениях.

— После чего он назначил главным следователем по делу Арло Блатта.

— Да, и Блатт завяз наглухо. Четыре месяца не происходит ничего, круговорот бессмысленных телодвижений. Следствие не продвинулось ни

на сантиметр. Можно понять прекрасную мамашу прекрасной невесты, которая ищет альтернативные способы решения задачи.

Гурни также понимал, что задачу основательно отягощала необходимость делить территорию с экспертами по бессмысленным телодвижениям.

Его внутренний голос настойчиво шептал, что нужно отказаться, пока не поздно.

Но что-то другое куда настойчивее подсказывало, что имеет смысл хотя бы выяснить, что обнаружили в домике. Все-таки информация — это сила.

— Значит, ты прибыл на место, и тебя проводили к домику, — подсказал Гурни, ожидая продолжения.

Хардвик дернул уголком рта, вспоминая.

— О да, проводили. Всю дорогу с таким гаденьким любопытством предвкушали, как яотреагирую. А я шел и думал: эти ребята явно ждут, что я охренею, значит, там основательное месиво, — он помолчал и опять дернул губами, обнажив на секунду зубы. — В общем, они не ошиблись. Я охренел.

Судя по его лицу, Хардвику до сих пор было не по себе.

— Тело было заметно сразу с порога? — уточнил Гурни.

— «Заметно»? Да не то слово.

Глава 10

По-другому никак

Хардвик тяжело поднялся с дивана и потер лицо обеими руками, словно человек, проснувшийся после ночного кошмара.

— У тебя пивка холодного не найдется? — спросил он.

— Прямо сейчас — нет, — ответил Гурни.

— Что значит «прямо сейчас — нет»? Типа, прямо сейчас нет, а через минуту-другую холодненький хайнекен, так и быть, материализуется передо мной?

Гурни заметил, что возмущение полностью поглотило зыбкий намек на уязвимость, мелькнувший при воспоминании об увиденном четыре месяца назад.

— Не отвлекайся, — произнес Гурни. — Тело было видно с порога — и?

Хардвик подошел к окну кабинета, выходившему на луг, который в

северных сумерках казался серым. Хардвик говорил, уставившись в сторону гребней, ведущих к карьере песчаника.

— Тело было усажено на стул возле квадратного столика, в паре метров от входа, — сказал он, поморщив нос, словно от резкой вони. — Нда. Короче, тело сидело за столом. А голова лежала на столе, в луже крови, лицом к телу. В той самой диадеме, которую ты видел на записи... — помолчав, словно вспоминая точный порядок событий, он продолжил: — Домик состоит из трех комнат: жилая, сразу при входе, а сзади еще кухонька и спальня, в которой есть также ванная и стенной шкаф. Полы деревянные, без ковров, стены тоже голые. Вокруг тела, понятно, была кровянистая, но еще несколько капель нашли в направлении спальни, а там — возле окна. Окно было нараспашку.

— И он через него, значит, бежал.

— Это вне сомнений. Под окном, с той стороны, был частичный след от ботинка... — тут Хардвик повернулся к Гурни и хитро повел бровями. — И вот дальше начинается самое интересное!

— Джек, давай факты, без едких комментариев.

— Лунтц позвонил шерифу, чтобы привезли поисковую собаку. И ее привезли минут через пять после того, как я приехал. Собака сразу взяла след, понюхав сапоги Флореса, и уверенно помчалась в лес, но в ста тридцати метрах от домика остановилась. Нюхала, нюхала, металась, потом залаяла — нашла орудие преступления. Мачете, отточенное аж до звона. Но после этого псина потеряла след. Коп, что был при ней, пытался поводить ее там кругами, но без толку. Собака чуяла след ровно от домика до мачете, и больше нигде.

— А мачете просто лежало на земле? — уточнил Гурни.

— Лезвие было присыпано листьями и землей, словно его пытались спрятать впопыхах.

Гурни пару минут посидел, задумавшись.

— И это точно орудие убийства, сомнений не возникло?

Хардвик удивился вопросу.

— Да вообще без вариантов! Оно было в крови жертвы. ДНК совпадает, все такое, заключение судмедэксперта подтвердило... — тут Хардвик монотонным голосом процитировал: — «Смерть наступила вследствие перерезания обеих сонных артерий, а также позвоночника между первым и вторым шейными позвонками при помощи острого и тяжелого лезвия и приложения значительной силы. Повреждения, причиненные тканям шеи и позвонкам, характерны для мачете, обнаруженного в лесу возле места преступления». Так что... — Хардвик

переключился обратно на собственный тон и повторил: — Без вариантов. Анализ ДНК не умеет ошибаться.

Гурни медленно кивнул, обдумывая услышанное.

Хардвик продолжил, снова включив язвительность:

— Однако остается открытым вопрос: почему же, ну почему след преступника оборвался именно там, в том самом месте, как бы напоминая нам о следе, оставленном на месте убийства Меллери, когда...

— Джек, Джек, подожди. Между зримым следом ботинок в снегу и невидимым запахом есть большая разница.

— Факт остается фактом: тот и другой необъяснимо обрывались ни с того ни с сего.

— Нет, Джек! — рявкнул Гурни. — Факт в том, что след ботинок прерывался совершенно объяснимо. И для этого следа тоже найдется объяснение, только другое.

— Дэйви, старичок, что меня всю дорогу восхищает в тебе — так это дар предвидения.

— А я всю дорогу думал, что ты только прикидываешься идиотом. Но вот теперь засомневался.

Хардвик довольно усмехнулся удавшейся попытке разозлить Гурни и заговорил невинным тоном:

— Так что же тогда произошло? Как это запах Флореса вдруг взял и растворился?

Гурни пожал плечами.

— Он мог сменить обувь. Мог надеть на ноги пакеты.

— За каким, интересно, хреном?

— Например, чтобы сбить со следа собаку, как в итоге и вышло. Чтобы его не нашли там, где он спрятался.

— Типа, в доме Кики Мюллер?

— Это имя мелькало в записи. Это та, которая...

— Которую Флорес, предположительно, ублажал. Соседка Эштона и по совместительству супруга Карла Мюллера, судебного инженера-механика. После исчезновения Флореса ее никто не видел, и это, предположительно, не простое совпадение.

Гурни снова откинулся на спинку дивана. Во всей этой истории его сильно смущал один момент.

— Слушай, мне понятно, зачем Флоресу могло понадобиться скрыть след, ведущий к дому соседки, или куда он там на самом деле пошел, разве не логичнее было бы заняться этим сразу в домике? Зачем надо было бежать в лес и прятать мачете, а потом скрывать след, а не в обратном

порядке?

— Ну, например, чтобы побыстрее свалить из домика.

— Например. Или он хотел, чтобы мы нашли мачете.

— А зачем тогда пытаться его заныкать?

— Так он его и не заныкал. Ты же сам сказал, что лезвие было только чуть присыпано грязью.

Хардвик улыбнулся.

— Вообще интересненькие вопросы. Однозначно есть куда копать.

— И вот еще что, — продолжил Гурни. — Кто-нибудь знает, где находились супруги Мюллер на момент убийства?

— Карл, как я упоминал, работает инженером-судомехаником на каком-то рыболовном корабле, так что он всю неделю болтался в море, в 50 километрах от Монтока. А вот Кики в тот день никто не видел, как, впрочем, и накануне.

— Тебе это ни о чем не говорит?

— Не-а. Закрытый поселок, каждый участок минимум полкилометра в квадрате, и люди не из тех, кто любит посудачить с соседями через забор. У них это, поди, еще и этикету какому-нибудь противоречит. Даже здрасьте без приглашения не скажут.

— А кто-нибудь вообще видел ее после того, как супруг отчалил из Монтока?

— Да вроде нет, но... — Хардвик развел руками, как бы напоминая Гурни, что в Тэмбери не видеть неделями соседей было скорее правилом, чем исключением.

— А установлено ли местонахождение каждого из гостей в течение тех самых четырнадцати минут?

— Да. Я на следующий день сел и лично прошелся по записи и зафиксировал, где был каждый в каждую отдельно взятую минуту, пока жертва находилась в домике. Наш доблестный капитан вынес мне весь мозг, что, де, я занимаюсь фигней, когда надо прочесывать лес в поисках Флореса. Впрочем, черт его знает, может, как раз на этот счет он не ошибался. Но я подумал, что если забить на запись, а потом бы выяснилось... Ну, короче, сам понимаешь, что я подумал, работая с таким кретином, — прошипел он. — Ты чего на меня так уставился?

— Как?

— Как на психа.

— Ты и есть псих, — улыбнулся Гурни, параллельно вспоминая, что за десять месяцев работы над делом Меллери отношение Хардвика к капитану Роду Родригесу из презрительного стало исполненным яда.

— Может, и так, — пробормотал Хардвик. — Не зря же все на этом сходятся, — он повернулся к окну и снова посмотрел на серый пейзаж. Стало еще темнее — теперь северная гряда на фоне неба казалась почти черной.

Гурни посетила догадка, что Хардвик, вопреки обычному, хочет заговорить о чем-то личном. Его как будто что-то мучило. Но приоткрывшаяся было дверь в мир личных переживаний Хардвика тут же закрылась. Глаза его сверкнули знакомым сардоническим блеском.

— Насчет пресловутых четырнадцати минут. А вдруг их было не совсем четырнадцать? Что на этот счет говорит твоя эпическая прозорливость? — он уселся на дальнюю от Гурни ручку дивана и продолжил, обращаясь к кофейному столику как к посреднику. — С моментом, когда начался отсчет, все понятно. Джиллиан зашла в домик и была еще жива. Десять минут спустя, когда Эштон открыл дверь ключом, она уже сидела на стуле отдельно от своей головы, которая лежала на столе, — он снова поморщил нос и уточнил: — Каждая из двух частей была в собственной, отдельной луже крови.

— Почему девятнадцать, а не четырнадцать?

— Через четырнадцать минут в дверь постучалась официантка, и ей никто не ответил. Логично предположить, что в этот момент жертва была уже мертва.

— Есть другие версии?

— Ну, например, она могла быть жива, но рядом Флорес махал мачете и требовал, чтобы она не смела пикнуть.

Гурни попытался это представить.

— Ты бы на что поставил? — спросил Хардвик.

— В каком смысле?

— Ну, на то, что он отхряпал ей башку до или после отметки в четырнадцать минут?

«Отхряпал ей башку». Гурни вздохнул и подумал, что этот обмен — Хардвик ехидствует, собеседник морщится — повторяется, должно быть, всю его жизнь. Вероятно, все началось с обычного шутовства, которое обострилось до цинизма из-за работы в полиции, а со временем стало естественной реакцией на жизнь в целом — из-за возраста, трудностей на работе и идеологической несовместимости с шефом.

— Так чего? — переспросил Хардвик. — На что ставишь?

— Я почти уверен, что ее убили до первого стука в дверь. Скорее всего, задолго до. Возможно, даже в течение первых двух минут после того, как она зашла в домик.

— Объясни.

— Чем быстрее убийца покончил с делом, тем больше у него было времени избавиться от мачете, сделать то, что сбило собаку со следа, и сбежать до появления копов.

Хардвик скептически прищурился, но это было его обычной гримасой, не всегда означавшей именно сомнение.

— То есть ты думаешь, что он все спланировал заранее?

— Я бы предположил, что да. А ты?

— Да так и сяк что-то не сходится.

— Например?

Хардвик покачал головой.

— Нет, сперва объясни, почему ты думаешь, что он все спланировал.

— Ты обратил внимание на положение головы?

— А что в нем особенного?

— Ты сказал, что голова лежала лицом к телу, и диадема была на месте. Мне кажется, что это неслучайная расстановка, которая что-то значила лично для убийцы или являлась посланием кому-то из свидетелей. Такое не делают в горячке и на бегу.

Хардвик скривился, будто от приступа изжоги.

— Идея, что убийца все продумал заранее, меня смущает, потому что жертва сама к нему пошла. Откуда Флорес мог знать наверняка, что она придет?

— Откуда ты знаешь, что они не договорились заранее?

— Она же сказала Эштону, что идет уговаривать Флореса выйти к гостям.

Гурни улыбнулся, дожидаясь, когда Хардвик сам сообразит.

Хардвик смущенно прокашлялся.

— Думаешь, она наврала и пошла в домик по другой причине? Что они с Флоресом о чем-то там добазарились заранее? Гости, свадебный тост — просто предлог?.. Но это же все домыслы. Их нечем подкрепить.

— Если убийство было спланированным, то все примерно так и было.

— А если не было спланированным?

— Джек, как ты выражаешься, «без вариантов». Это не спонтанное преступление, а продуманное высказывание. Неясно, кому оно адресовано и как его расшифровать, но это определенно послание.

Хардвик снова поморщился, но дальше спорить не стал.

— Кстати о посланиях, мы нашли непонятное сообщение в мобильнике жертвы. Получено за час до гибели. «Я написал тебе про все причины». По данным оператора, отправлено с телефона Флореса, но в

подписи почему-то значилось «Эдвард Валлори». Это имя тебе ни о чем не говорит?

— Нет.

В комнате между тем стало темно, и они едва различали друг друга, сидя на разных концах дивана. Гурни включил настольную лампу.

Хардвик снова с силой потер лицо обеими ладонями.

— Знаешь что... пока не забыл... есть одна мелочь, которую я там заметил и потом вспомнил за отчетом судмедэксперта. Может, пустяки, но... короче, кровь, что была на теле, на туловище, — она была вся на дальней стороне.

— Как это — на дальней?

— На противоположной от той, где Флорес махал мачете.

— И что это значит?

— Да черт его... Иногда увидишь что-нибудь на месте убийства, и оно вьедается в память. Начинаешь прокручивать в голове — чем это объясняется, что там происходило...

Гурни пожал плечами.

— Это на автопилоте происходит. Работа такая.

— Так вот я обратил внимание, что кровь из сонных артерий почему-то вся оказалась на дальней части тела, хотя туловище сидело прямо, как бы опираясь на ручки стула. Непонятно. С каждой стороны у нас по одной артерии, да? Вот как могло получиться, что вся кровь оказалась только с одной стороны?

— У тебя есть версии?

Хардвик на секунду брезгливо оскалился.

— Я так представляю, что Флорес схватил ее одной рукой за волосы, а другой замахнулся мачете и отрубил ей голову, как и пишет судмедэксперт.

— И что?

— А потом он держал отрезанную голову как бы под углом, приложив ее к пульсирующей шее. То есть, использовал ее, чтобы защитить себя от крови. Чтобы, значит, не запачкаться.

Гурни медленно кивнул.

— Поведение классического социопата.

Хардвик кивнул.

— Не то чтобы у меня были какие-то иллюзии насчет его психики... но вот эта практичность... предусмотрительность такого масштаба, что не дала сбой даже в такой ситуации... Мороз по коже. Это не просто хладнокровие, это жидкий азот в венах.

Гурни тоже кивнул. Он отлично понимал, к чему клонит Хардвик.

Несколько долгих секунд оба сидели молча, в задумчивости.

— Меня тоже один пустяк беспокоит, — признался Гурни. — Ничего кровавого, просто непонятный момент.

— Выкладывай.

— Список приглашенных на свадьбу.

— Тебя смущает, что там были сливки сливок из Нью-Йорка?

— Скажи мне, ты помнишь хотя бы одного человека в возрасте младше тридцати пяти? Я на записи таких не заметил.

Хардвик моргнул и нахмурился, словно копаясь в картотеке внутри головы.

— Да нет, пожалуй, я тоже не заметил. Ну и что?

— То есть двадцатилетних не было?

— Если не считать официанток, то нет, никого. И?

— Получается, что на свадьбе не было друзей невесты.

Глава 11

Доказательства на столе

Хардвик уехал перед рассветом, отказавшись от не слишком искреннего предложения задержаться на ужин. Он оставил Гурни копию диска, а также копии материалов, которые успел собрать, пока его не сняли с дела, и заодно копии отчетов периода работы Арло Блатта. Гурни это озадачило. Хардвик всерьез рисковал, дублируя полный комплект документов, вынося их за пределы участка и вручая их третьему лицу без должных полномочий.

Что им двигало?

Простейшим предположением было, что Хардвик хотел утереть нос начальнику, сдвинув дело с мертвой точки при помощи Гурни. Но разве это стоило такого риска? Возможно, полный ответ находился где-то в материалах дела. Гурни разложил их под люстрой на обеденном столе, где в темное время суток было лучшее освещение в доме.

Он разложил пухлые папки с отчетами и прочие документы в несколько стопок в зависимости от их содержания, а в каждой из стопок рассортировал материалы в хронологическом порядке.

Объем информации был устрашающий: акты и отчеты о происшествиях, шестьдесят два резюме по свидетельским интервью, транскрипты размером от одной до четырнадцати страниц, расшифровки телефонных записей, фотографии с места преступления, распечатки стоп-

кадров со свадебной видеозаписи, поминутное детальное описание по форме «Программы предотвращения насильственных преступлений» на тридцать шесть страниц, фоторобот Гектора Флореса, доклады судмедэкспертов, описи улик, комментарий лаборатории к анализу ДНК по образцу крови жертвы, отчет отряда К-9, список приглашенных на свадьбу с контактной информацией и кратким обозначением характера знакомства с жертвой и/или Скоттом Эштоном, зарисовки и аэрофотоснимки усадьбы Эштонов, зарисовки интерьера домика с точными размерами главной комнаты, биографические сводки и, наконец, диск, который Гурни смотрел вместе с Хардвигом.

К моменту, когда он сумел все это рассортировать в хоть сколько-то удобном для работы виде, было уже почти семь вечера. Сначала он удивился, но потом вспомнил, не без некоторой горечи, что время всегда шло незаметно, если его ум работал на полную катушку, а это происходило всякий раз, как перед ним было дело, требующее разгадки. Мадлен однажды сказала, что вся его жизнь свелась к единственной одержимости: разгадывать причины чужих смертей.

Он взял ближайшую папку. Это был набор отчетов с места преступления по результатам поиска улик. В верхнем отчете описывались окрестности садового домика, в следующем — зримая обстановка интерьера. Краткость второго описания поражала. В домике не было обычных мест и предметов, где криминалисты собирают улики. Никакой мебели, кроме стола, где лежала голова убитой, стула с ручками, где было усажено ее тело, и еще одного аналогичного стула напротив. Ни мягкой мебели, ни кровати, ни одеяла, ни ковров. Не менее странным было отсутствие одежды в шкафу, а также отсутствие одежды и обуви где-либо еще в домике, за одним специфичным исключением: под окном стояла пара резиновых калош, которые обычно надевают поверх обычных ботинок. Это было то самое окно, сквозь которое, по всей видимости, сбежал преступник, и, следовательно, это была та самая обувь, которую дали собаке, чтобы взять его след.

Гурни повернулся в кресле к французским дверям и уставился на пастбище, перебирая в уме догадки. Особенности и сложности этого дела — как сказал бы Шерлок Холмс, его «уникальный портрет» — множились на глазах, создавая, словно электрический поток, магнитное поле, которое неумолимо притягивало его, распаляя желание распутывать клубок деталей, к которым нормальные люди испытывают естественное отвращение.

Его размышления прервал скрип боковой двери. Гурни уже год как

забывал капнуть на петли маслом.

— Мадлен?

— Привет, — она зашла на кухню с шестью тяжелыми пакетами из супермаркета, по три в каждой руке, и взвалила все на столешницу, после чего снова вышла.

— Тебе помочь?

Она не ответила. Боковая дверь снова скрипнула, а спустя минуту звук повторился, и Мадлен вернулась со второй порцией пакетов, которые также положила на столешницу. Тогда она наконец сняла свою смешную перуанскую шапку фиолетово-зелено-розовых оттенков с болтающимися «ушками», которая всегда придавала немного шутовской оттенок всему, что она говорила или делала.

Гурни почувствовал, как у него дергается левое веко. Это был такой отчетливый тик, что он за последние месяцы несколько раз подходил к зеркалу, чтобы убедиться, что его не видно внешне. Он хотел спросить у жены, куда она ездила, помимо супермаркета, но опасался, что она уже рассказывала, а дать ей понять, что он не помнит, было бы стратегической ошибкой. Мадлен считала, что забывчивость, равно как плохой слух, — результат невнимательности. Возможно, она была права, потому что за двадцать пять лет работы в нью-йоркской полиции он ни разу не забыл прийти на допрос свидетеля, ни разу не пропустил судебное разбирательство, и из его ума ни разу не вылетело что-то важное о свидетелях — как они выглядели, что говорили. Он прекрасно помнил все, что имело хоть какое-то значение по работе. Было ли в его жизни хоть что-то, сравнимое по важности с работой? Если не столь же важное, то хотя бы сравнимое? Родители? Жены? Дети?..

Когда умерла его мать, он почти ничего не почувствовал. Хуже того: он испытал холодное, эгоистичное облегчение. Для него это было избавлением от обузы, упрощением жизни. Когда от него ушла первая жена, это тоже было избавление — от препятствия, от бремени необходимости считаться с трудным человеком. Приятная свобода.

Мадлен подошла к холодильнику и принялась доставать стеклянные контейнеры с остатками вчерашней и позавчерашней еды. Она выставила их в ряд на столешнице рядом с микроволновкой — их оказалось ровно пять. Она поочередно сняла с них крышки. Гурни наблюдал за ней с другой стороны кухонного островка с раковиной.

— Ты уже ел? — спросила она.

— Нет, тебя ждал, — соврал он.

Она перевела взгляд на разложенные документы и подняла бровь.

— Хардвик оставил, — пояснил Гурни как можно более будничным тоном. — Попросил глянуть...

Мадлен посмотрела на него, и ему показалось, что она расшифровывает его мысли. Он поспешил продолжить:

— Это материалы дела об убийстве Джиллиан Перри, — помолчав, он добавил: — Вообще-то я не знаю, чем мои соображения кому-то помогут, но... Я обещал почитать и как-нибудь на все это отреагировать.

— И на нее тоже?

— На кого?

— На Вэл Перри. На нее ты тоже обещал как-нибудь отреагировать? — спросила она с ядовитым равнодушием, которое скорее подчеркивало, а не скрывало ее озабоченность.

Гурни устался в миску с фруктами на гранитном островке у раковины, уперевшись руками в холодную поверхность. Несколько фруктовых мушек, растревоженных его присутствием, поднялись со связки бананов, полетали неаккуратными зигзагами над миской, а потом вновь опустились на бананы, сливаясь с темными пятнами.

Он старался говорить спокойно, но полностью избежать укоризненной интонации не удалось:

— Мне кажется, тебя беспокоят твои домыслы, а не реальность.

— Это мой домысел, что ты решил ввязаться в это приключение на полную катушку?

— Мадлен, ну сколько раз повторять? Я никому ничего не обещал, и я не принимал никакого решения во что бы то ни было ввязываться. Я собираюсь изучить материалы дела и все.

Мадлен бросила на него взгляд, значение которого он не смог толком понять — в нем было и понимание, и нежность, и грусть.

Она принялась надевать крышки обратно на стеклянные контейнеры. Он молча наблюдал, пока она не начала убирать их обратно в холодильник.

— Не будешь есть?

— Прямо сейчас не хочется. Схожу в душ. Может, взбодрюсь, и тогда поужинаю. А если нет, значит, лягу пораньше, — проходя мимо стола, заваленного бумагами, она добавила: — Ты же это уберешь, чтобы завтра не бросалось в глаза гостям?

Не дожидаясь ответа, она вышла из комнаты, а спустя полминуты он услышал, как закрывается дверь ванной.

Гости? Завтра? Черт!

А ведь Мадлен ему говорила, кто-то действительно собирался прийти на ужин. Только эта информация, как и все остальное неважное, попала

прямоком в мусорную корзину его памяти.

Что с тобой? Неужели в твоей голове не осталось места для обычной жизни? Для простой, человеческой жизни, какой живут обычные люди, о которой они беседуют при встрече? Хотя — было ли в тебе изначально для этого место? Может, ты всегда был таким? Может, жизнь здесь, в уединении, вдали от рабочей нервозности и удобных поводов не участвовать в быту тех, кого ты якобы любишь, — может, эта жизнь просто обнажила правду? Возможно, правда в том, что тебе на самом деле все безразличны?

Он подошел к дальнему краю кухонного островка и включил кофеварку. Ему, как и Мадлен, расхотелось есть, но кофе был кстати. Впереди ждала долгая ночь.

Глава 12

Специфичные факты

Начинать имело смысл с начала, а именно с фоторобота Гектора Флореса.

Гурни испытывал смешанные чувства к компьютерным фотороботам. Они создавались на основании свидетельских показаний и, как следствие, отражали как преимущества, так и недостатки пристрастного восприятия.

Впрочем, в случае с Флоресом сходство почти наверняка было правдоподобным: портрет создавался со слов человека с наблюдательностью профессионального психиатра, который к тому же ежедневно общался с подозреваемым на протяжении почти трех лет. Такой фоторобот был не хуже качественной фотографии.

На Гурни смотрел человек тридцати с чем-то лет, по-своему привлекательный, но без выдающихся черт. Структура лица самая обычная, без заметных акцентов. Кожа практически без морщин. Глаза черные, с невыразительным взглядом. Волосы тоже черные, довольно опрятные, с чуть небрежным пробором. Единственное, что бросалось в глаза на этом обыкновенном портрете — это отсутствие правой ушной мочки.

К фотороботу прилагалось описание телосложения, которое, как предполагал Гурни, было также составлено преимущественно Эштоном, а потому на него можно было полагаться. Итак, Гектор Флорес был ростом около 175 см, весом около 70 кг, латиноамериканской внешности. Глаза темно-карие, волосы черные и прямые, кожа смуглая. Зубы неровные, с золотой коронкой слева в верхнем ряду. В разделе «Шрамы и другие

примечательные особенности» было две записи: про отсутствующую мочку уха и про заметные шрамы на правом колене.

Гурни еще раз взглянул на фоторобот, пытаясь различить в нем какой-нибудь намек на безумие, понять ход мыслей человека, который отрубил голову женщине, заслонился этой головой от крови и затем водрузил ее на стол лицом к туловищу. В глазах некоторых убийц, например у Чарли Мэнсона, было неприкрытое демоническое напряжение, однако на протяжении своей карьеры Гурни чаще всего имел дело с убийцами, чье безумие было куда менее явным. Вот и невзрачное, пресное лицо Флореса не сообщало о жестокости владельца и не предвещало чудовищного хладнокровия, с которым он совершил убийство.

К описанию телосложения была прикреплена страница с заголовком «Дополнительное описание со слов доктора Скотта Эштона от 11 мая 2009 года». Документ был подписан самим Эштоном, а также Хардвиком, который его составил. Учитывая охваченный период времени и количество перечисленных событий, описание было довольно кратким.

Впервые я встретил Гектора Флореса в конце апреля 2006 года, когда он пришел ко мне устраиваться поденщиком. Я поручил ему уход за садом: он косил траву, сгребал листья, рыхлил, удобрял почву и т. п. Поначалу он практически не говорил по-английски, но учился на глазах. Я был впечатлен его умом и энергичностью. В течение следующих недель оказалось, что он к тому же умелый плотник, и я стал давать ему задания по мелкому ремонту. К середине июля он работал у меня семь дней в неделю и также взял на себя уборку дома. Он был идеальным работником, проявлял здравомыслие и уместную инициативу. К концу августа он спросил разрешения в счет части зарплаты арендовать пустой садовый домик за особняком на те дни, когда он здесь работает. Поколебавшись, я все же согласился, и в скором времени он стал там жить примерно четыре дня в неделю. Он обзавелся в комиссионном небольшом столом и парой стульев, а позже купил недорогой компьютер. Он утверждал, что больше ему ничего не нужно. Ночевал он в спальном мешке, заявив, что так ему удобнее всего. В скором времени он принялся искать в Интернете, куда пойти учиться, но параллельно с этим росло его трудолюбие, он с жадностью брался за все новую работу и вскоре стал моим личным помощником. К концу года я доверял ему довольно крупные суммы денег, а он периодически

совершал для меня покупки и весьма успешно выполнял другие поручения. Его английский к этому времени стал грамматически безупречным, хотя он по-прежнему говорил с заметным акцентом, но это было по-своему обаятельно. Он часто подходил к телефону, принимал сообщения и даже подмечал, с какой интонацией говорил тот или иной звонивший. Сейчас, по здравому размышлению, мне кажется, что с моей стороны было странным до такой степени доверять человеку, который совсем недавно нанялся разбрасывать навоз, однако сотрудничество меня действительно устраивало и на протяжении без малого двух лет не возникло ни единой проблемы. Ситуация изменилась осенью 2008 года, когда в моей жизни появилась Джиллиан Перри. Флорес вскоре после этого сделался угрюмым и раздражительным и всякий раз, как приезжала Джиллиан, находил отговорки, чтобы не присутствовать в доме. К началу 2009-го, когда мы объявили о помолвке, его поведение стало меня всерьез беспокоить. Однажды он исчез на несколько дней, а по возвращении заявил, что ему стали известны какие-то ужасные факты про Джиллиан и что если я на ней женюсь, то моя жизнь окажется под угрозой. Когда он понял, что я не намерен отказываться от своих планов без какой-либо конкретики об этих «ужасных вещах» и что я не расположен слушать обвинения, не подкрепленные доказательствами, мне показалось, что он смирился, хотя продолжал избегать встреч с Джиллиан. Сейчас мне очевидно, что следовало его уволить при первых же тревожных признаках. Но людям моей профессии присуща самоуверенность, и я был уверен, что докопаюсь до причин такого странного поведения и смогу решить проблему. Более того, мне казалось, что я провожу значимый просветительский эксперимент, и я отказывался видеть, что в действительности имею дело со слишком сложным и потенциально опасным человеком, которого не могу контролировать. Кроме того, с ним было невероятно удобно — он так сильно облегчал мне жизнь, что мне не хотелось с ним расставаться. Опять же сложно преувеличить то восхищение, которое у меня вызывали его ум, обучаемость и способность к самым разным задачам. Теперь, с учетом ситуации, все это звучит неправдоподобно. Последний раз я видел Гектора Флореса утром в день моей свадьбы. Джиллиан, которая прекрасно знала, что Гектор ее терпеть не может, была

одержима идеей заставить его принять нашу женитьбу. Она уговорила меня еще раз попытаться убедить Гектора выйти к гостям. Так что тем утром я навестил его в домике. Он неподвижно сидел за столом. Я в очередной раз изложил предложение, он в очередной раз отказался. Одет он был во все черное: черная футболка, черные джинсы, черный ремень и черные ботинки. Наверное, это должно было меня насторожить, но увы. Больше я его не видел.

К этой части транскрипта интервью было прикреплено рукописное примечание от Хардвика: «Данные показания от Скотта Эштона сопровождались нижеследующими вопросами и ответами».

Д. Х.: Верно ли я понимаю, что вы ничего не знали о биографии этого человека?

С. Э.: Верно.

Д. Х.: Он вам практически ничего о себе не рассказывал?

С. Э.: Ничего.

Д. Х.: Однако он вызвал у вас достаточное доверие, чтобы позволить ему жить на вашей территории, беспрепятственно заходить в ваш дом и даже отвечать на ваши звонки?

С. Э.: Я понимаю, что это прозвучит нелепо, но я принял его скрытность за разновидность честности. Я рассудил, что если ему и было что скрывать, то другой бы на его месте просто соврал о своем прошлом. А он не стал. Станным образом, но это вызывало во мне уважение. Так что да, я ему доверял, хотя не знал о нем почти ничего.

Гурни перечитал транскрипт, потом еще раз. Ему показалось, что информация, о которой Эштон умолчал, должна быть не менее удивительной, чем та, которую он изложил. В тоне повествования не было ни капли ярости, ни капли того ужаса, с которым он выскочил из домика садовника, обезумев от потрясения и теряя сознание.

Возможно, он пил успокоительные? У психиатра наверняка был доступ к транквилизаторам. Или все же дело в чем-то другом? По словам на бумаге такое невозможно понять. Любопытно было бы встретиться с этим человеком, заглянуть ему в глаза, послушать голос...

Что ж, по крайней мере, интервью объясняло, почему в домике садовника было так пусто. Хотя объяснение было неполным — оставалось

неясным, почему не нашли ни одежды, ни обуви, ни туалетных принадлежностей в ванной комнате. И куда делся упомянутый компьютер? А главное — если предположить, что Флорес решил все забрать с собой, то почему он оставил калоши?..

Гурни оглядел разложенные перед ним документы. Он отчетливо помнил, что видел два заявления о происшествии вместо одного, и захотел взглянуть на второе. Оно аккуратно лежало под первым.

Оно было составлено в полицейском участке Тэмбери после звонка, поступившего 17 мая 2009 года в 16:15 — ровно через неделю после убийства. Звонивший представился как доктор Скотт Эштон, проживающий по адресу Бэджер-Лейн, 42, Тэмбери, Нью-Йорк. Звонок принял сержант Кит Гарбелли, а копия была направлена в региональный отдел бюро криминальных расследований старшему следователю Д. Хардвику. Гурни понял, что держит в руках копию оригинального отчета.

Заявитель сообщил, что сидел за столиком в южном патио особняка с видом на главный газон и пил чай, как всегда делал в хорошую погоду. Внезапно раздался одинокий выстрел, сразу после которого его чашка разбилась. Он тут же забежал в дом через дверь патио и позвонил в полицию Тэмбери. Когда я прибыл на место, по дороге вызвав подкрепление, звонивший выглядел крайне обеспокоенным. Я произвел допрос в гостиной особняка. Заявитель не мог точно вспомнить, откуда раздался выстрел, и сказал, что «издалека, примерно с той стороны», махнув рукой за окно в задней стене, в направлении лесистых холмов примерно в 300 метрах от особняка. Других подробностей заявитель предоставить не смог, однако предположил, что выстрел, цитирую, «может быть как-то связан с убийством моей жены». При этом на вопрос, как именно эти события могут быть связаны, ответить не сумел. По его предположению, Гектор Флорес мог желать также и его смерти, но ни мотива, ни логики объяснить не смог.

К заявлению была приколота стандартная форма, в которой значилось, что заявление было переадресовано в бюро криминальных расследований ввиду того, что убийством занимались именно они. В форме фигурировали три лаконичные записи и одна пространная; все четыре были подписаны инициалами ДХ.

Осмотр владений Эштона: лес, холмы — без результатов. Опрос соседей — без результатов.

Реконструкция чашки показала, что выстрел прошел сверху вниз и слева направо, что позволяет предположить, что именно чашка, а не сам Эштон, была мишенью стрелявшего.

Фрагменты пули, обнаруженные в патио, слишком малы для полноценной баллистической экспертизы. Предположительно пущена опытным стрелком из винтовки малого или среднего калибра с усиленным зарядом и сложным прицелом.

Предположения насчет типа оружия и исходной мишени были переданы Скотту Эштону с целью уточнить наличие у него знакомых с подобным оружием и соответствующими навыками. Эштон в ответ растерялся. После настойчивого допроса назвал двух человек, владеющих похожим ружьем, а именно себя и отца Джиллиан, доктора Уитроу Перри. По его словам, Перри любил охоту и был блестящим стрелком. Про собственное ружье («Везерби» 257-го калибра) Эштон утверждает, что приобрел его по настоянию того же Перри. Когда я попросил показать ружье, Эштон обнаружил, что оно исчезло из деревянного футляра, где обыкновенно хранилось, запертое в шкафу кабинета. Он не смог вспомнить, когда точно видел ружье последний раз, но предположил, что два или три месяца тому назад. Я спросил, знали Флорес о существовании ружья. Эштон ответил, что Флорес вместе с ним ездил в Кингстон, где и было приобретено ружье, а также что именно Флорес смастерил дубовый футляр, где оно хранилось.

Гурни перевернул форму в поисках отчета о допросе Уитроу Перри, которое логичным образом должно было последовать, искал в стопке, но отчета не было. Возможно, это значило, что допроса также не было. Иногда важные стадии расследования пропускали при передаче дела от одного следователя другому — что в случае неряшливого Блатта было бы неудивительно.

Настала пора второй чашки кофе.

Глава 13

Все страннее и страннее

Возможно, дело было в свежей дозе кофеина или в том, что после нескольких часов, проведенных в кресле, хотелось какой-то смены деятельности. Возможно, причиной была неприятная перспектива провести ночь за чтением бумаг без явно обозначенных приоритетов, или же причиной могло быть беспокойство, вызванное отсутствием допроса и общей неопределенностью насчет местонахождения Уитроу Перри 17 мая. Возможно, все вместе это сыграло свою роль, а последней каплей оказалась внезапно осенившая его мысль. Гурни достал мобильный и позвонил Хардвику.

На звонок ответили спустя пять гудков, когда Гурни уже продумывал сообщение для автоответчика.

— Что?

— Какой ты, однако, приветливый, Джек.

— Если бы я знал, что это ты звонишь, я бы вообще не стал стараться. Что у тебя?

— Нехилую кучу документов ты мне оставил.

— Чего, возникли вопросы?

— Ну, передо мной пятьсот страниц текста. Не хочешь подсказать, с чего начать?

Хардвик, по своему обыкновению, грубо расхохотался, издавая звуки, больше напоминавшие охрипший пескоструйный аппарат, чем человеческий смех.

— Гурни, едрить твою налево, где это слыхано, чтобы Холмс спрашивал у Ватсона, с чего начать расследование?

— Сформулирую по-другому, — сказал Гурни, вспоминая, что вытянуть из Хардвика простейший ответ всегда было нетривиальной задачей. — Есть ли в этой куче дерьма документы, которые, по-твоему, мне окажутся особенно интересны?

— Типа фоток голых баб?

Такой пинг-понг мог продолжаться сколь угодно долго, так что Гурни решил изменить правилам игры и заговорить о чем-нибудь другом, чтобы заставить Джека врасплох.

— Джиллиан Перри обезглавили в 16:13, — заявил он. — Плюс-минус тридцать секунд.

После краткой паузы в трубке раздалось:

— Охренеть. Как ты это?..

Гурни представил, как Хардвик судорожно вспоминает детали — что было вокруг домика, в лесу, на газоне, — пытаясь понять, что он пропустил. Выдержав достаточно времени, чтобы его удивление и

раздражение достигли пика, Гурни прошептал:

— Ответ — в чайной заварке!

Затем он сбросил звонок.

Хардвик перезвонил через десять минут — быстрее, чем Гурни ожидал. Поразительной правдой о Хардвике было то, что в недрах этого одиозного персонажа скрывался потрясающе острый ум. Гурни иногда задумывался, насколько далеко он мог бы пойти и насколько он был бы счастливее, если бы не его мерзкий характер. Впрочем, этот вопрос был применим к куче людей и помимо Хардвика, в том числе и к самому Гурни.

Он принял звонок.

— Чего, согласен со мной?

— Не так чтоб наверняка.

— Наверняка ничего не бывает. Но ты же понял мою логику?

— Ну, — отозвался Хардвик.

Как всегда, он не преминул подчеркнуть интонацией, что понять-то он понял, но не то чтобы впечатлен.

— Когда Эштон позвонил в участок Тэмбери, было 16:15. Он сказал, что бросился в дом сразу после выстрела. Можно предположить, что пока он бежал от столика до ближайшего телефона в доме, выглядывая по пути в окна на предмет снайпера, и пока он набирал номер участка — а это не «911», где сразу берут трубку, и он ждал пару-тройку гудков, — должно было пройти порядка трех минут. Значит, выстрел реально прозвучал в 16:13. Это что касается выстрела. Чтобы связать его с точным временем убийства недельной давности, нужно сделать мощные допущения: во-первых, в чашку стрелял тот же человек, который убил невесту. Во-вторых, этот человек помнил точное время убийства. В-третьих, он хотел что-то сообщить, стреляя в чашку в ту же минуту того же часа того же дня недели. Я уловил твой ход мыслей?

— Примерно.

— Не сказать чтоб это маловероятный сценарий, — произнес Хардвик, и по его голосу было понятно, что он скептически ощерился в своей манере, — но какой нам с этого прок? Какая разница, так дело было или не так?

— Пока не знаю. Но эти вещи рифмуются неспроста.

— Типа отрубленная голова и разбитая чашка — обе посередине стола и с недельной разницей до минуты?

— Да, — ответил Гурни, но тут же сам засомневался. Хардвик умел так пересказать содержание слов собеседника, что они превращались в бессмыслицу. — Но, возвращаясь к куче бумаг, которую ты на меня

обрушил, может, все-таки подскажешь, что посмотреть в первую очередь?

— Смотри что угодно, там все такое вкусное. В каждом документе есть хоть одна долбаная изюминка. Я вообще впервые вижу дело, напичканное изюмом до такой степени. И настолько долбанутых фигурантов тоже встречаю впервые. А от себя могу добавить, что я пятой точкой чую: то, как все это выглядит, стопудово не то, как все на самом деле.

— Ладно, тогда последний вопрос, — сказал Гурни. — Почему никто не говорил с Уитроу Перри после случая с чашкой?

После секундного замешательства Хардвик снова издал хохоток.

— Ну ты проникательный, старик, уважуха. Сразу просек этот момент. Короче, официального допроса не было, потому что меня сняли с дела в тот же день, когда выяснилось, что у доброго доктора имеется ружье, способное попасть в чайную чашку с трехсот метров. Так что вали все на некомпетентность нового следака, я-то при чем?

— Странно, что ты не проявил инициативу и не подсказал ему, где копать.

— Да меня же ни на шаг не подпускают к следствию. Личное распоряжение дражайшего капитана.

— А с дела тебя сняли, потому что...

— Я уже объяснял. Нарушение субординации. Заявил старшему по званию, что у него ограниченный подход. Возможно, я также что-то там брякнул об ограниченных умственных способностях и ограниченной профпригодности.

Секунд десять оба молчали в трубку.

— Джек, ты его откровенно ненавидишь.

— Ненавижу? Да ты чего. Разве я могу кого-то ненавидеть? Я люблю весь этот гребанный мир!

Глава 14

Расклад

Гурни кое-как освободил между стопками место для ноутбука, зашел на карты Гугла и вбил в строку поиска адрес Эштона. Затем максимально приблизил снимок крыши садового домика и окружающих зарослей. При помощи линейки масштаба на карте и данных о направлении следа из материалов дела Гурни смог более-менее точно найти место в лесу, где обнаружили орудие убийства — примерно в тридцати метрах от Бэдджер-

Лейн. Значит, выбравшись из домика через окно, Флорес прошел или пробежал до этой точки, как попало спрятал окровавленное мачете, а затем... затем что? Телепортировался на дорогу, не оставив даже запаха, который мог бы уловить собачий нюх? Спустился по склону к дому Кики Мюллер? Или она его ждала на дороге, в машине, потому что они спланировали все заранее?

А может, Флорес просто вернулся в домик той же дорогой, и поэтому запаха за пределами этого следа не оказалось? В принципе он мог скрыться в домике или где-то рядом. Но спрятаться так хорошо, чтобы толпа копов, следователей и экспертов его не обнаружила?.. Маловероятно.

Гурни поднял взгляд от экрана и обнаружил, что за противоположным концом стола сидит Мадлен. Он подскочил от неожиданности.

— Господи! Ты давно тут?

Она пожалала плечами и не ответила.

— Который час? — спросил он и тут же понял, что вопрос звучит по-идиотски, учитывая, что часы были на верхней панели экрана, который находился перед ним, а не перед ней. И там значилось 22:55.

— Чем ты занят? — поинтересовалась она, но это был скорее вызов, чем вопрос.

Поколебавшись, он ответил:

— Да вот, пытаюсь разобраться в этих... материалах.

— Хм, — отозвалась Мадлен.

Гурни попытался выдержать ее взгляд, но это оказалось тяжело. Тогда он спросил:

— О чем ты думаешь?

Она одновременно улыбнулась и поморщилась.

— О том, что жизнь коротка, — произнесла она тоном человека, столкнувшегося с печальной правдой.

— И что из этого следует?

Молчание так затянулось, что Гурни уже решил, что ответа не будет. Но тут она произнесла:

— Из этого следует, что наше время истекает.

Она продолжила внимательно смотреть на него, чуть наклонив голову.

Он хотел спросить, какое именно время истекает, надеясь превратить эту невнятную беседу в какой-то понятный диалог, но что-то в ее взгляде его остановило. Вместо этого он спросил:

— Хочешь поговорить об этом?

Она покачала головой.

— Просто жизнь коротка, вот и все. Об этом важно помнить.

Глава 15

Черное и белое

В течение часа, последовавшего за появлением Мадлен на кухне, Гурни несколько раз помышлял пойти в спальню и уточнить, что она имела в виду.

Время от времени она словно бы смотрела на жизнь сквозь тусклый объектив с узким обзором, наведенный на какой-то пустырь, и ей казалось, что этот пустырь и есть мир. Это помрачение всегда проходило — фокус ее восприятия расширялся обратно, и она вновь становилась веселой и прагматичной. Не было поводов опасаться, что на этот раз пойдет по-другому. Однако ее состояние все равно беспокоило Гурни, создавая тревожную пустоту в животе, и ему не терпелось избавиться от этого чувства. Он подошел к вешалке, накинул ветровку и вышел через боковую дверь в непроглядную ночь.

Над контуром леса светилась кромка месяца, едва рассеивая неумолимую мглу. Как только Гурни сумел различить очертания тропинки в разросшихся сорняках, он спустился по склону к старой скамейке с видом на пруд. Усевшись там, он стал всматриваться и вслушиваться в темноту, и постепенно его глаза разглядели несколько еле различимых силуэтов — то ли деревьев, то ли чего-то другого. А затем он краем глаза уловил какое-то движение вдоль пруда. Когда он перевел туда взгляд, призрачные контуры, в которых он боковым зрением узнавал заросли ежевики, отдельные ветви деревьев, рогоз на краю пруда, слиплись в единую бесформенную черноту. Как только он снова отвел взгляд чуть в сторону от места, где ему померещилось движение, оно повторилось. Это было какое-то животное, размером с маленького оленя или крупную собаку. Он вновь перевел туда взгляд и опять ничего не увидел.

Гурни знал, что чувствительность сетчатки устроена таким образом, что иногда можно увидеть тусклую звезду только краем глаза, не глядя на нее прямо. Животное — если он не ошибся, и это было животное — ничем ему не угрожало. Даже если это был медведь, то медведи в Катскиллах не представляли ни для кого опасности, тем более для человека, неподвижно сидящего от него в сотне метров. Но тем не менее на уровне инстинктов неопознанное движение в темноте вызывало ужас.

Ночь выдалась тихая и безветренная, очень спокойная, но Гурни не ощущал этого спокойствия. Он понимал, что тревога — это свойство его ума, а не окружающей среды, и что по-настоящему его тревожило

напряжение между ним и Мадлен, а вовсе не безымянные лесные тени.

Напряжение между ним и Мадлен. Их брак был далеко не идеальным. Дважды они чуть не развелись. Пятнадцать лет назад их четырехлетний сын погиб, и Гурни до сих пор себя за это винил. Примерно тогда же он превратился в эмоционально холодного робота, с которым определенно несладко было жить. А всего десять месяцев назад его одержимая вовлеченность в расследование дела Меллери чуть не стоила ему не только жены, но и жизни.

Впрочем, ему нравилось думать, что сложность в их с Мадлен отношениях была ему по силам или хотя бы что он четко понимал, в чем она заключается. Во-первых, они были радикально разными типами по шкале Майерса-Бриггса. Его основным способом познания был рациональный анализ, а Мадлен воспринимала мир чувственно. Его восхищали взаимосвязи явлений, ее — явления сами по себе. Ему придавало сил одиночество, а общение изматывало, тогда как для Мадлен верным было обратное. Для него созерцательность была всего лишь инструментом для более четкого анализа; для нее анализ был инструментом для более четкой созерцательности.

В терминах классических психологических тестов у них было очень мало общего. Тем не менее порой они почти физически ощущали общность через совпадение суждений, совпадение чувства юмора, через те точки, где пересекались их представления о смешном, ценном, честном и бесчестном. Каждый считал другого уникальным человеком безусловной важности в своей жизни. Когда Гурни захватывали чувства, он именно эту общность считал основой любви.

Вот так и вышло, что их брак был построен на противоречии — они были по-настоящему, последовательно, иногда безнадежно разнонаправленными людьми, которых тем не менее держали вместе отдельные моменты судьбоносных совпадений в том, как они чувствовали и понимали друг друга и мир в целом. Но с тех пор, как они переехали в Уолнат-Кроссинг, этих моментов становилось все меньше и меньше. Они уже бог весть сколько не обнимались так, словно в их руках — главное сокровище Вселенной.

Гурни продолжал сидеть в темноте, захваченный размышлениями, и перестал осознавать происходящее вокруг. Его вернуло к реальности тьякканье.

Сложно было определить, откуда именно раздавались эти резкие, дикие звуки или сколько животных их издавало. Он предположил, что это стайка из трех-четырёх койотов, которые бегают где-то вдоль кряжа,

примерно в полутора километрах к востоку от пруда. Когда тьяканье внезапно прекратилось, тишина показалась Гурни оглушительной. Он поежился и повыше застегнул молнию на ветровке.

Вскоре его ум заполнил пустоту слуховой депривации новыми мыслями про отношения с Мадлен. К сожалению, логические умозаключения, как бы ему ни хотелось, не помогли решить главную насущную проблему. А этой проблемой был выбор, который ему предстояло сделать: заняться делом Перри вопреки настроению Мадлен или нет.

Он довольно отчетливо представлял, что думает Мадлен на этот счет. Ее соображения были понятны не только из ее комментариев по этому поводу, но и ее нервного отношения к любой околополицейской деятельности, в которую он вовлекался за последние два года после увольнения. Дело Перри было для нее однозначным и безоговорочным злом, а отказ от дела был бы абсолютной победой. Если бы он взялся за расследование, для нее это бы означало, что его одержимость распутыванием убийств неизлечима, и это поставило бы их совместное будущее под вопрос. Но если бы он отказался от участия в этом деле, она сочла бы это готовностью превратиться из детектива-трудоголика в любителя гребли на каяке, наблюдения за птицами и ценителя прочих природных радостей. Послушай, обращался он к ней в своей голове, мир не черно-белый, и так не бывает, чтобы зло или добро было абсолютным. Такая логика приводит к принятию идиотских решений, поскольку исключает большую часть вариантов. Очевидно же, что в данном случае правильное решение находится где-то между условно «черным» и условно «белым».

Развивая про себя эту мысль, он вдруг понял, как должен выглядеть идеальный компромисс. Ему нужно взяться за расследование, но заниматься им строго определенное время. Например, неделю. Максимум две. За этот период он как раз успеет изучить все материалы, выявить нестыковки и, может быть, пообщаться с кем-то из ключевых фигурантов. Узнать все, что получится, а там подытожить свои размышления, сформулировать рекомендации и...

Койоты снова начали тьякать так же внезапно, как перестали, но теперь звук был ближе, на полпути от лесистого склона до сарая. Тьяканье было отрывистым, возбужденным, звонким. Гурни не мог толком понять: действительно ли койоты приблизились или же просто вопили громче прежнего. Затем все стихло. Вернулась всепоглощающая тишина. Десять медленных секунд тишины. А потом, один за другим, койоты завывали. По

спине и рукам Гурни побежали неприятные мурашки. И опять ему померещилось какое-то движение сбоку в темноте.

В этот момент где-то отчетливо хлопнула дверца машины, и через луг по направлению к нему двинулись яркие фары, нервно водя лучами по щетинистой поросли. Машина ехала слишком быстро для такой бугристой поверхности, то и дело подпрыгивая, и наконец резко затормозила у раздвоенной колеи примерно в трех метрах от скамейки.

Из опущенного окна с водительской стороны раздался голос Мадлен — непривычно громкий, даже испуганный.

— Дэвид! — кричала она снова и снова, почти срываясь на визг, хотя он уже поднялся и направился к машине в свете фар. — Дэвид!

Только когда он сел в машину и Мадлен подняла стекло, он понял, что жуткий вой прекратился. Она заблокировала двери и положила руки на руль. Теперь, когда его глаза привыкли к темноте, он мог отчетливо, как ему казалось, разглядеть — хотя, возможно, он отчасти это и домысливал, — напряженность мышц на ее руках и натянутую кожу на костяшках пальцев.

— Ты что... не слышал, как они приближаются? — спросила она задыхающимся голосом.

— Слышал. Думал, зайца гоняют.

— Зайца, значит? — произнесла она хрипло и скептически усмехнулась.

Он не мог рассмотреть такие подробности в темноте, но ему казалось, что лицо ее дрожит от еле сдерживаемых эмоций. В конце концов, она сделала глубокий вдох, судорожно выдохнула, отпустила руль и принялась разминать пальцы.

— Зачем тебя сюда понесло?

— Не знаю... Так... Подумать хотел, понять, как поступить...

Она еще раз вздохнула, на этот раз чуть спокойнее, и затем повернула ключ зажигания, хотя двигатель был все еще включен. Механизм возмущенно заскрежетал, и Мадлен раздраженно чертыхнулась в ответ.

Наконец, она развернулась перед сараем и повела машину обратно к дому, а доехав, припарковалась ближе обычного к входу.

— И что ты понял? — спросила она, прежде чем выйти из машины.

— Что-что? — он прекрасно расслышал ее вопрос, но хотел повременить с ответом.

И она отлично это понимала, поэтому ждала молча, повернувшись к нему.

— Я надеялся вычислить самый разумный подход к проблеме.

— Ах, разумный, — произнесла она таким тоном, что слово напрочь лишилось своего веса.

— Может, в доме поговорим? — предложил он, открывая дверь и надеясь сбежать от разговора хоть на минуту. Когда он передвинул ногу, чтобы выйти, под ней оказался какой-то продолговатый предмет. Он посмотрел на пол и в желтоватом свете из окон дома увидел деревянную ручку топора, который обычно лежал у ящика при боковом входе.

— Это что? — удивился он.

— Топор.

— Да, но что он делает в машине?

— Первое, что попало мне под руку.

— Слушай, но койоты вообще-то не слишком опасны...

— Вот откуда ты это знаешь? — перебила она, глядя на него с возмущением. — Ну откуда ты можешь это знать? — повторила она, резко отстраняясь, как будто боялась, что он возьмет ее за руку. В неловкой спешке она выбралась из машины, хлопнула дверцей и убежала в дом.

Глава 16

Чувство осмысленности и порядка

Ранним утром холодный фронт сухого осеннего воздуха разогнал тяжелые тучи. На рассвете небо было бледно-голубым, а к девяти часам — завораживающе лазурным. День обещал быть настолько же ясным и свежим, насколько предшествовавшая ему ночь выдалась мутной и беспокойной.

Гурни сидел за столом посередине солнечного пятна, глядя сквозь французские двери, как желто-зеленые листья аспарагуса болтаются на ветру. Когда он поднял к губам чашку горячего кофе, мир казался ему местом с четкими, понятными очертаниями, с решаемыми проблемами и возможностью аргументировать свою точку зрения. В этом мире его план взяться за дело Перри на две недели казался безупречным.

То, что Мадлен часом раньше встретила эту новость не слишком довольным взглядом, было неудивительно. Он и не ждал, что она обрадуется, поскольку черно-белое видение мира по определению невосприимчиво к компромиссам. Во всяком случае, так он себя уговаривал. Как бы там ни было, его подход был реалистичным, и он был уверен, что со временем Мадлен с ним согласится.

А сейчас он не собирался позволить ее сомнениям парализовать его.

Когда Мадлен ушла собирать последний в этом сезоне урожай стручковой фасоли, он достал из центрального ящика под столешницей разлинованный блокнот с желтыми страницами, чтобы расписать приоритеты.

Позвонить Вэл Перри, обсудить двухнедельное сотрудничество.

Назначить почасовую ставку. Оговорить другие расходы. Все зафиксировать в электронной почте.

Позвонить Хардвику.

Допросить Эштона — попросить Вэл Перри быстро организовать встречу. Расспросить про его биографию, деловые связи, друзей, врагов. Также: биография, деловые связи, друзья, враги Джиллиан.

Он вдруг понял, что оговорить с Вэл Перри условия сотрудничества важнее, чем продолжать список приоритетов, поэтому отложил ручку и взял мобильный. Звонок переключился на автоответчик. Он оставил свой номер и попросил связаться с ним насчет «продолжения разговора».

Не прошло и двух минут, как она перезвонила. В ее голосе звучало почти детское возбуждение, а также некоторая фамильярность, которая иногда рождается в результате пережитого облегчения.

— Дэйв! Как я рада слышать ваш голос, да еще именно сейчас! Я-то боялась, что после вчерашнего вы не захотите иметь со мной никаких дел. Вы уж простите. Надеюсь, я вас не отпугнула? Не отпугнула, нет?

— Не волнуйтесь. Я звоню, чтобы оговорить формат потенциального сотрудничества.

— Понятно, — ее радость чуть поугасла, уступая место настороженности. — Но я не знаю, чем могу вам помочь.

— Я уверен, что можете.

— Ваша уверенность воодушевляет, но дело в том, что... Подождите-ка секунду.

Она, по-видимому, отвернулась от трубки и кому-то сказала:

— Вы что, подождать не могли? Что? Черт! Ну ладно, дайте посмотрю, показывайте... И все? Ну отлично! Да, меня устраивает. Да! — затем она снова обратилась к Гурни: — Боже, вот так наймешь кого-нибудь заниматься твоими делами, а в результате целый день только и делаешь, что контролируешь процесс. Удивительно, как люди не понимают, что их наняли как раз потому, что ты не хочешь забивать себе голову? — она возмущенно вздохнула. — Извините, не буду больше отвлекаться. У меня просто ремонт на кухне, я заказала плитку ручной работы из Прованса, и теперь всю дорогу приходится решать какие-то проблемы между дизайнером и плиточником! Но вам это все неинтересно. Простите еще раз.

О, стойте! Сейчас я закрою дверь. Надеюсь, такой намек они точно поймут. Вот, все. Итак, вы говорили, что хотите обсудить формат сотрудничества. Прошу, продолжайте.

— Две недели, — произнес Гурни. — Я готов заниматься делом ровно две недели. За это время я сделаю все, что смогу, и в конце передам вам любые результаты работы.

— Почему только две недели? — спросила она, не сумев скрыть недовольство в голосе, невзирая на заметные попытки освоить чуждую добродетель терпения.

Действительно, почему? Пока она не озвучила этот простой вопрос, Гурни не приходило в голову, что может понадобится аргументация. Правдой, разумеется, было то, что он хотел смягчить болезненную реакцию Мадлен на его участие в расследовании. К самому делу это никак не относилось.

— Либо через две недели я обнаружу что-то значимое, либо окажется, что я не тот человек, который вам нужен.

— Ясно.

— Я буду писать ежедневные отчеты о проделанной работе и в конце недели выставлю счет. Стоимость моих услуг — сто долларов за час без учета сопутствующих расходов.

— Хорошо.

— Любые крупные расходы я, разумеется, буду согласовывать с вами заранее: перелеты и прочее, что может...

Она его перебила:

— Так что вам нужно, чтобы начать? Аванс? Или мне надо что-нибудь подписать?

— Я составлю контракт и отправлю вам по электронной почте. Его надо будет распечатать, подписать, отсканировать и отправить мне обратно. Учтите, что у меня нет лицензии полицейского следователя, так что официально вы нанимаете меня не как детектива, а как консультанта для анализа материалов и оценки текущего расследования. Аванс не понадобится. Я выставлю счет ровно через неделю.

— Хорошо. Что-нибудь еще?

— У меня есть вопрос. Он не касается наших договоренностей, просто кое-что не дает мне покоя с тех пор, как я посмотрел запись со свадьбы.

— Что? — спросила она с беспокойством.

— Почему среди гостей не было друзей Джиллиан?

Она едко хихикнула.

— Друзей Джиллиан не было на свадьбе, потому что у Джиллиан не

было друзей.

— Совсем никого?

— Вчера я вам рассказала всю правду про мою дочь. Неужели вас еще удивляет, что у нее не было друзей? Давайте я кое-что скажу прямым текстом. Моя дочь, Джиллиан Перри, была психопаткой. Хрестоматийной психопаткой, — повторила она тоном учительницы английского, добивающейся правильного произношения от ученика. — Она не была способна на дружбу.

Гурни поколебался, но все же продолжил:

— Миссис Перри, и все же мне сложно...

— Зовите меня Вэл.

— Хорошо. Вэл, есть пара вещей, которые у меня не укладываются в голове. Например...

Она его снова перебила:

— Вам непонятно, какого черта я так рвусь расследовать убийство дочери, которую я терпеть не могла?

— Примерно так, да.

— У меня есть на это два ответа. Первый: я этого хочу, и все. Второй: это не ваше дело! — подумав, она добавила: — Есть и третий ответ. Когда Джилли была еще ребенком, я была ей плохой матерью. Отвратительной, чудовищной. Ну и теперь... черт. Да неважно. Давайте просто остановимся на том, что это не ваше дело.

Глава 17

В тени этой сучки

За последние четыре месяца он о ней почти не вспоминал — о той, что была до сучки Перри. Она ведь была неважной, особенно в сравнении с Перри, она напрочь терялась в ее тени. О ней до сих пор никто не узнал, но ей еще предстояло прославиться. Ее пришлось убрать отчасти ради удобства. Кое-кто возразил бы, что не «отчасти», а «исключительно» ради удобства, но это неправда. Она получила по заслугам, как и все сучки ее породы:

Отродье Евы,
гнилое сердце,
течное тельце
с душою шлюхи,

шлюха в душе,
пот на губе,
пороссячий визг,
похабные стоны,
похотливо разверстый рот,
жадная пасть,
пожирающий зев,
мокрый язык,
скользкий червяк,
ноги как клещи,
липкая кожа,
зловонная жижа,
насекомая слизь. И теперь
все это —
очищено смертью,
исправлено смертью,
влажные члены иссушены смертью,
освящение истощением —
до сухости пыли,
безобидность мумии.
Vaaya con Dios!

Он улыбнулся. Надо почаще вспоминать о ней, чтобы смерть ее оставалась жива.

Глава 18

Соседи Эштона

К 10:00 Гурни отправил Вэл Перри контракт и позвонил по всем трем номерам, которые она ему дала для связи со Скоттом Эштоном, чтобы договориться о встрече. Один был его домашний, другой — личный мобильный, а третий — телефон школы-интерната Мэйплшейд. По первым двум пришлось оставить запись на автоответчике, а по третьему он продиктовал сообщение секретарю, которая представилась как мисс Листон.

В 10:30 Эштон перезвонил и сказал, что получил все три сообщения, а кроме того, ему звонила Вэл Перри, чтобы объяснить роль Гурни в

расследовании.

— Она передала, что вам нужно со мной поговорить.

Голос Эштона был таким же, как на видеозаписи, но по телефону он звучал насыщеннее и теплее. Правда, теплота была дежурной, сродни той, что мы слышим в рекламе дорогого продукта. Идеальный голос для модного психиатра.

— Все верно, сэр, — сказал Гурни. — Вам удобно будет встретиться сегодня?

— Сегодня было бы идеально. Можно в академии к полудню или у меня дома в два. Как вам удобнее?

Гурни выбрал второе. Он рассудил, что если немедленно отправиться в Тэмбери, то как раз успеет осмотреться, особенно вокруг владений Эштона. Может, даже удастся поговорить с парой соседей. Он подошел к столу, взял список свидетелей из материалов Хардвика и поставил карандашом точку у каждого имени, рядом с которым значился адрес на Бэджер-Лейн. Из той же стопки он взял папку с пометкой «Резюме допросов» и отправился с этими документами к машине.

Сонная деревушка Тэмбери находилась на перекрестке двух старинных дорог, которые уступили роль транспортных артерий современным магистралям. Обычно такая ситуация располагает к экономическому упадку, однако Тэмбери удачно разместилась в живописной долине у северной окраины гор, и это спасло деревушку. Сочетание уединенности и красоты оказалось привлекательным для богатых пенсионеров и толстосумов помоложе, желающих иметь загородный дом.

Впрочем, не все население состояло из молодых толстосумов и богатых пенсионеров. Например, Кальвин Харлен проживал в поросших сорняками развалинах бывшей молочной фермы на углу Хигглз-Роуд и Бэджер-Лейн. Когда бодрый голос *GPS*-навигатора привел Гурни в эту местность после полутора часовой поездки из Уолнат-Кроссинг, было уже за полдень. Гурни припарковался у северной окраины Хигглз-Роуд и принялся рассматривать представшую перед ним разруху. Самой примечательной деталью была трехметровая компостная куча, из которой произрастали исполинские сорняки. Стоявший рядом сарай перекосялся так, словно мечтал к этой куче прислониться. В зарослях у его дальней стены виднелся ряд ржавеющих машин и пустой желтый корпус от школьного автобуса.

Гурни открыл папку с резюме допросов и достал нужное описание.

Там значилось:

Кальвин Харлен, 39 лет, разведен. Индивидуальный предприниматель, разнорабочий (мелкий ремонт, уход за газоном, расчистка снега, сезонная разделка оленьих туш, таксидермия). Оказывал различные услуги по хозяйству Скотту Эштону до появления Гектора Флореса, который вскоре перенял все его функции. Утверждает, что у него с Эштоном было некое «негласное соглашение», которое Эштон нарушил. Также утверждает (не подкрепляя слова доказательствами), что Флорес был нелегальным мигрантом и ВИЧ-положительным геенаркоманом. Отзывался о нем не иначе как «вонючий латинос», об Эштоне как о «лживой мрази», о Джиллиан Перри как о «чванливой шлюшке», а о Кики Мюллер как о «мексиканской подстилке». Ничего не знает об убийстве, связанных с ним событиях и местонахождении подозреваемого. Утверждает, что вечером, когда произошло убийство, работал один в своем сарае.

Доверия не вызывает. Психически неуравновешен. В течение 20 лет многократно привлекался к ответственности за домашнее насилие, долги, пьянство и неподобающее поведение, а также за домогательства, угрозы и хулиганство (перечень обвинений прилагается).

Гурни закрыл папку и положил ее на пассажирское сиденье. По всей видимости, Кальвин Харлен всю жизнь стремился стать образцовым быдлом.

Он вышел из машины, запер ее и направился по пустой дороге к грязевым разводам, служившим въездом на участок Харлена. В одном месте разводы расходились в двух условных направлениях, разделенных треугольником примятой травы: часть месива была размазана в сторону компостной кучи и сарая, а другая — в сторону двухэтажного фермерского дома, который последний раз красили так давно, что цвет этой краски было невозможно определить. Навес над крыльцом держался на четырех деревянных столбиках поновее, чем сам дом, но тоже старых. К одному из столбиков была приколочена фанерная табличка с рукописным объявлением о разделке туш, выполненным кроваво-красными буквами с неприятными подтеками.

Из дома раздался истошный лай как минимум двух крупных собак. Гурни остановился в надежде, что их волнение заставит хозяина выйти из

дома.

Но вместо этого кто-то вышел из-за компостной кучи. Это был костлявый человек с обветренным лицом, бритый налысо и держащий в руке острый инструмент, напоминающий ледоруб.

— Вы чего здесь забыли? — спросил он, хихикая, словно в вопросе содержалась остроумная шутка.

— Я ничего не забыл, — отозвался Гурни.

— Тогда, стало быть, заблудились?

Было непонятно, что за игру затеял костлявый, но она ему определенно нравилась. Гурни решил сбить его с толку и сыграть по другим правилам.

— Я вот знаю несколько владельцев собак, — сказал он. — Говорят, если собака правильная, на ней можно круто заработать. А если неправильная, то беда.

— Заткнись, чтоб тебя разнесло!

Гурни не сразу понял, что реплика обращена в сторону дома. Лай резко прекратился.

Ситуация имела все шансы выйти из-под контроля. Гурни понимал, что пока еще можно развернуться и уйти без последствий, но его охватило нездоровое желание вступить в спарринг с нездоровым собеседником. Он осмотрел землю у себя под ногами и нашел небольшой овальный камешек размером с яйцо снегиря. Потерев его между ладоней, словно разогревая, он затем подбросил его в воздух, как монетку, и поймал правой рукой, после чего зажал в кулаке.

— Вы чего это затеяли? — спросил костлявый, делая шаг в его направлении.

— Тс-с-с, — тихо произнес Гурни. Он медленно, палец за пальцем, разжал кулак, внимательно изучил камешек, затем улыбнулся и выбросил его через левое плечо.

— Че это за...

— Прости, Кальвин, это невежливо с моей стороны, просто я привык таким образом принимать решения. Очень, знаешь, ресурсоемкий процесс.

Глаза тощего расширились от удивления.

— Откуда ты знаешь мое имя?

— Да тебя же все знают, Кальвин. Или к тебе лучше обращаться Мистер Зло?

— Че?!..

— А, значит, все-таки Кальвин. Ну ладно. Так проще, да.

— Ты ваще кто такой? Че те надо?

— Мне надо понять, где найти Гектора Флореса.

— Гек... Че?

— Ну ищу я его, Кальвин. И обязательно найду. Думал, вдруг ты поможешь.

— Да откуда ты ваще... кто ты ваще... ты че, коп какой-нить?

Гурни промолчал, стараясь смотреть на собеседника невыразительным взглядом убийцы. Этот взгляд несколько осадил Харлена, чьи глаза стали еще шире.

— Тебе нужен Флорес? Этот вонючий латинос?

— Поможешь мне, Кальвин?

— Не знаю. А как?

— Да просто расскажи все, что знаешь про нашего общего друга, — последние три слова Гурни произнес с такой ядовитой иронией, что на долю секунды ему показалось, что переиграл. Но довольная улыбка Харлена опровергла его опасения. Было похоже, что на эту публику невозможно переиграть.

— Ну че, я не против. Тока я не знаю, тебе че конкретно надо-то?

— Для начала, ты не знаешь, откуда он вообще взялся?

— А тут в деревне автобус останавливается с этими латиносами, ну они тут и ошиваются, — объяснил он таким тоном, словно «ошиваться» означало «прилюдно мастурбировать».

— Хорошо, а до автобуса? Не знаешь, откуда он родом?

— Ха, да с какой-нить мексиканской свалки, откуда они все берутся!

— Значит, он тебе сам не рассказывал?

Харлен покачал головой.

— А что-нибудь другое рассказывал?

— Типа чего?

— Типа чего угодно. Ты вообще с ним лично разговаривал?

— Один раз, по телефону. Вот с тех пор и знаю, что он врет как дышит. Дело в октябре было или, может, в ноябре. Звоню я, значит, доктору Эштону насчет расчистки снега, а к телефону подходит этот латинос и спрашивает, чего мне надо. Я и говорю: мне надо поговорить с доктором! А фиг ли я должен говорить с кем-то еще? Но он такой: нет, скажи все мне, а я передам. А я говорю: я, блин, не тебе звоню, так что иди и утрись, ублюдок! Кем он вообще себя возомнил? Эта мексиканская шваль валит сюда как зараза, разносит свиной грипп со СПИДом, сосет из государства денежки, тырит у честных людей рабочие места, налогов не платит, ваще обнаглели, тупые выродки. Если мне эта склизкая гадина еще раз попадется, я ему башку нахрен прострелю. Сперва яйца, а потом башку!

Где-то в середине этой тирады одна из собак в доме вновь залаяла. Харлен повернулся, сплюнул и, помотав головой, заорал:

— Да заткни ты глотку, слышь!

Собака замолчала.

— Значит, тогда ты окончательно убедился, что Флорес врет.

— Че?..

— Ты сказал, что, поговорив с Флоресом по телефону, ты понял, что он врет.

— Ну.

— Что значит «врет»?

— Да когда этот ушлепок приехал, он же слова по-английски не спикал. А потом — оп! — и лопочет, как этот самый... не знаю кто, ну как какой-то всезнайка долбаный.

— И какой ты из этого сделал вывод, Кальвин?

— Такой вывод, что он врет как сивый мерин!

— Ну, обоснуй.

— Да ни один нормальный человек с такой скоростью не выучит английский!

— Значит, ты думаешь, что он на самом деле не мексиканец.

— Я думаю, что он брешет, потому что шифруется.

— Это в каком же смысле?

— Да че, неясно, что ли? Если он такой весь из себя умный, че он вообще подкатил к доктору на предмет граблями помахать? Точно тебе говорю, он все это продумал.

— Очень любопытно, Кальвин. Мне нравится твоя проницательность.

Харлен кивнул и снова сплюнул, на этот раз как бы в знак согласия с комплиментом.

— Короче, вот еще что, — сказал он и заговорщически понизил голос: — Этот тварюка вечно прятал морду. Ходил в эдакой ковбойской шляпе, напялив ее на лоб, и всегда в темных очках. Спрашиваешь, как я это понимаю? А так, что он не хотел, чтоб его замечали. Вот и прятался вечно то в главном доме, то в этой конуре. Такой же, как эта сучка.

— Какая именно сучка?

— Ну, которую шлепнули, какая еще. Если мимо проезжала на тачке, всегда отворачивалась, будто я куча говна или дохлая кошка. Тупая сучара. Между ней и вонючим латиносом че-то было, я так думаю. Иначе че они оба людям в глаза смотреть боялись? А потом я подумал еще: ба, да он же небось просто не хочет, чтобы его узнали! Сечешь?

К моменту, когда Гурни закончил допрос, поблагодарил Харлена и

пообещал ему быть на связи, он уже не понимал, насколько ценна полученная информация. С одной стороны, если Эштон нанял Флореса делать работу, за которую раньше платил Харлену, то понятно, что последний раздосадован, и все остальное могло быть плодом больного воображения, разыгравшегося от удара по кошельку. С другой стороны, в его словах могло быть и здоровое зерно. Возможно, Хардвик был прав, и в этой истории есть двойное дно, а известная фабула — лишь видимость.

Гурни вернулся к машине и сделал три коротких записи в маленьком блокноте на пружинке.

1. Флорес не тот, за кого себя выдавал? Не мексиканец?
2. Флорес боялся, что Харлен его узнает, потому что были знакомы? Или просто боялся, что Харлен его опознает, если что? Но ведь Эштон знал, как он выглядит?
3. Доказательства связи между Флоресом и Джиллиан? Были знакомы? Мотив для убийства из прошлого Ф. до появления в Тэмбери?

Он со скепсисом перечитал эти заметки, сомневаясь, что они приведут к какому-нибудь полезному открытию. Все-таки Харлен был прежде всего злобным параноиком — вряд ли на его слова можно было полагаться.

Часы на приборной панели показывали 13:00. Если пропустить обед, можно поговорить еще с кем-нибудь перед встречей с Эштоном.

Владение Мюллеров находилось по соседству с крайним участком на возвышенной части Бэджер-Лейн, где размещался выпестованный светский рай доктора Эштона, бесконечно непохожий на помойку Харлена.

Гурни остановил машину у почтового ящика с именем Карла Мюллера, которое также значилось в его списке свидетелей. Вдали от дороги возвышался просторный белоснежный особняк в колониальном стиле, с классическими черными панелями и ставнями. В отличие от других вылизанных построек поселка этот особняк был тронут легкой патиной запущенности — ставни кое-где потрескались, на неухоженном газоне валялись ветки, а подъезд к зданию был засыпан опавшими листьями. На мощеной дорожке у бокового входа лежал опрокинутый ветром садовый стул.

Из-за панельной двери главного входа доносилась приглушенная музыка. Звонка нигде не было, но посередине выступал старинный бронзовый молоток, которым Гурни и воспользовался, прилагая

значительную силу, чтобы его расслышали.

Мужчина, открывший ему дверь, выглядел болезненным. Гурни прикинул, что ему может быть как сорок пять, так и шестьдесят, в зависимости от того, какой именно недуг мог отразиться на его внешности. Жидкие волосы сочетались по цвету с мешковатой серовато-бежевой кофтой.

— Здравствуйте, — произнес мужчина голосом, не выражавшим ни любопытства, ни гостеприимства.

Гурни несколько удивился такой реакции на незнакомца у порога.

— Вы мистер Мюллер?

Мужчина моргнул, словно прокручивал в голове повторную запись только что услышанного вопроса.

— Я — Карл Мюллер, — произнес он монотонно.

— Меня зовут Дэвид Гурни. Я занимаюсь поиском Гектора Флореса и хотел узнать, нет ли у вас пары минут поговорить об этом.

Мужчина снова помолчал, словно ему понадобилось прокрутить в уме эту фразу дважды.

— Прямо сейчас?

— Если удобно, сэр. Был бы весьма признателен.

Мюллер неспешно кивнул и отступил в сторону, совершая неопределенный вялый жест рукой. Гурни вошел в темную прихожую с неплохо сохранившимся интерьером девятнадцатого века — широкие половые доски, много оригинального декора из дерева с резьбой. Музыка, которую он услышал, приблизившись к особняку, теперь звучала более отчетливо. Гурни узнал в ней католический рождественский гимн и удивился, поскольку редко кто слушал такое вне соответствующего сезона. Звук шел откуда-то снизу, из подвала, и его сопровождало какое-то низкое, ритмичное жужжание. Слева оказалась двойная дверь, ведущая в торжественную столовую с огромным камином. Прямо перед Гурни широкая прихожая превращалась в холл, тянущийся до дальней стены, где виднелись стеклянные двери с видом на необъятный зеленый газон. Сбоку от холла была широкая лестница с витиеватой балюстрадой, ведущая на второй этаж. Справа находилась старомодная гостиная с пухлыми диванами, креслами и антикварными столиками в окружении морских пейзажей в рамках. У Гурни сложилось впечатление, что об интерьере особняка заботились тщательнее, чем об экстерьере. Мюллер стоял и бессодержательно улыбался, как бы ожидая, когда ему подскажут, что делать дальше.

— У вас замечательный дом, — светски заметил Гурни. — Очень

уютно. Вы не против, если мы присядем, чтобы побеседовать?

Снова пауза.

— Хорошо.

Поскольку хозяин не сдвинулся с места, Гурни сам вопросительно протянул руку к гостинной.

— Да-да, разумеется, — моргнул Мюллер, словно очнувшись. — Простите, как вы представились? — не дожидаясь ответа, он повел Гурни к паре кресел, расставленных напротив друг друга перед камином. — Итак, о чем речь?

Голос Мюллера снова сделался туманным, словно у него было какое-то органическое расстройство, причиняющее ужасную рассеянность, однако это было бы маловероятным, учитывая непростую профессию судомеханика. Скорее, дело было в каком-то лекарстве — было уместно такое предположить, учитывая, что супруга Мюллера исчезла вместе с убийцей.

Гурни обратил внимание, что мелодия гимна, а также сопутствующее жужжание в этом помещении казались громче, чем в прихожей. Возможно, причина была в разводке вентиляционных выходов. Он поймал себя на желании спросить об этом, но решил, что лучше сконцентрироваться на главной причине визита.

— Вы следователь из полиции, — почему-то констатировал Мюллер.

Гурни улыбнулся.

— Я вас долго не задержу, сэр. У меня всего несколько вопросов.

— Карл.

— Что, простите?

— Карл, — повторил он, уставившись на камин, словно зола от последней растопки будоражила его память. — Меня зовут Карл.

— Хорошо, Карл. Мой первый вопрос: вы не помните, чтобы перед своим исчезновением миссис Мюллер разговаривала с Гектором Флоресом?

— Кики, — произнес он, продолжая смотреть на золу.

Гурни повторил вопрос, на этот раз употребив имя.

— А было бы логично, да? Учитывая ситуацию... А какая была ситуация?

Глаза Мюллера закрылись и открылись снова, и этот мучительно затянутый процесс сложно было назвать словом «моргнули».

— Она ходила на терапию.

— На терапию? К кому?

Мюллер впервые взглянул на Гурни с тех пор, как тот зашел в гостиную, и теперь моргнул чуть быстрее.

— К доктору Эштону.

— Доктор принимает у себя дома? Тут, по соседству?

— Да.

— Часто она к нему ходила?

— Шесть месяцев, год... или меньше? Или больше. Я не помню.

— Когда была последняя сессия терапии?

— Во вторник. Сессии всегда были по вторникам.

Гурни удивился:

— Вы говорите про тот вторник, когда она исчезла?

— Верно, во вторник.

— И вы, значит, предполагаете, что миссис Мюллер — то есть Кики — общалась с Флоресом, когда была у Эштона?

Мюллер в ответ промолчал и снова перевел взгляд на серое нутро камина.

— Она когда-нибудь о нем рассказывала?

— О ком?

— О Гекторе Флоресе.

— Он был не из тех людей, о ком интересно поговорить.

— Каким он был человеком?

Мюллер невесело усмехнулся и покачал головой.

— Но это же очевидно, разве нет? Очевидно! Вы же слышали его фамилию, — произнес Мюллер с внезапным и отчетливым пренебрежением.

— У него испанская фамилия.

— Да они все одинаковые. Это же совершенно очевидно. Нашей стране это как нож в спину.

— От мексиканцев?

— Мексиканцы — это только кончик ножа.

— Значит, вы ждали того же от Гектора?

— Вы были в тех странах?

— В Латинской Америке?

— В любых странах, где царит жара.

— Боюсь что нет, Карл.

— Дрянные земли, все до последней. Мексика, Никарагуа, Колумбия, Бразилия, Пуэрто-Рико... дрянь, все как одна, и выходцы оттуда дрянь.

— И Гектор?

— Дрянь!

Мюллер уставился на присыпанную пеплом решетку камина с таким лицом, словно дрянь была именно там.

Гурни около минуты молча ждал, чтобы страсть в собеседнике улеглась. Плечи Мюллера постепенно опустились, а хватка на ручках кресла ослабла. Он закрыл глаза.

— Карл?

— Да? — Глаза вновь открылись. Лицо его утратило всякое выражение.

Гурни тихо спросил:

— У вас были причины полагать, что между вашей женой и Флоресом происходит что-то неподобающее?

Мюллер выглядел озадаченным.

— Как, говорите, вас зовут?

— Дэйв. Дэвид Гурни.

— Дэвид! Какое забавное совпадение! Вы знали, что это мое второе имя?

— Нет, Карл, не знал.

— Я — Карл Дэвид Мюллер, — произнес он, глядя куда-то перед собой. — Карл Дэвид. Мама часто говорила: Карл Дэвид Мюллер, а ну ступай в свою комнату. Карл Дэвид Мюллер, ну-ка веди себя хорошо, а не то Санта-Клаус не принесет тебе подарок. Слушай меня хорошенько, Карл Дэвид...

Он поднялся из кресла, выпрямил спину и повторял свое полное имя правдоподобным женским голосом и с таким напором, словно у этого голоса, произносящего его имя, была власть открыть дверь в другой мир. Затем он развернулся и вышел из комнаты.

Гурни услышал, как открывается входная дверь.

Мюллер стоял и держал ее нараспашку.

— Спасибо, что навестили, — произнес Мюллер бесцветным тоном. — Вам пора. Я иногда забываю... вообще-то я не должен пускать людей в дом.

— Благодарю вас, Карл. Спасибо за ваше время, — сказал Гурни. Станный эпизод психотической декомпенсации его озадачил и смутил, но он решил сделать, как Мюллер просит, и не создавать лишнего стресса, а дойти до машины и вызвать медиков.

Но по дороге к машине Гурни подумал, что все же лучше убедиться, что с Мюллером все в порядке. Он вернулся к особняку в надежде убедить хозяина снова пустить его, но дверь оказалась приоткрыта. Гурни на всякий случай все равно постучал. Ответа не последовало. Он заглянул в дом и увидел еще одну приоткрытую дверь. Тогда он зашел в холл и позвал как можно более вежливым голосом:

— Мистер Мюллер? Карл? Это Дэйв. Вы здесь, Карл?

Тишина. Но теперь стало понятно, что жужжащий звук с отчетливыми металлическими нотками, а также рождественский гимн доносились как раз из-за этой двери, которая в прошлый раз была закрыта. Гурни подошел и слегка толкнул ее носком ботинка. Перед ним оказалась лестница, ведущая в подвал и залитая тусклым светом.

Гурни осторожно пошел вниз. Пройдя несколько ступенек, он снова позвал:

— Мистер Мюллер! Вы внизу?

Детское сопрано запело гимн:

Придите к Младенцу,
Верные, с весельем!
Придите скорее к Нему в Вифлеем!

С лестницы можно было разглядеть только небольшую часть подвала. Гурни видел, что пол выложен обычной виниловой плиткой, а стены отделаны сосновыми панелями, совсем как миллионы других американских подвалов. Почему-то эта обыкновенность его приободрила. Но когда он спустился до конца и повернулся лицом к источнику света, его посетило совсем другое чувство.

В дальнем углу стояла огромная наряженная елка с верхушкой, упирающейся в потолок трехметровой высоты. Помещение освещали сотни огоньков ее гирлянды. С ветвей свисали разноцветная мишура, сосульки из фольги и бесчисленные стеклянные игрушки всех традиционных форм — от простых шариков до выдувных ангелочков. Воздух в подвале был наполнен ароматом хвои.

Возле елки у здоровенной платформы размером с два теннисных стола стоял Карл Мюллер. В руках у него был металлический ящичек с двумя рычагами, а на платформе по искусственному холмистому ландшафту с лесами и реками, вдоль крохотных деревушек и ферм мчался маленький поезд, со свистом проносясь сквозь тоннели в игрушечных горах и выписывая бесконечные восьмерки — снова, снова и снова.

В глазах Мюллера, глубоко утопленных в обвисшую плоть лица, отражались разноцветные огоньки. Он напомнил Гурни ребенка с прогерией — странной болезнью, которая превращает детские черты в старческие.

Гурни вернулся наверх. Он решил сходить к Эштону и расспросить его

о состоянии Мюллера. Судя по елке и игрушечной железной дороге, это не было спонтанным срывом, требующим немедленного врачебного вмешательства, а происходило давно и систематически.

Он аккуратно закрыл тяжелую входную дверь, не трогая замок. Когда он возвращался по мощеной тропинке к своему «универсалу», то увидел, что прямо за его внедорожником припарковался винтажный «Ленд Ровер», из которого выбиралась престарелая дама.

Открыв заднюю дверь машины, она произнесла несколько отрывистых команд и наружу выскочил огромный эрдельтерьер.

Женщина, как и ее собака, выглядела одновременно аристократичной и жилистой. В ней чувствовалась удивительная бодрость, контрастная болезненной вялости Мюллера. Она уверенной походкой направилась навстречу Гурни, в одной руке держа короткий поводок своего пса, а в другой — трость, которая выглядела скорее как аксессуар, чем приспособление для помощи при ходьбе. На половине пути она вдруг остановилась, уперевшись тростью в землю с одной стороны и подзывая к себе собаку с другой, тем самым преграждая Гурни дорогу.

— Я — Мэриан Элиот, — объявила она тоном, которым обычно говорят: «Встать, суд идет!»

Гурни видел это имя в списке соседей Эштона, которых опрашивали люди из бюро криминальных расследований.

— Кто вы? — спросила она требовательно.

— Моя фамилия Гурни. Почему вы интересуетесь?

Она покрепче вцепилась в свою длинную, выдавшую виды трость, словно в скипетр, и Гурни подумал, что при необходимости она могла послужить оружием. Эта женщина привыкла задавать вопросы, а не отвечать на них, и было бы ошибкой вызвать у нее презрение, поскольку тогда она бы ничего не рассказала.

Она сощурилась.

— Что вы здесь делаете?

— Я бы поддался искушению и ответил, что это не ваше дело, но я вижу, что вами движет беспокойство за мистера Мюллера.

Он не был уверен, что угадал с градусом надменности, пока она не перестала рассматривать его и не спросила:

— С ним все в порядке?

— Смотря что вы считаете порядком.

В ее взгляде мелькнуло нечто, подсказавшее Гурни, что она прекрасно поняла смысл каламбура.

— Он у себя в подвале, — пояснил Гурни.

Она поморщилась и кивнула, о чем-то задумавшись.

— С паровозиком? — уточнила она уже не таким надменным тоном.

— Да. С ним это часто?

Она внимательно посмотрела на набалдашник своей трости, словно там могла оказаться какая-нибудь полезная информация, и не проявила ни малейшего намерения ответить на вопрос Гурни. Он решил зайти с другой стороны.

— Я участвую в расследовании по делу Перри. Ваше имя было в списке свидетелей — насколько понимаю, вас допрашивали в мае, после убийства.

Мэриан презрительно хмыкнула.

— Тоже мне допрос. Первый раз со мной разговаривал... сейчас, сейчас вспомню его имя... старший следователь Хардсон? Хардни? Хард-что-то-там. Грубоватый, но далеко не глупый. Удивительное сочетание — это было все равно что встретить разумного носорога. К сожалению, он куда-то пропал, и его заменили неким Пляттом или Клаттом. Этот был немного поучтивее, но сильно глупее. Мы поговорили совсем коротко, чему я была безумно рада. Когда я встречаю подобных персонажей, я, знаете, начинаю страшно сочувствовать всем их бывшим учителям, которым приходилось такое терпеть с сентября по июнь.

Этот комментарий заставил Гурни вспомнить приписку возле имени Мэриан Элиот: «Профессор философии Принстонского университета. На пенсии».

— Отчасти в этом причина моего визита, — сказал Гурни. — Меня попросили повторно опросить несколько человек, чтобы узнать побольше деталей, которые помогли бы понять, что именно произошло.

Она удивленно вскинула брови.

— Как это «что именно»? Разве есть разные версии?

Гурни пожал плечами.

— Без некоторых подробностей достоверной картины не складывается.

— Я думала, что все известно, кроме местонахождения кровожадного мексиканца и жены Карла... — произнесла она. Казалось, что ее одновременно интригует и раздражает, что действительность может не соответствовать ее представлениям. Эрдельтерьер все это время сидел рядом и внимательно слушал, словно понимал, о чем речь.

Гурни предложил:

— Может быть, побеседуем где-нибудь в другом месте?

Глава 19

Трагедия Франкенштейна

Мэриан Элиот предложила продолжить разговор у себя дома, который оказался ровно через дорогу, в сотне метров от особняка Мюллера, если спуститься по склону. Однако разговор состоялся не в доме, а, скорее, на подъезде к дому, где Мэриан попросила Гурни помочь ей разгрузить багажник «Ленд Ровера», где лежали мешки с торфом и удобрениями.

Она сменила свою трость на таяпку и встала у розовых кустов неподалеку от машины. Пока Гурни складывал мешки в тележку, Мэриан потребовала рассказать в точности, чем он занимается в рамках расследования, а также сообщить свое место в порядке подчиненности. Он объяснил, что работает консультантом, что его наняла мать жертвы и что он не имеет отношения к официальному расследованию. Мэриан на это скептически прищурила глаза и поджала губы.

— Не понимаю, что это значит.

Гурни решил рискнуть и ответить прямо.

— Я вам объясню, если вы обещаете держать эту информацию при себе. Я занимаюсь этим делом без одобрения официального бюро. Если вас интересует мой опыт в отделе расследования убийств, можете позвонить разумному носорогу и расспросить его — его, кстати, зовут Джек Хардвик.

— Ясно! Ну что ж, удачи вам не влипнуть с этим неофициальным расследованием. Можете подвезти тележку вот сюда?

Гурни воспринял это как приятие ситуации и еще три раза возил мешки от «Ленд Ровера» к розовым кустам. После третьего раза она наконец предложила ему присесть рядом на кованой скамейке, покрытой белой эмалью, под разросшейся яблоней.

Она села так, чтобы все время смотреть на него.

— Ну, без чего у вас, говорите, картина не складывается?

— Мы до этого еще дойдем. Сперва хочу попросить вас помочь мне кое-что понять, — сказал Гурни, старательно балансируя между самоуверенностью и вежливостью, ориентируясь на ее позу и другие невербальные реакции. — Для начала не могли бы вы описать доктора Эштона буквально парой фраз?

— Даже пытаться не стану. Он не из тех людей, которых можно уложить в пару фраз.

— Значит, он сложный человек?

— Предельно!

— Какую черту его характера вы бы назвали главной?

— Невозможно выбрать.

Гурни подумал, что проще всего спровоцировать Мэриан Элиот разговориться, если перестать настаивать.

Он откинулся на спинку скамейки и принялся молча рассматривать ветви яблони, изогнутые из-за многолетней обрезки.

Через минуту она действительно заговорила.

— Я вам кое-что расскажу про Скотта, про один его поступок, а вы уж сами решайте, говорит ли это что-нибудь о его характере, — последнее слово она произнесла с некоторой брезгливостью, как бы подразумевая, что люди не измеряются такими примитивными понятиями. — Когда Скотт еще учился в колледже, он написал книгу, которая принесла ему известность в определенных ученых кругах. Она называлась «Ловушка эмпатии». Там излагалась теория, со всей соответствующей психологической и биологической аргументацией, что эмпатия — результат нарушенного восприятия границ и что когда людям кажется, будто они «чувствуют» друг друга, в действительности они находятся во власти заблуждения. Вывод следовал такой: мы заботимся друг о друге только потому, что в какой-то момент случается сбой и мы перестаем различать себя и другого человека. В доказательство этой теории Скотт провел простой эксперимент: несколько участников наблюдало, как человек чистит шкурку с яблока и в какой-то момент как бы случайно режет себе палец. Реакцию участников снимали на видеокамеру. Почти все инстинктивно поморщились, увидев, как он порезался. Из сотни участников всего двое никак не отреагировали, и, когда их прогнали через психологическое тестирование, они по всем показателям вышли психопатами. Идея Скотта заключалась в том, что когда мы автоматически вздрагиваем, увидев, как другой испытывает боль, это происходит по причине изъяна в нашем мозгу. И мозг психопата в сравнении с мозгом обычного человека — совершенен, поскольку психопат в любой ситуации удерживает границу между собой и окружающими, а также не путает собственные нужды с нуждами других людей и, следовательно, не испытывает потребности в благополучии кого бы то ни было внешнего.

Гурни улыбнулся.

— Такое заявление наверняка повлекло бурную реакцию.

— Еще какую! Правда, отчасти Скотт спровоцировал бурю выбором слов: «совершенный мозг», «несовершенный мозг». Некоторые рецензенты писали, что его формулировки выдают в нем самом филиграннейшего социопата, — произнесла Мэриан, сверкая глазами. — Лично я думаю, что

он на то и рассчитывал. У него была такая цель — привлечь к себе внимание. И вот — всего в двадцать три года его имя стало самым громким в сообществе.

— Значит, он умен и знает как...

— Постойте, это еще не конец истории, — перебила она. — Несколько месяцев спустя после выхода книги и последовавших за этим споров вышла другая книга, представлявшая собой по сути разоблачение «Ловушки эмпатии». Эта книга называлась «Душа и сердце». Она была хорошо написана и безжалостно громила все аргументы Скотта. Основной ее идеей было то, что главным в человеческой жизни является любовь, а так называемая, по выражению Скотта, порозность границ — это ключевой компонент в любых человеческих отношениях. Ученое сообщество разделилось на два лагеря, на обе книги как из пулемета строчили рецензии и отзывы. Исключительно страстная была словесная перестрелка, — она прислонилась к ручке скамейки и посмотрела на Гурни.

— Я так понимаю, что и это еще не все? — произнес он.

— Верно понимаете. Спустя год выяснилось, что вторую книгу тоже написал Скотт, — помолчав, она спросила: — Что вы об этом думаете?

— Пока не знаю, что думать. А как к этой новости отнеслись в сообществе?

— Возмутились! Все думали, что их разыграли! В общем-то, так оно и было. Но при этом обе книги были написаны так, что не к чему придраться. Обе представляли собой полноценный научный труд.

— И он их написал, просто чтобы привлечь к себе внимание?

— Да нет же! — рявкнула она. — Конечно, нет! Просто интонация была такой. Чтобы казалось, будто два автора соревнуются, кому достанется больше внимания. У Скотта была другая цель, гораздо более глубокая. Он хотел донести до читателя важную мысль: каждый должен сам решить, где правда.

— То есть вы бы сказали, что Эштон — умный человек?

— Он человек блестящего ума. Незаурядный, непредсказуемый. Умеет слушать, быстро схватывает... Но при этом он трагический персонаж.

У Гурни возникло стойкое ощущение, что, невзирая на седьмой десяток, Мэриан Элиот не на шутку влюблена в человека почти на тридцать лет младше. Но, вне всяких сомнений, она бы никогда и никому в этом не призналась.

— «Трагический» в свете того, что случилось в день его свадьбы?

— Не только. Убийство его невесты — лишь часть общей картины. Задумайтесь о мифических архетипах, которые лежат в основе этой

истории, — произнесла она и замолчала, как бы предлагая Гурни подумать над этим.

— Не уверен, что понял вашу мысль.

— Ну как же? Золушка, Пигмалион, Франкенштейн...

— Вы говорите об отношениях Эштона с Гектором Флоресом?

— Конечно, — она улыбнулась, как учительница, поощряющая понятливого ученика. — Все начиналось по классике: в деревне появляется незнакомец. Голодный, холодный, безработный. Местный землевладелец, человек знатный, нанимает его на работу, обеспечивает ему кров, дает разные поручения... Обнаружив, что работник смысленый, доверяет ему все больше, фактически открывает ему двери в новую жизнь. Таким образом, безнадежный бедняк обретает символическое богатство. Это в чистом виде «Золушка», если исключить гендерный и романтический компоненты. Однако если рассматривать сагу об Эштоне и Флоресе более широко, то «Золушка» — всего лишь первый акт, после которого парадигма меняется и доктор Эштон становится одержим идеей превратить своего подмастерье в нечто большее, раскрыть его потенциал до конца, оживить в Гекторе Флоресе тот идеал, который он в нем видел. Он покупал ему книги, потом купил компьютер, советовал учиться по разным курсам в Интернете. Часами занимался его образованием, подталкивая его к желаемому совершенству. Это не прямое повторение истории с Пигмалионом, однако аналогия однозначно прослеживается. Вот вам второй акт. А третий — это история Франкенштейна. Эштон мечтал создать идеального человека, но оказалось, что Флорес — носитель худшего из людских пороков и превратил жизнь своего создателя в сущий ад.

Гурни терпеливо кивал, удивляясь не только находчиво приведенным мифическим параллелям, но и убежденности Мэриан Эллиот в том, что эти параллели имеют огромное значение. В ее глазах блестела уверенность и еще что-то, похожее на торжество. Гурни задумался, было ли это как-то связано с трагедией или же это была разновидность академической удовлетворенности собственной проницательностью.

За возникшую паузу ее возбуждение поутихло. Она спросила:

— Что вы хотели узнать у Карла?

— Например, почему у него в доме порядок, а снаружи нет, — ответил он полушутя, но она отреагировала всерьез.

— Я относительно регулярно посещаю Карла. Он сам не свой с тех пор, как пропала Кики. Можно понять. Пока я в доме, я раскладываю вещи по местам — это ведь не сложно, — она бросила взгляд в направлении дома Мюллера, который был скрыт за деревьями. — Вообще-то он неплохо

справляется. Лучше, чем может показаться со стороны.

— Вы слышали его рассуждения о латиноамериканцах?

Она с досадой вздохнула.

— Позиция Карла на этот счет мало отличается от шаблонных тезисов, продвигаемых некоторыми политиками в ходе предвыборных кампаний.

Гурни вопросительно посмотрел на нее.

— Я знаю, он чересчур горячится по этому поводу, но в общем-то... в общем-то, если учесть, что его жена... — она растерянно замолчала.

— У него наряжена елка в сентябре. И он слушает рождественские гимны.

— Это его успокаивает, — ответила она и поднялась, снова взяв в руки тяпку, которая все это время лежала у ствола яблони. Затем она кратко кивнула, что, по-видимому, означало конец разговора. Ей почему-то не нравилось обсуждать помешательство Карла. — У меня много дел. Удачи в вашем расследовании, мистер Гурни.

Он про себя отметил, что она либо забыла про свой вопрос о недостающей для полноты картины информации, либо предпочла оставить его в покое.

Эрдельтерьер, будто почуяв смену настроения хозяйки, появился из ниоткуда и сел рядом с ней.

— Спасибо за ваше время и за ваши соображения, — произнес Гурни. — Я надеюсь, что когда-нибудь мы еще пообщаемся.

— Не могу обещать. Я на пенсии, но у меня довольно плотный график.

Она повернулась к розовому кусту и принялась ожесточенно рубить тяпкой подсохший грунт, словно усмиряя демона.

Глава 20

Владение Эштона

Большинство домов на Бэджер-Лейн были большими и старыми — либо хорошо сохранившимися, либо тщательно отреставрированными вплоть до сложных деталей. В результате поселение излучало атмосферу импозантной элегантности, вызывавшей у Гурни отторжение, за которым, как он подозревал, стояла зависть. Особняк Эштона оказался роскошным даже по завышенным меркам остальной Бэджер-Лейн. Это был безупречно ухоженный двухэтажный фермерский дом из камня нежно-желтого цвета, окруженный дикими розами, большими клумбами, переходящими в газон, и увитыми плющом навесами над тропинками, соединявшими различные

зоны зеленой поляны перед постройкой. Гурни припарковался у мощеной дороги, ведущей к гаражу, который агент по недвижимости назвал бы «каретным сараем». Посреди поляны возвышался павильон, в котором на свадьбе размещался оркестр.

Гурни вышел из машины и застыл на месте, пораженный витавшим в воздухе запахом. Не успел он его узнать, как из задней части главного дома вышел человек с пилой для обрезки веток. Это был Скотт Эштон, одетый в дорожную одежду для загородного отдыха: брюки из донегальского твида и сшитая на заказ рубашка из фланели. Он не проявил ни радушия, ни недовольства при виде Гурни.

— Вы вовремя, — произнес он ровным, довольно безличным голосом.

— Спасибо, что согласились встретиться, доктор Эштон.

— Хотите зайти внутрь? — спросил Эштон, и это был именно вопрос, а не приглашение.

— Я бы предпочел сперва осмотреть территорию, где находится домик садовника, если не возражаете. Также меня интересуют патио и столик, за которым вы сидели, когда пуля разбила чашку.

Эштон жестом предложил Гурни следовать за собой. Они прошли по тропинке под увитым плющом навесом, соединявшим гараж и подъезд к нему с главным газоном. По этой тропинке гости проходили на свадебный прием. Гурни испытал одновременно чувство узнавания и растерянность: павильон, домик, задний фасад главного здания, мощеное патио, клумбы, деревья — все было, как на записи, но казалось опустошенным из-за смены сезона, безлюдности и тишины. Экзотический запах, который чувствовался у входа во владения, здесь был сильнее. Гурни спросил, чем пахнет. Эштон махнул рукой в сторону клумб вдоль патио:

— Ромашка, ветреница, мальвы, бергамот и пижма с самшитом. Насыщенность тех или иных запахов зависит от направления ветра.

— У вас, должно быть, новый садовник?

Лицо Эштона помрачнело.

— Вы спрашиваете, нанял ли я человека на место Флореса?

— Насколько я понял, он вел хозяйство почти целиком.

— Я так и не нашел ему замены.

Эштон опустил взгляд на пилу, которую держал в руке, и невыразительно улыбнулся.

— Приходится вести хозяйство самому, — он повернулся к патио и добавил: — Вон столик, который вы хотели осмотреть.

Он проводил Гурни к проходу в невысокой каменной стене, за которой у заднего входа в дом стоял кованый столик с парой сочетающихся по

стилю стульев.

— Желаете присесть? — и снова это было вопросом, а не приглашением.

Гурни сел на стул, с которого были лучше видны места, запомнившиеся ему по записи. В дальней части патио что-то шевельнулось. Там оказался старик в коричневом кардигане и с палкой в руках. Он сидел на низенькой скамейке, прислонившись к нагретой солнцем стене дома, и слегка покачивал палкой, словно метрономом. У него были редующие седые волосы, желтоватая кожа и растерянный взгляд.

— Это мой отец, — сказал Эштон, усаживаясь напротив Гурни.

— Приехал вас навестить?

Подумав, Эштон кивнул:

— Да. Навестить.

Гурни вопросительно посмотрел на него.

— Последние два года он живет в частном санатории. У него деменция и афазия.

— То есть он не разговаривает?

— Уже почти год.

— И вы его привезли к себе, потому что соскучились?

Эштон чуть сощурился, словно собирался сообщить Гурни, что это его не касается. Но затем лицо его смягчилось.

— После смерти Джиллиан здесь стало... одиноко, — произнес он и замолчал, словно обескураженный весомостью последнего слова. — Спустя пару недель после ее гибели я решил на время перевезти сюда отца. Думал, что если мне будет о ком заботиться... — он снова замолчал.

— Как же вы справляетесь? Я так понимаю, что вы каждый день ездите в школу.

— Я беру его с собой. Он не требует специального ухода. Физически он полноценен: спокойно ходит по лестницам, нормально ест, способен соблюдать гигиену. Только не может говорить и не понимает, где находится. Сейчас, например, он считает, что мы в квартире на Парк-Авеню, где мы жили, когда я был маленьким.

— Приятный район, — отозвался Гурни, оглядываясь на старика.

— В меру приятный, да. Отец был в свое время финансовым гением. Хобарт Эштон. Был вхож в высшее общество, где почему-то у всех мужчин имена, как у школьников.

Ирония прозвучала плоско, но Гурни вежливо улыбнулся.

Эштон кашлянул и сказал:

— Вы ведь не про отца хотели поговорить? У меня мало времени. Чем

могу помочь?

Гурни положил обе руки на стол.

— Вы сидели вот на этом месте? В день, когда кто-то стрелял?

— Да.

— И после того случая вам не беспокойно здесь находиться?

— Мне от многих вещей в этой жизни беспокойно.

— По вам не скажешь.

Последовала долгая пауза, которую Гурни нарушил первым.

— Как вы думаете, снайпер попал именно туда, куда целился?

— Да.

— А почему вы уверены, что он не промахнулся, желая попасть в вас?

— Вы смотрели «Список Шиндлера»? Там есть сцена, где Шиндлер пытается договориться с комендантом лагеря о спасении евреев, которых тот обычно расстреливал даже за мелкие проступки. Шиндлер его убедил не убивать их, сказав, что, имея как право, так и возможность отобрать у них жизнь, но выбрав помилование, он вкусит истинную власть.

— Думаете, Флорес именно это пытался до вас донести? Что у него есть власть в любой момент разнести вас в клочья, как ту чашку?

— Это логичное предположение.

— При условии, что стрелял действительно Флорес.

Эштон удивленно посмотрел на Гурни.

— Вы подозреваете кого-то еще?

— Вы сказали следователю, что у Уитроу Перри есть ружье того же калибра, что и пуля, осколки которой нашли на вашем патио.

— Вы с ним уже встречались?

— Еще нет.

— Вот когда встретитесь, вы сразу поймете, что доктор Уитроу Перри попросту не мог ползать по лесу с винтовкой.

— А Флорес мог?

— Гектор способен на что угодно.

— Я помню ту сцену из «Списка Шиндлера». Комендант недолго находился под впечатлением от метафоры. У него не было терпения, чтобы проникаться «истинной властью», и вскоре он опять начал расстреливать евреев, которые вели себя не так, как ему хотелось.

Эштон в ответ промолчал, разглядывая лесистый холм за павильоном.

Все свои поступки Гурни просчитывал заранее, за единственным исключением: когда нужно было сменить тональность разговора со свидетелем, он это делал, ориентируясь на чутье, на внутренний датчик уместности. Откинувшись на спинку стула, он

произнес:

— Мэриан Элиот очень тепло о вас отзывается.

Невербальные реакции Эштона были довольно скудными, но Гурни показалось, что ему все же удалось его озадачить. Впрочем, он довольно быстро пришел в себя.

— Мэриан тепло отзывается обо всех, кто не пытается к ней подлизаться, — произнес он голосом психиатра, ставящего диагноз.

Гурни кивнул: это совпадало с его наблюдениями.

— Она также считает вас гением.

— Она преувеличивает.

Гурни попробовал зайти с новой стороны:

— А что о вас думала Кики Мюллер?

— Понятия не имею.

— Но ведь вы были ее психиатром?

— Совсем недолго.

— Год — это довольно долго.

— Год? Я консультировал ее пару месяцев или того меньше.

— И когда вы закончили терапию?

— Я обязан соблюдать конфиденциальность клиента. Честно говоря, я даже про два месяца не должен был упоминать.

— Ее супруг сказал, что она ходила к вам каждый вторник вплоть до дня, когда пропала.

Эштон упрямо нахмурился и покачал головой.

— Давайте я поставлю вопрос иначе, доктор. Не раскрывая подробностей терапии, не могли бы вы объяснить, почему она закончилась столь стремительно?

Он тягостно помолчал, затем ответил:

— Терапия была прервана по моей инициативе.

— Можете рассказать, почему?

Он закрыл глаза и помолчал еще пару секунд, а потом, будто на что-то решившись, произнес:

— Я прервал терапию, потому что, с моей точки зрения, терапия ее не интересовала. Она вообще приходила не ко мне.

— А к кому?

— Она обычно появлялась на полчаса раньше, а потом еще бродила по участку после сессии, якобы любуясь клумбами и прочей красотой. В действительности она постоянно стремилась повидать Гектора. Но сама отказывалась в этом признаваться, так что я счел ее поведение неискренним, и это делало терапию бессмысленной. Поэтому через шесть

или семь сессий я все свернул. Вообще-то я рискую, сообщая вам такие подробности, но это может оказаться важным, раз она лгала насчет продолжительности терапии. Правда состоит в том, что она перестала быть моей клиенткой месяцев за девять до того, как пропала.

— Как вы думаете, она могла все это время втайне посещать Гектора, говоря супругу, что на самом деле проходит терапию?

Эштон сделал глубокий вдох и медленно выдохнул.

— Мне неприятно думать, что я мог не заметить настолько прямолинейного сценария. Но эта версия объясняет их одновременное исчезновение после...

— А этот самый Гектор, — резко перебил его Гурни, — за кого вы его принимали?

Эштон поморщился.

— Как профессиональный психиатр мог так ужасно ошибиться в человеке, которого наблюдал ежедневно в течение целых трех лет? Ответ печально прост: я был ослеплен своей одержимостью достичь цели, которая казалась мне единственно значимой.

— Что это была за цель?

— Выучить и воспитать Гектора Флореса, — сказал Эштон, скривившись так, словно почувствовал горечь во рту. — Эта удивительная метаморфоза превращения его из садовника в человека универсальных познаний должна была стать темой моей новой книги — о примате просвещения над наследственной и культурной предрасположенностью.

— А после этого, — произнес Гурни с большим сарказмом, чем рассчитывал, — вы собирались написать вторую книгу, которая бы оспаривала аргументацию первой?

Эштон медленно улыбнулся.

— Смотрю, Мэриан не пожалела подробностей.

— Да, и я как раз хотел одну из них у вас уточнить. Насчет Карла Мюллера. Вы в курсе, что он нездоров?

— Как врач я его не наблюдал, так что нет.

— А как сосед?

— Что именно вы хотите знать?

— Если простым языком, то мне интересно, до какой степени он не в себе.

Эштон снова улыбнулся.

— Насколько можно судить по слухам, он вообще не в контакте с реальностью. Во всяком случае, с реальностью половозрелого человека.

— Этот вывод основан на рассказах о его любви к игрушечным

паровозикам?

— Есть важный вопрос, которым нужно задаваться всякий раз, когда сталкиваешься с неуместным поведением: «В каком возрасте такое поведение было бы уместным?»

— Не улавливаю вашу мысль.

— Поведение Карла уместно для мальчишки предпубертатного возраста. Следовательно, можно предположить, что он регрессировал в состояние психики, которое было ему присуще, когда он чувствовал себя счастливым и в безопасности. Я бы сказал, что это регресс конкретно в период, когда его не волновали ни женщины, ни секс и, следовательно, когда измены для него не существовало как понятия.

— То есть вы думаете, что он как-то узнал об измене жены с Флоресом, и это его травмировало?

— Это возможно, если у него изначально была не слишком устойчивая психика. И это вполне объясняет его поведение сейчас.

В небе успели возникнуть облака, которые теперь постепенно затягивали солнце. В патио сразу стало прохладно, но Эштон как будто этого не заметил. Гурни засунул руки в карманы.

— Могла ли новость об измене заставить его убить жену или Флореса?

Эштон удивился:

— У вас есть основания думать, что Кики и Гектор мертвы?

— Явных оснований нет, хотя о том, что они живы, также ничто не говорит: о них ничего не известно уже четыре месяца.

Эштон взглянул на винтажные золотые часы от Картье.

— У вас как-то все сложно, детектив.

— А на самом деле все просто?

— Не могу сказать. Я же не специалист по криминальной психологии.

— А кто же вы?

Эштон удивленно моргнул.

— Я не понял вопроса.

— Какая у вас специализация?

— Деструктивное сексуальное поведение в целом и сексуальное насилие в частности.

Настала очередь Гурни удивиться.

— Я думал, вы директор школы для неблагополучных подростков.

— Верно. Школа Мэйплшейд.

— Значит, Мэйплшейд — школа для подростков, переживших сексуальное насилие?..

— Простите, детектив, но на этот вопрос невозможно ответить кратко

так, чтобы не оказаться неправильно понятым, а на долгий разговор у меня сейчас нет времени. Может, встретимся в другой день?

Он снова взглянул на часы.

— Мне предстоит еще две встречи, к которым нужно готовиться. Нет ли у вас напоследок вопросов попроще?

— Есть, два. Могли ли вы ошибаться насчет того, что Флорес мексиканец?

— Ошибаться?..

Гурни молча кивнул.

Вопрос Эштона заметно встревожил. Он пересел на самый край стула и произнес:

— Да, я мог ошибаться на этот счет, как и насчет всего остального, что я о нем якобы знал. Ваш второй вопрос?

— Говорит ли вам о чем-нибудь имя Эдвард Валлори?

— Вы про эсэмэску в телефоне Джиллиан?

— Да. «Я написал тебе про все причины».

— Следовательно меня уже спрашивал про это. И я ответил, что не знаю человека с таким именем. С тех пор ничего не изменилось. Оператор подтвердил, что сообщение было отправлено с телефона Гектора.

— И у вас нет догадок, почему бы ему понадобилось использовать это имя?

— Нет. Простите, детектив, но мне действительно нужно готовиться к следующим встречам.

— Мы можем поговорить завтра?

— Я весь день буду в Мэйплшейде.

— Во сколько вы выходите из дома?

— В полдесятого.

— Тогда как насчет половины девятого?

Поколебавшись, Эштон кивнул:

— Хорошо, завтра в полдевятого.

Возвращаясь к машине, Гурни обернулся и посмотрел на патио. Солнце ушло, но Хобарт Эштон по-прежнему сидел и ритмично покачивал палкой.

Глава 21

По-хорошему

Дома, которые на солнце выглядели торжественно, при облачном небе смотрелись угрюмо и даже враждебно. Гурни хотелось поскорее проехать Бэджер-Лейн и оказаться на Хигглз-Роуд, за которой начинались живописные долины, пролегавшие между Тэмбери и Уолнат-Кроссинг.

Его нисколько не расстроило, что Эштон прервал разговор. Напротив, ему пригодилось бы время, чтобы переварить впечатления от встречи и сравнить их с рассказами соседей. Предстояло как следует все проанализировать, нащупать нужные взаимосвязи и подготовить вопросы на завтра. Он решил остановиться у супермаркета на трассе, купить самый большой стакан кофе и поработать над заметками.

Когда он подъезжал к перекрестку у развалюхи Кальвина Харлена, то оказалось, что дорогу перегородила какая-то черная машина. Рядом, прислонившись к ней, стояли двое крепких мужчин с одинаковой стрижкой «под машинку», в темных очках, черных джинсах и лоснящихся ветровках. Они молча наблюдали, как Гурни приближается. На машине не было никаких опознавательных знаков, кроме номера, но это была классическая фордовская «Краун Вика», что выдавало полицейскую принадлежность не хуже мигалок. Так что Гурни ничуть не удивился, разглядев на ветровках полицейские значки.

Они двинулись к нему, как только он остановил машину. Один подошел слева, другой — справа.

— Документы, — недружелюбно произнес тот, что подошел со стороны водительского сиденья.

Гурни и так уже держал в руках бумажник, но тут вдруг помедлил.

— Блатт?

Коп дернул уголком рта, словно сгоняя муху, и медленно снял очки, умудряясь даже в этот жест напустить угрозы. Глаза у него были маленькие и злые.

— Мы знакомы?

— По делу Меллери.

Он улыбнулся, и чем шире становилась его улыбка, тем больше в ней было яда.

— А-а, отставной гений Гурни. Ну и какого вы тут делаете?

— В гости ездил.

— К кому?

— Когда будет уместно поделиться с вами этой информацией, я обязательно поделюсь.

— Что значит «когда будет уместно»? А ну выйдите из машины!

Гурни спокойно подчинился. Второй коп обошел машину по кругу.

— А теперь предъявите документы.

Гурни достал нужные бумаги и протянул их Блатту, который придирчиво их изучил, затем вернулся к своей «Краун Вике» и стал что-то печатать на компьютере в салоне. Второй офицер смотрел на Гурни с таким прищуром, словно ждал, что тот сейчас рванет наутек сквозь заросли репейника. Гурни устало улыбнулся и посмотрел на значок, надеясь узнать имя офицера, но поверхность отсвечивала, и он ничего не разглядел. Тогда он решил представиться:

— Я — Дэвид Гурни, из отдела убийств Нью-Йоркского отделения, в отставке.

Офицер слегка кивнул и продолжил молчать. Прошло несколько минут. Потом еще несколько. Гурни прислонился к своей машине, сложил руки на груди и закрыл глаза. Его всегда раздражали бессмысленные задержки, а день и без того начался непросто, и терпение давалось ему нелегко. Наконец Блатт вернулся и протянул ему документы с таким лицом, словно ему противно было их касаться.

— Что вы здесь делаете?

— Я на это уже ответил.

— Ладно, Гурни, давай прямым текстом. Здесь идет расследование по делу об убийстве. Понимаешь, что это значит? Вмешиваться было бы огромной ошибкой. Создание помех правосудию карается как преступное деяние. Доходчиво объясняю? Давай-ка еще раз спрошу. Что ты делаешь на Бэджер-Лейн?

— Прости, Блатт, но это был частный визит.

— То есть ты утверждаешь, что приехал не по поводу убийства?

— Я вообще ничего не утверждаю.

Блатт взглянул на второго офицера, сплюнул и указал большим пальцем на Гурни.

— Он тот мужик, из-за которого всех чуть не убили на деле Меллери.

Это нелепое обвинение чуть не спровоцировало Гурни на реакцию, на которую не многие знали, что он способен.

Возможно, второй офицер почувствовал угрозу, или же ему тоже надоела подчеркнутая враждебность Блатта, или просто внезапно в его голове прояснилось. Как бы там ни было, он повернулся к Блатту и спросил:

— Гурни — это же вроде почетный детектив и легенда департамента?

Блатт промолчал, но вопрос успел изменить атмосферу разговора, и эскалация конфликта стала невозможна. Блатт хмуро уставился на Гурни.

— Убирайся отсюда по-хорошему. Сунешь нос в расследование —

лично прослежу, чтобы его прищемили.

С этими словами он навел указательный палец на лоб Гурни и выразительно накрыл его сверху большим. Гурни кивнул.

— Я тебя слышал. У меня только один вопрос. Если я узнаю, что все твои предположения насчет этого убийства — чушь собачья, как ты думаешь, кому мне следует сообщить?..

Глава 22

Человек-паук

Кофе по дороге домой был ошибкой. Сигарета была ошибкой еще похлеще.

Смолистого цвета жидкость, которую ему продали на автозаправке, была перезаваренной, лишенной всякого аромата и представляла собой мутный экстракт кофеина, слабо напоминающий кофе. Гурни все равно его выпил, поскольку его успокаивал сам ритуал. Однако воздействие кофеина на нервную систему оказало эффект противоположный ожидаемому: после первого же прилива бодрости он испытал ажитацию, которая заставила его прибегнуть к сигарете. Курение имело схожее действие: после недолгого чувства свободы и легкости его ум заволокло мыслями такой же мутной тяжести, как надвигающиеся тучи. Он вспомнил, как пятнадцать лет назад психотерапевт сказал ему: «Дэвид, вы ведете себя как два разных человека. На работе вы мотивированы, увлечены, и у вас есть цель. А в личной жизни вы — корабль без штурвала». Иногда ему казалось, что с тех пор что-то изменилось к лучшему: например, он бросил курить, стал чаще выходить на улицу и меньше времени проводить в собственной голове; он старался держаться за «здесь и сейчас», за текущую жизнь, за Мадлен. Но его то и дело затягивало обратно из этого образа идеального себя в ту шкуру, которая всегда была ему родной.

В его новом «Субару» не было пепельницы, и он для таких случаев держал чистую консервную банку из-под сардин. Когда он гасил окурок об ее дно, он вдруг обнаружил еще одно подтверждение своей непригодности к семейной жизни ввиду рассеянности по любым нерабочим вопросам: он забыл про гостей.

Он позвонил Мадлен и спросил, не нужно ли что-то купить по пути домой, умолчав про забывчивость. От этого звонка ему не полегчало, поскольку по голосу Мадлен ему показалось, что она и так все поняла — что он все забыл и теперь пытался это скрыть. Получился короткий звонок,

состоявший в основном из длинных пауз.

В конце она сказала:

— Ты документы со стола уберешь, когда доедешь?

— Да, я же обещал.

— Вот и хорошо.

Остаток поездки ум Гурни метался между кучкой неприятных вопросов: откуда на Бэджер-Лейн взялся Арло Блатт? Хвоста точно не было. Неужели его сдал кто-то из тех, с кем он разговаривал? Но кто из них стал бы звонить Блатту? И отчего он был так явно настроен не допускать Гурни к расследованию? И опять же почему Хардвик так настаивал, чтобы именно Гурни взялся за него?

Ровно в 17:00 он свернул на дорогу к дому. Через полтора километра он заметил, что следом едет зеленовато-серая «Тойота Приэс», и вскоре стало понятно, что в ней сидят те самые запамätованные гости.

«Тойота» осторожно кралась следом за ним по гравию, пока наконец не остановилась на пятачке примятой травы, служившем условной парковкой рядом с домом. Буквально за секунду до того, как люди вышли из машины, Гурни все-таки вспомнил: Джордж и Пегги Микер! Джордж был профессором энтомологии на пенсии, шестидесяти с чем-то лет, долговязый и сам смахивающий на богомола, а Пегги, в свою очередь, была социальным работником — живчиком пятидесяти с небольшим. Именно она в свое время уговорила Мадлен взяться за нынешнюю работу на полставки. Когда Гурни вышел из машины, Микеры уже доставали с заднего сиденья завернутые в фольгу миски.

— Салат и десерт! — объявила Пегги. — Простите, что мы опоздали. Джордж никак не мог найти ключи от машины!

Последнее обстоятельство ее почему-то веселило. Джордж махнул Гурни рукой в знак приветствия и укоризненно взглянул на жену. Гурни сумел выдавить из себя только условно-гостеприимную улыбку. Отношения Пегги и Джорджа слишком сильно напоминали отношения его родителей — ему от этого было не по себе.

Мадлен подошла к двери, адресуя улыбку исключительно Микерам.

— Салат и десерт, — повторила Пегги, протягивая миски Мадлен, которая благодарно ахнула и повела гостей на кухню.

— Как у вас хорошо! — воскликнула Пегги, рассматривая обстановку с таким же воодушевлением, как и в предыдущие два визита. И, как и тогда, она добавила: — Это идеальное место для такой пары, как вы. Джордж, а ты как считаешь? По-моему, оно очень им подходит!

Джордж кивнул, затем заметил документы на столе и удивленно

наклонил голову, стараясь прочитать аббревиатуры на обложках папок.

— Ты же вроде уволился? — произнес он, глядя на Гурни.

— Уволился. Но меня пригласили консультантом.

— Приглашение на казнь, — едко прокомментировала Мадлен.

— А что за консультация? — поинтересовалась Пегги.

— Попросили изучить материалы одного дела. Расследование убийства. Я должен предложить альтернативный взгляд на ситуацию, если найдутся соответствующие аргументы в его пользу.

— Ух, как здорово! — воскликнула Пегги. — А что за убийство, в новостях писали?

Он поколебался, затем все же ответил:

— Да, несколько месяцев тому назад. В желтой прессе его назвали «Кровавая свадьба».

— Вот это да! Потрясающе! Я помню, там девушку убили прямо в свадебном платье! И ты расследуешь это жуткое дело? А что...

— Может, что-нибудь выпьем? — перебила Мадлен, и голос ее прозвучал чуть громче, чем предполагалось приличиями.

Пегги все еще с жадным интересом смотрела на Гурни.

Мадлен преувеличенно-оживленно продолжила:

— У нас есть калифорнийское Пино-Гриджио, итальянское Бароло и какое-то вино из Фингер-Лейкс, не помню название, но очень ничего.

— Я буду Бароло, — сказал Джордж.

— А я хочу узнать все об убийстве от инсайдера, — заявила Пегги, добавив: — Мне все равно что пить. Только не Фингер-Лейкс.

— Я тоже буду Бароло, — произнес Гурни.

— Может, уберешь бумаги со стола? — предложила Мадлен.

— Да, конечно, — спохватился он и принялся складывать стопки одну поверх другой. — Надо было еще утром убрать. Ни черта в памяти не держится.

Мадлен нехорошо улыбнулась, достала из шкафа пару бутылок и принялась вытаскивать пробки штопором.

— Ну так что, что там было? — нетерпеливо спросила Пегги.

— А что ты помнишь из новостей? — спросил Гурни.

— Юная красавица обезглавлена психованным садовником-мексиканцем буквально через десять минут после свадьбы со знаменитым Скоттом Эштоном.

— Ты его знаешь?

— Как его можно не знать? Да он же на весь мир известен. Во всяком случае, если говорить о мире общественных наук. Все читали его книжки и

статьи. Он крутой спец по теме насилия.

— Крутой спец, говоришь? — переспросила Мадлен, протягивая им с Джорджем по бокалу.

Джордж расхохотался на удивление глубоким басом, какого обычно не ожидаешь в исполнении настолько художавого человека.

Пегги задумалась.

— Ну, может, это неудачное слово. Короче, он дико известный. У него куча известных кейсов. Дэвид наверняка знает всякие другие подробности, — сказала она, отпивая из бокала. — Прекрасное вино. Спасибо.

— Ну что, у вас завтра важный день? — спросила Мадлен.

Пегги моргнула от неожиданной смены темы.

— Важный, — отозвался Джордж.

— А что, не каждый же день сын уезжает в Гарвард, — продолжила Мадлен.

— Он будет биологом, да?

— Если все пойдет по плану, — произнес Джордж, осторожный, как все ученые. Ни он, ни Пегги не выразили особенного энтузиазма обсуждать образование сына — вероятно, потому что это был их третий сын, выбравший именно эту специальность именно в этом университете, и все, что на этот счет было можно сказать, уже было сказано.

— Ты еще преподаешь? — спросила Пегги, продолжая смотреть на Гурни.

— В академии-то?

— Ну да, ты вроде читаешь какие-то лекции?

— Время от времени веду семинар по работе под прикрытием.

— Учит молодежь врать, — объяснила Мадлен.

Микеры вежливо посмеялись, и Джордж залпом опустошил свой бокал.

— Я учу хороших ребят врать преступникам с целью вытянуть из них нужную нам информацию, — уточнил Гурни.

— Вопрос трактовки, — прокомментировала Мадлен.

— Наверное, ты им всякие интересные истории рассказываешь, — мечтательно произнесла Пегги.

— Джордж! — воскликнула Мадлен, встав ровно между Гурни и Пегги. — Давай я тебе подолью вина!

Джордж протянул ей бокал, и она пошла с ним к кухонному островку, на ходу говоря:

— Должно быть, ужасно приятно, что все сыновья берут с тебя

пример?

— Не то чтобы они брали пример именно с меня. Они тоже пошли в биологию, но вот именно энтомология никому из них не интересна. Не говоря уже конкретно про арахнологию, которой я занимаюсь. Вообще-то, они даже напротив...

— Слушайте, а я правильно помню, что у вас тоже есть сын? — внезапно спросила Пегги.

— У Дэвида есть сын, — поправила ее Мадлен, наливая себе Пино-Гриджио.

— Ах, точно. Я даже имя помнила, но сейчас вылетело из головы, что-то на «Л», верно? Или на «К»...

— Кайл, — отозвался Гурни, проговорив имя сына как слово из чужого языка, в произношении которого не до конца уверен.

— Он работает на Уолл-стрит, да?

— Работал. Сейчас учится на адвоката.

— Еще одна жертва кризиса? — усмехнулся Джордж.

— Типа того.

— А ведь это было предсказуемо, — произнес Джордж.

— Это же карточный домик. Миллионные кредиты на недвижимость раздавали, словно карамельки детям. Понастроили финансовых пирамид такой высоты, чтобы как раз гарантированно разбиться при падении. Банкиры сами себе вырыли могилу. Жаль только, что наше правительство в бескрайней милости своей решило воскресить этих идиотов — причем за счет налогоплательщиков. Лично я считаю, что этим гадам надо было дать разложиться и прорасти!

— Bravo, Джордж! — воскликнула Мадлен, поднимая бокал.

Пегги с недовольством взглянула на мужа.

— Он, разумеется, не имеет в виду, что ваш мальчик тоже виноват в происходящем.

Мадлен улыбнулась Джорджу:

— Так что ты рассказывал про сыновей и биологию?

— А, да. Хотя вообще-то нет, я просто хотел сказать, что старший не только не заинтересован в арахнологии, но еще и утверждает, что у него арахнофобия, — произнес он с такой растерянностью, будто у старшего сына была фобия яблочных штруделей. — Причем это еще не все! Он даже...

— Вот ты зря его провоцируешь говорить о пауках, — произнесла Пегги, снова перебивая мужа. — Я в курсе, что это самые замечательные существа на белом свете, и каждая деталька про них бесконечно интересна

и бла-бла-бла. Но лично мне куда любопытнее послушать про расследование Дэйва, чем про какого-нибудь перуанского кругопряды.

— А я бы послушала про кругопряды, — отозвалась Мадлен и сделала медленный глоток вина. — Но, поскольку я в катастрофическом меньшинстве, предлагаю вам рассестись у камина и исчерпать тему обезглавленных невест за те несколько минут, что я буду доделывать ужин.

— Давай я помогу? — предложила Пегги, чуть настороженная ее тоном.

— Да нет, все почти готово. Но спасибо.

— Точно?

— Точно!

Задержав на ней вопросительный взгляд, Пегги все же отправилась с мужчинами к мягким креслам в другом конце гостиной.

— Итак, — обратилась она к Гурни, когда все уселись, — рассказывай.

К моменту, когда Мадлен пригласила их к столу, было почти шесть, и Гурни более-менее целиком пересказал историю убийства, объяснив все сложности дела. Повествование вышло впечатляющим, но без драматического накала. Потенциальную сексуальную подоплеку он упомянул, не уточнив, однако, что именно она может оказаться причиной убийства, и стараясь придерживаться только фактов. Микеры слушали с интересом и не перебивая.

Но когда половина салата со шпинатом и грецкими орехами была съедена, посыпались вопросы и комментарии. В основном от Пегги.

— Если Флорес — гей, то мотив для убийства — однозначно ревность. Причем он еще и маньяк — это же надо, отрубить голову живому человеку! Как один из лучших психиатров мог не заметить у себя под носом маньяка?

Гурни кивнул.

— А если Флорес не гей, то ревность из уравнения исчезает, но он по-прежнему остается маньяком, и хороший вопрос, почему Эштон этого не замечал.

Пегги наклонилась к нему через стол, жестикулируя рукой с вилкой.

— Если он не был геем, то можно рассматривать вариант романа с этой Мюллершей, и что они вместе сбежали. Но тогда, выходит, Флорес убил невесту без мотива, а просто потому что он маньяк.

— Да, — согласился Гурни, — причем в таком случае получается, что не только Эштон, но и Кики Мюллер не знала, что имеет дело с психом. Какая нормальная женщина согласится бежать в новую жизнь с мужчиной, который только что отрубил голову другой женщине?

— Вот именно, сложно представить! — поежилась Пегги.

— Почему-то это не смуцало жен Генриха VIII, — заметила Мадлен тоном человека, изнемогающего от скуки.

Джордж снова расхохотался басом.

— Все-таки есть разница, — возразила Пегги, — одно дело — английский король, а другое — мексиканский садовник.

Мадлен в ответ промолчала, рассматривая грецкий орех на своей тарелке. Возникшую паузу нарушил Джордж:

— А может, всех поубивал этот ненормальный с паровозиками и хоралами?

Пегги поморщилась:

— Ты о чем, Джордж? Кого это «всех»?

— А что? Представь: распутная жена залезла в койку к мексиканцу. Может, невеста тоже была развратница и тоже туда залезла. И мистер Мюллер просто решил разом избавиться от двух шлюх и этого их мексиканского Ромео.

— Боже, Джордж! — воскликнула Пегги. — Ты так говоришь, будто тебе не жалко жертв.

— Жертвы не всегда не виновны.

— Джордж!..

— Почему он бросил мачете в лесу? — внезапно спросила Мадлен.

Все удивленно посмотрели на нее, затем Гурни спросил:

— Тебя в этой истории сильнее всего смуцает след? Что запах дошел до мачете, а потом исчез?

— Нет, меня смуцает, что мачете оставили в лесу без очевидной причины. Какой в этом был смысл?

— Это отличный вопрос, — сказал Гурни. — Давайте над ним подумаем.

— Давайте не будем, — сказала Мадлен спокойно, но слегка повысив голос. — Даже не знаю, к чему я это. Меня вообще-то уже подташнивает от этого разговора. Может, все-таки сменим тему?

За столом воцарилось неловкое молчание. Мадлен нарушила его сама:

— Джордж, расскажи нам, какой у тебя любимый паук. Наверняка же у тебя есть любимец?

— Даже не знаю... — произнес он растерянно.

— Ну давай, Джордж.

— Ты же сама слышала, Пегги не хочет, чтобы я говорил на эту тему.

— Ничего-ничего, — нервно произнесла Пегги. — Рассказывай, мы переживем.

Все выжидающе смотрели на Джорджа.

Казалось, что внимание ему приятно. Его легко было представить в университетской лектории — профессор Микер, уважаемый энтомолог, знаток науки, ценитель уместных анекдотов.

Да ладно тебе, Гурни, все это и к тебе самому относится. Можно подумать, ты просто так читаешь лекции в полицейской академии.

Джордж гордо приподнял подбородок.

— Скакунчики, — произнес он.

Мадлен удивленно подняла брови.

— Скакунчики?.. Это такие пауки?

— Да.

— И они что... действительно скачут?

— Еще как. Они могут прыгнуть в пятьдесят раз дальше длины собственного тела. Как если бы двухметровый человек прыгнул через футбольное поле. Но что отдельно удивительно — у скакунчиков в лапках практически нет мышц. И вот спрашивается — как они так далеко прыгают? А при помощи гидравлической помпы! Серьезно, клапаны в их лапках выбрасывают под давлением кровь, в результате чего лапки выпрямляются и запускают паука в воздух. Таким образом они способны напасть на жертву из ниоткуда, в один прыжок, так что бежать будет некуда, — произнес Микер, сияя почти отеческой гордостью.

От этой мысли Гурни сделалось неприятно. Микер продолжил:

— Еще, конечно, интересный паук — черная вдова. Прирожденная убийца, да какая стильная! Дивное существо, способное убить врага в тысячу раз крупнее себя.

— Эштон назвал бы такое существо совершенным, — заметила Пегги, все это время терпеливо молчавшая. Мадлен непонимающе взглянула на нее, и она продолжила: — У него есть книга, где говорится, что забота о чужом благополучии и вообще всякое сочувствие — дефект восприятия собственных границ. Черная вдова преспокойно убивает и съедает самца после спаривания. Идеальная иллюстрация недефективного, в терминологии Эштона, существа. Социопат от природы. В понимании Эштона — само совершенство.

— Он потом написал вторую книгу, в которой опроверг этот аргумент, — напомнил Гурни. — Так что мы не знаем, что он на самом деле думает насчет совершенства, социопатов и черных вдов.

Мадлен еще более удивленно посмотрела на Пегги.

— И этот человек — авторитет по восстановлению психики жертв насилия?

— Не совсем. Он специалист не по жертвам, а по насильникам.

В лице Мадлен что-то изменилось, как всегда происходило, если она обнаруживала какую-то важную информацию.

Гурни про себя отметил, что нужно будет об этом расспросить Эштона при завтрашней встрече. А это, в свою очередь, напомнило ему еще одну вещь, которую он решил спросить у гостей:

— А кто-нибудь из вас слышал имя Эдвард Валлори?

Когда Гурни наконец начал засыпать, затрезвонил его мобильник, лежавший на тумбочке со стороны Мадлен. Он слышал звонок, потом голос Мадлен, говорящей: «Посмотрю, не спит ли он». Затем она потрогала его за руку, протянула ему трубку и держала ее протянутой, пока он не сел в постели и не взял ее.

Приятный баритон Эштона звучал чуть нервозно.

— Простите, что звоню ночью, но, возможно, это важно. Мне тут пришла эсэмэска на телефон — с номера, который Гектор купил около года назад. Ровно такое же сообщение получила Джиллиан в день свадьбы. «Я рассказал тебе про все причины». И подпись — Эдвард Валлори. Я сразу позвонил криминалистам, но решил, что вы тоже должны знать, — помолчав, он спросил: — Как думаете, это значит, что Гектор возвращается?..

Гурни не верил в совпадения, однако то, что имя Эдварда Валлори всплыло настолько скоро после того, как он сам о нем вспомнил, его неприятно взволновало.

Еще около получаса он не мог заснуть.

Глава 23

Выбор

— Всего-то две недели, — произнес Гурни, опуская чашку с кофе на стол.

— Хм, — отозвалась Мадлен. У нее в арсенале было множество красноречивых «хм». Это конкретное «хм» означало, что она прекрасно его слышит, но не в настроении обсуждать эту тему. Она сидела и в неверном утреннем свете читала «Преступление и наказание», готовясь к очередной встрече книжного клуба.

— Дольше двух недель это не займет.

— Ты себя уговариваешь? — спросила она, не отрываясь от книги.

— Мне кажется, ты преувеличиваешь масштаб проблемы.

Она прикрыла книгу, оставив между нужных страниц палец, и посмотрела на него, чуть наклонив голову.

— А ты понимаешь, какой у этой проблемы реальный масштаб?

— Слушай, я не умею читать мысли и правда не знаю, что у тебя на уме. Зря мы вообще это обсуждаем. Я просто хотел напомнить, что буду заниматься делом Перри не дольше двух недель. Что бы ни случилось, мое решение не изменится, — он сел напротив нее, помолчал и добавил: — Я, наверное, никак не донесу свою мысль. Мне вообще-то понятно, почему тебя все это беспокоит. И я отлично помню, через что ты прошла в прошлом году.

— Неужели?

Он закрыл глаза.

— Помню, конечно. И это не повторится.

В прошлом году он добровольно ввязался в расследование, в результате которого чуть не погиб. Через год после увольнения он оказался ближе к смерти, чем за двадцать с лишним лет работы в отделе убийств. Он предполагал, что именно это выбило Мадлен из колеи — не опасность сама по себе, а то, что она подошла так близко в тот момент, когда, как ей казалось, опасность должна вовсе исчезнуть.

После затянувшейся паузы она вздохнула и отодвинула от себя книгу.

— Понимаешь, Дэйв, мне кажется, что я хочу очень простой вещи. Возможно, на самом деле она очень сложная. Я хочу, чтобы сейчас, когда мы оба больше не заняты карьерой, у нас бы началась принципиально другая жизнь.

— Да-да, аспарагус — это принципиально иное дело, — вяло улыбнулся Гурни.

— И твой бульдозер. И мой цветочный сад. Проблема в том, что все это не «наше». В этом нет совместности.

— Мне кажется, что совместности у нас куда больше, чем когда мы жили в городе.

— В том смысле, что мы стали чаще одновременно находиться в одном доме — да. Но ведь теперь мы оба видим, что это мне хотелось оставить прошлую жизнь и переехать сюда. Мне, а не нам. Я ошибалась, думая, что мы на одной волне. Ошибалась, — повторила она негромко. В ее глазах были обида и грусть.

Гурни откинулся на стуле и посмотрел на потолок.

— Психотерапевт мне как-то сказал, что ожидания — просто зародыши разочарований.

Он тут же пожалел, что вспомнил об этом. Господи, как можно быть спецом по работе под прикрытием и так ужасно ошибаться в разговоре с собственной женой?

— Зародыши разочарований, значит? Миленко, — огрызнулась Мадлен. — А что там насчет надежды? Ее он тоже обесценил каким-нибудь интеллектуальным афоризмом? — Обида из ее взгляда проникла теперь и в голос. — Как насчет надежды на лучшее? На перемены? Что с надеждой на близость? Какое на этот счет мнение у твоего психотерапевта?

— Прости, — произнес Гурни. — Я, как всегда, ляпнул что-то лишнее. Похоже, я весь состою из чего-то лишнего. Давай я попробую переформулировать. Я хотел объяснить, что...

Она его перебила:

— Что ты подписался две недели работать на психическую бабу и попытаться напасть на след маньяка-убийцы? — она уставилась на него с вызовом. — Отлично, Дэвид. Две недели. Что тут еще скажешь? Валяй. Делай, что хочешь. Да, и кстати, у меня нет сомнений, что эта работа требует силы, мужества, честности и блестящего ума. У меня вообще нет сомнений, что ты человек незаурядных достоинств. Таких, как ты, — один на миллион. И я правда тобой восхищаюсь. Только знаешь что? Я бы предпочла не восхищаться тобой, а быть с тобой. Как думаешь, есть у меня шанс? У нас — есть у нас шанс на какое-то «мы»?

На секунду его голова сделалась абсолютно пустой.

Затем он негромко произнес:

— Я очень на это надеюсь, Мадлен. Очень надеюсь.

Когда он ехал в Тэмбери, с неба посыпалась морось — достаточно сильная, чтобы включить дворники. Гурни остановился в Диллвиде, чтобы купить второй стаканчик кофе — на этот раз не на заправке, а в лавке экологически чистых продуктов Абеяра, где кофе был свежемолотый, ароматный и очень вкусный.

Он забрался с кофе в припаркованную машину и принялся искать среди документов распечатку от сотового оператора. Там значились даты и время отправки сообщений с телефонов Джиллиан и Флореса за три недели, предшествовавшие свадьбе. Тринадцать сообщений от Флореса ей, двенадцать — от нее ему. На отдельном листе, приколотом степлером, был отчет участковой техлаборатории, в котором значилось, что с телефона Перри все сообщения были удалены — за исключением последнего, с подписью «Эдвард Валлори», которое отправили за час до убийства. Там же говорилось, что сотовый оператор записывает только время сообщений

и звонков, а также длительность последних, но содержание нигде не фиксируется. Следовательно, сообщения, удаленные с телефона Перри, пропали безвозвратно, если не учитывать, что переписка могла сохраниться на телефоне Флореса, но где был тот телефон?

Гурни сложил бумаги обратно в папку, допил кофе и двинулся дальше сквозь мокрое серое утро, намереваясь успеть ровно к восьми тридцати.

Дверь распахнулась раньше, чем Гурни успел постучать. Эштон был одет, как и в прошлый раз, в дорогой «кэжуал», по виду заказанный из каталога эксклюзивных товаров.

— Заходите, времени мало, — произнес он с казенной улыбкой и повел Гурни сквозь просторный холл в гостиную справа, обставленную антикварной мебелью. Обивка кресел и диванов, казалось, относилась к периоду правления королевы Анны. Столы, полка над камином, ножки кресел и другие деревянные поверхности были покрыты налетом благородной старины.

Интерьер был довольно предсказуемым для богатого дома в английском стиле, но Гурни заметил один нестандартный для такой обстановки объект. Это была крупная фотография в рамке размером с разворот журнала «Санди Таймс».

Он тут же понял, отчего именно этот журнал пришел ему на ум: именно там он уже видел этот снимок. Он был сделан в жанре гламурной фотосессии для типичной рекламы какой-нибудь бессмысленной и дорогой вещи, где модели взирают друг на друга или на объектив с эдакой чувственной надменностью и наркотически затуманенным взглядом. Но среди многих подобных этот снимок выделялся какой-то особенной патологией. В кадре фигурировала пара едва совершеннолетних девушек, которые растянулись на полу условной спальни и рассматривали тела друг друга с помесью усталости и распаленного эротического вожделения. Обе были полностью нагими, если не считать предположительных объектов рекламы — как бы невзначай накинута шелковых шарфиков.

Присмотревшись, Гурни понял, что перед ним коллаж: в двух разных позах была снята одна и та же модель, а в результате наложения и ретуши казалось, что это две разные девушки. Это придавало и без того нездоровому сюжету дополнительную нарциссическую глубину. По-своему работа была очень качественной: она передавала атмосферу подлинного декаданса и могла бы послужить неплохой иллюстрацией Дантова ада. Гурни повернулся к Эштону и посмотрел на него с нескрываемым любопытством.

— Это Джиллиан, — прокомментировал Эштон. — Моя покойная супруга.

Гурни потерял дар речи.

Теперь снимок вызывал у него столько вопросов, что было непонятно, с чего начать.

У Гурни также было ощущение, что Эштон не только наблюдает за ним с большим любопытством, но что наблюдаемое замешательство его развлекает. Это тоже вызывало вопросы. Наконец, Гурни вспомнил, о чем забыл сказать при прошлой встрече.

— Примите мои соболезнования. И простите, что не сказал этого вчера.

Эштон разом помрачнел.

— Спасибо, — произнес он устало.

— Удивительно, что вы нашли в себе силы остаться здесь, где каждый день перед глазами место... где все произошло...

— Домик снесут, — сказал Эштон с глухой жестокостью в голосе. — Я сровняю его с грязью. Может быть, даже сожгу. Как только он больше не будет нужен полиции для расследования, он исчезнет с лица земли.

Он сделал глубокий вдох, и с выдохом его черты вновь расправились.

— Так с чего начнем? — он жестом указал на пару кресел с бордовой бархатной обивкой, между которыми стоял небольшой квадратный столик с инкрустированным полем для шахмат. Фигурок не было.

Гурни решил начать с феерически пошлой фотографии Джиллиан.

— Я бы ни за что не догадался, что девушка на этом снимке и невеста со свадебной записи — один человек.

— Потому что там она была в белом платье и без броского макияжа? — спросил Эштон, иронично усмехнувшись.

— Да, и тот образ мяло вяжется с этим, — он кивнул на снимок.

— А если я вам скажу, что роль классической невесты в исполнении Джиллиан была своего рода шуткой? Сейчас я вам быстро расскажу про Джиллиан. Простите, если покажусь бесчувственным, но мы ограничены во времени. Кое-что вы наверняка уже слышали от ее матери, а кое-что нет. Джиллиан была раздражительной, с жуткими перепадами настроения. Ей все на свете быстро надоедало, она думала только о себе, была исключительно нетерпима к окружающим, а также нетерпелива и непредсказуема.

— Впечатляющий портрет.

— Причем такой она была сравнительно безобидной, в моменты просветлений, и вела себя просто как избалованная девица с маниакально-

депрессивными перепадами. А вот темная сторона Джиллиан — это отдельная история, — произнес Эштон и замолчал, разглядывая фотографию, словно ища на ней подтверждения своим словам.

Гурни терпеливо ждал продолжения многообещающей истории.

— Понимаете... — начал Эштон, все еще глядя на портрет, и голос его стал тише, — Джиллиан в детстве была сексуальным хищником. Она мучила других детей. Это был главный симптом, с которым ее привезли в Мэйплшейд, когда ей было всего тринадцать. И заметные внешнему наблюдателю поведенческие изъяны были цветочками в сравнении с ее глубинным недугом.

Он коснулся губ кончиком языка, затем вытер их пальцем и перевел взгляд на Гурни.

— Так что, мне угадать, что вас интересует? Или сами спросите?

Гурни вполне устраивало, чтобы Эштон продолжал разговаривать.

— А что, по-вашему, я хочу спросить?

— Если предположить, что есть некий главный вопрос, а не целый разнородный набор вопросов, которые соревнуются за первое место, то вас интересует, в своем ли я уме. Потому что если я псих, то это многое объясняет. А если нет, то вас интересует, зачем я женился на женщине с таким анамнезом. На первое, к сожалению, не могу ответить, поскольку никто не может с уверенностью поручиться за собственный рассудок. А про второй вопрос скажу, что он вызван нехваткой контекста. Помимо всех своих недостатков, Джиллиан была феноменально умна. У нее был самый быстрый, самый гибкий ум из всех, с кем мне приходилось иметь дело. И это говорю я, а я сам, мягко говоря, не глуп, и это не хвастовство. Видите шахматную доску между нами? На ней нет фигур. Потому что я играю без них. Для меня приятное упражнение — проигрывать ходы в уме, представляя расположение и потенциальные передвижения фигур. Бывает, что я играю против себя самого, просчитывая одновременно оппонирующую стратегию. Большинство людей считает, что для этого нужен удивительный ум. Но, поверьте, то, на что была способна Джиллиан, не идет с этим ни в какое сравнение. Ум такого масштаба не мог не привлечь меня в женщине — как в интеллектуальном, так и в эротическом смысле.

Вопросы в голове Гурни продолжали множиться.

— Говорят, что жертвы сексуального насилия зачастую сами становятся насильниками. Это правда?

— Да.

— А в случае Джиллиан это правда?

— Да.

— Кто был насильником?

— Их было несколько.

— Тогда кем они были?

— Доказательств не существует в природе, но это были дружки-наркоманы из компании Вэл Перри. Насилие случалось многократно в период, когда ей было от трех до семи лет.

— Господи. И нет никаких документов? Не было обращений в полицию, в социальные службы?

— Ни одной жалобы не поступило.

— Однако, попав в Мэйплшейд, Джиллиан наверняка рассказала подробности? Разве они не зафиксированы в ее деле, в материалах наблюдавших ее экспертов?

— Материалов не существует в природе. Сейчас я вам объясню про Мэйплшейд. Прежде всего это не лечебное, а образовательное учреждение. Частный интернат для девушек со специфическими проблемами. За последние годы к нам поступает все больше учениц с расстройствами сексуального поведения, в основном связанными с насилием.

— Мне говорили, что вы чаще лечите как раз насильников, а не жертв.

— Верно, хотя «лечение» — неподходящее слово, поскольку, повторюсь, мы не медицинское учреждение. Кроме того, граница между насильником и жертвой тоньше, чем кажется. В общем, идея в том, что Мэйплшейд эффективен благодаря политике конфиденциальности. Мы не принимаем учениц по направлению суда или соцслужб, не принимаем по страховке или по государственному пособию, не ставим медицинских или психиатрических диагнозов, а главное — мы не заводим никаких «дел».

— Тем не менее у вашей академии репутация модной целебной инстанции под руководством знаменитого доктора Скотта Эштона, — сказал Гурни, но Эштон никак не отреагировал на его жесткий тон.

— Подобные расстройства в обществе стигматизированы. Разумеется, наша клиентура ценит возможность сохранить проблему в тайне, не «засветившись» ни в каких документах, которые можно было бы затребовать через суд или выкрасть. С юридической точки зрения мы просто частная средняя школа, дающая качественное образование, с хорошими специалистами, которые иногда могут поговорить с ученицами в частном порядке на всякие сложные темы.

Гурни задумался о странном устройстве Мэйплшейда и о том, чем эта странность могла быть чревата. По-видимому, почуяв его сомнения, Эштон добавил:

— Поймите правильно: безопасность, которую наша система гарантирует подопечным, позволяет как ученицам, так и членам их семей прорабатывать вещи, о которых они бы ни за что не рассказали там, где сказанное как-то фиксируется. Мы имеем дело с проблемой непосредственно, не усугубляя ее дополнительной тревогой.

— Почему вы не рассказали следствию про жуткое детство Джиллиан?

— Не было повода.

— Простите, это как?

— Мою жену убил мой садовник в психотическом припадке. Задача полиции — найти убийцу. По-вашему, уместно было сказать: «Ой, а кстати, когда моей жене было три года, ее изнасиловали обдолбанные приятели ее матери»? Думаете, это бы помогло напасть на след Флореса?

— В каком возрасте она из жертвы превратилась в насильника?

— В пять лет.

— В пять?!

— Это всегда шокирует людей, не занимающихся такими дисфункциями профессионально, поскольку сильно диссонирует с обывательскими представлениями о «невинных детишках». Увы, но пятилетние насильники не такая уж редкость.

— Ничего себе, — отозвался Гурни и снова перевел взгляд на фотографию Джиллиан. — Кем были ее жертвы?

— Этого я не знаю.

— А Вэл Перри в курсе?

— Да. Она не любит об этом вспоминать, так что неудивительно, что она вам ничего не сказала. Тем не менее именно это ее к вам и привело.

— Простите, не понял.

Эштон вздохнул.

— Вэл движима чувством вины. В свои двадцать с чем-то лет она увлекалась наркотиками, а вовсе не материнством. Вокруг нее крутились торчки похлеще нее самой, и результатом стала ситуация, которую я вам описал и которая возбудила в Джиллиан неумную сексуальную агрессию и другие девиации, с которыми Вэл не знала, как совладать. Чувство вины буквально разрывало ее. Она винила себя во всех проблемах дочери, пока та была жива, а теперь считает себя виноватой и в ее смерти. Разумеется, ее расстраивает отсутствие каких-либо подвижек в официальном расследовании — поскольку преступник не найден и не понес наказания, она не может вздохнуть спокойно. Мне кажется, она пришла к вам в надежде хотя бы напоследок как-то облегчить трудную судьбу Джиллиан. Поздно, конечно, но она не знает, что еще сделать. Кто-то из отдела

расследований рассказал ей про легендарного детектива, потом она увидела ваше имя в нью-йоркской прессе и решила, что именно вы ей поможете искупить вину перед дочерью. Звучит довольно жалко, но такова правда.

— Откуда вы все это знаете?

— После смерти дочери Вэл балансирует на грани нервного срыва. Разговоры о переживаниях были ее способом не сойти с ума.

— А вашим?

— Что?..

— Каков ваш способ?

— Это любопытство или сарказм?

— Вы держитесь так спокойно, говоря об убийстве жены и трагедиях других людей, что я не понимаю, как это трактовать.

— Серьезно? Я вам не верю.

— То есть?

— У меня стойкое впечатление, детектив, что в случае смерти близкого человека вы бы держались точно так же, — сказал Эштон и уставился на Гурни внимательным взглядом психоаналитика. — Я нас с вами сравниваю, чтобы вы лучше меня поняли. Вы задаетесь вопросом: «Скрывает ли он свои переживания или у него их попросту нет?» Прежде чем я вам отвечу, советую вспомнить запись со свадьбы.

— Вы про свою реакцию на увиденное в домике?

Эштон ответил голосом, в котором сквозила едва сдерживаемая ярость.

— Я думаю, что отчасти мотивом убийства было желание Гектора причинить мне боль. Ему это удалось. Вы видели мою боль на видео, и я не могу этого изменить. Но я принял решение больше никогда и никому ее не показывать. Никогда и никому.

Гурни перевел взгляд на пустую шахматную доску.

— У вас нет никаких сомнений, что убийца — именно Гектор?

Эштон моргнул, как человек, не понявший, на каком языке к нему обратились.

— Простите, что?

— Вы уверены, что вашу жену убил Гектор Флорес, а не кто-то другой?

— Абсолютно. Я обдумал вашу версию насчет причастности Мюллера, но это маловероятный вариант.

— А нет ли шанса, что Гектор был гомосексуален и что его мотив...

— Что за абсурд!

— Полиция рассматривала этот вариант.

— Уж про сексуальность я кое-что понимаю. И, поверьте, Гектор не

был геем, — сказал Эштон и многозначительно посмотрел на часы.

Гурни откинулся на спинку кресла и стал ждать, когда Эштон снова поднимет на него взгляд.

— Определенно, для вашей работы нужен особенный склад ума.

— Вы о чем?

— Должно быть, с вашим контингентом сложно иметь дело. Я читал, что насильники практически неисправимы.

Эштон тоже откинулся на спинку кресла и сложил пальцы рук под подбородком.

— Это популярное обобщение. Как и в любом обобщении, в нем лишь доля правды.

— Но все равно, наверное, трудно?

— О каких конкретно трудностях вы говорите?

— Постоянный стресс. Слишком большие риски, слишком серьезные последствия у неудач...

— Все как и в вашей полицейской работе. Да и в жизни в целом, — ответил Эштон и снова взглянул на часы.

— Почему вы этим занимаетесь?

— Чем?

— Темой сексуального насилия.

— Ответ как-то поможет найти Гектора Флореса?

— Возможно.

Эштон прикрыл глаза и опустил голову, так что из-за сложенных у подбородка рук казалось, будто он молится.

— Вы правы, риски большие. Сексуальная энергия умеет концентрировать внимание человека на одном объекте, как мало что другое. Умеет всецело захватить восприятие, подмять под себя реальность, отменить критичность мышления и даже заглушить физическую боль, не то что инстинкт самосохранения. Сексуальная энергия затмевает все другие движущие силы. Нет ничего, что сравнилось бы с ней в способности ослепить, полностью подчинить себе рассудок. И вот когда эта жуткая мощь, овладев человеком, оказывается направлена на неподходящий объект — например, на человека более слабого как физически, так и психически, — то масштаб катастрофы даже сложно оценить. Потому что из-за первобытного драйва, из-за способности исказить реальность девиантное поведение может оказаться не менее заразным, чем укус вампира. В стремлении заполучить власть, равную власти насильника, жертва легко сама становится насильником. Патологическое влечение можно разложить на составляющие — описать, проанализировать,

проиллюстрировать диаграммами. Но изменить патологию — совсем другое дело. Разница как между пониманием механики цунами и пониманием методов его предотвращения. — Эштон наконец открыл глаза и опустил руки.

— Значит, для вас это достойный вызов?

— Для меня это важный выбор.

— Из-за возможности что-то изменить в мире?

— Конечно! — воскликнул Эштон, и глаза его загорелись. — Возможность вмешаться в процесс, который способен превратить множество судеб, начиная с жертвы, в непрерывную вереницу страданий, растянутую на поколения. Здесь речь о пользе гораздо большей, нежели от удаления раковой опухоли, которая влияет только на один отдельно взятый организм. Возможность глобального успеха в этой сфере под вопросом, однако если удастся помочь хотя бы одному человеку, это поможет предотвратить разрушение нескольких десятков жизней.

— Значит, в этом и состоит миссия Мэйплшейда? — спросил Гурни, изобразив улыбку.

Эштон изобразил точно такую же улыбку.

— Именно, — затем он вновь посмотрел на часы. — Увы, мне пора. Вы можете остаться, если хотите побродить по территории, заглянуть в домик... ключ под черным камнем, справа от порога. Если пожелаете осмотреть место, где нашли мачете, обойдите домик до среднего окна, а затем идите прямо примерно полторы сотни метров. На нужном месте воткнута палка. Там еще был привязан кусок желтой полицейской ленты, но я не уверен, что ее не сдуло. Все. Удачи, детектив.

Он проводил Гурни к выходу и оставил его на мощеной подъездной дорожке, а сам уехал в винтажном «Ягуаре», настолько же ненавязчиво английском, как и влажный аромат ромашки в саду.

Глава 24

Долготерпение паука

Гурни не терпелось где-нибудь сесть и упорядочить полученную информацию, а также разложить по полочкам различные предположения. Дождь прекратился, однако вокруг не было ни одного сухого места, и Гурни пошел к своей машине. Достав блокнот с заметками про Кальвина Харлена, он открыл новую страницу, закрыл глаза и начал проигрывать в памяти встречу с Эштоном.

Вскоре он обнаружил, что никак не может дисциплинировать ум, и попытался просто восстановить детали в хронологическом порядке, чтобы затем прикинуть значимость каждой, словно это элементы мозаики. Но ему не давал покоя самый вопиющий факт: Джиллиан насильовала других детей! Жертвы насилия, равно как члены их семей, не так уж редко жаждали мести. И эта месть, если до этого доходило, довольно часто принимала форму убийства.

Потенциал, раскрывавшийся вокруг этого соображения, занимал все его мысли. Ему казалось, что это самый значимый кусок информации из всего, что ему стало известно о деле. А главное — из этой истории вырисовывался единственный мотив, не возбуждавший сразу кучи сомнений и не множивший вопросы без ответа. Например, про Флореса теперь важно было понимать, не куда и как он исчез, а откуда и зачем он появился. И выяснять следовало, не какие события в Тэмбери привели к убийству, а что вообще привело Флореса в Тэмбери.

Гурни пришел в такое волнение, что не мог сидеть на месте. Он снова вышел из машины, прошелся по дому, заглянул в гараж с покатой крышей и под увитый плющом навес, за которым начинался главный газон. Что увидел Флорес, впервые приехав сюда три года назад? Выглядело ли это место так же? В этих ли декорациях он изо дня в день наблюдал, как Эштон уезжает по делам и возвращается домой? Зачем он приехал — за Джиллиан? Был ли Эштон просто способом приблизиться к ней? Или, возможно, дело было не в самой Джиллиан, и Флоресом двигало желание отомстить любой студентке Мэйплшейда или даже нескольким студенткам за их прошлые преступления? Или мишенью был сам Эштон, который, будучи директором школы, опосредованно защищал насильниц? И тогда убийство Джиллиан было способом заставить Эштона страдать?

При любом из этих раскладов неизменными оставались несколько вопросов: кем на самом деле был Гектор Флорес? Какое стечение обстоятельств заставило хладнокровного убийцу приехать к Эштону, тратить время, втираясь в доверие, дожидаясь, пока тот позволит ему поселиться у себя под носом? Для этого требовалось долготерпение паука, ждущего жертву в засаде. Выжидающего идеальный момент.

Гектор Флорес. Терпеливый паук.

Гурни подошел к домику садовника и отпер дверь.

Внутри оказалось пусто, как в съемном жилье перед сдачей. Ни мебели, ни предметов интерьера, совсем ничего — только слабый запах моющего средства. Планировка была примитивной: в меру просторное многофункциональное помещение спереди и две небольшие комнатки

сзади — спальня и кухня, между которыми втиснулись крохотная ванная с туалетом и шкаф. Гурни стоял посередине главной комнаты и медленно рассматривал пол, стены, потолок. Он не верил в дурную ауру мест, где проливалась кровь, однако в этих местах его всякий раз накрывало странное чувство.

Принимая звонок из службы 911, переступая порог дома, где только что кого-то убили, глядя на лужи крови, осколки костей и ошметки мозга, он каждый раз испытывал смесь отвращения, жалости и злобы. Однако, если зайти в помещение, уже лишенное всяких признаков ужасных событий — отмытое, стерильное, — впечатление было чуть ли не более тягостным. Вид комнаты, забрызганной кровью, вызывал шок. Но пустота той же комнаты, отскобленной до скрипа, сжимала его сердце особой холодной хваткой, напоминая, что в сердце Вселенной царит такая же, только бескрайняя, пустота. Абсолютный, бездушный, безликий вакуум.

Гурни громко прокашлялся, надеясь, что резкий звук разгонит мрак и вернет мысли в конструктивное русло. Он зашел на кухню, заглянул в шкафы и ящики. Затем направился в спальню и остановился у окна, через которое убийца сбежал в неизвестность. Открыв его, он выглянул и решил вылезти наружу.

Земля оказалась буквально на полметра ниже, чем пол в домике. Гурни встал спиной к окну и осмотрелся. Перед ним серела жидкая рощица. Веяло прохладой, травами и характерным древесным запахом леса. Гурни решительно пошел вперед, считая широкие шаги. Насчитав сто сорок, он увидел желтую ленточку, болтающуюся на пластиковом колу, напоминающем ручку швабры.

Он подошел к ней, внимательно осматриваясь. Путь направо преграждал довольно глубокий овраг. Домик скрывала листва. Гурни помнил по снимкам с Гугла, что примерно в пятидесяти метрах должна пролегать дорога, но ее тоже было не разглядеть за растительностью. Он опустил взгляд на присыпанную листьями землю, где обнаружили мачете. Отчего собака потеряла здесь след? Чем это могло объясняться? Была версия, что Флорес переобулся или надел поверх ботинок мешки, после чего продолжил путь к дороге или к другому владению предположительно Кики Мюллер. Но это казалось Гурни маловероятным. У него было чувство, что преступник нарочно оставил след, ведущий к орудию убийства. Но если это правда и целью Флореса было привести сюда полицию, почему он пытался спрятать мачете, а не просто бросил его на землю? И еще оставался неочевидный момент с калошами, по которым собака взяла след. Какова была их роль, если у Флореса был продуманный

план?

И, если калоши были в доме, могло ли это значить, что Флорес дошел в них до этого места, а потом вернулся обратно, след в след?

Допустим, он выбрался из домика, избавился от мачете и вернулся тем же путем. Это объясняло загадку с собакой, но если Флорес действительно вернулся на место преступления, то куда он делся потом? Он не мог выйти через дверь и остаться незамеченным, да еще успеть скрыться до приезда полиции. К тому же версия с возвращением в домик не давала ответа на вопрос о мачете — все-таки зачем было его прятать? Возможно, он специально все так обставил, чтобы создать впечатление, будто он скрылся в лесу, в спешке заметая следы, в то время как на самом деле вернулся назад, и... Но в крохотном домике решительно негде было спрятаться! Особенно если учесть, что его на протяжении шести часов вдоль и поперек обыскивала команда спецов, которые ничего и никогда не пропускают.

Гурни побрел обратно к домику, забрался внутрь через окно и по новой осмотрел все три помещения, стараясь разглядеть любые приметы возможного доступа к пространству над потолком или под полом. Под балками крыши скрывался низкий чердак, посреди которого взрослый человек поместился бы сидя. Но, поскольку это место было функционально бесполезным, туда не было предусмотрено входа. Та же история с полом — если под ним и находилась какая-то полость, то Гурни не обнаружил ни малейшего намека на возможность туда проникнуть. Он еще раз тщательно обошел все комнаты, чтобы убедиться, что нигде не скрываются ранее необнаруженные зоны.

Значит, Флорес не мог сходить в лес, вернуться, снять калоши и спрятаться, оставаясь незамеченным. Что ж, версия была многообещающей, но несостоятельной. Гурни вышел, запер за собой дверь, спрятал ключ обратно под камень и вернулся к машине. Пошарив в папке, он нашел номер Эштона.

Источающий спокойствие тихий баритон предложил оставить сообщение на автоответчике, обещая перезвонить при первой же возможности и бархатными нотками внушая собеседнику уверенность, что любая проблема решаема. Гурни представился и сказал, что у него появилось еще несколько вопросов про Флореса.

Он взглянул на часы приборной панели. 10:31. Неплохо было бы созвониться с Вэл Перри и поделиться соображениями, если она еще не передумала форсировать расследование. Гурни собрался было набрать ее номер, когда телефон сам зазвонил.

— Гурни, — произнес он. Привычка осталась после долгих лет в полиции.

— Это Скотт Эштон. Получил ваше сообщение.

— Я хотел уточнить: Флорес когда-нибудь ездил с вами по делам?

— Время от времени я брал его с собой, когда отправлялся за садовыми товарами или стройматериалами. А что?

— Вы не обращали внимания, не пытался ли он избегать встречи с вашими соседями? Быть может, прятал лицо или что-то в этом роде?

— Знаете... сложно сказать. Он заметно сутулился и носил шляпу с полями, которая скрывала лицо. И темные очки. Это могло объясняться желанием быть незамеченным. Или нет. Откуда мне было знать? Бывало, что я нанимал других работников, когда у Гектора случались выходные, и мне не казалось, что он ведет себя отлично от них. Но я не заострял внимания на этом специально.

— А вы когда-нибудь возили Флореса в Мэйплшейд?

— Да, и не раз. Он сам предложил развести там сад. И по мере того как там возникали другие задачи, он тоже вызывался помочь.

— А он общался с кем-нибудь из учениц?

— К чему вы клоните?

— Пока что сам не знаю, — признался Гурни.

— Он мог разговариваться с кем-то из девочек, или они могли заговорить первыми... при мне такого не случалось, но это вполне возможно.

— Когда он там появился впервые?

— Гектор сказал, что готов помогать в Мэйплшейде, вскоре после того, как я его нанял. Стало быть, примерно три года назад, плюс-минус месяц.

— И как долго вы с ним ездили туда?

— До самого конца... Это имеет какое-то значение?

— Три года назад Джиллиан все еще была ученицей Мэйплшейда, верно?

— Да. Вы определились, к чему вы клоните?

— Пока что я просто собираю информацию, доктор. Скажите, Джиллиан не упоминала, что она кого-то боится?

Эштон молчал так долго, что Гурни начал подозревать, что связь оборвалась, но затем он произнес:

— Джиллиан никого не боялась. Возможно, это ее и погубило.

Гурни сидел в машине у въезда на участок Эштона, глядя вдаль, мимо навеса и газона, где праздновали роковую свадьбу, и пытался понять, что могло по-настоящему связывать жениха и невесту. Возможно, оба

действительно были гениями, но совпадающий коэффициент интеллекта казался ему недостаточным поводом для брака. Вэл упомянула, что дочь питала нездоровую страсть к нездоровым мужчинам. Могло ли это относиться к Эштону, этому образцу психической уравновешенности? Маловероятно. Мог ли у Эштона быть «комплекс спасателя», делавший женщину с бесчисленными проблемами вроде Джиллиан особенно притягательной? Тоже сомнительно, хотя его выбор профессии был, скорее, в пользу этой версии. Однако в том, как Эштон говорил о Джиллиан, не было навязчивой родительской гиперопеки, присущей «спасателям». Тогда, быть может, это просто история о корыстной девице, которая подсунула молодое тело наиболее выгодной партии? Этому, в свою очередь, не было подтверждений.

Тогда что привело к этой свадьбе, что за удивительное совпадение факторов? Гурни понял, что вряд ли найдет ответ, продолжая сидеть на месте.

Он выехал за ворота, притормозив чтобы набрать номер Вэл Перри, и медленно двинулся вдоль длинной тенистой дороги.

К его приятному удивлению, Вэл Перри ответила сразу после второго гудка. В ее голосе сквозила чувственность, хотя она всего лишь произнесла «алло».

— Здравствуйте, миссис Перри. Это Дэйв Гурни. Хочу отчитаться о ходе дела.

— Я же просила обращаться ко мне Вэл.

— Простите, Вэл. У вас есть пара минут?

— Если вам есть что рассказать, то все мое время в вашем распоряжении.

— Я не уверен, что у меня есть полезная конкретика, но я расскажу о своих соображениях. Во-первых, мне кажется, что приезд Гектора Флореса в Тэмбери три года тому назад не был случайностью. Во-вторых, мне также кажется, что убийство вашей дочери было спланировано. В-третьих, у меня есть повод считать, что Флорес не настоящее имя, а также что он не мексиканец. У него, по-видимому, были и цель, и план. Похоже, что причиной его приезда стали какие-то события прошлого, в которых как-то фигурировала ваша дочь или Эштон.

— Какого рода могли быть эти события? — казалось, спокойный тон давался ей через силу.

— Есть вероятность, что это как-то связано с причиной, по которой вы отправили дочь в Мэйплшейд. Не известно ли вам о каких-либо поступках Джиллиан, из-за которых кто-то мог бы желать ее смерти?

— Иными словами, не загубила ли она жизни каким-нибудь детишкам? Не превратила ли чье-то существование в непрерывный кошмар, состоящий из стыда и безумия? Могла ли внушить кому-нибудь желание совершить с другими такую же мерзость? Не довела ли кого до суицида? И не хочет ли кто-нибудь теперь затолкать ее в ад голыми руками? Вы об этом спрашиваете?

Гурни промолчал.

Когда она продолжила, голос ее был усталым.

— Разумеется, она делала вещи, из-за которых людям желают смерти. Да что там, временами я сама готова была ее прикончить. Впрочем... я в итоге этого и добилась, да?

Гурни припомнил несколько пошлых штампов о том, как важно себя прощать, но вслух внезапно сказал:

— Если вы решили заморить себя самобичеванием, попрошу вас это отложить. Прямо сейчас я работаю над вашим заданием и звоню, чтобы сообщить об имеющихся версиях, которые пока что сводятся к тому, что полиция ошибается. Это противоречие может стать причиной нештучных проблем. И в связи с этим мне нужен внятный ответ: насколько глубоко вы собираетесь копать?

— Продолжайте расследование, чего бы это ни стоило. Копайте настолько глубоко, насколько придется, чтобы докопаться до убийцы. Это достаточно внятный ответ?

— Последний вопрос. Он может показаться бестактным, но я вынужден его задать. Есть ли вероятность, что у Джиллиан был роман с Флоресом?

— Он мужчина, он хорош собой и опасен. Так что я бы сказала, что это более чем вероятно.

По дороге домой как настроение Гурни, так и его видение дела успели измениться не один раз.

Идея, что убийство Джиллиан могло быть связано с ее темным прошлым, из которого и появился Флорес, виделась Гурни удобной почвой и многообещающей базой для дальнейших поисков. То, что убийца водрузил отрезанную голову в центре стола, лицом к туловищу, определенно было продуманным ритуальным сообщением, выходящим за рамки бытовухи. Гурни даже подумал, что расстановка частей тела задумывалась как экивок в адрес фотографии над камином Эштона, где Джиллиан с вожделением смотрит на Джиллиан.

Возможно ли такое? Возможно ли, что кровавая инсталляция в домике

— тонкий намек на сюжет фотосессии? От этой мысли Гурни сделалось нехорошо, хотя за годы работы в отделе убийств ему приходилось видеть почти все, что только человек способен сделать с себе подобным.

Он припарковался возле магазина агротехники, открыл лежавшую на соседнем сиденье папку и нашел телефон Хардвика. Пока в трубке звучали гудки, Гурни рассматривал холмы за постройками магазина. Кое-где неподвижными точками желтели тракторы — побольше и поменьше, пресс-подборщики, кусторезы, самоходные шасси. Внезапно что-то метнулось в сторону. Собака? Скорее, койот. Койот бежал вдоль склона по прямой, целенаправленно, словно бы даже осознанно. Гурни поежился.

Хардвик ответил после пятого гудка, едва опередив автоответчик.

— Дэйви, старичок! Ну, чем порадуешь?

Гурни поморщился — это была привычная реакция на сардонические нотки в хриплом голосе Хардвика. Он напоминал ему отца — не голосом, как таковым, а именно этой едкостью.

— У меня вопрос, Джек. Когда ты меня втянул в это расследование, что тобой двигало?

— Никуда я тебя не втягивал, просто подкинул мазовую работенку.

— Ладно, ладно. Так в чем, по-твоему, «маза»?

— Сложно сказать, я как-то не успел составить четкого мнения.

— Врешь.

— Ну тут, что ни говори, все будет голословным. Так что предпочту промолчать.

— Джек, ты же знаешь, что я не люблю эти игры. Зачем тебе понадобилось, чтобы я взялся за это дело? А пока у тебя там вертятся колесики в попытке соврать что-нибудь еще, вот другой вопрос: чего это Блатт такой настороженный? Я вчера на него наткнулся, и он был, мягко говоря, неприветлив.

— Забей на него.

— В каком смысле?

— Да в прямом. У нас случилась дурацкая стычка. Я же рассказывал: мы с Родригесом, так сказать, не сошлись во мнениях насчет хода следствия. Так что меня сняли, а Блатта поставили главным. Он амбициозный мужик, но жуткая бездарь, как и сам старый гад. Я Блатта так и называю — гаденыш. Для него это дело — возможность проявить себя по-крупному. Но себя ж не обманешь — в глубине души гаденыш знает, что грош ему цена. И тут появляешься ты — гений, расколовший крепкий орешек дела Меллери. Да он тебя ненавидит! А ты чего вообще ждал? Короче, забей на него. Что он тебе сделает? Просто делай дело, Шерлок, и

не трать на Блатта нервные клетки.

— То есть ты фактически используешь меня, чтобы гаденыш обосрался у всех на глазах?

— Нет. Чтобы благодаря твоему таланту нащупать суть и чтобы восторжествовала справедливость.

— Ты серьезно думаешь, что получится?

— А ты сомневаешься?

— Я всегда сомневаюсь. Как тебе идея, что Флорес приехал в Тэмбери с уже обдуманым планом убийства?

— Я удивлюсь, если окажется иначе.

— Так почему, говоришь, тебя вышибли с расследования?

— Ну сколько можно повторять... — начал Хардвик с характерным нетерпением в голосе, но Гурни его перебил:

— Да, да, ты нагрубил Роду. Но почему мне кажется, что это не вся правда?

— Потому что тебе про все так кажется. Ты никому не доверяешь, Дэйви. Так. Мне срочно надо отлить. До связи.

Фирменная кода. Гурни отложил телефон и завел двигатель. Над долиной еще висели облака, но сквозь них все ярче просвечивало солнце, и столбы с проводами отбрасывали бледные тени на пустынную дорогу. Яркие-синие новенькие тракторы, выставленные на продажу вдоль зеленого склона и все еще мокрые после утреннего дождя, заблестели.

Вторую половину обратного пути Гурни перебирал в уме различные детали: комментарий Мадлен о странном месте для того, чтобы оставить мачете; решение сверхрационального человека жениться на клинической психопатке; едущий кругами паровозик Карла; тракторная разбитая чашка по «Списку Шиндлера»; трясина сексуальных подтекстов и коннотаций вокруг каждой мелочи этого дела.

К моменту, когда он подъехал к пыльной дороге, ведущей к дому, мысли истощили его окончательно. Из плеера высовывался диск. Надеясь отвлечься, Гурни включил его. Голос, раздавшийся из колонок под сопровождение заунывных гитарных аккордов, напоминал коматозного Леонарда Козна. Это был некий фолк-исполнитель средних лет с печальными глазами бассета и дурацким именем Лейтон Лейк. Они с Мадлен были на его концерте в местном клубе, куда его жена купила месячный абонемент. Этот диск она приобрела во время антракта, и композиция, которая звучала в этот самый момент, была самой депрессивной из всего альбома и называлась «Когда жизнь подошла к

концу».

Я помню — давным-давно
времени было полно.
Когда-то давным-давно
мир был как цветное кино.

Если что-то казалось сложным
вдали от меня или возле —
я просто решал, что можно
подумать об этом после.
Я был славным малым,
бухарем и нахалом,
а времени было валом,
времени было валом.
Когда-то давным-давно
лилось молодое вино.
Давным-давно
баб было полным-полно.
И я смеялся, им изменяя,
лгал им напропалую,
сегодня одну обнимая,
завтра — другую целуя.
Да, я лгал им, лгал им —
уж таким я был малым.
И времени было валом,
времени было валом.

Смешное цветное кино —
это было давным-давно.
В зале теперь темно,
но мне уже всё равно.
Я ем, не чувствуя вкуса,
запоздалый остывший ужин.
Тот ничего не упустит,
кто никому не нужен.

Да, жизнь меня поломала,
жизнь меня поломала,

но времени слишком мало,
времени слишком мало,
чтобы думать об этом.[\[4\]](#)

Когда Лейк затянул последний рефрен, Гурни как раз проезжал между сараем и прудом. Старый дом уже виднелся за золотарником. Гурни выключил плеер, жалея, что не сделал этого раньше, и тут зазвонил телефон.

На экране высветились слова «Галерея Рейнольдс».

Господи, а ей-то что надо?

— Гурни слушает, — произнес он подчеркнуто деловым тоном с ноткой подозрительности.

— Дэйв, это Соня Рейнольдс! — ее голос, как обычно, источал животную притягательность, за которую в некоторых отсталых странах ее бы, вероятно, побили камнями. — У меня для тебя потрясающие новости, — промурлыкала она. — Причем «потрашающие» — не то слово. Считай, вся твоя жизнь перевернется. Нам надо встретиться как можно скорее.

— И тебе привет, Соня.

— Мне «привет»? Я звоню сообщить о поцелуе Фортуны, а тебе больше нечего сказать?

— Я рад тебя слышать. Просто не понимаю, о чем речь.

Она мелодично рассмеялась, и в этом смехе, как и во всем ее поведении, было неприлично много эротизма.

— Узнаю моего Дэйва! Синеглазый детектив с пронзительным взглядом. Вечно подозревает неладное. Словно я какая-нибудь цыганка, которая вешает тебе лапшу на уши! — у нее был еле заметный акцент, напоминавший Гурни о французских и итальянских фильмах, открывших ему дивный новый мир еще в колледже.

— Ну, о «лапше» речи не идет. Ты же еще ничего не рассказала.

Она вновь рассмеялась, и он невольно вспомнил, какие у нее невыносимо зеленые глаза.

— А я ничего и не расскажу, пока мы не увидимся. Как насчет завтра? Тебе не обязательно тащиться ко мне в Итаку. Давай я сама приеду. Завтрак, обед, ужин, когда тебе удобно? Просто назови время, и мы выберем место. Ты не пожалеешь, обещаю.

Выход Саломеи

Он все еще не знал, каким словом назвать этот опыт. Понятие «сон» было слишком безликим. Впервые это случилось, когда он засыпал — его органы чувств перестали реагировать на назойливые раздражители отвратительного мира, и его внутренний взгляд высвободился из плена условностей. Но на этом сходство с обычным сном заканчивалось.

Слово «видение» казалось более метким, однако и оно не передавало масштаба оставленного отпечатка.

«Откровение» звучало более уместно, поскольку улавливало суть, но его безнадежно отягощали ассоциации с религиозными истеричками.

Быть может, «медитация»? Тоже нет. Слишком пресно и скучно, чего никак нельзя было сказать про такое насыщенное переживание.

«Переживание сказки».

Похоже. Во всяком случае, перед ним разворачивалась именно сказка — о спасении и новом предназначении. Аллегорическое видение своей миссии. Сердце его вдохновения.

Нужно было просто выключить свет, закрыть глаза и отдаться безграничным возможностям тьмы.

И призвать танцовщицу.

В объятиях этого переживания, пока длилась сказка, он видел про себя правду и видел ее гораздо отчетливее, чем когда ум и сердце были заняты шумом, суетой, блудницами мира сего, развратом, пороком.

Он осознавал с абсолютной ясностью, кто он такой. Пусть он в бегах, это не имело значения — как и имя, которым его называли наяву. В реальности он не был ни беглецом, ни тем, за кого его все принимали.

Он — Иоанн Креститель. От одного только осознания его кожа покрывалось мурашками. Он — Иоанн Креститель.

А танцовщица — Саломея.

Это была его сказка, вся целиком его, с самого первого опыта. Он мог в ней просто быть, а мог ее менять по своему усмотрению. Библейская концовка была дурацкой. В его власти изменить ее. И в этом была вся соль. Вся страсть.

Часть вторая

Палач Саломеи

Глава 26

Правдоподобное несоответствие

— ...короч, ну хлопнул этого придурка, да? И такой смотрю — нога у него в ботинке, но без носка. И на подошве еще такая буковка «М» курсивом, значит, логотип «*Marconi*», да? То есть, реально, башмак за две штуки баксов. А на другой ноге башмака нет, зато есть носок! Нормально? Кашемировый, не хухры-мухры. Вот спрашивается, ну кем надо быть, чтоб напялить на одну ногу кашемировый носок, а на другую дорогуций башмак? А я скажу вам, кем. Алкашом! Вонючим алконавтом с лишним баблом!

Такими словами Гурни начал свою лекцию в академии на следующее утро. Естественно, подход сработал: все, кто сидел в скучной серой аудитории, внимательно смотрели на него.

— В прошлый раз мы говорили про ложную эврику — когда человеку кажется, будто он докопался до какой-то правды сам, а не по вашему желанию. Мы предрасположены верить, будто скрытая правда — это единственная правда. Так что, работая под прикрытием, можно всюю использовать это знание, позволяя собеседнику «обнаруживать» какую-то правду о вас — ту самую, которую вам нужно, чтобы он обнаружил. Эту технику непросто освоить, но она исключительно действенная. А сегодня я хочу рассмотреть еще один фактор, играющий в пользу вашего прикрытия и заставляющий практически любую ложь звучать правдоподобно. Этот фактор — изобилие необычных, странных, даже нелепых подробностей в повествовании.

Было похоже, что слушатели расселись по тем же местам, что два дня назад. Только девушка с испанским акцентом перебралась в первый ряд, выжив едкого детектива Фальконе, который оказался во втором ряду. Гурни такая рокировка была определено по душе.

— Историю про покойника с логотипом я однажды использовал сам, работая под прикрытием, и каждая мелочь в ней неслучайна. Есть у кого-нибудь предположения, зачем эти мелочи нужны?

Кто-то поднял руку из середины зала.

— Чтобы выглядеть жестким и бессердечным.
Другие даже руку поднимать не стали:
— Чтоб собеседник решил, что вы ненавидите алкашей.
— Чтоб показаться таким немного психом.
— Ага, кем-то вроде персонажа Джо Пеши в «Славных парнях».
— Это все нужно, чтобы просто отвлечь внимание, — произнес пресный женский голос откуда-то из заднего ряда.
— Можно поподробнее? — оживился Гурни.
— Ну, заставляешь человека фокусироваться на куче незначительной фигни, чтобы он гадал, почему мужик был в одном ботинке, и все такое, а не задумывался, кто и зачем ему это впаривает.
— Это называется «зубы заговаривать», — согласилась другая девушка.
— Именно, — кивнул Гурни. — Сейчас я расскажу еще одну...
Его перебила девушка с акцентом:
— Говорите, букровка «М» на подошве?
Гурни улыбнулся, потому что предвкушал ее вмешательство.
— Да. А что?
— Неужели на это ведутся?
Фальконе, сидевший за ней, закатил глаза. Гурни подмывало выгнать его из аудитории, но у него не было таких полномочий, а портить отношения с академией совсем не хотелось. Он перевел взгляд обратно на девушку, которая повторила:
— Как на такое вообще можно купиться?
— Когда описываешь подробности, у собеседника в голове поневоле возникают соответствующие образы. Вот подстреленный мужик лежит на полу. Логично, что убийца мог увидеть подошву ботинка. А поскольку это логично, то история уже тянет на правду. Понимаете? Если я думаю про подошву, значит, не задаюсь вопросом «правда убил или врет». Дальше — больше: понять, что носок кашемировый, а не какой-нибудь другой, можно только пощупав его. И вот я уже представляю себе: убийца трогает труп за ногу — глазом не моргнув, просто из любопытства, почему он в одном носке. Это ж какое нужно хладнокровие? Делаю вывод, что передо мной жесткий человек. И все, я ему верю.

Ресторан, где Гурни договорился встретиться с Соней, находился в деревне за Бэйнбриджем, на полпути между полицейской академией в Олбани и Галереей Рейнольдс в Итаке. Лекция закончилась в одиннадцать, и в без четверти час он уже был в «Гарцующей утке». Место выбрала Соня.

Игривое название заведения состояло в явном мезальянсе с угрожающих размеров скульптурой пучеглазой утки на газоне и с невзрачным интерьером.

Гурни приехал первым. Его проводили к столику на двоих возле окна с видом на пруд, где, возможно, когда-то жил прототип чудовища у входа. Пухлая официантка-подросток с розовыми волосами, в неопишемом наряде кислотных расцветок принесла два меню и два стакана воды со льдом.

В маленьком зале было девять столиков. За двумя сидели молчаливые посетители: за одним — молодая парочка, уткнувшаяся в свои смартфоны, а за другим — мужчина средних лет и антикварного вида женщина, поглощенные каждый своими размышлениями.

Гурни перевел взгляд на пруд и сделал глоток воды. Он задумался про отношения с Соней. Не в романтическом смысле — они просто сотрудничали, хотя ему всю дорогу приходилось бороться с докучливым влечением. Это сотрудничество было странным эпизодом в его жизни. Они с Мадлен как-то посетили Сонин курс по искусствоведению, после которого Гурни увлекся обработкой портретов убийц из архива оперативного учета — старался проявить в бездушных снимках скрытых демонов. Соня пришла в восторг от проекта и продала восемь принтов через свою галерею, по две тысячи долларов за штуку. Это продолжалось несколько месяцев, невзирая на недовольство Мадлен по поводу слишком мрачной темы и слишком явного желания мужа угодить Соне. Он отчетливо помнил напряжение тех дней, а также то, чем все чуть не кончилось.

Мало того, что в ходе расследования по делу Меллери его едва не убили, — расследование заставило его столкнуться с неприглядной правдой о себе. Тогда Гурни осознал, насколько он был плохим мужем и отцом, и тогда же понял — с поразительной ясностью — что ничто не имеет значения, кроме любви. Решив, что работа с Соней расстраивает отношения с единственной любовью его жизни, он прекратил сотрудничество и всецело переключился на Мадлен.

Однако за прошедшие месяцы ясность понимания померкла. Он все еще верил, что любовь в некотором смысле действительно главное. Но теперь он думал, что это не единственное, что важно в жизни. Приоритетность любви по-тихому ушла в фоновый режим, и Гурни не считал это потерей. Напротив, он решил, что его понимание жизни становится реалистичнее. Разве это может быть плохо? В конце концов, невозможно вечно существовать в состоянии эмоционального накала, в

который он погрузился после дела Меллери. Надо еще косить газоны, покупать еду, а также откуда-то брать деньги на газонокосилку и продукты. Это свойство сильных переживаний: постепенно они утрачивают насыщенность, уступая дорогу обычному ритму повседневности. И Гурни не испытывал сожалений, что слова «любовь — это главное» теперь звучали не более чем ностальгично, как строчка из некогда знаковой песни.

Впрочем, это вовсе не означало, что он расслабился. В Соне был магнетизм таких масштабов, что только глупец счел бы общение с ней безопасным. И, когда розововолосая девочка провожала ее к столику от входа, этот магнетизм пускал отчетливые волны энергии по залу ресторанчика.

— Дэйв! Мой хороший, ты совсем не изменился! — воскликнула Соня, грациозно приблизившись и подставив щеку для поцелуя. — Впрочем, с чего бы тебе меняться? Ты же у нас такой... кремень! — последнее слово она произнесла с выражением, словно это был удачный иностранный термин, описывающий понятие за пределами возможностей английского языка.

На ней были обтягивающие джинсы и льняной пиджак поверх шелковой блузки с таким небрежным кроем и расположением затяжек, что выдавали вещь из дизайнерской коллекции. Ни макияжа, ни украшений. Ничто не отвлекало взгляд от ее идеально смуглой кожи.

— На что это ты уставился? — спросила она, игриво сверкая глазами.

— Ты выглядишь потрясающе.

— Вообще-то я на тебя должна быть в обиде, ты в курсе?

— Потому что я забросил проект с портретами?

— Ну разумеется. Это же были потрясающие работы. Они мне жутко нравились. А главное, они нравились клиентам! За них давали неплохие деньги! Ничто не предвещало беды — и вдруг ты звонишь и заявляешь, что сворачиваешь работу по личным обстоятельствам. И ничего не хочешь обсуждать. Взял и бросил меня вот так. Думаешь, это не обидно?

В ее голосе совершенно не было обиды, так что Гурни ничего не ответил, а просто наблюдал за ней, не уставая поражаться, сколько искристой энергии она умудрялась вложить в каждое слово. Это было первым, что он в ней заметил, когда они пришли на курс искусствоведения. А потом увидел огромные зеленые глаза.

— Ну ничего, я тебя простила авансом. Потому что мы опять будем с тобой работать, и не надо мне тут качать головой. Я сейчас объясню, в чем дело, и ты согласишься, — она первый раз оторвала от него взгляд и огляделась в поисках официантки. — Надо выпить.

Когда появилась розовая девочка, Соня заказала водку с грейпфрутовым соком. Гурни вопреки здравому смыслу тоже.

— Итак, господин почетный пенсионер, — произнесла она, когда коктейли принесли, — прежде чем я вскружу тебе голову новыми перспективами, расскажи что-нибудь.

— О чем?

— Ну у тебя же есть какая-то жизнь?

У него было неприятное чувство, будто она и так все знает про его жизнь с ее сомнениями и метаниями, но это было невозможно — он не говорил с ней о личном, даже когда они плотно общались в галерее. Он кратко ответил:

— У меня все хорошо.

— Только говоришь ты это таким тоном, что дураку ясно, что это неправда. Так говорят из вежливости или для отмазки.

— Тебе правда так кажется?

Она сделала глоток коктейля.

— Что, не расскажешь мне правду?

— Какая правда тебя интересует?

Она чуть наклонила голову и секунду молча изучала его лицо, а потом пожала плечами.

— Лезу не в свое дело, да? — она отвернулась к пруду.

Он в два глотка выпил половину коктейля.

— Жизнь всегда примерно одинаковая. Череда обстоятельств. Немного того, немного сего.

— В твоём исполнении «то и се» звучит как ужасающе скучная череда обстоятельств.

Он рассмеялся, но это был невеселый смех. Некоторое время они молчали, потом он заговорил:

— Жизнь за городом оказалась не такой приятной, как я ожидал.

— А жене нравится?

— Здесь красиво. Горы и все такое. Не то чтобы я не ценю...

Она проницательно сощурилась.

— Двойное отрицание тебя выдает с потрохами.

— Черт. Неужели настолько заметно, что у меня проблемы?

— Недовольство всегда заметно. Почему тебе в нем так страшно признаться?

— Дело не в недовольстве... просто мои навыки, мое устройство ума — они здесь не пригождаются. Я привык анализировать ситуации, нащупывать суть проблемы, обнаруживать несостыковки, решать задачи.

Но теперь... — он снова замолк.

— А жена, как водится, считает, что ты должен быть в восторге от ромашек, а не анализировать их устройство. Надо просто говорить: «Вау, как красиво!» А не «Как так получилось, что они здесь выросли сами?» — я угадала?

— Что-то в этом роде, да.

— Ну вот, — произнесла она с внезапным энтузиазмом. — Поэтому тебе очень важно кое с кем встретиться.

— С кем?

— С человеком, который принесет тебе деньги и славу.

Гурни поморщился.

— Да, знаю, знаю, деньги тебя волнуют мало, а слава не волнует совсем, и сейчас у тебя на полную катушку включится рационализация. Но подожди спорить и представь... — она огляделась. Немолодая пара медленно поднималась со своих мест, словно этот процесс необходимо было совершать с предельной осторожностью. Молодежь со смартфонами продолжала что-то строчить, глядя в экранчики. Гурни подумал, что, вполне возможно, они переписываются друг с другом, сидя за одним столиком. Соня продолжила заговорщическим шепотом:

— Представь, что этот человек хочет купить один из твоих портретов за сто тысяч долларов. Что бы ты на это сказал?

— Что у него не все дома.

— Думаешь?

— А какие варианты?

— В прошлом году на одном аукционе офисное кресло Ив-Сен-Лорана купили за двадцать восемь миллионов баксов. Вот тут я соглашусь — это надо быть бабахнутым. Но сто тысяч за потрясающий портрет серийного убийцы? Немного удивительно, но ни капли безумия в этом нет. И, насколько я понимаю про этого человека, если с ним связаться — цена твоих работ будет расти и дальше.

— Ты с ним знакома?

— Лично познакомились совсем недавно, но я много о нем слышала. Это коллекционер-отшельник, который раз в энное количество лет появляется, ввергает всех в шок какой-нибудь экстравагантной покупкой и снова исчезает. Имя у него, кажется, голландское, но откуда он, точно неизвестно. Может, из Швейцарии или Южной Америки. Человек-загадка. Короче, когда сам Йикинстил выражает интерес к какому-то художнику, за этим следует страшный ажиотаж. Страшенный.

Розовая официантка успела дополнить свой эклектичный наряд

шарфиком и теперь собирала посуду с опустевшего столика. Соня подозвала ее:

— Дорогая, можно еще водки с соком? И моему другу тоже.

Глава 27

Есть о чем подумать

Гурни не понимал, как реагировать на новость. Всю дорогу домой он мучительно пытался отвлечься и подумать о чем-нибудь еще.

Он ничего не понимал в «мире искусства», кроме того, что этот мир населен людьми, настолько же не похожими на полицейских, как попугаи не похожи на ротвейлеров. Год назад, занимаясь портретами, он не успел толком окунуться в эту среду, если не считать нескольких визитов в галерею, — но там не водились богатые коллекционеры и не продавали кресла модельеров за баснословные деньги. И ничто не предвещало, что человек со странным именем Яй Йикинстил захочет купить ретушированное фото маньяка за сто тысяч долларов.

Помимо фантастического предложения его также взволновала чересчур откровенная заинтересованность Сони. Не только в проекте, но и в нем. Она даже намекнула, что если выпьет больше, чем дозволено, чтобы сесть за руль, то, пожалуй, снимет номер в мини-гостинице при «Гарцующей утке». Судя по интонации, это был даже не намек, а явное приглашение, и отказ потребовал от Гурни самообладания, какого он за собой даже не подозревал. Хотя, возможно, самообладание — слишком громкое слово. Просто он никогда не изменял Мадлен и не собирался внезапно начинать это делать.

Впрочем, он не был до конца уверен, что именно отказался от приглашения, а не отложил согласие.

Они договорились встретиться с Йикинстилом в субботу в Манхэттене, обсудить сделку и, если она окажется юридически прозрачной, принять предложение. Соня была готова выступить брокером и заниматься деталями. Получалось, что Гурни вовсе не отверг ее, а, напротив, добровольно вовлекал в свою жизнь.

От этих мыслей его била неприятная дрожь. Он попытался отвлечься на дело Перри, не без иронии отметив, что рассчитывает успокоиться, думая о кровавых подробностях.

Метания утомили его настолько, что он задремал за рулем и чуть не разбился. Он проснулся лишь потому, что у обочины оказалась здоровенная

яма, на которой машину как следует трянуло, и он, очнувшись, успел вовремя вырулить обратно на дорогу. Спустя несколько километров он притормозил у автозаправки, где купил стаканчик мутного кофе, надеясь замаскировать нехорошую горчинку дополнительной порцией молока и сахара. Вкус все равно был отвратительным.

В машине он достал список из папки по делу Перри и позвонил сначала Эштону, а потом Уитроу Перри, но оба раза попал на автоответчик. Эштона он просто попросил перезвонить, а Перри сказал, что хотел бы встретиться в ближайшее время, добавив в конце: «Если я забуду, напомните, что я хотел задать вопрос насчет вашего „Везерби“».

Как только он нажал отбой, телефон зазвонил.

— Дэйв, это Вэл. Вам нужно съездить на одну встречу.

— Что за встреча?

Она ответила, что говорила с окружным прокурором Клайном и пересказала ему все, что узнала от Гурни.

— Что именно вы пересказали?

— Что у истории двойное дно, которого копы в упор не видят, что они упускают вероятный мотив мести, что Флорес — наверняка никакой не Флорес и что если они продолжают искать мексиканского нелегала, то никогда никого не найдут. Еще я сказала, что они напрасно тратят и свое, и мое время и что я в жизни не имела дела с такими олигофренами.

— Вы действительно назвали их олигофренами?..

— Они за четыре месяца не нарыли и половины информации, которую вы обнаружили за два дня! Как их после этого называть?

— Боюсь, что вы швырнули кирпич в пчелиный улей.

— Если это подстегнет их к работе, то пусть жужжат.

— Клайн что-нибудь ответил?

— Клайн был сама дипломатичность. Мой муж — точнее, деньги моего мужа — кое-что решают в политике Нью-Йорка, так что прокурор выразил желание быть в курсе альтернативных взглядов на дело. Еще он, по-видимому, неплохо вас знает. Спросил, каким образом вы задействованы в расследовании. Я ответила, что вы просто мой консультант. Дурацкое слово, но его это, кажется, удовлетворило.

— Вы упоминали какую-то встречу?..

— Да, завтра в три, в его офисе. Вы, он и еще какие-то люди из штата — он не уточнял. Съездите?

— Съезжу.

Он вышел из машины, чтобы выбросить остатки кофе в мусорку у заправочных автоматов. Мимо тащился выдавший виды оранжевый

трактор, влача за собой прицеп с сеном и источая дизельную вонь, смешанную с запахом навоза. Когда Гурни вернулся в машину, телефон опять звонил.

— Это был Эштон.

— У вас новые вопросы?

— Мне нужны имена одноклассниц Джиллиан начиная с ее поступления в Мэйплшейд, а также имена ее терапевтов, психиатров — любых специалистов, кто регулярно имел с ней дело. И было бы неплохо составить список потенциальных врагов — людей, которые даже теоретически могли желать зла ей или вам.

— Боюсь, вы требуете невозможного.

— Но речь всего лишь о списке имен.

— Видимо, я недостаточно внятно объяснил, что в Мэйплшейде действует строжайшая политика конфиденциальности. Из всей документации у нас есть только юридически необходимые бумаги, которые требует государство. Мы храним данные о бывших сотрудниках ровно до момента полной выплаты налогов, а затем их уничтожаем. У нас не фиксируются никакие «диагнозы» и не ведутся «истории болезни», потому что официально мы этим не занимаемся. Словом, мы не разглашаем ничего и никому и скорее расформируем школу, чем нарушим эту политику. Учащиеся и их семьи доверяют нам, как ни одной другой организации, и мы не допустим их компрометации.

— Складная речь, — прокомментировал Гурни.

— Я ее не раз произносил, — признался Эштон. — И, видимо, еще не раз придется.

— Список людей, с кем Джиллиан близко общалась, помог бы найти ее убийцу — неужели это не повлияет на вашу позицию?

— Нет.

— А если бы этот список мог спасти вашу собственную жизнь? Это бы тоже ничего не изменило?

— Ничего.

— Значит, вас несколько не беспокоит инцидент с чашкой?

— Гораздо меньше, чем вероятность нанести удар по Мэйплшейду. У вас больше нет вопросов?

— Как насчет врагов за пределами Мэйплшейда?

— Полагаю, у Джиллиан их везде было немало, но я не знаю никаких имен.

— А у вас?

— Конкуренты по специальности, профессиональные завистники,

бывшие пациенты с оскорбленным самолюбием... Может, пара-тройка десятков человек наберется.

— Не хотите поделиться именами?

— Не хочу. И мне пора на следующую встречу.

— Надо же, сколько у вас встреч.

— До свидания, детектив.

Телефон молчал остаток пути до Диллвида. Гурни остановился у лавки Абеяра, надеясь, что приличный кофе перебьет вкус предыдущих помоев.

Имя абонента на экране заставило его улыбнуться.

— Детектив Гурни? Это Агата Смарт, секретарь доктора Перри. Как я поняла, вы хотите встретиться с доктором, а также получить информацию о его охотничьем ружье. Это верно?

— Верно. Вы не подскажете, когда...

Она его перебила:

— Для этого необходимо подать запрос в письменной форме. После чего доктор примет решение о целесообразности встречи.

— По-видимому, я забыл упомянуть в сообщении, что мои вопросы касаются убийства его падчерицы.

— Мы так и поняли, детектив. Повторюсь, необходимо подать запрос в письменной форме. Я продиктую вам адрес?

— В этом нет необходимости, — ответил Гурни, стараясь подавить раздражение. — Вопрос у меня, в сущности, всего один: где находилось ружье вечером семнадцатого мая?

— Детектив, я вынуждена повторить снова...

— Просто передайте ему этот вопрос, мисс Смарт. Благодарю.

Глава 28

Новая перспектива

Он понял, что успел соскучиться.

Приближаясь к месту, где грунтовая дорога заходила на их владения и превращалась в поросшую травой колею, он увидел, как хищная птица сорвалась с дерева слева и полетела к пруду. Когда она превратилась в точку над дальними кронами, Гурни заметил Мадлен. Она сидела на потрескавшейся скамейке у пруда, почти невидимая за рогозом. Он остановился у старого сарая, вышел из машины и помахал ей рукой.

Расстояние между ними было немаленьким, но Гурни показалось, что

она слегка улыбнулась в ответ. Он почувствовал жгучее желание поговорить с ней и пошел по тропинке, которая змеилась сквозь траву в направлении скамейки. Вокруг царил невероятная тишина.

— Я посижу с тобой?

Она кивнула молча, словно из уважения к тишине.

Гурни сел рядом и уставился на спокойную поверхность пруда, где отражались выцветшие клены. Когда он перевел взгляд на Мадлен, то подумал, что не она сидит в тишине, а наоборот — всепронизывающее молчание снаружи было продолжением ее внутреннего покоя, словно источник умиротворения и тиши был в ней самой. Его не в первый раз посещал этот образ, и он всегда отмахивался, брезгуя собственной сентиментальностью.

— Хочу с тобой посоветоваться, — произнес он, — мне нужно кое-что понять.

Она продолжила молчать. Он добавил:

— У меня сегодня был ужасно странный день.

Мадлен взглянула на него многозначительным взглядом, который говорил одновременно: «Еще бы день был не странный, ты же ввязался в это дурацкое расследование!» и «Я внимательно тебя слушаю».

— По-моему, — продолжил Гурни, — у меня скоро лопнет голова. Ты видела утром мою записку?

— Насчет твоей подружки из Итаки?

— Она мне не подружка.

— А кто — консультантша?

Гурни поборол в себе желание начать оправдываться.

— В Галерею Рейнольдс пришел какой-то богатый коллекционер, которого интересуют мои прошлогодние портреты серийных убийц.

Мадлен насмешливо подняла бровь, явно адресуя насмешку его жалкой попытке подменить имя Сони названием галереи.

— Он обещает сто тысяч за каждый оригинальный отпечаток.

— Что за бред?

— Соня считает, что это серьезное предложение.

— Ты с ней, случаем, не в дурке встречался?..

Где-то в зарослях рогоза раздался громкий всплеск. Мадлен улыбнулась:

— Вот это да.

— Ты сейчас про лягушку?

— Прости.

Гурни закрыл глаза, стараясь справиться с досадой, что Мадлен не

впечатлила его внезапная удача.

— В каком-то смысле мир искусства и есть одна большая дурка, — произнес он. — Зато у некоторых пациентов куча денег.

— Что именно он хочет купить за эти сто тысяч?

— Уникальный принт. Возьму портреты, которые ретушировал в том году, и как-нибудь обработаю, чтобы они отличались от тех, что в галерее.

— И он реально хочет за это заплатить?

— Со слов Сони, да. Возможно, он даже захочет купить несколько принтов, а не один. Итоговая сумма может оказаться семизначной.

— Семизначной? Больше миллиона?

— Да.

— Н-да, в этом... что-то есть.

Он нахмурился.

— Ты нарочно реагируешь так вяло?

— А как мне отреагировать?

— С любопытством? С радостью? С предположениями, куда потратить кучу денег?

Она сделала вид, что задумалась, а потом улыбнулась:

— Можно месяц пожить в Тоскане!

— Ты способна потратить там миллион долларов?..

— Какой-токой миллион?

— Я же сказал: семизначная сумма.

— Да, я расслышала. Но как-то не вижу причин этому верить.

— Соня никогда меня не обманывала. Коллекционера зовут Яй Йикинстил. В субботу я с ним встречаюсь.

— Где, в городе?

— Ты спрашиваешь таким тоном, словно мне забили стрелку на помойке.

— Что именно он коллекционирует?

— Понятия не имею. Какие-то арт-объекты, которые кажутся ему стоящими.

— И тебя несколько не смущает, что он готов платить баснословные сотни тысяч за подретушированные рожи людских отбросов? Что он за человек?

— В субботу узнаю.

— Ты себя вообще слышишь?!

Тон, которым он ей ответил, устраивал его еще меньше, чем интонации Мадлен.

— Что тебя так беспокоит?

— Ты же человек-рентген, ты обожаешь всех и вся просвечивать насквозь.

— Не понимаю.

— Я тебя не узнаю! Ты вечно с жуткой скрупулезностью разглядываешь людей и явления на предмет малейших несостыковок. Но почему-то в этой истории, где несостыковка на несостыковке, тебя ничто не настораживает!

— Пока что мне просто интересно, с кем я имею дело. Послушаю, что расскажет сам Йикинстил.

— Логично, — произнесла она таким тоном, что было очевидно: с ее точки зрения, логикой и не пахнет. Затем она спросила: — Почему у него такое дурацкое имя?

— Йикинстил? Голландец, наверное.

Она усмехнулась.

— По-моему, это имя какого-то чудища из детской страшилки.

Глава 29

Среди пропавших без вести

Мадлен готовила на ужин пасту с креветками, а Гурни листал в подвале старые выпуски «Санди Таймс», припасенные для садовых нужд: какая-то из подруг Мадлен рассказала, что можно на грядках перекадывать слои удобрения газетами. Он надеялся найти выпуск, где была та развратная реклама с Джиллиан: там должны были значиться агентство и имя фотографа. Он уже собирался позвонить Эштону, чтобы уточнить, не помнит ли он их сам, когда обнаружил то, что искал. Фотография, по иронии, оказалась в выпуске, датированном днем смерти Джиллиан.

«Агентство „Карнала“, фото Алессандро». Гурни хотел переписать данные, но потом взял журнал наверх и положил на стол, где Мадлен уже расставляла тарелки. Помимо обозначения авторских прав на фотографии была еще одна строчка мелким, изящно небрежным шрифтом: «Уникальные дизайнерские ансамбли от \$100,000».

— Что это? — с неприязнью спросила Мадлен.

— Реклама неадекватно дорогих шмоток. А также фотография жертвы.

— Жертвы?..

— Джиллиан Перри.

— Той самой невесты?

— Той самой.

Мадлен присмотрелась к снимку, на этот раз с любопытством.

— Обе девушки — это она, — объяснил Гурни, на что Мадлен нетерпеливо кивнула, как бы имея в виду, что это очевидно.

— И этим она зарабатывала на жизнь?

— Пока неизвестно. Может, это единичная фотосессия, а может, она часто снималась. Когда я увидел этот снимок у Эштона на стене, я так обалдел, что забыл спросить.

— У него это висит дома? Он овдовел и повесил в память о жене вот это?.. — она покачала головой.

— Эштон отзывается о Джиллиан в том же ключе, что и ее мать: она была уникально умна, невозможна в общении и буквально пронизана похотью. Что интересно, все это можно сказать и о расследовании. Все, с кем приходится иметь дело, либо гении, либо психи, либо... даже не знаю, как сказать. Представь: сосед Эштона, чья жена предположительно сбежала с убийцей, проводит время с игрушечными паровозиками под наряженной елкой. Не помню, когда я в последний раз был настолько ошарашен. Или взять след убийцы — собака шла по нему ровно до мачете в лесу, а дальше след прервался. Это на первый взгляд означает, что убийца прошел до этого места, а потом вернулся тем же путем в домик. Но там негде прятаться! Каждый раз, как мне кажется, будто я наконец что-то нащупал, выясняется, что моим домыслам нет никаких осязаемых подтверждений. Вариантов масса, один круче другого, но под ними — пустота.

— И какой из этого вывод?

— Нужно искать улики, свидетелей, которым можно верить... А пока все, что у меня есть, — это набор историй без доказательств. И чем история любопытнее, тем сильнее искушение принять ее за рабочую версию, начать мыслить предвзято, даже не замечая, что тебя просто увлек сюжетный потенциал. Ладно, давай поужинаем. Может, после еды я наконец что-то соображу.

Мадлен поставила на середину стола большую миску с паппарделле и креветками в томатно-чесночном соусе. Разложив все по тарелкам, она приправила еду базиликом, и они наконец сели ужинать.

Немного насытившись, Мадлен принялась задумчиво гонять креветку вилкой по тарелке.

— Как говорится, яблочко от яблони недалеко падает.

— М-м-м?

— У матери много общего с дочерью.

— В том смысле, что обе эксцентричные?

— Можно и так сказать.

Мадлен еще с минуту помучила креветку, а потом спросила:

— Ты уверен, что там не спрятаться?

— Где «там»?

— В домике.

— Почему ты спрашиваешь?

— Мне вспомнился какой-то старый фильм ужасов, где домовладелец прятался в специальных пустотах между стенами и наблюдал за жильцами сквозь крохотные смотровые отверстия.

Зазвонил городской телефон.

— Там всего три крохотные комнаты, — сказал Гурни, поднимаясь, чтобы взять трубку.

Она пожала плечами:

— Просто вспомнилось. Очень уж страшное было кино...

Гурни шагнул в кабинет и подхватил трубку на четвертом звонке.

— Детектив Гурни?.. — голос был женский и очень неуверенный.

— Да. С кем я говорю? — В трубке раздалось нерешительное сопение. — Алло?

— Я тут. Наверное, я зря звоню... Но я хочу вам кое-что рассказать.

— Представьте, пожалуйста.

Помедлив, голос ответил:

— Саванна Листон.

— Очень приятно. Чем могу помочь?

— Вы знаете, кто я?

— Откуда я могу вас знать?

— Просто я думала, вдруг он меня упоминал...

— Простите, вы о ком?

— Доктор Эштон. Я его ассистентка. Одна из.

— Ясно.

— Вот поэтому я и звоню. То есть поэтому не надо было звонить, но... вы же частный детектив, да?

— Саванна, что толкнуло вас мне позвонить?

— Сейчас скажу. Только вы никому не передавайте, ладно? А то меня уволят.

— Если вы не собираетесь кому-нибудь навредить, я даже юридически не обязан никому разглашать содержание нашего разговора.

Эта бессмысленная фраза, которую он за свою карьеру произносил несколько сотен раз, почему-то ее успокоила.

— Хорошо. В общем, мне это кажется важным. Я слышала сегодня, как доктор Эштон говорил с вами по телефону. Вроде бы вы спрашивали насчет одноклассниц Джиллиан, а он сказал, что не может выдать их имена?

— Примерно так.

— А зачем вам имена?

— Извините, Саванна, этого я рассказать не могу. Но все же объясните, почему вы сочли важным мне позвонить.

— Я знаю два имени.

— Подруг Джиллиан?

— Да. Я тоже там училась, и мы иногда вместе тусили. Вот поэтому и звоню. Понимаете, происходит что-то странное... — ее голос задрожал, словно она собиралась заплакать.

— Что странное, Саванна?

— Эти подруги Джиллиан... они обе пропали сразу после выпускных.

— В каком смысле «пропали»?

— Поехали домой, но дома их так и не дождались. От них нет вестей с того самого лета. А еще... — она стала всхлипывать.

— Я вас слушаю, Саванна.

— Они обе говорили, что не прочь перепихнуться с Гектором Флоресом.

Глава 30

Модели Алессандро

Когда он повесил трубку, у него было с полдюжины полезных ответов на дюжину вопросов, а также имена двух одноклассниц Джиллиан и звон в ушах от многократно повторенной просьбы ничего не говорить Эштону.

Он поинтересовался, почему она так боится доктора. Девушка ответила, что совсем его не боится и он вообще чуть ли не святой, но ей неловко, что она звонит Гурни за его спиной, и если он узнает, то ему будет неприятно, что она ему не доверяет.

А почему она ему не доверяет? Вообще-то, конечно, доверяет, и даже очень, вот только доктора, кажется, совсем не волнует, что те две девушки пропали.

Знает ли Эштон, что они пропали? Разумеется, она ему говорила, но он сказал, что выпускницы Мэйплшейда часто принимали решение не возвращаться в семью, так что ничего необычного в их исчезновении нет.

Откуда девушки знали Гектора? Доктор Эштон иногда привозил его в Мэйплшейд заниматься клумбами. Он был красавец, и многие девушки очень им интересовались.

Когда Джиллиан училась в Мэйплшейде, с кем из преподавателей она общалась ближе всего? С доктором Саймоном Кейлом, который был кем-то в правлении школы, но потом ушел на пенсию и уехал в Куперстаун. Она науглила телефон Гурни в Интернете, так что телефон доктора Кейла наверняка найдется таким же образом. Он ворчливый старик, но может знать что-нибудь важное про Джиллиан.

Почему она решила все это рассказать Гурни? Потому что она до сих пор иногда не спит ночами, воображая всякие ужасы насчет пропавших девушек, а он все-таки детектив. Доктор Эштон объяснял, что многие ученицы родом из нездоровых семей и, поправившись, они хотят начать новую жизнь подальше от родственников. Некоторые даже имена меняют, чтобы их не нашли. Он прав, конечно. Только ночью, когда темно, ее мучают совсем другие мысли, от которых становится страшно.

Эти две подружки любили глазеть на голый торс Гектора, когда тот занимался посадками и разгуливал без рубашки. Но у них было еще кое-что общее.

И что же? После выпуска из школы обеих пригласили сниматься для модной рекламы, как и Джиллиан.

Когда Гурни вернулся на кухню, Мадлен стояла, склонившись над раскрытым на столе журналом «Таймс». Он снова взглянул на снимок и почувствовал, как ему опять становится неприятно от самодовольной похоти, которую излучал сюжет.

Мадлен с интересом взглянула на него, и он решил, что это безмолвный вопрос относится к звонку. Воодушевленный ее любопытством, он пересказал разговор с Саванной. Любопытство тут же превратилось в беспокойство.

— Надо узнать, почему о девушках ничего не слышно.

— Согласен.

— Может, связаться с полицией по месту жительства?

— Тут все сложнее. Девушки — одноклассники Джиллиан, а значит, им уже по девятнадцать. С точки зрения закона это взрослые люди. Если родственники или кто-то из знакомых не подали в розыск, то полиция ничего не сможет сделать. Хотя... — он достал из кармана мобильный и выбрал из списка номер Эштона.

После четвертого гудка включился автоответчик, но Эштон успел

перехватить звонок — очевидно, увидев номер абонента.

— Добрый вечер, детектив.

— Простите, доктор, что снова беспокою. Но тут кое-что всплыло.

— Расследование продвинулось?

— Пока не знаю, но информация определенно важная. Я помню, что вы говорили про политику конфиденциальности в Мэйплшейде. Однако тут ситуация, требующая исключения из правил. Мне нужны данные о выпускниках.

— Я думал, что достаточно внятно объяснил вам: исключений не бывает. В Мэйплшейде соблюдается абсолютная конфиденциальность. Абсолютная.

Гурни начал злиться.

— Может, вам хотя бы интересно узнать, с чем мы столкнулись?

— Расскажите.

— Предположим, появилась причина считать, что Джиллиан была не единственной жертвой.

— То есть?..

— Предположим, Флорес убил нескольких учениц Мэйплшейда.

— Не понимаю...

— Есть веские доказательства, что некоторые из выпускниц, знавшие Флореса, пропали. Ввиду чего целесообразно уточнить местонахождение всех одноклассниц Джиллиан.

— Вы соображаете, о чем говорите? И что это за «веские доказательства»?

— Источник информации не принципиален.

— Как это не принципиален? Откуда вы знаете, что ему можно доверять?

— Доктор, речь может идти о спасении человеческих жизней. Подумайте об этом.

— Подумаю.

— Я имею в виду, подумайте прямо сейчас.

— Мне не нравится ваш тон, детектив.

— А как вам нравится, что кто-то из выпускниц мог — и все еще может — погибнуть из-за вашей драгоценной «абсолютной конфиденциальности»? И как вам нравится идея объясняться с полицией, если это подтвердится? А еще с журналистами, скорбящими родителями... Подумайте и перезвоните, если вам найдется что сказать. Мне надо сделать еще пару звонков, — он повесил трубку и выдохнул.

Мадлен внимательно посмотрела на него, усмехнулась и произнесла:

— Тоже подход.

— А ты бы как поступила?

— Нет-нет, мне вполне нравится, как у тебя получилось. Но ужин остыл. Разогреть?

— Давай.

Он набрал в легкие воздуха и медленно выдохнул, надеясь совладать с адреналином.

— Саванна дала имена девочек — точнее, девушек — которые, по ее словам, пропали. И телефоны родителей. Как думаешь, звонить прямо сейчас?

— А это разве твоя работа? — спросила Мадлен по дороге к микроволновке.

— Хороший вопрос, — кивнул он, садясь обратно за стол. Реакция Эштона его бесила, и хотелось срочно что-нибудь сделать, но по здравому размышлению пропажей девочек должна была заняться полиция. Это была сложная процедура — определить, что человек действительно «пропавший», а затем внести его в соответствующие списки, которые потом расходились по базам данных. К тому же розыск совершенно точно был делом не для частника-одиночки, особенно если речь шла о нескольких пропажах с подозрением на похищение или что похуже. Зато рассказ Саванны пришелся очень кстати перед встречей с прокурором и обещанным представителем из бюро расследований. Гурни решил, что просто сообщит им все как есть, и пусть они разбираются.

А пока имело смысл поговорить с Алессандро.

Гурни принес из кабинета ноутбук и положил его на место тарелки.

Поиск по сетевой версии телефонной книги Нью-Йорка выдал несколько человек с такой фамилией. Разумеется, Алессандро больше походило на имя или творческий псевдоним, призванный наделять работы автора специфичным флером. Однако ни в одной компании соответствующей направленности такого имени не нашлось — ни в фотоагентствах, ни в рекламе, ни в маркетинговых, дизайнерских и модельных конторах.

Коммерческим фотографам несвойственна неуловимость, если речь не идет о ком-нибудь настолько успешном, что все, кто надо, и так знают, как с ним связаться, и для кого невидимость для широкой публики — составная часть имиджа, как у модных клубов без вывески.

Гурни подумал, что если фотография у Эштона от самого Алессандро, то у него наверняка есть и контакты, но момент, чтобы об этом справиться, был неудачным. Вэл Перри, в теории, тоже могла что-то знать — например,

его полное имя. Но с этим предстояло разбираться завтра. Сейчас важно было сохранять ясную голову. Оставалась вероятность, что ассистентка Эштона просто не знает новых телефонов одноклассниц. А если они позировали тому же фотографу, что и Джиллиан, это могло быть ничего не значащим совпадением, как и их общий интерес к Гектору. Гурни закрыл ноутбук и опустил его на пол рядом со стулом.

Мадлен вернулась с тарелками — от пасты и креветок снова шел пар — и села за стол.

Гурни взял вилку, потом снова положил ее. Повернулся, посмотрел за французские двери — но сумерки уже сгустились настолько, что не было видно ни патио, ни сада, а в стекле отражались они с Мадлен, сидящие за столом. Гурни невольно удивился собственному лицу — такие резкие черты, такое серьезное выражение. Совсем как у отца.

Его тут же накрыла волна разрозненных воспоминаний. Мадлен с интересом наблюдала за ним.

— О чем ты думаешь?

— Что? А, да так... об отце.

— И что ты о нем думаешь?

Он моргнул.

— Я рассказывал тебе историю про зайцев?

— Кажется, нет.

— Когда мне было пять или шесть, я все время просил отца рассказать про детство. Он вырос в Ирландии, а у нас висел календарь с фотографиями Ирландии, так что я примерно знал, как она выглядит. Календарь привез сосед, который был там в отпуске. На картинках все было такое зеленое, каменистое, немножко сказочное. И мне представлялось, что это волшебная страна — видимо, потому что она была совсем не похожа на наш Бронкс.

Гурни так и не научился говорить о районе своего детства, не кривясь. Впрочем, как и о самом детстве.

— Отец был неразговорчив. Во всяком случае, со мной и матерью он говорить не любил. Из него почти ничего нельзя было вытянуть про детство. Но однажды я его все-таки достал и он рассказал одну историю. За домом его отца было поле. Он так и говорил: «за домом моего отца», и мне даже тогда было странно, ведь он и сам там жил. В общем, там было большое поле, за ним — низенькая каменная стена, а за ней — поле еще большего размера, и через него бежал ручей. А где-то совсем вдалеке виднелся холм. Дом был бежеватого цвета с темной соломенной крышей. На участке цвели нарциссы и бегали белые утки. Помню, как лежу перед

сном и пытаюсь это представить — уток, нарциссы, поле и холм. Все думал: вот вырасту и поеду туда... — он замолчал, и это молчание вышло тоскливым.

— Так что за история?

— Что?

— Ты говоришь, отец рассказал тебе какую-то историю.

— Да. У него был друг Лиэм, они вместе охотились на зайцев с рогатками. Для этого надо было выйти в поле на рассвете, когда на траве еще лежит роса, тогда заячьи тропки в высокой траве виднее. Отец с Лиэмом ходили по этим тропкам. Иногда они заканчивались в зарослях ежевики, а иногда под каменной стеной. Отец даже помнил, какого размера были заячьи норы. Они ставили у этих нор и на тропках силки.

— И зайцы попадались?

— Если кого и ловили, то потом отпускали.

— А рогатки зачем?

— Отец говорил: «На всякий случай», — ответил Гурни и снова замолчал.

— Это вся история?

— Да. Понимаешь, все эти мелкие подробности так въелись в мою память, я так часто перебирал их в уме — представляя, что я там, с ними, иду по заячьему следу в траве — что эта чужая история стала самым ярким воспоминанием моего собственного детства.

Мадлен улыбнулась.

— Я тоже помню вещи, которых никогда не видела — если кто-нибудь интересно рассказывал. Помню не то, что было на самом деле, а то, что я представляла.

Он кивнул.

— Много лет спустя, когда мне было уже за тридцать, а отцу за шестьдесят, мы говорили по телефону, и я вспомнил эту историю. Помнишь, говорю, ты рассказывал, как вы с Лиэмом ходили в поле на рассвете, с рогатками? А он не понял, о чем речь. Тогда я стал повторять детали: заросли ежевики, ручей, стена, заячьи тропки... Отец сказал: ах, это... так этого не было. И сказал таким тоном, словно только идиот мог в такое поверить, — голос Гурни нехарактерно дрогнул. Он нарочито закашлялся, чтобы замаскировать дрожь.

— Значит, он все придумал?

— До последнего слова. И что самое обидное — это единственная история, которую я знаю о его детстве.

Глава 31

Терьерчики

Гурни сидел на стуле, разглядывая свои руки. Морщинистые, сухие — он совсем не так их представлял, если не смотрел на них. У отца были такие же.

Мадлен задумчиво убирала со стола. Когда вся посуда уже лежала в раковине, залитая горячей мыльной водой, она выключила кран и произнесла довольно будничным тоном:

— Паршивое у него было детство.

Гурни перевел на нее взгляд.

— Видимо, да.

— Мы женаты двенадцать лет, а я его видела всего трижды.

— Такая уж наша порода...

— Ты про вас с отцом?

Он кивнул, что-то вспоминая.

— В квартире, где я вырос, в Бронксе, было четыре комнаты: тесная кухонька, где готовили и ели, гостиная и две маленькие спальни. Нас тоже было четверо: мать, отец, я и бабушка. И как-то так выходило, что почти в любой момент времени каждый из нас был один в одном из помещений, хотя мама с бабушкой иногда вместе смотрели телевизор в гостиной. Отец сидел на кухне и не выходил к ним, я тоже оставался у себя, — он издал смешок, которого сам испугался, настолько отчетливо в нем прозвучал отцовский сарказм.

— Помнишь, одно время у всех были такие игрушечные терьерчики с магнитами? Можно было поставить их так, чтобы их тянуло друг к другу, или так, чтобы друг от друга отталкивало. В нашей семье всех, как этих терьерчиков, друг от друга отталкивало, и мы расходились по своим углам. Каждый старался быть подальше от всех остальных.

Мадлен молча его дослушала, затем снова включила воду и принялась мыть посуду и складывать ее в сушку возле раковины. Закончив, она выключила свет над кухонным островком и отправилась в другой конец комнаты, где села в кресло у камина, включила торшер и достала из лежавшего на полу мешочка вязание — ярко-красную шерстяную шапку. Время от времени она поворачивалась, чтобы взглянуть на Гурни, но так ничего и не сказала. Через пару часов она ушла спать.

Гурни тем временем перенес из кабинета стопки документов по делу Перри, которые пришлось убрать к приходу Микеров.

Он читал протоколы допросов свидетелей и расшифровки записанных на диктофон разговоров с теми, кого пригласили на беседу в бюро расследований. Было удивительно, что в столь огромном объеме информации столь мало полезного содержания.

Например, история про йогу нагишом. Вообще неясно, зачем ее присовокупили к делу. Пятеро жителей Тэмбери видели, как за месяц до убийства Флорес стоял на одной ноге посреди павильона на участке Эштона — он был абсолютно голым, глаза закрыты, а руки сложены перед грудью как бы в молитве. Предположительно, это была какая-то асана. Причем из допросов следовало, что никто из свидетелей не был очевидцем, как таковым: все ссылались на «это же всем известно». Каждый говорил, что слышал историю от кого-то еще, при этом далеко не все помнили, от кого именно, и совсем никто не помнил, когда именно. Также «всем было известно», что однажды Эштон и Флорес о чем-то спорили на главной улице поселка, но опять же никто — даже двое свидетелей, снабдивших следствие основными подробностями, — не присутствовал при споре лично.

Слухов было полно, очевидцев не было вовсе.

Практически все опрошенные рассматривали убийство через призму какой-нибудь расхожей парадигмы: Монстр Франкенштейна, Месть Ревнивца, Типичный Мексиканский Криминал, Чего Еще Ждать От Геев, а также Телевизиончики Приучили Америку К Жестокости.

Не было ни единого упоминания Мэйплшейда или кого-нибудь с ним связанного, и ничто из показаний не увязывалось с гипотетическим мотивом убийства Джиллиан за какие-то прошлые грехи, который Гурни рассматривал как рабочую версию.

По двум пунктам у него было больше вопросов чем фактов: Мэйплшейд и прошлое Джиллиан. Он рассчитывал узнать ответы у доктора, которого упомянула Саванна. Саймон Кейл. Удобное имя, запоминающееся. Саймон Кейл, эпик фейл. Ох, господи. Пора отдохнуть.

Гурни подошел к раковине и умылся холодной водой. Идея выпить кофе показалась сначала хорошей, потом плохой. Он вернулся к столу, снова открыл ноутбук и меньше чем за минуту нашел в поисковике телефон и адрес Кейла. Но он так долго читал протоколы допросов, что не заметил, как наступило 11 вечера. Осмысленно ли было звонить в такое время? Или лучше утром? Ему не терпелось поскорее поговорить с доктором, напасть на след, докопаться хотя бы до частицы правды. Но час поздний, Кейл мог уже лечь спать, и тогда он вряд ли обрадуется звонку. С другой стороны, звонок в такое неудобное время сам по себе говорит о крайней важности

дела. Гурни решил все-таки позвонить.

Спустя два-три гудка в трубке раздался андрогинный голос:

— Да?

— Могу я поговорить с Саймоном Кейлом?

— Кто это? — уточнил голос неопределенного пола с раздраженной интонацией, которая показалась Гурни скорее мужской.

— Меня зовут Дэвид Гурни.

— Что мне сообщить доктору Кейлу о причине вашего звонка?

— Простите, а с кем я говорю?

— С человеком, который подошел к телефону! И, замечу, время не раннее. Так что давайте вы мне сейчас же объясните... — где-то на фоне раздался другой голос, и затем, после паузы, трубку явно передали из рук в руки.

— Кто это? — спросил требовательный голос. — Я доктор Кейл, слушаю вас.

— Добрый вечер, доктор. Я — Дэвид Гурни. Простите, что звоню в столь поздний час, но у меня к вам срочное дело. Я работаю консультантом на расследовании убийства Джиллиан Перри, и мне нужно получить кое-какую информацию о школе Мэйплшейд. Мне сказали, что вы могли бы помочь.

Ответа не было довольно долго.

— Доктор Кейл, вы слышите меня?

— Вы сказали, что работаете консультантом. Что конкретно это значит?

— Меня наняла семья Перри для составления независимого мнения о ходе и предмете следствия.

— Да что вы говорите.

— И я надеялся, что вы сможете просветить меня касательно клиентуры и философии Мэйплшейда.

— Осмелюсь предположить, что Скотт Эштон более логичный источник такого рода просвещения, — произнес доктор с заметным ядом в голосе, но затем добавил: — Я больше не работаю в школе.

Гурни воспринял этот комментарий как намек на противостояние между Кейлом и Эштоном и решил за это зацепиться.

— Верно, но я понадеялся, что как источник вы были бы более объективны, именно потому что уволились.

— Не думаю, что это тема для телефонного разговора.

— Согласен. Я живу в Уолнат-Кроссинге и могу приехать к вам в Куперстаун, если вы готовы уделить мне полчаса.

— К сожалению, я послезавтра уезжаю в отпуск на месяц, — произнес доктор, и Гурни показалось, что это честный ответ, а не попытка от него избавиться. Более того, у него сложилось впечатление, что вообще-то Кейла разбирает любопытство и, следовательно, он может сам рассказать что-нибудь любопытное.

— Доктор, я был бы вам крайне признателен, если бы вы нашли для меня время до отъезда. Завтра вечером я встречаюсь с окружным прокурором. Если вам удобно, то я заехал бы к вам по дороге.

— Вы встречаетесь с Шериданом Клайном?

— Да. И, возможно, вы могли бы качественно повлиять на ход этой встречи.

— Что ж... пожалуй... хотя мне все равно не очень понятно, кто вы такой. Мне важно знать, с кем я имею дело. Что вы можете о себе рассказать?

Гурни перечислил все свои регалии и заслуги, а также назвал имя человека, который мог бы все это подтвердить в нью-йоркском департаменте. Не без колебаний, но на всякий случай он также упомянул статью в журнале, где сообщалось о его участии в двух знаменитых расследованиях. В той статье он выглядел кем-то средним между Шерлоком Холмсом и Грязным Гарри, и лично его это смущало. Тем не менее такая слава иногда оказывалась полезна.

Кейл назначил встречу на пятницу, 12:45.

Гурни хотел как-то подготовиться, структурировать мысли и составить список вопросов, но в очередной раз обнаружил, что смесь возбуждения и усталости — не самая конструктивная среда. Пришлось смириться, что сон — единственный способ эффективно потратить ближайшие несколько часов. Но стоило ему раздеться и скользнуть под одеяло рядом с Мадлен, как зазвонил мобильный и Гурни пришлось возвращаться за ним на кухню.

Голос на том конце был хорошо поставленным и звучал породисто.

— Это Уитроу Перри. Получил ваше сообщение. У вас ровно три минуты.

Гурни быстро сосредоточился и произнес:

— Благодарю вас за то, что перезвонили, доктор. Дело в том, что я расследую убийство...

Перри грубовато его перебил:

— Я знаю, кто вы и чем занимаетесь. Что вам нужно от меня?

— Хочу задать несколько вопросов, которые помогли бы в...

— Задавайте.

Гурни с усилием подавил желание прокомментировать надменность собеседника и продолжил:

— Нет ли у вас догадок о мотиве Флореса для убийства вашей дочери?

— Нет. И Джиллиан была не моей дочерью, а дочерью моей жены.

— Хорошо. Известно ли вам о ком-то, помимо Флореса, кто мог быть в достаточно большой обиде на Джиллиан, чтобы хотеть мести?

— Нет.

— Совсем никого?

— Никого конкретного, но под подозрение можно ставить всех подряд.

— Вы не могли бы пояснить?

Перри разразился неприятным смешком.

— Джиллиан была лживая дрянь, которой нравилось всеми манипулировать. Уверен, я не первый, кто вам об этом говорит.

— Что плохого она сделала лично вам?

— Не готов это обсуждать.

— Как вы думаете, зачем доктор Эштон на ней женился?

— Спросите его.

— И все-таки я спрашиваю вас.

— Следующий вопрос.

— Она когда-нибудь говорила о Флоресе?

— Со мной — разумеется, нет. У нас не было никаких отношений. Тут стоит кое-что прояснить, детектив. Я с вами разговариваю исключительно потому, что моя супруга настроена довести это «альтернативное расследование» до конца и попросила меня вам перезвонить. Лично я считаю, что ничем не могу вам помочь, и более того, нахожу эту затею бессмысленной тратой времени и денег.

— А какие у вас отношения с Эштоном?

— Что вы подразумеваете под отношениями?

— Он вызывает у вас симпатию? Может, вы его уважаете? Или, наоборот, жалуете? Или презираете?

— Все вышеперечисленное неверно.

— Тогда что верно?

Помолчав, Перри сказал:

— Эштон мне неинтересен. Его жизнь и его личность не волнуют меня ни в малейшей степени.

— Но что-то же вы о нем думаете? Что?

— Меня на его счет интересует тот же вопрос, который вы задавали чуть раньше.

— Какой именно из вопросов?

— Зачем столь компетентному специалисту жениться на столь безнадежной психопатке?

— Вы ее ненавидели?

— Я не ненавидел ее, мистер Гурни. Не сильнее, чем можно ненавидеть, например, кобру.

— А вы могли бы убить кобру?

— Что за глупый вопрос!

— Но все же?

— Если бы кобра угрожала моей жизни, то я бы ее убил, как и вы.

— А вам когда-нибудь хотелось убить Джиллиан?

Он снова неприятно рассмеялся.

— Это проверка на вшивость детсадовского уровня.

— Это всего лишь вопрос.

— Это разговор ни о чем.

— Скажите, у вас все еще хранится то ружье 257-го калибра?

— При чем здесь, черт побери, ружье?

— Вам известно, что кто-то стрелял из подобного ружья в Скотта Эштона спустя ровно неделю после убийства Джиллиан?

— Из 257-го «Везерби»?.. Да нет, не может быть... Подождите, вы думаете, что... На что вы намекаете?!

— Никаких намеков, я просто задал вопрос.

— У вашего вопроса оскорбительный подтекст.

— Надо ли это понимать так, что ружье по-прежнему у вас?

— Понимайте как знаете. Следующий вопрос.

— Вы можете с уверенностью сказать, где было ружье семнадцатого мая?

— Следующий вопрос.

— Джиллиан когда-нибудь приводила домой друзей?

— Нет, слава богу, хотя бы этого не было. Боюсь, мистер Гурни, ваше время истекло.

— Последний вопрос. Вы случайно не знаете имени и адреса биологического отца Джиллиан?

Перри впервые за разговор помедлил с ответом.

— Имя какое-то испанское, — произнес он с некоторой брезгливостью. — Жена упоминала однажды... Круз, что ли? Анхель Круз? Адреса не знаю. Учитывая среднестатистическую продолжительность жизни торчка на метамфетамине, думаю, он не первый год прописан на кладбище.

Перри повесил трубку, не попрощавшись.

Заснуть оказалось непросто. Гурни давно заметил: если не лечь до полуночи, то потом ум еще несколько часов не унять — он все переваривает и переваривает события дня.

Он ворочался в постели без малого час, маясь в калейдоскопе образов и идей об убийстве Джиллиан, а потом вдруг заметил, что ритм дыхания Мадлен изменился. Когда он пришел в постель, она совершенно точно спала, но сейчас у Гурни было отчетливое ощущение, что она проснулась, и он понял, что ужасно хочет с ней поговорить. Хочет ее совета. Чтобы она помогла ему выбраться из трясины обрывков и домыслов, в которой он увяз. Но как в этом признаться?

Мадлен внезапно вздохнула и произнесла:

— Так что, куда потратишь свои миллионы?

Она часто так делала. Внезапно спрашивала что-нибудь, будто бы в продолжение беседы.

— Ты имеешь в виду сто тысяч? — уточнил Гурни. Мадлен в ответ промолчала. Это значило, что уточнение ей кажется неважным.

— Только это не мои деньги, а наши, — заметил он. — Ну, даже если это сугубо теоретические деньги.

— О, нет. Это твои деньги.

Он повернулся к ней, но ночь была безлунной, и ему не удалось разглядеть выражение ее лица. Мадлен продолжила:

— Сам подумай. Хобби — твое. Страшно прибыльное, как теперь оказалось. Представитель в галерее — тоже твой. Или агент, или кто она тебе. И теперь тебе предстоит встреча с новым поклонником твоей работы. Так что деньги всецело твои.

— Что-то не пойму, что ты хочешь мне сказать.

— Констатирую, что такова реальность.

— Да нет же. Все, чем я владею, принадлежит нам обоим.

Она усмехнулась:

— Что, правда не понимаешь?

— Чего?

Мадлен зевнула, и голос ее прозвучал очень устало.

— Это твой проект, Дэйв, от начала до конца твой. Я только и делала что ныла: тратишь слишком много времени, не ходишь со мной гулять, тарачишься в монитор на серийных убийц...

— Как это связано с деньгами?

— Напрямую. Ты один их заработал. Значит, они твои, — она снова зевнула. — Я спать.

Глава 32

Неуправляемое безумие

Гурни выехал на встречу с Саймоном Кейлом ровно в 11:30 утра. У него было чуть больше часа, чтобы добраться до Куперстауна. По дороге он выпил пол-литра лучшего кофе из лавки Абеяра. Подъезжая к озеру Отсега, он уже проснулся в достаточной степени, чтобы замечать характерное сентябрьское небо с легкой прохладцей.

Навигатор привел его на поросший болиголовом западный берег, где на собственном полуострове площадью в пару квадратных километров пристроился небольшой белый особняк в колониальном стиле. В открытом гараже виднелись блестящий зеленый родстер «Миата» и черное «Вольво», а у въезда припарковался красный «жук». Гурни остановился за ним и как раз открыл дверцу машины, когда из гаража вышел стильно одетый седой мужчина с парой холщовых сумок.

— Вы, должно быть, детектив Гурни?

— А вы доктор Кейл?

— Да-да, — улыбнулся он светски и пригласил его проследовать за собой по мощеной дорожке, ведущей к боковому входу в особняк.

За незапертой дверью оказалось помещение с низкими балочными потолками, как было принято в восемнадцатом веке для сохранения тепла. Вокруг царили чистота и порядок, но от обстановки в целом веяло стариной. Кейл привел Гурни на кухню с огромным открытым очагом и газовой плитой тридцатых годов. В соседней комнате кто-то играл на флейте гимн «О благодать».

Кейл положил на столешницу сумки — Гурни теперь разглядел на них логотип Адирондакского симфонического оркестра. Внутри одной виднелись овощи и багеты, а в другой — несколько винных бутылок.

— Будущий ужин, — пояснил Кейл. — Я сегодня и охотник, и собиратель, — продолжил он слегка игриво. — Но сам я не готовлю. Этим занимается мой партнер, Адриан. Он у нас и шеф-повар, и флейтист...

— Это он играет? — Гурни кивнул в сторону звуков.

— О, нет-нет-нет, Адриан играет несравнимо лучше. Это его ученик, который «жук».

— Который, простите, кто?

— Ну, он ездит на этой маленькой красненькой штучке, которая там снаружи стоит, — прокомментировал Кейл.

— Я понял, — кивнул Гурни. — Стало быть, вы ездите на «Вольво», а ваш партнер — на «Миате»?

— Почему вы решили именно так, а не наоборот?

— Наоборот было сложно предположить.

— Любопытно! Что же выдает во мне владельца «Вольво»?

— Когда вы выходили из гаража, вы шли с той стороны, где стоит «Вольво».

Кейл звучно расхохотался.

— А я уж было понадеялся, что вы ясновидящий.

— Увы.

— Может быть, чаю? Нет? Тогда идемте в гостиную.

Гостиная оказалась крохотной комнаткой рядом с кухней. Меблировка состояла из двух кресел в цветочек с подставками для ног, журнального столика, книжного шкафа и небольшой дровяной печи, выложенной красными изразцами. Кейл жестом показал на одно из кресел, а сам устроился напротив.

— Что ж, детектив, изложите причину вашего визита.

Гурни впервые обратил внимание, что взгляд Кейла вопреки его непринужденному поведению внимательный и даже пристальный. Перед ним был человек, которого сложно обмануть или пробрать лестью. Гурни собирался воспользоваться его неприязнью к Эштону, проявленной в телефонном разговоре, чтобы получить полезную информацию. Вместо прямого ответа он пожал плечами и произнес:

— Не могу сформулировать причину. Пожалуй, я сейчас вслепую перебираю все версии подряд.

— Бросьте скромничать, — произнес Кейл, рассматривая его.

Гурни несколько удивился такому ответу, но парировал:

— Это не скромность, а честное признание в растерянности. В этом расследовании слишком много неизвестных. Никто ничего не знает наверняка.

— Кроме убийцы? — улыбнулся Кейл и глянул на часы. — И все же вы пришли с какими-то вопросами.

— Расскажите все, что можете, про Мэйплшейд. Что за девочки туда попадают, что за люди идут туда работать, какие есть ключевые моменты, что вы сами там делали, почему уволились...

— Вас интересует Мэйплшейд до или после прихода Эштона?

— И то, и другое, но меня особенно интересует период, когда там училась Джиллиан Перри.

Кейл задумчиво прикусил губу, словно обдумывая задачу.

— Если вкратце, то история такая. На протяжении восемнадцати лет из тех двадцати, что я работал в Мэйплшейде, это было эффективное заведение терапевтического профиля для решения широкого спектра проблем эмоционального и бихевиорального толка. Но пять лет назад случилось явление Скотта Эштона. С фанфарами — звезда современной психиатрии, великий новатор, идеальный кандидат, чтобы двигать школу на первые позиции в индустрии. Однако, как только он обосновался на месте директора, он принялся сужать специализацию, занимаясь все более и более патологическими случаями — девочками, которые морально и физически насильвовали других детей. Школу заполнили одержимые сексом девицы с жутким анамнезом, пережившие инцест и как жертвы, и как инициаторы. Эштон превратил Мэйплшейд из заведения для реабилитации сложных подростков в унылое прибежище сексуальных маньячек и психопатов.

Гурни показалось, что Кейл не в первый раз произносит эту речь ровно такими словами, однако эмоции за ними были искренними. И на недолгий, но показательный момент выверенную игривость вытеснила настоящая злость.

В повисшей тишине раздалась мелодия баллады «Милый Дэнни».

Память затянула Гурни внезапно и коварно, словно разверзшаяся могила. Надо было сейчас же извиниться, придумать уважительный повод прервать разговор, уйти отсюда, бежать... Пятнадцать лет прошло, а песня все еще была невыносимой.

И тут мелодия прервалась. Гурни застыл, тяжело дыша, словно оглушенный солдат в окопе, в настороженном ожидании, что стрельба вот-вот возобновится.

— Что с вами? — спросил Кейл, с любопытством наблюдая за ним.

Первым порывом было солгать, не допустить чужого человека до раны. Но затем Гурни решил, что правда — всего лишь правда, и ответил:

— Так звали моего сына.

— Простите, как? — растерялся Кейл.

— Дэнни.

— Я что-то не улавливаю...

— Там, в комнате, сейчас играла флейта... да неважно. Накрыло воспоминание. Простите, что отвлек. Вы описывали трансформацию контингента в школе.

Кейл поморщился.

— «Трансформация» — определенно не то слово, которое я бы выбрал

для такой катастрофы.

— Однако школа продолжает считаться эффективной, верно?

Кейл усмехнулся, и глаза его сверкнули:

— Знаете, сколько люди готовы платить, чтобы сбегать от неуправляемого и неадекватного подростка? И чем кошмарнее поведение такого подростка, тем больше семья заплатит!

— То есть они платят не за то, чтобы их дети поправились?

Кейл снова усмехнулся:

— Если вы обнаружите, что ваше двенадцатилетнее исчадие насилует пятилеток, поверьте, вас будет заботить не лечение, а как бы любой ценой сослать этого монстра с глаз долой, пусть бы и на несколько лет.

— Значит, именно такой «контингент» попадает в Мэйплшейд?

— Именно.

— И Джиллан Перри была такая?

Кейл несколько раз задумчиво моргнул, а затем произнес:

— Боюсь, в таком контексте обсуждение специфических персоналий юридически чревато. Так что подобной конкретики я вам предоставить не могу.

— Я представляю характер Джиллиан по рассказам. Сейчас я вспомнил ее потому, что она, кажется, попала в Мэйплшейд до появления Эштона с его реформами?

— Верно. Однако, не затрагивая именно юную Перри, могу сказать, что исходно Мэйплшейд работал с самыми разными поведенческими девиациями. И в каждый отдельно взятый момент на фоне прочих учащихся девочек было две-три особо вопиющих. То есть они были и до Эштона, просто Эштон сосредоточил на них все ресурсы. С его приходом Мэйплшейд перепрофилировался в интернат для таких, кто, дай им волю, соблазнит хоть мерина. Теперь вам стало понятнее?

Гурни задумчиво посмотрел на красные изразцы печки.

— При всем уважении к конфиденциальности и вашему желанию ее не нарушать Джиллиан Перри теперь никак не навредить. Передо мной задача — найти ее убийцу, и мне важно что-то узнать о ее круге общения до школы. Поэтому, если Джиллиан когда-нибудь с вами делилась...

— Нет-нет, исключено. Что бы она ни доверила мне, дальше меня эта информация не пойдет.

— Но риски ужасно высоки.

— Разумеется. Например, риск бесчестия. Я не разглашаю тайны, которыми со мной делились, будучи уверены, что я их сохраню. Понимаете?

— К сожалению, да.

— Если вас интересует процесс вырождения Мэйплшейда из приличного заведения в кунсткамеру, мы можем об этом поговорить. Но частных лиц я обсуждать не буду. Мы живем в скользком мире, детектив. Уверен, вы знаете, о чем я. Все зыбко. Полагаться можно только на свои принципы.

— Какой же принцип убедил вас уволиться из Мэйплшейда?

— Мэйплшейд стал интернатом для сексуальных психопатов, которым нужен не терапевт, а экзорцист.

— Значит, доктор Эштон нанял кого-то вместо вас?

— Он нанял человека на ту же позицию, — поправил Кейл, и в этой фразе сквозила ненависть.

— Кого же?

— Его фамилия — Лазарь. По-моему, это исчерпывающе его описывает.

— В каком смысле?

— В том, что доктор Лазарь поведением мало отличается от зомби.

Кейл громко выдохнул, словно поставив точку. Гурни понял, что разговор окончен.

Будто нарочно дождавшись этого момента, флейта за стенкой очнулась, и заунывные трели «Милого Дэнни» выпроводили его прочь из дома.

Глава 33

Простая перестановка

Переживание сказки, пробуждение ключевого архетипа — вот что изменило его жизнь и мир вокруг, вот во что он погрузился с той же ясностью, как в первый раз.

Словно смотришь кино — и в то же время играешь в нем сам, и постепенно забываешь, что это игра, и начинаешь по-настоящему проживать, чувствовать, осязать — куда глубже и подлиннее, чем возможно в так называемой реальности.

Сюжет повторялся из раза в раз:

Иоанн Креститель был бос и наг, не считая домотканой набедренной повязки, едва прикрывавшей срам. Она держалась на грубом кожаном ремне, за который был заткнут простой охотничий нож. Иоанн

Креститель стоял возле смятой постели в камерке, напоминавшей то ли спальню, то ли темницу, и не мог пошевелить ни руками, ни ногами, хотя не было зримых цепей или кандалов.

Тесно.

Душно.

Если потерять равновесие и упасть, можно задохнуться.

И тут в темницу спускалась Саломея. Медленно проступая сквозь мрак, она являлась ему в дымке шелка и ароматов и начинала перед ним танцевать, извиваясь, напоминая скорее змею, чем женщину. Полупрозрачные вуали одна за другой растворялись, обнажая бархатную кожу, безупречные крупные перси, округлые ягодицы. Саломея источала сладострастие. Она была само совершенство, сама страсть, сама смерть. Она танцевала, и тело ее извивалось и покачивалось, суля блаженство.

Это был зачин грехопадения.

Это была Ева, демон-суккуб.

Воплощение первобытного змея.

Чистое зло.

Похоть без прикрас.

И она танцевала — для него. Против него. Пот сверкал на вздымающейся груди, губы блестели от влаги. Она приближалась, касалась его бедром, пронзая током его плоть, а затем раздвигала ноги, скользила по коже шершавым лобком, и в его горле сгущался крик, вопль ужаса; он чувствовал, как ужас струится по венам, как сердце рывками выталкивает яд, как под небом зарождается звук — сначала слабый стон, но вот он растет, растет, просится наружу сквозь сжатые зубы, а ее глаза горят, она прижимается к его паху своим, и он наконец кричит, рычит, исторгает рев, сотрясающий мир, высвобождающий члены из невидимых пут, хватает охотничий нож — священный кинжал, — со всей мощью земли и неба, которые в нем сошлись, взмахивает этим кинжалом, очертив прекрасную и страшную дугу, и даже не замечает, как лезвие проходит сквозь потную шею.

Голова ее откидывается и падает, падает, исчезая где-то во мгле, на полу, и тело, мокрое от истомы, превращается в серый прах, который уносит поднявшийся ветер, наполняющий душу теплом, светом, покоем и знанием: вот она — его миссия.

Вот он — его путь.

Большинству людей Господь открывается медленно, постепенно,

годами. Однако на иных Он обрушивается словно вспышка молнии — освещая все вокруг, испепеляя нечистоты.

Так получилось и с ним.

Ясность и торжество первого откровения возвращались к нему каждый раз, не теряя крепости, и Великая Истина «сказки» пронизывала его с каждым новым переживанием.

Истина была проста: Саломея не отрежет голову Иоанну, как приказал Ирод, если Иоанн первым нанесет удар. Иоанн, который ожил в нем, чтобы исправить историю. Иоанн, победитель коварной Евы. Иоанн Креститель, исповедующий крещение кровью. Иоанн Каратель, стирающий первородную слизь с лица земли. Палач змеи Саломеи — воплощения предвечного зла.

Откровение придавало смысл его жизни.

Он принял его смиренно и теперь испытывал лишь бескрайнюю благодать и благодарность.

Ведь сколько людей в этом мире живет, не зная, кто они и в чем их предназначение!

Про себя он знал.

И знал, что он свое предназначение исполнит.

Глава 34

Тревога Эштона

Он позвонил, когда Гурни сворачивал на парковку у здания окружной прокуратуры. Голос звучал нервно, и в нем слышались нотки непривычной фамильярности.

— Дэйв, я насчет вчерашнего разговора... ну, про девушек, которые пропали... я тогда сослался на конфиденциальность, но все-таки решил сделать пару звонков и навести справки — сам, осторожно, не привлекая лишнего внимания. Чтобы не выдавать имен третьим лицам, понимаете?

— Понимаю.

— В результате я кое с кем созвонился и... наверное, рано делать выводы, но, похоже, происходит нечто странное.

— Что значит «странное»?

— В общей сложности я сделал четырнадцать звонков. У меня было четыре номера бывших учениц и десять номеров родителей или опекунов. С одной из учениц мне удалось поговорить, другой я оставил сообщение на автоответчике. Еще два номера больше не обслуживаются. Я также

дозвонился в две семьи, остальным восьми оставил сообщения, и двое перезвонили. Итого состоялось четыре разговора с родственниками.

Гурни пришел в некоторое замешательство от этой нервной арифметики, но решил не перебивать. Эштон продолжил:

— В одном случае — все хорошо, никаких проблем. Но в трех других...

— Пойдите, — не выдержал Гурни. — Что значит «никаких проблем»?

— Значит, что семья в курсе местонахождения девушки. Сказали, что она в колледже и они с ней говорили чуть ранее в тот же день. А по трем другим номерам ответили, что понятия не имеют, где девушки. Если абстрагироваться от нашего контекста, такой ход событий не слишком примечателен: я лично рекомендую некоторым выпускницам, особенно если речь идет о токсической зависимости, решительно сепарироваться от родителей. Бывают случаи, когда воссоединение с семьей не способствует выздоровлению. Думаю, вы понимаете, о чем я.

Гурни чуть не проговорился, что уже слышал это от Саванны, но вовремя спохватился. Эштон продолжил:

— Однако меня насторожили рассказы о том, каким именно образом эти девочки покинули дом.

— Каким же?

— Первая мать сообщила, что после выпуска дочь вела себя нехарактерно прилично на протяжении почти месяца. А затем как-то за ужином потребовала денег на покупку новой машины, а именно — родстера «Миата» за двадцать семь тысяч. Родители, естественно, отказали. Она тут же обвинила их в бессердечности, в запале вспомнила все свои детские травмы и выставила нелепый ультиматум: либо ей дают эти деньги, либо она навсегда перестает с ними разговаривать. Родители снова отказались, после чего девочка в буквальном смысле собрала вещи, вызвала такси и уехала. С тех пор звонила всего однажды — сказала, что снимает с кем-то квартиру, хочет спокойно «подумать о жизни» и что любые попытки с ней связаться или ее вернуть будет расценивать как недопустимое посягательство на ее личную жизнь. С тех пор от нее ничего не слышно.

— Вам лучше знать ваших учениц, но на первый взгляд это довольно типичная история про избалованную девицу с дурным характером, — произнес Гурни и замолчал, с интересом ожидая реакции Эштона — станет ли он как-то оспаривать такую характеристику своей выпускницы.

— Именно так, — согласился Эштон. — «Избалованная девица» топает ногами, хлопает дверью и в качестве наказания отвергает родителей.

В этом действительно нет ничего особенного.

— Тогда что вас насторожило?

— То, что все три семьи рассказали одну и ту же историю буквально слово в слово.

— Буквально?

— Да, отличалась только марка и стоимость машины. Вторая девочка требовала вместо «Миаты» за двадцать семь тысяч «BMW» за тридцать девять, а третья хотела «Корветт» за семьдесят.

— Впечатляет.

— Теперь у вас нет вопроса, что меня насторожило?

— Теперь у меня есть вопрос, что эти истории связывает. Нет ли у вас каких предположений после разговоров с родителями?

— Мне ясно одно: совпадением это быть не может. Выходит, речь о каком-то заговоре?

— У меня сходу две версии. Первая: девочки договорились между собой, хотя тут же возникает вопрос, почему они выбрали именно такой способ уйти из дому. Вторая версия: каждая по отдельности следовала инструкциям третьего лица или группы лиц, и не факт, что они вообще знали, что сценарий повторяется с кем-то еще. И здесь тоже возникает вопрос, зачем.

— То есть вы не допускаете варианта, что они договорились проверить, не удастся ли раскрутить родителей на дорогие тачки?

— Сомневаюсь.

— Договорились они между собой или ими руководил некто третий — в обоих случаях неясно, почему выбраны машины трех разных марок.

У Гурни была идея и на этот счет, но он хотел еще немного подумать.

— По какому принципу вы выбирали, кому звонить?

— Никакого специального принципа не было. Это просто одноклассницы Джиллиан.

— Одногодки? То есть им всем по девятнадцать-двадцать лет?

— Да.

— Но вы понимаете, что теперь все же придется передать списки учащихся полиции?

— У меня пока другая позиция. Что известно на настоящий момент? Три девушки, юридически совершеннолетние, ушли из дому после одинаковой ссоры с родителями. Да, паттерн вызывает вопросы, поэтому я вам позвонил. Однако я не вижу здесь криминала, требующего незамедлительного вмешательства.

— Но этих девушек было больше трех.

— Вам это наверняка известно?

— Я уже говорил...

— Да, да, — перебил Эштон, — некто анонимный сообщил вам, будто кто-то из выпускниц Мэйплшейда не выходит на связь. Но где здесь факты и доказательства? Давайте не мешать все в одну кучу. Я не хочу нарушать политику конфиденциальности из-за домыслов.

— Доктор, вы сами позвонили мне. И в вашем голосе была тревога. А теперь вы меня убеждаете, что тревожиться не о чем. Отчего такая непоследовательность?

Эштон молчал секунд пять, а Гурни слушал его нервное дыхание. Наконец доктор заговорил, на этот раз упавшим голосом:

— Послушайте, я не хочу вот так взять и уничтожить Мэйплшейд. У меня есть предложение: я попробую связаться с остальными семьями и позвоню по всем номерам, которые имеют отношение к недавним выпускницам. Прежде чем делать что-то необратимое, нужно выяснить масштабы этого зловещего паттерна. И если мы узнаем о каких-то еще аналогичных случаях...

— Хорошо, доктор, звоните. Но считаю своим долгом вас известить, что существующую информацию я намерен передать в бюро расследований.

— Поступайте, как считаете нужным. Я только прошу вас не забывать, что по большому счету вы ничего не знаете. На кону годы ценного опыта и миссия, построенная на человеческом доверии. Вы можете ее уничтожить из-за неподтвержденной догадки.

— Я понимаю, что на кону. И вы, как всегда, красноречивы, — добавил Гурни, отметив про себя, что это красноречие начинает его раздражать. — Однако что касается миссии Мэйплшейда, наверняка вы осознавали риски, выбирая для школы текущий формат?

— Осознавал, — согласился Эштон. — Расскажите, что вам известно про наш формат, а я объясню, почему его избрал.

— Если немного перефразировать, мне сказали, что вы превратили заведение для сложных подростков в зоопарк для неизлечимых чудовищ.

— Да, бытует и такая трактовка, особенно там, где перемены не способствуют карьерному росту, — вздохнул Эштон, явно намекая на Кейла, но Гурни решил не поддерживать намек.

— Какова ваша собственная трактовка?

— Я считаю, что в нашей стране переизбыток терапевтических интернатов для невротиков. А мест, где можно было бы наблюдать и лечить подростков, чья психика пострадала от деструктивной сексуальной

одержимости и насилия, толком нет. Я надеялся хотя бы отчасти восполнить нехватку.

— И как вы сами оцениваете эффективность?

Эштон снова вздохнул.

— Некоторые расстройства до сих пор принято лечить допотопными методами, и перемены в этой области даются не так легко, как всем хотелось бы. Если у вас как-нибудь найдется пара свободных часов, могу рассказать подробнее. Но сейчас я бы, с вашего позволения, продолжил обзвон.

Гурни взглянул на часы на панели.

— А я уже пять минут как опаздываю на встречу. Прошу, держите меня в курсе. И последний вопрос, доктор. У вас же есть телефон и адрес Алессандро из агентства «Карнала»?

— Кого?

Гурни молчал.

— Вы имеете в виду автора рекламного снимка? Но откуда бы у меня взяться его телефону?

— Я подумал, что снимок вам подарил сам фотограф или агентство.

— Нет. Вообще-то это Джиллиан подарила мне его на свадьбу. В то самое утро.

Глава 35

И это еще не все

Здание прокуратуры имело забавную историю. До 1935 года в нем размещался приют для душевнобольных Бамблби, основанный в 1899 году на щедрые средства британского переселенца сэра Джорджа Бамблби, по уверению лишенных наследства потомков, в момент умственного помешательства. Это служило источником вдохновения для многочисленных любителей пошутить о психической неполноценности работников инстанции, которая сюда переехала в годы Великой депрессии.

Мрачное здание из темного кирпича зловеще нависало над частью городской площади. Фасад уже давно собирались почистить пескоструйкой, чтобы избавиться от вековой копоти, но эта задача бесконечно откладывалась из-за жанрового кризиса бюджета. Последний ремонт интерьеров проводился в шестидесятых. Потрескавшиеся плафоны заменили лампами дневного освещения, а стены обшили гипсокартоном. Сложная система охраны в холле не изменилась с последнего визита Гурни

— ни внешне, ни в смысле скорости работы. Сразу за металлодетекторами все было знакомым, и минуту спустя Гурни толкнул дверь с матовым стеклом и табличкой «Окружной прокурор».

За конторкой стояла все та же обескураживающе привлекательная для своих лет Эллен Ракофф — секретарша в кашемировом свитере. Она посмотрела на Гурни критическим взглядом опытного администратора.

— Опаздываете, — констатировала она, и Гурни заметил, что Эллен определенно помнит его после дела Меллери, потому что обратилась к нему не по имени. — Идемте, — Эллен повела его по коридору к двери с табличкой «Переговорная». — Желаю удачи.

Гурни зашел и сначала подумал, что попал не на то совещание. За круглым столом в помещении без окон сидело несколько человек, но среди них не было Шеридана Клайна, к которому он, собственно, приехал. Впрочем, заметив злорадную физиономию Родригеса, он понял, что пришел по адресу.

Родригес был коренастым, мясистым мужичком с вечно недовольной физиономией и аккуратно причесанной шевелюрой. Волосы были черными и явно крашеными. Синий костюм безупречно отглажен, рубашка белоснежна, а галстук кроваво-красен. Очки в узкой оправе обрамляли темные, злые глаза.

Слева от Родригеса сидел Арло Блатт и разглядывал Гурни с плохо скрываемой враждебностью. Справа расположился некто невыразительный и слегка угрюмый. Гурни подумал, что это обусловлено скорее конституцией, чем ситуацией. Угрюмый смерил Гурни характерным для полицейских оценивающим взглядом, мельком посмотрел на часы и зевнул. Напротив этой троицы, откинувшись на стуле, восседал Хардвик. Руки его были скрещены на груди, а глаза закрыты, словно гнетущее соседство клонило его в сон.

— Привет, Дэйв, — произнес женский голос, показавшийся Гурни знакомым. Он повернулся и увидел высокую рыжую женщину, необычайно похожую на молодую Сигурни Уивер. Она стояла в дальнем углу комнаты, возле отдельного стола.

— Ребекка! Надо же, я и не думал, что ты...

— Да я и сама не думала. Шеридан позвонил утром и спросил, есть ли у меня время. Время нашлось, и вот я здесь. Будешь кофе?

— С удовольствием.

— Черный?

— Конечно.

Вообще-то Гурни предпочитал кофе с молоком и сахаром, но почему-

то не хотел признаваться Ребекке, что она не угадала.

Ребекка Холденфилд была специалистом по серийным убийцам, Гурни уже доводилось с ней работать на деле Меллери. Она вызывала у него уважение, невзирая на предубеждение против психологов-криминалистов. Но зачем Клайн ее пригласил?

В этот момент дверь открылась, и в комнату зашел окружной прокурор собственной персоной. Как обычно, Клайн был энергичен и собран. Его взгляд, подобно лучу воровского фонарика, быстро скользил по комнате, изучая диспозицию. Наконец он увидел Ребекку.

— Бекка! — воскликнул он. — Ты пришла, как хорошо! Дэйв, и ты успел. Гвоздь программы, который нас всех здесь собрал. Привет, Род! — он лучезарно улыбнулся в ответ на кислую мину Родригеса. — Спасибо, что вы все отозвались и... даже привели своих людей, — добавил он, без особого интереса смерив взглядом свиту капитана. Гурни про себя отметил, что Родригес любил играть на публику, но предпочитал, чтобы публика состояла из значимых лиц.

Ребекка подошла с двумя чашками кофе, протянула одну Гурни, а со второй села за стол.

— Старший следователь Хардвик у нас в настоящий момент в работе не задействован, — продолжил Клайн, обращаясь ко всем сразу, — но, поскольку он начинал это расследование, я счел важным его пригласить.

Опять фальшь, подумал Гурни. В действительности прокурор «счел важным» спровоцировать стычку и развлечься. Он был апологетом метода извлечения истины из спора и считал, что чем агрессивнее спор, тем лучше. Воздух в комнате так и был пропитан враждебностью, и Гурни решил, что, возможно, это является своеобразным источником энергии для вечно бодрого Клайна, который явно такую атмосферу поощрял и сейчас чуть не дрожал от накала.

— Род, я пока налью себе кофе, а ты изложи текущую версию бюро по поводу нашего дела, чтобы всем было слышно и понятно.

Гурни показалось, что Хардвик хмыкнул.

— Изложу вкратце, — начал капитан. — Насчет убийства Джиллиан Перри нам известно, что именно произошло, когда и при помощи чего. Нам также известно, кто убийца, и в настоящее время мы заняты его поиском с целью последующего ареста. Для этого объявлена крупнейшая облава в истории бюро. Это масштабная операция, она продолжается уже некоторое время — идет тяжело, но идет.

Хардвик издал какой-то сдавленный, но отчетливо скептический звук. Капитан сидел, опустив локти на стол и придерживая левый кулак правой

рукой. Он угрожающе взглянул на Хардвика, а затем продолжил:

— Мы провели более трехсот допросов и продолжаем расширять круг опрашиваемых. Билл — то есть лейтенант Андерсон — и наш Арло отслеживают и фиксируют динамику процесса.

Клайн вернулся к столу с кофе, но садиться не стал.

— Так пусть Билл нам и расскажет про динамику. Что мы знаем сегодня, чего не знали, например, спустя неделю после убийства?

Андерсон моргнул и прокашлялся.

— Ну, скажем так, за это время мы исключили множество версий, — произнес он и замолчал. Поняв по взглядам, что ответ никого не удовлетворил, он прокашлялся еще раз и переформулировал: — Были всякие вещи, про которые мы думали, что они произошли, а теперь мы знаем, что не происходили. И еще мы сейчас более четко представляем портрет убийцы. Он настоящий псих.

— Какие именно версии были исключены? — уточнил Клайн.

— Например, стало известно, что никто не видел, как Флорес покидает Тэмбери. Он не вызывал такси по телефону, не арендовал автомобиль в службах проката, и никому из водителей местных автобусов не запомнился человек с соответствующим описанием. Собственно, мы не нашли никого, кто видел убийцу после убийства.

Клайн обескураженно моргнул.

— Постойте, я что-то не понял...

Андерсон продолжил:

— Понимаете, иногда то, чего мы не нашли, не менее важно, чем то, что мы нашли. Например, Флорес отскреб домик садовника до такого состояния, что на месте не обнаружили вообще никаких следов его самого или кого бы то ни было еще, кроме жертвы. Он тщательно следил, чтобы не осталось улик, пригодных для анализа ДНК. Даже отдраил сифоны под раковинами в ванной и на кухне. Кроме того, мы допросили всех работников латиноамериканского происхождения в радиусе пятидесяти миль от Тэмбери, и никто из них ничего не знает про Флореса. А без отпечатков пальцев, ДНК и данных о въезде в страну миграционная служба нам не поможет, как и мексиканские власти. Образ на фотопортрете слишком непримечателен для опознания. Все, кому мы его показывали, говорили, что он выглядит знакомым, но насчет конкретного человека не было даже двух одинаковых предположений. Что же касается Кики Мюллер, исчезнувшей одновременно с Флоресом, ее также никто не видел после убийства Перри.

Клайн выглядел возмущенным.

— Фактически вы мне только что сообщили, что расследование не продвинулось.

Андерсон перевел взгляд на Родригеса. Родригес рассматривал собственный кулак.

Тогда впервые за встречу подал голос Блатт:

— Это вопрос времени.

Все удивленно посмотрели на него.

— У нас в тусовке свои люди, они следят, что там к чему. Рано или поздно Флорес проявится, что-нибудь кому-нибудь ляпнет, и нам его сдадут.

Хардвик, все это время изучавший свои ногти с таким лицом, словно его беспокоили эти странные наросты, спросил:

— Арло, ты про какую «тусовку» сейчас говорил?

— Про нелегалов, ясное дело.

— А если Флорес вообще не мексиканец?

— Ну, значит, гватемалец или никарагуанец, какая разница. У нас всюду свои люди. Так что без вариантов — рано или поздно... — он пожал плечами.

Клайн, почуяв конфликт, оживился и повернулся к Хардвику.

— К чему ты клонишь, Джек?

Родригес его опередил:

— Хардвик уже давно не в теме. Разговаривать имеет смысл с Биллом и Арло.

Клайн сделал вид, что не расслышал его.

— Джек?

Хардвик улыбнулся.

— А что я? Спросите нашего аса Гурни. Он меньше чем за четыре дня накопал такую кучу дерьма, о которой мы четыре месяца и не подозревали.

Клайн с возрастающим интересом повернулся к Гурни.

— Дэйв, что ты узнал?

— Узнал, какие нужно задавать вопросы, чтобы расследование продвинулось. — Гурни положил руки на стол и наклонился вперед. — Один из ключевых моментов, которыми нужно интересоваться, это прошлое жертвы. Джиллиан пережила сексуальное насилие в детстве и сама превратилась в насильницу, травмируя других детей. Она была жестокой и хитрой, и многие считали ее психопаткой. Такой человек легко наживает врагов и порождает мотивы для мести.

Блатт поморщился.

— Хочешь сказать, что Джиллиан изнасиловала Флореса, когда тот

был мальчишкой, и за это он ее убил? Да это же бред.

— Определенно. Особенно если учесть, что Флорес был лет на десять ее старше. Но он мог мстить не за себя. Или мог мстить за собственную травму, не связанную напрямую с Джиллиан, а просто желая отыграться на любых насильниках, до кого сможет добраться. Мог откуда-то узнать про контингент Мэйплшейд, например, прочитать в работах Эштона. А потом прийти к самому Эштону, наняться разнорабочим, втереться в доверие и там дожидаться удобного момента для возмездия.

— Что думаешь, Бекка? — спросил Клайн. — Звучит правдоподобно?

Она кивнула:

— Вполне. Джиллиан могла оказаться жертвой в результате действий против кого-то из близких Флореса или принадлежности к специфической группе преступников в целом. Есть доводы в пользу этих вариантов?

Клайн повернулся к Гурни.

— То, как убийство было обставлено — выбор дня, водружение отрубленной головы на стол, — выглядит продуманным. Это в пользу версии возмездия. Но у нас не хватает информации, чтобы понять, была ли Джиллиан для убийцы персоной или персонификацией.

Клайн допил кофе и отправился за добавкой, на ходу обращаясь сразу ко всем присутствующим.

— Если принять это за рабочую версию, какие шаги потребуются для расследования? А, Дэйв?

Гурни считал, что для начала требовалось узнать больше подробностей о тяжелом детстве Джиллиан и о людях, с которыми она общалась сверх того, что уже сообщили ее мать и Саймон Кейл. Но какие шаги для этого нужно было предпринять — он еще не знал. Вслух он ответил:

— Могу составить список рекомендаций в течение ближайшей пары дней.

Клайн, казалось, удовлетворился этим ответом и продолжил:

— Хорошо, но что еще? Хардвик нам обещал целую «кучу» дерьма.

— Боюсь, что до кучи нам все же не хватает конкретики, но я озвучу пункт, который мне кажется важным. Несколько выпускниц Мэйплшейда пропали без вести.

Все моментально оживились, словно в комнате раздался выстрел. Гурни продолжил:

— Эштон и еще один человек пытались связаться с недавними выпускницами и не смогли их найти.

— Это не обязательно значит, что... — начал было Андерсон, но

Гурни его перебил:

— Само по себе это ничего не значит, но есть некоторый паттерн. Все пропавшие одинаковым образом поссорились с родителями, потребовав купить дорогую машину, а затем использовали отказ как повод уйти из дому.

— О скольких девушках идет речь? — спросил Блатт.

— Бывшая ученица рассказала о двух пропавших одноклассниках, о которых родители ничего не знают. Затем Эштон рассказал еще о трех, которые как раз исчезли после описанной ссоры. Во всех трех случаях ссора происходила по одному сценарию.

Клайн покачал головой.

— Как это может быть связано с убийством Перри?

— Помимо одинаковой ссоры с родителями девушек объединяло знакомство с Флоресом.

Выражение лица Андерсона становилось все более кислым.

— Как же так вышло?

— Флорес нанялся подработать в Мэйплшейде для Эштона. Видимо, он был хорош собой, нравился девочкам. Так совпало, что пропали именно те из них, кто прямо выражал к нему интерес и кто, по свидетельствам очевидцев, разговаривал с ним.

— А в розыск их объявили? — спросил Андерсон с узнаваемой надеждой служащего, который мечтает спихнуть работу на другую инстанцию.

— Нет, ни одну, — ответил Гурни. — Проблема в том, что им есть восемнадцать, то есть они имеют право не сообщать семье о своем местонахождении. Каждая так или иначе объявила о желании уйти из дому и держать свои перемещения в тайне. Следовательно, нет формальной причины ни одну из них объявлять в розыск.

Клайн начал прохаживаться по комнате.

— Интересный крен. Что скажешь, Род?

Капитан выглядел еще мрачнее, чем в начале встречи.

— Я вообще-то не понимаю, к чему Гурни тут клонит.

Клайн ответил за Гурни:

— Кажется, он склоняет нас к пониманию, что дело Перри может касаться не только Джиллиан Перри.

— И что Гектор Флорес может быть ни хрена не мексиканским садовником, — добавил Хардвик, многозначительно уставившись на Родригеса. — Как я в свое время и говорил.

Клайн удивленно поднял брови.

— Когда?

— Когда меня еще не сняли с дела. Исходный сюжет про Флореса, от которого все отталкивались, мне сразу показался чушью.

Гурни подумал, что, если бы Родригес мог сжать зубы еще сильнее, все бы слышали хруст.

— Что значит — чушью? — поинтересовался Клайн.

— Это значит, что Флорес получался слишком линейным.

Гурни понимал, что Родригес переживает торжество Хардвика как удар поддых, особенно в присутствии окружного прокурора.

— А это что значит? — повторил Клайн.

— Сами подумайте: неграмотный работяга, хватающий все на лету, попадает к гениальному доктору, с дикой скоростью прогрессирует, спит с богатой соседкой, спит с Джиллиан Перри, от переизбытка впечатлений слетает с катушек... Так только в мыльных операх бывает, и чтобы принять такое за чистую монету, надо быть тупой домохозяйкой, — процедил он, отчетливо адресуя характеристику Родригесу.

Гурни наблюдал за Клайном. Под гримасой озабоченности скрывался азарт любителя наблюдать за стычками.

— У вас была своя теория насчет Флореса? — уточнил Клайн.

Хардвик откинулся на спинку стула, вздохнул и как-то сник.

— Тут проще найти неувязки в чужой логике, чем выстроить свою. Если собрать все факты воедино, про Флореса не понятно ровным счетом ничего.

Клайн повернулся к Гурни.

— Ты согласен?

Гурни тоже вздохнул.

— Некоторые факты друг с другом не вяжутся, хотя формально это части одной последовательности. Это значит, что мы упускаем какое-то важное звено, которое поставило бы все остальные фрагменты на свои места. Думаю, что реальная история не настолько проста. Джек как-то верно подметил, что она многослойная, — произнеся это, Гурни спохватился, что упоминание предыдущего разговора с Хардвиком может его скомпрометировать, но, судя по реакции присутствующих, никто об этом не подумал. Правда, Блатт раздул ноздри, словно крыса, учуявшая что-то любопытное, но Блатт всегда так выглядел.

Клайн задумчиво отпил кофе.

— Какие именно факты не стыкуются, Дейв?

— В первую очередь слишком быстрое превращение Флореса из разнорабочего в управляющего.

— Полагаете, Эштон солгал на этот счет?

— Разве что самому себе. Он рассказывал, что ему очень хотелось верить, что это его личный успех. Тем более что это подтверждало некую теорию, о которой он как раз писал книгу.

— Бекка, что скажешь?

Она улыбнулась, но эта улыбка не была нагружена никаким смыслом — чистая формальность. С тем же успехом она могла бы просто пожать плечами.

— Нельзя недооценивать силу самообмана. Особенно если речь о книге — естественно, он ухватился бы за любое видимое подтверждение своих домыслов.

Клайн глубокомысленно кивнул и повернулся к Гурни.

— Значит, твоя версия — что Флорес всех разыграл?

— Да. Думаю, он не тот, за кого себя выдавал.

— Хорошо, но ты говорил, что фактов, которые не стыкуются, несколько. Какие еще?

— Мотивация. Если Флорес изначально приехал в Тэмбери, чтобы убить Джиллиан, то почему он так долго тянул? А если приехал по другой причине, то по какой?

— Интересные вопросы. Продолжай.

— Что касается обезглавливания — оно выглядит одновременно хорошо спланированным и спонтанным.

— Поясни свою мысль.

— Расположение тела было нарочитым. Домик садовника был незадолго перед убийством отдраен до скрипа и блеска, чтобы уничтожить какие бы то ни было приметы, что там кто-то жил. Маршрут побега определенно был спланирован заранее. Флорес даже предусмотрел, что понадобится сбивать со следа собаку. Каким бы образом он в конечном итоге ни сбежал, этот способ он тщательно продумал. Такой расчет характерен для преступников, которые мнят, что у них Миссия — именно они придумывают самые невероятные и кропотливо спланированные схемы. Тем не менее известные нам обстоятельства, в которых произошло убийство, невозможно было предусмотреть.

Клайн чуть наклонил голову:

— То есть?

— Судя по видео, Джиллиан решила зайти в домик ни с того ни с сего. Незадолго до свадебных тостов она сказала Эштону, что хочет уговорить Гектора выйти к гостям. На записи Эштон рассказывал об этом начальнику полиции с супругой. Похоже, что идея всем показалась довольно странной,

но Джиллиан, очевидно, была не из тех, кого это может остановить. В итоге с чем мы имеем дело? С убийством, которое выглядит как тщательно спланированное вплоть до последней секунды — а также череду обстоятельств, которые произошли спонтанно и которые убийца не мог учесть заранее. Что-то здесь не так.

— Ну почему? — отозвался Блатт, снова раздув ноздри. — Флорес вполне мог все подготовить и ждать себе в засаде. Чтобы жертва, значит, рано или поздно зашла к нему и — хоп!

Гурни скептически покачал головой.

— Арло, тогда получается, что Флорес заранее привел домик в стерильный вид, проработал путь к отступлению, специально оделся, собрался, предупредил Кики Мюллер, чтоб дожидалась его и... что дальше? Сел в обнимку с мачете и стал ждать, когда Джиллиан постучится в дверь?

— Вы говорите это таким тоном, что звучит бредово, — сказал Блатт, сверкая глазами, — но я, между тем, считаю, что ровно так все и было.

Лейтенант Андерсон поджал губы. Родригес сощурился. Ни один из них не спешил поддержать версию Блатта.

Неловкое молчание нарушил Клайн.

— Вы подметили какие-нибудь еще несостыковки?

— Ну, — произнес Гурни, — мне кажется, что мы игнорируем вопиющую деталь: пропавших выпускниц.

— А кто сказал, что они действительно пропали? — возразил Блатт. — Может, просто не хотят, чтобы их нашли. Они же там все того, не сказать чтоб нормальные. Но даже если они взаправду пропали, у нас нет повода считать, что это как-то связано с делом Перри.

Снова повисло молчание, и на этот раз его нарушил Хардвик.

— Может, Арло и прав. Но если они пропали, а связь есть, это скорее всего значит, что они мертвы.

На это никто возражать не стал. Было известно, что юные девушки, пропавшие при странных обстоятельствах, как правило, не возвращались домой живыми. А то, что все пропавшие перед исчезновением поругались с родными по одному сценарию, было более чем странным.

Родригес заметно злился и собирался поспорить, но не успел он открыть рот, как у Гурни зазвонил телефон. Тот взглянул на имя абонента и решил, что на звонок лучше ответить.

Это был Эштон.

— Я сделал еще шесть звонков, связался с двумя семьями. Буду обзванивать дальше, но звоню, чтобы сказать, что девушки из этих двух

семей пропали после точно такого же конфликта. Одна потребовала «Сузуки» за двадцать тысяч, а другая — «Мустанг» за тридцать пять. Родители отказали, и девушки заявили, что уходят из дому и не желают, чтобы их искали. Куда уходят — не сообщили. Понятия не имею, как это трактовать, но очевидно, что происходит что-то подозрительное. И еще одно совпадение: обе позировали для рекламы в агентстве «Карнала».

— Давно они пропали?

— От одной нет вестей полгода, от другой — девять месяцев.

— Доктор, а теперь ответьте мне: вы готовы, наконец, поделиться именами? Или нам придется запрашивать доступ к документам через суд?

Все присутствующие с любопытством уставились на Гурни. Клайн застыл с чашкой у рта.

— Какие конкретно имена вам нужны? — спросил Эштон убитым голосом.

— Для начала — пропавших выпускниц. Затем — их одноклассниц.

— Хорошо.

— Еще вопрос: каким образом Джиллиан попала в агентство в качестве модели?

— Этого я не знаю.

— Она вам не рассказывала? Даже после того, как подарила свою фотографию на свадьбу?

— Нет, не рассказывала.

— А вы сами не интересовались?

— Я спрашивал, но Джиллиан была не большой любительницей отвечать на вопросы.

ВЫ ВСЕ ВКОНЕЦ СПЯТИЛИ? ПОЧЕМУ ВСЕ, КТО СВЯЗАН С ЭТИМ ДЕЛОМ, ВЕДУТ СЕБЯ, КАК ИДИОТЫ?

Гурни подавил желание заорать в трубку.

Вместо того он произнес:

— Благодарю, доктор. Тогда это все. Вам позвонят из бюро расследований насчет имен и контактов.

— Что это было? — спросил Клайн, пока Гурни убирал телефон обратно в карман.

— Еще двое девушек пропали по тому же сценарию. Одна просила у родителей «Сузуки», другая — «Мустанг». — Гурни повернулся к Андерсону. — Эштон согласен сообщить бюро имена пропавших, а также предоставить списки их одноклассниц. Расскажите ему, в каком формате эти списки нужны и как их вам переслать.

— Ладно, однако замечу, что в розыск никто не объявлен, а значит, у

нас нет юридических оснований им заниматься. Речь идет о взрослых восемнадцатилетних женщинах, которые вполне добровольно покинули свои дома. То, что они почему-то не сообщили семьям, куда собрались, недостаточное основание для поиска.

Лейтенант Андерсон, похоже, мечтал о грядущей пенсии во Флориде и в своих мечтах уже на эту пенсию вышел, а потому тяготел к бездействию. Такой подход к полицейской работе всегда выводил Гурни из себя.

— Значит, придется найти достаточное основание, — сказал он. — Объявите их свидетельницами по делу об убийстве. Подключите изобретательность. Это часть вашей работы. И для этого, замечу, даже не понадобится пачкать руки.

Андерсон посмотрел на него с отвращением и вскинулся было, как человек, намеренный поскандалить, но Клайн его опередил.

— Дэйв, прости мой скепсис, но если ты клонишь к тому, что девушки действовали не по собственной воле, а по настоянию третьего лица, предположительно Флореса, то почему марки машин были разными? Почему они не потребовали все одну и ту же, если сценарий был одинаковый?

— Самый вероятный ответ — что марки машин были подобраны под конкретные возможности каждой семьи. Если конечной целью конфликта было уйти из дому из-за отказа, то нужно было, чтобы родные гарантированно отказали, затем поверили в обиду и не обратились в розыск. Это во-первых. А во-вторых, требование должно было звучать правдоподобно. Думаю, что цены более значимы, нежели марки машин как таковые. Понимаете? Требование машины за двадцать тысяч в двух разных семьях прозвучит по-разному. Одних возмутит, а других — нет. А значит, у вторых нужно требовать не за двадцать, а за сорок тысяч.

— Умно, — улыбнулся Клайн. — Если ты прав, то Флорес хитрюга. Маньяк, который блестяще соображает.

— Однако некоторые его поступки выглядят безумными, — заметил Гурни, поднимаясь, чтобы налить себе еще кофе. — Например, стрельба в чашку. Украсть ружье Эштона, чтобы разбить его чашку — какая в этом логика? Зачем так рисковать? Да, и кстати, — вспомнил Гурни и повернулся к Блатту, — вы же в курсе, что у Уитроу Перри есть ружье точно такого же калибра?

— Ты что, бредишь?

— Отнюдь. Пуля, которой выстрелили в чашку, вылетела из «Везерби» 257 калибра. У Эштона было такое ружье, и его кто-то украл. Но точно такое же есть у Перри. Не хотите расследовать это поглубже?

Повисла неуютная тишина, в которой Родригес и Блат принялись что-то сосредоточенно записывать в блокноты.

Клайн взглянул на них с укоризной, а потом вновь обратился к Гурни:

— Есть у вас еще какая-то информация, которой мы не знаем?

— Сложно сказать, — произнес Гурни. — Например, что вы знаете о безумном Карле?

— О ком?

— О супруге Кики Мюллер.

— А он-то здесь при чем?

— Возможно, ни при чем. Но у него самый веский мотив для убийства Флореса.

— Но Флореса никто не убивал.

— Откуда вы знаете? Он же исчез без следа. Может, его закопали на чьей-нибудь клумбе.

— Стоп, стоп, о чем мы вообще говорим?! — запротестовал Андерсон, и Гурни догадывался, что его приводит в ужас потенциальный фронт работ, особенно необходимость пачкать руки, раскапывая чужие клумбы. — Почему мы вдруг начали рассматривать воображаемые убийства?

Клайн неопределенно хмыкнул.

— Дэйв, кажется, ты не договорил.

— Текущие версии сводятся к тому, что Флорес сбежал с Кики Мюллер. Возможно, даже какое-то время прятался в доме Мюллеров, прежде чем исчезнуть с концами. А теперь представьте: возвращается Карл домой из плавания, а там Флорес. Надеюсь, при допросе не возникло сомнений, что у Карла вообще-то не все дома?

Клайн сделал шаг в сторону, словно полную картину дела невозможно было разглядеть с той точки, где он стоял.

— Подождите-ка. Если Флорес убит, то выходит, он не имел отношения к исчезновению других девочек и к выстрелу в чашку Эштона. А также к эсэмэске, которую Эштон получил с его номера.

Гурни развел руками.

Клайн раздраженно потряс головой.

— Только у меня ощущение, что паззл начал складываться, как ты взял и смахнул его со стола.

— Я ничего не смахивал со стола. Лично я не думаю, что Карл к этому причастен. Я даже про его жену не уверен. Просто пытаюсь обозначить поле вероятностей. К сожалению, конкретных фактов у нас не так много, как хотелось бы, чтобы на них полагаться. Поэтому важно смотреть во все стороны и учитывать самые разные возможности... — он помедлил,

чувствуя, что следующая фраза прозвучит враждебно, но не сдержался. — Упрямая привязанность к одной-единственной гипотезе может быть той самой причиной, по которой следствие до сих пор не продвинулось.

Клайн вопросительно посмотрел на Родригеса, который изучал поверхность стола с таким лицом, будто перед ним разворачивались картины адских мук.

— Что скажешь, Род? Может, и впрямь имеет смысл посмотреть на дело под новым углом? Может, мы все это время буксовали из-за слепоты?..

Родригес медленно покачал головой.

— Нет, я так не думаю, — произнес он хрипло, и за этим хрипом клокотали плохо скрываемые эмоции.

После этого капитан отодвинул стул, неуклюже поднялся и молча вышел из комнаты с видом человека, которому невыносима собравшаяся компания. Это было неожиданно для человека, который маниакально уверял окружающих, что у него все под контролем. И, судя по лицам окружающих, они были удивлены не меньше Гурни.

Глава 36

В сердце тьмы

Когда за Родригесом захлопнулась дверь, из совещания будто выдернули стержень, вокруг которого все вращалось. Громкий уход словно бы окончательно подтвердил тезис о бессмысленности текущего расследования, и говорить стало не о чем. Звездный психолог Ребекка Холденфилд выразила непонимание своей роли в разговоре и тоже ретировалась. Андерсон и Блатт маялись, лишившись в лице капитана привычного гравитационного поля и посредника в общении с окружным прокурором.

Гурни спросил, не появилось ли каких-нибудь версий насчет имени Эдварда Валлори, но их не появилось. Андерсон как будто не расслышал вопроса, а Блатт от него раздраженно отмахнулся, как бы имея в виду, что на такие глупости профессионалы времени не тратят.

Прокурор произнес несколько дежурных фраз о пользе собрания и о том, что наконец-то у всех единая картина происходящего. У Гурни сложилось другое впечатление, но он был рад, что у всех появился повод переосмыслить свою трактовку истории, а также что теперь никто не мог отмахнуться от пропавших выпускниц как от незначимого факта.

В завершение встречи Гурни поделился рекомендацией разведать, кто

такой Алессандро и что происходит в агентстве «Карнала», поскольку они оказались общим знаменателем в биографии всех исчезнувших девушек, а также что связывало их с Джиллиан. Клайн как раз высказал одобрение этой идеи, когда в дверях появилась Элен Ракофф и многозначительно показала на часы. Он глянул на время и, спохватившись, заявил, что опаздывает на видеоконференцию с губернатором. Перед уходом он озвучил уверенность, что все самостоятельно найдут выход из здания. Андерсон и Блатт вышли вместе. Гурни и Хардвик ушли последними.

Хардвик водил характерный фордовский седан черного цвета. Отыскав машину на парковке, он облокотился на капот и закурил.

— Мощно капитан спасовал, — заметил он. — Люди с манией контроля одержимы порядком снаружи, потому что у них хренов бардак внутри. Родригес, кажется, свой бардак больше не в силах прятать, — он сделал глубокую затяжку и добавил: — У него дочь наркоманка. Ты знал?

Гурни кивнул:

— Ты на деле Меллери рассказывал.

— Она лежала в психушке Грейстоун, в Нью-Джерси.

— Да, помню.

Гурни хорошо помнил унылый серый день, когда Хардвик рассказал ему про дочь Родригеса — и про то, как капитан неизменно слетал с катушек, если в расследовании речь заходила о наркотиках.

— Так ее даже из Грейстоуна вышибли, потому что она тырила опиоиды и трахала других пациентов. Последнее, что я о ней слышал, это что ее арестовали за продажу крэка в группе «Анонимные наркоманы». Прикинь?

Гурни не понимал, к чему тот клонит. Едва ли Хардвик рассказывал все это из сострадания, чтобы оправдать поведение Родригеса.

Он молча наблюдал, как Хардвик делает длинную затяжку, словно испытывая объем своих легких. Выдохнув дым, он сказал:

— Вижу, вижу, как ты тарацишься. Хочешь узнать, к чему я все это говорю, да?

— Был бы не против.

— Да ни к чему! Считай, это все от балды. Просто Родригес нынче вообще неспособен принимать здравые решения, вот и все. Он этому делу способен только навредить, — с этими словами Хардвик бросил недокуренную сигарету на асфальт и раздавил ботинком.

Гурни попытался сменить тему:

— Слушай, сделай одолжение, разузнай, что сможешь, насчет Алессандро и «Карналы». У меня ощущение, что остальные пропустили

эту необходимость мимо ушей.

Хардвик не ответил. Вместо этого он помолчал еще минуту, разглядывая остатки сигареты под ногами, и наконец произнес:

— Ладно, мне пора.

Затем он сел в машину и поморщился, словно ему в нос ударила какая-то вонь.

— Ты там береги себя, старичок. Родригес — бомба замедленного действия. И он обязательно рванет. Зуб даю.

Глава 37

Олененок

По дороге домой Гурни никак не мог понять, что за тоска его разъедает изнутри. Он ни на чем не мог сосредоточиться, но эта рассеянность была похожа на вытесненную попытку от чего-то, наоборот, отвлечься. По всем радиостанциям крутили что-то мерзкое. Любая музыка, не попадавшая в его настроение, казалась сейчас бездарной, а попадавшая усугубляла тоску. Голоса, доносившиеся из колонок, заставляли думать о бездарности или глупости их обладателей. Вся реклама была настолько неприкрытой ложью, что хотелось выть.

Гурни выключил радио и попытался сфокусироваться на дороге. По обочинам ютились мрачные деревушки с полузаброшенными фермами, которых отрасль добычи газа погубила отравленной морковкой. «Давайте насверлим тут скважин, экономика будет процветать...»

Нда, то еще настроение.

Но что меня гложет?

Гурни заставил себя вспомнить встречу с прокурором, чтобы понять, не там ли источник его беспокойства.

Кашемировый свитер Эллен Ракофф. Жалкое подобие камуфляжа. Никаким теплом и уютom не спрятать змеиную сущность. Опасность как неотъемлемая часть привлекательности.

Протокол осмотра места преступления авторства лейтенанта Андерсона. Даже сифоны под раковинами были прочищены. Почерк профессионала.

Факты, объединяющие пропавших выпускниц: ссора с родней, выходка с заведомо невыполнимой просьбой, знакомство с Гектором и агентством «Карнала», загадочный фотограф Алессандро.

Мрачное предположение Хардвика, что никого из девушек нет в

живых.

Мучения Родригеса как отца проблемной дочери, обостренные всплывшими в деле параллелями.

Гурни слышал прощальную хрипотцу Родригеса так же отчетливо, словно капитан сидел на соседнем сиденье. Это был голос человека, безнадежно выбитого из колеи, неспособного вынести навалившийся на него груз, давно утратившего контроль над собственной жизнью из-за цепочки случайных обстоятельств и теперь теряющего контроль над профессией.

Бывают ли цепочки обстоятельств действительно случайными? Разве мы не сами создаем причины, со следствиями которыми затем неминуемо сталкиваемся? То, какие мы принимаем решения; то, как расставляем приоритеты — разве не... Внезапно Гурни почувствовал тошноту, потому что понял, что все это время его беспокоило. Он идентифицировал себя с несчастным капитаном. Человек, одержимый работой и выигравший в карьере, но проигравший как отец.

И в этот момент, словно этого осознания было мало, словно некое гневное божество хотело усугубить миг жутковатой ясности и тяжесть неприятного отождествления, не дать уйти от урока, — в этот самый момент он сбил олененка.

Он только что проехал знак, оповещавший о въезде в Браунвилль. Здесь не было никаких селений, только одичавшая, почти неузнаваемая ферма слева в долине реки — и лесистые холмы справа. Небольшая лань выскочила из-за деревьев, помедлила и внезапно бросилась перебежать дорогу — но до нее было еще далеко, и Гурни не подумал жать на тормоз. А когда за ней следом выскочил олененок, тормозить было уже поздно. Гурни резко вывернул руль влево, но все равно услышал и почувствовал тошнотворный удар.

Он остановился на обочине и посмотрел в зеркало заднего вида, надеясь ничего не увидеть, желая, чтобы это оказалось одной из чудесных ситуаций, где живучее существо поднимается и спокойно бежит дальше по своим делам, целое и невредимое. Но увы. В паре десятков метров за ним, у водосточной канавы, неподвижно лежало небольшое коричневатое тельце.

Гурни вышел из машины, втайне надеясь, что олененок просто оглушен и вот-вот вскочит на ноги. Но когда он подошел к нему, неестественный поворот головы и пустой взгляд распахнутых глаз убили всякую надежду. Гурни остановился и беспомощно огляделся. Лань стояла в запущенной долине и беззвучно смотрела на него.

Что тут было делать?

Он не помнил, как вернулся в машину. Его дыхание прерывалось из-за невольных рыданий. На полпути к Уолнат-Кроссинг он спохватился, что нужно проверить капот на предмет повреждений, но не нашел в себе сил остановиться. Он хотел поскорее оказаться дома, и больше ничего.

Глава 38

Взгляд Питера Пиггота

Дом наполняла характерная гулкая пустота, как всегда, когда Мадлен не было дома. По пятницам она ездила ужинать с тремя подругами, чтобы поболтать о вязании, шитье и прочем рукоделии, о недавно прочитанных книгах и здоровье родных и близких.

Пребывая в раздрае за рулем, Гурни решил, что последует настояниям Мадлен и позвонит Кайлу, чтобы наконец как следует поговорить, поскольку нейтральные, почти безличные электронные письма, которыми они обменивались, нельзя было считать полноценным общением. Сухое, стерилизованное описание жизненных событий на экране не могло сравниться с живым голосом, который не умеет ни редактировать, ни удалять уже сказанное.

Он зашел в кабинет с твердым намерением позвонить, но сперва решил проверить автоответчик и почту. Там и там было по одному сообщению, оба от Пегги Микер — соцработника и супруги арахнофила.

На автоответчике голос ее звучал взволнованно, даже чересчур. Она сказала: «Дэйв, это Пегги. Помнишь, ты спрашивал про Эдварда Валлори? Почему-то это имя не шло у меня из головы, я все думала — почему оно мне кажется смутно знакомым? И тут я поняла! Я слышала его в колледже, на уроке литературы. Валлори был каким-то драматургом елизаветинской эпохи, хотя ни одной его пьесы не сохранилось, поэтому никто о нем не помнит. Но известно, что он был жутчайшим мизогинистом, ненавидел женщин до рвоты. До нас дошел только один фрагмент его работы, пролог к спектаклю — я отправила его тебе по электронной почте. Сам спектакль, говорят, был про героя, который убил свою мать. Представляешь, какой ад? Интересно, а все это как-то связано с твоим расследованием по делу Перри? В общем, глянь почту. Надеюсь, что оказалась полезна. Дай знать, если потребуется еще что-нибудь. Все это так интересно! Ладно, до связи, Мадлен привет!»

Гурни открыл ее письмо и быстро нашел пролог к спектаклю Валлори:

«Нет в мире целомудренной жены. Поскольку целомудрие — не женская черта. Ее черты, и речь, и ум на разный лад — но неизбежно лгут. Поверь в одно, в другое, в третье — равно ложь! За скользким маслом, бархатом румян скрывая слизь и гниль, она рисует внушающий любовь невинный облик. Но есть ли хоть нота правды в том, какую музыку мы слышим, любуясь этим ликом? Нет! Ни истины, ни ясности, ни чести. Поскольку чистота ей не присуща: она от плоти плоть, от крови кровь змея, что с верного пути свернуть мечтает всякого мужчину, заманив его в коварства пути...»

Гурни перечитал это несколько раз, пытаясь разгадать задумку автора.

Итак, это был пролог к пьесе, в которой главный герой убивает свою мать. Текст был написан несколько сотен лет назад известным женоненавистником. Его именем было подписано сообщение, отправленное с мобильного Флореса и адресованное Джиллиан в день ее убийства, а затем отправленное повторно Эштону — ровно два дня тому назад. В тексте сообщения значилось: «Я рассказал тебе про все причины».

Логичным было предположить, что речь о причинах, изложенных в этом прологе — единственном сохранившемся образчике творчества. В прологе женщины описывались как бесчестные, злобные, лживые существа. Чем больше Гурни вчитывался в эти слова, тем более извращенный сексуальный подтекст ему в них мерещился.

Гурни старался не полагаться на домыслы и всегда гордился своей способностью придерживаться фактов, но сейчас сам собой напрашивался вывод, что убийца использовал пролог в качестве оправдания смерти Джиллиан Перри — а возможно, и других смертей. И этот вывод напрашивался весьма настойчиво.

Естественно, в этой цепочке все звенья были зыбкими. Не было явных поводов считать, что предполагаемый елизаветинский драматург и отправитель сообщения — один и тот же Эдвард Валлори. Не было доказательств, что Гектор Флорес мог использовать это имя как псевдоним, хоть сообщение и было отправлено с его телефона и такой вывод, опять же, напрашивался.

Картинка начинала складываться, и складывалась она жутковатым образом. Пролог Валлори указывал на то, что первая гипотеза о мотиве была не просто безосновательной теорией. Для Гурни этот мотив звучал все более убедительно, поскольку его не покидало ощущение, что убийство Джиллиан было мстью за какие-то прошлые сексуальные преступления,

совершенные либо ею самой, либо другими ученицами Мэйплшейда. А то, что Эштон получил аналогичное сообщение, подтверждало догадку, что убийство не было спонтанным актом, а являлось частью какого-то сложного многоступенчатого плана — а значит, история продолжалась и смерть Перри не была конечной целью.

Возможно, у Гурни разыгралось воображение, но он подумал, что неслучайно единственным сохранившимся фрагментом пьесы Валлори оказался именно пролог. Мог ли этот пролог не просто предвосхищать события пьесы, а служить своеобразным намеком на реальные события будущего, на предстоящие убийства? Мог ли Флорес через эту цитату иносказательно сообщать миру о своих планах?

Гурни нажал кнопку ответа и написал Пегги: «А что еще известно про пьесу? Что-нибудь про сюжет, персонажей? Может, сохранились какие-то воспоминания современников Валлори?»

Впервые за время расследования он почувствовал настоящий азарт. Его посетило желание немедленно позвонить Клайну. Надеясь застать его в офисе, он набрал номер.

— У него видеоконференция, — отрезала Эллен Ракофф уверенным голосом несокрушимого привратника.

— В деле Перри новый поворот, прокурор захочет об этом узнать.

— Уточните, о чем речь.

— Речь, вероятно, не об одиночном, а о серийном убийстве.

Тридцать секунд спустя в трубке раздался голос Клайна. Он был напряжен, резковат и явно заинтригован.

— Серийное убийство, значит? Выкладываете.

Гурни рассказал ему про Валлори, про сексуальную агрессию, скрытую за текстом пролога, и объяснил, как это увязывается не только с убийством Джиллиан, но и с пропавшими девочками.

— Как-то это очень уж вилами по воде, — произнес Клайн. — Насколько я понимаю, фактически известные нам обстоятельства несколько не изменились. Ты же сам сегодня утверждал, что Флорес может как быть, так и не быть ключевой фигурой в этом убийстве, доказательств у нас нет, и надо рассматривать все возможные варианты. Так почему вдруг ты начинаешь передергивать все в пользу одной версии? И почему ты вообще звонишь мне лично, а не в бюро?

— Просто с учетом пролога Валлори появляется ясность относительно общего контекста. Может, дело в явной ненависти, а может — в самом слове «пролог». Пролог — это обещание дальнейших событий, понимаете? Флорес отправил Джиллиан это сообщение, как бы обещая убийство. И

теперь сообщение получил Эштон. Выходит, речь о какой-то спланированной многоходовке.

— То есть ты думаешь, что Флорес убедил этих девчонок уйти из дому, высосав из пальца ссору с родителями, с единственной целью — убить их безнаказанно, чтобы никто не объявил их в розыск? — скептицизм в голосе Клайна боролся с искренним опасением, что это может оказаться правдой.

— Пока мы не найдем этих девушек и не окажется, что они живы-здоровы, я думаю, что к этой версии нужно отнестись серьезно.

— Разумеется, мы отнесемся серьезно, — отозвался Клайн, как бы возмущаясь предположением, что может быть иначе. — Потенциальный заговор с целью серийного похищения и убийства — это более чем серьезно, хотя я очень надеюсь, что худшие опасения все же не сбудутся, — он помолчал, а затем снова спросил: — И все-таки, почему ты звонишь мне, а не в бюро расследований?

— Потому что вы единственный, кто на этом деле способен принимать решения, которым я доверяю.

— Почему ты так считаешь? — спросил Клайн уже мягче, даже не пытаясь скрыть любовь к подобного рода лестям.

— Эмоциональный накал на сегодняшней встрече был за рамками всяких приличий. Я знаю, что Хардвик и Родригес недолюбливают друг друга, это было понятно еще на деле Меллери, но сейчас этот дуэт явно вышел из-под контроля. Никто не способен мыслить объективно, все просто воюют. И у меня опасение, что каждую новость по этому делу будут расценивать в пользу той или иной воюющей стороны. Мне показалось, что лично вы не замешаны в перетягивании каната, поэтому предпочел позвонить вам напрямую.

Клайн помолчал и произнес:

— Ты, должно быть, не в курсе насчет своего приятеля?

— Приятеля?

— Родригес застукал его за злоупотреблением алкоголем на рабочем месте.

— Вот как?

— Да. Он отстранил его от должности за предполагаемое вождение в состоянии интоксикации и засунул в клинику с условием, что для возвращения к работе он должен пройти курс реабилитации. Странно, что Хардвик сам тебе не рассказал.

— Когда это было?

— Месяца полтора назад. Курс должен был длиться двадцать восемь дней, а Джек свалил из клиники, не пролежав там и десяти.

— Господи, — пробормотал Гурни. Он, разумеется, понимал, что Хардвику по личным причинам очень хотелось, чтобы Родригес ударил в грязь лицом, но это само по себе не объясняло ненависть, которой был пропитан воздух на встрече.

— Очень странно, что он сам не рассказал, — повторил Клайн, и удивление в его голосе граничило с укоризной.

— Если бы он рассказал, я бы не взялся за это дело, — сказал Гурни. — Тем больше причин, чтобы я работал только с вами и заказчицей. Если, конечно, общение со мной напрямую не осложнит вашу работу с бюро.

Прокурор протяжно хмыкнул, и Гурни догадывался, что его калькулятор рисков и выгод уже дымится от изменчивых условий задачи. Наконец Клайн произнес:

— Ладно. С одним условием: нигде не должно прозвучать, что ты работаешь со мной. Официально ты имеешь дело с заказчицей, совершенно независимо от меня, и не имеешь права прикрываться авторитетом прокуратуры. Ты частное лицо, Дэвид Гурни, работаешь по собственной инициативе, и точка. В таком случае я буду рад выслушивать любые твои комментарии по делу. Поверь, я тебя исключительно ценю за твой опыт работы в департаменте и вклад в расследование по делу Меллери, так что здесь никакого неуважения. Просто важно, чтобы наше сотрудничество было строго неофициальным. Вопросы будут?

Клайн был невероятно предсказуем: использовать всех, кого только можно, на полную катушку при условии, что собственная задница прикрыта со всех сторон. Гурни улыбнулся.

— У меня только один вопрос, Шеридан. Как бы мне связаться с Ребеккой Холденфилд?

Клайн заметно напрягся.

— Зачем она тебе?

— Мне кажется, я начинаю представлять себе портрет убийцы. Пока никакой конкретики, конечно, но у Ребекки подходящая специализация, чтобы помочь мне прояснить, в правильном ли направлении я мыслю.

— Ты почему-то говоришь «убийца», будто избегаешь называть его по имени.

— Вы про Флореса?

— Про кого же еще?

— Во-первых, мы не знаем наверняка, что, когда Джиллиан зашла в домик, он был там один. Так что не факт, что убийца именно он. Мы даже не знаем, был ли он вообще в домике на тот момент. Может, ее там ждал

кто-то другой? Я понимаю, это звучит маловероятно, но я к тому, что доказательств у нас нет, а полагаться на гипотезы и домыслы надо осторожно. А во-вторых, меня смущает само имя. Если наш сказочный садовник-золушка действительно умный, расчетливый и талантливый убийца, то Гектор Флорес — практически наверняка псевдоним.

— У меня ощущение, что я на чертовой карусели. Стоит решить, что хоть один факт мы знаем наверняка, как он вылетает из-под носа и сменяется другим.

— Карусель — это еще неплохо. Лично у меня ощущение, что меня засасывает в сточную трубу.

— И ты хочешь, чтобы Бекку засосало за компанию?

Гурни решил не реагировать на грязный намек, явно сквозивший в голосе прокурора.

— Я хочу, чтобы она помогла мне придерживаться реальности и обозначила какие-то границы персонажа, которого я намерен поймать.

Возможно, сработала решительность, прозвучавшая в последних словах, или Клайн просто вспомнил о проценте раскрытых дел с участием Гурни, но голос его изменился.

— Я скажу ей, чтобы перезвонила тебе.

Час спустя Гурни сидел перед своим компьютером и всматривался в холодные глаза Питера Пиггота, чья история казалась ему похожей на дело Перри, а характер — похожим на предполагаемого героя пьесы Валлори. Правда, Гурни сам не до конца понимал, что его подтолкнуло открыть портрет Пиггота — психологическое сходство с убийцей или баснословные деньги, которые теперь сулил этот портрет.

Сто тысяч долларов — вот за это? Мир современного искусства определенно непостижим. Сто тысяч — за фото Питера Пиггота. Цена звучала так же странно, как и аллитерация. Нужно было поговорить с Соней, и он решил, что позвонит ей с утра, но сейчас стоило сосредоточиться не на стоимости портрета, а на характере смотревшего с экрана убийцы.

В пятнадцать лет Пиггот убил своего отца, чтобы устранить препятствие в своих откровенно нездоровых отношениях с матерью, с которой в итоге родил двоих дочерей. Когда ему исполнилось тридцать, он убил и мать — чтобы устранить препятствие в столь же нездоровых отношениях с дочерьми, которым на тот момент было тринадцать и четырнадцать.

На взгляд обывателя, Пиггот ничем не отличался от «нормальных»

людей. Но Гурни упрямо казалось, что его глаза выдавали что-то важное. Их чернота выглядела почти бездонной. Пиггот полагал, что любые свои желания необходимо поощрять, и считал мир площадкой для их исполнения. Стоит ли говорить, что он оправдывал любые средства, которых это требовало, и нисколько не думал ни о ком, кроме себя. Таким ли Эштон представлял себе идеального психопата с безупречно выстроенными границами?

Сейчас, разглядывая неподвижную радужку на фотографии, Гурни был практически уверен, что Пигготом двигала маниакальная потребность контролировать все, что происходит вокруг. Его представления о порядке были неоспоримы, и любые поступки для воцарения этого порядка — непогрешимы. Гурни решил, что нужно попробовать подчеркнуть именно эту одержимость на фотографии — проявить потайного тирана за невыразительными чертами. Выманить дьявола из-под маски посредственности.

Интересно, не это ли будоражило воображение загадочного коллекционера Йикинстила? Тайное зло за явной безобидностью? Не этот ли контраст казался ему настоящей ценностью?

Портрет убийцы, разумеется, всегда значительно отличался от живого человека. На экране был лишь отпечаток образа чудовища, изрядно обусловленный безобидностью формата. Змей, лишенный яда. Парализованный, заламинированный черт.

Гурни скрестил руки на груди, откинулся в кресле и погрузился в раздумья, обратив взгляд в окно. Когда его взгляд сфокусировался на ярко-алом закате, ему показалось, что по небесной бирюзе размазана кровь. И тут же вспомнил, откуда взялась ассоциация. Южный Бронкс, спальня с бирюзовыми обоями. Жертва перестрелки, которая медленно сползла по стене на пол и оставила там жутковатый развод. Это было его первое расследование. Двадцать четыре года назад.

Вокруг жужжали мухи. Был август. Тело лежало на полу целую неделю.

Глава 39

Реальность и нереальность

Двадцать четыре года он имел дело с кровью и смертью. Целая половина жизни. И даже сейчас, в отставке... Что там сказала Мадлен, когда он расследовал дело Меллери? Что смерть для него более

естественная стихия, чем жизнь?

Он, конечно, с ней тогда спорил. Говорил, что дело не в смерти, а в загадке, в желании распутать клубок, потребности, чтобы свершилось правосудие.

Она, разумеется, наградила его своим фирменным скептическим взглядом. Мадлен не верила, что истинную мотивацию можно объяснить моральным принципом, и считала апелляцию к принципам нечестным способом выйти из спора.

Когда он из этого спора все-таки вышел, он сам понял всю правду. Его почти физически тянуло решать задачи, присущие расследованию, и вычислять спрятавшихся за загадками преступников. Им двигало нечто первобытное, безусловное и мощное, и эта сила была куда мощнее той, которая заставляла его думать об удобении аспарагуса. Только процесс расследования убийств захватывал его внимание всецело и безраздельно. И ничто другое в его жизни не могло тягаться с этой одержимостью.

Это было одновременно хорошо и плохо. Хорошо — потому что это было подлинным увлечением, а ведь столько людей живет, не зная и тени подобной страсти. Плохо — потому что эта страсть с неумолимостью морских отливов уносила его от всей остальной жизни — и от Мадлен.

Он задумался, почему ее нет дома, и попытался вспомнить, не говорила ли она что-нибудь на этот счет — но не смог. Какие вещи на этот раз вытеснили ее? Богатей Йикинстил с его долларовой морковкой? Встреча в бюро и ее влияние на ход следствия? Интригующая многозначительность пролога пьесы Валлори? Внезапное желание паучьей женушки Пегги ему помочь? Эхо испуганного голоса Саванны Листон, сообщающего о пропаже бывших одноклассниц? Какой бы ни была правда, ясно было одно: практически что угодно, а то и все вместе напрочь вытеснило местонахождение Мадлен с радаров его памяти.

Потом послышался звук подъезжающей машины, и он наконец вспомнил: встреча с подружками-рукодельницами. Только обычно она возвращалась с этих встреч гораздо позже. Он отправился было на кухню, чтобы выглянуть в окно, но тут зазвонил телефон, так что ему пришлось возвращаться в кабинет.

— Дэйв, как здорово, что ты подошел! Не люблю общаться с твоим автоответчиком. У меня пара новостей, но ты не пугайся, ничего страшного не произошло, — протараторила Соня, и ее обычное возбуждение чуть-чуть оттеняла нервозность.

— Я собирался тебе звонить, — начал было Гурни, который действительно собирался расспросить ее про коллекционера, чтобы

получше подготовиться к встрече завтрашним вечером. Но Соня его перебила:

— Встреча теперь не вечером, а днем, потому что вечером Яй внезапно летит в Рим. Надеюсь, это не сильно порушит твои планы? Если порушит, черт с ними, это важнее. Вторая новость — меня на встрече не будет, — она сделала паузу. Вторая новость явно ее тяготила. Гурни молчал. — Ты слышал, что я сказала? — уточнила она, занервничав еще сильнее.

— Встретимся днем, хорошо. Но почему тебя не будет?

— Да я, конечно же, очень хочу там быть, и я бы охотно пришла, но... ладно, давай я просто перескажу тебе его слова. Яй действительно очень впечатлен твоими работами и даже считает, что ты, возможно, положил начало целому новому жанру, и он очень взволнован перспективами и все такое. Но он сказал буквально следующее: хочу сперва лично познакомиться с этим Дэвидом Гурни и понять, как в одном человеке могут сочетаться художник и детектив, хочу понять, с кем имею дело, прежде чем по-настоящему в него вкладываться, и вообще мне нужно присмотреться к устройству его ума и воображения, причем желательно без посредников и прочих третьих лиц. Ну, я ему ответила, конечно, что меня впервые в жизни столь уничижительно обозвали «третьим лицом» и что меня впервые просят не являться на организованную мною же встречу... но конкретно для него я готова сделать исключение и, так и быть, посижу дома. Такие дела. Дэйв, перестань молчать. Что ты об этом думаешь?

— Я думаю, что мы имеем дело с безумцем.

— Это же Яй Йикинстил! Он не безумец, он просто... экстравагантен.

Гурни услышал, как открывается входная дверь, а затем раздается шорох в прихожей у кухни.

— Дэвид! Ты снова замолчал.

— Да нет... а что он имеет в виду, когда говорит, что собирается в меня «вкладываться»?

— Это главная хорошая новость, и это то, почему мне бы страшно хотелось пообедать вместе с вами, но увы, увы. Ты только послушай: он хочет купить все твои работы. Все до единой, а не просто одну-две. Представляешь? Он говорит, что со временем их ценность будет только расти.

— Какие к тому предпосылки?

— Ну, все, что Йикинстил покупает, действительно потом растет в цене.

Гурни заметил чье-то присутствие боковым зрением и повернулся. У входа в кабинет стояла Мадлен и хмурилась, глядя на него. Ее что-то

беспокоило.

— Дэвид, ну завязывай с этими невыносимыми паузами, — взмолилась Соня. — Как можно играть в молчанку, когда тебе предлагают миллион баксов на аперитив и сулят несметные богатства в перспективе?

— Ты понимаешь, насколько бредово это звучит?

К беспокойству на лице Мадлен прибавилось раздражение, и она ушла на кухню.

— Ну естественно, это звучит бредово! — воскликнула Соня. — Популярность в мире искусства всегда с примесью бреда. Это такая разновидность нормы. Знаешь Марка Ротко? Который пишет цветные квадратики. Ты хотя бы представляешь, сколько он на них зарабатывает? И какие у тебя после этого еще вопросы?

— Слушай, мне надо обо всем этом как следует подумать. Ладно? Давай я попозже перезвоню.

— Только не забудь, сокровище ты мое баснословное. Завтра — важный день. Мне надо тебя подготовить как следует. Так, ты опять замолчал. Ну, о чем ты молчишь на этот раз?

— Все это кажется каким-то ненастоящим. Словно сон.

— Дэйв, знаешь, что говорят человеку, который только учится плавать? Перестань сопротивляться воде. Просто расслабься и позволь ей держать тебя. Дыши, и поток сам тебя понесет. Вот и здесь так же. Перестань цепляться за эти глупости — настоящее, ненастоящее, бред, не бред, это все просто слова, понимаешь? Поверь в волшебство. Твой волшебник — мистер Йикинстил. У него для тебя много волшебных миллионов. Вот и все. Чао!

Волшебство? Не было для Гурни более чуждого понятия в этой жизни, чем волшебство. Не было понятия более бессмысленного и более пустого. Ничего себе. Волшебство.

Он снова уставился за окно. Небо, которое еще недавно пугало кровавым разводом, теперь погасло и стало розовато-лиловым, матовым, а цвет травы на лугу за домом утратил всякое сходство с зеленым.

На кухне раздался грохот — судя по звуку, крышки от кастрюль обрушились из сушки в железную раковину. Затем Мадлен стала шумно ставить их на место.

Гурни вышел из темного кабинета в ярко освещенную кухню. Мадлен уже вытирала руки о кухонное полотенце.

— Что с машиной? — спросила она.

— С чем? А... С олененком встретился, — произнес он упавшим голосом, слишком живо вспомнив удар столкновения.

Она посмотрела на него с тревогой и пониманием. Он продолжил:

— Выскочил из леса прямо передо мной... не успел увернуться...

— Что случилось с олененком? — прошептала она.

— Погиб. Сразу. Я проверил — никаких признаков жизни.

— И... что ты сделал?

— В смысле? А что я должен был... — образ олененка с неестественно вывернутой шеей и мертвыми глазами внезапно захватил его с такой силой, что вытолкнул из памяти другой образ, заставил вспомнить другую аварию, и память вцепилась в сердце такими ледяными пальцами, что Гурни показалось — оно вот-вот остановится.

Мадлен смотрела на него и как будто понимала, о чем он думает. Протянув руку, она погладила его по плечу. Постепенно приходя в себя, он взглянул на нее и увидел в ее глазах печаль, которая теперь была естественной частью ее восприятия. Печаль просвечивала и сквозь ее радость, и сквозь покой. Она давным-давно нашла способ пережить смерть сына, а он так и не смог — и даже не пытался, хотя всю дорогу знал, что когда-нибудь придется. Но не сейчас. Сейчас все еще было рано.

Возможно, это и мешало ему общаться с Кайлом — его взрослым сыном от первого брака. Только от таких размышлений разило психоанализом, который он презирал.

Он повернулся к французским дверям и посмотрел на гаснущий закат. Даже красный сарай теперь казался серым.

Мадлен отвернулась к раковине и принялась вытирать посуду полотенцем. Какое-то время она была молча погружена в это занятие, а затем внезапно спросила:

— Так что, еще неделя — и ты поймаешь убийцу? Вручишь его копам в подарочной коробочке с бантом?

Гурни, даже не глядя на нее, знал, какое у нее выражение лица и, подняв взгляд, понял, что не ошибался: язвительная, хмурая усмешка.

— Я же сказал, что через две недели закончу.

Мадлен кивнула, но в этом кивке не было ничего, кроме скепсиса.

Она продолжила молча вытирать посуду, уделяя этому занятию куда больше внимания, чем обычно, и переставляя сухие тарелки на сосновую столешницу по ранжиру с такой педантичностью, что Гурни начал выходить из себя.

— Да, кстати, — произнес он с чуть большим недовольством, чем хотел, — а почему ты вообще дома?

— Прости, ты что имеешь в виду?

— Вроде у тебя по расписанию вечер вязальщиц.

— Мы сегодня закончили чуть раньше обычного.

Ему показалось, что она недоговаривает.

— Что-то случилось?

— Ну да, немного.

— Что?

— Ну... Маржери-Энн вырвало.

Гурни недоуменно моргнул.

— Ч-что?

— Ее вывернуло наизнанку.

— Маржери-Энн Хайсмит вывернуло наизнанку?

— Да.

Он снова моргнул.

— Как это — вывернуло наизнанку?

— Разве это можно понимать по-разному?

— То есть ее вывернуло прямо у стола?

— Нет, она успела встать из-за стола и помчалась в туалет.

— И?

— И не добежала.

Гурни заметил, что в ее голосе появилась пропавшая было теплая ирония, которой она обычно уравнивала печаль. Он давно не слышал этого тепла и сейчас захотел во что бы то ни стало раздуть его, но понимал, что если перестараться, оно, наоборот, погаснет.

— Стало быть, она испачкала пол.

— О да, не то слово. И не только пол.

— Как так?

— Ее вывернуло не только на пол, но еще на котов.

— На котов?!

— Мы сегодня встречались у Бонни. Помнишь, у нее два кота?

— Кажется, помню.

— Вот они дрыхли себе в корзинке, которая стоит у Бонни в коридоре рядом с туалетом...

Гурни начал смеяться, и с непривычки у него закружилась голова.

— ...Маржери-Энн ровно над этой корзинкой и прорвало.

— Боже, — выдохнул Гурни, сгибаясь от смеха.

— Надо сказать, что прорвало ее основательно. А коты взвились из корзинки и помчались разносить содержимое ее желудка по гостиной.

— И по всей мебели?

— Ровным слоем! Они носились по дивану, креслам... впечатляющее было зрелище.

— С ума сойти! — Гурни не помнил, когда последний раз так смеялся.
— Само собой, после этого есть никто уже не смог, — добавила Мадлен. — И сидеть в гостиной тоже стало как-то... неприятно. Мы предложили Бонни помочь убраться, но она отказалась.

Помолчав немного, он спросил:

— Может, хочешь поужинать?

— Нет! — воскликнула Мадлен. — Не упоминай при мне еду!

Он представил себе носящихся по комнате котов и снова засмеялся.

Однако мысль об ужине все-таки погасила тепло в голосе и взгляде Мадлен.

Когда он наконец закончил смеяться, она спросила:

— Так что, завтра встречаешься с Соней и безумным коллекционером?

— Нет, — ответил он, впервые довольный, что Сони на встрече не будет. — Только я и безумный.

Мадлен удивленно подняла бровь.

— Я бы на ее месте любой ценой стремилась на этот ужин.

— Вообще-то встречу перенесли на обед.

— Надо же, значит, тебе уже сбили цену?

Гурни промолчал, но замечание его странным образом задело.

Глава 40

Негромкий вой

Закончив с посудой, Мадлен устроилась в пухлом кресле у камина с чашкой травяного чая и вязальными принадлежностями. Гурни взял одну из папок с документами по делу Перри и сел в соседнем кресле. Так они и сидели — рядом, но порознь, каждый в своем небольшом пятачке света.

Он открыл папку и достал отчет по форме ПСН. В системе ФБР эта форма полностью называлась Протокол Программы по предотвращению преступлений, связанных с насилием, а в Бюро криминальных расследований она же называлась Протокол Программы по изучению преступлений, связанных с насилием. При этом форму прогоняли через одни и те же компьютерные программы. Второе название нравилось Гурни гораздо больше — оно было ближе к истине.

Форма на тридцать шесть страниц была исчерпывающей, если не сказать изматывающей, но полезной информации в ней было ровно столько, сколько был способен сообщить заполнявший ее офицер. Одной из целей этой формы было выявление закономерностей, схожих с другими

аналогичными преступлениями, но здесь не было ни единой отметки об аналогиях. Гурни терпеливо вчитывался в каждую страницу, чтобы убедиться, что не упустил чего-нибудь важного.

Сосредоточиться толком не получалось. Он вспомнил, что хотел позвонить Кайлу, потом начал придумывать оправдания, почему звонок стоило отложить. Все эти годы удобной отговоркой была разница в часовых поясах между Нью-Йорком и Сиэтлом, но теперь-то Кайл перебрался в Манхэттен, на юридический факультет, и у Гурни исчезли уважительные причины не звонить. Однако никаких подвижек в сторону того, чтобы позвонить или хотя задуматься, почему он этого так старательно избегает, не произошло.

Иногда Гурни списывал эту холодность на свои кельтские гены. Это было бы удобным объяснением, снимающим всякую личную ответственность. Но иногда он думал, что все-таки дело в чувстве вины: он не звонил, испытывал вину, из-за нее опять не звонил, испытывал еще большую вину, и так до бесконечности, в недрах которой скрывалась вина единственного ребенка в семье, принимающего на свой счет вину за сложные отношения родителей. А временами Гурни казалось, что Кайл просто слишком походил на его первую жену и был ходячим напоминанием о стыдных скандалах того времени.

Еще, конечно, примешивалось разочарование. Когда биржевой бизнес стал разваливаться и Кайл заявил, что хочет заняться правом, Гурни на безумную долю секунды понадеялся, что сын захочет пойти по его стопам. Но оказалось, что Кайла, как и прежде, просто интересовали варианты денежной карьеры, а вовсе не правосудие.

— Да сними трубку и позвони, — произнесла Мадлен, которая все это время наблюдала за его лицом, сложив на коленях спицы и nedovязанный ярко-рыжий шарф.

Он повернулся к ней и отметил про себя, что начал воспринимать ее пронизательность как данность, а не как чудо.

— У тебя всегда такое лицо, когда ты думаешь про Кайла, — объяснила она, словно отвечая на его размышления. — Специфично-невеселое.

— Позвоню.

Он с возобновленным усердием принялся перечитывать форму, словно человек в запертой комнате, который знает, что ключа в ней нет, но все равно его ищет. Вполне ожидаемо, ничего нового вычитать не удалось. Он стал пролистывать другие отчеты.

В одном из них нашелся такой комментарий к диску со свадьбы:

«Местонахождение каждого из гостей в период совершения убийства зафиксировано на записи с обозначением точного времени». Гурни помнил разговор с Хардвиком, который сказал ему в целом то же самое, но решил, что лучше убедиться самому.

Он достал мобильный и набрал номер. Тут же включился автоответчик:

«Это Хардвик. Говорите после сигнала».

— Это Гурни. У меня вопрос насчет записи.

Не прошло и минуты, как раздался звонок. Гурни даже не посмотрел на экран.

— Привет, Джек.

— Дэйв?.. — голос оказался женским и смутно знакомым, но Гурни не сразу понял, кто звонит.

— Да, простите, я просто ждал другого звонка. Это Дэйв.

— Это Пегги Микер. Получила твое письмо и только что тебе ответила. А потом дай, думаю, еще позвоню, а то вдруг информация важная, а ты почту нескоро прочитаешь, — тараторила Пегги.

— Что за информация?

— Ты спрашивал про персонажей пьесы Валлори, про фабулу и все такое. Короче, я решила позвонить в Уэслианский университет — и что ты думаешь? Мой старый профессор все еще там! Профессор Барклес, который нам преподавал.

— Что преподавал?

— Курс драматургии елизаветинской эпохи. В общем, я оставила ему сообщение, и он сам перезвонил! Представляешь, как здорово?

— И что же он рассказал?

— О, он рассказал такое, такое... Ты там сидишь? Сядь!

В трубке раздался сигнал, сообщающий о параллельном звонке, но Гурни его проигнорировал.

— Рассказывай.

— В общем, пьеса называлась «Садовник-испанец», — торжественно произнесла она и сделала паузу, очевидно, ожидая реакции.

— Продолжай.

— Главного героя звали Гектор Флорес.

— Подожди, ты серьезно?

— Это еще не все! Дальше интереснее! Сюжет частично описан одним из современников Валлори. Там какая-то жутко запутанная история, где все кем-то прикидываются и в кого-то наряжаются, так что в родной семье не узнают и все такое. Но фабула... — в трубке опять раздался сигнал. —

Фабула такая: мать Гектора выгнала его из дому после того, как убила его отца и соблазнила его брата. И вот, много лет спустя, Гектор возвращается в родительский дом, нарядившись садовником. После чего разными хитростями и уловками заставляет брата отрубить матери голову. Короче, какая-то вопиющая чернуха, так что неудивительно, что пьесу запретили после первого же представления, а текст уничтожили. Доподлинно неизвестно, является ли сюжет вариацией мифа об Эдипе или это просто плод больного воображения Валлори. Может, он вдохновился «Испанской трагедией» Кида, где драматический накал тоже зашкаливает будь здоров. Наверняка теперь и не узнать. В общем, такая история, из первых рук самого профессора Барклеса.

В голове Гурни запустилась адская карусель. Выдержав полминуты в напрасном ожидании реакции, Пегги спросила:

— Хочешь, я все это повторю еще раз?

Опять раздался сигнал, извещающий о параллельном звонке.

— Ты же все это написала в е-мейле?

— Да, во всех подробностях. Там и телефон профессора есть, на всякий случай. Жутко интересно, правда? Должно быть, я подкинула тебе новый взгляд на дело!

— Скорее, подтвердила одну из моих версий. Попробую ее проработать.

— Ясно. Понятно. Ну... держи меня в курсе?

Снова сигнал.

— Пегги, у меня тут на параллельной линии кто-то очень настойчивый, так что давай прощаться. Спасибо, ты мне очень помогла.

— Да я всегда готова! Ты только дай знать, может, чем еще пригожусь!

— Обязательно. Еще раз спасибо.

Он переключился на второй звонок.

— Ты чего так долго не отвечаешь? Тоже мне — срочный вопрос!

— О, Джек. Спасибо, что перезвонил.

— Ну, вопрос-то какой?

Гурни улыбнулся, подумав, что у Хардвика два основных агрегатных состояния: грубость и вульгарность, и сейчас он включил первое.

— Ты насчет всех гостей точно знаешь, где они находились в момент убийства?

— Более-менее.

— Скорее более или скорее менее?

— Там камеры были расставлены так, что вся территория охвачена. Гости, прислуга, музыканты — все были на виду, от начала до конца.

— Все, кроме Гектора.

— Гектор был в домике.

— Предположительно.

— А есть варианты?

— Да я пытаюсь отличить, что мы правда знаем, от того, что мы думаем, что знаем.

— Ну а кто еще мог быть в долбаном домике?

— В том-то и дело, Джек, что я не знаю. И ты не знаешь. Кстати, ты мастерски скрыл от меня историю с рехабом. Я впечатлен.

Последовало долгое молчание.

— Какой хрен тебе об этом рассказал?

— Вот именно, что какой-то хрен, а не ты сам!

— А какое тебе вообще до этого дело?

— Я люблю полную прозрачность мотивации, Джек.

— Полную прозрачность? Да утрись, блин, своей прозрачностью. Безмозглый Род вышиб меня с дела Перри, потому что я сказал, что гонять мексиканских нелегалов по всему штату — тупая трата времени. Во-первых, один фиг не узнаешь, кто легал, а кто нет — какой нормальный человек признается, что не платит налоги? Во-вторых, какой нормальный человек признается, что знаком с убийцей? Спустя два месяца после начала расследования меня вызывают — давай, срочно лови двух придурков, которые застрелили заправщика на бензоколонке. Ну и какой-то умник с бензоколонки звякнул капитану и стуканул, что якобы от меня пахнет алкоголем. А ему ж только того и надо! Он вцепился в эту анонимку и радостно сослал меня на свалку, набитую стонущими торчками! Ты бы выжил двадцать восемь дней с торчками, а? Двадцать восемь дней! Только ты и торчки! Знаешь, как выглядела реабилитация? Лежу я день за днем и думаю: вот выйду отсюда и просто урою Родригеса нахрен. Голыми руками — да в сырую землю. Ну как, старичок, полегчало тебе, с прозрачностью-то?

— Вполне. Только проблема в том, что расследование вас обоих не волновало, и теперь мы имеем что имеем. Нужно начинать с нуля и искать новых людей, которых интересует дело, а не как бы подложить другому свинью пожирнее.

— Ах, проблема, значит, только в этом? Ну, удачи, капитан Прозрачность!

Хардвик отключился.

Гурни убрал телефон и задумался. В тишине было слышен стук спиц. Он повернулся к жене.

Мадлен улыбнулась, не поднимая взгляда от вязания.

— Что-то пошло не так?

Он мрачно усмехнулся.

— Все не так с самого начала. Теперь расследование нужно полностью переформатировать, а у меня нет ни авторитета, ни других ресурсов.

— Я думаю, что есть способ.

Гурни задумался.

— Ты про Клайна?

— Ты же еще на деле Меллери говорил, что прокурор — человек тщеславный?

— Не удивлюсь, если он спит и видит себя президентом страны. Ну или на худой конец губернатором.

— Ну, вот видишь.

— Н-нет, не вижу.

Она на секунду сосредоточилась на новой петле, потом подняла взгляд на Гурни, явно недоумевая, как он не замечает очевидного.

— Если повернуть следствие на твой лад, это может в перспективе как-то почесать его тщеславие?

Точно! Клайн обожал внимание прессы, когда речь шла о каком-нибудь громком расследовании. Это был самый легкий способ задеть его за живое — пообещать внимание журналистов.

Гурни снова достал телефон и набрал номер окружного прокурора. Автоответчик заявил, что звонки принимаются в будни с восьми утра до шести вечера, а также можно оставить свои контакты для связи и ожидать звонка в рабочие часы или же перезвонить на круглосуточную горячую линию для неотложных сообщений.

Гурни записал номер горячей линии в телефон, но решил сначала структурировать свое неотложное сообщение, которым предстояло зацепить оператора, чтобы добиться переключения на Клайна. В конце концов, если собираешься бросить через стену гранату, нужно сперва убедиться, что она точно рванет.

Спицы затихли.

— Слышишь? — произнесла Мадлен, чуть повернув голову к ближайшему окну.

— Что?

— Прислушайся.

— Но что я должен услышать?

— Тс-с-с-с!

Он собирался сказать, что ничего не слышит, когда уловил далекое

тявканье койотов.

И — снова тишина. Гурни представил, как существа, похожие на поджарых волков, мчат рассеянной стаей вдаль, и дует ветер, такой же холодный, как их сердца, и луна заливает их путь по долине у северных гор.

Телефон вновь зазвонил. Гурни опустил взгляд на экран. «Галерея Рейнольдс». Он быстро посмотрел на Мадлен, но лицо ее не выражало ни интереса, ни проницательности насчет звонка.

— Дэйв. Слушаю.

— Ты лишаешь меня сна. Нужно поговорить.

После неловкой паузы Гурни произнес:

— Ты первая.

Ее мелодичный смех напомнил ему кошачье мурлыканье.

— Я имею в виду, что собираюсь спать, а ты до сих пор не перезвонил. Давай все-таки обсудим завтрашнюю встречу.

— Разумно.

Снова бархатное мурлыканье.

— Смотри, что я подумала. У меня нет для тебя советов, что говорить Йикинстилу, потому что я понятия не имею, что он собирается спрашивать. Так что просто будь собой. Умник-детектив, выдавший виды бука-молчун, скромняга-воин на стороне светлых сил, который всегда побеждает.

— Не всегда.

— Это потому что ты еще и просто человек. Это вообще-то важно — что ты человек, а не герой-фальшивка. В общем, будь собой, и больше ничего не надо. Ты будь здоров умеешь произвести впечатление, хотя сам в это и не веришь, Дэйв.

Помолчав, он спросил:

— Это все?

Соня опять рассмеялась, на этот раз умиленно.

— Про тебя — все. А про меня — нет. Ты вообще читал контракт, который подписал перед выставкой в том году?

— Тогда читал, видимо. С тех пор — нет.

— Там говорится, что Галерея Рейнольдс за выставленные работы получает комиссию в размере сорока процентов, за размещение в каталогах — тридцать процентов и двадцать один процент за все будущие работы художника, выполненные по заказу клиентов, пришедших через галерею. Помнишь такое?

— Смутно.

— Смутно, значит. Ну, теперь скажи: тебе это нормально или тебя это

смущает?

— Нормально.

— Отлично. Потому что я вся в предвкушении, как здорово мы с тобой поработаем. Я бы даже сказала — в предчувствии.

Мадлен с непроницаемым лицом вязала шарф. Петля за петлей. Тик-тик-тик.

Глава 41

День Икс

Утро выдалось замечательным и ярким, словно солнце специально позировало для идеальной осенней фотографии в календарь. Небо ослепительно синело, ни единого облачка. Мадлен уехала кататься на велосипеде вдоль реки по маршруту, который простирался на тридцать километров на восток и запад от Уолнат-Кроссинг.

— Какой волшебный день, — вздохнула она, уходя, и умудрившись вложить в этот комментарий подспудное неодобрение, что муж собирается пропустить такую красоту, торча в городе и общаясь с каким-то психом насчет продажи уродливых фотографий. Впрочем, возможно, Гурни приписывал Мадлен собственное недовольство.

Он сидел за столом и смотрел на луг. Сарай в нежном утреннем свете казался кричаще красным. Гурни сделал первую пару глотков кофе, взял телефон и набрал номер горячей линии Клайна.

На том конце раздался знакомый бесцветный голос, моментально вызывавший в памяти образ своего обладателя.

— Офис окружного прокурора, Штиммель слушает.

Гурни представился и подождал реакции, зная, что Штиммель его вспомнит: они сталкивались на деле Меллери. Штиммель не выразил желания признать знакомство, и Гурни не слишком этому удивился: это был человек, не приветливее и не приятнее в общении, чем жаба, да и внешнее сходство было недвусмысленным.

— Слушаю, — повторил он.

— Мне нужно срочно поговорить с прокурором.

— По какому вопросу?

— Жизни и смерти.

— Чьей конкретно жизни и смерти?

— Его собственной.

В бесцветном голосе прорезалась озабоченность.

— Конкретизируйте.

— Вы, наверное, слышали про дело Перри? — спросил Гурни. Молчание пришлось принять за согласие, и он продолжил: — О нем скоро зашумит желтая пресса, начнется соревнование громких заголовков. «Крупнейшее серийное убийство в истории штата». Я подумал, что Шеридана лучше предупредить.

— Что вы такое несете?

— Вы это уже спрашивали другими словами. И я вам ответил.

— Изложите факты, и я все передам прокурору.

— Нет времени на испорченный телефон. Мне нужно поговорить с ним немедленно, даже если для этого придется сорвать его с унитаза. Передайте ему: дело Меллери в сравнении с этим покажется всем заурядным хулиганством.

— Ладно. Но если это окажется подставой...

Штиммель отключился. Гурни расценил это как «спасибо, мы с вами свяжемся» и спокойно продолжил пить кофе, который еще не успел остыть. Аспарагус легонько поигрывал листьями под теплым западным ветром. Вопрос про удобрение, занимавший ум Герни чуть меньше недели назад, теперь казался абсолютно неважным. Важным сейчас было одно: чтобы его прогноз, которым он поделился со Штиммелем, не оказался ошибочным.

Пару минут спустя в трубке уже звучал голос Клайна, звенящий бодростью, словно муха над навозной кучей.

— О чем речь? Что за скандал в желтой прессе?

— В двух словах не объяснить. У вас есть время на разговор?

— Давай, ты обозначишь ситуацию в одном предложении.

— В заголовках предложение будет звучать примерно так: «Полиция и окружной прокурор упустили убийцу выпускниц школы Мэйплшейд».

— Мы же об этом вчера говорили?

— С тех пор появилась новая информация.

— Где ты сейчас?

— Дома, но выдвигаюсь в город через час.

— И у тебя реальные факты? Не очередные теории с допущениями?

— Достаточно реальные, да.

Помолчав, Клайн спросил:

— Твой телефон защищен от прослушки?

— Понятия не имею.

— Ладно. Ты же можешь приехать в город по платной трассе?

— Могу.

— Значит, по дороге можешь заскочить ко мне в офис?

- Могу.
- Тогда выезжай прямо сейчас.
- Через десять минут буду в пути.
- Тогда у меня в офисе в полдесятого. И еще... знаешь, Гурни...
- Что?
- Я бы на твоём месте молился, чтобы это оказалось правдой.
- Шеридан, знаете, что?
- Что?
- Я бы на вашем месте молился, чтобы это оказалось ошибкой.

Через десять минут Гурни уже ехал на восток, навстречу солнцу. Первой остановкой была лавка Абеяра, где он купил кофе взамен той чашке, из которой едва успел отпить и которую в спешке оставил остывать на кухне. Несколько минут он сидел на крохотном участке, отведенном под парковку, и, слегка откинувшись в кресле, пытался сосредоточиться на вкусе и запахе кофе, словно это было единственное, что стоило его внимания в этом мире. Не сказать, чтобы эта практика давалась ему легко, но он почему-то из раза в раз пытался так помедитировать. В каком-то смысле это действительно помогало переключиться с одних мыслей на другие, но эти «другие» были не менее тревожными. В данном случае он переключился с бардака в расследовании на бардак в его отношениях с Кайлом, а также на растущее чувство вины из-за бесконечно откладываемого звонка.

Это действительно было нелепо, нужно было просто набрать номер. Гурни отлично знал, что прокрастинация обходится дорого: дело, отложенное в реальности, со временем занимает все больше и больше места в уме, распаяя тревогу. Никакого логичного резона не звонить у него не было. Более того, умом он понимал, что большая часть несчастий в его жизни приключилась из-за попыток избежать сиюминутного дискомфорта. А номер Кайла даже забит в список важных абонентов. Нужно нажать всего лишь одну кнопку. Ну давай!

Он достал телефон, нажал и попал на автоответчик.

— Привет, это Кайл. Не могу сейчас ответить, оставьте сообщение.

— Привет, Кайл, это папа. Дай, думаю, позвоню, спрошу, как тебе Колумбия и как живется на новом месте... — он хотел спросить про Кейт, бывшую жену Кайла, но вовремя спохватился. — В общем, ничего срочного, просто хотел узнать, как дела. Перезвони мне, как сможешь. До связи, — он отключился.

Любопытные ощущения. Смутные, как и все, что Гурни воспринимал

не при помощи сознания. Но главным чувством было облегчение, что он наконец позвонил. И если быть до конца честным, то он был рад, что попал на автоответчик. Что ж, возможно, теперь эта тема перестанет его доносить хотя бы некоторое время. Он отпил еще кофе, посмотрел на часы — 8:52 — и снова отправился в путь.

Парковка у офиса окружного прокурора была пустой, если не считать одной сияющей черной «Ауди» и нескольких потрепанных «Фордов» и «Шевроле». Ничего удивительного для субботнего утра. Громада самого здания выглядела так же мрачно и злоеще, как и дух заведения, которому оно раньше принадлежало.

Пока Гурни парковался, из «Ауди» вышел Клайн. Тут же подъехала «Краун Вика» и остановилась на противоположной стороне от машины прокурора. Из водительской двери вышел Родригес.

Гурни и Родригес одновременно подошли к Клайну с разных сторон и обменялись с прокурором кивками, а друг друга обоюдно проигнорировали. Клайн провел их через боковой вход, от которого у него был собственный ключ, и они молча поднялись по лестнице. Дорога до кожаных кресел кабинета также прошла в полной тишине. Когда все расселись, Родригес сложил руки на груди и сверкнул стеклами очков в тонкой оправе, за которой темнели холодные глаза.

— Итак, — произнес Клайн, наклонившись вперед, — в чем же сенсация? — Он посмотрел на Гурни пронизывающим взглядом судьи, который заранее решил, что ответчик виновен. — Ты вызвал нас сюда громкими заявлениями. Выкладывай.

— Возможно, вам понадобится кое-что записать, — кивнул Гурни. У капитана на этой фразе нехорошо дернулось веко, красноречиво сообщая, что он воспринял это предложение как хамство.

— Давай сразу к делу, — попросил Клайн.

— Дело состоит из нескольких частей, — ответил Гурни. — Так что я буду выкладывать постепенно. Во-первых, Гектор Флорес — это имя персонажа из пьесы елизаветинской эпохи. Этот персонаж притворяется испанским садовником. Не находите совпадение любопытным?

Клайн скептически хмыкнул.

— Что это за пьеса такая?

— Это еще любопытнее. Сюжет завязан на нарушении важного табу — на инцесте. Который, как мы знаем, часто является важным фактором в формировании психики насильников.

Скепсис Клайна только усугубился.

— И что же из этого следует?

— Что человек, который жил в домике садовника у Эштона, практически наверняка взял псевдоним из этой пьесы.

Капитан тоже хмыкнул.

— Что-то пока маловато подробностей, — сказал Клайн.

— Это пьеса про инцест. Главный герой, Гектор Флорес, появляется на сцене в образе садовника. А затем... — Гурни поддался искушению и выдержал драматическую паузу, — затем он убивает виновную перед ним героиню, отрезая ей голову.

— Ч-что?! — ошарашенно переспросил Клайн.

Родригес поднял взгляд на Гурни.

— Ну и где эта пьеса?

Гурни предпочел не упоминать, что пьеса целиком не сохранилась, и вместо того сообщил капитану имя профессора, преподававшего Пегги Миллер в колледже.

— Он будет рад вам все рассказать в подробностях. А если у вас еще остались сомнения, что пьеса связана с убийством Джиллиан Перри, то я их развею. Автора пьесы звали Эдвард Валлори.

Клайн пару секунд пытался вспомнить, к чему это относится.

— Как подпись в эсэмэске?

— Да. То есть теперь мы как минимум знаем, что образ мексиканца-нелегала был с самого начала не более чем образом, на который все повелись.

Капитан аж покраснел от ярости. Гурни продолжил.

— Когда он приехал в Тэмбери, у него были план и море терпения. Неочевидность источника, из которого он позаимствовал сценарий, показывает, что мы имеем дело с человеком нетривиального ума. А сюжет пьесы Валлори говорит о том, что мотив для убийства скрыт в прошлом Джиллиан Перри и связан с преступлением сексуального характера.

Прокурор силился не выдать удивления.

— Ну ладно, значит... значит, у нас новый поворот.

— К сожалению, это всего лишь малая часть истории.

Клайн нахмурился.

— Есть еще и большая часть?

— Пропавшие выпускницы.

Капитан покачал головой.

— Я уже говорил и сейчас опять скажу: нет доказательств, что кто-то пропал.

— Простите, — произнес Гурни, — я, кажется, некорректно употребил

полицейский термин. Вы правы: в розыск никого не объявили. Давайте будем их называть «выпускницы школы Мейплшэйд, чье текущее местонахождение неизвестно» — это ведь гораздо удобнее произносить?

Родригес наклонился к нему и прошепел:

— Не надо мне тут умничать!

Клайн поднял руку жестом регулировщика.

— Род, Род, спокойно. Мы сейчас все взбудоражены. Будем держать себя в руках.

Дождавшись, когда Родригес снова откинется на спинку кресла, прокурор перевел взгляд на Гурни.

— Давайте допустим, что одна или две девушки действительно исчезли, то есть что их текущее местонахождение никому не известно. Если это правда, то...

— Если их похитил человек, назвавшийся Гектором Флоресом, я бы предположил, что они либо уже мертвы, либо вскоре будут.

Родригес снова наклонился вперед.

— Но нет же доказательств! «Если», «если», «если»... Домысел на домысле и домыслом подтирается!

Клайн вздохнул.

— Дэйв, это действительно не более чем допущение, исходя сугубо из фактов. Может, мы чего-то не понимаем, так просвети нас?

— Сюжет пьесы и отсылка к Валлори в сообщении говорят нам, что убийство было мстью за сексуальное насилие. Насилие — необходимый анамнез для поступления в Мэйплшэйд, следовательно, все выпускницы в равной мере потенциально виновны. То есть это идеальное место для убийцы, ищущего жертв по такому признаку.

— «Потенциально виновны!» — воскликнул Родригес и затряс головой. — Ничего себе формулировочка! А я ведь с самого начала говорил, что все эти «если» да «кабы»...

— Род, подожди, — перебил его Клайн. — Я понимаю, о чем ты. Я тоже считаю, что без доказательств никакие теории рассматривать нельзя. Но пусть Дэйв сейчас закончит свою мысль, ладно?

Родригес замолчал, но продолжил трясти головой, словно это происходило помимо его воли. Клайн кивнул Гурни, предлагая продолжить.

— Сценарий пропажи девушек говорит о заговоре даже непрофессионалу. Невозможно предположить, что они все поссорились с семьей из-за дорогой тачки по чистому совпадению. Предположение, что сценарий был продуман, чтобы облегчить их похищение, вполне резонно.

Клайн поморщился.

— А есть какие-нибудь факты, которые говорят в пользу именно похищения?

— Гектор Флорес искал повод попасть в Мэйплшейд, якобы чтобы там поработать. Известно, что пропавшие девушки с ним разговаривали, когда Эштон стал его туда привозить.

Родригес все еще тряс головой.

— Опять допущение!

— Вы правы, капитан, — устало отозвался Гурни. — Информации у нас мало. Все пропавшие или похищенные девушки появлялись на рекламных фотографиях откровенного содержания, но мы ничего не знаем про агентство «Карнала», которое заказывало съемку. Откуда девушки узнали про агентство и про кастинг, а также был ли какой-то кастинг? Неизвестно. Мы даже не знаем, сколько в точности выпускниц пропало. Живы они или нет? Не хотят выйти на связь или не могут? Неизвестно. Продолжает ли кто-то пропадать, пока мы тут сидим-гадаем? Неизвестно. Я сейчас просто делюсь своими соображениями, капитан. И своими страхами. Возможно, я спятил, капитан, и все это бред сумасшедшего. Признаться, я очень на это надеюсь, потому что если это правда, то это жуткая правда.

Клайн хрипло прокашлялся.

— Значит, вы признаете, что за вашими построениями очень мало фактического материала.

— Шеридан, я всю жизнь занимался убийствами. Без таких построений не обходится ни одно расследование, — произнес Гурни и умолк.

Тишина затянулась и стала гнетущей.

Родригес как будто сдулся. Словно кто-то выпустил из него всю злобу и ничего не принес ей на смену.

— Что ж, — произнес Клайн. — Давайте, опять же, предположим, что ты не ошибаешься, — он развел руками, как бы показывая, что он открыт ко всем возможным теориям. — Какой посоветуешь порядок действий?

— Первым делом нужно составить список тех, кто пропал. Сегодня же получить у Эштона имена учениц Мейплшэйда с телефонами родственников. Опросить семьи, поговорить со всеми девочками из класса Джиллиан, с кем получится связаться. Затем — со всеми доступными девочками из предыдущего и следующего выпусков. В каждом случае, когда окажется, что местонахождение выпускницы неизвестно, собирать необходимую информацию и забивать ее во все базы — ФБР, национальный розыск, повсюду, особенно если исчезновению

предшествовал конфликт по известному нам сценарию с дорогой машиной.

Клайн посмотрел на Родригеса.

— Мне кажется, это можно повернуть и так, на всякий случай.

Капитан кивнул.

— Продолжай.

— Если с какой-либо выпускницей не удастся связаться, нужно получить образец ДНК от матери, отца, сестры или брата и отправить в лабораторию Бюро криминалистики, чтобы сверить с информацией по неопознанным телам подходящего возраста, обнаруженным в соответствующий период.

— В каких штатах?

— По всей стране.

— Ты представляешь, что это будет? Национальной базы не существует, информацию хранят в разных штатах в разном формате, иногда нет единой базы даже в пределах штата — в каждом округе своя. Некоторые вообще не собирают образцы ДНК неопознанных трупов!

— Да, задача не из легких. Деньги, время, полной информации не собрать. Но представьте, что впоследствии может возникнуть вопрос, почему вы этого не сделали, когда на то были причины.

— Ладно, пробьём, — произнес Клайн тоном человека, которому не терпится сплюнуть от отвращения. — Что еще?

— Дальше нужно найти агентство «Карнала» и фотографа Алессандро. Подозрительно, когда люди работают в таком бизнесе, но никто о них не слышал. Потом надо опросить всех учениц Мейплшэйда в настоящий момент — кто что знает о Гекторе, Алессандро, «Карнале» и пропавших девочках. Следом за ними — допрос персонала. И действующего, и тех, кто недавно уволился.

— Ты представляешь, какая это цифра получается в человекочасах?

— Конечно, представляю, Шеридан, это же моя работа, — произнес Гурни и осекся. — Было моей работой. Бюро нужно поставить на это расследование дюжину следователей, а если получится, то больше. Потому что как только новости дойдут до прессы, вас заживо сожрут за бездействие.

Клайн задумчиво сощурился.

— По-моему, нас точно так же сожрут заживо за любое действие, если все так, как ты говоришь.

— Пресса всегда раздувает ту тему, которая гарантированно привлечет внимание, — заметил Гурни. — Новостные репортажи составляются, как комиксы. Если можно какую-то тему раздуть до гротеска, это необходимо

сделать.

Клайн устало вздохнул.

— Каким образом?

— Для всех должно быть очевидно, что вы не сидели сложа руки. Как только стало известно про похожий скандал с родителями перед пропажей девочек, вы с Родригесом поставили всех на уши, выдернули следователей из отпусков, забили тревогу во всех штатах и запустили крупнейшее в истории расследование серийного убийства.

Клайн принялся что-то подсчитывать в уме.

— А если они придерутся к дороговизне такого расследования?

— Скажете, что это логично: поддержание активной позиции в таких масштабах стоит денег, а пассивность — человеческих жизней. Такую риторику нечем крыть. Используйте стандартные штампы: «мобилизованы все силы» и все такое. Скорее всего, они на это клюнут и не станут раскапывать тему о бесценных упущенных месяцах.

Клайн задумчиво сжимал и разжимал кулаки, и в глазах его постепенно разгорался азарт.

— Что ж, — произнес он. — Надо планировать пресс-конференцию.

— Сперва нужно запустить расследование, — заметил Гурни. — Потому что если журналисты узнают, что все это ни о чем, вы будете не героями, а клоунами. Боюсь, что с этого момента нужно отнестись к делу так, словно это действительно крупнейшее расследование в истории, потому что другое отношение не полезно для вашей карьеры.

Возможно, Клайн наконец заметил, что Гурни не шутит, а возможно, испугался перспективы потерять прокурорские регалии, но он как будто впервые за разговор стал серьезным. Моргнув, он потер глаза, откинулся в кресле и внимательно посмотрел на Гурни.

— Ты действительно уверен, что за всем этим стоит эпический психопат?

— Да.

Родригес, кисло поморщившись, тоже внезапно оживился:

— Слушай, я никак не пойму, откуда вот эта уверенность? Ну написал кто-то какую-то пьесу сто долбаных лет тому назад...

Откуда уверенность? Действительно, откуда? Гурни задумался. Он нутром чуял, что напал на след, и это было вполне осязаемое чувство, на которое он привык полагаться за годы работы. Но дело было не только в этом.

— Голова, — сказал он и замолчал.

Родригес непонимающе посмотрел на него.

Гурни вздохнул и продолжил:

— Положение головы... то, как ее водрузили на стол, лицом к телу...

Клайн открыл рот, словно чтобы возразить, но ничего не сказал. Родригес тоже молчал. Гурни продолжил:

— Я уверен, что тот, у кого хватило хладнокровия все это проделать ровно в таком виде и в такой последовательности, считает убийство ритуальным, а следовательно, считает, что у него некая миссия.

Клайн поморщился.

— В том смысле, что он собирается его повторить?

— Или уже повторил не раз. Я уверен, что у него к этому делу есть, извиняюсь, вкус.

Глава 42

Удивительный мистер Йикинстил

Пока Гурни ехал от прокурора в Нью-Йорк, погода была прекрасной. Прозрачный воздух и чистое небо придавали бодрости духу и оптимизма размышлениям о последствиях разговора. Оптимизм, правда, касался в основном Клайна, а не Родригеса.

Нужно было оставаться на связи, чтобы его держали в курсе дела. Еще нужно было позвонить Вэл, рассказать ей новости. Однако самым важным было хоть как-то сосредоточиться на предстоящей встрече с коллекционером. Что он знал о нем? Не больше, чем про других из «мира искусства». Только что он был готов заплатить сто тысяч долларов за обработанный портрет психа. Что, в общем-то, наводило на мысль, что он и сам может оказаться психом.

По адресу, который ему выдала Соня, обнаружился типичный манхэттенский кирпичный дом, разместившийся в тихом жилом кооперативе, окруженном тенистыми деревьями. Квартал насквозь пропах деньгами и благополучием своих жильцов, и этот запах глушил будничную суету соседних улиц.

Невзирая на знак, запрещающий парковку, Гурни оставил машину ровно напротив здания, как Соня ему велела, сказав, что Йикинстил обещал, что проблем не будет, и о машине позаботятся.

За гигантской калиткой, покрытой черной эмалью, оказался просторный вестибюль, отделанный узорной плиткой и зеркальцами, а в конце виднелась дверь. Гурни уже собирался нажать на звонок, когда ему открыла потрясающей красоты женщина. Придя в себя через мгновение,

Гурни понял, что впечатление обусловлено в основном действительно удивительными глазами, которые сейчас рассматривали его с вниманием, с которым обычно разглядывают костюм на предмет лишних ниточек и пылинок или оценивают свежесть булочки в пекарне.

— Вы тот самый фотохудожник? — спросила она, и в ее интонации был какой-то легкий подтекст, который Гурни не понял.

— Я — Дэвид Гурни.

— Идемте.

Они зашли в фойе, где Гурни увидел вешалку, стойку для зонтиков, несколько закрытых дверей и широкую лестницу из красного дерева, ведущую на второй этаж. Волосы девушки лоснились тем же темным блеском, что и поручни. Она провела его к двери, за которой оказался небольшой лифт с еще одной, раздвижной дверью.

— Идемте, — повторила девушка, как-то многозначительно улыбнувшись.

Дверь за ними беззвучно закрылась, и Гурни даже не почувствовал, как лифт пришел в движение.

— Простите, а вы кто? — спросил он, нарушив странное молчание.

Она повернулась и посмотрела на него с непонятной усмешкой.

— Я его дочь, — ответила она. Лифт плавно остановился, и дверь перед ними открылась. Девушка вышла и снова сказала: — Идемте.

Они оказались в комнате, оформленной в стиле роскошного викторианского салона. По обе стороны исполинского камина стояли тропические растения с широкими листьями, и вокруг кресел тоже были расставлены цветы в горшках. За аркой виднелась классическая столовая с резной мебелью, также выполненной из красного дерева. Высокие окна в обоих помещениях были задернуты тяжелыми темно-зелеными шторами, настолько плотными, что изнутри было невозможно понять, какое время суток и даже какое время года снаружи. Здесь же царила атмосфера элегантного безвременья, в котором положено светски беседовать и потягивать коктейли.

— Добро пожаловать, господин Гурни, — произнес голос с непонятным акцентом. — Польщен, что вы приехали так скоро, невзирая на неблизкую дорогу.

Гурни повернулся на звук и увидел невзрачного человека, почти незаметного в гигантском кожаном кресле под нависающим тропическим деревом. В руке у него был небольшой бокал с бледно-зеленым напитком.

— Простите, что не могу встать и поприветствовать вас. Проблемы со спиной. Вопреки логике, она всегда болит в хорошую погоду. Загадка!

Прошу, присаживайтесь, — он жестом указал на второе кресло напротив своего. Между ними лежал небольшой коврик с восточным узором. На Йикинстиле были надеты выцветшие джинсы и бордовый свитер. Его коротко стриженные, седые, редковатые волосы были аккуратно причесанными, а глаза с тяжелыми веками придавали ему усталый, сонный вид.

— Вы, конечно, хотите выпить. Девушки что-нибудь вам принесут, — произнес он, и Гурни обратил внимание, что его говор напоминает сразу несколько европейских акцентов. — Я вот совершил ошибку, выбрав абсент, — продолжил он, поднимая свой бокал и глядя на него с укором, словно на неверного друга. — Не рекомендую. С тех пор, как на него сняли запрет, он словно бы лишился души, — с этими словами он поднес бокал к губам и опустошил его примерно наполовину. — Спросите, зачем я тогда его пью? Хороший вопрос. Возможно, я просто сентиментален. О вас, кстати, такого не скажешь. Вы — хладнокровный детектив, человек ясного ума, не обремененный глупыми привязанностями. Так что абсент определенно не ваш напиток. Выберите что-нибудь другое, на ваш вкус, что угодно.

— стакан воды.

— Воды? Обычной, *ein Mineralwasser*? Или газированной, *l'eau gazéifiée*?

— Простой, из-под крана.

— Ну конечно! — просиял коллекционер. — Я мог бы сам догадаться, — затем он слегка повысил голос, как человек, привыкший, что прислуга ждет указаний в любой момент: — стакан холодной воды из-под крана нашему дорогому гостю.

Девушка со странной улыбкой, представившаяся его дочерью, тут же поспешила выполнять просьбу.

Гурни спокойно сел в кресло напротив сублильного хозяина.

— Как вы могли догадаться, что я предпочту воду из-под крана?

— Мисс Рейнольдс мне много о вас рассказывала, — ответил он. — Ах, вас это смущает, судя по вашему лицу? Тоже предсказуемо. Вот вы смотрите на меня сейчас взглядом опытного следователя и гадаете: что она успела ему рассказать? Что еще он знает про мой характер? Верно?

— Не успеваю за вашей мыслью. Честно говоря, я всего лишь задумался о связи между водой из-под крана и моим характером.

— Соня сказала, что вы настолько сложно устроены внутри, что компенсируете это внешней простотой. Хотите с этим поспорить?

— Нет, зачем же.

— Вот и хорошо, — произнес Йикинстил с видом знатока, дегустирующего редкое вино. — Она также предупредила меня, что вы постоянно анализируете собеседника и всегда знаете больше, чем говорите вслух.

Гурни пожал плечами.

— Вас это беспокоит?

Где-то на фоне негромко заиграла музыка — какая-то медленная, печальная мелодия на виолончели.

Низкие ноты были едва различимы. Это вдохнуло в комнату особенный настрой, напомнивший Гурни запахи в саду Эштона, которые просачивались снаружи в его дом.

Седой коллекционер улыбнулся и сделал еще один глоток абсента. Из-за арки в комнату вплыла роскошных форм девица в джинсах с низкой талией и футболке с огромным вырезом. Она преподнесла Гурни хрустальный бокал на серебряном подносе. Ее взгляд и улыбка казались вдвое старше ее тела. Гурни взял бокал, а Йикинстил тем временем ответил:

— Меня ничто не беспокоит. Я люблю сложных людей, чей ум затейливее, чем их слова. Вы именно такой человек, правда? — Гурни не ответил, и Йикинстил почему-то рассмеялся. Смех у него оказался сухим и напрочь лишенным жизнерадостности. — Правда также в том, что вы не любите пустой болтовни. Вы жаждете узнать, зачем я вас пригласил. Что ж, Дэвид Гурни, вот зачем вы здесь. Я ваш величайший поклонник. Спросите почему? Есть две причины. Во-первых, я считаю, что вы гениальный портретист. А во-вторых, я полагаю, что могу отлично заработать на ваших творениях. Прошу заметить, именно в таком порядке. По вашим предыдущим фотографиям я понял, что у вас редкий дар выманивать из немого лица истинную сущность его владельца. Глаза ваших преступников — настоящее зеркало их души. Такой талант зиждется на подлинной бесстрастности. На вашем месте не оказался бы человек словоохотливый, который хочет денег или славы и стремится всем понравиться. Этим даром наделяют людей, которые выше всего ставят правду. И в работе, и в творчестве. Я и так знаю, что вы такой человек, но хотел убедиться воочию. — Йикинстил посмотрел на него долгим взглядом, а затем внезапно сменил тему. — Что предпочтете на обед? Есть холодный сибас в пикантном соусе, севиче из морских гадов в соке лайма, кнель из телятины, тартар из мраморной говядины. Можно что-нибудь одно, а можно всего понемногу.

По мере перечисления Йикинстил принялся медленно подниматься из

кресла. Он застыл и оглянулся в поисках места, куда бы опустить бокал, и в результате аккуратно поставил его в горшок с тропическим гигантом. Затем, взявшись за ручки кресла, он с заметным усилием вытолкнул себя наружу и, встав на ноги, жестом пригласил Гурни последовать за ним в столовую.

Главный акцент здесь приходился на ростовой портрет в резной раме по центру комнаты, смотрящий по ту сторону арки. Ограниченных познаний Гурни в искусствоведении хватило, чтобы отнести картину к голландскому Ренессансу.

— Потрясающе, да? — произнес Йикинстил.

Гурни кивнул.

— Рад, что вы оценили. Я вам расскажу про эту работу за обедом.

Стол был сервирован на две персоны, напротив друг друга. Между ними на фарфоровых тарелках были разложены упомянутые закуски, а также стояли бутылки Пюлиньи Монраше и Шато Латур, по которым даже не разбирающемуся в напитках Гурни было очевидно, что это немислимо дорогое вино.

Он выбрал Монраше и сибаса, а Йикинстил — Латур и тартар.

— Обе девушки ваши дочери? — спросил Гурни.

— Да.

— Вы живете здесь вместе?

— Время от времени. Мы не из тех семей, что привязаны к одному дому. Я то уезжаю, то приезжаю, мою жизнь нельзя назвать оседлой. Дочери живут здесь, когда не живут с каким-нибудь бойфрендом, — продолжил он, а Гурни подумал, что непринужденность тона, с которым он это произносил, была столь же обманчива, как и сонливость его взгляда.

— Где же вы проводите больше всего времени?

Йикинстил положил вилку на краешек тарелки, словно она мешала ему сосредоточиться на ответе.

— Я мыслю другими категориями. Я не «пребываю» где-либо долго или недолго. Я всегда в пути. Понимаете?

— Это избыточно философский ответ на совершенно простой вопрос. Давайте я его переформулирую: у вас в других местах есть такие же дома?

— У вас в английском есть два похожих выражения: *to put me up*, «предоставлять место для жизни», и *to put with me*, «мириться с моим присутствием». И то, и другое правда: где-то родственники меня ждут, а где-то — терпят, — он улыбнулся прежней невыразительной улыбкой. — У меня много домов, и в то же время у меня нет дома, — продолжил он, и его акцент, словно растущий из всех языков сразу, почему-то усилился. —

Помните, у Вордсворта: «Как тучи одинокой тень, бродил я, сумрачен и тих, и встретил в тот счастливый день толпу нарциссов золотых...» Я специалист по распознаванию золотых нарциссов. Но быть специалистом недостаточно, нужно еще быть искателем. Вот это правда про меня, Дэвид Гурни. Я нахожу, потому что я в вечном поиске. Это для меня важнее, чем жизнь в каком-то конкретном месте. Я не живу в каком-либо «здесь» или «там», я передвигаюсь с места на место, как следопыт. Это делает нас с вами отчасти похожими, вы согласны?

— Я понимаю, о чем вы.

— Понимаете, но не согласны, — кивнул Йикинстил с умилением. — Как и все копы, вы предпочитаете задавать вопросы, а не отвечать на них. Неотъемлемое свойство вашей профессии, не так ли?

— Именно так.

Он то ли кашлянул, то ли хмыкнул — по лицу было не понять.

— Тогда давайте же я буду отвечать на вопросы, а не задавать их. Вы, например, задаетесь таким вопросом: почему этот невзрачный псих с дурацким именем хочет дать мне кучу денег за портреты, на которые я не то чтобы трачу так уж много сил?

Гурни поморщился.

— Не то чтобы я их совсем не трачу... — произнес он и тут же пожалел, что выдал досаду.

Йикинстил моргнул.

— О, разумеется. Простите мой английский. Мне все кажется, будто я им хорошо владею, однако я неадекватно передаю смысл. Давайте я переформулирую? Или вы и так поняли, что я хотел сказать?

— Думаю, что понял.

— Значит, ваш вопрос сводится к такому: почему я хочу заплатить так дорого за ваши работы? — он улыбнулся и выдержал паузу. — Мой ответ: потому что ваши работы столько стоят. И еще потому что я хочу владеть ими эксклюзивно, без всякой конкуренции. Так что я предлагаю деньги за преимущественное право, которое не оспаривается и не подвергается никаким оговоркам. Это ясно?

— Ясно.

— Я рад. А теперь о Гольбейне-младшем, на которого вы обратили внимание, когда зашли сюда.

Гурни посмотрел на картину.

— Это подлинник Гольбейна?

— Подлинник ли это? Я не покупаю репродукций. Как вам портрет?

— Не знаю, какие слова подобрать.

— Первые, что приходят на ум.

— Он потрясающий. Удивительный. Живой. От него становится не по себе.

Йикинстил несколько секунд задумчиво смотрел на Гурни.

— Скажу вам две вещи. Первая: вам кажется, что это неподходящие слова для описания картины, однако они описывают ее куда лучше, чем рецензии искусствоведов. Вторая вещь: когда я впервые увидел портрет Пиггота в вашей обработке, мне на ум пришли те же самые слова. Я взглянул в глаза этого убийцы, и мне показалось, что мы находимся в одной комнате. Потрясающе, удивительно. Он был словно живой, и мне стало от этого не по себе. Ровно как вы сказали. Так вот, за этот портрет кисти Гольбейна я заплатил больше восьми миллионов долларов. Точная сумма — секрет, но я вам его раскрою. Восемь миллионов сто пятьдесят тысяч долларов стоил мне этот золотой нарцисс. Возможно, настанет день, и я продам его в три раза дороже. А сейчас я даю сто тысяч за каждый золотой нарцисс авторства Дэвида Гурни. И, возможно, однажды продам их в десять раз дороже. Как знать, что получится? Я предлагаю выпить за то будущее, на которое я рассчитываю. Мой тост — пусть мы оба получим от этой сделки ровно столько удовлетворения, сколько нам нужно.

Скепсис Гурни не ускользнул от Йикинстила. Он вновь улыбнулся:

— Сумма кажется вам баснословной лишь с непривычки. Запомните, ваша работа действительно столько стоит. Ваша проницательность и ваше умение эту проницательность передать — это талант ничуть не меньший, чем гений Ганса Гольбейна. Вы детектив, однако вам доступны не только тайны преступной психологии, но и тайны человеческой природы в целом. Вознаграждение должно быть подобающим.

Йикинстил поднял свой бокал с Латуром, и Гурни неуверенно поднял свой Монраше.

— За вашу проницательность, за вашу работу, за нашу сделку и — за вас, детектив Дэвид Гурни.

— А также за вас, мистер Йикинстил.

Они выпили. Гурни был приятно удивлен. Он не разбирался в винах, но Монраше определенно было лучшим из всех, что он когда-либо пробовал. А также единственным, вызвавшим желание немедленно повторить. Как только он допил первый бокал, рядом возникла девушка, провожавшая его в лифте, и с загадочным блеском в глазах подлила вождеденную добавку.

Несколько минут они ели молча. Холодный сибас оказался восхитительным, и вино его дополняло как нельзя лучше. Когда Соня два

дня тому назад заговорила о Йикинстиле, Гурни какое-то время пытался представить, на что можно потратить такие деньги. Воображение рисовало поездку на северо-запад — в сторону Сиэтла, заливов Пьюджет-Саунд, к залитым солнцем островам Сан-Хуан. Синее небо, синяя вода, Олимпийские горы на горизонте. Сейчас, когда деньги за фотопроект стали казаться более реальными, эти образы вновь возникли в его сознании и показались Гурни еще более манящими. Особенно если запить их Монраше.

Йикинстил вновь заговорил и принялся расхваливать Гурни — его проникательность, понимание психологических механизмов, внимание к мелочам. Однако на этот раз на Гурни подействовали не столько слова, сколько ритм, в котором говорил собеседник. Голос Йикинстила баюкал его, девушки безмятежно улыбались, убирая со стола, а голос уже описывал какие-то экзотические десерты. Что-то кремовое, с розмарином и кардамоном. Что-то шелковистое, с шафраном, тимьяном и корицей. Гурни подумал, что сложный акцент голландца и сам напоминает экзотическое блюдо с неожиданным сочетанием специй.

Его пронизывало удивительное, совершенно непривычное ощущение свободы и оптимизма, а заодно — чувство гордости за себя и свои достижения. Именно так он всегда мечтал себя ощущать: сильным, с ясным умом. И это чувство постепенно слилось с царственной синевой моря и неба, и лодка с белым парусом на всех парях несла его куда-то по велению неугасаемого ветра.

А затем наступил покой.

Часть третья

Фатальная оплошность

Глава 43

Пробуждение

Даже кости не ломаются с таким треском, как иллюзия неуязвимости.

Гурни понятия не имел, как долго он сидит в своей машине или как он к ней вернулся. Который час? Снаружи было темно. Его мучили головная боль, тошнота и тревога. Что было после второго бокала? Он взглянул на часы. 8:45. Никогда в жизни у него не случалось такой реакции на алкоголь, тем более от двух бокалов белого.

Самой первой догадкой было — что в вино что-то подсыпали.

Но зачем?

Вопрос гулко звенел в больной голове, и тревога стала нарастать. На месте воспоминаний о вечере зияла пустота. Очередным неприятным сюрпризом оказалось внезапное понимание, что он сидит на пассажирском сиденье, а не за рулем. И то, что ему понадобилась целая минута, чтобы осознать свое положение в пространстве, подтолкнуло тревогу в сторону настоящей паники.

Гурни огляделся и понял, что машина стоит в каком-то длинном жилом квартале, по-видимому, где-то в Манхэттене, но слишком далеко от указателей с названиями улиц. Мимо буднично ехали машины — в основном такси, хотя вокруг не было видно пешеходов. Гурни открыл дверь и осторожно выбрался наружу. Все тело затекло от сидения в неудобной позе. Он еще раз огляделся в поисках какого-нибудь ориентира. Через дорогу стояло казенного вида здание в стиле классицизма с колоннами, без подсветки и огней в окнах — вероятно, школа. К входу с тяжелыми трехметровыми дверями вели широкие каменные ступени.

И тут он заметил надпись.

Над высокими греческими колоннами, посреди фриза под самой крышей виднелись едва различимые слова: *Ad Studium Veritatis*.

От учения — к истине? Такая надпись была на его спецшколе, но как...

Гурни моргнул, пытаясь вникнуть в происходящее. Он очнулся в собственной машине, на пассажирском сиденье — стало быть, кто-то

другой был за рулем. Но кто? Он не помнил.

Зачем он здесь оказался?

Кто-то привез его именно в эту часть Манхэттена и оставил одного ровно напротив школы, которую он окончил тридцать лет назад. Вряд ли это можно было считать совпадением. Когда-то он переехал сюда из родительского дома в Бронксе, получив стипендию. Школа считалась весьма престижной в академических кругах, но родители были недовольны и никогда его здесь не навещали. Он никому не рассказывал про нее. Мало кто знал, что он ее окончил.

Черт побери, что же происходит?

Он посмотрел по сторонам, почти надеясь, что кто-нибудь выступит из тени и даст всему простое объяснение. Но людей вокруг не было. Тогда Гурни вернулся в машину, на этот раз сев на водительское место. То, что ключ, как и положено, оказался в зажигании, было облегчением, но нисколько не успокоило его.

Соня! Соня может что-нибудь знать. Возможно, они созванивались с Йикинстилом и... С другой стороны, если Йикинстил чем-то его опоил, то...

Неужели Соня с ним в сговоре?

Но какого рода это может быть сговор, о чем он? И для чего было привозить его сюда? Откуда Йикинстил мог знать, где он учился? Чтобы намекнуть на свою осведомленность? Чтобы заставить Гурни думать о прошлом? Напомнить о ком-то или о чем-то личном, оставшемся здесь, в злополучной школе Св. Генезия, чтобы вызвать приступ паники? Но для чего это могло бы понадобиться состоятельному, известному на весь мир человеку?

Бред.

Неразбериха на этом не заканчивалась. Кто сказал, что человек, с которым он ужинал, действительно Йикинстил? С другой стороны, зачем бы самозванцу устраивать такой затейливый маскарад?

Если что-то подмешали в вино, то что? Мощное седативное с мгновенным эффектом или, что было бы хуже, нечто растормаживающее и затем отшибающее память, вроде рогипнола?

Или, быть может, это был фокус его собственного организма? От сильного обезвоживания случается дезориентация и даже частичное нарушение памяти.

Но все равно — не до такой же степени, чтобы вырубил на восемь часов?

Какие остаются версии? Опухоль мозга? Инсульт? Тромб?..

Разве не могло такого случиться, чтобы он вышел из дома Йикинстила, сел в машину и, внезапно поддавшись ностальгии, решил прокатиться посмотреть на старую школу. Доехал, вышел, возможно, даже заглянул в здание, а потом... А потом?

Допустим, вернулся и сел с пассажирской стороны, чтобы положить что-нибудь в бардачок. И тут случился приступ. Бывают приступы с ретроградной амнезией, когда из памяти выпадает, что было непосредственно перед приступом и какое-то время после. Неужели дело в какой-то патологии головного мозга?

Вопросы множились. Ответы даже не намечались. В кишечнике было чувство, словно он силится переварить пригоршню гравия.

Гурни заглянул в бардачок, но там не нашлось ничего необычного. Инструкция, старые чеки из автосервиса, фонарик и пластиковая крышечка от бутылки.

Тогда он похлопал по карманам в поисках телефона. На экране значилось, что его ждет семь сообщений на автоответчике и одна эсэмэс. Значит, он кому-то не на шутку понадобился, пока был в отключке. Возможно, в сообщениях окажется разгадка к ситуации?

Первое сообщение поступило в 15:44 от Сони.

«Дэвид? Ты еще на встрече? Ладно, надеюсь, это хороший знак. Но учти: я хочу знать все! Перезвони сразу, как только сможешь. Чмок».

Второе — 16:01, от Шеридана Клайна.

«Дэвид, это Шеридан Клайн. Хотел сообщить, что мы воспользовались твоей наводкой на агентство „Карнала“ и кое-что накопили. Если знаешь что-нибудь про семейство Скардов, перезвони мне. Жду».

Скарды? Фамилия казалась знакомой — кажется, она попадалась ему не так давно, причем где-то в прессе.

Третье сообщение — от Кайла, в 16:32.

«Пап, привет. Ты там как? У меня тут все путем. Ну, то есть я только и делаю, что читаю, читаю, читаю да хожу на лекции, но рано или поздно это окупится. Да еще как. Хорошие адвокаты сейчас на вес золота, можно заработать огромные бабки. Ладно, я помчал, а то на очередную лекцию опоздаю — не посмотрел на часы. Я еще позвоню!»

Четвертое — 17:05, снова от Сони.

«Дэвид, что происходит? Это самый длинный обед в истории человечества! Перезвони мне срочно!»

Пятое — самое короткое, в 17:07, от Хардвика.

«Слышь, Шерлок, а меня вернули на дело!»

Голос был злорадный и пьяный.

Шестое — от любимицы Клайна, в 17:50.

«Привет, Дэвид, это Ребекка Холденфилд. Шеридан говорит, у тебя какие-то соображения насчет убийцы с мачете, и ты хотел их обсудить. У меня плотный график, но на такое я найду время. Лучше во второй половине дня, а то я ненавижу утро. Позвони, когда поймешь, что у тебя со временем, и мы что-нибудь сообразим. Я плохо осведомлена, но уже уверена, что твой преступник болен на всю голову», — при этом в ее голосе рокотало возбуждение человека, обожающего охоту на больных на всю голову. В конце сообщения она продиктовала телефон с кодом Олбани.

Седьмое и последнее сообщение поступило в 20:35, опять от Сони.

«Дэвид... ты там жив?»

На часах было 20:58.

Он еще раз прослушал последнее сообщение, потом еще раз, и еще, пытаясь разгадать в нем серьезное беспокойство. Но в голосе не было никакой тревоги, только возмущение человека, которому долго не перезванивают. Он решил тут же позвонить ей, но вспомнил, что еще осталась эсэмэска, и решил сперва ее прочитать.

Она оказалась короткой, анонимной и двусмысленной: «Такие страсти! Такие тайны! Такие восхитительные снимки!»

Гурни пару секунд молча смотрел на экран. Если подумать, то сообщение вовсе не двусмысленное. Оно предлагало адресату домыслить совершенно конкретные вещи.

И он почувствовал, как воображаемое содержимое снимков взрывает его жизнь.

Глава 44

Дежавю

Уравновешенность, целеустремленность, приоритетность фактов и беспристрастный анализ — таковы были четыре столпа успеха Гурни как криминального детектива.

Сейчас же он столкнулся с невозможностью опереться ни на один из этих столпов. В уме крутилась карусель из неизвестных переменных и устрашающих вероятностей.

Главным вопросом было — кто такой Йикинстил? Точнее, кто этот человек, представившийся Йикинстилом? В чем смысл и суть его угрозы? Было более-менее понятно, что замысел его преступен: наивно предположить, что амнезия и текстовое сообщение — невинный розыгрыш.

Наличные факты сводились к тому, что его опоили и, похоже, уже в первом бокале была внушительная доза рогипнола.

Рогипнол с алкоголем — классический растормаживающий коктейль насильников, который смущает рассудок жертвы, заодно устраняя страхи, сомнения, совесть, мораль, и который способен свести любое разумное существо к сумме простых базовых инстинктов. Под воздействием этой смеси любые, даже самые безумные порывы казались руководством к действию, без всякого учета потенциальных последствий. Этот эликсир оставлял от человека один лишь ящеричный мозг, безразличный к остальным составляющим личности, а затем стирал воспоминания за период от шести до двенадцати часов. Его будто специально изобрели, чтобы маскировать преступления. И Гурни теперь сидел, растерянно перебирая возможные преступления, сокрытые амнезией, и мучительно пытаясь собрать в цельную картину жалкие обрывки информации.

Мадлен когда-то убедила его, что когда все кругом рушится, нужно сосредоточиться на мелких действиях, двигаться шаг за шагом. Но сейчас ему казалось, что на каждом шагу ждет угроза, и от этого было сложно решиться хоть на что-то.

Однако обочина в темном квартале вряд ли его от чего-то защитит. Можно было куда-нибудь поехать — для начала все равно куда, но это хотя бы дало возможность понять, нет ли слежки. Гурни не стал дожидаться, когда ум услужливо подкинет аргументы против этого решения, и завел мотор. Когда светофор в конце улицы загорелся зеленым, он подождал, пока мимо проедет три такси, а затем включил фары и быстро двинулся в сторону перекрестка с Мэдисон-Авеню, повернув ровно за мгновение до того, как светофор опять стал красным. Он продолжил движение, поворачивая наугад, пока не убедился, что хвоста за ним нет. Тогда он двинулся по Ист-Сайду в сторону шестидесятих домов.

Он не планировал этого, но оказался в квартале, где его принимал Йикинстил. Гурни проехал его насквозь, вернулся и остановился у кирпичного дома — на том же месте, что и девять часов назад — под знаком, запрещающим парковку. В окнах не было света.

Было неясно, что делать дальше, но то, что он вообще сумел сдвинуться с места, немного его приободрило. Он вспомнил, что в бумажнике лежала бумажка с номером Йикинстила — Соня записала его на случай, если Гурни застрянет в пробке. Он тут же его набрал, даже не подготовившись к разговору. Можно было сказать: «Круто посидели, Яй! Покажешь фоточки?» — или что-нибудь в стиле Хардвика: «Слышь, дерьмод, еще один фортель — и словишь пулю хлебалом!» Однако не

пришлось говорить ничего, поскольку автомат на том конце сообщил, что номер не обслуживается. У Гурни было искушение начать барабанить в дверь, пока кто-нибудь не откроет, но он вспомнил, что Йикинстил нигде не задерживается надолго, и его внезапно осенило, что кирпичный дом, конечно же, опустел — загадочный коллекционер исчез, и его стук услышать попросту некому.

Стоило позвонить Мадлен, сказать, что он будет поздно... Но насколько поздно? Говорить ли ей про амнезию? И про то, как он проснулся напротив школы Св. Генезия? И про угрозу в эсэмэске? Или это будет просто лишним беспокойством?

Нет, лучше сначала позвонить Соне — возможно, ей известно что-нибудь еще про Йикинстила. Была ли хоть малейшая вероятность, что баснословные деньги за фотопортреты окажутся реальностью? Или это был всего лишь способ заманить его в город и остаться наедине? Чтобы затем подсунуть вино с рогипнолом и... что?

Еще вариант: двинуть в больницу и сдать анализ, чтобы понять, чем именно его опоили, пока в крови еще хоть что-то оставалось. Тогда у него на руках было бы доказательство, а это лучше опасений и домыслов. С другой стороны, то же самое доказательство могло бы осложнить ему жизнь — вызвать ненужные вопросы, например. Ему хотелось сперва понять, что происходит, в частном порядке, не вовлекая никаких официальных структур.

Он почувствовал, что теряется в нерешительности, когда прямо напротив входа в дом остановился большой белый микроавтобус. В свете фар проехавшей мимо машины Гурни различил буквы: «Клининговая компания „Вайт-Стар“».

С грохотом открылась раздвижная дверь, послышалась испанская речь, затем дверь снова захлопнулась. Микроавтобус отъехал, оставив на тротуаре мужчину и женщину в невзрачных комбинезонах. Они двинулись к входу в здание. Мужчина открыл дверь ключом, который болтался у него на ремне, оба зашли внутрь, и спустя пару секунд в фойе загорелся свет, а затем и в другом окне на первом этаже. С паузами в пару минут свет появился поочередно на каждом из четырех этажей здания.

Гурни решил проникнуть внутрь, прибегнув к блефу. Он выглядел как типичный коп, говорил как коп, а его членскую карточку Ассоциации отставных детективов вполне можно было принять за официальное удостоверение.

Дверь оказалась незапертой. Он зашел в вестибюль и прислушался. Ни

голосов, ни шагов. Он дернул за ручку дверь, ведущую в основную часть здания — она также оказалась открытой. Гурни вновь прислушался и вновь ничего не услышал, только где-то на верхних этажах приглушенно ныл пылесос. Тогда он вошел внутрь и закрыл за собой дверь.

Уборщики повсюду включили свет, из-за чего фойе выглядело неуютно пустым. При ярком освещении лестница из красного дерева выглядела не такой торжественной, а отделка стен теперь казалась дешевой, словно с нее смыло всю благородную патину.

В дальней стене виднелось две двери. Одна вела к лифту, на котором они поднимались с дочерью Йикинстила — если, конечно, она действительно была его дочерью, а Гурни теперь в этом сомневался. Соседняя с ней дверь стояла нараспашку, и в помещении за ней было так же светло, как и в фойе.

Агенты по недвижимости обычно называют такие комнаты «домашний кинотеатр»: главенствующей деталью интерьера была плазменная панель, а перед ней под разными углами стояло полдюжины кресел. В углу — барная стойка с раковиной, а у соседней стены — буфет с винными и коктейльными бокалами и с плоскими стеклянными тарелочками для изящной сервировки десертов или дорожек кокаина. В ящиках буфета оказалось пусто. Отделения барной стойки, как и мини-холодильник, были заперты. Гурни вышел из комнаты так же тихо, как и вошел, и отправился вверх по лестнице.

Его быстрые шаги заглушила персидская дорожка. Перепрыгивая через две ступени, он поднялся до второго этажа и отправился на третий. Здесь пылесос звучал отчетливее, и Гурни понимал, что уборщики могут в любой момент спуститься, так что времени на разведку было мало. Перед ним была арка, а за ней — коридор с пятью дверьми. Он предположил, что самая дальняя ведет к лифту, а остальные — в спальни, и тут же отправился к самой дальней. Когда он как можно тише повернул ее ручку, раздался глухой звук, означавший, что лифт только что остановился на одном из нижних этажей, а затем его дверь раздвинулась с мягким шипением.

Он скользнул в одну из предполагаемых спален и закрыл за собой дверь, надеясь, что человек в лифте — кто-то из уборщиков и ничего не успел заметить.

Гурни тут же осознал, что оказался в скользком положении: в комнате было слишком темно, чтобы где-нибудь спрятаться, а свет было нельзя зажечь, чтобы его не заметили. И если бы кто-то сейчас открыл дверь и обнаружил его, стоящего в темноте, то вряд ли карточка отставного

детектива его бы спасла. Зачем он вообще сюда пошел? Что он думал здесь найти? Конспиративную переписку? Снимки, упомянутые в эсэмэске? Компромат на Йикинстила, который бы обеспечил Гурни безопасность? Это была логика из приключенческих экшенов, а не поведение профессионала. Так как же он оказался в этом идиотском положении, словно какой-нибудь начинающий жулик?

В коридоре загудел пылесос, и в узенькой полосе света под дверью туда-сюда гуляла его тень. Нащупав стену, Гурни осторожно отошел в сторону. Было слышно, как дверь напротив открылась, и спустя несколько секунд гул пылесоса за ней утих — а значит, уборщик ушел чистить противоположную спальню.

Глаза Гурни начали привыкать к темноте, и света из-под двери теперь было достаточно, чтобы различить в комнате несколько предметов: каркас широкой кровати, спинка кресла с барочными подголовниками по бокам и шкаф, выделяющийся темным пятном на фоне более светлой стены.

Гурни решил рискнуть. Он пошарил рукой в поисках выключателя и нащупал диммер. Повернув его примерно на середину, он нажал на него и тут же нажал еще раз — в надежде, что уборщики слишком заняты работой, чтобы заметить вспышку неяркого света длительностью в полсекунды.

За это время он успел разглядеть просторную спальню с той самой мебелью, которую он угадал в темноте. Еще здесь было два кресла поменьше, низкий комод с зеркалом в узорной раме и пара прикроватных столиков с затейливыми лампами. В целом, ничего странного, но у Гурни возникло сильнейшее чувство дежавю. Он был уверен, что уже видел эту комнату и ее обстановку.

Ощущение узнавания тут же заставило его задаться вопросом: может, он действительно был здесь сегодня? Следом за догадкой подступила легкая тошнота. Ну разумеется, он здесь был, иначе почему бы он так отчетливо вспомнил расположение мебели в комнате — кровать, кресла, резной край шкафа?

Что еще успела растворить адская смесь рогипнола с алкоголем? Какую часть системы ценностей, что из того, что было ему дорого? Никогда еще в жизни Гурни не чувствовал себя настолько уязвимым, настолько незнакомым с самим собой, настолько не знающим, на какие поступки он сам способен.

На смену беспомощности и растерянности постепенно пришли ярость и страх. И, вопреки обыкновению, Гурни выбрал отдаться ярости. Ее стальной хватке. Ее силе, ее непоколебимой воле.

Открыв дверь, он вышел на свет.

Пылесос теперь гудел где-то в дальней комнате. Гурни быстро пошел в другую сторону, обратно к лестнице. Насколько он помнил, гостиная и столовая были на втором этаже. В надежде увидеть там что-нибудь, что поможет ему вспомнить забытое, Гурни отправился вниз по ступеням.

На втором этаже Гурни прошел сквозь арку и оказался в викторианском салоне, где впервые увидел Йикинстила. Как и в остальных помещениях дома, здесь горел свет, и он снова заметно обеднял обстановку. Даже исполинские растения в горшках теперь выглядели как-то буднично. Гурни прошел в столовую. Всю посуду убрали, как и подлинник Гольбейна. Или подделку Гольбейна.

Гурни понял, что после сегодняшнего обеда уже равным счетом ни в чем не уверен. Безопаснее всего будет предположить, что все в этой истории было ненастоящим, начиная с экстравагантного предложения о сотрудничестве. И эта мысль — что ему не собирались предлагать больших денег, что никто не восхищался его проницательностью и талантом — внезапно ощутимо уколола его самолюбие. Гурни скривился: неужели лезть и богатые перспективы успели его так сильно зацепить?

Психотерапевт однажды сказал ему, что силу какой-либо привязанности можно оценить исключительно по боли от ее утраты. Теперь стало ясно, что ему было настолько же важно, чтобы соблазны Йикинстила оказались чистой монетой, насколько ему было важно верить, что они его совершенно не интересуют. Гурни почувствовал себя вдвойне идиотом.

Он огляделся и, подавившись кислой винной отрыжкой, вспомнил экстатическое видение белого паруса, скользящего по Пьюджет-Саунд. На старательно отполированной поверхности стола не было ни намека на отпечатки пальцев. Он вернулся в гостиную. Там стоял еле различимый, сложный запах, который он помнил по прошлому визиту, но на этот раз Гурни попытался различить, из чего он состоит. Алкоголь, прокуренная обивка, зола в камине, кожа, влажная земля в горшках с растениями, полироль, разохшееся дерево. Ничего странного; ничего неуместного.

Гурни разочарованно вздохнул. Риск был напрасен — здесь не осталось никаких улик. Более того, пустота помещения была какой-то враждебной, словно в доме, где никто никогда не жил. В общем-то, Йикинстил как раз и говорил, что это не постоянное жилище, а уж где обитали его «дочери» — одному богу известно.

Звук пылесоса наверху стал громче. Гурни в последний раз огляделся

и пошел назад к лестнице. Он был уже на полпути к первому этажу, когда внезапное воспоминание вынудило его застыть на месте.

Запах алкоголя!

Бокал из-под абсента!..

Черт!

Он побежал обратно, перескакивая через две ступени, и ринулся к огромному кожаному креслу, в котором Йикинстил его встречал и из которого поднимался с таким трудом, что ему понадобилось для этого две свободные руки. А поскольку рядом не было столика...

Он протянул руку к основанию толстого ствола. Бокал действительно там стоял — скрытый от глаз высоким бортиком горшка и темными свисающими листьями. Гурни аккуратно завернул бокал в носовой платок и спрятал в карман куртки.

Минуту спустя, уже в своей машине, он оказался один на один с вопросом: что делать дальше с бокалом?

Глава 45

Любопытный пес

Всего в нескольких кварталах находился Девятнадцатый полицейский участок, и Гурни начал вспоминать, кого он там знает. Он вспомнил с полдюжины знакомых детективов, и пожалуй, к паре из них даже можно было подойти с личной просьбой. Но снять отпечатки с похищенного бокала, чтобы затем пробить их по базе ФБР, которая для запроса требовала ввести номер дела, — просьба получалась слишком сложной, учитывая, что он не собирался никому объяснять свой интерес к владельцу отпечатков. А лгать, чтобы это не аукнулось позже в какой-нибудь жуткой форме, он не хотел. Так что Гурни решил, что придется найти какой-то другой способ выведать что-то о личности Йикинстила. Он аккуратно убрал бокал в бардачок, положил телефон на соседнее сиденье, завел машину и отправился к мосту Джорджа Вашингтона.

В первую очередь он решил все же позвонить Соне.

— Ты куда пропал?! Где тебя носит целый вечер? — в ее голосе сквозила злость, беспокойство, но ни намека на знание о событиях дня. Это его несколько утешило.

— Хорошие вопросы! Я сам понятия не имею.

— Что ты имеешь в виду? Что вообще случилось?

— Скажи, что ты по-настоящему знаешь о Йикинстиле?

— Ты это к чему?.. Что стряслось?

— Не знаю, но ничего хорошего.

— Не понимаю тебя.

— Так что тебе известно про Йикинстила?

— Ну, что пишут в арт-журналах. Крупный коллекционер, избирательный вкус... сильное влияние на рынке. Любит делать покупки анонимно, не разрешает себя фотографировать. Предпочитает держать в тайне детали личной жизни — никто даже не знает, где он живет, есть ли у него жена или муж. Чем все запутаннее, тем ему больше нравится. Вообще он, конечно, двинутый на своем прайваси.

— Значит, до того дня, когда он явился в твою галерею и сказал, что хочет скупить мои работы, ты никогда его не видела даже на фотографиях?

— Почему ты спрашиваешь?

— Откуда ты тогда знаешь, что человек, с которым ты говорила, собственно и есть Яй Йикинстил? Потому что он так представился?

— Нет, как раз наоборот!

— Он сказал, что его зовут НЕ Яй Йикинстил?..

— Он представился «Яй». Просто Яй.

— Ну и?..

— Ну и я пыталась объяснить, что не могу работать с человеком, если не знаю его полного имени, и что нелепо ожидать, что я подпишу сделку с анонимом, когда речь о таких огромных деньгах.

— И что он ответил?

— Что его фамилия — Джавитц.

— Помню, какой-то Джавитц был сенатором... Якоб Джавитц?

— Да, но он произнес это таким тоном, будто это было первое, что пришло ему на ум, а надо же было назвать хоть какую-то фамилию, раз я так настаивала. Дэйв, но я что-то не понимаю, почему мы об этом говорим. Не хочешь мне рассказать, что произошло?

— Ну, сделка оказалась туфтой, мне что-то подмешали в вино за обедом, а сам обед был какой-то непонятной ловушкой, которая совершенно точно не имела никакого отношения к моим работам.

— Не может быть...

— Так что давай вернемся к личности Йикинстила. Он представился тебе «Яй Джавитц», из чего ты сделала вывод, что он — Яй Йикинстил, так?

— Конечно, нет, не держи меня за дуру. Мы болтали о том о сем, какое красивое озеро, и он упомянул, что любит его из своего окна. Я тут же спросила, где он живет, и он ответил уклончиво, что в каком-то приятном

гостевом доме поблизости, будто не хотел говорить название. Ну, я потом позвонила в «Хантингтон» — это самый дорогой гостевой дом на озере — и спросила, не проживает ли у них некто Яй Джавитц. Парень на телефоне как-то помялся и спросил, уверена ли я насчет фамилии. Я тут же ответила, что, конечно, нет, я вообще старею, слух мой все хуже, и я порой путаю имена. Очень старалась звучать жалобно.

— Получилось?

— Видимо, да. Парень сказал: а фамилия не может быть Йикинстил?

Я попросила его продиктовать это по буквам, что он и сделал, а я не поверила своим ушам. Ну, как такое возможно? Попросила парня описать этого гостя, он описал его — и это стопудово был тот же мужчина, что приходил ко мне в галерею. То есть, видишь, он как раз не хотел, чтобы я узнала, кто он такой. Я сама узнала.

Гурни задумался. Куда вероятнее было, что это был сценарий, специально скроенный, чтобы убедить Соню, будто она имеет дело с самим Йикинстилом, и не оставить в этом никаких сомнений. И тогда тонкость и дотошность, с которой это было продумано, настораживала едва ли не сильнее, чем сама разводка.

— Дейв, ты чего замолчал?

— Слушай, мне надо сделать еще пару звонков. Я потом тебе перезвоню.

— Но ты так и не рассказал, что случилось.

— Я понятия не имею, что случилось. Мне известно только, что меня обманули, одурманили, вывезли в город в бессознательном состоянии, а затем мне угрожали. Зачем и кто за этим стоит — не знаю. Но собираюсь узнать, — ему с трудом далось вложить в последние три слова оптимизм вместо ярости, страха и растерянности, которые он ощущал. Пообещав Соне перезвонить, он стал набирать другой номер.

Нужно было поговорить с Мадлен. Он не стал заранее готовиться и даже не посмотрел на время. Только услышав ее сонный голос, он взглянул на часы и увидел, что уже 10 вечера.

— А я все ждала, когда ты позвонишь, — произнесла она. — У тебя все в порядке?

— Более-менее. Прости, раньше не получилось. День выдался слегка сумасшедший.

— Как понимать «более-менее»?

— Что? А, я имею в виду, что со мной все хорошо, просто тут... пришлось загадки разгадывать.

— Сложные?

— Пока непонятно. Но похоже, что история с Йикинстилом — какая-то разводка, и я тут разъезжаю по городу, пытаюсь разобраться.

— Что случилось? — теперь она проснулась, и голос ее был совершенно спокойным и ровным, что одновременно и скрывало, и выдавало ее беспокойство.

Гурни понимал, что у него есть выбор: рассказать ей все, что знает, и признаться, что ему страшно, невзирая на то, что она, разумеется, будет волноваться. Либо он мог рассказать ей сокращенный и менее тревожный вариант. Он выбрал второе, еще не понимая, что это самообман, и решив, что упростит объяснение для начала, а позже расскажет полную версию, когда сам будет лучше ее понимать.

— Я как-то неважно себя чувствовал за обедом, а потом в машине не мог толком вспомнить, о чем мы разговаривали... — Гурни убедил себя, что это, в целом, правда, просто немного ужатая.

— Видимо, ты напился, — произнесла Мадлен, но это был скорее вопрос, чем предположение.

— Видимо. Но... В общем, сам не знаю.

— Думаешь, тебе что-то подмешали?

— Это одна из версий, хотя я не понимаю, зачем это кому-то могло понадобиться. В общем, я все осмотрел и понимаю одно: история нечистая, вся, целиком. И предложение на сто тысяч долларов было какой-то уловкой. Но на самом деле я звоню сказать, что я выезжаю из Манхэттена и должен быть дома примерно через два с половиной часа. Прости, что не смог позвонить раньше.

— Езжай осторожно.

— Скоро увидимся. Люблю тебя.

Он чуть не пропустил съезд с Гарлем-Ривер-Драйв к мосту и повернул в последний момент, вызывая себе вслед возмущенные сигналы.

Клайну звонить было поздно. А Хардвик, если его действительно вернули на дело, мог что-нибудь знать насчет «Карналы» и семейства Скардов, которое упомянул Клайн. Был шанс, что он еще не спит, подойдет к телефону и окажется не прочь поговорить.

Все три надежды оправдались.

— А, старичок! Что, не мог дождаться утра, чтобы меня поздравить?

— Поздравляю.

— Короче, ты всех убедил, что выпускницы Мэйплшейда мрут как мухи, и что надо устроить квадратногнездовой допрос, так что Родригес ощутил резкую нехватку кадров и был вынужден взять меня обратно. Его чуть не порвало!

— Рад, что ты снова в деле. У меня к тебе пара вопросов.

— Насчет псины, поеди?

— Какой псины?

— Которая выкопала бедняжку Кики.

— Джек, ты о чем?

— Ну как, о любопытной эрделихе Мэриан Элиот! Ты что, не в курсе?

— Выкладывай.

— Мэриан копалась у себя в розочках, а Мельпомена тусила рядом, привязанная к дереву...

— Это кто?

— Да эрделиха же! Ее так зовут. Она же вся из себя породистая сука. Короче, Мельпомена каким-то образом отвязала поводок и поперлась к Мюллеру, где принялась рыть землю за сараем. Когда старушка Мэриан пошла за ней, собака уже выкопала внушительную яму. И тут старушка что-то видит там, внизу. Угадай, что.

— Джек, умоляю, давай без загадок.

— Сперва она решила, что там белеет ее садовая перчатка...

— Джек, черт тебя дери!..

— Правда, ну подумай! Что похоже на белую перчатку?

— Джек!

— Разложившаяся ручка!

— И ручка, значит, принадлежала Кики Мюллер, которая, как все считали, сбежала с Гектором Флоресом?

— Именно.

Секунд пять Гурни молчал.

— Ты чего заглох, Шерлок? Погрузился в дедукцию?

— Как отреагировал Мюллер?

— Блаженный машинист? А ни му-му. Кажется, психиатр его так плотно напичкал ксанаксом, что там нечем уже реагировать. Он хренов зомби. Ну или круто прикидывается.

— Дату смерти хотя бы приблизительно определили?

— Не, ее только сегодня утром выкопали. Но она давненько там гнила. Несколько месяцев точно, так что вполне возможно, что с самого исчезновения Гектора.

— А причина смерти?

— Заключение судмедэкспертов еще не было, но я видел тело, и у меня есть личное предположение.

Хардвик сделал паузу. Гурни прикусил губу. Он знал, что сейчас услышит.

— Предположу, что смерть наступила вследствие того факта, что ей отхреначили голову.

Глава 46

Пустые бумаги

Вернувшись домой за полночь, Гурни тут же лег спать, но ему едва это удалось.

Наутро, за кофе с Мадлен, он размышлял, что причиной тревожности, разумеется, были история с Йикинстилом и нарастающий ужас дела Перри. Он также грешил на вещество, которым его опоили накануне.

— Надо было показаться врачу, — заметила Мадлен.

— Да все будет в порядке.

— Может, тебе лечь и еще раз попробовать поспать?

— Слишком много дел. И я все равно слишком взвинчен, чтобы заснуть.

— Ладно. Чем займешься?

— Расследованием.

— Ты не забыл, что сегодня воскресенье?

— Не забыл.

Он, конечно, забыл. И эта рассеянность его пугала. Нужно было сосредоточиться на чем-нибудь внятном, ухватиться за что-то понятное, и двигаться дальше маленькими шажками.

— Давай позвоним доктору Дихтеру? Вдруг он сможет тебя принять прямо сегодня.

Он покачал головой. Дихтер был их семейным доктором. Доктор Дихтер. Гурни обычно находил, что это звучит смешно, но сегодня было не до смеха.

— Просто ты сказал, что тебе что-то подмешали в напиток. Почему ты к этому так легкомысленно относишься? Ты хотя бы представляешь, что это могло быть за вещество?

Гурни решил не упоминать рогипнол, потому что за этим последовали бы вопросы, связанные с понятными ассоциациями про насилие, а он не был готов сейчас к такого рода дискуссии.

— Не знаю. Что-то, от чего отшибает память, как после слишком сильного опьянения.

Она окинула его внимательным взглядом, и он почувствовал себя голым.

— Что бы там ни было, меня уже отпускает, — произнес Гурни будничным тоном, в то же время понимая, что стремление поскорее сменить тему не ускользнуло от внимания Мадлен.

— Возможно, тебе нужно выпить какой-то антидот.

— Нет, организм сам прекрасно справляется. Что мне нужно, так это сосредоточиться на чем-нибудь...

Он подумал про дело Перри и про звонок Хардвику — и тут же понял, что история про Мельпомену и труп Кики Мюллер заставила его вчера забыть, зачем он изначально звонил.

Через минуту он уже держал в руке трубку.

— Скарды?.. — недовольно переспросил Хардвик. — Ну да, фамилия всплыла в ходе поиска «Карналы». Но ты вообще не охренел ли? Сегодня воскресенье, что за срочность?

Хардвик всегда стремился все усложнить для собеседника. Но были способы выйти из этой игры победителем. Одним из них было довести вульгарность до маразма.

— Срочность категории «отвечай или яйца отстрелю».

Пару секунд Хардвик как будто оценивал мощь этого безобразного образа, а затем он ответил:

— «Карнала» — та еще прачечная, фиг найдешь концы. Она принадлежит какой-то корпорации, а та другой корпорации, а та еще одной, зарегистрированной на Каймановых островах. Непонятно, что конкретно это за бизнес, но след ведет на Сардинию, где и проживают эти самые Скарды. И репутация у них, скажу я тебе, паршивая.

— Репутация?

— Ну, никто не сомневается, что они бандюки, но доказательств нет. Наши друзья из Интерпола говорят, что там ни одной судимости — свидетели каждый раз передумывали давать показания или исчезали.

— И этим Скардам принадлежит «Карнала»?

— Предположительно да. На их счет ничего не скажешь точно. Предположительно то, предположительно се. Документов никаких.

— Так чем занимается само агентство?

— А неизвестно. Нам не удалось накопать ни одного контрагента среди поставщиков ткани или розничных продавцов. Никто с ними не работал. Их логотип стоит на рекламе дорогущих женских шмоток, но нет никаких свидетельств, что эти шмотки где-то вообще продают.

— А представители агентства это как-нибудь комментируют?

— Да где ж мы их возьмем?

— Джек, но кто-то же размещает рекламу! Кто-то за нее платит...

— Все по e-мейлу.

— А откуда приходят e-мейлы?

— То с Кайманов, то с Сардинии.

— Но...

— Нелогично, да. Расследуем. Подключили Интерпол, итальянскую полицию, структуры с Каймановых островов — ждем новостей. Все не просто, потому что Скарды официально чисты, а пропавшие девицы официально не в розыске. Но даже будь они в розыске — их появление в рекламе «Карналы» само по себе ни о чем не говорит, потому что нет никаких документов, по которым выходит, что Скарды имеют к агентству отношение. Все на уровне слухов и домыслов. С юридической точки зрения мы бродим в тумане по минному полю. К тому же благодаря твоим прогнозам прокурор вогнал всех в жуткую панику, что надо срочно прикрывать задницу.

— В чем это проявляется?

— Да в том, что по минному полю бродит не пара саперов-профи, а хренова толпа людей, которые друг об друга спотыкаются.

— Все как ты любишь, Джек.

— Да пошел ты.

— То есть, сейчас неудачный момент, чтобы попросить тебя об одолжении?

— Типа чего? — спросил он внезапно спокойным голосом. Хардвик на все реагировал наоборот, как взбалмошный ребенок — об одолжении было лучше всего просить ровно в тот момент, когда казалось, что это менее всего уместно. Точно так же Хардвик реагировал на риск: ему казалось, что это положительный фактор при любом раскладе. Для большинства копов главным в работе были авторитет и соблюдение правил, а Хардвик был по-настоящему без башни. По большому счету, то, что он был до сих пор жив, было просто счастливой случайностью.

— Надо сыграть не по правилам, — произнес Гурни, впервые за последние двадцать четыре часа почувствовав, что нащупал твердую почву. Надо было раньше вспомнить про Хардвика. — Я бы даже сказал — надо проявить извилистость.

— О чем речь? — спросил Джек таким тоном, словно ему пообещали любимый десерт.

— Мне надо снять отпечатки с небольшого бокала и пробить их по базе ФБР.

— Дай угадаю: никто не должен знать зачем, ничто не должно отобразиться в документах, и след не должен привести к тебе.

- Примерно так.
- Где этот бокал?
- Могу тебе его передать у Абеляра, скажем, через десять минут.
- Гурни, ну ты феерический нахал.

Глава 47

Невозможная история

Вручив Хардвику бокал из-под абсента на тесной парковке у лавки Абеляра, Гурни вдруг подумал, что нужно ехать в Тэмбери. Все равно Абеляр был ровно на полпути туда, а на месте преступления могло обнаружиться еще что-нибудь важное. Кроме того, ему хотелось как следует занять свой ум, чтобы отвлечься от тревоги по поводу истории с Йикинстилом.

Он представил, как Мэриан высаживает розы, а Мельпомена роет грязь за сараем на участке Мюллера, и как бледная рука Кики Мюллер торчит из земли, напоминая мятую садовую перчатку. Представил безумного Карла, который вполне мог оказаться убийцей собственной жены. Разумеется, отрубленная голова как бы автоматически указывала на Флореса. Но ведь у Карла могло хватить находчивости, чтобы это предусмотреть...

Допустим, он узнал о романе Кики с Гектором и решил ее убить так же, как Гектор убил Джиллиан. Стройно, но маловероятно: это бы значило, что Карл одновременно был в достаточной ярости, чтобы убить жену, достаточно хладнокровен, чтобы подделать почерк Гектора, и достаточно глуп, чтобы закопать тело в собственном дворе. Гурни сталкивался и с более странными сочетаниями факторов, но сценарий все равно казался ему неубедительным. К тому же расследование такой версии отвлекло бы внимание от истории с девицами из Мэйплшейда.

Наверняка Кики убило что-то посерьезнее, чем гнев ревнивого мужа. Что-то связанное с загадкой Мэйплшейда. За этими размышлениями Гурни свернул с Хигглиз-Роуд на Бэдджер-Лейн и почувствовал себя куда более привычно. Не то, чтобы он был в превосходном настроении, но хотя бы он снова был детективом. И его хотя бы больше не тошнило.

У компостной кучи, отделявшей развалюху-дом от развалюхи-сарая, виднелись два типа в татуировках, точь-в-точь клоны Кальвина Харлена, который собственной персоной стоял рядом. Все трое проводили машину Гурни мутным взглядом.

Подъезжая к участку Эштона, он надеялся увидеть Мэриан Элиот с расхитительницей гробниц Мельпоменой, но их нигде не было. Вокруг дома Мюллера тоже не наблюдалось признаков жизни.

Ступив на мощеную дорожку Эштона, Гурни в очередной раз поразился отчетливо английскому духу, царившему здесь, — неброская эксклюзивность в сочетании с недемонстративной роскошью. Он решил не идти сразу к дому, а сначала прогуляться до навеса, служившего входом на простиравшуюся за домом лужайку. Зеленый цвет еще преобладал, но кое-где в кронах деревьев уже виднелись желтые и красноватые мазки осени.

— Детектив Гурни?

Он повернулся к дому. У открытой двери стоял Эштон.

Гурни улыбнулся.

— Простите, что беспокою в воскресенье.

Эштон отзеркалил его улыбку.

— Полагаю, во время расследования убийства между выходными и буднями нет разницы. У вас какие-нибудь новости?

— Вообще-то я просто хотел еще раз осмотреть территорию вокруг домика садовника.

— Еще раз?..

— Вы не возражаете?

— Что конкретно вас интересует?

— Надеюсь, пойму, когда увижу.

Тон Эштона был столь же выверен, как и его улыбка.

— Зовите меня, если чем-то могу помочь. Я буду с отцом у себя в библиотеке.

Любопытно, подумал Гурни. У одних дома «кабинет», а у других — «библиотека». А потом говорят, что у нас не классовое общество. Это пока речь не заходит о ком-нибудь, живущем в доме из котсуолдского камня и с отцом по имени Хобарт Эштон.

Гурни прошелся по лужайке к дальней ее части, и только там понял, что все это время не замечал удивительной погоды — стоял один из таких славных осенних дней, когда солнце будто бы светит через волшебную призму, меняя цвет листьев, а воздух был таким тихим, словно мир был соткан из покоя, захватывающего дух и наполняющего сердце счастьем.

Как и все минуты счастья в жизни Гурни, эта вышла очень короткой. Он пришел сюда, чтобы расследовать убийство, дотошно изучить каждую мелочь на месте преступления, восстановить последовательность ужасных событий.

Он направился к широкому каменному патио с кофейным столиком,

где четыре месяца назад кто-то выстрелил в чашку Эштона из «Везерби» 257-го калибра. Интересно, где сейчас может быть Гектор Флорес? Он ведь может быть где угодно. Например, здесь, в лесу, наблюдать за домом, за Эштоном и его отцом. И — в эту самую секунду — за Гурни.

Он перевел взгляд на домик и стал вспоминать подробности убийства в день свадьбы. С места, где он теперь стоял, можно было разглядеть фасад и одну из боковых стен, а также часть леса, куда Флорес ходил, чтобы оставить мачете, где его нашли. В мае листва еще молодая, а значит, видимость была примерно такой же, как сейчас, когда листья опадают.

Гурни в очередной раз попытался представить, как латиноамериканец спортивного сложения выбирается из заднего окна домика, незамеченным бежит примерно стометровый кросс сквозь деревья и заросли, затем слегка присыпает брошенное мачете листьями и землей. А затем — что затем? Надевает на ноги какие-то пакеты? Или брызгает обувь химикатом, уничтожающим продолжение следа? Мог ли он с этого места отправиться дальше в глубь рощи, куда-то в сторону дороги? Чтобы потом, к примеру, встретиться с Кики Мюллер, которая, допустим, ждала его в машине и увезла прочь прежде, чем прибыла полиция? Или же она могла скрыть его у себя дома... где он ее убил и закопал? Но зачем, какая в этом могла быть выгода? Нет, это неправильный вопрос, потому что нет повода считать, что преступник исходил из соображений практической пользы. Возможно, им двигало чистое безумие, одержимость какой-нибудь вывихнутой фантазией. Но такой ход мысли никак не способствовал расследованию: если в действиях убийцы не было смысла, то не было смысла его пытаться угадать. А у Гурни было настойчивое ощущение, что, невзирая на привкус бреда, преступление было продуманным, выстроенным по какой-то внутренней логике.

Итак, почему мачете оказалось столь небрежно спрятано? В том, чтобы присыпать лезвие, не было логики, если ручка оставалась на виду. По какой-то причине эта мелкая несостыковка больше всего занимала его внимание. Причем «занимала» — вполне удачное слово, поскольку Гурни всегда любил несостыковки. Опыт показывал, что именно они, как правило, оказываются ключом к разгадке.

Он сел за столик и уставился в лес, пытаясь визуализировать, по какому маршруту мог бежать Флорес. Пресловутые сто метров было почти невозможно различить за зеленью самой рощи и за рододендронами, разделявшими дикую часть от ухоженной лужайки с клумбами. Гурни хотел прикинуть, насколько хороша была видимость вероятного пути отступления — и пришел к выводу, что видимость была совсем

незначительной. Ничего удивительного, что Флореса никто не заметил. Самый четко различимый объект с такого расстояния был темный ствол вишни — и то Гурни мог разглядеть только узкую полоску этого ствола сквозь кусты.

Вишня росла в конце предполагаемого маршрута Флореса. В теории, если бы кто-нибудь в тот момент смотрел в лес в том же направлении, он мог бы заметить, как человек мелькает между деревьев. Правда, едва ли этому бы придали значение. Кроме того, шансов, что кто-то мог сидеть ровно здесь и смотреть ровно туда, было исчезающе мало...

Стоп!

Гурни внезапно обнаружил, что чуть не пропустил важную вещь.

Зафиксировав взгляд на чешуйчатом стволе вишни, Гурни направился к нему через патио, через клумбу на которую упал Эштон, через рододендроновую границу — в лес.

Это направление было перпендикулярным маршруту Флореса от домика к месту, где нашли мачете. Гурни хотел убедиться, что Флорес мелькнул именно перед этой вишней.

Дойдя до оврага, который он помнил по своему визиту пару дней тому назад, он убедился, что его догадка верна. Дерево росло на дальней стороне оврага — а он был длинный и глубокий, с крутыми склонами. Если бы Флорес бежал с той стороны вишни, это бы значило, что ему пришлось минимум дважды пересекать овраг, что отняло бы немало времени и сделало бы задачу скрыться до появления полиции невозможной. Тем более что след тянулся по ближней стороне оврага, а не дальней. Следовательно, человек, бежавший от домика к точке обнаружения мачете, должен был промелькнуть перед этим деревом. Без вариантов.

Дорога от Тэмбери до Уолнат-Кроссинга заняла всего 55 минут вместо обычного часа с четвертью. Гурни торопился домой, чтобы пересмотреть запись со свадьбы — но отчасти им двигало желание как можно глубже зарыться в дело Перри, которое, невзирая на ужас убийства, немного облегчало тревогу по поводу вчерашней амнезии.

Машина Мадлен стояла рядом с домом, а велосипед был прислонен к сараю. Гурни догадался, что она на кухне, но когда он зашел сквозь боковую дверь и позвал ее, ответа не последовало.

От отправился к длинному столу, отделявшему кухню от гостиной зоны. На нем по-прежнему были разложены материалы расследования, что немало раздражало Мадлен. Там же лежало несколько дисков.

На верхнем была наклейка с надписью «Свадьба Перри+Эштон,

монтаж БКР». Но Гурни хотел посмотреть один из оригиналов, а не смонтированную версию. Их оказалось пять штук. На одном значилось: «Вид с вертолета: общие планы и снижение», а остальные четыре содержали съемку со стационарных камер, и на наклейках были полные координаты спектра видимости каждой.

Он взял эти диски в кабинет, где открыл ноутбук, зашел на карты Гугла и набрал в строке поиска: «Бэджер-Лейн, Тэмбери, Нью-Йорк». Тридцать секунд спустя он рассматривал спутниковую фотографию участка Эштона с точными координатами каждого объекта. Можно было даже разглядеть кофейный столик на патио. Гурни выбрал точку, где примерно находилась вишня, и рассчитал путь до нее от столика. Угол получился — 85 градусов на восток.

Он взял диск с пометкой «Восток + Северо-Восток» и засунул в плеер, дотянувшись с дивана, а затем промотал запись до момента, когда Джиллиан зашла в домик, и полностью посвятил свое внимание следующим четырнадцати минутам видеоряда. Он просмотрел их раз, другой, и удивление его усиливалось. В третий раз он досмотрел запись до секунды, когда начальник полиции Лунтц прогнал гостей с места преступления и вызвал копов.

Тут что-то не так. И это еще мягко сказано.

Он позвонил Хардвику, который ответил только после седьмого гудка.

— Чего надо, старичок?

— Ты уверен, что камеры на свадьбе вели запись непрерывно?

— А что тебя смущает?

— С одной из камер видно домик садовника и часть леса с левой стороны, где Флорес должен был пробежать, чтобы спрятать оружие убийства.

— И чего?

— Там есть одно дерево на заднем плане этого маршрута, и оно видно сквозь лес с патио, где стояла камера.

— И?..

— Флорес должен был мелькнуть перед этим деревом, когда бежал прятать мачете там, где его нашли. Ствол отчетливо видно на протяжении всей записи.

— Так и что?

— Я трижды просмотрел запись, трижды, чтобы убедиться. Джек, перед деревом никто не пробежал.

— Что-то я не въезжаю, — буркнул Хардвик.

— Я тоже, — ответил Гурни. — Каковы шансы, что мачете не было

орудием убийства?

— Анализ ДНК однозначно показал, что на нем кровь Джиллиан Перри. Так что шанс — один на миллион, а то и меньше. Кроме того, в отчете сказано, что голову отрубили тяжелым и остро заточенным лезвием. Ну и потом, а какие еще варианты? Типа, Флорес измазал мачете кровью с настоящего орудия убийства, которое спрятал где-то еще? Но ему бы все равно пришлось отнести его туда, где его нашли. Так что я не вижу, что здесь можно обсуждать. Без вариантов, это орудие убийства.

Гурни вздохнул.

— Значит, мы имеем дело с чем-то необъяснимым.

Глава 48

Идеальные воспоминания

Если факты друг другу противоречат, значит, какие-то из них — ложные.

Это подметил один из его прежних начальников в Нью-Йоркском отделении, и Гурни всегда помнил это правило.

Чтобы строить какие-то предположения на основании видеозаписи, нужно было еще раз проверить факты. На коробке от диска был телефон компании, снимавшей видео: «Идеальные воспоминания».

Гурни позвонил по этому номеру и оставил сообщение на автоответчике, упомянув свадьбу Эштона и Перри. Едва он закончил звонок, как на экране появилось имя абонента — «Идеальные воспоминания» ему перезванивали.

Профессионально вежливый голос с уместной долей озабоченности поинтересовался:

— Чем мы можем вам помочь?

Гурни представился и объяснил, что расследует убийство Джиллиан Перри по заказу ее матери, и что на записи, сделанной агентством, вероятнее всего мог быть запечатлен убийца невесты, и его интересует точный ответ на один-единственный вопрос, который он готов задать человеку, ответственному за ту съемку.

— Это я, — ответила девушка.

— Представьтесь, пожалуйста.

— Дженнифер Стилман. Я управляющий директор агентства.

Управляющий директор. Подходящее название должности, если работаешь с богатыми клиентами.

— Дженнифер, мне нужно знать, велась ли оригинальная запись непрерывно или же в какие-то моменты ее ставили на паузу.

— Абсолютно непрерывно — последовал немедленный ответ.

— Исключен даже секундный обрыв?

— Исключен.

— Вы так уверены, будто вам этот вопрос уже задавали.

— Нет, но это было исходным запросом.

— Исходным запросом?..

— В договоре было означено, что видеозапись должна вестись непрерывно в течение всего мероприятия, от начала до конца, и должно быть зафиксировано все до последней секунды. Видимо, невесте хотелось сохранить на память каждую мельчайшую деталь события.

Судя по тону Дженнифер Стилман, это было необычным условием договора, либо необычным был тон, в котором условие было изложено. Он решил этот момент уточнить.

— Понимаете... — девушка помедлила. — Им по какой-то причине это было очень важно. По крайней мере невесте. Когда мистер Эштон передал нам ее просьбу, он мне показался немного... — она снова помедлила. — Знаете, я зря начала вам говорить. В конце концов, я же не телепат.

— Дженнифер, но это важно. Речь идет об убийстве. И сейчас ключевой вопрос — не могло ли в записи быть что-то пропущено, пусть даже отдельные кадры.

— Никаких кадров не пропущено. Мы бы заметили пропуски по сбившемуся тайм-коду — компьютер такое фиксирует.

— Хорошо, я понял. Благодарю. Но вы не могли бы договорить, что хотели сказать про доктора Эштона?

— Да нечего особенно говорить... Мне просто показалось, что он стесняется просьбы невесты. Будто ему стыдно, что она так одержима идеей запечатлеть каждую миллисекунду, что это какая-то излишняя сентиментальность, я не знаю. Но я же не могу знать, что движет людьми, когда им что-то нужно? В конце концов, как говорится, клиент всегда прав.

— Спасибо, Дженнифер, вы мне очень помогли.

В должностные обязанности Дженнифер Стилман, разумеется, не входило понимание чужих мотивов, а для Гурни это было необходимой частью профессии. Если понять, что движет человеком, то понятным становится весь сценарий преступления. И сейчас Гурни подумал, что настаивать на подробной записи свадьбы можно в двух случаях: либо в надежде, что это может уберечь от какой-то опасности, либо при желании

иметь на руках неоспоримое алиби.

Следом возникал вопрос, кому именно могла понадобиться исчерпывающая записка. Девушка из агентства сказала, что это условие невесты, однако просьба поступила не лично от Джиллиан, а была преподнесена Эштоном как ее желание. Следовательно, идея могла быть на самом деле его, но по какой-то причине он решил это скрыть. По какой? Кому какое дело, от кого исходит такая просьба?

Гурни интриговала догадка, что Эштоном или Джиллиан — или обоими — двигало желание защитить себя от чего-то в ходе свадьбы. Что им было чего бояться в тот день.

Логичнее всего было бы предположить, что опасность представлял Флорес, чье поведение к тому времени уже было крайне странным. Тогда идея с записью действительно могла принадлежать Джиллиан. Почему бы ей не бояться Флореса? Ведь известно, что за неделю до свадьбы на ее номер приходили многочисленные сообщения с его телефона, включая заключительную и единственную, которая сохранилась, с подписью Эдвард Валлори. Учитывая происхождение подписи, сообщение можно было однозначно трактовать как угрозу. И тогда, быть может, Джиллиан пошла в домик Флореса обсуждать отнюдь не свадебный тост.

Гурни так погрузился в складывание паззла из фактов, слухов, трактовок и логических допущений, что полностью утратил чувство времени и места. Когда он поднял взгляд на часы, они показывали 17:05. Это было одновременно и неожиданно, и ожидаемо, как и внезапно осознанное чувство тяжести в затекших ногах. Он встал.

Мадлен все еще не вернулась. Начать готовить ужин без нее? Может, она даже что-то оставила на столешнице, что надо было разогреть. Он отправился было на кухню, но в этот момент зазвонил телефон. Снова Хардвик.

— Другана ты себе завел — аж волосы в заду шевелятся.

— Чего?

— Надеюсь, он хотя бы при тебе к школьницам не подкатывал?

У Гурни появилось нехорошее предчувствие.

— Джек, давай к делу. Что у тебя?

— Ишь, какой торопыга. Колись: вы с ним как — на короткой ноге?

— Хорош уже, выкладывай!

— Ты меня просил пробить пальчики мужика, с которым бухал.

— И что выяснилось?

— О-оо, чего только не выяснилось.

— Джек...

— Зовут его Сол Штек. Профессиональный псевдоним — Пол Старбак.

— И что у него за профессия?

— Сейчас он нигде не работает. Во всяком случае, нигде не числится. А пятнадцать лет тому назад был обещающим актером в Голливуде. В рекламе снимался, в паре фильмов... — Хардвик включил режим сказочника и после каждой фразы делал драматические паузы. — И вдруг хоп — столкнулся с проблемкой!

— Джек, не тяни кота за хвост!

— Его, понимаешь, обвинили в изнасиловании несовершеннолетней. Пресса тут же возбудилась, и отовсюду полезли другие, ранее молчавшие жертвы. И наш дорогой Сол-Пол оказался подозреваемым в куче дел об изнасиловании и домогательстве. Специализация у него была такая: опохотить четырнадцатилетнюю дуреху, а потом сделать кучу откровенных фоток. Ему светило пожизненное, туда таким и дорога. Но увы. Богатенькие родители купили заключение экспертизы, и гада отправили в психушку, а пять лет спустя тихонечко выпустили на свободу. С тех пор он пропал со всех радаров, текущее местонахождение никому не известно. Кроме, возможно, тебя. Откуда-то у тебя этот бокальчик взялся?

Глава 49

Мальчики

Гурни стоял у французских дверей, уставившись на прощальный сиреневый выдох фантастического заката, который он по большей части пропустил, пытаясь прийти в себя после новости о Йикинстиле.

Информации отчаянно не хватало. Каким должен быть следующий шаг? Надо взять блокнот и написать список вопросов в порядке приоритетности. Первейший — кому принадлежит тот кирпичный дом в Манхэттене?

Не вполне очевидно, как это выяснить.

Чтобы освободиться от враждебной хватки, желательно хотя бы понять, кто тебя держит. Но если не иметь хотя бы приблизительного представления об угрозе, можно только сильнее запутаться. Каждый неотвеченный вопрос грозил обернуться снежным комом других неотвеченных вопросов.

— Привет!

Мадлен. Слово будильник, который вытягивает из сна в реальность

утренней спальни, ее голос вернул его к настоящему. Он повернулся к прихожей.

— Это ты? — спросил он растерянно, тут же спохватившись, что вопрос звучит глупо, потому что кто же еще? Но ответа не последовало, и он спросил снова, на этот раз громче.

Вместо ответа она появилась на кухне и неопределенно нахмурилась.

— Ты только что пришла? — спросил он.

— Нет, я весь вечер топталась в прихожей. Ты в себе?

— Я просто не слышал, как ты вошла.

— А я раз — и вошла! — весело сказала она.

— Точно, — улыбнулся он. — Раз и вошла.

— Так что с тобой?

— Ничего.

Она приподняла бровь.

— Да все нормально. Разве что проголодался.

Она посмотрела на миску, стоявшую у плиты.

— Морские гребешки уже разморозились. Давай ты их пожаришь, а я поставлю воду для риса?

— Давай, — охотно согласился Гурни, надеясь, что эта простая задача хотя бы немного отвлечет его от воронки вопросов про Сола-Пола.

Он пожарил гребешки в оливковом масле с чесноком, лимонным соком и каперсами. Мадлен сварила рис басмати и приготовила салат из апельсинов, авокадо и красного лука. Гурни нелегко давалось сосредоточиться на настоящем моменте. «Опоить четырнадцатилетнюю дуреху, а потом сделать кучу откровенных фоток...»

Посреди ужина он обнаружил, что Мадлен всю рассказывает ему о прогулке по дороге между их и соседним участком, но он не помнит ни слова из этого рассказа. Он вымученно улыбнулся и попытался вникнуть хотя бы в концовку.

— ...такой насыщенный зеленый цвет, невзирая на тень. А под пологом из папоротников — такие крохотные фиолетовые цветочки, буквально точки... — ее голубые глаза засветились, и Гурни даже показалось, что за столом стало светлее. — Представляешь? Микроскопические. Как снежинки.

Фиолетовые микроскопические снежинки. Контраст между ее умилением и его тревогой был настолько невыносим, что он чуть не застонал. Изумрудный полог из папоротников и ядовитые шипы его кошмаров. Ее роман с жизнью и его... его что?

Встреча с дьяволом?

Гурни, возьми себя в руки. В самом деле, ну чего ты так боишься?
Но этот вопрос сделал кошмар еще чернее, а воронку еще глубже.

Ты боишься сам себя, Гурни. Узнать, что ты способен на жуткие вещи, которых не помнишь.

Остаток ужина его чувства были парализованы. Он усердно ел, стараясь скрыть, что еда его не интересует, и усердно делал вид, что ему безразличны детали ее приключения на природе. Но чем больше она рассказывала про черные сердцевинки рудбекии, про дивный осенний аромат, нежную дымку диких астр, тем безнадежнее ему казалась пропасть между ними, и тем отчетливее проступала тревога. В какой-то момент он осознал, что Мадлен замолчала и смотрит на него с беспокойством. Он заволновался, что мог пропустить какой-то вопрос, а она ждала ответа, и не понимал, как признаться, что отвлекся или как объяснить, почему.

— Ты говорил с Кайлом? — внезапно спросила Мадлен. Или не внезапно, или она это уже спрашивала? Или это ее попытка разгадать причину его озабоченности?

— С Кайлом?..

— С твоим сыном.

Гурни не то чтобы не расслышал вопроса, а просто эхом повторил его, скорее чтобы заземлиться, напомнить себе, что он действительно здесь, за столом. Как это объяснить?

— Я ему звонил... попал на автоответчик. Он перезванивал, и тоже... и так несколько раз.

— Ты, главное, не сдавайся. Надо звонить, пока не дозвонишься.

Он кивнул, не чувствуя в себе сил спорить, не зная что сказать.

Мадлен улыбнулась.

— Мне кажется, ему бы пошло на пользу. Вам обоим пошло бы на пользу.

Он снова кивнул.

— В конце концов, ты его отец.

— Да, я знаю.

— Ну, вот и ладно, — произнесла она тоном, который вроде бы означал, что разговор окончен, и принялась собирать тарелки со стола.

Он наблюдал, как она идет к раковине, потом возвращается за оставшейся посудой и снова ее уносит. Потом она вернулась с бумажным полотенцем, чтобы вытереть стол, и Гурни сказал:

— Он все время думает о деньгах.

Мадлен приподняла поднос с салфетками, чтобы протереть под ними.

— Ну и что?

— Хочет стать адвокатом.
— Это плохо?
— Его волнуют только деньги. И какой на них можно будет купить дом, какую машину.
— Может, он хочет, чтобы его, наконец, заметили.
— В каком смысле?
— А в каком смысле мальчикам хочется, чтобы папа обратил на них внимание?
— Кайл давно не мальчик.
— Неужели? — улыбнулась Мадлен. — Он именно мальчик, а ты его не замечаешь, так что теперь он изо всех сил старается, чтобы его заметил хотя бы весь остальной мир.
— Почему я его не замечаю? Это какие-то психоаналитические спекуляции.
— Возможно. Как знать... — Мадлен давно отточила искусство избегать конфликта и не допускать, чтобы спор ее травмировал. Не первый раз он чувствовал, что делает выпад в пустоту.
Она мыла посуду, а он так и сидел за столом. Его веки потяжелели. Известно, что побочный эффект тревоги — изнеможение. Гурни погрузился в полудрему.

Глава 50

Обезьяна с гранатой

— Шел бы ты спать, — произнес голос Мадлен.
Он с трудом разлепил глаза. Она успела погасить весь свет, кроме одной лампочки, и собиралась выйти из кухни, зажав под мышкой книгу. Его голова опрокинулась вперед, и от этого невыносимо ныла ключица. Он выпрямился и обнаружил, что шея тоже болит. Вместо того, чтобы принести облегчение, дрема только усугубила тревогу. Заснуть по-настоящему точно не удастся. Нужно отвлечься от навязчивых ужасов с участием Сола Штека, которые рисовало воображение.
Можно было перезвонить Клайну. Вдруг он сообщит что-то новое про Скардов? Он уже говорил про них с Хардвигом, но ведь прокурор мог знать какие-нибудь подробности. Правда, офис прокурора по воскресеньям не работает.
Но у него еще с дела Меллери сохранился номер мобильного Клайна. Воспользоваться им столько времени спустя было бы злоупотреблением,

тем более что ничего срочного не случилось. Но этикет сейчас волновал его меньше, чем сохранность собственного рассудка.

Гурни пошел в кабинет, отыскал номер и позвонил. Он был готов пообщаться с автоответчиком, поскольку полагал, что Клайн, будучи контрол-фриком, наверняка предпочитает разговоры по собственному графику. Тем удивительнее оказалось, что прокурор все-таки ответил.

— Гурни, ты?

— Простите, что звоню в такое время.

— Я ждал, что ты перезвонишь вчера вечером. Это же твоя была идея — насчет «Карналы».

— Простите, я тут немного забегался. Вы спрашивали, знакома ли мне фамилия Скард.

— Да, расследование по «Карнале» вывело нас на эту семейку. Они вам знакомы?

— И да и нет.

— Не понял.

— Шеридан, фамилия показалась мне знакомой, но я не знаю, откуда. Хардвик мне рассказал, что у Скардов дурная репутация, и что они живут на Сардинии, но это не помогло мне вспомнить, почему имя кажется знакомым. Но оно определенно где-то мне попадалось, и не так давно.

— А больше Хардвик ничего не рассказал?

— Что никого из Скардов не привлекли к ответственности. И что «Карнала» занимается чем угодно, но не модной одеждой.

— Значит, мне нечего добавить. Зачем ты звонишь?

— Хочу быть официально задействован в расследовании.

— Это в каком смысле?

— Быть в курсе дела, ходить на встречи.

— Зачем бы?

— Меня всерьез занимает это дело. И до сей поры моя интуиция меня не обманывала.

— Это еще предстоит выяснить.

— Шеридан, я просто думаю, что мы друг другу можем быть полезны. Чем больше я знаю и чем скорее узнаю новости, тем больше от меня пользы.

Последовала продолжительная тишина. Гурни понимал, что прокурор, скорее, просчитывает перспективы, чем колеблется, и поэтому терпеливо ждал.

Наконец, Клайн задумчиво хмыкнул. Гурни продолжил ждать.

— Ты же знаешь, что Род тебя терпеть не может?

— Естественно.
— Равно как и Блатт.
— Ну да.
— И даже Билл Андерсон.
— Допустим.
— То есть, твое появление в Бюро встретят с таким же радушием, как пердеж в лифте. Ты это осознаешь?
— У меня не было иллюзий.
Последовала очередная пауза, и Клайн снова хмыкнул.
— Значит, поступим так. Я всем сообщу, что Гурни — это проблема. Обезьяна с гранатой. И нам выгоднее всего, чтобы обезьяна была у нас на виду, на коротком поводке. Так что я ради этого намерен звать тебя на все встречи и выслушивать твои соображения, от греха подальше. Как тебе такой расклад?
Держать обезьяну с гранатой на коротком поводке вряд ли было разумно, если ты не полный псих.
— Меня устраивает, сэр.
— Отлично. Следующая встреча — завтра в десять утра. Не опаздывай, — Клайн закончил звонок, не попрощавшись.

Глава 51

Неразбериха

Остаток вечера Гурни купался в облегчении, наступившем после разговора с Клайном.

Он был рад и несколько удивлен, что чувство сохранилось даже наутро, когда он проснулся. Чтобы поддержать эту зыбкую стабильность и остаться в мире, где он охотник, а не жертва, Гурни за утренним кофе перечитывал материалы по делу Перри. Затем позвонил Ребекке Холденфилд и оставил на автоответчике свой номер, а также вопрос, нельзя ли заскочить к ней в Олбани после встречи в Бюро.

Звонить, перезванивать, назначать встречи — все это создавало ощущение порядка, осмысленной деятельности. Он набрал номер Вэл Перри и попал на автоответчик. Едва он успел представиться, как она подошла к телефону. Гурни не ожидал, что она так рано встает.

— Что нового? — спросила она.

Он понял, что не готов к серьезному разговору, и произнес:

— Просто хотел... сверить данные.

— Да? И какие? — ее голос был слегка раздраженным, впрочем, кажется, не более чем всегда.

— Вам что-нибудь говорит фамилия Скард?

— Нет, а должна?

— Я подумал, что Джиллиан могла ее упоминать.

— Но я же говорила вам: Джиллиан никогда и ничем со мной не делилась.

— Да, причем говорили не один раз. Но бывает, что вопросы приходится задавать даже если наверняка знаешь, что услышишь в ответ.

— Ладно. Какой следующий?

— Джиллиан когда-нибудь просила, чтобы вы с супругом купили ей новую дорогую машину?

— Джиллиан то и дело у нас что-нибудь просила. Так что да, могла. С другой стороны, она еще в двенадцать лет сообщила нам с Уитроу, что мы ей на хрен не сдались, потому что она способна найти себе богатенького папика, который купит ей все что надо, — она помолчала, как бы давая собеседнику время оправиться от заявления. — Мне надо бежать. Будут еще вопросы?

— Нет, миссис Перри. Спасибо.

Как и Клайн, она повесила трубку, не попрощавшись. Определенно, она ожидала, что его участие в расследовании будет выражаться каким-то другим образом.

В 9:50 утра он уже парковался у крепости окружной прокуратуры, где была назначена встреча на 10:00. За ту минуту, что он искал свободное место, телефон звонил дважды. Первый абонент оставил голосовое сообщение, а второй — эсэмэску. Гурни надеялся, что хотя бы один из звонивших — Ребекка Холденфилд.

Припарковавшись, он достал телефон и сначала проверил текстовое сообщение. Оно было с незнакомого номера с манхэттенским кодом.

Он прочитал сообщение, и страх из солнечного сплетения взметнулся к сердцу.

«Ты как, вспоминаешь моих девочек? Они тебя вспоминают».

Он перечитал его пару раз. То, что номер не был скрыт, почти наверняка означало, что автор текста отправил его с prepaid телефона и концов не сыщешь. Однако это также означало, что можно отправить ответный текст.

Отметя порыв написать что-нибудь яростное или безрассудное, Гурни ограничился одним-единственным словом: «Продолжай».

Когда сообщение ушло, на часах было 9:59, и он поспешил в офис.

В безликом помещении уже были заняты все шесть стульев. Вместо приветствия Хардвик ткнул пальцем в ряд складных стульев у стены возле кофеварки. Родригес, Андерсон и Блатт никак не отреагировали на его появление. Гурни хорошо представлял себе, с какими кислыми минами они выслушали объяснение окружного прокурора насчет обезьяны с гранатой.

Рыжая сержант Вигг, которую он помнил еще по делу Меллери, сидела в дальнем конце стола, уставившись в ноутбук, как и в прошлый раз. Ее задачей было отслеживать логику и фактическую связность обсуждения. Гурни принес себе раскладной стул и сел напротив нее. На стене висели часы, на которых было 10:05.

Шеридан Клайн посмотрел на них и поморщился.

— Так, мы немного выбились из графика, а у меня сегодня мало времени. Давайте начнем с чего-нибудь нового, есть какой-нибудь прорыв в расследовании, перспективные направления?

Родригес с готовностью прокашлялся.

— У Дейва есть новости, — перебил его Хардвик. — Кое-что важное всплыло на месте убийства. Давайте с этого и начнем.

Клайн вопросительно посмотрел на него.

— О чем речь?

Гурни надеялся заговорить об этом попозже, в надежде, что перед этим всплывет что-то еще, что могло бы пролить свет на ситуацию. Однако Хардвик не оставил ему выбора.

— По текущей версии, после убийства Джиллиан Флорес отправился в лес к тому месту, где был обнаружено мачете. Верно?

Родригес поправил очки в блестящей оправе.

— Что значит «по текущей версии»? Это единственная версия, которую поддерживают исчерпывающие доказательства.

Гурни вздохнул.

— Однако есть видеозапись, которая говорит не в пользу этих доказательств.

Клайн несколько раз моргнул.

— Видеозапись?..

Гурни терпеливо объяснил насчет вишни, перед которой Флорес должен был промелькнуть, поскольку другого маршрута к месту обнаружения мачете не было, и что если бы он там промелькнул, то камера бы точно это зафиксировала.

Родригес поморщился как человек, подозревающий подвох, но не до конца понимающий, в чем он заключается. Андерсон поморщился как

человек, который борется с сонливостью. Вигг подняла взгляд от ноутбука, и Гурни подумал, что это признак искреннего любопытства.

— Ну, значит, он прошел каким-то другим путем, за этим деревом, — произнес Блатт. — Не вижу, о чем кипеш.

— Арло, вы же там были? И, наверное, обратили внимание на особенность ландшафта?

— Ну какая там особенность?

— Овраг. Чтобы пройти от домика до точки, где было мачете, но при этом не промелькнуть перед упомянутым деревом, нужно было спуститься по довольно крутому склону в овраг и пройти метров сто, потому что раньше нет ни одного места, где можно выбраться наверх. И даже в этом месте подняться было бы непросто, потому что каменистая почва осыпается, а на грязи можно поскользнуться. Кроме того, это самое место совершенно не там, где в итоге обнаружили мачете.

Блатт вздохнул с видом человека, который все это уже слышал, но не считал важным.

— Ну подумаешь, было сложно. Это же не значит, что невозможно.

— Нет, но это бы заняло слишком много времени.

— Поясни, — потребовал Клайн.

— Я тщательно осмотрел там все вокруг. По оврагу пришлось бы идти слишком долго — едва ли Флорес выбрал бы этот путь, зная, что тело вскоре обнаружат, и на место набегут копы. К тому же есть еще два момента: первый — зачем все так усложнять, если мачете можно было выбросить, в общем-то, где угодно? И второй: как быть с тем, что запах все-таки вел к месту перед деревом, а не за ним?

— Стой, стой, стой, — произнес Родригес, — ты сам себе противоречишь. Все сводится к тому, что Флорес должен был пройти перед деревом, однако видеозапись этого не подтверждает. И какой из этого вывод?

— Вывод — что мы не досчитываемся каких-то фактов, — произнес Гурни. — Но я понятия не имею, каких именно.

Следующие полтора часа все обсуждали, можно или нельзя подделать тайм-код, насколько вероятен пропуск кадров, а также положение злосчастной вишни относительно домика, мачете и оврага. Вытащили зарисовки места преступления из исходного дела, рассматривали их, обсуждали достоверность результатов участия команды К-9, просчитывали альтернативные варианты исчезновения Флореса после избавления от орудия убийства, возможность сопричастности Кики Мюллер к побегу, а также вероятные причины ее убийства. Вспомнили варианты

психопатологии, которые могли бы сподвигнуть именно на обезглавливание. И ни на йоту не приблизились к разгадке.

— Итак, — произнес Родригес, как бы подытоживая результаты обсуждения, — по данным Гурни, наверняка мы знаем ровно две вещи. Первая — что Флорес должен был промелькнуть перед вишней. Вторая — что он там не промелькнул.

— Неоднозначная ситуация, — отозвался Гурни, отлично понимая, что подчеркивание противоречия — это вызов.

— Прервемся на обед? — предложил капитан, чей азарт заметно вытеснило раздражение.

Глава 52

Фактор Флореса

К счастью, под обедом не подразумевалась совместная трапеза. Гурни не любил застолья, как и прочие сборища не по делу, и за годы научился в этом жанре терпеть разве что гостей жены. Впрочем, никто не пошел в кафе — вместо того все уткнулись в свои ноутбуки и смартфоны.

Гурни решил провести эти полчаса на холодной скамейке снаружи здания, но тоже уставился в телефон. В нем оказалось сообщение, которое заставило его пожалеть, что он предпочел конкурсу модных гаджетов хрупкое уединение. Перед ним, очевидно, был ответ на предложение продолжить переписку.

«Ты такой интересный мужчина — немудрено, что мои дочери от тебя без ума. Хорошо, что ты заехал в гости. В следующий раз будет их очередь. Приглашения не нужно: они хотят устроить сюрприз.»

Гурни перечитывал этот текст, вспоминая странные улыбки девушек и бледные блики в бокале Монраше — и следом упираясь в непроницаемую завесу амнезии.

Его подмывало начать ответное сообщение словами «Уважаемый Сол», но он все же решил не использовать эту карту, пока не знает ей цену в контексте игры. Кроме того, владение информацией придавало ему хотя бы немного уверенности. Как финка в кармане, когда идешь по темной улице.

Он вернулся в зал для совещаний, горя желанием поскорее отвлечься на расследование. Клайн, Родригес и Вигг уже сидели на своих местах, а Андерсон с неуклюжей осторожностью двигался к стулу, стараясь не расплескать полную чашку кофе. Блатт стоял у кофеварки, наклонив ее к

себе, чтобы извлечь остатки содержимого. А Хардвика не было.

Родригес взглянул на часы.

— Так, продолжим, — произнес он. — Правда, еще не все вернулись, но это не наши проблемы. Давайте послушаем результаты опроса семей. Билл?

Андерсон как раз опускал на стол чашку с опаской человека, обезвреживающего мину.

— Да-да, — произнес он, усаживаясь и открывая папку с документами. Пролистав и зачем-то поменяв местами несколько страниц, он сказал: — Ну так вот. Для начала мы узнали имена всех выпускниц Мэйплшейда за двадцать лет существования школы, затем рассмотрели список за последние пять лет. Ровно пять лет назад ориентация заведения сменилась с генерализированных расстройств поведения на реабилитацию несовершеннолетних насильниц.

— Они насильницы с точки зрения закона? — уточнил Клайн.

— Нет. Только по данным родственников, терапевтов и врачей. По сути, Мэйплшейд стал интернатом для девиц, которых родители хотели спасти от детской колонии или просто упечь с глаз долой, пока кто-нибудь не просек, что дело не чисто, и не сообщил куда следует. Эштон за деньги обнадеживает этих родителей, что проблема решаема.

— А она решаема?

— Сложно сказать. Родители на этот счет не откровенничают, так что по сути мы можем разве что пробить список имен по базам, чтобы узнать, не проходил ли кто из девиц по делам об изнасиловании уже во взрослом состоянии. Всплыло два имени выпускниц пятилетней и четырехлетней давности. А за последние три года — никого. Мы пока затрудняемся с выводами.

Клайн пожал плечами:

— Возможно, Эштон все-таки эффективен. А возможно, просто сексуальное насилие в исполнении женщин в нашем обществе не считается таковым, и основной процент жертв просто не заявляет в полицию либо дело не доходит до расследования.

— Основной процент — это сколько? — спросил Блатт.

— Не понял...

— Ну, сколько человек, по-вашему, пострадало и умалчивает? И сколько дел «замяли»?

Клайн раздраженно поморщился, явно считая вопрос несущественным, и сухо произнес:

— Есть статистика, что примерно двадцать процентов всех женщин и

десять процентов всех мужчин в детстве подвергались сексуальному насилию. При этом в десяти процентах случаев в роли насильника выступали женщины. Следовательно, речь идет о миллионах жертв в целом и сотнях тысяч насильниц. Но, как нам всем известно, люди редко сообщают в полицию о преступлениях матерей, сестер или нянек, а если сообщают — полиция редко относится к жалобам на юных девушек всерьез, а в судах им не слишком охотно выносят обвинения. Общество не готово смириться с мыслью, что женщина способна совершать сексуальные преступления наравне с мужчиной. Хотя по некоторым исследованиям немало насильников-мужчин сами были жертвами насилия в детстве — причем жертвами женского насилия... — Клайн сделал паузу и покачал головой. — Я вам таких историй сейчас мог бы рассказать из практики нашего округа... Волосы дыбом. Но вы и сами в курсе, что это бывает — матери, продающие детей педофилам или снимающие детскую порнографию, чтобы затем толкать ее извращенцам. Это кошмар, причем это лишь вершина айсберга. Об истинном масштабе катастрофы можно только гадать. Но довольно об этом, давайте вернемся к теме встречи.

Блатт неопределенно кивнул.

Родригес оживился:

— Ладно, Билл, что там по контактам?

Андерсон снова пошелестел бумагами, которые теперь утратили форму аккуратной стопки и начали расползаться по столу.

— Мы пробили самые актуальные адреса и телефоны, какие удалось получить. За рассматриваемые пять лет Мэйплшейд выпустил сто пятьдесят двух учениц — в среднем получается тридцать девушек в год. Информация подтвердилась в ста двадцати шести случаях, из которых сорок случаев немедленного контакта с самой выпускницей или с членами семьи, и восемьдесят шесть случаев, когда мы попали на автоответчик. Из последних нам на данный момент перезвонило двенадцать человек.

— Пятьдесят два подтвержденных контакта, — подытожил Клайн. — Выводы?

— Затрудняемся, — произнес Андерсон таким тоном, словно это подразумевалось само собой.

— лейтенант, ну как так можно...

— Я имею в виду, что выводы противоречивы, — поспешил уточнить Андерсон. — Из пятидесяти двух разговоров непосредственно с выпускницами состоялось всего одиннадцать. С ними, вроде бы, все ясно: если они говорят по телефону, значит, они никуда не пропали.

— Остался еще сорок один контакт.

— Да. В двадцати девяти случаях мы говорили с кем-то из близких: с родителем, мужем, сестрой или братом, соседкой по общежитию, любовником. Все они утверждали, что им точно известно местонахождение девушки, и что она постоянно выходит на связь.

Клайн терпеливо вел подсчет на планшете.

— Осталось двенадцать.

— Одна женщина сообщила, что ее дочь погибла в ДТП. Еще одна не сказала ничего конкретного и была, кажется, пьяна. Третья ограничилась сообщением, что знает, где девушка, и отказалась продолжать разговор.

Не отрываясь от планшета, Клайн произнес:

— Осталось девять.

— В оставшихся девяти случаях мы говорили с родными или приемными родителями, и все они говорят, что местонахождение девушек им неизвестно.

Возникшую задумчивую паузу нарушил Гурни, который спросил:

— Сколько из них исчезло конкретно после ссоры из-за машины?

Андерсон устало посмотрел в свои записи и ответил:

— Шестеро.

Клайн присвистнул и произнес:

— Ничего себе... это помимо тех, про кого рассказали Эштон и мисс Листон?

— Да.

— Значит, сценарий повторился двенадцать раз... и это при том, что мы еще не со всеми поговорили. У меня нет слов. Кто-нибудь хочет это прокомментировать?

— Хочу отметить, что мы забыли поблагодарить Гурни, — произнес Хардвик, который незаметно вернулся в зал и все это слушал молча. Злобно зыркнув в сторону Родригеса, он добавил: — Потому что если бы не его наводка...

— Как приятно, что ты к нам вернулся, Хардвик, — процедил капитан.

— Предлагаю не погружаться в теорию заговора, — сказал Андерсон. — У нас по-прежнему нет доказательств, что речь о похищении или чем-то еще противозаконном. Может, девчонки просто сообща прикололись.

Клайн не обратил на него внимания и посмотрел на Гурни.

— Дэйв, что скажешь?

— У меня есть вопрос к Биллу. Какой паттерн получается по соотношению пропавших и выпускных лет?

Андерсон непонимающе моргнул.

— Можно еще раз?

— В какие годы оканчивали школу девушки, которые пропали?

Андерсон тяжело вздохнул и на несколько секунд погрузился в бумаги. Наконец, он вытащил какой-то листок.

— Самое нужное всегда в самом низу, — буркнул он. — Значит, так... две тысячи девятый... восьмой, седьмой и шестой. Из выпуска две тысячи пятого никто не пропал. Самая старшая из якобы пропавших закончила Мэйплшейд в мае две тысячи шестого.

— То есть, речь о последних трех с половиной годах, — подытожил Клайн.

— Ну допустим, — пожал плечами Блатт. — Но что это нам дает?

— Например, теперь мы знаем, что девушки начали пропадать после появления в Мэйплшейде Гектора Флореса, — сказал Гурни.

Глава 53

Переломный момент

Клайн задумчиво посмотрел на Гурни.

— В целом это подтверждает слова секретарши Эштона, — сказал он. — Помнится, она говорила, что обе ее пропавшие подруги кокетничали с Флоресом?

— Именно.

— Любопытно, — произнес Клайн, и глаза его азартно сверкнули. — Предположим на секунду, что Флорес — разгадка ко всему, и наша задача — понять, с какой целью он появился в Мэйплшейде. Тогда мы узнаем ответ на все — за что он убил Джиллиан и Кики, как и зачем он подбросил нам мачете, почему не засветился на камере, куда пропали выпускницы...

— Может, он собирал гарем? — предположил Блатт.

— Какой гарем? — не понял Клайн.

— Ну, как Чарли Мэнсон.

— Думаешь, он собирал себе коммуны из впечатлительных девиц?

— Из насильниц. В Мэйплшейде других девиц не водилось.

Гурни посмотрел на Родригеса, гадая, какая может последовать реакция, учитывая историю с его дочерью. Но капитан сидел молча, с неопределенной кривой ухмылкой.

В голове Клайна тем временем явно запустился механизм просчитывания выгод от раскрытия дела масштабом с Мэнсона. Он попытался развить идею Блатта:

— Думаешь, он уболтал девушек уйти из дому, замести следы и жить с ним, так сказать, общиной?

Он перевел взгляд на капитана, но кривая ухмылка его явно не вдохновила, поэтому вместо Родригеса он обратился к Хардвику:

— А ты как думаешь, Джек?

Хардвик хмыкнул.

— Думаю, что тут речь даже не о Мэнсоне, а как минимум о Джиме Джонсе. Маньяк-харизматик с толпой преданных наложниц.

— Джим Джонс это кто? — спросил Блатт.

Клайн сказал:

— Да ты не можешь не знать — Джонстаун, «Храм народов», то ли массовое убийство, то ли самоубийство. Яд в газировке — и сто человек как не бывало.

— А-а, ну да, яд в газировке, — вспомнил Блатт. — Ну точно, Джонстаун. Да, там был псих на всю голову.

Хардвик театрально поднял палец:

— Бойся того, кто манит тебя в джунгли, в поселение, названное в честь себя.

Ухмылка капитана стала подрагивать. Казалось, что у него свело судорогой лицо.

— Дэйв, — произнес Клайн, — как думаешь, мог у Флореса быть такого рода план?

— Сомневаюсь, потому что известно, что Флорес жил у Эштона, — ответил Гурни. — Если предположить, что он где-то собирал коммуны, то она должна была быть рядом с Тэмбери. Это маловероятно.

— Тогда какая у тебя версия?

— Моя версия — что он вполне раскрыл мотив в своей эсэмэске. «Я написал тебе про все причины».

— И что это за мотив?

— Мечь.

— За что?

— Если вспомнить пролог пьесы Валлори, то это мечь насильнику.

Клайн обожал споры, поэтому Гурни ничуть не удивился, что он тут же повернулся к Андерсону.

— Билл, что скажешь?

Билл тут же покачал головой.

— Мстят обычно в лоб: напал, поломал, убил, размозжил. А у нас тут какие-то неоднозначные пропажи... — Откинувшись в кресле, он добавил: — На мечь ничто не указывает. И вообще надо опираться на

доказательства, — в заключение он улыбнулся, будто вескость последнего слова доставила ему особое удовольствие.

Клайн перевел взгляд на рыжую Вигг, которая, как обычно, сидела, уставившись в ноутбук.

— Робин, не хочешь что-нибудь добавить к обсуждению?

Она с готовностью откликнулась, впрочем, так и не подняв взгляда от экрана:

— Слишком много переменных. Какие-то из них лишние.

— Например, какие?

Она собиралась ответить, но тут дверь открылась, и в зал заглянула мрачная худощавая женщина, словно сошедшая с картины Гранта Вуда. Серые глаза обвели помещение и остановились на капитане.

— Простите, — произнесла она, и голос у нее оказался таким же угрюмым, как и ее взгляд. — Есть новая информация.

— Заходи, — сказал Родригес. — И закрой дверь.

Женщина так и сделала, после чего застыла на месте по стойке смирно, будто ожидая разрешения снова заговорить.

Родригесу определенно была симпатична такая подчеркнутая субординация.

— Что у тебя, Жерсон? Выкладывай.

— Одна из девушек, кого мы пробивали по списку, три месяца назад была убита.

— Три месяца назад, значит?

— Да, сэр.

— Конкретика есть?

— Да, сэр.

— Рассказывай.

Она моргнула. Рельеф ее лица был таким же застывшим, как и ее накрахмаленный воротничок.

— Мелани Струм. Восемнадцать лет. Окончила Мэйплшейд первого мая текущего года. Последний раз мать и отчим видели ее в Скарсдейле, нью-йоркском пригороде, шестого мая. Тело обнаружено в подвале здания в Палм-Бич, штат Флорида, двенадцатого июня.

Родригес нахмурился.

— Причина смерти?

Жерсон почему-то поджала губы.

— Причина смерти? — повторил капитан.

— Ее обезглавили, сэр.

— Откуда эта информация?

— Узнали в ходе обзвона выпускниц по списку. Конкретно по Мелани Струм звонила лично я.

— И с кем ты говорила?

Поколебавшись, Жерсон спросила:

— Не возражаете, если я схожу за блокнотом?

— Давай, только быстрее.

Ее не было около минуты. Единственный, кто за это время нарушил молчание, был Клайн.

— Возможно, это оно, — сказал он. — Возможно, это переломный момент.

Андерсон скривился, словно у него резко заболел зуб. Хардвик сгорал от любопытства. Лицо Вигг не выдавало никаких эмоций. Гурни, к собственному неприятному удивлению, не чувствовал почти ничего, но решил, что не испытывает шока, поскольку изначально предполагал, что пропавшие девушки мертвы. Когда он оставался наедине с собой, случались моменты, когда эта внутренняя защита давала сбой, и ему казалось, что он бездушный инструмент по решению задач, бесконечно далекий от мира человеческих переживаний, словно другой биологический вид. Впрочем, эти мрачные мысли оставляли его в покое, если выспаться, и он считал их неизбежной частью обыкновенной профдеформации копа.

Жерсон вернулась с блокнотом. Ее каштановые волосы были собраны в тугую хвост на затылке, и неподвижность ее лица казалась следствием чрезмерного натяжения кожи.

— Капитан, у меня тут заметки по звонку насчет Мелани Струм.

— Говори.

— К телефону подошел мужчина, представившийся как Роджер Струм, отчим покойной. Когда я объяснила, зачем звоню, он выразил удивление, а затем разозлился, что мы не в курсе о смерти его падчерицы. Его супруга, Дана Струм, взяла трубку с другого аппарата. Оба были расстроены. Они сообщили следующее: руководствуясь некоей наводкой, полиция Палм-Бич совершила обыск дома Джордана Болстона, где и было обнаружено тело Мелани. Оно лежало в морозилке...

Клайн перебил ее:

— Болстон — это у которого хедж-фонды?

— О хедж-фондах мы не разговаривали, но когда я позвонила в полицию Палм-Бич, они подтвердили, что Болстон проживал в элитном особняке стоимостью несколько миллионов.

— В морозилке... Это ж надо... — растерянно пробормотал Блатт.

— Так, — произнес Родригес. — Что там еще?

— Оставшуюся часть разговора мистер и миссис Струм в основном возмущались, что Болстона освободили под залог. «Судью купили» и прочие предположения подобного рода. Мистер Струм несколько раз повторил, что если узнает, что Болстон купил себе свободу, то лично пустит ему пулю в лоб. Также они подтвердили, что шестого мая у них случился конфликт с Мелани, которая потребовала, чтобы ей подарили «Порш Бокстер» за сорок семь тысяч долларов. Услышав отказ, она впала в ярость, сказала что ненавидит их, не желает их больше знать и поедет жить к подруге. На следующее утро она действительно ушла из дому. Живой ее больше не видели. Ездили в Палм-Бич, опознали ее тело в морге.

— Вы упомянули, что полиция действовала по наводке, — произнес Гурни. — Что мы знаем об этой наводке?

Она вопросительно посмотрела на Родригеса, как бы ожидая разрешения ответить Гурни.

— Отвечай, — нехотя произнес капитан.

Она помедлила.

— Я сказала старшему следователю в Палм-Бич, что нас интересует это дело, и что нам нужна максимально подробная информация. Он ответил, что готов разговаривать только с человеком, ответственным за расследование в Нью-Йорке. И что ему можно будет перезвонить еще в течение получаса.

Потратив несколько минут на спор о плюсах и минусах такого поворота, прокурор и капитан решили, что звонить стоит, поскольку сейчас важна любая информация. Телефон поставили в центр стола, и Жерсон набрала прямой номер детектива в Палм-Биче. Он ответил, она вкратце рассказала, кто будет участвовать в разговоре, затем включила громкую связь.

Клайн представил всех по именам и званиям и объяснил, что речь о ранней стадии расследования о возможной пропаже.

Южный акцент незнакомого детектива удивил Гурни, поскольку во Флориде почти не осталось местных жителей, уж не говоря конкретно про Палм-Бич.

— Что ж, всех приветствую, — сказал он. — Я несколько ошарашен количеством собеседников, ну да что ж. Представляюсь: детектив лейтенант Дэррил Бекер. Как я понял, вас интересуют детали убийства Мелани Струм?

— Да, и мы будем благодарны за любые подробности, Дэррил, — произнес Клайн, которого как будто нервировала медлительная речь на том конце. — Первым делом мы хотели спросить, по чьей подсказке вы

обнаружили тело.

— Ну, не то чтобы это была добровольная подсказка...

— Что вы имеете в виду?

— Понимаете, джентльмен, который дал нам наводку, не то чтобы порядочный человек, которым двигало чувство гражданского, так сказать, долга. Он сам узнал про тело в несколько, так сказать, пикантных обстоятельствах.

— Что он несет? — буркнул Блатт чуть громче, чем следовало.

— Что вы имеете в виду? — повторил Клайн.

— Ну, он вор. Настоящий профи своего дела.

— И его задержали за ограблением дома Болстона?

— Никак нет, сэр. Его задержали, когда он пытался покинуть совершенно другой дом, спустя неделю после ограбления Болстона. Этого вора зовут Эдгар Родригес — однофамилец, так сказать, вашего капитана. Но я уверен, что вы не родственники.

Блатт издал неприятный смешок.

Капитан поиграл желваками и раздул ноздри, зверея несоразмерно невинной колкости.

— Попробую угадать, — произнес Клайн. — Эдгару грозил нешуточный срок, и ему предложили послабление взамен на информацию о подвале Болстона, где он успел, так сказать, кое-что заметить?

— В целом все так и было, мистер Клайн. Кстати, как пишется ваша фамилия?

— Что-что?

— Фамилия ваша как пишется по буквам?

— К-л-а-й-н.

— Ну надо же, совсем как Пэтси! — внезапно воодушевился Бекер.

— Вы о чем?

— Была такая Пэтси Клайн. Да неважно. Простите, отвлекся. Что вы еще хотели спросить?

Сбитый с толку Клайн еще пару секунд собирался с мыслями.

— Значит, Эдгар сообщил что-то такое, что вам одобрили ордер на обыск?

— О да.

— И что вы там нашли?

— Мелани Струм, собственной персоной, в двух частях и в упаковке из фольги. Она лежала на дне промышленной морозилки, под куриными грудками и мороженым брокколи.

На этот раз хихикнул Хардвик.

Клайн удивился:

— То есть, ваш ворюга зачем-то полез в морозилку, раскопал грудки и посмотрел, что там завернуто в фольгу?

— Он говорит, что всегда первым делом ищет ценности в морозилке. Люди почему-то считают, что никто не додумается там искать, и что если в доме прячут бриллианты, то обязательно на дне морозилки. Он еще так об этом говорил — дескать, такие наивные, думают что всех перехитрили, особенно его. Смеялся, когда рассказывал.

— Так, значит, он залез в морозилку, стал разворачивать тело...

— Нет, — перебил Беккер, — он начал с головы.

Некоторые за столом поморщились. Повисла пауза.

— Алло, вы еще там? — спросил Беккер с некоторой насмешкой в голосе.

— Мы тут, — холодно отозвался Родригес. Повисла еще одна пауза.

— В общем, если у вас нет других вопросов... — произнес детектив.

— Есть, — сказал Гурни. — Как идентифицировали тело?

— Пробили ДНК, нашли схожий образец в базе ФБР по насильникам.

— Кто-то из родственников?

— Ага. Биологический, так сказать, отец. Героиновый торчок Дэмиан Кларк. Обвинялся в домогательствах, изнасиловании, изнасиловании с побоями, растлении малолетней и еще по нескольким статьям проходил. Все это лет десять назад. Мы нашли мать, которая с ним развелась и вышла за некоего Роджера Струма. Она приехала и опознала тело. Мы заодно взяли у нее образец ДНК, сверили — совпадение, как и с отцом. Так что насчет личности убитой сомнений нет.

— А насчет личности убийцы? — спросил Гурни.

— Тут кое-какие есть. С Болстоном не все очевидно.

— Как мы поняли, Струмы не на шутку расстроены, что его выпустили под залог.

— А я-то как расстроен!

— Он убедил судью, что не представляет опасности?

— Он отстегнул десять миллионов залога и фактически выторговал себе домашний арест. Договор таков, что он не должен покидать свое, так сказать, поместье в Палм-Биче.

— Вас это сильно огорчает, судя по голосу.

— Да не то слово! Ее ведь не просто обезглавили, вообще-то. Судмедэксперты заключили, что ее перед этим с дюжину раз изнасиловали. А кроме того, ее тело было буквально исполосовано опасной бритвой. Огорчает ли меня, что после этого убийца прохлаждается у бассейна за

миллион баксов, поправляя очки за пятьсот, пока самая понтовая адвокатская контора в штате и самые дорогие пиарщики из Нью-Йорка стряпают дело, по которому он выходит невинной жертвой полицейской некомпетентности? Полагаете, это не может огорчать?

— Значит, к сотрудничеству со следствием он, мягко говоря, не расположен.

— Нет, сэр. И да — это еще «мягко говоря». Его адвокаты заявили, что он не намерен разговаривать ни с кем из органов, поскольку считает, что дело сфабриковали.

— А до этого заявления он успел как-нибудь объяснить, что делал труп в его морозилке?

— Сказал, что ввиду регулярных реноваций интерьеров в доме постоянно была толпа наемных работников, да и просто обслуживающего персонала, и кто угодно мог спрятать тело в холодильник, включая, собственно, вора.

Клайн поднял руки в знак, что вопросы у него закончились, и оглядел присутствующих. Все молчали.

— Ну что ж, — произнес он. — Благодарим за помощь, детектив Беккер. И за откровенность. Желаем удачи в расследовании...

— Слушайте, — перебил его Беккер, — я тут подумал, может, вы тоже чем поделитесь? Вдруг вы знаете что-то, что поможет делу продвинуться.

Клайн сощурился, прикидывая риски и выгоды, и посмотрел на Родригеса. Тот равнодушно пожал плечами, оставляя решение прокурору.

— Ну что ж, — произнес Клайн с подчеркнутым снисхождением, — у нас есть версия, что речь идет о серийном убийстве.

— Ух ты, — раздалось из громкоговорителя, и Беккер на несколько секунд замолчал, переваривая новость. — Насколько серийным?..

Глава 54

Неприятные истории

По дороге домой Гурни был одержим идеей, что надо срочно ехать в Палм-Бич и поговорить с Болстоном, чтобы, наконец, докопаться до дна этой чертовой истории. Но его охраняла армия адвокатов и пиарщиков, так что едва ли магнат был расположен к откровенной беседе о трупе в морозилке.

На подъезде к маленькой деревне Масгрэйв он остановился у магазина «Стюартс», чтобы купить кофе. Было почти три часа, и Гурни испытывал

кофеиновый голод.

Когда он возвращался к машине с большим бумажным стаканом, зазвонил мобильный.

— Ну, как тебе новая загадка, старичок? — спросил Хардвик.

— Загадка старая. Подсказки новые.

— У тебя, поди, уже есть парочка свежих инсайтов?

— У меня есть одно назойливое желание. Только не пойму, с какой стороны подойти.

— Ты чего, про Болстона думаешь? Ха, так он тебе и раскрыл картишки.

— Но это ключ к разгадке, Джек. Надо понять, как этот ключ повернуть.

— Значит, думаешь, что все дороги ведут к Болстону.

— Я ничего пока не думаю: не хватает данных. Зачем бы ему убивать Джиллиан, например? И, тем не менее, он сейчас наш единственный ключ, потому что он понятно кто, понятно, чем занимается, и понятно, где его искать. В отличие от Флореса, который, считай, призрак.

— Ладно, Шерлок, держи в курсе, если тебя что-нибудь осенит. Но вообще-то я не за этим звонил. Тут поступила информация про «Карналу».

— Клайн говорил, что они на самом деле не шмотки продают?

Хардвик крякнул.

— У, это вершина айсберга. А скорее даже труба на крыше психушки. Мы так и не знаем, чем конкретно занимается «Карнала», зато кое-что нарыли на Скардов. Надо сказать, им палец в рот не клади.

— Подожди секунду, — сказал Гурни, снял крышу с бумажного стакана и сделал глоток. — Продолжай.

— Картину пришлось собирать по кусочкам. В общем, еще до переезда в Штаты Скарды работали на Сардинии — это остров такой в Италии, а в Италии три разных правоохранительных ведомства, и у каждого своя бюрократия да специфика. И есть Интерпол, у которого есть доступ к их базам, но не ко всем. Ну и еще я узнал всякое от знакомого интерполовца, чисто по дружбе, но это так, на уровне слухов, не по бумагам. Короче, у меня в итоге куча разрозненной информации, и кое-что повторяется, а кое-что друг другу противоречит, так что явно не всему можно верить, и черт знает, как разобраться, что к чему...

Гурни молча пережидал преамбулу.

— Словом, сейчас Скарды — крупные международные инвесторы: вкладываются в отели, казино, в производителей дорогущих яхт и всякое такое. Однако бабло на инвестиции они берут из совсем другого бизнеса.

— Теневой, конечно?

— Именно. Скарды — теневые короли во всех смыслах. За всю историю семейки был всего один арест, за какое-то дикое нападение лет десять тому назад, и то обвинения не вынесли. То есть, юридически на них нет ничего. Ходят слухи, что они специализируются на проститутках класса ультралюкс — сексуальное рабство, экстремальное садо-мазо, съемка порнухи и шантаж. При этом у них якобы очень крутые юристы, которые моментально пресекают любую попытку осветить их деятельность в прессе в критическом ключе. Даже их фотографий нигде нет.

— Ты же говоришь, кого-то задержали за нападение? Должен быть файл с фотографией.

— Он загадочно исчез.

— И никаких жалоб на них, никаких свидетелей?

— Люди, которые что-то знают или о чем-то догадываются, и которые при этом потенциально готовы что-то кому-то сказать, равно как люди, которым Скарды попадались в поле зрения в неприглядном виде, — все эти люди почему-то не отличаются живучестью. Стоило кому-нибудь упомянуть Скардов в каком-нибудь интервью, даже анонимно, — как человек за считанные дни исчезал со всех радаров. У Скардов одна-единственная реакция на проблемы: сравнить все с землей безо всякой там рефлексии насчет поломанных судеб. Вот мой знакомый интерполовец, например, рассказывал, как десять лет назад Джотто Скард, предполагаемый глава семьи, обиделся на одного израильского воротилу в сфере недвижимости. Они подписывали сделку в тель-авивском клубе, Джотто сделал вид, что согласен на условия воротилы, попрощался, вышел на улицу, заблокировал вход и сжег клуб к чертям. Воротила погиб, а вместе с ним — еще пятьдесят два ни в чем не повинных человека.

— И никто не пытался как-то проникнуть в их организацию?

— Нет.

— Почему?

— А никакой организации не существует в привычном нам смысле.

— Как это?

— Скарды это Скарды, семья. К ним невозможно просочиться, можно только родиться Скардом или выйти замуж за Скарда, но я что-то не знаю среди наших копов барышень под прикрытием, готовых породниться с кланом серийных убийц.

— А клан большой?

— На удивление нет. Из старшего поколения в живых только Джотто Скард. Было еще двое братьев — кажется, он сам их и убил, хотя прямым

текстом этого никто не говорит. У Джотто трое сыновей. Сколько им лет и все ли они живы — неизвестно. И тем более неизвестно, где они находятся. Но поскольку бизнес они ведут по всему миру, то предполагается, что сыновья базируются в разных ключевых для бизнеса странах.

— Стой, но разве на них никто не работает? Кто-то же должен заниматься, например, безопасностью?

— Говорят, они сами решают все проблемы. Причем эффективно и молниеносно. По слухам, на руках Скардов кровь более двухсот человек, которые каким-то образом мешали семейному бизнесу. И это не считая жертв массового сожжения в Тель-Авиве.

— Какие милые люди. Так, но если у Джотто трое сыновей, значит, была еще и жена?

— О да. Тирана Магдалена. Единственный член гадюшника Скардов, о котором хоть что-то достоверно известно. Кроме того, она единственная, кто по-крупному мешал Джотто и при этом умудрился выжить.

— И как же она умудрилась?

— Она была дочерью главы албанского мафиозного клана. Точнее, она ею и осталась — ей сейчас шестьдесят с чем-то, и она жива, но обитает в психушке для социально опасных. Ее албанскому дону-корлеоне — около девяноста. Что интересно: Джотто не боится этого дона. Утверждают, что решение не убивать жену было принято из сугубо практических соображений: не хотелось тратить время и деньги на резню с албанцами, которые явились бы мстить за ее смерть.

— Откуда ты все это знаешь?

— А я ничего не знаю. Это все слухи, со слов другана-интерполовца. Может, вообще все это гон. Но каков сюжет!

— Ты только что сказал, что про жену Джотто что-то все-таки известно. Причем ты сказал — «достоверно».

— Я хотел это оставить на сладкое.

Глава 55

Тирана Магдалена Скард

— Тирана Магдалена была единственной дочерью Аднана Зога.

— Зог? Это который дон?

— Дон или еще какой хрен, не знаю, как в Албании называется мафиози его масштаба. В общем, Тирана уродилась редкой красоткой.

— Это достоверно известно?

— О ее красоте ходили легенды! Во всяком случае, по всем задворкам Восточной Европы. Если верить чуваку из Интерпола. Кроме того, сохранились фотографии, причем немало. В отличие от Скардов, семейство Зогов, и в частности сама Тирана, не имели ничего против славы. Девушка отличалась не только красотой, но еще жуткой вздорностью, чудачествами и одержимостью стать танцовщицей. Папа Зог, ясный пень, плевать хотел, чем она там одержима, и рассматривал дочь как ценный ресурс. И когда молодой да прыткий Джотто Скард положил свой сальный глаз на шестнадцатилетнюю Тирану, — а это было во время какой-то сделки с Зогом, — Зог решил толкнуть ее в качестве части оплаты. Видимо, думал, что предложение взаимовыгодное: он сбегривает Скарду девку, которая тому нравится, а ему лично нахрен не сдалась со своими приколами, плюс Скарды и Зоги таким образом породнятся кланами без всяких там кровавых ритуалов.

— Удобно, — кивнул Гурни.

— Не то слово. Ну и представь эту шестнадцатилетнюю дуреху, которую взрастил албанский король мокрухи и которую теперь выдали за сардинского короля мокрухи. Она хочет танцевать, танцевать! А Джотто хочет сыновей, причем чем больше, тем лучше, потому что это полезно для бизнеса. Ну, и бедолага начинает от него рожать. Причем раз за раз сыновей, как по заказу. Тициан, Рафаэль, Леонардо. Джотто был вполне доволен, но Тирана продолжала мечтать о танцах, и с каждым сыном все заметнее сдвигалась по фазе. К рождению третьего она уже была полуфабрикатом для дурки. И тут у нее приключилась любовь всей жизни: кокаин! Он вставлял не хуже танцев. И она давай его нюхать, и нюхать, и нюхать, а когда Джотто пресек постоянную кражу семейного бабла, что само по себе было самоубийственно, она легла под своего дилера. Джотто об этом узнал, искромсал дилера на рагу...

— На рагу?..

— Ну, буквально, в очень мелкие кусочки. Чтобы все всё поняли правильно.

— Впечатляет.

— А то. В общем, где-то тогда Джотто и решил перебираться со всем семейством в Штаты. Решил, что так будет лучше для всех, но имел в виду, конечно, что лучше для бизнеса. Его вообще ничего больше не волнует. Только бизнес. Ну, они приехали. Тирана нашла местных дилеров и давай под них тоже стелиться. Джотто давай делать из них рагу. Но кокаин толкает столько придурков, что он едва успевает их мочить. В итоге ему надоедает, и он тупо выставляет жену из дому вместе с третьим сыном,

десятилетним Леонардо, который был то ли педик, то ли шизик, то ли еще как не вписался в клан. На прощание Джотто отслонявил Тиране бабла, на которое она открыла детское модельное агентство, специально для родителей, которым страсть как нравится видеть своих детишек в рекламе по телеку и в журналах. Параллельно открыла актерские и танцевальные курсы, чтобы развивать молодые дарования. А Джотто со старшими сыновьями сосредоточились на строительстве порношантажной империи. Казалось бы, хэппи-энд? Увы, в этой бочке меда не обошлось без ложки дерьма.

— Дегтя.

— Чего?

— В бочку меда кладут ложку дегтя, а не дерьма.

— Это кто как. Короче, проблема с модельным агентством кокаиновой дивы заключалась в том, что она повадилась трахать мальчиков. Мало ей было нарков, так она давай лазить в штаны к каждому десяти-, одиннадцати- и двенадцатилетнему пацану в поле зрения!

— Мрак какой. Чем закончилось?

— Ну, ее арестовали и выкатили порядка двухсот обвинений в изнасиловании, домогательстве, растлении и всех прочих грехах в этом жанре. И приговорили к пожизненному в психушке, где она сейчас его и отбывает.

— А что стало с сыном?

— Он куда-то пропал еще до ее ареста.

— Как пропал?

— То ли сбежал, то ли отец его забрал, то ли кто-то усыновил тихой сапой. Но вообще, зная Скардов, его вполне могли и кокнуть. Джотто человек не слишком сентиментальный, когда речь о безопасности бизнеса.

Глава 56

Вопрос контроля

Телефон зазвонил снова на полпути между «Стюартс» и Уолнат-Кроссингом. Голос у Ребекки Холденфилд был жесткий и четкий, напоминавший Сигурни Уивер не меньше, чем ее лицо и шевелюра.

— Так что, вас не ждать?

— Простите?..

— Вы что, автоответчик не проверяете?

И тут он вспомнил. Утром было два сообщения — одно на телефоне,

другое на автоответчике, и Гурни сначала прочел то, что в телефоне, после чего погрузился в кошмар. Автоответчик он действительно так и не прослушал.

— Боже, Ребекка, простите! Я жутко замотался... мы договаривались на сегодня, да?

— Вы сами назначили время на автоответчике, и я согласилась.

— А не получится перенести на завтра? Какой завтра день недели, кстати?

— Вторник. И он у меня битком. Давайте в четверг, раньше у меня «окон» не будет.

— Слишком долго ждать. А сейчас можете говорить?

— У меня есть время до пяти — то есть, примерно десять минут. Так что говорите.

— Меня волнует несколько вещей: вероятные последствия для психики в случае, если твоя мать спит со всеми подряд; устройство психики женщины, которая насилует детей; слабые места мужчины, который насилует и убивает... Да, и еще меня интересуют последствия коктейля с рогипнолом для взрослого мужчины — в смысле вероятных паттернов поведения.

Помолчав пару секунд, она вдруг рассмеялась.

— Отлично! А когда мы закончим, можно еще коснуться причин разводов, способов воцарить мир во всем мире...

— Ладно, ладно, я понял. Выбирайте сами, какая тема уложится в наши десять минут.

— Вы что, собрались украсить свой мартини рогипнолом?

— Едва ли.

— То есть, это сугубо академический интерес?

— Вроде того.

— Что ж, стандартного паттерна для интоксикации нет: разная химия дает реакции в разных спектрах поведения. От кокаина, например, повышается либидо. Но если вас интересует, есть ли какие-то границы, в рамки которых укладывается поведение после рогипнола, тут я отвечу — и да, и нет. Точнее, не существует границ в целом, но существуют индивидуальные границы у каждого отдельно взятого человека.

— Но, например, какие?

— Так не скажешь. Границы нашего поведения зависят от нашего восприятия, от силы наших инстинктов, желаний и страхов. Например, если вещество как бы стирает опасение за последствия своих действий, то наше поведение будет ведомо нашими истинными желаниями и ограничено

разве что болью, насыщением или изнеможением. Представьте мир, в котором ни у чего нет дурных последствий. Люди бы стали делать исключительно то, что им хочется, и отказались бы от любого поведения, которое их тяготит. В расторможенном состоянии человек предается своим импульсам, а импульсы напрямую завязаны на психической структуре личности. Я ответила на ваш вопрос?

— Получается, под этим делом люди стремятся воплотить свои фантазии?

— Да, причем даже те, которые обыкновенно отрицают.

— Ясно, — произнес Гурни, холодея. — Дайте-ка я сменю тему. Недавно во Флориде обнаружили тело одной из выпускниц Мэйплшейда — изнасиловали, пытали, отрубили голову, останки найдены в морозилке.

— Сколько прошло времени? — спросила Ребекка, и ее голос, как обычно, не выражал никакой реакции на кровавые подробности.

— С каких пор?

— Тело долго лежало в морозилке?

— Эксперты сказали, что пару дней. А что?

— Задумалась, для чего он его решил приберечь. Убийца мужчина, верно?

— Подозреваемый Джордан Болстон, финансовый магнат.

— Тот самый Болстон, мегатолстосум? Я помню, я об этом читала! Предумышленное убийство с отягчающими. Но этой истории уже много месяцев, нет?

— Да, но личность убитой до поры скрывали от прессы, так что с пропавшими выпускницами Мэйплшейда это связали только теперь.

— А вы уверены, что есть связь?

— Для совпадения, по-моему, слишком круто.

— Собираетесь поговорить с Болстоном?

— Видимо, не получится. Он засел в окопе, со всех сторон обложившись адвокатами.

— Тогда не знаю, чем вам помочь.

— А представьте, что я до него добрался.

— Каким же образом?

— Это неважно, давайте просто представим.

— Ладно, представляю. Что дальше?

— Как полагаете, чего он боится сильнее всего?

— При подручной армии адвокатов? — она задумчиво поцокала языком, словно это помогало ей думать. — Есть шанс, что ничего. Хотя...

— Хотя что?

— Если бы некто, кого он воспринимает как антагониста, знал правду, он бы испытывал утрату контроля. Убийцы-садисты маниакально стремятся все контролировать, и если их благополучие зависит от кого-то другого, это вышибает им пробки... — Помолчав, она добавила: — Вы уже придумали, как связаться с Болстоном?

— Пока нет.

— Я почему-то уверена, что вот-вот придумаете.

— Что ж, это лестно.

— Простите, на этом мне пора бежать. В общем, Дэйв, главное — чтобы он думал, что у вас над ним реальная власть. Тогда он вскроется.

— Спасибо, Бекка. Вы мне очень помогли.

— Не обольщайтесь, что будет легко.

— В моем словарном запасе нет слова «легко».

— Вот и отлично. Держите в курсе, ладно? И удачи.

Ум Гурни погрузился в те же навязчивые раздумья, которые заставили его забыть про сообщение на автоответчике. Он не замечал ничего, даже фантастического заката над горами. Свернув на дорогу к дому, он успел увидеть лишь тающий румянец на западе, и даже его — увидел, но не осознал.

Рядом с сараем, где грунтовая дорога становилась уже и порастала травой, он остановился у почтового ящика на заборном столбе. Гурни собирался его открыть, когда увидел желтое пятно, движущееся по холму где-то впереди. Оно двигалось неспешно и повторяло маршрут дороги на лугу. Ну конечно. Желтая ветровка Мадлен.

Из-за зелени ее можно было разглядеть только выше пояса, но он как будто слышал ее ритмичные шаги. Он наблюдал за ней заворожено, пока она не скрылась из виду. Крохотная одинокая фигурка, исчезающая в зеленом море травы.

Какое-то время он еще смотрел ей вслед, пока небо окончательно не погасло и не сделалось тревожным, как тишина, где только что билось сердце. Тогда Гурни моргнул, вытер внезапно влажные глаза и поехал дальше к дому.

Он надеялся, что душ немного приведет его в норму. Чувствуя, как тяжелые струи с напором массируют его шею и плечи, он постарался сосредоточиться на звуке. Он напоминал летний ливень, и на пару секунд ему даже показалось, что в ванной пахнет дождем. Затем он намылился, прошелся по телу грубой мочалкой, смыл пену и потянулся к полотенцу.

Вытеревшись насухо, он понял, что слишком устал, чтобы одеваться.

Он откинул одеяло и лег на кровать, чувствуя разгоряченной кожей приятную прохладу простыни. Целую божественную минуту мир был наполнен этой прохладой и травяным запахом из приоткрытого окна, и Гурни представлял, как сквозь листья исполинских деревьев сверкает солнце, и отдался этому видению и погрузился в сон.

Он открыл глаза в полной темноте, не понимая, который час. Теперь у него под головой была подушка, и он лежал под одеялом, натянутым ему под подбородок. Он выбрался из постели и включил лампу на прикроватной тумбочке. На часах было 19:49. Надев те же вещи, в которых он был перед душем, Гурни вышел на кухню. Из музыкального центра играло какое-то барокко. Мадлен сидела у маленького столика с миской ярко-оранжевого супа и ломтем багета. Перед ней лежала книжка. Когда он зашел, она подняла взгляд.

— А я надеялась, что ты выспишься.

— Видимо, не судьба, — пробормотал он. Голос внезапно оказался хриплым, и он прокашлялся.

— Если хочешь поесть, там морковный суп в кастрюле и курица с овощами в воке, — сказала Мадлен и вернулась к чтению.

Гурни зевнул.

— А что ты читаешь?

«Исчерпывающая история моли».

— История чего?..

Перелистнув страницу, она тщательно артикулировала:

— М-о-л-и. Почты сегодня не было?

— Почты? Не знаю, кажется... А, черт, я собирался заглянуть в ящик, но увидел тебя на холме и отвлекся.

— Ты последнее время все время отвлекаешься.

— Неужели? — произнес он и тут же пожалел о раздражении в голосе; впрочем, не настолько, чтобы извиниться.

— А ты сам не замечаешь?

Он нервно вздохнул.

— Ну да, наверное.

Гурни подошел к плите и стал наливать себе суп.

— Ты ни о чем не хочешь мне рассказать?

Он молчал, пока не наполнил тарелку и не уселся перед ней за столом — с супом и таким же, как у нее, ломтем багета.

— Нашли тело одной из выпускниц Мэйплшейда. Во Флориде. Изнасилование и жестокая смерть.

Мадлен закрыла книгу и уставилась на него.

— И... что же из этого следует?

— Что другие пропавшие выпускницы, вероятно, тоже убиты.

— Тем же маньяком?

— Возможно.

Мадлен внимательно посмотрела на него, словно пытаясь угадать, о чем он думает.

— Ты чего? — спросил он.

— Значит, теперь это рабочая версия?

Он почувствовал неприятную тяжесть в животе.

— Могло бы ей стать. Но полиция до сих пор не смогла выудить ни слова из подозреваемого. Он категорически отказывается давать показания, а его адвокаты и пиарщики пишут альтернативный сценарий для прессы, выставляющий его абсолютно невинным, невзирая на изувеченное и обезглавленное тело в морозилке у него дома.

— А ты, значит, теперь сидишь и думаешь: вот бы встретиться с этим гадом и поговорить...

— Ну, я не то чтобы уверен, что он бы во всем признался, но...

— Но у тебя бы определенно получилось вытянуть из него больше, чем местным копам?

— Да, у меня бы получилось, — ответил он, и его чуть передернуло от собственного самоуверенного тона.

Мадлен покачала головой.

— Ну а что, загадочные убийства — твоя специализация, и равных тебе в этом нет.

Он настороженно посмотрел на нее.

Ему показалось, что она снова пытается читать его мысли.

— Ты чего? — спросил он опять.

— Я ничего, — отозвалась Мадлен.

— О чем ты думаешь? Расскажи.

— О том, что ты всегда любил загадки.

— Да. И что?

— Непонятно, почему тогда ты выглядишь таким несчастным.

Вопрос поставил его в тупик.

— Может, просто устал. Не знаю...

На самом деле он, конечно же, знал. Его мучила невозможность рассказать Мадлен, что его ест на самом деле. Она чувствовала отчуждение, а он не мог признаться ей в кошмаре с амнезией и в своих истинных страхах, которые этот кошмар пробудил.

Он помотал головой, прогоняя идею рассказать любимой женщине правду о своих переживаниях. Страх его был столь велик, что уже одна эта идея заставляла его холодеть.

Глава 57

План действий

Отношения с Мадлен были главным столпом его уверенности в себе, невзирая на периодическое напряжение. Но в основе этих отношений всегда была откровенность, на которую Гурни сейчас не был способен.

С отчаянием утопающего он вцепился во второй столп — профессию — и попытался направить всю свою энергию в Разгадку Преступления.

Он был уверен, что следующим важным шагом был разговор с Болстоном, и теперь нужно было придумать, как этого разговора добиться. Ребекка утверждала, что маньяка можно пробрать страхом утери контроля, и Гурни знал, что она права. Он также знал, что она права и в том, что добиться встречи будет нелегко.

Страх...

С этим понятием у Гурни были бурные личные отношения. Возможно, этот опыт можно как-то использовать? Чего конкретно он боится? Он достал телефон и перечитал три сообщения, которые его пугали. «Такие страсти! Такие тайны! Такие восхитительные снимки!», «Ты как, вспоминаешь моих девочек? Они тебя вспоминают» и «Ты такой интересный мужчина — немудрено, что мои дочки от тебя без ума. Хорошо, что ты заехал в гости. В следующий раз будет их очередь. Приглашения не нужно: они хотят устроить сюрприз».

Слова словно разъедали дыру у него в груди. Такие жуткие угрозы в упаковке таких банальных оборотов.

Никакой конкретики, но опасность более чем осязаема.

Никакой конкретики... Да, вот в чем дело. Гурни вспомнил, как его любимый профессор однажды прокомментировал силу слова Гарольда Пинтера: «Сильнее всего нас потрясают не те ужасы, которые мы видим в ясном свете, а те, которые домысливаем во мраке своего воображения. Крики и вопли не так страшны, как угроза в спокойном голосе».

Сейчас он вспомнил эти слова, потому что с болезненной силой осознал, что это правда, причем годы работы в полиции многократно это подтверждали. То, что мы домысливаем, обычно куда страшнее реальности, с которой имеем дело. Страшнее всего то неведомое, что

рыщет во мраке.

Так что, возможно, лучший способ напугать Болстона — это дать ему возможность самому домыслить что-нибудь страшное. Однако заход в лоб отразила бы армия юристов. Нужно было искать потайной лаз.

Болстон отрицал, что ему хоть что-либо известно о Мелани Струм — живой или мертвой, а также частью стратегии было создание и утверждение версии, где вина ложилась на плечи неизвестных посетителей его дома. Эта история рассыплется в прах, если удастся найти какую-либо связь между ним и девушкой. При удачном раскладе эта связь заодно проявит нечто общее в убийствах и пропаже выпускниц Мэйплшейда. Но даже если не рассчитывать на удачный расклад, Гурни был уверен, что нужно вычислить, каким способом тело Мелани Струм попало в подвал Болстона, и что это подтолкнет следствие к развязке. Он также подозревал, что там же, где нужно искать связь между убийцей и Мелани Струм, обнаружится и худший страх Болстона.

Дальше следовало понять, как этот страх использовать, чтобы проникнуть к Болстону в голову, минуя передовую защитников. Какой человек, какое место, какая вещь может оказаться ключом? Мэйплшейд? Джиллиан Перри? Кики Мюллер? Гектор Флорес? Эдвард Валлори? Алессандро? «Карнала»? Джотто Скард?..

Придумать, как вести диалог, было не проще, чем выбрать отправную точку. Нужно было нечто в стиле Пинтера — полунамеки, ничего конкретного; сгустки смысла, нагнетающие беспокойство достаточной силы, чтобы Болстон вообразил худшее и сам сделал шаг в пропасть.

Мадлен ушла спать. Гурни был все еще необычайно бодр и прохаживался по кухне, взвешивая риски, перебирая варианты поведения, просчитывая тактику. В итоге размышлений он сузил потенциальные «ключи» к разговору с Болстоном до трех: Мэйплшейд, Флорес, «Карнала».

Еще немного поразмыслив, он оставил одну «Карналу»: во-первых, все пропавшие выпускницы Мэйплшейда появлялись на рекламе агентства, в постановке на грани фола; во-вторых, «Карнала» только притворялась брендом дорогой одежды; в-третьих, она была как-то связана со Скардами, которые, в свою очередь, были как-то связаны с преступной секс-индустрией, и убийство Мелани Струм с этим рифмовалось. И пьеса Эдварда Валлори, и политика отбора учениц в Мэйплшейд — все так или иначе сводилось к преступности и сексу.

Гурни понимал, что логическая цепочка между секс-преступностью и «Карналой» была проблемной, однако поиски идеальной логики, как бы ему ни хотелось ее найти, никогда не приводили к решению, а только

парализовали расследование. По опыту он знал, что главным вопросом было не «Уверен ли я, что не ошибаюсь в своих допущениях?», а «Достаточно ли я уверен в своих допущениях, чтобы действовать на их основании?»

В данном случае он был уверен. Он был готов поспорить, что упоминание «Карналы» каким-то образом зацепит Болстона. На часах было чуть больше десяти, и он решил позвонить в полицию Палм-Бича, чтобы узнать телефон магната.

В отделении не оказалось никого, работавшего на расследовании убийства Струм, однако дежурный сержант дал ему мобильник Дэррила Беккера.

Беккер ответил после первого же звонка.

Гурни вкратце объяснил, что ему нужно.

— Вы что, не поняли? Сам Болстон ни с кем не будет разговаривать, — чуть раздраженно ответил Беккер. — Вся связь идет через адвокатскую контору «Маркэм, Мюлл и Штернберг».

— Возможно, мне удастся убедить его поговорить со мной.

— Каким же образом?

— Брошу гранату ему в окно.

— В каком смысле «гранату»?..

— Таковую, о которой ему захочется со мной поговорить.

— Гурни, ну что за шарады? У меня был трудный день, давайте по делу.

— Вы уверены, что вам нужно знать подробности?

Беккер в ответ промолчал.

— Послушайте, если мне удастся выбить этого гада из колеи, от этого выиграют все. В худшем случае просто ничего не изменится. Я прошу у вас всего лишь его номер, прошу лично, так что даже если что-то пойдет не так, ваше имя нигде не засветится. Если что, я даже не смогу толком вспомнить, кто дал мне телефон.

Последовала еще одна пауза, после чего раздался звук печати по клавиатуре, и Беккер продиктовал ему номер с районным кодом Палм-Бича. Затем он сбросил звонок.

Несколько минут Гурни потратил на то, чтобы погрузиться в образ, как он советовал копам на своих семинарах. На этот раз это был образ невозмутимого коварного змея в облициии цивилизованного человека.

Выбрав тональность и тон, Гурни включил блокировку определителя на телефоне и набрал номер, который дал ему Беккер. Тут же врубился автоответчик.

Капризный, нетерпеливый голос произнес: «Это Джордан. Если вы ждете ответа, пожалуйста, сообщите предмет вашего звонка после сигнала.» Нажим на слове «пожалуйста» был столь специфичным, что с тем же успехом могло прозвучать «оставьте свое сообщение при себе».

Гурни произнес заранее продуманный текст. Тон его был чуть неуверенным, словно ему с трудом давалось подбирать подходящие светские слова. Он также постарался говорить с легким южноевропейским акцентом.

— Предметом моего звонка является известное вам агентство «Карнала». Мне необходимо срочно поговорить о вашей с ним связи. Я перезвоню примерно через тридцать минут. Пожалуйста, ответьте лично. После чего я сообщу о предмете моего звонка более развернуто.

Гурни полагался сразу на несколько допущений: что Болстон дома, как и требовалось от него по закону; что человек в его положении с параноидальной частотой прослушивает автоответчик, а также что через полчаса он добровольно сообщит Гурни о том, как он связан с агентством «Карнала».

Полагаться на одно допущение было рискованно. Полагаться на три было безумием.

Глава 58

К делу

Ровно в 22:58 Гурни снова набрал номер Болстона. К телефону подошли после третьего гудка.

— Джордан слушает, — произнес живой голос, который прозвучал куда более тускло и устало, чем на автоответчике.

Гурни усмехнулся: похоже, «Карнала» действительно волшебное слово. Первая удача его раззадорила, словно он ввязался в азартную игру с крупными ставками, где условием победы было угадать путем дедукции правила по поведению оппонента. Прикрыв глаза, он воплотился в змея.

— Здравствуйте, Джордан. Как поживаете?

— Отлично.

Гурни промолчал.

— Что вам нужно?

— А как вам кажется?

— С кем я говорю?

— Я из полиции, Джордан.

— Мне нечего сказать полиции, о чем я неоднократно заявлял через...

— А как насчет «Карналы»? — перебил его Гурни.

Последовала пауза, затем Болстон сказал:

— Не понимаю.

Гурни вздохнул и разочарованно цокнул языком. Болстон повторил:

— Не понимаю, про что вы.

Но если бы ты правда не понимал, ты бы уже повесил трубку, — подумал Гурни. Или изначально не подошел бы к телефону.

— В общем, Джордан, если вы захотите все-таки поделиться информацией, то есть шанс повернуть дело в вашу пользу.

Болстон снова помолчал.

— Представьтесь, пожалуйста.

— Думаю, это ни к чему.

— То есть как? Я же...

— Джордан, это всего лишь предварительный запрос. Понимаете?

— Боюсь, что нет.

Гурни вздохнул с избыточной усталостью.

— Официальный запрос невозможен, если нет повода считать, что к нему отнесутся всерьез. А готовность предоставить ценную информацию по «Карнале» может качественно изменить ракурс рассмотрения вашего дела. Но мы хотим убедиться, что вы в принципе расположены к сотрудничеству. Теперь понимаете?

— Нет, — произнес Болстон, и голос его чуть задрожал.

— Точно?

— Я никогда не слышал про эту Карнавалу или как там. Мне нечего вам сказать.

Гурни умиленно рассмеялся.

— Ловко, — произнес он. — Очень ловко, Джордан.

— Я серьезно. Мне ничего не известно про эту компанию, или это имя? Я не знаю, о чем речь!

— Это хорошая новость, — произнес Гурни, отдавая инициативу змею. — Очень хорошая новость для всех.

Змей, похоже, мгновенно загипнотизировал Болстона, потому что тот замолчал.

— Джордан, вы там?

— Да.

— Значит, с этой частью мы разобрались, да?

— С какой частью?

— С этой частью истории. Но нам все равно есть о чем поговорить.

После еще одной паузы Болстон спросил:

— Вы никакой не полицейский, верно?

— Еще какой полицейский. Зачем бы я стал вам лгать?

— Кто вы и что вам нужно?

— Мне нужно с вами повидаться.

— Повидаться?..

— Мне не слишком нравится разговаривать по телефону.

— Что вы от меня хотите?

— Поговорить.

— О чем?

— Ну полно вам. Вы же умный человек, перестаньте разговаривать со мной как с идиотом.

Болстон, казалось, снова впал в транс на том конце. Гурни даже померещилось, что его дыхание дрожит от страха. Когда он вновь заговорил, его голос, действительно, превратился в испуганный шепот.

— Слушайте, я так и не знаю, кто вы, но... в общем, все под контролем.

— Это хорошо. Все очень этому обрадуются.

— Нет, серьезно. Все под контролем.

— Это хорошо.

— Тогда что вам еще...

— Я хочу поговорить лицом к лицу. Для уверенности.

— Для какой уверенности? Я же...

— Джордан, я уже сказал: мне не нравится говорить по долбаному телефону!

Пауза. Казалось, на этот раз Болстон вообще еле дышит.

Гурни сменил тон на бархатный.

— Ладно, не волнуйтесь. Вот, что будет дальше. Я к вам зайду. Мы немного пообщаемся. Все просто. Никаких осложнений.

— Когда?

— Например, через полчаса?

— Сегодня?!..

— Да, Джордан, «через полчаса» — это, черт побери, сегодня.

Очередная пауза сквозила почти осязаемым страхом. Идеальный момент, чтобы закончить звонок. Гурни так и сделал, затем положил телефон на стол.

В тусклом свете он разглядел, что у входа на кухню стоит Мадлен. На ней были верх и низ от разных пижам.

— Что происходит? — спросила она, сонно моргая.

— Рыба попалась на крючок.

— Какая рыба?

Он уточнил чуть раздраженно:

— Та, что в Палм-Биче. По крайней мере, сию секунду она на крючке.

Мадлен задумчиво кивнула.

— И что дальше?

— Тащить ее из воды, что еще?

— И с кем ты в итоге встречаешься?

— Я с кем-то встречаюсь?

— Через полчаса.

— А, ты слышала разговор. Вообще-то я ни с кем не встречаюсь, просто хотел, чтобы мистер Болстон поверил, будто я где-то недалеко. Чтобы понервничал. Я сказал, что зайду к нему, чтобы он гадал, откуда именно я еду — из Саут-Палма или Лейк-Уорта.

— Но ты же не появишься. И что будет?

— Ну, ему будет неспокойно. Может, бессонницей помается.

Мадлен скептически сощурилась.

— А дальше?

— А дальше я еще не придумал.

Отчасти это было правдой, но чуткая Мадлен тут же поняла, что он недоговаривает.

— Так у тебя есть план или нет?

— Какой-то, вроде, есть.

Она выжидающе молчала.

Он не нашелся, как выкрутиться под ее взглядом, и решил ответить честно.

— Попробую подобраться поближе. Теперь понятно, что он как-то связан с «Карналой», и что эта связь его пугает. Но этого мало — надо узнать, что это за связь, что такое эта «Карнала» и следом собрать остальные кусочки паззла. По телефону это невозможно. Мне нужно заглянуть ему в глаза, посмотреть на мимику, на язык тела. Причем я должен воспользоваться моментом, пока сукин сын верит, что крючок настоящий. Сейчас его страх работает на меня, но это не продлится долго.

— То есть, ты едешь во Флориду?

— Не сегодня. Но завтра, наверное, поеду.

— «Наверное»?..

— Почти наверняка.

— Ну-ну.

Он тут же насторожился.

- У нас что, были другие планы?
 - Разве это бы что-то изменило?
 - Ну так были или нет?
 - Повторюсь: разве это бы что-то изменило?
- Такой простой вопрос. И как тяжело ответить.

Видимо, дело было в других, куда более сложных вопросах, которые за ним стояли. Мадлен как бы спрашивала: возможны ли для них в принципе совместные планы? Будет ли их брак когда-нибудь на первом месте, где до сих пор оказывается то одно расследование, то другое? Сможешь ли ты когда-нибудь побыть мужем или так и останешься до конца детективом? Неужели эта погоня за разгадкой — единственный смысл твоей жизни?..

Или, быть может, Мадлен ничего такого не имела в виду, а просто была раздражена, и к утру все пройдет. Гурни сказал:

— Давай ты мне скажешь, что будет завтра, о чем я мог забыть, а я скажу, меняет это что-нибудь или нет.

— Подумать только, какая дипломатичность, — процедила она. — Я спать.

Оставшись один, Гурни какое-то время маялся от осадка после разговора. Он пошел в темную часть гостиной, где был камин. Пахло остывшей золой. Гурни опустился в кожаное кресло, чувствуя себя безнадежно отягощенным. Потерянным. Бесприютным.

Его сморило в сон.

Когда он открыл глаза, было 2 часа ночи. Гурни поднялся и стал потягиваться, чтобы стряхнуть усталость затекшего тела.

Если до сна у него и были сомнения насчет собственных планов на грядущий день, то теперь они растворились. Он достал кредитную карточку, подошел к компьютеру и набрал поисковый запрос: «Рейс Олбани — Палм-Бич».

Пока принтер распечатывал электронный билет в два конца, заодно с путеводителем по Палм-Бичу, Гурни принял душ. Сорок пять минут спустя, оставив Мадлен записку, что вернется в районе семи вечера, он сел в машину и отправился в аэропорт, взяв с собой лишь бумажник, мобильный и распечатки.

По дороге он успел сделать четыре звонка: первый — в дорожный круглосуточный сервис такси-лимузинов, чтобы его встретили в Палм-Бич, второй — на автоответчик Вэл Перри, чтобы предупредить о некоторых крупных, но необходимых тратах; третий звонок — в 4:20 утра — был Дэррилу Беккеру. Тот сразу же ответил и, судя по голосу, даже и не

собирался спать.

— А я как раз в качалку собрался, — оживленно произнес он. — Что-нибудь срочное?

— У меня хорошие новости. И еще мне нужно громадное одолжение.

— Насколько хорошие? И насколько громадное?

— Я тут на авось позвонил Болстону и нащупал у него слабое место. Прямо сейчас я еду с ним встречаться. Собираюсь выяснить, что будет, если в это место еще немного надавить.

— Он же всю дорогу отфутболивал копов! Как вы вообще к нему прозвонились?

— Долго объяснять. Но он наш.

Вообще-то Гурни был в этом не так уж уверен, но не счел нужным делиться сомнениями с Беккером.

— Обалдеть. Ладно, а что за одолжение?

— Мне нужна парочка громил, максимально неприятного вида, чтобы просто постояли рядом с моей машиной, пока я буду общаться с Болстоном.

Беккер скептически хмыкнул.

— Бойтесь, что ее сопрут, что ли?

— Нет. Мне нужно произвести впечатление.

— И когда его нужно произвести?

— Сегодня, в районе полудня. Кстати, совсем не бесплатно. По пятьсот баксов каждому за час работы.

— Чтобы чисто постоять у машины?

— Постоять, изображая мафиозных громил.

— Уж за пятьсот баксов кого-нибудь найдем. А заезжайте прямо ко мне в качалку, сейчас продиктую адрес...

Глава 59

Реквизит

Самолет Гурни вылетел из Олбани аккурат по расписанию, в 5:05. Затем была быстрая пересадка в Вашингтоне, и в 9:55 самолет приземлился в международном аэропорту Палм-Бич.

Водители лимузинов стояли в специальной выделенной зоне в зале прилетов. У одного была с собой табличка с фамилией Гурни.

Это был молодой латиноамериканец с высокими, как у индейца, скулами и с шевелюрой цвета чернил каракатицы. В мочке уха красовался

бриллиант. Казалось, его ошарашило и даже расстроило отсутствие багажа, но когда он услышал, где будет первая остановка, он расцвел. Бутик «Джакомо» на Уорт-Авеню — если заказчик предпочитает путешествовать налегке, потому что может купить все необходимое аж в самом «Джакомо», значит, чаевые будут щедрыми.

— Машина вас ждет, сэр, — произнес он с центральноамериканским акцентом. — Подогнали лучшую.

Раздвижные двери выпустили их из контролируемой внесезонной свежести аэропорта в тропическую баню. Гурни успел забыть, что сентябрь в южной Флориде мало похож на привычную осень.

— Сюда, сэр, — сказал водитель, улыбнувшись. Зубы у него оказались удивительно плохие для его возраста. — Вон она, первая стоит.

Как Гурни и заказывал, перед ним стоял «Мерседес» S-класса. В Уолнат-Кроссинг такие машины встречаются не чаще раза в год, а в Палм-Биче они такая же обыденность, как солнечные очки за 500 баксов. Гурни сел на заднее сиденье, очутившись в тихом, прохладном коконе из мягкой кожи. Под ногами — мягкий ковер, окна ненавязчиво затонированы.

Водитель закрыл за ним дверь, сел за руль, и машина плавно и беззвучно скользнула в общий поток такси и маршрутных автобусов.

— Кондиционер не подкрутить?

— Нет, в самый раз.

— Музыку желаете?

— Нет, спасибо.

Водитель вздохнул, зачем-то кашлянул и притормозил, проезжая через здоровенную лужу.

— Дожди фигачат не прекращая.

Гурни промолчал. Он даже со знакомыми предпочитал разговаривать по делу, а в обществе незнакомцев предпочитал вовсе не разговаривать. Водитель тоже больше не проронил ни слова, пока они не остановились у входа в роскошный торговый центр, где находился бутик «Джакомо».

Водитель посмотрел на него сквозь зеркало дальнего вида.

— Вы надолго?

— Нет, — отозвался Гурни. — Минут на пятнадцать, не больше.

— Тогда я буду ждать прямо здесь. Если копы прогонят, я крутанусь, — он очертил указательным пальцем круг. — Буду ездить кругами, пока вы не выйдете, и тогда вас подхвачу. Хорошо?

— Хорошо.

Его снова окутала неприятная влажная духота, а после приглушенного освещения салона утреннее флоридское солнце казалось слишком ярким.

Торговый центр был окружен клумбами, пальмами, ухоженными папоротниками и лилиями в горшочках. В воздухе стоял такой запах, словно кто-то варил цветочный суп.

Гурни отправился внутрь комплекса, где пахло уже не цветами, а деньгами. Вдоль продуманно оформленных витрин с дорогой одеждой и аксессуарами фланировали блондинки от тридцати до шестидесяти. Худенькие двадцатилетние консультанты обоих полов отчаянно пытались походить на анорексичных моделей из рекламы «Джакомо».

Гурни терпеть не мог обстановку нарочитого пафоса, поэтому расправился с покупками за десять минут. Никогда прежде он не тратил таких огромных денег на такие простые вещи: почти две тысячи долларов за пару джинсов, пару мокасин, тенниску и темные очки, которые ему помог выбрать вкрадчивый консультант, благородной бледностью напоминавший свежую жертву вампира.

В примерочной Гурни снял издававшие виды джинсы, футболку, кроссовки и носки, после чего переоблачился в новое, предварительно оторвав ценники. Затем он вручил старую одежду консультанту и попросил все положить в фирменную коробку.

Консультант впервые улыбнулся.

— Вы прям трансформер, — произнес он. — Знаете, который раз — превращается из одного в другое.

«Мерседес» ждал его у входа. Гурни забрался на заднее сиденье, достал распечатку путеводителя и назвал следующий адрес.

Маникюрный салон «Деликато» находился чуть менее чем в километре. Там работало всего четверо мастериц, одетых и покрашенных в таком стиле, что их образы балансировали на зыбкой грани между супермоделью и дорогой шлюхой. Никто не выразил удивления, что Гурни был единственным посетителем мужского пола. Маникюрша, к которой его направили, выглядела сонной и несколько раз зевала, смущенно извиняясь. Кроме этих извинений она не проронила больше ни слова, пока не закончила колдовать над ногтями Гурни.

— У вас красивые руки, — сказала она, наконец. — Вам надо получше о них заботиться, — голос у нее был одновременно юным и усталым, под стать ее изможденному взгляду.

Расплачиваясь, Гурни заодно купил флакон геля для волос с витрины косметических новинок у кассы. Открыв колпачок, он выжал немного геля на руки и втер его в волосы, приводя их в актуальный небрежный вид.

— Ну, как я вам? — спросил он девушку на кассе, излучавшую невыразительную дежурную красоту. Внимание, с которым она отнеслась к

вопросу, превзошло его ожидания. Она несколько раз моргнула, словно выплывая из дремы, затем вышла из-за стойки и обошла вокруг Гурни, рассматривая его со всех сторон.

— Позвольте?.. — произнесла она.

— Пожалуйста-пожалуйста.

Ее пальцы прошли по его голове проворными зигзагами, раскидывая пряди в разные стороны и кое-где заостряя их, чтобы больше топорщились. Через пару минут она сделала шаг назад, оценивающе посмотрела на дело своих рук и довольно улыбнулась.

— Отлично, — заключила она. — То что надо!

Гурни в ответ рассмеялся, что ее несколько смутило. Продолжая смеяться, он взял ее руку и поцеловал, не успев дать себе отчет, зачем это делает. Это ее смутило еще сильнее, но на этот раз ей было приятно. Затем Гурни вышел из магазина и назвал водителю адрес качалки Дэррила Беккера.

— Нужно подобрать пару ребят на Уэст-Палм, — объяснил он. — А затем мы поедем на встречу на бульвар Саут-Оушен.

Глава 60

Под прикрытием

Подход Гурни к работе под прикрытием заметно отличался от подхода большинства детективов. Для него было недостаточно перенять манеры и запомнить легенду необходимого образа. Все было гораздо глубже и, как следствие, гораздо сложнее. Гурни считал, что образ должен быть многослойным, чтобы собеседнику приходилось продираться сквозь слои, разгадывать шифр, растрачивая внимание на нюансы ровно настолько, чтобы в конечном итоге воспринимать Гурни ровно так, как ему нужно. Текущая ситуация была даже еще сложнее, поскольку обычно Гурни знал, какое именно впечатление требуется произвести. А в этот раз — нет, поскольку идеальный образ зависел от слишком многих факторов, в частности от того, как именно Болстон связан с «Карналой», и от того, чем именно «Карнала» занималась, а оба эти момента оставались неизвестными. Предстояло действовать на ощупь, и каждый шаг мог оказаться непоправимой ошибкой.

Когда машина сворачивала на Саут-Оушен, до Гурни наконец начало доходить, во что он ввязался. Он собирался войти безоружным в дом к психопату, насильнику и убийце, полагаясь на защиту образа, который

необходимо было выдумывать на ходу, опираясь исключительно на реакции Болстона. Задача была совершенно абсурдистской, как в «Алисе в Стране чудес». Любой здравомыслящий человек почти наверняка повернул бы назад, пока не поздно. Любой здравомыслящий человек, у которого есть жена и сын, повернул бы назад однозначно.

Но он был движим не здравомыслием, а адреналином, и события развивались слишком быстро, чтобы теперь остановиться и подумать. Это было ошибкой, которая могла повлечь за собой другие ошибки. Что было хуже всего — скорость развития ситуации лишала его главного оружия: способности анализировать происходящее. На анализ требовалось время. Гурни попытался хотя бы сложить в уме факты, чтобы продумать начало беседы с Болстоном.

Итак, убийца чего-то боялся, и страх его был явно связан с «Карналой», которая, в свою очередь, была как-то связана с семейством Скардов, людьми из большого бизнеса. Судя по всему, Мелани Струм отправили к Болстону для удовлетворения каких-то его сексуальных фантазий. Логично было предположить, что «Карнала» была в этом замешана. Если найти доказательство, что «Карнала» имеет связь и с преступником, и с девушкой, этого хватит, чтобы его арестовать. Возможно, именно этого он и боялся? Но Гурни по разговору с Болстоном показалось, что тот испугался не столько того, что Гурни известно про некоторую связь с «Карналой», сколько, собственно, самой «Карналы».

Что он имел в виду, твердя по телефону, что «все под контролем»? Нелогичная реплика для человека, который думает, что разговаривает с копом. Но если Болстон думал, что разговаривает с человеком из «Карналы» или какой-то другой опасной организации, с которой он имел дела...

Собственно, ровно эта логика привела к тому, что в машине теперь громоздились два качка с рожей кирпичом из качалки Беккера. Они лаконично представились как Дэн и Фрэнк, после чего сообщили, что Беккер им все объяснил, и что им «не впервой». Больше они ничего не сказали. Они смахивали на полузащитников из тюремной команды по американскому футболу, чьей задачей было расквасить врага в кашу, предварительно влетев в него с разгону.

«Мерседес» остановился по нужному адресу. Гурни снова посетило опасение, что почва под его ногами слишком зыбкая, чтобы идти к Болстону. Но с нехваткой информации ничего поделать было нельзя. А с собой — можно.

По его просьбе из машины первым делом вышли качки, и один из них

открыл ему дверь. Гурни посмотрел на часы. 11:45. Он надел свои дорожные темные очки и вышел на улицу. Перед ним возвышалась огромная стена, окружавшая владение со всех сторон, кроме океана. За решеткой кованых ворот виднелась мощеная дорожка. Как и соседние участки «первой линии», этот кусок земли из песчаного пустыря с ключьями жестких трав превратили в цветущий ботанический сад с олеандрами, магнолиями и гардениями.

В общем, типичная бандитская дача.

Качки хмуро встали у машины, излучая небрежно замаскированную враждебность. Гурни подошел к домофону на каменном выступе у ворот. Помимо камеры в самом домофоне на колоннах с обеих сторон от въезда виднелись еще две охранных камеры, чей обзор покрывал все подходы к воротам, а также прилегающую часть дороги. Кроме того, ворота были хорошо видны как минимум из одного окна на третьем этаже особняка в испанском стиле, к которому вела мощеная дорожка. На ней не было ни сора, ни лепестков, ни листьев. Учитывая буйную растительность вокруг, это выдавало одержимость владельца порядком.

Гурни нажал на кнопку домофона, и ему тут же ответил дежурно вежливый голос.

— Доброе утро. Пожалуйста, представьтесь и сообщите цель вашего визита.

— Скажите Джордану, что я здесь.

После паузы голос повторил:

— Пожалуйста, представьтесь и сообщите цель вашего визита.

Гурни улыбнулся, затем сделал серьезное лицо.

— Скажите, что я здесь.

Снова пауза.

— Мне нужно ваше имя, чтобы сообщить мистеру Болстону, кто пришел.

— Ну еще бы, — Гурни снова улыбнулся.

Нужно было как-то продолжить. Гурни прикинул возможные варианты и остановился на том, который был потенциально самым выгодным и одновременно самым рискованным.

Гурни снова сделал серьезное лицо.

— Меня зовут Идите-к-Черту.

Пару секунд было тихо. Затем раздался металлический щелчок, и ворота беззвучно открылись.

Гурни внезапно понял, что в спешке забыл посмотреть в интернете, как выглядит Болстон. Однако, когда открылась дверь особняка, у него не

было сомнений, что перед ним владелец собственной персоной.

Он выглядел, как и ожидаешь от ушлого богача, нажившего свои миллионы нечестным путем. Лицо, волосы и одежда его были подчеркнута ухоженными. На губах играла чуть презрительная ухмылка, словно жизнь не соответствовала его высоким стандартам, а взгляд был самоуверенный и злой. Ноздри были раздутые и предательски подрагивали, как у всякого заядлого кокаинщика. С одного взгляда было ясно, что Джордан Болстон — человек, которого не волнует ничто, кроме собственного благополучия, в том числе последствия этого благополучия для окружающих.

Он взглянул на Гурни с заметным беспокойством, снова пошевелил ноздрями, и произнес:

— Не вполне понимаю, что происходит...

Затем он сощурился, глядя за ворота, где у машины стояли качки Беккера, и несколько побледнел.

Гурни пожал плечами и хищно улыбнулся.

— Будем беседовать прямо здесь?

Болстон явно воспринял это как угрозу, моргнул и поспешно покачал головой.

— Нет-нет, пройдемте.

— Булыжнички ничего, — произнес Гурни, вальяжно направляясь в дом.

— Ч-что?

— Желтые булыжнички у вас на дорожке. Симпатичные.

— А... — Болстон кивнул, явно сбитый с толку.

Гурни остановился в фойе и деловито осмотрелся с видом инспектора, пришедшего описывать имущество перед арестом.

На главной стене перед входом, между двумя лестницами с изогнутыми перилами, красовалось гигантское полотно с изображением раскладного стула, которое он узнал благодаря курсу Сони по искусствоведению, который когда-то посещал с Мадлен и благодаря которому решил поработать с портретами из базы оперативного учета.

— А ничего, — произнес Гурни, снисходительно кивнув на картину, словно только этот комментарий мог спасти ее от участи оказаться на помойке.

Болстон, казалось, испытал некоторое облегчение от этих полутора слов, но был по-прежнему напряжен.

— Автор тот еще пидор, — продолжил Гурни, — но фишку сечет.

Болстон отчаянно попытался улыбнуться и даже прокашлялся, но так и не нашелся, что на это ответить.

Гурни повернулся к нему и поправил очки.

— Так что, Джордан, вы, значит, ценитель пидорских работ?

Болстон сглотнул, повел ноздрями и поморщился.

— Да вообще-то нет...

— «Вообще-то нет»? Как интересно. Может, предложите присесть, поговорим по-человечески?

В ходе бесчисленных допросов Гурни путем проб и ошибок вычислил, что самый ценный эффект — у реплик, где части между собой не связаны явным образом.

— Ну... — Болстон посмотрел вокруг в некоторой растерянности, словно находился в чужом доме. — Может, там? — он неуверенно указал на широкую арку, за которой виднелась просторная, обставленная антиквариатом гостиная. — Там можно присесть.

— Где скажете, Джордан, где скажете, там и сядем. И поговорим.

Болстон нервно проводил его к паре кресел с парчовой обивкой, расставленных по разные стороны от барочного столика для карточных партий.

— Здесь? — уточнил Гурни. — Миленький столик, — выражение его лица, впрочем, опровергало этот комплимент. Он опустил в кресло и молча наблюдал, как Болстон садится напротив.

Усевшись, Болстон закинул ногу на ногу, помешкал, сел нормально, вздохнул.

Гурни понимающе улыбнулся.

— От кокса нервишки шалят? Понимаю.

— Вы о чем?

— Да так. Ни о чем. Мне-то что.

Повисла пауза.

Болстон еще раз прокашлялся. Судя по звуку, в горле у него пересохло.

— По телефону вы вроде сказали, что вы из полиции.

— Верно. Я так и сказал. У вас отличная память! Очень ценное качество.

— По вашей машине не скажешь, что вы из органов.

— Конечно, не скажешь. Я же под прикрытием. И вообще я в отставке.

— И поэтому разъезжаете с телохранителями?

— С какими-такими телохранителями? Зачем мне телохранители? Это мои друзья.

— Друзья, говорите?

— Ну да, — Гурни откинулся в кресле и повел головой из стороны в сторону, как бы разминая затекшую шею, а на самом деле глядя по

сторонам. Гостиная Болстона была вполне достойна обложки «Архитектурного Дайджеста». Гурни молчал, выжидая, когда Болстон снова заговорит сам.

Тот, наконец, негромко спросил:

— Собственно... что, возникли какие-то проблемы?

— Вот вы мне и расскажите.

— Но вы же не случайно сюда приехали? Что-то же вас привело?

— Вы, Джордан, живете в ужасном стрессе.

Болстон напрягся.

— Я справляюсь.

Гурни пожал плечами.

— Стресс делает людей непредсказуемыми.

Болстон вцепился в подлокотники кресла.

— Уверю вас, я способен сам разобраться с текущей... ситуацией.

— Разбираться можно по-разному.

— Я разберусь без последствий.

— Без последствий для кого?

— Для всех заинтересованных лиц.

— Интересы у разных лиц могут не совпадать.

— Это не проблема.

— Отрадно слышать, — произнес Гурни и лениво посмотрел мимо Болстона с гримасой, сочащейся презрением.

— Видите ли, Джордан, я специализируюсь на устранении проблем. И мне их, знаете, хватает. Очень не хотелось бы тратить внимание на дополнительные осложнения. Уверен, вы меня понимаете.

Голос Болстона задрожал.

— П-правда, дополнительных п-проблем не будет...

— Откуда у вас такая уверенность?

— Клянусь, в этот раз была идиотская случайность, ее невозможно было просчитать!

— «В этот раз», говорите?..

Попался! Сукин сын, попался!

Гурни, спокойно, держи себя в руках. Расслабься.

— Невозможно, значит, было просчитать?..

— А кто ожидал, что хренов ворюга вломится в дом именно в ночь, когда чертова сучка лежит в чертовой морозилке?!

— Совпадение, стало быть?

— Естественно, это совпадение! Какие варианты?

— Сложно сказать, Джордан. А раньше подобного рода проблем не

возникало?

— Никогда!

Гурни опять покачал головой, разминая шею.

— Стресс — такое дело, любого доканает... Вы не думали о йоге?

— О чем?..

— Помните ту историю с Махариши?

— Это кто?

— Все время забываю, как вы еще молоды. Итак, Джордан, откуда мне знать, что что-нибудь внезапно не всплывет?

Болстон моргнул и нервно хихикнул.

— Я спросил что-то смешное?

Губы Болстона дрогнули, затем он содрогнулся всем телом и хрипловато расхохотался.

Это был омерзительный звук.

Гурни терпеливо дождался, когда он совладеет с припадком смеха.

— Не хотите поделиться, что вас рассмешило?

— «Всплывет»! — воскликнул Болстон, снова задыхаясь от смеха.

Гурни продолжил ждать, поскольку не знал, что еще можно делать в такой ситуации. Один напарник когда-то поделился с ним важной мудростью: когда не знаешь, что говорить, молчи.

— Простите, — наконец, произнес Болстон. — Не обижайтесь только. Я просто как представляю... Вы сказали — «что-нибудь всплывет»! И впрямь: два тела без башки, такие колышатся на волнах где-то на Багамах!.. Мощный образ, понимаете?

В яблочко!

Стой, спокойно, спокойно.

Не теряй лица. Терпение. Послушай, что будет дальше.

Гурни внимательно изучил отполированные ногти на правой руке, затем потер их об джинсы.

Болстон снова занервничал.

— Значит, все, говорите, под контролем.

— Абсолютно точно.

Гурни медленно кивнул.

— А почему я вам не верю?

Болстон молча уставился на него. Гурни продолжил:

— Ответьте мне на пару вопросов. Формальность, но все же. Допустим, я и впрямь из полиции. Ну или работаю на копов. Откуда вам знать, что на мне нет жучка?

Болстон улыбнулся с некоторым облегчением.

— Видите вон ту штуку, похожую на DVD-плеер? С зеленым огоньком? Зеленый — значит, что прослушки нет. Если в комнате записывающее устройство, лампочка горела бы красным. Надежная вещь!

— Надежные вещи — это хорошо. Надежные люди — еще лучше.

— Вы намекаете, что я недостаточно надежен?

— С чего вы вообще взяли, что я не коп? Может, я коп, и пришел спецом, чтобы вытянуть из вас ровно то, что вы мне рассказали с хохотками, как последний болван?

Болстон съежился, как мальчишка, которого отшлепали за проказу. Затем шок сменила уродливая усмешка.

— Что бы вы обо мне ни думали, а я все-таки человек проникательный. Человек, не разбирающийся в людях, никогда не достигнет моих высот. Шансы, что вы коп, такие же, как шансы, что реальные копы найдут тела этих сучек. То и другое одинаково невозможно.

Гурни изобразил такую же усмешку.

— Самоуверенность. Мне это нравится.

Он поднялся так резко, что Болстон вздрогнул.

— Ладно, мы будем на связи, если все же случится что-то непредвиденное.

Когда Гурни уже выходил из особняка, Болстон внезапно сказал:

— Так, к слову, если бы я думал, что вы коп, я бы вам просто наврал с три короба, и все.

Глава 61

Домой

— Так может, он и наврал? — спросил Беккер.

Гурни выбрался из прохладного «Мерседеса» и отправился по раскаленной дороге к входу в аэропорт. Он только что пересказал Беккеру по телефону разговор с Болстоном.

— Не думаю, что он наврал, — произнес он. — Я не первый раз сталкиваюсь с психопатом. Когда он заржал, это был неподдельный прорыв из бессознательного: он реально представил, как трупы обезглавленных девушек всплывают в океане. Но, собственно, что тут обсуждать? Я советую немедленно принять эту информацию за рабочую версию и действовать соответственно.

— Начать обыск по всей Атлантике, что ли?

— У этого гада наверняка есть яхта! У таких всегда есть яхта. Надо ее

найти, предположить что он на ней вывез тела в океан, обыскать ее на предмет улик... Могло же что-то затесаться в какую-нибудь, не знаю, трещинку? Вот вам поле для деятельности.

— Да я все понимаю, но давайте мы все же вернемся на землю, в мир, так сказать, фактов. Во-первых, нам все-таки неизвестно наверняка, есть ли у Болстона яхта. Во-вторых...

Гурни его перебил:

— Я гарантирую, что у него есть яхта. Если бы в целой Флориде яхта была у одного-единственного человека, это был бы Болстон!

— Я повторюсь, — занудно продолжил Беккер, — что важны факты, а у нас нет доказательств, что у Болстона имеется яхта, какая яхта, где она, когда и куда он мог возить на ней тела, чьи это были тела, были ли вообще какие-то тела... Улавливаете?

— Дэррил, мне надо сделать еще несколько звонков. Я еще раз вам говорю: есть у него яхта. На ней было минимум два тела. Найдите яхту, найдите улики и займитесь этим сейчас же. Нам нужно прижучить этого мерзавца, свести все версии к одной. Болстон — это только верхушка айсберга, и я чувую, что сам айсберг гораздо страшнее. И это очень настойчивое чувство.

За этим последовала пауза, которая неприятно затянулась. Гурни не выдержал и спросил:

— Дэррил, вы там?

— Да. Я ничего не обещаю. Но сделаем, что сможем.

Уже в коридоре, ведущем к нужному гейту, Гурни набрал номер Клайна. Ответила бессменная Эллен Ракофф.

— Он весь день в суде, просил не беспокоить.

— А Штиммель?

— Он, вроде, у себя. Предпочтете поговорить с ним вместо меня?

— Это профессиональное, а не личное предпочтение. Если Шеридан недоступен, он единственный, кто уполномочен предпринять нужные действия.

— Ладно, перезвоните еще раз по этому номеру. Если я не подхожу, звонок переведется к нему.

Гурни перезвонил, и полминуты спустя раздался унылый голос Штиммеля. Гурни пересказал ему разговор с Болстоном, а заодно свое видение ситуации: что дело разрастается в целый эпос, что холодный расчет перемешался с безумием, что Гектор Флорес и Джордан Болстон — лишь элементы огромной сложной мозаики с жутким сюжетом, и что если на текущий момент насчитали пятнадцать пропавших без вести выпускниц

Мэйплшейда, то велика вероятность, что нужно искать пятнадцать изнасилованных, изувеченных и обезглавленных тел. В заключение он сказал:

— Вам или Клайну нужно в течение часа связаться с окружным прокурором Палм-Бич, чтобы согласовать два момента. Во-первых, необходимо грамотно распорядиться ресурсами, обнаружить яхту Болстона и облазить ее с микроскопом. Во-вторых, важно убедить их окружного прокурора, что требуется его всестороннее содействие расследованию. В частности, может потребоваться особый подход к Болстону, если это поможет добраться до «Карналы», или до тех, кто стоит за «Карналой», или как-то еще распутать этот чертов клубок.

— Вы думаете, что окружной прокурор во Флориде забьет на дело Болстона, чтобы облегчить задачу Шеридану? — по интонации было ясно, что Штиммель считает идею абсурдной.

— Я не предлагаю забить на Болстона. Я предлагаю убедительно намекнуть Болстону, что смертная казнь — единственное, что ему светит, если он откажется сотрудничать.

— А если он согласится?

— Если это будет полноценное сотрудничество, без утайки, без ерунды, то возможны альтернативные приговоры.

— Жестко, — пробормотал Штиммель, и было понятно, что сделка кажется ему невозможной.

— Вообще-то, — продолжил Гурни, — Болстон — наш единственный шанс. Нужно, чтобы он заговорил.

— Что значит «единственный шанс»?

— Куча девчонок взяла и пропала. Я подозреваю, что если Болстон не расскажет все что знает, то мы их никогда не найдем.

Уже в самолете возбуждение, наконец, сменилось усталостью. Гул двигателей превратился в белый шум, который заполнил голову Гурни и вытеснил из нее размышления и переживания о настоящем, заменив их воспоминаниями: как он ездил во Флориду после переезда родителей из Бронкса в невзрачный городок Магнолию, как у крыльца среди листьев ползали коричневые тараканы размером с мышь, как у воды из крана был запах плохо профильтрованной канализации, а родители уверяли его, что это чистейшая вода без всякого запаха; как мать отводила его в сторону и со слезами на глазах жаловалась, что угробила жизнь на неудачный брак, что ее мучают мигрени, что отец эгоист, что он ее не удовлетворяет как женщину...

Мутные сны, тревожные воспоминания и обезвоживание погрузили Гурни в состояние невыразимой подавленности на остаток полета. В аэропорту Олбани он первым делом купил бутылку воды с жуткой наценкой и залпом выпил половину на пути в туалет. Заперевшись в просторной кабинке для инвалидов, он снял дорогие джинсы, тенниску и мокасины и оделся в старую одежду из магазинной коробки, после чего сложил туда брендовый наряд и бросил его в помойное ведро. Затем он смыл с волос гель у раковины, промокнул их бумажным полотенцем и внимательно посмотрел на себя в зеркало, чтобы убедиться, что снова стал собой.

На часах было 18:00, когда Гурни выложил двенадцать долларов за стоянку, и полосатый шлагбаум поднялся, выпуская его. В лобовое стекло светило вечернее солнце.

Час спустя, сворачивая с межштатной магистрали на трассу, ведущую в северные Катскиллы и к Уолнат-Кроссингу, Гурни допил остатки воды и уже чувствовал себя получше. Его неизменно удивляло, как такое простое действие — выпить воды — могло иметь такой заметный эффект. В голове прояснилось, спокойствие и оптимизм потихоньку нарастали, и когда он свернул на дорогу к дому, он ощущал себя почти нормально.

Когда он зашел на кухню, Мадлен как раз доставала из духовки какое-то блюдо. Поставив его на плиту, она повернулась и удивленно вскинула брови.

— Ну ничего себе.

— Да, я тоже соскучился.

— Ужинать будешь?

— Я же обещал в записке, что вернусь к ужину, и вот, вернулся.

— С чем тебя и поздравляю, — произнесла Мадлен, доставая из шкафчика вторую тарелку и опуская ее на столешницу рядом с той, что приготовила для себя.

Он чуть нахмурился.

— Может, попробуем еще раз? Давай я выйду и снова зайду в дом...

Она нахмурилась, передразнивая его, затем ее взгляд смягчился.

— Да нет, все в порядке. Ты приехал, как и обещал. Доставай вилку и нож, пойдем поужинаем. Я помираю с голоду.

Они положили себе печеных овощей и куриные ножки и уселись за круглым столом у французских дверей.

— Там уже тепло, двери можно открыть, — сказала Мадлен и без промедления так и сделала.

Их окутало сладким запахом трав. Мадлен зажмурилась и улыбнулась,

отчего на щеках ее проявились ямочки. Гурни показалось, что он слышит далекое урчанье голубей где-то в деревьях за лугом.

— Какая красота, — прошептала Мадлен, затем счастливо вздохнула, открыла глаза и принялась за еду.

С минуту они ели в тишине, а затем она снова заговорила.

— Ну, расскажи, как прошел день, — сказала она, разглядывая кусок морковки на вилке.

Он поморщился. Она молча наблюдала.

Гурни облокотился об стол и положил подбородок на сплетенные под ним пальцы.

— Мой день, значит. Ну... Кульминацией был момент, когда этот психопат взял и расхохотался, потому что представил себе мертвые тела двух девушек, которых он лично пытал, насиловал и обезглавил.

Мадлен посмотрела на него и прикусила губу.

Помолчав, Гурни сказал:

— Вот такой и был день.

— Ты добился того, что хотел?

Он подумал и ответил:

— Похоже, что да.

— Значит, можно считать, что ты раскрыл дело Перри?

— Думаю, что у меня есть часть разгадки.

— Что ж, наверное, это хорошо.

Повисла долгая пауза.

Затем Мадлен встала, забрала тарелки и ножи с вилками.

— Кстати, она тебе звонила.

— Кто?

— Твоя клиентка.

— Вэл Перри?

— Да. Сказала, что перезванивает по твоей просьбе, но что у нее есть только твой домашний, а мобильного нет.

— И что она хотела?

— Просила передать, что три тысячи долларов — не та сумма, ради которой имеет смысл ее беспокоить, и что «пусть он тратит сколько надо, лишь бы нашел чертова Флореса». Это цитата. Идеальные условия работы, я считаю! — она с избыточным грохотом опустила тарелки в раковину. — Работодатель мечты, можно сказать. И кстати об обезглавленных телах...

— О чем?

— Ты когда рассказывал про флоридского маньяка, я как раз хотела спросить тебя, что значит кукла.

— Кукла?..
— Которая наверху.
— Наверху?..
— Ты будешь повторять за мной каждое слово?
— Я не понимаю о чем речь!
— Я спрашиваю, что за кукла лежит у меня в швейной комнате!
Гурни покачал головой и поднял руки, сдаваясь.
Мадлен мгновенно насторожилась.
— Там сломанная кукла на кровати. Ты ничего про это не знаешь?..
— Детская игрушка, что ли?
Она забеспокоилась еще сильнее.
— Да, Дэвид, детская игрушка!

Гурни встал и быстро пошел к лестнице, взбежал наверх и через несколько секунд стоял в дверях гостевой спальни, где Мадлен любила заниматься шитьем. В сумерках двуспальная кровать казалась серой. Гурни щелкнул выключателем, и на тумбочке включилась лампа, озарив комнату желтоватым светом.

У одной из подушек сидела обыкновенная кукла, без одежды и без головы.

Голова лежала отдельно, в полуметре, обернутая лицом к туловищу.

Глава 62

Ужас

Сон истончался, как размокший картон, утративший форму коробки, не в силах больше сдерживать ношу или хотя бы придавать ей очертания.

Ночью победа над Евой казалась не столь очевидной. Словно в идеальную картинку вторгались помехи с соседней частоты, как в старых телевизорах. Знакомый ряд перемешивается с незнакомым, голоса перебивают друг друга, танцующую Саломею вытесняет из кадра другая танцовщица.

Храбрость и ум Иоанна Крестителя, кристально-ясное Предназначение уступают место осколкам памяти, острым, словно все было вчера. Или только что. Или еще происходит.

Женщина танцует, приподняв шелковый подол и обнажив длинные ноги. Это, девочки, танец Саломеи. Так нужно танцевать перед мальчиками.

Босая Саломея кружилась по ковру, а с огромных тропических

растений в горшках капала влага. Смотрите, мальчики, так танцуют самбу. Смотрите, как нужно меня держать.

Они с приятелем зашли к ней после школы: она сказала, что научит танцевать. Я покажу вам, мальчики, как держат женщину во время танца. И пригласила их в спальню.

Она скользнула языком в его рот, извиваясь, вторгаясь вглубь, что-то жадно ища. Ему стало плохо, а она смеялась, глядя, как его выворачивает прямо на розовый ковер под тропическими исполинами. Он задышался, взмокший, перепуганный. Комната кружилась, живот свело.

Она отвела его в душ и прижалась к нему ногами.

На розовом ковре ждали мальчик с девочкой. Изможденная, но ненасытная, она направилась к ним, и сказала:

— Пстой в прихожей, милый. Я сейчас приду.

Лицо ее блестело от пота. Губы краснели.

В глазах плясали бесы.

Глава 63

Один в один

Из бюро приехали в два захода: в полночь явился Хардвик, а остальные — час спустя.

Эксперты в белых костюмах со скепсисом отнесись к идее выезжать на место, где толком не было преступления, а всего лишь нашли непонятную сломанную куклу. Эти люди привыкли к кровище, к стенам, заляпанным мозгами и дерьмом. Неудивительно, что выглядели они недовольно и осматривали помещение с усмешкой. Первым делом, разумеется, они предположили, что куклу забыл ребенок кого-то из гостей или что это просто чей-то розыгрыш. Мадлен повернулась к Хардвику и, не потрудившись понизить голос, спросила:

— Скажи, они пьяные или просто тупые?

Хардвик отвел их в сторону и объяснил, что положение куклы повторяет положение тела Джиллиан Перри. После этого они быстро и профессионально прочесали дом с той же тщательностью, как если бы он был испещрен пулями.

К сожалению, поиски ничего не дали. Ни странных отпечатков, ни следов, ни образцов незнакомой почвы на ковре. Улики указывали на присутствие в гостевой спальне лишь одного человека — самой Мадлен. На кресле у окна, где она вязала, нашли пару ее волос, а между рамами —

волос Гурни, который недавно возился с окном, когда заело петли. На кукле отпечатков не было. Сама кукла была из популярной серии, таких продают в каждом «Уолмарте» по всей стране. Отпечатки на входной двери также не говорили о присутствии чужих. Остальные двери и окна в доме не были взломаны. Снаружи окон отпечатков не было. Весь пол в доме «просветили» на предмет следов, но все они соответствовали размерам обуви Мадлен и Гурни. На поручнях лестницы, столешницах и столах, краях и сантехнике, притолоках и подоконниках тоже не было ничего подозрительного.

В районе 4 утра бригада собрала вещи и уехала, забрав с собой куклу, покрывало и прикроватные коврики.

— Мы все проанализируем, не вопрос, — устало сказал Хардвик, — но шансов, что там что-то найдется, почти никаких.

На кухне он сел за стол напротив Гурни и Мадлен. Гурни сказал:

— Все как в домике садовника. Один в один.

— Ну да, ну да, — произнес Хардвик. Казалось, ему тяжело ворочать языком.

— Вы о чем? — спросила Мадлен.

— Стерильно, — ответил Гурни. — Ни отпечатков, ни других улик.

Она хмыкнула, но получилось как-то по-мученически. Тогда она отвернулась и попыталась выровнять дыхание.

— Ладно... что теперь? Нельзя же просто взять и...

— Когда я уеду, тут останется машина, — ответил Хардвик. — Ближайшие сорок восемь часов вас будут охранять, так что без проблем.

— Без проблем? — Мадлен уставилась на него. — Это в каком же, интересно, смысле?.. — не дождавшись ответа, она встала и, качая головой, вышла из кухни.

Гурни посмотрел ей вслед, судорожно соображая, что сказать ободряющего, но так и не придумал. Он понимал, чего она боится, но был слишком сбит с толку сам, чтобы найти слова.

Хардвик открыл блокнот, нашел нужную страницу и достал из кармана рубашки ручку, но ничего не записал, а просто принялся задумчиво стучать кончиком о бумагу. Его что-то мучило.

— Так, — вздохнул он наконец и продолжил говорить с таким усилием, словно катил в гору камень. — Как следует из допроса, тебя весь день не было дома, верно?

— Я общался с Джорданом Болстоном во Флориде. Надеюсь, на его счет уже что-то предприняли.

Хардвик положил ручку на стол, закрыл глаза и потер веки. Затем

снова посмотрел в блокнот и продолжил:

— Твоя супруга говорит, что ее тоже не было дома с часа до полшестого. Каталась на велосипеде, гуляла в лесу... С ней это часто?

— Часто.

— Следовательно, логично предположить, что инсталляцию с куклой устроили в тот самый временной промежуток.

— Логично, — отозвался Гурни, начиная злиться на бессмысленное повторение фактов.

— В общем, как придет утренняя смена, я кого-нибудь пришлю допросить соседей. Тут, небось, чужие не часто бывают, может, кто-то заметил незнакомца.

— Тут даже собственных соседей увидеть — событие. Вдоль дороги шесть домов, причем четыре принадлежат городским, которые приезжают только на выходные.

— Ну, мало ли. Пусть допросят, лишним не будет.

— Хорошо.

— Ты что-то пессимистичен.

— А что, есть поводы для оптимизма?

— Вообще-то нет. — Хардвик снова взял ручку и принялся стучать по блокноту. — Мадлен сказала, что заперла двери перед уходом. Это нормально?

— В каком смысле «нормально»?

— В смысле, она всегда запирает двери?

— Она всегда говорит правду. Так что если Мадлен сказала, что заперла двери, значит, так и было.

Хардвик хотел что-то ответить, но передумал и продолжил стучать ручкой по бумаге.

— Если она заперла двери, а признаков взлома нет, значит, в дом проникли с помощью ключа. У кого-нибудь есть ключи от вашего дома?

— Нет.

— Не было такого, что ключи потерялись, а потом вдруг нашлись, но промежутка бы хватило, чтобы сделать дубликаты?

— Нет.

— Да ладно! На дубликат нужно двадцать секунд.

— Я в курсе.

Хардвик кивнул, словно это был значимый комментарий.

— По всему выходит, что все-таки у кого-то ключ. Советую сменить замки.

— Джек, ты соображаешь, с кем говоришь? Мне не нужен мастер-

класс по бытовой безопасности.

Хардвик улыбнулся и откинулся на спинку стула.

— Не, я все понимаю, ты же Шерлок долбаный Гурни, профи на всю катушку. Но скажи мне тогда, гуру хренов, сам-то как предложишь трактовать эту фигню с куклой?

— У меня нет предположений помимо уже озвученных.

— Типа, кто-то пытается тебя спугнуть с расследования?

— У тебя другие версии?

Хардвик пожал плечами и начал рассматривать ручку с таким вниманием, словно это важная улика.

— Ну ладно, а больше ничего странного не происходило?

— Например?

— Ну, странного. Бывает же, что в жизни случаются странности?

Гурни мрачно усмехнулся.

— Если не считать самого расследования со всеми его деталями и действующими лицами, я бы сказал, что в целом все как обычно.

Он понимал, что Хардвик чует недомолвку: невзирая на внешнюю вульгарность, это был один из самых умных и наблюдательных людей, кого он встречал. Хардвик мог бы еще в тридцать пять стать капитаном — если бы он хотя бы немного признавал формальности, какие необходимо соблюдать капитану полиции.

Хардвик посмотрел на потолок, словно там было что-то любопытное, и произнес:

— Помнишь пальчики, которые ты просил меня снять с того бокальчика?

Гурни занервничал.

— Сол Штек, он же Пол Старбак?

— Ну. Помнишь, кто это?

— Да, бывший актер, любитель малолеток, отбыл срок в дурке и растворился. К чему ты вспомнил?

— Паренек, которого я просил снять отпечатки и пробить их по базе, вчера вечером перезвонил и кое-что добавил к его портрету.

— Что?

— Еще до ареста у Штека был собственный порносайт, где Старбак был лишь одним из его псевдонимов. Сайт назывался «Логово Сэнди», и там висели фотки несовершеннолетних девчонок.

— Намекаешь, что Сэнди — расхожее сокращение для Александра или Алессандро, например, из «Карналы»?

Хардвик улыбнулся.

— Сечешь.
— Джек, в жизни до балды и больше бессмысленных совпадений.
Хардвик задумчиво кивнул и встал.
— Ладно, там машина приехала. Двое суток охраны вам обеспечено, а после посмотрим. Договорились?
— Да.
— Мадлен это переживет?
— Да.
— Тогда я помчал, спать хочу — помираю. Созвонимся.
— Спасибо, Джек.
Хардвик снова кивнул, но почему-то помедлил.
— У тебя после отставки пушка-то осталась?
— Нет. Я ее и по работе не слишком любил носить...
— Нда. А я бы на твоём месте сейчас обзавелся ружьем. Чисто на всякий случай.

Сидя за столом, Гурни наблюдал, как задние фары машины Хардвика удаляются. История с куклой и очередной вираж в расследовании погрузили его в оцепенение.

Действительно, был шанс, что имена Сэнди и Алессандро всплыли в контексте одной истории случайно, но по-хорошему на это не приходилось рассчитывать. Куда вероятнее, что хозяин порносайта с фотографиями малолеток и автор развратной съемки для «Карналы» — один человек, предположительно Сол Штек.

Но как на самом деле зовут Гектора Флореса?

И зачем он отрубил голову Джиллиан Перри?

А заодно Кики Мюллер?

Может, обе знали что-то важное насчет «Карналы»? Или о Штеке?..

Или о Флоресе?

А главное, для чего Штеку понадобилось его чем-то опаивать?

Чтобы сфотографировать в компании «дочек»? Для шантажа или чего-то похуже? Чтобы контролировать его участие в расследовании? Или это просто демонстрация власти над ним, как над сломанной куклой, чтобы он просто помнил о своей уязвимости? Чтобы испугался и отказался от дела?

Или, возможно, им двигала какая-то извращенная фантазия, мания гиперконтроля, необходимость доказать всем, что именно он правит балом?

В конце концов, может быть, он просто развлекался?

Гурни почувствовал, что его руки похолодели, и потер их, чтобы согреться, но дрожь уже охватила все тело. Он встал, похлопал себя по

плечам и прошелся по комнате, затем присел перед камином, потому что иногда оттуда веяло теплом от золы, но на этот раз чугунная решетка оказалась ледяной.

Щелкнул выключатель в спальне, скрипнула дверь ванной. Нужно было поговорить с Мадлен, как-то ее успокоить, но Гурни не мог успокоить даже себя. Он выглянул за окно. Вид полицейской машины его немножко приободрил.

Он сделал глубокий вдох, выдохнул, вдохнул еще раз. Контроль. Решимость. Оптимизм. Думать о цели. Сохранять компетентность.

Он напомнил себе, что именно благодаря своей компетентности он обратил внимание на бокал, а затем вспомнил о нем в нужный момент и узнал про Штека. Благодаря чему, в свою очередь, смог увязать загадочного Йикинстила с загадочными исчезновениями выпускниц Мэйплшейда. Теперь у него был набор разрозненной, но однозначно полезной информации.

Именно его способность анализировать и увязывать факты друг с другом вытянули расследование из болота, где оно барахталось в безуспешных поисках неизвестного мексиканца. Именно он настоял на необходимости обзвонить всех выпускниц, благодаря чему стало известно о других пропавших и вскрылась история с Мелани Струм. Именно его догадка о значимой роли «Карналы» вытряхнула из Болстона признание, которое могло привести расследование к развязке.

Убийца тратил время, силы и другие ресурсы на попытки ему помешать, а значит, Гурни был на верном пути.

Дверь ванной снова скрипнула, а через десяток секунд опять щелкнул выключатель. Теперь, разложив все в уме по полочкам, Гурни был готов говорить с Мадлен. Но сначала он решил запереть боковую дверь не только на замок, но и на засов, которым они обычно не пользовались, а затем закрыл на щеколду все окна.

Наконец, он зашел в темную спальню, чувствуя себя спокойным и уверенным.

— Мэдди?

— Сукин ты сын!

Он ожидал, что она в кровати, но голос раздался из угла спальни.

— Ч-что?..

— Что ты наделал?! — она произнесла это почти шепотом, но в словах было столько ярости, что у Гурни зазвенело в ушах.

— А что я наделал?

— Это мой дом! Это святое для меня место!

— Я знаю.

— Ты знаешь — и? И все равно пустил на порог монстра!

Гурни замер, потрясенный этим обвинением. Пробравшись на ощупь вдоль кровати к тумбочке, он включил лампу.

Старинное кресло-качалка, которое обычно стояло в ногах кровати, было сдвинуто в дальний угол комнаты, подальше от окон. Мадлен сидела там, одетая, прижав колени к груди, и смотрела на него с неприкрытым гневом. В обеих руках она сжимала по паре ножниц.

У Гурни был богатый опыт общения с людьми в истерике и панике, он знал, что нужно сказать, чтобы успокоить человека, но все эти приемы казались сейчас неуместными. Он присел на ближний к Мадлен край кровати.

— Кто-то проник в мой дом, Дэвид. Объясни мне, чего он хотел?

— Не представляю.

— А по-моему, отлично представляешь!

Он внимательно смотрел на ножницы в ее руках. Костяшки ее пальцев побелели.

— Тебе должно быть не все равно, — прошептала она. — Ты должен хотеть, чтобы мы жили в безопасности. Но ты делаешь все, чтобы привлечь угрозу поближе. Чтобы какие-то уроды проникли в нашу жизнь, залезли в наш дом... Это мой дом, черт побери! — закричала она наконец. — Ты впустил сюда чудовище!

Гурни никогда прежде не видел, чтобы она так злилась, и поэтому ошарашенно молчал. В голове было пусто — ни слов, ни мыслей. Он сидел неподвижно, едва дыша. Взрыв ярости, казалось, опустошил не только его ум, но и комнату, и даже целый мир, не оставив ничего, кроме чистого возмущения. Гурни молча ждал, что будет дальше, потому что не знал, как еще возможно поступить в этом вакууме.

Он не понял, сколько прошло времени, когда Мадлен наконец произнесла:

— Уму не постижимо.

— Я не хотел, чтобы так получилось, — сказал Гурни, и собственный голос показался ему чужим. Робким, жалким.

Мадлен усмехнулась.

— Все началось, когда ты увлекся портретами этих выродков, — сказала она. — Выбрал в качестве хобби работу с исчадиями ада. Но этого было мало! Никак нельзя было оставить их в компьютере, откуда они просто молча бы тарасились.

— Мэдди, клянусь, кто бы ни проник в наш дом, я найду его. Найду и

разберусь. И это никогда не повторится.

Она покачала головой.

— Слишком поздно, Дэвид. Ты что, не понял, что случилось?

— Я понял, что мне объявили войну. Что преступник залез к нам в дом...

— Нет, ты все-таки не понял.

— Я искал ответы и случайно разбудил змею.

— И теперь она охотится на нас!

Гурни молча опустил голову. Она продолжила:

— Когда мы переехали, я думала, что здесь рай на земле. Такая тишь да красота — сирень и яблони, зеркальный пруд...

— Мэдди, я убью змею, и все это вернется.

Она снова усмехнулась и кивнула в сторону окна.

— Я любила гулять по этому лесу. А теперь он там прячется и наблюдает за мной.

— С чего ты взяла, что кто-то за тобой наблюдает?

— А это не очевидно?! Он положил куклу не куда-нибудь, а в комнату с моим любимым окном, с видом на этот самый лес! Он отлично знал, что именно там я провожу много времени. В другую спальню, через коридор, я не захожу неделями, и он почему-то не оставил в ней куклу! Значит, он наблюдал. Окно прекрасно видно из леса. Окно, у которого я все время сижу и вяжу, — она помолчала и добавила: — Ты отобрал у меня лес, Дэвид. Я больше не смогу спокойно там гулять.

Он исступленно повторил:

— Мэдди, я убью змею. Там снова будет безопасно.

— Ничего подобного, потому что следом за этой змеей ты выкопаешь следующую! В голове не укладывается. Как ты мог навлечь этот ужас на лучшее место в мире?

Вселенная, которая обычно равнодушна к человеческим страстям, внезапно решила поучаствовать в накале, и за сараем завывали койоты.

Мадлен закрыла глаза и опустила ноги на пол, а руки с ножницами сложила на коленях. Затем она откинула голову на спинку кресла и вздохнула, но не с облегчением, а как будто вой, который она раньше слушала просто с тревогой, на этот раз вынул из нее душу.

Когда она наконец заснула, за восточным окном уже светлело. Гурни осторожно забрал ножницы у нее из рук и выключил свет.

Странный день

Он сидел за столом со второй чашкой кофе. Луг был залит солнечным светом. На смену ночной патрульной машине приехала новая. Гурни вышел, чтобы предложить дежурному завтрак, но молодой коп с военной выправкой отказался с отточенной вежливостью:

— Благодарю, сэр, я уже завтракал, сэр.

В левой ноге заныла какая-то мышца. Гурни мучила сразу тысяча вопросов, а ответы ускользали, словно мокрая рыба из рук.

Стоит ли попросить у Хардвика фото Штека из базы данных, чтобы проверить, принадлежат ли отпечатки пальцев тому, кто его опоил? Но вдруг запросы из бюро насторожат кого не надо?

Может, тогда попросить Хардвика или кого-то еще пробить владельца здания? Но даже это может вызвать ненужные вопросы. Могла ли Соня врать, утверждая, что Йикинстил обвел ее вокруг пальца? Как-никак, Соня не похожа на человека, которого легко провести... Стоит ли и впрямь обзавестись ружьем, или вид оружия только сильнее расстроит Мадден?

Снять номер в отеле, перебраться туда до конца расследования? Но что, если это затянется на несколько недель или месяцев? Или еще дольше?..

Может, позвонить Беккеру, уточнить, как там поиск яхты? Или позвонить в бюро узнать, как продвигается обзвон оставшихся выпускниц?

Появление Флореса в Тэмбери, убийство Джиллиан и Кики, исчезновение выпускниц и коварный розыгрыш в Нью-Йорке — стоял ли за всеми этими трагедиями один и тот же драматург? И если да, то что им двигало: прагматичный злой умысел или безумие?..

Сильнее всего Гурни волновало, почему он так долго не может распутать этот клубок.

Ему тяжело давались даже простейшие задачи — например, решить, стоит ли потратить еще время на размышления, или лечь спать и обо всем забыть, или сделать зарядку, чтобы разгрузить голову. Ум почему-то отвергал любые доводы в пользу того или иного варианта. Даже идея выпить ибупрофен от ноющей ноги встречалась с внутренним сопротивлением. Идти в спальню за лекарством представлялось изматывающим мероприятием.

Какое-то время Гурни задумчиво разглядывал аспарагус, который стоял словно оцепеневший в неподвижном утреннем воздухе. Гурни чувствовал себя безнадежно оторванным от привычного мира. Как тогда,

когда первая жена сообщила, что хочет развода. Как тогда, когда погиб Дэнни. Как тогда, когда умер отец. А теперь... Теперь, когда Мадлен...

Слезы навернулись на глаза и размыли окружающую реальность. И тут ему на ум пришла первая ясная и однозначная мысль за долгое время. Такая удивительно простая. Нужно было отказаться от расследования! Он почувствовал облегчение и свободу уже от одной мысли и загорелся желанием немедленно что-то сделать, чтобы воплотить ее в жизнь.

Он пошел в кабинет и набрал номер Вэл Перри.

Включился автоответчик. Гурни хотел немедленно сообщить об увольнении, но понимал, что такие вещи лучше делать лично, поэтому сказал лишь, что хочет поговорить в ближайшее время. Затем он налил себе стакан воды, вернулся в спальню и выпил три таблетки ибупрофена.

Мадлен успела перебраться из кресла в кровать. Она все еще была в одежде и лежала поверх покрывала, но спала. Он улегся рядом.

Когда Гурни проснулся в районе полудня, ее уже не было. Он вскочил, но услышал доносящийся с кухни звук текущей воды и успокоился. Он отправился в ванную, умылся, почистил зубы и переоделся — важные ритуалы, чтобы начать действительно новый день.

Мадлен переливала суп из кастрюли в пластиковый контейнер, который затем убрала в холодильник. Опустив кастрюлю в раковину, она вытерла руки кухонным полотенцем. Лицо ее было непроницаемым.

— Я принял решение, — произнес Гурни.

Она взглянула на него, и стало понятно, что она уже знает, что он хочет сказать.

— Я отказываюсь от расследования.

Она сложила полотенце пополам и повесила его на край сушки для посуды.

— Почему?

— Сама видишь, что происходит.

Пару секунд она внимательно смотрела на него, а затем отвела взгляд куда-то за окно.

— Я уже звонил Вэл Перри, — продолжил он. — Но попал на автоответчик.

Мадлен снова повернулась к нему. Загадочная улыбка мелькнула и погасла на ее лице.

— Отличная погода, — произнесла она. — Давай прогуляемся?

— Давай.

Обычно он отклонял эти предложения или в лучшем случае делал ей

одолжение, соглашаясь. Но в этот момент привычного сопротивления не возникло.

Стоял один из тех сентябрьских дней, когда, выходя из дома, не чувствуешь перепада температуры. Только влажный запах листьев. Коп в патрульной машине опустил стекло и вопросительно посмотрел на них.

— Мы чуть пройдемся, — объяснил Гурни. — Нас будет видно.

Дежурный молча кивнул.

Они побрели вдоль опушки, которую тщательно косили, чтобы лес не разрастался в сторону луга, и неспешно добрались до скамейки у пруда. Там они сели и довольно долго сидели в молчании.

В мае и июне здесь всегда были слышны какие-то звуки — квакали лягушки, в кронах скрипели птицы, но в сентябре на пруду царила тишина.

Мадлен взяла его руку.

Он вздрогнул от неожиданности и вынырнул из размышлений.

— Прости, — негромко произнесла Мадлен. — Правда, прости.

— За что?

— За ожидания. За то, что я все время думаю, что когда-нибудь жизнь будет такой, как мне хочется.

— Возможно, она такой и должна быть. Тебе обычно хочется правильных вещей.

— Приятно, но вряд ли это правда. В общем, я думаю, не стоит тебе отказываться от расследования, тем более что ты обещал людям.

— Я уже принял решение.

— Значит, прими еще одно.

— Зачем?

— Ты — детектив. Я не имею права требовать, чтобы ты взял и превратился в кого-то другого.

— У тебя есть полное право требовать, чтобы я иногда смотрел на вещи под другим углом. И уж совершенно точно ты вправе требовать, чтобы я не подвергал тебя опасности. Иногда как вспомню, во что я ввязывался... чем рисковал, сколько упускал из виду... и мне кажется, что я давно сошел с ума.

— «Иногда», — улыбнулась Мадлен.

— Иногда.

Она посмотрела на пруд с невеселой улыбкой и крепче сжала руку. В воздухе не ощущалось ни ветерка, очертания деревьев и кустов выглядели как на фотографии. Мадлен закрыла глаза, и лицо ее стало еще печальнее.

— Я погорячилась, наговорила лишнего, зачем-то обозвала тебя сукиным сыном... А ты кто угодно, но точно не сукин сын, — она

повернулась к нему. — Ты хороший человек, Дэйв. Честный. Умнейший. Невероятный. Ты, может быть, лучший детектив на всем белом свете.

Гурни нервно хмыкнул.

— Аллилуйя!

— Я, между прочим, серьезно. Ты действительно, наверное, лучший. И кто я такая, чтобы мешать тебе быть собой? Это неправильно. И несправедливо.

Поверхность пруда напоминала стекло, в котором вверх тормашками отражались клены на дальней стороне.

— Я не мыслю такими категориями.

Она продолжила:

— Послушай меня. Ты уже пообещал Вэл, что будешь работать на нее две недели. Сегодня среда. Вторая неделя заканчивается в субботу. Осталось всего три дня. Сдержи обещание.

— Лично мне это не нужно.

— Я знаю. И я понимаю, что ты правда готов бросить это дело. И ровно поэтому правильным будет — не бросать. Сам подумай: что бы они сейчас делали без тебя?

— Надеюсь, ты все-таки шутишь.

— Почему?

— Последнее, что мне нужно, это чтобы мое эго распухло еще сильнее.

— Последнее, что тебе нужно, это чтобы родная жена не принимала тебя таким, какой ты есть.

Посидев еще чуть-чуть, они медленно пошли обратно, держась за руки.

Вежливо улыбнувшись копу в машине, они зашли в дом. Мадлен кинула в камин вишневых веток и, разведя огонь, открыла окно, чтобы не стало жарко.

Остаток дня они валялись на диване, уставившись на пламя, и не делали больше ровным счетом ничего. Мадлен сказала, что надо придумать, что нового посеять весной. Потом прочитала вслух Гурни главу из «Моби Дика» — возможно, чтобы унять тревогу, или просто так, потому что действительно считала эту книгу самой удивительной из всех, что читала.

Время от времени она подкидывала в огонь новые ветки. Гурни нашел рекламные проспекты с картинками беседок и садовых шатров, которые бог весть когда захватил в магазине, и они немного пообсуждали, какая смотрелась бы лучше у пруда.

Настал вечер, они поужинали супом с салатом и сели любоваться закатом, который разлил золотистый свет по кленам на холме. Когда спустились сумерки, они поднялись в спальню и занялись сексом с нежностью, перерастающей в жадность.

Насытившись друг другом, они проспали больше десяти часов и проснулись одновременно с первыми блеклыми лучами утра.

Глава 65

Привет от чудовища

Гурни доел омлет с тостами и встал, чтобы отнести тарелку к раковине. Мадлен усмехнулась:

— Спорим, ты уже забыл, куда я сегодня еду?

Он, конечно, помнил: ему стоило немало труда уговорить ее накануне за ужином провести пару дней у сестры в Нью-Джерси, пока он не закончит работу. Но он изобразил недоумение, а она тут же рассмеялась:

— Надеюсь, под прикрытием ты выглядишь поубедительнее. Потому что так даже идиота не проведешь. Или ты работаешь с одними идиотами?

Покончив с овсяной кашей и выпив вторую чашку кофе, она отправилась в душ и наконец оделась. В половине девятого она крепко обняла и поцеловала Гурни, напоследок взглянула на него с тревогой, поцеловала снова — и уехала к сестре в ее загородные хоромы в Риджвуде.

Когда ее машина скрылась из виду, Гурни сел в свою и отправился следом за ней. Он знал дорогу и старался держаться на достаточном расстоянии, чтобы она его не заметила, но все же не выпуская ее из поля зрения. Просто чтобы убедиться, что за ней нет хвоста.

Проехав несколько миль и не встретив на дороге почти никого, он успокоился и вернулся домой.

Припарковавшись, он обменялся кивками с патрульным и на какое-то время задержался у двери, озираясь.

На долю секунды его накрыло ощущение нереальности происходящего. Словно все вокруг — картинка и он сам лишь часть ее. Но тут в кармане мурлыкнул телефон, и Гурни отправился в дом, на ходу открывая на экране текстовое сообщение. Оно заставило его резко остановиться. «Жаль, вчера разминулись. Но я еще заскочу. Надеюсь, куклу ты оценил».

Ему захотелось тут же рвануть в сторону леса, будто анонимный отправитель прятался именно там, за деревьями, и его можно было

настигнуть, схватить, наорать... Вместо этого Гурни еще раз перечитал текст. Как и в предыдущих случаях, над сообщением высветился номер отправителя — это означало, что телефон был предоплачен, ни на кого не зарегистрирован и, как следствие, не значился в базах данных операторов.

Теоретически можно было узнать, через какую сотовую вышку было отправлено сообщение, но эта задача тоже была нетривиальной: после заявления в полицию все, что касалось куклы, являлось материалом для расследования, и анонимное сообщение в этом контексте было важной уликой, о которой следовало незамедлительно уведомить детективов. Однако это повлекло бы запрос сотовому оператору, который выдал бы распечатку всех принятых сигналов, где значилось бы, что сообщение про куклу было не первым с неизвестного номера, а также что Гурни вступал в переписку с отправителем. Казалось, любое решение сейчас было чревато лишь усугублением, а вовсе не решением проблемы.

Гурни проклинал гордыню, заставившую его взяться за очередное дело-которое-больше-никому-не-по-зубам, снова связаться с Соней Рейнольдс, оказаться одураченным Йикинстилом; проклинал страх признать, что возможные последствия опасны, страх, что Мадлен увидит фотографии, страх, приведший его в этот жуткий тупик.

Угрызения тоже не способствовали поиску выхода из ситуации. Нужно было что-то предпринять. Но что?

Словно в ответ на вопрос, на кухне зазвонил телефон.

Голос Клайна был подозрительно елейным.

— Дэйв, дружище! Здорово, что я тебя застал! Давай, седлай коня, ты срочно нужен!

— Что за спешка?

— Беккер из Палм-Бич нашел яхту Болстона, как ты и предрекал. И не только. Сам угадаешь?

— Не люблю гадать.

— Как это не любишь? А насчет яхты? Это же было пальцем в небо! В общем, они нашли яхту и крохотный кровавый развод, которого хватило, чтобы сделать анализ ДНК. Пробили по базе ФБР — и на тебе, совпадение! Теперь адвокаты Болстона готовы к всяческому сотрудничеству, лишь бы Джордану не вклеили приговор со смертельной инъекцией.

— Подождите, — перебил Гурни. — Чье имя всплыло в базе?

— Уэйн Докер, осужденный за изнасилование несовершеннолетней. Кровь принадлежала его младшей сестре — Ким Докер, одноклассницы Мелани, которая пропала за месяц до нее. Юристы Болстона могут запутать следы вокруг одной мертвой девочки, но вокруг двух уже вряд ли.

— И ФБР с такой скоростью выдало вам результат?

— Должно быть, их впечатлило словосочетание «серийные убийства». А может, у кого-то в Палм-Бич дружбаны в Бюро, — в голосе Клайна сквозила зависть.

— Ясно, — отозвался Гурни. — И что теперь?

— Беккер вечером будет допрашивать Болстона, с согласия последнего. А нас пригласили побыть свидетелями допроса удаленно — будем все наблюдать на экране компьютера, и если у нас возникнут вопросы, их можно будет передать. Я настоял, чтобы ты присутствовал.

— Что от меня требуется?

— Задать правильный вопрос в нужный момент! Понять, правду он говорит или нет. Ты сечешь этого мерзавца лучше любого из нас. И, кстати о мерзавцах — говорят, к тебе в дом вломились?

— Вроде того. Мы перенервничали, но сейчас я думаю, что разберемся.

— Видать, кому-то невыгодно, чтобы ты занимался расследованием, а?

— У меня пока нет идей на этот счет.

— Ладно, приезжай, поговорим.

— Хорошо, — отозвался Гурни, не испытывая ни малейшего желания говорить с Клайном о взломе.

Сколько он себя помнил, он всегда избегал разговоров о собственной уязвимости. Тот же страх признаться в слабости не давал ему поделиться с Мадлен опасениями насчет истории с рогипнолом.

Компьютерное оснащение в полицейской академии было гораздо современнее, чем в бюро расследований, так что все собрались на телеконференцию в академии, в зале для совещаний с огромным плоским экраном на стене. Перед экраном стоял полукруглый стол на дюжину человек. Все присутствующие были знакомы Гурни, хотя, кроме Ребекки, он никого не был особенно рад видеть.

С облегчением он отметил, что все слишком захвачены предвкушением допроса, чтобы расспрашивать его про инцидент с куклой.

В углу комнаты, за отдельным столиком, сидела сержант Робин Вигг. Перед ней лежали два открытых ноутбука, телефон и пульт для управления экраном. Какое-то время по экрану шли помехи, а потом появилась картинка высокого качества, которая немедленно приковала к себе всеобщее внимание.

В кадре была обычная комната для допроса: стены из блоков, серый железный стол. С одной стороны сидел Дэррил Беккер, а напротив него —

двое мужчин. Один из них выглядел как модель из журнала «GQ», из рубрики «Самые модные адвокаты Америки». Рядом ссутулился вспотевший Джордан Болстон в мятом пиджаке. Беккер повернулся к камере ноутбука, стоящего перед ним на столе, и произнес:

— Сейчас начнем. Нас хорошо слышно?

Вигг принялась что-то быстро печатать. Спустя пару секунд Беккер довольно улыбнулся и выставил большой палец в знак одобрения. Родригес, который все это время о чем-то перешептывался с Клайном, встал и вышел на середину зала.

— Значит, слушайте, все! Сейчас мы будем свидетелями допроса, в котором нас пригласили поучаствовать. В результате обнаружения новых улик на принадлежащем...

— Нашли след крови на яхте. По наводке Гурни, — перебил Клайн, который не мог удержаться, чтобы не подлить масла в огонь.

Родригес моргнул, затем продолжил:

— После обнаружения улики обвиняемый готов поделиться новой версией событий. Желая избежать разрешенной в штате Флорида смертной казни, он выразил готовность не только признаться в убийстве Мелани Струм, но и сообщить детали масштабного преступного заговора, который прольет свет на исчезновения выпускниц Мэйплшейда. Важно учесть, что обвиняемый хочет любой ценой спасти свою жизнь, а потому может преувеличивать ценность информации, которой владеет, а может и приврать...

Как бы обесценивая предостережение капитана, Хардвик повернулся к Гурни и громко произнес:

— Поздравляю, Шерлок! Советую подумать о карьере в полиции. Нам тут, знаешь, мозгов не хватает.

Тут из динамиков раздался голос, и все повернулись к экрану.

Глава 66

Версия Болстона

— Сейчас 14:03, двадцатое сентября. Говорит детектив-лейтенант Дэрил Беккер из полицейского управления Палм-Бич. Я нахожусь в комнате для допросов номер один с Джорданом Болстоном и его адвокатом, Стэнфордом Мюллем. Весь допрос будет задокументирован на этой записи. — Беккер повернулся к Болстону: — Вы подтверждаете, что вы — Джордан Болстон, проживающий на бульваре Саут-Оушен в городе Палм-

Бич?

Не поднимая взгляда, Болстон произнес:

— Подтверждаю.

— Правильно ли я понимаю, что после консультации с адвокатом вы приняли решение полностью раскрыть известные вам подробности убийства Мелани Струм?

Мюль положил руку на плечо Болстону.

— Джордан, и все же...

— Правильно, — отозвался Болстон.

Беккер продолжил:

— Обещаете ли вы правдиво и в полном объеме отвечать на вопросы, касающиеся этого дела?

— Обещаю.

— Опишите, пожалуйста, в деталях, как вы познакомились с Мелани Струм и что за этим последовало, а также как и почему вы ее убили.

Мюль закатил глаза.

— Черт побери, Джордан...

Болстон впервые поднял взгляд:

— Стэн, успокойся уже! Я принял решение, все. Не мешай мне, ты здесь не для этого. Я просто хочу, чтобы ты слышал все, что я скажу.

Мюль на этот раз промолчал, и Болстон вздохнул с облегчением, а затем перевел взгляд на камеру:

— Сколько человек меня видит сейчас?

Беккер поднял бровь:

— Это важно?

— Мне интересно, как быстро это сольют на *YouTube*.

— Не сольют.

— А жаль, — усмехнулся Болстон и неприятно оскалился. — Ладно, с чего начать?

— С начала.

— Это с того момента, как я застукал маму с родным дядей, когда мне было шесть?..

Беккер поморщился.

— Лучше с того, как вы познакомились с Мелани Струм.

Болстон откинулся на стуле и, уставившись куда-то за спину Беккера, с какой-то нездоровой ностальгией произнес:

— Я приобрел Мелани Струм через сервис «Карналы». Для этого потребовалось в нужной последовательности зайти на несколько сайтов. Каждый из этих сайтов...

— Пойдите. Давайте по порядку. Что за сайты?

Гурни хотелось посоветовать Беккеру расслабиться и отложить вопросы на потом, но видел, лучше было не вмешиваться.

— В интернете есть разные ссылки, по которым нужно пройти в определенном порядке. Заходишь на сайт, там висит баннер с рекламой другого сайта, на который надо кликнуть, и так далее. Каждый последующий сайт сконцентрирован на все более узкой тематике, и в самом конце цепочки получаешь возможность связаться по электронной почте или эсэмэской с провайдером услуг.

Гурни поразил профессорский тон, с которым Болстон все это рассказывал.

— И этому провайдеру вы рассказываете, какую девушку ищете, а они ее вам присылают?

— Нет, это было бы слишком примитивно и грубо. В «Карнале» все гораздо тоньше. Их методы стоят тех денег, которые они дерут. Если итог переписки удовлетворительный для обеих сторон...

— В каком смысле удовлетворительный?

— В том смысле, что все сочли друг друга достойными доверия. Клиента спрашивают о серьезности его намерений, а клиент убеждается в легитимности «Карналы».

— Легитимности?!

— А что вас смущает?.. А! Вы неправильно поняли термин. Под легитимностью я имею в виду, что люди не выдают себя за кого-то, кем не являются. Что ты не пал жертвой какого-нибудь розыгрыша или ловушки.

Болстон, будучи обвиняемым в тяжелом преступлении, говорил совершенно спокойно, даже вальяжно, и собственное повествование будто придавало ему сил, тогда как Беккер, который вел допрос, выглядел, наоборот, раздавленным.

— Ладно, — вздохнул Беккер, — допустим, вы убедились в «легитимности» друг друга и остались удовлетворены. Что дальше?

— Дальше? — Болстон впервые посмотрел Беккеру в глаза и выдержал драматичную паузу. — Дальше все не менее элегантно: «Карнала» размещает рекламу в «Санди Таймс».

— То есть?

— Дом моды «Карнала», видели? Заоблачные цены, эксклюзивный пошив, сложный крой, костюмы от сотни тысяч. Красивые девочки на рекламных снимках. Обычно не одетые — наоборот. Не считая эфемерных шарфиков. Будоражит воображение, знаете ли.

— И при чем тут реклама дома моды?..

— А вы подумайте.
Беккеру явно было не по себе от надменной интонации Болстона:
— Слушайте, я здесь не для того, чтобы играть в шарады.
— Я просто думал, что ответ очевиден, лейтенант. Это реклама не одежды, а девочек.
— То есть «Карнала» торгует девочками с этой рекламой?..
— Именно.
— Сотня тысяч за штуку?!..
— Минимум.
— И как происходит сделка? Вы отправляете чек на сотню тысяч, а они присылают вам шлюху по цене паровоза — курьерской доставкой, надеюсь?
— Что вы, лейтенант. Кто же заказывает «Роллс-Ройс» с доставкой на дом?
— Тогда что? Нужно посетить... э-э-э... шоурум?
— Можно и так сказать, да. Только это не шоурум, а кинозал. Про каждую из девушек снят небольшой фильм интимного содержания, где она рассказывает о себе.
— Иными словами, сидите и смотрите порнуху?
— Гораздо интереснее. «Карнала» не занимается ширпотребом. Как сами девушки, так и их фильмы — шедевры интеллигентнейшего содержания, без пошлости, с интригой. К тому же фильмы подобраны с учетом глубинных эмоциональных потребностей клиента, — Болстон замолчал и задумчиво облизнул губу. Беккера заметно трясло от его неуместной невозмутимости. Болстон продолжил: — У этих девушек, лейтенант, мягко говоря, нестандартная сексуальная биография и собственный ярко выраженный либидозный аппетит. Так что это не шлюхи. Это особенные существа.
— И цена в сотню тысяч оправдана?
— Минимум в сотню тысяч, — повторил Болстон. — Ми-ни-мум.
Беккер кивнул. Гурни показалось, что лейтенант утратил нить допроса.
— Значит, вы платите сотню тысяч за нимфоманку? Извращенку?..
Болстон терпеливо улыбнулся.
— За девушку, которая хочет быть собой. Хочет играть роль, для которой создана.
— Продолжайте.
— Бывает отличное вино за пятьдесят долларов, которое удовлетворит вас на целых девяносто процентов. Реже, но можно найти вино за пятьсот, которое удовлетворит вас на целых девяносто девять. И вот за последний

недостающий процент удовлетворения, лейтенант, вы будете счастливы заплатить пять тысяч за бутылку. При этом, разумеется, есть люди, которые не почувствуют никакой разницы. Но есть и ценители.

— Черт, я уж точно не ценитель. Как по мне, дорогая шлюха — это просто дорогая шлюха.

— Не сомневаюсь, лейтенант, что в вашем случае это правда.

Беккер уставился на него, не моргая и не шевелясь. За свою жизнь Гурни не раз видел этот характерный взгляд и эту позу. То, что за ними обычно следовало, заканчивалось нехорошо. Иногда — увольнением. Оставалось только надеяться, что присутствие камеры и Мюлля не дадут случиться непоправимому.

Надежда оправдалась: Беккер медленно выдохнул, обвел комнату взглядом, тщательно избегая смотреть на Болстона.

Гурни гадал, сознательно ли Болстон пытается разозлить лейтенанта? Рассчитывает ли на смягчение приговора ввиду предвзятости ведущего допрос? Или его невозмутимость — напускная, попытка почувствовать контроль напоследок, перед тем, как жизнь рассыплется навсегда?

Когда Беккер наконец заговорил, голос его был непривычно спокоен.

— Опишите кинозал, Джордан, — попросил он, акцентировав обращение с едва различимым презрением.

Если Болстон и услышал презрение, то не подал виду.

— Небольшой, уютный... с симпатичным ковром.

— Где находится?

— Понятия не имею. Меня встретили в аэропорту Ньюарка и на время дороги выдали повязку на глаза. Точнее, это была даже не повязка, а такая маска для сна, как из старых нуарных фильмов. Водитель сказал ее надеть и не снимать, пока меня не приведут на место.

— У вас не было искушения подсмотреть?

— «Карнала» не та организация, которая легко спускает такое с рук.

— А то, что вы нам сегодня рассказываете, они вам спустят с рук?

— Боюсь, что вряд ли.

— Так что же там происходит? Вы смотрите фильмы, видите что-то себе по нраву... Дальше?

— Вы устно принимаете условия покупки, после чего снова надеваете маску, и вас везут обратно в аэропорт. Потом делаете перевод куда-то на Каймановы острова, а через несколько дней девушка вашей мечты сама звонит вам в дверь.

— А затем?

— Затем случится все, что пожелаете.

— И в конце девушка вашей мечты умрет.
— Разумеется, — улыбнулся Болтон.
— «Разумеется»?..
— Это обязательное условие покупки. Вы не поняли?
— Вы обязуетесь совершить убийство по контракту?
— Девушки, на которых специализируется «Карнала», по сути своей негодяйки, виновные в жутких преступлениях. В тех самых фильмах они довольно подробно рассказывают о том, что натворили. Порой ушам своим не веришь.

Беккер с шумом выдохнул. Даже непроницаемое лицо адвоката Мюлля сделалось чуть озабоченным. Болстона же будто приободрило их замешательство. Глаза его загорелись:

— Жуткие преступления требуют жуткого наказания.

Повисла многозначительная пауза, затянувшаяся на долгие две или три секунды. Казалось, что в комнате для допросов, как и в конференц-зале по другую сторону экрана, все разучились дышать.

Грбовую тишину нарушил Беккер. Стараясь звучать деловито, он спросил:

— Задам прямой вопрос. Вы убили Мелани Струм?

— Да.

— «Карнала» присылала к вам других девушек?

— Да.

— Сколько всего девушек к вам попало?

— Две, помимо Мелани, но до нее.

— Что вам о них известно?

— Скучных подробностей их повседневной жизни я не знаю. Но мне известно все до последней мелочи о страстях, которыми они были одержимы.

— Вы знаете, откуда они приехали?

— Нет.

— Где и как находила их «Карнала»?

— Не знаю.

— Неужели вы не интересовались?

— Избегание этой темы — одно из условий контракта.

Беккер внимательно посмотрел на Болстона. Гурни со стороны казалось, что лейтенант только делает вид, что изучает его, а на самом деле слишком обескуражен этой жуткой схемой, чтобы быстро отреагировать.

Гурни повернулся к Родригесу. Тот выглядел таким же ошеломленным, как Беккер.

— Сэр?

Родригес его словно не слышал. Гурни повторил:

— Сэр, у меня есть просьба к коллегам в Палм-Бич.

— Что за просьба?

— Хочу, чтобы Беккер спросил у Болстона, зачем он отрезал Мелани голову.

Капитан закатил глаза:

— Да ясно же — он чокнутый!

— Мне кажется, это полезный вопрос.

Родригес скривился.

— А какие могут быть варианты? Он больной человек, и у него такая больная традиция.

— У Флореса такая же больная традиция.

— И что?

Гурни заговорил чуть жестче:

— Это простой вопрос, который важно задать. Мы зря тратим время на спор.

Он понимал, что из-за дочери-наркоманки Родригес не способен здраво рассуждать о преступлении, совершенном настолько близко к дому, но Гурни это не волновало.

Лицо Родригеса покраснелось и из-за контраста с белоснежным воротничком и подкрашенными черными волосами теперь казалось пунцовым. Он повернулся к Вигг и буркнул:

— Тут просьба возникла. Пусть спросят, почему Болстон отрезал жертве голову. Отправьте.

Пальцы сержанта быстро застучали по клавиатуре.

Беккер тем временем продолжал расспрашивать Болстона, где «Карнала» могла находить девушек для своего агентства, а Болстон продолжал настаивать, что ничего не знает.

Лейтенант в очередной раз попытался переформулировать вопрос, когда на экране ноутбука выскочило сообщение. Он быстро пробежал по нему глазами, кивнул на камеру и снова повернулся к Болстону.

— Джордан, а чем был продиктован ваш выбор способа убийства?

— Что вы имеете в виду?

— Вы не просто так убили Мелани Струм, а... специфическим образом.

— Это глубоко личное.

— Личное? Мы договаривались, что вы будете отвечать на вопросы.

— Понимаете... — произнес Болстон, и уверенности в его голосе

вдруг поубавилось. — Отчасти это было эстетическим предпочтением, а отчасти... — он растерянно огляделся. — Позвольте уточнить, лейтенант, вас интересует, собственно, весь процесс? Или только обезглавливание?

Прагматичный тон вопроса снова выбил Беккера из колеи. Помедлив, он ответил:

— Давайте пока сосредоточимся на обезглавливании.

— Хорошо. Это было, так сказать, данью вежливости.

— Данью чего?..

— Вежливости. Как принято у джентльменов.

— И... чего именно требовала эта вежливость?

Болстон расстроено покачал головой, словно его искренне огорчала непонятливость собеседника.

— Я уже объяснил, что «Карнала» — агентство с беспрецедентной экспертизой в области обслуживания сложных психологических нужд. Их услуги уникальны. Разве вы не слушали, лейтенант?

— Я слушал вас очень внимательно.

— «Карнала» — идеальный поставщик идеального продукта.

— Это я тоже понял.

— Одним из условий продолжения сотрудничества было соблюдение небольшой формальности.

— Формальность — это декапитация жертвы?

— Тела жертвы. Уже потом, когда все кончено.

— И в чем смысл этой «формальности»?

— Кто их знает. У всех свои эстетические предпочтения.

— Предпочтения, значит.

— Мне только сказали, что это важно для кого-то в «Карнале».

— Вы даже не спросили, почему это важно?

— Сдается мне, лейтенант, вы так и не поняли, что представляет собой «Карнала».

Болстон вновь улыбнулся с зловещим спокойствием. Беккер поежился.

Глава 67

Материнская любовь

Первый допрос закончился, и трансляция прекратилась. Допросов было запланировано три — чтобы можно было подытожить, что осталось непонятным после первого, уточнить и в итоге получить исчерпывающую фабуну сотрудничества Болстона с «Карналой».

Когда экран на стене погас, первым заговорил Блатт.

— Какой же он урод!

Родригес достал из кармана девственно чистый платок, снял очки в тонкой оправе и принялся рассеянно протирать стекла. Гурни вдруг понял, что никогда раньше не видел его без очков. Без них глаза его казались меньше, взгляд — грустнее, а кожа на веках выглядела сморщенной и старой.

Клайн отодвинулся от стола.

— Пожалуй, я впервые слышу подобного рода признания на допросе. Что скажешь, Бекка?

Ребекка подняла брови.

— Что именно вас интересует?

— Это вообще правдоподобно звучит — то, что он рассказал?

— Вы спрашиваете, говорит ли он правду? Я уверена, что он сам искренне так считает.

— Таким уродам чихать на правду, — буркнул Блатт. Ребекка улыбнулась ему, как учительница ребенку.

— Ценное замечание, Арло. Едва ли правдивость в числе ценностей у таких, как мистер Болстон. Но дело в том, что в данном случае правда могла спасти ему жизнь.

Блатт нахмурился.

— Все равно я этому упырю не доверяю.

— Мое мнение таково, — произнес Клайн и чуть помедлил, чтобы убедиться, что все его слушают. — Если допустить, что обвиняемый говорит правду, то «Карнала» — один из самых жутких преступных синдикатов нашего времени. Причем то, что рассказывает Болстон, может оказаться лишь вершиной люциферического айсберга.

Хардвик каркнул, и этот звук, замаскированный под кашель, все же был смешком. Но Клайн продолжил:

— Похоже, что у «Карналы» безупречная в смысле дисциплины и отточенная организация процессов. Во Флориде поймали всего лишь одного клиента, а у нас с вами есть возможность раскусить и уничтожить все предприятие. Это шанс спасти жизнь огромному числу девушек. Кстати, Род, что там с обзвоном выпускниц?

Капитан надел очки, но затем снова их снял. Напряженность допроса, смешавшись с напряженностью его личных переживаний, явно ограничивала его скорость реакции.

— Билл, — произнес он с некоторым усилием, — расскажи, что удалось выяснить.

Андерсон судорожно проглотил кусок пончика, который перед этим жевал, и поспешно запил его кофе.

— В списке было сто пятьдесят два имени, — произнес он. — В ста двенадцати случаях нам удалось поговорить с кем-то из семьи... — он принялся рыться в папке с бумагами. — Полученные сто двенадцать результатов мы разбили по категориям. В частности...

— А если вкратце? — нетерпеливо перебил Клайн. — Сколько девушек пропало без вести, особенно после спора насчет машины?

Андерсон снова пошуршал бумагами, потом еще раз, потом еще. Наконец, он объявил, что местонахождение девушек неизвестно членам их семей в двадцати одном случае, из которых семнадцать исчезновений произошло в результате спора из-за машины, включая выпускниц, упомянутых Эштоном и Саванной Листон.

— Значит, паттерн налицо, — задумчиво произнес Клайн и повернулся к Хардвику. — Про «Карналу» есть что-нибудь новое?

— Нового ничего. Известно только, что компанией однозначно руководят Скарды, а Интерпол считает, что Скарды торгуют секс-рабынями.

— Ух ты, — произнес Блатт. — Секс-рабыни — это вообще как?

Родригес разозлился:

— «Как»?! Любой болван понимает, «как»! Ничего более мерзкого не существует. Занимаются этим всякие ублюдки — ублюдки-торговцы продают девок ублюдкам-покупателям. Да это такая грязь, что даже человек без фантазии сблеванет, просто представив себе, «как» это!.. У тебя есть фантазия, а, Арло?

Все обескураженно замолчали.

Клайн прокашлялся.

— Ну... лично я представлял это так, что сельчанок из тайских деревень кто-то привозит толстым арабским мужикам. Думаете, с девушками из Мэйплшейда такая же история? Что-то сомневаюсь. Так что буду благодарен, если кто-нибудь все же разъяснит, «как это». Дэйв?

— Я ничего не знаю про тайских сельчанок и арабов. Но у меня два вопроса. Во-первых, считаем ли мы, что Флорес как-то связан со Скардами? Во-вторых, если связан, то что из этого следует? Если нам известно, что у Скардов сугубо семейный бизнес, то логично предположить, что Флорес...

— Что Флорес — один из Скардов! — закончил Клайн и стукнул кулаком по столу. — Черт побери, это мысль!

Блатт почесал затылок.

— Типа, Флорес — тот самый пацан, который видел, как маму трахают наркочилеры?

— А что? — произнес Клайн, загораясь все сильнее. — Это бы многое расставило по местам.

— Скорее, это бы обозначило две ключевые мотивации, — заметил Гурни.

— Какие?

— Финансовую и патологическую. Если бы подобного рода торговля велась исключительно ради денег, то спектакль с цитатами из Валлори был бы необъясним.

— Бекка, а ты что скажешь?

Она вопросительно посмотрела на Гурни.

— Вам кажется, что эти мотивации друг другу противоречат?

— Нет, я просто думаю, что полезно бы понимать, где курица, а где яйцо.

— У вас есть предположение?

Гурни пожал плечами.

— Я только хочу сказать, что никогда нельзя сбрасывать со счетов силу патологии.

Она согласно кивнула и улыбнулась.

— В материалах Интерпола значилось, что у Джотто Скарда было три сына: Тициан, Рафаэль и Леонардо. Если Флорес — один из них, то который?

— А ты сама что думаешь? — спросил Клайн.

— У меня нет компетентного мнения на этот счет, но, учитывая сексуальный подтекст преступления, я склоняюсь к мысли, что Флорес — это Леонардо.

— Поясни.

— Именно Леонардо мать забрала с собой, когда Джотто выгнал ее из дому. Он прожил с ней дольше остальных сыновей.

— И чего, если долго живешь с матерью, то превращаешься в маньяка-убийцу? — не понял Блатт.

Ребекка пожала плечами:

— Смотря что за мать. Одно дело — нормальная женщина со здоровой психикой и совсем другое — психопатка, нимфоманка и наркоманка, какой была Тирана Зог...

— Это все ясно, — перебил Клайн. — Но как детство с такой матерью могло способствовать созданию такого высокоорганизованного, прагматичного синдиката, как «Карнала»?

Ребекка улыбнулась:

— Безумие не обязательно подразумевает недееспособность. Иосиф Сталин, к примеру, был шизофреником с уклоном в паранойю, но это не помешало ему прийти к власти. Более того, патологический склад ума иногда способствует достижению целей, особенно если эти цели каким-то образом обслуживают глубинную патологию.

Блат потрясенно моргнул:

— Типа, лучшие преступники получаются из психов?

— Не всегда. Но давайте предположим, что Гектор Флорес — на самом деле Леонардо Скард. Его растит психически неуравновешенная мать, которая спит со всеми подряд, это злокачественно расшатывает его собственную психику. Давайте также предположим, что «Карнала» — это компания Скардов и что она занимается узкоспециальной торговлей секс-рабынями, как предполагали интерполовцы и как сегодня подтвердил Болстон.

— Предположим то, предположим это, — недовольно буркнул Андерсон, собирая платком крошки от пончика.

— Мне кажется, это вполне резонные предположения, — отозвался Клайн.

— А если они верны, — подхватил Гурни, — то «Карнала» — идеальная работа для такого, как Леонардо.

— Почему? — не понял Блатт.

— Потому что она одновременно позволяет поддерживать семейные традиции ведения бизнеса и дает выход мизогинии.

— Точно! — воскликнул Клайн. — Он нанимает девчонок!

— Да, — кивнул Гурни. — Представим, что наш Флорес-Скард приехал в Мэйплшейд прицельно, чтобы найти там девиц, морально готовых удовлетворять богатых извращенцев вроде Болстона. Разумеется, Леонардо упакует предложение в такие слова, чтобы девицам казалось, будто это работа их мечты, а ведь он хорошо понимает, какие у них мечты. Они соглашаются вполне добровольно, а если и понимают, что это ловушка и что их убьют, то слишком поздно.

Блатт цокнул языком.

— Это все какой-то бред.

— Нет, — возразил Гурни. — Это эффективное сочетание патологии и деловой смекалки. Я знаю несколько человек, занимающихся таким бизнесом, от которого у нормальных людей начинаются рвотные позывы. Например, специалисты по бальзамированию или таксидермисты. Они, конечно, говорят о своей работе как о способе заработка, будто она не

связана с кровью, кишками и смертью.

Андерсон нервно мямсалфетку в руке.

— Послушайте, можно сколько угодно теоретизировать, но...

— Мне кажется, что Дэйв прав, — перебила Ребекка. — Патология отлично уживается с практичностью. Леонардо Скард в облиии Гектора Флореса вполне может зарабатывать на жизнь пытками и убийством женщин, которые напоминают ему мать.

Родригес начал подниматься из-за стола:

— Так, на этом месте, пожалуй, прервемся. Перерыв десять минут — туалет, кофе, вот это все...

— Еще одна деталь, — произнесла Ребекка. — Все охали и ахали, что Джиллиан Перри убили в день ее свадьбы. А кто-нибудь обратил внимание, что это также был День матери?..

Глава 68

Буэна-Виста

Клайн с Родригесом, Блатт, Хардвик и Вигг вышли из зала. Гурни хотел отправиться следом, но тут заметил, что Ребекка достает из сумки пачку фотокопий. Это были рекламные снимки для «Карналы». Она разложила их перед собой на столе, Гурни подошел и стал их рассматривать. Сейчас, когда Болстон объяснил, что за ними стоит, развратность на грани фолла стала понятнее, но оттого была не менее тошнотворной.

— Не понимаю, — сказал он. — Вроде бы в Мэйплшейде должны каким-то образом лечить нездоровые фиксации... если на этих снимках девушки, предположительно прошедшие терапию, то как же они выглядели до нее?

— Еще хуже.

— Нда.

— Я читала статьи Эштона на эту тему: он не ставит перед собой цели полного перевоспитания. Критики утверждают, что его подход аморален — он считает, что надо рассчитывать только на мелкие изменения. На одном семинаре он сказал такую вещь: «Если мне удастся убедить десятилетнюю девочку сделать минет своему двенадцатилетнему другу, а не восьмилетнему брату, то я буду считать терапию успешной». В определенных кругах такой подход считают возмутительным.

— Прогресс вместо перфекционизма, значит.

— Именно.

— И все же у них здесь такие лица...

— Нужно понимать, что и показатели успешной терапии не очень высоки. Я даже уверена, что неудачи на этом поприще случаются у Эштона куда чаще, чем успех. Все-таки насильники — особенный контингент...

Гурни ее не слышал.

Как же он раньше этого не заметил? Как?..

Ребекка удивленно посмотрела на него.

— Что случилось?

Гурни ответил не сразу. Нужно было понять, что можно говорить, а о чем лучше умолчать. Нужно было принять несколько важных решений. Правда, он был совершенно не в состоянии принимать решения прямо сейчас. Перед ним на снимке была спальня, в которой он прятался от уборщиков в тот вечер, когда пришел за бокалом от абсента. Он видел комнату мельком, за долю секунды, на которую пришлось включить свет, чтобы найти свои вещи. И вот почему он испытал тогда дежавю! Он видел уже эту спальню — на фотографии с Джиллиан, которая висит у Эштона. Тогда он не смог ее вспомнить, зато вспомнил теперь.

— Что с вами? — повторила Ребекка.

— Не знаю, как объяснить, — хрипло пробормотал Гурни, причем это было правдой. Он не мог оторвать взгляда от фотографии с девушкой, стоящей на четвереньках на смятой кровати, с выражением сладострастия и изнеможения на лице, и в ее взгляде были и вызов, и приглашение, и угроза. Гурни вспомнил, как однажды попал с одноклассниками на какой-то христианский семинар, где священник с глазами навывкате вещал про адский пламень, горящий вечно, пожирающий грешников заживо, подобно зверю, чей голод лишь разрастается с каждым глотком крови, с каждым клочком плоти...

Вернулся Хардвик. Окинув взглядом Гурни, Ребекку и лежавшую перед ними фотографию, он с подозрением нахмурился, но промолчал. Затем вошла Вигг, а следом за ней — мрачный Андерсон и нервозный Блатт. Последними вернулись Клайн и Родригес. Клайн с кем-то говорил по мобильному. Вигг устроилась за своими ноутбуками. Хардвик уселся напротив Гурни и уперся в него любопытным взглядом.

— Так, — произнес Клайн, с важным видом убирая телефон. — На чем мы остановились? Кажется, хотели определить, кем на самом деле являлся Гектор Флорес. Род, как я понял, твои ребята должны были повторно допросить соседей Эштона? На случай, если в первый раз те забыли что-нибудь рассказать.

Родригес поморщился, как человек, потративший время зря, и повернулся к Андерсону:

— Что слышно?

Андерсон скрестил руки на груди.

— Ничего нового соседи не сообщили.

Клайн вопросительно посмотрел на Гурни, которому принадлежала идея повторного опроса. Гурни усилием воли заставил себя оторваться от фотографии и посмотрел на Андерсона.

— Вам удалось отличить фактическую информацию из уст очевидцев, которой довольно мало, от слухов, которых пруд пруди?

— Удалось.

— И что получилось?

— Получилось, что с очевидцами проблема.

— А именно? — спросил Клайн.

— Практически все очевидцы мертвы.

Клайн удивленно моргнул.

— То есть как?

— Вот так — почти все мертвы.

— Не надо мне повторять как идиоту! Я хочу знать, как это выяснилось!

— Проанализируем: кто лично разговаривал с Флоресом, Скардом или кто он там? Кто видел его лицо? Джиллиан Перри? Мертва. Кики Мюллер? Мертва. Девчонки, про которых говорила Саванна Листон, что они с ним общались в Мэйплшейде, когда он окучивал клумбу? Они неизвестно где — вероятно, тоже мертвы, особенно если попались в лапы маньяку вроде Болстона.

Клайн скептически хмыкнул.

— Но кто-то же видел его вместе с Эштоном — они вместе ездили в машине, бывали в городе...

— Фактически они видели какого-то человека в ковбойской шляпе и темных очках, — возразил Андерсон. — И ни одна собака не помнит о нем ничего полезного. Какие-то байки, сплетни, ничего осязаемого. Все тупо пересказывают то, что слышали от кого-то там где-то там.

Клайн кивнул.

— Очень в духе Скардов.

Андерсон удивленно поднял бровь.

— Скарды, предположительно, избавляются от любых очевидцев, кто может навести на их след. Дэйв, как вам эта версия?

— Простите, что?

Клайн удивленно уставился на него.

— Я спрашиваю, как тебе версия, что исчезновение прямых очевидцев означает, что Флорес — один из Скардов?

— Честно говоря, Шеридан, я в растерянности. У нас нет вообще никаких фактов, про которые можно однозначно сказать, что это правда. И у меня ощущение, что я упускаю что-то важное, глобальное, объясняющее весь этот бардак. Сколько лет расследую убийства — и никогда еще ход расследования не шел до такой степени наугад. Вам не кажется, что мы, образно выражаясь, не замечаем какого-то слона?

Клайн откинулся на стуле и задумчиво произнес:

— Насчет слона я не знаю, но один вопрос мне тоже не дает покоя. Вот разные девочки просят родителей купить им дорогущую тачку. Ладно, подростки — существа сложные, это никого не насторожило. И чисто юридически они были совершеннолетние, формально в розыск не подашь. Но все-таки разве не странно, что родители даже не пытались обратиться в полицию, выяснить, где дочь?.. А ведь никто из родителей не пытался.

— У меня есть простой и грустный ответ на ваш вопрос, — произнесла Ребекка. Ее голос прозвучал необычно тихо, что заставило всех немедленно повернуться в ее сторону. — Эти родители были втайне счастливы, что все так получилось. Дочери прямо попросили не искать их. Отличная причина не пытаться. Родители проблемных детей часто боятся, что это бремя на всю жизнь. Поэтому, когда выясняется, что от бремени можно безболезненно избавиться, они испытывают облегчение.

Родригес, который и без того все это выслушивал с кислым лицом, побледнел и молча направился к двери. Гурни подумал, что Ребекка невольно задела его за самое больное — за чувства, с которыми он мучительно боролся с самого начала расследования, наполненного темой нездоровых девиц и сложных семейных отношений. Неудивительно, что капитан, и так не отличающийся уравновешенностью, оказался на грани недееспособности.

Он как раз подошел к двери, когда она сама открылась. На пороге стояла Жерсон. Ее вытянутое лицо выражало озабоченность. Она не отошла в сторону, чтобы пропустить Родригеса.

— Сэр, срочные новости.

— Не сейчас, — буркнул он. — Поговори с Андерсеном или еще с кем...

— Это по делу о выпускницах Мэйплшейда.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Родригес.

— Убийство...

— Кто убит?!

— Некто Саванна Листон.

Повисла тишина, словно Родригесу требовалось время, чтобы смысл сообщения дошел до него.

— Ясно, — произнес он наконец, и они вместе вышли из зала.

Спустя пять минут он вернулся. Все выжидающе смотрели на него.

— В общем, — произнес он, — удачно, что собрались все, кого это касается. Советую записывать, что я дальше скажу, потому что повторяться не буду.

Андерсон и Блатт вытащили откуда-то одинаковые блокнотики.

Пальцы сержанта Вигг застыли над клавиатурой.

— Звонил начальник полиции Тэмбери Берт Лунц. Он сейчас в доме, который снимала Саванна Листон — девица, работавшая в Мэйплшейде... — голос капитана был громким и энергичным, словно поступившая информация, пусть временно, но приободрила его. — Сегодня, примерно в 5 утра, на домашний номер мистера Лунца поступил звонок. Голос звонившего был незнакомый, с испанским акцентом. Звонивший сказал: «Семьдесят восемь, Буэна-Виста. Я написал тебе про все причины». Лунц попросил незнакомца представиться, и тот сказал: «Эдвард Валлори зовет меня садовником-мексиканцем», после чего звонок был прерван.

Андерсон взглянул на часы.

— В пять утра? То есть десять часов назад. Почему он только сейчас позвонил?

— К сожалению, Лунц решил, что кто-то ошибся номером или хулиганит. Поскольку он не в курсе деталей расследования, имя Эдварда Валлори ни о чем ему не говорит. Но полчаса назад с ним связался доктор Лазарь из Мэйплшейда и сказал, что одна из их сотрудниц, обычно ужасно пунктуальная, почему-то не пришла на работу и не отвечает на звонки, и, поскольку обстановка в поселке напряженная, попросил прислать наряд к ее дому, чтобы убедиться, что там все в порядке. И диктует адрес: дом семьдесят восемь, улица Буэна-Виста. Тут Лунц начинает чують неладное и отправляется туда сам...

Клайн наклонился вперед, словно готовясь к прыжку.

— Приезжает, а там труп Саванны Листон?

— Задняя дверь была не заперта, Листон сидела за кухонным столом... частично. В общем, картина та же, что и с Джиллиан Перри.

— Один в один? — уточнил Гурни.

— По всей видимости, да.

— Где сейчас Лунц? — спросил Клайн.

— На этой самой кухне, с другими копами из Тэмбери. Собираются оградить место преступления и изучить улики. Он уже прошелся по дому, чтобы убедиться, что там больше никого. Говорит, ничего не трогал.

— Ему ничего не показалось необычным?

— Одна вещь была. У дверей стояла пара калош, какие надевают поверх обуви. Тебе ничего не напоминает?

— Опять калоши... Черт! Калоши — это не случайность!..

Родригес с интересом посмотрел на него. Гурни продолжил:

— Капитан, я знаю, что не имею права голоса в том, как вы распределите ресурсы, но позвольте дать вам совет?

— Валяйте.

— Отдайте эти калоши в лабораторию, и пусть они прогонят их через все тесты, какие у них только есть. Пусть хоть ночь не спят.

— И что они должны найти?

— Не знаю.

Родригес закатил глаза, но спорить почему-то не стал, а только произнес:

— По-моему, это пальцем в небо.

— Мы видим калоши второй раз. Пока не настал третий, лучше попытаться узнать, в чем их роль.

Глава 69

Темные закоулки

Андерсон, Хардвик и Блатт отправились на улицу Буэна-Виста с собаками и командой экспертов под руководством сержанта Вигг. Позвонили судмедэкспертам. Гурни тоже хотел взглянуть на место убийства, но Родригес, как и ожидалось, был против. Он поручил Вигг координировать работу лаборатории по калошам. Клайн пробормотал, что нужно продумать, как все это преподнести на грядущей пресс-конференции, и они с капитаном ушли совещаться, оставив Гурни и Ребекку наедине.

— Ну что... — произнесла она с непонятной иронией.

— Что? — переспросил Гурни.

Она пожала плечами и посмотрела на сумку, в которой лежали снимки «Карналы».

Гурни понимал, что ей по-прежнему интересно узнать, почему он так

обеспокоенно ей звонил. Но он по-прежнему не был готов об этом разговаривать, потому что так и не понимал до конца возможных последствий откровенности.

— Долгая история, — произнес он.

— Я с удовольствием послушаю, — ответила Ребекка.

— А я бы с удовольствием рассказал, но... все слишком сложно, — сказал Гурни и вздохнул, потому что первая часть этой фразы была честнее второй. — Давай в другой раз?

— Давай, — улыбнулась она. — В другой раз.

Поскольку в лабораторию его бы все равно не пустили, а других причин оставаться здесь не было, Гурни отправился домой. События дня гудели в голове пчелиным роем.

Внезапное признание Болстона, вальяжное повествование кровавого психопата, который отрезал трупу голову в качестве благодарного реверанса «Карнале»... Саванна Листон, кукла на кровати, невеста в доме садовника. И чертовы резиновые калоши. Калоши, калоши... Неужели он правда ждал какого-то откровения из лаборатории?.. Теперь он слишком устал, чтобы восстановить ход собственной логики.

Когда он доедал вчерашнее спагетти, ему позвонил Клайн с новостями с места преступления. Эти новости еще сильнее отяготили его ум и ни на йоту не сдвинули размышления с мертвой точки. Собаки нашли в рожице за домом окровавленное мачете. По оценкам экспертов, убийство произошло в течение трех часов после полученного Лунцем предрассветного сообщения.

За годы работы Гурни не раз казалось, что преступник с ним играет в игру. Бывало, что ему даже казалось, что преступник вот-вот выиграет, как было на расследовании по делу Меллери. Но это был первый случай, когда его настолько явно переигрывали. У него, конечно, была приблизительная теория, что стояло за синдикатом Скардов, за спектаклем «Гектор Флорес нанимает извращенков» и за убийством девушек в угоду чьей-то ущербной психики. Но это была всего лишь теория, и даже если бы ей нашлись подтверждения, она не объясняла сложносочиненной цепочки знаков, характерных для убийств. Не объясняла мачете за домиком. Не объясняла, зачем нужны калоши. Не объясняла, по какому принципу были избраны жертвы.

Что общего было у Джиллиан Перри, Кики Мюллер и Саванны Листон?

И если неизвестно, за что их убили, то как предотвратить возможные

будущие убийства?..

Вконец измучив ум, перебирая по десятому кругу известные факты, Гурни заснул в районе полуночи.

Семь часов спустя он открыл глаза и услышал, как тяжелые струи дождя стучатся в окна спальни. У окна, что ближе к кровати, была приоткрыта фрамуга — совсем чуть-чуть, так что дождь не заливал внутрь, однако влажный воздух пропитал всю комнату и, казалось, даже подушка с одеялом отсырели.

Вид за окном был гнетущий. Ни света, ни цвета. Категорически не хотелось вылезать из постели, но Гурни понимал, что нельзя поддаваться такому настроению, и заставил себя выбраться в ванную. Пол был холодный. Гурни включил душ.

Спасибо, Господи, за первобытное чудо воды.

Вода очищает, упрощает, восстанавливает. Теплые струи били его по спине и плечам, заставляя мышцы расслабляться, а следом и скрученные в жгут нервы слились с шумом воды, милосерднейшего обезболивающего. Гурни представлял, что слышит прибой, и чувствовал себя в кои-то веки легко.

Глава 70

На самом видном месте

Съев на завтрак два яйца и ломтик тоста, Гурни решил заново пройти по основным фактам расследования.

Он разложил документы на обеденном столе и стал искать, не пропустил ли он что-то, когда в первый раз изучал материалы. Это была распечатка на 57 страницах со списком всех сайтов, которые Джиллиан посещала, и с сотнями поисковых запросов, введенных с компьютера и с телефона за последние полгода жизни. Большинство из них касалось каких-то фешенебельных курортов, отелей, дорогих машин и украшений.

Никакого анализа к собранной информации не прилагалось. Гурни подумал, что эта задача наверняка выпала из списка приоритетов в неразберихе, когда Хардвика заменили Блаттом. Он бы даже решил, что, кроме него, никто не просматривал распечатку, но на первой же странице была приклеена заметка: «Ненужная фигня».

Гурни подумал, что это наверняка почерк капитана, а потому стал просматривать список с удвоенным вниманием. И если бы не это, наверняка пропустил бы неприметное слово из пяти букв на тридцать

седьмой странице пачки.

«Скард».

На следующей странице оно встретилось снова и еще раз несколько страниц спустя.

Гурни с растущим интересом просмотрел оставшиеся страницы, потом снова прошелся по каждой из пятидесяти семи. И во время повторного просмотра нашел еще кое-что.

Запросы про автомобили, затесавшиеся среди прочих — про курорты, бутики, ювелирные салоны и прочую роскошь, — внезапно сложились в самостоятельный паттерн.

Там были ровно те марки машин, которые девушки требовали у родителей в подарок перед тем, как навсегда уйти из дому.

Едва ли совпадение.

Выходит, у Джиллиан во всем была какая-то особенная роль? Иначе зачем бы ей знать про эти машины? И что именно она пыталась узнать про Скардов?

Откуда она вообще о них знала?

И что ее связывало с Флоресом?

Работа? Близость? Заговор?

Запросы про машины вели на рекламные сайты, где можно было посмотреть модель, характеристики и цену. Запрос по слову «Скард» вел на сайт с информацией о каком-то городке в Норвегии, а также на несколько других сайтов, никак не связанных с преступным кланом. Значит, Джиллиан узнала о них не из Интернета. Возможно, она ничего, кроме фамилии, и не знала и как раз пыталась узнать.

Гурни посмотрел на даты запросов про машины и про Скардов. Первые начались буквально с первых дней охваченного шестимесячного периода, а вторые — несколько месяцев спустя. Значит, она довольно долго собирала эту информацию. Стоило бы попросить бюро получить ордер на сбор информации о запросах Джиллиан в Интернете как минимум за последние два года.

Гурни снова посмотрел на мокрый пейзаж за окном. Значит, вырисовывается совсем новая картина происходящего. Значит, Джиллиан была не просто...

На дороге за сараем раздался гул, сбивший его с мысли. Он подошел к кухонному окну, откуда можно было хорошо разглядеть дорогу, и увидел, что дежурный коп уехал. Взглянув на часы, он понял, что как раз истекли обещанные сорок восемь часов охраны. Но там, где городская дорога переходила в грунтовку, виднелась другая машина, которая и издавала

нарастающий гул.

Это был красный «Понтиак», классическая модель семидесятых. Такой был у Хардвика. И раз он ехал на нем, а не на «Виктории», значит, у него был выходной.

Гурни подошел к двери и стал ждать. Хардвик вылез из машины. Он был одет в выдавшие виды синие джинсы, белую футболку и потертую кожаную «косуху». Ретро-герой на машине времени.

— Вот так сюрприз, — произнес Гурни.

— А вот подумал, дай загляну. А то вдруг тебе еще какую куклу подкинули.

— Какая забота! Заходи.

Хардвик вошел и молча огляделся.

— Неблизкая дорога, в такую-то погоду, — отметил Гурни.

— Дождь час как закончился.

— Серьезно? Я не заметил.

— Ты и выглядишь так, словно сам здесь, а мозг на Марсе.

— Может, так и есть, — буркнул Гурни.

— Слушай, а дровяная печь помогает экономить? — спросил Хардвик.

— Чего?

— Ну, на отоплении?

— Джек, ты зачем приехал?

— А что, нельзя навестить приятеля? Чисто перетереть о жизни?

— Мы оба не любители мотаться по гостям и «перетираться». Давай, выкладывай.

— Сразу к делу, как всегда. Уважуха. Время — деньги, и все такое. Но давай ты все-таки сварить кофе и предложишь мне присесть?

— Ладно, — отозвался Гурни. — Кофе будет, садись где хочешь.

Хардвик прогулялся в дальнюю часть гостиной и принялся рассматривать кладку камина. Гурни воткнул кофеварку в розетку и нажал кнопку.

Несколько минут спустя они уже сидели в креслах с чашками кофе.

— Неплохо, — сказал Хардвик, отпив глоток.

— Не «неплохо», а отличный кофе, — возразил Гурни. — Так чего тебе надо?

Хардвик сделал еще глоток.

— Я тут подумал: как насчет обмена информацией?

— Мне нечем меняться.

— О, еще как есть. В этом я ни минуты не сомневаюсь. Давай! Я тебе кой-чо расскажу, ты мне кой-чо расскажешь...

Гурни начал злиться.

— Ну так давай! Ты первый.

— Звонил своему интерполовцу, расспрашивал его насчет «Логова Сэнди». Оказывается, второе название портала — «Логово Алессандро». Фигурирует то так, то сяк. Что скажешь?

— А что тут говорить?

— Ну, в прошлый раз ты считал, что это совпадение. Теперь, поди, не считаешь.

— Действительно, вряд ли может быть два фэшн-фотографа по имени Алессандро.

— Вот-вот. И Сол Штек, у которого ты подцепил бокальчик из-под абсента, как раз работает под псевдонимом Алессандро. Фоткает девиц из Мэйплшейда для «Карналы», а потом они — хоп! — и исчезают. Так что давай, старичок, колись: что ты затеял? И, кстати, я вчера видел, с какой рожей ты рассматривал рекламу через плечо Холденфилд. Так что я жажду объяснений.

Гурни откинулся на спинку стула, прикрыл глаза и сделал несколько неспешных глотков кофе. Затем, не опуская чашки, посмотрел на Хардвика. Тот сидел в зеркальной позе, с чашкой у губ, и пристально наблюдал за ним. Они оба усмехнулись и одновременно отставили чашки в сторону.

— Ладно, — выдохнул Гурни. — Возможно, в безвыходных ситуациях ничего и не остается, кроме как говорить правду.

С усилием отгоняя мысли о возможных жутких последствиях, он подробно рассказал Хардвику всю историю с самого начала — про Соню, про фотопроект с портретами убийц, про встречу с Йикинстилом и амнезию, а также про угрозы в эсэмэсках и про то, что на давешней рекламе «Карналы» была спальня, которую он узнал. К концу рассказа кофе совсем остыл, но Гурни все равно допил его.

— Охренеть, — подытожил Хардвик. — Ты соображаешь, как ты меня подставил?!

— Каким образом?

— Я с тобой теперь в одной сраной лодке.

Гурни почувствовал удивительное облегчение, но решил, что Хардвику лучше об этом не говорить. Вместо этого он спросил:

— И что будем делать?

— Ну ты спросил! Сперва ты скрыл от следствия ключевые улики, а это, на минуточку, уголовка. А теперь ты все это рассказал мне, и я тоже должен молчать, то есть ходить под приговором. Хотя я, конечно, могу сейчас рвануть к Родригесу и сдать тебя с потрохами... Да я понятия не

имею, что теперь делать, Гурни! Тем более что «мы» будем делать, а ты же подразумеваешь это «мы»? Короче, сам кашу заварил — вот сам и скажи мне, какой калошей ее теперь расхлебывать!

Чем сильнее Хардвик горячился, тем легче становилось Гурни, потому что возмущение означало, что Хардвик не собирается «рвануть к Родригесу», по крайней мере пока эмоции не схлынули.

— Мне кажется, что если дело раскрыть, то ничего расхлебывать не придется, — сказал Гурни.

— О да, о да, блестяще! Как это я сам не сообразил? Ты хренов гений!

— Джек, давай хотя бы все обсудим, посмотрим, в чем сходимся, в чем нет и какие у нас варианты. Может, мы сейчас ближе к разгадке, чем нам самим кажется...

Произнося это, он понял, что сам себе не верит, но сдаваться было нельзя: назад дороги не было.

Хардвик скептически хмыкнул.

— Валяй, Шерлок. Я весь внимание. Надеюсь, что твой мозг не спекся от дряни, которую тебе подмешали в бухло.

Гурни от этого комментария стало не по себе. Он встал, налил себе еще кофе и вернулся в кресло.

— Вот что я думаю. Представь себе букву «Н».

— Зачем мне представлять букву «Н»?

— Чтобы лучше понять структуру событий. Одна из вертикальных линий — это синдикат Скардов. Они торгуют на рынке дорогостоящих извращений. Твои интерполовцы говорят, что это весьма злобная семейка. Если верить Болстону, они специализируются на воплощении экстремальных садомазофантазий богатых маньяков, продавая им в рабство тщательно отобранных девиц.

Харвик кивнул, и Гурни продолжил:

— Дальше. Вторая вертикаль — это школа-интернат Мэйплшейд. Ты все и так знаешь, но давай я для порядка повторю. Там учатся девушки с расстройками, ведущими к деструктивному поведению, в том числе с сексуальными девиациями. В последние годы специализация школы сузилась до этих девиц. Методика школы пользуется изрядной популярностью благодаря научной репутации Скотта Эштона — звездного эксперта по психопатологии. А теперь допустим, что Скарды узнали про контингент Мэйплшейда и... оценили перспективы.

— Перспективы, говоришь?

— Да. Туда попадают насильницы и жертвы насилия, ставшие насильницами. С точки зрения Скардов, Мэйплшейд — это, как бы мерзко

ни звучало, поставщик эксклюзивного товара.

Харвик слушал внимательно, чуть прищурившись. Помолчав, он сказал:

— Согласен. А перекладка в Н?..

— Горизонталь, соединяющая Скардов с Мэйплшейдом, — это человек под условным названием Гектор Флорес. Тогда понятно, зачем он сперва втирался в доверие к Эштону, а потом проник в Мэйплшейд.

— Но при этом никто из девиц не исчезал, собственно, до выпускного.

— Нет, потому что тогда их бы сразу стали искать. Все-таки есть разница между ребенком, пропавшим из интерната, и взрослым человеком, решившим покинуть дом. Я думаю, что Флорес подкатывал к будущим выпускницам, оценивал их настрой и делал предложение только тем, насчет кого был уверен, что получит согласие. Затем рассказывал, как правильно уйти из дому, не вызвав подозрений. Может, даже обеспечивал им трансфер. Хотя, возможно, этим занимался кто-то другой. Например, тот, кто записывал на камеру, как девушки рассказывают о своих преступлениях.

— Например, твой дружок Сол Штек, он же Алессандро, он же Йикинстил.

— Например, — кивнул Гурни.

— А как, по-твоему, Флорес объяснял необходимость поругаться с родителями?

— Вероятно, сказал, что это вынужденная предосторожность, чтобы семья гарантированно не подала в розыск и не нашла девушку у ее благодетеля, испортив всем настроение и сделку.

— То есть фактически Флорес занимался сводничеством. Дашь каждой извращенке по психопату! Красота! Девчушки считали, что их ждут богатые джентльмены, сжигали мосты, заматали след, звонили в дверь... И тут джентльмен оказывался монстром, капкан захлопывался, песенка спета, Скарды счастливы. Особенно когда клиент отдает им «дань вежливости», отрезая жертве голову.

— Ты все правильно понял, — кивнул Гурни. — Моя теория в том, что Флорес — это Леонардо Скард, который создал своеобразную службу знакомств для опасных маньяков. Правда, это всего лишь теория.

— Довольно складная, — заметил Хардвик. — Правда, все равно непонятно, почему Джиллиан Перри убили на свадьбе.

— Возможно, она что-то знала о Флоресе. Например, что его настоящая фамилия — Скард.

— Откуда она могла что-то о нем знать?

— Представь, что Флоресу нужна была помощница. Допустим, он заезжал в Мэйплшейд три года назад, когда она там еще училась. Нашел ее, что-то пообещал... может, она была его глазами и ушами в школе, помогала подбирать достойных, так сказать, кандидатов. А потом она стала ненужной, а может, узнала, кто он, и вздумала его шантажировать. Вэл Перри говорила, что Джиллиан была любительницей опасных крайностей. А вымогать деньги у Скарда — это очень опасная крайность.

Хардвик покачал головой:

— И чтобы остановить шантаж, он отрубил ей голову в день свадьбы?..

— В День матери, как подметила Бекка.

— Вау, ты называешь ее «Бекка»! — Хардвик многозначительно поднял бровь.

— Иди к черту, — буркнул Гурни.

— Ладно, а за что хлопнули Саванну Листон? Тоже наймитка Флореса, которую устранили за ненужностью?

— В качестве гипотезы, почему нет?

— Разве не она тебе звонила на той неделе насчет пропавших девиц? Если бы она работала на Флореса, зачем бы ей его подставлять?

— Может, это часть его плана. Чтобы я решил, что ей можно доверять, и что-нибудь рассказал. Возможно, он сообразил, что расследование набирает обороты и что дело идет к допросу выпускниц. А значит, мы бы при любом раскладе обнаружили, что значительное число девиц пропало с радаров. Поскольку это было просто вопросом времени, Флорес мог попросить Саванну сделать этот звонок — чтобы она осталась вне подозрений.

— Думаешь, она была в курсе? И Джиллиан?..

— В курсе того, что происходит с девушками? Вряд ли. Думаю, они повелись на легенду, что это такое знакомство «по интересам», для обоюдодоброго времяпрепровождения с последующим вознаграждением. Но я, конечно, ничего не знаю наверняка. Иногда у меня ощущение, что все это дело целиком — какая-то ловушка и нас всех затягивает в ад.

— Гурни, подожди. Твои теории — это все-таки опыт. Если не доверять собственному опыту, мы далеко не уедем. Лучше скажи, какой наш следующий шаг?

Он не имел понятия. От этого неловкого признания его спас телефонный звонок.

Звонила Вигг. Как обычно, она даже не поздоровалась:

— У меня предварительные результаты из лаборатории по калошам из дома Листон. С разрешения капитана Родригеса готова их с вами обсудить. Вы можете говорить сейчас?

— Могу. Что у вас?

— Много предсказуемого, но есть и кое-что удивительное. С чего начать?

Спокойное, деловитое контральто Вигг всегда нравилось Гурни. Ее голос, что бы он ни говорил, внушал уверенность, что порядок все-таки одержит верх над хаосом.

— С удивительного. Обычно в удивительном кроются ценные подсказки.

— Согласна. Удивительно то, что на подошвах нашли феромон метил пара-гидроксибензоат. Вам это о чем-нибудь говорит?

— Я химию в школе прогуливал. Вам придется меня просветить.

— Тут все просто. Феромоны — это секрет определенных желез, который задуман природой, чтобы животные могли сообщать друг другу всякую информацию. В зависимости от типа феромона он может возбуждать, предупреждать, успокаивать или отталкивать другую особь. Конкретно метил пара-гидроксибензоат — собачий половой аттрактант, довольно сильный, и он был обнаружен на обеих подошвах.

— И какой у него эффект?

— Любая собака, особенно ищейка, легко и охотно пойдет по следу того, кто надевал эти калоши, игнорируя другие следы.

— И где же это добро берут?

— Феромоны продают в собачьем приюте или у ветеринара для коррекции поведения животного. И, разумеется, их можно получить непосредственно от течной суки.

— Любопытно... каковы шансы, что такое вещество могло случайно попасть кому-то на подошвы?

— В такой концентрации? Только если вляпаться в лужу на месте взорвавшегося завода по разливу феромонов.

— Еще любопытнее. Благодарю вас, сержант. Позвольте я передам трубку Джеку Хардвику, чтобы вы ему все это повторили? Возможно, у него возникнут вопросы.

У Хардвика действительно возник вопрос:

— Если этот феромон вырабатывает течная сука, значит, кобель не может перед ним устоять, верно?

Выслушав ее ответ, он повесил трубку и оживился.

— Обалдеть. Манящий запах течной суки, а! Как тебе, Шерлок?

— Очевидно, Флорес хотел, чтобы ищeyки взяли именно этот след. Может, он даже специально вычитал в Интернете, что все полицейские ищeyки — кобели.

— Значит, ему было нужно, чтобы мы нашли мачете.

— Без вариантов, — кивнул Гурни. — Причем он хотел, чтобы мы нашли его быстро.

— И какой тогда сценарий? Вот, отхреначил он башку, надел калоши, вышел в лес, бросил там мачете, вернулся в дом, снял калоши... и что?

— В случае с Саванной он просто спокойно ушел или уехал, — сказал Гурни. — А вот случай с Джиллиан в голове не укладывается.

— Потому что никто не мелькал на видео?

— Да, и еще потому, что ему некуда было спрятаться в домике.

— Меня по-прежнему волнует, зачем он вообще возвращался назад, а не свалил, бросив мачете.

Гурни улыбнулся:

— Вот эту часть я как раз, кажется, понимаю. Нужно было оставить калоши в домике, чтобы псина уже там учуяла след и потом искала именно его, выведя нас к мачете. Ему почему-то было важно, чтобы мы первым делом нашли мачете.

— Вот почему?

— Меня интересует другое. Если верить видео, из домика садовника никто не выходил. В таком случае как мачете попало туда, где его нашли?

— Думаешь, это важно?

— А ты думаешь, нет?

Хардвик пожал плечами:

— Одни детективы помешаны на мотивах, а ты — на несостыковках, вот и зацепился за единственное непонятное место в истории.

— А ты бы за что зацепился?

— За лейтмотивы. И в этом деле явный лейтмотив — это секс. Он из каждой щели лезет. Эдвард Валлори, Тирана Зог, Джордан Болстон, Сол Штек... Синдикат Скардов. Специализация Эштона, опять же. Позы на фотографиях в рекламе «Карналы». Даже след, ведущий к мачете, — привет от течной суки! И знаешь, что я думаю? Что пора навестить эпицентр этого изврата. Поехали в Мэйплшейд?

Глава 71

Я написал тебе про все причины

Ему, конечно, не все нравилось в решении финальной сцены. Пришлось отклониться от изысканной точности и простоты отточенного лезвия. Но другого способа закончить начатое он не знал. Его расстраивало вопиющее несовершенство происходящего, размытие границ и смешение признаков, но оставалось лишь принять их как неизбежное зло. Еще одним неизбежным злом были непреднамеренные жертвы. Он утешался мыслью, что его война — для праведного дела. Праведного по форме и содержанию, а потому заведомо искупающего любые последствия. Можно сожалеть о невинно убиенных, да. Однако разве в Мэйплшейде были невинные? О нет, эти девочки не отличались невинностью и, даже будучи юридически всего лишь детьми, на самом деле были совсем иными.

Что ж, день настал. Возможность может больше не представиться. Важно оставаться собранным, объективным, не колебаться. Важно помнить об истинном положении дел в этом мире.

Эдвард Валлори видел это положение с ясностью, не доступной другим смертным: главный герой «Садовника-испанца» даже глазом не моргнул.

Остается нанести последний удар этим шлюхам и лгуням, лукавым отродьям преисподней. Про таких говорят: «прелестное создание». Красноречивая фраза, если задуматься. Кто, спрашивается, их создал?

Пожирающий зев, мокрый язык, скользкий червяк.

Гадина.

И обрушу меч мой огненный на ядовитые головы, и ни одна змея не уползет живой.

В самую слизь их поганых сердец вонжу копье пламенное и навеки прерву их биение.

И отродье Евы сгинет, искуплен будет грех, и наступит покой.

Я написал тебе про все причины.

Глава 72

Еще один слой

— Слушай, я все вспоминаю эту твою любимую дзенскую мудрость — что не бывает неправильных ответов, бывают неправильные вопросы...

Гурни и Хардвик ехали по северным склонам в сторону Тэмбери, и Хардвик впервые за всю дорогу нарушил молчание.

— Может, мы все-таки зря гадаем, каким образом мачете попало в лес, если видео говорит, что из домика никто не выходил. Давай просто примем

как факт, что оно туда попало.

Гурни усмехнулся.

— А о чем тогда нужно гадать?

— Давай зададимся вопросом, каким еще способом мачете могло попасть туда, куда оно попало...

— Это тот же самый вопрос, только с другого ракурса, и...

— ...и как на него попала кровь Джиллиан?

— Не понял.

Прежде чем продолжить, Хардвик шумно и с аппетитом высморкался и, сопя, убрал платок обратно в карман.

— Мы решили, что мачете — орудие убийства, потому что на нем была кровь Джиллиан. Но это что, единственная версия?..

— Мы с тобой перебирали версии и, как помнишь, зашли в тупик.

Хардвик упрямо покачал головой.

— Джек, откуда еще могла взяться кровь? И если мачете принесли не из домика, то откуда?

— Важнее другое: когда?

— То есть?..

Хардвик снова достал платок и фыркнул в него.

— Ты доверяешь тому, что видел на записи?

— Я говорил и с конторой, которая ее делала, и с аналитиками. Все уверены, что видео не поддельное.

— Если так, значит, мачете попало в рощу не в тот промежуток времени, когда мы думаем. Следовательно, оно не орудие убийства. А кровь там оказалась каким-то другим образом.

Гурни почувствовал, что Хардвик прав.

— Но если убийца устроил такое сложное представление — заблаговременно спрятал мачете, добыл кровь, чтобы отдельно его испачкать, то нас интересует не только «когда» и «как», но и «зачем».

В самом деле — зачем убийце так сложно заметать следы? В теории задумку любого плана можно угадать по результатам, если все прошло без отклонений от этого плана. И вот, они нашли мачете с кровью Джиллиан за домиком. Каков был результат этой находки?

Он тут же сам ответил на свой вопрос:

— Мачете нашли легко и быстро. Все тут же решили, что это орудие убийства, поэтому реальное орудие никто не искал. След, ведущий от домика к мачете, выглядел правдоподобно, и все решили, что Флорес скрылся именно этим путем. Одновременное исчезновение Кики Мюллер только поддержало версию, что Флорес исчез, причем, вероятно, в ее

компании...

— И в результате... — произнес Хардвик.

— И в результате все это ложь. Похоже, Флорес фактически срежиссировал ход расследования, — сказал Гурни и вдруг добавил: — Черт возьми...

— Что?

— Флорес убил Кики Мюллер и похоронил ее за ее же домом, чтобы...

— ...чтобы все решили, что она сбежала с Флоресом.

— Да! И в этом свете убийство Кики — совершенно просчитанная, циничная расправа.

— Если он такой прагматичный перец, зачем столько зверства?

— Прагматизм неплохо сочетается со зверством.

— А заодно с талантом распускать сплетни по соседям.

— Ты о каких сплетнях?

— Сам не помнишь? А ты вспомни. Все начиналось с пикантных историй. Например, эта бабулька, как ее, которая с эрделихой...

— Мэриэн Элиот.

— Точно. Сказки про Флореса — Флорес как Золушка нашего времени, Флорес как детище Франкенштейна... а если ты читал расшифровки допросов, там еще Флорес как герой-любовник и Флорес как ревнивый пидор. Ты потом и свою версию добавил: Флорес как несущий возмездие.

— И какой вывод?

— А это не вывод, это повод.

— Для чего?

— Для размышлений! Откуда эти сказки Шахерезады поперли изначально? И все такие захватывающие...

— Так что тебя смущает?

— То, что ни у кого не было никаких реальных поводов считать Флореса таким или сяким.

Хардвик замолчал, но Гурни чувствовал, что тот сказал не все.

— Продолжай, — проговорил он.

Хардвик мотнул головой, будто отказываясь, но потом все-таки сдался:

— Понимаешь, я когда-то думал, что моя первая жена — ангел во плоти... — он замолчал и тяжело дышал минуту или две, глядя на мелькающие за окном мокрые поля и старые фермы. — Нам всем настолько нравится верить в сказки, что мы охотно закрываем глаза на правду. Вот в чем беда. Так устроен наш ум, мы к этому предрасположены. Нам хочется верить. И вот это желание верить нас в итоге и гробит.

Глава 73

Райские врата

У поворота на Хигглз-Роуд Гурни глянул на навигатор и увидел, что до Мэйплшейда осталось 14 минут езды. Они решили поехать на неприметной зеленой «Субару» Гурни, чтобы не бросаться в глаза и не шуметь, как «Понтиак». Висящая в воздухе морось сменилась дождем, и Гурни увеличил скорость «дворников». Один из них издавал омерзительный скрип, который он заметил еще несколько недель назад, но так и не успел заменить.

— Каким ты себе представляешь этого Флореса? — спросил Хардвик.

— Ты про лицо?

— В целом. Когда ты слышишь «Флорес», что ты видишь?

— Как он стоит голый в какой-то асане в садовом павильоне Эштона.

— Что и требовалось доказать! — воскликнул Хардвик. — Ты читал про это в отчетах, да? А теперь представляешь, будто видел сам.

Гурни пожал плечами:

— Мы все так делаем. Наш ум заполняет пустоты любыми удобными образами. Опять же ты прав, что мы очень падки на выразительные сюжеты... — помолчав, он вдруг спросил: — Слушай, а кровь была еще мокрой?

— Какая?

— Кровь на мачете! Ты сам говоришь, что если мачете не орудие убийства... То есть кровь не могла быть с места убийства.

— Она была мокрой. Во всяком случае... она выглядела мокрой. Постой, дай вспомнить... Та часть, которую я видел, выглядела мокрой, но поверх прилипли грязь и листья...

— Черт, черт! — перебил его Гурни. — Вот же зачем он присыпал мачете влажными листьями и землей...

— ...чтобы кровь не успела высохнуть?

— Или окислиться в достаточной степени, чтобы отличаться от крови, которую нашли потом в домике. Эксперты бы это заметили. А если бы кровь на мачете была подсохшей...

— Все бы сразу поняли, что это не орудие убийства.

— Именно. Мокрая земля не дала бы крови быстро засохнуть и не позволила бы выяснить степень окисления, так что она выглядела вполне как кровь, что была вокруг тела.

— В лаборатории такое бы не просекли, да, — вздохнул Хардвик.

— Еще бы! Анализ делали в лучшем случае на следующий день, а к тому времени разница в окислении между двумя образцами была бы невелика, тем более если разница не больше часа-другого. Есть сложный анализ, который может такое выявить, но его бы стали делать только по запросу судмедэкспертов, а запроса не было.

Хардвик кивал, глядя на дорогу.

— То есть мы еще в самом начале опирались не на те факты. Ну и что теперь?

— Хороший вопрос, — вздохнул Гурни. — Возможно, мы опирались не на те факты не только в самом начале.

Вежливый голос навигатора сообщил, что осталось полторы мили, а затем нужно повернуть налево.

На повороте стоял деревянный столб с черно-белой табличкой: «Частная собственность». Над узкой, аккуратно мощенной дорогой смыкали ветви сосны, образуя живописный тоннель, в конце которого оказался забор из сетки и открытые ворота, а за ними — опущенный шлагбаум и элегантный, обшитый деревом домик, по виду сторожка. На стене у въезда красовалась синяя вывеска с золотыми буквами: «Школа-интернат Мэйплшейд. Въезд только по пропускам». Из сторожки вышел крепко сложенный человек с редеющей сединой. На нем были простые черные штаны и серая рубашка, но держался он в них, словно в форме, а спокойный оценивающий взгляд выдавал в нем отставного копа. Он вежливо улыбнулся.

— Чем могу помочь?

— Дэйв Гурни, старший следователь Джек Хардвик, полиция Нью-Йорка. Хотим поговорить с доктором Эштоном.

Хардвик достал бумажник и предъявил удостоверение.

Охранник внимательно изучил его и скис.

— Хорошо, подождите здесь, я его позову.

Не отводя взгляда от посетителей, он ввел какой-то код на телефоне и заговорил:

— Сэр, к вам детектив Хардвик и мистер Гурни... Да, прямо на въезде... Нет, больше никого. Да, конечно, — он протянул трубку Гурни.

Нервный голос Эштона сказал:

— Боюсь, вы приехали в неудачный момент. Не уверен, что могу...

— У нас всего несколько вопросов, доктор, и еще мы бы хотели осмотреть территорию, чтобы лучше понять, как она устроена.

Эштон вздохнул:

— Ладно, я кого-нибудь за вами пришлю. Передайте трубку охраннику.

Получив отмашку, охранник кивнул на небольшую площадку за сторожкой.

— Припаркуйтесь там. Дальше движение транспорта запрещено. За вами придут.

Шлагбаум поднялся, и Гурни проехал на площадку. Оттуда был виден забор, и он с удивлением заметил, что тот сверху был увенчан спиралью колючей проволоки.

Хардвик смотрел в ту же сторону.

— Думаешь, это чтоб мальчишки не лазали или чтоб девчонки не сбегали?

— Про мальчишек я как-то и не подумал, — отозвался Гурни. — Но это вариант. Школа, битком набитая одержимыми сексом девицами... даже если это нездоровая одержимость, все равно это магнит для пацанов.

— Особенно если это нездоровая одержимость, — поправил его Хардвик, выходя из машины. — Идем, перетрем с привратником.

Охранник, который до сих пор не вернулся в сторожку, с интересом посмотрел на них. Теперь он выглядел чуть дружелюбнее.

— Вы насчет этой Листон, которая тут работала?

— Вы были знакомы? — спросил Хардвик.

— Представлены не были, но я знал, кто это. С Эштоном работала.

— А с ним вы знакомы?

— Часто вижу его, но мы почти не общаемся. Он, как бы это сказать, малость скрытный, что ли.

— Держится на расстоянии, да?

— Да, на немалом.

— Так вы не ему подотчетны?

— Нет, Эштон напрямую тут мало с кем общается. Слишком важная персона, сами понимаете. Почти все подотчетны доктору Лазарю.

Гурни расслышал в этом комментарии легкую неприязнь и перевел взгляд на Хардвика, рассчитывая, что он тоже ее заметил. Но Хардвик был невозмутим, и Гурни спросил сам:

— А какой он, доктор Лазарь?

Охранник помедлил, видимо, размышляя, как бы ответить без неприятных последствий.

— Я слышал, что он не самый дружелюбный человек, — сказал Гурни, вспоминая описания Саймона Кейла.

Этого оказалось достаточно, чтобы охранник тут же выдал себя.

— Дружелюбный?! Хах! — спохватившись, он добавил: — Ну нет, он, может, нормальный, но какой-то, блин...

— Не очень приятный в общении? — подсказал Гурни.

— Даже не знаю, как сказать. Он такой себе на уме. Бывает, разговариваешь с ним, а ощущение, что он вообще не здесь. Помню, был случай... — он осекся, потому что раздался хруст гравия под колесами.

Все повернулись к парковочной площадке. К машине Гурни подтянулся темно-синий микроавтобус.

— Вспомнишь Лазаря, он и появится, — буркнул охранник.

Человек, который вышел из микроавтобуса, был далеко не молод, но хорош собой. Однако черты его бледного лица были настолько симметричны, что это выглядело неестественно, а волосы были такого оттенка черноты, какого можно добиться только при помощи краски. Он кивнул на пассажирскую дверь машины.

— Садитесь, прошу, — сказал он. Выражение его лица, по-видимому, означало улыбку, но выглядело как гримаса человека, которого раздражает дневной свет. Он вернулся на водительское место и стал ждать.

Гурни и Хардвик сели сзади.

Лазарь вел медленно, впившись взглядом в дорогу. Спустя пару минут они куда-то свернули, и сосны расступились перед небольшим парком с ухоженным газоном и кленами. Мощеная дорожка перешла в классическую аллею, в конце которой возвышался неоготический викторианский особняк с пристройками в том же стиле с обеих сторон. Перед особняком аллея раздваивалась. Лазарь свернул направо, и они направились к задней части здания мимо пышных ландшафтных клумб. Здесь две части дороги вновь встречались, и уже вторая аллея вела к большой часовне из темного гранита. Узкие стекла в витражах напоминали исполинские красные карандаши, но Гурни подумал, что они выглядят как зияющие раны в камне.

— У школы собственная церковь? — удивился Хардвик.

— Это уже давно не церковь, — ответил Лазарь. — Только здание осталось. Даже жалко, — добавил он.

— Почему жалко? — поинтересовался Хардвик.

Лазарь задумчиво ответил:

— Церкви заставляют задуматься о добре и зле, о преступлении и наказании... — пожав плечами, он остановился перед часовней и выключил двигатель. — Впрочем, мы ведь и без всякой церкви заплатим за свои грехи, верно?

— А где все? — спросил Хардвик.

— Там, внутри.

Гурни поднял взгляд на башню цвета сумерек и поежился.

— Доктор Эштон тоже там? — уточнил Гурни.

— Я провожу вас, — сказал Лазарь и вышел из машины.

Они вышли следом и поднялись по гранитным ступеням, затем прошли в широкий, тускло освещенный холл, где пахло, как в церкви из детства Гурни в Бронксе: запах старого дерева, каменной пыли, копоти на сводах. Казалось, что здесь можно разговаривать только шепотом и ходить на цыпочках. За тяжелыми дубовыми дверьми, которые, по-видимому, вели в основной зал часовни, слышались голоса.

Сверху, над входной аркой, виднелись слова: «Райские врата».

Гурни снова спросил:

— Доктор Эштон там?

— Нет, там только девочки. Успокаиваются. Сегодня перенервничали после новостей про беднягу Листон. Доктор Эштон на органном чердаке.

— Здесь сохранился органный чердак?

— Нет, конечно. Там теперь кабинет, — он кивнул на узкий проход в дальнем конце холла, за которым можно было разглядеть темную лестницу. — Это там. Прошу.

Гурни стало не по себе. Может, дело было в прохладе от каменных стен, а может, в нехорошем взгляде Лазаря, которым он провожал их в темноту.

Глава 74

Вне всякой логики

Над лестницей оказался небольшой пролет, освещенный проходившим сквозь красный витраж уличным светом. Перед ними была такая же тяжелая дубовая дверь, как и на входе. Неприветливая, мрачная. Гурни постучал.

— Проходите, — бархатный баритон Эштона звучал немного напряженно.

Дверь распахнулась неожиданно легко и беззвучно. За ней было уютное помещение, напоминавшее кабинет епископа. Ореховые стеллажи с книгами, небольшой камин с бронзовой решеткой. Окон не было. Почти весь пол застилал старинный персидский ковер, и только по краям виднелись полоски отполированного паркета из вишневого дерева. На разных столах стояли большие лампы, наполнявшие темный кабинет янтарным свечением.

Эштон сидел за резным столом из черного дуба, повернутым под

прямым углом ко входу. За ним, у стены, на конструкции с львиными головами, была главная примета современности: огромный компьютерный монитор с плоским экраном. Эштон едва кивнул в сторону пары темно-красных бархатных кресел с высокими спинками, которые стояли напротив.

— Все стало еще хуже, — выдохнул Эштон.

Гурни решил, что он имеет в виду убийство Саванны Листон и хотел было произнести какие-нибудь соболезнования, но Эштон отвернулся и продолжил:

— Честно говоря, вся эта версия с тщательно продуманным преступлением кажется мне теперь неправдоподобной. — Гурни наконец заметил телефонную гарнитуру у его уха и понял, что он с кем-то разговаривает по мобильному. — Да, я все понимаю... понимаю... просто каждый следующий шаг как будто все только запутывает... хорошо, лейтенант, завтра утром. Да, да, мне все понятно. Благодарю за звонок.

Эштон наконец повернулся к гостям и пару секунд выглядел растерянным, словно все еще переваривал услышанное.

— Есть новости? — спросил Гурни.

— Вы уже слышали эту теорию о масштабном заговоре с участием каких-то сардинских гангстеров?.. — спросил Эштон с искренним возмущением.

— Присутствовал при обсуждении, — ответил Гурни.

— И что, думаете, это может оказаться правдой?

— Есть такой шанс.

Эштон потряс головой, словно стараясь сбросить морок.

— Могу я узнать, зачем вы приехали?

— Да так, чутье привело, — ответил Хардвик.

— И что же говорит вам чутье?

— В любом расследовании обязательно обнаруживаешь точку, к которой сводятся все улики, и эта точка становится ключом к разгадке. Нам очень поможет, если вы разрешите прогуляться по территории и осмотреться.

— Я не уверен, что...

— Понимаете, все, что случилось, так или иначе ведет в Мэйплшейд. Разве вы сами этого не видите?

— Наверное... не знаю.

— Неужели вам это не приходило на ум? — Хардвик не столько удивился, сколько разозлился.

— Разумеется, я об этом думал! — ответил Эштон. — Просто как-то

не складывается... Но я же нахожусь здесь, внутри. Возможно, снаружи виднее.

— Вы когда-нибудь слышали фамилию Скард? — спросил Гурни.

— Другой следователь только что спрашивал об этом по телефону. Это тот самый сардинский клан, насколько я понял. И нет, я о них раньше не слышал.

— Джиллиан никогда не упоминала эту фамилию?

— Джиллиан? Нет... При чем здесь Джиллиан?

— Есть вероятность, что Скард — настоящая фамилия Флореса.

— Но откуда Джиллиан могла это знать?

— Судя по истории поисковых запросов в Интернете, она интересовалась этим именем.

Эштон снова потряс головой.

— Какой-то нескончаемый кошмар... — пробормотал он.

— Вы сейчас по телефону о чем-то договаривались на завтрашнее утро?

— О да. Новый поворот: ваш лейтенант считает, что в контексте заговора время не ждет, и нужно срочно опросить учениц.

— И где же они?

— Кто?

— Ваши ученицы!

— А! Простите мою рассеянность. Собственно, в том-то и проблема. Они сейчас внизу, в главном зале часовни. Там умиротворяющая атмосфера, а день был непростой. Официально девочки в Мэйплшейде не имеют никаких контактов с внешним миром — здесь ни компьютеров, ни радио, ни телевизора, ни смартфонов, ничего такого. Но все равно нет-нет да что-то просочится. Кто-нибудь тайком протащит мобильник или другое устройство. Так что про смерть Саванны все узнали сразу и... Ну, можете себе представить. И мы ввели, так сказать, строгий режим. Это здесь по-другому называется, конечно... Мы вообще стараемся смягчать любые понятия.

— Колючую проволоку особо не смягчишь, — заметил Хардвик.

— Проволока оберегает нас от непрошенных гостей.

— Да? А то это сразу не очевидно.

— Уверяю вас, это просто средство защиты.

— Так что, они все собрались в этой часовне? — спросил Хардвик.

— Да. Как я уже говорил, там подходящая атмосфера, чтобы успокоиться.

— Не ожидал, что ваши девушки не чужды религиозности.

— Религиозности? — мрачно усмехнулся Эштон. — Она ни при чем. Просто в каменных церквях что-то такое есть... готические окна, полумрак... душа успокаивается сама, верует человек или нет.

— А они не воспринимают это как наказание? — спросил Хардвик. — Тем более что, наверное, далеко не все нуждаются в «успокоении».

— Те, что перенервничали, успокоятся, а те, что были спокойны, могут здесь поделиться спокойствием с другими. Иными словами, мы не разделяем их на «нормальных» и «ненормальных».

Гурни улыбнулся.

— Наверное, вы долго формулировали эту философию.

— Что поделаешь, это часть работы.

— То есть вы описываете девочкам происходящее в какой-то специфичной системе образов.

— Примерно так.

— Как сказочник, — улыбнулся Гурни. — Или политик.

— Священники, учителя и медики делают то же самое, — парировал Эштон.

— Кстати, — произнес Гурни, решив резко сменить тему, — у Джиллиан в день свадьбы не было какого-либо кровотечения? Не могла она, например, пораниться?

— Не помню никакого кровотечения. Откуда такой вопрос?

— Пытаемся понять, откуда взялась кровь на мачете.

— А что, на этот счет есть разные мнения?!

— Похоже, что мачете не было орудием убийства.

— Я перестал что-либо понимать.

— Предположительно, его специально оставили в роще еще до убийства. А не после.

— Но... мне сказали... на нем же была ее кровь?..

— Некоторые выводы были преждевременными. Но если предположить, что мачете лежало в роще до убийства, то кровь должна была принадлежать живой Джиллиан. И возникает вопрос: откуда она взялась?

Эштон выглядел сбитым с толку, а потом что-то вспомнил.

— Вообще-то есть один вариант... Как вы знаете, Джиллиан лечили от биполярного расстройства, и из-за лекарств ей нужно было раз в месяц сдавать кровь на анализ. Ну, чтобы убедиться, что терапия действует.

— Кто брал у нее кровь?

— Женщина-медработник... из какой-то клиники в Куперстауне.

— И как она поступала с кровью?

— Везла в лабораторию, где проверяли уровень лития и выдавали результат.

— Она везла кровь в лабораторию сразу после забора?

— Думаю, она останавливалась по дороге у других пациентов, но мне неизвестен ее маршрут. А в конце дня отвозила все анализы в лабораторию.

— У вас есть ее имя и контакты лаборатории?

— Да. Я ведь каждый месяц читал их отчет.

— Значит, у вас где-то записано, когда брали последний анализ?

— Записи как таковой нет, но обычно это была вторая пятница месяца.

Гурни посчитал в уме и заключил:

— Значит, за два дня до убийства.

— Вы думаете, что Флорес каким-то образом перехватил ее анализ крови? Но зачем? Я что-то не понимаю эту историю с мачете, зачем ему это было нужно?

— Мы точно не знаем, доктор. Но мне кажется, что ответ на этот вопрос может помочь раскрыть убийство.

Эштон поднял брови, но это означало скорее удивление, чем скепсис. Растерянно пройдясь взглядом по комнате, он закрыл глаза и несколько секунд так сидел, вцепившись в резные ручки кресла и делая глубокие вдохи и выдохи, словно выполняя какое-то дыхательное упражнение. Но когда он вновь открыл глаза, взгляд его вовсе не был спокойным.

— Какой мрак, — произнес он хрипло. — Джентльмены, позвольте вас спросить: вы когда-нибудь чувствовали, что у вас все валится из рук? Вот я сейчас это чувствую. И с каждым новым кошмаром, с каждой смертью, с каждой новостью про Гектора или Скарда или кем он там был... мне кажется, что все, что я делаю, напрасная трата жизни. Что я конченный, безмозглый неудачник! — он осекся и помотал головой. — А сколько у меня было амбиций, сколько гордыни... Как я мог даже подумать, что способен исцелить недуг такой чудовищной, первобытной мощи?

— Недуг?

— Это не профессиональная терминология, разумеется. Я говорю про последствия инцеста для психики всех участников. Но слово емкое и меткое. Чем дольше я с этим работаю, тем больше убеждаюсь, что из всех изверств, какие люди способны друг с другом совершить, разрушительнее прочих — насилие взрослого над ребенком. Особенно если взрослый — родитель.

— Чем это разрушительнее других преступлений?

— У нас есть два базовых режима поведения: спаривание и родительство. Инцест стирает грань между ними, безнадежно смешивая

несовместимое. Я считаю, что это искажает нейронные связи, которые характерны для первого и второго инстинктивного поведения и которые отделяют один от другого. Понимаете?

— Кажется, улавливаю, — кивнул Гурни.

— А я что-то завис, — отозвался Хардвик, который все это время слушал молча.

Эштон недоуменно взглянул на него.

— Для эффективной терапии подобной травмы необходимо восстановить границы между инстинктами родительства и размножения, чтобы не возникало путаницы, что такое родитель, что такое ребенок и что такое сексуальный партнер. Трагедия в том, что в настоящее время нет терапии, способной тягаться с этой травмой по масштабу эффекта. Все равно что при помощи чайной ложечки восстанавливать дом, разрушенный бульдозером.

— Но вы специализируетесь именно на поиске эффективной терапии.

— Да. И теперь вижу, что терплю неудачу. Жуткую, катастрофическую неудачу.

— Не уверен, что вы правы.

— Потому что все-таки не все девочки рванули в мир подпольных извращений? И не всех раскромсали маньяки? Не каждая завела ребенка, чтобы потом его изнасиловать? И все-таки к выпускному они чуть больше похожи на людей, чем при поступлении? А я в этом не уверен! Но эта школа под моим руководством превратилась в приманку для убийц и чудовищ, в чертово сафари для сексуальных маньяков. Я уничтожил все, ради чего создавался Мэйплшейд. Вот в этом я уверен совершенно точно.

— И что теперь? — резко спросил Хардвик.

— «Что теперь»? Ах да. Вернемся к практическим вопросам, — усмехнулся Эштон и снова закрыл глаза, на этот раз почти на минуту. Когда он снова заговорил, голос его был вымученно спокоен. — Вас интересует мой план? Я собираюсь спуститься в часовню, показаться девочкам, сказать какие-то слова, чтобы как-то их утешить. А ваш план... сами решайте. Говорите, вас привело чутье? Вот у него и спросите, что теперь.

Он встал из кресла и достал из ящика стола брелок, похожий на пульт от гаража.

— Свет и замки управляются дистанционно, — объяснил он и направился к выходу, но потом вернулся и включил монитор за столом. На нем возникло изображение основного зала с каменным полом и высокими стенами, пресную серость которых разбавляла тяжелая драпировка багрового цвета. Лавки темного дерева стояли не рядами, как принято в

церкви, а были расставлены в разных зонах, по три штуки, образуя треугольник — видимо, чтобы удобно было вести обсуждения. Везде сидели девочки-подростки. Из колонок раздавался гул девичьих голосов.

— Там камера с хорошим разрешением и микрофон, — объяснил Эштон. — Сами посмотрите и послушайте. Может, увидите что полезное.

Затем он повернулся и вышел из кабинета.

Глава 75

Зажмурься крепче

Вскоре Эштон появился на экране. Он зашел через заднюю дверь за лавками и закрыл ее за собой с гулким звуком, нажав что-то на маленьком пульте. Девочки занимали почти все лавки. Одни сидели как обычно, другие — сложив ноги по-турецки, третьи — подбрав колени к груди. Некоторые были погружены в размышления, но большинство болтали со сверстницами. Фрагменты разговоров можно было достаточно четко расслышать.

Гурни поразило, насколько нормальными они выглядят. Девчонки как девчонки, ничего общего с заключенными колонии строгого режима, которых необходимо держать за колючей проволокой. По крайней мере, через монитор ничто не выдавало в них преступниц. Гурни подумал, что патологию наверняка можно было бы разглядеть при личном общении, лицом к лицу. Все-таки люди с такими расстройствами нарциссичны, жестоки, почти бесстрашны и помешаны на сексе. А значит, если приблизиться, то опасный недуг выдаст себя через взгляд.

Тут он заметил, что девушки в зале не одни. У каждого треугольника из лавок стояла пара взрослых — учителей или наставников, или, как их тут называли, психиатры-психотерапевты. В дальнем углу, почти скрытый тенями, стоял доктор Лазарь. Руки его были сложены на груди, а лицо непроницаемо.

Спустя пару секунд после появления Эштона девушки его заметили, и разговоры начали затихать. Одна из девиц постарше, белокурая красавица с миндалевидными глазами, подошла к нему, когда он встал в центральном проходе.

Гурни повернулся к Хардвику, который следил за происходящим, наклонившись вперед к экрану.

— Ты не заметил, он ее подзывал? — спросил Гурни.

— Разве что жестом, — отозвался Хардвик. — Махнул или что-то

вроде этого. А что?

— Просто интересно.

Профили Эштона и красавицы были прекрасно различимы на мониторе, но за движениями губ не угадывалось звука — их голоса смешивались с гулом остальных.

Гурни тоже наклонился к экрану.

— О чем они говорят, не слышишь?

Хардвик внимательно уставился на их лица, чуть наклонив голову, словно это помогало лучше расслышать.

Девушка на экране что-то произнесла и улыбнулась. Эштон что-то ей ответил и сделал какой-то жест рукой, а затем отправился в центр зала и поднялся на небольшое возвышение, где, по-видимому, когда-то был алтарь. Теперь он стоял спиной к камере и лицом к ученицам. Голоса вскоре совсем затихли.

Гурни снова спросил Хардвика:

— Ты понимаешь, о чем они говорят?

Тот покачал головой.

— Да фиг знает. Слишком шумно. Он мог сказать что угодно, я ж по губам читать не умею.

Эштон наконец обратился к ученицам. Голос его был спокойным, уверенным и звучным и красиво резонировал под старинными сводами.

— Девочки, — начал он, вкладывая в это слово благоговейную нежность. — Случились страшные вещи, и всем нам сейчас нелегко. Кто-то злится, кто-то испуган, кто-то растерян. Все расстроены. Я знаю, что некоторые из вас теперь не могут заснуть, а некоторых мучают кошмары и приступы паники. Неизвестность — худшее, с чем можно столкнуться в такой ситуации. Мы всегда хотим точно знать, с чем имеем дело. Увы, это не всегда возможно. — Эштон говорил с энергией, хорошо выразившей тревогу аудитории. Он весь превратился в зеркало царивших в школе эмоций, но в то же время его четкая речь и бархатный, как звук виолончели, баритон внушали необъяснимое чувство твердой почвы под ногами.

— А он крут, — прокомментировал Хардвик с такой интонацией, словно только что оценил фокус вора-карманника.

— Профессионал, — согласился Гурни.

— Но ты, Шерлок, все равно круче.

Гурни вопросительно поднял бровь.

— Думаю, ему бы не помешало посетить твою лекцию в академии.

— Откуда ты знаешь про мои лекции?..

— Тс-с-с, — прошипел Хардвик. — Все пропустим, — он кивнул на

экран.

Голос Эштона окутывал зал, как вода окутывает камни на пороге реки.

— Некоторые из вас спрашивают, как движется расследование. Что известно полиции, что они делают, когда поймают преступника. Это все правомерные вопросы, мы все ими задаемся. Наверное, нам было бы легче, если бы у нас было больше информации, если бы каждый мог поделиться переживаниями, задать свои вопросы, получить какие-то ответы... Для этого я сегодня пригласил двух главных следователей по этому делу, и завтра утром они приедут в Мэйплшейд, чтобы рассказать нам, что происходит и что будет дальше. Вы сможете задать им вопросы, и у них тоже будут вопросы. Думаю, это будет полезный разговор для всех нас.

Хардвик цокнул языком.

— Во дает, а.

— По-моему, он...

— Выйдет чистым из любого дерьма!

Гурни пожал плечами.

— Я думаю, он просто хорошо управляет тракторами происходящего.

Хардвик ткнул пальцем в экран.

В этот момент Эштон достал мобильный, поморщился и поднес его к уху.

Затем что-то сказал, но девушки снова принялись разговаривать друг с другом, и его реплик не было слышно.

— Все-таки что он говорит? — задумчиво спросил Гурни.

Хардвик внимательно наблюдал за его губами, но снова покачал головой:

— Что угодно.

Закончив разговор, Эштон убрал телефон. В заднем ряду одна из девушек подняла руку. Поскольку Эштон ее не заметил или не обратил на нее внимания, она встала и принялась ему махать. Тогда он перевел на нее взгляд.

— Девочки, похоже, возник вопрос. Или комментарий?

Девушка, которая оказалась той самой блондинкой с миндалевидными глазами, сказала:

— Ходят слухи, что сегодня здесь видели Гектора Флореса, прямо в нашей часовне. Это правда?

Эштон заметно заволновался.

— Что? Где ты это услышала?

— В главном здании на лестнице. Там какие-то девочки разговаривали, не разглядела кто, далеко стояла. Но одна говорила, что видела Гектора.

Если это правда, то мне страшно.

— Если бы это было правдой, это действительно было бы страшно, — ответил Эштон. — Возможно, девочка, которая это заявила, объявится и пояснит? Она ведь тоже сейчас здесь, — он обвел взглядом зал, в котором повисла напряженная тишина. Секунд через пять Эштон резюмировал: — Я думаю, что некоторым из нас просто нравится рассказывать страшные истории, — голос его, однако, был по-прежнему слегка встревоженным. — Есть еще вопросы?

Одна из учениц помладше подняла руку. Эштон кивнул, и она, поднявшись, спросила:

— А мы долго здесь будем торчать?

Эштон улыбнулся с видом ласкового отца.

— Только пока это нужно и ни минутой дольше. Надеюсь, что каждая группа уже успела обсудить переживания, вызванные новостью о Саванне. Я хочу, чтобы вы еще немного побыли здесь и проговорили все, что вас гнетет, каждую мысль, позволяя друг другу и вашим помощникам поддержать вас. Это действительно работает. И мы не раз в этом убеждались.

Эштон спустился с возвышения и прошелся по группам, по-видимому, говоря каждой какие-то теплые слова, но, судя по пристальному взгляду, наблюдая за ходом обсуждения. Иногда казалось, что он внимательно слушает разговоры, а иногда — что погружается в собственные мысли.

Гурни посмотрел на него и внезапно понял, что все это выглядит ужасно странно. Церковь давно перестала быть церковью, однако атмосфера, запахи и звуки в ней сохранились прежние. И вот он наблюдал собрание одержимых грешниц в доме Господа.

Эштон продолжал свой путь между скамеек, обмениваясь какими-то репликами с ученицами и «помощниками», но Гурни больше на него не смотрел.

Закрыв глаза, он откинул голову на бархатную спинку кресла и пытался прислушаться к простому звуку и ощущению от вдохов и выдохов, пытался освободить ум от фонового шума мыслей. Ему даже почти удалось, но одна мелочь все-таки напрочь отказывалась оставить его в покое.

Всего одна.

Реплика Хардвика цеплялась за его сознание. Слова, которые он сказал, когда Гурни спросил его, не слышит ли он, что говорит Эштон блондинке, которая подошла к нему в самом начале.

«Да фиг знает». Что угодно. «Слишком шумно». В хоре других голосов

его слова были неслышны.

Он мог сказать что угодно.

Гурни это решительно не давало покоя.

И тут он понял почему.

Из глубин памяти всплыла другая картинка, с другого экрана.

Но всплыла с удивительной ясностью.

Другое время, другое место, ухоженный газон. Скотт Эштон беседует с другой блондинкой в окружении гостей. И слов его не разобрать, потому что слишком шумно. Он мог сказать что угодно.

Он мог сказать Джиллиан Перри что угодно.

А ведь эта реплика могла быть ключевой.

Хардвик наблюдал за ним.

— Ты чего?

Гурни медленно открыл глаза, словно ему было тяжело разлепить веки, и ничего не ответил, вместо этого принявшись гадать. Он мог сказать что угодно.

Правды теперь не узнать, но все-таки — что, что он мог сказать?

Например: «Что бы ни случилось, молчи».

Или: «Что бы ни случилось, не открывай дверь».

Или: «У меня для тебя сюрприз, зажмурься покрепче».

А вдруг он именно это и сказал? «Это главный сюрприз в твоей жизни, так что зажмурься покрепче»?

Глава 76

Еще один слой

— Очнись уже, твою мать! — потребовал Хардвик.

Гурни потряс головой, будучи еще не готов делиться размышлениями, которые захватили его, как охота захватывает хищника. Он встал и принялся ходить по комнате — поначалу просто медленно меряя шагами ковер перед письменным столом. Лампа с фарфоровым плафоном высвечивала сложный цветочный узор.

Если он был прав, а это было, как минимум возможно, то что из этого следует?

На экране Эштон стоял у багровой драпировки, частично закрывавшей каменную стену, и с благодушным видом рассматривал учениц.

— Гурни, я теряю терпение! — заявил Хардвик.

Гурни прекратил ходить по кабинету, чтобы смешение звука из

колонок и звука собственных шагов не мешало размышлениям.

— Эштон мог сказать что угодно. Твои слова?

— Ну, вроде. И что?

— Кажется, ты сейчас перевернул один из основных домыслов, на которые мы опирались, расследуя убийство Перри.

— Это какой?

— Главный! Почему Джиллиан пошла в домик садовника.

— Ну, мы знаем ее собственную версию. На той записи она сказала Эштону, что хочет выманить Флореса к гостям. А Эштон стал с ней спорить, дескать, ну его, этого Флореса. Но она не послушала...

Гурни сверкнул глазами.

— А теперь представь, что этого разговора не было.

— Так он же есть на записи! — Хардвик, казалось, был одновременно раздражен и заинтригован волнением Гурни.

— Этого разговора нет на записи, — произнес Гурни медленно, словно каждое слово было важным закатьем.

— Как это нет?

— На записи Эштон и Джиллиан разговаривают в толпе гостей, где-то на фоне, и голосов их не слышно. Содержание их разговора ты, как и все остальные, помнишь исключительно со слов Эштона, когда он пересказывал беседу Лунцам. Откуда мы знаем, что именно Джиллиан ему сказала или что он ей сказал? До сих пор мы не подвергали этот пересказ сомнению. А ведь он, на самом деле, мог сказать ей все что угодно.

— Ладно, — произнес Хардвик. — Допустим, мы не знаем, что сказал Эштон. Но что он такого мог сказать? Какой ему смысл скрывать причину, по которой Джиллиан поперлась к садовнику?

— Ну, мне на ум приходит как минимум один вариант. Довольно неприятный. Но важно не это, а то, что мы все это время ничего не знали, а лишь думали, что знали. Понимаешь? На самом деле мы знаем только, что Эштон и Джиллиан поговорили, а затем она пошла в домик.

Хардвик начал нетерпеливо барабанить пальцами по ручке кресла.

— Но почему? Вроде за ней потом кто-то пошел, стучал в дверь... Кто-то из официантов, нет? И она не открыла, то есть, вероятно, уже была мертва. Короче, я не врубаюсь, к чему ты клонишь!

— Хорошо, начнем с начала. Вспомни запись и забудь, как и кто ее комментировал. Есть ли какой-то другой способ трактовать то, что мы видели?

— Например?

— Ну, на записи видно, что Джиллиан показывает Эштону на часы.

Предположим, он просил ее напомнить, когда наступит время для тостов. И вот он подходит к ней и говорит: слушай, я приготовил для тебя крутой сюрприз. Иди в домик, он ждет тебя там. А потом будет тост. Только, чур, запишись изнутри и сиди там тихо и не открывай, даже если будут стучать, а то сюрприза не выйдет.

— То есть она могла быть еще жива, когда к ней стучался официант?

— А потом Эштон открыл дверь своим ключом, сказал что-нибудь вроде: «Зажмурься покрепче»...

— И?

Гурни помедлил.

— Помнишь Джейсона Странка?

Хардвик поморщился:

— Убийца из серийных. И чего?

— А ты помнишь, как он убивал своих жертв?

— Вроде расчленял и рассылал копам по почте.

— Точно. Но я сейчас об оружии.

— Какой-то японский нож мясника, кажется.

— Да, и он носил его в пластмассовых ножнах под курткой.

— Все равно не врубаюсь, к чему ты клонишь... или нет, постой... ну нет! Думаешь, Эштон пошел в домик, велел жене закрыть глаза и отхреначил ей голову?

— Если опираться исключительно на видеоряд, то это ничем не хуже истории, которую мы все это время принимали за правду.

— Слушай, ну всякое бывает, но все-таки... — Хардвик покачал головой. — Типа, отрубил голову, положил аккуратненько на стол — и давай орать, как дурной, «спасите-помогите», а ножик сунул под куртку и был таков?

Гурни кивнул:

— Именно. На записи он с воплями вываливается из домика и падает на клумбу. Все начинают суетиться, заглядывают в домик, ну и цепляются за очевидное объяснение происходящего. Что Эштону и требовалось. Никому и в голову не пришло его обыскивать. Может, у него был разделочный нож, как у Странка, или что-то другое, теперь не узнать. А когда прибыли спецы с собаками и нашли мачете, картинка сложилась, и мы получили ту наживку про Флореса, которую Родригес с радостью и проглотил.

— Так на мачете была кровь Джиллиан... Блин, но как?

— Представь, что это была кровь, собранная для анализа за два дня до этого. Эштон вполне мог отменить назначенный визит и сам взять у нее

кровь. Или мог как-нибудь по-другому забрать пробирку. Мачете можно было оставить в роще рано утром, до свадьбы. Полить его кровью, вынести через заднее окно домика, чтобы пара капель осталась на подоконнике, а затем повернуть трюк с феромоновым следом и вернуться в домик. Камеры тогда еще не включили или даже не установили, так что они и не зафиксировали, что кто-то мелькает между деревьев.

— По-моему, ты кое-что упускаешь. Все-таки если отрубить человеку голову, кровиха хлещет как фонтан. Как он не запачкался? Я помню, что в отчете значилось, что почему-то только одна сторона ее тела была испачкана, и я сам предположил, что убийца заслонился отрубленной головой. Но так, чтобы вообще не замараться?..

— Так может, он и замарался.

— Но никто не заметил?

— Опять-таки, вспомни запись, Джек. Эштон был в черном костюме. Вот он выходит и падает в цветочную клумбу. С землей и розами. У роз — шипы. Да он после этого падения выглядел как бомж! Какие-то добрые гости отвели его в дом, и стопудово он первым делом пошел умываться. А в процессе ему бы ничто не помешало избавиться от ножа, а потом, может, даже переодеться в похожий костюм, на котором немножко земли, но никаких улик. Чтобы выглядеть потрепанным, но невинным.

— Черт, — пробормотал Хардвик. — Думаешь, все так и было?

— У меня нет достаточных причин так думать, Джек. Но да, я так думаю.

— А мне что-то не верится.

— Потому что звезда психиатрии не может быть психопатом-убийцей?

— Нет, как раз это я себе представляю.

— Тогда что тебя смущает?

— Ну, если Флореса не было в домике, когда Джиллиан убили, то где он был-то?

— Возможно, он был уже мертв, — сказал Гурни. — Эштон мог убить его и спрятать тело, чтобы выглядело, будто убийца сбежал. А возможно, я брежу, и в этой теории полно дыр, как и во всех остальных теориях в этом деле...

— Короче, ясно одно: либо Эштон первоклассный преступник, либо невинная жертва первоклассного преступника, — подытожил Хардвик и посмотрел на экран. — Но вообще для человека, у которого рушится мир, у него подозрительно спокойный вид.

— Да, в нем ни отчаяния, ни безнадеги, — согласился Гурни.

— И как это понимать?

— Возможно, низкая ригидность аффекта. А может, спокойствие напускное.

— Как думаешь, зачем он хотел, чтобы мы за ним понаблюдали? — спросил Хардвик.

Эштон между тем плавно передвигался по залу с гордой и даже властной осанкой, словно гуру, шествующий между учениками. Уверенный, невозмутимый, излучающий с каждой секундой все больше удовлетворенности. Так выглядят люди силы, люди значительные. Кардиналы эпохи Возрождения. Американские президенты. Рок-звезды.

— До чего ж он все-таки многогранная личность, — удивился Гурни.

— Не то многогранная личность, не то кровавый психопат, — заметил Хардвик.

— Да, надо определиться.

— Как же тут определишься?

— Нужно упростить уравнение, которое мы все это время решаем.

— Как?

— Предположим, Эштон действительно убил Джиллиан.

— А Флорес, типа, ни при чем?

— Предположим, — повторил Гурни. — Что следует из такого расклада?

— Что Эштон врет как дышит.

— Тогда логично считать, что он врал и по другим поводам тоже, а мы все это время не замечали.

— Врал насчет Флореса?

— Да, — кивнул Гурни и вдруг задумчиво нахмурился. — Насчет Флореса, да-да...

— Ты чего скривился?

— Да я так... задумался...

— Делись.

— Слушай, а вдруг... а вдруг...

— Что, что «вдруг»?

— Подожди минутку... — Гурни замолчал.

Его ум погрузился в размышления.

— Не томи! — воскликнул Хардвик.

— Пытаюсь свести уравнение... упростить... максимально упростить...

— Черт, как я ненавижу, когда ты начинаешь мысль и не договариваешь!

— Неужели все может объясняться так легко?

Но почему нет? Возможно, все дело именно в том, что ответ всю дорогу был прост! Как же он раньше этого не понял?

Гурни рассмеялся.

— Чтоб тебя разорвало! — прорычал Хардвик.

Раньше он этого не понял, потому что все время искал недостающее звено. И не нашел. Разумеется, не нашел, потому что недостающего звена не было. Зато было лишнее: то, что всю дорогу мешалось и с самого начала скрывало правду. Звено, специально придуманное, чтобы правда осталась неизвестной.

Хардвик раздраженно тарашился на него. Гурни улыбнулся:

— Знаешь, почему Флореса так и не нашли после убийства?

— Потому что его тоже убили?

— Не думаю. Я вижу три варианта: первый — что он сбежал, как и предполагалось. Второе — что его убил тот же, кто убил Джиллиан Перри. И третий — что Флореса не существовало.

— Ну что ты несешь?

— А ты представь, что никакого Гектора Флореса нет и не было. Что его придумал Скотт Эштон.

— Но о нем было столько разговоров...

— Эштон мог сам распускать слухи.

— Думаешь?

— Почему нет? Хорошие истории быстро расходятся и начинают жить собственной жизнью, как ты сам подметил. Возможно, у всех сказок был один и тот же источник.

— Постой, но люди собственными глазами видели Флореса в машине с Эштоном.

— Они видели какого-то мексиканца в соломенной шляпе и черных очках. Это мог быть кто угодно, Эштон мог заплатить случайному нелегалу, чтобы тот с ним прокатился.

— У меня сейчас взорвется мозг.

— Неужели не понимаешь? Эштон мог сочинить сценарий про Флореса от начала до конца и позаботиться, чтобы поползли слухи. Там ведь было из чего расти слухам. Чудесный трудолюбивый мексиканец! Учится с поразительной скоростью! Человек невероятного таланта! Фактически Золушка в штанах. Любимый ученик, доверенный помощник и просто замечательный парень, а также чудак, стоявший голым на одной ноге в садовом павильоне. Истории одна другой краше, так и хочется кому-нибудь пересказать. Скажешь, нет? Эштон подсадил соседей на словесное «мыло» и скармливал им серию за серией, а они все обсуждали,

домысливали, пересказывали друг другу и чужим... И несуществующий Гектор Флорес внезапно стал реальнее многих живых людей, главным героем Тэмбери.

— А кто стрелял в чашку?

— Тоже Эштон. Выстрелил, спрятал винтовку, заявил о краже. Разве не правдоподобно, чтобы спятивший мексиканец украл дорогущую вещь перед побегом?

— Слушай, но на записи, в самом начале, Эштон ходил в домик, чтобы поговорить с Флоресом. И когда он постучал в дверь, было слышно, как кто-то негромко ответил: «*Está abierto*». Если это был не Флорес, то кто?

— Эштон мог произнести это сам. Он же стоял спиной к камере.

— Хорошо. А как же девицы в Мэйплшейде? Которые якобы разговаривали с Флоресом?

— Вот именно что «якобы». Те, кто с ним разговаривал, либо мертвы, либо исчезли. Тогда откуда мы знаем, что кто-то с ним разговаривал? У нас нет ни одного свидетеля, который общался бы с Флоресом лицом к лицу. Тебе это не кажется странным?

Они секунду смотрели друг на друга, потом синхронно перевели взгляд на экран, где Эштон разговаривал с двумя девушками, показывая на разные части церкви и что-то объясняя. Он выглядел расслабленным и чуть торжественным, как генерал в день сокрушительной победы над врагом.

Хардвик покачал головой:

— Думаешь, Эштон реально сочинил эту жуткую многоходовку, придумал персонажа и каким-то образом три года держал всех в уверенности, что персонаж реальный? И все ради того, чтобы было на кого свалить убийство на случай, если он когда-нибудь женится и захочет кокнуть благоверную? По-моему, это чушь.

— В такой трактовке звучит как чушь, да. Но он мог придумать Флореса для какой-то другой цели.

— Например?

— Не знаю. Цель должна быть более прагматичной. И более важной.

— Ну как-то не клеится, Гурни. А как же Скарды? Как же теория, что Леонардо переделся Флоресом и вербовал девчонок в Мэйплшейде, обещая им деньги и приключения после выпускного? Если Флореса не было, весь сценарий с сексуальным рабством рассыпается.

— Нужно подумать, — ответил Гурни. Это действительно был важный вопрос: как быть с теориями, основанными на идее, что Флорес — это Леонардо Скард, если никакого Флореса не существовало?

Глава 77

Последняя серия

— Кстати! — вспомнил Гурни. — Ты при оружии?

— Всегда, — отозвался Хардвик. — Без него как-то голени неудобно. Как по мне, то огнестрел при решении проблем помогает не хуже, чем мозг. А что такое? Хочешь устроить движуху?

— Нет, для движухи пока не время. Надо все-таки сперва понять, что происходит.

— Ты только что вещал с такой уверенностью, будто отлично все понимаешь.

Гурни поморщился:

— Уверенность у меня только в одном: моя версия убийства Перри — одна из вероятностей. Во всяком случае, нельзя исключать возможность, что Эштон сам убил Джиллиан. Он мог. Но дальше нужно копать факты. Сейчас же — ни мотивов, ни улики. Сплошные домыслы. Упражнение в дедукции.

— А вдруг...

Хардвика перебил звук тяжелой двери и металлический щелчок. Они повернулись к темной лестнице за дверью и стали прислушиваться к шагам.

Спустя минуту Эштон зашел в кабинет, держась все так же уверенно и гордо, как на экране. Опустившись в похожее на трон кресло за столом, он снял с уха гарнитуру и убрал ее в ящик. Затем положил руки на столешницу перед собой и медленно сомкнул пальцы, за исключением больших, которые зачем-то вытянул и держал параллельно, разглядывая их с большим интересом и словно сравнивая. Потом, улыбнувшись чему-то, он разомкнул пальцы и повернул руки ладонями вверх.

После чего будничным жестом вытащил из кармана небольшую «беретту», словно это была пачка сигарет. Движение было настолько расслабленным, что Гурни не сразу понял, что произошло.

Эштон меланхолично прицелился куда-то между Гурни и Хардвиком, но при этом сверлил Хардвика взглядом.

— Сделайте одолжение, положите руки на подлокотники кресел. Прямо сейчас, если не сложно... Благодарю. А теперь медленно поднимите ноги от пола. Хорошо. Ценю вашу готовность сотрудничать. Только попрошу поднять ноги еще повыше. Вот так. А теперь, если не возражаете, вытяните их в сторону моего стола, пока не сумеете положить пятки на

столешницу. Спасибо. Так гораздо удобнее, не правда ли?

Хардвик со спокойной сосредоточенностью выполнял указания, словно прилежный ученик на занятии по йоге. Как только его ноги оказались на столе, Эштон наклонился, сунул руку в правую брючину Хардвика и достал из кобуры компактный пистолет «*Kel-Tec*». Осмотрев его и взвесив в руке, он убрал его в тот же ящик, что и гарнитуру.

— Вот так гораздо лучше, — сказал он. — Избыток вооруженных людей в одном помещении, знаете ли, чреват неприятностями. Если хотите, детектив, можете опустить ноги. Теперь, когда расстановка сил ясна, предлагаю поговорить цивилизованно.

Эштон посмотрел на Хардвика, потом на Гурни и усмехнулся.

— Замечательный сегодня день. Столько интересных поворотов... У вас, детектив Гурни, поразительный ум. Сочинить такой зловещий сюжет... киношники бы оторвали с руками. Известный психиатр убивает новоиспеченную жену на собственной свадьбе в присутствии двух сотен свидетелей. И делает это, всего лишь произнеся: «Зажмурься покрепче!» Гектора Флореса не было, кровавое мачете было обманкой, а оружие убийства маньяк прятал в кармане. Падение в клумбу было просчитанным ходом, кровавую одежду он сбросил в ванной... и все такое. Сенсация! Раскрыто коварное убийство! Обнаружен преступный заговор века! Обличены торговцы пороком! Убитые отомщены, живые торжествуют. Я ничего не упустил?

Если Эштон ожидал увидеть страх или шок, то реакция Гурни его разочаровала. Даже в жутких обстоятельствах тот умел разговаривать с меланхоличной усталостью, словно происходящее ему ничуть не удивительно и даже немного скучно. Именно так он и заговорил.

— Вроде, ничего не упустили, — отозвался он, никак не прокомментировав то, что Эштон все это время подслушивал их разговор. По-видимому, для этого и была нужна гарнитура. Ну почему его ничего не насторожило, когда Эштон заговорил по мобильному? Уже тогда было ясно, что у гарнитуры другое назначение. Гурни всегда огорчался, когда очевидные вещи ускользали от его внимания. К счастью, он умел не подавать виду, что расстроен.

Гурни надеялся, что его спокойный тон возымел привычный обескураживающий эффект. Любой способ сбить Эштона с толку был сейчас ему на руку.

Эштон перевел взгляд на Хардвика, который рассматривал пистолет в его руке. Эштон покачал головой, словно укоряя ребенка за шалость.

— Знаете, как говорят в детективах, детектив? «Даже не думай об

этом!» Я проделаю в вас три дырки раньше, чем вы успеете встать с кресла.

К Гурни он обратился тем же тоном:

— А вы, детектив, похожи на муху. Залетели в дом, жужжите, потолок засиживаете... б-з-з-з... все рассматриваете... б-з-з-з... но понятия не имеете, что именно видите! Б-з-з-з, б-з-з-з, а потом — ШЛЕП! И зачем, спрашивается, было столько жужжать? Столько сил потратили — на поиск, на размышления, а ради чего? Вы же все равно не постигаете того, что видите. Мухи на это неспособны! — он рассмеялся.

Гурни помнил, что правильной стратегией в таких ситуациях было тянуть время, пытаться замедлить ход событий. Если Эштон действительно был убийцей, а сомнений в этом оставалось все меньше, то ему сейчас было важно продемонстрировать власть над собеседниками — как физическую, так и эмоциональную. Гурни оставалось затягивать эту игру до первой же возможности прервать ее в свою пользу. Так что он откинулся на спинку стула и улыбнулся.

— Если бы муха постигала все неверно, вы бы не держали сейчас пистолет, Эштон.

Эштон перестал смеяться.

— Вам кажется, вы что-то постигли? Король дедукции ожидает лавров? Притом что вся дедукция построена на фактах, которые я самолично вам подкинул. И то, что кто-то из Мэйплшейда исчез, и что перед пропажей был спор с родителями, и что все пропавшие появлялись в рекламе «Карналы»? Если бы меня не забавляло, как вы усердно складываете два и два, вы бы ни до чего не докопались, как и ваши безмозглые коллеги.

Настала очередь Гурни рассмеяться.

— Дело не в том, что я вас забавлял. Просто вы знали, что следующим шагом мы захотим пообщаться с ученицами и все недостающие факты всплывут. Если бы вы ничего не «подкидывали», мы бы все равно докопались, пусть и пару дней спустя. Это была довольно наивная попытка купить наше доверие, раскрывая нам глаза на факты, которые все равно не удалось бы долго скрывать.

Эштон выглядел невозмутимым, но Гурни по его взгляду видел, что попал в цель. Бывают случаи, когда в такого рода беседе стоит бить не прямо в цель, а чуть-чуть промахнуться, поскольку последствия прямого попадания могут быть жутковаты.

Когда Эштон заговорил, Гурни понял, что это как раз тот случай.

— Ладно, мы потратили довольно много времени. Хочу, чтобы вы увидели, как этот сюжет закончится, — он встал и свободной рукой

поволок за собой кресло к открытой двери, где снова сел в точке, откуда ему было одинаково хорошо видно Гурни с Хардвиком и экран на стене.

— Вы не на меня смотрите, — сказал он и кивнул на экран. — Туда смотрите. Это же реалити-шоу «Мэйплшейд», последняя серия. Немного не та развязка, какую я планировал, но что поделаешь — реалити-шоу не полностью подвластно режиссуре. Итак, все заняли место в зрительном зале, камера работает, но на площадке немного темно... — он достал пульт и нажал на кнопку.

В зале бывшей часовни стало светлее: на стенах зажглись лампы. В равномерном гуле девичьих голосов возникла пауза: девушки с удивлением огляделись.

— Так гораздо лучше, — улыбнулся Эштон. — Вы как-никак участник, детектив, и наверняка хотите получше разглядеть конец.

Участник чего? Но Гурни решил не задавать вопроса вслух. Вместо этого он прикрыл рот рукой и зевнул, а затем взглянул на часы.

Эштон холодно посмотрел на него.

— Вам не долго придется скучать, — сказал он, и веко его чуть дернулось. — Детектив, вы человек просвещенный, скажите: вам знаком средневековый термин *condign reparation*?

Как ни странно, Гурни помнил это из школьного курса философии. Наказание, идеально подходящее для преступления. Или просто — идеальное наказание.

— Знаком, — отозвался Гурни, и Эштон не сумел скрыть удивление.

И тут краем глаза Гурни заметил, как что-то мелькнуло. Тень? Или чей-то темный рукав?.. Но видение исчезло в темном пролете за дверью, где едва хватило бы места для одного человека.

— Тогда вы по достоинству оцените вред, который причинили своим невежеством.

— Постараюсь оценить, — ответил Гурни, усаживаясь поудобнее и надеясь под внешним любопытством скрыть страх.

— У вас действительно впечатляюще устроен ум, детектив, — сказал Эштон. — Такой талант просчитывать вероятности по разным векторам... Залюбуешься.

Как раз в этот момент Гурни не был способен ничего просчитывать и задумался, не был ли комплимент Эштона замаскированным сарказмом.

Самому Гурни сейчас казалось, что его ум, благодаря которому он одержал не одну профессиональную победу, сейчас превратился в слизь. Он не понимал, за что ухватиться, что думать, как сложить воедино мешанину несовместимых вещей: ненастоящий Флорес, ненастоящий

Йикинстил, обезглавленная Джиллиан Перри, обезглавленная Кики Мюллер, обезглавленная Мелани Струм, обезглавленная Саванна Листон... обезглавленная кукла в гостевой спальне, где любит сидеть Мадлен.

Должен быть какой-то центр, вокруг которого все вращается, но где он? В Мэйплшейде? В доме Сола Штека? Или в каком-нибудь кафе на Сардинии, где Джотто Скард, быть может, сейчас потягивает эспрессо, бесстрастный и флегматичный, как мудрый паук в центре паутины, где сходятся все нити его предприятий.

Вопросов становилось все больше.

Сильнее всего Гурни волновало, почему он, с его опытом, даже не задумался, что в кабинете может быть прослушка?

Ему всегда казалось, что теория про «волю к смерти» — просто романтическое построение, но сейчас он начал думать, что она вполне могла бы объяснить его невнимательность.

Или он утратил бдительность из-за избытка информации?

Избыток информации, нехватка конкретики и море крови.

В любой непонятной ситуации вернись в «здесь и сейчас».

Мадлен все время это повторяла. Будь здесь и сейчас, обрати внимание, что тебя окружает.

Осознанность. Святой Грааль человеческого ума.

Эштон тем временем продолжал какую-то мысль:

— ...трагикомичная неуклюжесть пенитенциарной системы, которая на самом деле абсолютно бессистемна, а по сути еще хуже того, что расследует! Когда дело доходит до настоящих сексуальных преступлений, система беспомощна, а ее исправительные потуги откровенно нелепы. Из пойманных преступников она никого не перевоспитает, а оставшихся на свободе лишь учит быть умнее. Более того, любой мало-мальски умный человек легко избежит наказания, обманув так называемых экспертов. Эти эксперты составляют списки насильников и маньяков, которые ни в какой мере не меняют ситуацию, хотя разводят героический пиар, чтобы не казаться никчемными. При этом настоящие змеи преспокойно пожирают младенцев! — воскликнул он, гневно воззрившись на Гурни и Хардвика. — Система изначально гнилая, но вы зачем-то посвящаете ей и дедукцию, и опыт, и ваш блестящий ум.

Гурни озадачила эта речь. Она была достаточно складной, чтобы казаться хорошо отрепетированной или как минимум произнесенной не однажды. Возможно, он что-то такое говорил коллегам на конференциях. Однако ярость, с которой вещал Эштон, была подлинной. Он видел ее раньше — она была свойственна жертвам насилия. Ярче всего Гурни

помнил эту ярость в глазах пятидесятилетней женщины, которая призналась в убийстве своего семидесятипятилетнего отчима, который изнасиловал ее в пять лет.

В суде она объяснила, что хотела обезопасить свою внучку, а заодно и чужих внушек, на которых он мог бы положить глаз. При этом ее собственные глаза были полны первобытной злости, и как адвокат ни пытался ее утихомирить, она продолжала кричать, что если бы могла, зарубила бы топором всех и каждого, кто осмелится на такую мерзость, разрубила бы на куски, стерла бы с лица земли. Когда ее выводили из зала суда, она продолжала кричать, что будет поджидать под дверью суда каждого негодяя, избежавшего правосудия, пока не перебьет всех до последнего, и что она потратит все силы, данные ей Господом на это благое дело, до последнего вздоха.

Гурни подумал, что если ярость Эштона была той же природы, то это бы многое объяснило.

Тоном, подразумевавшим продолжение давно затронутой темы, он произнес:

— Тирана оправдывали бы при любых раскладах, так что согласен, система неполноценна.

Сперва Эштон не отреагировал, будто не расслышал ни слов, ни подтекста.

В темном пролете за спиной Эштона вновь что-то зашевелилось, и на этот раз Гурни удалось разглядеть коричневый рукав с чем-то металлическим. Затем он снова исчез за дверным проемом.

Эштон чуть наклонил голову налево, а потом очень медленно направо и переложил пистолет из правой руки в левую, лежащую на колене. Затем он поднял правую руку и неуверенно прикоснулся кончиками пальцев к голове, и с учетом наклона головы казалось, что он слушает море в невидимой ракушке.

Встретившись взглядом с Гурни, он опустил руку на подлокотник и поднял вторую, в которой был пистолет. На лице его расцвела жутковатая улыбка, которая тут же погасла.

— Какой же ты пронизательный сукин сын.

Гомон, доносившийся из колонок, становился громче и тревожнее.

Эштон не обращал внимания.

— Пронизательный, умный, обожаешь производить впечатление. Только на кого же ты его так хочешь произвести?

— Что-то горит! — воскликнул Хардвик.

— Ты как ребенок, — продолжил Эштон, не замечая ничего вокруг. —

Ребенок, который научился фокусу и теперь показывает его снова и снова одним и тем же людям, в надежде воссоздать восхищение, которое он вызвал в самый первый раз.

— Черт возьми, там правда что-то горит! — повторил Хардвик, указывая на экран.

Гурни не отводил взгляда от пистолета. Что бы ни происходило на экране, это было сейчас неважно. Лишь бы Эштон продолжал говорить.

В дверном проеме появился невысокий человек в коричневом кардигане. Гурни заметил его боковым зрением, но сумел узнать: это был Хобарт Эштон.

Гурни продолжал смотреть на дуло пистолета. Интересно, что из происходящего доступно пониманию старика? Зачем он пришел и что собирается делать? Он старался войти украдкой или ему показалось? А если он специально поднялся по лестнице беззвучно и прятался в пролете, значило ли это, что он о чем-то подозревал? И главное: видно ли ему из дверей пистолет в руках сына? Понимает ли он, что такое пистолет?

Насколько сильно он погружен в деменцию? И если сейчас какое-нибудь его действие на мгновение отвлечет Эштона, хватит ли этого мгновения, чтобы Гурни успел метнуться и перехватить пистолет прежде, чем тот выстрелит?

Поток размышлений прервал крик Хардвика:

— В часовне пожар!

Гурни посмотрел на экран, стараясь держать обоих Эштонов в поле зрения. Из ламп на стенах церковного зала шел дым. Почти все девушки уже повскакивали со скамеек и собрались в центральном проходе, вокруг возвышения, недалеко от камеры.

Гурни тоже рефлекторно вскочил на ноги, а следом и Хардвик.

— Не спеши, детектив, — произнес Эштон, снова перекладывая пистолет в другую руку и целясь Гурни в грудь.

— Откройте им дверь! — потребовал Гурни.

— Не сейчас.

— Что вы затеяли?!

Из колонок стали доноситься крики. Снова взглянув на экран, Гурни увидел, что одна из девушек держала огнетушитель, из которого, вместо пены, лилась горючая жидкость, порождавшая теперь языки пламени вдоль скамеек. Другая девушка схватила другой огнетушитель, но результат был тот же — струя вскипала огнем. Очевидно, огнетушители умышленно наполнили горючим веществом. Это напомнило Гурни убийство с поджогом двадцатилетней давности, когда выяснилось, что один из

огнетушителей опустошили и наполнили желатинизированным бензином — фактически напалмом домашнего приготовления.

В часовне теперь началась паника.

— Сейчас же открой двери, хренов урод! — закричал Хардвик.

Старший Эштон сунул руку в карман и достал что-то блестящее. Простой нож с выкидным лезвием, каким мальчишки-бойскауты строгали ветки в лесу. Лицо Хобарта не выражало ровным счетом ничего, а взгляд был направлен в затылок сына.

Эштон-младший между тем смотрел на Гурни.

— Я бы предпочел другую коду, но ваше помпезное вмешательство не оставило мне выбора. Если подумать, эта концовка, в целом, не хуже.

— Выпусти их оттуда, кретин! — снова закричал Хардвик.

— А я так старался, — вздохнул Эштон, не меняя тона. — У меня были такие надежды. Каждый год у нескольких девочек был прогресс, но результат был смешон в масштабах напасти. Большинство девиц после выпускного оставались теми же ядовитыми змеями, которых я терпеливо пытался отогреть. И они уползали, чтобы отравлять этот мир, как и прежде.

— Вы были бессильны, — кивнул Гурни.

— Я тоже так думал, пока мне не открылось Предназначение и пока мне не передали Способ. Любую, желавшую и дальше источать отраву, я мог хотя бы ограничить в возможностях, не допустить, чтобы она жалила невинных.

Крики из колонок становились истошнее. Хардвик, помрачнев, начал надвигаться на Эштона. Гурни вытянул руку, чтобы остановить его жестом, а Эштон одновременно поднял пистолет и прицелился Хардвику в сердце.

— Джек, умоляю, — сказал Гурни, — не провоцируй стрельбу там, где не можешь в ней участвовать!

Хардвик остановился и прикусил губу, словно это помогало ему держать себя в руках.

Гурни улыбнулся Эштону:

— Слышал, вы собираете джентльменскую «дань вежливости».

— О, Болстон проболтался?

— Рассказал кое-что про «Карналу», да. Но я бы с удовольствием послушал продолжение.

— Вы и так слишком много знаете.

— Много, но не все.

— История по своей сути проста. Я вырос в неблагополучной семье, — сказал Эштон и жутковато улыбнулся на последних словах, умудрившись этим оскалом передать сонм кошмаров, кишащих за

потрепанным термином. — В какой-то момент меня оттуда забрали, отдали приемным родителям, отправили учиться. В процессе учебы я выбрал известную вам специализацию и долго был неудачником: большинство моих пациентов продолжало насиловать малолеток. Я был растерян, обезоружен, пока не понял, что в моих руках возможность сводить девиц адских нравов с мужчинами адских нравов. Чтобы худшие разбирались с худшими. Понимаете? *Condign reparation*. Идеальное решение, — улыбка исчезла. — Джиллиан была не дура, но совала нос куда не надо. Подслушала пару телефонных разговоров, ей стало интересно, и это сделало ее опасной. Полной картины, естественно, ей увидеть не удалось, но того, что она узнала, хватило для шантажа. Сперва она потребовала, чтобы мы поженились. Я знал, что этим дело не закончится, и решил проблему довольно изящным, как мне кажется, способом. Какое-то время я был абсолютно удовлетворен исходом. Но потом появились вы, — на этом месте он поднял дуло и прицелился Гурни в лицо.

На экране часть скамеек пылала, из половины ламп на стенах полыхал пламень, а драпировка успела обуглиться. Большинство девушек лежали на полу, некоторые пытались закрыть лицо руками или дышать через оторванные лоскуты одежды. Плач, кашель, рвота.

Хардвик был готов взорваться на месте.

— Появились вы, — повторил Эштон, — умница Дэвид Гурни. И смотрите, к чему это привело! — он махнул пистолетом в сторону экрана. — Что, ваш блестящий ум вам не подсказывал такого варианта развязки? А ведь другого быть не могло. Вы рассчитывали, что я их отпущу? Как умник может быть таким идиотом?

Хобарт сделал несколько шагов вперед.

Хардвик закричал:

— И это твое «идеальное решение», больной ты псих?! Вот это дерьмо? Сжечь живьем сотню с лишним девчонок? Это — идеальное решение?!

— Да-да-да, именно! А думали, что если меня загнать в угол, то они будут свободны?! — голос Эштона теперь дрожал. — Вы рассчитывали, что я оставлю в мире это змеиное гнездо, чтобы гадюки жрали младенцев? Чтобы эти гнилые, безумные, дрянные твари...

Все произошло так быстро, что Гурни едва заметил. С той стороны кресла последовал взмах руки, затем какое-то еще движение, и Эштон замолчал. Старик быстро обошел сына — неожиданно молодой походкой — и выхватил у него из руки пистолет, при этом, судя по звуку, сломав ему палец. Эштон уронил голову на грудь, и тело тоже стало медленно падать

вперед. Наконец, он упал на ковер и застыл в позе эмбриона. Вокруг начала расплзаться лужа крови, закрывая вопрос о способе убийства.

Хардвик побагровел.

Хобарт вытер ножик об спинку кресла, сложил его привычным жестом и убрал обратно в карман.

Затем посмотрел на Эштона и тоном, которым отпускают грехи, произнес:

— Говнюк.

Глава 78

Все, что осталось

В молодости Гурни мутило от вида крови, особенно если она вытекала из смертельной раны, но за двадцать лет в отделе по расследованию убийств он научился справляться с неприязнью. Он умел, когда нужно, скрывать свои чувства или хотя бы подменять животный ужас выражением безразличия. Именно к этому он сейчас и прибег.

Кровь продолжала растекаться неспешным овалом, а персидский ковер неторопливо ее впитывал.

— Ну и дерьмо, — произнес Гурни тоном, которым комментируют наличие птичьего помета на лобовом стекле.

Хардвик моргнул и посмотрел сперва на Гурни, затем на тело и, наконец, на ревущую преисподнюю на экране. Затем непонимающе посмотрел на отца Эштона.

— Что ж вы не открыли им дверь?!

Гурни и старик посмотрели друг на друга одинаковым взглядом, лишенным всякого сочувствия. Если обычно Гурни пригодились способность имитировать спокойствие в любой ситуации, то сейчас ее было недостаточно. Эштон-старший излучал невозмутимость пугающей, brutальной природы, будто убийство сына придало ему сил и успокоило ум, будто наконец удалось исправить чудовищную ошибку.

И он явно мог сколько угодно смотреть человеку в глаза, поэтому Гурни решил сменить модальность — в надежде успеть все же выйти живым из пожара.

— Совсем как в Тель-Авиве, — произнес он, кивая на экран.

Хобарт растянул губы в улыбке и перестал моргать.

Есть контакт! Но что дальше?

Хардвик смотрел на них с возрастающей яростью.

Гурни не отводил взгляда от Эштона-старшего, державшего пистолет.

— Жаль, что вы не появились раньше.

— А?

— Вы появились три месяца назад, а надо было пять.

Старичок с любопытством поднял брови.

— Вам-то что?

— Можно было предотвратить жуткую смерть Джиллиан.

— А-а, — протянул он и улыбнулся почти с благодарностью.

— Правда, если бы вы вмешались еще раньше, сейчас все было бы по-другому. И, я думаю, все было бы куда лучше.

Хобарт до этого то ли мелко кивал его словам, то ли старчески тряс головой. Но теперь нахмурился:

— О чем вы?

Гурни с ужасом подумал, что мог промахнуться с догадкой.

Но назад дороги не было, и времени думать тоже.

— Надо было убрать его много лет назад, вам не кажется? Надо было придушить его после рождения, пока Тирана не изуродовала ему жизнь. Все равно он с самого начала был двинутый, как и его мамаша, совсем не ваша порода, без деловой жилки...

Гурни рассматривал морщинистое лицо в поисках хоть какой-нибудь реакции, но лицо Хобарта не выражало ничего, как и пистолет в его руке. Раз назад пути нет, решил Гурни, остается продолжать переть вперед.

— Вы же за этим приехали после убийства Джиллиан, да? Ладно бы Леонардо ее просто убил, такое деловым людям понятно, но отрезать ей голову, да еще на свадьбе? Это уже не дело. Вы, наверное, хотели своими глазами все увидеть и оценить. Решить проблему по-деловому, если понадобится. Все-таки негоже было бы позволить больному ублюдку испортить бизнес. Хотя, справедливости ради, Леонардо был по-своему талантлив. Умный, с воображением... вы как считаете?

Старик продолжал смотреть на него немигающим взглядом.

Гурни продолжил:

— Как минимум сюжет с Флоресом не может не впечатлять. Придумать козла отпущения, на которого можно валить что угодно, лишь бы никто не докопался до пропажи здешних выпускниц. Леонардо сумел это предусмотреть и все спланировать. Жаль, цена была высоковата. Похоже, он окончательно спятил, да? Поэтому его пришлось убрать. Вас фактически загнали в угол. Это вынужденная антикризисная мера... — Гурни покачал головой, рассматривая огромное пятно на ковре между ними, и добавил: — В общем, поздно вы, Джотто, приехали.

— Как ты меня назвал?!

Гурни уставился на него таким же каменным взглядом и ответил:

— Не будем тратить время. Предлагаю сделку. У вас пять минут, чтобы ее принять или отклонить.

Ему показалось, что в лице старика на мгновение что-то изменилось.

— Как ты меня назвал?!

— Джотто, вот что важно понимать: песенка спета. Скардам конец. Всем до одного. Тик-так, время пошло, сделка такая: вы сдаете имена и контакты всех клиентов «Карналы», всех этих упырей вроде Болстона, на чьих страстишках вы наживаетесь. Особенно меня интересуют адреса, по которым могут быть все еще живые девочки. Соглашайтесь — и доживете как минимум до ареста.

Старик рассмеялся, и этот смех был похож на хруст гравия под колесами.

— Да у тебя есть яйца, Гурни. Не ту профессию ты выбрал.

— Да-да, слышан. Но время-то как летит, у вас уже четыре с половиной минуты! Давайте расскажу, что будет, если вы не поделитесь со мной адресами. Вас попробуют арестовать по всем правилам, как в учебнике. Вы неразумно попытаетесь бежать, поставив под угрозу жизнь полицейского, в результате чего в вас придется стрелять. Выстрелов будет два: первая пуля, девятого калибра с полым наконечником, отстрелит вам яйца, а вторая продырявит шею между первым и вторым позвонками, так что вас необратимо парализует. Дальше вам светит овощная жизнь в тюремной больнице, где вы будете разрабатывать сопрано до самой гробовой доски, а ваши сокамерники не преминут при любом удобном случае поссать вам в лицо. Я понятно изложил условия сделки?

Старик опять рассмеялся, и каркающий смех Хардвика в сравнении с этим звуком казался пением райских птиц.

— Гурни, знаешь, почему ты еще жив? Потому что мне все время интересно, какую хрень ты еще придумашь.

Гурни посмотрел на часы.

— Три минуты, двадцать секунд.

Из колонок теперь доносились только стоны, кашель и плач.

— Какого хрена! — прорычал Хардвик. — Ну вот какого хрена!..

Гурни взглянул на экран, секунду послушал жалкие всхлипы, повернулся к Хардвику и прочеканил:

— Если я сам забуду, пульт от дверей в кармане Эштона.

Хардвик внимательно посмотрел на него, пытаясь понять подтекст. Гурни повернулся к Джотто Скарду:

— Время истекает.

Старик снова рассмеялся. Блеф не сработал.

На экране, прямо перед камерой, появилось девичье лицо, которое наполовину скрывали белоснежные пряди. Оно и так было перекошено от ярости, а фокусное расстояние еще более гротескно искажало черты.

— Ты гад! — закричала она. — Ты гад, гад! Гад! — голос ее сорвался на хрип, она закашлялась и стала задыхаться.

Откуда-то из-за скамеек появился доктор Лазарь. Подобно огромному жуку, он полз по натянутому дымом полу.

Джотто смотрел на экран, и происходящее, судя по его взгляду, явно не казалось ему ужасным. Хуже того, оно казалось ему забавным.

Другого отвлекающего момента могло не представиться. Гурни решил, что это последний шанс.

Винить было некого, как и некому было прийти им на помощь. Он сам привел себя в эту точку жизни, приняв череду странных решений. Привел себя в этот узкий кабинет на краю преисподней.

С табличкой «Райские врата».

И сейчас в его власти была только одна вещь.

Он надеялся, что ее хватит.

А если нет — он надеялся, что Мадлен когда-нибудь сумеет его простить.

Глава 79

Последняя пуля

Почему-то в полицейской академии не преподают порядок действий на случай, если в тебя стреляют. Какое-то представление можно составить, слушая рассказы тех, кто получил пулевое ранение, а если оказываешься свидетелем, это даже добавляет знанию мрачную глубину. Но, как и с большей частью сильных переживаний, реальность безнадежно отличается от теории.

За отчаянную пару секунд он придумал план. План был незатейлив, как прыжок из окна, — сама простота. Старичок стоял всего в нескольких шагах, у опустевшего кресла Эштона рядом с открытой дверью. Гурни решил броситься на него с достаточного разгона, чтобы вытолкнуть в дверной проем спиной вперед. Они бы оба покатались по лестнице, и Джотто его бы, скорее всего, застрелил. Возможно, далеко не одной пулей.

Джотто смотрел на блондинку, из последних сил орущую с экрана

проклятья. Гурни рванулся вперед с гулким рычанием, закрыв одной рукой сердце, а другой лоб: при двадцать пятом калибре останавливающая сила пули будет невелика, если не считать эти две зоны. Остальными частями тела он был готов пожертвовать.

Это было безумие, почти наверняка самоубийство, но он не видел другого выхода.

Первый выстрел прозвучал почти в ту же секунду. С жутким напором пуля раскрошила тыльную сторону запястья руки, прикрывавшей сердце.

Вторая пуля раскаленным штопором вонзилась в живот. Третья оказалась худшей.

Ни здесь и ни там.

Электрический разряд, яркая зеленая вспышка, слепящая как звездный взрыв. Вопль ужаса, шок, ярость, свет превращается в крик, крик превращается в свет.

Ничего нет. Или что-то есть? Поначалу не различить. Что значит это белое поле? Или ничего? Может быть чем угодно. Потолком, например. И под этой незнакомой белизной, но где-то высоко над ним — черный крюк. Маленький черный крюк, напоминающий манящий палец. Многозначительный жест, за гранью слов. Хотя здесь все за гранью слов. Вспомнить бы хоть одно слово... ну хоть одно. Что такое слово? Маленькие шершавые препятствия. Черные пластмассовые насекомые. Графические объекты. Обломки чего-то невнятного. Буквенный суп. С крюка свисает прозрачный пакет с тяжелой бесцветной жидкостью. Такая же бесцветная трубочка тянется от пакета вниз, в его сторону, напоминая неопределенную трубку для заправки игрушечного самолетика. Он даже почувствовал запах топлива. Увидел, как чей-то палец привычным жестом запускает пропеллер, услышал, как гудит маленький мотор. Громкость нарастает, и гул превращается в визг, в непрекращающийся истошный крик... потом он плетется домой следом за отцом, за своим угрюмым отцом, и спотыкается и падает на острый гравий. Колено в кровь. Кровь стекает по ноге и впитывается в носок. Плакать нельзя, и он не плачет. Отец выглядит довольным и даже гордым, а позже рассказывает матери, что наконец добился своего: их сын достиг возраста, когда способен не плакать. Это огромная редкость — чтобы отец говорил о тебе с гордостью. Но мать говорит: «Да ладно тебе, ему четыре года, ему еще можно плакать». Отец в ответ молчит.

И вот он уже взрослый, ведет машину, едет знакомой дорогой по Катскиллам, и перед ним выбегает олениха, чтобы нырнуть в поле на другой стороне, а следом выскакивает олененок. Слишком внезапно. Глухой удар. Изувеченное тело. Взгляд матери, одиноко ждущей в поле.

Данни у обочины, уносящееся вдаль красное «BMW». Голубь, за которым он выбежал на дорогу, хлопает крыльями и взмывает ввысь. Четыре года. Ему было всего четыре.

Мелодия Нино Роты. Искристая, нервная, горьковатая, как грустный цирк. Соня Рейнольдс медленно кружится в танце. В воздухе кружатся листья.

Голоса.

— Он что-нибудь слышит?..

— Возможно. Вчера МРТ показала повышенную активность в сенсорных центрах...

— «Повышенную»? Но...

— Но это пока не нормальная активность.

— Это как?

— Мозг вроде бы пытается функционировать в обычном режиме, но вместо того, чтобы застabilizироваться, режим все время меняется. Надеемся, что это временно. Сейчас это похоже на поведение мозга в период визуальных и слуховых галлюцинаций.

— И каков прогноз?

— Миссис Гурни, травмы мозга — такое дело...

— Я понимаю, что вы ничего не можете гарантировать. Я просто спрашиваю ваше мнение.

— Не удивлюсь, если он придет в себя без особых потерь. Мне приходилось видеть случаи спонтанной ремиссии...

— Но если он не придет в себя, вы тоже не удивитесь?

— Ваш муж получил огнестрельное ранение в голову. Удивителен тот факт, что он остался жив.

— Я согласна с этим. Спасибо. Может быть, он выздоровеет, а может быть, нет... И даже никаких предположений в пользу того или другого?

— Мы делаем все, что в наших силах. Когда спадет отек, будет чуть больше определенности.

— А ему не больно?

— Ему не больно.

Рай.

Волны тепла и прохлады окутывали его, подобно морским волнам или летнему ветру.

Сейчас у прохлады был запах травы, покрытой росинками, а у тепла — запах нагретых солнцем тюльпанов.

Прохлада исходила от простыни, а тепло — от женских голосов.

Тепло и прохлада сомкнулись, как две губы, и поцеловали его в лоб. С восхитительной нежностью и добротой.

Суд.

Суд по уголовным делам штата Нью-Йорк. Противный зал, блеклый, бесцветный интерьер. Судья с гротескно усталым лицом, с нарочитой циничностью дешевого комика, с плохим слухом.

— Детектив Гурни, обвинения кажутся нам исчерпывающими. Ваше слово?

Он ничего не может ответить. Он не может даже пошевелиться.

— Защитник в зале?

— Нет! — отвечает хор голосов.

Откуда-то с пола взлетает голубь и растворяется в дымке под потолком.

Он хочет ответить, он пытается, он силится доказать, что он здесь, но ему не удастся ни вымолвить слово, ни совершить жест, даже малейший. Он хочет вырваться из этого, закричать, хотя бы прохрипеть.

В зале пожар. Мантя судьи начинает тлеть. Срываясь на визг, он провозглашает:

— Суд постановил приговорить обвиняемого находиться в том же месте, где и сейчас, неопределенно долгое количество времени, после уменьшения размера такового места, пока обвиняемый не потеряет рассудок или не скончается.

И вот он стоит в душной камере без окон, с незастеленной кроватью. Единственная дверь ведет в неглубокий шкаф, за которым — бетонная стена. Ему тяжело дышать. Он стучит кулаками в стены, и каждый удар исторгает огонь и дым. И тогда он видит у кровати щель в стене, и сквозь

эту щель за ним наблюдают чьи-то глаза.

Он тут же оказывается в этом месте сам — там, за стеной, за трещиной с видом на каморку, только трещина теперь исчезла, и в новом месте стоит абсолютный мрак. Он уговаривает себя успокоиться, дышит медленно и ровно. Здесь так узко, что никак не пошевелиться: руки не поднять, колени не согнуть. Тогда он шагает в сторону, поскользывается и падает на пол, но вместо удара об пол раздается крик. Он больше не чувствует руку, на которую упал, и не может опереться, чтобы встать. Так тесно, что почти невозможно дышать, и оставшийся воздух постепенно вытесняет страх. Если бы только подать голос...

Вдалеке завывали койоты.

— Думаете, он меня слышит? — в этом вопросе столько надежды.

— Могу вам лишь ответить, что активность на томограмме соответствует активности при работающем слухе.

Его голос прост и плосок, как лист бумаги.

— Он парализован? — в этом вопросе клубится мгла.

— Насколько мы можем судить, участки, ответственные за движение, не затронуты. Однако при таких травмах...

— Да, да, вы уже говорили.

— Ладно, миссис Гурни, не буду вам мешать.

— Дэвид, — позвала она.

Он все еще не мог шевелиться, но паника стала рассеиваться от звука этого голоса. Черные стены, сжимавшие его, ослабили хватку.

Он знал этот голос.

Он вспомнил лицо той, которая звала.

И он открыл глаза. Сперва он увидел только свет.

А потом — ее.

Она смотрела на него и улыбалась.

Тело по-прежнему не подчинялось ему.

— Ты в гипсе, — объяснила она. — Расслабься.

В памяти с жутковатой ясностью всплыло, как он бросается вперед на Джотто Скарда.

Как оглушительно звенит в ушах первый выстрел.

— Что с Джеком? — спросил он хриплым шепотом.

— Он жив.

— А ты как?

— Хорошо.

Его глаза наполнили слезы, размыв ее лицо.

Вскоре нахлынули другие воспоминания.

— А пожар?..

— Все спаслись.

— Как хорошо!.. Что, Джек нашел этот... этот...

Он не мог вспомнить слово.

— Пульт, да. Ты же сказал ему: «Пульт от дверей в кармане Эштона».

Она то ли кратко рассмеялась, то ли всхлипнула.

— Ты чего?

— Подумала: а это могли быть твои последние слова. «Пульт от дверей в кармане Эштона».

Он начал было смеяться, но тут же вскрикнул от боли, и от этого снова засмеялся, и снова вскрикнул.

— Нет-нет-нет, только не смей меня.

По его щекам текли слезы, в груди ужасно болело. Его силы начали иссякать.

Мадлен наклонилась к нему и вытерла слезы смятой салфеткой.

— Где Скард? — спросил он, теряя голос.

— Ты его уделал. Ничуть не хуже, чем он тебя. Небось, не ждал, что его может спустить с лестницы человек, в которого он трижды выстрелил.

В ее голосе смешалось столько разных эмоций, но он отчетливо различил среди прочих трогательную гордость.

Он снова засмеялся, по щекам слова поползли слезы.

— Отдохни, — сказала она. — К тебе скоро выстроится очередь. Хардвик всем в бюро рассказал, что случилось, и все, что ты узнал обо всех и обо всем, и что ты невероятный герой, и сколько жизней спас. Теперь они все хотят услышать из первых уст.

Какое-то время он молчал, мучительно пытаясь вытянуть события из памяти.

— Когда ты с ними говорила?

— Ровно две недели назад.

— Нет, я про пожар и про Скарда...

— Ровно две недели назад. В тот самый день, когда это случилось, когда я вернулась из Нью-Джерси.

— Боже мой. То есть...

— Ты ничего не понял, — она замолчала, и глаза ее внезапно наполнились слезами, а голос задрожал. — Я чуть тебя не потеряла, — сказала она, и черты ее исказила гримаса такой горечи, какую он не мог вообразить на ее прекрасном лице.

Глава 80

Свет мира сего

— Он спит?

— Скорее, дремлет. Ему временно поставили капельницу с обезболивающим. Но он нас слышит, с ним можно говорить.

Он улыбнулся. Но обезболивающее не только убирало боль, но и укутывало его в чувство удивительного спокойствия. Он улыбнулся этому спокойствию.

— Я не хочу его зря тревожить.

— Вы его не потревожите. Говорите, раз вы хотите что-то сказать.

Мадлен и Вэл Перри. Оба голоса такие красивые.

Вэл Перри сказала:

— Дэвид... я приехала вас поблагодарить, — за этим последовала долгая пауза, и тишина была, как утром на море, когда смотришь, как по горизонту скользит кораблик. — Пожалуй, это все, что я хочу сказать. Оставлю для вас конверт... надеюсь, этого достаточно. Здесь в десять раз больше суммы, на которую мы договорились. Если вам покажется мало, позвоните, — снова пауза, затем тихий вздох. Так на рассвете вздыхает ветер над полем рыжих маков. — Спасибо вам.

Он не мог различить, где кончается его тело и начинается кровать. Он не мог даже понять, дышит он или нет.

А потом он вдруг открыл глаза и снова увидел Мадлен.

— Там Джек, — сказала она. — Джек Хардвик из бюро. Позвать его? Или пусть заглянет завтра?

Гурни перевел взгляд на дверной проем. Он стоят в коридоре. Неопрятный «ежик» на голове, припухшее лицо, голубоватые глаза маламута.

— Пусть зайдет.

Он чувствовал, что нужно поговорить с Хардвиком, чтобы начать возвращаться к жизни, чтобы в голове наконец прояснилось.

Мадлен кивнула и отошла в сторону, пропуская Хардвика в палату.

— Я пойду вниз и выпью их дрянного кофе, — сказала она. — Скоро вернусь.

— Прикинь, — каркнул Хардвик, дождавшись когда Мадлен выйдет и поднимая забинтованную руку. — Мне досталась пуля, что продырявила тебя насквозь.

Гурни посмотрел на его руку. Она не выглядела серьезно покалеченной. Он почему-то вспомнил, как Мэриан Элиот отозвалась о Хардвике — «разумный носорог» — и начал смеяться. По-видимому, обезболивающее капало не на полную мощность, потому что опять стало больно.

— Есть новости?

— Ты жесткий старичок, Гурни, — произнес Хардвик, покачивая головой в комическом уворе. — Сломал хребет Джотто Скарду.

— Когда толкнул его на лестницу?

— Ты ни хрена его не толкнул. Ты съехал на нем по лестнице, как на санях. Так что ему досталось инвалидное кресло, все, как ты обещал. Кажется, он был впечатлен! Старый хрен не стал проверять, сбудется ли обещание насчет ссущих в лицо сокамерников, так что добазарился с прокурором до персональной изоляции в медицинской камере подальше от основной тюремной публики.

— Как это он добазарился?

— Слил адреса клиентов «Карналы», которые любили, так сказать, доводить дело до конца.

— И что?

— По некоторым адресам нашли еще живых девчонок.

— Послабление за сотрудничество, значит?

— Ну, он заодно слил всю контору. Вообще не раздумывая.

— Сдал оставшихся двух сыновей?!

— Глазом не моргнул. Если ты не заметил, Джотто Скард мужик не сентиментальный.

Гурни улыбнулся. Хардвик продолжил:

— Слушай, но я кой-чего хотел спросить. Учитывая, что он весь такой прагматичный, когда речь о бизнесе, чего он не хлопнул Леонардо еще хрен знает когда, узнав о наличии в контракте пункта о декапитации?

— Кто ж убивает курицу, несущую золотые яйца?

— Курица — это Эштон, что ли? В смысле Леонардо.

— Он был главным тузом в бизнесе, управлял Мэйплшейдом. Убрать его — значит, потерять школу, а это главный рассадник девиц нужного сорта... — Гурни прикрыл глаза, изможденный длинной фразой. — Это было невыгодно для Джотто.

— Тогда зачем он его убил в конце?

— Он же спятил... сгорел на работе... почти буквально... золотые яйца кончились...

— Старичок, ты в порядке? Голосок у тебя не шибко бодрый.

— Я сама бодрость! Короче... бешеная курица без золотых яиц — это риск. Все дело в балансе риска-выгоды. В часовне Джотто понял, что Леонардо — риск без выгоды. Выгода осталась одна — в его смерти.

Хардвик задумчиво хмыкнул.

— Какой практичный гад.

— Да. — Гурни помолчал, а потом спросил: — Кого еще Джотто сдал?

— Штека. Мы с ребятами из департамента напряглись и разыскали его — в том самом домике в Манхэттене. Правда, он успел застрелиться к нашему визиту. Но знаешь, что интересно насчет Штека? Я уже рассказывал — когда его поймали и хотели упечь пожизненно как многократного насильника, он закосил под дурачка и слег в психушку. Так вот угадай, что за психиатр написал ему заключение?

— Эштон?

— Он самый. Пошел на такую щедрость ради человека, который не Скард... Необычно. Жирный был клиент, видать. Вообще мерзавцу нужно отдать должное: в людях он шарил. Во всяком случае, полезного психопата чуял за версту.

— А кем оказались «дочери» Штека?

— Когда мы приехали, там больше никого не было. Так что черт его знает. Может, стажерки из мэйплшейдовских выпускниц? Но я что-то сомневаюсь, что они теперь вернутся в этот бизнес.

Гурни подумал, что это соображение должно звучать обнадеживающе, но почему-то даже сквозь плотный морок обезболивающего просачивалась тревога.

— Нашли что-нибудь интересное? — спросил он наконец.

— В доме-то? Да не то слово. Кучу видеозаписей, где девицы рассказывают о любимых извращениях. Там было такое... Волосы дыбом.

— И больше ничего?

Хардвик развел руками.

— А черт его!.. Может, что и было. Вроде все осмотрели, но бывает, что вещи куда-то деваются в процессе или почему-то не доживают до описи... ликвидируются по оплошности. Сам, что ли, не знаешь.

Пару секунд оба молчали.

Хардвик о чем-то задумался, а потом хмыкнул:

— Знаешь, Гурни, а ты ведь больной на всю голову. Только мало кто подозревает.

— Мы все такие.

— О не-е-ет. Вот я, к примеру. Скажешь, долбанутый? Снаружи так да, но внутри я — кремень. Безупречно настроенный, гармонично

функционирующий инструмент.

— Это ты-то гармоничный? — Гурни хотел как-нибудь остроумно парировать, но вещество в капельнице мешало остроумию, и голос его осекся.

Еще секунду они просто смотрели друг другу в глаза, а потом Хардвик сделал шаг к двери.

— Ладно, еще увидимся.

— Давай.

Он пошел к выходу, потом остановился и обернулся.

— Шерлок, ты того... не бойся. Все в порядке.

— Спасибо, Джек.

Вскоре вернулась Мадлен с небольшим стаканчиком кофе. Поморщив нос от его запаха, она поставила его на металлический стол в углу.

Гурни улыбнулся.

— Совсем паршивый?

Вместо ответа она подошла к кровати и взяла его руки в свои.

Какое-то время они так и молчали, держась за руки.

Минуту или час? Он не знал.

Он знал только, что в ее улыбке — понимание и любовь. Больше никто не умеет так улыбаться.

Эта улыбка его восхищала и грела, как ничто другое в жизни.

И больше всего в этой жизни его поражало, что женщина, в которой столько искрящегося света, считает его достойным этой улыбки.

Улыбки, которая заставит самого горького из людей поверить, что жизнь хороша.

Благодарности

Когда я закончил свой первый роман, «Загадай число», мне сказочно повезло встретить замечательного агента — Молли Фридрих — и ее чудесных коллег, Пола Сирона и Люси Карсон.

Затем мне повезло, что книга попала к прекрасному редактору издательской группы *Crown* — Рикку Хоргану.

В работе над этой книгой со мной остались те же умные, талантливые и искренние люди, чья проницательность делает их лучшими критиками, а энтузиазм — лучшей поддержкой.

Рик, Молли, Пол и Люси, спасибо вам!

Не буди дьавола

Посвящается Наоми

Часть первая

Осиротевшие

Пролог

Нужно было ее остановить.

Намеки не помогли. По-хорошему она не понимала. Требовались жесткие меры. Нужны были драма и однозначность — и понятное всем объяснение.

Понятное — вот что главное. Чтобы не осталось места вопросам и сомнениям. Чтобы полиция, журналисты и эта любопытная дурочка — чтобы все они ясно поняли, что он имеет в виду и насколько это важно.

Он задумчиво посмотрел на желтый блокнот и написал:

Немедленно сворачивайте свой гнусный проект. То, что вы делаете, — чудовищно. Ваш проект воспекает худших людей на земле. Вы насмехаетесь над моей жаждой справедливости, восхваляя преступников, которых я уничтожил. Вы превозносите худших из худших. Этому не бывать. Я этого не потерплю. Десять лет я жил в мире, зная, что достиг цели, зная, что оставил свое послание миру и добился справедливости. Не вынуждайте меня снова братья за оружие. Расплата будет ужасна.

Он перечитал написанное. Медленно покачал головой. Не тот тон. Вырвал листок и сунул его в шредер рядом со стулом. Потом начал заново:

Прекратите это занятие. Прекратите немедленно, бросьте все. Иначе снова прольется кровь, еще больше, чем прежде. Берегитесь! Не нарушайте мой покой.

Уже лучше. Но все равно не то.

Нужно добить это письмо. Чтобы стало совсем четко. Недвусмысленно. Яснее ясного.

А времени в обрез.

Глава 1

Весна

Французские двери были распахнуты.

Стоя у кухонного стола, Дэйв Гурни хорошо видел окрестности: на полях снег уже сошел, лишь в лесу, в самых тенистых его уголках, упрямыми ледниками виднелись последние белые пятна.

В просторную кухню фермерского дома проникали терпкие весенние запахи: свежей земли, неубранного прошлогоднего сена. Колдовские запахи — когда-то от них захватывало дух. Но теперь они мало его занимали. Ну приятно пахнет. И что?

— Ты бы вышел во двор, — предложила Мадлен, ополаскивая миску из-под хлопьев. — Смотри, какое солнце. Красота.

— Вижу, — ответил он, не трогаясь с места.

— Выпить кофе можно и на террасе, там есть кресла, — продолжала она, поставив миску в сушилку. — Тебе полезно солнце.

— Хм, — он неопределенно кивнул и отхлебнул из кружки. — Это тот же кофе, что мы пили раньше?

— А чем он тебе не нравится?

— Я не говорил, что он мне не нравится.

— Да, это тот же кофе.

Он вздохнул.

— Я, наверно, простудился. Уже пару дней все безвкусное.

Она оперлась о раковину и обернулась к нему.

— Тебе надо чаще выходить. И что-нибудь делать.

— Да-да.

— Я серьезно. Нельзя сидеть сиднем и смотреть в одну точку. Так и заболеть недолго. Вот тебе и нездоровится. Ты, кстати, перезвонил Конни Кларк?

— Перезвоню.

— Когда?

— Как настроение будет.

Впрочем, не похоже было, что в обозримом будущем настроение появится. С ним не складывалось в последнее время, вот уже полгода. После странного дела об убийстве Джиллиан Перри, из-за которого он получил несколько ранений, Гурни словно полностью отстранился от обычной жизни, от планов и повседневной рутины, от людей и звонков, от всех обязанностей. И уже казалось, что предел мечтаний — это календарь без единой пометки, ни тебе дел, ни встреч. Он стал считать свою отстраненность свободой.

Вместе с тем ему хватало ума признать, что это ненормально и что в

такой свободе нет покоя. Он чувствовал не безмятежность, а враждебность.

Отчасти Гурни даже понимал эту странную энтропию, понимал, что вывело из строя его жизненный механизм и довело его до изоляции. По крайней мере, он смог бы составить список причин своего нынешнего состояния. Начал бы со странного звона в ушах, преследовавшего его после комы. Вероятно, всему виной были события, произошедшие двумя неделями раньше, когда в маленькой комнате в него трижды выстрелили, почти в упор.

На что похож этот несмолкающий звук (то есть, конечно, вовсе не звук, объяснил лор, а отклонение в нервной системе, которое мозг воспринимает как звук), сказать было трудно. Высокий, тихий, по тембру — как если чуть слышно напевать одну ноту. Подобный симптом нередко встречался у рок-музыкантов и ветеранов войн, но физиологические причины его оставались неясными и лечению он, как правило, не поддавался.

— Вообще-то, детектив Гурни, — заключил врач, — после всего, что вы пережили, после таких ранений и комы вам чертовски повезло, что вы отделались лишь тихим звоном в ушах.

Не поспоришь. И все же нелегко было привыкнуть к тому, что и в полной тишине тебя преследует это тихий свист. Особенно это мешало по ночам. Днем звук был отдаленным, словно где-то закипает чайник, в темноте же он заполнял собой все пространство, сковывал Гурни зловещим, стальным холодом.

А еще были сны. Мучительные сны, от которых начиналась клаустрофобия, обрывки больничных воспоминаний: как он не мог пошевелить загипсованной рукой, как трудно было дышать. Проснувшись, Гурни долго не мог отойти от кошмара.

На правой руке у него так и осталось онемевшее пятно в том месте, куда, раздробив запястную кость, вошла первая пуля. Он постоянно, чуть ли не ежечасно, трогал это пятно, надеясь, что онемение прошло, а то еще и боясь, как бы оно не расползлось дальше. То и дело его мучила боль в боку — острая, всегда внезапная, там, куда попала вторая пуля. А середина лба, на линии роста волос, куда вошла третья, проломившая череп, слегка чесалась, но почесать не помогало.

Пожалуй, самым печальным последствием этого ранения стала патологическая потребность быть при оружии. На работе он носил пистолет лишь по долгу службы. В отличие от многих копов он никогда не питал любви к стволам. Выйдя в отставку после двадцати пяти лет работы, он расстался с золотым значком детектива и освободился от обязанности

носить оружие.

Но потом его подстрелили.

И теперь каждое утро он пристегивал к ноге маленькую кобуру с «береттой» 32-го калибра. Он ненавидел эту свою потребность в оружии. Ненавидел внутреннюю перемену, из-за которой не мог больше обходиться без треклятого ствола. Надеялся, что мало-помалу тягостная зависимость сойдет на нет, но пока что надеялся понапрасну.

В довершение всего ему казалось, что Мадлен смотрит на него с какой-то новой тревогой. Эта тревога не была похожа ни на боль и панику тех дней, когда он лежал в больнице, ни на смесь надежды и волнения, которые он видел у нее на лице, выздоравливая. Это было что-то другое, тише и глубже — постоянный, едва скрываемый ужас, будто у нее на глазах происходит что-то страшное.

Он допил кофе в два глотка, так и не отходя от кухонного стола. Отнес кружку в раковину, включил горячую воду. Слышно было, как в прихожей возится Мадлен, чистит кошачий лоток. Кошку завели недавно, по инициативе Мадлен. Гурни не понимал, зачем ей это понадобилось. Может, она хотела его подбодрить? Думала, что ему полезно отвлечься на кого-то, кроме себя? Если так, то ничего не вышло. Кошка его интересовала не больше, чем все остальное.

— Я в душ, — объявил он.

Мадлен что-то ответила из прихожей, кажется «хорошо». Точно он не расслышал, но переспрашивать было незачем. Он направился в ванную и включил воду.

Долгий, горячий душ. Живительные струи лились Гурни на спину, расслабляя мышцы, расширяя сосуды, прочищая мысли и пазухи, даря благодатное ощущение здоровья — восхитительное, но мимолетное.

Когда он, одевшись, вернулся к французским дверям, в сердце у него вновь проклеывалась тревога. Мадлен уже вышла на террасу, отделанную голубым камнем. Дальше находился клочок земли, которому два года усиленной стрижки придали некое сходство с газоном. Мадлен, в холщовой куртке, оранжевых тренировочных штанах и зеленых резиновых сапогах, шла по краю террасы, с энтузиазмом втыкая лопату через каждые несколько дюймов, проводя границу между плиткой и газоном, срезая чересчур разросшиеся корни. Она взглянула на мужа, явно приглашая разделить труды, но он не выказал никакого интереса, и энтузиазм в ее глазах сменился разочарованием.

Гурни раздраженно отвернулся, и взгляд его упал на зеленый трактор

рядом с амбаром у склона холма.

Мадлен проследила за движением его взгляда.

— Я тут подумала, не получится ли у тебя на тракторе выровнять колеи?

— Колеи?

— Ну там, где мы паркуемся.

— Конечно, — вяло отозвался он. — Да, пожалуй.

— Но это не срочно.

— Хм.

Спокойствие, наступившее после душа, окончательно покинуло Гурни при попытке сосредоточиться на сломанном тракторе. Что трактор сломан, он обнаружил с месяц назад и успел об этом благополучно забыть, лишь иногда накатывала паранойя, и тогда эта загадка сводила его с ума.

Мадлен пристально смотрела на него.

— На сегодня, пожалуй, хватит, — сказала она. Затем улыбнулась, отложила лопату и направилась к боковой двери, чтобы снять сапоги в прихожей и уже оттуда зайти в кухню.

Гурни глубоко вздохнул и вновь устался на трактор, в сотый раз пытаюсь понять, отчего так странно заклинило борону. И вдруг, словно по злему умыслу, солнце закрыла черная туча. Весна как пришла, так и ушла.

Глава 2

Огромная услуга для Конни Кларк

Владения Гурни располагались в горной седловине за поселком Катскилл, в конце дороги, проходящей через Уолнат-Кроссинг. Старый фермерский дом стоял на пологом южном склоне. За ним простиралось неухоженное пастбище, на другом конце которого был выстроен большой красный амбар и вырыт глубокий пруд, теперь заросший рогозом и осененный ивами. За прудом начинался лес: буки, клены, черная вишня. Другое пастбище тянулось к северу от дома, вдоль гор: за ним виднелись сосновый бор и цепь заброшенных каменоломен, где некогда добывали песчаник. Оттуда открывался вид на следующую долину.

Погода резко поменялась: в горах Катскилл это бывает куда чаще, чем в Нью-Йорке, где Дэйв и Мадлен жили раньше. Небо аспидным одеялом нависло над холмами. За десять минут похолодало как минимум градусов на пять.

Что-то заморосило: не то дождь, не то снег. Гурни закрыл французские

двери. Задвигая щеколду, он внезапно ощутил резкую боль в животе, с правой стороны. Потом снова. К этим приступам он привык: даже три таблетки ибупрофена не помогали. Он направился в ванную, к аптечке, невольно думая, что хуже всего не боль, а чувство собственной уязвимости: он выжил только потому, что ему повезло.

Слово «везение» Гурни не любил. Оно казалась изобретением глупцов, подделкой под компетентность. Он остался жив волей случая, но случай — ненадежный союзник. Его знакомые, те, кто помоложе, верили в удачу, прямо-таки полагались на нее, будто владели ею по праву. Но Гурни в свои сорок восемь твердо знал: везение — это случайность, и не более. Незримая рука, бросающая жребий, не милосердной труппы.

Боль в животе напомнила ему, что надо отменить прием у невролога в Бингемтоне. Он был у этого невролога уже четырежды за последние три месяца и с каждым разом все меньше понимал, зачем это нужно. Разве что затем, чтобы его страховой компании прислали счет.

Номер невролога, как и номера остальных врачей, хранился у него в письменном столе. Поэтому, вместо того чтобы идти в ванную за ибупрофеном, он направился в комнату. Набирая номер, он живо представлял себе врача: задерганного человечка под сорок, с проплешинами в черных вьющихся волосах, с маленькими глазками, девчачьими губами, вялым подбородком, шелковистыми руками и безупречными ногтями, — представлял его дорогие туфли, пренебрежительную манеру речи и полное отсутствие интереса к Гурни, к его мыслям и чувствам. Три женщины в вылизанной ультрасовременной приемной, казалось, никогда ничего не понимали и были вечно всем недовольны: самим доктором, его пациентами, данными на экранах своих мониторов.

После четвертого гудка трубку сняли.

— Приемная доктора Хаффбаргера, — нетерпеливо, почти презрительно проговорил голос.

— Это Дэвид Гурни, у меня назначен прием, и я хотел бы...

Его резко оборвали:

— Подождите, пожалуйста.

Откуда-то доносился взвинченный мужской голос. Поначалу Гурни решил, что это ругается на что-то нудный и нетерпеливый пациент, но тут другой голос задал какой-то вопрос, затем к сваре присоединился третий — столь же пронзительный и негодующий, — и стало ясно, что это работает кабельный новостной канал: из-за него сидеть в приемной у Хаффбаргера было сущей пыткой.

— Алло, — повторил Гурни в явном раздражении. — Вы слушаете? Алло!

— Минутку, пожалуйста.

Голоса из телевизора, невыносимо пошлые, все не умолкали. Гурни уже готов был бросить трубку, когда ему наконец ответили.

— Приемная доктора Хаффбаргера, здравствуйте!

— Здравствуйте, это Дэвид Гурни. Я хочу отменить прием.

— Какое число?

— Ровно через неделю, в одиннадцать сорок.

— Фамилию по буквам, пожалуйста.

Он хотел было спросить, сколько еще пациентов записаны в тот же день на 11:40, но послушно продиктовал свою фамилию.

— На какое число вы хотите перенести прием?

— Ни на какое. Я его отменяю.

— Нужно назначить другую дату.

— Что?

— Я не могу отменить прием доктора Хаффбаргера, могу только записать вас на другую дату.

— Но...

Женщина раздраженно перебила:

— Дату приема невозможно удалить из системы, не назначив другой даты. Такие правила у доктора Хаффбаргера.

Гурни почувствовал, как его рот скривился от злости, чересчур сильной:

— Меня не волнует, как устроена ваша система и каковы ваши правила, — сухо отчеканил он. — Я отменяю прием.

— Его придется оплатить.

— Не придется. Если Хавбургер будет против, передайте, пусть мне позвонит.

Он нервно бросил трубку, досадуя на себя за детское дурачество, что исковеркал имя врача.

Потом замер у окна, невидящим взором глядя на высокогорное пастбище.

«Да что за муть со мной творится?»

Правый бок снова резануло — отчасти ему в ответ. Боль напомнила Гурни, что он шел за таблеткой.

Он вернулся в ванную. Человек, уставившийся на него из зеркальной дверцы шкафчика, ему не понравился. Лоб в морщинах от тревоги, кожа бесцветная, глаза тусклые и усталые.

«Боже».

Он знал, что ему надо бы снова тренироваться — все эти отжимания, подтягивания, упражнения на пресс некогда держали его в форме, так что он мог дать фору людям вдвое моложе. Но нынешнему отражению было ровнехонько сорок восемь, и это не радовало. Чему радоваться, когда тело исправно напоминает о своей смертности? Чему радоваться, когда обычная нелюдимость обернулась полной изоляцией? Нечему радоваться. Вообще.

Он взял с полки баночку с ибупрофеном, вытряхнул на ладонь три маленькие коричневые таблетки, хмуро изучил их и сунул в рот. Пока он ждал, когда из крана потечет холодная вода, из комнаты донесся телефонный звонок. Хаффбаргер, подумал он. Или кто-то из его приемной. Гурни решил не отвечать. «Ну их к черту».

Послышались шаги Мадлен — она спускалась по лестнице. Через несколько секунд она взяла трубку, едва опередив допотопный автоответчик. Гурни слышал ее голос, но слов было не разобрать. Он налил воды в пластиковый стаканчик и запил уже подразмокшие на языке таблетки.

Сначала он подумал, что Мадлен выясняет отношения с Хаффбаргером. Ну и славно. Но потом шаги послышались ближе: Мадлен шла по коридору в спальню. Потом она вошла в ванную и протянула Гурни трубку.

— Тебя, — сказала она и вышла.

Гурни ожидал услышать Хаффбаргера или одну из его угрюмых секретарш и потому произнес намеренно резко:

— Да?

На секунду повисла пауза.

— Дэвид? — этот звучный женский голос был ему, несомненно, знаком, но чей он, не удавалось вспомнить.

— Да, — отозвался Гурни уже мягче. — Простите, но я не совсем...

— Как ты мог забыть? О, детектив Гурни, я этого не переживу! — патетически воскликнула женщина. Этот тембр и шутливые интонации неожиданно вызвали в памяти образ худощавой, умной, энергичной блондинки с куинсским акцентом и скулами как у модели.

— Господи, Конни! Конни Кларк! Сколько лет!

— Шесть.

— Шесть лет. Господи. — На самом деле число лет мало что значило для него, но надо же было что-то сказать.

Воспоминания об их встречах вызвали у него смешанные чувства. Конни Кларк, журналист-фрилансер, опубликовала в журнале «Нью-Йорк»

хвалебную статью о Гурни, после того как он распутал печально известное дело серийного убийцы Джейсона Странка (а всего тремя годами ранее выследил другого серийного убийцу, Хорхе Кунцмана, и за это его повысили до детектива первого класса). Статья была хвалебной до неловкости: в ней отдельно подчеркивалось число выслеженных убийц, а сам Гурни был назван суперкопом — изобретательные коллеги долго еще развлекались, коверкая это прозвище на разные лады.

— Ну что, как тебе живется в мирном краю отдохновения?

В голосе звучала усмешка, и Гурни подумал, что она, наверно, знает о делах Меллери и Перри, которые он распутывал, уже выйдя в отставку.

— То мирно, то не очень.

— Вау! Догадываюсь, что это значит. Проработав двадцать пять лет в полиции Нью-Йорка, ты выходишь в отставку, уезжаешь в безмятежный Катскилл — и через десять минут на тебя сыплется убийство за убийством. Ты просто магнит: притягиваешь крупные дела. Ну и ну! А как на это все смотрит Мадлен?

— Ты с ней только что говорила. Спросила бы у нее.

Конни рассмеялась, будто он сказал что-то на редкость остроумное.

— Ну а кроме расследований ты что там делаешь?

— Да ничего особенного. Ничего не происходит. Вот у Мадлен дел больше.

— Я чуть не померла: все представляла, что ты живешь, как на картинах Нормана Роквелла. Дэйв готовит кленовый сироп. Дэйв варит яблочный сидр. Дэйв в курятнике — нет ли свежих яиц?

— Нет, яиц нет. И ни сиропа, ни сидра.

Ему-то приходили на ум совсем другие картинки последних шести месяцев: Дэйв строит из себя героя. В Дэйва стреляют. Дэйв еле-еле поправляется. Дэйв сидит и слушает шум в ушах. Дэйв подавлен, озлоблен, ушел в себя. Дэйву предлагают что-то сделать. Дэйв считает это наглым посягательством на свои права. На право вязнуть в своем вонючем болоте. Дэйву все безразлично.

— Так что ты сегодня делаешь?

— Честно, Конни, почти ничего — чертовски мало. Ну, может, обойду поля, может, подберу валежник после зимы, может, клумбы удобрю. Такие дела.

— Звучит неплохо. Знаю людей, которые много бы дали за такую жизнь.

Он не ответил: надеялся, что затянувшееся молчание заставит ее сказать о цели звонка. Она ведь звонит не просто так. Конни была женщина

душевная и словоохотливая — это он помнил, — но заговаривала всегда с какой-то целью. Под белокурой гривой таился неутомимый ум.

— Ты, наверное, гадаешь, почему я тебе звоню, — сказала она. — Так?

— Да, я об этом подумал.

— Я звоню попросить об услуге. Об огромной услуге.

Гурни на мгновение задумался, потом рассмеялся.

— А что смешного? — Похоже, смех обескуражил ее.

— Ты мне однажды сказала, что просить надо только о большой услуге: если просят о маленькой, легче отказать.

— Ну нет! Не верю, что я могла такое сказать. Это же явная манипуляция, ужас какой. Ты ведь это все выдумал? — Конни исполнилась радостного негодования. Ее невозможно было надолго выбить из колеи.

— Так что ты хотела?

— Ты правда, правда все выдумал! Я знаю!

— Так все же, что ты хотела?

— Теперь мне совсем неловко, но это правда была бы огромная услуга. — Она помолчала. — Ты помнишь Ким?

— Твою дочь?

— Мою дочь. Она тебя боготворит.

— Что, прости?

— Только не притворяйся, что не знал.

— Ты сейчас о чем?

— Ох, Дэвид, Дэвид! Все женщины от тебя без ума, а ты хоть бы заметил.

— Кажется, я видел твою дочь один раз, и ей было лет... пятнадцать?

Он вспомнил, что за ланчем в доме Конни с ними сидела симпатичная, но очень уж серьезная девочка — в разговор не вступала, вряд ли и слово вставила.

— На самом деле ей было семнадцать. Ну ладно, может, «боготворит» — слишком пафосное слово. Но она поняла, что ты очень, очень умен, а для Ким это много значит. Сейчас ей двадцать три, и я знаю, что она очень высокого мнения о суперкопе Гурни.

— Это мило, но я не понял, к чему...

— Разумеется, не понял. Я тебя сама запутала с этой моей преогромной услугой. Может, ты сядешь? Разговор не такой уж короткий.

Гурни все еще стоял в ванной, прямо у раковины. Через спальню и холл он прошел к себе в комнату. Садиться ему не хотелось, и он подошел к окну, выходящему на задний двор.

— Все, Конни, я сел, — сказал он. — Что случилось-то?

— Нет, ничего плохого. Наоборот, кое-что изумительное. Ким невероятно повезло. Я тебе говорила, что она интересуется журналистикой?

— Пошла по стопам матери?

— Боже, ни в коем случае не говори этого ей, не то она тут же все бросит! Похоже, главная цель ее жизни — это полная от матери независимость! И не говори, что она пошла. Она не пошла, а вот-вот разбежится и прыгнет. Так вот, давай я объясню что да как, а то ты совсем запутаешься. Она заканчивает магистратуру по журналистике, учится в Сиракьюсе. Это ведь недалеко от вас?

— Ну не прямо по соседству. Ехать — ну, скажем, час сорок пять.

— О'кей, терпимо. Немногим дольше, чем мне до города. Ну так вот, для диссертации она придумала сделать документальный мини-сериал о жертвах убийств, точнее, не о самих жертвах, а об их семьях, о детях. Ей интересно посмотреть, как убийство влияет на родственников жертвы, если дело не было закрыто.

— Не было?..

— Да, она хочет взять случаи, когда убийцу так и не нашли. И рана так и не затянулась по-настоящему. Неважно, сколько времени прошло, в эмоциональном плане это самый значимый факт их жизни: он создает мощнейшее силовое поле, необратимо меняющее жизнь. Передача будет называться «Осиротевшие». Разве не гениально?

— Звучит интересно.

— Более чем интересно! Но главное — ты закачаешься. Это не просто идея. Она будет воплощена в жизнь! Начиналось все как чисто академический проект, но научный руководитель Ким настолько впечатлился, что помог ей оформить настоящую заявку. Он даже заставил ее заключить договоры об исключительном праве на съемку с некоторыми из будущих героев фильма, чтобы идею не украли. Затем передал заявку какому-то знакомому продюсеру с канала РАМ-ТВ. И представляешь, он хочет это снимать! Мгновение — и вместо нудной диссертации мы получаем блестящий профессиональный дебют, какой многим ее сверстникам и не снился. РАМ — это ведь самый крутой канал.

Гурни сказал бы, что РАМ больше всех каналов виноват в том, что новости превратились в шумный, пестрый, пошлый, дурманящий балаган паникеров. Но поборол искушение и промолчал.

— Ну так вот, — восторженно продолжала Конни, — ты, наверно, гадаешь, при чем тут мой любимый сыщик?

— Я слушаю.

— Тут несколько вещей. Во-первых, мне хотелось бы, чтобы ты за ней чуть-чуть присмотрел.

— То есть?

— Ну встретился бы с ней. Вник бы в то, что она делает. Посмотрел бы, верно ли изображает жертв насилия: ты ведь знаешь, что с ними происходит. Это для нее такой шанс. Если не наделает ошибок, перед ней такие горизонты!

— Хм-м.

— Мычание — знак согласия? Ну пожалуйста, Дэвид!

— Конни, я ни черта не понимаю в журналистике. — А то, что понимал, вызывало отвращение, но об этом Гурни тоже промолчал.

— Журналистика — это по ее части. Ума ей не занимать. Но она еще совсем ребенок.

— Ну так что тут нужно от меня? Возраст?

— Контакт с реальностью. Знание. Опыт. Широта перспективы. Глубокая мудрость, как результат... скольких раскрытых дел об убийствах? Он решил, что вопрос риторический, и отвечать не стал.

Конни продолжала еще энергичнее:

— Она просто суперспособная, но одно дело способности, другое — опыт. Она разговаривает с людьми, у которых убили отца, или мать, или еще кого-то из близких. Ей важно не потерять чувство реальности. Ей надо видеть всю картину, понимаешь? Столько поставлено на карту, ей нужно знать как можно больше.

Гурни вздохнул.

— Боже, об этом же написаны тонны книг. Горе, смерть, утрата близких...

Она перебила его:

— Знаю, знаю, все это психоложество — проживание потери, пять стадий дерьмования, что там еще. Ей не это нужно. Ей нужно поговорить с кем-то, кому есть что сказать про убийства, кто видел жертв, их глаза, их ужас, с кем-то, кто во всем этом разбирается, а не просто написал книжонку. — Повисло долгое молчание. — Ну так что, ты согласен? Просто встретитесь с ней, посмотришь, какие у нее наработки и что она собирается делать. Что скажешь?

Гурни смотрел в окно на темное пастбище, и меньше всего его прельщала перспектива встречаться с дочерью Конни и сопровождать ее на пути в мир вульгарного телевидения.

— Конни, ты говорила о каких-то двух вещах. Какая вторая?

— Ну... — голос Конни заметно ослаб. — Еще у нее проблема с

бывшим парнем.

— В чем проблема?

— То-то и непонятно. Понимаешь, Ким хочет казаться неуязвимой.

Мол, никого она не боится.

— Но?..

— Но как минимум этот урод позволяет себе гнусные приколы.

— Например?

— Например, залез к ней в квартиру и разворошил вещи. Еще она тут обмолвилась, что у нее пропал нож, а потом появился снова. Я попробовала расспросить подробнее, но она молчит.

— Как ты думаешь, почему она об этом заговорила?

— Может, хочет попросить помощи, но в то же время не хочет. И никак не определится.

— Урода, наверное, как-то зовут?

— Его настоящее имя — Роберт Миз. Сам он представляется как Роберт Монтегю.

— Он как-то связан с ее телепроектом?

— Не знаю. Но чуется мое сердце: дело хуже, чем она рассказывает. По крайней мере мне. Так что... Дэвид, ну пожалуйста! Пожалуйста! Мне больше не к кому обратиться. — Он не ответил, и она продолжала: — Может, это я себя накручиваю. Может, я все выдумала. Может, проблемы никакой и нет. Но если и нет, так было бы хорошо, если б ты послушал про этот ее проект, про этих жертв и их семьи. Для нее это так важно. Такой шанс, он раз в жизни выпадает. Она такая целеустремленная, такая увлеченная.

— Ты как будто дрожишь.

— Не знаю. Я просто... волнуюсь.

— Из-за проекта или из-за ее бывшего?

— Из-за всего сразу, наверно. С одной стороны, это ведь потрясающе, правда? Но у меня сердце разрывается, как подумаю, какая она целеустремленная, уверенная, независимая, что у нее дел невпроворот, а мне и не скажет, и ничем я ей помочь не могу. Боже, Дэвид, у тебя ведь у самого сын, да? Ты ведь понимаешь, что я чувствую?

Гурни уже десять минут как положил трубку, но все еще стоял у большого северного окна и все ломал голову, с чего Конни говорила так сумбурно, на нее это не похоже, и с чего он согласился встретиться с Ким, и почему, наконец, все это его так встревожило.

Наверно, потому, подумал Гурни, что она упомянула его сына. Это было его больное место, а почему больное, Гурни сейчас разбираться не

хотел.

Зазвонил телефон. Гурни с удивлением обнаружил, что забыл положить трубку, и она до сих пор у него в руке. Ну теперь-то точно Хаффбаргер, подумал он, звонит отстаивать свои идиотские правила записи. Так и подмывало не отвечать, пусть себе послушает автоответчик. С другой стороны, хотелось побыстрее развязаться и забыть об этом. Гурни принял вызов.

— Дэйв Гурни слушает.

Ответил звонкий женский голос, чистый и молодой:

— Дэйв, спасибо вам огромное! Мне только что звонила Конни, сказала, вы согласны со мной поговорить.

На секунду он растерялся. Его всегда коробило, когда родителей называли по имени.

— Ким?

— Ну конечно! А вы думали кто? — Он не ответил, и она затараторила дальше. — Понимаете, как здорово вышло: я как раз еду из Нью-Йорка в Сиракьюс. Сейчас я на развязке семнадцатой и восемьдесят первой. То есть могу пухнуть по восемьдесят восьмой и минут через тридцать пять оказаться в Уолнат-Кроссинге. Вы не против, если я заеду? Я, конечно, ужасно поздно предупреждаю, но ведь как все сошлось! И так хочется вас повидать!

Глава 3

Последствия убийства

Трассы 17, 81 и 88 пересекаются около Бингемтона, а до Уолнат-Кроссинга оттуда добрый час езды. Интересно, подумал Гурни, отчего Ким так оптимистично рассчитала время: по незнанию или от избытка энтузиазма? Но это был лишь меньший из вопросов, которые волновали его, когда он смотрел, как маленькая задиристая «мазда-миата» красного цвета, поднимается к дому по склону холма.

Открыв боковую дверь, Гурни вышел на площадку с гравием и скошенной травой, где стоял его «субару-аутбек». «Миата» пристроилась рядом, из нее вышла девушка с изящным портфелем, в джинсах, футболке и стильном блейзере с закатанными рукавами.

— Ну что, узнали бы вы меня, если бы я не позвонила? — усмехнулась она.

— Возможно, если бы успел разглядеть твое лицо, — ответил Гурни.

Сейчас он этим и занялся: лицо было обрамлено каштановыми волосами, небрежно разделенными на прямой пробор.

— Лицо у тебя не изменилось, но оно живее и счастливее, чем в тот день, когда мы обедали с тобой и твоей мамой.

На миг она озадаченно нахмурилась, потом рассмеялась.

— Не в тот день, а вообще в то время. Тогда мне и правда жилось невесело. Немало времени ушло, чтоб понять, чего я хочу от жизни.

— Думаю, ты поняла это быстрее многих.

Она пожала плечами и осмотрелась.

— Какая красота. Как вам, наверное, тут хорошо. И воздух такой свежий и прохладный.

— Пожалуй, слишком прохладный для начала весны.

— Боже, ведь и правда! Столько всего, что я ничего уже не помню. Ведь уже весна. А я и забыла!

— Ничего, бывает, — успокоил ее Гурни. — Пойдем в дом, там теплее.

Через полчаса Ким и Дэйв сидели за невысоким сосновым столом в закутке у французской двери и допивали кофе с тостами и омлетом. Мадлен настояла на втором завтраке, узнав, что Ким провела все утро за рулем и ничего не ела. Теперь хозяйка уже отмывала плиту, а девушка рассказывала свою историю с самого начала — объясняла, зачем приехала.

— Я уже много лет живу с этой идеей: исследовать страшное воздействие убийства на человеческую жизнь, изучив те последствия, к которым оно неизбежно приводит родственников жертвы. Просто я никогда не знала, как к этому подступиться. Бывало, я выкидывала эту мысль из головы, но она сама возвращалась и с каждым разом все настойчивее. Я на ней просто помешалась, и надо было что-то делать. Сначала я думала, не написать ли академическую книжку — ну, по социологии или по психологии. Посылала заявки в университетские издательства, но у меня не было степени, и я их не заинтересовала. Тогда я решила написать обычный научпоп. Но, чтобы напечатать книжку, нужен агент, а значит, опять слать заявки. Агенты, как вы догадались, ноль внимания. Мне же двадцать один, ну двадцать два — на кой я им сдалась? Что я уже написала? Позвольте, мол, ваше резюме. Короче, молчи, девочка. Все, что у меня было, — это задумка. И тут меня осенило. Елки-палки! Это же не книга, а телепрограмма! И все стало на свои места. Я поняла, что хочу снять серию частных интервью — очень личных, реалити-шоу в лучшем смысле этого слова. Сейчас этот жанр ужасно замылен, но можно сделать и не замылено, так, чтобы в этом была эмоциональная правда!

Ким замолчала, будто вдруг прониклась своими же словами, затем растерянно улыбнулась, откашлялась и продолжила:

— В общем, я все это подробно описала и предложила доктору Уилсону, моему научному руководителю, как проект магистерской диссертации. Он сказал, что это отличная идея, очень перспективная. Помог мне сделать из нее коммерческое предложение, помог с юридической стороной дела, чтобы мои права не нарушались, а потом сделал то, чего, по его собственному признанию, никогда не делал прежде. Передал мой проект своему знакомому продюсеру с канала РАМ-ТВ — некоему Руди Гетцу. А Гетц пришел через неделю и сказал: «О'кей, давайте снимать».

— Прямо так и сказал? — спросил Гурни.

— Я тоже удивилась. Но Герц говорит, на РАМ-ТВ все так и делается. Я не сомневаюсь. Но как подумаю, что мой проект будет реализован, что я буду заниматься этой темой... — Она помотала головой, словно отмахиваясь от какого-то мимолетного чувства.

Мадлен под села к ним и произнесла вслух то, о чем думал Гурни.

— Похоже, для тебя это важно? По-настоящему важно, не только из-за карьеры?

— Боже, ну конечно же.

Мадлен слегка улыбнулась:

— А в чем сердцевина этого замысла? Что для тебя в нем самое важное?

— Семьи, дети... — Она вновь запнулась, словно бы ее собственные слова вызвали в памяти какой-то образ. Потом отодвинула стул, встала и подошла к французской двери на террасу, с видом на сад, луг и лес вдалеке.

— Глупо, конечно... но почему-то сама не могу объяснить, — продолжала она, теперь повернувшись к ним спиной, — об этом мне проще говорить стоя. — Она дважды откашлялась и лишь потом еле слышно заговорила: — Мне кажется, убийство меняет всю жизнь человека, навсегда. Оно похищает что-то, чего уже никогда не вернешь. Последствия убийства гораздо значительней того, что случается с жертвой. Жертва погибает, это ужасно, это несправедливо, но это уже конец. Жертва потеряла все на свете, но сама этого не знает. Она больше не ощущает потери, не представляет, что могло быть иначе.

Ким подняла руки и уперлась ладонями в стекло, этот жест выдавал, что ее переполняют чувства и самообладание стоит ей больших усилий. Затем она продолжала, уже громче:

— Не убитому ведь просыпаться в опустевшей постели и в

опустевшем доме. Это не ему снится, будто он жив, и не он утром с болью поймет, что это лишь сон. Это не он задыхается от ярости, не его сердце разрывается. Не он смотрит на пустой стул за столом, не ему мерещится знакомый голос. Не он видит полный шкаф своих вещей. — В голосе появилась хрипотца, и Ким снова откашлялась. — Он не знает этой агонии, когда из жизни вырвали самую ее суть.

На несколько долгих мгновений она замерла, прислонившись к окну, затем медленно от него отстранилась и повернулась к столу. По щекам ее текли слезы.

— Вы ведь знаете, что такое фантомные боли? При ампутации. Когда руку или ногу отрезали, а она болит. Вот что чувствует семья убитого. Как будто ампутировали часть тела, а оставшаяся пустота невыносимо болит.

Она вновь замерла неподвижно, словно вглядываясь внутрь себя. Затем кое-как вытерла ладонями слезы и вынырнула обратно в мир — в голосе и во взгляде сквозила спокойная решимость.

— Чтобы понять природу убийства, нужно общаться с семьями погибших. Такова моя теория, мой проект и мой замысел. Руди Гетц был в восторге. — Она глубоко вдохнула и медленно выдохнула: — А можно еще кофе, если не сложно?

— Не сложно. — Мадлен дружелюбно улыбнулась, встала и заправила кофеварку.

Гурни откинулся на стуле, задумчиво подперев руками подбородок. С минуту-другую все молчали. Кофеварка начала пофыркивать.

Ким обвела взглядом просторную кухню.

— Как у вас хорошо, — сказала она. — Так уютно, по-домашнему. Просто отлично. Настоящая мечта — такой дом в деревне.

Мадлен налила ей кофе, и Гурни продолжил прерванный разговор.

— Совершенно ясно, что ты очень увлечена этой темой, она для тебя по-настоящему важна. Но неясно, к сожалению, чем я могу быть тебе полезен.

— А о чем вас просила Конни?

— Чуть-чуть за тобой присмотреть — так она выразилась.

— А она не упоминала... о других проблемах? — Гурни показалось, будто Ким старается говорить непринужденно — по-детски наивная попытка.

— Считать ли твоего бывшего парня проблемой?

— Так она и про Робби говорила?

— Она упомянула некого Роберта Миза. Или Монтегю?

— Миза. Монтегю — это он просто... Она прервала себя и встряхнула

головой. — Конни думает, что мне нужна защита. Не нужна. Робби — он просто жалкий и дико надоедливый, я сама с ним разберусь.

— Он как-то связан с твоим проектом?

— Уже нет. А почему вы спрашиваете?

— Просто любопытно.

«Что любопытно? — Тут же упрекнул себя Гурни. — Какого черта я в это лезу? На кой мне сидеть и слушать, как эта нервная студенточка, у которой парень кретин, толкает слезливую речь про убитых и мечтает покорить самый пошлый телеканал страны? Надо выбираться из этой трясины».

Ким смотрела на Гурни так, словно умела читать его мысли, как Мадлен.

— Все не так уж сложно. И поскольку вы любезно предложили мне помочь, я буду говорить прямо.

— Мы все еще подбираемся к вопросу о том, как я могу тебе помочь. Но пока я не понимаю...

Мадлен, успев вымыть тарелки и отжать губку, мягко его перебила.

— Может, сначала послушаем, что хочет сказать Ким?

Гурни кивнул:

— Хорошая мысль.

— Мы познакомились с Робби чуть меньше года назад в театральном кружке. Он, конечно, был самый красивый мальчик во всем универе. Прямо Джонни Депп в молодости. Где-то полгода назад мы стали жить вместе. Поначалу мне казалось, что я счастливей всех на свете. И когда я с головой ушла в свой проект, Робби меня вроде бы поддерживал. По сути, когда я выбрала семьи, у которых буду брать интервью, он ходил к ним вместе со мной — включился в работу, во всем участвовал. И тут... тут наружу и вылезло чудовище. — Она замолчала и отхлебнула кофе. — Робби включился в работу и стал тянуть одеяло на себя. Он уже не просто помогал мне с проектом, нет, это был уже наш проект, а потом Робби начал вести себя так, будто и вовсе его собственный. Когда мы встречались с родственниками убитых, Робби давал им свою визитку, говорил звонить ему и не стесняться. Тогда и началась эта дребедень с Монтегю. Он напечатал себе визитки: «Роберт Монтегю, документалистика, консультации в сфере искусства».

На лице Гурни читался скепсис.

— То есть он пытался вас оттеснить, украсть ваш проект?

— Все еще гаже. Внешность у Робби Миза божественная, но родился он в очень неблагополучной семье, где творилось всякое, и рос в основном

в приемных семьях — тоже в том еще бардаке. В душе он дико не уверен в себе, самым жалким образом. Бывало, когда мы встречались с семьями убитых — договориться об интервью под запись, Робби просто из кожи вон лез, чтобы произвести впечатление. Прямо что угодно сделает, лишь бы его оценили, лишь бы приняли. Лишь бы понравиться. Просто противно.

— И как ты реагировала?

— Сначала не знала, что и делать. Потом ситуация накалилась: я обнаружила, что Робби встречается без меня с одним из главных потенциальных участников, я очень хотела, чтобы он участвовал. Я высказала Робби свое недовольство, и все разлетелось к чертям. Тогда я вышвырнула его из квартиры, из моей квартиры. И попросила юриста, знакомого Конни, набросать устрашающее письмецо, чтоб держался подальше от проекта. Это мой проект.

— И как он это воспринял?

— Сначала был очень мил, подлизывался. Я послала его в жопу. Тогда он стал накручивать, мол, возиться с нераскрытыми убийствами небезопасно, будь осторожнее, ты не понимаешь, во что ввязываешься. Звонил мне по ночам, наговаривал на автоответчик телеги: говорил, что хочет меня защитить, а люди, с которыми я общаюсь, — куча людей, включая моего научника, — не те, кем кажутся.

Гурни чуть выпрямился на стуле.

— И что потом?

— Потом? Я предупредила, что если он не отвяжется, то я устрою так, чтоб его арестовали за преследования.

— И что, подействовало?

— Ну, как сказать. Звонки прекратились. Но начали происходить странные вещи.

Мадлен отложила грязную посуду и подошла к столу:

— Это уже серьезно. Ты не против, я посижу с вами?

— Конечно, — сказала Ким.

Мадлен села, и Ким продолжила:

— Из кухни стали пропадать ножи. Однажды я возвращаюсь с занятий, а кошки в квартире нет. Потом уже слышу, где-то мяукает. Нашлась в одном из запертых шкафов, причем в том, которым я вообще не пользуюсь. Как-то раз я проспала, потому что кто-то перевел мне будильник.

— Противно, но вполне безобидно, — заметил Гурни. Увидев укоризненное лицо Мадлен, он добавил: — Я вовсе не хочу умалять эмоционального дискомфорта, который причиняют такие гадкие шутки. Я

просто задумался, что тут квалифицировать как преследование.

Ким кивнула.

— Да. Ну потом шуточки стали гаже. Как-то ночью я вернулась домой, а на полу в ванной пятно крови размером с монетку. И рядом один из пропавших ножей.

— Боже, — вздохнула Мадлен.

— А через несколько дней начались эти жуткие звуки. Я просыпалась среди ночи непонятно от чего. А потом слышался скрип, будто доска скрипит, потом тихо, потом будто кто-то дышит — и снова тихо.

Мадлен явно испугалась.

— Ты живешь в квартире? — спросил Гурни.

— Да, в маленьком доме: одна квартира на первом этаже, одна на втором и жилой цоколь. Около университета много таких домишек — дешевое жилье для студентов. Сейчас я живу в доме одна.

— Одна? — Мадлен вытаращила глаза. — Ты куда храбрей меня. Да я б оттуда...

Ким взглянула на нее рассерженно:

— Стану я сбегать от этого слизняка!

— Ты сообщала об этих инцидентах в полицию?

Ким невесело усмехнулась.

— Разумеется. Мол, кровь, ножи пропадают, звуки по ночам. Пришли копы, оглядели дом, проверили окна, скучно им было до смерти. Представляю, как они закатывают глаза, когда я им звоню и называю имя и адрес. Ясное дело, я для них параноик, заноза в заднице. Думают, что я ищу внимания. Что я психованная стерва: не поладила с парнем и раздула из этого проблему.

— Ну а замки ты наверняка уже меняла? — спокойно спросил Гурни.

— Дважды. Без толку.

— Значит, ты думаешь, эти... запугивания устраивает Робби Миз?

— Я не думаю. Я знаю!

— Почему ты так уверена?

— Вы бы слышали его голос — когда я его уже выгнала и он мне звонил. И видели бы, какое у него лицо, когда мы пересекаемся в универе. Вы б и сами все почувствовали. Во всем этом есть что-то одинаково странное. Не знаю даже, как объяснить. От всех этих случаев ощущение мерзкое. И Робби точно такой же мерзкий.

Повисло молчание. Ким сжала чашку в ладонях. Этот жест, подумал Гурни, похож на тот, когда она упиралась ладонями в стекло двери. Сильные чувства и контроль над собой.

Он подумал и о ее замысле, о ее взглядах на последствия убийства. В ее словах было много верного. Случалось, что рана, нанесенная убийцей, разрывала всю семью, отдаляла друг от друга вдову или вдовца, детей, родителей, переполняла их жизнь горем и яростью.

Впрочем, были и другие случаи, когда горя, и вообще эмоций, было немного. Гурни видел слишком много таких дел. Люди мерзко жили и мерзко умирали. Наркодилеры, сутенеры, уголовники-рецидивисты, малолетки из уличных банд, палившие друг в друга, как в компьютерных играх. Распад человеческого в них поражал. Иногда ему снился сон о концлагере — всегда один и тот же. Снилось, как бульдозер сваливает в канаву тощие тела. Как манекены. Как мусор.

Гурни глядел на эту темноглазую молодую женщину, такую цельную, пока она, склонившись над столом, сжимала полуостывшую кружку, а лицо ее почти полностью закрыли блестящие волосы.

Потом он вопросительно посмотрел на Мадлен.

Та слегка пожала плечами, чуть заметно улыбнулась. Казалось, поощряла к действию.

Он снова перевел взгляд на Ким.

— Хорошо. Вернемся к нашей теме. Чем я могу помочь?

Глава 4

Подобие гроба

Ким хотела, чтобы Гурни поехал вместе с ней в Сиракьюс, в ее квартиру. Там у нее хранились все материалы проекта, и Гурни мог бы посмотреть сразу все: ее переписку с потенциальными участниками передач, два записанных интервью, которые она приложила к заявке, планы будущих интервью, контракт с Руди Гетцем и РАМ-ТВ, общая концепция и незавершенная пилотная серия. Он бы все это посмотрел и смог бы оценить, что в проекте как надо, а что нет.

Поездка в Сиракьюс вызывала у Гурни столь же мало энтузиазма, сколько любое другое дело в последние месяцы, то есть нисколько. Но ему пришло в голову, что поехать — значит быстрее вернуть должок Конни Кларк. Он приедет, посмотрит, выскажет мнение. Все чин чинном. «Огромная услуга» оказана. Можно обратно в берлогу.

Маршрут с гугл-карт, который Гурни распечатал на случай, если они с Ким потеряются, уверял, что от Уолнат-Кроссинга до ее дома ехать час сорок девять минут, но на обеих трассах по маршруту машин почти не

было, а «миатка» впереди редко замедлялась хоть до какого-то подобия разрешенной скорости.

Будь Гурни в лучшем настроении, поездка бы ему понравилась: мимо проносились леса и луга, широкие бурные ручьи, черные свежевспаханые под яровые поля, силосные башни, как на картинках, амбары из красного кирпича. Но в нынешнем расположении духа все эти сельские красоты сливались в слякотный, грязный пейзаж — запущенная глухомань, где царит плохая погода.

Первый же взгляд на окрестности Сиракьюса усугубил его мрачные мысли. Он вспомнил, что этот город, как он читал, стоит на берегу озера Онондага — печально знаменитого как одно из грязнейших озер Америки. Тут же нахлынули детские воспоминания: он вырос в Бронксе, на берегу залива Истчестер, мутный фарватер которого вечно бороздили баржи и буксиры. Сам залив был промасленным отростком пролива Лонг-Айленд, и в нем не осталось ничего живого, кроме склизких водорослей и омерзительных коричневых крабов — чешуйчатых, несъедобных, ползучих первобытных тварей, от одной мысли о которых у Гурни до сих пор бежали мурашки по рукам.

Вслед за Ким он свернул с шоссе и оказался в районе поношенного вида с бестолковой планировкой. Он проехал мимо беспорядочной череды маленьких коттеджей, домов побольше, теперь разбитых на квартиры, круглосуточных магазинчиков, унылых промышленных зданий и пустырей, огороженных рабицей.

На углу у пиццерии «Королевская пицца Онондаги» «миата» свернула в переулок и остановилась перед двухэтажным домом на четыре квартиры. По обеим сторонам стояли такие же дома, разделенные узкими подъездными дорожками. Вместо газона перед домом был клочок голой земли размером не больше двойной могилы, и ни травы, ни цветов. Паркуясь позади Ким, Гурни смотрел, как она выходит из машины, запирает и перепроверяет дверцы. Она окинула взглядом дом и улочку — обеспокоенно, как показалось Гурни. Когда он подошел к ней, она нервно улыбнулась.

— Что-то не так?

— Да нет, вроде... все в порядке.

Она поднялась по ступенькам. Входная дверь была не заперта, но вела лишь в крохотный подъезд с двумя дверями. На правой двери висело два внушительных замка, она отперла каждый своим ключом. Прежде чем повернуть ручку, она подозрительно осмотрела ее и пару раз дернула.

Дверь вела в коридор. Ким пригласила Гурни в первую комнату справа

— маленькую, обставленную икеевской мебелью, где было лишь самое необходимое: софа, журнальный столик, пара низких деревянных кресел с отдельными подушками, два минималистских торшера, книжный шкафчик, железная тумбочка с двумя ящиками, стол, служивший ей письменным, и стул с прямой спинкой. На полу — потертый ковер землистого цвета.

Гурни заинтересованно улыбнулся.

— А зачем ты дергала ручку?

— Пару раз она отрывалась, как только я за нее бралась.

— Ты хочешь сказать, ее кто-то специально откручивал?

— Вот именно, специально откручивал. Дважды. В первый раз полиция посмотрела, но ничего делать не стала — сочла, что это чей-то розыгрыш. Во второй раз даже не потрудились приехать. Копа на телефоне это, кажется, рассмешило.

— Не вижу ничего смешного.

— Спасибо.

— Я уже спрашивал, но...

— Да, уверена. Я уверена, что это Робби. И нет, доказательств у меня нет. Но кто еще мог это сделать?

Зазвенел дверной звонок — затейливым, мелодичным перезвоном.

— Боже. Это мамина затея. Она подарила, когда я переехала. Тут была обычная дребезжалка, Конни его ненавидела. Минутку. — Она пошла открывать.

Вскоре она вернулась с большой пиццей и двумя банками диетической колы.

— Вовремя привезли. Я заказала пиццу по телефону, пока мы ехали. Подумала, надо будет перекусить. Пицца вас устроит?

— Спасибо, вполне.

Она положила коробку на журнальный столик, открыла ее и пододвинула одно из кресел. Гурни сел на софу.

Когда они съели по куску и запили колой, Ким сказала:

— Ну вот. С чего начнем?

— Ты собираешься интервьюировать семьи убитых. Полагаю, первым делом ты как-то решила, какие убийства выбрать?

— Да, — она внимательно смотрела на него.

— В убийствах недостатка нет. Даже если бы ты ограничилась только штатом Нью-Йорк и только одним годом, выбирать пришлось бы из сотен дел.

— Да.

Он подался вперед.

— Ну так расскажи, как выбирала. По каким критериям?

— Критерии менялись. Сначала я хотела взять разные типы жертв, разные типы убийств, разные семьи, с разными расовыми и этническими корнями, дела разной давности. Показать весь спектр. Но доктор Уилсон все время говорил мне: «Проще! Проще!» Советовал сократить выборку, найти зацепку, чтобы зрителю было легче воспринимать. «Чем уже фокус, тем яснее мысль». Раз десять я это от него слышала, и наконец до меня дошло. Все начало складываться, вставать на свои места. А потом: «Есть! Эврика! Вот про что я буду снимать!»

Странно, но ее энтузиазм тронул Гурни.

— Так каковы критерии отбора в итоге?

— Все как советовал доктор Уилсон. Я сокращала выборку, сужала фокус. Искала зацепку. Когда я стала думать в таком ключе, ответ возник сам собой. Я поняла, что могу сделать весь проект про жертв одного только Доброго Пастыря.

— Это который отстреливал водителей «мерседесов» лет восемь-девять тому назад?

— Десять. Ровно десять. Все убийства совершены весной двухтысячного года.

Гурни откинулся в кресле и задумчиво кивнул, вспоминая печально известную серию из шести убийств, после которой каждый второй на северо-востоке страны боялся ездить по ночам.

— Интересно. То есть природа преступления во всех шести случаях одна и та же: время совершения, убийца, мотив и степень внимания к расследованию — все один к одному.

— Именно! И во все случаях убийца не найден — дело не закрыто, рана не затянулась. Дело Доброго Пастыря — самый подходящий материал, чтобы посмотреть, как разные семьи через столько лет реагируют на одну и ту же беду, как переносят утрату, как переживают несправедливость, что с ними происходит, особенно с детьми. Разные последствия одной трагедии.

Она встала, подошла к тумбочке у стола. Достала блестящую голубую папку и протянула ее Гурни. На папке красовалась наклейка с крупной надписью: «осиротевшие. проект документального фильма ким коразон».

Вероятно, он задержал взгляд на фамилии, и Ким спросила:

— А вы думали, моя фамилия Кларк?

Он мысленно вернулся в то время, когда Конни брала у него интервью для журнала «Нью-Йорк».

— Кажется, я слышал только фамилию Кларк.

— Кларк — девичья фамилия Конни. После развода с моим отцом (я

была маленькая), она снова ее взяла. А у него была — и есть — фамилия Коразон. И у меня тоже.

За тонким покровом констатации факта слышалась горечь. Не эта ли горечь, подумал Гурни, не дает ей называть Конни мамой?

Впрочем, у него не было ни малейшего желания в это углубляться. Он открыл папку и увидел довольно толстую стопку бумаги, листов пятьдесят. На титульном листе была та же надпись, что и на папке. На второй странице — содержание: концепция работы, обзор источников, подход и методология, критерии отбора информантов, «Дело Доброго Пастыря: жертвы и обстоятельства», предполагаемые информанты, контакты, обстоятельства жизни, расшифровки пробных интервью, ДоНДП (приложение).

Он еще раз внимательно перечитал содержание.

— Ты это сама написала? Структуру проекта разработала ты?

— Да. Что-то не так?

— Вовсе нет.

— Тогда почему вы спрашиваете?

— Рассказывала ты утром очень эмоционально. А выстроено все очень логично.

Эмоциональностью она напомнила ему Мадлен, а логикой — его самого.

— Как будто я сам это написал.

Ким хитро прищурилась.

— Это комплимент, да?

Он рассмеялся: кажется, впервые за день, а то и за месяц. Затем помолчал и вновь вернулся к содержанию.

— Я так понимаю, ДП — это Добрый Пастырь. А что значит ДоН?

— Это заголовок того письма на двадцати страницах, которое он разослал в полицию и в прессу. Декларация о намерениях.

Гурни кивнул.

— Да, я вспомнил. Пресса окрестила это письмо «манифестом» — так же, как сочинение Унабомбера[5] за пять лет до того.

Ким тоже кивнула:

— И здесь мы подходим к тому, что я и хотела у вас спросить: что вообще такое, эти серийные убийства? Тут легко запутаться. Ну вот есть, например, Унабомбер или Добрый Пастырь. И кажется, у них мало общего с Джеффри Дамером и Тедом Банди[6] или с теми чудовищами, которых вы сами арестовывали, как этот Питер Пиггерт или Дед-Людоед, рассылавший части тела своих жертв местным полицейским. Боже! В них же совсем

ничего человеческого.

Она вся содрогнулась. Затем помассировала предплечья, словно пытаясь согреться.

Где-то в сером сиракьюсском небе рокотал вертолет: вначале приближаясь, затем отдаваясь, пока не затих вдалеке.

— Иные социологи на меня обиделись бы, — сказал Гурни, — но сам термин «серийный убийца», как и многие ему подобные, весьма расплывчат. Мне иногда кажется, что все эти так называемые ученые — просто шайка любителей навешивать ярлыки и извлекать из этого прибыль. Проведут сомнительное исследование, свалят в одну кучу сходные случаи, обзовут «синдромом», присовокупят название понаучкообразнее и читают лекции об этом, чтобы такие же недоумки затвердили эти ярлыки, сдали экзамен и влились в секту.

Тут Гурни заметил, что Ким смотрит на него с удивлением.

Почувствовав, что брюзжит и что виной тому, похоже, не столько состояние современной криминологии, сколько его собственное, он переменял тон:

— Если коротко, то с точки зрения мотива между каннибалом, взбесившимся от власти и вседозволенности, и идейным убийцей, жаждущим искоренить социальные пороки, общего мало. И все же больше, чем может показаться на первый взгляд.

Ким округлила глаза.

— Вы хотите сказать, оба убивают людей? И к этому все и сводится, какие бы внешние мотивы им ни приписывали?

Гурни поразили ее эмоциональность, ее порыв. Он улыбнулся.

— Унабомбер говорил, что хочет очистить мир от пагубного влияния новых технологий. Добрый Пастырь говорил, что хочет очистить мир от пагубных последствий алчности. Но, несмотря на всю логичность их манифестов, оба они выбрали контрпродуктивные средства для достижения своих целей. Убийством никогда не добьешься того, чего они хотели, — якобы хотели. Их поведение можно объяснить только одним.

Гурни почти что видел, как напряженно Ким думает.

— То есть средство и есть цель?

— Именно. Мы часто путаем средства и цель. Действия Унабомбера или Доброго Пастыря вполне понятны, если только предположить, что само убийство и было их целью, давало им эмоциональную отдачу. А так называемые манифесты — не более чем прикрытие.

Она поморгала, видимо, пытаясь сообразить, как это может помочь ей в работе.

— Но насколько это важно... для жертвы?

— Для жертвы это абсолютно неважно. Для жертвы мотив не имеет значения. Тем более, если убитый и убийца не были знакомы. Когда в тебя стреляют ночью из проезжающей машины, то пуля в голову — это пуля в голову, каков бы ни был мотив.

— А для семьи?..

— Для семьи... Ну...

Гурни прикрыл глаза, перебирая в памяти нерадостные разговоры. Сколько их было за эти годы. За десятки лет. Родители. Жены. Любимые. Дети. Застывшие лица. Невозможность поверить в то, что произошло. Судорожные расспросы. Крики. Стоны. Вой. Ярость. Проклятия. Угрозы. Кулаком в стену. Испитые глаза. Пустые глаза. Старики, плачущие как дети. Один мужчина покачнулся, как от удара. И хуже всего те, кто никак не реагировал. Замершие лица, неживые глаза. Непонимание, безмолвие, бесчувствие. Отвернуться, закурить.

— Ну... — повторил Гурни, — я всегда считал, что лучше знать правду. Думаю, если бы родственники жертвы чуть лучше понимали, почему с их любимым это произошло, им было бы полегче. Заметь, я не сказал, что знаю, почему Унабомбер или Добрый Пастырь делали то, что делали. Возможно, они и сами этого не знали. Мне ясно лишь, что истинная причина не та, которую они называли.

Ким пристально смотрела на него и уже собиралась задать следующий вопрос, когда сверху донесся глухой стук. Она напряглась, прислушалась.

— Что это, как вы думаете? — спросила она наконец, указывая на потолок.

— Не представляю. Может, горячая труба?

— Она способна издавать такие звуки?

Гурни пожал плечами.

— А по-твоему, что это? — Ким не ответила. — Кто живет наверху?

— Никто. По крайней мере, не должен никто жить. Прежних жильцов выселили, они вселились заново — какие-то барыги, — нагрянули копы и всех арестовали. Может, уже и выпустили, черт их знает. Городишко отстойный.

— То есть квартира наверху пустует?

— Да. Предположительно. — Она окинула взглядом журнальный столик, увидела начатую пиццу. — Боже, какая гадость. Может, ее разогреть?

— Я не буду. — Гурни хотел было сказать, что ему пора, но вдруг понял, что приехал совсем недавно. Это тоже был симптом последнего

полугодия: чем дальше, тем сильнее ему хотелось сократить время общения с людьми.

Сжимая в руке бирюзовую папку, он заметил:

— Я не уверен, что смогу просмотреть все сейчас. Материал довольно объемный.

По лицу Ким облачком по ясному небу скользнуло легкое разочарование.

— Может, вечером? То есть вы можете взять папку с собой и посмотреть, как будет время.

Странное дело, ее ответ как-то зацепил Гурни, прямо-таки тронул. То же чувство он испытал чуть раньше, когда она рассказывала, как решила исследовать дело Доброго Пастыря. Теперь он понял, что это за чувство.

Его тронула всеобъемлющая увлеченность Ким, ее энергия, ее энтузиазм — цветущая, неколебимая молодость. И ведь она работает над проектом совсем одна. Одна, в этом подозрительном доме, без соседей, преследуемая злобным шизиком. Похоже, подумал Гурни, это сочетание решительности и уязвимости пробудило в нем давно забытые отцовские чувства.

— Да, я возьму папку и прочитаю вечером, — сказал он.

— Спасибо.

Вновь послышался пульсирующий рокот вертолета, стал громче, затих вдалеке. Ким нервно откашлялась, обхватила руками колени и заговорила с видимым усилием:

— Я хотела попросить вас еще об одной вещи. Не знаю, почему мне так трудно об этом говорить. — Она встряхнула головой, словно досадуя на свое смущение.

— О чем же?

Она сглотнула.

— А можно вас нанять? Возможно, всего лишь на один день.

— Нанять? Для чего это?

— Я понимаю, это все глупости. Мне неловко вас беспокоить. Но для меня это правда важно.

— Так что надо сделать-то?

— Вы не могли бы завтра как бы... сопровождать меня? Делать ничего не нужно. Дело в том, что завтра у меня две встречи. Одна с потенциальным героем фильма, вторая с Руди Гетцем. Мне просто хотелось бы, чтобы вы там были — послушали, что я скажу, что они скажут, — и потом сразу поделились бы, что думаете, дали бы какой-нибудь совет, не знаю... Я несущу чушь, да?

— Где назначены встречи? — спросил Гурни.

— Так вы согласны? Съездите со мной? Боже, спасибо вам, спасибо! Это не так уж далеко от вас. То есть не близко, но и не слишком далеко. Первая встреча — в Тёрнуэле, с Джими Брюстером, сыном одного из убитых. А Руди Гетц живет в десяти милях оттуда, на вершине горы с видом на водохранилище Ашокан. С Брюстером мы встречаемся в десять, то есть мне надо будет заехать за вами в восемь тридцать. Вы согласны?

Гурни хотел было сказать, что поедет на своей машине, но передумал. По дороге можно обсудить вопросы, которые наверняка возникнут у него к завтрашнему утру. Прояснить, во что он ввязался.

— Отлично, — сказал он. — Конечно.

Он уже жалел, что согласился, даже на день, но чувствовал, что отказать не может.

— В смету проекта, которую мы утвердили с РАМ, включены услуги консультанта. Я смогу заплатить вам за день семьсот пятьдесят долларов. Надеюсь, этого достаточно.

Он чуть не ответил, что платить вовсе не нужно, что он согласился помочь не ради денег. Но ее серьезный и деловой настрой не оставлял сомнений: ей важно оплатить его услуги.

— Отлично, — вновь отозвался он. — Конечно.

Вскоре, после недолгого прерывистого разговора (о ее университетских делах, о проблеме наркомании в Сиракьюсе — увы, весьма типичной — и о печальной истории озера Онондага, некогда кристально чистого, а теперь зловонной сточной ямы), Гурни поднялся и повторил свое согласие ее сопровождать.

Ким проводила его до двери, крепко пожала руку и вновь поблагодарила. Спускаясь по обшарпанной лестнице, Гурни услышал, как за его спиной лязгнули два тяжелых замка. Он оглядел унылую улочку. Она казалась грязной и неопрятной — как предположил Гурни, из-за высохшего реагента, которым полили дорогу, чтобы растопить остатки снега. Пованивало чем-то едким.

Он сел в машину, завел мотор и забил в навигатор домашний адрес. Потребовалась минута-другая, чтобы поймать сигнал. Навигатор еще собирался с мыслями, когда дверь дома с лязгом распахнулась. Гурни оглянулся: Ким выбежала на улицу. На нижней ступеньке крыльца она оступилась и растянулась на асфальте. Гурни подбежал к ней: она уже вставала, опираясь на урну.

— Ты цела?

— Не знаю... лодыжка... — Она задыхалась и явно была напугана.

Он взял ее за руки повыше локтей, чтобы как-то поддержать.

— Что случилось?

— Кровь... в кухне...

— Что?

— Кровь. В кухне на полу.

— В квартире был кто-то еще?

— Нет. Не знаю. Я никого не видела.

— Сколько там крови?

— Не знаю. На полу накапано. Как след. Тянется в коридор. Но я не уверена.

— Значит, ты никого не видела и не слышала.

— Нет. Вроде нет.

— Хорошо. Все в порядке. Ты уже в безопасности.

Она заморгала. В глазах ее стояли слезы.

— Все хорошо, — мягко повторил он. — Все в порядке. Ты в безопасности.

Она вытерла слезы, пытаясь совладать с собой.

— Хорошо. Все в порядке.

Когда дыхание ее стало ровнее, Гурни сказал:

— Посиди пока у меня в машине. Можешь запереться. Я пойду осмотрю квартиру.

— Я с вами.

— Лучше посидеть в машине.

— Нет! — Она с мольбой взглянула на него. — Это же моя квартира. Я не дам себя выгнать из собственной квартиры!

По полицейским правилам гражданскому лицу запрещено возвращаться на место инцидента, пока оно не будет осмотрено, но Гурни больше не служил в полиции и мог пренебречь правилами. Оценив состояние Ким, он решил, что лучше и правда взять ее с собой, чем настаивать, чтобы она сидела в машине, запертой или нет.

— Ладно, — сказал он, вынув «беретту» из кобуры на ноге и спрятав ее в карман куртки, — пойдём посмотрим.

Гурни вернулся в дом, оставив обе двери открытыми. У входа в гостиную он остановился. Коридор продолжался еще футов двадцать и оканчивался аркой в кухню. Справа, между гостиной и кухней были две открытые двери.

— Там что?

— Первая дверь — спальня, вторая — ванная.

— Я загляну и туда, и туда. Если услышишь хоть какой-то шум или

позовешь, а я не отзовусь тут же, выходи через переднюю дверь, запришь у меня в машине и звони девять один один. Поняла?

— Да.

Он двинулся по коридору и заглянул в первую комнату, затем вошел и зажег верхний свет. Ничего особенного. Кровать, столик, трюмо, пара складных кресел, раздолбанный платяной шкаф. Он заглянул в шкаф и под кровать. Потом вернулся в коридор, показал Ким большой палец: мол, все супер, — направился в ванную и там тоже все проверил.

Оставалась кухня.

— Где была кровь? — спросил он.

— У холодильника. А след тянется в коридор черного хода.

Он осторожно вошел в кухню, впервые за последние полгода радуясь своей привычке носить оружие. Кухня оказалась просторной. Справа, у окна, выходящего на проулок и соседний дом, — обеденный стол и два стула. В окно проникал дневной свет, но все равно было темновато.

Напротив двери — кухонный стол с ящиками и холодильник. Перед холодильником — маленький разделочный столик, на нем — нож для мяса. Обойдя вокруг столика, Гурни увидел кровь: ряд темных капель на потертом линолеуме, каждая размером с десятицентовик, через два-три фута друг от друга. След вел от холодильника к задней двери и дальше.

Вдруг он услышал за спиной чье-то дыхание. Он резко обернулся, тут же пригнувшись и вытащив пистолет из кармана. Это была Ким: она замерла в двух шагах, как олень перед фарами, и смотрела в дуло тридцать второго калибра, приоткрыв рот.

— Боже, — Гурни перевел дыхание и опустил ствол.

— Простите. Я старалась не шуметь. Свет включить?

Он кивнул. Щелкнув выключателем над раковиной, Ким зажгла две длинные флюоресцентные лампы на потолке. В ярком свете капли на полу казались краснее.

— В коридоре есть свет?

— Выключатель справа от холодильника.

Темнота в коридоре сменилась шипящим, моргающим, холодным флюоресцентным светом полуиздохшей дешевой лампы. Гурни медленно пошел вперед, держа «беретту» дулом вниз.

Если не считать зеленого мусорного бака, небольшой коридор черного хода был совершенно пуст. Оканчивался он массивной дверью, ведущей на улицу и запертой на внушительный замок. Была в этом закутке и еще одна дверь — справа. Туда и вел кровавый след.

Гурни бросил быстрый взгляд на Ким.

— Что за этой дверью?

— Лестница. Лестница... в подвал. — В голосе ее вновь послышался страх.

— Когда ты последний раз туда спускалась?

— Спускалась... Господи, даже не знаю. Наверно... год назад, кажется. Вырубился автомат, пришел человек от хозяина и показал, как включить.

— Туда можно попасть как-нибудь еще?

— Нет.

— Окон нет?

— Есть маленькие вровень с землей, но на них решетки.

— Где выключатель?

— Прямо за дверью, кажется.

Перед дверью тоже было кровавое пятнышко. Гурни перешагнул через него. Затем вжался в стену, повернул ручку и рывком распахнул дверь. Смертельно затхлый, спертый воздух наполнил коридор. Гурни подождал, прислушался, затем заглянул вниз. В отсветах дрожащей лампы позади виднелись ступеньки. Он нащупал выключатель, и где-то внизу зажегся другой, желтоватый и тусклый свет.

Гурни велел Ким выключить лампу дневного света, чтобы не гудела.

Гул стих, и Гурни постоял с минуту, прислушиваясь. Тишина. Он взглянул на ступеньки. На каждой второй-третьей виднелось темное пятнышко.

— Что там? Что вы видите? — Голос Ким все заметнее дрожал, вот-вот готовый сорваться.

— Еще несколько капель, — ровным тоном ответил он. — Надо посмотреть поближе. Стой, где стоишь. Если услышишь что-нибудь — бегом на улицу, садись в мою машину...

— Ни за что! — перебила она. — Я пойду с вами!

У Гурни был дар сохранять спокойствие — тем большее, чем сильнее паника вокруг.

— Ладно. Только договоримся: ты держишься минимум в трех шагах позади меня. — Он крепче сжал «беретту». — Если придется действовать быстро, мне нужно будет место. Ясно?

Ким кивнула.

Гурни начал медленно спускаться по лестнице. Это была шаткая конструкция — вообще без перил. Спустившись, он увидел, что темный след идет по пыльному полу к невысокому продолговатому сундуку в дальнем углу. У одной стены стояла масляная печь и две большие

цистерны. На другой стене висел щиток, а над ним, почти касаясь балок, тянулся ряд невысоких окошек. На каждом были решетки, едва различимые сквозь заляпанные стекла. Тусклый свет шел от одной-единственной голой лампочки, такой же грязной, как окна.

Гурни вновь посмотрел на сундук.

— У меня есть фонарик, — донесся с лестницы голос Ким. — Нужен?

Он обернулся к ней, она зажгла фонарик и протянула ему. «Мини-мэглайт». Батарейки уже пора было менять, но все лучше, чем ничего.

— Что вы видите? — спросила она.

— Пока не пойму. Когда ты сюда спускалась в прошлый раз, ты видела у стены ящик или сундук?

— Боже, понятия не имею. Он мне показывал, что где, выключатели всякие, ну не знаю. Что там такое?

— погоди, сейчас скажу, — с тяжелым предчувствием он направился к сундуку, туда, куда вел кровавый след.

С одной стороны, сундук оказался самый обычный, только очень старый. С другой стороны, из головы все не шли мелодраматические фантазии: размером он был точно с гроб.

— Гоподи, что там?

Ким остановилась всего в нескольких шагах позади. Говорила она слабым шепотом.

Гурни взял фонарик в зубы и направил на крышку ящика. Затем, сжимая «беретту» в правой руке, левой осторожно поднял крышку.

На мгновение ему показалось, что сундук пуст.

Затем в пятне желтого света от фонарика что-то блеснуло. Гурни увидел нож.

Небольшой ножик для чистки овощей. Даже в тусклом свете фонарика было видно, что лезвие заточено до невероятной остроты. На острие темнела капелька крови.

Глава 5

В терновую чашу

Несмотря на уговоры Гурни, Ким отказалась вызывать полицию.

— Говорю вам, вызывала уже. Больше не буду. Это бесполезно. И даже вредно. Придут, потопчутся у окон и дверей и сообщат, что не нашли признаков взлома. Затем спросят, не понес ли кто физического ущерба, не пропало ли что-нибудь ценное, не повреждено ли что-нибудь ценное. Если

проблема не подпадает ни под один пункт, значит, проблемы нет. В прошлый раз я им звонила, когда обнаружила нож в ванной — они сразу же потеряли интерес, когда узнали, что нож мой. Хотя я им упорно твердила, что за две недели до того он пропал. Подтерли с пола каплю крови, взяли с собой, ни слова мне потом о ней не сказали. Чтобы на меня опять смотрели как на истеричку, которая только время отнимает? Да пошли они к черту! Знаете, что сделал полицейский в прошлый раз? Зевнул. Да, хотите верьте, хотите нет, зевнул мне прямо в лицо!

Гурни думал о том, что у любого заваленного работой городского копа непроизвольно запускается процессе фильтрации, как только новое дело попадает к нему на стол. Это зависит от многого: от того, что уже лежит у него на столе, какие дела «горят» в этот месяц, на этой неделе, в этот день. Ему вспомнился напарник, с которым они много лет назад работали в отделе расследования убийств полиции Нью-Йорка, — парень из тихого городка на западе Нью-Джерси, из глубинки. Однажды этот парень принес на работу номер местной газеты. На первой странице красовалась заметка о краже поилки для птиц с чьего-то заднего двора. В это же время в Нью-Йорке за неделю происходило штук по двадцать убийств, и большинство из них удостаивалось в прессе лишь пары строк. Так что все зависит от контекста. Хотя Гурни и не сказал этого вслух, он хорошо понимал, почему собственный нож Ким, найденный на полу ее же ванной, не потряс до глубины души копа, заваленного убийствами и изнасилованиями.

Но одновременно он понимал, насколько встревоженна Ким. Более того, в действиях преследователя сквозило что-то зловещее, и было от чего встревожиться. Гурни сказал, что неплохо бы пока уехать из Сиракьюса, может быть, пожить немного у матери.

Его предложение возымело неожиданный эффект: страх Ким обратился в ярость.

— Сволочь! — прошипела она. — Плохо же он меня знает, если думает победить.

Гурни подождал, пока она успокоится, потом спросил, не припомнит ли она имена полицейских, которые отвечали на ее последний звонок.

— Говорю вам, больше я им звонить не буду.

— Я понял. Но я хотел бы поговорить с ними сам. Может быть, мне они скажут то, чего не сказали тебе.

— Что?

— Например, что-нибудь про Робби Миза? Мало ли? Поговорю, тогда и узнаю.

Ким пристально посмотрела на него своими темными глазами,

поджала губы.

— Элвуд Гейтс и Джеймс Шифф. Гейтс низенький, Шифф высокий. Оба придурки.

Детектив Джеймс Шифф провел Гурни коридорами в свободный допросный кабинет. Дверь он не закрыл, сам не сел и посетителю не предложил. Зато прикрыл лицо руками и попробовал побороть зевок — безуспешно.

— Что, долгий день?

— Не то слово. Восемнадцать часов отпахал, шесть осталось.

— Бумажная работа?

— Ага, да еще сколько. Видите ли, друг мой, наш участок самого неправильного размера. Достаточно большой, чтобы по уши повязнуть в бюрократическом дерьме, но слишком маленький, так что нигде не спрячешься. Прошлой ночью мы устроили облаву на наркопритон — как ни странно, он оказался битком набит. Так что сейчас у меня полный обезьянник наркодилеров, еще один забит крэковыми шлюхами и гора показаний, которые надо обработать. Так что перейдем к делу. Чем полицию Нью-Йорка заинтересовала Ким Коразон?

— Простите, боюсь, по телефону я недостаточно ясно выразился. Я служил в полиции Нью-Йорка, но теперь в отставке. Уже два с половиной года.

— В отставке? Что-то я прослушал. Тогда кто вы? Частный сыщик?

— Скорее друг семьи. У Ким мать журналистка, много пишет про копов. Мы с ней пересекались на этой почве, пока я работал.

— Насколько хорошо вы знаете Ким?

— Не слишком хорошо. Я всего лишь взялся помочь ей с одним журналистским проектом, про нераскрытые убийства, но сегодня мы столкнулись с некоторыми неожиданностями.

— Послушайте, у меня мало времени. Нельзя ли поконкретней?

— Молодой леди досаждают преследователь, не слишком приятный тип.

— Так вот оно что?

— Вы не знали?

Шифф помрачнел.

— Я запутался. К чему этот разговор?

— Хороший вопрос. Вас не удивит, если я скажу, что прямо сейчас в квартире Ким Коразон есть признаки незаконного проникновения в помещение и следы вандализма — весьма своеобразного, явно имеющего

целью утратить жертву?

— Удивит? Да нет. Мы с мисс Коразон это сколько раз проходили.

— И что?

— Не пройдешь, одни канавы.

— Что-то не понимаю.

Шифф выковырял из уха кусочек серы и бросил на пол.

— Она говорила, кого считает виновным?

— Своего бывшего, Робби Миза.

— Вы говорили с Мизом?

— Нет. А вы?

— Я-то говорил. — Он снова посмотрел на телефон. — Слушайте, я могу уделить вам ровно три минуты. Из профессиональной солидарности. Кстати, у вас есть при себе какое-нибудь удостоверение личности?

Гурни показал ему профсоюзную карточку и водительские права.

— Ладно, мистер полиция Нью-Йорка, краткий отчет, не для протокола. В общем, рассказ Миза стоит рассказа Ким. Каждый уверяет, что бывший партнер — человек злобный, неадекватный и после разрыва повел себя по-свински. Она говорит, что он три или четыре раза проникал в ее квартиру. Ну и дальше всякая фигня — отвинтит там дверные ручки, сдвинет мебель, спрячет вещи, стащит ножи, вернет их на место...

— То есть положит нож на пол в ванной рядом с кровавым пятном, — перебил Гурни. — По-моему, это не называется «вернет нож на место». Не понимаю, как вы можете игнорировать...

— Спокойно! Никто ничего не игнорирует. Поначалу всю эту хрень — дверные ручки и так далее — осматривали патрульные. Почему мы не прибежали сами, не проверяли на отвинченных ручках отпечатки пальцев? Мы ж не совсем еще спятили. У нас тут реальный город и реальные проблемы. Но процедура была соблюдена. У меня есть досье с отчетами. Следующую жалобу, про кровавые пятна, патруль передал нам. Мы с напарником пришли, посмотрели, образец крови — в лабораторию, нож — на проверку отпечатков, и так далее. Оказалось, что единственные пальчики на ноже принадлежат самой Коразон. А кровь бычья. Понимаете? Как в стейке.

— Вы допросили Миза?

— Разумеется, допросили.

— И что?

— Он ни в чем не сознался, и нет никаких свидетельств его участия. Толкает свою версию: мол, Коразон — мстительная сучка, хочет создать ему проблемы.

— И какая у вас сейчас рабочая версия? — недоверчиво спросил Гурни. — Что Ким сошла с ума и сама все это устраивает? Чтобы подставить бывшего бойфренда?

По взгляду Шиффа было понятно, что ему верится именно в это. Он пожал плечами.

— Или это дело рук кого-то еще, чьи мотивы нам пока неизвестны. — Он в третий раз взглянул на телефон. — Все, мне пора. Как летит время в хорошей компании.

И он направился к приоткрытой двери.

— А почему нет камер? — спросил Гурни.

— Что-что?

— Самым очевидным действием в случае неоднократного проникновения в дом и актов вандализма было бы установить скрытые камеры.

— Я настоятельно предлагал мисс Коразон это сделать. Она отказалась. Сказала, что не потерпит вторжения в свою частную жизнь.

— Странно, что она так отреагировала.

— Разве что все ее жалобы — брехня, и камера бы это доказала.

Они молча прошли через приемную, мимо дежурного, к главному входу. На пороге Шифф остановил Гурни.

— Вы, кажется, сказали, что обнаружили в ее квартире свежую улику, о которой мне следует знать?

— Именно это я и сказал.

— Так что же? Что вы нашли?

— Вы уверены, что хотите это знать?

Во взгляде Шиффа мелькнула злость.

— Да, хотел бы.

— На полу в кухне обнаружен кровавый след, ведущий к сундуку в подвале. В сундуке небольшой остро заточенный нож. Но, пожалуй, это мелочи, правда? Наверно, Ким опять выжала кровь из мяса и накапала на ступеньки. Наверно, это ее безумие и мстительность стремительно прогрессируют.

Обратная дорога была неприятной. В ушах у Гурни все звучала его саркастическая тирада в адрес Шиффа. И чем больше он прокручивал ее в голове, тем яснее понимал, насколько она вписывается в привычный сценарий: желание обороняться по любому поводу завладело после ранения его умом и поступками.

Он всегда был склонен противостоять официальной версии: у него был

талант находить неувязки. Но в последнее время он все лучше осознавал, что движет им и что-то еще, куда менее объективное. Его склонность проверять на прочность логику каждого мнения, каждого вывода теперь была отравлена враждебностью — от упрямой сварливости до чуть ли не ярости. Он все больше отгораживался от мира, все больше защищался, все сильнее сопротивлялся любой чужой идее. И был уверен, что все это началось полгода назад, когда его чуть не убили три пули. Некогда объективность была его природным даром, теперь за нее приходилось бороться. Но борьба того стоила. Без объективности он — ничто.

Психотерапевт уже давно говорил ему: «Когда вы задеты, постарайтесь понять, какой страх за этим скрывается. В глубине всегда страх, и пока мы не взглянем ему в лицо, мы будем поступать неправильно». Гурни заставил себя сделать шаг назад: спросил себя, чего же он боится. Этот вопрос занимал его всю дорогу домой. Наиболее честный ответ оказался и самым неудобным.

Он боялся, что ошибся.

Гурни припарковался рядом с машиной Мадлен у бокового входа. Горный воздух был полон прохлады. Войдя в дом, он повесил куртку в прихожей, прошел в кухню и крикнул:

— Я дома.

Ответа не последовало. Дом казался невыразимо омертвелым — пустым той особенной пустотой, которая наступала, лишь когда уходила Мадлен.

Он собрался уже идти в ванную, однако вспомнил, что забыл в машине голубую папку Ким. Он пошел за папкой, но не успел подойти к машине, когда в глаза ему бросилось что-то ярко-красное справа. Пятно алело посреди клумбы, где Мадлен в прошлом году сажала цветы, и в первый миг Гурни показалось, что это бутон на прямом стебле. Но ему тут же подумалось, что для бутонов еще не время. Впрочем, когда он подошел поближе и пригляделся, открытие обескуражило его не меньше, чем если бы это была роза в цвету.

Стебель оказался древком стрелы. Наконечник был воткнут в мягкую сырую землю, а за бутон Гурни принял оперение на зазубренном хвосте — три половинки пера, полыхавшие алым в косых лучах вечернего солнца.

Гурни в недоумении уставился на стрелу. Это Мадлен ее сюда воткнула? Тогда где она ее взяла? Это какая-то метка? Перья казались новыми, непотрепанными, под снегом они явно не зимовали. А если не Мадлен воткнула стрелу, то кто? Может ли быть такое, что ее вообще не

втыкали, а действительно пустили из лука? Но чтобы вот так попасть в землю, почти что под прямым углом, стрелять надо было вертикально вверх. Когда? Зачем? Кто? Откуда?

Гурни ступил на невысокую клумбу, ухватил стрелу у земли и не спеша вытащил. Он обнаружил острый четырехгранный наконечник — такой стрелой хороший охотник с мощным луком продырявил бы оленя. Рассматривая смертоносный снаряд, Гурни думал о немислимом совпадении: в один день найти два образца холодного оружия, и оба — повод для недоумения и тревоги.

Возможно, конечно, Мадлен все легко объяснит. Он отнес стрелу на кухню и тщательно вымыл под краном в раковине. Наконечник оказался из углеродистой стали и острый — хоть брейся. Тут Гурни вновь вспомнил о ноже в подвале у Ким, а следом и о том, что забыл в машине ее папку. Он аккуратно положил стрелу на сосновый буфет и пошел обратно, через небольшой коридор и прихожую.

Открывая боковую дверь, он столкнулся с Мадлен, одетую во все цвета радуги: розовые спортивные штаны, сиреневая флиски и оранжевая бейсболка. Вид у нее был усталый, но довольный, она слегка запыхалась, как после прогулки по холмам. Гурни посторонился и пропустил жену.

Она улыбнулась.

— Така-а-я красота! Видел, какой удивительный свет на склоне? И почки розовеют.

— Какие почки?

— Ты не видел? Пошли скорей.

Она взяла его за руку и потащила на улицу, радостно показывая на деревья за дальним пастбищем.

— Это такое чудо ранней весной — эта розоватость на кленах.

Гурни понимал, о чем речь, но не готов был разделить счастье Мадлен. Налет краски на серо-бурым склоне пробудил в нем давнее воспоминание, от которого его замутило: серо-бурая вода в канаве у заброшенной подсобной дороги за аэропортом Ла Гуардия, зловонная муть чуть подкрашена красным. Виной тому было изрешеченное тело в мелкой воде.

Мадлен обеспокоенно взглянула на него.

— Все в порядке?

— Просто устал.

— Кофе хочешь?

— Нет, — прямо-таки отрезал он, сам не зная почему.

— Пошли в дом, — сказала Мадлен, сняла флиску и кепку и повесила их в прихожей.

Гурни прошел за ней на кухню. Жена подошла к раковине и повернула кран.

— Как ты съездил в Сиракьюс?

Гурни снова вспомнил, что эта чертова папка все еще в машине.

— Я тебя не слышу, вода шумит, — сказал он.

Так значит... что? Он три раза забыл про папку? Три раза за десять минут? Боже.

Мадлен наполнила стакан и выключила воду.

— Я говорю, как съездил в Сиракьюс?

Он вздохнул.

— Странно съездил. Довольно унылый город. Погоди. Я на минуту, потом расскажу.

На этот раз он дошел до машины и принес-таки папку.

Мадлен была озадачена.

— А я слышала, там очень милые старые райончики. Может, не с той стороны, где ты был?

— И да, и нет. Милые старые райончики вперемежку с ужасными.

Она посмотрела на папку у него в руке.

— Это проект Ким?

— Что? А, да.

Он огляделся, думая, куда бы положить папку, — и увидел стрелу, которую оставил на буфете.

— Ты про это вот что-нибудь знаешь?

— Что? — Она подошла поближе и внимательно посмотрела на стрелу, но не коснулась ее. — Это та штука, которую я видела на улице?

— Когда ты ее видела?

— Не знаю. Когда уходила гулять. Может, с час назад.

— И ты не знаешь, откуда она взялась?

— Знаю только, что она торчала в клумбе. Думала, это ты ее туда воткнул.

Повисло долгое молчание. Гурни уставился на стрелу, Мадлен уставилась на Гурни.

— Думаешь, здесь кто-то охотится? — спросила она, прищурившись.

— Для охоты сейчас не сезон.

— Может, кто-то выпил и решил, что сезон.

— Как мило.

Мадлен снова взглянула на стрелу и пожала плечами.

— Ты какой-то замученный. Давай-ка посидим, — она указала на стол у французских дверей. — Расскажи мне, как прошел день.

Он рассказал обо всем, упомянул, что Ким попросила ее сопровождать, и посмотрел на Мадлен — как она отреагирует. Но она не стала ничего комментировать и просто сменила тему.

— У меня тоже был тяжелый денек.

Она облокотилась на стол, упершись большими пальцами в подбородок и прижав ладони к щекам. Затем закрыла глаза и надолго — казалось, очень надолго — замолчала. Наконец она открыла глаза, выпрямилась и положила руки на колени.

— Помнишь, я тебе говорила про математика?

— Смутно.

— Ну профессор математики, который лечился у нас в клинике?

— А. Да.

— Его к нам направили, когда во второй раз поймали пьяным за рулем. Неприятности на работе, в результате — вообще никакой работы, отвратительный развод, запрет видеться с детьми, с соседями не ладил. Пессимизм, мрак, бессоница, в любой ситуации видел только плохое. Блестящий ум, но его засосало болото депрессии. Ходил на три групповых сеанса в неделю плюс один индивидуальный. Обычно он любил поговорить. Вернее, любил пожаловаться, обвинить всех знакомых во всех бедах. Но делать не хотел ничего. Даже выходить из дома, но тут уж суд его обязал. Антидепрессанты не принимал — это значило бы признать, что в его бедах отчасти виноваты биохимические процессы в мозге. В чем-то даже забавно. Он все хотел делать только по-своему, то есть вообще ничего не делать.

Мадлен невесело улыбнулась и посмотрела в окно.

— Что случилось?

— Он застрелился прошлой ночью.

Они надолго замолчали и какое-то время смотрели вдаль поверх холмов, слегка повернувшись друг к другу за столом. Гурни охватило странное чувство, будто он освободился от времени и пространства.

— Что ж, — наконец сказала Мадлен, вновь поворачиваясь к нему, — значит, юная леди пожелала тебя нанять. И все, что нужно сделать, — это сходить с ней на пару встреч и сказать потом, как она держалась?

— По ее словам, да.

— А ты гадаешь, не кроется ли тут что-то еще?

— Судя по сегодняшним событиям, можно наткнуться на подводные камни.

Мадлен одарила Гурни долгим, внимательным взглядом, приникающим в самую душу. Затем с видимым усилием изобразила милую

улыбку.

— Раз за дело взялся ты, то недолго им оставаться под водой.

Глава 6

Подводные камни

Когда стемнело, они устроили тихий ужин: бататовый суп и салат из шпината. Потом Мадлен затопила старую дровяную печку в дальнем углу комнаты и устроилась в любимом кресле с «Войной и миром», которую мучила уже год, откладывая и принимаясь снова.

Гурни заметил, что она не надела очки и книгу так и не открыла. Он чувствовал, что должен что-то сказать.

— Когда ты узнала о...

— О самоубийстве? Сегодня утром.

— Тебе позвонили?

— Директриса позвонила. Сказала, хочет собрать всех, кто был с ним связан. Якобы обменяться сведениями и вместе пережить шок. Чушь, конечно. Лишь бы прикрыть свою задницу или спасти положение — называй как хочешь.

— И долго длилась встреча?

— Не знаю. Какая разница?

Он не ответил, потому что ответить ему было совсем нечего, непонятно зачем и спрашивал. Она открыла книгу — явно наугад — и уставилась на буквы.

Через пару минут Гурни взял с буфета папку Ким и положил на стол. Он пролистал не глядя разделы «Концепция работы» и «Синопсис», бегло просмотрел «Подход и методологию», остановившись лишь на той фразе, которую Ким выделила подчеркиванием: «Цель интервью — изучить долгосрочные последствия убийства и провести тщательный анализ всех изменений, затронувших членов семьи жертвы».

Он пробежал глазами еще несколько разделов и остановился на том, который был озаглавлен «Информанты: общие сведения и готовность к сотрудничеству». Раздел содержал шесть частей — по числу убийств, совершенных Добрым Пастырем. Это была таблица из трех колонок: жертва; родственники, доступные для связи; отношение к участию в проекте.

Гурни пробежал глазами список жертв: Бруно и Кармелла Меллани, Карл Роткер, Иэн Стерн, Шэрон Стоун, доктор Джеймс Брюстер, Гарольд

Блум. После Кармеллы Меллани стояла сноски: «Вследствие нападения перенесла серьезную черепно-мозговую травму, с тех пор пребывает в вегетативной коме».

Он бегло просмотрел вторую колонку с развернутым списком родственников, включающим их характеристику и сведения о месте проживания, обстоятельствах жизни и возрасте. Затем бросил взгляд на третью колонку: отношение к участию в проекте.

Вдова Гарольда Блума, как следовало из описания, была «настроена на совместную работу, благодарна за проявленный к ней интерес». «Очень эмоциональна, при разговоре об убийстве до сих пор плачет».

Сын доктора Брюстера был описан следующим образом: «Испытывает ненависть к памяти отца, открыто симпатизирует идеологии ДП и его стремлению покарать богачей».

О сыне Иэна Стерна, директоре стоматологической фирмы, сообщалось: «Сдержан, от участия отказывается, обеспокоен негативными эмоциональными последствиями передач, не доверяет РАМ-ТВ; в том, как они освещали убийства, усматривает нездоровую любовь к сенсациям».

Сын брокера по недвижимости Шэрон Стоун «с энтузиазмом отнесся к проекту, вдохновенно рассказывал о своей матери, о том, каким ужасом стала для него ее смерть, как это убийство опустошило его жизнь, какая чудовищная несправедливость, что убийца до сих пор не найден».

Были в списке и родственники других убитых, и другие описания, а также расшифровка двух интервью — с Джими Брюстером и Рут Блум — и двадцатистраничная «Декларация о намерениях» Доброго Пастыря. Гурни собирался уже закрыть папку и вдруг заметил последнюю станицу, которая не значилась в оглавлении. На странице красовался заголовок: «Контакты для сбора дополнительной информации».

Список состоял из трех имен, около каждого были указаны телефон и адрес электронной почты: специальный агент ФБР Мэттью Траут, Макс Клинтер, старший следователь (в отставке) полиции штата Нью-Йорк, и другой старший следователь полиции штата Нью-Йорк Джек Хардвик.

Гурни удивленно уставился на последнее имя. Джек Хардвик был крайне умен и крайне неприятен в общении, и с Гурни его связывали неоднозначные отношения: им приходилось встречаться при странных и запутанных обстоятельствах.

Гурни пошел звонить Ким. Он решил поговорить с Хардвиком, но прежде хотел выяснить, почему Ким внесла его в список консультантов.

Она сразу же взяла трубку.

— Дэйв?

— Да.

— Я как раз собиралась вам звонить. — В голосе ее слышалось скорее напряжение, чем удовлетворение. — После вашего разговора с Шиффом дело сдвинулось с метровой точки.

— Как именно?

— Он пришел ко мне в квартиру — как я понимаю, после вашего разговора. Пожелал осмотреть все, о чем вы рассказывали. Прямо-таки взбесился, что я вымыла пол на кухне — плохо, да? Но откуда же мне было знать, что он явится? Сказал, вечером придет полицейский и осмотрит подвал. Похоже, к лучшему, что я побоялась туда спускаться и не стала мыть лестницу. Боже, дрожь берет, как вспомню! И он настаивает, что надо развесить везде эти мерзкие камеры, пусть шпионят.

— Правда, что он уже предлагал установить камеры, а ты отказалась?

— Это он вам сказал?

— Еще он сказал, что в лаборатории сделали анализ крови, которую ты обнаружила в ванной.

— И?

— По твоим рассказам у меня сложилось впечатление, что он ничего не делал.

Она ответила не сразу.

— Не о том речь, что он там делал или не делал. Речь о его отношении. Вот это был отстой. Запредельное равнодушие.

Ответ этот не рассеял сомнений Гурни, однако он решил промолчать, по крайней мере пока.

— Ким, я вот смотрю на список дополнительных контактов на последней странице — в частности, там значится детектив по фамилии Хардвик. Как он связан с твоим проектом?

— Вы его знаете? — голос ее звучал настороженно.

— Да, знаю.

— Ну... несколько месяцев назад, когда я начала исследовать дело Доброго Пастыря, я посмотрела, кто из органов упоминался в печати в этой связи. Одно из первых убийств произошло на территории, подведомственной Хардвику, и он какое-то время был одним из следователей.

— Какое-то время?

— Недели, кажется, через три, картина изменилась: одно из убийств произошло за пределами штата, в Массачусетсе. Тогда в дело вступило ФБР.

— Специальный агент Мэттью Траут?

— Он самый. Кретин с командирскими замашками.

— Ты с ним говорила?

— Он сказал, чтоб я шла домой и читала пресс-релизы ФБР, потом велел изложить свои вопросы в письменной форме, в итоге все равно отказался отвечать. Если это можно назвать разговором, то да, говорили. Бюрократ хренов!

Гурни улыбнулся про себя. Добро пожаловать в ФБР.

— Но Хардвик охотно с тобой разговаривал?

— Не слишком, пока не узнал, что Траут пытается контролировать каналы новых сведений. Кажется, он был рад ему досадить любым возможным способом.

— Ну, это Джек. Когда-то он говорил, что ФБР означает Федерация болванов-расследователей.

— Он и сейчас так говорит.

— Но если Траут ничего тебе не сказал, почему ты внесла его в список?

— Больше для РАМ-ТВ. Со мной Траут, может, и не станет говорить, но есть еще Руди Гетц. Вы бы только знали, кто отвечает на его звонки. И как быстро.

— Интересно. А что третий, Макс Клинтер?

— Макс Клинтер? Хм. С чего бы начать. Вы что-нибудь про него знаете?

— Имя слышал, не более.

— Клинтер — детектив в отставке и оказался замешан в последнем нападении Доброго Пастыря.

В памяти всплыли обрывки газетных статей.

— Это не он ехал в машине со студенткой гуманитарного факультета?.. Пьяный в стельку... палил в окно из пистолета... задел мотоциклиста... его еще обвинили в том, что Добрый Пастырь ушел?

— Да.

— И он — твой источник?

Ким стала оправдываться:

— Я беру всех и вся, кого могу найти. Трудность в том, что каждый, кто имел отношение к этому делу, отправляет меня к Трауту, а это просто черная дыра.

— И какие сведения ты почерпнула от Клинтера?

— Сложно сказать. Он странный человек. Себе на уме. Мне кажется, я далеко не все понимаю. Может, поговорим об этом завтра по дороге? Я не знала, что уже так поздно, нужно еще принять душ.

Гурни ей не поверил, но возражать не стал. Ему не терпелось поговорить с Джеком Хардвиком.

Телефон не отвечал, и он оставил голосовое сообщение.

Быстро темнело. Он не стал зажигать свет в кабинете и прошел с папкой Ким на кухню. Мадлен все еще сидела в кресле у теплящегося огня. «Война и мир» лежала уже не на коленях, а на журнальном столике. Мадлен вязала.

— Ну как, выяснил, откуда эта стрела? — спросила она, не поднимая глаз.

Он посмотрел на буфет, на черное матовое древко и красное оперение — и его едва не замутило.

Тошнота была предвестником воспоминания: в памяти всплыл эпизод из детства. Он жил в Бронксе, ему было тринадцать. Уже стемнело. Отец задерживался то ли на работе, то ли в кабаке. Мама ушла на Манхэттен на урок по бальным танцам — это была ее новая страсть, сменившая рисование пальцами. Бабушка сидела у себя в спальне, перебирая четки. А он был в маминной спальне — именно маминной, отец к тому моменту спал на диване в гостиной, а вещи хранил в шкафу в коридоре.

Он тогда открыл одно из двух окон. В щель проник морозный воздух, запахло снегом. У него был деревянный лук — настоящий, не игрушка. Он купил его на карманные деньги, которые откладывал два года. Одно время мечтал, как поедет на охоту в лес, подальше от Бронкса. Он стоял у распахнутого окна, его овеял холодный воздух. Его охватило непонятное волнение, он приложил к тетиве красноперую стрелу, поднял лук повыше, к темному небу за окном шестого этажа, натянул тетиву и выстрелил в ночь. Потом, внезапно оцепенев от страха, стал вслушиваться, куда она попадет: ударит в невысокую крышу соседнего дома, лязгнет о машину внизу или упадет на тротуар. Но ничего не услышал. Вообще ничего.

Эта неожиданная тишина пугала.

Он вдруг представил, как бесшумно, должно быть, входит стрела в человеческое тело.

Всю ночь он гадал, что могло случиться. То, что могло случиться, пугало его до смерти. Но непереносимей — и неотступней — всего был вопрос, мучивший его и теперь, спустя тридцать пять лет, вопрос без ответа: зачем? Зачем он это сделал? Что такое им овладело, почему он решился на этот безрассудный поступок, не суливший никакой понятной выгоды, полный бессмысленной опасности?

Гурни снова взглянул на буфет. Его поразило это странное сходство двух загадок: тогда он пустил стрелу из маминого окна, неизвестно почему

и неизвестно куда, теперь стрелу пустили в сад его жены, неизвестно почему и неизвестно откуда. Он помотал головой, словно разгоняя туман в душе. Пора заняться другими делами.

Тут весьма кстати зазвонил мобильный. Это была Конни Кларк.

— Я хотела добавить еще одну вещь — утром не сказала.

— Э-э?

— Я не то чтобы специально. Это непонятная вещь: то кажется, что она имеет отношение к делу, а то вроде и нет.

— Да?

— Скорее это все-таки совпадение. Добрый Пастырь совершил все свои убийства десять лет назад, ведь так? И как раз в это время пропал отец Ким. Мы уже два года как были разведены, и он иногда упоминал, что хочет поехать в кругосветное путешествие. Я не верила, что он и правда поедет, — хотя он бывал невероятно импульсивным и безответственным, потому я с ним и развелась, — а в один прекрасный день он оставил на автоответчике сообщение, мол, час настал, теперь или никогда, я уезжаю. Совершенно по-идиотски. Но это правда. Уехал в первых числах марта, десять лет назад. С тех пор ни строчки от него не получили. Представляете? Тупая, бессердечная скотина! Для Ким это был удар. Еще больший, чем наш развод за два года до этого. Невероятный удар.

— Тебе кажется, это совпадение что-то значит?

— Нет-нет, я не думаю, что эти убийства и исчезновение Эмилио как-то связаны. Разве это возможно? Просто и то и другое произошло в марте двухтысячного года. Быть может, поэтому Ким так волнуется горе этих семей: в то время она сама лишилась отца.

Теперь Гурни понял.

— И в обоих случаях так ничего и не...

— Именно. Убийства, совершенные Добрым Пастырем, так и не были раскрыты, потому что самого его так и не нашли. А Ким так и не смогла принять исчезновение отца, потому что до сих пор не знает, что с ним произошло. Когда она говорит о семьях убитых, об их нескончаемой боли, я думаю, она говорит о себе.

Положив трубку, Гурни еще долго сидел за столом и размышлял, как исчезновение Эмилио Коразона могло отразиться на жизни Ким.

Мало-помалу он отошел от своих раздумий и услышал, как постукивают спицы Мадлен — тихонько, мерно. Она сидела в круге желтого света лампы, моток пряжи шалфейного цвета лежал в кресле рядом с ней, обретающий форму свитер того же цвета — у нее на коленях.

Гурни снова открыл голубую папку — написанную Добрым Пастырем Декларацию о намерениях. На странице с примечаниями кто-то — вероятно, сама Ким — отметил, что декларация была послана экспресс-почтой в конверте 9 на 12, на котором значилось: «Полиция штата Нью-Йорк, начальнику отдела уголовных расследований». Дата доставки: 25 марта 2000 года — это была среда, а в выходные перед тем были совершены первые два убийства.

Гурни перевернул страницу и стал читать текст декларации. Вступления не было, автор сразу перешел к делу:

1. Если корень всех зол — любовь к деньгам, именуемая алчностью, то величайшее благо — алчность искоренить. 2. Поскольку алчность существует не как самостоятельное явление, а в душе человека, то искоренить ее можно только вместе с этим человеком. 3. Пастырь добрый очищает свое стадо, удаляя больных овец из среды здоровых, ибо доброе дело — не дать заразе умножиться. Доброе дело — защитить хороших животных от плохих. 4. Терпение — добродетель, но тот, кто нетерпим к алчности, не грешит. Если поднимешь руку на волка, сжирающего детей, — нет в этом греха. 5. Мы объявляем войну сосудам алчности и их тщеславию, карманникам, именующим себя банкирами, вшам на лимузинах и тле на «мерседесах». 6. Мы очистим землю от поразившей ее заразы, одного за другим уничтожая переносчиков алчности, да сгинут молчание и бездействие и да затрещат черепа — покуда не очистится земля, да затрещат черепа — покуда не исцелится стадо, да затрещат черепа — покуда не сокрушится корень зла и не удален будет от земли.

Эти тезисы повторялись на разные лады еще на девятнадцати страницах, то академически сухо, то пророчески страстно. В качестве рационального довода приводились обширные сведения о распределении доходов, призванные наглядно продемонстрировать несправедливость американской экономической системы вкупе с анализом современных тенденций, согласно которому США все больше походили на страны третьего мира с их экономикой крайностей: на вершине пирамиды — прослойка несусветно богатых, внизу растет слой бедных, а средний класс исчезает.

Автор декларации заключал:

Корень этой вопиющей, все возрастающей несправедливости — алчность власть имущих и владычество алчных. Тем более, что этот подлый и ненасытный класс контролирует СМИ — главный инструмент общественного влияния — и контролирует почти всецело. Каналы общения (которые в свободном обществе должны содействовать изменениям) присвоили, возглавили и заразили своим влиянием гигантские корпорации и отдельные миллиардеры, движимые смертельно опасной алчностью. Вот сколь отчаянно наше положение, вот почему неизбежен наш выбор и на чем основаны наша решимость и наши действия.

Внизу стояла подпись: «Добрый Пастырь».

На отдельном листке, скрепкой прикрепленном к последней странице, автор указал точное время и место двух уже совершенных убийств.

Поскольку эти факты еще не были к тому времени освещены в новостях, они подтверждали, что автор документа и есть убийца. В постскриптуме сообщалось, что полные копии документа посланы одновременно в целый ряд национальных и местных СМИ.

Гурни перечитал декларацию. Полчаса спустя, откладывая папку, он уже понимал, почему дело Доброго Пастыря обрело в криминологии эталонный статус и в качестве образцового «убийства ради общественной миссии» затмило дело Унабомбера.

Декларация была куда яснее и однозначнее, чем манифест Унабомбера. Логическая связь между заявленной проблемой и ее решением — убийством — прослеживалась куда четче, чем в деле Теда Казинского: когда тот рассылал свои посылки с бомбами, непонятно, насколько важен для него был выбор жертвы.

Добрый Пастырь емко изложил свою концепцию уже в первых двух пунктах декларации: «1. Если корень всех зол — любовь к деньгам, именуемая алчностью, то величайшее благо — алчность искоренить. 2. Поскольку алчность существует не как самостоятельное явление, а в душе человека, то искоренить ее можно только вместе с этим человеком».

Что может быть яснее?

И понятно, почему эти убийства так всем запомнились. В них было много захватывающего и театрального: простой мотив, ограниченное время действия, напряженность сюжета, пробирающий до костей ужас, эпатажирующий вызов, брошенный богатству и власти, понятный список жертв, моментами — леденящие кровь столкновения. Про такое слагают

легенды. В памяти людей эти убийства обрели свое законное место. Даже два законных места. Те, кого испугало нападение на богатых, увидели в Добром Пастыре революционера-террориста, подрывающего основы величайшей в истории страны. Для тех же, кто богатых презирал, он оказался героем-идеалистом, эдаким Робин Гудом, борцом с величайшей несправедливостью этого несправедливого мира.

Понятно, почему впоследствии это дело стало излюбленным примером преподавателей психологии и криминологии. Профессора охотно о нем вспоминали, когда хотели поговорить об определенном типе убийцы, ведь тут — редчайшая удача для гуманитарных наук — выводы были однозначны. Студенты же с удовольствием их слушали: эта незатейливая история увлекала своим ужасом. Даже тот факт, что убийца скрылся в ночи, был ученым на руку: нераскрытое дело оставалось актуальным и заманчиво щекотало нервы.

Гурни отложил папку, размышляя о неизбывной притягательности этой истории. Он испытывал смешанные чувства.

— Что-то не так?

Он поднял глаза. Мадлен смотрела на него с другого конца кухни, отложив спицы.

Он покачал головой.

— Наверно дурью маюсь, как обычно.

Мадлен не отводила взгляда. Он знал, что этот ответ ее не устраивает.

— Весь проект Ким — про дело Доброго Пастыря.

Мадлен нахмурилась.

— Его ж заездили до смерти. Когда происходили эти убийства, по телевизору только о них и говорили.

— У Ким свой подход. Тогда всех интересовал манифест, думали, как бы найти убийцу, строили гипотезы о его прошлом и воспитании, о том, где он прячется, обсуждали насилие в Америке, недостатки законов об обороте оружия, бла-бла-бла. А Ким все это не волнует. Ей важен тот урон, который понесли родственники убитых — то, как изменилась их жизнь.

Мадлен слушала с интересом, потом вновь нахмурилась.

— Так что не так?

— Да сам не пойму. Может, дело во мне. Говорю же, что-то я не в настроении.

Глава 7

Капитан Ахав

Следующее утро выдалось хмурым и холодным, как часто бывает весной в Катскильских горах, и за стеклом французских дверей падали редкие снежинки.

В 8:00 позвонила Ким Коразон: план изменился. Вчера предполагалось, что они утром встретятся в Тёрнуэле с Джими Брюстером, а потом поедут на Ашокан на ланч с Руди Гетцем; теперь же утренняя встреча отменялась, а днем они ехали к Ларри Стерну в Стоун-Ридж, к югу от Ашоканского водохранилища, минутах в двадцати езды. Ланч с Гетцем был в силе.

— Для изменений есть особые причины? — спросил Гурни.

— Вроде того. Когда я составляла план, я еще не знала, что вы поедете со мной. Ларри куда несговорчивей, чем Джими, я подумала, лучше бы вы пошли на встречу с ним. Джими левых взглядов и очень активен. Он-то не откажется участвовать — ему дай только возможность поругать общество потребления. А с Ларри все непросто. Он, похоже, разочаровался во всех СМИ — из-за того, какую нездоровую шумиху они устроили много лет назад после смерти его подруги.

— Но ты понимаешь, что я не буду помогать тебе с раскруткой проекта?

— Конечно же, нет! Все что мне нужно — чтобы вы послушали, посмотрели, высказали свое мнение. В общем, я за вами заеду не в восемь тридцать, а в одиннадцать тридцать. Хорошо?

— Хорошо, — ответил Гурни без особого энтузиазма.

Никаких возражений у него, в сущности, не было, но мелькнуло чувство, что что-то идет не так.

Засовывая телефон в карман, он вдруг вспомнил, что Джек Хардвик ему не перезвонил. Он набрал номер.

Уже после первого гудка ему ответил скрипучий голос:

— Терпение, Гурни, терпение. Я как раз собирался позвонить.

— Привет, Джек.

— Эй ты, спец, рука у меня только зажила. Хочешь, чтоб меня снова подстрелили?

Он имел в виду то, что произошло полгода назад: развязку дела Перри. Одна из трех пуль, ранивших Гурни, прошила его бок и попала Хардвику в руку.

— Привет, Джек.

— Привет от сучьих штиблет.

Стандартная формула приветствия старшего следователя полиции штата Нью-Йорк Джека Хардвика. Этот задира с бледно-голубыми глазами

маламута, острым, как бритва, умом и мрачным юмором как будто нарочно устраивал при каждом разговоре серьезное испытание собеседнику.

— Я звоню по поводу Ким Коразон.

— Крошки Кимми? Школьницы с проектом?

— Можно и так сказать. Она внесла тебя в список информантов по делу Доброго Пастыря.

— Да ладно. Как это вас жизнь свела?

— Долгая история. Я подумал, может, ты поделитесь информацией.

— Это какой же, например?

— Такой, которой не найдешь в интернете.

— Пикантные подробности?

— Если они важны для дела.

Из трубки раздалось сопение.

— Я еще кофе не пил.

Гурни молчал: он знал, что будет дальше.

— Значит, так, — прохрипел Хардвик, — ты сейчас едешь в «Абеляр», привозишь мне большой суматранский, а я, так уж и быть, попробую вспомнить тебе важных подробностей.

— А такие есть?

— Кто ж знает? Не вспомню, так выдумаю. Ясен пень, что одному важно, то другому чушь собачья. Мне без молока и три сахара.

Через сорок минут, захватив два больших кофе, Гурни свернул с извилистой грунтовой дороги, ведущей от магазина «Абеляр» в деревне Диллвид на еще более извилистую грунтовую дорогу, даже скорее заброшенную тропу для скота, в конце которой Джек Хардвик снимал маленький фермерский домишко. Гурни припарковался рядом с характерной машиной Хардвика — частично отреставрированным красным «понтаком-джи-ти-о» 1970 года.

Редкий, то и дело начинавшийся снег сменился колючей моросью. Как только Гурни ступил на скрипучее крыльцо, сжимая в каждой руке по стакану кофе, дверь распахнулась и на пороге появился Хардвик в футболке и обрезанных тренировочных штанах, со взъерошенными седыми волосами. С тех пор как Гурни ранили, они виделись только однажды, на допросе в полиции штата. Но уже в первой реплике был весь Хардвик:

— А с какого перепоя ты знаешь крошку Кимми?

Гурни протянул ему кофе.

— Нас познакомила ее мать. Тебе такой?

Хардвик взял стакан, открыл отверстие на крышке и отхлебнул.

— А мама тоже горячая штучка?

— Бога ради, Джек...

— Это значит да или нет? — Хардвик посторонился и дал Гурни войти.

Входная дверь вела в большую комнату. Гурни ожидал увидеть гостиную, но комната вообще никак не была обставлена. Пара кожаных кресел да стопка книг на голом сосновом полу, казалось, были не отсюда и их скоро должны были вывезти.

Хардвик посмотрел на Гурни.

— Мы с Марси расстались, — сказал он, видимо, объясняя, почему в комнате пусто.

— Жаль это слышать. А кто такая Марси?

— Хороший вопрос. Я думал, что знаю. Оказалось, нет. — Он сделал большой глоток. — Ни хрена я не разбираюсь в полоумных бабах с большими сиськами. — Еще больший глоток. — Ну и что? Все мы на чем-нибудь обжигались, правда, Дэйви?

Гурни давно уже понял: самыми невыносимыми своими чертами Хардвик напоминал ему отца. И неважно, что Гурни было сорок восемь, а Хардвику, несмотря на седину и бывалый вид, меньше сорока.

В речи Хардвика частенько сквозил тот самый цинизм — нота в ноту, — который так хорошо был знаком Гурни и моментально переносил его в квартиру, из высокого окна которой он зачем-то пустил некогда стрелу. В ту квартиру, откуда он сбежал, в первый раз женившись.

В памяти всплыла картинка. Вот он стоит в гостиной в этой тесной квартирке, отец пустился в пьяные рассуждения: мол, твоя мамаша полоумная, все бабы полоумные, нельзя им доверять. И незачем им ничего говорить. «Мы мужики, Дэйви, мы всегда друг друга пойдем. А твоя мать, она малек... малек того, понимаешь? И незачем ей знать, что я сегодня пил, правда? Одна морoka. Мы мужики. У нас свой разговор».

Дэйву было тогда восемь лет.

Теперь, в сорок восемь, он усилием воли постарался вернуть себя в гостиную Хардвика, в «здесь и сейчас».

— Половину хламья вывезла, — сказал Хардвик. Затем снова отхлебнул кофе, сел в одно из кресел и указал Гурни на второе. — Чем могу помочь?

Гурни сел.

— Мать Ким — журналистка, мы уже много лет знакомы по работе. Она попросила меня об услуге: «чуть-чуть присмотреть за Ким» — так она выразилась. Я пытаюсь понять, во что ввязался, думал, может, ты

поможешь. Как я уже сказал, Ким внесла тебя в список консультантов.

Хардвик воззрился на свой стакан, словно на загадочный артефакт.

— А кто еще в этом списке?

— Некий Траут из ФБР. И Макс Клинтер — коп, который погнался за убийцей и облажался.

Хардвик издал какой-то резкий звук — вроде как закашлялся.

— Ух ты! Самодур века и пьяный псих. Компашка у меня — зашибись.

Гурни отхлебнул большой глоток кофе.

— Так как насчет важных пикантных подробностей?

Хардвик вытянул свои мускулистые, изрезанные шрамами ноги и откинулся в кресле.

— О которых не знают журналисты?

— Именно.

— Во-первых, пожалуй, зверушки. Про них ты, наверно, не знал?

— Зверушки?

— Маленькие пластмассовые фигурки зверей. Из набора. Слон. Лев. Жираф. Зебра. Обезьянка. Какая шестая, не помню.

— А какое они...

— На месте каждого убийства нашли фигурку.

— Где именно?

— В относительной близости от машины убитого.

— В относительной близости?

— Ага. Вроде как стрелок бросал их из своей машины.

— Лабораторное исследование что-нибудь показало?

— Не-а, ни отпечатков, ничего такого.

— Но?

— Но все эти фигурки — часть детского набора. «Мир Ноя» называется. Как на диораме. Строишь Ноев ковчег, а потом сажаешь туда зверей.

— А что с каналами распространения? Магазины, фабрики? Как к нему мог попасть этот набор?

— Дохлый номер. Ширпотреб, в «Уолмарте» эти наборы штабелями лежат. Продано семьдесят восемь тыщ. Все одинаковые, все с фабрики в Сунь-Хуе.

— Где?

— В Китае. Хрен знает где. Какая разница — наборы все одинаковые.

— Были гипотезы, объясняющие значение каждой фигурки?

— До фига. И все бредовые.

Гурни мысленно пообещал себе вернуться к этому вопросу позже.

Когда позже? Что за бред? Он согласился только чуть-чуть помочь, а не вести расследование на общественных началах, об этом его никто не просил.

— Интересно, — сказал он. — А что еще есть странного, о чем широкая публика не знает?

— Пушка вполне себе странная.

— Насколько я помню, в новостях упоминали пистолет большого калибра.

— «Дезерт-игл».

— Эта махина пятидесятого калибра?

— Она самая.

— Есть где разгуляться психологам-профайлерам.

— Разгулялись уже вовсю. Но странность тут не в размере. После шести убийств мы нашли три пули: две сохранили форму, годятся для экспертизы, третью суд уликой не признает, но результаты интересные.

— И что интересного?

— Все три пули — из разных «дезерт-иглов».

— Что?

— Вот и все так отреагировали.

— Вы рассматривали гипотезу о том, что убийц несколько?

— Минут десять рассматривали. Арло Блатт был в своем стиле и разродился тупейшей идеей: может, там целая банда, где убийство — ритуал посвящения, и у каждого члена банды свой «дезерт-игл». Правда, вышла неувязочка с манифестом: он написан как будто профессором, а среднестатистический боец свое имя-то с трудом напишет. Кое-кто предлагал и менее тупые варианты, но в итоге победила версия с одним стрелком. Тем более, с благословения светочей из отдела анализа поведения ФБР. Все преступления происходили по одному и тому же сценарию. По реконструкциям совпадало все: как стрелок приближался, как стрелял, как уходил. Немного психологической премудрости — и светочи-профайлеры объяснили, что шесть «дезерт-иглов» для этого чувака нормальное дело, все равно что один.

Гурни скорчил болезненную гримасу. Он много лет общался с профайлерами, и это был странный опыт. Их достижения он был склонен приписывать простому здравому смыслу, а провалы расценивал как доказательство бесполезности их профессии. У профайлеров, особенно у тех, у кого в ДНК фэбээровский снобизм, была общая беда: они думали, что правда что-то знают и что все их спекуляции научно обоснованны.

— Иначе говоря, — заключил Гурни, — шесть brutальных стволов не

брутальнее одного брутального ствола. Брутально, как ни крути.

Хардвик ухмыльнулся.

— И еще одно непонятно: у всех потерпевших машины были черные.

— Вроде популярный цвет у «мерседеса»?

— Примерно тридцать процентов выпуска этих моделей красят в черный цвет, еще процента три — черный металлик. Выходит, одна треть — тридцать три процента. Вот в чем странность: казалось бы, из шести машин черных должно было бы попасться штуки две, если только цвет не был решающим фактором.

— А чем может быть важен цвет?

Хардвик пожал плечами, перевернул стакан и вылил себе в рот последние капли кофе.

— Еще один хороший вопрос.

С минуту они сидели молча. Гурни попытался было выстроить «странности» в ряд, усмотреть между ними логическую связь, потом оставил эту затею. Он знал, что, прежде чем сложится весь пазл, надо узнать гораздо больше подробностей.

— А что ты знаешь о Максе Клинтере?

— Макси — особая статья. Своеобразный тип.

— В каком смысле своеобразный?

— С историей. — Хардвик задумался на мгновение, потом издал скрипучий смешок. — Вот бы свести вас вместе: Шерлок, гений дедукции, и капитан Ахав.

— А кто кит?

— А кит — Добрый Пастырь. Макси всегда это любил: вцепиться зубами и не выпускать, — но после неудачи, угробившей всю его карьеру, он стал воплощением сумасшедшего упорства. Поймать Доброго Пастыря — это была не просто главная, а вообще единственная цель его жизни. А многие люди от этой цели отступились. — Хардвик покосился на Гурни и вновь издал резкий смешок. — Занятно посмотреть, какую херню вы замутили бы с Ахавом.

— Джек, тебе никто еще не говорил, что смеешься ты, как вода в унитазе шумит?

— Никто из тех, кто просил меня помочь. — Хардвик встал и потряс стаканом из-под кофе. — Вот чудеса, как быстро организм превращает эту жидкость в мочу. — И вышел из комнаты.

Через пару минут Хардвик вернулся, примостился на подлокотнике кресла и продолжил как ни в чем не бывало:

— Раз тебя интересует Макси, начну со знаменитого случая с бандой

из Буффало.

— Знаменитого?

— В нашем западном захолустье. Такой важный хрен, да из самой полиции Нью-Йорка, о нем, конечно, не слышал.

— А что там произошло?

— Да был в Буффало один главарь шайки, некий Фрэнки Бенно, организовал сбыт героина на западе штата. Все об этом знали, но он был ловкий и осторожный, к тому же его крышевала кучка политиков. Макси это все задолбало. Он решил во что бы то ни стало допросить Фрэнки, хотя формально задержать его было не за что. Задумал «достать подонка и подловить на ошибке». Это были последние слова, которые он сказал жене перед выходом. А сам отправился в ресторан, где тусовался Фрэнки и его ребята, — в здании, которое принадлежало самому Фрэнки.

Гурни первым делом подумал: «достать подонка и подловить на ошибке» — весьма сомнительная цель. Впрочем, сразу же вспомнил, что и сам не раз так делал, только называл это «оказать давление на подозреваемого и проанализировать его реакцию».

Хардвик продолжил:

— Приходит, значит, Макси в ресторан, одетый как бандит. Идет прямо в дальний зал, где вся шайка тусовалась, когда не мочила народ. В зале два бандита, посасывают пасту с моллюсками. Макси подходит к ним, достает пушку и «мыльницу». Говорит, выбирайте, что снимать: или как ваши мозги разлетаются, или как вы друг другу члены сосете. Решать, мол, вам. Десять секунд на раздумье. Или хватайте друг друга за члены, или мозги размажу по стенке. Десять... девять... восемь... семь... шесть...

Хардвик наклонился к Гурни, глаза его блестели, он явно увлекся своим рассказом.

— Но только Макси близко к ним подошел... что-то близковато... один из бандитов как выхватит у него пушку. Макси отшатнулся и сел на жопу. Щас, кажется, говно из него и вытрясут, но он вдруг бросает косить под бандита и давай вопить, что он только притворяется, на самом деле он просто актер. Говорит, его подослали, и все равно никто бы не пострадал, пистолет, мол, ненастоящий. Прямо плачет. Ну бандиты проверили пушку. Ясный перец, пугач. Начинают допытываться: что за хрень, кто его подослал и так далее. Макси божится, что не знает, что с тем человеком он должен был встретиться на другой день: отдать фотоаппарат и пленку с отснятым минетом и получить свои пять штук. Тут один из бандитов выходит на улицу позвонить — мобильных тогда еще не было. Возвращается и говорит Макси, мол, пойдешь с нами наверх, мистер Бенно

расстроен. Макси, кажется, вот-вот обосрется, умоляет его отпустить. Но его ведут наверх. Там у них укрепленный офис. Стальные двери, замки, камеры. Сверхбезопасность. Там, наверху, поджидает Фрэнки Бенно и еще двое. Макси вводят в святая святых, и Фрэнки встречает его долгим, тяжелым взглядом. Потом мерзко улыбается — так, будто его только что осенило. «Снимай штаны», — говорит. Макси всхлипывает, как маленький. «Снимай штаны, сука, и гони сюда камеру», — повторяет Фрэнки. Макси отдает ему камеру, а сам жмет к стеночке, лишь бы подальше от этих парней. Снимает куртку и рубашку, потом спускает штаны. А ботинки-то не снял. Сидит, значит, на полу, пытается стащить штаны, да ногами в них запутался. Фрэнки его подгоняет. Четыре бандита усмеваются. И тут вдруг Макси как оторвет руки от штанов — и в каждой по пистолету, аккуратненькие такие «зиги» тридцать восьмого. — Хардвик сделал сценическую паузу. — Ну как, чё думаешь?

Первое, о чем подумал Гурни, была его собственная спрятанная «беретта».

Потом он подумал о Клинтере. Тот хоть и был аферист и, похоже, чокнутый, сумел-таки придумать сложный сценарий и разыграть его в напряженной обстановке. Сумел сманипулировать импульсивными и жестокими людьми, сумел заставить их сделать как раз то, что ему нужно. Для копа под прикрытием, как и для фокусника, нет умения полезней. Но что-то такое промелькнуло в этой истории, что Гурни почуял некрасивую развязку.

Хардвик продолжал:

— То, что случилось дальше, потом тщательно расследовало ФБР. И все равно они не добыли информации, кроме слов самого Макса. А тот не мудрствуя заявил: мол, усмотрел непосредственную угрозу жизни, действовал соответствующе, применил силу, как того требовали обстоятельства. В итоге уложил пятерых бандитов и ушел — без единой царапинки. С этого дня и вплоть до той ночи, пять лет назад, когда он спустил свою карьеру в унитаз, Макса Клинтера окружала аура несокрушимости.

— Не знаешь, что он сейчас делает, чем зарабатывает на жизнь?

Хардвик ухмыльнулся.

— А как же. Оружие продает. Необычное. Коллекционное. Всякую армейскую хрень. Может, даже «дезерт-иглы».

Глава 8

Сложный проект

Ким Коразон

В 11:15, когда Гурни вернулся от Хардвика, он увидел, что красная «миата» уже стоит у боковой двери. Гурни припарковался рядом, Ким убрала телефон и открыла окно.

— Я как раз собиралась вам звонить. Стучала в дверь — никто не открыл.

— А ты рано.

— Я всегда приезжаю заранее. Не переносу опозданий. Это у меня вроде фобии. Мы можем прямо сейчас поехать к Руди Гетцу, если только у вас нет срочных дел.

— Сейчас вернусь.

Гурни зашел в дом и направился в ванную. Потом проверил автоответчик. Ничего. Проверил почту на компьютере. Только для Мадлен.

Он снова вышел на улицу, и в нос ударил запах влажной земли. Запах этот, в свою очередь, вызвал в памяти стрелу на грядке — красные перья, черное древко, плотная бурая почва. Он отыскал глазами это место, словно ожидая...

Но на грядке ничего не было.

«Разумеется. С чего бы там что-то было? Что за дрянь со мной творится?»

Он обошел «миату» и сел на низкое пассажирское сиденье. Ким, подпрыгивая на кочках, проехала через пастбище, мимо амбара, мимо пруда, и вырулила на дорогу из грязи и гравия, которая спускалась с горы вдоль ручья. Когда они выехали на трассу и поехали на восток, Гурни поинтересовался:

— Сегодня возникли новые трудности?

Она поморщилась.

— По-моему, я становлюсь слишком нервной. Кажется, психиатры называют это сверхбдительностью?

— В смысле постоянно все проверять на случай опасности?

— Да, постоянно все проверять, так навязчиво, что угроза чудится уже везде. Как если бы пожарная сигнализация срабатывала каждый раз, когда включаешь тостер. А я правда оставила эту ручку на столе? А эту вилку я уже точно мыла? А разве этот цветок не стоял на два дюйма левее? Все в таком духе. Как вчера вечером. Я на час отлучилась, прихожу, а в ванной горит свет.

— Ты уверена, что выключила его перед уходом?

— Я всегда его выключаю. Но и это не все. Мне почудился запах мерзкого одеколона Руди. Слабенький, едва различимый. Я стала бегать по квартире и принюхиваться, на секунду показалось, что опять пахнет. — Она раздраженно выдохнула. — Понимаете? Я сама не своя. Кому-то мерещатся видения. А мне вот запахи.

Несколько миль они проехали молча. Вновь пошла морось, и Ким включила дворники. После каждого взмаха они противно скрипели. Но Ким, казалось, этого не замечала.

Гурни рассматривал ее. Одета аккуратно, неброско. Правильные черты лица, темные глаза, очаровательный рот. Блестящие каштановые волосы. Гладкая кожа отдавала средиземноморским золотом. Красивая молодая женщина — полна идей и стремлений, не заикливается на себе. И умная. Это Гурни в ней нравилось больше всего. Но вот что странно: при ее уме связаться с таким подозрительным типом, как Робби.

— Расскажи еще что-нибудь об этом Мизе.

Он подумал было, что Ким не расслышала: так долго она не отвечала.

— Как я уже сказала, у него дома была нездоровая ситуация, он рос в нескольких приемных семьях. Для некоторых это оканчивается нормально, но для большинства — нет. Я так и не узнала подробностей. Просто он казался другим. Глубоким. Даже чуть-чуть опасным. — Она задумалась. — А еще, я думаю, меня привлекало то, что Конни его терпеть не могла.

— Поэтому он тебе понравился?

— Думаю, что она его терпеть не могла, а мне он понравился по одной и той же причине: нам обоим он напоминал моего отца. Папа был по-своему сумасброд, и у него было безумное прошлое.

Папа. Временами это слово поднимало в Гурни волну грусти. Он испытывал к отцу сложные чувства — большей частью подавленные. То же самое он чувствовал, думая о себе как об отце двух сыновей, одного живого и одного покойного. Когда волна грусти пошла на спад, Гурни поспешил отвлечься — перешел к другому вопросу, связанному с проектом Ким.

— По телефону ты начала рассказывать о Максе Клинтере, он показался тебе странным. Кажется, так ты сказала?

— Очень эмоциональный. Более чем эмоциональный.

— Более чем?

— О да. Он говорил, как параноик.

— Почему тебе так показалось?

— Его взгляд. Такой «я знаю ужасные тайны». Все твердил, что я не понимаю, во что ввязываюсь, что я рискую жизнью, что Добрый Пастырь

— само зло.

— Кажется, он тебя напугал.

— Еще как. «Само зло» звучит избито. Но он говорил это так, что воспринималось всерьез.

Через несколько миль навигатор Ким направил их с трассы 28 на съезд в Буасвиль. Они ехали вдоль белого порожистого потока, бурного из-за талой воды, потом выехали на Маунтинсайд-драйв — головокружительный серпантин среди хвойного леса. Затем свернули на улицу Фэлконс-Нест. Таблички с номерами домов здесь располагались у подъездных дорожек, а сами дома прятались за густой живой изгородью или высокими каменными стенами. Дорожки встречались нечасто: по прикидкам Гурни, не меньше четверти мили от соседа до соседа. Последним номером был «Двенадцать» — слово выгравировано рукописным шрифтом на медной табличке, прикрепленной к одной из двух каменных колонн по бокам дорожки. Каждую из колонн венчал каменный шар размером с баскетбольный мяч, а на шарах свирепо растопырили когти и крылья каменные орлы.

Ким свернула на ухоженную мощеную дорожку и медленно поехала сквозь аллею из густых рододендронов. На выезде из аллеи дорожка стала шире: они подъехали к дому Руди Гетца — угловатому сооружению из стекла и бетона, мало похожему на жилой дом.

— Ну вот, — проговорила Ким нервно и возбужденно, останавливаясь у бетонных консольных ступеней, которые вели к металлической двери.

Они вышли из машины, поднялись по ступеням и уже собирались постучать, как вдруг дверь отворилась. Навстречу им вышел невысокий коренастый человек с бледной кожей, жидкими седыми волосами и нависшими веками. Он был одет в черные джинсы, черную футболку и почти белый льняной пиджак. В руках у него был небольшой толстый стакан с бесцветной жидкостью. Гурни подумал, что он похож на продюсера порнофильмов.

— Привет, рад видеть, — обратился он к Ким с дружелюбием ленивого ящера. Потом смерил взглядом Гурни и изобразил пресную улыбку. — Вы, наверно, знаменитый детектив-консультант. Очень приятно. Входите. — Он пропустил их, стаканом указывая на вход. Затем бросил взгляд на серое небо. — Погодка-то дерьмовая.

Внутри дом оказался столь же резко современным и угловатым, как и снаружи: кожа, металл, стекло, холодные цвета, полы из белого дуба.

— Что будете пить, детектив?

— Ничего.

— Ничего. Хорошо. А вы, мисс Корасон? — Он произнес эту фамилию с таким подчеркнuto испанским акцентом, что вместе с ухмылкой это смахивало на приставание.

— Можно просто воды?

— Воды. — Он кивнул и повторил это слово, словно то была не просьба, а интересное наблюдение. — Хорошо. Входите, садитесь. — Он указал стаканом в сторону огромного, как в соборе, окна. В эту минуту в просторную комнату на удивление бесшумно въехала молодая женщина на роликах в обтягивающем черном трико — въехала и тут же исчезла за дальней дверью.

Гетц подвел их к шести креслам из матового алюминия, расставленных у овального акрилового кофейного столика. Рот его расплылся в подобии улыбки, ошеломляюще неприветливом.

Когда они уселись, через комнату вновь пронеслась девушка на роликах — и вновь скрылась за дверью.

— Клаудия, — объявил Гетц и подмигнул, словно раскрывая секрет. — Симпатичная, а?

— Кто это? — спросила Ким. Похоже, этот спектакль ее ошарашил.

— Моя племянница. Приехала в гости. Любит кататься. — Он помолчал. — Но к делу, да? — Улыбка мгновенно исчезла — видимо, время для болтовни прошло. — У меня для вас отличные новости. «Осиротевшие» заняли первое место в зрительском голосовании.

Ким, казалось, больше смутилась, чем обрадовалась.

— В голосовании? Но как вы...

Гетц ее перебил.

— У нас есть собственная система оценки предложенных программ. Мы делаем репрезентативную нарезку по материалам шоу, показываем подкаст достаточно широкой аудитории и получаем обратную связь. И суперточные прогнозы.

— Но какой материал вы использовали? Мои интервью с Рут и Джими?

— Фрагменты. Репрезентативные фрагменты. Плюс немного дополнительной информации, обозначить контекст.

— Но эти интервью я снимала на любительскую камеру. Они не предназначены...

Гетц перегнулся через стол навстречу Ким.

— Этот вот «любительский» эффект в данном случае как нельзя кстати. Иногда необработанные записи — то что нужно. Они говорят зрителю: здесь честность. И ваш вид говорит то же самое. Вдумчивая.

Открытая. Молодая. Невинная. Вот что сообщили нам зрители пробного ролика. Я не должен был вам этого говорить, но скажу. Ведь я хочу, чтобы вы мне доверяли. Они в вас влюбились. Просто влюбились! Нас с вами ждет большое будущее. Что скажете?

Ким уставилась на него, приоткрыв рот.

— Не знаю. Я... то есть они видели просто отрывок интервью?

— Ну, кое-где мы упаковали его в объяснения, чтобы обозначить контекст, — мы и в передаче так сделаем. Если вам интересно, наш тестовый ролик представляет собой часовое шоу, составленное из презентаций четырех программ, по тринадцать минут каждая. То есть в него вошло ваше интервью и три другие записи. Такого рода тестовые ролики называются «В эфир или в сортир?». Некоторым это название кажется грубым. Но мы его взяли не просто так — оно пробуждает инстинкты.

Слово «инстинкты» Гетц произнес задушевым, чуть ли не благоговейным голосом. Хотите знать, в чем секрет успеха наших новостей? Он прост. Мы будим инстинкты. Когда-то телекомпании думали, будто новости есть новости, а развлечения есть развлечения. Ну и разорялись на новостных программах. Не подозревали, какой клад тут зарыт. Воображали, что новости — это голые факты, изложенные как можно скучнее.

Гетц снисходительно покачал головой, дивясь человеческой склонности впадать в иллюзии.

— И конечно, заблуждались, — улыбнулся Гурни.

Гетц одобритительно указал на него пальцем, словно учитель на верно ответившего ученика.

— Именно! Новости — они про жизнь, жизнь — про эмоции, а эмоции — это инстинкты. Страсть, кровь, слезы, восторг. А не сухие факты для чопорных маразматиков. Новости — это всегда конфликт. Отвали к едрене фене, понял? Сам отвали! Что ты сказал? Бамц! Бамц! Бамц! Простите за мой французский. Ясно ведь, о чем я?..

— Яснее некуда, — бесстрастно отозвался Гурни.

— Поэтому мы и назвали тестовую программу «В эфир или в сортир?». Людям такое надо. Чтоб выбирать одно из двух. Чувствовать свою силу. Как император на гладиаторском бою. Лайк — пощадить. Дислайк — добить. Люди любят черно-белое. От серого одна морoka. От нюансов всех тошнит.

Ким заморгала и сглотнула слюну.

— Так «Осиротевшие» получили лайк?

— Огромнейший лайк! — Ким хотела было еще что-то спросить, но Гетц ее перебил и продолжил: — Огромнейший лайк! Что мне лично особенно приятно. Вот что значит карма! Ведь это благодаря новостям о преступлениях Доброго Пастыря «РАМ-Ньюс» взлетели в топ. Это наши истоки. Вернуться к той же теме теперь, ровно через десять лет — как это метко! Кожей чую, это то что надо. А теперь предлагаю вам восхитительный ланч.

По сигналу Гетца в комнату вновь вкатилась Клаудия, на этот раз с подносом в руках и поставила его на кофейный столик. Ее уложенные гелем волосы оказались при ближайшем рассмотрении не черными, а густо-синими — лишь самую малость темнее глаз, на мгновение уставившихся прямо на Гурни с диковатой непосредственностью. Похоже, ей еще нет и двадцати, подумал Гурни. Она сделала пируэт на одном коньке, затем проскользила через комнату, обернулась и исчезла.

На подносе стояли три тарелки. На каждой, как экспонаты, были аккуратно разложены суши. Замысловатой формы, красивых тонов. Все сплошь из незнакомых ингредиентов — незнакомых Гурни и, по видимости, Ким: она разглядывала эту экспозицию с явной тревогой.

— Очередной шедевр от Тоширо, — сказал Гетц.

— А кто такой Тоширо? — спросила Ким.

У Гетца загорелись глаза.

— Моя добыча. Я его увел из одного крутого суши-ресторана. — Гетц взял с тарелки яркий ломтик и отправил в рот.

Гурни последовал его примеру. Было непонятно, из чего сделано блюдо, но на удивление вкусно.

Ким собралась с духом, попробовала кусочек и уже через пару секунд заметно успокоилась.

— Изумительно, — сказала она. — Значит, теперь он ваш личный шеф-повар?

— Один из моих бонусов.

— Должно быть, вы мастер своего дела, — сказал Гурни.

— Я мастер распознавать, на что люди клюнут. — Гетц на секунду замолк, словно эта мысль озарила его только сейчас. — У меня талант распознавать таланты.

Гурни вежливо кивнул, зачарованный столь беззастенчивым позерством.

Ким хотелось вернуть разговор к «Осиротевшим».

— Я хотела спросить... может быть, из голосования стало понятно, на что мне обратить внимание в работе?

Гетц пристально посмотрел на нее.

— Делайте то, что делаете. Ваша естественность и невинность нам на руку. Не мудрите слишком. Пока так. В будущем я вижу две возможности: расширять то, что есть, и развивать побочную линию. У «Осиротевших» мощнейший эмоциональный потенциал. Его хватит не только на шесть семей, пострадавших от Доброго Пастыря. Тут напрашиваются передачи о родственниках других убитых. Они напрашиваются сами собой — возможно, мы их и снимем. Но есть еще тот аспект, что убийства не раскрыты. Сейчас у нас все вперемешку. Вы про горе родных, ведь так? Но заодно и про непойманного убийцу, про открытый финал. Я вот что думаю: если «Осиротевшие» выдохнутся, то мы перенаправим заряд. Будем развивать побочную линию — создадим шоу «Лишенные правосудия». Просто перенесем акцент на несправедливость: убийца не найден. И справедливости все нет.

Гетц откинулся в кресле, наблюдая за реакцией Ким.

Она, похоже, сомневалась.

— Да... можно попробовать... наверное.

Гетц подался вперед.

— Послушайте, я хорошо понимаю, в чем ваша фишка: эмоциональный аспект, боль, страдание, утрата. Нужно просто держать баланс. В первой серии нажимаем на боль утраты. Во второй серии — на то, что убийца не найден. И мне только что пришло в голову кое-что еще. Прямо как с неба свалилось, пока я глядел на этого малого.

Он указал на Гурни, и глаза его азартно блеснули под нависшими веками.

— Послушайте. Это пока только мысли вслух, но... не хотите ли вы двое стать командой в новом крутом реалити-шоу и прославиться на всю страну?

Ким заморгала, одновременно воодушевленно и озадаченно.

Гетц продолжал:

— Тут такой замес, такая химия. Такой вкусный контраст двух личностей. Сидит такая девочка, которую волнуют только жертвы, только боль их родных. А рядом ее друг и враг, сыщик со стальным взглядом, который заботится лишь о том, как арестовать убийцу, закрыть дело. Да это же жизнь! Это будит инстинкты!

Глава 9

Немногословный сирота

— Ну и что вы думаете? — спросила Ким и нервно взглянула на Гурни, снова переключив скорость дворников.

Они только что проехали дамбу водохранилища Ашокан и теперь направлялись на юг, к Стоун-Риджу. Было уже начало третьего, а небо оставалось таким же серым, иногда моросило.

Гурни не ответил, и Ким добавила:

— Вид у вас мрачный.

— Пока слушал твоего партнера, вспомнил, как РАМ-ТВ освещало дело Доброго Пастыря. Ты, конечно, не помнишь. Вряд ли ты в тринадцать лет часто смотрела новости.

Она прищурилась, глядя на мокрую дорогу.

— И как они его освещали?

— Нагнетали страх, круглые сутки без выходных. Придумывали стрелку все новые прозвища — Мерседесный Маньяк, Полночный Маньяк, Полночный Убийца, — пока он не разослал свою декларацию, подписавшись Добрым Пастырем. После этого РАМ-ТВ стало именовать его только так. Они взяли в оборот те пассажи в манифесте, где убийца клеймит алчность, и стали нагнетать панику: мол, эти убийства — начало революции, это партизанская война, дело рук социалистов, угроза всей Америке, угроза капитализму. В общем, пороли чушь. Двадцать четыре часа в сутки приглашенные «эксперты» талдычили на разные лады, какие ужасы нас ждут, какие страсти могут случиться, какой заговор за всем этим стоит. А «консультанты по вопросам безопасности» призывали американцев вооружаться — ружье в доме, пистолет в машине, пистолет в кармане. Хватит нянчиться с американофобскими злодеями, хватит «преступных порядков». Убийства прекратились, а РАМ-ТВ и не думало униматься. Все твердило о классовой войне — мол, она ушла в подполье, но вот-вот разразится снова, еще страшнее, чем прежде. Мусолили эту тему еще года полтора. Стало понятно, какова их миссия: пробудить в зрителях как можно больше агрессии, вызвать как можно больше паники, благодаря этому привлечь аудиторию и получить свой доход. Самое грустное, что это сработало. Передачи РАМ, посвященные делу Доброго Пастыря, в итоге стали образцом вульгарных кабельных новостей: бестолковые споры, раздутые конфликты, отвратительные теории заговора, романтизация насилия, обвинения вместо объяснений. И Руди Гетц, похоже, ставит это себе в заслугу.

Ким крепко сжала руль.

— Вы хотите сказать, что мне не стоит с ним связываться?

— Я не сказал о Гетце ничего, что не было бы ясно из сегодняшней

встречи.

— На моем месте вы бы стали с ним работать?

— С твоим умом нетрудно понять, что это бессмысленный вопрос.

— Нет, не бессмысленный. Просто представьте, как бы вы себя вели в такой же ситуации.

— Ты спрашиваешь, как бы я поступил, если бы не был собой — со своим прошлым, своими чувствами, своими мыслями, своей семьей, своей жизнью и предпочтениями. Разве непонятно? Моя жизнь просто не может привести меня на твое место. Это абсурд.

Ким озадаченно поморгала:

— Из-за чего вы так злитесь?

Вопрос застал его врасплох. А ведь и правда: он злился. Ничего не стоило сказать, что бессердечные рептилии вроде Гетца неизбежно вызывают злость, что его злит, когда новостные агентства перестают просто сообщать относительно безобидные факты и начинают цинично провоцировать раскол, когда из жестокого убийства делают реалити-шоу. Но он неплохо себя знал: внешние причины злости зачастую лишь маскировали внутренние.

Когда-то один мудрый человек ему сказал: «Злость — это как буй на поверхности воды». Когда ты злишься, это лишь верхушка проблемы. Нужно спуститься по цепи до дна и выяснить, с чем связана твоя злость, к чему она крепится.

Он решил спуститься по цепи. И обратился к Ким:

— Зачем я был нужен на этой встрече?

— Я вам уже объясняла.

— Ты имеешь в виду «чуть-чуть за тобой присмотреть»? Просто наблюдать?

— А потом поделиться своим видением, как, на ваш взгляд, я веду дела.

— Я не могу оценить, как ты держалась, пока не пойму, какова твоя цель.

— У меня не было никакой цели.

— Правда?

Она повернулась к нему:

— Вы считаете, я лгунья?

— Следи за дорогой, — голос Гурни прозвучал сурово, отечески.

Когда Ким перевела взгляд на дорогу, он продолжил:

— Как так вышло, что Руди Гетц не знает, что ты наняла меня только на день? Как так вышло, что он думает, будто я участвую в твоём проекте

больше, чем на самом деле?

— Не знаю. Я ничего такого ему не говорила. — Она сжала губы.

Гурни показалось, что она борется с подступившими слезами. Он спокойно проговорил:

— Я хочу узнать всю историю. Хочу узнать, зачем ты меня позвала.

Она едва различимо кивнула, но заговорила только через минуту:

— Когда мой руководитель показал Гетцу мой проект и первые интервью, все стало развиваться совсем стремительно. Я не думала, что Гетц купит это предложение, а когда купил, я запаниковала. Мне предложили такую возможность — я не хотела, чтобы они передумали и ее отняли. Я думала, а вдруг эти люди с РАМ очнутся и решат: «Двадцать три года, еще девчонка. Что она понимает в убийствах? Да что она вообще понимает в жизни?» Мы с Конни подумали, что если в проекте будет участвовать кто-то с реальным опытом расследования, если будет участвовать эксперт, то вся затея покажется солиднее. Нам обеим это пришло в голову. Конни сказала, что про убийства никто не знает больше вас, а благодаря ее давней статье вы стали известны. Вы бы подошли как нельзя лучше.

— Ты показывала статью Гетцу?

— Кажется, я упомянула ее вчера, когда звонила сообщить, что вы приедете.

— А что с Робби Мизом?

— А что с ним?

— Ты часом не надеялась, что я помогу тебе от него отделаться?

— Возможно. Возможно, я боюсь его сильнее, чем готова признаться.

За годы работы в полиции Гурни понял: обман прячется под разными обертками, порой искусными, порой нет, правда же всегда скупа и гола. Несмотря на запутанность нашей жизни, правда обычно проста. И теперь эта простота звучала в голосе Ким. Гурни улыбнулся.

— Стало быть, я твой консультант-эксперт по расследованию убийств, знаменитый сыщик, аргумент для убедительности, партнер по реалити-шоу и личный телохранитель. Что еще?

Ким запнулась.

— Раз я все равно выхожу идиоткой и манипуляторшей, признаюсь еще в одной безумной надежде. Я подумала, что если бы вы пришли еще на одну встречу — с Ларри Стерном, — то он бы, возможно, согласился участвовать.

— Но почему?

— Это уж совсем какие-то интриги. Но я подумала, раз вы знаменитый

сыщик, вдруг Ларри решит, что вы занялись поиском преступника, и, обнадеженный, согласится участвовать.

— Значит, вдобавок ко всему я еще и твой спец по нераскрытым делам в погоне за Добрым Пастырем?

Она вздохнула:

— Глупо, правда?

Он счел за лучшее промолчать, а она не стала переспрашивать.

Высоко над ними, где-то над нависшими облаками, послышался тяжелый, увесистый пульс вертолета: все громче, потом тише и, наконец, совсем смолк.

В противоположность навороченным колоннам с орлами у Руди Гетца указатель к дому Ларри Стерна был самый обычный: простой почтовый ящик рядом с проемом в невысоком заборе из булыжника. Дом, каменный коттедж XVIII века, каких было немало в округе, стоял футах в двухстах от ограды за самым обычным газоном. Отдельно стоял гараж, у которого Ким и припарковала свою «миату».

Парадная дверь была открыта. На пороге стоял человек среднего роста, не полный и не худой, на вид лет сорока. Одет он был в поло, мятый кардиган, широкие слаксы и дорогие мокасины — все желтовато-коричневых оттенков, прямо в тон светло-русые волосы.

Насколько Гурни помнил из голубой папки Ким, Ларри Стерн продолжал дело своего застреленного отца: он был первоклассным стоматологом.

— Ким, — проговорил он с улыбкой, — рад вас видеть. А это, должно быть, детектив Гурни?

— В отставке, — подчеркнул Гурни.

Стерн удовлетворенно кивнул, словно бы радуясь этому уточнению.

— Проходите, вот сюда, — он провел их в светлую гостиную с полом из широкой доски, со вкусом обставленную антикварной мебелью.

— Не хочу показаться грубым, Ким, но у меня не так много времени. Мы могли бы перейти сразу к делу?

Они расположились в креслах, расставленных вокруг коврика перед каменным камином. Догорающие угольки еще дышали приятным теплом.

— Я знаю ваше отношение к «РАМ-Ньюс», — серьезно сказала Ким, — но мне кажется важным еще раз обсудить ваши возражения.

Стерн терпеливо улыбнулся. Затем заговорил с ней, как с ребенком.

— Я всегда рад вас выслушать. Надеюсь, и вы захотите выслушать меня.

Этот спокойный голос кого-то напомнил Гурни, но кого, он не мог вспомнить.

— Конечно, — отозвалась Ким не слишком уверенно.

Стерн слегка подался вперед — само воплощение внимательной вежливости.

— Давайте сперва вы.

— Хорошо. Довод первый: за формат и окончательную редакцию серий буду отвечать только я. Вам не придется иметь дело с безликой корпорацией. Я сама буду вести все передачи, задавать вопросы. Довод второй: девяносто пять процентов эфирного времени будут занимать истории детей убитых — такие, как ваша. Там самое главное — это ваши ответы на мои вопросы. Передача будет почти полностью состоять из ваших собственных слов. Довод третий: меня лично интересует исключительно правда — правда о том, как убийство повлияло на родственников жертвы. Довод четвертый: возможно, у «РАМ-Ньюс» есть свои собственные интересы, но для этого проекта они всего лишь площадка, всего лишь канал коммуникации. Просто средство. А вы — содержание.

Стерн терпеливо улыбнулся.

— Вы очень красноречивы, Ким. Но мое беспокойство вы не развеяли. Я позаимствую у вас идею с нумерацией и приведу ответные доводы. Довод первый: РАМ — организация весьма неприятная. Она объединяет в себе все худшие черты современных СМИ. Это рупор самых уродливых, самых губительных общественных настроений. На РАМ воспевают агрессию, невежество считают добродетелью. Пускай ваша цель — истина, но у них такой цели нет. Довод второй: они куда искуснее в манипулировании такими, как вы, чем вы — в противостоянии таким, как они. Ваши надежды удержать контроль над своей передачей нереалистичны. Я знаю, что вы просите участников подписать договор исключительного права на использование интервью, но не удивлюсь, если РАМ и тут отыщет лазейку. Довод третий: даже если РАМ и не вынашивает коварных планов, я бы все равно советовал вам отказаться от этого проекта. У вас интересный замысел, но вы можете причинить людям сильнейшую боль. Возможный урон тут больше возможной пользы. У вас благие намерения, но благие намерения могут причинить людям страдания, особенно когда вы обнаружите сокровенные чувства. Довод четвертый: моя собственная жизнь, даже спустя столько лет, служит лучшим доказательством сказанного. Я уже упоминал об этом, Ким, но, пожалуй, стоит уточнить. Девятнадцать лет назад, когда я учился на стоматолога,

убили мою близкую подругу из другого университета. Я помню, как это было подано в СМИ: истерично, плоско, вульгарно, совершенно отвратительно. И совершенно в духе СМИ. Грустная правда в том, что законы медиаиндустрии поощряют производство пошлятины. Пошлятина имеет широкий рынок — больше, чем содержательные, умные комментарии. Такова природа СМИ, такова их аудитория. «Введение в экономику медиа».

Они еще несколько раз обсудили свои разногласия, повторяя уже сказанное и стараясь смягчить острые углы. Потом Стерн указал на часы, извинился и сказал, что ему пора.

— Вы отсюда ездите в город на работу? — спросил Гурни.

— Не больше пары раз в неделю. Я сейчас очень редко принимаю пациентов. У меня большая стоматологическая корпорация, я там больше задействован как председатель правления, чем как практикующий врач. На мое счастье, у меня хорошие партнеры и менеджеры. Так что большую часть времени я уделяю другим медицинским центрам и организациям — благотворительным и так далее. Можно сказать, мне очень повезло.

— Ларри, дорогой...

На пороге появилась высокая, очень стройная женщина с миндалевидными глазами. Она указала на свои изящные золотые часики.

— Я знаю, Лила. Как раз провожаю гостей.

Она с улыбкой удалилась.

Провожая Ким и Гурни к двери, Стерн призвал ее не поддаваться чужим влияниям и предложил обращаться к нему еще. Пожимая руку Гурни, он вежливо улыбнулся и сказал:

— Надеюсь, нам еще выпадет случай поговорить о вашей карьере в полиции. Судя по тому, что написала мать Ким, это должен быть интереснейший рассказ.

Тут наконец Гурни вспомнил, кого ему напоминает этот человек.

Мистера Роджерса[7].

Только вот жена у него как из гарема.

Глава 10

Совсем другой подход

Ким остановилась перед выездом на дорогу, хотя машин не было.

— Пока вы не спросили, — сказала она исповедальным голосом, — сразу отвечу «да». Когда я договаривалась о встрече и предупреждала, что

вы придете со мной, я кинула ему ссылку на статью Конни.

Гурни молчал.

— Вы сердитесь на меня за это?

— Я чувствую себя как на раскопках.

— В каком смысле?

— Все время вылезают новые черепки, новые детали ситуации.

Интересно, что же будет дальше.

— Ничего не будет. По крайней мере, я так думаю. А работа у вас тоже была такая?

— Какая такая?

— Похожая на раскопки?

— Отчасти.

Его работа нередко казалась ему собиранием пазла: находишь новые кусочки, раскладываешь, внимательно рассматриваешь выемки и цветовые пятна, неуверенно соединяешь друг с другом, надеясь сложить картинку. Иногда на это дается время. Но чаще приходится соображать на лету — например, когда ищешь серийного убийцу. Здесь нет времени искать и рассматривать фрагменты: отсрочка означает новые убийства, продолжение кошмара.

Ким достала мобильный, посмотрела на экран, потом на Гурни.

— Послушайте, я вот думаю... еще нет и трех... а не могли бы вы заехать со мной еще на одну встречу? — И не дав ему ответить, быстро добавила. — Это по пути и надолго вас не задержит.

— В шесть мне нужно быть дома. — Не то чтобы это было правдой, но ему хотелось обозначить какие-то рамки.

— Думаю, это не проблема. — Она набрала номер, потом замерла с телефоном у уха: — Роберта? Это Ким Коразон.

Минуту спустя, после наикратчайшего разговора, Ким поблагодарила и тронулась в путь.

— Кажется, тут сложностей не возникло, — заметил Гурни.

— Роберта с самого начала загорелась идеей документальных передач. Она не будет скрывать своих чувств и не упустит случая высказаться. За исключением, пожалуй, Джими Брюстера, она самый агрессивный наш информант.

Роберта Роткер жила прямо за деревней Пикок в кирпичном доме, больше похожем на крепость. Дом стоял в чистом поле, кое-как скошенном, чтобы сойти за газон. На поле не было ни деревьев, ни кустов, ни иной зелени. Вокруг дома возвышался шестифутовый сетчатый забор. За ним —

камеры видеонаблюдения с равномерными промежутками. Массивные раздвижные ворота на электроприводе с дистанционным управлением.

Когда Гурни и Ким подъехали ближе, ворота открылись. Прямая гравийная дорога привела их к такой же парковке и кирпичному гаражу на три машины. У всех строений был казенный вид, словно их на самом деле занимала государственная контора. Гурни заметил еще четыре камеры: две на углах гаража и две на доме, под карнизами.

У женщины, открывшей парадную дверь, вид был столь же казенный. На ней была клетчатая рубашка и темные саржевые брюки. Короткие песочного цвета волосы не уложены: она явно не заботилась о своей внешности. Она посмотрела на Гурни немигающим, недружелюбным взглядом. Совсем как коп, подумал он, тем более что на поясе у нее красовался девятимиллиметровый «ЗИГ-зауэр» в скоростной кобуре.

Она пожала руку Ким — решительно и крепко, как пожимают руку женщины, работающие в традиционно мужских профессиях. Ким представила ей Гурни, объяснив, что это ее консультант, тогда Роберта Роткер коротко ему кивнула, затем отступила на шаг и жестом пригласила их в дом.

Это был типичный дом в колониальном стиле с холлом посередине. Но центральный холл был совершенно пуст — просто коридор от парадной двери к задней. По левой стене были две двери и лестница, по правой — еще три двери, все закрытые. Этот дом не спешил делиться своими секретами.

Хозяйка провела Гурни и Ким через первую дверь в скупо обставленную гостиную. По дороге Гурни поинтересовался:

— Вы из правоохранительной сферы?

— В высшей степени.

Странный ответ.

— Я имел в виду, вы работаете в правоохранительных органах?

— Почему вас интересует моя работа?

Гурни вежливо улыбнулся.

— Просто интересно, оружие на поясе у вас по долгу службы или это личное предпочтение?

— Не вижу разницы. И то и другое. Присаживайтесь.

Она указала на жесткую кушетку — вроде тех, что стоят в приемной клиники, где три раза в неделю работала Мадлен. Когда Гурни и Ким сели, Роткер продолжила:

— Это мое личное предпочтение — мне так комфортнее. Но одновременно это требование того мира, в котором мы живем. По-моему,

долг каждого гражданина — смотреть в лицо реальности. Я удовлетворила ваше любопытство?

— Отчасти.

Она посмотрела ему в глаза.

— Мы на войне, детектив Гурни. Наша война — против тварей, не различающих добро и зло. Или мы их, или они нас. Такова реальность.

Гурни подумал — наверно, в сотый раз в жизни, — насколько эмоции влияют на мышление. Поистине злость — мать убежденности. Есть величайшая ирония в том, что, когда чувства дурачат нас сильнее всего, мы более всего уверены в своей оценке происходящего.

— Вы сами были копом, — продолжала Роткер, — вы сами все это знаете. Мы живем в мире, где в цене лоск, а жизнь не стоит ломаного гроша.

После этого неутешительного вывода повисло молчание. Нарушила его Ким, заговорившая намеренно бодро:

— Кстати, я хотела рассказать Дэйву про ваш тир. Может быть, вы ему покажете? Уверена, ему будет очень интересно.

— Можно, — откликнулась Роткер без возражений, но и без энтузиазма. — Пойдемте.

Она провела их через холл к задней двери, снаружи на полдома тянулась вдоль стены собачья клетка. К ним с рычанием метнулись четыре мощных ротвейлера, но смолкли, как только хозяйка скомандовала что-то по-немецки.

Дальше, в поле, стояла вытянутая постройка без окон, одним концом смотревшая на ограду за домом. Роткер отперла металлическую дверь и зажгла свет. Внутри оказался обыкновенный тир с одним местом для стрельбы и механизмом для перемещения мишени.

Она подошла к столу высотой в половину человеческого роста у входа и нажала на выключатель. Подвешенная на тросе нетронутая мишень со стилизованной фигурой человека стала отодвигаться и остановилась на расстоянии двадцати пяти футов.

— Не желаете ли, детектив?

— Я лучше посмотрю на вас, — с улыбкой сказал Гурни. — Думаю, вы прекрасно стреляете.

Роткер холодно улыбнулась в ответ:

— В целом неплохо, для большинства возможных случаев.

Она снова нажала на выключатель, и мишень поехала дальше, пока не остановилась на максимальном расстоянии — в пятьдесят футов. Роткер сняла с крючка на стене наушники и защитные очки, надела их и

оглянулась на своих гостей.

— Простите, больше нет. Обычно я стреляю без зрителей.

Она достала из кобуры пистолет, проверила обойму, сняла с предохранителя и застыла, как олимпиец перед прыжком в воду с вышки. Гурни потом казалось, что эту сцену он не забудет до конца своих дней.

Роткер заорала — издала яростный, звериный вопль, похожий скорее на раскат грома, чем на человеческий голос. «су-ука-а!» — завопила она, не умолкая, резко подняла пистолет, словно не целясь открыла огонь и одной очередью выпустила всю пятнадцатизарядную обойму. По ощущениям Гурни, не прошло и четырех секунд.

Затем женщина медленно опустила пистолет, положила его на стол, сняла очки, наушники и аккуратно повесила их на крючок. Снова нажала на кнопку, и мишень проскользнула к столу. Роткер аккуратно сняла ее и обернулась к своим спутникам, спокойно улыбаясь и как будто полностью владея собой.

Она показала мишень Гурни. Центр человеческой фигуры, куда обычно целятся стрелки, остался нетронутым. Вообще вся фигура осталась нетронутой, за исключением одного-единственного места. Посередине лба зияла большая дыра.

Глава 11

Странные последствия

«Миата» с Ким и Гурни ехала через пустеющую деревню Пикок к окружной дороге, ведущей по холмам и долинам в Уолнат-Кроссинг. Было самое начало шестого, небо прояснялось, дождик наконец перестал.

— Меня это представление потрясло куда больше, чем тебя, — заметил Гурни.

Ким оценивающе взглянула на него.

— Из чего вы заключили, что я видела его раньше? Вы правы.

— Так вот почему ты предложила показать мне тир? Чтобы я посмотрел этот спектакль?

— Ага.

— Ну что ж, впечатляет.

— Я хочу все вам показать. По крайней мере, все, что успею.

Оба замолчали. Гурни казалось, что он уже и так видел немало. С трудом верилось, что Конни Кларк позвонила ему только вчера утром. Он прикрыл глаза и попытался мысленно упорядочить мешанину виденных

сцен и слышанных разговоров. Голова шла кругом. Странный это был проект. И странно было, с чего он в нем участвует.

Он проснулся, только когда Ким свернула на гравийную дорогу в гору, к его дому.

— Боже, я и не думал, что засну.

— И хорошо, что заснули, — вид у нее был усталый и серьезный.

На насыпь прямо перед ними выбежали три оленя.

— Вам не случилось сбить оленя? — спросила Ким.

— Случалось.

Что-то в его голосе заставило Ким с удивлением взглянуть на него.

Это произошло полгода назад. Гурни ехал по трассе 10, когда впереди из леса слева выскочила олениха — и перебежала дорогу, к полю. Когда он проезжал это место, прямо ему под колеса выскочил олененок.

Гурни вздрогнул, явственно вспомнив звук удара.

Затормозил. Встал на обочине. Подошел. Скрюченное тельце. Распахнутые мертвые глаза. Олениха на поле. Оглядывается, ждет. Скорбь и ужас переполнили Гурни — он чувствовал их даже теперь.

Ким проехала стоящую на холме грязную ферму с дюжиной грязных коров и полдюжиной ржавых машин.

— У вас хорошие отношения с соседями? — поинтересовалась она.

Гурни то ли хмыкнул, то ли усмехнулся.

— Смотря с кем.

Они проехали еще полмили, и в конце дороги показался красный амбар Гурни на берегу пруда.

— Останови здесь, — сказал Гурни, — я хочу прогуляться по пастбищу. Заодно проснусь и взбодрюсь.

Ким нахмурилась.

— Трава, кажется, мокрая.

— Не страшно. Приду домой, разуюсь.

Она остановила машину у двери амбара, заглушила двигатель, но не убрала руку с ключа зажигания. Вид у нее был беспокойный.

Вместо того чтобы выйти, Гурни сидел и ждал. Чувствовалось, что она хочет что-то сказать.

— А что... — начала она, запнулась, потом начала снова. — А что... что дальше?

Гурни пожал плечами.

— Ты наняла меня на один день. Этот день прошел.

— Есть ли надежда на второй?

— А зачем я нужен?

— Поговорить с Максом Клинтером.

— Зачем?

— Я никак не могу его раскусить. Похоже, он знает что-то о деле Доброго Пастыря. Что-то ужасное. Но я никак не пойму, правда ли знает или сошел с ума и ему чудится. Я подумала, вы же оба детективы: если вы с ним пообщаетесь как коп с копом, он и расколется, особенно если меня там не будет — только вы, с глазу на глаз.

— Где он живет?

— Так вы поедете? И поговорите?

— Я этого не сказал. Я только спросил, где он живет.

— Недалеко от озера Кайюга. Совсем рядом с тем местом, где случилась эта провальная погоня. В том числе поэтому я боюсь, что он малость рехнулся.

— Потому что он хочет там жить?

— Дело в том, почему он хочет там жить. Он говорит, в этом месте они встретились с Добрым Пастырем и в этом же месте карма сведет их вновь.

— И с этим человеком вы мне предлагаете поговорить?

— Чокнутый, правда?

Гурни сказал, что подумает.

— Обещаю, вам с ним будет... интересно.

— Посмотрим. Дам вам знать, что решу. — Он вылез из ее крохотной машинки, посмотрел, как она разворачивается и вновь выезжает на узкую дорогу.

Короткая прогулка через пастбище как нельзя лучше помогла отвлечься от событий дня. На него нахлынули ароматы ранней весны: странноватая сладость влажной земли, воздух, такой свежий, что смог очистить душу — смыть всю копоть, мешающую видеть вещи как они есть.

По крайней мере, так казалось Гурни — пока он не пришел домой, не побыл там минут пять, не зашел в ванную, не умылся и пока Мадлен не спросила, как прошел день.

Он вспомнил, насколько сумел, подробности трех странных встреч, на которые они ходили с Ким, и всех людей, с которыми они встречались: Руди Гетца и девушку на роликах, Ларри Стерна в кардигане, как у мистера Роджерса, Роберту Роткер и ее безумный спектакль со стрельбой. Еще рассказал все, что знал о Максе Клинтере — странном, трагическом герое, чья жизнь по вине Доброго Пастыря изменилась навсегда.

Он сидел за столом у французской двери, а Мадлен стояла у раковины и нарезала овощи на разделочной доске.

— Ким хочет, чтобы я в этом поучаствовал еще один день. А я, черт возьми, не знаю, что делать.

Мадлен надрезала большую красную луковицу.

— Как твоя рука?

— Что?

— Рука. Онемевшее пятно. Как оно?

— Не знаю. Я не... — он осекся и потер предплечье и запястье. — В целом... так же, кажется. А почему ты спросила?

Она повертела в руках луковицу, снимая толстые верхние слои.

— А как бок, не болит?

— Сейчас не болит. А так, то заболит, то перестанет.

— Через каждые десять минут, так, кажется?

— Примерно.

— А сегодня как часто?

— Не соображу.

— Не сообразишь, болел ли бок вообще?

— Не знаю.

Она кивнула, разрешила пополам цукини, положила половинки на доску и начала нарезать небольшими дольками.

Гурни поморгал, уставился на нее, откашлялся:

— Так ты говоришь, стоит наняться к Ким еще на день?

— Разве я это сказала?

— По-моему, сказала.

Повисло долгое молчание. Мадлен нарезала баклажан, желтый кабачок и красный сладкий перец, смешала в большой миске, отнесла на плиту и высыпала в шипящий вок.

— Она интересная девушка.

— В смысле?

— Умная, привлекательная, тонкая, амбициозная, энергичная. Ты не находишь?

— Хм. Ну, она определенно не пустышка.

— Может познакомить их с Кайлом?

— С моим сыном?

— Я не знаю никакого другого Кайла.

— А почему ты подумала?..

— Просто я представила их вместе, вот и все. По характеру они разные, но на одной волне.

Он попытался представить, как могли бы развиваться эти отношения. Но спустя полминуты отказался от этой затеи. Слишком много вариантов,

слишком мало сведений. Он завидовал мощной интуиции Мадлен. Эта интуиция в мгновение ока переносила ее через бездны неизвестности, перед которыми сам Гурни застывал столбом.

Глава 12

Безумие Макса Клинтера

— Прибываем к точке назначения, справа.

Навигатор привел Гурни к перекрестку без указателей: грязный проселок примыкал к мощеной дороге, по которой Гурни только что проехал две мили, не встретив по пути ни одного дома, не дышавшего на ладан.

С одной стороны проселка была открыта железная калитка, с другой стоял сухой дуб со шрамом от молнии на стволе. К стволу был прибит человеческий скелет — или же, подумал Гурни, крайне правдоподобный муляж. На шее у скелета висела рукописная табличка: «последний непрошенный гость».

После всего, что Гурни успел узнать о Максе Клинтере, в том числе из телефонного разговора этим утром, табличка его не удивила.

Гурни свернул на изрытую канавами тропу, тянущуюся наподобие дамбы прямо через большой бобровый пруд. За прудом тропа уходила в заросли кленов, проходила их насквозь и приводила в конце концов к бревенчатой хижине, построенной на клочке суши, окруженной водой. Вокруг в изобилии росли болотные травы.

Хижину окружало своеобразное ограждение: что-то вроде рва в спутанной траве, обнесенного изгородью из мелкой сетки. Тропа вела через этот ров и тоже была обнесена изгородью по обеим сторонам. Пока Гурни рассматривал эту конструкцию и гадал, зачем она нужна, дверь хижины отворилась и на каменный порожек вышел человек, одетый в камуфляж, вопиюще не сочетающийся с сапогами из змеиной кожи. Вид у него был неприветливый.

— Гадюки, — произнес он сурово.

— Простите?

— В осоке. Вы ведь это хотели спросить? — Он говорил со странным акцентом, не сводя пристального взгляда с Гурни. — Гремучие змейки. Маленькие — самые опасные. Вся округа знает. Лучшая защита.

— Думаю, в такой холод они спят и не слишком опасны, — доброжелательно отозвался Гурни. — Вы, должно быть, мистер Клинтер?

— Максимилиан Клинтер. Погода влияет лишь на материальных змей. Мысль о змеях — вот что отпугивает непрошенных гостей. Никакая погода не властна над змеями в их голове. Понимаете, о чем я, мистер Гурни? Я бы вам предложил войти, но я никому этого не предлагаю. Ничего не поделаешь — ПТСР[8]. Если вы войдете в дом, мне придется остаться на улице. Двое — уже толпа. Не продохнуть ни хера. — Он диковато усмехнулся.

Гурни вдруг понял, что говорок Клинтера — это утрированный ирландский акцент, который вдобавок то появляется, то исчезает, как у Марлона Брандо в «Излучинах Миссури».

— Я всегда принимаю гостей на свежем воздухе. Надеюсь, вы не в обиде. Следуйте за мной.

Клинтер провел Гурни вдоль ограждения к выцветшему от солнца столу для пикника позади хижины. Позади стола, прямо около болота, стоял настоящий армейский «хаммер» песочного цвета.

— Вы на этом ездите? — поинтересовался Гурни.

— В особых случаях, — заговорщически подмигнул Клинтер и уселся за стол. Он взял со скамейки пару тренажеров для кистей и принялся их сжимать.

— Располагайтесь, мистер Гурни, и скажите, что вас интересует в деле Доброго Пастыря.

— Я уже говорил вам по телефону. Меня попросили...

— Чуть-чуть помочь одинокой мисс Сердце?

— Мисс Сердце?

— «Корасон» — значит «сердце». Испанский для начинающих. Впрочем, уверен, вы и без меня знаете. Подходящее имечко, правда? Дела сердечные. Превратности любви. Сердце кровью обливается, так страдает жертвам преступления. Но при чем здесь Максимилиан Клинтер?

Последние слова Клинтер произнес уже безо всякого акцента. Он смотрел на Гурни пристальным, неподвижным взглядом.

Надо было срочно решать, как себя вести. Гурни выбрал дерзкую откровенность.

— Ким думает, вы что-то знаете про это дело, знаете и молчите. Она не может вас раскусить. Похоже, вы ее до чертиков напугали. — Гурни мог побиться об заклад, что Клинтер польщен, но не подает виду. Да, пожалуй, «карты на стол» — верная тактика. Кстати, меня очень впечатлил рассказ о вашем спектакле в Буффало. Если хоть половина из этого — правда, то вы прямо талантливы.

Клинтер улыбнулся:

— Медовый мой.

— Что-что?

— Кличка у него такая была в шайке. У Фрэнки Бенно.

— Он красавчик был что ли?

Глаза Клинтера блеснули.

— Не, из-за хобби. Пчеловод он был.

Гурни засмеялся, представив эту картину.

— А вы сами, Макс? Вы что за человек? Я слышал, вы занимаетесь особым оружием?

Клинтер смерил его пристальным взглядом, все сжимая свои тренажеры — словно бы вообще без усилий.

— Коллекционным, деактивированным.

— То есть оно не стреляет.

— Крупное армейское оружие практически все выведено из строя. Еще есть занятные вещицы помельче, вот те стреляют. Но я не продавец. Продавцам нужна федеральная лицензия. Так что я не продавец. Я, как это называет закон, любитель. Иногда продаю что-нибудь из личной коллекции другому любителю. Понимаете?

— Кажется, да. Какое оружие вы продаете?

— Необычное. Я должен чувствовать, что вещь подходит каждому данному индивидууму. Я всем даю это понять. Хотите гребаный «глок» — покупайте в гребаном «Уолмарте». Таково мое кредо, и я его не стыжусь. — Он снова заговорил с ирландским акцентом. — С другой стороны, если вам нужен пулемет «виккерс» времен Второй мировой, а к нему противоздушная тренога, то можно и потолковать, ежели вы любитель навроде меня.

Гурни лениво повернулся на своей скамье и поглядел на бурую воду болота. Затем зевнул, потянулся и улыбнулся Клинтеру.

— Так скажите, вы действительно что-то знаете о деле Доброго Пастыря? Так думает Ким. Или это хитрости, уловки и чушь собачья?

Хозяин вперил в Гурни пристальный взгляд и заговорил далеко не сразу:

— По-вашему, это чушь — что все машины были черные? Это чушь — что двое убитых окончили один и тот же университет в Бруклине? Это чушь — что на деле Доброго Пастыря «РАМ-Ньюс» заработали рейтинг и деньги? А что ФБР окружило его завесой молчания — тоже чушь?

Гурни поднял руки: сдаюсь.

— И о чем же все это говорит?

— О зле, мистер Гурни. В самой сердцевине этого дела лежит невысказанное зло. — Руки Клинтера продолжали терзать тренажеры: сжал-отпустил, сжал-отпустил — так быстро, что это напоминало конвульсии. — Кстати, вы в курсе, что бывают извращенцы, которых видео автокатастроф доводят до оргазма? Вы в курсе?

— Кажется, в девяностые кто-то снял про это фильм. Но вы не думаете, что дело Доброго Пастыря из той же серии... или думаете?

— Я ничего не думаю. Просто у меня есть вопросы. Много вопросов. Не был ли манифест оберткой для какой-то другой бомбы — рождественский подарок в коробке для пасхального? А может, у нашего Клайда была своя Бонни? Может, фигурки из Ноева ковчега дают ключ к разгадке? Нет ли между убитыми тайных связей, которых никто не заметил? Что определило выбор жертв: само их богатство или то, каким путем оно было нажито? Любопытно, не правда ли? — Он подмигнул Гурни. Ясно было, что ответ ему не нужен. Он захлебывался собственным красноречием. — Столько вопросов. А может, там вовсе не пастырь, а пастушка: сама Бонни — полоумная сучка, пышущая злобой на богачей?

Он умолк. В жутковатой тишине остался один лишь звук — поскрипывание его тренажеров.

— У вас будут очень сильные руки, — заметил Гурни.

Клинтер свирепо усмехнулся.

— Во время последней моей встречи с Добрым Пастырем я был чудовищно, позорнейше, трагичнейше не в форме. Больше такого не повторится.

Гурни вдруг представилась финальная сцена «Моби Дика». Вот Ахав сжимает гарпун, вот вонзает его в спину кита. И оба, Ахав и кит, слитые нераздельно, навеки исчезают в морских глубинах.

Глава 13

Серийные убийства

Покинув медвежий угол Клинтера с его змеями, настоящими или вымышленными, заболоченным рвом и скелетом на посту, Гурни уже через несколько миль остановился в разворотном кармане на обочине. Он был недалеко от вершины пологого холма, откуда открывался вид на северный край озера Кайюга, ослепительно синего, одного цвета с небом.

Он достал телефон и набрал номер Джека Хардвика. Затем наговорил на автоответчик:

— Привет, Джек, есть вопросы. Только что говорил с мистером Клинтером. Нужно с тобой посоветоваться кое о чем. Позвони мне. Как можно скорее. Спасибо.

Потом позвонил Ким.

— Дэйв?

— Привет. Я тут недалеко от тебя, пытаюсь кое-что выяснить. Подумал поговорить с Робби Мизом. У тебя же есть его телефон и адрес?

— Зачем... зачем вам с ним говорить?

— А есть возражения?

— Нет. Просто... Не знаю... Хорошо, конечно. Секунду. — Она перезвонила меньше чем через минуту. — У него квартира в Типперари-Хилл, Южный Лоуэлл, тридцать ноль три.

Она продиктовала телефон, Гурни записал.

— Помните, его нужно называть Монтегю, а не Мизом. Но что... что вы собираетесь делать?

— Просто порасспрашиваю, может, узнаю что путное.

— Путное?

— Чем больше я узнаю об этом проекте — точнее, о деле, которому он посвящен, — тем загадочнее все становится. Хочется немного ясности.

— Ясности? Это к нему-то за ясностью?

— Похоже, он актер в нашей маленькой драме, а я даже не знаю, что он вообще за тип. Неуютно, черт возьми.

— Я рассказала вам о нем все, что знаю, — она явна была задета и будто оправдывалась.

— Я в этом не сомневаюсь.

— Тогда зачем?..

— Ким, если ты просишь меня помочь, то предоставь хоть какую-то свободу действий.

Она колебалась.

— Ладно... Наверное... Только осторожнее. Он... странный.

— Юноши с двойными фамилиями часто бывают странными.

Гурни отключил Ким и собирался уже засунуть телефон в карман, но он зазвонил. На экране высветилось имя: Дж. Хардвик.

— Привет, Джек, спасибо, что перезвонил.

— Что ты, Шерлок, я лишь скромный служитель закона. Чего изволит великий сыщик?

— Я точно не знаю... Какие материалы по делу Доброго Пастыря тебе доступны?

— А, понимаю, — протянул он тем самым насмешливым голосом,

который так ненавидел Гурни.

— Что понимаешь?

— Чую, как у Шерлока в отставке зашевелились извилины.

Гурни оставил эту реплику без внимания.

— Так к чему у тебя есть доступ?

Хардвик прочистил горло, будто до самого желудка.

— Первоначальные отчеты о происшествии, документы жертв, дополнительные сведения о жертвах, фотографии голов, после того как их разворотила крупнокалиберная пуля. Тут мне вспоминается колоритный эпизод. Одну из убитых, весьма модную леди-риелторшу, это пушечное ядро из «дезерт-игла» оставило без целых кусков челюсти и черепа. Так вот, парнишка из отдела улик увидел зрелище, которого никогда не забудет. Мочка уха размером с десятицентовик висела на кусте сумаха, а в ней так и осталась большая бриллиантовая сережка. Ты представляешь, спец? Такое не забудешь. — Он помолчал, чтобы Гурни успел вообразить эту картину. — Так вот, у нас есть куча инфы такого рода плюс показания судмедэкспертов, отчеты отдела улик, гора лабораторных исследований, отчеты следственной команды, профиль убийцы от экспертов из отдела анализа поведения, бла-бла-бла — полтонны трепла. К чему-то есть доступ, к чему-то нет. Тебе-то что надо?

— Мне бы все, чем ты можешь поделиться, не нажив серьезных неприятностей.

Хардвик рассмеялся своим наждачным смехом.

— Раз уж связался с ФБР, то неприятности будут. Стадо самовлюбленных маразматиков: все в интересах родного бюро, все под контролем. — Он помолчал. — В общем, посмотрю. Скину тебе пару вещей прямо сейчас и кое-что потом. Проверь почту. — Хардвик всегда был рад помочь, если для этого надо было нарушить правила и наступить кое-кому на больные мозоли.

— Кстати, — сказал Гурни, — я как раз встречался с мистером Клинтером.

Хардвик опять забулькал, на этот раз громче.

— Ну и как тебе Макси? Впечатлил?

— Ты видел его дом?

— Ага. Кости, змеи, «хаммер» и бредятина. Ты про этот дом?

— Похоже, ты не придаешь его болтовне особого значения.

— А ты что, придаешь?

— Я пока не знаю, что о нем думать. Конечно, там есть элемент сумасшествия, но есть и актерство: он явно играет в сумасшедшего. Трудно

понять, где еще игра, а где уже нет. Он что-то говорил про ПТСР. Не знаешь случайно, это не после той пьяной гонки, за которую его уволили?

— Нет. Это еще с первой войны в Персидском заливе. Парень рядом с ним попал под огонь своих с вертушки. Тогда он кое-как собрался, перетерпел. Но очень может быть, именно из-за этого он так и сдал после истории с Добрым Пастырем. Мало ли? Может, он вообразил, что палит по гребаному вертолету.

— А кто-нибудь интересовался его версиями по этому делу?

— Не было у него никаких версий. Были бредовые фантазии, ибо думал он жопой. Слышал когда-нибудь, как говорят сумасшедшие: возьмите число ножек у стула, умножьте на мистическое число семь и получите число дней в лунном месяце. Вот такой фигней был набит Макси, по самые уши.

— То есть ты не думаешь, что у него есть какие-то дельные соображения?

Хардвик задумчиво проворчал:

— Что у Макси точно есть, так это ненависть, навязчивая идея да ум пополам с придурью.

Гурни доводилось встречать такую комбинацию. Верный путь к гибели.

Четверть часа спустя, проехав живописные холмы между озерами Кайюга и Оваско, он свернул рядом с Оберном — заправить машину и подзарядить мозги большим стаканом кофе. Часы на приборной доске показывали пять минут второго.

Получив чек, он отъехал в сторону от колонки, чтобы спокойно выпить кофе и обдумать предстоящий разговор с Мизом-Монтегю.

Тут звякнул телефон. Пришло СМС: проверь почту.

Проверил — письмо от Хардвика. «См. во вложении: отчеты о происшествии (6), предыдущие перемещения, отчеты ППНП^[9], перечень повторяющихся деталей, фотографии трупов перед вскрытием».

Название каждого из файлов с отчетами о происшествии состояло из числа (от одного до шести, по всей видимости, в хронологическом порядке) и фамилии убитого. Гурни открыл документ «1-МЕЛЛАНИ» и начал пролистывать пятьдесят две страницы текста.

Здесь были рапорт полицейского, первым прибывшего на место преступления, планы места преступления, фотографии места преступления, примерная реконструкция событий на основании имеющихся данных, отчет о повреждениях, причиненных автомобилю, отчет об имеющихся уликах, перечень полицейских и отделов полиции,

ответственных за расследование, предварительный отчет судмедэксперта и список лабораторных исследований.

Если остальные пять отчетов были столь же обстоятельны и подробны, как этот, то вместе должно было получиться более трехсот пятидесяти страниц. Для таких подвигов трехдюймовый экран мобильного был явно непригоден.

Гурни вернулся к списку вложений и выбрал файл «Общие детали» — детали, повторяющиеся во всех шести преступлениях. К его радости, там оказался список из 13 пунктов, занимавший всего одну страницу:

1. Все нападения совершены в выходной день, в период с 18 марта по 1 апреля 2000 года.
2. Все нападения совершены вечером, с 21:11 до 23:10.
3. Все нападения совершены в пределах прямоугольника площадью 200 на 50 миль между Центральным Нью-Йорком и Массачусетсом.
4. Все нападения произошли на изгибах дорог влево, при этом дорога хорошо просматривалась.
5. На момент выстрела автомобиль жертвы двигался с умеренной скоростью (46–58 миль в час).
6. В момент убийства движения на дороге мало или нет, свидетелей нет, камер видеонаблюдения нет, коммерческих или жилых построек рядом нет.
7. Нападения совершены на второстепенных дорогах, соединяющих большие магистрали с элитными районами.
8. Автомобили жертв — черные «мерседесы» последних моделей, премиум-класса (от 82 400 до 162 760 \$).
9. Один выстрел в голову водителя, мозг сильно поврежден, практически мгновенная смерть.
10. Расчетная дистанция выстрела: от 6 до 12 футов.
11. Все пули — «экшен-экспресс» калибра.50, такими стреляет только «дезерт-игл».
12. На месте преступления найдены пластмассовые фигурки животных из популярного набора игрушек. В порядке нахождения: лев, жираф, леопард, зебра, обезьяна, слон.
13. 5 из 6 жертв — мужчины.

Почти каждый пункт в списке вызывал у Гурни один-два вопроса. Он закрыл «Общие детали» и открыл «Фото жертв до вскрытия». Он заранее скривился, представив, что придется увидеть. В файле было двенадцать

фотографий, по два снимка каждого из убитых: один прямо на месте преступления, другой — перед вскрытием.

Гурни стиснул зубы и стал листать эти жуткие фотографии. Он вновь вспомнил о своей сомнительной привилегии. Копы и врачи скорой помощи обладают тайным знанием, недоступным девяносто девяти процентам смертных: знанием о том, что может сделать с головой человека пуля крупного калибра с экспансивной полостью. Может превратить ее в чудовищное, нелепое месиво. Превратить череп в расколотый шлем, скальп — в странную шляпу набекрень. Может скривить черты лица в гримасе смеха или удивления. Превратить лицо в комическую маску — тупую или гневную. А то и вовсе снести начисто, оставив лишь мешанину из мозга, глазниц и зубов.

Гурни закрыл файл с фотографиями, вышел из почты и снова взял кофе. Тот уже остыл. Гурни все равно сделал пару глотков, потом отставил стакан и позвонил Хардвику.

— Какого хрена, Шерлок?

— Спасибо за данные. Оперативно.

— Ну да. А щас тебе чего?

— Хотел поблагодарить.

— Хорош брехать. Че надо-то?

— Все, что не было записано.

— Похоже, ты думаешь, я знаю больше, чем на самом деле.

— Я никогда не встречал человека с такой памятью, как у тебя, Джек. Всякое дерьмо просто застревает у тебя в мозгу. Пожалуй, это твой главный талант.

— Иди в жопу.

— На здоровье. Не мог бы ты вкратце рассказать мне о каждом из убитых — например, откуда они ехали в тот день?

— Номер раз, Бруно Меллани. Вместе с женой Кармеллой возвращался с крестин на Лонг-Айленде в свой особняк в Чатеме, Нью-Йорк. Крестины были скорее данью уважения деловым партнерам. Бруно интересовали только деньги и бизнес. Ходили слухи, что он стал, так сказать, причиной радостного события, но то же самое можно было сказать про многих людей из нью-йоркской строительной индустрии, а слухи, похоже, были ему выгодны. Пуля прошла сквозь боковое стекло его «мерседеса», снесла ему треть головы, попала в Кармеллу — та впала в кому. Их сын Пол и дочь Пола, обоим на тот момент ближе к тридцати, как и полагается, скорбели, так что, может, у папаши и правда были какие-то достоинства. Тебе такое нужно или что?

— Все, что придет в голову.

— О'кей. Номер два. Карл Роткер ехал домой, в огороженный поселок около Болтон-Лендинга на западном берегу Лейк-Джорджа. Ехал из Скенектади — у него там гигантский магазин водопроводной арматуры. Как это часто с ним бывало, по пути Карл заехал к бразильянке вдвое моложе его. В машине у него играл Синатра. Мы это знаем, потому что чертова магнитола все еще орала «I did it my way», когда патрульный обнаружил на обочине перевернутую машину — лужа Карловой крови на опрокинутой крыше. Еще надо?

— Давай сколько есть.

— Номер три. Иэн Стерн был весьма преуспевающим стоматологом — владелец, управляющий и главный промоутер крайне прибыльной клиники, больше десятка врачей на Манхэттене, в Верхнем Ист-Сайде. Ортодонтия, косметическое протезирование, челюстно-лицевая и пластическая хирургия — в общем, фабрика безупречных улыбок и безупречных скул для тех, у кого есть деньги, но не хватает красоты. Сам доктор, высушенный человек, был похож на умную ящерицу. Крутил красивый роман с молодой русской пианисткой из Джульярда[10]. Ходили слухи, что поженятся. С ним вышло забавно: когда пуля раздробила Иэну кору мозга и большой черный «мерседес» S-класса канул в ближайшую речку, первое, что удалось разглядеть полицейскому, — освещенный включившимися от удара фарами номерной знак: ваша улыбка. Ну что, хватит?

— Отнюдь, Джек. Ты прирожденный рассказчик.

— Номер четыре. Шэрон Стоун, весьма успешная брокерша по недвижимости с шикарным имечком, ехала домой в шикарный поселок Баркхем-Делл, перед этим у них с влиятельными друзьями из правительства штата была вечеринка. Жила в роскошнейшем старом доме в колониальном стиле с двадцатисемилетним сыном-геем и брутальным садовником, который, по слухам, спал и с матерью, и с сынком. Это у миссис Стоун отлетела мочка с сережкой, о которой я тебе рассказывал.

Хардвик замолчал, как будто ожидая, как Гурни ужаснется.

— Дальше, — сказал Гурни.

— Пятым был Джеймс Брюстер, известный кардиохирург. Его врачебное искусство, блестящая репутация и трудоголизм принесли ему богатство, разрушили два его брака и превратили его сына в угрюмого отшельника, живущего в доме без электричества, годами не разговаривающего с отцом и, кажется, довольного его смертью. В ту ночь он ехал на своем «мерседесе-АМГ» из Медицинского центра Олбани домой. Проезжая на круиз-контроле мимо покато-богатых холмов за

Уильямстауном, он надиктовывал ответ на приглашение выступить с пленарным докладом на встрече кардиохирургов в Аспене. Осколки записывающего устройства вперемешку с мозгами нашли на пассажирском сиденье. Тот факт, что убийство произошло в Массачусетсе, в паре миль от границы, наконец привлек к делу циркачей из ФБР.

— В БКР этому не особо обрадовались?

Хардвик зашелся смехом туберкулезника.

— И тут мы подходим к блистательному финалу. Номер шесть. Гарольд Блум, эсквайр, далеко не первоклассный юрист пятидесяти пяти лет, уже не надеялся взобраться выше по карьерной лестнице. Гарольд был из тех людей, кто сильнее всего старается произвести впечатление, будто их бурная деятельность окупается. По словам его жены Рути — а ей было что рассказать, — Гарольд был прирожденным потребителем: он всегда жил не по средствам, словно надеялся, что купленные вещи его изменят, по крайней мере привлекут богатых клиентов. Рути, кажется, была от него без ума. В тот вечер он возвращался из офиса в Хорсхеде в свой дом на озере Кайюга, на блестящем новеньком седане, кредит за который, по словам жены, висел над ним как дамоклов меч. Насколько удалось реконструировать, Добрый Пастырь, по своему обыкновению, подъехал к нему слева и выстрелил. Похоже, зрительный центр в мозгу Гарольду разнесло прежде, чем он заметил вспышку выстрела.

— И здесь на сцену выходит Макс Клинтер?

— Выезжает, скрежеща шинами. Макси явственно слышит выстрел, убивший Блума. Он выглядывает из окна своего припаркованного автомобиля и видит: машина Блума отлетает на обочину, фары другой машины, уносящейся прочь, мелькают вдали. Ну, он запускает двигатель своего «камаро-эс-эс» (триста двадцать лошадок), выкатывает из-за куста рододендрона на трассу и на всех парах пускается в погоню за ускользящими фарами. Трудность лишь в том, что он не один и далеко не трезв. Хотя он женат и у него трое детей, рядом с ним девушка двадцати одного года от роду, которую он за час до того встретил в баре колледжа Итаки и с которой только что, сдуру и по пьяни, трахался за тем самым кустом. Макси жмет педаль в пол, «камаро» несется на скорости сто десять миль в час, но у него нет ни плана, ни мобильного, ни одной здоровой мысли. Только слепая, звериная, инстинктивная жажда преследования. Девка ревет. Он велит ей заткнуться. Машина впереди вот-вот скроется. У Макси уже ум за разум заходит — алкоголь, амбиции, адреналин. Он вытаскивает из-под куртки «глок» сорокового, открывает окно, палит по той машине. Ну это уже клиника. Ведь огромный риск. И противозаконно.

Девушка верещит. Макси побежден, его «камаро» заносит.

— Ты как будто сидел там на заднем сиденье.

— Он многим рассказал об этой погоне. О ней потом много говорили.

Адская история.

— Адский конец карьеры, ты хотел сказать.

— Это так вышло, что конец. Но если б Макси повезло и один из выстрелов все ж таки уложил бы этого Пастыря, да при этом не пострадали бы посторонние или хотя бы пострадали не так серьезно, если б он не выпил втрое выше нормы... может, тогда это безумие — что он за восемь секунд выпустил пятнадцать патронов, целясь на полном ходу в смутно различимую машину на темной дороге, и неизвестно ведь точно, кто в той машине, что он несся с такой смертоносной скоростью, — так вот, может, все это безумие обозвали бы как-нибудь обтекаемо и дипломатично, чтобы его отмазать. Но что вышло, то вышло. А вышла полная жопа. «Камаро» вылетел на встречу на слепом подъеме, из-за вершины холма выскочил мотоциклист и не успел отрулить. Байк всмятку, чувака отшвырнуло в сторону. Машину Макса развернуло на сто восемьдесят градусов на скорости девяносто миль в час, понесло задом на обочину и через отбойник впечатало в выступ скалы. От удара Макси сломал позвоночник в двух местах, девушка сломала шею и обе руки, а осколки ветрового стекла поранили им лица. Пастырь ушел. А вот Макси не ушел. Этот вечер стоил ему карьеры, семьи, дома, отношений с детьми, репутации и, по словам некоторых, умственного и душевного равновесия. Но это уже другая история.

— Вот это у тебя память, Джек. Твой мозг бы отдать для исследования.

— Вопрос в том, что ты намерен со всем этим делать.

— Не знаю.

— То есть ты просто хотел потратить мое время?

— Не совсем. У меня какое-то странное чувство.

— В связи с чем?

— В связи со всем этим делом Доброго Пастыря. Я чувствую, что тут чего-то не хватает. С одной стороны, все просто. Убивай богатых, спасай мир. Мания исключительной миссии. С другой стороны...

— Что с другой стороны?..

— Не знаю. Что-то не так. А что — пока не пойму.

— Дэйви, малыш, ты меня поражаешь. Честное слово, поражаешь, — съязвил Хардвик.

— Почему, Джек?

— Ты, конечно, в курсе, что «все это дело Доброго Пастыря»

истрепали в хвост и в гриву, изучили вдоль и поперек лучшие умы. Черт, даже твоя маленькая психологиня внесла свою лепту.

— Что?

— А ты не знал?

— О ком ты говоришь?

— Черт, вот теперь я сражен наповал. Сколько у тебя их, сексипсихологинь со степенью?

— Джек, я не пойму, что за хрень ты несешь.

— Доктор Холденфилд обиделась бы, если б услышала.

— Ребекка Холденфилд? Ты совсем спятил? — Гурни понимал, что слишком горячится. Нет, он ничего себе не позволял, но когда они вместе распутывали два дела, он и в самом деле обращал внимание на бесспорную красоту судебного психолога — пожалуй, чуть больше, чем следовало.

Еще он понимал, что Хардвик и хотел вывести его из себя. У того был исключительный дар находить больные мозоли и настоящая страсть на них наступать.

— Ее работа упомянута в сноске к профилю Доброго Пастыря, составленному в ФБР, — сказал Хардвик.

— У тебя есть этот профиль?

— И да, и нет.

— То есть?

— Нет, потому что этот документ ФБР объявило секретным и распространяет только среди узкого круга лиц, к коим я не принадлежу. Так что официального допуска к профилю у меня нет.

— А разве он не был опубликован в крупных изданиях вскоре после шестого убийства?

— В газетах была краткая выжимка, не сам профиль. Большие братья из ФБР смотрят, как бы кто не вкусил без спроса их профессиональной премудрости. Ощущают себя Вершителями судеб, с большой буквы В.

— Но, может быть, как-то все же можно?..

— Все как-нибудь да можно. Если есть время. И желание. Это, кажется, такой закон логики?

Гурни знал Хардвика достаточно, чтобы понять, как надо действовать.

— Не хотелось бы, чтобы из-за меня у тебя были неприятности с Федерацией болванов-расследователей.

Повисло многозначительное молчание, и в этом молчании зрели возможности. Наконец Хардвик заговорил:

— Ну, Дэйви, малыш, могу ли я чем-то тебе помочь?

— Разумеется, Джек. Засунь этого «малыша» себе в жопу.

Хардвик зашелся долгим, хриплым смехом. Как тигр с бронхитом. Он был осенен особой благодатью: любил получать оскорбления не меньше, чем оскорблять сам.

Видимо, так он представлял себе здоровые отношения.

Глава 14

Странный визит к взволнованному человеку

Поговорив с Хардвиком, Гурни допил остывший кофе, вбил в навигатор адрес Робби Миза, который дала ему Ким, вырулил на окружную дорогу и поехал в Сиракьюс. По пути он размышлял, как лучше себя вести с этим молодым человеком, какую роль разыграть. В конце концов, решил выдать часть правды о себе и о цели своего визита. А потом уже посмотреть, как пойдет разговор, и действовать по обстоятельствам.

С запада город, насколько было видно из машины, выглядел уныло. Он был, как шрамами, испещрен промышленными зданиями — дохлыми или подышающими, большей частью уродливыми. Они перемежались с жилыми домами: зонирования как такового не было, то, что было, напоминало в лучшем случае лоскутное одеяло. Навигатор сказал Гурни свернуть с шоссе, и теперь он ехал через скопление маленьких, неопрятных домов, похоже, давно утративших цвет, жизнь, какую-то индивидуальность. Эти места напомнили Гурни район его детства — вечно настороженный, мещанский, полный невежества, расизма и провинциального чванства. Такой ограниченный — во всех смыслах этого слова, — такой безрадостный.

Навигатор в очередной раз подсказал дорогу, и Гурни вернулся мыслями к нынешнему делу. Он свернул налево, проехал один квартал, пересек большую улицу, проехал еще квартал и оказался в другом районе — здесь было зеленее, дома выше, газоны аккуратнее, тротуары чище. Некоторые дома сдавались в аренду частями, но и они выглядели опрятно.

Он проезжал мимо большого разноцветного дома в викторианском стиле, когда GPS объявил: «Прибываем к точке назначения». Он проехал еще сто ярдов, развернулся и припарковался на другой стороне — так, чтобы видеть крыльцо и входную дверь.

Он уже собирался выйти из машины, когда ему пришла эсэмэска. Он открыл ее. Писала Ким: «Проект запущен!!! Надо поговорить. срочно!!! Пожалуйста!!!»

Гурни решил, что «срочно» — понятие растяжимое, по крайней мере,

можно поговорить после встречи с Мизом. Он вышел из машины и направился к дому в викторианском стиле.

Парадная дверь на широком крыльце вела в выложенную плиткой прихожую, в которой обнаружили еще две двери. На стене между ними располагались два почтовых ящика. Ящик справа был подписан: «Р. Монтегю». Гурни постучал, подождал, постучал громче. Никто не ответил. Он достал телефон, отыскал номер Миза и позвонил, приложив при этом ухо к двери, не зазвонит ли там телефон. Но звонка слышно не было. Когда сказали «абонент не отвечает», Гурни сбросил вызов и вернулся в машину.

Он откинул сиденье и позволил себе расслабиться. Следующий час он провел за перелистыванием длинных отчетов о происшествии и приложений, описывающих перемещения жертв перед убийством. Он присматривался к деталям, машинально выискивая что-нибудь из ряда вон выходящее, что-нибудь, что следователи проглядели в этом потоке информации.

Но ничего не нашел. Никаких подозрительных связей между убитыми, никаких подозрительных совпадений — кроме того, что все жертвы имели высокий уровень дохода, ездили на черных «мерседесах» и владели недвижимостью внутри прямоугольника 50 на 200 миль. Да и вообще об убитых было известно немного: информация о работе, семье и перемещениях непосредственно перед убийством. Оно и понятно: по всей видимости, критерием выбора жертвы была марка машины. Если убийца выбирал «мерседесы», какая ему разница, кто за рулем и где он учился?

А что я вообще думал найти? Что в этом деле такого, отчего у меня так зудит?

А еще Гурни хотелось пить. Он вспомнил, что немного позади на главной улице видел магазин. Запер машину и пошел пешком. Магазин оказался пустой обшарпанной лавчонкой с пыльными полками, грабительскими ценами, неприятным запахом и без покупателей. Холодильник с напитками пованивал прокисшим молоком, хотя молока в нем не было. Гурни взял бутылку воды, расплатился со скучающей кассиршей и поспешил убраться из этого места.

Когда он уже сидел в машине и открывал воду, опять пришла эсэмэска: «проверь почту. профиль дп. см. ссылку на прекрасную бекку».

Он отыскал письмо, открыл вложение и стал неспешно читать:

Федеральное бюро расследований
Группа оперативного реагирования
на чрезвычайные ситуации

Национальный центр анализа
насильственных преступлений
2-й отдел анализа поведения.

ДОСТУП: СЕКРЕТНО, НЦАНП, КОД Б-7.

Тип криминологического исследования:

профиль преступника.

Дата: 25 апреля 2000 г.

Субъект: неизвестен.

Псевдоним: «Добрый Пастырь».

Данное заключение основано на анализе психологического портрета преступника, основанном на индуктивном и дедуктивном подходе, а также на фактологическом, вещественном, историческом, лингвистическом и психологическом анализе составленной преступником «Декларации о намерениях», исследовании улик, найденных на месте преступления, фотографических документов, выбора места, времени и способа осуществления, а также критериев выбора жертвы.

ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ НЕИЗВЕСТНОГО ПРЕСТУПНИКА

ХАРАКТЕРИСТИКА

Неизвестный — белый мужчина в возрасте примерно от 25 до 40 лет, выпускник университета, возможно, продолжал образование в докторантуре, весьма умен. Когнитивные способности превосходные.

Неизвестный — интроверт, он вежлив, в общении ведет себя официально, с людьми поддерживает скорее формальные контакты. В межличностных отношениях стремится к контролю, к близости мало способен. Не склонен к публичному проявлению эмоций. Страдает навязчивым перфекционизмом, близких друзей не имеет.

Хорошая координация, развитые рефлексy. Возможно, регулярно тренируется. Знакомые, вероятно, считают его необщительным и педантичным. Умело обращается с огнестрельным оружием: возможно, коллекционер или спортсмен-стрелок.

Богатый словарный запас, точный выбор слов. Безупречные синтаксис и пунктуация. Стил ь не обнаруживает этнических или региональных черт. Это может быть следствием космополитического образования и богатства культурных контактов, но возможно, однако, что это попытка уничтожить любые свидетельства и любую память о своем происхождении.

Заслуживают упоминания библейские интонации и образность в обличении алчности, выбор псевдонима «Добрый Пастырь» и оставление на месте преступления фигурок из «Ноева ковчега». Обращение к религиозному контексту, в котором белый (свет) символизирует добро, а черный (тьма) — зло, может объяснить выбор черных автомобилей, тем самым подчеркивается, что богатство — зло.

Преступления тщательно спланированы и подготовлены. Выбор места преступления хорошо продуман — все убийства произошли на дорогах, соединяющих большие магистрали и элитные районы (жители которых — его потенциальные жертвы). Выбранные участки дорог не освещены, малолюдны, без пропускных пунктов и камер.

Все нападения совершены на левых поворотах. Все автомобили жертв после выстрела съезжали с дороги через правую обочину. Очевидная причина этого — неспособность водителя управлять машиной, как следствие — ослабление поворота руля влево, как следствие — руль возвращался в прямое положение, машина не вписывалась в поворот и продолжала движение правее. В итоге неуправляемый автомобиль жертвы естественным образом отъезжал от автомобиля убийцы (который в момент выстрела находился на левой полосе дороги), риск столкновения при этом минимален. Точность в расчете времени и места позволяют поставить неизвестного в один ряд с самыми предусмотрительными из известных преступников.

ПЕРВЫЙ УРОВЕНЬ МОТИВАЦИИ. Сам неизвестный указывает в качестве мотива своих поступков борьбу против несправедливого распределения доходов в обществе. Он утверждает, что основная причина этого неравенства — порок алчности, искоренить который можно, лишь искоренив алчных. Он также отождествляет алчность с обладанием роскошным автомобилем, в качестве эталона которого выступает «мерседес» — это его критерий выбора жертвы.

ВТОРОЙ УРОВЕНЬ МОТИВАЦИИ. К делу Доброго Пастыря применима классическая психоаналитическая модель: неосознанная эдипальная ярость против властного и жестокого отца. На всем протяжении своей «Декларации о намерениях» неизвестный многократно клеймит алчность, богатство и власть. Уместность психоаналитической интерпретации подтверждается и выбором в качестве оружия пистолета максимального калибра, что, несомненно, имеет фаллические коннотации и недвусмысленно указывает на вышеназванную патологию.

ПРИМЕЧАНИЕ. Против гипотезы о ненависти к отцу может быть выдвинут аргумент, что в числе убитых была одна женщина. Однако следует отметить, что Шэрон Стоун была исключительно высокого для женщины роста, носила короткую стрижку и была в тот день одета в черную кожаную куртку. Ночью за стеклом автомобиля, когда светится лишь приборная доска, Стоун могла быть принята за мужчину. Возможно также, что единственным критерием для убийцы служила марка автомобиля, а пол жертвы не имел значения.

Завершал документ список журнальных статей по судебной лингвистике, психометрии и психопатологии. За ним следовал список профессиональной литературы авторитетных авторов, докторов наук: «Сублимация ярости», «Подавленная сексуальность и насилие», «Семейная система и общественные отношения», «Патологии, вызванные жестоким обращением», «Преступления против общества: связь с ранней травмой» и, наконец, «Серийное убийство как миссия» — доктор психологии Ребекка Холденфилд.

Посмотрев какое-то время на это знакомое имя, Гурни промотал документ назад и еще раз перечитал, стараясь быть непредвзятым. Это оказалось нелегко. Мягко говоря, ненаучные выводы наукообразнейшим языком, непрошибаемое академическое самодовольство — все это вызывало желание спорить, как, впрочем, и все профили преступников, которые он читал до этого.

За двадцать с лишним лет работы он убедился, что иногда психологические портреты невероятно точны, иногда — чудовищно неточны, но чаще — смесь того и другого. Пока не распутаешь дело, все равно не узнаешь, какой тебе попался, а если не распутаешь, значит, не узнаешь никогда.

Сама по себе ненадежность профилей не слишком его раздражала.

Раздражало то, что люди, которые их составляли и ими пользовались, в упор не видели их ненадежности.

Странно, подумал он, почему же этот профиль он так спешил прочесть, почему не мог подождать, раз он вообще так не доверяет этому делу. Может, он просто в боевом настроении? Захотелось пободаться?

Он покачал головой, досадуя на самого себя. Сколько еще бессмысленных вопросов он будет себе задавать? Сколько ангелов поместится на кончике иглы?

Он откинулся на сиденье и закрыл глаза.

Гурни вздрогнул и открыл глаза.

Часы на приборной доске показывали без пяти шесть. Он посмотрел на дом Миза. Солнце опустилось к горизонту, и дом теперь накрыла длинная тень гигантского клена.

Гурни вылез из машины и прошел к дому ярдов сто — около того. Подошел к двери Миза, прислушался. Внутри играла музыка, какое-то техно. Он постучал. Ответа не было. Опять постучал, опять не последовало ответа. Он достал телефон, поставил «скрытый номер» и набрал номер Миза. К своему удивлению, после второго гудка трубку взяли.

— Алло, это Роберт, — произнес лощеный актерский голос.

— Здравствуйте, Роберт. Это Дэйв.

— Дэйв?

— Нам надо поговорить.

— Простите, а мы знакомы? — в голосе почувствовалось напряжение.

— Сложно сказать, Роберт. Может, знакомы, а может, и нет. Почему бы не открыть дверь и не проверить самому?

— Простите?

— Дверь откройте, Роберт. Я стою под дверью. Жду вас.

— Не понимаю, кто вы такой? Откуда мы знакомы?

— У нас есть общие друзья. Но вам не кажется, что глупо разговаривать по телефону, когда я уже здесь?

— Секунду, — голос звучал растерянно, тревожно. Связь прервалась. Музыка смолкла. Минуту спустя дверь осторожно приоткрылась, меньше чем наполовину.

— Что вы хотели? — молодой человек отчасти спрятался за дверь, используя ее как щит, а может, подумал Гурни, скрывая что-то в левой руке.

Он был примерно одного роста с Гурни, чуть меньше шести футов. Он был строен, с тонкими чертами лица, взъерошенными темными волосами и ошеломляюще синими глазами кинозвезды. Одно лишь портило идеальный образ: кислый изгиб рта, намек на что-то гадкое, злобное.

— Добрый день, мистер Монтегю. Меня зовут Дэйв Гурни.

Веки юноши чуть заметно дрогнули.

— Вам знакомо мое имя? — поинтересовался Гурни.

— А что, должно быть знакомо?

— По вам кажется, будто вы его узнали.

Дрожь не утихала.

— Что вам надо?

Гурни выбрал надежную стратегию — ту, которую применял, когда был не уверен, сколько собеседник о нем знает. Стратегия состояла в том, чтобы не отступать от фактов, но играть с тоном. Манипулировать через подтекст.

— Что мне надо? Хороший вопрос, Роберт. Он расплылся в бессмысленной улыбке и продолжил со вселенской усталостью человека, изнуренного артритом. — Зависит от ситуации. Прежде всего, мне нужен совет. Видите ли, мне предложили одну работу, и я пытаюсь понять, братья ли за нее, а если братья, то на каких условиях. Вы не знакомы с женщиной по имени Конни Кларк?

— Не уверен. А что?

— Не уверены? То есть, возможно, знакомы, но не точно? Я не совсем понял.

— Имя слышал, вот и все.

— А, ясненько. А если я скажу, что у нее есть дочь по имени Ким Коразон?

Его собеседник сморгнул.

— Кто вы такой? И какого черта вы тут делаете?

— Нельзя ли войти, мистер Монтегю? Это дело личное, на пороге не поговоришь.

— Нет, нельзя. — Он перенес вес с ноги на ногу, по-прежнему пряча левую руку за дверь. — Пожалуйста, к делу.

Гурни вздохнул, с несколько отрешенным видом почесал плечо и вперил пристальный взгляд в Робби Миза.

— Дело в том, что меня попросили отвечать за личную безопасность мисс Коразон, и я пытаюсь понять, сколько просить.

— Сколько... что? Я не... то есть... я... что?

— Видите ли, я хочу по-честному. Если мне не нужно ничего особо делать: просто быть рядом, не зевать, отслеживать, что происходит вокруг, — это одна сумма. Но если ситуация требует от меня, так сказать, упреждающих действий — цена будет совсем другой. Понимаете, в чем вопрос, Бобби?

Веки юноши, казалось, задрожали сильнее.

— Вы что, мне угрожаете?

— Я угрожаю? Зачем бы это? Угрожать — это противозаконно. А я как полицейский в отставке, питаю глубокое уважение к закону. У меня лучшие друзья — офицеры полиции. Некоторые прямо здесь, в Сиракьюсе. Джимми Шифф, например. Возможно, вы знакомы. В общем, прежде чем взяться за работу, я всегда обдумываю, сколько денег брать. Это понятно, да? Тогда позвольте спросить еще раз. Не знаете ли вы каких-нибудь обстоятельств, которые заставили бы меня взять с мисс Коразон плату сверх обычной?

Во взгляде Миза читалась неуверенность.

— Какого черта я должен знать о ее проблемах с безопасностью? Мнечто какое дело?

— Вы правы, Бобби. Вы с виду такой приятный молодой человек, очень симпатичный молодой человек, никому не доставляете неприятностей. Ведь так?

— Неприятности — это не ко мне.

Гурни неторопливо кивнул, подождал, чувствуя, что ветер переменялся.

Миз закусил нижнюю губу.

— У нас были прекрасные отношения. Я не хотел, чтобы все так кончилось. Эти тупые обвинения. Выдумки. Ложь. Клевета. Эти гребаные жалобы в полицию. Теперь вот вы. Я даже не понимаю, зачем вы пришли.

— Я сказал вам, зачем пришел.

— Да, но какой в этом смысл? Зачем меня-то доставать? Сходили бы лучше к подонкам, которых она себе понаходила. Раз она боится за свою безопасность, так начните с них.

— Что это за подонки?

Миз засмеялся. Это был дикий, гулкий смех. Совершенно театральный.

— А вы не знали, что ее трахает ее профессор, этот так называемый научный руководитель? Да она дает каждому, кто может помочь ей в ее гребаной карьере. А что ее трахает Руди Гетц, поганейший подонки в этом сучьем мире? Вы не знали, что она совсем с катушек слетела? Не знали? — Миз явно оседлал эмоционального конька, и тот понес.

Гурни решил не мешать ему и посмотреть, чем кончится дело.

— Нет, я ничего такого не знал. Но я признателен вам за информацию, Роберт. Я не осознавал, что она сумасшедшая. Это обстоятельство, конечно, скажется на оплате, и серьезно. Обеспечивать безопасность сумасшедшей

— тот еще геморрой. Так вы говорите, что она совсем сумасшедшая?

Миз покачал головой.

— Сами увидите. Я ничего больше говорить не буду. Сами увидите. Знаете, где я был сегодня? У своего адвоката. Мы подадим иск против этой сучки. Мой вам совет: держитесь от нее подальше. Как можно дальше. — И он захлопнул дверь.

Тут же щелкнули два замка.

Может быть, это и спектакль, подумал Гурни, но спектакль чертовски занятный.

Глава 15

Тучи сгущаются

Пока Гурни, следуя подсказкам навигатора, ехал обратно к федеральной трассе, по озеру Онондага расплывалось мутное отражение заката цвета фуксии. А ведь на другом водоеме это могло быть красивое зрелище. Впрочем, порождения нашего подсознания во многом определяют, как именно наш мозг обрабатывает оптическую информацию. Гурни видел не отражение заката, а химическое пламя преисподней, рдеющее на пятидесятифутовой глубине, на дне отравленного озера.

Гурни знал, что правительство и экологические организации пытаются бороться с загрязнением озера. Но пока что их благие намерения не улучшили впечатления от этого места. Станным образом даже ухудшили. Так человек, выходящий со встречи анонимных алкоголиков, кажется большим пьяницей, чем если бы он выходил из бара.

Через несколько минут после того, как Гурни свернул на I-81, ему позвонили. Высветился домашний номер. Гурни посмотрел на часы: без двух семь. Мадлен вернулась из клиники по меньшей мере сорок минут назад. Он почувствовал себя слегка виноватым.

— Привет, прости, что не позвонил сам, — поспешил сказать он.

— Ты где? — в голосе ее слышалось скорее беспокойство, чем раздражение.

— Между Сиракьюсом и Бингемтоном. Буду в начале девятого.

— Ты так долго был у этого Клинтера?

— Сначала у него, потом говорил по телефону с Джеком Хардвиком, читал в машине документы, которые Хардвик мне переслал, общался с бывшим парнем Ким Коразон и так далее.

— С преследователем?

— Я пока не уверен, что он преследователь. К слову, я и про Клинтера не понял, кто он такой.

— Судя по тому, что ты рассказывал вчера вечером, он, кажется, совсем не в себе.

— Ну да, может быть. Но опять же...

— Ты лучше обрати внимание на...

У Гурни на какое-то время перестал ловить мобильный. Связь прервалась. Он решил дождаться, пока Мадлен перезвонит, и поставил телефон в подстаканник. Не прошло и минуты, как раздался звонок.

— Последнее, что я расслышал, — начал он, — ты сказала на что-то обратить внимание.

— Алло?

— Я тут. Связь прервалась.

— Простите, что вы сказали? — голос был женский, но это была не Мадлен.

— Ой, виноват, я перепутал.

— Дэйв? Это Ким. Вы сейчас заняты, да?

— Нет, все в порядке. Кстати, прости, что не перезвонил. Что стряслось?

— Вы получили мое сообщение? Что РАМ выпускает первую передачу?

— Что-то такое получил. Проект запущен, так ты, кажется, написала.

— Первое шоу выйдет в это воскресенье. Я даже не думала, что будет так быстро. Они пустили в ход мой сырой материал, интервью Рут Блум, как и говорил Руди Гетц. И они хотят, чтобы я поскорее записала как можно больше других интервью. Передачи будут выходить каждое воскресенье.

— То есть все как ты хотела?

— Определенно.

— Но?

— Тут нет никаких «но». Все просто отлично.

— Но?

— Но... у меня дома... одна идиотская неполадка.

— Какая?

— Свет. Опять вырубился.

— Вырубился свет у тебя в квартире?

— Да. Я вам рассказывала, что однажды мне слегка открутили все лампочки?

— Снова открутили?

— Нет. Я проверила светильник в гостиной, лампочка прикручена. Так что, наверное, это пробки. Но я не могу заставить себя спуститься в подвал и проверить рубильник.

— Ты кого-нибудь вызвала?

— Они сказали, это не чрезвычайная ситуация.

— Кто они?

— Полицейские. Сказали, может быть, попросят кого-то зайти попозже. Но я бы не стала на это рассчитывать. Пробки — это не в полицию, так и сказали. Позвоните хозяину, или в техобслуживание, или электрику, или дружественному соседу — в общем, кому угодно, кроме них.

— А ты позвонила?

— Домовладельцу? Разумеется. Попала на автоответчик. Бог знает, проверяет ли он его и как часто. Человеку из техобслуживания? Разумеется. Он уехал в Кортланд, делает какие-то работы в другом доме того же хозяина. Говорит, ехать в Сиракьюс, чтобы включить рубильник, — это просто смешно. Не поедет, и все. Позвонила электрику, но он хочет не меньше 150 долларов за вызов. А дружественных соседей у меня нет. — Она помолчала. — Ну вот... такая вот тупая проблема. Посоветуете что-нибудь?

— Ты сейчас дома?

— Нет. Я вышла, сейчас в машине. Темнеет, я не хочу сидеть одна без света. Я все думаю, что там в подвале.

— А может, все-таки поехать домой и пожить у мамы, пока дела не уладятся?

— Нет! — она опять разозлилась, как и в прошлый раз, когда он поднимал этот вопрос. — Мой дом не там, мой дом теперь здесь. Я не маленькая девочка, чтобы бежать к мамочке, как только меня решили разыграть.

Но говорила она, подумал Гурни, именно как испуганная маленькая девочка. Маленькая девочка, которая старается вести себя как взрослая. Гурни переполнило щемящее чувство беспокойства и ответственности.

— Хорошо, — сказал он, в последнюю секунду резко перестраиваясь на правую полосу к съезду с трассы. — Никуда не уезжай. Я буду минут через двадцать.

Проехав большую часть пути со скоростью восемьдесят миль в час, он через девятнадцать минут подъехал к невзрачному дому Ким Коразон и припарковался напротив. Совсем стемнело, и Гурни с трудом узнал место,

которое видел два дня назад. Он достал из бардачка тяжелый черный металлический фонарь.

Когда он переходил улицу, Ким вышла из машины. Вид у нее был тревожный и растерянный.

— Так глупо. — Она скрестила руки на груди, как будто пыталась сдержать дрожь.

— Почему же?

— Ну что я, выходит, боюсь темноты. В своей собственной квартире. Это так гадко, заставляя вас приезжать.

— Приехать я решил сам. Не хочешь подождать здесь, пока я схожу посмотрю?

— Нет! Я ж не совсем маленькая. Я пойду с вами.

Гурни вспомнил, что у них уже был подобный разговор, и почел за лучшее не спорить.

Обе двери — и общая, и дверь в квартиру Ким — были не заперты. Они вошли в дом, Гурни шел впереди, освещая путь фонариком. В прихожей он пощелкал выключатели на стене — не работают. Затем остановился на пороге гостиной и обвел ее фонариком. Прodelал то же самое с ванной и спальней, затем, наконец, направился к последней двери — в кухню.

Медленно обведя фонариком все помещение, он поинтересовался?

— А ты осматривала квартиру, прежде чем вернуться в машину?

— Совсем наспех. В кухню вообще едва заглянула. И уж точно не подходила к двери в подвал. Я знаю, что выключатель верхнего света не работал. Больше я ничего не заметила — разве что на микроволновке не горел дисплей. Это значит вышибло пробки, да?

— Я бы тоже так подумал.

Он вошел в кухню, Ким неотступно следовала за ним в полумраке, касаясь рукой его спины. Свет фонарика тускло отражался от стен и бытовой техники. Затем Гурни услышал странный звук: что-то тихонько капало. Остановился, прислушался. Через несколько секунд понял, что это немножко подтекает кран над металлической раковиной.

Он медленно двинулся вперед к дальнему коридору, ведущему из кухни к лестнице в подвал и задней двери. Ким теперь крепко ухватила его за плечо. Наконец они добрались до коридора, и Гурни увидел, что дверь в подвал закрыта. Задняя дверь в конце коридора, казалось, была заперта: ручка с замком на месте. Капанье воды в кухне позади него казалось громче в замкнутом пространстве.

Когда он подошел к двери в подвал и уже собирался ее открыть,

пальцы Ким вцепились в его руку мертвой хваткой.

— Спокойно, — тихо сказал он.

— Простите, — хватка ослабла, но не до конца.

Он открыл дверь, осветил фонариком на ступеньки, прислушался.

Кап... кап...

Больше ничего.

Он обернулся к Ким.

— Пойди тут, у двери.

Она казалась страшно напуганной.

Он соображал, что бы такое сказать — что-то будничное, отвлекающее, — чтобы ее успокоить.

— А у вас на щитке есть главный выключатель или только свой выключатель для каждой квартиры?

— Что?

— Просто спрашиваю, как устроен щиток.

— Как? Не знаю. Это плохо, да?

— Да нет, что ты. Если мне понадобится отвертка, я позову, хорошо? — Он знал, что все эти детали не важны, что она только запутается, но лучше уж путаница, чем паника.

Он стал осторожно спускаться по ступенькам, шаря фонариком по сторонам.

Вроде бы абсолютно тихо.

Только он подумал о том, что этой хлипкой лестнице не помешали бы перила, и только ступил на третью ступеньку снизу, как вдруг раздался громкий треск, ступенька обвалилась — и Гурни полетел вниз.

Все это заняло не более секунды.

Правая нога провалилась в дыру под сломанной ступенькой, корпус рухнул вперед, он инстинктивно поднял руки, защищая лицо и голову.

Он шлепнулся на бетонный пол. Фонарик разбился и погас. Правую руку пронзила острая боль — как электрошок.

Ким закричала. Забилась в истерике. Начала расспрашивать. Послышались ее шаги — прочь, быстрее, споткнулась.

Гурни был в шоковом состоянии, но в сознании.

Он попытался пошевелиться, понять, что с ним.

Но прежде чем тело его послушалось, он услышал голос, от которого волосы встали дыбом. Это был шепот — близко, у самого уха. Грубый, свистящий шепот. Будто шипел разъяренный кот:

— Не буди дьявола.

Часть вторая

Лишенные правосудия

Глава 16

Сомнения

На следующее утро Гурни проснулся у себя дома, встревоженный и измученный: правая рука так и горела, каждое движение вызывало боль. Окна спальни были открыты, из них струилась влажная прохлада.

Мадлен, по своему обыкновению, встала рано. Она любила вставать на рассвете. Первые лучи солнца были для нее как витамины — придавали сил.

Гурни чувствовал, что ступни у него потные и холодные. Мир за окном спальни был сер. У Гурни давно уже не бывало похмелья, но нынешнее состояние на него походило. Позади осталась мучительная бессонная ночь. Воспоминания о случившемся в подвале у Ким, гипотезы и догадки, вызванные тем, что случилось после падения, — все это вертелось в голове без толку и без связи, от боли никак не желая укладываться в единую картину. Заснул он перед самым рассветом. И теперь, через два часа, уже проснулся. Из-за перевозбуждения спать дальше было невозможно.

Ему страшно хотелось как можно скорее осмыслить и структурировать все случившееся прошлым вечером. Он еще раз прокрутил в голове цепочку событий, стараясь вспомнить как можно больше деталей.

Он вспомнил, как осторожно наступал на ступеньки, как старался освещать фонариком не только саму лестницу, но и пространство справа и слева. Ни звука, ни малейшего движения. Не дойдя несколько ступенек до конца лестницы, он обвел фонариком стены, чтобы отыскать щиток. Обнаружил серую металлическую коробку на стене, недалеко от зловещего сундука — того, к которому двумя днями раньше его привел кровавый след. Потемневшие пятна все еще были различимы на деревянных ступеньках и бетонном полу.

Он вспомнил, как ступил на следующую ступеньку, как услышал треск, почувствовал, что она проваливается. Луч фонарика описал широкую дугу, когда он инстинктивно выставил руки вперед, защищая лицо. Он знал, что падает, что не может не падать, знал, что все кончится плохо. Полсекунды спустя он руками, правым плечом, грудью и виском с

силой ударился о бетонный пол.

Сверху донесся крик. Сначала просто возглас, потом вопросы: «Вы целы? Что с вами?»

Сперва он замер от шока и не мог ответить. Затем — он не понял, в какой стороне, — послышалось что-то вроде топота, будто кто-то убегал, врезался в стену, споткнулся, снова побежал.

Гурни попробовал пошевелиться. Но тут он услышал шепот — у самого уха.

Это было неистовое шипение, скорее звериное, чем человеческое, слова вырывались словно бы с усилием, сквозь зубы, как пар под давлением.

Гурни дотянулся до кобуры на голени, достал «беретту» и замер в темноте, прислушиваясь и ничего не слыша. Этот шепот так его потряс, что он не помнил, сколько времени прошло: полминуты, минута, две или больше, — пока не вернулась Ким с фонариком «мини-мэглайт», который теперь светил гораздо ярче, чем в прошлый раз, когда они спускались в подвал по кровавому следу.

Ким стала спускаться по лестнице, как раз когда Гурни, шатаясь, вставал на ноги — по руке, от запястья до локтя, разливалась жгучая боль, ноги тряслись. Он велел девушке не подходить ближе, только посветить фонариком на ступеньки. Потом поднялся к ней по лестнице, торопясь, как мог, дважды чуть не упал — так кружилась голова. Взял у нее фонарик, повернулся и, насколько удалось, осветил пол подвала.

Затем он спустился еще на две ступеньки, снова пошарил узким лучом фонарика. Еще две ступеньки... теперь удалось осветить весь подвал: пол, стены, стальные опорные колонны, балки на потолке. Никаких следов шептуна. Ничто не опрокинуто, ни малейшего беспорядка, ни малейшего движения — лишь заскользили по шлакоблочным стенам зловещие тени колонн.

Продолжая освещать помещение вокруг, Гурни спустился до конца и заключил — отчасти к своему облегчению, отчасти к пущему беспокойству, — что в подвале негде укрыться от света: ни закоулков, ни укромных мест, ни темных углов. Человеку спрятаться было негде — разве что в сундуке.

Он спросил у Ким, застывшей в нервном оцепенении наверху, не слышала ли она чего-нибудь, когда он упал.

— Чего, например?

— Голоса... шепота... чего-нибудь в этом роде?

— Нет. А что... что вы хотите сказать? — Она снова начала тревожиться.

— Ничего, я просто... — Он покачал головой. — Похоже, я слышал свое дыхание.

Потом он спросил, она ли побежала.

Да, сказала Ким, наверное, да, она, возможно, бежала, по крайней мере ей так кажется, да, наверное, споткнулась, перешла на быстрый шаг — может быть, точно не помнит, была в панике, — пробралась в спальню, взяла с ночного столика фонарик.

— А почему вы спрашиваете?

— Просто проверяю свои ощущения, — ответил он расплывчато.

Он не хотел распространяться об альтернативной версии развития событий: что неизвестный мог подняться по лестнице из подвала, когда Ким бежала в спальню, потом мог спрятаться в темноте, в какой-то момент, возможно, находился в нескольких дюймах от нее, а когда она вернулась к подвалу, выскользнул из дома.

Но куда бы он ни пошел, каким бы образом ни выбрался из дома — если он и правда выбрался из дома, а не корчился сейчас в ящике, — что все это значило? Прежде всего, зачем он вообще спускался в подвал? Мог ли это быть Робби Миз? Теоретически мог. Но с какой целью?

Все это пронеслось в голове Гурни, пока он стоял у подножия лестницы, направив луч фонарика на сундук и пытаясь решить, что делать дальше.

Отказавшись от идеи разобраться с тем, кто скрывался — или что скрывалось — в сундуке, при свете одного лишь фонарика, он велел Ким нажать выключатель наверху, хотя и знал, что толку не будет. Светя фонариком попеременно то на сундук, то на щиток, он направился к последнему. Гурни открыл металлическую дверцу и увидел, что рубильник выключен. Он щелкнул тугим черным пластмассовым выключателем.

Голая лампочка на потолке сразу же загорелась. Гудела она, как холодильник. Где-то наверху Ким сказала: «Слава богу!»

Гурни быстро огляделся, еще раз удостоверившись, что в подвале и впрямь негде спрятаться, кроме как в сундуке.

Он приблизился к сундуку. На смену страху и мурашкам пришли злость и запальчивость. Из осторожности он решил не открывать крышку, а перевернуть сундук. Положил фонарик в карман, ухватился за край сундука, повалил его набок — с такой легкостью, что понял: он пуст. Открыл крышку — и правда пуст.

Ким спустилась до середины лестницы и теперь озиралась, как испуганная кошка. Взгляд ее упал на сломанную ступеньку.

— Вы же могли разбиться, — проговорила она, широко раскрыв глаза,

будто бы только осознав, что случилось. — Она прямо так под вами и сломалась?

— Прямо так, — сказал Гурни.

Ким в ужасе уставилась на место его падения, и Гурни тронуло наивное выражение ее лица. Собирается снимать амбициозный проект про страшные последствия убийств — и так поражена, увидев, что жизнь бывает опасна.

Вместе с Ким он еще раз посмотрел на сломанную ступеньку и заметил то, чего она то ли не увидела, то ли не поняла: прежде чем ступенька сломалась, ее с обоих концов основательно подпилили.

Гурни сообщил об этом Ким, та нахмурилась, явно в замешательстве.

— Что вы хотите сказать? Как так могло случиться?

— Еще одна загадка, — только и мог ответить он.

Теперь, лежа в постели, глядя в потолок, без особого результата массируя руку и восстанавливая в памяти события прошлого вечера, он обдумал свой ответ в деталях.

Похоже, это вредительство — дело рук того, чей шепот он слышал. Жертвой должна была стать Ким, а он, Гурни, случайно оказался на ее месте.

Устроить ловушку на лестнице, подпилив ступеньку, — это классика жанра, как в детективном фильме. Таковую ступеньку, на которую точно наступят. След от пилы не оставлял сомнений, что ступеньку сломали нарочно — почти наверняка злоумышленник и хотел, чтобы это заметили. Тогда это часть предупреждения. Вероятно, и выбор достаточно низкой ступеньки — тоже: тот, кто наступит на нее, упадет и что-нибудь себе разобьет, но не настолько серьезно, как если бы сломанная ступенька была выше. Не смертельно. Пока.

Посыл был такой: если вы проигнорируете мои предостережения, будет хуже. Больнее. Вплоть до смерти.

Но против чего именно неизвестный предостерегал Ким? Очевидный ответ: против продвижения ее проекта, это главное ее дело в последнее время. Вероятно, посыл был такой: «Брось это все, Ким, кончай раскапывать прошлое, не то последствия будут страшны. За делом Доброго Пастыря скрывается дьявол — не стоит его будить».

Значит ли это, что злоумышленник как-то связан с этим знаменитым делом? Что он крайне заинтересован в том, чтобы прошлое не ворошили?

Или же, как настаивает Ким, это всего лишь маленький поганец Робби Миз?

Может ли быть так, что все недавние нападения, все попытки нарушить ее спокойствие исходят от этого жалкого бывшего? Он настолько болезненно воспринял разрыв? Может ли быть, что все это: открученные лампочки, пропавшие ножи, кровавые пятна, нож в сундуке, даже этот демонический шепот — все это было из ревности, из простого желания отомстить?

С одной стороны, не исключено, что виноват и правда был Миз, но только мотивы у него были куда более темные и злоецие, нежели простая злоба. Возможно, он предупреждал Ким, что, если она к нему не вернется, он сделает что-нибудь и правда страшное. Если она не вернется, он станет чудовищем, самым дьяволом.

Возможно, он болен серьезнее, чем думает Ким.

В этом неистовом шепоте явственно слышалась патология.

Но могло быть и другое объяснение. Объяснение, больше всего пугавшее Гурни. Настолько, что он едва осмеливался о нем думать.

Может быть, никакого шепота не было?

Вдруг то, что «услышал» Гурни, было следствием падения, эдакой мини-галлюцинацией? Вдруг этот «звук» был порожден сотрясением едва зажившей раны? Ведь был же тихий звон в ушах не реальным звоном, а, как объяснил доктор Хаффбаргер, когнитивной ошибкой, следствием нервного возбуждения. Вдруг и угрожающий шепот — как бы неистов он ни был — ему только померещился? Мысль о том, что видения и звуки могут быть порождением его мозга, следствием ушибов и порванных нервных связей, заставила его содрогнуться.

Наверное, из-за этой подспудной неуверенности Гурни и не стал рассказывать о шепоте патрульному, которого сам вызвал, обнаружив подпиленную ступеньку. И, наверное, поэтому же ничего не рассказал о шепоте и Шиффу, прибывшему через полчаса.

Трудно было понять, что выражало в тот момент лицо Шиффа. Но уж точно не радость. Он смотрел на Гурни так, словно чувствовал: чего-то в его рассказе недостает. Затем с присущим ему скепсисом обратился к Ким, задал ей ряд вопросов, чтобы определить временной промежуток, в который был совершен акт вандализма.

— Значит, вы так это называете? — поинтересовался Гурни. — Вандализм?

— Пока да, — безучастно отозвался Шифф. — У вас есть какие-то возражения?

— Болезненная форма вандализма, — заметил Гурни, медленно потирая руку.

— Вам вызвать скорую?

Гурни не успел ответить, потому что вмешалась Ким.

— Я сама отвезу его в больницу.

— А вы что думаете? — Шифф поднял глаза на Гурни.

— Я за.

Шифф несколько секунд смотрел на него, потом обратился к патрульному:

— Запишите, что мистер Гурни отказался от вызова скорой помощи.

Гурни улыбнулся.

— Так как у нас дела с камерами?

Шифф словно бы не расслышал вопроса.

Гурни пожал плечами.

— Вот если бы вы вчера их установили...

В глазах Шиффа вспыхнула злость. Он в последний раз окинул взглядом подвал, пробормотал что-то о том, чтобы прийти проверить отпечатки пальцев на щитке, спросил, почему перевернут сундук, заглянул внутрь. Потом поднял перепиленную ступеньку, взял ее с собой и еще десять минут осматривал окна и двери в квартире. Спросил Ким, приходилось ли ей в последние дни общаться с теми, с кем она обычно не общается, и общалась ли она с Мизом. Наконец, поинтересовался, как попасть в дом на следующий день, если понадобится. И ушел, патрульный — за ним следом.

Глава 17

Просто частная инициатива

Потолок в спальне как будто чуточку посветлел, простыня, которой был накрыт Гурни, словно бы потеплела. Он был доволен собой: сумел восстановить события предыдущего вечера достаточно полно и последовательно. Значение этих событий, их причины и цели, мотивацию неизвестного — все это только предстояло понять. И тем не менее Гурни чувствовал, что он на верном пути.

Он закрыл глаза.

Через несколько минут его разбудил телефонный звонок, а потом шаги. После четвертого звонка трубку взяли. Из кабинета смутно донесся голос Мадлен. Несколько фраз, пауза, снова шаги. Он подумал, сейчас она принесет ему трубку. Кто его спрашивает? Хаффбаргер, невропатолог? Он вспомнил свое препирательство с девушкой из клиники. Боже, когда ж это

было? Пару дней назад? А кажется, прошла целая вечность.

Шаги прозвучали мимо спальни и удалились в направлении кухни.

Женские голоса.

Мадлен и Ким.

После клиники неотложной помощи в Сиракьюсе Ким отвезла его домой, в Уолнат-Кроссинг. Когда Гурни попробовал включить передачу на своем «субару-аутбек», локоть пронзила боль, так что он испугался, уж не сломана ли у него рука и не стоит ли забыть о рычаге. А Ким, судя по всему, рада была предложению переночевать не дома.

Он вспомнил, как она настаивала на том, что ему опасно вести машину, даже когда рентген показал, что никакого перелома нет.

Что-то такое было в Ким, в ее манере держаться, что вызывало у Гурни улыбку. Сбежать из квартиры под предлогом заботы о ближнем — это пожалуйста, сбежать из страха — ни за что.

Он заставил себя встать — мышцы отозвались новой болью. Потом принял четыре таблетки ибупрофена и отправился в душ.

Горячая вода и таблетки хоть отчасти, но сотворили чудо исцеления. Когда Гурни вытерся, оделся, пришел на кухню и сварил себе кофе, боль слегка поутихла. Он пошевелил пальцами на правой руке — терпимо. Сжал в руке кофейную чашку — его аж передернуло. И все же он решил, что с рычагом в машине справится, если понадобится. Неприятно, но не безнадежно.

Ни Мадлен, ни Ким не было видно. В открытое окно у буфета слышался негромкий разговор. Гурни поставил чашку на стол перед французской дверью. И увидел Мадлен и Ким — за террасой, за разросшейся яблоней, на маленьком скошенном пяточке, который они с Мадлен именовали газоном.

Мадлен и Ким сидели в деревянных креслах «адирондаках». На Мадлен куртка расцветки вырвиглаз, на Ким — похожая, несомненно, выданная Мадлен. Обе держали в ладонях чашки, словно бы грея руки у тихого пламени. Их разноцветные куртки — лавандовый, фуксия, оранжевый, салатный — сверкали в лучах утреннего солнца, пробившихся сквозь туман. Выражения их лиц, как и расцветки курток, свидетельствовали о куда лучшем, чем у Гурни, настроении.

Ему хотелось открыть французскую дверь, проверить, не потеплело ли на солнце. Но он знал: как только Мадлен его увидит, она примется убеждать его выйти, мол, какое чудесное утро, как удивительно пахнет. И чем больше она будет нахваливать свежий воздух, тем сильнее Гурни будет протестовать. Такой вот ритуальный поединок — они частенько его

разыгрывали, как по писаному. В конце концов, сказав, что слишком занят, он все же уступит, а потом будет наслаждаться красотой утра и удивляться своему ребяческому упрямству.

Но в тот момент у Гурни не было никакого желания исполнять известный ритуал. Так что он не стал открывать французскую дверь. Решил вместо этого выпить еще чашку кофе, распечатать психологический портрет Доброго Пастыря и попытаться перечитать его непредвзято: допуская, что там есть и зерно истины, а не только чушь собачья.

Он пошел в кабинет и открыл письма от Хардвика: с компьютера читать оказалось куда удобней, чем с крошечного экрана телефона. Распечатывая профиль, он решил посмотреть первый из отчетов о происшествии, который в спешке пробежал накануне.

Он сам не знал, чего ищет. Пока что он был на том этапе, когда главное все просмотреть, собрать побольше информации. Выводы о том, что важно, что нет, поиск закономерностей — все это потом.

Он чувствовал, что слишком разогнался. Надо помедлить, осмотреться. За годы работы он убедился в том, что худшая из ошибок детектива — это начать строить гипотезы, не собрав достаточно данных. Потому что как только тебе покажется, что ты что-то понял, сразу же возникнет искушение отбросить все неудобные факты. Естественная потребность мозга выстраивать все в связную картинку, заставляет игнорировать детали, которые в эту картинку не укладываются. Добавьте сюда свойственную сыщикам привычку быстро ориентироваться в ситуации — и получите пристрастие к поспешным выводам.

Этап, когда ты просто смотришь, слушаешь, впитываешь, невероятно важен. Прожить этот этап сполна — лучший способ начать расследование.

Начать расследование?

Начать расследование чего? По чьей просьбе? На каких законных основаниях? Вступив при этом в конфликт с Шиффом и с кем еще?

Чтобы упростить дело — по крайней мере, избавиться от сомнительной терминологии, — он сказал себе, что это просто частная инициатива, выяснение фактов, скромная попытка ответить на несколько вопросов. Вот таких:

Кто стоит за «розыгрышами», которые так напугали Ким?

Какая характеристика ближе к истине: та, которую Ким дала Мизу, или та, которую Миз дал Ким?

Кто устроил ту маленькую ловушку, в которую он попался и в итоге упал с лестницы? Кто должен был оказаться жертвой: он или Ким? Если шепот, который он слышал, реален, то кто шептал? Почему он скрывался в

подвале? Как он проник в дом и как его покинул?

Что значит это предостережение: «Не буди дьявола»?

И какое отношение нынешние события имеют к той серии убийств на дорогах десять лет назад?

Так что Гурни ухватился за идею рассмотреть факты и для того прочитать все отчеты о происшествиях, приложения к ним, отчеты Программы предотвращения ненасильственных преступлений, психологический портрет преступника, составленный ФБР, сведения о родственниках жертв из папки Ким и пометки, которые он сделал, слушая рассказы Хардвика о каждом из убитых.

Все это он мог обдумать и сам. И в то же время он чувствовал, что хорошо бы сесть и поговорить с Ребеккой Холденфилд, основательнее углубиться в психологический портрет Доброго Пастыря и версии следствия: как происходили сбор, анализ и сортировка фактов, как проверялись версии, как в итоге исследователи пришли к консенсусу — и выяснить, не изменилось ли за десять лет ее мнение об этом деле. А еще любопытно, довелось ли ей пообщаться с Максом Клинтером.

Телефон Ребекки Холденфилд сохранился в его мобильном (они пересекались в связи с делами Марка Меллери и Джиллиан Перри, и Гурни подумал, что, может быть, еще случится вместе работать). Он отыскал номер и нажал вызов. После длинных гудков включился автоответчик.

Он прослушал долгую речь о времени и месте приема, с указанием адреса сайта и электронной почты, по которой с ней можно связаться. Звук голоса вызвал в памяти ее образ. Жесткая, умная, сильная, целеустремленная. У нее были безупречные черты лица, но ее невозможно было назвать хорошенькой. Глаза, яркие, выразительные, были бы красивы, но им не хватало теплоты. Профессионал в своем деле: все время, свободное от работы судебным психологом, посвящает психотерапевтической практике.

Он оставил краткое сообщение, надеясь, что Ребекку оно заинтересует: «Ребекка, привет, это Дэйв Гурни. Надеюсь, все хорошо. Тут одна непростая ситуация, хотел бы с тобой поговорить, может, что скажешь и посоветуешь. Это связано с делом Доброго Пастыря. Я знаю, ты страшно занята, но перезвони, как сможешь», — и положил трубку.

Любой человек, с которым он полгода не общался, считал бы такое сообщение формальным и безличным, но с Холденфилд никакой безличности опасаться было не нужно. Это не значило, что Гурни она не нравилась. Более того, когда-то, вспомнил он, сама ее резкость казалась ему привлекательной.

Тот факт, что он собрался и позвонил, оставил у Гурни чувство удовлетворения: дело сдвинулось. Он вернулся к открытым отчетам и стал продираться сквозь них. Через час, на пятом отчете, зазвонил телефон. «Судебные эксперты в Олбани», — сообщил определитель.

— Ребекка?

— Привет, Дэвид. Я на заправке, могу говорить. Чем могу помочь? — в голосе ее странно сочетались внимательность и резкость.

— Насколько я понимаю, ты вроде как эксперт по делу Доброго Пастыря.

— Отчасти.

— Не найдешь минутки про это поговорить?

— Зачем?

— Тут происходят странные вещи, и они могут быть связаны с этим делом. Мне нужен кто-то, кто знает его изнутри.

— В интернете море информации.

— Мне нужен кто-то, кому можно доверять.

— Как срочно?

— Чем скорее, тем лучше.

— Я сейчас еду в «Отесагу».

— Прости?

— В отель «Отесага» в Куперстауне. Если ты сможешь туда приехать, я могу освободить сорок пять минут — с четверти второго до двух.

— Отлично. А где?..

— В зале «Фенимор». Полпервого у меня доклад, потом короткое обсуждение, потом буфет и болтовня. Болтовню я могу пропустить. Так сможешь в час пятнадцать?

Гурни сжал и разжал правую руку, уговаривая себя, что справится с рычагом.

— Да.

— Тогда до встречи, — и она положила трубку.

Гурни улыбнулся. Он чувствовал родственную душу в любом, кто рад пропустить болтовню. Быть может, именно это ему больше всего нравилось в Холденфилд — склонность минимизировать общение. На секунду он задумался, как эта черта сказывается на ее личной жизни. Затем покачал головой и отогнал эту мысль.

Он с новым вниманием вернулся к открытому на середине отчету о пятом убийстве — к фотографиям места убийства и автомобиля и сопроводительным подписям. «Мерседес» доктора Джеймса Брюстера в разных ракурсах — врезался в дерево, всмятку до середины. Как и машины

других жертв Пастыря, престижный стотысячный седан доктора превратился во что-то совершенно неузнаваемое, безымянное, бесполезное.

Интересно, подумал Гурни, это тоже часть замысла — не просто убить богача, но превратить символ его богатства в металлолом? Так посрамлен будет сильный и превознесенный. Ибо прах ты и в прах возвратишься.

— Мы тебя не отвлекаем? — раздался голос Мадлен.

Гурни с удивлением поднял глаза. Она стояла на пороге, Ким рядом с ней. Он и не слышал, как они вошли в дом. Все еще в куртках вырвиглаз.

— Отвлекаете?

— Ты, кажется, на чем-то очень сосредоточен.

— Просто пытаюсь осмыслить кое-какие факты. Что собираетесь делать?

— На улице солнце. День будет хороший. Я свожу Ким в горы.

— А не грязно? — Он сам слышал, как раздраженно звучит его голос.

— Я дам ей свои ботинки.

— Вы прямо сейчас идете?

— А ты против?

— Нет, конечно. Кстати, мне самому надо будет уехать на пару часов.

Мадлен с тревогой посмотрела на него.

— На машине? А как же твоя рука?

— Ибупрофен творит чудеса.

— Ибупрофен? Двенадцать часов назад ты упал с лестницы, пришлось ехать в неотложку, потом везти тебя домой. А теперь пара таблеток — и ты как новенький?

— Не как новенький. Но не развалюсь.

Она уставилась на него во все глаза.

— Что же у тебя такое важное?

— Помнишь доктора Холденфилд?

— Даже имя помню. Ребекка, кажется?

— Да. Ребекка. Судебный психолог.

— Где она сейчас?

— Офис у нее в Олбани.

Маделен подняла брови:

— В Олбани? Так ты туда едешь?

— Нет. Она сегодня будет в Куперстауне на каком-то профессиональном симпозиуме.

— В «Отесаге»?

— Откуда ты знаешь?

— Где еще в Куперстауне устраивают симпозиумы? — Она с

любопытством посмотрела на него. — Что-то стряслось?

— Нет, ничего не стряслось. Но у меня есть кое-какие вопросы о деле Доброго Пастыря. В профиле преступника, составленном ФБР, дана ссылка на ее книжку о серийных убийствах. И я подумал, вдруг она потом писала статьи про это дело.

— А ты не мог задать свои вопросы по телефону?

— Их слишком много. Слишком сложно.

— Когда ты вернешься?

— У нее есть сорок пять минут, закончим в два, значит, не позже трех буду дома.

— Не позже трех. Запомни.

— Зачем?

Глаза ее сузились.

— Ты спрашиваешь, зачем тебе это помнить?

— Я имел в виду, на три часа что-то назначено, о чем я не знаю?

— Когда ты говоришь мне, что сделаешь то-то и то-то, было бы очень мило с твоей стороны и впрямь это сделать. Если ты говоришь, что будешь дома в три, я хочу быть уверена, что ты будешь действительно в три. Вот и все. Договорились?

— Разумеется.

Если бы не Ким, он бы не был таким покладистым, стал бы допытываться, с чего вдруг Мадлен придает этому вопросу такое значение. Но он вырос в доме, где малейшее несогласие прятали от посторонних. Англо-ирландская сдержанность впиталась в него до мозга костей.

Ким встревожилась:

— Может быть, мне тоже поехать?

— Нет, мне и одному-то ехать смысла мало. Обоим там делать точно нечего.

— Пойдем, — Мадлен повернулась к Ким. — Сейчас подыщу тебе ботинки. Пока солнце, давай сходим в горы.

Две минуты спустя Гурни услышал из кабинета, как открывается и крепко закрывается боковая дверь. Дом затих. Гурни вновь повернулся к экрану, закрыл файл с фотографиями разбитого «мерседеса» доктора Брюстера и вбил в Гугл: «холденфилд пастырь».

Первая ссылка оказалась журнальной статьей с пугающе академическим заглавием: «Резонанс паттернов: о некоторых аспектах формирования личности на примере дела убийцы, известного как Добрый Пастырь. Исследование с использованием протоколов бивалентного индуктивно-дедуктивного моделирования. Р. Холденфилд и др.»

Гурни прокрутил вниз другие результаты поиска, отбрасывая все лишнее вроде заметки о пастырском попечении и жизни приходов в городке Холденфилд, Небраска, и некролога афроамериканскому тромбонисту П. Холденфилду. В итоге набралось с дюжину подходящих ссылок, имевших отношение и к Ребекке, и к делу Доброго Пастыря. Все это были профессиональные статьи.

Он прошел по ссылкам, но в большинстве случаев на журналы требовалась подписка. Стоила подписка дороже, чем у него хватало любопытства, а если по стилю эти статьи напоминали статью про паттерны, то читать их целиком — значит заработать мигрень.

Глава 18

Резонанс паттернов

Куперстаун стоит на южном берегу вытянутого озера среди сельских холмов округа Отсего. Это город с раздвоением личности: тихий бизнес и бейсбольный туризм, главная улица, усыпанная лавками спортивных сувениров, и мирные боковые улочки с домами в стиле греческого возрождения под сенью вековых дубов. В центре Куперстаун был похож на типичный городок центральных штатов, а на окраинах под высокими деревьями мелькали костюмы «Брукс Бразерс».

Дорога из Уолнат-Кроссинга заняла чуть больше часа — дольше, чем ожидал Гурни. Но это не имело значения, поскольку он выехал с запасом и приехал в «Отесагу» заранее. Ему пришло в голову, что неплохо бы послушать хотя бы часть доклада Холденфилд.

Конец марта — для туристов не сезон, тем более на озерных курортах. Парковка была заполнена едва ли на треть, особняки, хоть и в идеальном порядке, пустовали.

Гурни считал, что умеет определять класс отеля по тому, насколько быстро и легко открывалась перед ним входная дверь. Номер в «Отесаге», решил он, ему не по карману.

Изысканный холл укрепил его в этом мнении. Гурни собрался было спросить, где находится зал «Фенимор», но увидел деревянный мольберт с табличкой. Стрелка указывала в широкий коридор с панелями в классическом стиле на стенах. На табличке было написано, что в зале проходит съезд Американской ассоциации философской психологии.

Такой же указатель стоял у раскрытой двери в конце коридора. Подойдя к двери, Гурни услышал аплодисменты. Заглянув внутрь, он

увидел Ребекку Холденфилд: ее только что представили, и она поднималась на кафедру в дальнем конце зала. Зал был внушительный, с высоким потолком: такой подошел бы и римским сенаторам.

Неплохо, подумал Гурни.

Он прикинул в уме, сколько тут стульев. На глаз около двухсот, и большая часть занята. Большинство присутствующих были мужчины, причем среднего или пожилого возраста. Гурни вошел в зал и сел на свободное место в заднем ряду, как делал на свадьбах и других собраниях, где чувствовал себя не в своей тарелке.

Холденфилд явно заметила его, но не подала виду. Она положила на кафедру несколько листов бумаги и улыбнулась слушателям. В улыбке этой читались скорее энергия и уверенность, чем приветливость.

Это на нее похоже, подумал Гурни.

— Благодарю вас, господин председатель, — улыбка исчезла, голос был четким и волевым. — Я бы хотела представить вашему вниманию один простой тезис. Не прошу вас сразу с ним соглашаться или его критиковать. Мне бы хотелось, чтобы вы о нем просто поразмышляли. Я хочу поговорить о роли подражания в нашей жизни и о том, как подражание влияет на все наши мысли, чувства и поступки. Я полагаю, что подражание — один из инстинктов, необходимых человеческому виду для выживания, и этот инстинкт столь же неотъемлем, как и сексуальный. Эта идея очень проста, но в то же время революционна. Никогда ранее подражание не рассматривалось как инстинкт — как стремление к действию, основанное на накапливании напряжения и его последующей разрядке. Но задумаемся: разве такое определение не будет точным?

Она остановилась. Слушатели молчали.

— Пожалуй, одна из самых ярких и вместе с тем никем не отмеченных особенностей подражания состоит в том, что оно нам приятно. Процесс подражания доставляет человеческому организму особого рода удовольствие, связанное с разрядкой напряжения. Во всех своих действиях мы склонны к повторению, поскольку это повторение нам нравится.

Глаза Холденфилд горели, слушатели зачарованно смотрели на нее.

— Мы испытываем удовольствие, когда видим то, что уже видели, и делаем то, что уже делали. Мозг стремится к резонансу паттернов, поскольку такой резонанс рождает удовольствие.

Она сошла с трибуны, словно для того, чтобы быть ближе к слушателям.

— Выживание вида напрямую зависит от того, способно ли новое поколение копировать поведение предшествующего. Такое копирование

может быть заложено на генном уровне или же быть следствием обучения. Поведение муравьев зависит в большей степени от генетической программы. Наше с вами поведение в огромной степени зависит от обучения. Мозг насекомого уже при рождении знает практически все, что ему необходимо. Человеческий мозг при рождении не знает почти ничего. Насекомому для выживания необходимо действовать. Человеку для выживания необходимо учиться. Инстинкт насекомого заставляет его в течение жизненного цикла совершать определенные действия, а присущий нам с вами инстинкт подражания заставляет нас обучаться действиям.

Насколько Гурни мог видеть со своего заднего ряда, все жадно внимали ее словам. В этой аудитории она была рок-звездой.

— Этот инстинкт лежит в основе искусства, привычки, радости творчества и фрустрации. Многие людские несчастья — не что иное, как конфликт инстинкта подражания и внешних поощрений и наказаний. К примеру, родитель бьет ребенка в наказание за то, что тот бьет другого ребенка. Ребенку преподается сразу два урока: с одной стороны, битье — это неправильная форма протеста против нежелательного поведения (за битье наказывают), с другой стороны, это правильная форма протеста против нежелательного поведения (сам родитель, наказывая ребенка, его бьет). Когда родитель бьет ребенка, чтобы отучить его бить других, он на самом деле приучает его бить других. Ситуации, когда какое-либо поведение наказывается и одновременно преподается в качестве образца, чреваты серьезными психическими травмами.

Следующие полчаса Холденфилд, как показалось Гурни, только повторяла эту мысль на разные лады. Но аудиторию это, похоже, не усыпило, а раззадорило. Ребенка мерила огромный зал шагами, много жестикулировала. Казалось, она обрела райское блаженство.

Наконец, она вернулась за кафедру. На лице ее Гурни видел чуть ли не триумф.

— Итак, я предлагаю следующий тезис: стремление следовать инстинкту подражания — это важнейшая составляющая человеческой природы, которая пока не была должным образом осмыслена. Спасибо за внимание.

Зал взорвался аплодисментами. Розоволицый седой участник, сидевший в первом ряду, встал и обратился к аудитории с интонациями диктора старой школы:

— От лица организаторов конференции я хотел бы поблагодарить доктора Холденфилд за этот замечательный доклад. Она обещала дать нам повод для размышлений и сдержала свое обещание. Это интереснейшее

предположение. Через четверть часа у нас будет перерыв, и мы приглашаем вас всех в бар и буфет. А пока, пожалуйста, ваши вопросы и комментарии. Вы готовы ответить на вопросы, Ребекка?

— Да, конечно.

Последовавшие вопросы оказались в большинстве своем славословиями оригинальной идее и благодарностями за участие в конференции. Через двадцать минут этих славословий седой человек снова встал, еще раз почтительно поблагодарил Ребекку от лица организаторов и пригласил всех в бар.

— Интересно, — сказал Гурни с кривой улыбкой.

Холденфилд взглянула на него то ли оценивающе, то ли враждебно. Они сидели на веранде за низким столиком и глядели на гладко выбритый газон, украшенный кустами самшита. Светило солнце, и озеро за газоном отражало синеву неба. На Ребекке был бежевый шелковый костюм и белая шелковая блузка. Ни косметики, ни украшений, за исключением явно дорогих золотых часов. Золотисто-каштановые волосы — ни длинные, ни короткие — уложены довольно небрежно. Темно-карие глаза пристально смотрели на Гурни.

— А ты рано, — сказала она.

— Много чего успел понять.

— Про философскую психологию?

— Про тебя и про то, как ты думаешь.

— Про то, как я думаю?

— Мне было интересно, как ты приходишь к своим выводам.

— Вообще? Или ты о чем-то конкретном, но не говоришь прямо?

Он рассмеялся.

— Как дела?

— Что?

— Отлично выглядишь. Как у тебя дела?

— Нормально. Занята все время. Очень занята.

— Это, похоже, окупается.

— Что ты имеешь в виду?

— Славу. Уважение. Аплодисменты. Книги. Статьи. Речи.

Она кивнула, тряхнула головой, выжидающе на него посмотрела.

— И?

Гурни глядел на озеро, поблескивавшее за газоном.

— Я хотел сказать, что у тебя очень успешная карьера. Сначала сделать себе имя в судебной психологии, теперь — в философской

психологии. Холденфилд — это бренд. Я впечатлен.

— Ничего подобного. Ты не впечатлительный. Что тебе нужно?

Он пожал плечами.

— Мне нужна твоя помощь. Хочу разобраться в деле Доброго Пастыря.

— Зачем?

— Это долгая история.

— Перескажи вкратце.

— Дочь старой знакомой снимает телепередачу о родственниках жертв Доброго Пастыря. Хочет, чтобы я помог советом, дал оценку — мол, я же полицейский — и так далее. — Мысль о том, как понимать это загадочное «и так далее» резанула Гурни уже сейчас, пока он говорил.

— И что тебе нужно знать?

— Много чего. Не знаю даже, с чего начать.

Уголок ее губ нервно дернулся.

— Ну уж начни с чего-нибудь.

— С резонанса паттернов.

Она моргнула.

— Что-что?

— Ты сегодня употребила этот термин. А еще он есть в названии статьи, которую ты написала девять лет назад. Что он означает?

— Ты читал статью?

— Меня смутило длинное заглавие, и я решил, что ни за что ее не осилю.

— Господи, какой же хреновый из тебя актер, — Холденфилд произнесла это как комплимент.

— Так расскажи мне про резонанс паттернов.

Она снова взглянула на часы.

— Боюсь, я не успею.

— Попробуй.

— Он связан со спецификой энергетического обмена между ментальными конструкциями.

— Что на языке убогого сыщика родом из Бронкса означает...

Во взгляде ее проскользнула усмешка.

— Это попытка переосмысления фрейдовского учения о сублимации. То есть о том явлении, когда небезопасная энергия — к примеру, агрессия или сексуальные импульсы — намеренно перенаправляется в более безопасное русло.

— Ребекка, для убогого сыщика в отставке это китайская грамота.

— Хорошо выпендриваться, Гурни. Ладно, объясню иначе. Без Фрейда. Есть известное стихотворение, где девочка по имени Маргрит грустит, глядя на падающие осенние листья. Оканчивается стихотворение так: «И заплачешь ты сильнее, Маргрит, девочку жалея»[\[11\]](#). Вот это и есть резонанс паттернов. Сильные чувства, которые испытывает девочка, созерцая умирание природы, в действительности порождены осознанием ее собственной смертности.

— Ты хочешь сказать, что мы можем переносить свои эмоции с одного предмета на другой...

— Даже не осознавая, что наши переживания на самом деле не вызваны тем, что сейчас с нами происходит. В том-то и дело! — заключила она с гордостью первооткрывателя.

— И как это можно связать с делом Доброго Пастыря?

— Как? Да как угодно! Его поступки, его образ мыслей, его язык, его мотивы — все можно объяснить резонансом паттернов. Это дело — один из самых ярких примеров описанного мною явления. Убийство ради великой миссии никогда не оказывается тем, чем выглядит на первый взгляд. Помимо осознанного мотива у убийцы всегда есть иная мотивация, коренящаяся в его давнем травматическом опыте. Внутри у него — море подавленного страха и ярости, вызванных этим опытом. Он ассоциирует этот опыт с теми событиями, которые происходят с ним в настоящем, и чувства из прошлого начинают влиять на его мышление. Мы привыкли думать, что чувства, которые мы испытываем, вызваны событиями, которые происходят с нами в настоящий момент. Когда мне радостно или грустно — мне кажется, это потому, что со мной сейчас происходит что-то хорошее или плохое, а не потому, что часть эмоциональной энергии из вытесненных воспоминаний перенеслась в настоящее. Обычно это безобидная ошибка. Но она вовсе не безобидна, если перенаправленная эмоция — это патологическая ярость. Это мы и наблюдаем у убийц определенного типа, яркий представитель которого — Добрый Пастырь.

— А какой именно детский опыт, по-твоему, подпитывает убийства?

— Скорее всего, травматический ужас перед жестоким и скупым отцом.

— А как ты думаешь, почему он остановился после шестого убийства.

— Ты не думал, что он мог умереть? — Холденфилд беспокойно нахмурилась и посмотрела на часы. — Прости, Дэвид, не могу больше говорить.

— Я благодарен, что ты втиснула меня в свой сумасшедший график. Кстати, а, занимаясь этим делом, ты не беседовала с Максом Клинтером?

— Ха! С Клинтером. Беседовала, конечно. А что с ним такое?

— Об этом я хотел спросить тебя.

Холденфилд нетерпеливо вздохнула, потом быстро отчеканила:

— Макс Клинтер — оголтелый нарцисс, который считает, что все дело Доброго Пастыря вертится вокруг него одного. Плодит теории заговора — совершенно нелепые. Кроме того, он инфантил-алкоголик: в один несчастный вечер разрушил собственную жизнь и жизнь своих близких и с тех пор пытается объяснить это самыми диковинными способами и винит кого угодно, кроме себя.

— Почему ты думаешь, что он уже умер?

— Что?

— Ты сказала, что, возможно, Добрый Пастырь уже умер.

— Да. Возможно, умер.

— А почему еще он мог прекратить совершать убийства?

Она вновь нетерпеливо вздохнула, на этот раз театральнее.

— Может быть, его испугали шальные пули Клинтера, может быть, даже задела. Или у него случился срыв, психотический эпизод. Он мог попасть в психбольницу или даже в тюрьму по какой-то причине, не связанной с убийством. Тут может быть тысяча причин. Но бессмысленно об этом говорить без фактов на руках. — Холденфилд отошла от стола. — Извини, мне пора. — Она коротко кивнула на прощание и направилась к двери в гостиничный холл.

— Может ли у кого-либо быть причина мешать повторному расследованию? — бросил Гурни ей вслед.

Она обернулась и воззрилась на него.

— О чем ты?

— О той девушке, которая снимает передачу, — я рассказывал. С ней стали происходить странные события. Можно понять их как угрозы. По крайней мере, как попытку намекнуть, что ей не стоит заниматься своим проектом.

— Какого рода события? — Холденфилд как будто растерялась.

— Кто-то проникал в квартиру, перемещал имущество, исчезали, а затем находились в неподходящих для них местах кухонные ножи, на полу обнаруживались пятна крови, вырубались пробки, в подвале была специально подпилена ступенька. — Он чуть было не упомянул загадочный шепот, но промолчал, не вполне уверенный, что правда его слышал. — Возможно, ее преследуют по другой причине и эти угрозы никак не связаны с ее проектом. Но я думаю, что все же связаны. Я хочу у тебя спросить. Если допустить, что Добрый Пастырь еще жив, как, по-

твоему, был бы он против, чтоб его обсуждали по телевизору?

Холденфилд решительно покачала головой.

— Как раз наоборот: он бы этого жаждал. Ведь он написал двадцатистраничный манифест и разослал его во все крупные СМИ. Такого рода психопатам, обиженным на все общество, нужна аудитория. Просто необходима. Им нужно, чтобы все признали важность их миссии. Все без исключения.

— Никаких идей, кто еще мог бы стоять за этими проделками?

— Нет.

— Значит, вот мне неразгаданная загадка. Наверное, агент Траут не согласится со мной поговорить?

— Мэтт Траут? Да ты шутишь.

— Таков уж я есть. Шутник Дэйв. Спасибо, что уделила мне время, Ребекка.

Все с тем растерянным выражением лица она развернулась и ушла в холл.

Глава 19

Поднять волну

Трое подростков в шортах и красных футболках гоняли мяч на идеальном газоне у озера. Их, похоже, не заботило, что солнце скрылось за набежавшими облаками и ранняя весна вновь уступила место зиме.

Гурни поднялся, растирая замерзшие руки. От вчерашнего падения болело все тело. Звон в ушах, раньше досаждавший ему лишь эпизодически, усилился. Не слишком твердым шагом он подошел к двери отеля и не успел ее открыть: его опередил молодой человек в строгой форме с механической улыбкой и невнятным голосом — ничего не разобрать.

— Простите? — переспросил Гурни.

Молодой человек повторил громче, на манер сиделки в доме престарелых.

— Я хотел спросить, сэр, все ли в порядке?

— Да-да, спасибо.

Гурни направился обратно к парковке. Ему встретила четверка гольфистов в традиционных клетчатых брюках и свитерах с V-образным воротом: они как раз вылезали из громоздкого белого внедорожника, похожего на гигантскую мультитарку. В обычном своем настроении он бы

улыбнулся, подумав, что эта мультиварка стоит семьдесят пять тысяч долларов. Но теперь машина показалась ему еще одним свидетельством упадка этого мира, в котором алчные придурки только и жаждут отхватить кусок дерьма побольше.

Возможно, Добрый Пастырь в чем-то и прав.

Гурни сел в машину, откинулся и прикрыл глаза.

Потом понял, что хочет пить. Он посмотрел на заднее сиденье, куда клал две бутылки воды, но бутылок не обнаружил. Значит, укатились под переднее сиденье. Гурни вышел из машины, открыл заднюю дверцу и выковырял одну бутылку. Затем, выпив около половины, снова сел на водительское сиденье.

Он опять прикрыл глаза, решив немного вздремнуть, чтобы в мозгу прояснилось. Но одна фраза Холденфилд никак не давала ему заснуть.

«Да ты шутишь».

Он уверял себя, что Холденфилд просто неудачно выразилась, что она имела в виду лишь самодовольную неприступность, которой окружал себя Траут, а вовсе не то, что Гурни — незначительная фигура в правоохранительных органах. Или же неловко пыталась откреститься от просьбы, будто бы Гурни хотел, чтобы она его представила. В любом случае гадать об этом — ребячество и пустая трата времени.

Но все это были рациональные аргументы. А Гурни совершенно иррационально злился. Злился на самодура-агента, который, конечно же, не захочет с ним встречаться, на Холденфилд, которая так погружена в свои дела, что не станет вмешиваться, на всех этих снобов из ФБР.

В уме у него крутились отрывки доклада, идея Холденфилд про резонанс паттернов у серийного убийцы, профиль Доброго Пастыря, подпиленная ступенька, Робби Миз, уверявший, что Ким — психически неуравновешенная, странный Макс Клинтер, отвратительный Руди Гетц, это чертова красная стрела в саду. И среди всей этой сумятицы вновь и вновь как удар: «Да ты шутишь».

А какого ответа он ждал? «Конечно же, он с тобой встретится. У тебя такая репутация нью-йоркского копа, что агент Траут будет просто счастлив»?

Боже! Неужто он таким жалким образом зависим от своей репутации? От того, признают ли его супердетективом в органах? Когда об этом заявляли на публике, ему всегда становилось не по себе. Но вот его статус проигнорировали — оказался, так еще хуже. И тут встал другой вопрос: а без статуса, без репутации — кто я такой?

Просто человек, один из многих, чья карьера подошла к концу? Просто

человек, не знающий даже, кто он такой, поскольку властная структура, сделавшая его тем, кто он есть, теперь с легкостью его отвергла? Понурий бывший коп, что сидит на скамейке запасных, мечтая о тех днях, когда жизнь имела смысл, и все надеется: а вдруг опять позовут играть?

Боже, боже, какой жалостливый бред!

Хватит.

Я детектив. Возможно, всегда им был и, так или иначе, всегда буду. Это факт моей биографии, он не зависит от того, получаю ли я зарплату и занимаю ли должность. У меня есть способности, которые и сделали меня мной. И важно лишь, применяю ли я эти способности, а не что скажет Ребекка Холденфилд, или агент Траут, или кто там еще. Мое самоуважение — мое желание жить — зависит лишь от моих собственных поступков, а не от того, что подумает какая-то психологиня или агент-бюрократ, которого я даже ни разу не видел.

Гурни ухватился за эту мысль и постарался успокоиться, хоть и чувствовал, что в его интонациях многовато драматизма. Но лучше уж такое нарочитое самообладание, чем никакого. И еще он понимал, что если хочет сохранить внутреннее равновесие, то ему, как велосипедисту, нужно двигаться. Нужно что-то делать.

Он достал мобильный, вошел в почту и еще раз открыл отчеты о происшествии, которые переслал ему Хардвик. Пролистывая эти отчеты, он вспомнил, что четвертая жертва Доброго Пастыря — агент по недвижимости с именем киноактрисы — в момент убийства находилась всего в нескольких милях от своего дома в Баркхем-Делле.

Баркхем-Делл находился недалеко от Куперстауна. В отчете Гурни нашел точную карту того места на Лонг-Свомп-роуд, где случилось убийство, а также подписанные фотографии, на которых пол-лица Шэрон Стоун превратилось в месиво, а машина, вылетев с трассы, увязла в болоте.

Он вбил адрес в навигатор и выехал с парковки. Не то чтобы он ждал каких-то невероятных открытий — он всего лишь хотел вернуться к истокам этой истории, наконец за что-то ухватиться.

Впервые посещая место убийства, пусть даже через десять лет после преступления, Гурни всегда испытывал чувство, которому сам бы не смог дать названия. Цинично было бы назвать его воодушевлением, но все ощущения обострились и становились ярче. В мозгу запускались какие-то химические процессы — и все увиденное отпечатывалось в памяти гораздо четче, чем события обыденной жизни.

Он не в первый раз осматривал место преступления через много лет

после его совершения. Когда-то он заставил сознаться одного серийного убийцу — в частности, в убийстве девочки-подростка в лесу неподалеку от пляжа Орчард в Бронксе. Это убийство было совершено за двенадцать лет до признания.

Теперь, медленно съезжая с магистрали и двигаясь по плавному левому повороту Лонг-Свомп-роуд в направлении озера Дэд-Дог, он проделывал ту же операцию, что и тогда, на пляже Орчард: мысленно уменьшал возраст деревьев на десяток лет, убирал подлесок и маленькие кусты.

В этом ему помогали фотографии из отчета. С тех пор вдоль дороги не появилось и не исчезло никаких конструкций. Ни зданий, ни билбордов, ни телефонных столбов. Никакого ограждения на дороге не было — ни в 2000 году, ни сейчас. Три высоких, сразу заметных дерева, похоже, не изменились. А поскольку убийство произошло как раз в это время года, ранней весной, казалось, что фотографии сделаны совсем недавно.

По расположению высоких деревьев, а также по фотографиям и по указаниям навигатора Гурни смог определить, где приблизительно находилась машина Шэрон Стоун, когда женщину настигла пуля.

Он поехал назад, до пересечения с магистралью. Затем вернулся на место убийства и проехал еще пару миль вперед по болотистой местности вдоль озера Дэд-Дог, сквозь деревушку Баркхем-Делл, точно со старинных гравюр, и еще милю до перекрестка с оживленным шоссе.

После этого он вернулся на исходную точку и еще раз проехал тот же маршрут — на этот раз так, как, по его предположениям, это сделал Добрый Пастырь. Прежде всего выбрал удобное и неприметное место для стоянки недалеко от съезда с магистрали, где удобно было бы устроить засаду и ждать «мерседеса» — среди жителей Баркхем-Делла это была популярная марка.

Затем он пристроился за воображаемым черным «мерседесом», проследовал за ним до поворота, на повороте ускорился, перестроился на левую полосу, открыл пассажирское окно и, поравнявшись с местом, указанным в отчете, поднял правую руку, целясь в воображаемого водителя.

«Бах!» — крикнул он изо всех сил, понимая, что как громко ни кричи, не воспроизведешь и десяти процентов того грохота, который издает монстр пятидесятого калибра. Изобразив выстрел, он резко затормозил, представляя, как машина жертвы на повороте соскальзывает на обочину и катится в направлении болота, возможно, еще ярдов сто. Затем Гурни изобразил, как кладет пистолет на сиденье, достает из кармана рубашки

фигурку животного и кидает его на обочину, неподалеку от того места, где воображаемый «мерседес» увяз в болоте, облепленный бурой прошлогодней травой.

Разыграв, таким образом, сцену убийства, Гурни поехал по направлению к Баркхем-Деллу, обдумывая разные способы спрятать «дезерт-игл». На дороге ему встретились три машины, среди них черный «мерседес». По спине у Гурни пробежал холодок.

Добравшись до деревни, он развернулся на светофоре, собираясь проделать весь маневр еще раз. Но когда он подъезжал к озеру Дэд-Дог, все обдумывая, как спрятать оружие, у него зазвонил мобильный. Звонили из дома.

— Мадлен?

— Где ты?

— На проселочной дороге недалеко от Баркхем-Делла. А что?

— Как что?

Он замешкался.

— Что-то не так?

— Который час? — поинтересовалась она с пугающим спокойствием.

— Который час? Не знаю... Боже... Точно. Я совсем забыл.

Часы на приборной доске показывали 15:15. Он обещал быть дома к трем. Самое позднее.

— Забыл?

— Прости.

— Значит, забыл? — было видно, что Мадлен хоть и сдерживается, но очень сердита.

— Прости. Я не могу контролировать свою забывчивость. Я ведь не нарочно забываю.

— Нет, нарочно.

— Как, черт возьми? Нарочно забыть нельзя. Это всегда ненамеренно.

— Ты помнишь о том, что тебя по-настоящему заботит. И забываешь о том, что не заботит.

— Это не...

— Так и есть. И винишь во всем свою память. А память тут не при чем. Ты ведь ни разу не забыл явиться в суд, правда? Ни разу не забыл про встречу с окружным прокурором. Проблемы, Дэвид, у тебя не с памятью. А со вниманием к другим.

— Послушай, мне очень жаль.

— Ладно. Когда тебя ждать?

— Я уже еду. Буду минут через тридцать пять — сорок.

— Я правильно поняла, что ты приедешь в четыре?
— К четырем точно. Может, и раньше.
— Хорошо. В четыре. Всего на час позже. До встречи.
Мадлен положила трубку.

В 15:52 Гурни свернул на извилистый проселок, что вел вдоль ручья вверх по холмам к его дому. Проехав милю, он остановился на лужайке перед редко использовавшимся летним домиком.

Первые десять минут пути из Баркхем-Делла он гадал, почему Мадлен была так раздражена — гораздо сильнее, чем она обычно раздражалась на его забывчивость, невнимательность, на то, что он ничего не записывал. Остаток дороги он размышлял о деле Доброго Пастыря.

Он гадал, далеко ли продвинулось следствие с тех пор, как оно перешло в ведение управления ФБР в Олбани, что было указано в файлах полиции штата Нью-Йорк, присланных Хардвиком. Еще он гадал, как это выяснить, не обращаясь к агенту Трауту. И понял, что никак.

С другой стороны... если Траут и в самом деле так неуступчив, как о нем рассказывают, он должен быть очень слаб. Гурни уже давно понял, что самые мощные укрепления люди воздвигают вокруг самых уязвимых своих мест.

За страстью все контролировать зачастую скрывается панический страх беспорядка.

Вот и лазейка.

Он достал мобильный и набрал номер Холденфилд. Она не отвечала, и Гурни оставил голосовое сообщение:

— Привет, Ребекка. Прости, что снова отвлекаю. Знаю, ты занята. Но в деле Доброго Пастыря есть некоторые нестыковки. Похоже, серьезная брешь во всех построениях ФБР. Как будет время, позвони мне.

Он положил телефон в карман и поехал вверх по холму к дому.

Глава 20

Сюрприз

Когда Гурни проехал между прудом и амбаром и на другом конце пастбища уже показался дом, он увидел — насколько позволяли увидеть согнутые покореженные стебли бурой прошлогодней травы — руль и бензобак мотоцикла, припаркованного рядом с машиной Мадлен.

Он ощутил смесь интереса и настороженности, а когда припарковался

рядом, интерес его усилился. Мотоцикл марки «Би-эс-эй» был в безукоризненном состоянии — модель «Циклон», настоящий раритет, такие не выпускались с шестидесятых годов.

Это напомнило ему об одном его мотоцикле. В 1979 году, когда он только поступил в Фордемский университет и жил у родителей в Бронксе, он добирался до своего кампуса на двадцатилетнем «трайэмф-бонвилле». К лету между первым и вторым курсом, когда мотоцикл угнали, Гурни столько раз попадал под колючие ливни и оказывался на волосок от аварии на сквозной автомагистрали Бронкса, что был уже не прочь помаяться в автобусе.

Он вошел в дом через боковую дверь. За ней начинался короткий коридор, выходящий в просторную кухню. Он ожидал услышать несколько голосов, возможно, и голос мотоциклиста, но услышал лишь, как что-то шипит на плите. Гурни вошел в кухню и сразу же почувствовал запах лука, который Мадлен пассеровала в воке. На Гурни она не взглянула.

— Чей это мотоцикл? — спросил он.

— Он тебе помешал?

— Я не сказал, что он мне помешал. — Он помолчал, глядя ей в спину. — Ну так что?

— Что?

— Чей это мотоцикл?

— Я не должна тебе говорить.

— Что?

Она вздохнула:

— Я не должна тебе говорить.

— Какого черта?

— Этот человек... хочет сделать тебе сюрприз.

— Кто хочет? Где он?

— Это сюрприз, — повторила Мадлен.

Ее явно не радовала ее роль.

— Кто-то приехал меня повидать?

— Да, — она выключила конфорку, сняла вок с плиты и переложила лук в противень поверх риса.

— Где Ким?

— Они с твоим посетителем пошли погулять.

Мадлен подошла к холодильнику, достала оттуда миску с сырыми очищенными креветками, еще одну миску с нарезанным перцем и сельдереем и банку с измельченным чесноком.

— Ты знаешь, — сказал Гурни, — что я не слишком люблю сюрпризы.

— Я тоже, — Мадлен снова зажгла конфорку под воком, бросила в вок овощи и принялась энергично перемешивать их лопаткой.

Оба надолго замолчали. Молчание это показалось Гурни неудобным.

— Полагаю, это кто-то, кого я знаю? — он тут же пожалел о таком бестолковом вопросе.

Мадлен наконец-то посмотрела ему в глаза:

— Надеюсь.

Он глубоко вдохнул.

— Что за идиотский бред. Скажи мне, кто и зачем приехал на этом мотоцикле.

Мадлен пожала плечами.

— Кайл. Хотел тебя повидать.

— Что?

— Ты все слышал. Не настолько же у тебя звенит в ушах.

— Кайл, мой сын? Приехал из города на мотоцикле? Чтобы меня повидать?

— Чтобы сделать тебе сюрприз. Сначала он планировал быть здесь в три. Потому что ты сказал, что к трем вернешься. Самое позднее. Потом он решил приехать в два. На случай, если и ты приедешь раньше, чтобы провести вместе побольше времени.

— Это ты устроила? — получился полувопрос-полуупрек.

— Нет, я ничего не «устроивала». Кайл сам решил приехать и тебя повидать. Вы же не виделись после твоей больницы. Я только сказала ему, во сколько ты будешь — во сколько ты собирался быть. Что ты на меня так смотришь?

— Какое совпадение: вчера ты сказала, что Кайл и Ким могли бы быть интересной парой, а сегодня они вместе пошли на прогулку.

— Совпадения правда бывают, Дэвид. Иначе бы и слова такого не было. — Ответила Мадлен и снова занялась воком.

Гурни встревожился больше, чем готов был признать. Он списал это на свою вечную нелюбовь к резкой перемене планов: эта перемена угрожала иллюзии, что все под контролем. А еще отношения с Кайлом, двадцатилетним сыном, давно уже вызвали у него противоречивые чувства и заставляли прятаться за рационализацией. А еще ибупрофен, который Гурни принял от боли в руке, перестал действовать, и он снова чувствовал все последствия вчерашнего падения... А еще то, се, пятое, десятое...

Он постарался, чтобы голос звучал не враждебно и не жалобно:

— А ты знаешь, куда они пошли гулять?

Мадлен сняла вок с плиты, выложила его содержимое в блюдо с рисом и луком. Очистила вок, снова поставила на плиту и добавила масла. И только потом ответила:

— Я предложила им пойти по горной тропинке и выйти на дорогу к пруду.

— Когда они ушли?

— Когда ты сказал, что на час задержишься.

— Лучше бы ты меня предупредила.

— Разве что-то изменилось бы?

— Конечно, изменилось бы.

— Интересно.

Масло в воке задымилось. Мадлен достала из шкафчика со специями молотый имбирь, кардамон, кориандр и пакет кешью. Включила самую большую конфорку на полную мощность, бросила в вок пригоршню орехов, по чайной ложке каждой специи и начала все перемешивать.

Потом кивком указала на ближайшее к плите окно:

— Вон они, поднимаются на холм.

Гурни подошел к окну. Ким, в кислотного цвета ветровке Мадлен, и Кайл, в потертых джинсах и черной кожаной куртке, шли по заросшей травой тропинке вверх по пастбищу. И, кажется, смеялись.

Гурни наблюдал за ними, Мадлен наблюдала за Гурни.

— Прежде чем они войдут, — сказала она, — ты мог бы придать лицу более дружелюбное выражение.

— Я просто думал про мотоцикл.

Она посыпала свое блюдо смесью из орехов и специй.

— А что с мотоциклом?

— Модель пятидесятилетней давности, отреставрированная как новенькая, — это недешево.

— Ха! — Она положила вок в раковину и пустила воду. — А когда это у Кайла были дешевые вещи?

Гурни неуверенно кивнул.

— Два года назад, единственный раз, когда он сюда приезжал, он хвастался этим ужасным желтым «порше», который купил с премии, полученной на Уолл-стрит. Теперь этот дорогой «Би-эс-эй». Боже.

— Ты его отец.

— И что это значит?

Мадлен вздохнула, глядя на него одновременно с болью и сочувствием.

— Неужели непонятно? Он хочет, чтобы ты им гордился. Само собой,

пытается этого добиться не теми способами. Вы не очень-то знаете друг друга, правда?

— Пожалуй. — Он смотрел, как она ставит противень с рисом и овощами в духовку. — Все эти дорогие блестяшки... брендовое барахло... все это слишком напоминает его мать-риелторшу. Наверное, он унаследовал ее ген меркантильности. Уж она-то умела делать деньги — даже лучше, чем тратить. Все твердила мне, что работать копом — зря время терять, шел бы лучше на адвоката: тем, кто защищает преступников, платят больше, чем тем, кто их ловит. Ну вот, теперь Кайл учится на юридическом. Она, наверное, счастлива.

— Ты сердишься, потому что думаешь, будто он хочет защищать преступников?

— Я не сержусь.

Мадлен бросила на него недоверчивый взгляд.

— Ну, может, и сержусь. Сам не знаю, что со мной. Все стало действовать на нервы.

Мадлен пожала плечами:

— Ты только не забывай, что к тебе приехал сын, а не бывшая жена.

— Хорошо. Я просто хотел, чтобы...

Его прервал звук открывающейся двери и взволнованный голос Ким в коридоре.

— Нет, это совсем уж бред! О таких гадостях я еще никогда не слышала!

В кухню, широко улыбаясь, вошел Кайл.

— Привет, пап! Рад тебя видеть!

Они неуклюже обнялись.

— Тоже рад тебя видеть, сынок. Как добрался? Не ближний свет на таком мотоцикле?

— Добрался просто отлично. На семнадцатой особого движения не было, а дальше все местные дороги просто идеальны для байка. Кстати, как он тебе?

— Никогда не видел ничего лучше.

— Я тоже. Я его обожаю. У тебя когда-то был похожий, да?

— Но не такой красавец.

— Надеюсь, получится сохранить его в таком состоянии. Я его купил всего пару недель назад на мотошоу в Атлантик-Сити. Я не планировал ничего покупать, но не устоял. Никогда такого не видел, даже у босса.

— У босса?

— Да, я отчасти вернулся на Уолл-Стрит, подрабатываю у людей из

прежней компании, хотя сама компания развалилась.

— Но ты по-прежнему в Колумбийском университете?

— Само собой. Мясорубка первого курса. Тонны литературы. Чтобы отсеять немотивированных. Я до чертиков загружен, но какая разница.

В кухню вошла Ким и весело улыбнулась Мадлен:

— Еще раз спасибо за куртку. Я повесила ее в прихожей. Хорошо?

— Отлично. Но я умираю от любопытства.

— Почему?

— Все гадаю, какую гадость ты услышала.

— Что? Ой! Вы слышали, как я это сказала? Мне Кайл кое про что рассказал. Фу! — Она взглянула на Кайла. — Скажи им сам. Я не хочу даже повторять.

— Это... э... про одно странное расстройство. Сейчас, пожалуй, не стоит в это вдаваться. Там надо объяснять. Может, потом?

— Хорошо, спрошу потом. Теперь мне совсем любопытно. А пока что хотите что-нибудь выпить или перекусить? Сыр, крекеры, оливки, фрукты, что-нибудь еще?

Кайл и Ким переглянулись и покачали головами.

— Нет, — сказал Кайл.

— Нет, спасибо, — сказала Ким.

— Тогда просто располагайтесь, — Мадлен указала на кресла у очага в дальнем конце комнаты. — Мне нужно закончить несколько дел. Около шести будем ужинать.

Ким спросила, не надо ли чем-нибудь помочь, а когда Мадлен сказала, что нет, ушла в ванную. Гурни и Кайл устроились напротив друг друга в креслах перед печуркой, около низенького столика вишневого дерева.

— Ну... — начали они одновременно и одновременно же рассмеялись.

Гурни посетила странная мысль: хотя Кайл и унаследовал от матери форму рта и черные как смоль волосы, он смотрел на сына словно в волшебное зеркало и видел себя в молодости — будто двадцать лет передраг как ветром сдуло.

— Сначала ты, — сказал Гурни.

Кайл усмехнулся. Губы у него были от матери, но зубы отцовские.

— Ким рассказала мне про передачу, в которой ты участвуешь.

— Я не участвую собственно в передаче. Более того, от телевизионной части дела я стараюсь держаться как можно дальше.

— А какая там еще часть?

Легко спросить, подумал Гурни, пытаюсь подобрать такой же простой ответ.

— Само расследование, я думаю.
— Убийства, которые совершил Пастырь?
— Убийства, жертвы, улики, modus operandi, мотивы, названные в манифесте, гипотезы следствия.

Кайл был удивлен:

— И у тебя есть сомнения в чем-то из перечисленного?
— Сомнения? Не знаю. Скорее, просто любопытство.
— Я думал, все это дело уже разложили по полочкам десять лет назад.
— Возможно, мои сомнения связаны как раз с тем, что никто ни в чем не сомневается. Ну и еще есть несколько странных происшествий.
— Ты про то, как ее полоумный бывший подпилит ступеньку?
— Она так это тебе объяснила?

Кайл нахмурился:

— А как еще это можно объяснить?
— Кто знает? Как я сказал, это любопытно. — Гурни помолчал. — С другой стороны, может быть, это мое любопытство — своего рода психологическое несварение. Посмотрим. Мне бы нужно поговорить с одним агентом ФБР.

— Зачем?

— Я уверен, что знаю столько же, сколько полиция штата, но эти ребята из ФБР любят припрятать любопытные детали для себя. Особенно тот тип, который вел расследование.

— Ты думаешь, что сумеешь что-то у него выудить?

— Может, и нет, но хочу попробовать.

Раздался резкий звон разбитого стекла.

— Черт! — вскрикнула Мадлен на другом конце комнаты, отпрянув от раковины и глядя на руку.

— Что случилось? — спросил Гурни.

Мадлен оторвала бумажное полотенце от рулона, который стоял рядом с раковиной. Рулон упал на пол, но она не обратила внимания — ни на него, ни на вопрос Гурни. Она принялась промакивать полотенцем левую ладонь.

— Тебе нужна помощь? — Гурни встал и подошел к Мадлен. Поднял рулон и вернул его на место. — Дай я посмотрю.

Вслед за ним подошел и Кайл.

— Джентльмены, вернитесь на свои места, — нахмурилась Мадлен. Ей явно было неловко от излишнего внимания. — Я справлюсь сама. Ну порезалась, ничего страшного. Мне нужны только перекись и пластырь. — Она натянуто улыбнулась и вышла из кухни.

Мужчины переглянулись, и оба слегка пожали плечами.

— Хочешь кофе? — спросил Гурни.

Кайл покачал головой.

— Я пытаюсь вспомнить. Дело перешло в ведение ФБР из-за того типа из Массачусетса? Кардиохирурга?

Гурни моргнул.

— Черт, откуда ты это помнишь?

— Это было такое громкое дело.

В лице Кайла вдруг промелькнуло что-то такое, что Гурни понял: конечно же Кайл интересуется такими вещами, ведь это мир его отца.

— Верно, — сказал Гурни. Его кольнуло какое-то незнакомое чувство. — Точно не хочешь кофе?

— Наверное, хочу. Если ты тоже будешь.

Пока варился кофе, они стояли у французской двери. Желтые косые лучи вечернего солнца освещали покрытое остатками прошлогодней травы пастбище.

После долгого молчания Кайл спросил:

— Так что ты думаешь о проекте, которым она занимается?

— Ким?

— Да.

— Это большой вопрос. Думаю, тут все зависит от исполнения.

— По тому, как она это мне описала, кажется, она правда хочет создать правдивые портреты всех этих людей.

— Она-то хочет, другой вопрос — во что это превратит РАМ.

Кайл встревоженно моргнул:

— Да уж, они такого наворотили после этих событий. Круглые сутки этого дерьма, неделя за неделей.

— Ты это помнишь?

— Так ничего другого же не показывали. Эти убийства произошли как раз тогда, когда я переехал от мамы к Стейси Маркс.

— Тебе тогда было... пятнадцать?

— Шестнадцать. Мама тогда стала встречаться с Томом Джерардом, крутым агентом по недвижимости. — Глаза Кайла ярко блеснули, и он отчеканил: — Мамин дом, а в доме Том.

— Значит, — поспешил спросить Гурни, — ты помнишь эти передачи?

— У родителей Стейси телевизор не выключался. И все время «РАМ-Ньюс». Боже, я до сих пор помню их реконструкции.

— Реконструкции убийств?

— Да. У них там был один диктор, со зловещим голосом, взвинченно о

чем-то вещал, едва касаясь фактов, а тем временем актер вел блестящую черную машину по пустынной улице. Они все так показывали, даже выстрел и вылет машины на обочину — и только на полсекунды крохотными буквами: «Реконструкция». Как реалити-шоу без намека на реальность. И так день за днем. Они столько денег выкачали из этого дерьма, что должны были бы заплатить Доброму Пастырю.

— Теперь вспомнил, — сказал Гурни. — Всю эту вакханалию РАМ.

— К слову о вакханалии, ты когда-нибудь смотрел «Копов»? Довольно известный сериал, показывали примерно тогда же.

— Я видел часть одной серии.

— Я тебе, наверное, не говорил, но у нас в школе был один придурок, он знал, что ты работаешь в полиции, и все время меня спрашивал: «Вот чем зарабатывает твой папаша-коп? Вышибает двери в фургонах?» Короче, придурок. Я ему говорил: «Нет, придурок, он не этим занимается. И еще, придурок, он не просто коп, а детектив убийного отдела». Детектив первого класса, правда, пап?

— Правда, — Кайл говорил совсем как мальчишка, и у Гурни вдруг защемило в груди. Он отвел взгляд и посмотрел на амбар.

— Жаль, тогда еще не вышла статья о тебе в журнале «Нью-Йорк». Тогда бы он заткнулся. Потрясающая статья!

— Наверное, Ким тебе сказала, что эту статью написала ее мама?

— Да, сказала — когда я спросил, откуда вы знакомы. Она правда тебя очень ценит.

— Кто?

— Ким. Ким точно, возможно, и ее мама тоже. — Кайл снова усмехнулся и снова показался чуть ли не шестнадцатилетним. — Их очаровывает золотой значок детектива, да?

Гурни заставил себя рассмеяться.

Облако медленно напозло на солнце, и пастбище сделалось из золотисто-коричневого серовато-бежевым. На какое-то мгновение оно почему-то напомнило Гурни кожу на трупе. На конкретном трупе. На трупе человека из Доминиканы, чья смуглость словно бы вытекла из него вместе с кровью на тротуар в Гарлеме. Гурни откашлялся, словно пытаясь прогнать это видение.

Потом он услышал тихий гул. Гул нарастал, и скоро стало ясно, что это вертолет. Через полминуты он пролетел мимо них, мелькнув за верхушками деревьев на склоне. Отчетливый, тяжелый рокот винта умолк вдали, и вновь настала тишина.

— У вас здесь военная база рядом? — спросил Кайл.

- Нет, только водохранилища для Нью-Йорка.
- Водоохранилища? — задумался Кайл. — То есть ты думаешь, это вертолет Министерства внутренней безопасности?
- Вероятнее всего.

Глава 21

Опять сюрпризы

Они сели ужинать за большим деревянным столом в стиле «шейкер», отделявшим кухонное пространство от кресел у очага. Ким и Кайл попробовали и принялись нахваливать блюдо из риса и креветок со специями. Гурни отрешенно присоединился к похвалам, затем все замолчали и занялись едой.

Молчание нарушил Кайл:

— У этих людей, с которыми ты разговариваешь, — у них много общего?

Ким тщательно прожевала кусок и лишь потом ответила:

— Гнев.

— У всех? Через столько лет?

— У некоторых это виднее, они выражают его прямо. Но, я думаю, они все полны гнева — так или иначе. Это ведь естественно, правда?

Кайл нахмурился:

— Я думал, что гнев — это только стадия горя, со временем она проходит.

— Не проходит, если ситуация не завершена.

— То есть не пойман Добрый Пастырь?

— Не пойман, не установлен. После безумной погони Макса Клинтера он просто растворился в ночи. Это история без концовки.

Гурни скривился:

— По-моему, там проблема не только в концовке.

Повисло молчание. Все выжидающе посмотрели на него.

Наконец Кайл спросил:

— Ты считаешь, что ФБР в чем-то ошиблось?

— Я хочу это выяснить.

Ким казалась сбитой с толку.

— В чем ошиблось? Где именно?

— Я не говорил, что ФБР ошиблось. Я сказал лишь, что это возможно.

Кайл воодушевился:

— А в чем они могли ошибиться?

— Из того немногого, что мне известно на данный момент, примерно во всем, — он посмотрел на Мадлен. По лицу ее было видно, что в ней борются противоречивые чувства, но какие — не разобрать.

Ким была встревожена.

— Ничего не понимаю. О чем вы?

— Я ненавижу разбрасываться словами, но вообще-то вся их конструкция выглядит хлипкой. Как огромное здание почти без фундамента.

Ким замотала головой, словно спеша отмахнуться от этой мысли.

— Но когда вы говорите, что они во всем ошиблись, что...

Она осеклась: у Гурни зазвонил телефон.

Он вынул его из кармана, взглянул на экран и улыбнулся:

— Похоже, секунд через пять меня спросят о том же самом.

Он встал из-за стола и поднес телефон к уху:

— Привет, Ребекка. Спасибо, что перезвонила.

— Серьезная брешь во всех построениях ФБР? — голос ее звенел от злости. — Ты вообще о чем?

Гурни отошел к французской двери.

— Пока ни о чем конкретном. Но возникли вопросы. Есть там проблема или нет, зависит от ответов, — он стоял спиной к остальным, глядя на холмы, освещенные последними лучами багрового заката, и не понимая даже, как это красиво.

Он думал лишь о своей цели: добиться встречи с агентом Траутом.

— Вопросы? Что за вопросы?

— Их совсем немного. У тебя есть время?

— Вообще-то нет. Но я хочу знать. Говори.

— Первый и самый большой вопрос. У тебя были хоть какие-нибудь сомнения по поводу этого дела?

— Сомнения? Какого рода?

— Например, что это вообще было на самом деле.

— Непонятно. Говори конкретнее.

— Ты, ФБР, судебные психологи, криминалисты, социологи — почти все вы, кроме Макса Клинтера, — как будто во всем друг с другом согласны. Никогда не видел, чтобы в деле о серии нераскрытых убийств все пришли к такому приятному консенсусу.

— Приятному? — переспросила она ядовитым голосом.

— Я никого ни в чем не подозреваю. Просто похоже, что все, за странным исключением Клинтера, очень довольны существующим

объяснением. Я всего лишь спрашиваю, правда ли этот консенсус всеобщий и насколько ты сама во всем уверена.

— Послушай, Дэвид, я не могу тратить на разговор весь вечер. Давай ближе к делу. Что конкретно тебя смущает?

Гурни глубоко вдохнул, стараясь справиться с ответным раздражением.

— Меня смущает, что в этом деле много деталей, и все они были интерпретированы таким образом, чтобы вписаться в существующую концепцию. Такое впечатление, что главное тут — сама эта концепция, а не наоборот. — Его подмывало сказать «а не здравый, объективный, тщательный анализ фактов», но он сдержался.

Холденфилд замялась:

— Говори конкретнее.

— Все данные вызывают вопросы: каждая улика, каждый факт. Похоже, следствие отвечает на эти вопросы, исходя из своей версии. А не версия следствия складывается из ответов на вопросы.

— Ты считаешь, что это конкретнее?

— Хорошо. Вопросы такие: почему одни «мерседесы»? Почему только шесть? Почему «дезерт-игл»? Зачем несколько «дезерт-иглов»? Зачем фигурки зверей? Почему он написал манифест? Почему холодная логическая аргументация сочетается с библейскими проклятиями? Зачем так упорно повторять...

Холденфилд раздраженно оборвала его:

— Дэвид, все эти вопросы подробно рассматривались и обсуждались — все до единого. На все есть четкие и разумные ответы, они складываются в связную картину. Я правда не понимаю, о чем ты.

— То есть ты хочешь сказать, что у следствия никогда не было альтернативной версии?

— Для нее не было никаких оснований. Черт возьми, в чем проблема?

— Ты можешь его описать?

— Кого?

— Доброго Пастыря.

— Могу ли я его описать? Не знаю. Твой вопрос имеет смысл?

— По-моему, да. Так что ты ответишь?

— Отвечу, что я не согласна. Твой вопрос не имеет смысла.

— У меня такое впечатление, что ты не можешь его описать. И я не могу. Это наводит на мысль, что в профиле должны быть противоречия, поэтому весь персонаж так сложно представить. Ну и, конечно, это может быть женщина. Сильная женщина, которой по руке «дезерт-игл». Или это

могут быть несколько человек. Но сейчас я о другом.

— Женщина? Что за бред.

— Сейчас нет времени об этом спорить. У меня последний вопрос. Невзирая на ваш профессиональный консенсус, не приходилось ли тебе, или другим судебным психологам, или вашим коллегам из отдела анализа поведения хоть в чем-то не соглашаться с существующей версией следствия?

— Разумеется, приходилось. Звучали самые разные мнения, по-разному расставлялись акценты.

— Например?

— Например, в теории резонанса паттернов акцент делается на перенаправлении энергии первоначального травматического опыта в текущую ситуацию. Таким образом, события настоящего оказываются не более чем транспортным средством для эмоций из прошлого. А в теории инстинкта подражания события настоящего имеют большее значение. Да, это повторение паттерна из прошлого, но оно не лишено собственного содержания и собственной энергии. Еще одна теория, которую можно применить в этой ситуации, — теория межпоколенческой передачи насилия, это одна из теорий выученного поведения. Все эти идеи подробно обсуждались.

Гурни рассмеялся.

— Что здесь смешного?

— Так и вижу, как вы смотрите на кокосовую пальму на горизонте и обсуждаете, сколько на ней орехов.

— Что ты хочешь сказать?

— А вдруг пальма — это мираж? Коллективная иллюзия?

— Дэвид, если у кого-то из нас иллюзии, то точно не у меня. Ты получил ответы?

— Кому выгодна существующая версия?

— Что?

— Кому выгодна...

— Я тебя слышала. Какого черта...

— Я не могу отделаться от чувства, что здесь какая-то слишком тесная связь: факты расследования отлично прикрывают слабые места фэбээровской методологии и прекрасно позволяют участникам следствия продвигаться по карьерной лестнице.

— Не могу поверить, что ты это сказал. Не могу поверить. Это просто оскорбление. Я сейчас повешу трубку. У тебя последний шанс объясниться. Давай. Быстро.

— Ребекка, мы все время от времени сами себя дурачим. Видит Бог, я-то знаю. Я вовсе не хотел тебя оскорбить. Ты видишь в деле Доброго Пастыря историю блистательного психопата с параноидальными идеями, которого подавленная ярость так трагически побудила атаковать символы власти и богатства. А я сам не понимаю, что я вижу в этом деле, но чувствую, что напрасно вы все так уверены в своих суждениях. Вот и все. Я лишь хочу сказать, что многие выводы были сделаны — и приняты всеми — чересчур уж быстро.

— И что для тебя из этого следует?

— Пока не понимаю. Просто мне любопытно.

— Как Максу Клинтеру?

— Ты всерьез это спрашиваешь?

— Более чем.

— Макс, по крайней мере, понимает, что это дело вовсе не так ладно устроено, как думаете вы с ребятами из ФБР. Он хотя бы понимает, что между жертвами могла быть какая-то иная связь, помимо черных «мерседесов».

— Дэвид, что ты имеешь против ФБР?

— Иногда их сбивает с толку собственная привычка вести дела и принимать решения, собственная страсть все контролировать, собственные методы.

— Они просто-напросто знают свое дело. Они умны, объективны, дисциплинированы, открыты ценным идеям.

— Это значит, что они платят тебе вовремя и без разговоров?

— Этим замечанием ты тоже не хотел меня оскорбить?

— Этим замечанием я имел в виду, что мы склонны видеть хорошее в тех, кто хорошо к нам относится.

— Знаешь, Дэвид, такому говну, как ты, впору идти в адвокаты.

Гурни засмеялся:

— Вот это мне нравится. Но вот что я тебе скажу. Будь я адвокатом, я бы обрадовался такому клиенту, как Добрый Пастырь. У меня такое чувство, что версия ФБР так же основательна, как дым на ветру. И мне уже не терпится это доказать.

— Понятно. Удачи.

Она бросила трубку.

Гурни положил телефон в карман. В ушах у него все еще стоял собственный непривычно агрессивный голос. Он наконец взгляделся пейзаж за окном. От заката осталось лишь пурпурное пятно, постепенно темнеющее, как синяк, в сером небе над холмами.

— Кто это был? — спросила Ким у него за спиной.

Гурни обернулся. Ким, Мадлен и Кайл по-прежнему сидели за столом и смотрели на него. Вид у всех был озабоченный, а больше всего у Ким.

— Это судебный психолог. Она много всего написала о деле Доброго Пастыря и была консультантом ФБР в делах о других серийных убийствах.

— Что... что вы делаете? — тихий голос Ким звучал напряженно, словно она была в ярости, но пыталась сдержаться.

— Я хочу знать все, что можно знать об этом деле.

— Что значат эти разговоры, что все ошиблись?

— Не обязательно ошиблись, но не опирались толком на факты.

— Я не понимаю, о чем вы. Я же вам говорила, что Руди Гетц хочет уже начать выпускать мою передачу, показывать отснятые пробные интервью. Руди хочет использовать необработанную запись, которую я сделала на собственную камеру. По его словам, так реалистичнее. Я вам про это говорила, он правда собирается раскручивать эту передачу — на всю страну, на «РАМ-Ньюс». А теперь вы говорите, что все ошиблись или могли ошибиться. Я не понимаю, зачем вы это делаете. Я вас не об этом просила. Так все развалится. Почему вы это делаете?

— Ничего не развалится. Я пытаюсь разобраться в том, что происходит. Случилось несколько неприятных событий, и с тобой, и со мной...

— Это не повод не глядя вступать в мой проект, переворачивать все с ног на голову, чтобы доказать, что все не так!

— Единственное место, куда я пошел не глядя, был твой подвал. Я хочу уберечь нас обоих от повторения этой ошибки.

— Тогда просто присматривайте за моим дебильным парнем! За дебильным бывшим, — поправила она.

— Предположим, это был не он. Предположим...

— Не дурите! Кто еще это мог быть?

— Кто-то, кто знает о проекте и не хочет, чтобы ты довела его до конца.

— Кто? И почему не хочет?

— Отличные вопросы. Начнем с первого. Сколько людей знает про твою работу?

— Про передачу? Возможно, миллион.

— Что?

— Миллион как минимум. Может, и больше. Читали на сайте РАМ, в их интернет-новостях, в рассылках для местных газет и каналов, на странице РАМ в Фейсбуке, у меня и у Конни в Фейсбуке, у меня в Твиттере

— боже, да где этого нет. Там есть и все участники, все их связи.

— То есть эта информация доступна всем?

— Разумеется. Максимальная публичность. В этом и смысл.

— Понятно. Значит, к этому вопросу нужно подойти с другой стороны.

Ким посмотрела на него с выражением боли на лице:

— Вообще не нужно к нему подходить — не нужно ничего такого.

Боже, Дэйв. — На глаза у нее навернулись слезы. — Это же решающий момент. Неужели вы не понимаете? Мне трудно в это поверить. Моя первая серия выходит уже на днях, а вы говорите кому-то по телефону, что все дело Доброго Пастыря... как вы сказали? Я даже повторить этого не могу. — Она покачала головой и кончиками пальцев смахнула слезы. — Простите меня. Я... я не... Черт! Простите.

Она выбежала из комнаты, и через несколько секунд хлопнула дверь ванной.

Гурни посмотрел на Кайла: тот на фут отодвинул свой стул от стола и, кажется, разглядывал пятно на полу. Потом перевел взгляд на Мадлен: она смотрела на него с тревогой, и от этого ему стало не по себе.

Он в недоумении развел руками:

— Что я такого сделал?

— Подумай, — сказала Мадлен. — Подумай и поймешь.

— Кайл?

Тот посмотрел на Гурни и слегка пожал плечами:

— Похоже, ты до смерти ее напугал.

Гурни нахмурился:

— Чем? По телефону кому-то сказал, что в версии ФБР есть брешь?

Кайл не ответил.

— Ты ведь сделал не только это, — тихо сказала Мадлен.

— То есть?

Она не ответила и принялась убирать со стола посуду.

Гурни повторил свой вопрос, обращаясь к пустому пространству между Мадлен и Кайлом:

— Что такого ужасного я сделал?

На этот раз Кайл ему ответил.

— Ничего ужасного ты не сделал, и вообще ты не специально, но...

По-моему, у Ким создалось впечатление, что ты хочешь развалить весь ее проект.

— Ты не просто сказал, что там есть маленькая брешь, — добавила Мадлен. — Ты имел в виду, что все это дело расследовалось неправильно, мало того, что ты собираешься это доказать. Иными словами, не оставить

от этого дела камня на камне.

Гурни глубоко вдохнул.

— У меня была причина так себя вести.

— Причина? — Мадлен это, похоже, насмешило. — Кто б сомневался. У тебя всегда найдется причина.

Гурни на секунду прикрыл глаза, как будто в темноте ему было легче совладать с собой:

— Я хотел огорчить Холденфилд, чтобы она связалась с одним агентом ФБР, непробиваемым типом по фамилии Траут, — чтобы она огорчила его и он захотел бы со мной встретиться.

— С чего бы ему этого захотеть?

— Чтобы выяснить, правда ли я знаю про это дело что-то такое, что может доставить ему неудобство. А у меня появился бы случай выяснить, не знает ли он чего-нибудь такого, что не сообщалось широкой публике.

— Что ж, если твоя стратегия — огорчать людей, то ты преуспел. — Мадлен указала ему на тарелку с рисом и креветками, все еще полную: — Ты будешь доедать?

— Нет. — Ответ его прозвучал неожиданно резко, и он добавил: — Не сейчас. Я, наверное, выйду подышать, может, в голове прояснеет.

Гурни прошел в прихожую и надел легкую куртку. Выходя через боковую дверь навстречу густеющим сумеркам, он услышал, как Кайл что-то говорит Мадлен: негромко, неуверенным голосом, неразборчиво.

Гурни расслышал только два слова: «папа» и «сердится».

Пока Гурни сидел на скамейке у пруда, совсем стемнело. Тоненький серп луны, проглядывавший из-за густых туч, позволял лишь едва-едва различать, что вокруг.

Вернулась боль в руке. Она накатывала приступами и, похоже, не зависела ни от положения, ни от сгиба в локте и напряжения мышц. Она еще больше усиливала раздражение от слов Холденфилд, от его собственной склочности и от поведения Ким.

Он понимал две вещи, и эти две вещи противоречили друг другу. Во-первых, залогом его профессионального успеха всегда была спокойная, безукоризненная объективность. Во-вторых, эта самая объективность сейчас была под вопросом. Гурни подозревал, что слишком медленное выздоровление, чувство собственной уязвимости, ощущение, что его выпихивают на обочину — страх утратить свою значимость — вызывали в нем беспокойство и злость, которые могли повлиять на его суждения.

Он потер предплечье, но боль не утихла. Похоже, ее источник был где-

то в другом месте, возможно, в защемленном нерве в позвоночнике, а мозг перепутал место воспаления. Как со звоном в ушах: какое-то неврологическое нарушение мозг интерпретировал как гулкий металлический звук.

И все же, как ни грызли его сомнения и неуверенность, он мог бы побиться об заклад, что в деле Доброго Пастыря есть что-то ненормальное, что-то в нем не сходится. Его чуткость к разного рода противоречиям никогда его не подводила, и теперь...

Мысли его прервал звук, похожий на звук шагов, донесшийся, кажется, со стороны амбара. Обернувшись, он увидел пятно света, движущееся по пастбищу между амбаром и домом. А присмотревшись, понял, что это огонек фонарика: по тропе кто-то спускался.

— Пап! — послышался голос Кайла.

— Я здесь, — отозвался Гурни. — У пруда.

Луч фонарика забегал, отыскал его.

— А здесь ночью нет зверей?

Гурни улыбнулся.

— Им не резон с тобой встречаться.

Через минуту Кайл подошел к скамейке.

— Ты не против, если я с тобой посижу?

— Конечно, — Гурни подвинулся.

— Елки, ну и темень, — с другой стороны пруда донесся звук: в лесу что-то упало. — Черт! Что это было?

— Не знаю.

— Ты уверен, что в этом лесу нет зверей?

— В лесу полно зверей. Олени, медведи, лисы, койоты, рыси.

— Медведи?

— Черные медведи. Обычно они безобидны. Если без детенышей.

— И что, настоящие рыси?

— Одна или две. Иногда я вижу их в свете фар, когда еду вверх по холму.

— Ого! Тут у вас совсем глушь. Никогда не видел настоящую рысь.

Кайл с минуту помолчал. Гурни хотел было спросить, о чем он думает, но он сам продолжил:

— Ты правда думаешь, что в деле Доброго Пастыря следствие что-то упустило?

— Возможно.

— Когда ты говорил по телефону, ты казался вполне уверенным. Поэтому Ким так забеспокоилась.

— Понимаешь...

— Значит, ты считаешь, что все ошиблись?

— Ты много знаешь об этом деле?

— Как я уже сказал, все. То есть все, что было по телевизору.

Гурни покачал головой в темноте.

— Забавно. А я и не помню, чтобы тебя это тогда интересовало.

— Очень интересовало. Но ты и не должен помнить. Тебя, по сути, не было рядом.

— Был, когда ты приезжал на выходные. По крайней мере, по воскресеньям.

— Ну да, физически ты был рядом, но всегда казалось... не знаю, как будто ты думаешь о чем-то важном.

Повисло молчание. Затем Гурни сказал, слегка запинаясь:

— И, наверное... когда ты стал встречаться со Стейси Маркс... ты приезжал не каждые выходные.

— Думаю, нет.

— После того как вы расстались, ты с ней общался?

— А я тебе не рассказывал?

— По-моему, нет.

— Стейси что-то совсем слетела с катушек. Почти не вылезает из реабилитационных центров. Подсела на ЛСД, похоже. Я ее видел на свадьбе у Эдди Берка. Ты ведь помнишь Эдди?

— Вроде да. Такой рыжий мальчик?

— Нет, это его брат Джимми. Ну неважно. Короче, Стейси подсела на наркотики.

Повисло долгое молчание. Гурни ни о чем не думал, не мог сосредоточиться. Ему было беспокойно.

— Что-то прохладно, — сказал Кайл. — Может, вернемся в дом?

— Давай. Я тебя догоню.

И ни один из них не двинулся с места.

— Ты... ты так и не договорил, что тебя смущает в деле Доброго Пастыря. Похоже, ты один видишь какие-то проблемы.

— Возможно, в этом и проблема.

— Поясни для непросветленных.

Гурни коротко засмеялся.

— Проблема в том, что им ужасно не хватает критического мышления. Вся эта версия следствия слишком уж ладно скроена, слишком проста и слишком полезна для многих. Ее не ставили под сомнение, не обсуждали, не проверяли, не перетряхивали и не разрывали по швам, потому что она

понравилась слишком уж многим экспертам, облеченным властью. Хрестоматийные серийные преступления хрестоматийного психопата.

Немного помолчав, Кайл заметил:

— Видно, что тебя это достало.

— Ты знаешь, как выглядит человек, получивший в висок экспансивную пулю пятидесятого калибра?

— Думаю, пренеприятно.

— Это самое бесчеловечное зрелище, какое можно себе представить. Так называемый Добрый Пастырь проделал это с шестью людьми. Он не просто убил их. Он превратил их в месиво, жалкое и жуткое. — Гурни замолчал, вглядываясь в темноту. И лишь потом продолжил: — Эти люди заслуживают лучшего отношения. Они заслуживают более серьезного расследования. С вопросами.

— Так какой у тебя план? Собрать все нестыковки и показать, как дело трещит по швам?

— Если сумею.

— Ты же как раз в этом силен?

— Когда-то был. Поживем — увидим.

— Все получится. У тебя же никогда не было провалов.

— Разумеется, были.

Они вновь замолчали. Потом Кайл спросил:

— А какого рода это вопросы?

— М-м?.. — отозвался Гурни, погруженный в раздумья о своих неудачах.

— Я хотел уточнить: какого рода вопросы ты имеешь в виду?

— А, да не знаю. Несколько общих и расплывчатых вопросов: что за личность выдают нам язык манифеста, подготовка нападений, выбор оружия. И множество мелких вопросов — например, почему он выбирал только черные «мерседесы»...

— И почему все выпущены в Зиндельфингене?

— Выпущены... где?

— Все шесть машин были выпущены на заводе «Мерседес» в Зиндельфингене, под Штутгартом. Возможно, это ничего и не значит. Просто маленькая деталь.

— Откуда, скажи на милость, ты это знаешь?

— Я же говорил, я этим интересовался.

— Про Зиндельфинген было в новостях?

— Нет. В новостях были модели и годы выпуска. А я... понимаешь... пытался разобраться. Я задумался, что еще общего у этих машин, кроме

марки и цвета. У «Мерседеса» много заводов по всему миру. Но все эти машины были выпущены в Зиндельфингене. Совпадение, да?

Лица Гурни в темноте не было видно. Но он повернулся к Кайлу:

— Я все же не понимаю, почему...

— Почему я так заморачивался? Сам не знаю. Я думаю... я... я хочу сказать, я разузнавал про такие вещи... преступления там... убийства...

Гурни был ошеломлен. Десять лет назад его сын играл в сыщика. И кто знает, когда это началось? После каких событий? И почему, черт возьми, он ничего об этом не знал? Как мог не заметить?

Господи, черт меня дери, неужели я был таким неприступным? Настолько в работе, в своих мыслях, в своих делах?

Гурни почувствовал, как к горлу подступают слезы, и не знал, что делать.

Он откашлялся.

— А что они выпускают в Зиндельфингене?

— Флагманские модели. Этим, наверное, и можно объяснить совпадение. То есть поскольку Пастырь выбирал только самые дорогие «мерседесы», то они все как раз с этого завода.

— И все равно интересно. И ты потрудился это выяснить.

— Так ты не хочешь пойти в дом? — спросил Кайл, помолчав. — Похоже, собирается дождь.

— Я скоро приду. Иди вперед.

— Оставить тебе фонарик? — Кайл включил его и направил на склон холма, высветив грядку спаржи.

— Незачем. Я тут каждую кочку и каждую ямку знаю.

— Ладно, — Кайл медленно встал, пробуя ногой землю перед скамейкой. От пруда донесся тихий всплеск. — Черт, что это?

— Лягушка.

— Ты уверен? Здесь есть змеи?

— Почти нет. Да и те маленькие и безобидные.

Кайл, казалось, обдумывал эту информацию.

— Ладно, — сказал он. — Увидимся дома.

Гурни посмотрел ему вслед — точнее сказать, вслед его фонарику, свет которого заскользил вверх по тропе. Потом откинулся на спинку скамейки, закрыл глаза и вдохнул сырой воздух. Он чувствовал себя опустошенным.

Внезапно он открыл глаза: где-то за амбаром, в лесу, хрустнула ветка. Секунд через десять снова. Гурни встал со скамейки и прислушался, напряженно вглядываясь в бездонные темные пятна и тени вокруг.

Он подождал пару минут: все было тихо — и, осторожно ступая,

направился к амбару, стоявшему ярдах в ста от скамейки. Затем медленно обошел это массивное деревянное сооружение, двигаясь по поросшей травой кромке вокруг, то и дело останавливаясь и прислушиваясь. Останавливаясь, он всякий раз раздумывал, не пора ли достать «беретту». Но всякий же раз решал, что погорячился.

Повисла мертвая тишина. Ночная роса просочилась сквозь ботинки и намочила Гурни ноги. Он недоумевал, что, собственно, думает обнаружить и зачем обходит кругом этот амбар. Потом посмотрел на дом, стоявший выше по склону. Окна уютно светились янтарным светом.

Он решил срезать путь и пошел через поле, но споткнулся о сурковую норку и упал. На несколько секунд предплечье пронзила жгучая боль. Войдя в дом, он по лицу Мадлен понял, что вид у него замызганный.

— Я споткнулся, — объяснил он, вытирая рубашку. — Где все?

Мадлен явно удивилась:

— А ты разве не видел Ким?

— Ким? Где?

— Она вышла из дома пару минут назад. Я подумала, она хочет поговорить с тобой наедине.

— Она там одна, в темноте?

— В доме ее нет.

— А где Кайл?

— Пошел наверх. Какие-то дела.

Ее тон показался Гурни странным.

— Наверх?

— Да.

— Он останется ночевать?

— Конечно. Я предложила ему желтую спальню.

— А Ким другую?

Глупый вопрос. Разумеется, другую. Но не успела Мадлен ответить, как раздался скрип боковой двери, затем тихое шуршание куртки. В кухню вошла Ким.

— Ты не заблудилась? — спросил Гурни.

— Нет. Я просто решила выйти посмотреть по сторонам.

— В темноте?

— Посмотреть на звезды, если получится. Подышать деревенским воздухом, — голос ее звучал натянуто.

— Для звезд не лучшее время.

— Не лучшее. Честно говоря, мне стало немножко страшно. — Она замялась. — Послушайте... я хочу извиниться за то, как я с вами

разговаривала.

— Не стоит. Это я должен извиниться, что расстроил тебя. Я понимаю, как тебе важен этот проект.

— Все равно я не должна была говорить таких слов. — Она смущенно помотала головой. — Вечно выбираю не то время.

Гурни не понял, при чем здесь время, но спрашивать не стал, опасаясь потока новых неловких извинений.

— Я хочу кофе. Составишь мне компанию?

— Конечно, — ей явно полегчало. — С удовольствием.

— Садитесь-ка лучше за стол, — твердо сказала Мадлен. — Я накрою на всех.

Они сели за стол. Мадлен включила в розетку кофеварку. Через две секунды свет погас.

— Что за черт? — сказал Гурни.

Ни Мадлен, ни Ким не ответили.

— Может быть, из-за кофеварки выбило пробки? — предположил он.

Он собирался было встать, но Мадлен его остановила:

— С пробками все в порядке.

— Тогда почему?.. — И тут в коридоре, ведущем к лестнице, замерцал огонек.

Огонек этот приближался. Гурни услышал голос Кайла — он что-то пел. Вскоре Кайл вошел в кухню, неся торт с зажженными свечками, распевая все громче:

— С днем рожденья тебя, с днем рожденья тебя, с днем рождения, папа, с днем рожденья тебя!

— Боже... — Гурни заморгал. — Сегодня какое?.. Правда?..

— С днем рожденья, — тихо сказала Мадлен.

— С днем рожденья! — воскликнула Ким и встревоженно прибавила: — Теперь вы понимаете, почему я чувствовала себя такой душой. Нашла время.

— Боже, — Гурни покачал головой. — Вот так сюрприз.

Широко улыбаясь, Кайл осторожно поставил сияющий торт на середину стола.

— Я в свое время бесился, как он может забыть про мой день рожденья. Но потом понял, что он и про свой-то не помнит, так что все не так плохо.

Ким рассмеялась.

— Загадывай желание и задувай, — сказал Кайл.

— Хорошо, — отозвался Гурни. Затем молча загадал желание: «Боже,

помоги мне сказать то, что надо». Помедлил, сделал глубокий вдох и одним махом задул две трети свечей. И со второго раза — оставшиеся.

— Получилось! — сказал Кайл.

Он вышел в холл и зажег свет в кухне.

— Я думал, их полагается задуть с одного раза, — сказал Гурни.

— Их слишком много. Никто не сумеет задуть сорок девять свечек разом. По правилам после двадцати пяти полагается две попытки.

Гурни в изумлении взглянул на Кайла и тлеющие свечи и вновь испугался, что вот-вот заплачет.

— Спасибо.

Кофеварка зафыркала. Мадлен пошла с ней разобраться.

— Знаете, — сказала Ким, — вам совсем не дашь сорок девять. Я бы дала, наверное, тридцать девять.

— Тогда бы Кайл родился у меня в тринадцать, — отшутился Гурни. — А в одиннадцать я бы женился на его матери.

— Эй, я чуть не забыл, — спохватился Кайл.

Он достал из-под стула подарочную коробку — по размеру для шарфа или рубашки. Коробка была обернута в блестящую голубую бумагу с белой ленточкой. Под ленточку был просунут конверт размером с открытку. Кайл протянул коробку Гурни.

— Боже... — Гурни стало неловко.

Сколько уже лет они с Кайлом не дарили друг другу подарков?

Кайл глядел на него с тревожным воодушевлением.

— Просто я подумал, что тебе надо такое подарить.

Гурни развязал ленточку.

— Сначала посмотри открытку, — сказал Кайл.

Гурни открыл конверт и достал открытку.

На обложке веселым курсивом было написано: *«С днем рождения! Эта мелодия — для тебя!»*

В центре он нащупал какое-то уплотнение — не иначе еще одна бубнилка с мелодией. Наверное, когда он откроет открытку, оттуда польется очередная версия все той же песни.

Но проверить это он не успел.

Ким посмотрела на что-то в окно и вдруг вскочила. Стул опрокинулся, но она не заметила и кинулась к французской двери.

— Что это? — в панике вскричала она, уставившись на склон и подняв руки к лицу. — Боже, что это?

Глава 22

На следующее утро

Ночью то и дело шел дождь. Теперь же над землей повис жиденький туман.

— Ты что, хочешь выйти на улицу? — спросила Мадлен, бросив взгляд на Гурни.

Ей явно было зябко. Она сидела за столом, надев свитер прямо поверх ночной рубашки и обхватив ладонями чашку кофе.

— Нет. Просто смотрю.

— Когда ты открываешь дверь, сюда проникает запах дыма.

Гурни закрыл французскую дверь, которую перед этим открыл раз в десятый за утро: чтобы лучше было видно амбар, вернее, то, что от него осталось.

Большая часть деревянной обшивки и вся крыша сгорели накануне вечером в устрашающем пожаре. Остался голый скелет из столбов и балок, но и тот уже ни на что не годился. Все, что еще не рухнуло, предстояло снести.

Легкий, чуть плывущий туман придавал всей картине ощущение нереальности. А может быть, подумал Гурни, это его собственное внутреннее ощущение — оттого, что он не спал всю ночь. Рыбья медлительность следователя по поджогам из Бюро криминальных расследований усугубляла общее впечатление. Он явился к 8:00 на смену местным пожарным и полиции и вот уже два часа бродил среди головешек и развалин.

— Этот малый все еще там? — спросил Кайл из кресла у камина в дальнем углу комнаты. В другом кресле сидела Ким.

— Он не торопится, — сказал Гурни.

— Думаешь, найдет что-то интересное?

— Зависит от того, насколько хорошо он знает свое дело и насколько осторожен был поджигатель.

В сером мареве было видно, как следователь со скрупулезной неторопливостью обходит по периметру руины амбара. Его сопровождал большой пес на длинном поводке. Насколько можно было разглядеть, черный или коричневый лабрадор — без сомнения, он с той же тщательностью подходил к поиску горючих веществ, как его хозяин — к сбору улики.

— Все равно пахнет дымом, — сказала Мадлен. — Наверное, от твоей

одежды. Может, примешь душ?

— Чуть позже, — отозвался Гурни. — Сейчас мне надо подумать.

— Хоть бы рубашку сменил.

— Сменю. Но не сию секунду, хорошо?

— Итак, — сказал Кайл после неловкого молчания, — у тебя есть подозрения, кто мог это сделать?

— Подозрения есть. Я вообще подозрительный. Но подозревать и обвинять — это, черт возьми, разные вещи.

Кайл в кресле подался вперед.

— Я всю ночь об этом думал. Даже когда пожарные уехали, не мог уснуть.

— Думаю, никто из нас не спал. Я-то точно.

— Возможно, он себя выдаст.

Гурни отвернулся от окна и посмотрел на Кайла.

— Поджигатель? Почему ты так думаешь?

— Разве эти идиоты не всегда пробалтываются в каком-нибудь баре?

— Иногда.

— Думаешь, этот проболтается?

— Смотря зачем он затеял пожар.

Кайла, казалось, удивил этот ответ.

— А разве это не просто пьяный охотник, которого взбесили таблички «Охота запрещена»?

— Думаю, это возможно.

Мадлен нахмурилась, глядя в кружку.

— Учитывая, что он сорвал полдюжины табличек и поджег перед дверью амбара — может, это более чем возможно?

Гурни снова посмотрел в окно.

— Подождем, что скажет человек с собакой.

Кайл был заинтригован.

— Когда он срывал таблички, он наверняка оставил следы, может, даже отпечатки пальцев на заборе. А может, что-то обронил. Об этом нужно сказать специалисту по поджогам?

Гурни улыбнулся.

— Если он знает свое дело, говорить не понадобится. А если не знает — не поможет.

Ким поежилась и нырнула поглубже в кресло.

— Брр. Прямо мурашки, как подумаю, что он был там в то же время, что и я, ползал где-то в темноте.

— Вы все там были, — сказала Мадлен.

— Точно, — сказал Кайл. — На скамейке. Боже. Он мог быть в нескольких ярдах от нас. Черт!

Или в нескольких футах, подумал Гурни. А то и дюймах. И внутренне поморщился, вспоминая свой обход амбара в темноте.

— Мне только что пришло в голову, — сказал Кайл. — За те несколько лет, что вы здесь живете, к вам никто не подходил с просьбой разрешить поохотиться?

— Подходили, не раз, — отозвалась Мадлен. — Когда мы только сюда переехали. Мы всегда отказывали.

— Может, это один из тех, кому вы отказали. Может, кто-то из них особенно бесился по этому поводу? Или заявлял, что имеют право?

— Некоторые были дружелюбны, другие нет. Чтобы кто-то качал права, не помню.

— А не угрожали вам? — спросил Кайл.

— Нет.

— И вандализма не было?

— Нет, — Мадлен посмотрела на Гурни. Тот глядел на красноперую стрелу на буфете. — Похоже, твой отец раздумывает, считать ли вот это вандализмом.

— Что вот это? — Кайл вытаращил глаза.

Мадлен не отвечала, лишь по-прежнему смотрела на Гурни.

— Стрела. Острая как бритва, — Гурни указал на стрелу. — Торчала в клумбе.

Кайл подошел к буфету, взял в руки стрелу и нахмурился.

— Странно. А еще такой вот странной фигни не случалось?

Гурни пожал плечами:

— Нет, если не считать, что у трактора вдруг оказалась сломана борона, а перед этим была в порядке. Ну и если не считать дикобраза в гараже...

— Илидохлого енота в дымоходе или змеи в почтовом ящике, — добавила Мадлен.

— Змея? В почтовом ящике? — в ужасе переспросила Ким.

— Крошечная, больше года назад, — сказал Гурни.

— До смерти меня напугала, — сказала Мадлен.

Кайл переводил взгляд с одного на другую.

— И если все это произошло после того, как вы повесили таблички «Охота запрещена», неужели это вам ни о чем не говорит?

— Как тебя, несомненно, учат на занятиях по праву, — ответил Гурни жестче, чем хотел, — «после» не означает «вследствие».

— Но раз он сорвал ваши таблички... то есть... если этот поджигатель не долбанутый охотник, уверенный, что вы лишили его законного права отстреливать тут оленей, то кто же он тогда? Кто еще мог такое сделать?

Пока они так стояли и разговаривали у французской двери, к ним тихо подошла Ким.

Дрожащим голосом она спросила:

— Вы думаете, это мог быть тот же человек, который подпилит ступеньку у меня в подвале?

Отец и сын оба собрались ответить, как вдруг откуда-то с улицы донесся лязг металла.

Гурни поглядел сквозь стеклянную дверь на развалины амбара. Лязг раздался снова. Гурни смог различить только фигуру следователя, который, стоя на коленях, долбил чем-то вроде маленькой кувалды бетонный пол амбара.

Кайл подошел и встал у отца за спиной:

— Черт! Что он делает?

— Вероятно, работает молотком и зубилом, чтобы увеличить трещину в полу. Хочет взять пробу почвы из-под амбара.

— Зачем?

— Когда горючее вещество попадает на пол, оно обычно просачивается во все трещины и оттуда в землю. Если удастся обнаружить несгоревшее вещество, его получится точно определить.

Во взгляде Мадлен загорелась злость: все еще хуже, чем она думала.

— Наш амбар еще и облили бензином, прежде чем поджечь?

— Бензином или чем-то подобным.

— Откуда вы знаете? — спросила Ким.

Гурни не ответил, и вместо него объяснил Кайл.

— Потому что все сгорело очень быстро. Обычное пламя распространялось бы дольше. — Он взглянул на отца. — Так ведь?

— Так, — тихо отозвался Гурни.

Ему все не давало покоя предположение Ким, что подпилить ступеньку и поджечь амбар мог один и тот же человек. Он повернулся к ней.

— Почему ты так думаешь?

— Как думаю?

— Что это мог быть один человек — здесь и у тебя в подвале?

— Просто пришло в голову.

Он обдумал это. И вспомнил вопрос, который хотел задать ей еще вчера вечером:

— Скажи-ка мне вот что, — тихо начал он, — тебе что-нибудь говорят слова «не буди дьявола»?

Ее реакция была мгновенной и ошеломила его.

Глаза ее распахнулись от страха, она попятилась.

— Господи! Откуда вы знаете?

Глава 23

Подозрение

Пораженный такой реакцией, Гурни не нашелся, что сказать.

— Это все Робби! — воскликнула она. — Черт, это Робби вам рассказал, да? Но если он рассказал, зачем вы спрашиваете, говорит ли мне это о чем-нибудь?

— Чтобы получить ответ.

— Не понимаю.

— Два дня назад у тебя в подвале я кое-что услышал.

Ким так и застыла.

— Что?

— Голос. Точнее, шепот.

Она резко побледнела.

— Какой шепот?

— Не слишком приятный.

— Господи! — она сглотнула. — В подвале кто-то был? Господи! Мужчина или женщина?

— Трудно сказать. Думаю, все же мужчина. Там было темно, я никого не видел.

— Боже! И что он сказал?

— Не буди дьявола.

— Господи! — Ее испуганные глаза словно осматривали какую-то опасную местность.

— Как, по-твоему, что это значит?

— Это... конец одной сказки. Отец рассказывал ее мне, когда я была маленькой. В жизни не слышала сказки страшнее.

Гурни заметил, что она машинально ковыряет кутикулу на большом пальце, отрывает кусочки кожи.

— Сядь, — сказал он. — Успокойся. Все будет хорошо.

— Успокоиться?

Гурни улыбнулся и мягко спросил:

— Можешь рассказать нам эту сказку?

Чтобы успокоиться, Ким ухватилась за спинку стула. Затем прикрыла глаза и несколько раз глубоко вздохнула.

Минуту-другую спустя она открыла глаза и начала дрожащим голосом:

— Она... она простая и короткая, но когда я была маленькой, казалась такой... огромной. И страшной. Целый мир, который тебя засасывает. Как кошмар. Отец говорил, что это выдумка. Но рассказывал так, будто все было взаправду. — Она сглотнула. — Жил-был король, и издал он такой указ, чтобы раз в год к нему в замок приводили всех плохих детей — тех, кто безобразничал, врал или не слушался. Эти дети были такие плохие, что родителям они были больше не нужны. Целый год король держал их в своем замке. Все у них было: вкусная еда, одежда, мягкая постель, и они могли делать все что пожелают. Кроме одного. В самом глубоком, самом темном подземелье замка была комната, и в комнату эту им нельзя было заходить. Комната была совсем маленькая, холодная, и в ней была только одна вещь. Длинный, покрытый плесенью деревянный сундук. На самом деле это был старый полусгнивший гроб. Король рассказывал детям, что в этом гробу спит дьявол — самый злой демон на свете. Каждую ночь, когда дети ложились спать, король ходил от кровати к кровати и шептал детям на ухо: «Не ходи в темную комнату. Не подходи к прогнившему гробу. Если хочешь дожить до утра, не буди дьявола». Но не все дети были благоразумны и слушались короля. Некоторые подозревали, что он все выдумал про дьявола, а на самом деле хранит в сундуке свои драгоценности. И бывало, что какой-нибудь ребенок встанет ночью, проберется в темную комнату и откроет полусгнивший гроб-сундук. Тогда в замке раздавался истошный крик, словно вопль животного, угодившего в волчью пасть. И никогда больше этого ребенка не видели.

За столом повисло ошеломленное молчание.

Первым заговорил Кайл.

— Черт возьми! И такую вот сказку папа рассказывал тебе на ночь?

— Он не так часто ее рассказывал, но когда рассказывал, я всегда пугалась. — Ким посмотрела на Гурни. — Когда вы сказали «не буди дьявола», ко мне вернулось это жуткое чувство. Но... Я не понимаю, как кто-то мог ждать вас в подвале. И почему он шептал вам на ухо? Какой в этом смысл?

У Мадлен тоже было, что спросить. Но не успела она открыть рот, как в боковую дверь уверенно постучали.

Гурни открыл — это вернулся следователь. Он был старше, массивнее, седее большинства своих коллег из Бюро криминальных расследований и

явно не столь атлетичен, как они. Опущенные уголки его недружелюбных глаз, казалось, выражали вековечное разочарование в людях.

— Я завершил первичный осмотр места, — усталый голос дополнил общее впечатление. — Теперь мне нужно поговорить с вами.

— Входите, — сказал Гурни.

Следователь тщательно, чуть ли не рьяно, вытер ноги, затем прошел вслед за Гурни через прихожую в кухню. Окинул помещение скучающим взглядом, за которым — Гурни был уверен — таилась привычка с подозрением все осматривать. Все нью-йоркские следователи по поджогам, кого он знал, были очень наблюдательны.

— Как я только что сообщил мистеру Гурни, мне необходимо поговорить с каждым из вас.

— Как вас зовут? — спросил Кайл. — Утром, когда вы приехали, я не расслышал.

Следователь бесстрастно уставился на него — без сомнения, подумал Гурни, заметив его агрессивный тон. Затем представился:

— Следователь Крамден.

— Что, правда? Как Ральф?

Еще один бесстрастный взгляд.

— Ну Ральф. Из «Новобрачных». Ну сериал такой был в пятидесятых, комедия.

Следователь покачал головой — скорее не в ответ, а в знак того, что не желает отвечать. Затем повернулся к Гурни.

— Я могу провести допрос у себя в машине или в доме, если здесь есть подходящее место.

— Можете прямо здесь за столом.

— Я должен допросить каждого лично, наедине, чтобы свидетельские показания не влияли друг на друга.

— Я согласен. Что касается моей жены и сына, а также мисс Коразон, спросите их самих.

— Я тоже согласна, — без особого энтузиазма отозвалась Мадлен.

— Я... не возражаю, — неуверенно сказала Ким.

— Похоже, следователь Крамден считает нас подозреваемыми, — Кайлу явно хотелось поспорить.

Следователь извлек из кармана какое-то устройство, похожее на айпод, и принялся его разглядывать, как будто он был куда интереснее, чем слова Кайла.

Гурни улыбнулся.

— За это я его не виню. Когда речь идет о поджоге, обычно основные

подозреваемые — владельцы дома.

— Не всегда, — спокойно уточнил Крамден.

— Вам удалось взять хороший образец почвы? — спросил Гурни.

— Почему вы спрашиваете?

— Почему я спрашиваю? Потому что вчера вечером кто-то поджег мой амбар и я хотел бы знать, с пользой ли вы провели здесь два часа.

— Не без пользы. — Следователь помолчал. — Сейчас необходимо перейти к допросам.

— В каком порядке?

Крамден снова моргнул.

— Сначала вы.

— Думаю, остальным лучше пройти в комнату и ждать своей очереди? — холодно поинтересовалась Мадлен.

— Если вы не возражаете.

Выходя из кухни вместе с Кайлом и Ким, она обернулась в дверях.

— Я так понимаю, следователь Крамден, вы сообщите нам, что удалось выяснить о поджоге нашего амбара?

— Мы сообщим все, что будет возможно.

Услышав этот уклончивый ответ, Гурни едва сдержал смех. Он и сам отвечал так бесчисленное количество раз, много лет подряд.

— Очень рада эта слышать, — очень мрачно сказала Мадлен. Затем повернулась и пошла в комнату вслед за Ким и Кайлом.

Гурни подошел к столу, за которым они с Мадлен завтракали, сел на стул, а другой стул пододвинул Крамдену.

Следователь положил на стол свое записывающее устройство, нажал кнопку, сел и заговорил тусклым, протокольным голосом:

— Следователь Эверетт Крамден, штаб Олбани, Бюро криминальных расследований... допрос начат в десять часов семнадцать минут двадцать пятого марта две тысячи десятого года... Допрашиваемый — Дэвид Гурни... Место проведения допроса — дом допрашиваемого в Уолнат-Кроссинге. Цель допроса — сбор информации в связи с подозрительным пожаром, произошедшем в подсобном строении, принадлежащем Гурни, далее — амбаре, расположенном приблизительно в двухстах ярдах к юго-востоку от главного дома. Расшифровка записи и заверенные письменные показания будут приложены позже.

Он посмотрел на Гурни взглядом, столь же тусклым, как голос.

— В котором часу вы заметили пожар?

— Я не посмотрел на часы. Думаю, между восемью двадцатью и восемью сорока.

- Кто первый его заметил?
- Мисс Коразон.
- Что привлекло ее внимание?
- Я не знаю. Она просто посмотрела в эту вот стеклянную дверь и увидела огонь.
- Прежде всего: знаете ли вы, зачем она смотрела в окно?
- Нет.
- Что она сделала, когда увидела огонь?
- Что-то крикнула.
- Что она крикнула?
- Кажется, «Боже, что это?». Или что-то в этом роде.
- Что сделали вы?
- Я встал из-за обеденного стола, где сидел в тот момент, тоже увидел огонь, схватил телефон и набрал девять один один.
- Вы совершали какие-либо другие звонки?
- Нет.
- Кто-либо еще в доме совершал какие-либо другие звонки?
- Я не заметил.
- Что вы делали потом?
- Я надел ботинки и побежал к амбару.
- В темноте?
- Да.
- Один?
- Вместе с сыном. Он бежал прямо за мной.
- Это человек по имени Кайл, который здесь сейчас присутствовал?
- Да, это мой... единственный сын.
- Какого цвета было пламя?
- Главным образом оранжевого. Горело быстро и шумно, очень горячо.
- Горело большей частью в одном месте или в нескольких?
- Горело почти везде.
- Не заметили ли вы, окна амбара были открыты или закрыты?
- Открыты.
- Все окна?
- Я полагаю, что да.
- Вы оставили их открытыми?
- Нет.
- Вы уверены?
- Да.

— Были ли необычные запахи?
— Пахло нефтяным дистиллятом. Практически наверняка бензином.
— Вам приходилось иметь дело с горючими веществами?
— Прежде чем я начал расследовать убийства в полиции Нью-Йорка, я проходил стажировку в отделе пожарной охраны по расследованию поджогов.

Вялое лицо Крамдена едва заметно дрогнуло, словно он прокрутил в голове цепочку невысказанных мыслей.

— Я полагаю, — продолжал Гурни, — что вы и ваша собака обнаружили следы горючего вещества на внутренней стороне основания стен, а также в почве, образец которой вы взяли?

— Мы обследовали местность очень тщательно.

Гурни улыбнулся, услышав этот уклончивый ответ.

— А сейчас этот образец почвы пропускается через портативный газожидкостный хроматограф у вас в фургоне. Я прав?

В ответ на это предположение у Крамдена лишь слегка напряглась челюсть. Он немного помедлил.

— Пытались ли вы потушить пожар или проникнуть в здание до приезда пожарных?

— Нет.

— Вы не пытались вынести из здания ценные вещи?

— Нет. Пожар был слишком сильный.

— Что бы вы вынесли, если бы могли?

— Инструменты... электрический древокол... байдарки... велосипед жены... запасную мебель.

— Выносились ли из здания какие-либо ценные вещи в течение месяца до пожара?

— Нет.

— Были ли здание и находящееся в нем имущество застрахованы?

— Да.

— Какой у вас тип страховки?

— Страховка домовладельца.

— Мне потребуется перечень содержавшегося в здании имущества, номер страховки, фамилия страхового агента и название страховой компании. Возросла ли в недавнее время страховая сумма?

— Нет. Разве что были сделаны инфляционные поправки, о которых мне неизвестно.

— Разве в этом случае вас бы не известили?

— Не знаю.

— Имеется ли у вас более чем одно страховое свидетельство на случай пожара?

— Нет.

— Были ли у вас уже случаи, связанные с утратой застрахованного имущества?

Гурни на секунду задумался.

— Да, мне выплатили по страховке от угона. Около тридцати лет назад у меня в городе угнали мотоцикл.

— Это все?

— Это все.

— Имеете ли вы какие-либо конфликты с соседями, родственниками, деловыми партнерами или иными лицами?

— Похоже, у нас есть конфликт, но раньше мы о нем не подозревали. С поджигателем, который сорвал наши таблички «Охота запрещена».

— Когда вы установили эти таблички?

— Моя жена поставила их несколько лет назад, вскоре после того, как мы сюда переехали.

— Есть ли другие конфликты?

Гурни пришло в голову, что подпиленная ступенька и странный шепот свидетельствуют о том, что конфликт есть. С другой стороны, не было никаких доказательств, что это были нападки именно на него. Он откашлялся.

— Насколько мне известно, нет.

— Выходили ли вы из дома в течение двух часов до того, как заметили пожар?

— Да. После ужина я спустился к пруду и посидел на скамейке.

— Когда это было?

— Как только стемнело... возможно, около восьми.

— Зачем вы туда ходили?

— Как я и говорил, чтобы посидеть на скамейке. Отдохнуть. Расслабиться.

— В темноте?

— Да.

— Вы были расстроены?

— Я устал, беспокоился.

— По какому поводу?

— По личному делу.

— Связанному с деньгами?

— Скорее нет.

Крамден откинулся на спинку стула. Он напряженно разглядывал какое-то пятнышко на столе, потом потрогал его пальцем.

— Пока вы сидели и отдыхали, вы ничего не видели и не слышали?

— Я слышал... какие-то звуки в лесу за амбаром.

— Какого рода звуки?

— Как будто ветка хрустнула. Я не могу определить точнее.

— Кто-либо еще выходил из дома в течение двух часов до пожара?

— Мой сын пришел и вместе со мной посидел на скамейке. Мисс Коразон тоже выходила, я не знаю, надолго ли.

— Куда она ходила?

— Не знаю.

Следователь поднял бровь.

— Вы ее не спросили?

— Нет.

— А ваш сын? Известно ли вам, ходил ли он куда-либо еще, кроме того, что дошел до скамейки и обратно?

— Нет, только дошел до скамейки и потом вернулся в дом.

— Почему вы в этом уверены?

— Он держал в руке включенный фонарик.

— А ваша жена?

— Что моя жена?

— Выходила ли она из дома?

— Мне об этом неизвестно.

— Но вы не уверены?

— Не вполне уверен.

Крамден медленно кивнул, словно бы эти факты складывались в какой-то общий узор. Затем поскреб ногтем крохотное пятнышко на столе.

— Вы совершили поджог в амбаре? — спросил он, не сводя глаз с пятнышка.

Гурни знал, что это стандартный вопрос, который обязан задать следователь по делу о поджоге.

— Нет.

— Вы организовали поджог, совершенный другим лицом?

— Нет.

— Знаете ли вы, кто его совершил?

— Нет.

— Знаете ли вы кого-либо, у кого были причины его совершить?

— Нет.

— Владеете ли вы иной информацией, которая могла бы помочь

следствию?

— На данный момент нет.

Крамден уставился на него.

— Что это значит?

— Это значит, что в данный момент я не владею какой-либо иной информацией, которая могла бы помочь следствию.

В недоверчивых глазах следователя вспыхнула едва заметная злость.

— Вы имеете в виду, что планируете получить некую важную информацию в будущем?

— О да, Эверетт, в будущем я, безусловно, получу важную информацию. Можете не сомневаться.

Глава 24

Ставки растут

Мадлен и Кайла Крамден допрашивал всего минут по двадцать, а вот Ким — больше часа.

Они закончили почти в полдень. Мадлен пригласила следователя на ланч, но он отказался, угрюмо, без благодарности в голосе. Без дальнейших разъяснений он вышел из кухни и спустился по склону через пастбище к своему фургону, припаркованному на полдороге между прудом и развалинами амбара.

Утренний туман рассеялся, и за пеленой высокой облачности поблескивало солнце. Гурни и Ким сидели за столом. Мадлен нарезала грибы для омлета. Кайл смотрел в окно:

— Какого лешего он там делает?

— Вероятно, проверяет свой хроматограф, — сказал Гурни.

— Или ест сэндвич в гордом одиночестве, — съязвила Мадлен.

— Для хроматографии нужно около часа, — продолжал Гурни.

— А что она ему даст?

— Много чего. Хроматограф может разложить любое горючее вещество на составляющие и определить их точное количество. Это как отпечатки пальцев вещества, с точностью до типа, иногда даже до конкретной марки, если у нее специфическая формула. Это очень точный анализ.

— Жаль, она не поможет с точностью установить, какая специфическая сволочь подожгла наш амбар, — сказала Мадлен, с усилием нарезая лук, так что нож стучал о доску.

— Что ж, — сказал Кайл, — может, у следователя Крамдена и есть этот чудо-прибор, но сам он придурок. Все расспрашивал меня про мой фонарик, какой дорогой я шел, долго ли сидел с папой у пруда. Кажется, подозревал, будто я вру, что не знаю, кто устроил пожар. Идиот. — Он взглянул на Ким. — Тебя он продержал дольше всех. Про что вы говорили?

— Он хотел узнать все про «Осиротевших».

— Твою программу? Зачем ему это?

Ким пожала плечами.

— Может, он думает, что это как-то связано с пожаром?

— Он уже знал про «Осиротевших»? — спросил Гурни. — Или ты ему сказала?

— Я ему сказала, когда он спросил, откуда я вас знаю и почему оказалась у вас в доме.

— Что ты рассказала ему о моей роли в этом проекте?

— Что вы мой консультант по вопросам, связанным с делом Доброго Пастыря.

— И все?

— Почти.

— Ты говорила ему про Робби Миза?

— Да, он про это спрашивал.

— Про что «про это»?

— Были ли у меня с кем-нибудь конфликты.

— И ты рассказала ему... про странные вещи, которые творились у тебя в доме?

— Он очень настаивал.

— И про сломанную ступеньку? И про шепот?

— Про ступеньку — да. Про шепот — нет. Я лично его не слышала и решила, что это вопрос к вам.

— Что еще?

— Вроде бы все. А, еще он допытывался, куда я ходила вчера вечером. Не слышала ли чего-нибудь, видела ли вас, видела ли Кайла, видела ли еще кого-нибудь — все в таком духе.

Гурни ощутил, как в груди медленной волной нарастает тревога. Любой следственный допрос предполагает работу с целым рядом сведений, некоторые из которых сообщать необходимо, другие — необязательно. На одном конце спектра — незначительные подробности частной жизни, которых ни один разумный следователь не будет ожидать от допрашиваемого. На другом конце — важные факты, необходимые для понимания преступления. Скрывать такие факты — означает

препятствовать осуществлению правосудия.

А между ними — сумеречная зона, область споров и спекуляций.

Вопрос был в том, может ли личный конфликт в жизни Ким рассматриваться после происшествия в подвале как конфликт в жизни Гурни. Если она сообщила о возможной связи между подпиленной ступенькой и поджогом, не должен ли был и он об этом сообщить?

Более того, а почему не сообщил? Или это старая коповская привычка: контролируешь информацию — контролируешь ситуацию?

А может, он просто предпочел не вынимать скелет из шкафа? Не признавать, что слишком медленно оправляется от раны? Слишком уж он боится, что растерял свои способности, что уже не так силен, умен, ловок, как прежде: в былые времена он не упал бы с лестницы, не упустил бы человека, шептавшего в темноте.

— Ты во всем разберешься, — сказала Мадлен, сбрасывая лук и грибы с доски в стоявший на плите большой сотейник.

Гурни вдруг понял, что она смотрит на него и, как всегда, читает его мысли: видит по глазам прежде, чем он заговорит. Раньше эта ее способность его почти пугала. Теперь же он считал, что это одна из лучших, ценнейших вещей в их совместной жизни.

Сотейник зашипел, и кухню наполнил аромат лука и грибов.

— Эй, я вспомнил, — оглядевшись, сказал Кайл. — Папа же так и не открыл свой подарок.

Мадлен указала на буфет. Коробка, все еще обернутая в голубую бумагу, лежала рядом со стрелой. Кайл с усмешкой взял ее и положил на стол перед отцом.

— Что ж, — сказал Гурни, слегка смутившись, и принялся разворачивать бумагу.

— Боже, Дэвид, — сказала Мадлен, — у тебя такой вид, словно ты обезвреживаешь бомбу.

Гурни нервно засмеялся, снял остатки бумаги и открыл коробку — тоже голубую, в тон. Сняв несколько слоев тонкой белой бумаги, он обнаружил серебряную рамку, 8 на 10 дюймов. В рамку была вставлена газетная вырезка, уже пожелтевшая от времени. Гурни заморгал.

— Прочти вслух, — предложил Кайл.

— Я... э... я без очков.

Мадлен смотрела на Гурни с интересом и тревогой. Она выключила конфорку под сотейником, подошла к мужу, взяла у него вырезку в рамке и пробежала ее взглядом.

— Это заметка из «Нью-Йорк-дейли-ньюс». Заголовок: «Монстр

обезврежен: молодой детектив поймал серийного убийцу». И дальше: «Дэвид Гурни, один из самых молодых детективов в Нью-Йорке, недавно поступивший на службу, положил конец преступной карьере опаснейшего серийного убийцы Чарльза Лермера, или Мясника. Начальство утверждает, что именно Гурни, проявив недюжинный ум, выследил, установил личность и в конце концов арестовал монстра, за двенадцать лет совершившего не меньше семнадцати жутких убийств, с каннибализмом и расчленением трупов. „Гурни подошел к делу с принципиально новой стороны и сумел его распутать“, — поясняет лейтенант Скотт Барри, пресс-секретарь полиции Нью-Йорка. „Теперь мы можем спать спокойно“, — заверяет Барри. От дальнейших комментариев он воздерживается, ссылаясь на следственную тайну, запрещающую разглашать иные подробности. Взять комментарий у самого Гурни не удалось. Как пояснил его коллега, детектив-герой „не выносит публичности“». И дата: первое июня восьмьдесят седьмого.

Мадлен протянула статью Гурни.

Он осторожно ее взял, надеясь, что выглядит достаточно признательным. Беда была в том, что он не любил подарки, особенно дорогие. А еще он не любил быть в центре внимания, неоднозначно относился к похвалам и был чужд всякой ностальгии.

— Спасибо! — сказал он. — Какой осмысленный подарок! Эта серебряная рамка оттуда, откуда мне кажется?

Кайл ответил с гордой улыбкой:

— «Тиффани» в таких вещах разбирается.

— Боже. Не знаю даже, что сказать. Спасибо. Как ты набрел на эту старую заметку?

— Она у меня почти всю жизнь. Удивительно, как вконец не истрепалась. Я когда-то показывал ее всем друзьям.

Гурни захлестнула волна эмоций. Он громко откашлялся.

— Давай ее сюда, — Мадлен забрала у него рамку. — Поставим ее на видное место.

Ким с восторгом смотрела на него.

— Вам совсем не нравится быть героем?

Не в силах полностью совладать с чувствами, Гурни отрывисто засмеялся:

— Я не герой.

— А многие думают иначе.

Он покачал головой.

— Герои — это выдумка. Без героя нет истории. И потому

медиа сказочники создают героев. Как создают, так и уничтожают.

Повисло неловкое молчание.

— Бывают и настоящие герои, — сказал Кайл.

Мадлен отнесла рамку с газетной вырезкой в дальний конец комнаты и теперь пыталась получше пристроить ее на полке над очагом.

— Кстати, — сказала она, — здесь на кромке надпись, я ее не прочла. — Величайшему детективу в мире в день его рождения.

Тут в дверь резко постучали, и Гурни вскочил на ноги.

— Я открою, — выпалил он, надеясь, что без лишнего энтузиазма. Ему было неловко от излишней чувств, но совсем не хотелось выглядеть неблагодарным.

Твердокаменный пессимизм на лице Эверетта Крамдена, как ни странно, было легче перенести, чем сыновний восторг Кайла. Гурни открыл дверь и увидел, что следователь застыл в нескольких футах от порога, словно какая-то колдовская сила не пускала его дальше.

— Сэр, можно попросить вас выйти на минутку? — На самом деле это была не просьба.

Гурни вышел, удивившись такому тону, но не подавая вида.

— Сэр, имеется ли у вас пятигаллонная полиэтиленовая канистра с бензином?

— Да. Даже две.

— Понятно. Где вы их держите?

— Одна вон там, для трактора, — Гурни показал на обшарпанный сарай у грядки со спаржей. — А другая под навесом за ам... — он осекся. — Я хотел сказать, за бывшим амбаром.

— Понятно. Пройдите, пожалуйста, со мной в фургон и скажите, ваш ли это контейнер.

Крамден припарковал свой служебный фургон за машиной Гурни. Он открыл заднюю дверь, и Гурни тотчас же опознал свою канистру.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Та же трещина на ручке. Никаких сомнений.

Крамден кивнул.

— Когда вы в последний раз пользовались этой канистрой?

— Я вообще нечасто ею пользуюсь. В основном когда кошу газонокосилкой. Так что... самое позднее прошлой осенью.

— Сколько в ней оставалось топлива?

— Даже не представляю.

— Где вы видели ее в последний раз?

— Вероятно, за амбаром.

— Когда вы в последний раз к ней прикасались?

— Опять-таки не помню. Вероятно, не позже чем прошлой осенью. Но возможно, и позже, если я ее передвигал, чтобы достать что-то другое. Не могу точно вспомнить.

— Вы добавляете в бензин масло для двухтактного двигателя?

— Да.

— Какой марки?

— Марки? «Хоумлит», кажется.

— Можете ли вы как-то объяснить, почему эта канистра оказалась спрятана в дренажной трубе?

— Спрятана? В какой трубе?

— Я переформулирую вопрос. Есть ли у вас какие-либо соображения, почему канистра могла находиться в ином месте, чем то, где вы, по вашему утверждению, ее оставили?

— Нет. Где именно вы ее нашли? О какой трубе вы говорите?

— К сожалению, я не могу разглашать никаких подробностей. Есть ли что-нибудь, относящееся к пожару или к настоящему расследованию, о чем вы хотели бы сообщить мне на этот раз?

— Нет.

— Тогда мы закончили. У вас есть еще вопросы, сэр?

— Таких, на которые вы согласитесь ответить, нет.

Две минуты спустя фургон следователя Эверетта Крамдена медленно покати́л вниз по склону, потом скрылся из виду.

Воздух был совсем тих. Ни малейшего шороха в густой бурой траве и даже в тонких ветках на верхушках деревьев. Единственный звук — все тот же слабый, непрерывный звон в ушах — и не звук вовсе, если верить неврологу.

Только Гурни повернулся, чтобы идти в дом, как боковая дверь открылась и из нее вышли Ким и Кайл.

— Придурок уехал? — спросил Кайл.

— Похоже на то.

— Пока Мадлен печет омлет, я быстренько прокачу Ким на мотоцикле, — Кайл был воодушевлен, Ким явно довольна.

Когда Гурни вошел в кухню, хриплый мотор уже ревел на всю катушку.

Мадлен ставила таймер на духовке.

— Ты смотрел французский фильм «Человек с черным зонтом»? — спросила она, повернувшись к Гурни.

— Кажется, нет.

— Там есть такая интересная сцена. Идет человек в черном плаще, несет сложенный черный зонт, а за ним двое убийц со снайперскими винтовками. Они следуют за ним по извилистым мощеным улочкам старого города. Утро воскресенья, туман, в церквах звонят колокола. Только убийцы возьмут человека с зонтом под прицел, как он исчезает за очередным поворотом. И вот они выходят на площадь к большой каменной церкви. Не успевают убийцы прицелиться, как человек взбегаёт по ступенькам и ныряет в эту церковь. Убийцы решают встать по двум сторонам площади, так, чтобы было видно вход, и ждать. Проходит время, начинается дождь, дверь церкви открывается. Убийцы уже готовы стрелять. Но только выходит не один человек, а двое, оба в черных плащах и оба открывают черные зонты, так что не видно лиц. Убийцы сбиты с толку, но через несколько секунд решают застрелить обоих. А тут выходит еще один человек в черном плаще с черным зонтом, потом еще, потом еще десять, еще двадцать — и вот вся площадь уже полна людей с черными зонтами. Сюрреалистическая картинка — такой вот узор из зонтов на площади. А убийцы просто стоят и мокнут, не зная, что делать.

— И чем все кончилось?

— Я не помню, я давно смотрела. Единственное, что хорошо помню, — зонты. — Она вытерла столешницу губкой, затем ополоснула губку в раковине: — Что ему было надо?

Гурни не сразу понял, о чем она спрашивает:

— Он обнаружил канистру, которую я держал за амбаром. Странно, но ее кто-то спрятал у дороги.

— Спрятал?

— Так он сказал. Хотел, чтобы я опознал канистру. Довольно бессмысленно.

— Зачем ее спрятали? Кто-то использовал ее для поджога?

— Возможно. Точно я не знаю. Следователь Крамден был не слишком разговорчив.

Мадлен удивленно вскинула голову.

— Очевидно, что пожар устроили намеренно. Это ни для кого не секрет, особенно после этой груды спиленных табличек. Тогда зачем было прятать...

— Я не знаю. Разве что поджигатель был так пьян, что идея спрятать канистру показалась ему здоровой.

— Ты правда считаешь, что причина в этом?

Он вздохнул.

— Вероятно, нет.

Мадлен взглянула на него пытливым взглядом. Когда она так глядела, Гурни казалось, что она видит его насквозь.

— Что ж, — сказала она спокойно, — какой будет следующий шаг?

— Про Крамдена ничего не скажу. Лично я должен взвесить все имеющиеся факты, подумать, как они связаны между собой. И решить несколько важных вопросов.

— Например, сколько всего недоброжелателей — один или два?

— Именно. Вообще-то лучше бы оказалось, что два.

— Почему?

— Потому что если за происшествиями в квартире Ким и нападением на нас стоит один и тот же человек, то мы имеем дело с чем-то — и кем-то — гораздо более опасным, чем обиженный охотник.

Таймер на духовке трижды громко звякнул. Мадлен не обратила на него внимания.

— С кем-то, кто связан с делом Доброго Пастыря?

— Или с Робби Мизом — возможно, я его недооценил.

Таймер снова зазвонил.

Мадлен повернула голову к окну.

— Я слышу, они возвращаются.

— Что? — это был не столько вопрос, сколько раздражение из-за резкой смены темы.

Мадлен не стала отвечать. Гурни помолчал и через несколько секунд сам услышал старомодный рев мотоцикла «Би-эс-эй».

Через сорок пять минут, когда все съели омлет и убрали со стола, Гурни сидел у себя в кабинете и заново просматривал документы, которые переслал ему Хардвик: вдруг найдется что-то важное и не замеченное раньше.

Он не торопился пересматривать фотографии судмедэкспертизы, решил перейти к ним, когда изучит все остальное. Он хотел даже пропустить их, решив, что это тяжело и бесполезно, тем более что жуткие картины были до сих пор живы в памяти. Но в итоге стал их просматривать, движимый тем навязчивым упорством, которое так помогало ему в работе и мешало в личной жизни.

Возможно, потому, что он смотрел фотографии в другом порядке, или потому, что вдруг стал восприимчивее, но он заметил то, чего не разглядел с первого раза. Похоже, у двух жертв пуля вошла в голову в одном и том же месте.

Он порылся в ящике стола в поисках стираемого маркера, не нашел

его, пошел на кухню и наконец отыскал маркер в ящике буфета.

— У тебя такой вид, точно ты идешь по следу, — заметил Кайл. Они с Ким сидели у печки, и Гурни заметил, что кресла их придвинуты чуть ближе друг к другу, чем раньше.

Он лишь молча кивнул.

Вернувшись в комнату, он прямо на экране, пользуясь вместо линейки кредитной карточкой, начертил прямоугольник так, чтобы в него точно вписалась голова одной из двух жертв с похожими ранами. Затем он провел две диагонали, чтобы определить центр прямоугольника и проверить свою гипотезу. Линии пересеклись в середине раны. Он наскоро вытер экран рукавом рубашки и проделал ту же операцию с другой фотографией — с тем же результатом.

Он позвонил Хардвику и оставил голосовое сообщение:

— Это Гурни. Есть несколько вопросов про фотографии вскрытия. Спасибо.

Затем он внимательно рассмотрел остальные пять фотографий, одну за другой. Когда он изучал пятую, Хардвик перезвонил.

— Здорово, спец, что стряслось?

— Просто возникли вопросы. Как минимум в двух случаях, которые я могу проверить, входное отверстие расположено четко в центре профиля. Про остальные четыре ничего сказать не могу: похоже, там жертвы в момент попадания пули поворачивались к боковому окну. Поэтому возможно, что и те пули тоже вошли точно по центру относительно направления выстрела. Но поскольку ракурс фотографий не совпадает с углом выстрела, я не уверен.

— Что-то я тебя не понимаю.

— У меня вопрос: нет ли в материалах медэкспертизы еще какой-нибудь информации о расположении ран, которую ты мне не прислал? Потому что если...

Хардвик перебил его.

— Стоп! Вот тут стоп! Не забывай, пожалуйста, мальчик мой, что какими бы данными ты ни обладал, ты получил их каким-то другим путем. Если бы я переслал тебе материалы дела Доброго Пастыря, я бы нарушил закон. Все ясно?

— Еще как. А теперь дай закончить. Мне бы пригодились координаты входного отверстия у каждой жертвы относительно бокового окна на момент ранения.

— Зачем?

— Затем, что на двух фотографиях рана приходится прямо на середину

головы, как ее видел стрелок. Если бы мы были в тире, то сказали бы, что он попал в яблочко. Безукоризненно. И это в неудобных условиях, при движущейся мишени и практически нулевой видимости.

— И о чем это тебе говорит?

— Я лучше подожду с ответом, пока не узнаю побольше об остальных четырех. Я надеюсь, что у тебя есть доступ к полным материалам вскрытия, или контакты того, у кого есть доступ, или ты просто знаешь кого-то из медэкспертов и можешь спросить.

— Ты, значит, лучше подождешь и ничего мне не скажешь, а я ползай тут для тебя и добывай материалы об остальных четырех убийствах? Нет уж, изволь объяснить, в чем дело, или иди в жопу.

Гурни уже привык к манере Хардвика и не воспринимал ее всерьез.

— Дело в том, — объяснил он спокойно, — что такая точность выстрела из окна по движущейся машине, учитывая, что голову жертвы освещала лишь тусклая приборная доска, а тем более, если он проделал это все шесть раз, — такая точность означает, что у стрелка были прекрасные очки ночного видения, очень твердая рука и стальные нервы.

— И что? Прибор ночного видения может купить каждый. В интернете сотни сайтов.

— Я не об этом. Проблема в том, что чем больше фактов о Добром Пастыре я узнаю, тем туманнее становится общая картина. Кто он такой-то, черт его дери? Первоклассный снайпер — а выбрал себе пистолет из комиксов. Манифест полон библейских проклятий — а спланировано все на холодную голову, разумно и последовательно. Заявляет, что готов истребить всех богачей на свете, — но почему-то останавливается на шести. Цель себе ставит как сумасшедший — а ведет себя как человек чрезвычайно умный, расчетливый и избегающий риска.

— Избегающий риска? — проскрежетал Хардвик, казалось, настроенный еще более скептически, чем всегда. — Колесить ночью по темным дорогам и стрелять в людей — это называется «избегающий риска»?

— А как же то обстоятельство, что он всегда выбирал для выстрела такой поворот, где минимальный шанс столкнуться, что он достигал каждую жертву примерно на середине поворота, что он, по-видимому, выбрасывал оружие после каждого использования, что он ни разу не был замечен ни камерой, ни каким-либо свидетелем? Чтобы такое проверить, нужны план, время и деньги. Боже, Джек, выбрасывать дорогуций «дезерт-игл» после одного выстрела — уже одно это, по-моему, значит, что он пытался уменьшить риски.

— То есть ты говоришь, — ворчливо уточнил Хардвик, — что, с одной стороны, перед нами псих, возомнивший себя библейским пророком и воспылавший ненавистью к гребаным богачам...

— А с другой стороны, — подхватил Гурни, — человек с железным самообладанием, при этом, похоже, довольно богатый: разбрасывается пистолетами по пятнадцать тысяч долларов.

Повисло молчание. Очевидно, Хардвик обдумывал услышанное.

— Значит, тебе нужны данные вскрытия... А что ты хочешь доказать?

— Доказать я ничего не хочу. Хочу понять, на верном ли я пути, когда обращаю внимание на противоречия в этом деле.

— И все? По-моему, гений, ты недоговариваешь.

Гурни не мог сдержать улыбки, столкнувшись с такой пронизательностью. Хардвик мог быть — и нередко бывал — нахальным, грубым, невыносимым говнюком. Но он был далеко не дурак.

— Да, недоговариваю. Я тут малость подкапываюсь под официальную версию следствия по этому делу. И собираюсь продолжать в том же духе. И на случай, если на меня налетят шершни из ФБР, я желал бы припасти побольше данных.

Хардвик тут же проявил живой интерес. У него была аллергия на начальство, на бюрократию и бесконечные процедуры, на людей в костюмах и галстуках — словом, на организации вроде ФБР. Желание подкопаться под такую контору он всегда приветствовал:

— Ты там маленько поцапался с нашими федеральными братьями? — спросил он почти с надеждой.

— Пока что нет, — сказал Гурни. — Но, возможно, к тому идет.

— Ну, посмотрю, что можно сделать. — И Хардвик бросил трубку, не попрощавшись. Он часто так делал.

Глава 25

Любовь и ненависть

Гурни как раз убирал телефон обратно в карман, когда в открытую дверь кабинета за его спиной тихонько постучали. Он обернулся: на пороге стояла Ким.

— Можно на минутку вас отвлечь?

— Входи. Ты меня ни от чего не отвлекаешь.

— Я хотела извиниться.

— За что?

— За то, что я каталась с Кайлом на мотоцикле.

— А почему извиниться?

— Не надо было этого делать. Я хочу сказать, я ужасно выбрала время: поехала, как идиотка, на мотоцикле, когда у вас серьезные неприятности. Вы наверняка думаете, что я эгоистичная дуреха.

— Когда происходят неприятности, сделать небольшую передышку кажется мне вполне разумным.

Она покачала головой:

— Я не должна была вести себя так, будто ничего не произошло. Тем более, если есть вероятность, что ваш амбар подожгли из-за меня.

— Как ты думаешь, Робби Миз на такое способен?

— Когда-то я бы ответила: «Тысячу раз нет». А теперь я не знаю. — Она казалась смущенной и беспомощной. — Вы думаете, это он?

За спиной у Ким возник Кайл и стал слушать их разговор.

— И да и нет, — сказал Гурни.

Ким кивнула, словно этот ответ значил что-то определенное:

— И еще одну вещь я хочу сказать. Я надеюсь, вы понимаете, что неделю назад я не представляла, во что вас втягиваю. Поэтому я, конечно же, пойму и соглашусь, если вы решите не участвовать в проекте.

— Из-за пожара?

— Из-за пожара и из-за ступеньки в подвале.

Гурни улыбнулся.

Она нахмурилась:

— Что тут смешного?

— Именно по этим причинам я и хочу в нем участвовать.

— Не понимаю.

Тут подал голос Кайл:

— Чем труднее, тем он упорнее.

Ким удивленно повернулась к нему.

Он продолжал:

— Для папы трудности — как магнит. Он не может устоять перед тем, что невозможно.

Ким перевела взгляд с Кайла обратно на Гурни:

— Это значит, что вы хотите остаться в моем проекте?

— По крайней мере, пока мы не разберемся, что к чему. Что у тебя дальше по плану?

— Новые встречи. С сыном Шэрон Стоун, Эриком. И с сыном Бруно Меллани, Полом.

— Когда?

— В субботу.

— Завтра?

— Нет, в суббо... Господи, завтра же суббота. Я потеряла счет времени. Как только доберусь до дома, уточню, состоятся ли встречи, позвоню вам и дам адреса. Завтра встречаемся там, где будет первое интервью. Вас так устроит?

— Ты собираешься ехать домой в Сиракьюс?

— Мне нужно забрать одежду, другие вещи. — Она явно была встревожена. — Вероятно, я не буду там ночевать.

— А как ты туда доберешься?

Она взглянула на Кайла.

— Ты им не сказал?

— Кажется, забыл. — Он усмехнулся и покраснел. — Я отвезу Ким домой.

— На мотоцикле?

— Погода проясняется. Будет хорошо.

Гурни поглядел в окно. Деревья на краю поля отбрасывали бледные тени на прошлогоднюю траву.

— Мадлен одолжит ей куртку и перчатки, — добавил Кайл.

— А шлем?

— Мы можем купить в ближайшей деревне в магазине «Харли-Дэвидсон». Например, большой и черный, как у Дарта Вейдера, с черепом и костями.

— Вот уж спасибо, — съязвила Ким и ткнула его пальцем в руку.

Гурни многое хотел сказать, но, подумав, почел за лучшее промолчать.

— Пойдем, — сказал Кайл.

Ким нервно улыбнулась Гурни:

— Я позвоню вам, чтобы согласовать время интервью.

Когда они уехали, Гурни откинулся на спинку стула и стал смотреть на склон холма, безветренный и желтоватый, точно старинная фотография. Зазвонил домашний телефон на дальнем краю стола — он не ответил. Телефон зазвонил второй раз. Потом в третий. На четвертый раз звонок оборвался — очевидно, Мадлен на кухне сняла трубку. Гурни услышал, как она что-то говорит, но слов было не разобрать.

Через несколько минут она вошла в комнату.

— Человек по фамилии Траур, — шепнула она, протягивая трубку мужу. — То есть Траут.

Он отчасти ожидал этого звонка, но не думал, что так быстро.

— Гурни слушает. — Так он отвечал на рабочие звонки и, выйдя в

отставку, не смог отучиться от этой привычки.

— Добрый день, мистер Гурни. Это Мэттью Траут, специальный агент Федерального бюро расследований. — Слова его прогрохотали, словно пушечный выстрел.

— Да?

— Я ответственный за расследование убийств, совершенных Добрым Пастырем. Я так полагаю, вам это известно? — Гурни не ответил и Траут продолжал: — Доктор Холденфилд сообщила мне, что вы и ваша клиентка вмешиваетесь в дело следствия...

Гурни молчал.

— Вы согласны с этим утверждением?

— Нет.

— Простите?

— Вы спросили, согласен ли я с вашим утверждением. Я сказал, что нет.

— И с чем вы не согласны?

— Вы подразумевали, что журналистка, которую я консультирую по вопросам, связанными с полицейскими процедурами, пытается вмешаться в ваше расследование, и я делаю то же самое. Оба этих утверждения неверны.

— Возможно, меня неправильно проинформировали. Мне сообщили, что вы выказываете живейший интерес к этому делу.

— Это правда. Это дело меня завораживает. Я хотел бы лучше его понять. А еще я хотел бы понять, почему вы мне звоните.

Повисло молчание, как будто агент был задет бесцеремонностью Гурни.

— Доктор Холденфилд сказала, что вы хотели меня видеть.

— И это верно. Можете ли вы найти удобное для вас время?

— Удобное — нет. Но удобство не главное. Я сейчас в отпуске в нашем семейном доме в Адирондакских горах. Вы знаете, где находится озеро Сорроу?

— Да.

— Удивительно. — Голос агента звучал высокомерно и недоверчиво. — Очень мало кто о нем слышал.

— У меня голова забита бесполезными сведениями.

На это плохо завуалированное оскорбление Траут не ответил:

— Можете приехать завтра в девять утра?

— Нет. А в воскресенье вы не можете?

Снова повисло молчание. Когда Траут наконец заговорил, то было

слышно, что он изо всех сил сдерживается: будто нарочно растягивает рот в улыбку, чтобы голос не звучал гневно.

— Во сколько вы можете приехать в воскресенье?

— Во сколько вам удобно. Чем раньше, тем лучше.

— Хорошо. Жду вас в девять.

— Ждете где?

— Здесь нет почтового адреса. Оставайтесь на связи, сейчас мой ассистент объяснит вам, как ехать. Советую записывать внимательно, каждое слово. Горные дороги в этих краях обманчивы, а озера глубоки. И очень холодны. Никому не пожелаешь заблудиться.

Это предупреждение звучало почти комически.

Почти.

Когда Гурни записал дорогу до озера Сорроу и вернулся на кухню, Ким и Кайл ехали вниз по пастбищу. Сквозь облака, теперь менее густые, проглядывало солнце, и хромированное покрытие мотоцикла сверкало.

Гурни все переливал из пустого в порожнее «а что, если...» — как вдруг из прихожей донесся звук падающей вешалки.

— Мадди?

— Да? — через минуту она появилась в прихожей, одетая строже, чем обычно, то есть не во все цвета радуги.

— Куда ты собралась?

— А ты как думаешь?

— Если бы я знал, я бы не стал тебя спрашивать.

— А какой сегодня день недели?

— Пятница?

— И?

— Что «и»? А. Точно. У тебя сегодня группа в клинике.

Мадлен посмотрела на него своим особым взглядом, в котором были и усмешка, и раздражение, и любовь, и беспокойство.

— Мне заняться нашей страховкой? — спросила она. — Или ты хочешь сам разобраться? Я так понимаю, надо кому-то позвонить?

— Точно. Наверно, нашему страховому агенту в городе. Я уточню. — С прошлого вечера он уже много раз вспоминал об этом деле и потом забывал. — Лучше прямо сейчас позвоню, пока не забыл.

Мадлен улыбнулась.

— Что бы ни случилось, мы справимся. Ты ведь это знаешь?

Гурни положил на стол координаты озера Сорроу, подошел к Мадлен, обнял ее, поцеловал в шею и щеку, прижал к себе. Она обняла его в ответ и

прильнула к нему крепко-крепко, и он пожалел, что она уходит.

Мадлен отстранилась, посмотрела ему в глаза и рассмеялась — совсем чуть-чуть, нежной полуусмешкой. Потом развернулась, прошла через короткий коридор, вышла через боковую дверь и направилась к своей машине.

Гурни из окна смотрел ей вслед, пока машина не скрылась из виду.

И тогда его взгляд упал на листок бумаги, скотчем приклеенный к стене над буфетом. На бумажке было что-то написано карандашом. Гурни пригляделся и узнал почерк Кайла.

Он прочитал: *«Не забудь про открытку»*. И стрелка, указывающая вниз. Прямо внизу, на буфете, лежал конверт, приклеенный к подарку Гурни. Ярко-голубой цвет выдал «Тиффани» и заставил с неприятным чувством вспомнить, как легко Кайл швыряется деньгами.

Гурни распечатал конверт и достал открытку. Она была простая, сделана со вкусом. Он еще раз перечитал надпись: *«С днем рождения! Эта мелодия — для тебя!»*

Гурни открыл ее, по-прежнему ожидая услышать навязшую на зубах мелодию. Но первые секунды три открытка просто молчала. Возможно, чтобы было время прочитать надпись внутри: *«Радости и мира в твой день!»*

А потом полилась музыка и длилась почти минуту. Это был пассаж из «Весны» Вивальди.

Учитывая размеры устройства — меньше покерной фишки, — качество звука было удивительное. Но не это ошеломило Гурни: музыка оживила в памяти старые воспоминания.

Кайлу было лет одиннадцать-двенадцать, и он еще каждые выходные приезжал в Нью-Йорк к Дэйву и Мадлен из дома матери на Лонг-Айленде. Он начал увлекаться современной музыкой, с точки зрения отца — бандитской, грубой и совершенно тупой. Тогда Гурни придумал правило: пусть Кайл слушает что хочет, но столько же времени слушает и классику. Тем самым он убивал сразу двух зайцев: и сокращал время прослушивания ужасной музыки, к которой сын-подросток был так привязан, и получал возможность познакомить его с шедеврами, которых Кайл иначе не услышал бы.

Не обошлось без споров и ссор. Но результат приятно удивил. Кайл обнаружил, что ему нравится один из классических композиторов, которых предложил ему Гурни. Ему понравился Вивальди, особенно «Времена года». А из «Времен года» больше всего понравилась «Весна». Именно «Весну» он охотно выбрал в качестве платы за то, чтобы слушать свою

какофонию.

А потом что-то стало меняться — так постепенно, что Гурни не сразу заметил. Кайл начал слушать, снова и снова, и не только Вивальди, но и Гайдна, Генделя, Моцарта, Баха — и уже не в качестве платы за право включать всякую дрянь, а по собственному желанию.

Через много лет Кайл как-то обмолвился — не при Гурни, а при Мадлен — что «Весна» открыла для него дверь в волшебную страну, и что это один из лучших подарков, который сделал ему отец.

Гурни помнил, как Мадлен передала ему эти слова. И помнил, как странно он себя тогда почувствовал. Конечно, он был рад, что сделал что-то настолько полезное. И все же это было грустно: ведь это такая малость, ничего ему не стоила. Неужели, думал он, сын так помнит этот случай, потому что получил от него так мало?

Те же противоречивые чувства нахлынули и теперь, когда он держал в руках открытку, когда играла прекрасная барочная мелодия. Перед глазами все расплылось, и он с тревогой понял, что опять чуть не плачет.

Черт, да что же это со мной? Бога ради, Гурни, соберись!

Он пошел в кухню и вытер слезы бумажным полотенцем. Он подумал, что за последние несколько месяцев ему хотелось плакать чаще, чем за всю взрослую жизнь.

Мне нужно что-то делать — что угодно. Двигаться. Достигать цели.

Первое действие, которое пришло ему в голову, — составить список основных вещей, сгоревших в пожаре. Страховой компании он, несомненно, понадобится.

Ему не слишком хотелось этим заниматься, но он себя пересилил. Достал из ящика стола желтый блокнот и ручку, потом сел в машину и поехал к обугленным развалинам амбара.

Выходя из машины, он поморщился от едкого запаха влажного пепла. Откуда-то снизу, с дороги, донеслось прерывистое жужжание бензопилы.

Он нехотя подошел к груде обугленных досок, лежавших внутри покореженного, но устоявшего остова. Там, где раньше хранились ярко-желтые байдарки, водруженные на козлы, теперь была коричневатопузыристая затвердевшая масса — в нее превратился материал, из которого лодки были сделаны. Гурни не очень-то увлекался этими байдарками, а вот Мадлен, он знал, их любила: плыть по реке под летним небом было для нее настоящим удовольствием. И потому вид уничтоженных лодочек, превращенных в затвердевший синтетический сплав, огорчил и разгневал его. Еще более плачевное зрелище являл собой велосипед Мадлен. Шины, седло и тросы расплавились. Колеса погнулись.

Гурни сделал над собой усилие и принялся медленно обходить эту уродливую свалку, отмечая в блокноте, что случилось с инструментами и оборудованием. Закончив, он с отвращением развернулся и пошел к машине.

В голове его роились вопросы. И большинство вопросов сводились к одному: зачем?

Ни одно из очевидных, на первый взгляд, объяснений не казалось убедительным.

Особенно версия про обиженного охотника. В округе было полно табличек «Охота запрещена», но доселе ни одного спаленного амбара.

Тогда что это было?

Может, поджигатель ошибся адресом? Или какой-то пироман решил поджечь крупную постройку? Или это бездумные подростки-вандалы? Или какой-то враг из полицейского прошлого решил отомстить Гурни?

Или это как-то связано с Ким, Робби Мизом и «Осиротевшими»? А может, поджигатель — это тот, кто шептал Гурни на ухо в подвале?

«*Не буди дьявола*». Если, как говорит Ким, это цитата из сказки, которую в детстве рассказывал ей отец, тогда предостережение явно адресовано ей. Только для нее оно обретает особый смысл. Но тогда зачем шептать на ухо Гурни?

Мог ли незнакомец подумать, что с лестницы упала Ким?

Это почти что исключено. Когда Гурни упал, то первым делом услышал голос Ким в небольшом коридоре наверху: она кричала, без конца звала его. Затем послышались ее шаги: она побежала за фонариком. И только потом, лежа на полу, Гурни услышал совсем рядом зловещий шипящий голос — значит, этот человек должен был знать, что разговаривает не с Ким.

Но если он знал, что на полу лежит не Ким, тогда почему же...

И вдруг Гурни осенило — внезапно, будто ему дали пощечину.

Точнее, будто вдруг зазвучала кристально чистая мелодия из концерта Вивальди.

И он поехал к дому — в такой спешке, что дважды угодил в сурковые норы.

Дома он сразу же нашел музыкальную открытку и на обороте увидел то, что и ожидал: название компании и сайт — KustomKardz.com.

Через минуту он уже просматривал этот сайт с ноутбука. В «Кастом-кардз» делали как раз такие открытки — по индивидуальному заказу, со встроенным звуковым устройством на батарейке: «Вам предлагается более ста мелодий из коллекции мировой классики и фольклора».

На странице «Контакты» помимо электронного адреса был указан номер телефона для бесплатного звонка. Гурни набрал его. У него был такой вопрос к службе поддержки покупателей: можно ли записать на устройство не музыку, а произнесенные слова?

Да, конечно, ответили ему. Нужно просто записать голос — хоть на телефон — сохранить в нужном формате и переписать на устройство.

Тогда, если можно, он задаст еще два вопроса. Как может включаться звуковое устройство, если оно используется не в открытке, а каким-либо иным образом? И какой длины паузу можно сделать между включением устройства и воспроизведением записи?

Девушка из службы поддержки объяснила, что включаться устройство может разными способами: при нажатии, при ослаблении давления, даже от звука, как те выключатели, которые реагируют на хлопок в ладоши. О других возможностях лучше спросить мистера Эмтара Гумадина, инженерное светило компании.

И последний вопрос. Один знакомый получил в подарок странную открытку с текстом: «Не буди дьявола». Не участвовали ли, случайно, «Кастом-кардз» в записи этого сообщения?

Она сомневается, но, если Гурни подождет, уточнит у Эмтара.

Через пару минут девушка вернулась и сказала, что никто ничего такого не помнит. Разве что Гурни имеет в виду колыбельную, которая начинается «Не будите до утра мою радость».

У компании много конкурентов?

К сожалению, да. Технология дешевеет и становится все более популярной.

Закончив разговор с «Кастом-кардз», Гурни позвонил Кайлу. Он не ожидал, что ему ответят: мотоцикл, скорее всего, мчался по трассе I-88, и даже нетерпеливый человек двадцати шести лет не станет вытаскивать телефон из кармана на полном ходу.

Но, вопреки всем ожиданиям, Кайл ответил:

— Привет, пап, что случилось?

— Где вы?

— На заправке. Кажется, город называется Афрон.

— Рад, что ты можешь говорить. Хочу попросить тебя кое о чем, когда доберетесь до квартиры Ким. Я про голос, который слышал у нее в подвале. Думаю, это была запись — наверное, на маленьком носителе, как в той открытке, которую ты мне подарил.

— Боже. Как ты это понял?

— Твоя открытка навела меня на мысль. Сделай, пожалуйста, вот что.

Когда будете в квартире, спустись в подвал — если там есть свет и нет новых следов вторжения. Осмотри стены рядом с лестницей: не спрятан ли там предмет размером с полдоллара. Где-то в районе нижних ступенек. Голос точно звучал в нескольких футах от меня.

— Насколько хорошо он может быть спрятан? Я имею в виду, раз его было хорошо слышно...

— Ты прав: глубоко в стене он быть не может, но может быть в небольшом углублении, возможно, прикрыт бумагой или крашеным кусочком ткани, чтобы не выделяться на фоне стены. Как-то так.

— Но и не на полу, да?

— Нет, шепот раздался сверху — как будто надо мной кто-то нагнулся.

— А на самой лестнице может быть?

— Да, может.

— О'кей. Вот это да. Ладно, мы поедем, я тебе позвоню, как будем на месте.

— Не торопитесь. Полчаса погоды не делают.

— Хорошо. — Кайл помолчал. — Так тебе... понравилась открытка?

— Что? А, да. Конечно, очень. Спасибо!

— Ты узнал «Весну»?

— Ну конечно.

— Ну хорошо. Отлично. Я перезвоню.

Чтобы не позволять себе совсем раскиснуть от избытка чувств из-за «Весны» и воспоминаний, Гурни решил чем-нибудь заняться, пока Кайл не перезвонит.

Нужно что-то делать.

Он достал из комода телефонный справочник, открыл его, нашел номер страхового агента и позвонил. Автоответчик, перечислив разные опции, наконец объяснил, куда звонить, «чтобы сообщить об аварии, пожаре или ином происшествии, указанном в вашем полисе».

Он как раз собирался набрать этот второй номер, когда ему позвонили. Определитель сообщил, что звонит Хардвик. Секунды три Гурни раздумывал, затем решил, что звонок в страховую компанию может подождать.

Стоило ему взять трубку, как Хардвик затараторил:

— Черт, Гурни, все, чего ты просишь, это такой геморрой мне на жопу. Ты сам хоть понимаешь?

— Думаю, твоей жопе полезно размяться.

— Ага. Полезно, как веганская диета.

— Что ты хотел сказать, кроме этой фигни?

Хардвик откашлялся — по своему обыкновению, громогласно.

— Большая часть оригинальных отчетов медэкспертизы похоронена так, что мне до них пока не добраться. Я уже сказал, это такой...

— Что ты сказал, я слышал, Джек. Так что с материалами?

— Помнишь Уолли Трешера?

— Это он был медэкспертом в деле Меллери?

— Он самый. Зазнайка, умник и подонок.

— Как один мой знакомый.

— Ну тебя в жопу. Вдобавок ко всем своим достоинствам, отличается Obsessивно-компульсивным поведением. И так случайно вышло, что он-то и осматривал роскошную риелторшу.

— Шэрон Стоун?

— Ее самую.

— И?

— В яблочко.

— То есть...

— Пуля вошла прямо в серединку повернутой головы. То есть прямо вот в гребаную серединку. Ну а как вышла, разумеется, хрен поймешь. Трудно найти центр того, чего уже нет.

— Тут важно, куда пуля вошла.

— Именно. В общем, в двух случаях ты уже знал про яблочко, можешь добавить к ним третий. Ну чо, теперь ты сможешь сделать свои блестящие выводы?

— Возможно. Это ценный вклад.

— Ну я твой верный пехотинец.

И Хардвик повесил трубку.

Глава 26

Новые опасности

Новые сведения о повреждениях взбодрили Гурни, хотя он и не понимал до конца, как их трактовать и как использовать в воскресенье при встрече с Траутом. Но думалось теперь, как после двойного эспрессо. И ему пришел в голову еще один вопрос.

Он снова позвонил Кайлу, но на этот раз ему не ответили. Очевидно, мотоцикл мчался по трассе.

«Как только прослушаешь это сообщение, спроси у Ким, сколько человек знает про ее сказку. Но только не в общих чертах, а со всеми

подробностями, особенно про эту фразу: „Не буди дьявола“. Если больше трех, попроси ее составить список с именами и адресами, по возможности, и пусть укажет, откуда они знакомы. Спасибо. Осторожнее. До скорого».

Только Гурни закончил свое сообщение и повесил трубку, как в голову пришло еще кое-что. Он снова набрал номер Кайла и оставил еще одно голосовое сообщение: «Прости, что так много просьб, только сообразил. Когда проверишь подвал, нет ли там этой миниатюрной шарманки, проверь еще, нет ли в доме подслушивающих устройств. Жучков. Проверь самые вероятные места: пожарные датчики, сетевые фильтры, ночники. Посмотри, не спрятано ли в них чего-нибудь, что по виду покажется тебе инородным. Если что-то найдешь, не трогай. Оставь как есть. Пока все. Позвони мне, как только сможешь».

Мысль о том, что квартира Ким может прослушиваться — причем неизвестно, с каких пор, — повлекла за собой целую вереницу неприятных вопросов. Ответы не обнадеживали. Гурни достал из ящика стола папку с описанием проекта Ким, устроился на диване и стал читать.

Через полчаса, дойдя до середины проекта, он почувствовал, что бодрость покидает его так же стремительно, как и пришла. Он решил вздремнуть минут пять. Ну десять. И откинулся на мягкие диванные подушки. Все-таки последние два дня были на редкость нервными и утомительными. Он, кажется, и глаз не сомкнул.

Капельку вздремнуть...

Он резко проснулся. Где-то что-то звонило, и он не сразу понял что. А когда вставал, то затекшая шея резко заболела: он неудобно лежал на этих подушках.

Звон прекратился, и Гурни услышал голос Мадлен.

— Он спит. (Пауза.) Я вернулась полчаса назад, он крепко спал. (Пауза.) Пойду проверю.

Она вошла в кабинет. Гурни уже сидел на диване, свесив ноги и потирая заспанные глаза.

— Ты проснулся?

— Вроде да.

— Можешь поговорить с Кайлом?

— А он где?

— В квартире у Ким. Говорит, не смог дозвониться тебе на мобильный.

— Который час?

— Почти семь.

— Семь? Господи!

— Он очень хочет что-то тебе сказать.

Гурни пошире открыл глаза и встал с дивана.

Мадлен указала на домашний телефон на столе.

— Возьми трубку здесь. А я положу ту, что на кухне.

Гурни взял трубку:

— Алло.

— Привет, пап! Уже два часа пытаюсь тебе дозвониться. Все в порядке?

— Все хорошо, просто очень устал.

— Ну да, я забыл, ты же несколько дней вообще не спал.

— Ты нашел что-нибудь интересное?

— Скорее странное. С чего начать?

— С подвала.

— Хорошо. Значит, подвал. Помнишь, по бокам лестницы идут такие длинные борта — к ним и крепятся ступеньки? Так вот, внизу одного из них, в паре футов над сломанной ступенькой, проделана прорезь, а в нее вставлена такая штука размером с половину флешки.

— Ты ее вынул?

— Ты же сказал не вынимать. Я только подцепил ее кончиком ножа, чтобы понять, каких она размеров. А теперь про странное. Когда я заталкивал ее обратно, я, наверное, случайно на нее нажал, потому что секунд через десять послышался этот жуткий шепот. Будто маньяк из ужастика прошипел сквозь зубы: «Не буди дьявола». Я чуть не обоссался. Да похоже и правда ссыкнул.

— Эта прорезь — она заметная?

— Совсем незаметная. Как будто взяли стружку из рубанка и прикрыли ее.

— Тогда как же...

— Ты сказал, что шепот звучал в нескольких футах над тобой. Это небольшой участок. Я просто искал, пока не нашел.

— Ты спрашивал Ким, кто еще знает о ее сказке на ночь?

— Она уверяет, что она рассказывала только этому придурку — ее бывшему. Но, конечно, он мог рассказать кому угодно.

Повисло молчание. Гурни пытался собрать пазл из разнородных деталей этого дела, но те разлетались, словно под действием центробежной силы. Да и вообще, какое дело он имеет в виду? Шесть убийств на дороге, которые увязывают в одно дело из-за манифеста Доброго Пастыря? Дело о возможном преследовании Ким Коразон Робби Мизом, где преследование проявляется в вандализме и безумных угрозах? Дело о поджоге? Или какое-

то гипотетическое большое дело, в котором все эти события взаимосвязаны — а с ними, быть может, и стрела на клумбе?

— Пап, ты слушаешь?

— Конечно.

— Я еще не рассказал самую поганую новость.

— Господи. Что там?

— У Ким жучки во всех комнатах, даже в ванной.

По шее Гурни пробежал холодок.

— Что ты нашел?

— Ты мне по телефону объяснил, где искать, так? Сначала я проверил пожарный датчик в гостиной, потому что я знаю, как он устроен внутри. И обнаружил кое-что явно постороннее. Размером не больше спичечного коробка, а из одного конца торчит тонкая проволока. Я решил, это что-то вроде антенны.

— Там было что-нибудь похожее на объектив?

— Нет.

— Он мог быть размером с ползерна...

— Нет, поверь мне, объектива не было. Я сам об этом подумал и специально проверил.

— Ага, — сказал Гурни, обдумывая эту столь важную информацию. Отсутствие видеокамеры означало, что устройство не было установлено полицией. Чтобы выследить злоумышленника, устанавливают камеры, а не жучки. — А потом ты проверил остальные датчики?

— По одному есть в каждой комнате и во всех такие вот штуки.

— А откуда ты сейчас звонишь?

— С улицы. Стою на тротуаре.

— Молодец, соображаешь. Мне кажется или ты хочешь еще что-то сказать?

— Ты знаешь, что в потолке есть съемная панель и она ведет в квартиру наверху?

— Нет. Но я не удивлен. Где именно?

— Рядом с кухней, в нише со стиральной машиной.

Гурни вспомнил, что на кухне и в нише потолок сделан в виде больших квадратов из декоративного багета. Самое подходящее место для потайного люка.

— Но почему ты вообще решил...

— Проверить потолки? Ким мне рассказала, что иногда по ночам слышит разные звуки: скрип, всякие жутковатые вещи. Она рассказала и про всю эту чертовщину: что вещи переносят с места на место, забирают и

потом возвращают, про пятна крови рассказала. И это притом, что она сменила замки. А квартира наверху якобы пустует. Ну так вот, если все это сопоставить...

— Отличная работа. — Гурни был впечатлен. — Значит, ты вывел, что, скорее всего, злоумышленник проникал через потолок...

— И скорее всего, через потолок из панелей...

— И что ты сделал?

— Взял в подвале стремянку и стал нажимать на квадраты, пока не нашел тот, что реагировал на давление не так, как остальные. Я взял нож и слегка отковырнул молдинги по периметру квадрата. И увидел за ними прорези. На этом я остановился. Раз ты сказал не вынимать жучки, то наверняка сказал бы не трогать и люк. Кроме того, люк заблокирован сверху и его пришлось бы ломать. А этого я не хотел — мало ли что там наверху.

Гурни заметил, что сын горит азартом и ему едва хватает осторожности не увлекаться.

— Ну что ж, ты хорошо потрудился.

— Надо же поймать злодеев. Наши действия?

— Ваши действия: убираетесь из этой чертовой квартиры и возвращаетесь сюда, оба. А мне надо покрутить в голове эти новые факты. Иногда когда я засыпаю с каким-то вопросом, то просыпаюсь с ответом.

— Что, правда?

— Нет, но звучит красиво.

Кайл рассмеялся:

— И с какими же вопросами ты заснешь сегодня?

— Вот и тебя я хочу спросить о том же. В конце концов, ты сделал все эти открытия. На месте всегда виднее. Как ты думаешь, какие тут главные вопросы?

Даже в том, как Кайл раздумывал, чувствовалось возбуждение:

— Насколько я могу судить, главный вопрос тут один.

— А именно?

— Мы имеем дело с чокнутым преследователем или с чем-то гораздо более мерзким? — Кайл помолчал. — А ты как думаешь?

— Я думаю, может стать и с тем и с другим.

Глава 27

Разные реакции

В ту ночь Гурни не лег спать, пока Ким и Кайл не вернулись из Сиракьюса: Кайл на своем байке, а Ким — на «миате».

Когда они снова обсудили все, о чем говорили по телефону, у Гурни возникло еще два вопроса. Первый — к Кайлу.

— Когда ты снимал крышки пожарных датчиков... — Гурни не успел договорить.

— Я снимал их очень аккуратно, очень медленно. Все это время мы с Ким обсуждали совершенно посторонние вещи — какой-то ее курс в университете. Тот, кто нас подслушивал, ни о чем бы не догадался.

— Я впечатлен.

— Да ладно тебе. Я это видел в фильме про шпионов.

Второй вопрос Гурни задал Ким:

— Ты не замечала в квартире чего-нибудь незнакомого, чего раньше не было: какое-нибудь небольшое устройство, радиочасы, айпод, мягкую игрушку?

— Нет, а что?

— Просто хотел проверить, установил ли Шифф обещанные камеры. В случае, когда жилец в курсе дела, легче пронести камеры в каком-нибудь предмете интерьера, чем прятать под потолком или в других местах.

— Нет, ничего такого не было.

На следующее утро за завтраком Гурни заметил, что Мадлен, против обыкновения, не стала есть овсянку и едва притронулась к кофе. Она смотрела в стеклянную французскую дверь, но, казалось, созерцала собственные мрачные мысли, а не залитый солнцем пейзаж.

— Ты думаешь о пожаре?

Мадлен так долго не отвечала, что Гурни подумал: не расслышала вопроса.

— Да, наверное, можно сказать, что я думаю о пожаре. Сегодня утром я проснулась — и знаешь, о чем подумала, секунды три? Подумала, как хорошо было бы в такое утро проехаться на велосипеде по дороге вдоль реки. Но потом, конечно, я вспомнила, что велосипеда у меня нет. Вот это вот скрюченное и обугленное на полу амбара — это ведь уже не велосипед, правда?

Гурни не нашелся, что ответить.

Мадлен сидела молча, глаза ее сузились от злости. Потом она спросила, обращаясь скорее к кофейной кружке, чем к Гурни:

— Тот человек, который установил жучки в квартире у Ким, — он много о нас знает?

— О нас?

— Хорошо, о тебе. Как ты думаешь, он много смог о тебе узнать?

Гурни сделал глубокий вдох:

— Хороший вопрос.

Честно признаться, этот вопрос мучил его с прошлого вечера после телефонного разговора с Кайлом.

— Вероятно, жучки передают сигнал на записывающее устройство, которое включается от звука голоса. Он должен был слышать мои разговоры с Ким, когда я был у нее дома, и все, что она говорила по телефону.

— Разговоры с тобой, с ее матерью, с Руди Гетцем?

— Да.

У Мадлен сузились зрачки:

— Значит, он много знает.

— Много.

— Нам есть чего бояться?

— Нам нужно быть бдительными. А мне — выяснить, что за хрень происходит.

— Ах вон что. Понятно. Стало быть, я не смыкая глаз поджидаю маньяка, а ты решаешь головоломки. Такой у тебя план?

— Я вам не помешала? — в дверях кухни появилась Ким.

На лице Мадлен было написано: да, именно что помешала.

Но Гурни спросил:

— Кофе будешь?

— Нет, спасибо. Я... я просто хотела вам напомнить, что примерно через час нам надо выезжать. Первая встреча — с Эриком Стоуном в Баркхем-Делле. Он так и остался жить в доме своей матери. Вам очень понравится. Эрик, он... необыкновенный.

Перед отъездом Гурни, как и планировал, позвонил в полицию Сиракьюса детективу Джеймсу Шиффу, чтобы спросить про обещанные камеры в квартире Ким. С Шиффом связаться не удалось, и Гурни соединили с коллегой Шиффа Элвудом Гейтсом, который вроде бы знал об этой истории. Однако особого интереса он не выказал и извиняться за то, что камеры не установлены, не стал.

— Если Шифф сказал, что установим, значит, установим.

— А хоть примерно — когда?

— Наверное, когда разберемся с более важными делами. Ладно?

— Более важными, чем опасный псих, неоднократно проникавший в

квартиру молодой женщины? С намерением причинить вред ее здоровью?

— Это вы про сломанную ступеньку?

— Я про ловушку, устроенную на лестнице над бетонным полом. Такое падение чревато смертельными травмами.

— Слушайте, мистер Гурни, вот что я вам скажу. Пока ничего «чревато-смертельного» не произошло. Я полагаю, вы не в курсе, что вчера наркодельцы устроили тут войнушку за территорию? Наверняка, нет. Но ваша неотложнейшая проблема у нас в списке дел первым пунктом. Вот только поймаем дюжину отморожков с калашами. Договорились? Будем держать вас в курсе. Хорошего дня.

Ким смотрела на Гурни, пока тот убирал телефон в карман.

— Что он сказал?

— Сказал, может быть, послезавтра.

Гурни настоял, чтобы в Баркхем-Делл они поехали на разных машинах. Тогда, случись что-нибудь непредвиденное, он сможет уехать и не ломать график встреч Ким.

Ким ехала быстрее, и еще до автострады они потеряли друг друга из виду. День был хороший — пока что единственный, сообразивший, какое время года вообще-то по календарю. Небо сияло голубым. По нему были широко разбросаны блестящие кучерявые облака. Вдоль дороги в тенистых уголках то тут, то там белели крохотные кустики подснежников. Когда, судя по времени до цели, оставалось еще полпути, Гурни заехал на заправку. Заправившись, зашел в местный магазинчик за кофе. Уже сидя в машине, открыв окна и прихлебывая «французскую обжарку», он решил позвонить Хардвику и попросить еще о двух услугах. Гурни беспокоило, что рано или поздно за все эти услуги придется расплачиваться и счет будет весьма солидным. Но ему нужна была информация, а Хардвик — лучший ее источник. Он позвонил, отчасти надеясь, что попадет на автоответчик. Но услышал скрипучий, как наждачная бумага, саркастический голос:

— Дэйви, малыш! Ищайка ты наша, ловец мирового зла! Какого рожна тебе опять надо?

— Мне много чего надо.

— Да что ты говоришь! Какая неожиданность!

— Я буду перед тобой в долгу.

— Ты уже в долгу, спец.

— Это правда.

— Ну я просто напомнил. Вываливай.

— Во-первых, я хочу знать все, что только можно, про студента

Сиракьюсского университета по имени Роберт Миз, известного еще как Роберт Монтегю. Во-вторых, я хочу знать все, что только можно, об Эмилио Коразоне, отце Ким Коразон, бывшем муже журналистки «Нью-Йорк сити» Конни Кларк. На этой неделе исполняется десять лет, как с ним потеряна всякая связь. Попытки родственников его разыскать окончились неудачей.

— Когда ты говоришь «знать все, что только можно», ты имеешь...

— Я имею в виду все, что только можно нарыть за ближайшие два-три дня.

— И все?

— Ты это сделаешь?

— Просто не забывай, что ты в неоплатном долгу.

— Не забуду, Джек. Я правда очень... — начал Гурни и тут заметил, что звонок уже завершен.

Гурни продолжил путь, съехал с автострады, следуя указаниям навигатора, и проехал по нескольким второстепенным дорогам, сворачивая все дальше в глушь. Наконец он добрался до поворота на Фокследж-лейн. Там он увидел красную «миату» на обочине. Ким помахала ему, тронулась и медленно поехала впереди.

Ехать было недолго. Первый съезд, между солидными стенами сухой кладки, вел к некоему Уиттингемскому охотничьему клубу. Следующий, через несколько сотен ярдов, был без указателя, но именно туда Ким и повернула. Гурни последовал за ней.

Дом Эрика Стоуна стоял в четверти мили от поворота. Это был огромный особняк в колониальном стиле. Краска во многих местах начала облезать. Водосточные желоба явно стоило поправить и закрепить. Дорога местами вспучилась от морозов. На газонах и клумбах валялись ветки, прошлогодняя листва и прочий мусор, не убранный после зимы.

От подъездной дорожки к трехступенчатому крыльцу вела неровная кирпичная тропинка. И тропинка, и крыльцо тоже были усыпаны прелыми листьями и прутьями. Когда Гурни и Ким прошли на полпути к дому, дверь отворилась и на широкий порог вышел человек. Гурни подумал, что он похож на яйцо: узкоплечую пузатую фигуру от шеи до колен прикрывал чистейший белый фартук.

— Будьте осторожны. Прошу вас. Здесь сущие джунгли.

Эта театральная реплика сопровождалась улыбкой во весь рот и настороженным взглядом в сторону Гурни. Короткие, не по годам седые волосы хозяина были разделены аккуратным пробором. Розовое личико — гладко выбрито.

— Имбирное печенье! — радостно объявил он, посторонившись и пропуская гостей в дом.

Гурни вошел, и запах талька тут же сменился отчетливым пряно-сладким запахом единственного печенья, которое он на дух не переносил.

— Просто идите через весь коридор до конца. Кухня в этом доме — самый уютный уголок.

Помимо лестницы на второй этаж в традиционном широком холле посередине было несколько дверей. Однако пыль на дверных ручках говорила о том, что эти двери редко открывались.

Кухню в задней части дома можно было назвать уютной лишь в том смысле, что она была теплой и полной запахов. Огромная, с высоким потолком, она была оборудована дорогостоящей профессиональной техникой, которая десятилетие-другое назад водилась во всех богатых домах. Десятифутовая вытяжка над плитой напомнила Гурни жертвенный алтарь из «Индианы Джонса».

— Моя мать была страстным поборником качества, — сказал яйцеподобный человек. Затем добавил, как ни поразительно, вторя мыслям Гурни: — Она служила жрицей у алтаря совершенства.

— Как давно вы здесь живете? — спросила Ким.

Вместо ответа хозяин повернулся к Гурни.

— Я, конечно же, знаю, кто вы такой, и подозреваю, что вы знаете, кто такой я. Но все равно, по-моему, нам стоит представиться.

— Какая я глупая! — сказала Ким. — Простите, пожалуйста. Дэйв Гурни, Эрик Стоун.

— Рад знакомству, — Стоун протянул руку и расплылся в радушной улыбке. Зубы, большие и ровные, были у него почти такими же белыми, как фарук. — Ваша впечатляющая репутация бежит впереди вас.

— Очень рад, — сказал Гурни.

Рука у Стоуна оказалась теплая, мягкая и неприятно влажная.

— Я рассказала Эрику о статье, которую написала про вас моя мама, — добавила Ким.

После неловкого молчания Стоун указал на модный, искусственно состаренный сосновый стол в конце кухни, дальше всего от плиты.

— Присядем?

Когда Гурни и Ким уселись, Стоун спросил, не желают ли они чего-нибудь выпить:

— У меня много сортов кофе самой разной степени крепости и огромное разнообразие травяных чаев. А также редкий гранатовый лимонад. Хотите попробовать?

Оба гостя отказались, и Стоун с выражением театрального разочарования на лице сел на третий стул у стола. Ким достала из сумки на плече три маленьких камеры и две маленьких треноги. Потом закрепила две камеры на треногах, и одну направила на Стоуна, вторую — на себя.

Затем она подробно объяснила философию передачи: «ребята на РАМ-ТВ» непременно хотят, чтобы видеоряд и атмосфера интервью были как можно более простыми и естественными, в визуальном и звуковом плане напоминали семейные съемки на айфон, столь привычные зрителям — и гарантируют именно такой подход. Цель — быть верными реальности. Не усложнять. Это живой разговор, а не постановочный диалог. При обычном комнатном освещении, без софитов. Это не профессиональная съемка. Это съемка для людей и о человеческом. И так далее.

Внял ли Стоун этому воззванию, было непонятно. Умом он, казалось, где-то блуждал и вернулся, лишь когда Ким закончила свою речь и спросила:

— Есть ли у вас вопросы?

— Только один, — Стоун повернулся к Гурни. — Как вы думаете, его когда-нибудь поймают?

— Доброго Пастыря? Хочется верить.

Стоун закатил глаза:

— Бьюсь об заклад, с вашей профессией вам часто приходится давать такие ответы. Никакие не ответы. — Голос его звучал скорее подавленно, чем сердито.

Гурни пожал плечами:

— Пока что я знаю недостаточно, чтобы ответить иначе.

Ким поднастроила камеры на треногах и установила на обеих режим видеосъемки HD. То же самое она проделала и с третьей камерой, которую держала в руке. Затем поправила волосы, выпрямилась на стуле, разгладила пару складок на блейзере, улыбнулась и начала интервью:

— Эрик, я хочу еще раз поблагодарить вас за согласие участвовать в программе «Осиротевшие». Наша цель — честно и непредвзято рассказать зрителям о ваших чувствах и мыслях. Здесь ничто не может быть неуместным и ничто не запрещено. Мы у вас дома, а не в студии. Важна ваша история, ваши чувства. Вы можете начать, с чего хотите.

Стоун глубоко и нервно вздохнул.

— Я начну с ответа на вопрос, который вы задали мне несколько минут назад, когда входили в кухню. Вы спросили, как давно я здесь живу. Так вот, я живу здесь двадцать лет. И половину из них я прожил в раю, а другую половину — в аду. — Он помолчал. — Первые десять лет я жил,

озаренный сиянием необыкновенной женщины, последние десять живу в мире теней.

Ким выждала долгую паузу и лишь потом отозвалась, тихо и грустно:

— Иногда именно нестерпимая боль позволяет понять, как много мы потеряли.

Стоун кивнул:

— Моя мать была скалой. Ракетой. Вулканом. Она была одной из сил природы. Я повторяю: одной из сил природы. Это звучит банально, но это правда. Остаться без нее — как остаться без закона всемирного тяготения. Остаться без закона всемирного тяготения! Можете себе представить? Мир без гравитации. Мир, который ничто не удержит в целости.

В глазах его блеснули слезы.

Ответная реплика Ким была неожиданной. Она спросила, можно ли ей печенье.

Стоун расхохотался — неистовым, истерическим смехом, от которого слезы полились ручьем.

— Ну конечно, конечно же! Имбирное печенье — только что из духовки, но есть еще шоколадное с пеканом, песочное на масле и овсяное с изюмом. Все испек сегодня.

— Пожалуй, овсяное с изюмом, — сказала Ким.

— Отличный выбор, мадам. — Несмотря на слезы, Стоун словно бы играл роль радушного сомелье.

Он прошел в дальний угол кухни и взял с плиты тарелку, полную большого коричневого печенья. Ким все это время снимала его на ручную, третью, камеру.

Уже собираясь поставить тарелку на стол, Стоун вдруг замер, словно пораженный внезапной мыслью. И обратился к Гурни:

— Десять лет, — сказал он ошеломленно, словно бы эта цифра вдруг приобрела новое значение. — Ровно десять лет. Целое десятилетие. — В голосе его послышался надрыв. — Десять лет, а я все еще как ненормальный. Что скажете, детектив? Видя мое жалкое состояние, разве не хотите вы побыстрее найти, арестовать и осудить того ублюдка, который убил лучшую в мире женщину? Или я, по-вашему, просто смешон?

Гурни всегда застывал и отстранялся, когда при нем изливали эмоции. Отстранился и теперь. И ответил с будничным хладнокровием:

— Я сделаю все, что смогу.

Стоун бросил на него лукавый скептический взгляд, но ничего не ответил.

Вместо этого он снова предложил гостям кофе, и они снова отказались.

Потом Ким какое-то время расспрашивала Стоуна о том, какой была его жизнь до и после убийства матери. Тот в подробностях поведал, что до убийства все на свете было лучше. Шэрон Стоун очень успешно — и чем дальше, тем успешнее — работала в верхнем сегменте рынка недвижимости. И жила она во всех смыслах «в верхнем сегменте», щедро делясь предметами роскоши с сыном. Незадолго до рокового вмешательства Доброго Пастыря она согласилась подписать соглашение о софинансировании Эрика: она давала ему три миллиона долларов, и он мог стать владельцем гостевого дома премиум-класса и ресторана в винодельческом районе у озер Фингер.

Но без ее подписи сделка сорвалась. Вместо того чтобы наслаждаться элитарной жизнью ресторатора и отеляера, Стоун в свои тридцать девять лет жил в поместье, которое не мог поддерживать в нормальном состоянии, и пытался зарабатывать на жизнь тем, что пек на кухне мечты, оставшейся от матушки, печенье для местных лавочек и мини-отелей.

Примерно через час Ким наконец закрыла маленькую записную книжку, с которой она сверялась, и, к удивлению Гурни, спросила, нет ли вопросов и у него.

— Есть пара вопросов, если мистер Стоун не возражает.

— Мистер Стоун? Пожалуйста, зовите меня Эриком.

— Хорошо, Эрик. Вы не знаете, у вашей матери были какие-нибудь деловые или личные контакты с кем-то из других жертв?

Он вздрогнул.

— Насколько я знаю, нет.

— У нее были враги?

— Мама не любила дураков.

— То есть?

— Не церемонилась, наступала на больные мозоли. В работе с недвижимостью, особенно на таком уровне, как у нее, очень острая конкуренция, и мама не хотела тратить время на идиотов.

— Вы помните, почему она купила «мерседес»?

— Конечно. — Стоун усмехнулся. — Он престижный. Стильный. Мощный. Быстрый. На голову лучше других. Такой же, как мама.

— За прошедшие десять лет не общались ли вы с кем-то, кто был каким-то образом связан с другими жертвами?

Стоун снова вздрогнул.

— Опять это слово. Не люблю его.

— Какое слово?

— Жертва. Я ее так не называю. Это звучит так пассивно, так

беспомощно. Так не похоже на маму.

— Я сформулирую иначе. Общались ли вы с семьями...

Стоун его перебил:

— Да, поначалу общался. У нас было что-то вроде группы поддержки.

— А все семьи в ней участвовали?

— Нет. У хирурга из Уильямстауна был сын, он раз-другой пришел, а потом заявил, что ему не нужна группа по работе с горем, потому что он не горюет. Он рад, что его отца убили. Ужасный человек. Такой враждебный. Истекал ядом.

Гурни посмотрел на Ким.

— Джими Брюстер, — пояснила она.

— Это все? — спросил Стоун.

— Два последних маленьких вопроса. Упомянула ли когда-нибудь ваша мать, что кого-то боится?

— Никогда. Она была самым бесстрашным человеком на этом свете.

— Шэрон Стоун — это ее настоящее имя?

— И да и нет. Скорее да. Официально ее звали Мэри Шэрон Стоун. После оглушительного успеха «Основного инстинкта» она сменила имидж: перекрасилась из шатенки в блондинку, стала опускать имя Мэри и раскрутила свой новый образ. Мама была гениальным промоутером. Она даже думала сделать билборды со своей фотографией, где она сидит в короткой юбке, нога на ногу, как в знаменитой сцене из фильма.

Гурни кивнул Ким, что у него больше нет вопросов.

Стоун добавил с неприятной улыбкой:

— У мамы были шикарные ноги.

Через час Гурни остановился рядом с «миатой» Ким у длинного унылого одноэтажного торгового центра на окраине Мидлтауна. Бухгалтерская фирма с вывеской «Бикерс, Меллани и Пидр» располагалась между студией йоги и туристическим агентством.

Ким говорила по телефону. Гурни откинулся на сиденье и стал думать, что бы он делал, будь его фамилия Пидр. Сменил бы ее или, наоборот, носил бы всем назло? Когда фамилия нелепа, как татуировка с ослом на лбу, о чем говорит отказ ее менять? О похвальной честности или глупом упрямстве? Интересно, когда гордость становится недостатком?

Боже, зачем я забиваю себе голову этой ерундой?

Резкий стук в боковое окно и многозначительный взгляд Ким оторвали Гурни от раздумий. Он вышел из машины и прошел вслед за ней в офис.

Входная дверь вела в скромную приемную с несколькими разными

стульями у стены. На кофейном столике в стиле скандинавский модерн валялось несколько истрепанных номеров журнала «Смарт-мани»[\[12\]](#). Перегородка по пояс высотой отделяла эту часть холла от другой, меньшей по размеру, где напротив стены с запертой дверью стояли два пустых стола. На перегородке стоял старомодный звонок — серебряный купол с кнопкой наверху.

Ким уверенно ударила по кнопке — звук оказался на удивление громким. Через полминуты позвонила снова — ответа не последовало. И только когда она уже достала телефон, дверь в дальней стене отворилась. Вышел бледный, худой человек усталого вида. Он без интереса посмотрел на гостей.

— Мистер Меллани? — спросила Ким.

— Да, — отозвался тот тусклым бесцветным голосом.

— Я Ким Коразон.

— Да.

— Мы с вами разговаривали по телефону. Помните? Мы договорились, что я приеду записать интервью с вами.

— Да, помню.

— Хорошо. — Она несколько растерянно огляделась. — Где вам будет...

— А. Да. Можно пройти в мой кабинет. — И он снова скрылся за дверью.

Гурни открыл дверцу в перегородке и пропустил Ким вперед. И перегородка, и столы за ней были покрыты слоем пыли. Гурни и Ким прошли в кабинет — комнату без окон с большим столом красного дерева, четырьмя стульями с прямой спинкой и книжными шкафами вдоль трех стен. В шкафах стояли толстые тома, посвященные налоговым законам и правилам бухучета. Они тоже порядком запылились. Воздух в комнате был спертый.

Единственным источником света служила лампа на дальнем конце стола. Лампы дневного света на потолке были выключены. Ким, оглядев комнату в поисках места для камеры, спросила, нельзя ли включить свет.

Меллани пожал плечами и щелкнул выключателем. Свет помигал и выровнялся, тихонько жужжа. При свете стала еще заметнее бледность Меллани и темные круги у него под глазами. Он чем-то напоминал мертвеца.

Как и на кухне у Стоуна, Ким сначала установила и настроила камеры. Затем они с Гурни уселись по одну сторону стола из красного дерева, а Меллани — по другую. Ким повторила — почти слово в слово — ту речь,

которую произносила у Стоуна. О том, что цель съемки — добиться искренности, естественности, простоты, что разговор должен быть больше всего похож на разговор двух друзей, свободный и непринужденный.

Меллани промолчал.

Ким сказала, что он может говорить все что хочет.

Меллани ничего не ответил, просто сидел и смотрел на нее.

Ким оглядела мрачное замкнутое пространство: включенный свет лишь усилил ощущение унылой неприветливости.

— Значит, — начала она с явной неловкостью, словно поняла, что вся инициатива будет исходить лишь от нее, — это ваш главный офис?

Меллани обдумал это утверждение.

— Единственный офис.

— А ваши партнеры? Они... тоже здесь?

— Нет. Партнеров нет.

— Я думала, эти имена... Бикерс... и...

— Это название фирмы. Она основана как партнерская. Я был главным партнером. Потом мы... наши пути разошлись. А название официально зарегистрировано. С юридической точки зрения неважно, кто тут работает. Не было сил его менять, — он говорил медленно, словно с трудом ворочая громоздкие слова. — Как женщины в разводе не меняют фамилию. Я не знаю, почему не поменял. Надо было, да? — Он явно не ожидал ответа.

Ким улыбнулась еще напряженнее. Поерзала на стуле.

— Я хотела уточнить, прежде чем мы продолжим. Мне называть вас Полом или лучше мистером Меллани?

После нескольких секунд гробового молчания он ответил еле слышно:

— Можете Полом.

— Хорошо, Пол, мы можем начинать. Как мы уже обсуждали по телефону, мы просто поговорим о том, как вы жили после смерти отца. Вы согласны?

Он снова замолк, а потом ответил:

— Конечно.

— Отлично. Итак... Как давно вы работаете бухгалтером?

— Всю жизнь.

— Я имею в виду, сколько лет?

— Лет? Как окончил колледж. Мне... сорок пять. Окончил в двадцать два. Сорок пять минус двадцать два — будет двадцать три года как я работаю бухгалтером. — Он закрыл глаза.

— Пол?

— Да?

— С вами все в порядке?

Он открыл один глаз, потом другой:

— Я согласился в этом участвовать, значит, буду участвовать, но я хотел бы закончить побыстрее. Я уже проходил через это на психотерапии. Я дам вам ответы. Просто... мне не нравится слушать вопросы. — Он вздохнул. — Я читал ваше письмо. Мы говорили по телефону... Я знаю, чего вы хотите. Вы хотите про «до и после», так? Хорошо. Расскажу про «до и после». Самую суть, как было и как стало. — И он снова тихо вздохнул.

Гурни на секунду показалось, будто они шахтеры в заваленной шахте и кислород вот-вот закончится. Это вдруг невпопад всплыло воспоминание о фильме, который он видел в детстве.

Ким нахмурилась.

— Не уверена, что я вас поняла.

Меллани повторил:

— Я уже проходил через это на терапии. — Во второй раз слова стали еще тяжелее.

— Да... и поэтому... вы...

— Поэтому я могу дать вам ответы, а вопросы задавать не нужно. Так лучше для всех. Хорошо?

— Замечательное предложение, Пол. Пожалуйста, начинайте.

Он указал на одну из камер:

— Она включена?

— Да.

Меллани снова закрыл глаза. К тому моменту, как он начал свой рассказ, у Ким подрагивали уголки губ, выдавая ее чувства.

— Не то чтобы я был счастливым человеком до этого... события. Я никогда не был счастливым человеком. Но одно время у меня была надежда. Я думаю, была. Что-то вроде надежды. Чувство, что будущее будет лучше. Но после этого... события... это чувство навсегда ушло. Картинка поблекла, все стало серым. Понимаете? Бесцветным. Когда-то мне хватало энергии делать карьеру, что-то *выращивать*. — Он произнес это слово, словно какой-то странный термин. — Клиенты... партнеры... движение. Больше, лучше, крупнее. А потом произошло это. — Он замолчал.

— Это? — переспросила Ким.

— Событие. — Он открыл глаза. — Как будто что-то перевалило через вершину. Не рухнуло в пропасть, а просто... — Меллани поднял руку и изобразил автомобиль, который доехал до вершины холма и медленно

покатился вниз по склону. — Все пошло под откос. Пришло в упадок. Мало-помалу. Мотор заглох.

— А как у вас с семьей? — спросила Ким.

— С семьей? Кроме того, что отец погиб, а мать впала в необратимую кому?

— Простите, пожалуйста. Я неясно выразилась. Я имела в виду семейное положение: были ли вы женаты, остались ли другие родственники?

— Была жена. А потом она устала, оттого что все идет под откос.

— А дети были?

— Нет. И хорошо. А может, и наоборот. Все деньги отца достались его внукам — детям моей сестры. — Меллани улыбнулся, но это была горькая улыбка. — Знаете почему? Это забавно. Моя сестра была очень нервная, очень тревожная. У обоих ее детей биполярное расстройство, СДВГ, ОКР, чего только не было. И отец... он решил, что со мной-то все в порядке, я в семье единственный здоровый человек, а вот им необходима всяческая помощь.

— Вы общаетесь с сестрой?

— Она умерла.

— Пол. Мне так жаль.

— Давно уже. Лет пять назад. Или шесть. От рака. Может быть, умереть не так уж плохо.

— Что заставляет вас так говорить?

И вновь горькая улыбка, а за нею грусть.

— Видите? Вопросы. Опять вопросы. — Он уставился на стол, будто пытался разглядеть что-то в мутной воде. — Дело в том, что для отца деньги были очень важны. Важнее всего остального. Понимаете?

Во взгляде Ким теперь тоже была грусть.

— Да.

— Мой терапевт говорил, от того что мой отец был одержим деньгами, я и стал бухгалтером. Ведь чем занимаются бухгалтеры? Считают деньги.

— А когда он оставил все вашей сестре...

Меллани снова поднял руку. На этот раз он изобразил, как машина съезжает в глубокую долину.

— Терапия учит понимать себя, дает ясность, но это не всегда к лучшему, правда?

Это не был вопрос.

Через полчаса, когда они выбрались из унылого офиса Пола Меллани

на солнечную парковку, Гурни чувствовал себя так, будто вышел на улицу из темного кинотеатра. Это был другой мир.

Ким сделала глубокий вдох.

— Ох. Там так...

— Мрачно? Бесприютно? Безрадостно?

— Просто грустно. — Она казалась потрясенной.

— Ты заметила, какие номера журналов лежат в приемной?

— Нет, а что?

— Они все очень давние, ни одного свежего. Кстати, о времени: ты ведь понимаешь, какое сейчас время года?

— Вы о чем?

— Сейчас последняя неделя марта. Меньше трех недель до пятнадцатого апреля. Все подают налоговые декларации. В это время у всех бухгалтеров жуткий аврал.

— Боже, точно. То есть у него не осталось клиентов. Или их немного. Но тогда что же он там делает?

— Хороший вопрос.

Обратная дорога в Уолнат-Кроссинг заняла у обеих машин около двух часов. Под конец солнце опустилось ниже, на грязном ветровом стекле Гурни появились тусклые блики, и он в третий или четвертый раз за неделю вспомнил, что у него закончился стеклоомыватель. Но больше, чем отсутствие стеклоомывателя, его раздражало, что теперь все приходится записывать. Если он не запишет, что надо сделать...

Звонок телефона прервал эту рефлексю. К удивлению Гурни, на экране высветилось имя Хардвика.

— Да, Джек?

— Первый вопрос простой. Но не думай, что это уменьшит твой долг.

Гурни стал вспоминать, как именно он формулировал просьбу.

— Первый вопрос — это про Миза-Монтегю?

— Точняк, мой друг, и боле о нем известно днесь.

— Чего?

— Ну днесь. Теперь. Так говорил Шекспир. Когда хотел сказать «теперь», говорил «днесь». Это я расширяю словарный запас, чтоб не зорно было общаться с такими умножопыми, как ты.

— Здорово, Джек. Я тобой горжусь.

— Короче, это первый заход. Может, потом еще что будет. Родился наш индивидуум двадцать восьмого марта восемьдесят девятого, в больнице Святого Луки в Нью-Йорке.

— Хм.

— Что значит «хм»?

— Значит, послезавтра ему исполнится двадцать один.

— Ну и чё с того?

— Просто интересно. Давай дальше.

— В свидетельстве о рождении отец не указан. Кроме того, от маленького Роберта отказалась мать, которую по странному стечению обстоятельств звали Мари Монтегю.

— Значит, маленький Роберт действительно был Монтегю, прежде чем стать Мизом. Очень интересно.

— Щас будет интереснее. Его почти сразу усыновили известные в Питтсбурге люди: Гордон и Сесилия Миз. Гордон был адски богат. Бывает. Получил в наследство угольные шахты в Аппалачах. И угадай что.

— Судя по твоему оживлению, что-то ужасное.

— В возрасте двенадцати лет Роберта изъяла у Мизов служба опеки.

— Тебе удалось выяснить почему?

— Нет. Уж поверь, это очень засекреченная папка.

— Почему я не удивлен? А что было потом?

— Мерзкая история. То и дело менял приемные семьи. Никто не хотел держать его больше полугода. Трудный юноша. Ему выписывали всякие таблетки от генерализованного тревожного расстройства, пограничного расстройства личности, расстройства прерывистой вспыльчивости — мне больше всего последнее нравится.

— Я так понимаю, не надо спрашивать, как ты получил...

— Правильно. Не надо. В сухом остатке мы имеем психически крайне неустойчивого мальчика. Плохой контакт с реальностью и большие проблемы с контролем над гневом.

— И как же этот образчик душевного здоровья...

— Оказался в университете? Очень просто. В гущу этой разболтанной психики скрывается запредельное ай-кью. А запредельное ай-кью плюс социально неблагополучное детство плюс финансы на нуле — это волшебная формула стипендии. Поступив в университет, Роберт преуспел в актерском мастерстве и заработал разные оценки, от приличных до отвратных, по другим предметам. Говорят, он прирожденный актер. Красив, как кинозвезда, очень артистичен, где надо включает обаяние, хотя вообще-то скрытен. Недавно поменял фамилию обратно, с Миза на Монтегю. Несколько месяцев, как ты знаешь, сожительствовал с крошкой Кимми. Похоже, ничем хорошим это не кончилось. Сейчас живет один в съемной трешке в общем викторианском доме на тихой улочке в Сиракьюсе. Источники средств на съемную квартиру, машину и другие

внеуниверситетские расходы неизвестны.

— Он где-то работает?

— Про это ничего не понятно. Пока вот так. Если еще какое дерьмо всплывет, я тебе его подкину.

— Я перед тобой в долгу.

— Вот именно.

Сознание Гурни было настолько переполнено разрозненными фактами, что, когда вечером за кофе Мадлен сказала, какой красивый был закат час назад, он никакого заката не вспомнил. Вместо заката у него перед глазами были неутешительные образы — люди, события...

Пекарь, похожий на Шалтая-Болтая и не желающий называть жертвой свою всемогущую мать. Мать, которая «не церемонилась, наступала на больные мозоли». Гурни гадал: знает ли пекарь про мамино ухо на кусте сумаха, про оторванную мочку с бриллиантовой сережкой?

Пол Меллани — человек, чей отец отдал все свои деньги, а значит, и всю свою любовь другим. Человек, для которого работа потеряла смысл, жизнь потускнела, человек, чьи мысли безрадостны и унылы, чья речь, манеры, безжизненный офис — как записка самоубийцы.

Боже... а вдруг...

Мадлен, сидевшая напротив, смотрела на него.

— Что случилось?

— Я просто подумал об одном человеке, у которого мы с Ким были сегодня.

— Расскажи.

— Я пытаюсь вспомнить, что он говорил. Он казался... совсем в депрессии.

Взгляд Мадлен стал внимательней.

— Что он говорил?

— Я как раз пытаюсь вспомнить. С ходу вспоминается одна фраза. До этого он сказал, что у него умерла сестра. А потом добавил: «Умереть не так уж плохо». Что-то в этом роде.

— Более прямо он не говорил? Не говорил ни о каких намерениях?

— Нет. Просто... ощущение тяжести... будто нет... не знаю.

Мадлен словно бы ощутила боль.

— Тот пациент у вас в клинике, который покончил с собой, — он говорил прямо?..

— Нет, конечно, нет, иначе его перевели бы в психиатрию. Но в нем определенно была эта... тяжесть. Мрачность, безнадежность.

Гурни вздохнул:

— К сожалению, не важно, что мы думаем о чужих намерениях. Важно только, что о своих намерениях говорят они сами. — Он нахмурился. — Но я хочу кое-что выяснить. Ради собственного спокойствия.

Он взял с буфета телефон и набрал номер Хардвика. Абонент не отвечал. Гурни оставил сообщение:

— Джек, я хочу увеличить свой неоплатный долг и опять попросить тебя о крохотной услуге. В округе Орандж есть один бухгалтер по имени Пол Меллани. Приходится сыном Бруно Меллани, первой жертве Доброго Пастыря. Надо бы узнать, не оформлено ли на него оружие. Я о нем беспокоюсь и хочу понять, стоит ли бить тревогу. Спасибо.

Он снова сел за стол и машинально положил в кофе третью ложку сахара.

— Чем слаще, тем лучше? — улыбнулась Мадлен.

Он пожал плечами, медленно помешивая кофе.

Мадлен слегка склонила голову набок и посмотрела на него тем взглядом, который раньше его настораживал, а в последние годы стал нравиться — не потому, что он понимал, о чем она думает и к каким выводам приходит, а потому, что считал этот взгляд выражением ее любви. Спрашивать, о чем она думает, было так же бессмысленно, как просить ее дать определение их отношениям. Тому, что делает отношения драгоценными, никогда нельзя дать определения.

Обхватив кружку ладонями, Мадлен поднесла ее к губам, отхлебнула, аккуратно поставила на стол.

— Ты... ты не хочешь рассказать поподробнее, что у вас там происходит?

Почему-то этот вопрос его удивил:

— Ты правда хочешь знать?

— Конечно.

— Там много всего.

— Я слушаю.

— Хорошо. Но помни, ты сама попросила. Он откинулся на стуле и следующие двадцать пять минут проговорил почти без перерыва. Он рассказал обо всем подряд — от показательной стрельбы Роберты Роткер до скелета на воротах у Макса Клинтера, — не пытаясь расположить факты в какой-либо последовательности, отделить важное от неважного и отредактировать свой рассказ. Он говорил и сам дивился, с каким количеством необычных характеров, странных совпадений, зловещих

загадок столкнулся за эти дни.

— Ну и наконец, — заключил он, — не будем забывать про амбар.

— Да, про амбар. — Интонации Мадлен стали жестче. — Ты думаешь, этот поджог связан со всем остальным?

— Думаю, да.

— И какой у тебя план?

Неприятный вопрос: он заставлял Гурни признать, что ничего, даже отдаленно похожего на план, у него не было.

— Пошуровать в потемках палкой, может, кто подаст голос, — сказал он. — Ну и может поджечь священную корову.

— А можно объяснить по-человечески?

— Я хочу выяснить, есть ли у кого-нибудь в силовых структурах серьезные факты или священная версия дела Доброго Пастыря и впрямь так хрупка, как кажется.

— И поэтому ты завтра встречаешься с Трауром?

— Да. С агентом Траутом. В его избушке в Адирондакских горах. На озере Сорроу.

Тут в дом через боковую дверь вошли Кайл и Ким. За ними хлынул поток холодного воздуха.

Глава 28

Темнее, глубже, холоднее

Следующим утром на рассвете Гурни сидел за столом и пил свой первый кофе. Он глядел через стекло французской двери: по краю каменной террасы полз паук-сенокосец и тащил уховертку. Уховертка пыталась сопротивляться.

Гурни хотел было вмешаться, но понял, что движет им вовсе не доброта и не сострадание. Ему просто хотелось не видеть этой борьбы.

— Что такое? — услышал он голос Мадлен.

Он вздрогнул и обернулся: она стояла рядом с ним, в розовой футболке и зеленых полосатых шортах, только из душа.

— Созерцаю ужасы природы, — сказал Гурни.

Мадлен поглядела в окно на небо на востоке.

— Будет хороший день.

Гурни кивнул, хотя на самом деле ее не слышал. Его занимала другая мысль:

— Вчера вечером Кайл вроде сказал, что собирается утром обратно на

Манхэттен. Ты не помнишь, он не говорил, во сколько уезжает?

— Они уехали час назад.

— Что?

— Они уехали час назад. Ты крепко спал. Они не захотели тебя будить.

— Они?

Мадлен поглядела на него: она явно была удивлена его удивлением.

— Ким сегодня днем надо быть в городе, чтобы снять интервью для «Осиротевших». Кайл уговорил ее поехать с ним утром, чтобы вместе провести день. Похоже, особо уговаривать и не пришлось. Думаю, она планирует остаться у него на ночь. Не могу поверить, что ты не видел, к чему идет.

— Может, и видел. Но не так быстро.

Мадлен встала и налила себе кофе из кофеварки.

— Тебя это тревожит?

— Меня тревожит неизвестность. Тревожат сюрпризы.

Мадлен отхлебнула кофе и вернулась к столу:

— К сожалению, жизнь полна сюрпризов.

— Я уже понял.

Мадлен стояла около стола и смотрела сквозь дальнейшее окно на все расширяющуюся полосу света над горами.

— Тебя тревожит Ким?

— Отчасти. Мне непонятна эта история с Робби Мизом. Этот малый явно неадекватен, а она стала с ним жить. Что-то тут не так.

— Я согласна, но, возможно, причина не та, о которой ты думаешь. Многих людей, особенно женщин, притягивают нездоровые личности. Чем менее здоровые, тем сильнее притягивают. Они связываются с преступниками, с наркоманами. Им нужно кому-то помогать. Для отношений это фундамент хуже некуда, но так часто бывает. Я каждый день вижу это в клинике. Возможно, именно так было и у Ким с Робби Мизом, пока она не нашла в себе сил и душевного здоровья и не порвала с ним.

Захватив листок с подробным описанием дороги, Гурни вскоре после рассвета отправился на озеро Сорроу. Путь по предгорью Катскилла, по холмистым фермерским полям округа Скохэри, вверх в Адирондакские горы пробудил неприятные воспоминания. Лет в двенадцать он отдыхал с мамой на озере Брант. Мама тогда переживала острое отчуждение в отношениях с отцом и из-за этого была жалкой, тревожной, прилипчивой. Даже теперь, почти сорок лет спустя, Гурни с содроганием вспоминал об этих каникулах.

Чем дальше Гурни ехал, тем круче становились склоны, долины — уже, тени — гуще. Если верить инструкциям, которые дал ему ассистент Траута, последней дорогой с названием должен был быть отрог Шаттер. После этого в лабиринте лесовозных дорог и поворотов он мог полагаться только на точность одометра. Лес входил в состав огромных частных владений, в нем стояло лишь несколько летних домов — ни магазинов, ни заправок, ни людей и очень плохая мобильная связь.

Система полного привода «аутбэка» едва справлялась со здешней местностью. После пятого поворота, который, согласно указаниям, должен был привести прямо к дому Траута, Гурни оказался на небольшой поляне.

Он вышел из машины и обошел поляну по периметру. Дальше в лес вели четыре ухабистые тропы, но было совершенно непонятно, какую выбрать. На часах было 8:58 — всего две минуты до назначенного времени встречи.

Гурни был уверен, что в точности следовал всем инструкциям, и почти уверен, что человек, показавшийся по телефону таким скрупулезным, вряд ли ошибся. Здесь могло быть несколько объяснений, но вероятным казалось только одно.

Гурни вернулся в машину, приоткрыл боковое окно, чтобы впустить свежий воздух, откинул спинку сиденья, насколько было возможно, лег и закрыл глаза. То и дело он смотрел на часы. В 9:15 послышался шум мотора. Кто-то остановился неподалеку.

Как и ожидал Гурни, в окно постучали, тогда он открыл глаза, зевнул, поднял сиденье и еще больше открыл окно. Рядом с машиной стоял подтянутый, строгого вида человек с жестким взглядом карих глаз и коротко стриженными черными волосами.

— Вы Дэвид Гурни?

— А вы ждете кого-то еще?

— Придется оставить машину здесь, мы поедem на мотовездеходе. — Он указал рукой на «кавасаки-MULE» в камуфляжной раскраске.

— Вы не предупредили об этом по телефону.

У незнакомца дрогнули веки. Возможно, он не ожидал, что его так легко узнают по голосу.

— В настоящее время напрямую проехать невозможно.

Гурни улыбнулся. Он прошел к мотогрузовичку и сел на пассажирское сиденье.

— Знаете, что бы я делал, если бы жил в таком месте? Я бы нет-нет да и играл с гостями в забавную игру. Заставлял бы их думать, что они заблудились, может быть, пропустили поворот, смотрел, запаникуют ли

они: еще бы, в такой глуши, где мобильный не ловит. Ведь если они испугались по дороге сюда, то не найдут и дороги обратно, правда? Всегда забавно наблюдать, кто паникует, а кто нет. Понимаете, о чем я?

У провожатого напряглась челюсть:

— Не особо.

— Ну разумеется. Как вы можете понять? Чтобы оценить по достоинству мою идею, надо быть настоящим самодуром.

Через три минуты и полмили тряски по каменистым спускам и подъемам — водитель не отрывал сердитого взгляда от коварной дороги — они остановились перед сетчатым забором с раздвижными воротами, которые открылись при их приближении.

За воротами тропа скрылась под толстым слоем сосновой хвои. Внезапно за деревьями показалась «хижина». Это было двухэтажное строение, что-то вроде видоизмененного швейцарского шале — так часто строили в Адирондакских горах. Бревенчатый дом в сельском стиле, с углубленными верандами, зелеными дверями, наличниками на окнах и зеленой гонтовой кровлей. Фасад был такой темный, а крыльцо настолько затенено, что только когда мотовездеход затормозил у крыльца, Гурни увидел агента Траута, по крайней мере так он решил. Тот стоял ровно посередине мрачного крыльца, широко расставив ноги. На коротком черном поводке он держал большого добермана. Случайно так получилось или нарочно, но эта властная поза и грозная сторожевая собака вызвали у Гурни ассоциацию с начальником колонии.

— Добро пожаловать на озеро Сорроу. — Голос, безэмоциональный и сухой, не выражал никакого гостеприимства. — Я Мэттью Траут.

Редкие лучи солнца, пробивавшиеся сквозь густые сосновые кроны, были далеки и тонки, как сосульки. В воздухе царил аромат хвои. Из хозяйственного строения справа от дома доносился низкий несмолкающий гул двигателя внутреннего сгорания — вероятно, там работал электрогенератор.

— Славное место.

— Да. Заходите, пожалуйста. — Траут что-то коротко скомандовал доберману, тот развернулся и вместе с хозяином вошел в дом перед Гурни.

Парадная дверь вела прямо в просторную гостиную с массивным каменным очагом. В центре грубо обструганной каминной полки красовалось чучело хищной птицы с гневными желтыми глазами и огромными когтями, а по бокам — две рыси, готовые к прыжку.

— Они возвращаются, — многозначительно сказал Траут. — Каждую неделю их видят в горах.

Гурни следил за его взглядом.

— Рыси?

— Удивительные животные. Девяносто фунтов мускулов. Когти как бритвы. — Траут смотрел на чучела этих зверюг, и глаза его горели от восхищения.

Он невысок, заметил про себя Гурни, самое большее пять футов пять дюймов, но у него мощные плечи — видно, что занимается бодибилдингом.

Траут нагнулся и отстегнул поводок у добермана. Гортанно что-то скомандовал — и собака скрылась от глаз за кожаным диваном, на который Траут предложил сесть Гурни. Гурни немедля сел. Все эти попытки его запугать были совсем явными и глупыми, но он гадал, что будет дальше.

— Надеюсь, вы понимаете, что это все совершенно неформально, — произнес Траут.

— Совершенно ненормально? — Гурни притворился, что не расслышал.

— Нет. Неформально. Это неофициальная встреча.

— Простите. У меня в ушах звенит. Словил пулю в голову.

— Я слышал. — Траут помолчал и с подозрением стал разглядывать голову Гурни, как разглядывают дыню при покупке. — Как вы себя чувствуете?

— Кто вам сказал?

— Сказал что?

— О моем ранении. Вы сказали, что слышали о нем.

В кармане у Траута тихо зазвонил телефон. Он достал его и посмотрел на экран. Потом нахмурился — вероятно, увидев номер звонившего. Несколько секунд он раздумывал, затем нажал «ответить»

— Траут, слушаю. Вы где? — Пока он слушал ответ, челюсть его несколько раз напрягалась. — Тогда совсем до скорого. — Он оборвал связь и положил телефон в карман.

— Вот и ответ.

— Человек, который рассказал вам про мою рану, скоро придет сюда?

— Вот именно.

Гурни улыбнулся.

— Надо же. Не думал, что она работает по воскресеньям.

Ответом ему были молчание и удивленное моргание. Потом Траут откашлялся:

— Как я только что сказал, наш междусобойчик проходит в сугубо неформальной обстановке. Я решил встретиться с вами по трем причинам. Во-первых, потому что вы попросили доктора Холденфилд устроить

встречу. Во-вторых, потому что я счел уместным отдать дань вежливости бывшему сотруднику полиции. В-третьих, потому что я надеюсь, что наша неформальная встреча рассеет все недоразумения касательно того, кто уполномочен расследовать дело Доброго Пастыря и кто за это расследование отвечает. Благие намерения иногда оборачиваются препятствованием правосудию. Вы будете поражены, узнав, как широко в министерстве юстиции толкуют эту статью.

Траут покачал головой, словно сетуя на бюрократов-прокуроров, которые того и гляди свалятся на голову Гурни.

Гурни расплылся в широкой, понимающей улыбке.

— Поверьте, Мэтт, я на сто процентов с вами согласен. От недомолвок одни проблемы. Я за полную открытость. Карты на стол. Распахнуть кимоно. Чтоб ни секретов, ни вранья, ни пустого трепа.

— Хорошо, — но прохладный тон Траута явно противоречил содержанию его слов. — Прошу меня извинить, я должен отойти. Это ненадолго. — И он вышел из комнаты через дверь слева от камина.

Доберман издал тихий, рокочущий рык.

Гурни откинулся на спинку дивана, прикрыл глаза и стал обдумывать план игры.

Через пятнадцать минут Траут вернулся в сопровождении Ребекки Холденфилд. Казалось, она совсем не огорчена и не возмущена тем, что ей испортили выходные. Напротив, вид у нее был очень заинтересованный и энергичный.

Траут улыбнулся, и впервые в его улыбке Гурни увидел почти радушие.

— Я попросил доктора Холденфилд участвовать в нашей встрече. Я верю, что вместе мы сумеем разрешить странные сомнения, которые, кажется, у вас возникли, и закрыть эту тему. Я хочу, чтобы вы хорошо понимали, мистер Гурни, что это чрезвычайно необычное совещание. Также я пригласил Дейкера. Еще одна пара ушей, еще одна точка зрения не повредит.

Словно по команде в двери у камина возник ассистент Траута — и остался стоять, в то время как Траут и Холденфилд уселись в кожаные кресла напротив Гурни.

— Что ж, — сказал Траут, — перейдем сразу к тому, что вас так беспокоит в связи с делом Доброго Пастыря. Чем быстрее мы разберемся с этими сомнениями, тем быстрее разойдемся по домам. — И он подал Гурни знак начинать.

— Я хотел бы начать с вопроса. Сталкивались ли вы в ходе следствия с

какими-либо фактами, которые противоречили вашей основной версии? С мелкими вопросами, ответа на которые не могли найти?

— Пожалуйста, конкретнее.

— Обсуждалась ли потребность преступника в очках ночного видения?

Траут нахмурился.

— Вы о чем?

— Или такой нелепый выбор оружия? И количество пистолетов? И как именно преступник от них избавлялся?

Хотя Траут и старался казаться бесстрастным, по взгляду его видно было, что он обеспокоен и что-то просчитывает в уме.

Гурни продолжал:

— Кроме того, мы наблюдаем поразительное противоречие: на деле преступник избегает риска, а позиционирует себя как фанатик. И еще одно противоречие — между идеально логичным планом убийства и совершенно нелогичным мотивом.

— Практически любой теракт, совершенный смертником, полон тех же противоречий, — Траут пренебрежительно махнул рукой.

— Сам теракт — возможно, но не мотивы его участников. Человек на самой верхушке, преследующий свои политические цели, стратег, который выбирает мишень и составляет план атаки, вербовщик, инструктор, координатор на месте, смертник, который добровольно себя взрывает, — они могут работать как одна команда, но каждый играет свою роль. Результат их взаимодействия может быть совершенно безумным, нелогичным, но каждый ее участник вполне последователен и понятен.

Траут покачал головой.

— Не вижу смысла в этих рассуждениях.

Дейкер в дверях зевнул.

— Смысл тут очевиден. Ни один Усама бен Ладен в мире сам не сядет в кабину пилота, чтобы врезаться в небоскреб. Психологические мотивы одного участника теракта отличаются от психологических мотивов другого. Либо так называемый Добрый Пастырь — это не один человек, либо ваши выводы о его мотивах и структуре личности ошибочны.

Траут громко вздохнул.

— Очень интересно. Но знаете, что интереснее всего? Ваше замечание про пистолет — или пистолеты. Это значит, что у вас был доступ к засекреченной информации. — Он откинулся в кресле и задумчиво подпер руками подбородок. — А значит, будут проблемы. И у вас, раз вы владеете секретными сведениями, и у того, кто вам их выдал, — возможно, его

карьера окончена. Позвольте спросить прямо. Располагаете ли вы какой-либо иной информацией из секретных государственных источников, по данному или какому-либо иному делу?

— Господи, Траут, что за глупости.

У Траута напряглись мышцы шеи, но он ничего не сказал.

Гурни продолжал:

— Я пришел сюда, чтобы обсудить возможную серьезнейшую ошибку в серьезнейшем деле об убийствах. Вы хотите вместо этого устроить свару по поводу предполагаемого нарушения формальностей?

Холденфид подняла правую руку, как инспектор дорожного движения.

— У меня предложение. Давайте сбавим обороты? Мы здесь для того, чтобы обсуждать факты, улики, разумные интерпретации этих фактов. Но пока нам мешает эмоциональный компонент. Может быть, нам следует...

— Вы совершенно правы, — сказал Траут с натянутой улыбкой. — Думаю, мы должны дать мистеру Гурни — Дэйву — высказаться, выложить на стол все факты. Если с нашей интерпретацией существующих фактов что-то не так, давайте разбираться. Дэйв? Я уверен, вам есть что сказать. Продолжайте, пожалуйста.

Желание Траута уличить его в преступном доступе к украденным материалам было столь явным, что Гурни чуть не рассмеялся ему в лицо. Затем Траут добавил:

— Возможно, все последние десять лет я слишком плотно занимался этим делом. А у вас незамысленный взгляд. Что, по-вашему, я упустил?

— Как насчет того обстоятельства, что вы построили очень большую гипотезу на очень скудных фактах?

— Именно этим и отличается искусство построения следственной версии.

— А также бред шизофреника.

— Дэйв, — Холденфид предостерегающе подняла руку.

— Прошу прощения. Но я боюсь, как бы дело, вошедшее в анналы судебной психологии, не оказалось огромным мыльным пузырем. Манифест, детали убийств, профиль преступника, медийный миф, народная интерпретация, академические теории — все это льет воду на одну мельницу, дополняет одну и ту же историю, шлифует ее, превращая в незыблемую истину. Беда лишь в том, что эта незыблемая истина не подкрепляется серьезными фактами.

— Кроме, разумеется, — резко сказала Холденфид, — двух первых пунктов, о которых вы упомянули. Манифест и детали убийств — куда уж серьезнее.

— Но что, если детали преступлений и манифест были продуманы таким образом, чтобы подкреплять друг друга? Что, если убийца вдвое умнее, чем о нем думают? Что, если все эти десять лет он до колик смеялся над агентом Траутом и его командой?

Взгляд Траута стал жестче:

— Вы сказали, что читали профиль?

Гурни усмехнулся:

— По-вашему, это доказывает, что я имел доступ к вашим драгоценным данным? Но я этого не говорил. Я упомянул профиль, но я не сказал, что его читал. Позвольте мне немного пофантазировать. Бьюсь об заклад, профиль пытается объяснить, как преступник может вести себя одновременно рационально и иррационально, взвешенно и безумно, как атеист и как проповедник. Я недалеко от истины?

Траут испустил нетерпеливый вздох:

— Не буду комментировать.

— Беда в том, что вы решили, будто в манифесте преступник излагает свои подлинные мысли, потому что он подтверждает ваши предположения. Манифест подтвердил ваши собственные гипотезы. И вам никогда не приходило в голову, что манифест — это розыгрыш, что вас дурачат. Добрый Пастырь уверял вас, будто ваши выводы верны. И вы, конечно же, ему поверили.

Траут покачал головой, понапрасну силясь изобразить огорчение.

— Боюсь, что мы с вами по разные стороны баррикад. А я, зная о вашем прошлом, думал, что мы на одной стороне.

— Как мило. Вот только далековато от реальности.

И снова грустное покачивание головой.

— В деле Доброго Пастыря ФБР преследовало одну цель — как и во всех делах, и такую цель должен преследовать каждый честный сотрудник правоохранительных органов в любом расследовании — узнать правду. Если мы верны ценностям своей профессии, мы должны быть на одной стороне.

— Вы в это верите?

— Это основа нашей профессии.

— Послушайте, Траут, я в органах так же долго, как и вы, а то и дольше. Вы сейчас говорите с копом, а не с членом, прости господи, «Ротари-клуба». Разумеется, цель расследования — узнать правду. Если только не появляется какой-нибудь другой цели. В большинстве случаев правды мы так и не узнаем. Если очень повезет, то приходим к удовлетворительным выводам. К правдоподобной гипотезе. Которая может

убедить людей. И вы, черт побери, прекрасно знаете, как устроена полицейская система: в реальности поиск правды и справедливости не вознаграждается. Вознаграждаются удовлетворительные выводы. В душе отдельно взятый коп может сколько угодно стремиться к правде. Но наградят его, если он сумеет объяснить факты. Передайте окружному прокурору преступника, лучше вместе со связным рассказом о составе преступления и мотивах, а еще лучше с подписанным признанием в убийстве — вот чего ждут от копов. — Траут закатил глаза, потом посмотрел на часы. — Главное, — Гурни подался вперед, — у вас есть связный рассказ. В каком-то смысле, есть даже подписанное признание — манифест. Конечно, не обошлось без ложки дегтя: преступник-то ускользнул. Ну да что с того. У вас есть его профиль. Есть его подробная декларация о намерениях. Есть шесть убийств, детали которых согласуются с тем, что вы и ваш отдел изучения поведения знаете о Добром Пастыре. Хорошая работа, логичные выводы. Связно, профессионально, обоснованно.

— Что же именно вас в этом не устраивает?

— Если только у вас нет улик, которых вы не раскрывали, все ваши выводы основаны на домыслах. Впрочем, я надеюсь, что неправ. Скажите, ведь у вас в архивах есть неизвестные никому материалы?

— Это полная бессмыслица, Гурни. И у меня нет времени. С вашего позволения...

— Задайте себе два вопроса, Траут. Во-первых, какую гипотезу вы бы выдвинули, если бы не было никакого манифеста? Во-вторых, а что, если каждое слово в этом драгоценном документе — чушь собачья?

— Уверен, это очень интересные вопросы. Позвольте и мне напоследок кое-что у вас спросить. — Он снова поднес руки к подбородку — профессорский жест. — Учитывая, что ни ваша должность, ни иные обстоятельства не дают вам никаких полномочий на участие в расследовании, что вам могут принести эти злобные разглагольствования, помимо неприятностей?

Быть может, дело было в угрожающем взгляде Траута. Или в ухмылке на губах Дейкера, опершегося о дверной косяк. Или в напоминании о том, что у самого Гурни больше нет полицейского значка. Как бы то ни было, Гурни внезапно сказал то, чего говорить не собирался.

— Возможно, я буду вынужден принять предложение, которое до сих пор не рассматривал всерьез. Предложение о сотрудничестве от телеканала РАМ. Они хотят сделать со мной передачу.

— С вами?

— Да. Или вдохновляясь моим образом. Посмотрели мою статистику арестов.

Траут с любопытством покосился на Дейкера. Тот пожал плечами, но ничего не сказал.

— Похоже, их очень впечатлил тот факт, что у меня самый высокий процент раскрытых убийств за всю историю полиции Нью-Йорка. — Траут открыл было рот, но тут же закрыл. — Они хотят, чтобы я рассказывал о знаменитых нераскрытых делах и говорил, где, по моему мнению, следствие ошиблось. Начать хотели с дела Доброго Пастыря. И назвать программу «Лишенные правосудия». Броское название, а?

Траут посмотрел долгим взглядом на свои сцепленные пальцы, затем снова печально покачал головой.

— Все это еще раз возвращает нас к вопросу об утечке данных, незаконном доступе к материалам, разглашении конфиденциальной информации, грубом нарушении правил, нарушении федеральных законов и законов штата. Это сулит множество серьезных неприятностей.

— Невелика цена. В конце концов, как вы сказали, главное — правосудие. Или что там, правда? Что-то подобное, да?

Траут смерил его холодным взглядом и неторопливо повторил, чеканя слова:

— Множество... серьезных... неприятностей. — Он перевел взгляд на диких кошек на каминной полке. — Цена немалая. Не хотел бы оказаться на вашем месте. Особенно сейчас. Когда вам надо разобраться с этим поджогом.

— Простите?

— Я слышал про ваш амбар.

— Как это связано с темой нашего разговора?

— Просто еще одна проблема в вашей жизни. Еще одна неприятность. — Траут опять демонстративно посмотрел на часы. — У меня уже совсем нет времени. — Он встал.

Гурни встал вслед за ним. Встала и Холденфилд.

Рот Траута расплылся в пресной улыбке:

— Еще раз спасибо, мистер Гурни, что поделились с нами своими опасениями. Дейкер проводит вас до вашей машины. — Он повернулся к Холденфилд. — Не могли бы вы остаться на пару минут? Надо кое-что с вами обсудить.

— Конечно, — она встала между Траутом и Гурни и протянула руку. — Рада была тебя видеть. Надеюсь, ты потом расскажешь мне подробнее о происшествии с амбаром. Я ничего не знала.

Пожимая ее руку, Гурни почувствовал, как к ладони его прижалась свернутая бумажка. Он взял ее и незаметно спрятал.

Дейкер в это время наблюдал за ним, но, похоже, ничего не заметил. Он показал на парадную дверь:

— Нам пора.

Гурни достал записку из кармана, лишь когда сел в машину и завел мотор, а «кавасаки» Дейкера исчез в лесу.

Записка была размером всего два дюйма. В ней было всего одно предложение: «Жди меня в Бранвиле в „Орлином гнезде“».

Гурни ни разу не был в «Орлином гнезде». Он слышал, что это новый ресторан — еще одно творение местного натужного возрождения, еще одна попытка сделать из захолустной трущобы прелестную деревушку. Расположен он был довольно удобно — по дороге.

Главная улица Бранвиля пролегала по дну долины, рядом с живописной рекой. Ей одной поселок и был обязан каким-никаким шармом, равно как и разрушительными наводнениями. Дорога, соединявшая Бранвиль с автострадой, петляя, спускалась по холмам и соединялась с главной улицей совсем недалеко от «Орлиного гнезда». Хотя был почти полдень, только один из дюжины столов был занят. Гурни сел за столик для двоих у окна с эркером, выходявшего на улицу, и заказал — что было для него необычно — «кровоавую Мэри». И даже несколько минут спустя, когда официантка ее принесла, он все еще удивлялся своему выбору.

Заведение не поскупилось, дали большой стакан. И вкус был таким, как Гурни и хотел. Он удовлетворенно улыбнулся — тоже редкость в последние месяцы. Затем стал медленно пить и к двенадцати пятнадцати осушил стакан.

В 12:16 в ресторан вошла Ребекка и тут же села к нему за столик.

— Надеюсь, ты не очень долго ждал. — Она улыбнулась, но от этого стало еще заметнее, как напряжены уголки рта. Вся на взводе, все под контролем.

— Всего несколько минут.

Она, по своему обыкновению, невозмутимо и оценивающе оглядела помещение.

— Что ты заказал?

— «Кровоавую Мэри».

— Отлично. — Она обернулась и жестами подозвала молоденькую официантку.

Когда девушка подошла и принесла меню, Холденфилд смерила ее скептическим взглядом.

— Вам по возрасту уже можно подавать спиртные напитки?

— Мне двадцать три, — заявила девушка, явно озадаченная этим вопросом и расстроенная своим возрастом.

— Так много? — отозвалась Холденфилд, но иронии ее никто не оценил. — Мне, пожалуйста, «коровую Мэри». — Она вопросительно посмотрела на Гурни, указывая на его стакан.

— Мне больше не надо.

Официантка удалилась.

Как обычно, Холденфилд не стала терять времени и сразу перешла к делу.

— Почему ты так агрессивно ведешь себя с нашими друзьями из ФБР? И к чему все это было: про очки ночного видения, про то, как он избавлялся от пистолетов, про неувязки в профиле?

— Я хотел вывести его из равновесия.

— А получилось, будто двинул локтем по лицу.

— Я немного раздражен.

— И в чем же, по-твоему, причина этого раздражения?

— Меня уже задолбало это объяснять.

— Ну уж ради меня.

— Вы носите с этим манифестом, как с сакральным текстом. А он не сакральный. Это все поза. Поступки важнее слов. Поведение этого убийцы крайне рационально, очень и очень взвешенно. План выдает человека терпеливого и прагматичного. А манифест — другое дело. Это выдумка, попытка сконструировать персонаж и его мотивацию, чтобы вы с дружкой в своем отделе все это анализировали и состряпали по-студенчески наивный профиль.

— Слушай, Дэвид...

— Секунду, я уж продолжу ради тебя. Вымысел зажил своей жизнью. Всем этот манифест пригодился. Пошли бесчисленные статьи в «Американском вестнике теоретической хрени». И никто не может выйти из игры. Вы отчаянно вкладываетесь в строительство карточного домика. Если он развалится, развалятся и ваши карьеры.

— Ты закончил?

— Ты просила меня объяснить мое раздражение.

Холденфилд подалась вперед и тихо произнесла:

— Дэвид, я думаю, это не я тут в отчаянии...

Тут она замолчала и выпрямилась — официантка принесла «коровую

Мэри». Когда она ушла, Холденфилд продолжила:

— Мы вместе работали. Ты всегда оказывался самым спокойным, самым здравомыслящим человеком в команде. Тот Дэйв Гурни, которого я помню, не стал бы угрожать старшему агенту ФБР. Не заявил бы, что мое профессиональное мнение — чушь собачья. Не стал бы обвинять меня в тупости и нечестности. Я гадаю, почему на самом деле ты так себя ведешь. По правде говоря, за нового Дэйва Гурни я беспокоюсь.

— Правда? Ты думаешь, пуля, попав в голову, отшибла мне логику?

— Я сказала лишь, что на твой мыслительный процесс сильнее, чем раньше, влияют эмоции. Ты со мной не согласен?

— Я не согласен с тем, что ты обсуждаешь мой мыслительный процесс, тогда как настоящая проблема в другом. Ты и твои коллеги поставили свою подпись под кучкой дерьма, благодаря чему серийный убийца так и не пойман.

— Красноречиво, Дэйв. Знаешь, кто так же красноречиво говорит об этом деле? Макс Клинтер.

— Это что ли была страшная критика?

Холденфилд отхлебнула из стакана:

— Просто пришло в голову. Свободная ассоциация. Так много общего. Вы оба серьезно ранены, оба не меньше месяца были прикованы к постели, оба очень недоверчивы к окружающим, оба уже не служите в полиции, оба одержимы идеей, что официальная версия в деле о Добром Пастыре неверна, оба прирожденные охотники и не терпите, чтобы вас отодвигали на обочину. — Она сделала еще один глоток. — Тебе не ставили посттравматическое стрессовое расстройство?

Гурни поглядел на нее. Вопрос поразил его, хотя после сравнения с Клинтером этого можно было ожидать.

— Так вот зачем ты здесь? Ставишь галочки в диагностической анкете? Значит, вы с Траутом обсуждали мое психическое здоровье?

Холденфилд тоже посмотрела на него долгим взглядом.

— Я никогда не видела от тебя такой враждебности.

— Скажи мне вот что. Почему ты решила сейчас со мной встретиться?

Она поморгала, обвела взглядом стол, сделала глубокий вдох, потом медленный выдох.

— Из-за нашего телефонного разговора. Он меня встревожил. Если честно, я о тебе беспокоюсь. — И она приложилась к «кровавой Мэри», выпив больше половины стакана. Когда их глаза снова встретились, Холденфилд тихо заговорила: — Когда в человека попадает пуля — это шок. Наша психика все время заново переживает этот момент, эту угрозу,

это потрясение. У нас возникают естественные реакции — страх и гнев. Большинство мужчин предпочтут скорее рассердиться, чем испугаться. Выразить гнев им легче. Я думаю, что когда ты обнаружил свою уязвимость, понял, что ты не идеален, не супермен... тебя переполнила ярость. А то, как медленно идет выздоровление, эту ярость усиливает.

Стоило ли верить в неподдельную искренность этого пронизательного психолога? Действительно ли она беспокоилась о Гурни и честно делилась своим мнением? Ей что, правда было не наплевать? Или это еще одна мерзкая попытка заставить его сомневаться в себе, а не в выводах следствия?

Не находя ответа, он посмотрел ей в глаза.

Ее умные глаза глядели спокойно и ровно.

Он вдруг почувствовал ту самую ярость, о которой она говорила. Пора валить отсюда к черту, а то он скажет что-нибудь, о чем потом пожалеет.

Часть третья

Любой ценой

Пролог

Ему потребовалось немало времени, больше, чем он ожидал. Столько всего происходило, столько нужно было сделать. Но в итоге он остался доволен. Послание звучало ровно так, как надо:

Алчность заражает семью, как больная кровь заражает воду в купальне. Каждый, кто коснется ее, заражен. Посему жены и дети, которых вы считаете сосудами жалости и скорби, должны быть уничтожены в свой черед. Ибо дети алчности суть зло, и зло суть те, с кем они связали жизнь, и должны быть уничтожены. Все, кого вы в безумии своем тщитесь утешить, должны быть уничтожены, ибо кровными узами или узами брака они связаны с детьми алчности.

Уничтожить плод алчности нужно, не оставив и пятна. Ибо плод оставляет пятно. Те, кто пользуется плодами алчности, повинны в алчности и должны понести наказание. Они погибнут под лучами ваших похвал. Ваша похвала — их гибель. Ваша жалость — яд. Своим сочувствием вы приговорили их к смерти.

Неужели вы не видите? Неужели настолько слепы?

Мир сошел с ума. Алчность рядится в одежды добродетели. Богатство стало мерилем благородства и таланта. Средства массовой информации — в руках чудовищ. Восхваляют худших из худших.

Демон вещает с кафедры, а Господь забыт. Но безумный мир не уйдет от суда.

Таково последнее слово Доброго Пастыря.

Он распечатал два экземпляра, чтобы отправить экспресс-почтой. Один для Коразон, другой для Гурни. Затем отнес принтер на задний двор и разбил его кирпичом. Собрал обломки пластика, даже совсем мелкие, как отстриженные ногти, и вместе с оставшейся бумагой сложил в пакет для мусора, чтобы потом закопать в лесу.

Осторожность никогда не помешает.

Глава 29

Чертова куча фрагментов

Когда Гурни выезжал из Бранвиля на крутые холмы и поросшие кустами пастбища Северо-Восточного Делавера, в голове у него кружился водоворот мыслей. Врожденная способность выстраивать факты в целостную картину дала сбой из-за обилия этих фактов.

Он как будто пытался разобраться в гряде крохотных фрагментов пазла — не зная, все ли фрагменты на месте и сколько картинок нужно собрать. То ему казалось, что все известные факты — это последствия одного мощного урагана, то, через минуту, он уже ни в чем не был уверен. А может, ему просто чертовски хотелось найти единое объяснение, свести все к стройному уравнению.

Он проехал мимо таблички «Добро пожаловать в Диллвид!», и это навело его на следующий осторожный ход. Гурни остановился на обочине и позвонил единственному своему знакомцу в этом городке. Неразбавленная доза Джека Хардвика лично — хорошее противоядие от всякой зауми.

Через десять минут, преодолев четыре мили по извилистым грунтовым дорогам, он подъехал к давно не крашенной съемной фермерской хибаре, которую Хардвик именовал домом. Хозяин открыл дверь. Он был в футболке и обрезанных тренировочных штанах.

— Пиво будешь? — спросил он, держа в руках пустую бутылку «Гролша».

Сперва Гурни отказался, но, подумав, согласился. Он знал, что когда вернется домой, от него будет пахнуть спиртным. Лучше уж рассказать про пиво с Хардвиком, чем про «кровавую Мэри» с Ребеккой.

Снабдив Гурни бутылкой «Гролша» и прихватив одну для себя, Хардвик рухнул в мягкое кожаное кресло и указал гостю на другое.

— Что ж, сын мой, — начал он хриплым шепотом, явно притворяясь более пьяным, чем на самом деле, судя по пристальному взгляду, — когда ты в последний раз был на исповеди?

— Лет тридцать пять назад, — Гурни для пользы дела решил ему подыграть.

Он отхлебнул пива. Ничего так. Затем оглядел маленькую гостиную. Она была такой же мучительно пустой, как и в его прошлый визит. Все было таким же, до единой пылинки. Хардвик почесал нос.

— Должно быть, ты в большой нужде, раз после стольких лет ищешь

утешения у Матери Церкви. Говори без боязни, сын мой, и поведай обо всех своих богохульствах, обманах, кражах и блудных грехах. Про последние, пожалуйста, поподробнее. — И он плотоядно подмигнул.

Гурни откинулся в широком кресле и еще раз отхлебнул пива.

— Дело Доброго Пастыря становится все труднее.

— Оно всегда было трудным.

— Проблема в том, что я не знаю, сколько там этих дел.

— Слишком много дерьма на один сортир?

— Но говорю, я не уверен. — И Гурни выдал долгую исповедь о многочисленных фактах, событиях, подозрениях и вопросах.

Хардвик достал из кармана мятую салфетку и высморкался.

— И чего ты хочешь от меня?

— Чтобы ты сказал, что, по-твоему, складывается в одну картинку, а что вообще не отсюда.

Хардвик цокнул языком.

— Про стрелу непонятно. Другое дело, если б ее пустили тебе в жопу... но на грядке с репкой? Мне это ни о чем не говорит.

— А остальное?

— А вот остальное интересней. Жучки в квартире, поджог амбара, подпиленная ступенька, люк на потолке у юной леди — такие штуки требуют времени и энергии, да и вообще дело подсудное. Тут все серьезно. Что-то назревает. Но это для тебя не новость, да?

— В общем, да.

— Ты спрашиваешь, стоит ли за всем этим единый заговор? — Он скорчил рожу, силясь изобразить крайнее замешательство. — Лучший ответ дал когда-то ты сам, когда мы работали над делом Меллери: «Безопаснее предположить, что факты связаны, и ошибиться, чем не заметить их связь». Но тут встает еще больший вопрос. — Он рыгнул. — Если Добрый Пастырь не праведный каратель алчных, то какой, черт побери, у него мотив? Ответьте на этот вопрос, мистер Холмс, — и вы получите ответы на все остальные. Еще пива?

Гурни отрицательно покачал головой.

— Кстати, если ты правда попытаешься разрушить версию следствия, на тебя хлынут эпические потоки говна. Будешь как Галилей в Ватикане. Это ты понимаешь?

— Уже утром понял, — и Гурни в красках обрисовал агента Траута со свирепым доберманом на мрачной веранде в Адирондакских горах. Рассказал, как Траут угрожал «серьезными неприятностями», как упомянул про амбар. Вспомнил, как Дейкер стоял рядом — прямо киллер из кино.

— Ладно, мой мальчик, я на всякий случай. Потому что...

Тут у Хардвика зазвонил телефон, и он полез в карман.

— Хардвик, слушаю. — Потом замолчал, но на лице его все явственней проступал интерес, а затем и беспокойство. — Ага... Так... Что?.. Твою ж мать!.. Да... Только один?.. Известна дата подачи заявления? Понятно... Да... Спасибо... Да... Пока.

Закончив говорить, он продолжал смотреть на экран телефона, словно ожидал от него какого-то разъяснения.

— Черт, что это было? — спросил Гурни.

— Ответ на твой вопрос.

— На который?

— Ты просил меня выяснить, зарегистрировано ли на Пола Меллани какое-нибудь оружие.

— И?

— Один пистолет. «Дезерт-игл».

На обратном пути из Диллвида в Уолнат-Кроссинг Гурни все полчаса не мог думать ни о чем другом. Однако эта новость его хоть и встревожила, помочь ничем не могла, скорее наоборот. Все равно как узнать, что убийца, зарубивший человека топором, ходил с жертвой в один детский сад. Факт примечательный, но что, черт возьми, с ним делать?

Важно было понять, как давно у Меллани этот пистолет. Однако запись, доступ к которой был у коллеги Хардвика, содержала лишь действующее разрешение на ношение оружия, но не дату исходного заявления. Гурни позвонил Меллани в офис и на мобильный — безуспешно. И даже если Меллани перезвонит, он не обязан отчитываться, почему выбрал такое странное оружие.

Само собой, этот новый любопытный факт лишь усилил опасения Гурни. Депрессия и доступ к огнестрельному оружию — очень опасное сочетание. Но это было всего лишь опасение. Не было никакого очевидного свидетельства, что Пол Меллани намерен причинить вред себе или другим. Он не сказал ничего такого — никаких характерных фраз, никаких «сигналов тревоги» для психиатра, которые дали бы Гурни основание известить полицию Мидлтауна. Не было повода для какого-либо вмешательства, и максимум, что он мог, — позвонить Меллани.

Но все равно эта ситуация не выходила у Гурни из головы. Он пытался представить предыдущие контакты Меллани и Ким, что там было в ее письме и в их телефонном разговоре. Напоминание о смерти отца — и об очевидной отцовской нелюбви — могло спровоцировать у Меллани мысли

о пустоте собственной жизни, о разрушенной карьере.

А вдруг, задыхаясь в миазмах депрессии, он планирует покончить со всем разом? Или, боже упаси, уже покончил? Вдруг именно поэтому телефоны не отвечают?

Или вдруг Гурни понял все наоборот? Что, если «дезерт-игл» у него не для самоубийства, а для убийства?

Что, если он уже использовался для убийства? Что, если...

Боже! Что, если... Что, если... Опять «если». Хватит! У него есть разрешение на ношение оружия. Миллионы людей с депрессией никогда не собирались причинять вред себе или окружающим. Да, марка оружия вызывает вопросы, но на них можно получить ответы, когда Меллани перезвонит, а он, конечно, перезвонит. Странные совпадения часто объясняются очень просто.

Глава 30

Шоу начинается

В 14:02, когда Гурни вернулся, Мадлен не было дома. Но ее машина по-прежнему стояла у входа — наверное, Мадлен ушла в лес по одной из дорог, которые начинались на верхнем пастбище.

Последние несколько миль его уже не так мучили мысли о пистолете Пола Меллани, зато не давал покоя «большой вопрос», о котором говорил Хардвик. Если дело Доброго Пастыря — это не история психопата, одержимого своей миссией, тогда что же это такое?

Гурни взял блокнот и ручку и сел за кухонный стол. Он знал, что лучший способ справиться с ворохом мыслей — записать их. За час он набросал черновую следственную версию и список «стартовых» вопросов, с которых можно было начинать исследование.

ГИПОТЕЗА. Налицо непримиримое противоречие, как в стиле исполнения, так и в замысле, между продуманным, рациональным поведением убийцы и напыщенным псевдобиблейским слогом манифеста. Настоящая личность преступника проявляется в его поведении. Ум и блестящее исполнение невозможно подделать. Противоречие между поведением преступника и той безумной миссией, которой он объясняет убийства, вероятно, свидетельствует о том, что миссия — это ложный мотив, призванный отвлечь внимание от мотива

истинного, более прагматичного.

ВОПРОСЫ

Чем объясняется выбор жертв, если не их «алчностью»?

Что означает выбор одинаковых машин?

Почему преступления были совершены именно тогда, весной 2000 года?

Имеет ли значение последовательность их совершения?

Все ли убийства одинаково важны?

Были ли какие-то из шести убийств следствием других?

Почему выбрано такое эффективное оружие?

Что означают фигурки зверей на месте убийства?

Какие версии следствие не стало проверять из-за появления манифеста?

Гурни еще раз перечитал этот список, понимая, что это только наброски и не нужно пока ждать озарения. Он знал, что озарение не приходит по запросу.

Он решил переслать этот список Хардвику и посмотреть, как он его воспримет. И Холденфилд — как воспримет она. Задумался, не послать ли его и Ким, но решил не посылать. У нее другие цели, и эти вопросы только снова ее расстроят.

Он прошел к компьютеру, написал письма Хардвику и Холденфилд. Потом распечатал их, чтобы показать Мадлен, лег на диван и заснул.

— Ужин.

— Э-э-э...

— Пора ужинать, — послышался голос Мадлен. Непонятно откуда.

Он моргнул, мутным взглядом посмотрел на потолок — ему почудилась пара пауков. Он снова моргнул и протер глаза — пауки исчезли. Шея болела.

— Который час?

— Почти шесть. — Мадлен стояла на пороге комнаты.

— Боже. — Он медленно сел, потирая шею. — Что-то меня вырубил.

— И правда вырубил. В общем, ужин готов.

Она вернулась на кухню. Гурни потянулся, пошел в ванную, побрызгал себе в лицо холодной водой. Когда он вошел на кухню, Мадлен уже поставила на стол две большие миски с горячим рыбным супом, две тарелки с салатом и тарелку с чесночным хлебом.

— Вкусно пахнет, — сказал он.

— Ты сообщил о жучках в полицию?

— Что?

— Я о подслушивающих устройствах, о люке в потолке — кто-нибудь сообщил о них в полицию?

— Почему ты сейчас об этом спрашиваешь?

— Просто интересно. Это ведь противозаконно, устанавливать жучки в чужой квартире? А если это преступление, разве о нем не надо сообщать?

— И да и нет. Но чаще всего закон не требует обязательно сообщать о преступлении. Кроме тех случаев, когда недонесение можно расценить как препятствие правосудию.

Она выжидающе посмотрела на него.

— В сложившихся обстоятельствах, будь я следователем, я бы оставил все как есть.

— Почему?

— Это можно использовать в своих целях. Если работающий жучок обнаружили, а преступник об этом не подозревает, возможно, его будет легче поймать.

— Как?

— Разыграть какую-нибудь сцену, чтобы он, подслушав разговор, что-нибудь сделал и выдал себя. От жучков есть польза. Но, возможно, Шифф и другие детективы из полиции Сиракьюса так не думают. Еще влезут грязными сапогами и все испортят. Если я сообщу о жучках Шиффу, я утрачу контроль над этой ситуацией. А сейчас мне важно не упустить ни одного возможного преимущества.

Она кивнула и попробовала суп.

— Хорошо получилось. Попробуй, пока не остыл.

Гурни тоже попробовал и согласился: суп очень вкусный.

Мадлен отломил кусок чесночного хлеба.

— Пока ты спал, я прочитала бумажку, которую ты оставил на столике у дивана. С вопросами.

— Я и хотел ее тебе показать.

— Ты уверен, что эти преступления — что-то совсем иное, чем все думают?

— Практически уверен.

— Тыходишь к этому делу так, как будто оно совсем свежее?

— Да, совсем свежее, только десятилетней давности.

Она разглядывала свою ложку.

— Если уж начинать с самого начала, то вот самый главный вопрос: почему люди убивают людей?

— Если оставить в стороне людей, одержимых своей миссией, основные мотивы — секс, деньги, власть и месть.

— И какой мотив был в этом случае?

— Судя по выбору жертв, это вряд ли был секс.

— Готова поспорить, это деньги, — сказала Мадлен. — Большие деньги.

— Почему?

Она слегка пожала плечами.

— Роскошные машины, дорогие пушки, жертвы-богачи — это же все про деньги.

— Но не про ненависть к ним? Не про ненависть к деньгам? Не про желание уничтожить алчность?

— Нет, конечно, что за чушь. Возможно, как раз наоборот.

Гурни улыбнулся. Он чувствовал, что Мадлен говорит дело.

— Доедай суп, — сказала она. — Ты же не хочешь пропустить первую серию «Осиротевших».

Телевизора у них не было, но был компьютер, а «РАМ-Ньюс», помимо передачи на кабельном канале, предлагали прямую интернет-трансляцию.

Они уселись в комнате перед «аймаком», и Гурни открыл сайт РАМ. Он всякий раз поражался, насколько вульгарными становятся СМИ. Причем чем дальше, тем хуже. Идиотская страсть к сенсациям напоминала трещотку, способную крутиться лишь в одну сторону. А РАМ со своими безумными передачами казался пределом убожества.

Почти всю главную страницу сайта занимал огромный бело-синекрасный заголовок: «новости рам: снимаем шоры». Затем ссылка на другую страницу — с самыми популярными программами. Гурни быстро промотал список:

«ТАЙНЫ И ЛОЖЬ: О чем молчат другие сми.

ДРУГОЙ ВЗГЛЯД: Разоблачая предрассудки.

АПОКАЛИПСИС СЕГОДНЯ: Битва за души американцев».

Гурни мрачно нажал на следующую ссылку, перешел на страницу спецвыпусков и в самом верху списка обнаружил «Осиротевших». Под заголовком красовался анонс: «Что переживают люди, когда убийца лишает их самых близких? Шокирующие истории боли и ярости. Премьера сегодня в 19:00 по восточному времени».

Через десять минут, ровно в 19:00, началась премьера.

Сначала экран был почти совсем черным — на таком ничего не различишь. Раздался зловещий крик совы — видимо, он должен был создать атмосферу пустынной ночной дороги. Зажглись фары машины на травянистой обочине, в узкую полосу света шагнул человек. При таком освещении черты его лица проступали резко, как в триллере.

Он заговорил, медленно и торжественно:

— Ровно десять лет назад, весной двухтысячного года, когда в воздухе еще чувствовалось дыхание зимы, безлунной ночью на пустынной дороге, среди холмов штата Нью-Йорк кошмар стал явью. Бруно и Кармелла Меллани возвращались с крестин в свой загородный дом. Быть может, они обсуждали прошедший праздник, долгожданные встречи с родными и друзьями. Как вдруг какая-то машина догнала их и на длинном плавном повороте начала обгон. Но когда странный автомобиль на полном ходу поравнялся с Бруно и Кармеллой...

Смена плана: салон движущегося автомобиля, водителя и пассажира невозможно разглядеть в темноте. Они о чем-то разговаривают, негромко смеются. Через несколько секунд позади них засветились фары другой машины. Они все приближались, становились ярче, огибая первую машину слева, словно изображая обгон. Как вдруг — ослепительно белая вспышка, звук выстрела, а потом визг шин неуправляемого автомобиля, лязг металла и звон разбитого стекла.

На экране вновь появился рассказчик. Он наклонился и поднял с земли какой-то обломок, показывая его на камеру, будто ценную улику.

— Машина Меллани вылетела с дороги. Она превратилась в такую грудку обломков, что первые свидетели не могли определить ни марку, ни модель. Огромная пуля, пущенная из сверхмощного пистолета, снесла Бруно треть головы. Кармелла впала в кому и до сих пор не пришла в сознание.

Мадлен с отвращением поморщилась. Казалось, стилистика РАМ вызывала у нее еще большее отторжение, чем описываемое событие.

Затем рассказчик во всех деталях поведал об остальных пяти убийствах, а под конец столь же подробно — о фиаско Макса Клинтера, навсегда разрушившем его жизнь и карьеру.

— Дэвид, — сказала Мадлен, поворачиваясь к Гурни, — это уже слишком.

Гурни кивнул.

На экране вновь появился рассказчик, только теперь он уже сидел в студии с двумя гостями.

— Прошло десять лет, — сказал ведущий. — Десять лет, но для кого-

то все словно вчера. Вы спросите, зачем снова вспоминать этот ужас. Ответ прост. Десятилетняя годовщина — та точка, тот момент, когда правильно и естественно оглянуться назад, окинуть взором былые триумфы и трагедии.

Ведущий обратился к смуглому человеку напротив.

— Доктор Меркили, ваша специальность — судебная психолингвистика. Не могли бы вы объяснить этот термин нашим телезрителям?

— Конечно. Я ищу за словами образ мыслей.

Он говорил быстро, четко, тонким голосом с очень заметным индийским акцентом. Внизу экрана появилась надпись: «Саммаркан Меркили, доктор наук».

— Образ мыслей?

— Личность, эмоции, прошлое. Как человек думает.

— То есть вы изучаете, как слова, грамматика и стиль раскрывают суть человека?

— Да, именно.

— Хорошо, доктор Меркили. Сейчас я прочитаю вам отрывки из одного документа, который Добрый Пастырь десять лет назад разослал разным СМИ, и попрошу вас высказать свое мнение об этой личности. Вы готовы?

— Конечно.

Ведущий прочитал длинную речь об искоренении алчности «вместе с ее носителем», «уничтожении переносчиков алчности» и очищении мира. Гурни узнал вступление к «Декларации о намерениях» Доброго Пастыря — к его манифесту.

Ведущий положил распечатку манифеста на стол.

— Что ж, доктор Меркили. Как бы вы охарактеризовали этого индивида?

— Простыми словами? Очень рассудительный, но при этом очень эмоциональный.

— Пожалуйста, подробнее.

— Много неровностей, много стилей, много настроений.

— Вы имеете в виду, у него несколько личностей?

— Нет, что вы, такого расстройтва нет. Это глупо, это только в книгах и фильмах бывает.

— Да, но вы сказали...

— У него меняется интонация. Сначала одна, потом другая, потом третья. Это психически неустойчивый человек.

— Насколько я вас понял, такого человека можно назвать опасным?

— Да, конечно. Он же убил шестерых человек, так?

— Действительно. И последний вопрос. Как вы думаете, он все еще на свободе, затаился в тени?

Доктор Меркили ответил не сразу:

— Скажем так, если он на свободе, то готов поспорить, что прямо сейчас он смотрит эту передачу. Смотрит и размышляет.

— Размышляет? — ведущий сделал паузу, как будто ошеломленный этой мыслью. — Да уж, страшно подумать. Убийца живет среди нас. В этот самый момент убийца, возможно, размышляет, что делать дальше.

Он сделал глубокий вдох, словно пытаюсь успокоиться. Камера была направлена на него. Наконец он объявил:

— Сейчас мы прервемся и прослушаем несколько важных объявлений...

Гурни схватил мышку и поскорее выключил звук — мгновенная реакция на рекламу.

Мадлен посмотрела на него.

— Мы до сих пор не увидели Ким, а у меня уже терпение на пределе.

— У меня тоже, — сказал Гурни. — Но я должен, по крайней мере, посмотреть интервью Ким с Рут Блум.

— Я знаю, — сказала Мадлен и слегка улыбнулась.

— Что такое?

— Во всем этом есть такая глупая ирония. Когда тебя ранили, а последствия травмы не прошли так быстро, как тебе хотелось, ты ушел в свою нору. И чем меньше ты делал, тем глубже проваливался. Больно было на тебя смотреть. Бездействие тебя убивало. А теперь началось это безумие, эти опасности — и ты возвращаешься к жизни. По утрам, когда такая красота, ты сидел за завтраком и все трогал пальцем руку, проверял, как там онемевшее место, что изменилось, не стало ли хуже. И знаешь что? Ты уже неделю так не делал.

Гурни не знал, что ответить, и потому промолчал.

Между тем на экране окончилась реклама и снова появилась студия.

Гурни как раз успел включить звук, когда ведущий обратился к другому гостю программы.

— Доктор Монти Кокрелл, я так рад, что вы сегодня с нами. Вы признанный эксперт по изучению гнева. Скажите, доктор, все эти убийства Доброго Пастыря — это на самом деле что?

Кокрелл сделал драматическую паузу.

Потом ответил:

— Все очень просто. Это война. Убийства и манифест, который их

объясняет, были попыткой разжечь классовую войну. Эта попытка основана на иллюзии, что можно покарать успешных людей за неудачи неудачников.

После этого ведущий и двое его гостей долгих пять минут — для телевидения целую вечность — предавались свободной дискуссии и в итоге сошлись во мнении, что порой единственная защита от таких вот вредоносных взглядов — это право на ношение оружия.

Гурни снова уменьшил звук и повернулся к Мадлен.

— Что такое? — спросила она. — Я прямо слышу, как у тебя в голове крутятся шестеренки.

— Я думал о том, что сказал этот маленький индеец.

— Что ваш убийца смотрит эту идиотскую передачу?

— Да.

— Да зачем ему это надо?

Это был риторический вопрос, и Гурни не стал отвечать.

Через пять мучительных минут наконец началось интервью Ким с Рут Блум. Они сидели напротив друг друга за столом на веранде. День был солнечный, и на обеих были легкие куртки на молнии.

Рут Блум была грузной женщиной средних лет. Черты ее лица будто отвисли под тяжестью горя. Прическа показалась Гурни поразительно нелепой — взъерошенная копна золотисто-каштановых кудряшек, словно йоркширский терьер на голове.

— Он был лучшим человеком на свете. — Рут Блум помолчала, словно давая Ким возможность оценить всю глубину этой правды. — Такой сердечный, добрый... все время старался сделать как лучше, все время хотел стать лучше сам. Вы замечали, что лучшие люди на земле всегда стараются сделать как лучше? И Гарольд был такой.

У Ким задрожал голос:

— Наверное, потерять его — это было страшное испытание.

— Врач сказал мне пить антидепрессанты. Антидепрессанты! — повторила она так, словно совета неуместнее нельзя было себе представить.

— За эти годы что-нибудь изменилось?

— И да, и нет. Я до сих пор плачу.

— Но вы продолжаете жить.

— Да.

— Вы узнали о жизни что-нибудь, чего не знали до убийства вашего мужа?

— Я узнала, насколько все временно. Я привыкла думать, что то, что у меня есть, будет всегда, что Гарольд будет всегда, что я никогда не потеряю

ничего важного. Глупо так думать, но я думала. А на самом деле, если мы проживем достаточно долго, то потеряем всех.

Ким достала из кармана носовой платок и вытерла глаза.

— Как вы с ним познакомились?

— На танцах в средней школе. Следующие несколько минут Рут Блум в красках описывала свои отношения с Гарольдом, все время возвращаясь к одной теме: какой это был дар судьбы и как его отняли.

— Мы думали, так будет вечно. Но ничто не вечно, правда?

— Как вы справились?

— Прежде всего, благодаря остальным.

— Остальным?

— Мы поддерживали друг друга. Все мы потеряли любимых — по одной и той же причине. Это нас объединяло.

— Вы создали группу поддержки?

— Какое-то время мы были как одна семья. Ближе, чем многие родственники. Мы все разные, но одно нас объединяло. Как вспомню, Пол, бухгалтер, такой тихий, кажется, слова ни разу не сказал. Или Роберта — такая сильная, сильнее любого мужчины. Доктор Стерн, само здравомыслие, он умел всех успокоить. Еще там был молодой человек, который хотел открыть модный ресторан. Кто еще? Господи, конечно, Джими. Как я могла о нем забыть? Джими Брюстер всех ненавидел. Я часто думаю, что с ним стало.

— Я его разыскала, — сказала Ким, — и он согласился со мной поговорить. Он примет участие в программе.

— Ну и хорошо. Бедный Джими. Столько в нем злости. Знаете, что говорят о людях, которые злятся?

— Что?

— Что они злятся на самих себя.

Ким надолго замолчала и лишь потом спросила:

— А вы, Рут? Вы не злитесь после того, что произошло?

— Иногда. Чаще мне грустно. Чаще... — по щекам у нее потекли слезы.

Запись интервью исчезла, остался лишь темный экран, затем опять появилась студия. За столом сидели ведущий и Ким. Гурни предположил, что, наверное, эту сцену она и ездила записывать в город.

— Даже не знаю, что сказать, — произнес ведущий. — У меня нет слов, Ким. Это было мощно.

Она со смущенной улыбкой уставилась в стол.

— Так мощно, — повторил он. — Мы еще к этому вернемся буквально

через минуту, а пока что, Ким, я хочу кое-что у вас спросить.

Он наклонился к ней и с деланой задушевностью понизил голос.

— Правда ли, что вам удалось привлечь к этому проекту прославленного детектива Дэйва Гурни? Того самого, которого журнал «Нью-Йорк» когда-то окрестил суперкопом?

Даже выстрел не привлек бы внимание Гурни так мгновенно. Теперь он пристально всматривался в лицо Ким на экране. Казалось, она была поражена.

— Отчасти, — наконец ответила она. — Я консультировалась с ним по поводу некоторых вопросов, связанных с этим делом.

— Вопросов? Не могли бы вы рассказать подробнее?

Ким замешкалась, и Гурни понял, что ее действительно застали врасплох.

— Стали происходить странные вещи, я лучше пока не буду о них рассказывать. Но выглядит так, как будто кто-то пытается помешать выходу программы.

Ведущий изобразил глубокое беспокойство:

— Продолжайте, пожалуйста...

— Ну... с нами происходят такие события, которые можно истолковать как предупреждение, как требование прекратить проект и не касаться дела Доброго Пастыря.

— А есть ли у вашего консультанта-детектива какие-нибудь гипотезы на этот счет?

— Похоже, его версия этого дела отличается от версии всех остальных.

Ведущий стал еще настойчивее:

— Вы хотите сказать, ваш полицейский эксперт считает, что все эти годы ФБР шло по ложному следу?

— Это лучше спросить у него. Я и так сказала слишком много.

Вот именно, черт возьми, подумал Гурни.

— Это же правда, Ким, а правды не бывает слишком много. Возможно, мы еще продолжим этот разговор с самим детективом Гурни в следующем выпуске «Осиротевших». А пока что я обращаюсь к нашим зрителям. Оставляйте отзывы! Поделитесь своими мыслями. Заходите к нам на сайт и высказывайтесь.

Внизу появилась светящаяся красно-синяя строка с адресом: gam4news.com

Ведущий наклонился к Ким.

— У нас остается одна минута. Можете ли вы в нескольких словах сказать, что самое главное в деле Доброго Пастыря?

— В нескольких словах?

— Да. Самую суть.

Она закрыла глаза.

— Любовь. Потеря. Боль.

Камера теперь была направлена на одного ведущего.

— Ну что, ребята. Главное вы слышали. Любовь, потеря и страшная боль. На следующей неделе мы поближе познакомимся с другой семьей, сокрушенной Добрым Пастырем. И помните, что, вероятно, Добрый Пастырь все еще на свободе, все еще среди нас. Человек... для которого... чужая жизнь... не значит ничего. Оставайтесь с РАМ. И, дорогие друзья, будьте бдительны. Мы живем в страшном мире.

Экран погас.

Гурни закрыл браузер, перевел компьютер в спящий режим и снова сел.

Мадлен поглядела на него — пожалуй, оценивающе.

— Что тебя тревожит?

— Прямо сейчас? Не знаю.

Он поерзал на стуле, прикрыл глаза, и дождался, пока на поверхность неясной тревоги всплывет что-нибудь, за что можно ухватиться. К его удивлению, это оказалась не шоу — каким бы одиозным оно ни было.

— Что ты думаешь про Ким и Кайла? — спросил он.

— Кажется, они друг другу нравятся. Что тут думать?

Он покачал головой:

— Не знаю.

— Тебя волнует то, что Ким сказала о тебе в конце передачи, про твои сомнения в версии ФБР?

— Возможно, это усилит антипатию ко мне агента Траута. Возможно, его самодурские нервы не выдержат и он решит устроить мне какую-нибудь юридическую пакость.

— А можно что-нибудь с этим сделать? Чтобы от него отвязаться?

— Разумеется. Нужно всего лишь доказать, что его расследование — полная чушь. Тогда ему будет о чем беспокоиться и обо мне он забудет.

Глава 31

Возвращение Пастыря

На следующее утро Гурни проснулся в полвосьмого. Шел дождь, морозящий, но затяжной дождик, который может идти часами.

Как обычно, оба окна были приоткрыты на несколько дюймов. Воздух в спальне был сырой и прохладный. Хотя официально уже час как рассвело, скошенный прямоугольник неба, который Гурни мог видеть с подушки, был унылого серого, как мокрый плитняк, цвета.

Мадлен уже встала. Гурни потянулся и протер глаза. Ему не хотелось снова засыпать. В своем последнем, дурном сне он видел черный зонт. Зонт открылся, словно бы по собственной воле, и превратился в крылья огромной летучей мыши. Потом летучая мышь обернулась черным коршуном, а изогнутая ручка зонта стала крючковатым клювом. А затем, повинувшись странной, иррациональной логике сна, коршун превратился в холодный сквозняк из окон — который своим неприятным дуновением и разбудил Гурни.

Он заставил себя встать, словно чтобы отстраниться от этого сновидения. Потом принял горячий душ, от которого ум проясняется и все видится проще, побрился, почистил зубы, оделся и пошел на кухню пить кофе.

— Позвони Джеку Хардвику, — сказала Мадлен.

Она стояла у плиты и не взглянула на Гурни, поскольку высыпала в кипящую кастрюльку горсть изюма.

— Зачем?

— Он звонил минут пятнадцать назад, хотел с тобой поговорить.

— Он сказал, что ему нужно?

— Сказал, что у него есть вопрос по поводу твоего письма.

— Хм, — он подошел к кофемашине и налил себе чашку. — Мне снился черный зонт.

— Он прямо рвался с тобой поговорить.

— Я ему позвоню. Но... скажи, а чем заканчивается тот фильм?

Мадлен выложила содержимое кастрюльки в миску и отнесла на стол.

— Я не помню.

— Ты подробно описала ту сцену: как за человеком шли убийцы, как он вошел в церковь, а потом вышел, но они не могли его узнать, потому что все, кто выходил из церкви, были в черных плащах и с черными зонтами. Что случилось потом?

— Я думаю, он спасся. Не могли же снайперы всех перестрелять.

— Хм.

— Что не так?

— А если они всех перестреляли?

— Не перестреляли.

— Я говорю «если». Предположим, что они перестреляли всех, потому

что только так они могли быть уверены, что убили того, кого хотели. И предположим, потом пришла полиция и обнаружила все эти трупы, всех этих застреленных людей на улице. Что бы подумали копы?

— Что бы подумали копы? Даже не знаю. Может быть, что это какой-то маньяк, который убивает прихожан.

Гурни кивнул.

— Именно. Особенно, если бы в тот же день они получили письмо, где было бы сказано, что верующие — последние твари и автор намерен истребить их всех.

— Но... погоди, — во взгляде Мадлен читалось недоверие. — Ты предполагаешь, что Добрый Пастырь убил всех этих людей, потому что не мог точно определить, кто его настоящая цель? И что он просто стрелял в людей, которые ехали на машине определенной марки, пока не убедился, что нужный человек убит?

— Я не знаю. Но собираюсь в этом разобраться.

Мадлен покачала головой.

— Просто я не понимаю, как... — Ее прервал звонок домашнего телефона у холодильника. — Возьми ты. Это, наверное, сам знаешь кто.

Гурни взял трубку. Это и правда был он.

— Ну что, принял свой гребаный душ?

— Доброе утро, Джек.

— Получил твое письмо — следственную версию и список вопросов.

— И что?

— Твоя мысль в том, что стиль манифеста противоречит поступкам убийцы?

— Да, можно так сказать.

— Ты говоришь, медэкспертиза доказывает, что убийца — человек слишком практичный, слишком хладнокровный, чтобы думать те мысли, которые мы читаем в манифесте. Мой бедный маленький мозг правильно понял?

— Я говорю, что здесь какая-то неувязка.

— Ясно. Это интересно. Но это создает еще больше проблем.

— Почему?

— Ты говоришь, что мотив у убийцы не тот, что в манифесте.

— Да.

— Поэтому жертвы были выбраны по другой причине — не потому, что они злостные владельцы всякой роскоши, алчные ублюдки и достойны смерти?

— Да.

— Значит, этот сверхпрактичный, сверххладнокровный гений имел тайный прагматический мотив убить этих людей?

— Да.

— Ты видишь, в чем тут проблема?

— Скажи мне.

— Если настоящий мотив для выбора жертвы — это не «мерседес» стоимостью в сто тысяч долларов, тогда «мерседес» вообще неважен. Гребаное совпадение. Дэйви, сынок, ты хоть раз такое видел? Это как если бы у каждой жертвы Берни Мейдоффа[13] совершенно случайно оказалась на жопе татуировка с лепреконом. Понятно, о чем я?

— Понятно, Джек. Что-нибудь еще в моем письме тебя смущает?

— Если честно, да — другой твой вопрос. Даже три вопроса на одну и ту же тему. «Все ли убийства одинаково важны? Важна ли их последовательность? Было ли хоть одно из них следствием другого?» Какое отношение к делу имеют эти вопросы?

— Иногда я обращаю внимание на то, чего недостает. А следственная версия этого дела такова, что недостает там чертовски многого: там полно нехоженных троп, незадаанных вопросов. Следствие с самого начала согласилось, что все убийства — равноправные части единой философской системы, обозначенной в манифесте. Все это приняли и потому не рассматривали эти убийства как отдельные события, которые могли иметь разные причины. Но, возможно, эти убийства не в равной степени важны и даже совершены по разным причинам. Понимаешь, Джек?

— Не сказал бы. Можно поконкретнее?

— Ты когда-нибудь видел фильм «Человек с черным зонтом»?

Джек фильма не видел и никогда о таком не слышал. Гурни пересказал ему сюжет, а затем свои недавние размышления на тему «а что, если убийцы перестреляли бы всех»?

Повисло долгое молчание. Потом Хардвик задал вопрос, который, в сущности, уже задавала Мадлен:

— Ты говоришь, первые пять убийств были ошибкой? А вот шестое наконец удалось? Что-то не понимаю. Если он профессионал, как те парни в твоём фильме, какие приметы жертвы у него были? Только роскошный «мерседес»? И он такой разъезжает по ночам, шмаляет по «мерседесам» из огромного ствола и смотрит, что получится? Не возьму в толк.

— Я тоже. Но знаешь что? У меня появляется такое чувство, что я уже где-то в радиусе трамвайной остановки, хоть и не знаю точно от чего.

— Не знаешь точно? Может, ты хотел сказать, что не знаешь ни хрена?

— Смотри на это позитивнее, Джек.

- Еще одна мудрость из твоих уст, Шерлок, и меня вырвет.
- Всего одна. Агенту Трауту не дает покоя тот факт, что у меня был незаконный доступ к секретной информации. Будь осторожнее, Джек.
- К черту Траута. Тебе подгрести еще какого-нибудь секретного дерьма?
- Раз уж ты спрашиваешь, не напал пока на след Эмилио Коразона?
- Пока нет. Это какой-то человек-невидимка.

В 8:45 Мадлен уехала на работу в клинику. Дождь не прекращался.

Гурни сел за компьютер, нашел свое письмо Хардвику и прошелся по списку вопросов, остановившись на таком: «Почему убийства совершены именно в это время, весной 2000 года?» Чем больше он укреплялся в мысли, что убийства имели прагматический мотив, тем важнее становилось время их совершения.

Убийства, совершенные сумасшедшими ради великой миссии, обычно принимают одну из двух форм. Первая — «Большой взрыв»: убийца врывается в толпу на почте или в мечети и открывает огонь, сам не надеясь уцелеть. В девяноста девяти случаях из ста эти ребята (всегда мужчины), перестреляв всех, убивают и себя. Но есть и другой тип убийц — те сочатся желчью по десять-двадцать лет. Раз в год или два они простреливают кому-нибудь голову или посылают по почте бомбу, при этом себя самих убивать не торопятся.

Но Добрый Пастырь не подходил ни под одну из этих категорий. В его действиях было непоколебимое хладнокровие, отсутствие эмоций, совершенство замысла и исполнения. Вот о чем думал Гурни в 9:15, когда опять зазвонил телефон.

И вновь это был Хардвик, только голос его звучал гораздо мрачнее.

— Не знаю, от чего ты там в трамвайной остановке, но теперь все еще гаже. Рути Блум найдена мертвой.

Первое, о чем подумал Гурни — и его чуть не стошнило, — что ей прострелили голову, как десять лет назад ее мужу. В голове возникла жуткая картинка: «йоркширский терьер» у нее на голове превратился в месиво из крови и мозгов.

— Господи! Где? Как!

— В собственном доме. Ножом для колки льда — в сердце.

— Что?

— Это ты удивился или не расслышал?

— Ножом для льда?

— Один удар, снизу вверх, под грудиной.

— Господи боже. Когда это случилось?

— Этой ночью после одиннадцати.

Откуда это известно?

— Без двух одиннадцать она написала сообщение в Фейсбуке. В три сорок нашли ее тело.

— И в том же самом доме она жила десять лет назад, когда...

— Да. В том же доме. И там же крошка Кимми брала у нее интервью для этого шоу на РАМ-ТВ.

У Гурни кипел мозг.

— Кто ее нашел?

— Патрульные Оберна, зоны Е. Это долгая история. Подруга Рут из Итаки не спала. Прочла ее пост в Фейсбуке, забеспокоилась. Послала там сообщение, спросила, все ли в порядке. Ответа не получила. Написала на «мыло» — тоже безрезультатно. Бросилась звонить — все время автоответчик. Тут подруга запаниковала, позвонила в местную полицию, те передали дело шерифу, а тот — в Оберн. Оттуда направили патрульную машину. Патрульный приехал к Рут домой, там тишь да гладь, все спокойно, ни малейшего беспорядка...

— Погоди. Ты случайно не знаешь, что было в том посте Рут?

— Я тебе его только что переслал.

— Как тебе это удалось?

— Это Энди Клегг.

— Какой еще к черту Энди Клегг?

— Молодой парень из зоны Е. Не помнишь его?

— А должен?

— По делу Пиггерта.

— А, хорошо. Имя припоминаю. Но все равно не помню, как он выглядит.

— Его первое дело после выпуска из академии — вообще первое поручение в самый первый день на работе — было ответить на звонок. Звонил я — вызывал местную полицию, обнаружив полтруп миссис Пиггерт. Первая в жизни возможность блевануть на посту. И Энди ее не упустил.

С печально известного дела Питера Пиггерта, убийцы и кровосмесителя, началась история непростых, но плодотворных отношений Хардвика и Гурни. Гурни работал в Нью-Йоркской полиции, а Хардвик — в полиции штата. Оба они расследовали те аспекты дела Пиггерта, которые находились в их ведении, пока их не свел нелепый случай. В сотне с лишним миль друг от друга в один и тот же день каждый из них обнаружил

половину одного и того же трупа.

— С Энди Клеггом мы оба встречались на общем собрании, уже когда ты поймал неуловимого мистера Пиггерта, этого, мать его, матереубийцу. Энди очень впечатлили твои таланты и отчасти — мои. Мы с ним с тех пор общаемся.

— Это ты все к чему?

— Сегодня утром, когда из информационной службы ФБР поступило сообщение об убийстве Блум, я по старой дружбе позвонил детективу Клеггу и разузнал все подробности. Я решил: сейчас или никогда. Как только до этого доберется Траут и смекнет, какие это влечет последствия, он объявит, что это часть дела Доброго Пастыря, и навесит тяжелый замок.

— И здесь я опять возвращаюсь к моему вопросу. Что Рут написала...

— Проверь почту.

— Хорошо.

Гурни положил трубку и открыл почту. Там было письмо от Хардвика.

Опубликовано Рут Дж. Блум:

Что за день! Я так долго гадала, каким он будет, первый выпуск «Осиротевших». Я все пыталась вспомнить, о чем меня спрашивала Ким, когда приходила сюда. И мои ответы. Я не все их смогла вспомнить. Я только надеялась, что мне удалось выразить то, что я чувствую на самом деле. Я думаю, что, как говорит Ким, телевидение иногда упускает главное. Слишком много внимания уделяют разным сенсациям, а не действительно важным вещам. Я надеялась, что с «Осиротевшими» будет не так, потому что Ким казалась не такой. А теперь даже не знаю. Я немного разочарована. Думаю, им пришлось вырезать большую часть нашего интервью, чтобы хватило места для их «экспертов», рекламы и других вещей. Утром позвоню Ким и спрошу.

Простите. Я должна прерваться. Кто-то подъезжает к моему дому. Представляете, ведь уже почти одиннадцать. Кто бы это мог быть? Такая большая машина военного вида. Продолжение следует.

Зазвонил телефон. Гурни еще раз перечитал сообщение и только потом взял трубку.

— Это ты, Джек?

— Ага. Короче, ее подруга из Итаки читает почту, видит оповещение из Фейсбука, идет по ссылке и видит пост Рут, опубликованный в десять

пятьдесят восемь — наверное, до того, как она спустилась посмотреть, кто там приехал на большой военной машине. Это, кстати, мог быть «хаммер», как ты думаешь?

— Не исключено. — Гурни сразу представил себе боевой «хаммер» Макса Клинтера, окрашенный в защитные тона.

— «Хаммер», ясен пень. Что еще это могло быть? Подруга такая пытается дозвониться до Рут, а потом, как я сказал, приходит патрульный, все проверяет, все спокойно, думает уже уходить — и тут заявляется подруга, проехала на машине двадцать пять миль из своей Итаки. Говорит, надо взламывать дверь, вдруг что-то случилось. Говорит, если он не взломает дверь, она взломает ее сама. Начинается скандал, молодой патрульный ее почти арестовывает, но тут приходит другой патрульный, старше и умнее, и всех успокаивает. Они начинают осматривать дом. Обнаруживают открытое окно — опять споры, дискуссии и так далее. Короче, в итоге патрульные проникают-таки в дом и находят тело Рут Блум.

— Где?

— В прихожей, прямо у двери. Открыла дверь — и каюк.

— Медэксперты уверены, что она убита именно ножом для льда?

— Тут и думать нечего. Клегг говорит, этот гребаный ножик прямо торчал у нее из груди.

— Он не сможет пустить меня в дом, как ты думаешь?

— Исключено. Дом уже опечатан, на это ушло около мили желтой ленты. И опечатали его ребята, для которых ты будешь только лишней проблемой. Сейчас их единственная задача — сохранить все в первозданном виде, пока сотрудники по сбору улик не уйдут и Бюро криминальных расследований не передаст дело ФБР. Они не станут рисковать жопой ради нью-йоркского спеца в отставке, который просто зашел посмотреть.

Гурни не терпелось увидеть все самому. Описание места преступления — это лишь процентов десять из того, что можно увидеть своими глазами. Но он подозревал, что Хардвик прав. Он не видел никакой выгоды для Бюро криминальных расследований, тем более для ФБР, пускать его в это дело. Тем сильнее он удивлялся, почему это делает Хардвик. Всякий раз, передавая человеку извне информацию из секретного досье или от коллег, он рисковал. И тем не менее делал это снова и снова.

Кто он: самоотверженный искатель истины, готовый ради нее презреть правила и поплатиться карьерой? Или им движет навязчивое желание досадить власть имущим? Или же его влечет риск как таковой, отвесный край обрыва — притягивает так же сильно, как отталкивает более здоровых

людей? Гурни уже задавался этими вопросами. И вновь пришел к выводу, что на все можно ответить утвердительно.

— Что ж, мальчик мой, — голос Хардвика вернул его к теме разговора. — Все запутывается. А может, тебе как раз стало понятнее. Какая догадка верна?

— Не знаю, Джек. Отчасти и та и другая. Все зависит от того, что случится дальше. А пока... это все, что сказал тебе Клегг?

— Почти все... — Хардвик замолк. Его любовь к драматическим паузам ужасно раздражала Гурни, но это была плата за ценную информацию. — Помнишь пластмассовые фигурки животных, которые Добрый Пастырь оставлял на месте преступления?

— Да. — Гурни действительно думал о них все утро и гадал, зачем они нужны.

— Так вот, там обнаружили такую пластмассовую фигурку — аккуратненько лежала у Рут на губах.

— На губах?

— На губах.

— А какое это было животное?

— Клегг считает, что лев.

— Разве не льва обнаружили на месте первого из шести убийств?

— Какая память, спец. Так велика ли вероятность, что нам ждать еще пяти?

Гурни не нашел, что ответить.

Поговорив с Хардвиком, он сразу же позвонил Ким. Он гадал, до сих пор ли она в квартире Кайла, и не в постели ли они еще, и какие у них планы на день, и знают ли они...

Ким не отвечала. Он наговорил на автоответчик все как есть.

— Привет. Не знаю, было ли про это в новостях, но убита Рут Блум. Ее убили в собственном доме в Авроре вчера поздней ночью. Вероятно, Добрый Пастырь вернулся или кто-то хочет нас в этом убедить. Перезвони мне как можно скорее.

Он набрал номер Кайла, тоже не смог дозвониться и оставил такое же сообщение.

Он стоял и смотрел из окна комнаты на серый сырой склон холма. Дождь перестал, но с карниза еще капало. Новости от Хардвика ничего не прояснили, а только сильнее запутали. Чертова куча фрагментов. В таком месиве пути не разглядеть. Чтобы сделать шаг вперед, надо знать, где это самое «вперед». Его охватило тошнотворное чувство, что время на исходе, что вот-вот игре придет конец, а он даже не понимает, что это значит,

«конец».

Надо что-то делать.

Мечась в поисках вдохновения, Гурни сам не заметил, как сел в машину. И поехал в Аврору.

Через два часа он повернул на шоссе вдоль озера Кайюга. Навигатор сообщил, что до дома Рут Блум осталось три мили. Слева, за голыми деревьями виднелось озеро и дома на берегу. Справа, за глубокой, поросшей травой дренажной канавой уходили вверх по склону живописные луга и леса, оканчиваясь у горизонта жнивьем. Среди рассыпанных по склону добротных старых домов стояли три коммерческих здания: заправка, ветеринарная клиника и автомастерская, перед которой стояло полдюжины машин на разных стадиях кузовного ремонта.

После мастерской дорога сделала большую дугу, и впереди слева Гурни увидел первые признаки совершившегося преступления: машины местной полиции, полиции округа и полиции штата. Еще там было четыре фургона: два, вероятно, региональных телеканалов, со спутниковыми тарелками на крышах, один с эмблемой полиции штата Нью-Йорк — там, решил Гурни, хранится оборудование для сбора вещдоков — и один фургон без эмблемы, возможно, судебного фотографа. Труповозки не видать, значит, судмедэксперты тут уже побывали и тело увезли.

Подъехав поближе, Гурни увидел шесть полицейских в форме с разными нашивками, мужчину и женщину в строгих деловых костюмах — очевидно, детективов, специалиста по сбору вещдоков в белом комбинезоне и латексных перчатках, модно одетую телерепортершу и при ней двух мужчин-операторов с хвостами длинных волос.

Посреди дороги стоял патрульный в форме и яростно махал каждой машине, которая, по его мнению, проезжала мимо недостаточно быстро. Подъехав к патрульному — и к дому Рут Блум у него за спиной, — Гурни увидел, что весь участок, от берега озера до края дороги оклеен лентой: «Огорожено полицией. Не заходить за черту». Он достал из бардачка кожаный бумажник и, открыв его, показал золотой значок полиции Нью-Йорка с подписью мелкими буквами: «В отставке».

Прежде чем хмурый патрульный успел внимательно рассмотреть значок, Гурни убрал бумажник обратно в машину и спросил, здесь ли старший следователь Джек Хардвик.

Из-за сдвинутой на лоб шляпы глаза патрульного были в тени.

— Хардвик, из Бюро криминальных расследований?

— Да.

— А у него есть причины здесь быть?

Гурни устало вздохнул.

— Я веду расследование, которое, возможно, связано с Рут Блум. Хардвик об этом знает.

Патрульный словно бы с трудом расшифровал его ответ.

— Представьтесь.

— Дэйв Гурни.

Во взгляде патрульного он увидел инстинктивное недоверие, едва прикрытое вежливостью, — именно так копы обычно и относятся к незнакомцам.

— Припаркуйтесь здесь, — он показал на участок между фургоном для вещдоков и одной из телевизионных машин. — Оставайтесь в машине.

Патрульный решительно развернулся и направился к трем людям, оживленно о чем-то спорившим перед домом. Что-то сказал женщине крепкого сложения с короткими темно-русыми волосами, одетой в темно-синий пиджак и такие же брюки. Справа от нее стоял седой мужчина в белом комбинезоне. Слева — мужчина помоложе в темном костюме и белой рубашке с темным галстуком. Так одеваются детективы, сотрудники похоронных бюро и мормоны. Крепкие плечи, массивная шея и короткая стрижка не оставляли сомнений, к какой из этих трех групп он принадлежит.

Когда патрульный заговорил, все трое как по команде посмотрели на Гурни. Молодой человек, усмехаясь и указывая на Гурни, стал что-то быстро говорить женщине.

Эта усмешка что-то отдаленно напомнила, казалось вот-вот — и вспомнится имя.

— Детектив Гурни, — позвала женщина, подняв руку, чтобы привлечь его внимание. — Детектив Гурни!

Он вышел из машины. И сразу же услышал рокот вертолета. Подняв голову, он увидел над верхушками деревьев медленно кружащуюся махину — на днище гигантскими белыми буквами написано: РАМ. Гурни невольно поморщился.

— Лейтенант Баллард хочет с вами поговорить, — патрульный вернулся к Гурни и приподнял ограждающую ленту, чтобы его пропустить. Говорил он таким тоном, что этот жест казался скорее хозяйским, чем вежливым.

Гурни нагнулся и пролез под лентой. При этом он невольно заметил грязь в длинной трещине на стыке гудронированной подъездной дорожки и более грубого композитного покрытия на обочине дороги. Он остановился,

чтобы внимательней рассмотреть эту грязь. Патрульный отпустил ленту, так что она упала прямо на Гурни, и вернулся к своим обязанностям.

Когда Гурни выпрямился, он увидел, что к нему приближается как будто знакомый молодой человек.

— Возможно, вы меня помните, сэр. Я Эндрю Клегг. Мы встречались, когда вы расследовали...

Гурни с теплотой отозвался:

— Я тебя помню, Энди. Похоже, ты продвинулся по службе.

И снова усмешка. Как у подростка.

— В прошлом месяце. Наконец-то устроился в Бюро криминальных расследований. Вы меня вдохновили. — И он подвел Гурни к крепкой женщине: она беседовала со специалистом по уликам, уже собравшимся уходить.

— Если вы хотите забрать коврик с собой как улику, забирайте. На ваше усмотрение. — Она повернулась к Гурни. Выражение ее лица было одновременно тревожным и приятно деловым.

— Энди сказал мне, что вы вместе с Джеком Хардвиком расследовали дело Пиггерта. Это так?

— Это так.

— Поздравляю. Добро победило зло.

— Спасибо.

— У него была еще бóльшая победа, когда он поймал Дьявольского Санту, — сказал Клегг.

— Дьявольского... — теперь она, казалось, что-то припоминала. — Того сумасшедшего, который резал людей на куски и рассылал эти куски местным полицейским?

— В подарочной упаковке! На Рождество! — воскликнул Клегг, скорее в восторге, чем в ужасе.

Она в изумлении уставилась на Гурни.

— И вы?..

— Просто оказался в нужное время в нужном месте.

— Это впечатляет, — она протянула руку. — Лейтенант Баллард. А вы в дальнейшем представлении не нуждаетесь. Чем обязана?..

— Происшествием с Рут Блум.

— А почему?

— Вы видели вчера вечером передачу на РАМ-ТВ?

— Я о ней слышала. А почему вы спрашиваете?

— Она может помочь вам понять то, что здесь произошло.

— Как именно?

— Эта передача была первой в многосерийной программе о последствиях шести убийств, совершенных Добрым Пастырем в двухтысячном году. Сейчас почти что наверняка он совершил свое седьмое убийство. И, возможно, совершит еще.

Радушие исчезло с лица лейтенанта, уступив место холодному оценивающему выражению.

— А что именно вы здесь делаете?

Гурни начал было подбирать слова, а потом решил, что к черту.

— Я приехал сюда, потому что считаю, что ФБР с самого начала расследования допустило ошибку, и то, что здесь произошло, может это доказать.

Выражение лица его собеседницы трудно было понять.

— Вы делились с ними своими мыслями?

Гурни улыбнулся.

— И не имел успеха.

Она покачала головой.

— Я не совсем вас понимаю. И не знаю, от чьего имени и с какими полномочиями вы здесь находитесь. — Она посмотрела на Клегга. Тот беспокойно переминался с ноги на ногу. — Энди сказал, что вы в отставке. Сейчас — решающие, первые часы расследования. Если вы не сможете ясно объяснить мне причину своего приезда и свои цели, вам придется уйти. Надеюсь, это вам понятно и я не слишком резко выразилась.

— Это понятно, — Гурни глубоко вдохнул. — Девушка, которая брала у Рут Блум интервью, наняла меня в качестве консультанта, и я подробно ознакомился с делом Доброго Пастыря. И пришел к выводу, что в существующей версии есть большая брешь. Я надеюсь, что расследование этого убийства не пойдет по ложному следу, по которому пошло расследование первых шести. Но, к сожалению, с этим уже есть проблемы.

— Простите?

— Он не парковался на подъездной дорожке.

— Не понимаю, о чем вы говорите?

— Человек, который убил Рут Блум, не парковался на этой вот подъездной дорожке. Если вы думаете, что парковался, вы никогда не поймете, что здесь произошло.

Лейтенант Баллард покосилась на Клегга, словно проверяя, вдруг он знает об этом больше, чем она. Но во взгляде Клегга были лишь удивление и смущение. Она вновь посмотрела на Гурни, затем на часы.

— Пойдемте внутрь. Даю вам ровно пять минут на то, чтобы все объяснить. — А вы, Энди, оставайтесь здесь и присматривайте за

стервятниками с телевидения. Чтоб духу их не было по эту сторону ограждения.

— Да, мэ.м.

Она провела Гурни вниз по склону с газоном, к дому, затем по ступенькам — на заднюю веранду, где, как вспомнил Гурни, Ким и брала интервью у Рут Блум. Они вошли через заднюю дверь, соединявшую веранду с большой кухней-столовой. В углу за обеденным столом сидел фотограф и загружал фотографии с цифровой зеркальной камеры на ноутбук.

Лейтенант Баллард оглядела кухню — уединиться тут было негде.

— Извини, Чак, не мог бы ты на несколько минут оставить нас одних?

— Конечно, лейтенант. Я могу доделать все в машине. — Он взял свою аппаратуру и вышел.

Лейтенант села на стул у освободившегося стола и указала Гурни на другой стул, прямо напротив.

— Что ж — спокойно сказала она. — У меня сегодня было много дел и много еще предстоит. Мне нельзя терять время. Мне нужны ясность и краткость. Говорите.

— Почему вы считаете, что он припарковался на подъездной дорожке?

Она прищурилась.

— Почему вы считаете, что я так считаю?

— Когда я приехал, вы трое стояли прямо у этой дорожки. При этом вы старались на нее не наступать, несмотря на то что специалист по сбору улик уже наверняка сделал свою работу. Поэтому я решил, что вы бережете ее для более тщательного микроскопического анализа? С чего вы взяли, что он на ней парковался?

Некоторое время лейтенант молча смотрела на Гурни. Затем на ее губах появилась легкая презрительная улыбка.

— Вы что-то знаете, да? Где же утечка?

— Это бесперспективный путь. Путь, по которому идет ФБР. Тратит время на бесплодные конфликты.

Она опять на него посмотрела, на этот раз уже не таким долгим взглядом, потом словно бы решила:

— Пройшей ночью жертва написала пост на своей странице в Фейсбуке. Высказав свое мнение о программе, она описала машину, которая повернула на ее подъездную дорожку как раз в это время. Почему мне кажется, что вы все это уже знаете?

Гурни проигнорировал ее вопрос.

— И какая это была машина?

— Большая. Военного вида. Ни марка, ни модель неизвестны.

— «Джип»? «Лендровер»? «Хаммер»? Что-то в этом роде? — Баллард кивнула. — Так какова гипотеза: он припарковался в начале подъездной дорожки, подошел к парадной двери... а потом? Убил ее на пороге? Или она пустила его внутрь? Они знакомы? Или незнакомы?

— Помедленнее. Вы спрашиваете, почему мы считаем, что убийца — или тот, кто по странному стечению обстоятельств навестил Рут ровно во время убийства, — припарковался на подъездной дорожке. Я вам отвечу. Мы так считаем, потому что об этом нам рассказала сама жертва. Это ее свидетельство очевидца. Она опубликовала его в Фейсбуке, прежде чем была убита. — Лицо лейтенанта Баллард выражало триумф и вместе с тем легкую тревогу. — А теперь вы должны коротко и ясно объяснить мне, зачем Рут Блум стала бы все это говорить, если это неправда.

— Она и не говорила.

— Простите?

— Все было совсем не так. В том сценарии, который вы описали, нет смысла. Оставим пока в стороне логическую неувязку. Прежде всего проблема в вещественном доказательстве в начале дорожки.

— В каком доказательстве?

— Земля совершенно сухая. Когда последний раз шел дождь?

Гурни знал, когда был дождь в Уолнат-Кроссинге, но в районе озер Фингер погода часто бывала совсем другой.

Лейтенант на мгновение задумалась.

— Вчера утром. К полудню кончился. А что?

— В трещине на съезде есть грязь, может быть, в дюйм шириной. Каждый, кто сюда въезжает, должен по ней проехать, если только он не едет из леса через поляну. Но по этой полоске грязи никто не проезжал, по крайней мере с прошлого дождя.

— Одного дюйма грязи недостаточно, чтобы установить...

— Возможно, но он наводит на разные мысли. Кроме того, есть еще психологический фактор. Если Добрый Пастырь действительно вернулся и Рут его седьмая жертва, то это надо как-то согласовать с тем, что мы уже о нем знаем.

— Например?

— В частности, мы знаем, что он крайне осторожный человек, крайне тщательно избегает любого риска. Эта короткая подъездная дорожка слишком заметна. Любая машина на ней — особенно размером с «хаммер» — будет задним бампером выпирать на дорогу. Слишком привлекает внимание, слишком легко опознать. Местный патрульный

заметит любую незнакомую машину, может даже остановиться, проверить номер.

Баллард нахмурилась.

— Но факты таковы: Рут Блум убита, и если убийца приехал на машине, он должен был где-то припарковаться. Что скажете? Где он припарковался? На обочине дороги? Там еще заметнее.

— Я предположил бы, что в мастерской.

— Где-где?

— В полумиле отсюда вниз по шоссе, в сторону Итаки, есть кузовная мастерская. При ней небольшая стихийная парковка, там стоят легковушки и грузовики — или ждут ремонта, или после ремонта ждут хозяев. Это единственное место, где посторонняя машина не вызвала бы никаких вопросов, ее бы даже не заметили. Если бы я собрался среди ночи убить человека в этом доме, я бы припарковался именно там, а остаток пути шел бы вдоль дороги по этой глубокой дренажной канаве, чтобы меня не видели из проезжающих машин.

Она уставилась на столешницу, будто на ней была написана разгадка. Потом поморщилась.

— Теоретически вы можете быть правы. Проблема в том, что в ее посте в Фейсбуке прямо говорится про машину, которая...

— В этом посте в Фейсбуке.

— Я не понимаю...

— Вы предполагаете, что это написала она.

— Это ее аккаунт, ее страница, ее компьютер, ее пароль.

— Разве не мог преступник, прежде чем ее убить, выведать у нее пароль, а потом открыть страницу и написать этот текст?

Баллард еще пристальнее уставилась на стол.

— Это возможно. Но, как и в случае с вашей гипотезой про мастерскую, не подтверждено никакими фактами.

Гурни улыбнулся. Отличный поворот разговора.

— После того как ваши ребята в белых комбинезонах удостоверятся, что грязь в пробоеине в конце подъездной дорожки не тронута, предложите им съездить в мастерскую. Интересно, сумеют ли они обнаружить довольно свежие следы шин, которые не принадлежат ни одной из машин на стоянке.

— Но... зачем бы преступник стал тратить время и писать такое сообщение в Фейсбуке?

— Чтобы пустить вам пыль в глаза. Запутать следы. Он в этом мастер.

Что-то в выражении ее лица подсказало Гурни, что она рада любой

информации, попадающей к ней.

— Много ли вы знаете о деле Доброго Пастыря? — спросил он.

— Недостаточно, — призналась она. — Кто-то из ФБР как раз едет меня просветить. Поэтому мне нужен ваш адрес, электронная почта и номера телефонов, по которым можно с вами связаться двадцать четыре часа в сутки. Вас это не затруднит?

— Нисколько.

— Я дам вам имейл и номер мобильного. Полагаю, вы поделитесь со мной любой значимой информацией, если что-то узнаете?

— Буду очень рад.

— Хорошо. У меня больше нет времени. Но мы еще поговорим.

Когда Гурни выходил из дома, в небе по-прежнему тархтел вертолет. Воздух гулко сотрясался от его ротора, и оставшиеся прошлогодние листья падали, кружась, с верхушек деревьев. Не успел Гурни дойти до машины, как путь ему преградила ярко покрашенная пышноволосяя журналистка с микрофоном в руке и с оператором за спиной.

— Я Джилл Маккой, «Новостной взгляд», Сиракьюс! — воскликнула она. Лицо ее выражало обычное для ее профессии взвинченное любопытство. — Мне сказали, что вы детектив Дэйв Гурни, которого журнал «Нью-Йорк» назвал сурперкопом. Дэйв, правда ли, что Добрый Пастырь, печально известный серийный убийца, нанес новый удар?

— Простите, — сказал Гурни, протискиваясь мимо нее.

Она протянула ему вслед микрофон и засыпала шквалом вопросов, пока он открывал машину, садился, закрывал дверцу, заводил мотор.

— Ее убили из-за телепередачи? Из-за того, что она сказала? Как вы думаете, это ужасное дело слишком серьезно для местной полиции? И почему привлекли вас? Как вы с этим связаны? Правда ли, что у вас возникли проблемы с ФБР? Какие именно проблемы, детектив Гурни?

Когда он выруливал с парковки, видеокамера оказалась всего в нескольких дюймах от его бокового стекла. Патрульный ничем ему не помог. Он был занят разговором с вновь прибывшим. Выезжая на магистраль, Гурни бросил взгляд на этого прибывшего: небольшого роста, темноволосый, без тени улыбки. Одного взгляда хватило, чтобы его опознать.

Это был Дейкер.

Глава 32

Коэффициент

После первого поворота Гурни увидел автомастерскую. Он сбавил скорость и прочитал табличку на здании из бетонных блоков: «Жестянка у озера». Гурни убедился, что это лучшее место, чтобы оставить машину, не привлекая внимания.

На полпути к Уолнат-Кроссингу он увидел рекламу оператора сотовой связи «Веризон» и вспомнил, что свой собственный телефон выключил, когда разговаривал на кухне с Баллард. Он его включил: на экране отобразились семь голосовых сообщений. Прежде чем он успел прослушать хотя бы одно, ему позвонили.

Гурни нажал «ответить».

Звонил Кайл, и он был очень встревожен:

— Мы уже больше часа пытаемся тебе дозвониться.

— Что случилось?

— Ким просто в шоке. Она все пыталась тебе дозвониться. Оставила тебе три сообщения.

— Это из-за Рут Блум?

— В первую очередь, да. Но еще из-за выпуска «Осиротевших» прошлым вечером. Она в ужасе от того, как все сделали, от того, что вырезали, что добавили. Особенно, что вставили тех двух типов. Она очень расстроилась.

— Где она сейчас?

— В ванной, плачет. Опять. А, нет, подожди. Кажется, она открывает дверь. Не клади трубку.

Гурни услышал, как Ким спросила Кайла, с кем он только что говорил, и Кайл ответил: «С папой». Потом услышал, как Ким сморкается в ванной. Как Кайл передает ей телефон. Потом услышал приглушенные голоса. Потом опять сморкание и покашливание.

Наконец Ким сказала:

— Дэйв?

— Да, я слушаю.

— Это какой-то кошмар. Не могу поверить, что это действительно произошло. Хочу заснуть, проснуться и чтобы ничего этого не было.

— Я надеюсь, ты не винишь себя за то, что случилось с Рут.

— Разумеется, виню!

— Ты не виновата, в...

Ким перебила, почти вскрикнула:

— Если бы я не втянула ее в эту идиотскую программу, она была бы жива!

— Ты не виновата в ее смерти и не виновата в том, что на РАМ

сделали с твоим интервью, что вставили, как...

— Они урезали мою запись вдвое и запихали туда эту высокопарную чушь этих якобы экспертов, — последнее слово она будто выплюнула. — Господи, я так хочу исчезнуть. Хочу все это стереть. Стереть все, что убило Рут.

— Ее убил убийца.

— Но этого бы не случилось, если бы...

— Послушай меня, Ким. Рут Блум убил убийца. Который преследовал собственные цели. Возможно, тот самый убийца, который десять лет назад убил ее мужа.

Она ничего не ответила. Гурни слышал, как она дышит. Медленно, судорожно. Когда она наконец заговорила, в ее голосе слышалась уже не истерика, а просто горе.

— Ларри Стерн меня предупреждал — и так и вышло. Он говорил, что РАМ все извратит, так что выйдет жуткая вульгарная дешевка. Он сказал, что это они меня используют, а не я их, что они заботятся лишь о том, как привлечь массовую аудиторию. Что я заплачу за свой проект больше, чем получу от него. И он был прав. Совершенно прав.

— И что ты собираешься делать?

— Делать? Я не хочу больше иметь никаких отношений с РАМ. Я хочу прекратить проект.

— Ты говорила об этом Руди Гетцу?

— Да, — но голос ее звучал неуверенно.

— Да, но?..

— Я позвонила ему сегодня утром, прежде чем получила от вас сообщение о Рут. Я сказала ему, что очень разочарована, что программа совсем не похожа на то, что я задумывала.

— И?

— Я сказала, что если весь телепроект будет такой, то я не хочу этим заниматься.

— И?

— Он сказал, что нам нужно встретиться. Что такие вопросы не решаются по телефону, нужно поговорить лично.

— Ты согласилась с ним встретиться?

— Да.

— Ты говорила с ним еще раз после того, как узнала об убийстве Рут?

— Да. Он сказал, что нам тем более важно встретиться. Он сказал, что новое убийство — это коэффициент.

— Что?

— Коэффициент. Сказал, убийство подняло ставки, и об этом надо поговорить.

— Подняло ставки?

— Так он выразился.

— Когда вы встречаетесь?

— В среду, в полдень. У него в Ашокане.

Гурни показалось, что она не договаривает:

— И?

Повисло молчание:

— Ох, господи... Мне ужасно неудобно вас просить. Я чувствую себя такой наивной, беспомощной дурой. — Гурни ждал, уже зная, к чему она клонит.

— Мое видение всего этого дела... мои предположения... мой образ мыслей и... я хочу сказать... мне сейчас трудно мыслить здраво. Мне нужно... нужна поддержка, трезвый взгляд со стороны. Я не имею права вас об этом просить, но... пожалуйста...

— Вы хотите, чтобы в среду я поехал с вами к Руди Гетцу?

— Да, очень хочу. Не могли бы вы? Пожалуйста.

Глава 33

Сообщения

В поле зрения возникла гора Франклина, знаменуя возвращение в округ Делавэр, и Гурни, оставив позади яркое солнце, спустился в туманную долину.

Остаток пути приходилось все время то включать, то выключать дворники. Он ненавидел ездить под дождем — неважно, сильным, слабым или просто моросью. Ненавидел серость и сырость. Они усиливали его тревогу.

Гурни почувствовал боль в челюсти. Оказалось, он стиснул зубы — от напряжения и злости.

ПТСР. Посттравматическое стрессовое расстройство. Эти три слова не давали ему покоя. Если Холденфилд права, если он не может сейчас мыслить здраво...

Чего там ждала от него Ким? Ясного взгляда со стороны? Он усмехнулся. Ясность сейчас — не его конек.

Подумав об их телефонном разговоре, он вспомнил, что у него на автоответчике семь непрслушанных сообщений. Он уже ехал к дому вверх

по склону и убеждал себя, что прослушает их, когда приедет. Но боялся снова забыть и все же решил остановиться прямо сейчас.

Первые три сообщения были от Ким — все более беспокойные просьбы перезвонить.

Четвертое было от матери Ким, Конни Кларк.

«Дэвид! Что происходит? Я про это безумие в новостях. Что Рут, как ее там, убили после интервью с Ким. И все эти говорящие головы в телевизоре орут, что Добрый Пастырь вернулся. Боже! Перезвони мне, я хочу знать, что происходит. Только что получила истерическое сообщение от Ким: она хочет все бросить, прервать выпуск программы, выбросить все это из головы. Она не в себе. Я ничего не поняла. Позвонила ей, не дозвонилась, оставила сообщение, она так мне и не ответила. Я так понимаю, вы на связи? И ты в курсе того, что творится? В смысле мы же так и договаривались? Бога ради, перезвони мне!»

Может, перезвоню, а может, и нет. Гурни определенно не хотелось полчаса висеть на телефоне и выливать на Конни весь этот хаос, все эти вопросы без ответов. И только потому, что ей не перезвонила дочь.

Пятое сообщение было с неизвестного номера. Определитель показал только «вызов с мобильного». Но безумный голос Макса Клинтера невозможно было не узнать.

«Мистер Гурни, как жаль, что вы не можете ответить. Я так хотел бы обменяться мыслями. Так много всего случилось с нашего последнего разговора. Добрый Пастырь снова среди нас. Малышка Коразон вернула его к жизни. Ваше имя упомянули в этих мерзких „Осиротевших“. Рамовское дерьмо. Но они намекнули, что у вас есть идеи. Собственные идеи. Возможно, не те, что у меня? Не хотите ли послушать и поделиться? Время дорого: пан или пропал. Развязка близка. На этот раз я подготовлюсь. И последний вопрос: кто мне Дэвид Гурни — друг или враг?»

Гурни прослушал это сообщение трижды. Он так и не мог понять, действительно ли Клинтер псих или ему просто удобно таким притворяться. Холденфилд уверяла, что он сумасшедший. Но Гурни не торопился сбрасывать со счетов человека, когда-то проникшего в дальнюю комнатку в Буффало и уложившего пятерых вооруженных бандитов.

Он взглянул на часы. Самое начало пятого. Туман рассеялся, по крайней мере на время. Он вернулся на проселок и поехал вверх по склону.

Подъехав к пяточку у боковой двери, он увидел, что в верхней комнате, где Мадлен иногда вязала, горит свет. Она стала опять заходить в эту комнату только в последнюю пару месяцев. Именно сюда подкинули угрозу

в прошлом сентябре, когда Гурни расследовал дело Перри. Это расследование и окончилось для него тремя пулями в упор.

При мысли об этом Гурни машинально дотронулся рукой до занемевшего пятна на руке, проверяя, не появилась ли чувствительность — в последнюю неделю он за делами уже и забыл об этой привычке. Хорошо бы и не вспоминать о ней. Он вышел из машины и пошел в дом.

Мадлен, однако, не вязала. Гурни услышал, как она играет на гитаре.

— Я вернулся, — позвал он.

— Я скоро спущусь, — ответила она со второго этажа.

Мадлен сыграла еще несколько мелодичных переходов, окончив громким разрешающим аккордом.

На несколько секунд повисла тишина, потом Мадлен сказала:

— Прослушай на автоответчике сообщение номер три.

Боже. Еще одно сообщение. Не хватит ли на сегодня? Он надеялся, что хоть это будет безобидным. Он пошел в комнату, подошел к старому стационарному телефону и включил сообщение номер три.

«Я надеюсь, что говорю с тем самым детективом Гурни. Страшно извиняюсь, если это другой детектив Гурни. Тот, которого я ищу, трахал шлюшку по имени Ким Коразон. Жалкий, мерзкий пердун вдвое ее старше. Если вы не тот детектив Гурни, может, вы передадите тому мой вопрос? Поинтересуйтесь, знает ли он, что его сын трахает ту же шлюшку. Яблоко от яблони недалеко падает. Пусть Руди Гетц снимет реалити-шоу: „Семейная групповуха Гурни“. Хорошего дня, детектив».

Это был голос Робби Миза, только теперь и без намека на былую мягкость. Он был как зазубренный нож.

Когда Гурни во второй раз прослушивал это сообщение, в дверях комнаты появилась Мадлен. Выражение ее лица трудно было понять.

— Ты знаешь, кто это? — спросила она.

— Бывший парень Ким.

Она угрюмо кивнула, как будто эта мысль уже приходила ей в голову.

— Похоже, он знает, что у Ким и Кайла завязались какие-то отношения. Откуда он может это знать?

— Может, видел их вместе.

— Где?

— Может, в Сиракьюсе?

— А откуда он знает, что Кайл — твой сын?

— Если это он установил жучки у нее в квартире, он должен знать немало.

Она сложила руки на груди.

- Как ты думаешь, он мог ехать сюда вслед за ними?
- Возможно.
- Тогда он мог проследить за ними и вчера, до квартиры Кайла?
- Висеть на хвосте в большом городе не так просто, как кажется, особенно если ты не привык ездить по Манхэттену. Столько светофоров, что легко отстать.
- Но с мотивацией у него все в порядке.
- Что ты имеешь в виду?
- Кажется, он тебя искренне ненавидит.

Глава 34

Союзники и враги

Они доедали свой ранний ужин: рис с лососем и горошком под соусом из сладкого перца. Поговорили о совещании, которое намечалось вечером у Мадлен в клинике: на нем должны были обсуждать недавний суицид пациента и методику отслеживания тревожных сигналов. Мадлен явно была раздражена и обеспокоена.

— Из-за этого ужасного сообщения и всего остального я забыла сказать, что у нас был страховой агент.

— Чтобы осмотреть амбар?

— И задать вопросы.

— Как Крамден?

— Примерно те же вопросы. Перечень имущества, кто когда что делал, данные всех наших страховых полисов и так далее.

— Я так понимаю, ты дала ему копии документов, которые мы дали Крамдену?

— Ей.

— Прости?

— Это была женщина. Ей были нужны чеки на велосипед и байдарки. — В голосе Мадлен звучали грусть и злость. — Ты не знаешь, где они могут быть?

Он покачал головой.

Мадлен помолчала.

— Я у нее спросила, как скоро мы сможем его снести.

— То, что осталось от амбара?

— Она сказала, компания нас уведомит.

— Никакого намека на сроки?

— Никакого. Прежде чем что-либо разрешить нам, им нужно письменное разрешение следственной группы, — она сжала кулаки. — Я не могу на него смотреть.

Гурни поглядел на нее долгим взглядом.

— Ты страшно зла на меня?

— Я страшно зла на урода, который сжег наш амбар. Я страшно зла на подонка, который наговорил нам на автоответчик эту мерзость.

Из-за злости Мадлен повисло молчание, и этого молчания они не нарушали, пока она не уехала в клинику. В промежутке Гурни то и дело приходило на ум, что тут можно сказать, а потом — почему этого говорить не надо.

Гурни постоял, глядя, как ее машина удаляется вниз по склону, потом отнес грязную посуду в раковину, sprыснул моющим средством и включил горячую воду.

Тут в кармане у него зазвонил мобильный.

На экране высветилось: г. б. баллард.

— Мистер Гурни?

— Слушаю.

— Я хотела вам кое-что сообщить, это связано с нашим сегодняшним разговором.

— Да?

— Вы говорили про следы шин...

— Так.

— Я хотела вам сказать, что мы и правда нашли следы, там, где вы говорили — в автомастерской.

— И при этом хозяин мастерской говорит, что это место на парковке не было занято?

— В целом да, хотя он и не совсем уверен в этом.

— А что с полоской земли на съезде?

— Недостаточно данных.

— То есть земли недостаточно, чтобы сделать окончательные выводы, но никаких доказательств того, что на подъездную дорожку въезжала или с нее съезжала машина, нет?

— Верно.

Гурни стало любопытно, зачем она ему звонит. Следователи обычно не дают отчета о своей работе никому, кроме непосредственного начальства. Тем более кому-то извне.

— Но есть небольшая неувязка, — продолжала она. — Я хотела бы с вами посоветоваться. В результате опроса соседей нашлись два свидетеля,

которые вчера ранним вечером видели в округе «хаммер». Один свидетель настаивает, что это была настоящая военная машина, а не позднейшая гражданская модель. Оба свидетеля видели, как «хаммер» два или три раза проехал взад и вперед по одному участку дороги, в частности мимо дома Блум.

— Вы думаете, кто-то провел разведку?

— Возможно, но, как я и сказала, здесь есть неувязка. Судя по следам протектора, машина, которая вчера стояла возле автомастерской, это не «хаммер». — Она помолчала. — У вас есть какие-нибудь соображения на этот счет?

В голову пришли две версии...

— У убийцы мог быть помощник. — Или... — Гурни запнулся, обдумывая вторую версию и проверяя ее на правдоподобность.

— Или что? — спросила Баллард.

— Допустим, что я прав насчет поста в Фейсбуке — что он написан убийцей, а не жертвой. В нем упоминается какая-то военная машина. Возможно, в том и состояла цель поста — перевести стрелки на «хаммер». А «хаммер» катался взад-вперед по дороге, как раз чтоб его заметили, чтобы о нем сообщили, поверили, что это машина убийцы?

— Зачем такие сложности, если он все равно припарковал машину в другом месте, где ее бы не заметили?

— Возможно, «хаммер» должен был навести нас на какую-то мысль.

И привести к Максу Клинттеру. Но с чего бы?

Баллард замолчала так надолго, что Гурни уже хотел спросить, на связи ли она.

— Вас всерьез интересует это дело, да? — наконец спросила она.

— Я постарался объяснить вам это утром.

— Хорошо. Перейду к делу. Завтра утром я встречаюсь с Мэттом Траутом, чтобы обсудить это дело и границы нашей ответственности. Не желаете ли к нам присоединиться?

На мгновение Гурни потерял дар речи. В этом приглашении не было смысла. Или был.

— Вы хорошо знаете агента Дейкера? — спросил он.

— Сегодня впервые встретила, — холодно отозвалась она. — Почему вы спрашиваете?

Ее реакция побудила его рискнуть.

— Потому что я считаю, что он и его босс — высокомерные, властолюбивые мудаки.

— Как я поняла, о вас они столь же лестного мнения.

— Ничего удивительного. Дейкер ввел вас в курс исходного дела?

— С этой целью он якобы приехал. На деле же просто вывалил на меня кучу разрозненных фактов.

— Возможно, они хотят вас ошеломить, создать у вас впечатление, что это дело — невообразимый клубок противоречий, чтобы вы тихонько отползли и без разговоров отдали бы дело под их юрисдикцию.

— Дело в том, — сказала Баллард, — что во мне есть эта склочная жилка. Не люблю проходить мимо, когда можно подраться. И еще больше не люблю, когда меня недооценивают... как вы сказали? «Высокомерные, властолюбивые мудаки»? Сама не знаю, почему я вам это говорю. Я вас толком не знаю и не знаю, на чьей вы стороне. Я, наверно, помешалась.

Гурни заключил: она знает, что делает.

— Вы знаете, что Траут и Дейкер терпеть меня не могут, — сказал он. — Этого достаточно, чтобы вас убедить?

— Думаю, должно быть достаточно. Вы знаете, где наше региональное управление в Саспарилье?

— Знаю.

— Можете там быть завтра утром в девять сорок пять?

— Могу.

— Хорошо. Я встречу вас на парковке. И последнее. Люди из нашей лаборатории внимательно изучили клавиатуру на компьютере жертвы. И кое-что обнаружили. Отпечатки ее пальцев...

Гурни перебил ее:

— Дайте я угадаю. Отпечатки ее пальцев на клавишах, которые нужны были ей, чтобы набрать тот пост, были слегка смазаны, а на остальных клавишах нет. И ваши специалисты допускают, что эта смазанность может быть связана с тем, что кто-то нажимал на эти клавиши пальцами в латексных перчатках.

На мгновение повисло молчание.

— Не обязательно латексных. Но как?..

— Это самый вероятный сценарий. Единственный другой способ, который был доступен для убийцы — заставить Рут написать этот пост под диктовку. Но она была в таком ужасе, что это могло вызвать трудности. Он и так подвергал себя риску, вымогая у нее пароль. Чем дольше она была жива, тем больше становился риск. Она могла сорваться и завопить. Ему это не нравилось. Этот человек хотел убить ее побыстрее. Меньше риск непредвиденных осложнений.

— Вижу, вы не боитесь делать выводы, да, мистер Гурни? Хотите поделиться чем-то еще?

Гурни подумал про свой список с вопросами и комментариями, которые он переслал Хардвику и Холденфилд.

— У меня есть некоторые непопулярные мысли по поводу оригинального дела, которые могут показаться вам полезными.

— Такое впечатление, что для вас непопулярность — это добродетель.

— Не добродетель. Просто не помеха.

— Правда? А мне показалось, что вы не прочь поспорить. Спокойной ночи. Завтра будет интересно.

Ночь выдалась беспокойной, почти бессонной.

Попытка лечь пораньше была испорчена возвращением Мадлен из клиники. Она высказала извечную жалобу всех социальных работников: «Если бы всю ту энергию, с которой они прикрывают свою жопу и разводят вокруг бюрократию, направить на помощь людям, мир изменился бы за неделю!»

Затем, выпив по три чашки травяного чая, они все-таки пошли в спальню. Мадлен устроилась на своей стороне кровати с «Войной и миром», убаюкивающим шедевром, который она твердо вознамерилась догрызть по частям.

Гурни поставил будильник и лежал, думая о том, какие мотивы движут Баллард и как это скажется на завтрашней встрече в Саспарилье. Она, похоже, видела в нем союзника или, по крайней мере, хотела его использовать в грядущем конфликте с Траутом и компанией. Гурни был не против, чтобы его использовали, пока это не вредило его собственным целям. Он понимал, что их союзничество возникло спонтанно, не имеет под собой корней, и поэтому завтра надо быть чутким к малейшей перемене ветра. Ничего нового. В полиции Нью-Йорка ветер всегда менялся.

Через час, когда сознание Гурни уже начало расплываться в приятной неподвижной пустоте, Мадлен отложила книгу и спросила:

— Ты смог связаться с тем бухгалтером в депрессии, за которого ты волновался? Тем, с большим пистолетом?

— Пока нет.

Ее вопрос наполнил его голову мешаниной других вопросов и тревог, и надежда на хороший сон исчезла. Его мысли и прерывистые сны были полны пистолетов, ножей для колки льда, горящих зданий, черных зонтов и размозженных голов.

На рассвете он наконец погрузился в глубокий сон, который час спустя прервал резкий звон будильника.

К тому моменту, как он побрился, оделся и приготовил себе утренний кофе, Мадлен уже была на улице, рыхлила землю на одной из грядок.

Он вспомнил: недавно она говорила, что хочет посадить сахарный горох.

Каким беспечным казалось это утро. Какими беспечными казались многие утра, без тревог, без трудностей. Каждое утро, если только его отделял от вчерашнего дня минимальный период сна, создавало иллюзию нового начала, освобождения от прошлого. Похоже, люди — и впрямь дневные создания, не только в том смысле, что не ночные, но и однодневные: для них естественно проживать только один день за раз. Только один день подряд. Бесперывное сознание может разорвать человека на куски. Ничего удивительного, что в ЦРУ пытали лишением сна. Всего лишь 96 часов непрерывной жизни — видеть, слышать, чувствовать, думать — могут заставить человека возжелать смерти.

Солнце садится — мы засыпаем. Солнце встает — просыпаемся. Просыпаемся и — пусть ненадолго, пусть бездумно — радуемся этой иллюзии нового начала. А потом в дело неизменно вмешивается реальность.

В это утро, когда Гурни стоял у кухонного окна с чашкой кофе в руках и задумчиво смотрел на щетинистое пастбище, реальность предстала перед ним в виде темной фигуры на черном мотоцикле, неподвижно застывшей между прудом и обугленными развалинами амбара.

Гурни поставил кофе на стол, натянул куртку и ботинки и вышел на улицу. Человек на мотоцикле не двигался. В воздухе пахло скорее зимой, чем весной. Через четыре дня после пожара амбар все еще пахивал гарью.

Гурни начал медленно спускаться вниз по тропе. Человек завел мотоцикл — большой, облепленный грязью кроссовик — и неуклюже поехал вверх, не быстрее, чем Гурни шел пешком. В результате они встретились примерно посередине поля. И только когда мотоциклист поднял забрало шлема, Гурни узнал безумные глаза Макса Клинтера.

— Надо было предупредить, что приедете, — сказал Гурни в своей обычной невозмутимой манере. — У меня сегодня встреча. Вы могли меня не застать.

— Я не знал, что приеду, пока не выехал. — Клинтер говорил столь же раздраженно, сколь Гурни спокойно. — В списке тьма дел, не сразу поймешь, в каком порядке их делать. Порядок — всему голова. Вы понимаете, что игра движется к развязке?

Его мотор все еще тарахтел.

— Я понимаю, что Добрый Пастырь вернулся, или же кто-то хочет, чтобы мы так думали.

— О, он вернулся. Я чую это костями — костями, сломанными ровно десять лет назад. Да, мерзейший ублюдок вернулся.

— Чем могу быть полезен, Макс?

— Я приехал сюда, чтобы задать тот же вопрос, — глаза его вспыхнули.

— Если бы вы, когда звонили, оставили свой номер, я бы вам перезвонил.

— Когда вы не взяли трубку, я понял, что это знак.

— Знак чего?

— Вопросы лучше задавать лицом к лицу. Видеть глаза человека, а не просто слышать голос. Вот мой вопрос. Я про рамовское дерьмо. На чьей вы стороне?

— Не понял.

— Мир полон зла, мистер Гурни. Зла и его отражений. Убийств и массмедиа. Я должен знать, на чьей вы стороне.

— Вы спрашиваете, что я думаю о том, как в новостях освещают убийства? А что об этом думаете вы?

Клинтер резко хохотнул.

— Спектакль для придурков! Поставленный идиотами! Сплошное накручивание, гниль и ложь! Вот как они «освещают», мистер Гурни. Торжество невежества! Фабрика катастроф! Торгуют гневом и негодованием! А «РАМ-Ньюс» хуже всех. Брызжут желчью и говном на благо свиньям!

В уголках его рта запенилась слюна.

— Вы и сами, похоже, полны гнева, — сказал Гурни с той отрешенностью, которую всегда испытывал, когда рядом с ним бурлили чужие эмоции.

— Полон гнева? О да! Полон до краев, поглощен им и движим. Но я им не торгую. Я не словоблуд с «РАМ-Ньюс» и не торгую гневом. Мой гнев не продается.

Мотоцикл Клинтера все еще тарахтел на холостом ходу, теперь прерывисто. Он газанул, и мотор взревел.

— Значит, вы не торговец, — сказал Гурни, когда стало потише. — Но кто же вы, Макс? Я никак не могу вас понять.

— Я — то, чем меня сделал мерзейший ублюдок. Я — гнев Господень.

— А где ваш «хаммер»?

— Забавно, что вы спросили.

— Нет ли вероятности, что позавчера вы были в окрестностях озера Кайюга?

Клинтер поглядел на него долгим, напряженным взглядом.

— Есть такая вероятность.

— Можно ли спросить зачем?

Еще один оценивающий взгляд.

— Я был там по особому приглашению.

— Простите?

— Это был его первый ход.

— Я вас не понимаю.

— Получил от Пастыря СМС: приглашение встретиться на дороге, завершить незавершенное. Я, дурак, ему поверил. Удивлялся, почему он так и не появился, не мог понять, пока наутро не услышал новости. Об убийстве Блум. Он специально так подстроил, понимаете? Заставил ездить мимо ее дома, взад и вперед, переполняясь ненавистью и жаждой. Жаждой с ним покончить. Он знал, что я приеду. Ну что ж. Очко в его пользу. Но следующее будет моим.

— Наверное, номер, с которого пришло сообщение, невозможно определить?

— Анонимный предоплаченный мобильный? Не имеет смысла. Но скажите мне вот что. Как вы узнали, что я был у озера?

— Опрос свидетелей в день после убийства. Два человека запомнили вашу машину. Сказали копам, а один коп сказал мне.

Глаза Клинтера снова вспыхнули.

— Видите! Адская подстава! Специально подстроил, и вышло по его плану.

— Поэтому вы решили уехать из дома и спрятать «хаммер»?

— Пока он не понадобится. — Он помолчал, облизнул губы, вытер их рукой в черной перчатке. — Дело в том, что я не знаю, насколько сильно он меня подставил, а если меня будут допрашивать или загребут по подозрению, я буду выведен из строя и не смогу сразиться с врагом. Понимаете?

— Думаю, да.

— Скажите прямо, на чьей вы стороне?

— На своей собственной, Макс. И больше ни на чьей.

— Что ж, честно.

Клинтер опять поддал газу на полную и продержал так пять оглушительных секунд, лишь потом отпустив на холостой ход. Затем полез во внутренний карман кожаной куртки и извлек нечто вроде визитки.

Однако ни имени, ни адреса на ней не было, только телефон. Он протянул карточку Гурни.

— Мой мобильный. Всегда при мне. Сообщайте мне обо всем, что, по вашему, я должен знать. Секреты порождают конфликт. Есть надежда, что мы избежим конфликта.

Гурни положил карточку в карман.

— Пока вы не уехали, Макс. Похоже, вы дольше всех изучали личную жизнь жертв. Интересно, что засело у вас в памяти?

— Засело в памяти? Например?

— Когда вы думаете о жертвах и их семьях, есть ли в них какая-нибудь маленькая странность — такая, что их объединяет?

Клинтер словно бы задумался, потом быстро перечислил имена на манер церковного речитатива:

— Меллани, Роткер, Стоун, Брюстер, Блум. — Задумчивое выражение на его лице сменилось хмурым. — Странностей море. С тем, что объединяет, сложнее. Я сидел в интернете неделями, годами. Имена выводили меня на новости, новости — на новые имена, организации, компании, туда и обратно, нашел одну вещь, а за ней десять. Бруно Меллани и Гарольд Блум учились в одной и той же средней школе в Куинсе, но в разные годы. Девушка сына Иэна Стерна была одной из жертв Душителя из Уайт-Маунтинс. Она училась в Дартмуте на последнем курсе, когда Джими Брюстер учился на первом. Шэрон Стоун могла показывать дом Роберте Роткер, а та купила своих ротвейлеров у заводчика в Уильямстауне в двух милях от дома доктора Брюстера. Я могу продолжать. Но понимаете, к чему я клоню? Вроде есть какие-то связи, но важны ли они — непонятно.

Порыв холодного ветра пригнул к земле жесткие сухие стебли.

Гурни сунул руки в карманы куртки.

— Вы так и не обнаружили ни одной нити, которая бы связывала их всех?

— Ни одной, кроме этих гребаных тачек. Конечно, искал только я. Знаю, что думали мои коллеги. Очевидная связь есть — машины, так зачем искать еще что-то?

— Но вы думаете, что такая нить есть, да?

— Я не думаю. Я уверен. Большой план, которого никто не вычислил. Но это в прошлом.

— В прошлом?

— Пастырь вернулся. Обманул меня. Чтобы прикончить. Близится развязка. Довольно думать, взвешивать и соображать. Время думать

прошло. Теперь — время сражаться. Мне пора. Время на исходе.

— Один последний вопрос, Макс. Фраза «не буди дьявола» вам о чем-нибудь говорит?

— Ни о чем, — он вытаращил глаза. — Впрочем, звучит жутко, не правда ли? Наводит на определенные мысли. Где вы ее слышали?

— В темном подвале.

Клинтер долгим взглядом посмотрел на Гурни. Затем опустил забрало, газанул, по-военному отдал честь, резко развернул мотоцикл на 180 градусов и поехал вниз по склону.

Когда мотоцикл скрылся из виду, Гурни поплелся обратно в дом, обдумывая странные связи между жертвами, которые обнаружил Клинтер. На ум приходила теория шести рукопожатий и другая, похожая: если тщательно исследовать жизнь людей, то найдется неожиданно много мест, где они пересекались.

Оставалась одна большая неувязка — как выразился Клинтер, «гребаные тачки».

Вернувшись на кухню, Гурни сделал себе еще одну чашку кофе. Мадлен вошла из прихожей и тихо спросила:

— Твой друг?

— Макс Клинтер.

Он начал было пересказывать их разговор, но потом заметил время на часах.

— Прости, уже позже, чем я думал. Мне без пятнадцати десять надо быть в Саспарилье.

— А мне надо в ванную.

Через несколько минут он крикнул ей, что уходит. Она крикнула в ответ, чтоб был осторожнее.

— Я тебя люблю, — сказал он.

— И я тебя, — сказала она.

Через пять минут, проехав около мили вниз по склону, он увидел, что навстречу едет фургон экспресс-почты. По пути было всего два дома, в оба хозяева приезжали в основном на выходные. Значит, скорее всего, почта для него или Мадлен. Он остановился на обочине, вышел из машины и помахал рукой.

Почтальон остановился, узнал Гурни, отыскал в машине конверт и протянул ему. Они обменялись сочувственными фразами о том, что весна слишком холодная, потом водитель уехал, а Гурни вскрыл конверт, адресованный ему.

Под наружным конвертом был еще один, из простой бумаги. Гурни

открыл его, достал листок и прочел:

Алчность заражает семью, как больная кровь заражает воду в купальне. Каждый, кто коснется ее, заражен. Посему жены и дети, которых вы считаете сосудами жалости и скорби, должны быть уничтожены в свой черед. Ибо дети алчности суть зло, и зло суть те, с кем они связали жизнь, и должны быть уничтожены. Все, кого вы в безумии своем тщитесь утешить, должны быть уничтожены, ибо кровными узами или узами брака они связаны с детьми алчности.

Уничтожить плод алчности нужно, не оставив и пятна. Ибо плод оставляет пятно. Те, кто пользуется плодами алчности, повинны в алчности и должны понести наказание. Они погибнут под лучами ваших похвал. Ваша похвала — их гибель. Ваша жалость — яд. Своим сочувствием вы приговорили их к смерти.

Неужели вы не видите? Неужели настолько слепы?

Мир сошел с ума. Алчность рядится в одежды добродетели. Богатство стало мерилom благородства и таланта. Средства массовой информации — в руках чудовищ. Восхваляют худших из худших.

Демон вещает с кафедры, а Господь забыт. Но безумный мир не уйдет от суда.

Таково последнее слово Доброго Пастыря.

Глава 35

Приглашение на вечеринку

Когда Гурни повернул на седьмое шоссе, главную дорогу через Саспарилью, у него зазвонил телефон. На экране высветился номер Кайла, но это была Ким.

Вина и гнев предыдущего дня сменились в ее голосе потрясением и страхом.

— Мне только что пришло письмо по срочной почте... от него... от Доброго Пастыря. Про то, что людей надо уничтожить... убить.

Гурни попросил ее прочитать письмо. Он хотел удостовериться, что он получил тот же текст.

Текст был слово в слово, как в письме ему.

— Что нам делать? — спросила она. — Вызывать полицию?

Гурни ответил, что получил такое же письмо и что он скоро приедет на совещание, где покажет его местной полиции и ФБР. Но у него есть один вопрос.

— На какой адрес было отправлено письмо?

— Это самое страшное, — голос ее дрожал. — На наружном конверте написан адрес Кайла, но там внутри был еще второй конверт, с моим именем. Это значит, Добрый Пастырь знал, что я здесь, что мы оба здесь. Откуда он мог это знать?

Накануне вечером, когда после мерзкого сообщения от Миза Мадлен задала ему тот же вопрос, Гурни исключил возможность наружной слежки. Теперь он уже не был так уверен.

— Откуда он мог знать? — еще взволнованнее повторила Ким.

— Он мог и не знать точно, что вы вместе. Он мог просто думать, что Кайл сможет вас найти и передать вам это письмо. — Но, еще не закончив фразу, он понял, что смысла в его словах немного, что он лишь пытается ее успокоить.

Похоже, не сработало.

— Он послал его экспресс-почтой. Значит, хотел, чтобы я получила его утром. И он указал оба наших имени. Значит, он знал, что мы оба здесь!

Логика тут хромала, но Гурни не собирался это обсуждать. На несколько мгновений он задумался, не привлечь ли к делу полицию Нью-Йорка: просто чтобы пришел человек в форме и создал иллюзию защиты. Но подумал, что возникнет путаница, недопонимание, надо будет все объяснять, и это перевесило возможные выгоды. В сухом остатке, как бы бюрократично это ни звучало, никаких явных свидетельств угрозы для жизни Кайла и Ким не было, и потому все началось бы со спора, а кончилось бы неразберихой.

— Я от вас хочу вот чего: оставайтесь в квартире, оба. Убедитесь, что дверь заперта. Никому не открывайте. Я перезвоню вам после совещания. А пока, если возникнет любая угроза или вы получите любое новое сообщение, сразу же мне звоните. Договорились?

— Договорились.

— Теперь я хочу кое о чем спросить. У тебя есть доступ к видеозаписи интервью с Джими Брюстером?

— Да, конечно. У меня оно на айпоне.

— С собой?

— Да.

— И ты можешь его мне переслать?

— Зависит от того, примет ли ваш сервер такой тяжелый файл. Но я

уменьшу разрешение до минимума, так что не должно быть проблем.

— Отлично, главное, чтобы я различал, что на экране.

— Вам прямо сейчас послать?

— Да, пожалуйста.

— А можно спросить зачем?

— Имя Джими Брюстера всплыло в другом контексте. В разговоре с Максом Клинтером. Я хотел бы лучше понимать, что это за человек.

Договорив, он свернул на парковку у регионального управления полиции штата Нью-Йорк. Он проехал мимо ряда патрульных машин и припарковался рядом с сияющим серебристым «БМВ 640i».

Если бы такая супермодная машина за 85 тысяч долларов была у госслужащего, это не могло бы не вызвать вопросов, но у преуспевающего консультанта она смотрелась естественнее. До этого момента Гурни как-то не приходило в голову, что на совещании может быть Ребекка Холденфилд, но теперь он готов был поспорить, что будет. Машина была в ее стиле.

Он посмотрел на часы. До начала оставалось пять минут. Можно пока позвонить Конни Кларк — будет предлог оборвать разговор, если он вообще состоится. Он начал искать ее номер, и тут рядом с ним припарковался черный «форд» модели «краун-виктория» — служебная машина полиции штата. На пассажирском месте сидела Баллард, а за рулем был Энди Клегг.

Баллард пригласила Гурни сесть к ним в машину, указав на широкое заднее сиденье. Гурни так и сделал, захватив с собой свой конверт.

Баллард заговорила, и было ясно, что она тщательно обдумала свои слова.

— Доброе утро, Дэйв. Спасибо, что приехали, хотя я поздно предупредила. Прежде чем мы пойдем на совещание, я хочу изложить вам свою позицию. Как вы знаете, Бюро криминальных расследований в Оберне расследует убийство Рут Блум. Это убийство может быть или не быть связано с открытым десять лет назад делом Доброго Пастыря. Это может быть тот же самый преступник, или его подражатель, или же возможна какая-то третья версия.

Гурни понимал, что никакой «третьей версии» тут быть не может, но понимал также, что Баллард ставит вопрос максимально широко, чтобы не потерять доступа к делу.

Она продолжала:

— Я понимаю, что есть официальная версия следствия и что вы ее жестко критиковали. Я хочу, чтобы вы знали, что я начинаю это совещание, будучи открыта к любым возможностям. Я не заинтересована ни в одной из

версий. И мне неинтересно ни с кем меряться письками. Единственное, что меня интересует, — это факты. Им я горячо предана. Я попросила вас сегодня к нам присоединиться, так как почувствовала, что вы, возможно, разделяете эту преданность. У вас есть вопросы?

Все это казалось прямолинейным и четким — таким же, как сильный и четкий голос Баллард. Но Гурни знал, что здесь есть второй слой. Он был практически уверен, что Баллард пригласила его, потому что узнала, вероятно от Дейкера, что он сумел вывести Траута из себя и что его негласная роль состояла в том, чтобы усложнить процесс и выбить у агента ФБР почву из-под ног. Иными словами, он был тузом в рукаве Баллард.

— У вас есть вопросы? — повторила она.

— Только один. Я так понимаю, Дейкер показывал вам составленный ФБР профиль Доброго Пастыря?

— Да.

— Что вы о нем думаете?

— Я не уверена.

— Это хорошо.

— Простите?

— Признак непредвзятого ума. А теперь, прежде чем мы пойдем внутрь, у меня для вас маленькая сенсация. — Он открыл конверт, лежавший у него на коленях, потом внутренний конверт и достал письмо. — Вот что я получил сегодня утром. Я его уже касался, но никому другому пока лучше к нему не притрагиваться.

Баллард и Клегг повернулись на своих сиденьях, чтобы видеть его лицо. Гурни медленно прочел письмо вслух. Он еще раз подивился изяществу стиля, особенно концовке: «Демон вещает с кафедры, а Господь забыт. Но безумный мир не уйдет от суда». Но вот в чем проблема: это было красочное излияние чувств, в котором ощущалось отсутствие какого-либо чувства.

Дочитав, он повернул письмо к Баллард и Клеггу, чтобы они могли прочесть его сами. Баллард была очень взволнованна.

— Это оригинал? — спросила она.

— Один из двух оригиналов, о которых я знаю. Второй получила Ким Коразон.

Она несколько раз быстро моргнула, словно быстро и напряженно думала.

— Когда зайдем внутрь, сделаем полдюжины копий, а оригинал упакуем как вещдок для экспертов из Олбани. — Она поглядела на Гурни. — Почему он послал его вам?

— Может, потому, что я помогаю Ким Коразон? И он хочет ее остановить?

Она опять поморгала. Потом поглядела на Клегга.

— Нужно предупредить людей, на которых он намекает в этом письме. Всех, кто подходит под его определение врага. — Она опять посмотрела на Гурни. — Покажите мне его еще раз, я перечитаю. — Она пробежала глазами текст. — Звучит так, будто он угрожает всем членам семей своих первоначальных жертв, их детям и семьям детей. Нам нужны имена, адреса, телефоны — срочно. У кого все это может быть? — Она взглянула на Клегга.

— Какие-то адреса и контакты были в материалах, которые нам показывал Дейкер. Вопрос в том, насколько быстро мы сможем их получить?

— Самые свежие данные у Ким Коразон, — сказал Гурни. — Она общалась со многими из этих людей.

— Да. Хорошо. Пойдемте внутрь и постараемся обеспечить им помощь. Наша главная задача — обеспечить безопасность тем, кто сейчас под угрозой, и при этом не нагнать паники.

Баллард первой вышла из машины и направилась к зданию. По ее сердитому шагу Гурни понял, что кризис придает ей энергии. Уже собираясь последовать за ней в вестибюль управления и придерживая тяжелую стеклянную дверь, он краем глаза увидел, как на парковку въезжает внедорожник темного цвета. Он узнал узкое, невыразительное лицо водителя — это был агент Дейкер.

Блик на стекле не позволил разглядеть лицо пассажира. Поэтому Гурни не знал, заметил ли его Траут, а если заметил, то сильно ли огорчился.

Глава 36

Ножики и зверушки

Из-за суматохи, вызванной письмом Доброго Пастыря, и внезапно возникших срочных дел совещание началось на сорок пять минут позже. Пересмотрели повестку, подали пережженный кофе.

Они уселись в стандартном кабинете для совещаний: без окон, на одной стене — пробковая доска для объявлений, на другой, примыкающей — глянцево-белая доска для записей. Лампы горели ярко и одновременно уныло — это напоминало зловещий офис Пола Меллани. Большую часть

кабинета занимал прямоугольный стол с шестью стульями. В углу стоял маленький столик с алюминиевым кофейником, пластиковыми чашками и ложками, сухим молоком и почти пустой коробкой с пакетиками сахара. В таких кабинетах Гурни провел бесчисленное количество часов и всегда испытывал только одно чувство: как только он входил в такое помещение, ему сразу же хотелось выйти.

С одной стороны стола сидели Дейкер, Траут и Холденфилд. С другой — Клегг, Баллард и Гурни. Как будто специально для конфронтации. На стол перед каждым участником Баллард положила ксерокопию нового послания Доброго Пастыря, и каждый прочел его несколько раз.

Перед самой Баллард, помимо того, лежала толстая папка с бумагами — и сверху, к удивлению Гурни, был список вопросов, который он ей послал.

Баллард сидела прямо напротив Траута. Тот сложил руки перед собой.

— Прежде всего благодарю вас за приезд, — сказала она. — Помимо того, что нам необходимо обсудить новое послание, отправленное, предположительно, Добрым Пастырем, есть ли еще какие-нибудь приоритетные вопросы, о которых вы хотели бы сказать в самом начале совещания?

Траут вежливо улыбнулся и развел руками в жесте уважения.

— Это ваша территория, лейтенант. Я здесь для того, чтобы слушать. — Потом он метнул уже не столь любезный взгляд на Гурни. — Единственное, что меня беспокоит, — это присутствие на нашем внутреннем совещании участника, статус которого не проверен.

Баллард скорчила непонимающую гримасу.

— Не проверен?

Траут снова вежливо улыбнулся.

— Разрешите мне пояснить. Я сейчас говорю не о прошлой широко известной карьере мистера Гурни в правоохранительных органах, но о неустановленном характере его связей с лицами, в отношении которых может вестись расследование.

— Вы имеете в виду Ким Коразон?

— И ее бывшего бойфренда, взять хотя бы тех двоих, о которых мне известно.

Интересно, что он откуда-то знает про Миза, подумал Гурни. У него могло быть два источника: Шифф в Сиракьюсе и Крамден, следователь по поджогам, который допрашивал Ким об угрозах и врагах. Или же Траут мог начать как-то иначе следить за Ким. Но зачем? Еще одно проявление его мании все контролировать? Одержимость круговой обороной своих

позиций?

Баллард задумчиво кивала, поглядывая на чистую белую доску.

— Ваше беспокойство вполне разумно. Моя собственная позиция менее разумна. Скорее эмоциональна. У меня есть чувство, что преступник пытается устранить Дэйва Гурни из этого дела, поэтому я и хочу его к этому делу привлечь. — Внезапно лицо ее посуровело, а в голосе послышались стальные нотки. — Понимаете, если преступник против чего-то, то я за это. Кроме того, я хочу сразу договориться, что мы исходим из презумпции порядочности — порядочности каждого из присутствующих в этой комнате.

Траут откинулся на спинку стула.

— Не поймите меня неправильно, я не сомневаюсь ни в чьей порядочности.

— Простите, если неверно поняла. Только что вы говорили про «характер связей». Для меня это словосочетание имеет определенную коннотацию. Но давайте не будем в этом вязнуть, еще не начав разговора. Я бы предложила сначала обсудить, что нам известно об убийстве Блум, а затем обсудить письмо, полученное сегодня утром, и то, как соотносится нынешнее убийство с убийствами, совершенными весной двухтысячного года.

— И разумеется, вопрос разделения полномочий, — добавил Траут.

— Разумеется. Но этот вопрос мы можем обсуждать, лишь имея на руках факты. Итак, сначала факты.

Гурни слегка улыбнулся. Лейтенант оказалась поразительно сильной, умной, находчивой и практичной — в нужных пропорциях.

Она продолжала:

— Некоторые из вас, возможно, уже видели детальный отчет номер три Информационной службы, который мы опубликовали вчера вечером? На тот случай, если вы его не видели, я приготовила копии. Она достала из папки распечатки и раздала их присутствующим.

Гурни быстро пробежал глазами текст. Это был краткий обзор вещественных доказательств, обнаруженных на месте преступления, и предварительных выводов следствия. Ему было приятно, что в отчете отметили его догадки и что Траут со товарищи нахмурились.

Дав участникам время осмыслить информацию, Баллард перечислила основные пункты и спросила, есть ли вопросы.

Траут держал в руках свою копию отчета.

— Какое значение вы придаете этой путанице — где именно припарковался убийца?

— Я думаю, здесь следует говорить не о путанице, а о преднамеренном обмане.

— Называйте как хотите. Я спрашиваю, что это значит?

— Само по себе это значит немного, разве что указывает на определенную степень предосторожности. Но вместе с сообщением в Фейсбуке это, на мой взгляд, свидетельствует о попытке создать ложную версию происходящего. Как и то, что тело переместили из комнаты наверху, где произошло убийство, в прихожую, где его и нашли.

Траут приподнял бровь.

— На ковровом покрытии на лестнице обнаружены микроскопические отметины от ее каблуков, которые могли остаться, если ее тащили, — объяснила Баллард. — Так что нас пытаются навести на версию, весьма непохожую на реальное положение дел.

Тут впервые подала голос Холденфилд:

— Зачем?

Баллард улыбнулась, как улыбается учитель, когда ученик задает правильный вопрос:

— Ну если бы мы проглотили наживку — что убийца припарковался на подъездной дорожке, постучал в парадную дверь и прикончил жертву как только она ее открыла, — мы бы в итоге поверили и в то, что сообщение в Фейсбуке написала жертва и что все в этом сообщении правда, включая описание машины. И что, вероятно, она не была знакома с убийцей.

Холденфилд, казалось, искренне заинтересовалась:

— Почему не была знакома?

— Здесь два довода. Во-первых, из ее поста понятно, что она не узнала машину. Во-вторых, положение, в котором нашли тело, вводит в заблуждение и наводит на мысль, что она не пустила убийцу внутрь, хотя на самом деле мы знаем, что пустила.

— Маловато доказательств по обоим пунктам, — сказал Траут.

— У нас есть доказательства, что он был в доме и что он пытался заставить нас поверить, что не был. У него могли быть разные мотивы, но, в частности и в большой степени, — желание скрыть тот факт, что жертва его знала и пригласила войти.

Траут, казалось, был изумлен:

— Вы утверждаете, что Рут Блум была лично знакома с Добрым Пастырем?

— Я утверждаю, что некоторые детали, обнаруженные на месте преступления, заставляют нас всерьез рассматривать такую возможность.

Траут взглянул на Дейкера. Тот пожал плечами, словно показывая, что все это совершенно не важные детали. Потом перевел взгляд на Холденфилд. Та, похоже, наоборот считала, что эти детали очень важны.

Баллард откинулась на спинку стула и, выждав немного, добавила:

— Ложный сценарий, в который пытался заставить нас поверить Добрый Пастырь, когда убил Рут Блум, заставил меня задуматься о его первых убийствах.

— Задуматься? — встрепнулся Траут. — О чем же?

— Задуматься о том, не пытался ли он и тогда всех обманывать. Что вы думаете, агент Траут?

Слова Баллард стали очередной сенсацией. Ничего нового в них не было, конечно: Гурни твердил об этом уже неделю, а Клинтер — уже десяток лет. Но впервые эти слова произнес не чужак, а следователь при исполнении, имеющий законное право вести дело.

Она предлагала Трауту прекратить настаивать на том, что вся суть дела выражена в манифесте и профиле преступника.

Неудивительно, что он ушел от ответа и съязвил:

— Вы сказали о важности фактов. Я бы хотел узнать больше фактов, прежде чем делать выводы. Я не рвусь пересматривать самое исследованное дело в современной криминологии всего лишь потому, что кто-то пытался нас одурачить и не там припарковал машину.

Его сарказм был ошибкой. Гурни понял это по тому, как у Баллард напряглась челюсть и как она лишних две секунды смотрела на Траута. Затем она взяла свою распечатку с вопросами Гурни.

— Поскольку вы, ребята, в ФБР в основном и занимались расследованием, я надеюсь, что вы проясните для меня несколько пунктов. Во-первых, игрушечные зверушки. Я уверена, вы видели в отчете, что на губах жертвы найден пластмассовый лев размером два дюйма. Что вы думаете по этому поводу?

Траут повернулся к Холденфилд:

— Бекка?

Холденфилд бессмысленно улыбнулась:

— Это все только гипотеза. Источник фигурок — детский игровой набор «Ноев ковчег» — имеет религиозные коннотации. В Библии потоп описывается как Божий суд над падшим миром, и Добрый Пастырь также описывает свои действия как суд. Кроме того, Добрый Пастырь всегда оставлял на месте преступления фигурку только одного животного из пары. Возможно, подсознательно это имело для него значение. Так он «очищал стадо». Во фрейдистской парадигме это можно истолковать как детское

желание разрушить семью родителей, возможно, убив одного из них. Я еще раз хочу подчеркнуть, что это только гипотеза.

Баллард медленно кивнула, как будто ее осенило.

— А очень большой пистолет? Во фрейдистской парадигме это очень большой пенис?

На лице Холденфилд появилась настороженность.

— Не все так просто.

— А, — сказала Баллард. — Этого я и боялась. Только казалось, что поняла... — Она обратилась к Гурни: — А как вы трактуете большой пистолет и маленькие фигурки?

— Я думаю, их назначение — вызвать этот разговор.

— Повторите, пожалуйста?

— Я считаю, что такой пистолет и фигурки использовались намеренно, чтобы отвлечь наше внимание.

— Отвлечь от чего?

— От того, насколько прагматично все это предприятие. Они призваны создать видимость невроза или даже сумасшествия.

— Добрый Пастырь хочет заставить нас поверить, что он сумасшедший?

— У типичного убийцы, одержимого своей миссией, под рациональным мотивом всегда скрывается другой, невротического или психотического порядка. Осознаваемая «миссия» подпитывается подсознательной энергией, страстью убивать. Правда, Ребекка?

Холденфилд не ответила.

Гурни продолжал:

— Я думаю, что убийца обо всем этом прекрасно знает. Я думаю, что выбор оружия и фигурки были последними штрихами манипулятора-виртуоза. Профайлеры ожидали от него таких деталей — он дал им, что просили. Эти детали сделали теорию «миссии» правдоподобнее. Убийца не хотел лишь, чтобы предположили одно: что он абсолютно вменяем и его преступления имеют совершенно прагматический мотив. Собственно, традиционный мотив для убийства. Потому что тогда следствие пошло бы по совершенно другому пути и, возможно, очень быстро его бы вычислило.

Траут испустил нетерпеливый вздох и обратился к Баллард:

— Мы с мистером Гурни уже все это обсуждали. Все это не более чем предположения. Они не подкреплены доказательствами. Честно говоря, слушать это во второй раз утомительно. Принятая сегодня версия предлагает совершенно связное понимание дела — единственное рациональное и связное понимание, которое было предложено. — Он

поднял свою распечатку с новым письмом Доброго Пастыря и помахал ею. — Кроме того, это новое послание на сто процентов согласуется с первоначальным манифестом и крайне правдоподобно объясняет его нападение на вдову Гарольда Блума.

— Что ты об этом думаешь, Ребекка? — спросил Гурни, показывая на распечатку в руке Траута.

— Мне нужно время, чтобы получше его изучить, но прямо сейчас я с достаточной долей профессиональной уверенности могу сказать, что оно написано тем же человеком, который написал первоначальный документ.

— Что еще?

Она поджала губы, словно обдумывая разные варианты ответа.

— Он выражает то же снедающее автора негодование, которое сейчас усилилось из-за выхода телепрограммы «Осиротевшие». Его новое недовольство, послужившее триггером для убийства Рут Блум, связано с тем, что «Осиротевшие» восхваляют недостойных людей.

— Все это очень разумно, — вставил Траут. — Это подтверждает то, что мы говорили о деле с самого начала.

Гурни проигнорировал его слова и снова обратился к Холденфилд:

— Как по-твоему, насколько он разгневан?

— Что?

— Насколько разгневан человек, который это написал?

Этот вопрос, казалось, ее удивил. Она взяла свою распечатку и перечитала текст.

— Ну... он употребляет эмоциональные выражения и образы... «кровь», «зло», «повинны», «понести наказание», «смерть», «яд», «чудовища»... в своем роде библейский гнев.

— Что мы видим в документе? Гнев? Или описание гнева?

Уголок ее губ слегка скривился.

— А в чем различие?

— Мой вопрос вот в чем: это человек в ярости выражает свои эмоции или же спокойный человек пишет так, как, по его мнению, должен писать человек в ярости?

Тут опять вмешался Траут:

— В чем смысл этого разговора?

— Все очень просто, — сказал Гурни. — Я спрашиваю, что считает доктор Холденфилд, проницательный психотерапевт: автор этого послания выражает свой собственный гнев или он, так сказать, пишет за придуманного героя — Доброго Пастыря?

Траут посмотрел на Баллард.

— Лейтенант, мы не можем потратить целый день на подобные эксцентричные теории. Вы ведете совещание. Убедительно прошу вас вмешаться.

Гурни по-прежнему глядел на Ребекку.

— Это простой вопрос, Ребекка. Что ты думаешь?

Она ответила после долгой паузы:

— Я не знаю точно.

Гурни наконец почувствовал честность в ее взгляде и в этом ответе.

Баллард казалась встревоженной.

— Дэвид, вы только что употребили по отношению к Доброму Пастырю выражение «совершенно прагматический». Какой совершенно прагматический мотив мог быть у убийцы, чтобы застрелить шестерых человек, которых так мало связывает между собою, если не считать экстравагантных машин?

— Экстравагантных черных «мерседесов», — уточнил Гурни скорее для себя, чем для нее. На ум ему снова пришел «Человек с черным зонтом».

Пересказывать фильм на совещании по поводу реального преступления, тем более в недружелюбной обстановке, было рискованно, но Гурни все же решил это сделать. Он пересказал, как убийцы, преследующие человека с черным зонтом, растерялись, когда он растворился в толпе людей с такими же зонтами.

— Черт побери, какое это имеет отношение к тому, что мы собирались обсуждать? — впервые подал голос Дейкер.

Гурни улыбнулся.

— Я не знаю. Я просто чувствую, что имеет. Я надеялся, что в этой комнате есть проницательные люди, которые смогут разглядеть эту связь.

Траут закатил глаза.

Баллард взяла распечатку с вопросами Гурни. Ее взгляд остановился на середине страницы. Она прочла вслух:

— Все ли убийства одинаково важны? — она обвела взглядом собравшихся. — В свете истории о человеке с зонтом этот вопрос кажется мне интересным.

— Я не понимаю, какое это имеет значение, — сказал Дейкер.

Баллард снова поморгала, словно перебирая в уме разные возможности.

— Предположим, что не все жертвы были его основной целью.

— И чем же были остальные? Ошибкой? — Лицо Траута выражало скепсис.

Гурни уже обсуждал эту версию с Хардвиком: получалось слишком

неправдоподобно.

— Не ошибкой, — сказал он. — Но они могут быть второстепенными.

— Второстепенными? — повторил Дейкер. — Что, черт побери, это значит?

— Пока не знаю. Это только вопрос.

Траут с грохотом уронил руки на стол.

— Вот что я вам скажу и повторять не буду: в любом следствии наступает момент, когда надо перестать сомневаться в очевидном и сосредоточиться на преследовании преступника.

— Проблема в том, — отозвался Гурни, — что по существу никто никогда не сомневался.

— Хорошо, хорошо, — Баллард подняла руки, останавливая спор. — Я хочу обсудить дальнейшие действия.

Она повернулась к Клеггу слева от нее.

— Энди, дай нам краткий обзор событий.

— Да, мэм. Он вынул из кармана какой-то изящный гаджет, нажал несколько кнопок и стал читать с экрана.

— Специалисты по сбору показаний ограничили доступ к месту преступления. Вещественные доказательства собраны, описаны и внесены в систему. Компьютер передан на судебную компьютерную экспертизу. Скрытые отпечатки пропущены через ИАСИО[14]. Имеется предварительное заключение судмедэкспертов. Отчет о вскрытии и токсикологический анализ будут готовы в течение семидесяти двух часов. Фотографии места преступления и жертвы внесены в систему, так же как отчет о происшествии. Отчет Информационной службы криминальной юстиции, третья редакция, внесен в систему. Доступны первые полные опросы свидетелей, краткие отчеты будут готовы позже. Опираясь на показания двух очевидцев, видевших в окрестностях армейский или гражданский «хаммер» или другую похожую машину, Департамент автотранспорта составляет список владельцев всех похожих машин, зарегистрированных в штате Нью-Йорк.

— И как предполагается использовать эти списки? — спросил Траут.

— Это база данных, по которой мы сможем пробить любого подозреваемого, как только он появится, — ответил Клегг.

Вид у Траута был скептический, но он промолчал.

Гурни было неудобно от мысли, что он уже знает ответ на вопросы Клегга. Вообще-то он приветствовал максимальную открытость. Но в нынешней ситуации он боялся, что откровенность только всех отвлечет и все попусту потеряют время, обсуждая Клинтера. А Клинтер, в конце

концов, не мог быть Добрым Пастырем. Он особенный. Возможно, сумасшедший. Но чтобы злодей? Нет, практически наверняка не злодей.

Но у Гурни был и другой повод промолчать, более субъективный. Он не хотел создать впечатление, что слишком хорошо знаком с Клинтером, слишком с ним связан, на одной волне. Он не хотел, чтобы его запятнала эта связь. Тогда, во время ланча в Бранвиле, Холденфилд оглушила его диагнозом «посттравматическое стрессовое расстройство». У Макса Клинтера тоже было ПТСР. Гурни не нравилось это совпадение.

Клегг листал свой отчет.

— Отпечатки протектора на парковке автомастерской «Жестянка у озера» исследуются, фотографии отосланы судебным транспортным экспертам для проверки по базам первичного и вторичного рынка. У нас есть хороший параллельный отпечаток двух колес. Надеемся на уникальную ширину колеи. — Он оторвал глаза от экрана. — Это все, что мне известно на сегодняшний момент, лейтенант.

— А не сказали, в какие сроки будет готов физический анализ письма Доброго Пастыря: чернила, бумага, год выпуска принтера, скрытые отпечатки пальцев на внешнем конверте, внутреннем конверте и так далее?

— Сказали, через час это будет понятно.

— А предупреждения потенциальным жертвам?

— Мы начинаем этот процесс. У нас есть предварительный список членов семей в материалах агента Дейкера. Я полагаю, у мисс Коразон есть свой список контактов, как подсказал мистер Гурни. Керли Медден из отдела связей с общественностью помогает составить текст.

— Она понимает задачу: срочное серьезное предупреждение, но без паники? И понимает, насколько эта задача важна?

— Она поставлена в известность.

— Хорошо. Я бы хотела видеть черновик, прежде чем будут обзванивать родственников. Эту задачу надо решить как можно скорее.

Гурни еще больше укрепился в своем мнении об этой женщине. Стресс действовал на нее как витамины. Возможно, работа была ее единственным пристрастием. И почти наверняка она хотела, чтобы все на свете происходило «как можно скорее». Кто не спрятался — она не виновата.

Баллард оглядела присутствующих:

— Вопросы?

— Вы, похоже, одновременно держите руки на разных рычагах, — заметил Траут.

— Что еще нового я упустила?

— Я хочу сказать, что иногда нам всем необходима помощь.

— Несомненно. Пожалуйста, обращайтесь, если она вам понадобится.

Траут рассмеялся — столь же тепло и мелодично, как звучит стартер при умирающем аккумуляторе.

— Я всего лишь хотел вам напомнить, что у нас на федеральном уровне есть ресурсы, которых, возможно, нет у вас в Оберне и Саспарилье. И чем яснее становится связь между настоящим убийством и старым делом, тем большее давление на нас всех будут оказывать, призывая расследовать нынешнее дело на федеральном уровне.

— Возможно, завтра так и будет. Но не сегодня. Давайте жить сегодняшним днем.

Траут улыбнулся — так же механически, как до того смеялся.

— Я не философ, лейтенант. Я всего лишь реалист и говорю, каково положение вещей и чем непременно завершится это дело. Вы, конечно, можете это игнорировать до последнего. Но нам прямо сейчас надо обозначить некоторые общие правила и направления взаимодействия.

Баллард посмотрела на часы.

— Прямо сейчас у нас короткий перерыв на ланч. Сейчас двенадцать. Я предлагаю снова встретиться в двенадцать сорок пять и обсудить общие правила и направления взаимодействия, а также текущее положение дел, насколько позволят общие правила. — Она смягчила свой сарказм улыбкой. Кофе и автоматы с едой в этом здании чудовищные. Может быть, гостям из Олбани посоветовать, куда пойти на ланч?

— Не нужно. Мы сориентируемся, — сказал Траут.

Холденфилд казалась чем-то озабоченной, беспокойной. Ей явно было не по себе.

Дейкер выглядел так, словно бы вообще ничего не чувствовал, кроме желания прикончить всех в мире нарушителей порядка — по одному, мучительно.

Баллард и Гурни сидели в закутке, похожем по форме на подкову, в маленьком итальянском ресторанчике с баром и тремя вездесущими телеэкранами.

Оба заказали по легкой закуске и одну пиццу на двоих. Клегг остался в офисе, чтобы следить за исполнением множества задач, поставленных утром. Баллард все время молчала. Она выуживала из салата острый перец и отодвигала его на край тарелки. Найдя и достав последний перчик, она посмотрела Гурни в глаза.

— Скажите, Дэйв. Что же вы, черт возьми, задумали?

— Задайте вопрос поточнее, и я с радостью на него отвечу.

Она посмотрела на свой салат, поддела вилкой один из острых перцев, отправила его в рот, прожевала и проглотила без малейшего дискомфорта.

— Я чувствую, что вы отдаете этому делу много энергии. Очень много. Тут что-то большее, чем желание помочь девочке, увлеченной своей идеей. Так что же? Я должна это знать.

Он улыбнулся.

— Дейкер случайно не говорил вам, что РАМ хочет, чтобы я участвовал в их программе и критиковал неудавшиеся расследования?

— Что-то такое говорил.

— Так вот, я не собираюсь этого делать.

Она посмотрела на него долгим, оценивающим взглядом.

— Хорошо. У вас есть какой-то иной финансовый или карьерный интерес, о котором вы мне не сказали?

— Нет.

— Хорошо. Тогда что же? Что вас притягивает?

— В этом деле есть дыра — такая большая, что через нее может проехать грузовик. Такая большая, что я из-за нее не сплю ночами. Кроме того, происходили странные вещи, словно кто-то пытался убедить Ким отказаться от проекта, а меня — от участия в нем. У меня на такие поползновения всегда обратная реакция. Когда меня выталкивают за дверь, я еще больше хочу остаться в комнате.

— Я говорила вам о себе то же самое.

Она произнесла это таким спокойным голосом, что было непонятно, то ли она выражает солидарность, то ли, напротив, предостерегает от попыток ею манипулировать. И не успел Гурни понять, к чему же это было сказано, она добавила:

— Но я чувствую, что есть и другая причина. Я права?

Он взвешивал, сказать ли ей правду.

— Есть. Но мне не хочется вам о ней говорить, чтобы не выглядеть глупым, маленьким и обиженным.

Баллард пожала плечами.

— Вечный выбор, правда? Мы можем казаться умными, знающими, крутыми. Или говорить правду.

— Когда я только начал углубляться в это дело с подачи Ким Коразон, я спросил мнения Холденфилд, не захочет ли агент Траут услышать мои мысли об этом деле.

— И она сказала, что не захочет, потому что вы больше не служите в правоохранительных органах?

— Хуже. «Ты шутишь» — вот что она сказала. Такая короткая фраза. И такая болезненная. Наверное, эта причина кажется безумной, но именно поэтому я решил не ослаблять хватки и не отступаться.

— Конечно, это безумная причина. Но зато теперь я знаю, что стоит за вашим рвением. — Она съела второй перец. — Вы все возвращаетесь к этой дыре, потому что она не дает вам спать ночами. Какие же вопросы мучают вас в два часа ночи?

Ему не пришлось задумываться над ответом.

— Главных — три. Во-первых, время. Почему эти убийства начались именно тогда, весной двухтысячного года? Во-вторых, какие линии следствия были прерваны или даже не начаты из-за появления манифеста? В-третьих, почему для прикрытия реального положения дел был выбран именно такой мотив — «уничтожить алчных богачей»?

Баллард подняла бровь, явно готовясь спорить.

— Это если мы допускаем, что у него был иной мотив, кроме того, чтобы «уничтожить алчных богачей». Вы-то привержены этой версии гораздо больше, чем я.

— Вы тоже к этому придете. По сути дела...

«Добрый Пастырь вернулся!» — прервал его нервирующий голос из телевизора над барной стойкой. Одной из мелодраматических примочек «РАМ-Ньюс» была привычка показывать в новостях известного проповедника с седой напмпадуренной шевелюрой — преподобного Эммета Пранка.

«Как сообщают надежные источники, серийный убийца, кошмар Северного Нью-Йорка, вернулся. Это чудовище вновь рыщет по мирным городкам и селам. Десять лет назад Добрый Пастырь оборвал жизнь Гарольда Блума выстрелом в голову. Позапрошлой ночью он вернулся. Вернулся в дом вдовы Гарольда, Рут. Он вошел к ней в дом посреди ночи и вонзил ей в сердце нож для колки льда. — Неестественная манера речи диктора поневоле привлекала внимание — слишком уж раздражала. — Это так... так бесчеловечно... Это уже за гранью. Простите, друзья, бывают такие моменты, когда у меня просто нет слов».

Он удрученно покачал головой и повернулся к другой стороне разделенного пополам экрана, как будто бы телепроповедник сидел у него прямо в студии:

— Преподобный Пранк, вы всегда умеете найти нужные слова, нужный взгляд на вещи. Помогите нам. Поделитесь с нами вашим взглядом на эти ужасные события.

— Что ж, Дэн, как и любой нормальный человек, я испытываю сейчас

множество чувств, от ужаса до возмущения. Но я верю, что в Божьем мироустройстве у каждого события есть смысл, каким бы ужасным оно ни казалось с нашей человеческой точки зрения. «Но, преподобный Пранк, — могут спросить меня, — какой смысл может быть у этого кошмара?» Я отвечаю, что, сталкиваясь с таким большим злом, мы многое понимаем о природе зла в нашем сегодняшнем мире. Мне ясно, что в основе зверских злодеяний Доброго Пастыря, прошлых и нынешнего, — полное презрение к человеческой жизни. Это чудовище не задумывается, каково его жертвам. Они для него — былинки, которые он может разметать по своей воле. Они ничто. Дым в воздухе. Ошметки грязи. Вот урок, который преподал нам Господь. Он показывает нам истинную природу зла. Уничтожить жизнь, развеять ее, как дым в воздухе, растоптать, как ошметок грязи, — вот в чем сущность зла! Вот какой урок преподал Господь праведным, показав им дьявольские дела.

— Спасибо, сэр, — ведущий снова повернулся к камере. — Как и всегда, с мудрой речью выступил преподобный Эммет Пранк. Теперь мы прервемся и прослушаем важную информацию от хороших людей, благодаря которым РАМ продолжает существовать.

Говорящие головы сменились шумными, истеричными рекламными роликами.

— Боже, — пробормотал Гурни, взглянув на Баллард.

Она встретила его взгляд:

— Скажите еще раз, что вы не имеете с этими людьми никаких дел.

— Я не имею с этими людьми никаких дел.

Она еще какое-то время смотрела на него, потом сделала такое лицо, словно перец вызвал у нее отрыжку.

— Давайте вернемся к вашему утверждению, что некоторые пути расследования были отброшены из-за появления манифеста. У вас есть мысли, что это могли быть за пути?

— Самые очевидные. Прежде всего: *cui bono*? Кому могли быть выгодны, в самом прагматическом смысле слова, эти шесть убийств? Этот простой вопрос должен стоять в начале списка тех вопросов, которые отбросило следствие, когда появился манифест и убедил всех, что убийцей движет сознание своей миссии.

— Я поняла. Что еще упустили?

— Внутренние связи. Неочевидные связи между жертвами.

— Помимо мерседесов?

— Да.

Вид у Баллард был скептический.

— Тут вот в чем проблема: получается, что машины не важны. Если они не были главным критерием отбора, то выходит, что это просто совпадение. Ничего себе совпадения, не находите?

Это уже говорил ему Джек Хардвик. Гурни тогда не нашелся, что ответить, не нашелся и теперь.

— Что еще? — спросила она.

— Тщательное расследование каждого отдельного эпизода.

— Что это значит?

— Как только стало очевидно, что перед следствием серия убийств, расследовать стали всю серию.

— Разумеется. А как же еще...

— Я всего лишь перечисляю отброшенные нити расследования. Я не утверждаю, что их обязательно надо было принять во внимание, а только то, что они были отброшены.

— А можно пример?

— Если бы эти убийства расследовались как отдельные преступления, весь процесс пошел бы совершенно иначе. Вы не хуже меня знаете, что было бы, если бы завели дело о преднамеренном убийстве с неизвестным мотивом и неизвестным подозреваемым. Все началось бы с расследования подробностей жизни и отношений жертвы — друзья, любовники, враги, криминальные связи, судимости, вредные привычки, неудачные браки, скандальные разводы, деловые конфликты, завещания и операции с недвижимостью, долги, финансовые трудности и достижения. Иными словами, мы бы копали вглубь его жизни и искали бы, за что — или за кого — зацепиться. Но в этом деле...

— Да-да, разумеется, в этом деле ничего такого не было. Если убийца ездит по ночным дорогам и палит по одиноким «мерседесам», вы не тратите время и деньги и не вникаете в личные дела каждой жертвы.

— Именно. Как только обнаруживается психопатология, тем более, если есть очевидный триггер вроде блестящей черной машины, в фокусе внимания остается одно: поймать преступника-психопата. А жертвы — так, детали общей картины.

Она сурово на него посмотрела.

— Скажите, вы же не предполагаете, что у Доброго Пастыря было шесть разных мотивов, которые связаны с жизнью каждой из шести жертв.

— Это было бы абсурдно, правда?

— Да. Как и идея, что шесть одинаковых машин — это совпадение.

— Мне нечего на это возразить.

— Ладно. Хватит про отброшенные варианты. Вы недавно упомянули,

что вы не спите ночами, думая о таком факторе, как время. У вас есть какие-то конкретные мысли на этот счет?

— Пока что ничего конкретного. Иногда, задумавшись о том, когда именно что-то произошло, понимаешь и почему оно произошло. Кстати, раз уж вы упомянули мои бессонные ночи, я кое-что вспомнил. У Пола Меллани, сына Бруно Меллани, вероятно, будущего участника проекта Ким, есть разрешение на ношение пистолета «дезерт-игл».

— Когда он его получил?

— У меня нет доступа к этой информации.

— Правда? — она помолчала. — Раз уж речь зашла о вашем доступе к информации, я так понимаю, он заинтересовал агента Траута.

— Я знаю. Он зря тратит время. Но спасибо, что сказали.

— Еще его заинтересовал ваш амбар.

— Откуда вы это знаете?

— Дейкер сообщил мне, что у вас сгорел амбар при очень подозрительных обстоятельствах, что следователь обнаружил вашу спрятанную канистру и что мне не нужно забывать об осторожности, сотрудничая с вами.

— И что вы из этого поняли?

— Что они вас очень не любят.

— Какое открытие!

— Думаю, накладно иметь такого врага, как Мэттью Траут.

— Волков бояться — в лес не ходить.

Баллард кивнула и почти улыбнулась. Затем достала телефон:

— Энди? Добудь мне информацию об одной лицензии на оружие... Пол Меллани... Да, того самого... На «дезерт-игл»... Мне сказали, что у него есть лицензия, но очень важно, когда он ее получил... Нужна дата первой лицензии... Да... Спасибо.

Они молча доели свои закуски и большую часть пиццы, между тем как с трех экранов орала вульгарная реклама разных реалити-шоу.

Одно шоу называлось «Американские горки». Судя по всему, в нем четыре мужчины и четыре женщины пытались сбросить или набрать вес — или набрать, а потом сбросить — за двадцать шесть недель. Выигрывал тот, кто за это время набрал или сбросил больше всех, причем по правилам проекта все восемь участников не должны были разлучаться. Предыдущий победитель увеличил свой вес со ста тридцати до двухсот шестидесяти одного фунта, а потом снова опустился до ста двадцати девяти и заработал призы за удвоение веса и за похудение вдвое.

Пока Гурни гадал, то ли у Америки специальный патент на безмозглые

СМИ, то ли это весь мир сошел с ума, ему пришла эсэмэска от Ким с просьбой проверить почту: она переслала ему запись интервью с Джими Брюстером.

Ее имя на экране телефона напомнило ему еще об одной логистической задаче. Он посмотрел на Баллард, которая как раз подзывала официанта, чтобы попросить счет.

— Я так понимаю, вы захотите отправить экземпляр письма, полученный Ким, в лабораторию в Олбани. Что ей с ним сделать?

— Где она сейчас?

— В квартире моего сына на Манхэттене.

На секунду-другую она замешкалась, словно бы подшивая этот факт к делу.

— Пусть отнесет его в отделение связи Департамента полиции Нью-Йорка на Полис-Плаза, один. Когда мы с вами вернемся в офис, я дам дополнительные инструкции.

Гурни уже собирался положить телефон в карман, когда ему пришло в голову, что Баллард может быть интересно интервью с Брюстером.

— Кстати, лейтенант, недавно Ким брала интервью у Джими Брюстера, одного из так называемых «Осиротевших». Это тот, который...

Она кивнула.

— Который ненавидел своего отца-хирурга. Я прочитала о нем в той куче материалов, что Дейкер на меня вывалил.

— Да, это он. Так вот, Ким только что прислала мне запись своего интервью с ним. Вам она не нужна?

— Разумеется, нужна. Можете переслать прямо сейчас?

Когда они вернулись зал для совещаний, Траут, Дейкер и Холденфилд уже сидели за столом. Хотя Гурни и Баллард опоздали всего на минуту, Траут сурово покосился на часы.

— Торопитесь куда-то еще? — спросил Гурни. Его непринужденный тон и дружеская улыбка едва прикрывали враждебность.

Траут предпочел воздержаться от ответа: даже не поднял глаз и только поковырял ногтем в передних зубах.

Как только Баллард и Гурни сели, в комнату вошел Клегг и положил на стол перед лейтенантом листок бумаги. Она изучила его и заинтересованно нахмурилась.

— Значит ли это, что вы начали обзванивать и предупреждать родственников?

— Начали обзванивать, чтобы установить контакт, — сказал Клегг, —

и побыстрее выяснить, с кем есть связь, а с кем нет. Тем, до кого удалось дозвониться, мы говорим, что перезвоним в течение часа и сообщим информацию, связанную с этим делом. Тех, до кого не удалось, просим перезвонить.

Баллард кивнула и снова пробежала глазами страницу.

— Согласно этому списку, вам удалось напрямую связаться с сестрой Рут Блум, которая ехала из Орегона в Аврору, с Ларри Стерном в Стоун-Ридж и с Джими Брюстером в Барквилле. А что с остальными?

— Просьбы перезвонить оставлены Эрику Стоуну, Роберте Роткер и Полу Меллани.

— У вас есть их электронные адреса?

— Я думаю, они все есть в списке Ким Коразон.

— Тогда сейчас же помимо сообщений на автоответчик разошлите письма. Каждому, с кем не будет связи в течение получаса, мы позвоним еще раз. Скажите Керли, что у нее есть пятнадцать минут, чтобы представить мне черновик. Если мы не получим ответа на второе сообщение, то разошлем патрульных по адресам проживания.

Клегг поспешно вышел из комнаты, а Баллард сделала глубокий вдох, откинулась на спинку стула и задумчиво посмотрела на Траута.

— Возвращаясь к более трудным вопросам, у вас есть соображения насчет мотива убийства Рут Блум?

— Я уже все сказал. Просто прочитайте его письмо.

— Я выучила его наизусть.

— Тогда вы знаете мотив не хуже, чем я. Выход программы «Осиротевшие» на РАМ-ТВ подействовал ему на больные нервы и заставил вспомнить о своей миссии — уничтожить богачей.

— Доктор Холденфилд? Вы с этим согласны?

Ребекка натужно кивнула.

— В общих чертах да. Если быть точнее, я бы сказала, что программа пробудила в нем прежнее негодование. Негодование прорвало плотину, которая сдерживала его эмоции последние десять лет. Ярость хлынула в прежнее русло: у него фиксация на социальной несправедливости. Результат — убийство.

— Интересная интерпретация, — сказала Баллард. — Дэйв? А как вы это видите?

— Холодность, расчет, осторожность — все в точности до наоборот. Ярости — ноль. Абсолютное рацио.

— И каков абсолютно рациональный мотив убийства Рут Блум?

— Прекратить выпуск «Осиротевших», потому что это несет для него

угрозу.

— Какую именно угрозу?

— Или что-то, что Ким может узнать, беседуя с родственниками жертв, или же что-то, что может осознать зритель, посмотрев передачу.

К Баллард вернулся ее скептицизм.

— Вы имеете в виду связь, которая может быть между жертвами? Помимо машин? Мы же обсудили, что проблема в том...

— Возможно, и не связь как таковую. Цель Ким — как она сама ее сформулировала — состоит в том, чтобы показать влияние убийства на тех, кто выжил. Возможно, в нынешней жизни родственников жертв есть что-то такое, что убийца хотел бы скрыть ото всех — что-то, что могло бы помочь его разоблачить.

Траут зевнул.

Если бы он не зевнул, Гурни, возможно, и не почувствовал бы желания добавить:

— А возможно, это убийство, вместе с объяснительным посланием — попытка укрепить всех в устоявшемся мнении о Добром Пастыре. Возможно, он пытается исключить всякую вероятность проведения того расследования, которое нужно было провести еще в самом начале.

Глаза Траута запылали яростью.

— Да откуда вы, черт возьми, знаете, что нужно было делать тогда?

— Ясно одно: вы стали рассматривать это дело именно так, как хотел Добрый Пастыр, и поступали соответствующе.

Траут резко встал.

— Лейтенант Баллард, с этого момента дело переходит в федеральное ведение. Весь этот хаос и идиотские теории, которые вы тут поощряете, не оставляют мне выбора. — Он указал на Гурни. — Этот человек здесь по вашему приглашению. Он не занимает никакой официальной должности. Он неоднократно выказывал вопиющее неуважение к нашему бюро. Вполне вероятно, он окажется подозреваемым в деле о поджоге. Кроме того, не исключено, что он имел незаконный доступ к материалам ФБР и БКР. Он был ранен в голову и, вероятно, получил физические и психические травмы, которые могут исказить его восприятие и суждения. Я отказываюсь тратить время и обсуждать что-либо с ним или в его присутствии. Я поговорю с вашим майором Форбсом о пересмотре следственных полномочий.

Дейкер тоже встал. Он явно испытывал удовлетворение.

— Мне жаль, что вы так это восприняли, — спокойно сказала Баллард. — Когда я предлагала изложить противоположные позиции, я

хотела увидеть их сильные и слабые стороны. Вы не думаете, что я достигла цели?

— Мы попусту потеряли время.

— Траут прославится, — угрюмо усмехнулся Гурни. Все обернулись к нему. — Он войдет в историю ФБР как единственный специальный агент, который дважды брался за одно дело и дважды умудрился его провалить.

Не было ни прощаний, ни рукопожатий.

Уже через полминуты Гурни и Баллард остались в зале одни.

— Насколько вы уверены? — спросила она. — Насколько вы уверены, что вы правы, а все остальные — нет?

— Процентом на девяносто пять.

И только когда он произнес эти слова, его пронзило страшное сомнение. Быть на девяносто пять процентов уверенным в чем-либо в такой запутанной ситуации — это что-то маниакальное.

Он собирался было спросить Баллард, когда, по ее мнению, следствие перейдет под контроль ФБР, как вдруг в дверях появился Клефф. Глаза его были вытаращены от сознания срочного дела, какое бывает лишь у молодых копов.

Баллард посмотрела на него.

— Да, Энди?

— Новое убийство. Эрик Стоун. Прямо перед входной дверью. Ножом для колки льда в сердце. На губах пластмассовая зебра.

Глава 37

Сам поубивал бы

— Боже! — вздрогнула Мадлен. — Кто его обнаружил?

Она стояла у раковины, держа в руках капающий дуршлаг с лапшой. Гурни сидел на высоком табурете напротив. Он рассказывал о тяжелых моментах, о трудностях и конфликтах этого дня. Такие рассказы никогда не давались ему легко. Он винил в этом гены. Его отец никогда не умел признаваться, что его что-то задело, что он чувствует страх, злость или растерянность. «Слово — серебро, а молчание — золото», — была его любимая поговорка. Вплоть до старших классов Гурни считал, что это и есть «золотое правило» морали.

И до сих пор его первым побуждением было промолчать о том, что он чувствует. Но в последнее время он стал пытаться противостоять этой привычке. Пережитое ранение сделало его особенно уязвимым к стрессу,

но он обнаружил, что как будто становится легче, если поделиться мыслями и чувствами с Мадлен, — вроде напряжение спадает.

Поэтому он сидел на табурете рядом у раковины и, чувствуя неловкость, рассказывал о встречах и злоключениях прошедшего дня — и по мере сил отвечал на вопросы.

— Его нашла покупательница. Стоун зарабатывал на жизнь, выпекая печенье для местных лавочек и мини-отелей. Хозяйка одной из гостиниц пришла забрать свой заказ. Имбирное печенье. Она заметила, что парадная дверь приоткрыта. На стук Стоун не ответил, и тогда она открыла сама. А там он. Прямо как Рут Блум. Лежит на спине в прихожей. И под грудиной воткнут ножик для колки льда.

— Боже, какой ужас! И что она сделала?

— Очевидно, позвонила в полицию.

Мадлен медленно покачала головой, потом поморгала, с удивлением обнаружив, что все еще держит в руках дуршлаг. Откинула дымящуюся лапшу на блюдо.

— Так и закончился твой день в Саспарилье?

— В общем, да.

Мадлен подошла к плите и взяла сковороду, в которой тушила порезанную спаржу с грибами. Она вылила эту смесь в блюдо с лапшой и поставила в раковину пустую сковороду.

— А твой конфликт с этим Траутом — он тебя сильно тревожит?

— Сам не знаю.

— Он, похоже, осёл и лезет, куда не просят.

— Это уж точно.

— Но ты боишься, что этот осел еще и опасен?

— Можно сказать и так.

Она поставила лапшу со спаржей и грибами на стол, достала тарелки и приборы.

— На ужин только это. Если хочешь мяса, в холодильнике есть фрикадельки.

— Все отлично.

— Фрикаделек много, так что если...

— Правда же, все отлично. Замечательно. Кстати, я забыл сказать, что предложил Кайлу и Ким приехать к нам на пару дней.

— Когда?

— Сейчас. Сегодня вечером.

— Я имела в виду, когда ты это предложил?

— Я позвонил им по дороге из Саспарильи. Раз они получили это

письмо по почте, значит, отправитель знает, где живет Кайл. Я подумал, что будет безопаснее...

Мадлен нахмурилась.

— «Отправитель» знает и где живем мы.

— Просто... кажется, лучше чтобы они были здесь. Вместе мы, вроде как... сила?

Несколько минут они ели молча.

Потом Мадлен отложила вилку и слегка отодвинула от себя тарелку.

Гурни поглядел на нее.

— Что-то не так?

— «Что-то не так?» — Она недоверчиво посмотрела на него. — Ты всерьез это спрашиваешь?

— Нет, я просто... Господи, сам не знаю, что я имел в виду.

— Кажется, ад разверзся, — сказала она. — Почти буквально.

— С этим не поспоришь.

— Так какой у тебя план?

Она задавала ему тот же вопрос, когда у них сожгли амбар. Сейчас этот вопрос встревожил его больше, потому что ситуация стремительно ухудшилась. Люди умирали, пронзенные в сердце ножом для льда. ФБР, казалось, было озабочено скорее тем, чтобы его очернить и запугать, чтобы обезопасить себя, а не выяснить правду. Холденфилд тоже его подставила: подбросила Трауту боеприпасов про «ранение в голову» и «психические травмы». Баллард пока почти союзник, но Гурни знал, как недолговечен такой союз — она может решить, что в ее интересах мир с Траутом...

Но это не все. За всеми этими чудовищными подробностями и конкретными угрозами чувствовалось все более быстрое приближение зла, безликого рока, нависшего над ним, над Ким, над Кайлом, над Мадлен. Дьявол, которого ему в подвале велели не будить, проснулся и бродил по земле. А единственный «план», который был у Гурни, — продолжать всматриваться в кусочки пазла, пытаться сложить ускользающую картину, продолжать попытки развалить фэбээровский карточный домик, пока не развалится сам или пока защитники домика не согласятся его снести.

— У меня нет плана, — сказал он. — Но, если у тебя есть время, я хочу кое-что тебе показать.

Она посмотрела на большие настенные часы.

— У меня есть около часа, может, чуть меньше. У нас в клинике опять совещание. Что ты хочешь мне показать?

Гурни отвел Мадлен в комнату и, пока скачивался видеофайл, присланный Ким, рассказал то небольшое, что знал об интервью с Джими

Брюстером.

Они уселись в креслах перед экраном.

Видео началось с кадров, снятых, похоже, с пассажирского места в машине Ким, когда она подъезжала к торчащему из сугроба дорожному указателю «Тёрнуэл». Так называлась практически пустая деревня в северных Катскильских горах, где Джими Брюстер забирал свою почту.

Сам же он, как выяснилось, проживал выше в горах, в стороне от деревни — унылой кучки ветхих домов и заброшенных магазинов. Казалось, жизнь здесь еще теплится только в баре с заляпанным окном, на заправке с одной колонкой и в блочном здании почты размером с частный гараж.

Машина Ким — а с ней и зрители — поехали дальше по раздолбанной дороге между сугробами, за которыми виднелись другие ветхие домики и деревья, с виду скорее засохшие, чем сбросившие листву на зиму. Гурни смотрел на все это и поражался, насколько эта местность отличается от Уильямстауна, где жил отец Джими. Как обратная сторона луны. Он гадал, намеренно ли сын выбрал для жизни место, столь непохожее в культурном и эстетическом плане на городок отца.

Этот вопрос мучил его все больше по мере просмотра.

Как и другой вопрос: кто снимал это видео? Вероятно, Робби Миз, значит, они ездили к Джими Брюстеру еще до разрыва.

Машина остановилась у маленького домика справа. Домик и унылые владения вокруг олицетворяли собой нарочитое презрение ко всему внешнему. Ничто в доме, от столбов, которые поддерживали провисшую крышу над покосившимся крыльцом, до двери пристройки, не стояло и не лежало под прямым углом. По опыту Гурни, такое явное пренебрежение прямыми углами обычно бывало симптомом бедности, болезни, депрессии или ментального расстройства.

Человек, открывший обшарпанную «парадную» дверь, был худым и нервным на вид, глаза его бегали. На нем были черные джинсы и рыжеватая футболка — в цвет коротко стриженных волос и бороды.

Если двадцать лет назад он был на первом курсе колледжа, значит, теперь ему было не меньше тридцати семи, но выглядел он на десять лет моложе. На футболке красовалась надпись крупными буквами: «не верь ничему», что дополняло образ недавнего подростка.

— Входите, — сказал он, и нетерпеливо замахал им, чтобы шевелились. — Колотун дикий.

Камера проследовала за ним в дом. На спине у него было написано: «власть — отстой».

Внутри дом оказался столь же неудобным, как и снаружи. Мебели в маленькой гостиной было минимум, и та вся обшарпанная. У одной стены стоял выцветший диванчик, у другой — маленький прямоугольный стол и три складных стула.

По обеим сторонам от дивана было по закрытой двери. В дверном проеме в конце комнаты виднелась кухня. Основным источником света было широкое окно над столом.

Камера двигалась по этой тесной комнатухе. Послышался голос Ким: «Робби, выключи, пока мы не начнем». Но камера не выключилась: теперь она была направлена на худощавого рыжеволосого хозяина, беспокойно переминающегося с ноги на ногу. Трудно было сказать, улыбается он или корчит рожу.

— Робби. Выключи. Пожалуйста. Камеру. — Несмотря на настойчивый тон Ким, запись продлилась еще не меньше десяти секунд, и лишь затем экран погас.

Когда на экране вновь возникло изображение, Ким и Джими Брюстер сидели за столом напротив друг друга. То, под каким углом велась съемка, наводило на мысль, что Миз снимал, сидя на диване.

— Ну что ж, — сказала Ким с тем энтузиазмом, который Гурни заметил в ней еще в первый день их встречи. — Перейдем к делу. Я еще раз хочу поблагодарить вас, Джими, за согласие участвовать в этом проекте. Кстати, как лучше к вам обращаться: Джими или мистер Брюстер?

Он тряхнул головой — коротко и резко.

— Неважно. Как хотите, — и отрывисто забарабанил пальцами по столу.

— Хорошо. Если для вас это не принципиально, я буду называть вас Джими. — Как я уже объяснила вам, когда камера была выключена, этот разговор — предварительное обсуждение некоторых вопросов, о которых мы еще поговорим в более формальной...

Он вдруг перестал барабанить по столу и перебил ее:

— Вы думаете, это я его убил?

— Простите?

— Все тайком об этом гадают.

— Простите, Джими, но я не...

Он снова перебил:

— Но если бы я убил его, я должен был убить и всех остальных. Потому они меня и не арестовывают. У меня алиби на первых четверых.

— Я не знаю, что сказать, Джими. У меня и мысли не было, что вы убили...

— Жаль, что не убил.

Ким ошарашенно замолчала.

— Вы жалеете... что не убили своего отца?

— И всех остальных. Как, по-вашему, я похож на Доброго Пастыря?

— Что?

— Как вы себе представляете Доброго Пастыря?

— Я... я никогда его себе не представляла.

Брюстер снова забарабанил по столу.

— Потому что он делал свои дела в темноте?

— В темноте? Нет, я просто... Я просто никогда его себе не представляла, не знаю почему.

— Вы думаете, он чудовище?

— Внешне?

— Внешне, внутренне, в духовном плане — какая разница, как угодно. Вы думаете, он чудовище?

— Он убил шестерых человек.

— Шестерых чудовищ. Выходит, он герой, да?

— Почему вы считаете, что все его жертвы были чудовищами?

Во время этого диалога камера все приближалась, постепенно и настойчиво, словно незванный гость на цыпочках. Казалось, скоро будут видны мельчайшие морщинки на их лицах.

У Джими Брюстера дрожали веки, хотя он и не моргал.

— Все просто. Если ты можешь вышвырнуть сто тысяч баксов за тачку — за гребаную тачку! — то ты злобный кусок дерьма.

Голос у него был гневный, взволнованный и — как все в его облике — словно бы не подходил ему по возрасту. Он казался участником школьного шахматного клуба, а не человеком под сорок.

— Кусок дерьма? Так вы называете своего отца?

— Великого хирурга? Долбаного говнюка, гребущего деньги лопатой?

— Вашего отца. Вы ненавидите его так же, как и тогда?

— А моя мать, что, живет, чем тогда?

— Простите?

— Моя мать покончила с собой, наглотавшись снотворного, которое прописал ей он. Гениальный хирург. Которому взорвали гениальную башку. Знаете что? Когда мне позвонили, я трижды попросил их это повторить. Они думали, у меня шок. А это был не шок. Чистая радость. Я не мог поверить, что не сплю. Я хотел, чтобы мне повторяли это снова и снова. Это был счастливейший день в моей жизни.

Брюстер умолк и уставился на Ким. На лице его был написан восторг.

— Ага! — вскричал он. — Я вижу по глазам!

— Что видите?

— Большой вопрос.

— Какой вопрос?

— Им все задаются: а вдруг Джими Брюстер и есть Добрый Пастырь?

— Как я уже сказала, мне такое никогда не приходило в голову.

— А теперь пришло. Не врите. Вы думаете, откуда такая ненависть. Может, с такой ненавистью он и прикончил шестерых говнюков?

— Вы сказали, что у вас есть алиби. Раз у вас алиби...

Он перебил ее.

— Вы верите, что некоторые люди физически могут быть в одном месте, а духом — в другом?

— Я... я вас не совсем понимаю.

— Говорят, индийских йогов видели в двух местах одновременно. Возможно, время и пространство устроены не так, как мы думаем. Я словно бы здесь, а одновременно — где-то еще.

— Простите, Джими, я не...

— Каждую ночь в своем воображении я езжу по темным дорогам, высматривая гениальных врачей — любителей лекарств, бездушных говнюков — нахожу блестящую тачку и целюсь им между виском и ухом. Потом спускаю курок. Вспышка света с небес — белого света истины и смерти — и полбашки снесено на хер.

Теперь он барабанил по столу оживленнее и громче.

Камера взяла его лицо крупным планом. Он безумным взглядом смотрел на Ким, закусив губу, словно бы ожидая ее реакции. Камера опять показала их обоих.

Вместо ответа Ким сделала глубокий вдох и сменила тему.

— Вы учились в колледже?

Он разочарованно отпрянул:

— Да.

— Где?

— В Дартмуте.

— Какая у вас была специализация?

То ли рот его дернулся, то ли он улыбнулся:

— Основы медицины.

— Как странно.

— Почему?

— После всего, что вы сказали про своего отца, я не ожидала, что вы последуете по его стопам.

— Я и не последовал. — На этот раз рот дернулся в улыбке, хоть и недружелюбной. — Я бросил колледж за месяц до выпуска.

Ким нахмурилась.

— Просто чтобы его расстроить?

— Чтобы проверить, знает ли он о моем существовании.

— Он знал?

— Не особо. Сказал, что глупо было бросать. Как сказал бы, что глупо не закрывать окно машины в дождь. Даже не рассердился. Ему не было до меня дела, зачем сердиться. Он всегда был чертовски спокоен. Видели бы вы, как чертовски спокоен он был на маминых похоронах.

— Вы так и не окончили колледж, потратив на обучение много его денег. Это его тоже не заботило?

— Он по пять дней в неделю проводил в операционной, по восемь часов в день. Этот сукин сын мог за две недели заработать мне на четыре года в Дартмуте. Моя комната, питание и обучение были для него гребаной пылинкой. Как и моя мама. Как и я сам. Тачки заботили его больше, чем мы.

Ким молчала. Она скрестила пальцы в замок и поднесла их к губам, словно борясь с каким-то сильным чувством. Молчание затягивалось. Наконец она откашлялась.

— Как вы живете?

Он издал резкий смешок:

— А как все живут?

— Я имела в виду, чем вы зарабатываете на жизнь?

— Вы сейчас иронизируете?

— Я вас не понимаю.

— Вы думаете, я живу на деньги, которые он мне оставил. Вы думаете, что те деньги, которые я якобы ненавижу, меня кормят. Вы думаете: «Какой мерзкий лицемер!» Вы думаете, я такой же, как он, и на самом деле мне нужно только бабло.

— Я ничего такого не думаю. Я просто спросила.

Он издал еще один резкий смешок.

— Репортер — и просто спросила? Это как черт с добрым сердцем. Или как хирург с душой. Да. Конечно. Просто спросила.

— Думайте, что хотите, Джими. Вы можете мне ответить?

— Ага. Теперь я вижу, что вам надо. Вам надо знать, как мы все устроились. В плане наследства. Сколько мы получили? Вам ведь этого надо?

— Мне нужно все, что вы захотите мне сказать.

— То есть что я захочу сказать вам про деньги. Ведь именно это интересует ваших гребаных телезрителей. Финансовая порнография. Хорошо. Отлично. Поговорим о бабках. Жестче всех попал бухгалтер: все досталось его сестрице, у нее ж детки ненормальные. Еще был горе-пекарь — этот унаследовал мамочкины долги. Няшка жена юриста неплохо устроилась: ей досталась пара-тройка миллионов, так как у мужа было до хренищи разных страховок. Таким вот дерьмом они и делились на своей группе поддержки. Вам это дерьмо и нужно?

— Мне нужно все, что вы захотите мне сказать.

— Ах, ну да. Отлично. Ларри Стерну досталась от папаши-дантиста фабрика красоты, которая, я уверен, приносит миллионы. Роберта, жуткая тетка с жуткими псами, получила многомиллионный сортирный бизнес папаши-потаскуна. Ну и я, конечно. Когда мой загребуший папаша схлопотал пулю, у него был брокерский счет в «Фиделити-инвестментс» на двенадцать лямов с хвостиком. И если вашим телезрителям-правдолюбам нужны последние новости, теперь этот счет оформлен на меня и на нем около семнадцати миллионов. Что, конечно же, порождает вопросы. «Если у сына Брюстера такая адова туча денег, почему он живет в этой вонючей дыре?» Ответ прост. Догадаетесь сами?

— Нет, Джими, не догадаюсь.

— Догадались бы, если б подумали, но так и быть, скажу. Я сберегаю все до цента, чтобы отдать Доброму Пастырю, если его когда-нибудь поймают.

— Вы хотите отдать деньги вашего отца его убийце?

— Каждый гребаный цент. Неплохой бюджет на адвокатов, правда?

Глава 38

Душитель из Уайт-Маунтин

Видео продолжалось еще десять или пятнадцать минут, но ничего столь же впечатляющего, как слова о судьбе наследства доктора Джеймса Брюстера, сказано не было. Они вкратце обсудили нынешний источник дохода Джими — небольшую фирму, занимающуюся веб-дизайном и электронным консалтингом, — затем интервью постепенно сошло на нет. В конце Ким с серьезным выражением лица попрощалась с Джими и пообещала, что скоро снова с ним свяжется.

— Боже, — произнес Гурни, выключив компьютер и откинувшись в кресле.

Мадлен вздохнула.

— Такое сильное чувство вины.

Гурни с удивлением посмотрел на нее.

— Вины?

— Он ненавидел своего отца, вероятно, желал ему смерти. Возможно, желал даже, чтобы его убили. А потом его и правда убили. И от этого никуда не деться.

— Даже если он тут ни при чем... — Гурни размышлял вслух.

— Но он при чем. Его мечты стали явью, и никуда не деться от того, что это были его мечты. Он получил то, что хотел.

— В этом видео я увидел скорее гнев, чем вину.

— Гнев переживать не так больно, как вину.

— А можно выбрать?

Мадлен посмотрела на него долгим взглядом и только потом ответила:

— Если сфокусироваться на том, что твой отец вел себя ужасно и заслужил смерть, тогда можно застрять в своем гневе и не чувствовать вины за то, что желал ему этой смерти.

У Гурни возникло неприятное чувство, что она говорит не только о Джими Брюстере, но и о его собственных трудных отношениях с отцом, который в детстве его не замечал и которого он сам перестал замечать, когда вырос. Но это была такая проблемная область, что ему не хотелось в нее углубляться. В этих отцовско-сыновьих отношениях того и гляди завязнешь, как в болоте.

В самом деле, фокус — всему голова. А новые вопросы требовали новых действий. И он пошел на кухню за телефоном.

Он переслал видео лейтенанту Баллард еще во время ланча. Наверняка она не сдержала любопытства и уже его посмотрела. Странно, что она не позвонила, чтобы его обсудить. Или не странно, учитывая напряженность ситуации. И неустойчивость симпатий и предпочтений. Наверное, стоит ей позвонить — проверить, не переменился ли ветер. Хотя, возможно, разумнее подождать, пока она не позвонит сама.

От необходимости делать выбор его избавил взгляд в окно: на холме, за руинами амбара, показалась красная «миата» Ким, а за ней — мотоцикл Кайла.

Когда они подъезжали к дому, «миата» с грохотом провалилась колесом в сурковую норку. Но когда Ким припарковалась и вышла из машины, по ее лицу было понятно, что это происшествие ее не волнует. В выражении ее глаз и напряженных губ читалась тревога — и тревожила ее явно не задняя ось. Та же тревога чувствовалась в том, как мрачно, с

подчеркнутой тщательностью Кайл устанавливал мотоцикл на подножку.

Ким подошла к Гурни и закусила губу, словно силясь не заплакать.

— Простите, что я так разнылась.

— Все в порядке.

— Я не понимаю, что происходит. — Она была похожа на испуганного ребенка, пытающегося найти оправдание проступку, который тяжело осознать.

Кайл стоял у нее за спиной: его собственное беспокойство таилось в плотно сжатых губах.

Гурни улыбнулся — насколько мог, тепло:

— Пойдемте в дом.

Когда они вошли в кухню из прихожей, с другой стороны вошла Мадлен. На ней был, как сказал бы Гурни, «костюм для клиники» — темно-коричневые брюки и бежевый пиджак — образ гораздо более строгий и официальный, чем обычно, без кислотных тонов.

Она слегка улыбнулась Ким и Кайлу.

— Если вы голодные, покопайтесь в холодильнике и в кладовке.

Она подошла к буфету и взяла большую сумку, с которой обычно ходила. На сумке был изображен симпатичный козлик, а вокруг него надпись: «Поддержим местных фермеров».

— Я вернусь через два часа, — сказала она, уходя.

— Осторожнее там, — отозвался Гурни ей вслед.

Затем посмотрел на Ким и Кайла. Видно было, что они устали, взвинчены и напуганы.

— Как он узнал? — очевидно, этот вопрос так мучил Ким, что ей не пришло в голову сформулировать его яснее.

— В смысле как Добрый Пастырь узнал, что тебе можно послать письмо на адрес Кайла?

Она торопливо кивнула.

— Я не могу думать о том, как он следил за нами, шел по следу. Это слишком жутко. — Она потеряла руки, словно пытаясь согреться.

— Не более жутко, чем та аудиозапись, или капли крови на кухне, или нож в подвале.

— Но это все Робби... Придурок Робби... А здесь... убийца... он убил Рути... и Эрика... ножами для льда! Господи... Неужели он убьет всех, с кем я беседовала?

— Надеюсь, что нет. Но сейчас не мешало затопить печку. Когда солнце садится, здесь становится совсем холодно.

— Я разожгу, — сказал Кайл, очевидно, отчаянно желавший сделать

что-нибудь полезное.

— Спасибо. Ким, почему бы тебе не сесть в кресло у печки и не постараться успокоиться? Там есть шерстяное одеяло. А я сделаю нам всем кофе.

Через десять минут Гурни, Ким и Кайл сидели у печки. Успокаивающий запах вишневых поленьев, красновато-желтые всполохи огня в железной печурке и дымящиеся кружки с кофе в руках придавали уверенности, словно намекали, что и у хаоса пожалуй есть границы.

— Я почти уверен, что по дороге в город нас никто не преследовал, — сказал Кайл. — И точно знаю, что никто не ехал за нами сегодня.

— Откуда ты знаешь? — казалось, Ким не столько хотела поспорить, сколько надеялась, что ее убедят.

— Я все время ехал за тобой, иногда совсем близко, иногда на каком-то расстоянии. И наблюдал. Если бы нас кто-нибудь преследовал, я бы его увидел. А когда в Роскоу мы съехали с семнадцатого шоссе, на дороге вообще не было никакого транспорта.

Это объяснение лишь слегка успокоило Ким. В голове у Гурни, впрочем, возникли другие объяснения, но о них он предпочел промолчать, по крайней мере пока, иначе Ким стало бы только хуже.

— Вы упомянули Робби Миза, — сказал Гурни. — Я тут подумал... он много общался с Джими Брюстером?

— Не очень.

— Это он снимал видео, которое вы мне переслали?

— Он, но оказалось, что Робби и Джими — это плохое сочетание. Тут и стало понятно, что Робби неадекватен.

— То есть?

— Чем больше Робби общался с участниками моего проекта, тем больше он жаждал их одобрения. Тогда я впервые увидела в нем эту сторону. Увидела, какой он подлиза, как жаден до денег. Я думаю, Джими тоже это разглядел. А как раз это он и ненавидел.

— К кому Робби подлизывался?

— Да практически ко всем. К Эрику Стоуну, пока не обнаружил, что все имущество Эрика перезаложено втриморога. Потом к Рути — она была уязвима, а денег у нее было достаточно. — Ким покачала головой. — Такой липкий маленький мерзавец, и так хорошо это скрывал первые несколько месяцев.

Гурни ждал. Она глубоко вздохнула и продолжила:

— Еще была Роберта — сантехника отца приносит ей море денег. Ее

уязвимой не назовешь, скорее грозной, но Робби все равно ей названивал. А еще Ларри, тоже богач, благодаря своей косметической стоматологии. Но Ларри, я думаю, видел Робби насквозь, видел, как он жаждет внимания, возможно, даже жалел его. Но зачем об этом говорить? Это не Робби убил Рути и Эрика. Он на такое не способен. Он мерзавец, но не такого рода. Так что какая разница?

У Гурни не было ответа, но от необходимости отвечать его избавил звонок мобильного. Должно быть, подумал он, лейтенант Баллард звонит поделиться впечатлением от интервью с Брюстером. Гурни поглядел на экран: Хардвик.

— Дэйви, малыш, если ты еще не в курсе, ты в феерической жопе.

— На меня кто-то пожаловался?

— Пожаловался? Ну если пришить тяжкое преступление и отдать на растерзание уголовному суду — это пожаловаться, то да, пожаловался.

— Трауту не дает покоя мой амбар?

— Официально это дело ведет отделение БКР по поджогам, но ФБР им очень интересуется. Предлагает всяческую помощь в расследовании твоих финансовых обстоятельств: вдруг ты в затруднительном положении и тебе кстати пришлось бы страховые деньги? Мало ли — проигрался, или проблемы с кредитом, или со здоровьем, или что в личной жизни.

— Подонок, — отозвался Гурни, большими шагами ходя вокруг стола.

— А хрен ли ты думал? Угрожаешь спустить с него штаны на людях, а он, думаешь, ноль реакции?

— Меня поразила не его реакция. А то, как мало остается времени.

— Раз уж зашла речь, то скоро ты уже обнаружишь свою сокровенную истину или так и будешь всех троллить?

— Ты так говоришь, как будто я ищу в этом деле того, чего там нет.

— Нет, не говорю. Просто спрашиваю, приблизился ли ты к разгадке, какой бы она ни была.

— Это я пойму, только когда узнаю разгадку. Кстати, а что ты знаешь о душители из Уайт-Маунтин?

Хардвик немного помолчал.

— Это старая история, да? Пятнадцать лет назад? В Нью-Гэмпшире?

— Скорее даже двадцать лет назад. В Хановере и окрестностях.

— Ага. Что-то припоминаю. Пять или шесть женщин задушены шелковым шарфом за небольшой промежуток времени. А зачем тебе это?

— Одна из жертв душителя была девушкой сына одной из жертв Доброго Пастыря. Училась на выпускном курсе в Дартмуте. И так получилось, что сын другой жертвы Доброго Пастыря тогда учился на

первом курсе.

— Э... Девушка... сына... жертвы... старшекурсница... первокурсник?.. О ком мы говорим-то?

— Старшекурсницу из Дартмута, по совпадению девушку Ларри Стерна, задушил маньяк, а Джими Брюстер учился в это время там же на первом курсе.

Снова повисло молчание. Гурни почти уже видел, как мигает калькулятор в голове Хардвика. Наконец Хардвик откашлялся.

— То есть ты предлагаешь мне увидеть в этом смысл? Какой на хрен смысл? Есть две семьи на северо-востоке, в каждой в двухтысячном году кого-то застрелил Пастырь. И так получилось, что за десять лет до того, в девяностом году, сын одного из убитых учился в одном из университетов Лиги плюща, когда девушку сына другого убитого задушил маньяк. Я согласен, тут есть что-то странное, но, по-моему, совпадения часто кажутся странными. Я не вижу тут никакого смысла. Ты что, думаешь, что Джими Брюстер и был душителем из Уайт-Маунтин?

— У меня нет причин так думать. Но просто на всякий случай: не мог бы ты проверить базы Информационной службы, если они еще доступны, и раскопать основные факты?

— Какого рода?

— Прежде всего *modus operandi*, профили жертв, какие-то зацепки, все, что каким-то образом связано с Брюстером.

— Например?

— Ну для начала нас интересует следователь, который вел дело, и возникало ли в расследовании хоть раз имя Брюстера.

Вновь повисло молчание — на этот раз самое долгое.

— Ты меня слышишь, Джек?

— Слышу. И думаю, какой геморрой эти твои маленькие просьбы.

— Я знаю.

— Ты вообще видишь свет в конце тоннеля?

— Я уже сказал, у меня очень мало времени. Так что конец тоннеля я вижу. Вопрос, что там в конце. У меня есть, наверное, еще день.

— Чтобы что?

— Чтобы все распутать. Или это дело меня окончательно раздавит.

Хардвик опять замолчал, но уже не так надолго. Потом чихнул и высморкался.

— Дело Доброго Пастыря не раскрыли за десять лет. Ты собираешься раскрыть его за сутки?

— Думаю, у меня нет выбора. Кстати, Джими Брюстер сказал Ким, что

в деле Доброго Пастыря у него алиби. Ты случайно не помнишь какое?

Хардвик снова высморкался.

— Такое не забудешь. Когда убили Брюстера, нашему отделению в последний раз пришлось доставлять оповещение о смерти. Доктора застрелили в Массачусетсе, но сын его жил здесь, поэтому мы и занялись оповещением, а потом пришло ФБР и взяло расследование в свои руки.

— И что там трудно забыть?

— Что алиби Джими было больше похоже на мотив, по крайней мере в случае с его отцом. Джими тогда сидел под арестом, его взяли с ЛСД, а выйти под залог он не мог — отец отказался ему помогать, пусть, мол, посидит пару недель. В итоге залог внесла бывшая девушка Джими, и он вышел из тюрьмы — пылая от ярости — где-то за три часа до убийства отца.

— Он проходил подозреваемым?

— По-настоящему нет. Медэкспертиза показала, что доктора Брюстера убили в точности так же, как остальных. А Джими не мог скопировать детали убийства, потому что на тот момент они еще не были обнародованы.

— Значит, Джими сбрасываем со счетов.

— Похоже, что да. Даже жаль. Он так подходит под твоё описание из списка.

— Под какое?

— Ты там спрашиваешь, все ли жертвы Доброго Пастыря были одинаково важны. Так вот, если бы Джими мог убить их всех, то по-настоящему важен для него был бы только отец, другие люди попали бы под горячую руку — они ездили на таких же машинах, как его отец, что делало их для его извращенного ума столь же презренными, столь же достойными расправы. Жертвы-двойники. Виновные в том, что ассоциируются с отцом. — Он замолчал. — Да ну на хрен. Что это я. Очередное психоблудие.

Глава 39

Кровь и тени

Мадлен вернулась с собрания в клинике выжатая как лимон, возмущенная и вся в своих мыслях. Обронив пару замечаний о том, какое зло бюрократия, она направилась в спальню с «Войной и миром» под мышкой.

Вскоре Ким сказала, что хочет как следует отдохнуть перед встречей с

Руди Гетцем, отклонялась и тоже пошла к себе.

Следом за ней ушел и Кайл.

Когда Гурни услышал, как Мадлен выключает ночник, он закрыл заслонку печи, проверил, заперты ли окна и двери, вымыл несколько стаканов, которые нашел в раковине, и, поняв, что зевает, тоже решил лечь.

Но он был так измотан и перевозбужден, что сон никак не шел. Гурни добился лишь того, что в голове стали кружиться бесчисленные детали дела Доброго Пастыря, вне всякой связи с реальностью.

Ноги у него мерзли и одновременно потели. Гурни хотел было надеть теплые носки, но так и не заставил себя вылезти из кровати. Он понуро глядел в большое незанавешенное окно спальни и вдруг заметил, что в серебряном свете луны пастбище фосфорисцирует, как дохлая рыба.

Не в силах прогнать беспокойство, он встал и оделся. Затем вышел из спальни и уселся в кресле у печки. Печка, по крайней мере, грела, и это было приятно. На решетке тлели красные угольки. Сидя он как будто лучше структурировал мысли: в таком положении лучше думалось.

Что он знал наверняка?

Что Добрый Пастырь умен, невозмутим перед лицом опасности и склонен максимально избегать риска. Его план всегда продуман, исполнение безупречно. Человеческая жизнь ничего для него не значит. Он непреклонен в своем желании не допустить «Осиротевших» на экраны. И одинаково ловко управляет с огромным пистолетом и с ножичком для колки льда.

Гурни решил сосредоточиться на стремлении избегать риска. Может быть, здесь собака и зарыта? Это стремление обнаруживало себя во множестве деталей. Например, в том, как тщательно преступник выбирал идеальное место для нападения, особенно левые повороты, чтобы избежать столкновения после выстрела, как избавлялся от каждого пистолета после использования, как выбрал место для стоянки перед убийством Рут, руководствуясь безопасностью, а не удобством, сколько времени и сил потратил, чтобы запутать следы, начиная от манифеста и кончая постом на странице Рут.

Этот человек решил обезопасить себя любой ценой.

Ценой времени, денег и человеческих жизней.

Тут вставал интересный вопрос: какие еще техники он использовал, чтобы обезопасить себя и уменьшить риск? Помимо тех, которые уже известны? Иначе говоря, с какими еще рисками он сталкивался и как именно старался себя обезопасить?

Нужно было представить себя в шкуре Доброго Пастыря.

Гурни задумался: о чем бы он беспокоился, если бы собирался застрелить кого-то ночью в машине на безлюдной дороге? В голову сразу пришло: а вдруг он промахнется? И если предполагаемая жертва случайно разглядит номер его машины? Возможно, и не разглядит, но такая вероятность обеспокоила бы преступника, не желающего рисковать.

Профессиональные уголовники часто пользовались машинами в угоне, но держать у себя угнанную машину и ездить на ней три недели, когда об угоне уже давно заявили и она внесена в полицейские базы, — стратегия совсем не безопасная. С другой стороны, каждый раз угонять новую машину — тоже подставляться. Такой сценарий не понравился бы Доброму Пастырю.

Так что бы он сделал?

Возможно, частично залепил бы грязью номерной знак? Это, конечно, нарушение, но риск от него был очень мал по сравнению с тем риском, которого оно позволяло избежать.

О чем еще мог беспокоиться Добрый Пастырь?

Гурни вдруг осознал, что смотрит на угольки в печи, не в силах сосредоточиться. Он встал с кресла, зажег торшер и пошел сделать себе кофе. Он уже давно понял, что решить проблему можно только одним способом — отвлечься на что-нибудь другое. Тогда мозг, не чувствуя лишнего давления, зачастую сам находит разгадку. Как сказал некогда его сосед, коренной делавэрец: «Собака не поймает кролика, пока не спустишь ее с поводка».

Значит, надо заняться чем-то новым. Или забытым старым.

Например, ему стало не по себе, когда Кайл уверял, что никто не следовал за ним и Ким ни в город, ни на обратном пути. Тогда Гурни решил промолчать, но этот вопрос его тревожил, и теперь пришло время разобраться. Он вынул из ящика буфета три фонарика, включил по очереди каждый и выбрал тот, у которого батарейки были свежее. Потом пошел в прихожую, надел заляпанную краской рабочую куртку, зажег свет над боковой дверью и вышел на улицу.

На улице было не то что прохладно — холодно. По мерзлой траве он подошел к машине Ким и проверил дорожный просвет. Тот оказался маловат для того, что задумал Гурни, и он вернулся в дом за ключами.

Ключи нашлись в сумочке Ким на кофейном столике у печки.

Гурни снова вышел на улицу, пошел в гараж для трактора и достал пару небольших металлических пандусов, которые использовал для замены лезвий на косилке. Он установил пандусы перед колесами «миаты», въехал

на них, так что передний край машины оказался приподнят еще на восемь дюймов, и дернул ручник. Затем он снова лег на мерзлую траву и осветил днище приподнятой машины фонариком.

Вскоре его подозрение и опасение подтвердилось: к передней части рамы магнитом была прикреплена черная металлическая коробочка размером не больше пачки сигарет. Из коробочки к аккумулятору «миаты» тянулся провод.

Гурни вылез из-под машины, съехал с пандуса, вернулся в дом и вернул ключи Ким в сумочку.

Он задумался. Не то чтобы GPS-маячок, позволяющий следить за перемещением «миаты», кардинально менял дело, но все-таки это была новость. А еще нужно было решить, оставлять его на месте или нет.

Он начал взвешивать за и против, а в голове тем временем теснились другие вопросы. Гурни решил хоть на время избавиться от них, взял телефон и позвонил.

Было уже полдвенадцатого: мало шансов, что Хардвик возьмет трубку, но Гурни мог оставить сообщение и тем самым разгрузить мозг. Как он и ожидал, ответил только автоответчик.

«Привет, Джек, у меня опять геморройные вопросы. Есть ли какая-нибудь незасекреченная государственная база, где хранятся сведения о дорожных штрафах десятилетней давности? Особенно меня интересуют штрафы за неразличимый номер, выписанные в северных округах штата в период преступлений Доброго Пастыря. И еще, никаких новых сведений о душителие из Уайт-Маунтин?»

Положив трубку, Гурни снова стал думать о маячке: он был подключен к аккумулятору автомобиля, а не работал на собственной батарее с ограниченным сроком эксплуатации — значит, установить его могли еще давно. Вопрос в том, когда именно он был установлен, зачем и кем? Без сомнения, тем же человеком, который установил жучки в квартире Ким. Может быть, это ее сумасшедший бывший бойфренд, но Гурни почему-то казалось, что не все так просто.

На самом деле не исключено, что...

Гурни снова надел куртку и вышел из дома.

Он передвинул пандус к своему «аутбеку». Потом вспомнил, что забыл фонарик и ключи от машины, сходил за ними и повторил ту же процедуру, что и с «миатой».

Отчасти ожидая увидеть похожее устройство, он тщательно осмотрел переднее шасси, но ничего не нашел. Затем открыл капот и осмотрел моторный отсек. Снова ничего. Проследил, какие провода идут от

аккумулятора: ничего лишнего.

Просто на всякий случай он поставил пандус позади машины и заехал на него задними колесами. Затем залез под машину и посветил фонариком.

И вот, пожалуйста. Еще одна черная коробочка, побольше первой, на батарееке, была примагничена к поддерживающей планке бампера. Марка и другие надписи на боку этого устройства свидетельствовали, что оно произведено там же, что и маячок на машине Ким, и в целом сходно с ним, только имеет самостоятельный источник питания.

Объяснить это различие можно было по-разному. Одна из самых очевидных причин — время, необходимое для установки: проводное устройство устанавливается не меньше часа, а беспроводное — почти мгновенно. При прочих равных проводное было предпочтительнее, и, вероятно, тому, кто его устанавливал, важнее была машина Ким, чем Гурни. Что опять, конечно же, наводило на мысли о Мизе.

Уже перевалило за полночь, но о сне не могло быть и речи. Гурни достал из ящика стола в комнате блокнот и ручку и снова полежал под каждой из машин, переписывая сведения, напечатанные на боку каждого устройства, чтобы потом найти на сайте производителя их технические характеристики. Все GPS-маячки работали в целом одинаково, передавая координаты, которые могли отображаться в виде значка на карте, и карту эту можно было видеть через соответствующее приложение буквально с любого компьютера с интернет-подключением. Цена устройства зависела от дальности передачи, точности в определении места, удобства программного обеспечения и точности в определении времени. Технология, даже в весьма совершенном ее изводе, была совсем не дорогой, а значит, доступной почти каждому.

Вылезая во второй раз за ночь из-под «миаты», Гурни ощутил какую-то вибрацию в правом ребре и испугался. Он на автомате связал эту дрожь с тем, чем занимался в тот момент, и решил, что ее вызвал маячок. Но через секунду он осознал, что это вибрирует его телефон: Гурни поставил его на беззвучный режим, чтобы не перебудить всех в доме, если Хардвик перезвонит.

Он вылез из-под машины, поднялся на ноги, вынул телефон из кармана и увидел на экране имя Хардвика.

- Быстро же ты, — сказал Гурни.
- Что? Какое на хрен быстро?
- Быстро же ты нашел ответы на мои вопросы.
- Какие еще вопросы?
- Проверь автоответчик.

— Я посреди ночи автоответчик не проверяю. Я по другому поводу.

У Гурни возникло что-то вроде предчувствия. А может быть, он достаточно хорошо знал интонации Хардвика, чтобы услышать в них весть о смерти. Он слушал и ждал.

— Лила Стерн. Жена дантиста. На полу в прихожей. Ножом для льда в сердце. Трое теперь, шестеро тогда. Всего девять. И конца-краю не видно. Подумал, ты захочешь узнать. Никто ж не удосужится тебе сказать.

— Господи. Воскресенье, понедельник, вторник. Каждую ночь.

— Так кто же следующий? Ваши ставки на среду? — Хардвик снова сменил тон — и цинизм его интонаций корябнул Гурни, будто ногтем по классной доске.

Он понимал, что в полиции не обойтись без черного юмора, но Хардвик зло шутил и там, где можно было обойтись. Отчасти поэтому Гурни так на него реагировал, хотя тут было что-то еще: на каком-то глубинном уровне Хардвик напоминал ему отца.

— Спасибо за информацию, Джек.

— Ну, на то и нужны друзья.

Гурни вернулся в дом и остановился посреди кухни, пытаюсь как-то переварить все сведения, свалившиеся на него за последний час. Он стоял рядом с буфетом. Свет был включен, и потому не было видно, что происходит снаружи. Гурни выключил свет. Луна была почти полной — самую малость ущербный диск. Ее света хватало, чтобы посеребрить траву и придать отчетливости черным силуэтам деревьев. Гурни прищурился и как будто различил даже хвойную бахрому тсуговых веточек.

Вдруг ему показалось, что там что-то движется. Он затаил дыхание и наклонился поближе к окну. Облокотился о буфет и тут вскрикнул, ощутив острую боль в правом запястье. Еще не успев посмотреть, он понял, что случайно положил руку на острый как бритва наконечник стрелы, что лежала на буфете уже неделю. Наконечник глубоко вошел ему в руку. Когда Гурни включил свет, по его раскрытой ладони на пол капала кровь.

Глава 40

Увидеть факты

Не в силах заснуть, несмотря на крайнюю усталость, Гурни сидел за столом в полутемной кухне и глядел в окно на восточный хребет. По небу расплзался болезненно бледный рассвет, похожий на болезненное состояние его ума.

Ночью Мадлен, проснувшись от его крика, отвезла его в медпункт Уолнат-Кроссинга.

Она просидела с ним в медпункте четыре часа, хотя на самом деле они обернулись бы меньше чем за час, если бы в медпункт не приехали три скорые с пострадавшими в трагикомической аварии. Пьяный водитель сшиб билборд, и тот послужил трамплином для мчащегося мотоцикла, так что он взлетел и приземлился на капот встречной машины. По крайней мере, так об этом рассказывали друг другу врачи выездной бригады и отделения неотложной помощи, стоя рядом с боксом, где Гурни ожидал перевязки.

Не прошло и недели, а он уже снова в медпункте. Что само по себе не радовало.

Он видел, что Мадлен бросает на него взволнованные взгляды — и по дороге в медпункт, и во время ожидания, и на обратном пути, но они почти ни о чем не говорили. А если и говорили, то о боли в руке, о дорожном происшествии и о том, чтобы убрать чертову стрелу куда подальше.

Гурни было о чем рассказать помимо этого — возможно, и нужно было рассказать. О маячке в машине Ким. О маячке в его собственной машине. О новом убийстве. Но обо всем этом он молчал.

Свое молчание он объяснял нежеланием расстраивать Мадлен. Но какой-то голос в голове возражал: на самом деле он хотел избежать споров и тем самым не связывать себе руки. Он решил, что скрывает правду только до времени, не лжет, а просто оттягивает признание.

Они вернулись домой за полчаса до рассвета, и Мадлен пошла спать с тем же встревоженным выражением лица, которое Гурни то и дело видел у нее в эту ночь. Не в силах заснуть из-за перевозбуждения, Гурни сел за стол и стал думать, что означают для него события, о которых он решил не говорить, и в первую очередь — новое звено в цепочке убийств.

Он знал, что есть разные способы поймать убийцу, но мало какие подходят, если убийца умен и владеет собой. А Добрый Пастырь был, возможно, самым умным и хладнокровным из убийц.

Оставался единственный способ его вычислить — масштабная организованная операция правоохранительных органов. Нужно было заново и скрупулезно пересмотреть все первоначальное дело. Привлечь огромное число сотрудников. Добиться разрешения начать все с чистого листа. Но в нынешних обстоятельствах на это нечего было надеяться. Ни ФБР, ни полиция не способны были свернуть со старой колеи на верный путь. Ведь они сами укатывали эту колею целых десять лет.

Так что же делать?

Поруганный и оплеванный, подозреваемый в мошенничестве, с клеймом ПТСР на лбу, что, черт возьми, мог он сделать?

Ничего не приходило в голову.

Ничего, кроме глупого афоризма:

«Играй теми картами, что есть».

Какими на хрен картами?

Большинство его карт — сущий мусор. Или же в сложившихся обстоятельствах их не разыграешь.

И все же у него был туз в рукаве.

Может, он принесет ему выигрыш, а может, наоборот.

В утреннем тумане всходило солнце. Оно не успело еще толком подняться, как зазвонил телефон. Гурни встал из-за стола и прошел в комнату. Звонили из клиники, просили Мадлен.

Гурни думал было отнести трубку в спальню, но тут Мадлен, в пижаме, показалась в дверях комнаты и протянула руку за телефоном, будто бы ожидала этого звонка.

Она взглянула на экран, потом ответила приятным деловым тоном, который так никак не вязался с ее сонным лицом.

— Доброе утро, это Мадлен.

Потом долго слушала что-то — видимо, какое-то объяснение. Гурни за это время сходил на кухню и заправил кофемашину.

Голос Мадлен прозвучал еще только раз, под самый конец разговора, и Гурни разобрал лишь несколько слов. Кажется, она на что-то согласилась. Через несколько секунд она вошла в кухню, и в глазах ее было вчерашнее беспокойство.

— Как твоя рука?

Лидокаин, которым его обезболили, прежде чем наложить девять швов, больше не действовал, и ладонь у запястья пульсировала от боли.

— Ничего, — сказал он. — О чем тебя просят в этот раз?

Она не ответила.

— Держи руку поднятой. Как доктор велел.

— Хорошо, — Гурни поднял руку на несколько дюймов над разделочным столом, у которого он ждал, пока сварится кофе. — У них что, новый суицид? — спросил он с излишней веселостью.

— Вчера вечером уволилась Кэрол Квилти. Нужно ее заменить.

— Во сколько?

— Чем скорее, тем лучше. Я сейчас в душ, перекушу и поеду. Ты сам тут справишься?

— Конечно.

Она нахмурилась и показала на руку.

— Выше.

Он поднял руку на уровень глаз.

Мадлен вздохнула, подмигнула ему — мол, молодец — и отправилась в душ.

Он в тысячный раз подивился ее жизнерадостности, неизменной способности принимать реальность, что бы та ни готовила, и оставаться оптимистичной — гораздо более оптимистичной, чем он.

Мадлен принимала жизнь такой, какая она есть, и делала что могла.

Она играла теми картами, которые у нее были.

Тут Гурни вновь вспомнил о тузе в рукаве.

Что бы из этого ни вышло, надо его использовать. Пока не кончилась игра.

Он смутно предчувствовал, что ничего хорошего не выйдет. Но был лишь один способ это проверить.

Разыграть туза — значило использовать прослушивающие устройства в квартире Ким. Возможно, их установил сам Добрый Пастырь, и возможно, он все еще прослушивал записи. Если оба эти предположения были верны — а это был большой вопрос, — то жучки становились средством связи. Средством общения с убийцей. Через них можно было передать послание.

Но каким должно быть это послание?

Такой простой вопрос — и бесконечное множество ответов.

И среди них нужно было найти правильный.

Вскоре после ухода Мадлен домашний телефон снова зазвонил. Это был Хардвик. Скрипучий голос произнес: «Проверь онлайн архивы газеты „Манчестер Юнион Лидер“. Они в девяносто первом писали про Душителя. Там этого дерьма навалом. Ну все, пока, я пошел срать. Осторожней там».

Хардвик умел изящно попрощаться.

Гурни сел за компьютер и целый час читал архивы не только «Юнион Лидера», но и других газет Новой Англии, которые много писали о Душителе.

За два месяца было совершено пять нападений, все со смертельным исходом. Все жертвы были женщины, и всех их убийца задушил белыми шелковым шарфами, которые оставлял у них на шее. Сходства между жертвами казались скорее совпадением, чем свидетельством каких-либо

связей между ними. Три женщины жили одни и были убиты у себя дома. Две другие допоздна задерживались на работе в безлюдной местности. Одну задушили на неосвещенной парковке позади магазина рукоделия, которым она управляла, другую на такой же парковке за собственной цветочной лавочкой. Все пять нападений произошли в радиусе пяти километров от Хановера, где располагается Дартмутский колледж.

Хотя в серийных удушениях женщин нередко прослеживается сексуальный мотив, в данном случае на жертвах не было следов изнасилования или надругательства. Обобщенный «портрет жертвы» показался Гурни очень странным. Собственно, и портрета никакого не было. Единственное сходство всех жертв состояло в том, что они все были миниатюрными. Но на этом сходство заканчивалось. Они по-разному одевались, носили разные прически. Социальный состав тоже был весьма пестрым: дартмутская студентка (на тот момент девушка Ларри Стерна), две хозяйки магазинов, буфетчица из местной начальной школы и психиатр. Возраст их тоже варьировался: от двадцати одного до семидесяти одного года. Дартмутская студентка была блондинка англосаксонской внешности. Психиатр на пенсии — седовласая афроамериканка. Гурни редко встречал такой разброс среди жертв серийного убийцы. Сложно было понять, на чем маньяк повернут — что так привлекало его во всех жертвах.

Пока он размышлял о странностях этого дела, наверху включили душ. Вскоре на пороге комнаты появилась Ким. Взгляд ее был полон дикой тревоги.

— Доброе утро, — сказал Гурни, закрывая страницу поиска.

— Мне так жаль, что я вас во все это втянула, — проговорила она, чуть не плача.

— Я зарабатывал этим на жизнь.

— Когда вы зарабатывали этим на жизнь, никто не сжигал ваш амбар.

— Мы не можем быть точно уверены, что амбар связан с этим делом.

Это может быть просто...

— Господи! — перебила она. — Что у вас с рукой?

— Я оставил на буфете стрелу и поранился об нее в темноте.

— Господи! — повторила Ким и вздрогнула.

За спиной у нее появился Кайл.

— Привет, пап, как... — он замолчал, увидев повязку. — Что случилось?

— Ничего особенного. Это только выглядит страшно. Будете завтракать?

— Он порезался об эту жуткую стрелу, — сказала Ким.

— Боже, она ведь как бритва, — сказал Кайл.

Гурни встал из-за стола.

— Ну хватит, — сказал он. — Пойдемте, там есть яичница, тосты и кофе.

Он старался казаться спокойным. Но в то самое время, когда он, непринужденно улыбаясь, шел к столу, его терзал вопрос о Лиле Стерн и маячках. Имеет ли он право молчать о них? И почему молчит?

Сомнения в мотивах собственных действий всегда подрывали то хрупкое спокойствие, которого ему удавалось достичь. Он усилием воли вернул свое внимание к повседневности — к завтраку:

— Не хотите апельсинового сока?

За исключением пары реплик, завтрак прошел в молчании, почти неловком. Когда все доели, Ким, явно желая хоть что-нибудь сделать, вызвалась убрать со стола и помыть посуду. Кайл погрузился в чтение сообщений на телефоне, словно стремясь прочитать каждое как минимум дважды.

В повисшей тишине Гурни вернулся к главному вопросу: как достать из рукава свой туз. Второй попытки не будет. Он почти физически ощущал, как стремительно ускорилось время, словно завертевшись песчаной воронкой у него под ногами.

Он представил себе финальную схватку, в которой он наконец встретится с Добрым Пастырем. Финальную схватку, в которой фрагменты пазла встанут на свои места. Финальную схватку, которая ясно покажет, что позиция Гурни — это голос рассудка, а не фантазии выжившего из ума ветерана.

У него не было времени задуматься, насколько эта цель разумна и насколько вероятна победа. Ему оставалось только одно: понять, как устроить эту финальную схватку. И где.

Где — решить проще.

Как — вот это вопрос.

Зазвонил телефон, и Гурни вернулся в настоящий момент: он сидел за столом, освещенным утренним солнцем. К его удивлению, пока он был погружен в свои мысли, Кайл и Ким успели усесться в креслах в дальнем конце комнаты, а в печи разгорался огонь.

Гурни пошел в кабинет ответить на звонок.

— Доброе утро, Конни.

— Дэвид? — казалось, она была удивлена, что дозвонилась.

— Да, это я.

— В центре урагана?

— Вроде того.

— Еще бы, — голос Конни звучал резко и энергично. Она всегда говорила взвинченно. — И в какую сторону дует ветер?

— Что, прости?

— Моя дочь остается или уходит?

— Она сказала мне, что решила бросить проект.

— Потому что все слишком мощно?

— Мощно?

— Эти убийства ножиком для льда, возвращение Доброго Пастыря, паника на улицах. Ее это пугает?

— Убитые были ей дороги.

— Журналистика не для слабонервных. Так всегда было и всегда будет.

— Еще ей кажется, что вместо серьезной и искренней документальной программы РАМ делает из ее замысла дешевую мыльную оперу.

— Что за чушь, Дэвид, мы живем в капиталистическом обществе.

— То есть?

— Суть медийного бизнеса — сенсация. Сенсация — это бизнес. Нюансы — это, конечно, мило, но в реальности продается драма.

— Думаю, тебе стоит поговорить с ней, а не со мной.

— Само собой. Но мы с ней поладим как кошка с собакой. А тебя, как я и говорила, она уважает. Тебя она послушает.

— И что ты хочешь, чтобы я ей сказал? Что РАМ занимается благим делом, а Руди Гетц — герой?

— Судя по тому, что я знаю, Руди говнюк. Но умный говнюк. Жизнь не сказка. Кто-то умеет это принять, кто-то — нет. Я хочу, чтобы она хорошенько подумала, прежде чем бросать проект.

— По-моему, бросить этот проект — не такая уж плохая мысль.

Повисло молчание, а Конни Кларк молчала очень редко. Потом она вновь заговорила, уже тише:

— Ты не представляешь, к чему это может привести. То, что она решила учиться журналистике, защищать диплом, снимать этот проект, делать карьеру, стало для нее спасением. На фоне того, что было раньше.

— А что было раньше?

Конни вновь замолчала:

— То, что она стала такой целеустремленной, амбициозной девушкой — это вообще-то чудо. Несколько лет назад мне было за нее страшно: после исчезновения отца она была сама не своя. В подростковом возрасте ее штормило. Она ничего не хотела делать, ничем не интересовалась.

Временами вроде как приходила в норму, а потом опять проваливалась в болото. Журналистика, особенно эти «Осиротевшие», внесли в ее жизнь какую-то цель. Проект вернул ее к жизни. Мне страшно думать, что будет, если она его бросит.

— Ты хочешь с ней поговорить?

— Она там? У тебя дома.

— Да. Это долго объяснять.

— Она сейчас в той же самой комнате?

— В другой комнате, вместе с моим сыном.

— С твоим сыном?

— Это тоже долго объяснять.

— Понятно. Ну ты все-таки объясни, когда будет время.

— С удовольствием. Через день-другой. Сейчас мне как-то не до того.

— Могу представить. И все же, пожалуйста, не забывай, что я тебе сказала.

— Мне пора.

— Хорошо, но... Сделай, что в твоих силах. Пожалуйста, Дэвид. Не допусти, чтобы она себе навредила.

Договорив, Гурни остался стоять в комнате у окна, невидящими глазами глядя на горные склоны. Как, черт возьми, можно уберечь другого от того, чтобы он себе навредил?

Пульсирующая боль в ладони прервала его мысли. Он поднял руку, приложил ее к оконной раме — боль утихла. Затем посмотрел на стоящие на столе часы. Меньше чем через час им с Ким надо было выезжать на встречу с Руди Гетцем.

Но кое-что нужно было обдумать прямо сейчас.

Туз в рукаве. Возможность оставить послание для убийцы.

Что это должно быть за послание? Приглашение? Прийти куда? Сделать что? С какой целью?

Чего может захотеть Добрый Пастырь?

Похоже, его всегда заботило одно — собственная безопасность.

Может, предложить ему избавиться от потенциального источника опасности.

Может, пообещать ему возможность уничтожить противника.

Да. На это он купится.

Возможность устранить неудобного ему человека.

И Гурни знал, куда позвать убийцу. Куда он придет расправиться с противником.

Гурни открыл ящик стола и вытащил визитку без имени, с одним

телефонным номером.

Потом достал мобильный и позвонил. На звонок не ответили — он дождался автоответчика. Ни приветствия, ни слова о себе — лишь команда: «Объясните цель звонка».

— Это Дэйв Гурни. По срочному делу. Перезвоните мне.

Перезвонили, не прошло и минуты.

— Максимилиан Клинтер слушает. Что стряслось, парниш? — ирландский акцент работал на всю катушку.

— У меня просьба. Мне нужно кое-что сделать, и для этого мне нужно помещение.

— Так, так, так. Это что-то важное?

— Да.

— Насколько важное?

— Важнее не бывает.

— Важнее не бывает. Так, так. Это может быть только одно. Я прав?

— Я не умею читать мысли, Макс.

— А я умею.

— Тогда ты мог бы меня и не спрашивать.

— Это был не вопрос, а просьба подтвердить догадку.

— Я подтверждаю, что это важно, и прошу пустить меня на одну ночь в твою хижину.

— Объяснишь поподробнее?

— Подробности я еще не знаю.

— Тогда в чем идея?

— Я не готов об этом рассказывать.

— Я имею право знать.

— Я хочу кое-кого туда пригласить.

— Его самого?

Гурни не ответил.

— Тысяча чертей! Что, правда? Ты его нашел?

— Скорее, я хочу, чтобы он меня нашел.

— У меня в хижине?

— Да.

— Зачем бы ему туда приходиться?

— Чтобы меня убить. Если я дам ему серьезный повод меня убить.

— Понятно. Твой план — провести ночь в моей хижине посреди болота Хогмэрроу, ожидая человека, который собирается тебя убить. Так?

— Ну примерно.

— И какова будет счастливая развязка? За мгновение до того, как он

снесет тебе голову, с небес, будто долбаный Бэтмен, свалюсь я?

— Нет.

— Нет?

— Я сам себя спасу. Или нет.

— Ты что, думаешь, один в поле воин?

— Это слишком сомнительное предприятие, чтобы впутывать в него кого-то еще.

— Но я-то точно должен участвовать.

Гурни невидящим взглядом глядел в окно, размышляя о подводных камнях своего плана — если его можно было назвать планом. Браться за дело одному крайне рискованно. Но впутывать туда кого-то еще, а тем паче Клинтера — еще рискованней.

— Извини. Или по-моему, или никак.

Клинтер взорвался:

— Ты говоришь об ублюдке, который разрушил всю мою жизнь! Ублюдке, ради убийства которого я живу! Которого я мечтаю скормить псам! И ты, черт возьми, говоришь мне, что будет «по-твоему»? По-твоему?! Да ты совсем спятил, что ли?

— Я не знаю, Макс. Но я вижу крохотный шанс остановить Доброго Пастыря. Возможно, не дать ему убить Ким Коразон. Или моего сына. Или мою жену. Теперь или никогда, Макс. Это мой единственный шанс. В этом деле и так слишком много подводных камней, слишком много неясностей. Еще один человек — это еще одна неясность. Извини, Макс, но я не могу согласиться. По-моему — или никак.

Повисло долгое молчание.

— Ладно, — сказал Клинтер. — В его голосе не было ни эмоций, ни ирландского акцента.

— Что ладно?

— Ладно, можешь провести ночь у меня в доме. Когда?

— Чем скорее, тем лучше. Скажем, завтра. С заката до рассвета.

— Ладно.

— Но я настаиваю, чтобы ты ни в коем случае туда не приходил.

— А если тебе понадобится помощь?

— Кто помог тебе в той комнатке в Буффало?

— Буффало — другое дело.

— Возможно, не такое уж другое. Двери хижины запираются на ключ?

— Нет. Змейки — мои единственные охранники.

— Вымышленные змейки? — Гурни вспомнил свой визит к Клинттеру на прошлой неделе. Казалось, будто прошел целый месяц.

— Вымысел — сильнее фактов, парниш. Змея в мозгах — что две в кустах. — Клинтер вновь заговорил с ирландским акцентом.

Глава 41

Пособник дьявола

Незадолго до одиннадцати утра Кайл сел за компьютер Гурни с принтером, подключил USB-кабель и стал копировать pdf-файлы со своего смартфона «блэкберри». Однокурсник посылал ему конспекты лекций и задания, так что Кайл мог позволить себе пропустить учебу. Как он объяснил, работу, по крайней мере временно, тоже можно было делать удаленно.

Ровно в одиннадцать Гурни и Ким уехали на встречу с Руди Гетцем, которая была назначена на 12:30. Они поехали на «миате», за руль села Ким. Гурни надеялся, что за время дороги сможет обдумать, как заманить Доброго Пастыря в хижину Клинтера. А если получится, то и немного вздремнуть.

Бывали случаи, когда вычислить мотив — значило поймать преступника. Бывали другие случаи, когда только найдя преступника, можно было понять его мотив. Но сейчас оба подхода не годились: слишком мало времени. Единственная надежда была на то, чтобы заставить преступника выдать себя. Казалось, это невыполнимая задача. Как заманить в ловушку такого стреляного воробья?

На полпути к Ашокану, на трассе 28, Гурни наконец задремал. Через двадцать пять минут Ким его разбудила: они ехали по Фэлконс-Нест-лейн, до дома Гетца оставалась миля.

— Дэйв?

— Да?

— На ваш взгляд, как мне поступить? — спросила она, глядя вперед, на дорогу.

— Это серьезный вопрос, — ответил он уклончиво. — Если ты решишь завязать с РАМ, у тебя есть план Б?

— Зачем мне план Б?

Не успел Гурни ответить, как они подъехали к украшенному каменными колоннами въезду во владения Гетца. Ким свернула и поехала к дому по аллее из рододендронов.

Как только они вышли из машины, их приветствовал рокот вертолета. Рокот нарастал, а Ким и Гурни тщетно вглядывались в небо сквозь ветви

деревьев. Вскоре Гурни уже чувствовал вибрацию воздуха. Но, поскольку вертолет подлетал к дому с другой стороны, они увидели его, только когда он уже садился на крышу. Неистовый поток воздуха от винтов разметал волосы Ким.

Когда ветер стих, Ким достала из сумки расческу, причесалась, поправила блейзер и улыбнулась Гурни. Они взобрались по консольной лестнице, и Гурни постучал в дверь.

Никто не ответил. Гурни постучал еще раз. Где-то через полминуты, когда он уже собирался постучать в третий раз, одна из дверей отворилась.

Руди Гетц, казалось, усмехался. Глаза под тяжелыми веками блестели так, словно он был под кайфом. На нем были синие джинсы и черная футболка, как и в их прошлый визит, но вместо белого льняного спортивного пиджака теперь он надел сиреневый.

— Привет, рад вас видеть! Как вы вовремя. Мне это нравится. Входите, входите.

Ультрасовременный интерьер был все тем же: та же холодная мебель из стекла и металла. Гетц щелкал пальцами, будто бы не в силах справиться с нервным возбуждением. Он указал гостям на тот же овальный столик из оргстекла и стулья рядом.

— Присаживайтесь. Надо что-нибудь выпить. Обожаю вертолеты, до смерти. У нас их целый флот. Это наша визитная карточка. Наши «рамтолеты». Как важное событие — сразу посылаем вертолет. А если событие очень важное — то целых два. Никто больше не может послать сразу два вертолета. Мы этим гордимся. Но после каждого полета у меня сушняк. Составите компанию?

Не успели Гурни и Ким ответить, как Гетц поднес к губам два пальца и свистнул: этот долгий пронзительный свист на улице был бы слышен на 500 ярдов вокруг. Почти в тот же миг в комнату въехала девушка на роликах. Гурни узнал эти ролики, это черное трико, гибкое тело, синие волосы, покрытые гелем, и глаза, столь же кричаще-синие, как и волосы.

— Вы когда-нибудь пробовали водку «Столи-Элит»? — спросил Гетц.

— Мне просто стакан воды, если можно, — сказала Ким.

— А вам, детектив Гурни?

— Воды.

— Очень зря. «Столи-Элит» — это что-то. И стоит целое состояние. — Он обернулся к девушке на роликах. — Клаудия, дорогуша, налей мне три пальчика, чистой. — Он сложил три пальца, чтобы показать, сколько ему налить.

Девушка развернулась и выехала в дальнюю дверь.

— Ну вот. А теперь давайте сядем и поговорим, — Гетц снова указал гостям на стулья.

Гурни и Ким сели с одной стороны стола, Гетц — с другой.

В комнату вновь въехала Клаудия и поставила перед Гетцем стакан.

Он взял его, отпил бесцветной жидкости и улыбнулся:

— Превосходно.

Девушка оценивающе взглянула на Гурни и выехала из комнаты.

— Итак, — сказал Гетц, — к делу. — Он устремил свои блестящие глаза на Ким. — Дорогуша, я знаю, что вы кучу всего хотите мне сказать. Так давайте скорее с этим покончим. Начинайте.

На мгновение Ким как будто растерялась.

— Я не знаю, что сказать, кроме того, что я в ужасе. В ужасе от того, что случилось. Я чувствую себя ответственной за это. Этих людей убили из-за меня. Из-за «Осиротевших». Это нужно остановить. Прекратить.

Гетц глядел на нее во все глаза.

— Это все? — он казался удивленным, как будто прослушивал актрису, а та запнулась на первой строчке.

— Кроме того, сам тон передачи. Я ожидала другого. То, что сделали с интервью, эта мизансцена с темной дорогой, эти так называемые эксперты — если честно, по-моему, это полный кошмар.

— Кошмар?

— В общем, я хочу прекратить выпуск этой программы.

— В общем, вы хотите прекратить выпуск этой программы? Забавно.

— Забавно?

— Да. Забавно. Вы уверены, что не хотите выпить?

— Я попросила воды.

— Точно. Попросили. — Гетц направил на нее, будто дуло пистолета, указательный палец и усмехнулся. Потом взял свой стакан с водкой и осушил его в два глотка. — Итак, взглянем в лицо фактам. Сначала административный нюансик. Перечитайте-ка свой контракт, дорогуша, и разберитесь, кому принадлежат права, кто принимает решения, кто может прекратить выпуск программы. И так далее. Но не будем сейчас об этих формальностях. Есть дела поважнее. Я хочу рассказать вам кое-что о РАМ, чтобы...

— Вы хотите сказать, что не собираетесь прекращать выпуск программы?

— Пожалуйста. Дайте мне ввести вас в курс дела. Не зная контекста, мы не можем принимать решений. Пожалуйста, дайте мне закончить. Я хотел рассказать вам о РАМ кое-что, чего вы, возможно, не знаете.

Например, у нас выходит больше первоклассных шоу, чем на любом другом эфирном или кабельном канале. У нас самая большая...

— Мне все равно.

— Пожалуйста, дайте мне договорить. Вы должны знать эти факты. У нас самая большая аудитория. И с каждым годом она растет. Мы принадлежим крупнейшей мировой медиакорпорации, и мы — самый прибыльный их проект. И наша прибыль тоже растет с каждым годом.

— Я не понимаю, какое это имеет значение.

— Пожалуйста. Послушайте. Мы знаем, как снимать шоу. Мы знаем, как работать с аудиторией. В общем... Хотите поговорить в общем? В общем, мы знаем, что делаем, и делаем это лучше всех. У вас есть идея программы. Мы берем ее и превращаем в золото. Это медиаалхимия. Мы превращаем идеи в золото — вот чем мы занимаемся. Понимаете?

Ким подалась вперед, повысила голос:

— Я понимаю, что из-за этой программы погибли люди.

— Сколько именно людей?

— Что?

— Вы знаете, сколько людей умирает на земле каждый день? Сколько миллионов?

Ким на мгновение лишилась дара речи.

Гурни воспользовался паузой и непринужденно спросил:

— А новые убийства ведь поднимут вам рейтинг?

Гетц снова усмехнулся:

— Честно? Да наш рейтинг подскочит до небес! У нас будут спецвыпуски новостей, дебаты о второй поправке [\[15\]](#), а может, даже новое шоу. Помните, я предлагал вам новый проект, «Лишенные правосудия. Вся правда о нераскрытых делах»? Это была бы сенсация. Так вот, детектив Гурни, мое предложение в силе. У «Осиротевших» может быть продолжение. Франшизный проект. Это все медиаалхимия.

Ким сжала кулаки:

— Это так... отвратительно.

— Хотите правду, дорогуша? Такова человеческая природа.

Ее глаза вспыхнули:

— А по-моему, это просто жадность и жестокость.

— Верно. Я же говорю, человеческая природа.

— Никакая это не человеческая природа, а просто кошмар!

— Вот что я вам скажу. Человек — это всего лишь примат. Возможно, самый жестокий и тупой из приматов. Вот в чем правда. Я просто-напросто реалист. Не я создал этот гребаный зоопарк. Я за ним всего лишь

ухаживаю. Знаете, что я делаю? Кормлю зверей.

Ким поднялась.

— Нам не о чем больше говорить. Мне пора.

— А как же ланч? Вы не попробуете суши?

— Я не хочу есть. И не хочу больше здесь находиться, ни минуты.

Она направилась к двери. Гурни, не говоря ни слова, встал и последовал за ней. Гетц не двинулся с места.

Когда гости уже были у порога, он их окликнул.

— Ребят, пока вы не ушли, хотел спросить. Мы сейчас выбираем новый слоган. У нас два варианта. Первый — «„РАМ-Ньюс“: разум и дух свободы». А второй — «„РАМ-Ньюс“: только правда». Какой вам больше нравится?

Ким тряхнула головой, открыла дверь и поспешила выйти.

Гурни оглянулся. Человек за прозрачным столиком стряхивал невидимые пылинки со светло-сиреневого пиджака.

Глава 42

Пан или пропал

Они ехали вниз по серпантину через сосновый лес, отделявший дом Гетца от трассы, и Ким вела настолько резко, что отвлекала Гурни от мыслей о главном редакторе РАМ и его отвратительном бизнесе.

Когда машину во второй раз занесло к краю откоса, он предложил Ким сменить ее за рулем. Она отказалась, но сбавила скорость.

— Я просто не могу поверить, — сказала она, качая головой. — Я пыталась сделать что-то хорошее. Настоящее. И вот во что оно превратилось. В жуткое месиво. Господи, какая же я дура! Какая наивная дура!

Гурни посмотрел на нее. В классическом синем блейзере, строгой белой блузке, с почти строгой прической она вдруг показалась ему девочкой, надевшей костюм взрослой женщины.

— Что же мне делать? — спросила она так тихо, что Гурни едва расслышал. — Только представьте, что Пастырь продолжит убивать людей. Это предупреждение, «не буди дьявола», было для меня. Но я не послушалась. И потому все эти убийства — моя вина. Как же нам теперь заставить Гетца свернуть эту ужасную программу?

— Боюсь, мы не можем остановить Гетца.

— О боже...

— Но возможно, у нас получится остановить Пастыря.

— Как?

— У нас мало шансов на успех.

— Все лучше, чем ничего.

— Возможно, мне понадобится твоя помощь.

Ким посмотрела на него:

— Я все сделаю. Скажите мне, что нужно. Я все...

Машину отклонила от курса и стремительно приближалась к отбойнику.

— Боже! — закричал Гурни. — Следи за дорогой!

— Простите. Простите. Но, пожалуйста, скажите, что мне надо делать, только скажите.

Гурни не был уверен, что разумно обсуждать это, когда Ким за рулем. Но он не мог позволить себе ждать. Больше всего ему не хватало времени. Он надеялся только, что не выдаст своих страхов и сомнений и что Ким его план не покажется таким шатким, как Клинтеру.

— Мой план основан на двух вещах, которые, мне кажется, я знаю о Добром Пастыре. Во-первых, он будет рад убить любого, кто хоть сколько-нибудь ему угрожает, если это можно сделать без риска. Во-вторых, у него есть причины считать мой интерес к его делу угрозой.

— И что нам надо сделать?

— Благодаря жучкам у тебя в квартире мы можем дать ему услышать те или иные вещи — и заставить действовать так, что он выдаст себя.

— Вы думаете, меня прослушивает Добрый Пастырь? Не Робби?

— Может быть, и Робби. Но я ставлю на Доброго Пастыря.

Ким, казалось, испугалась, но затем храбро кивнула:

— Хорошо. Что нам надо сказать?

— Пусть он услышит, что я буду в очень уединенном месте и в очень уязвимом положении. Я хочу, чтобы он поверил, что у него есть уникальный шанс устранить меня и Макса Клинтера, что ему необходимо нас устранить и что лучшей возможности у него не будет.

— То есть мы будем с вами сидеть у меня в квартире, и вы мне что-то скажете в расчете, что он слушает?

— Или услышит запись потом. Я предполагаю, что он записывает информацию с жучков на устройство, которое включается от звука голоса и которое он прослушивает раз или два в день. Что касается «что-то скажете»: я не могу просто вам все сообщить, нужно действовать осторожнее. Нужна какая-то история, эмоциональная динамика, нужен предлог быть у тебя в квартире, интрига в разговоре. Все должно быть

буднично, как в жизни. Надо заставить его поверить, будто он слышит то, чего слышать не должен.

В четвертом часу, вернувшись домой к Гурни, они застали Кайла в кабинете за компьютером, обложенного распечатками, «блэкберри», «айфоном» и «айпадом». Он поздоровался, не отрываясь от экрана, на котором была какая-то таблица.

— Привет. С возвращением. Сейчас я к вам выйду. Я уже заканчиваю.

Мадлен видно не было: вероятно, она еще не вернулась из клиники. Ким ушла наверх переодеваться, а Гурни тем временем проверил автоответчик на домашнем телефоне. Никаких сообщений. Он зашел в ванную, потом прошел на кухню. Вспомнив, что не обедал, открыл холодильник.

Когда через пару минут Ким спустилась на кухню, он все еще смотрел невидящим взором на полки холодильника. Ум его был не здесь: он пытался придумать пьесу, которую им с Ким предстояло разыграть — пьесу, от которой столько всего зависело.

Появление Ким в джинсах и толстовке вернуло его к реальности.

— Есть хочешь? — спросил он.

— Нет, спасибо.

В кухню вошел Кайл.

— Вы ведь слышали новости?

Ким замерла.

— Какие новости?

— Новое убийство: жена одного из тех, с кем ты беседовала. Лила Стерн.

— О боже, нет! — Ким схватилась за край раковины.

— Это по радио сказали? — спросил Гурни.

— Нет, прочитал в интернете. В Гугл-новостях.

— А что сообщают? Какие подробности?

— Только то, что ее убили этой ночью ножом для колки льда, в сердце. «На место происшествия приехала полиция, возбуждено уголовное дело. Чудовище сорвалось с цепи». Много эмоций, мало фактов.

— Черт, — пробормотал Гурни.

Напоминание об этой смерти каким-то образом усугубило чувство потери контроля над стремительным развитием событий.

Ким казалась совсем потерянной.

Гурни подошел к ней, положил руки ей на плечи. Она в ответ обняла его так горячо, что он удивился. Потом глубоко вздохнула и отступила

назад.

— Со мной все в порядке, — ответила она на незаданный вопрос.

— Хорошо. Потому что к вечеру нам обоим нужно быть в рабочем состоянии.

— Я знаю.

Кайл нахмурился:

— В рабочем состоянии? Зачем это?

Гурни объяснил так спокойно и взвешенно, как смог, в чем состоит его план и как он связан с жучками в квартире Ким. Он понимал, что пытается представить этот план более последовательным, чем тот был на самом деле. И в душе гадал, кого же он пытается убедить — себя или Кайла.

— Сегодня вечером? — недоверчиво переспросил Кайл. — Вы собираетесь сделать это сегодня вечером?

— На самом деле, — сказал Гурни, вновь ощущая, с какой страшной быстротой летит время, — нам нужно ехать в Сиракьюс как можно скорее.

Кайл был очень встревожен.

— А вы хоть... подготовились? Ведь это целое представление. Вы подумали, что собираетесь говорить: что должен подслушать Пастырь?

Гурни снова постарался говорить убедительно.

— Я вижу это так (хотя, конечно, тут нужно будет импровизировать): мы войдем в квартиру Ким, обсуждая нашу сегодняшнюю встречу с Руди Гетцем. Ким будет говорить мне, что она хочет прекратить выпуск программы на РАМ-ТВ. Я же буду настаивать, что ей не стоит торопиться, что программу надо продолжать.

— Подожди, — сказал Кайл, — а зачем это говорить?

— Я хочу, чтобы Пастырь считал главной угрозой меня, а не Ким. Пусть он поверит, что она хочет прекратить выпуск программы, а основное препятствие — это я.

— Это все? Весь план?

— Нет, не все. По моему замыслу, в разгар нашего с Ким спора об «Осиротевших» у меня должен зазвонить телефон. Якобы мне звонит Макс Клинтер. И у того, кто слышит мою часть разговора — а большего через жучки и не подслушать, — должно создаться впечатление, что Макс добыл какие-то сведения, позволяющие вычислить Доброго Пастыря. Возможно сведения, дополняющие мои собственные догадки. У того, кто подслушивает, должно создаться ощущение, что мы с Максом абсолютно уверены в том, что вычислили Доброго Пастыря и завтра вечером встречаемся в хижине Макса, чтобы сверить информацию и разработать план действий.

С минуту Кайл молчал:

— То есть... ты хочешь, чтобы он... что? Пришел в хижину Клинтера... чтобы тебя убить?

— Если мои расчеты верны, он решит, что у него есть возможность, не рискуя, устранить серьезную угрозу.

— А вы... — Кайл поглядел на Гурни, потом на Ким, потом снова на Гурни. — Вы все это время будете... просто импровизировать?

— В нашем случае это единственный выход. — Гурни посмотрел на настенные часы. — Нам пора.

Ким смотрела испуганно.

— Я пойду возьму сумку.

Когда Гурни услышал, как Ким поднимается на лестнице, он повернулся к Кайлу:

— Я хочу тебе кое-что показать. — Он повел Кайла в свою спальню и открыл нижний ящик стола. — Я не знаю, во сколько сегодня вернусь. На случай, если случится что-нибудь непредвиденное... или зайвится незванный гость... знай, что это здесь.

Кайл посмотрел в открытый ящик. Там лежал короткоствольный дробовик двенадцатого калибра и коробка с патронами.

Глава 43

Разговор для Пастыря

Гурни и Ким поехали в Сиракьюс каждый на своей машине. В такой сложной ситуации им показалось разумнее ехать по отдельности.

Они остановились перед невзрачным домом, половину которого занимала квартира Ким, и Гурни еще раз прошелся по плану. Сам он все больше чувствовал, насколько этот план получился вялым и вымученным. В сущности, никакой и не план, а так, слабенькая театральная сценка. Но нельзя было, чтобы его сомнения увидела Ким — не дай бог, они ей передадутся. Если ее еще больше растревожить, она впадет в ступор. И в любом случае ничего, кроме этой убогой сценки, он предложить не мог.

Гурни добавил с максимально уверенной улыбкой, какую только мог выжать:

— Что бы я ни сказал, реагируй так, будто все по-настоящему. И, насколько возможно, проявляй свои настоящие чувства. Расслабься и отвечай на мои реплики. Хорошо?

— Вроде да.

— И еще: достань телефон и держи его наготове. В какой-то момент я подам тебе сигнал и ты наберешь мой номер — у меня зазвонит телефон, и я разыграю разговор с Клинтером. Все, что нужно придумать, я придумаю сам. Ты играешь саму себя. Теперь все.

Он усмехнулся и подмигнул ей. И тотчас же пожалел. Эта фальшивая бравада ввела в ступор его самого.

Ким сглотнула, открыла дверь в крохотный тамбур, затем отперла квартиру. Сквозь узкий коридор провела Гурни в гостиную. Он обвел взглядом раскладной диван, дешевый кофейный столик, пару потрепанных кресел, около каждого — по хрупкому торшеру. Все было в точности таким же, как и в прошлый раз, вплоть до грязного оттенка ковра, протертого посередине.

— Садитесь, Дэйв, я сейчас приду, — сказала Ким.

Голос ее звучал совершенно естественно. Она прошла по коридору и вошла в ванную, громко хлопнув дверью.

Гурни походил по комнате, высморкался, несколько раз откашлялся, шумно плюхнулся на диван. Через несколько минут Ким вернулась. Оба положили телефоны на стол.

— Хотите чего-нибудь выпить?

— Да, горло пересохло. А что есть?

— Все что хотите.

— Тогда можно какого-нибудь сока? Если найдется.

— Думаю, да. Сейчас, секунду. — Она прошла по коридору на кухню.

Гурни услышал, как стучат друг об друга стаканы, как Ким вынимает и вставляет обратно затычку для раковины.

Затем она вернулась с двумя пустыми стаканами. Один она протянула Гурни, чокнулась с ним и сказала:

— Ваше здоровье.

Потом села на диван, повернувшись лицом к Гурни.

— Спасибо, и твое тоже. Ты, я вижу, пьешь вино. Чтобы прийти в себя после истории с РАМ?

Ким глубоко вздохнула:

— Это какой-то кошмар.

Гурни откашлялся.

— Я думаю, телевидение есть телевидение.

— Вы хотите сказать, мне стоит и дальше работать с этим подонком Руди?

— Я хочу сказать, — ответил Гурни, — что тебе стоит подумать о будущем.

— Что-то не хочу я такого будущего. Почему? — усмехнулась она. — А вы хотели бы воспользоваться предложением Руди и вести собственное шоу?

— Не в этой жизни, уж точно в том формате, о котором он говорил, — сказал Гурни. Потом откашлялся. — Можно мне еще? — и указал на ее телефон.

Ким кивнула и взяла телефон в руки.

— Да уж, кажется, вы и впрямь давно не пили. — Она шумно встала, ударила по стакану и опрокинула его. — Черт! Все пролила! — С этими словами она вышла из комнаты.

Стакан был пуст, проливать было нечего, но по звукам можно было представить себе неловкую ситуацию. Гурни улыбнулся. У молодой леди определенно был талант.

У него зазвонил телефон. Он взял трубку и начал выдуманный разговор.

— Макс?.. Да, конечно, говори... Что ты имеешь в виду?.. Почему ты спрашиваешь?.. Что?.. Ты серьезно?.. Да, да, конечно... Да... Да нет, пост в Фейсбуке написала не она... Да, ты прав... Ты уверен?.. Слушай, то, что ты говоришь, очень разумно, но установить личность надо точно. Понимаешь, железобетонно, чтобы не осталось сомнений... Господи, трудно поверить, но, похоже, ты прав... Да, конечно... Когда?.. Да, я все возьму с собой... Хорошо... Да... Будь максимально осторожен... Завтра в полночь... Непременно!

Гурни сделал вид, что завершил звонок, положил телефон на стол.

Ким вернулась в комнату.

— Пожалуйста, ваш сок, — сказала она, протягивая Гурни стакан. — Кто это звонил? Вы как будто взволнованы.

— Это Макс Клинтер. Похоже, Добрый Пастырь наконец-то допустил серьезный промах. Помимо тех ошибок, что совершил в доме Рут Блум и в автомастерской. О них я уже знал, но Макс только что обнаружил кое-что еще и... теперь мы знаем, кто он.

— Господи! Вы вычислили Доброго Пастыря?

— Да. Я уверен процентов на девяносто. Но нам нужно быть уверенными на все сто. Это слишком серьезное дело, тут не должно остаться никаких сомнений.

— Кто же это? Скажите!

— Не сейчас.

— Что значит «не сейчас»?

— Я не могу позволить себе ошибиться. Слишком многое стоит на

кону. Завтра ночью мы с Клинтером встречаемся у него в хижине. Он должен мне кое-что показать. Если все сойдется с моими данными, пазл сложится — и мы покончим с Добрым Пастырем.

— А зачем ждать до завтрашнего вечера? Почему вы не встречаетесь сейчас?

— Клинтер старается держаться подальше от своей хижины, с тех пор как получил сообщение от Доброго Пастыря и, поверив ему, стал разъезжать в окрестностях Авроры, где жила Рут. Он боится копов и теперь не хочет появляться в округе Кайюга днем. Говорит, что самое раннее, когда он сможет добраться до своей хижины, — завтра в полночь.

— Господи, я не могу в это поверить! Я не могу поверить, что вы знаете, кто на самом деле Добрый Пастырь, и не можете мне сказать! — Голос ее звучал испуганно, почти жалко.

— Так безопаснее, — Гурни выдержал паузу, словно бы размышляя. — Думаю, тебе лучше пожить пару дней в отеле. Старайся не привлекать внимания. Лучше прямо сейчас собирай вещи и пойдём отсюда.

Глава 44

Разбор полетов

Они не говорили до тех пор, пока не припарковались около большого сетевого отеля на дублере трассы 88.

Было почти полвосьмого, и мартовские сумерки уже сгустились. На парковке зажглись фонари, и в их свете казалось, что сейчас не день и не ночь. Наверное, так должен был выглядеть день на планете, где солнце холодного голубого цвета и все краски от этого тусклы.

Ким села к Гурни на переднее сиденье, и они обсудили свой спектакль.

— Как вы думаете, Добрый Пастырь проглотит наживку? — спросила Ким.

— В общем, да. Он может, конечно, что-то заподозрить. Похоже, он вообще очень подозрителен. Но ему придется что-то сделать. А чтобы что-то сделать, нужно будет обнаружить себя. В той ситуации, которую мы ему обрисовали, самый большой для него риск — это бездействие. Это он поймет. С логикой у него все прекрасно.

— Как вам кажется, мы справились?

— Ты справилась превосходно. Очень естественно держалась. А теперь послушай меня: переночуй сегодня в этом отеле. Не открывай никому. Ни при каких обстоятельствах. Если кто-нибудь будет уговаривать

тебя открыть, сразу же звони на пункт охраны. Договорились? Утром позвонишь мне.

— Хоть когда-нибудь мы будем в безопасности?

Гурни улыбнулся.

— Думаю, да. Надеюсь, что после завтрашней ночи мы все будем в совершенной безопасности.

Ким закусил губу.

— Какой у вас план?

Гурни откинулся на сиденье, глядя на желчное сияние фонарей.

— Мой план в том, чтобы выманить Доброго Пастыря, пусть он сам себя выдаст. Но это завтра ночью. А сегодня я планирую вернуться домой и отоспаться за два дня.

Ким кивнула:

— Хорошо. — Потом помолчала. — Ладно, я пойду сниму номер. — Она взяла сумку, вышла из машины и направилась в отель.

Когда Ким скрылась в вестибюле гостиницы, Гурни вышел из машины и лег на спину под задним бампером. Без особого труда он открепил маячок. Затем снова сел в машину, развинтил устройство отверткой и вынул батарейки.

С этого момента и до последней схватки он решил скрывать от Пастыря свое местоположение.

Глава 45

Ученик дьявола

Бог дал, Бог и взял.

В эту ночь Гурни проспал семь часов, в которых так отчаянно нуждался. Тем не менее проснулся он в ужасе, и этот безымянный ужас лишь отчасти растворился, когда Гурни принял душ, оделся и пристегнул к ноге «беретту».

В восемь утра он стоял у окна и глядел на холодное белое солнце, поднявшееся в тумане. Он уже выпил полчашки кофе и надеялся, что скоро станет полегче. Мадлен сидела за столом, ела овсянку с тостами и читала «Войну и мир».

— Ты так всю ночь читала? — спросил он.

Она поморгала, явно не понимая его и оттого раздражаясь.

— Что-что?

— Неважно. Извини.

На самом деле это была неудачная попытка пошутить: накануне вечером, когда Гурни приехал из Сиракьюса и сразу пошел спать, Мадлен сидела за тем же самым столом и читала ту же книгу. Гурни тогда лишь вкратце рассказал о том, как они с Ким разыграли сценку.

Он допил кофе и пошел делать себе вторую чашку. Мадлен закрыла книгу и отодвинула ее к центру стола.

— Может, не стоит пить столько кофе? — сказала она.

— Наверное, ты права.

Он все равно налил вторую чашку, но, вроде как из уважения к словам Мадлен, вместо двух пакетиков подсластителя высыпал только один.

Мадлен не сводила с него глаз. Ему казалось, что тревога на ее лице вызвана чем-то более серьезным, чем вред кофеина.

Когда он выключил кофемашину и вернулся к окну, она тихо спросила:

— Я чем-то могу тебе помочь?

Этот вопрос произвел на него странное действие. Такой простой, но в нем слышалось так много всего.

— Думаю, нет, — ему самому этот ответ показался избыточным и неуместным.

— Ну хорошо, — сказала она, — если вдруг надумаешь, скажи.

Ее мягкий тон заставил его ощутить еще большую неловкость. Чтобы взбодриться, он решил сменить тему:

— Какие у тебя сегодня планы?

— Иду в клинику, само собой. И, возможно, не вернусь к обеду. Возможно, после работы зайду к Бетти. — Она помолчала. — Хорошо?

Она часто спрашивала «хорошо?». Когда собиралась куда-то пойти, или посадить что-нибудь на клумбах, или выбрать рецепт. Гурни этот вопрос почему-то всегда раздражал, и он всегда отвечал одинаково: «Разумеется, хорошо». После этого оба замолкали, замолчали и теперь.

Мадлен снова открыла «Войну и мир».

Гурни взял свой кофе и пошел в кабинет. Сев за стол, он стал обдумывать риски предстоящего предприятия, того, как он один, по сути дела, не подготовившись, придет в хижину Макса Клинтера. И тут его пронзила новая мысль — новая тревога. Он оставил кофе и пошел осматривать машину Мадлен.

Через двадцать минут он вернулся в дом, радуясь, что его опасения не оправдались и к машине Мадлен не прикреплено никаких посторонних устройств.

— За чем это ты ходил? — спросила, оторвавшись от книги, Мадлен, когда он вошел в кухню.

Гурни решил, что лучше всего сказать правду. Он объяснил ей, что и почему искал, а заодно рассказал об устройствах, найденных на их с Ким машинах.

— Как ты думаешь, кто это сделал? — голос Мадлен был спокоен, но уголки глаз напряглись.

— Я не знаю точно, — Гурни нашел формально правдивый, но уклончивый ответ.

— Этот Миз? — почти с надеждой спросила она.

— Возможно.

— Или, может быть, тот, кто поджег наш амбар? И устроил ловушку в подвале у Ким?

— Возможно.

— Может быть, сам Добрый Пастырь?

— Возможно.

Она медленно, глубоко вздохнула.

— Это значит, что он ехал за вами следом?

— Не обязательно. По крайней мере, вблизи его не было. Я бы заметил. Возможно, он просто хочет знать, где я нахожусь.

— Зачем ему это знать?

— Чтобы снизить риски. Чтобы контролировать ситуацию. Естественное желание знать, где находится твой враг в каждый момент времени.

Мадлен глядела на него, плотно сжав губы. Было ясно, что она уже представила себе другое, кровавое объяснение.

Гурни хотел было ее успокоить и сказать, что уже снял маячок со своей машины, но вдруг понял, что тогда она спросит, почему он не убрал трекер и с машины Ким.

На самом деле ответ был прост. Добрый Пастырь мог поверить, что в одном маячке села батарейка, но вряд ли поверил бы, что в то же самое время вышла из строя и проводная система. Но говорить это Мадлен Гурни не хотел, зная, как она испугается, что Пастырь сможет по-прежнему следить за Ким хоть один день. Гурни в этот день и так предстояло одно столкновение, и столкновения с Мадлен он бы не вынес. Приходилось выбирать.

— Ну что, пап, расскажешь, как там у вас прошло?

В кухню вошел Кайл — босой, в джинсах и футболке, с волосами, мокрыми после душа.

— Я же рассказал вчера вечером.

— Вчера ты рассказал очень мало.

— Наверное, я просто хотел спать. Засыпал на ходу. А прошло все хорошо. Без задоринки. Думаю, мы разыграли правдоподобную сцену.

— И что теперь?

Гурни не обо всем готов был рассказывать Мадлен. Его затея могла показаться ей слишком рискованной. Он ответил настолько непринужденно, насколько смог:

— В общем, теперь я прихожу на место и жду, когда он попадет в мой капкан.

Кайл, казалось, был настроен скептически.

— И все?

Гурни пожал плечами. Мадлен отвлеклась от книги и теперь глядела на них.

— И что же это были за волшебные слова? — не унимался Кайл.

— Что-что?

— Что вы сказали, когда разыгрывали... эту вашу сценку... почему он теперь должен вылезти на свет?

— Мы дали ему понять, что у него есть возможность от меня избавиться. Мне сейчас сложно вспомнить, что конкретно... — тут у Гурни зазвонил телефон.

Он посмотрел на экран: звонила Ким. Гурни был благодарен ей за возможность прервать разговор. Но благодарность его длилась не дольше трех секунд.

Ким задыхалась.

— Ким? Что случилось?

— Боже... Боже...

— Ким?

— Да.

— Что случилось? В чем дело?

— Робби. Мертв.

— Что?

— Он мертв.

— Робби Миз мертв?

— Да.

— Где?

— Что?

— Ты знаешь, где он?

— В моей постели.

— Что произошло?

— Я не знаю.

- Как он оказался в твоей постели?
- Я не знаю! Но он здесь! Что мне делать?
- Ты в своей квартире?
- Да. Вы можете приехать?
- Скажи мне, что произошло.
- Я не знаю, что произошло. Я вернулась утром из отеля за вещами.

Вошла в спальню. Я...

- Ким?
- Да?
- Ты вошла в спальню...
- А он там лежит. На моей кровати.
- Как ты поняла, что он мертв?
- Он лежал на животе. Я попыталась перевернуть его, разбудить. А у него... из груди... что-то торчит.

В голове у Гурни бушевал вихрь, кусочки пазла закружились в бешеном танце.

- Дэйв?
- Да, Ким.
- Вы можете приехать? Пожалуйста.
- Ким, послушай меня. Прямо сейчас надо набрать девять один один.
- Вы можете приехать?
- Ким, мое присутствие тут не поможет. Надо набрать девять один один. Прямо сейчас. Это самое главное. Ты поняла?
- Да. Но я хочу, чтобы вы приехали. Пожалуйста.
- Я знаю. Но сейчас я повешу трубку, чтобы ты позвонила на девять один один. После того как опишешь ситуацию диспетчеру, перезвони мне. Ты поняла?
- Да.

Гурни повесил трубку, Кайл и Мадлен смотрели на него. Через пять минут, когда он, насколько мог, подробно, пересказывал им разговор, Ким перезвонила.

- Диспетчер сказал, что полиция выехала, — голос ее звучал уже спокойнее.
- Ты в порядке?
- Вроде бы да. Я не знаю. Тут еще эта предсмертная записка.
- Что-что?
- Предсмертная записка. Написанная Робби. На моем компьютере.
- Ты включила компьютер?
- Я просто увидела записку. Прямо на экране. Компьютер был

включен.

— Ты уверена, что это именно предсмертная записка?

— Конечно, уверена. Что это еще может быть?

— Что там написано?

— Какой-то ужас.

— Что там написано?

— Я не хочу читать ее вслух. Я не могу. — Она словно бы старалась набрать в грудь побольше воздуха.

— Пожалуйста, Ким, постарайся все же прочесть. Это важно.

— Это правда так необходимо? Там какой-то ужас.

— Постарайся. Пожалуйста.

— Хорошо. Я постараюсь. Хорошо. — И дрожащим голосом она прочла: — «Люди мне омерзительны. Жизнь мне омерзительна. Ты мне омерзительна. Вы с Гурни мне омерзительны. Надеюсь, однажды ты узнаешь правду, и она тебя убьет. Это предсмертная воля Роберта Монтегю». Вот. Это все. Когда придет полиция, что мне им сказать?

— Просто отвечай на вопросы.

— Мне сказать им, что вы были здесь вчера вечером?

— Отвечай на вопросы кратко и правдиво. — Гурни помолчал, подбирая слова. — Не стоит рассказывать лишние подробности, которые только запутают дело.

— Но сказать им, что вы здесь были?

— Да. Они захотят знать, была ли ты в квартире, когда ты пришла, когда ты ушла и был ли с тобой кто-нибудь еще. Можешь сказать, что мы были там вместе и обсуждали твой проект. Думаю, не стоит отвлекать их от дела лишними подробностями про Макса Клинтера и его хижину. В общем, говори правду, не лги, но ты не обязана сообщать то, о чем тебя не спрашивают. Понимаешь, о чем я?

— Думаю, да. Мне сказать им, что я ночевала в отеле?

— Обязательно. Им надо знать, где ты была, и ты должна говорить правду. На твоём месте, если бы в мою квартиру кто-то проникал, а местная полиция не реагировала, я бы не стал ночевать дома. Мне было бы спокойнее в отеле, или в Уолнат-Кроссинге, или в квартире друга на Манхэттене. Кстати, а ты ночью выходила из отеля?

— Нет, конечно, нет. Но... — Тут послышался громкий стук в дверь. — Это полиция. Я пойду открою. Потом перезвоню.

Договорив, Гурни так и остался стоять посреди комнаты, тщетно пытаясь осмыслить, каковы факты, что они значат и что срочно надо делать. Он чувствовал себя, как циркач, жонглирующий апельсинами,

которому вдруг подкинули арбуз.
Арбуз, начиненный нитроглицерином.

Глава 46

Другого пути нет

— Самоубийство? — спросил Кайл.

— Сомневаюсь, — сказал Гурни. — Это не в его характере. А было бы и в его, все равно убийство выглядит логичнее.

— Ты думаешь, полиция Сиракьюса сможет разобраться, в чем там дело?

— Может быть, если ей немного помочь.

Он помедлил несколько секунд, потом набрал номер Хардвика. Тот сразу же снял трубку.

— Теле-мать-ее! — воскликнул хриплый голос.

— Что-что?

— Как раз собирался тебе звонить, а тут ты. Гребаная телепатия.

— Называй как хочешь, Джек. Я звоню тебе потому, что знаю кое-что, что заинтересует БКР, а ты, возможно, единственный в этой конторе, кто меня выслушает.

— Ну после того, что я тебе скажу ты, может, гроша долбаного...

— Сначала выслушай. Робби Миз мертв.

— Мертв? В смысле, его кокнули?

— Я бы сказал, что да, хотя обставлено все как суицид.

— БКР об этом еще не знает?

— Городская полиция Сиракьюса знает. Так что вы тоже скоро узнаете. Но дело не в этом. Кто бы в итоге ни занимался сбором улики, я хочу, чтобы они тщательно изучили клавиатуру компьютера, на котором была оставлена предсмертная записка. Очень вероятно, что отпечатки пальцев на компьютере будут смазаны — так же, как и на компьютере Рут Блум.

Хардвик молчал, словно пытаясь осмыслить сказанное.

— Где обнаружили труп?

— В квартире Ким Коразон.

Хардвик помолчал еще, дольше.

— В случае с Блум отпечатки на клавиатуре смазаны из-за того, что кто-то печатал в латексных перчатках, желая сохранить изначальные отпечатки пальцев. Как будто бы сообщение написала Блум. Так?

— Так.

— Ну и как это работает в нашем случае? На компьютере Коразон отпечатки пальцев ее, а не Миза. Как убийца мог создать впечатление, что записку написал Миз?

— Он мог попросить его напечатать что-то еще — не знаю, электронное письмо — и только потом убить. А потом, когда Миз оставил на клавиатуре свои пальчики, надеть латексные перчатки и написать записку.

— И что мне делать с этим откровением?

— Когда ты получишь отчет информационной службы, в котором, надеюсь, будет упоминание о предсмертной записке, тебе может случайно прийти в голову сравнить отпечатки пальцев на клавиатуре Ким с отпечатками на клавиатуре Рут Блум. Просто потому что они были знакомы. Ты можешь сказать об этом Баллард в Оберне. И детективу Джеймсу Шиффу в Сиракьюсе.

— А сам ты не хочешь это сделать?

— Я сейчас непопулярен. Любое мое предложение окажется внизу списка, если вообще в него попадет.

Хардвик отрывисто закашлял. Или это он так смеялся.

— Дружище, черт возьми, ты не подозреваешь, насколько прав. Поэтому я тебе и звоню. Отдел по поджогам решил тебя допросить. В качестве подозреваемого.

— Когда?

— Вероятнее всего, завтра утром. Но может быть, и сегодня днем. Я решил тебя предупредить, может, ты захочешь, чтоб тебя не было дома.

— Понятно, Джек. Спасибо. Мне пора. Надо еще кое-что сделать.

— Береги свою задницу, одинокий рейнджер. Эта шайка шутить не любит.

Договорив, Гурни так и остался стоять с телефоном в руке. Мадлен и Кайл сидели за столом. Кайл в изумлении глядел на отца.

— Это невероятно — про клавиатуру и перчатки. Круто. Как ты это понял?

— Это только догадка. Возможно, я ничего и не понял. Тут еще одна проблема. Эти придурки из отдела по поджогам под давлением придурков из ФБР решили допросить меня по поводу амбара.

Кайл разозлился:

— Так разве этот тип, Крамден, уже не допросил?

— Крамден взял у меня свидетельские показания. Теперь они хотят допросить меня как подозреваемого.

Мадлен явно была поражена.

— Подозреваемого? — вскричал Кайл. — Совсем что ли охренели?

— И это еще не все, — сказал Гурни. — Одно или даже не одно отделение полиции, возможно, вздумает допросить меня в связи со смертью Робби Миза, потому что прошлым вечером я был в квартире у Ким. Допрос свидетеля по делу об убийстве может длиться очень долго, а у меня сегодня ночью дело, которое я не хочу пропускать.

Кайл был зол, встревожен и явно чувствовал беспомощность. Он прошел в дальний конец комнаты и стал смотреть в холодный очаг, качая головой.

Мадлен не сводила глаз с Гурни.

— Куда ты поедешь?

— В хижину Клинтера.

— И сегодня...

— Я буду ждать, смотреть, слушать. Посмотрю, кто придет. И буду действовать по ситуации.

— Меня пугает, как спокойно ты об этом говоришь.

— Почему?

— Потому что ты стараешься все преуменьшить, когда на кону — всё.

— Я предпочитаю не драматизировать.

Повисло молчание, потом где-то вдалеке послышалось карканье. Три вороны вспорхнули с прошлогодней травы на нижнем пастбище и полукругом уселись на верхушки тсуг, росших на дальнем берегу пруда.

Мадлен медленно, глубоко дышала.

— А если Добрый Пастырь придет с пистолетом и тебя убьет?

— Не волнуйся. Этого не случится.

— Не волнуйся? Не волнуйся?! Ты серьезно?

— Я имел в виду, что все не так страшно, как ты думаешь.

— Откуда ты знаешь?

— Если он проверял жучки, то он слышал, что мы с Максом встречаемся в его хижине сегодня в полночь. Самое разумное, что он может сделать, — это прийти туда за пару часов до нас, выбрать подходящее место, спрятать свою машину, спрятаться самому и ждать. Я думаю, такая перспектива покажется ему заманчивой. Он хорошо умеет убивать людей ночью на пустынных сельских дорогах. Просто отлично умеет. Он решит, что риск невелик, а выгода огромна. И ему понравятся темнота и пустынное место — это, можно сказать, его зона комфорта.

— Если он и правда думает так, как ты описал.

— Это крайне рациональный человек.

— Рациональный?

— Крайне — он напрочь лишен эмпатии. Поэтому он чудовище, совершенный социопат. Но поэтому же его легко понять. Его ум — это калькулятор, подсчитывающий риски и выгоды, а калькулятор — вещь очень предсказуемая.

Мадлен смотрела на него так, словно он говорил не просто на иностранном языке, а на языке какой-то другой планеты.

Из дальнего конца комнаты послышался неуверенный голос Кайла, все еще стоявшего у очага.

— То есть твой план — просто прийти туда первым? Чтобы ты его подждал, а не он тебя?

— Примерно так. Все и правда очень просто.

— Насколько ты уверен... в этом плане?

— Настолько, что готов его осуществить.

Отчасти это была правда. Хотя более честный ответ был бы, что времени почти не осталось, надо было действовать, а придумать ничего другого Гурни не мог.

Мадлен встала из-за стола и отнесла в раковину холодную овсянку с недоеденным тостом. Потом застыла, глядя на кран, и в глазах ее читался ужас. Наконец натужно улыбнулась и подняла глаза:

— На улице так хорошо. Я пошла на прогулку.

— Разве тебе сегодня не надо в клинику? — спросил Гурни.

— Мне к половине одиннадцатого. Еще куча времени. В такое утро нечего сидеть дома.

Она пошла в спальню и через пару минут вернулась вся разноцветная: в сиреневых флисовых штанах, розовой нейлоновой куртке и красном берете.

— Я пошла к пруду, — сказала она. — Я тебя еще провожу.

Глава 47

Отлетающий ангел

Кайл подошел к столу и сел рядом с Гурни.

— С ней все в порядке?

— Конечно. То есть... Конечно... Я уверен, все будет хорошо. Ей всегда лучше на улице. Прогулки ей очень помогают. Очень.

Кайл кивнул:

— А что делать мне?

Самый серьезный вопрос, какой сын может задать отцу, подумал

Гурни и улыбнулся:

— Присматривай тут за всем. — Он помолчал. — Как твоя работа? И университет?

— Электронная почта творит чудеса.

— Ну хорошо. А то мне беспокойно. Я втянул тебя во все это... создал тебе проблемы... привнес в твою жизнь опасность... Родители... не должны... — его голос сорвался. Он посмотрел в окно, не улетели ли еще вороны.

— Папа, ты не привнес никакой опасности. Наоборот, ты с ней борешься.

— Ну хорошо... Ладно... Мне пора собираться. Не хочу, чтобы меня задержали дома с этой ерундой о поджоге.

— Ты хочешь, чтобы я что-нибудь сделал?

— Как я и сказал, просто присматривай за домом. И... ты знаешь, где... — Гурни жестом указал на спальню.

— Где дробовик. Да. Конечно.

— Если повезет, к завтрашнему утру все будет в порядке, — эта фраза ему самому показалась неискренней. Как бы то ни было, он вышел из кухни.

Не так уж много нужно было сделать до отъезда. Гурни убедился, что телефон заряжен. Проверил, исправна ли «беретта» и хорошо ли держится кобура на лодыжке. Вынул из ящика стола папку, которую Ким дала ему при первой встрече, а заодно распечатки отчетов, которые переслал ему Хардвик. Перед схваткой у него будет немало времени и хорошо бы еще раз изучить все факты.

Когда он вернулся в кухню, Кайл стоял у стола — видимо, от тревоги не мог усидеть на месте.

— Ну что, сынок, я пошел.

— Хорошо. До скорого. — Кайл нарочито небрежно поднял руку и не то помахал, не то отдал честь.

— Да. До скорого.

Гурни быстро прошел в машину, по дороге захватив в прихожей куртку. Он едва отдавал себе отчет, что едет через пастбище, пока не поравнялся с прудом, где начиналась гравийная дорога. Тут он увидел Мадлен.

Она стояла на пригорке у пруда рядом с высокой березой, глаза ее были закрыты, лицо обращено к солнцу. Гурни вышел из машины и подошел к ней. Он хотел попрощаться, сказать, что вернется к утру.

Мадлен медленно открыла глаза и улыбнулась Гурни.

— Ну разве не чудо?
— Что?
— Воздух.
— А. Да, приятный. Я сейчас уезжаю, хотел...
Ее улыбка вывела его из равновесия. В ней было столько... чего же?
Нет, не совсем грусти. Чего-то еще.
Это что-то звучало и в ее голосе.
— Постой минутку, — сказала она, — почувствуй, какой воздух.
На мгновение — на несколько секунд, может, на минуту — он застыл неподвижно.
— Разве не чудо? — снова сказала она, и голос ее был тих, словно воздух, о котором она говорила.
— Мне пора, — сказал он. — Надо ехать, пока не...
Она перебила его:
— Я знаю. Знаю, что надо. Будь осторожен. — Она коснулась рукой его щеки. — Я люблю тебя.
— Господи, — он поглядел на нее. — Мадди, я боюсь. Я всегда умел распутывать дела. Я так надеюсь, что и сейчас знаю, что делаю. Это все, что в моих силах.
Она прижала палец к его губам.
— Ты отлично справишься.
Он не помнил, как дошел до машины, как сел в нее.
Помнил только, как обернулся и увидел Мадлен: она по-прежнему стояла у березы и махала ему, разноцветная одежда сияла в солнечном цвете, улыбка пронзала сердце.

Глава 48

Главная жертва

Путь от Уолнат-Кроссинга до округа Кайюга представлял собой череду буколических пейзажей: фермерские дома, виноградники, кукурузные поля на склонах холмов, то здесь, то там — кучки деревьев. Но Гурни всего этого не замечал. Он думал лишь о пункте назначения — пустой хижине на черном болоте — и о том, что случится ночью.

Он приехал на место еще до полудня и решил не заходить сразу в хижину. Проехал мимо грязной грунтовой дороги, ведущей ко входу, мимо скелета-привратника и просевшей алюминиевой калитки. Калитка была открыта, но это не радовало, а казалось зловещим.

Проехав около мили, он повернул назад. На полпути к запретной подъездной дорожке Клинтера, на поле, заросшем сорняками, он увидел большой покосившийся амбар. Крыша сильно просела. В обшивке не хватало многих досок, одна створка ворот тоже отсутствовала. Фермерского дома не было видно — только неопрятный фундамент, на котором он, быть может, раньше стоял.

Гурни стало любопытно. Поравнявшись с тем, что когда-то было въездом, он повернул в поле и поехал к амбару. Внутри амбара было темно, и ему пришлось включить фары. Пол был бетонный, и до дальней темной стены тянулся длинный проход. Было очень грязно, полно сгнившего сена, но в целом — пусто.

Гурни решил. Он медленно въехал в амбар — постарался подальше, в самое темное место. Потом взял папку с материалами для «Осиротевших» и полицейскими отчетами, вышел из машины и запер ее. Был ровно полдень. Ждать предстояло долго, но он решил провести время с пользой.

Гурни прошел через заросшее поле и вдоль дороги до поворота к хижине Клинтера. Шагая по узкой насыпи, отделявшей бобровый пруд от болота, он еще раз подивился тому, в какой непроходимой глуши живет Макс.

Как и обещал Клинтер, дверь была открыта. Внутри, в единственной большой комнате, стоял несвежий запах: видимо, там редко открывали окна. От бревенчатых стен шел другой запах — кислый, древесный. Мебель словно купили в магазине специальной «деревенской» мебели. Дом сурового мужика. Жилище охотника.

В комнате были плита, раковина, холодильник у одной стены, длинный стол с тремя стульями у соседней, а у третьей стены — низкая односпальная кровать. Пол из почерневших сосновых досок. В глаза Гурни бросилось что-то на полу — кажется, крышка люка. С одной стороны было высверлено отверстие — видимо, так люк открывался. Из чистого любопытства Гурни попробовал приподнять крышку люка, но та не поддавалась. Судя по всему, какое то время назад люк заделали. Или же, зная Клинтера, можно было предположить, что где-то скрывается потайной замок. Возможно, именно там он хранил «коллекционное» оружие, которое продавал так называемым коллекционерам безо всякой лицензии.

Стол стоял у окна, откуда падал свет и было видно тропу. Гурни уселся за стол на один из трех стульев и постарался рассортировать свои бумаги — что читать сначала, что потом. Он разложил их по нескольким стопкам, поперепокладывал листы из одной стопки в другую, подвигал их по столу в

зависимости от важности и, наконец поняв тщетность своих усилий, решил выбирать документы спонтанно.

Собравшись с духом, он достал пачку фотографий десятилетней давности с результатами вскрытия и выбрал те, на которых были засняты черепные раны. И вновь эти снимки ужаснули его — ужаснуло, как страшные раны обезображивали лица, превращая их в застывшие гротескные маски. Вновь его до глубины души потрясло это издевательство над человеческим достоинством, и он исполнился решимости воздать этим людям последние почести, привлечь к суду их убийцу и тем самым защитить их погранные права.

Чувство решимости взбодрило Гурни. Это было полезное, простое, деятельное чувство. Но скоро оно начало ослабевать.

Гурни обвел глазами комнату Макса Клинтера — холодную, недружелюбную, обезличенную — и подивился тому, насколько же мал мирок, в котором Клинтер живет. Он конечно не знал, как жил Макс до встречи с Добрым Пастырем, но было ясно, что за последние десять лет его жизнь съезжилась и поблекла. В этой хижине, в маленькой клетушке на болотной кочке посреди глухомани, Клинтер жил как отшельник. Это был абсолютно одинокий человек, терзаемый собственными демонами, собственными фантазиями, собственной жаждой мщенья. Ахав. Безумный, раненый капитан Ахав. Ахав не на просторах морей, а в дебрях болот. Ахав, у которого вместо гарпунов — коллекционные стволы. Запертый в тюрьме единственной цели, не видящий в жизни ничего, кроме своей кровавой миссии, не слышащий ничего, кроме голосов в голове.

Бесконечно одинокий человек.

От жестокой ясности этой правды у Гурни слезы подступили к глазам.

И тут он понял, что плачет не о Максе.

Он плакал о себе.

Перед ним вдруг возник образ Мадлен. Он вспомнил, как она стояла у березы на том пригорке. На пригорке между прудом и лесом. Стояла и махала ему на прощание. Вся сияющая и разноцветная, махала, улыбалась — с таким чувством, которого он не мог постичь. Которого не могли передать слова.

Все это было похоже на конец фильма. Фильма о человеке, получившем великий дар, получившем в спутники ангела, который мог бы озарить его путь любовью, показать ему все на свете, отвести его куда угодно, если б он только захотел посмотреть, послушать, откликнуться. Но этот человек был слишком занят, слишком озабочен другими вещами, слишком погружен в темноту, завораживающую его и бросающую ему

вызов, слишком поглощен самим собой. И ангелу велено было отлететь, потому что она сделала для человека все, что могла, все, что он позволил. Она любила его, знала его досконально, принимала его таким, каков он есть, желала ему любви, света и счастья, сколько он мог принять, желала всего самого лучшего, что может быть на свете. Но пришла пора прощаться. В конце фильма ангел улыбался — его улыбка вмещала всю любовь вселенной — и исчезал в солнечных лучах.

Гурни опустил голову, прикусил губу. По щекам его струились слезы. Он разрыдался. Над придуманным фильмом. Над собственной жизнью.

Просто смешно, подумал он через час. Нелепо. Какой-то приступ жалости к себе, взвинченная, истеричная чушь. Когда будет время, надо проанализировать этот эпизод, понять, что спровоцировало такой детский срыв. Конечно, он чувствовал себя уязвимым. Из-за политических терок он остался в одиночестве, а не до конца зажившие раны сделали его раздражительным и сентиментальным. А подо всем этим, само собой, что-то еще, детские переживания, страхи и так далее. Надо будет все это проанализировать. Потом. А сейчас...

Сейчас нужно как можно лучше использовать оставшееся время. Нужно как можно лучше подготовиться к схватке, которой вот-вот закончится процесс, который запустили они с Ким.

Гурни начал беспорядочно перебирать бумаги на столе, читая все: от отчетов о происшествиях до записей Ким о встречах с родственниками убитых, от фэбээровского профиля преступника до полного текста «Декларации о намерениях».

Он прочитал все, что было. Причем так внимательно, словно читал их впервые. То и дело он поглядывал в окно на тропу, а заодно вставал и подходил к другим окнам. С этими перерывами чтение заняло более двух часов. Потом он перечитал все материалы еще раз.

Когда он закончил, солнце уже село. Он устал и от чтения, и от долгого сидения за столом, поэтому встал, потянулся, достал «беретту» из кобуры на лодыжке и вышел на улицу. Был тот час вечера, когда безоблачное небо из голубого становится серым. Со стороны бобрового пруда донесся громкий всплеск. Потом еще один. И еще. Потом настала полная тишина.

Вместе с тишиной пришла тревога. Гурни медленно обошел вокруг хижины. Все казалось таким же, как и в прошлый раз, разве что «хаммера» возле стола на улице уже не было. Он снова вошел в хижину и закрыл дверь — закрыл, но не запер.

За те три-четыре минуты, пока он выходил, заметно стемнело. Он

снова сел за стол, положил «беретту» так, чтобы легко до нее дотянуться, и отыскал в груде бумаг свой список вопросов о деле Доброго Пастыря. Его внимание привлек тот же вопрос, о котором ему говорили Баллард в Саспарилье и Хардвик по телефону: какие мотивы могли быть у Джими Брюстера, чтобы убить не только своего отца, но и остальных пятерых человек.

У Хардвика была гипотеза, что отца Джими мог убить из ненависти к нему и к его потребительскому образу жизни, символом которого был «мерседес». А остальных пятерых он мог убить, потому что у них были такие же машины, а значит, они сами были такими же, как отец. Иными словами, в деле, возможно, была главная жертва, а были второстепенные.

Но какой бы соблазнительной ни казалась на первый взгляд эта версия, она плохо сочеталась с тем, что Гурни знал об убийцах-психопатах. Обычно они убивали или непосредственный объект своей ненависти, или несколько других, напоминающих его. Но никогда не делали и того и другого. Так что схема с главной и второстепенной жертвой не совсем...

Или работала?

А если...

А что, если у убийцы был только один объект ненависти? Он хотел убить одного человека. Но убил еще пятерых — не потому, что они напоминали ему его главную жертву, а потому, что они напомнили бы ее полиции?

А что, если он убил еще пятерых человек, только чтобы создать у полиции впечатление, будто это убийство совсем иного рода? Как минимум эти дополнительные жертвы так запутали бы всю картину, что было бы сложно сказать, какая жертва главная, какие второстепенные. И разумеется, все убийства Доброго Пастыря были обставлены так, чтобы полиции даже в голову не пришел этот вопрос.

С какой бы стати полицейские подумали, что шесть жертв — это на самом деле одна плюс пять? С чего бы вообще им об этом задуматься? Особенно если у них с самого начала была убедительная версия, согласно которой все шесть жертв одинаково важны? Особенно если они получили манифест самого убийцы, из которого следовало, что они и правда одинаково важны? Манифест, составленный так умно и в таком соответствии с существующими уликами, что лучшие из лучших проглотили наживку?

У Гурни возникло чувство, что он наконец что-то понял, что туман понемногу рассеивается. Впервые у него появилась гипотеза, которая — по крайней мере, на первый взгляд — казалась правдоподобной.

Как и всегда с такими озарениями, он сразу же подумал, почему эта мысль не пришла ему в голову раньше. Ведь, по сути дела, эта гипотеза лишь на миллиметр отстояла от фильма о человеке с черным зонтом, пересказанного Мадлен. Но иногда миллиметр решает все.

С другой стороны, не все то правда, что правдоподобно. Гурни по опыту знал, как легко проглядеть неувязки в собственной логике. Когда думаешь о собственной догадке, объективностью даже не пахнет. Каждый человек верит, что мыслит непредвзято, и каждый жестоко ошибается. Всегда нужно звать на помощь адвоката дьявола.

Лучшим адвокатом дьявола для Гурни был Хардвик. Он достал телефон и позвонил. Когда гудки сменились автоответчиком, он оставил короткое сообщение: «Привет, Джек. У меня есть гипотеза по поводу дела, хочу узнать твоё мнение. Перезвони мне».

Он проверил, поставил ли телефон на вибрацию. Неизвестно было, что готовит ему грядущая ночь, но, насколько он мог представить, телефонный звонок мог оказаться очень некстати.

Вторым адвокатом дьявола Гурни выбрал лейтенанта Баллард. Он не вполне понимал, на чьей она стороне, но ему была нужна обратная связь, и он решил пренебречь политикой. Кроме того, подумал он, если его гипотеза справедлива, Баллард может снова склониться на его сторону. Ответа также не последовало, и Гурни оставил на автоответчике практически то же самое сообщение.

Не зная, когда Хардвик или Баллард ему перезвонят, и по-прежнему желая обсудить свою гипотезу, он, мучась сомнениями, все же решил позвонить Клинтеру. После третьего гудка Клинтер снял трубку.

— Привет, парниш, что, беда? Нужна помощь?

— Не беда. Просто гипотеза, хочу с тобой поделиться. Может, найдешь в ней неувязки, а может, я кое-что понял.

— Я весь внимание.

Гурни вдруг подумалось, что вообще-то Клинтер и Хардвик похожи. Что Клинтер — это Хардвик, совсем слетевший с катушек. Как ни странно, эта мысль его одновременно и успокоила, и встревожила.

Он изложил свою гипотезу. Дважды.

Ответа не последовало. Ожидая его, Гурни глядел в окно на широкий заболоченный пруд. Взошла полная луна, и в ее свете сухие деревья, склонившиеся над трясинной, казались зловещими.

— Алло, Макс?

— Я думаю, парниш, думаю. Никаких особых неувязок я не вижу. Хотя, конечно, возникают вопросы.

— Конечно.

— То есть я правильно понимаю, что, по-твоему, важно только одно из убийств?

— Да.

— А пять других совершены просто ради прикрытия?

— Да.

— И что ни одно из убийств никакого на хрен отношения не имеет к порокам общества?

— Да.

— А тогда почему именно такие машины?

— Может быть, у главной жертвы была такая. Большой, черный, дорогой «мерседес». Отсюда и идея про «мерседесы».

— И остальные пять жертв были выбраны совсем наугад? Потому что у них такая же машина? Чтобы это выглядело как повторяющаяся схема?

— Да. Я не думаю, что убийца что-нибудь знал о других жертвах — они его не заботили.

— То есть этот мерзавец чертовски хладнокровен, да?

— Да.

— Итак, большой вопрос: какая жертва была главной?

— Когда я встречу Доброго Пастыря, я у него спрошу.

— И ты думаешь, это случится сегодня? — Голос Клинтера дрожал от возбуждения.

— Макс, ни в коем случае не вмешивайся. Это очень ненадежная затея.

— Понял, парниш. Но еще один вопрос. Как твоя гипотеза объясняет новые убийства?

— Очень просто. Добрый Пастырь не хочет, чтобы мы поняли, что прежние шесть убийств — это одно плюс пять. «Осиротевшие» каким-то образом ему в этом мешают — например, могут указать на единственное значимое убийство. Чтобы не дать нам ничего понять, он снова убивает людей.

— Отчаянный тип.

— Скорее прагматичный, чем отчаянный.

— Боже, Гурни, если верить новостям, он прикончил трех человек за три дня.

— Да. Но я не думаю, что дело здесь в отчаянном нраве. Я не думаю, что для Доброго Пастыря убийство что-то значит. Это просто действие, которое он периодически совершает в своих целях. Всякий раз, когда чувствует, что убить человека — меньший риск, чем оставить его в живых. Я не думаю, что отчаяние...

Его прервал входящий вызов. Он посмотрел на экран.

— Макс, я должен прерваться. Мне звонит лейтенант Баллард из БКР. И еще, Макс, держись сегодня подальше от хижины. Прошу тебя.

Гурни выглянул в окно. При взгляде на этот причудливый черно-серебряный пейзаж по коже у него побежали мурашки. Он стоял в луче лунного света, пересекавшего комнату посередине, и на стене над кроватью, как на экране, вырисовывалась его тень на фоне светлого квадрата окна.

Гурни принял второй звонок:

— Спасибо, что перезваниваете, лейтенант. Очень вам благодарен. Я хотел обсудить с вами... — но закончить предложение он не смог.

Прогремел взрыв. Ослепительная вспышка — и оглушающий грохот. Неимоверной силы удар в руку.

Он, шатаясь, облокотился на стол, не в силах понять, что произошло. Правая ладонь онемела. Запястье страшно болело.

Заранее боясь увиденного, он поднял руку к свету и медленно покрутил. Все пальцы были на месте, но от телефона остался только обломок. Он огляделся, тщетно пытаясь разглядеть в темноте, что еще повреждено.

Сначала он подумал, что его телефон взорвался. Он судорожно стал обдумывать эту неправдоподобную версию, силясь понять, как это можно было устроить, когда злоумышленник мог получить доступ к его телефону, как внутрь телефона установили миниатюрное взрывное устройство и каким образом привели в действие.

Но это было не просто неправдоподобно, а невозможно. Сама сила взрыва была такова, что не могла исходить от устройства, вставленного в действующий телефон. В поддельный телефон, специально изготовленный ради этой цели, — возможно, но в телефон, по которому он только что разговаривал, — нет.

И тут он почувствовал запах пороха.

Значит, это была не мудреная микробомба. Это был выстрел.

Но для обычного стрелкового оружия выстрел был слишком громким, потому Гурни и подумал сначала о взрыве.

Но он знал, по крайней мере, один пистолет, способный произвести такой мощный выстрел.

И, по крайней мере, одного человека, меткого и точного настолько, чтобы в лунном свете попасть в мобильный телефон.

Вслед за этим Гурни подумал, что стрелок целился через одно из окон и инстинктивно пригнулся, глядя в окно над столом. Но залитые лунным

светом стекла по-прежнему закрытого окна были целы. Значит, выстрел прошел через одно из задних окон. Но Гурни стоял так, что было непонятно, как пуля могла попасть в телефон, не пройдя через его плечо.

Так как же...

И тут, вздрогнув, Гурни понял.

Стреляли не с улицы.

Кто-то был здесь, в комнате, вместе с ним.

Гурни понял это, потому что услышал.

Чье-то дыхание.

Всего в нескольких футах от себя.

Мерное, спокойное дыхание.

Глава 49

Крайне рациональный человек

Посмотрев туда, откуда исходил звук, Гурни в лунном свете увидел черный прямоугольник открытого люка. На дальнем конце люка была видна слабая тень — видимо, там кто-то стоял.

Действительно стоял. Послышался хриплый шепот.

— Сесть за стол, детектив. Руки на голову.

Гурни невозмутимо подчинился.

— У меня есть вопросы. Отвечать надо сразу. Понял?

— Понял.

— Если ты отвечаешь не сразу, я подумаю, что ты лжешь. Понял?

— Да.

— Хорошо. Вопрос первый. Клинтер придет?

— Я не знаю.

— По телефону ты сказал ему не приходить.

— Да.

— Ты думаешь, он все равно придет?

— Возможно. Я не знаю. Он непредсказуемый человек.

— Это правда. Продолжай говорить правду. Пока ты говоришь правду, ты жив. Понял?

— Да. — Голос Гурни звучал спокойно, как часто бывало в экстремальных ситуациях, но внутри он был полон страха и гнева. Страх за будущее и гнева на себя за столь самонадеянный просчет.

Он предположил, что Добрый Пастырь придет ко времени предполагаемой встречи, которое он, Гурни, сам обозначил в разговоре с

Ким, и появится в хижине за два-три часа до полуночи. В суматохе фактов, вопросов и догадок, кружившихся у него в голове, он не предположил той очевидной возможности, что Добрый Пастырь придет в хижину раньше — может быть, даже часов за двенадцать.

О чем, черт возьми, он думал? Что Добрый Пастырь мыслит логически, а в хижину разумно прийти за несколько часов до полуночи? Поэтому он так и поступит, решено, двигаемся дальше? Боже, какой идиотизм! Гурни сказал себе, что он всего лишь человек, что все ошибаются. Но от этого его ошибка не стала менее смертельной.

Хриплый полусшепот стал громче:

— Ты надеялся выманить меня сюда? Застать врасплох?

Точность этой догадки пугала.

— Да.

— Это правда. Хорошо. Пока живешь. Теперь про твой разговор с Клинтером. Ты веришь в то, что ему сказал?

— Об убийствах?

— Разумеется, об убийствах.

— Да, верю.

Несколько секунд в ушах Гурни звучало дыхание незнакомца.

Затем последовал вопрос — столь тихий, что он был едва ли громче дыхания.

— Какие еще у тебя мысли?

— Сейчас моя единственная мысль: ты меня убьешь?

— Разумеется. Но чем больше правды ты мне скажешь, чем дольше проживешь. Все просто. Понял?

— Да.

— Хорошо. Теперь расскажи мне, что ты думаешь об убийствах. Что ты думаешь на самом деле.

— У меня в основном вопросы.

— Какие вопросы?

Гурни про себя гадал, что такое этот хриплый шепот — результат какой-то болезни или способ скрыть свой подлинный голос. Скорее, второе. Выводы из этого предположения могли представлять интерес, но прежде нужно было подумать о том, как остаться в живых.

— Мне интересно, сколько еще людей ты убил, кроме тех, о ком мы знаем. Вероятно, немало. Я прав?

— Конечно.

Гурни был поражен откровенностью этого ответа и на мгновение испытал надежду, что собеседника удастся вовлечь в диалог, и тот из

гордости разболтает свои злодеяния. В конце концов, у социопатов есть это, им нравится жить в эхокамере собственных рассказов об их силе и жестокости. Возможно, ему удастся разговорить незнакомца и таким образом увеличить окно вероятности для вмешательства извне.

Но он тут же увидел обратную сторону своей надежды: незнакомец говорил откровенно лишь потому, что ничем не рисковал. Потому что скоро Гурни будет убит.

Хриплый шепот теперь изображал мягкость:

— Что еще тебе интересно?

— Мне интересно узнать про Робби Миза и его связь с тобой. Мне интересно, что он делал сам, а что исходило от тебя. Мне интересно, почему ты убил его именно теперь. Мне интересно, думал ли ты, что кто-то поверит в его суицид.

— Что еще?

— Мне интересно, правда ли ты пытался сделать Макса Клинтера обвиняемым в убийстве Рут Блум или это была просто глупая шутка.

— Что еще?

— Мне интересно, думал ли ты, что посту на странице Рут Блум поверят.

— Что еще?

— Мне интересно, что произошло с моим амбаром, — Гурни старался говорить, пока мог, делая по возможности большие паузы. Как бы то ни было, чем дольше он продержится, тем лучше.

— Не молчи, детектив.

— Мне интересно, кто установил маячки на наших машинах. Мне интересно, маячок на машине Ким — это твоя идея или Робби? Пакостника Робби?

— Что еще?

— Кое-что ты сделал очень умно, а кое-что — очень глупо. Мне интересно, ты сам знаешь, где что?

— Провоцировать меня бессмысленно, детектив. У тебя что, закончились мысли?

— Мне интересно дело Душителя из Уайт-Маунтин. Очень странное дело. Ты с ним знаком? Там есть интересные детали.

Повисло долгое молчание. Время означало надежду. Время давало возможность подумать, может быть, даже дотянуться до «беретты» на столе у Гурни за спиной.

Наконец пастырь приторно проурчал:

— Ну и последние мысли?

— Всего одна. Как такой умник, как ты, мог допустить такой чудовищный промах у «Жестянки на озере»?

Повисло долгое молчание. Это страшное молчание могло означать что угодно. Может быть, Доброго Пастыря наконец удалось вывести из равновесия. А может быть, его палец уже напрягся на спусковом крючке. У Гурни свело живот.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты скоро узнаешь.

— Я хочу знать сейчас. — Шепот стал жестче, и в тусклом лунном свете что-то блеснуло.

Гурни успел заметить ствол огромного серебристого пистолета не более чем в шести футах.

— Ну же, — повторил его собеседник. — Расскажи мне про «Жестянку у озера».

— Ты оставил там след. Улику.

— Я не оставляю следов.

— Но в ту ночь оставил.

— Скажи, что конкретно. Сейчас же.

Гурни понимал, что правильного ответа, который его спас бы, у него не было. Разумеется, если он расскажет про следы шин, это не даст ему отсрочку. А просить пощады более чем бесполезно. Лишь одно давало ему хоть призрачный шанс прожить еще минуту: упереться и не давать ответа.

Он постарался говорить ровным голосом:

— На стоянке у автомастерской ты оставил ключ к головоломке.

— Я не люблю загадок. У тебя три секунды, чтобы ответить на мой вопрос. Раз, — он медленно навел пистолет на лицо Гурни. — Два. — Ствол блеснул в лунном свете. — Три. — Он спустил курок.

Глава 50

Апокалипсис

От вспышки и оглушительного грохота Гурни инстинктивно отпрянул, и его стул перевернулся бы, если бы не уперся в край стола. С минуту он ничего не видел и слышал только громкий резкий звон.

Потом он ощутил на шее, с левой стороны, что-то мокрое, тонкую струйку. Он поднес руку к уху: мочка была влажной. Затем нашел в самом верху уха горячую, болезненную точку — собственно рану.

— Положи руки на голову. Немедленно. — Хриплый голос, казалось,

был совсем далеко, заглушаемый шумом в ушах.

Но Гурни собрался с силами и подчинился приказу.

— Ты меня слышишь? — спросил отдаленный, приглушенный голос.

— Да, — сказал Гурни.

— Хорошо. Слушай внимательно. Я снова задам тебе тот же вопрос. Ты должен ответить. Я хорошо отличаю правду от лжи. Если я услышу правду, мы продолжим без потерь. Просто мило побеседуем. Но если я услышу ложь, я снова выстрелю. Ясно?

— Да.

— Каждый раз, услышав ложь, я буду тебе что-нибудь отстреливать. В следующий раз это будет не просто краешек уха. Лишишься кое-чего поважнее. Понял?

— Понял.

Глаза Гурни оправились от вспышки, и он стал опять различать тусклую полосу лунного света посередине комнаты.

— Хорошо. Я хочу знать все о так называемой ошибке у «Жестянки». Никаких загадок. Только правду. — В лунном свете серебристый ствол пистолета стало медленно опускаться, пока не оказался направлен на правую лодыжку Гурни.

Тот стиснул зубы, чтобы не дрожать и не думать о том, что пуля «дезерт-игла» сделает с его ногой. Сразу же лишиться ступни — уже мало хорошего. Но самое скверное — артериальное кровотечение. Неважно, будет Гурни говорить правду или нет, в ответ на этот или на другой вопрос, — на исход дела это никак не повлияет. Единственное, что определяет исход дела, — стремление Доброго Пастыря обезопасить себя. И теперь этот исход был совершенно очевиден. Потому что не осталось никакой вероятности, что убить Гурни для него будет большим риском, чем оставить его в живых.

Неопределенным оставалось только одно — сколько частей тела Пастырь отстрелит у Гурни, прежде чем тот умрет от потери крови. Истечет кровью, совсем один, в хижине Макса Клинтера, на болотной кочке посреди глухомани.

Гурни закрыл глаза и увидел Мадлен на пригорке.

В малиновом, фиолетовом, розовом, голубом, оранжевом, алом... сияющую в солнечном свете.

Он пошел к ней навстречу по самой зеленой в мире траве, пахнувшей, как райские травы.

Она прижала свой палец к его губам и улыбнулась.

— Ты отлично справишься, — сказала она. — Просто блестяще.

Через секунду он умер.

Или так ему показалось.

Сквозь сомкнутые веки он почувствовал яркий свет. Одновременно где-то далеко зазвучала музыка, долетая до Гурни даже сквозь звон в ушах, а поверх всего этого слышался стук большого барабана.

А потом он услышал голос.

Этот голос вернул его в хижину на болотной кочке посреди глухомани. Голос говорил в мегафон:

— ПОЛИЦИЯ... ПОЛИЦИЯ ШТАТА НЬЮ-ЙОРК... СЛОЖИТЕ ОРУЖИЕ... СЛОЖИТЕ ОРУЖИЕ И ОТКРОЙТЕ ДВЕРЬ... НЕМЕДЛЕННО... СЛОЖИТЕ ОРУЖИЕ И ОТКРОЙТЕ ДВЕРЬ... ГОВОРИТ ПОЛИЦИЯ ШТАТА НЬЮ-ЙОРК... СЛОЖИТЕ ОРУЖИЕ И ОТКРОЙТЕ ДВЕРЬ.

Гурни открыл глаза. Вместо лунного света в окно светил прожектор. Он поглядел туда, где прежде скрывался во мраке, как ниндзя, его мучитель — невидимый и грозный. И увидел человека среднего телосложения в коричневых брюках и рыжеватом кардигане, рукой закрывавшего глаза от яркого света. Трудно было поверить, что это и есть чудовище, которое представлял себе Гурни. Но кое-что заставляло в это поверить: блестящий «дезерт-игл» пятидесятого калибра у него в руке. Пистолет, который ранил Гурни, так что кровь до сих пор текла у него по шее, который чуть раньше оглушил его своим грохотом и наполнил комнату запахом пороха.

Оружие, чуть не лишившее его жизни.

Человек повернулся боком к прожектору и спокойно убрал руку от невозмутимого, ничем не примечательного лица. Лица невыразительного, без особых эмоций, без каких-нибудь запоминающихся черт. Самого обыкновенного лица. Такого, какое легко забыть.

Но Гурни был уверен, что уже видел его раньше.

Когда он наконец вспомнил, где именно, когда к тому же вспомнил имя, он первым делом подумал, что ошибся. Он поморгал, пытаясь сосредоточиться на своем открытии. Трудно было поверить, что этот спокойный, с виду безобидный человек и есть Добрый Пастырь, что он говорил все эти слова и совершал все эти поступки. Особенно один поступок.

Но все же уверенность Гурни крепла — и он буквально чувствовал, как кусочки пазла с щелчком встают на свои места, складываясь в новые любопытные узоры, выстраивая новые цепочки.

На него глядел Ларри Стерн, и лицо его было скорее задумчивым, чем

испуганным. Ларри Стерн, который показался ему похожим на мистера Роджерса. Ларри Стерн, дантист с приятным голосом. Ларри Стерн, невозмутимый медик-бизнесмен. Ларри Стерн, сын Иэна Стерна, мультимиллионера, создателя империи красоты.

Ларри Стерн, сын Иэна Стерна, пригласившего красивую русскую пианистку к себе в Вудсток. И почти наверняка к себе в постель. И, возможно, готового упомянуть ее в завещании.

Господи, и все вот из-за этого?

Что, он хотел обезопасить себя от потенциальной наследницы?

Перестраховывался, зная любвеобильность отца?

Наследство было, конечно, солидное. О таком наследстве стоило беспокоиться. Целая фабрика денег — такую жалко упустить.

Что же, убивая отца, спокойный, приятный в общении Ларри Стерн, просто не давал ему возможности завещать эту фабрику денег молодой и красивой русской пианистке? А усеивая штат пятью трупами, просто не давал полиции повода заподозрить, что единственная нужная ему жертва — Иэн Стерн? Иначе полиция сразу бы задала единственно нужный вопрос — *cui bono?* — и вычислила бы Ларри.

В странном смешанном свете луны и прожектора Гурни видел, что Стерн по-прежнему крепко сжимает пистолет, но по его глазам было понятно, что он пытается просчитать свои возможности — исчезающие с каждой секундой. Трудно было разгадать выражение этих глаз. Ужас? Ярость? Свирепая решимость загнанной в угол крысы? Или просто бесчувственный внутренний калькулятор работал на полную мощность, и оттого взгляд казался безумным?

Гурни понял, что прямо у него на глазах работает бессердечная счетная машина. Машина, унесшая... сколько жизней?

Сколько жизней? Этот вопрос заставил Гурни вспомнить про Душителя из Уайт-Маунтин. Его дело встраивалось в ту же схему: чтобы спрятать одну главную жертву убивались другие, ни для чего больше не нужные, а убийца прикидывался маньяком, душащим женщин белым шелковым шарфом. *Чем же, подумал Гурни, не угодила Ларри Стерну его девушка? Может быть, забеременела? А может быть, вообще ничего особенного не случилось. Такие люди, как Ларри — Душитель из Уайт-Маунтин, Добрый Пастырь — не нуждаются в серьезном поводе для убийства. Им достаточно, чтобы выгода превышала риски.*

Гурни вздрогнул, вспомнив слова проповедника с РАМ-ТВ: «Уничтожить жизнь, развеять ее как дым в воздухе, растоптать, как ошметок грязи, — вот в чем сущность зла!»

Снаружи, за бобровым прудом, на пять секунд включили сирену. Требование сдать теперь повторили на максимальной громкости.

Гурни повернулся на стуле и выглянул в ближайшее окно. Мощные прожекторы светили на хижину с дальнего конца тропы. Он наконец понял, что и до этого слышал вой сирены. В крайнем эмоциональном напряжении, оглушенный выстрелом, он принял его за музыку. А потом Гурни услышал тот самый звук, который принял за стук огромного барабана. Это был рокот вертолетного винта. Вертолет кружил над хижинкой, скользя лучом своего прожектора и по ней, и по болотным травам, и по корягам, торчащим из черной воды.

Гурни повернулся к Стерну. В голове у него уже выстроился список из сорока-пятидесяти вопросов, но за первое место соперничали два. Он выбрал самый неотложный.

— Что вы собираетесь делать теперь, Ларри?

— Действовать наиболее разумным образом.

Ответ этот был произнесен совершенно спокойно, но звучал безумнее безумного.

— Что вы имеете в виду?

— Сдаться. Сыграть по правилам. И победить.

Гурни испугался, что это затишье перед бурей — что все слова о разумности и решении сдаться окончатся кровавой баней.

— Победить?

— Я всегда побеждал. И всегда буду.

— Но вы... собираетесь сдаться?

— Разумеется, — он улыбнулся так, будто успокаивал дошкольника, который боится ездить на автобусе. — А вы что думали? Что я возьму вас в заложники, использую для побега как живой щит?

— Так многие делали.

— Но не я. И не с вами. — Ему явно было смешно. — Подумайте сами, детектив. Ну какой из вас щит? Насколько я знаю, ваши коллеги только рады будут шансу вас пристрелить. Тогда уж лучше прикрыться мешком картошки.

Гурни потерял дар речи от такого спокойствия. Стерн совсем сошел с ума, что ли?

— Что-то вы слишком жизнерадостны для человека, ради которого в штате могут отменить мораторий на смертную казнь. Я слышал, эти инъекции не очень-то приятны, — раздраженно произнес Гурни и тут же понял, насколько неразумно и опасно было так говорить.

Но, похоже, он зря опасался. Стерн лишь покачал головой:

— Не говорите чепухи, детектив. Даже полным болванам с их третьесортными адвокатами удавалось отсрочить исполнение приговора на добрые двадцать лет. А я могу сделать больше. Гораздо больше. У меня есть деньги. Много денег. У меня связи тайные и явные. А самое главное — я знаю, как работает правовая система. Как она работает на самом деле. И у меня есть что предложить судьям. Что-то, что они очень высоко оценят. У меня, так сказать, есть что продать. — Его спокойствие казалось чем-то между дзенем и сумасшествием.

— Что же у вас есть?

— Информация.

— О чем?

— О некоторых нераскрытых делах.

Снаружи опять раздался вой сирены, и вслед — громогласное объявление. Требования стали настойчивее:

— ЭТО ПОЛИЦИЯ ШТАТА НЬЮ-ЙОРК... НЕМЕДЛЕННО СЛОЖИТЕ ОРУЖИЕ... НЕМЕДЛЕННО ОТКРОЙТЕ ДВЕРЬ... СЕЙЧАС ЖЕ... СЛОЖИТЕ ОРУЖИЕ И ОТКРОЙТЕ ДВЕРЬ... НЕМЕДЛЕННО ОТКРОЙТЕ ДВЕРЬ...

— О нераскрытых делах... каких?

— Несколько минут назад вы предположили, что жертв больше, чем одиннадцать. Возможно, вы правы.

Шум вертолета над хижинкой все нарастал, а его прожектор становился ярче. Стерн, казалось, его не замечал. Все его внимание было сосредоточено на Гурни, а тот, в свою очередь, пытался обдумать этот последний сюжетный поворот в самом непредсказуемом деле за всю его карьеру.

— Я не понимаю вашей логики, Ларри. Если вас осудят по делу Доброго Пастыря...

— А это, кстати, большой вопрос.

— Хорошо, большой вопрос. Но если им все-таки это удастся, я не понимаю, что вы выиграете, сознавшись еще в нескольких убийствах?

Стерн снисходительно улыбнулся:

— Я вижу, что вы делаете. Вы смеетесь над моими словами, чтобы заставить меня раскрыть карты. Глупое ухищрение. Но ничего. Какие секреты между друзьями. Но я у вас вот о чем спрошу — просто в качестве предположения. Насколько важно полиции штата раскрыть — просто предположим, конечно, — двадцать, а то и тридцать нераскрытых дел?

Гурни был разочарован. Ларри Стерн или бредил, или же импульсивно лгал, движимый манией величия и уверенный, что сможет убедить людей в

чем угодно.

Стерн, казалось, заметил его скептицизм. Но в ответ лишь увеличил ставки:

— Я думаю, ради того, чтобы переместить тридцать дел в папку «раскрыто», мне пойдут навстречу. Это так улучшит статистику всего управления. Вернет покой семьям. А если тридцати дел недостаточно, возможно, мы даже предложим им сорок. Сколько понадобится, чтобы заключить сделку.

— На какую же сделку вы рассчитываете, Ларри?

— Ничего неразумного. Думаю, я самый разумный человек, которого вы встречали в жизни. Нет нужды вдаваться в подробности. Все, что мне нужно, — это цивилизованная тюрьма. Уютная одиночная камера. Простые удобства. Смягчение лишь самых неразумных ограничений. Ничего такого, о чем добропорядочные люди не могли бы вести переговоры.

— А в обмен на это вы готовы сознаться в двадцати, тридцати или сорока нераскрытых убийствах? Со всеми подтверждающими подробностями о мотивах и способах?

— Предположим.

В мегафон объявили:

— ЭТО ВАШ ПОСЛЕДНИЙ ШАНС СЛОЖИТЬ ОРУЖИЕ И ОТКРЫТЬ ДВЕРЬ. ПОВИНУЙТЕСЬ НЕМЕДЛЕННО.

Гурни попробовал наудачу зайти с другого бока:

— Включая дело Душителя из Уайт-Маунтин?

— Предположим.

— А жертв так много, потому что общий принцип всегда был один: убивать по пять-шесть жертв, чтобы скрыть действительно важную?

— Предположим.

— Понятно. Только вот еще вопросик, просто чтобы понять, как вы просчитываете риски. Не разумнее ли предположить, что вероятность раскрытия одного хорошо спланированного убийства ниже, чем пяти или шести?

— Я отвечаю: нет. Как бы хорошо ни было спланировано убийство, все равно все внимание следователей привлечено к одной жертве и последствиям одной смерти. От этой исключительности нет спасения. Дополнительные же убийства практически полностью отвлекают внимание от действительно важной жертвы и при этом практически не несут дополнительных рисков. Чаще всего преступников ловят благодаря их связям с жертвами. А если связи нет...ну, я думаю, вы меня поняли.

— А цена этого всего... человеческие жизни... вас они не волнуют?

Стерн молчал. Его безмятежная улыбка говорила сама за себя.

Сколько же времени пройдет, подумал Гурни, прежде чем самая суровая тюрьма сотрет эту улыбку с его лица.

Стерн улыбнулся еще шире, словно чувствуя его ход мысли:

— Я уже жду случая пообщаться с нашей пенитенциарной системой и ее обитателями. Я привык мыслить позитивно, детектив. Я принимаю реальность такой, какая она есть. Тюрьма — новый мир, который мне предстоит завоевать. Я умею привлекать полезных людей. Как вы могли заметить, мне это удалось с Робби Мизом. Посудите сами. В исправительных учреждениях полным-полно Робби Мизов — восприимчивых юношей, которым не хватает отцовской фигуры, не хватает того, кто их поймет, будет на их стороне, найдет применение их силам, их страхам, их обидам. Только подумайте, детектив. Если таких юношей направить на верный путь, из них может получиться нечто вроде лейб-гвардии. Заманчивая идея, и у меня будут годы, чтоб ее обдумать. Иными словами, я считаю, что в тюрьме вполне можно жить. Возможно, я даже стану в своем роде знаменитостью. Мне кажется, меня опять невероятно полюбит психологическое сообщество — им же надо реабилитировать себя новыми озарениями о подлинной истории Доброго Пастыря. И не забывайте о книгах. Официальные и неофициальные биографии. Спецвыпуски на РАМ. Возможно, обо мне снимут кино. И знаете что? Не исключено, что моя судьба сложится куда лучше, чем ваша. Вы нажили себе больше врагов на воле, чем будет у меня за забором. Я бы не назвал это победой, а вы? Я могу заплатить, и меня прикроют. Уж я найду спецов в таких делах. А вас кто будет охранять? На вашем месте я бы поостерегся.

— СЛОЖИТЕ ОРУЖИЕ И НЕМЕДЛЕННО ОТКРОЙТЕ ДВЕРЬ.

Гурни не сводил глаз с неприметного человека в рыжеватом кардигане:

— Скажите мне вот что, Ларри. Вы вообще ни о чем не жалеете?

Стерн, казалось, удивился.

— Разумеется, нет. Все, что я делал, было крайне разумно.

— А Лида?

— Простите?

— А убийство вашей жены, Лилы?

— А что с ним такое?

— Оно тоже было крайне разумно?

— Само собой. Иначе бы я это не сделал — опять-таки, предположим.

Вообще говоря, у нас было скорее бизнес-партнерство, чем традиционный брак. Лида в сексе была профессионалом высокой квалификации. Но это уже другая история. — Он мечтательно улыбнулся. — Интересное кино

можно сделать.

Он прошел мимо Гурни к входной двери, открыл ее и бросил большой пистолет в траву.

— РАСКРОЙТЕ ЛАДОНИ... РУКИ ВВЕРХ... МЕДЛЕННО ИДИТЕ ВПЕРЕД.

Стерн поднял руки вверх и вышел из хижины. Пока он шел к дамбе, его сопровождал луч прожектора с вертолета. С дальнего конца дорожки к нему навстречу двинулась машина — со светящимися фарами и двумя зажженными прожекторами.

Это было странно. В подобной ситуации разумно было оставаться на месте и ждать, пока преступник придет к тебе сам. На заранее подготовленное место, где группа захвата контролирует ситуацию.

Кстати о группе захвата — где она, черт возьми? В вертушке, которая кружит над хижинкой? Ни один командир группы в здравом уме не стал бы так делать.

И еще: включено несколько прожекторов, но не видно других фар. Нет патрульных машин. Господи, всего одна, а надо бы дюжину.

Гурни взял со стола «беретту» и посмотрел в окно.

Машину, которая ползла по тропе, слепя фарами, трудно было разглядеть. Но одно было ясно: фары были расположены слишком широко для патрульной машины. В парке полиции штата Нью-Йорк хватало разных внедорожников, но машина на тропе была шире их всех.

Зато она была как раз шириной с клинтеровский «хаммер».

А значит, и вертолет над головой был не полицейский.

Но какого черта?

Стерн теперь шел с поднятыми руками по узкой дамбе и был примерно в двадцати футах от движущейся машины.

Гурни, держа в кармане «беретту», вышел из хижины и поглядел вверх. Несмотря на слепящий свет вертолетного прожектора, он легко различил на вертолете гигантскую надпись «РАМ».

Прожектор заскользил по тропе, сначала высветив Стерна, а потом машину перед ним — это действительно был «хаммер» Клинтера. На капоте у него была какая-то установка. Может, какое-то оружие? Свет вертолета скользнул в сторону, осветил воду, хижину, потом вновь вернулся на тропу.

Черт побери, что происходит? Что задумал Клинтер?

И тут, к невыразимому ужасу Гурни, последовал ответ. Из установки на капоте вырвался огненный залп, и Стерна мгновенно охватило оранжевое пламя. Он завизжал и закурился на месте. Вертолет заложил

вираж и резко снизился, но поток воздуха от винта усилил бурлящий огонь — и вертолет ушел в сторону и снова набрал высоту.

Гурни бегом кинулся к дамбе. Но когда он добежал до Стерна, тот уже упал на землю, к своему счастью, без сознания, объятый пламенем, пылающим со всей мощностью самодельного напалма.

Подняв взгляд от горящего тела, Гурни увидел, что Макс Клинтер стоит рядом со своим «хаммером» в неизменном камуфляже и сапогах из змеиной кожи. Губы его расплылись в улыбке, оголив зубы. В руках у него был пулемет, какой Гурни видел только в старых фильмах о войне и только на треноге. Казалось, он слишком велик и тяжел, чтобы держать его в руках, но Клинтер словно бы не замечал его веса. Он сделал несколько длинных шагов вперед и поднял дуло пулемета к небу.

Угол наклона ствола и безумная ярость в глазах Клинтера были таковы, что казалось, он целится в самую луну. Но потом он уверенно навел пулемет прямо на вертолет «РАМ», поднявший дрожущую зыбь на прежде ровной поверхности пруда.

Как только Гурни понял, куда целится Клинтер, он закричал:

— Макс! Нет!

Но до Клинтера было не докричаться, его было не достать, не остановить. Он широко расставил ноги и, прокричав что-то, что Гурни не расслышал в общем грохоте, открыл огонь.

Вначале казалась, что пулеметная очередь вертолету нипочем. Потом он накренился набок и стал снижаться, вращаясь по спирали. Макс все палил. Гурни хотел его остановить, но пламя, объявшее труп Стерна, преграждало путь. Жар и смрад от горящей плоти были невыносимы.

Тут вертолет дрогнул, резко накренился на девяносто градусов, взорвался и рухнул на дорожку прямо позади «хаммера». Прогремел второй взрыв, за ним третий, и машину Клинтера тоже объяло пламя. Сам Клинтер, казалось, не заметил, что и его обдало брызгами горящего топлива.

Гурни прыгнул в пруд, чтобы обойти тело Стерна, и пошел, шатаясь, по пояс в воде, ноги его засасывал ил. Когда он, спотыкаясь и опираясь на руки, выбрался на дамбу и направился к Клинтеру, у того уже пылали волосы и одежда. Не выпуская из рук пулемета, Клинтер кинулся к хижине, своим быстрым движением лишь раздувая пламя. Гурни метнулся вперед и попытался столкнуть его в пруд, но оба рухнули бок о бок у самой воды, а между ними — огромный пулемет, по-прежнему палящий в глухую ночь.

Глава 51

Благодать

Позднее утро следующего дня Гурни встретил в палате отделения неотложной помощи муниципальной больницы Итаки. Хотя в целом врачи отделения были уверены, что состояние его нетяжелое — ожоги в основном первой, реже второй степени, — Мадлен, приехав в больницу, настояла на осмотре дерматолога.

Теперь же, когда дерматолог, похожий на ребенка, играющего в доктора, пришел и ушел, подтвердив поставленный диагноз, они ждали, пока уладится какая-то путаница со страховкой и выпишут необходимые бумаги. У кого-то на компьютере рухнула система, но было не вполне понятно у кого, и Гурни бодро объявили, что придется немного подождать.

Кайл приехал в больницу вместе с Мадлен и теперь слонялся между палатой Гурни и приемным покоем, сувенирной лавкой и буфетом, сестринским пунктом и парковкой. Было понятно, что он хочет быть рядом с отцом, и столь же понятно, что его раздражает полное безделье. Он уже множество раз заходил к Гурни в палату и выходил обратно. После нескольких неловких попыток он наконец попросил о том, о чем, по собственным словам, хотел попросить уже давно. С тех пор как Мадлен обмолвилась, что у них на чердаке хранится старый мотоциклетный шлем Гурни.

— Слушай, пап, у нас с тобой головы примерно одного размера. Я хотел спросить... ты не против... то есть... я хотел спросить, нельзя ли мне взять твой шлем?

— Конечно, можно. Как вернемся домой, отдам.

Гурни с улыбкой подумал, что сын унаследовал от него привычку не говорить о любви прямо.

— Спасибо, пап. Как здорово. Супер. Спасибо.

Звонила Ким — дважды, — спрашивала, как Гурни себя чувствует, извинялась, что не смогла приехать в больницу, многословно благодарила его за то, как он рисковал жизнью в схватке с Добрым Пастырем, а потом сообщила, что накануне ее долго допрашивал детектив Шифф в связи с убийством Робби Миза. По словам Ким, она показала, что готова к сотрудничеству, но лишнего не говорила. Однако наутро, когда к Шиффу присоединился агент Траут из ФБР, чтобы еще раз допросить ее в связи с событиями в хижине Макса Клинтера, она решила, что лучше нанять адвоката, — и отложила допрос.

Хардвик ввалился в палату к Гурни незадолго до полудня. Усмехнувшись и подмигнув Мадлен, он взглянул на Гурни, нахмурился и разразился смехом, похожим скорее на рык.

— Господи боже, что ты сделал со своими бровями?

— Я решил их сжечь и отрастить новые.

— А вместо лица решил завести себе долбаный гранат?

— Как это мило с твоей стороны, Джек. Я ценю твою поддержку.

— Господи, посмотришь телевизор — так ты там Джеймс Бонд. А посмотришь на тебя здесь...

— Что значит «посмотришь телевизор»?

— Только не говори, что ты не видел.

— Не видел что?

— Господи ж ты боже ж мой. Раздул тут третью мировую, а потом прикидывается шлангом. Этот чертов репортаж о вашей горячей ночи крутят по РАМ-ТВ все утро. Стерн выходит из хижины. Долбаный огнемёт на капоте у Макси. Стерн горит. Макси палит из пулемета по вертолету. Ты героически бросаешься в ночь, рискуя жизнью. Вертолет падает, а вслед за этим следует, по словам дикторов РАМ, «ужасный трагический всполох». Что ты, мой мальчик, это такое шоу!

— Но подожди, Джек. Вертолет сбили. Откуда же взялась съемка его падения?

— У этих подонков там было два вертолета. Один упал, другой тут же занял его место и стал снимать. Трагические всполохи поднимают рейтинг. Особенно когда при этом заживо сгорают два человека.

Гурни поморщился: перед глазами у него до сих пор стояла смерть Макса Клинтера.

— И все это показывают по телевизору?

— Они эту хрень крутят все утро. Шоу-бизнес, мой друг, долбаный шоу-бизнес.

— А как эти вертолеты вообще там очутились?

— Твой кореш Клинтер предупредил «РАМ-Ньюс». Позвонил им и сказал, что ночью произойдет нечто великое, связанное с Добрым Пастырем, так что пусть будут поблизости с камерами наготове. Перед своим выходом он еще раз им позвонил. Макс давно ненавидел РАМ за то, как они осветили его провал при первом столкновении с Добрым Пастырем. Похоже, он с самого начала планировал сбить вертолет.

Пока Гурни осмыслял эту информацию, Хардвик вышел из палаты, прошел через большой холл к сестринскому пункту и оторвал от компьютера молодую служащую.

Вскоре он вернулся с торжествующим блеском в глазах:

— У них есть пара теликов на тележках. Телочка с большими сиськами сейчас нам один прикатит. И ты сам увидишь это дерьмище.

Мадлен вздохнула и закрыла глаза.

— А покуда, Шерлок, два вопроса. Как это, черт возьми, дантист Ларри так наловчился палить из пистолета?

— Мне кажется, у него была невероятная страсть к точности. Такие люди часто достигают совершенства в каком-нибудь деле.

— Жаль, что нельзя разлить это качество по бутылкам и продавать здоровым людям. И второй вопрос, более личный. Ты сам-то понимал, во что ввязываешься, когда шел в хижину Клинтера?

Гурни поглядел на Мадлен. Она не сводила с него глаз, ожидая ответа.

— Я ожидал встретить Доброго Пастыря. Не мог же я предвидеть весь этот ужас.

— Ты уверен?

— Черт возьми, что значит «ты уверен»?

— Ты правда думал, что Клинтер не придет, как ты ему и сказал?

Гурни помолчал.

— Откуда ты знаешь, что я сказал ему не приходить?

Хардвик ответил вопросом на вопрос:

— А как ты думаешь, почему он вмешался именно в тот момент?

Гурни и сам в глубине души гадал почему. Клинтер появился слишком уж вовремя — в ту минуту, когда дела у Гурни стали совсем плохи. Теперь разгадка показалась очевидной.

— Он установил жучки в собственном доме?

— Конечно.

— А приемник от них был в «хаммере»?

— Да.

— То есть он подслушивал мой разговор с Ларри Стерном?

— Естественно.

— И его приемник записывал все, в том числе наш с ним телефонный разговор. А вы потом добыли эту запись, потому и знаете, что я велел ему не приходить. Но ведь «хаммер» весь сгорел, как же вы...

— Мы получили запись от Клинтера. Он переслал в БКР аудиофайл прямо перед тем, как привести в действие огнемет. Похоже, он понимал, что вся эта игра может плохо закончиться. И еще похоже, что он хотел послать нам факты, которые подтверждали бы твою версию этого дела.

Гурни почувствовал горячую благодарность к Клинтеру. Реплики Ларри Стерна без сомнений доказывали, что его манифесту верить нельзя.

— Сколько теперь людей расстроится.

Хардвик усмехнулся.

— Ну их в жопу.

Повисло долгое молчание. Гурни вдруг осознал, что он больше не расследует дело Доброго Пастыря. Преступление раскрыто. Опасность миновала.

Скоро множество силовиков и судебных психологов будут оголтело переводить стрелки друг на друга, настаивая, что всему виной так называемые ЧО — чужие ошибки. Когда шум уляжется, то, может, и Гурни получит какое-то признание. Но признание — палка о двух концах. За него частенько приходится дорого платить.

— Кстати, — сказал Хардвик. — Пол Меллани застрелился.

Гурни моргнул.

— Что?

— Застрелился из «дезерт-игла». Судя по всему, несколько дней назад. Женщина из магазина по соседству с его офисом сообщила вчера о дурном запахе из вентиляции.

— И нет сомнений, что это суицид?

— Никаких.

— Господи.

Мадлен была поражена.

— Это тот несчастный человек, о котором ты говорил на прошлой неделе?

— Да. — Ответил Гурни и спросил Хардвика: — Тебе удалось выяснить, как давно у него был пистолет?

— Меньше года.

— Господи, — снова сказал Гурни, обращаясь скорее к себе самому, чем к Хардвику. — Но почему же именно из «дезерт-игла»?

Хардвик пожал плечами.

— Из «дезерт-игла» убили его отца. Может быть, он хотел умереть так же.

— Он ненавидел своего отца.

— Может, он хотел искупить этот грех.

Гурни уставился на Хардвика. Иногда тот говорил просто ужасные вещи.

— К слову об отцах, — сказал Гурни, — не удалось выйти на след Эмилио Коразона?

— И не просто выйти на след.

— Ну?

— Когда у тебя появится время, подумай, как с этим всем быть.

— С чем?

— Эмилио Коразон — запойный алкоголик и героиновый наркоман. Он живет в приюте Армии Спасения в Вентуре, штат Калифорния. Попрошайничает — на выпивку и героин. Уже раз шесть менял имя. Не хочет, чтоб его нашли. Чтобы выжить, ему нужна пересадка печени, но он не может не пить несколько дней, чтобы встать на очередь. Из-за аммиака в крови у него развивается деменция. В приюте думают, что он умрет через три месяца. Может быть, и скорее.

Гурни почувствовал, что должен что-то сказать.

Но на ум ничего не приходило.

Он чувствовал опустошенность.

Боль, печаль и опустошенность.

— Мистер Гурни?

— Он поднял глаза.

В дверях стояла лейтенант Баллард.

— Простите, если помешала... Я просто... Я хотела вас поблагодарить... и узнать, как вы себя чувствуете.

— Входите.

— Нет-нет. Я просто... — она посмотрела на Мадлен. — Вы миссис Гурни?

— Да. А вы...?

— Джорджия Баллард. Ваш муж — выдающийся человек. Но вы, конечно же, и сами это знаете. — Она посмотрела на Гурни. — Может быть, когда все немного успокоится... я хотела бы пригласить вас и вашу жену на ланч. Я знаю один итальянский ресторанчик в Саспарилье.

Гурни засмеялся:

— Жду с нетерпением.

Баллард улыбнулась, помахала на прощание и исчезла так же внезапно, как и появилась.

Гурни снова стал думать об Эмилио Коразоне и о том, как воспримет известия о нем его дочь. Он закрыл глаза и опустил голову на подушку.

Когда он снова открыл глаза, то не понял, сколько же времени прошло. Хардвик ушел. Мадлен придвинула стул к его кровати и смотрела на него. Эта сцена явственно напомнила ему другую: конец дела Перри, когда его чуть не убили и когда он получил ранения, от которых полностью не оправился до сих пор. Он вспомнил, как наконец он вышел из комы — и Мадлен сидела у его постели, смотрела на него, ждала.

Он встретил ее взгляд, и на мгновение ему захотелось повторить

заезженную шутку: «Пора прекращать эту традицию». Но тут же ему показалось, что это неправильно и не смешно и что он не имеет права так шутить.

Мадлен шаловливо улыбнулась:

— Ты хотел что-то сказать?

Он покачал головой. Вернее, едва-едва подвигал головой по подушке.

— Нет, хотел, — сказала она. — Какую-то глупость. По глазам вижу.

Он засмеялся и тут же поморщился: губам стало больно.

Она взяла его за руку.

— Ты расстроился из-за Пола Меллани?

— Да.

— Потому что думаешь, что должен был что-то сделать?

— Наверное.

Она кивнула, нежно поглаживая его руку.

— Как грустно, что поиски отца Ким закончились вот так.

— Да.

— Она указала на его другую, перевязанную, руку.

— А что с раной от стрелы?

— Я про нее и забыл.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Я не о руке. Я о стреле. О великой загадке стрелы.

— А ты не думаешь, что это загадка? — спросил он.

— Загадка, но неразрешимая.

— Так что, просто не думать о ней?

— Не думать. — Видя, что не убедила Гурни, Мадлен добавила: — Разве не из этого состоит вся жизнь?

— Из непонятных стрел, падающих на нас с неба?

— Я хочу сказать, в жизни всегда есть вещи, которые просто нет времени полностью осмыслить.

Такого рода суждения раздражали Гурни. Не то чтобы Мадлен была неправа. Конечно, права. Но он чувствовал, что подобный ход мысли — это бунт против разума. Бунт против того, как работает его собственный мозг. Однако он знал, что об этом уж точно с Мадлен нет смысла спорить.

В дверях появилась молоденькая медсестра с телевизором на роликовой подставке. Гурни покачал головой и жестом попросил ее уйти. «Ужасный трагический всполох» РАМ мог подождать.

— Ты понял Ларри Стерна? — спросила Мадлен.

— Может быть, отчасти. Не полностью. Стерн был... необычным

явлением.

— Приятно знать, что такие не ходят вокруг сплошь и рядом.

— Он считал себя абсолютно рациональным человеком. Идеально практичным. Воплощением рассудка.

— Как ты думаешь, ему хоть когда-нибудь был кто-то дорог?

— Нет. Ни капли.

— И он никому не доверял?

Гурни покачал головой:

— Доверие, думаю, было для него бессмысленным понятием. Противным здравому смыслу. Он, наверное, увидел бы в желании доверять слабость, иррациональность, уязвимость, которую мог бы использовать в своих целях. Его отношения были, скорее всего, построены на манипуляциях и использовании других. Люди для него были лишь средствами.

— Значит, он был очень одинок.

— Да. Совершенно одинок.

— Как ужасно.

Гурни чуть не ответил: «Я сам не оказался на его месте разве что благодатью Божьей».

Он знал, насколько отчужденным от других людей мог стать сам. Настолько, что почти не замечал, что происходит вокруг. Знал, что его связь с людьми могла того и гляди рассеяться как дым. Знал, насколько он склонен уходить в себя. И какой естественной и благодатной казалась ему временами эта склонность к изоляции.

Он хотел объяснить это Мадлен, объяснить, как он устроен. Но потом он почувствовал — как часто чувствовал рядом с ней, — что она и так уже все знает и что слова тут излишни.

Она посмотрела ему в глаза и крепче сжала его руку.

И тогда у него снова возникло это особое чувство, но впервые в жизни оно было словно вывернуто наизнанку: он понял, что теперь уже он знает, о чем думает она и что ей не надо даже говорить.

Он чувствовал произнесенные слова в ее руке, видел их в ее глазах.

Она говорила, чтобы он не боялся.

Говорила, чтобы он доверял ей, верил в ее любовь.

Говорила, что благодать, от которой зависит его жизнь, всегда будет с ним.

После этих ее безмолвных слов он ощутил полный покой, почувствовал, что свободен ото всех тревог этого мира. Все хорошо. Все тихо. И тут где-то вдали зазвучала мелодия. Она звучала так тихо и нежно,

что Гурни не понимал точно, услышал он ее или вообразил. Но как бы то ни было, он ее узнал.

Это была ритмичная мелодия из «Весны» Вивальди.

Благодарности

Приятно, когда рабочие отношения долговременны. Когда же речь идет о долговременном сотрудничестве с по-настоящему талантливыми людьми, мастерами своего дела — это настоящий подарок.

Мой первый роман «Загадай число», так же как и второй, «Зажмурься покрепче», и третий, «Не буди дьявола», мне посчастливилось готовить к публикации при помощи удивительных людей: моего чудесного агента Молли Фридрих, ее замечательной коллеги Люси Карсон и превосходного вдумчивого редактора Рика Хоргана.

Спасибо, Рик. Спасибо, Молли. Спасибо, Люси.

Питер Пэн должен умереть

Посвящается Наоми

*В делах людей прилив есть и отлив,
С приливом достигаем мы успеха.
Когда ж отлив наступит, лодка жизни
По отмелям несчастий волочится*

«Юлий Цезарь», акт 4, сцена 3[[16](#)].

Пролог

Задолго до начала убийств

Было время, когда он мечтал стать главой великой страны. Ядерной державы.

У него, президента, всегда под рукой была бы ядерная кнопка. Одним движением пальца он мог бы запускать ядерные ракеты. Уничтожать целые города. Мог бы положить конец вонючему человечеству. Стереть все с этой чертовой грифельной доски — начисто.

Однако с возрастом пришло осознание своих перспектив, более реалистичное понимание возможностей. Он понял: до спускового механизма ядерного оружия ему не дотянуться.

А вот до других спусковых механизмов — запросто. Раз за разом, выстрел за выстрелом — так много чего можно добиться.

И пока он думал обо всем этом — а в подростковые годы он не думал почти ни о чем другом, — планы на будущее медленно обретали контуры. Теперь он знал, кем станет, когда вырастет, — что будет его сферой деятельности, его искусством, областью совершенства. А это уже немало, поскольку до тех пор он не знал о себе почти ничего, не ведал, кто он и что он.

У него не осталось почти никаких воспоминаний о том, что было в его жизни до двенадцати лет.

Только кошмар.

Кошмар, повторяющийся снова и снова.

Цирк. Его мать, совсем крошечная — меньше всех прочих женщин. Ужасный смех. Музыка с карусели. Басовитый, неумолчный звериный рык.

Клоун.

Огромный клоун, который дал ему денег, а потом сделал ему очень больно.

Сипящий клоун, чье дыхание отдавало рвотой.

И слова. В кошмаре они звучали отчетливей некуда — как острые осколки льда, разбитого о камень.

«Это наш секрет. Скажешь кому, я тебе язык вырву и тигру скормлю».

Часть первая

Невозможное убийство

Глава 1

Тень смерти

В сельской глуши расположенных к северу от Нью-Йорка Катскильских гор август месяц выдался переменчивым и своенравным, все метался между солнечным блаженством июля и свинцовыми шквалами грядущей долгой зимы.

Такой месяц у кого угодно притупит ощущение времени и пространства. Погода словно бы подпитывала внутренний разлад Дэйва Гурни, его неуверенность насчет собственного места в жизни — разлад, что начался три года назад, когда Дэйв ушел из Департамента полиции Нью-Йорка, и усилился, когда они с Мадлен переехали из города, где оба росли, учились и работали, в сельскую местность.

И вот сейчас, в первую неделю августа, когда близился пасмурный вечер, а вдалеке рокотал гром, Дэйв с Мадлен поднимались на Барроу-хилл по грязной разбитой дороге, что соединяла меж собой три небольшие каменоломни, давным-давно заброшенные и поросшие дикой малиной. Устало плетясь за Мадлен к невысокому валуну, где они обычно останавливались передохнуть, он старался по мере сил следовать извечному ее совету: *«Смотри по сторонам. Тут так красиво. Расслабься и впитывай красоту»*.

— Каровое, да? — спросила она.

Гурни хлопнул глазами.

— Что?

— Да озеро же.

Мадлен кивнула на глубокий спокойный водоем более или менее правильной округлой формы, образовавшийся на месте выработанного много лет назад карьера. Он тянулся от того места у тропы, где они сидели, до полосы водолюбивых ив на другом берегу — зеркальная гладь футов около двухсот в поперечнике, с почти фотографической точностью отражающая плакучие ветви деревьев.

— Каровое?

— Я тут прочла дивную книгу о пеших прогулках в шотландских

горах, — с энтузиазмом отозвалась Мадлен, — так там автор то и дело натывается на «каровые озера». У меня сложилось впечатление, это что-то вроде озерца среди скал.

— Хм-хм.

Повисла долгая пауза. И снова Мадлен первой нарушила молчание:

— Видишь вон там, внизу? По-моему, курятник надо строить именно там, прямо рядом с аспарагусом.

Гурни понуро разглядывал отражения ив. Подняв голову, он увидел, что Мадлен показывает просвет в лесу чуть ниже по склону. Когда-то там пролежала просека, по которой возили бревна.

Одной из причин для остановки передохнуть именно у валуна на краю старой каменоломни было то, что за всю дорогу только отсюда и открывался вид на их владения. Старый фермерский дом, клумбы, яблонь-переростки, маленький прудик, недавно отстроенный амбар, неухоженные пастбища на склонах холма (поросшие в это время года ваточником и рудбекией), тот кусочек пастбища, который Дэйв с Мадлен подстригали и называли газоном, да выкошенную широкую полосу по самому низу, они величали ее подъездной аллеей. Примостившись на валуне, Мадлен неизменно радовалась этой картине в роскошном обрамлении окрестных лесов.

Гурни не разделял восторгов жены. Мадлен обнаружила это место вскоре после переезда, и в первый же раз, как она показала его Гурни, у того возникла одна лишь ассоциация: находка для снайпера, вздумавшего подстрелить кого-нибудь на входе в дом. (Ему достало ума не делиться этой мыслью с женой. Она три дня в неделю работала в местной психиатрической клинике: не хватало только, чтобы она решила, будто его пора лечить от паранойи.)

Разговор о курятнике — насущная необходимость его постройки, размеры и конструкция, а также место расположения — возникал у них каждый день, к очевидной радости Мадлен и умеренному раздражению Дэйва. По настоянию Мадлен в конце мая они купили четырех кур и пока держали в амбаре, но мысль переселить их на новые квартиры никуда не делась.

— Можно построить отличный курятничек с загончиком между аспарагусом и яблоней, тогда в жаркие дни у них там будет тень, — предложила Мадлен.

— Давай.

Ответ прозвучал безразличнее, чем Дэйву хотелось бы.

Тут разговор и омрачился бы, не отвлекись Мадлен. Она вскинула

голову.

— Что такое? — спросил Гурни.

— Прислушайся.

Он замер — дело для него нередкое. Сам он был наделен совершенно обыкновенным слухом, а вот Мадлен — феноменальным. Через несколько секунд, когда шорох ветра в листве затих, Гурни различил где-то вдали, ниже по холму, скорее всего, на ведущей из города дороге, что заканчивалась тупиком у начала их «подъездной аллеи», смутный гул. Постепенно гул усилился, и он распознал характерное урчание не в меру большого и не в меру шумного восьмицилиндрового мотора.

Он знал человека, который ездил на старом «маслкаре» с точно таким же шумным мотором — переделанном красном «Понтиаке» 1970 года выпуска. Человека, для которого этот треск двигателя служил визитной карточкой.

Джек Хардвик.

Гурни стиснул зубы. Предстоящий визит детектива, с которым его связывала причудливая цепочка пережитых вместе опасностей, профессиональных успехов и постоянных пикировок, не радовал. Не то чтобы такой поворот событий застал Гурни врасплох. В сущности, он ожидал этого с той минуты, как услышал, что Хардвика вынудили уволиться из государственного полицейского бюро криминальных расследований. Гурни понимал: напряжение, испытываемое им сейчас, напрямую связано с тем, что случилось до увольнения Хардвика. Он в большом долгу перед Хардвиком, теперь придется платить по счетам.

Черета низких темных туч быстро скользила над дальним гребнем, словно отступая перед свирепым ревом красного автомобиля. С того места, где сидел Гурни, уже видно было, как машина движется вверх по склону через скошенный луг к дому. На миг Гурни завладело искушение: просто-напросто пересидеть на холме, пока Хардвик не уедет. Но это ведь делу не поможет, лишь удлинит период тоскливого ожидания неминуемой встречи. Решительно хмыкнув, он поднялся с камня.

— Ты его ждал? — спросила Мадлен.

Гурни удивился, что она помнит машину Хардвика.

— Такой рев не забудешь, — пояснила она, словно бы прочтя по лицу мужа его мысли.

Гурни посмотрел вниз. «Понтиак» остановился рядом с его запылившимся «универсалом» на крохотной самодельной парковке рядом с домом. Могучий мотор неистово взревел, когда ему поддали газу, перед тем как выключить.

— Ждал, в общем. Но не обязательно сегодня.

— А сам-то ты хочешь с ним повидаться?

— Я бы сказал, это он хочет увидеться, а мне хочется поскорее с этим покончить.

Мадлен кивнула и поднялась.

Когда они повернули обратно на тропу, зеркальная гладь озера задрожала под порывом внезапного ветра. Перевернутое отражение неба и деревьев разбилось на тысячи мелких серых и зеленых осколков.

Если бы Гурни верил в предзнаменования, то сказал бы, пожалуй, что разбившееся отражение предвещает беду.

Глава 2

Мразь земли

На полпути к Барроу-хилл, в лесу, откуда дом уже не был виден, у Гурни зазвонил телефон. Он узнал номер Хардвика.

— Привет, Джек.

— Обе ваши машины на месте. Прячетесь в подвале?

— Спасибо, у меня все хорошо. А ты как?

— Где ты, черт побери?

— Иду через вишневую рощу, в четверти мили к западу от тебя.

— По тому склону, где листья от клеща жухнут?

Хардвик всегда умел задеть Гурни за живое. И дело было не просто в беспрестанных мелких уколах и выпадах, и даже не в том, с каким явным удовольствием Хардвик отпускал эти замечания. Нет, это было зловещее эхо голоса из детства Гурни — безжалостного, язвительного тона отца.

— Ага, по тому самому. Чем могу служить, Джек?

Хардвик кашлянул, прочищая горло.

— Весь вопрос в том, чем мы оба можем друг другу услужить, — с омерзительным пылом откликнулся он. — Ты мне, я тебе, как-то так. Кстати, я заметил, у тебя дверь не заперта. Не против, если я подожду в доме? Чертова мошкара вконец задрала.

Хардвик стоял посередине просторной комнаты, занимавшей добрую половину нижнего этажа. Вдоль стены была устроена кухня в деревенском духе. В закутке рядом с застекленной двойной дверью стоял круглый сосновый стол, за которым они завтракали. Другая половина комнаты была отведена под гостиную. Здесь главенствовал массивный камин, и еще

имелась дровяная печка. По центру стоял обеденный стол в шейкерском стиле и с полдюжины деревянных стульев.

Первое, что поразило Гурни, едва он вошел в комнату, — какое-то странное, потерянное выражение на лице Хардвика.

Даже насмешливый возглас, которым он их приветствовал, звучал чуточку вымученным:

— А где же наша несравненная Мадлен?

— Я здесь, — отозвалась та, с приветливой и в то же время встревоженной улыбкой выходя из кладовки и направляясь к раковине. В руках она держала букетик только что сорванных на лугу цветов, что-то вроде маленьких астрочек. Положив их в сушилку для посуды, она посмотрела на мужа. — Оставлю пока здесь. Найду вазу попозже. Мне надо наверх — пора упражняться.

Когда шаги ее стихли, Хардвик усмехнулся и прошептал:

— Упражнения — путь к совершенству. И в чем она упражняется?

— Виолончель.

— А. Ну да, конечно. А знаешь, за что все так любят виолончель?

— За то, что красиво играет?

— Ах, малыш Дэйви, типичный ответ в стиле «все всерьез, без дураков», какими ты и знаменит. — Хардвик облизал губы. — Но знаешь, почему именно она красиво играет?

— А попроще сказать слабо?

— И лишит тебя возможности разгадать великолепную загадку? — Он театрально покачал головой. — Да ни в жизнь! Гениям вроде тебя необходимо напрягать мозги. А то прямиком на помойку.

Глядя на Хардвика, Гурни начал потихоньку понимать, что именно с ним сегодня не так. Под покровом язвительной болтовни — обычной манеры Хардвика общаться с миром — чувствовалось непривычное напряжение. Он всегда был резковат, но сегодня в его голубых глазах Гурни читал скорее нервозность, чем резкость. Что-то грядет? Нехарактерное беспокойство Хардвика действовало чертовски заразительно.

Да еще и Мадлен, как назло, выбрала для упражнений особенно дерганую пьесу.

Хардвик бродил по комнате, проводил рукой то по спинкам стульев, то по уголкам столов, растениям в горшках, декоративным плоскам, бутылкам и подсвечникам, купленным Мадлен по сносной цене в местных антикварных лавочках.

— А мне тут нравится! Красота! Чертовски аутентично. — Остановившись, он провел пятерней по рано поседевшим коротко

стриженным волосам. — Ты ж понимаешь, о чем я?

— О том, что это чертовски аутентично?

— Глубинка в чистом виде. Погляди только на эту железную печку — сделано в Америке, — она ж насквозь американская, как какие-нибудь чертовы блинчики. А энти вот широкие половицы — прямые и честные, как деревья, из которых вытесаны.

— Эти вот половицы.

— Что-что?

— Не энти, а эти.

Хардвик прекратил рыскать по комнате.

— Ты, черт возьми, о чем?

— Ты просто так приехал или у тебя дело есть?

Хардвик поморщился.

— Ах, Дэйви, Дэйви, деловой, как всегда. Напрочь игнорируешь мои попытки обменяться парой приятных фраз, соблюсти светские приличия, подпустить пару дружеских комплиментов пуританской простоте твоего домашнего убранства...

— Джек...

— Ладно. Дело превыше всего. Где сядем?

Гурни показал на круглый столик рядом с застекленной дверью.

Они уселись друг напротив друга. Гурни выжидающе подался вперед.

Хардвик прикрыл глаза и с силой потер лицо руками, словно пытаясь избавиться от глубоко въевшегося зуда. Потом положил руки на стол и начал:

— Ты спросил, есть ли у меня дело к тебе. Да, есть. Возможность. Знаешь эти строчки из «Юлия Цезаря» про прилив в делах людей?

— Это о чем?

Хардвик весь подался вперед, словно в этих словах заключалась глубинная тайна жизни.

— «В делах людей прилив есть и отлив, с приливом достигаем мы успеха. Когда ж отлив наступит, лодка жизни по отмелям несчастий волочится».

— Ты это специально для меня заучил?

— Со школы помню. Через всю жизнь пронес.

— Что-то никогда от тебя не слышал.

— Просто подходящей ситуации не возникало.

— А теперь?

Уголок рта Хардвика дернулся, как от тика.

— А теперь настал момент.

— Прилив в твоих делах?

— В наших.

— Наших с тобой?

— Именно.

Гурни немного помолчал, глядя на возбужденное, озабоченное лицо собеседника. Этот неожиданный облик Джека Хардвика — открытый и серьезный — лишал душевного равновесия куда сильнее, чем извечный его цинизм.

На мгновение воцарилась тишина. Слышалась лишь ломаная мелодия пьесы начала двадцатого века, над которой Мадлен билась всю прошлую неделю.

Губы Хардвика снова чуть заметно дрогнули.

Видеть это во второй раз и ждать, когда они дернутся в третий, было уже совсем невмоготу. Для Гурни это означало лишь одно: расплата, которую потребуют от него за многомесячный долг, окажется очень весомой.

— Так ты намерен объяснить, о чем это ты? — спросил он.

— Я о деле по убийству Спалтера. — Последние слова Хардвик подчеркнул с неповторимым сочетанием значимости и презрения. Глаза его были устремлены на Гурни, словно в ожидании должной реакции.

Гурни нахмурился.

— Женщина, застрелившая богатого мужа-политика в Лонг-Фоллсе?

Несколько месяцев назад эта история стала сенсацией.

— Именно.

— Насколько я помню, приговор был стопроцентно обвинительный, без сомнений. Дамочку буквально завалило уликами и показаниями свидетелей. Не говоря уж о маленькой дополнительной детали — ее муж, Карл, скончался во время суда.

— Именно.

К Гурни начали возвращаться подробности.

— Она стреляла в него на кладбище, прямо над могилой матери, верно? Выстрелом его парализовало, превратило в овощ.

Хардвик кивнул.

— Овощ в инвалидном кресле. Овощ, которого обвинение каждый день притаскивало на заседание суда. Омерзительное зрелище. Постоянное напоминание присяжным, что его жену судят за то, что она с ним сотворила. Пока, разумеется, он не помер в разгар процесса, после чего они его привозить перестали. Но процесс продолжили — просто сменили обвинение с покушения на убийство.

— Спалтер ведь был богатым брокером по недвижимости, да? И незадолго до того объявил, что баллотируется в губернаторы как независимый кандидат.

— Ага.

— Против преступности. Против коррупции. Бойкий лозунг. «Пришла пора избавиться от мрази». Что-то такое.

Хардвик подался вперед.

— Точно. Дословно, малыш Дэйви. Он в каждой речи умудрялся ввернуть что-нибудь про мразь земли. Каждый раз, чтоб меня. «Мразь земли плавает на поверхности выгребной ямы политической коррупции». Мразь земли то, мразь земли это. Любил Карл подчеркнуть основную идею.

Гурни кивнул.

— Припоминаю, что жена вроде изменяла ему и боялась развода, который вылился бы ей в миллионы, если только муж не умрет раньше, чем изменит завещание.

— Все так, — улыбнулся Хардвик.

— Так? — Гурни недоверчиво уставился на него. — Это и есть та самая неповторимая возможность, о которой ты говорил? Дело Спалтеров? Если ты не заметил, дело Спалтера закончено, закрыто и убрано в архив. Если мне не изменяет память, Кэй Спалтер отбывает свои двадцать пять в тюрьме строгого режима в Бедфорд-Хиллс.

— Чистая правда, — подтвердил Хардвик.

— Тогда о чем, черт возьми, мы толкуем?

Хардвик растянул губы в медленной улыбке, начисто лишенной настоящего веселья, — одна из тех типично драматических пауз, которые он так любил, а Гурни терпеть не мог.

— Мы говорили о том, что... дамочку подставили. Обвинение против нее — бред собачий, от начала и до конца. Чистейший... незамутненный... бред. — Снова то же подрагивание уголков губ. — Суть такова: речь идет о том, чтобы снять с нее обвинение.

— Откуда ты знаешь, что это все бред?

— Ее подставили. Коп попался нечестный.

— Откуда ты знаешь?

— Я вообще много чего знаю. И мне много чего рассказывают. У того копа есть враги — и не без причины. Он не просто нечестный, он настоящая дрянь. Законченный сукин сын.

Гурни никогда еще не видел в глазах Хардвика столько ярости.

— Отлично. Скажем, ее подставил нечестный коп. Скажем даже, она

ни в чем не виновата. Какое это имеет отношение к тебе? Или ко мне?

— Помимо такой мелочи, как правосудие?

— Что-то выражение твоих глаз к правосудию никакого отношения не имеет.

— Еще как имеет. Самое прямое, и именно к правосудию. Система меня поимела. Так что теперь я хочу поиметь систему. Честно, законно и исключительно на стороне справедливости. Они меня выставили, потому что всегда хотели. Я самую малость налажал с теми документами по делу о Добром Пастыре, которые передавал тебе. Обычное бюрократическое дерьмо, а этим гадам только дай предлог, тотчас же ухватились.

Гурни кивнул. Он все гадал, всплывет ли в разговоре этот долг — полученная им выгода, понесенный Хардвиком убыток. Что ж, можно больше не гадать.

Хардвик продолжил:

— Так что теперь я начинаю свое дело как частный детектив. По найму. И моей первой клиенткой будет как раз Кэй Спалтер — через адвоката, который занимается ее апелляцией. Так что моя первая победа должна наделать шума.

Гурни помолчал, обдумывая услышанное.

— А я?

— Что?

— Ты сказал, это шанс для нас обоих.

— Так и есть. Для тебя эта история может стать венцом, чтоб ее, карьеры. Прими участие в деле, порви его на куски и сложи снова в правильном порядке. Дело Спалтеров было сперва преступлением десятилетия, а потом — подставой века. Ты разберешься в нем, выправишь, а заодно надерешь задницы кое-каким ублюдкам. И сделаешь еще одну зарубку на прикладе, Шерлок. Здоровенную, твою мать, зарубку.

Гурни медленно кивнул.

— Идет, но... ты же приехал в эту даль не только для того, чтобы дать мне возможность надрать ублюдкам задницы. Почему ты хочешь привлечь именно меня?

Хардвик пожал плечами и набрал в грудь побольше воздуха.

— По массе самых разных причин.

— И самая главная?

Похоже, Хардвику впервые стало трудно подобрать слова.

— Чтоб ты помог мне повернуть ключ на четверть оборота и заключить сделку.

— Так никакой сделки еще нет? Мне казалось, ты сказал, Кэй Спалтер

— твоя клиентка.

— Я сказал — она станет моей клиенткой. Только сперва требуется уладить кое-какие юридические мелочи.

— Мелочи?

— Поверь мне, все схвачено, надо просто нажать на правильные кнопки.

Снова нервное подергивание. У Гурни у самого челюсти сжались.

— Кэй Спалтер представлял в суде назначенный сверху осел, — торопливо продолжал Хардвик. — Технически он все еще остается ее поверенным, а это ослабляет аргументы для пересмотра приговора, сами по себе очень даже весомые. Одна из потенциальных пуль в обойме на апелляцию — это некомпетентность защиты, но не может же он сам про себя такое заявлять. Нельзя же сказать судье — освободите моего клиента, потому что я облажался. Такое должен говорить кто-то другой. Неписанные правила. Так что основная идея...

Гурни не выдержал.

— погоди! У семьи же денег куры не клюют. С какой радости вдруг государственный защитник?

— Денег у них и впрямь уйма. Беда в том, что все записано на имя Карла. Он все контролировал. Нетрудно догадаться, что за тип он был. Кэй жила на широкую ногу, а за душой у нее — ни гроша. На деле, она неплатежеспособна. Вот и получила государственного адвоката, как все неимущие. Не говоря уже о тощем бюджете на накладные расходы. Ну и вот, как я уже сказал, — ей нужен новый представитель. У меня есть подходящая кандидатура, уже все устроено, точит зубы. Ловкий, изворотливый, беспринципный сукин сын — вечно голодный. Ей только и нужно подписать пару бумаг, чтобы оформить замену официально.

Гурни гадал, не ослышался ли.

— И ты ждешь, что я продам ей эту идею?

— Нет-нет! Ничего подобного! Никому ничего продавать не надо! Мне просто хотелось бы, чтобы ты стал частью общей картины.

— Какой еще частью?

— Крутой детектив из большого города, спец по убийствам. Масса раскрытых дел и до хрена всяких регалий. Тот самый, кто вывернул дело Доброго Пастыря наизнанку и повытряс дерьмо из всех этих козлов.

— То есть ты хочешь, чтобы я сыграл для тебя с этим «беспринципным сукиным сыном» роль вывески?

— Ну, он не то чтоб совсем беспринципный. Скорее... напористый. Умеет работать локтями. И нет, ты не будешь ни для кого «просто

вывеской». Ты будешь одним из игроков. Членом команды. Одной из причин, по которым Кэй Спалтер стоит нанять нас, чтобы провести повторное расследование, подстегнуть апелляцию и пересмотреть чертов приговор.

Гурни покачал головой.

— Что-то не догоняю. Если с самого начала денег на крутого адвоката не было, откуда теперь-то возьмутся?

— С самого начала, учитывая весомость обвинения, у Кэй особых надежд не было. А если она проигрывает, у нее нет денег, чтобы заплатить по счетам.

— Но теперь...

— Теперь дело другое. Ты, я и Лекс Бинчер об этом позаботимся. Поверь мне, она выиграет, а плохим парням останется только проглотить пилюлю. А когда ее оправдают, она получит огромный куш как основная наследница Карла.

— Выходит, этот твой Бинчер работает над криминальным случаем с оплатой по результату? Разве это не против закона — или, по крайней мере, этики?

— Да ну брось. В соглашении, которое она подпишет, так прямо о гарантиях результата ничего не говорится. Ты, конечно, можешь сказать, что гонорар Лекса вроде как зависит от успеха апелляции, но текст соглашения никакой такой связи не предусматривает. Если апелляция провалится, с точки зрения закона Кэй просто останется должна ему кучу денег. Не бери в голову. Это проблема Лекса. Кроме того, апелляция не провалится!

Гурни откинулся назад, глядя через открытую дверь на заросли аспарагуса в дальнем конце вымощенного голубоватым песчаником старого двора. В этом году побеги вымахали гораздо выше, чем в прошлые два. Пожалуй, высокий человек мог бы стоять там, выпрямившись во весь рост, и остаться незамеченным. Обычно голубовато-зеленые, сейчас, под серым беспокойным небом, листья аспарагуса словно выцвели и покачивались в порывистом ветерке, непредсказуемо налетавшем то с одной, то с другой стороны.

Гурни сморгнул, с силой потер лицо обеими руками и попытался сосредоточиться на том, как бы распутать весь этот тягучий клубок проблем, выявив основные составляющие.

Насколько он мог судить, его просили запустить в плавание новый детективный бизнес Хардвика — помочь тому заключить первое крупное соглашение с клиентом. Вот это и станет платой за все маленькие услуги в

обход правил, которые Хардвик оказывал ему в прошлом — ценой своей полицейской карьеры. Тут, по крайней мере, все ясно. Однако было, о чем подумать и кроме этого.

Одной из характерных черт Хардвика была невозмутимость из разряда «а там хоть трава не расти», проистекающая из полного отсутствия привязанностей или строго определенной цели. И все же сейчас он явно уцепился за свой новый проект и предвкушал прибыль, которую этот проект сулил. Перемена, пожалуй, не к лучшему. Каково-то будет работать с Хардвиком, одержимым этой новой идеей, — с прежней ершистостью, поставленной отныне на службу обиженной воинственности?

Он перевел взгляд с покачивающихся побегов аспарагуса на лицо Хардвика.

— Так что же это значит, Джек, — «член команды»? Что от меня требуется, кроме как с умным видом брэнчать медалями?

— Да чем, черт побери, захочешь, тем и занимайся. Послушай, я же тебе говорю. Обвинение было насквозь гнилым с самого начала. Если в итоге всего этого старший следователь не загремит в Аттику, я... я, черт возьми... заделаюсь веганом. Стопроцентно гарантирую: во всех фактах и показаниях окажется до черта нестыковок. Их, твою мать, даже в судебных протоколах выше крыши. И, малыш Дэйви, хочешь соглашайся, хочешь — нет, а ты и сам прекрасно знаешь: ни у одного копа нет такого глаза и чутья на нестыковки, как у тебя. Вот и все. Ты мне нужен в команде. Сделаешь это для меня?

«Сделаешь это для меня?» Просьба эхом звучала в голове Гурни. Отказаться он был не в силах. Во всяком случае, сейчас. Он глубоко вздохнул.

— Протоколы заседаний у тебя есть?

— Есть.

— С собой?

— В машине.

— Я... взгляну. Надо прикинуть, куда от них плясать.

Хардвик поднялся из-за стола. Теперь нервозность его больше походила на возбуждение.

— Оставлю тебе еще и копию официального досье по делу. Уйма интересного дерьма. Может оказаться полезным.

— Откуда ты раздобыл досье?

— У меня еще остались кое-какие друзья.

Гурни натянуто улыбнулся.

— Ничего не обещаю, Джек.

— Отлично. Нет проблем. Пойду принесу все из машины. Поизучай на досуге. Посмотрим, что ты скажешь по этому поводу. — Шагая к двери, он остановился и обернулся. — Не пожалеешь, Дэйви. В деле Спалтеров есть все — ужас, ненависть, гангстеры, безумие, политика, крупные деньги, крупная ложь и, возможно, капелька инцеста. Тебе, черт возьми, понравится!

Глава 3

Что-то в лесах

Мадлен приготовила незамысловатый ужин, и они поели довольно быстро, почти не разговаривая. Гурни ожидал, что она втянет его в утомительное обсуждение встречи с Хардвиком, но она задала лишь один вопрос:

— Что ему от тебя надо?

Гурни описал ситуацию с некоторыми подробностями — само дело Кэй Спалтер, новое положение Хардвика как частного детектива, его пылкую вовлеченность в пересмотр приговора Кэй, просьбу о помощи.

Мадлен в ответ только легонько кивнула и еле слышно хмыкнула. Поднявшись, она собрала со стола посуду, унесла ее к раковине, помыла, сполоснула и поставила в сушилку. Потом взяла из буфета большой кувшин и полила растения, стоявшие на сосновом столе под окнами кухни. Она не затрагивала щекотливую тему, но с каждой минутой Гурни все сильнее и сильнее подмывало добавить еще несколько слов, что-то объяснить, оправдаться. Когда он уже готов был заговорить сам, Мадлен предложила прогуляться к пруду.

— Слишком хороший вечер, чтобы дома сидеть.

«Хороший» — пожалуй, не то слово, какое сам Гурни употребил бы по отношению к этому вечеру с переменчивым небом и чередой туч. Но он удержался и не стал возражать, а прошел за Мадлен в прихожую, где она надела одну из своих нейлоновых ветровок яркой тропической расцветки, а он натянул зеленовато-желтый кардиган, служивший ему верой и правдой уже чуть ли не двадцать лет.

Мадлен, как всегда, посмотрела на него, скептически сощурившись.

— Надеешься сойти за чьего-то дедушку?

— В смысле — за человека надежного, внушающего доверие и располагающего к себе?

Она иронически приподняла бровь.

Больше они не говорили, пока не прошли через луг и не уселись на старой деревянной скамейке около пруда. Если не считать просвета напротив скамейки, берега пруда заросли высоким камышом, где с мая по середину июля гнездились красноплечие трупялы, реагирующие на вторжение чужаков агрессивными криками и пикирующими налетами. К началу августа птицы исчезали.

— Пора бы нам время от времени срезать тут камыш, — заметила Мадлен, — а не то весь пруд затянет.

Каждый год кольцо камышей становилось толще, вторгалось в воду чуть дальше. Как уже выяснил Гурни, выкорчевывать их было занятием грязным, утомительным и тоскливым.

— Ага, — понуро отозвался он.

Вороны в кронах деревьев на краю луга галдели вовсю — резкий неумолчный грай, каждый вечер достигавший пика к закату и быстро сходящий на нет по наступлению сумерек.

— И с этой штукой надо бы что-то сделать. — Мадлен показала на покосившуюся ветхую шпалеру, которую предыдущий владелец установил в начале тропинки, идущей вокруг пруда. — Но с этим придется подождать, пока не построим курятник с большой вольерой. Курам же надо и побегать, не сидеть же им все время в темном сарае.

Гурни промолчал. В сарае имелись окна, а внутри было не так уж темно — но эта линия аргументации гарантированно ни к чему бы не привела. Да, сарай был меньше прежней постройки, сгоревшей в загадочном пожаре несколько месяцев назад посреди расследования дела Доброго Пастыря, но уж точно достаточно просторным для петуха и трех несушек. Однако в глазах Мадлен замкнутые помещения годились, в лучшем случае, на роль временного пристанища, а открытое пространство приравнивалось к раю. Ясно было: она сочувствует курам в их мнимом заточении и убедить ее, что в сарае им вполне хорошо, столь же нереально, как уговорить самой там поселиться.

Кроме того, они пришли к пруду не для того, чтобы обсуждать камыши, шпалеры или кур. Наверняка она вот-вот снова поднимет тему Джека Хардвика. Гурни начал уже выстраивать линию доводов в обоснование своего потенциального участия в деле.

Она спросит, неужели он и на своей так называемой пенсии возьмется за очередное полномасштабное расследование убийства, а если да, то зачем вообще было выходить в отставку?

Он снова объяснит, что Хардвика уволили из нью-йоркской полиции за помощь Гурни в деле Доброго Пастыря, так что теперь помочь ему —

вопрос элементарной справедливости. Взял в долг — плати.

Она укажет, что Хардвик сам виноват, что его уволили, — погубила его не передача нескольких секретных документов, а долгая история неподчинения и непочтительности, подростковая тяга уязвить эго начальства. Такое поведение сопряжено с очевидным риском, вот топор наконец и упал.

Он возразит расплывчатым доводом о долге дружбы.

Она отметит, что они с Хардвиком никогда не были настоящими друзьями — просто вечно пикирующимися коллегами, у которых время от времени совпадали интересы.

Он напомнит ей об уникальных узах, связавших их много лет назад в деле Питера Пиггерта, когда они в один и тот же день нашли по половине тела миссис Пиггерт — на расстоянии нескольких сотен миль.

Она покачает головой и сведет «узы» до гротескного совпадения в прошлом — жалкого основания для действий в настоящем.

Гурни откинулся на расслаивающуюся деревянную спинку скамьи и посмотрел вверх, на слоистое небо. Возможно, он и не жаждал пикировки, но хотя бы чувствовал, что готов к ней. Над головой стремительно, словно опаздывая на ночлег, пролетело несколько мелких птах, то парами, то поодиночке.

Однако когда Мадлен наконец заговорила, то совсем иным тоном, чем ожидал Гурни, совсем в другом ключе.

— Ты ведь понимаешь, что он совершенно одержим, — то ли констатировала, то ли спросила она, глядя на пруд.

— Ну да.

— Одержим тем, как бы отомстить.

— Возможно.

— Возможно?

— Ну ладно. Скорее всего.

— Ужасный мотив.

— Я это понимаю.

— А понимаешь, что это делает его версию событий недостоверной?

— Я вовсе не собираюсь принимать его версию. Ни в чем. Не настолько уж я наивен.

Мадлен посмотрела на него и снова уставилась на пруд. Некоторое время оба молчали. Гурни ощутил холодок в воздухе — сырой, земляной холодок.

— Тебе стоило бы поговорить с Малькольмом Кларетом, — буднично сказала Мадлен.

Гурни замигал, повернулся и уставился на нее.

— Что?

— Перед тем как впутаться в это, тебе надо поговорить с ним.

— Какого черта?

К Кларету он испытывал смешанное чувство: не потому, что имел что-нибудь против него самого или сомневался в его профессиональных способностях, — но воспоминания о прошлых их встречах до сих пор были полны боли и смятения.

— Вдруг он тебе поможет... хотя бы разобраться, почему ты это делаешь.

— Разобраться, почему я это делаю? Что ты имеешь в виду?

Мадлен ответила не сразу. Да и Гурни не настаивал — сам опешив от того, как резко прозвучал его вопрос.

Они уже проходили это, и не раз — вопрос, почему он занимается тем, чем занимается, отчего вообще стал детективом, отчего его всегда влекло именно к убийствам и почему они до сих пор его завораживают. Знакомая почва. Почему же он вдруг так вскинулся?

Высоко в темнеющем небе спешила в какое-то знакомое, а верно, и безопасное место очередная пара птиц — скорее всего, в то место, которое считала домом.

— Не возьму в толк, что ты имеешь в виду под «почему я это делаю», — добавил он чуть мягче.

— Тебя столько раз могли убить.

Он чуть отодвинулся.

— Когда имеешь дело с убийцами...

— Пожалуйста, не надо, — перебила она, поднимая руку. — Хватит уже разглагольствовать об Опасной Профессии. Мы говорим не о том.

— Тогда о чем...

— Ты самый умный человек, какого я только знаю. Самый. Все эти возможности, подходы, версии — никто не разбирается в этом лучше или быстрее тебя. И все-таки...

Голос ее задрожал и умолк.

Гурни выждал долгих десять секунд, прежде чем мягко напомнить:

— И все же...

Прошло еще секунд десять, прежде чем она продолжила.

— И все же... почему-то... три раза за последние два года ты оказывался лицом к лицу с вооруженным психом... в трех разных ситуациях. И каждый раз — на волосок от смерти.

Он промолчал.

Она печально глядела куда-то за пруд.

— Неправильная какая-то картина получается.

Ему потребовалось некоторое время, чтобы ответить.

— Думаешь, я ищу смерти?

— А ты ищешь?

— Ну разумеется, нет.

Она все так же смотрела прямо перед собой.

На лугу и в лесах на склоне холма за прудом уже начинало темнеть. Золотые пятна крестовника и лавандовые стрелки гадючьего лука уже выцвели, посерели. Мадлен зябко передернулась, застегнула молнию ветровки до подбородка и сложила руки на груди, крепко прижимая к себе локти.

Они долго сидели молча. Разговор словно бы зашел в тупик, покатился под уклон, и неясно было, как выкарабкаться.

Когда посередине пруда замерцало пятнышко дрожащего серебристого света — отражение луны, как раз выбившейся в просвет между туч, — из глубины лесов за скамьей донесся звук, от которого волоски на руках у Гурни встали дыбом, — пронзительная, заунывная нота, вопль нечеловеческого отчаяния.

— Что за...

— Я такое уже слышала, — с легкой тревогой в голосе промолвила Мадлен. — С разных сторон, ночь на ночь не приходится.

Гурни выждал, прислушиваясь. Минуту спустя крик повторился — нездешний, тоскливый.

— Наверное, сова, — сказал Гурни без малейших оснований для этого вывода.

Он не стал говорить, что для него это прозвучало криком заблудившегося ребенка.

Глава 4

Абсолютное зло

Было уже за полночь, а Гурни все так и не удавалось уснуть — как будто он выпил пять-шесть чашек кофе.

Луна, ненадолго выглянувшая над прудом, исчезла за толщей облаков. Оба окна наверху были открыты, впуская в комнату сырой холодок. Темнота и липнувший к коже влажный воздух обволакивали, точно коконом, исподволь навевали сосущую клаустрофобию. В этом тесном, гнетущем

пространстве невозможно было отгонять прочь неуютные мысли о временно отложенном, но вряд ли законченном разговоре с Мадлен про его тягу к смерти. Однако мысли эти были напрасны и не приводили ни к каким выводам. От разочарования Гурни решил вылезти из постели и подождать, пока глаза не начнут слипаться сами собой.

Поднявшись, он на ощупь пробрался к креслу, на котором оставил штаны и рубашку.

— Раз уж ты встал, закрой окна наверху.

Голос Мадлен с другой стороны кровати звучал на удивление бодро, совсем не сонно.

— Зачем?

— Гроза. Разве не слышишь, гром приближается?

Он не слышал. Но доверял ее слуху.

— Может, тогда еще и в спальне закрыть?

— Пока не надо. Воздух как атлас.

— Хочешь сказать — как сырой атлас?

Он услышал, как Мадлен вздыхает, взбивает подушку и укладывается поудобнее.

— Сырая земля, сырая трава, так хорошо...

Она с тихим умиротворением зевнула и умолкла. Поразительно, как она умела черпать источник новых сил в той самой стихии, от которой он инстинктивно бежал.

Гурни натянул штаны и рубашку, поднялся наверх и закрыл окна в двух гостевых спальнях и в комнате, которую Мадлен отвела под вышивание, вязание и игру на виолончели. Снова спустившись вниз, в кабинет, он взял пластиковый пакет с привезенными Хардвиком материалами по делу Спалтеров и притащил на обеденный стол.

Пакет оказался на удивление тяжелым. Точно недвусмысленное предостережение.

Гурни начал раскладывать содержимое пакета на столе, но потом, вспомнив, как недовольна была Мадлен, когда он в прошлый раз занял стол бумагами по делу об убийстве, перетащил все на кофейный столик перед камином в другом конце комнаты.

В число бумаг входили полные протоколы заседаний суда «Штат Нью-Йорк против Кэтрин Р. Спалтер», досье следственного управления нью-йоркской полиции по убийству Спалтера (включая оригинал многостраничного отчета о происшествии с фотографиями и схемами, составленная оперативной группой по сбору доказательств опись всего найденного на месте убийства, отчеты лаборатории судебной экспертизы,

отчеты по допросам свидетелей, отчеты по ходу следствия, отчеты и фотографии по результатам вскрытия, отчет баллистической экспертизы и гора всевозможных памятных записок и записей телефонных разговоров), список ходатайств, предъявленных до судебного разбирательства (все крайне поверхностные, скопированные на скорую руку из руководства по ходатайствам по делу о тяжчайших преступлениях) и принятых по этим ходатайствам решений (все отклонены), папка со статьями, распечатками из блогов, стенограммами новостных передач и списком ссылок на онлайн-освещение преступления, ареста и суда; конверт из темной бумаги с комплектом DVD с самого суда, обеспеченным местной студией кабельного телевидения, которой, судя по всему, был дан допуск на заседания. И, наконец, записка от Джека Хардвика, нечто вроде дорожной карты: намеченный им маршрут через устрашающую грудку информации, расстеленной сейчас на кофейном столике.

У Гурни эта записка вызвала смешанные чувства. Положительные — поскольку указания и расставленные приоритеты могут сберечь время. И не такие положительные — поскольку они могут оказаться манипулятивны. Или и то, и другое сразу. Однако игнорировать их было никак нельзя — как и первые пару фраз записки Хардвика.

«Следуй по расставленным мной вешкам. Сойдешь с тропы — потонешь в болоте дерьма».

Дальше шли пронумерованные шаги маршрута — на целых два листа.

«Шаг первый. Вкуси аромат дела против Кэй Спалтер. Возьми из конверта DVD с пометкой „А“ и насладись вступительным словом прокурора. Классика жанра».

Гурни принес из кабинета лэптоп и вставил туда диск.

Как и многие другие виденные им записи из зала суда, эта начиналась с кадров, где прокурор стоит перед судьейским столом лицом к присяжным: невысокий человечек лет сорока с небольшим, с короткими темными волосами.

Слышался шелест бумаг, скрип стульев, неразборчивый гул голосов, кашель — почти все смолкло после нескольких резких ударов судьейского молотка.

Прокурор откашлялся и бросил взгляд на судью, коренастого чернокожего мужчину с кислым лицом. Тот небрежно кивнул. Прокурор глубоко вздохнул, на несколько секунд потупил глаза, а затем поднял взгляд на присяжных.

— ЗЛО, — наконец провозгласил он зычным голосом и выждал, пока

не воцарится абсолютная тишина, после чего продолжил: — Мы все считаем, будто знаем, что такое зло. Учебники истории и сводки новостей полны злых поступков, злых мужчин и злых женщин. Но деяние, что сейчас откроется пред вами, свершенное безжалостной хищницей, которой вы вынесете приговор в конце суда, прольет на понятие зла новый свет, и вы глубже поймете суть этого понятия.

Он еще немножко поглядел на пол, а потом снова продолжил:

— Это подлинная история женщины и мужчины, жены и мужа, хищницы и жертвы. История брака, отравленного изменой. История человекоубийственного замысла — покушения на убийство, результат которого, как вы убедитесь, оказался еще хуже собственно убийства. Вы не ослышались, дамы и господа. Хуже убийства.

После паузы, во время которой прокурор, похоже, пытался заглянуть в глаза как можно большему числу присяжных, он повернулся и прошел назад к столу обвинения. Прямо за столом, перед местами, отведенными для публики, сидел мужчина в громоздком инвалидном кресле — изощренном механизме, напомнившем Гурни приспособления, в каких изредка появлялся на людях Стивен Хокинг, парализованный и лишенный речи физик. Кресло, по всей видимости, поддерживало все части тела пациента, в том числе и голову. К носу тянулись кислородные трубки, другие трубки, спрятанные от посторонних взглядов, несомненно, вели и в другие места.

Хотя угол съемки и освещение оставляли желать лучшего, изображение на экране передало состояние Карла Спалтера вполне наглядно, и Гурни поморщился. Оказаться вот так парализованным, запертым в немом неподвижном теле, не способном ни мигнуть, ни кашлянуть... не захлебываться слюной лишь благодаря специальному механизму... Боже! Все равно что быть похороненным заживо, когда тело становится твоей могилой. Томиться в западне полумертвой плоти и костей. Гурни пробрал приступ запредельной, жуткой клаустрофобии. Передернувшись от одной мысли об этом, он увидел, что прокурор снова обращается к жюри, простирая руку к человеку в инвалидном кресле.

— Трагическая история, ужасное завершение которой и привело нас сегодня в суд, началась ровно год назад, когда Карл Спалтер принял отважное решение баллотироваться в губернаторы — поставив перед собой идеалистическую цель раз и навсегда избавить наш штат от организованной преступности. Похвальная цель, но его жена — подсудимая — с самого начала выступала против, поддавшись чужому тлетворному влиянию, о котором вы узнаете в ходе слушания. С того

самого мига, как Карл вступил на поприще служения обществу, жена не только публично высмеивала его и делала все, что было в ее силах, лишь бы пригасить его пыл, но также прервала все супружеские контакты с ним и начала изменять ему с другим — ее так называемым «личным тренером». — На этих словах он приподнял брови, адресуя присяжным хмурую улыбку. — Обвиняемая проявила поистине дьявольскую целеустремленность в том, чтобы добиваться своего — любой ценой. Когда слухи о ее неверности достигли Карла, сперва он не хотел верить, однако в результате вынужден был серьезно поговорить с ней. Он сказал жене, что она должна сделать выбор. Что ж, дамы и господа, она свой выбор сделала. Вы услышите убедительнейшие показания касательно этого выбора — а именно, установления контакта с представителем преступного мира Джакомо Флатано, иначе говоря Джимом Флэтсом, и предложения пятидесяти тысяч долларов за убийство мужа.

Прокурор помолчал и обвел присяжных многозначительным взглядом.

— Она решила, что оставаться в браке больше не хочет — но и денежки Карла терять не хочет тоже, — и попыталась нанять убийцу. Однако тот отказался от предложения. Что же подсудимая сделала тогда? Попыталась подбить на убийство своего любовника, личного тренера, прельщая его перспективами беззаботной жизни где-нибудь на тропическом острове на деньги, которые она унаследует после смерти Карла — потому что, дамы и господа, Карл все еще надеялся наладить отношения и не изменил завещания.

Он простер руки к присяжным, словно моля их о сострадании.

— Карл все еще надеялся спасти брак. Надеялся остаться с женой, которую по-прежнему любил. А чем же в это время занималась жена? Сговаривалась сперва с гангстером, потом со своим грошовым Ромео — убить мужа. Каким нужно быть человеком?

Откуда-то из-за пределов видимости камеры послышался новый голос, тоненький и нетерпеливый:

— Возражение! Ваша честь, эмоциональные домыслы мистера Пискина не имеют никакого...

— Каждое сказанное мной слово будет подкреплено показаниями под присягой, — хладнокровно прервал его прокурор.

Щекастый судья из верхнего угла экрана пробормотал:

— Отклоняется. Продолжайте.

— Благодарю, ваша честь. Как я уже говорил, подсудимая буквально из кожи вон лезла, чтобы убедить юного любовника убить ее мужа. Однако он отказался. И отгадайте, что предприняла подсудимая тогда? Что, по-

вашему, сделает в такой ситуации человек, твердо решившийся на убийство?

Он добрых пять секунд испытующе смотрел на присяжных и лишь потом ответил на собственный же вопрос:

— Мелкий бандит побоялся стрелять в Карла Спалтера. «Личный тренер» побоялся стрелять в Карла Спалтера. *Так что Кэй Спалтер начала сама брать уроки стрельбы!*

Закадровый голос снова возопил:

— Возражение! Ваша честь, употребление оборота «так что» подразумевает наличие у подзащитной мотива. Никакого мотива тут не...

Прокурор снова перебил:

— Ваша честь, я изменю формулировку лишь на основании подтвержденных неоспоримыми доказательствами фактов. Бандит отказался стрелять в Карла. Тренер отказался стрелять в Карла. *И в этот момент обвиняемая сама начала брать уроки стрельбы.*

Судья слегка поменял положение своего массивного корпуса в кресле. Было видно, что ему чисто физически неудобно.

— Занесите в протокол утверждение мистера Пискина в переформулированном виде. Продолжайте.

Прокурор повернулся к присяжным.

— Обвиняемая не просто начала брать уроки стрельбы, вы услышите показания сертифицированного инструктора о том, каких высот она достигла в этом искусстве. Что и приводит нас к трагической кульминации истории. В конце ноября скончалась мать Карла Спалтера, Мэри Спалтер. Она умерла в одиночестве в результате несчастного случая, какие, увы, случаются слишком часто — упала в ванной комнате дома престарелых, в котором провела последние годы жизни. Во время похорон, состоявшихся на кладбище «Ивовый покой», Карл собрался было произнести несколько слов над ее могилой. Вы увидите, как он сделал пару шагов, внезапно качнулся — и рухнул на землю лицом вниз. Больше он не шевелился. Все подумали, что он просто споткнулся и потерял сознание в результате падения. Лишь несколько секунд спустя кто-то заметил струйку крови у него на голове сбоку — струйку крови из крохотного отверстия в виске. Последующее медицинское обследование подтвердило то, что сразу же заподозрила следовательская группа: в Карла попала пуля, выпущенная из огнестрельного оружия малого калибра и высокой мощности. Полицейские эксперты, реконструировавшие сцену стрельбы, расскажут вам, что пулю выпустили из окна квартиры примерно в пятистах ярдах от жертвы. Вы увидите карты, фотографии и схемы, иллюстрирующие, как именно все

произошло. Не останется никаких сомнений, — добавил он с ободряющей улыбкой и, покосившись на часы, продолжил, расхаживая взад-вперед перед скамьей присяжных:

— Этот многоквартирный дом, дамы и господа, принадлежал компании «Спалтер Риэлти». Квартира, откуда стреляли, пустовала: в ней, как и в большинстве квартир этого дома, собирались провести ремонт. Подсудимой было проще простого раздобыть ключи. Но это еще не все. Вы услышите обличительные показания, свидетельствующие, что Кэй Спалтер... — прокурор прервался и указал на женщину, сидевшую за столом защиты вполоборота от камеры, — ...что Кэй Спалтер не только побывала в этом здании утром дня похорон, но и находилась в той самой квартире, откуда был произведен выстрел, ровно в то время, когда пуля попала в Карла Спалтера... Более того, вы услышите свидетельские показания, подтверждающие, что она вошла в ту пустую квартиру одна — и вышла из нее тоже одна.

Он помолчал и пожал плечами, словно факты дела и вывод, из этих фактов вытекающий, были так неоспоримы, что и говорить больше не о чем. Впрочем, затем продолжил:

— Обвинение гласит: покушение на убийство. Однако что означает сей юридический термин? Обдумайте вот что. За день до рокового выстрела Карл был полон жизни, энергии и честолюбивых устремлений. На следующий день после... Что ж, смотрите сами. Посмотрите хорошенько на этого человека, прикованного к инвалидному креслу, удерживаемого в нем при помощи металлических скреп и ремней, поскольку мышцы, прежде выполнявшие эту задачу, теперь бездействуют. Посмотрите ему в глаза. Что вы увидите? Человека, настолько изувеченного рукой зла, что он, возможно, мечтает о смерти. Человека, настолько подкошенного предательством любимого существа, что он, возможно, жалеет, что вообще родился на свет.

Снова вмешался голос за кадром:

— Возражение!

Судья кашлянул.

— Поддерживаю, — устало пророкотал он. — Мистер Пискин, вы перешли черту.

— Прошу прощения, ваша честь. Слегка увлекся.

— Тогда вовлекитесь обратно.

— Да, ваша честь. — После короткой паузы, во время которой прокурор словно бы собирался с мыслями, он снова повернулся к присяжным. — Дамы и господа, как ни печально, но Карл Спалтер не в

состоянии больше ни двигаться, ни говорить, ни хоть как-то общаться с нами. Однако застывшее на его лице выражение ужаса подсказывает мне, что он прекрасно сознает, что с ним случилось, знает, кто сделал это с ним, — и что у него нет сомнений насчет того, существует ли в мире такая вещь, как Воплощенное Зло. И когда вы будете выносить вердикт, гласящий, что Кэй Спалтер виновна в покушении на убийство — ибо я знаю, вы сочтете ее виновной, — помните: то, что вы сейчас видите перед собой, и есть подлинное значение невыразительной юридической формулировки «покушение на убийство». Вот этот человек в инвалидном кресле. Разбитая, погубленная жизнь без малейшей надежды на будущее. Растоптанное счастье. Жуткая реальность, ужас которой не передать никакими словами.

— Возражаю! — выкрикнул голос.

— Мистер Пискин... — пророкотал судья.

— У меня все, ваша честь.

Судья объявил получасовой перерыв и вызвал прокурора и адвоката защиты в свой кабинет.

Гурни пересмотрел видео еще раз. Никогда еще он не слышал подобной вступительной речи. По эмоциональной насыщенности и содержанию она куда больше напоминала заключительную обвинительную речь. Однако он знал репутацию Пискина — отнюдь не дилетант в своем деле. Так с какой целью он разыграл это все? Создать впечатление, что осуждение Кэй Спалтер неизбежно, что игра закончена, не начавшись? Неужели настолько уверен в себе? Произнеся такое вступительное слово, что еще он сумеет добавить к своему обвинению в свершении Абсолютного Зла?

Кстати об Абсолютном Зле... Гурни захотелось взглянуть на то самое выражение лица Карла Спалтера, на которое Пискин обращал внимание присяжных, но которого не засняли на судебную камеру. Интересно, не найдется ли фотографии в предоставленном ему объемном досье? Гурни взял инструкции Хардвика, высматривая, нет ли там намека.

Должно быть, неслучайно это оказалось вторым пунктом.

«Шаг второй. Оцени ущерб. Материалы дела, собранные в бюро криминальных расследований, третья таблица. Все в глазах. Вот уж не хотел бы увидеть то, что вызвало этакий взгляд».

Через минуту Гурни уже смотрел на крупную, во весь лист, фотографию. Портрет: голова и плечи. Даже после слов прокурора про ужас в глазах жертвы выражение этих глаз потрясло. В последнем своем

витиеватом пассаже Пискин ничуть не преувеличивал.

В глазах жертвы и вправду читалось осознание жуткой правды — как сказал Пискин, реальности, ужас которой не передать никакими словами.

Глава 5

Кровожадные хорьки

Скрежещущий скрип правой створки французской двери — она всегда поддавалась с некоторым трудом — вырвал Гурни из бредового сна, который улетучился, стоило только открыть глаза.

Он обнаружил, что обмяк в кресле-качалке возле камина, а документы по делу Спалтеров разложены на кофейном столике перед ним. Когда он поднял голову, шея заныла. В приоткрытую дверь сочился по-рассветному неяркий свет.

Мадлен вырисовывалась силуэтом на фоне двери, вдыхая холодный застывший воздух.

— Слышишь? — спросила она.

— Что? — Гурни протер глаза и выпрямился.

— Гораций. Вот он, снова.

Гурни вполуха прислушался, но кукареканья молодого петушка не расслышал.

— Подойди к двери, тогда услышишь.

Гурни чуть было не ответил, что, мол, не так уж и интересно, но сообразил, что день с такого лучше не начинать. Выкарабкавшись из кресла, он подошел к двери.

— Вот, — сказала Мадлен. — Теперь слышал, да?

— Кажется.

— Когда построим вот там курятник, — жизнерадостно заверила Мадлен, показывая на поросший травой участок между зарослями аспарагуса и старой яблоней, — слышно будет гораздо лучше.

— Ничуть не сомневаюсь.

— Они это, чтобы застолбить территорию.

— Гм-гм.

— Отпугивают других петухов, сообщают им: «Это мой двор, я его первый занял». Мне так нравится! А тебе?

— Что нравится?

— Да кукареканье же.

— А. Да. Очень... по-деревенски.

— Не уверена, хочу ли держать много петухов. Но одного — очень здорово.

— Ага.

— *Гораций*. Сперва я еще сомневалась, но теперь кажется, это имя для него — то, что надо, правда?

— Пожалуй.

Сказать по правде, имя Гораций без каких бы то ни было разумных причин напоминало ему имя Карл. А имя Карл, едва всплыв в памяти, тянуло за собой те полные ужаса глаза с фотографии, глаза, словно бы увидевшие самого дьявола.

— А как быть с остальными? Пеструшка, Резвушка и Толстушка — как, по-твоему, не слишком глупые клички?

Гурни потребовалось несколько секунд, чтобы включиться.

— Слишком глупые? Это для кур-то?

Мадлен засмеялась и пожала плечами.

— Вот построим домик и вольеру, не придется им больше сидеть в душном сарае.

— Ну да.

Недостаток энтузиазма в его голосе был очевиден.

— Позаботишься, чтобы никакие хищники туда пролезть не могли?

— Да.

— Директор нашей клиники на той неделе потерял одну из своих род-айлендских красных. Только что была — и вот уже нет.

— Когда их выпускаешь, всегда рискуешь.

— Нет, если построить правильную вольеру. Тогда они смогут выходить, бегать, копошиться в траве, они ведь любят это, — и все-таки оставаться в безопасности. Будет так весело — наблюдать за ними, прямо вот отсюда.

Она снова показала выбранный участок, выразительно ткнув туда указательным пальцем.

— Так что, по его мнению, случилось с пропавшей курицей?

— Кто-то утащил. Небось, койот или орел. Он, скорее, ставит на орла, потому что после засухи этим летом они стали охотиться не только на рыбу.

— Гмм.

— Он говорит, если мы собираемся строить вольеру, надо обязательно натянуть проволочную сетку сверху — и врыть ее по меньшей мере на шесть дюймов в землю. А не то какая-нибудь тварь подкопается.

— Тварь?

— Он упоминал хорьков. Вот кто, судя по всему, полный кошмар.

— Кошмар?

Мадлен поморщилась.

— Он говорит, если хорек добирается до кур, то... то откусывает им головы, всем, сколько есть.

— И не ест? Просто убивает?

Она кивнула, плотно сжав губы. Не просто поморщилась, скривилась, как от физической боли.

— Говорит, хорек просто в амок впадает... как только попробует крови. Как начнет, не может остановиться, пока всех не перебьет.

Глава 6

Страшная правда

Вскоре после восхода, ощущая, что достаточно потрудился на ниве решения куриной проблемы — набросав схему курятника и огороженного загончика вокруг, — Гурни отложил блокнот и уселся со второй чашкой кофе за стол для завтрака.

Когда Мадлен присоединилась к нему, он решил показать ей фотографию Карла Спалтера.

Работая в приемном отделении местной психиатрической клиники, она привыкла находиться в эпицентре негативных эмоций — паники, ярости, страдания, отчаяния. Но все равно при виде лица Спалтера у нее невольно распахнулись глаза.

Она отложила фотографию на стол, а потом отодвинула еще на несколько дюймов.

— Он что-то знает. Что-то, чего не знал до того, как жена стреляла в него.

— Может, это и не она. Послушать Хардвика, дело против нее сфабриковано.

— И ты этому веришь?

— Не знаю.

— Может, это она, а может, и нет. Но Хардвику ведь на самом деле не важно, правда?

Гурни подмывало возразить, поскольку ему не нравилось, в каком положении он тогда сам оказывается. Но он лишь пожал плечами.

— Что ему важно, так это снять с нее обвинения.

— Что ему по-настоящему важно, так это поквитаться — и полюбоваться, как его бывшие боссы корчатся.

— Знаю.

Она наклонила голову набок и посмотрела на него с таким видом, точно собиралась спросить, ему-то с какой стати впутываться в столь неприглядную и наверняка грязную затею.

— Я ничего не обещал. Но, признаюсь, — добавил он, показывая на фотографию на столе, — это меня и правда заинтересовало.

Мадлен поджала губы, повернулась к открытой двери и уставилась на жидкий, редющий туман, подсвеченный косыми лучами раннего солнца. Потом ее внимание привлекло что-то на краю каменного дворика, сразу за порогом.

— Вернулись.

— Кто? Что?

— Муравьи-древоточцы.

— Где?

— Да везде.

— Везде?

Ее тон был столь же кроток, сколь его — нетерпелив.

— Снаружи. И внутри. На порогах. В шкафах. У раковины.

— Какого черта ты мне не говорила?

— Сказала. Только что.

С губ у него рвался уже ответ, который пустил бы всю беседу под откос, но благоразумие возобладало.

— Терпеть эту пакость не могу, — только и сказал он. Гурни их и впрямь на дух не переносил. Муравьи-древоточцы были термитами Катскильских гор и прочих нежарких краев — они выгрызали внутренности балок и перегородок, в темноте и молчании превращая несущие структуры в опилки. Служба по борьбе с насекомыми каждые два месяца обрабатывала специальным составом фундамент дома снаружи. И порой казалось, что победа близка. Но муравьи-разведчики неизменно возвращались, а потом... орды и батальоны.

На миг Гурни забыл, о чем они с Мадлен говорили до отступления про муравьев. А когда вспомнил, его охватило гнетущее чувство, будто он пытается оправдать сомнительное решение.

Пожалуй, стоит попробовать максимальную открытость.

— Слушай, я понимаю, в чем тут опасность — и что за всем этим кроются далеко не благородные мотивы. Но я и правда в долгу перед Джеком. Может, и не очень большом, но все же в долгу. Кроме того, а вдруг невинная женщина действительно осуждена на основании показаний продажного копа. Терпеть не могу продажных полицейских.

— Да Хардвику плевать, виновата она или невиновна! — взорвалась Мадлен. — Ему пофиг.

— Знаю. Но я не Хардвик.

Глава 7

Мак Мудак

— Так пока не обнаружили пулю у него в мозгу, все считали, он просто споткнулся? — уточнил Гурни.

Он сидел на пассажирском сиденье грохочущего «Понтиака» Хардвика — не тот способ передвижения, что он выбрал бы в обычных обстоятельствах, но поездка из Уолнат-Кроссинга к женской исправительной колонии «Бердфорд-Хиллс», согласно «Гуглу», должна была занять три часа, что представляло удачную возможность позадавать вопросы.

— Ну, маленькое круглое входное ранение уже вроде кое о чем намекнуло, — ответил Хардвик. — Но после компьютерной томографии сомнений и вовсе не осталось. В результате хирург извлек почти все фрагменты пули.

— «Свифт» двадцать второго калибра?

Дожидаясь Хардвика, Гурни умудрился просмотреть половину судебных записей и треть материалов дела из бюро и хотел теперь уточнить детали.

— Ага. Самая быстрая пуля в мире. Самая пологая траектория. Заряди ей правильное оружие с подходящим радиусом действия — и снесешь голову бурундуку в четверти мили от тебя. Точность поразительная. Других таких нет. Добавь ко всему комплекту глушитель, вот тебе и...

— Глушитель?

— Ну да, глушитель. Поэтому-то и выстрела никто не услышал. Да еще петарды...

— Петарды?

Хардвик пожал плечами.

— Свидетели в то утро слышали от пяти до десяти наборов петард. Откуда-то со стороны здания, из которого был произведен выстрел. Последние — аккуратно в то время как Спалтера подстрелили.

— А как определили, из какого именно здания стреляли?

— Реконструкция на месте преступления. Свидетельские описания позиции жертвы перед падением. И потом — последовательный обход

зданий в поисках потенциального места засады.

— Но в первый момент никто не понял, что в него стреляли, да?

— Просто увидели, что он падает. Он направлялся к трибуне в изголовье могилы. Пуля попала ему в висок слева, упал он вперед. В тот миг слева от Карла был пустой участок кладбища, река, оживленное шоссе, а за всем этим ряд частично пустующих многоквартирных домов, принадлежащих семейству Спалтеров.

— Как определили, из какой именно квартиры стреляли?

— Легче легкого. Она... в смысле, стрелявший... кто бы ни... короче, ружье бросили на месте преступления, прямо на треноге.

— С оптическим прицелом?

— Наивысшего класса.

— А глушитель?

— Нет. Его стрелявший снял.

— Тогда откуда вы знаете...

— Дуло подгоняли под глушитель. Кроме того, петарды сами по себе не перекрыли бы выстрел «Свифтом» двадцать второго калибра. Там очень мощный заряд.

— А глушитель гасит лишь дульную волну, тогда как сверхзвуковая составляющая сама по себе все равно была бы достаточно громкой — что и объясняет необходимость петард. Выходит... тщательное планирование, вдумчивый подход. Именно так это все и проинтерпретировали?

— Должны были, а на деле хрен его знает, как они там что проинтерпретировали. На суде это все никак не всплывало. Да уйма всякого дерьма так и не всплыла на суде. Уйма дерьма, которое просто обязано было всплыть.

— Но зачем оставлять оружие, зато снимать глушитель?

— А хрен его знает. Разве что это одна из тех штук за пять тысяч баксов — рука не поднялась бросить.

Гурни в такое как-то не верилось.

— По версии обвинения, из всех способов, какими мстительная жена может убить мужа, Кэй Спалтер выбрала самый мудреный, затратный, требующий самого современного...

— Малыш Дэйви, меня можешь не уговаривать. Я и сам знаю, что версия отстой. Дыр в ней больше, чем у нарка в вене. Вот почему я и выбрал это дело для разгона. Большой потенциал для пересмотра.

— Отлично. Итак, глушитель был, но его сняли и унесли. Предположительно сам стрелок.

— Верно.

— Отпечатков нигде никаких?

— Никаких. Работали в латексных перчатках.

— Этот твой продажный детектив — он ничего там не подбросил в квартиру, чтобы подставить жену Спалтера?

— Тогда он ее еще не знал. Он решил ее подставить только после того, как увидел, невзлюбил и решил, что наверняка она и есть убийца.

— Это как раз его имя указано на папке? Старший следователь Майкл Клемпер?

— Мак Мудак, он и есть. Башка бритая, глазки заплывшие, грудь колесом. Темперамент ротвейлера. Фанат всяких единоборств. Обожает ломать кирпичи голыми руками, особенно на публике. Ну о-о-очень сердитый тип. Что и возвращает нас к нынешней проблеме. Мак Мудак развелся несколько лет назад. Причем с треском. Мак... тут мы вторгаемся в область... гм... неподтвержденных слухов. Клевета, очернительство, повод для возбуждения дела, ну ты понимаешь?

Гурни вздохнул.

— Валяй дальше, Джек.

— По слухам, жена Мака закрутила с неким влиятельным типом из организованной преступности, с которым и познакомилась-то потому, что — если верить все тем же слухам — он Мака купил с потрохами. — Хардвик выразительно помолчал. — Видишь проблему?

— И не одну.

— Мак, значит, выяснил, что она трахается с прикормившим его мафиози, но тут перед ним возникла дилемма. Ну, то есть, это не та корзина с грязным бельем, которую хочешь открыть в суде, да и где-либо еще. Так что обычных законных мер он принять не мог. Зато в частной жизни неоднократно выражал желание придушить сучку, открутить ей голову и скормить своему псу. Судя по всему, он и ей это время от времени говорил. Ну и в один из таких разов она записала на видео, как он, малость перебрав, в красочных деталях расписывает, как скормит питбулю всякие ее деликатные части тела. Ну и угадай, что дальше.

— Ты мне скажи.

— На следующий день она пригрозила выложить видео на Ютьюбе и спустить в унитаз его карьере вместе с честно заработанной пенсией, если он не даст ей развода, причем на очень щедрых условиях.

В узкогубой улыбке Хардвика сквозило нечто вроде извращенного восхищения.

— Вот тогда-то Мак Мудак и начал истекать всей этой смертоубийственной ненавистью — как гноем. Он бы уже и рад прибить

женушку, несмотря ни на какого мафиози, но она сказала, если с ней что случится, запись разлетится по всему свету. Пришлось ему дать ей развод. И деньги. И с тех пор он вымещает злость на всякой бабе, которая хоть отдаленно напоминает ему жену. Мак всегда был малость психованным, но как обжег задницу на истории с разводом, превратился в двести пятьдесят фунтов чистой ярости. Так и ищет, на ком бы выместить злобу.

— Хочешь сказать, он подставил Кэй Спалтер потому, что она трахалась на стороне, как его жена?

— Еще хуже. Еще ненормальнее. По-моему, из-за этой вот слепой ненависти ко всем, кто похож на его жену, он свято уверен, что Кэй Спалтер и в самом деле убила своего мужа, а его долг теперь заставить ее поплатиться. Для него, психа этакого, она стопроцентно виновна, а значит, должна попасть за решетку любой ценой. Эта, мол, лживая сучка от него не ускользнет. А если для этого понадобится слегка подправить картинку в интересах правосудия, так отчего бы и нет.

— Хочешь сказать, он полный псих?

— Еще мягко сказано.

— А ты-то откуда это все знаешь?

— Говорю же, у него есть враги.

— А поконкретней?

— Кое-кто, кто к нему достаточно близок и много чего видит и знает, мне описывал, как он брызжет злобой на работе, и пересказывал обрывки его телефонных звонков жене и фразочки, брошенные там и сям, про баб вообще, а его бывшую и Кэй Спалтер в частности. Мудака иногда заносит, и он напрочь забывает про осторожность.

— А имя у этого осведомителя есть?

— Есть, но назвать не могу.

— Еще как можешь.

— Ни за что.

— Послушай, Джек. Начнешь скрывать — договоренности конец. Мне надо знать все, что известно тебе. Получить ответ на каждый вопрос. Уговор таков. Точка.

— Боже, Дэйви, до чего ж с тобой нелегко.

— А с тобой-то.

Гурни покосился на спидометр. Стрелка подползала к восьмидесяти. Челюсти Хардвика были крепко сжаты, руки на руле тоже. Прошла добрая минута, прежде чем он коротко произнес:

— Эсти Морено. — И еще минута прошла, прежде чем он продолжил. — Она работала на Мака со времени его развода до самого

завершения дела Спалтеров. В конце концов умудрилась получить новое назначение — подразделение то же, начальство другое. Пришлось заняться офисной работой, сплошная возня с бумагами, она этого просто не выносит. Но Мудака не выносит еще больше. Эсти хороший коп. Отличные мозги. Отличные уши и глаза. И принципы. У нее, у Эсти, есть принципы. Знаешь, что она сказала про Мудака?

— Нет, Джек. Так что?

— Сказала: «Какое дерьмо творишь, такая тебя и карма потом цапнет за задницу». Люблю Эсти. Ей палец в рот не клади. Кстати, я упоминал, что она — горячая штучка из Пуэрто-Рико? Но и утонченной может быть. Утонченная горячая штучка. Ты б видел ее в полицейской шляпе!

Хардвик улыбался во весь рот и выстукивал пальцами по рулю латиноамериканский ритм.

Гурни довольно долго просидел молча, стараясь осмыслить услышанное, причем как можно объективнее. Загвоздка состояла в том, чтобы усвоить все факты — но при этом держать их на расстоянии вытянутой руки: вот как собирают с места преступления улики, которые возможно истолковать по-разному.

До чего же странные очертания это дело начинало принимать у него в голове — учитывая полную иронию параллель между желанием Клемпера любой ценой добиться обвинительного приговора и желанием Хардвика любой ценой добиться отмены приговора. Старания обоих лишней раз доказывали, что люди не слишком-то рациональные существа и вся наша так называемая логика — всего лишь радужный фасад куда как более темных мотивов: попытка прикрыть страсть аксиомами.

Занятый этими мыслями, Гурни лишь мельком замечал холмы и долины, мимо которых лежал их путь, — стелящиеся вдоль дороги поля, поросшие сорняками и чахлыми деревцами, изнуренные засухой зеленые и желтые просторы, солнце, то пробивающееся сквозь неизменную белесую дымку, то снова тонущее в ней, ладные фермы с десятилетиями не крашеными амбарами и сараями, печальные полунищие деревеньки, старые оранжевые тракторы, ржавые плуги и ворошилки для сена, тихое и старомодное сельское запустение — гордость и проклятие округа Делавэр.

Глава 8

Бессердечная сука

В отличие от сурово-прекрасных, экономически ущербных и

малолюдных округов центральной части штата Нью-Йорк, северный округ Вестчестер был полон небрежного очарования сельской зажиточности. Однако исправительная колония «Бедфорд-Хиллс» посреди открыточного пейзажа казалась неуместной, как дикобраз в контактном зоопарке для малышей.

Гурни сразу же получил повод вспомнить, что охранная система тюрьмы особо строгого режима включает широкий спектр приборов всех степеней изощренности. Начиная от самых навороченных сенсоров и контрольных систем до сторожевых вышек, двенадцатифутовых сетчатых изгородей и колючей проволоки.

Несомненно, в один прекрасный день достижения технологии окончательно вытеснят колючую проволоку. Но пока именно она проводила самую четкую демаркационную линию между миром внутри тюрьмы и миром снаружи. Она несла в себе простое, грубое и жестокое послание. Одно ее присутствие сразу сделало бы тщетной любую попытку создать атмосферу нормальной жизни — ясно, что в исправительных колониях не предпринимались серьезные шаги в этом направлении. Гурни подозревал, что в реальности колючая проволока не ограничится своей непосредственной функцией — нести людям особое послание.

Внутри же тюрьма «Бедфорд-Хиллс» ничем не отличалась от большинства мест заточения, которые он посещал на протяжении многих лет. Выглядела она столь же уныло-функционально, соответствуя своему предназначению. И вопреки тысячам и тысячам страниц, написанным на тему современной пенологии, это предназначение — сама суть — сводилось к одному.

Клетка.

Клетка с многочисленными замками, пропускными пунктами и процедурами, предназначенными для того, чтобы никто не вошел сюда и не вышел отсюда, не предоставив должных доказательств своего на это права. Контора Лекса Бинчера внесла Гурни и Хардвика в список посетителей, которым разрешено посещать Кэй Спалтер, так что проникнуть внутрь им не составило труда.

Длинная комната для посещений, куда их провели, ничем не отличалась от аналогичного помещения в любой из тюрем. Окон там не имелось, зато основной структурной особенностью была длинная стойка высотой примерно по грудь, разделявшая комнату на две половины — сторону заключенных и сторону посетителей. По обе стороны от стойки тянулся ряд стульев, а в двух концах, так, чтобы видеть стойку по всей длине и предотвратить любые недозволенные контакты, стояли

надзиратели.

Гурни с облегчением увидел, что посетителей сейчас немного — это давало вполне достаточно места и хоть какую-то приватность.

Женщина, которую привела коренастая чернокожая надзирательница, оказалась невысокой и хрупкой. Темные волосы, мальчишеская короткая стрижка, тонкий нос, выступающие скулы, полные губы. Поразительно зеленые глаза, под одним из которых темнел небольшой синяк. Лицо ее приковывало взгляд, но не столько красотой, сколько написанной на нем страстной, напряженной целеустремленностью.

Гурни и Хардвик поднялись ей навстречу. Хардвик первым нарушил молчание, разглядывая ее синяк.

— Боже, Кэй, что это с вами?

— Ничего страшного.

— По мне, очень даже чего.

Натужная заботливость в его голосе неприятно задела Гурни.

— С этим уже разобрались, — отмахнулась Кэй, обращаясь к Хардвику, но с откровенным любопытством рассматривая Гурни.

— Как это разобрались? — не унимался Хардвик.

Она нетерпеливо моргнула и улыбнулась — коротко и невесело.

— Кристалл Рок. Моя покровительница.

— Та лесбиянка, наркодилерша с метадоном?

— Ну да.

— Ваша фанатка?

— Фанатка той, кем меня считает.

— Любит мужеубийц?

— Обожает.

— И как она воспримет отмену приговора, которой мы добьемся?

— Отлично — если не сочтет, что я и впрямь невиновна.

— Что ж... это как раз не проблема. Повод нашей апелляции — не сам вопрос невиновности, а то, должным ли образом проводился процесс, и мы намерены доказать, что в вашем случае процесс проводился не так, как положено. Кстати, позвольте представить вам человека, который поможет нам доказать судье, до чего скверным образом все проводилось. Кэй Спалтер — Дэйв Гурни.

— Мистер Суперкоп, — произнесла она с толикой сарказма и чуть помолчала, словно проверяя, как он отреагирует, но, не дождавшись реакции, продолжила: — Я читала про вас и все ваши регалии. Весьма впечатляет.

Вид у нее, однако, был ни капельки не впечатленный.

Гурни гадал, способны ли вообще эти холодные, оценивающие зеленые глаза принимать впечатленное выражение.

— Приятно познакомиться, миссис Спалтер.

— Кэй. — В тоне не было и намека на сердечность. Имя прозвучало скорее недвусмысленной поправкой, способом выразить отвращение к фамилии мужа. Она продолжала разглядывать его, словно товар на ярмарке. — Вы женаты?

— Да.

— Счастливо?

— Да.

Она словно бы немного покрутила эту информацию у себя в голове перед тем, как задать следующий вопрос.

— Вы верите в мою невиновность?

— Я верю, что солнце утром встало.

Губы ее дрогнули — что-то вроде мимолетной улыбки. А может, это просто рвалась наружу энергия, заключенная в маленьком теле.

— И как это понимать? Что вы верите лишь в то, что видите своими собственными глазами? Что вы крепкий орешек и опираетесь лишь на факты?

— Что я познакомился с вами минуту назад и знаю еще слишком мало, чтобы составить собственное мнение, не говоря уж о том, чтобы во что-то поверить.

Хардвик нервно кашлянул.

— Может, сядем?

Они уселись за маленький столик. Кэй Спалтер все так же разглядывала Гурни.

— А что вам надо знать, чтобы у вас сложилось мнение касательно моей виновности?

— Или насчет того, насколько честно вас судили, — вмешался Хардвик, подавшись вперед. — Ведь дело-то сейчас именно в этом.

Кэй проигнорировала его. Глаза ее были устремлены на Гурни.

Он откинулся на спинку стула, внимательно изучая эти поразительные, немигающие зеленые глаза. Что-то подсказывало, что лучшим вступлением к делу будет обойтись без вступлений.

— Вы стреляли в Карла Спалтера или организовывали его убийство?

— Нет.

Ответ вырвался резко и быстро.

— У вас и правда был роман на стороне?

— Да.

— И ваш муж все узнал?

— Да.

— И намеревался с вами развестись?

— Да.

— И развод в таких обстоятельствах крайне отрицательно сказался бы на вашем финансовом положении?

— Именно.

— Но к тому времени, как ваш муж был смертельно ранен, он еще не принял окончательного решения о разводе и не изменил завещания — так что вы по-прежнему оставались главной наследницей. Верно?

— Да.

— Вы просили любовника убить его?

— Нет.

На лице ее вспыхнуло и угасло отвращение.

— Так что его история на суде — выдумка чистой воды?

— Да. Но только никак не его личная выдумка. Дарил работал у нас в бассейне спасателем и так называемым «личным тренером» — тело на миллион долларов, мозгов на два цента. Он просто повторил то, что ему велел говорить этот козел Клемпер.

— Вы просили имеющего судимость Джимми Флэтса убить вашего мужа?

— Нет.

— Так что его рассказ на суде — тоже выдумка?

— Да.

— Сфабрикованная Клемпером?

— Полагаю, что да.

— Вы бывали в том здании, откуда стреляли, — в день выстрела или когда-либо прежде?

— Уж точно не в день выстрела.

— Значит, свидетельские показания, будто бы вы находились в здании, в той самой квартире, где нашли оружие убийства, — это все тоже фальшивка?

— Верно.

— Если не в тот самый день, то когда?

— Не знаю. За несколько месяцев? За год? Я там была, наверное, два-три раза, заглядывала вместе с Карлом, когда мы проезжали мимо, а ему надо было что-то там проверить или сделать, как-то так.

— Большинство квартир пустовало?

— Да. «Спалтер Риэлти» скупает по дешевке здания, требующие

капитального ремонта.

— Квартиры держали запертыми?

— По большей части. А то бездомные понабежали бы.

— У вас были ключи?

— Не у меня лично.

— В смысле?

Кэй Спалтер впервые заколебалась с ответом.

— Для каждого здания имелся основной ключ. Я знала, где он.

— И где же?

Она словно бы покачала головой — а может, опять же, это была лишь едва уловимая внутренняя дрожь.

— Всегда считала, что это ужасно глупо. Карл держал при себе все ключи, но хранил по запасному в каждом доме. В подвале, в прачечной. На полу за батареей.

— Кто кроме вас с Карлом знал про эти спрятанные ключи?

— Понятия не имею.

— Они и сейчас хранятся за батареями?

— Думаю, да.

Гурни несколько мгновений сидел молча, вбирая в себя этот примечательный факт, а потом продолжил:

— Вы утверждали, что во время стрельбы находились с любовником.

— Да, с ним. В постели.

Она смотрела Гурни прямо в глаза, спокойно и ровно, не моргая.

— Так что, когда он показал под присягой, будто был в тот день один, — это снова неправда?

— Да. — Она сжала губы.

— И как, по-вашему, детектив Клемпер сфабриковал всю эту изощренную паутину лжи... чего ради? Просто потому, что вы напомнили ему бывшую жену?

— Это теория вашего друга. — Она показала на Хардвика. — Не моя. Лично я не сомневаюсь, что Клемпер подонок и женоненавистник, но уверена, что тут кроется нечто большее.

— Например?

— Может, мое осуждение на руку кому-то, кто стоит за Клемпером.

— Кому, например?

— Ну, например, мафии.

— Хотите сказать, это организованная преступность в ответе за...

— Покушение на Карла? Да. По-моему, в этом есть смысл. Во всяком случае, больше, чем в чем-нибудь еще.

— Покушение на Карла. Не холодноватый ли тон для...

— Для обсуждения смерти моего мужа? Да, мистер Суперкоп, вы совершенно правы. Я не собираюсь проливать слезы на публике, чтобы продемонстрировать свою невиновность присяжным, вам или кому бы то ни было еще. — Она смотрела на него испытующе. — Чутьочку осложняет дело, да? Не так-то легко доказывать невиновность бессердечной суки.

Хардвик побарабанил пальцами по столу, привлекая ее внимание, а потом подался вперед и медленно, выразительно повторил:

— Нам и не надо доказывать, что это не вы. Дело не в виновности или невиновности. Все, что от нас требуется, — это доказать, что ваш процесс был серьезно и злонамеренно искажен старшим следователем по делу. Именно этим мы и займемся.

Кэй снова проигнорировала его, неотрывно глядя на Гурни.

— И как? На чьей вы стороне? Успели сформировать мнение?

Гурни ответил очередным вопросом:

— Вы брали уроки стрельбы?

— Да.

— Зачем?

— Думала, может, придется в кого-нибудь стрелять.

— В кого же?

— В какого-нибудь бандита. Мне не нравились связи Карла. Я видела, что назревают проблемы, и хотела подготовиться заранее.

Грозная, подумал Гурни, выискивая подходящее слово для определения этого маленького, отважного и бестрепетного существа, сидевшего напротив него. А может даже, слегка *пугающая*.

— Проблемы с бандитами потому, что Карл основал политическую партию против преступности? И произносил все эти речи про «мразь земли»?

Она только коротко фыркнула.

— Ничего-то вы про Карла не знаете, верно?

Глава 9

Черная вдова

Глаза Кэй Спалтер были закрыты — судя по всему, от сосредоточенности. Полные губы сжаты в узкую линию, голова склонена, руки крепко стиснуты под подбородком. Она сидела вот так напротив Гурни и Хардвика вот уже добрых две минуты. Гурни догадывался, что она

силится решить, насколько может довериться этим двум мужчинам, которые ей едва знакомы и чьих подлинных целей она не знает, но которые, вполне может статься, дают ей последний шанс на свободу.

Хардвика, похоже, молчание угнетало. Уголки губ у него начали подергиваться.

— Послушайте, Кэй, если вас что-то беспокоит, просто скажите напрямик, и мы...

Она подняла голову и обожгла его взглядом.

— Беспокоит?

— Ну, я имел в виду, если у вас есть вопросы...

— Если у меня возникнут вопросы, я их задам. — Она снова перевела взгляд на Гурни, внимательно разглядывая его лицо и глаза. — Сколько вам лет?

— Сорок девять. А почему вы спрашиваете?

— Не рановато ли для пенсии?

— И да, и нет. Двадцать пять лет в нью-йоркской полиции...

— Да вся штука в том, что он до конца так и не вышел на пенсию, — вмешался Хардвик. — Просто переехал за город. Чем раньше занимался, тем и сейчас занимается. С тех пор как он покинул отдел, он раскрыл уже три крупных убийства. Три крупнейших дела за последние два года. Я бы это пенсией не назвал.

Гурни были не по душе эти хвалебные слова Хардвика.

— Послушай, Джек...

На этот раз его перебила Кэй:

— Почему вы это делаете?

— Что?

— Принимаете участие в моем процессе.

Гурни оказалось нелегко подыскать слова для ответа, который он был бы готов произнести вслух.

— Из любопытства, — наконец произнес он.

Хардвик снова встрял:

— Да Дэйви у нас прирожденный умелец докапываться до сути. Одержимый прямо. Светоч мысли как есть. Снимает слой за слоем, пока не доберется до истины. Так что, когда он говорит «из любопытства» — для него это гораздо больше...

— Не надо мне объяснять, что это для него. Он здесь. И я здесь. Пусть сам объясняет. В прошлый раз я уже выслушала вас и вашего приятеля-адвоката. — Она чуть сдвинулась на стуле и устремила пристальный взгляд на Гурни. — Теперь я хочу выслушать вас. Сколько они вам платят за

работу над делом?

— Кто?

Она показала на Хардвика.

— Он и его адвокат — Лекс Бинчер из «Бинчер, Фенн и Бласкетт».

Кэй произнесла название с таким видом, точно глотала противную на вкус, но необходимую микстуру.

— Они ничего мне не платят.

— Не платят?

— Нет.

— Но вы рассчитываете на какую-нибудь оплату в будущем, если ваши усилия обеспечат желательный результат?

— Нет, не рассчитываю.

— Правда? Тогда, если не считать всего этого вздора про докапывание до истины, почему вы этим занимаетесь?

— Должен отплатить Джеку за одну услугу.

— За что?

— Он мне помог в деле Доброго Пастыря. Я ему помогаю в этом.

— Любопытство. Уплата долга. Что еще?

Что еще? Гурни гадал, знает ли она, что третья причина и вправду есть. Он откинулся на спинку стула, задумавшись, что именно сказать. А потом негромко произнес:

— Я видел фотографию вашего покойного мужа в инвалидном кресле — должно быть, за несколько дней до его смерти. Лицо крупным планом.

Наконец-то Кэй проявила хоть какие-то признаки эмоциональной реакции. Зеленые глаза ее расширились, лицо чуть побледнело.

— И что?

— Выражение его глаз. Я хочу понять, что оно означает.

Она прикусила нижнюю губу.

— Может, это просто... ну, как любой смотрит, если знает, что скоро умрет.

— Не думаю. Я видел множество умирающих. Застреленных продавцами наркотиков. Совершенно незнакомыми людьми. Родственниками. Полицейскими. Но никогда не видел ни у кого такого вот выражения.

Она испустила глубокий, прерывистый вздох.

— Вам нехорошо? — спросил Гурни. Сотни, может быть, даже тысячи раз он видел, как люди пытаются изображать эмоции, которых не испытывают. Но тут фальши не было и в помине.

Кэй на несколько мгновений закрыла глаза, а потом снова открыла.

— Обвинитель сказал присяжным, что лицо Карла выражало отчаяние человека, которого предал тот, кого он любил. Вы тоже так считаете? Что это мог быть взгляд человека, чья жена желала ему смерти?

— Думаю, это возможный вариант. Но не единственный.

Она ответила еле заметным кивком.

— Последний вопрос. Ваш приятель все твердит мне, что успех апелляции не имеет никакого отношения к тому, я ли застрелила Карла или нет. Мол, главное — показать «заметные недочеты в ведении дела». Так скажите мне вот что. Для *вас* лично имеет значение, виновна я или нет?

— По мне, так только это и имеет значение.

Она смотрела ему в глаза долго-долго, а потом легонько кашлянула, повернулась к Хардвику и заговорила другим голосом — более ломким, легким.

— Отлично. Договорились. Скажите Бинчеру, пусть присылает мне договор.

— Будет сделано, — заверил Хардвик с быстрым серьезным кивком, еле скрывавшим восторг.

Кэй подозрительно глянула на Гурни.

— Что это вы на меня так смотрите?

— Впечатлен тем, как вы принимаете решения.

— Я их принимаю, как только внутреннее чутье у меня приходит в согласие с головой. Что у нас там дальше по списку?

— Вы сказали чуть раньше, что я ничего не знаю о Карле. Просветите меня.

— С чего начать?

— С чего угодно, что кажется вам важным. Например, был ли Карл замешан во что-нибудь, что могло привести к его убийству?

По губам у нее скользнула быстрая горькая улыбка.

— Что его убили — вовсе не удивительно. Удивительно только, как это не убили гораздо раньше. Причина его смерти — сама его жизнь. Карл был очень честолюбив. Честолюбив до безумия. У него это в отца, тот еще был гнусный тип, весь мир заглоти бы, если б только мог.

— Что вы имеете в виду — «до безумия»?

— Честолюбие просто пожирало его, съедало заживо. Больше, лучше, важнее. Еще, еще, еще. А каким способом — уже не важно. Да он, чтобы только добиться своего, с такими людьми общался, с какими вы в одной комнате находиться побрезговали бы. А ведь поиграй с гремучей змеей... — Она замолчала. Зеленые глаза пылали гневом. — До чего же нелепо — что именно я теперь заперта в этом зверинце! Ведь это же я

предупреждала его держаться подальше от хищников. Я твердила, что он увяз по уши, что он доиграется и его убьют. А он не желал меня слушать — и доигрался. И именно меня осудили за его убийство!

Она посмотрела на Гурни взглядом, яснее слов выразившим: «Ну не гнусная ли шутка — жизнь?»

— У вас есть предположения, кто его застрелил?

— Ну, тут опять сплошная жизненная ирония. Тип, без чьего одобрения в штате Нью-Йорк вообще ничего не случается, — иными словами, тот гад, который либо заказал Карла, либо, по крайней мере, дал согласие, — так вот, он трижды бывал у нас дома. Я три раза могла бы сама его прибить. На третий раз — так была к этому очень близка. И знаете, что? Поддайся я тогда искушению, сейчас и Карл был бы жив, и я не сидела бы тут. Улавливаете суть? Меня осудили за убийство, которого я не совершала, — из-за убийства, которое я не совершила, когда надо было.

— Как его зовут?

— Кого?

— Гада, которого вам следовало бы убить.

— Донни Ангел. Также известен как Грек. Также известен как Адонис Ангелидис. Три раза у меня была возможность избавиться от него. И все три раза я эту возможность упустила.

Оборот, который принял разговор, отметил про себя Гурни, выявил новую сторону личности Кэй Спалтер. Внутри поразительного, умного и хрупкого существа таился лед.

— Пойдите минутку, — попросил Гурни, желая получить более ясное представление о мире, в котором обитали Спалтеры. — Расскажите подробнее о бизнесе Карла.

— Могу рассказать только то, что знаю. Верхушка айсберга.

За следующие полчаса Кэй успела описать не только бизнес Карла с его странноватой корпоративной структурой, но и его не менее странноватое семейство.

Отец Карла, Джо Спалтер, унаследовал компанию по торговле недвижимостью от своего отца. В итоге «Спалтер Риэлти» владела здоровенным куском от общего массива сдаваемых в аренду помещений штата Нью-Йорк, включая половину многоквартирных домов в Лонг-Фоллсе, — и все это к тому времени как Джо, незадолго до смерти, передал компанию двум своим сыновьям, Карлу и Йоне.

Карл пошел в Джо и унаследовал его честолобие и жадность до денег. А вот Йона походил на мать, Мэри, ревностную поборницу безнадежных идей. Йона был мечтателем-утопистом, харизматическим спиритуалистом,

приверженцем «нью эйдж». Как сформулировала Кэй: «Карл хотел владеть миром, а Йона — спасти его».

По представлениям их отца, у Карла было все необходимое, чтобы «взобраться на вершину» — стать самым богатым человеком в Америке, а может, и в мире. Одна беда, Карл был столь же неуправляем, сколь и безжалостен. Он ни перед чем не остановился бы, лишь бы получить то, что хочет. В детстве он как-то поджег соседского пса: чтобы отвлечь внимание соседей, пока воровал видеоигру. И это был вовсе не одиночный приступ безумия. Такого рода случаи повторялись регулярно.

Джо, сам ничуть не менее безжалостный, усматривал в этой черте своего отпрыска потенциальную проблему — не то чтобы его смущали поджог собаки или кража. Нет, его волновал недостаток осмотрительности, неумение должным образом рассчитать соотношение риска и прибыли. В конечном счете он решил объединить Карла и Йону в семейном бизнесе. Пусть Йона обуздывает Карла, напоминает ему об осторожности, которой и самому Джо так недостает.

Чтобы воплотить в жизнь идею этого плодотворного союза столь разнонаправленных дарований, оба сына Джо подписали нерасторжимое соглашение, когда отец передавал им корпорацию. Все пункты и положения этого соглашения имели одну цель: сделать так, чтобы нельзя было принять ни одного решения, внедрить ни одно новшество, начать ни одного нового дела без совместного одобрения Карла и Йоны.

Однако мечта Джо о слиянии противоположных наклонностей его сыновей в единую непобедимую силу так и не воплотилась в жизнь. Все, что из этого вышло, — лишь постоянные конфликты, застой в делах, упадок «Спалтер Риэлти» и нарастающая вражда между братьями. Карла это толкнуло в политику — как альтернативный путь к деньгам и власти, причем проник он туда через черный ход при помощи организованной преступности. Йону же это толкнуло в религию, побудило основать свое грандиозное учреждение, Церковь Киберпространства, при закулисной поддержке матери, которую Джо обеспечил с поразительной щедростью. Той самой матери, на чьих похоронах Карла смертельно ранили.

Когда Кэй наконец завершила семейную сагу Спалтеров, Гурни первым нарушил молчание.

— Выходит, эта кампания Карла против организованной преступности, речи про «мразь земли» и обещания очистить Нью-Йорк — не более, чем...

Она договорила за него:

— Вранье, притворство. Разве можно придумать лучшее прикрытие для политика, втайне закрутившего роман с мафией, чем образ самого

ярого во всем штате борца с преступностью?

Гурни кивнул, стараясь уместить в голове все подробности разветвленного, как мыльная опера, повествования.

— Так, по вашим словам, Карл в конце концов рассорился с этим самым Ангелом? Поэтому его и убили?

— Ангел всегда был самым опасным игроком в салуне. Карл далеко не первый и даже не десятый из деловых партнеров Ангела, кто заканчивает подобным образом. В некоторых кругах говорят, что Грек за столом переговоров выставляет только два предложения: «Делай, как я скажу. А не то снесу голову нафиг». Ручаюсь, наверняка в какой-то момент Карл отказался следовать указаниям Донни. Ну вот голову ему и снесли, верно?

Гурни не ответил, размышляя, кто же она такая на самом деле, эта напрочь лишенная сентиментальности, суровая особа.

— Кстати, — добавила она, — вам бы стоило еще взглянуть на фотографии Карла до этого происшествия.

— Зачем?

— Понять, какой он был. Карл был создан для политики. Продал душу дьяволу — с ангельской улыбочкой.

— Почему вы не ушли от него, когда дело приняло дурной оборот?

— Потому что я пустая и мелочная авантюристка, жадная до денег и власти.

— В самом деле?

Ответом ему стала ослепительная загадочная улыбка.

— Еще вопросы?

Гурни задумался.

— Да. Что такое, черт возьми, Церковь Киберпространства?

— Да очередная религия без Бога. Наберите это название в каком-нибудь поисковике — узнаете больше, чем хотите знать. Что-нибудь еще?

— У Карла или Йоны есть дети?

— Только не у Йоны. Слишком занят своей эзотерикой. У Карла есть дочь от первого брака. Слабоумная шлюха.

Голос Кэй звучал ровно и бесстрастно, как будто она сказала, например, что девочка учится в колледже.

Гурни даже сморгнул от такого несоответствия.

— Не хотите рассказать подробнее?

Сперва она вроде бы согласилась, но потом помотала головой.

— Лучше судите сами. Я в этом вопросе необъективна.

После еще нескольких вопросов и ответов, договорившись об очередном звонке, Хардвик с Гурни поднялись, собравшись уходить.

Хардвик многозначительно посмотрел на синяк Кэй.

— Уверены, что все в порядке? Я тут кое-кого знаю. Она бы могла за вами присмотреть, может, на время изолировать от соседей.

— Говорю же вам, мы разобрались.

— А вы не складываете все яйца в одну корзину, надеясь только на Кристалл?

— Это очень крепкая и прочная корзина. Да и мое прозвище помогает. Я разве не говорила? В здешнем зоопарке меня очень уважают.

— Что за прозвище?

Кэй оскалила зубы в быстрой, леденящей улыбке.

— Черная вдова.

Глава 10

Слабоумная шлюха

Покинув исправительную колонию «Бедфорд-Хиллс» и направившись к мосту Таппан Зи, Гурни поднял тему, которая уже давно жгла ему язык:

— Сдается мне, ты знаешь об этом деле что-то важное, чего не сказал мне.

Хардвик прибавил газу и с выражением отвращения на лице обогнул медленно плетущийся минивэн.

— Видать, торопиться ему некуда, все равно, когда доедет. Был бы бульдозер — в лепешку бы ленивую тварь раскатал.

Гурни ждал.

Наконец Хардвик соизволил ответить на его вопрос.

— Ты получил общее представление, старичок, — все ключевые моменты, основные персонажи. Какого хрена тебе еще?

Гурни обдумал и саму фразу, и тон, каким она была произнесена.

— Ты куда больше похож на себя, чем с утра.

— И какого хрена ты имеешь в виду?

— Сам отгадай. Помни, я еще вполне могу бросить всю эту затею — и брошу, если не буду уверен, что знаю про дело Спалтеров ровно столько же, сколько и ты. Не собираюсь играть роль вывески, чтобы заставить дамочку подписать договор с твоим юристом. Как там, она сказала, его звать?

— Полегче, полегче. Не лезь на рожон. Лекс Бинчер. Ты с ним еще встретишься.

— Вот видишь, Джек, в том-то и проблема.

- Какая еще проблема?
- Ты слишком рано делаешь выводы.
- Какие выводы?
- Что я с тобой заодно.

Хардвик нахмурился, сосредоточенно глядя на пустую дорогу впереди. Нервное подергивание вернулось.

- А разве нет?
- Может, да, а может, нет. В том-то и дело. Я дам тебе знать.
- Отлично. Хорошо.

Между ними опустилось напряженное молчание, длившееся, пока они не переехали Гудзон и не помчались на запад по I-287. Гурни размышлял, с чего это он так взбеленился, и пришел к заключению, что дело не в Хардвике, а в том, что он сам покривил душой.

Ведь он уже был с ним заодно. Определенные аспекты дела — помимо жуткой фотографии Карла Спалтера — успели заинтриговать его. Однако он прикидывался, будто еще не принял решение. И притворство это предназначалось скорее Мадлен, чем Хардвику. Гурни прикидывался — и преподносил это Мадлен как правду, — будто его выбор рационален и основывается на вполне объективных критериях. В действительности же ничем подобным и не пахло. Рациональной подоплеки в том, станет он участвовать в деле или нет, было не больше, чем в вопросе, поддаваться ли силе гравитации.

Правда состояла в том, что ничто в мире не привлекало и не будоражило его так, как запутанное убийство. Гурни мог бы привести тому вполне разумные объяснения. Мог бы сказать — речь идет о справедливости. О том, как выправить безобразный дисбаланс в устройстве мира. Встать на сторону пострадавших. Выступить в поход за истиной.

Однако бывали и времена, когда он не видел в процессе расследования ничего, кроме разгадывания головоломок, навязчиво-невротическое стремление свести воедино все оборванные концы. Интеллектуальная игра, соревнование умов и воля. Игровая площадка, на которой он умел побеждать.

Где-то рядом стояло и мрачное предположение Мадлен: что на самом деле его привлекает нечеловеческий риск и некая самоненавистническая часть его психики слепо влечет Гурни на орбиту смерти.

Разум его отвергал эту возможность, хотя сердце леденело при мысли о ней.

Однако в конечном итоге он сам не верил ни во что, что думал или говорил по поводу причин, заставивших его избрать именно эту

профессию. Все это были лишь гипотезы, ярлычки.

Упоминалась ли хоть в каких-то из этих ярлычков сила гравитации?

Кто знает.

Суть состояла вот в чем: сколь он ни рационализировал, сколь ни тянул время, а отвернуться от вызова вроде дела Спалтеров не мог — точно так же, как алкоголик не в состоянии отказаться от мартини после первого глотка.

Внезапно на него навалилась усталость. Он закрыл глаза, а когда снова открыл их, впереди проглянуло водохранилище Пепактон. Выходит, они уже миновали Кэт-Холлоу и вернулись в округ Делавэр: то есть, осталось меньше двадцати минут езды до Уолнат-Кроссинга. Вода в озере после засушливого лета стояла удручающе низко. За таким летом чаще всего следует тусклая осень.

Мысли Гурни вернулись к встрече в «Бедфорд-Хиллс».

Он посмотрел на Хардвика. Тот словно бы затерялся в собственных невеселых думах.

— Так скажи, Джек, что ты знаешь о дочери Карла Спалтера — «слабоумной шлюхе»?

— Ты явно пропустил эту страницу в протоколах суда — дочь свидетельствует, что накануне того дня, когда стреляли в Карла, слышала, как Кэй говорит кому-то по телефону, мол, все улажено и не пройдет двадцати четырех часов, как ее проблемы закончатся. Милую барышню зовут Алисса. Постарайся относиться к ней добрее. Возможно, ее слабоумная шлюховатость станет ключом к освобождению нашей клиентки.

Хардвик выжимал шестьдесят пять миль в час на петляющем участке дороги с ограничением скорости в сорок пять. Гурни проверил ремень безопасности.

— Не объяснишь, почему?

— Алиссе девятнадцать, красотка, что твоя кинозвезда, сладчайший яд. Мне говорили, у нее в очень интимном месте вытатуирована надпись «Без границ». — Лицо Хардвика расплылось в ухмылке. — А еще она сидит на героине.

— И чем это поможет Кэй?

— Терпение. Похоже, Карл на дочурку не скупился. Баловал так, что вконец испортил, то есть, даже переборщил. Пока был жив. А вот с завещанием совсем другая история. Может, на него снизошло прозрение, что вертихвостка вроде Алиссы способна натворить бед, получив в распоряжение несколько миллионов баксов. Так что по завещанию все

переходит к Кэй. И на момент покушения он ничего не поменял — может, еще не решил насчет развода или просто руки не дошли: факт, который прокурор особенно подчеркивал и считал главным мотивом Кэй к убийству.

Гурни кивнул.

— А после выстрела он уже не мог ничего менять.

— Именно. Но тут дело в другом. Как только Кэй осудили, это означало, она не унаследует ни цента, поскольку закон воспрещает наследнику получать имущество того, в чьей смерти он виновен. Все средства, которые должны отойти виновнику, распределяются среди ближайших родственников. В данном случае это Алисса Спалтер.

— Она получила деньги Карла?

— Не совсем. Это дело небыстрое, мягко говоря, а апелляция приостановит процесс до вынесения окончательного решения.

Гурни начал терять терпение.

— Так с какой радости мисс «Без границ» становится ключом ко всему?

— У нее, безусловно, имелся крайне весомый мотив сделать все возможное, чтобы Кэй признали виновной. Ты можешь сказать, у нее был еще и весомый мотив самой убить отца при условии, что обвинят кого-то другого.

— И что? В деле — ни единого упоминания хоть о каких-нибудь уликах, связывающих ее со стрельбой. Я что-то упустил?

— Ничего.

— Так куда эта дорожка тебя приводит?

Улыбка Хардвика стала еще шире. Куда бы ни приводила его эта дорожка, а процесс расследования явно заводил его. Кстати, Гурни покосился на спидометр и отметил, что стрелка колебалась уже в районе семидесяти. Они ехали вниз по холму близ западной части водохранилища, приближаясь к крутому повороту возле «Проката каноэ Барни». Гурни стиснул челюсти. У старых спортивных машин уйма лошадиных сил, но на крутых поворотах сладить с ними непросто.

— Куда это меня приводит? — Глаза Хардвика сверкали от удовольствия. — Что ж, позволь тебя кое о чем спросить. Ты сказал бы, что тут намечается конфликт интересов... некоторое нарушение служебной процедуры... не совсем беспристрастное расследование... если потенциальная подозреваемая по делу об убийстве трахается с главным следователем?

— Что? Клемпер? И Алисса Спалтер?

— Мак Мудак и Слабоумная Шлюха.

— Бог ты мой. А доказательства у тебя есть?
На миг широкая улыбка сделалась еще шире и лучезарнее.
— Знаешь, Дэйви, старичок, я как раз думаю, что это еще одна мелочь, в которой ты нам можешь помочь.

Глава 11

Пташки малые

Гурни промолчал. И молчал следующие семнадцать минут, пока они ехали от водохранилища к Уолнат-Кроссингу, а оттуда вверх по петляющему и грязному проселку от сельской дороги к его пруду, лугу и дому.

Уже возле дома, сидя в трясущемся на холостом ходу «Понтиаке», он понял, что должен что-то сказать, — и хотел, чтобы его слова прозвучали недвусмысленно.

— Джек, у меня такое ощущение, будто мы с тобой в этом деле движемся в разных направлениях.

Вид у Хардвика стал, точно он проглотил какую-то кислятину.

— Это как?

— Ты все толкаешь меня к проблемам предвзятого расследования, некачественного судопроизводства и так далее.

— Ну так все апелляции об этом.

— Понимаю. И к этому я еще приду. Но я не могу с этого начинать.

— Но если Мак Клемпер...

— Знаю, Джек, знаю. Если ты в состоянии доказать, что главный следователь проигнорировал целую линию расследования только потому...

— Потому что трахался с потенциальной подозреваемой! Да этого одного хватит, чтобы оспорить приговор. Бинго! Что тут плохого?

— Плохого ничего. Проблема в том, что у меня другой подход и я движусь в другом направлении.

— Нужно сделать первый шаг, крошечный: поболтать с умопомрачительной Алиссой, прикинуть, с кем мы имеем дело: на какие кнопки нажимать, чтобы расположить ее к нам, под каким углом...

— Вот видишь, именно это я и имею в виду, когда говорю, что мы движемся в разных направлениях.

— Да о чем ты?

— Для меня такой вот разговор может стать разумным десятым шагом, а не то одиннадцатым, но уж никак не первым.

— Твою мать! Ты делаешь из мухи слона.

Гурни смотрел в боковое окно. Над гребнем холма за прудом медленно кружил ястреб.

— Помимо завлечения Кэй Спалтер — что еще, по твоим раскладам, я приношу на эту вечеринку?

— Я уже говорил.

— Ну так повтори снова.

— Ты — член команды по стратегии. Боец. Один из тех, кто принимает основные решения.

— И что?

— А что тебя не устраивает-то?

— Если хочешь, чтобы я внес свою лепту, дай мне делать это на мой лад.

— Ты кто, долбаный Фрэнк Синатра?

— Если ты хочешь, чтобы я сделал десятый шаг раньше первого, я тебе помочь не смогу.

Хардвик издал нечто вроде раздраженного вздоха.

— Отлично. И что ты хочешь?

— Мне надо начать с начала. С Лонг-Фоллса. Кладбища. Дома, откуда стреляли. Мне надо побывать там, где это все произошло. Увидеть самому.

— Какого хрена-то? Хочешь провести расследование с самого, твою мать, начала?

— Не такая уж и плохая идея.

— Да не надо тебе этого.

Он уже собирался сказать Хардвику, что тут затронуто нечто большее, нежели практические цели апелляции. Вопрос истины. Истины с большой буквы. Но звучало бы это все так претенциозно, что он промолчал.

— Мне надо выйти к истокам. В буквальном смысле слова.

— Не понимаю, какого черта ты за это цепляешься. Мы фокусируемся на ляпах Клемпера, а не на гребаном кладбище.

Они спорили еще добрых десять минут.

В конце концов Хардвик капитулировал, качая головой от возмущения.

— Делай, что хочешь. Только не трать понапрасну все время мира, хорошо?

— Я время тратить понапрасну вообще не намерен.

— Как скажешь, Шерлок.

Гурни вылез из машины. Тяжелая дверца захлопнулась за ним с таким стуком, какой был не свойствен машинам вот уже лет десять.

Хардвик наклонился к раскрытому пассажирскому окну.

- Только держи меня в курсе, хорошо?
- Обязательно.
- И не торчи слишком долго на кладбище. То еще местечко.
- В каком это смысле?
- Скоро сам поймешь.

Хардвик прибавил оборотов и без того невозможно шумному мотору. Горловое бурчание перешло в рев. Затем он отпустил педаль, развернул старый красный «Понтиак» на пожухшей траве и покатил вниз к дороге.

Гурни снова посмотрел на ястреба, плавно скользившего над хребтом, а потом вошел в дом, рассчитывая увидеть Мадлен или услышать звуки виолончели. Окликнул ее. Однако на его голос отозвалось лишь странное ощущение пустоты, неизменно воцарявшееся в доме, стоило Мадлен уйти.

Какой сегодня день недели? Не один ли из трех, когда она работает в клинике? Да вроде нет. Гурни пошарил в памяти, не упоминала ли она какие-нибудь встречи общественного комитета, занятия йогой, собрание добровольцев по прополке общественного сада или поездку по магазинам в Онеонту. Но ничего не припоминалось.

Он снова вышел и обвел взглядом пологие склоны по обеим сторонам от дома. С верхнего луга на него смотрели три оленя. Ястреб все так же парил, на этот раз по широкой дуге, лишь легонько меняя положение распростертых крыльев.

Гурни снова окликнул Мадлен и поднес сложенные чашечкой ладони к ушам, прислушиваясь. Никакого ответа. Однако тем временем он краем глаза заметил внизу, ниже луга, за деревьями мимолетное движение — мелькнуло что-то ярко-красное, оттенка фуксии, за углом сарайчика.

В их маленьком укромном мире, насколько он мог припомнить, на самом конце дороги могло оказаться только две вещи оттенка фуксии: нейлоновая ветровка Мадлен и сиденье велосипеда, подаренного им ей на день рождения вместо того, что сгорел при пожаре в старом амбаре.

Снедаемый любопытством, Гурни зашагал через луг, снова выкликая имя жены — теперь уже твердо уверившись, что видел именно ее ветровку. Но ответа снова не дождался. Пройдя через нестройный ряд саженцев, окаймлявших луг, и оказавшись на выкошенной полянке возле сарая, он обнаружил, что Мадлен сидит на траве у дальнего края, сосредоточенно глядя на что-то, чего ему отсюда видно не было.

— Мадлен, почему ты не...? — В его голосе явственно сквозило раздражение на ее молчание. Но Мадлен, не поворачивая головы в его сторону, подняла руку предостерегающим жестом — мол, либо не шуми, либо не подходи.

Он остановился и замолчал. Мадлен поманила его к себе. Подойдя ближе, он встал у нее за спиной и заглянул за угол сарая. И тут-то увидел их: четырех кур, которые безмятежно сидели на травке, опустив головы и поджав лапы. Петушок устроился с одной стороны от вытянутых ног Мадлен, а курицы с другой. Уставившись на столь неожиданную живую картинку, Гурни услышал тихое кудахтанье — то самое умиротворенное квохтанье, что издают курицы на насесте перед тем, как заснуть.

Мадлен подняла взгляд на мужа.

— Им нужен домик и огороженный дворик вокруг, чтобы побегать. Чтобы они могли вволю бывать на свежем воздухе. Только и всего. Уж это-то мы должны им обеспечить.

— Ну да. — Напоминание о маячившей впереди стройке раздражало. Гурни посмотрел на кур в траве. — А обратно в сарай ты их как загонишь?

— Запросто. — Она улыбнулась, скорее курам, чем ему. — Запросто, — повторила она шепотом. — Мы скоро вернемся в сарай. Просто хотим еще несколько минут понежиться на травке.

Через полчаса Гурни сидел перед компьютером у себя в кабинете, продираясь через сайт Церкви Киберпространства — «Ваш Портал к Жизни Радостной». Вполне предсказуемо, учитывая название организации, было то, что ему никак не удавалось найти ни фактического адреса, ни фотографии какого-либо реального, из кирпичей и известки, штаба организации.

Раздел «Контакты» предлагал лишь один-единственный вариант связи: по электронной почте. На выскакивающей форме имелся адрес: jonah@cyber-cathedral.org.

Гурни призадумался — до чего же обезоруживающее, трогательное предположение, будто любой комментарий, вопрос или просьба о помощи отправятся напрямую отцу-основателю. Что, в свою очередь, наводило на размышления о том, какие комментарии, вопросы и просьбы о помощи появлялись на этом веб-сайте. В поисках ответа он бродил по сайту еще добрых двадцать минут.

В конце концов у Гурни сложилось впечатление, будто обещанная жизнь радостная была в нью-эйджевской тональности: расплывчатая философия, картинки в пастельных тонах, хорошая погода. Вся организация словно бы источала сладенькую заботливость, что сродни присыпке для младенцев. Как будто производители открыток «Холмарк» вдруг решили основать собственную религию.

Дольше всего внимание Гурни удерживала фотография самого Йоны

Спалтера, размещенная на гостевой страничке. Сделанная в высоком разрешении и, судя по всему, почти без ретуши, она казалась даже неуместной, до того контрастировала со всей этой приторной чепухой своей строгой искренностью.

Очертаниями лица Йона слегка напоминал Карла — те же густые, чуть волнистые волосы, прямой нос, решительный подбородок. Но на том сходство и заканчивалось. Если глаза Карла на предсмертной фотографии были полны беспредельного отчаяния, глаза Йоны словно бы смотрели в будущее, исполненное нескончаемого успеха. Лица братьев, точно классические маски трагедии и комедии, были поразительно схожи — и абсолютно различны. Если, как говорила Кэй, братья увязли в бесконечных раздорах и если фотография Йоны правдиво передавала нынешний его облик, не оставалось сомнений, кто из братьев вышел из схватки победителем.

Помимо фотографии Йоны на гостевой страничке висел длинный список разнообразных тем. Гурни выбрал одну из верхних: «Всего лишь человек». Он кликнул на ссылку, открылась страничка с переплетенными маргаритками, и из столовой раздался голос Мадлен:

— Ужин на столе.

Сама она уже сидела за маленьким круглым столиком в закутке у французских дверей — они всегда там ели, если не принимали гостей и не накрывали длинный стол. Гурни уселся напротив жены. На тарелке у каждого лежало по щедрой порции жареной пикши с морковью и брокколи. Гурни наколол на вилку кусочек морковки, поднес ко рту и понял, что не так уж голоден. Но есть продолжал. Он не слишком-то любил пикшу: она напоминала ему безвкусную рыбу, которую готовила мать.

— Ну как, загнала всех обратно в сарай? — спросил он скорее с досадой, чем с интересом.

— Конечно.

Осознав, что потерял счет времени, Гурни глянул на часы на противоположной стене. Была уже половина седьмого. Он повернулся к стеклянной двери — оттуда на него глядело яростно пылающее солнце, висевшее прямо над кромкой холма. Оно навевало ему мысли не столько о всяких романтических картинках заката, сколько о киношной лампе из комнаты для допросов.

Ассоциативный ряд унес его обратно к вопросу, заданному им всего лишь несколько часов назад в «Бедфорд-Хиллс», к нечеловечески пристальному взгляду зеленых глаз, которые больше подходили нарисованной кошке, чем женщине в тюремной одежде.

— Не хочешь мне рассказать? — Мадлен наблюдала за ним с тем всепонимающим выражением, которое порой заставляло его гадать, а вдруг он, сам того не замечая, шепотом проговаривает свои мысли.

— Насчет...

— Про твой день. Про ту женщину, с которой ты встречался. Чего хочет Джек. Твои планы. Веришь ли ты в ее невиновность.

Ему как-то не приходило в голову, что он хочет об этом поговорить. Но, пожалуй, он и вправду хотел. Гурни отложил вилку.

— Штука в том, что я сам не знаю, чему верить. Если она и лгунья, то превосходная. Может даже, лучшая, каких я только видел.

— Но тебе не кажется, что она лгунья?

— Не знаю. Похоже, она хочет, чтобы я поверил в ее невиновность, но из кожи вон не лезет, чтобы убедить меня. Наоборот, словно нарочно усложняет мне задачу.

— Умно.

— Умно. Или... честно.

— А может, все сразу.

— Точно.

— И что еще?

— Ты о чем?

— Что еще ты в ней увидел?

Он несколько секунд подумал.

— Гордость. Силу. Упрямство.

— Она привлекательна?

— Не думаю, что употребил бы слово «привлекательная».

— А какое тогда?

— Впечатляющая. Решительная. Страстная.

— Безжалостная?

— А! Сложный вопрос. Если ты имеешь в виду — достаточно ли она безжалостна, чтобы убить мужа ради денег, я пока не могу ответить ни да, ни нет.

Мадлен повторила «пока» — так тихо, что он еле расслышал.

— Я хочу предпринять по крайней мере еще один шаг, — сказал он, но уже произнося эту фразу, отчетливо сознавал, что она не совсем искренна.

Судя по скептическому блеску в глазах Мадлен, она это тоже сознавала.

— И этот шаг...

— Хочу осмотреть место преступления.

— Разве в бумагах, что тебе Джек принес, не было фотографий?

— Фотографии и зарисовки с места преступления отражают реальность процентов на десять, не больше. Надо самому там постоять, побродить вокруг, прислушаться, принюхаться, прочувствовать, что это за место, какие оно дает возможности и какие накладывает ограничения, что там за район, какое движение на дорогах, что могла видеть жертва, что мог видеть убийца, как он мог туда прийти, куда ушел, кто мог его видеть.

— Или — ее.

— Или ее.

— Так когда ты собираешься всем этим заняться? Принюхаться, прислушаться и все прочувствовать?

— Завтра.

— Не забыл про ужин?

— Завтра?

Мадлен изобразила многострадальную улыбку.

— Мой клуб йоги. У нас. Ужин.

— Ах да, конечно. Все в порядке. Без проблем.

— Уверен? Ты будешь?

— Без проблем.

Она посмотрела на него долгим взглядом, а потом отвела глаза, словно закрывая тему. Поднялась, отворила французскую дверь, глубоко вдохнула прохладный воздух.

А через миг из леса за прудом раздался тот странный, исполненный одиночества крик, похожий на зов призрачной флейты.

Гурни поднялся со стула и прошел мимо Мадлен на мощный камнями дворик. Солнце уже нырнуло за гребень холмов, и температура сразу словно бы упала на пятнадцать градусов. Застыв на месте, он ждал, не повторится ли этот потусторонний звук.

Но услышал лишь тишину — такую глубокую, что его пробрала дрожь.

Глава 12

«Ивовый покой»

На следующее утро Гурни спустился на кухню, голодный, как волк.

Мадлен стояла перед раковиной и крошила хлеб на тарелку, половину которой уже занимала мелко нарезанная клубника. Раз в неделю она давала курам что-нибудь лакомое — добавок к корму из сельскохозяйственного магазина.

Более чем консервативный наряд Мадлен напомнил Гурни, что сегодня у нее рабочий день в клинике. Он бросил взгляд на часы.

— Не опаздываешь еще?

— Меня Хэл подберет, так что... без проблем.

Насколько помнил Гурни, Хэл был директором клиники.

— Почему?

Она уставилась на него.

— Ах да, твоя машина в ремонте. Но почему Хэл вдруг?

— Я упомянула на работе про неполадки с машиной, а Хэл сказал, он все равно мимо едет. А кроме того, если я опаздываю потому, что он опоздал, на кого ему пенять? И кстати об опозданиях — ты же не опоздаешь, правда?

— Опоздаю? Куда?

— Да сегодня же. На ужин клуба йоги.

— Разумеется.

— И ты не забудешь позвонить Малькольму Кларету?

— *Сегодня?*

— День ничуть не хуже всех остальных.

С дороги через луг донесся шум мотора. Мадлен подошла к окну.

— Это он, — беззаботно заметила она. — Мне пора.

Торопливо подлетев к Гурни, она поцеловала его, одной рукой подхватила с буфета сумочку, а второй — тарелку с хлебом и клубникой.

— Хочешь, оттащу туда это куриное добро вместо тебя? — спросил Гурни.

— Нет. Хэл вполне может остановиться на пару секунд у сарая. Я сама их покормлю. Пока!

Пройдя через холл мимо кладовки, она вышла через заднюю дверь.

Гурни следил из окна, как блестящий черный «Ауди» Хэла медленно ползет вниз к сараю, заезжает за него ближе к двери и через пару минут снова появляется из-за угла и едет к дороге.

Было всего пятнадцать минут девятого, а его день уже был отравлен мыслями и эмоциями, без которых он охотно обошелся бы.

По опыту Гурни было известно: лучшее лекарство от душевной смуты — это начать действовать, двигаться вперед.

Отправившись в кабинет, он взял дело Спалтеров и увесистый пакет с документами, описывающими путешествие Кэй по системе судопроизводства после того, как ей было предъявлено обвинение, — досудебными ходатайствами, судебными протоколами, копиями иллюстративных материалов обвинения и вещественными

доказательствами, а также поданной первоначальным адвокатом рутинной апелляцией по факту приговора. Гурни перетащил это все в машину, поскольку понятия не имел, что именно ему может понадобиться в течение дня.

Вернувшись в дом, он достал из шкафа простой серый пиджак — тот, из которого почти не вылезал в Эпоху Работы и который после выхода в отставку надевал от силы три раза. В сочетании с темными брюками, голубой рубашкой и ботинками армейского стиля этот пиджак буквально вопил: «Полицейский!» — никакой формы не надо. Гурни подумалось, что в Лонг-Фоллсе это будет нелишним. Оглядевшись напоследок в доме, он снова пошел к машине и ввел в адрес навигатора на приборной доске кладбище «Ивовый покой».

Через минуту он катил прочь — и уже чувствовал себя гораздо лучше.

Подобно многим старым городкам, построенным на почти утративших коммерческое значение реках и каналах, Лонг-Фоллс словно бы из последних сил греб против течения, сражаясь с упадком.

Там и сям виднелись следы попыток как-то оживить город. Зброшенную хлопчатобумажную фабрику отдали под офисы. В бывшем цеху по производству гробов обосновалось несколько магазинчиков, а длинное, на целый квартал, здание из покрытых сажей кирпичей оттенка застарелых струпов, над входом которого гранитная плита гласила «Маслобойня „Сладкий клевер“», украсила новая широкая вывеска — «Студия и галерея Северного Искусства», — прибитая над старой доской.

Однако, проезжая главной улицей города, Гурни насчитал по меньшей мере шесть заброшенных зданий, реликтов времен процветания. Множество пустых парковок, мало народа на улицах. Худосочный подросток в типичном прикиде неудачника — сползающие джинсы, поношенная бейсболка на несколько размеров больше, чем надо, — стоял на углу безлюдной улицы, держа на коротком поводке мускулистого пса. Притормозив на красный, Гурни увидел, что тревожные глаза подростка обшаривали проезжающие мимо машины с характерным наркоманским выражением надежды и безразличия в одно и то же время.

Гурни иногда казалось, что в Америке что-то очень и очень неладно. Большая часть поколения заразилась невежеством, ленью и вульгарностью. Для молодых женщин стало самым обычным делом иметь, скажем, троих маленьких детей от разных отцов, двое из которых уже сидят в тюрьме. А места вроде Лонг-Фоллса, некогда бывшие заповедниками простой и мирной жизни, теперь ничем не выделялись на общем удручающем фоне.

Поток этих мыслей прервал авторитетный голос навигатора, сообщивший:

— Прибываем на место назначения, сверните направо.

Указатель, расположенный рядом с опрятным асфальтированным съездом с шоссе, гласил лишь «Ивовый покой», не уточняя характер места. Гурни свернул и проехал через распахнутые кованые железные ворота за ограду из желтого кирпича. Ухоженные насаждения по обе стороны от входа создавали впечатление не столько кладбища, сколько первоклассной загородной резиденции. Подъездная дорога вела к маленькой пустой парковке перед коттеджем в английском стиле.

Длинные, густые ряды фиолетово-желтых анютиных глазок под старомодными решетчатыми окнами напомнили Гурни причудливо-небрежную манеру популярнейшего художника, имя которого напрочь вылетело у него из головы. Рядом с мощеной дорожкой, бегущей от парковки к двери домика, торчал указатель «Информация для посетителей».

Когда Гурни двинулся по дорожке, дверь отворилась и на широкое каменное крыльцо выскочила женщина, по всей очевидности, не замечая его. Одета она была по-простому, словно бы для какой-нибудь легкой работы в саду, на что указывали также маленькие садовые ножницы у нее в руке.

Гурни дал бы ей лет пятьдесят с небольшим. Во внешности женщины более всего привлекали взгляд волосы: снежно-белые, подстриженные короткими ступеньками, с неровными рваными прядками вокруг лица и шеи. Мать Гурни тоже носила такую прическу, когда она впервые вошла в моду во времена его детства. Он даже название припомнил: «артишок». Слово это, в свою очередь, вызвало у него мимолетное беспокойство.

Она с удивлением посмотрела на Гурни.

— Простите, не слышала, как вы подъехали. Как раз собиралась кое-чем тут заняться. Я Полетта Парли. Чем могу помочь?

За время пути в Лонг-Фоллс Гурни обдумал несколько вариантов ответа на вопрос о поводе его визита и остановился на тактике, которую мысленно окрестил «тактикой минимальной честности»: рассказывать достаточно правды, чтобы не поймали на лжи, но так, чтобы не возбудить ненужного беспокойства.

— Да сам еще не знаю, — он улыбнулся невинной улыбкой. — Можно мне тут немного пройтись?

Ее непримечательные карие глаза словно бы оценивали его.

— Вы уже бывали тут?

— Это мой первый визит. Но у меня есть карта, скачал из «Гугла» и распечатал.

На лицо Полетты Парли набежала тень скептицизма.

— Пойдите минутку. — Она повернулась, скрылась в коттедже и чуть погодя вернулась с красочной брошюрой. — Может пригодиться — просто на случай, если ваша гугловская карта не слишком вразумительна. — Она помолчала. — Проводить вас к месту упокоения кого-то из ваших друзей или родственников?

— Нет. Но спасибо. Такой чудесный день. Я предпочел бы побродить немного сам.

Она озабоченно посмотрела на небо — хоть и голубое, но наполовину затянутое тучами.

— Говорили, может пойти дождь. Если вы назовете имя...

— Вы очень добры, — отозвался он, отступая назад, — но я сам.

Вернувшись на маленькую парковку, Гурни увидел на другой стороне вымощенную плитками дорожку, что вела под увитую розами шпалеру, рядом с которой висела табличка «Вход для пешеходов». Пройдя в арку, он оглянулся. Полетта Парли все еще стояла перед домиком, глядя ему вслед с выражением озабоченного любопытства.

Гурни не потребовалось много времени, чтобы понять, что именно имел в виду Хардвик, характеризуя «Ивовый покой» как «то еще местечко». Оно не слишком напоминало другие кладбища, где ему приходилось бывать. Но чувствовалось в нем и что-то очень знакомое. Он только никак не мог вычислить, что именно.

Планировка кладбища была такова, что вдоль окружающей его низкой кирпичной стены, слегка извиваясь, тянулась мощенная брусчаткой дорожка, от которой к центру кладбища через регулярные интервалы отходили дорожки поменьше, теряющиеся в густых зарослях рододендронов, сирени и тсуги. От этих дорожек, в свою очередь, ответвлялись еще более узкие, каждая из которых заканчивалась на выкошенной лужайке размером с небольшой задний дворик. Соседние участки отделялись друг от друга кустами высокой, по пояс, спиреи и клумбами лилейника. На каждом участке, куда заглянул Гурни, было несколько мраморных могильных плит вровень с землей. Вместо традиционного указания дат рождения и смерти на этих плитах помимо имени стояла лишь одна дата.

Рядом с проездом к каждому участку стоял простой черный почтовый ящик с выгравированной фамилией. По пути Гурни открыл несколько

таких ящиков, но ни в одном из них ничего не обнаружил. После двадцати минут поисков он наткнулся на почтовый ящик с фамилией Спалтер. Ящик этот отмечал вход на самый большой участок из тех, что попались Гурни до сих пор. Он располагался, по всей видимости, на самом высоком месте «Ивового покоя», на пологом подъеме, откуда просматривалась неширокая речушка за оградой. За рекой тянулась автомагистраль, разрезающая город на две части. С другой стороны дороги стоял комплекс трехэтажных домов, окна которых выходили на кладбище.

Глава 13

Смерть в Лонг-Фоллсе

Гурни уже ознакомился с основными топографическими характеристиками этого места — его рельефом, размером, расстояниями. Все это было тщательно задокументировано в материалах дела. Однако собственными глазами увидеть дома напротив, а затем вычислить то самое окно, из которого была выпущена роковая пуля — выпущена туда, где он сейчас стоял, — вот это по-настоящему встряхивало. Эффект столкновения реальности с умозрительными представлениями. Гурни уже много раз переживал этот эффект на местах других преступлений. Именно из-за расхождения между мысленной картинкой и реальными впечатлениями было так важно самому побывать здесь.

Физическое место преступления — действительность настолько конкретная, не выхолощенная, какую не передать никаким фотографиям и описаниям. Оно содержит ответы — только подойди к нему, распахнув пошире и глаза, и разум. Оно расскажет тебе целую историю — только смотри внимательнее. Оно дает тебе, причем в буквальном смысле, площадку для старта, где можно встать и обозреть все реально существующие детали.

Закончив предварительное обследование всего кладбища в целом, Гурни сосредоточился на подробном изучении участка Спалтеров, вдвое превосходившего размерами самый большой участок, что встречался Гурни по дороге. По прикидке Гурни выкошенная площадка в центре была пятьдесят на семьдесят футов. Со всех сторон ее окружала невысокая живая изгородь из ухоженных розовых кустов.

Гурни насчитал восемь низких, ниже уровня травы, могильных плит, расположенных рядами таким образом, что на каждую могилу приходилось примерно шесть на двенадцать футов. Самой ранней датой, 1899, была

отмечена плита с именем Эммерлинг Спалтер. Самая поздняя, 1970, значилась на плите с именем Карла Спалтера. Очертания букв на блестящей поверхности плиты были четкими, их явно выгравировали совсем недавно. Но, безусловно, это была не дата смерти. Тогда рождения? Скорее всего.

Глядя на плиту, Гурни заметил, что она соседствовала с надгробьем Мэри Спалтер, его матери, на чьих похоронах Карл был смертельно ранен. На плите по другую сторону могилы Мэри Спалтер стояло имя Джозефа Спалтера. Отец, мать и убитый сын. Весьма своеобразная семейная встреча на своеобразном кладбище. Отец, мать и убитый сын — сын, надеявшийся стать губернатором, — все, превратившиеся в ничто, совершенное ничто.

Размышляя о прискорбной тщетности жизни человеческой, Гурни услышал позади тихий металлический гул и, обернувшись, увидел, как у границы розовых кустов вокруг участка Спалтера останавливается электрическая мототележка. За рулем сидела Полетта Парли.

— Еще раз здравствуйте, мистер... Простите, не знаю вашего имени. — Она вопросительно улыбнулась.

— Дэйв Гурни.

— Здравствуйте, Дэйв. — Она вылезла из тележки. — Я как раз собиралась на обход, когда заметила, что тучи-то надвигаются. — Она неопределенно указала на серые тучи на западе. — Вот и подумала, зонтик вам пригодится. Не хотите же вы попасть под ливень без зонтика. — Она подняла с тележки ярко-синий зонт и протянула Гурни. — Промокнуть хорошо, когда плаваешь, а вот в другой ситуации совсем не так приятно.

Он взял зонт, поблагодарил смотрительницу и выждал, пока она заговорит напрямик — вне всяких сомнений, ее привела сюда вовсе не забота о том, как бы он не промок.

— Просто занесите в дом на обратном пути. — Полетта Парли двинулась было обратно к тележке, но вдруг остановилась, словно в голову ей пришел новый вопрос. — Вы нашли дорогу?

— Да-да. Ну само собой, этот участок и так...

— Это владение, — перебила она.

— Прошу прощения?

— Мы в «Ивовом покое» избегаем лексики, применяемой в отношении обычных кладбищ. Мы предлагаем семьям *владения*, а не унылые маленькие *участки*. Я так понимаю, вы не член семьи?

— Нет.

— Тогда, наверное, друг семьи?

— В некотором роде. Могу ли поинтересоваться, почему вы

спрашиваете?

Полетта Парли вглядывалась в его лицо, словно бы ища подсказку, как продолжать разговор. Похоже, что-то в выражении лица Гурни ее успокоило. Она понизила голос и перешла в доверительный регистр.

— Простите. Никак не хотела вас задеть. Но вы же и сами понимаете, владение Спалтеров — особый случай. Иногда у нас бывают проблемы с... как бы их назвать? С охотниками до сенсаций. Упырями, если уж говорить начистоту. — Она с демонстративным отвращением скривила губы. — Когда случается какая-нибудь трагедия, зеваки сразу сбегаются — поглазеть, пофотографировать. Отвратительно, правда? В смысле, ну это же трагедия. Ужасная трагедия для всей семьи. Вы можете представить? В человека стреляют прямо на похоронах его родной матери! Он изувечен! Превращен в парализованного калеку! В овощ! Потом он умирает. А убийцей оказывается его же собственная жена! Ужасная, ужасная трагедия! А что зеваки? Стекаются сюда с фотоаппаратами. Фотоаппаратами! Иные даже пытались украсть наши розовые кусты. Растащить на сувениры! Можете представить? Ну и разумеется, поскольку я тут управляющий, это все моя ответственность. Мне дурно становится от одних только разговоров об этом. Тошнит просто! Не могу даже...

Она беспомощно махнула рукой.

Уж слишком пылко дамочка протестует, отметил Гурни. Похоже, «трагедия» возбуждает ее ничуть не меньше, чем зевак, которых она так осуждает. Однако что тут особенного? Мало что так раздражает в других людях, как твои же собственные недостатки, выставленные в самом неприглядном виде.

Тут Гурни сообразил, что явное пристрастие собеседницы к драме дает ему отличный способ завязать беседу. Он посмотрел ей в глаза так, словно глубоко понимал и разделял ее образ мыслей.

— Вы и вправду принимаете это все близко к сердцу, верно?

Она растерянно заморгала.

— Близко к сердцу? Ну разумеется. Разве не видно?

Вместо ответа он задумчиво отвернулся, подошел к розовым кустам и рассеянно потыкал мягкую почву кончиком зонтика, который ему дала Полетта Парли.

— Кто вы? — наконец спросила она. В ее голосе Гурни померещилась нотка взволнованного интереса.

Он продолжал тыкать зонтиком в землю.

— Я вам уже сказал, меня зовут Дэйв Гурни.

— Зачем вы пришли?

Он снова ответил, не поворачиваясь.

— Скоро скажу. Но сперва позвольте задать вам один вопрос. Какова была ваша реакция — о чем вы подумали в самую первую очередь, — когда узнали, что Карла Спалтера застрелили?

Она замялась.

— Вы репортер?

Он повернулся, достал бумажник и показал ей золотой значок сотрудника полиции Нью-Йорка. На таком расстоянии прочитать слово «в отставке» в самом низу она не могла, а подходить и разглядывать вблизи не стала. Гурни закрыл бумажник и снова убрал в карман.

— Вы детектив?

— Верно.

— О! — По лицу у нее пробежала растерянность, любопытство, волнение. — Что... что вас сюда привело?

— Хочу получше понять, что тут случилось.

Она часто заморгала.

— Да что тут понимать? Я думала, все уже... решено.

Гурни сделал несколько шагов в ее сторону, словно собирался поделиться какой-то очень частной информацией.

— Была подана апелляция. Остались еще кое-какие неразрешенные вопросы, возможно, пробелы в доказательствах.

Полетта Парли наморщила лоб.

— Разве не в любом деле об убийстве полагается подавать апелляцию?

— Да, и в подавляющем большинстве случаев приговор остается в силе. Но, возможно, это другой случай.

— Другой?

— Позвольте мне снова задать вопрос. Какова была ваша реакция — о чем вы подумали в самую первую очередь, — когда вы узнали, что Карла Спалтера застрелили?

— Когда узнала? Вы имеете в виду, когда я это заметила?

— Заметили?

— Я же первая разглядела.

— Что?

— Да дырочку у него в виске. Сначала я еще сомневалась, дырочка ли это. Ну, то есть, выглядело-то это просто как круглое красное пятнышко. Но потом у него по голове, сбоку, потекла красная струйка. И тут я поняла, просто поняла, и все.

— И сообщили тем, кто был вокруг?

— Ну конечно!

— Потрясающе. Расскажите подробнее.

Она указала на землю в нескольких шагах от места, где стоял Гурни.

— Вот сюда вот, на это самое место, прямо на снег, она и упала — первая капля крови с его виска. До сих пор — так и вижу. Вы когда-нибудь видели кровь на снегу? — Глаза у Полетты Парли расширились от волнения. — Алая-алая, алее не бывает.

— Почему вы думаете, что это произошло именно в этом самом...

Она не дала ему закончить фразы.

— Вот почему.

Она указала на другую точку на земле, примерно в футах от первой.

Лишь подойдя еще на шаг, Гурни увидел маленький зеленый диск, почти скрытый травой. По периметру у него шли крошечные, с булавочную головку, отверстия.

— Оросительная система?

— Он упал лицом вниз, головой всего в нескольких дюймах от этой штуки.

Полетта тоже подошла ближе и указала кончиком ботинка на точку рядом с диском.

— Вот здесь.

Гурни поразила холодность, даже враждебность этого жеста.

— Вы присутствуете на всех похоронах?

— И да, и нет. Как управляющий я всегда где-нибудь рядом. Но обычно остаюсь на благоприличном расстоянии. Я считаю, похороны — для приглашенных членов семьи и друзей. Но, разумеется, на похоронах Спалтеров мое присутствие более заметно.

— Более заметно?

— Видите ли, мне казалось, сесть вместе с семьей и знакомыми мистера Спалтера было бы неуместно, так что я держалась в стороне — но, безусловно, присутствовала более явно, чем на других погребениях.

— Почему же?

Казалось, вопрос ее удивил.

— Да в силу наших отношений.

— То есть?

— «Спалтер Риэлти» — мой работодатель.

— «Ивовый покой» принадлежит Спалтерам?

— Я думала, это всем известно. «Ивовый покой» был основан Эммерлингом Спалтером, дедом... усопшего. А вы не знали?

— Придется уж вам меня простить. Я в этом деле новичок, как и в Лонг-Фоллсе. — Подметив в выражении ее лица критический оттенок,

Гурни прибавил заговорщическим тоном: — Видите ли, мне надлежит взглянуть на дело совершенно свежим взглядом. — Он выждал пару секунд, чтобы Полетта осознала скрытый смысл этого заявления, и продолжил: — А теперь вернемся к моему вопросу: что вы почувствовали, когда осознали — заметили, — что произошло?

Смотрительница замялась, поджала губы.

— А почему это так важно?

— Сейчас объясню. А пока позвольте задать другой вопрос. Что вы почувствовали, узнав об аресте Кэй Спалтер?

— О господи! Шок, настоящий шок! Я поверить не могла!

— Вы хорошо знали Кэй?

— Похоже, не так хорошо, как мне казалось. После таких историй поневоле задумываешься, а знаешь ли ты хоть кого-нибудь по-настоящему. — После паузы на лице Полетты появилось пронзительное любопытство. — А к чему это все? Все эти вопросы — что происходит?

Гурни посмотрел на нее долгим испытующим взглядом, словно прикидывая, можно ли ей доверять. Потом глубоко вздохнул и сказал, надеясь, что его слова прозвучат как признание:

— С полицейскими оно вот ведь как занятно выходит, Полетта. Мы рассчитываем, что люди нам расскажут все как на духу, а сами делиться информацией не любим. И я понимаю, почему, но иной раз... — Он помолчал, потом глубоко вздохнул и медленно произнес, глядя ей прямо в глаза: — У меня сложилось впечатление, что Кэй как человек гораздо лучше Карла. Она не из тех, кто способен на убийство. Вот и пытаюсь понять, прав я или ошибаюсь. Но в одиночку мне не справиться. Без помощи других. И мне почему-то кажется, что вы способны мне помочь.

Она несколько секунд смотрела на него, потом чуть вздрогнула и обхватила себя руками.

— Давайте-ка вернемся в дом. Вот-вот дождь польет.

Глава 14

Брат дьявола

Домик смотрительницы оказался вовсе не таким китчевым, как опасался Гурни. Вопреки идиллически-сказочному фасаду обстановка внутри была строгой и сдержанной. За передней дверью была скромная прихожая, слева Гурни увидел гостиную с камином и традиционными пейзажиками на стенах. Через дверной проем справа он краем глаза

разглядел нечто вроде кабинета с письменным столом из красного дерева и висящей позади стола большой картиной с изображением «Ивового покоя». Гурни вспомнились типичные для девятнадцатого века сельские пейзажи. Прямо впереди, чуть слева, располагалась лестница на второй этаж, а направо — дверь, предположительно ведущая в комнаты задней половины дома. Туда-то и отправилась Полетта Парли готовить кофе, после того как проводила Гурни в гостиную и усадила в кресло перед камином. На каминной полке стояла фотография в рамочке: долговязый мужчина, обвивший рукой молодую Полетту. Волосы у нее тогда были чуть длиннее, пушистые, точно взбитые ветром, и медово-золотистые.

Она принесла на подносе две чашки черного кофе, молочник, сахарницу и две ложечки. Опустив поднос на низкий столик перед камином, она села напротив Гурни в такое же кресло, как у него. Ни он, ни она не промолвили ни слова, пока не добавили себе в кофе молока и сахара, отпили по первому глотку и откинулись на спинки кресел.

Полетта держала чашку обеими руками — то ли чтобы не пролить, то ли пальцы грела. Губы у нее были крепко сжаты, но чуть подергивались.

— Вот теперь пусть льет, сколько угодно, — промолвила она с внезапной улыбкой, точно пыталась прогнать напряжение звуками своего же голоса.

— Меня заинтересовал «Ивовый покой», — сказал Гурни. — Любопытная, должно быть, у него история.

История кладбища ничуть его не волновала, но Гурни думал, что, разговаривая собеседницу, коснувшись темы полегче, сумеет перекинуть мост к более щекотливым материям.

За следующие пятнадцать минут Полетта изложила ему философию Эммерлинга Спалтера. Гурни счел эту философию эскапистским вздором, только в хитроумной упаковке. «Ивовый покой» был вовсе не кладбищем, а последним пристанищем. И на могилах размещали лишь дату рождения, не указывая дня смерти, ибо все мы рождены для жизни вечной. Клиентам «Ивовый покой» предоставлял не могильные участки, а домашние — уголки природы с травой, деревьями и цветами. Каждое владение было рассчитано не столько на одиночек, сколько на семью, причем на несколько поколений, а почтовые ящики у входа в каждое владение призывали еще живущих родственников оставлять своим дорогим ушедшим открытки и письма. (Раз в неделю конверты вынимали, сжигали на маленькой переносной жаровне прямо на участке и зарывали в землю.) Полетта на полном серьезе утверждала, что все в «Ивовом покое» воспевают жизнь в ее бесконечности, красоте, тишине и уединении. Насколько мог судить Гурни,

«Ивовый покой» должен был наводить на мысли о чем угодно, кроме смерти. Этого, впрочем, он говорить не стал. Пусть Полетта продолжает рассказывать.

У Эммерлинга и Агнесс Спалтер было трое детей, двое из которых умерли от воспаления легких еще в колыбели. Выжил один лишь Джозеф. Он женился на женщине по имени Мэри Кроук.

У Джозефа с Мэри родилось двое сыновей, Карл и Йона.

Гурни заметил, что одно упоминание этих имен мгновенно сказалось на тоне голоса и выражении лица Полетты. Губы у нее снова начали еле заметно подрагивать.

— Мне говорили, они хоть и братья, но очень различались, — пустил он пробный шар.

— О да! Черное и белое! Каин и Авель!

Она замолкла, гневно уставившись куда-то внутрь себя, в какое-то давнее воспоминание.

— Сдается мне, — осторожно заметил Гурни, — с Карлом было нелегко работать.

— *Нелегко?*

С губ Полетты сорвался короткий горький смешок. Она на несколько секунд прикрыла глаза, а затем словно бы пришла к какому-то решению, и слова хлынули из нее потоком.

— Нелегко? Позвольте кое-что объяснить вам. Эммерлинг Спалтер разбогател, покупая и продавая большие участки земли в штате Нью-Йорк. Свой бизнес, свои деньги и талант их зарабатывать он передал сыну. Джо Спалтер был копией отца, только крупнее и крепче. Совсем не из тех, кого захочешь иметь во врагах. Но им хотя бы руководил здравый смысл. С Джо можно было иметь дело. Он был честен — на собственный, грубый лад. Не добр, не щедр — но честен. Именно Джо нанял моего мужа управляющим «Ивового покоя». Это было... — На несколько секунд вид у нее сделался совершенно отсутствующий. — Ох ты, господи, до чего быстро летит время. Это было пятнадцать лет назад. Пятнадцать.

Она посмотрела на свою чашку, словно дивясь, что все еще держит ее, и аккуратно отставила на стол.

— И Джо был отцом Карла и Йоны? — снова направил беседу в нужное русло Гурни.

Она кивнула.

— Вся темная сторона Джо отошла Карлу, а все, что было достойного и здравомыслящего, — Йоне. Говорят, в каждом из нас есть и хорошее, и плохое, но только не в случае братьев Спалтеров, Йоны и Карла. Ангел и

дьявол. Сдается мне, Джо сам это видел и неразрывно связал сыновей именно в попытке решить проблему. Может, надеялся достичь таким образом хоть какого-то равновесия. Само собой, ничего не вышло.

Гурни отпил кофе.

— Что же произошло?

— После смерти Джо они сделались не просто противоположностями, а настоящими врагами. Ни в чем друг с другом не соглашались! Карла интересовали только деньги, деньги, деньги — и плевать, как он их зарабатывал. А Йоне такое положение дел было совершенно невыносимо, тогда-то он основал свою Церковь Киберпространства и исчез.

— Исчез?

— Ну вроде того. С ним можно связаться через сайт церкви, но настоящего адреса у него нет. Ходили слухи, он вечно в движении, живет в доме на колесах, занимается церковным проектом и всем остальным через компьютер. До того, как он появился тут в Лонг-Фоллсе на похоронах матери, его три года никто не видел. И даже тогда мы не знали, что он приедет. Лично мне кажется, он хотел целиком и полностью оторваться от всего, что связано с Карлом. — Она помолчала. — Может, он его даже боялся.

— Боялся?

Полетта наклонилась, взяла чашку со стола и снова обхватила обеими руками. Потом легонько кашлянула.

— Я не шучу. У Карла Спалтера не было ни капли совести. Если он чего-то хотел, думаю, он ни перед чем не остановился бы.

— А что было самым плохим?

— Самое плохое, что он когда-либо сделал? Не знаю и знать не хочу. Но знаю, что он сделал мне — точнее, что пытался сделать.

Глаза ее засверкали от гнева.

— Расскажите.

— Мой муж, Боб, и я — мы жили в этом доме пятнадцать лет, с тех пор, как Боб получил это место. Первый этаж всегда был офисом «Ивового покоя», а маленькая квартирка наверху прилагалась к должности. Мы переехали сразу же, как Боб начал работать. Это место стало нам домом. Мы и работу выполняли вместе, вдвоем. Нам казалось, это даже не столько работа, сколько взятое нами на себя обязательство. Возможность помочь людям пережить тяжелейший период их жизни. Для нас это было не способом заработать на жизнь — а самой жизнью.

Глаза ее наполнились слезами. Она сморгнула и продолжила:

— Восемь месяцев назад с Бобом случился инфаркт миокарда. Прямо

вот тут, в прихожей. — Она покосилась на дверь и на миг закрыла глаза. — Он умер раньше, чем приехала «скорая помощь». — Полетта глубоко вдохнула. — На следующий день после похорон я получила по электронной почте письмо от ассистента Карла из «Спалтер Риэлти». По электронной почте. Там говорилось, что руководство кладбища — вы себе представляете? — руководство кладбища отныне перекладывает на себя ответственность за «Ивовый покой». И для эффективной смены формы управления я должна в течение шестидесяти дней освободить коттедж.

Она посмотрела на Гурни, выпрямившись в кресле, вся пылая от ярости.

— Как вам, а? После пятнадцати лет! На следующий день после похорон! Электронной почтой! Гнусное, оскорбительное, мерзкое письмо! *Ваш муж мертв, выкатывайтесь.* Скажите, детектив Гурни, да каким надо быть человеком, чтобы так поступить?

Выждав, пока эмоции в ней чуть поулягутся, Гурни тихонько произнес:

— Это случилось восемь месяцев назад. Рад видеть, что вы еще здесь.

— Благодаря тому, что Кэй Спалтер оказала мне — и всему миру! — огромное одолжение.

— Вы имеете в виду, что Карл Спалтер был застрелен до истечения этих шестидесяти дней?

— Именно. Что доказывает, что в мире все же иногда случается хоть что-то хорошее.

— Так вы еще работаете на «Спалтер Риэлти»?

— Собственно говоря, на Йону. Когда Карл стал недееспособен, весь контроль над «Спалтер Риэлти» перешел к Йоне.

— Пятьдесят процентов доли Карла не отошли его наследникам?

— Нет. Поверьте, наследство Карла и так огромно — у него была масса других предприятий. Но что касается управления «Спалтер Риэлти», то в соглашении, которое Джо заставил их подписать, входил пункт, что после смерти одного из братьев все переходит второму.

Гурни счел, что этот факт достаточно важен и должен бы фигурировать в деле — однако в материалах он не видел ни одного упоминания об этом. Он сделал мысленную заметку: спросить Хардвика, а он-то в курсе?

— Полетта, откуда вам стало об этом известно?

— Йона объяснил в тот день, когда принимал дела. Йона очень открытый человек. Такое впечатление, будто бы у него и в самом деле ни тайн, ни секретов.

Гурни кивнул, стараясь не выказывать скептицизма. Лично ему никогда не встречался человек совсем без тайн.

— Я так понимаю, он отменил решение Карла передать управление «Ивовым покоем» человеку со стороны?

— Абсолютно. Мгновенно. Собственно, примчался прямо сюда и предложил мне ту же работу, что выполнял Боб, за ту же зарплату. Даже сказал, что работа и дом в любом случае будут моими, пока я сама захочу жить и работать тут.

— Похоже, он человек щедрый.

— Знаете те пустые квартиры за рекой? Он велел охранникам «Спалтер Риэлти» прекратить гонять оттуда бездомных. Даже снова подключил для них электричество — то самое, которое Карл отключил.

— Похоже, он заботится о людях.

— Заботится? — Лицо ее преобразилось от неземной улыбки. — Йона не просто заботится о людях. Он святой.

Глава 15

Циничное предположение

Экстон-авеню, расположенная менее чем в пятистах ярдах от ухоженного заповедника «Ивового покоя», щедро отмеривала дозу подлинной экономической реальности провинции. Половина магазинчиков на первых этажах дышала на ладан, вторая половина была заколочена досками. Квартиры над ними выглядели запустелыми, если не вовсе заброшенными.

Гурни припарковался перед невзрачным магазином электротехники, который, согласно материалам дела, занимал первый этаж того самого здания, откуда стреляли. Логотип, просвечивающий сквозь кое-как покрашенную вывеску над витриной, указывал, что когда-то здесь располагался филиал «Радио Шэка».

Дверь подъезда, соседствующего с входом в магазин, была приоткрыта на несколько дюймов. Гурни распахнул ее и вошел в маленький пыльный вестибюль, тускло освещенный одинокой зарешеченной лампочкой на потолке. В нос тут же ударила стандартная вонь заброшенного городского строения: запах мочи с примесью алкоголя, рвоты, сигаретного дыма, мусора и экскрементов. Звуковая составляющая была такой же привычной и знакомой: голоса двух ругающихся мужчин наверху, хип-хоп, собачий лай и детский плач. Чтобы превратить это все в сцену из какого-нибудь

заштампованного фильма, недоставало только хлопанья дверью и стука шагов на лестнице. Ровно в эту секунду сверху раздался вопль: «Твою мать! Да пошел ты!» — и вниз по лестнице и в самом деле кто-то побежал. Гурни улыбнулся бы такому совпадению, но от запаха мочи его уже тошнило.

Звук шагов стал громче, и скоро наверху тонущего в тенях лестничного пролета над вестибюлем показался какой-то юнец — тщедушный, остролицый, с резкими чертами и свалявшимися волосами до плеч. Заметив Гурни, он на секунду замешкался, но потом пролетел мимо и выскочил на улицу, где резко остановился, чтобы прикурить. Сделав две глубоких, отчаянных затяжки, он торопливо зашагал прочь.

Гурни прикинул, не спуститься ли в подвал за ключом, спрятанным, по словам Кэй, за батареей, но решил сначала осмотреться, а уже потом, если потребуется, идти за ключом. Может, интересующая его квартира и так отперта. Или занята наркоторговцами. Пистолета, так выручившего его в деле о Добром Пастыре, он обычно с собой не носил — и не хотел нарваться безоружным на какого-нибудь накачанного метадоном психа с АК-47.

Он быстро и бесшумно поднялся через два пролета на верхний этаж. На каждом этаже было четыре квартиры: две выходили на фасад здания, две во двор. Из-за одной из дверей третьего этажа разносился гангста-рэп, за другой надрывался младенец. Гурни по очереди постучал в тихие двери, но не получил никакого ответа, лишь еле слышный гул сдавленных голосов за одной из них. Когда он постучался в две другие квартиры, рэп стал чуть тише, а младенец продолжил орать, как прежде, но открыть никто не вышел. Гурни подумал, не побарабанить ли со всей силы, но быстро передумал. Мягкий подход, как правило, предоставляет более широкий спектр возможностей. А Гурни любил, когда возможностей много, и старался их не упускать.

Он спустился на второй этаж — освещенный, как и остальные, одной-единственной лампочкой на потолке — и, сориентировавшись по фотографии из материалов дела, которую он удержал в памяти, подошел к двери квартиры, откуда был совершен роковой выстрел. Уже прикладывая ухо к двери, он услышал тихие шаги: но не в квартире, а у себя за спиной.

Гурни быстро обернулся.

На верхней ступеньке лестницы, ведущей на первый этаж, стоял крепкий седой мужчина. Неподвижная, напряженная поза, в руке металлический фонарик — незажженный, вместо оружия. Гурни узнал этот захват — так учат держать оружие в полицейских академиях. Вторая рука покоилась на чем-то, прикрепленном к поясу под тенью темной нейлоновой

куртки. Гурни готов был держать пари, что на спине куртки красуется надпись «Охрана».

Во взгляде маленьких глазок незнакомца читалась почти что ненависть. Однако стоило ему внимательнее приглядеться к Гурни и распознать типичное для детектива на задании сочетание дешевого спортивного пиджака, синей рубашки и черных брюк, ненависть растаяла, сменившись чем-то вроде неодобрительного любопытства.

— Ищете кого-нибудь?

Гурни уже слышал похожий голос, для которого злоба и подозрительность стали столь же неотъемлемы, как запах мочи для подъезда, у такого множества полицейских, ожесточившихся за годы службы, что ему казалось, он знаком с этим охранником лично. Не самое приятное ощущение.

— Ищу. Беда только, не знаю имени. А пока мне хотелось бы осмотреть квартиру.

— Что-что? *Осмотреть квартиру?* А может, черт возьми, сперва назоветесь?

— Дэйв Гурни. Полицейский в отставке. Как и вы.

— Откуда вам, черт возьми, знать, кто я такой?

— Не надо быть гением, чтобы узнать ирландского католического копа из Нью-Йорка.

— Это как? — Охранник уставился на него пустым взглядом.

— Когда-то в полиции было полным-полно таких, как мы, — прибавил Гурни. И, как оказалось, попал в самую точку.

— Таких, как мы? Глубокая древность, старина! Глубокая, чтоб тебя, древность!

— Знаю, знаю, — сочувственно покивал Гурни. — Лучшие времена были — куда как лучшие, на мой взгляд. Тебя когда выставили?

— А ты как думаешь?

— Ну скажи.

— Да вот как они там ударились во всю эту политкорректность и расовое разнообразие. Политкорректность! Нет, ну ты слышал? Никаких повышений, если ты не лесбиянка из Нигерии, причем еще навахо по бабушке. А башковитые белые парни пускай катят ко всем чертям. До чего страну довели! Позорище, твою мать, сплошное позорище. Недоразумение какое-то. Америка. Вот раньше это слово что-то значило. Гордость. Сила. А теперь что?

Гурни печально покачал головой.

— Уж только не то, что прежде.

— А я вот тебе скажу, что. Позитивная, твою мать, дискриминация. Вот что. И все это дерьмо на пособиях. Марихуанщики, амфетаминщики, кокаинщики. А знаешь, почему? Я тебе скажу! Позитивная, твою мать, дискриминация!

Гурни хмыкнул, надеясь, что это сойдет за хмурое согласие.

— Сдается мне, кое-кто в этом здании — часть все той же проблемы.

— Не ошибаешься.

— Адская у тебя тут работенка, мистер... прости, не знаю, как по имени.

— Макграт. Фрэнк Макграт.

Гурни шагнул вперед, протягивая руку.

— Приятно познакомиться, Фрэнк. Ты в каком участке служил?

— «Форт Апачи». Там еще кино снимали.

— Тот еще райончик.

— Сплошной дурдом. Никто б и не поверил, какой. Но это все фигня по сравнению с чертовым расовым разнообразием. «Форт Апачи» я еще мог перенести. Помнится, в восьмидесятых у нас два месяца кряду было по убийству в день. А один раз — аж пять за день. Дурдом. Мы против них. Но как началось это разнообразие, никаких нас уже не осталось. Отдел превратился в помойку. Понимаешь, о чем я?

— Еще бы, Фрэнк. Прекрасно понимаю.

— Стыдобища.

Гурни осмотрел крошечную лестничную площадку, на которой они стояли.

— А тут тебе что делать полагается?

— Делать? Ничего! Ничегошеньки! Ну не позорище?

Этажом выше отворилась дверь. Музыка загремела втрое громче. Дверь хлопнула, музыка снова стала тише.

— Черт, Фрэнк, как ты это выдерживаешь?

Тот пожал плечами.

— Платят прилично. Расписание под меня скроено. Никакая лесбийская сучка через плечо не заглядывает.

— А на работе заглядывала?

— Ага. Капитан Ковырялка.

Гурни выдавил из себя громкий смех.

— На Йону-то работать получше будет.

— Совсем другое дело. — Охранник чуть помолчал. — Ты говорил, хочешь квартиру осмотреть. А собственно...

У Гурни зазвонил телефон. Охранник оборвал фразу на полуслове.

Гурни посмотрел на экранчик. Полетта Парли. Они обменялись номерами, но он не ждал, что она позвонит так скоро.

— Прости, Фрэнк, надо ответить. Одну минутку. — Он нажал кнопку. — Гурни слушает.

В голосе Полетты звучала тревога.

— Надо было мне сразу вас спросить, но я так разозлилась от всех этих разговоров про Карла, что напрочь выскользнуло из головы. Я хотела узнать, можно ли мне об этом рассказывать?

— О чем рассказывать?

— О вашем расследовании, о том, что вы хотите взглянуть на дело «свежим взглядом». Это тайна? Могу я обсуждать это с Йоной?

Гурни осознал: что бы он сейчас ни сказал, нужно учитывать, что это услышит не только Полетта, но и Фрэнк. При таком раскладе выбирать слова, конечно, труднее, но зато и возможности новые открываются.

— Скажем так. Осторожность никогда не повредит. А в расследовании убийства может и жизнь спасти.

— Что вы хотите сказать?

— Если это не Кэй, значит, кто-то еще. Возможно даже, кто-то, кого вы знаете. И если вы никому ничего не скажете, то избежите риска сказать не то и не тому.

— Вы меня пугаете.

— К тому и стремлюсь.

Она замялась.

— Хорошо. Я поняла. Никому ни слова. Спасибо.

Она повесила трубку.

Гурни продолжал говорить, как будто Полетта все еще оставалась на связи.

— Именно... но мне еще надо осмотреть квартиру... нет-нет, все в порядке, я возьму ключ у местных копов или в конторе «Спалтер Риэлти»... конечно, конечно... без проблем. — Он засмеялся. — Ну да, точно. — Снова смех. — Знаю, не очень смешно, но какого черта? Иной раз не удержишься.

Он уже давно понял, что ничто не придает имитации разговора такую убедительность, как непонятный окружающим смех. И ничто так не укрепляет человека в желании дать вам что-нибудь, как уверенность, что вы без труда получите это в другом месте.

Гурни изобразил, что заканчивает разговор и, разворачиваясь к лестнице, почти виновато сообщил:

— Надо заскочить в полицейский участок. У них там для меня

запасной ключ. Скоро вернусь.

И принялся торопливо спускаться. Уже почти в самом низу он услышал волшебные слова:

— Эй, можешь и не ходить. У меня есть ключ. Так и быть, я тебя впусти. Только скажи, какого черта тут происходит.

Гурни снова поднялся на темную лестничную площадку.

— Впустишь? А уверен? У тебя точно проблем не будет? Не надо спрашивать разрешения?

— У кого, например?

— Ну, у Йоны.

Охранник отцепил от пояса увесистую связку ключей и отпер квартиру.

— А ему что за печаль? Пока все нищегороды Лонг-Фоллса счастливы, его больше ничего и не волнует.

— У него репутация очень щедрого человека.

— Ну да. Очередная, чтоб его, мать Тереза.

— По-твоему, он не лучше Карла?

— Только пойми меня правильно. Карл был первостатейной сволочью. Его ничего не волновало, кроме денег, бизнеса и политики. Куда ни глянь — сволочь. Но такая сволочь, понятная. Предсказуемая. Ты всегда знал, что ему нужно.

— Предсказуемая сволочь?

— Вот-вот. Но Йона — это совсем другой коленкор. Йону не поймешь. Тот еще фрукт. Вот как тут. Отличный пример. Карл хотел вымести всю эту мразь отсюда и не пускать. Логично, да? А Йона заявляется и говорит — ну нет. Надо дать им приют. Новые такие духовные принципы, чуешь? Почитай всякую мразь. Пусть себе гадят в подъездах.

— А ты, я смотрю, не разделяешь мнения, что из братьев Спалтеров, мол, один ангел, а второй дьявол?

Фрэнк испытующе посмотрел на Гурни.

— То, что ты сейчас говорил по телефону, — это правда?

— Что правда?

— Ну, что, может, это вовсе и не Кэй Карла шлепнула.

— Боже, Фрэнк, я и не осознавал, что говорю так громко. Ты уж теперь не болтай.

— Без проблем, но я вот и спрашиваю — оно и вправду возможно?

— Вправду возможно? Ну да.

— Так что дело отправляется на пересмотр?

— Пересмотр?

— Не упустили ли чего.

Гурни понизил голос.

— Можно сказать и так.

Фрэнк обнажил зубы в расчетливой холодной улыбке.

— Так-так-так. Выходит, может, это и не Кэй стреляла. Уже кое-что.

— Знаешь, Фрэнк, сдается мне, у тебя есть, что мне порассказать.

— Может, и так.

— Буду чрезвычайно признателен за любые твои соображения по этому поводу.

Фрэнк вытащил из кармана куртки пачку сигарет, раскурил одну и сделал длинную, задумчивую затяжку. В улыбке его появилось что-то мелочное, недоброе.

— А не приходило вам в голову, что мистер Само Совершенство, возможно, чуточку чересчур совершенен?

— Йона?

— Он самый. Мистер Щедрость. Мистер Добренький-со-всякой-швалью. Мистер Церковь Киберпространства, чтоб его!

— Похоже, ты видал его с другой стороны.

— Может, с той самой, с какой его и мать видела.

— Его мать? Ты знал Мэри Спалтер?

— Она иногда заглядывала в офис, пока там Карл всем заправлял.

— И она была в неладах с Йоной?

— Ага. Никогда его не любила. Что, ты не знал?

— Нет, но не прочь услышать об этом.

— Да все просто. Она знала, что Карл сволочь, — и ее это не смущало. Она понимала крепких мужиков. А вот Йона для нее был слишком сладенький. Не думаю, что старушка доверяла всей этой приторности. Знаешь, что я думаю? Я думаю, она считала, внутри у него одно дерьмо.

Глава 16

Точно нож

Фрэнк отпер квартиру и договорился с Гурни, что тот никуда не уйдет, пока он не вернется спустя час. Злопамятный Фрэнк продолжил обход — по его словам, речь шла о всех владениях «Спалтер Риэлти» в Лонг-Фоллсе.

Квартирка оказалась небольшой, но по сравнению с унылым подъездом даже симпатичной. Наружная дверь открывалась в тесный коридор с попорченным водой деревянным полом. Справа была маленькая,

без окон, кухня, слева — пустая кладовка и ванная комната. Прямо впереди находилась комната средних размеров с двумя окнами.

Гурни открыл оба окна, чтобы впустить свежего воздуха, и посмотрел за Экстон-авеню и узкую речку вдоль дороги, поверх низкой кирпичной ограды «Ивового покоя» — туда, где на пологом склоне, укрытое деревьями, рододендронами и розами, виднелось то самое место, где был застрелен, а потом похоронен Карл Спалтер. С трех сторон окутанное листвой, оно напоминало сцену. Даже порталная арка имелась — иллюзия, сотворенная горизонтальной частью фонарного столба, стоявшего возле дороги со стороны реки. С того места, где находился сейчас Гурни, казалось, будто фонарь нависает над самой сценой.

Такое сходство со сценой подчеркивало театральность всей этой истории в целом. В том, что жизнь человека оборвалась над могилой матери, что он, смертельно раненный, рухнул на ту самую землю, в которую ему было суждено скоро лечь, мерещилось нечто от оперы. И от мыльной оперы — в сопутствующих мотивах алчности и прелюбодеяния.

Гурни застыл, замороженно разглядывая открывшуюся ему сцену, испытывая ту диковинную дрожь возбуждения, что всегда охватывала его, когда он стоял там, где, по его представлениям, стоял убийца, и видел то, что видел убийца. Правда, в тот злополучный день земля была припорошена снегом и, судя по фотографиям из материалов дела, по другую сторону разверстой могилы Мэри Спалтер стояли в два ряда шестнадцать складных стульев для скорбящих. Желая убедиться в том, что он правильно представил сцену действия, Гурни требовалось разобраться, где именно стояли эти стулья. И переносная трибуна для речей. И где был Карл. Полетта с максимальной точностью описала положение тела Карла, когда он рухнул на землю, но Гурни надо было представить картину целиком, в том виде, какой она была в момент выстрела.

Решив принести из машины фотографии с места убийства, он уже направился к выходу, как вдруг телефон зазвонил снова.

И снова это была Полетта, еще взволнованнее прежнего.

— Послушайте, детектив Гурни, может, я вас неправильно поняла, но меня это и в самом деле очень беспокоит. Я должна вас спросить... вы и впрямь предполагаете, что Йона как-то... ну, то есть, вы сказали правду?

— Я говорил, что, возможно, дело вовсе не так уж окончательно закрыто, как всем кажется. Что, возможно, Карла застрелила не Кэй. Но если это не она...

— Но как вы можете хотя бы предположить, будто Йона...? Кто-кто, а он...

— Пойдите. Пока я только и знаю, что знаю слишком мало. И хочу, чтобы вы были осторожнее. Ради вашей же безопасности. Вот и все, что я сказал.

— Хорошо. Понимаю. Простите. — Дыхание у нее чуточку выровнялось. — Я могу вам чем-то помочь?

— Собственно говоря, да. Я сейчас за рекой, в квартире, откуда стреляли. Хочу точно представить, что видел стрелок из окна. Вы мне очень помогли бы, если бы вернулись на то место, где мы сегодня стояли, когда вы показали мне, куда именно упал Карл головой.

— И была еще капля крови на снегу.

— Да. И капля крови на снегу. Вы не могли бы прямо сейчас туда подойти?

— Думаю, да. Конечно.

— Чудесно, Полетта. Спасибо. Прихватите с собой тот ярко-синий зонтик. Из него выйдет хороший сигнальный знак. И телефон не забудьте: позвоните мне, как туда доберетесь. Хорошо?

— Хорошо.

Воодушевленный этим первым шагом вперед, Гурни поспешил к машине за материалами дела и через несколько минут вернулся с бумажным пакетом под мышкой — как раз вовремя, чтобы увидеть, как кто-то заходит в соседнюю квартиру.

Подскочив к двери, Гурни вставил ногу в проем, пока дверь не успела закрыться.

На него уставился низкий жилистый мужчина с забранными в хвост длинными черными волосами. Через пару секунд он заулыбался, как ненормальный, демонстрируя несколько золотых зубов, точно мексиканский бандит в политически некорректном боевике. Гурни подумалось, что пристальная напряженность его взгляда может объясняться наркотиками, естественным стрессом или психическим расстройством.

— Чем могу служить? — Голос звучал хрипло, но без враждебности.

— Простите, что вот так вваливаюсь. Это не имеет никакого отношения к вам лично. Мне просто нужна кое-какая информация об этой квартире.

Мужчина посмотрел на ногу Гурни, все еще придерживающую дверь.

Гурни улыбнулся и отступил на шаг.

— Еще раз прошу прощения. Я вообще-то спешу и никак не могу найти хоть кого-нибудь, кто ответил бы на мои вопросы.

— Какие еще вопросы?

— Самые простые. Например, кто живет в этом доме дольше всех.

— Зачем вам знать это?

— Ищу кого-нибудь, кто был здесь восемь-девять месяцев назад.

— Восемь-девять месяцев? Гммм. — Мужчина впервые за все это время мигнул. — То есть, во время Большого Взрыва, да?

— Если вы имеете в виду стрельбу, то да.

Собеседник Гурни погладил подбородок, словно у него там росла борода.

— Фредди ищете?

Сперва это имя ничего не сказало Гурни, но потом он вспомнил, что где-то в материалах дела ему попадался некто Фредерико.

— Вы имеете в виду того Фредди, который сказал, что видел в этом здании Кэй Спалтер утром в день стрельбы?

— Единственный Фредди, который только показывал здесь свою задницу.

— А с какой стати мне его искать?

— С такой, что он пропал. Зачем бы еще?

— Когда пропал?

— А вы что, не знаете? Шутите, что ли? Эй, приятель, да ты кто такой?

— Просто тип, который хочет взглянуть на все свежим взглядом.

— Не слишком ли большая задача для просто типа?

— Большая заноза в заднице.

— Смешно.

Он не улыбнулся.

— Так когда Фредди пропал?

— После того, как ему позвонили. — Незнакомец наклонил голову набок и посмотрел на Гурни искоса. — Приятель, я думал, ты уже знаешь все это дерьмо.

— Расскажи про звонок.

— Да не знаю я ничего про звонок. Просто Фредди позвонили.

Похоже, кто-то из ваших.

— Из копов?

— Ну да.

— И когда это было?

— Сразу как дамочку упекли.

У Гурни зазвонил телефон. Он не стал отвечать.

— А Фредди не говорил, что это был коп по фамилии Клемпер?

— Возможно.

Телефон у Гурни все звонил. На экране высветилось имя Полетты

Парли. Гурни спрятал телефон обратно в карман.

— Ты живешь в этой квартире?

— В основном.

— Будешь здесь попозже?

— Может быть.

— Нам удастся поговорить?

— Может быть.

— Меня зовут Дэйв Гурни. А тебя?

— Боло.

— Как галстук?

— Нет, чувак, не как галстук. — Он ухмыльнулся, снова демонстрируя золотые зубы. — Как нож.

Глава 17

Немыслимый выстрел

Гурни стоял у окна с телефоном в руке, глядя через улицу и реку на место смерти и последнего упокоения Спалтера. Полетта стояла примерно в центре участка, с зонтиком в одной руке и телефоном в другой.

Он отошел на несколько шагов от окна в глубину комнаты, на то место, где, согласно фотографиям, был обнаружен треножник с винтовкой. Опустился на колени, чтобы посмотреть в окно примерно с уровня прицела винтовки, и сказал в телефон:

— Отлично, Полетта. Раскройте зонтик и положите туда, где, по вашим воспоминаниям, лежало тело Карла.

Глядя, как она выполняет его распоряжения, он пожалел, что не захватил бинокль. Потом он посмотрел на полицейскую схему места преступления, которую расстелил на полу перед собой. Там было указано два положения Карла: где он стоял, когда в него попала пуля, и где он упал на землю. Оба места находились между могилой его матери и двумя рядами складных стульев. На каждом из шестнадцати стульев на схеме стоял номер: предположительно, привязывающий схему к списку присутствовавших лиц.

— Полетта, вы случайно не помните, кто где сидел?

— Конечно, помню. Я до сих пор все вижу так, точно это случилось сегодня утром. До малейшей подробности. Как вот ту струйку крови у него на виске. Каплю крови на снегу. Господи, хоть когда-нибудь это забудется?

У Гурни тоже имелись похожие воспоминания. У каждого

полицейского их хватает.

— Может, не до конца. Но накатывать будет реже. — Он не стал упоминать, что иные воспоминания поблекли у него в памяти потому, что их вытеснили другие, еще ужаснее. — Но расскажите мне, кто где сидел, особенно в первом ряду.

— Карл, перед тем как подняться, сидел с самого края. То есть справа в ряду, если смотреть от вас. Рядом с ним его дочь, Алисса. Следующий стул пустовал. Дальше три кузины Мэри Спалтер из Саратоги, всем за семьдесят. Настоящие тройняшки, и до сих пор одеваются одинаково. Очень мило — или жутковато, это уж как посмотреть. Потом опять пустой стул. И на восьмом — Йона, как можно дальше от Карла. Оно и неудивительно.

— А второй ряд?

— Второй ряд занимали восемь дам из дома престарелых, где жила Мэри Спалтер. По-моему, они все состояли в какой-то организации. Как же она там называлась? Как-то странно. Старшее что-то... «Старшие силы», вот!

— «Старшие силы»? Что же это за организация?

— Точно не знаю. Я перебросилась с одной из них парой слов. Что-то такое... секундочку. Да. У них был девиз или лозунг. Насколько припоминаю: «*Творить добро никогда не поздно*». Или что-то в том же роде. У меня сложилось впечатление, будто бы они все участвуют в какой-то благотворительности. Мэри Спалтер тоже там состояла.

Гурни сделал себе мысленную пометку посмотреть про «Старшие силы» в интернете.

— А вы не знаете, может, кто-то рассчитывал, что Кэй будет на похоронах? Или удивлялся, что она не пришла?

— Не слышала, чтобы кто-нибудь спрашивал. Большинство знакомых Спалтеров знали, что у них проблемы — что у Кэй с Карлом разлад.

— Хорошо. Итак, Карл с одного конца ряда, а Йона — с другого?

— Да.

— Сколько времени прошло от того момента, когда Карл поднялся с места, до выстрела?

— Не знаю. Секунды четыре? Пять? Я помню, как он встает... поворачивается, чтобы пройти к трибуне... делает шаг, второй... тут-то оно и случилось. Как я уже говорила, все думали, он просто споткнулся. Но ведь именно так и думаешь сперва, да? Если не слышно выстрела. А никто не слышал.

— Из-за хлопушек?

— Ох, господи, да, еще хлопушки эти. Какой-то идиот все утро ими трещал. Так отвлекало.

— Хорошо. Итак, вы помните, как Карл сделал пару шагов. Можете пройти на то место, где, по вашим воспоминаниям, он находился в тот момент, когда начал падать?

— Да, легко. Он проходил ровно перед Алиссой.

Гурни видел, как Полетта отошла на восемь-десять футов вправо от зонтика на земле.

— Вот тут.

Он прищурился, чтобы отчетливо различить, где она стоит.

— Уверены?

— В том, что это то самое место? Абсолютно!

— Вы так доверяете своей памяти?

— Да, но дело не только в памяти. Просто мы всегда расставляем стулья именно так: под одинаковым углом относительно могилы, чтобы каждый сидел к ней лицом и ему не приходилось разворачиваться. Рядов добавляем, сколько потребуется, но ориентация стульев относительно могилы всегда одинаковая.

Гурни ничего не сказал, стараясь уложить в голове все увиденное и услышанное. И тут у него снова возник вопрос, что маячил где-то на задворках сознания с того момента, как он впервые прочел отчет о происшествии.

— Я вот что еще подумал. Семья Спалтеров занимает высокое положение. Сдается мне, у них очень много всевозможных знакомств. Так...

— Почему такие скромные похороны? Вы об этом задумались?

— Четырнадцать человек, если я правильно сосчитал — не так уж много в подобных обстоятельствах.

— Выбор покойной. Мне говорили, Мэри Спалтер добавила к завещанию приписку с перечнем тех, кого хочет пригласить на проводы.

— В смысле, на погребение?

— Да. Три кузины, двое сыновей, внучка и восемь дам из «Старших сил». Мне кажется, семья — а по сути, Карл — планировала провести впоследствии куда более пышную церемонию в память усопшей, но... — Голос ее оборвался. Через несколько секунд тишины Полетта спросила. — Еще что-нибудь?

— Один последний вопрос. Какого Карл был роста?

— Какого роста? Шесть футов и один дюйм, может, шесть и два. Иной раз выглядел прямо устрашающе. А почему вы спрашиваете?

— Просто стараюсь как можно точнее представить себе всю сцену.
— Хорошо. Значит, на этом все?
— Думаю, да... хотя... если можно, постоит еще минутку там, где стоите. Хочу кое-что проверить. — Стараясь не отводить взгляда от Полетты, Гурни поднялся на ноги и медленно отодвинулся сперва влево — настолько, чтобы все еще видеть Полетту через одно из окон, а потом точно так же — вправо. Затем подошел к окнам и по очереди залез на оба подоконника, проверяя, что видно с них.

Спрыгнув наконец на пол, он поблагодарил Полетту за помощь, пообещал скоро связаться с ней снова, разъединился и сунул телефон в карман. А потом застыл посреди комнаты, силясь придумать хоть какое-то рациональное объяснение факту, который не подчинялся никаким объяснениям.

Проблема заключалась в фонаре по другую сторону Экстон-авеню. Горизонтальная поперечина загоразживала все место действия. Если Карл Спалтер был ростом около шести футов и стоял примерно там, где показала Полетта, роковой выстрел в голову никоим образом не могли сделать из этой квартиры.

Из квартиры, где было найдено оружие убийства.

Из квартиры, где команда по сбору вещественных доказательств обнаружила следы пороховой копоти, соответствующие заряду «Свифта» двадцать второго калибра, — что совпадало с выводами, сделанными после обследования винтовки, и с результатами анализа фрагментов пули, извлеченной из мозга Карла Спалтера.

Из квартиры, где свидетель якобы видел в утро убийства Кэй Спалтер.

Квартиры, где стоял сейчас озадаченный Гурни.

Глава 18

Вопрос пола

Ошеломление лишает иных людей способности рассуждать здраво. Но на Гурни оно оказало ровно противоположный эффект. Очевидное противоречие — выстрел не могли сделать из того окна, из которого он явно был сделан, — действовало на детектива, точно амфетамин.

Ему захотелось немедленно проверить кое-что по материалам дела. Вместо того чтобы оставаться в пустой квартире, он взял коричневый конверт и спустился обратно к машине, открыл, усевшись на переднем сиденье, и принялся пролистывать первый отчет о происшествии. Отчет

был разбит на два раздела — в соответствии с двумя разными местами сцены преступления: местонахождение жертвы и местонахождение стрелка. К каждому разделу прилагались фотографии, описания, интервью и отчеты по сбору вещественных доказательств.

Первым, что поразило Гурни, было одно весьма примечательное упущение. Ни в первом отчете, ни в одном из последующих не нашлось упоминания о том, что поперечная ось фонаря загораживает обзор. Правда, в деле фигурировала фотография могильного участка Спалтеров, сделанная с помощью телефона из окна квартиры, но без масштабированной шкалы отсчета относительно положения Карла на момент выстрела загвоздка в виде фонаря была не очевидна.

Вскоре Гурни нашел и второе упущение, не менее примечательное. Нигде ни одного упоминания о видеозаписях с камер наблюдения охраны. Уж верно кто-то проверил их наличие на кладбище и вокруг, равно как и на Экстон-авеню. Даже не верилось, что можно забыть столь рутинную процедуру, — и в особенности не верилось, что ее провели, ни словом не упомянув в материалах дела о результатах.

Он сунул папку с бумагами под сиденье, вылез из машины и запер ее. Осмотревшись вокруг, он обнаружил на улице только три заведения, которые, по всей видимости, еще не прогорели. Бывшее «Радио Шэк», нынче, похоже, обходящееся совсем без вывески; «Ривер Кингс Пицца» и нечто под названием «Диззи-Дэз», где торговали неизвестно чем, поскольку вся витрина была забита надутыми воздушными шариками.

Ближе всего располагался безымянный магазин электротехники. Подойдя туда, Гурни увидел на стеклянной двери два написанных от руки объявления: «Обновленные планшеты от 199 долларов» и «Вернусь в два часа». Гурни бросил взгляд на часы. 2:09. Он толкнул дверь. Заперто. Он зашагал к «Ривер Кингс», решив заодно уж купить колу и пару кусочков пиццы, как около тротуара притормозил безукоризненно чистенький желтый «Корвет». Выскочившая из него парочка, однако, оказалась не такой безукоризненной. Мужчина под пятьдесят, плотно сбитый, на руках волос гораздо больше, чем на голове. Женщина чуть моложе, с перьями голубых и синих волос, широкое славянское лицо и огромная грудь, выпирающая под пуговицами наполовину расстегнутой розовой кофточки. Пока она барахталась, выбираясь с низкого сиденья, мужчина подошел к двери магазина, отпер ее и повернулся к Гурни.

— Вам что-то нужно? — Фраза прозвучала не столько вопросительно, сколь вызывающе.

— Да. Но дело у меня непростое.

Мужчина пожал плечами и показал на свою спутницу, которая наконец выкарабкалась из машины.

— Поговорите с Софьей. У меня дела.

Софья прошла мимо Гурни в магазин.

— У него всегда дела. — Голос выдавал ее славянское происхождение, как и скулы. — Чем могу помочь?

— Вы давно держите этот магазин?

— Давно ли? Он у него годы, годы и годы. Что вам надо?

— У вас есть камеры наблюдения?

— Камеры наблюдения?

— Камеры, которые снимают людей в магазине, на улице — на входе, на выходе, может, карманников.

— Карманников?

— Ну, тех, кто у вас ворует.

— У меня?

— Из магазина.

— Из магазина. Да. Сволочные ублюдки так и норовят что-нибудь украсть.

— Так у вас есть видеокamеры наблюдения? Чтобы следить?

— Следить. Да.

— Вы были тут девять месяцев назад, во время знаменитого убийства Карла Спалтера?

— Точняк. Знаменитое. Прямо здесь. Сволочная жена застрелила его. — Софья широким взмахом руки указала в сторону «Ивового покоя». — На похоронах матери. Родной матери. Ну вы представляете?

Она покачала головой, словно давая понять, что тому, кто совершит грех на похоронах, в аду причитается двойная расплата.

— Как долго вы храните пленки или цифровые записи с камер?

— Как долго?

— Сколько времени? Сколько недель или месяцев? Вы сохраняете все, что записали, или периодически стираете?

— Обычно стираем. Но не гадскую жену.

— У вас остались копии видео с камер наблюдения за день, когда застрелили Спалтера?

— Коп все забрал, ничего не оставил. А заработали бы кучу денег. Здоровенный сволочной коп.

— Полицейский забрал видеозаписи?

— Точняк.

Софья стояла возле прилавка с мобильниками, разложенными позади

нее широким полукругом. Приоткрытая дверь вела в захламленный кабинет. Слышно было, как хозяин магазина разговаривает по телефону.

— И он не вернул записи?

— Нет. А на видео чувак получил пулю в мозг. Знаете, сколько денег отвалило бы телевидение за такие кадры?

— Ваша камера записала, как в человека там за рекой попадает пуля?

— Точняк. Камера, что спереди, она все сечет. Высокое разрешение. Даже задний план. Отличное качество. Все автоматическое. Стоила кучу денег.

— А полицейский, который забрал...

Дверь за спиной у Софьи отворилась шире, волосатый владелец магазина вышел из кабинета. Избороздившие его лицо морщины вечного недовольства и подозрительности стали сейчас еще глубже.

— Никто ничего не забирал, — заявил он. — Вы кто такой?

Гурни смерил его пристальным взглядом.

— Следователь по особо важным делам, проверяющий работу полиции по делу Спалтеров. Вы имели непосредственные контакты с детективом по имени Майкл Клемпер?

Лицо владельца магазина осталось бесстрастным. Слишком уж бесстрастным, слишком надолго. Потом он медленно покачал головой.

— Не припомню такого.

— Это Майкл Клемпер был тем самым «здоровенным сволочным копом», который, по словам этой дамы, забрал видеозаписи с ваших камер и не вернул их?

Волосатый посмотрел на Софью с наигранным изумлением.

— Ты вообще о чем?

Она в ответ столь же наигранно пожала плечами.

— Так копы ничего не брали? — Она невинно улыбнулась Гурни. — Выходит, не брали. Снова ошиблась. Вечная история. Может, перепила. Гарри знает, помнит лучше меня. Верно, Гарри?

Волосатый Гарри ухмыльнулся Гурни. Глаза его сверкали, как черные стеклянные шарики.

— Видите, все, как я и говорил. Никто ничего не брал. А теперь проваливайте. Если не хотите купить телевизор. Широкий экран, подключение к интернету. Выгодная цена.

Гурни усмехнулся ему в ответ.

— Я подумаю. А выгодная цена — это сколько?

Гарри развел руками.

— Зависит. Спрос и предложение. Жизнь, чтоб ее, сплошной аукцион,

ежели вы понимаете, к чему это я. Но для вас по-любому хорошие цены. Для полицейских они всегда хорошие.

Магазин с воздушными шариками, расположенный чуть дальше по улице, не помог Гурни продвинуться в расследовании. Косые лучи солнца подсвечивали витрину так, что казалось, она полна ярких огней. А зона покрытия одной-единственной камеры наблюдения в «Ривер Кингс» ограничивалась пяточком в десять футов вокруг кассы. Так что, если только убийца не проголодался и не зашел перекусить пиццей, там ловить было нечего.

Однако после визита Гурни в магазин электротоваров его мозг заработал на полную мощность, даже с перегрузкой. Самая правдоподобная гипотеза — что Клемпер обнаружил в записях с камеры какое-то несоответствие желаемой картине событий и решил замять его. Если так, у него была масса способов заставить Гарри держать рот на замке. Может, знал, что магазин служит прикрытием для каких-то иных делишек. Или просто знал о Гарри что-то такое, чего Гарри предавать огласке никак не хотелось бы.

Однако Гурни напомнил себе, что даже самая правдоподобная гипотеза — всего лишь гипотеза. Пора переходить к следующему вопросу. Если пуля не могла прилететь из этой квартиры — откуда тогда? Он посмотрел через реку на синий зонтик Полетты, все еще раскрытый на том месте, куда рухнул Карл.

Изучив фасады домов вдоль улицы, Гурни убедился, что пуля могла прилететь буквально из любого из сорока или пятидесяти окон, выходящих на «Ивовый покой». Что, учитывая скудость собранных Гурни сведений, представляло собой ту еще задачу для расследования. Однако — что толку? Если следы пороха, соответствующего «Свифту» двадцать второго калибра, были обнаружены в первой квартире, значит, из винтовки двадцать второго калибра стреляли именно оттуда. Стоит ли предположить, что в Карла Спалтера стреляли из другой квартиры, потом принесли оружие в ту, с которой сняты подозрения, выстрелили снова и оставили там на треноге? Если так, эта вторая квартира должна быть где-то совсем рядом.

Ближе всего, разумеется, соседняя. Квартира, где обитает человек, назвавшийся Боло. Гурни вошел в подъезд, шагая через две ступеньки, поднялся к двери Боло и тихонько постучал.

Раздался шелест быстрых шагов, потом какой-то скользкий звук — может, это открыли и закрыли ящик комода, — стук двери, и снова торопливые шаги прямо к двери, за которой стоял Гурни. Он инстинктивно

отступил в сторону — стандартный маневр, если есть причина ожидать недружелюбный прием, — и впервые с приезда в Лонг-Фоллс засомневался, так ли мудро было появляться здесь безоружным.

Он снова постучал, очень тактично.

— Эй, Боло, это я.

Раздался резкий лязг двух задвижек, и дверь приоткрылась дюйма на три — ровно настолько, насколько позволяли две цепочки.

В щели появилось лицо Боло.

— Бог ты мой. Снова ты. Парень, которому надо осмотреть все. Все — это одно большое дерьмо, чувак. Теперь-то что?

— Долгая история. Можно посмотреть в твое окно?

— Смешно.

— Так можно?

— Правда? Не брешешь? Хочешь посмотреть в мое окно?

— Это важно.

— Много я паршивых отговорок слышал, чувак, но эта тебе удалась. — Он закрыл дверь, отсоединил цепочки и снова открыл, уже шире. На нем была желтая баскетбольная майка до колен, а под ней, возможно, ничего более. — «Можно посмотреть в твое окно?» Надо запомнить.

Он отступил на шаг, пропуская Гурни внутрь.

Квартира казалась точной копией соседней. Гурни глянул на кухню, потом на другую сторону маленькой прихожей, где находилась ванная. Дверь была закрыта.

— У тебя гости?

Золотые зубы сверкнули снова.

— Гостья. И не хочет, чтобы ее видели. — Он показал на окна на дальней стороне комнаты. — Хотел посмотреть? Ну так смотри.

Гурни было неуютно из-за этой закрытой двери в ванную. Не хотелось поворачиваться спиной к такого рода опасности.

— Может, попозже.

Он шагнул обратно к двери и встал, чуть развернувшись, чтобы отслеживать любые движения в квартире или на лестничной клетке.

Боло одобрительно подмигнул.

— Точняк. Осторожность прежде всего. Никаких темных закоулков. Ловко!

— Расскажи мне про Фредди.

— Да говорил уже. Пропал он. Дело известное, свяжись с тем, кто любит всех поймать, самого ж тебя и отымеют.

— На суде над Кэй Спалтер Фредди свидетельствовал, что в день, когда застрелили ее мужа, она была в соседней квартире. Ты ведь знал, что он это говорил, да?

— Все знали.

— Но сам ты Кэй не видел?

— Может, и видел — кого-то на нее похожего.

— Что это значит?

— То, что я уже говорил тому, другому копу.

— Я хочу сам от тебя услышать.

— Я видел маленькую... маленькую особу, вот навроде бабы. Мелкая, тонкая. Как в балете. Для этого особое слово есть. Миниатюрная, вот Крутое словцо. Что, удивлен, что я его знаю?

— Ты сказал — «навроде бабы». Но ты не уверен, что это и в самом деле женщина?

— В первый раз мне показалось, баба. Хотя трудно сказать. Солнечные очки. Широкая повязка на голове. Большой шарф.

— В первый раз? Сколько ж раз...

— Два. Я ж говорил тому копу.

— Она была здесь дважды? А первый раз когда?

— В воскресенье. Воскресенье перед похоронами.

— Не путаешь день?

— Да вроде как по всему выходит — воскресенье. Мой единственный выходной. На долбанной автомойке. Ну вот, собрался я в «Квик-бай» за сигаретами, иду вниз по лестнице. А эта миниатюрная особа чешет вверх, прямо мимо меня, верно? Внизу я вспоминаю, что деньги-то и забыл. Иду наверх за ними. Теперь она тут стоит, у двери, снаружи, вот позади того места, где ты сейчас стоишь... Ну, я прохожу напрямиком к себе за деньгами.

— А ты не спросил, что она тут делает или кого ищет?

Боло коротко рассмеялся.

— Черт. Нет, чувак. Здесь лучше никого попусту не беспокоить. У всех свои дела. Вопросов никто не любит.

— Она вошла в ту квартиру? Но как? С ключом?

— Ну да. Ключ. Само собой.

— Откуда ты знаешь, что у нее был ключ?

— Слышал. Стены-то тонюсенькие. Дешевка. Ключ в замке всегда узнаешь. Эй, что мне вспомнилось! Наверняка — воскресенье. Дин-дон. Церковь у реки, по воскресеньям бьют в полдень. Дин-дон, дин-дон. Двенадцать дин-донов.

— И ты снова видел ту маленькую фигурку?

— Ага. Только не в тот день. До дня стрельбы больше не видел.

— А видел-то что?

— На этот раз в пятницу. Утро. Девять часов. Перед тем как мне тащиться на треклятую автомойку. Выхожу я, возвращаюсь с пиццей.

— В девять утра?

— А что? Нормальный завтрак. Иду я наверх, вдруг вижу, эта мелкая особа входит в дом. Та же самая. Миниатюрная. Быстро так чешет, а под мышкой не то коробка, не то еще что, в яркой обертке. Когда я вхожу, она уже наверху, и точно, теперь уверен, это завернутая коробка, как на Рождество. Длинная такая коробка — три-четыре фута в длину. И обертка рождественская. Когда я наверху, маленькая особа уже в квартире, но дверь еще открыта.

— И?

— Маленькая особа в ванной, думаю я. Вот почему такая спешка и дверь нараспашку.

— И?

— И так оно и есть, маленькая персона в ванной, отлить приспичило. Вот тогда-то до меня и доходит.

— Что?

— Да звук же.

— Ты о чем?

— Я ошибся.

— В чем ошибся?

— Мужики и бабы, звук-то от струи разный, когда они в сортире. Сам знаешь.

— И то, что ты слышал...

— Мужик, точно говорю. Может, мелкий. Но мужик.

Глава 19

Преступление и наказание

Вытребовав у Боло его полное имя (Эставио Болокко), а также номер телефона и по возможности подробное описание этого миниатюрного существа неопределенного пола, Гурни вернулся в машину и провел еще с полчаса, роясь в материалах дела в поисках хоть какого-то упоминания о беседе с Эставио Болокко, о появлении возможного подозреваемого в квартире в воскресенье перед убийством — или о том, чтобы хоть раз поднимался вопрос, какого этот самый убийца пола.

Все три направления поиска привели к нулевому результату.

Веки у Гурни начали тяжелеть, недавний всплеск энергии иссяк. День в Лонг-Фоллсе выдался длинным, пришла пора направляться в Уолнат-Кроссинг. Он уже собирался отъехать от тротуара, как прямо перед ним припарковался черный «Форд Эксплорер». Коренастый Фрэнк Макграт вылез оттуда и подошел к окошку Гурни.

— Закончил?

— Во всяком случае, на сегодня. Хочу добраться до дома, пока не рухнул. Кстати, не припоминаешь, во время стрельбы тут жил один такой тип, Фредди?

— Не жил, а самовольно вселился.

— Ну да, наверное.

— Фре-де-ри-ко, — передразнил Макграт испанский акцент. Голос его сочился презрением. — И что с ним?

— Ты знал, что он исчез?

— Может, и знал. Давно уже.

— Слышал что-нибудь на этот счет?

— Например?

— Например, почему он исчез?

— А мне-то что за беда? Такие приходят и уходят. Мне же лучше — одним мешком дерьма меньше. Вот бы все исчезали! Устроишь так — я твой должник.

Гурни вырвал из блокнота листок, написал номер своего мобильного и протянул Макграту.

— Услышишь чего про Фредди, хоть просто слухи, где он может быть, звони. А пока, Фрэнк, не нервничай. Жизнь коротка.

— Спасибо Христу хоть за это!

Большую часть дороги домой Гурни пребывал в ощущении, будто открыл коробку с головоломкой и обнаружил, что недостает нескольких больших кусков. Он был уверен лишь в том, что из фигурирующей в деле квартиры решительно невозможно было выстрелить так, чтобы попасть Карлу Спалтеру в висок, не пробив перед тем толстую металлическую перекладину фонаря. О чем, разумеется, и речи быть не могло. Без сомнения, недостающие куски головоломки в конце концов помогли бы разрешить это кажущееся противоречие. Знать бы только, какие куски он ищет — и сколько.

Двухчасовой путь обратно в Уолнат-Кроссинг пролегал главным образом по небольшим дорогам — все больше сквозь лоскутный пейзаж лесов и полей. Гурни такие виды нравились, а Мадлен их и вовсе обожала.

Но сейчас ему было не до красот.

Он с головой погрузился в мир убийства.

С головой — пока уже в конце гравийной городской дороги, за прудом, не свернул на свою подъездную аллею через луг и не увидел с содроганием четыре чужие машины: три «Приуса» и один «Рэнджровер» — на травянистой лужайке возле дома.

О боже! Распроклятый ужин для клуба йоги!

Гурни покосился на часы. 6:49 — опоздал на сорок девять минут. Он покачал головой, досадуя на свою забывчивость.

Войдя в просторную комнату на первом этаже, служившую кухней, столовой и гостиной одновременно, он услышал гул оживленного разговора за обеденным столом. Все шестеро гостей были знакомы Гурни — их представляли ему на местных концертах и выставках, — но имен он не помнил. (Мадлен, правда, как-то заметила, что имен преступников он никогда не забывает.)

Когда он вошел, все на миг оторвались от еды и разговоров. Почти все улыбались и глядели на него с дружелюбным любопытством.

— Простите за опоздание. Неожиданные затруднения.

Мадлен улыбнулась, словно извиняясь.

— У Дэйва затруднения встречаются чаще, чем обычные люди останавливаются машину заправить.

— Собственно говоря, он как раз вовремя! — Гурни узнал в говорившей — шумливой крупной женщине — одну из коллег-консультантов Мадлен по кризисному центру. Про ее имя он помнил только одно: какое-то чудное. Тем временем гостя продолжала с энтузиазмом: — Мы как раз говорили о преступлении и наказании. И тут входит человек, вся жизнь которого вращается как раз вокруг этого. Ну разве может быть своевременней? — Она указала на свободное место за столом с видом хозяйки дома, приветствующей почетного гостя. — Присоединяйтесь! Мадлен сказала, вы умчались на очередное приключение, а вот на подробности поскупились. Оно как-то связано с преступлением и (или) наказанием?

Один из гостей-мужчин подвинул стул на несколько дюймов, чтобы Гурни было удобней пройти к столу.

— Спасибо, Скотт.

— Скип.

— Скип. Точно. Почему-то всякий раз, как вас вижу, в голове так и выскакивает — Скотт. Я много лет работал с одним Скоттом, ужасно похожим на вас.

Гурни считал эту маленькую ложь данью светской учтивости. Уж точно предпочтительнее правды, заключавшейся в том, что его ничуть не интересовал ни сам этот человек, ни уж тем более, как его зовут. Вот только с извинением, которое Гурни брякнул, не подумав, вышло неудачно: тщедушному и чахлому Скипу было лет семьдесят пять, а на голове у него красовалась копна взлохмаченных, как у Эйнштейна, буйных седых кудрей. Каким образом этот чудовищный персонаж фильма «Три балбеса» мог напоминать детектива из отдела убийств, само по себе было довольно интересным вопросом.

Но никто не успел задать этот вопрос: шумливая дама бульдозером двинулась дальше.

— Пока Дэйв наполняет тарелку, может, посвятим его в предмет нашей беседы?

Оглядевшись, Гурни пришел к выводу, что, будь это предложение вынесено на голосование, оно непременно провалилось бы, однако... Ага! Он вдруг вспомнил, как ее зовут. Филимина, сокращенно Мина. Так вот, Мина была не из тех, кто руководствуется мнением большинства.

— Скип сказал, — продолжала она все так же энергично, — что единственный смысл тюремного заключения — это наказание, поскольку исправление... как там вы выразились, Скип?

Он болезненно поморщился, словно призыв Мины вызвал в нем самые мучительные и неловкие воспоминания школьных лет.

— Да я уж не помню.

— Ага! А я вспомнила! Вы сказали, единственный смысл тюрьмы — это наказание, потому что возможность исправления — не больше, чем фантазии либералов. А Марго тогда сказала, что должным образом подобранное наказание неотделимо от исправления. Но Мадлен, кажется, не очень-то согласилась. А Брюс тогда сказал...

— Я не говорила «наказание», — перебила ее седовласая дама, весьма суровая на вид. — Я сказала «явственно выраженные негативные последствия». Совсем другие оттенки смысла.

— Ну ладно, значит, Марго выступает за явственные негативные последствия. А Брюс сказал... О боже ты мой, Брюс, что вы сказали?

Сидевший во главе стола черноусый мужчина в твидовом пиджаке снисходительно усмехнулся.

— Ничего умного. Так, небольшое наблюдение: наша тюремная система — бездарная трата денег налогоплательщиков. Нелепый проходной двор, который порождает больше преступлений, чем предотвращает.

Он изъяснялся, как типичный очень вежливый, но очень сердитый

гражданин, считающий, что лучшая альтернатива тюремному заключению — это смертная казнь. Трудно было представить его в разгар йоговской медитации: глубокое дыхание, единство со всем творением.

Гурни улыбнулся этой мысли, сгружая последние остатки вегетарианской лазаньи с блюда себе на тарелку.

— Вы тоже член клуба йоги, Брюс?

— У меня жена инструктор, так что я, надо полагать, почетный член.

Ответ прозвучал скорее саркастически, чем дружелюбно.

Сидевшая через два стула от него бледно-пепельная блондинка, чьей единственной косметикой был сверкающий крем для лица, не столько проговорила, сколько прошептала:

— Я бы не назвала себя инструктором, так, член группы. — Она скромно облизнула губы, точно убирая невидимые крошки. — Возвращаясь к нашей теме: а разве любое преступление — не разновидность душевной болезни?

— Собственно говоря, Айона, на этот счет проводились поразительные новые исследования, — вступила в разговор сидящая напротив Гурни миловидная женщина с круглым, кротким лицом. — Кто-нибудь из вас читал ту статью в журнале про опухоли? Там говорилось об одном мужчине среднего возраста, вполне нормальном, без каких бы то ни было странностей, — на него вдруг накатило необоримое желание заниматься сексом с маленькими детьми. Совершенно бесконтрольное, на ровном месте. Словом, вкратце, медицинское обследование выявило у него быстро растущую опухоль мозга. Опухоль удалили — и деструктивное поведение мгновенно прекратилось. Интересно, да?

Скип досадливо поморщился.

— Вы утверждаете, что преступление — побочный продукт рака мозга?

— Всего лишь пересказываю прочитанное. Но в статье приводились ссылки на другие примеры самого жуткого поведения, непосредственно связанного с отклонениями в работе мозга. И, в общем, звучит вполне логично, не так ли?

Брюс откашлялся.

— Так нам следует считать, что афера Берни Медоффа по схеме Понци зародилась в маленькой кисте в коре его головного мозга?

— Брюс, ради бога, — перебила Мина. — Ничего подобного Патти не говорит.

Он мрачно покачал головой.

— Скользящая это дорожка, вот что я вам скажу. Прямиком к нулевой

ответственности. Раньше было: «Это меня Сатана попутал». Потом стало: «Мое тяжелое детство». А теперь вот появилось и новенькое: «Опухоль заставила». И к чему, спрашивается, все эти поиски оправданий приведут?

В его выпаде сквозило столько яда и пыла, что воцарилась неловкая тишина. Мина, которая, как подозревал Гурни, привыкла выступать в роли миротворца и массовика-затейника, попыталась переключить всеобщее внимание на менее щекотливую тему.

— Мадлен, до меня тут слухи дошли, вы кур завели. В самом деле?
Мадлен засияла.

— Никакие не слухи. У нас в сарае временно поселились три очаровательные маленькие несущечки и премилый задиристый петушок. Кукарекают, кудахчут и издают прочие уютные звуки. Не налюбуйешься.

Мина с любопытством склонила голову набок.

— Временно поселились у вас в сарае?

— Ждут, пока мы построим им постоянное жильё — там, за двориком.

Она махнула рукой в сторону французских дверей.

— Смотрите только, чтоб было надежно, — предостерегла Патти с обеспокоенной улыбкой. — Кругом столько хищников, а куры, бедняжечки, совершенно беззащитны.

Брюс подался вперед на стуле.

— Слышали про хорьков?

— Да-да, наслышана, — торопливо заверила Мадлен, словно желая упредить описания, как именно хорьки убивают куриц.

Он понизил голос ради драматического эффекта:

— Опоссумы еще хуже.

Мадлен замигала.

— Опоссумы.

Айона резко поднялась и, извинившись, вышла в ванную комнату.

— Опоссумы, — зловеще повторил Брюс. — С виду-то они неуклюжие твари и вечно попадают под колеса. Но только пустите такого в курятник! Увидите совершенно другое животное — обезумевшее от вкуса крови. — Он оглядел стол, точно рассказывал страшилку детишкам ночью у костра. — Безвредный маленький опоссум растерзает всех кур до последней. На клочки разорвет. Как будто это их настоящая цель в жизни — превратить все живое вокруг в кровавые ошметки.

Наступившее ошеломленное молчание наконец нарушил Скип:

— Но опоссумы, конечно, не единственная угроза.

То ли тон этой реплики, то ли момент, в который она прозвучала, вызвали дружный взрыв смеха. Однако Скип продолжал на полном серьезе:

— Опасаться надо еще и койотов, лис, коршунов, орлов и енотов. Курочкой полакомиться всякий горазд.

— На счастье, у всех этих проблем есть простое решение, — с нескрываемым удовольствием сообщил Брюс. — Двенадцатизарядный дробовик!

По всей видимости, почуяв, что переключение разговора на кур было ошибкой, Мина наметила очередной поворот беседы.

— Мне все же хотелось бы вернуться к тому, о чем мы рассуждали, когда пришел Дэйв. С удовольствием выслушала бы его мнение о проблеме преступления и наказания в современном обществе.

— И я, — подхватила Патти. — Особенно хотелось бы услышать, что он скажет насчет зла.

Гурни проглотил последний кусочек лазаньи и посмотрел на ангельское личико напротив.

— Зла?

— Вы верите, что зло существует? — спросила Патти. — Или это надуманно, как ведьмы и драконы?

Вопрос этот вызвал у Гурни раздражение.

— По-моему, «зло» — вполне полезное слово.

— То есть, вы в него верите, — вмешалась Марго с другого конца стола таким тоном, точно засчитала очко противнику.

— Я осознаю наличие общечеловеческого опыта, для характеристики которого уместно использовать слово «зло».

— И что это за опыт?

— Когда делаешь что-нибудь такое, про что в глубине души твердо знаешь: это дурно.

— Ага, — протянула Патти с одобряющим огоньком в глазах. — Один знаменитый йог сказал как-то: «Рукоять клинка зла ранит глубже, чем острие».

— По-моему, звучит, как шарлатанские предсказания судьбы, — заметил Брюс. — Попробуйте, скажите это жертвам мексиканских наркобаронов.

Айона посмотрела на него без тени эмоций.

— О, таких выражений тьма тьмущая. «Причинив вред тебе, я причиняю самому себе вдвое больший». Толковать карму можно очень по-разному.

Брюс покачал головой.

— На мой взгляд, карма — сплошное очковтирательство. Если убийца причинил себе вред вдвое больший, чем тому, кого убил, — сказано ловко,

хотя поди пойми, как это возможно, — не значит ли это, что уже не стоит трудиться, наказывая его? И тут вы попадаете в нелепое положение. Если веришь в карму, ловить и наказывать преступника совершенно бессмысленно. Но если вы хотите, чтобы убийцы были пойманы и наказаны, приходится признать, что карма — сплошное очковтирательство.

— И вот мы возвращаемся к теме преступления и наказания, — радостно встряла Мина. — И у меня к Дэйву вопрос. Похоже, что Америка теряет веру в нашу систему правосудия. Вы проработали на этом поприще более двадцати лет, верно?

Он кивнул.

— Вы знаете все сильные и слабые стороны системы, что в ней работает, а что нет. А значит, у вас должны иметься свои идеи насчет того, что там надо изменить. Очень хотелось бы услышать.

Вопрос порадовал Гурни не больше, чем порадовало бы предложение сплясать джигу на столе.

— Не думаю, что там можно что-либо изменить.

— Но ведь там столько всего неправильного, — снова подался вперед Скип. — Такое поле для улучшения!

— А вот Свами Шишнапушна, — безмятежно промолвила Патти, пребывающая на другой волне, — говорил: йоги и детективы — братья в разных одеждах, и те, и другие — искатели истины.

Гурни посмотрел на нее с сомнением.

— Я бы и рад думать о себе как об искателе истины, но я, скорее, просто обличитель лжи.

Патти распахнула глаза, по всей видимости, усмотрев в этом заявлении смысл более глубокий, чем Гурни туда вкладывал.

Мина попыталась вернуть разговор в прежнее русло.

— Так если бы завтра вам, Дэйв, доверили руководство всей системой, что бы вы изменили?

— Ничего.

— Не верю. Ведь она же в таком беспорядке.

— Ну, разумеется, в беспорядке. И каждая составляющая этого беспорядка на руку кому-то из стоящих у власти. И это такой беспорядок, продираться через который никому не хочется.

Брюс пренебрежительно махнул рукой.

— Глаз за глаз, зуб за зуб. И все дела! Умствования на пустом месте — это не решение, а проблема.

— Пинок по яйцам за пинок по яйцам! — вскричал Скип с глумливой ухмылкой.

Мина не отставала от Гурни.

— Вы сказали, что не стали бы ничего менять. Почему же?

Он терпеть не мог такие вот беседы.

— Знаете, что я на самом деле думаю о нашей разнесчастной системе правосудия? Я думаю, ужасная правда состоит в том, что она ровно настолько хороша, насколько это вообще возможно.

Слова его породили самую долгую паузу за весь вечер. Гурни сосредоточился на еде.

Бледная Айона, на лице которой легкое уныние сочеталось с улыбкой Моны Лизы, заговорила первой.

— У меня еще вопрос, который меня и в самом деле волнует. Последнее время я об этом много думаю, но ни к какому решению так и не пришла. — Она смотрела на пустую тарелку, медленно катая вилкой одинокую горошину. — Возможно, прозвучит глупо, но я совершенно серьезно. Потому что, как мне кажется, совершенно честный ответ на этот вопрос очень многое говорит о человеке. И меня волнует то, что сама я никак не могу найти ответ. Что говорит обо мне такая нерешительность?

Брюс нетерпеливо забарабанил пальцами по столу.

— Ради всего святого, Айона, к делу.

— Хорошо. Прости. Предположим, вам надо выбрать. Вы предпочли бы стать преступником... или его жертвой?

Брюс вскинул брови.

— Это ты меня спрашиваешь?

— Нет-нет, что ты, милый, конечно, нет. Твой ответ я и так знаю.

Часть вторая

Питер Пэн

Глава 20

Прискорбные нарушения

После ужина гости разъехались — Брюс и Айона в тяжеловесном «Рэнджровере», остальные в безмолвных «Приусах». Мадлен начала мыть посуду и убирать со стола, а Гурни отправился с делом Спалтеров в кабинет. Нашел результаты вскрытия и включил айпэд, подарок от сына Кайла ко Дню отца.

Следующие полчаса он провел, блуждая по целой череде неврологических веб-сайтов и пытаясь найти объяснение несоответствию между характером пулевого ранения Карла Спалтера и тем, что, по словам Полетты, перед тем как упасть, он прошел еще десять-двенадцать футов.

За годы работы в полиции Гурни выпала сомнительная удача наблюдать последствия двух таких же попаданий в голову, причем с более близкого расстояния, чем ему хотелось бы. В обоих случаях жертвы падали, как подкошенные. Почему же Карл упал не сразу?

На ум приходили два объяснения.

Первое — что патологоанатом ошибся, определяя степень поражения мозговой ткани, и что расколовшаяся на части пуля не до конца уничтожила двигательный центр. И второе — что в Карла стреляли не один раз, а два. После первой пули он сделал, шатаясь, несколько шагов и упал, а вторая и причинила обширные мозговые повреждения, обнаруженные при вскрытии. Очевидный недостаток этого второго предположения состоял в том, что патологоанатом нашел всего одно входное отверстие. Чисто теоретически «Свифт» двадцать второго калибра может оставить очень маленькое и аккуратное отверстие или очень узкую царапину, но все же не настолько незначительные, чтобы эксперт их проглядел, разве что в очень сильной спешке. Или если отвлекся. Отвлекся на что?

Пока Гурни раздумывал над этим вопросом, ему не давал покоя и другой факт, вскрывшийся при мини-постановке с участием Полетты: то обстоятельство, что роковой сценарий разыгрывался в двух шагах от тех двух человек, которым смерть Карла сулила максимальную выгоду. От Ионы, получающего полный контроль над «Спалтер Риэлти». И Алиссы,

избалованной наркоманочки, стоящей в очереди за наследством отца — при условии, что Кэй освободит дорогу, как оно и вышло в реальности.

Йона и Алисса. Гурни все сильнее хотелось встретиться с обоими. А заодно и с Маком Клемпером. Просто необходимо как можно скорее увидеться с ним лицом к лицу. И может, познакомиться еще с Пискином, прокурором, — чтобы понять, на каких позициях он стоял во всем этом тумане противоречий, шатких улик и, возможно, предвзятости.

В кухне что-то гроыхнуло. Гурни поморщился.

Чудная штука — вот такие гроыхания на кухне. Прежде он считал их показателем настроения Мадлен, пока не понял, что на самом деле то, как он воспринимает это гроыхание, — показатель его собственного состояния ума. Когда он подозревал, что дал ей веский повод для недовольства, то слышал в лязге посуды выход ее раздражения. Но если знал, что упрекнуть его не в чем, те же самые случайно оброненные тарелки казались вполне безвредной случайностью.

Сегодня вечером он такого спокойствия не испытывал: опоздал на ужин почти на час, не помнил имен друзей Мадлен, а потом бросил ее на кухне и удрал в кабинет, не успели последние лучи фар скрыться за холмом.

Последнюю провинность, правда, еще не поздно было загладить. Сделав несколько последних выписок с самых содержательных неврологических сайтов, какие сумел найти, он выключил айпэд, убрал отчет о вскрытии обратно в папку и вышел на кухню.

Мадлен как раз закрывала дверцу посудомойки. Гурни подошел к кофеварке, что стояла у раковины, насыпал туда кофе и нажал на кнопку. Мадлен вооружилась губкой и полотенцем и принялась вытирать стол.

— Чудаковатая подобралась компания, — небрежно заметил он.

— По-моему, лучше было бы выразиться — какие интересные люди.

Он откашлялся.

— Надеюсь, я их не слишком шокировал, когда говорил про нашу систему правосудия.

Кофеварка зафыркала и заурчала, знаменуя конец цикла.

— Дело не столько в том, что ты сказал. Твой тон был куда красноречивее слов.

— Красноречивее? В смысле?

Мадлен ответила не сразу, склонившись над столом и оттирая особенно упорное пятно. Наконец она выпрямилась и тыльной стороной руки смахнула с лица прядки волос.

— Иногда у тебя такой тон, точно тебя раздражает необходимость

быть в обществе, слушать других людей, с ними разговаривать.

— Да я не то чтобы раздражаюсь. Просто... — Он вздохнул, не докончив фразы. Взяв чашку с кофе, он добавил сахара и, прежде чем объяснить дальше, размешивал его куда дольше, чем требовалось. — Когда я чем-то очень увлечен, мне трудно переключаться на обычную жизнь.

— А это и впрямь трудно, — отозвалась она. Я знаю. По-моему, ты иногда забываешь, чем я занимаюсь в клинике, с какими проблемами сталкиваюсь.

Он собирался уже указать, что обычно эти проблемы не идут в сравнение с убийством, но вовремя спохватился. Судя по взгляду Мадлен, она еще не довела до конца свою мысль, так что он молча стоял, держа чашку с кофе и выжидая, пока она продолжит — скорее всего, начнет расписывать самые ужасные реалии сельского кризисного центра.

Однако она выбрала другое направление.

— Может быть, мне легче переключаться на обычную жизнь, чем тебе, потому что я не так хороша в своей работе.

Он сморгнул.

— Ты о чем?

— Когда у человека большой талант к чему-то, он целиком и полностью сосредотачивается на своем деле, вплоть до полного исключения всего прочего. Тебе не кажется, что так оно и есть?

— Наверное, — ответил он, гадая, к чему она клонит.

— Ну вот я и думаю, что у тебя большой талант доискиваться до сути, выявлять обман, разгадывать запутанные преступления. Может, ты так хорош в этом деле и в своей профессии — как рыба в воде, что вся остальная жизнь для тебя лишь досадная помеха.

Мадлен вглядывалась ему в лицо, пытаясь уловить, как он среагирует.

Гурни знал, что в ее словах есть доля истины, но только и смог, что невразумительно пожать плечами.

Мадлен тихо продолжала:

— Мне не кажется, что у меня такой уж большой талант к своей работе. Мне говорили, у меня хорошо получается, но работа не суть моей жизни, не главное. Не единственно значимое. Я стараюсь ко всему в жизни относиться как к значимому. Потому что так оно и есть. И к тебе в первую очередь.

Она заглянула ему в глаза и улыбнулась этой своей странной улыбкой, которая, казалось, порождалась не столько движением губ, сколько каким-то внутренним сиянием.

— Иногда, когда мы говорим о том, как ты поглощен очередным

делом, разговор превращается в спор — может, потому, что ты чувствуешь, что я пытаюсь превратить тебя из детектива в туриста — прогулки, походы, каяки. Когда мы только переехали сюда в горы, я, наверное, и в самом деле на это надеялась — ну, или фантазировала. Но это прошло. Я понимаю, кто ты — и меня это устраивает. Даже больше, чем устраивает. Понимаю, иногда кажется, это не так. Кажется, я давяю на тебя, куда-то тащу, пытаюсь тебя изменить. Но это не так.

Она помолчала, словно бы читая его мысли и чувства четче и лучше, чем он сам мог их прочесть.

— Я не пытаюсь сделать тебя другим человеком. Просто чувствую, что ты стал бы куда счастливее, если бы только мог впустить в жизнь чуть больше света, красок, разнообразия. А мне кажется, ты все катишь и катишь все тот же камень все на ту же гору, а в конце не получаешь ни отдыха, ни награды. Мне кажется, тебе только и хочется — толкать и катить, бороться, подставляться под опасности — и чем опасней, тем лучше.

Он хотел было возразить про опасность, но решил дослушать до конца.

Глаза Мадлен наполнились печалью.

— Такое впечатление, будто ты так глубоко увяз во всем этом, во тьме, что она загораживает от тебя солнце. Все загораживает. Поэтому я живу так, как умею, единственным известным мне способом. Хожу в клинику на работу. Гуляю в лесах. Бываю на концертах. На выставках. Читаю. Играю на виолончели. Катаюсь на велосипеде. Занимаюсь садом, домом и курами. Зимой хожу на лыжах. Навещаю друзей. Но я все думаю — мечтаю, — что мы могли бы хоть чуточку чаще делать это вдвоем. Могли бы вместе радоваться солнцу.

Он не знал, как ответить. На каком-то уровне он осознавал правду в том, что она говорила, но никакие слова не могли выразить то чувство, которое эта правда в нем порождала.

— Ну вот, — закончила Мадлен. — Вот, что у меня на уме.

Печаль в ее глазах сменилась улыбкой — теплой, открытой, полной надежды.

Гурни казалось, что она вся перед ним, вся здесь — ни барьеров, ни препятствий, ни отговорок. Он отставил чашку, которую, сам того не замечая, все время держал в руках, шагнул к жене и обнял ее. Она всем телом прильнула к нему.

Все так же без слов он подхватил ее на руки страстным жестом новобрачного, переносящего невесту через порог, — Мадлен засмеялась, —

унес ее в спальню, и они занимались любовью так нежно и пылко, что это было непередаваемо хорошо.

На следующее утро Мадлен поднялась первой.

Побрившись, приняв душ и одевшись, Гурни застал ее за столом — с кофе, тостом с арахисовым маслом и раскрытой книжкой. Мадлен очень любила арахисовое масло. Он наклонился и поцеловал ее в макушку.

— Доброе утро! — весело сказала Мадлен с набитым ртом. Она уже оделась на работу.

— Сегодня полный день? Или половинчатый?

— Не знаю. — Она сглотнула и отпила кофе. — Зависит от того, кто там еще. А у тебя в планах что?

— Хардвик. Собирался приехать к половине девятого.

— Да?

— Кэй Спалтер должна позвонить в девять или около того, как получится.

— Проблемы?

— Ничего, кроме проблем. Каждому факту в этом деле что-то да противоречит.

— Разве ты не любишь, чтобы с фактами так и было?

— Ты имеешь в виду, чтобы они были безнадежно запутаны, а я бы их распутывал?

Она кивнула, сунула в рот последний кусок тоста, отнесла тарелку с чашкой в раковину и поставила под воду. Потом вернулась и поцеловала его.

— Уже поздно. Мне пора.

Гурни поджарил себе бекон с тостом и устроился в кресле перед дверьми во дворик. Отсюда открывался вид на размытое утренним туманом старое пастбище, полуразвалившуюся каменную ограду по дальней его стороне и заросшее соседское поле. Вдали еле проглядывал Барроу-хилл.

Как раз когда он запихивал в рот последний кусочек бекона, с дороги ниже сарая послышалось агрессивное тарахтенье «Понтиака». Через две минуты угловатое красное страшилище припарковалось возле зарослей аспарагуса, и вскоре в дверях появился Хардвик — в черной футболке и мешковатых серых тренировочных штанах. Дверь была открыта, но раздвижные ширмы заперты.

Гурни нагнулся и отпер одну из них.

Хардвик шагнул внутрь.

— Знаешь, что у тебя там по дороге разгуливает здоровенная свинья?

Гурни кивнул.

— Частое явление.

— Добрых триста фунтов.

— А ты поднимать пытался?

Пропустив вопрос мимо ушей, Хардвик одобрительно оглядел комнату.

— Уже говорил — и еще раз скажу. У тебя тут, черт возьми, сплошное сельское очарование.

— Спасибо, Джек. Не хочешь сесть?

Хардвик задумчиво поковырял ногтем в передних зубах, плюхнулся на стул напротив Гурни и смерил того подозрительным взглядом.

— Старик, не надо ли нам чего обсудить перед беседой с овдовевшей миссис Спалтер?

— Да в общем, нет — если не считать того факта, что во всем чертовом деле ни крошки смысла.

Хардвик сощурился.

— А вот это обстоятельство, что в деле ни крошки смысла... оно работает *на* нас или *против*?

— *Нас*?

— Ну, ты знаешь, о чем я. Приближает нас к цели — пересмотру дела — или отдаляет от нее?

— Скорее всего, приближает. Но я не уверен. Слишком уж много ложных сведений.

— Ложных сведений? Например?

— Например, квартира, откуда был сделан выстрел.

— А в чем загвоздка?

— Стреляли не оттуда. Оттуда никак не могли.

— Почему?

Гурни объяснил, как при помощи Полетты провел неофициальный следственный эксперимент и обнаружил препятствие в виде фонарного столба.

Хардвик был явно обескуражен, но не встревожился.

— Еще что-нибудь?

— Свидетель, утверждающий, что видел стрелка.

— Фредди? Тот тип, что официально опознал Кэй?

— Нет. Человек по имени Эставио Болокко. Нет никаких записей о том, что его допрашивали, хотя он утверждает, что допрашивали. Еще он утверждает, будто видел стрелка, но это мужчина, а не женщина.

— Где он видел стрелка?

— Очередная нестыковка. Говорит, что видел его в квартире — той самой, откуда якобы стреляли, хотя на самом деле не могли.

Хардвик скроил такую кислую физиономию, точно у него отрыжка.

— Ну вот опять — все та же куча годного материала вперемешку со всяким дерьмом. Утверждение этого твоего типа, будто стрелок был мужчиной, а не женщиной, мне нравится. И особенно нравится мысль, что Клемпер не сохранил запись допроса. Это говорит о полицейских нарушениях, возможно, о подтасовке фактов или, по крайней мере, халатности — и все нам на руку. Но вот ерунда насчет самой квартиры — она все обесценивает. Не можем же мы привести свидетеля, который заявит, будто стрелок находился в том месте, откуда, как мы же сами потом скажем, стрелять никак не могли. Ну то есть, какого хрена нам со всем этим делать-то?

— Хороший вопрос. И еще одна маленькая странность. Эставио Болокко утверждает, что видел стрелка дважды. Один раз — в тот самый день, то есть в пятницу. Но еще и за пять дней до того. В воскресенье. Говорит, он уверен, что в воскресенье, поскольку это у него единственный выходной.

— Где он видел стрелка?

— В той самой квартире.

Несварение желудка у Хардвика, похоже, усилилось.

— И что стрелок там делал? Присматривался?

— Я бы предположил, что да. Но тут встает новый вопрос. Предположим, стрелок узнал о смерти Мэри Спалтер, выяснил, где расположен семейный участок Спалтеров и сообразил, что Карл будет на погребальной церемонии основной фигурой. Следующий логичный шаг — разведать окрестности, посмотреть, не найдется ли там достаточно удобной позиции для стрельбы.

— Так в чем вопрос-то?

— Во времени. Если стрелок разведывал окрестности в воскресенье, то Мэри Спалтер, по всей вероятности, скончалась в субботу или даже раньше, в зависимости от того, достаточно ли близок стрелок к семейству, чтобы получать информацию непосредственно, или же он вынужден был ждать публикаций в газетах спустя день-другой. Так вот, мой вопрос: если похороны состоялись, самое раннее, через семь дней после смерти... что стало причиной задержки?

— Кто знает. Может, какие-нибудь родственники раньше приехать не успевали. Почему это тебя волнует?

— Когда похороны задерживаются на целую неделю, это необычно. А

все необычное возбуждает во мне любопытство. Только и всего.

— Отлично. Ладно. Идет. — Хардвик махнул рукой, точно отгоняя муху. — Можно спросить у Кэй, когда она позвонит. Просто мне не кажется, что вопрос о подготовке похорон ее свекрови послужит достаточно убедительным поводом для апелляции.

— Может, и нет. Но, рассуждая о приговоре, ты знал, что Фредди — тот тип, который опознал Кэй на суде, — исчез?

Глава 21

Досадная прямота

Кэй Спалтер позвонила по домашнему телефону Гурни ближе к половине десятого. Он включил в кабинете громкую связь.

— Привет, Кэй, — поздоровался Хардвик. — Как дела в славном «Бедфорд-Хиллс»?

— Великолепно. — Голос ее звучал сухо, нетерпеливо. — Вы тут, Дэйв?

— Тут.

— Вы говорили, у вас будут ко мне еще вопросы?

Интересно, эта резкость и нервозность помогли ей ощутить контроль над ситуацией — или же просто были симптомами тюремного стресса?

— С полдюжины.

— Валяйте.

— Во время нашего последнего разговора вы упомянули одного бандита, Донни Ангела. Сказали, скорее всего, за убийством Карла стоит именно он. Проблема в том, что, если принять эту версию, покушение на Карла выглядит уж слишком мудреным.

— Что вы имеете в виду? — Тон у нее был скорее любопытным, чем агрессивным.

— Ангел знал его и знал про него очень много. Он мог бы организовать покушение попроще, чем снайперский выстрел с расстояния в пятьсот ярдов во время погребальной церемонии. Так что давайте на минуту представим, что наш персонаж — не Ангел. Если б вам надо было выдвинуть следующую кандидатуру, кто тогда?

— Йона. — Она произнесла это без каких бы то ни было эмоций и без колебаний.

— А мотив — контроль над семейной компанией?

— Контроль, позволяющий ему заложить сколько угодно домов, чтобы

расширить Церковь Киберпространства и превратить ее в самый крупный проект религиозной обдираловки в мире.

— Вам много известно об этой его цели?

— Нисколько. Одни догадки. Я имею в виду, что Йона куда более скользкий тип, чем все полагают. Контроль над компанией означает для него немалые деньги. Огромные. Я знаю, что он спрашивал Карла, нельзя ли заложить несколько зданий, а Карл послал его известно куда.

— Чудесные братские отношения. Еще кандидаты в убийцы есть?

— Около сотни людей, которым Карл наступил на ногу.

— Когда я в прошлый раз спросил вас, отчего вы с ним не развелись, вы ответили мне какой-то шуткой. По крайней мере, мне показалось, что вы шутите. Но мне надо знать настоящую причину.

— По правде говоря, настоящей причины я и сама не знаю. Сколько раз пыталась понять, каким чудо-клеем меня к нему приклеили, но так и не поняла. Так что, может, я и вправду циничная охотница за деньгами.

— Вам жаль, что он мертв?

— Может, самую малость.

— Каковы были ваши повседневные отношения?

— Щедрость, снисходительность, контроль — с его стороны.

— А с вашей?

— Любовь, восхищение, покорность. Когда он не заходил слишком далеко.

— И что тогда?

— А тогда весь ад с цепи срывался.

— Вы когда-нибудь угрожали ему?

— Да.

— При свидетелях?

— Да.

— Приведите пример.

— Не так уж их было много.

— Выберите самый показательный.

— На десятую годовщину нашей свадьбы Карл пригласил несколько других пар поужинать с нами. Он слегка перебрал и завел свою любимую в таких случаях песню — «Можно вытащить девушку из Бруклина, но нельзя вытащить Бруклин из девушки». А в тот вечер он совсем уж разошелся: мол, став губернатором Нью-Йорка, он будет баллотироваться в президенты, а я пускай стану посредником между ним и быдлом. Сказал, будет как Хуан Перон в Аргентине, а я — его Эвита. И я обеспечу ему поддержку всех работяг. Добавил несколько непристойных предложений,

как именно мне взяться за это дело. А потом вообще несусветную чушь ляпнул. Мол, мне стоит завести себе тысячу пар обуви, как у Эвиты.

— И?

— Терпение у меня лопнуло. Почему именно от этого? Не знаю. Но лопнуло. Слишком уж все было глупо.

— И?

— И я заорала, что тысяча пар обуви была не у Эвиты Перон, а у Имелды Маркос.

— И все?

— Не совсем. Я еще сказала, если он посмеет снова так со мной разговаривать, я ему хозяйство отрежу и запихну в задницу.

Хардвик, не проронивший ни единого слова после вопроса о славном «Бедфорд-Хиллс», разразился смехом. Кэй снова проигнорировала его.

Гурни сменил тему.

— Что вам известно про глушители для оружия?

— Что полицейские сокращенно называют их глушаками.

— А еще?

— В этом штате они незаконны. Более эффективны с дозвуковыми зарядами. Дешевые вполне ничего, но дорогие гораздо лучше.

— Откуда вы все это знаете?

— Спросила на стрельбище, когда брала уроки.

— Зачем?

— По тем же причинам, по каким вообще туда попала.

— Потому что думали, вам, возможно, придется кого-нибудь застрелить, чтобы спасти Карла?

— Да.

— Вы когда-нибудь покупали глушитель — или одалживали у кого-нибудь?

— Нет. Они добрались до Карла раньше.

— Они — в смысле, мафия?

— Да. Вы говорили, что, мол, снайпер выбрал слишком уж странный для них способ действий. Но я все равно думаю, это они. Скорее они, чем Йона.

Гурни не видел смысла с ней спорить. Он предпочел двинуться по другому пути.

— Помимо Ангела, с какими еще персонажами из этой среды Карл тесно общался?

Впервые за все время беседы Кэй замешкалась с ответом.

Через несколько секунд Гурни начал думать, не разъединились ли они.

— Кэй?

— Он еще про одного типа упоминал, они вместе играли в покер. Гурни различил в ее голосе беспокойство.

— А имя называл?

— Нет. Рассказывал только, чем этот тип зарабатывает.

— И чем же?

— Организует убийства. Вроде как брокер, посредник. Хочешь убрать кого-то с дороги — ступай к нему, а он уже найдет человека, который это сделает.

— Вас, кажется, эта тема беспокоит.

— Меня волновало то, что Карл играет в азартные игры с человеком, у которого такой род занятий. Один раз я ему так и сказала: «Неужели ты и впрямь сядешь играть в покер с типом, который организует убийства среди бандитов? Который убьет и не задумается? Не перебор ли?» А он сказал, я ничего не смыслю. Азартные игры — сплошной риск и угар. А когда сидишь за одним столом со смертью, риск и угар гораздо круче. — Она на миг умолкла. — Слушайте, у меня мало времени. Мы закончили?

— Еще одно. Чем была вызвана задержка с похоронами Мэри Спалтер? Откуда такой промежуток между смертью и погребением?

— Какая еще задержка?

— Ее похоронили в пятницу. Но, судя по всему, она умерла за неделю до того — или, по меньшей мере, раньше воскресенья на предыдущей неделе.

— О чем вы? Она умерла в среду, и похоронили ее через два дня.

— Два дня? Всего два? Вы уверены?

— Ну конечно, уверена. Почитайте некрологи. Это еще тут при чем?

— Расскажу, когда сам выясню. — Гурни покосился на Хардвика. — Джек, тебе надо обсудить что-то с Кэй, пока она еще на проводе?

Хардвик покачал головой и с подчеркнутой сердечностью произнес:

— Кэй, мы очень скоро снова с вами свяжемся, хорошо? И не волнуйтесь. Мы на верном пути к нашей общей цели. Все, что нам пока удалось обнаружить, говорит в нашу пользу.

Голос у него был куда увереннее, чем выражение лица.

Глава 22

Второй букет

Когда разговор с Кэй закончился, Хардвик необычно долго молчал.

Стоял, глядя в окно кабинета и, судя по всему, сосредоточившись на каких-то подсчетах и предположениях.

Гурни наблюдал за ним, сидя за столом.

— Выкладывай, Джек. Самому же легче на душе станет.

— Надо поговорить с Лексом Бинчером. В смысле, как можно скорей. Вот прямо сейчас. По-моему, это у нас сейчас задача, чтоб ее, номер один.

Гурни улыбнулся.

— А по-моему, задача номер один, чтоб ее, — это визит в тот центр для престарелых, где умерла Мэри Спалтер.

Хардвик отвернулся от окна и посмотрел Гурни в лицо.

— Видишь? Вот о чем и речь. Нам надо собраться всем вместе, поговорить и прийти к единому мнению, прежде чем лезть из кожи вон, гоняясь за каждой тенью.

— Это как раз, скорее всего, и не тень вовсе.

— Правда? И почему вдруг?

— Кто бы ни осматривал квартиру в воскресенье — за три дня до смерти Мэри Спалтер, — этот кто-то должен был знать, что она очень скоро умрет. То есть выходит, несчастный случай, от которого она умерла, был не таким уж случайным.

— Бог ты мой, Шерлок, помилуй! Эта твоя смелая гипотеза базируется на самом нелепейшем допущении, какое я только слышал за много лет.

— Допущении, что Эставио Болокко сказал правду?

— Именно. Допущении, что какой-то мойщик машин, бездомный, самовольно вселившийся в обшарпанную квартиру, сидящий бог весть на какой пакости, — и вдруг точно помнит день недели, когда он видел, как кто-то вошел в соседнюю квартиру восемь месяцев назад.

— Согласен — вопрос о надежности свидетеля тут стоит во весь рост. Но мне все-таки кажется...

— И ты называешь это вопросом о надежности свидетеля? По мне, так это просто дичь!

— Я тебя слышу, — тихо ответил Гурни. — И не спорю. Но все же, если — и я знаю, что это очень сомнительное «если», — если мистер Болокко прав насчет дня недели, то сам характер преступления совершенно иной по сравнению с тем, как его представлял прокурор на суде. Бог ты мой, Джек, ты только подумай. Зачем вообще надо было убивать мать Карла?

— Это все напрасная трата времени.

— Может, да, а может, и нет. Предположим чисто гипотетически, ее смерть была не случайностью. Тогда мне видятся два подхода к вопросу,

почему ее убили. Первый: и она, и Карл — оба были мишенями убийцы. Или второй: что она была всего лишь средством — способом сделать так, чтобы Карл, основная мишень, оказался на кладбище, на открытом месте, в предсказуемое время.

Тик в уголке рта Хардвика разыгрался с новой силой. Хардвик дважды порывался что-то сказать, но останавливался. С третьей попытки наконец вымолвил:

— Именно этого ты с самого начала и хотел, да? Подкинуть все в воздух и посмотреть, твою мать, что получится, когда оно шарахнется о землю? Взяться за самое незамысловатое расследование полицейской халатности — ничего сложного, главный следователь Мак Мудак трахается с потенциальной подозреваемой Алиссой Спалтер — и превратить все в очередное изобретение колеса, твою мать? Тебе уже не удастся сделать из одного убийства два! А завтра будет с полдюжины! Да какого хрена ты тут мудришь?

Голос Гурни сделался еще спокойнее.

— Просто иду по следу, Джек.

— Да какой, на хрен, след! Бог ты мой! Слушай, я совершенно уверен, что говорю не только от своего имени, но и от имени Лекса. Вся суть в том, что нам нужно сосредоточиться, сосредоточиться, сосредоточиться! Позволь мне выразиться ясно, раз и навсегда. Нам надо ответить лишь на узкий круг вопросов по поводу убийства Карла Спалтера и суда над Кэй Спалтер. *Первый:* Что Мак Клемпер должен был сделать, но не сделал? *Второй:* Что из того, что Клемпер сделал, ему делать не следовало? *Третий:* Что Клемпер утаил от прокурора? *Четвертый:* Что прокурор утаил от адвоката? *Пятый:* Что адвокат должен был сделать, но не сделал? Пять. Всего пять вопросов. Отыщи правильные ответы на эти вопросы — и приговор Кэй Спалтер отменят. Вот и все. А теперь скажи, мы с тобой на одной волне или нет?

К лицу Хардвика прилила кровь, точно его сейчас удар хватит.

— Успокойся, дружище. Я уверен, мы вполне еще можем оказаться на одной волне. Только не мешай мне попасть на нее.

Хардвик долго и мрачно смотрел на Гурни, а потом раздраженно покачал головой.

— Расходами на расследование распоряжается Лекс Бинчер. Если собираешься тратить на что-нибудь помимо ответов на эти пять вопросов, он должен сперва одобрить расходы.

— Без проблем.

— Без проблем, — рассеянно повторил Хардвик, снова глядя в

окно. — Хотелось бы мне в это верить, приятель.

Гурни промолчал.

Через некоторое время Хардвик тяжело вздохнул.

— Я перескажу Бинчеру все, что ты мне тут поведал.

— Отлично.

— Только ради бога, не надо... не начинай...

Он не закончил фразы, лишь снова покачал головой.

Гурни прекрасно понимал напряжение, обусловленное положением Хардвика: отчаянную необходимость добиться цели, страх перед неопределенностью предложенного маршрута.

Среди многочисленных дополнений к делу в папке имелся адрес последнего жилища Мэри Спалтер: дом престарелых на Трин-Лейкс-роуд в Индиан-Вэлли, недалеко от Куперстауна, то есть примерно на полпути между Уолнат-Кроссингом и Лонг-Фоллсом. Гурни ввел адрес в свой навигатор и через час тот объявил, что машина прибыла в место назначения.

Гурни свернул на ухоженную щебеночную дорогу, что вела за высокую каменную ограду, а потом раздваивалась: на одном указателе значилось «Постоянные жильцы», на другом «Гости и поставщики».

Второй указатель привел Гурни на парковку перед обшитым дранкой домиком. Элегантно-неброская табличка рядом с маленьким розовым садиком гласила: «Эммерлинг Оукс. Община полноценной жизни для пожилых людей. За справками обращайтесь к администрации».

Гурни припарковался и постучал в дверь.

— Входите, — немедленно отозвался приятный женский голос.

Гурни вошел в светлый, не загроможденный лишней мебелью офис. За лакированным письменным столом, возле которого стояло несколько удобных с виду кресел, сидела привлекательная женщина лет сорока с загаром, точно только что вышла из солярия. На стенах висели фотографии коттеджей разных цветов и размеров.

Окинув Гурни оценивающим взглядом, женщина улыбнулась.

— Чем могу помочь?

Он улыбнулся в ответ.

— Сам не знаю. Заехал сюда, повинуюсь внезапному порыву. Возможно, ловлю ветер в поле.

— Вот как? — Вид у нее стал заинтересованный. — И какой именно ветер вы ловите?

— Даже и того не знаю.

— Ну, тогда... — Она неуверенно нахмурилась. — Что вы хотите? И кто вы?

— Ох, извините. Меня зовут Дэйв Гурни. — Он с легким смущением вытащил бумажник и шагнул вперед, показывая золотой значок. — Я детектив.

Она внимательно изучила значок.

— Тут сказано: «В отставке».

— Я и был в отставке. А теперь, с этим убийством, похоже, снова в деле.

Глаза у нее расширились.

— Вы имеете в виду дело об убийстве Спалтера?

— А вам о нем известно?

— Известно? — удивилась она. — Ну конечно!

— Из новостей?

— Ну да, и, опять же, элемент личной причастности.

— Потому что мать жертвы жила здесь?

— Отчасти, но... а вы мне не скажете, в чем, собственно, дело?

— Меня попросили рассмотреть некоторые аспекты этого дела, до сих пор оставшиеся не проясненными.

Она лукаво посмотрела на Гурни.

— Кто-то из семьи попросил?

Гурни кивнул и улыбнулся, словно отдавая дань ее проницательности.

— И кто же? — спросила она.

— А кого вы знаете?

— Всех.

— И Кэй? Йону? Алиссу?

— Кэй и Йону — само собой. Карла и Мэри знала. Алиссу только по имени.

Гурни уже собирался спросить, откуда она их всех знает, но тут понял, что ответ очевиден. Почему-то он не сразу связал название дома престарелых — «Эммерлинг Оукс» — с добытым в «Ивовом покое» фактом, что деда Карла звали Эммерлингом. По всей видимости, семья владела не только кладбищами и домами.

— Как вам работается на «Спалтер Риэлти»?

Женщина сузила глаза.

— Сперва вы ответьте на мой вопрос. Что вас сюда привело?

Гурни нужно было принимать решение — причем быстро, основываясь на внутреннем чутье. Он мысленно прикинул потенциальные риски и выгоды различных степеней откровенности. Основываться ему

было, в общем, почти и не на чем. Собственно говоря, зацепкой служила лишь одна крошечная деталь, которую он, вполне вероятно, неверно интерпретировал. Мимолетное ощущение, что собеседница произнесла имя «Карл» с таким же отвращением, как и Полетта Парли.

Он принял решение.

— Позвольте мне выразиться так, — он доверительно понизил голос. — Некоторые аспекты вынесенного Кэй Спалтер приговора оставляют место для вопросов.

Собеседница отреагировала мгновенно, только что рот не разинула.

— Вы хотите сказать, она этого все же не делала? Боже, я так и знала!

Тогда Гурни сделал следующий шаг:

— По-вашему, она не способна убить Карла?

— Ой, да как раз очень даже способна. Но она никогда не сделала бы этого таким образом.

— В смысле, из ружья?

— В смысле, издавек.

— Почему же?

Она наклонила голову набок, скептически разглядывая Гурни.

— Вы хорошо знаете Кэй?

— Наверное, не так хорошо, как вы... мисс?... миссис?

— Кэрл. Кэрл Блисси.

Он протянул через стол руку.

— Приятно познакомиться, Кэрл. И очень признателен, что вы уделите мне время. — Она ответила ему коротким, но твердым пожатием. Пальцы и ладонь у нее были теплыми. Гурни продолжал: — Я работаю с группой ее юристов. С Кэй я встречался один раз лично и еще один раз долго разговаривал с ней по телефону. В результате встречи у меня успело сложиться мнение о ее личности и характере, но подозреваю, вы знаете ее гораздо лучше.

Кэрл Блисси выглядела польщенной. Она рассеянно поправила край выреза черной шелковой блузки. На всех пяти пальцах у нее сверкали кольца.

— Когда я сказала, что она никогда не сделала бы этого таким образом, я имела в виду, что это просто не в ее стиле. Если вы вообще хоть немного знаете Кэй, то знаете, что она из тех, кто предпочитает все говорить в лицо. В Кэй ни капли скрытности, желания сделать что-нибудь исподтишка. Реши она убить Карла, она не стала бы стрелять в него с расстояния в полмили. Подошла бы прямо к нему и раскроила бы ему голову топором.

Она помолчала, словно прислушиваясь к собственным словам, и

скорчила гримаску.

— Простите, прозвучало как-то отвратительно. Но вы же понимаете, что я имела в виду?

— Очень хорошо понимаю. У меня о ней сложилось точно такое же впечатление. — Он помолчал, восхищенно глядя на ее руки. — Кэрол, какие у вас красивые кольца.

— Что? — Она посмотрела на кольца. — Спасибо. Да, по-моему, очень симпатичные. Мне кажется, у меня хороший вкус на украшения. — Она облизнула уголки губ кончиком языка и посмотрела на Гурни. — Знаете, а вы же мне так и не сказали, что вас сюда привело.

Пора было делать выбор — который он до сих пор все оттягивал, — какую именно долю правды рассказать. Откровенность была сопряжена с довольно большим риском, но и сулила награду. В данный момент, после начала беседы с Кэрол Блисси, чутье подсказывало ему пойти дальше, чем он зашел бы при обычных обстоятельствах. Гурни казалось, его открытость будет вознаграждена.

— Вопрос довольно деликатный. Не из тех, какие я стал бы обсуждать с кем попало. — Он набрал в грудь побольше воздуха. — У нас появились новые улики, заставляющие предположить, что смерть Мэри Спалтер могла быть вовсе не несчастным случаем.

— Не... несчастным случаем?

— Мне не следовало этого говорить, но я хотел бы, чтобы вы помогли мне, так что я вынужден быть с вами откровенным. Я считаю, дело Спалтеров — это *двойное* убийство. И не думаю, что Кэй имеет к этому хоть какое-то отношение.

Кэрол, похоже, потребовалось несколько секунд на то, чтобы осознать смысл этих слов.

— Вы собираетесь вытащить ее из тюрьмы?

— Надеюсь.

— Как здорово!

— Но мне нужна ваша помощь.

— Какого рода?

— Полагаю, у вас тут имеются камеры видеонаблюдения?

— Разумеется.

— Вы долго храните видеозаписи?

— Гораздо дольше, чем стоило бы. В прежние времена у нас были эти громоздкие кассеты, которые приходилось использовать по несколько раз. Но у современных цифровых носителей вместительность просто огромная, так что мы ничего не стираем и не вмешиваемся в процесс. Когда

обнаруживается нехватка памяти, устройство автоматически стирает старые файлы, но не думаю, что чаще, чем раз в год, — во всяком случае, это касается камер, реагирующих на движение. С файлами из постоянно работающих камер, в отделении медицинской помощи, там, или в спортивном зале, дело обстоит иначе. Они удаляются быстрее.

— Вы несете ответственность за то, чтобы это все работало исправно?

Она улыбнулась.

— Я тут несу ответственность за все.

Унизанные кольцами пальцы разгладили невидимую складочку на блузке.

— Готов ручаться, вы отлично справляетесь.

— Стараюсь. Так что именно в видеофайлах вас интересует?

— Посетители «Эммерлинг Оукс» в день смерти Мэри Спалтер.

— Конкретно *ее* посетители?

— Нет. Вообще все посетители, поставщики, курьеры, ремонтники, бытовое обслуживание — все, кто в тот день сюда приходил.

— А вам очень скоро это нужно?

— А вы хотите, чтобы Кэй поскорее вышла из тюрьмы?

Гурни знал, что, мягко говоря, преувеличивает значение видеозаписей, даже если на видео, как он и надеялся, окажутся улики, меняющие всю картину.

Кэрол усадила его за компьютер в комнате, занимавшей заднюю треть коттеджа, а сама отправилась в другое здание и переслала на этот компьютер несколько больших видеофайлов. Вернувшись, она дала гостю кое-какие инструкции, причем перегибалась ему через плечо так, что сосредоточиться было совсем нелегко.

Когда она уже собиралась вернуться к себе в офис, Гурни как можно небрежней спросил:

— Вам нравится работать на «Спалтер Риэлти»?

— Не стоило бы мне, наверное, об этом говорить.

Она одарила Гурни игривым взглядом, как бы намекая, что ее можно уговорить на многое, чего ей не следовало бы делать.

— Вы оказали бы мне большую услугу, если бы просто рассказали, что вы думаете о семействе Спалтеров.

— Я бы и рада помочь. Но... это ведь только между нами, да?

— Разумеется.

— Что ж... Кэй была потрясающей. Вспыльчивая, но все равно потрясающая. Но Карл — просто ужас. Холодный, как лед. Все, что его интересовало, — это чистая прибыль. И он был тут главным. Йона

держался в стороне, потому что не хотел иметь с ним дело.

— А теперь?

— Теперь, после смерти Карла, главный тут Йона. — Она смотрела на Гурни с опаской. — Его я еще толком не знаю.

— А я так не знаю вообще. Но, Кэрол, могу сказать, что я о нем слышал. Святой. Проходимец. Фантастический человек. Религиозный фанатик. Можете добавить еще что-нибудь?

В ответ на пытливый взгляд Гурни Кэрол улыбнулась.

— Не думаю. — Она снова облизнула уголки губ. — О таких людях лучше расспросить кого-нибудь другого. Меня особенно религиозной не назовешь.

Следующие три часа Гурни просматривал видеофайлы с трех камер наблюдения, которые, по его расчетам, могли заснять что-нибудь важное: камеры были установлены так, чтобы охватывать зону парковки, кабинет Кэрол Блисси и автоматические ворота на въезде для жильцов.

Самыми интересными оказались записи с парковки и из офиса. Был там маляр, привлечший внимание Гурни тем, что словно бы играл роль маляра из мультфильма, только что ведро с краской не опрокинул. Был разносчик пиццы с совершенно безумными глазами — словно пробовался на роль психопата в фильме для подростков. И был курьер из службы доставки цветов.

Гурни дюжину раз пересмотрел два коротких фрагмента, в которых появлялся этот курьер. На первом видно было, как на парковке останавливается темно-синий фургончик, ничем не примечательный, если не считать эмблемы на водительской дверце: «Цветы Флоренции». Во втором фрагменте, где имелось не только изображение, но и звук, водитель фургончика входил в офис Кэрол, сообщал, что привез букет — хризантемы — для миссис Марджори Стотлмейер, а потом просил указаний, как добраться до ее кондо, и их выслушивал.

Водитель был мал и тщедушен — в ракурсе сверху, да еще и под углом трудно было сказать, насколько мал, — а одет в узкие джинсы, кожаную куртку, шарф и шапку с ушами, на нем также были и массивные темные очки. Сколько ни просматривал Гурни эту запись, он так и не мог сказать наверняка, мужчина это или женщина. Однако после нескольких просмотров обратил внимание вот на что: хотя курьер назвал только одно имя, букетов он принес два.

Гурни сходил за Кэрол Блисси, привел ее из офиса и прокрутил перед ней этот отрывок.

Она приоткрыла рот от удивления.

— Ах, этот вот! — Подтащив к себе стул, она уселась почти вплотную к Гурни. — Ну-ка, проиграйте снова.

Пересмотрев отрывок, она кивнула.

— Вот этого-то я помню.

— Помните *его*? — уточнил Гурни. — Или *ее*?

— Забавно, что вы спрашиваете. Вот это мне и запомнилось — как я сама именно таким вопросом задавалась. Судя по голосу, движениям — вроде бы не совсем мужчина, а вроде бы и не женщина.

— Что вы имеете в виду?

— Скорее, как... как маленький... пикси. Вот, точно — пикси. Точнее я и описать не могу.

Гурни тотчас вспомнилось, как Боло говорил — «миниатюрный».

— И вы направили курьера в конкретную комнату, так?

— Да, к Марджори Стотлмейер.

— Вы не знаете, цветы до нее дошли?

— Да. Потому что она мне потом насчет них звонила. Что-то там с ними было не так, не помню, что именно.

— Она еще живет здесь?

— Да-да. Сюда приезжают уже насовсем. Жильцы у нас меняются, только когда кто-то умирает.

Гурни мимоходом подумал, многие ли из тех, кто скончался здесь, перебираются в «Ивовый покой», но сейчас у него имелись более неотложные вопросы.

— Вы ее хорошо знаете, эту Стотлмейер?

— А что вам надо о ней знать?

— У нее хорошая память? Она не откажется ответить на пару вопросов?

Вид у Кэрол Блисси сделался заинтригованный.

— Марджори девяносто три, она полностью в здравом уме и твердой памяти и обожает посплетничать.

— Великолепно, — сказал Гурни, поворачиваясь к ней. В тонком запахе ее духов различался легкий аромат роз. — Вы очень помогли бы мне, если бы позвонили ей и сказали, что детектив расспрашивал вас про курьера, доставившего ей цветы в декабре, и был бы благодарен, если бы она уделила ему минутку-другую.

— Конечно.

Она поднялась и, направляясь к выходу мимо Гурни, чуть задела рукой его спину.

Через три минуты Кэрол вернулась с телефоном в руках.

— Марджори говорит, она как раз собирается принять ванну, потом немного вздремнуть, а потом готовиться к ужину, но может поговорить с вами по телефону вот прямо сейчас.

Гурни одобрительно показал ей большой палец и взял телефон.

— Алло, миссис Стотлмейер?

— Называйте меня Марджори. — Голос у нее был высокий и резкий. — Кэрол говорит, вы интересуетесь этим забавным маленьким созданием, которое принесло мне таинственный букет. А почему?

— Возможно, это пустяки, а возможно, наоборот, очень важно для расследования. Вы вот сказали, «таинственный букет», а что...

— Убийство? Да?

— Марджори, надеюсь, вы понимаете, что пока я не должен разглашать сведения.

— Значит, и правда — убийство. Боже ты мой! Я с самого начала знала, что тут что-то не так.

— С самого начала?

— Да цветы эти. Я ведь ничего не заказывала. И открытки никакой не было. А все, кто меня знал достаточно близко, чтобы дарить цветы, уже либо умерли, либо выжили из ума.

— Букет был только один?

— Что вы имеете в виду — только один?

— Один букет цветов, не два?

— Два? Да откуда бы мне два получить? И один — это уж ни в какие ворота не лезет. Сколько, по-вашему, у меня мертвых поклонников?

— Спасибо, Марджори, ваши ответы мне очень помогли. Еще один вопрос. Это вот, по вашему выражению, «забавное маленькое создание», доставившее вам цветы, — это был мужчина или женщина?

— Стыдно сказать, даже не знаю. В том-то и беда, когда стареешь. В мире, где росла я, мужчины и женщины различались очень сильно. *Vive la différence!* Слышали такое выражение? Это по-французски.

— А это создание вас о чем-нибудь спрашивало?

— О чем, например?

— Не знаю. О чем угодно.

— Ни о чем. Вообще почти ничего не сказало. «Вам цветы». Как-то так. Писклявый такой голосочек. И нос смешной.

— Чем смешной?

— Острый такой. Как клюв.

— Можете припомнить еще что-нибудь необычное?

— Нет, больше ничего. Крючковатый нос, вот и все.

— А какого роста.

— С меня, не выше. Может даже, пониже на дюйм-другой.

— А вы...

— Ровно шестьдесят два дюйма. Пять футов два дюйма, глаза голубые. У меня, не у него. У него глаза за темными очками поди различи. А ведь ни лучика солнца в тот день не было. Серость беспросветная. Но темные очки теперь не от солнца носят, да? Теперь это модно. Вы не знали? Модно.

— Спасибо, что уделили мне время, Марджори. Вы мне очень помогли. Я с вами еще свяжусь.

Гурни разъединился и вернул телефон Кэрл.

Она моргнула.

— Я вспомнила, что там была за проблема.

— Какая проблема?

— Почему Марджори мне в тот день звонила. Спрашивала, не забыл ли курьер по рассеянности открытку у меня на столе. Ведь с цветами никакой открытки не было. Но почему вы у нее спрашивали про количество букетов, один он был или два?

— Если вы просмотрите видео внимательнее, — пояснил Гурни, — то заметите, что хризантемы там в двух отдельных обертках. Сюда привезли два букета, не один.

— Не понимаю. Что это значит?

— Это значит, что «созданыце», повидавшись с миссис Стотлмейер, завернуло к кому-то еще.

— Или еще до того. Она ведь сказала, что у курьера был только один букет.

— Готов спорить, второй букет был временно заткнут за дверь.

— Почему?

— Потому что я думаю, наше созданыце явилось сюда убить Мэри Спалтер. А второй букет принесло, чтобы иметь предлог постучаться к ней в дверь — и чтобы она непременно открыла.

— Все равно не понимаю. Отчего бы не принести один букет — и сказать мне, что это для Мэри Спалтер? Зачем вообще приплетать сюда Марджори Стотлмейер? Бессмыслица какая-то.

— Вовсе нет. Имейся у вас в учетных записях отметка, что кто-то посещал Мэри Спалтер незадолго до ее смерти, все дело рассматривали бы гораздо тщательнее. А убийце явно было очень важно, чтобы смерть Мэри сочли несчастным случаем. Так оно и вышло. Подозреваю, даже вскрытие не проводили.

Кэрол разинула рот.

— Так вы... вы говорите... убийца был здесь... у меня... а потом у Марджори... и...

Вид у нее внезапно сделался очень испуганный, незащищенный. И Гурни так же внезапно захлестнул страх — вдруг он делает как раз то, от чего зарекался: слишком спешит? Строит гипотезы на основании других гипотез — и принимает их за рациональные выводы. И еще один щекотливый вопрос. С какой стати он поделился с этой женщиной своей версией об убийстве? Пытался напугать ее? Понаблюдать за ее реакцией? Или просто хотел, чтобы кто-то со стороны подтвердил — да, он соединяет звенья цепи в правильном порядке. Подтвердил его правоту.

Но что, если он все-таки соединяет не те звенья, получает не ту картину событий? Что, если так называемые «звенья» — совершенно разрозненные, никак не связанные между собой факты? В такие минуты он всегда с тяжелым сердцем вспоминал, что все люди, живущие на одной и той же широте, видят в небе одни и те же звезды. Но созвездия в разных культурах разные. Он неоднократно наблюдал подтверждения этого феномена: узоры, которые мы получаем, зависят от того, во что мы хотим верить.

Глава 23

Щелчок

Покинув «Эммерлинг Оукс», Гурни, по-прежнему полный сомнений и в безрадостном состоянии духа, доехал до первого же попавшегося магазинчика и купил себе большой стакан крепкого кофе и пару овсяных батончиков вместо пропущенного обеда. Вернувшись в машину, он съел один батончик, оказавшийся совершенно безвкусным, твердым и липким. Второй он зашвырнул в бардачок машины на случай, если голод станет уж совсем невыносимым, и отпил несколько глотков еле теплого кофе.

Потом снова занялся делом.

Перед уходом из офиса Кэрол Блисси он сгрузил себе на телефон файлы с записями, на которых фигурировал курьер с цветами, и теперь послал эти фрагменты на мобильник Боло, сопроводив подписью: «Этот человек с цветами вам никого не напоминает?»

Тот же видеоматериал он отправил и Хардвику с текстом: «Тот, что с цветами, может оказаться интересующим нас лицом по делу Спалтеров — возможная связь между смертью Мэри и Карла. Продолжение следует».

Пересмотрев кадры с парковки, он утвердился в первоначальном впечатлении, что эмблема на дверце мини-вэна не была нарисована на самой машине, а крепилась на магните. Кроме того, она была только одна — и расположена со стороны водителя, а не на пассажирской дверце: странный выбор, учитывая, что людям чаще видно пассажирскую сторону. Однако выбор этот обретал смысл, если водитель хотел иметь возможность быстро удалить эмблему прямо на ходу.

Телефона на эмблеме не было. Гурни поискал «Цветы Флоренции» в интернете и нашел несколько цветочных магазинов с таким названием, но ни одного — ближе нескольких сотен миль к «Эммерлинг Оукс». Ни то, ни другое его ничуть не удивило.

Допив вконец остывший кофе, он направился к Уолнат-Кроссингу — одновременно и воодушевленный, и разочарованный тем, что виделось ему двумя главными странностями дела: фонарем, из-за которого предполагаемое место выстрела следовало сбросить со счетов, и сочетанием относительно простого объекта убийства со слишком уж сложным методом исполнения.

Карла убили так же, как Освальд застрелил Кеннеди. Не так, как жены стреляют в мужей. Не так, как проводят разборки в бандитских группировках. Гурни казалось, что той же цели можно было достичь дюжиной других способов — способов, предполагающих гораздо меньше планирования, координирования и точности, чем снайперский выстрел с пятисот ярдов через реку во время похоронной церемонии, да тем более еще из дома, битком набитого незаконно вселившейся туда шантрапой. Конечно, при условии, что стреляли все-таки именно из этого дома. Из какого-то окна, откуда можно было прицелиться прямо в висок Карлу Спалтеру. И, говоря о сложности метода, зачем понадобилось сперва убивать мать Карла? Учитывая все дальнейшее, самая очевидная причина состояла в том, чтобы выманить Карла на кладбище. Но что, если Мэри Спалтер убили по каким-то совсем иным причинам?

Вертя в голове эти запутанные факты, Гурни не заметил, как пролетел час дороги домой. Занятый поиском возможных объяснений и взаимосвязей, он почти не осознавал, где едет, пока уже наверху горного проселка, кончавшегося у его дома, сигнал сообщения на телефоне не заставил его вернуться к действительности. Ответ от Боло — ровно такой, на какой он и надеялся: *«Да-да. те же очки. чудной нос. парень из сортира»*.

Как ни сомнителен был этот свидетель — и Хардвик наверняка не преминет снова на это указать, — но подтверждение (хоть какое-то) того,

что оба раза на месте событий присутствовал странный маленький человечек, впервые дало Гурни ощущение, что он движется в верном направлении. Ощущение едва уловимое и сродни тому, какое испытываешь при щелчке двух первых сошедшихся кусочков головоломки из пятисот деталей, — но все же приятно.

Щелчок есть щелчок. А у первого — особый звук.

Глава 24

Все проблемы мира

Войдя в кухню, Гурни увидел пластиковый магазинный пакет с очертаниями каких-то угловатых предметов. Рядом лежала записка от Мадлен: «Завтра по прогнозам хорошая погода. Я купила кое-какие инструменты, так что можно будет начать строить домик для кур. Ладно? У меня сегодня расписание поменялось, так что я приходила домой на пару часов, а теперь надо возвращаться. Буду не раньше семи. Ешь, не жди меня. Продукты в холодильнике. Люблю. М.»

Он заглянул в пакет и обнаружил там металлическую рулетку для измерений, большой клубок желтой нейлоновой бечевки, два брезентовых фартука с карманами, два плотницких карандаша, желтый блокнот с линованной бумагой, две пары рабочих перчаток, два плотницких уровня и горстку металлических колышков для разметки углов.

Всякий раз, когда Мадлен предпринимала конкретные шаги по продвижению очередного проекта, требующего его участия, первой реакцией Гурни был тоскливый ужас. Но после их недавнего разговора о его беспрестанной тяге ко всему мрачному и кровавому — а может, после той близости, что пережили они после этого разговора, — он попытался взглянуть на затею с курятником чуть более позитивно.

Возможно, душ поможет ему настроиться на правильный лад.

Через полчаса он вернулся на кухню — освежившийся, голодный и почти примирившийся с желанием Мадлен поскорее взяться за курятник. Собственно говоря, он даже воспрянул духом настолько, что готов был сделать первый шаг. Прихватив покупки Мадлен со стола и молоток из кладовки, он вышел во дворик и принялся разглядывать место, намеченное Мадлен для курятника и вольеры вокруг, — кусочек земли между аспарагусом и старой яблоней, где Горация и его маленький гарем будет видно от стола для завтрака. Где Гораций сможет вволю кукарекать, заявляя о своих правах на территорию.

Гурни подошел к грядке с аспарагусом, обложенной деревянными балками четыре на четыре дюйма, и вытряхнул содержимое пакета на траву. Взяв желтый блокнот и карандаш, он набросал взаимное расположение грядки, дворика и яблони, а потом отмерил место для курятника и вольеры.

Вооружившись рулеткой, чтобы выверить расстояния, он услышал, что в доме звонит телефон, и, оставив блокнот и карандаш во дворике, отправился в кабинет. Звонил Хардвик.

— Привет, Джек. Спасибо, что перезвонил.

— Так кто этот чертов коротышка?

— Хороший вопрос. Все, что я могу пока сообщить, это что он — мне сказали, это именно он, а не она, — был в доме престарелых Мэри Спалтер в день, когда она умерла, а еще в той квартире в Лонг-Фоллсе за пять дней до покушения на Карла Спалтера и потом в день самого покушения.

— А Клемпер должен был это выяснить?

— Эставио Болокко утверждает, он рассказал Клемперу, что два раза видел коротышку. Клемпер должен был что-то заподозрить — хотя бы задаться вопросом о времени смерти матери.

— Но свидетелей разговора между Клемпером и Болокко нет?

— Разве что Фредди, который давал показания на суде. Но он, как я уже тебе говорил, пропал.

Хардвик громко вздохнул.

— Без доказательств что нам толку от этой предполагаемой беседы между Клемпером и Болокко?

— То, что Болокко опознал человека с видеозаписи из «Эммерлинг Оукс», связывает смерти матери и сына. Уж это бесполезным никак не назовешь.

— Но само по себе это не доказывает полицейской халатности, а значит, в целях нашей апелляции совершенно бесполезно — а она и есть *наша единственная цель*, о чем я не устаю тебе напоминать, хотя ты, похоже, и слышать не хочешь.

— А ты не хочешь слышать, что...

— Знаю — слышать не хочу о правосудии, о невиновных и виноватых. Ты это хотел сказать?

— Ладно, Джек, мне пора. Если найду еще что-нибудь столь же бесполезное, тоже тебе пришлю. — Молчание. — И кстати, ты бы навел справки об остальных свидетелях против Кэй. Интересно, многих ли из них еще можно найти.

Хардвик ничего не ответил.

Гурни повесил трубку.

Взглянув на часы, он обнаружил, что уже почти шесть, и вспомнил, что вообще-то проголодался. За весь день — только тот гнусный батончик и немного сахара в кофе. Гурни отправился на кухню и приготовил себе омлет с сыром.

Еда его успокоила. Сняла почти все напряжение, порожденное постоянными столкновениями между его подходом к делу и подходом Хардвика. Гурни с самого начала ясно дал понять: если Хардвику нужна помощь, то получит он ее только на условиях Гурни. И своего решения он не изменит. Но и Хардвик ворчать, похоже, не перестанет.

Пока он стоял у раковины, отмывая сковородку, на которой жарил омлет, веки у него начали тяжелеть, а идея чуть-чуть вздремнуть вдруг показалась очень привлекательной. Просто прилечь на двенадцать минут, восстановить силы в полудреме — как он спасался во времена двойных нарядов в полиции. Он вытер руки, пошел в спальню, положил телефон на тумбочку, сбросил ботинки, вытянулся поверх покрывала и закрыл глаза.

Разбудил его телефон.

Гурни мгновенно понял, что прошло куда больше намеченных двенадцати минут. Часы у постели показывали 19:32. Он спал больше часа.

Определитель номера сообщал, что звонит Кайл Гурни.

— Алло?

— Привет, пап! У тебя сонный голос. Я тебя не разбудил?

— Ничего-ничего. Ты где? Случилось что-нибудь?

— Я тут, у себя, смотрю ту передачу про всякие юридические штуки, как там ее? «Криминальный конфликт»? И этот адвокат, который сегодня дает интервью, постоянно упоминает тебя.

— Что? Какой еще адвокат?

— Какой-то тип по фамилии Бинчер. Рекс, Лекс, что-то вроде того?

— По телевизору?

— Твой любимый канал. «РАМ-ТВ». Передачи дублируются у них на веб-сайте.

Гурни поморщился. Даже если бы у него не было таких проблем с «РАМ-ТВ» во время расследования дела о Добром Пастыре, сама мысль, что о нем говорят на самом низкопробном и тенденциозном кабельном канале в истории телевидения, казалась омерзительной. И что, черт возьми, вообще Бинчер там делает?

— Вот прямо сейчас?

— Ага. Один мой друг случайно смотрел и услышал, как они упоминают фамилию Гурни. Он позвонил мне, вот я и включил. Просто

зайди на их сайт и нажми кнопку «Прямая трансляция».

Гурни слез с постели, поспешил в кабинет и, включив ноутбук, последовал инструкциям Кайла — по ходу дела гадая, что за игру ведет Бинчер, и снова переживая малоприятный опыт общения с главным редактором канала, полученный всего несколько месяцев назад.

С третьей попытки ему удалось включить передачу. На экране высветились двое мужчин, сидящих в угловатых креслах по разные стороны низкого столика с графином воды и двумя стаканами. Внизу экрана белые буквы на красной полосе сообщали: «Криминальный конфликт». Еще ниже, на синей полосе, бегущей строкой шла бесконечная серия панических новостей о всевозможных напастьх, бедствиях, катастрофах и раздорах в мире — угроза ядерной атаки террористов, опасность ядовитой тилапии, ссора среди знаменитостей с последовавшим столкновением «Ламборгини».

Тот из двоих, что сидел слева и держал в руке несколько листов бумаги, со свойственным любым телевизионным интервью бессмысленно-серьезным видом наклонялся к собеседнику. Гурни включил передачу посередине фразы:

— ... прямо-таки обвинительный акт для всей системы, Лекс, если позволите мне использовать этот юридический термин.

Его собеседник, и так уже подавшийся вперед, наклонился еще больше. Он улыбался, точнее сказать — недружественно скалился. Говорил он в нос, зато резко и громко.

— Брайан, за много лет работы адвокатом по криминальным делам я никогда еще не сталкивался со столь вопиющим примером полицейской недобросовестности. Полное искажение самого понятия «правосудие».

Брайан картинно ужаснулся.

— Перед рекламой вы как раз начали перечислять проблемы, с которыми столкнулись, Лекс. Нестыковки в описании места преступления, предвзятость, пропавшие записи допросов свидетелей...

— А теперь можете добавить к этому списку еще по крайней мере одного исчезнувшего свидетеля. Я только что получил сообщение от члена нашей команды. Плюс сексуальные отношения с возможной подозреваемой. Плюс сброс со счетов напрашивающихся альтернативных сценариев убийства — как тот, например, роковой конфликт с организованной преступностью, другими членами семьи, у которых имелись более веские мотивы для убийства, чем у Кэй Спалтер, или даже политическое убийство. Фактически, Брайан, я уже почти готов потребовать расследование с участием государственного обвинителя по

особо важным преступлениям. Возможно, мы имеем дело с масштабной попыткой прикрыть недобросовестное разбирательство. У меня не укладывается в голове, что версия организованной преступности даже не рассматривалась с самого начала.

Ведущий, чье лицо выражало апофеоз безмозглого смятения, замахал бумажками.

— Так вы утверждаете, Лекс, что эта прискорбная ситуация может оказаться куда серьезнее, чем нам кажется?

— И это еще слабо сказано, Брайан! Предвижу, что немало блестящих карьер в правоохранительных органах лопнет с жутким треском! Головы полетят на всех уровнях — и у меня сердце не дрогнет первым поднять топор!

— Похоже, вам удалось обнаружить множество ошеломляющих фактов за самый короткий срок. Чуть ранее вы упомянули, что рекрутировали себе в команду звезду нью-йоркской полиции Дэйва Гурни — того самого детектива, который недавно перечеркнул официальную версию дела о Добром Пастыре. Это Дэйв Гурни и стоит за всеми новыми сведениями?

— Скажем так, Брайан: я возглавляю очень сильную команду. Я заказываю репертуар, и у меня есть отличные оркестранты, чтобы его исполнить. У Гурни самый блестящий послужной список по раскрытию убийств за всю историю нью-йоркской полиции. И я приставил к нему идеального партнера, Джека Хардвика — детектива, которого вынудили уйти из полиции за то, что он помогал Гурни докопаться до истины в деле о Добром Пастыре. А все вместе мы получаем чистейший динамит — бомба за бомбой. Честно скажу — с их помощью я намерен взорвать дело Спалтеров к чертовой матери.

— Лекс, у вас вышла идеальная заключительная фраза. А наше время как раз подходит к концу. Спасибо огромное, что уделили нам внимание сегодня вечером. С вами был Брайан Борк из «Криминального конфликта», ваш обозреватель на самых взрывоопасных судебных битвах!

Внезапно раздавшийся за спиной голос заставил Гурни вздрогнуть.

— Что смотришь?

В дверях кабинета стояла насквозь промокшая Мадлен.

— Под дождь попала?

— Там льет. Ты не заметил?

— Увяз в этом вот — во всех смыслах.

Он показал на компьютер.

Мадлен вошла в комнату, чуть нахмурившись, посмотрела на экран.

— Что это он сейчас про тебя говорил?

— Ничего хорошего.

— А звучало хвалебно.

— Не всегда хорошо, когда тебя хвалят. Сильно зависит — кто именно.

— А кто это говорил?

— Пустобрех, которого Хардвик раздобыл для Кэй Спалтер.

— И в чем проблема?

— Мне не нравится слышать свое имя по телевизору, особенно из уст самовлюбленного болвана и таким тоном.

Мадлен явно встревожилась.

— Думаешь, он этим всем навлекает на тебя опасность?

А думал Гурни (хотя не стал говорить этого, чтобы не напугать жену), что когда убийца знает тебя в лицо раньше, чем ты его, — расстановка сил на игровом поле уже не в твою пользу.

Он пожал плечами.

— Не люблю публичность. Не выношу, когда версии по делу вываливают средствам массовой информации. Не люблю преувеличений. А больше всего не люблю самодовольных и громогласных адвокатишек.

Однако передача вызвала в нем еще одно чувство, о котором он не упомянул: радостное возбуждение. Хотя все его недовольные замечания были искренни, Гурни все же не мог не признать, пусть даже лишь для себя самого, что пустобрех вроде Бинчера очень даже способен встряхнуть все дело, спровоцировать различные заинтересованные стороны на новые, разоблачающие их шаги.

— Ты уверен, что тебя беспокоит только это?

— А разве мало?

Она посмотрела на него долгим, тревожным взглядом, яснее слов говорившим: «Ты ведь так и не ответил на мой вопрос».

Гурни решил подождать со звонком Хардвику до утра и тогда уж первым делом обсудить с ним сногшибательное выступление Бинчера.

И вот теперь, в половине девятого утра, решил подождать еще немного — хотя бы сперва кофе выпить. Мадлен уже сидела за столом. Он принес чашку и для себя и сел напротив. В ту же секунду зазвонил городской телефон. Гурни бросился назад в кабинет, чтобы ответить.

— Гурни слушает. — Это была его старая, полицейских времен привычка отвечать так по телефону, он думал, что уже избавился от нее.

Хриплый, низкий, чуть ли не сонный голос, раздавшийся на другом конце провода, оказался ему незнаком.

— Здравствуйте, мистер Гурни. Меня зовут Адонис Ангелидис. — Собеседник помолчал, словно ожидая, что его тут же узнают. Однако не услышав ответного отклика, продолжил: — Я так понимаю, вы работаете с человеком по фамилии Бинчер. Это правда?

Вот теперь ему удалось безраздельно завладеть вниманием Гурни — особенно учитывая, что того подстегивали воспоминания о разговоре с Кэй Спалтер: та упомянула человека, известного как Донни Ангел.

— А почему вы спрашиваете об этом?

— Почему я спрашиваю? Из-за его выступления в телепередаче. Бинчер очень часто упоминал ваше имя. Вы ведь в курсе, да?

— Да.

— Отлично. Вы следовательно, верно?

— Да.

— И знаменитый, верно?

— Насчет этого не скажу.

— Смешно. «Насчет этого не скажу». Мне это нравится. Скромный мальй.

— Мистер Ангелидис, чего вы хотите?

— Я-то сам ничего не хочу. Но полагаю, могу рассказать вам кое-что, что вам надо знать.

— Что же это?

— Такое нужно обсуждать лично. Я мог бы уберечь вас от кучи проблем.

— И какого рода проблем?

— Да от всех в мире. И еще это вопрос времени. Я сэкономлю вам массу времени. Время очень ценно. У нас его не так-то много. Понимаете, о чем я?

— Хорошо, мистер Ангелидис. Мне нужно знать, о чем речь.

— О чем? Да о вашем грандиозном проекте. Услышав вчера по телевизору Бинчера, я сказал себе — да это ж все сплошное дерьмо, они ни хрена не знают, что делают. Он там чепуху молол — вы только время зря потеряете, вконец запутаетесь. Вот и решил сделать вам одолжение, вывести на прямую дорожку.

— На прямую дорожку куда?

— К ответу на вопрос, кто убил Карла Спалтера. Вы ведь это хотите узнать, верно?

Жирдяй Гас

Гурни, как и собирался, позвонил Хардвику, удержавшись от нападков на манеру поведения Бинчера. В конце концов, он ведь собирался встречаться с Донни Ангелом в два часа в ресторане в Лонг-Фоллсе: встреча могла изменить все дело — а ей он был обязан именно выступлению Бинчера.

Выслушав пересказ разговора с Ангелом, Хардвик без особого энтузиазма поинтересовался, не нужно ли Гурни прикрытие или, например, прослушка — на случай, если в ресторане что-то пойдет не так.

Гурни отклонил оба предложения.

— Он будет предполагать возможность, что я пришел с прикрытием, а в таком деле предположения уже достаточно. Что же до прослушки, он и ее заподозрит и примет все предосторожности, какие сочтет нужным.

— Ты хоть примерно догадываешься, что за игру он затеял?

— Догадываюсь только, что он не в восторге от направления, которое мы, по его мнению, разрабатываем, и хочет нас с него сбить.

Хардвик откашлялся.

— По всей очевидности, струхнул от предположения Лекса, будто Карла прихлопнули, потому что он перешел дорожку кому-то из организованной преступности.

— Кстати, его подход «пали во все стороны» куда шире твоих заклинаний «фокусируйся-фокусируйся-фокусируйся».

— Да иди ты, Шерлок! Нарочно не желаешь понимать, к чему я веду! Суть в том, что он вытаскивает на свет сценарии, которые Клемпер должен был расследовать, но не стал. Все, что сказал Лекс, работает на тему бесчестного, некомпетентного, предвзятого расследования. И все. Суть апелляции именно в этом. Он говорил вовсе не о том, что тебе надо рыться во всем этом дерьме и что Клемпер этого не сделал.

— Ну ладно, Джек. Новая тема. Твоя подружка из бюро — Эсти Морено? Она может взглянуть на отчет о вскрытии Мэри Спалтер?

Хардвик стиснул зубы.

— А что там, по-твоему, должно говориться?

— Там будет сказано, что причина смерти соответствует случайному падению, но я готов ручаться, что описание повреждений костей и тканей соответствует удару тупым предметом — как если бы ее схватили за волосы и размозжили ей голову о край ванны.

— Но ведь это все равно не докажет, что на самом деле она вовсе не

падала. И что дальше?

— А дальше я просто пойду за ниточкой.

Закончив разговор с Хардвиком, Гурни посмотрел на циферблат и обнаружил, что у него есть еще пара свободных часов до отъезда в Лонг-Фоллс. Чувствуя, что надо бы предпринять какие-то шаги в строительстве курятника, он влез в резиновые сапоги и вышел через боковую дверь к месту, которое начал обмерять накануне.

К своему удивлению, он обнаружил, что Мадлен уже там, возится с рулеткой. Зацепив один конец за низкую балку, поддерживающую аспарагус, она медленно пятилась к яблоне. Но когда уже почти дошла до цели, зацепленный конец сорвался и рулетка заскользила по земле, сворачиваясь в футляр, который Мадлен держала в руке.

— Черт возьми! Третий раз!

Гурни подобрал конец и оттянул его обратно к грядке.

— Тут держать? — уточнил он.

Мадлен облегченно кивнула.

— Спасибо.

Следующие полтора часа он помогал с измерениями участка для курятника и вольеры, забивал колышки в углах, вымерял диагонали — и только раз за все это время усомнился в правильности одного из решений Мадлен. Размечая территорию загончика, она провела границу так, что большой куст форситии оказался внутри, а не снаружи. Гурни подумал — не стоит, чтобы куст занимал так много пространства в вольере. Но Мадлен сказала — курам понравится куст на их территории, потому что, хоть они и любят бывать на солнышке, им нужны тени и укрытие. Так им спокойнее.

Пока Мадлен объясняла, Гурни осознал, до чего все это важно для нее. Он даже немножко позавидовал этому ее поразительному умению целиком сосредотачиваться на любом деле, за которое берется, искренне переживать за него. Казалось, для нее по-настоящему важны столько разных вещей. У Гурни промелькнула слегка абсурдная мысль: что самое важное в жизни — это чтобы многое было для тебя важно. Почти сюрреалистичная мысль, которую Гурни отчасти списал на несуразную погоду. Было слишком холодно для августа, в воздухе витала осенняя дымка, а над влажной травой вставал свежий запах земли, так что все происходящее на краткий миг показалось скорее расплывчатым сном, чем колкой повседневной реальностью.

«Одиссей Эгейский», ресторан, в котором Гурни встречался с Адонисом Ангелидисом по прозвищу Донни Ангел, находился на Экстон-

авеню, без малого в трех кварталах от дома, вокруг которого вертелось расследование. Два часа дороги от Уолнат-Кроссинга прошли совершенно бессобытийно. Найти место для парковки, как и в прошлый приезд сюда, удалось без труда — всего в пятидесяти футах от двери ресторана. Гурни прибыл как раз вовремя: ровно в два часа дня.

Внутри оказалось тихо и почти безлюдно. Из двадцати с лишним столиков было занято только три, да и те — молчаливыми парочками. Интерьер был в традиционной греческой сине-белой гамме. На стенах — красочные керамические плитки. Вокруг витал смешанный аромат орегано, майорана, жареного барашка и крепкого кофе.

К Гурни подошел молоденький черноглазый официант.

— Чем могу служить?

— Моя фамилия Гурни. Я встречаюсь с мистером Ангелидисом.

— Разумеется. Прошу вас.

Он провел Гурни в глубь зала и, шагнув в сторону, указал на отдельный отсек на шестерых человек. Сейчас, правда, там сидел только один: крепко сбитый мужчина с большой головой и жесткими седыми волосами.

У него был приплюснутый, кривой нос боксера. Широкие плечи наводили на мысль, что когда-то (а может, и до сих пор) он отличался немалой физической силой. Выражение лица у него задавали глубоко врезавшиеся морщины угрюмого недоверия. В руках он держал толстую пачку долларов и пересчитывал их, выкладывая аккуратной стопкой на стол. На запястье блестели золотые часы «Ролекс». При появлении Гурни он поднял голову и улыбнулся, не утратив при этом ни капли угрюмости.

— Спасибо, что пришли. Я Адонис Ангелидис. — Голос у него оказался низкий и хриплый, словно голосовые связки огрубели от постоянного крика. — Простите, что не встаю, чтобы поздороваться, мистер Гурни. У меня спина... того, хандрит. Садитесь, пожалуйста.

Несмотря на хрипоту, произношение у него оказалось удивительно четким, точно он тщательно шлифовал каждый слог.

Гурни уселся напротив него. На столе уже стояло несколько тарелок с едой.

— Кухня сегодня закрыта, но я попросил их приготовить несколько блюд, чтоб вы могли выбрать. Все очень вкусное. Вы знакомы с греческой кухней?

— Мусака, сувлаки, пахлава. Вот и все мои познания.

— Ага. Хорошо же. Тогда позвольте объяснить.

Он положил стопку долларов на стол и принялся подробно описывать

каждое блюдо — *спанакопита, салата мелидзано, каламария тиганита, арни яхни, гаритес ме фета*. Рядом стояли еще мисочка соленых оливок, корзинка с ломтями хлеба с хрустящей корочкой и большое блюдо со свежим лиловым инжиром.

— Берите, что приглянется, или попробуйте всего понемножку. Все очень вкусно.

— Спасибо. Попробую инжир.

Гурни взял штучку и откусил.

Ангелидис наблюдал за ним с любопытством.

Гурни кивнул в знак одобрения.

— Вы правы. Очень вкусно.

— Ну еще бы. Не торопитесь. Расслабьтесь. Поговорим, когда вы будете готовы.

— Можем начинать уже прямо сейчас.

— Ладно. Должен задать вам один вопрос. Мне тут немного о вас рассказали. Вы специалист по убийствам. Верно? Я, само собой, имею в виду — по расследованию убийств, а не их совершению. — Губы его снова улыбнулись. Глаза под тяжелыми веками оставались все столь же настороженно-бдительными. — Для вас ведь это главное?

— Да.

— Отлично. И никакой там ерунды насчет борьбы с организованной преступностью?

— Моя специализация — убийства. Я стараюсь не отвлекаться ни на что другое.

— Хорошо. Очень хорошо. Может, у нас найдутся общие интересы. Почва для сотрудничества. Как вам кажется, мистер Гурни?

— Надеюсь.

— Итак. Вы хотите узнать про Карла?

— Да.

— А греческую трагедию вы знаете?

— Прошу прощения?

— Софокл. Вы знаете Софокла?

— Слегка. Только то, что помню со времен колледжа.

Ангелидис подался вперед, тяжеловесно опираясь локтями на стол.

— У греческой трагедии очень простая идея. Великая истина: сила человека становится его же слабостью. Блестяще. Вы согласны?

— Могу представить, что такое бывает.

— Отлично. Потому что именно это и погубило Карла. — Ангелидис помолчал, пристально глядя в глаза Гурни. — Вы вот сейчас гадаете, что,

черт возьми, я имею в виду, верно?

Гурни выжидающе молчал, откусив еще кусочек инжира и тоже глядя на Ангелидису.

— Все очень просто. И трагически. Главная сила Карла заключалась в скорости мысли и жажде действия. Понимаете, что я говорю? Стремительность, без тени страха. Великая сила. Такой человек достигает многого, далеко идет. Но эта сила была и его слабостью. Почему? Потому что эта великая сила не знает терпения. Эта сила жаждет немедленно уничтожить все препятствия. Понимаете?

— Карл чего-то хотел. Кто-то встал у него на пути. Что дальше?

— Он, разумеется, решил уничтожить препятствие. Он всегда поступал так.

— И как он поступил на этот раз?

— Я слышал, он хотел заключить с одним профессионалом контракт на уничтожение этого препятствия. Я ему говорю — обожди, двигайся маленькими шажками. Спрашиваю — могу я чем-то помочь? Как отец сына спрашиваю. А он мне — нет, задача выходит за рамки моей... моей сферы деятельности... и нечего мне вмешиваться.

— Вы имеете в виду, он хотел, чтобы кого-то убили, но не через вас?

— По слухам, он пошел к человеку, который организует такие вещи.

— А имя у этого человека имеется?

— Гас Гурикос.

— Профессионал?

— Посредник. Агент. Понимаете? Вы говорите Жирдюю Гасу, что вам надо, соглашаетесь о цене, даете ему информацию, какая потребуется, а дальше уже он сам. Для вас больше проблемы нет. Он сам все улаживает, нанимает подходящего умельца, вам больше и знать ничего не надо. Так оно удобнее. О Жирдюе Гасе столько забавных историй ходит. Я вам как-нибудь расскажу.

Гурни слышал столько забавных историй про мафию, что хватило бы на целую жизнь.

— То есть Карл Спалтер заплатил Жирдюю Гасу, чтобы тот нанял подходящего умельца, который убрал бы кого-то, вставшего у него на пути?

— Такие ходили слухи.

— Очень интересно, мистер Ангелидис. И чем эта история закончилась?

— Карл действовал слишком быстро. А Жирдьяй Гас слишком медленно.

— В каком это смысле?

— Исход мог быть только один. Тот тип, которого Карл так спешил грохнуть, наверняка прослышал про контракт прежде, чем Гас передал его исполнителю. И успел сделать ход раньше. Превентивный удар, верно? Избавиться от Карла, пока Карл не избавился от него.

— А что ваш друг Гас обо всем этом говорит?

— Гас ничего не говорит. Гас ничего уже не может сказать. Гаса самого пришили — в ту пятницу, в один день с Карлом.

Вот это была новость так новость!

— По вашим словам, объект узнал, что Карл нанял Гаса, но не успел Гас принять меры, как объект оборачивается — и сам приканчивает обоих?

— В точку! Превентивный удар.

Гурни медленно кивнул. Вполне вероятная версия. Он откусил еще инжира.

Ангелидис, разгорячившись, продолжал:

— Так что задача у вас теперь проста. Найдите человека, которого хотел убрать Карл, — вот и узнаете, кто убрал Карла.

— А у вас есть хоть какие-то догадки, кто бы это мог быть?

— Нет. И вам важно это знать. Так что теперь слушайте внимательно. То, что случилось с Карлом, не имеет ко мне ни малейшего отношения. Никакого отношения к сфере моей деятельности.

— Откуда вам это известно?

— Я хорошо знал Карла. Если бы я мог уладить проблему, он бы ко мне и пришел. Суть в том, что он пошел к Жирдяю Гасу. Значит, для него это было что-то личное, никакого касательства ко мне. Никакого касательства к моему бизнесу.

— Жирдяй Гас работал не на вас?

— Он ни на кого не работал. Жирдяй Гас работал независимо. Предоставлял услуги разным клиентам. Так оно удобнее.

— Так у вас нет ни малейшего представления, кто...

— Ни малейшего. — Ангелидис посмотрел на Гурни долгим и серьезным взглядом. — Если б я знал, то сказал бы вам.

— Почему вы сказали бы мне?

— Кто бы Карла ни убил, а мне он этим подгадил здорово. Не люблю, когда мне гадят. Сразу хочется подгадить в ответ. Понимаете?

Гурни улыбнулся.

— Око за око, зуб за зуб, да?

Ангелидис вдруг весь подобрался.

— Какого хрена вы вот это сказали?

И сам вопрос, и его резкость поразили Гурни.

— Это цитата из Библии, про правосудие путем причинения равного...
— Черт возьми, я знаю цитату. Но почему вы ее вспомнили?
— Вы же спросили, понимаю ли я ваше желание поквитаться с теми, кто убил Карла и Гаса.

Ангелидис поразмышлял над этим ответом.

— Вы не знаете, как именно Гаса прикончили, да?

— Нет. А что?

Он помолчал еще несколько секунд, пристально глядя на Гурни.

— Мерзкая история. Вы точно не слышали?

— Абсолютно. Я и про его существование-то не знал, а уж тем более про то, как он умер.

Ангелидис медленно кивнул.

— Ну ладно. Я вам расскажу — вдруг поможет делу. Вечером в пятницу Гас всегда устраивал у себя дома игру в покер. В ту пятницу, как его убили, народ приходит, а дверь никто не открывает. Они звонят, стучат. Никогда такого не бывало. Думают, ну может, он в сортире. Ждут. Звонят, стучат — Гас не открывает. Они толкают дверь. Дверь не заперта. Входят. Находят Гаса. — Он на секунду умолк с таким видом, точно проглотил что-то кислое. — Не люблю об этом говорить. Гадость, понимаете? Я считаю, дела надо вести разумно. Без всяких там психопатских мерзостей. — Он покачал головой и подвинул пару тарелок на столе. — Гас сидит в одном белье перед телевизором. На кофейном столике бутылка рецины, бокал налит до половины, хлеба немного, тарамосалата в миске, все чин чинном. Но...

Губы у него скривились еще сильнее.

— Но он мертв? — предположил Гурни.

— Мертв? Еще бы не мертв! И в оба глаза вбито по четырехдюймовому гвоздю. И в оба уха — прямо в мозг. А пятый — в горло. Пять, на хрен, гвоздей. — Он помолчал, вглядываясь в лицо Гурни. — Что скажете?

— Да вот удивляюсь, что в новости ничего не попало.

— Отдел борьбы с организованной преступностью, — не столько сказал, сколько выплюнул Ангелидис. — Загребли все под ковер, точно кучу дерьма. Ни некролога, ни объявления о похоронах, ничего. Все хранят в тайне. Ну вы поверите? А знаете, почему они все держат в тайне?

Гурни счел этот вопрос чисто риторическим и отвечать не стал.

Ангелидис шумно всосал воздух между зубами и продолжил:

— Они держат это в тайне потому, что так им удобней думать, будто они что-то знают. Будто знают какую-то тайную хрень, которую не знает

никто, кроме них. Как будто из-за этого у них есть *власть*. *Секретная информация*. А знаете, что у них есть на самом деле? Дерьмо вместо мозгов и зубочистки вместо причиндалов. — Он бросил взгляд на золотые «Ролекс» и улыбнулся. — Идет? Мне пора. Надеюсь, это вам поможет.

— Все это очень интересно. Только один последний вопрос.

— Конечно.

Он снова посмотрел на часы.

— Вы хорошо ладили с Карлом?

— Прекрасно. Он мне был как сын.

— Никаких разногласий?

— Ни малейших.

— И вас не раздражали все эти его речи о «мрази земли»?

— Раздражали? Вы о чем?

— В интервью прессе он называл людей, занятых в вашей сфере деятельности, мразью земли. Ну и в том же духе. Что вы об этом думали?

— Считал, ловко он завернул. Хорошо для предвыборной кампании. — Ангелидис показал на миску с оливками. — Очень вкусные. Мой кузен из Микен присылает специально для меня. Возьмите немножко домой, угостите жену.

Глава 26

Тут, твою мать, война, а не шахматный турнир

Добравшись до конца проселка, ведущего к дому, Гурни с изумлением обнаружил, что у сарая припаркован большой черный внедорожник. Опустив окно, чтобы проверить почтовый ящик, он убедился, что Мадлен уже забрала почту, а потом подъехал к блестящей «Эскаладе» и остановился перед ней.

Дверца отворилась. Появившийся из нее мускулистый верзила обладал сложением футбольного нападающего. По-военному коротко подстриженные волосы, русые, с проседью. Недружелюбные, налитые кровью глаза, застывшая неприятная усмешка.

— Мистер Гурни?

Гурни ответил ему дежурной улыбкой.

— Чем могу помочь?

— Меня зовут Майкл Клемпер. Это вам что-нибудь говорит?

— Следователь по делу Спалтеров?

— Именно.

Вытащив бумажник, он раскрыл его и показал удостоверение сотрудника бюро криминальных расследований. На фотографии, отображенной на ламинированной карточке, он был моложе и выглядел типичным безмозглым громилой из ирландской мафии.

— Что вы здесь делаете?

Клемпер сморгнул, усмешка у него чуть дрогнула.

— Надо поговорить — пока вся эта история, в которой вы замешаны, не вышла из-под контроля.

— История, в которой я замешан?

— Да вся эта хрень с Бинчером. Вы хоть про него знаете?

— Что именно?

— Какой он мерзавец?

Гурни немного поразмышлял над услышанным.

— Вас кто-то сюда послал — или это ваша собственная идея?

— Пытаюсь оказать вам услугу. Можно поговорить?

— Запросто. Говорите.

— Я имею в виду — по-дружески. Как будто мы в одной команде.

Во взгляде Клемпера читалась угроза. Но любопытство пересилило в Гурни осторожность. Он выключил мотор и вылез из машины.

— И что вы хотите мне сказать?

— Этот вот жиденок адвокат, на которого вы работаете, он ведь себе карьеру сделал на том, чтобы обливать грязью копов. Вы это знаете?

От Клемпера разило мятой, заглушающей кислый алкогольный душок.

— Я ни на кого не работаю.

— А вот Бинчер по телику другое сказал.

— За то, что он сказал, я не отвечаю.

— Так жиденок врет?

Гурни улыбнулся, хотя сам чуть изменил позу, чтобы при необходимости было удобнее защищаться.

— Может, вернемся в одну команду?

— Чего?

— Вы сказали, хотите дружески побеседовать.

— И скажу по-дружески, что Лекс Бинчер зарабатывает, докапываясь до всяких надуманных мелких нарушений, благодаря которым его скользкие клиенты могут гулять на свободе. Видели его домище в Куперстауне? Самый большой дом у озера — и каждый цент получен от наркоторговцев, которых он спас от тюрьмы, цепляясь к этим долбаным мелким деталям. Ну не дерьмо ли? Слыхали, да?

— Бинчер меня не интересуется. Меня интересуется дело Спалтеров.

— Отлично, давайте поговорим о нем. Кэй Спалтер убила мужа. Застрелила на хрен, прямо в голову. Ее судили, признали виновной и засадили за решетку. Кэй Спалтер — лживая шлюха, которая получила по заслугам. А теперь вот ваш жидовский приятель Бинчер пытается ее вытащить на основании...

Гурни перебил его.

— Клемпер? Сделайте одолжение. Меня не интересует, какие там у вас претензии к евреям. Хотите поговорить о деле Спалтеров — так говорите.

На лице полицейского вспыхнула такая ненависть, что Гурни на миг показалось, конфликт их вот-вот станет предельно — и брутально — прост. Незаметно для Клемпера он сжал правую руку в кулак и встал поустойчивее. Однако Клемпер снова неискренне улыбнулся и покачал головой.

— Ну ладно. Вот что я вам скажу. Ей на этих долбаных судебных неувязках никак не выехать. И вы-то, с вашим опытом, должны бы это понимать. Какого хрена вы пытаетесь вытащить эту потаскушку?

Гурни пожал плечами.

— А вы обратили внимание на проблему с перекладиной фонаря? — буднично спросил он.

— Вы о чем?

— О фонаре, из-за которого прямой выстрел из той квартиры был невозможен.

Если Клемпер и хотел изобразить неведение, то произвольная заминка выдала его.

— Ничего не невозможным. Стреляли-то оттуда.

— Как?

— Да легко! Если жертва стояла не совсем там, где показывали свидетели, и если стреляли не совсем из той точки, в которой было найдено оружие.

— Хотите сказать — если Карл находился по меньшей мере в десяти футах от места, на котором его на глазах у всех застрелили, и если стрелок стоял на стремянке.

— Что вполне возможно.

— И куда тогда делась лестница?

— Может, чертова потаскушка залезла на стул?

— Для выстрела с расстояния пятьсот футов? И с болтающейся на оружии пятифунтовой треногой?

— Ну кто же теперь знает? Суть в том, что Кэй Спалтер видели в этом здании — в той самой квартире. У нас есть свидетель. У нас есть следы

обуви ее размера — в той же квартире. И следы пороха. — Он помолчал и поглядел на Гурни подозрительно. — А кто это вам сказал про пятифунтовую треногу?

— Неважно. А важно то, что в вашем сценарии стрельбы имеются противоречия. Вы потому и избавились от видео из магазина электротоваров?

И снова Клемпер заколебался на секунду дольше, чем следовало.

— Какое еще видео?

Гурни проигнорировал вопрос.

— Когда находишь улики, которые не укладываются в твою концепцию, это значит, что концепция ошибочна. А вот когда избавляешься от этих улик — то создаешь себе крупные проблемы. Вроде тех, что у вас сейчас. Что там было на видео?

Клемпер ничего не ответил, лишь стиснул челюсти.

— Позвольте высказать смелую гипотезу, — продолжал Гурни. — На видеозаписи видно было, как Карл падает от выстрела на таком месте, куда из квартиры попасть было никак нельзя. Я прав?

Клемпер промолчал.

— И еще одна загвоздка. Стрелок осматривал эту квартиру за три дня до смерти Мэри Спалтер.

Клемпер сморгнул, но ничего не сказал.

— Тот, в ком ваш свидетель на суде опознал Кэй Спалтер, по утверждению второго свидетеля, на самом деле был мужчиной. И тот же самый мужчина заснят на камеру видеонаблюдения близ дома престарелых Мэри Спалтер за пару часов до ее смерти.

— Эта вся чушь откуда еще взялась?

Гурни снова проигнорировал вопрос.

— Похоже, стрелок был профессиональным убийцей с двойным контрактом. На мать и на сына. Есть какие-нибудь идеи на этот счет, Майкл?

Щека у Клемпера начала подергиваться. Он отвернулся и медленно зашагал через полянку перед сараем, но около почтового ящика на другой стороне дороги остановился и некоторое время глядел на пруд. А потом развернулся и зашагал обратно.

Перед Гурни он остановился.

— Скажу вам, что я думаю. А думаю я, что все это ни хрена не значит. Один свидетель утверждает — женщина, другой — мужчина. Да такое сплошь и рядом бывает. Свидетели ошибаются, противоречат друг другу. И что теперь? Большая печаль! Фредди опознал сучку на официальной

процедуре. Другой бродяжка не опознал. И что? Да на той помойке, небось, еще умника можно найти, который считает, это все инопланетяне. Дальше-то что? А другому кажется, что того же человека еще где-то видели. Вполне вероятно, это ошибка. Но допустим, нет. А вы уже докопались до факта, что Кэй, эта стерва, ненавидела свекровь еще сильнее, чем мужа? Что, не знали? Так может, нам надо было засадить ее за два убийства, а не за одно.

В уголках губ у него скапливалась клейкая слюна.

— У меня есть видеозапись с камеры наблюдения в «Эммерлинг Оукс», на которой присутствует человек, скорее всего, убивший Мэри Спалтер. И этот человек совершенно точно не Кэй Спалтер. Еще один свидетель утверждает, что то же самое лицо находилось в здании на Экстон-авеню во время выстрела в Карла.

— Ну и что? Даже если это и был профессионал с двойным контрактом, это еще не снимает чертову суку с крючка. Всего-навсего означает, что она не стреляла, а заплатила за выстрел. Чтобы не ее потный пальчик нажимал на спусковой крючок. Вот и наняла исполнителя — как пыталась нанять Джимми Флэтса. — Клемпер так и просиял. — А знаешь что, Гурни? Мне твоя новая теория по душе! Увязывается с тем, как сучка пыталась нанять Флэтса, чтоб застрелил ее мужа, а потом еще и хахаля уговаривала. Еще крепче затягивает узел на ее поганой шее. — Он с триумфальной ухмылкой уставился на Гурни. — И что ты теперь запоешь?

— Чей палец нажал на крючок — это важно. И важно, правильно ли прошло свидетельское опознание. Важно, честен был суд или предвзят. Важно, подтверждает или опровергает сценарий преступления то видео, которое вы изъяли из дела.

— Вот такая хрень тебе и важна? — Клемпер шмыгнул носом и сплюнул склизкий комок на землю. — А я от тебя ждал большего.

— Чего большего?

— Я сюда приехал, узнав, что ты двадцать пять лет занимался убийствами в нью-йоркской полиции. Двадцать пять лет в Сточном городе. Мне казалось, всякий, кто двадцать пять лет разгребал дерьмо, которое там из каждой дырки лезет, знает, какова реальность.

— И что это за реальность?

— Реальность такова: если дело серьезно, то важно поступить правильно, а не по закону. У нас тут, твою мать, война, а не шахматный турнир. Приличные люди против всякого отребья. А когда враг идет в наступление, ты, чтоб тебя, отбиваешься, как можешь. Пулю, знаешь ли, не остановишь, размахивая сводом дурацких правил.

— А вдруг вы ошиблись?

— В чем это я вдруг ошибся?

— Вдруг жена Карла Спалтера не имеет никакого отношения к его смерти? Вдруг это его брат организовал покушение, чтобы получить полный контроль над «Спалтер Риэлти»? Или мафия застрелила его, потому что решила, он им в губернаторах не нужен. Или убийство организовала дочь ради наследства. Или любовник жены, чтобы...

Клемпер перебил его, весь побагровев:

— Бред собачий! Кэй Спалтер — убийца! Гнусная, лживая, порочная шлюха. И если есть в этом поганом мире справедливость, в тюрьме ей вышибут мозги и она там сдохнет! Вот и все!

С губ у него срывались брызги слюны.

Гурни задумчиво кивнул.

— Возможно, вы правы. — Это был излюбленный его ответ в самых разных случаях, самым разным собеседникам — дружелюбным и озлобленным, вменяемым и обезумевшим. Он так же спокойно продолжал: — Скажите мне вот что. Вы проверяли метод действия стрелка по базе данных программы предотвращения насильственных преступлений?

Клемпер уставился на него, часто моргая, словно это помогало ему осмыслить вопрос.

— Это тебе на кой черт сдалось?

Гурни пожал плечами.

— Просто любопытно. В его подходе наблюдаются некоторые характерные черты. Интересно было бы посмотреть, не всплывут ли они где-то еще.

— Совсем сдурел! — Клемпер попятился.

— Возможно, вы правы. Но если решите проверить, проанализируйте заодно и еще одну ситуацию. Слышали о местном греческом гангстере по имени Жирдяй Гас Гурикос?

— Гурикос? — вот теперь Клемпер и в самом деле опешил. — А он-то тут при чем?

— Карл просил Гаса уладить одно дело. А потом Гаса убили в тот же самый день, что Карла, — через два дня после смерти матери Карла. Так что, возможно, речь у нас идет о тройном преступлении.

Клемпер нахмурился и промолчал.

— На вашем месте я бы навел справки. Мне сказали, отдел по борьбе с организованной преступностью забрал все материалы по делу Гурикоса себе, но если тут есть связь с делом Спалтеров, вы имеете право знать детали.

Клемпер покачал головой. Судя по его виду, он предпочел бы сейчас оказаться где угодно, только не здесь. Резко повернувшись, он собрался уже сесть в свой здоровенный внедорожник, как заметил, что машина Гурни перегораживает дорогу.

— Уберешь ты свою тачку или нет? — рычание прозвучало не вопросом, а приказом.

Гурни отъехал в сторону, и Клемпер, не оборачиваясь, укатил прочь, чуть не снеся на повороте почтовый ящик.

Только тогда Гурни заметил, что возле угла сарая стоит Мадлен. На траве позади нее тихо застыли петушок и три курицы — в удивительной неподвижности, склонив головки набок, точно видели, как на них надвигается нечто страшное, но пока не могли понять, что именно.

Глава 27

Человек в отчаянии

После ужина, прошедшего в атмосфере мрачной и гнетущей и почти в полном молчании, Мадлен взялась мыть посуду — она всегда настаивала, что это ее обязанность.

Гурни пошел следом и тихонько уселся на табуретку. Он знал: если подождать достаточно долго, Мадлен непременно выскажется.

Поставив вымытые тарелки в сушилку, она вооружилась полотенцем и принялась их вытирать.

— Я так понимаю, это был следователь по делу об убийстве Спалтера?

— Да. Мак Клемпер.

— *Очень сердитый тип.*

Всякий раз, когда Мадлен постулировала очевидное, он знал, что подразумевается нечто иное. Сейчас, впрочем, Гурни не совсем понимал, что именно, но догадывался, что должен дать хоть какие-то разъяснения по поводу беседы, часть которой она явно услышала.

— Скорее всего, день у него выдался нелегкий.

— Вот как? — небрежный тон Мадлен не соответствовал эмоциям, стоящим за этим коротким вопросом.

Гурни уточнил:

— Как только обвинения Бинчера разошлись по интернету, у Клемпера наверняка телефон не умолкал — столько нашлось охотников до разъяснений. Начальство из управления, отдел права из полиции штата, отдел внутренних дел, кабинет главного прокурора. Не говоря уж о

стервятниках из прессы.

Мадлен хмурилась, держа тарелку в руке.

— Что-то не понимаю.

— На самом деле все просто. Допросив Кэй Спалтер, Клемпер вбил себе в голову, что она совершенно точно виновна. Вопрос только в том, до какой степени это решение было принято сгоряча.

— Сгоряча?

— Ну, в смысле, до какой степени оно проистекает из того, что Кэй напомнила ему бывшую жену. И сколько законов он нарушил, добиваясь, чтобы ее осудили.

Мадлен по-прежнему держала тарелку.

— Я не о том. Я имела в виду накал ярости, который наблюдала, стоя у сарая, — он ведь чуть не потерял самообладание...

— Это все от страха. Страх, что гнусную Кэй освободят, страха, что его решение этого дела разгромят в пух и прах, от страха потерять работу, попасть в тюрьму. От страха потерять себя, распасться. Превратиться в ничто.

— Так ты говоришь, он в отчаянии.

— В полном отчаянии.

— Отчаяние. Распад личности.

— Да.

— А у тебя был пистолет?

Вопрос на миг ошеломил его.

— Нет. Разумеется, нет.

— Ты оказался лицом к лицу с разозленным психом — отчаявшимся, на грани распада личности. Но у тебя, разумеется, пистолета при себе не было? — В ее глазах застыла боль. Боль и страх. — Теперь ты понимаешь, почему я хочу, чтобы ты повидался с Малькольмом Кларетом?

Он уже собирался сказать, что не знал, что Клемпер будет его поджидать, что вообще не любит носить при себе оружие и берет его только в случае заведомо известной угрозы, — но осознал вдруг, что она говорит о чем-то более глубинном и общем, чем этот отдельный эпизод. А развивать столь глобальную тему сейчас ему уж совсем не хотелось.

Мадлен еще с минуту рассеянно вытирала все ту же тарелку, а потом ушла наверх. Вскоре оттуда донеслись первые ноты изматывающе дерганой пьесы для виолончели.

Гурни избежал обсуждения темы, косвенно поднятой вопросом Мадлен о Малькольме Кларете, — но теперь невольно представил себе доктора: вдумчивый, пристальный взгляд, редкие волосы над высоким

бледным лбом, жесты столь же скупые, как и речь, блеклые брюки и просторный кардиган, неспешность, ненавязчивость.

Осознав, что представляет себе Кларета так, как тот выглядел много лет назад, Гурни мысленно изменил картинку, словно бы искусственно состарил на компьютере: добавил морщин, убавил волос, учел действие, что оказывают на лица время и закон гравитации. Но, недовольный результатом, тут же выбросил Кларета из головы.

Вместо него он задумался о Клемпере — одержимом ненавистью к Кэй Спалтер, твердо уверенном в ее вине, охваченном яростью и готовом нарушить любые нормы следствия, лишь бы как можно быстрее прийти к нужным выводам.

Этот подход сам по себе уже озадачивал и обескураживал — причем вовсе не отклонением от нормального хода следствия, а, совсем напротив, близостью к нему. Нарушения, допущенные Клемпером, в принципе не противоречили судебной практике, и дело было лишь в степени выраженности этих нарушений. Идея, что хороший детектив всегда руководствуется чистой логикой и открыт любым объективным выводам касательно природы преступления и личности преступника, была, в самом лучшем случае, приятной фантазией. В реальности, в мире преступления и наказания (как и в любых человеческих делах) объективность — лишь иллюзия. Само выживание требует умения делать поспешные выводы. И решительные действия всегда основываются на неполной информации. Охотник, требующий от ветеринара свидетельство, что встреченный им олень — и вправду олень, умрет от голода. Обитатель джунглей, который тщательно пересчитывает полоски на тигре прежде, чем обратиться в бегство, будет съеден. Гены, требующие семь раз отмерить и один раз отрезать, просто не передадутся следующему поколению.

В реальном мире нам приходится соединять между собой те немногие точки, что у нас имеются, и угадывать в них узор, имеющий хоть какой-то практический смысл. Система несовершенна. Как и сама жизнь. Опасность таится не столько в малочисленности точек, сколько в неосознанности действий, когда мы отдаем предпочтение одним точкам перед другими, желая получить уже сложившийся у нас в уме узор. Наше восприятие событий больше страдает от силы наших эмоций, чем от недостатка данных.

И в этом отношении ситуация была проще некуда. Клемпер хотел, чтобы Кэй оказалась виновна, — и потому легко поверил, что так оно и есть. Не вписывающиеся в этот узор точки были проигнорированы или сброшены со счетов. Точно так же, как и законы, которые препятствовали

«справедливому» исходу дела.

Но на все это можно было взглянуть и в другой перспективе.

Поскольку процесс принятия выводов на основании неполных данных вполне естествен и необходим, предостережение об опасности этого ложного пути обычно сводится к тому, что не следует приходить к неправильным выводам. А ведь любой вывод может оказаться преждевременным. Окончательное суждение о справедливости выводов следует заменить на вопрос правомочности результатов.

И вслед за этой мыслью вставал пугающий вопрос.

А вдруг выводы Клемпера правильны?

Вдруг одержимый ненавистью Клемпер распознал правду? Вдруг все его неряшливые методы и возможные нарушения привели по грязной дорожке именно туда, куда следовало? Вдруг Кэй Спалтер и в самом деле виновна в убийстве мужа? Гурни вовсе не хотел способствовать оправданию хладнокровной убийцы, каким бы предвзятым ни оказался судебный процесс над ней.

Была и еще одна возможность. А вдруг стремление Клемпера засадить Кэй за решетку не обусловлено его ограниченными взглядами или неверными выводами? Вдруг это было циничное и совершенно сознательное искажение процесса, купленное и оплаченное какими-то неизвестными лицами, желавшими, чтобы дело как можно скорее было закрыто?

А вдруг, а вдруг, а вдруг...

Гурни чувствовал, что этот неизменный рефрен начинает действовать ему на нервы. Необходимы новые факты!

Дисгармоничные арпеджио виолончели звучали все громче.

Глава 28

Словно удар хлыста

Выслушав телефонный отчет Гурни о встрече с Адонисом Ангелидисом (в том числе и о гротескных подробностях убийства Гаса Гурикоса), Джек Хардвик странно примолк. А потом, вместо того чтобы снова пилить Гурни за то, что тот в очередной раз отвлекся от узкоспецифичных вопросов, способствующих продвижению апелляции, внезапно пригласил Гурни к себе — для более вдумчивого обсуждения дела.

— Прямо сейчас? — Гурни бросил взгляд на часы. Была почти

половина восьмого, солнце уже скользнуло за западный гребень холмов.

— Желательно. Вся эта история, мать ее, уж совсем ни в какие ворота не лезет.

Как ни удивило Гурни приглашение, возражать он не стал. Необходимость обсудить дело подробно, выложив все карты на стол, и в самом деле назрела.

Следующий сюрприз поджидал его, когда через тридцать пять минут он добрался до фермерского домика, который снимал Хардвик, — на отшибе, в конце грязного проселка, среди темнеющих холмов за крохотной деревушкой под названием Диллвид. В свете фар Гурни различил рядом с красным «Понтиаком» вторую машину — ярко-синий «Мини-Купер». Похоже, у Хардвика были гости.

Гурни знал, что в прошлом у Хардвика было несколько романов, но вряд ли кто из прежних его любовниц мог сравниться эффектностью с женщиной, которая открыла Гурни дверь.

Если бы не умные, строгие глаза, которые с первого же мгновения оценивающе уставились на него, он бы, пожалуй, загляделся на все остальное — роскошную фигуру на грани чувственности и атлетизма, красоту которой подчеркивали смело обрезанные джинсы и свободная футболка с глубоким круглым вырезом. Босые ступни, ярко-красный лак на ногтях, карамельный загар, иссиня-черные короткие волосы, подстриженные так, чтобы акцентировать пухлые губы и острые скулы. Нет, никак не модельная красавица, но яркая индивидуальность — как, в общем, и сам Хардвик.

Который через миг объявился рядом с ней, собственнически ухмыляясь.

— Спасибо, что заскочил. Заходи.

Гурни шагнул через порог в гостиную. Комната, по предыдущим визитам запомнившаяся ему спартанской обстановкой, теперь слегка приукрасилась: яркий ковер, на стене — картина с маками на ветру, ваза с вербой, пышное растение в большом глиняном горшке, два новых кресла, отличный буфет из сосны, круглый столик для завтрака и три стула со спинками из перекладин в углу рядом с кухней. Да, эта женщина явно вдохновила хозяина на перемены.

Гурни одобрительно осмотрел комнату.

— Очень славно, Джек. Куда как лучше стало.

Хардвик кивнул.

— Согласен.

Он положил руку на полуголое плечо женщины.

— Дэйв, знакомься: следователь бюро криминальных расследований Эсти Морено.

Такого Гурни никак не ожидал. Похоже, на лице его отразилась некоторая растерянность — Хардвик отрывисто рассмеялся.

Впрочем, Гурни быстро пришел в себя и протянул руку.

— Рад познакомиться, Эсти.

— Очень приятно, Дэйв.

Пожатие у нее оказалось крепким, ладонь на удивление мозолистой. Гурни вспомнил, что Хардвик упоминал ее как один из источников информации о первоначальном расследовании убийства и о недочетах Мака Клемпера. Интересно, насколько она сама вовлечена в проект Хардвика с Бинчером и как его оценивает.

Словно подтверждая обоснованность этих его размышлений, Эсти сразу перешла к делу.

— Мне давно хотелось увидеться с вами лично. Давно пытаюсь убедить его взглянуть на дело с более широкой перспективы, принять в расчет не только юридические аспекты апелляции Кэй Спалтер и обратить хоть какое-то внимание на само убийство. А теперь вот уже и убийства, да? По меньшей мере три, а может, и больше?

В низком, глубоком голосе чуть слышался испанский акцент.

Гурни улыбнулся.

— Вы с ним обсуждаете мое расследование?

— От меня не отвяжешься. — Она глянула на Хардвика и снова повернулась к Гурни. — И, по-моему, от вашего сегодняшнего рассказа про гвозди в глазах его наконец проняло. А?

Хардвик сжал губы с гримасой отвращения.

— Да-да, гвозди в глазах, — повторила она, заговорщически подмигивая Гурни. — У всех свои слабые места — хоть что-то да пробивает. Так что теперь пускай уж Лекс-сутяга занимается апелляцией, а мы займемся преступлением — настоящим, а не всей этой клемперовой хренью. — Имя Клемпера она процедила с нескрываемым отвращением. — Надо раскопать, что там на самом деле произошло. Свести все воедино. Ведь так, по-вашему, верно?

— Похоже, вы отлично знаете, что я думаю.

Интересно, а знала ли она, что он думает по поводу этой откровенной футболки?

— Джек мне про вас много рассказывал. А я хорошо умею слушать.

Хардвик, похоже, занервничал.

— А давайте сварим кофе, сядем и приступим к делу?

Спустя час, сидя за столиком в углу, налив себе еще кофе и исчеркав пометками желтые блокноты, они все так же кружили вокруг ключевых моментов произошедшего.

— Так мы согласны, что все три убийства связаны между собой? — спросила Эсти, постукивая по блокноту кончиком ручки.

— При условии, что результаты вскрытия матери дают основания предполагать убийство, — ответил Хардвик.

Эсти покосилась на Гурни.

— Как раз перед тем, как вы приехали, я созвонилась с одной знакомой из отдела медицинской экспертизы. Она со мной завтра свяжется. Но тот факт, что стрелок присматривался к кладбищу в Лонг-Фоллсе еще до «несчастливого случая», наводит на известные предположения. Так что давайте пока согласимся, что речь идет о трех связанных между собой убийствах.

Хардвик глядел в чашку с кофе так, точно там было незнамо что.

— С этим у меня как раз проблема. По словам того приятеля Гурни из греческой мафии, Карл обратился к Жирдяю Гасу, чтобы кого-то заказать, — но никто не знает, кого именно. Объект каким-то образом узнает об этом и, чтобы помешать Карлу, наносит удар первым. Сначала убивает Карла, а потом для ровного счета и Гаса. Я прав?

Гурни кивнул.

— Если не считать эпитета «приятель».

Хардвик пропустил возражение мимо ушей.

— Отлично, тогда для меня это все выглядит так: между Карлом и его объектом начинается нечто вроде гонок на выживание, кто кого грохнет. Ну, то есть, кто первым нанес удар, тот и победил, да?

Гурни снова кивнул.

— Тогда почему этот тип пошел обходным путем и выбрал столь мудреный способ замочить Карла? Ведь если знаешь, что тебя заказали, — поневоле начнешь спешить. Разве в таких обстоятельствах не логичнее было бы просто-напросто нацепить маску, войти в офис «Спалтер Риэлти» и грохнуть сукиного сына? Уладить вопрос за полдня, а не ковыряться неделю. А вся эта затея с предварительным убийством матери? Только чтобы выманить Карла на кладбище? Уж больно замороченно, по мне.

Гурни все это тоже казалось странным.

— Разве что, — предположила Эсти, — убийство матери было нужно не только для того, чтобы привести Карла в заранее известное место к заранее определенному времени. Может, мать хотели убить по каким-то

другим причинам. Собственно говоря, а вдруг она была главной целью, а Карл уже вторичной? Такой расклад вам в голову не приходил?

Все немного помолчали, обдумывая эту возможность.

— Мне еще вот что непонятно, — сказал Хардвик. — Я допускаю, что существует связь между убийствами Мэри и Карла. Должна быть. И допускаю, что есть какая-то иная связь между убийствами Карла и Гаса — может, такая, какую описал Донни Ангел, может, какая еще. Так что меня вполне устраивает связь между первым и вторым и между вторым и третьим. Но вот первое-второе-третье как-то не выстраиваются в последовательность.

Гурни это тоже беспокоило.

— Кстати, а мы точно знаем, что Карл был вторым, а Гас третьим?

Эсти нахмурилась:

— Вы о чем?

— После рассказа Ангелидиса у меня сложилось впечатление, что последовательность именно такова, но ведь это же не обязательно так. Все, что я знаю наверняка, — это что Карла и Гаса убили в один и тот же день. Хотелось бы уточнить время.

— Как?

— В деле Карла указано точное время выстрела. Однако насчет Гаса у меня сведений нет. В голову приходят два возможных источника информации — либо отдел медицинской экспертизы, где проводили вскрытие Гурикоса, либо кто-нибудь из отдела по борьбе с организованной преступностью, у кого есть доступ к этому делу.

— Это предоставьте мне, — сказала Эсти. — Кажется, я кое-кого знаю.

— Отлично, — одобрительно кивнул Гурни. — Помимо примерного времени смерти попробуйте раздобыть еще и первые из снимков, делавшихся при вскрытии.

— До того, как его разрезали?

— Да. Тело на столе плюс, если есть, крупный план головы и шеи.

— Хотите посмотреть, как именно его проткнули? — Слегка ироничная улыбка обнаружила в Эсти больше тяги к подобным вещам, чем обычно могут похвастать женщины. Или, уж коли на то пошло, мужчины.

Обычно непробиваемый Хардвик поморщился. А потом повернулся к Гурни.

— Думаешь, эта пакость была вроде послания?

— С ритуальными действиями обычно так и бывает — разве что это намеренная попытка пустить следствие по ложному пути.

— А как по-вашему? — спросила Эсти.

Гурни пожал плечами.

— Не знаю. Но само послание кажется вполне недвусмысленным.

Хардвик выглядел так, точно задел больной зуб.

— Имеешь в виду... «До того тебя ненавижу, что готов тебе колья в мозг загнать»? Как-нибудь так?

— Не забывай про шею, — напомнила Эсти.

— Гортань, — поправил Гурни.

Оба уставились на него.

Эсти нарушила молчание первой.

— Что вы имеете в виду?

— Готов ручаться, пятый гвоздь метил Гасу в гортань.

— Почему это?

— Это же источник голоса.

— И что?

— Глаза, уши, гортань. Зрение, слух, голос. Всему конец.

— И что это, по-твоему, означает? — спросил Хардвик.

— Может, я и ошибаюсь, но первое, что приходит в голову, это: «Не видеть зла, не слышать зла, не говорить о зле».

Эсти кивнула.

— Звучит логично. Но кому адресовано это послание? Жертве? Или кому-то еще?

— Зависит от того, насколько безумен убийца.

— То есть?

— Психопат, убивающий, чтобы получить эмоциональную разрядку, обычно оставляет символическое послание, отражающее природу его патологии, — нередко уродуя какую-то часть тела жертвы. Тут послание явно необходимо для разрядки. Это, в первую очередь, общение между преступником и жертвой. Возможно, отчасти еще между убийцей и кем-то из его детства, кем-то, сыгравшим роль в возникновении патологии, — обычно одним из родителей.

— И ты считаешь, Гурикосова история с гвоздями в голове — именно про это?

Гурни покачал головой.

— Если убийство Гурикоса связано с убийствами Спалтеров, матери и сына, то я сказал бы, послание не столько импульсивно, сколько имеет практический смысл.

— *Практический смысл?* — недоуменно повторила Эсти.

— Мне кажется, убийца намекал кому-то, чтобы те не лезли в чужие дела и помалкивали, — а заодно демонстрировал, чем грозит

неподчинение. Главный вопрос — кто этот кто-то и о чем следует помалкивать.

— У вас есть соображения на этот счет?

— Одни догадки. Помалкивать, возможно, следует о каком-то факте касательно двух первых убийств.

— Например, о личности стрелка? — подхватил Хардвик.

— Или о мотиве, — ответил Гурни. — Или о каких-либо уликах.

Эсти подалась вперед.

— Так, по-вашему, предупреждение предназначалось вполне конкретному человеку?

— Я слишком мало знаю про круг знакомых Гаса, чтобы что-то утверждать. По словам Ангелидиса, Гас каждую пятницу устраивал вечером игру в покер. Убив его в тот день, убийца не запер за собой дверь. Возможно, случайная оплошность — а возможно, намеренная: чтобы кто-то из покерной компании обнаружил тело вечером, когда все соберутся для игры. Может, послание «Не видеть зла, не слышать зла, не говорить о зле» предназначалось кому-то из игроков или даже самому Ангелидису. В отделе борьбы с организованной преступностью должны бы знать побольше о фигурантах. Может, у них дом Гаса был под наблюдением.

Эсти нахмурилась.

— Я выясню у приятельницы все, что смогу, но... вряд ли у нее есть доступ ко всему. Не хочу поставить ее в неудобное положение.

Харвик стиснул челюсти.

— Поосторожней с этими сволочами из борьбы с организованной преступностью. Считается, фэбээровцы плохие парни, но они — дети малые по сравнению с элитными парнями из организованной преступности.

Слово «элитные» он протянул с комическим презрением, но в глазах его не было ни тени веселья.

— Я их знаю — и знаю, что я делаю. — Эсти несколько секунд вызывающе глядела на Хардвика. — Вернемся к началу. Какое у нас мнение по поводу версии «превентивного удара» — что Карл убит тем, кого наметил себе в жертвы?

Хардвик покачал головой.

— Может, и правда, но скорее всего — брехня. Звучит славно, но учитывая источник... Какого хрена нам вообще верить Донни Ангелу?

Эсти перевела взгляд на Гурни.

— По-моему, это вообще не вопрос веры. То, о чем рассказал Ангелидис, вполне могло случиться и в самом деле. Вполне

правдоподобный сценарий. Строго говоря, мы уже слышали кое-что, косвенно подтверждающее эту версию. Кэй Спалтер упоминала, что Карл часто играл в покер с типом, организующим убийства для мафии.

Хардвик пренебрежительно отмахнулся.

— Ничего это не доказывает. И уж никак не доказывает, что Карл нанял Гаса кого-то убить.

Эсти снова повернулась к Гурни.

Тот лишь пожал плечами.

— Ну да. Доказательств никаких. Но вероятность есть. Правдоподобная версия.

— Хорошо, — промолвила Эсти. — Если мы думаем, что история Ангелидеса может оказаться правдой — то есть жертва Карла могла обернуться убийцей, — не стоит ли составить список людей, которым Карл мог желать смерти?

Хардвик даже крякнул.

Она повернулась к нему.

— У тебя есть идеи получше?

Он пожал плечами.

— Валяй, составляй список.

— И составлю. — Она занесла ручку над блокнотом. — Дэйв — есть догадки?

— Йона.

— Брат Карла? Но почему?

— Потому что, если убрать его с дороги, Карл получил бы в единоличное распоряжение и «Спалтер Риэлти», и все прочее, что можно превратить в наличные, чтобы финансировать его политические планы с должным размахом. Что интересно, у Йоны мотив избавиться от Карла ровно тот же — заполучить контроль над фондами «Спалтер Риэлти» и употребить их, чтобы финансировать расширение Церкви Киберпространства.

Эсти приподняла бровь.

— Кибер...

— Долгая история. Короче говоря, у Йоны тоже куча амбиций, так что деньги ему не помешали бы.

— Отлично, записываю его. Кто еще?

— Алисса.

Эсти моргнула и, судя по всему, подумала о чем-то мрачном, но потом сделала вторую пометку.

Хардвик скривил губы.

— Родная дочь?

Эсти откликнулась первой.

— Я слышала достаточно разговоров Клемпера с Алиссой по телефону, и у меня успело сложиться впечатление, что ее отношения с отцом... не были... ну, из тех, что назовешь нормальными отношениями отца с дочерью.

— Ты уже говорила, — буркнул Хардвик. — Не нравится мне думать обо всем этом дерьме.

Последовало молчание. Первым его нарушил Гурни.

— Взгляни на это с точки зрения расследования. Алисса уже давно сидела на наркотиках и не собиралась слезать. Карл метил в губернаторы Нью-Йорка. Ему было, что терять, — и сейчас, и в будущем. Если б он вступал в кровосмесительные отношения с Алиссой (возможно, еще с ее детства), это открывало бы бесконечные возможности для шантажа — навряд ли наркоманка, привыкшая сорить деньгами, устояла бы. Предположим, что требования Алиссы сделались совсем уж невыполнимыми. Предположим, Карл начал видеть в ней угрозу всем своим мечтам. А мы уже от нескольких человек слышали, что он был крайне честолобив и не остановился бы ни перед чем.

Лицо у Хардвика снова скривилось, как при изжоге.

— Ты хочешь сказать, что Алисса могла обнаружить, что он намерен устранить ее, и наняла кого-то, чтобы его убить?

— Как-то так, да. По крайней мере, это соответствовало бы версии Ангелидиса. Версия попроще — что все это с самого начала было ее инициативой: Карл и не думал ее убивать, но она хотела простым и незамысловатым способом получить его деньги, вот и наняла киллера.

— Но ведь по завещанию единственная наследница — Кэй. Алисса ничего не получила бы. Так чего ради...

Гурни перебил его:

— Алисса ничего не получает, если только Кэй не попадает в тюрьму за убийство. А как только Кэй вынесен приговор, закон Нью-Йорка воспрещает ей получать наследство — и все имущество Карла переходит к Алиссе.

Хардвик расплылся в улыбке, начиная понимать, что сулят все эти новые возможности.

— Да, это могло бы все объяснить. Например, почему она трахалась с Клемпером — чтобы он увел следствие в ложном направлении. Да она могла и с любовником мамы трахаться — чтоб тот дал нужные показания на суде. Такая закоренелая наркоманка, она и с обезьяной трахаться за дозу

станет.

Эсти вроде бы засомневалась.

— А может, у них с отцом ничего такого и не было. Может, она просто врала Клемперу. Чтоб разжалобить.

— Разжалобить! Ага! Да просто вычислила, что это его заведет.

Отвращение на лице Эсти постепенно сменилось выражением согласия.

— Вот же черт. Я о нем и так скверного мнения, а оказывается, он еще гаже. — Она помолчала, делая пометку в блокноте. — Итак, Алисса — возможная подозреваемая. Как и Йона. А что насчет любовника Кэй?

Хардвик покачал головой.

— Только не в версии «превентивного удара». Как-то не верится, что Карл стал бы его заказывать. Он вроде бы денег попусту тратить не любил. От юного Дарила можно было избавиться куда проще. И уж совсем мне не верится, что тот мог выяснить, что намечен в жертвы, и быстренько организовал ответное покушение.

— Ладно, но забудем пока про «превентивность», — настаивала Эсти. — Разве не мог он убить Карла, надеясь, что, когда Кэй получит деньги, их роман разовьется в нечто более серьезное? Что скажете, Дэйв?

— Судя по видеозаписи из зала суда, у него на такое не хватило бы ни мозгов, ни храбрости. Лжесвидетельство — еще пожалуй, но тройное убийство? Очень сомневаюсь. Он же служил в клубе Спалтера спасателем при бассейне, на мизерном окладе — не тянет на убийцу из «Дна шакала». Опять же, мне трудно представить, как он проламывает череп старушке или заколачивает кому-нибудь гвозди в глаза.

Хардвик покачал головой.

— Вот же хрень. Не складывается в целостную картину. Три убийства — тремя совершенно разными методами, в разном стиле. Никак не могу соединить их в одну цепочку. Чего-то недостает. А вам так не кажется?

Гурни еле заметно кивнул.

— Много чего недостает. Кстати о методе исполнения. В деле нет никаких упоминаний о том, что метод проверяли по общей базе программы предотвращения насильственных преступлений. Я прав?

— По мнению Клемпера, — сказала Эсти, — Карла застрелила Кэй. Точка. Зачем ему возиться с этой программой, рыться в базах данных? Он же сама предвзятость, откуда у него альтернативные версии?

— Я так и понял. Но нам бы теперь неплохо прогнать основные детали хотя бы через эту базу. И хорошо бы еще выяснить, нет ли в национальной базе данных совпадений с характеристиками главных фигурантов — как

живых, так и мертвых. И у Интерпола — по крайней мере, на Гаса Гурикоса. — Гурни перевел взгляд с Эсти на Хардвика и обратно. — Кто-нибудь из вас может этим заняться — только так, чтобы не наследить?

— Возможно, я смогу разобраться с базами данных, — после короткой паузы ответила Эсти. Тон, каким она произнесла «возможно», подразумевал, что она справится, но не хочет объяснять, каким именно образом. — Что касается программы предотвращения насильственных преступлений — какие именно подробности вас больше всего интересуют?

— Чтобы не увязнуть в болоте фактов, сосредоточьтесь на странностях — самых необычных элементах каждого убийства — и ищите по ним.

— Например, калибр оружия в Лонг-Фоллсе?

— Именно. И введите в строку поиска «глушитель» в сочетании с «винтовкой».

Она сделала несколько торопливых пометок.

— Ладно, что еще?

— Петарды.

— Что?

— Свидетели на кладбище слышали петарды примерно в тот момент, когда Карла застрелили. Если это была попытка скрыть остаточный звук выстрела, возможно, стрелок и прежде использовал этот прием, а свидетели могли упомянуть об этом следователю, а тот внес в базу.

— Бог ты мой, — пробормотал Хардвик. — Вот уж нетрадиционный подход.

— Попробовать-то стоит.

Эсти снова постукивала ручкой по блокноту.

— Думаете, стрелок был профессионалом?

— По мне, похоже.

— Хорошо. Еще какие-нибудь ключевые слова для поиска?

— «Кладбище», «похороны». Если стрелок дал себе труд убить кого-то еще, чтобы заманить основную жертву на кладбище, может, тот же трюк у него прокатывал и раньше.

Пока она записывала, Гурни добавил:

— И еще надо проверить по всем фамилиям, фигурирующим в деле: Спалтер, Ангелидис, Гурикос. Да, и надо еще прогнать фамилии Дарила, всех свидетелей обвинения и девичью фамилию Кэй. Это все можно найти в протоколах суда.

— И не забудь включить в поиск «гвозди», — с отвращением в голосе сказал Хардвик. — *Гвозди в глазах, гвозди в ушах, гвозди в горле.*

Эсти кивнула и спросила Гурни:

— А с места убийства матери?

— Тут все не так просто. Попробуйте поискать убийства, выдаваемые за падения в ванной, убийства под прикрытием доставки цветов, даже название лжефлористов: «Цветы Флоренции». Но это еще более ненадежный критерий для поиска, чем петарды.

— Кажется, на какое-то время работы мне хватит.

— Джек, по делу Джулиан Пери мне припоминается, что у тебя было полезное знакомство в Интерполе. Оно осталось?

— Пожалуй.

— Можешь разведать, что у них есть на Гурикоса?

— Попытаюсь. Обещать не могу.

— А попробуешь заодно отследить свидетелей обвинения?

Хардвик медленно кивнул.

— Фредди из того дома... Дарил, любовник... и Джимми Флэтс, тот тип, который утверждал, что Кэй пыталась нанять его для убийства Карла.

— По крайней мере, этих трех.

— Посмотрю, что могу сделать. Думаешь, получится вытянуть из них признание в лжесвидетельстве?

— Неплохо бы. Но я главным образом хочу удостовериться, что они все живы и никуда не делись.

— Живы? — Похоже, Хардвику в голову пришла та же мысль, что и Гурни. Если в центре загадки стоит человек, способный сделать то, что было сделано с Гасом Гуриком, возможно все. Возможно самое ужасное.

При мысли об ужасных перспективах Гурни вспомнил про Клемпера.

— Чуть не забыл упомянуть: когда я сегодня добрался домой после встречи с Ангелидисом, меня подкарауливал твой любимый следователь.

Хардвик сощурился.

— Какого хрена ему понадобилось?

— Хотел, чтобы я понял, какая Кэй гнусная, лживая и опасная сучка. И что Бинчер — лживый, гнусный жид. А он, Мак Клемпер, — крестоносец в эпической битве Добра со Злом. Признал, что, возможно, допустил ошибку-другую, но ничего такого, что изменило бы один простой вывод: Кэй виновна и заслуживает смерти в тюрьме, причем чем быстрее она подохнет, тем лучше.

Эсти встрепелулась.

— Должно быть, он в панике, если заявился к вам и нес такой бред.

Хардвика охватили подозрения.

— Вот ведь чертов ублюдок. Уверен, что он только этого и хотел? Заявить тебе, что Кэй виновна?

— Он чуть из кожи вон не лез, чтобы убедить меня, что все его действия вполне законны в некоем высшем смысле слова. Возможно, заодно пытался на свой грубоватый манер разведать, многое ли мне известно. Насколько я понимаю, основной вопрос относительно Клемпера — он просто псих или же продажен.

— Или опасен, — добавила Эсти.

Хардвик сменил тему.

— Итак, я беру на себя задачу отследить трех свидетелей — что может превратиться в поиски трех пропавших, а это, в свою очередь, может обернуться бог весть чем. Кроме того, буду просить приятеля в Интерполе еще об одном одолжении. Эсти попросит об одолжении в отделе борьбы с организованной преступностью и устроит, чтобы кто-то поискал по базам данных преступников и в отделе предотвращения преступлений. А тебе, Шерлок, что перепало?

— Первым делом побеседую с Алиссой Спалтер. Потом с Йоной.

— Великолепно. Но как ты уговоришь их побеседовать с тобой?

— Обаяние. Угрозы. Посулы. Что подействует.

Эсти рассмеялась коротким циничным смешком.

— Предложите Алиссе унцию товара — она за вами хоть на Луну побежит. А вот с Йоной придется потрудиться.

— Не знаете, где я могу найти Алиссу?

— Последнее, что я слышала, — она живет в семейном особняке в Венус-Лейк. После того как Карл и Кэй сошли со сцены, дом остался в полном ее распоряжении. Только берегитесь Клемпера. У меня сложилось впечатление, что он с ней еще встречается. Маленькое чудовище все еще умеет заставить его расслабиться.

Хардвик ослабился.

— Хочешь сказать — напрячься?

— Ты омерзителен! — Она снова повернулась к Гурни. — Я отправлю вам адрес. А вообще могу дать прямо сейчас. Он у меня в записной книжке.

Она встала из-за стола и вышла из комнаты.

Гурни откинулся на спинку стула и испытующе посмотрел на Хардвика.

— Чего еще?

— Может, мне просто мерещится, но ты, кажется, стал чуть ближе к моему пониманию дела.

— Ты, твою мать, о чем?

— Похоже, область твоих интересов слегка расширилась и вышла за пределы одной только апелляции.

Казалось, Хардвик собрался было возразить, но потом лишь медленно покачал головой.

— Чертовы гвозди... — Он уставился в пол. — Не знаю даже... заставляет задуматься, до чего ж поганая тварь — человек. Совершенно. Полностью. Гнусная. — Он помолчал, все еще покачивая головой, словно в замедленном припадке эпилепсии. — А ты когда-нибудь сталкивался с чем-то таким... что заставляет задуматься... какого хрена... ну, то есть... есть ли пределы гнусностям, на которые человек способен?

Гурни не пришлось долго размышлять. Отрубленные головы, разорванные глотки, разрубленные на куски тела. Дети, заживо сожженные родителями. Дело «Сатанинского Санта-Клауса» — серийного убийцы, который заворачивал отрубленные куски тел жертв в подарочную бумагу и рассылал местным полицейским.

— Мне много чего вспоминается, Джек, но сейчас мне не дает спать лицо Карла Спалтера с фотографии на суде, когда он был уже при смерти. Есть в нем что-то жуткое. Может, это отчаяние в глазах Карла потрясло меня примерно так же, как тебя — гвозди в глазах Гаса.

Оба молчали, пока Эсти не вернулась с вырванным из записной книжки листком бумаги и не протянула его Гурни.

— Вам, наверное, он даже и не понадобится, — заметила она. — Я могла бы просто сказать — ищите самый большой дом на Лейкшор-драйв.

— С адресом все же будет легче. Спасибо.

Она села на прежнее место, с любопытством глядя то на Гурни, то на Хардвика.

— Что стряслось? Вид у вас обоих... очень уж пришибленный.

Хардвик невесело рассмеялся.

Гурни пожал плечами.

— Всего понемножку. Увидели проблеск реальности, с которой имеем дело. Понимаете, о чем я?

Голос у нее изменился.

— Да. Еще как.

Настало молчание.

— Давайте сосредоточимся на том, что мы все же продвигаемся вперед. Предпринимаем правильные шаги. Точные данные и неопровержимая логика не могут не...

Его прервал внезапный, резкий удар по вагонке, которой был обшит дом.

Эсти встревоженно замерла.

Хардвик сморгнул.

— Какого хрена?

Звук повторился — словно треск от удара хлыстом. Свет погас.

Глава 29

Правила изменяются

Гурни инстинктивно бросился со стула на пол. Хардвик и Эсти тут же последовали его примеру, в вихре крепких выражений.

— Я без оружия, — быстро произнес Гурни. — Что есть в доме?

— «Глок» девятого калибра в шкафу в спальне, — сказал Хардвик. — «Зиг» тридцать восьмого на ночном столике.

— «Кел-Тек» тридцать восьмого у меня в сумочке, — добавила Эсти. — Сумочка за тобой, Джек, на полу. Можешь подтолкнуть ко мне?

Гурни услышал, как Хардвик с другой стороны от стола шарит по полу, а потом что-то скользнуло к Эсти.

— Ага, поймала.

— Через секунду вернусь, — сказал Хардвик.

Гурни услышал, как он, ругаясь себе под нос, выползает из комнаты, потом — скрип двери в глубине дома, звук открываемого и закрываемого ящика. На миг вспыхнул и тотчас же погас свет фонарика. Совсем рядом с собой Гурни слышал дыхание Эсти.

— Луны сегодня нет, да? — полушепотом спросила она.

На один безумный миг Гурни, пребывавшему во власти первобытного страха и прилива адреналина, приглушенный голос и близость Эсти показались настолько эротичными, что он чуть не забыл ответить.

— Дэйв?

— Да-да. Все верно. Луны нет.

Она придвинулась чуть ближе, коснулась рукой его руки.

— Как, по-вашему, что это?

— Не знаю. Ничего хорошего.

— Думаете, мы паникуем напрасно?

— Надеюсь.

— Ни черта не вижу. А вы?

Он напряженно вглядывался в окно.

— Нет. Ничего.

— Черт. — Магнетизм ее тревожного шепота во тьме становился почти непереносим. — Думаете, это по дому пули стучали?

— Возможно.

На самом деле он был в том уверен. За годы работы ему не раз доводилось бывать под огнем.

— Но я не слышала выстрелов.

— Он мог использовать глушитель.

— Ох, черт. Так вы и вправду считаете, это наш снайпер?

Гурни в том ничуть не сомневался — но не успел ответить, как вернулся Хардвик.

— Достал и «Глок», и «Зиг». Лично я предпочитаю «Глок». А ты, старик? С «Зигом» справишься?

— Без проблем.

Хардвик коснулся руки Гурни, нащупал его ладонь и сунул в нее пистолет.

— Полная обойма, один уже в патроннике, на предохранителе.

— Отлично. Спасибо.

— Может, пора звать на помощь кавалерию? — заметила Эсти.

— К черту! — отозвался Хардвик.

— И что тогда делать? Всю ночь тут сидеть?

— Нет, думать, как взять сукина сына.

— Взять? Этими делами спецназ занимается. Мы звоним. Они приезжают. Они его и берут.

— Пошли они все на хрен. Я его сам достану. В мой дом стрелять вздумал! Чтоб его!

— Джек, ради бога! Он перебил пулей электропровод. В кромешной темноте. Это первоклассный снайпер. С биноклем ночного видения. Прячется в лесах. Как, черт возьми, ты собрался его брать? Джек, ради бога, ну будь же благоразумен!

— Да чтоб его! И не такой уж он первоклассный — на провод ему потребовались два выстрела. Я еще засуну ему «Глок» в первоклассную задницу.

— Может, и не два, — возразил Гурни.

— Ты, черт возьми, о чем? Свет погас после второго выстрела, а не после первого.

— Проверь домашний телефон.

— Что-что?

— Мне показалось, что пули попали в разные места. У тебя электролиния и телефонный провод в одном месте выходят или по отдельности?

Хардвик ничего не сказал, что уже само по себе было ответом.

Гурни услышал, как он ползет от стола к кухне... звук поднятой

трубки... через минуту — снова опущенной на место... и шорох в обратную сторону, к столу.

— Глухо. Он, его мать, и телефонный провод перебил.

— Не понимаю, — промолвила Эсти. — Что толку отрубать телефон, когда у всех есть мобильники? Он наверняка знает, кто такой Джек, а может, и нас всех знает — должен же он предположить, что у нас есть мобильники. Вы когда-нибудь видели копа без мобильника? Зачем перерезать обычный провод?

— Может, любитель повыпендриваться, — предположил Хардвик. — Что ж, не на тех напал.

— Джек, ты тут не один. Может, он шутит с Дэйвом. Или со всеми нами.

— Мне, твою мать, наплевать, с кем он там шутит. Но он всадил в мой долбаный дом свои долбаные пули.

— Бред какой-то. Спецназ сюда вмиг прибывает.

— Мы тебе не в каком-нибудь паршивом Олбани. Не стоит думать, что спецназ паркуется внизу в Диллвиде, поджидая вызова. Они сюда только через час доберутся, не раньше.

— Дэйв? — взмолилась Эсти. Но Гурни ничем не мог успокоить ее.

— Лучше бы и вправду самим разобраться.

— Лучше? Какого дьявола лучше-то?

— Вы придаете всему этому официальную огласку — тот еще подарочек.

— Тот еще... вы вообще о чем?

— О вашей карьере.

— Карьере?

— Вы же следователь, а Джек собирается начать полномасштабную атаку на бюро криминальных расследований. Как объяснить им, почему вы оказались в такой ситуации? Думаете, они не сумеют в два счета выяснить, откуда он берет свою инсайдерскую информацию? Информацию, при помощи которой он их всех погубить может? Думаете, вы это переживете — в юридическом смысле или вообще? Лично я предпочел бы разбираться со снайпером в лесу, чем прослыть предателем среди сослуживцев.

Голос Эсти едва заметно дрожал.

— Не понимаю, что они могут доказать. Никаких причин. — Она вдруг замолчала. — Что это?

— О чем вы? — спросил Гурни.

— За окном... на холме со стороны дома... в лесах... вспышка.

Хардвик начал пробираться вдоль стола к окну.

Эсти прошептала, вглядываясь в темноту:

— Я точно что-то видела... — И снова оборвала фразу на полуслове.

На этот раз Гурни и Хардвик тоже увидели.

— Вот! — хором вскричали они.

— Камера слежения, я их расставил на тропах, — пояснил Хардвик. — Активируются при движении. У меня их в лесах с полдюжины, главным образом на охотничий сезон. — Еще одна вспышка — заметно выше по склону. — Гад движется вверх по главной тропе. Ох, уйдет ведь. Черт!

Гурни услышал, как Хардвик поднимается на ноги и спешит из комнаты на кухню. Вернулся он с двумя зажженными фонариками в одной руке и «Глоком» в другой. Один фонарик он установил на столе, направив луч вверх в потолок.

— Кажется, я догадываюсь, куда этот гад направляется. Как уйду, садитесь в машины, убирайтесь отсюда и забудьте, что вообще здесь были.

— Ты куда? — голос Эсти зазвенел от тревоги.

— Поеду к началу тропы, к Скат-Холлоу, что по ту сторону горы. Если получится попасть туда быстрее него...

— Мы с тобой!

— Черта с два! Вам обоим надо убираться отсюда — в противоположную сторону, и поживей! Не хватало еще, чтоб местные копы тебя тут поймали и стали допрашивать. А то и не местные, а из управления. Я ж тогда хлопот не оберусь. Давай. Уезжай скорее!

— Джек!

Хардвик выбежал в парадную дверь. Через несколько секунд они услышали, как взревел, отбрасывая колесами на стенку дома мелкие камешки, здоровенный «Понтиак». Гурни схватил со стола второй фонарик и, выскочив на крыльцо, увидел, как задние фары на большой скорости скрываются за поворотом узкой проселочной дороги, вьющейся по длинному, поросшему лесом склону в сторону шоссе номер десять.

— Нельзя было отпускать его одного! — голос Эсти рядом звучал напряженно, отрывисто. — Надо было ехать за ним, звать на помощь.

Она была права. Но и Хардвик тоже.

— Джек не дурак. Я видел его и в ситуациях пострашнее этой. Ничего с ним не случится.

Однако даже для самого Гурни эти уверения казались надуманными и неубедительными.

— Ему не следовало гнаться за этим маньяком в одиночку!

— Он всегда может позвонить и вызвать подмогу. Ему решать. И без нас он сможет изложить всю историю в любом виде, как ему удобней. Пока

мы здесь, у него связаны руки. Да и вашей карьере конец.

— Боже! Боже! Как же я это все ненавижу! — Она разнервничалась и кружила на месте. — И что теперь? Просто уезжаем? Едем домой?

— Да. Вы первая. Немедленно.

Она смотрела на Гурни в подрагивающем свете фонарика.

— Ладно. Ладно. Но все это мрак какой-то. Полный мрак.

— Согласен. Но надо развязать Джеку руки. В доме осталось что-то из ваших вещей?

Она несколько раз сморгнула, пытаясь сосредоточиться на вопросе.

— Большая сумка, сумочка через плечо... кажется, все.

— Отлично. Что бы там ни было — берите скорее и уматывайте.

Он вручил ей фонарик и остался ждать снаружи; она скрылась в доме.

Через две минуты Эсти уже закидывала сумки на пассажирское сиденье «Мини-Купера».

— Где вы живете? — спросил он.

— В Онеонте.

— Одна?

— Да.

— Поосторожнее.

— Конечно. И вы.

Она села в машину, дала задний ход, вывернула на проселок и скрылась.

Гурни выключил фонарик и замер во тьме, прислушиваясь. Ни звука, ни ветерка, ни намек на движение. Он простоял так с минуту, ожидая хоть что-то увидеть или услышать. Но все было неестественно тихо.

С фонариком в одной руке и снятым с предохранителя пистолетом в другой он обернулся, описал полный круг, осматриваясь, но не увидел ничего подозрительного, ничего странного. Направив луч фонарика на стенку дома, он поводил им вверх-вниз, пока не нашел место, где из окна второго этажа торчали обрывки проводов. Примерно в десяти футах под другим окном выходил еще один провод. Переведя луч фонарика с дома на дорогу, Гурни нашарил им электрический столб, с которого, как следовало ожидать, свисали до самой земли два оборванных провода.

Гурни подошел ближе к дому, встал под обрывками проводов. На вагонке за каждым из выходов темнело по маленькой черной дырочке. Со своего места Гурни не мог оценить диаметр отверстий, но был уверен, что пуля никак не меньше тридцатого и не больше тридцать пятого калибра.

Если это тот же самый стрелок, что ранил Карла на кладбище «Ивовый покой», он, похоже, легко менял оружие: выбирал его в зависимости от

поставленной цели. Практичный мужик. Или баба.

На ум снова пришел вопрос Эсти: «Зачем выводить из строя домашнюю линию, когда у всех сейчас есть мобильники?» С практической точки зрения обрыв проводов и средств связи должен быть преамбулой к нападению. Но никакого нападения не последовало. Так в чем же смысл?

Предупреждение?

Как гвозди в голове Гаса?

Силы праведные!

Возможно ль?

Электричество и телефон. Электричество означает свет — то есть возможность видеть. А телефон? Зачем нужен телефон — особенно стационарный? Чтобы говорить и слушать.

Ни электричества, ни телефона.

Не видеть, не слышать, не говорить.

«Не видеть зла, не слышать зла, не говорить о зле».

Или он просто идет на поводу у разыгравшегося воображения, слишком увлечен собственной же идеей «послания»? Гурни прекрасно знал, что чрезмерное увлечение собственными гипотезами до добра не доводит. И все же — если это не послание, то что, черт возьми?

Выключив фонарик, он снова замер во тьме, сжимая пистолет, весь обратившись в зрение и слух. От крошечной тишины вокруг бросало в дрожь. Гурни сказал себе, что виной всему — ночное похолодание и сырость. Но уютнее от этого не становилось. Пора выбираться отсюда.

На полпути в Уолнат-Кроссинг он остановился у круглосуточного магазинчика купить стакан кофе. Сидя на парковке, прихлебывая кофе и перебирая в голове все, что случилось у Хардвика, и размышляя о том, что он мог бы или должен был сделать, он вдруг подумал, что надо бы позвонить Кайлу.

Он собирался оставить сообщение и удивился, услышав голос в трубке.

— Привет, пап, что стряслось?

— Да уйма всего.

— Правда? Но ведь тебе ж, черт возьми, это нравится, да?

— Думаешь?

— Знаю. Когда ты не перегружен работой, то изнываешь, оттого что тебе нечем заняться.

Гурни улыбнулся.

— Надеюсь, я не слишком поздно?

— Поздно? Да сейчас без пятнадцати десять. Это ж Нью-Йорк. Большинство моих друзей сейчас где-нибудь развлекается.

— Но не ты?

— Мы решили сегодня посидеть дома.

— Мы?

— Долгая история. Так что случилось?

— Вопрос к тебе как к человеку с опытом работы на Уолл-стрит. Даже не знаю, как сформулировать, я-то всю жизнь с убийствами вожусь, а не с бизнесом. Меня интересует вот что: скажем, если какое-то предприятие ищет источник финансирования — допустим, для расширения, — то слухи об этом пойдут или нет?

— Зависит.

— От чего?

— От размеров суммы, о которой идет речь. И от того, какого рода финансирование. И кто в этом участвует. В счет идет масса разных факторов. Чтобы запустить в движение фабрику слухов, необходимо крупное дело. На Уолл-стрит о мелочах болтать не станут. А о каком предприятии мы говорим?

— Нечто под названием Церковь Киберпространства — детище одного типа по имени Йона Спалтер.

— Да вроде о чем-то таком я слышал.

— И что именно?

— Киберцерковь...

— Киберцерковь?

— Да на бирже сплошь свой жаргон — кругом сокращения, как будто все слишком спешат, чтобы произносить слова целиком.

— Церковь Киберпространства числится на фондовой бирже?

— Не думаю. Просто там все слова сокращают. А что тебя интересует?

— Все, что о ней говорят и чего я не найду в «Гугле».

— Без проблем. Работаешь над новым делом?

— Апелляция по делу об убийстве. Пытаюсь нарыть факты, которые упустило первоначальное расследование.

— Здорово. И как продвигается дело?

— Интересно.

— Зная твою манеру говорить о работе, я бы сказал, это значит, что в тебя стреляли и чудом не убили.

— Ну... типа того.

— Чтооо? Я в точку попал? С тобой все в порядке? Тебя и правда пытались застрелить?

— Стреляли по дому, в котором я находился.

— Бог ты мой! И все из-за дела, которым ты занимаешься?

— Думаю, да.

— Как ты можешь оставаться таким спокойным? Стреляй кто по дому, где я нахожусь, я бы на стенку лез.

— Ну, целься он в меня лично, я бы тоже сильнее переживал.

— Ух ты. Будь ты героем комиксов, тебя звали бы Доктор Спокойствие.

Гурни улыбнулся, не зная, что ответить. Не так уж и часто они с Кайлом разговаривали, хотя после дела Доброго Пастыря больше, чем прежде.

— Может, заглянешь как-нибудь на днях?

— Конечно. Отчего бы нет. Здорово.

— Ты все ездешь на мотоцикле?

— А то. И в том шлеме, что ты мне дал. Твоем старом. Ношу вместо своего.

— А... ну... рад, что тебе подошел.

— По-моему, у нас головы одного размера.

Гурни рассмеялся, сам не очень-то зная, почему.

— Что ж, в любой момент, как сможешь выбраться, приезжай — будем рады тебя видеть. — Он помолчал. — Как учеба?

— Ни минутки свободной, чтения выше головы, но в целом здорово.

— Так ты не жалеешь, что завязал с Уолл-стрит?

— Ничуть. Ну, может, в очень редкие секунды. Но потом вспоминаю, сколько дерьма там шло в нагрузку — Уолл-стрит вымощена дерьмом, — и просто счастлив, что больше во все это не играю.

— Отлично.

Настало молчание, наконец нарушенное Кайлом.

— Ну так я позвоню кое-кому, поспрашиваю, не известно ли чего про Киберцерковь, и дам тебе знать.

— Чудесно, сынок. Спасибо.

— Целую, пап.

— И я тебя.

Закончив разговор, Гурни так и остался сидеть с телефоном в руке, раздумывая о причудливом характере его взаимоотношений с сыном. Мальчику исполнилось... сколько? Двадцать пять? Двадцать шесть? Сразу и не вспомнишь. И большую часть этого времени, особенно последние десять лет, они с Кайлом были... как бы сказать? Не то чтобы совсем чужими — слишком уж это эмоционально насыщенный термин.

Отдалились друг от друга? Уж во всяком случае, подолгу не общались. Но когда все же общались, то с неизменной теплотой, особенно со стороны Кайла.

Возможно, объяснение было столь же простым, как и фраза его первой, еще университетских времен девушки, произнесенная ею в момент разрыва несколько десятков лет назад: «Тебе просто не нужны другие люди, Дэвид». Ее звали Джеральдиной. Они стояли возле теплицы в Ботаническом саду Бронкса. Цветы вишни. Начинался дождь. Она повернулась и побрела прочь, а дождь становился все сильнее и сильнее. С тех пор они ни разу не разговаривали.

Гурни посмотрел на телефон в руке. Наверное, стоит позвонить Мадлен, сказать, что он едет.

Голос у нее был сонный.

— Ты где?

— Прости, не хотел тебя будить.

— А ты и не разбудил. Я читала. Ну, может, задремала самую малость.

Его подмывало спросить, не «Войну и мир» ли она читает, — Мадлен читала эту книгу уже целую вечность, и та зарекомендовала себя как крайне действенное снотворное.

— Просто хотел сказать, что я на полпути между Диллвидом и Уолнат-Кроссингом. Буду дома через двадцать минут, даже чуть раньше.

— Хорошо. А что так поздно?

— Был у Хардвика, возникли кое-какие осложнения.

— Осложнения? С тобой все в порядке?

— В полном. Все расскажу, как домой доеду.

— Я уже спать буду.

— Ну тогда утром.

— Осторожнее на дороге.

— Ладно. До скорого.

Он сунул телефон в карман, сделал пару глотков остывшего кофе, выкинул стакан с остатком в урну и выехал на шоссе.

Теперь мыслями его завладел Хардвик. И Гурни не покидало неприятное ощущение, что надо было не слушаться его, а все-таки ехать следом. Конечно, существовал риск, что все пойдет кувыркком, одно за другим — перестрелка с нападавшим, выход на сцену официальной полиции, расследование управления касательно Эсти, необходимость умалчивать кое-какие подробности встречи, чтобы не выдать ее, полуправдивые показания, путаница, неразбериха, узлы и хитросплетения. С другой же стороны, была вероятность того, что Хардвик столкнется

лицом к лицу — или дулом к дулу — с противником не по силам.

Очень хотелось развернуться и двинуться туда, куда, скорее всего, заведет Хардвика погоня. Но слишком уж много было разных вариантов развития событий. Слишком много перекрестков — и каждый уменьшал шансы угадать верный путь. А даже если каким-то чудом и удастся каждый раз выбирать правильное направление и достичь цели, неожиданное появление стрелка запросто способно создать не меньше проблем, чем решить.

Так он и ехал вперед, раздираемый внутренней борьбой, и наконец добрался до поворота к своему дому. Он вел машину медленно, потому что у оленей водилась привычка неожиданно выскакивать прямо под колеса. Не так давно он сбил олененка, и от этого воспоминания ему до сих пор делалось дурно.

Наверху он притормозил, чтобы дать время дикобразу убраться с дороги, и следил, как тот неторопливо топает в заросли высокой травы на склоне за сараем. Дикобразы пользовались дурной репутацией за обыкновение грызть все, что попадется, начиная с обшивки домов и кончая тормозными трубками у машин. Фермер, живущий чуть ниже по склону, советовал отстреливать их, как только заметишь. «Проблем от них масса, а толку никакого». Но Гурни на такое не хватило бы духу, да и Мадлен не одобрила бы.

Он снова завел машину и уже собирался свернуть на поросшую травой дорогу к дому, как взгляд его привлек отблеск — в окне сарая: яркое пятнышко света. Сперва Гурни подумал, что в сарае не выключен свет — может, Мадлен забыла, когда последний раз кормила кур. Но лампочка в сарае была тусклой и с желтым оттенком, а этот свет — резким и белым. Пока Гурни вглядывался, свет засиял ярче.

Гурни выключил фары. Просидев в полной озадаченности еще несколько минут, он взял с пассажирского сиденья тяжелый металлический фонарь Хардвика и, не включая его, вылез из машины и сквозь темноту зашагал к сараю, ориентируясь на то странное пятнышко света. Казалось, когда он двигается, оно тоже смещается.

Внезапно он покрылся гусиной кожей, осознав, что свет горит вовсе не в сарае. Это было отражение — отражение в окне чего-то, находившегося за спиной у Гурни. Он моментально повернулся и увидел яркий свет, пробивающийся сквозь деревья вдоль гребня холма за прудом. Первая догадка, мелькнувшая у него в голове, была — галогенный поисковой фонарь на крыше военного джипа.

В сарае позади прокукарекал петух — должно быть, его разбудила

необычная иллюминация.

Гурни снова посмотрел на холм — на ширящийся, набирающий яркость свет за деревьями. И тут, разумеется, все стало очевидно. Как должно было быть с самого начала. Никаких загадок. Никаких неизвестных машин в ночном лесу. Ничего необычного. Просто полная луна, встающая над холмами в ясную ночь.

Он ощутил себя полным идиотом.

Телефон зазвонил.

Мадлен.

— Это ты там у сарая?

— Да, я.

— Тебе звонили. Ты едешь? — голос у нее звучал как-то очень холодно.

— Да. Просто проверял кое-что. А кто звонил?

— Алисса.

— Что?

— Женщина по имени Алисса.

— А фамилию она тебе назвала?

— Я спрашивала. Она сказала, ты, верно, фамилию и сам знаешь, а если нет, то с тобой и разговаривать не о чем. Голос у нее — не то пьяная вдрызг, не то просто ненормальная.

— Номер она оставила?

— Да.

— Сейчас буду.

Через две минуты, в 10:12 он стоял на кухне с телефоном в руке и набирал номер.

Мадлен в летней пижаме, розовой с желтым, стояла у раковины и убирала из сушилки ложки и вилки.

На звонок ответили с третьего же гудка — хриловатым, но нежным голосом.

— Возможно ли, что мне перезвонил детектив Гурни?

— Алисса?

— Единственная и неповторимая.

— Алисса Спалтер?

— Алисса Спалтер, от которой жених сбежалтер, — она говорила, точно двенадцатилетка после набега на родительский винный буфет.

— Чем могу помочь?

— А вы хотите мне помочь?

— Вы звонили недавно. Что вы хотите?

— Помочь. Только и всего.
— И как именно вы хотите помочь?
— Хотите знать, кто убил Петушка Робина?
— Что?
— А вы много убийств сейчас расследуете?
— Вы имеете в виду вашего отца?
— Короля Карла? Ну разумеется!
— Тогда скажите.
— Не по телефону.
— Почему?
— Приходите ко мне, тогда скажу.
— Назовите имя.
— Назову. Когда узнаю вас получше. Я всех своих дружков называю какими-нибудь особыми именами. Так когда мы увидимся?
Гурни промолчал.
— Вы еще тут? — спросила она.
— Тут.
— Ага. В том-то и проблема. Вам надо прийти сюда!
— Алисса... либо вы знаете что-то полезное для расследования, либо нет. Либо скажете мне, либо не скажете. Выбор за вами. Решайте прямо сейчас.
— Я знаю все.
— Отлично. Тогда расскажите.
— Ни за что. А вдруг телефон прослушивается. Мы живем в страшном мире. Все прослушивают. Ушки-ушки-на-макушке. Да вы ж детектив, сами знаете. Спорим, вы даже знаете, где я живу.
Гурни промолчал.
— Ведь знаете, где я живу, да?
Он снова ничего не сказал.
— Да-да, спорим, знаете.
— Алисса? Послушайте меня. Если хотите рассказать...
Она прервала его с нарочито преувеличенной, соблазнительной томностью, которая при других обстоятельствах могла бы показаться даже комичной.
— Итак... я буду дома всю ночь. И завтра весь день. Приезжайте, как только сможете. Пожалуйста. Я вас жду. Жду только вас.
И она закончила разговор.
Гурни отложил телефон и посмотрел на Мадлен. Та, сосредоточенно хмурясь, разглядывала вилку, которую собиралась было убрать в ящик.

Включив воду, она принялась оттирать вилку, потом сполоснула, вытерла, осмотрела снова и удовлетворенно положила на место.

— По-моему, ты была права, — заметил Гурни.

Мадлен снова нахмурилась — уже на него.

— Насчет чего?

— Что эта молодая женщина либо пьяна, либо не в себе.

Мадлен невесело улыбнулась.

— Что ей надо?

— Хороший вопрос.

— Что ей надо, по ее словам?

— Встретиться со мной. Рассказать, кто убил ее отца.

— Карла Спалтера?

— Да.

— Ты собираешься с ней встречаться?

— Возможно. — Он еще немного подумал. — Вероятно.

— Где?

— Там, где она живет. В их фамильном особняке в Венус-Лейк. За Лонг-Фоллсом.

— Венус — это как Венера, богиня любви?

— Надо полагать.

— И венерические заболевания?

— Ну да, пожалуй.

— Славное названьице для озера. — Она помолчала. — Ты сказал — фамильный особняк. Ее отец мертв, а мать в тюрьме. Кто у них там еще есть в семье?

— Насколько я знаю, никого. Алисса — единственное дитя.

— Да уж, дитятко! Ты туда один пойдешь?

— И да, и нет.

Она посмотрела на него с любопытством.

— Может, прихватю что-нибудь простенькое из электроники.

— Пойдешь с прослушкой?

— Ну, это будет не так, как по телевизору показывают, когда за углом полный автобус компьютерных гениев и все такое. У меня техника попроще. А ты завтра дома или в клинике?

— Работаю во второй половине дня. Почти все утро буду тут. А что?

— Я просто вот что подумал. Как приеду к Венус-Лейк, перед тем как входить в дом, я позвонил бы с мобильного к нам на домашний. А ты, как снимешь трубку и убедишься, что это я, просто поставь на запись. Я суну мобильник в нагрудный карман, а выключать не стану. Может, идеального

качества записи и не будет, но хоть что-то разобрать потом удастся — впоследствии это может пригодиться.

Во взгляде Мадлен отразилось сомнение.

— Это все хорошо: ты сможешь доказать то, что тебе там надо доказать, но... пока ты там, ты же в опасности. За две минуты разговора с Алиссой по телефону у меня сложилось убеждение, что она со сдвигом. Возможно — с опасным сдвигом.

— Знаю. Но...

Мадлен не дала ему закончить фразу.

— Только не говори, с каким множеством опасных психов тебе приходилось сталкиваться! То было тогда, а это сейчас! — Она помолчала, словно усомнившись вдруг, так ли сильно «тогда» отличается от «сейчас». — Ты о ней вообще много знаешь?

Он обдумал вопрос. Кэй много чего говорила об Алиссе. Но сколько в ее словах правды?

— Много ли я знаю о ней достоверно? Почти ничего. Ее мачеха утверждает, что Алисса лгунья и наркоманка. Возможно, спала со своим отцом. Возможно, и с Клеппером, чтобы повлиять на ход следствия. Не исключено, что она подставила мачеху, желая свалить на нее убийство. И вполне вероятно, только что, разговаривая со мной по телефону, она была под кайфом. Наверное, она способна вытворить что угодно — бог весть почему.

— А что-нибудь хорошее ты о ней знаешь?

— Едва ли.

— Что ж... решать тебе. — Мадлен задвинула ящик с вилками и ложками чуть более резко, чем обычно. — Но лично мне кажется, встречаться с ней у нее дома — ужасная затея.

— Я и не стал бы, если б мы не могли повернуть этот номер с прослушкой для подстраховки.

Мадлен еле заметно кивнула, умудрившись этим сдержанным жестом сказать: «Риск слишком велик, но я же знаю, что тебя не остановить».

А вслух добавила:

— Ты еще не договорился о встрече?

Она меняла тему, что само по себе уже было многозначительно, но Гурни притворился, что не понимает.

— О какой встрече?

Мадлен стояла, положив руки на край раковины и устремив на Гурни терпеливый, недоверчивый взгляд.

— Ты говоришь о Малькольме Кларете?

— Да. А о ком еще, по-твоему?

Он беспомощно покачал головой.

— Есть предел моей способности удерживать в голове множество вещей одновременно.

— Ты завтра в котором часу уезжаешь?

Он почувал очередную многозначительную смену курса.

— В Венус-Лейк? Около девяти. Сомневаюсь, что мисс Алисса рано встает. А что?

— Хочу позаниматься курятником. Думала, может, если у тебя найдется несколько свободных минут, ты объяснишь мне, что делать дальше, чтобы перед работой я могла сдвинуть дело с мертвой точки. Вроде бы утро обещали хорошее.

Гурни вздохнул. Он попытался сосредоточиться на курятнике — на основной схеме и на том, что они уже успели измерить, и какие материалы надо купить, и за что браться дальше, — но не смог. Словно для дела Спалтеров и для курятника требовались два совершенно разных мозга. Да еще эта ситуация с Хардвиком! Думая о ней, Гурни каждый раз жалел, что послушался его.

Пообещав Мадлен, что чуть позже разберется с курятником, он отправился в кабинет и позвонил Хардвику на мобильник.

Неудивительно — и чертовски досадно, — но там сразу включился автоответчик.

«Хардвик... оставьте сообщение».

— Эй, Джек, что происходит? Ты где? Объявись. Пожалуйста.

Наконец осознав, что мозг у него дошел до той стадии истощения, когда совсем уже ни на что не годен, Гурни вслед за Мадлен отправился спать. Но когда сон все-таки пришел, это едва ли могло называться сном. Сознание Гурни металось, ходило по кругу, застряв в колее лихорадочных, бестолковых мыслей: опознание личности и обрывок фразы «Хардвик... оставьте сообщение» снова и снова повторялись во всех возможных искаженных видах и формах.

Глава 30

Дивный яд

Гурни подождал до утра, прежде чем рассказывать Мадлен про драму, разыгравшуюся в доме Хардвика. К тому времени, как он закончил свой сильно урезанный, но по сути точный рассказ, она смотрела на него так,

словно ждала финального выстрела.

Гурни отчаянно не хотелось делать этот выстрел, но выбора не было.

— Думаю, из предосторожности... — начал он, но Мадлен закончила мысль за него.

— ...мне лучше ненадолго отсюда выехать. Ты это собирался сказать?

— Просто на всякий случай. На несколько дней. По моим ощущениям, этот тип высказал, что хотел, и навряд ли повторит представление, но все-таки... Хочу, чтобы ты была подальше от любой потенциальной опасности, пока это все не разрешится.

Он готовился к тому же сердитому отпору, какой получил, высказав аналогичное предложение год назад, во время беспокойного дела Джиллиан Пери, так что очевидное нежелание Мадлен возражать сбило его с толку. Первый ее вопрос звучал на удивление трезво:

— О каком сроке мы говорим?

— Могу только догадываться. Но... может, дня три-четыре. Зависит от того, как быстро нам удастся разрешить проблему.

— Три-четыре дня, начиная с когда?

— Хорошо бы с завтрашнего вечера. Может, ты наприсишься погостить у сестры, там в...

— Я буду у Уинклеров.

— Где-где?

— Так и знала, что ты не помнишь. Уинклеры. У них на ферме. В Бак-Ридже.

Гурни начал смутно припоминать.

— Те самые, со странными животными?

— С альпака. Ты ведь помнишь, что я предлагала приехать туда и помочь им во время ярмарки?

Второе смутное воспоминание.

— Ах, да. Верно.

— И что ярмарка начинается в эти выходные?

Третье.

— Точно.

— Так что там я и буду. На ярмарке с ними, у них на ферме. Я собиралась поехать послезавтра, но уверена, они не будут против, если я приеду на день раньше. Собственно-то говоря, они приглашали меня остаться на всю неделю. Я собиралась взять в клинике несколько дней отпуска. Знаешь, мы ведь правда обсуждали все это, когда они меня только пригласили.

— Я помнил, но не очень отчетливо. Наверное, тогда казалось,

ярмарка еще не скоро. Но хорошо, это даже лучше, чем гостить у твоей сестры или еще где-нибудь.

Покладистость Мадлен испарилась.

— Но ты-то? Если мне есть смысл уехать, то...

— Со мной все будет отлично. Я ведь говорил — стрелок просто оставил свое сообщение. Похоже, он знает, что это Хардвик поднял дело Спалтеров, и вполне логично, что он адресовал свое послание именно ему. А потом, в том маловероятном случае, если он захочет во второй раз дать о себе знать, я сумею этим воспользоваться с толком.

На лице Мадлен читались тревога и смятение, словно ее раздирали глубокие внутренние противоречия.

Заметив ее выражение, Гурни тут же пожалел, что невзначай лишь осложнил дело ненужными подробностями, и попытался пойти на попятную.

— Я имел в виду, что вероятность серьезной угрозы микроскопична — но, даже будь она меньше процента, мне хотелось бы, чтобы ты держалась как можно дальше.

— Но сам-то ты как? Даже если она и меньше процента, во что мне не слишком-то верится...

— Я? Не волнуйся. Согласно «Нью-Йорк Мэгезин», я самый крупный спец по убийствам за всю историю Большого Яблока.

Столь неприкрытое хвастовство должно было успокоить Мадлен.

Но, похоже, подействовало обратным образом.

Навигатор привел Гурни в замкнутый мирок Венус-Лейк чередой сельских долин, оставляя суматоху Лонг-Фоллса в стороне.

Улица Лейкшор-драйв описывала двухмильную петлю вокруг водоема примерно в милю длиной и четверть мили шириной. Начиналась и кончалась петля в деревушке на берегу озера, словно списанной с открытки. Дом Спалтеров — увеличенная копия постройки в колониальном деревенском стиле — стоял посреди ухоженного участка в несколько акров с другой стороны от деревни.

Сделав полный круг, Гурни остановился перед Киллингстонским торговым центром, который — судя по тщательно продуманной деревенской безыскусности витрины, где были выставлены удочки, английские чаи и провинциальный твид, — отражал особенности пасторальной жизни примерно с той же достоверностью, что и картины Томаса Кинкейда.

Вытащив мобильный, Гурни в третий раз за утро позвонил Хардвику

— и в третий раз нарвался на автоответчик. Тогда он позвонил Эсти, тоже в третий раз, но теперь она сняла трубку.

— Дэйв?

— Есть новости от Джека?

— И да, и нет. Он мне звонил вчера вечером в одиннадцать сорок пять. Голос у него был не слишком веселый. Похоже, у стрелка был не то мотоцикл, не то внедорожник. Джек говорил, в какой-то момент он даже услышал шум мотора — из леса рядом с дорогой, но ближе так и не подобрался. Так что тут — никакого прогресса. По-моему, он собирался сегодня искать свидетелей против Кэй.

— А что с фотографиями?

— Со вскрытия Гурикоса?

— Ну, и с ними тоже, но я имел в виду снимки с камер, установленных в лесу. Помните вспышки, что мы видели на холме после стрельбы?

— По словам Джека, все камеры разбиты. Похоже, стрелок всадил в каждую по паре пуль. Что до вскрытия Гурикоса и Мэри Спалтер, я уже наводила справки по телефону. Если повезет, может, получим сведения довольно скоро.

Затем Гурни позвонил на свой домашний телефон.

Сперва ответа не было, и включился автоответчик. Гурни уже собирался оставить паническое воззвание: «Где ты, черт возьми?», когда Мадлен сняла трубку.

— Привет. Я выходила. Прикидывала, как быть с электричеством.

— С каким электричеством?

— А разве мы не сошлись на том, что к курятнику надо будет протянуть провод?

Он подавил раздраженный вздох.

— Ну да, кажется. В смысле... нам же прямо сейчас рано еще об этом думать.

— Да... но разве не стоит прикинуть, где он будет, — чтобы потом ничего не испортить?

— Слушай, я не могу сейчас на этом сосредоточиться. Я в Венус-Лейк, собираюсь разговаривать с дочерью жертвы. Нужно, чтобы ты включила на телефоне запись.

— Знаю. Ты мне говорил. Я просто не буду разъединяться и поставлю на запись.

— Верно. Только вот я придумал способ получше.

Она промолчала.

— Ты еще здесь? — позвал Гурни.

— Здесь.

— Отлично. Тогда сделай вот как. Позвони мне ровно через десять минут. Я тебе что-нибудь скажу — не обращай внимания, что именно, — и разъединюсь. Перезвони мне сразу же. Я еще что-нибудь скажу и разъединюсь. Тогда позвони мне в третий раз и, что бы я ни говорил, не разъединяйся и включи запись. Хорошо?

— Зачем столько сложностей? — в ее голосе слышалась нарастающая тревога.

— Алисса может заподозрить, что я записываю разговор на телефон — или что передаю его на другое устройство. Вот мне и хочется заручиться этой идеей на корню, заставив ее поверить, что я вообще отключил мобильный.

— Ладно. Позвоню через десять минут. От этого момента?

— Да.

— Может, как вернешься домой, обсудим нагреватель для воды?

— Что-что?

— Я читала, что в курятниках не требуется отопления, но воду надо поддерживать такой температуры, чтобы не замерзала. Вот и еще одна причина, почему там понадобится электричество.

— Хорошо. Да. Обсудим. Позже. Вечером. Ладно?

— Ладно. Позвоню тебе через девять с половиной минут.

Он сунул телефон в нагрудный карман, взял из ящичка на приборной доске маленький цифровой диктофон и закрепил на поясе так, чтобы сразу бросалось в глаза. А потом двинулся от торгового центра к противоположному концу Венус-Лейк — к открытым литым воротам и алее, ведущей к дому Спалтеров. Медленно проехав в ворота, он припарковался на площадке перед широкими гранитными ступенями.

Казалось, старинная дверь раньше принадлежала какому-то другому, более древнему, но такому же богатому дому. На стене рядом висел интерком. Гурни нажал кнопку.

— Входите, не заперто, — произнес бесплотный женский голос.

Гурни посмотрел на часы. Шесть минут до звонка Мадлен. Открыв дверь, он шагнул в просторный холл, освещенный чередой антикварных светильников. Сводчатый проход слева вел в парадную столовую; такой же, но справа, — в богато обставленную гостиную с камином, в котором человек мог бы встать в полный рост. В глубине холла поднималась на второй этаж лестница из лакированного красного дерева, с резными перилами.

Полуголая молодая женщина вышла на лестничную площадку, улыбнулась и неторопливо двинулась вниз. На ней были лишь два куцых

клочка одежды, явно предназначенные подчеркивать то, что формально скрывали: едва прикрывающая грудь розовая футболка, рваная по нижнему краю, и белые шортики, и вовсе почти ничего не прикрывающие. На растянутой ткани футболки крупными черными буквами было написано непонятное сокращение «FMAD».

Лицо у Алиссы оказалось свежее, чем Гурни предполагал увидеть у хронической наркоманки. Доходящие до плеч пепельно-русые волосы были влажными и чуть растрепанными, как после душа. Пока она спускалась по ступеням, Гурни обратил внимание, что ногти на пальцах босых ног у нее покрашены светло-розовым лаком, в тон почти незаметному слою помады на губах, маленьких и изящных, точно у куколки.

Спустившись, она на миг замерла, рассматривая Гурни так же пристально, как и он ее.

— Привет, Дэйв.

Голос ее, как и весь облик, был тщеславным и нелепособлазнительным. А вот глаза, с интересом отметил Гурни, не походили на тусклые, затравленные глаза среднестатистической наркоманки. Яркосиние и очень ясные. Однако блеск им придавала не юная невинность. Нет, ледяное честолюбие.

Любопытно получается, с глазами-то, подумал Гурни. Даже пытаюсь все скрыть, они хранят в себе и отражают эмоциональную сумму всего, что видели.

Девушка бестрепетно выдержала пристальный взгляд Гурни. Что-то в ее глазах — что-то, чему они были свидетелями, — заставило его похолодеть. Он кашлянул и задал дежурный, но непременный вопрос.

— Вы — Алисса Спалтер?

Розовые губки чуть разомкнулись, демонстрируя ряд идеальных зубов.

— Так копы по телику спрашивают перед тем, как кого-нибудь арестовать. Вы хотите меня арестовать?

Тон у нее был игривый, а вот глаза — нет.

— Это в мои планы не входило.

— А что входит в ваши планы?

— У меня нет плана. Я приехал потому, что вы позвали.

— И еще из любопытства?

— Мне любопытно, кто убил вашего отца. Вы сказали, что знаете, кто. В самом деле?

— Не торопитесь так. Заходите, присаживайтесь.

Повернувшись, она прошла через арку в гостиную, переступая босыми ногами с шелковистой грацией танцовщицы. На Гурни она не

оглядывалась.

Он проследовал за ней — думая, что никогда еще не встречал столь поразительного сочетания дешевой сексуальности и чистейшего цианида.

Сама комната — огромный камин, обитые кожей кресла и английские пейзажи на стенах — составляла головокружительный контраст с этой современной Лолитой, которой предстояло скоро унаследовать все имущество отца. А может, вовсе и не контраст, учитывая, что дом, скорее всего, был не старше Алиссы и весь его облик являлся лишь результатом искусных ухищрений.

— Как в музее каком, — сказала Алисса, — но диван ничего, мягкий. Ногам приятно. Попробуйте-ка сами.

Не успел Гурни выбрать, куда садиться — только не на диван! — как телефон у него зазвонил. Он взглянул на экран. Мадлен пунктуальна. Он смерил телефон суровым взглядом, точно звонок совсем некстати, и нажал кнопку «Ответить».

— Да? — Он помолчал. — Нет. — Помолчал снова и повторил, на этот раз сердито: — Я же сказал — нет!

Нажал кнопку отбоя, сунул мобильник обратно в карман, посмотрел на Алиссу и приподнял брови.

— Простите, отвлекся. Так на чем мы остановились?

— На том, чтобы устроиться поудобнее.

Она села на диван и приглашающим жестом показала на валик рядом.

Гурни сел в кресло, отделенное от дивана кофейным столиком.

Алисса скроила обиженную мордочку, но ненадолго.

— Хотите выпить?

Он покачал головой.

— Пива?

— Нет.

— Шампанского?

— Нет, спасибо.

— Мартини? Негрони? Текини? «Маргариту»?

— Ничего не надо.

Снова та же гримаска.

— Вы не пьете?

— Иногда. Не сейчас.

— У вас такой напряженный голос. Вам надо...

Мобильник зазвонил снова. Гурни посмотрел, кто это, и убедился, что Мадлен. Он выждал еще немного, словно хотел, чтобы включился автоответчик, но потом, притворяясь раздраженным, нажал кнопку.

— Ну что еще? — Пауза. — Сейчас не время... Да ради бога... — Он снова помолчал, принимая все более раздраженный вид. — Послушай. Пожалуйста. Я сейчас занят. Да... Нет... Не сейчас!

Он снова нажал отбой и убрал телефон в карман.

Алисса лукаво улыбнулась.

— Проблемы с девушкой?

Он не ответил, мрачно уставившись на кофейный столик.

— Вам надо расслабиться. Стряхнуть все это напряжение, я прямо отсюда чувствую, до чего вы скованны. Могу как-то помочь?

— Ну, мне бы помогло, если б вы оделись.

— Оделась? Да я же одета!

— Не слишком.

Губы ее расплзлись в медленной, холодной улыбке.

— А вы забавный.

— Ладно, Алисса. Хватит. Перейдем к делу. Зачем вы хотели меня видеть?

Улыбку сменила очередная недовольная гримаса.

— И что вы такой бука? Я просто хотела помочь.

— Как?

— Хотела помочь вам понять реальное положение дел, — произнесла она с таким жаром, точно этот ответ все объяснял. А когда Гурни в ответ лишь выжидающе уставился на нее, снова пустила в ход улыбку. — А вы точно не хотите выпить? Может, «Текилу Санрайз»? Я потрясающе готовлю «Текилу Санрайз».

Он с демонстративной небрежностью потянулся к бедру, почесал место, которое вовсе не чесалось, и включил прикрепленный к поясу диктофон, неловко скрыв тихий щелчок за громким кашлем.

Алисса улыбнулась еще шире.

— Хотите, чтоб я заткнулась, солнышко, так это самый верный способ.

— Простите?

— *Простите?* — В глазах ее сверкнуло ледяное веселье.

— Что такое? — Гурни по мере сил воспроизвел выражение лица человека, который знает, что проштрафился, но изображает святую невинность.

— Что это у вас там за штучка на поясе?

Он скосил глаза вниз.

— Ах, это... — Он кашлянул. — Ну, в общем-то, диктофон.

— Диктофон. Без шуток! Можно взглянуть?

Он заморгал.

— Ну, конечно.

Отстегнув записывающее устройство, он протянул его через стол Алиссе.

Она взяла диктофон, внимательно осмотрела, выключила и положила на диван рядом с собой.

Гурни озабоченно нахмурился.

— Верните, пожалуйста.

— Подойдите и заберите.

Он посмотрел на нее, на диктофон, снова на нее, потом снова откашлялся.

— Это же рутинная процедура. Я всегда записываю все встречи. Очень полезно, чтобы потом не спорить, что говорилось или какие были приняты договоренности.

— Правда? Ух ты! И как же я об этом не подумала!

— Так что, если не возражаете, мне бы и нашу встречу хотелось записать.

— Да? Что ж, как сказал Санта-Клаус жадному мальчику, хрен тебе.

Он изобразил недоумение.

— Зачем поднимать столько шума из-за такого пустяка?

— Никакого шума. Просто не хочу, чтобы меня записывали.

— Я думал, так нам обоим будет лучше.

— А я не согласна.

Гурни пожал плечами.

— Ну ладно. Будь по-вашему.

— Что вы собирались с этим делать?

— Как я уже говорил, если впоследствии возникнут разногласия...

Телефон у него зазвонил в третий раз. Мадлен. Он нажал кнопку.

— Боже, теперь-то что? — произнес он в трубку таким тоном, будто его это все уже достало. А следующие десять секунд изображал, как окончательно выходит из себя. — Знаю... Хорошо... Хорошо... Боже, а нельзя нам поговорить об этом потом?.. Хорошо... Да... Я сказал — да! — Он отнял телефон от уха, посмотрел на него, словно на источник одних лишь проблем, ткнул пальцем рядом с кнопкой отбоя, не разрывая связь, и убрал включенный телефон в нагрудный карман. Потом покачал головой и смущенно покосился на Алиссу. — Бог ты мой!

Она зевнула с таким видом, словно во всем мире не было ничего скучнее, чем мужчина, думающий о ком-то, кроме нее. А потом выгнула спину, приподняв этим движением то небольшое, что оставалось от ее футболки, и обнажая часть груди.

— Давайте просто начнем с самого начала, — предложила она, уютно устраиваясь в уголке дивана.

— Отлично. Но я бы хотел получить диктофон назад.

— Я придержу его, пока вы тут. Получите, когда будете уходить.

— Хорошо. Ладно. — Он обреченно вздохнул. — Назад к началу. Вы сказали, что хотите, чтобы я понял реальное положение вещей. В чем именно оно заключается?

— А в том, что вы напрасно тратите время, пытаясь перевернуть все с ног на голову.

— По-вашему, я именно этим и занимаюсь?

— Вы же пытаетесь освободить эту сучку, да?

— Я пытаюсь выяснить, кто убил вашего отца.

— Кто его убил? Да чертова шлюха, его жена. Вот и вся история.

— Кэй Спалтер, отменный снайпер?

— Она же брала уроки. Это чистая правда. Зафиксированная в документах. — Последнее слово Алисса произнесла с почтением, словно оно таило в себе волшебную силу.

Гурни пожал плечами.

— Масса народа берет уроки стрельбы, но никого не убивает.

Алисса покачала головой — быстрым, горьким движением.

— Вы просто не знаете, какая она.

— Так расскажите мне.

— Лживая, алчная тварь.

— Еще что-нибудь?

— Она вышла за отца ради денег. Точка. Кэй — вымогательница. И вообще шлюха. Когда до папаши это дошло, он сказал ей, что хочет развода. Стерва сообразила, что настал конец ее хорошей жизни, вот и взяла сама да прикончила его. Бах! Только-то.

— Так, по-вашему, это все из-за денег?

— Из-за того, что она привыкла получать все, чего ни пожелает! Знаете, что она покупала Дарилу, мальчишке из бассейна, подарки на деньги моего отца? Купила ему на день рождения сережку с бриллиантом. А знаете, сколько она за нее заплатила? А вот отгадайте?

Гурни ждал.

— Нет. Правда. Отгадайте, сколько.

— Тысячу?

— Тысячу? Как бы не так! Десять тысяч — не хотите? Десять кусков, десять долбанных кусков из денежек моего папаши, чтоб его! На какого-то паршивого спасателя! И знаете, почему?

Гурни снова подождал.

— А я вам скажу. Гнусная сука платила ему, чтоб он с ней трахался. Папашиной кредиткой платила. Ну не гадость ли? Говоря о гадостях — видели бы вы, как она красится. Прямо мурашки по коже бегут — точно смотришь, как в морге изображают улыбочку на трупе.

Эта ярость, поток желчи и ненависти показались Гурни самой неподдельной стороной Алиссы из всех, что он видел до сих пор. Но даже и в этом он был не вполне уверен. Интересно, далеко ли заходят ее актерские таланты.

Она умолкла, грызла большой палец.

— А бабушку вашу тоже она убила? — кротко спросил Гурни.

Девушка заморгала от растерянности.

— Мою... кого-кого?

— Мать вашего отца.

— О чем это вы?

— Есть причины полагать, что Мэри Спалтер погибла вовсе не в результате несчастного случая.

— Какие еще причины?

— На видеозаписях с камер наблюдения в «Эммерлинг Оукс» от того дня видно, как некий человек заходит в дом престарелых под ложным предлогом. В день, когда стреляли в вашего отца, того же человека видели входящим в квартиру, где нашли винтовку.

— Это ваш хренов адвокат выдумал?

— А вы в курсе, что в тот же день, как стреляли в вашего отца, был убит один местный мафиози, с которым у вашего отца были дела? Думаете, это тоже Кэй?

У Гурни сложилось впечатление, что Алисса потрясена, но старается не показывать вида.

— Могла и она. Чего б нет? Если она собственного мужа грохнула... — Голос у нее оборвался.

— Она что, ходячая фабрика убийств? Пожалуй, ее сокамерницам по «Бедфорд-Хиллс» лучше поостеречься!

Но, уже швыряя эту саркастическую реплику, он вспомнил прозвище, полученное Кэй в тюрьме, — Черная вдова, и задумался, а не заметили ли они в ней что-то такое, что сам он проглядел.

Алисса ничего не ответила, лишь чуть глубже вжалась в диван, скрестив руки на груди. Если не принимать во внимание совершенно зрелую фигуру, на краткий миг она стала похожей на расстроенную школьницу. Даже когда она наконец нарушила молчание, в голосе ее

звучала скорее сердитая бравада, чем уверенность.

— Ну и бредятина! Что угодно, только бы вытащить сучку из тюрьмы, да?

Гурни взвешивал варианты дальнейших действий. Можно оставить все как есть — пусть все, что он рассказал сейчас, понемногу разъедает ее изнутри, — а потом посмотреть, что из этого выйдет. Или можно надавить сильнее, палить из всех стволов прямо сейчас, попытаться спровоцировать взрыв. Оба варианта были чреваты значительным риском. Он выбрал надавить сильнее. Оставалось только молить бога, чтобы телефон все еще записывал.

Он наклонился ближе к девушке, упершись локтями в колени.

— Слушайте внимательно, Алисса. Кое-что вы и так уже знаете. Даже большую часть. Но все-таки выслушайте. Я скажу это всего один раз. Кэй Спалтер никого не убивала. Ее осудили потому, что Майкл Клемпер завалил следствие. Причем нарочно. Единственный вопрос, который у меня остался, — его это была идея или ваша? Я думаю, ваша.

— Какой вы смешной.

— Я думаю, это ваша идея, потому что только у вас есть для этого осмысленный мотив. Пусть Кэй осудят за убийство Карла — и денежки переходят к вам. Вот вы и соблазнили Клемпера, чтоб он подставил Кэй. Одна беда: Клемпер схалтурил. Даже испортить все толком не сумел. Так что теперь карточный домик рушится. Дело обвинения полно зияющих дыр, провалов, нестыковок в доказательствах, полицейских нарушений. Вынесенный Кэй приговор не выдержит апелляции. Ваша мачеха выйдет через месяц, может, раньше. И как только это случится, наследство Карла немедленно перейдет к ней. Так что вы трахались с этим идиотом Клемпером совершенно напрасно. Интересно будет посмотреть, как там выйдет в суде — кто из вас получит больший срок.

— Срок? За что?

— Помехи следствию. Лжесвидетельство. Подстрекательство к нарушению закона. Преступный сговор. И еще с полдюжины отвратительных правонарушений, за каждое из которых полагается немалый срок. Клемпер будет все валить на вас, вы на него. Присяжным, скорее всего, будет без разницы.

Пока он говорил, Алисса подтянула коленки к груди и крепко обхватила их руками. Глаза ее словно бы всматривались в какую-то внутреннюю карту.

После долгой паузы она заговорила — тихим и ровным голосом.

— А что, если я вам скажу, что он меня шантажировал?

Гурни опасался, что телефон у него не возьмет такой тихий голос.

— Шантажировал вас? Как? И чем?

— Он кое-что знал обо мне.

— Что он знал?

Она метнула в него острый взгляд.

— Вам это знать незачем.

— Хорошо. Он шантажом принудил вас — к чему?

— Спать с ним.

— И солгать на суде о том, что вы слышали в телефонном разговоре Кэй.

Она заколебалась.

— Нет. Я и вправду все это слышала.

— То есть, вы признаете, что занимались сексом с Клемпером, но отрицаете лжесвидетельство?

— Да. Что я с ним трахалась — это не преступление. А вот что он меня заставил — да. Так что если у кого и будут неприятности, так это у него, не у меня.

— Хотите еще что-нибудь рассказать?

— Нет. — Она грациозно спустила ноги на пол. — И вам лучше забыть все, что я вам только что говорила.

— Почему это?

— Может, это все неправда.

— Тогда зачем вы мне это все говорили?

— Чтобы помочь вам понять. Вы сказали, я получу срок? Никогда и ни за что.

Она облизала губы кончиком языка.

— Хорошо. Тогда, я так понимаю, мы закончили.

— Разве что передумаете насчет «Текилы Санрайз». Поверьте, ради нее стоит передумать.

Гурни поднялся и показал на диктофон, лежавший рядом с Алиссой на диване.

— Теперь мне можно его забрать?

Алисса схватила диктофон и затолкала в карман шортиков, и без того уже чуть не лопавшихся по швам.

— Пришлю вам по почте, — улыбнулась она. — Или... можете попытаться забрать его прямо сейчас.

— Оставьте себе.

— Что, даже не попытаетесь? Спорим, у вас получится, только попытайтесь как следует.

Гурни улыбнулся.

— У Клемпера не было ни шанса, да?

Она улыбнулась в ответ.

— Говорю же, он меня шантажировал. Заставил делать такое, что я ни за что не стала бы делать. Ни за что. Вы даже не представляете, что именно.

Гурни обошел столик с дальней стороны, вышел из гостиной, открыл дверь на улицу и шагнул на широкие каменные ступени. Алисса проследовала за ним к выходу и снова приняла обиженный вид.

— Обычно мужчины спрашивают у меня, что значит «*FMAD*».

Он глянул на крупные буквы у нее на груди.

— Ничуть не сомневаюсь.

— А вам не любопытно.

— Ладно, любопытно. Так что это значит?

Она наклонилась к нему и прошептала:

— Трахни меня и умри^[17].

Глава 31

Еще одна Черная вдова

Как Гурни и ожидал, возле бокового крыльца его дома был припаркован красный «Понтиак». На обратной дороге от Венус-Лейк он позвонил Хардвику и оставил сообщение, что им нужно встретиться немедленно, желательно — вместе с Эсти. Ему срочно требовалось мнение со стороны о его беседе с Алиссой.

Хардвик перезвонил Гурни, когда тот приближался к Уолнат-Кроссингу, и предложил подъехать прямо сейчас. Войдя в дом, Гурни обнаружил, что Хардвик растянулся в кресле рядом со столиком для завтрака, у открытой французской двери.

— Твоя прелестная женушка впустила меня перед уходом. Сказала, идет вправлять мозги местным психам, — пояснил он в ответ на незаданный вопрос Гурни.

— Сомневаюсь, чтобы она именно так и сформулировала.

— Ну, может, как-то поизысканнее. Женщины любят фантазировать, будто психопатов можно вылечить. Как будто Чарли Мэнсону только и требуется, что капелька любви и заботы.

— Кстати о хороших женщинах, связавшихся с маньяками: что там у тебя с Эсти?

— Трудно сказать.

— У тебя это серьезно?

— Серьезно? Думаю, да, что бы ни понимать под словом «серьезно».

Одно тебе скажу: секс зашибись.

— Ты поэтому наконец обзавелся хоть какой-то мебелью?

— Женщины любят мебель. Это их заводит. Тают при виде обустроенного гнездышка. Биологические, знаешь, инстинкты. Постели, диваны, уютные кресла, мягкие ковры — вся эта фигня для них имеет значение. — Он помолчал. — Она уже в дороге. Ты в курсе?

— В смысле — едет сюда?

— Я передал ей твое приглашение. Думал, может, она тебе перезвонит.

— Нет, но я рад, что она будет. Чем больше мнений, тем лучше.

Хардвик скроил скептическую гримасу — обычное свое выражение лица, — поднялся из-за стола и шагнул к двери. Некоторое время с любопытством смотрел на улицу, а потом поинтересовался:

— Какого хрена ты тут затеял?

— Ты о чем?

— Да о той груде деревяшек.

Гурни подошел к двери. Там и в самом деле высилась груда досок, которых он не заметил по пути к дому — кусты аспарагуса загораживали. На миг он прямо-таки растерялся. Похоже, там были доски размеров два на четыре, четыре на четыре и два на шесть.

Вытащив телефон, он набрал номер Мадлен.

Как ни удивительно, она ответила после первого же гудка.

— Да?

— Что это тут за добро за домом?

— Добро?

— Доски. Строительные материалы.

— Все в соответствии с твоими указаниями.

— И что это все тут делает? — Но уже спрашивая, он понял, что ответ очевиден.

— Оно там лежит, потому что именно там нам и понадобится. Доставили сегодня утром.

— Ты заказала все, что у меня было в списке?

— Только то, что понадобится в первую очередь.

Он пошел на попятную.

— Я же не говорил, что прямо сегодня.

— Ну, тогда завтра? Погода вроде еще несколько дней не испортится. Не беспокойся. Если ты слишком занят, просто скажи, как, я сама начну.

Гурни чувствовал, что загнан в угол. Но вспомнил изречение какого-то мудреца о том, что чувства не равны фактам, и решил благоразумно ограничиться кратким ответом.

— Хорошо.

— Это все? Ты поэтому звонил?

— Да.

— Отлично, тогда до вечера. Я иду на сеанс.

Он сунул телефон в карман.

Хардвик наблюдал за ним с насмешливой ухмылкой.

— Проблемы в раю?

— Никаких проблем.

— Правда? Вид у тебя был такой, точно тебе этот телефон укусить хочется.

— Мадлен лучше меня умеет заниматься несколькими делами сразу.

— В смысле, хочет, чтобы ты занимался чем-то, до чего тебе никакого дела нет?

Это было утверждение, а не вопрос, — и, подобно многим утверждениям Хардвика, оно содержало в себе грубую истину.

— Машина едет, — заметил Гурни.

— Наверняка Эсти.

— Узнаешь ее «Мини» по звуку?

— Нет. Но кому бы еще сейчас пилить вверх по вашей раздолбанной дороге?

Минутой позже Эсти уже стояла у боковой двери. Гурни впустил ее. Одета она была куда консервативней, чем накануне у Хардвика: черные брюки, белая блузка и темный блейзер. Должно быть, приехала прямиком с работы. Волосы ее уже так не блестели, как вчера. В руке она держала коричневый конверт.

— Только со смены? — спросил Гурни.

— Да. С полуночи до полудня. И здорово устала после вчерашнего безумия. Но надо было выйти на работу вместо того, кто заменял меня две недели назад. А потом пришлось еще и техосмотр проходить. Но как бы там ни было, а я здесь. — Она прошла вслед за Гурни в кухню, увидела, что у стола стоит Хардвик, и одарила его широкой улыбкой. — Привет, солнышко.

— Привет, радость моя, как дела?

— Теперь отлично — когда вижу тебя целым и невредимым. — Она подошла к нему, поцеловала в щеку и провела пальцами по щеке, словно проверяя, что он и вправду цел. — Ты точно в порядке? Ничего от меня не

скрываешь?

— Детка, со мной все в стопроцентном порядке.

Она очаровательно подмигнула ему.

— Рада слышать.

Гурни гадал, предназначены ли все эти чуть преувеличенные проявления нежности для того, чтобы уничтожить вчерашний мимолетный намек на доступность, или само то вчерашнее впечатление — не больше, чем проделки его мужского самолюбия.

— Итак, — сказала Эсти, внезапно принимая деловой вид. — У меня есть ответы. Вам как, парни, интересно?

Гурни показал на обеденный стол.

— Можем сесть там.

Эсти выбрала для себя стул во главе стола. Мужчины уселись друг напротив друга по бокам. Эсти вытащила из конверта записную книжку.

— Сперва что попроще. Да, согласно вскрытию — самому базовому, — увечья Мэри Спалтер могли быть нанесены намеренно, но такой вариант никто всерьез не рассматривал. Падения, даже с летальным исходом, случаются в престарелом возрасте достаточно часто, и нередко их считают причиной смерти.

Хардвик хмыкнул.

— Так расследования, что ли, вообще не было?

— Никакого.

— А время смерти? — спросил Гурни.

— Примерно между тремя и пятью часами пополудни. Как это согласуется со временем посещения того хмыря из доставки цветов?

— Я еще проверю, но, кажется, он вошел в офис Кэрол Блисси около трех пятнадцати. Какие-нибудь совпадения по методу действий в базах обнаружены?

— Пока ничего.

— И никакие свидетели не упоминали, что неподалеку от места убийства видели фургончик доставки цветов?

— Нет, но это не означает отсутствие таких свидетельских показаний — значит лишь, что в формы базы данных этот факт не попал.

— Хорошо, — кивнул Гурни. — А по Жирдяю Гасу что?

— Время смерти — от десяти утра до часа дня. И да, как ты и предсказывал, в описании фигурирует слово «гортань». Однако смерть наступила не от забитых в шею и голову гвоздей. Сначала его застрелили — отверстие от пули двадцать второго калибра, пущенной через правый глаз и прямо в мозг.

— Интересно, — заметил Гурни. — Отсюда следует, что гвозди применялись не для пытки.

— И что? — спросил Хардвик. — Суть-то в чем?

— Это поддерживает версию, что гвозди понадобились в качестве предостережения, а не чтобы наказать жертву. Время смерти тоже интересно. В первоначальном отчете о покушении на Карла указано время десять двадцать. Место убийства Гурикоса — в его доме близ Ютики — исключает возможность того, что стрелок убил его в десять, вбил гвозди, умылся, доехал до Лонг-Фоллса, успел занять позицию и выстрелить в Карла в десять двадцать. Значит, все произошло в обратном порядке: сперва Карл, потом Гас.

— Если предполагать, что убийца один и тот же, — вставил Хардвик.

— Верно. Но мы и должны руководствоваться именно этим предположением — по крайней мере, пока не будет доказательств, что действовало больше одного человека. — Он повернулся к Эсти. — Еще что-нибудь по Гурикосу?

— Моя знакомая из отдела борьбы с организованной преступностью как раз проверяет. Она сама не участвовала в этом расследовании, так что действовать ей приходится с оглядкой. Не хочет вызвать ненужное любопытство, а не то кто-нибудь заинтересуется и пошлет запрос исходному следователю. Довольно щекотливая ситуация.

— А что с методом, использованным при убийстве Спалтера?

— Тут дело другое. Клемпер вообще не проводил никаких поисков ни по каким базам, потому что с самого начала решил обвинить Кэй. Тут я себя чувствую в большей безопасности.

— Великолепно. А ты, Джек, ищешь свидетелей обвинения? И что там еще сумел узнать от приятеля из Интерпола?

— Ну да. Из Интерпола пока ничего. И никто из свидетелей больше не проживает по адресам, фигурировавшим в деле, — что, учитывая изменную природу этих свидетелей, само по себе еще ничего не значит.

Эсти уставилась на него.

— Изменную природу?

В глазах Хардвика вспыхнула та лукавая, озорная искорка, которая всегда выводила Гурни из душевного равновесия.

— Их изменная природа состоит в отсутствии твердых моральных принципов. Они по сути своей — отребье. А то, что у отребья, не обладающего твердыми моральными принципами, сплошь да рядом и постоянного адреса тоже нет — это факт общеизвестный. Пока я сказал лишь одно: то, что их трудно найти, само по себе еще ничего не значит. Но

я продолжу поиски. Даже отребье должно где-то да находиться. — Он повернулся к Гурни. — Так не расскажешь нам про разговор с наследницей?

— *Потенциальной* наследницей — если Кэй останется в тюрьме.

— Что с каждым днем все менее вероятно. Должно быть, этот поворот событий на мисс Алиссе весьма интересно сказывается, да? Поделишься впечатлениями?

Гурни улыбнулся.

— И не только впечатлениями. У меня есть запись. Может, не самого высокого качества, но основную идею вы уловите.

— «Трахни меня и умри»? Она и вправду сказала: «Трахни меня и умри»? — Эсти наклонилась к диктофону. Они прослушали разговор в Венус-Лейк во второй раз. — Это еще что значит?

— Небось, название ее любимой группы, — предположил Хардвик.

— А может, и угроза, — добавила Эсти.

— Или приглашение, — сказал Хардвик. — Ты ж там был, малыш Дэйви. Ты как истолковал это?

— Как все, что она говорит или делает, — сочетание дешевой обольстительности и тщательно обдуманной подлости.

Хардвик приподнял брови.

— Когда слушаешь запись, кажется, будто вредная малолетка пытается шокировать взрослых. Эта футболка придает ей совсем уж жалкий вид. Словно психологически ей не больше двенадцати лет.

— Футболка, может, и безобидна, — ответил Гурни, — но взгляд у нее тяжелый.

Эсти так и подскочила.

— А может, футболка не такая уж безобидная. Вдруг это констатация факта?

Хардвик снова отреагировал скептически:

— Какого факта?

— Может, в этом деле замешано больше одной Черной вдовы.

— В смысле, «Трахни меня и умри» буквально означает: «Трахни меня, и я тебя убью»? Ловко придумано, но я пока не улавливаю, как...

— Она говорила Клемперу, что отец ее изнасиловал. Доказательств у нас нет, но это вполне может оказаться правдой.

— Хочешь сказать, Алисса в отместку убила отца?

— Ничего невозможного тут нет. А если б ей удалось заставить кого-нибудь похотливого идиота вроде Клемпера подтасовать факты и обвинить

во всем Кэй, то месть включала бы и то, что она получит все папашино наследство. Два главных мотива — месть и деньги.

Хардвик перевел взгляд на Гурни.

— А ты что скажешь, старичок?

— Уверен, Алисса в чем-то виновна. Может, она убедила Клемпера — или заставила при помощи шантажа — подтасовать улики так, чтобы обвинение непременно пало на Кэй. А может, она вообще весь этот план придумала — не только то, как подставить Кэй, но и само убийство.

— Преднамеренное убийство? Думаешь, она на такое способна?

— В этих блестящих синих глазках есть что-то пугающее. Но не могу представить, чтобы она сама привела замысел в исполнение. Кто-то другой разбил голову Мэри о стенку ванной и вогнал в Жирдяя Гаса гвозди.

— Хочешь сказать, она наняла профи?

— Хочу сказать, что если за всеми тремя убийствами стоит именно Алисса, то без помощника она не обошлась. Но эта гипотеза не помогает найти ответ на вопрос, который не дает мне покоя с самого начала: мать Карла-то зачем? Ведь никакого же смысла.

Хардвик барабанил пальцами по столу.

— И в убийстве Гаса тоже никакого смысла. Разве что принять версию Донни Ангела, что Гаса с Карлом убила намеченная ими жертва. Но если принять эту версию и предположить, что главное действующее лицо — Алисса, то невольно напрашивается вывод, что она и была первоначальной мишенью Карла. Это показалось мне дикостью с самого начала, и сейчас кажется так.

— Но это дало бы ей мотив для третьего убийства, — заметила Эсти.

Гурни снова принялся обдумывать предложенный Ангелидисом сценарий — на этот раз с Алиссой в роли мишени. Внезапно его бросило в дрожь.

— Что такое? — спросила Эсти, с любопытством наблюдавшая за ним.

— Логика сомнительная. То есть, вообще никакой логики. Просто ощущение — и фотография. — Он поднялся и отправился в кабинет за той пугающей фотографией Карла Спалтера, взятой из материалов дела. Вернувшись, он положил ее на стол между Хардвиком и Эсти.

Хардвик посмотрел на снимок. Лицо у него напряглось.

— Я уже видела, — сказала Эсти. — Не могу долго на это смотреть.

Хардвик покосился на Гурни, все еще стоявшего у стола.

— Ты хотел этим донести до нас какую-то мысль?

— Да говорю ж, логика хромает, просто неожиданная догадка.

— Господи, малыш Дэйви, вся эта неопределенность меня просто

убивает.

— А что, если это взгляд человека, ждущего смерти и знающего, что он скоро умрет — в результате того, что он сам заказал убить своего ребенка?

Все трое уставились на фотографию.

Долгое время никто не произносил ни слова.

Наконец Хардвик откинулся на спинку и засмеялся своим фирменным раскатистым смехом:

— Матерь божья, вот была бы карма так карма!

Глава 32

Еще один недостающий игрок

Хардвик предложил еще раз послушать запись из Венус-Лейк. Они так и сделали. Похоже, его больше всего интересовал тот момент, когда Алисса утверждала, что Клемпер шантажом вынудил ее заниматься с ним сексом.

— Великолечно! Мне это нравится! Ублюдку конец! Решительно и бесповоротно!

Настал черед Гурни проявить скептицизм:

— Одной только записи недостаточно. Ты же слышал Алиссу — она не очень-то тянет на добропорядочного члена общества. Надо будет брать у нее показания под присягой — перечень свиданий, мест, подробности, — а навряд ли она такие показания даст. Потому что она почти наверняка лжет. Если шантаж и имел место, я уверен, что все было наоборот. Так что она не станет...

— Что вы имеете в виду, наоборот? — перебила Эсти.

— Допустим, Алисса соблазнила Клемпера, когда он еще проводил объективное расследование. Что-то мне подсказывает, она провернула бы это в два счета. Допустим, она записала их... свидание на видео. И допустим, цена, которую она потребовала за то, чтобы это видео не попало в руки полиции, состояла в том, чтобы Клемпер помог выставить дело в нужном ей свете.

— Да плевать, как именно они попали в койку, — сказал Хардвик. — Шантаж, обольщение — без разницы. Кому есть дело до того, кто кого шантажировал? Секс с потенциальной подозреваемой — это секс с потенциальной подозреваемой. На карьере Клемпера можно поставить крест.

Гурни откинулся на спинку стула.

— Можно смотреть на дело и так.

— А как еще-то?

— Вопрос приоритетов. С одной стороны, мы можем надавить на Алиссу, чтобы потопить Клемпера. С другой — можем надавить на Клемпера, чтобы потопить Алиссу.

Эсти оживилась.

— И вам больше по вкусу второй вариант, да?

Не успел Гурни ответить, вмешался Хардвик:

— Ты считаешь Алиссу главным манипулятором, но минуту назад сам говорил, что она слегка не от мира сего и не слишком внушает доверие, и тут я с тобой согласен. Она тебе позвонила, назначила встречу, но на этой записи ведет себя довольно-таки бестолково, как будто не понимает, куда движется беседа, и у нее нет никакого заранее продуманного плана. И это гений манипуляции?

— Может, слишком самоуверенный манипулятор, — с понимающей улыбкой вставила Эсти. — Но план у нее точно был.

— Какой?

— Наверное, тот же, что и в случае с Клемпером. Сегодня ее план состоял в том, чтобы затащить Дэйва в постель, снять все на скрытую камеру и заставить его изменить подход к делу.

— Дэйв в отставке. Пенсию ему никто не отменит. Карьерой он не рискует, — возразил Хардвик. — Где тут рычаги давления?

— У него есть жена. — Она посмотрела на Гурни. — Если бы вас засняли в постели с девятнадцатилетней красоткой, это могло бы вызвать неприятности, верно?

Ответа эти слова не требовали.

Эсти продолжала:

— Это был план «А». Сомневаюсь, что многие мужчины отказывают милой крошке, когда она дает им понять, что доступна. И то, что Дэйв в эту игру играть не захотел, скорее всего, стало для нее большим сюрпризом. А плана «Б» у нее не было.

Хардвик издевательски усмехнулся, глядя на Гурни.

— Наш святой Дэвид большой оригинал. Но вот скажи, старик: зачем она созналась тебе, что спала с Клемпером? Почему бы просто не отрицать все?

Гурни пожал плечами.

— Может, еще кто-то знает об этом. Или она думает, что кто-то знает. Поэтому она признает сам факт, но врет про причины. Распространенная техника лжи. Признать поступок, но изобрести уважительную причину.

— Мой бывший был большой спец по части уважительных причин, — заметила Эсти, глядя в пространство, и посмотрела на часы. — Ну так что дальше?

— Может, применить небольшой шантаж уже с нашей стороны? — предложил Гурни. — Встряхнуть Клемпера хорошенько и посмотреть, что из него посыплется?

Идея заставила Эсти улыбнуться.

— Звучит неплохо. Все, что напугает гада...

— Прикрыть тебя? — спросил Хардвик.

— Да не стоит. Может, Клемпер и мерзавец, но вряд ли пустит в ход оружие. Во всяком случае, на людях. Я просто хочу объяснить ему ситуацию, предложить вариант-другой развития событий.

Хардвик смотрел на стол так пристально, словно пытался разглядеть там перечень возможных результатов подобной беседы.

— Надо мне сообщить все Бинчеру, узнать его мнение.

— Давай, — согласился Гурни. — Только не выставляй это так, словно я у него разрешения спрашиваю.

Хардвик достал телефон и набрал номер. По всей видимости, включился автоответчик. Хардвик поморщился.

— Проклятье! Где тебя черти носят, Лекс? Третий раз звоню. Перезвони, ради всего святого!

Нажав кнопку отбоя, он сразу принялся звонить снова.

— Эбби, детка, где он? Я оставил сообщение вчера вечером, еще одно с самого утра и третье полминуты назад. — Он слушал несколько секунд, по-прежнему хмурясь, только теперь уже не от досады, а от недоумения. — Что ж, как только он вернется, пусть свяжется со мной, надо поговорить. Тут черт знает что происходит.

Он послушал еще, на этот раз дольше. Недоумение сменилось тревогой.

— Ты еще что-нибудь об этом знаешь?.. И все, никаких объяснений?.. И с тех пор ничего?.. Понятия не имею... А голос незнакомый?.. Думаешь, нарочно?.. Да, очень странно... Хорошо... Пожалуйста, как только он появится... Нет-нет, уверен, с ним все в полном порядке... Хорошо... Да... Ладно.

Закончив разговор, он положил телефон на стол и посмотрел на Гурни.

— Вчера во второй половине дня Лексу кто-то позвонил. Сказал, есть важная информация по делу об убийстве Карла Спалтера. После чего Лекс торопливо покинул офис. С тех пор Эбби не удается связаться с ним. На звонки не отвечает, дома его тоже нет. Вот же черт!

— Эбби — это его секретарша?

— Ну да. Собственно, его бывшая жена. Не знаю, как они умудряются работать вместе, но тем не менее.

— А звонил кто — мужчина или женщина?

— Да в том-то и загвоздка: Эбби говорит, непонятно. Сперва думала, ребенок, потом — мужчина, потом — женщина, да еще акцент какой-то иностранный, никак не разберешь, какой. А потом трубку взял Лекс. И через пару минут покинул офис. Только и сказал, что речь шла об убийстве в Лонг-Фоллсе, возможно, будет сенсация, и что он вернется через пару часов. Но так и не вернулся. Во всяком случае, в офис.

— Вот дерьмо, — сказала Эсти. — И она вообще никак не может с ним связаться?

— Все время попадает на автоответчик.

Эсти пристально посмотрела на Хардвика.

— Тебе не кажется, что слишком уж много людей пропадает?

— Выводы делать еще рано, — неуверенно отозвался он.

Глава 33

Перегретый провод

Действие — лучше противоядие от бездействия, а информация — единственное средство избавиться от сомнений. Чуть позже они расстались, у каждого было свое задание — и в каждом крепко порожденное нарастающими осложнениями и загадками дела чувство, что необходимо спешить.

Эсти должна была поторопить своих многочисленных знакомых и вытянуть из отдела борьбы с организованной преступностью данные по Гурикоосу, а из сводных баз данных преступников — сведения по ключевым фигурантам и совпадающие детали в методе действия преступника.

Гурни должен был начистоту поговорить с Майклом Клемпером и указать на его безрадостные перспективы, а потом попытаться назначить встречу с Йоной Спалтером.

Хардвик взял на себя визит в дом Лекса Бинчера в Куперстауне, поиски выступавших на суде свидетелей и переговоры с приятелем из Интерпола про Гурикоосу и про метод действия преступника, убившего его.

Как и у многих полицейских, у Клемпера имелись два мобильника: один личный, а другой для работы. С тех мрачных времен, когда Эсти

служила под его началом, у нее остались оба номера. В конце встречи она продиктовала их Гурни.

Спустя полчаса, сидя за письменным столом у себя в кабинете, он попробовал позвонить по личному номеру. «Это Майкл, оставьте сообщение...» — произнес голос в трубке.

Едва Гурни начал излагать свое дело, Клемпер снял трубку.

— Откуда, черт возьми, у тебя мой частный номер?

Гурни улыбнулся, довольный, что Клемпер отреагировал в точности так, как он рассчитывал.

— Привет, Мак.

— Откуда, спрашиваю, у тебя этот номер?

— Плакаты с твоим номером вывешены по всему Трувэю.

— Чего?

— Никакой частной жизни больше нет, Мак. Уж ты-то должен бы знать. Все данные всплывают.

— Ты, твою мать, о чем?

— Всплывает масса всякой информации. Информационная передозировка. Так это называется, да?

— Что? Да что за хрень вообще происходит?

— Просто рассуждаю вслух. О том, в каком коварном мире мы живем. Думаешь, будто занят личными делами, а на следующий день по интернету гуляет видео, как ты сидишь в сортире.

— Вот как? Знаешь, что? Это мерзко! Мерзко! Какого хрена тебе надо?

— Поговорить.

— Ну так говори.

— Лучше лицом к лицу. Без посредства технологий. От техники одни проблемы. Мешает частной жизни.

Клемпер замялся — достаточно надолго, чтобы понять: он сильно встревожен.

— Все равно не понимаю, что ты несешь.

Гурни догадывался, что эта фраза скорее предназначена для того, чтобы прикрыть задницу на случай, если их разговор записывается, а не просто проявление тупости.

— Я говорю о том, что нам бы надо обсудить проблемы, касающиеся нас обоих.

— Отлично. Что бы это ни означало. Давай разберемся с этим дерьмом. Где хочешь разговаривать?

— Выбирай.

— Мне плевать.

— Как насчет «Риверсайд-молла»?

Клемпер снова замялся, на этот пауза оказалась дольше.

— «Риверсайд»? Когда?

— Чем скорее, тем лучше. Столько всего происходит.

— А где именно?

— В главном зале. Там куча скамеек, обычно пустых.

Очередная пауза.

— Когда?

Эсти говорила Гурни, что смена у Клемпера заканчивается в пять часов. Он проверил время по мобильнику — 4:01.

— Как насчет половины шестого?

— Сегодня?

— Уж конечно, сегодня. Завтра может быть слишком поздно.

Последняя пауза.

— Ну ладно. «Риверсайд». Пять тридцать, без опозданий. И лучше тебе прийти с разговором потолковее, чем тот, который ты сейчас завел. Ведь знаешь, что? Пока все твои слова — как куча дерьма.

Он разъединился.

Такая бравада обнадеживала — уж больно смахивала на панику.

От Уолнат-Кроссинга до «Риверсайда» было минут сорок езды, так что у Гурни оставалось пятьдесят минут до выхода. Не так-то много времени на подготовку к встрече, которая, если провести ее правильно, способна решительно подтолкнуть расследование в верную сторону. Чтобы упорядочить мысли, он вытащил из ящика стола желтый блокнот.

Задача оказалась на удивление трудной. Мысли разбегались, перескакивали с одной нерешенной проблемы на другую. Невозможность связаться с Лексом Бинчером. Исчезновение трех главных свидетелей. Выстрелы в ночи, отключившие у Хардвика свет и телефон. То, как гротескно изуродовали Жирдяя Гаса, — предупреждение, что тайна убийцы не должна быть раскрыта. Но в чем состоит эта тайна? В том, кто такой (или такая) убийца? Или в чем-то еще?

Ну и, само собой, главная нестыковка, обнаружившаяся с самого начала, — тот самый кусок головоломки, который, как казалось Гурни, должен дать ключ ко всему остальному, — вопрос о месте, откуда стреляли. С одной стороны, в указанной в деле квартире была обнаружена винтовка со штативом и глушителем, равно как и свежие следы пороха, химический состав которого соответствовал «Свифту» двадцать второго калибра и фрагментам пули, извлеченной из мозга Карла Спалтера. А с другой стороны, фонарь делал этот выстрел невозможным.

Не исключено, что убийца стрелял из какой-то другой квартиры, расположенной в том же здании, а потом перенес оружие туда, где его нашли, и выстрелил еще раз, чтобы оставить следы пороха. Но такой сценарий проще придумать, чем осуществить на деле. Кроме того, перетаскивание неуклюжей конструкции из прикрепленного к штативу ружья с глушителем по населенному дому во много раз увеличивало риск. Да и зачем так мудрить? В конце концов, в здании оставалось несколько незанятых квартир, откуда можно было бы выстрелить. Зачем тогда вообще переносить оружие на другое место? Уж явно не для того, чтобы подкинуть следователям задачку на интеллект. Убийцы редко проявляют такую игривость. А уж профессиональные — и вовсе никогда.

Эта мысль завершила полный круг и вновь привела Гурни к самой насущной проблеме — Клемперу. В самом ли деле Мак Мудак такой толстокожий похотливый болван, как явствует из его прозвища и манеры держаться? Или он может оказаться расчетливым и злобным преступником?

Гурни надеялся, что встреча в торговом центре даст хоть какой-то ответ на этот вопрос.

Сейчас нужно было принять в расчет самый широкий диапазон различных возможностей, обдумать хорошенько их все — разные подходы, точки зрения. Гурни положил желтый блокнот на стол и, взяв ручку, попытался придать мыслям логическую структуру, изложив их в виде разветвленной схемы, начинавшейся с четырех возможностей.

Первая версия указывала на Алиссу как на главное действующее лицо, стоящее за убийством Карла и осуждением Кэй.

Во второй вместо Алиссы фигурировал Йона Спалтер.

В третьей убийцей Карла был некто Неизвестный, а Алисса и Клемпер выступали в роли заговорщиков, которые воспользовались удачным случаем засадить Кэй в тюрьму.

В четвертой убийцей была Кэй.

Под каждой из этих версий он добавил ответвления к следующему уровню.

— Эй?

Гурни недоуменно огляделся.

— Эй?

Это был голос Мадлен — откуда-то с другой стороны дома. Скорее всего, из кладовки при входе.

Прихватив блокнот и ручку с собой, он отправился на кухню.

— Я тут.

Медлен как раз заходила через боковую дверь, держа в руках два пакета с покупками.

— Я оставила багажник открытым. Не принесешь дробленое зерно?

— Что?

— Прочла, куры очень любят дробленое зерно.

Он вздохнул, но потом попытался взглянуть на это в ином свете: путь краткая, а все же передышка от более мрачных обязанностей.

— И куда положить?

— Да хоть в кладовку.

Он вышел к машине Мадлен, не без усилия вытащил из багажника пятидесятифунтовый мешок, несколько секунд не мог протиснуться в дверь, наконец справился, вошел и сбросил мешок в ближний угол кладовки. Положительная сторона этого дела оказалась сомнительной.

— Ты им что, запас на всю жизнь купила?

— Упаковок другого размера не оказалось. Прости. Ты как, ничего?

— В порядке. Вообще-то слегка занят — готовлюсь к одной встрече.

— Ой... кстати... пока я не забыла... — Тон у нее был приветливый и ровный. — Завтра утром у тебя прием у Малькольма.

— Малькольма Кларета?

— Верно.

— Не понимаю.

— Я ему позвонила перед уходом с работы. Он сказал, у него только что один человек отменил прием, так что образовалось окно завтра в одиннадцать.

— Нет... я не понимаю, зачем.

— Потому что я за тебя боюсь. Мы же обсуждали.

— Нет, я имею в виду — зачем ты назначила визит вместо меня.

— Потому что ты тянешь время, а это важно.

— Выходит... ты... ты просто решила взять это на себя?

— Ну должен был кто-нибудь записать тебя на прием.

Он ошарашенно развел руки.

— Что-то я не улавливаю.

— Чего не улавливаешь?

— Я не стал бы за тебя назначать прием у врача — разве что ты сама попросила бы.

— Даже если бы думал, что это может спасти мне жизнь?

Гурни замялся.

— Тебе не кажется, что это уже чересчур?

Она перехватила его взгляд и тихонько ответила:

— Нет, не кажется.

В голосе его прорвалась досада.

— Ты искренне веришь, что прием у Малькольма Кларета может спасти мне жизнь?

Ее голос так же внезапно наполнился усталой печалью.

— Не хочешь с ним встречаться, возьми да отмени прием.

Скажи Мадлен это другим тоном, он затеял бы грандиозный спор о том, кто должен отменять встречи, которые назначила она сама. А потом еще, чего доброго, дошло бы до пиломатериалов, которые она заказала для постройки курятника, и ее привычки начинать то, что потом приходится доводить до конца ему, — и вообще, до упрека в том, что все и всегда обязательно проходит по ее расписанию.

Однако выражение ее глаз на корню пресекло саму мысль о споре.

Как ни странно, у Гурни забрезжило понимание: быть может, повидаться с Кларетом и впрямь следовало бы.

От необходимости продолжать этот разговор его спас звонок телефона, лежавшего в кармане. Гурни проверил имя, высветившееся на экране. На секунду обозначилось имя — Кайл Гурни, — и сигнал тут же оборвался. Гурни подмывало сразу перезвонить, но он сообразил, что сын, верно, проезжает сейчас какой-нибудь участок дороги, где нет связи, так что есть смысл подождать.

Он посмотрел на часы. 4:44 — позже, чем он думал.

Пора было выезжать к торговому центру. На жизненно важную встречу, к которой он так и не успел подготовиться.

Глава 34

Джентльменское соглашение

Парковка у «Риверсайда», как обычно, была наполовину пустой.

На самой безлюдной площадке перед «Ти-Джи-Максом», возле дальнего конца здания, на асфальте молча и нелепо примостилась стайка чаек.

Въезжая на площадку, Гурни притормозил, чтобы разглядеть чаек получше. Птиц было пятьдесят-шестьдесят. Из машины казалось, что все они застыли неподвижно, развернувшись в одну и ту же сторону, против заходящего солнца.

Проезжая мимо них на парковку ближе к центральному входу, Гурни невольно задумался о том, как часто в последнее время чайки

перебираются к торговым центрам, далеко от моря, — привлеченные, без сомнения, крошками и прочими остатками фаст-фуда, оброненными посетителями. Интересно, а у этих птиц тоже закупориваются сосуды, как у подкармливающих их людей, в результате чего они становятся неповоротливее, летают меньше и реже? Есть над чем поразмыслить. Но не сейчас. Осознание неотложности предстоящей задачи вернуло Гурни к действительности. Заперев машину, он прошел под аркой в причудливо-нарядное здание, над которым изогнулись дугой светящиеся буквы «Риверсайд».

Торговый центр был не из крупных. Всего одна центральная линия, несколько небольших ответвлений. Зазывная яркость входа сменялась унылым интерьером — судя по всему, почти не обновлявшимся не один десяток лет. Гурни сел на скамейку посередине вестибюля, напротив магазинчика «Альпин-спортс». Витрину заполнили костюмы для велосипедистов — в обтяжку и блестящие. Продавщица стояла в дверях, хмуро глядя на экран своего телефона.

Гурни посмотрел на часы. 5:33.

Он принялся ждать.

Клемпер объявился в 5:45.

Мир правоохранительных органов меняет людей сильнее, чем тюрьма, развивая и усугубляя вполне определенные свойства: скептицизм, расчетливость, замкнутость, жесткость. Свойства эти могут развиваться в разных направлениях, в хорошую сторону или в плохую, в зависимости от характера — или душевных качеств человека. Одному полицейскому они дают опыт, верность товарищам, храбрость и твердую решимость даже в самых нелегких обстоятельствах работать на совесть. Другому — ядовитую циничность, предвзятость, жестокость и упорное стремление подгадить миру, который так подгадил ему. По мнению Гурни, выражение глаз Клемпера, пока он подходил к скамье, явно относилось его ко второй категории.

Клемпер уселся на другом конце скамейки, в нескольких футах от Гурни. Не проронив ни слова, он открыл на коленях маленький дипломат, наклонив крышку так, чтобы не было видно, что внутри, и принялся с чем-то там возиться.

Гурни предположил, что это сканер — скорее всего, многофункциональный, выявляющий любые записывающие или передающие устройства.

Через минуту-другую Клемпер закрыл дипломат, быстро осмотрелся вокруг и наконец заговорил, грубо, почти сквозь зубы, уставившись в пол.

— Что за чертову игру ты затеял?

Его резкость говорила о нервном напряжении, а массивное телосложение казалось лишь избыточным багажом, лишним грузом, бременем: неудивительно, что лицо его блестело от пота. Но было бы ошибкой сделать следующий шаг в ту же сторону и счесть Клемпера совершенно безвредным.

— Ты можешь кое-чем помочь мне, а я тебе, — сказал Гурни.

Клемпер насмешливо фыркнул и оторвал взгляд от пола, словно распознав в словах Гурни типичный прием следователей на допросах.

Молоденькая продавщица в дверях «Альпин-спортс» все так же хмуро глядела на свой телефон.

— Как поживает Алисса? — небрежно спросил Гурни, понимая, что сильно рискует, так быстро пустив в ход эту карту.

Клемпер бросил на него косой взгляд.

— Что?

— Подозреваемая, с которой ты вступил в недопустимые отношения. — Он помолчал. — Вы все еще встречаетесь?

— Что за хрень? — Срывающийся голос Клемпера подтверждал, что Гурни угодил в больную точку.

— Хрень, которая обойдется тебе очень дорого.

Клемпер покачал головой, словно притворяясь, что не понимает.

— Просто удивительно, сколько всего попадает на видеозаписи в наши дни, — продолжал Гурни. — Иной раз выходит очень неловко. Но бывает, что и везет, — тогда есть способ свести ущерб к минимуму. Об этом-то я и хотел поговорить — как свести ущерб к минимуму.

— Не понимаю, о чем ты, — громко и четко произнес Клемпер: явно на случай, если его сканер все-таки не обнаружил какое-нибудь записывающее устройство.

— Просто хочу ввести тебя в курс дела и рассказать о том, как продвигается апелляция Кэй Спалтер. — Гурни говорил ровным, будничным тоном. — Во-первых, у нас достаточно доказательств касательно... давай называть их «погрешностями»... в ходе первоначального следствия, чтобы ее приговор наверняка отменили. Во-вторых, мы сейчас на развилке — в том смысле, что надо выбрать, как именно представлять эти «погрешности» в апелляционном суде. Например, свидетеля обвинения, который опознал Кэй как персонажа, которого видел на месте преступления, могли уговорить лжесвидетельствовать... или же он мог заблуждаться, как случается со свидетелями сплошь и рядом. Любовнику Кэй могли сказать, что единственный способ не угодить в

главные подозреваемые — это сделать главной подозреваемой Кэй... или же он мог прийти к этому заключению самостоятельно, как это бывает со многими людьми в его положении. Следователь по делу мог сокрыть видеодоказательства и проигнорировать все прочие линии расследования из-за недопустимой связи с дочерью жертвы... или же он мог просто слишком поспешить с выводами насчет преступника, как с детективами тоже случается нередко.

Клемпер снова угрюмо уставился в пол.

— Все это чушь, сплошь догадки.

— Суть в том, Мак, что каждую «погрешность» следствия можно описать в терминах либо преступления, либо невинности — по крайней мере, пока недвусмысленное доказательство недопустимых отношений не попало не в те руки.

— Вздор. Опять одни догадки. Гипотезы.

— Отлично. Тогда давай — чисто гипотетически — допустим, что у меня имеются неоспоримые доказательства этих самых недопустимых отношений: в самом что ни есть убедительном цифровом виде. И допустим, я хочу получить что-то в обмен за обещание никому их не показывать.

— А зачем ты мне-то об этом говоришь?

— От этого зависят твоя карьера, пенсия и свобода.

— Какого хрена ты тут несешь?

— Мне нужна видеозапись из магазина электротоваров на Экстон-авеню.

— Понятия не имею, о чем ты.

— Если бы я получил от какого-нибудь анонимного отправителя то недостающее видео, я охотно исключил бы из апелляционного процесса кое-какие доказательства, чреватые кое для кого неминуемым крахом карьеры. Кроме того, я охотно отложил бы на неопределенный срок свой план предоставить те же доказательства следователю по особо важным делам из нью-йоркской полиции. Чисто гипотетическая сделка. Просто джентльменское соглашение, основанное на взаимном доверии.

Клемпер засмеялся — а может, просто хмыкнул — и невольно передернул плечами.

— Дурдом. Мелешь вздор, точно психопат какой-то.

Он посмотрел на Гурни, но встречаться с ним глазами не стал.

— Бредятина. Фантастическая бредятина.

Он резко поднялся и двинулся к ближайшему выходу, чуть пошатываясь и оставляя за собой едкий запах пота и алкоголя.

Глава 35

Неисповедимы пути Господни

Дорога домой стала для Гурни путешествием в бездны тревоги. Он объяснял это свое состояние эмоциональным срывом, который часто наступает после напряженной встречи.

Уже на последнем отрезке дороги, на подъезде к сараю, ему вдруг пришло в голову, что причина может быть и другой: шаткость его предположений — не только касательно Клемпера, но и всего дела в целом. Если слабой стороной Клемпера было слепое желание верить в вину Кэй, то не является ли его, Гурни, слабой стороной столь же слепое желание верить в ее невиновность? А вдруг они с Клемпером в равной степени слепы и не могут разглядеть какого-то более сложного сценария, где Кэй исполняет роль, о которой ни один из них не догадывается?

И почему Клемпер пьян? Напился ли он еще на работе? Или приложился к бутылке в машине по пути к «Риверсайду»? Оба варианта означали, что либо он живет сейчас в огромном напряжении, либо у него серьезные проблемы с алкоголем. И то, и другое потенциально делало Клемпера совершенно непредсказуемой, даже взрывоопасной частицей общей головоломки.

Первое, что заметил Гурни, обогнув сарай, так это отсутствие машины Мадлен на обычном месте возле дома — а следом всколыхнулось смутное воспоминание, что сегодня очередное заседание какого-то из ее комитетов.

Войдя на кухню, он сначала даже обрадовался, что Мадлен нет: это избавляло его от необходимости срочно решать, о каких подробностях встречи с Клемпером рассказывать, а что следует утаить. Это также означало, что у него есть время заняться своими делами, без помех расставить по местам разрозненные куски головоломки, принесенные этим длинным днем.

Он как раз пошел было в кабинет за блокнотом и ручкой, как зазвонил мобильник. Гурни вытащил телефон из кармана: Кайл.

— Привет, сынок.

— Привет, пап. Я тебя ни от чего не отрываю?

— Ни от чего такого, что не могло бы подождать. Итак?

— Я тут сделал несколько звонков, порасспросил о Йоне Спалтере и (или) о Церкви Киберпространства. Из моих знакомых никто ничего не знает, один только вроде бы где-то слышал название, что-то там с ним было связано, но толком он тоже ничего не вспомнил. Я еще собирался написать

тебе по электронной почте, мол, прости, ничего не обнаружил. Но тут один из знакомых перезвонил мне. Сказал, навел кое-какие справки — и оказалось, что его приятель занимался поисками венчурного капитала для Йоны Спалтера, причем деньги предназначались на серьезное расширение спалтеровской Церкви.

— Что за расширение?

— В такие подробности он не вдавался, сказал только, что денег требовалось ужас как много.

— Интересно.

— По-настоящему интересно тут то, что через день после смерти брата Спалтер прекратил поиски капитала. Пригласил парня, которому поручил это задание, на обед и велел закругляться...

— Как раз это меня не удивляет, — вклинился Гурни. — Ну, в смысле, по заведенному их отцом распорядку доля Карла в «Спалтер Риэлти» должна была целиком перейти к Йоне — совершенно независимо от остальной части наследства, которым Карл распоряжался по своему усмотрению. Так что к Йоне перешла бы масса недвижимости, которую он свободно мог продать или отдать под залог. И собирать капитал на задуманное расширение уже не требовалось.

— Ты не дал мне добраться до по-настоящему интересных фактов.

— Правда? Прости. Рассказывай.

— На обед Йона Спалтер явился уже основательно поддатый, а потом набрался окончательно. процитировал то изречение: «Неисповедимы пути Господни». По словам этого малого, Спалтер все повторял эту фразу и смеялся, как будто она и вправду смешная. Тому парню даже не по себе стало.

Гурни немного помолчал, представляя себе эту сцену.

— Ты сказал, что расширение Церкви должно было обойтись очень дорого. Ты в курсе, о какой примерно сумме идет речь?

— Предполагалось искать не меньше пятидесяти миллионов. Тот малый, с которым имел дело Йона, с меньшими суммами связываться не станет.

— Из чего следует, — произнес Гурни, скорее, сам для себя, — что активы «Спалтер Риэлти» не меньше этой суммы, раз Йона решил прекратить поиски.

— Так как, по-твоему, пап? — заговорщически спросил Кайл. — Пятьдесят миллионов — вполне убедительный мотив для убийства, а?

— Поубедительнее многих прочих. Твой знакомый про самого Спалтера ничего не рассказывал?

— Только то, что он, мол, супер умен и супер честолюбив — но тут как раз ничего особенного, просто природа зверя.

— Отлично, спасибо. Ты мне очень помог.

— Правда?

— Конечно! Чем больше мне известно, тем лучше у меня работают мозги. А эти занимательные подробности я больше нигде и никак не узнал бы. Поэтому еще раз спасибо.

— Рад, что сумел помочь. Кстати, ты собираешься на летнюю ярмарку?

— Я? Нет. Но Мадлен там будет. Помогает каким-то своим друзьям, у которых ферма в Бакридже. Они каждый год привозят на ярмарку альпака для каких-то... не знаю даже... мероприятий с участием альпака, надо полагать.

— Судя по голосу, тебя это все не слишком вдохновляет.

— Можно сказать и так.

— Хочешь сказать, тебя не впечатляет самая крупная сельскохозяйственная ярмарка северо-восточной части страны? Гонки на тракторах, гонки на выживание, скульптуры из масла, сладкая вата, конкурс на самую жирную свинью, стрижка овец, сыроделие, музыка в стиле кантри, аттракционы, наградные ленточки за самый большой кабачок — как это все может не вдохновлять?

— Едва ли, не спорю. Но я все же в силах обуздать свой энтузиазм.

После разговора с Кайлом Гурни еще некоторое время просидел за письменным столом, чтобы осмыслить финансовые аспекты дела Спалтеров, заодно обдумывая значение в контексте расследования этих знаменитых строк про неисповедимость путей.

Вытащив из ящика стола толстую папку с делом, он принялся перебирать материалы, пока не добрался до указателя имен и адресов основных персонажей. Там обнаружились два адреса электронной почты «Й. Спалтера» — один на гугловском аккаунте, а второй привязан к веб-сайту Церкви Киберпространства. Был там и фактический адрес во Флориде — с примечанием, что он предназначен для легальных операций и налогообложения и именно там зарегистрированы автофургон Йоны и Церковь Киберпространства, но что на самом деле Йона по этому адресу не проживает. Еще одна пометка на полях гласила: «Почте дано указание переправлять всю корреспонденцию на серию сменяющих друг друга абонентских ящиков». Похоже, Йона большую часть времени — а то и всегда — находился в пути.

Гурни отправил по обоим адресам сообщение о том, что приговор Кэй, скорее всего, будет отменен и ему срочно нужна помощь Йоны для оценки некоторых новых улик.

Глава 36

Необычный убийца

Заснуть в тот вечер оказалось труднее обычного.

Причина удручающей досады и разочарования была типичной: сложно проводить расследование без исследовательского аппарата, который всегда был под рукой во время его службы в полиции. Усугубляло проблему и то, что Хардвик потерял доступ к документам, информационным системам и каналам для справок. Одним словом, человек, находящийся на внешней орбите, вынужден зависеть от тех обитателей этого мира, кто согласится пойти на риск и выдать нужные сведения. Недавний пример Хардвика служил доказательством того, что риск этот и в самом деле немал.

В нынешней ситуации очень многое зависело не только от Эсти, чья вовлеченность в дело казалась неоспоримой и искренней, но и от желания ее знакомых помочь ей, причем тихо. Точно так же многое зависело от приятелей Хардвика и от их мнения о нем самом и его мотивах. Невежливо было бы давить на кого-либо из этих помощников — ведь никто из них не был обязан помогать вообще.

Гурни ненавидел оказываться в таком вот положении — когда зависишь от непредсказуемой щедрости совершенно посторонних людей, только и надеясь, что эти неподвластные твоему контролю ресурсы принесут именно те крохи информации, которые помогут совершить прорыв в расследовании.

Звонок раздался ближе к пяти утра: и двух часов не прошло с тех пор, как наводнявшие сознание мысли наконец успокоились и позволили Гурни забыться полусном, не приносящим отдыха. Неловко шаря руками впотьмах в поисках телефона, он опрокинул пустой стакан (Мадлен сонно заворчала) и лишь потом наконец нащупал на столике мобильный. Увидев на экране имя Хардвика, он ушел с телефоном в кабинет.

— Да?

— Может, тебе и кажется, что для звонка рановато, но в Турции на семь часов позже. Там уже полдень. Пекло, небось, адское.

— Отличные новости, Джек. Спасибо, что сообщил.

— Меня разбудил мой человек в Анкаре. Вот я и решил поднять и тебя за компанию. Фермеру Дэйву пора задавать корм курам. Собственно, если ты не встал час назад, значит — ленивый сукин сын.

Гурни уже привык к своеобразной манере Хардвика начинать деловую беседу, так что чаще всего он пропускал подколы мимо ушей.

— Этот твой тип в Анкаре — из Интерпола?

— Говорит, что да.

— И что у него для тебя было?

— Кое-какие мелочи, пикантные подробности. Что нам подбрасывают, тем и довольствуемся. Щедростью его души, например.

— И что у этой щедрой души нашлось для тебя?

— А у тебя время есть? Не надо спешить к курам?

— Куры — очаровательный штришок сельской жизни, Джек. Надо и тебе парочку завести.

Как ни странно, но лишь приняв курс Хардвика, можно было заставить его вернуться к делу.

— Пикантная подробность номер один. Лет десять тому назад силы добра сумели поприжать одного из главных корсиканских злодеев: ему светила крепкая двадцатка в особо паршивой тюрьме — и им удалось его завербовать. Сделка состояла в том, что он сдает силам добра кое-каких коллег по цеху, а силы добра, вместо того чтобы сажать этого типа в тюрьму, берут его в программу защиты свидетелей. План не сработал. Через неделю после заключения сделки шеф операции по защите свидетелей получил по почте коробку. Рискнешь угадать, что там было?

— Смотря какого размера была коробка.

— Ну, скажем, гораздо больше, чем потребовалось бы, чтобы упаковать в нее член. Ну так и что, по-твоему, там оказалось?

— Рискую попасть пальцем в небо, Джек, предположу, что если коробка была достаточно большой для головы, то, скорее всего, голова там и была. Верно?

Молчание на другом конце стало ему ответом.

— И еще раз рискую попасть пальцем в небо, — продолжал Гурни, — предположу, что в глаза и уши были вбиты...

— Да, да, Шерлок, все верно. Очко в твою пользу. Теперь к истории номер два. Готов? Не надо в сортир или еще куда?

— Готов.

— Восемь лет назад член русской Думы, мультимиллионер с очень разносторонними связями, бывший кагэбэшник, отправился в Париж — на похороны матери. Мать жила в Париже потому, что ее третий муж был

французом, Париж она обожала и хотела, чтобы ее там и похоронили. Ну и угадай, что случилось?

— Деятеля из Думы пристрелили прямо на кладбище?

— В дверях расположенной напротив кладбища Русской православной церкви. Наповал. Говоря уж совсем точно — пуля попала прямо в глаз.

— Гм-гм.

— Там была еще пара интересных подробностей. Будешь угадывать?

— Сам скажи.

— Пуля — «Свифт» двадцать второго калибра.

— И?

— И никто не слышал, с какой стороны стреляли.

— Глушитель?

— Скорее всего.

Гурни улыбнулся.

— И петарды?

— Прямо в точку, старичок.

— Но... но как Интерпол связал эти два случая между собой? Что они обнаружили?

— Никакой связи они не выявили и эти два дела не объединяли.

— Тогда как?

— Твой вопрос — поисковые ключевые слова из дел Гурикоса и Спалтера: всплыло корсиканское дело, а потом и Париж...

— Да, но ведь подробности про гвозди в голове всплыли только в корсиканском деле, а про петарды и кладбище — только в деле этого думца. О чем тогда мы говорим? Если судить только по этим двум фактам, это ведь могут быть два совершенно разных исполнителя, разве нет?

— Выглядело бы именно так, когда бы не одна крохотная деталь. И в том, и в другом преступлении в файлах Интерпола приводится список возможных исполнителей — наиболее вероятных профессиональных убийц, которых местные копы или национальные управления сочли нужным проверить. Четыре имени для корсиканца, четыре для русского в Париже. Насколько я понял, ни корсиканская полиция, ни французская ни до одной из этих кандидатур так и не добрались, даже допросить не вышло. Но дело не в этом. Дело в том, что в обоих списках встречается одно и то же имя.

Гурни ничего не сказал. Связь, настолько ненадежная, запросто может оказаться пустышкой.

Словно отвечая его мыслям, Хардвик добавил:

— Знаю, это еще ничего не доказывает. Но приглядеться поближе уж

точно стоит.

— Согласен. Так кто этот любитель петард и гвоздей в глазах?

— Единственное имя, появляющееся в обоих списках, — Петрос Паникос.

— Так мы, возможно, ищем греческого наемного убийцу?

— Наемного убийцу — это точно. И точно — с греческим именем. Но имя — всего лишь имя. Интерпол говорит, паспорта на это имя в стране не выдано. Так что, похоже, у него и другие имена имеются. Но файл, который заведен на Паникоса — пусть даже это имя фальшивое, — прелюбопытнейший.

— А что связано с этим именем? Что они знают об этом типе на самом деле-то?

— Хороший вопрос. Мой человек говорит, там уйма всего, но сборная солянка: частично факты, частично показания из вторых рук, а частично — совершенно безумные рассказы, которые могут оказаться правдой, а могут и сущей чепухой.

— И ты уже располагаешь всей этой дивной солянкой?

— Пока — только голый костяк: то, что мой кореш сумел вспомнить, не поднимая всего документа — что, к слову, он обещал сделать в самом скором времени. Кстати, может, тебе в сортир и не надо, а вот мне еще как. Не вешай трубку.

Судя по звуковому сопровождению, Хардвик не только прихватил телефон с собой в туалет, но и увеличил громкость передачи. Гурни подчас только диву давался, как Джек столько времени умудрился продержаться в чопорной среде нью-йоркской полиции. Уж больно причудливый сплав самых разных качеств он собой являл. Неизменное стремление оскорбить собеседника скрывало острый ум и отличное чутье. Его бурная карьера в полиции, подобно многим брачным союзам, была омрачена непримиримыми разногласиями и взаимным неуважением. В организации, свято почитающей чины и конформизм, Хардвик был язвительным бунтарем и баламутом. И вот теперь этот устрашающий и склочный человек со всем пылом вознамерился посрамить организацию, вышвырнувшую его из своих рядов.

Рассеяно размышляя обо всем этом, Гурни обнаружил, что стоит у окна кабинета, глядя на восток, на первые серые проблески восхода, обрисовавшие очертания дальнего гребня холмов. Судя по звуковым эффектам из телефона, Хардвик покинул ванную комнату и рылся в бумагах.

Гурни включил на телефоне громкую связь, положил трубку на стол и

откинулся на спинку кресла. Веки отяжелели от недосыпа, и он с удовольствием позволил глазам закрыться. Мозг парил в невесомости, и на несколько мгновений Гурни поддался приятной расслабленности, что была сродни анестезии. Краткую передышку прервал голос Хардвика, еще более резкий при громкой связи.

— Я снова тут! Ничто так не освежает разум и не окрыляет душу, как возможность хорошенько отлить. Эй, старичок, ты еще среди живых?

— Вроде бы да.

— Отлично, тогда вот, что он мне сообщил. Петрос Паникос. Известный также как Питер Пэн. Известный также как Фокусник. Известный также под другими именами, которых мы не знаем. Должен иметь по крайней мере один паспорт на какое-то другое имя, не Паникос. Суть: вольнонаемник, причем престранный. Владеет оружием, охотно путешествует, за услуги берет, начиная от ста штук за голову плюс расходы. Связаться с ним можно только через очень малую горстку людей, которые знают, как это сделать.

— Минимум сто штук — это уж явно ставит его в верхний регистр шкалы исполнителей.

— Ну, малыш в том мирке — своего рода знаменитость. Он еще...

— Малыш? — перебил Гурни. — А насколько он мал?

— Фута четыре. Максимум пять футов и два дюйма.

— Как тот курьер из доставки цветов на видео в «Эммерлинг Оукс»?

— Ну да, вроде того.

— Отлично. Продолжай.

— Из патронов предпочитает двадцать второй калибр. Но вообще использует что угодно, по обстоятельствам, от ножа до бомбы. Собственно говоря, как раз бомбы он очень любит. Возможно, как-то связан с русской армией и торговцами взрывчаткой. Возможно, связан с русской мафией в Бруклине. Возможно, причастен к серии взрывов автомашин, убивших прокурора и его команду в Сербии. Множество всяких «возможно». Кстати, пули из моего дома, помнишь? Оказались тридцать пятого калибра — куда лучше годятся для того, чтобы перебить провода, чем двадцать второй калибр. Так что, если предположить, что мы имеем дело именно с ним, он и впрямь очень маневрен. Беда с этой маневренностью в том, что во всех его убийствах не просматривается никакого единого метода. Интерпол считает, что Паникос, или как там его зовут, за последние десять-пятнадцать лет замешан более чем в пятидесяти убийствах. Но это все основано на слухах, болтовне заключенных, такой вот фигне.

— Еще что-нибудь?

— Жду пока. Похоже, у него нелегкое прошлое — похоже, он из какого-то бродячего цирка уродов, потом еще был мрачный сиротский приют где-то в Восточной Европе, одни слухи, но... посмотрим. Мой кореш не договорил — что-то очень срочное отвлекло. Свяжется со мной, как только сможет. А я пока съезжу к Бинчеру домой, в Куперстаун. Возможно, напрасная трата времени, но мерзавец не отвечает на звонки ни мне, ни Эбби. Должен же он где-то быть. Перезвоню тебе, как только получу новые сведения из Анкары — если получу, конечно.

— Последний вопрос, Джек. «Фокусник» — это что значит?

— Да проще простого. Маленький засранец любит выпендриваться — доказывать, что может невозможное. Небось, сам себе это прозвище и придумал. Ровно такой противник-психопат, ради каких ты и живешь, да, Шерлок?

Хардвик не попрощался — ничего удивительного, — просто отсоединился.

Гурни всегда считал, что чем больше информации, тем лучше — говоря объективно. Но в ней возможно и затеряться. Сейчас у него было чувство, что чем больше он узнает, тем более непосильной для ума становится головоломка.

Со всей вероятностью, Карл Спалтер пал жертвой киллера не просто профессионального, но и очень необычного, — причем для верности результата и сумма была вложена из ряда вон выходящая. Однако, учитывая то, что для трех самых близких ему людей — для жены, дочери и брата — игра стоила свеч, даже самая непомерная плата стала бы для любого из них вполне разумным вложением капитала. На первый взгляд легче всего раздобыть такие деньги было бы Йоне, но у Кэй и Алиссы могли быть свои тайные источники — или же союзники, готовые внести вклад. И тут Гурни в голову пришла еще одна гипотеза: в деле был замешан не кто-то один из них. Почему бы не все трое? Или все трое плюс Майкл Клемпер?

К кабинету приближалось шлепанье тапочек Мадлен, и это вернуло Гурни от раздумий к непосредственно происходящему.

— Доброе утро, — сонно проговорила она. — Давно не спишь?

— С пяти.

Она потеряла глаза и зевнула.

— Хочешь кофе?

— А то. А ты-то зачем поднялась?

— Раннее дежурство в клинике. На самом деле, совершенно ненужное.

Рано утром там никого.

— Боже, да ведь еще только светает. В котором часу они открываются?

— Только в восемь. Я не сразу туда — хочу перед отъездом еще выпустить кур прогуляться. Люблю на них смотреть. Ты замечал, что они всё делают вместе?

— Например, что?

— Да всё. Если одна отойдет на несколько шагов поклевать что-нибудь в траве, стоит остальным заметить, они уже все там. А Гораций за ними приглядывает. Стоит какой-нибудь уйти слишком далеко, начинает кукарекать. Или мчится следом и пытается пригнать ее назад. Гораций всегда на страже. Всегда начеку. Курицы знай себе поклевывают, а он головой вертит. Работа у него такая.

Гурни с минуту поразмышлял об этом.

— Занятно, как эволюция вырабатывает разные стратегии выживания. По всей видимости, ген, поддерживающий у петухов высокую бдительность, обуславливает поведение, в результате которого выживает больше куриц, благодаря чему, в свою очередь, такой петух спаривается с большим количеством самок, и так ген бдительности распространяется еще шире.

— Как-то так, — Мадлен снова зевнула и побрела на кухню.

Глава 37

Стремление к смерти

Почти уверенный, что в конце концов отменит прием у Малькольма Кларета, Гурни все тянул со звонком, пока — в 8:15 — не настало время делать решительный выбор: либо отправляться в долгий путь, чтобы успеть к одиннадцати, либо взять телефон и сообщить, что не придет.

По причинам, не до конца ясным ему самому, в последний момент он решил все же не отменять прием.

Воздух начинал согреваться. День обещал выдаться по-августовски жарким и влажным. Гурни снял рабочую рубашку с длинным рукавом, которую носил дома из-за утренней горной прохлады, натянул легкую футболку-поло и летние брюки, побрился, причесался, прихватил бумажник и ключи от машины. Не прошло и десяти минут после принятия решения, как он уже был в пути.

Кларет принимал прямо у себя дома на Сити-Айленд, маленьком пригородке Бронкса в проливе Лонг-Айленд. Бронкс — самое северное боро Нью-Йорка, так что поездка туда из Уолнат-Кроссинга занимала около двух с половиной часов. Надо было пересечь весь Бронкс, по всей ширине, с

запада на восток — Гурни никогда не мог завершить это путешествие так, чтобы на него не накатили остаточные дурные впечатления времен проведенного здесь детства.

Бронкс навеки отпечатался у него в голове как место, вечная обшарпанность и грязь которого не скрашивались ни особым очарованием, ни уникальным духом. Неопрятная, типично городская местность вгоняла в тоску. В райончике, где когда-то жил Гурни, самые стесненные в средствах обитатели тянули от зарплаты до зарплаты, а самые процветающие недалеко ушли от самых бедных. Достижения их варьировались в крайне узком диапазоне.

Трущобами этот район назвать было бы никак нельзя, но достоинства его выражались лишь в отсутствии совсем уж вопиющих недостатков, а главным предметом гражданской гордости служила способность не допускать сюда сомнительные меньшинства. Все силы шли на поддержание шаткого, но безопасного равновесия.

Проезжая мимо пестрой череды домиков на несколько квартир и скромных частных домов, беспорядочно теснившихся почти вплотную друг к другу, Гурни вспоминал лишь два дома, выделявшихся на общем унылом фоне, лишь два, радующих взгляд. Первый принадлежал католическому врачу, второй — католическому же владельцу бюро похоронных процессий. Оба преуспевали. Район был населен преимущественно католиками, религия еще не утратила тут значения, служила символом респектабельности, объединяющим звеном и критерием, по которому люди выбирали, к кому обратиться за профессиональной услугой.

Подобная скудость образа мыслей и нищета чувств объяснялись, судя по всему, самим здешним окружением — нервным, тесным и бесцветным. В Гурни оно порождало лишь одно желание: бежать отсюда. Он ощутил это желание, едва дорос до понимания того, что «Бронкс» и «весь мир» — отнюдь не синонимы.

Бежать. Слово это мгновенно потянуло за собой образ, чувство, ощущение из доподростковых лет — ту редкую радость, что испытывал он, мчась со всей скоростью, какую только мог выжать, на своем английском гоночном велосипеде. Ветер в лицо, шелест шин по асфальту — мимолетное чувство свободы.

И вот теперь он ехал через Бронкс, чтобы побеседовать с Малькольмом Кларетом.

Все-таки позволил себя уговорить. Занятно: ведь и прошлые две встречи с Кларетом разворачивались по тому же сценарию.

Когда ему было двадцать четыре, первый его брак развалился, а

Кайл только-только вышел из пеленок, жена предложила вместе сходить к психологу. Не ради спасения брака. Тут она уже сдалась, видя, что Гурни твердо решил связать жизнь с низкооплачиваемой полицейской работой, которую она считала напрасной растратой его интеллектуальных способностей и (как подозревал Гурни, второй аргумент был гораздо важнее) его потенциала зарабатывать на каком-нибудь ином поприще. Нет, с точки зрения Карен, цель терапии заключалась в том, чтобы сгладить острые углы в самом процессе развода, сделать его более осознанным. И, надо сказать, метод сработал. Брак этот с самого начала был вопиющей ошибкой, но в момент его распада Кларет оказал на Гурни и Карен весьма благотворное, успокаивающее и вразумляющее влияние.

Второй раз Гурни общался с Кларетом шесть лет спустя, после смерти Дэнни, их с Мадлен четырехлетнего сына. Реакция Гурни на это ужасное событие — то тихая агония, то апатия, то неспособность говорить, полный уход в себя — побудила Мадлен, чье не менее глубокое горе выразилось более открыто, уговорить его на терапию.

Он согласился, не сопротивляясь, но и не питая никаких надежд, и три раза встречался с Кларетом. По его ощущениям, встречи эти не помогли справиться с проблемой, и после трех визитов он ходить перестал. Однако некоторые наблюдения, высказанные Кларетом, пронес через годы. Одним из качеств, которые Гурни ценил в Кларете, было то, что тот серьезно и вдумчиво отвечал на вопросы, честно высказывал свои мысли и не играл ни в какие психологические игры. Кларет не принадлежал к тому невыносимому племени психотерапевтов, любимым ответом которых на жалобу клиента служит дежурная фраза: «И что вы по этому поводу чувствуете?».

Переезжая небольшой мост, ведущий в обособленный мирок Сити-Айленда со всеми его причалами, ремонтными доками и рыбными ресторанчиками, Гурни размышлял о Кларете и пытался представить, сильно ли тот изменился за прошедшие годы, как вдруг на него живо нахлынуло давно осевшее воспоминание.

В том воспоминании они с отцом шли по этому самому мосту летним субботним днем — давным-давно, более сорока лет назад. На мосту, вдоль всего тротуара стояли рыбаки — полуголые, без рубашек, загорелые и вспотевшие под жарким августовским солнцем. Он так и слышал, как повизгивают катушки, когда они широким взмахом руки забрасывают удочки в волны прилива и огромные крючки с наживкой и грузилами, описав широкую дугу, уходят под воду. Вокруг сверкало солнце — на воде, на катушках из нержавеющей стали, на хромированных бамперах проезжающих

автомобилей. Рыбаки относились к делу серьезно — всецело отдавались своему занятию, подергивали удочки, выбирали слабину, следили за течением. Они казались Гурни существами из другого мира, загадочного и недоступного. Отец его не мог похвастать загаром, никогда не ходил без рубашки, не стоял в одном ряду с другими мужчинами вдоль перил, вообще ничем не занимался вместе с другими. Он не был любителем подобных развлечений, и уж тем более — рыбаком.

Впрочем, в шесть-семь лет, когда они с отцом чуть ли не каждую субботу отправлялись на эти трехмильные прогулки от квартирки в Бронксе до моста на Сити-Айленд, маленький Гурни не смог бы облечь это ощущение в слова, но вся беда была в том, что отец таким и казался ему — никаким. Даже на этих совместных прогулках он оставался леденящей загадкой — тихий, скрытный человек без каких бы то ни было явственных интересов. Человек, никогда не вспоминающий прошлое и не проявляющий ни малейшего интереса к будущему.

И вот теперь, паркуя машину в узком тенистом переулке перед стареньким, обитым вагонкой домом Малькольма Кларета, Гурни испытывал то же чувство, что всегда накатывало на него при мысли об отце, — пустоту и одиночество. Силясь отогнать эти непрошенные ощущения, он подошел к двери.

Он, безусловно, ожидал, что по сравнению с сохранившимся у него в памяти образом семнадцатилетней давности Кларет будет выглядеть старше — возможно, он чуть поседел или полысел. Но Гурни оказался совершенно не готов увидеть усохшего, словно бы съезжившегося, ставшего ниже ростом старика, который встретил его в необставленной прихожей. Только глаза казались прежними — кроткие голубые глаза со спокойным, внимательным взглядом. И мягкая улыбка — она тоже не изменилась. Собственно говоря, именно эти две черты, самые характерные для Кларета, человека мудрого и уравновешенного, с годами стали лишь более выраженными.

— Заходите, Дэвид.

Хрупкий врач указал на тот самый кабинет, где Гурни уже бывал много лет назад — похоже, эта комната вместе с фойе некогда служила закрытой верандой.

Гурни вошел и огляделся, потрясенный тем, каким знакомым вдруг показалось ему это крохотное помещение. Коричневое кожаное кресло, на котором время оставило куда меньший отпечаток, чем на самом Кларете, стояло на прежнем месте, развернутое к двум креслам поменьше — оба, судя по всему, за эти годы были обиты заново. В центре образованного

креслами треугольника размещался коротконогий столик.

Кларет и Гурни уселись на те же места, где сидели во время бесед, следовавших за гибелью Дэнни. Кларет опустил в кресло с видимым трудом.

— Перейдем к делу, — произнес он своим безыскусным, но мягким тоном, обходясь без вступлений или предваряющих прием светских бесед. — Я вам расскажу, что мне сообщила Мадлен. А вы потом скажете, что из всего этого считаете правдой.

— Конечно.

— Она мне сказала, что за последние два года вы трижды оказывались в ситуациях, когда вас могли убить. Оказывались совершенно сознательно. Во всех трех случаях дело кончалось тем, что на вас направляли оружие. В одном — в вас несколько раз выстрелили, в результате чего вы впали в кому. Она считает, что, возможно, вы много раз подвергали себя такому же чрезвычайному риску, не рассказывая об этом ей. Она знает, что работа полицейского очень опасна, но полагает, что вы эту опасность сами ищете.

Кларет помолчал — должно быть, наблюдая за реакцией Гурни, ожидая какого-то ответа.

Гурни смотрел на низкий столик между ними, машинально отмечая на нем множество потертостей от подошв — вероятно, клиенты имели привычку забрасывать туда ноги.

— Что-нибудь еще?

— Она этого не говорила, но, похоже, она очень испугана и расстроена.

— Испугана?

— Она считает, вы хотите, чтобы вас убили.

Гурни покачал головой.

— В каждой из ситуаций, о которых она говорила, я сделал все возможное, чтобы остаться в живых. И я жив. Разве это не очевидное доказательство желания выжить?

Голубые глаза Кларета, казалось, видели его насквозь.

Гурни продолжал:

— В любой опасной ситуации я прилагаю все усилия...

— После того, как вы в нее попали, — почти шепотом перебил его Кларет.

— Простите?

— После того, как вы попали в опасную ситуацию, вы стараетесь остаться в живых.

— Что вы имеете в виду?

Кларет довольно долго молчал, а когда заговорил, голос его звучал ровно и мягко.

— Вы все еще считаете себя в ответе за гибель Дэнни?

— Что? Это тут при чем?

— Вина — могучая сила.

— Но я не... я не виноват в его смерти. Дэнни выскочил на мостовую. Погнался за чертовым голубем и спрыгнул с тротуара на мостовую. Его сбил какой-то гад, пьянчуга на красном спортивном автомобиле. Только что из бара вышел. Сбил и скрылся. Я не виноват в его смерти.

— Не в его смерти. Но в чем-то другом. Можете сказать, в чем?

Гурни глубоко вдохнул, глядя на потертости от ног на столе. Закрыв глаза, снова открыл их и заставил себя посмотреть на Кларета.

— Я должен был лучше за ним следить. С четырехлеткой... Должен был следить. А я не заметил, куда он бросился. А когда посмотрел...

Голос у него оборвался, взгляд снова уткнулся в столешницу.

Через некоторое время он снова поднял глаза.

— Мадлен настояла, чтобы я обратился к вам, и вот я здесь. Но я и правда не понимаю, зачем.

— А знаете, что такое вина?

Какая-то психологическая грань Гурни обрадовалась вопросу — или, по крайней мере, возможности ускользнуть в абстрактные материи.

— Ну, вина как факт — это, должно быть, личная ответственность за то, что случилось. А вина как чувство... неприятное ощущение, что ты сделал то, чего не следовало.

— Неприятное ощущение — что именно, по-вашему, оно собой представляет?

— Неспокойную совесть.

— Это общепринятый термин, но он не объясняет ровным счетом ничего.

— Ладно, Малькольм, тогда вы мне объясните.

— Вина — это болезненная и неудовлетворенная тяга к гармонии, потребность расплатиться за свои прегрешения, скомпенсировать их, восстановить баланс, равновесие.

— Какое еще равновесие?

— Между этикой и поступками. Когда мои поступки не соответствуют моей системе ценностей, тем самым я создаю разрыв, источник напряжения. А разрыв создает ощущение дискомфорта. Сознательно или подсознательно, но мы стремимся залатать этот разрыв. Стремимся обрести душевный покой, залатав разрыв, расплатившись за сотворенное.

Охваченный внезапным нетерпением, Гурни сменил положение в кресле.

— Послушайте, Малькольм, если вы это к тому, что, мол, я ищущ смерти, чтобы расплатиться за гибель сына, то почему тогда я не довожу дела до конца? Полицейскому чертовски легко подставиться под пулю. Но, как я уже говорил, вот он я, тут, живой и невредимый. Разве человек, который всерьез хочет умереть, сумеет остаться в таком добром здравии? Ну, то есть, разговоры о моем желании умереть — это ведь явная чепуха!

— Согласен.

— Согласны?

— Вы не убивали Дэнни. Так что погибнуть самому вам кажется нерациональным. — Тонкая, почти игривая улыбка. — А вы ведь крайне рациональный человек, да, Дэвид?

— Что-то я за вами не поспеваю.

— Вы сказали мне, что ваша вина в том, что вы не уследили за сыном, позволили ему выскочить на улицу, где его сбила машина. Послушайте, что я сейчас скажу, — и ответьте, правильно ли я описываю ситуацию. — Кларет немного помолчал и медленно, четко выговаривая слова, произнес: — Дэнни остался совсем один, без защиты, один на один со слепой, равнодушной вселенной. Судьба подбросила монетку — возник пьяный водитель, и Дэнни погиб.

Гурни слышал эти слова, понимал правоту Кларета — но не чувствовал ничего. Точно луч света, скользящий по стеклу.

Кларет довел свою мысль до конца с той же прямоотой.

— В том виде, в каком это представляется вам, именно ваша рассеянность — поглощенность своими мыслями — отдала вашего сына на милость случая, судьбы. Именно в этом, как вы думаете, и состоит ваша вина. И время от времени случаются ситуации, в которых вы видите возможность подвергнуться той же опасности, какой подвергли его. И вам кажется, что так только справедливо — справедливо, если вашу судьбу решит такой же беспристрастный бросок монетки, справедливо обойтись с собой столь же небрежно, как вы обошлись с сыном. Это ваша тактика погони за равновесием, справедливостью, душевным спокойствием. Ваши поиски гармонии.

Они долго сидели молча. В голове у Гурни была пустота, в душе — онемение. Наконец Кларет ошеломил его последним внезапным выводом:

— Ну и, конечно же, ваш подход — лишь доказательство эгоцентричного и крайне ограниченного самообмана.

Гурни заморгал.

— Почему самообмана?

— Вы игнорируете все, что по-настоящему важно.

— Например?

Кларет начал было отвечать, но умолк, закрыл глаза и сделал несколько медленных глубоких вдохов и выдохов. Когда он осторожно положил на колени руки, их болезненная, невозможная хрупкость снова бросилась в глаза.

— Малькольм?

Кларет чуть приподнял над коленом правую руку, словно успокаивая собеседника. Через минуту-другую он открыл глаза. Голос его звучал почти шепотом.

— Простите. Лекарство не так уж и идеально.

— Что с вами? Это..?

— Гнусный рак.

— Излечимый?

Кларет тихонько засмеялся.

— В теории — да. В реальности — нет.

Гурни молчал.

— А живем-то мы в реальности. Пока не умрем.

— У вас сильные боли?

— Я бы сказал, периодические неприятные ощущения. — Его словно бы что-то забавляло. — Наверное, гадаете сейчас, сколько мне осталось. Ответ — месяц, может, два. Поживем — увидим.

Гурни попытался сказать что-нибудь, уместное случаю.

— Господи, Малькольм, мне так жаль.

— Спасибо. Ну а теперь, учитывая, что время у нас ограничено — как ваше, так и мое, — давайте поговорим о том, где мы живем. Или должны были жить.

— В смысле?

— О реальности. О месте, где мы должны жить, чтобы оставаться в живых. Расскажите мне кое-что. Про Дэнни. У вас было для него какое-нибудь прозвище?

Вопрос застал Гурни врасплох.

— Что вы имеете в виду?

— Что-то помимо настоящего имени. Ну, например, как вы его называли, когда укладывали спать, или качали на коленях, или брали на руки.

Он уже собирался сказать «нет», как вдруг в голове замаячило воспоминание — то, о чем он не думал вот уже много лет. А следом

нахлынула волна внезапной печали. Гурни откашлялся.

— Медвежонок.

— А почему вы его так называли?

— У него иногда была такая мордашка... особенно, как расстроится из-за чего-нибудь... тогда он напоминал мне крохотного медвежонка. Сам не знаю, почему.

— И вы его обнимали?

— Да.

— Потому что любили его.

— Да.

— И он вас любил.

— Наверное. Да.

— Вы хотели, чтобы он умер?

— Разумеется, нет.

— А он хотел бы, чтобы умерли вы?

— Нет.

— Мадлен хочет, чтобы вы умерли?

— Нет.

— А Кайл?

— Нет.

Перед тем как продолжить, Кларет посмотрел Гурни в глаза, словно прикидывая, понимает ли он.

— Все, кто вас любит, хотят, чтобы вы жили.

— Ну, наверное.

— Так что это ваше навязчивое стремление расплатиться за гибель Дэнни, искупить вину, подвергнув себя риску... сплошной эгоизм, разве нет?

— В самом деле?

Даже сам Гурни слышал, как безжизненно звучит его голос, как безучастно — словно бы принадлежит кому-то другому.

— Вы единственный в этой ситуации, для кого риск имеет какой-то смысл.

— Но гибель Дэнни — это моя вина.

— И того пьяного водителя, который его сбил. И вина Дэнни — что выскочил с тротуара на проезжую часть, хотя вы наверняка сто раз говорили ему этого не делать. И голубя, за которым он погнался. И того бога, что создал голубя, улицу, пьяного водителя, машину и все минувшие события, которые свели их воедино в тот злополучный момент. Кто вы такой, чтобы мнить себя причиной всему?

Кларет на миг умолк, словно чтобы перевести дух и набраться сил, а потом заговорил громче:

— Возмутительная гордыня. Возмутительное пренебрежение теми, кто вас любит. Дэвид, послушайте меня. Не причиняйте боли тем, кто вас любит. Если ваш великий грех состоял в недостатке внимания, то проявите внимание хоть сейчас! У вас есть жена. Какое право вы имеете рисковать жизнью ее мужа? У вас есть сын. Какое вы имеете право рисковать жизнью его отца?

Заряд эмоциональной энергии, потраченной на эту короткую речь, казалось, совсем истощил его.

Гурни сидел неподвижно, не произнося ни слова, — опустошенный, выжидающий. Комната вдруг стала совсем крохотной. В ушах звенело.

Кларет улыбнулся. Голос его сделался мягче — и сама эта мягкость придала его словам еще больше убедительности: убедительности умирающего.

— Дэвид, послушайте меня. В жизни нет ничего важнее любви. Ничего, кроме любви.

Глава 38

Тяга к огню

Гурни не помнил, как покинул Сити-Айленд, как пробирался через Бронкс, как переезжал мост Джорджа Вашингтона. Он пришел в себя, лишь когда уже ехал на север по Палисадес-парквей. И одновременно осознал, что бензин-то заканчивается и на весь путь до Уолнат-Кроссинга не хватит.

Через двадцать минут он уже был на парковке перед большой бензоколонкой, совмещенной с придорожными забегаловками, где можно было заправить машину и заправиться самому. Большой стакан кофе и пара бейглов помогли ему снова войти в контакт с повседневностью. Вытащив телефон — отключенный на время встречи с Кларетом, — он проверил, нет ли сообщений.

Оказалось целых четыре. Голос в первом из них — с неизвестного номера — принадлежал Клемперу, только говорил он еще грубее и невнятнее, чем накануне: «По поводу „Ривер-молла“... „Риверсайда“. Нашего разговора. Проверь почтовый ящик. Помни свое обещание. Только не вздумай меня кинуть. Те, кто меня кидает... плохая идея. Не вздумай меня кидать. Уговор есть уговор. Заруби на носу. Смотри не забудь. Проверь ящик».

Гурни гадал, и впрямь ли Клемпер так пьян, как можно судить по голосу. Но еще важнее — что там, в ящике? Та самая пропавшая видеозапись, которую он, Гурни, просил? Невольно вспоминалось, как однажды ему в почтовый ящик сунули змею. Да и для бомбы самое подходящее место. Хотя бомба, конечно, уже чересчур.

Это все напомнило Гурни еще и о том, что надо бы рассказать Хардвику с Эсти про встречу в «Риверсайде» и «уговор», на который ссылался Клемпер.

Он перешел ко второму сообщению — от Хардвика. «Эй, Шерлок. Только что принял звонок из Анкары. Похоже, малютка, что нам свет отрубил, та еще штучка. Перезвони мне».

Третье послание было тоже от Хардвика, уже более возбужденного: «Где тебя черти носят, Шерлок? Я в районе Куперстауна, еду к дому Бинчера. От него все еще нет вестей. Меня это начинает беспокоить. И еще надо поговорить о нашем психованном стрелке. Я это всерьез — про психованного. Ради бога, перезвони уже».

Четвертое, и последнее, сообщение оказалось опять от Хардвика, сердитого и мрачного: «Гурни, где бы ты, твою мать, ни был, возьми телефон! Я возле дома Лекса Бинчера. Точнее, возле того, что от него осталось. Он ночью сгорел. Вместе с соседними домами. Три гребаных дома в ряд. Дотла. Огромное, прожорливое и супержаркое пламя — пожар начался с дома Лекса. Похоже, какое-то зажигательное устройство, и не одно. Позвони мне! Скорее!»

Гурни решил сперва позвонить Мадлен, но попал на автоответчик и оставил сообщение: «Сделай одолжение, не открывай сегодня почтовый ящик. Я совершенно уверен, что все в порядке, но просто мне тут звонил Клемпер, весь взбудораженный, так что я предпочел бы сам открыть. Просто предосторожность. Потом объясню. Я в Слотсбурге, на стоянке. Через пару часов увидимся».

Обдумав свои слова, он тут же пожалел, что не подобрал других фраз. Слишком уж получилось зловеще, слишком неясно. Не хватало ни контекста, ни объяснений. Его подмывало перезвонить еще раз и оставить сообщение подлиннее, но сдерживал страх только ухудшить положение.

Позвонив Хардвику, он тоже попал на автоответчик и оставил сообщение, что едет в Уолнат-Кроссинг. Спросил, были ли при пожаре жертвы, известно ли что о Бинчере. И по поводу психованного стрелка — что все-таки выяснилось? Закончив сообщение, он удостоверился, что телефон не отключился, и отправился за очередной порцией кофе.

Лишь когда он уже подъехал к пасторальным холмам над Барливиллем, Хардвик наконец перезвонил.

— У нас тут, старичок, дело серьезно. Совсем дерьмо. Три дома — три кучи пепла. Дом Лекса плюс два соседних. Шестеро погибших — но Бинчера среди них нет. Два тела в доме слева, четыре в доме справа, из них двое детей. Не успели выскочить. Парни, прибывшие на место, говорят, это все случилось вскоре после полуночи, причем очень быстро. Тип из команды по поджогам говорит, скорее всего, МЗУ — маленькие зажигательные устройства, четыре штуки, заложенные по углам Бинчерова дома. Причем преступник даже и не пытался выдать поджог за случайное происшествие.

— А два других дома — просто сопутствующий ущерб? Уверен?

— Я ни в чем не уверен. Стою за желтой лентой среди зевак этих недоделанных — просто слышал обрывки разговоров местных копов. Но говорят, вроде газовая хроматография показывает зажигательные средства у Бинчера, но не у соседей.

— Но дом Бинчера оказался пуст? В смысле, в нем тел не найдено?

— Пока нет. Но, насколько я вижу, техники там среди мокрых углей еще ползают. Целая армия собралась. Пожарные, бюро криминальных расследований, команда по поджогам, отдел шерифа, местные копы. — Он помолчал. — Боже, Дэви, если это замышлялось как... как предупреждение Лексу, чтобы он бросил дело...

Он не закончил фразы.

Гурни промолчал.

Хардвик кашлянул, прочищая горло.

— Ты еще тут?

— Тут. Просто думаю о твоих словах про «предупреждение». — Он помолчал. — Я бы сказал, что стрельба по твоим проводам, скорее всего, была предупреждением. Гвозди в голове у Гурикоса, скорее всего, были предупреждением. Но это... с Бинчером... дело другое. Скорее, война. И его ничуть не волнует, кого еще там убьет.

— Согласен. У гаденьша прямо страсть к разрушениям. А на поджогах, похоже, особый пунктик.

— Особый пунктик? — Гурни притормозил, съехал на поросший травой утес с видом на водохранилище, выключил мотор и открыл окна. — Что ты имеешь в виду, особый пунктик? Что ты получил из Интерпола?

— Не то до хрена всего, не то вообще по нулям. Поди пойми. Суть в том, что информация, которую они накопили по своим базам данных, может относиться к одному и тому же индивидууму, а может касаться разных

людей. Последние сведения, лет этак за десять, скорее всего, вполне точные, во всяком случае — по большей части. А вот все, что старше десяти лет, — уже сомнительнее. И причудливее.

Гурни задумался, что может быть еще причудливее, чем гвозди в голове жертвы.

Хардвик объяснил.

— Тот парень из Анкары предпочел поговорить со мной по телефону, чем наследить в электронных письмах, так что я делал заметки по ходу разговора. Его рассказ сводится к двум небольшим историям. А дальше уж под каким углом посмотреть — может, они друг с другом связаны, а может, и не связаны вовсе. Начинается все с материалов за последние лет десять на наемного убийцу, известного под именем Петроса Паникоса, а дальше тянется в глубь времен. Готов?

— Весь обратился в слух, Джек.

— Если взять за основной параметр поиска имя Паникоса, оно нас приводит к событиям, произошедшим двадцать пять лет назад в южной Греции, в деревушке Ликонос. Семейство Паникос держало там сувенирный магазин. У них было четыре сына, причем младший вроде бы приемный. Магазинчик вместе с домом, где они все жили, сгорел дотла, при пожаре погибли родители и трое сыновей. Четвертый, приемыш, исчез. Подозревали поджог, но точно так ничего и не доказали. Ни свидетельства о рождении, ни бумаг по усыновлению на этого пропавшего сына найти не удалось. Семья жила очень обособленно, близкой родни не имела, в деревне даже разошлись во мнениях, как пропавшего сына звали. Но — обрати внимание — упоминались два возможных имени: Перо и Петрос.

— Сколько ему было лет?

— Никто точно не знал. Согласно старому делу о расследовании поджога, от двенадцати до шестнадцати.

— И никаких сведений, как его называли при рождении или откуда он родом?

— Официально — никаких. Тем не менее к делу были подшиты показания деревенского священника, который считал, что мальчик попал в семью из какого-то болгарского приюта.

— Почему он так решил?

— В деле на этот счет ничего не было — никто не удосужился спросить. Но священник сообщил название приюта.

С губ Гурни сорвался короткий смешок, не имевший никакого отношения к веселью. Если б ему самому пришлось объяснять этот смех, он бы, пожалуй, сослался на переизбыток энергии. Нечто в самом процессе

отслеживания информации, движения от одного обрывка фактов к другому, шагкам по камням через стремительный поток заряжало электрические цепи у него в мозгу.

— Верно ли я догадываюсь, что след к приюту приводит нас ко второму похожему происшествию?

— Ну, строго говоря, он приводит нас к унылому детскому дому времен коммунистов — документации по нему не осталось. Угадай, почему.

— Очередной поджог?

— Ага. Так что все, что мы знаем об обитателях детдома на момент пожара — при котором большинство и погребло, — исходит из чахлого полицейского дела, собственно-то, в нем содержатся показания всего одного свидетеля — воспитательницы, которой удалось выжить. Кстати, на этот раз факт поджога установлен с достоверностью. Помимо приюта сгорели еще четыре здания, и вдобавок к тому, что во всех четырех были найдены баллоны с газом, под двери еще были подсунуты деревянные клинья.

— Что означает — целью было массовое убийство. Но, похоже, пожар стал лишь концом истории. А начало какое?

— Согласно показаниям воспитательницы, за пару лет до пожара, в одно зимнее утро, на крыльце приюта нашли очень странного ребенка. Сперва казалось, он вообще немой и совсем неразвитый. Но вскоре выяснилось, что он бегло говорит не только по-болгарски, но и по-русски, по-немецки и по-английски. Эта воспитательница даже решила, он какой-то полоумный вундеркинд по части языков — настолько хорошо он болтал. Так что она раздобыла для него учебники, какие смогла, и, само собой, в течение двух лет, что пацан там провел, он учил французский, турецкий и бог весть что еще.

— А он никогда не рассказывал воспитателям, откуда взялся?

— Утверждал, у него полная амнезия — ни малейших воспоминаний о том, что было до того, как он появился в приюте. Единственной его связью с прошлым были беспрестанные ночные кошмары. Что-то про карнавал и клоуна. В результате им пришлось укладывать его на ночь в отдельной комнате, подальше от других детей — так часто он кричал во сне. Почему-то — может, из-за этого клоуна из кошмаров — воспитательница вбила себе в голову, что его мать была из какого-нибудь убогого бродячего цирка.

— Похоже, и впрямь необычный ребенок. Какие-нибудь предупредительные красные флажки перед пожаром не выскакивали?

— О, разумеется. И здоровенные. — Хардвик сделал театральную

паузу: одна из его привычек, с которыми Гурни научился смиряться.

— Так ты мне расскажешь?

— Пара других воспитанников завели привычку его дразнить, из-за кошмаров. — Очередная пауза.

— Джек, ради бога...

— Они исчезли.

— Дети, которые над ним смеялись?

— Именно. Пропали с лица земли. И то же самое с медработником, который не верил в его амнезию и продолжал допытываться о его прошлом. Пропал. Никаких следов.

— Еще что-нибудь?

— Очередная чертовщина. Никто толком не знал, сколько парнишке лет, потому что за два года, что он там провел, он совершенно не изменился, не подрос, не начал выглядеть ни на день старше, чем при появлении.

— Как Питер Пэн.

— Вот-вот.

— Его в приюте так называли?

— В болгарских документах об этом ни слова.

Гурни быстро прокрутил всю историю в голове от конца к началу.

— Я кое-чего не понимаю. Откуда мы знаем, что этот приютский мальчишка и есть тот самый, которого усыновили Паникосы?

— А с точностью мы и не знаем. Воспиталка сказала, его забрала семья каких-то греков, но фамилию она не знала. Этим занимался другой отдел. Но приют сгорел в тот самый день, когда он уехал со своими новыми родителями, и почти все обитатели оказались заперты внутри и погибли.

Гурни молчал.

— О чем думаешь, Шерлок?

— Думаю, что кто-то ведь выложил сто кусков, чтобы напустить это маленькое чудовище на Карла Спалтера.

— А заодно на Мэри Спалтер, Гаса Гурикоса и Лекса Бинчера, — добавил Хардвик.

— Питер Пэн, — задумчиво проговорил Гурни. — Мальчик, который не вырос.

— Зашибись как затейливо, старичок, но куда, черт возьми, это нас приводит?

— Я бы сказал, это не приводит нас ни к чему — пребываем в полной неизвестности, дрейфуя к полному замешательству. Несколько красочных историй у нас есть, но твердо мы почти ничего и не знаем. Мы ищем

профессионального убийцу, которого, возможно, зовут Петрос Паникос, или Питер Пэн, или как-нибудь еще. Имя, данное при рождении, неизвестно. Паспортное имя неизвестно. Дата рождения неизвестна. Национальность неизвестна. Родители неизвестны. Фактический адрес неизвестен. История арестов и приговоров неизвестна. Собственно говоря, неизвестно практически ничего, что могло бы нас к нему привести.

— Не стану спорить. И что теперь?

— Перезвони своему приятелю из Интерпола и умоляй о любых крошках, какие там могли завалиться в уголках дела, — особенно нужны сведения о семействе Паникосов, их соседях и любых прочих односельчанах, которые могли что-то знать о маленьком Петросе или как его там еще звали. Что угодно, от чего можно оттолкнуться. Пусть найдется хоть кто-нибудь, с кем мы могли бы поговорить...

— Очнись, мужик, это было двадцать пять лет назад. Да сейчас ни один хрен ничего не вспомнит, даже если мы кого и найдем. Вернись на землю.

— Скорее всего, ты прав. Но все равно свяжись с этим своим интерполовцем. В худшем случае он тебя пошлет. Впрочем, кто знает, какие еще факты могут всплыть.

Закончив разговор, Гурни некоторое время сидел, положив блокнот на колени и глядя на озеро. Вода стояла ниже обычного, обнажая скалистые стенки от уровня воды до кромки деревьев. На камнях валялись кучи плавника. По другую сторону узкого залива, тонувшего в глубоких предвечерних тенях, тянулись вверх из воды две корявые ветки. В памяти у Гурни зашевелились леденящие воспоминания о том, как еще совсем новичком он чуть ли не впервые побывал на месте обнаружения трупа: голого детского тельца, выброшенного на каменистую отмель Гудзона.

Не то воспоминание, на котором хочется задерживаться. Взяв блокнот, куда наскоро записал почти все, что рассказал Хардвик, Гурни перечитал заметки.

Он досадовал сам на себя. Досадовал, что позволил втянуть себя в это дело. Что до сих пор так недалеко продвинулся в расследовании. Заодно бесило отсутствие официального статуса. И обилие вопросительных знаков в блокноте.

Пожалуй, надо выпить еще кофе. Гурни завел машину и собирался уже направиться к Барливиллю, как снова позвонил Хардвик, еще более потрясенный, чем прежде.

— Ситуация изменилась. Если то, что мне удалось услышать, правда,

возможно, Лекс Бинчер вовсе и не пропал.

— Бог ты мой! Теперь-то что?

— Парни из уголовки вместе с одним из местных копов нашли в воде под частным причалом Лекса тело. Одно только тело. Без головы.

— Они уверены, что это Бинчер?

— Я там не задержался настолько, чтоб это выяснить. Мне от этой пропавшей головы прямо дурно стало. Я выбрался из толпы, вернулся в машину. Надо было убираться, пока меня не вывернуло или пока кто-нибудь из уголовки не узнал меня и не сложил два и два — про меня, Бинчера и дело Спалтеров, — иначе я на пару недель застряну в комнате для допросов. А этого я допустить не могу. Когда такое дерьмо творится. Мне нужна возможность свободно передвигаться, делать то, что, черт возьми, нам придется делать. Пора убираться отсюда. Позвоню позже.

Гурни просидел на берегу водохранилища еще несколько минут, осмысляя новое положение вещей. Взгляд его снова скользнул над водой к тому куску плавника, что напомнил ему тело, выброшенное на скалы у края Гудзона. Теперь же искореженный кусок дерева напоминал ему не просто тело, а тело без головы.

Передернувшись, он завел мотор и двинулся к Уолнат-Кроссингу.

Глава 39

Жуткие твари

Ситуация с каждым часом становилась все мрачнее. Думая о поспешном бегстве Хардвика с места преступления — из страха, что его узнают и станут допрашивать, Гурни понял, что перед ним во весь рост встала проблема, размышлять о которой он до сей поры старательно избегал: когда именно заканчивается право проводить частное расследование в интересах клиента, а начинаются препятствия отправлению правосудия?

В какой момент он обязан поделиться с правоохранительными органами тем, что узнал о киллере, называющем себя Петросом Паникосом, и его возможном участии во все нарастающей цепочке убийств, связанных с делом Спалтера? Меняет ли ситуацию то, что причастность Петроса пока остается лишь предположительной, а не установлена точно? Уж верно, рассудил Гурни с толикой облегчения, он не обязан делиться с полицией своими догадками — у нее и своих наверняка хватает. Но так ли уж честен этот аргумент?

Этот внутренний разлад не давал ему покоя, пока он ехал через унылый маленький Барливилль. Кафе, где он надеялся добыть кофе, оказалось закрыто. Гурни покатил дальше через поросшие лесом холмы, отделявшие городок от деревни Уолнат-Кроссинг, и дальше, к своему горному проселку. Раздумья его вылились в леденящий душу вопрос: а вдруг смерти в Куперстауне — лишь предвестие того, что грядет следом? Сколько можно утаивать результаты частного расследования, если в войне, судя по всему, объявленной Паникосом, будут гибнуть новые и новые люди?

Показавшийся в конце дороги почтовый ящик заставил его переключиться с Паникоса на Клемпера. Вправду ли тот, как намекает оставленное им сообщение, привез требуемую видеозапись? Или в ящике таится какой-нибудь менее приятный сюрприз?

Гурни проехал мимо ящика, припарковался возле сарая и пошел обратно пешком.

Он готов был рискнуть тысячей долларов, поставив на то, что никакой бомбы там нет, но жизнью рисковать готов не был. Приглядевшись к почтовому ящику внимательнее, он придумал способ открыть его с минимальным риском. Для начала надо найти палку — достаточно длинную, чтобы дотянуться до дверцы, прячась за стволом ели, росшей в нескольких шагах от почтового ящика.

После пяти минут поисков и нескольких неудачных попыток подцепить дверцу не вполне подходящей для этого веткой, он умудрился все-таки открыть ящик. Дверца распахнулась с легким звяканьем. Выждав несколько секунд, Гурни обошел ящик кругом и заглянул в него. Внутри не обнаружилось ничего, кроме одинокого белого конверта. Он вытащил его и смахнул крошечного муравья.

Конверт был адресован ему — подписан корявыми буквами. Ни штемпеля, ни марки. Сквозь бумагу прощупывалось что-то маленькое и прямоугольное, вполне возможно — флэшка. Осторожно открыв конверт, Гурни убедился, что не ошибся. Он сунул флэшку в карман, вернулся в машину и покатил к дому.

Часы на приборной доске показывали 4:38. Машина Мадлен стояла на обычном месте — он вспомнил, что Мадлен сегодня работала в раннюю смену: скорее всего, она вернулась домой около двух. Наверное, сидит и читает — очередная сизифова попытка одолеть «Войну и мир». Он вошел в боковую дверь и окликнул:

— Я дома.

Ответа не было.

По пути в кабинет, проходя через кухню, он окликнул жену снова, но ответа снова не получил и решил, что она, верно, по своему обыкновению отправилась прогуляться.

В кабинете он нажал клавишу на открытом ноутбуке, пробуждая его от спячки, вытащил из кармана флэшку и воткнул в нужный разъем. Появившаяся на экране иконка была озаглавлена «2 дек 2011 08:00AM — 11:59AM» — тот самый период времени, когда произошла стрельба. Войдя в меню за информацией, Гурни обнаружил, что крохотная флэшка имеет объем 64 гигабайта — более чем достаточно для записи того, что происходило в эти часы, даже в высоком разрешении.

Он кликнул по иконке. Открылось окно со списком из четырех видеофайлов, озаглавленных «Камера А (внутр.)», «Камера В (вост.)», «Камера С (зап.)», «Камера D (юг)».

Интересно. Четыре камеры наблюдения — необычайно высокий уровень безопасности для магазинчика в маленьком городке. Гурни предположил, что либо экраны были выведены на общее обозрение в качестве рекламы, как иногда ставят в ряд телевизоры — чтобы увеличить продажи, — либо же (эта возможность пришла ему в голову чуть позже) Косматый Гарри и его подружка занимались чем-нибудь порискованнее, чем простая торговля электроникой.

Поскольку обращенная на юг камера как раз должна была смотреть на кладбище «Ивовый покой», именно этот файл Гурни выбрал в первую очередь. Он кликнул по иконке, открылось новое окно с видео и пультом управления: кнопками «Пуск», «Пауза», «Реверс» и «Стоп», а также шкалой с движком — чтобы была возможность выбирать нужный момент на записи. Он нажал «Пуск».

Увидел он именно то, что и надеялся увидеть. Так отчетливо, что даже не верилось! Разрешение оказалось великолепным, и вдобавок записавшая этот файл камера, судя по всему, была оснащена новейшими технологиями следования за движущимся объектом и автоматического увеличения при всплеске активности объекта. Ну и разумеется, подобно большинству камер, внедренных с систему безопасности, она включалась в ответ на движение, делая запись, только когда что-то происходило. По низу экрана шел индикатор реального времени.

То, что камера активировалась движением, означало, что обозначенный в заголовке файла период, номинально охватывающий четыре часа, на самом деле не весь заполнен событиями, поскольку содержит и интервалы неактивности камеры. На деле так оно и оказалось: первый час реального времени дал меньше десяти минут записи — на которую попали,

по большей части, дисциплинированные владельцы собак, выведшие питомцев на прогулку, да одетые по-зимнему бегуны, которые осуществляли утренний ритуал на тропинке, шедшей вдоль низкой кладбищенской стены. Бледный зимний свет и чуть припорошивший землю легкий снег оживляли пейзаж.

Лишь после девяти утра камера среагировала на движение на самом кладбище. Через экран медленно ехал грузовой автофургон. Он остановился перед местом, в котором Гурни узнал фамильный участок Спалтеров (или, если использовать терминологию Полетты Парли, «владение»). Из фургона выбрались двое мужчин в мешковатых комбинезонах. Распахнув заднюю дверцу, они принялись выгружать какие-то темные и плоские прямоугольники, как вскоре выяснилось — раскладные стулья. Рабочие аккуратно расставили их в два ряда перед куском темной земли — разверстой могилой, предназначенной для Мэри Спалтер. Чуть подровняв ряды стульев, один из рабочих установил в изголовье могилы переносную трибуну, а второй достал из фургона здоровенную метлу и принялся сметать снег с травы между стульями и могилой.

Пока шли все эти подготовительные работы, в поле зрения появился маленький белый автомобильчик, остановившийся позади автофургона. Хотя Гурни, конечно, не мог разглядеть лицо, совсем крошечное в рамке видео, у него возникло ощущение, что вылезшая из автомобильчика женщина в шубке и меховой шапке, которая жестикулировала, словно давая рабочим указания, была Полетта Парли. Энергично помахав метлой вокруг стульев и могилы, рабочие забрались обратно в фургон, и тот исчез из поля зрения.

Женщина еще немного постояла, осматриваясь вокруг с таким видом, точно проводила последнюю инспекцию, а потом вернулась к машине, отогнала ее подальше от лужайки и припарковала возле побитых морозом рододендронов. Видео продолжалось еще с минуту, но затем прервалось и возобновилось через двадцать восемь минут реального времени, в 9:54 — с появлением катафалка и нескольких автомобилей.

С пассажирского сиденья катафалка слез мужчина в черном плаще. Женщина, которую Гурни считал Полеттой Парли, снова показалась из своей машины и подошла к нему. Они обменялись рукопожатием и коротко переговорили. Мужчина, на ходу жестикулируя, направился обратно к катафалку. Из лимузина вышло человек шесть служителей в черных костюмах. Открыв заднюю дверь катафалка, они медленно извлекли гроб и с натренированной плавностью понесли к могиле, где и поместили на

подставку, удерживавшую его на уровне земли.

По какому-то знаку, которого Гурни не разглядел, из машин, припаркованных вдоль аллеи за катафалком, начали выбираться остальные скорбящие, в зимних пальто и шапках. Один за другим они двинулись к рядам стульев возле могилы. Через некоторое время свободными оставались лишь два из шестнадцати мест — по обе стороны от тройняшек, кузин Мэри Спалтер.

Высокий человек в черном пальто — предположительно, распорядитель похорон — занял позицию позади гостей. Рядом с ним плечом к плечу встали шесть служителей, поправив предварительно гроб на подставке. Полетта Парли остановилась в нескольких шагах от них.

Внимание Гурни было приковано к человеку на крайнем стуле первого ряда. К ничего не подозревающей будущей жертве. Часы внизу экрана показывали, что на кладбище «Ивовый покой» было 10:19 утра. А значит, Карлу Спалтеру оставалась всего одна минута. Одна минута той жизни, что у него была.

Гурни все переводил взгляд с Карла на часы и обратно, с болезненной остротой ощущая, как истекают, выветриваются время и жизнь.

Оставалось еще полминуты — полминуты до того, как пуля «Свифт» двадцать второго калибра, самая быстрая и точная пуля в мире, пронзит правый висок жертвы, вобьет острый осколок ему в мозг и положит конец любым его видам на будущее.

За долгую карьеру в полиции Нью-Йорка Гурни перевидал бесчисленное множество видеозаписей, на которых были запечатлены преступления, включая кражи, избиения, грабежи и убийства — на автозаправках, в винных магазинах, супермаркетах, прачечных, банкоматах.

Но сейчас все было совсем по-другому.

Человеческий контекст со всеми его сложными и напряженными внутрисемейными отношениями был куда шире. Эмоциональная насыщенность — выше. Умиротворение на месте происшествия — скорбящие, чинно рассевшиеся в два ряда, словно на семейном групповом портрете, — резко отличало этот случай от типичных сцен преступлений на видеозаписях. А про того, кому суждено было — всего через несколько секунд — получить пулю в голову, Гурни знал гораздо больше, чем обычно заранее знал про жертв с видео.

И вот наступил тот самый миг.

Гурни весь подался вперед к экрану компьютера, балансируя на краешке стула.

Карл Спалтер поднялся с места и повернулся к трибуне,

установленной у дальнего конца разверстой могилы. Сделал шаг, оказавшись при этом прямо перед Алиссой. А потом, едва начав делать следующий шаг, внезапно качнулся вперед, словно бы споткнувшись, и завалился, по инерции движения преодолев в падении почти всю длину переднего ряда. Он упал лицом вниз и неподвижно распростерся на припорошенной снегом траве между гробом матери и стулом брата.

Йона и Алисса первыми вскочили на ноги. Вслед за ними — две пожилые дамы из «Старших сил» со второго ряда. Стоявшие за спинами у гостей служители тоже выскочили вперед. Полетта бросилась к Карлу, упала на колени и согнулась над ним. После этого разобрать, что происходит, стало трудно: все сгрудилось вокруг упавшего. По крайней мере трое присутствующих за последующие несколько минут вытащили телефоны и принялись звонить.

Гурни отметил, что, как и было указано в отчете о происшествии, в Карла стреляли ровно в двадцать минут одиннадцатого. Первые представители закона появились в десять двадцать восемь — местные полицейские из Лонг-Фоллса в патрульной машине. В следующие пару минут прибыли еще две машины, а вслед за ними — патрульный автомобиль. В десять сорок две приехала машина «скорой помощи» с командой медиков и припарковалась прямо перед местом происшествия, начисто блокируя поле обзора видеокамеры, что сделало весь остаток записи начисто непригодным для Гурни. Даже первая машина без опознавательных знаков — скорее всего, на ней приехал Клемпер — остановилась по другую сторону от «скорой помощи» и скрылась из виду.

Наскоро промотав вперед остаток записи и не обнаружив больше ничего важного, Гурни откинулся на спинку кресла, обдумывая увиденное.

Помимо неудачно занятой «скорой помощью» позиции была и другая проблема. Несмотря на высокое разрешение камеры, способность объектива к многократному увеличению и автоматическое кадрирование, камера находилась слишком далеко от места действия, что накладывало определенные ограничения. Хотя Гурни и понимал, что там происходило, он сознавал, что понимание это отчасти базируется на том, что ему успели рассказать. Он давно уже принял для себя главный, хотя и идущий вразрез с интуицией принцип восприятия: «Мы не думаем то, что думаем, потому что видим то, что видим, — а наоборот, видим то, что видим, потому что думаем то, что думаем». Предвзятое суждение легко искажает данные оптических наблюдений и даже заставляет нас видеть то, чего нет вовсе.

Так что сейчас Гурни требовались более четкие данные оптических наблюдений: он хотел убедиться, что предвзятость суждений не уводит его

в сторону от истины. В идеале нужно бы отдать цифровой файл в продвинутую компьютерную лабораторию, чтобы выжать максимум разрешения, — но плата за отставку включала в себя и отсутствие допуска к подобным технологиям. Ему пришло в голову, что у Эсти, возможно, имеется лазейка в полицейскую лабораторию, где она могла бы проделать эту работу без всяких там удостоверений или пропуска, предъявление которых могло бы выйти ей боком. Но не хотелось толкать ее на такое. По крайней мере, пока не исчерпаны менее рискованные возможности.

Взяв телефон, он позвонил Кайлу — кладезю информации в отношении всего, что касалось компьютеров, и чем более навороченных, тем лучше. Автоответчик предложил оставить сообщение, что Гурни и сделал: «Привет, сынок. У меня тут проблема из области цифровых технологий. По каналам официальной поддержки пользователей обратиться не могу. Дело вот в чем. У меня есть видеофайл с высоким разрешением, из записи можно было бы выжать больше сведений, если бы удалось применить цифровое увеличение, не теряя при этом четкости. Знаю, это противоречие, но мне кажется, бывают какие-то программы, которые это умеют... вот я и подумал, может, ты меня сориентируешь? Спасибо, сынок. Даже не сомневайся: что бы ты ни сказал, твои познания гораздо глубже, чем мои».

Закончив звонок, он собрался было вернуться к началу видео и просмотреть запись еще раз, но тут обратил внимание на время в верхнем углу экрана. Было уже 5:48. Выбери Мадлен даже самый длинный из своих обычных маршрутов по лесу — тот, что вел через гребень Карлсон-Риджа, — ей пора бы уже давно вернуться.

Время ужина, а она никогда... О боже! Ну конечно же!

Он почувствовал себя идиотом. Ведь как раз сегодня ей полагалось уехать к Уинклерам! Слишком уж много всего случилось — и слишком быстро. Мозг у него словно был переполнен сведениями, и каждая новая крупинка информации напрочь вышибала что-то из старого. Пугающее наблюдение. Что еще он мог забыть?

Тут он внезапно вспомнил, что по дороге видел у дома машину Мадлен.

Если она у Уинклеров, какого черта ее машина тут?

Недоумевая, он набрал номер ее мобильного. Внутренняя тревога стремительно разрасталась.

К своему удивлению через несколько секунд он услышал, как телефон Мадлен звонит на кухне. Неужели она все-таки не уехала к Уинклерам? Может, она где-то в доме? Он громко окликнул Мадлен, однако ответа не

получил. Выйдя из кабинета на кухню, он по звуку звонка нашел ее телефон: на столе рядом с плитой. Вот это уже и вправду странно. Она же никогда не уходит из дома без телефона. Гурни в полной растерянности посмотрел в окно, надеясь, что увидит, как Мадлен идет через луг к дому.

Но ее видно не было. Только ее машина. Что означало — она должна быть где-то поблизости: если только не уехала с кем-нибудь из друзей, захвативших за ней. Или если, упаси господь, с ней не приключилась какая-то беда и ее не увезли на «скорой».

Он напряженно пытался вспомнить, не говорила ли она что-нибудь такое, что...

Легкий ветерок качнул стебли аспарагуса, на краткий миг чуть раздвинул их, и Гурни краем глаза заметил что-то яркое.

Вроде бы — розовое.

Стебли сомкнулись снова, и он уже начал сомневаться, вправду ли что-то видел.

Любопытство выгнало его из дома.

Обогнув заросли аспарагуса, он получил ответ на свой вопрос — а заодно и на второй, более важный. Мадлен в розовой футболке сидела на траве. Рядом, на участке рыхлой, словно бы недавно вскопанной земли, лежало несколько кусков голубоватого песчаника. За ними валялась на траве лопата, которой явно только что пользовались. Правой рукой Мадлен тихонько разравнивала темную землю у края камней.

Сперва она ничего не сказала.

— Мэдди?

Она подняла голову. Губы у нее были сжаты в тонкую, скорбную линию.

— Что случилось? Что с тобой?

— Горацій.

— Горацій?

— Кто-то из этих жутких тварей до него добрался.

— До нашего петуха?

Она кивнула.

— Из каких жутких тварей? — спросил Гурни.

— Не знаю. Наверное, из тех, о каких тогда Брюс рассказывал. Хорек? Или опоссум? Не знаю. А ведь он нас предупреждал. Надо мне было послушаться.

Она прикусила нижнюю губу.

— Когда это случилось?

— Сегодня, недавно совсем. Я вернулась домой и выпустила их из

сарая немножко подышать свежим воздухом. День выдался такой чудесный. У меня было немного дробленой кукурузы, они ее обожают — так что они увязались за мной к дому. Прямо вот тут были. Бегали, клевали что-то в траве. Я вошла в дом за... не помню уже, за чем. И просто... — Она на миг умолкла и покачала головой. — Ему ведь было всего четыре месяца. Он и кукарекать-то научился только-только. И так гордился собой. Бедненький малыш Гораций. А ведь Брюс нас предупреждал... предупреждал... что может случиться.

— Ты похоронила его?

— Да. — Она чуть подалась вперед, поглаживая рыхлую землю вокруг камней. — Не могла оставить его маленькое тельце просто валяться здесь. — Она шмыгнула носом и кашлянула, прочищая горло. — Наверное, он пытался защититть кур от хорька. Как ты думаешь?

Гурни понятия не имел, что и думать.

— Наверное.

Еще несколько раз погладив землю, Мадлен поднялась с травы, и они вместе вернулись в дом. Солнце уже начало опускаться за западный гребень. Склон холма напротив омывало то красновато-золотистое сияние, что длится лишь пару минут.

Странный это был вечер. Они наскоро и молча перекусили тем, что нашлось в холодильнике, и Мадлен устроилась в глубоком кресле у огромного пустого камина в дальнем конце длинной комнаты, рассеянно держа на коленях какое-то из своих вечно неоконченных вязаний.

Гурни спросил, не зажечь ли стоящий за креслом торшер, но Мадлен еле заметно покачала головой. Он уже собирался спросить, изменила ли она планы насчет фермы Уинклеров, как она сама поинтересовалась его утренней встречей с Малькольмом Кларетом.

Утренней?

Случилось столько всего, что казалось, он ездил в Бронкс с неделю назад. С трудом Гурни сумел сосредоточиться на этой поездке, встроить ее в прочие события сегодняшнего дня. Он начал с первого, что пришло на ум.

— А когда ты назначала мне встречу, Малькольм тебе не сказал, что умирает?

— Умирает?

— Да. Он в терминальной стадии рака.

— И все еще... о господи!

— В чем дело?

— Он ничего мне не сказал, во всяком случае, прямо, но... теперь

припоминаю, он сказал, что надо назначить встречу как можно скорее. Я-то подумала, он потом будет плотно занят, вот и... О господи. Как он?

— Да все как прежде. Ну, то есть, он выглядит сильно постаревшим, страшно худой. Но очень... очень пронизателен.

Наступило молчание.

Мадлен заговорила первой.

— Так вы об этом говорили? О его болезни?

— Ой, нет, совсем не о том. Он, собственно, и упомянул-то о ней лишь в самом конце беседы. Мы, главным образом, разговаривали обо мне... и о тебе.

— И как, толковая вышла встреча?

— Думаю, да.

— Ты еще злишься, что я договорилась о приеме без твоего ведома?

— Нет. Оказалось, что оно того стоило. Во всяком случае, Кларет думал, оно того стоило. — Гурни все еще было трудно подобрать слова, чтобы описать, как эта встреча на него подействовала.

После короткой паузы Мадлен улыбнулась.

— Хорошо.

После следующей паузы, уже более продолжительной, Гурни задумался, не стоит ли снова поднять вопрос об Уинклерах и наконец обо всем договориться. Он по-прежнему хотел, чтобы Мадлен на некоторое время покинула дом. Но, пожалуй, с этим можно разобраться и утром.

В восемь часов она отправилась спать.

Чуть позже он последовал за ней.

Не то чтобы ему хотелось спать. Гурни вообще нелегко было бы сейчас определить, что именно он испытывал. Минувший день глубоко потряс, перегрузил, опустошил его. Для начала — беспощадная истина слов Кларета. Вдобавок еще и болезненные воспоминания о детстве в Бронксе. Потом — все нарастающий ужас рассказов Джека Хардвика из Куперстауна, а под конец горе Мадлен из-за смерти петуха — пусть потеря и могла показаться небольшой, Гурни подозревал, что на подсознательном уровне она перекликается у Мадлен с другой утратой.

Он вошел в спальню, разделся, лег рядом с женой и ласково взял ее за руку, не зная, как более внятно или уместно выразить сочувствие.

Часть третья

Все мировое зло

Глава 40

На следующее утро

Гурни проснулся в тяжком эмоциональном похмелье. Завязнув меж сновиденьями и раздумьями, сон его был слишком поверхностен и не справился с одной из жизненно важных своих функций: уложить сумбур фактов и впечатлений минувшего дня в упорядоченные кладовые памяти. Обрывки вчерашней сумятицы все еще крутились в голове, затмевая настоящее. Лишь приняв душ, одевшись, сварив себе кофе и присоединившись к Мадлен за столом, он наконец заметил, какой сегодня яркий и солнечный день.

Но даже это приятное наблюдение не оказало на него обычного ободряющего эффекта.

По радио передавали какой-то музыкальный отрывок, что-то для симфонического оркестра. Гурни терпеть не мог музыки по утрам, а в нынешнем его состоянии духа она тем более раздражала.

Мадлен подглядела на него поверх поставленной перед ней книги.

— Что такое?

— Да как-то слегка запутался.

Она опустила книгу.

— Дело Спалтеров?

— Наверное... главным образом.

— А в чем именно запутался?

— Фрагменты не складываются. Становится все беспорядочнее, все хаотичнее. — Он рассказал про звонки Хардвика из Куперстауна, правда, опустив при этом подробности про отрезанную голову — про это рассказывать у него просто духа не хватило. А завершил так: — Просто не понимаю, какого черта происходит. А у меня просто нет надлежащей информационной базы и технических ресурсов, чтобы разобраться с этим самостоятельно.

Мадлен закрыла книгу.

— С чем разобраться?

— Ну, выяснить, что происходит, и кто за всем этим стоит и почему.

Она пристально посмотрела на него.

— А разве ты еще не выполнил то, о чем тебя просили?

— Выполнил?

— У меня сложилось впечатление, что ты вполне успешно разнес в клочья обвинение против Кэй Спалтер.

— Ну да.

— Так что при апелляции ее приговор наверняка отменят. В том-то и была суть, разве нет?

— Ну да, была.

— Была?

— Просто сейчас словно весь ад с цепи сорвался. Эти новые убийства и поджоги...

— За этим-то и существует полиция, — перебила она.

— В первый раз у нее не особенно-то получилось разобраться. И мне кажется, они понятия не имеют, с чем столкнулись.

— А ты имеешь?

— Не то чтобы.

— Значит, никто не понимает, что происходит. А чья работа — выяснять это?

— Официально — бюро криминальных расследований.

Она вызывающе склонила голову на бок.

— Официально, законно, логически — и во всех остальных отношениях.

— Ты права.

— Но?

После неловкой паузы Гурни произнес:

— Но он же настоящий псих.

— Знаешь, в мире полным-полно психов.

— Конкретно этот убивает с восьми лет. Ему нравится убивать. И чем больше народа, тем лучше. Кто-то напустил его на Карла Спалтера, а теперь черт не хочет убираться обратно в табакерку.

Мадлен посмотрела ему прямо в глаза.

— Выходит, опасность возрастает. На днях ты сказал, что существует примерно однопроцентная вероятность того, что этот тип может начать охотиться за тобой. Со всей очевидностью, это ужасное происшествие в Куперстауне сильно меняет дело.

— До некоторой степени, но мне по-прежнему кажется...

— Дэвид, — перебила она, — я вынуждена это сказать... Я знаю, что ты ответишь, но все равно должна это сказать. Ты можешь выйти из игры.

— Если я брошу расследование, он все равно никуда не денется. Только шансов его поймать станет меньше.

— Но если ты не будешь за ним охотиться, может, и он за тобой не придет.

— Голова у него вовсе не всегда работает так логично.

Мадлен смотрела на него встревоженно и растерянно.

— Судя по всему, что ты о нем рассказывал, он очень логичен и собран, всегда все точно планирует.

— Логичен, собран — и одержим стремлением убивать. Забавно обстоит дело с этими наемными убийцами. Кажется, они все такие хладнокровные и практичные — но в их мотивах нет ровным счетом ничего хладнокровного и практичного. И я не имею в виду деньги, которые они получают за выполненную работу. Это вторичное. Я встречал киллеров. Допрашивал их. И знаешь, кто они такие — по большей части? Одержимые и яростные серийные убийцы, сумевшие превратить свое безумие в хорошо оплачиваемую работу. Хочешь услышать кое-что совершенно нелепое?

Мадлен смотрела на него скорее с опаской, чем с любопытством, но он уже не мог остановиться.

— Когда Кайл был маленьким, я ему часто говорил, что один из ключей к счастливой жизни и хорошей карьере — это умение найти занятие, которое тебе так нравится, что ты готов им заниматься хоть бесплатно, а потом найти того, кто тебе будет платить. Мало у кого это получается. В основном это летчики, музыканты, актеры, художники и спортсмены. И наемные убийцы. Я вовсе не говорю, что профессиональные киллеры кончают жизнь в счастье и довольстве. На самом деле большинство из них умирает насильственной смертью или же в тюрьме. Но пока они занимаются своим ремеслом, оно им нравится. Большинство из них все равно убивали бы людей, даже если б им не платили.

Мадлен расстраивалась все сильнее.

— Дэвид, ради бога, к чему ты все это?

Он осознал вдруг, что рассказал больше, чем собирался.

— Только к тому, что если сейчас отстранюсь от дела, ни к чему хорошему это не приведет.

Видно было, как Мадлен из последних сил сохраняет спокойствие.

— Потому что ты уже попал на его радары?

— Возможно.

Голос у нее начал срываться.

— Все из-за этой гнусной передачи, «Криминального конфликта». Из-за Бинчера, который почему зря твердил твоё имя, привязал тебя к Хардвику. И из-за этого идиота Брайана Борка. Он заварил кашу, пусть он и расхлебывает. Пусть объявит, что ты в этом деле не участвуешь. Вышел из игры.

— Не уверен, что сейчас это спасёт положение.

— Что ты хочешь сказать? Что ты — в который раз! — снова умудрился встать на пути маньяка-убийцы? И что теперь остаётся лишь ждать, пока вы с ним встретитесь?

— Именно этого я и пытаюсь *избежать* — достав его прежде, чем он достанет меня.

— Как?

— Выяснив про него всё, что можно. Чтобы научиться предсказывать его действия лучше, чем он мои.

— Это схема такая, да? Типичная схема. Ты и он.

— Прости, что?

— Ты и он. Один на один. То самое состязание не на жизнь, а на смерть, в какие ты всегда влипаешь. Та самая ситуация, из-за которой мне хотелось, чтобы ты попал на приём к Малькольму.

Гурни так и онемел.

— Да нет же, на этот раз всё совсем иначе. Я не один. Со мной ещё люди.

— Да неужели? И кто же? Джек Хардвик, который тебя во всё это втравил? Полиция, которой ты бросил вызов своим расследованием? Они тебе друзья и союзники? — Мадлен покачала головой, скорее даже — нервно передернулась и продолжала: — Да пусть весь мир встанет тебе на помощь, это всё равно без толку. Всё равно против него — только ты один. Всегда всё сводится именно к этому. К моменту истины.

Он ничего не ответил.

Мадлен опустила в кресло, глядя на мужа. Постепенно на лице её проступило озарение.

— Я наконец кое-что поняла.

— Что?

— На самом деле ты никогда не работал на нью-йоркскую полицию, правда? Никогда не считал себя простым сотрудником, рабочим инструментом своего отдела. Наоборот, ты считал отдел своим рабочим инструментом — и использовал его на твоих условиях, тогда, когда считал нужным, и как считал нужным для достижения своих целей.

— Мои цели и были целями полиции. Ловить преступников. Искать

доказательства. Сажать негодяев в тюрьму.

Она продолжала, как будто не слыша его:

— Для тебя твой отдел был просто опорой. А настоящее состязание всегда шло между тобой и преступником. Ты и преступник — вплоть до открытого столкновения. Иногда ты пользовался ресурсами полиции, иногда нет. Но всегда считал это своей личной битвой, своим призванием.

Гурни слушал. Возможно, она была права. Возможно, его подход к жизни слишком узок, слишком ограничен лишь его собственной точкой зрения. Может, это большая проблема — а может, и нет. Может, причиной всему — химия его мозга, а уж над этим-то он точно не властен. Но чем бы это ни было, ему совершенно не хотелось это обсуждать. Он вдруг понял, что вся тема измотала его до предела.

Он сам не знал, что делать дальше.

Но надо же что-то делать. Пусть даже это ни к чему не приведет.

Он решил позвонить Адонису Ангелидису.

Глава 41

Предостережение

Когда Гурни позвонил по номеру, оставленному ему Ангелидисом, тот немедленно снял трубку. Гурни наскоро описал ему стремительно развивающуюся ситуацию, которая могла представлять для них обоих интерес, в результате чего было решено через два часа встретиться в «Одиссее Эгейском».

Не желая покидать дом, пока не удостоверится, что Мадлен благополучно выдвинулась на ферму к Винклерам в Бакридже, Гурни обрадовался, обнаружив, что она собирает большую спортивную сумку в спальне.

— Корма курам хватит, воды тоже больше, чем достаточно, — проговорила она, запихивая носки в кроссовок. — Так что на этот счет не переживай. Но, может, ты будешь выносить им с утра мелко нарубленной клубники?

— Конечно, — рассеянно согласился он, практически не осознавая, о чем она просит. Его раздирали самые противоречивые чувства по поводу всей этой затеи с Уинклерами и ярмаркой. С одной стороны — удачно получилось, а с другой — все равно раздражает. Раздражает — потому что Уинклеров он недолюбливал, да вдобавок, желая облегчить себе жизнь, они уговорили Мадлен провести целую неделю на ферме, задаром ухаживая за

альпака. Но приходилось признать, что вообще-то вышло удачно, поскольку это дает Мадлен безопасное пристанище как раз в самый нужный момент. Ну и конечно, сама-то она обожала возиться с животными. Она вообще любила быть полезной, особенно когда дело касалось пернатых или мохнатых существ.

Занятый этими мыслями, он вдруг заметил, что она смотрит на него уже с другим выражением — мягче и непроницаемое.

На душе сразу стало легче. Он улыбнулся.

— Я тебя люблю, — сказала Мадлен. — Пожалуйста, береги себя.

Она протянула к нему руки, и они обнялись — так надолго и так крепко, что меж ними не осталось уже ничего, что требовалось бы облекать в слова.

Когда Гурни добрался до Лонг-Фоллса, перед рестораном было безлюдно, а в самом ресторане — еще пустынное, чем в прошлый раз. Ни посетителя. Всего один работник — мускулистый официант с ничего не выражающим взглядом. В темном баре — тоже никого. Но, конечно, была лишь половина одиннадцатого, а навряд ли в «Одиссее» подавали завтрак. Гурни пришло в голову, что, скорее всего, сегодня ресторан открыли с утра исключительно в угоду Ангелидису.

Официант провел Гурни через бар, потом по темному коридору мимо двух туалетов и двух дверей без табличек к тяжелой стальной двери черного входа. Он приналег на нее плечом, и она со скрежетом подалась. Официант отступил в сторону, жестом приглашая гостя пройти в обнесенный стеной яркий и красочный сад.

Он был одной ширины со зданием, сорок-пятьдесят футов, и по меньшей мере вдвое длиннее. Сад окружала глухая стена из красного кирпича, в дальнем конце были широкие ворота с двойными створками. Сейчас эти ворота были открыты нараспашку, обрамляя вид на реку, беговую дорожку и ухоженную безмятежность кладбища «Ивовый покой». Почти такой же вид, что из той спорной квартиры в трех кварталах отсюда, только угол обзора другой.

Сад представлял собой очаровательное сочетание поросших травой дорожек, грядок с овощами и цветников. Официант указал на тенистый уголок, где стоял белый столик с двумя ажурными металлическими креслами, в одном из которых сидел Адонис Ангелидис.

Он кивнул подошедшему к столику Гурни на второе кресло.

— Прошу вас.

Появившийся из ниоткуда второй официант поставил на середину

стола поднос с двумя чашечками черного кофе, двумя рюмками и почти полной бутылкой узо, анисового греческого бренди.

— Пьете крепкий кофе? — голос у Ангелидиса был низкий и хрипловатый, точно мурлыканье огромного кота.

— Да.

— Может, вам понравится с узо. Лучше сахара.

— Пожалуй, попробую.

— Хорошо добрались, да?

— Без проблем.

Ангелидис кивнул.

— Чудесный денек.

— Чудесный сад.

— Да. Свежий чеснок. Мята. Орегано. Славно. — Ангелидис сел поудобнее. — Чем могу помочь?

Гурни взял ту чашечку, что стояла ближе к нему, и задумчиво отпил кофе. По пути из Уолнат-Кроссинга он набросал в уме вступление к разговору, но теперь, когда он сидел лицом к лицу с одним из самых умных мафиози в Америке, оно казалось ему довольно-таки слабым. Однако попытаться все же стоило. Иной раз только и остается, что надеяться на удачу.

— Мне стала известна кое-какая информация, которая может вас заинтересовать.

Взгляд Ангелидиса выражал сдержанное любопытство.

— Разумеется, всего лишь слухи, — продолжал Гурни.

— Ну разумеется.

— Касательно отдела борьбы с организованной преступностью.

— Гнусные гады. Беспринципные насквозь.

— Я слышал, — произнес Гурни, отпивая еще глоток кофе, — что они пытаются повесить Спалтера на вас.

— Карла? Вот о чем я и говорил, видите? Гады! С какой бы мне стати убирать Карла? Говорил вам, он мне как сын. С какой бы мне стати такое делать? Мерзость!

Крупные руки — руки боксера — сжались в кулаки.

— По сценарию, что они пишут, вы с Карлом рассорились, и...

— Бред!

— Как я уже сказал, по их сценарию...

— Что такое, на хрен, сценарий?

— Гипотеза, история, которую они придумали.

— Вот именно, что придумали! Склизкие гады!

— По их гипотезе, вы с Карлом рассорились, и тогда вы через Жирдяя Гаса наняли киллера, а потом испугались и решили замести следы, избавившись от Гаса... возможно даже, сами это сделали.

— Сам? Они считают, это я ему гвозди в череп заколачивал?

— Я всего лишь пересказываю, что слышал.

Ангелидис откинулся на спинку кресла. Гнев в его глазах сменился расчетливостью.

— Откуда это у вас?

— План повесить убийство на вас?

— Да. От верхушки отдела борьбы с организованной преступностью?

Что-то в его тоне навело Гурни на мысль, что у Ангелидиса, вполне вероятно, имеются выходы на кого-то оттуда. На кого-то, кто должен быть в курсе всех основных инициатив.

— Насколько я слышал, нет. У меня сложилось впечатление, что шаги против вас намечаются откуда-то с краю. Неофициально пока. Пара ребят, у которых на вас зуб. У вас есть предположение, кто это может быть?

Ангелидис не ответил. Челюсти его напряглись. Он молчал долго, с минуту, а когда заговорил, голос у него звучал ровно.

— И вы приехали сюда из Уолната просто поделиться со мной этой информацией?

— Есть и еще кое-что. Я выяснил, кто этот киллер.

Ангелидис замер.

Гурни не спускал с него глаз.

— Петрос Паникос.

В глазах Ангелидиса что-то дрогнуло. Гурни сказал бы, что он пытается скрыть укол страха.

— Откуда вы знаете?

Гурни с улыбкой покачал головой.

— Лучше не рассказывать.

Ангелидис в первый раз за время их встречи обвел взглядом сад и кирпичную стену, остановившись на открытых воротах и виде на реку и кладбище за ней.

— Зачем вы явились ко мне со всем этим?

— Подумал, вдруг захотите помочь.

— С чем помочь?

— Я хочу найти Паникоса. Хочу арестовать его. Возможно, он, чтобы заключить сделку, расскажет, кто заказал Спалтера. А поскольку это не вы, отдел по борьбе с организованной преступностью может пойти и трахнуть сам себя. Вам ведь это понравится?

Ангелидис опустил массивные руки на стол и покачал головой.

— В чем проблема?

— Проблема? — С губ Ангелидиса сорвался короткий невеселый смешок. — В том, что вы намерены арестовать его. Ни хрена не выйдет. Поверьте мне. Вы просто не представляете, с кем имеете дело.

Гурни снова пожал плечами и поднял руки ладонями вверх.

— Может, тогда мне стоило бы узнать о нем чуть больше?

— Не чуть, а много больше.

— Так расскажите, чего я не знаю.

— Например?

— Как Паникос работает?

— Стреляет. Чаще всего в голову. Чаще всего в правый глаз. Или взрывает. Или поджигает.

— А его контракты? Как он их заключает?

— Через посредника. Агента.

— Вроде Жирдяя Гаса?

— Вроде Жирдяя Гаса. У Паникоса самая верхушка. Считанные люди в мире знают, как с ним связаться. Они и осуществляют посредничество. Переводят деньги.

— Инструкции он тоже от них получает?

— Инструкции? — Ангелидис утробно засмеялся. — Он получает имя, срок и деньги. Остальное на его усмотрение.

— Что-то я не улавливаю.

— Скажем, вы хотите кого-то убрать. Чисто теоретически. Для примера. Вы платите Питеру Пэну, сколько запросит. И объект убирают. И дело с концом. Как Питер его убирает — это уж Питерово дело. Никаких инструкций он не признает.

— Так позвольте прояснить вот что. Гвозди в голове Жирдяя Гаса — они, наверное, в условия сделки не входили?

Похоже, эта деталь заинтересовала Ангелидиса.

— Нет... не входили, я думаю. Если убийца — Питер, то нет.

— То есть, это было бы его личной инициативой, а не указанием клиента?

— Говорю же, он никаких указаний не принимает — только имена и деньги.

— Значит, эти все ужасы с Гасом — это, по-вашему, его идея?

— Вы меня слушаете? Он не принимает приказов.

— Так зачем ему тогда это понадобилось?

— Понятия не имею. В том-то и беда. Зная Паникоса и Гурикоса —

никакого смысла не вижу.

— То есть, в предположении, что Паникос обеспокоился, не знает ли Гурикос чего-то, что может ему повредить, смысла нет? Что он может проболтаться. Или что он уже проболтался?

— Вам надо понять одну вещь. Гас отмотал срок — огромный срок. Двенадцать долбанных лет в тюрьге в Аттике, а мог бы выйти через два года. Если бы только назвал имя. Но он не назвал. А ведь тот тип до него не дотянулся бы. Так что о мести и речи не шло. Он это не из страха. А знаете, из-за чего?

Гурни слышал такие истории много раз — и знал основную идею.

— Из принципа?

— Именно, твою мать, из принципа. Стальные яйца!

Гурни кивнул.

— Вот потому-то я и гадаю — что толкнуло Паникоса на такое зверство? Не сходится как-то.

— Я ж говорил — никакого, на хрен, смысла. Гас был, как Швейцария. Тихий. Ни с кем ни про кого не болтал. Общеизвестный факт. Секрет его успеха. Принципы.

— Хорошо. Гас был, как скала. А Паникос? Он-то какой?

— Питер? Питер... особенный. Берется только за то, что кажется невозможным. Страшно упертый. Высоченный процент успешных дел.

— И все же...

— Что — все же?

— Слышится мне в вашем голосе некоторое отсутствие энтузиазма.

— Правда? — Ангелидис немного помолчал, а потом продолжил, тщательно подбирая слова: — Питер... его услугами пользуются только в... в совсем уж затруднительных случаях.

— Почему?

— Потому что при всех его талантах... есть еще доля риска.

— Какого, например?

Ангелидис состроил гримасу, точно узо готово было хлынуть обратно.

— КГБ в свое время убивало, подмешивая в еду жертвам радиоактивный яд. Страшно эффективно. Но использовать его надо очень и очень осторожно. Вот и с Питером то же самое.

— Паникос настолько опасен?

— Не поладите с ним — наживете врага.

Гурни задумался. От идеи, что у человека, поссорившегося с одержимым и безумным убийцей, могут возникнуть проблемы, хотелось громко смеяться.

— А вы слышали, что он любит поджоги?

— Возможно, и слышал. Часть всего комплекта, с каким вы имеете дело. А мне кажется, вы все никак не поймете, с чем столкнулись.

— Мне доводилось уже сталкиваться с крепкими орешками.

— Крепкими орешками? Смешно даже! Дайте-ка расскажу вам одну историю про Питера — поймете тогда про крепких орешков. — Ангелидис подался вперед, распластал ладони по столу. — Были два города неподалеку друг от друга. И в каждом — сильный человек. Что создавало проблемы — в основном, кто и на что имеет право в отношениях между этими двумя городами. Города росли, сближались, проблемы тоже росли. Много случалось всякого плохого. Эскалация. — Он старательно выговорил это слово. — Эскалация, куда ни глянь. Наконец уже ни о каком мире и речи не шло. По-доброму не договориться. Ну и один из этих людей решает, что второго надо убрать. Решает нанять маленького Питера. Питер тогда только входил в ремесло.

— В ремесло наемного убийцы? — напрямик уточнил Гурни.

— Ага. Это его профессия. Словом, он выполняет заказ. Быстро, чисто, без проблем. И приходит за платой. К заказчику. А тот говорит — подожди, мол, наличных сейчас нет. Питер говорит, плати сейчас. А тот ему — обождешь. Питер говорит, его это огорчает. Тот над ним смеется. Тогда Питер берет и стреляет в него. Бах! И все.

Гурни пожал плечами.

— Не самая удачная идея — не платить киллеру.

Губы Ангелидиса на долю секунды дрогнули в хмурой усмешке.

— Не самая, это точно. Но это еще не конец истории. Питер идет домой к заказчику и стреляет в его жену и двоих детей. Потом отправляется в обход города — убивает брата и пятерых кузенов заказчика, их жен и все их семьи. Двадцать один человек. Двадцать одна пуля в голову.

— Да уж, реакция нехилая.

Рот у Ангелидиса распахнулся, блеснув рядом коронок, из горла вырвался резкий рокочущий звук — нервный смешок, каких Гурни еще слышать не приходилось.

— Да. Реакция нехилая. Забавный вы малый, Гурни. Нехилая реакция. Надо мне это запомнить.

— Правда, довольно рискованная затея — с чисто деловой точки зрения.

— Рискованная? Вы о чем?

— Ну, я бы не удивился, если б после того, как он убил двадцать одного человека только потому, что денег вовремя не заплатили, —

потенциальные клиенты не захотели иметь с ним дело. Предпочли бы кого-нибудь не столь... ранимого.

— Ранимого? Ну, Гурни, вы даете! Ранимый — отлично сказано! Но вы не понимаете: у Питера есть одно большое достоинство. Он уникален.

— В каком это смысле?

— Он берется за невыполнимое. За такое, от чего все остальные отказываются, про что говорят — невозможно, слишком опасно, объект слишком хорошо защищен — и прочую фигню. И тут в дело вступает Питер. Любит доказывать, что круче всех. Понимаете, о чем я? Питер — самородок. Мощнейшая мотивация. Несусветная решимость. Выполняет задание девять раз из десяти. Одна беда... нет-нет, да устроит еще дополнительную бойню по ходу дела.

Гурни еле сдерживался, чтоб не расхохотаться в голос над манерой объясняться своего собеседника. Но, подавив смех, спросил, серьезно нахмурившись:

— Можете привести пример?

— Пример? Ну, скажем, тот случай, когда его наняли убить объект на одном из этих современных скоростных паромов в Греции — а он не знал, как тот тип выглядит, знал только, что в указанное время он там будет. И знаете, что сделал Питер? Взорвал на хрен весь паром. Сотни людей погибли. Бойня по ходу дела. Но я вам вот что скажу — дело не только в этом... а в том, что ему это нравится. Пожары. Взрывы. Чем больше, тем лучше.

Рассказ Ангелидиса заставил Гурни о многом задуматься. Однако все возвращалось к одному главному вопросу: почему Паникос оказался самой подходящей кандидатурой для убийства Спалтера? Почему эта задача была такой уж невозможной?

Ангелидис прервал его размышления.

— Да, чуть не позабыл, еще кое-что... те, кто там был, об этом до сих пор рассказывают. Проняло их. Готовы услышать? — Это был не вопрос. — Догадайтесь, что делал Питер, носясь по всему городу и стирая на хрен с лица земли эти несчастные семьи. — Он сделал паузу, в глазах его сверкнуло возбуждение. — Угадайте.

Гурни покачал головой.

— Даже и пробовать не стану.

— Ну и ладно. Все равно не угадаете. — Он еще чуточку подался вперед. — Пел.

Перед тем как уходить из сада, Гурни снова выглянул в проем

распахнутых ворот. Отсюда был виден участок Спалтеров — весь целиком, без мешающего столба.

Ангелидис нервно барабанил пальцами по столу.

Гурни повернулся к нему.

— А вы думаете о Карле, глядя отсюда на «Ивовый покой»?

— Еще бы. Думаю.

Глядя, как пальцы Ангелидиса выбивают дробь по металлической столешнице, Гурни спросил:

— Известие, что киллером был Паникос, не позволяет вам предположить, кто был убийцей?

— Еще бы. — Дробь оборвалась. — Это значит, убийца человек бывалый. Нельзя же просто полистать записную книжку, найти телефон Паникоса и заявить: «Эй, у меня для тебя работка есть». Так дело не делается.

Гурни кивнул с таким видом, точно говорит сам с собой.

— Мало кто знает, как с ним связаться.

— Питер заключает контракты с пятью-шестью людьми по всему миру, не больше. И надо иметь определенное положение в обществе, чтобы их знать.

Между ними повисло молчание. После паузы Гурни спросил:

— Как, по-вашему, у Кэй Спалтер такое положение было?

Ангелидис уставился на него, явно удивленный этим вопросом, но лишь пожал плечами.

Уже собираясь уходить, Гурни задал последний вопрос.

— А что он пел?

Ангелидис посмотрел на него с недоумением.

— Паникос, когда убивал.

— А, да. Да какую-то детскую песенку. Как вы их там зовете?..

— Не знаете, какую именно?

— Да откуда бы? Розочки, цветочки, что-то этакое.

— Он пел детскую песенку про цветочки? Расхаживая по городу и всаживая жертвам пули в голову?

— Усекли наконец. Улыбаясь, как ангел, и распевая детскую песенку тонким девчачьим голоском. Кто это слышал — в жизни не забудет. — Ангелидис помолчал. — Вы вот что про него должны знать, это самое важное. В нем два разных человека уживаются. Один — весь из себя расчетливый, собранный и хладнокровный. А второй — отчаянный псих.

Глава 42

Пропавшая голова

Гурни остановился на первой же бензоколонке по дороге из Лонг-Фоллса в Уолнат-Кроссинг: заправиться, выпить кофе (к чашечке в «Одиссее» он почти не притронулся) и послать очередное электронное письмо Йоне Спалтеру. Письмом он решил заняться в первую очередь.

Сверившись с тоном и выбором слов прошлого своего послания, новое он нарочно сделал более нервным, беспокойным, смутным, тревожным — скорее, похожим на торопливое текстовое сообщение, чем на электронное письмо: «Нарастающий поток новых данных, коррупция очевидна. Отмена приговора и агрессивное новое расследование неизбежны. Ключевой вопрос — внутрисемейные конфликты? Возможно ли, что все очень просто: ПРОСЛЕДИ ЗА ДЕНЬГАМИ? Как финансовые трудности Киберцеркви могут отразиться на расследовании? Необходима срочная встреча для обсуждения новых фактов».

Он перечитал свое послание дважды. Уж если эти неясность и тревожность не заставят Йону ответить, то непонятно, что вообще может расшевелить его. Затем Гурни отправился в обветшалый магазинчик за кофе и бейглом. Бейгл оказался черствым и затхлым, зато кофе, на удивление ароматный, на миг подарил ему ощущение гармонии с миром.

Гурни собирался уже подъехать заправиться, но тут понял, что еще не сообщил Хардвику о встрече с Клемпером в «Риверсайд-молле» и о последующем появлении в почтовом ящике видео с камеры наблюдения в Лонг-Фоллсе, так что решил сперва заняться этим.

Включился автоответчик, и Гурни оставил сообщение: «Джек, я тебе еще не рассказывал, как с Клемпером-то дела. Мы с ним слегка обсудили разные варианты дальнейшего развития событий, одни из которых лично для него не так болезненны, как другие, — и пропавшее видео волшебным образом появилось у меня в почтовом ящике. Паршивец пытается подстелить соломки, чтоб мягче падать было, так что нам бы поговорить на этот счет. Да и видео ты посмотреть захочешь. Очевидных неувязок с рассказами свидетелей нет, но взглянуть стоит, уж это точно. Заезжай ко мне, как только сможешь».

Это, в свою очередь, напомнило ему еще об одном срочном деле, до которого руки никак не доходили: необходимо просмотреть видео с остальных трех камер — особенно подписанных «Запад» и «Восток», ведь они должны были отследить тех, кто подходил к дому или выходил из него.

Прикидывая, как все эти новые сведения могут подстегнуть расследование, Гурни весь остаток дороги до дома гнал, превышая все ограничения скорости.

Однако, уже приехав, удивился, потом растерялся, а потом разволновался, увидев, что машина Мадлен стоит, где стояла утром, когда он уезжал в Лонг-Фоллс. Он-то думал, она отправится к Уинклерам через несколько минут после его отъезда.

Озабоченно хмурясь, он вошел в дом и обнаружил, что Мадлен стоит у раковины на кухне и моет посуду.

— Что ты тут делаешь? — в голосе его прорывались обвинительные нотки, но Мадлен пропустила их мимо ушей.

— Да ты только уехал, я уже в машину садилась, как приехала Мина на своем мини-вэне.

— Мина?

— Из нашего клуба йоги. Помнишь? Ты совсем недавно с ней ужинал.

— Ах, эта Мина.

— Ну конечно, эта — не так много других Мин мы и знаем.

— Ну да. Так значит, она прикатила на мини-вэне. И чего ради?

— Ну, как бы для того, чтобы осыпать нас дарами своего сада. Загляни в кладовку — кабачки, чеснок, помидоры, перец.

— Поверю тебе на слово. Но это ж было сколько часов назад. И ты до сих пор...

— Приехала-то она много часов назад, а вот уехала только пятнадцать минут как.

— Бог ты мой!

— Мина любит поговорить. Ты, может, заметил за ужином. Но если уж по-честному, у нее и вправду сейчас большие трудности — семейные проблемы, так что ей требовалось выговориться, излить душу. Я просто не могла оборвать ее на полуслове.

— И какие у нее проблемы?

— Бог ты мой, да все подряд — от родителей с Альцгеймером до брата в тюрьме за наркотики и кучи племянниц и племянников со всеми мыслимыми и немыслимыми психиатрическими диагнозами. Неужели ты и вправду хочешь все это выслушивать?

— Вероятно, нет.

— Словом, я накормила ее обедом, напоила чаем, а потом все началось по второму кругу. Ушла она только пятнадцать минут назад. Не хотелось оставлять тебе грязную посуду, вот я и мою. А ты как? Судя по виду, очень спешишь чем-то заняться.

— Хотел пересмотреть записи с видеокамер из Лонг-Фоллса.

— Записи с видеокамер? Ой, чуть не забыла! Ты знал, что Джек Хардвик тоже был на «РАМ-ТВ» вчера вечером?

— Где?

— На «РАМ-ТВ». В той жуткой передаче с Брайаном Борком, «Криминальный конфликт».

— Откуда ты..?

— Час назад звонил Кайл — спрашивал, видел ли ты.

— Последний раз Хардвик звонил мне из Куперстауна... вчера днем. И даже не упоминал, что собирается...

Мадлен оборвала его.

— Лучше сам посмотри. Передача у них сейчас висит на веб-сайте, в архиве.

— Ты смотрела?

— Взглянула наскоро после того, как Мина ушла. Кайл сказал, нам надо посмотреть прямо срочно.

— Эээ... проблемы?

Она указала на дверь в кабинет.

— Их сайт уже открыт на компьютере. Посмотри, а потом сам скажешь, проблемы это или нет.

Судя по ее встревоженному лицу, сама она для себя выводы уже сделала.

Через минуту Гурни уже сидел за столом, глядя на дежурное выражение озабоченности на лице Брайана Борка и его тщательно уложенную прическу. Ведущий «Криминального конфликта» сидел в одном из двух кресел, что стояли друг напротив друга за низким столиком. Он весь подался вперед, словно собирался сказать нечто очень-очень важное. Второе кресло пока пустовало.

— Добрый вечер, друзья, — обратился он напрямую в камеру. — Добро пожаловать на реалити-шоу «Криминальный конфликт». Сегодня мы намеревались снова пригласить к нам в студию Лекса Бинчера, несговорчивого адвоката, ошеломившего нас несколько дней назад отважной атакой на бюро криминальных расследований — атакой, предпринятой с целью отменить приговор, вынесенный Кэй Спалтер за убийство ее мужа. Лекс Бинчер назвал этот приговор вопиющей несправедливостью. Со времени его визита к нам это и без того сенсационное дело получило новый, шокирующий оборот. Последней каплей стала невероятная история о хаосе и трагедии в идиллическом селении Куперстаун в штате Нью-Йорк. История эта включает в себя

поджог, многочисленные человеческие жертвы и зловещее исчезновение самого Лекса Бинчера, который должен был присоединиться к нам сегодня вечером. Вместо него о развитии событий расскажет Джек Хардвик — частный сыщик, работавший вместе с Бинчером. Он сейчас находится в нашей студии в Олбани.

Экран разделился на две части: левая показывала Борка, а правая — Хардвика в такой же точно обстановке в другой студии. Хардвик, одетый в обычную свою черную футболку-поло, казался вполне непринужденным — Гурни было хорошо знакомо деланное выражение любопытства на лице у Хардвика, за каким тот подчас скрывал гнев. Ярость, которую он испытывал по поводу всего, случившегося в Куперстауне, и презрение к Борку и «РАМ-ТВ» в целом, совершенно не прорывались наружу.

Однако Гурни интересовало другое: почему Хардвик вообще согласился выступить в программе, которую ненавидел всем сердцем?

— Прежде всего, — продолжал Борк, — спасибо, что приняли мое приглашение присоединиться к нам буквально в последний момент, да еще при столь драматичных обстоятельствах. Я так понимаю, вы приехали сюда напрямиком с того жуткого места преступления на Отсега-лейк?

— Верно.

— Можете описать нам, что там происходит?

— Три дома на берегу сгорели дотла. Шесть человек сгорели заживо, в том числе двое маленьких детей. Седьмую жертву обнаружили в озере под небольшим причалом.

— Удалось ли опознать эту последнюю жертву?

— Возможно, для опознания потребуется некоторое время, — ровным голосом произнес Хардвик. — У погибшего нет головы.

— Вы сказали — нет головы?

— Именно.

— Убийца отрезал жертве голову? И что дальше? Есть ли хоть какие-то указания на то, куда делась голова?

— Возможно, убийца где-то ее спрятал. Или выкинул. Или забрал с собой. Ведется расследование.

Борк покачал головой с видом человека, не понимающего, куда катится этот мир.

— Ужасно, просто ужасно. Детектив Хардвик, я должен задать вам напрашивающийся сам собой вопрос. Как, по-вашему, возможно ли, что изуродованное тело принадлежит Лексу Бинчеру?

— Да, возможно.

— Следующий напрашивающийся сам собой вопрос: что, черт возьми,

происходит? У вас есть хоть какая-то гипотеза, которой вы могли бы поделиться с нашими зрителями?

— Все очень просто, Брайан. Кэй Спалтер присудили срок на основании обвинения, сфабрикованного насквозь продажным полицейским. Она стала жертвой крупномасштабной подтасовки улик, искажения свидетельских показаний и полностью некомпетентной защиты. Само собой, ее осуждение очень порадовало настоящего убийцу — ведь он остался на свободе и может дальше заниматься своим смертоносным ремеслом.

Борк начал было задавать следующий вопрос, но Хардвик перебил его.

— Представители власти, вовлеченные в это дело, — не только бесчестный полицейский, упрятавший невинную женщину за решетку, но вся команда, стоящая за этим смехотворным судом и приговором, — вот кто по-настоящему виновен в бойне, что произошла сегодня в Куперстауне.

Борк помолчал, словно пораженный услышанным.

— Серьезное обвинение. Очень серьезное. Собственно говоря, такое обвинение не может не вызвать взрыв негодования среди представителей органов охраны правопорядка. Вас это не пугает?

— Я вовсе не обвиняю всю структуру охраны правопорядка в целом. Всего лишь указываю на вполне определенных сотрудников этих органов, которые фальсифицировали доказательства и вступили в заговор с целью неоправданного ареста и осуждения Кэй Спалтер.

— У вас есть доказательства, подтверждающие все эти обвинения?

— Да, — ответил Хардвик, не раздумывая, мгновенно и уверенно.

— Поделитесь с нами?

— Со временем.

Борк задал ему еще несколько вопросов, безуспешно пытаясь добиться более конкретных деталей, но потом вдруг резко перевел разговор в другое русло и поднял тему, которую явно считал самой провокационной:

— Что, если вы добьетесь своего? Что, если скомпрометируете всех, кто, по-вашему, не прав? Что, если вашими стараниями Кэй Спалтер выйдет на свободу — а после вы узнаете, что она все-таки виновна в убийстве? Что вы тогда будете чувствовать?

Презрение Хардвика к Борку все же слегка просочилось, отразившись на выражении его лица, — в первый раз за интервью.

— Что я буду чувствовать? Да чувства тут вообще ни при чем. Зато знать я буду ровно то же, что знаю и сейчас, — что весь процесс отправления правосудия был проведен вкривь и вкось. С начала и до конца. И те, кто за это в ответе, сами все знают.

Борк скосил глаза наверх, словно проверяя время, а потом перевел взгляд в камеру.

— Что ж, друзья, вы сами все слышали. — Его изображение разъехалось на весь экран, вытеснив Хардвика. Сделав лицо отважного свидетеля жутких событий, он пригласил зрителей обратить внимание на сообщения спонсора, а закончил так: — Оставайтесь с нами. Через две минуты мы вернемся с новостями о шумном скандале вокруг направленного в Верховный суд дела, связанного с нарушением репродуктивных прав. А тем временем — с вами Брайан Борк, ведущий «Криминального конфликта» — вашего ежевечернего пропуски в мир самых громких сражений на полях юриспруденции.

Гурни закрыл окно с видео, выключил компьютер и откинулся на спинку кресла.

— Ну и что ты об этом думаешь? — голос Мадлен за спиной, совсем близко, заставил его вздрогнуть.

Он обернулся к ней.

— Вот гадаю.

— О чем?

— Чего ради он появился в этой программе.

— В смысле, помимо того, что она предоставила ему удачную платформу для удара по врагам — тем, кто вышвырнул его с работы?

— Ну да, помимо этого.

— Подозреваю, у всех этих обвинений была какая-то цель помимо желания просто выпустить пар. Возможно, он хочет привлечь максимальное внимание средств массовой информации: собрать как можно больше репортеров, чтобы они рылись в деле Спалтеров и оно как можно дольше оставалось в поле зрения. Думаешь, все ради того?

— А может, хочет спровоцировать полицию, чтобы та подала на него иск за клевету и очернительство — иск, который он наверняка выиграет? Или хочет загнать полицию Нью-Йорка в угол, зная, что замешанные лица не могут подать на него в суд, потому что он выиграет, — а настоящая его цель в том, чтобы заставить их кинуть Клемпера волкам на съедение.

На лице Мадлен отразился скепсис.

— Вряд ли у него уж настолько тонкие мотивы. Уверен, что это все не просто старый добрый гнев и желание кого-нибудь треснуть хорошенько?

Гурни покачал головой.

— Джек любит прикидываться тупым орудием. Но мозг, управляющий бейсбольной битой, тупым не назовешь.

Мадлен смотрела на него все так же скептически.

— Не скажу, что ему совсем уж чуждо желание отомстить, — продолжал Гурни. — Далеко не чуждо, это само собой. Он бесится оттого, что его выгнали с любимой работы люди, которых он презирает. Теперь, понятно, презирает еще сильнее. Он зол как черт и хочет поквитаться — чистая правда. Я просто хочу сказать, что он не дурак и может действовать куда хитрее, чем кажется на первый взгляд.

За этим высказыванием последовала короткая пауза, нарушенная Мадлен.

— Кстати, ты мне не рассказал об этом... последнем ужасе.

Он вопросительно посмотрел на нее.

Она передразнила его взгляд.

— По-моему, ты знаешь, о чем я.

— А. Это вот про голову? Нет... не рассказал.

— Почему?

— Как-то... показалось слишком гадко.

— Побоялся, я струхну?

— Ну как-то так.

— Управление информацией?

— Прости?

— Помнится, какой-то скользкий политикан объяснял, что никогда не обманывал, всего лишь управлял информационными потоками так, чтобы не смущать публику.

Гурни испытывал искушение возразить, что это совсем другая ситуация, что он-то скрыл про голову лишь из самых благородных побуждений, заботился, — но Мадлен вдруг подмигнула, словно отпуская его с крючка, и на место этому искушению тут же пришло новое.

Умные женщины всегда оказывали на него самый что ни есть эротический эффект, а Мадлен была очень умна.

Глава 43

Видеоулики

Слишком уж часто за свою детективную карьеру Гурни начинало казаться, что он жонглирует ручными гранатами.

Он, разумеется, понимал, что винить в нынешней ситуации некого, кроме себя. С самого начала ясно было, что, скорее всего, задача будет непредсказуемым образом деформирована в угоду личным планам Хардвика. И все же Гурни согласился участвовать, ведомый своей

собственной одержимостью — одержимостью, которую Мадлен отчетливо разглядела и часто указывала на нее, тогда как сам он упорно твердил, что лишь возвращает долг. Самообманом уговорив себя присоединиться к труппе этого безумного, неуправляемого цирка, он теперь пожинал плоды: всю ту неразбериху, что неразделимо связана с подобным положением дел.

Гурни попытался было убедить себя в том, что его нежелание отступить от расследования теперь, когда отмена приговора Кэй была делом решенным, объясняется исключительно благородным стремлением дойти до истины, — но сам себе не поверил. Он знал, что его заикленность на работе имела более глубокие корни, нежели просто благородные побуждения.

Пытался он убедить себя и в том, что душевный дискомфорт, испытанный им из-за нападок Хардвика на Майкла Клемпера (не названного по имени, но вполне легко опознаваемого), обусловлен еще одним возвышенным убеждением: что любые соглашения, пусть даже заключенные с самыми прожженными мерзавцами, священны. Но подозревал, что на самом деле причиной всему — запоздалое осознание того, что он пообещал Клемперу больше, чем в силах дать.

Он отчетливо понимал, что бессознательно снова завел себя в крайне опасное и уязвимое положение идти на попятную совершенно невозможно. И остается лишь один путь — вперед. Мадлен была права. Отрицать бессмысленно: это закономерность, стереотип. С ним явно что-то не в порядке. Однако само по себе осознание этого факта не давало ответа на вопрос, что делать дальше. Он видел лишь один путь — вперед и только вперед, с ручными гранатами и всем прочим.

Включив компьютер, Гурни открыл видеофайлы с камер магазинчика в Лонг-Фоллсе.

Потребовался почти час, чтобы найти то, что он надеялся найти, — изображение миниатюрного человечка, шагающего по Экстон-авеню по направлению к камере. Гурни проследил, как он — а возможно, она — скрывается в подъезде. Гендерную идентификацию затрудняла дутая зимняя куртка; на голове была широкая шерстяная повязка, закрывающая уши, лоб и линию роста волос; солнечные очки оказались здоровенными, а толстый зимний шарф укутывал не только шею, но и подбородок. Можно было разглядеть только острый, чуть крючковатый нос и небольшой рот — как у курьера «Цветов Флоренции», которого Гурни видел в записях с камеры в «Эммерлинг Оукс». Собственно говоря, повязка на голове, очки и шарф вроде бы такие же, как те, что были на прошлом видео.

Гурни отмотал видео примерно на минуту назад и снова проиграл тот

кусочек, где подозреваемый шел по улице к подъезду. В отличие от записи из «Эммерлинг Оукс», сейчас он был без цветов. Зато со свертком. Узким свертком трех-четырех футов в длину, завернутым в красно-зеленую рождественскую бумагу и с большим декоративным бантиком посередине. Гурни улыбнулся. Самый невинный способ пронести снайперскую винтовку по улице в декабре.

Гурни посмотрел на отмеченное внизу экрана реальное время, когда незнакомец зашел в дом. 10:03 утра. Семнадцать минут до выстрела, сразившего Карла Спалтера.

В 10:22 — всего через две минуты после выстрела — тот же человек преспокойно вышел из здания и зашагал дальше по Экстон-авеню, прочь из поля видимости камеры.

Гурни откинулся на спинку кресла, обдумывая всю важность увиденного.

Во-первых, из всего этого напрашивался вывод, что стреляли и в самом деле из той квартиры, где было найдено ружье. Время ухода предполагаемого снайпера делало все прочие сценарии в высшей степени затруднительными, если не вовсе невозможными — что лишь усложняло загадку с фонарным столбом.

Во-вторых, подозреваемый с видео явно не был Кэй Спалтер. На Гурни нахлынула волна гнева против Клемпера, смыв заодно и все переживания по поводу нарушенного «соглашения». Одной этой видеозаписи было более чем достаточно, чтобы снять обвинение с Кэй Спалтер. Эта улика, как минимум, обеспечивала повод для оправданного сомнения и поддерживала вполне правдоподобную альтернативную версию произошедшего, демонстрируя другого потенциального подозреваемого. Одной этой записи хватило бы, чтобы предотвратить осуждение и заточение Кэй. И сознательное утаивание столь весомого доказательства — по всей вероятности, в отплату за сексуальные утехи с Алиссой Спалтер — было уже не только преступным, но и непростительным.

И в-третьих, пора наконец перестать думать о подозреваемом с видеозаписей, сделанных на Экстон-авеню и в доме престарелых как о просто «неизвестном». Пора уже начать называть его тем именем, что он сам себе выбрал, — Петрос Паникос.

Вот это оказалось нелегко. Что-то в голове отчаянно сопротивлялось идее связать хрупкую, почти изящную фигурку с букетом хризантем в одном случае и ярким рождественским свертком в другом — и буйного психопата из описаний Интерпола и Адониса Ангелидуса. Психопата, забившего гвозди в глаза, уши и горло Гаса Гурикоса. Психопата,

поджегшего три дома в Куперстауне и погубившего шестерых ни в чем не повинных людей, а потом отрезавшего голову жертве.

О господи, а в тот вечер он тоже пел? Гурни даже думать об этом не хотел. Это принадлежало к миру ночных кошмаров — а сейчас было время размышлять более здраво. Время обменяться мыслями с Хардвиком и Эсти. Согласовать следующие шаги.

Взяв телефон, он стал звонить Хардвику. Собирался оставить сообщение и очень удивился, когда тот ответил на звонок сразу же — и с ходу занял оборонительную позицию.

— Звонишь устраивать разборки из-за Борка?

Гурни решил, что этот разговор лучше отложить на потом.

— Подумал вот, надо встретиться.

— Зачем?

— Планирование? Координация? Сотрудничество?

Настала короткая пауза. Потом очередной — короткий на этот раз — приступ кашля.

— Ну ладно. Конечно. Когда?

— Как можно скорее. Например, завтра утром. Ты, я и Эсти, если сумеет вырваться. Пора выложить на стол все факты, вопросы и гипотезы. Может, как сложим все детали вместе, поймем, чего не хватает.

— Давай. — Голос у Хардвика, как обычно, звучал скептически. — И где?

— У меня.

— С чего вдруг?

Честно говоря, основная причина заключалась в том, что Гурни хотел восстановить хоть какое-то подобие контроля над ситуацией — ощутить, что твердо держит штурвал в руках. Но сказал он иное:

— У тебя дом уже продырявлен пулями. А у меня нет.

Без особого энтузиазма согласившись встретиться завтра в девять утра у Гурни дома, Хардвик вызвался передать сообщение Эсти, поскольку все равно собирался о чем-то с ней говорить. О чем-то личном. Гурни предпочел бы сам позвонить ей — опять же, ради этого обманчивого ощущения руки на штурвале, — но не мог придумать убедительную причину, чтобы на этом настаивать.

Они закончили разговор. Ни один, ни другой так и не затронули ни вопрос «сделки» с Клемпером, ни то, как Гурни сослался на нее в последнем голосовом сообщении.

Когда Гурни вышел из кабинета, Мадлен как раз показалась из спальни. Перетащив собранную утром спортивную сумку в машину, она

вернулась еще раз напомнить ему про клубнику для кур.

— Знаешь, — откликнулся он, — Оззи Бэггот, тот, что живет чуть ниже по дороге, просто-напросто раз в день выносит курам ведро всяких объедков — и они, похоже, прекрасно обходятся.

— Оззи Бэггот — гнусный маньяк. Он бы швырял отбросы на задний двор, даже если б там никаких кур и не было.

Немного поразмыслив, Гурни понял, что с этим не поспоришь.

Они обнялись, поцеловались, и она ушла.

Когда ее машина скрылась за сараем, последний краешек закатного солнца исчез за западным гребнем.

Глава 44

Азарт погони

Гурни снова вернулся к себе в кабинет. В сгущающихся сумерках лес выше по склону из многоцветно-зеленого превратился в тусклый серо-зеленоватый. Гурни невольно вспомнился склон напротив дома Джека Хардвика — склон, откуда прогремел выстрел, перебивший электрические и телефонные провода.

Мысли Гурни снова начали вращаться вокруг обрывков и кусочков дела Спалтеров — особенно тех, что не состыковывались с общей картиной. На ум пришло правило, которое упорно вдабливал им один из инструкторов продвинутого курса по интерпретации улики: «В конечном итоге кусочки, которые никуда не влезают, оказываются самыми важными».

Вынув из ящика стола блокнот с желтой бумагой, Гурни начал писать — а через двадцать минут перечитал результат: список из восьми проблем.

По свидетельским показаниям, в момент выстрела потерпевший находился в таком месте, куда невозможно было выстрелить из квартиры, где найдены орудие убийства и следы пороха.

Убийство матери жертвы с целью обеспечить присутствие жертвы на кладбище кажется вычурным планом. Возможно ли, что мать убили по другим причинам?

Профессионал, убивший Карла Спалтера, известен тем, что берется только за самые сложные задания. Почему Карл попал в эту категорию?

Если Кэй Спалтер не стреляла сама, могла ли она нанять убийцу?

Мог ли Йона нанять убийцу, чтобы получить контроль над «Спалтер Риэлти»?

Могла ли Алисса не только сговориться с Клемпером после убийства о том, чтобы свалить вину на Кэй, но и сама нанять убийцу, чтобы получить наследство?

Какую тайну должно было защитить убийство — и ритуальное изуродование — Гаса Гурикоса?

Возможно ли, что Карла убили в отместку за его собственную попытку кого-то убить?

Перебрав все эти восемь пунктов по очереди, Гурни стал сам себе противен — никакого прогресса, ни в чем.

Однако в деле со многими странностями есть то достоинство, что уж если ты придумал версию, в которую все эти странности укладываются, можешь быть уверен: она верна. Можно придумать массу различных объяснений какому-нибудь одиночному загадочному обстоятельству, но едва ли сыщется больше одной версии, объясняющей и факт перекрытой линии выстрела из квартиры, и гротескное осквернение Гаса Гурикоса, и удивительно своевременную кончину Мэри Спалтер.

Когда он через несколько минут выглянул в северное окно кабинета, лес напротив уже совсем потускнел и померк. Деревья и тонущий в них гребень превратились в однородную темную массу на фоне гранитно-серого неба. Надвигающаяся на холмы ночь заставила Гурни вновь вспомнить про нападение на дом Хардвика и про то, как снайпер скрылся по лесным тропам на мотоцикле.

В этот-то момент и раздался треск мотоцикла. Сперва Гурни принял его за плод своего воображения, но шум становился все громче и отчетливее. Гурни вышел из кабинета в кухню и выглянул в окно, уже понимая, что слышит и вправду самый настоящий мотоцикл, едущий вверх по холму. Через минуту свет мотоциклетной фары вывернул из-за сарая и двинулся вверх по неровной дороге через луг.

Гурни зашел в спальню, взял со столика у кровати «Беретту» тридцать второго калибра, загнал патрон в магазин, сунул пистолет в карман и подошел к боковой двери, выждал, пока мотоцикл остановится рядом с его машиной, а потом включил свет снаружи.

Атлетически сложенная фигура в черной мотоциклетной кожаной куртке и черном шлеме с закрывающим все лицо визором вытащила из бокового кофра узкий черный чемоданчик и, подойдя к двери, уверенно постучала кулаком в черной перчатке.

Только тогда Гурни, уже потянувшийся в карман за пистолетом, узнал шлем.

Его собственный шлем, оставшийся со времен его увлечения мотоциклами — это было лет тридцать тому назад. Шлем, который он несколько месяцев назад отдал Кайлу.

Включив свет в прихожей, он открыл дверь.

— Привет, пап! — Кайл протянул ему чемоданчик, одной рукой снял с головы шлем, а второй провел по коротким черным волосам — точно таким же, как у отца.

Они улыбнулись друг другу почти одинаковыми улыбками, хотя к выражению Гурни примешивалась легкая озадаченность.

— Я пропустил письмо или сообщение?

— Что я заеду? Нет. Это я экспромтом. Решил, что мне тут будет легче заняться твоим видео, чем дома, — чтобы ты видел, что я делаю, и можно было все отшлифовать, как тебе нужно. Это основная причина, по которой я приехал. Но есть и еще одна.

— Да?

— Лото из коровьих лепешек.

— Прости, что?

— Лото из коровьих лепешек — на этой вашей летней горной ярмарке. Ты не знал, что там на самом деле такое бывает? И сыр во фритюре. А в воскресенье после обеда женские гонки на выживание. И соревнование по метанию гигантских кабачков.

— Что-что?

— Это, про кабачки, я сам придумал. Но какого черта — тамошние развлечения куда страннее. В жизни не был на настоящей сельской ярмарке. С настоящими коровьими лепешками. Решил, пора уже наконец. А Мадлен где?

— Долгая история. Гостит у друзей. Помогает с ярмаркой и... ну, ну вроде предосторожности. Потом расскажу. — Он шагнул назад и придержал дверь открытой. — Входи, входи, снимай все это мотоциклетное барахло и устраивайся. Ты ужинал?

— Съел бургер и йогурт на заправке в Слоутбурге.

— Это ж больше сотни миль отсюда. Хочешь, приготовлю нам омлет?

— Класс. Спасибо. Я тогда притащу вторую сумку и переоденусь.

— Так что ты упомянул за предосторожности?

Гурни совсем не удивился тому, что через двадцать минут, когда оба они уселись есть, Кайл первым делом задал именно этот вопрос.

Не поддаваясь первому побуждению — приуменьшить опасность, Гурни напрямик описал нападение на дом Хардвика и зверскую бойню в

Куперстауне. Раз уж он собирается уговаривать Кайла уехать домой или в какое-нибудь еще безопасное место — не сейчас, так хотя бы с утра, — нет смысла смягчать ситуацию.

Сын слушал с тихой тревогой, но и с заметным возбуждением, какое нередко вызывает у молодежи намек на опасность.

После еды Кайл водрузил на обеденный стол свой лэптоп, и Гурни дал ему флэшку с видеофайлами с Экстон-авеню. Отец с сыном вычленили два коротких отрывка, которые Гурни хотелось обработать и рассмотреть повнимательнее. Первый — на кладбище, с того момента, как Карл поднимается со стула, и до того, как он валится лицом вниз с пульей в голове. Второй — с улицы, там, где миниатюрная фигурка, которую Гурни считал Петросом Паникосом, входит в дом с праздничным свертком, в котором, скорее всего, спрятана винтовка, позже найденная в квартире.

Кайл вглядывался в изображение на экране.

— Ты хочешь раздуть изображение с минимальной программной интерполяцией?

— Можешь повторить?

— Раздувая изображение, ты как бы растягиваешь имеющиеся цифровые данные. Изображение становится крупнее, но и более размытым, потому что так у тебя меньше информации на квадратный дюйм. Специальные программы могут скомпенсировать этот эффект, делая предположения и заполняя бреши, так что картинка становится более резкой и выравнивается. Однако тем самым вносится и элемент ненадежности — потому что не все, что есть на усовершенствованном изображении, присутствовало в оригинале. Чтобы компенсировать размытие, образующееся в результате увеличения, программа берет не исходные данные, а расчетные из числа наиболее вероятных.

— И что посоветуешь?

— Я бы посоветовал выбрать разумный компромисс между четкостью увеличения и надежностью данных, из которых оно состоит.

— Отлично. Тогда ориентируйся на тот баланс, какой сочтешь разумным.

Гурни улыбнулся не только тому, как его сын разбирается в теме, но и возбуждению в его голосе. Типичный пример поколения подростков чуть под тридцать, рожденных с природной склонностью ко всему компьютерному.

— Дай мне немножко времени, надо кое-какие тесты запустить. Я тебя позову, когда будет достигнут хоть какой-то результат, на который можно смотреть.

Кайл открыл панель управления программой, выбрал одну из иконок для увеличения, но вдруг остановился и посмотрел на Гурни, который как раз нес тарелки из-под омлета к раковине. А потом задал совершенно неожиданный вопрос:

— Если не считать расследований сенсационных убийств и всего такого прочего, как вы тут?

— Как мы тут? Ну, неплохо, наверное. А почему ты спрашиваешь?

— Такое впечатление, что ты занимаешься своим делом, а Мадлен своим.

Гурни медленно кивнул.

— Пожалуй, что и так. Мои дела и ее дела. В целом совершенно независимые друг от друга, но по большей части совместимые.

— И тебе это нравится?

Ответить на этот вопрос оказалось на удивление трудно.

— Нам так удобно, — наконец произнес Гурни, но ему самому стало неприятно, до чего механически прозвучал ответ. — Как-то слишком уныло и прагматично я сказал, я не то имел в виду. Мы любим друг друга. Нас тянет друг к другу. Нам нравится вместе жить. Но головы у нас устроены по-разному. Я как воткнушь во что-нибудь, так уже там и застреваю. А Мадлен умеет смещать фокус внимания на то, что перед ней вот прямо сейчас, — отдавать этому все внимание, приспосабливаться к моменту. Она всегда здесь, если понимаешь, о чем я. Ну и конечно, она куда открытее меня.

— Как и большинство людей. — Широкая ухмылка Кайла смягчала едкость фразы.

— И то правда. Так что по большей части мы занимаемся каждый своим. Или она что-то делает, а я о чем-то думаю.

— В смысле, она хлопчет снаружи и задает корм курам, а ты сидишь внутри и размышляешь, кто изрубил в куски труп из мусорного бака?

Гурни засмеялся.

— Не совсем. Когда Мадлен в клинике, она занимается тем, что происходит там — те еще ужасы, — а когда она тут, она занимается тем, что происходит тут. А я все больше сижу у себя в голове, поглощенный какой-нибудь актуальной проблемой, — где бы ни находился физически. Вот в чем разница между нами. Опять же, Мадлен проводит очень много времени, рассматривая что-то, делая что-то, узнавая что-то. А я — размышляю, анализирую, строю гипотезы. — Он помолчал и пожал плечами. — Наверное, каждый из нас занимается тем, от чего больше всего чувствует себя живым.

Кайл некоторое время просидел, задумчиво нахмурившись, словно пытался вникнуть в отцовский образ мышления, чтобы лучше понимать, о чем тот думает. Наконец он снова повернулся к экрану.

— Начну, пожалуй, а то как бы не оказалось труднее, чем я предполагал.

— Удачи.

Гурни вернулся к себе в кабинет, открыл электронную почту и пробежал взглядом пару дюжин накопившихся с утра писем. Одно из них привлекло его внимание. Отправитель именовался просто «Йона».

Письмо было написано в ответ на просьбу Гурни встретиться и обсудить ход расследования.

«Я заинтересован в том, чтобы предложенный Вами разговор состоялся как можно скорее. Однако мое местоположение сейчас исключает возможность личной встречи. Предлагаю завтра в 8 утра поговорить при помощи интернета. Если такой вариант Вас устраивает, вышлите мне, пожалуйста, свое имя для связи по интернету. Если у Вас еще нет аккаунта, сгрузите программу со скайпа. Жду Вашего ответа».

Гурни немедленно принял приглашение. Скайп у них на компьютере уже стоял — Мадлен установила его по просьбе живущей в Риджвуде сестры, когда они только переехали в горы. Щелкая по слову «Отправить», он вдруг ощутил легкий прилив адреналина — будто что-то наконец изменится.

Нужно было подготовиться. До разговора в восемь утра оставалось меньше двенадцати часов. А в девять ему с Хардвиком и, надо надеяться, с Эсти, предстояло встретиться, чтобы поделиться новостями и идеями, еще раз попробовать разобраться в деталях дела.

Открыв сайт Церкви Киберпространства, он на сорок пять минут погрузился в незамысловатую ура-позитивную философию Йоны Спалтера и уже начал приходить к выводу, что тот — настоящий гений слащавости, этакий Уолт Дисней от самосовершенствования, как из соседней комнаты раздался голос Кайла:

— Пап? По-моему, все, что можно было из этого видео выжать, я выжал.

Гурни уселся за обеденный стол рядом с сыном. Кайл кликнул по иконке, и начал проигрываться усовершенствованный вариант записи с кладбища: увеличенный, более резкий и на половинной скорости. Все было, как и запомнилось Гурни с первого раза, — только яснее и крупнее. Карл сидел на самом правом сиденье в первом ряду. Он поднялся, повернулся к трибуне по другую сторону могилы, шагнул вперед мимо

Алиссы, начал было второй шаг, но дернулся, завалился в ту сторону, куда шел, и упал лицом вниз — как раз за последним стулом противоположного конца ряда. Йона, Алисса и представительницы «Старших сил» вскочили на ноги. Полетта бросилась вперед. Распорядитель и его помощники кинулись в обход кресел.

Гурни наклонился ближе к экрану и попросил Кайла поставить на паузу. Ему хотелось разглядеть выражения на лицах Йоны и Алиссы, но таких подробностей видно не было. Даже при увеличении лицо упавшего наземь Карла выглядело просто абстрактным профилем. Около линии волос на виске темнела точка — возможно, входное отверстие пули, а возможно — просто грязь, тень или какой-то дефект самого изображения.

Гурни попросил Кайла снова проиграть этот сегмент, надеясь на внезапное озарение. Но озарения не последовало. Гурни попросил проиграть в третий раз, пристально вглядываясь в голову Карла сбоку в тот миг, как тот повернулся к трибуне, сделал первый шаг, начал второй и, стремительно набирая скорость, завалился вперед. То ли от ветра на кладбище, то ли от резкого движения волосы у Карла растрепались, так что темное пятнышко было невозможно разглядеть, пока он не ударился головой о землю и не замер у ног Йоны.

— У ФБР наверняка есть программы, которые дали бы тебе изображение получше, — извиняющимся тоном заметил Кайл. — Я из своей выжимал все, что мог, но толковой картинки так и не выжал.

— Что ты, это гораздо лучше, чем было. Давай посмотрим вид с улицы.

Кайл закрыл несколько окон, открыл новое и нажал иконку запуска. Поскольку на этом видео объект находился гораздо ближе к камере и с самого начала занимал больше места на экране, то и изображение вышло куда более четким и детальным. Предполагаемый убийца Мэри Спалтер, Карла Спалтера, Гаса Гурикоса и Лекса Бинчера прошел по Экстон-авеню и вошел в дом. Гурни очень хотелось бы, чтобы лицо у него было не как закутано. Но, разумеется, убийца специально прятал лицо.

Кайл, похоже, думал о том же.

— Не очень-то много материала он дал нам для плаката «Разыскивается полицией».

— Ни для плаката, ни для программы распознавания лиц.

— Потому что глаза прячет за этими огромными очками?

— Именно. Форма глаз, положение зрачков, уголки глаз. А шарф скрывает очертания подбородка. А повязка на голове — уши и линию роста волос. Ничего не осталось. Алгоритму распознавания просто работать не с

чем.

— И все же, сдается мне, если я это лицо еще увижу, то узнаю — по очертаниям рта.

Гурни кивнул.

— Рот и нос — насколько мне удалось разглядеть этот нос.

— Ну да, и нос. Эдакий долбаный птенчик... прошу прощения за лексику.

Они сидели рядом на стульях, вглядываясь в экран. В почти полностью спрятанное лицо одного из необыкновеннейших убийц в мире. Петрос Паникос. Питер Пэн. Фокусник.

Ну и конечно, нельзя забывать и последнее определение, которое дал ему Донни Ангел: отчаянный псих.

Глава 45

От греха подальше

— Так что ты думаешь? — Кайл вопросительно поглядывал на отца, держа обеими руками кружку с горячим кофе и упершись локтями в стол.

— Насчет видео? — Гурни сидел по другую сторону круглого стола и держал свою кружку точно так же, грея ладони. За ночь температура упала почти на двадцать градусов — от семидесяти с небольшим до пятидесяти: обычное дело в северо-западной части Катскильских гор, куда осень нередко навевается уже в августе. Низкие тучи скрывали солнце, которому при других обстоятельствах в это время, четверть восьмого утра, пора было бы уже появиться над восточным гребнем.

— Думаешь, они помогут тебе добиться... чего ты там хочешь добиться?

Гурни медленно отхлебнул из кружки.

— Отрывок записи с кладбища нам дает пару вещей. Точно устанавливает место, где находился Карл, когда в него попала пуля, — а поскольку прямая линия к этой точке из квартиры блокирована, то это опровергает полицейскую теорию о том, откуда стреляли. А тот факт, что видео с самого начала находилось в руках полиции — в руках Клемпера, — будет поддерживать обвинение в утаивании доказательств.

Он на миг умолк, вспомнив о разговоре с Клемпером в «Риверсайд-молле», но поймал на себе любопытный взгляд Кайла и продолжил:

— Отрывок записи с улицы полезен сразу в двух отношениях: тем, что на нем видно, — и тем, чего не видно. Тот простой факт, что на нем не

зафиксировано, как в здание входит Кэй Спалтер, станет важным аргументом для линии защиты. Так что, как минимум, видео поддерживает очень серьезное обвинение в утаивании улики и злоупотреблении служебным положением.

— Тогда почему... почему ты не радуешься?

— Не радуюсь? — Гурни замялся с ответом. — Наверное, обрадуюсь, когда мы наконец подберемся к конечной точке.

— А что это за конечная точка?

— Ну это смотря на какую цель смотреть.

— В смысле?

— Есть заявленная цель всей команды, а есть цель Хардвика.

— И они не совпадают?

— Ну разумеется, нет. Так было бы слишком все просто. — Сам удивляясь раздражению в собственном голосе, Гурни чуть помолчал, прежде чем продолжить. — Общая согласованная цель — добиться, чтобы Кэй оправдали на том основании, что ей был вынесен несправедливый приговор. Эта цель уже практически достигнута — в том отношении, что найдено достаточно улик, чтобы обеспечить пересмотр дела и, скорее всего, отмену приговора. Однако личная цель Джека состоит в том, чтобы отомстить — как можно сильнее насолить уволившей его организации, — и одному богу известно, когда он сочтет эту цель достигнутой.

Кайл медленно кивнул.

— А твоя-то цель в чем?

— Мне хочется узнать, что произошло на самом деле.

— В смысле, выяснить, кто убил Карла?

— Да. Потому что на самом-то деле это главное. Если Кэй невиновна, значит, кто-то другой желал смерти Карла и нанял Паникоса. И я хочу знать — кто. А сам этот маленький наемный убийца, нажавший на спусковой крючок? Он ведь по ходу дела прикончил уже девятерых — не считая десятков людей, которых он убил прежде. И всякий раз умудрялся выйти сухим из воды и продолжать по накатанной. Не хотелось бы, чтоб он и на этот раз ушел.

— Как, по-твоему, ты близок к тому, чтобы его остановить?

— Сложно сказать.

Кайл не сводил с него умного, вопросительного взгляда, явно ожидая ответа потолковее. Но как ни пытался Гурни найти этот ответ, слова ускользали. Спас его звонок мобильного.

Звонил Хардвик. Как всегда, он не стал тратить времени на приветствия.

— Получил твое сообщение про видеосвязь с Йоной Спалтером. Где он, черт возьми?

— Понятия не имею. Но уже то, что он захотел поговорить хотя бы по скайпу, лучше, чем ничего. Хочешь подъехать к восьми, а не к девяти, и тоже поучаствовать?

— Раньше девяти не могу. Эсти тоже. Но мы оба безгранично верим в твое умение вести допрос. У тебя есть программа, чтобы записать разговор?

— Нет, но могу скачать. Хочешь, чтобы я задал какой-нибудь конкретный вопрос?

— А то! Спроси, не он ли нанял киллера, чтобы грохнуть братца.

— Блеск идея. Еще советы будут?

— Ага. Не провали все. В девять увидимся.

Гурни сунул телефон обратно в карман.

Кайл с любопытством наклонил голову.

— Что тебе надо скачать?

— Какую-нибудь программку для аудио и видеозаписи, которая совместима со скайпом. Можешь помочь?

— Скажи мне свое имя и пароль в скайпе, прямо сейчас все и сделаю.

Снабженный необходимыми сведениями Кайл отправился в кабинет, а Гурни улыбнулся его пылкой готовности помочь — а заодно и простой радости оттого, что он дома. И в который уже раз задумался, почему же они видятся так мало и редко.

Было время, когда ему казалось, будто он знает причину редких встреч — и кульминация этого периода пришлась на ту пору два года назад, когда Кайл зарабатывал бешеные деньги на Уолл-стрит, куда его протащил приятель по колледжу. Тогда Гурни был убежден, что прилегающий к этому роду деятельности желтый «Порше» служит несомненным доказательством того, что в мальчике взяли верх унаследованные от матери Кайла, брокера по операциям с недвижимостью, гены одержимой погони за деньгами. Теперь же он подозревал, что это было всего лишь удобным домыслом, извинявшим его собственное куда более глубокое и менее объяснимое неумение достучаться до сына. Он говорил себе: все потому, что Кайл напоминал ему бывшую жену и во многих других неприятных чертах — жестами, интонациями, выражением лица. Но и это тоже могло быть лишь предлогом. Между матерью с сыном было больше различий, чем сходств, да и если бы дело обстояло иначе — мелочно и нечестно отождествлять их друг с другом.

Иногда Гурни думал, что настоящее объяснение не так уж и сложно:

защита его собственной весьма своеобразной зоны комфорта. Другие люди в эту зону комфорта не допускались. Именно этим упреком и припечатала Гурни много лет назад Джеральдина, его девушка в колледже, в тот день, когда бросила его. Рассматривая проблему под этим углом, Гурни видел в своем явном нежелании общаться с сыном лишь еще один симптом природной интровертности. Ничего особенного. Вопрос закрыт. Но едва он успокаивался на этой мысли, где-то на кромке уверенности начинало покусывать крохотное сомнение. Способна ли интровертность сама по себе объяснить, до чего же мало они видятся с Кайлом? Постепенно это легкое покусывание перерастало в гложущую тревогу. А потом — в вопрос, ответа на который не существовало: а вдруг присутствие одного сына всякий раз напоминало ему, что когда-то сыновей было двое — и было бы двое по сей день, если бы только...

Кайл снова появился в дверях кухни.

— Готово. Я оставил экран открытым. Все предельно просто.

— О, чудесно. Спасибо.

Кайл смотрел на него с любопытной улыбкой. Гурни вспомнилось выражение, что подчас появлялось на лице Мадлен.

— О чем думаешь?

— О том, как тебе нравится все распутывать. Как это важно для тебя. Пока программа загружалась, я тут думал... если бы полицейским была Мадлен, она стремилась бы решить головоломку, чтобы поймать преступника. А вот ты, по-моему, стремишься поймать преступника, чтобы решить головоломку.

Гурни улыбнулся: не столько своей роли в этом сравнении — она как раз не выглядела особо лестной, — сколько тому, что Кайлу хватило проницательности это заметить. У мальчика неплохие мозги — Гурни это радовало. Он ощутил прилив товарищеских чувств.

— А знаешь, что я думаю? Что ты используешь слово «думать» почти так же часто, как я.

Не успел он договорить, зазвонил телефон. Гурни отправился в кабинет, чтобы взять трубку. Это оказалась Мадлен — словно Кайл вызвал ее, упомянув ее имя.

— Доброе утро! — голос у нее звучал жизнерадостно. — Как дела?

— Отлично. А ты там как?

— Мы с Дейдре и Деннисом только позавтракали. Апельсиновый сок, черника, гренки и... бекон! — Последнее слово было исполнено притворной вины за притворное прегрешение. — Пойдем сейчас проведать животных и готовить их к перевозке на ярмарку. Собственно, Деннис уже

там, в загончике, машет нам тоже выходить.

— У вас там, похоже, весело, — отозвался Гурни без особого веселья в голосе, в который раз дивясь на способность жены обретать крупницы чистой радости даже на фоне серьезных проблем.

— Так оно и есть. А как там сегодня мои курочки?

— Полагаю, прекрасно. Как раз собирался заглянуть к ним.

Она помолчала немного, а потом чуть подавленным тоном осторожно коснулась тех самых серьезных проблем, в которых так глубоко увяз он:

— Как продвигается?

— Ну, Кайл объявился. Сейчас здесь.

— Что? Зачем?

— Я спросил у него совета по поводу некоторых компьютерных программ, а он решил, что лучше сам заедет и все сделает. Надо сказать, очень мне помог.

— Ты отослал его домой?

— Собираюсь.

Она помолчала.

— Пожалуйста, будь осторожнее.

— Буду.

— Я серьезно.

— Знаю.

— Хорошо. Ну... Деннис опять машет, так что мне лучше идти. Я тебя люблю!

— И я тебя.

Он положил трубку и так и остался сидеть, невидящим взглядом уставившись на телефон, снова вспоминая лицо Паникоса на видео и слова «отчаянный псих».

— Я не путаю, ты говорил, этот ваш разговор по скайпу назначен на восемь?

Голос Кайла, стоявшего в дверях, вернул Гурни к настоящему. Он посмотрел на часы в уголке экрана: 7:56.

— Спасибо. Что мне напоминаешь... Хотел попросить тебя во время звонка держаться вне поля видимости камеры. Хорошо?

— Без проблем. Собственно говоря, я тут подумывал, раз уж у тебя все равно следующая встреча в девять, а сегодня как раз идеальный денек... думал, не прокатиться ли на велосипеде в Сиракузы.

— В Сиракузы?

Были времена, когда название этого унылого городка, расположенного в снежном поясе, ничего не значило для Гурни, однако теперь оно стало для

него навеки связано с жуткими событиями недавнего дела о Добром Пастыре.

По всей видимости, у Кайла оно вызывало более приятные ассоциации.

— Ну да, думал, прокачусь туда, раз уж я тут, может, пообедаем с Ким.

— Ким Коразон? Ты с ней все еще общаешься?

— Немножко. Все больше переписываемся. Она как-то заезжала в город. На прошлой неделе я дал ей знать, что собираюсь провести тут с тобой несколько дней, на полдороге до Сиракуз, так что, может, как раз представится удачная возможность повидаться. — Он умолк, настороженно поглядывая на отца. — Вид у тебя какой-то... потрясенный.

— Скорее скажи — удивленный. Ты никогда не упоминал о Ким после... после того, как дело было закрыто.

— Решил, тебе лучше обойтись без напоминаний о том, во что она тебя втянула. Хотя она, конечно, нечаянно. Но дело приняло в результате очень драматический оборот.

Дело было и правда не из тех, о которых Гурни любил говорить. Или думать. Как и большинство остальных дел. Собственно, он вообще редко вспоминал прошлые дела, если только там не оставалось каких-то оборванных нитей и не разъясненных деталей. Однако дело о Добром Пастыре к этому разряду не принадлежало. Дело о Добром Пастыре было решено и закрыто. В конце концов все кусочки головоломки встали на свои места. Можно было, конечно, поспорить, не слишком ли дорогой ценой. А роль, которая выпала Гурни в последнем акте этой драмы, стала одним из главных доводов Мадлен в ее вечном стремлении доказать, что он слишком охотно подвергает себя совершенно неоправданному риску.

Кайл встревожено смотрел на отца.

— Тебе не по сердцу, что я навещу ее?

В иных обстоятельствах честным ответом было бы «да». Ким произвела на Гурни впечатление девицы крайне честолубивой, эмоциональной и наивной — сочетание куда более взрывчатое, чем он бы хотел видеть в подруге своего сына. Однако в нынешней ситуации план Кайла показался ему удивительно удачным — из того же разряда приятных совпадений, что и план Мадлен помочь Уинклерам.

— На самом деле, очень даже удачная идея, вот именно сейчас, — сказал Гурни. — Во всяком случае, так безопасней.

— Бог ты мой, пап, ты вправду считаешь, тут может что-то случиться?

— Я думаю, шанс очень и очень мал. Но мне не хотелось бы подвергать тебя риску.

— А ты? — Типичный вопрос Мадлен, даже тон совершенно как у нее.
— Это входит в мою работу — я на это подписывался, когда согласился помочь с расследованием.
— Я могу тебе как-то помочь?
— Нет, сынок, пока никак. Но спасибо.
— Ну ладно, — с сомнением протянул Кайл. Еще с минуту вид у него был слегка потерянный, словно он надеялся, что его вот-вот осенит какой-нибудь новый план действий, другой вариант.
Гурни молча ждал.
— Ну ладно, — повторил Кайл. — Вот только прихвачу кое-что и сразу двинусь. Свяжусь с тобой, как доберусь до Сиракуз.
Озабоченно хмурясь, он вышел из кабинета.
Звонок с компьютера возвестил о начале видеосвязи.

Глава 46

Братья Спалтеры

Почти весь экран ноутбука Гурни заполнило взятое средним планом изображение мужчины, сидящего в удобном кресле. Гурни узнал Йону Спалтера по фотографии на веб-сайте Церкви Киберпространства. Освещение было налажено так, что ничто постороннее не отвлекало внимания от худощавого волевого лица. Выражение этого лица излучало хорошо отработанное спокойствие, чуть приправленное легкой озабоченностью. Он смотрел прямо в камеру, отчего казалось, что смотрит он в глаза Гурни.

— Здравствуйте, Дэвид. Я Йона. — Будь его голос цветом, это были бы пастельные краски. — Ничего, если я буду звать вас Дэвидом? Или вы предпочтете «детектив Гурни»?

— Дэвид вполне годится. Спасибо, что согласились поговорить.

Еле заметный кивок, еле заметная улыбка, проблеск профессиональной участливости в глазах.

— Ваше письмо написано в крайне взволнованном тоне. И в тревожащих выражениях. Чем могу помочь?

— Что вам известно о попытках отменить приговор, вынесенный вашей невестке?

— Известно, что эти попытки уже привели к тому, что был убит ее ведущий юрист-консульт, а заодно и шестеро его соседей.

— Еще что-нибудь?

— Еще то, что мистер Бинчер выдвинул серьезные обвинения в полицейской коррупции. В вашем мейле тоже говорилось о коррупции, а потом о «внутрисемейных размолвках». Это может означать что угодно. Возможно, вы объясните?

— Это направление, в котором, скорее всего, будет двигаться официальное расследование.

— Официальное расследование?

— Убийство Лекса Бинчера заставит бюро криминальных расследований по-новому взглянуть и на убийство вашего брата. Причем не только бюро, но и, судя по всему, офис генерального прокурора, поскольку обвинения в коррупции по делу Кэй указывают на злоупотребления сотрудников бюро. В этот момент мы предоставим обнаруженные нами новые данные — улики, указывающие на то, что Кэй подставили. Поэтому, какая бы контора ни занялась этим делом, в любом случае встанет вопрос, кто, кроме Кэй, выгадал на смерти Карла.

— Сюда, безусловно, отношусь и я, — с демонстративно-наивным огорчением произнес Йона

— Правда ли, что вы с братом не ладили?

— Не ладили? — он рассмеялся, негромко и грустно. — Это еще мягко сказано. — Он на миг прикрыл глаза, покачивая головой, словно переполненный мыслями, что вызвала в нем эта тема. А потом заговорил снова, уже резче. — Знаете, где я сейчас?

— Понятия не имею.

— И никто не имеет. В том и суть.

— Суть чего?

— Мы с Карлом никогда не ладили. В юности это особой роли не играло. У него были свои друзья, у меня свои. Каждый из нас шел своей дорогой. Но потом, как вы наверняка знаете, это ведь не секрет, отец связал нас, объединил в чудовище, что носит имя «Спалтер Риэлти». Вот тогда-то «нелады» превратились во что-то совсем уж взрывоопасное. Когда мне пришлось работать вместе с Карлом на ежедневной основе... я понял, что имею дело не просто с вздорным братцем. Я имел дело с чудовищем.

Йона помолчал, словно желая дать Гурни возможность охватить разумом весь смысл этого определения.

Гурни подумалось, что Йона уже произносил эту речь прежде — заезженное объяснение жутких отношений.

— На моих глазах из эгоистичного и агрессивного бизнесмена Карл превратился в законченного социопата. По мере роста его политических амбиций он становился все харизматичнее и привлекательнее — снаружи.

Внутри же окончательно прогнил, прогнил насквозь, стал черной дырой алчности и честолюбия. Говоря библейским языком, сделался «гробом повапленным». И дружбу водил с людьми того же склада. Безжалостными негодьями. Преступниками. Мафиози вроде Донни Ангела. Убийцами. Карл хотел выкачивать из «Спалтер Риэлти» какие-то немислимые деньги, чтобы проворачивать со всем этим сбродом свои мегаломаньяческие проекты и спонсировать лицемерную губернаторскую выборную кампанию. Не давал мне прохода, буквально заставлял соглашаться на неэтичные сделки, на которые я не мог, никак не мог пойти. Этика, моральные принципы, законность — он понятия не имеет, что это такое. Я начал бояться его. Собственно, это слабо сказано. Он приводил меня в ужас. Я начал верить, что он не остановится ни перед чем — ни перед чем! — лишь бы добиться своего. Иногда... его взгляд... совершенно дьявольский. Словно вобрал в себя все зло этого мира.

— И как вы с этим справлялись?

— Как справлялся? — Снова та же полуулыбка и чуть виноватый смех.

А потом, понизив голос, точно признаваясь в грехе:

— Я сбежал.

— Как?

— Переезжая с места на место. В буквальном смысле слова. Одно из благословений современных технологий — вы можете делать, что угодно и откуда угодно. Я купил автофургон, оснастил его всем необходимым оборудованием и превратил в передвижную штаб-квартиру Церкви Киберпространства. И знаете, сумел узреть в этом руку Провидения. Порой даже зло порождает добро — если мы стремимся к добру.

— А добро в данном случае...

— Отсутствие точного местоположения. Единственным моим местопребыванием стал интернет, а интернет — он же везде. Что и оказалось идеальным местом для моей Церкви. Вездесущая, повсеместная Церковь Киберпространства. Понимаете, Дэвид? Необходимость скрыться от брата и его жутких знакомцев преобразилась в дивный дар. Воистину, неисповедимы пути Господни. Мы снова и снова открываем для себя эту истину. Открытый разум, открытое сердце — больше ничего и не требуется.

С каждым словом Йона сиял все лучезарнее.

Гурни задумался, не объясняется ли этот эффект каким-то незаметным изменением в освещении. Хотелось прямо-таки слегка притушить это сияние.

— Тогда вы получили и второй дар, причем немаленький, со смертью

Карла.

Улыбка Йоны стала холодней.

— Это правда. Зло снова породило добро.

— И, судя по всему, уйму добра. Я слышал, будто «Спалтер Риэлти» оценивается в более чем пятьдесят миллионов долларов. Это правда?

Йона нахмурился, но улыбаться не перестал.

— При нынешнем состоянии рынка трудно сказать. — Он помолчал и пожал плечами. — Но, полагаю, плюс-минус довольно приличную сумму, догадка не хуже прочих.

— А правда ли, что до смерти Карла вы не могли трогать эту сумму, но теперь все переходит вам?

— Не мне. Церкви. Я лишь проводник. Церковь — вот что по-настоящему важно. Куда важнее любых отдельных людей. Труды Церкви — единственное, что имеет хоть какое-то значение. Единственное.

Гурни задумался, вправду ли он различает в этой подчеркнутой расстановке приоритетов не такую уж и скрытую нотку угрозы. Но вместо того, чтобы ломиться напролом и выяснять, предпочел сменить курс.

— Вас удивила смерть Карла?

Вопрос заставил Йону впервые за время разговора заметно замешкаться с ответом. Он сложил руки перед собой, прижимая друг к другу кончики пальцев.

— И да, и нет. Да — потому что столь крайняя форма насилия всегда изумляет. А нет — потому что при жизни, которую вел Карл, убийство — вовсе не удивительный конец. И мне нетрудно представить, что кто-то из его окружения мог дойти до такой крайности.

— Даже, например, Кэй?

— Даже, например, Кэй.

— Или вы?

Йона честно наморщил лоб.

— Или я.

И, не очень-то украдкой, покосился на часы.

Гурни улыбнулся.

— Еще буквально пара вопросов.

— Через десять минут у меня запланирован выход в живой эфир, но продолжайте, пожалуйста.

— Какого вы были мнения о Майкле Клемпере?

— О ком?

— Главном следователе по делу Карла.

— А, да. Какого я о нем мнения? Ну, мне казалось, у него, возможно,

проблемы с алкоголем.

— Он вас допрашивал?

— Я не назвал бы это допросом. Он задал несколько общих вопросов в тот же день на кладбище. Взял мою контактную информацию, но так больше со мной и не связывался. Он не показался мне особенно дотошным... или надежным.

— Вы удивились бы, услышав, что он виновен в подтасовке улики?

— Не сказал бы, что это меня бы потрясло. — Йона с любопытством наклонил голову набок. — Хотите сказать, он засадил Кэй незаконными способами? Но почему?

— Опять же, на данной стадии процесса апелляции эта информация разглашению не подлежит. Однако поднимает другой важный вопрос. Если предположить, что Кэй не убивала Карла — со всей очевидностью, это сделал кто-то еще. Вас не тревожит тот факт, что настоящий убийца так и гуляет на свободе?

— Не боюсь ли я за себя? Ничуть. Мы с Карлом занимали противоположные позиции по поводу любого делового решения, любого предполагаемого шага — как и любого личного вопроса, что только вставал между нами. У нас не было ни общих друзей, ни общих целей — вообще ничего общего. Навряд ли у нас отыщется общий враг.

— И последний вопрос. — Гурни немного помолчал — больше ради драматического эффекта, а не из нерешительности. — Что бы вы сказали, если бы я вам сообщил, что смерть вашей матери, возможно, тоже не случайна?

— О чем это вы? — Йона заморгал в явном ошеломлении.

— Всплыли некоторые улики, позволяющие связать ее смерть со смертью Карла.

— Какие еще улики?

— Не могу вдаваться в подробности. Однако выглядят они убедительно. Вы можете назвать хоть какую-либо причину, по которой убийца Карла хотел бы убить и вашу мать?

На лице Йоны застыла сложная смесь разных эмоций. Легче всего распознавался страх. Но был ли то страх перед неизвестным? Или перед тем, что неизвестное станет известным? Он покачал головой.

— Я... даже не знаю, что сказать. Послушайте, мне необходимо знать, что... ну то есть, о каких доказательствах вы говорите?

— Пока это не подлежит разглашению. Я позабочусь, чтобы вас проинформировали, как только будет возможно.

— Но это же все... нелепица какая-то.

— Так и должно казаться. Но если вам в голову придет хоть какое-либо объяснение, хоть какой-то сценарий, способный связать эти две смерти, прошу вас, как можно скорее расскажите мне.

Собеседник лишь слабо кивнул в ответ.

Гурни решил в очередной раз резко сменить тему.

— А какого вы мнения о дочери Карла?

Йона сглотнул, неуютно поерзал в кресле.

— Вы спрашиваете, могла ли она... могла ли она убить отца? И бабушку за компанию? — Вид у него был потерянный. — Понятия не имею. Алисса, она... не совсем здорова, но... родного отца? Бабушку?

— В каком смысле — не совсем здорова? Поясните, пожалуйста.

— Нет. Не сейчас. — Он снова поглядел на часы, словно бы ошеломленный тем, что на них увидел. — Мне и правда пора. На самом деле. Прошу прощения.

— Последний вопрос. Кто еще мог бы желать смерти Карла?

Йона досадливо развернул руки ладонями вверх — словно вопрос его разочаровал.

— Да кто угодно. Любой, кто оказался достаточно близко к нему, чтобы разглядеть за улыбкой гнилое нутро.

— Большое спасибо за помощь, Йона. Надеюсь, мы еще побеседуем. Кстати, а какая тема вашей речи?

— Простите, чего?

— Вашей сегодняшней речи.

— А. — Йона скривился. — Сегодняшняя тема — «Наш путь к радости».

Глава 47

Все еще не найдена

Четверть часа, оставшуюся до назначенной на девять встречи с Хардвиком и Эсти, Гурни употребил на то, чтобы набрать на компьютере и распечатать три копии того, что он накануне набросал в блокноте, — ключевых проблем дела.

Эсти приехала первой, но опередила Хардвика лишь на минуту. Когда она парковала свой синий «Мини-Купер» у грядки с аспарагусом, его красный «Понтиак» прогремел мимо сарая.

Эсти вылезла из автомобиля. Ее футболка, обрезанные джинсы и беззаботная улыбка свидетельствовали о взятом на работе выходном. Кожа

с карамельным отливом сияла под утренним солнцем. Подойдя к боковой двери, она с любопытством покосилась на плоские камни, отмечавшие могилу петушка.

Гурни открыл двери и пожал гостье руку.

— Денек-то какой роскошный, — заметила Эсти. — Может, устроимся снаружи?

Гурни улыбнулся ей в ответ.

— Оно бы здорово. Беда в том, что мне надо показать вам с Джеком пару видеозаписей.

— Так, просто подумала. Очень уж приятно, когда солнце пригревает кожу.

Хардвик припарковался рядом с машиной Эсти, захлопнул тяжелую дверцу. Не удосужившись даже ни с кем поздороваться, он прикрыл глаза рукой от солнца и принялся осматривать поля и поросшие лесом склоны холмов.

Эсти покосилась на него.

— Кого-то высматриваешь?

Он ничего не ответил, продолжая шарить взглядом по окрестностям.

Догадываясь, к чему это он, Гурни проследил за его взглядом, пока тот не остановился на Барроу-хилл.

— Самая вероятная позиция, — сказал Гурни.

Хардвик кивнул.

— С верха той узкой тропинки?

— На самом деле, это заросшая дорога.

Эсти заметно встревожилась.

— Вы это что, про снайпера?

— Про возможную позицию для снайпера, — уточнил Гурни. — Если бы я метил в кого-то, кто живет в этом доме, я выбрал бы место близ вершины того вон холма. Хорошо просматривается боковой вход, хорошо видны машины.

Она повернулась к Хардвику.

— Ты теперь каждое место анализируешь? На позицию для снайпера?

— Ну да, учитывая две пули у меня в стенке дома, я и правда теперь об этом задумываюсь. Особенно меня волнуют места прикрытые, куда легко подобраться.

Глаза у Эсти расширились.

— Так может, чем стоять тут, точно живые мишени, и глазеть на место, откуда нас легче всего подстрелить, пойдём в дом, а?

Судя по всему, Хардвик уже собирался отпустить какую-нибудь

глупую шуточку, но лишь ухмыльнулся и вошел в дом вслед за Эсти. Гурни последовал за ними, бросив последний взгляд на холм.

Он принес из кабинета лэптоп и список проблем, и вся троица уселась за обеденным столом.

— Ну что, для начала обменяемся новостями? — предложил Гурни. — Вы с Эсти собирались сделать кое-какие звонки. Есть что-нибудь новенькое?

Эсти начала первой.

— Этот греческий мафиози, Адонис Ангелидис. По словам моих друзей из отдела по борьбе с организованной преступностью, он большая шишка. В отличие от итальянцев и русских, он не высовывается, держится вроде как в стороне, но страшно влиятельный. Работает со всеми семействами. То же самое было и с Гурикосом — тем, которому заколотили гвозди в голову. Он устраивал большие убийства для больших игроков. Крупные связи. Очень доверенное лицо.

— Тогда почему его хлопнули? — спросил Хардвик. — У этого твоего приятеля никаких идей?

— Ни малейших. Насколько им известно, Гурикос всех устраивал. Все шло как по маслу. Он был ценным ресурсом.

— Ну, кого-то он явно не устраивал.

Она кивнула.

— Может, все и правда было, как Ангелидис Дэйву сказал: Карл обратился к Гурикосу, чтобы кого-то убрать, а этот кто-то узнал и нанял Паникоса убрать их обоих. Вполне логично, да?

Хардвик развернул руки ладонями вверх в знак неуверенности.

Эсти поглядела на Гурни.

— Дэйв?

— В некотором смысле мне бы хотелось, чтобы версия Ангелидиса оказалась правдой. Но по ощущениям — тут что-то не складывается. Вроде и логично — да не совсем. Проблема в том, что гвозди в голове Гаса в картину не вписываются. Практичное, предупредительное устранение Карла и Гаса — это одно. А жутковатое предупреждение о том, что не следует выдавать какие-то тайны, — совсем другое. Как-то не сочетается.

— И та же проблема с матерью, — прибавила Эсти. — Никак не пойму, ее-то зачем убивать.

— Ну, не такая уж это и тайна, — нетерпеливо вмешался Хардвик. — Чтобы Карл пришел на похороны и подставился, когда будет произносить надгробную речь.

— А чего тогда Паникос не выждал, пока он поднимется на трибуну?

Зачем стрелять в него, пока он еще не дошел?

— А черт его знает. Может, чтобы он там чего не сболтнул.

Гурни не видел в этом никакой логики. К чему строить изоощренные планы, в результате которых жертва будет должна произнести речь, если боишься, что она скажет лишнее?

— И еще, — продолжила Эсти, — про пожар в Куперстауне. Я выяснила кое-что интересное, но странное. Все четыре зажигательных устройства, использованные в доме Бинчера, были разных типов и размеров. — Она перевела взгляд с Хардвика на Гурни и обратно. — Это вас ни на какие мысли не наводит?

Хардвик поцыкал зубом и пожал плечами.

— Может, они просто оказались в тот момент в ящике для игрушек у маленького Питера.

— Или, может, они нашлись у его поставщика? Дэйв, будут идеи?

— Совершенно абстрактное предположение... что он экспериментировал.

— Экспериментировал? С какой стати?

— Понятия не имею. Может, оценивал разные устройства на будущее.

Эсти поморщилась.

— Будем надеяться, причина не в этом.

Хардвик чуть поерзал в кресле.

— Еще что-нибудь, радость моя?

— Да. То безголовое тело, найденное на месте преступления, наконец сумели опознать. — Она выждала пару мгновений для драматического эффекта. — Лекс Бинчер. Вне всяких сомнений.

Хардвик настороженно смотрел на нее. Эсти медленно продолжила.

— Голова... все еще не найдена.

У Хардвика дернулся мускул на челюсти.

— Боже! Как в фильме ужасов каком-нибудь.

Эсти поморщилась.

— Не понимаю, с чего ты так напрягаешься. Взять хоть обстоятельства, при которых вы с Дэйвом познакомились, — ведь в том деле фигурировала разрубленная напополам женщина, разве нет? И я сама слышала, как ты над этим смеялся и отпускал всякие дурацкие шуточки.

— Ну да.

— Так почему тогда тебя так колбасит, когда речь заходит об этой голове?

— Послушай, ради всего святого... — Он вскинул руки, точно сдаваясь, и покачал головой. — Найти разрубленное тело — это одно. Хоть

на десять кусков. Ты уже давно полицейский, давно служишь в городе, на всякое посмотрелся. Уж как есть. Но между тем, чтобы найти отрезанную голову, и тем, чтобы ее не найти, — большая разница. Понимаешь? Хренова башка так и пропала, бесследно! А значит, кто-то где-то припрятал ее. Невесть зачем. Для своих, невесть каких целей! Поверьте, она, чтоб ее, еще объявится — когда мы меньше всего ожидаем.

— Когда мы меньше всего ожидаем? По-моему, ты пересмотрел «Нетфликса», — Эсти ласково подмигнула ему. — Как бы там ни было, а у меня с новостями пока все. А у тебя как? Есть что-нибудь?

Хардвик с силой потер лицо ладонями, словно прогоняя дурной сон и пытаясь начать день заново.

— Мне удалось отыскать одного из пропавших свидетелей — Фредди, того самого, что показал, будто видел Кэй в доме на Экстон-авеню во время стрельбы. Фредерико Хавьер Розалес, если официально. — Он бросил взгляд на Гурни. — А нельзя ли кофе?

— Запросто. — Гурни подошел к кофеварке возле раковины, чтобы запустить новый цикл.

Хардвик продолжал:

— Мы с ним, с Фредди, дружески поболтали. Особенно сосредоточились на любопытном разрыве между тем, что он видел на самом деле, и тем, что велел ему рассказывать Мак Мудак.

Глаза у Эсти расширились.

— Он признался, что Клемпер ему сказал, какие показания давать на суде?

— И не просто сказал, какие давать показания, но прибавил, что это на его же благо.

— А иначе?

— У Фредди проблемы с наркотой. Мелкий дилер на службе большого бизнеса. Еще один привод — и ему с гарантией влепят двадцатку без права на досрочное освобождение. Когда бродяга в таком вот положении, гаду вроде Мака легко диктовать условия.

— Так почему он с тобой-то разоткровенничался?

Хардвик неприятно усмехнулся.

— У парней вроде Фредди мыслишки в голове коротенькие. Для них всегда максимальная угроза — тот, кто перед ними прямо сейчас, а это был я. Вы только не подумайте плохо. Я был страшно вежлив. Объяснил ему, что для него единственный способ избежать серьезного наказания за лжесвидетельство по делу об убийстве — это разлжесвидетельствоваться обратно.

— Разлжесвидетельствоваться? — Эсти уставилась на него, не веря ушам.

— Отличная концепция, тебе не кажется? Я ему сказал, что он может выбраться из-под лавины дерьма, которое вот-вот обрушится ему на голову, если подробно опишет, как Мак Мудак изменил его первоначальные показания.

— И он записал?

— И подписался. Я даже отпечаток пальца его туда поставил.

Вид у Эсти был сомневающийся, но довольный.

— А Фредди думает, ты из бюро расследований?

— Ну, может, у него и сложилось впечатление, будто я связан с ними теснее, чем на самом деле. Плевать мне, что он там думает. А тебе?

Она покачала головой.

— Да тоже, если это поможет убрать Клемпера. А ниточки к другим двум пропавшим свидетелям ты не нашел?

— Еще нет. Но показаний Фредди, да еще вместе с записями разговора нашего малыша Дэйва с Алиссой, будет более чем достаточно, чтобы доказать полицейские злоупотребления — что, в свою очередь, приведет к победе апелляции и приговора аннуляции.

Глупая рифма Хардвика коробила слух Гурни, точно гвоздем провели по доске. Но потом до него дошло, что, возможно, досада его порождена совсем другим обстоятельством: так и не разрешенным вопросом вины или невиновности Кэй, вне зависимости от честности или нечестности суда над ней. Не приходилось сомневаться: злоупотреблений и подтасовок в деле хватало. Но они сами по себе еще не делали Кэй Спалтер невиновной. И куда личность человека, нанявшего Петроса Паникоса для убийства Карла Спалтера, остается загадкой, Кэй Спалтер остается вполне возможной подозреваемой.

Голос Эсти прервал размышления Гурни.

— Ты вроде говорил, хочешь нам какие-то видеозаписи показать?

— А. Да. Помимо записи моего разговора с Йоной по скайпу, у меня есть пара кусочков видеозаписей с Экстон-авеню: какой-то субъект, заходящий в дом перед стрельбой, с близкого расстояния, и дальним планом — как Карла пристрелили. — Он посмотрел на Хардвика. — Ты рассказывал Эсти, откуда у меня записи?

— Слишком уж быстро развивались события. Да и в том тридцатисекундном сообщении, что ты мне оставил, информации было не много.

— А ту, что все же была, ты решил пропустить мимо ушей, да?

— Какого хрена ты имеешь в виду?

— В сообщении я предельно ясно сказал главное. Я пообещал Клемперу, что для него все обернется лучше, если видеоматериалы попадут ко мне в руки. Ну вот они и попали. А ты потом появляешься в этом «Криминальном конфликте», весь такой бескомпромиссный, и с размаху обрушиваешься на «насквозь коррумпированного» детектива по делу Кэй за подделку улик и лжесвидетельство. А все в полицейском мире прекрасно знают, что дело Кэй вел Майкл Клемпер, — это все равно что ты назвал его по имени и обвинил напрямую, начисто проигнорировав мою с ним договоренность.

Хардвик помрачнел.

— Да говорю же, события развивались слишком быстро. Я только вернулся с пожара у озера — погребло семеро человек, Дэйв, семеро! — и был куда более сосредоточен на главной битве, чем на тонкостях твоего тет-а-тет с Маком.

Он продолжал в том же духе, напоминая Гурни, что двусмысленные обещания и сообразный случаю обман — по сути, скрытые от глаз корни самой системы правосудия. Завершил свою речь он полуриторическим вопросом:

— И вообще, какого черта тебе заботиться о таком дерьме, как Клемпер?

Гурни выбрал разумный и простой ответ, вызванный воспоминаниями о том, как пахло алкоголем от детектива, и о почти бессвязном сообщении, оставленном в голосовой почте на следующий день.

— Меня, знаешь ли, заботит то, что Мак Клемпер — загнанный в угол, разгневанный пьянчуга и что с отчаяния он может выкинуть что-нибудь глупое.

Хардвик промолчал, а Гурни продолжил:

— Так что теперь я держу «Беретту» под рукой, просто на всякий случай. А Эсти интересовалась видеозаписями. Так что давайте посмотрим. Я сперва проиграю кусочек с улицы, а потом отрывок подлиннее, с кладбища.

Глава 48

Монтелл Джонс

После того как они дважды пересмотрели отрывки с камеры видеонаблюдения, Хардвик спросил:

— А мы можем доказать, что все эти записи были у Клемпера во время процесса?

— Не уверен, что мы сможем вообще хоть что-нибудь доказать. Ну разве что удастся уговорить хозяина магазина дать показания и сказать, что он предоставлял видео полиции, но этот тип еще сомнительнее Клемпера. А кроме того...

— Но ведь ты попросил Клемпера предоставить тебе записи — и он их предоставил.

— Я сказал ему — будь у меня записи, для него все обернулось бы не так скверно. И на следующий день они появились в моем почтовом ящике. Мы с вами знаем, что это значит. Но в официальном смысле — это еще далеко от доказательства, что он их хотя бы в руках держал. В любом случае, это все — у кого или где были записи — не так уж важно. Куда важнее, что на них.

Хардвик, похоже, собирался возразить, но Гурни перебил его.

— Важность записи с видом на кладбище состоит в том, что на ней видно, как Карла подстрелили именно в том месте, где все и показывали, — а это подтверждает, что выстрел никак не мог быть сделан из окна квартиры, которую команда Клемпера определила как местонахождение убийцы.

Эсти заметно встревожилась.

— Я уже в четвертый раз слышу, как ты говоришь про проблему с местом выстрела. А по-твоему, как объяснить эту нестыковку?

— Честно, Эсти? Тут я хожу по кругу. Физические и химические свидетельства из квартиры, где найдено оружие убийства, указывают на то, что пуля была выпущена именно оттуда. Но линия стрельбы демонстрирует, что такого просто быть не может.

— Это мне напоминает заварушку с Монтеллом Джонсом. Помнишь, Джек? Пять-шесть лет назад.

— Наркотоделец-то? И обсуждение вопроса, было ли это правомерным убийством с целью самозащиты?

— Именно. — Она повернулась к Гурни. — Молодой полицейский в патрульной машине совершает объезд одного криминального райончика — ясным и солнечным днем, — как вдруг получает звонок с сообщением: «У нас тут стрельба», то есть в двух кварталах от него. Через десять секунд он на месте, выскакивает из машины. Народ вокруг показывает на проход между двумя складами, откуда, мол, пару минут назад прозвучали два выстрела. Он на месте происшествия первый, ему бы подождать, но он не ждет, а вытаскивает девятимиллиметровый ствол и айда в проход. А в

пятидесяти футах перед ним — Монтелл Джонс, местная притча во языцех, наркоторговец, список изнасилований — длиннее некуда. Послушать полицейского, в руках у Монтелла тоже пистолет — и он его медленно поднимает, целясь в полицейского. Тот кричит ему бросить оружие. Пистолет все поднимается. Полицейский стреляет один раз. Монтелл падает. Тем временем подоспели другие патрульные. У Монтелла хлещет кровь из дырки в животе. Приезжает «скорая», Монтелла увозят и по прибытии в больницу констатируют смерть. Все кажется вполне правомерным. Молодой полицейский на сутки становится героем. А потом ад срывается с цепи. Его вызывают в отдел внутренних расследований и просят отчет о стрельбе. У него никаких сомнений. Все яснее ясного — Монтелл стоит перед ним, день солнечный, видимость превосходная, Монтелл наводит на него оружие. Полицейский стреляет, Монтелл падает. Конец истории. Следователь просит его рассказать еще раз. Он рассказывает снова. И снова. Все записывают на пленку. Распечатывают, дают ему подписать. А потом швыряют гранату: «У нас, понимаешь, проблема. Врачи говорят, рана в животе — это выходное отверстие пули, а не входное». Полицейский теряет дар речи, ушам своим не верит. Спрашивает, о чем это они вообще. Ну они ему и объясняют. Он выстрелил Монтеллу в спину. И им теперь хочется знать, почему.

— Прямо-таки классический кошмар любого копа, — заметил Гурни. — Но заряженный пистолет-то у этого Монтелла и вправду был?

— Был. Тут все в порядке. Но вот с пулей в спину — неувязочка.

— А полицейский не пытался ухватиться за старое доброе «он просто повернулся ко мне спиной, когда я нажимал на спусковой крючок»?

— Нет. Твердил свое: все было, как он описал. Наоборот, даже настаивал на том, что Монтелл совершенно точно никуда не отворачивался, а с начала и до конца смотрел ему в лицо.

— Интересно, — протянул Гурни с задумчивым огоньком в глазах. — И в чем соль?

— В том, что Монтеллу и в самом деле выстрелили в спину — за несколько минут до того, кто-то неизвестный. Отсюда и переполох насчет стрельбы, и вызов полиции. А Монтелл, после того как его бросили умирать в переулке, каким-то образом сумел подняться на ноги — как раз к тому времени, как на сцене появился наш герой. Монтелл, надо полагать, находился в шоке и вообще не понимал, что он там делает со своей пушкой. Полицейский стреляет — *промахивается!* — и Монтелл снова падает.

— И как бюро внутренних расследований до всего этого докопалось?

— При повторных и более тщательных поисках на месте преступления, в канаве за переулком, была обнаружена пуля со следами ДНК Монтелла — заметим, в канаве за тем местом, где стоял полицейский, что означало, что исходный выстрел был сделан с другой стороны.

— Удачная находка, — заметил Гурни. — Все могло бы обернуться и совсем иначе.

— Не пренебрегай удачей, — отозвалась Эсти. — Иной раз только на ней и выезжаешь.

Хардвик барабанил пальцами по столу.

— И какое отношение эта история имеет к делу Спалтеров?

— Не знаю. Почему-то вдруг вспомнилось. Так что, может, какое-то отношение и имеет.

— Но какое? Думаешь, Карла подстрелили с другой стороны? Не из того дома?

— Не знаю, Джек. Мне просто вспомнилось. Не могу объяснить, с чего вдруг. А ты, Дэйв, что думаешь?

— Интересный пример того, как два независимых события происходят таким образом, что все считают, будто они между собой связаны, — с расстановкой произнес Гурни.

— Какие два события?

— То, что полицейский выстрелил в Монтелла, и то, что Монтелла застрелили.

Глава 49

Суций дьявол

Под вторую порцию кофе Гурни проиграл запись разговора по скайпу с Йоной Спалтером.

Когда запись закончилась, Хардвик первым прокомментировал увиденное:

— Прямо не знаю, кто из них худшее дерьмо — Мак Мудак или эта сволочь.

Гурни улыбнулся.

— Полетта Парли, управляющая «Ивовым покоем», убеждена, что Йона — святой, спасает мир.

— Всех этих спасающих мир святых лучше всего пустить на удобрения. Навоз для почвы очень полезен.

— Пусть лучше удобряют почву, а не души, да, Джек?

— Можешь повторить, братан.

— И в результате смерти брата он получил пятьдесят миллионов долларов? — спросила Эсти. — В самом деле?

— Он этого не отрицал, — ответил Гурни.

— Еще какой мотив, — сказал Хардвик.

— Собственно говоря, — продолжил Гурни, — он вообще не пытался что-либо отрицать. Преспокойно признал, что здорово выгадал от смерти Карла. Запросто согласился, что ненавидел его. Безмятежно перечислил причины, по которым вообще все должны были ненавидеть его.

Эсти кивнула.

— Назвал его чудовищем, социопатом, мегаломаньяком...

— И сущим дьяволом, — добавил Хардвик. — В противоположность себе, любимому, которого мы должны считать сущим ангелом.

Эсти продолжала:

— И еще подтвердил, что ради этой своей Церкви сделал бы что угодно. Что угодно. Звучало так, словно он хвастается. — Она помолчала. — Странно. Он признавал то, что служит мотивами для убийства, так невозмутимо, точно это совершенно не важно. Словно знает, что мы ничего ему не сделаем.

— Как человек со связями, — уточнил Хардвик.

— Но в самом конце разговора он ведет себя иначе, — сказал Гурни.

Эсти нахмурилась.

— Ты о той части, где вы говорите про мать?

— Если только он не величайший актер в мире, то мне кажется, это его и вправду зацепило. Но я знаю точно, что именно его взволновало: то, что ее убили, или то, что мы об этом знаем. И еще интересно — он стремился узнать, какие у нас есть доказательства, но так и не задал основного вопроса: зачем кому-то убивать его мать?

Хардвик оскалил зубы в невеселой ухмылке.

— Вот как-то поневоле думаешь, что этому душевному и расчудесному Йоне на всех плевать с высокой колокольни. В том числе и на родную мать.

Лицо у Эсти было растерянное.

— И куда это нас ведет?

Ледяная улыбка Хардвика сделалась еще шире. Он показал на лежащий рядом с открытым ноутбуком список нерешенных вопросов, составленный Гурни.

— Ну, это проще простого. Движемся по расчерченной нашим асом карте улики и ключевых вопросов.

Все взяли себе по распечатке и молча прочитали восемь пунктов.

По мере чтения лицо у Эсти становилось все более обеспокоенным.

— Какой-то этот список... угнетающий.

Гурни поинтересовался, что именно создает у нее такое впечатление.

— Становится до боли ясно, что мы до сих пор так толком ничего и не знаем — выяснили куда как меньше, чем хотелось бы. Ты не согласен?

— И да, и нет, — ответил Гурни. — Тут перечислено множество вопросов без ответа, но я убежден, что стоит найти ответ на любой из них, как сразу же и все остальное станет понятно.

Эсти неохотно кивнула, но, похоже, он ее не убедил.

— Я вот тебя слушаю, но... с чего мы начнем? Если бы мы могли скоординировать действия соответствующих спецслужб — бюро криминальных расследований, Интерпола, отдела национальной безопасности, полиции Нью-Йорка, дорожных патрулей и так далее, — да еще и бросить на это дело побольше людей, выследить Паникоса было бы, наверное, возможно. Но в нашей ситуации... что нам делать-то? Если не брать в расчет Паникоса, у нас просто нет рук, ног и времени всматриваться во все прочие конфликты и отношения в жизни Карла, Йоны, Кэй и Алиссы, не говоря уже про Ангелидиса, Гурикоса и бог весть кого еще.

Она беспомощно покачала головой.

Воцарилось молчание — самое долгое за всю встречу.

Хардвик сперва не выказывал вообще никакой реакции. Казалось, он сравнивает большие пальцы на руках, изучая их размер и форму.

Эсти пристально посмотрела на него.

— Джек, а у тебя какие-нибудь соображения на этот счет имеются?

Он поднял голову и откашлялся.

— Само собой. У нас тут две отдельные ситуации. Одна — процесс апелляции по делу Кэй, и партнер Лекса говорит, тут все схвачено. А вторая — попытки ответить на вопрос «Кто убил Карла?», что куда сложнее. Но вон у нашего мозговитого Шерлока в глазах оптимистический блеск.

Эсти перевела встревоженный взгляд на Гурни.

— Оптимизм? Ты его и впрямь ощущаешь?

— Собственно говоря, да, в известной степени.

Произнося эти слова, он вдруг сам подивился, до чего же изменилось его восприятие ситуации за короткое время, минувшее с тех пор, как он впервые записал проблемы. И впал в уныние при мысли о сложности задачи и нехватке официальных ресурсов, на которые привык полагаться прежде: именно то, на что и жаловалась сейчас Эсти.

И по части сложности, и по части ресурсов ничего не изменилось. Но Гурни наконец осознал, что для того, чтобы найти отгадку, ему вовсе не требуется отвечать на бесконечную серию головоломных вопросов.

Эсти смотрела на него скептически.

— Откуда оптимизм, когда мы столько всего не знаем?

— Может, ответов у нас пока и немного, но... у нас есть персонаж.

— Персонаж? Какой еще?

— Питер Пэн.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что он где-то здесь. Поблизости. Что-то такое в нашем расследовании удерживает его здесь.

— И что именно?

— Думаю, он боится, что мы раскроем его тайну.

— Тайну, стоящую за гвоздями в голове Жирдяя Гаса?

— Да.

Хардвик снова забарабанил пальцами по столу.

— А почему ты считаешь, что это тайна Паникоса, а не того, кто его нанял?

— Из-за слов Ангелидуса. Он сказал, Паникос принимает лишь контракты на убийство, без перечня условий. Никаких инструкций. Никаких особых указаний. Хочешь, чтобы кого-то убрали, — даешь ему деньги, и твой враг считай, что уже мертв. Но детали он прорабатывает сам. Так что если гвозди в голове Гаса и несли чье-то послание, так только самого Паникоса — о чем-то, важном для него самого.

Хардвик снова скроил кислую гримасу.

— А ты, похоже, веришь на слово Ангелидусу — мафиози, который зарабатывает себе на жизнь тем, что врет, жульничает и крадет.

— Ему не было смысла врать о том, как Паникос ведет дела. Да и все остальное, что мы узнали о Паникосе, особенно от твоего кореша из Интерпола, подкрепляет рассказ Ангелидуса. Питер Пэн действует по своим правилам. Никто не дает ему указаний.

— Полагаешь, парень слегка зациклен на том, чтобы все контролировать?

Гурни улыбнулся столь мягкой формулировке.

— Никто не приказывал ему перебить провода у тебя дома, Джек. Он таких приказов не принимает. Не думаю, чтобы кто-нибудь велел ему сжечь те дома в Куперстауне или уйти с места преступления, унося в пакете голову Лекса Бинчера.

— Очень уж ты уверенно рассуждаешь обо всей этой чертовщине.

— Долго вертел в голове. И вот как раз сумел четко разглядеть хотя бы одну деталь.

Эсти досадливо вскинула руки.

— Прости за тупость, но что ты вдруг сумел четко разглядеть?

— Открытую дверь, которая маячила перед нами с самого начала.

— Какая еще открытая дверь?

— Сам Питер Пэн.

— Ты о чем?

— Он отвечает на наши действия, на наше расследование убийства Карла. Ответ равносильна связи. А связь равносильна открытой двери.

— Отвечает на наши действия? — повторила Эсти недоверчиво, почти сердито. — Ты имеешь в виду — открыв огонь по дому Джека? Убив Лекса и его соседей в Куперстауне?

— Он пытается остановить нас.

— То есть, мы расследуем, а он в ответ стреляет, поджигает и убивает. Ты это называешь открытой дверью?

— Все это доказывает, что он обращает на нас внимание. Доказывает, что он еще здесь. Не покинул страну. Не ускользнул в свою нору. Это доказывает, что мы можем его достать. Надо только придумать, как до него дотянуться таким образом, чтобы спровоцировать на реакцию, которую мы сможем держать под контролем.

Эсти прищурилась. На смену недоверию пришел расчет.

— Ты имеешь в виду, например, использовать средства массовой информации — хоть того же придурка Борка, — чтобы предложить Паникосу нечто вроде сделки с целью узнать, кто его нанял?

— Борк мог бы сыграть определенную роль, но только никаких сделок предлагать не нужно. Думаю, наш маленький Питер Пэн настроен на другую длину волны.

— Какую длину волны?

— Ну... посмотри хоть, что нам о нем известно.

Эсти пожала плечами.

— Что он профессиональный убийца.

Гурни кивнул.

— А еще что?

— Что его услуги стоят очень дорого и что он специализируется на сложных заказах.

— *Невозможные задачи, за которые никто другой не возьмется,* — так охарактеризовал это Донни Ангел. Что еще?

— Психопат, да?

— Психопат из преисподней, — наконец вступил в разговор Хардвик. — Из кошмаров. Насколько мне представляется, мелкий засранец — настоящая машина для убийства: злобный, кровожадный и совершенно ненормальный — и вовсе не собирается меняться. А ты, Шерлок, что скажешь? Еще пара-другая светлых мыслей найдется?

Гурни допил последний глоток почти остывшего кофе.

— Я тут пытался сложить все вместе и посмотреть, что получится. Его заикленность на том, чтобы делать все на свой манер, острейший ум в сочетании с абсолютным отсутствием эмпатии, патологическая жестокость, умение убивать, любовь к массовым убийствам — все это, вместе взятое, делает крошку Питера самым отъявленным маньяком, одержимым страстью держать все под контролем. Добавим теперь последний взрывчатый элемент: тайну, в чем бы она ни заключалась, он страстно желает скрыть ее и боится, что мы докопаемся до разгадки. О да, и еще одна милая деталь, поведенная мне Ангелидисом, совсем забыл упомянуть: убивая, крошка Питер обожает петь. Сведите все это воедино — интересный получится рецепт для эндшпиля.

— Или для общемировой катастрофы, — прибавил Хардвик.

— А это уже в недостатках плана.

Глава 50

Подначить психа

— А достоинства-то у него есть? — На лице Эсти надежда боролась с дурными предчувствиями. Дурные предчувствия побеждали.

— Думаю, да, — небрежно ответил Гурни. — По моим ощущениям, главнейшая движущая сила для Паникоса — это ненависть, направленная, скорее всего, на каждого человека на земле. Но его тактика и план действий — эти аспекты всегда хорошо продуманы и логичны. Его успех на выбранном поприще базируется на умении поддержать тонкий баланс между жаркой страстью к убийствам и холодным расчетом. Это совершенно очевидно как по тому, что мы видели сами, так и по тому, что рассказывал мне Донни Ангел. На первый взгляд Паникос кажется бизнесменом, хладнокровно берущимся за самые сложные задания. А внутри него сидит злобное маленькое чудовище, главная — возможно, даже единственная — радость которого состоит в том, чтобы убивать.

Хардвик засмеялся, отрывисто и резко.

— Малютка Питер мог бы послужить отличным примером на лекции

какого-нибудь психолога школы «внутреннего ребенка».

Гурни не удержался от короткого смешка.

Эсти повернулась к нему.

— Итак, он отчасти стратег, отчасти псих. Мотив безумен, зато метод рационален. Допустим, ты прав. И куда это нас приведет?

— Поскольку, судя по всему, этот деликатный баланс между безумием и логикой у него отлажен очень хорошо, надо его как-то нарушить.

— Как?

— Ударив в его самое доступное слабое место.

— Какое?

— Тайна, которую он старается уберечь. Вот наш путь к нему. Путь в его сознание. Путь к пониманию убийства Карла и того, кто это убийство заказал.

— Неплохо еще было бы знать эту драгоценную тайну, чтоб ее, — перебил Хардвик.

Гурни пожал плечами.

— Все, что нам надо, — это *внушить ему*, что мы знаем... или вот-вот узнаем. Вот в какую игру мы должны сыграть — у него в голове.

— А какая у этой игры цель? — поинтересовалась Эсти.

— Подорвать тщательный расчет, необходимый ему для успеха и выживания. Вбить клин между внутренним маньяком и рациональной системой жизнеобеспечения.

— Что-то не догоняю.

— Мы на него надавим — так, чтобы под угрозой оказалось его ощущение контроля над происходящим. Если его главная страсть — контроль, то в том же и его основная слабость. Лишите маньяка, одержимого желанием все контролировать, чувства контроля — и решениями его начнет управлять паника.

— Слышь, что он предлагает? — снова перебил Хардвик. — Собирается потыкать массового убийцу в глазик острой палочкой и посмотреть, что получится.

Такая формулировка, судя по всему, лишь подстегнула нарастающее беспокойство Эсти. Она повернулась к Гурни.

— А предположим, после того как мы «надавим» на Паникоса, он убьет еще шесть-семь человек. Что тогда? Надавим еще? А если он убьет очередной десяток случайных жертв? Тогда что?

— Я не говорю, что риска совсем нет. Но альтернатива — позволить ему снова залечь на дно. Сейчас мы вытянули его почти к самой поверхности. Почти туда, где можем дотянуться до него. Вот мне и хочется

удержать его здесь, расшевелить в нем страх, заставить совершить какую-нибудь глупость. Что же до возможного убийства невинных людей, мы можем лишить его решение фактора случайности. Подставим ему конкретную цель — на нее и будем ловить.

— Цель? — шоколадно-карие глаза Эсти распахнулись еще шире.

— Надо заставить его сфокусироваться на том, что мы выберем сами в качестве наживки. Просто повысить уровень угрозы, вывести его из равновесия — еще недостаточно. Надо как-то контролировать провоцируемый ответ — направить его в нужном нам направлении и в предсказуемое время.

Похоже, его слова Эсти не убедили.

Гурни продолжал:

— Мы подманим его, спровоцируем нужную нам реакцию — а потом подсечем и вытащим из воды: в том месте и в то время, что сами выберем.

— Тебя послушать, так это плевое дело. Но ведь и очень рискованное, да?

— Да. Но не такое рискованное, как альтернатива. Джек назвал Питера Пэна машиной для убийства. И я согласен. Он именно этим и занимается. Всегда. С самого детства. И, дай ему волю, всегда будет заниматься. Он как смертельный недуг, который еще не умеют лечить. Я тут не вижу вообще никаких вариантов без риска. Либо мы позволяем машине для убийства и дальше работать, превращая людей в трупы, либо делаем все, что в наших силах, чтобы вывести ее из строя.

— Или, — нерешительно предложила Эсти, — можно прямо сейчас передать все, что у нас есть, в бюро криминальных расследований — и пусть сами с ним разбираются. У них для того все возможности. А у нас нет. Эти их возможности...

— К черту бюро! — прорычал Хардвик.

Эсти тихонько вздохнула и повернулась к Гурни.

— Дэйв? А ты что скажешь?

Гурни промолчал. На него вдруг нахлынули яркие, слишком яркие воспоминания. Болезненный звук глухого удара. Красный «БМВ», уносящийся прочь... по длинной городской улице... заворачивающий за угол в визге шин... исчезающий навсегда. Остающийся лишь в его памяти. И отброшенная на обочину жертва. Маленький четырехлетний мальчик. Дэнни. Его Дэнни. И голубь, за которым Дэнни беспечно погнался через дорогу, — голубь, взлетающий в вихре крыльев и уносящийся прочь, напуганный, но невредимый.

Почему он, полицейский, не остановил любую проезжающую мимо

машину, прямо там, на месте, сразу?

Почему не преследовал убийцу по горячим следам, хоть до ворот ада?

Иногда эти воспоминания вызывали в нем слезы. Иногда — лишь тупое жжение в горле. А иногда — неукротимый гнев.

Сейчас он испытывал гнев.

— Дэйв?

— Да?

— Тебе не кажется, что пора передать дело в бюро?

— Передать? И прекратить делать то, что мы делаем?

Она кивнула.

— Это ж и вправду в их...

Он не дал ей договорить.

— Нет. Еще не время.

— Что ты имеешь в виду — еще не время?

— Не думаю, что мы можем позволить Паникосу сбежать. А если мы остановимся, так и произойдет.

Если у Эсти еще и оставалось желание спорить, то все оно растаяло без следа. Возможно, причиной тому была твердость в голосе Гурни. Или решимость в глазах. Суть была ясна. Он никому ничего не передаст.

Нет, пока убийца еще достигим.

Пока красный автомобиль не скрылся из виду.

После небольшого перерыва на то, чтобы проверить почту и ответить на электронные письма и смски, Гурни поставил вариться третью порцию кофе и открыл двойные двери, впуская в комнату ароматный августовский воздух. И в очередной раз поразился свежести запахов нагретой земли, травы и цветов — словно никак не мог запомнить, как пахнет природа.

Все снова уселись за столом. Эсти посмотрела Гурни в глаза.

— Из нас всех ты, похоже, единственный, кто знает, что делать дальше. Уже наметил какие-то конкретные шаги?

— Сначала надо определиться с содержанием нашего послания Паникосу. Потом подобрать способ коммуникации, объект, на который мы хотим его натравить, подходящее время, совершить необходимые приготовления и...

— Не гони, ладно? По одному шагу за раз. Содержание послания? То есть мы скажем, будто знаем что-то о той тайне, которую он оберегает?

— Именно. И собираемся в определенный момент ее раскрыть.

— А способ коммуникации? Как мы передадим ему это послание?

— Ты сама сказала сегодня утром. «Криминальный конфликт». Брайан

Борк. Ручаюсь, Паникос видел интервью с Лексом и, скорее всего, интервью с Джеком после пожара в Куперстауне.

Эсти поморщилась.

— Я, конечно, упоминала Борка... но теперь, как снова обо всем этом думаю, просто не представляю, чтобы наш псих часами просиживал у телевизора...

— Может, у него поисковик выставлен на определенные имена — Спалтер, Гурикос, Бинчер — так что, если средства массовой информации передают анонс новостей или еще что-нибудь, имеющее отношение к этому делу, он о том узнает.

Эсти настороженно кивнула в ответ.

Зато глаза Хардвика засверкали.

— Мерзавец Борк призывал меня держать его в курсе касательно развития ситуации. Так что я могу передать любое сообщение, какое мы только захотим.

Эсти повернулась к Гурни.

— Что подводит нас к тому, что мне особенно не понравилось в твоём плане. Наживка. Что ты под этим подразумевал?

Хардвик перебил ее.

— Все просто, детка. Он хочет натравить крошку Питера на нас.

Она заморгала.

— Дэйв? Ты вправду это имел в виду?

— Только если мы будем твердо уверены, что способны сохранить контроль над ситуацией — и что он попадет в нашу ловушку, а не мы в его.

На ее лице читалась тревога.

— Но, — быстро прибавил Гурни, — я не собирался делать мишенью нас.

Она уставилась на него во все глаза.

— А кого тогда?

Он улыбнулся.

— Себя.

Хардвик покачал головой.

— Куда логичней выбрать мишенью меня. Это ведь я появлялся в «Криминальном конфликте». Он будет считать меня врагом номер один.

— Если я правильно помню, что ты там болтал, скорее — врагом полиции штата.

Хардвик проигнорировал эту колкость и подался вперед, для убедительности подняв указательный палец.

— Тут ведь, знаете, и еще один аспект есть. Я все думал про те

выстрелы, которыми мне перебило провода и кабель. Помимо возможного предупреждения — не видеть зло, не слышать о зле, не говорить о зле, — там ведь могла иметься и дополнительная цель. Более практическая.

Он помолчал, чтобы удостовериться, что полностью овладел вниманием аудитории.

Гурни догадывался, что последует дальше.

— Этот Боло, с которым ты разговаривал, утверждал, что Паникос посещал дом на Экстон-авеню почти за неделю до того, как грохнул Карла. Вопрос — зачем? Ну, мне в голову приходит одна причина. Такой одержимый невротик захотел бы пристрелять ружье заранее — в нужном месте. Что скажешь?

Гурни одобрительно кивнул. Приятно было хоть время от времени убеждаться, что под раздражающей скорлупой Хардвика прячется крепкий и проникательный детектив.

Эсти нахмурилась.

— А какое отношение это имеет к выстрелам по твоему дому?

— Если он в состоянии уловить в перекрестье этого своего инфракрасного прицела мои провода и перебить их с первого выстрела, то может рассчитывать, что и мне между глаз пулю влепит с того же расстояния, едва я переступлю порог.

Вид у Эсти был такой, точно она изо всех сил старается не выказывать потрясения.

— Пристрелка на местности? Подготовка? Ты думаешь, цель тех выстрелов с холма именно в этом и состояла?

По холодному блеску в глазах Хардвика было совершенно ясно, что именно так он и думал.

Эсти что-то сказала.

Хардвик ответил.

Она сказала что-то еще.

Он ответил и на это.

Но мозг Гурни уже не воспринимал сказанное — ни единого слога после того, как Эсти произнесла «цель тех выстрелов с холма».

А все потому, что он мысленно перенесся из дома Хардвика к себе. И теперь не мог думать ни о чем, кроме того, что в состоянии натворить один-единственный выстрел со склона Барроу-хилл.

Через двадцать минут, поставив обратно в угол лопату с налипшей на нее свежей землей, Гурни стоял около раковины в кладовой, с мрачной сосредоточенностью рассматривая слегка отмытые останки петуха,

которого он только что выкопал из могилки под камнями. На грязной сушилке рядом с раковиной лежал шарфик Мадлен, весь в пятнах крови и грязи, — она завернула в него тельце Горация.

Эсти с Хардвиком, не получив ответа ни на один из града вопросов, которыми они забросали Гурни, стояли в дверях, с нарастающей тревогой наблюдая за ним. Гурни, то и дело задерживая дыхание, чтобы спастись от тухлого запаха, склонился над тушкой, вглядываясь в нее и стараясь выяснить, что стало причиной гибели петушка. Уверившись наконец, что неформальное дознание сказало ему все, что можно было сказать, он выпрямился и, обернувшись к друзьям, объяснил:

— У Мадлен было три курицы — и петух. Она назвала его Горацием. — Произнося это имя, он ощутил легкий укол грусти. — Несколько дней назад она нашла его на траве мертвым и подумала, что ему откусил голову хорек. Кто-то нам рассказывал, что у них это в обыкновении. — От злости губы у него начали деревенеть. — В каком-то смысле она оказалась права. Это был хорек со снайперской винтовкой.

На лице Эсти сначала отобразилось лишь недоумение. Но потом вся важность сказанного дошла до нее.

— О господи!

— Твою мать! — пробормотал Хардвик.

— Не знаю уж, пристреливался он на будущее или хотел послать мне какое-нибудь сообщение, — произнес Гурни. — Но как бы там ни было, а маленький мерзавец меня на заметку тоже взял.

Глава 51

План

Мертвый петух, очевидный метод его убийства и стоящие за этим возможные мотивы еще более омрачили настрой совещающихся.

Даже Хардвик словно бы приуныл: стоял у открытых французских дверей и смотрел через западное поле на Барроу-хилл. А потом перевел взгляд на Гурни, сидевшего за столом вместе с Эсти.

— По твоему мнению, стреляли с того места, что ты показал с утра, с верха тропы?

— Думаю, да.

— Диспозиция — дом, холм, лес, тропы — примерно такая же, как и у меня. Разница только та, что по моему дому он стрелял ночью, а по твоему петуху днем.

— Верно.

— Есть предположения, почему?

Гурни пожал плечами.

— Только самые очевидные. Ночь — самое драматическое время для того, чтобы вырубить электричество. Но если хочешь застрелить нашу курицу, придется стрелять днем. Ночью они заперты в сарае.

Пока Хардвик обдумывал услышанное, наступила тишина — нарушенная Эсти.

— Так вы, парни, считаете, что Паникос послал вам обоим одно и то же предупреждение — бросить дело, потому что вы попали в поле его зрения?

— Ну, что-то типа того, — согласился Гурни.

— Тогда позвольте задать один важный вопрос. Сколько, по-вашему, ему понадобится, чтобы перейти от стрельбы по курам к..?

Она многозначительно умолкла.

— Если он и вправду хочет, чтобы мы бросили дело, то, бросив, мы можем предотвратить его дальнейшие действия. Если же мы не бросим, он может нанести удар довольно быстро.

Ей потребовалась пара секунд, чтобы уяснить суть.

— Отлично. Тогда что мы намерены делать? Или — не делать?

— Продолжать. — Сообщил Гурни, что хочет досыпать соли в солонку, голос его не мог бы звучать более буднично. — Мы продолжаем, тем самым дав ему убедительные причины убить меня. Плюс необходимость спешить. Место можно не выбирать — он уже сам выбрал.

— Ты имеешь в виду... здесь, у тебя?

— Ну да.

— И как, по-твоему, он..?

— Возможностей уйма. Самая правдоподобная догадка? Попытается поджечь дом, когда я внутри. Скорее всего, при помощи зажигательного устройства с дистанционным управлением, как в Куперстауне. А потом застрелить меня, когда я выскочу.

Она снова широко распахнула глаза.

— Откуда тебе знать, что он сначала займется тобой, а не Джеком? Или даже мной?

— Мы можем указать ему нужное направление при помощи Брайана Борка.

Как Гурни и предполагал, Хардвик принялся возражать — повторяя аргументы, что уже успел пригрозить Паникосу, а значит, его легко будет выставить в качестве мишени, — но аргументам этим уже не доставало

обоснованности и весомости.

Похоже, петух склонил чашу весов в сторону Гурни.

Оставалось лишь обсудить подробности, логистику и кто за что отвечает.

Через час, испытывая смешанное чувство решимости и неясных опасений, они разработали план.

Эсти, делавшая во время обсуждения короткие пометки, казалась наименее удовлетворенной итогом. Когда Гурни спросил, что ее волнует, она замялась.

— Может... может, пройдемся по всей схеме еще разок? Если ты не против?

— Против? Держи карман шире! — пробурчал Хардвик. — Шерлок весь этот стратегический вздор просто обожает. — Он поднялся из-за стола. — Ладно, пока вы проходите по плану еще разок, я займусь чем-нибудь полезным, да хоть теми же звонками. Надо как можно скорее привлечь к игре Борка — а еще надо убедиться, что у Скрэнтона есть в наличии все, что нам потребуется.

«Скрэнтон. Слежка и Самооборона» был чем-то вроде магазина всевозможной техники и оружия, основную клиентуру которого составляли охранные агентства, антиправительственные параноики и бытовые маньяки разного калибра. На логотипе фирмы красовались три гремучие змеи с торчащими ядовитыми зубами. Продавцы щеголяли в беретах в стиле командос и камуфляже. Гурни заходил туда один раз, из чистого любопытства, — и ушел с неприятным чувством, будто побывал в другой вселенной. Тем не менее это был наиболее удобный источник электронного оборудования, которое им сейчас понадобилось.

Хардвик вызвался туда съездить — но хотел сперва убедиться, что в магазине все есть. Он повернулся к Гурни.

— Где тут у вас телефон лучше всего ловит?

Отправив его к боковой двери с другой стороны от дворика, Гурни повернулся к Эсти, все еще сидевшей за столом с беспокойством на лице.

Усевшись напротив, он повторил план, который они обсуждали весь минувший час.

— Наша цель — внушить Паникосу, будто я собираюсь появиться в понедельник в «Криминальном конфликте» и рассказать там все, что нарыл по убийству Спалтера, в том числе раскрыть ту самую тайну, которую он так усиленно оберегает. Джек уверен, что сможет убедить Брайана Борка и «РАМ-ТВ» все воскресенье крутить анонсы, в которых это будет

говориться.

— Но что потом, в понедельник, когда настанет время выступить в программе? Что ты на самом деле скажешь?

Гурни уклонился от вопроса.

— Если нам повезет, к тому времени игра уже закончится и нам не придется показываться на этой передаче. Вся суть — в рекламе наших предполагаемых сенсационных улик и в угрозе, адресованной Паникосу, — чтобы ему стало необходимо заставить меня замолчать до времени выхода понедельничного выпуска.

Похоже, все это не слишком приободрило Эсти.

— А что будет говориться в этой рекламе?

— Мы поработаем над формулировками позже, но главное — заставить Паникоса поверить, будто я знаю о деле Спалтеров что-то суперважное, чего не знает никто, кроме меня.

— А он не предположит, что ты поделился своими открытиями с Джеком и мной?

— Скорее всего, предположит, — улыбнулся Гурни. — Вот почему я и думаю, что вам с Джеком придется погибнуть в автокатастрофе. Борк будет только счастлив включить в анонс еще и это. Трагедия, разлад, драма — все сплошь волшебные слова «РАМ-ТВ».

— В автокатастрофе? Это ты еще о чем?

— Только что придумал. Но мне нравится идея. И уж точно сузит круг потенциальных мишеней для Паникоса.

Эсти посмотрела на него долгим скептическим взглядом.

— По мне, это чересчур. Ты уверен, что команда «РАМ-ТВ» согласится на это дерьмо?

— Как мухи, слетающиеся на эту же самую субстанцию. Ты забываешь, что «РАМ» дерьмом и живет. От дерьма рейтинги выше. У них весь бизнес на нем построен.

Она кивнула.

— Так это все — как воронка. Все так подстроено, чтобы направить Паникоса на одно решение, одного человека, одно место.

— Именно.

— Но воронка-то ненадежная. А сосуд, в который она ведет, — вдруг там дырки?

— Какие еще дырки?

— Ну допустим, твой план сработает, Паникос услышит в воскресенье анонс, купится на все это дерьмо, поверит, что ты знаешь его тайну, а мы с Джеком вышли из игры — автокатастрофа там или еще что, — сочтет, что

неплохо бы тебя убрать и зайвится сюда... когда? Ночью с воскресенья на понедельник? Утром?

— Я бы сделал ставку на ночь.

— Хорошо. Допустим, он придет за тобой ночью. Может, пешком через лес, может, на мотоцикле. Может, с зажигательными бомбами, может, с ружьем или с тем и другим сразу. Так?

Гурни кивнул.

— А какая у нас защита против всего этого? Камеры на лугу? Камеры в лесу? Передатчики, по которым изображения подаются в дом? Джек с «Глоком», я с «Зигом» и ты со своей крошкой «Береттой»? Я правильно уловила смысл?

Он снова кивнул.

— И я ничего не упустила?

— Например?

— Ну, например, идею позвать кавалерию, чтобы та спасла наши задницы! Вы с Джеком что, позабыли, что стряслось в Куперстауне? Три огромных дома сгорело, семеро погибших, одной головы не хватает. Память вам, что ли, отшибло?

— Не нужно никакой кавалерии, детка, — с усмешкой перебил ее Хардвик, возвращаясь со двора. — Просто позитивный настрой и наилучшие на рынке инфракрасные камеры. Я только что договорился о краткосрочной аренде всего, что нам понадобится. Плюс полное сотрудничество ребят с «РАМ-ТВ». Так что планчик крошки Дэйва, как бы заставить леопарда напасть на ягненка, может и сработать, чтоб его.

Она смотрела на него, как на ненормального.

Хардвик повернулся к Гурни и продолжал, будто тот попросил его уточнить:

— У Скрэнтоня приготовят все завтра к четырем часам.

— То есть, ты вернешься сюда, когда уже стемнеет, — заметил Гурни. — Не лучшее время, чтобы расставлять оборудование по лесу.

— Ну и ладно. У нас на установку есть еще воскресное утро. А потом зайдем позиции. Продюсер Борка сказал, они начнут давать анонсы во время утреннего воскресного выпуска, а потом весь день, до самого последнего выпуска новостей.

— И они на это согласились? — кисло спросила Эсти. — Вот так просто?

— Вот так просто, крошка.

— И их не волнует, что это сплошь брехня и выдумки?

Хардвик прямо-таки сиял.

— Ничуточки. А с какой бы стати? Борк обожает всевозможные катастрофы, а все это напоминает именно катастрофу.

Эсти легонько кивнула — скорее смирившись, чем соглашаясь.

— Кстати, Дэйви, — продолжал Хардвик. — На твоём месте я убрал бы дохлого петуха из раковины. Вонючка от него та ещё.

— Ладно, я им займусь. Но сначала — хорошо, что ты мне напомнил, — один нюанс. У нас тут ещё маленькое дополнение к анонсу на «РАМ-ТВ». Трагическая автокатастрофа.

Глава 52

Флоренция в огне

После того как Хардвик и Эсти уехали — её юркий «Мини» и его громахающий «Понтиак» завернули за сарай и покатали вниз по дороге, — Гурни остался сидеть, глядя на грудку досок и раздумывая над проектом постройки курятника, для которого эти доски предназначались.

От курятника мысли его вернулись к Горацию. Гурни заставил себя вылезти из кресла и отправиться в кладовую.

Чуть позже, снова захоронив петуха и вернувшись в дом, он осознал, что организованность и собранность, владевшие им во время встречи с Хардвиком и Эсти, куда-то улетучились. Теперь он сам поражался, до чего же схематично и обрывочно, зависит от импровизаций то, что он так отважно называет планом. Теперь вся эта скороспелая затея казалась полнейшим дилетантством, плодом злости, самоуверенности и необоснованного оптимизма, без учета фактов и реальных возможностей. Ни его спокойствие, ни бравада Хардвика тут были неуместны. Гораздо адекватнее — тревожная неуверенность Эсти.

Да что они, в конечном итоге, знали про Петроса Паникоса помимо сплетения слухов и рассказней, исходящих из источников самой разной степени надёжности? Недостоверность информации открывала двери очень широкому спектру возможностей.

Так в чём же он все-таки уверен?

По правде сказать, мало в чём. Если не считать непримиримости и жестокости врага — его не раз доказанной готовности пойти на что угодно, лишь бы достичь цели и настоять на своём. Если, как учил один из профессоров Гурни по философии, зло — это «разум на службе у аппетита, не сдержанного никакой моралью», то Питера Пэна можно было назвать настоящим воплощением зла.

Хорошо. А еще в чем он уверен?

Коли уж на то пошло, не оставалось сомнений и в том, что карьера Эсти под угрозой. Эсти поставила на карту все, лишь бы помочь им в предприятии, более всего напоминающем сейчас летящий под откос поезд.

И еще один неоспоримый факт. Гурни вновь подставился под прицел безжалостного убийцы. Хотелось бы, конечно, хоть самому поверить, что на сей раз все обстоит иначе — что обстоятельства требовали подобного риска, но он знал, что никого не сумеет убедить в этом. Уж точно не Мадлен. Уж точно не Малькольма Кларета.

В жизни нет ничего важнее любви.

Так сказал Кларет, когда Гурни уходил из его маленького кабинета, переделанного из летней веранды.

Размышляя теперь над этой фразой, Гурни осознал две вещи. Во-первых, это абсолютная правда. И во-вторых, совершенно немислимо всегда держать эту истину в голове на переднем плане. Противоречие поразило Гурни, показалось очередной пакостной шуточкой, какую разыгрывает с людьми их природа.

От дальнейшего сползания в омут бессмысленных умопостроений и депрессии его спас звонок домашнего телефона в кабинете.

На экране высветилось имя Хардвика.

— Да, Джек?

— Через десять минут после того, как я уехал, мне позвонил кореш из Интерпола. Судя по его тону — в последний раз позвонил. Слишком уж настойчиво я вытягивал из него все мельчайшие детали, какие он только мог раскопать в старых документах по семейству Паникосов. Прилепился к нему, как пиявка, — что вообще-то не в моей натуре, но ты ведь хотел побольше информации, а я живу ради служения тем, кто достойнее меня.

— Похвальное качество. И что ты обнаружил?

— Помнишь пожар в деревне Ликонос, при котором сгорела семейная сувенирная лавка? И погибло все семейство, кроме усыновленного поджигателя. Так вот, выяснилось, что это была не просто сувенирная лавочка, а у нее еще был маленький филиал, вроде дочернего предприятия, которым заправляла мать. — Он помолчал. — Продолжать надо?

— Дай, угадаю. Это была цветочная лавка. А мать звали Флоренс.

— Флоренсия, если уж совсем точно.

— Она погибла со всей семьей, да?

— Ну да, в огне — все до одного. А теперь маленький Питер разъезжает в фургончике с надписью «Цветы Флоренции». Какие идеи на этот счет, старичок? По-твоему, убивая людей, он о мамочке думает?

Гурни ответил не сразу. Второй раз за день употребленное собеседником словосочетание — в первый раз это были слова Эсти про «выстрелы с холма» — заставило его отвлечься от темы. На сей раз эту роль сыграло Хардвиково «в огне».

Ему вдруг вспомнилось одно из старых дел, где фигурировал сгоревший автомобиль. Он потом использовал это дело в качестве примера на семинаре «Психология расследования» в академии. Странность же заключалась в том, что вот уже в третий раз за последние дни то дело всплывало у него в памяти. Сейчас отправная точка — слова «в огне» — вроде бы логична, но в двух предыдущих случаях никакой явственной связи не просматривалось.

Гурни считал, что лишен суеверий и предрассудков, но когда что-то такое — в данном случае одно конкретное дело — снова и снова вторгалось в его сознание, он научился не игнорировать эту подсказку. Вопрос только в том, что ему теперь с ней делать.

— Эй, старичок, ты еще там?

— Здесь, здесь. Просто задумался кое над чем из твоего рассказа.

— Тебе тоже сдается, что у нашего маньячка были проблемы с мамочкой?

— С серийными убийцами случается.

— Верно. Материнская магия. В общем, пока все. Просто решил, ты захочешь знать про Флоренсию.

Хардвик разъединился. Гурни, мысли которого были заняты старым делом со сгоревшим автомобилем, не возражал. В прошлый раз это же дело всплыло у него в памяти после истории Эсти о стрельбе в переулке. Что же между этими случаями общего? Возможно ли, что оба каким-то образом соотносятся с делом Спалтеров? Лично он никакой связи не улавливал. Но, может, Эсти найдет?

Он позвонил ей на мобильник, нарвался на автоответчик и оставил короткое сообщение.

Она перезвонила минуты через три.

— Привет. Случилось что-нибудь? — В голосе слышались отзвуки все той же тревоги, что и с утра, на встрече.

— Ничего плохого. Может, я только зря тебя дергаю. Но у меня вдруг возникло ощущение, будто существует связь между двумя старыми делами — тем, вашим, со стрельбой, и еще одним. И возможно, вдобавок между ними и делом Спалтеров.

— Какая еще связь?

— Да вот не знаю. Может, если я тебе изложу то старое дело, ты

заметишь что-то, что я упустил?

— Конечно. Отчего бы нет? Не знаю, смогу ли помочь, но выкладывай. Гурни чуть извиняющимся тоном начал рассказывать:

— На первый взгляд казалось, что место происшествия вопросов не вызывает. Мужчина среднего возраста возвращался вечером домой с работы. Дорога шла под гору и внизу поворачивала. Но его машина поехала прямо вперед, проломила ограждение и застряла в расщелине носом вниз. Бензобак взорвался. Пламя было сильное, но от водителя осталось достаточно, чтобы провести вскрытие, которое показало, что перед пожаром с ним приключился обширный инфаркт. Что и посчитали причиной потери управления и последующего несчастного случая. На том бы и делу конец, если бы следователя не одолевали какие-то непонятные и неотвязные сомнения. Он отправился туда, куда эвакуировали автомобиль, и еще раз его хорошенько осмотрел. И заметил, что места самых сильных повреждений от аварии и от пожара в самой машине не соответствуют повреждениям снаружи. Тогда он отправил автомобиль на всестороннюю экспертизу.

— Постой секундочку, — перебила Эсти. — Ты сказал, повреждения внутри и снаружи не стыковались?

— Следователь заметил, что пассажирское отделение носило следы ударного теплового повреждения, не соответствующие наружным повреждениям. А разгадка, найденная при экспертизе, состояла в том, что взрывов было два. Еще до того, как взорвался бензобак, произошел небольшой взрыв внутри, в салоне, — под водительским сиденьем. Именно этот первый взрыв и стал причиной потери управления и сердечного приступа у водителя. Дальнейшие химические исследования показали, что и первый взрыв, и взрыв бензобака были активированы дистанционно.

— Откуда?

— Скорее всего, из машины, ехавшей вслед за машиной жертвы.

— Гммм. Интересно. Но к чему ты это все?

— Не знаю. Может, и ни к чему. Но почему-то мне снова и снова вспоминается эта история. Первый раз — когда ты рассказала про стрельбу в переулке за складом. Один мой знакомый психолог говорит, есть такое явление — резонанс паттерна, — когда одно явление напоминает нам другое потому, что структура у обоих сходная. Даже если мы на сознательном уровне не сознаем этого сходства.

Эсти лишь еле слышно хмыкнула в ответ.

Гурни испытывал неловкость, отчасти даже смущение. Он всегда охотно делился идеями, опасениями, гипотезами. Но совсем другое дело —

делиться ощущением, что зашел в тупик, что не можешь уловить связи, которая, как ты надеешься, должна существовать.

Когда Эсти наконец заговорила, голос у нее звучал неуверенно.

— Кажется, я понимаю, о чем ты. Дай мне время поразмышлять об этом, ладно?

Глава 53

Жуткое затишье

Ощущение, что он поступил нечестно, перевалив свою проблему на Эсти, не оставляло Гурни и вечером. Ведь умение найти закономерности в происходящем, связать разные части головоломки между собой всегда считалось именно его сильной стороной, не чьей-то еще.

Солнце село, на холмах и полях вокруг дома медленно меркли краски. Время ужина давно наступило, но есть не хотелось. Он сварил себе кофе и выпил без молока. Единственная уступка необходимости подкрепиться состояла лишь в дополнительной ложке сахара.

Возможно, он всматривался в проблему слишком пристально, слишком прямолинейно. Возможно, это еще один пример эффекта тусклой звезды — феномена, открытого им как-то ночью, когда он лежал в гамаке и смотрел на небо. Некоторые звезды находятся так далеко, что центральная часть сетчатки глаза, чуть менее чувствительная, чем остальная поверхность, просто не регистрирует их слабые лучики света. Увидеть такие звезды можно лишь, когда смотришь на несколько градусов вбок. Для прямого взгляда звезда невидима. Но посмотри в сторонку — и вот она!

С обескураживающими загадками сплошь и рядом та же история. Отпусти загадку ненадолго, отвлекись — кто знает, вдруг ответ появится сам собой. Имя или название, которое ты так мучительно вспоминаешь, могут всплыть из памяти, когда ты прекратишь мучиться. Гурни отлично знал это, даже разработал собственную теорию о том, как это работает, но природное упорство — Мадлен называла это упрямством — мешало хоть ненадолго отрешиться от проблемы. Иногда помогало банальное утомление. Иногда — внешнее вмешательство, например, вот как сейчас: телефонный звонок.

Звонил Кайл.

— Привет, пап, как там у тебя?

— Отлично. Ты еще в Сиракузах?

— Ага. На самом деле, я подумал, задержусь тут, наверное. В

университете в эти выходные большущая выставка, и у Ким там тоже кое-что, какие-то видео. Ну вот я и решил, останусь тут до обеда, а потом... посмотрим. Вообще-то с самого начала, собираясь к тебе, я подумывал, не съездить ли на ярмарку, но теперь... учитывая твою ситуацию...

— Нет никаких причин не ездить! Я слегка беспокоился только о том, что ты будешь сидеть здесь, дома — да и на этот счет, скорее всего, волновался куда сильнее, чем следует. Если хочешь на ярмарку — на здоровье.

Кайл неуверенно вздохнул.

— Нет, правда. Езжай. Никаких причин не ездить.

Еще один вздох, потом пауза.

— Субботний вечер — большое событие, да? Все эти основные мероприятия?

— Насколько я знаю.

— Ну, может тогда, я заскочу взглянуть одним глазком на обратной дороге. Может, как раз на гонки на выживание. Свяжусь с тобой, когда определюсь с планами.

— Отлично. И не волнуйся. Тут все будет хорошо.

— Ладно, пап. Но ты там поосторожнее, а?

Хотя звонок продолжался меньше двух минут, он на битых полчаса увел мысли Гурни в новое русло — от треволнений с расследованием к отцовскому беспокойству.

Наконец, сказав себе, что возможный роман Кайла с Ким Коразон — не его ума дело, он попытался вновь сосредоточиться на неразберихе вокруг дела Спалтеров и на Питере Пэне.

На сей раз помехи в виде звонка уже не потребовалось — вмешалось изнеможение: усталость, при которой уже невозможно думать четко и логично.

Тогда-то, сидя перед еще открытыми двойными дверями и наблюдая, как сумерки перетекают в ночь, он и услышал знакомый заунывный звук в лесах — прежний дрожащий вой, — за которым последовала глубочайшая тишина, еще более странная и тревожная, чем сам вой. Усталому, оцепенелому разуму Гурни она казалась безмолвием пустоты и одиночества.

Молчание прервал тихий рокот, исходящий непонятно откуда — казалось, от самой земли. Или от неба? Скорее всего — дальние раскаты грома, подхваченные и приглушенные окрестными холмами и долинами. Когда рокот умолк, словно ворчание старого пса, его сменило неуютное безмолвие, жуткое затишье, которое в силу каких-то прихотливых игр

сознания вызвало в памяти Гурни детское воспоминание о мертвящей полосе отчуждения, ничьей земле между его родителями.

Именно этот неприятный поворот потока сознания наконец убедил Гурни, что ему отчаянно требуется сон, и погнал в постель — но сперва Гурни запер все окна и двери, прочистил и зарядил «Беретту» тридцать второго калибра и положил надежный маленький револьвер рядом с собой на ночной столик.

Часть четвертая

Триумф справедливости

Пролог

Тигриный рык

Дрозды галдят отчаянно.

Он отрывает взгляд от телефона, в который вводил особый список номеров. Он знает: для дроздов этот галдеж — способ защиты территории, сигнал тревоги для всех собратьев, призыв объединиться против чужака.

Впрочем, ни одно из собственных его электронных охранных устройств не мигает — а значит, людей вокруг нет. Но он все равно по очереди выглядывает в каждое из четырех маленьких окошек в стенках крохотного строеньца из шлакобетона, осматривает бобриную заводь и болотистый лесок вокруг.

На верхушках трех торчащих из воды мертвых деревьев покачиваются вороны. Ага, вот они, виновницы переполоха среди дроздов. Вот кому адресованы высокие, пронзительные крики. Мысли о бдительности дроздов очень его ободряли. Совсем как скрипящие ступеньки — вовремя предупредят о незваных гостях.

Или как сама эта тесная, унылая хибарка посреди сотен акров чахлах, низкорослых деревьев и болот. Находиться в ней очень спокойно. До нее трудно добраться, и на вид она совсем утлая — идеальное временное пристанище. У него было много таких временных жилищ. Мест, где можно устроиться на время очередного задания. На время выполнения контрактов. Конкретно это место, куда не вело ни одной тропы, видимой с проезжей дороги, всегда казалось ему надежнее остальных.

Жирдяй Гас олицетворял другой тип улик. Улик, связанных с секретной информацией. Потенциально губительной информацией. Однако эти улики стерты, стерты совсем. Отчего дело с Бинчером, Хардвиком и Гурни становится особенно непостижимым. Особенно бесит.

При мысли о Бинчере взгляд его скользит в темный угол голого, точно гараж, помещения. К синему с белым пластиковому переносному холодильнику для пикников. Питер Пэн улыбается. Однако улыбка быстро гаснет.

А все потому, что кошмар возвращается к нему, как и прежде, —

теперь он даже еще живее. Кошмарные образы теперь почти не покидают его — с того самого мгновения, как он заметил колесо обозрения на ярмарке.

Колесо обозрения просочилось в его кошмар — встало в один ряд с несущейся от каруселей музыкой, жутким смехом. Отвратительный, вонючий, сопливый клоун. Басовитый, вибрирующий тигриный рык.

А теперь еще Хардвик и Гурни.

Кружат вокруг, все ближе и ближе.

Воронка сужается, решающее столкновение неизбежно.

Риск велик, но и награду сулит немалую. Неимоверное облегчение.

Возможно, удастся наконец стереть тот кошмар.

Он идет в самый темный угол комнаты к маленькому столику. На столе стоит большая свеча, рядом коробок спичек. Взяв спички, он зажигает свечу.

Зажигает свечу и смотрит на язычок пламени. Ему нравятся форма, чистота, сила огня.

Он рисует в воображении открытое столкновение. Языки пламени. По лицу снова расплывается улыбка.

Он возвращается к телефону — продолжает вбивать особые номера.

Пронзительно галдят дрозды. Вороны беспокойно покачиваются на верушках черных сухих деревьев.

Глава 54

Загнан в угол

Гурни не придавал особого значения снам. В противном случае фантазмагорический марафон этой ночи дал бы ему пищу для доброй недели непрерывного анализа. Однако он придерживался прагматической точки зрения — и, как правило, весьма невысокого мнения — об этой диковинной веренице образов и событий.

Он давно привык верить, что все они — не больше, чем побочный продукт еженощного процесса обработки и каталогизации, проводимого мозгом в ходе переноса записанного опыта из краткосрочной памяти в долгосрочную. Обрывки зрительной и слуховой информации перемешиваются, налетают друг на друга, нити повествования натягиваются, эпизоды разыгрываются — но смысла во всем этом не больше, чем если нарезать лапшой ворох старых фотографий, любовных писем или деловых бумаг и дать их перетасовать обезьяне.

Единственным практическим результатом ночи беспокойных видений стала повышенная потребность в сне, отчего Гурни встал на час позже обычного и с легкой головной болью. Когда он наконец сделал первый глоток кофе, солнце, бледное в тонкой утренней дымке, уже поднялось над восточным гребнем. Гурни все не покидало ощущение неестественной тишины, возникшее минувшей ночью после зловещего воя в холмах.

Он чувствовал, что загнан в угол. Загнан в угол собственным нежеланием вовремя прекратить всю эту игру. Собственным стремлением держать все в своих руках, допытываться, доводить до конца. Своим же собственным «планом» переломить ход событий, спровоцировав убийцу на глупый и роковой риск. Болтаясь взад-вперед по воле разнонаправленных течений, одно из которых сулило успех, а второе — полное поражение, Гурни предпочел искать утешения в действии.

Хардвик должен был к вечеру привезти от Скрэнтонна видеокамеры. Значит, остается завтрашнее, воскресное утро на то, чтобы установить их так, чтобы засечь любого, кто приблизится на расстояние мили к дому Гурни. Продуманная установка камер наблюдения играла в этой задаче жизненно важную роль, а выбрав места сегодня, можно сэкономить драгоценное время завтра.

Гурни отправился в кладовку и натянул резиновые сапоги до колен — защиту от колючих веток чертополоха, ежевики и дикой малины. Заметив, что в помещении еще пахнет тухлым после вчерашнего петуха, он открыл окно и впустил свежего воздуха, а тем временем пошел к груде материалов, предназначенных для постройки курятника, и выудил оттуда металлическую рулетку с метром, моток желтой бечевки и складной нож. Захватив это все с собой, он двинулся к лесу на дальней стороне пруда, чтобы начать поиск и разметку мест для видеокамер.

Цель состояла в том, чтобы выбрать такие точки, чтобы установленные там видеокамеры, активируемые движением, и беспроводные передатчики полностью просматривали лес и луга на подходе к дому. По словам Хардвика, каждая камера должна была определять координаты местоположения и отображать эту информацию вместе с самим видео на приемный монитор в доме, так что местонахождение Питера Пэна — или любого другого чужака — мгновенно станет известно.

Размышляя над техническими характеристиками оборудования, Гурни испытывал если и не оптимизм, то хотя бы некоторое освобождение от страха, что план слишком ненадежен и не сработает. Процесс сосредоточенного измерения углов и расстояний тоже возымел на него

благотворное воздействие. Принявшись за дело с решимостью и твердой дисциплиной, он справился с задачей за четыре с небольшим часа.

Гурни распланировал обход принадлежавшего им участка в пятьдесят акров так, чтобы описать полный круг вокруг вершины Барроу-хилл. Он был уверен: Паникос выберет именно это место. А потому и сам хотел удержать в памяти все особенности этого места, со всем его множеством троп и подъемов.

К дому он вернулся уже в середине дня. Утренняя поволока сгустилась, затянула небо безликим серым пологом. Не было ни ветерка — но это бездвижие не несло с собой покоя. Стягивая в кладовке сапоги, он скользнул взглядом по раковине и вдруг задумался, когда и как рассказать Мадлен о причине смерти петушка. Вопросы «говорить ли вообще» не возникало. Мадлен всегда предпочитала правду уклончивости — и за важные упущения пришлось бы заплатить слишком высокую цену. Немного поразмышляв над тем, как и когда рассказать, он решил, что чем скорее, тем лучше — и с глазу на глаз.

Получасовая дорога до фермы Уинклеров прошла в предчувствии неприятного разговора. Ясно было, что необходимо рассказать правду, но легче от этого осознания не становилось.

Уже за четверть мили до фермы до него дошло, что стоило бы позвонить. А вдруг сейчас все на ярмарке? Или Уинклеры-то дома, а Мадлен еще не вернулась? Однако, едва вырулив на подъездную дорожку к дому, он заметил Мадлен: стоя в загоне, она любовалась маленькой козочкой.

Гурни припарковался у дома и подошел к загону. При виде его Мадлен не выказала ни малейшего удивления: лишь короткая улыбка и долгий изучающий взгляд.

— Общаешься с козами? — спросил Гурни.

— Говорят, они на редкость умные.

— Да-да, я слышал.

— Что обдумываешь?

— В смысле, зачем приехал?

— Нет, в смысле — вид у тебя такой, точно ты что-то обдумываешь, что тебе покоя не дает. Вот и интересуюсь.

Он вздохнул и попытался сбросить напряжение.

— Дело Спалтеров.

Она ласково гладила козу по голове.

— Что-то конкретное?

— Да так, пара вещей. — Он предпочел рассказывать сначала о менее

пугающих вещах. — Почему-то мне все время вспоминается одно старое расследование по делу об автокатастрофе.

— Есть какая-то связь?

— Не знаю. — Он поморщился. — Боже!

— Что?

— Ну и воняет же здесь навозом.

Она кивнула.

— Мне даже нравится.

— Нравится?

— Такой естественный запах фермы. Как и должно быть.

— Боже.

— Так что с той автокатастрофой?

— А нам обязательно стоять среди коз?

Мадлен огляделась и махнула рукой на изъеденный непогодой стол для пикников на лужайке за домом.

— Пойдем туда?

— Давай.

Она еще несколько раз легонько погладила козу по голове, а потом вышла из загона, заперла калитку и первой направилась к столу.

Они сели напротив друг друга, и Гурни рассказал ей историю про автокатастрофу и взрывы: как сперва ситуацию истолковали неправильно и что сумели обнаружить потом — совсем как недавно излагал эту же историю Эсти.

Когда он закончил, Мадлен посмотрела на него озадаченно.

— И что?

— Ну просто все время вспоминается, а я не понимаю, почему. Есть идеи?

— Идеи?

— Показалось ли тебе что-нибудь в этой истории особенно важным?

— Да нет, не особо. Кроме самого очевидного.

— И это очевидное...

— Последовательность.

— То есть?

— Ошибочное предположение, что сердечный приступ приключился до аварии, а авария — до взрыва, тогда как на самом деле сперва был взрыв, а уже потом все остальное. Хотя, конечно, предположение-то было очень логичное. У мужчины средних лет случается сердечный приступ, он теряет управление, съезжает с дороги, разбивает машину, бензобак взрывается. Все очень логично.

— Логично, да, только неверно. Я именно поэтому всегда привожу в пример этот случай на семинарах: как версия может казаться совершенно логичной, но при этом быть ошибочной. Наш мозг так любит связность, что путает логичность с истиной.

Мадлен с любопытством наклонила голову набок.

— Если ты сам это все знаешь, зачем меня спрашиваешь?

— Вдруг ты увидишь что-то, что я упустил.

— Прodelал всю дорогу сюда, чтобы рассказать мне эту историю?

— Не только. — Он замялся было, но потом заставил себя произнести: — Я кое-что выяснил насчет петушка.

Она заморгала.

— Гора́ция?

— Выяснил, отчего он погиб.

Она сидела совсем неподвижно, выжидая.

— Это был не дикий зверь. — Гурни снова замялся. — Кто-то его застрелил.

Она распахнула глаза.

— Кто-то?

— Я точно не знаю, кто.

— Дэвид, не надо... — в голосе ее появилась предостерегающая нотка.

— Не знаю точно, но вполне возможно, что Паникос.

Дыхание Мадлен сбилось, лицо залила еле сдерживаемая ярость. — Тот ненормальный убийца, которого ты выслеживаешь? Он... убил Гора́ция?

— Точно не знаю. Я сказал — возможно.

— Возможно. — Она повторила это слово, точно оно было начисто лишено значения. Глаза впились в глаза Гурни. — Зачем ты приехал мне это рассказать?

— Думал, так будет правильно.

— Это единственная причина?

— Какая еще?

— Вот ты мне и скажи.

— Не понимаю, к чему ты. Я просто решил, что надо тебе сказать.

— Как ты это выяснил?

— Что его застрелили? Осмотрев тело.

— Ты его выкопал?

— Ну да.

— Зачем?

— Затем... затем, что... ну, просто наш вчерашний разговор навел

меня на мысль, вдруг его застрелили.

— Вчерашний разговор?

— Встреча с Хардвиком и Морено.

— И сегодня ты решил, что мне надо знать? А вчера мне еще не надо было знать?

— Я тебе все рассказал, как только понял, что нужно это сделать. Может, стоило рассказать еще вчера, да. К чему ты это все?

— Я как раз спрашиваю себя — к чему это ты?

— Не понимаю.

Губы ее скривились в ироничной улыбке.

— Что у тебя там дальше по расписанию?

— По расписанию? — До Гурни начало доходить, о чем был весь этот разговор. Понял он и то, что Мадлен, как это за ней водилось, на основании очень скудных данных быстро добралась до финишной черты. — Надо взять Паникоса, пока он не убрался обратно невесть куда, где отсиживается между заданиями.

Мадлен кивнула, но кивок этот не выражал ровным счетом ничего.

— Пока он верит, что мы способны здорово ему навредить, он будет околачиваться вокруг и... пытаться нам помешать. Мелькнет в поле нашего зрения, так что его можно будет поймать.

— Можно будет поймать. — Мадлен произнесла эту фразу медленно и раздумчиво — как будто суммируя все самые обманчивые формулировки в мире. — И ты хочешь, чтобы я оставалась тут, чтобы ты сам мог рисковать жизнью, не волнуясь за меня.

Это был не вопрос, так что Гурни и не стал отвечать.

— И в этой игре приманкой снова будешь ты?

Это тоже был не вопрос.

Оба долго молчали. Низко нависшее небо потемнело, налилось свинцовым оттенком, точно уже смеркалось. В доме зазвонил телефон, но Мадлен даже не шелохнулась, чтобы ответить. Он прозвонил семь раз.

— Я спросила Денниса о той птице, — сказала она.

— Какой птице?

— Той, странной, которую мы иногда слышим под вечер. Деннис с Дейдре тоже ее слышали. Он справлялся в горном центре охраны дикой природы. Ему там сказали — это такая редкая разновидность плачущей горлицы, водится только в горах штата Нью-Йорк и кое-где в Новой Англии, но только в горах, на определенной высоте. Местные аборигены считали ее священной птицей. Называли Духом, Говорящим за Умерших. Шаманы интерпретировали ее крики. Иногда слышали в них обвинения,

иногда — слова прощения.

Гурни гадал, что за цепь ассоциаций привела Мадлен к плачущей горлице. Иногда, когда ему казалось, что она сменила тему разговора, потом выяснялось, что вовсе и не сменила.

Глава 55

В кольце букетик роз

На обратном пути с фермы Уинклеров Гурни попеременно ощущал то свободу, то скованность по рукам и ногам.

Свобода — претворять план в жизнь. Скованность — от ограничений этого самого плана, шатких догадок, на которых он зиждется, от собственного стремления ломиться вперед. Наверное, Малькольм Кларет и Мадлен все же правы: в этом стремлении к риску есть что-то патологическое. Однако самопознание — еще не панацея. Знание, кто ты такой, не заставляет тебя измениться.

Самое главное для него сейчас заключалось в том, что Мадлен собиралась оставаться у Уинклеров по меньшей мере до вечера вторника, последнего дня ярмарки. На ферме, в безопасности. А сейчас еще только суббота. Анонсы его разоблачительного выступления в понедельникном выпуске «Криминального конфликта» — в прямом эфире, из дома в Уолнат-Кроссинге — начнутся завтра, в воскресной утренней программе. Причем в них будет обещано разоблачение не только личности стрелка из дела Спалтеров, но и тайн, которые он пытался сохранить. Если Паникос захочет предотвратить выход в эфир этой передачи, временное окно для того, чтобы нанести удар, у него будет очень узкое: с утра воскресенья до вечера понедельника. И Гурни собирался как следует подготовиться к его приходу.

Ведя машину по темнеющей дороге вверх по холму, к дому, он пытался набраться уверенности, но загадочная история Мадлен про чертову птицу, вестника духов, на корню убивала все прагматичные соображения.

Вывернув из-за сарая и увидев впереди дом, он обнаружил, что над боковым входом и в кладовой горит свет. Быстрый выброс адреналина почти тут же сошел на нет, сменившись беспокойным любопытством при виде отсвета фар на хромированном боку «БСА» Кайла. Проехав через луг, он припарковался рядом с чуть поблескивающим в глубоких сумерках мотоциклом.

Войдя в дом, он услышал шум воды в душе наверху. В кухне и коридоре тоже горел свет. Беспокойство Гурни сменилось *déjà vu* — скорее всего, из-за того, что Кайл подростком, когда он жил с матерью и приезжал к отцу на выходные, вечно забывал тушить свет, выходя из комнаты.

Гурни прошел в кабинет проверить, нет ли сообщений на домашнем телефоне и на мобильнике, который он не стал брать с собой к Мадлен. На домашнем ничего не оказалось, зато на мобильнике целых три. Первое от Эсти, но шум и помехи не давали разобрать ни слова.

Второе сообщение было от Хардвика: сплошной поток ругани, за которой с грехом пополам можно было разобрать, что он застрял на шоссе I-81 в жуткой пробке из-за каких-то дорожных работ, «только никаких долбанных работ, мать их, и в помине нет, зато мили и мили долбанных ограждений, перекрывших, мать их, два из трех рядов», — так что он привезет камеры не раньше полуночи, черт подери. Или, мать твою, вообще неизвестно когда.

Сама по себе задержка представляла, конечно, неудобство для Хардвика, но никоим образом не препятствовала плану в целом: все равно ведь они не собирались расставлять камеры раньше завтрашнего утра. Гурни прослушал третье сообщение — снова от Эсти, трескучее, неразборчивое и под конец затихшее, как будто у нее разрядился аккумулятор.

Гурни уже собрался сам ей перезвонить, как услышал шаги в коридоре. В дверях кабинета показался Кайл в джинсах и футболке, с мокрыми после душа волосами.

— Привет, пап. Что у тебя тут?

— Уезжал ненадолго. Повидать Мадлен. Здорово удивился, обнаружив у дома твой мотоцикл. Не ждал, что ты сюда вернешься. Я пропустил какое-нибудь сообщение?

— Нет, прости. Я собирался ехать напрямиком на ярмарку, а потом, проезжая через деревню, вдруг подумал заскочить, принять быстренько душ и переодеться. Надеюсь, ты не против.

— Да просто... неожиданно. Я сейчас больше обычного циклюсь на всем, что выбивается из общего ряда.

— Кстати, раз уж речь зашла об этом. А твой сосед ниже по дороге — он охотник или что?

— Охотник?

— Когда я сюда ехал, в сосняке у следующего дома, с полмили примерно от твоего сарая, был какой-то тип — кажется, с винтовкой.

— Когда это было?

— С полчаса назад? — глаза Кайла расширились. — Черт, ты же не думаешь...

— А какого он был роста, тот тип?

— Какого роста? Не знаю... может, чуть выше среднего. Ну, то есть, он же держался в стороне от дороги, так что я не очень уверен. И уж, во всяком случае, он был на соседской земле, не на твоей.

— С винтовкой?

— Или дробовиком. Я ж видел совсем мельком, проезжая.

— Ничего такого особенно не заметил в ружье? На дуле — ничего необычного?

— Боже, пап, не знаю. Надо было, конечно, присмотреться повнимательнее. Наверное, я просто решил, у вас тут в деревне все охотятся. — Он помолчал, все сильнее морща лицо, точно от боли. — Ты думаешь, это никакой не сосед?

Гурни показал на выключатель у двери.

— Погаси свет на минутку.

Когда свет был погашен, он опустил жалюзи на обоих окнах кабинета.

— Отлично, теперь можешь снова включать.

— Боже. Что происходит?

— Просто предосторожность.

— Против чего?

— Сегодня, скорее всего, повода для тревоги нет. Не бери в голову.

— Тогда кто... кто тот тип в лесу?

— Наверное, как ты и решил, сосед.

— Но сезон сейчас вроде не охотничий, да?

— Не охотничий, но если тебе досаждают койоты, или там сурки, опоссумы, или дикобразы, сезон не имеет значения.

— Ты только что сказал, что сегодня, скорее всего, повода для тревоги нет. А когда, по-твоему, будет?

Гурни вообще-то не собирался объяснять сыну всю ситуацию, но теперь это казалось единственным честным вариантом.

— Очень запутанная история. Ты садись.

Они вместе устроились на диване, и следующие двадцать минут Гурни излагал Кайлу те подробности дела Спалтеров, которых сын еще не знал, рассказывал о нынешнем состоянии дел и о плане, намеченном на завтра.

Выражение лица у Кайла становилось все растеряннее.

— Погоди-ка. Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что «РАМ-ТВ» начнет давать анонсы завтра утром?

— Именно это и имею в виду. Начиная с утреннего выпуска — и потом

весь день.

— То есть анонсы, что ты, мол, намерен рассказать какие-то сенсационные новости про дело и снайпера?

— Ну да.

— И начинать должны завтра?

— Да. А почему ты..?

— А разве ты не знаешь? Не знаешь, что эти анонсы уже идут со вчерашнего вечера? И сегодня весь день?

— Что-что?

— Да анонсы, про которые ты говорил, — их крутят по «РАМ-ТВ» уже по меньшей мере двадцать четыре часа.

— Откуда ты знаешь?

— У Ким этот чертов телевизор не умолкает. Боже, я не сообразил... прости... я не знал, что их не должны были давать раньше воскресенья. Надо было позвонить тебе.

— Ты ж не знал, — борясь с подкатившей от потрясения дурнотой, Гурни обдумывал все возможные последствия случившегося.

А потом позвонил Хардвику и рассказал.

Хардвик, все так же глухо торчащий в пробке, сдавленно зарычал.

— Вчера? Они, мать их, начали давать анонсы вчера?

— Ага, вчера до позднего вечера и сегодня весь день.

— Ублюдок Борк! Вонючий ублюдок! Сволочь! Я этому гаденышу, мать его, голову оторву и в жопу засуну!

— Отличный план, Джек, удачи тебе, но сперва нам надо разобраться с несколькими более насущными вопросами.

— Говорил же я этому ублюдочному Борку, что время для нас играет критическую роль — что это, мать его, вопрос жизни и смерти! Объяснил этому склизкому дерьмоеду доходчиво!

— Рад слышать. Но сперва необходимо внести в план кое-какие коррективы.

— Что тебе действительно необходимо в первую очередь, так это на хрен убратся оттуда. Вали из дома! Немедленно!

— Я согласен, что ситуация требует принятия немедленных мер. Но прежде, чем прыгать за борт...

— ВАЛИ ОТТУДА НА ХРЕН! Или сделай то, что Эсти с самого начала предлагала, — вызывай, твою мать, подмогу!

— Похоже, ты предлагаешь делать ровно то, чего мы добиваемся от Паникоса, — впадать в панику и совершать ошибки.

— Слушай, я восхищен твоим стилем «спокоен под обстрелом», но

пора признать, что план провалился, бросить карты и выйти из-за стола.

— Ты где сейчас?

— Что?

— Где именно?

— Где я? Да все еще в Пенсильвании, милях, наверное, в тридцати от Хэнкока. Да какая, к черту, разница, где я?

— Еще не знаю, какая. Просто хочу все хорошенько обдумать, а уже потом с воплями бросаться с откоса.

— Дэйви, ради Христа, либо бросайся уже с этого чертового откоса, либо вызывай, твою мать, подкрепление.

— Очень тронут заботой, Джек. Нет, правда. Сделай одолжение, расскажи Эсти об изменившейся ситуации. Скоро перезвоню. — Гурни прервал разговор, не слушая новый взрыв протестов. Через тридцать секунд мобильник затрезвонил снова, но он не стал отвечать.

Кайл смотрел на него огромными глазами.

— Это ведь ты с Хардвиком разговаривал, да?

— Ага.

— Он так орал на тебя, что я каждое слово разобрал.

Гурни кивнул.

— Да, он слегка волнуется.

— А ты нет?

— Ну конечно, и я тоже. Но бить сейчас тревогу — только время зря тратить. Как оно почти всегда в жизни и бывает, сейчас важен только один вопрос: а что теперь делать?

Кайл смотрел на него, явно ожидая продолжения.

— Я так полагаю, первое, что стоит сделать, это выключить, по возможности, свет в доме и опустить жалюзи во всех комнатах, где мы его оставим. Я проверю ванные и спальни, а ты выключи в кухне и кладовке.

Кайл вышел через кухню к кладовке, а сам Гурни двинулся к лестнице. Но не успел подняться, как Кайл окликнул его.

— Эй, пап, подойди на минуточку.

— Что там еще?

— Иди, посмотри.

Гурни обнаружил, что Кайл стоит в коридоре у боковой двери и показывает сквозь стекло наружу.

— У тебя колесо спустило. Ты в курсе?

Гурни тоже выглянул. Даже в тусклом свете висевшей над дверью сороковаттки не оставалось никаких сомнений, что переднее колесо с водительской стороны совершенно сдулось. Точно так же не сомневался

Гурни в том, что полчаса назад, когда он подъезжал к дому, оно было в полном порядке.

— У тебя найдется в багажнике запаска и домкрат?

— Да, но нам они не понадобятся.

— Почему?

— А почему, по-твоему, колесо спустило?

— На гвоздь наехал?

— Возможно. А возможно, его прострелили уже тут. И если так, вопрос — для чего?

Глаза у Кайла снова расширились.

— Чтобы не дать нам уехать?

— Не исключено. Но если я снайпер и моя задача — не дать кому-то уехать, я, скорее, прострелю не одну шину, а все, сколько смогу.

— Тогда зачем он прострелил одну?

— Может, потому что одно спустившее колесо можно заменить — как ты и сказал, если есть домкрат и запаска.

— И...

— Домкрат, запаска — и кто-то из нас пять-десять минут возится у машины, меняя колесо.

— В смысле — служит легкой добычей?

— Да. Кстати, о легкой добыче — давай-ка потушим свет в кладовке и отойдем от двери.

Кайл сглотнул.

— Потому что возможно, тут где-то крутится и выжидает тот психованный коротышка, о котором ты мне рассказывал?

— Возможно.

— Тип, которого я видел в соснах с ружьем... он был не такой уж маленький. Может, все-таки просто твой сосед?

— Не знаю. Знаю лишь, что по телевизору крутят в высшей степени провокационное сообщение, цель которого — заставить Питера Пэна явиться сюда по мою голову. Остается предположить, что оно сработало. И еще было бы логично предположить...

Его прервал телефонный звонок в кабинете.

Звонила Эсти. Голос у нее звучал встревоженно.

— Ты где?

Гурни ответил.

— Почему ты до сих пор там? Убирайся ко всем чертям, пока ничего не случилось.

— Ты прямо как Джек.

— Потому что он прав. Тебе надо немедленно сматываться. Я тебе сегодня два раза звонила, как выяснила про этот прокол с анонсами. Звонила, чтобы ты немедленно уносил ноги.

— Теперь, боюсь, уже поздно.

— Почему?

— Кажется, мне прострелили переднее колесо.

— О, черт! Правда? Если да, тебе надо немедленно вызывать подкрепление. Сейчас же. Хочешь, приеду? Я могу быть у тебя минут через сорок пять.

— Не очень удачная мысль.

— Хорошо, тогда звони девять один один.

— Говорю же, ты прямо как Джек.

— Да кого волнует, как Джек я или нет? Суть в том, что тебе нужна помощь немедленно.

— Мне нужно все обдумать.

— Обдумать? Ты этим сейчас собираешься заниматься? Думать? Когда в тебя уже стреляют?

— Пока только в колесо.

— Дэвид, ты ненормальный. Ты в курсе? Ненормальный! В него стреляют — а он думает!

— Эсти, мне пора. Позвоню тебе чуть позже.

Он оборвал разговор так же, как с Хардвиком — прямо посреди бури протестов.

Только теперь ему вспомнилось голосовое сообщение, полученное после того, как он отключил Хардвика. Тогда он подумал, это Джек хочет договорить, но теперь, проверив, обнаружил, что звонок был не от Хардвика, а с неизвестного номера.

Он прокрутил сообщение.

И пока слушал, по спине у него прокрался холодок, а волосы на шее стали дыбом.

Хриплый, словно металлический, не вполне человеческий голос тонким фальцетом распевал самую несуразную и невразумительную из детских песенок — бессмысленную веселенькую аллюзию на розовые округлые язвы, на цветы, которыми заглушали вонь гниющей плоти, на пепел сжигаемых трупов, усыпавший страну во время одной из самых смертоносных во всей истории Европы эпидемий.

«В кольце букетик роз, карман цветов принес, пепел, пепел, вниз и вниз».

Глава 56

Роковая ярость

— Пап?

Кайл с отцом неприкаянно стояли в гостиной у камина — с другой стороны от кухни, подальше от дверей. Жалюзи на всех окнах были опущены, комнату освещала лишь маленькая настольная лампа.

— Да?

— Перед тем как телефон зазвонил, ты начал говорить, что разумно было бы предположить, что этот самый Питер Пэн где-то рядом? — Кайл бросил быстрый нервный взгляд на стеклянную дверь.

Гурни ответил не сразу. Мысленно он все возвращался и возвращался к той зловещей детской песенке — в нелепых словах которой нашли отражение не только причины чумы, но и «Цветы Флоренции», и излюбленный Паникосом метод поджога.

— Да, он вполне может быть рядом.

— А как, по-твоему, где именно?

— Если я прав насчет спущенной шины, то где-то с запада от нас, скорее всего — на Барроу-хилл.

— Думаешь, он попытается проскользнуть сюда, в дом?

— Сомневаюсь. Если я прав насчет шины, у него снайперская винтовка. В этой игре расстояние дает ему огромное преимущество. Я бы предположил, что он останется...

Раздался оглушительный взрыв, полыхнула ослепительно яркая вспышка, в кухонное окно влетело что-то тяжелое. По комнате полетели осколки.

— Что за... — вскрикнул Кайл.

Гурни схватил его и повалил на пол, а сам вытащил из кобуры на лодыжке «Беретту», потушил лампу, выдернув шнур из розетки, и подполз к ближайшему окну. Выждав пару секунд, прислушиваясь, он чуть раздвинул две нижние планки жалюзи и выглянул в образовавшуюся щель. Ему потребовалось несколько мгновений, чтобы осознать увиденное. За двором валялись разбросанные во все стороны обломки досок для строительства курятника, многие куски горели.

— Какого черта... — донесся сзади хриплый шепот Кайла.

— Строительный материал... он... взорвался...

— Взорвался... что... как?

— Какое-то... не знаю... зажигательное устройство?

— Зажигательное? Какого черта?

Гурни сосредоточенно разглядывал окрестности, насколько мог что-то разглядеть в почти кромешной темноте.

— Пап?

— Погоди.

В крови бушевал адреналин. Прищурившись, Гурни разглядывал пространство вокруг дома, не шевельнется ли что-нибудь. И что там с горящими обломками? Большая часть их уже потухала — из-за сырости они гасли почти так же быстро, как вспыхнули.

— Но зачем?

Отчаяние в голосе Кайла побудило Гурни ответить.

— Не знаю. Возможно, для того же, что и трюк с шиной? Хочет выманить меня из дома? Похоже, он очень спешит.

— Боже! Ты хочешь сказать... он был... был прямо тут, сам... чтобы подложить бомбу?

— Скорее всего, чуть раньше, пока я был у Уинклеров. Еще до твоего возвращения из Сиракуз.

— Боже! Бомба? С часовым механизмом?

— Скорее, управляемая по телефону. Так вернее и надежнее.

— Так... что теперь?

— Где у тебя ключи от мотоцикла?

— В зажигании. А что?

— Давай за мной.

Ползком он вывел Кайла из комнаты — освещенной теперь мерцающими отсветами горящих за стеклянной дверью досок. Ощупью пробрался среди мебели к окну на северную сторону, поднял жалюзи, открыл окно и, по-прежнему с «Береттой» в руке, осторожно вылез наружу.

Кайл последовал его примеру.

В пятидесяти футах впереди, между домом и лугом, темнела, едва различимая за внешним кругом слабых отсветов, маленькая рощица, где Гурни иногда оставлял газонокосилку. Гурни показал на черную махину огромного дуба.

— Сразу за тем деревом два больших валуна, а между ними небольшая щель. Забейся туда и не выходи, пока я тебя не позову.

— А ты что будешь делать?

— Устраню проблему.

— Что?

— Некогда объяснять. Делай, что говорю. Пожалуйста. — Он снова показал на рощицу и сказал уже настойчивее: — Туда. За дерево. Между

камней. Времени очень мало. Давай!

Кайл торопливо шмыгнул вперед и исчез в темноте за кругом мерцающих отсветов. Гурни двинулся за угол — туда, где был припаркован возле дома «БСА». Он был почти уверен, что с вершины Барроу-хилл это место не просматривается. И очень надеялся, что Кайл не ошибся насчет ключа. Если того не окажется в зажигании... Но он там был.

Сунув «Беретту» обратно в кобуру на лодыжке, Гурни оседлал мотоцикл. Последний раз он ездил на чем-то подобном лет двадцать пять назад — на стареньком «Триумфе-650», еще в студенческие годы, — и теперь наскоро проверил, где расположены тормоза, рычаг переключения передач и сцепление. Глядя на бензобак, ручки, хромированные фары, переднее крыло, переднее колесо, он ощутил, как сноровка возвращается. Даже физическая память, ощущение баланса и инерции — все это никуда не делось, словно бы сохранялось в наглухо закрытых контейнерах памяти, живое и яркое, бери да пользуйся.

Взявшись за ручку газа, он начал было выправлять мотоцикл, как вдруг короткая вспышка пламени догорающих досок выхватила из мрака что-то большое и темное возле грядки с аспарагусом. Опустив мотоцикл обратно на подставку, Гурни медленно вытащил из кобуры пистолет. Насколько он мог разглядеть в этом неверном свете, предмет на земле лежал неподвижно. Размером он был как раз с человека. Что-то темное сбоку вполне могло сойти за откинутую руку.

Подняв пистолет, Гурни осторожно слез с мотоцикла и двинулся к углу дома. Он уже не сомневался, что видит перед собой распростертое на земле тело, а на конце той предположительно откинутой в сторону руки смутно различалось что-то вроде ружья.

Опустившись на колени, он бросил быстрый взгляд за угол — удостовериться, что его автомобиль закрывает линию обзора между Барроу-хилл и тем участком, что ему требуется пересечь, чтобы добраться до тела. И без дальнейших проволочек быстро пополз вперед, сжимая «Беретту» и не сводя глаз с ружья. Когда до цели оставалось примерно три фута, земля под рукой вдруг стала влажной и липкой.

Слабый, но отчетливо узнаваемый запах сообщил, что он угодил в лужу крови.

— Черт! — тихое восклицание было столь же рефлекторным, как и порыв отшатнуться. Прослужив много лет в полиции в самый разгар страха перед СПИДом, Гурни привык считать кровь смертельным ядом, пока не будет доказано, что она не заразна, — и не утратил этого убеждения по сей день. И хотя он мысленно сокрушался об отсутствии перчаток, но все же

было жизненно важно понять, что происходит, так что он заставил себя двинуться дальше. Угасающий свет догорающих рядом с аспарагусом обломков варьировался где-то в пределах от нуля до двух по десятибалльной шкале.

В первую очередь Гурни дотянулся до ружья и, крепко ухватив ствол, вытащил из сжимавшей его руки. Обычная винтовка с рычажным затвором — с такими сплошь да рядом охотятся на оленей. Но до сезона оленьей охоты оставалось еще добрых четыре месяца. Закинув ружье за спину, Гурни придвинулся ближе к телу и обнаружил, что источником крови на земле была рваная рана на шее сбоку — глубокая, перерезающая всю сонную артерию: наверняка смерть наступила за считанные секунды.

Предмет, послуживший орудием смерти, обнаружился прямо там, в ране. С виду он походил на два лезвия от ножа, соединенные концами. Только потом Гурни понял, что же это такое — один из острых металлических хомутов для крепления, привезенных вместе с досками. Напрашивалось объяснение, что взрывом этот смертоносный кусок железа с ужасной силой отбросило в сторону — аккурат в горло незнакомцу с винтовкой. Однако сразу же возникали новые вопросы.

Сам ли убитый подготавливал взрыв, случайной жертвой которого пал? Но вряд ли он активировал бы устройство, пока не отошел на безопасное расстояние. Может, он это по неосторожности? Или недооценивал силу заряда? Или же он был незадачливым сообщником второго злоумышленника, поспешившего привести план в исполнение? Однако все эти вопросы зиждились на куда более фундаментальной загадке.

Кто он, черт возьми, такой?

Грубо нарушая сцену преступления, Гурни ухватил труп за крепкое мускулистое плечо и не без труда перекатил, чтобы рассмотреть лицо.

Первое, что он понял: это точно не сосед. А второе — с некоторым запозданием из-за темноты и из-за того, что нос убитого, скорее всего в результате падения, был весь всмятку, — что он уже видел это лицо прежде. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы опознать погибшего.

Майкл Клемпер.

Тогда-то Гурни различил и второй запах, не такой тонкий, как у крови. Алкоголь. Что повлекло за собой третий вывод — базирующийся на догадках, но очень правдоподобный.

Клемпер, как, надо думать, и Паникос, видел анонсы понедельничного выпуска «Криминального конфликта» с обещанными сенсационными разоблачениями — или услышал о них от кого-нибудь, — что и побудило

его к действию. Пьяный и вне себя от бешенства — возможно, в безумной попытке предотвратить последствия или же просто обезумев от злости, что его обманули, — он явился по душу обидчика, предателя, человека, который, по его представлениям, намерен был загубить и карьеру его, и саму жизнь.

Пьяный и вне себя от бешенства, он явился по душу Гурни и засел на опушке леса, а когда стемнело, подобрался к дому. Пьяный и вне себя от бешенства, он даже не подумал, каким опасным может оказаться сейчас это место.

Глава 57

Карман цветов принес

Перед Гурни снова встал простой и неотложный вопрос: что делать дальше?

В менее отчаянном положении он бы, скорее всего, выбрал самый разумный и безопасный вариант: немедленно звонить 911. Убит полицейский — пусть даже привели его сюда совершенно безумные побуждения. Смерть его, пусть и непреднамеренная, едва ли могла считаться случайной. Учитывая, что она стала непосредственным результатом преступления — активации взрывного устройства, — это было убийство. Недонесение надлежащим органам о случившемся и об обстоятельствах, непосредственно с этим связанных, могло быть сочтено препятствием правосудию.

С другой стороны, многое можно оправдать погоней за подозреваемым.

И, может, еще есть способ призвать сюда местную полицию, но самому не застрять на неминуемом продолжительном допросе и не потерять тем самым шанс — возможно, последний шанс! — поймать Паникоса и распутать узел дела Спалтеров.

Перевернув тело Клемпера в первоначальное положение и надеясь, что экспертам, которые будут осматривать место происшествия, не хватит проницательности различить следы вмешательства, Гурни ползком добрался обратно до угла и, завернув за него, негромко окликнул Кайла.

Не прошло и полминуты, как тот уже был рядом.

— Боже, вон там... вон то... это что... там, на земле?

— Да. Но пока забудь. Ты этого не видел. У тебя телефон с собой?

— Телефон? Ну да. Но что...

— Звони девять один один. Расскажи им все, что тут произошло до того момента, как мы вылезли в окно, — сдутая шина, взрыв и что, как я считаю, колесо прострелили. Скажи им, что я бывший коп, что после взрыва я увидел какое-то движение на холме, велел тебе спрятаться в кустах, взял твой мотоцикл и отправился в погоню. И что больше ты ничего не знаешь.

Кайл все не мог отвести взгляда от тела Клемпера.

— Но... как же?

— У нас свет не горел, вокруг темно, отец отправил тебя прятаться в кустах. Тела ты даже и не видел. Пусть спасатели его сами найдут. А ты имеешь полное право быть столь же потрясен и поражен, как и они.

— Потрясен и поражен — да уж, нетрудно будет.

— Оставайся в укрытии, пока не увидишь на лугу первую полицейскую машину, и тогда выходи. Только медленно. И держи руки на виду.

— Ты мне так и не сказал, что там случилось... с ним.

— Чем меньше знаешь, тем меньше тебе понадобится забывать — и тем легче будет выглядеть растерянным и потрясенным.

— А ты-то что собираешься делать?

— Смотря по ситуации. Обдумаю по дороге наверх. Но как бы там ни было, действовать надо срочно.

Гурни снова вернулся к мотоциклу, стараясь действовать как можно тише, завел его, развернул и медленно объехал дом сзади. Удостоверившись, что дом надежно прикрывает его, он включил фары и направил тихо рокочущий мотоцикл к старой коровьей тропе, что вела на большое поле, отделяющее его владения от Барроу-хилл.

Он был твердо уверен, что на выбранном им маршруте — по широкой дуге в объезд холма — свет фар будет не заметен с вершины. А там уже можно подняться по серпантину на северном склоне — этой тропы с вершины тоже не видно.

План казался неплох, и пока все шло хорошо. Вопрос только в том, долго ли так будет продолжаться. Слишком уж много неизвестного. Гурни не мог отделаться от ощущения, что сломя голову несется навстречу ситуации, в которой у его партнера по игровому столу не только карты лучше, но и стул повыше, а ствол подлиннее. Уж не говоря о привычке выигрывать.

Конечно, очень подмывало обвинить во всем циничных и двуличных мерзавцев с «РАМ-ТВ». Наверняка их «ошибочка» со временем выпуска анонсов «Криминального конфликта» на самом деле хорошо продумана.

Чем дальше идут анонсы, тем шире зрительская аудитория, а увеличение аудитории — их главная цель. Собственно говоря, не главная, а единственная. Ну а если в результате этого решения кто-то погибнет, что ж... рейтингу оно пойдет только на пользу.

Однако винить во всем телевизионщиков, пусть даже самых что ни на есть гнусных, мешало сознание, что он к нынешним своим проблемам тоже приложил руку. Тем, что старательно делал вид (в основном перед самим собой), будто придуманный им план разумен и трезв. Теперь — с трудом удерживая мотоцикл на ухабистой тропе — сохранять эту иллюзию было нелегко. Холмики от сурковых нор, колючие кусты и заросли молодых, по пояс, осинки превращали край нескошенного луга в полосу препятствий для мотоцикла даже среди бела дня, а уж ночью это был сущий кошмар.

По мере приближения к холму местность становилась все бугристее. Свет фары плясал и дергался в зарослях, наполняя их хаотическим метанием теней. Гурни уже не раз доводилось попасть в переплет под конец схватки с опасным врагом, но так туго не было еще никогда. Он был вынужден действовать наобум, не успев даже ничего обдумать, оценить степень риска, взвесить доводы за и против.

«Вынужден» — это еще мягко сказано. Теперь, в непосредственной близости от Паникоса, Гурни была невыносима мысль о том, что он может упустить его. Гравитационное поле погони все сильнее овладевало им, а способность разумно оценивать риск тускнела и блекла.

И не только это. Еще кое-что. Очень специфическое.

Эхо прошлого — сила, побуждающая, подгоняющая изнутри, — гораздо мощнее здравого смысла.

Застарелое жгучее воспоминание об уносящейся вдаль машине и сбитом Дэнни на мостовой. И порожденная этим воспоминанием твердая решимость, что никогда больше — никогда, никогда, невзирая ни на какую опасность! — убийца, оказавшийся в такой близости от него, не уйдет.

Убежденность далеко за гранью рациональности и здравого смысла. Выжженная горем потери прямо на подкорке, в мозгу.

Когда Гурни добрался до начала северной тропы, назрела необходимость принять решение: немедленно, сейчас — и ни один из вариантов не обнадеживал. Поскольку у Паникоса почти наверняка есть при себе инфракрасный прицел и бинокль, попытка подняться на самый верх холма станет роковой задолго до того, как Гурни окажется в пределах длины выстрела «Беретты». В голову пришел лишь один способ нейтрализовать это техническое преимущество противника: обратить его в бегство. А единственный способ обратить его в бегство, который пришел в

голову, — внушить ему, что на стороне Гурни численное превосходство. Задача не из легких, когда подкрепления у тебя никакого. Гурни несколько секунд всерьез размышлял над тем, не стоит ли пореветь мотором мотоцикла на тропинке, выкрикивая приказы воображаемым подчиненным и переключаясь на разные голоса. Но тут же отбросил эту идею: слишком уж белыми нитками шито.

И тут до него дошло, что решение-то здесь, под рукой. Ну да, настоящего подкрепления нет — но хватит и *видимости*, ведь на сцене скоро появится очень внушительная с виду подмога. На луг вот-вот выедет вызванная звонком Кайла по номеру 911 полицейская машина, а то и две-три, и, надо надеяться, с мигалками. С вершины, где предположительно засел Паникос, их будет отлично видно — и они создадут достаточно убедительную видимость численного превосходства, чтобы спугнуть Паникоса и заставить его отступить по дальней тропе к Бивер-Кросс-роуд.

Конечно, этот план не сработает, если Паникос достаточно хорошо понимает Гурни и просто-напросто ускользнет в ночь — или, хуже того, незаметно сойдет с тропы и спрячется в засаде. Чтобы избежать такого варианта развития событий, Гурни решил как можно бесшумнее проехать вверх по тропе примерно три четверти пути, подождать появления полицейских машин, а там уже действовать по обстоятельствам в зависимости от реакции Паникоса.

Долго ждать не пришлось. Буквально через минуту-другую после того, как Гурни занял намеченную позицию на тропе — на расстоянии короткого броска от вершины, — он различил сквозь деревья мигалки на дальнем краю луга. И почти сразу же услышал то, что и надеялся услышать, — рев квадроцикла, сперва громкий, потом тише. По крайней мере, пока Паникос реагировал предсказуемо.

Тронув с места стоявший на холостом ходу «БСА», Гурни преодолел оставшиеся отрезки серпантина — с максимальной скоростью, на какую отважился. Добравшись до прогалины возле карового озера, он на миг снова приглушил мотор, прислушиваясь к шуму квадроцикла и прикидывая, где Паникос и быстро ли едет. Похоже, он всего в сотне ярдов ниже по тропе.

Едва мотоцикл вывернул к началу тропы и свет фары скользнул по прогалине, взгляд Гурни выхватил сперва одну неожиданную деталь, а потом и вторую. На плоском камне, откуда дом Гурни просматривался лучше всего, лежал букет цветов. Стебли их были обернуты желтой тканью, а сами цветы — темного красно-бурого оттенка, типичного для засохшей крови. Самый распространенный оттенок местных августовских

хризантем.

Немедленно напрашивался вопрос, уж не предполагался ли этот букет (или «букетик», как пелось в детской песенке) в качестве дара ему лично, скорее всего — прощального послания.

Второй неожиданной деталью оказался лежавший на земле между Гурни и букетом черный металлический предмет размером примерно вдвое меньше сигаретной пачки. Гурни отреагировал мгновенно и инстинктивно — рванул руль мотоцикла вправо и дал газу. Мотоцикл резко развернулся и, обрушив в темноту град грязи и мелкой гальки, понесся по краю озера.

Замешкайся Гурни хоть на долю секунды, его убило бы взрывом. Так же лишь больно ударило в спину землей и галькой.

— Всем отделениям сходиться! Дальний склон Барроу-хилл! — заорал он самым командирским тоном, на какой только был способен. — Радиоуправляемый взрыв. Жертв нет.

Идея состояла в том, чтобы прибавить ситуации напряженности. Заставить Паникоса занервничать, ошибиться, потерять контроль над происходящим. Например, налететь на дерево, свалиться в канаву. Главное — остановить его так или иначе.

Нельзя, никак нельзя, чтобы он ушел!

Нельзя, чтобы красный «БМВ» скрылся вдали и исчез навсегда.

Нет! Только не это! Такого больше не произойдет — ни за что!

И еще нельзя было позволить Паникосу уйти далеко. Расстояние в пару сотен футов позволит ему резко остановиться, развернуться, прицелиться и выстрелить, пока Гурни еще вне радиуса действия «Беретты».

Еле успевая отслеживать и задние фары квадроцикла, и ухабы неровной тропы, Гурни не настигал противника, но и не отставал. С каждой секундой езды к нему возвращались навыки управления мотоциклом. Все равно что после долгого перерыва встать на лыжи. Спуск по тропе постепенно воскрешал в нем ловкость и привычку — и к тому моменту, как они все с прежним разрывом в сто ярдов вырулили на асфальтированную поверхность дороги Бивер-Кросс, Гурни ощущал в себе уже достаточно уверенности, чтобы выкрутить газ до упора.

Квадроцикл мчался на удивление быстро — скорее всего, был сделан или переделан именно для гонок, но мотоцикл все же гнал быстрее. Через милю Гурни сократил расстояние до пятидесяти, а может, даже всего сорока ярдов: по-прежнему слишком далеко до Паникоса, на ходу стрелять не станешь. По его расчетам, еще какие-нибудь полмили — и дистанция будет в самый раз.

По всей видимости, смекнув, что происходит, Паникос свернул с асфальтированной дороги на неровный проселок, тянувшийся параллельно ей вдоль края длинного кукурузного поля. Гурни последовал за ним, опасаясь, как бы коротышка не рванул через само поле.

Проселок, еще более ухабистый, чем тропа с Барроу-хилл, не позволял мотоциклу разогнаться более чем до двадцати-тридцати миль в час, тем самым лишая его преимущества и не позволяя сократить разрыв. Напротив, дистанция даже чуть увеличилась, поскольку квадроцикл был приспособлен к тряске не в пример лучше.

Склон, по которому спускались проселок и поле, сменился практически плоским, но все еще неровным участком долины. Там проселок обрывался, но Паникос двинулся через заброшенный луг — Гурни слышал, что некогда там располагалось крупное молочное хозяйство. Теперь же оно превратилось в лоскутное одеяло из травяных кочек и заболоченных ручейков, что давало квадроциклу несомненное преимущество, так что разрыв между преследователем и преследуемым снова увеличился до ста ярдов и даже больше, заставляя Гурни гнать мотоцикл на безумной скорости по местности, сравнимой разве что с неосвященной трассой для слалома. Первобытный азарт погони заглушал страх, не позволял разумно оценить риск.

Помимо красных огней фар, за которыми он гнался, Гурни скоро начал различать чуть дальше в долине проблески других огней. Цветные, белые — одни вроде бы стоят на месте, другие движутся. Это все сбило Гурни с толку. Где он, черт возьми? Скопища огней были в здешних краях явлением столь же редким, как и, например, жаворонок на Манхэттене. Но тут он увидел дугу медленно вращающихся оранжевых огоньков, и до него наконец дошло.

Это же колесо обозрения на летней горной ярмарке!

На болотистом участке земли, отделявшем заброшенное пастбище от сухого поля площадью около квадратной мили, на котором раскинулась ярмарка, Паникос еще увеличил разрыв. На несколько жутких секунд Гурни даже подумал, что потерял его в море машин, выстроившихся по периметру поля. Однако потом заметил знакомые огни задних фар, скользящие вдоль парковки к входу для посетителей.

Когда Гурни добрался до входа, квадроцикл уже въехал внутрь. Стоявшие там три молодые женщины с повязками на рукаве растерянно топтались на месте. На повязках значилось «Охрана» и, по всей видимости, троице полагалось контролировать вход. У одной женщины в руках был уоки-токи, у другой мобильник. Гурни притормозил рядом с третьей и

махнул перед ней полицейским удостоверением.

— Здесь проезжал квадроцикл? Вот только что?

— Еще как! Парнишка на камуфляжном четырехколеснике. Вы по его душу?

На долю секунды его смутило слово «парнишка», но он тут же сообразил, что на первый беглый взгляд Паникос наверняка производит именно такое впечатление.

— Да, мэ. Во что он был одет?

— Во что? Боже... я не... кажется, в такую черную блестящую куртку. Типа нейлоновой ветровки... Не запомнила толком.

— Спасибо. Вы заметили, куда он поехал?

— Еще бы не заметить, паршивец он этакий! Прямо вон туда. — Она показала на узкий коридор между одним из крупных павильонов и длинным рядом автофургонов и трейлеров.

Гурни проехал в ворота и дальше по коридору до дальнего конца, выходящего на одну из главных аллей ярмарки. Глядя на беззаботных посетителей ярмарки, сложно было вообразить, что недавно здесь пронесся на полной скорости квадроцикл — а значит, Паникос, скорее всего, проскользнул в какой-нибудь из многочисленных проемов между трейлерами и мог теперь быть где угодно.

Развернув мотоцикл, Гурни пронесся обратно к воротам, где обнаружил, что к трем хмурым девушкам присоединился еще и полицейский с кислым лицом — наверняка один из местных, внеурочно подрабатывающий на охране ярмарки, седой и с заметным брюшком, которое отчетливо обозначалось под формой, бывшей ему впору лет десять назад.

На «БСА» Гурни он смотрел с завистью и презрением.

— Что тут у вас?

Гурни показал удостоверение.

— Парень, проехавший в эти ворота пару минут назад, вооружен и очень опасен. У меня есть причины полагать, что он прострелил шину моего автомобиля.

Полицейский разглядывал удостоверение Гурни с таким видом, точно это был северокорейский паспорт.

— Вы при оружии?

— Да.

— Тут сказано, вы уже вышли в отставку. Разрешение на ношение оружия при себе?

Гурни торопливо показал ему отделение в бумажнике, где хранилось

разрешение.

— Офицер, время не ждет. Тот парень на квадроцикле представляет серьезную опасность.

— Вытащите разрешение и дайте мне, — перебил полицейский.

Гурни повиновался, но повысил голос.

— Послушайте же! Парень на квадроцикле подозревается в убийстве. И упускать его сейчас совершенно не стоит.

Полицейский вдумчиво изучал разрешение.

— Не горячитесь... детектив. Вы тут не у себя в Гнилом Яблоке. — Он презрительно поморщился. — Имя у него имеется, у этого вашего подозреваемого?

Гурни не собирался касаться этой щекотливой темы, но тут уж выбора не оставалось.

— Петрос Паникос. Профессиональный киллер.

— Кто-кто?

Все три девицы, приставленные к воротам, выстроились в рядок за спиной у копа, распахнув глаза от изумления.

Гурни с трудом сохранял терпение.

— На этой неделе Петрос Паникос убил семерых человек в Куперстауне. Возможно, он послужил причиной смерти полицейского полчаса назад. А сейчас он где-то на территории вашей ярмарки. Доходит?

Коп опустил руку на кобуру пистолета.

— Да кто ты, черт возьми, такой?

— У меня в удостоверении написано — Дэвид Гурни, детектив первого класса, нью-йоркская полиция, в отставке. Я уже сказал вам, что преследую подозреваемого в убийстве. А теперь добавлю еще кое-что. Вы создаете препятствия его поимке. Если в результате этого ему удастся скрыться, ваша карьера окончена. Слышите меня?

Мутная враждебность в глазах полицейского кристаллизовалась в нечто более опасное, губы разомкнулись, демонстрируя стиснутые желтые зубы. Он медленно сделал шаг назад, сжимая рукой пистолет, — угрозы в том было больше, чем если бы он шагнул вперед.

— Вот оно что. А ну слезай.

Гурни посмотрел на ошарашенных девиц за спиной у копа и произнес громко и отчетливо:

— Вызовите руководителя службы безопасности! К этим воротам. Немедленно!

Полицейский обернулся к девицам, поднимая свободную руку в останавливающем жесте.

— Не надо никого звать. Ни к чему. Никуда не звоните. Я сам разберусь.

Вот он — возможно, единственный шанс, дошло до Гурни. Да будь он проклят, потерять сейчас Паникоса — это не вариант! Он газанул, рванул руль вправо, резко развернул мотоцикл на сто восемьдесят градусов — и помчался в коридор за фургонами, да так, что задняя шина задымилась. На полпути к главной аллее он резко свернул в щель между двумя трейлерами и оказался в лабиринте автофургонов всевозможных сортов и размеров. Вскоре он вынырнул в каком-то ярмарочном проходе поуже, где палатки торговали всем на свете: от ярких перуанских шапок до резных деревянных медведей. Он оставил мотоцикл в незаметном уголке между двумя палатками, одна из которых предлагала толстовки из Уолнат-Кроссинга, а другая — соломенные ковбойские шляпы.

Гурни во внезапном порыве купил и то, и другое, а потом завернул в туалет, располагавшийся чуть дальше по проходу, и надел поверх своей темной футболки светло-серую толстовку. Переложив «Беретту» из кобуры на щиколотке в карман толстовки, он посмотрелся в зеркало и убедился, что теперь, тем более в надвинутой почти на глаза ковбойской шляпе, узнать его будет не так-то просто — как Паникосу, так и придиричивому копу, особенно издалека.

Тут он сообразил, что и Паникос может принять аналогичные меры, чтобы затеряться в толпе. А следом вставал очевидный вопрос: если прочесывать ярмарку в поисках коротышки, какими критериями руководствоваться?

Рост — примерно от четырех футов десяти дюймов до пяти футов и двух дюймов, как у большинства школьников средних классов. К сожалению, в десятитысячной толпе посетителей ярмарки их наберется по меньшей мере несколько сотен. Как еще можно сузить область поиска? Просмотренные им видео с камер безопасности сыграли свою роль в установлении некоторых фактов, но вот с точки зрения портрета Паникоса были полезны мало, поскольку на записях его волосы и лицо были скрыты солнечными очками, повязкой на голове и шарфом. Нос, правда, был вполне различим, да и рот тоже — но только и всего. Не слишком-то надежный ориентир, чтобы выхватить нужное лицо в водовороте толпы.

Встревоженная девица на входе сказала, он вроде бы одет в черную куртку, но Гурни не очень полагался на ее слова. Она и сама-то сомневалась, а даже если бы и сказала про куртку с уверенностью, рассказы взволнованных очевидцев чаще всего оказываются далеки от истины. Во что бы ни был одет Паникос, он мог, оказавшись на ярмарке,

переодеться так же легко и просто, как Гурни. Так что, по крайней мере, сейчас, только и оставалось, что выглядывать кого-нибудь низкого, щуплого, остроносого, с детским ртом.

Словно бы для того, чтобы подчеркнуть недостаточность этих примет, в аллею прямо перед Гурни высыпала стайка мальчишек — добрая дюжина детей десяти-двенадцати лет. Примерно половина из них не удовлетворяла параметрам — с точки зрения либо роста, либо комплекции, но Паникос вполне мог бы затеряться среди другой половины группы, слиться с ней.

Да, собственно, уже и слился. Предположим, он среди них, прямо тут, перед Гурни. Как его опознать?

Обескураживающая задача — особенно учитывая, что вся группка, похоже, побывала у ярмарочного гримера, разрисовавшего мальчишкам лица и превратившего их в каких-то персонажей — насколько мог судить Гурни, в супергероев. А сколько еще таких вот стаяк бродит по ярмарке — и Паникос может пристать к любой.

Только теперь Гурни заметил, что мальчишки именно из этой группки заняты чем-то странным. Они подходили к посетителям, в основном взрослым, с букетиками цветов. Гурни подстроился под их шаг и двинулся следом, чтобы приглядеться получше.

Ребята продавали цветы — сказать точнее, раздавали бесплатно букетики всем, кто пожертвует местному Фонду помощи жертвам наводнения хотя бы десять долларов. Что по-настоящему привлекло внимание Гурни — завладело его вниманием безраздельно, — так это то, какие именно букетики они раздавали.

Ржаво-красные хризантемы, обернутые желтой бумагой, — неотличимые от букета, оставленного Паникосом на валуне возле озера.

Что это означало? Гурни быстро пришел к выводу, что цветы у озера почти наверняка отсюда, а значит, Паникос успел побывать на ярмарке до визита на Барроу-хилл. Напрашивался следующий интересный вопрос: зачем?

Уж ясно, не для того лишь, чтобы купить букетик и прихватить его с собой во владения Гурни, — не мог же он заранее знать, что эти букетики тут окажутся, логичнее было бы заглянуть в местный цветочный магазин. Нет, на ярмарку он явился с какой-то иной целью, а хризантемы просто попались на глаза.

Так что же это за цель? Что ему там понадобилось? Не сельские же забавы, сахарная вата и коровье бинго. Тогда, черт возьми, что?

Ход его мыслей прервал звонок мобильного.

Это оказался Хардвик, весь взбудораженный.

— Черт возьми, чувак. С тобой там все в порядке?

— Да вроде бы. Что происходит?

— Именно это меня и интересует! Ты вообще где?

— На ярмарке. Как и Паникос.

— Тогда что там стряслось у тебя дома?

— А откуда ты...

— Еду по проселку к вашему повороту, а тут их целая свора — две патрульные машины, шериф и плюс еще внедорожник бюро криминальных расследований. И все, твою мать, в вашу сторону. Что там, черт возьми, стряслось?

— Там Клемпер. У моего дома. Мертвый. Долгая история. Похоже, первый наряд нашел тело и вызвал подкрепление. Ты, надо понимать, видел вторую волну.

— Клемпер? Мертв? Мак Мудак? Это как?

Гурни как можно короче пересказал ему все произошедшее — начиная со спущенной шины и кончая роковым попаданием железной скобы в шею Клемпера и цветами на Барроу-хилл и на ярмарке.

По ходу дела он понял, что надо звонить Кайлу — и срочно.

Хардвик слушал, не проронив ни слова, до самого конца.

— Что теперь тебе нужно, — сказал Гурни, — так это ехать на ярмарку. Ты видел ту же запись, что и я, поэтому наши с тобой шансы опознать Паникоса равны.

— То есть, шансов почти никаких.

— Знаю. Но надо же попытаться. Он где-то здесь. Он явился сюда не просто так.

— А зачем?

— Понятия не имею. Но он уже был здесь — и вернулся сюда снова. Это не совпадение.

— Послушай, я знаю, что для тебя ключ ко всему — поймать Паникоса. Но не забывай: его кто-то нанял. Лично я считаю, что Йона.

— Узнал что-то новенькое?

— Нутром чую, только и всего. Уж больно скользкий ублюдок, есть в нем что-то двуличное.

— Помимо мотива в пятьдесят миллионов долларов?

— Да. На мой взгляд. Слишком уж улыбчивый да лощеный.

— Может, просто у них, у Спалтеров, харизмы хоть отбавляй?

Хардвик издал вялый смешок.

— Вот уж на что мне начхать.

Гурни сгорал от нетерпения поговорить с Кайлом, начать поиски

Паникоса.

— Ну ладно, Джек. Давай быстрее. Позвони, как доберешься.
Отсоединяясь, он услышал первый взрыв.

Глава 58

Пепел, пепел

Он распознал звук — приглушенный, сдавленный хлопок небольшого взрывного устройства.

Едва он добрался до места происшествия, расположенного через две аллеи от дорожки, где он стоял, первоначальное впечатление подтвердилось. Маленькая палатка тонула в дыму и пламени, но туда уже спешили, покрикивая на встревоженных посетителей, чтобы посторонились, двое мужчин с повязками «Служба безопасности ярмарки» на рукаве и огнетушителями в руках. Две женщины из организаторов ярмарки тоже примчались и принялись обходить палатку сзади, выкликая: «Есть там кто? Есть там кто?»

По аллее пробиралась машина «скорой помощи» с сиреной и мигалкой.

Видя, что никакой непосредственной помощи он сейчас оказать не может, Гурни принялся разглядывать толпу, собравшуюся вокруг места пожара. Известно, что поджигателей вечно тянет полюбоваться плодами своих рук, но если Гурни и питал надежды обнаружить кого-то, подходящего хоть под самое общее описание Паникоса, эти надежды быстро развеялись. Однако Гурни заметил кое-что иное. Обгоревшая вывеска над палаткой гласила: «Фонд помощи жертвам наводнения, Уолнат-Кроссинг». А среди разметанных взрывом обломков чернели обугленные букетики ржаво-красных хризантем.

Похоже, Паникос относился к хризантемам — а может, ко всем цветам или вообще ко всему, что напоминало ему о Флоренсии, — с любовью на грани ненависти. Однако это еще не могло объяснить, зачем его понесло на ярмарку. Была, конечно, и вторая возможность, куда более пугающая. Крупные общественные мероприятия — заманчивые места для диверсий.

Возможно ли, что первый раз Паникос ездил на ярмарку, чтобы как раз подготовить почву для такой вот диверсии? А именно — мог ли он нашпиговать тут все взрывчаткой? Уж не являлся ли взрыв палатки фонда лишь преамбулой?

И нужно ли Гурни немедленно поделиться этим вероятным сценарием

со службой безопасности ярмарки? С отделом полиции Уолнат-Кроссинга? С бюро криминальных расследований? Или на попытки объяснить, почему этот сценарий столь вероятен, уйдет слишком много времени? В конце концов, если его догадка верна и если их ждет именно такое развитие событий, к тому моменту, как он все расскажет и сумеет убедить в своей правоте служащих, будет уже слишком поздно даже пытаться что-то предотвратить.

Каким нелепым ни казался этот вывод, но Гурни решил, что единственный возможный вариант сейчас — действовать в одиночку. И главной задачей было опознать Питера Пэна — задачей практически невозможной. Однако выбора не оставалось.

И Гурни ничего не оставалось, как пробираться сквозь толпу, разглядывая людей и используя рост как первый критерий отбора, вес как второй и черты лица как третий.

Когда он шел по следующей аллее, всматриваясь не только в каждого прохожего среди текучей толпы, но и в каждого покупателя в каждой палатке, у каждого лотка, ему в голову вдруг пришла ироническая мысль: главный плюс самого ужасного сценария, сводившегося к тому, что Питер Пэн явился на ярмарку, чтобы разнести ее на куски, — состоит в том, что сейчас-то он и сам здесь. А пока он здесь, его можно поймать. Не успел Гурни как следует помучиться скользким вопросом морали — на какие человеческие жертвы и разрушения он готов ради того, чтобы добраться до Питера Пэна, — как позвонил Хардвик. Сказал, он у главных ворот, а где встречаться будем?

— Встречаться нам ни к чему, — возразил Гурни. — Порознь мы большую территорию охватим.

— Отлично. Тогда что мне делать — высматривать коротышку?

— Ну да, руководствуясь тем, что помнишь по видеозаписям. Обрати особое внимание на группки детей.

— С целью...

— Он ведь хочет выглядеть как можно безобидней. Взрослый ростом в пять футов выделяется из толпы, а ребенок такого же роста нет, поэтому велик шанс, что он попытается притвориться ребенком. Лицо выдает возраст, так что, думаю, он придумает какой-нибудь способ замаскироваться. Многие дети сегодня разрисовывают лица — так что это решение напрашивается само собой.

— Допустим, но зачем ему приставать к какой-нибудь компании?

— Опять же, чтобы не выделяться. Ребенок, который держится сам по себе, привлекает больше внимания, чем в группе с другими детьми.

Хардвик вздохнул, вложив в этот вздох максимум скептицизма.

— По-моему, сплошное гадание на кофейной гуще.

— Не спорю. И вот еще что. Исходи из предположения, что он вооружен — и ради всего святого, не недооценивай его. Помни, он жив и здоров, а множество тех, кому не повезло с ним пересечься, мертвы.

— А если я его засеку, какой план действий?

— Не выпускай его из виду и звони мне. И я тебе, если что, позвоню. Тут уж надо будет друг друга прикрывать. Кстати, после твоего последнего звонка он цветочный ларек взорвал.

— *Взорвал?*

— Похоже на взрывное устройство малого радиуса поражения. Скорее всего, примерно как в Куперстауне.

— А почему цветочный ларек?

— Я, Джек, не психоаналитик, но цветы — особенно хризантемы, — похоже, для него много значат.

— Ты ведь знаешь, что их тут в народе называют «мамками»?

— Ну да, но...

Ответ его прервала серия трескучих взрывов, при первом же звуке которых Гурни инстинктивно присел. Звучали они откуда-то сверху.

Торопливо оглядевшись вокруг, он снова поднял телефон к уху — как раз вовремя, чтобы услышать возглас Хардвика:

— Боже! А сейчас-то он что взорвал?

Ответ явился через долю секунды повторной серией взрывов и раскрасившими ночное небо полосами света и россыпью разноцветных искр.

— Фейерверк! Да это ж просто фейерверк!

— Фейерверк? Какого черта? Четвертое июля было месяц назад.

— А я почему знаю? Просто так устроили.

Прозвучала третья серия — громче и с большим треском.

— Уроды, — пробормотал Хардвик.

— Ну да. Ладно, пора заняться делом.

Хардвик несколько секунд помолчал, а потом резко сменил тему.

— Так что ты думаешь насчет Йоны? А то ты мне ничего так и не ответил. По-твоему, я прав?

— Что за убийством Карла стоит именно он?

— Ему же от этого сплошная выгода. Сплошная. И согласись, он скользкий тип.

— А Эсти что по этому поводу думает? Согласна с тобой?

— Нет, черт возьми. Она подозревает Алиссу. Убеждена, что вся эта

история — месть Карлу за то, что он ее изнасиловал, хотя твердых доказательств нет, сплошь голословные утверждения, через Клемпера. Кстати о Маке Мудаке — надо мне сказать Эсти, что он дал дуба. Зуб даю, она на радостях в пляс пустится.

Гурни потребовалось несколько секунд, чтобы выгнать эту картинку из головы.

— Ладно, Джек, давай займемся делом. Паникос где-то здесь. Как и мы. Его можно поймать. Так что пора на поиски.

Едва он договорил, небо озарилось последним залпом оглушительных фейерверков. Гурни в сотый раз за последние пару дней вспомнил дело о взорвавшемся автомобиле. А оно, в свою очередь, заставило его вспомнить и рассказ Эсти о стрельбе в переулке. После чего он снова задумался, что же у этих двух историй общего с делом Спалтерова. Однако, каким бы важным ни казался этот вопрос, сейчас отвлекаться на него было нельзя.

Гурни снова двинулся по ярмарке, вглядываясь в лицо каждого встречного тощего коротышки. Лучше проверить слишком много народа, чем слишком мало. Если человек подходящего роста и телосложения смотрел в другую сторону — или если лицо было скрыто очками, бородой или широкополой шляпой, Гурни потихоньку шел следом, пока не удавалось рассмотреть подозрительного типа получше.

С чувством все нарастающей подозрительности он двигался за крохотным существом неопределенного пола и возраста в мешковатых джинсах и бесформенном свитере, пока какой-то жилистый загорелый мужчина в охотничьей шляпе не окликнул это существо у палатки Евангелической Церкви Христа Воскресшего и, назвав его Элеонорой, не спросил, как там поживают коровки.

Следующие два эпизода того же рода, случившиеся в двух следующих проходах и окончившиеся столь же нелепо, лишь подчеркнули полную безнадежность всей затеи. Льющаяся с огромного четырехстороннего экрана в центре ярмарки музыка в стиле кантри насыщала атмосферу обескураживающей сентиментальностью. Примерно такой же обескураживающей сентиментальностью атмосферу насыщала и витающая в воздухе смесь запахов, в которой преобладали попкорн, жареная картошка и навоз.

Завернув за угол здоровенного, с целую комнату холодильника, за стеклянной стенкой которого красовалась огромная вырезанная из масла фигура быка, Гурни заметил все ту же стайку мальчишек с раскрашенными лицами, которую уже видел прежде, и постарался подобраться к ним поближе.

Похоже, сбор пожертвований шел успешно. Только пара ребят из дюжины еще несли в руках букетики и, кажется, не спешили расставаться с ними. Наблюдая за детьми, он вдруг заметил, что с другого конца прохода в его сторону шагает тот въедливый полицейский, чинивший ему препятствия у ворот, а рядом с ним, судя по всему, двое коллег в штатском.

Торопливо нырнув в первый же дверной проем, Гурни оказался на выставке какого-то клуба из детской организации «4-Н» — в окружении роскошных глянцевиных овощей.

Когда злополучный поисковый отряд прошел, Гурни снова выбрался на аллею и уже догонял ту стайку школьников, когда услышал очередной взрыв, причем довольно близко. Резкий глухой звук, типичный для взрывного устройства, раза в два мощнее, чем тот, что разнес цветочную палатку. Однако гуляющая толпа на него практически не отреагировала — должно быть, потому, что фейерверки трещали гораздо громче.

А вот размалеванные мальчишки на взрыв внимание обратили: остановились, переглянулись с таким видом, словно в них пробудился аппетит к катастрофам, и, дружно повернувшись, заспешили к источнику звука.

Гурни догнал их примерно через два прохода. Они подтянулись к краю толпы и зачарованно глазели на происходящее. С арены, где должны были проходить гонки на выживание, валил густой дым, а вокруг царила суматоха. Одни бежали к арене, другие торопились прочь оттуда, волоча за собой детей. Третьи, встревожено тараща глаза, засыпали окружающих вопросами. Где-то в отдалении завывала сирена.

И тут раздался очередной взрыв, едва различимый за общим гамом.

Лишь несколько человек из стайки, за которой наблюдал Гурни, встрепенулись на звук, но зато они, похоже, сразу пересказали новость своим товарищам. Судя по всему, в результате группка разделилась на тех, кто слышал последний взрыв, и тех, кто не слышал (или слышал, но решил, что суматоха возле арены интереснее). Как бы там ни было, трое мальчишек отделились от общей стайки и двинулись по направлению к месту новой катастрофы.

Заинтересовавшись схемой атак Паникоса, Гурни решил последовать за троими отделившимися и, проходя мимо оставшихся у края толпы местных зевак, постарался хорошенько всмотреться в каждое маленькое личико и прикинуть, не найдется ли совпадений с запечатлевшимся в памяти обликом существа с видеозаписи.

Не усмотрев ни малейшего сходства, достойного более внимательного рассмотрения, он зашагал за удаляющейся троицей.

Продвижение замедляла толпа, хлынувшая наконец прочь от арены. Судя по услышанным Гурни обрывкам разговоров, свидетели произошедшего пока даже не начали осознавать всего значения увиденного — внезапного и разрушительного взрыва одной из машин финальной гонки, ужасной гибели гонщика и множества ранений у других участников. Похоже, пока зрители списывали все это на счет какой-то неисправности бензобака или неправильный тип бензина. Самые мрачные догадки сводились к намеренному вредительству из-за какой-нибудь семейной распри.

Итак, две бомбы за двадцать минут — и ни малейшей паники. Это хорошо. Хуже то, что единственная причина отсутствия паники состоит в том, что никто еще ничего не понял. Интересно, изменит ли положение вещей прогремевший только что третий взрыв?

В паре сотен ярдов впереди, отчаянно гудя, пыталась пробиться через толпу пожарная машина. Чуть дальше, там, куда она направлялась, поднимался по ветру столб дыма. Вечер был облачный и безлунный, так что огни ярмарки зловеще подсвечивали черное облако.

Народ вокруг начал проявлять признаки беспокойства. Многие двигались в ту же сторону, что и пожарная машина, — кто брел рядом, кто даже забегал вперед. На лицах отражался весь спектр эмоций от страха до радостного возбуждения. Три фигурки, за которыми следил Гурни, растворились в движущейся людской реке.

Гурни шел примерно в ста ярдах за машиной. Завернув за угол на очередном перекрестке, он увидел вздымающиеся к небу языки пламени над крышей длинного одноэтажного строения. Гурни узнал помещение — там располагались почти все животные, задействованные в выставках и соревнованиях. Приблизившись, он увидел, как молодые служащие выводят через большие ворота коров и лошадей.

Из других дверей сарая повалили остальные животные, напуганные, сорвавшиеся с привязи. Одни нерешительно мялись в проходе, роя копытами землю, другие бросились прямо в толпу. Раздались встревоженные крики.

— Задавили! — истошно завопил какой-то нервный зевака, как назло, не обделенный драматическим чутьем. Та самая паника, отсутствие которой Гурни отмечал лишь несколько минут назад, вдруг заразила всю толпу разом. Люди толкали и пихали друг друга, сясь пробиться туда, где им казалось безопаснее. Шум нарастал. Ветер тоже. Пламя на крыше сарая металось в стороны. Провисшие полотняные стенки шатров надувались и дергались.

Похоже, надвигалась гроза. Резкая вспышка в толще туч и громыхание между холмов подтвердили эту догадку. Через несколько мгновений сверкнула новая молния, ярче первой, загрохотало уже громче.

Глава 59

Вниз и вниз

На место происшествия стекалось все больше охранников. Одни пытались отвести публику подальше от сарая и пожарной машины, чтобы посетители не путались под ногами у разворачивающих шланги пожарных. Другие старались хоть как-то справиться с разбегающимися лошадьми, коровами, овцами, свиньями и парой огромных быков.

Гурни заметил, что по толпе начал разлетаться слух о первых двух взрывах. Общий страх и смятение сразу резко возросли. По меньшей мере треть окружающих уже вцепились в телефоны — звонили, слали сообщения, фотографировали пожар и царящую вокруг суматоху.

Высматривая в кольшущейся массе народа потерявшуюся троицу или еще кого-нибудь, хоть отдаленно напоминающего Паникоса, Гурни вдруг с изумлением заметил, что из сарая выскакивает Мадлен. Шагнув в сторону, чтобы разглядеть ее, он обнаружил, что с двух сторон от себя она ведет под уздцы двух альпака. По пятам за ней таким же манером шел Деннис Уинклер.

Выйдя за пределы зоны действий пожарной команды, они остановились о чем-то наскоро переговорить — собственно, говорил в основном Уинклер, а Мадлен согласно кивала. Потом они двинулись дальше по проходу, организованному в толпе для вывода животных, только теперь впереди шел Уинклер.

Так они оказались в нескольких шагах от Гурни.

Уинклер заметил его первым.

— Эй, Дэвид — хочешь помочь?

— Прости, прямо сейчас не могу.

— У меня тут, знаешь ли, чрезвычайная ситуация, — оскорбился Уинклер.

— Как и у всех нас.

Уинклер смерил его злобным взглядом и зашагал дальше, пробормотав под нос нечто, потонувшее в раскате грома.

Мадлен остановилась и с любопытством посмотрела на Гурни.

— Что ты тут делаешь?

— Нет, это что ты тут делаешь?
— Помогаю Деннису и Дейдре. Я же тебе говорила.
— Ты должна срочно уйти. Немедленно.
— Что? Что за муха тебя укусила? — Ветер швырял ее волосы вперед, на лицо. Обе руки у Мадлен были заняты, так что ей приходилось встряхивать головой, чтобы волосы не лезли в глаза.

— Тут опасно.
Она непонимающе заморгала.
— Из-за пожара в сарае?
— И в сарае, и на арене, и в цветочной лавке...
— Ты о чем?
— Тот человек, за которым я охочусь... который поджег дома в Куперстауне...

Вспыхнула молния, гром грянул оглушительнее прежнего. Мадлен вздрогнула.

— Что ты хочешь сказать? — спросила она, повышая голос.
— Он здесь. Петрос Паникос. Сегодня вечером, прямо сейчас. Подозреваю, он нашпиговал взрывчаткой всю ярмарку.

Ветер все так же задувал волосы ей в лицо, но она уже не пыталась с этим бороться.

— Откуда ты знаешь, что он тут?
— Я за ним гнался, прямо до ярмарки.
— Откуда?
Новая вспышка, новый раскат.
— От Барроу-хилл. На мотоцикле Кайла.
— Что стряслось? Почему?
— Он убил Майкла Клемпера.
— Мадлен! — донесся до них нетерпеливый голос Денниса Уинклера, он остановился футах в тридцати и ждал ее. — Мадлен! Идем! Мы теряем время.

— Клемпера? Где?
— У нашего дома. Нет времени объяснять. Паникос здесь. Взрывает и поджигает все кругом. Уноси ноги, черт возьми.
— А как же животные?
— Мэдди, ради всего святого...
— Они боятся огня. — Она горестно взглянула на альпака. Вид у тех был до смешного задумчивый.

— Мэдди...
— Ладно, ладно... дай только хоть этих выведу. А потом уеду. —

Решение явно давалось ей нелегко. — А ты сам-то как? Ты что тут делаешь?

— Пытаюсь найти и остановить его.

Глаза Мадлен затопил откровенный страх. Она начала было возражать, но Гурни перебил ее.

— Я должен. А ты должна убраться отсюда ко всем чертям — пожалуйста, — немедленно!

На долю мгновения она застыла, словно парализованная страхом, потом шагнула к Гурни, почти отчаянно обняла его и, без единого слова повернувшись, повела своих подопечных туда, где ее ждал Уинклер. Они обменялись парой слов и быстро зашагали бок о бок по расчищенному в толпе проходу.

Гурни несколько секунд смотрел им вслед, пока они не скрылись из виду. Его вдруг кольнуло острое чувство, названия которому он не знал, — до того невыносимо слаженной, сработавшейся парой они выглядели: точно заботливые родители, торопящиеся укрыть малышей от грозы.

Он закрыл глаза, стараясь выкарабкаться из ямы, наполненной кислотой.

А когда через миг открыл их, перед ним словно бы из ниоткуда вынырнула та нелепая размалеванная троица. Мальчишки шагали в ту же сторону, что Мадлен с Уинклером, — и у Гурни сложилось неприятное впечатление, будто на одной из раскрашенных физиономий играет улыбка.

Пропустив их футов на пятьдесят вперед, он двинулся следом. На аллее впереди сталкивались разнонаправленные потоки. Любопытство гнало толпища легкомысленных зевак к горящему сараю, а сотрудники службы безопасности отчаянно пытались развернуть их и при этом еще сохранять проход для животных и сопровождающих их людей, двигавшихся в другую сторону, к череде загонов с другого конца ярмарки.

Вне зоны прямой видимости пожара и, соответственно, первобытной тяги к подобным зрелищам угроза дождя заставила многих посетителей променять ярмарочные аллеи на палатки или машины. В поредевшей толпе следить за троицей стало легче.

Под завершающие аккорды долгого раската грома, сотрясшего долину, он осознал вдруг, что у него звонит телефон.

Это оказался Хардвик.

— Ну как, не видал засранца?

— Пару раз видел кого-то отдаленно похожего, но лишь очень отдаленно. Ты уже какие участки проверил?

Ответа не было.

— Джек.

— Секундочку.

Прошло несколько секунд. Гурни поймал себя на том, что делит внимание между троицей и огромным видеокубом, который возвышался в центре ярмарки и сопровождал происходящий кошмар музыкой в стиле кантри. Дожидаясь, пока Хардвик возобновит разговор, Гурни никак не мог до конца отрешиться от эдакого эдипова хора, исполнявшего песню под названием «День матери» — о дальнобойщике, трудяге и выпивохе, который все никак не мог встретить девушку с такой же любящей душой, как у его мамочки.

— Я снова тут.

— Что там у тебя?

— Иду за одной компашкой, не хотел упустить. Выряжены, как оборванцы. У парочки лица раскрашены.

— Чем-нибудь выделяются?

— Все вроде как сбиты в группу, а один держится сбоку, чуть поодаль.

— Поодаль?

— Ну да. Вроде как с компанией, а вроде и сам по себе, как белая ворона.

— Интересно.

— Это да, но не спеши с выводами. В любой компании всегда сыщется пацан, который будет слегка выбиваться. Это может ничего не значить.

— Не видишь, что у него на лице нарисовано?

— Придется подождать, пока он не повернется.

— Где ты?

— Прохожу мимо прилавка с чучелами белок.

— Господи. А примет покрупнее нет?

— Чуть дальше какое-то здание с изображением чудовищной тыквы на двери, а рядом зал игровых автоматов. Собственно-то, мои оборванцы туда и зашли, к автоматам.

— А белая ворона?

— Ага, и он тоже. Все там внутри. Пойти за ними?

— Не стоит. Рано еще. Убедись только, что выход всего один и ты их не упустишь.

— Постой, они как раз выходят. Идут дальше.

— Все? И белая ворона тоже?

— Ага. Дай посчитаю... восемь, девять... да, все.

— В какую сторону они движутся?

— Мимо тыквы и дальше к концу ряда.

— Значит, мы скоро встретимся. Я в соседнем ряду, иду в ту же сторону — позади животных и моей раскрашенной группки.

— Животных?

— Их переводят из сарая в загоны за колесом обозрения. Сарай горит.

— Черт! Я слышал, кто-то говорил, что там пожар. Думал, просто путают с ареной. Ладно, конец связи, не стоит отвлекаться. Хотя постой! Есть новости? Что там у тебя дома происходит?

— Надо позвонить сыну и выяснить.

— Дай мне знать.

Когда Гурни закончил разговор, Мадлен с Уинклером как раз свернули на дорогу, шедшую в обход вокруг каруселей и загонов. Через минуту троица Гурни свернула туда же, а к тому времени, как он сам добрался до перекрестка, они встретились с компанией, за которой следил Хардвик.

Дюжина низкорослых фигурок юрко лавировала среди животных и тех зрителей, которые еще не знали о происходящем и не уstraшились надвигающейся грозы, сводя на нет все попытки Гурни вычислить, нет ли среди них подозрительного чужака — зловещего карлика, маскирующегося под ребенка. Один за другим, все прилипли к невысокому ограждению, отделявшему круговую дорогу от аттракционов.

Мадлен и Деннис с альпака шагали мимо каруселей к загонам. Гурни встал так, чтобы как можно лучше видеть дорогу к загонам, но и не терять собравшуюся у ограждения компанию. Неподалеку он углядел Хардвика — тот занимал позицию там, где аллея, по которой он пришел, выходила на круговую дорогу. Чтобы не выдавать, что они напарники, Гурни не стал подходить к Хардвику, достал телефон и позвонил.

Хардвик ответил, глядя прямо на Гурни.

— Что это за плебейская шляпа?

— *Ad hoc* камуфляж. Долгая история, потом расскажу. Скажи, ты заметил еще кого интересного или все основные подозреваемые здесь, перед нами?

— Все как есть. И половину можно смело вычеркнуть по критерию жирдяйства.

— Какому-какому критерию?

— Смотри, сколько среди этих пацанов толстяков. А наш крошка Питер, насколько я мог судить по видео, вид имеет тощий и недокормленный.

— Что оставляет нам около шести вариантов?

— Я бы сказал, скорее два-три. Помимо критерия жирдяйства есть еще критерий роста и критерий черт лица. Что оставляет нам одного из твоей

группы, двух из моей. Да и то с большой натяжкой.

— Ты каких троих имеешь в виду?

— Тот, что ближе всего к тебе, в дурацкой бейсболке, рука на поручне. Потом тот, что за ним, в черной толстовке, руки в карманах. И самый ближний ко мне, в синей баскетбольной форме на три размера больше, чем ему надо. У тебя есть иные варианты?

— Дай приглядеться. Я тебе перезвоню.

Он сунул телефон в карман, рассматривая двенадцать маленьких фигурок у ограждения и обращая особое внимание на тех, о ком сказал Хардвик. Но одно выражение, которое тот употребил, усилило его сомнения: с натяжкой.

Вот уж точно, с натяжкой. Гурни и так не мог отделаться от гнетущего, тошнотворного ощущения, что вся гипотеза — будто один из этих непоседливых и нелепо одетых школьников может оказаться Питером Пэном — просто смехотворна. Переместившись на новую позицию, чтобы лучше разглядеть лица мальчишек, он боролся с искушением бросить всю эту затею, признать, что, скорее всего, Питер Пэн давно сбежал с ярмарки и направляется сейчас в иные, неведомые края, куда-нибудь подальше от Уолнат-Кроссинга. Уж явно это куда более разумная версия, чем та, согласно которой один из мальчишек, прилипших к перилам и околдованных ревом и лязгом, — на самом деле безжалостный убийца.

Возможно ли, чтобы тот, кому Интерпол приписывает пятьдесят убийств, кто размозжил голову Мэри Спалтер о край ванны, вбил гвозди в глаза Гаса Гурикоса, сжег семерых ни в чем не повинных людей в Куперстауне и отрезал голову Лексу Бинчеру, сейчас выдавал себя за одного из этих вот детей? Неторопливо проходя мимо них, словно бы с целью получше рассмотреть огромное колесо обозрения, Гурни осознал, что решительно не в состоянии вообразить кого-либо из них профессиональным убийцей — и не простым, а специализирующимся на заказах, которые все остальные считают невыполнимыми.

Эта последняя мысль обходным путем привела его все к тому же вопросу, над которым он ломал голову последние несколько дней, — но ему никогда не хватало времени поразмыслить над ним как следует. Самый, пожалуй, непостижимый вопрос из всех.

Что такого трудного было в убийстве Карла Спалтера?

В чем состояла в данном случае «невыполнимость»? Что вообще сделало это убийство задачей, которая по плечу только Паникосу?

Вероятно, ответ на этот один-единственный вопрос мог бы пролить свет и на все остальные загадки дела. Гурни решил наконец хорошенько

обдумать его со всех сторон — и не успокаиваться, пока не доберется до сути. Простота вопроса указывала на то, что сформулирован он верно. Это даже возродило в Гурни некоторый сдержанный оптимизм. Он чувствовал, что на верном пути.

И тут случилось поразительное.

Ему вдруг явился ответ — столь же простой, как и сам вопрос.

Гурни затаил дыхание, словно отгадка была так эфемерна, что могла улетучиться легким дымком от любого дуновения. Но чем больше он вертел ее в голове, чем больше испытывал на подлинность, тем сильнее убеждался в ее истинности. А если она истинна, дело об убийстве Спалтера, считай, наконец решено.

По мере того как умопомрачительно простое объяснение обретало четкие контуры у него в голове, на Гурни накатило знакомое звенящее возбуждение, неизменно сопровождающее у него обнаружение истины.

Он повторил про себя ключевой вопрос. *Что такого трудного было в убийстве Спалтера? Что делало его невыполнимым?*

И рассмеялся вслух.

Потому что ответ был и вправду проще некуда. Ничего.

В этом убийстве не было ничего сложного. Ничего невыполнимого.

Шагая обратно мимо фигурок у ограждения, он заново проверил на прочность свое прозрение и все, что из ответа на этот вопрос вытекало, спросив себя, какой свет оно проливает на темные уголки дела. И с нарастающим возбуждением наблюдал, как загадки решаются одна за другой.

Теперь он понимал, почему Мэри Спалтер должна была умереть.

Теперь он знал, кто заказал выстрел, оборвавший жизнь Карла Спалтера. Мотив стал ясен, как день. И темнее, чем ночь в аду.

Он знал, в чем состояла страшная тайна убийцы, что обозначали гвозди в голове Гаса и какая цель была у поджогов в Куперстауне.

Он видел, какие места в этой головоломке занимают Алисса, Клемпер и Йона.

Загадка выстрела, сделанного из комнаты, откуда его нельзя было сделать, перестала быть загадкой.

Собственно говоря, все в деле Спалтеров внезапно стало совсем простым. До тошноты простым.

И все выявляло одну непреложную истину: Питера Пэна необходимо остановить.

Гурни задумался над этой последней нелегкой задачей, как вдруг бешеный бег мыслей в его голове был прерван очередным взрывом.

Глава 60

Безупречный крошка Питер Пэн

Иные из посетителей ярмарки, бредущих мимо колеса обозрения, остановились, вопросительно наклоняя головы набок и обмениваясь тревожными взглядами. Но у ограждения, похоже, никто не замечал ничего необычного за гроыханием аттракционов и счастливыми воплями катающихся. Если кто-то из стоящих там и нес ответственность за череду приглушенных взрывов — если это он выставил таймер на взрывном устройстве или тайком послал дистанционный сигнал детонатора, — то он уж явно никак не выдал себя.

Сообразив, что это, надо думать, лучшая, а возможно, последняя возможность определиться, заслуживает ли кто-нибудь из ватаги мальчишек более пристального внимания или же погоня по горячим следам зашла в тупик, Гурни выбрал себе позицию у ограждения, откуда открывался относительно удачный вид на ватагу в профиль.

Отбросив сформулированные Хардвиком критерии отбора, он поочередно осмотрел каждого — и лицо, и фигуру. Девятерых из двенадцати подозреваемых он мог разглядеть достаточно хорошо, чтобы вынести уверенное суждение — и все суждения оказались негативны. Среди этих девяти была и та троица, за которой следил он, что заставило его пожалеть о потраченном понапрасну времени, хотя он и знал, что задача следователя — не только подтвердить личность подозреваемого, но и исключить непричастных.

Как бы там ни было, оставалось разобраться лишь с тремя. Они стояли как раз ближе всего к Гурни, но отвернувшись. И все трое — в типичной одежде бунтующей молодежи.

Подобно множеству других маленьких провинциальных городков, словно бы на много лет застрявших во временном омуте старомодных порядков и манер эпохи сериала «Положись на Бивера», Уолнат-Кроссинг постепенно сдавался (как уже сдался Лонг-Фоллс) перед натиском ядовитой культуры рэпа, одежды гангста-стиля и дешевого героина. Трое юнцов, за которыми наблюдал Гурни, похоже, стремились не отставать от новых веяний. Он, впрочем, надеялся, что двое из них — просто болваны, а вот третий...

Дико звучит, но он надеялся, что третий окажется воплощением зла.

А еще надеялся, что у него не останется никаких сомнений на этот счет. Славно было бы, если б это можно было прочесть по глазам — если

бы он мог с одного взгляда запросто определить зло или исключить такую возможность. Однако Гурни побаивался, что так не выйдет и что в столь важном вопросе простым наблюдением ограничиться не удастся. Почти наверняка придется судить по каким-то брошенным фразам, придется выдумывать способ поставить подозреваемого перед серией проверок, требующих какой-то реакции. Реакция выражается самым разным образом — словами, тоном, выражением лица, языком тела. Правда всплывает из совокупности всего этого.

Основной вопрос, конечно же, состоял в том, как на основании имевшихся данных прийти к верному заключению.

Дело чуть упростилось, когда один из оставшейся троицы внезапно повернулся в сторону Гурни, обратив к тому лицо, решительно не похожее на лицо человека с видеозаписи. Мальчишка сказал двум другим что-то про колесо обозрения — похоже, сперва уговаривал их пойти с ним, а потом пытался взять на слабо. Собственно, как оказалось, он брал на слабо и всех остальных в компании, так что теперь они возбужденно просачивались через проем в ограде к очереди на аттракцион. Под конец он бросил двух остающихся и, обозвав их трусливыми неженками, тоже встал в очередь.

Тогда-то один из оставшейся пары — тот, что стоял ближе к Гурни, наконец тоже повернул голову. Он был в черной толстовке с капюшоном, надвинутым почти до глаз и скрывающим волосы и лоб. Лицо было размалевано тошнотворной желтой краской. Нарисованная рыжеваторжавая улыбка маскировала контуры губ. На всем лице отчетливо различима была только одна деталь. Но она мигом привлекла внимание Гурни.

Нос: небольшой, острый, чуть крючковатый.

Гурни не мог бы поклясться, что этот нос в точности соответствует тому, который он видел в записях, однако сходства все же хватало, чтобы выделить этого подозреваемого как возможный вариант. Чтобы перевести его из разряда возможных в разряд более вероятных, требовалось, однако, хоть что-нибудь еще. Не говоря о том, что Гурни не успел толком разглядеть последнего спутника Черного Капюшона.

Он собирался передвинуться на новое место, когда последний юнец облегчил ему задачу, повернув голову ровно настолько, чтобы исключить себя (вместе со своей широкой плоской физиономией) из дальнейшего рассмотрения. Он что-то спросил у Черного Капюшона. Гурни не расслышал, но звучало похоже на: «А еще у тебя есть?»

Ответ Черного Капюшона потонул в общем гаме, но на лице его спутника отразилось недвусмысленное разочарование:

— А будет?

И снова ответа слышно не было, но тон звучал не слишком приятно. Явно струхнув, второй парень помялся немного, а потом попятился, развернулся и поспешил прочь, по тому ряду, у которого караулил Хардвик. После короткого колебания Хардвик двинулся вслед за ним, и скоро оба они пропали из виду.

Черный Капюшон остался у ограды один. Снова повернувшись к аттракционам, он с почти мечтательной задумчивостью смотрел на яркие огни колеса обозрения. В движениях его сквозила размеренная плавность, а замер он так неподвижно, что Гурни это показалось скорее взрослой, чем детской чертой.

Черный Капюшон (как называл его Гурни про себя, не желая преждевременно присваивать ему имя убийцы) держал руки в карманах толстовки — куда более удобный способ скрыть руки, кожа на которых очень сильно выдает возраст, чем перчатки, которые в августе выглядели бы странновато. Рост его — не более пяти футов — соответствовал росту Питера Пэна, да и тип сложения, оставляющий открытым вопрос о том, какого он пола, совпадал тоже. На черных тренировочных штанах и кроссовках виднелись пятна грязи, что было бы неудивительно после бешеной гонки на квадроцикле по склонам Барроу-хилл и по заболоченному пастбищу за ярмаркой. А подслушанный обрывок разговора у ограды наводил на мысль, что сегодня вечером Черный Капюшон еще и торговал наркотиками — что объяснило бы, как чужак с такой легкостью затесался в компашку местных подростков.

Пока Гурни рассматривал эту фигурку во всем черном и взвешивал косвенные свидетельства, заполнявший ярмарку поток брэнчащей и звенящей кантри-музыки вдруг остановился, на несколько секунд сменившись громким шумом помех, а затем объявлением: *«Дамы и господа, просим внимания. Передаем срочное объявление. Пожалуйста, сохраняйте спокойствие. Срочное объявление. На ярмарке произошло несколько пожаров неизвестного характера. Для безопасности всех присутствующих мы отменяем намеченную на вечер программу и приступаем к эвакуации ярмарки в безопасном и организованном порядке. По завершении уже начатых на аттракционах туров и заездов новых проводиться не будет. Просим всех участников ярмарки закрыть выставки и прекратить торговлю. Просим всех исполнять указания сотрудников службы безопасности, пожарных и медицинского персонала. Это срочное объявление. Все посетители ярмарки должны организованно проследовать к выходам и парковкам. Повторяю, произошло несколько*

пожаров неизвестного характера. Для общей безопасности необходимо начать организованную эвакуацию...»

Объявление прервал новый, самый громкий за все это время взрыв.

Паника ширилась. Крики. Матери в ужасе звали детей. Посетители растерянно оглядывались по сторонам. Иные застыли на месте, иные бросались сломя голову неизвестно куда.

Черный Капюшон у перил, глядевший на огромное колесо обозрения, не проявил ни тени эмоции. Ни потрясения, ни любопытства. Что, по мнению Гурни, было самым уличающим доказательством. Как мог он сохранять такое спокойствие — если только происходящее вовсе не было для него неожиданностью?

Впрочем, как то часто бывало с умозаключениями Гурни, нарастающая уверенность пришла вместе с нарастающей осторожностью. Он слишком хорошо сознавал, как от излишней уверенности подчас начинаешь подтасовывать факты, подстраиваешь их под нужный тебе вывод. Как только ответ, пусть даже ошибочный, начинает обретать форму — разум неосознанно выбирает все факты, которые поддерживают ответ, и отбраковывает те, что ему противоречат. Результат может быть весьма плачевен, а уж в расследовании — катастрофичен.

Предположим, Черный Капюшон — просто-напросто жалкий наркоман, накачавшийся до полной потери осознанности, так что огни ярмарки занимают его куда больше любой реальной опасности. Предположим, он просто-напросто один из пятидесяти или ста тысяч людей на планете, обладающих маленьким крючковатым носом. Предположим, пятна грязи у него на штанах оставлены неделю назад?

Предположим, все, что казалось подтверждением его догадок и ясным ответом, и не ответ вовсе.

Чтобы снять все эти сомнения, Гурни должен был что-нибудь предпринять — неважно, что. Причем — в одиночку. Причем — быстро. Для изящных маневров времени не оставалось. Как и для работы в команде. Одному богу известно, где сейчас Хардвик. А шансов на сотрудничество с местными полицейскими — никаких, они, скорее всего, уже из сил выбиваются, пытаясь обуздать воцарившийся хаос. Не говоря уже о том досадном обстоятельстве, что он успел обзавестись врагом из их числа. Если сейчас обратиться к ним за помощью, его скорее арестуют, чем станут помогать в разрешении вопроса с Черным Капюшоном.

Аттракционы все еще скрежетали и громыхали вокруг своих механических остовов. Колесо обозрения крутилось медленно, сам размер и относительная бесшумность движения наделяли его неким подобием

величия на фоне меньших и более шумных конструкций. У ограждения скапливалось все больше встревоженных родителей — вероятно, чтобы забрать детей, как только те сойдут на землю.

Гурни не мог дольше ждать.

Сжав в болтающемся кармане толстовки «Беретту» и сняв ее с предохранителя, он прошел вдоль ограды так, чтобы оказаться в нескольких шагах за спиной Черного Капюшона и, действуя на основании чего-то большего, чем просто инстинкт и импульс, тихонько запел:

В кольце букетик роз,
Карман цветов принес,
Пепел, пепел, вниз и вниз.

Мужчина с женщиной, стоящие рядом с Гурни, покосились на него подозрительно. Черный Капюшон не шелохнулся.

Аттракцион под названием «Бешеный волчок» остановился с лязгом, точно в классную доску забивали гигантские гвозди, и изрыгнул несколько десятков чуть ошалелых детей, большинство из которых быстро разобрали родители. Пространство вокруг Гурни слегка расчистилось.

Нацелив спрятанную в кармане «Беретту» в спину стоявшего перед ним человека, он снова еле слышно запел — стараясь сохранять тот же бестолковый живенький мотивчик детской песни, но уже на свои слова:

Питер Пэн, чудесный крошка,
С планом налажал немножко.
Питер-клоун, что ж ты скис?
Пепел, пепел, вниз и вниз.

Черный Капюшон слегка повернул голову — ровно настолько, чтобы краем глаза различать габариты и местоположение того, кто стоит у него за спиной. Но по-прежнему ничего не сказал.

Гурни различил у него на щеке сбоку несколько темно-красных круглых отметин величиной с горошину — примерно там, где у бандитов нередко бывают вытатуированы слезинки: порой в память об убитых друзьях, а порой в знак убийств, которые они сами совершили.

И вдруг его бросило в дрожь — он осознал, что это не просто красные точки, и даже не слезы.

Это были крохотные красные цветы.

Руки Черного Капюшона скользнули чуть глубже в объемистые карманы его толстовки.

Указательный палец Гурни лег на спусковой крючок «Беретты».

В проходе позади них, в какой-нибудь сотне ярдов, не больше, прозвучал очередной взрыв — а за ним крики, вопли, проклятия, резкий вой нескольких взывших одновременно пожарных сирен, снова крики, топот бегущих ног. Кто-то отчаянно выкрикнул имя Джозеф.

Черный Капюшон не шелохнулся.

В Гурни начал вскипать гнев при мыслях о том, что происходит у него за спиной, о том, что вызвало все эти крики боли и ужаса. Гнев заставил его произнести следующую фразу:

— Паникос, ты покойник.

— Ты это мне? — Тон вопроса был подозрительно лишен даже намек на беспокойство. Акцент похож на городской, очень небрежный. Сам голос, казалось, принадлежал человеку без возраста — или странному ребенку, и определить по нему пол говорившего было так же невозможно, как по фигуре.

Гурни вглядывался в те немногие черты, которые мог рассмотреть на этом выкрашенном в желтый цвет лице, тонувшем в тени черного капюшона. Яркие ярмарочные огни, вопли ужаса и смятения, доносившиеся с места взрыва, и едкий запах плывущего по ветру дыма преобразили стоявшее перед ним существо: оно словно явилось из потустороннего мира. Миниатюрная копия мрачного жнеца. Малолетний актер в роли демона.

— Это я безусловно Питеру Пэну, застрелившему не того человека.

Лицо под капюшоном медленно повернулось к нему. Следом начал разворачиваться и корпус.

— Стой, где стоишь, — велел Гурни. — Не двигайся.

— Как же не двигаться, мужик, — в голосе Черного Капюшона зазвучали скулящие, испуганные нотки. — Как мне не двигаться?

— А ну стой!

Тот замер. Взгляд немигающих глаз на желтом лице был устремлен на карман, в котором Гурни сжимал «Беретту», готовый выстрелить в любую секунду.

— И что делать будешь, мужик?

Гурни промолчал.

— Щас застрелишь, да? — Стиль речи, интонации, акцент — все выдавало манеру разговора трудного подростка с улицы.

Но все же, подумал Гурни, не совсем так. Сперва он не мог бы объяснить, в чем тут дело, но потом сообразил. Черный Капюшон говорил, как «среднестатистический уличный подросток», без привязки к конкретному району конкретного города. Все равно что британские актеры, играющие жителей Нью-Йорка: акцент плавает от района к району, и получается, что они ниоткуда.

— Застрелю ли? — Гурни задумчиво нахмурился. — Застрелю, если не будешь делать то, что я велю.

— Например, что, мужик? — Черный Капюшон снова начал поворачиваться, словно бы желая заглянуть Гурни в глаза.

— Стой! — Гурни чуть выставил «Беретту» в кармане толстовки вперед, явственнее обозначая ее присутствие.

— Понятия не имею, кто ты, мужик, но крыша у тебя поехала.

Он повернулся еще чуть-чуть.

— Еще дюйм, Паникос, и я спускаю курок.

— Да кто такой, черт возьми, этот Паникос? — тон неожиданно переполнился недоумением и возмущением. Даже чересчур.

— Хочешь знать, кто такой Паникос? — Гурни улыбнулся. — Величайший мазила в своей профессии.

И в этот миг в холодных глазах произошла перемена. Что-то мелькнуло и вновь исчезло, почти мгновенно. Если бы Гурни попросили охарактеризовать то, что он видел, он назвал бы это проблеском чистейшей ненависти.

На смену ей пришла брюзгливая гримаса.

— Да ты спятил, мужик. Двинулся.

— Возможно, — спокойно отозвался Гурни. — Может, я и сошел с ума. Может, застрелю сейчас не того, кого нужно, — совсем как ты. Может, тебе суждено сейчас схлопотать пулю только потому, что ты оказался не в том месте и не в то время. Знаешь ведь, как оно бывает?

— Мужик, ты гонишь! Не можешь же ты как ни в чем не бывало застрелить меня на глазах у тысяч посетителей этой долбанной ярмарки. Только попробуй — и тебе конец, мужик. Раз — и крышка. Только представь себе газетные заголовки: «*Псих полицейский убивает беззащитного ребенка*». Хочешь, чтобы твоя семья такое увидела?

Гурни улыбнулся еще шире.

— Вижу, к чему ты клонишь. Очень интересно. Ты мне вот что скажи — откуда ты знаешь, что я полицейский?

И во второй раз в этих глазах что-то промелькнуло. Уже не ненависть — скорее, секундная заминка, как на видео, когда запись на миг тормозит, а

потом продолжается, как ни в чем не бывало.

— Но ты ж полицейский, верно? Кто же еще? Непременно коп. Ну видно же.

— И что тут такого очевидного?

Черный Капюшон покачал головой.

— Видно, да и все, мужик. — Он невесело рассмеялся, демонстрируя мелкие острые зубы. — И хочешь знать? Я тебе кое-что скажу. Весь этот разговор — хрень собачья. Ты просто чокнутый. Разговор окончен. — Одним быстрым и плавным движением он повернулся к Гурни, приподняв локти, словно птенец — крылья. Глаза у него были расширенны и безумны, обе руки все так же таились в складках огромной, не по размеру, черной толстовки.

Гурни выхватил «Беретту» и выстрелил.

Глава 61

Полный хаос

Первым звуком, который услышал Гурни после того, как резко щелкнул выстрел и хрупкая фигурка в черном упала на землю, был исполненный ужаса крик Мадлен.

Она стояла в каких-нибудь двадцати футах от него — должно быть, как раз возвращалась от загонов. На лице у нее отражалось не только естественное потрясение человека, на глазах у которого кого-то застрелили, но и полнейшее непонимание, как стрелявший мог оказаться ее мужем, а жертва, по всей видимости, ребенком. Она застыла на месте, прижимая руку к губам, словно попытка осознать происходящее требовала усилия настолько непомерного, что она не могла даже пошелохнуться.

Другие люди вокруг тоже находились в полном смятении — кто пятился, кто, наоборот, тянул шею, чтобы лучше разглядеть происходящее. Все спрашивали друг у друга, что случилось.

Несколько раз выкрикнув: «Полиция!», Гурни вытащил бумажник и свободной рукой открыл его, поднимая над головой и демонстрируя полицейское удостоверение, чтобы свести к минимуму риск вмешательства вооруженных штатских.

Когда он приблизился к распростертому на земле телу, чтобы удостовериться в том, что опасность нейтрализована, и проверить показатели жизнедеятельности, встревоженный гомон толпы у него за спиной прорезала резкая команда:

— Стой, где стоишь!

Гурни тут же замер. Он множество раз слышал такой тон на работе — ломкий слой гнева, прикрывающий расшалившиеся нервы. Единственная безопасная линия поведения тут состояла в том, чтобы не делать ровным счетом ничего, кроме как повиноваться любым приказам беспрекословно и в точности.

Безошибочно узнаваемый полицейский в штатском подошел к Гурни справа, крепко стиснул его правую руку пониже плеча и забрал у него пистолет. Кто-то другой, подойдя сзади, вынул из поднятой левой руки Гурни бумажник.

Через несколько секунд, потраченных, по всей вероятности, на проверку удостоверения Гурни, нервный голос воскликнул:

— Черт побери... да это ж мы его ищем!

На этот раз Гурни распознал голос того полицейского в форме, что подрабатывал в составе охраны ярмарки.

Встав перед Гурни, полицейский посмотрел на него, потом на лежащее на земле тело, потом снова на Гурни.

— Что это за чертовщина? Ты застрелил этого парнишку?

— Это не парнишка. Это тот беглый преступник, о котором я вам говорил у ворот, — Гурни говорил громко и отчетливо, чтобы как можно больше свидетелей слышало его описание ситуации. — Проверьте его показатели жизнеспособности. Пулевое отверстие должно находиться между правым плечом и правой плевральной полостью. Пусть врач как можно скорее убедится, нет ли артериального кровотечения.

— Да кто ты, черт возьми, такой? — полицейский снова посмотрел на тело. Теперь к его враждебности примешивалось удивление — впрочем, ничуть не уменьшая ее. — Это же просто ребенок. Без оружия. На кой ты в него стрелял?

— Это не ребенок. Его зовут Петрос Паникос. Свяжитесь с бюро криминальных расследований в Саспарилле и ФБР в Олбани. Он — наемный убийца, который застрелил Карла Спалтера.

— Наемный убийца? Да ты, твою мать, шутить вздумал? Зачем ты в него стрелял?

Гурни дал ему единственный приемлемый по закону ответ. Который, уж так получилось, был чистой правдой.

— Потому что верил, что моей жизни грозит непосредственная опасность.

— От кого? От чего?

— Если вы вынете его руки из карманов, то в одной из них обнаружите

оружие.

— Точно-точно? — Он поискал взглядом своего спутника в штатском, который, похоже, как раз заканчивал обсуждать по рации порядок оказания медицинской помощи. — Двейн. Эй, Двейн! Вытащи-ка у парнишки руки из карманов, а? Чтоб мы видели, что у него там. А то этот вот умник утверждает, ты там найдешь пушку.

Двейн сказал еще пару слов по рации и пристегнул ее обратно к поясу.

— Да, сэр. Без проблем. — Он опустил на колени возле тела. Глаза у Черного Капюшона были еще открыты. Похоже, он находился в сознании. — Малыш, у тебя есть пушка?

Ответа не последовало.

— Мы не хотим тебя обижать, понимаешь? Я просто проверю, посмотрю, вдруг у тебя там пистолет, про который ты позабыл? — Прохлопав по карманам черной толстовки, он нахмурился. — Похоже, малыш, у тебя там что-то есть. Скажешь мне, что там такое? Чтобы никто не пострадал.

Глаза Черного Капюшона теперь были устремлены на Двейна, но он ничего не сказал. Двейн залез одновременно в оба кармана толстовки и медленно вытянул руки раненого.

Левая оказалась пустой. В правой был сжат несуразный, девчачий розовый мобильник.

Полицейский в форме бросил на Гурни взгляд преувеличенно насмешливого сочувствия.

— Ууупс, вот уж не повезло. Ты застрелил мальчика за то, что у него в кармане был телефон. Безобидный такой телефончик. Не повезло, так не повезло. Большие сомнения насчет «непосредственной угрозы для жизни». Эй, Двейн, проверь-ка состояние парнишки и вызывай «скорую». — Он оглянулся на Гурни и покачал головой. — Вот уж не повезло, мистер, так не повезло.

— У него есть какое-то оружие. Я совершенно уверен. Проверьте получше.

— Совершенно уверен? Да как ты тут можешь быть в чем-то уверен?

— Как прослужишь пару десятков лет в городской полиции, начнешь понимать, когда у кого-нибудь что-то есть.

— В самом деле? Снимаю шляпу. Что ж, полагаю, у него и впрямь что-то есть. Только вот, — добавил он с кривой усмешкой, — не пистолет. Что, понимаешь ли, меняет всю картину — и не в твою пользу. Это сложно назвать оправданным применением оружия, даже если б ты и по сей день служил в полиции, а ты-то ведь даже и не служишь. Боюсь, мистер Гурни,

придется тебе отправиться с нами.

Гурни заметил, что Хардвик вернулся и пробился к внутреннему краю толпы зевак. Он стоял неподалеку от Мадлен, которая казалась уже не такой остолбеневшей, но все такой же испуганной. Взгляд Хардвика стал леденяще неподвижным, точно у маламута, — и эта неподвижность обозначала полнейшее равнодушие к опасности. У Гурни возникло ощущение, что, кивни он только в сторону враждебно настроенного полицейского, Хардвик преспокойно всадил бы тому в грудь пулю девятого калибра.

В этот-то момент внимание Гурни привлекло тихое гудение — едва различимое среди нарастающего со всех сторон грохота пожарного и медицинского оборудования. Пока он пытался вычислить источник этого подозрительного звука, гудение стало громче, приобрело явственно выраженный мотив. А потом этот мотив стало можно распознать.

«В кольце букетик роз».

Гурни сперва узнал мелодию, а уже потом вычислил источник звука — приоткрытые губы лежавшего на земле раненого... губы, приоткрытые по центру намалеванной кроваво-ржавой улыбки. Такая же кровь, только чуть красней, чем улыбка, уже начала просачиваться сквозь плечо черной толстовки, пятная пыльный асфальт. И пока все, услышавшие пение, недоуменно уставились на раненого, сквозь мелодию постепенно прорезались слова: *«В кольце букетик роз. Карман цветов принес. Пепел, пепел, вниз и вниз»*.

Напевая, раненый медленно поднял розовый телефон, так и оставшийся у него в руке.

— О боже! — вскричал Гурни, сообразив, что происходит. — Телефон! Отнимите его! Это детонатор! Отберите!

Видя, что ни один из полицейских не понимает, о чем это он, он ринулся вперед и яростным пинком выбил телефон из руки — в тот же миг, как оба полицейских накинулись на него, оттаскивая назад. Розовый мобильник отлетел в сторону и заскользил по асфальту.

Но Питер Пэн уже успел нажать на кнопку.

Через три секунды прогремела быстрая серия из шести мощных взрывов — резкие, оглушительные взрывы, ничуть не похожие на приглушенные хлопки предыдущей серии.

У Гурни звенело в ушах — так, что он не слышал ничего больше. Когда полицейские, оттаскивавшие его, начали подниматься на ноги, земля совсем рядом с ними сотряслась. Гурни бешено озирался в поисках Мадлен и увидел, что она, по всей видимости, оглушенная, цепляется за поручень

ограждения. Он бросился к ней, протягивая руки. Но в тот миг, как он обнял ее, она пронзительно закричала, показывая на что-то у него за спиной.

Он обернулся, моргая, не в силах в первый момент осознать, что видят его глаза.

Колесо обозрения оторвалось от креплений.

Но все еще вращалось.

Все еще вращалось. Но не вокруг своей оси, стальные балки которой, похоже, снесло взрывом, — в туче удушающей пыли оно катилось вперед, прочь от растрескавшегося бетонного постамента.

А потом вырубился свет — сразу везде, — и воцарившаяся темнота немедленно усилила и умножила доносящиеся со всех сторон вопли ужаса.

Гурни с Мадлен прижались друг к другу. Прорезавшая низкие тучи вспышка молнии выхватила силуэт огромного колеса, что катилось мимо, сминая ограждения. От вибрирующего остова доносились не только крики пассажиров, но и жуткий, точно удары стального бича, скрежет и лязг гнущегося, ломающегося и трескающегося металла.

Территорию ярмарки освещали сейчас лишь частые вспышки молний и разрозненные огни пожаров, разносимых и раздуваемых ветром. Сорвавшееся с креплений колесо обозрения плавно, словно на сделанных замедленной съемкой кадрах из снятой Феллини кошмарной сцены ада на земле, катилось к центральному проходу ярмарки — в кромешной мгле, лишь иногда выхватываемое иссиня-белой вспышкой молнии.

Пальцы Мадлен впивались в руку Гурни. Голос срывался.

— Что происходит, во имя всего святого?

— Электричество отключилось, — ответил он.

Абсурдность этого ответа дошла до обоих в один и тот же миг, вызвав у них приступ нервного смеха.

— Паникос... он... наспиговал взрывчаткой всю ярмарку, — ухитрился добавить Гурни, ошалело осматриваясь по сторонам. Тьма вокруг наполнилась ядовитым дымом и пронзительными криками.

— Ты убил его? — вскричала Мадлен — словно в ужасе спрашивала, и вправду ли гремучая змея перед ними мертва.

— Ранил. — Гурни посмотрел в ту сторону, где выстрелил в Паникоса, и подождал вспышки молнии, осветившей темный силуэт на асфальте. До него дошло вдруг, что колесо прокатилось ровно по тому месту, и при мысли, что он сейчас может увидеть, к горлу подкатила тошнота. Первая вспышка дала ему возможность подойти достаточно близко. Мадлен все так же цеплялась за его руку. Вторая вспышка показала Гурни то, чего он

так не хотел видеть.

— Боже мой! — воскликнула Мадлен. — Боже мой!

Похоже, одно из многотонных стальных колец колеса обозрения прокатилось по телу — практически разрезав его надвое.

Пока они стояли там в темноте, на доли секунды перемежаемой вспышками молний, начался дождь, скоро перешедший в ливень. Молнии высвечивали колышущуюся, спотыкающуюся человеческую массу. Должно быть, только темнота и дождь еще удерживали людей от безудержной слепой давки.

Судя по всему, при виде угрожающе приближающегося колеса Двейн и полицейский в форме отскочили от тела Паникоса — и теперь оба мчались вслед за колесом к главному проходу, на крики попавших в ловушку пассажиров, помочь которым они все равно никак не могли.

Вся несусветная чудовищность происходящего, вся душевная, умственная и эмоциональная перегрузка отразились именно в этом — в том, как легко, даже не обернувшись, два служителя закона покинули место убийства.

Голос Мадлен дрожал, точно она отчаянно старалась говорить спокойно:

— Боже мой, Дэвид, что нам теперь делать?

Гурни не ответил. Он смотрел вниз, дожидаясь, пока следующая вспышка молнии осветит лицо под темным капюшоном. И когда дождался, беспощадный дождь успел уже смыть почти всю желтую краску.

Он увидел то, что хотел увидеть. От сомнений не осталось и следа. Теперь Гурни был уверен, что видел на записях с камер слежения именно этот нежный рот в форме сердечка.

Исковерканное тело у его ног и в самом деле принадлежало Петросу Паникосу.

Знаменитого убийцы больше не существовало.

Питер Пэн превратился в жалкую грудку переломанных костей.

Мадлен потянула Гурни из лужи крови и дождевой воды, в которой он стоял, и все тянула его прочь, пока они не добрались до исковерканного ограждения. Вспышки молний и раскаты грома, перемежаемые ужасным грохотом, лязгом, скрежетом металла и людскими воплями, доносившимися от все еще катящегося колеса обозрения, напрочь лишали возможности думать и рассуждать рационально.

Как ни старалась Мадлен держать себя в руках, голос у нее начал срываться.

— Боже, Дэвид, тут же люди гибнут... гибнут... что нам делать?

— Одному богу известно... Что сумеем... но сперва... прямо сейчас... мне надо забрать тот телефон... мобильник Паникоса... детонатор... пока он не потерялся... пока не запустил очередной взрыв.

Гурни чуть не подскочил от неожиданности, когда знакомый голос вдруг произнес, точнее, почти прокричал, перекрывая шум вокруг:

— Оставайся с ней. Я принесу.

Сзади — за остатками ограждения, за местом крепления колеса обозрения — внезапно занялась ярким огнем деревянная платформа, по которой пассажиры поднимались к кабинкам. В пляшущих отсветах рыжих языков пламени Гурни видел, как Хардвик шагает сквозь косые струи дождя к распростертому на земле телу.

Добравшись до места, он чуть помедлил и нагнулся, чтобы подобрать блестящий розовый телефон, все еще зажатый в руке Паникоса. Прошло слишком мало времени, чтобы трупное окоченение начало сковывать суставы, и вытащить телефон, должно быть, оказалось несложно. Когда Хардвик начал его поднимать, рука Паникоса поднялась следом.

Даже в неверных отсветах пламени Гурни отчетливо видел, почему так получилось. К телефону крепился короткий вытяжной шнур, конец которого был обвязан вокруг запястья Паникоса. Крепко ухватив телефон, Хардвик дернул шнур — от рывка рука Паникоса поднялась выше, а когда распрямилась до конца, грянул выстрел.

Гурни услышал, как коротко и глухо вскрикнул Хардвик, падая лицом вниз на маленькое тело.

Какой-то помощник шерифа бежал, освещая себе дорогу фонариком, по круговой аллее в сторону тяжеловесно катившегося колеса обозрения. Заслышав выстрел, он резко остановился, схватившись за рукоять пистолета в кобуре, и многозначительно посмотрел сперва на Гурни, а потом на два тела на мостовой.

— Что тут, черт возьми, творится.

Ответил ему Хардвик, пытаясь сползти с тела Паникоса. Слова вырывались у него сквозь стиснутые зубы вместе с шипением, исполненным муки и ярости.

— Этот мертвый засранец только что всадил в меня пулю.

Помощник шерифа замер во вполне понятном недоумении. Но стоило ему подойти поближе, как эмоции его перехлестнули за рамки простого недоумения.

— Джек?

Ответом был неразборчивый, сдавленный рык.

Помощник шерифа обернулся к Гурни.

— Это... это Джек Хардвик?

Глава 62

Фортели разума

Иногда случалось так, что в самый разгар сражения, в момент полного хаоса, когда атака на умственные и душевные ресурсы Гурни казалась уже невыносимой, вдруг открывался неожиданный путь к спасению. На сей раз он явился в образе помощника шерифа Дж. Ользевски.

Ользевски узнал Хардвика, с которым познакомился на проводимом для разных подразделений семинаре по воплощению в жизнь «Патриотического акта». О том, что Хардвик ушел из нью-йоркской полиции, он не знал, так что заручиться его сотрудничеством оказалось проще, чем если бы он был в курсе дела.

Гурни очень вкратце — что выглядело вполне уместно в условиях чрезвычайной ситуации — обрисовал ему ситуацию. И Ользевски согласился выставить ограждение вокруг тела Паникоса, официально взять на хранение розовый телефон, вызвать на место происшествия не здешнюю полицию, а сотрудников своего отдела, лично провести обыск тела для выявления спрятанного оружия, выстрелившего, когда Хардвик поднял руку Паникоса, и проследить, чтобы это оружие также было отдано на хранение в управление шерифа.

Хотя переносить Хардвика и было рискованно, они все согласились, что дожидаться приезда «скорой помощи» в сложившихся обстоятельствах еще опаснее.

Пулевая рана в боку Хардвика сильно кровоточила, однако он твердо решил встать — что и умудрился сделать с помощью Гурни, Ользевски и отборной ругани — и двигаться к воротам, куда будут подъезжать машины «скорой помощи». Словно в поддержку такого решения, наконец заработал электрогенератор и часть фонарей вспыхнули снова, хотя светили лишь в малую долю обычной своей яркости. По крайней мере, теперь можно было идти, полагаясь не только на отсветы пожаров и вспышки молний.

Кривясь от боли и опираясь на Гурни с одной стороны и Мадлен с другой, Хардвик заковылял вперед, как вдруг колесо обзора — верхняя его часть, видневшаяся над пологом главного шатра в следующем ряду, — начало трястись и шататься. Послышался треск металла, глухой стук чего-то тяжелого об асфальт. А затем неестественно медленно, словно в замедленной съемке, вся махина скрылась за шатром. Секундой позже

землю сотряс оглушительный удар.

Гурни затошнило. Мадлен заплакала. Хардвик издал какой-то гортанный звук — не то от боли, не то от ужаса. Трудно было понять, насколько он осознает окружающий кошмар.

Однако по пути к воротам он передумал и дожидаться там «скорой» не захотел.

— Слишком много пострадавших, врачи заняты по горло, не хочу ни у кого отнимать шанс, не хочу, чтобы кто-то из-за меня дольше дожидался помощи.

Голос его звучал еле слышно, скорее хриплым шепотом.

Гурни наклонился к нему удостовериться, что расслышал правильно.

— Чего ж ты тогда хочешь, Джек?

— В больницу. Не из самых ближних. В местных будет столпотворение. Им не справиться. В Куперстаун. Да, Куперстаун самое оно. И прямо в неотложку. Ты как, старичок? Сладишь с моей машиной?

Идея показалась Гурни совершенно невыносимой — перевозить человека с пулевым ранением на пятьдесят пять миль в машине без какого бы то ни было медицинского оборудования. И все-таки он согласился. Потому что идея перепоручить Хардвика до отказа перегруженной системе медицинской помощи в самый разгар катастрофы, подобной которой эта система еще не видала, казалась еще ужаснее. Одному богу известно, сколько изувеченных, еле живых пострадавших с колеса обозрения, не говоря уже о жертвах предыдущих взрывов, окажутся в очереди впереди него.

Так они проковыляли через ворота для автотранспорта, заодно служившие и воротами для устроителей выставки, — за этими воротами, на обочине, Хардвик припарковал свой старенький «Понтиак». Перед тем как садиться в машину, Гурни снял футболку, которая была на нем под толстовкой, и разорвал на три части. Свернув два куска в толстые валики, он зажал одним входное отверстие пули, а вторым — выходное и плотно перевязал третьим куском, чтобы они держались. Потом вместе с Мадлен усадил раненого на переднее пассажирское сиденье, до предела откинув спинку.

Едва придя в себя от боли настолько, чтобы говорить, Хардвик вытащил из футляра на поясе телефон, выбрал номер быстрого набора, немного подождал и оставил сообщение — слабым, но жизнерадостным голосом, надо полагать, для Эсти. «Приветик, крошка. У меня тут проблемка. Стормозил и схлопотал пулю. Позорище. Схлопотать пулю от мертвеца. Сложно объяснить. Еду в больницу в Куперстауне. Шерлок за

рулем. Люблю тебя, Персик. Потом поговорим».

Это напомнило Гурни, что надо бы позвонить Кайлу. На его звонок тоже откликнулся автоответчик. «Привет, сынок. Как ты там? Я гнался за нашим приятелем до ярмарки. Там началось черт знает что. Джек Хардвик ранен, везу его в больницу в Куперстаун. Надеюсь, у тебя все в порядке. Как только сможешь, позвони мне и все расскажи. Я тебя люблю».

Как только он договорил, Мадлен уселась на заднее сиденье, Гурни — на водительское, и они тронулись в путь.

С ярмарки спешило уехать столько машин, что образовалась чуть ли не пробка — почти сюрреалистическое зрелище здесь, где коровы, как правило, встречались гораздо чаще, чем машины, а немногочисленные помехи движению создавались разве что тихоходными фургонами с сеном.

К тому времени как они выбрались на дорогу пошире, полоса грозовых туч уже сдвинулась на восток в сторону Олбани, а вертолеты с журналистами и телевизионщиками обшаривали долину лучами прожекторов — выискивая, должно быть, наиболее зрелищные ракурсы трагедии. Гурни представлял, как задыхающиеся от восторга креативщики с «РАМ-ТВ» рапортуют о том, как «обезумевшие от ужаса люди во мраке спасаются с места трагедии, которую многие считают результатом террористической атаки».

Вырвавшись из временного затора, Гурни гнал машину со всей скоростью, на какую только отважился, — и еще чуть-чуть сверх того. Почти всю дорогу выжимая от пятидесяти до ста миль, он добрался до больницы в Куперстауне минут за сорок пять. Удивительно, но по пути никто не произнес ни слова. Тревожное сочетание предельно допустимой скорости, агрессивной манеры Гурни не сбавлять хода на поворотах и практически ничем не заглушаемого рева мощного восьмицилиндрового мотора, похоже, на корню пресекало любую возможность беседы — сколько бы ни оставалось нерешенных проблем и оставшихся без ответа вопросов.

Через два часа, однако, ситуация коренным образом переменилась.

Хардвика осмотрели, обследовали, сделали анализы, уколы и переливание крови, зашили, перевязали, поставили капельницу с антибиотиками, болеутоляющими и электролитами и велели ему провести в больнице, по крайней мере, ночь. Неожиданно объявился Кайл и остался дежурить с Гурни и Мадлен в палате Хардвика. Все трое сидели в креслах рядом с его кроватью.

Кайл рассказал, что произошло с момента появления полиции до того,

как увезли тело Клемпера, а начавшееся было расследование внезапно оборвалось, потому что всех полицейских и спасателей в округе срочно вызвали на территорию ярмарки, и следователи умчались, оградив большой участок вокруг дома желтой лентой как место преступления. Сам Кайл разобрал достаточно из переговоров полицейских, чтобы понять — произошла какая-то катастрофа, и, оставшись один, заменил спущенное колесо отцовского автомобиля и тоже поспешил на ярмарку, но по пути, взглянув на телефон, обнаружил сообщение от Гурни, что они поехали в Куперстаун.

Когда он закончил рассказ, Мадлен рассмеялась чуть нервным смехом.

— Я так понимаю, ты рассудил, что раз какой-то псих взорвал ярмарку, именно там-то твой отец и окажется?

Кайл смущенно покосился на Гурни и ничего не ответил.

Мадлен засмеялась и пожала плечами.

— Я тоже именно так рассудила бы. — И спросила обманчиво небрежным тоном, ни к кому конкретно не обращаясь: — Первым был Лекс Бинчер. Потом Гораций. Потом Мак Клемпер. Кто намечался следующим?

Кайл снова покосился на отца.

Хардвик лежал на груди подушек, отдыхая, но не упуская ни единого слова.

Наконец Гурни ответил, но так уклончиво, что это и ответом считать было трудно.

— Ну, самое главное — все позади. А сейчас только это и важно.

Все дружно уставились на него — Кайл с любопытством, Хардвик скептически, а Мадлен озадаченно.

— Ты, твою мать, верно, шутишь, — произнес Хардвик очень медленно, словно ему было больно говорить быстрее.

— Да не то чтобы. Все наконец стало ясно, — отозвался Гурни. — Твоя клиентка, Кэй, выиграет апелляцию. Исполнитель мертв. Опасность нейтрализована. Дело закрыто.

— Закрыто? Забыл про труп на твоём газоне? И вдобавок у нас ни малейших доказательств, что коротышка, которого ты застрелил, и в самом деле Питер Пэн. И еще вся эта реклама по «РАМ-ТВ», что ты, мол, собираешься выступить со сногшибательными разоблачениями по делу Спалтеров. Да после этого все копы, которые над делом работали, наверняка твоей крови жаждут.

Гурни улыбнулся.

— Я сказал, дело закрыто. На то, чтобы разобраться с осложнениями и конфликтами, понадобится еще немало времени. И взаимные обиды никуда

не денутся, и обвинения еще какое-то время будут звучать. И с фактами смириться удастся не сразу. Но сейчас уже слишком много правды вышло на свет, и снова зарыть ее не под силу никому.

Мадлен смотрела на него во все глаза.

— Хочешь сказать, ты с делом Спалтеров покончил?

— Вот именно.

— Выходишь из игры?

— Ну да.

— Вот так просто?

— Вот так просто.

— Не понимаю.

— Чего ты не понимаешь?

— Ты же никогда не бросал головоломку, в которой недостает большого куска.

— Верно.

— А сейчас — бросаешь?

— Да нет же! Напротив.

— То есть, ты имеешь в виду, дело закрыто, потому что ты его разгадал? И знаешь, кто нанял Питера Пэна убить Карла Спалтера?

— Собственно говоря, его вовсе не нанимали убивать Карла.

— Ты о чем?

— Убивать Карла не предполагалось. Все дело с самого начала было комедией — или трагедией — ошибок. Вот увидишь, оно еще войдет во все учебники. Причем под заголовком «Роковые последствия привычки руководствоваться разумными предположениями».

Кайл подался вперед на кресле.

— Убивать Карла не предполагалось? Но как ты догадался?

— Поломав голову над всеми остальными составляющими этого дела, абсолютно бессмысленными, если мишенью был Карл. Версия о жене, убившей мужа, рассыпалась на куски, стоило лишь присмотреться пристальнее. Куда вероятнее казалась версия, что Кэй или еще кто-нибудь нанял для убийства Карла профессионала. Но даже в этом сценарии имелись неувязки — откуда все-таки стреляли, и зачем столько сложностей, и почему для такого простого дела понадобилось привлекать такого дорогого и неуправляемого киллера, как Питер Пэн. Как-то это все не складывалось. И еще эти случаи, которые постоянно всплывали в памяти, — про стрельбу в темном переулке и про взрыв машины.

Кайл вытаращил глаза.

— Они как-то связаны с убийством Карла?

— Не напрямую. Но оба замешаны на ложных предположениях насчет взаимосвязи и последовательности событий. Возможно, я чуял, что и в деле Спалтеров без таких же предположений не обошлось.

— Каких еще предположений?

— В деле о стрельбе в переулке таких предположений два, причем серьезных. Первое — что жертва убита выстрелом полицейского. И второе — что тот солгал о том, в какую сторону был обращен лицом подозреваемый в момент выстрела. Оба предположения казались совершенно разумными. Но оба — ложные. Пулевое ранение, от которого скончалась жертва, было нанесено до того, как на месте происшествия появился полицейский. И тот говорил чистую правду. В деле с машиной предположение состояло в том, что машина взорвалась в результате того, что водитель потерял управление и съехал с трассы. А на самом деле водитель потерял управление и свалился в ущелье из-за взрыва в машине.

Кайл задумчиво кивнул.

Хардвик состроил одну из типичных своих обескураженных гримас.

— Ну и какое отношение это все имеет к Карлу?

— Да прямое: последовательность событий, их взаимосвязь, предположения.

— Может, изложишь это все простым языком для такого тупицы, как я?

— Все предполагали, что Карл оступился и упал потому, что в него попала пуля. Но предположим, пуля попала в него именно потому, что он оступился и упал.

Хардвик заморгал, в глазах у него замелькала торопливая переоценка ситуации.

— В смысле — оступился и упал прямо перед намеченной жертвой?

Судя по выражению лица Мадлен, эти доводы ее отнюдь не убеждали.

— Вам не кажется, что это уже натяжка? Что его застрелили случайно, лишь потому, что он споткнулся перед человеком, в которого на самом деле целился убийца?

— Но ведь все именно это и видели, только потом переосмыслили увиденное, потому что мозг у всех соединяет точки на картинке самым легким способом.

Кайл озадаченно посмотрел на него.

— Что ты имеешь в виду — все именно это и видели?

— Все участники похорон говорили, что в первый момент они подумали, будто Карл оступился — или споткнулся обо что-то, или, например, ногу подвернул и потерял равновесие. А потом, когда

обнаружили пулевое ранение, все автоматически пересмотрели свое первое впечатление. Мозг каждого из них бессознательно сравнил относительную вероятность двух возможных вариантов развития событий — и сделал выбор в пользу того варианта, который казался правдоподобнее.

— Ну ведь мозгу и полагается работать именно так, разве нет?

— До определенного предела. Проблема в том, что как только мы признаем за данность определенную последовательность событий — в нашем случае, «был ранен, потерял равновесие, упал», а не «потерял равновесие, был ранен, упал», — мы невольно сбрасываем второй вариант со счетов, забываем о нем. Новая версия становится единственной. Мозг так устроен, чтобы устранять двусмысленности и противоречия и работать дальше. На практике же это нередко означает скачок без оглядки от разумного предположения к признанной истине. Ну и само собой, если разумное предположение в результате оказалось шатким, то все, построенное на основе этого предположения позже, — сплошная ерунда и рано или поздно развалится.

На лице Мадлен появилась легкая тень нетерпения, с которой она встречала почти любые подобные теоретизирования Гурни.

— И в кого целился Паникос, когда Карл оказался на пути пули?

— Ответ получить нетрудно. Тот, кто, заняв место жертвы, объяснит все прочие странности дела.

Кайл впился глазами в отца.

— Ты ведь уже знаешь, кто это, да?

— У меня есть кандидат, удовлетворяющий моим критериям, но это еще не значит, что я непременно прав.

— Я все время слышу от тебя, — продолжала Мадлен, — что странность, которая больше всего тебя смущает, — это участие в деле Питера Пэна, который якобы берется только за самые трудные задачи. Отсюда два вопроса. Первый — кого из присутствовавших на похоронах Мэри Спалтер было бы труднее всего убить? И второй — проходил ли Карл Спалтер мимо этого человека, направляясь к трибуне?

Хардвик перебил ее. Голос его звучал уверенно, хотя и не совсем бодро.

— Ответ на первый вопрос — Йона. Ответ на второй — да.

Сам Гурни пришел к такому же выводу примерно четыре часа назад, в ярмарочном проходе рядом с колесом обозрения, но очень приятно было убедиться, что другие независимо от него проделали в уме тот же путь. Если в жертвы намечался Йона, все темные места дела прояснились сами собой. В обычных условиях обнаружить фактическое местопребывание

Йоны было не то что сложно, а скорее невозможно, и это делало его идеальным кандидатом для Паникоса, любителя сложных дел. Собственно говоря, похороны матери были, вероятно, единственным событием, гарантирующим, что он окажется в предсказуемое время в предсказуемом месте, — вот почему Паникос и убил ее. На кладбище Йона сидел, а не стоял, — что разрешало загадку с траекторией выстрела, сделанного из квартиры на Экстон-авеню. Карлу не могли всадить пулю в голову оттуда, когда он шел мимо Алиссы, — но вот когда он падал перед Йоной, предназначенная тому пуля запросто могла в него угодить. Этот сценарий объяснял и вопрос, не дававший покоя Гурни с самого начала: как Карл умудрился пройти еще десять-двенадцать шагов после того, как пуля поразила моторный центр у него в мозгу. Простой ответ состоял в том, что он и не проходил. И наконец, нелепый результат — ведь «фокусник» застрелил не ту жертву, рискуя стать посмешищем в тех самых кругах, где репутация была для него важнее всего, — объяснял то, как он потом лез вон из кожи, чтобы этот позорный факт навеки остался тайной.

Следующий вопрос напрашивался сам собой.

Задал его Кайл с видимой неловкостью:

— Если на самом деле мишенью был Йона, то кто тогда нанял Паникоса?

С точки зрения *cui bono*, ответ казался Гурни очевидным. Лишь один человек значительно выиграл бы от смерти Йоны — выиграл бы очень крупно.

Судя по лицам всех присутствующих, для них ответ был столь же очевиден.

— Скользкий засранец, — пробормотал Хардвик.

— О господи, — у Мадлен было такое лицо, словно ее представления о человеческой природе серьезно подкосились.

Все четверо смотрели друг на друга, точно гадая, не сыщется ли иного объяснения.

Однако деваться от неприглядной правды было некуда.

Выстрел, убивший Карла Спалтера, был заказан не кем иным, как самим Карлом Спалтером. Стремясь избавиться от брата, он сам навлек на себя ужасный конец — медленную смерть в полном осознании того, что виной всему он сам.

Ужасно — и в то же время до смешного нелепо.

Однако была в том и жуткая, неоспоримая справедливость.

Мстительная карма.

И, наконец, это объясняло то выражение ужаса и отчаяния во взгляде

умирающего в зале суда — взгляд человека, еще при жизни угодившего в ад.

Примерно с четверть часа после того беседа колебалась между сумрачными рассуждениями о братоубийстве и попытками разобраться с безрадостными практическими сторонами запутанной ситуации, в которой они все оказались.

Хардвик медленно, но решительно сформулировал суть дела так:

— Ладно, помимо всей этой трагической хрени про Каина с Авелем, нам надо прояснить, на чем мы стоим. Сейчас начнется феерическая грызня между всеми замешанными в эту историю органами — и каждый постарается оказаться тем, кто грызет, а не пострадавшим.

Гурни кивнул.

— С чего предлагаешь начать?

Не успел Хардвик ответить, в двери показалась запыхавшаяся Эсти, на лице у которой быстро пронеслись страх, облегчение и любопытство.

— Эй! Персичек! — хриплый шепот Хардвика сопровождался нежной улыбкой. — Как это тебе удалось вырваться, когда там, небось, все черти с цепи сорвались?

Проигнорировав вопрос, она подбежала к кровати Хардвика и сжала его руку.

— Ты как?

Он кривовато улыбнулся.

— Расчудесно. Очень ловкая оказалась пуля. Прошла меня насквозь, не задев ничего важного.

— Слава богу! — голос у нее был встревоженный и счастливый одновременно.

— Так расскажи же, как тебе удалось улизнуть?

— На самом деле я не то чтобы улизнула — во всяком случае, официально, — просто сделала по дороге крюк. Буду регулировать движение. Можете себе представить, сейчас больше идиотов спешит к месту происшествия, чем старается оттуда уехать. Любители острых впечатлений, зеваки, уроды!

— Так они теперь следователей посылают движение регулировать?

— Они сейчас кого угодно куда угодно посылают. Не поверите, что там сейчас творится! И сколько всяких слухов ходит. — Она многозначительно посмотрела на сидевшего в ногах кровати Гурни. — Говорят, какой-то чокнутый киллер взорвал всю ярмарку. Говорят, какой-то нью-йоркский детектив застрелил подростка. Или все-таки того чокнутого

киллера? Или какого-то неизвестного карлика? — Она перевела взгляд на Хардвика. — Один из помощников шерифа сказал мне, что карликом был Паникос и что именно он-то тебя и прострелил — причем каким-то образом умудрился это сделать уже после смерти. Видишь, о чем я? Миллион слухов, а смысла — никакого. Помимо всего прочего началась безобразная свара по поводу полномочий между окружным шерифом, местной полицией, полицией штата, а может, скоро и федералы подтянутся. Чем больше гомона, тем веселее, правда? И все это, пока придурки на парковке таранят друг друга, каждый спешит первым выбраться. А другие придурки, еще почище этих, спешат, наоборот, к ярмарке — небось, чтобы нащелкать фотографий и выложить в Фейсбуке. Вот так сейчас все и идет. — Она переводила взгляд с Хардвика на Гурни. — Вы же там были. Что за парнишка? Вы его застрелили? Он в вас стрелял? И для начала, как вас вообще туда занесло?

Хардвик посмотрел на Гурни.

— Уступаю эту честь тебе. Мне сейчас говорить трудновато.

— Ладно. Постараюсь изложить кратко, но придется начать с самого начала.

Эсти взволнованно и потрясенно выслушала короткий пересказ основных событий вечера — начиная от взрыва кучи досок и гибели Клемпера до погони на мотоцикле и смерти Питера Пэна среди воцарившихся на ярмарке хаоса и смятения.

Первый вопрос, который она задала после ошеломленного молчания, бил в самую точку:

— Ты можешь доказать, что человек, которого ты застрелил, и в самом деле Паникос?

— И да, и нет. Мы, безусловно, можем доказать, что человек, которого я застрелил, именно тот, кто подстроил серию взрывов на ярмарке, — и что Хардвик ранен именно из его пистолета. Его тело, пистолет и мобильник, который он использовал как дистанционный детонатор, находятся сейчас в распоряжении управления шерифа. Записи с ближайшей вышки сотовой связи покажут, что он звонил по ряду номеров, находившихся в той же области. И я не сомневаюсь, что время этих звонков будет достаточно точно соответствовать времени взрывов, которое можно выверить по записям ярмарочных систем безопасности. Если нам повезет, среди осколков бомб на ярмарке найдутся кусочки взрывателей, активируемых звонком, — и система совпадет с той, что использовалась в доме Бинчера. И мы почти точно обнаружим совпадение между химическим составом зажигательной смеси, использовавшейся на ярмарке, и составом смеси у Бинчера. После

взрывов и отключения электричества там такой дурдом начался, что было не до обыска тела, но как только его все же обыщут, наверняка найдут оружие — и если оно уже использовалось где-то еще, перед нами откроются новые двери. Установить связь по ДНК между нашим трупом и Паникосом, находящимся в розыске в Европе, будет задачей для Интерпола и их партнеров. А тем временем можно сравнить сделанные перед вскрытием посмертные фотографии его лица — когда я видел его последний раз, оно оставалось неповрежденным — с лицом человека на имеющихся у нас записях с видеокамер.

Когда Эсти медленно кивнула, явно стараясь понять и запомнить все это, Гурни заключил:

— Лично я на сто процентов уверен, что тело принадлежит Паникосу. Но с чисто практической точки зрения, для прикрытия моей задницы перед законом, это совершенно неважно. Мы можем доказать, что это тело того, кто виновен в гибели одному богу известно скольких людей за последние пару часов.

— На самом деле, не одному богу. По последним подсчетам, где-то от пятидесяти до ста.

— Что?

— Это последние подсчеты, сделанные перед тем, как я уехала на задание. Ожидается, что это число увеличится. Сильные ожоги, два обрушившихся здания, драки на парковке, затоптанные дети. И еще — много жертв с колеса обозрения.

— От пятидесяти до ста? — в ужасе прошептала Мадлен.

— Боже.

Гурни откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Он снова видел, как кренится и медленно заваливается набок, исчезая за шатром, колесо обозрения. Снова слышал жуткий треск и прорезавшие чудовищный шум душераздирающие вопли.

В палате надолго воцарилось молчание. Нарушил его Хардвик:

— Могло быть и хуже или даже гораздо хуже, — пробурчал он, возвращаясь к жизни, — не останови Дэйв этого маленького ублюдка.

Это наблюдение было встречено мрачными кивками.

— Плюс, — добавил Хардвик, — он ухитрился прямо посреди всей этой чертовщины решить дело об убийстве Спалтера.

— Решил... — поразила Эсти. — Как?

— Расскажи ей, Шерлок.

Гурни пересказал весь сценарий с Карлом в роли трагического злодея, начавшего интригу, которая роковым образом провалилась.

— Выходит, план состоял в том, чтобы убрать брата, завладеть «Спалтер Риэлти» и ликвидировать активы для личного пользования?

Гурни кивнул.

— Так мне это представляется.

Хардвик тоже кивнул.

— Пятьдесят миллионов баксов. Как раз хватит на покупку особняка губернатора.

— И он был твердо уверен, что мы никогда не притянем его за убийство? Боже, что за высокомерный ублюдок! — Она с любопытством покосилась на Гурни. — У тебя какое-то странное выражение лица. О чем ты думаешь?

— Да просто о том, что убийство брата могло пойти Карлу в его кампании только на пользу. Он мог бы преподнести это как попытки мафии запугать его, заставить бросить политику... чтобы в правительство не попал честный человек. Интересно, может, в его планы входило выставить убийство брата за доказательство собственной добродетели?

— А что, мне нравится, — глаза Хардвика цинично блеснули. — Въехать в губернаторы на этом трупе, точно на белом коне, — прямо, твою мать, к инаугурации!

Гурни улыбнулся. Возвращение Хардвика к вульгарной манере изъясняться было показателем улучшающегося самочувствия.

Эсти сменила тему.

— А Клемпер с Алиссой, значит, просто-напросто мелкие хищные стервятники, нороящие поживиться за счет Кэй?

— Можно и так сказать, — согласился Гурни.

— На самом-то деле, — с видимым удовольствием добавил Хардвик, — скорее, один хищный стервятник по имени Алисса и один безмозглый стервятник-идиот по имени Мак Мудак.

Эсти несколько долгих секунд смотрела на него с болезненной нежностью, точно на милого, но невыносимого ребенка, а потом снова взяла его за руку и стиснула ее.

— Пойду, пожалуй. Давно пора перехватывать и перенаправлять транспорт — всех этих идиотов, что ломаются с трассы на ярмарку.

— Перестреляй ублюдков, — с жаром посоветовал Хардвик.

После ее ухода разговор плавно съехал на теории о чувстве вины и стремлении к саморазрушению — темы, которые, судя по всему, нагоняли на Хардвика сон.

Вспомнив курс психологии, который он посещал в колледже, Кайл рассказал про фрейдовскую теорию о несчастных случаях: они все вовсе не

«случайны», а отвечают некоторой цели — предназначены предотвратить какое-либо действие, вызывающее внутренний конфликт, или же покарать за него.

— Я вот думаю, может, то, что Карл споткнулся прямо перед братом, как раз чем-то таким и объясняется?

Развивать эту тему никому не захотелось.

Тогда Кайл завел речь о карме — словно ему отчаянно требовалось встроить весь хаос произошедшего хоть в какую-нибудь упорядочивающую структуру.

— И ведь не один Карл расплатился за то, что натворил. Ну вы только подумайте. С Паникосом то же самое — его придавило колесом обозрения, которое он сам же и взорвал. А с Клемпером что случилось, когда он явился по папину душу! Даже Лекс Бинчер — он ведь как с цепи сорвался на «РАМ-ТВ», пытался присвоить себе лавры за все расследование — это его и погубило. Ей-ей, так и кажется, что карма и впрямь существует!

Голос у него был такой взволнованный, возбужденный, искренний — и такой юный, ни дать ни взять загоревшийся новой идеей подросток, — что Гурни вдруг захотелось его обнять. Однако он не привык поддаваться спонтанным побуждениям, особенно на людях.

Скоро в палату пришли две медсестры, чтобы забрать Хардвика на рентген для каких-то дополнительных обследований. Когда его устроивали на каталке, он повернулся к Гурни:

— Спасибо, Дэйви. Я... думаю, ты мне жизнь спас... так быстро сюда довез.

Он произнес это без тени иронии — явление почти неслыханное.

— Ну... — промямлил Гурни, которому всегда делалось неловко, когда его благодарили, — у тебя резвая тачка.

Хардвик издал короткий смешок, оборвавшийся вскриком от боли, и его увезли.

Мадлен, Кайл и Гурни остались в палате около опустевшей постели. Все уже падали с ног от усталости. Говорить было не о чем.

Молчание нарушил звонок телефона — как оказалось, Кайла. Он бросил взгляд на экран.

— Боже, — произнес он, ни к кому конкретно не обращаясь, а потом посмотрел на отца. — Это Ким. Я же обещал ей позвонить, но во всем этом... — И прибавил после короткого колебания: — Надо с ней поговорить.

Он вышел в коридор и, негромко разговаривая, отошел подальше,

чтобы его не было видно и слышно.

Мадлен смотрела на Гурни. Взгляд ее был полон невероятного облегчения и невероятной усталости — как и ее голос.

— Ты все это преодолел, — сказала она. И прибавила: — А это главное.

— Да.

— И все разгадал. В который раз.

— Да. По крайней мере, мне так кажется.

— О, даже не сомневайся.

На лице ее играла нежная загадочная улыбка.

Наступило молчание.

Помимо волны эмоционального и физического истощения Гурни ощутил, что у него все тело болит и ломит, и не без удивления понял, что это результат грубых манипуляций двух полицейских, которые оттаскивали его, когда он пытался выбить телефон из рук Паникоса.

На него вдруг накатила такая усталость, что он не мог ни думать, ни даже держаться на ногах.

Стоя там, в больничной палате, Гурни на миг прикрывает глаза. И видит Питера Пэна — тот застыл спиной к нему, весь в черном. А потом начинает поворачиваться. Ядовито-желтое лицо, кроваво-алая улыбка. Поворачивается, поворачивается, поднимая руки, точно крылья хищной птицы.

Но глаза на этом желтом лице — глаза Карла Спалтера. Полные ужаса, ненависти и отчаяния. Глаза человека, жалеющего, что родился на свет.

Гурни отгоняет прочь это видение, старается перевести взгляд на Мадлен.

Та предлагает ему лечь на кровать. Предлагает помассировать шею, плечи и спину.

Он соглашается и скоро уже качается на волнах полузабытья, ощущая лишь теплое и нежное касание ее рук.

Слыша лишь ее голос, ласковый и успокаивающий.

Где-то между сном и усталостью расположена область полнейшей отрешенности, простоты и ясности — область, где он часто обретал безмятежность, какой не знал больше нигде. Ему казалось, это нечто вроде «прихода» у героинщика — прилив чистейшего, безмятежнейшего покоя.

Обычно такое состояние сопровождалось для него полной изоляцией от каких бы то ни было внешних стимулов, блаженной неспособностью отличить, где кончается его тело и начинается остальной мир, — но сегодня

все иначе. Сегодня в кокон вплетены голос Мадлен и всепроницающее тепло ее рук.

Она говорит о том, как они будут гулять по побережью в Корнуолле, о пологих зеленых склонах, каменных изгородях, высоких утесах над морем...

Как будут плавать на каяках по бирюзовому озеру в Канаде...

Кататься на велосипеде в долинах Катскилла...

Собирать чернику...

Строить скворечники на краю луга.

Пробираться по тропинке, что ведет через ферму «Шотландское пастбище»...

Голос у нее нежный и теплый — совсем как прикосновение ладоней к плечам Гурни.

Он представляет ее на велосипеде — в белых кроссовках, желтых носках, ярких карминных шортах и сверкающей на солнце сиреневой ветровке.

Солнце прорывает облака огромным кругом света. Колесом света.

Улыбка Мадлен — улыбка Малькольма Кларета. Голос ее — его голос.

«В жизни нет ничего важнее любви. Нет ничего, кроме любви».

Волчье озеро

Посвящается Наоми

Часть первая. Смертоносные сны

Пролог

Освещенная лунным светом, она стояла между двумя огромными тисами на самом краю замерзшего озера и дрожала от озноба. Никогда еще ей не было так холодно и страшно. От одного лишь вида полной луны над зубчатыми верхушками деревьев по коже бегали мурашки. Казалось, поникшие ветки превращаются в изувеченные руки, которым стоит лишь потянуться вниз и...

Так! Хватит! Она тряхнула головой — нельзя давать волю фантазии, она и так в ужасном положении.

Издали послышался звук приближающегося мотоцикла — сначала по грунтовой дороге, затем по извилистой тропе, ведущей от дороги к озеру. Чем ближе становился звук, тем сильнее давило у нее в груди.

Показался свет фар, мелькнул в деревьях, осветил просеку, разделяющую сосны и исполинские тисы. Ей стало не по себе.

Он остановился прямо перед ней, заглушил мотор, широко расставил ноги, удерживая тяжелый мотоцикл. Мотоцикл принадлежал его старшему брату, а он катался на нем без прав.

В его взъерошенных волосах блестели снежинки. Непонятно было, он взволнован или ей так кажется. По телефону она говорила ему что-то невразумительное, в страхе и спешке. Луна освещала его сзади, лица не было видно, но она чувствовала, что он пристально смотрит и ждет объяснения, почему они встречаются именно здесь.

Она слышала его дыхание, стук его сердца. Но такого быть не может. Наверное, это стучало ее сердце, ее пульс отчаянно звенел в ушах.

Она много раз репетировала, что скажет, но сейчас, в этом зловещем лесу, голос подвел ее.

— В чем дело? — спросил он. — Что случилось? — Его голос прозвучал необычно резко.

Прикусив нижнюю губу, она прерывисто вздохнула и с трудом выговорила шепотом те самые слова.

Он глубоко вздохнул, но ничего не сказал в ответ.

Слышал ли он ее? Она не знала и в душе надеялась, что нет.

Облака медленно наплывали на луну.

Она не знала, сколько прошло времени. Он завел мотоцикл, резко

повернул ручку газа и рванул по заледеневшему озеру; рев двигателя рассекал холодный воздух, сверкала хромированная выхлопная труба, отражая свет луны, почти спрятавшейся за облаками.

Вскоре вдалеке, на середине озера, удаляющийся рев мотора прервался страшным треском; снова и снова, словно кто-то стрелял из пистолета с глушителем, лед трескался под весом мотоцикла. Раздался глухой всплеск... Затем змеиное шипение уходящего под воду раскаленного мотора... И наступила мертвая тишина.

Луна полностью скрылась.

Кругом — темнота. Ни звука. Ни света. Ни мыслей. Ни надежд. Ни чувств.

А потом раздался крик. Совершенно дикий крик, продолжавшийся до бесконечности.

Позже она осознала, что кричала она сама.

Глава 1

Дикобраз вел себя крайне странно. Бессмысленность его поведения даже вызывала беспокойство, во всяком случае у Дэйва Гурни.

В то промозглое утро в начале декабря Дэйв сидел у окна своего кабинета и разглядывал ряд оголенных деревьев на северной стороне старого пастбища. Он внимательно наблюдал за необычайно толстым дикобразом, который расхаживал по низкой ветке дерева. Медленно и, казалось, совершенно бесцельно зверь ходил взад-вперед.

— Какие снегоступы ты возьмешь?

Мадлен стояла на пороге кабинета, в одной руке держа традиционные деревянные снегоступы с ремешками из сыромятной кожи, а в другой — пару современных, из металла и пластика. Ее темные короткие волосы были растрепаны, как обычно и бывало, когда она вылезала с чердака или из тесной кладовки.

— Я еще не решил.

Они собирались на несколько дней остановиться в гостинице в Грин-Маунтинс в Вермонте — покататься на лыжах и погулять в снегоступах. В этом году в местных Катскильских горах еще не выпал снег, а Мадлен обожала снег.

Она кивнула в сторону окна:

— Все следишь за нашим маленьким гостем?

Он соображал, как бы ответить, сразу решив: не стоит упоминать о

том, что дикобраз напоминает ему одного неуклюжего престарелого гангстера. Прошло три года с тех пор, как он ушел в отставку из департамента полиции Нью-Йорка, и наконец-то они с Мадлен научились понимать друг друга почти без слов. Формально он уже не был следователем в отделе убийств, где проработал больше двадцати лет, и было понятно, что он уже никогда не превратится в байдарочника, велосипедиста и большого любителя природы, как на то надеялась Мадлен. Однако следовало найти компромисс. Он согласился больше не говорить о том, как его нынешняя жизнь в горной деревеньке на севере штата Нью-Йорк будоражит в нем воспоминания о былых уголовных делах. А она пообещала, что больше не будет переделывать его, пытаясь превратить в того, кем ему не стать. Увы, компромисс этот иногда оборачивался недомолвками.

Он снова посмотрел в окно.

— Я пытаюсь понять, что же он замышляет.

Мадлен прислонила снегоступы к стене, подошла к нему и глянула в окно. Несколько секунд она наблюдала за колючим зверьком, расхаживающим по ветке.

— Он просто занят каким-нибудь обычным дикобразным делом. Тем же, чем был занят вчера. Что в этом плохого?

— Мне непонятно, что он делает.

— А вот ему, наверное, понятно!

— Только если он спятил. Или притворяется сумасшедшим, что маловероятно. Смотри, он медленно-медленно идет до конца ветки. Очень неуклюже разворачивается. И идет обратно. Он тратит силы... Зачем?

— Во всем тебе нужно разобраться!

— В конечном счете, все поддается объяснению. А в данном случае я хотел бы убедиться, что причина такого поведения — не бешенство.

— Ну почему сразу бешенство?

— От бешенства животные сходят с ума.

— А ты уверен, что у дикобразов бывает бешенство?

— Да, я проверил. Вот, думаю установить пару фотоловушек, чтобы можно было изучать, чем он занимается, когда слезает с дерева.

Во взгляде Мадлен чувствовалось то ли недоумение, то ли укор.

— Камеры видеонаблюдения, — пояснил он, — с датчиками движения.

— Камеры? Боже мой, Дэвид, скорее всего, он просто живет своей дикобразьей жизнью, а ты ведешь себя так, будто он совершил какое-то страшное преступление. — Она задумалась. — Кстати, где ты собираешься

раздобыть камеры?

— У Джека Хардвика. У него их куча.

Он не стал напоминать ей, что камеры остались с тех пор, как они с Хардвиком собирались использовать их в деле Питера Пэна, но, судя по мрачному выражению лица Мадлен, она сама все вспомнила. Чтобы отвлечь ее от дурных мыслей, он добавил:

— Я уверен — все станет ясно, когда я увижу, как дикобраз поведет себя на земле.

— Тебе не кажется, что ты немного перегибаешь палку?

— А если у этой твари действительно бешенство?

Мадлен взглянула на него с тем странным выражением, которое он никогда не мог разгадать.

— Послезавтра мы уезжаем в Вермонт.

— И что?

— Ну и когда же ты собираешься воплощать свою задумку с камерами? — Мадлен явно была озабочена. — Когда ты будешь собирать вещи?

— Боже мой, мы едем всего на три дня.

— На четыре.

— Какая разница?

Дэйв вышел из кабинета в поисках своего мобильника, вдогонку ему раздался голос Мадлен:

— А тебе не приходило в голову, что дикобраз, быть может, самый безобидный зверь, и не твоего ума дело, почему он ходит туда-сюда по этой несчастной ветке?

Глава 2

Через полчаса солнце стояло уже высоко над восточным хребтом. В сухом морозном воздухе искрились кристаллики льда.

Гурни, не обращая внимания на эту красоту, стоял у стеклянной двери, в кухне их большого фермерского дома. Он внимательно смотрел в сторону нижнего пастбища, где возле красного амбара прерывалась узкая городская дорога и начинались их пятьдесят акров — в прошлом скотоводческая ферма, заброшенная еще со времен упадка молочной промышленности на севере штата.

Дэйв и Мадлен рано завершили карьеру в городе и переехали в сельскую местность на запад Катскильских гор, где, несмотря на упадок,

было необыкновенно красиво. Сразу стало ясно, что Мадлен в восторге от этих мест. Неутомимая и неприхотливая, она обожала природу и наслаждалась каждой минутой — будь то поход по ягоды, сплав на каное или просто прогулка по старым лесным тропинкам. Она легко и с удовольствием приспособилась к новой обстановке.

А Дэйв все никак не мог освоиться.

Но сейчас этот вопрос, иногда вызывавший у них разногласия, совершенно его не волновал. Он был сбит с толку разговором с Джеком Хардвиком.

Хардвик необычайно приветливо ответил на звонок, обойдясь без своих обычных шуточек. Он говорил так дружелюбно, что Гурни подумал, не разыгрывают ли его, и все ждал какого-нибудь подвоха. Но обошлось. Хардвик охотно согласился дать Дэйву камеры и даже вызвался их привезти. Причем прямо сейчас.

Гурни стоял у стеклянной двери и размышлял над столь нехарактерным для Джека желанием помочь; между тем со второго этажа спустилась Мадлен с двумя спортивными сумками — синей и зеленой. Она бросила их на пол и спросила:

— Какую возьмешь?

Дэйв взглянул на сумки:

— Все равно.

— В чем дело?

Дэйв рассказал ей про разговор с Джеком.

Мадлен прищурилась:

— То есть он едет к нам? Сейчас?

— Судя по всему, да.

— А к чему такая спешка?

— Хороший вопрос. Думаю, узнаем, когда он приедет.

Как по заказу, откуда-то из-за амбара, с дороги донесся раскатистый гул огромного восьмицилиндрового мотора. И уже через мгновение Хардвик на своем классическом маслкаре, красном «пontiаке GTO» 1970 года, рассекал заросшее пастбище.

— Он не один в машине, — сказала Мадлен.

Гурни не любил сюрпризов. Через прихожую он прошел к боковому входу, открыл дверь и стал наблюдать, как Хардвик паркует броский, угловатый «пontiак» рядом с его пыльным, неприметным «аутбеком».

Первым из машины вылез Хардвик; на его тонких губах как обычно играла уверенная улыбка, совсем не излучавшая тепла. Дополняли образ бледно-голубые глаза и подчеркнута однотонная одежда: черные джинсы,

черный свитер и черная ветровка.

Впрочем, Гурни сосредоточился на спутнице Джека. На первый взгляд она показалась ему тусклой и безликой. Крупная, простая женщина лет сорока с небольшим в стеганой зимней куртке и нелепой лыжной шапке.

Когда она подошла к двери, Гурни любезно улыбнулся ей и вопрошающе оглянулся на Хардвика, от чего и тот, кажется, заулыбался еще шире.

— Ты, наверное, думаешь: «Где же камеры, которые он должен был привезти?» Так ведь?

Гурни снисходительно ухмыльнулся и ничего не сказал.

— Как твой верный ангел-хранитель... — Хардвик сделал паузу для драматического эффекта и с удовольствием продолжил: — Я привез тебе кое-что куда более ценное, чем эти чертовы фотоловушки. Мы войдем?

Гурни провел их в длинную комнату, которая соединяла в себе кухню, столовую и гостиную с каменным камином.

Мадлен натянуто улыбалась: за годы службы в полиции Гурни и его бывший напарник, непростой человек, прошли через череду смертельных опасностей.

— Мадлен, потрясающе выглядишь, — сказал Хардвик.

— Давайте ваши куртки!

— Спасибо.

Джек помог грузной даме, стоявшей рядом. Он картинно снял с нее куртку, словно торжественно представляя публике нечто потрясающее.

— Дэйв, Мадлен, позвольте представить... Джейн Хэммонд.

Мадлен улыбнулась и кивнула. Гурни протянул руку, но женщина замотала головой.

— Приятно познакомиться, но, если можно, обойдемся без рукопожатий. На мне куча микробов.

Она стянула с головы шерстяную шапку, под которой обнаружилась не требующая особого ухода прическа.

Поняв, что Джейн не узнали, Хардвик добавил:

— Джейн — сестра Ричарда Хэммонда.

Лицо Гурни выражало явный интерес к дальнейшему рассказу.

— Ричард Хэммонд, — повторил Хардвик, — тот самый Ричард Хэммонд, про которого уже месяц говорят в новостях всех главных каналов.

Мадлен слегка встревожилась.

— Гипнотизер?

Джейн Хэммонд осторожно возразила:

— Не гипнотизер, а гипнотерапевт. Всякий мошенник может назваться гипнотизером и раскачивать маятник, притворяясь знатоком. Мой брат — психолог из Гарварда, и он использует самые продвинутые техники.

Мадлен сочувственно кивнула, будто говорила с ранимой пациенткой психиатрической клиники, где она работала.

— Но ведь в новостях его называют гипнотизером, да?

— Как только они его не обзывают! Эти так называемые новостные передачи — просто мерзость! Им плевать на честность, они без конца врут. — Джейн закашлялась. — Аллергия, — пояснила она. — Похоже, на каждый сезон у меня новая аллергия.

— Кстати, может быть, мы сядем? — предложил Хардвик.

Гурни не успел возразить, а Мадлен уже пригласила всех за круглый сосновый стол на кухне, и Хардвик с согласия Джейн вдохновенно пустился рассказывать о том, в каком странном положении оказался Ричард Хэммонд.

Глава 3

— Вы наверняка слыхали про особняки в Адирондаке. Их построили лет сто назад богачи вроде Рокфеллера и Вандербильта, словом, бароны-разбойники. Необъятные участки земли, огромные дома, места полно — и для гостей, и для слуг. Один из домов построил малоизвестный магнат Далтон Голл, подлый мерзавец, заработавший состояние на добыче олова. О его внезапной смерти ходят странные слухи, я вам еще про это расскажу.

Джек сделал паузу, будто желая подчеркнуть слова «о внезапной смерти».

— Какие-то дома после обвала фондовой биржи стали разрушаться, поскольку их было безумно дорого содержать. В других открыли музеи, где теперь прославляют построивших их рвачей. Некоторые были переделаны в образовательные центры, где юные натуралисты изучают кружевные листья папоротников.

Услышав замечание про юных натуралистов, Мадлен, стоявшая с кофейником около раковины, с холодным прищуром взглянула на Джека. Он продолжал:

— Некоторые дома до сих пор содержатся потомками исконных хозяев; обычно те переделывают их в конгресс-центры или роскошные гостиницы. Итан Голл, праправнук Далтона, проникся идеей пафосной гостиницы, но решил добавить кое-что еще для заскучавших богатеев. Что-

то вроде «совершенствуйся, пока отдыхаешь» — такая вот мура. Секреты франко-вьетнамской кухни. Тайны душевного равновесия из Непала. На тайные знания всегда большой спрос. А поскольку даже у самых богатых имеются дурные привычки, от которых они хотели бы избавиться, Итан пригласил всемирно известного психолога Ричарда Хэммонда, практиковавшего уникальный метод гипноза. Так его гостиница стала выделяться на фоне других роскошных домов Адирондака. Ведь только там можно было пройти терапевтический сеанс у самого Ричарда Хэммонда, а потом козырнуть этим перед друзьями на званом ужине.

Джейн Хэммонд нервно комкала в руке использованную салфетку:

— Я должна кое-что уточнить. Не хочу, чтоб у мистера Гурни сложилось неверное впечатление о моем брате. Я не знаю, каков был замысел Итана Голла, но уверяю вас, Ричард очень серьезно относится к своей работе. То, что произошло, эти обвинения — это просто оскорбительно! — Джейн с горечью взглянула на растерзанную салфетку.

Хардвик продолжил свой рассказ:

— Так вот. Неважно, каковы были мотивы Итана; он на два года заключил с доктором Хэммондом очень щедрый договор, включавший массу привилегий, в том числе — отдельный дом на территории комплекса. Все шло путем, если бы как-то вечером, пару месяцев назад, доктору Хэммонду не позвонил следователь из Палм-Бич.

— Флорида, — уточнила Джейн.

— Верно. Оказалось, за несколько дней до того двадцатисемилетний Кристофер Хоран покончил с собой. Перерезал вены в своей шикарной квартире на Береговом канале. Казалось бы, никакого криминала. Однако, как только местная газета написала про самоубийство, в полицию Палм-Бич явился пастор с любопытным рассказом. За пару дней до самоубийства к нему приходил Хоран и жаловался, что уже неделю не может спать. Как только он засыпал, ему каждый раз начинал сниться один и тот же кошмар. Хоран говорил, что хочет умереть.

Хардвик замолчал, словно хотел, чтобы до всех дошел смысл сказанного.

Гурни и вообще не очень понимал, какого черта происходит этот разговор с Джеком и Джейн, но и в рассказе Хардвика ему явно чего-то недоставало.

— То есть доктор Хэммонд узнал об убийстве от следователя из Палм-Бич?

— Именно так.

— Не понимаю.

— Хоран рассказал пастору, что кошмары начались после того, как доктор Ричард Хэммонд путем гипноза помог ему бросить курить. Следователь позвонил Хэммонду, чтобы узнать, действительно ли тот лечил покойного. Ричард сослался на закон о врачебной тайне, конфиденциальность и тому подобное, но поинтересовался, в чем же все-таки дело. Следователь все ему объяснил и спросил, бывало ли, что гипноз вызывал побочные эффекты в виде ночных кошмаров и суицида. Ричард сказал, что никогда не слышал о такой реакции. На том бы все и закончилось... Но через неделю ему снова позвонил следователь, только уже из Тинека, Нью-Джерси.

Гурни молча ждал продолжения. Мадлен округлила глаза.

— Еще одно самоубийство, снова порезанные вены. Лео Бальзак, двадцать восемь лет. Изучив календарь в смартфоне погибшего, следователь из Тинека вышел на местного психотерапевта, у которого Бальзак побывал за два дня до смерти. Следователь пошел к психотерапевту, снова завязалась вся эта чепуха с врачебной тайной, но в итоге он выяснил, что Бальзак мучался кошмарами с тех самых пор, как некий доктор Хэммонд загипнотизировал его от курения.

Гурни был озадачен:

— Выходит, второй полицейский, как и первый, позвонил Хэммонду узнать про сеанс гипноза, так?

— Так. А Хэммонд точно так же ему и ответил.

Джейн оторвала взгляд от стола.

— Не совсем так. Ричард настаивал на том, что его терапия не могла стать причиной кошмаров, а вдобавок еще и рассказал второму следователю о звонке первого. Ричарду было ясно, что происходит нечто странное, и он хотел, чтобы у обоих полицейских была полная картина происходящего. Понимаете, как важна эта деталь?

Ни Хардвик, ни Гурни не ответили, и Джейн пояснила:

— Едва ли полицейские из Флориды и Нью-Джерси связали бы эти два самоубийства, если бы не Ричард с его желанием помочь. Он сам добровольно все рассказал. Что доказывает его невиновность.

Гурни и Хардвик недоверчиво переглянулись.

— Если я правильно помню, — спросила Мадлен, — в новостях было еще что-то?

— До фига всего! — ответил Хардвик. — Самая жуть еще впереди!

Перед тем как Хардвик продолжил, Мадлен принесла из кухни поднос с четырьмя кружками кофе, молоком и сахаром.

Джейн взяла ближайшую к ней кружку, поблагодарила ее, а затем

бесцеремонно оглядела Мадлен с ног до головы, как бы оценивая ее стройное, спортивное тело — все еще изящное и сексапильное. Джейн улыбнулась:

— Вы гораздо моложе, чем я себе представляла.

— Моложе?

— Джек сказал, что Дэйв вышел на пенсию. А слово «пенсия» ассоциируется с парой седых старичков, копошащихся в саду. А вы оказались... такими. Сама вы выглядите лет на тридцать пять, а муж ваш — вылитый Дэниел Крейг.

Мадлен засмеялась:

— Он, может, и похож на Дэниела Крейга, но мне уже давно не тридцать пять. Спасибо, вы очень любезны.

Гурни объяснил:

— Большинство копов выходит на пенсию после двадцати пяти лет стажа. Это нормально — уйти в отставку и, знаете ли, заняться чем-нибудь еще. — Он угрюмо осекся на полуслове, и стало ясно, что сам он не до конца верит в то, что сказал.

— Так, — сказал Хардвик, и это короткое слово, будто удар судьейского молотка, вернуло их к изначальной теме разговора. — После того как Тинек связался с Палм-Бич, стало ясно, что пора привлечь к делу полицию штата Нью-Йорк, ведь субъект, объединявший два самоубийства, то бишь Ричард Хэммонд, проживал на их территории. Таким вот образом это престранное дельце досталось старшему следователю Гилберту Фентону.

— Редкостная сволочь, — проворчала Джейн.

Хардвик в знак согласия кивнул головой.

— Ты с ним знаком? — спросил Гурни.

— Да, знаю я его. Так вот, как только дело передали Фентону, тот сразу отправился в имение Голла с целью допросить доктора Хэммонда, разузнать про гипноз насколько можно больше и понять, есть ли во всей этой истории с самоубийствами какой-либо криминал.

Хардвик наклонился вперед, облокотившись о стол.

— Фентон — человек системы и всегда строго соблюдает субординацию. Потому-то сначала он и захотел поговорить с начальством — то есть с Итаном Голлом. Но никто не знал, где Итан. Уже два дня его никто не видел. Понимаете, к чему я клоню?

Гурни пожал плечами.

— Давай рассказывай.

— Четыре дня спустя тело Итана нашли в одном из коттеджей, в полумиле от большого дома. Как выяснилось, проникнуть в тот домик было

легко. Туда забрались какие-то звери...

Хардвик сделал паузу, чтобы они могли мысленно представить себе эту картину.

— Оpozнание заняло время. Слепки зубов, потом ДНК-анализ. Судя по уцелевшим частям тела, удалось установить, что по крайней мере на одной руке вены были порезаны. Более того, был найден нож с его отпечатками и в его крови.

— Откуда тебе все это известно?

— Я просто знаю нужных людей.

— Как квалифицировали смерть в Бюро расследований?

— Медицинский эксперт дал неоднозначный отчет, но при этом отметил, что улики не противоречат версии о самоубийстве. Куски тела были либо сожраны, либо украдены животными. Однако порезанные вены, а также очевидная связь с Ричардом Хэммондом убедили Гила Фентона, что это очередное звено в серии подозрительных самоубийств.

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь «подозрительные»?

Хардвик сморщился, как будто от изжоги.

— Все три самоубийства очень схожи, и есть «подозрение», юридически необоснованное, что они отнюдь не являются последствием независимых решений, принятых суицидентами, а были спровоцированы воздействием со стороны.

Гурни нахмурился:

— Так, я не совсем понял.

— В публичных заявлениях Фентон каждый раз повторяет, что Ричард Хэммонд не просто оказал влияние на самоубийцу, но, возможно, и сам все организовал. По сути, он считает, что Ричард мог заставить их покончить с жизнью.

— Заставить? — Гурни скептически наклонил голову набок. — Как? Посредством гипнотического внушения?

— Гипнотического внушения и... ночных кошмаров.

— Ты серьезно? Что, Хэммонд вызвал у этих людей кошмары, которые довели их до самоубийства?

— Это версия Фентона, которую тот всякий раз пропихивает в разговоре с журналистами. — Хардвик сделал паузу и с надеждой посмотрел на Гурни. — Как тебе это, а?

— На мой взгляд, полный абсурд.

Джейн хлопнула ладонью по столу.

— Спасибо! Это ровно то, что я говорила с самого начала: глупо даже думать, что Ричард на такое способен.

— Ваш брат когда-нибудь гипнотизировал Итана Голла? — спросил Гурни.

— Конечно. Кстати, Ричард помог ему избавиться от многолетней привычки курить.

— И давно это было?

— Хм, кажется, три... ну, как минимум два месяца назад.

— А вы не знаете, жаловался ли Итан на кошмары?

Джейн растерянно моргнула:

— Тут вышла какая-то неразбериха. У Фентона есть запись снов Итана, сделанная его рукой. Но Ричарду он ничего про них не говорил.

— А остальные? Известно ли что-нибудь про кошмары, которые снились остальным? Что именно им снилось?

Хардвик покачал головой.

— Все сведения, имеющиеся у других отделов, не подлежат разглашению. Так вот, остается еще одна важная деталь этой головоломки. После того как пресс-служба Бюро расследований обнародовала обстоятельства смерти Голла, с Бюро связался следователь из Флорал-Парка, Лонг-Айленд, и сообщил им, что ведет дело о самоубийстве двухнедельной давности; картина та же — сеанс гипноза, кошмары и вскрытые вены. Поначалу он не придавал особого значения гипнозу, потому и не удосужился связаться с Хэммондом. Он дал маху, конечно, но ведь не бывает так, чтобы все как по маслу. В общем, погибшим оказался Стивен Пардоза, двадцати шести лет. Тут-то Фентона с его версией окончательно понесло: он собрал целую пресс-конференцию и выступал с гнусными инсинуациями в адрес Хэммонда, фактически обвиняя его в убийствах. Само собой, это вызвало нездоровый ажиотаж среди журналистов.

— Постой, а как детектив из Лонг-Айленда узнал про связь Пардозы с Хэммондом? И про кошмарные сны?

— Пардоза рассказал об этом своему хиропрактику, а тот, обнаружив объявление о смерти Пардозы в «Ньюсдей», позвонил в полицию.

— Итого, три молодых человека двадцати шести — двадцати восьми лет, а также Итан Голл. Сколько ему было лет?

Хардвик вопросительно посмотрел на Джейн.

Она пожала плечами:

— Чуть больше тридцати. Его брату Пейтону сейчас под тридцать, а Итан старше на пять лет.

Гурни обратил внимание, что Джейн будто бы с неприязнью произнесла имя брата. Он хотел было спросить ее об этом, но Хардвик заговорил первым:

— После того как появились сведения о Пардозе, у Фентона сложилась определенная картинка. Всех четверых, Фентон уже начал называть их жертвами, стали мучить ночные кошмары после лечения у Ричарда Хэммонда — врача, известного своими опытами с гипнозом. По его словам, получается, что Хэммонд какой-то безумный ученый.

— Кстати говоря, — сказала Джейн, — у меня же есть распечатки этих жутких статей, вышедших после той чудовищной пресс-конференции. — Она встала и направилась к двери. — Они остались в машине.

— А что говорит адвокат Ричарда? — спохватился Гурни.

— У Ричарда нет адвоката.

— В его положении без адвоката?

— Увы, да, — Джейн замолкла на несколько секунд.

— Это очень долгая история. Я даже не знаю, с чего начать, — сказала она, опустив голову. — Пойду принесу папку.

— Подождите, я с вами, — сказала Мадлен, — хочу на свежий воздух.

Она поднялась вслед за Джейн и, уходя, так посмотрела на Гурни, что во взгляде ее он ясно прочитал: «Сейчас у тебя есть шанс узнать у Хардвика, что здесь, черт побери, происходит».

Глава 4

С глухим хлопком закрылась боковая дверь. Хардвик посмотрел на Гурни. В его голубых, холодных, как у хаски, глазах читалось любопытство.

— Ну, Шерлок, какие мысли? Согласись, возникает парочка вопросов по этому делу.

— У меня сейчас по крайней мере штук десять.

— Например?

— Например, какого черта у Хэммонда нет адвоката?

— Он утверждает, что не хочет адвоката, потому что он ему не нужен. Он — невинная овечка, и все эти дикие обвинения развалятся под весом собственной нелепости.

— Это он тебе сказал?

— Так он заявил в своем единственном пресс-релизе. У Джейн в папке есть копия.

— А что подсказывает тебе нутро?

— Надменный, беспокойный, замкнутый, есть в нем что-то странное, что мне аж охота врезать ему по яйцам. По-моему, он сильно напуган, но

старается не подавать виду. Хрен знает, почему у него нет адвоката.

— Как ты вышел на его сестру?

— Она пыталась нанять адвоката для Ричарда без его ведома. Адвокатская контора по этическим причинам ей отказала. Однако они предложили ей обратиться к частному детективу и начать расследование от ее имени, чтобы в дальнейшем она сама решала, что делать со всплывшей информацией. Разумеется, посоветовали меня.

— Почему именно тебя?

— Ясно дело, ведь я вставал на защиту ложно обвиненных, да и вообще плевал на начальство, чем и заработал репутацию кости в горле правоохранительных органов.

Хардвик самодовольно ухмыльнулся.

— Зачем ты привез сюда эту...

Хардвик перебил его:

— Зачем я привез сюда доведенную до отчаяния Джейн Хэммонд? Женщину, в чьих глазах застыла тревога? Ту, чей младший брат всегда был для нее эдакой розой с шипами, а сейчас вляпался в настоящую кучу дерьма? Несчастную женщину, у которой вряд ли бывает секс и есть какая-то личная жизнь? Это ты хотел сказать?

— Да.

Джек задумчиво провел языком по зубам и продолжил:

— Очень странная ситуация, да и сам добрый доктор, кажется, с приветом. Короче говоря, мутная история. Я бы даже сказал, жутковатая. А ты лучше меня разбираешься во всякой жути. Вот я и хочу, чтобы ты разнюхал, что к чему, вошел в курс дела, поговорил с Ричардом и, нащупав что-нибудь, рассказал мне. В частности, откуда у Ричарда чувство вины, которым от него разит за версту. Слушай, почти всегда я чувую, с чем имею дело. Но в этот раз я никак не могу врубиться, что к чему.

— То есть ты хочешь сказать, что это вопрос компетентности? Что ты хочешь передать эстафету более опытному игроку? Что за хрень?

— Все так. Честно. Но если уж быть совсем откровенным...

— Так я и думал.

— Веришь ли ты в промысел божий?

— Во что?

— В счастливую случайность?

— Что за бред ты несешь?

— Потрясающее совпадение. Когда Джейн Хэммонд сидела в моем скромном домашнем офисе, описывая ужасающую ситуацию, в которой оказался ее брат, и просила о помощи, — именно в тот момент раздался

твой звонок.

Гурни промолчал.

— Ты, первоклассный детектив из отдела убийств департамента полиции Нью-Йорка, самый заслуженный сотрудник отдела, Дэвид Гурни, собрался выслеживать дикобраза. Ум, способный противостоять самым злостным преступникам в мире, поглощен колючим зверьком на дереве. Ты считаешь, это нормально?

Гурни снова промолчал.

— Итак, у нас есть замечательная возможность, из которой все мы можем извлечь пользу. Я с твоей помощью надеюсь рассеять мглу над этим дельцем. Джейн заручится поддержкой, столь необходимой ей для спасения брата. А ты — проверишь на прочность свои незаурядные способности.

Гурни счел этот довод весьма убедительным, однако он слишком хорошо знал Хардвика.

— Ловкий рекламный ход, Джек. Я уже почти готов провести тест-драйв. Не хватает только одной детали.

— Какой же?

— Правды. Признайся, зачем я тебе понадобился, и тогда я отвечу, возьмусь ли за это дело.

После нескольких секунд абсолютной тишины Хардвик расхохотался.

— Я просто проверял тебя, Дэйви. Хотел убедиться, что есть еще порох в пороховницах. Пойми меня правильно. Все, что я говорил, — правда. Но есть еще одно обстоятельство.

Он наклонился и в знак искренности протянул руки вперед, ладонями вверх.

— Дело в том, что семь лет назад Гил Фентон сделал мне одолжение. Большое одолжение, а я тогда сильно накосячил.

Хардвик поморщился.

— Короче, Гил в курсе некоторых подробностей. Я бы и не стал волноваться — у него есть причины держать язык за зубами. Но в свете нашего возможного противостояния... Если он узнает, что это я копаю под него, что я усомнился в его подходе к делу Хэммонда...

Гурни ехидно улыбнулся.

— То есть ты хочешь, чтобы оппозицию возглавил я, а ты, оставаясь в тени, работал в свое удовольствие?

— Вряд ли он умудрится насолить тебе так, как может насолить мне.

— Почему бы просто не отказаться от дела, а Джейн отправить к другому детективу?

— Верно, — Хардвик закивал, очень неубедительно изображая

согласие, — почему бы и нет. Наверное, так и надо сделать. Самый разумный выбор. И уж точно самый безопасный.

Он выдержал паузу и сказал:

— Конечно, велика вероятность, что те, к кому мы пошлем Джейн, просрут задание. И мы, возможно, никогда не узнаем, отчего клиенты Хэммонда покончили с собой.

Глава 5

Гурни услышал, как открылась боковая дверь, и в прихожей раздались голоса Мадлен и Джейн, снимавших куртки.

Когда они вошли в кухню, Мадлен, улыбаясь, стряхивала с волос снежинки, а Джейн держала в руках толстый бумажный конверт. Она подошла к столу и положила конверт перед Гурни.

— Здесь собрана довольно подробная информация. Думаю, вы разберетесь, с чем мы имеем дело. Я сделала копии всего, что сумела найти в интернете. Репортажи о самоубийствах из местных газет. Некрологи. Расшифровки телепередач. Интервью с экспертами в области гипноза.

— Кстати, поддерживают ли Ричарда в ученых кругах?

— Смешно сказать! Так называемый ученый круг кишит завистливыми неудачниками, которые возмущены успехом Ричарда и наверняка только радуются всем этим обвинениям.

Гурни, взглянув на толстый конверт, спросил:

— Запись пресс-конференции Гила Фентона тоже здесь?

— Все, до последнего лживого слова.

— Вы собрали это досье по просьбе брата?

— Не совсем. Он... он уверен, что проблема сама собой рассосется.

— А вы?

— Я не знаю... То есть, конечно, я думаю, что все разрешится. Должно разрешиться. Я в это верю. Но вы же знаете поговорку: на бога надейся, а сам не плошай.

Гурни улыбнулся.

— Ричард, видать, надеется на бога да на то, чтоб Джейн не оплошала.

Глаза Джейн гневно сверкнули.

— Не говорите так. Вы же его не знаете.

— Так помогите мне понять: почему он отказывается от адвоката? Почему вы занимаетесь его защитой?

Она холодно взглянула на Гурни, отвернулась и посмотрела в окно.

— Ричард не похож на других. Знаю, многие так говорят о тех, кого любят, но он и в самом деле уникален! И всегда был таким. Нет, Ричард не идеален. Но у него дар.

В словах ее читалось эдакое заношенное благоговение, будто всю жизнь она твердила одно и то же и это оберегало ее брата.

Рассматривая ее профиль, тревожные морщинки в уголках глаз, мрачную ухмылку, Гурни понял, что эта женщина живет верой в то, что история с ее братом закончится благополучно, ведь другого исхода она просто не переживет.

— Дар Ричарда — его талант психотерапевта? — тихо уточнила Мадлен.

— Да. Он потрясающий специалист! И это усугубляет кошмар ситуации. Ведь он может то, на что не способен ни один другой психотерапевт.

Мадлен мельком взглянула на Гурни, явно предлагая ему перехватить инициативу.

— А вы можете привести пример?

— У Ричарда исключительная способность практически в одночасье менять поведение людей. У него очень сильно развита эмпатия. Эта эмоциональная связь помогает ему мотивировать пациентов на самом глубинном уровне. Он способен избавить от многолетней привычки или даже зависимости всего за одну сессию! Ричард помогает изменить восприятие мира. Похоже на волшебство, но это правда так.

Гурни подумал, что если Джейн в своем рассказе о талантах брата близка к истине, то можно сделать довольно тревожные выводы. При условии, что Ричард Хэммонд с такой легкостью убеждал людей делать то, чего раньше они не могли или не хотели делать...

Вероятно, почувствовав его беспокойство, Джейн продолжила:

— Ричард использует свой дар исключительно во благо. Он бы не стал никому вредить! Никогда!

Гурни резко сменил тему:

— Джейн, все-таки я никак не пойму, почему только вы пытаетесь выручить Ричарда? У меня сложилось впечатление, что сам он почти никак не реагирует на сложившуюся ситуацию. Или я что-то упускаю?

Джейн страдальчески поморщилась и, покачивая головой, снова повернулась к окну.

— Ненавижу про это рассказывать, — заговорила она, разворачивая бумажный платочек. — Простым людям сложно это понять... все из-за его незаурядности и таланта. — Она несколько раз высморкалась и утерла

платочком нос. — У Ричарда случаются приливы невероятной психической энергии и осознания сути вещей, перемежающиеся с периодами сильного переутомления. Когда он на высоте и ему лучше всего работает, само собой, ему нужна помощь с повседневными делами, на которые у него буквально не остается времени. Когда же он останавливается передохнуть, ему нужно, чтобы кто-то делал все то, на что у него попросту нет сил.

У Гурни складывалось ощущение, что Джейн Хэммонд увязла в нездоровых, созависимых отношениях с маниакально-депрессивным эгоцентриком.

Он не успел сказать ни слова, как в разговор включилась Мадлен. С понимающей улыбкой (Гурни подумал, что это наверняка один из ее типичных приемчиков на работе) она спросила:

— То есть все заботы вы берете на себя?

— Именно! — воодушевленно ответила Джейн, повернувшись к Мадлен, обрадованная, что ее наконец-то поняли. — Ричард — гений. И это самое главное. Естественно, что есть вещи, которыми он не может... не должен заниматься.

Мадлен кивнула.

— А сейчас, когда у него такие проблемы и он пребывает в стадии... в стадии переутомления, все зависит от вас, да?

— Да! Конечно! Ведь это так несправедливо, что именно Ричард, из всех людей именно он, подвергается таким испытаниям.

С мольбой она перевела взгляд с Мадлен на Хардвика и на Гурни.

— Вы что, не понимаете? Нужно что-то делать! Поэтому я здесь. Мне необходима ваша помощь!

Гурни промолчал.

Джейн тревожно перевела взгляд на Хардвика и снова на Гурни.

— Джек мне все про вас рассказал. Что на вашем счету больше всего раскрытых убийств в Нью-Йорке. И про то дело, когда вы спасли женщину, которую ложно обвиняли в убийстве. Да, вы именно тот, кто нам нужен, чтобы помочь Ричарду!

— Однако я все равно не понимаю. Вы сказали, что ваш брат отказывается нанимать...

И тут из мобильного телефона полилась какая-то веселая мелодия.

Джейн метнулась в прихожую.

— Это мой. Я забыла его в кармане куртки.

На полпути в прихожую мобильный перестал звонить.

Джейн вернулась на кухню. Она держала телефон в руке и, нахмурившись, смотрела на экран.

— Нет связи? — спросила Мадлен.

— Похоже на то.

— У нас тут трудно поймать сигнал. Но можно, если постараться.

Джейн кивнула и положила мобильный на столик возле окна.

Некоторое время она выжидающе смотрела на телефон, пока не переключила свое внимание обратно на Гурни.

— Простите, что вы говорили?

— Я говорил, что запутался. Ричард не хочет, чтобы вы нанимали адвоката, но не будет возражать против частного сыщика?

— О нет, он будет против. Ему это очень не понравится. Но это необходимо, и он не сможет меня остановить. По закону я не могу нанять адвоката, но имею право от своего имени обратиться за помощью в расследовании.

— Я все равно не до конца понимаю. Мне кажется, дело не только в том, что Ричард измотан и подавлен и не в состоянии разобраться во всем этом. Здесь что-то большее, слишком уж рьяно он отказывается от помощи.

Джейн подошла к круглому сосновому столу и села вместе со всеми.

— Не знаю, стоит ли вам это рассказывать, но другого выхода я не вижу.

Сложив руки на коленях и опустив голову, она продолжила:

— В начале своей карьеры, что было не так уж давно, Ричард опубликовал историю болезни, которая привлекла к себе всеобщее внимание. Историю мужчины, страдавшего от навязчивых страхов. Бывало, страхи полностью овладевали им, хотя в моменты просветления он понимал, что для этого нет никаких логических оснований.

Джейн замолкла и, кусая губы, нервно оглядела всех сидящих за столом.

— Как-то раз у него случилась проблема с машиной. На время трехдневной командировки он оставил ее на парковке в аэропорту Кеннеди, а когда вернулся, обнаружил, что не может открыть багажник — ключ в замке не поворачивается. Он решил, что кто-то пытался взломать багажник, но только повредил замок. Он закинул чемодан на заднее сиденье и поехал домой. Однако ночью ему в голову пришла очень странная мысль — он решил, что кто-то спрятал у него в багажнике труп. Он понимал, что это маловероятно — вряд ли убийца привез тело жертвы на парковку аэропорта и, взломав чужой багажник, переложил туда труп. Довольно нелепый способ избавиться от тела. Однако все эти доводы не помешали ему на этом заикнуться. Чем больше он думал о ней, тем убедительнее казалась ему его версия. Во-первых, в районе аэропорта уже не раз находили тела

жертв мафиозных разборок. А также он припомнил, как в новостях говорили про гангстерские расправы, когда трупы находили в брошенных автомобилях.

— Так это же совсем другое дело, — вырвалось у Хардвика.

— Конечно. Но подождите, это еще не все. Сам он не мог открыть багажник так, чтобы его не сломать, а к слесарю идти боялся. Боялся, что кто-то увидит то, что, возможно, лежит у него в багажнике. Эта навязчивая идея появлялась и исчезала, как времена года. Спустя пару лет, когда пришло время продавать машину, страх не просто никуда не делся, а буквально парализовал его. Он с ужасом представлял себе, как продавец машин или новый владелец открывает багажник и находит там труп или что пострашней.

Джейн запнулась, глубоко вздохнула и, уткнувшись взглядом в свои сжатые руки, замерла.

Чуть погодя Хардвик спросил:

— Ну и чем кончилось?

— В один прекрасный день, сдавая назад на парковке, он врезался в чей-то бампер — багажник открылся. Естественно, там ничего не было. Он продал машину и купил новую. На том все и кончилось. Пока не появился новый страх.

Хардвик нетерпеливо заерзал на стуле.

— Так и в чем суть этой истории?

— Суть в том, что герой истории, которую опубликовал Ричард, человек, одержимый страхами, это сам Ричард.

Сперва никто не отреагировал.

Не то чтобы они были ошарашены ее рассказом. По крайней мере Гурни с самого начала предполагал, к чему вела Джейн.

Хардвик нахмурился.

— Вы хотите сказать, что ваш брат отчасти гений психологии, а отчасти псих?

Джейн сердито взглянула на него.

— Я хочу сказать, что у Ричарда сменяются ярко выраженные состояния меланхолии и эйфории. Парадокс в том, что человек, способный помочь практически любому, совершенно бессилён в борьбе с собственными бесами. Чтобы Ричард мог помогать другим людям, я должна заботиться о нем — думаю, это и есть мое предназначение.

Гурни не терпелось спросить, как же Ричард помог тем своим четверым пациентам, которые сейчас мертвы. Но нужно было узнать кое-что поважнее.

— Возможно ли, что у него снова возникла навязчивая идея? Чем больше он участвует в расследовании, тем больше вероятность того, что найдутся какие-то улики против него?

— Думаю, так и есть. Но вы должны помнить, что его страх не имеет никаких оснований. Это очередной воображаемый труп в багажнике.

— Разве что в этот раз у нас целых четыре трупа, — заметил Хардвик, — причем настоящих.

— Я имела в виду...

Ее прервал звонок мобильного, который она оставила на столике возле окна. Она бросилась к нему, посмотрела на экран и приложила телефон к уху.

— Алло, — сказала она. — Что? Подожди, тебя не слышно. Что делает? Кто... Я не слышу ровно половину... Подожди минутку... — Она повернулась к Мадлен. — Это Ричард. Где здесь лучше всего ловит?

— Идите сюда, — Мадлен встала и показала через стеклянную дверь на улицу. — Вон там, за верандой, между яблоней и поилкой для птиц.

Мадлен открыла дверь, и Джейн, прижимая телефон к уху, вышла на заснеженную лужайку. Казалось, она не замечает холода. Мадлен, передернувшись, закрыла дверь и направилась в прихожую. Минуту спустя она уже была снаружи, около яблони, и протягивала Джейн куртку.

Хардвик плотоядно улыбнулся.

— Про багажник мне понравилось. Есть соображения, Шерлок? Думаешь, наш доктор — маниакально-депрессивный святоша с параноидальным расстройством? Или все, что она нам рассказала, — сплошная лажа?

Глава 6

Когда Мадлен вернулась, Джейн все еще стояла под яблоней и вела явно напряженный разговор по телефону.

Смерив взглядом явно взволнованную Джейн, Хардвик спросил:

— Какого черта она там торчит?

— Возможно, я ослышалась, но кажется, брат сказал Джейн, что его преследуют.

Гурни выглядел раздраженным. Он заговорил не столько с Мадлен и Хардвиком, сколько с самим собой.

— И вместо того, чтоб обратиться к адвокатам или в детективное агентство, Ричард предпочитает свалить все на сестру.

Небо затягивалось облаками. На ветру свободные брюки Джейн плотно облегли ее ноги, но она словно не чувствовала холода.

Гурни повернулся к Хардвику и спросил:

— Что она задумала?

— Если вкратце, она хочет, чтобы ты поехал на Волчье озеро и выяснил, как вышло, что те парни, побывав там, наложили на себя руки. Само собой, она хочет, чтобы причина их смерти никак не была связана с тем, что всех четверых загипнотизировал ее брат.

Гурни думал, что Мадлен откажется делать крюк и заезжать в Адирондак по дороге в Вермонт, но она молчала. Погруженная в свои мысли, она тревожно смотрела вдаль, не замечая Джейн, стоявшую на лужайке. Гурни не сразу узнал этот взгляд, который как бы между прочим отбивал всю охоту спрашивать ее о чем-либо.

— Дело в том, Джек, что завтра мы с Мэдди выезжаем в северный Вермонт, в гостиницу «Высокие сосны». Нам бы не хотелось отменять эту поездку или переносить ее на потом.

— Как я могу вмешиваться в нечто столь важное для здоровья и счастья вашего брака!

Хардвик подмигнул Мадлен, которая все еще витала в своих мыслях.

Его шуточный тон страшно раздражал Гурни — он напоминал ему отца, который, выпивши, вел себя очень похоже.

— Братишка, я уверен, задача решится. Мысли позитивно, и выход найдется.

Гурни хотел было сказать Хардвику, чтобы тот сменил тон на менее снисходительный, но услышал, как открывается боковая дверь. В кухню вошла Джейн, все еще в куртке, с растрепанными ветром волосами. Мадлен сразу заметила, что Джейн взволнована.

— С вашим братом все в порядке?

— Он сказал, что за ним следят, что кто-то взломал его компьютер. Мне кажется, полицейские пытаются довести его до нервного срыва.

Джейн производила впечатление классического «спасителя», беды брата словно подпитывали ее энергией. Гурни знал — парадокс подобных отношений в том, что в случае спасения «спаситель» становится ненужным. Лишь поддерживая уязвимость Ричарда, она сможет оставаться востребованной. Гурни был удивлен, насколько точно Джейн вписывалась в подобную модель отношений.

— Как вам показалось, его наблюдения обоснованы?

— Обоснованы?

— Вы говорили, что ваш брат страдает от навязчивых страхов.

— Это другое. Страхи рождаются в его воображении. А в данном случае он действительно что-то видел. Я вас умоляю, он же не шизофреник! Он не видит того, чего нет на самом деле!

— Ну конечно нет, — вмешалась Мадлен, — Дэвиду просто любопытно, как Ричард воспринимает увиденное.

Джейн взглянула на Гурни.

— Воспринимает?

— Возможно, машина, едущая за вами на шоссе, преследует вас, — объяснил он, — А может быть, она просто едет позади. Я уверен, ваш брат видит то, что видит, но мне интересна его интерпретация увиденного.

— На этот вопрос я ответить не могу. Я не так много знаю о том, что происходит. Но ведь в том-то и дело. Именно для этого мне нужны вы. Вы и Джек. Я не знаю, почему те четверо покончили с собой. Никаких предположений у меня нет. Я знаю только, что все не так, как говорят в полиции. А докапываться до правды — это то, что отлично получается у вас.

Гурни бросил взгляд на Мадлен, в надежде увидеть реакцию на просьбу Джейн, однако лицо ее было непроницаемо.

Джейн продолжила:

— Если бы вы приехали на Волчье озеро, встретились с Ричардом и задали ему правильные вопросы, я уверена, вы бы сразу разобрались, что к чему. Ведь так работают хорошие детективы, верно? А по словам Джека, вы — лучший! Поможете?

Откинувшись на спинку стула, Дэйв присмотрелся к Джейн: глаза ее сияли надеждой. Он ответил вопросом на вопрос:

— А кто сейчас занимается гостиницей?

— Остен Стекл, главный управляющий. Он там всем заведует, особенно после смерти Итана. Хотя и до. Итан всецело на него полагался.

Она немного помолчала, а затем продолжила:

— Остен жесткий парень, но к Ричарду он был очень справедлив. Он приложил столько усилий, чтобы оградить Ричарда от этих стервятников-журналистов. Как только Фентон обнародовал свои безумные обвинения, репортеры тут же начали осаду. Остен на неделю нанял охрану, нескольких репортеров арестовали за нарушение границ частной собственности и причинение беспокойства. Об этом поползли слухи, и вскоре они перестали пытаться проникнуть на территорию владений Голлов.

— Вы говорили, у Итана остался брат? Участвует ли он в бизнесе?

— Пейтон? Он просто там живет. Никакой от него пользы.

— Что с ним не так?

— Кто же его знает? В семье не без урода, как говорится.

Гурни рассеянно кивнул.

— Вы сказали, Пейтону около тридцати?

— Кажется, двадцать восемь или двадцать девять. Они с Остеном примерно одного возраста. Но с точки зрения энергии, целей и интеллекта, они словно с разных планет.

— Есть еще братья или сестры?

— В живых — никого. Итан и Пейтон были старшим и младшим братьями из пятерых детей. Трое средних погибли вместе с отцом — их частный самолет разбился во время грозы. У их матери случился нервный срыв, и два года спустя она покончила с собой. Итану тогда было двадцать один, а Пейтону лет пятнадцать. Эта трагедия лишь усугубила их непохожесть. Не помогло даже то, что Итана назначили опекуном Пейтона.

— Вы сказали, «в семье не без урода»...

— От Пейтона вечно сплошные неприятности. В детстве он врал, воровал и издевался над другими детьми. Затем началась череда неменяемых подружек, если говорить начистоту — шлюх. Отвратительный образ жизни — казино, наркотики, да всего и не перечить.

— Он живет на Волчьем озере?

— Увы, да.

Гурни взглянул на Хардвика, ожидая его реакции, но тот сидел, уткнувшись в свой смартфон.

Джейн умоляюще поглядела на Гурни.

— Вы приедете, чтобы поговорить с Ричардом?

— Но если он отказывается от помощи, станет ли он говорить со мной?

— Вряд ли, если бы мы предупредили его заранее. Но в случае вашего приезда он не сможет отказать.

— Откуда такая уверенность?

— Он такой: еще когда он практиковал в Милл-Вэлли, неважно, насколько занят он был, — если к нему приходили пациенты без записи, он не мог им отказать. Он должен был принять каждого. Хочу добавить, на случай если у вас складывается неправильное впечатление, он не пытался втиснуть еще одного богатенького клиента, он делал это не из-за денег. Ричард никогда не думал о деньгах, только о людях.

Гурни показался весьма странным тот факт, что человек, которому наплевать на деньги, открывает частную практику в Милл-Вэлли, в Калифорнии, одном из самых богатых мест в Америке.

Словно почуяв его сомнения, Джейн продолжила:

— В прошлом крупные организации делали Ричарду выгодные предложения, очень выгодные предложения, с условием, что он будет работать исключительно с ними. Но он всегда отказывался.

— Почему?

— Для Ричарда очень важна прозрачность. Он должен знать все о той организации, которая хотела бы приобрести эксклюзивные права на его научную деятельность. Учреждения, связанные с исследованиями в области психологии, хоть и твердят о своей независимости, далеко не всегда являются таковыми. Никакие деньги в мире не заставят Ричарда работать, если цели исследования и источник финансирования не поддаются проверке на сто процентов. Вот такой он человек.

Джейн наклонилась к Гурни и спросила:

— Вы же поможете, правда?

— У нас проблема со временем. Дело в том, что мы уже давно планировали небольшое путешествие.

Его слова словно ранили ее.

— Когда?

— Послезавтра. Поэтому, увы, я ничем...

— На сколько?

— На сколько мы уедем? Дня на четыре, а то и на пять. А может, и еще задержимся...

— Но события развиваются так стремительно. Неужели нельзя...

— А оказывается, можно! — ликующе объявил Хардвик, показывая экран телефона, на котором видна была карта с проложенным маршрутом. — Фиолетовый маршрут ведет прямым из вашего дома в гостиницу «Высокие сосны» в северно-восточном Вермонте. Между ними километров на триста пролегают горы Адирондак. Я нашел два пути через горы и два — в объезд. Один из маршрутов пролегает всего в тридцати километрах от заповедника Голла. Вам просто нужно выехать на день раньше, чем вы планировали и провести первую ночь в элитной гостинице на Волчьем озере.

По-детски сложив ладони в мольбе, Джейн перевела взгляд с Гурни на Мадлен.

— Вы же сможете, да? Вы же сможете заехать туда по дороге в Вермонт, правда?

Гурни не знал, как ответить, не будучи уверен в том, что думает на этот счет Мадлен.

Заметив его сомнения, Джейн решила обратиться лично к Мадлен.

— У вас будет великолепный номер, и конечно же совершенно бесплатно!

Мадлен все еще изучала карту на телефоне Хардвика.

Чуть погодя, к удивлению Гурни, Мадлен кивнула.

— Сможем.

Глава 7

Они договорились, что на следующий день Джейн Хэммонд встретит их в гостинице, и Джейн с Хардвиком уехали.

Мадлен удалилась в спальню, сказав, что хочет принять душ.

Гурни почуял, что она, по крайней мере какое-то время, будет избегать разговоров о Волчьем озере. Он не понимал почему, но знал, что, если Мадлен не готова о чем-то говорить, — разговора не получится. Вместо этого он решил изучить, что лежит в бумажном конверте, который ему оставила Джейн.

Он отправился с конвертом в кабинет и устроился за письменным столом.

Внутри были две папки, со сделанными от руки пометками. На одной было написано: «Первые сводки о четырех самоубийствах».

Гурни открыл папку и увидел новостные сводки, опубликованные на сайтах местных газет. Было странно читать репортажи, написанные до того, как сложилась полная картина происходящего, но Гурни хотел посмотреть, как изначально были восприняты отдельные эпизоды.

Из газеты «Палм-Бич пост», 2 октября:

Смерть мужчины в Палм-Бич — предположительно суицид

В понедельник утром тело Кристофера Хорана, двадцати шести лет, было обнаружено в кооперативной квартире на Береговом канале.

В предварительном отчете о вскрытии возможной причиной смерти указано самоубийство. Смерть наступила от чрезмерной потери крови, вызванной перерезанными артериями на запястьях. Тело было найдено уборщиком, который имел доступ в квартиру мистера Хорана.

Соседи рассказали, что мистер Хоран жил один, но у него часто бывали гости и шумные вечеринки. Информации о семье и месте работы погибшего нет. В домоуправлении отказались давать комментарии.

Из газеты «Берген рекорд», 10 октября:

В Тинеке мужчина найден мертвым в собственном автомобиле

Тело Лео Бальзака, двадцати семи лет, управляющего табачным магазином «Счастье курильщика» на Куин-Энн-стрит, было обнаружено его соседом на автостоянке их квартирному комплексу на авеню Дегра.

Согласно полицейским данным, погибший находился на водительском кресле своего автомобиля. Вены на обеих запястьях были вскрыты. На соседнем сиденье найден нож, с помощью которого были нанесены раны. Представитель полиции заявил, что имеющиеся улики подтверждают версию о самоубийстве, но воздержался от дальнейших комментариев до получения результатов вскрытия и токсикологического анализа.

Ближайший сосед описал мистера Бальзака как «очень энергичного молодого человека, который всегда куда-то спешил — такие не кончают жизнь самоубийством».

Из газеты «Ньюсдей», 26 октября:

Гибель мужчины из Флорал-Парка, возлюбленная пропала

Тело Стивена Пардозы было найдено в прошедшую среду в квартире в подвальном этаже дома его родителей во Флорал-Парке, где он жил. Он был найден Арнольдом Пардозой, отцом Стивена, который, после многочисленных неудачных попыток дозвониться до сына, вошел в квартиру, воспользовавшись запасным ключом.

Представитель полиции квалифицировал смерть как возможное самоубийство, сообщив только о ранах на запястьях погибшего и ноже, найденном на месте происшествия. Родители погибшего не согласились с версией о самоубийстве, настаивая на том, что это — лишь «предлог для того, чтобы скрыть истину».

Пардозе было двадцать пять лет, последний год он работал садовником. Сотрудники правоохранительных органов выразили желание поговорить с возлюбленной погибшего, Анджелой Кастро, которая до недавнего времени проживала с ним, но ее местонахождение в данный момент неизвестно. Последние два дня мисс Кастро не появлялась в салоне красоты, где она работает парикмахером. Управляющий салона, Эрик, отказавшийся называть свою фамилию, сообщил, что мисс Кастро не звонила на работу, чтобы объяснить свое отсутствие.

Перед тем как перейти к статьям, освещающим смерть Итана Голла, Гурни выписал кое-какие детали, привлечшие его внимание.

Как он уже заметил Хардвику, важно было обратить внимание на возраст погибших. Возможно, была какая-то школьная история или просто какие-то общие знакомые.

Ну и, конечно, перерезанные вены. В реальности этот способ самоубийства довольно редко оказывается действенным, несмотря на его литературность и на безумное количество молодых людей, ежегодно попадающих в больницы с самнанесенными порезами. Мужчины предпочитают стреляться и вешаться. Было бы весьма необычно, если бы даже один из этих парней перерезал себе вены. А то, что все они замыслили одно и то же, в высшей степени странно.

Теперь вопрос денег. Вполне возможно, что Кристофер Хоран из Палм-Бич мог позволить себе поездку на горный курорт за тысячу долларов в день, чтобы избавиться от привычки курить. Но работник небольшого табачного магазина? И газонокосильщик, живущий в каморке, в доме родителей? На первый взгляд они были весьма нетипичными клиентами знаменитого психотерапевта в гостинице «Волчье озеро».

И наконец, исчезновение девушки Стивена Пардозы. Может, это ничего не значит. Но возможно, это ключ к разгадке. По опыту Гурни, люди просто так не пропадают.

Сделав несколько заметок, он взялся за самую подробную статью — про Итана Голла.

Из газеты «Олбани таймс», 3 ноября:

Наследник состояния Голлов найден мертвым в домике в горах

В курортной гостинице «Волчье озеро», расположенной в природном заповеднике семьи Голлов, одном из самых больших частных земельных участков в Адирондаке, в уединенном домике было обнаружено тело, предположительно Итана Голла.

В ожидании отчета о вскрытии, полиция заявила, что предварительная экспертиза невозможна ввиду состояния тела, но не исключается возможность самоубийства.

На берегу озера стоит главный гостевой дом — один из знаменитых лагерей Адирондака, три шале, несколько отдаленных домишек в близлежащем лесу и, само собой, семейный дом Голлов. Эти здания были построены в начале 1900-х оловянным магнатом Далтоном Голлом, который погиб при весьма странных обстоятельствах. Его растерзали волки на территории заповедника вскоре после того, как он увидел во сне, как на него нападают эти хищники.

Итан Голл, наследник солидного состояния, заработанного его

прадедом, был основателем, президентом и главным спонсором фонда «Новая жизнь» — некоммерческой организации, помогающей бывшим заключенным получить образование и подготовиться к жизни на свободе.

Скончавшемуся было тридцать четыре года, у него остался брат Пейтон. Управляющий гостиницей и представитель семьи Остен Стекл сделал следующее заявление: «Эта неожиданная трагедия потрясла всех на Волчьем озере, и мы с трудом верим в случившееся. Мы воздержимся от дальнейших комментариев, пока не получим официальное заключение от медицинского эксперта».

Тут же были распечатки схожих, но более коротких статей из «Берлингтон фри пресс», «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост».

Гурни взял со стола телефон и набрал номер Хардвика. Тот мгновенно ответил:

— Как делишки, Дэйви?

— Пара моментов. В одной из статей Остен Стекл назван представителем семьи. Не считая Пейтона, есть ли еще кто-нибудь живой в семействе Голлов?

— Никого.

— Вся семья — это Пейтон?

— Насколько известно Джейн, да. Я ее спрашивал.

— Ладно. Еще один вопрос. Что там с фондом «Новая жизнь»?

— Там, кажется, все чисто. Освободившиеся по УДО проходят переподготовку, получают образование и психологическую поддержку. Похоже, оно и правда снижает процент рецидивов преступлений. Итан основал фонд, управлял им и вложил в него немало денег.

Гурни записал, что тут нужно покопать поглубже.

— Сегодня утром ты упомянул странную смерть Далтона Голла, и в одной из статей об этом написано. Что же произошло на самом деле?

— Хрен его знает! История много лет передается из уст в уста и, возможно, обросла домыслами и легендами. Говорят, старому пройдохе приснилось, что его сожрала стая волков, а спустя несколько дней так оно и вышло. Вполне возможно, что это все выдумки.

— Интересное совпадение. Всем нашим покойничкам перед смертью тоже снились кошмары.

— Согласен. Но к чему ты ведешь?

Гурни пропустил вопрос Хардвика и спросил:

— А тебе не кажется странным, что парень, который зарабатывает на жизнь стрижкой газонов...

Хардвик закончил его мысль:

— Раскошелился на поездку в старомодную гостиницу, штука баксов за ночь? Кажется.

— А что скажешь про перерезанные вены?

В ответ Хардвик громко расхохотался:

— В том то и дело, Дэйви, я понятия не имею, что все это значит. Для того нам и нужен твой выдающийся мозг.

Гурни повесил трубку и открыл вторую папку из тех, что оставила Джейн. На ней было написано: «Пресс-конференции полиции, заявление Хэммонда, обзор СМИ».

Первой была распечатка с сайта интернет-издания. Сверху странички рукой Джейн было написано: «Сержант Планта, Бюро криминальных расследований, пресс-конференция, 8 ноября».

Это был первый доклад Планта и ответы на вопросы неизвестных журналистов.

Гурни решил пока что отложить эту бумагу и взглянуть на расшифровку следующей встречи с журналистами.

Эта пресс-конференция была на несколько страниц длиннее, чем первая. Впрочем, тут была прикреплена ссылка на видео — Гурни предпочитал этот формат.

Выражения лиц и интонации голоса могли рассказать куда больше, чем слова на бумаге. Гурни открыл ноутбук и перешел по ссылке.

Он ждал, пока загрузится видео, и тут в кабинет вошла Мадлен в банном халате, с мокрой после душа головой.

— Ты решил, какие возьмешь? — спросила она.

— В смысле?

— Я про снегоступы.

Он взглянул в сторону двери, где, насколько он помнил, утром она оставила снегоступы — деревянные с кожаными ремешками и пластиковые с шипами на подошвах.

— Наверное, пластиковые.

Казалось, за ее натянутой улыбкой скрывались куда менее радостные мысли.

— Что-то не так? — спросил Гурни.

Через силу она улыбнулась еще шире.

— Я подумала, может, мы проведем свет птицам?

— Свет?

— Ну да, в курятник. В это время года очень рано темнеет.

— Так ты об этом думала?

— Я подумала, что им будет приятно.

Он знал — ее беспокоит что-то еще, и ему следует проявить терпение, чтобы узнать причину ее беспокойства.

— Нужно просто провести туда провода и повесить лампочки. Можно вызвать электрика, хотя я могу и сам.

— Им понравится.

Она взяла снегоступы и вышла из комнаты.

Он же остался сидеть, уставившись в окно, раздумывая, о чем же Мадлен еще не готова поговорить. Его взгляд упал на деревья возле пастбища.

Гул множества голосов и шум передвигаемых стульев в комнате с включенным микрофоном привлек его внимание к экрану компьютера. Начинаясь вторая пресс-конференция с полицией.

Гурни, прослужившему столько лет в полиции Нью-Йорка, была до боли привычна гнетущая казенная обстановка конференц-зала. Съемка, как обычно, велась с одной камеры, установленной в дальнем углу и направленной в сторону входа.

На дешевых пластиковых стульях сидели журналисты — около дюжины; судя по их затылкам, половина — мужчины, половина — женщины. Перед ними на небольшом возвышении стоял плотного телосложения мужчина. На стене позади него висела маркерная доска.

Он был невысокого роста и весьма полный. Одет как типичный сыщик лет за сорок: темные брюки, тусклая пастельная рубашка, еще более тусклый галстук и серая спортивная куртка, которая явно была ему маловата. С его темными волосами, зачесанными назад с широкого морщинистого лба, отвисшими щеками и суровым ртом он необычайно походил на Джимми Хоффу со старых снимков.

Взглянув на часы, он открыл архивную папку.

— Так, ребята, начинаем. Я — старший следователь Гилберт Фентон, из бюро криминальных расследований. В последние несколько дней дело о смерти Итана Голла серьезно продвинулось. Сейчас я зачитаю отчет.

Как только Фентон приумолк, чтобы перевернуть страницу в папке, один из журналистов подал голос:

— Вы использовали обобщающее слово — «смерть». Вы предполагаете, это не было самоубийством?

— Я ничего не предполагаю. Я только хочу сказать, что, зная то, что знаем мы, нельзя исключать возможности того, что эта смерть не была «самоубийством» в обычном смысле этого слова. Но подождите минуту, —

он поднял ладонь, как регулировщик, подающий сигнал «стоп», —
позвольте мне закончить отчет.

Он снова посмотрел в папку.

— В ходе расследования смерти Голла было установлено несколько существенных фактов. Во-первых, в недавнем прошлом погибший подвергался гипнозу со стороны доктора Ричарда Хэммонда... Во-вторых, перед смертью погибшему неоднократно снился определенный кошмар... В-третьих, орудие убийства совпадает с описанием орудия из кошмара погибшего... И наконец, содержание кошмара, которое он посчитал важным описать, полностью совпадает с тем, как все произошло во время его самоубийства. Этих фактов было бы достаточно, чтобы начать более подробное расследование. Однако теперь стало очевидно, что дело еще более масштабно.

Он перевернул страницу в папке, откашлялся и продолжил:

— Мы узнали, что еще три человека покончили с собой таким же образом, как Итан Голл, чему предшествовал аналогичный сюжет развития событий. Эти люди также были загипнотизированы Ричардом Хэммондом. У каждого из них начались мучительные кошмары, и все трое убили себя соответственно содержанию этих кошмаров.

Он закрыл папку и посмотрел на собравшихся.

— Теперь я готов ответить на ваши вопросы.

Несколько человек заговорили одновременно.

Он снова поднял руку:

— По одному. Вы, в первом ряду.

Женский голос спросил:

— В чем вы обвиняете доктора Хэммонда?

— Мы не выдвигали никаких обвинений. Мы хотели бы сотрудничать с доктором Хэммондом.

Он указал на другого репортера.

Мужской голос:

— Вы переqualифицируете смерть Голла на убийство?

— Дело квалифицировано как смерть при подозрительных обстоятельствах.

Тот же мужской голос:

— Какие варианты кроме самоубийства вы рассматриваете?

— Никаких. В данный момент мы сосредоточены на том, чтобы узнать, как именно и почему было совершено самоубийство.

Женский голос:

— Что вы подразумевали, когда сказали, что, возможно, это не

самоубийство «в обычном смысле» этого понятия?

— Ну, например, чисто гипотетически, очень сильное гипнотическое внушение заставило человека совершить нечто, на что сам по себе человек был бы не способен. Такой поступок не вписывается в рамки общепринятого смысла данного понятия.

Снова заговорили сразу несколько человек, соревнуясь, кто сможет громче.

Изумленный мужской голос заглушил остальных:

— То есть вы утверждаете, что, используя гипноз, Ричард Хэммонд заставил Голла, равно как и трех других пациентов, совершить самоубийство?

Раздались удивленные возгласы и скептические смешки.

Фентон поднял руку.

— Господа, давайте соблюдать приличия. Я ничего не утверждаю. Я поделился с вами одной версией. Возможно, есть и другие.

Последний вопрошатель продолжил:

— За какое преступление вы собираетесь арестовать доктора Хэммонда?

— Не будем забегать вперед. Мы надеемся на добровольное содействие доктора Хэммонда. Нам нужно знать, что именно произошло на этих сеансах гипноза, чем можно объяснить кошмарные сны его пациентов и последовавшие за ними ритуальные самоубийства.

Два женских голоса одновременно:

— Ритуальные?

Мужской голос:

— Какого рода ритуальные действия вы подразумеваете? Сатанизм?

Другой мужской голос:

— Вы можете раскрыть имена трех других жертв?

Женский голос:

— Правильно ли использовать термин «жертва», говоря о самоубийствах?

Фентон прикрикнул:

— Успокойтесь, пожалуйста! Я считаю, в данных обстоятельствах вполне резонно использовать слово «жертва». Были совершены четыре почти идентичных самоубийства; в каждом случае использовались орудия, совпадавшие с орудиями из сновидений, которые снились погибшим после сеансов гипноза. Очевидно, это не просто совпадение. Относительно ритуального аспекта — все орудия были весьма необычными и, по версии экспертов, скорее всего, имели какое-то значение; это все, что я могу

сообщить на данный момент.

Мужской голос:

— Если ваша теория верна и погибшие оказались жертвами гипнотического внушения, приведшего к самоубийствам, по какой статье будет предъявлено обвинение? Это какая-то новая разновидность убийства?

— Мы решим это по мере продвижения расследования.

Вопросы задавали целых полчаса. Фентон не проявлял нетерпения. Наоборот, казалось, он словно подначивал журналистов — весьма необычно для флегматичного, наверняка старых взглядов сыщика, подумал Гурни.

Наконец Фентон объявил о завершении пресс-конференции.

— Так, дамы и господа, спасибо за содействие. На выходе вы можете взять копии моего отчета.

Журналисты начали отодвигать стулья, вставать, и на этом видео закончилось.

Несколько долгих минут Гурни, весьма озадаченный, просидел за письменным столом.

Затем схватил ручку и стал записывать вопросы. На половине страницы он вдруг вспомнил, что в папке, которую составила Джейн, были еще документы: заявление для прессы Ричарда Хэммонда и подборка статей, вышедших уже после конференции Фентона.

Гурни открыл папку, достал стопку распечаток с новостных сайтов и бегло их просмотрел. Не было никакой необходимости читать эти более свежие статьи. Заголовки говорили сами за себя.

«Заклинатель смерти»

«Врач убедил своих пациентов свести счеты с жизнью?»

«Полиция связывает ритуальные самоубийства с подозрительным гипнотизером»

«Сон как орудие убийства?»

Просмотрев половину распечаток, Гурни отложил их в сторону и откинулся на спинку стула. Картина произошедшего заинтриговала его, а агрессивно публичный подход Гила Фентона сбивал с толку — мало того, что тот ухватился за совершенно нелепую версию, так еще и нарушил принципы общения с прессой полиции штата Нью-Йорк.

В папке лежала последняя бумага — напечатанная на машинке страничка с длинным заголовком: *Сообщение для прессы. Заявление доктора Ричарда Хэммонда относительно расследования смертей Кристофера Хорана, Лео Бальзака, Стивена Пардозы и Итана Голла.*

С нарастающим интересом Гурни вчитывался в текст.

Представитель правоохранительных органов штата Нью-Йорк выдвинул серьезные обвинения в СМИ касательно смерти четырех человек, названных выше. Данные обвинения неприемлемы и бездоказательны.

Данное заявление будет моим первым, последним и единственным ответом. Я отказываюсь участвовать в фарсе, организованном малокомпетентными следователями полиции. Я отказываюсь взаимодействовать с ними, пока они не прекратят свою подлую клеветническую кампанию. Я также не буду общаться с представителями СМИ, которые подхватили клеветнические измышления полицейских, что доказывает их безнравственную жажду сенсации.

Иными словами, я отказываюсь принимать участие, вести дебаты и тратить свои силы на то, чтобы препятствовать этому фарсу и бульварной мыльной опере. Я не собираюсь нанимать ни адвокатов, ни пиарщиков, ни спикеров, ни каких-либо покровителей.

Я буду с вами предельно честен. Обвинения и предположения, что я каким-то образом причастен к смерти этих четырех человек, — вопиющая ложь.

Позвольте мне повториться, ведь я хочу донести до вас правду. Произошедшее с Кристофером Хораном, Лео Бальзаком, Стивеном Пардозой и Итаном Голлом — ужасно, но я не имею к этому никакого отношения. Дело заслуживает полноценного и беспристрастного расследования, а не этого циркового представления под руководством недобросовестных полицейских, подхваченного гнусными журналистами-новостниками.

Гурни удивился с какой удалей было написано заявление, особенно учитывая, что написал его тот самый человек, который когда-то буквально цепенел от страха, представляя, что в багажнике его машины лежит труп.

Глава 8

По мнению Гурни, полицейское управление Палм-Бич было

идеального размера: достаточного, чтобы иметь свой следственный отдел, но и не слишком большое, что позволяло его информатору быть в курсе ключевых моментов всех текущих расследований. Что еще лучше, лейтенант Бобби Беккер был у него в долгу. Чуть меньше двух лет назад, во многом при помощи Гурни, Беккеру удалось поймать безжалостного серийного убийцу.

Беккер мгновенно ответил на звонок, в трубке раздался его мягкий тягучий южный выговор.

— Детектив Гурни! Какая неожиданность! — Последнее слово он произнес так, будто это вовсе не было неожиданностью. — Рад тебя слышать! Надеюсь, все в порядке?

— Все хорошо. А ты как?

— Грех жаловаться. Хотя я просто предпочитаю этого не делать. Жаловаться — тратить время, за которое можно устранить первопричины этих жалоб.

— Господи, Беккер, ты звучишь как настоящий пай-мальчик с Юга.

— Счастлив слышать это. В конце концов, это мой родной язык. Коренной флоридец, как-никак. Нас осталось немного, мы почти вымерли. Даже здесь, на родине, мы стали редкостью. Чем я могу тебе помочь?

Гурни замешкался на секунду, пытаясь подобрать нужные слова.

— Меня попросили разобраться в одном деле, которое, как оказалось, имеет несколько отправных точек. В том числе в Палм-Бич.

— Дай-ка угадаю. Ты небось про «дело смертоносного доктора»? Так его здесь называют, или еще — «дело об убийственных снах».

— Именно про него. Не ты ли часом ведешь дело Хорана?

— Нет, сэр, не я. Оно досталось парнишке за соседним столом; он уж думал, все круто, ведь медэксперт подтвердил предполагаемый суицид. Ясно дело, все полетело к чертям собачьим, когда явился преподобный Бауман Кокс и сообщил нам, что это было убийство, а убийца — сам Сатана.

— Чего?

— Ты что, не знал?

— Мне говорили, что Хоран доверился местному пастору и рассказал ему про кошмары, мучившие его с той поры, как он побывал на приеме у Хэммонда на Волчьем озере. А когда Хорана нашли мертвым, пастор рассказал обо всем вам. Один из вас позвонил Хэммонду, но разговор ни к чему не привел, а через неделю сам Хэммонд перезвонил и сообщил, что с ним только что связался детектив из Нью-Джерси насчет второго самоубийства. Вот что мне рассказали, без упоминаний об убийстве,

совершенном Сатаной.

— Как ты раздобыл эту информацию?

— Окольными путями.

— То есть ты не доверенное лицо старшего следователя Гилберта Фентона?

— Едва ли. Расскажи-ка мне еще про Сатану.

— Увы, не могу. Глава следственного отдела распорядился, чтобы неизвестные журналистам детали расследования не обнародовали. Я обязан держать слово, дело чести. Однако преподобный Кокс никому ничего не обещал. Его, кажется, можно найти в церкви Победы во Христе, в Коралл-Дюнс. Преподобный — человек твердых убеждений, с таким же твердым желанием ими поделиться.

— Спасибо, Бобби. Я тебе очень признателен.

— Рад помочь. Может быть, теперь ты сможешь ответить на мой вопрос? У нас тут многие головы ломают.

— Спрашивай.

— Что, черт возьми, задумал этот боров Фентон?

Вопрос этот повлек за собой долгое обсуждение необычного подхода Фентона к общению с журналистами. Беккера особенно раздражало то, как Фентон представлял себе полномочия пресс-секретаря полиции и как рисовался перед журналистами. Что и привело к тому, что следователи других округов потеряли контроль над информационным потоком и оказались в дурацком положении перед местными репортерами.

Беккер считал версию, продвигаемую Фентоном, абсолютно бездоказательной и недостаточной для возбуждения уголовного дела. Гурни же вернулся к вопросу, который волновал его куда больше, чем поведение Фентона: кто в Бюро криминальных расследований или где-то еще в структуре полиции штата Нью-Йорк одобрил подход Фентона? И почему?

Кто-то выше по званию явно приложил свою руку. Фентон, в конце концов, выглядел как типичный коп-карьерист. Этот угрюмый, собирающийся в отставку полицейский вряд ли стал бы нарушать субординацию.

Чья же это игра?

И какова награда для победителя?

Пока что у Гурни и Беккера были одни лишь вопросы. Ободряло то, что их волновало одно и то же.

Беккер завершил разговор запоздалым замечанием про преподобного Кокса.

— Перед твоим знакомством с любезным служителем веры хочу предупредить тебя, что он страшно похож на уродливую хищную птицу.

Позвонив по номеру с сайта церкви Победы во Христе в Коралл-Дюнс, Гурни столкнулся с чередой автоответчиков, но в конечном итоге был перенаправлен на голосовую почту самого Баумана Кокса.

Назвав свое имя и номер мобильного, он представился одним из детективов, расследующих дело о самоубийствах, и высказал надежду, что преподобный сможет рассказать больше о душевном состоянии Кристофера Хорана, а возможно, даже поделиться своей версией произошедшего.

Прошло меньше пяти минут, как ему перезвонили. Голос звонившего был по-южному густой, как сироп.

— Детектив Гурни, говорит Бауман Кокс. Я только что получил ваше сообщение. Судя по телефонному коду, вы находитесь на севере штата Нью-Йорк. Так?

— Да, сэр. Спасибо, что перезвонили.

— Я верю, ничего не происходит просто так. Я получил ваше сообщение почти сразу, как вы его оставили, поскольку собирался уйти из своего номера, и перед выходом решил проверить автоответчик. И как же вы думаете, где находится мой номер?

— Даже не представляю.

— Вы наверняка даже не догадываетесь. Во чреве чудовища.

— Простите, сэр?

— Во чреве чудовища — в Нью-Йорке. Мы здесь, чтобы защитить праздник Рождества от тех, кому ненавистна даже мысль о Рождестве, кто против самого существования праздника.

— Ясно.

— Вы христианин, сэр?

Обычно Гурни на подобные вопросы не отвечал. Но в данном случае ситуация была необычной.

— Да.

Он решил не уточнять, что, скорее всего, его понимание христианства так же далеко от понимания Баумана Кокса, как Уолнат-Кроссинг от Коралл-Дюнс.

— Это хорошо. Итак, чем я могу вам помочь?

— Я хотел бы поговорить с вами о Кристофере Хоране.

— И о его кошмарах?

— Да.

— И о том, что послужило причиной всех этих смертей?

— Да.

— Где именно вы находитесь сейчас, в момент нашего разговора, детектив?

— У себя дома, в Уолнат-Кроссинг на севере штата Нью-Йорк.

На несколько секунд Кокс замолчал. Гурни слышал в трубке лишь легкое постукивание пальцами по клавиатуре. Он ждал.

— Ах, вот вы где. Удобная штука — эти современные карты. Ну что ж, у меня к вам есть предложение. Мне кажется, это не телефонный разговор. Почему бы нам с вами не встретиться, так сказать, с глазу на глаз?

— Когда и где?

Последовала очередная пауза, более длинная и все с тем же постукиванием по клавиатуре.

— Как мне кажется, Мидлтаун находится ровно между нами. На трассе 17 есть закусочная «На полпути». Я чувствую, Господь указывает нам дорогу. Что скажете — послушаем его?

Гурни взглянул на экран мобильного. 12.13 дня. Если успеть в закусочную к 1.45 и час провести с Коксом, получится быть дома к 4.15. Стало быть, останется еще куча времени, чтобы разрешить все недомолвки, касающиеся отъезда в Адирондак следующим утром.

— Договорились, сэр. До встречи там в час сорок пять.

Глава 9

Путь через Катскильские горы в Мидлтаун был хорошо знаком Гурни и прошел без происшествий. Так же хорошо ему была знакома просторная парковка закусочной «На полпути». Они с Мадлен не раз останавливались здесь выпить кофе в тот год, когда присматривали загородный дом.

В закусочной было много свободных столиков. Пока Гурни осматривал помещение, к нему подошла официантка с меню и чересчур напомаженной улыбкой.

— Кажется, я вижу того, кто мне нужен, — сказал Гурни, глядя на мужчину, который с важным видом сидел на одном из четырех стульев за угловым столиком.

Официантка пожала плечами, вручила ему меню и ушла.

Когда Гурни подошел к столику, мужчина поднялся ему навстречу. Он был очень высокий, под два метра. Одной рукой энергично тряс руку Гурни, другую он поднял, показывая айпад.

— Я навел справки, детектив, и должен сказать — я чрезвычайно впечатлен.

Он широко улыбнулся, продемонстрировав ряд дорогостоящих зубов.

На экране планшета Гурни краем глаза заметил свое старое фото рядом со словом «Суперкоп» — кричащим заголовком статьи, вышедшей в журнале «Нью-Йорк» несколько лет назад и описывающей череду арестов и приговоров. Согласно каким-то подсчетам он оказался самым успешным следователем отдела убийств в истории полицейского управления Нью-Йорка. Сам он стеснялся этой статьи, хотя, бывало, она приносила пользу, и кажется, это был как раз такой случай.

Гурни прикинул, что преподобному лет шестьдесят, но он делает все возможное, чтобы выглядеть на сорок.

— Познакомьтесь с вами — честь для меня, детектив. Пожалуйста, садитесь.

Они уселись друг напротив друга. К ним подошла устало улыбающаяся официантка.

— Господа, вы уже решили, что будете заказывать, или вам нужно еще время?

— Дайте мне еще пару минут на то, чтобы познакомиться с этим удивительным человеком, и мы будем готовы заказать. Вы одобряете мой план, Дэвид? Вы не против, если я буду называть вас Дэвид?

— Я не против.

На преподобном Баумане Коксе был темно-синий тренировочный костюм и часы «ролекс» из нержавеющей стали — Гурни видел где-то рекламу этой модели за 12 тысяч долларов. У Кокса была загорелая кожа желтоватого оттенка, неестественно упругая, совсем без морщин, и шевелюра искусственного коричневого цвета без единого седого волоса. Хищный ястребиный нос и воинственный блеск в глазах плохо вязались с широченной улыбкой.

Когда официантка ушла, он наклонился к Гурни.

— Благодарю Господа нашего за возможность поделиться размышлениями о том, за чем, как я убедился, стоит немислимое зло. Позвольте спросить, насколько вы продвинулись в расследовании этого дела?

— Дело в том, преподобный...

— Дэвид, пожалуйста, оставим формальности. Зовите меня Бауман.

— Хорошо, Бауман. На мой взгляд, проблема в том, что в связи с географией самоубийств, делом занимаются сразу в нескольких округах. У детектива Гилберта Фентона, в районе Адирондак, кажется, есть более

подробная информация.

Гурни пытался найти подсказки на лице преподобного — как к нему подступиться, чтобы максимально разговорить его.

Он продолжил, немного сменив лексикон:

— Однако меня интересует именно зловещий характер событий, присутствие неких мистических сил.

— Вот и я о том же!

— Взять хотя бы эти кошмары.

— Точно!

— Вот про это я и хотел у вас узнать, Бауман. Из-за того, что расследование ведется разрозненно, я знаю про кошмары, но не знаю их содержания. Обмен информацией между управлениями оставляет желать лучшего.

Кокс вытаращил глаза.

— Но ведь кошмары — ключ к разгадке! Я же им с самого начала сказал. Я же сказал, что ответ в кошмарах! У них есть глаза, но они отказываются видеть.

— Может быть, вы мне объясните?

— Конечно.

Он снова наклонился вперед и лихорадочно заговорил. Его идеальные зубы и натянутая путем хирургического вмешательства кожа лица создавали впечатление, что перед Гурни сидит манекен.

— Известна ли вам, Дэвид, феноменальная способность некоторых людей повторять музыкальный пассаж нота в ноту, лишь единожды услышав его? Так вот, у меня есть похожая способность запоминать услышанный текст, особенно если это имеет отношение к слову Божиему и людскому. Вы понимаете к чему это я?

— Не уверен.

Кокс наклонился еще ближе, впившись змеиными глазами в глаза Гурни.

— В вопросах добра и зла то, что я слышу, врезается мне в память, нота в ноту, так сказать. Я расцениваю это как дар. Так что, когда я говорю, что сейчас повторю рассказ Кристофера Хорана о его кошмаре, я именно это имею в виду. Его рассказ. Нота в ноту. Слово в слово.

— Вы не возражаете, если я запишу вас на диктофон?

В глазах Кокса мелькнуло что-то, но исчезло так быстро, что Гурни не успел это растолковать.

— В полиции меня очень просили не распространяться об этом среди журналистов и прихожан. Однако вы, детектив, разумеется, не относитесь

ни к тем, ни к другим.

Гурни достал мобильный, включил аудиозапись и положил телефон на стол. Несколько секунд Кокс не сводил с него глаз, словно взвешивая все за и против. Затем, еле заметно кивнув (жестом игрока в блэкджек, решившего продолжать), он закрыл глаза и заговорил. Его голос стал более резким — по всей видимости, он подражал манере речи Кристофера Хорана.

— Я лежу в кровати. Начинаю засыпать. Но мне нехорошо. Нет этого легкого, расслабляющего чувства засыпания. Частично я в сознании, но не могу пошевелиться, не могу говорить. Я чувствую, что кто-то или что-то находится в комнате со мной. Я слышу глубокое прерывистое дыхание — словно звериное. Как будто тихое рычание. Я никого не вижу, но оно приближается. Заползает на меня. И прижимает меня к кровати. Я хочу закричать, но не могу. Вижу горящие красные глаза. Потом зубы зверя, острые клыки. — Кокс сам оскалил свои блестящие зубы. — С клыков капает слюна. Теперь я знаю, это волк, огромный волк, размером с человека. Его пылающие красные глаза совсем близко. Слюна с клыков капает мне в рот. Я хочу закричать, но не могу издать ни звука. Волчье туловище нависает над мной, удлиняется, растягивается в форме кинжала. Я чувствую, как кинжал входит в меня, обжигает и пронзает меня, вновь и вновь. Я весь в крови. Волчье рычание превращается в человеческий голос. Я вижу, что у волка человеческие руки. Теперь я знаю, что это человек, но я вижу лишь его руки. В одной руке он держит кинжал с рукоятью в виде серебряной головы волка с красными глазами. В другой руке у него разноцветные таблетки. Он говорит: «Приподнимись и выпей их. Нечего бояться, нечего вспоминать». Я просыпаюсь в поту и ознобе. Все тело ломит. Я сажусь на краю кровати, я слишком измотан, чтобы встать. Я наклоняюсь, и меня начинает тошнить. Вот и все. Вот что со мной происходит. Каждую ночь. От одной мысли о том, что это повторится, мне хочется умереть.

Кокс открыл глаза, откинулся на спинку стула и загадочно оглядел комнату — словно он только что послужил проводником для духа умершего, а не просто повторял по памяти рассказ другого человека.

— Ну вот, Дэвид, теперь вы знаете, что мне поведал этот несчастный молодой человек накануне своей гибели. — Он замолчал, явно ожидая реакции Гурни, которой не последовало. — Разве вас не шокирует то, что испытал Кристофер?

— Разумеется, все это очень странно. Но скажите, помимо сна, что еще вам про него известно?

Кокс удивился.

— Простите, Дэвид, но ведь очевидно, что сон Кристофера — именно то, на чем нам следует сосредоточиться. Его смерть была предначертана во сне. Во сне, благодаря которому мы и вывели на чистую воду этого дьявола Хэммонда. *И сказал Господь, посмотри на сущность, что явилась тебе в деле этом. Сущность зла пред глазами твоими.*

— Когда вы называете доктора Хэммонда дьяволом...

— Я не просто так использую этот термин. Я знаю все про «доктора» Хэммонда, с его степенью по психологии Лиги плюща.

Гурни не до конца понимал, была ли неприязнь Кокса к Хэммонду просто результатом культурных войн или тут было что-то большее. Но сперва ему нужно было узнать кое-что другое.

— Вы знали Хорана до вашего с ним разговора про сны?

Кокс нетерпеливо покачал головой:

— Нет, не знал.

— Вы служите в Коралл-Дюнс?

— Да, но наша радиопередача и просветительская деятельность в интернете не имеют границ.

— Коралл-Дюнс находится где-то в часе езды от Палм-Бич, так?

— К чему вы ведете?

— Мне интересно, зачем...

— Зачем Кристоферу понадобилось ехать в Коралл-Дюнс, чтобы облегчить свою истерзанную душу? А вам не пришло в голову самое простое объяснение — что Господь привел его ко мне? — Рот его растянулся в блаженной улыбке, обнажая ряд идеальных белых зубов.

— Может быть, у вас есть другое объяснение?

— Возможно, он услышал одну из наших онлайн-проповедей. Миссия нашего прихода — сражаться на стороне Господа в войне, охватившей наш мир.

— Войне с?..

Кокс от удивления округлил глаза.

— Развязана война против установленного Богом порядка вещей. Война против истинной природы мужского и женского начал, основ брака и семьи. Война с дьявольским коварством сатанинской армии гомосексуалов.

— Вы хотите сказать, что Кристофер Хоран приехал в Коралл-Дюнс рассказать именно вам про свой сон из-за вашего отношения к однополым бракам?

Кокс уставился на Гурни; в глазах его сверкала то ли ярость, то ли неистовое возбуждение. Было в этих глазах что-то еще: не отблеск ли

фанатичной веры в полнейшую ерунду.

Он заговорил, повысив голос:

— Я хочу сказать, что он приехал ко мне, потому что оказался загипнотизирован, духовно осквернен, а вскоре и убит доктором Ричардом Хэммондом. Специалистом по распаду и унижению.

Через пятнадцать минут, наслушавшись Баумана Кокса, Гурни, не имея ни малейшего желания обедать, покинул закусочную. Вопросов стало еще больше. Каково прошлое Ричарда Хэммонда, до какой степени честна и откровенна Джейн, насколько важным был столь содержательный сон Хорана, и почему Кокс так люто ненавидел Хэммонда.

Едучи домой, большую часть пути по трассе 17 Гурни перебирал в уме когда, кому и зачем он собирался позвонить: Хардвику, Джейн, а также Ребекке Холденфилд — блестящему психологу-криминалисту. Их связывало непростое прошлое, в котором было многое — конфликты, влечение и взаимопомощь.

Перед тем как звонить, он решил скинуть им на почту копии аудиофайла. Он и сам хотел послушать запись — не тот фрагмент про сон, который он отлично помнил, а отрывок их разговора с Коксом, последовавший за обвинением Хэммонда в убийстве. Он хотел убедиться, что хорошо помнит эту беседу, перед тем как обсуждать ее, особенно с Ребеккой.

Съехав на обочину, он отправил имейлы Хардвику и Джейн — с короткими комментариями, и Ребекке — с более подробным объяснением. Затем он открыл аудиофайл из закусочной, промотал до того места, откуда хотел начать и нажал кнопку воспроизведения.

Внимательно вслушиваясь в каждое слово Кокса, он выехал обратно на шоссе и направился в сторону гряды холмов.

Кокс: Я хочу сказать, что он приехал ко мне, потому что оказался загипнотизирован, духовно осквернен и почти что убит доктором Ричардом Хэммондом. Специалистом по распаду и унижению.

Гурни: Это он сам вам сказал? Он думал, что его убьют?

Кокс: Он поведал мне о своем кошмаре, и в нем я увидел то, о чем он сам не смог мне рассказать.

(Недолгая пауза.)

Гурни: Вы убеждены, что Хэммонд убил Хорана?

Кокс: Я в этом уверен.

Гурни: Позвольте уточнить, правильно ли я уловил

последовательность событий. Вы говорите, что Хэммонд, под предлогом терапевтической сессии, которая якобы должна была помочь Хорану бросить курить, загипнотизировал его. А что произошло неделю спустя? Доктор Хэммонд прилетел в Палм-Бич, загипнотизировал Хорана в его квартире, перерезал ему запястные артерии и, когда тот умер от кровопотери, замаскировал все под самоубийство. Вы это имели в виду?

Кокс: Я слышу в ваших словах иронию, сэр.

Гурни: Я просто пытаюсь понять ваше видение ситуации.

Кокс: Я вижу причастность Сатаны и сил зла — той сущности, которую вы, кажется, не способны постичь.

Гурни: Я готов мыслить шире. Просто объясните мне: что, как вы считаете, Ричард Хэммонд сделал с Кристофером Хораном? Мне нужны детали, логистика преступления. Вы считаете Хэммонд сам приезжал во Флориду, чтобы убить его?

Кокс: Нет, сэр, все было не совсем так. Это не то преступление, которое мог бы совершить каждый, это нечто куда страшнее пороков рода людского. Намного страшнее.

Гурни: Я не понимаю.

Кокс: Хэммонду не понадобилось прибегать к физическим действиям.

Гурни: То есть Хэммонд никого не убивал? Я вас не понимаю.

Кокс: Мы имеем дело с силами зла, сэр.

Гурни: Что именно это значит?

Кокс: Что вы знаете о прошлом Хэммонда?

Гурни: Не так уж много. Я знаю, что он был знаменит в научных кругах и помог многим людям бросить курить.

Кокс (*резкий, невеселый смех*): Цели Хэммонда не имеют никакого отношения к курению. Все это лишь для отвода глаз. Вы изучите его прошлое — его книги, статьи. Вам не понадобится много времени, чтобы понять, каковы его истинные намерения, его изначальный замысел так же очевиден, как адское пламя в глазах того волка. Его цель — извращать души людей и порождать гомосексуалов.

Гурни: Порождать гомосексуалов? Как же он это делает?

Кокс: Как? Есть только один способ. С помощью дьявола.

Гурни: И как же дьявол ему помогает?

Кокс: Ответ на этот вопрос есть только у Хэммонда и у самого Сатаны. Но я считаю, что этот человек продал душу, получив взамен способность управлять другими: проникать в их сознание, исказить их мысли, показывать им извращенные сны. Сны, что одних приводят к развратному образу жизни, а других, не способных пережить проклятия, — к

самоубийству.

Гурни: То есть, когда вы утверждаете, что Хэммонд «убил» Хорана, вы имеете в виду...

Кокс: Что он убил его самым жутким образом, который только можно себе представить, — внедрив в его сознание извращенный кошмарный сон, который тот не смог пережить. Кошмар, который заставил его покончить с собой. Подумайте, детектив. Заставить человека убить самого себя — что может быть ужаснее и коварнее?

Гурни выключил аудиозапись и свернул с трассы на дорогу, ведущую в Уолнат-Кроссинг через холмы и долины.

Прослушивание записи не принесло никакого результата, а только закрепило в памяти слова Кокса. Его бредовая теория не проливала никакого света на случившееся.

Действительно ли Кокс такой идиот, каким кажется?

А что, если эта гомофобная тирада просто спектакль? Но для чего?

Несмотря на объяснения Кокса визита Хорана к нему, Гурни не давал покоя вопрос, зачем же этот бедолага поехал именно в далекий Коралл-Дюнс.

Глава 10

Доехав до западного берега водохранилища Пепактон, Гурни свернул на посыпанную гравием разворотную площадку. Сотовая связь в этих краях была так себе, но в этом месте его телефон всегда работал.

Он надеялся отыскать какое-то связующее звено в столь противоречивых рассказах Гилберта Фентона, Баумана Кокса и Джейн Хэммонд.

Сначала он позвонил Джейн.

— У меня вопрос. Ричард когда-нибудь консультировал по вопросам сексуальной ориентации?

Джейн замешкалась.

— Да, немного, в самом начале карьеры. А что?

— Только что я говорил с пастором, который знал одного из самоубийц. Он рассказал, что ваш брат проводил терапию, направленную на изменение сексуальной ориентации человека.

— Что за бред! Ничего такого он не делал. — Она замолчала, как будто больше ей нечего было сказать.

Гурни ждал.

Она вздохнула.

— В начале карьеры Ричард действительно принимал пациентов, испытывавших терзающие чувства по поводу своей гомосексуальности и боявшихся рассказать об этом родным. Он помогал им принять и полюбить себя. Вот и все.

— Это точно все?

— Да. Хотя... Был один инцидент: группа пасторов-фундаменталистов начала целую кампанию против Ричарда, он получал письма с угрозами и оскорблениями. Но это было почти десять лет назад. Какое это имеет значение сейчас?

— У некоторых людей хорошая память.

— Некоторые люди просто мракобесы, которым необходимо кого-нибудь ненавидеть.

Гурни не мог не согласиться. С другой стороны, слишком рано было списывать со счетов демоническую версию Кокса как простое мракобесие.

Позвонив Хардвику, Гурни попал на автоответчик. Он оставил ему сообщение с предложением проверить имейл и послушать приложенную к нему аудиозапись. А также попросил, если получится, выйти на след пропавшей девушки Стивена Пардозы.

Затем он позвонил Ребекке Холденфилд. Она взяла трубку после третьего гудка.

— Привет, Дэвид, давно тебя не слышала. Чем могу быть полезна? — Даже по телефону ее голос излучал еле уловимую сексуальность, одновременно манившую и настораживавшую его.

— Расскажи мне про Ричарда Хэммонда.

— Ричарда Хэммонда, который в эпицентре урагана?

— Именно.

— Незаурядный ум. Меланхолик. Новатор. Использует самые современные техники. Тебя что-то определенное интересует?

— Что ты знаешь про ураган?

— Да как все, кто слушает новости по дороге на работу. За один месяц — четыре пациента, покончивших с собой.

— Ты слышала версию полиции, что суициды якобы спровоцированы гипнотическим внушением?

— Да, слышала.

— Думаешь, это возможно?

У нее вырвался иронический смешок.

— Хэммонд, конечно, исключительно талантлив, но всему есть

границы.

— Расскажи-ка мне про границы.

— Гипноз не способен принудить человека сделать нечто, противоречащее его базовым ценностям.

— То есть склонить к самоубийству с помощью гипноза абсолютно невозможно?

Она задумалась.

— Небрежный и некомпетентный гипнотерапевт может подтолкнуть суицидально настроенного человека. Но не может зародить жажду смерти в человеке, который хочет жить. Ничего подобного никогда не было зафиксировано.

Настал черед Гурни призадуматься.

— Все говорят, Хэммонд настоящий уникам в своей области. Вот и ты сказала, что он использует продвинутые техники. Что это значит?

— Он выходит за рамки. Я видела аннотацию к статье, представленной на конференции Американской ассоциации психиатров, — в ней он сопоставляет нейропсихологию и мотивационную гипнотерапию. Он утверждает, что интенсивная гипнотерапия создает новые нейронные связи, благоприятствующие формированию новой манеры поведения.

Гурни промолчал. Он ждал, заметит ли она, как противоречит своему же утверждению о пределах гипнотерапии.

— Не пойми меня превратно, — добавила она быстро. — Нет никаких доказательств того, что даже самый интенсивный гипноз может обратить стремление жить в желание умереть. Кстати говоря, важен еще один момент — на что способен тот или иной человек.

Гурни ждал, что Ребекка скажет дальше.

— Дело в характере. В характере и в личных качествах. Из того, что я видела и слышала, я бы сказала, что, с точки зрения темперамента и морали, Ричард вряд ли способен срежиссировать подобное. Он — вечный вундеркинд, невротик, может быть, чересчур измученный гений. Но он не чудовище.

— Кстати, ты видела мой имейл?

— Нет, если ты отправил его в последние час-полтора. Совсем не было времени проверить почту. А что там?

— Я только что встречался с проповедником из Флориды, который уверен, что Хэммонд самое настоящее чудовище. Я отправил тебе аудиозапись нашего с ним разговора.

— Звучит дико. Прямо сейчас не смогу послушать, меня ждет клиент. Но я обязательно послушаю позже... и перезвоню тебе. Хорошо?

В ее голосе прозвучала нотка недосказанности. Гурни снова выжидающе промолчал.

— Знаешь, — заговорила она, — чисто теоретически, если бы кто-нибудь понял, как это сделать...

— Ты имеешь в виду — заставить человека покончить с собой?

— Да. Если бы кто-нибудь действительно мог...

Казалось, от одной мысли о возможных последствиях она не знала, что и сказать.

Гурни задумчиво глядел в сторону водохранилища. В голове у него крутилась незаконченная фраза Ребекки Холденфилд, и он все больше и больше убеждался в том, что услышал в ее голосе некоторый ужас.

Он поглядел на часы на приборной доске. Было 3.23. В тенистую горную долину уже опускался закат — приближался день зимнего солнцестояния.

Мысли Гурни переключились на всплывавшие в его воображении картины. Знакомые, но тревожные образы. Они то и дело возникали у него в голове с тех пор, как он впервые увидел их во сне. Этот сон приснился ему вскоре после того, как они с Мадлен переехали в Западные Катскиллы и узнали про старые фермерские поселения, которые уничтожили и затопили водой, чтобы создать водохранилище.

Из-за потребности Нью-Йорка в воде сельских жителей принудительно лишили собственности. Все дома, амбары, церкви, школы, магазины — все было сожжено дотла; обугленные бревна и каменные фундаменты бульдозерами сравнили с землей, все останки, захороненные на местных кладбищах, эксгумировали. Словно никогда это место не было обитаемо, словно не было деревень, простоявших там больше века. Теперь здесь было лишь огромное водохранилище, а утрамбованные бульдозерами следы людей давно уже поглотило илистое дно.

Эти рассказы явно повлияли на Гурни, но не они явились ему во сне. Ему казалось, что он стоит в мутной сине-зеленой пучине водохранилища, в полной тишине. Вокруг него — заброшенные дома без окон и дверей. Необъяснимым образом среди затопленных фермерских построек оказывается многоквартирный дом в Бронксе, где он вырос. Тоже пугающе пустой. Вместо окон на мрачном кирпичном фасаде зияют квадратные дыры, в этих проемах угревидные твари извиваются. В темноте затаились ядовитые морские змеи, выжидающие, когда же жертва решится заглянуть внутрь. Медленное ледяное течение подталкивает его сзади все ближе и ближе к угрюмым стенам с их жуткими внутренностями.

Образы эти были настолько реалистичны, что Гурни брезгливо поморщился. Он потряс головой, сделал глубокий вдох, завел машину, выехал обратно на проселочную дорогу и двинулся в сторону дома, пообещав себе больше никогда не заикливаться на этом сне.

Оставшиеся двадцать километров от водохранилища до Уолнат-Кроссинга пролегли через холмы и лощины, и его телефон не работал. Но как только он свернул на узкую дорогу, ведущую к их дому, телефон зазвонил — он въехал в зону покрытия Уолнат-Кроссинга.

Звонила Джейн Хэммонд.

— Вы уже слышали? — В голосе ее звучали нотки гнева.

— Слышал что?

— Последнее выступление Фентона.

— Что произошло?

— Он все больше усложняет ситуацию.

— Что он сделал?

— Он заявил, что Ричард — его «главный подозреваемый» во всех четырех, как он выразился, случаях «преднамеренного убийства».

— «Преднамеренного убийства»? Он так и сказал?

— Да. И когда журналист спросил его, значит ли это, что Ричарда арестуют и предъявят обвинения в убийстве первой степени, Фентон не отрицал этого.

— А что он сказал?

— Что такой вариант рассматривается и что расследование продолжается.

— Приводил ли он новые доказательства, подтолкнувшие его к таким выводам?

— Все тот же бред сивой кобылы. Отказ Ричарда сотрудничать со следствием. Конечно, он отказался! Кто же сотрудничает с толпой линчевателей!

— Едва ли это новые доказательства. Что-нибудь еще было упомянуто?

— Всякая чушь по поводу снов. Теперь он говорит, что всем четверым погибшим снился один и тот же сон. Это уже какой-то полный бред.

Гурни съехал на обочину. Странно, когда одному человеку каждую ночь снится один и тот же сон. Но один и тот же сон у четверых — это уж слишком!

— Вы уверены, что вы правильно поняли его?

— О да, я все правильно поняла. Он сказал, что каждый из них предоставил подробное описание своих кошмаров. Хоран рассказал

пастору. Бальзак — психотерапевту. Пардоза рассказал своему хиропрактику. А Итан описал кошмар в каком-то письме. Фентон говорит, что по сути все описания аналогичны.

— И что он хочет этим сказать?

— Якобы тот факт, что всем им приснились одинаковые сны после гипноза Ричарда, свидетельствует, что это его рук дело. Причем не только сны, но и самоубийства. А еще он сказал «четыре самоубийства, о которых нам известно на данный момент», будто Ричард может оказаться серийным убийцей.

— Но официально Фентон не предъявлял Ричарду никаких обвинений?

— Официально? Нет. Оклеветал ли он его? Да. Испортил ему репутацию? Да. Разрушил карьеру? Да. Всю его жизнь вывернул наизнанку? Да.

Еще какое-то время она тараторила, давая волю злости и отчаянию. Хотя обычно при проявлении таких бурных эмоций Гурни и чувствовал себя не в своей тарелке, ему была понятна ее реакция на происходящее, с каждым новым витком становившееся все загадочней.

Один и тот же сон снится четверым?

Как такое возможно?

Он снова нажал на газ, проехал мимо амбара, мимо пруда, по дороге через пастбище. Припарковавшись у дома, он заметил краснохвостого сарыча. Тот кружил над полем, между амбаром и домом. Кажется, нацеливался он на небольшой загон, пристроенный к курятнику. Гурни вылез из машины и стал смотреть, как хищник сделал еще один медленный круг и, изменив курс полета, вскоре скрылся из виду над кленовой рощей, граничащей с пастбищем.

Он вошел в дом и позвал Мадлен, но та не отозвалась. Было всего четыре часа. Гурни был доволен, что приехал ровно как обещал, но разочарован, что Мадлен не оценит этот редкий случай его пунктуальности.

Где же она?

На работе, в психиатрической клинике, у нее был сегодня выходной. Машина ее стояла на своем обычном месте около дома, так что она не могла уйти далеко. Было холодно и смеркалось, вряд ли она пошла гулять вдоль сине-серых гор по одной из троп, ведущих к старой каменоломне. Ее бы остановил не холод, а надвигающаяся темнота.

Гурни позвонил ей на мобильный и вздрогнул, услышав звонок метрах в полутора от своего локтя — телефон лежал на комод, выполняя

функцию пресс-папье для нераспечатанных писем.

Он вошел в кабинет в надежде на то, что она оставила на столе записку.

Записки не было.

На автоответчике мигала лампочка. Он нажал кнопку «прослушать».

«Здравствуй, Дэвид. Ребекка Холденфилд. Я прослушала запись твоего разговора с Коксом. Странный разговор — это мягко сказано. У меня есть вопросы. Мы можем встретиться? Может на полпути между Уолнат-Кроссингом и моим офисом в Олбани? Жду твоего звонка».

Гурни перезвонил ей и, вновь попав на автоответчик, оставил сообщение.

«Привет, Ребекка. Дэйв Гурни. Встретиться будет сложно. Завтра утром я выезжаю в Адирондак — увидеть Хэммонда, если получится. А на следующий день еду в Северный Вермонт — прогулки на снегоступах и все такое. Вернусь самое раннее дней через пять-шесть. Однако мне интересно, что ты думаешь про этот сон. Кстати говоря, главный следователь БКР только что рассказал журналистам невероятную подробность про сны. Проверь обновления в интернете и перезвони мне, как сможешь. Спасибо».

Как только он закончил разговор, телефон снова зазвонил у него в руке. Это был Хардвик, который уже начал говорить, когда Гурни только поднес трубку к уху.

— ...за хрень происходит?

— Отличный вопрос, Джек.

— Кокс и Фентон что, соревнуются за звание главного психа на планете?

— Ты послушал запись, как Кокс пересказывает сон Хорана?

— Ага. Сон, который, как заверяет Фентон, снился всем жертвам.

— С трудом верится?

— В собачью чушь такого масштаба верится с трудом.

— Мы с тобой, Джек, оказались в очень неудобном положении — нам придется либо принять то, что существует некий заговор и Фентон лжет с разрешения начальства БКР, либо поверить, что четыре человека увидели один и тот же сон и он довел их до самоубийства.

— Ты же не думаешь, что это возможно?

— Все, что я слышу об этом деле, кажется совершенно невозможным.

— Что будем делать?

— Нам нужно искать возможные связи. Места, где могли пересекаться дорожки наших жертв. Проверить, не были ли они в прошлом знакомы с

Ричардом Хэммондом. Или с Джейн. Или с Пейтоном Голлом, который, по словам Джейн, ровесник трех жертв, что важно.

— Работа не из легких, но я берусь.

Закончив разговор, Гурни несколько минут простоял у окна в кабинете, пока темнеющее закатное небо не напомнило ему о Мадлен. Он подумал, что пора идти искать ее, пока совсем не стемнело. Но где начать поиски? Это так непохоже на нее...

— Я была у пруда.

Он подскочил от неожиданности — так тихо она вошла в дом и оказалась у двери кабинета. Когда-то Гурни приводила в замешательство ее необъяснимая способность отвечать на вопросы, которые он задавал мысленно, но теперь он уже привык к этому феномену.

— У пруда? Не слишком ли промозглый для этого вечерок?

— Да нет. Приятно подышать свежим воздухом. Ты видел ястреба?

— Да. Думаешь, надо с этим что-то делать?

— Кроме того, как восхищаться его красотой?

Он пожал плечами, и между ними повисло молчание.

Первой заговорила Мадлен.

— Ты собираешься с ней встречаться?

Гурни сразу понял, что она говорит о Ребекке, должно быть, услышала сообщение на автоответчике. Ее небрежный тон задел его.

— Я не очень понимаю, каким образом. Не раньше, чем мы вернемся из Вермонта, да и то...

— Она найдет способ.

— В каком смысле?

— Ты же понимаешь, что интересен ей.

— Ребекку интересуют только ее карьера и любые контакты, которые могут быть полезны ей в будущем.

Снова тишина. На этот раз заговорил Гурни.

— Что-то не так?

— Что не так?

— После визита Джека и Джейн ты словно где-то далеко.

— Извини. Я, наверное, просто не в настроении.

Она развернулась и ушла на кухню.

Быстро и почти без разговоров они поужинали пикшей с вареной картошкой и разогретым в микроволновке горошком. Когда они убрали со стола, Гурни спросил:

— Ты предупредила Сару, что мы уезжаем на день раньше?

— Нет.

— Скажешь ей?

— Да.

— Если с утра мы откроем курятник и выпустим курей гулять, нужно будет, чтобы кто-нибудь закрыл их вечером.

— Хорошо. Я ей позвоню.

Воцарилось молчание, и Мадлен взялась мыть посуду: тарелки, столовые приборы, сковородку из-под пикши, кастрюлю для картофеля. Поставила все сушиться. Еще много лет назад Мадлен настояла на том, что это будет ее ежедневный ритуал.

Гурни отводилась второстепенная роль — он сидел и наблюдал.

Закончив, Мадлен вытерла руки; однако вместо того, чтобы взять книгу и устроиться в своем любимом кресле в дальнем углу комнаты около печи, она так и стояла, глубоко погрузившись в свои мысли.

— Мэдди, что, черт возьми, происходит?

Только открыв рот, он уже знал, что не прав, что вопрос свой задал скорее от недовольства, чем из беспокойства.

— Я же сказала. Просто столько всего накопилось. Во сколько мы выезжаем?

— С утра. В восемь? Может, в восемь тридцать? Хорошо?

— Ладно. Ты собрался?

— У меня не очень много вещей.

Несколько секунд она смотрела на него, потом погасила свет над раковиной и вышла из кухни в коридор, ведущий в их спальню.

Он посмотрел за французские двери и ничего не увидел. Вечерние сумерки уже давно переросли в беспроглядную ночь, безлунную и беззвездную.

Глава 11

Где-то после полуночи погода резко переменилась, ветер разогнал тучи, и лунный свет озарил кленовую рощицу за окном их спальни.

Проснувшись от шума ветра, Гурни встал, сходил в туалет, выпил стакан воды и остановился у окна. Лунный свет, словно иней, серебрился на пожухлой траве.

Он вернулся в постель, закрыл глаза и попытался расслабиться, надеясь снова заснуть. Но вместо этого в голове у него, как заевшая пластинка, крутились тревожные образы, обрывки прошедшего дня,

запутанные вопросы и недозревшие гипотезы.

Пронзительный звук, перекрывший шум ветра, прервал его мысли. И вдруг стих. Гурни ждал, вслушиваясь. Звук снова раздался, на этот раз более отчетливо. Визгливый лай койотов. Он представлял себе, как мелкие, похожие на волков звери окружают свою жертву на освещенном луной скалистом утесе, где-то над верхним пастбищем.

Утром Гурни проснулся разбитым. Он заставил себя вылезти из кровати и пойти в душ. Горячие мощные струи, как всегда, творили чудеса — прочищали мозги и возвращали к жизни.

Вернувшись в спальню, он обнаружил две спортивные сумки, которые Мадлен притащила еще вчера утром. Они лежали на банкетке у изножья кровати. Сумка Мадлен была набита вещами и закрыта на молнию, его же — стояла пустая, в ожидании того, что он туда положит. Он не любил собираться, наверное, из-за того, что вообще не любил поездки, особенно те, от которых должен был получать удовольствие. Однако он быстро справился, собрав в сумку все немного, что могло ему понадобиться. Пройдя через кухню, он вынес обе сумки к боковой двери, где Мадлен уже сложила их лыжные костюмы, снегоступы и лыжи. Увидав все это, он вдруг с горечью осознал, что из всей поездки ему интересен лишь один день на Волчьем озере.

Он отнес все вещи к машине. Укладывая сумки в багажник хетчбэка, он увидел укутанную в теплое пальто Мадлен, пробирающуюся через пастбище со стороны пруда.

Когда она вошла в дом, Гурни уже был на кухне и варил кофе. Услышав шаги в прихожей, он окликнул ее:

— Кофе готов, ты будешь?

Он не разобрал, что она пробормотала в ответ. И повторил вопрос, когда она появилась на пороге кухни.

Мадлен покачала головой.

— Ты в порядке?

— Ну конечно. Все вещи уже в машине?

— Кажется, да. Сумки, все для лыж.

— Навигатор?

— Само собой. А что?

— Мы делаем немалый крюк, не заблудиться бы.

— Там не так много дорог, не заблудимся.

Мадлен кивнула с некоторой отрешенностью, которую он заметил в ней еще вчера. Выходя с кухни, она прохладно добавила:

— Пока ты был в душе, тебе оставили сообщение. На домашнем

телефоне.

Гурни пошел кабинет, чтобы проверить автоответчик, подозревая, что сообщение оставила Ребекка.

Так оно и было.

«Здравствуй, Дэйв. Четыре человека и один и тот же сон? В каком смысле? Похожие в общих чертах? Или образы совпадают точь-в-точь? В первом случае — притянута за уши. Во втором — охренеть! Надо бы копнуть поглубже. Слушай, каждую пятницу у меня лекция, на психфаке в университете в Платсберге. Так вот завтра я там буду. Гугл говорит, что это всего сорок километров от Волчьего озера. У тебя получится подъехать? Можем встретиться в гостинице „Колд-Брук“, где я остановлюсь. Если ехать со стороны Волчьего озера, гостиница будет прямо перед кампусом. перезвони мне».

Гурни застыл около письменного стола, пытаясь рассчитать время и расстояние, а также раздумывая над тем, как ко всему этому отнесется Мадлен. Нужно было хорошенько все обдумать перед тем, как перезванивать Ребекке.

По дороге из Уолнат-Кроссинга на север, в адирондакскую глухомань, сельский пейзаж за окном попеременно то радовал глаз, то наводил тоску. Многие из этих городков уже вымерли или были близки к тому — заброшенные торговые островки, облепившие дороги штата, как древесные грибы-паразиты. Встречались целые долины, где, куда ни глянь, все было в полуразрушенном состоянии, словно из земли просачивались отравляющие вещества.

Чем дальше на север они продвигались, тем обширнее становились снежные лоскуты на полях цвета сепии, температура падала, тучи сгущались.

Заехав в деревеньку, подающую еще какие-то признаки жизни, Гурни свернул на заправку; напротив красовалась вывеска «Кафе-кулинария „Райский латте“». Наполнив бак, он выехал с заправки и припарковался на первом попавшемся месте.

Спросил Мадлен, хочет ли она кофе. Или, может быть, перекусить?

— Я хочу просто выйти из машины, размяться и подышать воздухом.

Он перешел дорогу и вошел в небольшое заведение, обнаружив, что оно не совсем соответствует названию.

«Кулинария» представляла собой холодильник, в котором под светом тусклой лампочки была выставлена холодная мясная нарезка, как в детстве Гурни, в Бронксе — вареная колбаса, вареный окорок и ярко-оранжевый

американский сыр, по соседству — судки с картофельным и макаронным салатами, с большим количеством майонеза. «Кафе» же состояло из двух накрытых клеенками столиков; возле каждого по четыре складных стула.

За одним столиком сидела парочка морщинистых женщин, молча наклонившихся друг к другу, словно посреди их разговора кто-то нажал на кнопку «пауза».

«Райский латте» являл собой маленькую эспрессо-машину, не подававшую признаков жизни. То и дело где-то под полом раздавался стук и свист паровых труб. Под потолком гудела люминесцентная лампочка.

Одна из морщинистых женщин повернулась к Гурни:

— Выбрали что-нибудь?

— У вас есть обычный кофе?

— Кофе есть. Не могу сказать, насколько он обычный. Что-нибудь туда добавить?

— Просто черный кофе.

— Минутку.

Она потопталась на месте, обошла холодильник и исчезла.

Через несколько минут она вернулась и поставила на прилавок дымящийся пенопластовый стаканчик.

— Доллар за кофе, восемь центов за губернатора, который и восьми центов ни стоит. Этот чертов придурок издал закон вернуть в парк волков. Волков! Никто его не переплюнет в слабоумии. Парк — семейное место, для детей. Придурок чертов! Вам нужна крышечка?

Гурни отказался от крышки, положил на прилавок доллар и пятьдесят центов, поблагодарил ее и ушел.

Он заметил Мадлен в паре кварталов от кафе, на главной улице, она шла к нему. Он сделал пару глотков кофе, чтобы не пролить, и пошел ей навстречу.

Они неторопливо шли к машине, когда из двухэтажного офисного здания вышла молодая пара. Девушка держала на руках младенца, завернутого в одеяло. Мужчина подошел к водительской двери машины, припаркованной у выхода из здания, и остановился. Он взглянул на девушку и неуверенным шагом двинулся обратно к ней.

Гурни был теперь достаточно близко, чтоб разглядеть лицо девушки: ее рот, искаженный гримасой горя, и слезы на щеках. Мужчина подошел к ней, беспомощно остановился на мгновение, а затем обнял ее и ребенка.

Гурни и Мадлен заметили вывеску на доме и оба оцепенели. Над именами трех докторов было написано «Педиатрическая клиника».

— О господи... — Слова Мадлен прозвучали как слабый стон.

Гурни всегда сам признавал, что у него проблемы с эмпатией, что страдания других редко задевают его за живое; но иногда, как сейчас, неожиданно он переживал общее горе, такое великое горе, что глаза наполнялись слезами, а сердце разрывалось.

Он взял Мадлен за руку, и молча они добрались до машины.

Глава 12

Примерно в полутора километрах от деревни они увидели придорожный указатель, сообщавший, что здесь начинается Адирондакский парк. Гурни показалось, что «парк» — слишком скромное слово для описания необъятных просторов девственных лесов, озер и болот, по размерам превосходивших целый штат Вермонт.

Черета запущенных фермерских поселений за окном сменилась на куда более дикие места. Заросшие луга и горные кустарники уступили место темным хвойным лесам.

Дорога все поднималась вверх, и высоченные сосны уступали место корявым елям, сердито сгорбившимся под напором суровых зимних ветров. Здесь даже пролески казались мрачными и зловещими.

Гурни заметил, что Мадлен тревожно оглядывается по сторонам.

— Где мы? — спросила она.

— В смысле?

— Приблизительно рядом с чем?

— Мы ни с чем не рядом. Думаю, мы милях в семидесяти-восьмидесяти от Хай-Пикс. До Волчьего озера еще где-то километров сто пятьдесят.

В воздухе разливался морозный туман, столь легкий, что его подхватывала метель. Сквозь этот ледяной фильтр скрючившиеся деревья и гранитные скалы казались еще более угрюмыми.

Еще через два часа, за которые они встретили лишь несколько машин, едущих им навстречу, навигатор объявил о прибытии в пункт назначения. Однако гостиницы видно не было. Перпендикулярно главному шоссе начиналась грунтовая дорога, обозначенная незаметной бронзовой табличкой на железном столбе:

Природный заповедник голлов

Гостиница «Волчье озеро»

Частная дорога — только для гостей

Гурни повернул. Где-то метров через восемьсот дорога стала круче. В тумане, смешанном с дождем, изогнутые деревья играли зловещую шутку — они внезапно появлялись из ниоткуда и тут же исчезали.

Мадлен вдруг резко повернулась, увидев что-то в окне.

Гурни взглянул на нее.

— В чем дело?

— Кажется, я кого-то увидела.

— Где?

Она показала пальцем.

— Вон там. Около деревьев.

— Ты уверена?

— Да. Я видела, кто-то стоял возле тех корявых деревьев.

Гурни притормозил и остановился.

Мадлен встревожилась.

— Что ты делаешь?

Он осторожно стал сдавать назад.

— Скажи мне, когда подъедем к тому месту.

Мадлен снова повернулась к окну.

— Вот здесь, вот это дерево. А вон там, видишь, ой... Мне показалось, что тот пень возле согнутого дерева — человек. Прости.

Увы, тот факт, что это был всего лишь пень, а не затаившийся в этом неприветливом месте человек, не успокоил Мадлен, в ее голосе все еще слышалась тревога.

Они двинулись дальше, и вскоре в веренице корявых елок образовался просвет, и они заметили ветхую лачугу, такую же мрачную и неуютную, как и обледенелая гранитная плита под ней.

Лежавший между ними телефон Гурни внезапно зазвонил, и Мадлен инстинктивно отдернула руку.

Гурни взял телефон: звонил Хардвик.

— Да, Джек?

— И вам доброе утро, Детектив Гууни. Вот решил звякнуть, узнать, как вы там поживаете в этот чудесный день, дарованный нам Господом.

— К чему этот южный акцент?

— Я просто только что говорил с нашим дорогим лейтенантом из Палм-Бич, и эта манера говорить — словно неспешно пробираешься сквозь тягучую патоку — весьма заразительна.

— С Бобби Беккером?

Хардвик перестал паясничать.

— Ага. Я хотел узнать, не в курсе ли они там про Кристофера Хорана, откуда он взялся и как вышло, что он стал владельцем этой квартирki.

— И что?

— Да почти ничего они не знают. Кроме того, что в его старых водительских правах, которые он пару лет назад поменял на флоридские, предыдущим местом жительства указан Форт-Ли, Нью-Джерси.

— Получается, три наши жертвы в не столь отдаленном прошлом проживали в пределах досягаемости нью-йоркского метро.

— Все верно.

— Судя по тому, что Джейн говорила про Пейтона, он не похож на человека, который предпочел бы жить в горах. Разве что он скрывается от кого-то.

— Я говорил об этом Джейн по дороге от вас. Она считает, что там ему проще давать взятки, чем в городе.

— Она случайно не знает, кому и за что?

— Никаких имен. Но от Пейтона вечно одни неприятности. Думаю, в лесной глуши куда дешевле заручиться полезными покровителями, чем в городе. Джейн считает, что он предпочитает жить за городом, чтобы творить дурные делишки на относительно безопасной территории.

— Мерзавец Пейтон.

— Можно и так сказать.

— Мерзавец, который вот-вот унаследует огромное состояние.

— Ага.

— От брата, который только что погиб при очень странных обстоятельствах.

— Ага-ага.

— Но, насколько я понимаю, Пейтон ведь вне поля зрения Фентона?

— Именно.

Голос Хардвика стал прерываться и разваливаться на нечленораздельные звуки, а потом и вовсе пропал.

Гурни взглянул на экран мобильного и увидел, что сигнал потерян. Мадлен смотрела на него.

— Звонок оборвался?

— Мертвая зона.

Он внимательно смотрел вперед. На дороге лежал слой мокрого снега.

— Долго нам еще ехать?

— Понятия не имею.

Он взглянул на Мадлен.

Та сжала руки в кулаки, большими пальцами внутрь.

Гурни обратил внимание на овраг метрах в трех от того места, где, как он прикидывал, была левая обочина. Тут же, в самый неподходящий для этого момент, дорога стала круче. Секунду спустя машина потеряла управление.

Гурни переключился на первую скорость и попытался медленно двинуться вперед, но заднюю часть автомобиля стало заносить в сторону оврага. Он убрал ногу с педали газа и аккуратно нажал на тормоз. Машину неприятно занесло, и она остановилась. Гурни включил заднюю передачу и осторожно пополз назад, вниз по дороге, подальше от оврага. Отъехав от того места, где дорога становилась круче, он легонько нажал на тормоз. Машина наконец остановилась.

Мадлен всматривалась в лес.

— И что нам теперь делать?

Гурни посмотрел вдаль дороги, насколько мог видеть.

— Кажется, мы метрах в ста от вершины. Если бы я смог разогнаться...

Он осторожно тронулся вперед. Затем попытался ускориться на том самом месте, но внезапно задние колеса занесло и машину резко развернуло в сторону оврага. Гурни слишком сильно крутанул руль в обратном направлении, и с неприятным звуком машина правыми колесами слетела в кювет.

Двигатель заглох. В наступившей тишине было слышно лишь, как усиливается ветер и как ледяная крупа стучит по лобовому стеклу.

Глава 13

После нескольких неудачных попыток вытащить машину, но в результате лишь вогнав ее еще глубже в кювет, Гурни решил попробовать пешком дойти до вершины холма, откуда, возможно, он смог бы позвонить или увидеть, далеко ли еще до гостиницы.

Он надел лыжную шапку, поднял воротник и двинулся по дороге. Не успел он сделать и шага, как услышал жуткий вой, который, казалось, звучал отовсюду и в то же время ниоткуда. Гурни привык к лаю и вою койотов в горах в Уолнат-Кроссинге, но этот вой был другой — более глубокий, вибрирующий и протяжный, он пробирал до мурашек. Вдруг вой прекратился так же внезапно, как и начался.

Гурни собрался было достать «беретту» из кобуры на голени, но решил понапрасну не тревожить Мадлен и просто побрел вверх в гору.

Он прошел не больше двенадцати метров, как услышал крик из машины.

— Дэвид!

Он обернулся и, поскользнувшись, упал на бок.

Поднявшись на ноги, он увидел, в чем дело.

Метрах в трех от машины в ледяном тумане был виден расплывчатый серый силуэт.

Осторожно пройдя вперед, Гурни разглядел высокого худощавого мужчину в длинной холщовой куртке. На нем была шапка из свалявшейся шерсти, будто бы сшитая из кусочков звериных шкур. На ремешке из грубой кожи, затянутом у него на поясе, висел охотничий топорик в футляре.

Разделявшая их машина позволила Гурни незаметно поднять ногу и переложить «беретту» из кобуры в карман куртки. Он крепко сжимал ее, держа большой палец на предохранителе.

В желтых глазах мужчины было что-то почти звериное. Во рту виднелись сломанные и сточенные потемневшие зубы.

— Берегитесь.

Голос у него был скрипуч, как ржавая дверная петля.

— Чего? — спокойно спросил Гурни.

— Здесь зло.

— Здесь, на Волчьем озере?

— Ну, озеро без дна.

— Без дна?

— Без. Всегда так было.

— Что за зло здесь обитает?

— Ястреб знает.

— Ястреб?

— Ястреб знает зло. Повелитель ястреба знает все, что знает ястреб.

Отпускает ястреба. К солнцу, к луне.

— А вы что здесь делаете?

— Починяю, что сломается.

— В гостинице?

— Ну.

Поглядывая на топорик, Гурни решил продолжать разговор так, будто в нем не было ничего необычного; он надеялся хоть что-то для себя прояснить.

— Меня зовут Дэйв Гурни. А вас?

В странном взгляде незнакомца промелькнуло что-то, словно

сиюминутный пристальный интерес.

Гурни решил было, что мужчине знакомо его имя. Но когда тот обернулся на дорогу, стало ясно — его внимание привлекло что-то другое. Через несколько секунд Гурни услышал звук приближающегося автомобиля, едущего на низкой скорости. Он разглядел в тумане белые круги фар, преодолевших вершину, и теперь движущихся вниз.

Он хотел было посмотреть, как отреагировал незнакомец, но того уже и след простыл.

Вылезая из машины, Мадлен показала в сторону леса:

— Он убежал вон в ту рощу.

Гурни оглянулся в надежде услышать звук шагов и шорох веток, но слышен был лишь ветер.

Мадлен с нетерпением смотрела на приближающийся автомобиль.

— Кто бы это ни был, слава богу!

Винтажный «лендровер», как из старых приключенческих фильмов про сафари, остановился на склоне чуть выше «аутбека». Из машины вылез высокий стройный мужчина в шикарной непромокаемой куртке «Барбур» и высоких резиновых сапогах — он был похож на английского джентльмена, в ненастный день выбравшегося пострелять фазанов. Он снял капюшон, волосы у него оказались седые, коротко стриженные.

— Чертовски паршивая погодка, да?

Гурни согласился.

Мадлен, спрятав руки в карманы куртки, тряслась от холода.

— Вы из гостиницы?

— Да, из гостиницы. Но не от гостиницы.

— Простите, что?

— Я приехал сюда из гостиницы. Но я там не работаю. Всего-навсего гость. Зовут меня Норрис Лэндон.

Вместо того чтобы сквозь пургу идти жать Норрису руку, Гурни представился. Он собрался было представить Мадлен, но Лэндон заговорил первым.

— А это, должно быть, ваша очаровательная жена, Мадлен, я прав?

Мадлен удивленно улыбнулась.

— А вы, должно быть, комитет по встрече гостей?

— Не совсем так. Но я человек с лебедкой — думаю, для вас это ценнее.

Мадлен с надеждой в голосе спросила:

— Думаете, у этой штуки получится вытащить нас из кювета?

— Ей это не впервой. Не хотел бы оказаться здесь без нее. Я сегодня

говорил с Джейн Хэммонд, и она очень волновалась по поводу вашего приезда в такую ужасную погоду. В гостинице сейчас не хватает работников. Вот я и вызвался успокоить Джейн — проверить состояние дороги, убедиться, что нет упавших деревьев и тому подобного. Тут все очень быстро меняется. Реки выходят из берегов, на дорогах образуются впадины, сходят оползни, внезапно начинается гололед — здесь бывает опасно даже в самые лучшие деньки.

Произношение его было не типично американским и не британским, а среднеатлантическим; когда-то эту манеру говорить ввели в обиход интеллигентные богачи на северо-востоке, и она очень поощрялась в Лиге плюща, до тех пор пока эти университеты не заполнились будущими основателями хедж-фондов, которым было плевать на светскость речи, лишь бы побыстрее разбогатеть.

— Вы знаете, где у вас буксирный крюк, и сможете ли вы до него дотянуться в таком неудобном положении?

Перед тем как ответить, Гурни заглянул под перекошенный передок автомобиля.

— Думаю, да, отвечая на оба ваших вопроса.

— В таком случае мы сейчас мигом вытянем вас на дорогу.

Мадлен была взволнована.

— Перед тем как вы приехали, из леса к нам вышел какой-то человек.

Лэндон растерянно заморгал.

— Странный тип с топориком на поясе, — добавила Мадлен.

— С желтыми глазами и нес всякую чепуху?

— Вы знаете его? — спросил Гурни.

— Это Барлоу Тарр. Живет здесь неподалеку, в старой лачуге. На мой взгляд, от него сплошные неприятности.

— Он опасен? — спросила все еще дрожавшая Мадлен.

— Некоторые говорят, что он безобидный тип. Я в этом не уверен. Я однажды видел, с каким безумным взглядом он точил свой топорик. И охотится он с ним. Помню, как он с десяти метров кролика пополам разрубил.

Мадлен ужаснулась.

— Что еще вам про него известно? — спросил Гурни.

— Подрабатывает в гостинице, он вроде как мастер на все руки. Его отец здесь тоже работал. И дед. Тарры, все они, мягко говоря, немного неуравновешенные. Горный народ, живут здесь испокон веков. Состоят в странном родстве между собой, если вы понимаете, о чем я, — рот его искривился от отвращения. — Он хоть что-нибудь вразумительное сказал?

— Зависит от того, что вы считаете вразумительным.

Гурни стряхнул снег, налипший на плечи его куртки.

— Может, мы прицепим лебедку, а попозже поговорим про семейство Тарр?

Понадобилась четверть часа, чтобы поставить «лендровер» под правильным углом и как следует прицепить трос к буксирному крюку. Затем лебедка сделала свое дело, и спустя некоторое время застрявший автомобиль был вызволен из кювета и вытянут на дорогу сильно выше того места, где их занесло. Лэндон смотал трос лебедки, развернул «лендровер» и двинулся обратно, вверх по холму; Гурни поехал за ним.

Они миновали вершину холма, видимость сильно улучшилась, и Мадлен немного расслабилась.

— Тот еще персонаж, — сказала она.

— Кто, деревенский сквайр или мастер на все руки?

— Сквайр. Кажется, он много всего знает.

Мадлен отвлеклась на открывавшийся перед ними суровый пейзаж.

Чередка зубчатых вершин и горных кряжей темно-лилового цвета простиралась в окутанный туманом горизонт. Издалека создавалась иллюзия острых краев — словно вершины и кряжи были вырезаны из листового железа.

Ближайшая вершина — километрах в трех — была особенной формы, и Гурни узнал ее по фотографиям из интернета, которые он изучил перед отъездом. Она звалась Клыком Дьявола — и правда казалось, будто громадный клык упирается в небеса. К нему примыкал Кладбищенский кряж. Давным-давно выстроившиеся в ряд огромные глыбы гранита были похожи на надгробия, уходившие в небо.

Отвесный склон Кладбищенского кряжа длиной километра в три был западным краем Волчьего озера. На северном конце озера, в продолговатой тени Клыка Дьявола, стоял старый Адирондакский лагерь, также известный, как гостиница «Волчье озеро».

Глава 14

Дорога спустилась к озеру, и лес снова преобразился — здесь росли высокие, могучие сосны, скрывающие из виду окрестные горы.

Проехав последний поворот, они поравнялись с озером и направились к внушительному дому из камня и дерева, стоявшему на берегу. С

удивительной остротой Гурни почувствовал первозданную силу этого места и нависавших над ним Клыка Дьявола и Кладбищенского кряжа.

Впереди они увидели огромный деревянный навес, пристроенный к дому. Лэндон уже поставил свой «лендровер» под навесом и махал рукой Гурни, чтобы тот припарковался за ним. Когда они с Мадлен вылезли из машины, Лэндон прятал в карман свой мобильный.

— Я сообщил Остену, что вы приехали.

Он указал в сторону застекленных деревянных дверей, одна из которых как раз открылась.

Из дома вышел крепкий мужчина с бритой головой и пронзительными глазами. От него исходила какая-то невероятная мощь, которая, казалось, вместе с потом проступала на его лысой голове.

— Детектив Гурни, миссис Гурни, добро пожаловать в гостиницу «Волчье озеро». Меня зовут Остен Стекл.

Его рукопожатие оказалось крепким, как у спортсмена-профессионала. Гурни заметил обгрызенные до мяса ногти. Грубый голос и городской выговор Стекла разительно отличались от неуловимо надменного аристократичного урчания Лэндона.

— Позвольте помочь вам с багажом.

— Спасибо, но у нас совсем немного вещей, — Гурни обошел автомобиль и достал спортивные сумки. — Можно оставить машину здесь?

— Разумеется. Кстати, у нас есть парочка новеньких джипов в полном распоряжении гостей. Отличные внедорожники. Если вам это по душе, конечно. Предупредите меня, если захотите прокатиться.

— Ладно, Дэйв, — вклинился Лэндон, — кажется, вы в надежных руках — Он взглянул на часы. — Два сорок два. Как насчет того, чтобы собраться в каминном зале в три часа и пропустить стаканчик-другой?

— Договорились. До скорого.

Лэндон не спеша вошел в гостиницу, за ним последовал Стекл, передвигавшийся с легкостью и быстротой, необычной для такого плотного человека. Мадлен и Гурни вошли последними.

За огромной двойной дверью располагалась комната с высоким потолком, обшитая сосновыми панелями и освещенная громадной люстрой из оленьих рогов. На стенах висело множество охотничьих трофеев, а также старинных ружей, мечей, ножей и индейских щитов, украшенных перьями.

В темном углу стояло чучело черного медведя — с оскаленной пастью и устрашающими когтями.

Подойдя к стойке регистрации, Гурни увидел у Стекла в руках

большой старинный ключ.

— Это вам, детектив. Президентский номер. За счет заведения.

Гурни вопросительно посмотрел на него, и Стекл объяснил:

— Джейн рассказала мне, зачем вы здесь — чтобы помочь, разобраться в деле и все такое. Самое малое, что мы можем сделать, — это позаботиться о том, чтобы вам было хорошо и удобно. Президентский номер принадлежал хозяину, основоположнику этого дома, Далтону Голлу. Он добился больших успехов. Владел рудниками, полезными ископаемыми. Косил деньги косой. Через несколько лет после открытия сюда приезжал президент Уоррен Гардинг. Само собой, его поселили в комнате хозяина. Президенту так понравилось здесь, что он задержался аж на целый месяц. С тех пор номер и зовется президентским. Надеюсь, вам понравится. Не подняться ли нам наверх?

Гурни подхватил сумки, и Стекл провел их из холла вверх по широкой сосновой лестнице в коридор с узорчатым красным ковром, напомнившим Гурни ковер из гостиницы в фильме «Сияние».

Стекл остановился перед массивной деревянной дверью и вставил большой железный ключ в старинную замочную скважину. Повернув потускневшую ручку, он открыл дверь. Он вошел первым, через несколько мгновений зажегся свет, и взору открылась большая комната, обставленная в грубоватом традиционном стиле кантри — кожаные диваны и кресла, индейские ковры, простые дощатые полы и настольные лампы.

Мадлен попятилась, пропуская Гурни вперед.

— Здесь нет мертвых животных, вроде той огромной туши в холле?

— Нет, ничего такого.

Она осторожно вошла в комнату.

— Ненавижу подобные штуки.

Стекл раздвинул шторы, за которыми оказались окна, выходящие на озеро, и стеклянная дверь на балкон. Слева от Гурни были дверь и арочный проход в большую спальню, где стояла кровать с балдахином. За дверью находилась ванная комната, размером превосходившая домашний кабинет Гурни: отделенный туалет, душевая кабина в углу, чересчур большая раковина, огромная ванна на львиных лапах и столик с кипой махровых полотенец.

Справа, на огромном, почти во всю стену, портрете был изображен Уоррен Гардинг, управлявший Америкой, скатившейся в преступный беспредел во времена сухого закона. Портрет висел над баром, забитым выпивкой. В глубине комнаты по той же стене был камин, облицованный камнем, и чугунная подставка с дровами.

Стекл показал на вид, открывавшийся из окон, и сказал:
— Добро пожаловать в нашу глухомань.

Каминный зал, названный так из-за гигантского каменного камина, был обставлен в том же роскошном загородном стиле, что и номер Гурни, — кожаная мебель, племенное искусство и оружие, а также бар со всевозможными сортами бурбона, скотча, джина, портвейна, хереса, вермута, хрустальными стаканами и серебряными ведерками для льда, оставшимися от прошлых поколений.

Когда Мадлен и Гурни вошли в комнату, им приветливо помахал Норрис Лэндон, уже сидевший в одном из мягких кожаных кресел.

— Налейте себе чего-нибудь покрепче и идите сюда, к камину.

Подойдя к бару, Гурни взял простую содовую. Он удивился, увидев, что Мадлен налила себе джин с апельсиновым соком.

Взяв стаканы, они пошли в другой конец зала, к камину, и уселись на диван напротив Лэндона, который, переодевшись, выглядел очень домашнему: на нем был желтый кашемировый свитер, песочные вельветовые штаны и мокасины на меху. Вяло улыбнувшись, он поднял стакан, в котором было нечто похожее на скотч со льдом:

— Выпьем за успех вашего визита.

— Спасибо, — сказал Гурни.

Мадлен кивнула, улыбнувшись.

Лэндон пригубил виски.

— Всегда приятно посидеть у огня, не правда ли?

— Очень, — согласился Гурни. — А кроме нас, есть еще гости?

— Сейчас весь дом в нашем полном распоряжении. Нет худа без добра, как говорится, — число работников сократилось. Конечно, Хэммонды все еще тут, но они живут отдельно, в шале Ричарда. После тех трагических событий Остен отменил все зимние бронирования. Вполне закономерное решение. Учитывая произошедшее, да и этот чрезмерный энтузиазм журналистов. Чертовски мудрое решение прикрыть бизнес до тех пор, пока не будет каких-то удовлетворительных результатов расследования. Во всяком случае я так понимаю решение Остена. Остена и Пейтона, само собой.

Кивнув, Гурни прихлебнул содовой.

— Вы, должно быть, весьма необычный гость, учитывая, что все зимние бронирования отменены.

Лэндон смущенно рассмеялся.

— Не сказал бы, что я необычный. Но я довольно часто сюда

приезжаю. И поскольку я был здесь, когда все случилось... Видимо, Остен позволил мне остаться.

— Давно вы сюда приезжаете? — спросила Мадлен.

— Не так уж давно, я обнаружил это место пару лет назад. Но с тех пор... Сезон охоты на пернатую дичь, весенняя охота на индейку, осенняя охота на индейку, охота на оленя, на медведя, на мелкую дичь, рыбалка. Да и вообще, если честно, я просто влюбился в это место. Я так надеюсь, что это не конец, — он снова поднял стакан. — За скорейшее разрешение проблемы! Ради всех нас!

Последовавшая тишина была нарушена Гурни.

— Все эти виды охоты, вероятно, требуют целого арсенала оружия?

— Признаюсь, у меня славный ассортимент спортивного оружия.

— Вы, кажется, упомянули, что штат был сокращен. Кроме Остена, кто еще здесь сейчас работает?

— Шеф-повар — он каждый день приезжает из Платсберга. Помощник по кухне. Горничная — она содержит дом в порядке. Еще пара ребят, которых Остен вызывает по необходимости, — он, словно извиняясь, пожал плечами, — ну и Барлоу Тарр, конечно.

— Необычный работник для столь роскошного места.

— О да, я согласен. Видите ли, Итан считал, что нет безнадежных людей. Полная чепуха, на мой взгляд. Наглядный тому пример — весь клан Тарров. Даже Итан, с его проклятым оптимизмом, был близок к тому, чтобы поставить крест на Тарре. Ему было крайне сложно признать, что он не в силах кому-то помочь. Вот в чем штука. Барлоу, он как погода в горах. Отвернешься на минуту и никогда не угадаешь, как она переменится. Итан разрешил ему остаться, жить в домике в лесу, с условием, что тот будет держаться подальше от гостей. Но вот к вам-то он вышел — явно нарушив договор.

Лэндон замолчал, будто обдумывая последствия нарушения договора.

— Я правильно понимаю, что Итан частенько нанимал на работу... людей с трудностями?

— Несомненно. Его главная добродетель и его же главный недостаток.

Гурни задумался об этой особенности Итана, а затем спросил:

— Вы что-нибудь знаете о фонде Голла «Новая жизнь»?

Лэндон задумчиво разглядывал свой стакан.

— Сколотить такой фонд, несомненно, в духе Итана. Он был непростым человеком. Целеустремленным, упрямым, деспотичным. Человеком с железной волей. Не сомневался, что делает все правильно. Акула бизнеса. В одиночку возродил это место.

— Однако вас, кажется, что-то смущает?

— Мда. Под личиной акулы скрывался миссионер. Фанатик. Фанатик, уверовавший в то, что всякого можно исправить. Отсюда и вырос фонд Голла «Новая жизнь», который перевоспитывает опасных преступников и помогает им начать жизнь в обществе с чистого листа.

— Я слышал, у них были хорошие результаты.

— Совершенно верно. Выдающиеся! Яркий пример тому сам Остен.

— Остен Стекл — бывший преступник?

Лэндон огорченно поморщился.

— Кажется, я увлекся, хотя он и сам этого не скрывает... Тем не менее это не мое дело. Пусть он сам расскажет, — на несколько мгновений он притих. — Если у вас появятся какие-то еще вопросы про Волчье озеро, я всегда рад поделиться своими скромными знаниями.

Вдруг, с тревогой в голосе, Мадлен сказала:

— Сегодня на дороге этот Тарр сказал что-то про озеро без дна. Вы не знаете, что это могло бы значить?

— Ах, да. Бездонное озеро. Один из Близнецов Дьявола.

— Кого?

— Близнецы Дьявола. Особенность местной геологии, обросшая суевериями. Похоже, что два озера, находящиеся на противоположных концах главного хребта, на довольно большом расстоянии друг от друга, соединяются системой подземных тоннелей и пещер. Одно из них — Волчье озеро.

— Он это имел в виду, говоря, что у озера нет дна?

— Отчасти. Есть еще одна важная подробность — то, как была обнаружена связь между озерами. В середине прошлого столетия две юные девочки катались на каноэ по другому озеру. Каноэ перевернулось. Одна девочка сумела доплыть до берега, а вторая утонула. Озеро прочесали от и до, водолазы долго вели поиски, но тело так и не нашли. Необъяснимая загадка тех лет. Строилось множество предположений. Сговор преступников, мистическая версия. Короче говоря, полный цирк.

Мадлен нетерпеливо заморгала и спросила:

— А что потом?

— Ну, что потом. Спустя пять лет рыбак, ловивший сомиков, зацепился леской за останки давно пропавшего тела — вернее, за скелет с остатками какой-то одежды. Суть в том, что рыбачил он на Волчьем озере, а не на том, где утонула девочка.

Гурни отреагировал весьма скептически:

— Существуют ли еще какие-нибудь убедительные доказательства

этих подземных соединений?

— Да. Многократные синхронизированные измерения уровня воды обоих озер показали, что вода в них поднимается и убывает точь-в-точь в унисон, даже в случае проливного дождя над одним озером. Так что сомнений нет: соединение существует, однако оно никогда не было толком изучено и нанесено на карты, — он сделал глоток виски и улыбнулся. — Подобные истории частенько занимают умы малограмотных людей, тут же готовых напридумывать невероятных версий, желательно с участием темных сил.

Гурни не мог с этим не согласиться, однако тон Лэндона его раздражал. Он решил сменить тему.

— Вы, кажется, приезжаете и уезжаете, когда вам вздумается. Вы либо на пенсии, либо у вас очень гибкий график работы.

— Собственно говоря, я на пенсии. Иногда консультирую. Люблю природу, дикие места. Проживаю мечту заядлого туриста. Сами знаете, время летит. Живем лишь раз. Знаете старую поговорку: никто еще на смертном одре не пожалел о том, что слишком мало времени проводил на работе. А вы, Дэйв? Джейн говорила, что вы вроде как и на пенсии, а вроде и не совсем.

Гурни все еще было непросто описать свой статус. Как частенько отмечала Мадлен, термин «на пенсии» не очень подходил человеку, который с момента своей официальной отставки четыре раза с головой погружался в резонансные дела об убийствах.

— Ко мне то и дело обращаются за экспертным мнением, — объяснил Гурни, — иногда это приводит к более серьезному вмешательству в процесс.

Умышленно туманный ответ Гурни вызвал у Лэндона улыбку:

— Что касается профессий, особенно связанных с риском, я считаю, что важно вовремя уйти. Предоставить другим возможность выполнять свою работу и нести ответственность. Как это должно быть ужасно — погибнуть лишь из-за жажды риска.

— Есть и другие причины оставаться.

— Хм, ну да. Тогда все куда запутаннее, — Лэндон задумчиво оглядел свой стакан, — эго, гордыня, наши представления о самих себе, все то, что придает смысл нашей жизни.

Он умолк.

Гурни нарушил молчание, как бы между прочим спросив:

— А какого рода консультации вы даете?

— Даю клиентам рекомендации по вопросам международного

бизнеса. Правовые дела, культурологические аспекты, проблемы безопасности. По мне, так лучше гулять по лесам, — он повернулся к Мадлен. — А вы? Готов поспорить, вы тоже любительница природы.

Его вопрос словно вырвал ее из потока собственных мыслей.

— Да, я люблю бывать на природе. Если я не могу выбраться на свежий воздух, я чувствую...

Мадлен не успела договорить, как в зал вошла Джейн. В ее лице читались одновременно облегчение и беспокойство. Короткие неряшливо окрашенные волосы причудливо торчали во все стороны.

— Дэйв! Мадлен! Вы добрались! Я так волновалась из-за этой ужасной погоды... Но вы приехали! Как я вам рада!

Голос у нее был охрипший.

— Норрис пришел нам на помощь, — сказала Мадлен.

— На помощь? Боже мой! Что случилось?

Мадлен взглянула на Гурни.

Тот пожал плечами.

— Трудный участок дороги, мой неудачный маневр, скользкий кювет...

— Вот черт! Я переживала, что случится нечто подобное — потому-то и попросила Норриса проверить дорогу. Как хорошо, что попросила.

— Все в порядке.

— Но мы видели нечто жуткое, — добавила Мадлен.

Джейн испуганно вытаращила глаза.

— Что произошло?

— Из леса к нам вышел странный человек.

— Тарр, — объяснил Лэндон.

— Ах, да. Барлоу. Он может напугать. Он был агрессивен?

— Он сказал что-то о силах зла, обитающих здесь, на Волчьем озере.

— Господи! — Джейн с ужасом посмотрела на Лэндона.

— Ну, вот так. У Тарров это наследственное. Ничего хорошего. Все Тарры попадают в местный дурдом — семейная традиция.

Мадлен с удивлением переспросила:

— Говоря «местный дурдом», что именно вы...

Лэндон не дал ей договорить.

— Государственная больница для душевнобольных преступников. Неподалеку отсюда. Местная достопримечательность, которую вряд ли стали бы рекомендовать в гостинице. Узнав о ней, люди не могут перестать о ней думать. Вы когда-нибудь слышали адирондакскую гагару? Даже когда знаешь, что это всего лишь птица, иногда становится не по себе от ее

жалобного зова. А уж если представить себе, что это вопль психа, блуждающего по лесу, то... Скажем так, это не способствует здоровому сну.

Джейн пристально посмотрела на Лэндона, а затем повернулась к Гурни и Мадлен, сидевшим на краю дивана:

— Я сказала Ричарду, что пригласила вас на ужин. Не скажу, что он был в восторге, но во всяком случае не заявил, что в это время должен быть где-то еще. Первая преграда позади. Я решила, что совместный ужин...

Негромкий однообразный звук прервал ее на полуслове.

Лэндон заерзал на стуле, достал из кармана мобильный телефон и поглядел на экран.

— Простите, — он встал и, приложив трубку к уху, вышел из зала.

Джейн затараторила:

— Я подумала, совместный ужин позволил бы вам в более естественной, расслабленной обстановке составить представление о ситуации... и познакомиться с Ричардом... чтобы вы сами убедились, насколько нелепа идея о том, что он мог...

Она покачала головой, к глазам подступили слезы.

Обычно Гурни скептически относился к выражению эмоций, высматривая слишком уж деланные жесты и стараясь расслышать фальшивые нотки. Однако он пришел к выводу: если Джейн и притворялась, что беспокоится за брата, делала она это чертовски профессионально.

— То есть вы передумали? Я полагал, мы решили, что я появлюсь внезапно и ваш брат не сможет отказать мне, поскольку я проделал такой длинный путь лишь ради разговора с ним.

— Да, но потом я подумала, что идея совместного ужина еще лучше — более непринужденная атмосфера, особенно в присутствии Мадлен; отличный способ познакомиться с Ричардом, узнать, какой он на самом деле.

— И он не против?

Джейн утерла платочком нос.

— Ну, я немножко ему приврала.

— Насколько немножко?

Она подошла ближе к дивану и заговорщически склонилась к ним.

— Я сказала, что просила вашей помощи, но у вас серьезные сомнения насчет этого дела, и вы не хотите участвовать в расследовании. Поскольку Ричард противится помощи, в случае вашего отказа он, разумеется, расслабится и будет держаться более свободно.

— Так, а что же я тогда здесь делаю?

— Я сказала, что вы с женой будете проезжать через Адирондакские горы по дороге на лыжный курорт в Вермонте, а я пригласила вас заехать к нам на ужин.

— То есть ваш брат будет рад моему визиту, при условии, что я не буду интересоваться делом?

— При условии, что вы не будете участвовать в расследовании. А определенный интерес — это вполне естественно, правда же?

— А ему не любопытно, что за сомнения у меня якобы возникли?

— Я сказала, что не знаю. Если он спросит, вы можете что-нибудь придумать.

Эта женщина не просто опекунша и спаситель, отметил про себя Гурни. Она — патологический манипулятор. Организатор жизни других людей, мнящая себя самоотверженной помощницей.

Гурни, любопытного от природы, уже начали раздражать ее попытки привлечь его к делу. И тем не менее он скрепя сердце согласился на новый план, про себя подумав, что сможет отказаться в любой момент.

— Итак, ужин — где и во сколько?

— В шале Ричарда. В пять тридцать, если вы не возражаете. Зимой мы рано ужинаем.

Гурни вопросительно взглянул на Мадлен.

Та кивнула:

— Хорошо.

Глаза Джейн загорелись:

— Я сообщу шеф-повару. У него нынче весьма ограниченный выбор, но уверена, он придумает что-нибудь эдакое. — Она чихнула и вытерла нос скомканным платочком. — Доехать до шале Ричарда очень легко. Едете по дороге вдоль озера. Где-то в полумиле отсюда, на берегу, с лесной стороны дороги стоят три шале. Первые два — пустые. А в третьем живет Ричард. Если доберетесь до лодочного домика или до дома Голлов, туда, где дорога кончается, поймете, что заехали слишком далеко.

— Дом Голлов?

— Семейный дом Голлов. Само собой, теперь там живет только Пейтон. Пейтон и... его гости.

— Какие гости?

— Его милые подруги — хоть они ему вовсе не подруги и вовсе не милые. Неважно. Не мое дело. — Она шмыгнула носом. — Этот громадный мрачный каменный дом, за безобразным забором, выглядывает из леса прямо у подножия Клыка Дьявола. Но я правда не думаю, что вы заедете

так далеко. Шале трудно пропустить. Я обязательно зажгу на улице фонари.

— Хорошо, — произнес Гурни, почувствовав как в нем закипает беспокойство. В голове его роились вопросы, которые пока было неудобно задавать.

Глава 15

Бледный зимний свет, проникавший в окна, не освещал комнату, а скорее погружал ее в серый полумрак. Мадлен стояла, скрестив руки на груди, пока Гурни бродил по комнате, зажигая светильники.

— А камин работает? — спросила она.

— Думаю, да. Хочешь, я разведу огонь?

— Было бы неплохо.

Около камина Гурни обнаружил аккуратно сложенные дрова, щепу для розжига, полдюжины воцеленных топливных брикетов и длинную газовую зажигалку. Он взялся раскладывать дрова на стальной решетке, в топке. Эти простые действия отвлекали Гурни от чересчур непростых вопросов, крутившихся в голове. В тот момент, когда он уже почти поднес зажигалку к щепе, у него зазвонил телефон. На экране он увидел, что звонит Ребекка Холденфилд.

Ответить или нет? Он до сих пор ничего не решил насчет их встречи в гостинице «Колд-Брук», однако, возможно, она сообщит что-то, что подтолкнет его к решению.

Гурни ответил на звонок.

Она сказала, что планирует остаться в Платсберге по крайней мере на два дня, с завтрашнего утра и до вечера следующего дня.

Он пообещал перезвонить ей, как только разберется со своими планами — вероятно, сегодня вечером, после встречи с Хэммондом, — и закончил разговор.

Мадлен нахмурилась:

— Чего она хочет?

Гурни опешил от ее тона и понял, что сам начинает злиться.

— Что ты имеешь в виду?

Мадлен промолчала, только покачала головой.

Гурни задумался.

— Со вчерашнего утра с тобой что-то происходит. Может, расскажешь?

Она стала растирать плечи ладонями.

— Мне просто нужно согреться.

Развернувшись, она пошла в сторону уборной.

— Пойду отогреюсь в ванне.

Она зашла в ванную комнату и закрыла за собой дверь.

Спустя несколько мгновений, Гурни подошел к камину и поджег щепу. Несколько минут он выжидающе смотрел, как вспыхивает и разгорается огонь.

Когда камин как следует разгорелся, он подошел к двери ванной, постучал и прислушался, но услышал лишь звук льющейся воды. Он снова постучал, но ответа снова не последовало. Он открыл дверь и увидел Мадлен, которая лежала в огромной ванне на львиных лапах, а в ноги ей лилась вода из двух больших серебряных кранов. Кафельная стена рядом с ванной покрылась каплями конденсата.

— Ты слышала, как я стучал?

— Да.

— Но не ответила.

— Нет.

— Почему?

Она закрыла глаза.

— Выйди и закрой дверь. Пожалуйста. Мне дует.

Он помедлил, а потом закрыл дверь, наверное, резче, чем следовало.

Он надел лыжную куртку и шапку, взял увесистый ключ от номера и спустился вниз. Пройдя через фойе, он вышел на холодный воздух.

Засунув руки в карманы, он бесцельно побрел по узкой дороге, лишь бы выбраться из гостиницы. Слева от него раскинулось озеро, которое в этот поздний закатный час отливало цветом тусклого серебра. Еловый лес справа казался непроходимым. Колючие нижние ветки переплетались и сцеплялись, образуя плотные заросли. Он шел и медленно, глубоко вдыхал холодный воздух, пытаясь прояснить хоть что-то в этой безумной неразберихе. Но это не помогало. Слишком много деталей, слишком много эксцентричных персонажей, слишком много эмоций. Всего каких-то тридцать два часа назад его единственной заботой был странно ведущий себя дикобраз. А сейчас ему предстояло разгадывать тайны, невообразимые и почти невозможные.

Никогда еще в самом начале расследования Гурни не оказывался в таком тупике. И он никак не мог выбросить из головы Баумана Кокса, все вспоминал, как тот склоняется над пластмассовым столиком в закуской, в уголках его губ скопилась слюна, и он твердит, что Хэммонд виноват в

смерти Кристофера Хорана.

Гурни миновал пролесок с тремя роскошными деревянными шале с огромными окнами, стоявшими на удобном расстоянии друг от друга. Он двинулся дальше и вскоре слева, между дорогой и озером, увидел крупную постройку. В сумерках он не сразу понял, что это лодочный сарай из кедра. Зная о богатстве наследников имения, он предположил, что лодочный сарай, вполне вероятно, служил приютом целой флотилии винтажных лодок «Крис Крафт».

Взглянув на зубчатую вершину Клыка Дьявола, черневшую на фоне свинцовых облаков, он заметил еле заметное движение в небе, небольшую точку. Над Клыком Дьявола медленно кружила птица — ястреб, скорее всего, хотя в полутьме и на таком расстоянии он был в этом не уверен — это вполне мог быть гриф или орел. Гурни пожалел, что оставил бинокль в спортивной сумке.

Тут же он подумал и об электрическом фонарике, лежавшем в бардачке...

Поток его мыслей был прерван шумом приближающегося сзади автомобиля. Ехал он быстро, намного быстрее, чем позволяла грунтовая, посыпанная гравием дорога. Гурни быстро отошел с дороги в сторону леса.

Через несколько секунд мимо промчался сверкающий черный «мерседес». Где-то через сто метров он притормозил, и фары его осветили высокий сетчатый забор. Автоматические ворота раздвинулись.

Одно или несколько окон в машине, должно быть, были приоткрыты — Гурни услышал визгливый женский смех. Из охранной будки вылез здоровенный мужчина и махнул рукой, пропуская машину. Затем вернулся в будку, и ворота закрылись. Из удаляющейся машины послышался последний взвизг, и все затихло.

Наступила полная тишина.

Глава 16

Когда он вернулся в гостиницу, старинные напольные часы в холле показывали четверть шестого. Поднимаясь наверх, он подумал, что Мадлен, наверное, все еще отмокает в ванне, озабоченная все тем же вопросом, который не хотела обсуждать. Но в туалете было пусто, а на краю ванны висело мокрое полотенце.

Свет в большой комнате все еще горел. Дрова в камине до сих пор потрескивали. Уоррен Гардинг все так же чинно хмурился.

Гурни проверил альков, где стояла кровать с балдахином, но кровать была нетронута. Сумка Мадлен лежала на банкетке в изножье кровати, но самой ее нигде не было.

Но тут открылась стеклянная дверь, ведущая на балкон, и в комнату вошла Мадлен. На ней были черные джинсы, шелковая кремовая блузка и лыжная куртка. Она даже немного накрасилась, что делала крайне редко.

— Пора идти?

— Что ты там делала?

Мадлен не ответила. Молча они спустились вниз и сели в «аутбек». По дороге в шале они не разговаривали.

Джейн Хэммонд встретила их у порога, проводила в дом и взяла их куртки.

Прихожая была отделена от дома тремя раздвижными деревянными панелями медового цвета. Кроме того, что они отгораживали прихожую, на них висели каменные томагавки, сумки из оленьей кожи и другие первобытные орудия. Заприметив томагавки, Гурни не мог выбросить из головы топорик Барлоу Тарра.

Джейн наклонилась к нему:

— Вы не обратили внимание, за вами никто не ехал?

— Нет, но я не следил. А что?

— Иногда на дороге у озера рыщет огромный джип. Ричард уверен, что за ним следят каждый раз, когда он выходит из дома. Мне кажется, его пытаются свести с ума. Таким вот образом угнетая его. Как вы думаете?

Он пожал плечами.

— На данный момент ничего не...

Внезапно у Гурни зазвонил телефон. Взглянув на экран, он увидел, что это Ребекка, но, несмотря на сильное желание с ней поговорить, он дождался, пока включится голосовая почта.

— Проходите, — нервно сказала Джейн, — обсудим это позже. Позвольте вас представить.

Она провела их в гостиную со сводчатыми потолками. У огромного камина спиной к ним стоял невысокий стройный мужчина и возился с дровами. Его хрупкое телосложение удивило Гурни, он представлял себе кого-то покрупнее.

— Ричард, — окликнула его Джейн, — Вот о ком я тебе рассказывала.

Хэммонд повернулся к ним. С вымученной улыбкой, которая могла означать как равнодушие к их визиту, так и просто усталость, он протянул руку сначала Мадлен, а затем Гурни. Ладонь была небольшой, мягкой и

слегка прохладной, рукопожатие — сдержанным.

Светлые, почти что платиновые, шелковистые волосы были разделены на косой пробор. Спереди они падали на лоб жидкой, растрепанной челкой, как у маленького мальчика. Но в глазах его не было ничего детского. Необыкновенно яркие, цвета морской волны, они завораживали, почти что пугали.

Голос его, напротив, был тихий и непримечательный. Гурни подумал, что, возможно, это своеобразная компенсация за столь потрясающие глаза. Или же способ подчеркнуть их особую роль.

— Сестра мне много о вас рассказала.

— Надеюсь, ничего неприятного.

— Она рассказала, что вы тот самый детектив, который поймал убийцу — кровосмесителя Питера Пиггерта, пополам распилившего свою матушку. И Хорхе Кунцмана, что хранил головы жертв в холодильнике. Сатанинского Санту, который отправлял по почте части тела, завораживая их как рождественские подарки. А еще безумного психиатра, отправлявшего своих жертв к садисту, который насиловал их и освеживал перед тем, как сбросить с кормы яхты в океан. Да у вас просто блестящий послужной список. Вы одолели порядочное число психопатов. И вот вы здесь. Просто проезжали мимо. По дороге в отель для влюбленных. Не так ли?

— Да, именно туда мы и едем.

— Однако в настоящий момент вы тут. В беспросветной глуши. У черта на куличках. Скажите, вам здесь нравится?

— Хорошо бы погода улучшилась.

Хэммонд выдавил из себя небольшой смешок, но пристальный взгляд его при этом оставался таким же внимательным и спокойным.

— С большей долей вероятности погода ухудшится, прежде чем начать улучшаться.

— Ухудшится? — переспросила Мадлен.

— Порывистый ветер, понижение температуры, снежные шквалы, ледяной дождь.

— И когда же это все должно начаться?

— Завтра, в течение дня. Или послезавтра. Прогноз погоды здесь очень переменчив. У гор непредсказуемое настроение. Погода у нас страдает биполярным расстройством, — он слабо улыбнулся собственной шутке. — Вы хорошо знаете Адирондакские горы?

Мадлен замялась.

— Да не очень.

— Эти горы совсем не похожи на ваши Катскиллы. Куда более дикие.

— Меня беспокоит, что нас может занести снегом.

Он с любопытством посмотрел на нее:

— *Это* вас беспокоит?

— Вы думаете, зря?

— Джейн сказала, что вы едете в Вермонт за снегом. Гулять по снегу, кататься на лыжах. Но, возможно, снег найдет вас первым.

Мадлен промолчала. Гурни заметил, что ее слегка передернуло.

Хэммонд по-змеиному облизнул губы и перевел взгляд на Гурни.

— Волчье озеро в последнее время стало очень интересным местом. Я бы сказал, для детектива — манящим.

Джейн, вероятно обеспокоенная ироничной интонацией брата, ловко перебила его:

— Ужин на буфете: канапе из лосося, салат, хлеб, курица с абрикосовым соусом, дикий рис, спаржа и изумительные пирожные с черникой на десерт. Тарелки на буфете, приборы и бокалы на столе, там же бутылки с шардоне, мерло и водой. Приступим?

Голос ее был настолько же веселым, насколько раздраженным был тон ее брата. Она дружелюбно проводила всех к буфету с едой, а потом за стол. Джейн с Ричардом сели напротив Дэйва и Мадлен.

Никто не успел ничего сказать, как выключился свет.

Лишь затухающий огонь в камине слабо мерцал в полутьме.

— Это генератор, — объяснила Джейн. — Через несколько секунд свет зажжется.

Когда свет загорелся, ее ладонь лежала на руке Ричарда. Она убрала ее и обратилась к Гурни и Мадлен:

— Мы в тридцати километрах от цивилизации, поэтому на территории комплекса работает пара генераторов. То и дело они переключаются с одного на другой, вот у нас и случаются короткие перебои с электроэнергией. Остен говорит, что это нормально и беспокоиться не о чем.

— У вас же здесь есть телефонная связь? — спросила Мадлен.

— Да, на территории комплекса есть вышка сотовой связи. Но за верхней грядой начинается мертвая зона, никакой связи аж до самого Платсберга. Само собой, вышка тоже работает от генераторов, и в случае их поломки... Но маловероятно, чтобы оба генератора отказали одновременно.

Гурни решил сменить тему разговора:

— Как я понял, Итан Голл был выдающимся человеком.

Ричард кивнул:

— Безусловно. Удивительная личность — щедрый, деятельный, всегда готовый прийти на помощь. Ведь это ему пришло в голову пригласить меня сюда работать.

— А теперь, когда его не стало, — сказала Мадлен, — вы вернетесь в Калифорнию?

— Мой двухлетний контракт истек в прошлом месяце, но незадолго до смерти Итан предложил продлить его еще на год, и я согласился. — Ричард замялся, словно обдумывая, что еще был готов рассказать. — Мы не успели заключить контракт до смерти Итана, но Остен был в курсе нашей договоренности и заверил меня, что контракт будет подписан.

Гурни не мог не спросить то, о чем давно хотел узнать:

— Я так понимаю, несмотря на свое прошлое, Остен Стекл стал порядочным человеком?

— Остен небезупречен, но у меня к нему нет никаких претензий.

— За что он сидел?

— Вы бы лучше спросили у него. — Он сделал паузу. — Но я хочу спросить кое-что у вас. Почему вы сказали Джейн, что не хотите заниматься моей проблемой?

Гурни решил быть предельно честным.

— Джейн рассказала мне, что вы отказываетесь нанимать профессионалов, и хотела, чтобы я собрал информацию и выяснил, кто или что стоит за предполагаемыми самоубийствами. Безусловно, она имеет право на расследование этого дела, ради ее же собственного спокойствия. Но, откровенно говоря, мне бы не хотелось в это ввязываться.

— Почему?

— Да потому что ключ к разгадке — вы. Каким-то образом именно вы оказались в самом центре событий. Не так, как это истолковал Гилберт Фентон. Но так или иначе, вас втянули в самую гущу. С моей стороны было бы глупо братья за дело без вашей помощи.

От волнения у Джейн округлились глаза. Она явно не ожидала от Гурни такой прямоты.

Воцарилось молчание, а Ричард между тем, похоже, рисовал в уме всевозможные мрачные перспективы.

Гурни решил рискнуть.

— Ричард, не забывайте, в конечном счете... трупа в багажнике не было.

Даже если Хэммонд и был потрясен тем, что Гурни знал о том случае, он умело скрыл это.

Через несколько секунд он отреагировал, лишь еле заметным кивком.

По-видимому, при упоминании случая с багажником Ричард немного переменял свою позицию. Всеобщее напряжение тоже спало.

По предложению Джейн они переместились из-за стола в кресла, полукругом стоявшие возле камина. Угольки в камине завораживающе мерцали.

Джейн подала кофе и принесла каждому по куску черничного пирога. Однако состояние безмятежности длилось недолго.

Гурни почувствовал, как оно улетучивается, когда они уже допивали кофе и Хэммонд спросил, видел ли он его заявление для прессы.

— Да, видел.

— Значит вы в курсе, что я очень четко изложил свою позицию?

— Да.

— Я заявил, что не буду нанимать ни адвокатов, ни каких-либо агентов.

— Все так.

— Я вовсе не имел в виду, что позволю своей сестре нанимать защитников для меня. Я не хитрил. Я говорил очень серьезно.

— Я в этом не сомневаюсь.

— Но теперь вы хотите, чтобы я пересмотрел свою позицию и одобрил инициативу моей сестры.

— Согласившись, вы не измените своим словам. Я не собираюсь выступать вашим защитником или представителем.

Ричард был озадачен, а Джейн снова забеспокоилась.

Гурни продолжал:

— Если я таки решу взяться за это дело, моей единственной целью будет выяснить, как и почему погибли те четверо.

— То есть вы не заинтересованы в том, чтобы доказать мою невиновность?

— Лишь в той мере, насколько сама правда докажет это. Мое дело — искать доказательства. Я — сыщик, а не адвокат. И если я возьмусь за это дело, я не буду действовать ни от вашего имени, ни от имени вашей сестры. Я буду представлять интересы Итана Голла, Кристофера Хорана, Лео Бальзака и Стивена Пардозы. Постараюсь докопаться до истинной причины их смерти исключительно ради них. Меня вполне устроит, если обнаруженная мной информация поможет и вам. Но повторюсь, я буду представлять их интересы, а не ваши.

Пока он говорил, Джейн явно паниковала и готова была вмешаться в

разговор.

Ричард был непроницаем, лишь при упоминании Итана Голла грусть отразилась на его лице.

Он долго вглядывался в Гурни, а потом спросил:

— Что требуется от меня?

— Какие-либо соображения или подозрения касательно четырех самоубийств. Что угодно, что могло бы помочь мне разобраться в этом деле, на данный момент лишенном всякого смысла.

— Гилберт Фентон так не считает.

— Так же, как и преподобный Бауман Кокс, — добавил Гурни, с любопытством наблюдая, как Хэммонд отреагирует на это имя.

Ричард недоуменно приподнял брови.

Гурни объяснил:

— Бауман Кокс — пастор из Флориды, которому Хоран поведал о своих кошмарах. Мне было любопытно узнать про сон, и я связался с ним. Он знает сон наизусть.

— Зачем?

— Он утверждает, что этот кошмарный сон является ключом к разгадке смерти Хорана и вашей роли во всем этом.

— Моей роли в чем?

— Бауман уверял меня, что ваша специальность как психотерапевта — обращать людей в гомосексуалов.

— Снова этот бред! Он не рассказал, как я это делаю?

— Вы погружаете людей в глубокий транс. Затем бормочете какую-то зловещую абракадабру, внушая им, что на самом деле они гомосексуалы. А когда они выходят из транса, они либо сразу с головой ныряют в свой новый образ жизни, либо хотят покончить жизнь самоубийством.

— Должно быть, чертовски сильный транс.

— Да. В буквальном смысле. Чертовски сильный. Кокс уверен, что вашу способность калечить людские судьбы вы получили, заключив сделку с Сатаной.

Хэммонд вздохнул:

— Разве не удивительно, что здесь, в Америке, душевнобольных мы за людей не держим, за исключением тех случаев, когда они создают культ из своего безумия и ненависти и утверждают, что это христианство. А потом мы устремляемся к ним в церкви.

Гурни подумал, что это весьма справедливое замечание, но не хотел отвлекаться от основной мысли:

— У меня к вам клинический вопрос. Может ли гипнотерапевт

внедрить в разум пациента содержание сна, а затем добиться того, чтобы этот сон ему снился?

— Это исключено. Это физически невозможно.

— Хорошо. А может ли гипнотерапевт склонить пациента к самоубийству?

— Только в том случае, если у пациента изначально наблюдается достаточно тяжелая депрессия, способная вызвать суицидальные мысли.

— Вы не заметили подобной депрессии у кого-либо из погибших мужчин?

— Нет. Все они с оптимизмом смотрели в будущее. У них явно не было суицидального настроения.

— Вы можете сделать из этого какие-то выводы?

— Я делаю вывод, что они стали жертвами убийств, замаскированных под самоубийства.

— И в то же время Фентон напрочь отрицает такую возможность. Он утверждает, что именно неправдоподобность убийств указывает на то, что в этом замешаны вы. Как вы думаете, почему он выбрал такую странную позицию?

Тут в разговор вклинилась Джейн:

— Потому что он лживый подонок!

Хрупкая фарфоровая тарелка с недоеденным куском черничного пирога соскользнула с ее колен на пол и разбилась вдребезги. Она посмотрела вниз, раздраженно пробормотала: «Черт!» и стала собирать осколки. Мадлен пришла на помощь и принесла с кухни губку и бумажные полотенца.

Хэммонд ответил на вопрос Гурни:

— В позиции Фентона мне непонятны две вещи. Во-первых, она основана на невозможном. Во-вторых, он, похоже, искренне верит в то, что говорит.

— Откуда вы знаете?

— Это как раз то, что я хорошо понимаю. В девяти случаях из десяти я сумею определить, правду ли говорит человек. Моя терапевтическая практика основана не столько на технике, сколько на понимании того, во что верит пациент и чего хочет на самом деле, независимо от того, что он рассказывает мне.

— И вы убеждены, что сам Фентон верит в нелепицу, которой кормит журналистов?

— Абсолютно! Об этом говорят его голос, глаза и язык тела.

— Я думал, что уже окончательно сбит с толку, и вот — новый

поворот. Следователь может рассматривать версию о том, что за серией самоубийств стоит гипнотизер. Но принимать ее как единственный возможный вариант — это безумие.

Гурни оглянулся, желая увидеть реакцию Мадлен. Она задумчиво глядела на угасающие угли.

Ему в голову пришел еще один вопрос.

— Вы сказали, что можете понять, чего хочет человек. Как вы думаете, чего же хочет Фентон?

— Он хочет, чтобы я признался, что имею отношение к четырем смертям. Сказал, что для меня это единственный выход и, если я не признаю вину, мне конец.

— А если вы признаетесь в пока что не получившем названия преступлении, что тогда?

— Обещал, что все будет хорошо, если я признаюсь в причастности ко всем четырем самоубийствам.

Именно таким образом некоторые следователи уговаривали умственно отсталых подозреваемых признавать свою вину в преступлениях, которых те не совершали. *Будешь дальше отрицать свою вину — мы разозлимся, и тогда у тебя будут по-настоящему большие неприятности. Просто во всем признайся, и тогда все прояснится, и все разойдется по домам.*

Именно так преступления вешают на людей с IQ меньше 80.

Какого черта Фентон решил применить этот прием с блестящим психологом?

Какая-то сумеречная зона, черт возьми.

Глава 17

Пока они сидели у камина, медленно попивая кофе, Гурни решился задать очень простой вопрос.

— Ричард, у меня ощущение, что я, возможно, разбираюсь в гипнозе хуже, чем мне кажется. Можете дать мне простое определение?

Хэммонд поставил чашку с кофе на подлокотник.

— Короткий рассказ будет более наглядным примером. Когда я учился в Милл-Вэлли, в старших классах я играл в бейсбол. Играл я не очень, меня чуть не выгнали из команды. Но вот однажды я пять раз отбил мяч и пять раз выбил хоум-ран. До того дня я ни разу не выбивал хоум-ран. Удивительное ощущение. Я делал это с такой легкостью. И не так уж сильно бил. Я не пытался сосредоточиться. Не пытался выбить хоум-ран. Я

вообще не старался. Я был полностью расслаблен. Казалось, бита сама находила мяч и отбивала его под нужным углом. Пять раз подряд.

— И как это связано с гипнозом?

— Чтобы достичь цели, не так важно преодолеть внешние преграды, главное — устранить внутренние: дисфункциональные убеждения, эмоциональный застой. Задача гипнотерапии, в том виде, в котором я ее практикую, — проложить этот внутренний путь.

— Как? — вдруг вырвалось у Мадлен, которая до этого в основном молчала.

— Выяснив, что же является помехой. Освободив вас. Дав возможность двигаться вперед к своим желаниям, не застревая в зарослях вины, смятения и самосаботажа.

— Не слишком ли драматично? — спросила она.

— Мне так не кажется. Мы действительно частенько застреваем в колючих кустарниках нашего разума.

— Я думала гипноз связан с концентрацией внимания.

— Целью, безусловно, является сфокусированное внимание, но попытка сконцентрироваться — худший способ достичь успеха. Это то же самое, что тянуть себя за лодыжки в попытке взлететь. Или гоняться за счастьем. Ведь его невозможно догнать.

Мадлен он, казалось, не убедил.

Гурни продолжал расспрашивать:

— И от каких внутренних преград вам нужно избавить пациента, желающего бросить курить?

Хэммонд задержал взгляд на Мадлен, а потом повернулся к Гурни:

— Два основных препятствия — воспоминания о чувстве тревоги, облегчаемом курением, и неверная оценка риска.

— Первое я понимаю. Объясните про второе.

— Рациональные люди склонны избегать тех действий, где усилия превосходят получаемое удовольствие. Зависимые люди, как правило, избегают всего того, где усилия предшествуют удовольствиям. Здоровый человек принимает взвешенное решение. Засчитывается и сиюминутный эффект, и будущие последствия. Для мозга, искаженного зависимостью, решающим фактором является последовательность. Берется в расчет лишь сиюминутный эффект, а последствия кажутся умогительными.

— То есть вы привносите некую ясность?

— Я ничего не привношу. Я просто помогаю пациенту увидеть то, что в глубине души им уже известно. Помогаю сосредоточиться на том, чего они действительно хотят.

— Вы верите, что действительно умеете считывать истинные желания других?

— Да.

— Все четверо погибших хотели бросить курить?

Хэммонд в первый раз заметно моргнул.

— У Итана было сильное желание, у Хорана — умеренное. У Бальзака и Пардозы — его почти не было.

— Зачем вы беретесь работать с такими людьми?

— Лишь уже во время сессии я могу постичь истинную природу и глубину желания. А в начале все они говорили, что хотят бросить.

Гурни, казалось, был растерян.

Хэммонд продолжил:

— Часто люди приходят по чьей-либо просьбе. А истинное желание — на все согласиться, лишь бы их оставили в покое. Другие же верят в то, что гипноз вызовет желание бросить, даже если у них самих его пока нет и в помине. Пардоза был хуже всех — нервный, невнимательный, совершенно рассеянный, уж точно из тех, кто пришел по чьей-то просьбе. Но он не признался.

— А что насчет их других устремлений?

— В каком смысле?

— Ну, с помощью вашего чутья поняли ли вы еще что-нибудь про них?

— Лишь в общих чертах.

— Что вы можете сказать про Итана?

Хэммонд замешкался, вероятно, обдумывая этические вопросы конфиденциальности.

— Итан хотел, чтобы все в мире вели себя лучше. Ему хотелось найти подходящее место для каждого и поставить его на это место. Место для каждого, каждый на своем месте. Он был уверен, что знает все лучше всех. Итан не стремился к признанию. Он хотел лишь послушания.

— Смею предположить, что не всегда получалось так, как хотел Итан.

— Были у него и успехи, и неудачи.

— А что вы думаете про Кристофера Хорана? Чего он хотел от жизни?

— Кристофер хотел победить. Буквально любой ценой. Жизнь для него была игрой, где есть только один победитель. Он не просто хотел победить, ему было важно, чтобы кто-то другой проиграл.

— Что насчет Лео Бальзака?

— Разгневанный Господь прямиком из Ветхого Завета. Этому хотелось, чтобы все злодеи были наказаны. Он бы с удовольствием стоял у иллюминатора Ноева ковчега и наблюдал, как тонут грешники.

— А Стивен Пардоза?

— Он жил в подвале родительского дома. Отчаянно желал, чтобы его уважали. Больше всего на свете ему хотелось казаться взрослым — типичное желание для тех, кто так и не повзрослел.

— А что вы скажете про Пейтона Голла?

— Ох, Пейтон. Пейтону хочется все время получать удовольствие, чего бы это ему или кому-то еще ни стоило. Как и у большинства наркозависимых, у него довольно инфантильное представление о счастье. Он делает все, что ему хочется, когда ему хочется. Он узник собственных представлений о свободе. Огромное наследство, которое он получит от Итана, скорее всего, погубит его.

— Каким образом?

— Получив доступ к неограниченным денежным ресурсам, Пейтон лишится того небольшого сдерживающего фактора, который до сих пор хоть как-то регулировал его поведение. Он окончательно плюнет на возможные последствия. Говоря языком психоаналитиков, Пейтон — чистейшее, стопроцентное беснующееся Оно.

Гурни вспомнилась пролетевшая мимо него машина на узкой грунтовой дороге и безумный визгливый смех.

— А какие отношения у него были с братом?

— Никаких отношений не было. Они жили в разных крыльях дома и практически не общались, если не считать эпизодических попыток Итана оказывать давление на Пейтона. Если Остен стал величайшим достижением Итана, то Пейтон был его величайшим провалом.

— Как вы считаете, способен ли был Пейтон убить Итана?

— В плане нравственности, да. На эмоциональном уровне — тоже. На деле — нет. Не могу представить себе, чтобы Пейтон справился с тем, что требует комплексного мышления, четкой логистики и стрессоустойчивости.

— Вы думаете, именно эти качества нужны были, чтобы совершить эти четыре убийства?

— Возможно, не только эти, но именно их не хватает Пейтону.

Гурни в голову пришел еще один неожиданный вопрос:

— Возвращаясь к вашей способности чувствовать, чего хотят люди... что вы думаете обо мне? Чего на самом деле хочу я?

Хэммонд натянуто улыбнулся:

— Вы меня проверяете?

— Мне интересно посмотреть, как далеко вас заведет ваше чутье.

— Вполне логично. *Чего на самом деле хочет Дэйв Гурни?*
Любопытный вопрос.

Он взглянул на Мадлен, которая внимательно смотрела на него, а потом повернулся к Гурни.

— Это одно из первых, довольно очевидных впечатлений, но я бы сказал, что у вас в жизни есть одна первостепенная необходимость. Вам нужно понимать. Соединять точки, сопоставлять факты. Ваша личность зиждется на этом важнейшем влечении сердца, которое вы воспринимаете как нужду. Ранее вы сказали, что хотите представлять интересы жертв, выступать в защиту Итана Голла, добиться справедливости для него и остальных. Не знаю, так ли это, но я вижу, что вы в это верите. Я вижу, что вы предельно открыты и честны со мной. Однако, судя по всему, вас многое беспокоит, есть проблемы, о которых вы не говорите.

Он перевел взгляд на Мадлен.

— Вас тоже многое тревожит.

— Да что вы? — Она инстинктивно скрестила руки.

— Вас что-то беспокоит, и вам очень неудобно. Прежде всего потому, что вы держите это в секрете. Ваш муж знает, что вас что-то тревожит. Он чувствует, что вам страшно ему об этом рассказать. Его это угнетает. А вы видите, как ваша тайна его задевает, но как выбраться из этой ситуации, не знаете, и все это причиняет вам боль.

— Вы все это поняли... как? По тому, как я ем черничный пирог?

Хэммонд приятно улыбнулся.

— На самом деле, по тому, как вы его *не* едите. Когда Джейн впервые упомянула чернику, ваши глаза загорелись в предвкушении, но вскоре вами овладели другие мысли. От волнения у вас пропал аппетит. Вы даже не дотронулись до десерта.

— Потрясающе. Кто бы мог подумать, что несъеденный десерт сможет вывести меня на чистую воду.

Ее раздражение, казалось, никак не задело Хэммонда, который продолжал улыбаться.

— То, как муж и жена смотрят друг на друга, о многом говорит, особенно когда один смотрит на другого, а другой этого не замечает. На их лицах столько всего написано.

Мадлен холодно улыбнулась ему в ответ.

— А вы часто смотрите в зеркало?

— Увы, так это не работает. Если я правильно вас понял.

— Человек с таким глубинным пониманием мимики лица, должно быть, получает массу информации, глядя на свое собственное отражение.

— Если бы! Но, увы, в моем случае это не так.

— То есть ваш навык психологической диссекции может быть

применен только к другим?

Он печально кивнул.

— Иногда я отношусь к этому как к сделке с дьяволом.

Мадлен притихла, явно изумившись такому странному сравнению.

— Что вы имеете в виду? — спросил Гурни.

— Я имею в виду, что мне было даровано нечто уникальное, но и цена соответствующая.

— Вы имеете в виду вашу проницательность?

— Да, способность понять других. А в качестве расплаты — неспособность понять самого себя. Ясность при взгляде наружу, полная слепота при попытках заглянуть внутрь. Я отчетливо понимаю ваши побуждения. Мои же остаются для меня загадкой. Кажется, чем лучше я разбираюсь в людях, тем сложнее мне разобраться в себе. Существуют вопросы, на которые у меня нет ответов, одни лишь догадки. Вам интересно, почему я не найму адвоката, почему не засужу полицию за клевету, почему не засужу желтые издания и блогеров за навет, почему не найму команду следователей, чтобы дискредитировать Гилберта Фентона, почему не начну ожесточенную общественную кампанию. Вам интересно, какого черта я не встаю на свою защиту, почему не развяжу масштабную войну и не закопаю этих ублюдков в их собственной лжи.

— Отличный вопрос. Есть ли на него ответ?

— Конечно, ответ есть. Но я его не знаю.

— Совсем не знаете?

— Хм, я могу дать вам целый список идей. Возможно, это удушающий страх конфликтов в целом? Или боязнь, что в случае дальнейшего противостоятия раскроется какая-нибудь страшная тайна из моего прошлого? Или это гнетущая убежденность, что, сопротивляясь, я лишь еще больше увязну в болоте? Или явная паранойя, вроде моей навязчивой идеи про труп в багажнике? А может, я не хочу нанимать адвоката, так как боюсь, что никогда не смогу от него избавиться, что каким-то образом он станет контролировать мою жизнь и я навсегда окажусь в его власти. Возможно, это глубинный ужас перед матерью, которая в первую очередь научила меня одной вещи — никогда не смей опровергать ее обвинений. Безропотно принимать положенное наказание или же сталкиваться с очередной неукротимой вспышкой ее гнева... — Ричард нервно, невесело усмехнулся — вероятно, собственным домыслам. — Теперь понимаете, что я имею в виду? Столько бредовых страхов, выбирай не хочу. С другой стороны, может быть, я верю, что ни одно слово Фентона не сможет задеть меня. Возможно, по принципу Поллианны, я убежден, что правда

восторжествует и моя невиновность будет очевидна. Или просто дурацкая гордость не велит мне опускаться до уровня нападающих на меня болванов. А может, я жажду увидеть, как дело Фентона, весь его мирок, с грохотом обрушится, а я при этом и пальцем о палец не ударю.

Он замолчал.

— Наверняка что-нибудь из этого приходило и вам на ум. Я ежедневно перебираю в голове все эти варианты. Но понятия не имею, что именно является решающей силой. Я знаю только то, что буду вести себя, как изначально задумал.

Произнося это, он обращался к Мадлен. А затем повернулся к Гурни.

— Если вы хотите добиться правосудия для Итана и остальных, не защищая при этом меня, это ваше право. Я не буду вам препятствовать. Но позвольте еще раз подчеркнуть: вы не мой адвокат. Это понятно?

— Понятно.

На некоторое время все замолчали. Слышно было только, как снежная крупа тихо бьет по стеклу.

А потом где-то в лесу раздался вой. Такой же вой, что слышал Гурни, когда их машина застряла в кювете.

Он начался с тихого подвывания, словно ветер, жалобно стонущий в перекосившуюся дверь.

Глава 18

Когда они вышли из шале и направились к машине, чтобы вернуться в гостиницу, вой, отдаленный и заунывный, казалось, раздавался отовсюду — с Кладбищенского кряжа, из дремучего леса за домом Ричарда и даже над темной поверхностью озера.

А потом он слился с ветром.

Пока они ехали обратно, Гурни вспомнил, как сердито Мадлен реагировала на замечания Хэммонда. Он был немного раздражен тем, что она влезла в их с Хэммондом разговор. Впрочем, нужно было признать, что ее манера общения вызвала ряд откровенных ответов. Но ведь могло получиться и иначе. Он мог окончательно замкнуться.

— Ты была довольно агрессивна.

— Да?

— У тебя было выражение лица, словно ты думаешь, что он врет.

— А я так и думаю.

— Ты уверена, что он говорит неправду?

— Уверена. Так же, как и ты уверен, что он не врет.

— В смысле?

— Его рентгеновский взгляд, когда дело касается других. Но в качестве расплаты за это он лишен способности понимать собственные мотивы? Как кстати! Отличный способ уйти от ответов. Вопрос: *Ричард, зачем вы так поступили?* Ответ: божечки, а я и не знаю. Я гений, но понятия не имею, почему поступаю так, как поступаю. Как ты не видишь, он просто водит тебя за нос.

— Как?

— Расписывая все эти «возможные» причины отсутствия адвоката, он пытался убедить тебя, что понятия не имеет, какая из них является истинной.

— Ни в чем он меня не убедил. Ты же знаешь, я открыт для любых теорий.

— А ты заметил, что наиболее вероятную причину он не упомянул?

— Какую это?

— А то, что толковый юрист, копающийся в этом деле, может узнать что-нибудь такое, что Ричард скрывает. Вполне возможно, что эти смерти — всего лишь верхушка айсберга.

— Господи, Мэдди, всякое возможно. Но я все равно не понимаю, как он водит меня за нос.

— Почему ты защищаешь его?

— Каким образом я его защищаю?

— Что бы я ни сказала, ты его оправдываешь. Ты веришь всему, что он говорит.

— Я ничему не верю. Я детектив по расследованию убийств, а не наивный идиот.

— Его блестящий ум еще ни о чем не говорит.

Гурни потерял дар речи. У него было ощущение, что неприязнь Мадлен к Ричарду была следствием ее уязвимости, а не объективной оценки фактов.

А вдруг она права? Что если она увидела что-то, чего он не заметил? Вдруг его предполагаемая объективность в конце концов дала сбой?

В напряженном молчании они вернулись в свой номер. Мадлен пошла наполнять ванну.

Гурни вошел вслед за ней.

— Ты же уже принимала ванну часа три назад...

— А что, есть какие-то ограничения, сколько раз мне можно принимать ванну?

— Мэдди, что, черт возьми, происходит? С тех пор как мы решили приехать сюда, ты сильно нервничаешь. Может быть, нам стоит обсудить, что тебя так беспокоит?

— Прости. Я просто... Мне не по себе.

Она закрыла дверь в ванную.

Все это было непривычно и вызывало у него беспокойство. У Мадлен — какие-то тайны. Она прячется за закрытой дверью. Гурни уселся на диван. Через несколько минут он заметил, что огонь в камине догорел. Лишь несколько небольших углей тускло алели среди золы. Он хотел было подбросить дров, чтобы в комнате стало теплее, но потом решил, что нужно лечь спать. У него был тяжелый день, и завтрашний обещал быть не легче.

Мысли о завтрашнем дне напомнили ему о звонке Холденфилд, который он перевел на голосовую почту. Он достал телефон и прослушал сообщение.

«Здравствуй, Дэвид, это Ребекка. Мне в расписание внесли дополнительные занятия, поэтому завтра я буду занята весь день. Но у меня есть предложение. Завтрак. Тебе необязательно мне перезванивать, завтра в восемь утра я в любом случае буду в ресторане гостиницы „Колд-Брук“. Так что приезжай, если сможешь. Можешь приехать и раньше, если тебе так удобнее. Я встану в пять и буду работать над статьей, которую уже должна была закончить, у себя в номере. Хорошо? Ужасно хочу узнать подробности о деле Хэммонда. Осторожнее на дорогах. Надеюсь завтра тебя увидеть».

Несмотря на то что время встречи было весьма необычным, план был вполне осуществим. Он вспомнил, что в предыдущем сообщении она упоминала, что от Волчьего озера до Платсберга всего лишь сорок километров. Даже в плохую погоду дорога туда займет не больше часа плюс около часа на встречу с Ребеккой. Итого, три часа максимум. Если выехать в семь, он вернется не позже десяти. Гурни закрыл глаза и мысленно начал составлять список вопросов для Ребекки — про гипноз, скандальную репутацию Хэммонда и про сон Хорана.

Через несколько минут, совершенно обессиленный, он уснул.

Вскоре, как и всегда, когда он засыпал сидя, ему стало неудобно и он проснулся, и вместе с ним проснулись все его тревоги. Он открыл глаза, проверил время на телефоне и обнаружил, что спал почти целый час. Он собрался было проверить, в ванной ли Мадлен, когда увидел, что она стоит у окна. На ней был белый гостиничный халат.

— Погаси свет, — проговорила она, не глядя на него.

Он выключил лампы и тоже подошел к окну.

Буря прошла, и густая облачность сменилась на мозаику рваных облаков, проплывающих мимо круглого лица полной луны. Он проследил за взглядом Мадлен, чтобы узнать, зачем она подозвала его к окну. И тотчас увидел.

Луна неспешно выглянула из-за облака, и создалось полное впечатление театрального освещения, озарившего пейзаж, словно темную сцену. На сцене этой господствовал зловещий гигантский Клык Дьявола — его зазубренные края эффектно выделялись на фоне неба. Но затем другое облако спрятало луну, свет померк, и Клык Дьявола исчез во мраке ночи.

Гурни отвернулся от окна, а Мадлен продолжала всматриваться в темноту.

— Я раньше сюда приезжала.

Она так тихо это произнесла, что Гурни не уверен был, верно ли он ее расслышал.

— Ты приезжала сюда? Когда?

— На рождественские каникулы. Я когда-то тебе рассказывала.

В памяти что-то зашевелилось. Когда они только поженились, она ему что-то рассказывала. О том, как, будучи школьницей, проводила рождественские праздники с пожилыми родственниками на севере штата.

— С какими-то дальними родственниками, кажется, дядей и тетей, да?

— С дядей Джорджем и тетушкой Морин, — рассеянно ответила Мадлен, все еще глядя на Клык Дьявола. Луна снова показалась из-за облака, и серебристый свет озарил острую вершину.

— Ты об этом не особо рассказывала.

Она не ответила.

— Мэдди?

— Однажды зимой здесь произошла трагедия. Местный парень. Утонул.

— На этом озере?

— Нет, на другом.

— И что?

Мадлен покачала головой.

Гурни молчаливо ждал, что она продолжит.

Но в итоге она лишь сказала:

— Мне нужно поспать.

— Дэвид! — В шепоте Мадлен слышалось ужасное напряжение, и Гурни мгновенно проснулся. — В гостиной кто-то есть.

— Где? — прошептал он, вычисляя по памяти, сколько шагов и в какую примерно сторону нужно было сделать, чтобы добраться до сумки, в которой лежала его «беретта».

— Я видела, как что-то прошмыгнуло мимо окна. Может, летучая мышь залетела в комнату?

— Ты видела, как что-то пролетело?

— Кажется, да.

Он потянулся к лампе на прикроватном столике. Нажал на выключатель, и ничего. Снова нажал. Опять ничего.

— Ты сможешь дотянуться до лампы с твоей стороны?

Он услышал, как она нажимает на выключатель.

На ощупь он стал искать на прикроватном столике свой телефон. Найдя его, он проверил значок сигнала сети. Сигнала не было, значит, вышка сотовой связи не работала: должно быть, случился перебой в подаче электроэнергии.

В алькове было слишком темно, ничего не разглядеть, но бледный луч лунного света слабо освещал ту часть гостиной, которая была видна через широкую арку. Гурни неподвижно лежал, стараясь в темноте уловить хоть какое-то движение. Он ничего не увидел и ничего не услышал. Прошло несколько минут, а электричества все не было.

Внезапно тишина нарушилась медленным скрипом в потолке.

Мадлен вцепилась ему в руку.

Какое-то время они вместе вслушивались в тишину.

Внезапно маленькая тень пронеслась мимо окна в гостиную, заставив Мадлен вскрикнуть.

— Это просто летучая мышь, — успокоил ее Гурни, когда она еще крепче вонзила в него пальцы. — Я открою балкон и выпущу ее.

Вдруг они снова услышали скрип в потолке — словно кто-то осторожно наступил на хлипкую половицу.

— Там кто-то есть, — прошептала Мадлен.

Вызвав в памяти образ дома, он представил себе два этажа — они находились на втором — и мансарду. Он подумал, что вряд ли в мансарде есть комнаты для гостей. Пока он размышлял об этом, прямо над ними раздался скребущий звук.

Затем снова настала тишина. Они долго прислушивались, но слышен был только гул ветра за балконной дверью.

Что такого в этом месте, размышлял Гурни, отчего чей-то медленный шаг, если это, конечно, был шаг, вызывает такое волнение? Может быть, неудобное ощущение возникает из-за отсутствия электричества?

Безусловно, при свете дня или даже лампы подобный звук не произвел бы такого эффекта.

Мадлен снова прошептала:

— Как ты думаешь, кто это?

— Возможно, никого. Вполне вероятно, что просто дерево сжимается при падении температуры.

Она снова вспомнила про летучую мышь:

— Она что, правда вылетит, если ты откроешь дверь?

— Думаю, да.

Она отпустила его руку. Он выскользнул из кровати, на ощупь дошел до балконной двери и открыл ее. Он прикинул, что из-за холодного фронта, унесшего ледяной дождь, температура, должно быть, понизилась как минимум на пятнадцать градусов. Если летучая мышь быстро не вылетит, комната вскоре промерзнет.

Гурни пришло в голову, что, если зажечь огонь в камине, станет теплее, светлее и спокойнее.

Он на ощупь двинулся в сторону камина. В футболке и шортах было совсем холодно, он остановился около стула, где лежала его одежда, и надел штаны и рубашку. Повернувшись в сторону камина, он услышал какой-то звук в коридоре. Он замер и прислушался. Через несколько секунд звук повторился.

Гурни достал из сумки пистолет. Он не мог отделаться от чувства, что под воздействием пугающей обстановки перегибает палку в отсутствие реальной угрозы.

— Что там? — шепнула Мадлен из алькова.

— Просто кто-то ходит по коридору.

Негромкий удар раздался со стороны коридора.

Гурни снял «беретту» с предохранителя и направился к двери. Лунный свет освещал только часть комнаты, возле окон. А в этой половине комнаты было темно, хоть глаз выколи.

Снова раздался удар, сильнее первого — приглушенный толчок, словно кто-то принялся таранить дверь коленом или каким-то тупым предметом.

Гурни встал сбоку от двери, открыл дверной засов и, замерев, прислушался. Он уловил звук чьего-то дыхания, а может быть, просто дуновение воздуха из щели под дверью.

Он схватился за ручку. С осторожностью до конца повернул ее, встал поустойчивее, проверил правильность хватки... и резко открыл дверь.

Глава 19

Жутковатое зрелище потрясло его.

Причудливо освещенное лицо, казалось, было подвешено в темноте коридора, искаженное удлинненными тенями, в свете небольшого желтого огонька.

Лихорадочно соображая, что же перед ним, он понял, что огонек был в керосиновой лампе, которую держала грязная рука с потрескавшимися ногтями, а желтого цвета лицо, под странным углом освещаемое лампой, он уже видел раньше — на краю дороги, когда его машина застряла в кювете. Шапка из свалывшейся шерсти подтвердила его догадку.

— Дерево упало, — сказал Барлоу Тарр.

— Да... И?

— Сломало электрику.

— Генераторы отключились?

— Ну.

Гурни опустил ствол.

— И вы пришли нас предупредить?

— Берегитесь.

— Чего?

— Здесь зло.

— Какое зло?

— Зло, что всех их убило.

— Расскажите мне про зло.

— Ястреб знает. Ястреб на солнце, ястреб при луне.

— Что ястреб знает?

Когда Гурни задавал последний вопрос, Тарр уже отступал от дверного проема, прикручивая фитиль до тех пор, пока огонек не погас.

И он исчез в темном коридоре.

Гурни окликнул его:

— Барлоу! Барлоу!

Ответа не последовало. Слышался звук, исходивший из открытой балконной двери на другом конце комнаты. Порывы ветра, сотрясавшего деревья.

После этого происшествия казалось, что вряд ли у них получится заснуть.

Уверяя себя, что летучая мышь наверняка уже вылетела, Гурни закрыл

балконную дверь. Потом развел огонь, и они с Мадлен устроились на диване перед камином.

Обсудив цель визита Тарра, они сошлись на том, что ясно было лишь одно: он пытался предупредить их, что Волчье озеро — опасное место. А его пугающие бредни могли означать все что угодно, а то и вовсе ничего.

Наконец оба замолчали, разморенные жаром, исходящим от камина.

Через некоторое время Гурни вернулся к мысли о связи Мадлен с этим местом.

Он повернулся к ней и тихо спросил:

— Не спишь?

Ее глаза были закрыты, но она покачала головой.

— Сколько тебе было лет, когда ты приезжала сюда, к дяде и тете?

Она открыла глаза и уставилась в огонь.

— Я была подростком. — Она помедлила. — Так странно думать, что это была я.

— Ты была какой-то другой... тогда?

— Совершенно. — Она моргнула, откашлялась и оглядела комнату. Ее взгляд упал на керосиновую лампу, стоявшую на маленьком столике возле Гурни. — Это что?

— Лампа?

— Гравировка на основании.

Гурни пригляделся повнимательнее. Зажигая лампу, он не заметил, что внизу, на стеклянной основе, была изящно выгравирована фигурка зверя, скорчившегося, словно готового напасть на смотревшего. Его зубы были оскалены.

— Судя по всему, это волк, — сказал Гурни.

Передернувшись, Мадлен ответила:

— Слишком много волков.

— Так это же местная тематика.

— И часть кошмаров, от которых погибли те люди.

— Они погибли не от кошмаров. Такого не бывает.

— Нет? Так что же тогда случилось?

— Пока что не знаю.

— Значит, ты не знаешь, погубили ли их кошмары.

Он был убежден, что сны не убивают людей, но точно так же он был уверен, что совершенно бесполезно пытаться убедить в этом Мадлен. Только одна мысль крутилась у него в голове: *все это не имеет ровно никакого смысла.*

Из-за столь беспокойной обстановки Гурни, загипнотизированный огнем, совершенно потерял счет времени и не знал, сколько они просидели на диване. Вопрос Мадлен вернул его к действительности.

— Во сколько ты выезжаешь в Платсберг?

— А кто сказал, что я еду в Платсберг?

— Разве не об этом говорила Ребекка?

Он вспомнил, как слушал сообщение Ребекки, пока Мадлен была в ванной.

— Ты что, слышала?

— Если не хочешь, чтобы другие слушали твои сообщения, делай звук потише.

Гурни замялся.

— Она предложила встретиться. Она там преподает.

Мадлен вопросительно молчала, поглядывая на Гурни.

Он пожал плечами:

— Я еще не решил.

— Не решил, поедешь ли? Или во сколько поедешь?

— И то, и то.

— Думаю, тебе стоит поехать.

— Почему?

— Потому что ты хочешь.

Он задумался.

— Пожалуй, разговор с ней может оказаться полезным. Но мне не хочется оставлять тебя здесь одну.

— Я бывала в местах и похуже.

— Может, поедешь со мной?

— Нет.

— Почему?

В этот раз задумалась она.

— Думаешь, почему я захотела сюда приехать?

— Понятия не имею. Твое решение меня очень удивило. Если честно, шокировало. Я никогда бы не подумал, что, выбирая между прогулками на снегоступах и запутанным делом о серии самоубийств, ты предпочтешь самоубийства.

— Самоубийства тут ни при чем, — она глубоко вздохнула. — Когда я училась в школе, мне меньше всего хотелось ехать на Рождество в Адирондак. Дядя и тетя, про которых я говорила, на самом деле были какими-то дальними родственниками моей мамы, а не настоящими дядей и тетей. Они были замкнутыми малограмотными людьми. У Джорджа была

депрессия. А у Морин — маниакальный синдром.

— Зачем родители отправляли тебя к ним?

— Чтобы стать ближе друг к другу, зимой они отправляли меня в Адирондак, а летом — в музыкальный лагерь. Они оставались один на один. Общались. Решали свои семейные проблемы. Конечно же, это ничего не меняло. Как и большинству людей, им втайне нравились их проблемы. И им нравилось избавляться от меня.

— А твои дядя с тетей, или кто они там, еще живы?

— Джордж в итоге застрелился.

— Боже мой.

— А Морин переехала во Флориду. Не знаю, жива ли она.

— А где именно они жили?

— Черт знает где. С их улицы видно было Клык Дьявола. Ближайший городок от них — Даннемора.

— Там, где тюрьма?

— Да.

— Но я все равно не до конца понимаю...

— Почему я захотела приехать сюда? Может, мне нужно было снова увидеть эти горы, посмотреть на них другими глазами... на другом жизненном этапе... избавиться от воспоминаний.

— Каких воспоминаний?

— С Джорджем было что-то не так. Он часами сидел на крыльце, уставившись в лес, словно он уже тогда был мертв. Морин тоже была нездорова, но она, наоборот, все время танцевала. Она обожала собирать камни, треугольные камни. И настаивала на том, что это наконечники стрел ирокезов. Наконечники стрел *и-ро-ке*. Она обожала французское произношение. Много говорила с французским акцентом. А бывало, она притворялась, что мы с ней потерявшиеся в лесу индейские принцессы, которых спасет Гайавата. Когда же он за нами придет, она отдаст ему нашу коллекцию наконечников *и-ро-ке*, а он подарит нам шкуры, чтобы мы не замерзли, и все мы будем жить долго и счастливо.

— Сколько ей было лет?

— Морин? Около пятидесяти. В мои пятнадцать она казалась мне совсем древней. С тем же успехом ей могло быть и девяносто.

— А были ли в округе еще дети?

Она моргнула и прищурилась, глядя на него.

— Ты так и не ответил на мой вопрос.

— Что за вопрос?

— В котором часу ты едешь в Платсберг?

Глава 20

Гурни решил, что поедет на встречу с Ребеккой только при определенных условиях.

Если не будет электричества, он не поедет.

Если не заработает мобильная связь, он не поедет.

Если снова начнется ледяной дождь, он не поедет.

Но все наладилось. Электричество дали в 6.24 утра. Предрассветное небо было исключительно ясным. На улице было морозно, пахло соснами, ветра не было. Система отопления в гостинице снова заработала. В общем, все было ровно наоборот, чем за пять часов до того.

К 6.55 Гурни умылся, побрился, оделся и был готов выезжать. Он вошел в еще темную спальню и услышал, что Мадлен проснулась.

— Будь осторожен, — сказала она.

— Хорошо.

В его понимании «быть осторожным» значило держать безопасную эмоциональную дистанцию от Ребекки, с которой у них, казалось, всегда маячили перспективы. Он задумался, не это ли имела в виду и Мадлен.

— Во сколько ты вернешься?

— Думаю, к восьми я доберусь до гостиницы. Где-то через час я оттуда уеду, так что к десяти должен вернуться.

— Не гони. Не на этих дорогах. После вчерашнего ледяного дождя они, небось, скользкие.

— Ты уверена, что справишься здесь одна?

— Все будет в порядке.

— Ну хорошо. Я поехал. — Он наклонился поцеловать ее.

Коридор с багровым ковром был ярко освещен — ничего общего с жутковатой декорацией для озаренного светом лампы лица Барлоу Тарра. Спускаясь по широкой лестнице, он почувствовал запах свежего кофе, смешавшегося с ароматами хвойного леса.

Остен Стекл стоял в дверях кабинета, за стойкой регистрации, и вел напряженный разговор по телефону. На нем были брюки чинос, раз в пять дороже любых брюк из «Уолмарта». Рубашка в клетку настолько безупречно сидела на его плотном теле, что Гурни предположил, что она сшита на заказ.

Заметив Гурни, Стекл завершил разговор откровенно громко, так, что Гурни услышал:

— Я перезвоню тебе. У меня важный гость.

С широкой улыбкой он вышел из-за стойки.

— Детектив, здравствуйте! Прекрасное утро, да? Чувствуете этот запах? Это бальзам. Из бальзамической пихты. Аромат Адирондака.

— Приятный запах.

— Ну что, у вас все в порядке? Комната вам нравится?

— Вполне. Хотя вчера ночью, когда отключилось электричество, было прохладно.

— Ах, да. Ну, это местный колорит.

— Барлоу Тарр нанес нам полуночный визит.

Улыбка Стекла сошла на нет:

— Что ему нужно было в такой поздний час?

— Он предупредил нас, что здесь обитает зло.

— Какое зло?

— Зло, которое их всех убило.

Рот Стекла искривился то ли от ярости, то ли от отвращения.

— Что еще он говорил?

— Да все одно и то же, только разными словами. Вы об этом не знали?

— Что вы имеете в виду?

— Подобное поведение Тарра для вас новость?

Стекл погладил щетину на своей выбритой голове.

— Давайте лучше пройдем ко мне в кабинет.

Обогнув стойку регистрации, Гурни вслед за Стеклом вошел в комнату, обставленную все в том же «адирондакском» стиле, как и все остальные помещения в гостинице. Рабочий стол Стекла представлял из себя лакированный сосновый спил на четырех бревнах. Грубоватый стул был сделан из гнутой древесины, в качестве ножек — обтесанные ветви. Он жестом показал Гурни на второй такой же стул с другой стороны стола. Когда они оба уселись, Стекл облокотился руками на стол.

— Надеюсь, вы не против, что мы уединились, поскольку мы, возможно, коснемся вопросов, не предназначенных для чужих ушей. Понимаете, о чем я?

— Не уверен.

— Мы находимся в сложном положении. Вы спрашивали про Барлоу. Между нами, Барлоу — дикая заноза в заднице. Неадекватный. Наводит ужас на людей. Все время болтает про волков, зло, смерть и тому подобное. Всякий бред, короче говоря. — Остен помолчал. — Ну а вы, небось, думаете, почему мы закрываем глаза на эту херню? Почему просто не выставим этого отморозка? А может, вы задаетесь вопросом, как этот чокнутый вообще здесь оказался?

— Мне говорили, что члены семьи Тарров работают в гостинице с тех пор, как Далтон Голл построил ее сто лет назад.

— Да, это правда. Но это не причина со всем этим мириться. Главной проблемой был Итан. Не поймите меня неправильно, он великий человек. Однако его авторитет и напористость — в них-то и проблема.

— В его твердом намерении обратить каждого неудачника в порядочного и полезного гражданина?

Если это замечание, в силу его прошлого, и задело Стекла, он не подал виду.

— Как говорится, на каждую добродетель найдется свой порок. Но я-то не имею права жаловаться, да? Может вы слышали, как Итан помог мне?

— Расскажите.

— Я был вором. Аферистом. Отбывал срок. По чистой случайности, меня взяли на программу реабилитации Итана. Надо ли говорить, программа сработала. Я стал другим человеком. Я даже имя поменял. В прошлой жизни меня звали Альфонс. Альфонс Вук. Такая была фамилия у парня, за которого моя мать, будучи беременной, вышла замуж. Позже я узнал, что он не был моим отцом. Она забеременела от другого человека, который погиб в автокатастрофе. Его звали Остен Стекл. Она наврала Альфонсу, чтоб он женился на ней. Хреновая история. Я должен был носить имя Стекла с самого начала. Это же моя кровь. Поэтому смена имени стала отличным началом. Когда я закончил программу, Итан нанял меня работать бухгалтером здесь, в гостинице. Невероятно, правда? Я буду благодарен ему до самой смерти.

— То есть вы бухгалтер?

— У меня нет никаких званий и квалификаций, просто интерес к числам. Я как эти аутисты с выдающимися способностями, только не аутист.

— Глядя на вас, создается впечатление, что вы здесь не просто счетовод.

— Ну да. Время шло. Все менялось. Итан понял, что мои способности много где могут пригодиться. Так я и стал главным менеджером комплекса, а также личным финансовым консультантом Голлов. Неплохо для мелкого воришки, да?

— Я впечатлен.

— Ну так вот. Как я могу критиковать Итана за его настойчивость и веру в людей? Да, иногда выходит так, что такой вот кретин, как Барлоу Тарр, застревает здесь, хотя должен был уже давно вылететь отсюда, но с другой стороны — прямо сейчас перед вами сидит мелкий воришка,

которого вытянули из трущоб и доверили ему управлять не только дорогостоящим предприятием, но и огромным, черт возьми, состоянием Голлов. Как в сказке.

— Теперь, когда Итана нет, почему вы не избавитесь от Тарра?

— Я и сам задаюсь этим вопросом. Наверное, из суеверия.

— Суеверия?

— Как-никак, я здесь только потому, что Итан так решил. Тарр здесь по той же причине. Возможно, я боюсь, что, если избавлюсь от него, кто-то другой избавится от меня. Карма и все такое. Но это все не имеет никакого практического смысла. А я прагматик. Так что думаю, в самое ближайшее время мистер Ушлепок вылетит отсюда к чертовой матери.

— Кстати говоря, я слышал, вы решили продлить контракт Ричарда Хэммонда еще на год?

— Уговор есть уговор, верно?

— Вы не делаете поспешных выводов на его счет?

— Не пойман — не вор, так?

— А как же вся эта дурная слава в СМИ?

— Все это очень паршиво, но иногда приходится уживаться с подобным дерьмом, правда ведь?

— То есть, несмотря на негативное освещение в СМИ, вы решили поддержать Хэммонда из-за презумпции невиновности и из чувства справедливости?

Стекл повел плечами.

— А также из-за уважения к Итану. До того как вся эта фигня приключилась, он согласился продлить контракт Хэммонда. Я хочу последовать его решению. Может быть, опять же из суеверия, но так уж сложилось. Кого мне уважать, как не Итана?

— То есть, с одной стороны, презумпция невиновности и устный договор. А с другой стороны — вполне вероятно, что Хэммонд может быть замешан в смерти самого Голла, а также трех гостей. Если Хэммонда признают виновным, вы окажетесь в очень трудном положении.

Стекл прищурился.

— Виновным в чем?

— В том, что привело к четырем трупам.

— Вы избегаете слова «суицид». На то есть причина?

Гурни улыбнулся:

— Мне кажется, что это полный бред. А вы что думаете?

Стекл не ответил. Он откинулся на спинку кресла и стал растирать голову рукой, словно ему было больно об этом думать.

Гурни продолжил:

— Я вот думаю, учитывая возможные негативные последствия и вашу практичность, может, есть еще какие-то причины не отпускать Хэммонда?

Стекл пристально посмотрел на него, а его губы медленно расплылись в холодной улыбке.

— Хотите настоящую причину? Хорошо. Все просто. Если сейчас мы избавимся от Хэммонда, это будет выглядеть так, словно мы сбрасываем за борт мусор, как бы давая знать журналистам, что мы на стороне ангелов. Но тут нужно учитывать все возможные последствия. И одним из них будет то, что мы своими действиями скажем всем тем, кто за последние два года у него лечился. Если мы избавимся от него сейчас, гости подумают, что все, что говорят в прессе, — правда и мы отдавали их в лапы монстру. Поверьте, это не то, что хотят слышать гости, которые платят деньги. А если мы оставим Хэммонда, мы дадим понять, что уверены в нем и все разговоры журналистов — полная брехня. Это для вас достаточно практично?

— Теперь я лучше понимаю вашу позицию.

Стекл развалился на стуле, казалось, расслабившись.

— Наверное, это цинично. Но что тут скажешь? Я должен защищать интересы Голла. Это то, что мне доверил Итан. А я перед ним в неоплатном долгу.

У Гурни было еще много вопросов к Стеклу — про Итана и Пейтона, про фонд «Новая жизнь», про трех погибших гостей.

Однако продолжив сейчас, он упустит возможность встретиться с Ребеккой, чьи знания о Хэммонде, снах и гипнозе могут ему очень пригодиться.

Но он вышел из положения, договорившись встретиться с Остеном еще раз, когда он вернется из Платсберга.

Поблагодарив Стекла за потраченное время и за его откровенность, Гурни поспешил к машине.

Воздух бодрил, день был исключительно ясный.

Гладкая, как стекло, за ночь покрывшая поверхность озера корка льда, как зеркало, отражала Кладбищенский кряж.

Когда Гурни выезжал из-под деревянного навеса на приозерную дорогу, у него зазвонил телефон. Увидев, что это Джек Хардвик, он тут же подошел.

— Здорово, Шерлок, как жизнь в роскошном отеле?

— Ммм... необычно.

— Шум такой, словно ты в машине. Где ты, черт возьми?

— Еду в Платсберг — встретиться с Ребеккой. Она проявила интерес к делу.

Хардвик расхохотался:

— Детка Бекки в основном проявляет интерес к тебе. Где она хочет с тобой встретиться?

— Я же сказал, в Платсберге.

— Это название города. А я хотел узнать...

Гурни перебил его:

— Джек, скоро я покину зону покрытия местной сотовой вышки. Так что хватит трепаться, давай сразу к делу.

— Хорошо, я навел справки об Анджеле Кастро, пропавшей девушке трупа из Флорал-Парка. У нее есть брат, который живет со своей женой на Стейтен-Айленде. Я позвонил по его номеру, и мне ответила напуганная дамочка. Я сказал, что провожу опрос об использовании бытовой техники от обслуживающей компании. Она ответила, что не знает, потому что это не ее дом, и попросила перезвонить позже. Видно, стоит нанести ей визит. Что-то подсказывает мне — это и есть наша Анджела. При условии, что я прав, что именно ты хочешь узнать?

— Помимо очевидных вопросов о смерти Стивена Пардозы, ну там, что она видела, что слышала, что думает, почему пропала, хотелось бы узнать о его состоянии до и после поездки на Волчье озеро, его настроении, его кошмарах, да и вообще, о чем он ей говорил. Зачем так далеко поехал избавляться от своей дурной привычки. Как узнал про Хэммонда?

— Это все?

— Еще спроси ее, как Пардоза относился к гомосексуалам.

— Зачем?

— Да так, пальцем в небо. Много лет назад Хэммонд работал с гомосексуалами. В то время это вызвало бурную реакцию. И пастор Бауман Кокс одержим этой темой и утверждает, что именно это направление деятельности Ричарда стало причиной самоубийства Кристофера Хорана. И, раз уж об этом зашла речь, хорошо бы выяснить, какой позиции придерживался сам Хоран. Вполне вероятно, что как раз это и привело его к Коксу, и поэтому он хотел обсудить свой кошмар именно с ним. Я знаю, все очень туманно, но надо же с чего-то начинать.

— Я выясню.

— У тебя есть еще что-то для меня?

— Небольшая справка об Остене Стекле. Он шалунишка, ставший на путь исправления, ранее известный как Альфонс Вук.

— Да, он сам мне об этом рассказал. Бывший аферист, чудесным образом преобразившийся с помощью программы Итана в финансового консультанта Голлов и управляющего гостиницей.

— Упомянул ли он в своем рассказе торговлю наркотиками?

— Стекл, точнее, Вук, был наркодилером?

— Продавал кокс и другое дерьмо богатеньким клиентам. Одному из них, владельцу сомнительной брокерской фирмы, понравился его стиль работы. И он нанял его — толкать поддельные акции так же, как до того он толкал белый порошок. Оказалось, у него талант. Но этого было мало. Тут-то он и затеял аферу — гнусный работник грабит своего гнусного работодателя. Федералы, следившие за фирмой, пресанули еще одного паршивца, который их и сдал. Вука посадили, он отмотал какой-то срок, досрочно освобожден. Попал в фонд «Новая жизнь». Чудесным образом превратился в Остена Стекла, а остальное вам известно. Каково твое мнение насчет него?

— Я пока не понял. Он жестковат, но не скрывает этого. Мне нужно побольше с ним пообщаться, может быть, спросить, почему он умолчал о том, что был наркодилером. — Гурни проверил телефон. — Кажется, сигнал вот-вот пропадет, поэтому быстро попрошу тебя кое о чем.

— Давай, босс, накинь еще говнеца. Я живу во имя службы.

— Мне не дают покоя несколько вещей. Насчет тех троих, что приходили к Хэммонду, чтобы с помощью гипноза избавиться от дурной привычки, — это сработало? Когда они вернулись домой, неделю до того, как порезали себе вены, они не курили?

— Думаешь, я разъезжаю по Джерси, Квинсу и Флориде в поисках тех, кто проверял пепельницы умерших парней?

— Ты же сотворил чудо в погоне за Анджелой. Я в тебя бесконечно верю.

— Как приятно!

— Кстати об Анджеле, нужно хорошенько обдумать, стоит ли приходить к ней в гости без предупреждения. Если это действительно она, не хотелось бы ее спугнуть. Если она слиняет, ты, возможно, уже никогда ее не разыщешь, а она, можно сказать, единственный свидетель.

— Хорошо, что ты предлагаешь?

— Не давить. Позволить ей самой выбирать. Дать ей почувствовать, что она владеет ситуацией.

— Это ты о чем?

— Конверт, адресованный ей, можно бросить в почтовый ящик ее брата. Объяснить в записке, кто мы такие и что работаем на клиента,

который не верит в официальную версию о самоубийстве Стивена, а встреча с ней или хотя бы разговор — как ей удобнее — очень помогли бы нам разобраться с тем, как все было на самом деле, а стало быть, и обеспечить ее безопасность. Оставить ей номера наших мобильных, городских, наши имейлы, почтовые адреса. Самое важное — адреса. Это не только придаст ей уверенности, что она может связаться с нами на своих условиях, но и сделает нас уязвимыми в ее глазах. Сделай особый акцент на том, что она сама решает, когда и как с нами связаться и что нам рассказать.

Несколько секунд Хардвик молчал.

— А не перебор ли это — все эти номера и контакты?

— Перебор, но продуманный. Поставь человека перед вереницей открытых дверей, и ему покажется, что он и правда выбирает. Он может и не заметить, что все двери ведут в одну комнату.

— Или все трубы ведут в клоаку.

— Ну, если тебе так больше нравится.

Снова последовало молчание, а затем Хардвик ворчливо согласился.

— Я сделаю, как ты сказал. Но если все пойдет наперекосяк, виноват будешь ты. Еще какие-то пожелания?

— Я бы очень хотел узнать кто в Бюро одобрил стратегию Фентона по общению с прессой. Наверняка какая-нибудь шишка. Для таких консервативных ребят это очень необычно, кто-то должен прикрывать задницу Фентона. Со временем мне захочется узнать, почему эту стратегию одобрили, но для начала хватит и просто имени. А еще разузнай, что сможешь, про Норриса Лэндона. Эдакий сквайр. Охотник на куропаток и тому подобное. В последние два года много времени проводил в гостинице «Волчье озеро».

— Прямо как Хэммонд.

— Именно. Было бы здорово узнать, есть ли тут связь. — Гурни выдержал паузу. — И еще один вопрос, если у тебя будет время. Вопрос серьезный: чем выгодны Хэммонду эти четыре самоубийства?

Хардвик молчал так долго, что Гурни решил, что связь прервалась.

— Джек?

— Я все размышляю про выгоду.

— И что?

— Думаю, что, если бы какой-то урод действительно мог это сделать... если бы мог выдумать кошмарный сон и внедрить его в сознание другого человека... он мог бы это сделать лишь ради того, чтобы доказать себе, что способен на это.

— Ради ощущения власти?

— Да, ради чувства абсолютной, неограниченной власти.

Глава 21

К тому моменту, когда Гурни выехал на главное шоссе, спускающееся от гор к Платсбергу, взошло солнце, а небо из серо-розового стало ярко-голубым.

Он думал о том, в каком порядке стоит разгадывать многочисленные тайны этого дела. Мыслительный процесс столь сильно захватил его, что спустя сорок минут он чуть не проехал мимо указателя на гостиницу «Колд-Брук».

Пухленькая женщина за стойкой регистрации приветливо улыбнулась и в ответ на его вопрос, где находится столовая, грациозно махнула рукой в сторону арочного прохода неподалеку.

— У нас сегодня булочки с изюмом и со сливками, — многозначительно добавила она, словно делилась с ним важным секретом.

Он заприметил Ребекку за столиком около окна с видом на озеро Шамплейн. Рядом с ее чашкой кофе стоял ноутбук, и она что-то быстро печатала. Ее небрежно уложенные каштановые волосы говорили о хороших генах и отличном вкусе. Благодаря все тем же генам она обладала острым логическим умом — это качество Гурни находил угрожающе привлекательным.

Она захлопнула ноутбук и приятно, по-деловому улыбнулась. Ее мягкие пухлые губы выглядели так, словно были незаметно подкрашены, но по своим прошлым наблюдениям Гурни знал, что она никогда не пользовалась косметикой.

— Минута в минуту, — голос ее был низким.

Он кивнул на компьютер.

— Я тебя не отрываю?

— Ничего особенно важного. Набросала тут разгромную рецензию на статью о том, как чувство вины важно для выживания. Схема проведения исследования несостоятельна, выводы неубедительны, анализ никуда не годится. — Она выглядела как человек, всегда готовый к состязанию: именно это качество и помогло ей стать столь уважаемым специалистом в своей области. — А ты, значит, трудишься над этим феерическим делом. Все, что ты мне описывал, полный дурдом. Садись и расскажи поподробнее.

Он уселся напротив, чувствуя себя так, словно выпил три чашки кофе — такая мощная и заразительная энергия исходила от нее.

— Рассказывать особо нечего. Я познакомился с местным психом, который там подрабатывает, и он горит желанием поделиться со мной своей сверхъестественной версией событий.

— Вроде сна Далтона Голла про волков и его воплощения в реальность?

— Я что, тебе рассказывал?

— Я прочла об этом в историческом блоге «Таинственные легенды гор». Вылезло в поисковике, когда искала информацию про Голла. Глупые люди обожают подобные истории. Да и умные иногда.

— Кстати о снах с волками...

— Что я думаю про сон Хорана, пересказанный Коксом? — Она ехидно усмехнулась. — Мечта фрейдиста. Но я не фрейдистка. При поисках истины сны бесполезны. Сны — пыль, которая поднимается, когда мозг каталогизирует впечатления от прожитого дня.

— Тогда почему...

— Почему сны выглядят как сцены из странных фильмов? Потому что мозг не только каталогизирует, но еще и ищет связи. Пытается соединить все точки, даже если никакой связи на самом деле нет. Правой рукой хорошенько разворошив пылинки, левой мозг пытается упорядочить их. Именно поэтому «толкование снов» — полная чепуха. С таким же успехом можно швырнуть об стену горсть гуляша и притвориться, что это карта Венгрии.

К их столику подошла молодая официантка.

— Что будете на завтрак?

— Овсянку, кофе и цельнозерновой тост, — попросила Ребекка.

— Мне то же самое, — сказал Гурни.

Официантка накарябала что-то в своем блокноте и быстро ушла.

Ребекка продолжила:

— Сны случайны, как капли дождя. А ты спрашиваешь, как мог один и тот же сон присниться четверым? Я понятия не имею. Мои знания подсказывают, что это невозможно.

Когда им принесли завтрак, они быстро молча поели. В какой-то момент они так долго смотрели друг другу в глаза, что еще чуть-чуть и это приобрело бы особый смысл. Своим вопросом Гурни нарушил эту атмосферу.

— По телефону ты говорила, что Хэммонд использует самые современные техники — что-то про создание новых нейронных связей с

помощью гипноза и радикальные перемены в поведении пациентов.

— Честно говоря, я не очень много об этом знаю. Но я читала аннотации к его недавно вышедшим статьям, которые наводят на мысль о том, что он исследует области модификации поведения, выходящие за рамки общепринятых возможностей гипнотерапии. Мне показалось, что он скромничает, когда рассказывает о своих последних достижениях.

— Любопытно. Слушай, я понимаю, что ты очень занята, но...

Внезапно она широко улыбнулась.

— Если хочешь чего-то добиться, попроси человека, который очень занят.

— У меня к тебе действительно огромная просьба. Не могла бы ты повнимательнее изучить публикации Хэммонда, может быть, ты что-нибудь найдешь.

— А что именно?

— Все, что имеет связь с версией полицейских. Что угодно... Боже, Ребекка. Я даже не знаю, что спросить. Я понятия не имею, что там в этой области нового и устрашающего.

— Люблю беспомощных мужчин. — На мгновение ее улыбка стала еще шире, а потом исчезла. — В настоящее время ведутся потенциально шокирующие исследования в области манипуляции воспоминаниями, в особенности манипуляции эмоциями, привязанными к определенным воспоминаниям.

— Что это означает?

— Это значит, что восприятие человеком прошедших событий может быть изменено путем модуляции нейрохимических компонентов его эмоций.

— Боже. Да это же...

— Жутковатая фигня, о дивный новый мир? Согласна. Но это на самом деле происходит. Конечно, все это преподносится в самом положительном виде с использованием самых позитивных терапевтических терминов. Идеальный способ лечения паники при ПТСР и тому подобное. Просто отделите определенное событие от чувств, которое оно вызывает.

Гурни долго ничего не говорил.

Ребекка наблюдала за ним.

— О чем ты думаешь?

— Если можно модифицировать эмоциональный заряд воспоминания о прошедшем событии, возможно ли с помощью той же техники изменить отношение человека к гипотетическому будущему событию?

— Я не знаю. А что?

— Да вот думаю — человек, который в обычных условиях боялся даже мысли о самоубийстве... Можно ли заставить его полностью пересмотреть свою точку зрения?

Глава 22

На обратном пути в адирондакскую глушь мысль о том, что можно заставить человека абсолютно обесценить собственную жизнь, показалась Гурни маловероятной, почти абсурдной. С другой стороны, такой же абсурдной, как и все так называемые «улики» этого дела.

Он ехал все дальше в горы, и воодушевление от встречи с Ребеккой перерастало в чувство тревоги, которое Гурни списывал на тучи, затягивающие голубое небо и предвещающие приближение очередной снежной бури.

Когда он приехал в гостиницу, Остен Стекл стоял за стойкой и говорил по телефону. В этот раз он тихонько завершил разговор.

— Рад вас видеть. Объявили штормовое предупреждение. Вы не знаете, куда поехала миссис Гурни?

— Что?

— Ваша жена, она взяла один из гостевых джипов. Сказала, что хочет осмотреть достопримечательности.

— *Достопримечательности?*

— Ага. Многие хотят осмотреть окрестности. Увидеть горы. Она уехала сразу после вас.

— Она не сказала, куда именно собирается ехать? Не спрашивала у вас дорогу?

— Нет. Ничего не спрашивала.

Гурни взглянул на часы.

— И не сказала, во сколько вернется?

Стекл покачал головой.

— Она почти ничего не сказала.

— А в машине есть навигатор?

— Разумеется! Так что не стоит беспокоиться, верно?

— Верно.

На самом деле он знал, что у него немало причин для беспокойства. Но он сделал усилие и сосредоточился на том, что действительно мог сейчас сделать. Глядя на Стекла, стоящего перед ним, он вспомнил, что хотел с ним поговорить.

— Если у вас есть несколько минут, я бы хотел продолжить наш утренний разговор.

Стекл быстро огляделся по сторонам.

— Давайте.

Они сели на те же стулья по разные стороны соснового стола.

— Так что вы хотели узнать?

Гурни улыбнулся:

— Я запутался. В связях.

— Каких связях?

— Начать хотя бы с отношений Итана и Пейтона. Мне говорили, что у них были разногласия. Можете мне рассказать, какого рода?

Стекл откинулся назад на стуле и задумчиво потер голову.

— Ну какие разногласия могут возникнуть между перфекционистом и безбашенным наркоманом?

— Итан не одобрял образ жизни Пейтона?

— Уж точно не одобрял. Угрожал, что лишит его наследства. Такая вот суровая любовь.

— То есть состоянием Голлов распоряжался Итан?

— Да, фактически. Деньги были под контролем Итана. Родители всегда считали его более ответственным, и большая часть денег досталась ему, конечно, с тем условием, что он будет давать деньги Пейтону. А недавно он решил, что следует попытаться исправить Пейтона, угрожая лишить его наследства.

— Он действительно собирался это сделать?

— Думаю, да. Дело в том, что он дал Пейтону понять, как это будет. В изначальном завещании Итана треть его имущества получил бы фонд «Новая жизнь», а остальное — Пейтон. Но Итан внес поправку, что Пейтон получит только треть. И сказал ему, что снова перепишет завещание, если Пейтон на девяносто дней слезет с наркотиков.

— И как отреагировал Пейтон?

— Он действительно не употреблял наркотики около шестидесяти дней. Шестидесят один день.

— А потом сорвался?

— Нет. Потом Итан покончил с собой, или как вам угодно это называть.

— И Пейтон в то время совсем не употреблял?

— Нет. В итоге он, конечно, сорвался, но это было уже через несколько дней после того, как Итан... умер.

— То есть, хоть Пейтон и слез с наркотиков, Итан так и не успел

переписать завещание в его пользу?

— Жизнь несправедлива.

— Так кто получит ту треть наследства?

— Боюсь, я не имею права вам рассказывать.

— Почему?

— Я не хотел бы делиться этой информацией. Она может быть неправильно истолкована. Мне бы не хотелось создавать неверное впечатление. Понимаете?

— Но вы точно знаете, что было указано в этом новом завещании?

— Голлы всегда полагались на меня и до сих пор полагаются. Мне доверяют, поэтому я знаю многое. Больше я ничего не скажу.

Гурни решил не настаивать. Найдутся другие способы раздобыть эту информацию. А пока что у него были еще вопросы.

— Вы хорошо помните Хорана, Бальзака и Пардозу?

Стекл пожал плечами.

— В каком смысле?

— Когда вы слышите эти имена, что вам вспоминается?

— Лица. Голоса. Одежда. Все такое. А что вы хотите знать?

— Бывал ли здесь кто-нибудь из них раньше?

— Нет.

— Вы уверены?

— Да, я бы запомнил.

— Как они узнали про Ричарда Хэммонда?

— Он же знаменитость. Все про него знают.

— Они производили впечатление типичных посетителей вашей гостиницы?

— К нам разные люди приезжают.

— Не многие люди с ограниченными финансовыми возможностями посещают курорты, где одна ночь стоит под тысячу долларов.

— Не думаю, что мистер Хоран был ограничен в средствах.

— Почему вы так решили?

— Я читал про него в газете, уже после, что-то про его квартиру за миллион во Флориде.

— А двое других?

— Материальное положение наших гостей — не мое дело. Бывает, по человеку и не скажешь, что он богат. Я про такое не спрашиваю.

— А что, если они не могут заплатить?

— Когда гости приезжают, мы замораживаем нужную сумму на их кредитной карте. Либо они платят наличными вперед.

— А как платили Хоран, Бальзак и Пардоза, наличными или кредиткой?

— Таких подробностей я не помню.

— Ну это же легко проверить.

— Прямо сейчас?

— Было бы здорово.

Стекл, казалось, задумался, насколько он готов помогать расследованию. Потом развернулся на стуле лицом к компьютеру, который стоял на другом столе, у стены. Через пару минут он развернулся к Гурни и с неприязнью сказал:

— Хоран платил картой «Амекс». Бальзак дебетовой картой. Пардоза — наличными.

— Насколько это необычно, когда кто-то платит наличкой?

— Необычно, но это не проблема. Некоторые не любят пластик.

И след, который он оставляет, подумал Гурни.

— Сколько времени они здесь провели?

С видимым нетерпением Стекл снова проверил компьютер.

— Хоран — две ночи. Бальзак — одну ночь. Пардоза — одну ночь.

— Методика Хэммонда по отказу от курения требует лишь одной сессии?

— Именно так, одна интенсивная трехчасовая сессия. — Он отвернул манжет своей аккуратно выглаженной фланелевой рубашки и, нахмурившись, посмотрел на свой «ролекс». — Мы закончили?

— Да, если, конечно, вы не знаете чего-то, что могло привести к гибели четырех человек.

Стекл неспешно покачал головой и показал пустые ладони:

— Увы, я больше ничем не могу помочь.

Он замолчал, продолжая качать головой.

— На самом деле вы мне очень помогли. — Гурни встал. — Последнее. Немного странный вопрос. Кто-нибудь из них негативно отзывался о гомосексуалах, гей-браках или о чем-то подобном?

Стекл явно был раздражен и озадачен:

— Какого черта вы имеете в виду?

— Да так, одна безумная версия. Скорее всего, это вообще не важно. Спасибо, что уделите мне время. Я очень признателен вам за помощь.

Глава 23

Гурни отправился наверх в номер, надеясь найти записку от Мадлен с информацией о том, какие достопримечательности она уехала осматривать и когда ее ждать обратно.

Записки не было.

Хоть он и подозревал, что она находится вне зоны действия сети, он все же попробовал ей позвонить.

Спустя несколько секунд он с удивлением услышал, как ее телефон звонит. Гурни огляделся и увидел, что он лежит на маленьком столике возле дивана.

Это было непохоже на Мадлен — уехать, не взяв с собой телефон. Может быть, она очень спешила и была так поглощена мыслями, что просто забыла его? Но такое ее состояние не очень вязалось с планом по осмотру достопримечательностей.

Гурни пытался выстроить гипотезу, которая объяснила бы все эти факты, а заодно и ее таинственное поведение в последние два дня, но оказалось, он не способен был логически проанализировать поведение Мадлен так, как делал это с незнакомыми людьми.

Он поймал себя на том, что ходит по комнате из угла в угол — это частенько помогало ему собраться с мыслями. Вдруг ему в голову пришло проверить ее телефон: может быть, перед отъездом ей кто-то звонил или присылал сообщения. И тут раздался стук в дверь.

Эта манера стучать громче, чем необходимо, была хорошо знакома Гурни. Он открыл дверь и увидел того плосколицего грузного мужчину, похожего на Джимми Хоффу, которого узнал по записи с пресс-конференции. К его плохо сидящей спортивной куртке был приколот значок в виде американского флага. В руке он держал полицейский жетон.

— Старший следователь Фентон, БКР. Вы Дэвид Гурни?

— Да. — Его пронзила ужасная мысль. — Что-то случилось с моей женой?

— Про вашу жену я ничего не знаю. Позвольте войти?

Гурни кивнул, а его тревога сменилась на любопытство.

Фентон вошел в комнату, с бдительностью полицейского озираясь по сторонам, чтобы все разглядеть, и пытаясь встать так, чтобы видно было и спальню, и ванную. На несколько мгновений его взгляд задержался на портрете Уоррена Хардинга.

— Мило, — произнес он суровым тоном, подразумевавшим обратное. — Президентский номер.

— Чем я могу вам помочь?

— Вам нравится на пенсии?

— Откуда вы знаете, что я на пенсии?

Фентон недружелюбно улыбнулся:

— Когда кто-то так настойчиво интересуется вашим особо важным делом, является на вашу территорию, проводит время с главным подозреваемым, вы наверняка про него все разузнаете, правда?

Гурни ответил вопросом на вопрос:

— Ну, чтобы иметь главного подозреваемого, у вас должно быть поддающееся определению преступление, правда?

— Поддающееся определению. Интересный термин. А также мотив, средства и возможность. Прямо как в учебнике. — Он отошел к балкону и, стоя к Гурни спиной, сказал: — Именно поэтому я здесь. Каким-то образом вас втянули в это дело. Из уважения мы хотим вам кое-что разъяснить, ведь вы явно не понимаете, во что ввязались.

— Что ж, очень любезно с вашей стороны.

— С тем, чтобы говорить на одном языке, хорошо бы быть в курсе всех обстоятельств.

— Согласен. Но с каких пор главные следователи БКР из уважения вводят в курс дела посторонних людей?

Фентон повернулся к Гурни и оценивающе на него посмотрел.

— Но вы же не просто посторонний. У вас репутация. Блестящая репутация. Потрясающий послужной список. Столько раскрытых дел. Мы подумали, вы заслуживаете того, чтобы быть полностью проинформированным. Хотим сэкономить вам силы и время.

Он одарил Гурни холодной улыбкой.

— От каких же проблем вы хотите меня оградить?

— От тех, что появятся у вас, если останетесь по ту сторону баррикад.

— Откуда вам знать, на какой я стороне?

— Обоснованное предположение.

— Обоснованное чем?

Уголок тонкого рта Фентона слегка дернулся.

— Сведениями, которые мы получили из различных источников. Поверьте, дело нешуточное. Им занимаются серьезные, очень влиятельные люди. — Он сделал паузу. — Послушайте, я же пытаюсь сделать вам одолжение. Скажем так, выложить перед вами все карты. Вы что-то имеете против?

— Нет, мне очень любопытно.

Фентон недоумевающе склонил голову набок, словно прокручивая в голове сложную концепцию.

— Любопытство может стать проблемой лишь в том случае, если тебе

не следует знать того, чего ты не знаешь. — Задумавшись, он заиграл желваками. — Если бы вы знали хотя бы половину всей истории, вас бы тут не было. Вы бы не стали впутываться в то, что вам не по зубам. Вы бы не сидели за обеденным столом напротив Ричарда Хэммонда. И от Волчьего озера держались бы подальше.

— Но сейчас, поскольку я уже здесь, вы решили ввести меня в курс дела.

— Именно об этом я и говорю.

Судя по тому, с какой неприязнью Фентон произнес эти слова, было понятно, что он испытывает противоречивые чувства по поводу своей миссии. Вероятно, ему не хотелось делиться информацией с посторонними, но приказ есть приказ.

— Я слушаю. — Гурни уселся в одно из кожаных кресел возле камина, указывая на такое же, стоявшее рядом. — Не хотите присесть?

Фентон огляделся, выбрал самый простой деревянный стул, поставил его напротив Гурни на расстоянии. Усевшись на край стула, он положил руки на колени. У него снова заходили желваки. Он уставился вниз, на ковер. Непонятно было, что крутится у него в голове, но глаза его, и так очень маленькие для мясистого лица, сузились.

Подняв голову, он столкнулся с любопытным взглядом Гурни и откашлялся.

— Мотив, способ, возможности. Вы это хотите знать?

— Для начала было бы неплохо.

— Хорошо. Мотив. Двадцать девять миллионов долларов. Сойдет?

Гурни нахмурился, ничего не сказав.

Фентон противно улыбнулся.

— Они вам об этом не рассказали, да? Маленький Дик и Джейн. Забыли упомянуть завещание Итана Голла?

— Расскажите мне.

Мерзкая улыбка сделалась еще шире.

— У Итана было очень простое завещание, особенно для парня с состоянием в восемьдесят семь миллионов долларов, плюс-минус несколько миллионов, в зависимости от колебаний стоимости инвестиций. — Он сделал паузу, изучая реакцию Гурни. — Треть завещана фонду Голла «Новая жизнь», треть — младшему брату Пейтону, и еще одна треть, а именно двадцать девять миллионов баксов, — доктору Дику.

Так вот о чем говорил Стекл. Наследник, чье имя он не хотел раскрывать, — Ричард.

— С чего бы Голлу оставлять Ричарду столько денег? Они что, были

так близки?

Фентон посмотрел на него хитро, с глумливой издевкой.

— Возможно, ближе, чем кто-либо думал. Но главной задачей было позлить Пейтона. Того страшно бесило, что доктор Дик был любимчиком Итана. Смысл был в том, чтобы напугать Пейтона. И заставить стать паинькой.

— Как давно было переписано завещание Итана?

— Совсем недавно. Так вот, последний гвоздь в крышку гроба доктора Дика — он знал, что Итан собирается вновь переписать завещание в пользу младшего брата. У вашего сотрапезника на некоторое время появилась редкая возможность урвать двадцать девять миллионов долларов. Как вам кажется, достаточно ли это серьезный мотив для незамедлительных действий?

Гурни пожал плечами:

— Может, даже чересчур серьезный мотив и слишком уж оперативные действия.

— В каком смысле?

— Уж больно все просто и четко. Но главный вопрос: какого рода действия, вы считаете, это спровоцировало? — Фентон замешкался, и Гурни продолжил: — Если вы утверждаете, что Хэммонд убил Голла с целью вовремя заполучить двадцать девять миллионов, то возникает вопрос: как он его убил?

У Фентона было такое выражение лица, будто его сейчас стошнит.

— Я не имею права обсуждать специфические подробности. Я могу лишь сказать, что Хэммонд разработал некие мотивационные техники, выходящие за пределы норм, терапевтических и этических.

— То есть вы говорите, что он убедил Итана Голла совершить самоубийство?

— Вам трудно в это поверить?

— Очень трудно.

— Его чертова гей-терапия тоже едва ли казалась правдоподобной. Подумайте об этом. — Фентон гневно сверкнул глазами. — Это тот же у блюдонок, что изобрел так называемую «терапию», с помощью которой заставлял нормальных мужчин поверить, что они геи.

— То есть вы полагаете, что если Хэммонд мог убедить человека в том, что тот гей, то он точно так же мог убедить его покончить с собой?

Подобная логика поражала Гурни своей бессмысленностью.

— Технически то, о чем мы говорим, называется «суицидом в состоянии транса».

— Чей этот термин?

Фентон заморгал и потер рукой рот. Казалось, он взвешивал, как лучше ответить.

— Людей, с которыми мы консультировались. Экспертов. Лучших в мире.

Если бы Фентон хотел, то назвал бы имена экспертов. А если не хотел, то и смысла спрашивать не было. Гурни откинулся на спинку кресла и с глубокомысленным видом сложил пальцы домиком у подбородка.

— Суицид в состоянии транса. Интересно. И этого можно добиться за одну сессию гипнотерапии?

— За интенсивную трехчасовую сессию плюс контрольная сессия в последний день.

— В последний?

— В день самоубийства.

— И где же проходила эта контрольная встреча?

— В случае с Голлом здесь, на Волчьем озере. С тремя остальными — по телефону.

— И у вас наверняка есть данные о том, что Хэммонд звонил каждой из жертв в...

Фентон перебил его:

— В день, когда каждый из них перерезал себе вены. — Он замолчал, изучая лицо Гурни. — Вы ведь про это ни хрена не знали, да? Вы вообще не понимаете, во что ввязались. Вы как слепец на минном поле. — Фентон покачал головой. — А вы случаем не в курсе, какова тема докторской диссертации доктора Хэммонда?

— Расскажите.

— Название длинное, но думаю, вы запомните его. «Элементы гипноза в алгоритме смерти в вуду: как шаманы добиваются смерти своих жертв». Довольно любопытная тема, согласны?

Фентон торжествующе воссиял, словно игрок в покер, только что выложивший фулл-хаус с тузами.

— Подумайте, Гурни. Этот тип загипнотизировал четверых человек. Все они видели один и тот же кошмар. Перед смертью все они с ним говорили. Все четверо совершенно одинаковым образом перерезали себе вены. — Он замолчал, а потом добавил: — Вы уверены, что хотите ужинать с таким человеком?

Диссертация, изучающая методы психологического воздействия в культуре вуду, по крайней мере наводит на мысль о том, что определенный академический интерес к теме был. Безусловно, совпадение подозрительное, оно наверняка возбудило бы интерес присяжных, но едва ли, как говорят адвокаты, носило определяющий характер.

Другое дело — завещание. Обоснование первой части триады «мотив — средства — возможность» завещание обеспечивало. Завещание — это серьезно. Настолько серьезно, что перед тем, как думать о других вопросах, Гурни важно было понять, какова была природа такой благосклонности к Хэммонду, аж в размере двадцати девяти миллионов долларов, а также отчего ни Джейн, ни Ричард не сочли нужным об этом упомянуть.

Он достал телефон, набрал номер Джека Хардвика и оставил ему сообщение: «Скажи, что ничего не знал о мотиве в двадцать девять миллионов долларов. Потому что, если ты знал об этой небольшой детали и предпочел скрыть ее от меня, у нас с тобой большие неприятности. Перезвони мне срочно».

Потом Гурни подумал позвонить Джейн, но решил, что лучше будет нанести неожиданный визит в шале, встретиться лицом к лицу сразу с Джейн и Ричардом, застать их врасплох. Он взял свою спортивную сумку, достал блокнот, вырвал из него страничку и быстро написал записку для Мадлен:

«Уже почти 11. Я недавно приехал из Платсберга. Ко мне приходил Гилберт Фентон. Сейчас поеду к Хэммондам — нужно решить один вопрос. Пожалуйста, позвони мне сразу, как вернешься».

Он оставил записку около ее телефона на краю стола, надел лыжную куртку и уже собирался выходить, когда услышал, как повернулся ключ в двери. Дверь распахнулась, и в комнату вошла Мадлен; толстая шерстяная лыжная шапка съехала ей на глаза, а пуховик было наглухо застегнут. Она явно замерзла, и вид у нее был весьма угрюмый. Она захлопнула за собой дверь и односложно поприветствовала его.

— Где ты была? — Он сам удивился резкости своего голоса.

— Ездила немного погулять.

— Почему ты не оставила мне записку?

— Я не знала, куда поеду. Не думала, что уеду так надолго. Туман и этот лед... — Ее явно знобило. — Хочу принять горячую ванну.

— Куда ты ездила?

Казалось, она глубоко задумалась, а потом ответила:

— В одно место, которого уже не существует.

Гурни пристально посмотрел на нее.

— Я ездила к дому, где когда-то жили Джордж и Морин. Если бы я не знала, что там стоял дом, я бы никогда не поняла, что это за место. Дом придавило упавшее дерево. И должно быть, давно. Мох, хвоя. Все заросло.

— Так... что ты там делала?

— Ничего. Все так изменилось. Старая грунтовка, покосившийся забор... Все теперь кажется маленьким и убогим.

— Как ты нашла это место?

— По навигатору.

— Спустя все эти годы ты помнила адрес?

— Только название улицы. Там всего-то было четыре или пять домов. — Она потерянно вздохнула. — А теперь там вообще ничего нет.

— Ты кого-нибудь видела?

— Нет. — Ее снова передернуло. Она обхватила себя руками. — Я продрогла, мне нужно в ванну.

Гурни ужаснулся выражению ее лица. Конечно, оно отражало то, что было у нее внутри, и это было так непохоже на Мадлен, которую он знал. Или думал, что знал.

Она только сейчас заметила, что он в куртке.

— Ты куда-то собрался?

— Мне нужно к Хэммондам, выяснить кое-что.

— Ты на машине?

— Да.

— Будь осторожен. Так скользко...

— Знаю.

— Ну, я в ванну. — Она развернулась и пошла в туалет. Он проводил ее до двери.

— Мэдди, ты взяла один из джипов, по навигатору, по раздолбанной дороге добралась черт знает куда, полюбовалась на развалины старого дома, никого не встретила, и в тумане, продрогшая до костей, вернулась обратно? И это все? Этим ты занималась все утро?

— Ты что, допрашиваешь меня?

Он подумал, что она права. Эта дурная привычка включалась, когда он беспокоился.

Мадлен уже закрывала дверь, но он остановил ее вопросом:

— Все это как-то связано с тем парнем, что утонул?

— Что все?

— Все *это*. Странное поведение. Эта обзорная экскурсия. Эта вымершая улица.

— Дэвид, я правда хочу принять ванну.

— Что за тайны? Я спросил тебя про этого парня, который утонул? Кстати, как он утонул?

— Он провалился под лед.

— Ты его знала?

— Да. Там было немного ребят моего возраста, особенно зимой.

— Кто-то из них еще живет там?

— Тридцать лет спустя? Понятия не имею. Да если бы и были, вряд ли я узнала бы кого-нибудь.

Гурни поймал себя на том, что понимающе кивает — это был еще один из его рабочих приемов, рассчитанный на то, чтобы завоевать доверие собеседника. Ему стало неловко за столь фальшивый жест, и он немедленно прекратил. Он должен был быть предельно бдителен, чтобы успешно отделять роль детектива от роли мужа. Когда она уже почти закрыла дверь, он попробовал задать еще один вопрос.

— Почему он провалился под лед?

Она придержала дверь.

— Он выехал на мотоцикле на замерзшее озеро. Лед треснул.

— Сколько ему было?

— Он всем говорил, что шестнадцать. А потом выяснилось, что ему едва было пятнадцать.

— Там кто-то был, когда это произошло?

— Только его девушка.

— А ты хорошо была с ним знакома?

— Не очень.

На ее лице промелькнула грустная улыбка.

После рассказа Мадлен ему было не по себе, в шале он ехал, весь погруженный в свои мысли. На середине пути в тумане прямо перед машиной метнулся крупный серый зверь. Гурни резко ударил по тормозам, а тот отпрыгнул в темноту соснового леса и скрылся.

Дверь в шале ему открыла Джейн. С тревожной улыбкой она поздоровалась.

— Дэвид, что-то случилось?

— Я могу войти?

— Конечно. — Она отступила назад, пропуская его в прихожую.

— Ричард дома?

— Он отдыхает. Могу ли я чем-то помочь?

— Будет лучше, если я поговорю с вами обоими.

— Конечно, если это так важно.

Она замешкалась на секунду и пошла за Ричардом. Через минуту вернулась и провела Гурни к креслу у камина, а сама присела на ручку соседнего кресла и стала нервно тереть волосы на виске.

— Ричард сейчас придет. Что-то случилось?

— У меня возникла пара вопросов.

— Каких?

Прежде чем Гурни успел ответить, в комнату вошел Ричард и сел в кресло. Он профессионально приветливо улыбался.

Гурни решил перейти сразу к делу.

— Сегодня утром ко мне приходил Фентон. Он рассказал мне кое-что неожиданное.

Джейн нахмурилась.

— Я бы не стала доверять словам этого человека.

Гурни обратился к Хэммонду.

— Фентон сказал мне, что вы являетесь наследником огромного состояния.

Ричард был непроницаем.

— Это правда?

— Да, это так.

Предвидя очевидный вопрос, Джейн заговорила.

— Я не стала этого упоминать, испугавшись, что у вас сложится неверное впечатление.

— Почему?

— Вы привыкли иметь дело с преступниками, готовыми на все ради наживы. Я боялась, что завещание Итана поведет вас по ложному пути.

— По ложному пути?

— Из-за всего того бреда, что говорил Фентон, я боялась, вы можете подумать, что Ричард с помощью гипноза заставил Итана переписать завещание, хотя это в принципе невозможно. Это была полностью идея Итана — своеобразная встряска для Пейтона, в попытке исправить его.

— Если быть предельно честным — угроза, — мягко сказал Хэммонд. — Навязчивая попытка исправить его поведение. Посыл был прост: возьми себя в руки или останешься ни с чем. Итан был непреклонен в своем решении изменить брата во что бы то ни стало.

— В действительности деньги никогда не предназначались Ричарду, — добавила Джейн. — Более того, когда завещание будет оформлено и Ричард войдет в права наследования, он намерен отказаться от денег.

Гурни повернулся к Хэммонду.

— Непросто отказаться от двадцати девяти миллионов.

Гурни встретился взглядом с этими неморгающими сине-зелеными глазами.

— У меня в жизни было достаточно денег, чтобы понять, что они есть на самом деле. Когда ты беден, ты придаешь деньгам чрезмерное значение, думая, что богатство может изменить твою жизнь. И только заполучив много денег, осознаешь предел своих возможностей. Мой отец сколотил огромное состояние, но так никогда и не стал счастливым.

Гурни откинулся на спинку кожаного кресла и уставился в погасший камин.

— Скрываете ли вы еще что-то, боясь, что я могу это неверно истолковать?

— Нет, — пролепетала Джейн, — больше ничего.

— А что насчет телефонных звонков жертвам?

— Вы имеете в виду звонки, якобы сделанные в день смерти?

— Да.

Джейн зло сжала губы:

— Это все Фентон.

— В смысле?

— Он утверждает, что нашел второй мобильный в ящике ночного столика Ричарда. Но Ричард этим ящиком не пользовался, и телефона этого раньше никогда не видел.

— Вы хотите сказать, что Фентон его подбросил.

— Видимо, да.

— Такое тоже возможно.

— Предполагаю, Фентон не сказал, что Ричарда проверяли на детекторе лжи и он прошел эту проверку?

— Нет, этого он не упомянул.

— Ну конечно! Видите, как он поступает? Он говорит только то, что очерняет Ричарда, и ни слова о том, что доказывает его невиновность!

Хэммонд, похоже, не впервой проходил через все это и, казалось, был утомлен.

— Вы хотели узнать что-то еще?

— Также он коснулся темы вашей докторской диссертации о вуду.

— Бог ты мой. И каково же его мнение?

— Он утверждает, что в ней чувствуется ваш интерес к использованию контроля над сознанием.

Джейн в негодовании всплеснула руками.

Гурни посмотрел на Хэммонда.

— Вы действительно находите связь между проклятиями вуду и

гипнозом в вашей диссертации?

— Это был беспристрастный анализ саморазрушительных психических состояний, вызываемых шаманами у их жертв. Я могу дать вам диссертацию, но сомневаюсь, что она вам чем-то поможет.

— Давайте оставим этот вопрос открытым, вдруг диссертация нам еще пригодится.

— Что-нибудь еще?

— Всего один последний вопрос. Итан Голл был геем?

Хэммонд замялся.

— Какое отношение это имеет к делу?

— Мне кажется, в этом деле может скрываться нечто, связанное с сексуальной ориентацией. Не могу пока сказать, насколько это значимо.

— Итан был слишком занят, чтобы отвлекаться на любовные дела. Он полностью посвящал себя перевоспитанию заблудших душ в этом мире.

В его голосе послышался надрыв, и это вызвало у Гурни интерес. Но прежде чем он спросил, Хэммонд ответил сам.

— Признаюсь, Итан мне нравился. Но я в этом смысле был ему неинтересен.

Последовала тишина, которую нарушила Джейн.

— В профессиональном плане Итан обожал Ричарда. Просто обожал.

— Только в профессиональном плане.

То, как Хэммонд подчеркнул это, не оставляло сомнений в природе их отношений.

Часть вторая. Утопленник

Глава 25

Гурни припарковался под навесом. Мысли его метались между Хэммондом и Мадлен. Этот утонченный небольшой человек с настораживающим интересом к смертоносным обрядам вуду и яркими, холодными, как сапфиры, глазами. Мадлен, одиноко стоящая на заброшенной дороге, глядящая на развалины дома, куда тридцать лет назад она приезжала на рождественские каникулы.

Ему хотелось поговорить с Пейтоном, но он подозревал, что будет сложно добыть какую-либо полезную информацию, просто постучав в железные ворота его дома. Входя в номер, он мысленно добавил в свой список еще одну задачу — найти подход к Пейтону.

Гурни думал, что Мадлен, наверное, еще в ванной, и был удивлен, увидев, что она уже оделась, стоит у окна и смотрит на озеро. Также он удивился ярко полыхавшему в камине огню.

Мадлен повернулась к Гурни.

— Заходил Стекл.

— Разжечь камин?

— И узнать, что мы хотим на обед и когда собираемся в Вермонт.

— Он не сказал, когда мы должны освободить номер?

— Нет. Но ему, как мне кажется, хочется, чтобы поскорее.

— А что ты сказала ему про обед?

— Он предложил холодную лососину или салат Кобб. Я попросила и то, и другое. Ты можешь выбрать, что хочешь. Я не голодна.

— Он принесет обед в номер?

Словно в ответ на его вопрос, раздался стук.

Гурни встал и открыл дверь.

В коридоре, натянуто улыбаясь, стоял Остен Стекл и держал в руках поднос с серебряным колпаком.

— Поздновато для обеда, друзья, но лучше поздно, чем никогда, правда?

— Спасибо.

Гурни потянулся за подносом.

— Нет-нет, позвольте мне.

Не дожидаясь ответа, он вошел в номер, пересек комнату и поставил

поднос на столик напротив камина.

— Хорошо горит, а?

— Ага.

— Не повезло вам с погодой. Обещают еще хуже. Из Канады на нас идет сильная метель.

Мадлен с тревогой взглянула на него:

— Когда?

— Трудно сказать. Все дело в горах. С одной стороны — их красота, их природное очарование, а с другой стороны — полная непредсказуемость, понимаете, о чем я?

— Не уверен, — ответил Гурни.

— Когда речь заходит о погоде на Волчьем озере, нет никаких гарантий. Знаю, что вы собирались ехать куда-то еще. Думаю, вряд ли вы хотите застрять здесь из-за снегопадов на неделю.

Гурни было очевидно, что Стекл хочет поскорее от них избавиться, и причина, конечно же, не в погоде.

— У меня ощущение, что Фентон хочет, чтобы я отсюда убрался. Вы так не думаете?

Гурни показалось интересным то, что в первые несколько мгновений Стекл вообще никак не отреагировал. Но потом он заговорил, словно исповедуясь:

— Я не хотел вам рассказывать, думал сегодня, самое позднее завтра вы уедете. Но, видимо, все-таки должен вам сказать. Следователь Фентон считает, что ваше дальнейшее пребывание у нас в гостинице, в то время как она закрыта для обычных гостей, может создать неверное впечатление.

— Какое же?

— Что семья Голлов поддерживает ваши попытки саботировать его расследование.

— Любопытно.

— Он сказал, что не стоит помогать человеку, которого могут обвинить в препятствовании следствию. А также, что связь с вами может нанести ущерб репутации гостиницы.

В камине с глухим стуком упало полено.

Гурни подошел к камину, взял кочергу и начал поправлять дрова. Он хотел потянуть время, чтобы обдумать свое положение.

Он повернулся к Стеклу:

— Похоже, вы оказались в неловкой ситуации. Но, по правде говоря, я не собираюсь вмешиваться в его расследование. Чем больше я узнаю, тем больше уверяюсь в том, что он на верном пути.

Мадлен удивленно взглянула на Гурни, а Стекл нахмурился.

— Вот так поворот. А я думал, Джейн наняла вас, чтобы доказать, что Фентон ошибается.

— У меня другой подход. Я доверяю уликам и доказательствам.

— Куда бы они ни вели?

— Именно так.

Стекл вяло кивнул.

— И вам кажется, что доказательства не в пользу Хэммондов?

— Честно говоря, да. Но возвращаясь к давлению со стороны Фентона, вы считаете, я должен бросить дело и уехать?

Протестуя, Стекл замахал руками:

— Ни в коем случае! Я хотел быть с вами честным. Я просто хочу, чтобы со всем этим дерьмом было поскорее покончено.

— Совершенно с вами согласен.

— Хорошо. — Стекл обратился к Мадлен. — Вы же понимаете, о чем я?

— Ну, конечно. Мы все хотим, чтобы это закончилось.

— Хорошо. Прекрасно.

Он оскалил зубы в подобии улыбки и указал на серебряный колпак на подносе.

— Приятного аппетита!

Гурни запер дверь за Стеклом. Мадлен стояла у огня, и казалось, ей снова было не по себе.

— Давай посмотрим прогноз погоды? — предложила она.

— Думаю, Стекл преувеличивает, чтобы от нас отделаться.

— Давай все-таки проверим.

— Ладно, — он достал телефон, вошел в интернет и написал: «Погода на Волчьем озере».

Когда прогноз открылся, он уставился на экран.

— Это бесполезно.

— Что пишут?

— Что погода может испортиться, а может быть, и нет.

— Так там не написано. Скажи, что именно...

— Написано, что сегодня вечером тридцатипроцентная вероятность сильной ледяной бури, уровень осадков пять-шесть сантиметров в виде ледяной крупы; опасные дорожные условия.

— А завтра?

— Тридцатипроцентная вероятность сильного снегопада, до

пятидесяти сантиметров. Снежные заносы на дорогах до метра с лишним, порывистый ветер до шестидесяти километров в час.

— То есть после обеда уехать будет невозможно?

— Вероятность в тридцать процентов означает семидесятипроцентную невероятность.

Она отвернулась к окну. Он мог слышать, как она нервно ковыряет ногтем кутикулу, глядя на Дьявольский Клык.

Он вздохнул.

— Хочешь, прямо сейчас уедем в Вермонт?

Мадлен не ответила.

— Ну, если ты нервничаешь из-за погоды...

Она оборвала его.

— Подожди секунду. Я думаю, как будет правильно...

Правильно? Что будет правильно?

Он взялся за кочергу и стал ворошить поленья. Немного погодя, он оставил это занятие и уселся на диван. Через какое-то время она снова заговорила — так тихо, что он с трудом мог расслышать ее слова.

— Поедем со мной?

— Куда?

— Я бы хотела вернуться туда, где была утром... но я хочу с тобой... если ты не против.

Он знал, что нужно согласиться, а все вопросы отложить на потом, что и сделал.

Они выехали в тумане, который рассеивался по мере приближения к горному хребту, вздымавшемуся на краю долины, где лежало Волчье озеро. За хребтом тумана не было, но скользкие участки дороги все равно не позволяли ехать быстрее.

Когда они выехали из природного заповедника Голлов, навигатор вывел их на дорогу, уходящую все выше и выше в горы.

Через двадцать пять минут навигатор предупредил их о предстоящем повороте на Блэкторн-роуд. Этот перекресток когда-то был центром заброшенного городка, а сейчас там стояли безликие, разрушенные и заброшенные деревянные постройки.

— Почти приехали, — выпрямившись, сказала Мадлен.

Через минуту навигатор велел им повернуть направо на Хемлок-лэйн.

— Не поворачивай, — предупредила Мадлен, — Дорога разбита, и все заросло. Остановись здесь.

Он остановился, они вылезли из машины. Дул резкий ветер. Гурни

поднял воротник куртки и натянул шапку на уши. Как бы ни было раньше, сейчас Хемлок-лэйн была просто грязной, заросшей тропой, ведущей в лес.

Мадлен сжала холодную ладонь Гурни и повела его по заброшенной улице.

Ветер дул им в лицо, они осторожно двигались по заледенелой земле, перелезая через упавшие деревья. Первым сооружением, на которое они наткнулись, был заброшенный сельский дом, покрытый наростами черной плесени. За ним, почти скрывшиеся в лесу, стояли два домика поменьше, тоже в полном разорении.

Мадлен остановилась.

— Здесь жили близнецы Кэри, Майкл и Джозеф, с матерью. Летом они сдавали домики на заднем дворе, а зимой оставались здесь одни.

Она смотрела на дом, и Гурни показалось, что она пытается воскресить в памяти, как все выглядело тогда.

— Пойдем, — сказала она некоторое время спустя и повела его дальше.

Засохшие кусты ежевики, росшие по обеим сторонам дороги, цеплялись за их брюки и рукава. Через несколько сотен метров они набрали на следующее владение, в еще более плачевном виде. Огромная упавшая тсуга разрушила треть главного дома. Останки трех небольших хижин неподалеку были погребены под слоями сосновых иголок, гнивших годами.

— Вот он, — сказала Мадлен.

— Это здесь ты проводила рождественские праздники?

Она крепче сжала его руку.

— И не только праздники. В последний год я провела здесь почти полтора месяца.

— У тебя были такие длинные каникулы?

— В тот год да. Родители отдали меня в частную школу, где зимние каникулы были длиннее, чем в обычных школах, а летние — короче.

— А твоя сестра?

— Когда мне было пятнадцать, Кристин уже исполнилось двадцать два. — Она помолчала. — Меня обычно называли нежданным ребенком, ребенком-сюрпризом. Наверное, чтобы не называть меня ребенком-потрясением. Уверена, они были бы не прочь проснуться однажды утром и обнаружить, что я — всего лишь дурной сон.

Ошеломленный этим, Гурни не знал, что сказать. Она редко рассказывала про своих родителей, пока они были живы, а после их смерти — вообще никогда.

Мадлен притянула его ближе к себе, пока они пробирались по все

сужавшейся тропинке. Вскоре от нее не осталось и следа. Ветер стал более резким. От ветра у Гурни жгло лицо. Он уже был готов спросить, куда же они идут, как перед ними открылась поляна. А за ней — безусловно плоское белое пространство, и он понял, что это замерзшее озеро.

Она провела его через поляну.

На краю белой глади она остановилась и с деланным спокойствием произнесла:

— Это озеро Грейсон.

— Озеро, где утонул тот парень?

— Его звали Колин Бантри. — Она замолкла, видимо, приняла болезненное решение, и глубоко вдохнула. — Я была в него влюблена.

Влюблена? В утонувшего парня?

— Господи, Мэдди. Что же случилось?

Она указала на две гигантские тсуги на краю озера.

— Однажды ночью я назначила ему свидание... вот там. Было так холодно. Самая морозная ночь за зиму.

Она замолчала, глядя на деревья.

— Я сказала ему, что беременна.

Гурни ждал, что она скажет дальше. Все, что он видел, все, на чем мог сосредоточиться, — это выражение ее лица, отчаяние, которого он прежде никогда не видел.

Медленно, словно наказывая себя этими словами, она повторила:

— Я сказала ему, что беременна.

Гурни молчал.

— Он выехал на лед на мотоцикле. На самую середину. При свете луны. Вот туда... — Дрожащей рукой она указала вдаль. — Лед треснул.

— И он утонул?

Она кивнула.

— А что... что с твоей беременностью?

— Я не была беременна.

— В каком смысле?

— Я не врала. Я действительно так думала. У меня была задержка. Может быть, я хотела забеременеть, привязать к себе Колина, хотела новую жизнь, чтобы я была нужна кому-то больше, чем своим родителям. Боже, я была в таком отчаянии. Я так сильно любила его!

— Как ты думаешь, зачем он это сделал?

— Самое ужасное, что я понятия не имею. Я не знаю, но меня всегда терзала мысль о том, что он убегал, не мог больше видеть меня и быть со мной. Он ни слова не сказал, просто сорвался с места и погнал по льду.

Они долго молчали, стоя на берегу и глядя на озеро.

Наконец Гурни спросил:

— А полицейское расследование было?

— Конечно. Отец Колина был помощником шерифа.

— Ты ему обо всем рассказала?

— Я не стала говорить, что сообщила Колину о беременности.

Сказала, что не знаю, почему он выскочил на лед... что, может быть, он хотел покрасоваться, получить острые ощущения. Он мне поверил. Колин был такой. Все знали, что он сумасброд.

Они снова замолчали. Мадлен крепко, до боли, сжимала его руку.

Гурни посмотрел ей в глаза.

— Почему ты сейчас рассказываешь мне об этом?

— Не знаю, может, потому что мы здесь.

— Ты решила раскрыть эту тайну, что хранила от меня столько лет, — потому что мы здесь?

— Это не было тайной. Я просто не хотела взваливать на тебя этот груз.

— Ну кому-то ты рассказала? Подруге? Или психотерапевту? Ну хоть кому-то?

— Само собой, психотерапевту. Примерно в то время, когда мы с тобой познакомились. Когда проходила подготовку для медицинской аттестации. Я думала, терапия поможет мне справиться со всем этим и больше не придется ни с кем делиться.

— Помогло?

— На какое-то время да.

— Но...

— Но теперь я думаю, что терапия лишь дала мне иллюзию того, что я справилась и мне никогда больше не надо будет ни с кем об этом говорить. Вот почему я сказала, что не воспринимала это как тайну. Просто думала, что это ушедшая часть моей жизни и нет никакого смысла это обсуждать.

— А сейчас что изменилось?

— Не знаю. Что-то шевельнулось во мне, когда, сидя у нас на кухне, Джек показывал нам на карте в своем телефоне маршрут в Адирондак, и я сообразила, как близко мы будем от озера Грейсон.

— Тебя потянуло туда?

— Господи, нет. Наоборот. Мне стало плохо. Я чуть из комнаты не выбежала.

— Но ты решилась приехать. Ты раньше меня согласилась.

— Я осознала, что не пережила случившееся. И как бы ужасно мне ни

было в тот момент, я поняла, что не могу упустить эту возможность.

Они молча стояли рядом, глядя на заснеженное озеро.

Мадлен вздохнула.

— Это случилось тридцать два года назад. Но мучает меня до сих пор. Может, потому что я не знаю, зачем он это сделал. Может, из-за непроходящего чувства вины. Или потому что его тело так и не нашли. Может...

Гурни перебил ее.

— Тело не нашли?

— Нет, и опять возродились старые толки про зло в озере. Летом люди перестали приезжать сюда. В результате городок захирел — поэтому теперь здесь все так.

Она отпустила руку Гурни и стала растирать замерзшие ладони.

— Что за суеверие про озеро?

— Помнишь, Норрис Лэндон рассказывал нам историю двух девочек, катавшихся на каноэ, они перевернулись, и одна из них утонула. А тело ее так и не смогли найти...

— Точно, пока через пять лет ее скелет не нашли на Волчьем озере.

— Так вот, эта девочка утонула именно здесь. И когда здесь же утонул Колин и его тоже не смогли найти, тут-то и воскресла эта старая история. Озеро стали называть Могильником.

— Из-за этого люди стали уезжать отсюда, оставляя дома?

— Не совсем. Грейсонвиль всегда был неблагополучным. Всегда на грани нищеты. Почти все жили тем, что на лето сдавали домики или комнаты. Думаю, история про утонувших и никогда не найденных детей захватила воображение людей, и они перестали приезжать. И без того заурядный городишко постепенно пришел в упадок.

— Близнецы Дьявола. Так ведь Лэндон называл эти два озера, которые, как он утверждал, связаны цепью подземных пещер?

— Да.

Стая маленьких птиц выпорхнула из леса и пронеслась над озером, то пикируя, то взмывая вверх, кувыркаясь, словно осенние листья на сильном ветру.

Мадлен снова взяла Гурни за руку.

— О чем ты думаешь?

— Не знаю, в голове — каша.

— Не нужно было рассказывать тебе?

— Мэдди, я хочу, чтобы ты обо всем рассказывала. Что угодно. Обо всем. Я тебя люблю.

— Несмотря ни на что?

— Несмотря ни на что.

Она кивнула, все еще глядя ему в глаза и держа его за руку.

— Нам пора возвращаться. Скоро пойдет снег. Это чувствуется в воздухе.

Гурни посмотрел на небо. Облака набрякли и потемнели, и над гладью озера, словно заигрывая с усиливавшимся ветром, кружил ястреб.

Глава 26

Когда они оказались на вершине последней гряды перед Волчьим озером, на мобильном Гурни раздался сигнал: пришло сообщение на голосовую почту. Проверив телефон, он увидел два сообщения — одно от Хардвика, а второе со скрытого номера.

— Осторожно! — завопила Мадлен: на дорогу перед ними выскочил олень.

Гурни ударил по тормозам, чудом не задев животное.

— Следи, пожалуйста, за дорогой, а телефон отдай мне. — Она взяла у него аппарат. — Хочешь прослушать сообщения?

Он кивнул, и Мадлен нажала на иконку.

Как обычно, Хардвик не представился, но его сиплый голос был безошибочно узнаваем.

«Эй, дружище, где тебя черти носят? Нужно обсудить одну важную хрень. Во-первых, я доставил письмо со всеми нашими контактами в квартиру на Стейтен-Айленде — подсунул под входную дверь. Во-вторых, я понятия не имел о двадцати девяти миллионах для Хэммонда. Но ведь наверняка этому есть какое-то объяснение? В-третьих, у меня для тебя презент, приятный и полезный подарок. Завтра я буду проезжать через Адирондак, так что давай-ка выберем место для встречи. Чем раньше, тем лучше. Кстати, о птичках. Мне тут вспомнилось дело Барышанского. Припоминаешь?»

Дело Барышанского? На мгновение Гурни был сбит с толку упоминанием о деле «русской мафии», прогремевшем около десяти лет тому назад. Но тут же его озарило. Это было дело, в котором мафиози сумели взломать мобильные телефоны главных следователей подразделения по борьбе с организованной преступностью. Было ясно — Хардвик подозревает, что конфиденциальность их телефонных разговоров могла быть нарушена.

— Что это значит? — спросила Мадлен.

— Джек, похоже, опасается слежки.

— В смысле?

Ему нужно было время, чтобы все хорошенько обмозговать.

— Объясню позже. Нужно следить за дорогой. Хватит с нас оленьих сюрпризов.

Мадлен спросила, не хочет ли он прослушать второе сообщение.

— Не сейчас.

Когда они вернулись в гостиницу и припарковались под навесом, Мадлен отдала ему телефон.

— Ты мне объяснишь, что происходит?

— Насколько я понял, Джек думает, что его прослушивают.

— Его? Или вас обоих?

— Он не уточнил. Но я думаю, мой телефон в порядке.

Она встревоженно взглянула на него.

— А наш номер здесь, в гостинице?

— Возможно, но я сомневаюсь.

— Как-то можно это выяснить?

— Существуют специальные устройства. Я спрошу у Джека.

— Кому же надо шпионить за нами?

— Вполне возможно, что это Фентон. Но не факт.

— А кто тогда?

— Отличный вопрос. Хардвик знает больше, чем мог сказать по телефону. Я назначу ему свидание, чтобы прояснить обстановку.

Мадлен выглядела обеспокоенно.

— И что же нам сейчас делать? Подняться в наш, возможно, нашпигованный жучками номер? И притворяться счастливыми и беззаботными туристами?

— Собственно, именно так мы и поступим.

— И о чем нам нужно будет говорить? А о чем нельзя?

— Главное — не показывать, что мы что-то заподозрили. Если они прослушивают нашу комнату и телефоны...

Он замолчал на полуслове, вспомнив, что не проверил второе сообщение. Он нашел его в телефоне и нажал нужную кнопку.

Это был молодой женский голос, очень испуганный.

«Здравствуйте, я надеялась, вы ответите. В письме было сказано, что вы будете доступны по этому номеру. Это ваш номер? Может быть, я оставлю вам свой? Нет, безопаснее будет, если я вам перезвоню. Да, так я и сделаю. Я перезвоню вам ровно в... В четыре часа. Договорились?»

Гурни посмотрел на часы. Было 3.53. Солнце, скрывшееся за тучей, должно было вот-вот опуститься за Кладбищенский кряж.

— Это та девушка, которую вы искали? — спросила Мадлен.

— Похоже, что да.

— Что теперь?

— Я останусь здесь, дождусь ее звонка. Тебе, наверное, лучше подняться в номер.

Мадлен нахмурилась.

— Ты действительно считаешь, что наш номер прослушивают?

— Вполне возможно. Но я бы скорее подумал, что главным объектом слежки стали Хэммонды, а не мы.

— Почему?

— Потому что в Бюро сосредоточены на Ричарде. А Джейн пытается защитить его. При этом именно она привлекла к делу Хардвика, а тому кажется, что его прослушивают. Думаю, изначально взломали ее телефон и таким образом узнали, что ей помогает Хардвик.

— А ты?

— Только если Джейн в разговоре называла мое имя. Но все это лишь догадки. Мне нужны доказательства.

После долгой паузы она взяла его за руку, так же как сделала это раньше на заброшенной улице в Грейсонвиле.

— Точно все в порядке? Ну насчет того, что я тебе рассказала сегодня?

— Не волнуйся...

Он не успел ничего больше сказать, как зазвонил его телефон. Как и раньше, номер был скрыт. Он подумал, что это Анджела.

Гурни посмотрел на Мадлен, бормоча извинения.

Она оборвала его:

— Ответь.

— Говорит Дэйв Гурни.

— Я вам сообщение оставила. — Это был тот же тихий голос.

— Да-да, я получил ваше сообщение, — сказал он как можно мягче. Главное было теперь не упустить ее. — Спасибо, что согласились поговорить со мной.

— Что вам от меня нужно?

— Мне была бы полезна любая информация о Стивене.

— О Стиви?

— О Стиви, да. Вот видите, как мало я знаю. Все, о чем бы вы ни рассказали, очень мне поможет. Его все называли Стиви или только вы?

— Родители называли его Стивенем, а он терпеть этого не мог.

В ее голосе было что-то детское, так что Гурни казалось, будто он говорит с ребенком.

Он решил подыграть.

— Да, с родителями сложно бывает.

— Вот уж точно. Особенно с его.

— А как с вашими родителями?

— Я с ними не разговариваю.

— Я со своими тоже особо не разговаривал. Скажите, а вас как называют? Анджела или Энджи?

— Все зовут меня Анджела, а не Энджи.

— Хорошо, Анджела. Позвольте кое-что у вас спросить. Можем ли мы встретиться где-то, где вы будете чувствовать себя спокойно, и поговорить о Стиви?

— Зачем нам встречаться? — слегка игриво спросила она.

— Вовсе необязательно. Я просто подумал, так будет безопаснее. Но как вам угодно.

— В каком смысле безопаснее?

— Я не хочу вас пугать, Анджела, но вы же понимаете, что ваше положение не из лучших?

Она так долго не отвечала, что он уж было подумал, что спугнул ее. Когда она заговорила, от игривости в ее голосе не осталось и следа, в нем слышался лишь отчаянный страх.

— Ну да, наверное. Но почему безопаснее встретиться?

— По телефону говорить рискованно. С подходящей техникой преступники могут влезть куда угодно — звонки, сообщения, электронная почта. В новостях все время про такое рассказывают, вы наверняка слышали?

— Ну да.

— Знаете, где лучше всего вести секретные разговоры?

— В туалете?

— По правде говоря, туалет достаточно легко прослушать.

— А где же тогда?

— В общественном месте, где шумно и много народу. Это сильно усложняет работу шпиона. Думаю, этот вариант будет наиболее безопасным.

— Где-нибудь в большом магазине?

— Превосходно. Отличная идея.

— Я много магазинов знаю. А вы где?

— Я в Адирондакских горах.

— Ой, это там, где Стиви встретил этого гипнотизера?

— Именно там. Я пытаюсь разобраться, что происходило со Стиви здесь, чтобы выяснить, что случилось с ним позже у вас дома, во Флорал-Парке.

Она молчала. Гурни тоже молчал, ожидая, что же скажет она.

— Вы не думаете, что он покончил с собой, да? — спросила она.

— Нет. А вы?

— Он не мог.

— Почему вы так думаете?

— Он просто не мог этого сделать — после всего того, что мне обещал. Мы собирались пожениться, купить дом. Он не мог убить себя. Это просто невозможно.

У Гурни возникла целая дюжина вопросов, но он вовремя напомнил себе, что достаточно всего одного неверного, чтобы спугнуть ее. Его задачей было добиться личной встречи, чтобы самому контролировать ситуацию, а также иметь возможность анализировать мельчайшие тонкости ее мимики и языка тела.

— Я вас понимаю, Анджела. Правда понимаю. Именно поэтому нам важно выяснить, что же произошло на самом деле. Иначе вы никогда не будете в безопасности.

— Не говорите так. Вы меня пугаете.

— Страх иногда полезен. Обоснованный страх помогает нам избавиться от страхов необоснованных.

— Это как?

— Вы боитесь того, кто сделал это со Стиви. Так?

— Да.

— Но и меня вы тоже боитесь. Ведь я детектив, а вам не очень хочется общаться с детективами, правда?

Она промолчала, и было понятно, что он прав.

— Все в порядке, Анджела. Я понимаю вас. Но спросите себя: кого вы боитесь больше? Того, кто убил Стиви? Или того, кто пытается докопаться до истины, чтобы больше никто не пострадал?

— Как же мне это не нравится. И думать не хочу обо всех этих ужасах.

Гурни молча ждал.

— Ну ладно. Давайте встретимся завтра. Я знаю одно место.

— Скажите, где и во сколько?

— Вы знаете Лейк-Джордж?

— Да.

— Сможете приехать завтра в десять утра?

— Да. Где именно в Лейк-Джордже?

— В «Кукольном доме Табиты». Я буду ждать вас на втором этаже, возле кукол Барби.

Все еще стоя вместе с Мадлен перед входом в гостиницу, он открыл интернет на телефоне и вбил в строку поиска «Кукольный дом Табиты».

Он сразу нашелся — на Вудпекер-роуд, в Лейк-Джордже. На сайте была фотография здания, виртуозно оформленного в сказочном стиле. Над коттеджем, в чистом синем небе висела радуга из слов: «Дом прелестных, сказочных, коллекционных кукол».

Мадлен, нахмурившись, посмотрела в телефон:

— Кукольный магазин? Это там она хочет обсудить смерть своего бойфренда?

— Да, ты права, странный выбор.

— Ты ее не спросил, почему именно там?

— Я не хотел задавать лишних вопросов, чтобы не спугнуть ее. Главное, что она согласилась встретиться.

— А можно я поеду с тобой?

— Зачем тебе ехать?

— Мне не хочется оставаться здесь одной.

— Это часа два в один конец.

— Все лучше, чем здесь.

Он пожал плечами.

— Я сейчас отсюда еще Джеку позвоню, это может быть надолго. — Он указал в сторону гостиницы. — Из главной трубы идет дым, а значит, в каминном зале горит огонь. Может, пойдешь погреешься?

— Я дождусь тебя.

— Как хочешь. — Он снова открыл сайт кукольного дома и скопировал адрес в гугл-карты. Он нашел адрес ближайшей заправки и скопировал его в текст сообщения электронной почты. Затем он позвонил Хардвику.

Тот сразу ответил.

— Прежде всего скажи, ты понял мою отсылку к делу Барышанского?

— Кажется, да.

— Отлично. Не забываем об этом. Ну что, скоро я смогу вручить тебе твой подарочек?

— Далеко готов ехать?

— Куда угодно, когда угодно. Чем быстрее, тем лучше.

— Завтра я собираюсь встретиться с той девушкой, которую давно хотел повидать. Как насчет пересечься в том же районе?

- С радостью.
- Сейчас пришлю тебе схему проезда по имейлу.
- Буду ждать.

Гурни переключился в приложение имейла и открыл черновик письма с адресом бензоколонки в Лейк-Джордже. Под адресом он подписал: «Здесь в 9.00» и отправил письмо Хардвику.

Мадлен ждала его, съезжившись от холода.

Гурни кивнул в сторону гостиницы:

- Пойдем внутрь, постараемся отогреться у огня.

Они направились в каминный зал. Лишь только оказавшись у потрескивающего огня, Мадлен медленно расправила плечи.

Волны тепла окутали Гурни, стоявшего рядом с Мадлен; он прикрыл глаза и разрешил себе подчиниться теплему оранжевому свечению и приятному покалыванию в теле — он согревался.

Покой был нарушен грубоватым голосом Остена Стекла.

— Друзья, наконец-то вы вернулись с мороза. Скверный денек, а ночь обещают и того хуже.

Он стоял в широком арочном проходе, на нем была темная рубашка в клетку и брюки цвета хаки.

- Слышали волков?
- Нет, — ответил Гурни. — Когда это было?
- Совсем недавно. В лесу, за гостиницей. Жуткий вой.
- Вы их часто видите?
- Никогда. Так даже страшнее. Их только слышно. Рыщут твари по лесу.

После замечания Стекла возникла неловкая пауза. Тишину нарушила Мадлен:

- Вы говорили, что погода еще больше испортится к вечеру?

— Буря совсем рядом. Жуткий ветер, резкое похолодание. Но мы здесь пока в относительной безопасности. Как я уже говорил, погода здесь очень переменчивая. Сегодня ночью будет жуткая погода, а завтра утром обещают солнце, представляете? А чуть позже, днем разверзнется ад, с севера идет что-то страшное.

Мадлен испуганно расширила глаза:

- Страхное что?
- Арктические воздушные массы. Метель и нулевая видимость. Будет даже введен запрет на движение.

Гурни заподозрил, что все эти предостережения предназначались для того, чтобы ускорить их отъезд. Но если Стекл действовал под давлением

Фентона, возможно, что обещание уехать сыграет Гурни на руку.

Он задумчиво покачал головой.

— Наверное, и правда будет лучше, если мы уедем до того, как начнется буря. А то мы никогда не доберемся до Вермонта.

Стекл тут же согласно кивнул.

— Единственное «но», — заметил Гурни. — Дело в том, что перед отъездом мне необходимо еще кое с кем поговорить.

— С кем это?

— С Пейтоном.

— На кой черт вам с ним говорить?

— Завещание Итана, а следовательно, и его смерть, выгодна двоим — Пейтону Голлу и Ричарду Хэммонду, о чем мне поведал Фентон. И поскольку у Пейтона такая же доля, как и у Ричарда, то и мотив у него такой же весомый. А может, даже более...

Стекл перебил его:

— Да, я понимаю, как это выглядит со стороны. Но это не имеет ничего общего с действительностью. Вы явно не знаете Пейтона.

— Вот я и попытаюсь его узнать.

— Давайте я сам вам все расскажу, чтобы вы не застряли в этой страшной метели из-за таких пустяков.

Стекл подошел ближе к огню.

— Все просто. Если эти четыре смерти — убийства или самоубийства — не дело рук Хэммонда, значит, это сделал кто-то другой. Но думать, что это Пейтон — полный абсурд.

— Почему?

Стекл хрипловато зашептал:

— Да потому, что Пейтон Голл психованный наркоман, ему интересны только кокаин, шлюхи, снова кокаин и снова шлюхи.

Он поглядел на Мадлен:

— Простите меня за грубость, миссис Гурни, но нужно называть вещи своими именами. Мы говорим о повредившемся нарике, который общается лишь с проститутками, которых откуда только ни выписывает. Из России, Таиланда, Вегаса, наркопритонов в Ньюбурге — ему уже совершенно наплевать откуда.

Гурни заметил, как заблестела от пота бритая голова Стекла.

— Не является ли этот псих, последний член семейства Голлов, вашим новым начальником?

— Ха! У меня нет никаких иллюзий насчет будущей работы здесь. Я работал без договора. У нас с Итаном все держалось на взаимном доверии

и общих бизнес-целях. А сейчас на чем все держится? Да ни на чем. Я удивлюсь, если через три месяца еще буду здесь работать, учитывая, с какой скоростью деградирует этот ублюдок.

— Мне казалось, что недавно он на какое-то время приходил в себя.

— Это правда, такое случалось и раньше, но всегда кончалось одним и тем же — он становился еще более невменяемым.

— То есть мало того, что он не в состоянии был спланировать сложное преступление, так он и вообще мало что может?

— Именно.

— Значит, мой разговор с ним будет очень кратким.

Стекл был явно раздосадован:

— Но он не захочет с вами говорить.

— Надеюсь, вы мне в этом поможете. По этическим причинам я не имею права уехать, не поговорив с ним лично и не сложив собственного мнения о нем. Если все так, как вы говорите, это не займет много времени. Скажите ему, что мне нужно всего пятнадцать-двадцать минут.

— А если он откажется?

— Скажем так — пока он не согласится, я буду торчать здесь и присматривать за ним, уделяя особое внимание его развлечениям. Может быть, эта перспектива его убедит?

Стекл сделал глубокий вдох, а затем медленно выдохнул.

— Ладно. Пусть будет по-вашему. Я передам вашу просьбу.

— Было бы здорово увидеть его завтра, перед тем как начнется та самая буря.

— Я постараюсь. — Он искусственно улыбнулся и вышел из комнаты.

Мадлен посмотрела на озадаченного Гурни:

— О чем думаешь?

— Странно, конечно, так ненавидеть погоду в Адирондаке и при этом работать здесь управляющим.

Поднявшись в номер, Гурни снова вспомнил, как сложно выполнять две роли одновременно — детектива и мужа, и ситуация только усугубляется. Естественным образом его влекли загадки этого дела. В то же время он чувствовал острую необходимость поддержать Мадлен, особенно сейчас, но не очень понимал, как это сделать. В который раз он поймал себя на том, что ему проще разбираться в убийствах, чем в собственном браке. Не зная, что делать, он решил послушать, что скажет сама Мадлен.

— Если хочешь, я брошу это дело. Мы можем уехать утром, встретиться с Хардвиком и Анджелой в Лейк-Джордже, как обещали, и

оттуда двинуться в Вермонт.

— А как же Пейтон Голл?

— Этим может заняться Хардвик. Или нет. Как захочет. Я обещал Джейн на пару дней заехать на Волчье озеро и глянуть, что происходит. Я это сделал.

— И что ты увидел?

— Сплошные противоречия.

— Например?

— У нас есть подозреваемый в совершении преступления, которое вряд ли возможно совершить. У самой богатой жертвы — подозрительный братец, с мощным корыстным мотивом, который даже не входит в число подозреваемых. Также существует семейная легенда о кошмарном сне про волков, что сущий бред, однако точно такой же сон привел к гибели четырех человек. Единственный, кто верит, что здесь происходит нечто злое, — полусумасшедший работник.

— А Джейн?

— А что Джейн?

— Святая правдоискательница, которая, по сути, солгала тебе, не упомянув самого, возможно, главного факта — завещания Итана.

— Верно подмечено. Это лишь еще раз доказывает сложность этого дела. Все в нем как-то странно, на грани невероятного.

— Кажется, тебя зацепило, — с таинственной улыбкой Моны Лизы сказала Мадлен. — Странное и невероятное — то, что тебя всегда привлекало. Ты думаешь, что можешь отказаться, но на самом деле нет. А даже если бы и смог... Мне самой нужно остаться здесь.

— Зачем?

— Мне надо разобраться со своими проблемами.

Гурни не успел ответить — у него зазвонил телефон. Это была Ребекка. Он вопросительно посмотрел на Мадлен, и она кивнула, чтобы он ответил.

— Ребекка!

— Здравствуй, Дэвид. Не знаю, пригодится ли тебе это, но на всякий случай я решила поскорее связаться с тобой.

— Спасибо. Я тебе очень признателен.

Мадлен пошла в ванную и демонстративно закрыла за собой дверь.

— В общем, — продолжила Ребекка, — я просмотрела статьи Хэммонда, а также то, что о нем время от времени писали в СМИ. В основном дебаты на тему его терапии по выявлению гомосексуальности. Конечно, противников гомосексуализма становится все меньше и меньше,

но те, что есть, все так же воинственны.

Гурни вспомнились горящие ненавистью глаза Баумана Кокса.

— Есть еще какие-то подробности?

— Кое-что по профессиональной линии. Хэммонд не боится критиковать фармацевтические компании, навязывающие токсичные психотропные вещества. И в то же время он утверждает, что гипнотерапия абсолютно безопасна и с помощью его техник можно добиться таких результатов, которые раньше считались невозможными.

— Он уточняет, что за техники?

— В этом-то и проблема. Были зафиксированы показатели клинической эффективности, это что-то потрясающее. Процент ремиссии в его практике в пять раз превышает средние показатели Американской ассоциации психиатров.

— Но?

— Однако, когда другие терапевты пытаются использовать техники, которые он описывает, их результаты не идут ни в какое сравнение с его.

— Значит, он просто выдумывает истории успеха?

— Нет, там все было проверено и перепроверено. Если уж на то пошло — он преуменьшал свои положительные результаты, что само по себе невероятно.

— Так чем же тогда это объяснить?

— На мой взгляд, это редчайшее сочетание человека и методики.

— То есть?

— Хэммонд исключительно сильная личность, и это главный инструмент его терапии.

— И он может делать то, что другим не дано?

— Его талант весьма необычен. Предполагаю, можно овладеть его техниками, но только непосредственно наблюдая за тем, что именно он делает.

На несколько секунд Гурни задумался.

— Похоже, доктор Хэммонд мог бы стать миллионером, если бы захотел.

— Слабо сказано, — Холденфилд сделала паузу. — Очень странно, но он, кажется, не заинтересован ни в деньгах, ни в положении, которое с легкостью мог бы получить.

— У меня еще один вопрос напоследок. Термин «суицид в состоянии транса» тебе о чем-нибудь говорит? Я недавно услышал его, и мне стало интересно, употребляется ли он в клиническом контексте?

— Что-то припоминаю. Я тебе перезвоню, если вспомню. Что-то еще?

— Говорил ли Хэммонд что-нибудь об исследованиях — ты мне про них рассказывала — касательно отделения мыслей от эмоций, которые они вызывают?

— По правде говоря, да. В недавней статье он высказал мнение, что этого можно достичь при помощи гипнотерапии. Кажется, он даже намекал, что уже проделывал это.

Глава 27

Следующим утром в 6.45, как только рассвело, они сели в «аутбек» и, на полную мощность включив обогреватель, отправились в Лейк-Джордж. К тому времени, когда они достигли первой вершины, Мадлен уже спала.

Ехали они медленно — после ночных снегопадов местные дороги, ведущие к Адирондакскому Северному шоссе, были скользкими. На самом же шоссе снега не было, да и машин было немного, и Гурни без труда наверстал потерянное время.

В 8.56 утра они въехали в Лейк-Джордж, и тут же Гурни увидел озеро — такое же серое, как и холодное небо над ним.

Дорога свернула к берегу: они проехали безлюдную пристань, закрытый ресторан и прибрежную гостиницу с полупустой парковкой.

В 8.59 Гурни свернул на заправку «Суноко» на Вудпекер-роуд. Он сразу заметил красный «понтиак», припаркованный за бензоколонками, у магазина. Хардвик с сигаретой в зубах взад-вперед ходил вдоль границы парковки. Вид у него был мрачный. Никто в здравом уме не решился бы к нему приблизиться — его мускулистое тело было напряжено, мощная челюсть выдвинута вперед, и эти светло-голубые глаза, как у северной лайки.

На соседнем кресле зашевелилась Мадлен.

— Мы приехали, — сказал Гурни, вставая рядом с «понтиаком». — Хочешь немного прогуляться?

Она пробормотала что-то и потрясла головой.

Выйдя из машины, Гурни почувствовал ветер, дувший с озера, и застегнул куртку. Направившись к Хардвику, он увидел, как тот бросил сигарету на асфальт и затушил ее, смачно раздавив ногой, словно это была ужалившая его оса. Слишком уж широко улыбаясь, он шагнул навстречу Гурни и протянул руку.

— Дэйви! Как я рад!

Радость от встречи была такой же фальшивой, как и улыбка.

Они пожали друг другу руки.

Продолжая улыбаться, Хардвик тихо сказал:

— На случай, если за нами наблюдают. Пусть легенда о подарке выглядит правдоподобно.

Он распахнул пассажирскую дверь «пontiака», достал тонкую коробочку в подарочной упаковке и протянул ее Гурни.

— Разверни и изобрази удивление. И восторг.

Внутри лежало нечто, похожее на плоский стильный смартфон.

— Продвинутый детектор средств слежения, — объяснил Хардвик, — более подробные инструкции при включении. Твой пароль — «Шерлок». Устанавливаешь настройку сканирования и кладешь в карман. Он автоматически составляет схему пространства, в котором ты находишься. Распознает и определяет местонахождение аудио- и видеожучков, геотрекеров, записывающих устройств, радиопередатчиков. Хранит карты, координаты и частотные спектры всех устройств до последующего вывода данных. Вопросы есть?

— Где ты достал эту штуку?

— Помнишь, в деле Меллери с нами работала классная рыженькая айтишница?

— Сержант Робин Вигг?

— Теперь уже лейтенант Вигг. Она сейчас в отделе по борьбе с терроризмом занимается оценкой технологий. Мы поддерживали связь. И в какой-то момент я упомянул о своих подозрениях. А она обожает такое. Вот и дала мне этот прибор на три дня. Так сказать, неофициальное испытание в полевых условиях.

— А что именно навело тебя на мысли о прослушке?

— Один странный туристический буклетик. — Хардвик огляделся по сторонам и указал на магазин. — Давай-ка туда зайдем.

Кроме татуированной девушки с зеленым ежиком, сидевшей на кассе, в магазине никого не было. Хардвик направился к холодильникам с напитками.

— Хочешь чего-нибудь?

— Расскажи мне лучше про буклет.

Хардвик открыл дверцу холодильника и взял бутылку воды.

— Эдакий рекламный каталог. «Харперс Дэйл». Слышал об этом месте?

— Там вроде можно полетать на воздушном шаре?

— И куча подобной чепухи. Популярное место для отдыха черт-те где на одном из озер Фингер.

— Так и что? Ты получил буклет «Харперс Дэйл» и...

— Он пришел по почте. На обложке кто-то написал «незабываемо». И еще, сука, подчеркнул.

— И тебе это о чем-то говорит?

— Это говорит о том, что мы по уши в дерьме. Помнишь, зачем я изначально привлек тебя к делу Хэммонда? Ну, помимо того, что у меня сердце разрывалось, глядя на то, как ты расходуешь свои способности на этого несчастного дикобраза.

— Тебе нужен был подставной человек, чтобы Гилберт Фентон не знал, что это ты под него копаешь.

— Помнишь, почему я не хотел, чтобы он знал?

— Когда-то что-то пошло не так, и у него есть компромат на тебя. И если разозлить его, он может и наступать.

— Так вот, это что-то пошло не так именно в «Харперс Дэйл».

К холодильнику, пощелкивая языком в ритме хип-хопа, подошел подросток в меховой куртке, заношенных джинсах, красной бейсболке не по размеру и с блестящими круглыми ониксовыми серьгами в ушах. Он открыл дверцу рядом с Гурни и достал четыре банки энергетического напитка.

— Валим отсюда, — прорычал Хардвик.

Он заплатил зеленоволосой девушке за воду, и они вышли из магазина.

Остановившись около «понтиака», Хардвик прикурил новую сигарету и сделал пару глубоких затяжек.

— Насколько я понял, буклет «Харперс Дэйл» не может быть просто совпадением? — спросил Гурни.

— Больше никому нет смысла отправлять мне такого рода брошюры. И это «незабываемо» — не может быть, что это совпадение! Больше похоже на гребаную угрозу. Фентон в курсе, что я работаю на Хэммондов. А это значит — где-то есть жучок.

— В шале?

— Скорее всего.

— Ладно. И что теперь?

Хардвик поморщился.

— Я надеялся этого избежать. Но делать нечего. В конце концов, совершенно насрать, что Фентон знает, а чего не знает. Я в деле до конца. Если он захочет разыграть карту «Харперс Дэйл», на здоровье! Но я уж, черт возьми, постараюсь утянуть этого урода за собой, на самое дно.

Он достал еще одну сигарету и закурил.

Гурни пожал плечами:

— Может, все и выглядит так, словно Фентон в курсе, но ведь мы не знаем наверняка.

— Мы ни хрена не знаем наверняка. Но это вполне рабочая гипотеза.

— Я просто хочу сказать, что, если он вдруг не знает и буклет попал к тебе каким-то другим путем, не стоит без надобности объявлять о твоей причастности к делу. Он же подписи своей нигде не ставил. И может начать отнекиваться. Ты лишь обрадуешь его, что он смог задеть тебя.

— Думаешь, не стоит совать ему в морду средний палец?

— Будь я на твоем месте, я бы воздержался от такого соблазна. — Гурни задумался, а потом похлопал по карману, в который положил устройство. — Полагаю, ты хочешь отправить меня с этой маленькой штучкой к Хэммондам, чтобы я мог подтвердить твои подозрения?

— Точно. Думаю, и этот ваш президентский номер тоже не помешает проверить.

Гурни кивнул в знак согласия, а потом бросил взгляд на «аутбек».

— А он сможет обнаружить GPS-маячок?

— По словам Вигг, он обнаруживает все.

— Ты проверил свою машину?

— Да. Все чисто.

— Может, сейчас проверим мою — перед встречей с Анджелой?

Хардвик задумчиво затыкнулся.

— Отличная мысль.

Уже проснувшаяся Мадлен смотрела на экран смартфона с не меньшим любопытством и озабоченностью, чем Гурни и Хардвик.

Это был самый продвинутый прибор из тех, что Гурни когда-либо видел. Сканирующее устройство показывало отчетливое очертание автомобиля Гурни.

Хардвик объяснил, что настроил его на «периметр первичного пространства» — одну из главных инновационных фишек прибора, чтобы проверить зону, обозначенную самим «аутбеком».

Гурни недоуменно на него посмотрел.

Хардвик, сидевший сзади, пожал плечами.

— Я лишь повторяю, что сказала Вигг. По ее словам, эта штука сочетает в себе две технологии. Первая — определяет и показывает частоту передачи данных. А вторая — новый вид радара ближнего действия, сокращенно КАМ, что обозначает картирование актуальной местности. Он обнаруживает и показывает периметр любого закрытого пространства. Взаимодействуя, они выдают точное местонахождение любого датчика.

На экране устройства внутри графического изображения стальной оболочки автомобиля мигали два красных огонька — один с передней стороны моторного отсека, а второй — в районе заднего подкрылка. Возле каждого огонька было по три ряда чисел и буквы GPT.

Мадлен взглянула на Хардвика:

— И что это все значит?

— Буквами обозначен тип устройства. GPT — это геотрекеры. Большое число рядом с буквами — частота передачи данных. Два других числа точно определяют местонахождение устройства: расстояние от земли по вертикали и расстояние от внешней границы автомобиля по горизонтали.

Гурни, казалось, был настроен скептически:

— Две мигающих лампочки — это два устройства слежения?

— Этот маленький волшебник не врет.

Мадлен подняла брови:

— И эти штуки передают кому-то, где мы, сидя в нашей машине, прямо сейчас находимся?

— Именно.

— Их можно как-то убрать?

— Можно, но нужно подумать, где, когда и как это лучше сделать. — Он взглянул на Гурни. — У тебя есть идеи?

— Все зависит от того, кто их установил, а еще — почему их два?

— Просто на всякий случай? А может быть, у них разные технические характеристики для различных ситуаций?

Гурни, казалось, усомнился в этой версии.

— Сколько раз в жизни ты находил два трекера на одном автомобиле?

— Ни разу.

— Может быть, их установили разные люди?

Тут засомневался Хардвик.

— Ты хочешь сказать, два разных следователя? И ни один из них не может положиться на данные, полученные другим?

— Возможно, две разные организации. И ни одна из них не знает про трекеры, установленные другими.

— Какие организации?

— Понятия не имею. Но у меня есть вопросы. Например, кто санкционировал слежку с использованием электронных средств за автомобилем частного детектива? Я вроде пока не в списке подозреваемых. Если был выдан ордер на установку трекеров, что послужило основанием для этого? А если ордера не выдавали, то кто же решился нарушить закон?

Кому так важны мои перемещения?

— Хорошо бы еще знать, как используются полученные данные.

Мадлен повернулась назад и уставилась на Хардвика:

— В каком смысле?

— Данные о местоположении можно мгновенно передавать дрону, способному делать фотографии с высоким разрешением. Или сразу выводить их на экран навигатора группы наблюдения, чтобы они могли следить за вами, находясь вне поля вашего зрения.

Гурни посмотрел на часы.

— У нас не так много времени. Уже почти 9.25, а в десять я должен быть в полумиле отсюда, чтобы встретиться с Анджелой Кастро. Я бы не хотел, чтобы кто-то получил информацию о месте нашей встречи. Но если мы сейчас избавимся от трекеров, будет очевидно, что я обнаружил их, а это, в свою очередь, лишает нас будущих возможностей. Так что нужно придумать что-то еще.

— Все просто. Оставь машину здесь, а на встречу иди пешком. Не проблема.

— Не проблема, но лишь в том случае, если за нами не наблюдают с запрограммированного дрона, вроде тех, что ты только что упоминал. Знаешь, сколько тысяч этих штук нынче используется?

— Боже! — воскликнула Мадлен. — Ты хочешь сказать, что кто-то там, в небе сейчас за нами наблюдает?

— Этого нельзя исключать. И действовать нужно соответственно.

Хардвик снова поморщился.

— И что делать?

— Ничего сложного. Просто нужно постараться быть максимально вне поля зрения.

После задумчивого молчания Мадлен заговорила:

— А в той гостинице, что мы проезжали, кажется, такой же навес перед входом, как на Волчьем озере? Да, я почти уверена, что видела его.

Гурни медленно кивнул.

— Мне кажется, ты права. И он может помочь с нашей проблемой.

Десять минут спустя, согласно наспех разработанному плану, «понтак» остановился рядом с отелем, на парковке для гостей, а «аутбек» надежно укрылся под навесом при входе. Показав удостоверение частного детектива, Хардвик объяснил парковщику, что ему срочно необходимо провести осмотр транспортного средства, и пообещал, что это не займет много времени.

По плану Хардвик должен был домкратом приподнять машину и, будучи вне зоны видимости воздушного наблюдения, изучить установленные устройства; Гурни же должен был выйти через черный ход гостиницы и пешком отправиться в «Кукольный дом Табиты».

Вместе с Гурни Мадлен вошла в фойе гостиницы. Они тут же обнаружили сувенирный магазин, где купили неоправданно дорогие сувенирные толстовку и кепку. Вернувшись в фойе, в зону отдыха, Гурни надел толстовку и кепку, а свою куртку оставил Мадлен.

— Я вернусь в течение часа. Не уходи далеко от входной двери, на случай, если понадобится Джеку.

Она напряженно кивнула, прижимая к себе его куртку.

— Все будет хорошо, — сказал он, пожалуй, чересчур радушно. — Уверен, встреча с Анджелой Кастро наконец-то выведет нас на нужный след.

Он обнял Мадлен, а затем пересек фойе и исчез в коридоре, помеченном красной табличкой «выход».

Коридор вел к стеклянной двери. Он вышел на улицу и оказался на вымощенной брусчаткой тропинке, изгибающейся вокруг клумбы с декоративными травами, поникшими и выцветшими. Тропинка вела к дорожке пошире, которая пролегла вдоль берега и, как оказалось, была практически параллельна Вудпекер-роуд.

Гурни бегом миновал несколько человек, гуляющих с собаками, закутанных с ног до головы в попытке защититься от резких порывов ветра, дувшего с озера. Через несколько минут он заприметил здание, которое тут же узнал по фотографии из интернета. В столь непримечательной, обыденной местности «Кукольный дом Табиты» выглядел еще более странно, чем в гляцевом сказочном мире на сайте магазина.

Он прошел через сквер, прилегавший к дорожке, и перешел Вудпекер-роуд. Достав из кармана телефон, он нажал на кнопку аудиозаписи и сунул его в карман толстовки. Въезд на парковку «Кукольного дома» украшала узорчатая арка с надписью с сайта, которую он запомнил: «Дом прелестных, сказочных, коллекционных кукол». На парковке стояли четыре автомобиля. Гурни заметил, что у одного из них дилерские номера с кодом Нью-Йорка. С двух сторон у входа в «Кукольный дом» стояли два садовых гнома высотой по пояс.

Открыв дверь, Гурни почувствовал сладкий аромат, напомнивший ему о прямоугольных жвачках, которых он не видел и не нюхал со времен школы. Десятки кукольных мордашек глядели на него из этого пастельного

мира детства, разукрашенного в розовые, голубоватые и желтые оттенки.

Стоявшая за главной витриной девушка улыбалась ему с заученной сердечностью.

— Добро пожаловать в гости к Табите. Чем я могу вам помочь?

Гурни оглядел пространство, заполненное куклами — они были везде: на прилавках, в стеклянных шкафах, на полках, всевозможных форм и размеров, начиная от пухлых розовощеких младенцев и заканчивая загадочными существами, словно из сказки. Или из ночного кошмара.

— Где лестница на второй этаж? — спросил он.

Она с возросшим любопытством взглянула на него.

— Вы пришли к мисс Кастро?

Он воспринимал встречу с Анджелой как нечто, окруженное тайной, поэтому удивился, когда услышал ее имя.

— Да.

— Она у Табиты, — почти шепотом многозначительно сказала она. — Я вас провожу.

Через лабиринт шкафов с куклами она провела Гурни к лестнице с розовыми перилами.

— Вам навверх, сэр.

На втором этаже была примерно такая же обстановка, как и на первом, разве что все куклы здесь были похожи друг на друга и многие стояли вместе. Неподалеку от лестницы был небольшой закуток с ярко-желтым столом и двумя блестящими белыми креслами. В одном из них сидела бледная, худощавая блондинка с пышной, слишком уж безупречной укладкой. Гурни поразило, насколько эта прическа не сочеталась с робким, узким лицом, а также то, насколько она была похожа на прическу куклы, запертой в стеклянном шкафу в углу.

Напротив худышки за столом стояла ее полная противоположность. Это была крупная женщина в длинном плиссированном бордовом платье с вышивкой по вырезу. На ее пальцах красовалось множество блестящих колец. Макияж у нее был яркий, почти что театральный. А вершиной, в буквальном и переносном смысле, была ее укладка. Волосы худышки привлекали внимание, а прическа этой дамы была просто уму непостижима. Зачесанная навверх копна эффектно переплетенных черных и серебристых прядей напоминала беспокойный морской пейзаж Тернера. Гурни подумал, что этой женщине явно очень нравится выглядеть эффектно.

Непринужденно махнув увешанной кольцами рукой, она повернулась к нему.

— Вы, должно быть, мистер Гурни?

— Да. А вы?..

— Табита. — Это прозвучало как заклинание. — Я как раз собиралась принести мисс Кастро стаканчик родниковой воды. Может, вы тоже чего-нибудь хотите? Может, травяного чая?

— Спасибо, ничего не нужно.

— Если вы передумаете, или вам что-то понадобится, или возникнут какие-то вопросы, просто нажмите на звонок. — Она указала на небольшое куполообразное устройство в центре стола. — Чистое серебро. Тончайший звук, вы такого и не слышали.

— Благодарю вас.

Вихрем шелковистой ткани и цветочного аромата она проскользнула мимо него и исчезла на лестнице с розовыми перилами.

Гурни повернулся к девушке, сидящей за столом.

— Анджела?

В ответ она лишь кротко кивнула.

— Позвольте присесть?

— Да, конечно.

— Для начала я хочу поблагодарить вас за то, что согласились поговорить со мной.

Она испуганно поглядела на него.

— Я не знала, что еще делать. Меня напугало письмо, которое другой детектив принес в дом моего брата. И то, что вы сказали по телефону.

— Просто мы стараемся быть как можно более откровенными по поводу сложившейся ситуации, о которой нам столько всего нужно узнать.

— Понятно.

Он оглядел витрины с куклами.

— Необычное местечко вы выбрали для нашей встречи.

Она в смятении приоткрыла рот.

— Вы же вроде сказали по телефону, что это хорошая идея — встретиться в магазине.

— Конечно, хорошая, — он улыбнулся и постарался ее успокоить, — я просто имел в виду, что сам я никогда не бывал в подобных магазинах.

— Ах, да. Ну конечно, не бывали. Это вообще особенное место.

— Табита, кажется, очень... доброжелательной.

Анджела воодушевленно закивала, а потом ей как будто бы стало стыдно. Она наклонилась к Гурни и тревожно прошептала:

— Она думает, мы купим еще одну Барби.

— Еще одну Барби?

— Когда мы останавливались здесь со Стиви, он купил мне Барби. — Она по-детски мечтательно улыбнулась, — Особенную — ту, о которой я давно мечтала.

— Вы со Стиви здесь останавливались?

— Ну, не прямо здесь, в магазине. В гостинице «Кукольный домик». Тут рядом. Это, типа, мотель, но необычный. Он вообще нереальный. Там *тематические* номера. — На этих словах глаза ее загорелись.

— Когда это было?

— Когда он ездил к этому жуткому гипнотизеру, чтобы бросить курить.

— Вы встречались с гипнотизером?

— Нет, Стиви один ездил. А я оставалась здесь, в гостинице.

— Вы сказали, что гипнотизер был жуткий. Откуда вы знаете?

— Это Стиви так сказал — что он реально жутковатый тип.

— Он говорил про него еще что-нибудь?

Она нахмурилась, словно пытаясь что-то вспомнить.

— Сказал, что он омерзителен.

— Он не объяснил, что имел в виду?

Анджела покачала головой.

— Нет, просто сказал: омерзительный и жуткий.

— Он рассказывал вам что-нибудь про кошмары?

— Да, но уже потом. Что-то про огромного волка, вставлявшего в него раскаленный нож. Что-то такое. Волк с горящими красными глазами, сидящий на нем. — Ее заметно передернуло. — Господи, какая жуть!

— Он говорил, что кошмар повторяется?

— Да, все время. Кажется, вообще каждую ночь после того, как он побывал у гипнотизера. Он говорил, это был омерзительный сон.

— Сон был таким же омерзительным, как и гипнотизер?

— Ну да, видимо.

— Стиви часто употреблял это слово?

Казалось, ей было не по себе от этого вопроса.

— Ну не очень часто. Иногда.

— А можете вспомнить, в каких еще обстоятельствах он его употреблял?

— Нет.

Ответ вырвался у нее слишком быстро. Однако Гурни почувствовал, что спрашивать ее об этом не стоит. Он еще найдет способ вернуться к этой теме.

В данный момент он хотел ослабить напряжение, а не усиливать его. А

это значило, что нужно осторожно обходить препятствия, а не прошибать их насквозь. Ему с его логическим мышлением тяжело давался бессистемный допрос, но иногда это был лучший способ для продвижения вперед.

— У Стиви были серьезные проблемы с курением?

— В каком смысле?

— Он много раз пытался бросать?

— Наверное, — пожала она плечами. — Я точно не знаю.

— Он часто говорил, что хочет бросить?

— Мы никогда не обсуждали курение.

Улыбнувшись, Гурни кивнул.

— Ну да, мало кто об этом говорит.

— Ага, зачем вообще кому-то об этом говорить? Дурацкая тема для разговора.

— А после сеанса гипноза с доктором Хэммондом Стиви удалось бросить курить?

— Нет.

— Он был огорчен?

— Ну, наверное. Может, и был. Я не знаю. Может, он и не хотел бросать. Он в основном болтал про свой ужасный сон и этого омерзительного Хэммонда.

— Вам не показалось, что он злится, что выбросил на эту поездку столько времени и денег?

— Выбросил?

— Ну, я просто размышляю, что, если Хэммонд не смог помочь ему... вероятно, это его разозлило?

Анджела выглядела растерянной, словно она уже не раз сама об этом думала.

— Он *сказал*, что зол, когда я его спросила.

— Но?

— Но когда Стиви реально злится... наверное, теперь надо говорить: злился... в его глазах что-то менялось, вроде... я даже не знаю, как это объяснить, но... даже здоровенные парни держались от него подальше.

— А когда вы спросили про время и деньги, вам не показалось, что он раздосадован?

— Нет, — пробубнила она и грустно замолчала.

Гурни прикидывал в уме, как бы поделикатнее перейти к следующему вопросу, но вдруг услышал шелест шелка и краем глаза увидел огромную Табиту, с невероятной легкостью поднимающуюся по лестнице.

Лучезарно улыбаясь, она подошла к столу и поставила между ними черный лакированный поднос с бутылкой дорогой воды, изящной миской с кубиками льда и двумя стаканами. Она жеманно подмигнула Гурни:

— Я принесла два стакана, на случай, если вы передумаете.

— Спасибо.

Она немного помедлила, а потом эффектным вихрем унеслась вниз по лестнице; Гурни предположил, что это ее обычная манера поведения.

Вдруг он заметил, с какой тревогой и трепетом Анджела смотрит вслед Табите. Он подождал, пока та совершенно скроется из виду, и сказал:

— Интересная женщина.

— Наверное, мне не стоило говорить ей, что мы хотим купить куклу.

— А зачем вы так сказали?

— Ну, я же не могла сказать ей правду? Я же не могла сказать, что встречаюсь кое с кем, чтобы поговорить об ужасной смерти моего бойфренда.

— А с кем, вы сказали, вы встречаетесь?

— С вами.

— Хорошо. А вы сказали, кто я?

— Я просто назвала ваше имя и сказала, что вы мой друг. Ни слова о том, что вы детектив и все такое. Ничего, что я назвала вас другом?

— Ну конечно. Кстати, отличная мысль. — Он сделал паузу. — А есть какая-то особая причина, почему вы захотели встретиться именно здесь?

— Мне тут очень нравится.

Он снова огляделся, пытаясь понять человека, который чувствует себя как дома в этом странном мире фантазий.

— Вам здесь нравится из-за всех этих кукол?

— Конечно. Но в основном потому, что именно здесь Стиви купил мне мою самую-самую любимую Барби.

— Был какой-то особый повод?

— Нет. Просто взял и купил. И ведь так даже лучше, понимаете?

— Похоже, он хотел, чтобы вы были счастливы.

На глаза ее навернулись слезы.

Гурни продолжил:

— Теперь я понимаю, что это место для вас особенное.

— И потом, я больше не могла оставаться у брата. Если детектив Хардвик сумел отыскать меня там, смогут и другие. Так что брат одолжил мне денег и дал машину, с одной из его стоянок для поддержанных автомобилей. И вчера ночью я приехала сюда. Брат сказал, что, если я так боюсь, что меня найдут, мне стоит расплачиваться наличными, потому что

копы, да и вообще кто угодно, легко могут вычислить меня по кредитной карте. Это правда или так только в телевизоре?

— Правда.

— Боже, это же как будто за тобой все время следят. Но я-то сделала, как велел брат, — платила наличными. Я остановилась в том же номере, где мы жили со Стиви.

— Вы думаете пожить здесь какое-то время?

— Если только вы не думаете, что это плохая идея.

Ничего лучше ему в голову не приходило. И теперь он был вдвойне рад, что на всякий случай оставил машину с геотрекером в гостинице. Он заверил ее, что в сложившейся ситуации лучше всего остаться в «Кукольном доме».

— Когда я здесь, у меня ощущение, что Стиви со мной. — Она потеряла глаза, размазав всю тушь.

Гурни наконец-то решился задать вопрос, мучивший его с самого начала.

— Я вот думаю, Анджела, вам не показалось странным, что Стиви поехал в такую даль, в дом на Волчьем озере, ради сеанса гипноза?

Она шмыгнула носом:

— Ну да, немного странно.

— Наверняка можно найти гипнотизера поближе к Флорал-Парку.

— Наверное.

— А вы у него не спрашивали, что такого особенного в докторе Хэммонде?

Анджела замешкалась.

— Мне кажется, ему его порекомендовали.

— Кто?

Анджела оторопела. Казалось, она пытается найти выход из комнаты, в которой оказалась по ошибке.

— Я не знаю.

Гурни спокойно продолжил.

— Вы очень напуганы, верно?

Она молча кивнула, покусывая губу.

— Я уверен, Стиви хотел бы, чтобы вы были в безопасности.

Она продолжала кивать.

— Вам страшно из-за того, что с ним случилось?

Она закрыла глаза.

— Пожалуйста, не надо про это.

— Хорошо. Я понимаю. — Он подождал, пока она откроет глаза, и

снова заговорил. — Вы очень смелая.

— Неправда.

— Правда-правда. Вы здесь. Вы говорите со мной. Вы пытаетесь быть откровенной.

На последнем слове она зажмурилась.

— Это оттого, что мне страшно, а не потому, что я смелая.

— Вы все правильно делаете. Вы помогаете мне понять, что же произошло на самом деле. — Он слегка улыбнулся. — Возвращаясь к тому, что доктора Хэммонда порекомендовали...

Она перебила его.

— Я не знаю, кто это был. Я даже не могу с уверенностью сказать, что звонили именно по этому поводу.

Она задумчиво уставилась на серебряный звонок в центре стола.

Звонили? Гурни откинулся на спинку кресла и ждал. Он понимал, что тут поможет только терпение, — чувствовал, что она пытается собраться с духом, чтобы продолжить свой рассказ.

После долгих раздумий она заговорила:

— Я только знаю, что Стиви кто-то позвонил. А когда я спросила, кто это, он занервничал и сказал, что никто ему не звонил. Полный бред, ведь он довольно долго говорил по телефону. Я сказала ему, что кто-то все-таки звонил, и спросила, зачем он морочит мне голову. И тогда он затих. А позже в тот же вечер он вдруг заговорил про особенного доктора, который может помочь ему бросить курить.

— И вы сделали вывод, что про доктора ему рассказал звонивший?

— Угу. Это было довольно очевидно. И я спросила его об этом. Прямо спросила: это тебе про него по телефону рассказывали?

— И что он сказал?

— Он просто закачал головой, как будто бы отрицая это. А потом разозлился — в смысле разнервничался, а не взбесился, а потом сказал, что это не мое дело, кто ему рассказал про доктора, что это совершенно неважно и что я вообще не имею права капать ему на мозги.

— И что вы на это ему ответили?

— Я сказала, что можно было, по крайней мере, рассказать мне, кто ему звонил.

— И что он?

— Сначала — ничего. Стиви временами был очень тихий. Но я не отставала от него, потому что он очень странно себя вел. И наконец-то он признался, что звонил его старый знакомый, чье имя мне все равно ни о чем не скажет, но что в детстве они вместе ездили в лагерь.

— Он упоминал что-нибудь еще? Подумайте как следует.

— Нет, ничего больше. — Она отчаянно кусала себя за губу, а взгляд ее застыл на серебряном звонке, и Гурни показалось, что она начинает паниковать.

— Анджела, успокойтесь. Все в порядке. Я не допущу, чтобы с вами случилось что-то плохое. Помните, о чем мы говорили по телефону?

Она растерянно заморгала.

— Помните, что я сказал про страх? Иногда важно сделать что-то, чего мы боимся, чтобы защититься от более серьезной угрозы. Я понимаю, что вам страшно, но если вы мне все расскажете, все, что говорил Стиви, мне будет проще вас защитить. Чем больше я узнаю, тем проще мне будет.

Она снова закрыла глаза и словно заставила себя заговорить:

— Хорошо, видите ли, все было вообще очень странно. В тот вечер он вел себя так, как будто ничего не произошло, будто этот звонок вообще ничего не значил, как будто это полная ерунда и рассказывать тут не о чем. — Она замолчала и сделала глубокий вдох. — А потом, часов в пять утра он разбудил меня. Сам он, похоже, всю ночь не спал. Три раза переспросил меня, проснулась ли я и слушаю ли его. А потом очень серьезно сказал, что я должна забыть об этом звонке. Сказал, чтобы я больше никогда о нем не вспоминала и *никогда никогда никогда* никому об этом не рассказывала. Что если кто-нибудь узнает об этом, нас обоих могут прикончить.

Когда она открыла глаза, по щекам у нее текли слезы.

— И я никогда никому не говорила. Я клянусь. Никому. Ни слова.

Глава 28

Гурни бежал обратно в гостиницу и анализировал встречу с Анджелой, пытаясь отделить важную информацию от отвлекающих второстепенных подробностей.

Он не очень понимал, к какой из двух категорий отнести Табиту. Было что-то странное в том, с каким почтением эта огромная женщина обращалась к маленькой взволнованной Анджеле.

Анджела тоже была своеобразной особой, с ее застывшей укладкой и почти анорексичным телосложением. Она казалась напуганной, по-детски романтической, мечтавшей затеряться в мире сказок. В то же время оказалась достаточно практичной, чтобы одолжить у брата денег и машину.

Ну и конечно, сон Стивена Пардозы с уже знакомыми деталями —

снова волк и нож. И его неприязнь к Ричарду Хэммонду, выраженная столь эмоциональными словами: омерзительный и жуткий.

Гурни знал — ключевым моментом их встречи был рассказ Анджелы о таинственном телефонном звонке, возможно, как-то связанном с Хэммондом, а также странное поведение Пардозы после этого разговора и все эти предосторожности. Гурни задавался вопросом — угрожал ли расправой звонивший или это сам Пардоза, в ночи обдумывая всевозможные последствия, пришел к такому страшному выводу. Судя по рассказу Анджелы, вторая версия была более вероятной.

Что-то еще в этой истории не давало Гурни покоя. Ему казалось, что Анджела что-то недоговаривает. Он пытался прокрутить в уме их разговор, но никак не мог уловить, в чем же подвох.

Вернувшись в гостиницу, в фойе он увидел Мадлен и Хардвика, сидевших по разным углам дивана. У Мадлен были закрыты глаза, но, судя по тому, как прямо она держала голову, она не спала, а медитировала. Хардвик негромко говорил по телефону.

Гурни уселся в кресле напротив, между ними стоял низкий стеклянный стол.

Мадлен открыла глаза.

— Девушка объявилась?

— Как и обещала.

— И какая она?

— Непонятное маленькое создание. Помешана на куклах. Да и сама выглядит как куколка. Все было нормально, пока меня не было?

Мадлен кивнула в сторону Хардвика, который, казалось, уже заканчивал разговор.

— Сейчас он тебе расскажет.

Хардвик завершил беседу и начал что-то искать в своем телефоне. Он пролистнул несколько фотографий, поменял настройки последнего изображения и, положив телефон на стол, подвинул его в сторону Гурни.

— Вот, взгляни-ка на это.

На фотографии была изображена какая-то механическая конструкция, в которой Гурни узнал переднюю опору шасси автомобиля.

— Это мой «аутбек»?

Хардвик кивнул.

— Приблизь.

Гурни провел по экрану, и фотография увеличилась.

— Еще.

Гурни повторил движение. Теперь на экране была лишь опорная балка

и бесцеремонно влезшая из темного угла мужская рука — около большого пальца было нечто похожее на выпуклую шляпку болта.

— Еще приблизь.

Теперь на фото видны были только палец и выпуклый объект, шириной в пять-шесть пятицентовых монеток.

Гурни изумленно взглянул на Хардвика — он не мог поверить, что это действительно то, о чем он подумал.

— Вот так-то, — сказал Хардвик.

Гурни внимательнее разглядел фотографию.

— Эта штука, наверное, раз в десять меньше самого маленького трекера из тех, что я когда-либо видел.

— И я.

— Ты не стал его снимать?

— Нет. Думаю, не стоит извещать их о нашей находке, пока мы не поймем, с кем имеем дело.

— А второй трекер, возле заднего бампера, такой же?

— Отнюдь. Тут-то дело и принимает любопытный оборот. Второй трекер самый обычный. Я и фотографировать его не стал. Обычная хреновина, которой пользуются в Бюро. Да кто угодно может купить такую баксов за сто в своем любимом интернет-магазине для шпионов. Непонятно, что это все, черт возьми, означает? Что думаешь, Шерлок?

— Надо бы отправить эту фотографию Вигг.

— Уже.

— Отлично. Она в таких вещах блестяще разбирается. И ее новая должность нам только на руку.

— Согласен. Ну, а у тебя есть какие-то соображения?

— Есть, конечно, но в том-то и дело, что всего лишь соображения. Два разных устройства предполагают, что и установили их два разных субъекта.

Мадлен озадаченно посмотрела на него.

— Субъекта?

— Я пока что не понимаю, как еще их называть. Мы имеем дело то ли с двумя организациями, то ли с двумя разными подразделениями одной организации, неясно также, санкционированы ли эти расследования, ну и так далее.

— Может, пока суд да дело, расскажешь нам о твоём свидании с девчонкой Пардозы?

Следующую четверть часа Гурни в подробностях излагал детали встречи.

Хардвика зацепил телефонный звонок Пардозе.

— По ходу именно этот звонок положил начало всей этой хрени, ну или, по крайней мере, подтолкнул Пардозу к поездке в Адирондак.

Гурни кивнул, соглашаясь.

— Надо проверить эту линию со знакомым из лагеря. Его родители должны знать, в какой лагерь он ездил в детстве и когда именно. Они даже могут знать имена его друзей из лагеря. Сможешь разведать?

Хардвик закашлялся и отхаркнул в платок.

— Жуткий геморрой и наверняка ни к чему нас не приведет. Но на хрена еще я нужен? — Его перебил звонок его же мобильного.

Он посмотрел на экран и удивился:

— Надо же, вот это скорость. Это Вигг.

Поблагодарив ее за столь скорый звонок, на минуту он замолчал, внимательно слушая.

— Робин, подожди секунду. Гурни здесь со мной. Сейчас мы найдем местечко поукромнее, и я включу громкую связь. — Он повернулся к Гурни с Мадлен. — Может, вернемся в вашу машину?

Мадлен с недоумением посмотрела на него.

— В нашу? Напичканную жучками?

Хардвик уверил ее, что детектор не обнаружил аудиожучков, только трекеры. Они направились к машине, которая все еще была припаркована под навесом, и заняли те же места, что и раньше. Хардвик включил громкую связь:

— Алле, Робин? Что ты там начала говорить?

— Я спрашивала, уверен ли ты, что устройство на фотографии определяло геопозицию и передавало данные?

Гурни больше года не видел Робин Вигг, но ее выдающийся голос, низкое контральто, отчетливо возродил в памяти ее образ. Спортивная, стройная рыжеволосая женщина с андрогинной внешностью и манерами. Ей могло быть как тридцать, так и сорок лет. Она была умна, немногословна и профессиональна.

Хардвик ответил ей:

— Если верить детектору, который ты мне одолжила, — сомнений нет.

— Дэйв, устройство все еще прикреплено к твоей машине?

— Да. Мы решили пока что его не снимать.

— Хотите узнать про него побольше?

— Именно. Насколько оно продвинутое и тому подобное.

— И что оно может рассказать о тех, кто его установил?

— Точно. Скажи мне, а ты вообще раньше видала подобные штуки?

За его вопросом последовало многозначительное молчание. Поняв, что

преступил еле заметную черту, Гурни добавил:

— Нам поможет все, что ты можешь нам рассказать.

— Насколько вас интересуют технические аспекты этого уровня миниатюризации?

— Ровно настолько, чтобы понять, с чем и с кем мы имеем дело.

— Хорошо. Эта штука на два поколения впереди тех приборов, что большинство правоохранительных структур сочли бы за самую современную технику. Девяносто девять процентов разведчиков всего мира даже не знают, что такой прибор вообще существует. — Она выдержала паузу. — Улавливаете?

— Боже, — проговорил Гурни. — Как такая штука оказалась присобаченной к моей машине?

— Я не пытаюсь драматизировать, но ты явно привлек внимание кого-то с очень большими возможностями.

— И сколько стоит эта маленькая штуковина? — влез Хардвик.

— Много, — сказала Вигг. — Но тут дело не в деньгах. Тут нужно иметь доступ.

— Хочешь сказать, в этом дерьме замешаны по-настоящему серьезные спецслужбы?

Снова последовало красноречивое молчание.

Гурни понял, что Вигг рассказала им все, что собиралась рассказать, и расспрашивать ее дальше не имеет никакого смысла.

— Спасибо, Робин. Ты нам очень помогла.

— Кое-что еще. Будьте предельно осторожны. Кто бы это ни был — люди, использующие подобного рода технику, куда серьезнее тех, с кем вы обычно имели дело.

Напутствие Вигг вернуло Гурни к вопросу о том, кто же был ответственным за прикованное к Ричарду Хэммонду внимание БКР. Он рассчитывал, что с этим разберется Хардвик.

— Джек, я хотел спросить... Что-нибудь выяснилось с тем, кто там, наверху, раздает Фентону указания?

Хардвик, сидевший сзади, наклонился вперед.

— Потрясающе своевременный вопрос. Когда ты вернулся, я как раз выяснял по телефону, кому подчиняется Фентон.

— И что ты узнал?

— Что на данный момент не очень понятно, перед кем он отчитывается. С тех пор как выяснялась причастность Хэммонда к самоубийствам, он был на «спецзадании».

— И это «спецзадание» вне его отдела? Или вообще вне БКР?

— Никто точно не знает, что происходит, даже те, кто обычно знает все.

— Однако...

— Ходят слухи, что его взяла под опеку межведомственная координационная группа по национальной безопасности.

Мадлен повернулась лицом к Хардвику.

— По национальной безопасности? Что это значит?

— Со времен теракта одиннадцатого сентября это может значить все что угодно, все, что взбредет в голову этим поганым воякам.

— А в данном случае?

— Да хрен его знает, что это значит в данном случае!

Мадлен нахмурилась.

— Ты хочешь сказать, что кто-то, имеющий отношение к национальной безопасности, считает Ричарда Хэммонда террористом? Или шпионом? Что за чушь!

Хардвик мрачно рассмеялся.

— Да, их мысли и действия кажутся абсолютно бессмысленными. Но только до тех пор, пока не становится ясно, что все это лишь для преувеличения собственной значимости. И тогда все встает на свои места.

Мадлен внимательно всматривалась в Хардвика.

— Ты ведь не шутишь, правда?

— Давай даже не будем начинать. Я встречал столько этих заносчивых, одержимых властью, действующих в собственных интересах уродов. Так называемый Закон о борьбе с терроризмом, Совет внутренней безопасности и все корпоративные свиньи, присосавшиеся к этой гигантской сиське, нанесли этой стране больше вреда, чем Усама бен Ладен мог и мечтать. К чему я это? Америка сама себя просрала. Теперь всем заправляют спецслужбы, с неограниченным доступом в нашу личную жизнь.

Дождавшись, когда у Хардвика пройдет вспышка гнева, Гурни спросил:

— Ты смог разузнать что-нибудь еще, помимо того, что Фентон теперь непонятно у кого в подчинении?

Хардвик снова откашлялся и выплюнул сгусток мокроты в замусоленный платок.

— Да так, по крупицам, тут и там, но что-то может пригодиться. Например, оказалось, что до службы в полиции Фентон три срока отслужил в армии, в последний заход — в военной разведке.

Мадлен, казалось, не верила своим ушам.

— Все это становится похожим на шпионскую драму.

Хардвик пожал плечами.

— С гипнозом и попытками контроля поведения больше похоже на «Маньчжурского кандидата».

— Это же кино, — заметил Гурни, — а не реальная история.

Хардвик подвинулся еще вперед.

— Думаю, такое вполне могло случиться, почему нет? Готов поспорить, наверняка прямо сейчас в разведке сидят какие-нибудь коварные подонки и пытаются разобраться, как манипулировать сознанием.

Гурни решил, что пора вернуться к реальности.

— Возможно, есть какая-то связь между службой Фентона в разведке и тем, кому он сейчас подчиняется. Но пока что мы не так много знаем. Еще какие-нибудь находки?

— Пока что все.

— Ничего нового на гомосексуальном фронте?

— Например?

— Не знаю. Но эта тема так или иначе всплывает, и нельзя закрывать на нее глаза — терапия Хэммонда по выявлению гомосексуальности и то, как Бауман Кокс демонизирует геев. Хорошо бы узнать, не были ли Хоран и Бальзак геями или гомофобами.

— Возможно, Бобби Беккер из Палм-Бич расскажет нам что-нибудь по Хорану. У меня нет прямой связи с отделом в Тинеке, поэтому узнать про Бальзака будет не так просто. Однако я знаю тех, кто знает нужных людей. Но на это понадобится время. Еще вопросы?

— Те же, что и прежде. Ничего подозрительного в биографии Норриса Лэндона? И Остена Стекла, помимо того, что он исправившийся отброс общества, торговец наркотиками и аферист? И еще один новый вопрос. Если Пардозе, судя по всему, рассказали про дом на Волчьем озере по телефону, интересно, звонили ли Хорану и Бальзаку.

Хардвик вздохнул.

— Были бы у нас полицейские жетоны, было бы куда проще получить ответы на эти вопросы. Как же выгодно иногда быть суровым представителем закона.

Гурни натянуто улыбнулся, чтобы скрыть свое нетерпение.

— В общем, мы договорились, что следующий пункт в твоей программе — визит к родителям Пардозы?

— Все так. В надежде, что они помнят детали писем маленького Стиви из летнего лагеря, в том числе имена всех, кого он там повстречал.

— Если бы я не знал тебя так хорошо, Джек, я бы подумал, что тебя бесит вся эта беготня в поисках информации.

— Да иди ты в жопу, Шерлок.

Глава 29

Разогнавшись на своем «пontiаке», Хардвик умчался далеко на юг, выполнять свое задание во Флорал-парке, а Гурни с Мадлен еще некоторое время молча сидели на парковке, в «аутбеке».

— Ты как? — спросил он.

— Не очень.

— Что такое?

— История становится все более запутанной и непонятной. — Порыв ветра ворвался под навес, и снежная крупа ударила по лобовому стеклу. — Хорошо бы нам вернуться на Волчье озеро, пока погода совсем не испортилась.

Он кивнул, завел машину и двинулся по Вудпекер-роуд в сторону Северного шоссе.

— Мэдди, ты уверена, что нам не стоит просто бросить все это?

— Точно. И не потому что мне нравится Хэммонд. Мне он не нравится. Он избалованный гений с нездоровой зависимостью от своей сестрицы-нянечки. А судя по рассказу про труп в багажнике, он еще и немного тронутый. Но я не верю, что он убийца, манипулирующий сознанием. А еще я знаю, что побег проблемы не решит.

Гурни почувствовал, как смещается одна из тектонических плит его жизни. С тех пор как он ушел из департамента полиции Нью-Йорка, Мадлен была предсказуема в одном. Она без конца требовала, чтобы он отключился от мира убийств и беззакония и стал уделять больше внимания их новой жизни в деревне. Прежняя Мадлен никогда бы не посоветовала ему продолжать расследование убийства.

Столь резкая перемена вызывала беспокойство.

Без особого аппетита перекусив в тайском ресторанчике в Лейк-Плэсиде, они вернулись на Волчье озеро в начале пятого. Сгущались сумерки, и температура падала.

Они вошли в вестибюль гостиницы как раз в тот момент, когда Остен Стекл выходил из каминного зала. У него за спиной Гурни увидел робкое пламя только что разожженного камина.

Стекл напряженно улыбался, а его бритая голова блестела от пота.

— Вечер добрый, вы-то мне и нужны, — кивнув Мадлен, обратился он

к Гурни. — Я сделал, как вы просили. Но дело в том, что у Пейтона уже были планы на сегодняшний вечер. И на завтра тоже. А потом — трудно сказать, вы же меня понимаете? — Он сдвинул манжету и взглянул на свой «ролекс». — Так что, если вы хотите с ним поговорить, то сейчас, собственно, самое подходящее время.

Гурни посмотрел на Мадлен.

Та пожала плечами.

Он оглянулся на Стекла.

— Сейчас так сейчас. Хотя через четверть часа было бы еще лучше. Сначала мне нужно подняться в номер. Он меня ждет?

— Вроде как да. Я позвоню ему и уточню. Дорогу вы знаете?

— Знаю.

— С Пейтоном бывает очень непросто вести беседу. И не говорите потом, что я вас не предупреждал.

— Я привык к непростым разговорам.

Стекл ушел к себе в кабинет, а Гурни с Мадлен поднялись в номер.

В гостиной было почти темно. У балконной двери завывал ветер. Гурни включил верхний свет в прихожей, пересек комнату и зажег лампу у дивана. Он хотел было зажечь и ту самую керосиновую лампу с гравировкой в виде волка, которая стояла по другую сторону дивана, но передумал. Лучше приберечь ее на случай очередного перебоя электричества.

Из кармана куртки он достал детектор, который дал ему Хардвик, и включил его. На дисплее появилась заставка как у дорогостоящего смартфона.

Мадлен, все еще в куртке, с намотанным шарфом и в шапке, внимательно смотрела на него.

— Ты хочешь проверить комнату?

Гурни бросил ей предупреждающий взгляд — напомнив тем самым, что не стоит подавать виду, что они знают о жучках.

Следуя инструкциям Хардвика, он стал разбираться в настройках. Меньше чем через минуту устройство было готово к работе — на экране высвечивалась схема комнаты, в которой он находился.

Пока он прошаживался по комнате, сначала появилась одна красная точка, а потом еще одна. Учитывая, что на экране высвечивался план комнаты, было просто определить местоположение каждой точки и радиопередатчика, который она обозначала. В дополнение к визуальному расположению устройство определяло расстояние до ближайшей горизонтальной и вертикальной поверхностей (в данном случае стен и пола

комнаты), тип датчика, его частотность и мощность сигнала. В самом низу экрана было написано: «обнаруженных устройств в зоне сканирования: 2 аудио, 0 видео».

Гурни еще раз обошел комнату, чтобы проверить согласованность данных. Он ждал, не появятся ли на экране еще жучки, но устройство обнаруживало только эти два. Он выключил прибор и убрал его в карман. Повернувшись к Мадлен, с тревогой наблюдавшей за процессом, он молча показал на два места.

Первым оказался портрет Уоррена Хардинга, висевший над баром. А вторым — мобильный телефон Мадлен, лежавший на столике возле дивана.

Тревога на лице Мадлен сменилась на гнев.

Гурни не терпелось более подробно осмотреть эти два места, чтобы убедиться в том, что обнаружил детектор. А еще, учитывая, насколько разными были алгоритмы передачи данных, ему захотелось проверить, так же ли сильно устройства отличались по уровню сложности, как геотрекеры в машине. Чтобы провести осмотр и не выдать себя, необходимо было создать какой-то шум.

Он и раньше попадал в ситуации, когда нужно было незаметно изучить жучок. Главное правило — звуковая маскировка должна быть уместной в данной обстановке. Блендер или кухонный комбайн могут замаскировать практически любой звук, но, увы, в большинстве случаев их использование неправдоподобно. Простой разговор — недостаточно громко. Игра на ударных, взрывы хохота, шум льющейся воды — в определенных условиях все это могло бы сработать, но в данном случае нужно было придумать что-то еще.

В поисках вдохновения Гурни оглядывал комнату, но вдруг решение нашлось — Мадлен оглушительно чихнула.

Задумавшись на мгновение, он ринулся к своей спортивной сумке, достал маленький блокнот и нашел пустую страницу. Мадлен смотрела, как он писал: «Подыгрывай мне, что бы я ни сказал. Отвечай естественно. Когда я буду кивать — изображай, что чихаешь, или кашляй. Начинать прямо сейчас — хлюпай носом и кашляй».

Она громко шмыгнула носом и откашлялась.

Гурни изобразил обеспокоенность в голосе:

— Боже мой, дорогая, я так и думал, еще пока мы были в дороге. Ты явно болеешь. Или у тебя опять начинается аллергия.

— По ощущениям, скорее аллергия.

— На что?

— Не знаю. Может быть, что-то здесь, в комнате? Или в машине? Может быть, здешний воздух? Не знаю! Но нос чешется и в горле першит.

Мадлен говорила так убедительно, что он сам почти поверил ей.

— Ты взяла какие-то таблетки от аллергии?

— Нет.

— Может, завтра мы что-нибудь найдем.

Приблизившись к портрету Хардинга, он жестом подозвал ее к себе. А затем схватился за картинную рамку и кивнул ей. Мадлен расчихалась, а он, приподняв раму, заглянул под картину, уделяя особенное внимание проволоке, на которой портрет висел. Он тут же заметил, что концы проволоки заключены в цилиндрические футляры, в каждый из которых с легкостью влезла бы зажигалка. А сама проволока — отличное прикрытие для антенны. Судя по месту тайника, скорее всего, там был спрятан самый стандартный, легкодоступный аудиожучок. Под прикрытием очередного залпа Мадлен Гурни опустил картину.

Изучить телефон Мадлен было задачей посложнее.

Жестом он велел ей подойти к той стороне дивана, где лежал ее телефон. Стараясь говорить озабоченно, он спросил:

— Дорогая, может, тебе лучше будет прилечь и попробовать расслабиться, укутавшись в одеялко?

— Да я не особо устала. Просто горло чешется, такое неприятное ощущение. Знаешь, как будто саднит? Может, я и правда простудилась?

— Ну хотя бы присядь. А ноги положи на пуфик. Отдых тебе уж точно не навредит.

— Хорошо, ты прав. Хуже не будет.

Мадлен очень правдоподобно ворчала. Гурни по опыту знал, что раздраженный тон придает достоверности любому инсценированному разговору.

Не переставая кашлять и хлюпать носом, Мадлен уселась на диван.

Гурни подошел к приставному столику и положил ладонь на ее телефон, чтобы проверить, нагрелся ли он. Телефон был холодным, чего Гурни не ожидал.

Обычно взламывают программный код телефона, так что хакер получает возможность управлять функциями телефона — например, включать микрофон и передачу данных, как бы превращая телефон в аудиожучок, контролируемый хакером.

Но этот способ вызывает определенные признаки взлома, самый простой из них — чрезмерный нагрев батареи. А поскольку устройство обнаружило передатчик в телефоне, Гурни ожидал, что телефон будет

теплым. Оказалось, что нет, и в этом было что-то странное.

А чтобы узнать побольше, придется залезть внутрь телефона.

У них с Мадлен были одинаковые телефоны, одной модели, и он достал свой телефон, чтобы провести подготовку к дальнейшим действиям. Осмотрев заднюю панель телефона, он понял, что ему понадобится очень маленькая отвертка.

К счастью, Мадлен всегда брала с собой набор для ремонта своих очков, в котором были малюсенькие винтики для оправы и крошечная отвертка, чтобы их затягивать.

Судя по всему, отвертка была нужного размера.

Чтобы поддержать правдоподобный разговор, Гурни ляпнул:

— Ну должна же быть какая-то разница в ощущениях между простудой и аллергией? Как тебе кажется, на что это больше похоже?

В ответ она, хлюпая носом, пустилась описывать все неприятные ощущения, сопровождающие эти два недуга. Гурни же пытался разобрать свой телефон — чтобы можно было сравнить два телефона и найти несоответствия.

Развинтив телефон, он положил его на приставной столик и очень осторожно взялся за телефон Мадлен. Подав ей сигнал чихать и кашлять, он снял заднюю панель и положил два телефона рядом.

На первый взгляд казалось, что все в них одинаково. Но присмотревшись, он заметил разницу в углу, где был установлен микрофон.

Гурни достал из сумки фотоаппарат и сделал несколько снимков крупным планом с разных ракурсов. Затем, под сменяющие друга друга приступы кашля Мадлен и хриплые жалобы на больное горло, он установил задние панели обоих телефонов и закрутил все винтики.

— Может быть, тебе станет лучше, если ты поспишь? — предложил он.

— Если я сейчас лягу спать, ночью я не засну, — она казалась такой несчастной, что ему пришлось напомнить себе, что все это лишь спектакль.

Гурни посмотрел на часы. Через пять минут у него встреча с Пейтоном. Впопыхах он настроил имейл Робин Вигг и приложил фотографии внутренностей телефона Мадлен. Он упомянул производителя, модель и серийный номер, указал зафиксированную частоту передачи данных и написал короткое сообщение: «Детектор выявил активную передачу данных. Но нет ощутимого нагрева батареи и расхода энергии. Вероятно, вживленный датчик в районе микрофона? Нужна твоя помощь».

Затем он нажал кнопку «Отправить».

Глава 30

В конце дороги, идущей вдоль озера, были уже открыты ворота на территорию внушительного особняка Голлов. Охранник, которого в полутьме было уже почти не видно, указал на извилистую дорожку, ведущую к огромному серому зданию.

Метров через двести Гурни въехал на заасфальтированную площадку и остановился напротив каменного крыльца с массивной деревянной дверью. Он вылез из машины; дул порывистый ветер.

Как только он подошел к двери, она распахнулась, и перед ним открылась просторная прихожая с высокими потолками, обшитая сосновыми панелями. Узнавался уже хорошо знакомый адирондакский стиль, разве что все было более роскошно. Освещали прихожую три огромные люстры в виде колес от телеги.

Стоя на пороге дома, Гурни заметил портрет в раме, висевший на противоположной стене в глубине прихожей, — надменный мужчина в темном костюме, наверное, подумал он, был тем самым злополучным героем легенды Голлов. Было что-то отталкивающее в его массивном лбе и широко расставленных глазах. Мощный волевой подбородок создавал впечатление человека упорного, умеющего добиться своего.

— Вы проходите, пожалуйста, — позвал его женский голос с сильным акцентом.

Гурни вошел в дом.

Дверь медленно захлопнулась, открыв его пораженному взору блондинку, на которой не было ничего, кроме тонких трусиков от бикини. В руке она держала небольшой пульт, очевидно, для управления дверью. Ее роскошное тело, вряд ли доставшееся ей таким от природы, было совершенно мокрым. А ее глаза — Гурни никогда раньше не видел таких холодных серых глаз.

— Сейчас вы идите за мной.

Повернувшись к нему блестящей голой спиной, она повела его по коридору, ответвлявшемуся от прихожей. В конце коридора она открыла стеклянную дверь в пристроенное, видимо, к основному дому крыло.

Учитывая ее наряд, а точнее, его отсутствие, Гурни не удивился бы обнаружить комнату с бассейном. Но его окутал теплый, благоуханный воздух тропической оранжереи. Негромкая примитивная ритмичная музыка создавала атмосферу настолько далекую от Адирондака, насколько возможно было себе представить.

Растения с мясистыми листьями тянулись вверх к стеклянному потолку. Клумбы с папоротниками, огороженные замшелыми бревнами, в которых проросли орхидеи, окружали круглую платформу из красного дерева. От нее расходились извилистые дорожки из того же красного дерева и исчезали в лабиринтах джунглей. Где-то в глубине этих буйных зарослей Гурни услышал журчание то ли фонтана, то ли небольшого водопада.

В центре платформы стояли два плетеных кресла с высокими спинками, а между ними — низкий плетеный столик. В одном из кресел сидел темноволосый человек в роскошном белом халате.

Полуголая женщина подошла к нему и что-то сказала. Гурни не расслышал ее слов из-за играющей ритмичной музыки.

Развязно улыбаясь, мужчина ответил ей и медленно провел рукой у нее между ног.

Гурни подумал было, что вот-вот станет свидетелем живого секс-шоу. Но спустя мгновение женщина, то ли рассмеявшись, то ли проорвав что-то в ответ, скрылась между клумб на одной из извилистых дорожек. Перед тем как исчезнуть в этих миниатюрных джунглях, она взглянула на Гурни и облизнула полные губы розовым кончиком языка — очень по-змеиному и очень соблазнительно.

Как только она исчезла из виду, мужчина в халате махнул рукой на пустое плетеное кресло.

— Присаживайтесь. Выпейте.

У него был густой баритон, и говорил он медленно и лениво, словно был пьян или под наркозом. Приглашающе он указал на кофейный столик, и Гурни увидел бутылку водки «Грей гуз», ведро со льдом и два стакана.

Гурни остался стоять на месте.

— Мистер Голл?

Мужчина лениво улыбнулся, а потом рассмеялся.

— Остен говорил, что со мной хочет поговорить детектив по имени Гурни. Он сказал, вы — частная ищейка Джейн Хэммонд.

— Можно сказать и так.

— То есть вам нужно доказать, что ее поганый братец не убивал моего?

— Не совсем так.

— Слушайте, если это ваше секретное задание, можете не отнекиваться, потому что мне абсолютно наплевать. Садитесь и выпейте.

Гурни принял приглашение сесть и теперь смог разглядеть в его томном самолюбивом лице те же черты, которые он заметил в

целестремленном лице на портрете в прихожей. Это сходство демонстрировало одновременно силу генетики и предел ее возможностей.

Он откинулся на спинку кресла и осмотрел огромное застекленное пространство. На улице уже было темно, и свет, исходящий от направленных вверх галогеновых лампочек, притаившихся среди растений, порождал причудливые тени. Повернувшись к Пейтону Голлу, он увидел, что тот пристально смотрит на него своими темными глазами.

Гурни наклонился вперед.

— Я объясню вам, зачем я здесь. Я хочу выяснить, почему четыре человека умерли, побывав на приеме у Ричарда Хэммонда.

— Официальная версия вас не устраивает? — игриво спросил Голл, как будто бы высмеивая эту фразу, затертую до дыр.

— Конечно, у меня есть сомнения. А у вас?

Голл зевнул, долил себе в стакан водки и медленно пригубил. Держа стакан прямо перед лицом и разглядывая поверхность содержимого, он спросил:

— То есть вы думаете, что наш доктор-шаман этого не делал?

— Если вы про доктора Хэммонда — да. По крайней мере, все было не так, как предполагает полиция. И если быть честным, мистер Голл, вам ведь тоже так кажется.

Голл прищурил один глаз над стаканом, как будто бы выстраивая винтовочный прицел.

— Зовите меня Пейтон. Мистером Голлом был мой почивший брат. А я не имею ни малейшего желания играть эту роль.

Его тон показался Гурни надменным, угрюмым и немного смешным. У него манера речи эгоистичного, высокомерного алкоголика — опасного ребенка, запертого в теле взрослого. Будь у Гурни выбор, он бы предпочел не оставаться в одном доме с этим человеком, однако ему необходимо было задать ряд вопросов.

— Скажите мне, Пейтон, если Ричард Хэммонд не виновен в смерти Итана, как вы думаете, кто это мог быть?

Голл немного опустил стакан с водкой и стал пристально его изучать, словно там мог быть список подозреваемых.

— Я бы посоветовал сосредоточиться на тех, кто его хорошо знал.

— Почему?

— Потому что, зная Итана, очень трудно было его не ненавидеть.

Несмотря на театральность сказанного, Гурни уловил подлинное чувство в словах Пейтона.

— А что в нем было самым ненавистным?

Казалось, сквозь алкогольный туман в Пейтоне вспыхнул гнев.

— Видимость, которую он создавал.

— Он не был тем, кем хотел казаться?

Голл горько усмехнулся.

— Со стороны он действительно казался богом. Но если подойти поближе — совсем другое дело. Столько чертова самомнения, в самом плохом смысле — он просто лопался от добродетели, все знал лучше всех. Этому ублюдку все нужно было контролировать!

— Вас, должно быть, очень разозлило, когда он переписал завещание.

Пейтон пристально глядел на Гурни.

— Так вот в чем дело?

— В каком смысле?

— Вот зачем вам надо было со мной поговорить? Вы решили, что полиция ошибается... Что Ричард, этот педик-гипнотизер, невиновен... И что это я заставил этих засранцев покончить с собой? Вот что вы, черт возьми, придумали?

— Не думаю, что вы могли заставить кого-либо покончить с собой. По-моему, это невозможно.

— Тогда к чему вы на хрен клоните?

— Я думал, что, может быть, Итан переписал завещание просто чтобы вас позлить.

— Само собой. Святой Итан был сраным пуританином, которого бесило то, что я наслаждаюсь жизнью, и он всегда пытался найти способ наказать меня. «Делай, что я сказал, а иначе останешься ни с чем. Делай, как я сказал, или я все заберу. Делай, как я сказал, или я отдам твое наследство первому встречному». Этот ублюдок пытался всеми манипулировать! Кто ему дал такое право?

Гурни кивнул.

— Ваша жизнь, наверное, стала намного проще теперь, когда его не стало.

Голл улыбнулся.

— Да.

— Несмотря на то что завещание было переписано, вы все равно получите кучу денег. А если полиция сможет доказать, что Хэммонд замешан в гибели Итана, его наследство перейдет вам. Всего пятьдесят восемь миллионов долларов.

Голл снова зевнул.

Гурни знал, что зевота — неоднозначный элемент языка тела, часто вызываемый не только скукой, но и тревогой. Ему было любопытно,

какое же чувство сыграло роль в данном случае.

— Вы планируете что-то сделать с этими деньгами?

— Планы и деньги наводят на меня скуку. За деньгами нужно следить, управлять ими, приумножать. Необходимо делать вклады, сводить балансы, играть на бирже. Об этом надо думать, говорить и волноваться. А это безумно скучно. Жизнь, сука, слишком коротка для этого дерьма. Всего этого планирования.

— Слава богу, есть Остен, да?

— Это точно. Остен, конечно, занудный засранец, но прирожденный управленец. Он внимательно и бережно относится к деньгам. Так что да, спасибо Господу богу за таких зануд, как Остен.

— Как я понимаю, вы хотите оставить его в качестве управляющего вашими активами?

— А почему бы и нет? Он будет следить за доходами, а я буду жить так, как мне хочется. — Он заторможенно, хитровато подмигнул Гурни. — И все будут довольны.

— Кроме четверых мертвецов.

— Это уже по вашей части, детектив. Остен инвестирует мои миллионы. Я трахаю самых красивых женщин. А вы всю жизнь беспокоитесь за мертвецов. — Он снова подмигнул. — У всех своя фишка. Так и живем.

Вдруг, словно по заказу, вернулась мокрая блондинка. Только на этот раз она была совершенно голая.

Глава 31

Гурни нашел Мадлен в каминном зале, в кресле около огня. Глаза ее были закрыты, но она открыла их, как только он устроился на стуле рядом с ней.

— Как прошла встреча?

— Никак не могу понять, правда ли Пейтон самый эгоистичный засранец в мире или только притворяется.

— А зачем ему притворяться?

— Не знаю. Но у меня сложилось впечатление, будто бы он играет роль, как в кино.

— Человека, который делает все, что ему захочется?

— Все что угодно и когда угодно.

— Он был один?

— Не совсем.

Она взгляделась в огонь.

— Так и что ты узнал?

— Что он ненавидел Итана. Считал его невыносимым тираном. Что ему совершенно наплевать на то, как он умер и кто мог его убить. Деньги наводят на него скуку. А что касается утомительного бремени в виде огромного состояния Голлов — он всецело полагается на Стекла. И все, чего он хочет от жизни, — до потери сознания трахать в теплице шлюху с силиконовыми сиськами.

— Но ты не уверен, что он говорит правду?

— Я не понимаю, правда ли он настолько распущен или просто делает вид — этакий бесшабашный гедонист. Думаю, я упускаю какую-то сторону его характера.

— Понятно... А что дальше?

— Дальше? Нужно проверить дом Хэммондов. Джек считает, что их тоже прослушивают. Он думает, что именно так Фентон узнал о его причастности к расследованию. Но он хочет в этом убедиться.

— Что, прямо сейчас?

Он взглянул на часы.

— Время вполне подходящее, разве что ты, может быть, хочешь, чтобы сначала я раздобыл нам какой-нибудь ужин.

— Я не голодна. — Она помедлила. — Но я хочу поехать с тобой. Можно?

— Само собой.

Он достал мобильный телефон и нашел номер Джейн.

Спустя двадцать минут они с Мадлен уже стояли в прихожей шале и стряхивали с одежды ледяные крупинки.

С тревожным выражением лица Джейн взяла их куртки и шапки и повесила возле двери.

— Что-то случилось?

— Я просто хотел сделать небольшой отчет о ходе работы и, если можно, задать несколько вопросов.

Они прошли в гостиную. Ричард ковырялся кочергой в камине. В отличие от Джейн, он был совершенно спокоен.

— Простите, что вот так вторгаемся, практически без предупреждения, — сказал Гурни. — Но я подумал, что полезно будет ввести вас в курс дела.

Ричард явно без энтузиазма провел Гурни и Мадлен к дивану. Когда те

уселись, он и Джейн заняли кресла напротив. На столе рядом с Ричардом стояли два открытых ноутбука.

— Итак, — сказал Хэммонд. Его немигающие глаза цвета морской волны, как обычно, навевали тревожное чувство.

Гурни указал на компьютеры.

— Я надеюсь, мы вас не отрываем ни от чего важного.

— Да это так, немного вуду.

— Простите, что?

— В прошлый раз вы спрашивали про мое увлечение проклятиями африканских шаманов. Я вспомнил про свою последнюю статью на эту тему, которую так и не закончил. И решил дописать ее. С моей новой репутацией в области магических убийств, думаю, к ней проявят большой интерес.

— А можете поподробнее рассказать об этом? — попросил Гурни. — Ну, если там не слишком много научных терминов.

— Это описание того, как может быть разрушена сила проклятия. Важно понимать, как действует проклятие вуду, как оно вызывает смерть жертвы.

Мадлен удивленно подняла бровь.

— Вы хотите сказать, что эти проклятия действительно работают?

— Да. По правде говоря, проклятие вуду, возможно, самое элегантное орудие убийства в мире.

— Как это работает? — спросил Гурни.

— Все начинается с веры. Вы растете в обществе, где все верят, что шаман обладает необычайными способностями. Вам всегда рассказывали, что его проклятия смертельны, и вы слышите истории, подтверждающие это. Вы верите рассказчикам. И в конце концов вы и сами становитесь свидетелем. Вы встречаете человека, которого прокляли. И видите, как он хиреет и умирает.

Мадлен, казалось, была напугана.

— Но как это происходит?

— Благодаря тому, что жертва верит в то, что это происходит.

— Не понимаю.

— Это не так сложно. Наш разум постоянно находится в поиске причинно-следственных связей. Это необходимо для выживания. Но иногда мы ошибаемся. Человек, которого прокляли и который верит в силу проклятия, находится в состоянии ужаса, ведь думает, что обречен на гибель. В этом состоянии у него пропадает аппетит. Он начинает терять вес. Потерю веса он воспринимает как подтверждение приближающейся

смерти, и ужас возрастает. Он еще больше худеет, постепенно ослабевает и заболевает. Жертва думает, что болезнь — результат проклятия шамана, на самом же деле это результат его собственных страхов. Чем больше он боится, тем хуже становятся симптомы, подпитывающие страх. Со временем этот порочный круг убивает его. Он умирает, потому что верит в то, что умирает. И его смерть подкрепляет общественное верование в силу проклятия.

— Я впечатлен, — сказал Гурни. — Убийца ведь даже не дотрагивается до жертвы, механизм убийства — психологический, а смерть, по сути, самовнушенная.

— Все так.

— Почти что версия Фентона о четырех убийствах.

— Да.

Наступила напряженная тишина, которую нарушила Мадлен:

— Кажется, вы начали с того, что есть способ разрушить проклятие?

— Да, но все не так, как вы, наверное, могли подумать. Рационально мыслящий человек попытается убедить жертву, что вуду — полная чепуха и никакого проклятия нет. Проблема такого подхода заключается в том, что обычно он не имеет успеха и жертва умирает.

— Почему? — спросила Мадлен.

— Этот подход недооценивает силу веры. Истина и близко не стоит рядом с верой. Мы склонны думать, что наша вера основана на истинах, но на самом деле те истины, что мы берем на вооружение, основаны на вере. Рациональные умы тешат себя тем, что факты неопровержимы. Но они заблуждаются. Ведь люди гибнут, защищая свои убеждения, а не факты.

— Так и каков же выход? Что делать, если перед тобой страдающая, можно сказать, погибающая жертва проклятия?

Ричард обратил на нее свой неземной взгляд.

— Хитрость в том, что нужно признать могущество шамана, а не ставить его под сомнение.

— Признать? Но как?

— Когда я был в Африке, однажды я говорил с человеком, который был проклят местным шаманом и, как и следовало ожидать, на глазах увядал. Психиатр из Европы пытался призвать его к разуму и разоблачить шамана, но это не сработало. Я же выбрал иной путь. Если вкратце, я рассказал ему, что местный шаман в прошлом так часто использовал необыкновенные силы вуду для собственного обогащения, что духи отняли у него способности. А чтобы сохранить свое положение в обществе, не дать соплеменникам догадаться, что у него забрали магический дар, он стал

травить своих жертв. Я сочинил целую легенду, включая подробности смерти его последней жертвы. Я детально описал процесс отравления — как все было проделано и как симптомы отравления имитировали последствия настоящего проклятия. Пока я говорил, я видел, как новая концепция приживается в его сознании. И в результате это помогло. Помогло, потому что он смог принять мою историю, не предавая глубоко укоренившуюся веру в могущество вуду.

Гурни спросил:

— А что стало с тем шаманом?

— Вскоре после того, как прошел слух, что он утратил свой дар, к нему в гамак заползла ядовитая змея, — пожал плечами он. — Шаманы наживают себе кучу врагов. А в Африке опасность поджидает на каждом шагу. Уйма возможностей для мести.

— Вы чувствуете ответственность за его смерть?

— Куда сильнее я чувствую ответственность за спасение человека, которого он пытался убить.

Обдумывая рассказ Ричарда, Гурни удивился особенностям его характера, которые он до этого не замечал: его способности справляться с трудностями, расчетливому уму, готовности взяться за дело в опасной обстановке. Он размышлял о том, как бы копнуть поглубже, когда у него зазвонил телефон.

Посмотрев на экран, он увидел короткое, невнятное, но тревожное сообщение:

«СЕКРЕТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ. РЕКОМЕНДУЕТСЯ СРОЧНО ОТСТУПАТЬ. В.»

Тут он сообразил, что это Вигг ответила на его имейл с фотографиями телефона Мадлен. И снова она явно намекала ему, что, судя по всему, в деле замешаны люди, с которыми не стоит вступать в конфликт.

Ему хотелось сейчас же позвонить ей, но он сдержался, учитывая конспиративный характер полученного сообщения. Между тем он решил, что может использовать данную ситуацию как прикрытия для того, чтобы обследовать шале на предмет жучков, ведь приехали они именно с этой целью.

Он встал с дивана и смущенно сказал:

— Прошу прощения, мне нужно срочно кое-что решить.

Немного отойдя, он убрал телефон в карман и достал детектор. Неспешно он отошел в дальний угол комнаты, словно в поисках укромного уголка. Включив и настроив прибор, он, уставившись в экран, стал ходить взад и вперед по комнате, притворяясь, что пытается поймать сигнал.

Джейн тем временем поднялась со стула и отправилась проверять что-то на кухне.

На экране прибора появились контуры комнаты, а затем три красные точки — точки, обозначающие три разных источника передачи данных, работающих на разных частотах.

При этом он не мог не слышать разговора Мадлен с Ричардом.

— То есть вы утверждаете, что спасли жизнь жертве проклятия с помощью выдуманной вами истории?

— Я просто иначе объяснил происхождение его болезни.

— Но вы соврали.

— Вас это смущает? Вы, похоже, идеалистка.

— Потому что дорожу правдой?

— Возможно, слишком дорожите.

— И какова альтернатива? Верить вранью?

— Если бы я сказал тому человеку правду, правду о том, что магия вуду не работает, что это просто уловка разума, которая принуждает жертву к медленному самоубийству, он бы мне не поверил. Учитывая его жизненный опыт и культуру, он просто не мог мне поверить. Он бы счел мою правду за откровенную ересь. И в итоге умер бы.

— То есть правда бесполезна?

— Нет. Просто правда не первостепенна. В лучшем случае она помогает нам оставаться в строю. В худшем — разрушает нас. — Хэммонд, сидевший в кресле около камина, наклонился вперед, к Мадлен. — Значение правды преувеличено. На самом деле нужно смотреть на мир так, чтобы жизнь становилась более удобной.

Наступило долгое молчание. Первой заговорила Мадлен, и хотя характер ее высказываний оставался критическим, интонация была уже не столь воинственной.

— Это принцип вашей терапии? Выдумывать правдоподобные небылицы для ваших клиентов?

— Правдоподобные *нарративы*. Как способ переоценить какие-то жизненные события, особенно травмирующие. Вам не кажется, что определенное повествование, преображающее жизнь в лучшую сторону, куда предпочтительнее правды, с которой невозможно жить?

После очередной паузы Мадлен тихо сказала:

— Возможно, вы правы.

Гурни пытался переварить все, что сказал Хэммонд, а также реакцию Мадлен, которая его почему-то ужасно расстроила. Одновременно он пытался сосредоточиться на показателях детектора. Но очередное

замечание Хэммонда сбило его с толку.

— Возможно, в вашей жизни случилось некое событие, которое вы не сумели интегрировать в тот нарратив, с которым бы вам жилось легко. Довольно часто именно это является причиной страданий. Но эту боль можно успокоить.

Наступила очередная пауза, и Гурни заставил себя переключить внимание на прибор. Он снова обошел комнату, чтобы точно определить местонахождение жучков. Все они были установлены примерно в центре комнаты, в тех местах, где чаще всего велись разговоры: около камина в гостиной, у обеденного стола и возле столика с домашним телефоном.

Схема из красных точек показывала, что один из жучков спрятан в нижней части деревянного горшка с филодендронами. Второй, с таким же частотным алгоритмом, был метрах в трех от первого — на деревянной люстре в стиле «рустик». Но именно третий жучок насторожил Гурни. С частотой очень высокого диапазона, такой же как и у миниатюрного прибора в телефоне Мадлен, он был спрятан в изящном флероне старинного торшера.

Гурни выключил сканирующее устройство и незаметно убрал его в карман. Он подошел поближе к торшеру, чтобы осмотреть небольшой флерон в виде крошечной вазы, высеченной из какого-то непрозрачного драгоценного камня. Он был темно-зеленый, с редкими вкраплениями ярко-малинового цвета.

Джейн вернулась с кухни.

— Ну что, вам удалось уладить ваши дела?

Гурни отшатнулся от лампы.

— Да, я закончил. Прошу прощения, что перебиваю ваш разговор, но мне нужно ввести вас в курс дела и задать несколько вопросов.

Джейн посмотрела на своего брата.

— Ричард, ты слышишь?

Тот сидел, откинувшись в кресле, сложив пальцы домиком под подбородком. Будто бы с неохотой он перевел взгляд с Мадлен на Гурни.

— Я слушаю вас.

Теперь, будучи уверенным, что дом прослушивается, Гурни обдумывал, что стоит говорить. Ясно было одно — он не хотел подвергать опасности Анджелу Кастро. А в остальном — придется решать по ходу дела. Ему захотелось узнать, что Хэммонд думает по поводу слежки.

— Вы не думали о том, что ваш дом или ваша машина, возможно, прослушивается?

Хэммонд пожал плечами.

— Очень удивлюсь, если это не так.

— Вы приняли какие-то меры предосторожности?

— Нет. Мне нечего скрывать.

— Хорошо. Следующий вопрос. Насколько безумен Пейтон Голл? Хэммонд бегло улыбнулся.

— Вы встретились с ним?

— Да, сегодня вечером. В его оранжерее. В компании обнаженной дамы.

— Всего лишь одной?

— То есть это обычное дело?

— О да, это в порядке вещей.

— То есть это был не спектакль, устроенный специально для меня?

— Не притворялся ли он отморозком, чтобы вы исключили его из списка подозреваемых?

— Да.

— Я бы сказал, что вы видели настоящего Пейтона.

— Он утверждал, что деньги наводят на него скуку и совершенно не интересуют его. Правда или вранье?

— Правда, с точки зрения управления денежными средствами, ведь это требует собранности и терпения, а у него эти качества попросту отсутствуют. А с другой стороны, вранье — ведь его очень интересует, что на них можно купить.

— Пейтону — шлюхи и кокаин, а Остену — отчеты об инвестициях?

— Что-то вроде того.

— Ладно, переходим к следующей теме. Надежный источник рассказал мне, что по крайней мере одной из жертв звонили за пару недель до его приезда сюда. И, вероятно, звонивший посоветовал ему вас.

— И что в этом такого?

— У него сложилось впечатление, что он должен был держать этот разговор в секрете и что, если бы он рассказал кому-нибудь об этом разговоре, его даже могли убить.

Хэммонд растерялся.

— Убить? Если бы он рассказал, что ему посоветовали меня?

— Да, так он и сказал. Вам это о чем-нибудь говорит?

— Нет, определенно нет.

— Вы когда-нибудь были в летнем лагере?

— Где?

— В летнем лагере. Никогда не ездили? В детстве или вожатым? В каком-либо качестве?

— Нет. А что?

— Это долгая история. Но это неважно, если вы никогда не были в лагере.

— Как скажете, — раздраженно ответил Ричард, явно сам привыкший решать, что важно, а что нет. — У вас есть еще вопросы?

— Только замечание. Кажется, дело начинает приоткрываться. Не могу сказать, что оно приближается к развязке, но уверен, что все совсем не так, как кажется Фентону.

Джейн, до этого молча наблюдавшая за разговором, выпалила:

— Спасибо вам! Я никогда не сомневалась в том, что вы способны докопаться до правды, но все равно очень приятно слышать это.

— У меня есть вопрос, — внезапно сказала Мадлен Хэммонду таким голосом, что было ясно — она думает о чем-то своем. — Это касается одного воспоминания о том, что случилось много лет назад, неподалеку отсюда. Я надеялась, что, приехав сюда, смогу это преодолеть. Но у меня не получается. По правде говоря, мне становится только хуже. Я вытащила это воспоминание. Но не знаю, что с ним делать. Я не могу от него избавиться. И не могу жить с ним. Я не знаю, что делать.

— И в чем ваш вопрос? — мягко спросил Хэммонд улыбаясь.

— У вас есть опыт работы с похожими проблемами?

— Чуть раньше я начал говорить о том, что не раз помогал людям примириться с прошлым.

— Думаете, вы сможете мне помочь?

Гурни еле сдержал порыв вмешаться, выразить свое несогласие.

Но он промолчал, испугавшись резкости своего чувства.

Он стоял, ни слова не говоря, пораженный тем, что она захотела излить душу человеку, который, возможно, замешан в четырех убийствах.

Мадлен с Хэммондом договорились встретиться на следующий день в шале, в девять утра, и вскоре все пожелали друг другу спокойной ночи. Хэммонд побрел к камину и, взяв кочергу, стал ворошить угли. Джейн вместе с Гурни и Мадлен вышла на веранду шале.

Ледяной дождь прекратился, но стоял мороз.

— Вы в порядке?

Гурни был настолько сбит с толку собственными мыслями, что не сразу понял, что Джейн обращается к нему.

— Да... все... все в порядке.

Заметив недоверие в ее глазах, но не желая обсуждать истинную причину его тревоги — намеченную встречу Мадлен с Ричардом, — он попытался найти отговорку.

— Мой вопрос может показаться странным, но, Джейн, меня поразил зеленый флерон на одной из ваших ламп. Вы наверняка знаете, какую лампу я имею в виду?

— Из кровавой яшмы? Зеленый с красными вкраплениями?

— Да. Он самый. Это часть лампы или он какой-то особенный?

— Насколько я знаю, он всегда был на этой лампе. Некоторые вещи здесь принадлежат Ричарду, но лампы и мебель местные. А почему вы спрашиваете?

— Я никогда не видел ничего подобного.

— Он *необычный*. — Она замялась. — Забавно, что вы спросили именно про эту штуку.

— Почему?

— Около года назад он исчез. А потом снова появился через пару дней.

— И вы так и не узнали, что это было?

— Нет. Я у всех спрашивала — у обслуживающего персонала, у уборщиков, но никто не знал. Я даже сказала об этом Остену. Но никто не знал, как такое могло произойти.

Она с надеждой посмотрела на Гурни, будто он мог знать разгадку этой тайны.

Он ничего не сказал, и Джейн продолжила:

— И вот это снова случилось.

— В каком смысле?

— Около месяца тому назад. Я заметила, потому что это моя любимая лампа. Я включаю ее каждый вечер.

— Случилось то же самое? Точно так же?

— Да. Однажды вечером я заметила, что он исчез. А через два дня снова появился.

— Это было примерно тогда, когда случилось первое самоубийство?

— До. Точно до того, как наш мир перевернулся с ног на голову.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— Значит, где-то в начале ноября?

— Да.

— А в первый раз? Вы сказали, это было около года назад. Тоже в начале ноября?

— Да. Мне кажется, что да. Помню, Остен как-то глупо пошутил про привидения, пробудившиеся к Хэллоуину.

Глава 32

По дороге обратно в гостиницу, вместо того чтобы спорить с Мадлен по поводу ее встречи с Хэммондом, Гурни пытался понять, почему его это так беспокоит.

Возможно, он почувствовал в ней перемену. Или хуже того — сама Мадлен не менялась, а он лишь сейчас увидел ее настоящую, а не образ, сложившийся у него в голове. Он всегда считал ее воплощением силы и здравого смысла. А сейчас она казалась напуганной и непредсказуемой, пожелавшей довериться психотерапевту, который вполне мог оказаться убийцей.

Пока он парковал «аутбек» под навесом, его мрачные размышления были прерваны телефонным звонком.

Джек Хардвик заговорил, как только Гурни ответил на звонок.

— У меня для тебя свеженькая наводка — нужно встретиться с одним человеком завтра с утра. Это неподалеку, в Оттервиле.

Гурни не сразу сориентировался.

— Оттервиль, конечно, «неподалеку», в добрых трех часах езды отсюда. Что за человек и зачем мне с ним встречаться?

— Его зовут Мо Блумберг. Он владелец и руководитель уже несуществующего лагеря «Брайтуотер». Он перестроил его в дачный поселок под названием «Брайтуотер кэбинс». Но во времена, когда «Брайтуотер» был еще лагерем, именно туда ездил Стивен Пардоза. Завтра днем Мо улетает в Израиль, где он обычно проводит зиму, и если ты не хочешь выслеживать его в Тель-Авиве, нужно увидеться с ним завтра утром.

— А ты не хочешь сам к нему съездить?

— Я бы с радостью, но завтра утром я буду в Тинеке, Нью-Джерси. Друг моего друга связал меня с детективом, который ведет дело о самоубийстве Лео Бальзака. Он отказался говорить по телефону, поэтому придется ехать. Ну, я и подумал: я поговорю с ним, а ты с Мо. Все честно. Что скажешь, Шерлок?

Не успев ответить, Гурни отвлекся на Мадлен, которая вылезла из машины.

— Я замерзла, — объяснила она, — пойду в дом.

Через открытую дверь в машину рвался морозный воздух.

Захлопнув ее, Мадлен быстрым шагом ушла в гостиницу.

То, как она сказала это, напомнило Гурни о дурных мыслях,

изводивших его перед тем, как позвонил Хардвик. Сделав усилие, он вернулся к разговору.

— А ты вообще говорил с этим Блумбергом?

— Очень недолго. Но сначала я пообщался с родственниками Пардозы. Встретился с ними во Флорал-Парке. Они скорбят. И воображают всякое. Сами себя убедили, что их Стиви только взялся за ум. Начал новую жизнь. Впереди было столько возможностей. Никак не могут осознать, что он покончил с собой. Столько всего впереди. И так далее и тому подобное. Мне кажется, рассказывая об этом мне, они сами в это поверили. Если много раз повторять одно и то же, это становится похожим на правду. И вот они все говорили, а я кивал, грустно качал головой и улыбался в нужные моменты, ну знаешь — вся эта эмпатическая херня.

— Господи, Джек...

— Так вот, чем больше я кивал, тем больше они болтали. Но случилось нечто странное, когда я спросил, не бывал ли Стивен в летнем лагере. Они напряглись. Явно не их любимая тема. В общем, похоже, что он ездил в лагерь только один раз. Тринадцать лет назад. Там что-то произошло, но они отказались это обсуждать. Но маленько поднажав на них, я таки раздобыл номер Мо Блумберга и его адрес, который оказался адресом дачного поселка, где раньше и был лагерь. Ты еще со мной?

— Да. Продолжай.

— В общем, я позвонил Блумбергу; по телефону он показался мне довольно пожилым. Я рассказал ему, что мы расследуем убийство одного из ребят, когда-то приезжавших к нему в лагерь, и что нам нужно узнать про то лето, что он провел в лагере. Он сказал, что вся написанная от руки картотека, хранившаяся в коробках из-под обуви, сгорела во время пожара в офисе. Но, когда я назвал конкретный год, когда Стив ездил в лагерь, он довольно странно отреагировал, как и родители Стиви. Отказался говорить о чем-либо, связанном с тем летом, — во всяком случае по телефону. Но согласился встретиться. Ну, я и назначил тебе свидание. На завтра, в одиннадцать утра. Ровно в два он выезжает в аэропорт.

— Что ты ему про меня рассказал?

— Что ты нью-йоркский детектив, расследующий это дело.

— Частный детектив?

— Кажется, этого я не уточнил.

— Ты сказал, что я из департамента полиции Нью-Йорка?

— Да, кажется, я так сказал.

— В прошедшем времени, я надеюсь?

— Это сложный вопрос. Во временах глаголов легко запутаться. Как

говорил Билл Клинтон, все зависит от того, какой смысл вкладывать в слово «быть».

— Если он спросит меня об этом, врать я не буду.

— Само собой. Правда — наше все.

Гурни вздохнул.

— Ну ты скажешь мне его адрес?

— Двадцать семь девяносто девять, Брайтуотер Лэйн, Оттервиль.

Он замолчал, дав Гурни возможность записать адрес, а потом вдруг переключился на другую тему.

— Я хотел кое-что спросить. Ты уверен, что сейчас вокруг тебя нет жучков?

— Уверен, ничего кроме геотрекеров. Я сижу в машине, а мой мобильник вроде в порядке, насколько я знаю. Другое дело — дома у Хэммонда.

— Что ты обнаружил?

— Три аудиожучка.

— Ни фиги себе! Я так и знал!

Достав детектор, Гурни извлек архив данных проверки из шале и сообщил Хардвику о местонахождении датчиков, частоте и силе сигнала. Потом он подробно передал ему рассказ Джейн о ноябрьских пропажах и возвращениях флерона из кровавой яшмы, в котором был спрятан один из жучков.

— Охренеть! — Хардвик присвистнул и уточнил хронологию событий. — То есть Хэммонда начали прослушивать еще за год до того, как заварилась вся эта каша? Зачем?

— Хороший вопрос. И если мы сумеем ответить на него, мы будем на полпути к цели.

Закончив разговор, Гурни запер машину и направился в гостиницу.

В каминном зале он заметил Мадлен, сидящую на корточках возле огня.

Из своего кабинета вышел Остен Стекл.

— Мистер Гурни, мне нужно с вами переговорить.

Он оглядывался по сторонам, как будто таясь, словно желая подчеркнуть деликатный характер предстоящего разговора. Его лысая голова снова блестела от пота.

— Вас искал Фентон. Признаюсь, он был не в духе. Честно говоря, просто взбешен. Думаю, не стоит доводить человека его положения до такого состояния. Я просто хочу, чтобы вы были в курсе.

— Он не сказал, в чем дело?

— Он разбрасывался всякими юридическими терминами. Один из них — «препятствование следствию». А еще «вмешательство в расследование тяжкого преступления». В двух словах, мне показалось, что он ожидал, что вас здесь уже не будет, и очень разозлился, обнаружив, что вы все еще тут. А я просто передаю его слова. Будьте начеку. У этого человека есть власть, он может запросто вам подложить свинью.

Зажмурившись, Гурни представил себе эту картину и еле сдержал смех.

— Спасибо за предупреждение. Кстати, Пейтон рассказал вам про нашу встречу?

— Да, он звонил недавно. Сказал, что все прошло отлично. Без проблем. Это так?

Гурни пожал плечами.

— Наверное, все относительно. Может, вы знаете, кто эта голая женщина с ним?

Стекл ухмыльнулся.

— Которая из них? У него там много голых баб.

— Ну тогда, наверное, это не имеет значения.

Теперь пожал плечами Стекл.

— То есть в целом ваша беседа прошла удачно?

— Думаю, можно сказать и так.

— Так вы не знаете, когда двинетесь дальше? Я бы хотел знать, что говорить Фентону, если он снова приедет.

— Скоро. Скажите ему, что мы скоро уедем.

Какое-то время они смотрели друг другу в глаза. Затем Стекл кивнул, развернулся и отправился в свой кабинет.

Гурни же пошел к Мадлен.

Он сел рядом с ней, поставив стул лицом к камину. Закрыв глаза, он пытался найти правильные слова и поговорить о том, что не давало ему покоя. Но она заговорила первой.

— Ты правда думаешь, что поговорить с Ричардом — неудачная идея?

— Да, думаю, что идея сомнительная.

— В шале мне показалось, что ты взорвешься.

— Если честно, я был в шоке. Твой порыв рассказать что-то столь личное человеку в его положении привел меня в замешательство. Ведь еще вчера ты была так зла на него? И говорила мне, что он лжец, поскольку утверждает, что не может разобраться в самом себе? А еще пытается манипулировать нами, делает из нас идиотов?

Мадлен вздохнула.

— Я разозлилась, потому что он задел меня за живое. Это я не могу разобраться в себе. Я думала, что примирилась с прошлым. Лицемерила я, а не он. — Она тихонько усмехнулась. — Самое опасное относительно прошлого — думать, что ты его пережил.

Вдруг он осознал, что она во многом права. Но все равно не одобрял ее идею обсуждать прошлое с Хэммондом.

Словно в ответ на его молчаливый протест, она умоляюще заглянула ему в глаза.

— Я должна что-то сделать. Сейчас. Наш приезд сюда всколыхнул столько воспоминаний. И я никак не могу выбросить их из головы.

Он хотел знать, о каких именно воспоминаниях она говорит. Но боялся спросить. Он боялся обнаружить, что та сторона Мадлен, которую он никогда не знал, и была настоящей.

Она повернулась к нему, вцепившись руками в пухлую ручку кресла.

— Если я не попытаюсь, я сойду с ума. Я это чувствую. Пожалуйста, пойми меня. У меня нет выбора. Встреча с Хэммондом — моя единственная надежда.

Глава 33

Ему снился какой-то звенящий звук. Звук преобразился во что-то блестящее. Сияющие сине-зеленые глаза Ричарда Хэммонда. Блеск. Звон.

— Дэвид, это твой телефон, — у постели в белом махровом халате стояла Мадлен. У нее были мокрые волосы. Она протягивала ему телефон.

Гурни взял телефон, проморгался и увидел, что номер не определился. На часах было 6.46. Он приподнялся и уселся на краю кровати.

— Гурни слушает.

— Прости, что разбудила тебя, Дэвид. Это Робин Вигг.

— Ничего страшного. Мне уже надо было вставать.

— С тех пор как я отправила тебе то сообщение, я все думала, стоит ли сделать контрольный звонок.

— Я понял, что тема щекотливая, судя по выбору слов в сообщении.

— Это еще мягко говоря. Кстати, я звоню в неофициальном порядке, не из офиса. Так вот, к делу. Сначала, что касается фотографии мобильного телефона. Передатчик, установленный вместо обычного микрофона, — строго засекреченное устройство. И оно доступно далеко не всем федералам. Речь о довольно узком круге сотрудников национальной безопасности. Ты понимаешь, о чем я?

— Что я под наблюдением каких-то очень опасных людей?

— И снова мягко сказано. Скажу тебе напрямую. Все, что мы знаем о ФБР, ЦРУ, АНБ и военной разведке, — это только цветочки. У тех, кто тобой заинтересовался, есть доступ к данным всех вебсайтов, на которые ты когда-либо заходил, всех номеров, на которые ты звонил, всех покупок с твоей кредитной карты, всех книг, которые ты брал в библиотеке. Если на твоём мобильном телефоне не отключена функция GPS, то они знают твой каждый маршрут, каждый адрес, куда ты заезжал, всех друзей, врачей, адвокатов, психотерапевтов. И это еще цветочки. Если они решат, что ты мешаешь оперативным действиям, связанным с национальной безопасностью, они могут начать записывать твои телефонные разговоры, установить прослушку у тебя дома. Могут проверить твои банковские счета, налоговые отчеты, школьные и университетские архивы, медицинскую карту. Они могут сделать так, что ты сгинешь на бесконечных допросах, просто под предлогом того, что связан с какой-нибудь террористической организацией, которой, может, даже и не существует. Программа «Защищая родину» развязала руки ряду очень жестоких людей. Вопросы есть?

— Целая тьма вопросов. Но я не уверен, что хочу знать на них ответы.

— Удачи, Дэвид. И будь очень, очень осторожен.

Он стал благодарить ее за то, что она позвонила ему, рискуя собственной безопасностью, но она уже положила трубку.

Учитывая описанную ей картину происходящего и загадочного неприятеля в кулуарах федеральных органов, очень легко было впасть в паранойю. Но, с другой стороны, принимая во внимание широкомасштабное вмешательство органов в частную жизнь, разве можно было исключать даже самый безумный расклад? Данные теперь собирают, позабыв обо всех этических нормах. Наделить амбициозных лицемеров-бюрократов столь могущественными средствами было сродни тому, чтобы дать школьному забияке доступ к оружию массового уничтожения.

Гурни понимал, что эта общественная катастрофа ему неподвластна. Однако в его власти было решать, как распоряжаться своим временем и к чему прилагать усилия. Сейчас самое важное — понять, стоит ли сосредоточиться на чем-то одном или же заняться в равной степени делом и проблемами Мадлен. Иногда, погружаясь в расследование, он забывал о том, что он еще и чей-то муж.

— Тебе не пора ехать? — Мадлен вошла в спальню, держа в руке свой айпэд, на котором громко играла музыка — предложенная ей маскировка от прослушки.

— Я успею, — сказал он, вставая с кровати. — Если выехать до восьми, к одиннадцати точно буду в Оттервиле. Кстати, как ты собираешься добраться до Хэммонда?

— Я могу взять один из гостиничных джипов или даже пойти пешком, если не будет снегопада. Это всего в километре отсюда.

— Тебе нужно быть там к девяти?

— Ричард сказал, что я могу прийти пораньше и позавтракать с ними. Вообще он сказал, что мы оба можем прийти, но я подумала, что ты не захочешь.

В ответ на это он сумел лишь молчаливо кивнуть. Затем проворчал что-то насчет душа и бритья и ушел в ванную, закрыв за собой дверь.

Он понимал всю нелепость чувства гнева, которое он испытывал. Но и избавиться от него не мог.

Готовясь к отъезду в Оттервиль, он параллельно объяснял Мадлен, где именно в шале прибор засек жучки и где им с Хэммондом стоит устроиться, чтобы свести к минимуму их эффективность.

— Сядь к ним спиной и разговаривай как можно тише. Можешь даже взять с собой айпэд и включить музыку. Хэммонду скажешь, что она помогает тебе расслабиться.

Она протянула к нему руки, а глаза ее заблестели от слез. Она крепко, почти с отчаянием, обняла его.

— Что такое? — спросил он.

— Как же сильно я ошиблась, решив приехать сюда.

— Мы можем уехать в любой момент.

— Нет. Проблема внутри меня. Убежать не получится. — Она задумчиво помолчала. — Тебе пора ехать. Быть может, мистер Блумберг поможет тебе разгадать тайну Волчьего озера.

В одиночестве ему было проще сосредоточиться на деле. Он решил поискать противоречия в показаниях Анджелы Кастро. Достав телефон, он нашел запись их разговора и нажал кнопку воспроизведения.

Гурни тут же очень живо вспомнил сцену в «Кукольном доме». Услышав голос Табиты, он снова удивился странному сочетанию внушительного вида и почтительности, и доводу Анджелы, дескать, Табита надеется, что они купят еще одну Барби.

Однако ему не удалось обнаружить никаких несоответствий.

Тогда он снова прослушал запись.

И вот во время второго прослушивания он услышал. Всего одно

лишнее слово.

Слово «потом».

Его насторожило даже не само слово, а то, как Андже́ла его употреби́ла.

Гурни спросил ее, что Пардоза рассказывал ей про Хэммонда, а она ответила, что он назвал его омерзительным.

Затем Гурни спросил, рассказывал ли ей Пардоза о своих кошмарах.

Она ответила: «Да, но уже потом».

Гурни зацепило то, как она использовала слово «потом», — прозвучало это так, будто прошло достаточно много времени. Но ведь она говорила, что Пардоза поведал ей о своем кошмаре, сразу как он приснился ему в первый раз, на следующую ночь после его встречи с Хэммондом.

Самое ранее, когда Пардоза мог назвать Хэммонда омерзительным, — это днем, уже после сеанса гипноза. А ночью или на следующее утро он вполне мог упомянуть свой сон. Следовательно, прошло от двенадцати до восемнадцати часов, что совсем недолго.

Гурни понимал, что в своих домыслах зашел довольно далеко, основываясь лишь на том, как прозвучало одно-единственное слово. Прежде чем двигаться дальше, ему необходимо было узнать, что именно Андже́ла имела в виду под словом «потом». Был только один способ выяснить это. Он свернул на обочину, нашел в записной книжке номер мобильного Анджели́ и нажал кнопку «Позвонить».

Она ответила слабым напуганным голосом.

— Алло?

На заднем фоне были слышны голоса в телевизоре, смех и аплодисменты.

— Андже́ла, это Дэйв Гурни. У вас все в порядке?

— Вроде да. Что-то случилось?

— Нет, все хорошо. Меня заинтриговал один момент в нашем разговоре, и я подумал, может быть, вы поможете мне. Вы сейчас можете говорить?

— В каком смысле?

— Вы можете говорить откровенно? Вы одна?

— А кому здесь еще быть? Я же в своей комнате.

— В гостинице «Кукольного дома»?

— Да.

— Отлично. Давайте я расскажу, в чем дело.

Он пересказал ей их разговор и объяснил, в каких обстоятельствах она использовала слово «потом».

— Мне хотелось бы узнать, сколько времени прошло между этими двумя разговорами.

— Я не понимаю.

— В какой-то момент Стиви сказал вам, что гипнотизер омерзителен. А потом, позже, он рассказал вам о своем кошмаре. Так вот насколько позже он рассказал про кошмар?

— Господи, откуда же я знаю. Я не считала дни.

— То есть прошло несколько дней, не несколько часов?

— О нет, точно несколько дней.

— Хорошо. А правильно ли я помню, что Стиви рассказал вам о кошмаре сразу после того, как он впервые ему приснился, ночью того же дня, что он был на приеме у Хэммонда?

— Точно. Я в этом уверена. Потому что мы были здесь.

— В «Кукольном доме»?

— Да.

— То есть получается, он назвал Хэммонда омерзительным по крайней мере за пару дней до этого. Вы же сказали *дней*, да? То есть это произошло до его поездки на Волчье озеро. Вы, наверное, еще были во Флорал-Парке, когда он это сказал? Так?

В ответ до него доносились лишь звуки телевизора.

— Анджела?

— Да, я здесь.

— Вы слышали, что я спросил?

— Да, слышала.

И снова наступило молчание.

— Анджела, это очень важно. Откуда Стиви мог знать, что гипнотизер омерзителен, если он его никогда не видел?

— Видимо, кто-то ему рассказал.

— Тот, кто ему звонил?

— Этого я сказать не могу.

— Так как Стиви предупредил, что если вы будете об этом болтать, то вас могут убить?

— Ну зачем вы меня об этом спрашиваете? — отчаянно проскулила Анджела.

— Анджела, если вы не доверитесь мне и не выложите мне все, что знаете, нас всех могут убить.

Она снова молчала.

— Анджела, используя слово «омерзительный» относительно других людей, что Стиви обычно имел в виду?

— Ну откуда мне знать? — В голосе ее звучала паника.

— Но ведь вы знаете, Анджела. Я же слышу по вашему голосу. Ее молчание подтвердило его догадку, и он продолжил.

— Вы знали, что он имел в виду, но вас это расстраивало?

Она всхлипнула, сглотнула, и снова всхлипнула.

Гурни выжидал. Плотину наконец-то прорвало.

— Стиви... предвзято относился ко всякого рода вещам. К некоторым людям. Но поверьте, он был хорошим человеком. Но иногда... В общем, он плохо относился к геям. Он говорил, что то, чем они занимаются, омерзительно.

— И что сами они омерзительны?

— Да, так он тоже иногда говорил.

— Спасибо, Анджела. Я знаю, вам было тяжело признаться мне в этом. Чтобы убедиться, что я не ошибаюсь, позвольте мне задать вам еще один вопрос. Человек, звонивший Стиви, который велел ему поехать к Хэммонду, это он сказал ему, что Хэммонд гей?

Молчание затянулось.

— Это чрезвычайно важно, Анджела. Это он сказал Стиви, что Хэммонд гей?

— Да.

— А вы не спросили Стиви, почему он хочет пойти на прием к психотерапевту-гею?

— Спросила.

— И что он сказал?

— Чтобы я перестала задавать вопросы, потому что это опасно.

— Он не говорил, почему это опасно?

— Он сказал то же самое, что и в тот вечер, когда ему позвонили: что нас могут прикончить.

Глава 34

К тому времени, как Гурни доехал до поворота на Оттервиль, облака рассеялись, и бледное зимнее солнце осветило пейзаж.

Он прикинул, не стоит ли повернуть то же, что и в Лейк-Джордже, чтобы скрыть, куда именно он едет, но решил, что оно того не стоит. Ничего страшного, если трекары покажут, что он приехал в поселок в Оттервиле. Были веские причины скрывать местоположение Анджелы Кастро, но на Мо Блумберга они не распространялись.

Он проехал через деревушку Оттервиль, состоявшую из заброшенной автомастерской, закрытого ларька с хот-догами и заправки с двумя колонками. Километра через полтора навигатор указал ему свернуть на Брайтуотер-лейн, грунтовую дорогу, пролегавшую через лес к поляне возле небольшого озера, на которой были разбросаны с десятков маленьких домиков. В центре полянки был каменный фундамент и несколько обгоревших в пожаре балок — все, что сохранилось от когда-то стоявшего здесь дома. Рядом была припаркована подержанная «тойота камри».

Гурни встал за «тойотой». Вылезая из машины, он услышал, как кто-то позвал его:

— Идите сюда.

Он не сразу понял, откуда донесся голос, но потом увидел человека в окне одного из домиков.

— Обойдите кругом. Вход со стороны озера.

Когда Гурни подошел к дому и стал подниматься на веранду, дверь открылась, и показался пожилой, но на вид крепкий седой мужчина в бежевых брюках и синем пиджаке. Его костюм, как и два чемодана, стоявшие возле двери, свидетельствовали о предстоящем отъезде.

— Мистер Блумберг?

— Понимаете, вся фишка в озере, — сказал тот, словно Гурни подверг сомнению положение веранды, — поэтому домики и выходят на эту сторону. Вы, должно быть, детектив Горни, да?

— Гурни.

— Как корова?

— Коровы, кажется, с острова Гёрнси.

— Понял. Проходите, проходите. Вы в курсе, что у меня немного времени?

— Да, знаю, что вы улетаете в теплые края.

— Пятнадцать-двадцать градусов в это время года. Много солнца. Куда лучше, чем морозить свой *тухес* здесь. Были времена, когда зимы были мне нипочем, и я хихикал над стариками, сбегавшими во Флориду и другие места потеплее. Однако достаточно всего нескольких лет с артритом, чтобы понять, что это весьма благоразумно. Коли суставы здесь болят, а там нет, чего же тут думать? И да, отвечая на ваш вопрос, я — Мо Блумберг. Я, может, теперь в чем-то и путаюсь, но в этом твердо уверен.

Пока они пожимали друг другу руки, Гурни осмотрел домик. С того места, где он стоял, видна была только большая комната, обставленная частично как кабинет, а частично как гостиная; в центре стояла старинная чугунная буржуйка. Мебель была слегка обшарпанная.

— Садитесь, пожалуйста. Второй детектив как-то невнятно мне объяснил. В чем же все-таки дело?

Блумберг не сдвинулся с места, и Гурни тоже не стал садиться.

— Молодой человек по имени Стивен Пардоза умер недавно при подозрительных обстоятельствах. Может быть, вы что-нибудь про это видели по телевизору?

— Где вы видите телевизор?

Гурни огляделся по сторонам.

— У вас нет телевизора?

— Для человека, у которого есть хотя бы половина мозга, ничего стоящего по телевизору не показывают. Шум да всякие глупости.

— То есть вы впервые услышали о смерти Стивена Пардозы от детектива Хардвика?

— Он называл это имя. Но я до сих пор не очень понимаю, что произошло.

— Он сказал вам, что тринадцать лет назад Стивен Пардоза был в вашем лагере?

— Да, что-то такое он говорил.

— И вы не помните ни имени, ни человека?

— Я тридцать восемь лет руководил лагерем, каждое лето сюда приезжали сто двадцать мальчиков. Последняя смена была двенадцать лет назад. Вы правда считаете, что я должен помнить каждого из них? Вы знаете, сколько мне лет, детектив?

— Нет, сэр, не знаю.

— В следующем месяце мне исполнится восемьдесят два года. Я с трудом вспоминаю собственное имя и какой сегодня день. Или зачем я пришел на кухню.

Гурни сочувственно улыбнулся.

— Вы сказали, что двенадцать лет назад был последний год работы лагеря?

— Да, это я точно знаю.

— А Стивен Пардоза был здесь тринадцать лет назад. Получается, за год до закрытия?

— Довольно простая арифметика.

— Лагерь, по-видимому, много лет пользовался большим успехом?

— Это верно.

— А почему же вы решили его закрыть?

Блумберг вздохнул и покачал головой.

— Мы лишились почти всех наших клиентов.

— Почему?

— Произошла трагедия. Ужасное происшествие. А потом все пошло по нарастающей. Рассказы, слухи, полное безумие. Как говорят — хуже некуда. Вот так оно и случилось. Один год мы были на вес золота. А на следующий год оказались в полном дерьме.

— Что произошло?

Блумберг горько усмехнулся.

— Ответьте на этот вопрос и получите приз.

— Я не очень вас понимаю.

— Никто не знает, что произошло.

— Вы сказали, что хуже не бывает. Что вы имели в виду?

— Наперекосьяк пошло все, что могло пойти наперекосьяк.

— Расскажите мне. Это может оказаться весомой информацией.

— Может оказаться? Это было достаточно весомо, чтобы уничтожить лагерь «Брайтуотер» — лагерь, который, к вашему сведению, работал пятьдесят лет до того, как я стал его руководителем еще на тридцать восемь лет. Старинная организация. Традиции. Все развалилось.

Гурни молчал. Он ждал, зная, что Блумберг все ему расскажет.

— Конечно, не все всегда было стабильно — были и благополучные времена, и периоды похуже. Я сейчас не о бизнесе говорю, не о финансовых делах. С этим всегда все было в порядке. Я про коллектив — всякие ребята приезжали. Эмоциональное взаимодействие. Общий настрой. Как говорится, одна паршивая овца все стадо испортит. Были годы, когда здесь чувствовались чистота и свет — лучшие годы. Но в тот год, тринадцать лет тому назад, все с самого начала не задалось. Воздух был пропитан чем-то дурным, злобным. Чувствовался страх. Вожатые увольнялись. Некоторые ребята написали родителям, чтобы их забрали. Теперь есть такое выражение: «токсичная обстановка». Вот так и было. И все это еще до самого происшествия.

Блумберг снова покачал головой и, казалось, провалился в воспоминания.

— Вы сказали, происшествие? — подсказал Гурни.

— Один из ребят пропал.

— Пропал... навсегда?

— Он был на ужине. А на завтрак уже не пришел. И больше его никогда не видели.

— Полиция принимала участие в поисках?

— Разумеется. Какое-то время его искали. А потом решили, что он просто сбежал, и потеряли всякий интерес. Они прочесывали лес,

расклеивали объявления о его пропаже, проверяли автобусные остановки, даже поместили его фотографию в местные газеты. Но, увы, все это ни к чему не привело.

— С чего все взяли, что он сбежал?

— Возможно, он истосковался по дому, ненавидел лагерь. Возможно, над ним здесь подтрунивали. Вы должны кое-что понимать. Это было тринадцать лет назад — до того как поднялась вся эта шумиха насчет травли. Не поймите меня неправильно. Мы, конечно, этого не приветствовали. Но дело в том, что в те годы травля была неотъемлемой частью взросления. Реалией жизни.

Реалией жизни, подумал Гурни. А временами и смерти.

— И что, когда полиция остановилась на версии о побеге, на этом все и закончилось?

Блумберг снова горько рассмеялся.

— Если бы! Конца этому было не видать. Лагерь мог пережить исчезновение или побег. Но, увы, лагерь не смог пережить весь этот бред собачий.

— Это вы о чем?

— Пошли слухи. Домыслы.

— Какого рода слухи?

— Все самое страшное, что только можно себе представить. Я же говорил, атмосфера в лагере была скверной и до исчезновения парня, а уж потом пошло-поехало. Рассказни некоторых мальчишек, да и кого-то из родителей просто в голове не укладывались.

— Например?

— Все, что в голову взбредет, чем страшнее, тем лучше. Что пропавшего мальчишку на самом деле убили. Что его принесли в жертву сатанисты. Что его утопили, разрубили на маленькие кусочки и скормили койотам. И тому подобная чушь. Ходила даже история, что какие-то пацаны, как раз из тех, что были паршивыми овцами, вбили себе в голову, что паренек был *фейгеле*, забили его до смерти и закопали в лесу.

— Просто потому что он был геем?

— Геем? — Блумберг покачал головой. — Какое слово, а? Как будто это какое-то особенное, счастливое состояние. Лучше бы называли их чертовыми извращенцами — так точнее.

Гурни стало нехорошо от мысли о том, что пережил тот мальчик в лагере, где самый авторитетный взрослый так к нему относился.

— Полиция отработала все эти жуткие версии?

— Ничего из этого не вышло. На эту тему ходило столько безумных

легенд, что уже ни одна из них не выглядела правдоподобной. У подростков очень изощренное воображение. Мое мнение? Я согласен с полицией — думаю, что он сбежал. Нет никаких доказательств, что произошло что-то страшное. Только все эти сплетни. А сплетни, они как электричество. Опасная штука.

— Значит, сплетни уничтожили лагерь?

— И поставили крест на его могиле. Следующим летом у нас было занято меньше трети коек, и половина ребят уехали до конца смены. Сплетни вернулись, как инфекция. Лагеря просто не стало. Чертовски жаль.

— А про паршивых овец — вы не помните имен?

Блумберг покачал головой.

— Лица помню, а вот с именами беда. Кажется, у них были какие-то клички. Но опять же, я не помню.

— А имя мальчишки, который пропал, вы помните?

— Ну, это легко. Оно столько раз всплывало. Скотт Фэллон.

Гурни записал имя.

— А кто-нибудь расследовал пожар в главном здании, который уничтожил картотеку с именами и адресами?

— Ага, расследование, которое привело в никуда.

— Но несмотря ни на что, вы остались здесь. Переделали лагерь в коттеджный поселок. Вы, должно быть, очень привязаны к этому месту.

— Лагерь «Брайтуотер» был когда-то волшебным местом. Счастливым местом. Я стараюсь об этом не забывать.

— Вы молодец. А как идет дачный бизнес?

— Бизнес — дерьмо. Но выживаем.

Гурни улыбнулся и протянул Блумбергу карточку с номером телефона.

— Спасибо, что нашли для меня время. Если вы вдруг вспомните что-то еще, какие-то события, может, имена или клички, пожалуйста, позвоните мне.

Блумберг, нахмурившись, смотрел на карточку.

— Вас зовут Гурни.

— Так точно.

— Не как корову?

— Нет, не как корову.

По пути обратно на Волчье озеро Гурни пытался соотнести новую информацию от Мо Блумберга со всем тем, что уже было ему известно.

Гомофобия явно была общим знаменателем, и ему не терпелось узнать, не вылезла ли она в разговоре Хардвика с детективом из Тинека.

Он съехал на обочину, достал мобильный и набрал Хардвика.

Тот сразу поднял трубку, что было хорошим знаком.

— Ну что, орел?

— Просто любопытствую, удалось ли тебе встретиться с человеком из Тинека?

— Удалось, посидели, поговорили. Если вкратце, он по горло сыт политикой в этом деле.

— Политикой?

— Какие-то непонятные приказы сверху. Приказы серьезные — нужно их выполнять, но в то же время довольно неоднозначные. Ясно одно: они спускаются с верхних слоев атмосферы, от тех, кто твою карьеру одним щелчком пальцев может спустить в унитаз, как дохлую муху.

— И что твой новый друг обязан делать, чтобы избежать судьбоносного щелчка?

— Держаться в стороне, подальше от минного поля, и поверить, что дело под контролем у надежных людей.

— И снова это минное поле.

— Чего?

— Фентон сказал мне, что я как слепец на минном поле.

— Приятно, когда все на одной волне.

— А он не знает, в чьих надежных руках находится дело?

— Ему намекнули, что про этих людей даже заикаться не стоит.

— Слышу отголосок предостережений Робин Вигг. Как ты думаешь, что вообще происходит?

— Хрен его знает. А парень в Тинеке знает только, что ему не положено что-либо знать, говорить или делать. И его это страшно раздражает.

— Его раздражение может сыграть нам на руку.

— Я тоже об этом подумал. Я сказал ему, что нам бы очень хотелось узнать бывал ли Бальзак в лагере «Брайтуотер», не было ли у него предвзятого отношения к геем, а также не был ли он в прошлом знаком с Голлом, Хораном или Пардозой.

— И?

— Он сказал, что будет счастлив нам помочь и выяснит все, что сможет, главное, чтобы никто об этом не узнал. Я его успокоил — сказал,

что с радостью сообщу, что это дело развалил я, и запихну его в задницу этим ребятам из верхних слоев атмосферы.

— Думаю, ты растопил его сердце.

— Посмотрим, какую информацию он для нас раздобудет. А ты-то доложи, как прошло твое свидание с Мо.

— Он рассказал, что то лето, когда Пардоза ездил туда, было жутким. Пропал один из мальчишек. А потом ходили слухи, будто его убили за то, что он был геем. Но проблема в том, что нет никаких доказательств.

— Но снова всплывает все тот же лейтмотив.

— Вот-вот.

— Что еще он говорил?

— Все твердил про паршивых овец в стаде. Но имен не вспомнил. Имя Пардозы ему якобы ни о чем не говорит. Может, я ему звякну еще раз, пока он не улетел в Тель-Авив, может, фамилии Бальзака, Хорана и Голла пробудят какие-то воспоминания.

— Что в остальном? Как Мадлен?

— Очень нервничает. К слову сказать, мне пора. Я слышал, приближается неслыханная снежная буря.

Чем дальше на север он продвигался, тем чернее все вокруг становилось. Доехав до вершины последней гряды перед Волчьим озером, он остановился на обочине. Наконец-то попав в зону покрытия сигнала, он набрал Мо Блумберга.

Включилась голосовая почта. Гурни оставил ему сообщение: назвал имена жертв, которые не упомянул при встрече в Оттервиле, и для пущей верности имя Ричарда Хэммонда, и спросил, не вызывают ли эти имена каких-нибудь воспоминаний о том ужасном лете.

Когда он выехал обратно на дорогу, небо над ним приобрело зловещий иссиня-черный оттенок, а в лучах фар видно было, как падали редкие снежинки.

На середине извилистой дороги от вершины горы к озеру фары его осветили сосновую чащу, и он заметил какое-то движение. Гурни затормозил и включил дальний свет, но зверь, кем бы он ни был, уже исчез в дремучем лесу. Он слегка опустил стекло и прислушался. Но в лесу стояла полная, оглушительная тишина. Он двинулся дальше.

К тому моменту, как он припарковался под навесом у гостиницы, невероятная тьма окутала озеро и окружающие его горы, пошел снег.

Старинные часы в холле показывали половину пятого. Он проверил, нет ли в каминном зале Мадлен, и поспешил наверх.

В номере горела лишь одна керосиновая лампа возле дивана. Сначала он решил, что электричество снова отключили, но услышал голос Мадлен:

— Не включай свет.

Он обнаружил ее в спальне. Она сидела в пижаме посередине кровати, закрыв глаза и скрестив ноги в позе лотоса. Спальный альков был залит янтарным светом второй керосиновой лампы, стоявшей на письменном столе. С планшета Мадлен играла гитарная музыка. Сам планшет лежал на ручке кресла, стоявшего под портретом Хардинга.

Она показала ему три пальца, что, как он понял, обозначало, сколько еще минут она будет оставаться в этой позе. Гурни сел на стул между кроватью и письменным столом и стал ждать. Вскоре она открыла глаза.

— Здесь мы можем разговаривать? — ее голос был намного спокойнее, чем за все последние дни.

— Да, здесь, в алькове, пока там играет музыка — можем. — Он присмотрелся к ее лицу. — Ты выглядишь... расслабленной.

— Я и чувствую себя расслабленной.

— А зачем керосиновые лампы?

— Мягкий свет успокаивает.

— Как прошла твоя встреча с Хэммондом?

— Замечательно.

Он пристально смотрел на нее, ожидая еще подробностей.

— И все?

— Он знает свое дело.

— Какое?

— Знает, как уменьшить тревогу.

— И как он это делает?

— Это трудно описать словами.

— Ты как будто под валиумом.

Мадлен пожала плечами.

— Ты же не принимала никаких таблеток?

— Ну конечно, нет.

— Так о чем вы говорили?

— О том, каким сумасбродом был Колин.

Гурни снова посмотрел на нее так, словно ждал продолжения.

— И?

— О моем чувстве вины, о том, как я винила себя, за то, что он сделал.

Они оба замолчали. Мадлен задумчиво глядела на лампу.

— О чем ты думаешь? — спросил Гурни.

— Я думаю о том, что Ричард невиновен и ты должен ему помочь.

— А как же наша поездка в Вермонт?

— Я позвонила им и все отменила.

— Что?!

— Не прикидывайся. Ты ведь и не особо хотел ехать.

Она медленно выпрямила ноги и слезла с кровати.

— Мне кажется, тебе нужно отдохнуть. Может, поспишь немножко? А я приму ванну перед тем, как мы пойдем на ужин к Джейн и Ричарду.

— Опять ванну?

— Может, и тебе стоит попробовать.

Мадлен достала из сумки маленький пузырек с шампунем, вышла в гостиную, взяла стоявшую там керосиновую лампу и ушла в ванную. Он услышал, как она повернула краны, как полилась вода.

Гурни сделал несколько глубоких вдохов и попытался размять шею и плечи, чтобы немного расслабить мышцы. Он задумался, откуда же взялось это напряжение. Первая мысль, пришедшая в голову, пришлась ему не по душе — он ревновал и злился, что другой мужчина помог Мадлен там, где сам он ничего не смог сделать.

Он услышал, как Мадлен выключила воду. Через пару минут она вернулась в спальню. Освещаемая мягким светом лампы, она не спеша сняла пижаму и положила ее на кровать.

Как и всегда, красота ее тела сразила его.

Она, казалось, почувствовала, что он стал смотреть на нее иначе.

Повернувшись к столу, она выдвинула ящик, достала комплект нижнего белья и положила его на банкетку, стоящую у кровати. Затем выдвинула другой ящик и достала джинсы и свитер. Их она тоже разложила на банкетке, как бы невзначай приблизившись к Гурни.

Он потянулся к ней и, едва касаясь, кончиками пальцев дотронулся до ее бедра.

Поймав его взгляд, она испытующе смотрела на него.

Они оба молчали. Она убрала пижаму, сняла покрывало и легла на кровать. И молча смотрела, как он раздевается.

Они страстно занимались любовью, как бы создавая маленькую вселенную, в которой ничто больше не имело значения, кроме того, что в тот момент происходило между ними.

Он лежал рядом с ней в забытьи, она наклонилась к нему и еще раз поцеловала его в губы. Затем встала и вышла из спальни. Через несколько секунд он услышал, как закрылась дверь ванной.

Впервые за долгое время почувствовав себя умиротворенным, он разрешил себе задремать.

Когда потом, оглядываясь назад, он восстанавливал в памяти, как все произошло, он не мог точно вспомнить, сколько прошло времени между тем, как закрылась дверь ванной, и этим жутким моментом, который все перевернул.

Пять секунд? Десять? Возможно, даже тридцать секунд?

Жуткий, оглушительный звук, пронзил его насквозь. Это был душераздирающий вопль ужаса, за которым последовал грохот от падения тела.

Он выскочил из кровати и бросился в ванную, не заметив, как ударился голенью об стул и опрокинул его.

— Мадлен! — прокричал он, схватив ручку двери и поворачивая ее. — Мадлен!

Дверь не открывалась. Что-то мешало. Прислонившись к ней плечом, он всем своим весом навалился на нее и стал толкать изо всех сил.

Дверь с трудом поддавалась, и он протиснулся в ванную.

В тусклом свете керосиновой лампы он лихорадочно огляделся по сторонам. И увидел на полу голую Мадлен. Она лежала на боку, обхватив себя руками за колени.

— Что? — воскликнул он, упав на колени рядом с ней. — Что такое? Что случилось?

Она попыталась что-то сказать, но ее слова потерялись в сдавленных рыданиях.

Он прижал к ее щекам ладони.

— Мэдди, ответь мне. Что произошло?

Но она смотрела мимо него. Ее полный ужаса взгляд был прикован к огромной ванне на львиных лапах. К ванне, которую она только-только наполнила водой.

— Что? Что случилось?

В ответ она простонала какое-то слово.

Но это было не просто слово. Это было имя.

— Колин.

— Колин? Колин Бантри?

Захлебываясь в слезах, она ответила:

— Его тело.

— Что с ним?

— Посмотри.

— Посмотреть?

— В ванне.

Часть третья. Волк и ястреб

Глава 36

Подойдя к ванне и заглянув в нее, он не увидел ничего, кроме воды и клубящегося пара. Сначала он осмотрел ее при тусклом свете керосинки, а потом включил верхний свет, чтобы разглядеть получше. Ничего необычного он не увидел.

Он вернулся к Мадлен, которая, все еще съезжившись, сидела на полу, прижимая колени к груди.

— Мэдди, в ванне ничего нету. Просто вода.

— Под водой! — прорыдала она, — Посмотри под водой!

— Я посмотрел. Там ничего нету.

Глаза ее были круглыми от страха.

Он сделал над собой усилие и спокойно сказал:

— Как ты думаешь, ты сможешь подняться с моей помощью?

Она, казалось, не понимала, что он говорил.

— Давай я тебя подниму и отнесу в комнату, хорошо? Давай поднимем тебя и вытащим отсюда.

— Посмотри под водой!

Гурни снова подошел к ванне и нарочито тщательно все осмотрел. Когда он опустил руку в воду, Мадлен в ужасе ахнула.

— Видишь, Мэдди, все в порядке, здесь только вода.

Он опустился рядом с ней на колени. Обхватив ее тело руками, он попытался поднять ее. В таком неловком положении это было очень трудной задачей, и он чуть не упал на нее. В конце концов он донес ее до кровати.

Включив прикроватные лампы, он еще раз проверил, нет ли у Мадлен переломов, ссадин или каких-то еще видимых повреждений. Но нашел лишь красноватое пятно на бедре, от удара при падении.

Он присел возле кровати и, наклонившись к ней, спросил:

— Мэдди, ты можешь рассказать, что именно произошло?

— Колин. В воде. Распухший. — Она опасно повернулась лицом к стене, которая разделяла спальню и ванную. — Я видела его!

Ее щека нервно дергалась.

— Все нормально, Мэдди. Там ничего нету. Это была какая-то оптическая иллюзия. Вода, пар, приглушенный свет...

— В ванне был труп — не пар и не приглушенный свет! Его раздутое лицо и шрам на брови! Шрам от футбола! Ты вообще слышишь, что я говорю?

Ее стало трясти.

— Да, Мэдди, слышу. Правда, я слышу.

Он встал, взял фланелевую простыню и одеяло и укрыл ее.

Гурни понимал, что бесполезно убеждать ее, напуганную и дрожащую, в том, что воображение, воспоминания и чувство вины в совокупности могли породить столь жуткий мираж. Сейчас она бы просто не восприняла это.

Стоя, он наблюдал за ней, пока она не закрыла глаза. Еще будет подходящее время взглянуть на произошедшее с рациональной точки зрения, возможно, даже с помощью психотерапевта. Но теперь...

Раздумья его нарушил звук, доносившийся из ванной. Еле слышный скрип.

По спине пробежали мурашки.

Он натянул джинсы и свитер, достал «беретту» из кармана куртки и снял ее с предохранителя. С тревогой взглянув на Мадлен, он, босой, тихо пошел к ванной.

Подойдя к двери, он снова услышал слабый скрип, но, казалось, теперь он доносился из коридора. Казалось, что звук приближается к двери номера. Сделав несколько широких шагов, он оказался около двери. Засов был отодвинут. Должно быть, он забыл задвинуть его, когда пришел.

Гурни ждал, едва дыша. Он стоял на том же месте, что и в ту ночь, когда отключилось электричество, когда его так напугала физиономия Барлоу Тарра.

Он крепко сжал дверную ручку, на секунду замешкался и распахнул дверь.

Увидев Тарра, он не то чтобы удивился. Но в пристальном взгляде Барлоу было что-то пугающее.

— Что вам нужно?

Тарр хрипло пошептал:

— Берегитесь.

— Вы все время меня предостерегаете, но я никак не пойму, где кроется опасность? Может, вы мне скажете?

— Берегитесь ястреба, что нападает, будто волк. Берегитесь сил зла, которые всех убили.

— Силы зла убили Итана Голла?

— Ну. А потом волки погрызли его, аки старика допрежь того.

— Как погиб Итан?

— Ястреб знает. К солнцу, к луне...

— Хватит! Прекратить этот чертов бред! — прогремел сердитый голос из темного конца коридора.

Тарр дернулся так, словно ему дали пощечину. Он отступил назад от двери их номера. Озираясь, словно напуганный зверь, он сбежал вниз по главной лестнице.

Обладатель командного голоса показался на свет. Это был Норрис Лэндон, быстрым шагом приближавшийся к Гурни и свирепо смотревший вслед Тарру. Остановившись у дверного проема, он обратился к Гурни:

— Вы в порядке?

Гурни кивнул.

— Да, спасибо.

— Этот чертов придурок не должен здесь шататься. Глупо, наверное, с моей стороны так на него набрасываться. Бог знает, на что он способен, особенно когда приближается такая буря.

— Бури приводят его в возбужденное состояние?

— О да! Это довольно известный в психиатрии феномен. Существует явный резонанс между природной стихией и неуравновешенной психикой. Надо полагать, все всплывает на поверхность. Гром и ярость. Самые сильные эмоции. Но я ведь не на его зов пришел. Мне показалось, я слышал крик.

Он вопросительно посмотрел на Гурни.

— Это моя жена напугалась. Сейчас уже все хорошо.

Лэндон замешкался, заметив пистолет, который Гурни украдкой держал в руке.

— А вы, я вижу, вооружены.

— Да.

— Причиной этому... то, что напугало вашу жену?

— Это лишь меры предосторожности. Профессиональный рефлекс.

— Вот как. А ваша жена? Она в порядке?

— Да, в полном порядке.

— Что ж. Мой вопрос может показаться идиотским, но...

— Но что?

— Ваша жена, случайно, ничего не видела?

— В каком смысле?

— Она не видела ничего неправдоподобного?

— А почему вы спрашиваете?

Лэндон, казалось, подбирал нужные слова.

— Здесь, в гостинице... случаются странные вещи... Как бы выразиться... Скажем так, являются фантомы.

— Фантомы?

— Видения? Потустороннее присутствие? Призраки? Признаю, все это звучит нелепо, но мне говорили, что все, кто сталкивался с этим, были вполне здравомыслящими людьми, не из тех, кто обычно травит подобные байки.

— Когда это было?

— Неоднократно, на протяжении нескольких лет.

— И все они описывали одно и то же?

— Нет. Как мне рассказывали, всякий раз...

— Кто рассказывал?

— Итан. Он об этом мало распространялся — это был бы не очень удачный рекламный ход. Так вот, как он мне рассказывал, каждой женщине — кстати, все они были женщинами — являлись призраки умерших близких. Точнее сказать, утонувших.

Гурни лишь с умеренным любопытством спросил:

— И все эти видения посещали их здесь, в гостинице?

— Ну, я имел в виду и окрестности. Одна женщина увидела лицо в озере. Другая утверждала, что видела своего брата под слоем льда около одного из шале. А у одной пожилой дамы случился нервный срыв после того, как, стоя в душе, она увидела своего первого мужа, погибшего за тридцать лет до этого в аварии на лодке. По словам Итана, она так и не оправилась.

— Вода, значит.

— Хм?

— Все завязано на воде. Утонувшие люди. И их «возвращение» в ситуациях, как-то связанных с водой.

Лэндон глубокомысленно кивнул.

— Верно. Во всех случаях фигурирует вода. — Он выдержал паузу. — Что ж, простите, что отнимаю у вас время своими страшилками. Уверен, у всех у них есть какое-то рациональное объяснение. Услышав крик вашей жены, я вспомнил о них. И решил, что надо бы проверить, все ли у вас в порядке.

— Благодарю за беспокойство. Но мне вот что интересно. Почему вы все еще здесь?

Лэндон растерялся.

— Я имею в виду здесь, в гостинице. После всего, что случилось. Смерть Итана и троих гостей. Гостиница фактически не работает.

Атмосфера здесь, скажем, жутковатая, и история этого места весьма трагическая. Все за то, чтобы поскорее убраться отсюда.

Лэндон улыбнулся.

— Ну ведь все относительно, верно? Для одного — причина уехать, для другого — причина остаться. А отсутствие других гостей для меня скорее плюс, чем минус.

— А четыре загадочные смерти?

— Дело в том, что меня очень увлекают тайны, в том числе и эта. И тут у меня возникает встречный вопрос. Мне-то надо волноваться лишь за себя. А вот вы в более сложном положении. Ведь вы не только себя подвергаете опасности. То есть по сравнению со мной вы рискуете вдвойне. Так вот мой вопрос: что вы здесь делаете?

— Меня сюда позвали по делу. И я считаю необходимым остаться, пока не завершу свою работу.

Лэндон неодобряюще поднял бровь.

— Если бы со мной была жена, я бы, наверное, рассуждал иначе.

Гурни выдавил вежливую улыбку.

— Я ценю вашу точку зрения. И кстати, если у вас есть какие-то соображения по поводу четырех смертей, я надеюсь, вы со мной ими поделитесь.

Он отступил назад, в комнату, и уже собирался закрыть дверь.

— Какого рода соображения?

— Соображения насчет того, кто может стоять за всем этим.

Лэндон пожал плечами.

— Как мне кажется, не стоит исключать, что все это может оказаться делом рук Ричарда. Он вроде как знаменит тем, что вышел на новый уровень гипнотического воздействия.

В живом, умном взгляде Лэндона было что-то лукавое. Озадачил Гурни и его безразличный тон. Не говоря уже о том, что его высказывание никак не вязалось с их явно теплыми отношениями с Джейн Хэммонд.

Но Гурни удержался от дальнейших выяснений. У него были заботы посерьезнее.

Глава 37

Заперев дверь и задвинув засов, Гурни пошел в спальню, проверить, как Мадлен.

Увидев, что покрывало отброшено в сторону, а кровать пуста, он

перепугался.

Он тут же посмотрел на балконную дверь, но она явно была заперта. На стекле образовался тонкий слой снега.

— Мэдди, — позвал он.

Он осмотрел пол с обеих сторон кровати, и бросился в большую комнату, лихорадочно осматривая каждый угол.

На ее планшете заиграла драматическая мелодия с причудливым испанским ритмом.

Он решил перепроверить ванную, хотя был уверен, что Мадлен там не было.

Но оказалось, она там — в темном углу, он просто ее не заметил.

Она стояла, завернувшись в белое одеяло. Волосы ее были взъерошены. А взгляд сосредоточен на ванне.

Она медленно покачала головой.

— Я не понимаю.

Он подошел ближе к ванне и заглянул в нее.

— Чего ты не понимаешь?

— Как это может быть.

— Все может быть проще, чем ты думаешь, — произнес он.

Решив, что озадаченный вид Мадлен — хороший знак и что, вероятно, она готова воспринять рациональное объяснение, Гурни с жаром принялся объяснять, как человеческий разум способен «увидеть» то, чего на самом деле нет.

Она не особо его слушала, но он все продолжал.

— Часто бывает, что два очевидца одного и того же события дают абсолютно противоречивые описания. И оба совершенно уверены в том, что видели то, что видели. Но проблема в том, что то, что они «видели», происходило не во внешнем мире, а у них в мозгу, в нейронных сетях.

— В ванне был труп Колина.

— Мэдди, все, что мы «видим», — это совокупность новых данных, поступающих через наши глаза, и информации, которая уже хранится у нас в мозгу. Это почти как поиск в интернете. Ты забиваешь первые несколько букв, а он предлагает тебе слова, начинающиеся с этих букв, которые хранятся в оперативной памяти. Но когда мы нервничаем и наш мозг пытается работать быстрее, иногда он ошибается. Создает неправильную картинку. А нам кажется, что мы ее видим. Но на самом деле ее нет. Мы можем поклясться, что видели ее, но на деле она существует только у нас в голове.

Мадлен оглядывала ванную комнату.

— Ты хочешь сказать, что у меня галлюцинации?

— Я лишь говорю, что мы способны «увидеть» не только то, что нам передают наши зрительные нервы. Иногда мозг слишком разгоняется и, опережая зрительные нервы, превращает веревку, валяющуюся на полу, в змею.

Она завернулась в одеяло, словно в мантию.

— Но я-то видела не веревку. Как тело Колина... из озера Грейсон... могло попасть в эту ванну?

— Мэдди, может, ты оденешься?

— Его тело ведь так и не нашли. Я тебе говорила?

— Да, говорила.

— Его тело так и не нашли, — медленно повторила она, словно этот тревожный факт мог пролить свет на произошедшее.

— Мэдди, дорогая... Ты же упала, может быть, тебе лучше прилечь?

— Тело не нашли. А потом оно оказалось здесь. — Она указала на ванну, а одеяло соскользнуло с ее плеч и упало на пол.

Гурни обнял ее. Она вся дрожала. Отголоски землетрясения.

Он крепко держал ее в своих объятиях. Они долго так простояли.

Позже, когда Мадлен наконец-то провалилась в беспокойный сон, он сел напротив холодного камина и задумался над тем, что же делать дальше.

Ветер негромко завывал в трубе, картина происходящего становилась все более туманной, и Гурни, еще и переживавший за Мадлен, никак не мог полностью сосредоточиться.

Он было подумал, что, возможно, необходима помощь психиатра, но тут же в ужасе отбросил эту мысль. Он знал, в сколь бедственном состоянии находится эта отрасль и как сильно врачи-психиатры любят экспериментировать с психотропными препаратами.

Он просто хотел, чтобы ей стало лучше.

Чтобы она снова стала собой.

Его размышления прервал телефонный звонок с номера, которого он не ожидал увидеть. Это был Мо Блумберг, бывший руководитель лагеря «Брайтуотер».

— Мистер Гурни?

— А я думал, вы уже на пути в Тель-Авив.

— Мы сидим в самолете, на вылете в аэропорту Кеннеди. Чертов псих из ХАМАСа подорвал себя в аэропорту Бен-Гурион. Так и сидим. И никто ничего не знает.

— Мне очень жаль.

— И мне, как, впрочем, и остальным трем сотням селедок в этом самолете. Но, увы, это мир, в котором мы сегодня живем. К этому привыкаешь, да?

— Наверное. Чем я могу быть вам полезен?

— Да ничем. Я просто тут подумал. Насчет вашего вопроса. Вам не интересно, узнал ли я имена?

Гурни насторожился. И решил, что стоит выйти из комнаты, подальше от прослушивающих устройств.

— Одну секунду. Моя жена спит. Я зайду в ванную — не хочу ее разбудить.

Гурни закрыл дверь ванной.

— Итак, что вы говорили?

— Бывает, что уголки моего сознания внезапно освещаются, когда я туда не лезу. И вот что-то всплывает, когда я не пытаюсь насильно это достать.

— Вы вспомнили имена?

— Нет, имена для меня пустой звук. Но я расскажу вам, что я вспомнил. Тем летом в лагере был тайный клуб. Из четырех мальчишек: Лев, Паук, Волк, Хорек.

— Я не очень вас понимаю.

— Лев, Паук, Волк, Хорек. Это были их клички. Весь лагерь был исписан этими четырьмя словами. Домики, палатки, деревья, даже мое каноэ. Красной краской из баллончика.

— И вы выяснили, кто были эти мальчишки?

— Нет. Хитрожопые засранцы. Может, другие мальчишки и знали, но я думаю, все их боялись. И никто ничего не рассказывал.

— Вы считаете, эти четыре парня как-то связаны с исчезновением того мальчишки?

— Кто его знает? Ваш визит заставил мои шестеренки крутиться, и вот что всплыло — четыре звериных клички. Я и подумал, что нужно вам позвонить.

— А полицейские, расследовавшие пропажу Скотта Фэллона, проверяли версию с «тайным клубом»?

— Насколько мне известно, нет. Как я уже говорил, ситуация с Фэллоном была для них просто очередным побегом. Ну и потом, тайные клубы для мальчишек — обычное дело. Может, они были правы, и я просто попусту трачу ваше время.

— Никак нет, мистер Блумберг. Все это может мне очень пригодиться. Раз уж мы созвонились, позвольте задать вам еще один вопрос. Вы помните

что-нибудь про родителей Скотта Фэллона? Имена, где они жили?

— Ха! Как я могу забыть! Его мать — отца с ней не было, только мать — каждые выходные приезжала в лагерь. Искала. Бродила по лесу. Звала его, даже спустя недели.

— Вы помните имя его матери?

— Кимберли. Кимберли Фэллон.

— А у вас случайно нет ее адреса?

— Есть. Адрес, имейл, номер телефона, все что хочешь. Когда она перестала ездить в Брайтуотер, она стала раз в неделю звонить мне, потом раз в месяц, а сейчас где-то раз в год. А что мне остается делать? Я с ней разговариваю.

Поскольку все эти годы они оставались на связи, у Блумберга в телефоне были все контактные данные матери Фэллона. Гурни записал все в свой телефон, поблагодарил Блумберга и пожелал ему хорошего полета. Кроме того, Гурни записал те четыре прозвища.

Лев. Паук. Волк. Хорек.

Он подумал, что, может быть, сущность каждого из зверей передавала личностные качества мальчиков. Также ему не давала покоя мысль о том, что количество участников тайного клуба имеет какое-то важное значение.

Четыре.

Четверо необузданных мальчишек, которые были в лагере, когда исчез Скотт Фэллон.

А теперь в этом странном деле четыре трупа. И по крайней мере один из них, Стивен Пардоза, в то лето был в лагере «Брайтуотер».

Гурни все еще держал телефон в руке, когда снова раздался звонок.

На этот раз это был Джек Хардвик.

— Хорошие новости. Мой дружок из Тинека сердится куда больше, чем я думал.

— Из-за приказа не лезть в дело Бальзака?

— Из-за того, что он даже не может узнать, кто отдал ему этот приказ. Это его больше всего и взбесило.

— А нам от этого какая-то польза?

— Можно сказать и так. После нашей утренней беседы он еще раз встретился с психотерапевтом, которой Бальзак рассказал про свой странный сон. Так вот, он уточнил у нее насчет гомосексуального аспекта.

— И?

— Сначала она рассказала, что его сон был полон гомоэротических образов, но это мы и так знали. А потом добавила, что сон очень сильно огорчил Бальзака из-за его негативного отношения к гомосексуалистам.

Гурни улыбнулся. Было приятно видеть, как складывается уголок этого пазла.

— Есть кое-что еще, — добавил Хардвик.

— От психотерапевта?

— От моего друга, который готов помогать нам во всем, чего на самом деле делать не должен. Он сказал, что за несколько часов до самоубийства Бальзак уволился с работы. Отправил хозяину табачной лавки имейл. «С настоящего момента я отказываюсь от должности управляющего в магазине „Счастье курильщика“. С уважением, Лео Бальзак». Коротко и ясно, да?

— Странный поступок.

— Вот и мой друг-детектив так подумал.

— Он что-нибудь выяснил?

— Ему сказали, что подробности дела его больше не касаются.

— Поскольку за дело взялись мудрые умы сверху?

— Что-то в этом духе.

— Люди на грани самоубийства обычно не тратят время на написание заявлений об увольнении.

— Это точно.

— И обычно люди увольняются по двум причинам. Либо они терпеть не могут свою работу, либо нашли местечко получше.

— Так, и что из этого?

— Может, и ничего. — Гурни задумался. — Если он хотел бросить курить, он мог захотеть уволиться, чтобы быть подальше от сигарет. А с другой стороны, кажется, родители Стивена Пардозы говорили, что он был на пороге новой жизни, что его ждали великие дела и все такое?

— Да, говорили, но я решил, что это все брехня. Типа того, что, если бы наш сынок остался жив, он бы открыл лекарство от рака. Подобная ахинея.

— Но давай предположим, что Пардоза действительно с нетерпением чего-то ждал. И что Лео Бальзак уволился, рассчитывая на какие-то перемены к лучшему. Интересно, а Кристофер Хоран во Флориде с таким же оптимизмом смотрел в будущее? Может быть, ты позвонишь Бобби Беккеру в отдел Палм-Бич и спросишь, нет ли у него каких-нибудь сведений на этот счет?

— А что ты хочешь выяснить? Что все четыре погибших были тупыми гомофобами, с оптимизмом глядевшими в светлое будущее?

— Я пытаюсь найти и сложить подходящие кусочки пазла. Кстати сказать, минут десять назад у меня был интересный разговор с Мо

Блумбергом.

— Что-то дельное?

— Он вспомнил клички четырех мальчишек, которые состояли в тайном клубе в то лето, что пропал Скотт Фэллон. Лев, Паук, Волк и Хорек — так они себя называли.

— И каковы твои соображения?

— Насчет кличек — не знаю, разве что тот факт, что все эти звери — хищники. Ну и, само собой, «Волк» вызывает определенные ассоциации, но это может быть просто совпадением. Это первое, что пришло бы в голову пацану, выбиравшему себе устрашающее прозвище. Мне кажется важным то, что их было четверо. И что остальные ребята в лагере боялись их. Мне показалось, что Мо не особо и удивился бы, если бы выяснилось, что они как-то связаны с исчезновением Скотта Фэллона. Мы точно знаем, что Стивен Пардоза в то лето был в лагере. Надо выяснить насчет остальных трех жертв «самоубийств». Учитывая их возраст, вполне вероятно, что все они были там в одно время.

— Разве Итан не был чуть старше остальных?

— Да, на несколько лет. Может быть, он был вожатым.

— Узнай у Пейтона. Он-то должен знать.

— Попробую. Хотя я бы не стал особо полагаться на слова Пейтона. Кстати, Блумберг дал мне контакты матери Скотта. Думаю, я смогу выяснить, на верном ли я пути, если получится с ней поговорить.

— Желаю тебе удачи, Дэйви. Чую, она тебе понадобится.

Глава 38

Во время разговоров с Блумбергом и Хардвиком Гурни расхаживал по ванной комнате. Жучков он не опасался — дверь была закрыта, и говорил он вполголоса. Он решил, что и для звонка Кимберли Фэллон самым подходящим местом была ванная.

Но сначала нужно было пойти проведать Мадлен.

В свете прикроватной лампы он увидел, что она спит, но сон ее был тревожным. Глаза и уголки ее губ подергивались во сне. То и дело она тихонько постанывала. Он хотел было разбудить ее, но потом решил, что даже беспокойный сон для нее лучше, чем его полное отсутствие.

Гурни направился обратно в ванную, звонить Кимберли Фэллон.

Он удивился, когда услышал бодрый женский голос.

— *Таши делек.*

— Меня зовут Дэйв Гурни, и мне нужно поговорить с Кимберли Фэллон.

— Это Кимберли.

— Простите, Кимберли, я не понял, что вы сказали, когда подняли трубку.

— *Таши делек*. Удачи и счастья. Это тибетское приветствие.

— Ясно. Тогда и я вам желаю того же.

— Спасибо.

В ее интонации проскальзывало что-то странное, какая-то легкая отрешенность, которая у Гурни ассоциировалась с любителями покурить травку.

— Кимберли, я детектив. И я хотел бы поговорить о вашем сыне Скотте.

Она молчала.

— Я звоню, чтобы узнать, что случилось в лагере «Брайтуотер» тем летом, когда исчез Скотт. Я хотел узнать, не поможете ли вы мне, ответив на несколько вопросов.

Она все еще молчала.

— Кимберли?

— Мне нужно вас видеть.

— Простите, что?

— Я не могу говорить про Скотта, если я вас не вижу.

— Вы хотите, чтобы я приехал к вам домой?

— Я просто хочу видеть ваши глаза.

— Мои глаза?

— Ваши глаза — это зеркало вашей души. У вас есть скайп?

Гурни достал из сумки компьютер, убрал с низенького стола в ванной стопку полотенец, поставил туда компьютер, открыл скайп и устроился перед встроенной в экран камерой.

По просьбе Кимберли Фэллон он дал ей свои контакты в скайпе. Она хотела сама связаться с ним. Все подготовив, он стал ждать.

Он решил было, что она уже не позвонит, но тут раздался звонок.

На экране он увидел стройную женщину лет пятидесяти с большими голубыми глазами и рассеянной улыбкой. У нее были темно-коричневые волосы с медно-красными прядями. На ней была блузка в крестьянском стиле и крупные стеклянные бусы, отчего она немного смахивала на хиппи. Позади нее висела огромная картина, занимавшая почти всю стену, — кружащиеся на фоне лазурного неба зеленые листья.

Наклонив голову немного набок, она рассматривала его лицо.

— У вас потрясающие глаза, — сказала она.

Он понятия не имел, что на это ответить, и решил, что лучше промолчать.

— В вашей душе много горечи.

У нее же был немного отрешенный взгляд, как будто она смотрела на мир через линзу какого-то тайного знания, вполне возможно, навеянного психоделическими наркотиками.

— Что вы хотели узнать о Скотте?

Это был очевидный вопрос, и он должен был тщательно подготовиться, но у него не было на это времени.

— Кажется, события того лета привели к запоздалым последствиям. При подозрительных обстоятельствах погибли люди, которые, возможно, были в лагере «Брайтуотер» тринадцать лет назад, вместе со Скоттом. Вероятно, есть связь между событиями прошлого и тем, что происходит сейчас. Я понимаю, что возвращаю вас к тяжелым воспоминаниям. Мне очень жаль.

Она почти никак не отреагировала на его слова, так что он даже засомневался, услышала ли она его.

— Кимберли?

— Не о чем жалеть.

Не обратив внимания на эту странную фразу, он продолжил.

— Мо Блумберг сказал, что после того, как Скотт пропал, вы приезжали искать его в Брайтуотер. Это так?

Она почти незаметно кивнула.

— Это было так глупо с моей стороны.

— Сумели ли вы найти какие-нибудь следы?

— Ну, конечно, нет.

— Почему вы так говорите?

— Я не там искала. Он тогда уже перешел на другую сторону.

— Вы имеете в виду, что пришли к выводу, что ваш сын был мертв?

— Нет. Жизнь никогда не заканчивается. Скотт просто перешел туда, где спокойно и хорошо.

Что-то в ее голосе подтолкнуло его к следующему вопросу.

— Туда, где лучше, чем в «Брайтуотере»?

Она перестала улыбаться.

— «Брайтуотер» был пыткой. Скотт ненавидел это место.

— А зачем вы его туда отправили?

— Это была идея его отца. Спорт, необходимость выживать в жесткой,

суровой атмосфере — все это должно было сделать из него настоящего мужчину. Но разве постоянные побои, насмешки и оскорбления могут сделать из тебя мужчину? Я его чуть не убила.

— Отца Скотта?

— Я хотела его убить. Но он ушел. А знаете почему? Потому что я все время ездила искать Скотта в Брайтуотер. И он не мог этого вынести. Знал, что во всем этом виноват он.

— Мальчишки, которые над ним издевались, — он не говорил, боится ли он кого-то?

Она медленно кивнула.

— Тех, со звериными кличками.

— Паук, Лев, Волк и Хорек?

— Точно.

— Он знал их настоящие имена?

Она покачала головой.

— Он не был уверен. Они носили черные капюшоны, закрывающие лица.

— Но у него были какие-то догадки?

— Он только один раз упомянул одно имя, когда звонил мне из лагеря. Неприятное имя. Но я сейчас уже не помню. Я стараюсь держаться как можно дальше от всей этой тьмы. Мой духовный наставник велел мне оставить ее в прошлом и двигаться вперед, к свету.

— Я понимаю, Кимберли. Но пожалуйста, попытайтесь вспомнить. Это может существенно помочь делу.

Она обреченно вздохнула и подняла глаза к свету, исходившему откуда-то сверху. Медные пряди в ее волосах засверкали, словно небольшие огоньки.

— Мне кажется оно начинается на П... или на Б.

Она подняла руки к свету, словно надеясь, что имя снизойдет на ее ладони. В нетерпении Гурни собрался было подсказать ей имена четырех жертв, как вдруг с ненавистью в голосе она резко произнесла:

— Бальзак.

Глава 39

Закончив видеоразговор с Кимберли Фэллон, Гурни проверил свой мобильный и обнаружил сообщения от Джека Хардвика и Джейн Хэммонд.

Когда он увидел имя Джейн, его пронзило неприятное чувство досады,

ведь он сразу догадался о причине ее звонка.

«Дэйв? Мадлен? У вас все в порядке? Мне казалось, что вы приедете к нам на ужин. Перезвоните, хорошо?»

Еще один промах, вследствие их вечернего переполоха. Ему придется извиниться и все объяснить. Он собрался прослушать сообщение от Хардвика, как вдруг прямо над ним, на потолке ванной, раздался странный звук.

Еле заметный скрип.

Гурни посмотрел наверх и увидел, или ему показалось, несколько белых частичек штукатурки, отлетавших от потолочного светильника прямо над ванной. Он внимательно взгляделся в то место, ожидая, что это произойдет еще раз. Спустя несколько мгновений он забрался на край ванны, и, одной рукой опираясь на стену, пытался удержать баланс и разглядеть светильник поближе.

Оттуда он увидел, что потолочный плафон не до конца прикрывает отверстие для проводов, оставляя небольшую, буквально в пару миллиметров щель. Снизу казалось, что это была просто тень.

Первое, что пришло ему в голову, — что там запросто можно спрятать аудио- или видеожучок. Но, с другой стороны, детектор должен был обнаружить любой прибор подобного рода. Ну и, конечно же, он не раз видел неровно установленные плафоны. Он бы и думать об этом не стал, если бы не этот приглушенный скрип и почти невидимая дымка пыли.

Он вернулся в спальный альков и надел ботинки. Пристегнув на лодыжку кобуру, он сунул в нее «беретту». Прислушавшись к дыханию Мадлен, он обрадовался — она дышала намного спокойнее. Но ее щека все еще подергивалась. Пока он размышлял, что еще может для нее сделать, зазвонил телефон.

Это снова был Хардвик.

Ванная больше не вызывала у него доверия. Он взял ключ от номера, вышел в коридор и запер за собой дверь.

— Какие новости? — полушепотом спросил он.

— Появилась кое-какая информация из Палм-Бич. Ты спрашивал, нет ли оснований думать, что Кристофер Хоран тоже с оптимизмом смотрел в будущее. Так вот, по словам Бобби Беккера, прямо перед тем, как уехать в Адирондак, он внес задаток за новую «ауди».

— Как же Беккер соотнес это с самоубийством Хорана, совершенном через неделю?

— Дело вообще досталось не Беккеру, так что сведения из вторых рук. Но похоже, что детектива по этому делу почти сразу же отстранили.

Поэтому никому в отделении Палм-Бич не пришлось ломать голову над этим противоречием.

— Как объяснили его отстранение?

— Ему сказали, что дело сопряжено с вопросами национальной безопасности. И баста.

— То есть у нас повторяющийся сценарий.

— Оптимистичные парни, которые кончают с собой?

— И приостановленные расследования. Еще какие-нибудь новости от Беккера?

— Кое-что важное. Ты просил узнать, не было ли странных звонков кому-нибудь еще, кроме Пардозы. Так вот, как сообщил Беккер, есть данные о том, что за неделю до поездки на Волчье озеро Хорану звонили с предоплаченного мобильного. А сам он в тот же день связался со службой бронирования гостиницы.

— И откуда нам знать, что между этими двумя звонками есть причинно-следственная связь?

— Дай мне договорить. С этого номера ему звонили дважды. Первый раз — в день, когда он забронировал комнату, а второй — в день, когда он порезал вены. Исходящим пунктом обоих звонков была вышка сотовой связи на Волчьем озере. Зуб даю, что Бальзаку и Пардозе тоже звонили с этого неотслеживаемого номера.

Гурни задумался.

— Я не понимаю, что же это значит. Похоже, что кто-то в гостинице или, по крайней мере, в зоне покрытия сигнала вышки убедил троих жертв записаться на прием к Хэммонду.

— Верно. А потом позвонил снова, прямо перед их смертью.

— Вероятно, именно этот звонок Фентон считает контрольной постгипнотической сессией, «пусковым устройством», что бы это ни значило.

Держа телефон у уха, Гурни расхаживал по коридору. Весь свет был погашен, и в темноте красный ковер выглядел тусклым, словно засохшая кровь.

— Этот звонок может оказаться очень важной деталью, Джек, но мне нужно время, чтобы это переварить. А пока что давай расскажу, что я узнал от матери Скотта Фэллона.

— Ты что, действительно с ней поговорил?

— Да. Она хоть и с приветом, но, тем не менее, кое-что мне поведала и подтвердила мои догадки. Ее сын был геем, над ним постоянно издевались, и ему было страшно. Но вот что главное. Он особенно боялся одного

мальчика. По имени Бальзак.

— Мать честная!

— Так что теперь мы знаем, что по крайней мере двое из наших жертв в одно и то же время были в «Брайтуотере». Стивен Пардоза и Лео Бальзак.

— Если были двое, я готов поспорить, что были и все четверо. Возможно, именно эту ниточку мы искали. И эта гомофобия везде вылезает.

— Да. История приобретает все более дурной привкус.

— То есть, вероятно, наши покойники имеют прямое отношение к исчезновению Скотта Фэллона.

— Это вполне рабочая гипотеза.

— Давай называть вещи своими именами. Ведь ты согласен, что в данном случае исчезновение значит смерть, хотя тело мальчишки так и не было найдено?

Этот вопрос напомнил Гурни о том, что произошло с Мадлен, и о другом теле, которое тоже никогда не было найдено.

Хардвик откашлялся.

— Ты еще здесь?

— Да, я тут.

— Говоря, что Скотт Фэллон пропал, мы же имеем в виду, что он умер, так?

— Вероятнее всего, да.

— Братишка, ты в порядке? Ты как будто немного не в себе.

Размышляя над тем, стоит ли обсуждать с Джеком произошедшее с Мадлен, Гурни снова услышал звук на чердаке.

Едва слышный скрип.

— Прости, Джек, мне нужно идти. Я перезвоню тебе, как только смогу.

Завершив разговор, он стал искать лестницу, ведущую наверх, или какой-то другой способ попасть на чердак. Проходя по коридору, он миновал восемь дверей, расположенных на приличном расстоянии друг от друга, по четыре с каждой стороны, которые предположительно вели в комнаты для гостей. Из-под последней двери справа виднелась тонкая полоска света и доносилась музыка, что-то барочное.

Учитывая, что больше в гостинице никого не было, Гурни понял, что это, должно быть, комната Норриса Лэндона.

Дойдя, как он думал, до конца, он увидел, что коридор резко уходит направо, в неосвещенный тупик. Этот неудобный, тесный аппендикс заканчивался железной дверью. Такого рода двери обычно ведут в каморки уборщиков.

Удивившись, что дверь не заперта, Гурни открыл ее и увидел узкую лестницу на чердак.

Он почувствовал запах пыли и плесени и еще чего-то гниющего. Обнаружив выключатель, он нажал на него. Под потолком загорелась слабая лампочка в фарфоровом патроне. Поднявшись до конца по лестнице, Гурни увидел еще одну дверь. Она была слегка приоткрыта.

Он довольно громко крикнул:

— Здесь есть кто-нибудь?

Наверняка это было его воображение, но ему показалось, что тишина за дверью усилилась.

Машинально, низким командным голосом полицейского, он снова выкрикнул:

— Есть тут кто? Подайте голос и назовите себя!

Ответа не было.

Гурни толкнул дверь ногой.

Еще сильнее запахло плесенью. Слабая лампочка на лестнице еле освещала чердачное помещение. Он двинулся вдоль стены и наконец нащупал выключатель. Лампочка свисала с потолочной балки под самым коньком крыши этого, как видимо, подсобного помещения. Комната была заставлена угловатыми предметами, накрытыми белыми простынями, — видимо, сюда сваливали ненужную мебель. Под блестящими от влаги стропилами стояло ржавое ведро для сбора воды. Воздух в комнате был сырой и холодный.

Гурни остановился, чтобы определить свое местоположение. Он примерно представлял, каким образом пространство чердака соотносилось с пространством на этаж ниже. Он хорошо ориентировался и был уверен, что вскоре определит, какая часть чердака находится над их ванной комнатой.

Потратив какое-то время на расчет ракурсов и расстояний, он осторожно пробрался к двери в дальнем конце этой огромной кладовой.

Эта дверь, как и предыдущая, была слегка приоткрыта. Вся дверь была в толстом слое пыли, однако ручка была чистой.

— Здесь есть кто-нибудь?

Ответом ему была тишина, от которой по спине у него пробежал холодок. Ощущение это усилилось, когда он толкнул дверь и петли визгливо скрипнули.

Одной рукой держась за косяк двери, другой он попытался нащупать очередной выключатель, но не нашел его. Внезапно он услышал что-то и застыл на месте. Тихий звук. Словно кто-то выдохнул.

Шагнув вперед в темную комнату, он отошел на несколько метров в сторону вдоль стены. Опустившись на одно колено, он вытащил «беретту» из кобуры на голени.

Безуспешно он вглядывался в почти полную темноту, и вдруг ему показалось, что он снова услышал дыхание, уже не так близко, как в первый раз.

Он замер на месте.

Едва заметное движение привлекло его внимание, настолько неуловимое, что он не был уверен в том, что вообще что-то увидел. Затем он почувствовал дуновение воздуха и услышал, как где-то на расстоянии медленно закрылась дверь.

Он бесшумно поднялся на ноги, подняв «беретту» дулом вверх. Напряженно вслушиваясь в тишину, он неуверенно двинулся в направлении двери, которая, видимо, была в другом конце комнаты.

Он сделал шага три-четыре, и тут что-то коснулось его лица. Испугавшись, он отпрыгнул назад, приведя свободную руку в защитную позицию.

Прошло несколько секунд, он пришел в себя, и до него дошло, что, скорее всего, его лица коснулся какой-то выключатель, который он и искал.

Он протянул руку и схватился за болтавшийся шнур.

Легонько дернул за него. Высоко, на деревянном потолке, загорелся бледный свет, привлекая его внимание и на мгновение отсрочивший парализующий эффект того, что ожидало его на темном полу чердака.

Глава 40

Блестящие белые клыки, свирепые глаза янтарного цвета, жесткая серая шерсть, стоявшая дыбом и согнутые перед нападением лапы — метрах в трех от Гурни сидел, готовясь к прыжку, огромный волк. Гурни понимал — достаточно всего лишь одного прыжка.

Не отрывая от зверя глаз и сжимая в руке «беретту», Гурни понял, что волк не один.

Еще четыре твари, оскалив зубы и злобно глядя на Гурни, неподвижно, словно ожидая сигнала, полукругом выстроились позади своего предводителя.

Все это Гурни осознал, пока принимал надежное, устойчивое положение для выстрела. И вот, уже направив дуло пистолета в голову дикого чудовища, возглавлявшего стаю, положив палец на курок, он вдруг

понял, почему волки, готовившиеся напасть на него, столь неподвижны.

Они все были неживые.

Выпотрошенные чучела.

Их телам придали потрясающе реалистичные атакующие позы.

Удивительно, но даже смерть не смогла лишить их свирепости.

Сотворил эту зверскую диораму явно мастер этого своеобразного ремесла. Но для чего она была создана? И для кого предназначалась?

Разве волки не охраняемый вид в этой части планеты? Как давно их убили? Кто их убил? И почему они здесь, в гостинице?

Поглощенный вопросами, возникшими из-за присутствия этих... набитых трупов... Гурни очнулся и, увидев дверь в конце комнаты, вспомнил, что изначально привело его на чердак. Он был почти уверен, что перед тем, как включить свет, он слышал, как открылась и закрылась именно эта дверь.

Все еще с пистолетом в руке, но поставив его на предохранитель, он робко обошел волчью стаю, которая все еще немного настораживала его, и направился к двери.

Не успев дойти до нее, он услышал тяжелые шаги и остановился.

Спустя мгновение дверь открылась, и в комнату вошел Остен Стекл с мощным светодиодным фонариком в руках.

Мощный луч света метнулся по комнате, разбросав по стенам тени волков, и в конце концов остановился на пистолете, зажатом в руке Гурни.

— Господи! — он посветил фонариком в лицо Гурни. — Какого черта здесь происходит?

Гурни заморгал.

— Перестаньте светить мне в глаза!

Лишь когда Гурни двинулся ему навстречу, Остен быстро опустил фонарик.

— Простите. Что случилось?

— Вы кого-нибудь видели?

— Что? — Казалось, он действительно не понимает, о чем речь.

— Кто-то был в этой комнате и вышел через эту дверь меньше минуты назад. Вы кого-нибудь видели или слышали?

— Пока я поднимался — нет.

— В каком смысле?

— Снизу я слышал, как кто-то пару раз прокричал: «Здесь есть кто-нибудь?» Очень громко. Как будто что-то случилось. Сюда же никто не должен подниматься. Вход сюда запрещен.

— Именно поэтому мне и было странно услышать здесь шаги.

— Какие шаги?

— Шаги над нашей ванной. Медленные, осторожные, как будто кто-то не хотел, чтобы его услышали. У вас есть предположения, зачем кому-то сюда забираться?

Остен покачал головой, словно посчитав заявление Гурни нелепым.

— Кто бы это ни был, он только что был здесь. И вышел через эту дверь за минуту до того, как в нее вошли вы. Вы точно никого не видели и не слышали?

— Ни души, ни звука. Ровным счетом ничего.

— Эта часть чердака находится прямо над нашей комнатой, правильно?

Стекл провел рукой по бритой голове, которая, как всегда, потела, несмотря на прохладу на чердаке.

— Возможно.

— Вы не уверены?

— У меня нет никаких оснований знать, что именно над чем именно находится.

— А дверь, в которую вы вошли, — куда она ведет?

— На заднюю лестницу, к пожарному выходу, на первый этаж, к входной двери, в подвал. Много куда. Если этот кто-то вышел в эту дверь, может быть, потому я и не увидел его.

Гурни засунул «беретту» в задний карман джинсов и указал на волков, чьи тени зловеще появлялись на стене каждый раз, когда Стекл шевелил фонариком.

— А откуда здесь этот частный зоопарк?

Стекл издал резкий гортанный звук — Гурни никогда раньше не слышал такого неприятного смеха.

— Да это просто прикол. — Он чересчур нарочито направил фонарик поочередно на каждого волка. — Вы слышали безумную легенду Голла?

— Вы имеете в виду легенду, что Далтон Голл был съеден волками, после того как они ему приснились?

— Ага. Так вот, сын Далтона унаследовал это имение. Эллиман Голл. Охотник на крупного зверя. Альпинист. Ну и все в таком духе. Отца его убили волки, и он решил самоутвердиться. И убил хренову тучу волков.

В глазах Стекла мелькнуло что-то, будто он и сам не прочь был убить хренову тучу волков.

— Из нескольких он сделал чучела. И поставил их в каминный зал, чтобы все восхищались. Вот такой Эллиман Голл. Очень уверенный в себе человек.

— У меня предчувствие, что у этой истории не очень счастливый конец.

И снова Стекл выдавил из себя этот рокочущий скрежет, который обозначал смех.

— Ему взбрело в голову установить фамильный герб Голлов на вершине Клыка Дьявола. Как заядлый альпинист, он решил сделать это в середине зимы, в такой же поганый денек, как сегодня, поскользнулся на льду и, пролетев двести пятьдесят метров вниз, упал прямо на камни. Его голову так и не нашли. Собственно говоря, ее сорвало, пока он летел вниз. — Стекл весело хихикнул. — Жизнь полна неожиданностей, правда?

— Судя по всему, ему страшно хотелось, чтобы им восхищались.

— До смерти хотелось. — И снова раздался этот ужасный смех.

— А как волки оказались здесь, на чердаке?

— Когда я только начал работать, я предложил Итану убрать этих жутких тварей из каминного зала. На улице и так полно всякой странной живности; на кой черт они будут мозолить нам глаза еще и в доме?

— Вы, кажется, не большой любитель природы.

— Я люблю цифры. Точные, предсказуемые цифры. А природа, по моему скромному мнению, это один сплошной кошмар.

— Гостиница в Адирондаке — довольно странное место работы для такого человека, как вы.

— Просто посвящаешь себя работе, не обращая внимание на то, где работаешь.

Гурни пришло в голову, что философия Стекла не сильно отличалась от его собственных взглядов. За годы работы в департаменте полиции Нью-Йорка, в отделе убийств, в каких только жутких местах он не побывал. При мысли об этом ему захотелось сменить тему разговора.

— Вы сказали про фамильный герб — что на нем было?

— Вот, посмотрите сами. — Стекл направил холодный луч фонарика в дальний конец этой длинной комнаты. Высоко на грубой сосновой стене, в треугольнике между темных стропил, висела табличка в форме щита. На ней был высечен поднятый вверх мужской кулак, который мог обозначать власть или непокорность, или и то, и другое вместе. Под изображением были написаны три латинских слова:

Virtus. Perseverantia. Dominatus.

Вспомнив уроки латыни в старших классах, Гурни задумался над тремя качествами, призванными олицетворять высшие принципы семьи Голлов:

Мужественность. Настойчивость. Власть.

Он посмотрел на Стекла.

— Интересный девиз.

— Как скажете.

— Вас подобные идеалы не впечатляют?

— Это просто слова.

— А слова почти ничего не значат?

— Слова ни черта не значат.

Этот крайне враждебный тон, казалось, исходил из очень темного места в душе Стекла, места, в которое не стоило лезть, находясь с этим человеком один на один в темном чердаке.

— Неважно, что говорят другие; рассчитывать можно лишь на самого себя. — Он снова взглянул на фамильный герб Голлов, висевший на дальней стене. — А все остальное — полная ерунда.

— Вроде восторгов, которых так желал Эллиман Голл?

Стекл кивнул.

— Что, черт возьми, может быть тупее, чем жажда восхищения.

Глава 41

Стекл провел Гурни на два пролета вниз по темной лестнице, к двери, которая вела в широкий коридор.

— Он ведет в холл. А чтобы вернуться в номер, вам надо подняться по главной лестнице.

Гурни, как бы невзначай, ответил:

— Возможно, перед сном я еще раз проверю чердак. Чтобы уже не нервничать насчет этих шагов.

— Я думал, вы только что все проверили.

— А что, нельзя, чтобы я еще раз посмотрел?

Стекл замялся.

— Я-то не против. Дело в юридической ответственности.

— Ответственности за что?

— Там проблемы со строительными нормами. Это закрытое для гостей помещение. Там могут быть хлипкие половицы. Обнаженные провода. Плохое освещение. Вам туда нельзя.

— Не волнуйтесь об этом. Вы уже дважды сказали мне, что это закрытое помещение. И если я подверну лодыжку, в этом буду виноват только я сам, нарушитель правил.

Стекл совсем скис, но больше ничего не сказал. Когда они дошли до

стойки регистрации, он ушел к себе в офис и закрыл дверь.

Гурни же отправился к машине.

Пронзительный ветер заметал под навес снег. Он добежал до «аутбека», достал из бардачка большой фонарь «Мэглайт» и небольшой карманный фонарик из аварийного набора и бегом бросился обратно в гостиницу.

Вернувшись в номер, он удивился, увидев Мадлен, сидевшую на диване перед камином, в котором горел огонь. Лилась мелодия классической гитары. На Мадлен был один из огромных белых гостиничных халатов и теплые шерстяные носки. Волосы она немного привела в порядок. На столике между диваном и камином стояли две тарелки, накрытые фольгой.

Она встревоженно посмотрела на него.

— Где ты был?

Он не хотел беспокоить ее еще больше.

— Так, изучал гостиницу. Я не думал, что ты проснешься. Как ты себя чувствуешь?

— Мы забыли про Хэммондов. Мы же приглашены к ним на ужин. Приезжала Джейн, проверяла все ли у нас в порядке, привезла нам еду. И развела огонь.

— Спасительница Джейн спешит на помощь. — Произнеся это, он тут же пожалел о сказанном.

— Вообще-то человек от чистого сердца хотел нам помочь. — Взгляд ее упал на фонари. — А это еще зачем?

— На штукатурке в ванной небольшая трещина. Я хочу убедиться, что там нету очередного жучка.

Скептическое выражение на ее лице сменилось тревогой.

— Где в ванной?

— На потолке, возле светильника.

Глаза Мадлен широко раскрылись.

— Проверь всю ванную. Этому должно быть какое-то объяснение.

Он понял, что она имеет в виду тело Колина в ванне. Но он знал, что ни одно разумное объяснение ее сейчас не устроит.

— Мэдди, может, нам уехать?

Она молча глядела на него.

Он настаивал.

— Если бы я увидел привидение... здесь бы я точно не захотел оставаться. Ничего хорошего из этого не выйдет. Давай поедem домой?

— Это неправда.

— Что неправда?

— Ты бы не сбежал, если бы это случилось с тобой.

Он попробовал снова.

— Знаешь, иногда нужно отойти подальше, чтобы разглядеть, в чем же...

Она перебила его.

— Я видела его здесь, а не дома. Значит, и разгадка тоже здесь.

Он сел на диван рядом с ней. Задумавшись, он уставился на тарелки, накрытые фольгой. Музыка на ее планшете вновь заиграла с нарастающей силой. Он перевел взгляд на догорающий огонь.

— Хочешь, я подкину пару поленьев?

— Нет. Я пойду в постель. Мы можем уже выключить музыку?

— Я выключу. А потом пойду быстренько осмотрю чердак над ванной.

Она поуютнее укуталась в халат и закрыла глаза.

Во второй раз чердак уже не казался столь устрашающим. Даже находясь в комнате с волками, Гурни, сосредоточенный на том, зачем пришел сюда, не позволил своему воображению разыграться.

Перед тем как подняться наверх, он установил более мощный фонарик на плоском бортике ванны, направив луч в щель возле светильника.

Теперь, стоя на чердаке, он выключил фонарик поменьше, которым освещал себе дорогу. Несколько секунд не было видно ничего, полная темнота. Он услышал, как над его головой о сводчатую крышу бился порывистый ветер, испытывая на прочность столетние балки.

Когда его глаза привыкли к темноте, он заметил то, что надеялся увидеть, — тонкую полоску света между двух половиц метрах в семи от того места, где он стоял. Он снова включил фонарик и, обогнув волков, подошел туда, где заприметил полоску света.

Пол был застлан широкими сосновыми досками, некоторые из них шатались под ногами. Взяв фонарик в зубы, он встал на колени, поддел ногтями одну из досок и осторожно приподнял ее. Когда стало возможно за нее ухватиться, он вытащил ее и отложил в сторону. Вторая доска вынулась так же легко.

Он вскрыл часть черновых балочных перекрытий, разделявших пол и потолочную плиту под ним. Прежде всего он оголил проводку и патрон светильника. Было видно, что круглый потолочный плафон, который должен был прикрывать отверстие для проводов, прикрывал его не до конца. Там был очень узкий зазор, всего в несколько миллиметров. Сквозь него и проникал свет фонарика из ванной.

Он осмотрел верхнюю часть патрона и балку, к которой он был прикреплен. Никаких приборов для наблюдения или прослушки он не обнаружил. Однако там присутствовали явные следы каких-то двух устройств, которые были там установлены, а потом, возможно в спешке, удалены.

Одним из них могла быть оптоволоконная камера с присоединенным к ней радиопередатчиком. На ближайшей к отверстию в потолке балке были наклеены куски свежей, липкой изолянт. Прямо над отверстием был приклеен небольшой пружинный зажим, который, скорее всего, фиксировал конец оптического кабеля, снабженного линзой. Гурни сообразил, что остальные кусочки изолянт удерживали кабель и ограничивали давление на зажим. Отпечатки кабеля на ленте подтвердили его версию. Два более крупных куска изолянт, должно быть, поддерживали камеру и радиопередатчик на другом конце кабеля.

В связи с этим у него возник вопрос. Почему радиопередатчик не был обнаружен вчера, при проверке комнаты на всевозможные прослушивающие устройства? Или к тому моменту его уже убрали? А может быть, тогда его еще не установили? А если так, то почему так быстро убрали?

Было очевидно, что совсем недавно там был установлен еще один прибор. Но какой — совершенно непонятно. Там же, над отверстием, были приклеены два хомутика, но определить, что же на них держалось, было невозможно.

Он измерил их диаметр, чтобы примерно понимать хотя бы какого размера устройство они держали. Он пришел к выводу, что это было нечто диаметром приблизительно с тубик помады, неизвестной длины.

Довольный тем, что нашел все, что можно было найти, он вернул половые доски на место. Поднявшись на ноги, он еще раз оглядел эту огромную комнату. В рассеянном свете фонарика тени волков резко набросились на стену.

Он осветил герб Голлов.

Virtus. Perseverantia. Dominatus.

Его вдруг осенило, какое удивительно совпадение, что эти суровые заветы висели прямо над этими свирепыми чудовищами. Гурни обратил особенное внимание на последнее слово: *Dominatus*.

Он вспомнил, что переводилось оно по-разному. Но все переводы так или иначе сводились к одному объединяющему понятию: контроль.

Задумавшись, он вдруг осознал, что контроль сквозной линией проходил в этом деле: Эллиман Голл с его навязчивой идеей убивать

волков, Итан, стремившийся изменить мир, исправив всех преступников, там же Пейтон и его неукротимое своеволие.

Этот лейтмотив выходил и за пределы семьи Голл. По словам Гилберта Фентона, суть дела заключалась в том, что все четыре жертвы попали под абсолютный контроль Ричарда Хэммонда.

Да и стратегия Фентона по общению с журналистами была направлена на то, чтобы контролировать восприятие дела публикой, влиять на обвинительный процесс и полностью руководить судьбой Ричарда.

Загадочные службы, руководившие Фентоном, контролировали ход расследований в четырех разных округах.

А возвращаясь на тринадцать лет назад в пресловутый лагерь «Брайтуотер», Гурни задался вопросами об анонимной четверке — Льве, Пауке, Волке и Хорьке. Мо Блумберг говорил, что все в лагере боялись их. Каким образом им удалось всех запугать? И что они сделали со Скоттом Фэллоном?

По ходу своих размышлений Гурни вернулся к четырем убийствам. Он был убежден, что «убийство» — единственное подходящее определение для того, что произошло с четырьмя мужчинами, умершими от кровопотери в результате поврежденных артерий на запястьях. И несмотря на то, каким именно таинственным образом они были убиты, весь процесс был явно спланирован с целью их гибели. По мнению Гурни, это называлось убийством.

А убийство — наивысшая степень контроля.

Глава 42

— И что, черт возьми, ты хочешь сказать? — спросил Хардвик. — Что это была эдакая борьба за власть? И мертвые ребята проиграли? А кто же победил?

Гурни сидел в каминном зале. Он зашел туда, чтобы позвонить Хардвику и рассказать о своих находках, а также поделиться с ним своей теорией о том, что элемент контроля, возможно, является одним из важнейших аспектов дела.

В этом-то Хардвик и усомнился. Он любил точные факты и ненавидел абстрактные измышления, поэтому реакция его была предсказуема.

— Что бы там ни было, Шерлок, я уверен, ты во всем разберешься, и, когда придет время, поведаешь обо всем нам, простым смертным. А пока хочешь выслушать мою блестящую версию про лагерь «Брайтуотер»?

— А как же!

— Тогда слушай. Лео — Лев.

Гурни призадумался.

— Ты считаешь, что Лео Бальзак — один из членов таинственной четверки? Потому что Лео значит «лев»?

— Ну прямая же связь! И я думаю, что Волк — это скорее всего Итан Голл.

— Потому что его родовое имение находится на Волчьем озере?

— По-моему вполне логично, нет?

— Не считая того, что у нас нет никаких доказательств, что Итан ездил в «Брайтуотер». Какие еще аналогии?

— А как тебе Хорек Хоран?

— Очень может быть. Остается одна жертва и одно прозвище. Пардоза и Паук. Ты видишь какую-нибудь связь?

— Пока нет. Но три из четырех — это что-то да значит.

— Это может значить и то, что мы отчаянно пытаемся найти хоть какую-то закономерность. Но чисто теоретически давай предположим, что те четыре паршивца из «Брайтуотера» — наши трупы. И что они виноваты в смерти Скотта Фэллона. Ты это хотел сказать?

— А что, вполне возможно, — воодушевленно ответил Хардвик.

— Ладно, — сказал Гурни. — Но даже если так, все это произошло тринадцать лет назад. Какое отношение это имеет к нынешним событиям?

— Может быть, кто-то еще знал о том, что произошло. Или узнал потом. Допустим, Ричард Хэммонд узнал, что произошло в «Брайтуотере» тем летом. Допустим, он выяснил, что Голл, Бальзак, Хоран и Пардоза до смерти забили мальчишку-подростка, который был геем. — Хардвик сделал многозначительную паузу. — И допустим, он решил что-то с этим сделать.

— Вместо того, чтобы сообщить обо всем в полицию?

— Возможно, зная, насколько никчемны были полицейские в первый раз, он решил сам отомстить за смерть Фэллона. Часть своей карьеры Хэммонд посвятил гомосексуалам. Мало ли как он мог отреагировать, узнав, что мальчишку убили за то, что он был геем? Возможно, он специально для этого принял предложение Итана. Может, это именно он по телефону зазвал всех остальных на Волчье озеро. Он даже мог придумать какую-нибудь денежную приманку, чтобы заманить их в ловушку.

В идее Хардвика была доля истины. Ведь у них были сведения о том, что финансовое положение Хорана, Бальзака и Пардозы улучшилось примерно в то же время, когда они ездили к Ричарду. Однако Гурни он не убедил.

Хардвик, казалось, почувствовал его сомнения.

— Слушай, я же тебя не уговариваю. Положа руку на сердце, я буду лишь рад оказаться неправ...

— Почему?

— Потому что если я прав, то прав и Фентон. А от одной мысли об этом мне тошно.

— Ну ты все-таки зашел не так далеко, как Фентон. Ты же не веришь, что их заставили покончить с собой с помощью гипноза?

Хардвик не ответил.

Будто звуковой эффект из фильма ужасов, из камина в другом конце комнаты раздался жалобный стон. Но Гурни сказал себе, что это просто ветер гуляет в трубе.

Глава 43

Мадлен лежала в кровати, а одна из прикроватных ламп все еще горела. Гурни хотел проверить, не прошел ли тик у нее в щеке, но она зарылась лицом в подушки.

Чтобы отогнать чувство беспомощности, он начал думать над версией Хардвика о том, что Ричард заманил Хорана, Бальзака и Пардозу сюда, на Волчье озеро. Да, были доказательства, что их финансовая ситуация улучшилась как раз в тот период времени, но трудно было представить, что Хэммонд имеет к этому какое-то отношение.

Раздумывая о денежной стороне дела, Гурни вспомнил замечание Анджелы Кастро в «Кукольном доме» о том, что Табита была столь внимательна к ним, потому что надеялась, что они купят еще одну куклу.

Он тогда не совсем понял смысл сказанного, но так и не спросил Анджелу об этом.

Он взял телефон и пошел в ванную, где обнаружил фонарик, все еще вертикально стоявший на бортике ванны и освещавший потолок. Выключив его, он осторожно закрыл дверь и набрал номер Анджелы.

Когда она подошла к телефону, сначала он услышал звук телевизора — все та же какофония голосов, смеха и аплодисментов, которая звучала на заднем фоне их предыдущего разговора. Ему стало любопытно, выключает ли она его хоть когда-нибудь.

— Детектив Гурни? — Ее слабый голос звучал так, словно она только что проснулась.

— Здравствуйте, Анджела. Простите, что разбудил вас.

— Что-то случилось?

— Ничего нового. Вы все еще там?

— Что? А, да, я все еще здесь.

— При нашей первой встрече вы говорили, что Табита, наверное, думала, что мы собираемся купить Барби. Помните?

— Конечно, помню.

— Потому что Стиви купил вам Барби?

— Да, я же говорила.

— Я хотел узнать... Вы не помните, сколько он заплатил за нее?

— Как я могу забыть? Около десяти тысяч долларов. И еще налог.

— За куклу Барби?

— За оригинал Барби. Того времени, когда их только начали производить! Да еще и в оригинальной одежде.

— Это очень дорого.

— Я так и сказала Стиви. Но он сказал, что купит ее, ведь я так давно о ней мечтала.

— Он не говорил, откуда у него столько денег?

— Он сказал, чтобы я об этом не думала, что меня это не касается.

— Как и телефонный разговор перед поездкой на Волчье озеро, который вас тоже не касался?

— Наверное.

— То есть он ни разу не говорил вам, откуда у него столько денег?

— Нет. Но он сказал, что Барби — это только начало.

Внезапно раздался громкий стук в дверь их номера.

— Анджела, мне нужно идти, но я скоро вам перезвоню.

Он вышел из ванной и услышал, как в дверь снова застучали, на этот раз более настойчиво.

Гурни поправил «беретту» в заднем кармане джинсов, так чтобы ее легче было выхватить, и подошел к двери.

— Кто там?

— Полиция!

Он узнал голос Фентона и открыл дверь.

Плосколицый, широкоплечий человек перед ним выглядел как помятый, изможденный двойник того Фентона, который приходил к нему всего двое суток назад. Его спортивная куртка была небрежно расстегнута так, что было видно «глок» в плечевой кобуре. Он холодно посмотрел на Гурни.

— Надо поговорить.

— Может, вы зайдете?

— Нет, вам придется спуститься вниз.

— Зачем это?

— Вы спуститесь или я арестую вас прямо здесь и сейчас, за воспрепятствование.

— Я буду готов через минуту.

Оставив Фентона в дверях, Гурни прошел в спальню. Мадлен все еще была в кровати, но не спала.

— Мэдди, мне надо спуститься вниз.

— Я слышала. Будь осторожен.

Гурни натянуто улыбнулся.

— Думаю, это не займет много времени.

Они сели в старенький внедорожник «эф джи крузер», припаркованный под самым краем навеса. Свет фар подсвечивал кружащийся на улице снег. В машине работал двигатель и было включено отопление.

Гурни сообразил, что это личный автомобиль Фентона, а значит, тот, скорее всего, был не при исполнении.

Воцарилось напряженное молчание. Фентон смотрел на снег, освещаемый фарами. Затем он повернулся к Гурни.

— Телефон у вас с собой?

— Да.

— Выключите его. Совсем. И положите на торпеду, чтобы я видел.

Гурни сделал, как он просил. В тусклом свете, исходящем от приборной доски, Гурни разглядел, как у Фентона напряглись, заходили желваки.

— Я не понимаю, — сказал Фентон, но его тон был скорее обвинительным. — Мы так славно с вами поговорили. Я думал, я объяснил вам, что ваша деятельность здесь неуместна. И более того, она вредит расследованию. Я думал, я выразился ясно.

Он сделал паузу, словно подбирая правильные слова.

— Ваше вмешательство дает подозреваемому ложные надежды. И затягивает процесс, подпитывая иллюзии подозреваемого о том, что у него, помимо чистосердечного признания, есть какой-то иной выход из столь трудного положения. Подпитывая эти иллюзии, вы пагубно влияете на следственный процесс. Чрезвычайно пагубно. Возможно, в прошлый раз я недостаточно ясно выразился. Надеюсь, сейчас я объясняю понятно.

— Очень понятно.

— Отлично. Рад это слышать. — Он снова устремил взгляд на

метель. — Многое зависит от исхода этого дела. А вам стоит держаться подальше.

Гурни знал, что провоцировать этого человека опасно, но, с другой стороны, из этого можно извлечь и пользу.

— Должно быть, вы получаете инструкции от столь крупных шишек, что даже не сомневаетесь в том, что они правы, да? Неужели те, кому нужно, чтобы Хэммонд оказался виновен, настолько влиятельны, что вы решили, что он точно виновен?

— Ричард Хэммонд — лжец и убийца! И это факт. И никаких инструкций я, черт возьми, ни от кого не получал.

— Я слышал, что он прошел проверку на полиграфе. И удачно.

— Это абсолютно ничего не значит.

— А мне кажется, это небольшой аргумент в его пользу.

— Вы, похоже, не очень хорошо знаете своего клиента? — Фентон потянулся назад и достал из-под пассажирского кресла открытый портфель. Он вынул какие-то бумаги, сшитые вместе, и бросил их на колени Гурни. — Материалы для чтения, чтобы ввести вас в курс дела.

В слабом свете приборной панели Гурни смог разобрать лишь выделенный жирным шрифтом заголовок, по-видимому, копии какой-то научной статьи: «Нейропсихология полиграфа. Эксплуатируемые параметры».

Фентон ткнул в заголовок пальцем.

— Детекторы лжи и яйца выеденного не стоят, если тестируемый является экспертом по выявлению их слабых сторон.

Гурни вдруг пришло в голову, что Хэммонд, кажется, специалист во всех областях, которые выставляют его не в лучшем свете.

Словно адвокат на суде, подводящий итоги обвинения, Фентон залез в свой портфель и достал еще один листок бумаги.

— Это — копия написанного рукой Итана Голла описания его сна, сна, который снился всем жертвам после сессии гипноза с Хэммондом. — Он протянул листок Гурни. — Возьмите его с собой. И перечитывайте по утрам, чтобы не забывать о том, каким был ваш худший выбор клиента.

Гурни взял бумагу.

— А это не может быть подделкой?

— Никаких шансов. Его подробно и не один раз обследовали. Характер нажима, динамика движений в определенных буквосочетаниях, ни один фальсификатор не справился бы. Помимо того, кто этот умозрительный мошенник с доступом в кабинет Итана? Пейтон обычно вообще не в состоянии передвигаться. Для Хэммонда это, так или иначе,

стало бы последней каплей. Как и для его любящей сестры. Остен Стекл в тот момент носил гипс — у него был какой-то нарыв на запястье. Кто еще? Барлоу Тарр? Я сомневаюсь, что этот недоумок вообще умеет писать. Совершенно очевидно, что это — написанное рукой Голла описание его же сна. И все эти омерзительные образы и подробности совпадают со снами остальных жертв.

Он сурово посмотрел на Гурни.

— С меня хватит разговоров. Еще немного, и вас обвинят в препятствии следствию. Это понятно?

— Мы закончили?

— Вам нужно заканчивать со всем этим. — Фентон молча уставился в окно на усиливавшуюся бурю, а потом медленно покачал головой. — Я не понимаю вас, Гурни. Вы что, эгоцентрик, который считает, что он все время прав, а все коллеги не правы?

— Зависит от послужного списка коллег.

Взгляд Фентона завис на снежном вихре. Обеими руками он держался за руль.

— Скажите мне: где вы были одиннадцатого сентября?

Гурни моргнул, удивившись столь неожиданному переходу.

— Мы с женой были в отъезде, когда башни рухнули, но уже вечером я был на месте. А что?

— В то утро я был в Нижнем Манхэттене. На совместных учениях департамента полиции Нью-Йорка и полиции штата. Нас отправили к башням сразу, как только врезался первый самолет. — Костяшки его пальцев побелели — с такой силой он вцепился в руль. — И до сих пор, столько лет спустя, мне снятся кошмары. Я все еще слышу этот звук.

Гурни знал, что это за звук. Он не раз слышал об этом дне от других копов и пожарных. Огонь распространялся с этажа на этаж, и люди выпрыгивали из окон.

Это был звук человеческих тел, падающих на асфальт.

Гурни промолчал.

Через какое-то время Фентон прервал молчание.

— Вы поняли к чему я это, Гурни? Это — наш новый мир. Новая реальность. И никто не имеет права занимать выжидательную позицию. Речь идет о спасении Америки. Это война, а не игра. И нужно понимать, на чьей ты стороне.

Гурни кивнул, вроде как согласившись.

— Скажите, Гилберт, а те влиятельные, всемогущие, безымянные люди, которые так заинтересованы делом Хэммонда, — вы уверены, что

они на стороне праведников?

Фентон, не поверив своим ушам, с гримасой ярости резко развернулся на своем кресле.

Глава 44

По дороге обратно в номер Гурни остановился в каминном зале, чтобы позвонить Хардвику.

— Ситуация обостряется. Ко мне снова приходил Фентон. На него явно оказывают сильное давление, чтобы он избавился от меня.

— Как ты думаешь, что ты такого делаешь, что их так будоражит?

— Они очень хотят, чтобы Хэммонд признал вину, и думают, что я мешаю.

— Неужто эти ублюдки и правда думают, что он загипнотизировал четырех человек, чтобы они покончили с собой?

— Похоже на то.

— Так, что требуется от меня?

— Просто будь рядом на случай, если ад таки развернется.

— Что-нибудь еще, что мне нужно знать?

Гурни вспомнил про психическое состояние Мадлен. Но он пока что не был готов ни с кем это обсуждать.

— Пока что нет.

Он закончил разговор и поднялся в номер. Подмышкой он держал статью Хэммонда о полиграфе и копию письма Голла.

Мадлен спала. На столике в гостиной стояли нетронутые тарелки с едой, которые принесла Джейн. Он устроился на диване. Обратив внимание, что в статье одиннадцать страниц, а описание сна занимает всего полстранички, он решил начать со второго.

«По вашей просьбе, вот главные подробности сна, который приснился мне ночью после нашей последней сессии. Он начинается с иллюзии, что я лежу в своей кровати. И вдруг понимаю, что в комнате есть кто-то еще. Испугавшись, я пытаюсь подняться, но понимаю, что парализован. Я хочу позвать на помощь, но слова застревают в горле. Затем я вижу, как из темноты появляется некое лохматое существо. Каким-то образом я догадываюсь, что это волк. Я слышу, как он рычит. Вижу, как блестят в темноте его красные глаза. Затем я чувствую на себе его вес, его горячее дыхание. У него изо рта пахнет гнилью. Из его пасти на меня капает

какая-то вязкая жидкость. А затем волк превращается в кинжал. На рукояти — голова волка с рубиновыми глазами. Я чувствую, как что-то вонзается в меня. Я истекаю кровью. А затем вижу человека с кинжалом, который протягивает мне маленькие яркие таблетки. Я просыпаюсь и чувствую себя просто ужасно. Так ужасно, что мне хочется умереть».

Гурни перевернул листок и увидел заметку, написанную другой ручкой, неровным почерком, вероятно, Фентоном: «Кинжалы, подобные описанному, были найдены на всех четырех местах самоубийств».

Он снова перевернул листок и перечитал содержание сна.

Столько зловещих подробностей.

Возможно ли, что Хэммонд внедрил этот сон в подсознание четырех человек?

Мог ли сон в буквальном смысле убить их?

Безумная идея.

Настолько безумная, что Гурни не мог в нее поверить.

Отложив бумагу с описанием сна, он перешел к статье Хэммонда.

Начал читать он внимательно, а затем стал просто просматривать текст, не находя ничего важного. Статья была написана много лет назад, когда Хэммонд был еще кандидатом в доктора наук, и исследовала как случайные, так и обусловленные факторы, способствующие возникновению ошибок в полиграфе. Из простых факторов упоминались трюки вроде канцелярской кнопки, спрятанной под одеждой для того, чтобы причинять боль в определенные моменты и сбивать показания устройства о психологической реакции. Среди более сложных факторов были упомянуты определенные психические состояния, как медитативные, так и клинические, устраняющие различия между честными и обманными ответами.

— Который час?

Вздвогнув от звука голоса Мадлен, Гурни повернулся и увидел, что она стоит около дивана, с таким видом, словно только что очнулась от кошмарного сна.

Он проверил телефон.

— Начало десятого.

Она моргнула, замешкавшись.

— Дэвид?

— Да?

— Ты думаешь, я схожу с ума?

— Конечно, нет.

— Я видела Колина в ванне. И я в этом уверена. Но это какой-то бред.
— Мы просто еще не нашли этому объяснения. Но мы найдем.
— Ты правда думаешь, что все можно объяснить?
— Я не думаю. Я знаю.
— И даже способность видеть привидений?
— Теперь ты думаешь, что это было привидение? Не настоящее тело?
— Я не знаю. Знаю лишь то, что это был Колин. Но в нем было что-то от привидения. словно свечение, как будто я вижу не только его тело, но и душу. Ты веришь, что мы продолжаем существовать, даже когда наши тела умирают?

— Не знаю, что ответить, Мэдди. Я даже не уверен, понимаю ли, что значит этот вопрос.

Она потерянно взглянула на него.

— С тобой такого никогда не случалось?

— Нет.

Зазвонил его телефон. Он немного подождал, прежде чем проверить, кто ему звонит.

Это была Ребекка Холденфилд.

Как бы страстно он ни желал получить новую информацию, которая могла сдвинуть дело с мертвой точки, он просто не мог сейчас отвернуться от Мадлен. Звонок перешел в голосовую почту.

Мадлен поежилась.

— Мне холодно. Пойду обратно в кровать.

Вдруг она остановилась.

— Я забыла тебе сказать. Джейн пригласила нас на завтрак.

Учитывая ситуацию с Фентоном, визит к Хэммондам был не лучшей идеей. Но, с другой стороны, Мадлен пойдет на пользу выбраться из гостиницы хотя бы на часок.

— Хорошо.

Она кивнула и пошла в спальню.

Гурни остался сидеть на диване, пытаясь унять свои беспокойные мысли. Вспомнив, что простейшие дела помогают успокоиться, он решил развести огонь.

Стоя у камина, он вздрогнул, когда услышал глухой удар о балконную дверь.

Сначала он подумал, что это птица врезалась в стекло. Затем понял, что птицы не летают ночью, в снежную бурю.

Подойдя к двери, он посмотрел за окно. Из-за слоя льда невозможно было ничего разглядеть. Тогда он осторожно приоткрыл дверь.

На снегу что-то валялось. Чтобы получше разглядеть, он вышел на балкон.

Оказалось, что это посылка необычной формы, сантиметров тридцати длиной и около десяти сантиметров шириной, неумело запакованная в газету и заклеенная изолентой.

Сделав еще один шаг к перилам балкона, он всмотрелся в заснеженную даль.

Он никого не увидел и не услышал ничего, кроме ветра.

Подняв посылку, он прикинул, что весит она меньше фунта.

Убрав тарелки с едой с журнального столика, он положил на него посылку и снял с нее изоленту, вместе с которой снялась и газета.

Перед ним лежали два устройства.

Одно из них он тут же узнал — это была оптоволоконная камера для наблюдения.

Второй прибор был ему незнаком. Это был черный матовый предмет, по размеру чуть больше зажигалки. Сбоку было что-то написано, вероятно, серийный номер. На одном конце было восемь малюсеньких дырочек, в каждой из которых блеснул кружочек изогнутого стекла.

Какие-то линзы? Он никогда раньше не видел таких маленьких линз. Но что еще это могло быть? В одном Гурни был уверен, изучив размеры обоих устройств. Почти наверняка это были те самые предметы, которые были установлены, а потом изъяты из того самого места на чердаке, между опорными балками.

Вдруг он увидел кое-что, чего сначала не заметил, увлекшись изучением приборов.

На внутренней стороне одной из газет, использованных в качестве упаковочной бумаги, корявыми печатными буквами было написано одно слово.

берегитесь

БЕРЕГИТЕСЬ

Глава 45

Стиль письма явно указывал на Барлоу Тарра.

Но зачем ему было так рисковать? И о чем он так упорно пытался предупредить Гурни? А если это был не он, кому нужно было убеждать

Гурни в обратном?

Эти вопросы не давали ему уснуть до раннего утра. Урывками проспав пару часов, он снова проснулся еще до рассвета. Почувствовав, что опять погружается в водоворот бездоказательных предположений, он решил подняться с кровати, принять душ и одеться.

Подойдя к балкону, он выглянул в окно. Снежинки, кружившиеся в свете прожекторов, сверкали в сухом воздухе. Наполовину покрывшийся коркой льда термометр, прикрепленный к перилам балкона, показывал двадцать два градуса ниже нуля. Гурни вышел на воздух, чтобы убедиться, что правильно увидел температуру.

Он развернулся, чтобы зайти обратно внутрь, но краем глаза заметил что-то на дороге, спускающейся к гостинице с гор.

Мерцающую точку.

Устремив взгляд в темноту, он увидел еще одну, в нескольких метрах от первой. Они синхронно двигались вперед, словно фары, только поменьше и послабее.

Гурни понял, что это габаритные огни.

Он ждал, наблюдал и прислушивался.

Огни приближались. Вскоре он сумел разглядеть, что это габаритные огни небольшого пикапа.

Машина повернула на дорогу, шедшую вдоль озера, медленно проехала мимо гостиничных прожекторов и двинулась в сторону... в сторону чего?

Лодочного домика?

Одного из шале?

Особняка Голла?

Грузовик исчез в снежном вихре; Гурни отметил, что задние фары не горели.

Он вошел обратно в комнату и запер дверь.

Следующие полчаса он провел за компьютером, просматривая товары, предлагаемые на сайтах шпионского оборудования, пытаясь найти хоть что-то похожее на маленький прибор в виде цилиндра, который не давал ему покоя.

Оказалось, это процветающая индустрия. Сотни компаний, многие из которых в названии имели слово «шпион», продавали довольно сложное оборудование по вполне доступным ценам.

Продукция разделялась на две большие категории. Устройства, которые якобы позволяли пользователю следить за кем угодно и где угодно. И устройства, которые нейтрализовали действия приборов первой

категории. Сайты пестрели слоганами вроде «Следи за всеми. Но не дай никому проследить за тобой». Идеальный бизнес для мира параноиков.

Гурни не нашел ничего похожего на маленькое черное устройство с восемью миниатюрными линзами, если это, конечно, были линзы.

Он снова осмотрел его со всех сторон. Похоже было, что оно не открывалось. Он не почувствовал тепла, обычно исходящего от батареи. Выбитый сбоку номер ни о чем не говорил. Тем не менее Гурни решил попытаться найти хоть что-нибудь и забил серийный номер в поисковик.

Нашелся только один сайт с непонятным адресом — «www.alz2b3y4c5x.net».

Он зашел на сайт и увидел пустую страничку с четырьмя полями для ввода данных — новый логин, старый логин и новый и старый пароли.

С одной стороны, это был тупик. Но с другой — уровень защиты сайта уже говорил о многом. Как минимум подтверждалось предостережение Робин Вигг. Да и Фентона. Не говоря уже о послании, нацарапанном на газете.

Вспомнив о Вигг, он схватил телефон, сфотографировал устройство со всех сторон и отправил ей имейл с фотографиями, серийным номером и ссылкой на вебсайт.

Не прошло и двух минут, как пришел ответ: «Фотографий недостаточно. Сайт под замком. Пришли прибор на экспертизу». Он был рад проявленному интересу, но понимал, что вряд ли успеет выполнить ее просьбу.

— Ты давно проснулся?

Гурни вздрогнул от неожиданности.

Он повернулся и увидел Мадлен, стоявшую около двери в ванную в футболке и пижамных штанах.

— Где-то час назад.

— В восемь нам надо быть у Хэммондов.

Она зашла в ванную, оставив дверь открытой, и сразу устремилась к душевой кабине.

Гурни вдруг понял: одно то, что она готова войти в ванную, уже хороший знак.

Пока Мадлен принимала душ, он задумался о совместном завтраке с Джейн и Ричардом и о том, какую пользу можно извлечь из этой нежеланной им встречи. Он мог задать еще немало вопросов, изучить реакции. А также изложить версию о том, что четыре трупа — месть за стародавнюю трагедию с исчезновением паренька-гея. Было бы интересно послушать, что на это скажет Ричард.

Порывистый ветер, гуляющий над дорогой, еще не до конца успел замести следы от колес пикапа, который чуть раньше уехал в ту же сторону. Любопытство Гурни усилилось, когда он увидел, что следы вели к шале Ричарда и огибали его. Автомобиль, оставивший эти следы, должен был все еще стоять за домом. Гурни хотел пойти посмотреть, но, заметив, что Мадлен замерзла, передумал.

Джейн, беспокойно улыбаясь, как всегда встречала их у входа. Они повесили куртки, и она проводила их в гостиную со сводчатыми потолками.

— Я попросила шеф-повара приготовить нам на завтрак всего понемножку — омлет, сосиски, бекон, тосты, овсянку, фрукты. И он сам все привез. Из-за этой ужасной погоды помощник по кухне и горничная остались дома, в Бирстоне, да и сам шеф вот-вот уедет, пока не стало еще хуже. По совету вашего друга я попросила повара отнести все вниз, в комнату отдыха.

— Прошу прощения?

Послышался знакомый голос.

— А я говорил, что ты сразу поймешь, ведь ты же понятливый парень.

Джек Хардвик, ослепительно улыбаясь, поднялся с кресла, стоящего возле камина.

— Собственно говоря, — сказал он, многозначительно посмотрев на торшер с флероном из кровавой яшмы, — я подумал, ты наверняка захочешь позавтракать внизу, поближе к котельной. Там теплее и уютнее.

— Ричард пошел в душ. Пойду узнаю, готов ли он, — объявила Джейн.

Как только она вышла из комнаты, Хардвик прошептал:

— Надеюсь, от нас двоих толку будет в два раза больше.

— Ты не боишься, что Фентон узнает, что ты здесь?

— Мне надоело волноваться из-за Фентона. Как только мы докопаемся до правды, его корабль пойдет ко дну. А если он попытается уплыть — я наассу ему на лицо.

— Только в том случае, если наша правда отличается от его.

Иначе и не может...

Его прервала Джейн, стоявшая в дверном проходе.

— Ричард сейчас спустится. Пойдемте скорее вниз, завтрак остывает.

Как только Джейн скрылась из виду, к Хардвику повернулась Мадлен.

Она спокойно, тихо сказала:

— Ричард Хэммонд ни в чем не виновен.

Он с беспокойством посмотрел на нее.

— Ты очень бледная. С тобой все в порядке?

— Нет. Мне нехорошо. Но это никак не связано с Ричардом.

— Ты больна?

— Возможно.

Хардвик был совершенно сбит с толку.

— А почему ты так уверена насчет Хэммонда?

— Я просто знаю.

Хардвик, как бы ища объяснений, взглянул на Гурни.

Так называемая «комната отдыха» была просторным квадратным залом. Там было место для занятий спортом с силовым тренажером и парой беговых дорожек, киноуголок с плюшевыми пуфами напротив большого экрана, диван и кресла для посиделок с друзьями и обеденный стол с шестью виндзорскими креслами.

Ричард и Джейн сели напротив Дэйва с Мадлен, а Хардвик устроился во главе стола. Все взяли себе с буфета еды и коротко обсудили погоду — жуткую метель. Довольно быстро стало ясно, что никому не хочется больше об этом говорить, и в комнате воцарилось напряженное молчание.

В конце концов Джейн заговорила.

— Я бы хотела узнать... о ходе вашего расследования... Может быть, есть какие-то хорошие новости?

— «Новости» есть, — ответил Гурни. — Мы выяснили, что четыре смерти могут быть связаны с исчезновением мальчика-подростка на севере штата тринадцать лет назад.

Ричард посмотрел на него с любопытством, а Джейн — с недоумением.

Гурни во всех подробностях, полученных от Мо Блумберга и Кимберли Фэллон, пересказал им историю того рокового лета в лагере «Брайтуотер».

При упоминании вероятной гибели Скотта Фэллона Джейн схватилась за сердце.

— Какой ужас!

Выражение Ричарда была непроницаемым.

— То есть Хоран, Бальзак и Пардоза, все трое в то лето были в «Брайтуотере»?

— Похоже на то.

— А при чем здесь Итан?

— Мы подозреваем, что и он мог быть там в то же время.

— Вы, наверное, шутите.

— Почему это?

— Каждое лето, с двенадцати лет и до двадцати одного года, Итан проводил в Швейцарии. Потом, когда умерла его мать и он унаследовал имение на Волчьем озере, он находился здесь день и ночь, пятьдесят две недели в году, преображая это место в процветающее предприятие, каким оно и является сейчас.

— А что он делал в Швейцарии?

— Школа верховой езды, курсы французского и немецкого, стрелковый спорт, спортивная рыбалка и тому подобное. Возможность находиться в обществе других хорошо воспитанных молодых людей. Идея о том, что Итана Голла могли отправить в лагерь для детей рабочего класса в Катскиллах, абсурдна. — Хэммонд притих, слабая улыбка исчезла с его лица. — Подождите-ка, насчет «Брайтуотера» — вы думали, что Итан мог быть замешан в этой кошмарной истории?

— Я вынужден был рассмотреть и такую возможность.

Ричард осуждающе взглянул на Хардвика.

— И вы тоже?

— По моему опыту любой человек может оказаться совсем не тем, кем кажется, — сказал Хардвик и холодно, оценивающе посмотрел на Ричарда.

— Теоретически я соглашусь. Но мысль о том, что он имел отношение к банде, издевавшейся над геями... это... — Он осекся, а затем продолжил: — Пару лет назад, когда Итан убедил меня приехать сюда, он собирался отказаться от всего, от всех своих активов. Он намеревался передать безотзывный траст всего имущества своему фонду «Новая жизнь», оставив лишь небольшой ежегодный доход от инвестиций, который они с Пейтоном получали бы на протяжении всей жизни.

Хардвик приподнял бровь.

Гурни одобрительно заулыбался.

— Очень щедро с его стороны.

— Вот и я о том же. Вот кем был Итан. Богачом, которого волновало лишь то, как его деньги могут изменить этот мир к лучшему.

Хардвик как-то чересчур громко кашлянул.

— Вы же сказали, он «собирался»? Значит, на деле он этого так и не сделал, да?

— Остен убедил его, что будет больше пользы, если Итан сохранит контроль над активами.

— Что вы подразумеваете под словом «польза»? — перебил его Гурни.

— Если бы все активы безотзывно перешли фонду, Итан уже никак не

смог бы контролировать поведение Пейтона.

— Он не мог бы лишиться его наследства, если бы от наследства ничего не осталось?

— Именно. А последним доводом Остена, который окончательно переубедил Итана, была идея о том, что основная поддержка фонда не должна исходить от его основателя. Она должна складываться из пожертвований успешных «выпускников» программы реабилитации. Остен очень настаивал на этой идее «отдачи».

— Каким образом все это касалось Остена?

— Это касалось денег, а значит, и Остена. Конечно, Итан сам принимал решение. Но всегда прислушивался к мнению Остена.

Джейн теребила салфетку.

— Вы сказали, эти три молодых человека были в том лагере... а потом приехали сюда, к Ричарду? А что еще удалось про них узнать?

— Странные подробности. Например, все трое ненавидели геев. И по крайней мере один из них знал, что вы гей, еще до того, как записался к вам на прием. Возможно, и все трое располагали этой информацией — ведь всем им перед приездом сюда звонили с одного и того же номера.

Хэммонд и Джейн недоумевающе переглянулись.

Джейн задала очевидный вопрос.

— Как человеку с подобными взглядами могло прийти в голову обратиться именно к Ричарду?

— У нас есть сведения, что у всех троих значительно улучшилось материальное положение примерно в то же время, когда они сюда приезжали.

Хэммонд, казалось, был ошарашен.

— Вы думаете, им заплатили за встречу со мной?

Гурни пожал плечами.

— Я лишь рассказываю, что нам известно.

Хардвик испытующе посмотрел на Хэммонда.

— Предположим, вы узнали имена трех подонков, забивших мальчишку до смерти лишь за то, что тот посмел быть геем. И точно уверены в том, что они виноваты. Но доказать это в суде невозможно из-за несоблюдения каких-то формальностей. И вы убеждены, что они избежат наказания. Что бы вы сделали?

Хэммонд печально взглянул на Хардвика.

— Это, вероятно, задумывалось как вопрос с подвохом. Но это очень болезненный вопрос.

— И ваш ответ...

— Ничего. Я бы ничего не стал делать. Я бы хотел убить их, но не смог бы.

— Почему?

Необыкновенные сине-зеленые глаза Хэммонда наполнились слезами.

— Мне просто не хватило бы храбрости.

Комната погрузилась в тишину.

Хардвик задумчиво кивнул, будто ему все стало ясно, будто теперь он доверял Хэммонду больше, чем раньше.

Гурни чувствовал то же самое. Он вдруг понял, что Хэммонд, скорее всего, ни в чем не виноват.

А если виноват, то он самый талантливый лжец на земле.

Глава 46

Полчаса спустя, сидя в «аутбеке» перед шале с Мадлен и Хардвиком, Гурни говорил о том, как важно было оставаться объективными.

Хардвик согласился.

— У меня создалось впечатление, что он говорил правду. А что говорит твоя печенка?

— По большому счету, моя печенка согласна с твоей, — ответил Гурни. — Но мозг подсказывает мне, что нельзя давать печенке право окончательного решения.

Гурни открыл бардачок и достал маленький цилиндрический предмет из посылки, которая прилетела к нему на балкон. Он рассказал Хардвику, что почти уверен, это одно из устройств, которые были установлены в потолке над их ванной, и спросил, не сталкивался ли тот прежде с подобными приборами.

Хардвик зажег лампочку на потолке машины и осмотрел устройство.

— Никогда. Ты отправил Вигг фотографию?

— Да. Но дело в том, что она сама хочет осмотреть эту штуку.

Хардвик скорчился.

— Ты хочешь, чтобы я лично доставил ей эту фигню?

— Ну а что, быстренько смотаешься в Олбани.

Хардвик убрал цилиндр в карман куртки.

— Очередной геморрой. Ты же понимаешь, что это немного противоречит твоей просьбе о том, чтобы я держался неподалеку?

— Мне тревожно, когда тебя рядом нет. Но эта штука тревожит меня куда больше.

- Ух, я тебе не завидую, если окажется, что это гребаный фонарик.
- Кстати, этот пикап на заднем дворе, это же твой?
- Он принадлежит Эсти Морено, женщине всей моей жизни.
- Вы до сих пор вместе?
- Ты что сомневаешься в моей способности поддерживать стабильные отношения?
- Ага.
- Я дал ей список наших главных действующих лиц. Она попытается что-нибудь раскопать. Кстати, это она узнала о том, что Стекл торговал наркотиками. Она же и тачку мне одолжила. Горько было бросать «понтак» дома, но, увы, моя любимая машина совершенно не годится для снега. А в прогнозе обещали метель. Что, кстати, напоминает мне о Мо Блумберге.
- Что?
- Совпадение. Не стоит ли нам волноваться, что бывший директор лагеря, который наверняка знает намного больше, чем рассказывает, именно сейчас уезжает в теплые края, подальше от снега?
- Я как-то и не думал об этом волноваться, но теперь, когда ты сказал, наверное, буду.
- А как насчет мамы погибшего парнишки? Ведь из всех возможных мотивов преступления, у нее самые веские основания — отомстить уродам за смерть сына?
- Я, конечно, могу не вычеркивать ее из списка. Но дело в том, что у нее был мотив убить тех троих, что были в «Брайтуотере». Но зачем она ждала тринадцать лет? И зачем ей убивать Итана?
- Этот вопрос применим не только к Кимберли Фэллон, но и ко всякому, кто хотел бы отомстить. Я сомневаюсь, что кто-либо стал бы руководствоваться в этом деле старой пословицей «Мечь — блюдо, которое нужно подавать холодным». Так что мотив мести мне вообще кажется маловероятным.
- Не спорю, Джек. Но если это не мечь, то при чем тут вообще «Брайтуотер»?
- Хрен его знает. В этом деле слишком много вопросов. И вот тебе еще один. Почему письмо, в котором Итан описывает свой сон, так и не было отправлено?
- Может быть, он собирался передать его лично в руки адресату?
- Какому-нибудь психотерапевту, с которым он тайно встречался в Платтсбурге?
- Или Ричарду — вариант, который мы почему-то исключили.

— Наш разговор состоит из сплошных знаков вопроса. Мне пора ехать, чтобы успеть в Олбани и обратно перед тем, как все заметет. Пойду скажу Хэммондам, что уезжаю.

— Будем на связи.

Хардвик кивнул, вылез из машины и пошел к шале.

Гурни же вырулил на приозерную дорогу.

Когда они приехали обратно в гостиницу, напольные часы в холле пробили ровно десять утра. В доме стояла полная тишина, возникало ощущение пустоты. Они поднялись наверх. Мадлен крепко обхватила себя руками.

— Ты можешь что-нибудь сделать с ванной?

— Да там особо нечего делать.

— Ты сказал, что на потолке дыра.

— Да, совсем небольшая щель между потолком и плафоном.

— Ты можешь ее закрыть?

Это было первое, что он сделал, когда они пришли в номер. Нужно было лишь слегка сдвинуть плафон в сторону на несколько сантиметров. Он нанес пару четких ударов ручкой зубной щетки, и все стало на место.

Выйдя из ванной, он увидел, что Мадлен стоит у окна и смотрит на Клык Дьявола. На лицо ее падал свет, и было видно, как подергивается щека. Она все еще была в куртке и в перчатках.

— Ты не мог бы помочь мне написать имейл моей сестре? Я не хочу снимать перчатки. Пальцы даже ломит от холода.

— Конечно. Только возьму свой компьютер. Ненавижу эту экранную клавиатуру на твоём планшете.

Когда он был готов, она, все еще глядя в окно, стала диктовать ему письмо.

«Знаю, мы давно не говорили. И я прошу за это прощения. Наверное, это покажется странным после такого долгого перерыва, но у меня к тебе огромная просьба. Мне нужно, чтобы ты вспомнила время, когда я была подростком, когда мне четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать. Что ты помнишь обо мне? Что за человек я была? Переживала ли ты за меня? Что, как тебе казалось, мне было нужно от тебя, от мамы с папой, от моих друзей... от мальчиков? Ты помнишь, что выводило меня из себя? А что радовало? От чего я грустила? Мне необходимо узнать об этом. Пожалуйста, подумай и расскажи мне как можно больше. Мне необходимо знать, кем я была тогда».

Мадлен глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Не снимая перчаток, она вытерла лицо, утирая слезы.

Гурни чувствовал себя абсолютно беспомощным. Через несколько секунд он спросил:

— Как подписать?

— Просто сохрани его, а я потом сама допишу и отправлю. Мне просто нужно было записать эти вопросы, пока они у меня в голове, — наконец она отвернулась от окна. — Пойду приму горячий душ, мне нужно согреться.

Оставив дверь открытой, она включила душ. Отойдя в самый дальний от ванны угол, она стала раздеваться.

Гурни сохранил письмо для ее сестры и включил на компьютере спящий режим. Вдруг он вспомнил, что вчера вечером ему звонила Ребекка, и решил прослушать ее сообщение.

«Дэвид, помнишь, ты спрашивал меня про суицид в состоянии транса и я сказала, что где-то это уже слышала. Я вспомнила где. Перерыла онлайн-архив „Нью-Йорк таймс“. Почти четыре года назад у них вышел репортаж с одним из осведомителей, сливавших государственные тайны.

Бывший сотрудник ЦРУ утверждал, что в секретном подразделении отдела психологических исследований проводили несанкционированные эксперименты по управлению сознанием с помощью гипноза. Ничего удивительного. Однако цель эксперимента заключалась в том, чтобы проверить, возможно ли привести здорового человека в суицидальное состояние. Согласно источнику, которого звали Сильван Маршалк, на этот проект были выделены значительные средства. Вероятно, идея о том, что можно как по волшебству заставить человека покончить с собой, была весьма привлекательна. Звучит нелепо, но не более нелепо, чем план убить Кастро с помощью взрывной сигары. Судя по всему, к проекту отнеслись довольно серьезно, выделив под него строго засекреченный бюджет, а также отдельную аббревиатуру — ССТ, суицид в состоянии транса.

Спустя неделю его труп нашли в Центральном парке, передозировка наркотиками. Ну и, само собой, официальная версия отрицала существование данного проекта и экспериментов и утверждала, что обвинения Маршалка были просто наркоманскими бреднями.

Такие вот дела, Дэвид. Если вдруг ты вступишь в борьбу с этими же ребятами... Бог тебе в помощь. Позвони, как сможешь. Дай знать, что ты жив. Я серьезно».

Гурни взял компьютер и забил в поиск «Сильван Маршалк». Первой

выскочила статья в «Нью-Йорк таймс». Даже две статьи. В первой рассказывалось о признаниях бывшего аналитика ЦРУ. Вторая же, вышедшая на неделю позже, была посвящена его смерти от передозировки. Гурни внимательно прочитал обе статьи, но не нашел ничего, о чем не упомянула бы Ребекка. Затем он проверил другие результаты поиска, но все остальные публикации были короче, чем первые две. Никакой более свежей информации он не нашел.

История была весьма пугающей не только из-за своего печального конца, но и потому, что рассказы Маршалка об исследованиях в области «суицида в состоянии транса» придавали достоверности версии Фентона.

Когда из ванной вышла Мадлен, завернутая в полотенце, он все еще сидел на диване, размышляя над тем, что только что узнал.

— Можешь переслать мне имейл для моей сестры?

— Не хочешь отправить его с моего компьютера?

— Нет, я хочу, чтобы ее ответ пришел на мой планшет.

Он открыл черновик письма, ввел имейл Мадлен и нажал кнопку «Отправить». Убедившись, что письмо ушло, он закрыл свой компьютер.

И в этот момент его озарило.

На несколько секунд он замер, почти не дыша, обдумывая столь поразившую его мысль.

Если бы кто-то нашел в папке «Черновики» этот неадресованный документ, они запросто могли бы решить, что он писал про себя, про свои эмоциональные переживания.

Возможно, такой же неверный вывод был сделан насчет документа, написанного рукой Итана? Может быть, это описание сна, приснившегося кому-то другому, кто по непонятным причинам просто продиктовал его Итану, как Мадлен ему?

Эта гипотеза захватила разум Гурни. Вскоре он был уже на сто процентов уверен, что все так и произошло. Кто-то пришел к Итану и попросил помочь ему — написать письмо психотерапевту, после встречи с которым начались «кошмары». Итан под диктовку все записал.

Гурни был настолько уверен в своей новой гипотезе, что даже усомнился в собственной беспристрастности. По опыту он знал, что лучший способ испытать версию на прочность — подвергнуть ее безжалостной критике Хардвика.

Но звонить Хардвику из номера, напичканного жучками, ему не хотелось. Просить Мадлен включить маскирующую музыку на планшете именно сейчас, когда она редактирует на нем столь эмоциональное письмо для своей сестры, показалось ему неуместным. А на его далеко не новом

компьютере динамик работал очень плохо.

Он зашел в альков.

Мадлен сидела на краю постели и, поджав губы, беспокойно перечитывала свое письмо.

— Мэдди?

— Да?

— Мне нужно сходить вниз.

Она едва заметно кивнула.

— Я ненадолго.

Она ничего не ответила. Он взял ключ и вышел из комнаты, заперев за собой дверь.

В каминном зале все еще витала холодная атмосфера опустошенности. Гурни устроился в кожаном кресле у стены напротив входа, откуда он мог наблюдать за тем, что происходит у стойки регистрации. Надеюсь, что Хардвик находится в зоне действия сети, он набрал его номер.

Тот немедленно поднял трубку — ему явно не терпелось поворчать.

— Дорога с Волчьего озера была просто жуткой. А сейчас я ползу по шоссе за громадным снегоочистителем. Обогнать его невозможно. Что у тебя?

— Я хотел посоветоваться с тобой насчет одного момента.

— Ты сейчас про затрахавшую меня невероятность происходящего?

— Нет, я насчет написанного рукой Итана письма.

В трубке Гурни слышал шум снегоочистителя.

Когда Хардвик заговорил, он казался немного спокойнее.

— С письмом явно что-то не так. А ты что думаешь?

Гурни поделился с ним новой гипотезой и рассказал о том, как его натолкнула на эту мысль Мадлен, продиктовавшая ему свое письмо.

Хардвик откашлялся.

— Ну... такое возможно.

Гурни не смутило полное отсутствие энтузиазма со стороны Хардвика. Он объяснил это тем, что тот просто крепко задумался над его версией.

— Такое возможно, — повторил Хардвик. — Но если это был не сон Итана, то чей же тогда? И как так вышло, что обстоятельства смерти Итана во многом повторяют детали сна?

— Вроде того кинжала с головой волка, которым, как считает Фентон, Итан перерезал себе вены? Я не знаю. Безусловно, версия о надиктовывании сна — не окончательная, но она подтверждает, что роль Итана во всей истории сильно отличается от остальных. Мне с самого начала показалось, что он не вписывается в эту компанию.

— Получается, у нас есть три жертвы, которым приснились одинаковые сны, в результате которых они умерли, и еще один человек, который под диктовку записал чей-то сон и тоже умер. Но мне до сих пор не дает покоя наш главный вопрос. Мог ли Ричард или какой-то другой гипнотерапевт вызвать кошмары и последовавшие за ними самоубийства?

— Забавно, что ты сейчас к этому вернулся. Я только что прослушал сообщение от Ребекки Холденфилд о бывшем цэрэушнике, слившем секретные сведения о том, что в агентстве активно изучали этот вопрос — явно полагая, что это действительно возможно.

— Они, естественно, все отрицали?

— Разумеется. Но мне кажется, что интерес, который проявляет к этому делу служба национальной безопасности, может быть связан с этой конкретной программой.

Хардвик с досадой вздохнул.

— В версии о смертоносном гипнозе меня не устраивает, что все стрелки снова указывают на Хэммонда, ведь тогда получается, что Фентон был прав. А это, как я уже говорил, неприемлемый исход дела! Подожди минутку, дружище. Я отложу телефон. Кажется, у меня появился шанс обогнать это чудовище.

Где-то через полминуты Хардвик снова был на связи, а Гурни услышал удаляющийся грохот снегоуборочного монстра.

— Так что нам на данный момент известно, Шерлок?

— Если пока что убрать из этого уравнения Итана, у нас есть три гомофоба, которым предложили денежное вознаграждение за визит к гипнотерапевту-гею. Мы знаем, что все они позднее рассказали о своих кошмарах и в скором времени были найдены мертвыми. Также мы знаем, что следователь, ведущий дело, сосредоточил свое внимание исключительно на Ричарде Хэммонде, который, как он убежден, все и провернул.

— В чем мы и усомнились?

— Именно.

— Хорошо, — теряя терпение, сказал Хардвик. — Давай снова вернемся к главному вопросу. Если это не Хэммонд нашептал им про кошмары, то кто? Это же самое важное, что необходимо узнать. Я прав?

Если это не Хэммонд им нашептал, то кто?

Если это не Хэммонд им нашептал...

Черт возьми!

Уже во второй раз за сегодняшнее утро Гурни чуть не задохнулся от волнения. Он смотрел перед собой, но ничего не видел. Он был полностью

сконцентрирован на словах, произнесенных Хардвиком. Он снова прокрутил их в голове.

Если это не Хэммонд им нашептал, то кто?

— Эй, Шерлок, ты еще здесь?

Гурни рассмеялся.

— Какого черта ты ржешь?

— Твой вопрос. Он только звучит как вопрос. Но самом деле это ответ. Более того, возможно, это ключ к разгадке всей этой истории.

Глава 47

Хардвик оказался вне зоны доступа до того, как Гурни успел подробнее объяснить внезапно озарившую его мысль. Зато теперь у него было время хорошенько все обдумать и убедиться в состоятельности версии.

Спустя двадцать минут Хардвик перезвонил.

— Счастлив знать, что ты считаешь меня чертовым гением. Но тем не менее объясни, что за подсказку я тебе дал?

— То, как ты сформулировал свой вопрос. Ты спросил, кто, если не Хэммонд, нашептал жертвам про кошмары.

— И что?

— А то, что это ключ к разгадке проблемы, над которой мы бились с самого начала. Жертвам в буквальном смысле нашептали, то есть наговорили содержание кошмаров. — Гурни замолчал в ожидании реакции.

— Продолжай.

— Хорошо. И снова оставим Итана, потому что с ним все явно было иначе. Что касается трех остальных, я думаю, каждому дали описание кошмара. А им эти сны, на которые они жаловались, никогда и не снились. Они просто запомнили подробности и пересказали их так, будто это были их собственные сны.

— На хрена?

— Именно за это им и заплатили. У нас есть доказательства, что у всех троих примерно в то время появились деньги. Но мы не знали почему. Так вот и объяснение. Я уверен, им заплатили за то, чтобы они приехали в гостиницу, сходили на прием к Хэммонду, а потом жаловались на странные сны. И не просто жаловались — каждый из них в пикантных подробностях описал свой кошмар надежному свидетелю: Хоран — проповеднику-фундаменталисту с нужной репутацией, Бальзак — психотерапевту, а

Пардоза — своему хиропрактику.

— Вот так схема. А какова цель?

— Есть несколько вариантов. Может, они хотели подать какой-нибудь фиктивный иск против Хэммонда? В связи с недобросовестной практикой? Или липовые обвинения в сексуальном насилии? Возможно, в их планы входило полностью разрушить карьеру Ричарда? Если судить по словам преподобного Кокса, в определенных кругах к Хэммонду относятся с большой неприязнью, так что все это вполне вероятно. Более того, я сейчас подумал, а не сыграл ли преподобный Кокс во всем этом более значительную роль, чем мне показалось поначалу.

— Боже, Дэйви, у меня все это в голове не укладывается. Если никому ничего не снилось, то...

— Подожди минутку.

Он увидел в фойе Мадлен, которая шла к выходу, запакованная в лыжные штаны, куртку, шарф и шапку.

— Джек, я перезвоню тебе через несколько минут.

Гурни поймал ее на выходе.

— Все нормально?

— Да, мне просто нужно на свежий воздух. Снег перестал.

— Ты могла бы выйти на балкон.

Она покачала головой.

— Я хочу на улицу. Скоро наверняка снова пойдет снег, надо воспользоваться моментом.

— Давай я схожу с тобой?

— Нет. Возвращайся к своим делам. Это важно. И перестань так смотреть на меня.

— Как — так?

— Как будто я вот-вот сойду с ума. Со мной все будет в порядке.

Он кивнул.

— Если что-то понадобится, я буду здесь.

— Хорошо.

Она толкнула тяжелую дверь и вышла на морозный воздух.

Скрепя сердце Гурни вернулся в кожаное кресло у камина и перезвонил Хардвигу.

— Прости, что прервался. Ну что ты думаешь насчет новой версии?

— Частично она мне очень нравится. Я счастлив избавиться от версии о том, что кого-то заставили видеть сны, которые довели их до самоубийства.

— А что тебя в ней смущает?

— Ты говоришь, это был тщательно продуманный план с участием трех гаденьшей, которые ненавидели геев, возможно, тех же гаденьшей, которые убили мальчишку в «Брайтуотере». И вот они приезжают на прием к Хэммонду, чтобы потом обвинить его в том, что он засрал им мозги, вызвав у них кошмарные, омерзительные сны. А их тайной целью было погубить репутацию Хэммонда... или же засудить его... или даже возбудить против него уголовное дело... а может быть, шантажировать его. Я все правильно понял?

— Джек, да ты, похоже, попал в яблочко. Шантаж. Думаю, все дело в этом. Все идеально сходится. Они наверняка были без ума от идеи выманить целую кучу денег у доктора-гея, известного пособника извращенцев. Не удивлюсь, если они считали, что совершают богоугодное дело. Бьюсь об заклад, лишь при одной мысли об этом их распирало от осознания собственной власти.

Хардвик ответил не сразу.

— Но вот чего я не пойму. Как вышло, что сейчас все эти безжалостные ублюдки-гомофобы мертвы, а их предполагаемая жертва живет и процветает...

Связь снова оборвалась.

В дом вошел Остен Стекл в меховой шапке и тяжелой шубе; за собой он тянул двухколесную тележку с порубленными дровами. Он протащил ее через холл в каминный зал, к дровнице, стоявшей рядом с креслом Гурни.

Он шмыгнул носом и вытер его рукой в толстой варежке.

— Друг мой, вам следует поговорить с вашей женой.

— Прошу прощения?

— Я ее предупреждал насчет льда.

Дальше Гурни слушать не стал. Без куртки он выскочил из гостиницы и перебежал дорогу. Хоть снег и не шел, шквальный ветер поднимал снежные вихри над поверхностью озера, так что невозможно было ничего разглядеть.

— Мэдди, — позвал он и прислушался.

Слышен был лишь ветер.

Он прокричал ее имя.

Ответа не последовало.

Почувствовав легкую панику, он собирался вновь прокричать ее имя, как снежные вихри вдруг поутихли и он увидел ее — она стояла спиной к нему на заметенном снегом льду, где-то метрах в двухстах от берега.

Гурни снова окликнул ее.

Она не пошевелилась и не ответила.

Тогда он ступил на поверхность озера.

Сделав несколько шагов, он заметил какое-то движение в небе.

Это был ястреб, вероятно, тот же, которого он уже несколько раз видел летающим над озером, над острой вершиной Клыка Дьявола и вдоль гряды Кладбищенского кряжа. Но в этот раз он кружил намного ниже, на высоте около семидесяти метров.

Он продолжил наблюдать за птицей, и ему показалось, что следующий круг ястреб описал еще ниже.

А следующий еще ниже.

Наклонив голову немного набок, Мадлен, видимо, тоже наблюдала за ним.

Гурни был уверен, что птица плавно двигается вниз по сужающейся спирали — радиус сокращался с каждым последующим кругом. Он наблюдал такое поведение у хищных птиц над полями в Уолнат-Кроссинге. Обычно так они готовились к нападению на жертву. Однако замерзшее озеро было сомнительным местом для охоты. По правде говоря, кроме Мадлен, Гурни больше не видел ничего на белой гладкой поверхности озера.

А ястреб все снижался.

Он был на высоте не более двенадцати метров над озером.

Гурни быстро двигался в сторону Мадлен.

Ястреб, казалось, немного поколебался, раскачиваясь на своих широких крыльях из стороны в сторону, словно оценивая важность второй фигуры, появившейся на горизонте.

Гурни было решил, что отпугнул ястреба, как внезапно тот бросился в сторону Мадлен, с невероятной скоростью пикируя на нее.

В отчаянии кинувшись на помощь Мадлен, Гурни поскользнулся и упал. Поднявшись на колени, он достал «беретту» и крикнул: «Ложись!»

Когда Мадлен оглянулась на его крик, стремительно падающий ястреб вытянул свои когти-бритвы, а Гурни выстрелил.

При звуке выстрела Мадлен пошатнулась, чудом увернувшись от промелькнувших над головой когтей.

Но к его удивлению, ястреб вернулся и, поднявшись на десять-пятнадцать метров над ней, снова бросился в атаку.

На этот раз Мадлен, поскользываясь и падая, побежала в сторону середины озера. И снова ястреб спикировал прямо на нее, лишь немного промахнувшись мимо ее головы. Гурни, поднялся на ноги и побежал за ней, крича, чтобы она остановилась и не выходила дальше на лед.

Когда ястреб в третий раз заложил вираж в сторону Мадлен, Гурни,

широко расставив ноги на льду, занял стрелковую позицию и, обхватив рукоятку пистолета двумя руками, прицелился. Когда птица пронеслась мимо него, он выстрелил. Мельком он увидел хвостовое перо, которое закрутилось в проносившемся мимо снежном вихре, а потом опустилось на лед.

Ястреб пролетел прямо над головой Мадлен. Но вместо того, чтобы начать очередную атаку, он устремился вверх и улетел, вскоре исчезнув над верхушками деревьев на другом берегу озера.

Мадлен остановилась. Между ними было около двадцати метров. Она то ли запыхалась, то ли плакала, а может, и то, и другое.

Он крикнул:

— Ты в порядке?

Она повернулась к нему и кивнула.

— Иди сюда. Нам нужно уйти со льда.

Она медленно двинулась в его сторону. Когда она была уже совсем близко, метрах в четырех от него, он услышал звук, от которого у него перехватило дыхание.

Глава 48

Когда она перенесла вес на переднюю ногу, раздался приглушенный звук треснувшего льда.

— Стой! Не двигайся! — заорал Гурни.

Она замерла, словно картинка, застывшая на экране.

— Все будет в порядке. Только постарайся не шевелиться.

Гурни искал решения, но в голову ему пришла только сцена из приключенческого фильма, который он смотрел в детстве. Полицейский из канадской конной полиции преследовал грабителя банка по замерзшей реке. Внезапно лед под беглым преступником начал трескаться. Полицейский велел ему лечь на лед, чтобы равномерно распределить вес. А затем бросил ему веревку и вытянул его на берег.

Сцена была дурацкая, но идея с распределением веса показалась Гурни вполне разумной. Он уговорил Мадлен осторожно опуститься на лед и распластаться, раскинув ноги и руки в стороны.

В поисках чего-то, что могло заменить ему веревку, он вышел к берегу, надеясь найти достаточно длинную сосновую ветку. Он схватил самую длинную из тех, что увидел, вытащил ее на поверхность озера и протянул ее конец Мадлен.

— Схватись за нее обеими руками. И не отпускай.

Казалось, это длилось целую вечность. Для большей силы сцепления усевшись на лед и отталкиваясь пятками, он потихоньку вытянул ее в безопасное место.

Наконец-то добравшись до берега, они поднялись на ноги и увидели, что от гостиницы к ним бегут Остен Стекл и Норрис Лэндон.

У Лэндона на руку была намотана длинная буксирная цепь.

— Вы целы! Слава богу! Простите, что я не сразу пришел на помощь. Проклятый дверной замок на «ровере» замерз.

Стекл выглядел мрачно.

— Что, черт возьми, произошло?

— Вы видели, как это проклятый ястреб нападал на мою жену?

Лэндон выпучил глаза.

— Ястреб?

— Крупный такой, — сказал Гурни, — спикировал прямо на нее. А она пыталась от него убежать. И оказалась на середине озера. Я не думал, что ястребы нападают на людей.

— Вообще это ненормально, — сказал Лэндон.

— Здесь, на Волчьем озере, нет ничего нормального, — пробормотал Стекл. — Прошлым летом, например, чертова сова напала на маленькую девочку прямо на берегу озера, расцарапала ей лицо. А позапрошлым черный медведь хорошенько позабавился с одним туристом...

— А что это были за выстрелы? — спросил Лэндон. — Вы стреляли в ястреба?

— Только так получилось его отпугнуть.

Лэндон повернулся к Мадлен.

— Вы, наверное, жутко перенервничали. Что, неужели лед под вами действительно треснул?

— Я думала, я погибну.

Гурни взял Мадлен за руку. Съездившись от ветра, они пересекли дорогу, ведущую вдоль озера, и, вернувшись в гостиницу, пошли в каминный зал, где горел недавно разведенный камин. Лишь когда они остановились около огня, Гурни заметил, что стучит зубами.

Лэндон сразу устремился к бару. Минуту спустя он подошел к камину и протянул им по хрустальному стакану с янтарной жидкостью.

— Коньяк. Лучше средство отогреть кости.

Он и Гурни выпили. Мадлен принялась, сделала маленький глоток, сморщилась и сделала еще один глоток.

Лэндон допил свой напиток.

— Очень даже неплохой коньяк.

Он долго изучал дно своего стакана, а потом спросил:

— Как идут дела с расследованием?

— Пазл потихоньку складывается.

— Это хорошо. Если я чем-то могу помочь...

— Спасибо. Я дам вам знать, если что-то будет нужно.

— Каково же положение Ричарда?

— Лучше, чем раньше.

Лэндон, казалось, был удивлен.

— Хотите еще коньяку?

— Спасибо, не сейчас.

— Ну ладно. Постарайтесь согреться. — Шутливо отдав им честь, он покинул каминный зал.

Мадлен грела ладони у огня. Гурни придвинулся к ней поближе. Его голос был мягче, чем его слова.

— Мэдди, какого черта ты вышла туда, на лед?

— Я не думаю, что смогу объяснить.

— Ну хотя бы попытайся.

— Я честно просто хотела подышать воздухом, прогуляться, как и сказала тебе.

— Но потом оказалась на льду.

— Да.

— О чем ты думала?

— Я думала, что в своих мыслях и воспоминаниях я всегда оставалась на берегу.

— На берегу озера Грейсон?

— Да.

— И ты решила выйти на лед?

— Да.

— Это Хэммонд посоветовал тебе?

— Нет. У меня не было никакого плана. Я стояла перед гостиницей.

Потом посмотрела на озеро. И внезапно мне захотелось оказаться там.

— Как Колину?

— Может быть. Может, мне захотелось почувствовать то, что чувствовал он.

Глава 49

Несмотря на то что в камине горел огонь, завывающий в трубе ветер создавал довольно мрачную атмосферу в каминном зале, по сравнению с которой перспектива подняться в начиненный жучками номер показалась им весьма заманчивой.

Проходя через холл, Мадлен остановилась у огромной двери со стеклянными вставками. Гурни остановился вместе с ней.

При мысли о том, как он аж два раза выстрелил в ястреба, он вдруг вспомнил закружившееся в воздухе потерянное перо.

— Подожди минутку, — сказал он. — Мне нужно кое-что подобрать там, на улице.

Он распахнул дверь, и морозный воздух ударил его в лицо. Перебежав дорогу, он вышел на ледяную поверхность озера в том месте, где, как ему казалось, приземлилось перо. Оно все еще было там, слегка припорошенное только что выпавшим снегом. Он схватил перо и поспешил обратно в гостиницу, где быстро осмотрел его — отломленный кончик красновато-коричневого хвостового пера. Гурни сунул его в карман, и они с Мадлен пошли наверх.

Перед тем как войти в комнату, Гурни попросил Мадлен найти на планшете подборку какой-нибудь зажигательной музыки на ютубе, объяснив ей, что ему нужна звукомаскировка, чтобы спокойно поговорить с Хардвиком.

Она выбрала концерт атональной музыки для фортепьяно, такой неистойвой и порывистой, что она могла заглушить даже перестрелку. Гурни устроился на диване, включил настольную лампу, чтобы разбавить серый свет, падающий из окна, и позвонил Хардвику.

Тот сразу же ответил.

— Ну что, Джек, как там дороги? Мы остановились на том странном обстоятельстве, что все злодеи склеили ласты, а их предполагаемая жертва жива-здорова. У тебя есть какие-то мысли на этот счет?

— Да. В мою новую версию трудно поверить, но в ней есть логика.

— Допустим. Что за версия?

— Я думаю, Джейн Хэммонд вполне могла шлепнуть всех четверых парней. Ну, или по крайней мере троих.

Гурни ждал продолжения.

— Ты еще там?

— Я жду ту часть, в которой есть логика.

— Давай предположим, что они действительно устроили гнусный заговор против Ричарда с целью шантажа. А Джейн об этом узнала. Или шантажисты сами с ней связались и рассказали, что собираются подать иск

на Ричарда и разрушить его карьеру. А потом намекнули, что дело можно решить полюбовно.

— И что потом?

— А потом Джейн включила режим обороны медведя гризли и решила, что хороший шантажист — мертвый шантажист. И что ни одно, даже самое кровавое преступление не было бы настоящим преступлением, соверши она его, защищая своего драгоценного братика от злобных хищников.

— Ты правда можешь себе это представить?

— Гризли способен на многое.

Гурни пытался уложить в голове версию Хардвика.

— Теоретически я понимаю возможный мотив. Но меня смущают средства и возможности для преступления. Она решила, что Итан тоже был участником заговора, и убила и его?

— Не знаю пока что. Роль Итана остается загадкой.

— А зачем ей было обставлять убийства под стать снам, про которые они рассказывали? Если она пыталась защитить Ричарда, зачем было таким образом втягивать его во все это?

— Может быть, она просто пыталась правдоподобно инсценировать самоубийства. Может, решила, что, если им снились сны про кинжалы, будет логично сделать вид, что именно кинжалами они и перерезали себе вены.

— Джек, ты вообще слышишь себя? Ты правда можешь представить себе Джейн Хэммонд, разъезжающую по стране, в Нью-Джерси, на Лонг-Айленд, во Флориду, и вскрывающую вены этим мужикам, предварительно накачав их снотворным? А если и так, то зачем ей нужно было привлекать к делу нас с тобой?

— Твой последний вопрос вообще элементарный. Она не сумела предугадать, как пойдет официальное расследование. Кто бы, черт возьми, мог догадаться, что следователь БКР заикнется на весьма диковинной версии «суицида, совершенного в состоянии транс»? А когда Фентон со своей бредовой идеей ополчился на Ричарда, что ей оставалось делать? Она решила рискнуть собственной свободой. Куда лучше, чем смотреть, как Ричарда наказывают за ее преступление. А то бы у нее вообще крышу сорвало.

— Джек, твои доводы очень увлекательны, но...

Он остановился на полуслове, прислушавшись — на фоне музыки он с трудом различил звук льющейся воды в душе.

Снова? Боже мой! Сначала эти бесконечные ванны. Теперь — душ.

— Старик, ты тут?

— Что? Да. Я просто задумался. Прокручиваю в мозгах твою версию.

— Согласен, она не безупречна. Не все детальки сходятся. Эта мысль пришла мне в голову всего двадцать минут назад. Нужно тщательно все обдумать. Но я считаю, что не стоит недооценивать нашу милую нянечку. То, что она разговаривает с интонациями социального работника, еще не значит, что при определенных обстоятельствах она не сможет перерезать парочку запястий.

Гурни многое смущало в версии Хардвика о том, что убийца — Джейн, но он ничего не сказал. Он хотел обсудить с Джеком более актуальные аспекты дела. Но прежде, чем он успел заговорить, Хардвик огорошил его удивительно своевременным вопросом:

— Мадлен, кажется, сама не своя, что с ней?

Гурни не был уверен, стоило ли вдаваться в подробности, да и надо ли было вообще что-либо рассказывать Хардвику.

— Думаешь, она выглядит встревоженной?

— Не только выглядит. То, как говорит, как ведет себя. Просто странно для жены человека, проработавшего всю жизнь в отделе убийств. Казалось бы, она и не такое видала. Вот я и недоумеваю, откуда вдруг такая тревога.

Гурни помедлил. Он не хотел об этом думать. Он огляделся по сторонам в поисках выхода или вдохновения, и его взгляд упал на портрет Хардинга. Человека, который старался избегать трудностей.

Он вздохнул.

— Это длинная история.

Хардвик рыгнул.

— Все истории — длинные. Но у каждой есть сокращенная версия, правда же?

— Проблема в том, что это не моя история.

— Хочешь сказать, она не только с приветом, но и еще и с секретом?

— Вроде того.

Он посмотрел в сторону ванной и увидел, что Мадлен все еще в душе.

— Эта ее тайна как-то влияет на наше расследование?

Гурни замялся, а потом решил без особых подробностей рассказать Хардвику, в чем дело.

— В детстве она приезжала сюда, в Адирондак, к родственникам на рождественские каникулы. В последний раз, когда она здесь была, случилось кое-что плохое. А сейчас она пытается справиться с тяжелыми воспоминаниями.

— Может быть, тебе лучше увезти ее домой?

— Она хочет разобраться со всем этим здесь, поставить точку. А еще она хочет, чтобы мы «спасли» Хэммонда.

— Почему?

— Мне кажется, чтобы загладить вину за того, кто не был спасен много лет тому назад.

— Да уж, дела.

Гурни замаялся.

— У нее было видение.

— Какое еще видение?

— Труп. Или призрак. Она не уверена.

— И где она его видела?

— В ванне.

— Ты что, прикалываешься?

— Нет.

Оба замолчали.

— И чей это был труп?

— Одного человека из ее прошлой жизни. Отсюда, из Адирондака.

— Он как-то связан с тем событием из прошлого?

— Да.

— И она считает, что спасение Хэммонда сможет как-то искупить ошибку прошлого?

— Мне кажется, что да.

— Вот дерьмо. Совсем не похоже на ту Мадлен, что я знаю.

— Согласен. Она сама не своя. Она словно во власти... не знаю чего.

— И что ты думаешь делать?

— Я хочу выяснить, что здесь происходит. Докопаться до истины. И увезти ее отсюда.

Бросив взгляд на ванную, он увидел, что она все еще стоит под душем за запотевшей стеклянной дверью. Он внушил себе, что это хорошо. Первородная, целительная сила горячей воды.

— Так, к делу, — резко переключился Хардвик, — помимо моего курьерского задания, каков наш следующий шаг, Шерлок?

— У меня есть вопрос.

— У нас уже до хрена вопросов.

— Может быть, неправильных. Мы потратили пять дней, ломая голову над тем, как один и тот же сон мог присниться четверым. Неверный вопрос. Правильный вопрос звучал бы так: зачем три человека утверждали, что видели один и тот же сон, а четвертый изложил детали этого сна на бумаге? Ведь у нас не было никаких доказательств, что они действительно видели

эти сны, кроме их собственных слов и публичного заявления об этом Фентона. Мы поверили в рассказы о кошмарах, поскольку «носители» снов погибли, и мы, конечно же, приняли их за жертв, а не за злодеев. Нам и в голову не пришло, что они одновременно были и тем, и тем. И я больше не хочу так ошибаться.

— Я тебя понял. Мы облажались. Так что за вопрос?

— Что мы видим — неудачу или успех?

Гурни услышал в трубке автомобильный гудок, а затем свирепый рык Хардвика: «Шевелись, баран!»

Спустя мгновение он вернулся к Гурни.

— Неудача или успех? Что ты имеешь в виду?

— Все просто. Предполагается, что в планы шантажистов входили сеансы гипноза с Ричардом и последовавшие за этим рассказы о ночных кошмарах, но явно не их гибель. По-твоему, наветы на Ричарда — это непредвиденное последствие поступка Джейн. Короче говоря, ты описываешь неудавшийся заговор с ироничным финалом, в котором жертва шантажистов становится жертвой полиции. Сразу все оказываются в проигрыше.

— И что?

— Чисто теоретически, давай представим, что все прошло успешно, по разработанному плану. И инсценированные самоубийства с самого начала в него входили.

— По чьему плану?

— По плану того, кто позвонил Хорану, Бальзаку и Пардозе и убедил их прийти на прием к Ричарду.

— И сочинил для них сказку про то, как они разбогатеют, скомпрометировав Ричарда?

— Именно.

— А на самом деле изначально собирался их убить?

— Да.

— А что насчет участия спецслужб? Все эти передовые технологии для слежки? И намеки Вигг? Как ты это объяснишь?

— Для начала нужно разобраться с четырьмя трупами.

— Насчет трупов — у меня появилась еще одна мысль. Шантаж оставляем, но шантажисты обращаются не к Джейн, а напрямую к Ричарду.

— И?

— И он их убивает.

— И Итана?

— И Итана.

— Зачем?

— Ради денег. Чтобы получить двадцать девять миллионов баксов, пока Итан снова не переписал завещание на Пейтона. Думаю, в этом Фентон может оказаться прав.

Гурни задумался.

— Это уже больше похоже на правду, чем твоя версия с Джейн.

— Но?

— Но наша интуиция подсказывает, что Ричард невиновен. И многие важные вопросы остаются без ответа. Кто задумал шантажировать Ричарда? Как объяснить написанное рукой Итана письмо? Кому он помогал и почему?

— Насколько я понимаю, твоя гипотеза тоже не дает ответов на эти вопросы.

— Думаю, ответы появятся, нужно просто хорошенько все обмозговать.

— Карты в руки, старик. Я открыт для любых версий.

— Начнем с того, что, если все вышло именно так, как было задумано, значит, Итан и остальные изначально были под прицелом. Под прицелом одного и того же убийцы, но, скорее всего, по разным причинам.

— Как ты к этому пришел?

— Хоран, Бальзак и Пардоза явно были приспешниками преступника до того, как стали его жертвами. Итана же явно хитростью заставили записать сон, вероятно, затем, чтобы создать впечатление, что он был как-то связан с тремя другими жертвами и погиб по тем же причинам, что и они.

— Я размышлял над твоей идеей о продиктованном письме, в ней есть одна нестыковка. Ты же отдал Мадлен письмо, которое записал под ее диктовку, чтобы она отправила его сестре, да? В подобной ситуации обычно делают так. Тогда зачем Итан оставил это письмо у себя?

— Я тоже задавался этим вопросом. И мне в голову пришли два объяснения.

— Ты как обычно.

Гурни пропустил его замечание мимо ушей.

— Так вот, возможно, что письмо было продиктовано по телефону. А может быть, Итан отдал письмо тому, кто его продиктовал, а этот кто-то, убив Итана, вернул бумагу в его кабинет.

— Хм.

— Я что-то упускаю?

— Нет. Ты ухитрился очень логично разложить всю эту кучу дерьма по

полочкам, выстроив вполне правдоподобную цепочку мотивов и действий. В ней есть логика.

— Но ты сомневаешься?

— Логика, увы, ничего не доказывает. Как ты с помощью логики собираешься прищучить этого ублюдка?

— Теоретически есть два пути. Первый — долгий, систематический и безопасный. Второй — быстрый, но весьма рискованный.

— И мы, как я понимаю, выбираем второй?

— К сожалению, да. У нас просто нет возможности сделать все по уму. Мы не можем допросить каждого гостя и сотрудника гостиницы, которые были здесь в день смерти Итана. И не можем съездить в Вест-Палм, в Тинек, и Нью-Джерси, чтобы поговорить со всеми знакомыми Хорана, Бальзака и Пардозы. И, конечно, нам не под силу допросить всех, кто отдыхал или работал в лагере «Брайтуотер». Увы, не получится со всей тщательностью...

— Ладно, ладно, я понял.

— Хуже всего то, что у нас очень мало времени. Фентон и те, кто им управляет, вот-вот серьезно возьмутся за то, чтобы выдворить меня отсюда. И потом, пребывание здесь не очень хорошо сказывается на Мадлен. По правде говоря, очень плохо.

Не вставая с дивана, он повернулся и посмотрел в ванную. Мадлен все еще стояла под душем. Он вновь попытался успокоить себя, что это хорошо, что вода тонизирует.

— Хорошо, Дэйви, я все понял. Медленный и безопасный подход нам не годится. В чем же суть быстрого и рискованного?

— Бросить камень в осиное гнездо и посмотреть, кто из него вылетит.

— Что ты собираешься сделать?

Связь стала прерываться, Гурни с трудом смог разобрать вопрос.

Хардвик снова въехал в мертвую зону.

Глава 50

Когда у Гурни появлялось слишком много неотвеченных вопросов, он частенько писал списки, чтоб привнести некоторую ясность.

Мадлен наконец-то вышла из ванной, а он залез в свою спортивную сумку и достал оттуда блокнот. Усевшись на диван, он стал записывать то, что, как ему казалось, он знал об убийствах и стоящем за ними искусном манипуляторе.

Он записал все, что узнал от Анджелы Кастро, родителей Стивена Пардозы, Мо Блумберга, Кимберли Фэллон, преподобного Баумана Кокса, лейтенанта Бобби Беккера из отдела полиции Палм-Бич, и детектива из отдела Тинека, с которым связался Хардвик; а также свои выводы, основанные на этих сведениях. Затем он составил еще один список — важных вопросов без ответа.

Второй список получился длиннее первого.

Просмотрев свои записи, Гурни решил показать их Хардвику. Он открыл компьютер, перепечатал списки и отправил имейл.

Он снова перечитывал написанные от руки списки, проверяя, что не забыл ничего важного, и тут к дивану подошла Мадлен, завернутая в полотенце.

Гурни решил рассказать ей о своем новом видении дела: о том, что так называемые кошмары на самом деле никому не снились и были частью хитроумного плана, а написанное рукой Итана письмо было, скорее всего, кем-то продиктовано.

По ходу его рассказа скептическая ухмылка на лице Мадлен медленно сменилась на выражение искреннего интереса, а затем на гримасу отвращения.

— Ты думаешь, я на ложном пути? — спросил Гурни.

— Я думаю, что ты прав. Я просто представить себе не могу, что же это должен быть за человек, который на такое способен. Столько вранья и такая жестокость.

— Это правда.

На мгновение он немного смутился от того, насколько сильно его взгляд на дело как на запутанную головоломку, которую нужно разгадать, отличался от ее восприятия ситуации как чего-то ужасного.

Она посмотрела на списки, лежавшие на столе.

— А это что?

— Это подготовка.

— К чему?

— Нужно устроить небольшую встряску. Я хочу систематизировать все, что мне известно и неизвестно, — в качестве инструкции к разыгрываемому для жучков разговору. Я хочу, чтобы тот, кто за всем этим стоит, подумал, что мне все известно. Но я хочу быть уверен в том, что говорю. Если облажаюсь, он поймет, что он вне опасности. Мне же нужно, чтобы он почувствовал угрозу.

— Но ты до сих пор не знаешь, кто он и каков был его основной мотив.

— С мотивом все сложно. С точки зрения финансов, лишь Итан — жертва с немалым капиталом, а его единственные бенефициары — Пейтон и Ричард, ну и, конечно, Джейн, учитывая степень ее вовлеченности в жизнь Ричарда.

— Я бы сказала, что степень ее вовлеченности бесконечна, абсолютна и совершенно нездорова.

Гурни продолжал рассуждать.

— Только в случае убийства Итана можно рассматривать корыстный мотив, но для трех других жертв он не подходит. С лагерем «Брайтуотер» все наоборот — здесь лишний Итан.

— А может, у убийцы был не один мотив.

Гурни кивнул. Это был достаточно простой вывод. В каком-то смысле, даже очевидный.

Разные мотивы для разных жертв.

В их последнем разговоре с Хардвиком он уже затрагивал этот вопрос. А сейчас он вспомнил о массовом убийстве в деле с гангстерами, которое расследовал вскоре после того, как получил должность следователя отдела убийств.

На первый взгляд, эта кровавая бойня выглядела как типичная гангстерская разборка за территорию для торговли наркотиками. Одна развивающаяся бандитская группировка захватила заброшенное помещение, находившееся на границе с территорией противоборствующей группировки, — весьма дерзкий ход.

Однажды, июльской ночью, четыре гангстера, вооруженные пистолетами-пулеметами, находились в штаб-квартире банды. В здание ворвались трое аналогично вооруженных бандитов из вражеской группировки и вышибли дверь в квартире. Через тридцать секунд шесть человек из семи были мертвы. Лишь один член нападавшей группировки сумел сбежать.

Небрежно окинув взглядом изувеченные трупы, полы, пропитанные кровью и изрешеченные пулями стены, напарник Гурни, следователь Уолтер Кулидж, человек выдохшийся, перегоревший, решил, что это была очередная безумная перестрелка, в которой не было победителей. А если кому-то и удалось улизнуть, то наверняка он вскоре словит пулю в очередной перестрелке.

Гурни проводил необходимый в начале каждого расследования убийства опрос соседей. В тот вечер он позвонил в дверь маленькой щуплой черной женщине с живыми глазами и отменным слухом, которая утверждала, что точно знает, что слышала.

Она сообщила, что пулеметная очередь длилась девять или десять секунд и стреляли, как она утверждала, из трех одинаковых автоматов. После этого наступило десять секунд тишины. После чего раздалась еще одна очередь, длившаяся семь или восемь секунд. И она была уверена, что во второй раз стреляли уже из одного автомата.

Мадлен, сидя на ручке дивана, слушала его рассказ. Она непонимающе заморгала, глядя на Гурни.

— Как она это поняла?

— И я задал ей именно этот вопрос. А в ответ она спросила, как бы она стала джазовой барабанщицей, если бы не могла отличить один инструмент от трех.

— Она была барабанщицей в джаз-оркестре?

— В прошлом. Когда я с ней говорил, она уже работала органисткой в церкви.

— Но какое отношение...

— Это имеет к нашему составному мотиву? Я дойду до этого. Так вот, меня смутила последовательность выстрелов. Сначала — стреляют три автомата. Тишина. И затем один автомат. Все, кроме одного, погибли на месте. Я добился более тщательного осмотра места преступления, анализов траектории, баллистической и медицинской экспертиз. И провел кучу времени в разговорах с местными гангстерами. В итоге нарисовался совершенно другой расклад.

Глаза Мадлен загорелись.

— Тот парень, что сбежал, всех застрелил, да?

— Да, но не все так просто. Когда нападавшие ворвались в квартиру, они застали своих врагов врасплох. Они мгновенно открыли по ним огонь из трех автоматов «УЗИ» и в мгновение ока выполнили свое задание. Но у одного из бандитов, Девона Сантоса, был еще один повод для беспокойства. Гангстерам частенько приходится соперничать за определенные вышестоящие позиции. И один из его братков претендовал на ту же вакансию, что и он сам. Как только они расстреляли своих противников, Девон подошел к ближайшему трупу, взял в руки его «АК-47», обернулся и расстрелял своего соперника, а вместе с ним и другого братка, который стал свидетелем его злодеяния. Затем положил автомат обратно в руки его мертвому владельцу и поскорее слинял.

— Как ты можешь быть уверен в том, что все было именно так?

— Баллистики обнаружили, что двое нападавших были застрелены из автомата «АК-47», который был у мертвого парня, на руках которого не было следов пороха. А это значит, что он не стрелял. В остальном помог

анализ входных и выходных отверстий ран. Однако последней каплей стала эта странная задержка между двумя пулеметными очередями — те десять секунд, за которые Девон убедился, что враги уничтожены, и взял в руки «АК-47».

Мадлен задумчиво посмотрела на Гурни.

— То есть суть в том, что у Девона был не один мотив. Он ворвался в квартиру, чтобы расправиться с врагами. А также, чтобы уничтожить конкурента из своих же.

— Все верно. Он застрелил и второго товарища, чтобы сохранить в секрете убийство первого. Так что на самом деле у него было целых три мотива. И, по мнению Девона, все они были достаточно вескими основаниями для убийства.

— И это вполне могло сойти ему с рук, если бы не ты.

— Если бы не наблюдательная соседка с потрясающим слухом.

Мадлен настаивала.

— Но далеко не каждый полицейский стал бы все так вынюхивать.

Гурни смущенно опустил глаза в блокнот.

У похвалы был один побочный эффект. Он сразу начинал бояться неудачи.

Глава 51

— Здорово, старик. Я снова в зоне доступа.

— Ты проверил имейл?

— Если ты про эти списки потенциальных фактов и открытых вопросов, то да, я их получил. И у меня есть для тебя одна новость, которую ты сможешь добавить в список фактов.

— Да ну?

— Услышал в новостях по радио. Во Флориде, в каком-то парке развлечений погиб мальчишка, его укусил паук. Причем паук даже не ядовитый, просто оказалось, что у парнишки аллергия именно на этот вид. Ну и, конечно, не помогло то, что паук сидел на чем-то съестном. Он укусил парня прямо в язык. Горло отекло, и тот задохнулся. Черт. Страшно себе представить.

— Мне тоже, Джек. Но какое отношение...

— Эта печальная новость принесла нам запоздалый подарочек от богов удачи.

— В каком смысле?

— Пардоза.

— О чем ты, Джек?

— Это вид паука. Название. Это был паук пардоза.

Гурни задумался.

— Думаешь, Стивен Пардоза, узнав, что его фамилия совпадает с названием вида пауков, решил взять кличку «Паук»?

— А может один из его дружков в «Брайтуотере» или какой-нибудь задрот в школе стал называть его Стиви Паук. Хрен его знает. Но теперь я уверен, что это не просто совпадение.

— Лео Лев, Хоран Хорек, Пардоза Паук...

— Осталось найти последнего ублюдыша. Волка.

— Да.

— Жаль, что это не Итан. Было бы складно.

— Это точно.

— Если повезет, личность Волка тоже приплывет к нам в руки, как и вышло с Пауком.

— Возможно.

— Ладно, Шерлок, держи кулачки. Возможно, удача поджидает нас за углом. Я перезвоню тебе после встречи с Вигг.

Гурни был доволен находкой Хардвика. Однако держать кулачки он не собирался. Ему вообще была чужда концепция удачи. В конце концов, это просто недопонимание статистической вероятности и критерия случайности. Или дурацкий термин, используемый людьми, когда происходит что-то, чего они хотели. Но даже те, кто верит в удачу, знают одну неприятную деталь.

Неизбежно удача заканчивается.

Пока Гурни говорил с Хардвиком, Мадлен оделась. Она подошла поближе к дивану, чтобы он, несмотря на музыку, смог услышать, что она говорит.

— Похоже, процесс пошел.

— Возможно, мы подобрались чуть ближе.

— Ты что, не рад?

— Я бы хотел, чтобы события развивались побыстрее.

— Ты сказал, что хочешь заставить убийцу почувствовать... угрозу, да?

— Да. Создать впечатление, что я раскрыл его секреты. Для того я и написал эти списки — чтобы решить, что я могу говорить, не рискуя сделать ошибку. А иначе он поймет, что я ошибаюсь, и задуманного мной эффекта не получится.

Мадлен нахмурилась.

— Мне кажется, чем меньше ты скажешь, тем лучше.

— Почему?

— Страх произрастает в сумраке. Просто слегка приоткрой дверь. Позволь ему самому додумать, что ждет с другой стороны.

Гурни не понаслышке знал о том, сколько вопросов и предположений возникает, когда находишься в неизвестности.

— Мне нравится твой подход.

— Ты хочешь, чтоб он слышал все через один из жучков?

— Да. Когда человек считает, что подслушал то, чего ему не захотели рассказывать, для него это звучит очень правдоподобно. Эдакая игра разума — мы верим, что все, что от нас скрывают, правда. Поэтому я и не стал снимать жучки. Это самое действенное оружие в мире против того, кто их установил.

— Когда ты хочешь это проверить?

— Как можно скорее. У меня ощущение, что еще немного, и Фентон арестует меня за воспрепятствование следствию.

Тик в ее щеке было видно невооруженным глазом.

— А он может?

— Может. Ненадолго, но это все равно будет очень некстати. И единственный способ его нейтрализовать — это доказать, что его версия о «смертоносных кошмарах» полная чушь. А для этого нужно установить личность убийцы и его истинный мотив. Точнее мотивы, во множественном числе.

— Как у Девона Сантоса?

— Почти как у Девона Сантоса.

Глава 52

Гурни не любил наспех принятых решений. Обычно он откладывал вопрос до утра, чтобы при свете нового дня посмотреть на него свежим взглядом.

Однако сейчас на это не было времени.

С планшета Мадлен громко играла музыка, пока он, придумывая на ходу, рассказывал ей план дальнейших действий.

Спустя полчаса, одетые в лыжные костюмы, они сидели в «аутбеке» и были готовы записывать свой аудиоспектакль, который потом собирались проиграть в номере. Гурни нажал кнопку «Запись» на своем телефоне и

положил его на приборную панель.

Уставшим и расстроенным голосом (по совету Гурни) Мадлен произнесла:

— Ты не хочешь растопить камин?

— Что? — раздраженно переспросил Гурни, словно его отвлекли от важных мыслей.

— Камин.

— Да, можно.

— Ну вот и затопи.

— Ага. Хорошо. Только не сию минуту.

— А когда?

— Ради бога, Мэдди, не мешай мне думать.

Оба замолчали. Мадлен снова заговорила.

— Ну хочешь, я разведу огонь?

— Ты можешь подождать одну минуту? Я должен кое-что хорошенько обдумать, убедиться, что я прав.

— Прав насчет чего?

— Насчет мотива для убийств.

— Ты что, догадался, почему их убили? И кто?

— Все они были убиты одним человеком, но не все по одной и той же причине.

— Ты знаешь, кто стоит за всем этим?

— Мне кажется, да.

— Кто?

— Прежде чем рассказать тебе или кому-то еще, мне нужно сделать еще одну вещь.

— Я не понимаю. Если ты знаешь, кто убийца, скажи мне.

— Сначала мне нужно посоветоваться с Хардвиком. Сегодня вечером, когда он вернется из Олбани.

И снова повисло молчание.

— Дэвид, это просто бред, почему ты не можешь сказать мне, кто это?

— Сначала я должен обсудить это с Джеком. Убедиться, что я объективен. Я расскажу тебе вечером. Всего каких-то четыре-пять часов.

— глупости! если знаешь — говори!

— Мадлен, ради бога, потерпи. Всего несколько часов.

— А ты не хочешь позвонить в полицию?

— Вот уж чего совершенно не стоит делать. Все, что связано с этими убийствами, будет тут же передано Фентону. Это все усложнит.

— Ненавижу, когда ты так делаешь, — гневно прошипела Мадлен. —

Как будто ты не знаешь, как я себя при этом чувствую? — На мгновение она затихла. — Ну и пусть это все усложнит. Я считаю, ты должен позвонить в штаб-квартиру БКР в Олбани и все им рассказать. Ну почему нельзя по-человечески? Почему ты вечно один на один противостояшь всем этим маньякам? Мы уже все это проходили, Дэйв. Видит бог, мы не раз это проходили. Далеко не раз. Тебе просто необходимо каждое расследование превратить в «Перестрелку у корраля О-Кей».

— Я не хочу, чтобы сюда прибыл весь арсенал автомобилей и вертолетов БКР. По правде говоря, я хочу сам показать этому уроду, где раки зимуют.

Гурни испугался, что, возможно, переборщил с последним замечанием, но потом решил, что в контексте их спора подобная бравада была вполне правдоподобна. К тому же противник мог отреагировать эмоционально и начать действовать сгоряча, безрассудно.

Он колебался, стоит ли упоминать «Брайтуотер» и звериные прозвища; но решил послушаться совета Мадлен и свести содержание их разговора к минимуму. Пусть у слушающего, кем бы он ни был, будет больше вопросов, чем ответов. Пусть в темноте разрастается страх.

Как раз когда он начал размышлять о том, как лучше всего завершить их диалог, Мадлен злобным голосом сказала:

— Вечная история, снова и снова. Все, как хочешь *ты* — *твои* цели, твои обязательства, твои приоритеты. *Нас* — как будто и нет. Что насчет нашей с тобой жизни? Ты хоть когда-нибудь задумываешься о нас?

Гурни на мгновение оторопел от ее слов, настолько безжалостно она говорила о проблеме, которая действительно существовала в их жизни. Его вечное внутреннее противостояние — детектив против мужа. Он очень надеялся, что ярость в ее голосе была частью спектакля. Если так, то именно эта «спонтанная» эмоция кого угодно убедила бы в подлинности их разговора. Ее слова подсказали ему, как закончить запись.

Он довольно громко вздохнул.

— Не уверен, что я сейчас готов к таким вопросам и к таким сильным эмоциям.

— Конечно же, — резко ответила Мадлен, — конечно, ты не готов.

— Просто нервы ни к черту, и потом прошлой ночью я почти не спал. Приму пару таблеток валиума и прилягу ненадолго, пожалуй.

Мадлен промолчала.

Он громко зевнул и остановил запись.

Глава 53

Вернувшись в номер, они действовали оперативно. Мадлен так бойко помогала ему, что он решил, что ее эмоциональный выплеск был, по крайней мере, отчасти наигранным. Возможно, он выдавал желаемое за действительное, но сейчас времени размышлять об этом не было.

Мадлен достала свой телефон, который лежал укутанный в толстый шерстяной шарф на самом дне сумки, стоявшей в углу комнаты. Гурни предложил положить его на столик около дивана. Он надеялся, что устройство, установленное вместо микрофона, действует в качестве универсального передатчика, улавливающего все звуки, вне зависимости от того, работает ли телефон.

Он решил проиграть запись для обоих жучков. Он предполагал, что один из них был установлен преступником, а второй — Фентоном или кем-то из нынешнего теневого начальства. Ничего плохого в том, чтобы «швырнуть камень» в оба гнезда, нет. Чем больше шершней вылетит, тем лучше.

Он перезарядил «беретту», заменив две пули, которыми отстреливался от ястреба, и положил пистолет в правый карман куртки. В левый карман он положил фонарик. Второй, большой фонарь он отдал Мадлен. Когда он объяснял ей, как можно использовать фонарь в качестве оружия, ему на телефон пришло сообщение с неизвестного номера.

*xBb770Ae
TellurideMichaelSeventeen
MccC919
LimerickFrancisFifty*

Он понятия не имел, что это значит. В сообщении были определенные повторяющиеся элементы, но что обозначала данная последовательность слов и знаков, он понять не мог. Зато сигнал сообщения напомнил ему отключить звук на телефоне.

Он отправил аудиозапись их разговора в машине с телефона на планшет Мадлен. Через минуту, получив имейл, он положил планшет на кофейный столик.

Выбрав новоприбывший аудиофайл, Гурни нажал кнопку воспроизведения. Дождавшись открывающей диалог фразы Мадлен «Ты не хочешь растопить камин?», он немного прибавил звук, подозвал Мадлен, и

они вышли из номера. Гурни, как мог тихо, запер дверь.

Они дошли до конца тускло освещенного коридора и свернули в небольшой темный тупик, в котором была дверь на лестницу, ведущую на чердак. Он открыл ее.

— Мы останемся здесь, около лестницы, так чтобы нас не было видно. Если кто-нибудь заявится в номер, я сам со всем разберусь. А ты будешь ждать здесь, пока я не вернусь. Как только я все улажу, приду за тобой.

После напряженного молчания она спросила:

— И все?

— В смысле?

— На этом все? Мы прячемся в темноте. Ждем пока бог знает кто явится к нам в номер. Потом ты пойдешь туда и... что? Припрешь его к стенке? Устроишь допрос? Арестуешь? Будешь просто импровизировать? План таков?

Гурни задумался. Пока он бесстрастно излагал ей свой замысел, он казался ему достаточно разумным. Но сейчас все стало рассыпаться на глазах. Он вдруг осознал, что это действительно эдакая вынужденная импровизация, которую он оправдывал тем, что вариантов становилось все меньше и меньше.

Его телефон вдруг завибрировал, тем самым избавив его от необходимости отвечать на вопрос Мадлен.

Он посмотрел на экран. Пришло сообщение от Хардвика.

«Взгляни-ка на анонимное сообщение, которое я получил пару минут назад, вероятно, от нашей подружки-хакерши из Олбани. „неподходящее время для встречи. попроси у г ключи от дома“. Не знаешь, что она имеет в виду? Помимо того, что не сможет со мной встретиться. Что за ключи? От какого дома? Что за хрень? Я уже на пути обратно. Надвигается адская метель».

Сообщение, которое получил Хардвик, озадачило Гурни не меньше, чем то, которое чуть раньше пришло ему.

Но немного подумав, он понял, как они могли быть связаны между собой и что могли обозначать.

Он предположил, что оба, по ясным причинам анонимных, сообщения пришли от Робин Вигг — сначала ему, а потом Хардвику. И во втором сообщении, скорее всего, говорилось о первом. Вероятнее всего, «дом» — этой закрытый сайт, про который он у нее спрашивал. А «ключами» она называла логины и пароли — комбинации букв и цифр из первого сообщения. Он открыл его и снова посмотрел на эти четыре строчки.

xBb770Ae
TellurideMichaelSeventeen
MccC919
LimerickFrancisFifty

Мадлен, заглянув в его телефон, любопытствовала:

— Что ты там делаешь?

Полушепотом он рассказал ей, как пытался разузнать в интернете, что за устройство было установлено на потолке в ванной.

Она указала на экран телефона.

— И это подсказка?

— Подозреваю, что это учетные данные для входа на нужный сайт.

Он нашел свой имейл для Вигг с серийным номером устройства и ссылкой на сайт. Перейдя на него, он ввел в соответствующие окошки два логина и пароли. Спустя несколько секунд открылась новая страничка с очередным пустым полем, обозначенным тремя словами: введите код инструмента.

Он скопировал серийный номер из имейла и вставил его в окошко.

Открылась следующая страничка. Сверху было прикреплено легко узнаваемое изображение устройства. Под ним была замысловатая таблица с непонятными сокращениями, математическими символами и цифрами, вероятно, обозначающими технические и эксплуатационные характеристики. В заголовках столбцов и строк стояли совершенно незнакомые термины; ему непонятно было даже, к какой области техники они относятся.

Он уже было отчаялся разобраться во всем этом, когда заметил в нижнем правом углу непонятной таблицы простое слово: «Сравнить».

Он нажал на него.

Открылась очередная таблица. Было похоже, что в ней сравниваются характеристики нескольких устройств. Наверху странички был заголовок: «Лазерные микропроекторы псевдообъема».

Мадлен так же внимательно, как и он, смотрела на экран.

— Что это значит?

— Понятия не имею.

Он скопировал заголовок и скопировал ее в поисковую строку.

Не нашлось ни одного сайта, упоминавшего заголовок полностью. И больше миллиона сайтов, содержавших хотя бы один из терминов, — в данный момент совершенно бесполезная куча информации.

Сохранив это название, он взялся писать сообщение Хардвику. Он

отправил ему адрес сайта, логины, пароли и заголовок последней таблицы, а также попросил его поподробнее разузнать про все это. В конце сообщения он кратко описал, чем они с Мадлен заняты в данный момент.

Мадлен положила руку ему на плечо.

— Ты уверен, что мы все правильно делаем?

Ее вопрос усилил его сомнения.

— Сейчас у нас, похоже, уже нет выбора.

Он открыл дверь, ведущую на чердачную лестницу, и еще раз осветил фонариком пыльные ступени. Он не увидел ничего необычного и не услышал ничего, кроме пугающей глухой тишины. Они осторожно присели на одну из нижних ступенек и, прислушиваясь, в полной темноте стали ждать.

Глава 54

В темноте и в тишине Гурни все думал о вопросах без ответов.

Сидя рядом с Мадлен в мрачной тишине чердачной лестницы, он размышлял над тем, что не давало ему покоя еще с тех пор, как он осмотрел межэтажные перекрытия над их ванной.

Не может ли это маленькое неопознанное устройство, которое Хардвик увез в Олбани, быть каким-нибудь крошечным проектором?

Если бы не размер устройства, было бы вполне разумно предположить именно это. Белая светоотражающая поверхность ванны могла быть использована в качестве экрана.

Проецируемая картинка выглядела бы еще более реалистично, будучи слегка искаженной из-за вогнутой поверхности дна ванны, воды и поднимающихся клубов пара. К тому же мы привыкли видеть в ванне тела, правда живые. Скорее всего, сознание приняло бы эту иллюзию за реальность.

Но какова цель столько жестокого фокуса? Довести Мадлен до нервного срыва? Гурни сомневался, что Фентон мог быть настолько одержим идеей избавиться от него. А помимо Фентона, кто еще стал бы так заморачиваться? Убийца? Один из анонимных руководителей Фентона? Но как они могли узнать про Колина Бантри? Откуда узнали, что сейчас именно эта история была самым уязвимым местом Мадлен?

Затем ему в голову пришел очень неприятный вопрос: что бы он предпочел в качестве правды? Что произошедшее с Мадлен было плодом ее воображения? Или же что это были плоды высоких технологий?

Он задумался, а не потому ли он так заикнулся на первом варианте, что второй сильно пахивал паранойей. А может, потому что второй вариант еще больше усложнял дело, которое уже, как он опасался, было ему не под силу.

Он почувствовал, как закипает от гнева.

На собственную некомпетентность.

На бесконечно возникающие вопросы.

На то, что кто-то, возможно, повредил психическое здоровье Мадлен.

Ее голос внезапно прервал поток его самобичевания.

— Ты в порядке?

— Я думал о том, что ты видела в ванне. Мне кажется, это мог...

Его перебил звук тяжелых шагов — кто-то торопливо поднимался по главной лестнице.

— Возможно, это тот, кого мы ждем. Оставайся здесь. Сиди тихо.

Гурни бесшумно спустился вниз с лестничного пролета так, чтобы видно было весь коридор. Он проверил часы. В темноте было трудно разглядеть циферблат, но он рассчитал, что аудиозапись должна была закончиться пару минут назад.

Низкорослый человек плотного телосложения, тяжело дыша, подошел к двери их номера и постучал.

— Мистер Гурни?

Это был голос Стекла. Он снова постучал.

Гурни ждал и наблюдал.

Стекл постучал в третий раз, подождал и отпер дверь своим ключом.

— Эй! Здесь есть кто-нибудь?

Немного помедлив, он зашел в номер и закрыл за собой дверь.

Гурни вернулся к Мадлен.

— Это Остен Стекл. Он у нас в номере.

— Что он там делает?

— Сейчас я выясню. Но мне было бы спокойнее, если бы ты отошла еще подальше. Может быть, поднимешься на самый верх этой лестницы? — Он достал фонарик и осветил дверь, ведущую на чердак. — Видишь эту дверь? Если услышишь внизу шум, зайди на чердак и закрой за собой дверь.

— А что ты собираешься делать?

— Проверю, не является ли Стекл одним из наших шершней.

Он снова осветил фонариком лестницу, ведущую наверх.

Когда Мадлен поднялась до конца, он спустился в коридор и быстро направился к номеру.

Дверь была не заперта. Он приоткрыл ее и вошел в комнату. В холодном сером свете Стекл шнырял по большой комнате. В руке он что-то держал.

Гурни сжал «беретту» в кармане куртки.

— Не меня ищете?

Стекл развернулся на месте, вытаращив глаза.

— Мистер Гурни, я думал... в смысле... вы в порядке?

— В полном. Что вы делаете?

— Я пришел предупредить вас, — он показал руку, в которой что-то держал. — Посмотрите.

— Сделайте мне одолжение. Включите лампочку возле дивана.

— Хорошо. Конечно.

Свет лампы осветил блестящий топорик.

— Тарр перерубил кабели аккумулятора на вашем «аутбеке». И на всех джипах. И на «лэндровере» Лэндона. Я хотел остановить его, а он метнул в меня этой штукой. Вполне мог снести мне голову. Этот сукин сын убежал в пургу. Черт! Я хотел убедиться, что вы и миссис Гурни в порядке.

— С нами все нормально.

Стекл бросил взгляд в сторону спальни.

— Я знал, что надо было давно избавиться от этого ублюдка.

— Как вы думаете, куда он мог пойти?

— Черт его знает! Он убежал в пургу, в лес, как зверь. — Стекл поднял руку с топориком.

— Положите его на журнальный столик.

— Зачем?

— Я хотел бы взглянуть на него, но не хочу его трогать.

Стекл положил топорик возле планшета Мадлен.

— Вот так штука, да?

Гурни подошел ближе, все еще сжимая в руке «беретту».

— Вы сказали, он перерубил кабели аккумулятора?

— Фигачил изо всех сил, когда я его увидал.

— На черта он это сделал?

— Ну мне-то откуда знать, что творится в голове у этого психа?

Гурни не столько интересовалась история Стекла про изувеченные провода, а то, насколько правдива была его версия событий. Сложно было представить, что Барлоу Тарр и есть один из шершней, растревоженных их аудиоспектаклем, а уж тем более что он — главный злодей, стоящий за самым запутанным делом из тех, что когда-либо попадались Гурни.

— Вы же детектив. Как вы думаете? — спросил Стекл.

— Давайте это обсудим. Может быть, вместе мы что-нибудь поймем. У меня есть несколько вопросов, с которыми, мне кажется, вы сможете помочь. Садитесь, пожалуйста.

Стекл замешкался, будто собираясь возразить Гурни, а потом с явной неохотой все-таки сел.

Гурни присел напротив, на ручку дивана.

— Сначала, пока я не забыл... Что это за имя — Альфонс Вук?

— Это не мое имя. Моя мать вышла замуж за Вука.

— Да, вы говорили. А кто он был по национальности?

— Я не знаю. Хорват, может. Откуда-то оттуда. А зачем вам?

— Просто любопытно. — По многолетнему опыту Гурни знал, что неожиданная смена темы во время допроса часто приносит хорошие результаты. — Так что вы думаете насчет Тарра, учитывая, что он не просто псих, который делает все, что ему в голову взбредет?

— Я не знаю. Но машины теперь не заведутся. Может, он хотел, чтобы никто не мог уехать отсюда.

— А как вы думаете, зачем ему нужно держать нас всех здесь?

Стекл покачал головой.

— Понятия не имею.

— Как вы думаете, он мог убить Итана?

— Думаю, это вполне вероятно, правда же?

— А зачем ему нужно было убивать Итана?

— Может быть, он понял, что Итан наконец-то решил избавиться от него?

— Думаете, он убил его, чтобы избежать увольнения?

— Возможно.

— Только вот Тарр никогда не ездил в лагерь «Брайтуотер». А убийца ездил.

На долю секунды Стекл оцепенел.

— Туда, где убили Скотта Фэллона. Где заварилась вся эта каша.

Стекл сдвинулся на самый краешек стула.

— Я вас не понимаю.

Гурни прокручивал в голове, подходит ли Стекл под сложившийся образ убийцы. Он вполне мог оказаться четвертым членом тайного клуба в «Брайтуотере», мальчишкой по кличке Волк. Он мог пригласить трех старых друзей сюда, в гостиницу. Заманить, посулив немалые деньги, которые они бы получили в результате шантажа. И мог убить их после того, как они растрезвонили про свои кошмары. Ну и, конечно, он мог убить Итана. Средства и возможности у него были.

Оставался один большой вопрос — мотив.

Гурни вспомнил их разговор на чердаке про семейный герб Голлов и историю Эллимана Голла. Разговор про власть и контроль. Также Гурни учел практические последствия четырех смертей.

Чем больше он думал об этом, тем яснее становилась картинка. И последний аргумент, такой простой. Он кинул камень в гнездо шершней, и оттуда вылетел Остен Стекл.

Всему нашлось объяснение.

Однако не было никаких доказательств.

Пока он соображал, как действовать дальше, он услышал легкую вибрацию телефона на деревянной поверхности. Не сводя глаз со Стекла, он подошел к приставному столику и проверил телефон.

Пришло сообщение от Хардвика.

«Дорога кошмарная. Остановился на обочине и изучил технические характеристики на сайте. Возможно, что эта штука — микромодель засекреченного проектора изображений с высоким разрешением, используется военными».

Стекл беспокойно заерзал на стуле.

Гурни посмотрел на него, оторвавшись от экрана телефона.

— Почему вы были так уверены, что мы в комнате?

— В каком смысле? Где же вам еще было быть?

— Большую часть времени нас здесь не было. Мы уезжали и приезжали, спускались вниз в каминный зал, ходили к озеру, ездили в шале к Хэммондам и много куда еще. Вы постучали. Три раза. Вы даже позвали нас. И вам не ответили. Очень странно, что вы решили, будто мы в номере.

— Ну что вы раздуваете из мухи слона?

— А еще вы очень удивились, увидев меня, входящего в номер. Даже больше, чем удивились, вы были ошеломлены — словно не могли понять, как такое могло произойти.

— Что вы несете?

Гурни достал из кармана «беретту», дав Стеклу понять всю серьезность ситуации.

Стекл выпучил глаза.

— Какого хрена?

Гурни заулыбался.

— Даже немного смешно, правда? Разработать такой план, столь тщательно продуманный обман. А потом споткнуться о камушек. Всего один неверный взгляд в неподходящий момент. И все разваливается. Вы были уверены, что мы в номере, поскольку подслушали наш разговор через

жучок, который установили здесь. Прослушивающее устройство — очень надежный инструмент. Однако у него есть один большой недостаток. Он не может отличить живую речь от аудиозаписи.

Стекл побледнел так, что его лицо стало того же серого цвета, что и небо за окном.

— Полнейший бред.

— Не утруждайтесь, Альфонс.

— Остен. Меня зовут Остен.

— Нет. Остен — имя другого, исправившегося человека, хорошего человека. Которого на самом деле никогда и не было. Внутри вы всегда оставались Альфонсом Вуком. Аферистом, манипулятором, да и просто мерзавцем. Вы — плохой человек, убивший хороших людей. А это уже серьезная проблема.

Гурни поднялся с ручки дивана.

Он подошел к окну, оторвал веревки от жалюзи, а потом подошел к камину и взял в руки железную кочергу. Он бросил одну из длинных веревок Стеклу на колени.

— Зачем это?

Гурни был пугающе хладнокровен.

— Веревка? Так будет проще.

— Проще... сделать что?

— Проще связать вас, чтобы вы не сбежали.

Гурни бросил мимолетный взгляд на кочергу, но ничего не сказал. Было предельно ясно, какова альтернатива веревкам. А от многозначительного молчания становилось еще страшнее.

Гурни улыбнулся.

— Пожалуйста, свяжите себе ноги, да потуже.

Стекл уставился на веревку.

— Я не знаю, что, вы думаете, я сделал, но гарантирую, что вы ошибаетесь.

— Сейчас же свяжите себе ноги, — скомандовал Гурни, еще крепче сжав в руке кочергу.

Стекл покачал головой, но сделал, как ему было велено.

— Туже, — прибавил Гурни.

Стекл послушно затянул веревку. Его голова блестела от пота.

Когда Стекл крепко связал ноги вместе, Гурни велел ему убрать руки за спину. Тот повиновался, и Гурни вторым шнуром связал ему запястья, пропустив конец под сиденьем стула и привязав к ногам.

Стекл тяжело дышал.

— Это же просто дурной сон, да?

Гурни обошел стул, чтобы посмотреть в глаза Стеклу.

— Как тот, который вы продиктовали Итану?

— Что? Зачем мне это?

— Это как раз понятно. Сначала я не понимал, почему Итан взялся вам помогать. Но затем я вспомнил слова Фентона о том, почему вы не могли подделать письмо. Он сказал, что вплоть до прошлой недели у вас на руке был гипс. Он-то думал, что нашел для вас алиби. Но на деле он дал ответ на мой вопрос. Итан записал изложенный вами сон, потому что вы были в гипсе.

— Гурни, это полная чушь. Какие у вас доказательства?

Гурни улыбнулся.

— А доказательства нужны только в суде.

У Стекла напряглась челюсть.

Голос Гурни сделался резким и холодным.

— Система правосудия не работает. Это игра. Побеждают умные, а проигрывают дураки. Безвредные идиоты, попавшись с парой таблеток в кармане, получают сроки, а отъявленные злодеи, убивающие хороших людей, ловко облапошивают систему с помощью дорогих адвокатов.

Он направил «беретту» в правый глаз Стекла, затем в левый, затем в горло, в сердце, в живот и в пах. Стекл дернулся. Гурни продолжал.

— А мне очень не нравятся мерзавцы, которые убивают порядочных людей. Я не могу не замечать их и не доверяю суду выбирать для них наказание.

— Что вам от меня нужно?

— Ничего, Альфонс. С тебя нечего взять. У тебя нет ничего, что мне нужно.

— Я не понимаю.

— Все просто. Мы не ведем переговоры. Это — казнь.

— Я никого не убивал.

Гурни, казалось, не слышал его.

— Я не могу оставаться в стороне, когда мерзавцы вроде тебя убивают хороших людей. Я делаю то, чего не могут сделать в суде. Плохие люди не должны избегать наказания за убийство хороших людей. Я такого не допущу. Это — цель моей жизни. А у тебя есть цель?

Гурни внезапно поднял пистолет и прицелился Стеклу между глаз.

— Подождите! Боже! Подождите секунду! Кто, мать твою, эти хорошие люди, про которых вы твердите?

Гурни с трудом скрывал свое торжество. Он заставил Стекла поверить,

что тот сможет избежать расправы, доказав, что его жертвы недостойны возмездия. И в попытке спастись он, скорее всего, изобличит себя.

— Я имею в виду Итана Голла и ваших приятелей из «Брайтуотера». Но в особенности Итана. Он был святым человеком.

— Хорошо, подождите секунду. Вы хотите знать правду?

Гурни ничего не ответил.

— Давайте я расскажу вам про святошу Итана.

Стекл с жаром принялся поносить Итана за то, что тот был патологически одержим идеей всех контролировать и манипулировать жизнями окружающих его людей. Тиран, который превратил свой фонд «Новая жизнь» в тюрьму, где его причуды стали законами.

— Ежедневно, ежеминутно он пытался унижать нас, он ломал нас на маленькие кусочки, чтобы потом заново склеить так, как захочется ему — как будто мы чертовы игрушки. Великий небожитель Итан. На самом деле он был мерзким чудовищем. Мир должен быть благодарен за то, что его больше нет!

Гурни нахмурился, будто обдумывая новую важную информацию, и немного опустил пистолет. Этот незначительный жест играл огромную роль. Он намекал на то, что Гурни можно было убедить.

— А как насчет Хорана, Бальзака и Пардозы? Они что, тоже всеми манипулировали?

По глазам было видно, что Стекл просчитывает, что можно рассказать, не изобличая себя окончательно.

— Нет. Я бы так не сказал. Вы хотите знать мое мнение о них? Судя по моим наблюдениям за ними здесь, в гостинице? Так, букашки. Мелкие уголовники. Не страшная потеря. Поверьте мне.

Гурни печально кивнул, как человек, узнавший горькую правду.

— И никто не будет по ним скучать?

Стекл одобрительно цокнул языком.

— По сути, нет.

— А что насчет Хэммонда?

— А с ним-то что?

— Из-за всей этой бредовой истории про кошмары ему был причинен немалый вред.

— Да? А как насчет непоправимого вреда, который причинил этот лучезарный педик, изгадив жизни стольких людей своими проповедями о том, «как здорово быть геем»?

— То есть, по-вашему, он заслуживал быть арестованным за четыре убийства, совершенных вами?

— Ну, полегче! Я всего лишь говорил о том, что все возвращается на круги своя. Вы сказали, что были убиты порядочные люди. Я хотел внести некоторую ясность. Они были подонками.

Гурни опустил пистолет еще ниже, создавая впечатление, что доводы Стекла смягчили его твердое намерение осуществить казнь. Затем он нахмурился и снова поднял пистолет, словно вот-вот собирался принять окончательное решение.

— А Скотт Фэллон? Он тоже был подонком?

Он направил пистолет Стеклу прямо в сердце.

— Я тут ни при чем! — воскликнул он в приступе паники, подтвердив, сам того не желая, что он бывал в «Брайтуотере».

Гурни недоверчиво вскинул бровь.

— Лев, Паук, Хорек, но не Волк?

Стекл, казалось, осознал, что, пытаясь сбежать от огня, угодил в зыбучие пески.

Он покачал головой.

— Они были просто психи. Все трое.

— Твои дружки из тайного клуба были сумасшедшими?

— Я тогда не понимал насколько. Адская жуть. Они совершали ужасные, абсолютно бессмысленные поступки.

— Вроде того, что они сделали со Скоттом?

Стекл уставился в пол. Вероятно, он размышлял, насколько глубоко увяз.

Гурни повторил свой вопрос.

Стекл глубоко вздохнул.

— Однажды ночью они притащили его на озеро.

— И?

— Они говорили, что хотят научить его плавать.

Гурни почувствовал, как его захлестывает отвращение от картины, которую рисовало его сознание. Он заставил себя вернуться к реальности.

— Я слышал, что полицейские прочесали озеро, но тела так и не нашли.

— Они выловили его и закопали в лесу.

— Они — это Хоран, Бальзак и Пардоза?

Стекл кивнул.

— Больные убудки. Они ненавидели гомиков. Реально ненавидели.

— Что и делало их идеальными героями для вашего... проекта.

— Они были абсолютно никчемными тупыми уродами.

Гурни кивнул.

— Нехорошие люди. А потому и убить их...

Внезапно он услышал что-то похожее на слабый крик. Он раздался издали, из другой части дома — откуда-то сверху.

Он оставил Стекла, привязанного к стулу, и, выбежав в коридор, помчался к темной лестнице, ведущей на чердак, туда, где оставил Мадлен.

Глава 55

Ее не было на лестнице, где он видел ее в последний раз.

Он позвал ее. Ответа не последовало. Он вспомнил, что на стене был выключатель. Он нащупал его и включил свет — лампочку, болтавшуюся под потолком. Зажав в руке «беретту», он взбежал вверх по лестнице, перепрыгивая через ступени.

Он распахнул дверь на чердак и нашел рукой очередной выключатель. Наверху, под самой крышей загорелся светильник. В мутном свете он увидел все те же накрытые простынями предметы — как он предполагал, ненужную мебель.

Он двинулся в дальний конец этого огромного складского помещения, к двери в следующую комнату.

Он снова позвал Мадлен.

Откуда-то из-за дальней двери раздался сдавленный голос.

— Я здесь.

Гурни подбежал к двери и толкнул ее.

Сначала ему в глаза бросились лишь согнувшиеся волки, чьи тени под лучом фонарика судорожно двигались по стене.

А затем в углу он увидел Мадлен с фонариком в руке и тотчас же пожалел, что умолчал про эту живописную сцену с волками, когда рассказывал про свой поход на чердак, побоявшись, что этим встревожит ее еще сильнее.

Отыскав шнур, свисающий с потолка, он дернул за него. Огромное, похожее на пещеру помещение наполнилось бледным грязноватым светом.

Он подошел к Мадлен.

— Ты как?

Фонариком она указала на волков.

— Это что?

— Волки. Их убил дедушка Итана. Обрывки их странной семейной истории. — Тут он перевел дыхание. — Как ты здесь оказалась?

— Я сидела на верхних ступеньках. Мне показалось, что я услышала

кого-то внизу, и я вошла на чердак, в комнату с белыми простынями. Потом я снова услышала, как скрипит лестница, и перешла в эту комнату. Сначала я не заметила волков. Но потом — господи, как же я испугалась! А что ты? Что произошло внизу, в номере?

Гурни как можно более кратко пересказал ей основные моменты их разговора с Остеном — начиная с якобы перерубленных Тарром проводов и заканчивая отчаянным признанием Стекла в том, что он был раньше знаком с Хораном, Бальзаком и Пардозой, знал о смерти Скотта Фэллона и ненавидел Итана Голла. Мадлен была поражена.

— И он сейчас там, внизу? В нашей комнате? Боже, что же нам теперь делать?

— Не знаю. Главное — он обезврежен. Но мне интересно узнать, что же на самом деле случилось с проводами. Пойдем вниз и посмотрим.

Внизу, на улице перед гостиницей все было точно так, как описал Стекл. Капоты «аутбека», «лэндровера» и трех джипов были открыты, провода всех пяти аккумуляторов были перерублены, а корпуса аккумуляторов пробиты чем-то острым, вроде топорика или какого-то другого подобного орудия.

— Похоже, он говорил правду, — заявила Мадлен и наглухо застегнула куртку, защищаясь от ветра со снегом.

— Да, все так, как он говорил. Но вопрос, кто это сделал, остается открытым.

— Думаешь, Стекл сам перерубил провода, чтобы подставить Тарра?

— Возможно.

— Но...

— У него могла быть и другая причина. Например, чтобы не дать нам уехать отсюда.

— Ты имеешь в виду, не дать нам сбежать?

— Да.

Он вспомнил, что с собой у них были снегоступы, однако ближайший городок находился по крайней мере в двадцати километрах отсюда — в условиях мороза и снежной бури, которая усиливалась с каждым часом, подобная затея могла быть не просто опасной, а даже смертельной опасной.

— Боже, как же холодно, — процедила Мадлен. — Может, пойдем обратно в дом?

Гурни не успел ответить, как свет в гостинице погас.

Рокот генератора заглох.

Слышно было лишь как ледяной ветер качает сосны.

Глава 56

Освещая себе дорогу фонариками, они вернулись в гостиницу.

Обогнув стойку регистрации, Гурни подошел к старомодной полке с ячейками и достал ключ из ячейки с надписью «Общий». Он надеялся, что этот ключ подойдет ко всем гостевым комнатам. Идея провести ночь в комнате со Стеклом не вызывала у Гурни восторга. Он решил, что лучше всего будет запереть его обездвиженным в соседней комнате.

В коридоре наверху Гурни остановился около двери в соседний номер и попробовал ключ. Дверь открылась. Он рассказал Мадлен о своем плане, и они вошли в номер, чтобы осмотреть его.

В луче фонарика Гурни заметил на каминной полке две керосиновые лампы и пропановую зажигалку, с помощью которой он зажжет обе лампы, выкрутив фитили на максимум. Комната была меньше их номера, но обстановка была очень похожей.

Из-за сломанного генератора центральное отопление не работало, и в комнате было уже достаточно зябко. Гурни решил разжечь камин. Его не особенно волновало благополучие Стекла, но, если за ночь тот околеет, возникнут лишние неприятности.

Мадлен встревоженно наблюдала за тем, как он присел у камина, складывая дрова в виде пирамиды над горсткой щепы для розжига.

— Может быть, все-таки надо кому-нибудь позвонить? В полицию штата? Шерифу?

— Как? Вышка сотовой связи работает от генераторов.

— Неужели тут нет городского телефона?

— Ближайший телефон в Бирстоне. В нашем положении это все равно что на Луне.

— А что ты собираешься делать с Тарром?

— Увы, сейчас я мало что могу сделать.

— А что насчет остальных?

— В каком смысле?

— Норрис? Ричард? Джейн? Разве не нужно рассказать им про Стекла? И предупредить их насчет Тарра — на случай, если это он хочет нас здесь задержать?

Гурни начинал выходить из себя.

— Конечно, нужно. — Он поднялся на ноги и глубоко вздохнул. — Но сначала мне нужно рассказать тебе нечто очень важное. Мы кое-что выяснили с помощью Робин Вигг. Пока я был со Стеклом, Джек прислал

мне сообщение. Это касается того, что ты видела в ванне.

Мадлен стояла неподвижно.

— Скорее всего, ты видела объемное изображение, спроецированное на ванну из щели в потолке.

Она растерянно заморгала.

— Вигг предоставила нам доступ к закрытому сайту. Там была фотография одного из приборов, которые, как я думаю, были установлены на чердаке над нашей ванной. Это высокотехнологичный проектор.

Мадлен, казалось, была ошеломлена.

— Велика вероятность, что тело, которое ты видела в ванне, — просто обработанная фотография. Возможно, один из старых снимков Колина Бантри оцифровали, добавили резкость, цвет... и отредактировали так, чтобы было похоже на эффект утопления.

— Но то, что я видела, было совершенно не похоже на фотографию.

— Оно и не должно было. Все должно было выглядеть очень правдоподобно. Очень убедительно.

Она с ужасом в глазах, казалось, вспомнила то, что увидела.

— Господи, но кто же такое мог сделать?

— Кто-то, кто пойдет на все, чтобы добиться своего.

— Кто-то? Ты думаешь, это был не Остен Стекл, а кто-то другой?

— Стекл, безусловно, очень умен и беспощаден, и готов убить, чтобы получить желаемое, но этот проектор с ним не вяжется, здесь что-то другое. Во-первых, это засекреченные технологии, и потом это просто на него не похоже. Стекл — человек практичный, а я не понимаю, какую выгоду он мог получить, установив это устройство над нашей ванной. И еще один вопрос: откуда ему было знать про тебя и Колина Бантри?

Мадлен закивала.

— Хорошо. Я поняла. Но кто тогда?

— Есть некий тайный манипулятор. С неограниченными возможностями. Кто-то, кто всеми силами пытался как можно скорее выкурить нас отсюда.

— Напугав меня?

— Да. Создав эту жуткую иллюзию в ванне.

Она покачала головой, не зная, что сказать.

— Прости, что раньше не докопался до правды.

— Но сейчас ты уверен? Уверен, что все так и было?

— Да.

— Боже мой... Я просто... просто... Я не знаю. Я в шоке? В ярости? Или я рада? — Она нервно хихикнула. — То есть все-таки я не

сумасшедшая?

— Да, Мэдди, ты в полном порядке.

— Мы должны его поймать. Мы должны поймать этого ублюдка.

— Должны. И поймаем.

Она кивнула, и глаза ее целеустремленно загорелись.

Огонь в камине разгорелся, и, подбросив достаточно дров, чтобы хватило на всю ночь, Гурни решил, что пришло время переселить Стекла в эту комнату.

Вдруг он услышал, как в дальнем конце коридора хлопнула дверь и послышались шаги. Затем шаги затихли, и раздался резкий стук — как предположил Гурни, стучали в дверь их номера.

Он вышел в коридор. В свете фонарика он увидел знакомые резиновые сапоги, куртку «Барбур» и клетчатый шарф.

Норрис Лэндон в одной руке держал фонарик, а в другой — винтовку.

— Гурни? Какого черта?

— Долго рассказывать. Что вы делаете?

— Кто-то вывел из строя наши машины. Аккумуляторы раздолбаны топором или чем-то вроде того. Я пытался найти Остена, но его нигде нету. Я нашел следы, ведущие от места преступления, и собираюсь пойти по ним, чтобы разобраться, что произошло. Я подумал, что оружие мне не помешает, — он кивком указал на винтовку. — Перед выходом решил заглянуть к вам, проверить не в курсе ли вы, что случилось.

Гурни не видел никаких причин скрывать от Лэндона информацию. Он кратко, но достаточно точно пересказал ему свой разговор со Стеклом. Упомянул также столкновение Стекла с Барлоу и его топориком, но добавил, что вполне возможно, что это сам Стекл перерубил провода. В заключение он сказал, что в столь непредвиденной ситуации Стекл находится в их номере под арестом и пробудет там до появления уполномоченных органов.

Лэндон был потрясен.

— Черт возьми, Остен. Значит, вся эта история про кошмары была просто фикцией?

— Похоже на то.

— Господи, получается, он так ловко обвел Фентона вокруг пальца, да? Сделал из него полного идиота? Все эти пресс-конференции, репортажи — все это и яйца выеденного не стоит?

— Получается, что да.

— Дьявольски умен.

— Да.

Он покачал головой и задумался.

— И что теперь?

— Все зависит от погоды. И, кстати говоря, вы что, серьезно собираетесь пойти по следу? В темноте? В снежную бурю?

— Я охотник, мистер Гурни. И я намерен разобраться с тем, кто раскурочил наши машины. Вы думаете, это мог быть и Стекл. Но я готов поспорить, что это Тарр. Судя по повреждениям. Я нутром чую, что это он. Полный разгром, куча обломков. Явно дело рук психа. — Он сделал паузу. — Надо бы еще взглянуть на генераторы. Возможно, просто снег попал в вентиляционные отверстия.

— Будьте осторожны. Вы преследуете человека с очень острым охотничьим топориком.

Лэндон улыбнулся.

— Вы когда-нибудь ходили ночью на кабана?

Гурни молчал в ожидании кульминации.

— Я ходил. Так что поверьте, я справлюсь с Тарром.

Улыбка сошла с его губ, он развернулся и ушел по темному коридору.

Гурни оставил дверь приоткрытой, пока не услышал, как Лэндон спустился вниз и вышел в метель.

— Тот еще персонаж, — прокомментировала Мадлен.

Гурни подошел к окнам, выходящим на балкон, такой же, как у них в номере. Сквозь метель он вскоре сумел разглядеть свет фонарика Лэндона, исходивший из-под навеса, а затем удаляющийся от гостиницы, когда Лэндон, видимо, пошел по следу, который ветер еще не успел замести.

— Так, — сказал Гурни, — вернемся к делу.

С фонариком в руке он вышел из комнаты и по темному коридору дошел до двери их номера. Он отпер дверь и вошел, Мадлен следовала за ним. В комнате было холодно.

Он осветил комнату. Ему показалось, что все в порядке. Огромный торшер частично загоразживал Стекла, но Гурни увидел руки, связанные за спинкой узкого деревянного стула, на котором он оставил его сидеть, чтобы тот точно не смог сбежать.

— Здесь жутко холодно, — сказала Мадлен.

Гурни вдруг осознал, что в комнате холоднее, чем должно было быть, даже несмотря на отсутствие отопления в последние полчаса.

Он направил фонарик на окна. Все они были закрыты, как и дверь на балкон. Но вдруг он с беспокойством обнаружил источник холодного воздуха. В большой стеклянной панели балконной двери, рядом с замком,

виднелась рваная дыра.

Кто-то залез или пытался залезть в номер. Он снова осветил комнату.

С чувством тошноты он обошел торшер и приблизился к фигуре, привязанной к стулу, не до конца уверенный в том, что видел то, что видел.

— Стекл! — закричал он.

Ответа не последовало.

Когда он понял, что перед ним, его чуть не стошнило. Он попытался оттолкнуть Мадлен, которая подошла к нему. Но было поздно.

Она увидела ровно то, что увидел он. Зажав рукой рот, она простонала, а другой рукой вцепилась в Гурни.

Крепкое телосложение и запоминающаяся одежда почти не оставляли сомнений, что тело, привязанное к стулу, принадлежало Остену Стеклу.

Абсолютной уверенности быть не могло — потому что голова его была отделена от туловища и лежала на полу, порубленная на кусочки.

Глава 57

Гурни попытался уговорить Мадлен вернуться в соседнюю комнату, но она отказалась.

Она попросила остаться с ним и, поджав губы, наблюдала за тем, как он обыскивает гостиную, альков, ванную и балкон, чтобы убедиться, что убийцы нет в номере. Она не отвела глаз и с трудом и отвращением смотрела, как он начал осмотр обезображенного тела.

За годы службы в отделе убийств Гурни не раз сталкивался с жуткими зрелищами вроде этого.

Он достал смартфон и сделал несколько фотографий тела, уделив особое внимание гротескности нанесенных повреждений. Несмотря на отсутствие сигнала и доступа в интернет, батарея телефона все еще работала и позволяла пользоваться остальными функциями.

Он сфотографировал и пространство вокруг трупа, и разбитое стекло в балконной двери, и сам балкон — изнутри, чтобы сохранить нетронутым место преступления.

Гурни не видел смысла проверять трупные пятна, температуру тела и другие признаки трупного окоченения, которые помогли бы установить время смерти. Убийство произошло в относительно короткий промежуток времени, пока Гурни не было в номере.

С помощью фонарика он более тщательно осмотрел остатки головы. Несомненно, окончательное заключение выдаст медэксперт, но у него не

было сомнений, что он смотрел на результат многочисленных ударов, нанесенных толстым и острым лезвием вроде топора.

Наподобие топорика Барлоу Тарра.

Топорика, который Стекл принес с собой в номер.

Топорика, который исчез.

Чтобы сохранить место преступления максимально нетронутым, они оставили труп точно в том же месте, где и обнаружили его. Они не собирались оставаться здесь, и им нужно было только собрать свои вещи.

Гурни достал из комода свежую простыню и расстелил ее на кровати. Положив на нее их сумки, одежду, туалетные принадлежности, компьютер и планшет, он связал вместе уголки простыни, соорудив огромный мешок, в котором они за один раз могли перенести все, что им было нужно.

Они перетащили все в комнату, где собирались держать Стекла. Их действия не совсем соответствовали протоколу поведения на месте происшествия, но в данных обстоятельствах они сделали все, что могли.

Когда шок и ужас от произошедшего стал проходить и они с некоторой опаской заняли свою новую комнату, Гурни почувствовал себя загнанным в тупик. Казалось, он не может ничего из того, что было необходимо срочно сделать.

Нужно было отловить этого безумца с топориком. Дать знать полицейским, что ситуация изменилась. Нужно было предупредить Хэммондов. Но телефоны не работали, наступала ночь, дороги заносило снегом, а все машины были изувечены.

Он чувствовал себя обязанным сообщить обо всем Ричарду и Джейн, но как? Он не оставит Мадлен одну в гостинице, пока где-то здесь ходит убийца с топором. Но и брать ее в поход в минусовую температуру, в метель он не собирался.

Он знал, что, несмотря на собственное бессилие, должен подчиниться ситуации и сосредоточиться на том, что можно сделать.

Огонь, который он разжег, разгорелся, и в комнате стало теплее. Он проверил запас керосина для ламп и прикинул, что его хватит на несколько дней. В ванной он включил краны и, пока не кончилось давление в баке, сумел набрать несколько галлонов воды.

Чтобы сохранить тепло, он закрыл все шторы на заледенелых окнах, запер двери на балкон и в коридор и подставил к дверям стулья в качестве самодельных распорок.

Он отлаживал тягу в камине, чтобы растянуть время горения дров, а Мадлен стояла около кровати, глядя на простыню со всеми вещами,

которые они принесли из своего номера. Она взяла в руку перо, которое он подобрал на озере.

— Это отвалилось от той твари, когда ты в нее стрелял?

Он оглянулся.

— Да. По-моему, это хвостовое перо.

— Может быть, оно и с хвоста, но на ощупь на перо не похоже.

— То есть как не похоже?

— Потрогай его.

Текстура была жесткая, больше похожая на пластик. Но он про перья не знал ничего. Мадлен же, наоборот, знала предостаточно. Каждый раз находя новое перо на их участке в Уолнат-Кроссинге, она приносила его домой и собирала о нем информацию в интернете. У нее собралась целая коллекция: перья индюка, тетерева, ворона, голубой сойки, кардинала и даже ястреба и совы.

— А каким оно должно быть?

— Не таким. И еще кое-что. Что произошло там, на озере? Ястребы так себя ведут, только если их гнезду угрожает опасность.

Тут он вспомнил слова Барлоу Тарра. Что-то про «повелителя ястреба», который отпускает птицу. «К солнцу и к луне». Тогда это прозвучало как полная ахиня. Ведь ястребы не летают ночью, так что эта фраза тогда не имела никакого смысла.

Разве что, как предположила Мадлен, это был вовсе не ястреб.

Настроить мини-дрон так, чтобы он двигался, да и еще и выглядел как птица, — не самая простая техническая задача. Хотя для секретных операций дрон, замаскированный под птицу, был бы идеальным прибором с кучей преимуществ, которые стоили бы затрат на его разработку, особенно при условии, что никто бы и предположить не смог, что такое возможно.

Мадлен нахмурилась.

— На озере Грейсон над нами кружил ястреб.

— Я помню. И по дороге к озеру. И здесь, над озером, каждый день.

— Неужели он следил за нами?

— Возможно.

— То есть за нами наблюдают с воздуха, прослушивают нашу комнату и следят за передвижениями нашей машины.

— Получается, что так.

— И все это делает тот же тип, который спроецировал фотографию Колина?

— Скорее всего.

— Господи, Дэвид, кто же это?

— Кто-то, кто ужасно нервничает, пока мы здесь. Кто-то с колоссальными возможностями. Кто-то, чьи приказы охотно выполняет Гилберт Фентон.

— Кто-то, кто хочет, чтобы Ричарда судили и признали виновным в этих четырех убийствах?

Он почти было согласился с ней. Но вдруг вспомнил странную подробность, о которой Хэммонд упомянул за ужином. Якобы больше всего Фентон хочет, чтобы Ричард признал свою вину, и даже пообещал ему, что, если тот признается, все будет хорошо.

Тогда Гурни счел это жалкой попыткой обманом выбить признание и очень удивился, что Фентон решил проделать подобный финт с таким образованным человеком, как Хэммонд. Но самое странное — сам Ричард был убежден, что Фентон действительно верит в то, что признание вины избавит Ричарда от дальнейших неприятностей.

Что, если целью действительно было чистосердечное признание, а не приговор? Что тогда?

— Дэвид?

— Что?

— Я спросила тебя: как ты думаешь, кто стоит за этими шпионскими делами?

— Возможно, я смогу ответить на этот вопрос, когда пойму, зачем им так нужно признание Ричарда.

Мадлен, казалось, была сбита с толку.

Гурни напомнил ей о том, что Ричард говорил за ужином. И пока рассказывал, вспомнил, как Фентон злился на него за то, что он подает ложные надежды и продлевает мучения человека, чей единственный выход — полное признание вины.

— Поэтому они и хотят от нас избавиться? Потому что ты не даешь ему прийти с повинной?

— Думаю, да. Но чтобы докопаться до сути, мне необходимо понять, в чем ценность этого признания.

— Между тем, — промолвила Мадлен, — думаю, нам действительно стоит предупредить Хэммондов.

— Я бы рад. Но я смогу добраться до них только пешком. А оставлять тебя здесь одну я не могу. Особенно после того, что произошло со Стеклом.

— Тогда я пойду с тобой.

— В такую метель?

— У нас с собой лыжная одежда. И маски. И снегоступы.

— Там темно.

— У нас есть фонарики.

По настойчивому тону Мадлен Гурни понял, что продолжать спор не имеет смысла. Спустя десять минут, вопреки всему здравому смыслу, они были внизу, в холле гостиницы, и пристегивали снегоступы к ботинкам. Надев лыжные штаны поверх джинсов, куртки с капюшонами поверх свитеров и натянув лыжные маски, они двинулись по приозерной дороге.

В лучах света фонариков, Гурни разглядел слегка заметенные снегом очертания следов. Когда они дошли до угла гостиницы, Гурни заметил, что едва заметные следы сворачивают, огибая здание гостиницы, и ведут в направлении генераторов. Это напомнило ему о Лэндоне, который, собираясь в погоню за Тарром, хотел заодно проверить генераторы.

В надежде, что Лэндон еще мог быть там, Гурни уговорил Мадлен сделать небольшой крюк.

С трудом пробираясь через сугробы, они обошли дом. На краю участка, отделявшего гостиницу от окружавшего ее леса, стояли два больших прямоугольных ящика. Подойдя ближе, Гурни увидел вентиляционные отверстия, силовые кабели и топливные цистерны. Сооружение, похожее на навес для автомобиля и предназначавшееся для защиты генераторов от снега, было частично разрушено — покатую металлическую крышу на высоких столбах придавило деревом.

Мадлен дернулась, услышав, как где-то неподалеку в лесу с треском сломалась ветка.

Не найдя никаких следов Лэндона и решив, что более тщательный осмотр генераторов, скорее всего, мало что даст, Гурни в последний раз осветил участок фонариком.

— Что это? — спросила Мадлен.

Он посмотрел в ту сторону, куда она указывала.

Сначала он ничего не увидел.

Но потом заметил, что за ближайшим генератором на земле лежит что-то темное.

Это было что-то, очень похожее на руку в перчатке.

— Стой здесь.

Он осторожно обошел генератор, чтобы было лучше видно, что находится с другой стороны.

И все стало ясно.

Это действительно была рука в перчатке. Рука принадлежала телу, лежавшему животом на снегу. Ветер припорошил одну сторону трупа снегом. Но оно все равно было легко узнаваемо: высокие резиновые

сапоги, роскошная куртка «Барбур», клетчатый шарф.

Подойдя поближе, Гурни осветил фонариком все тело. И отшатнулся назад.

Голова была разрублена по крайней мере на шесть окровавленных частей.

— Что там? — спросила Мадлен, двинувшись к нему.

— Стой на месте, — машинально рявкнул Гурни. А затем более человеческим голосом добавил: — Тебе этого лучше не видеть.

— Что там?

— Примерно то же самое, что мы видели в нашем номере.

— О боже. Кто...

— Похоже, что Тарр нашел Лэндона раньше, чем Лэндон нашел Тарра.

Гурни с трудом заставил себя осмотреть изувеченную голову. Похоже, она была разрублена таким же образом, как и голова Стекла, и скорее всего, тем же оружием. Кровь пропитала снег вокруг этого жуткого месива, образовав причудливый ореол из красного льда.

Снова осветив труп фонариком со стороны, припорошенной снегом, он разглядел ствол винтовки. Он наклонился и расчистил снег. Это была сделанная на заказ «уэзерби», с изготовленной вручную рукояткой из светлого каштана. Он попытался поднять ее с земли, чтобы проверить, стреляли ли из нее, но она примерзла к земле.

Он понял, что и само тело, вместе с отрубленной головой, почти наверняка тоже примерзло к земле.

Ничто не могло заставить Гурни перенести останки тела в дом — ни острозубые падальщики, которые наверняка наведались бы туда в ночи, ни желание помочь медэкспертам.

Он вернулся к Мадлен.

— Нам нужно вернуться в гостиницу.

— Но мы должны предупредить Ричарда и Джейн.

Он покачал головой.

— Нет. После того что я сейчас видел, нет. Я не собираюсь рисковать твоим благополучием ради их благополучия. Перед тем как помогать другим, нам необходимо обеспечить собственную безопасность.

— Собственную безопасность...

Она повторила его слова, словно хотела перенять его уверенность. Она кивнула и поглядела на примерзшую к земле винтовку Лэндона, которую было уже почти не видно под снегом.

— Как ты думаешь, может, у него в комнате есть еще оружие?

— Весьма вероятно. Нам нужно его найти, чтобы было чем

обороняться, и важно сделать это до того, как до них доберется Тарр или еще кто-то.

— Еще кто-то?

— Скорее всего, Лэндона и Стекла убил Тарр, но мы не знаем наверняка. В конце концов, это может быть Пейтон или кто-то, кто на него работает. Я пока что не осмыслил эти два новых убийства.

Глава 58

Кроме того, чтобы отыскать оружие, которое Лэндон привез с собой в гостиницу, Гурни надеялся найти ключ к разгадке его гибели, а возможно, и гибели Стекла.

Судя по времени убийств, у убийцы был доступ к передаваемым с одного из жучков данным, и он слышал не только как Стекл сознался в содеянном, но и как Гурни покинул номер. Неужели они так сильно недооценивали Тарра?

К его удивлению, Мадлен захотела остаться в их новой комнате, пока он проводил обыск у Лэндона в номере.

Прежде чем выйти в коридор, Гурни еще раз в целях безопасности осмотрел балкон и окна. Комната отличалась от президентского номера, и в данных обстоятельствах эти отличия были им только на руку — балконная дверь была целиком деревянная, без стеклянной вставки, а окна были намного меньше. Забраться сюда с улицы было бы намного сложнее.

Он проверил «беретту», чтобы убедиться, что она заряжена и в магазине все пятнадцать патронов. Он хотел было убрать пистолет в кобуру на голени, но передумал и положил его в карман, чтобы было сподручнее.

Взяв с собой большой фонарь «мэглайт» и ключ, открывающий все двери, он вышел в темный коридор. Он дождался, пока Мадлен запрет за ним дверь на два замка, и направился к номеру Лэндона.

Гурни подергал ручку, но дверь, как он и предполагал, была заперта. Он вставил ключ, повернул его, и дверь открылась.

Он вошел и осветил фонариком комнату, которая оказалась уменьшенной версией президентского номера, очень похожей на комнату, которую они занимали сейчас. Даже мебель была расставлена так же. На каминной полке стояли две керосиновые лампы. На дровнице лежала пропановая зажигалка. Гурни зажег лампы.

На столике между диваном и камином лежали три ноутбука, три смартфона, стоял сканнер и металлическая коробка для документов под

замком — весьма необычная экипировка для отдыхающего охотника.

Затем он осмотрел спальный альков. Кровать была аккуратно застелена, а шкаф набит, судя по всему, довольно дорогой спортивной одеждой. За вешалками с рубашками и куртками стоял переносной ореховый футляр для ружья с кодовым замком.

В целом комната выглядела роскошной и изысканной.

Если бы не запах.

Он был едва уловим, но при этом омерзителен.

Словно запах прокисшего пота. С ноткой гниения.

Не забывая, зачем пришел сюда, он достал из шкафа футляр для ружья и отнес его в большую комнату. Положив его на пол, он взял у камина железную кочергу. Он собирался было сорвать с футляра замок, как вдруг заметил красный мигающий огонек на одном из ноутбуков. Это говорило о том, что компьютер не выключен, а просто закрыт и находится в спящем режиме.

Он открыл его. Загорелся экран. На рабочем столе было около двадцати папок и дюжина файлов, в основном фото и видео.

Перед тем как открыть их, он включил два других ноутбука. На экране каждого из них появились окошки для ввода логина и пароля. Не успел он ничего сообразить, как через несколько секунд оба экрана погасли и компьютеры выключились. Заново включить их ему не удалось.

Подобный уровень безопасности, мягко говоря, интриговал.

Он вернулся к первому ноутбуку. Ему было любопытно, почему этот компьютер не защищен паролем, — может, на нем не было ничего важного? Или же Лэндон в спешке забыл выключить его надлежащим образом? Надеясь на последнее, Гурни начал открывать файлы с фотографиями.

Первые девять были аэроснимками загородных дорог. Присмотревшись поближе, он заметил одну объединяющую их деталь. Присутствие на каждой из них его «аутбека».

На следующих десяти снимках «аутбек» был запечатлен в разных уголках Волчьего озера: выезжающий из-под навеса, по дороге к шале, припаркованный у шале, по дороге обратно.

Он собирался открыть следующую фотографию, как вдруг заметил дату в названии одной из папок. Сегодняшний день. Он открыл папку, в которой лежал аудиофайл. Он открыл его и нажал кнопку «Прослушать». Он тут же узнал свой собственный голос и голос Стекла — это была запись их разговора в номере. Самообличительные заявления Стекла. Признание о «Брайтуотере». Его связь с Хораном, Пардозой и Бальзаком.

Гурни вернулся к файлам на рабочем столе и продолжил просматривать их. Три видео были сняты с воздуха на озере Грейсон: вот они с Мадлен вылезают из машины, вот стоят у обвалившегося дома, а вот они остановились на берегу самого озера.

Следующее видео было снято с быстро двигающейся, летевшей вниз камеры. На видео была в страхе убегающая на середину Волчьего озера Мадлен. И сам он, направлявший «беретту» прямо в камеру, на секунду промелькнул на экране.

Ну и наконец, там была целая папка обработанных в фотошопе фотографий молодого парня в кожаной куртке, с кривой ухмылкой и шрамом на брови. Первый снимок вполне сошел бы для школьного альбома, но каждая следующая фотография становилась все больше и больше похожей на разбухший труп.

Стиснув зубы, Гурни весь напрягся от злости.

Значит, за всеми этими высокотехнологичными приспособлениями для слежки стоял Норрис Лэндон. Это Норрис Лэндон причинил столько боли Мадлен. Гурни захотелось воскресить Лэндона — чтобы убить его снова.

Самому взять в руки тот смертоносный топорик.

Немного успокоившись, Гурни серьезно задумался о том, какое место Лэндон занимал в этом деле.

Что связывало его с остальными участниками? Со Стеклом? С Фентоном? С Хэммондом? С четырьмя убитыми мужчинами?

Что, в конце концов, всех их связывало? Каков был замысел?

Но вдруг ему в голову пришел более актуальный вопрос: что за ужасный запах?

Было непонятно, откуда он исходит. Казалось, он везде. Гурни проверил шкаф, ящики письменного стола, кровать, стулья, диван, приставные столики, мини-бар, ванную, душевую кабину, а также полы, стены и окна.

Он посмотрел под кроватью, заглянул под кресла, под диван, под кофейный столик, приподнял ковры. Не сумев найти источник запаха, он решил попытаться понять, что это за запах. Едкий, тухловатый и как будто знакомый. Если отвлечься и перестать думать об этом, ответ скорее придет в голову, как это бывало, когда он забывал чье-то имя или слово. Чтобы переключиться, Гурни сел на диван и стал снова просматривать фотографии и видеозаписи.

Они лишь подкрепили растущую уверенность Гурни в том, что Лэндон и был тем самым анонимным представителем интересов «национальной безопасности», о котором ему не раз намекали Фентон и Вигг. А если так,

возможно, именно с его подачи Фентон выдвинул свою версию и жаждал заполучить от Ричарда чистосердечное признание.

Гурни вспомнил статью в «Нью-Йорк таймс» про бывшего цэрэушника Сильвана Маршалка, слившего информацию про секретное подразделение агентства, изучавшего возможность вызывать самоубийства с помощью гипноза.

В памяти Гурни стали всплывать и другие отрывки информации. Тот факт, что Ричард работал на Волчьем озере два года и Лэндон ездил сюда в течение тех же двух лет. Статьи Ричарда, в которых он описывал, как ломал границы возможного в области гипноза. И его знания о смертоносной психологии шаманов вуду. А также слова Джейн о том, что к Ричарду с предложениями о сотрудничестве обращались некие организации, чьи цели и источники финансирования не поддавались проверке.

По отдельности все эти детали мало что значили, но глядя на них в комплексе, можно было предположить, что Ричардом давно заинтересовалась какая-то секретная группа, вроде той, которую пытался разоблачить Сильван Маршалк. Лэндон вполне мог оказаться их агентом, работающим под прикрытием с целью наблюдения за прогрессивными разработками Ричарда в области гипнотерапии и дальнейшей вербовки.

Сидя на диване Лэндона и перебирая в уме различные версии, Гурни вдруг понял, как дело сложилось из двух совершенно отдельных частей. Стекла интересовало состояние Голлов. А в Ричарде были заинтересованы люди из государственных структур.

Эти две линии могли бы никогда не пересечься, если бы Остен Стекл не попытался подставить Ричарда, а Норрис Лэндон не хотел бы так сильно в это поверить.

Гурни знал, что и зачем делал Стекл. Он был необычайно умным и до известной степени успешным человеком. Но чего он никак не мог предугадать, так это столь ярого интереса к делу теневых госструктур в лице Лэндона. И того, как этот интерес отразится на расследовании.

Гурни вдруг осознал, что неприятный запах был сильнее всего именно там, где он сейчас сидел — на диване перед журнальным столиком. Он встал и поднял с дивана подушки. Он осматривал каждую из них и внезапно услышал за спиной звук — словно капля воды упала на твердую поверхность. Он повернулся к камину.

Решив было, что ему показалось, он снова услышал этот звук.

Он подошел к камину и направил фонарик в покрытую сажей топку, а затем осветил железную топочную решетку. На ней он увидел темное блестящее пятно. Он наклонился, чтобы разглядеть получше, как вдруг

сверху снова капнуло.

Он решил, что, должно быть, протекает труба. Возможно, тает лед.

Но приблизив фонарик к пятну, он увидел, что жидкость на решетке была темно-красного цвета.

Он слегка дотронулся до нее кончиком пальца.

Вязкую консистенцию ни с чем нельзя было перепутать — это была кровь.

Он опустился на колени и, стиснув зубы, осветил фонарем в трубу.

Сложно было понять, что перед ним. Это было что-то со спутанной шерстью. А посередине — неровное кровавое пятно.

Сначала он с ужасом подумал, что видит макушку чьей-то головы, а значит, голову или даже все тело целиком, что маловероятно, запихнули в трубу вверх ногами.

Это казалось невозможным.

Он наклонился еще ближе, и ему в нос ударил невыносимый запах.

Скрепя сердце он лег на каменную плиту перед камином и осветил фонарем окровавленный волосатый ошметок.

Он был намного крупнее человеческой головы. Возможно, это был зверь. Если так, то это был крупный зверь. Свалявшаяся шерсть была серого цвета.

Может быть, это волк?

С самого начала волки стали неотъемлемой частью этого дела.

Он взял с железной подставки щипцы для камина и крепко обхватил ими волосатый шар.

Он резко потянул вниз, шар упал в топку, и Гурни на секунду показалось, что он живой и шевелится. Гурни отшатнулся, но потом понял, что перед ним свернутая зимняя одежда — заляпанная меховая шапка, грязная парусиновая куртка, изношенные кожаные ботинки. Щипцами он достал шапку из топки и положил на пол. Ее задняя часть была пропитана слегка запекшейся кровью.

Затем он достал куртку и ботинки.

Почти сразу он понял, что это одежда Барлоу Тарра.

Какого черта она спрятана в камине Норриса Лэндона?

Где же сам Тарр?

Его тоже убили?

Похоже на то, судя по количеству крови на шапке.

Но кто мог его убить?

Гурни вспомнил, как сказал Мадлен: *похоже, Тарр нашел Лэндона раньше, чем Лэндон нашел Тарра.*

А вдруг все было наоборот?

А что, если весь этот ужас был вовсе не тем, чем казался?

Гурни осенило, вместе с тем его охватил страх за Мадлен, но вдруг он услышал едва заметный звук за спиной — чуть слышно скрипнула дверь. Гурни тут же поднялся на ноги, повернувшись к двери лицом.

Слегка освещенное тусклым янтарным светом керосиновых ламп, лицо Лэндона в темном коридоре было едва различимо.

Он вошел в комнату.

В руке он держал блестящий пистолет небольшого калибра с миниатюрным глушителем, пистолет настоящего убийцы — легкий, бесшумный и небольшой, чтобы удобно было спрятать его. Лэндон медленно перевел взгляд с Гурни на открытый ноутбук, затем на меховую шапку из шкуры койота и снова на Гурни.

В глазах его читалась холодная ненависть.

Гурни посмотрел ему в глаза. Но ничего не сказал. Ему нужно было прочувствовать ситуацию, прежде чем соображать, что нужно делать, чтобы спасти свою жизнь.

Лэндон заговорил первым.

— В идеальном мире я бы обвинил вас в измене родине.

— За раскрытие четырех убийств и спасение невинного человека?

— Черт, Гурни, сколько же от тебя хлопот. Ты же не представляешь, что стоит на кону. Ты даже хуже, чем этот псих, Тарр.

— Псих, который отдал мне ваш проектор?

Лэндон, задумавшись, оценивающе посмотрел на Гурни.

— Тарр и такие, как он, путаются под ногами, а настоящие проблемы от таких, как ты.

Гурни выбрал момент и бросил быстрый взгляд на свою правую голень, а потом, словно в попытке скрыть направление своего взгляда, заморгал. Он хотел сделать вид, что думает о пистолете в кобуре на голени.

На самом деле «беретта» лежала у Гурни в кармане куртки, но он не хотел, чтобы Лэндон об этом знал. Он надеялся, что Лэндон заметит его жест и сделает неправильные выводы. Это была хитрая уловка.

— Что значит такие, как я?

— Зашоренные, — объяснил Лэндон, — люди, которые отказываются видеть реальное положение дел в мире.

Эхо Фентона, подумал Гурни. Или это Фентон был эхом Лэндона.

— Война, Гурни, самая страшная война всех времен. Наш враг одержим, полон решимости и надежды нас уничтожить. Нам необходимо использовать все возможные преимущества.

— Вроде ССТ? — сказал Гурни, правой ногой немного подавшись вперед.

Он видел, что Лэндон заметил его движение за секунду до того, как с явным удивлением услышал аббревиатуру программы ЦРУ по исследованию самоубийств.

Лэндон поднял пистолет и направил его в грудь Гурни.

— Сядь.

— Куда?

— На пол. Лицом ко мне. Рядом с журнальным столиком. Руки — выше пояса. Еще выше. Ненавижу стрелять в помещении. У меня от этого звенит в ушах.

Гурни подчинился его приказу.

— А теперь вытяни ноги прямо перед собой.

И снова Гурни сделал, как было велено. Кобура на голени теперь на сантиметр выглядывала из-под штанины. Он думал, что Лэндон подойдет к нему, чтобы забрать пистолет. Вместо этого Лэндон велел ему подвинуть на себя тяжелый кофейный стол, так чтобы ноги оказались под ним, а руки лежали на столешнице. Гурни послушался и подумал, что в этой позиции он никак не смог бы дотянуться до кобуры.

Лэндон выглядел довольным, а потом с озадаченным выражением лица спросил:

— Что за сокращение ты упомянул?

— ССТ. Суицид в состоянии транса. Сильван Маршалк слил информацию об этой программе журналистам. За что и был убит.

— Этот предатель-наркоман твой кумир, что ли?

— Я не был с ним знаком.

— Но ты считаешь его смерть огромной утратой? Дай-ка я тебе объясню. Когда маленький ублюдок вроде Маршалка ставит под удар программу, которая может спасти тысячи американских жизней, он лишается своей. Никакой закон, никакая конституция не дают права ослаблять оборону страны во время войны. Я хочу донести это до тебя. Идет война.

— А Барлоу Тарр тоже был врагом?

— Тарр меня отвлекал.

— А моя жена? Она — враг?

— Ты и твоя жена ошиблись с выбором стороны.

— Потому что стояли на пути Ричарда к чистосердечному признанию?

— Вы встали между страной и человеком, имеющим важное стратегическое значение. Вас предупредали. И не раз.

— Я полагаю, Хэммонд получил это звание, потому что вы верили, что он знал, как заставить человека совершить самоубийство? Знание, за которое вы и ваши друзья готовы убить.

Лэндон ничего не сказал. У него было отсутствующее выражение лица, без эмоций.

— Когда вы узнали, что кто-то, побывав у Хэммонда, начал жаловаться на кошмары, которые заставили его думать о самоубийстве, а потом и вправду покончил с собой, и случилось это аж четыре раза, — вы решили, что ваша задача с ССТ решена. Оставалось только выяснить у Хэммонда, как он это сделал. Вам плевать было на его признание в том, что он это сделал. Вам нужно было, чтобы он признался, как он это сделал. Увы, ему нечего было вам рассказать. Жаль, что вы оказались неправы. И теперь вам придется разгребать весь этот бардак. Вы же наверняка не хотите, чтобы в агентстве узнали о вашей чудовищной ошибке — о том, как вы купились на аферу Стекла.

Гурни говорил уверенно, расслабленно, почти весело. Он знал, что рискует. Но риск был частью его игры.

Лэндон не выражал никаких эмоций.

Гурни решил импровизировать.

— Кстати об аферах — думаю, вы захотите взглянуть на кое-какие снимки.

Он вспомнил совет Мадлен: *просто слегка приоткрой дверь.*

— Где эти снимки?

— На флешке.

— Где?

— У меня в кармане.

— Гурни указал на правый карман своей куртки, который в этой позиции был чуть выше края стола.

— Хотите, я вам ее брошу? — спросил Гурни. — Или хотите достать ее сами?

Лэндон помедлил. Затем он подошел ближе и направил пистолет Гурни в горло.

— Медленно вынь флешку из кармана. Очень медленно.

Изобразив тревогу и незащитность, Гурни робко полез в карман.

Одним плавным движением он схватил пистолет и, не доставая его из кармана, направил на Лэндона и начал стрелять.

Он не был уверен, какая из пуль попала в Лэндона и куда его ранило. Тот страшно заорал и выбежал в коридор. Когда Гурни вылез из-под стола, поднялся на ноги и подбежал к двери с пистолетом в одной руке и с

фонариком в другой, в коридоре было уже тихо. Он осветил коридор, но Лэндона нигде не было.

Он выключил фонарик, чтобы не стать легкой мишенью, и на ощупь двинулся по коридору в сторону их комнаты. Он отпер замок и открыл дверь.

На пороге он обнаружил напуганную Мадлен — в тусклом свете керосиновой лампы, она держала в руках кочергу, как бейсбольную биту, готовая нанести удар. Несколько секунд она смотрела на него, не отрываясь, а потом вздохнула и опустила кочергу.

Вкратце пересказав ей, что произошло, он сходил в комнату Лэндона и принес его ноутбуки, смартфоны и футляр с ружьем.

Затем он перезарядил «беретту», забаррикадировал дверь и развел огонь в камине.

Неистово завывал ветер, наконец подоспела настоящая вьюга, и им оставалось лишь ждать следующего дня.

Глава 59

Уснуть было невозможно. В голове роилось несметное количество тревог, мыслей, планов.

В определенном смысле, с интеллектуальной точки зрения дело было раскрыто. Нашлись ответы на все самые сложные вопросы, главные злодеи были разоблачены. Пазл сложился. Однако по ходу дела заварилась нешуточная каша.

Бюрократическая волокита и служебные проволочки, скорее всего, все только усугубят. Вероятность получить хоть какую-то информацию от подразделения, в котором работал Лэндон, равнялась нулю. А если это действительно было подразделение ЦРУ, то и того меньше. Да и в Бюро вряд ли захотят проводить повторное расследование, после которого их изначальный подход к делу будет выглядеть по меньшей мере нелепо.

С эмоциональной точки зрения, все было далеко не слава богу.

Всю ночь они с Мадлен провели, прижавшись друг к другу на диване, напротив камина, не снимая лыжной одежды. Скрип и скрежет старого дома ни на минуту не давали Гурни расслабиться, заставляя его думать о том, где сейчас Лэндон, в каком он состоянии и что задумал.

Он не мог выбросить его из головы. Так же как и мысли о том, какое место Колин Бантри занимал в жизни Мадлен, и о том, сможет ли она восстановиться после всех ужасов, увиденных ей; о жадности и

бессердечности Остена Стекла, о запутанной истории семьи Голлов и о навязчивых идеях тех, кто ненавидел Америку, и тех, кто клялся ей в бесконечной любви.

Мысль, не раз приходившая ему на ум, ударила ему в голову с новой силой: *Господи, убереги нас от спасителей наших.*

Время от времени он подбрасывал в камин дрова. Мадлен то и дело приподнималась и принимала какую-нибудь позу из йоги.

Несмотря на то что им было что обсудить, они почти не разговаривали. С первыми лучами рассвета оба задремали.

Но вскоре их разбудил непонятный механический гул.

Попытавшись распознать источник шума, Гурни понял, что он доносится с улицы. Он влез в ботинки, отодвинул стул от балконной двери и вышел на морозный ветер.

Звук становился все громче. И тут он увидел большой желтый грузовик, который поворачивал на приозерную дорогу, по направлению к гостинице. Спереди к грузовику был прикреплен огромный промышленный роторный снегоочиститель. Гигантские лопасти, которые затягивали снег и лед в его пасть, вращались с такой скоростью, что их толком нельзя было разглядеть. Вспомогательные лопасти вертушки, должно быть, вращались с еще большей скоростью, судя по тому, с какой силой перемолотый в пудру снег и лед вылетал из трубы.

На высоте десяти-пятнадцати метров встречный ветер подхватывал эту снежную пыль и уносил ее в сосновый лес. Когда трактор подъехал к участку перед гостиницей, где дул еще более сильный ветер, морозную пудру разнесло на сотни футов над поверхностью озера.

Трактор проехал мимо гостиницы в сторону шале и особняка Голлов, без лишних усилий расчищая дорогу от покрытых корками льда сугробов.

Мадлен вышла на балкон вслед за ним.

— Может быть, ты остановишь его и попросишь передать сообщение в полицию?

— Дорога заканчивается тупиком, точнее, особняком Голла. По пути обратно я его и остановлю.

Мадлен посмотрела в сторону восточного хребта, подсвеченного холодным утренним солнцем.

— Слава богу, снег перестал. Но на улице слишком холодно. Пойдем в комнату.

— Пойдем.

Они вошли, плотно закрыли дверь и остановились около окна.

Мадлен слабо улыбнулась.

— Кажется, сегодня наконец-то будет голубое небо.

— Да?

Она с любопытством взглянула на него.

— О чем ты думаешь?

— Мне интересно, почему казенный грузовик расчищает частную дорогу.

Она не отрывала от него глаз.

— По-моему, этому можно только порадоваться.

— Вот ты и радуйся. А я буду волноваться.

— Ну да, кажется, это твое основное занятие. — Мадлен задумалась. — Кажется, я готова уехать отсюда. А ты?

— И я готов. Но когда мы сообщим обо всем полиции, нам придется давать показания. Обо всем, что здесь произошло. Это может занять какое-то время. И только тогда мы сможем уехать.

Мадлен с тревогой посмотрела в сторону дороги.

— Может, тебе лучше пойти вниз, чтобы не пропустить его, когда он будет возвращаться?

— Закрой за мной дверь.

На всякий случай, чтобы не быть застанным врасплох Лэндоном, он достал из кармана «беретту» и зажал ее в руке, дулом вниз.

Он вышел на улицу, остановился у входа и поднял воротник, защищаясь от пронизывающего ветра. Через несколько минут на дороге показался огромный грузовик. Гурни очень удивился, когда он съехал с дороги в сторону гостиницы. Снегоочиститель был выключен. Машина проехала в его сторону, медленно заехала под навес и остановилась. Огромный дизельный двигатель порывал еще несколько секунд и затих.

Из высокой кабины вылез водитель, на ходу снимая шерстяную шапку и толстый шарф, которые закрывали его лицо почти полностью.

— Черт, тут холодно. Как здесь люди живут, черт возьми?

— Джек?

— Нет, твоя фея-крестная.

Гурни недоуменно показал на грузовик.

— Откуда... как... ты где его...

— Взял на время. По-другому я бы сюда не добрался. Какой на хрен Адирондак. Здесь настоящая Сибирь, мать ее!

— Взял на время эту штуку?

— Типа, одолжил, изъяс. Вроде как полицейская необходимость, все такое.

— Но ты ведь не полицейский.

— Не было времени вдаваться в детали. Скажи-ка, почему у тебя в руке пистолет?

— Долго рассказывать. Если вкратце — Остен Стекл мертв, Барлоу Тарр мертв, а я пристрелил агента ЦРУ, который, может быть, мертв, а может, и нет.

Гурни рассказал Хардвику про план Стекла завладеть деньгами Голлов и про то, как его хитрый замысел с кошмарами переплелся с амбициями команды Лэндона в ЦРУ.

— И ты считаешь, что в итоге Лэндон хотел спасти свою карьеру, пытаясь устранить все последствия своей ошибки?

— Вроде того.

— В том числе тебя и Мадлен?

— Скорее всего.

— Охренеть. Даже сложно сказать, кто хуже — Стекл или Лэндон.

Гурни, не задумываясь, выпалил:

— Лэндон.

— Почему?

— Стекл был чудовищем. А Лэндон был чудовищем, которое считало себя святым. Эти — хуже всего.

— Что-то в этом есть.

— Так что у тебя за новости для меня?

— Теперь это уже не важно, учитывая, что Стекл мертв. Но Эсти хорошенько покопалась в его прошлом, когда он еще был Альфонсом Вуком. Так вот, как ты думаешь, что по-хорватски значит Вук?

Гурни улыбнулся. Сейчас эта новость была уже бесполезной. Но было приятно, что их подозрения снова подтвердились.

— Волк?

— Именно. А теперь давай все-таки зайдём внутрь, пока мои яйца не превратились в ледышки.

В каминном зале была всего одна дверь, не было окон, и оттуда хорошо проглядывался холл, и они решили, что лучше всего будет устроиться там, чтобы обсудить дальнейшие действия. Хардвик взялся разжигать огонь в камине.

Гурни пошел наверх за Мадлен.

Он рассказал ей про то, как Хардвик угнал снегоочиститель, и про находку Эсти Морено, которая подтверждала связь Стекла с лагерем «Брайтуотер».

Она отреагировала очень спокойно.

— И что будем делать дальше?

— Нам нужно найти Лэндона, проверить Хэммондов, Пейтона, посмотреть, что произошло с генераторами, связаться с департаментом местного шерифа и с Бюро криминальных расследований. А дальше — это уже не наши заботы.

Она улыбнулась и кивнула.

— Ты сделал это.

— Сделал что?

— Ты спас Ричарда.

Он понимал — бессмысленно было повторять, что спасение Ричарда не являлось его первостепенной целью. К тому же он не был до конца уверен, что тот жив.

— Сейчас нам с Джеком нужно решить, кто что будет делать.

По темному коридору они дошли до главной лестницы, освещенной утренним светом, проникавшим в дом через окна и дверь со стеклянными вставками. Когда они спускались по лестнице, Гурни услышал голоса в каминном зале.

— Похоже, это Ричард и Джейн, — радостно улыбаясь, сказала Мадлен.

Хэммонды были целы и невредимы. Джейн с Хардвиком вели оживленную беседу, а Ричард стоял немного в стороне и внимательно слушал.

Когда Гурни с Мадлен вошли в комнату, Джейн замолчала на полуслове и с надеждой в глазах повернулась к ним.

— Это правда? Неужели все закончилось?

— Что касается Ричарда, то да, я бы сказал, что все закончилось. Очевидно, что он просто был пятой жертвой этого запутанного сюжета. Не было никакого трансa и никаких самоубийств. Все четыре случая — убийства. Было сложно распутать это преступление, но мотивы оказались проще простого — алчность и желание доминировать.

Гурни снова пересказал подробности случившегося.

У Джейн отвисла челюсть.

— Боже! А мы ничего не знали. Вообще ни сном ни духом. Когда к шале подъехал снегоочиститель и мы наконец-то смогли выехать, мы решили, что нужно заехать в гостиницу, убедиться, что с вами все в порядке, и узнать у Остена насчет генераторов. Но приехав, увидели Джека, и, собственно, вот мы и здесь.

Ричард сделал шаг вперед и протянул руку.

— Спасибо вам, Дэвид.

Это было все, что он сказал, но он произнес это настолько искренне, что больше и не нужно было никаких слов.

Джейн восторженно закивала.

— Спасибо. Спасибо вам большое.

Она подошла к Гурни и со слезами на глазах обняла его. А затем обняла и Хардвика.

— Спасибо вам обоим. Вы спасли нас.

Хардвику явно хотелось поскорее закончить с эмоциональной частью.

— Если вы хотите подать иск против полиции штата или лично против Фентона...

Ричард прервал его.

— Нет. Меня вполне устраивает, что со всем этим покончено. Судя по тому, что вы рассказали, версия Фентона полностью развалилась. На этом и завершим.

Он едва договорил, как дверь гостиницы распахнулась и в холл вошел сам Фентон, а за ним последовал полицейский в форме. Полицейский остановился возле двери, а Фентон шагнул в сторону каминного зала и остановился в арочном проходе.

Он переводил взгляд с одного лица на другое, пока не увидел Хардвика. Его рот искривился в самодовольной ухмылке.

— Так-так. До меня дошли гнусные слухи о том, что мой старый приятель Джек пытается развалить мое очень важное дело. Затем, вот только сегодня утром, мне звонят из дорожного управления и сообщают о том, что кто-то, представившись сотрудником БКР, изъял один из главных агрегатов дорожного оборудования. Я как знал, что стоит проверить самому. И посмотрите, где я нашел украденное оборудование? Увы, мне кажется, все здесь присутствующие так или иначе к этому причастны.

Его улыбка стала почти садистской.

— Проблема весьма серьезная. И боюсь, что наша бывшая дружба не помешает мне исполнить служебный долг.

Хардвик улыбнулся и очень любезным голосом сказал:

— Знаешь, Гил, у тебя мозги никогда особо не варили. Но сейчас ты, конечно, установил новый рекорд по тупорылости.

Возможно, из-за несоответствия интонации и содержания, Фентон не сразу сообразил, что сказал Хардвик. Когда же до него дошло, он двинулся в сторону Хардвика, а полицейский в форме направился в каминный зал, держа руку на кобуре с «глоком».

Предчувствуя катастрофу, в ситуацию вмешался Гурни. Громко и четко он объявил:

— Остен Стекл мертв. Норрис Лэндон убил его.

Фентон замер на месте.

Полицейский остановился у двери.

У обоих был настолько ошарашенный вид, как будто Гурни объявил о нашествии инопланетян.

Следующие десять минут Фентон с каменным лицом, не считая то и дело дергавшегося глаза, слушал подробный рассказ о дьявольском плане Остена Стекла, центральной темой которого стали самоубийства, вызываемые с помощью гипноза; о том, как эта идея отозвалась в темном уголке мира национальной безопасности; и об отчаянной попытке Лэндона спрятать концы в воду.

Спустя какое-то время Фентон пробормотал:

— Стекл?

Гурни кивнул.

— Очень неглупый человек. Возможно, единственный убийца в истории, который додумался уговорить своих будущих жертв заявить о том, что они подумывают о самоубийстве.

— И вы стреляли в Лэндона?

— Пришлось. Он пытался убить здесь всех, в том числе и меня, который мог предать гласности его ошибку. В его мире легковерие — это смертный грех.

Фентон кивнул с видом человека, получившего сотрясение мозга. Повисла тишина, которая спустя несколько секунд была прервана кутерьмой в холле; однако Фентон, казалось, ничего не замечал.

В гостиницу ворвался здоровяк в кожаной куртке и громко заговорил с человеком в форме — он требовал полицейского сопровождения в областную больницу в Платтсбурге.

Гурни сразу подумал, что это как-то связано с Лэндоном. Но когда полицейский подробнее допросил здоровяка, тот объяснил, что Пейтон Голл с «дамой» лежат в «мерседесе», и возможно, они замерзли до смерти. По его словам, немного выпив, они уснули в джакузи, которое, когда отключилось электричество, превратилось в контейнер с ледяной водой. Гурни подумал, что это было настолько нелепо, что, скорее всего, было правдой.

Когда полицейский подошел к Фентону за инструкциями, тот непонимающе уставился на него и пробормотал:

— Делай что хочешь.

Полицейский велел здоровяку, в котором Гурни узнал неприветливого

охранника, сидевшего на въезде в дом Пейтона, как можно скорее отвезти своих замороженных пассажиров в Платтсбург. Мужчина громко возмутился, выругался и ушел.

Гурни посоветовал полицейскому вызвать подкрепление, чтобы начать поиски Лэндона, команду криминалистов для осмотра двух трупов, электрика для восстановления подачи электричества и еще одного старшего следователя из Бюро для поддержки в сложившейся ситуации. Все это он произнес достаточно громко, так что все в комнате слышали его — а полицейский знал, что Фентон все слышал и не возражает.

Сказав, что его рация лучше работает на горе, он отправился выполнять поручение Гурни. Фентон дошел с ним до машины, но садиться в нее не стал. Когда машина уехала, Фентон остался стоять под навесом, глядя ей вслед.

— Он в полной жопе, — сказал Хардвик.

— Да.

Хардвик откашлялся в грязный платок.

— Думаю, мне стоит вернуть снегоочиститель в гараж дорожного департамента и замять всю эту ерунду по поводу украденного оборудования.

— Отличная мысль.

— Я там оставил фургон Эсти, так что скоро вернусь.

— Когда окажешься в стране работающих телефонов, свяжись с нашими контактами в Палм-Бич, Тинеке и в Нью-Джерси. Расскажи Эсти. И Робин Вигг. Да кому угодно. Я хочу быть уверен, что это дело не свернут и не предадут забвению.

Хардвик застегнул куртку и направился к чудовищных размеров машине.

Ни он, ни Фентон даже не взглянули друг на друга.

Глава 60

Вскоре после отъезда Хардвика Хэммонды сказали, что хотят вернуться в шале, собрать вещи. Хотя пока что ничего не было понятно, и неизвестно было, сколько еще им придется пробыть в Адирондаке, они предполагали, что довольно скоро уедут обратно в Милл-Вэлли.

Вместе со своей долей ликвидных активов семейного имущества Пейтон должен был унаследовать гостиницу, озеро и несколько тысяч акров Адирондакского заповедника. О его планах ничего не было известно, но в

одном Ричард был совершенно уверен — ему здесь больше рады не будут, да и сам бы он не остался.

Когда Хэммонды двинулись обратно в шале, солнце поднялось уже высоко над восточным хребтом, и снег серебрился в его лучах. Мадлен очень хотела вырваться из сумрака огромного дома на свет. Гурни принес из комнаты их теплые куртки, шарфы, перчатки и шапки. Укутавшись потеплее, они вышли на морозный воздух.

Явно желая избежать какого-либо общения, Фентон вышел из-под навеса и медленно побрел вдоль дороги, в противоположном от Хэммондов направлении.

— Его, наверное, нужно бы пожалеть, — проговорила Мадлен. — Но, когда я думаю о том, каково было Ричарду... — Она покачала головой. — Какой кошмар ему пришлось пережить.

— Всеми виной привычка принимать желаемое за действительное.

— Фентона?

— Всеобщая тенденция. Итан хотел верить, что его реабилитационная программа может превратить социопата Альфонса Вука в добродетельного Остена Стекла. Лэндон поверил, что тайная техника по управлению человеческим разумом, за которой он гонялся столько лет, оказалась почти что у него в руках, оставалось лишь вытянуть ее из Хэммонда. Фентон хотел верить, что он в этой справедливой войне — образцовый солдат, бьющийся на стороне добра.

— А Стекл?

— Остен думал, что, заполучив абсолютный контроль и избавившись от всех, кто мог ему помешать, наконец-то станет по-настоящему счастливым.

— А что насчет меня?

— Насчет тебя?

— Я тоже не промах. Я ведь думала, что пережила те далекие события просто благодаря тому, что рассказала о случившемся психотерапевту. Думала, что подвела черту. Мне кажется, и ей самой хотелось верить, что ее терапевтические приемы сотворили чудо. Господи, да ведь самое страшное вранье — когда мы обманываем сами себя, отчаянно желая во что-то верить.

— Удивительно, как часто мы заблуждаемся.

Мадлен улыбнулась ему.

— Может, прогуляемся вдоль озера?

— Конечно, давай.

Когда они переходили дорогу, Гурни заметил на тонком слое

утрамбованного снегоочистителем белого снега яркое пятнышко.

Оно было красным, как кровь.

Пройдя еще немного, он увидел еще одну красную крапинку. Они дошли до самого края дороги, но больше пятнышек он не видел.

Мадлен свернула в сторону горной дороги, туда же, куда побрел Фентон.

Шли они не спеша, и Мадлен взяла Гурни под руку.

— А зачем Лэндону было убивать Тарра?

Гурни размышлял о пятнах на снегу — он был почти уверен, что это была кровь. Он не сразу осмыслил ее вопрос.

— Может, он боялся, что Тарру что-то известно. А может, его просто бесило, что Тарр мешал ему и у него хватило духу забрать с чердака приборы Лэндона. Я помню, как он жаловался, что Тарру нравится наводить смуту. Это могло послужить достаточным мотивом для человека, столь одержимого идеей контроля.

— Но зачем он так заморочился с переодеванием трупа?

— Он импровизировал. Задумка показалась ему полезной, чтобы запутать нас, сбить с толку. Не думаю, что у него было время на то, чтобы все хорошенько обдумать. Под конец Лэндон действовал в условиях жутчайшего стресса. На кону была вся его жизнь, его карьера. Там, где он работает, не прощают таких промахов. Вот он и пытался устранить последствия собственных ошибок. Мне кажется, он на ходу придумывал план отступления.

— Как страшно так жить.

— Да.

Они молча продолжали свой путь, Фентона на дороге впереди видно не было, и Гурни в голову пришла пугающая мысль, вероятно, навеянная его же собственным замечанием про план отступления, — мысль о том, что Фентон, ввиду своей чудовищной ошибки, возможно, решил застрелиться.

Он поделился своими опасениями с Мадлен.

Она покачала головой.

— Сомневаюсь. Он производит впечатление человека, который совершает много ошибок, причиняет другим людям много неприятностей и боли, но всегда находит оправдание своим поступкам и перекладывает вину на других. Он плохой человек.

Гурни не мог не согласиться.

— Я начинаю замерзать, — сказала она. — Давай пойдем обратно в гостиницу?

— Пойдем.

— Мне уже не терпится вернуться домой.

Он задумался, а потом спросил:

— Как ты считаешь, приезд сюда помог тебе хоть немного разобраться с прошлым?

— Думаю, да. Но у меня больше нет иллюзий о волшебном ластике. Но, по крайней мере, теперь при мысли о Колине я не впадаю в ступор. А как ты?

— Я?

— Твое расследование — ты доволен результатом?

Гурни вспомнил капли крови на снегу и задумался о том, закончилось ли его расследование.

Она с интересом смотрела на него.

Он пытался придумать, как бы так ответить на ее вопрос, чтобы не напугать ее, но тут увидел автомобиль, приближающийся со стороны хребта.

Оказалось, это Хардвик на пикапе Эсти Морено.

Поравнявшись с ними, он остановился и большим пальцем указал назад.

— Видел там дубину Гилберта. Он, видать, размышляет над перспективами своей напрочь загубленной карьеры. Но знаете, что я скажу. Пошел он в жопу. — Он лучезарно улыбнулся. — Я сделал несколько звонков. И солдатик, что приехал с Фентоном, тоже всех оповестил. Подкрепление едет. Норриса не нашли?

— Пока нет, — ответил Гурни.

— Если что, стреляй в этого ублюдка без предупреждения, — весело сказал Хардвик. — Увидимся в гостинице.

Он закрыл окно и не спеша проехал последние метров сто до входа в гостиницу. Он вылез из машины, закурил и облокотился на заднее крыло.

Когда Мадлен с Гурни вернулись туда, где он видел красные пятна, он сказал, что хочет до приезда полицейских быстренько все осмотреть, что отчасти было правдой. С легким укором она взглянула на него, явно понимая, что он что-то недоговаривает, и ушла к гостинице, присоединившись к Хардвику.

Гурни тем временем расчертил в уме таблицу на снегу вокруг красных пятен, примерно двенадцать на двенадцать метров. И начал расхаживать по ней взад и вперед, постепенно приближаясь к озеру.

Будучи уже у самого края дороги, он заметил в утрамбованном снегу кусок черного металла. Носком ботинка он расчистил снег и сразу же узнал глушитель, который был прикреплен к дулу малокалиберного

пистолета. В прошлый раз этот пистолет он видел в руках Лэндона.

Тут его чуть не стошнило.

Он вспомнил, как с утра выглянул из окна при свете утренней зари... как услышал грохот приближавшегося чудовища-снегоочистителя... и как наблюдал, с какой легкостью, сметая все на своем пути, тот пробирается через огромные сугробы, завалившие дорогу. Он как сейчас видел, как из крутящихся лопастей вертушки поднимается столб измельченного в порошок снега и льда и как ветер вихрем разносит его по поверхности озера.

Сжав зубы от тошноты, подступающей к горлу, он вышел на замерзшую поверхность озера. Сперва он не увидел ничего, кроме кружащегося на ветру снега. Он двинулся дальше и вышел почти на середину озера. И увидел то, что искал, но надеялся не найти. В снегу он разглядел маленький кусочек ткани. И еще один. Пройдя еще немного, он увидел небольшой ошметок, скорее всего, человеческой плоти. А еще чуть дальше — небольшой осколок, вероятно, кости.

Он развернулся, с деланным спокойствием двинулся назад и вскоре присоединился к Мадлен и Хардвику.

Мадлен взглянула на него вопросительно, а потом с беспокойством.

— Может, пойдем внутрь?

Он кивнул.

Они уже направлялись к двери, когда Хардвик оглянулся на дорогу, приложив ладонь к уху. А затем стал насвистывать мелодию из «Одинокого рейнджера» — на дороге показалась вереница полицейских автомобилей.

На какое-то время Гурни с Мадлен остались одни в каминном зале. Гурни достал из гостевого бара бутылочку родниковой воды и залпом выпил ее.

После долгой паузы Мадлен спросила:

— Может быть, ты хочешь мне что-то рассказать?

Он замер на месте, чтобы успокоить свой желудок. И прочистить мозги. Он никак не мог сообразить, как бы помягче об этом сказать.

— Я нашел то, что осталось от Норриса Лэндона.

Мадлен с ужасом смотрела на него.

— Видимо, он недалеко ушел, когда я в него выстрелил. Похоже, что он потерял сознание на дороге. И его замело снегом.

— Замело снегом... а потом утром... Джек... о боже.

Даже после многих лет работы в отделе убийств и после всех тех ужасов, которые видел прошлой ночью, он был ошарашен участью

Лэндона — того перемололо на тысячи маленьких кусочков.

Возможно, то, что этот человек был буквально стерт с лица земли, служило мрачным напоминанием.

Прах к праху. В буквальном смысле.

Он вдруг словно онемел от усталости.

Мадлен взяла его за руку.

— Пойдем сядем на диван.

Он позволил ей отвести его к дивану. Она села рядом с ним, крепко держа его за руку.

Он потерял счет времени.

Немного погодя, она сказала:

— По крайней мере, все закончилось.

— Да.

— Что ты им скажешь?

— Только то, в чем уверен. Что я стрелял в Норриса Лэндона, а потом он исчез в темном коридоре. — Он помедлил. — Все остальное — уже их дело.

Он думал о том, что зима только началась.

Снега будет очень много.

Ветер будет дуть с Кладбищенского кряжа и Клыка Дьявола.

В довершение всего Волчье озеро сохранит кровавую тайну.

Он положил голову на плечо Мадлен.

Ему передавалось тепло ее тела.

Проваливаясь в дремоту, он думал о том, куда же улетел ястреб.

И над кем же он теперь кружит.

notes

1

Здесь и далее стихи в переводе Юрия Мачкасова.

Уильям Шекспир. Юлий Цезарь. Перевод Михаила Зенкевича.

3

Убийство (англ.).

4

Перевод Вадима Седова.

Унабомбер — Теодор Джон Казински (р. 1942), рассылал по почте бомбы, от которых за 1978–1995 гг. погибли трое и пострадали 23 человека. В 1995 г. было опубликовано эссе Казинского «Индустриальное общество и его будущее». В настоящее время отбывает пожизненное заключение. (Здесь и далее — прим. перев.)

Джеффри Дамер (1960–1994) и *Тед Банди* (1946–1989) — реальные серийные убийцы. Дамер убивал мужчин, Банди — женщин. Обоим была свойственна изощренная жестокость и, в частности, некрофилия: они насиловали трупы своих жертв. Дамер, помимо этого, был каннибалом.

Фред Роджерс (1928–2003) — педагог, проповедник, автор песен, бессменный ведущий детской познавательной телепередачи «Мистер Роджерс и его соседи» (1968–2001).

ПТСР — посттравматическое стрессовое расстройство.

ППНП — программа предотвращения насильственных преступлений (ViCap), один из отделов ФБР.

Джульядская школа — одно из крупнейших американских высших учебных заведений, где преподают музыку и искусства.

Хопкинс Дж. М. (1844–1889), «Весна и осень». Пер. с англ. Г. Кружкова.

«Смарт-мани» («Умные деньги») — аналитический деловой еженедельник.

Берни Мейдофф (р. 1938) — американский бизнесмен, осужденный за создание крупнейшей финансовой пирамиды.

ИАСИО (IAFIS) — Интегрированная автоматизированная система идентификации отпечатков пальцев.

Вторая поправка к Конституции США касается права граждан на ношение оружия.

Перевод М. Зенкевича. *(Здесь и далее примеч. перев.)*

Fuck me and die (англ.).